СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

П. ЗАСОДИМСКАГО

(ВОЛОГДИНА).

Томъ II.

ВОЛОГОДСКАЯ
ОБЛАСТНАЯ
БИБЛІОТЕКА

169460

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1895.

СОДЕРЖАНІЕ ВТОРОГО ТОМА.

I. **Степныя тайны.** Романъ. 1
II. **Невѣдомый страдалецъ.** (Изъ записокъ фра-Джеронимо). 131
III. **Три дороги.** Повѣсть. 139
IV. **Степанъ Огоньковъ.** Повѣсть. (Изъ разсказовъ о неудачникахъ). . 194
V. **Изъ жизни лѣсной стороны.** 242
VI. **Пропалъ человѣкъ.** (Изъ деревенскихъ лѣтописей). 264
VII. **На большой дорогѣ.** Разсказъ. 277
VIII. **Недоумѣніе Капитолины Васильевны.** Разсказъ. 290
IX. **По градамъ и весямъ.** Романъ. 297
X. **Отъ сохи къ ружью.** (Изъ деревенскихъ лѣтописей). 415
XI. **Черные вороны.** (Изъ деревенскихъ лѣтописей). 424
XII. **Небывалый посѣтитель.** (Изъ воспоминаній одного моего знакомаго). 431
XIII. **Исторія одной уставной грамоты.** (Изъ деревенскихъ лѣтописей). . 435
XIV. **Въ погоню за поѣздомъ.** (Изъ желѣзнодорожнаго быта). 439
XV. **Пѣсня спѣта.** Повѣсть. 444
XVI. **Весь вѣкъ—для другихъ.** Быль 509
XVII. **Веретьевъ.** Очеркъ. 513
XVIII. **Смертная казнь.** (Изъ воспоминаній моего друга). 532
XIX. **Передъ потухшимъ камельком.** Святочный разсказъ. 534
XX. **Грѣхъ.** Романъ. 552
XXI. **Штабсъ-капитанъ Батуринъ.** (Изъ разсказовъ о провинціальныхъ людяхъ). 623
XXII. **Поправили!** (Сцена изъ неоконченной драмы). 640
XXIII. **Графъ Борегаръ и Агнеса Тусенель.** Повѣсть изъ средневѣковой жизни. 649
XXIV. **Восточная сказка.** 679
XXV. **Спасайся, кто можетъ!** Повѣсть. 684
XXVI. **Однажды вечеромъ...** (Изъ разсказовъ о прошломъ). 722
XXVII. **Подъ небомъ Іудеи.** Изъ народныхъ преданій. 728

СТЕПНЫЯ ТАЙНЫ.

РОМАНЪ.

«Тамъ чудеса: тамъ лѣшій бродитъ,
Русалка на вѣтвяхъ сидитъ;
Тамъ на невѣдомыхъ дорожкахъ
Слѣды невиданныхъ звѣрей;
Избушка тамъ на курьихъ ножкахъ
Стоитъ безъ оконъ, безъ дверей;
Тамъ лѣсъ и долъ видѣній полны»...

КНИГА ПЕРВАЯ.

I.

Рукавицынъ хуторъ.

Иванъ Афанасьичъ сидѣлъ въ своей комнатѣ, у окна, за письменнымъ столомъ. Указательнымъ пальцемъ правой руки онъ бойко постукивалъ косточками большихъ счетовъ, а указательнымъ пальцемъ лѣвой водилъ по рядамъ цифръ, написанныхъ на клочкѣ сѣрой бумаги. Проворные глазки его поминутно перебѣгали со счетовъ на бумагу и опять на счеты. По всему было видно, что для Ивана Афанасьича это—обычное, сподручное дѣло.

Іюньское вечернее солнце свѣтило прямо въ окно, и въ красноватыхъ лучахъ его такъ и горѣла вся дюжая фигура Ивана Афанасьича: его высокая, здоровая грудь, широкія плеча чуть не въ косую сажень, полное, загорѣлое лицо съ усами и съ небольшой бородой—съ просѣдью и густые, свѣтлорусые волосы—тоже съ сѣдинкой. Въ солнечномъ свѣтѣ ярко бѣлѣлъ на немъ коломянковый полукафтанъ, а подъ полукафтаньемъ виднѣлась свѣтлая ситцевая рубаха. Блестѣлъ солнечный лучъ по большой стеклянной черпильницѣ, скользилъ по столу, покрытому черною клеенкой, уже достаточно изрѣзанной и порванной, и свѣтлой полоской падалъ на сѣрыя, грязныя обои противоположной стѣны... Добрыхъ полчаса шло постукиванье счетами. Наконецъ Иванъ Афанасьичъ выпрямился и тяжело вздохнулъ.

— Ну что, вышло? — спросилъ его молодой человѣкъ, до той поры молча сидѣвшій въ глубинѣ комнаты на диванѣ.

— Выйти-то вышло, да ужо посмотримъ, какъ хвостикъ-то окажется!—отвѣтилъ тотъ, опять наклоняясь надъ столомъ.

А молодой человѣкъ подобралъ ноги на диванъ и растянулся. Онъ выглядѣлъ лѣтъ 26 или около того. Онъ былъ высокаго роста, худощавъ, съ маленькими усиками и съ бѣлокурыми, взъерошенными волосами. Сѣрые глаза его смотрѣли лѣниво, безучастно — такъ, какъ будто бы онъ шибко усталъ. Его густыя, темныя брови часто хмурились, — вѣроятно, по привычкѣ, ибо хмуриться ему было не отчего... На немъ сѣрый пиджакъ, черные штаны и длинные, охотничьи сапоги на ремняхъ. Въ рукахъ онъ вертѣлъ нагайку и поминутно похлопывалъ ею по полу.

Подъ диваномъ, свернувшись, лежалъ сеттеръ—рыжій, съ бѣлыми пятнами на мордѣ и на груди. Мухи не давали ему заснуть. Сеттеръ то и дѣло поднималъ морду, яростно чавкалъ челюстями и стучалъ зубами, ловя надоѣдливыхъ мухъ.

Наконецъ Иванъ Афанасьичъ отодвинулъ счеты и грузно навалился на спинку стула.

— Ничего, ладно!—пробурчалъ онъ, поглаживая себѣ бороду.

— Посмотри нагайку-то... не твоей чета!—сказалъ юноша, поднимаясь съ дивана и подавая ему нагайку.

Тотъ, съ видомъ знатока, живо оглядѣлъ ее, повертѣлъ ею и громко щелкнулъ.

— Кто тебѣ такую смастерилъ?—спросилъ Иванъ Афанасьичъ.

— Угадай-ка! Не смекнешь! Ей-Богу, не смекнешь! — оживившись, заговорилъ юноша.—Максимка Карачевской... Мы за нимъ еще такихъ талантовъ и не знали... Вотъ, поди ты! Да посмотри хорошенько... ручку-то посмотри! Вѣдь, на сто лѣтъ хватитъ. Топоромъ не перерубишь... Внутри-то у него, тамъ, проволока намотана... И красиво, чортъ возьми! Такой нагаечки у меня еще отъ роду не бывало. А! Смотри-ка!..

И юноша, перенявъ у Ивана Афанасьича нагайку, началъ помахивать ею у него передъ носомъ: онъ хлесталъ ею по полу, трещалъ по воздуху и нѣжно посвистывалъ концомъ ея надъ головой.

— Нагайка—живетъ! Ничего! — одобрительно замѣтилъ Иванъ Афанасьичъ.

Юноша не былъ такъ сдержанъ.

— Гм! «Ничего»...—почти закричалъ онъ, возвышая голосъ.—Да ты такой нагайки еще не видалъ... Вѣдь, это-что? Просто, прелесть! Заглядѣнье...

Видно было, что эта нагайка—великая новость дня. Молодой человѣкъ восторгался. Этою нагайкой онъ можетъ гордиться, можетъ хвалиться передъ всѣми: его нагайка всѣ нагайки за поясъ заткнетъ... Не даромъ же у него такъ разгорѣлись глаза, такъ оживилось его сонное лицо. Видно было, что въ тѣ минуты онъ весь—всѣмъ существомъ своимъ, всѣмъ сердцемъ, всей душой ушелъ въ эту блестящую нагайку. А нагайка, вправду, была очень хороша: прочная, ловкая, длинная, вся узористо покрытая гладкимъ чернымъ, тонкимъ ремешкомъ; особенно ручка ея поражала своимъ тщательнымъ наборомъ... Чего только тутъ не было! И серебряная цѣпочка, серебряный наконечникъ, серебряная звѣздочка и лоскутки сафьяна—краснаго, синяго, зеленаго, желтаго...

— Вскочила, поди, нагаечка-то, Антонъ Васильичъ, а?—спросилъ Иванъ Афанасьичъ.

— Чего «вскочила»?.. Не въ деньгахъ дѣло...—отрѣзалъ юноша, слегка наморщивая брови.

— А въ чемъ же? Въ нагайкахъ, что-ли?—промолвилъ хозяинъ съ усмѣшкой, но словъ его Антонъ Васильичъ не дослышалъ, ибо въ ту самую минуту онъ оглушительно треснулъ нагайкой.

— Ну тебя и совсѣмъ... Поди ты! Чего тутъ растрещался!.. Шелъ бы себѣ на улицу...—шутливо-брюзгливымъ тономъ замѣтилъ Иванъ Афанасьичъ.

— Кстати о деньгахъ...—не слушая его, говорилъ юноша.—Когда же ты намъ деньги-то?

— Сказано—въ субботу.

— Гм! Сегодня, вѣдь, еще вторникъ... И что тебѣ далась суббота?

— А то и далась, что раньше не будетъ. А мамоньку-то ты попроси, чтобы она опять черкнула тамъ, на векселѣ-то. Я тебѣ его завтра или послѣ завтра утромъ пришлю. А ты ужъ постарайся.

— Что ты за манеру такую выдумалъ нынче! Право! Чортъ знаетъ...—хмурясь, отозвался Антонъ Васильичъ.—Гм! Поручительство! Обходились же безъ поручителей. Напрасно еще залоговъ не потребуешь!

— Ну, полно ты, шутъ!—перебилъ Иванъ Афанасьичъ.—Для чего залоги? А съ поручителемъ-то все, знаешь, поспокойнѣе...

— Ну, ладно!—нехотя согласился Антонъ Васильичъ, взялъ шапку, прихватилъ ружье, стоявшее въ углу, и, попрощавшись, пошелъ къ двери.

— А къ Катѣ не зайдешь?—спросилъ его Иванъ Афанасьичъ.

— Нѣтъ... Ужо какъ-нибудь на недѣлѣ побываю...

Эти слова были сказаны отрывисто, сухо, почти съ сердцемъ. Дверь хлопнула, Иванъ Афанасьичъ остался одинъ. Черезъ минуту онъ вышелъ въ переднюю. «Погоди, голубчикъ, окрутимъ! Какъ ужъ ты тамъ не брыкайся, а нашего двора не минешь... Нѣтъ!» подумалъ Иванъ Афанасьичъ, стоя у окна и глядя, какъ Антонъ Васильичъ шагомъ съѣзжалъ со двора на своихъ бѣговыхъ дрожкахъ. Въ то же самое время въ открытомъ окнѣ въ мезонинѣ виднѣлась головка съ распущенными свѣтлорусыми волосами, и надутыя губки съ досадой шептали: «Хорошъ! Даже и не зашелъ»... Глаза этой особы, очевидно, тоже слѣдили за уѣзжавшимъ.

Вечеромъ, попозже, идя на мельницу и не доходя до нея нѣсколькихъ шаговъ, Иванъ Афанасьичъ пріостановился и какъ-то странно—не похоже на него—задумчиво, мечтательно посмотрѣлъ вокругъ себя и заглядѣлся на разстилавшуюся передъ нимъ окрестность. Отсюда, съ бугра, далеко было видно. Вотъ онъ, Рукавицынъ хуторъ, весь какъ

на ладони. Тотъ маленькій, невзрачный домишка съ соломеннымъ кровомъ, низенькій, почернѣвшій отъ дыма, тотъ домишка, въ которомъ начали въ добрый часъ свое вольное житье-бытье покойные родители Ивана Афанасьича, давнымъ-давно уже снесенъ. Вмѣсто него воздвигнутъ настоящій барскій домъ—одноэтажный съ мезониномъ, съ большими свѣтлыми окнами и съ желѣзной кровлей. Просторный дворъ обнесенъ высокимъ, частымъ плетнемъ, а ворота—тесовыя, съ навѣсомъ и съ такимъ тяжелымъ засовомъ, что не всякому въ мочь поднять его сразу. Съ двухъ сторонъ двора шли конюшни—длинное, низменное строенье; съ третьей стороны, поодаль, возвышался амбаръ; поближе къ дому стояли два флигеля, жилища «молодцовъ-прикащиковъ» Ивана Афанасьича; съ четвертой, полуденной стороны расходился садъ, разведенный еще покойными стариками. Садъ окруженъ тыномъ. Изъ него черезъ маленькую калиточку можно пройти прямо на берегъ рѣки. Вызьма — рѣчка не широкая и не глубокая, но быстрая и чистая, съ песчанымъ дномъ и съ крутыми обрывистыми берегами. Съ полуночной стороны мѣстность за хуторомъ изрыта оврагами, а далѣе надвигаются лѣса. На восточной сторонѣ, за ржаными полями, видны соломенныя крыши и бѣлѣетъ колокольня: то—село Барково. На полдень, почти въ такомъ же разстояніи отъ хутора, темнѣетъ барскій марьинскій садъ; самаго же дома изъ-за пригорка не видать. На западъ тянутся степи, а гдѣ конецъ имъ? того барковцы наши не знаютъ... Всѣ эти давно знакомыя мѣста охватывалъ теперь глазъ Ивана Афанасьича, и владѣлецъ Рукавицына хутора, повидимому, остался доволенъ такимъ зрѣлищемъ.

Придетъ время, пробьетъ часъ (и онъ уже близокъ)—барское Марьино соединится крѣпкими узами съ Рукавицынымъ хуторомъ, прилѣпившимся такъ себѣ, зря, на-юру. И будетъ это одно владѣнье—отсюда и досюда—и перейдетъ оно въ вѣдѣніе Ивана Афанасьича, въ награду за его предусмотрительность. Старуху, Антошину мать, оттереть нетрудно. «Тогда не надо только зѣвать! Тогда можно будетъ заводить дѣла и на широкую ногу. У—у, какія дѣла!.. Страсть!» Самодовольно прищурился Иванъ Афанасьичъ и еще самодовольнѣе поглядѣлъ на марьинскія владѣнія, клиномъ примыкавшія къ землямъ Рукавицына хутора.

Иванъ Афанасьичъ Рукавицынъ 15 лѣтъ тому назадъ, т.-е. въ 1864 году, записался въ купцы. Родомъ онъ былъ крѣпостной господъ Чулышевыхъ (ихъ усадьба, Павловское, въ 10 верстахъ отъ хутора, и по сіе время стоитъ въ запустѣніи и догниваетъ свой вѣкъ). Покойная мать Ивана Афанасьича сподобилась благополучно вскормить грудью барскаго первенца и за то со всею семьей была отпущена на волю и награждена сотнею десятинъ земли. Послѣ того ей посчастливилось выкормить еще двухъ барчатъ; за каждаго вскормленника мамка опять-таки получила по 25 десятинъ. Кромѣ того, ей перепадали и денежки и разные подарочки — платки, платья, шубы. Разъ даже барыня подарила ей на обзаведенье телушку отъ своей Красавицы-Холмогорки. Сама кормилица такъ же, конечно, живя въ барскомъ домѣ, не зѣвала и норовила припрятывать себѣ въ карманъ все, что можно было въ него припрятать. Понятно, что Рукавицыны зажили, какъ у Христа за пазухой. Они построили себѣ хуторокъ, огородили его плетнемъ, развели бакчу и садъ, на берегу рѣчки, и свои 150 десятинъ обкопали отъ чужихъ владѣній глубокими канавами. Все это происходило давно, очень давно, лѣтъ 45 тому назадъ, когда Иванъ Афанасьичъ малымъ мальчуганомъ бѣгалъ еще безъ портокъ и кликали его Ванюшкой. Хуторокъ съ тѣхъ поръ пристраивался и отстраивался, садъ разростался, хуторскія владѣнія понемногу расширялись, старыя канавы обсыпались, прорывали новыя — по новымъ межамъ. Въ то время, какъ барская усадьба разваливалась, рощи и сады ея хирѣли, хуторокъ блестѣлъ своими новыми, бревенчатыми стѣнами, цвѣлъ и благоденствовалъ. Для Рукавицыныхъ все шло хорошо, какъ слѣдуетъ.

Старики въ свое время, какъ водится, померли; Ваня женился, водилъ жену въ чистомъ тѣлѣ и прижилъ съ нею трехъ ребятъ—двухъ сыновей и дочку. Сыновья его умерли еще во младенчествѣ «отъ зубковъ», а 7 лѣтъ тому назадъ и жена его отошла въ селенія праведныхъ. Осталась у Ивана Афанасьича только одна дочка, Катя.

По клочкамъ у того — у другого Рукавицынъ скупилъ десятинъ 500 земли, что съ отцовскимъ наслѣдьемъ составило довольно крупное владѣньице и цѣнное, — если взять въ расчетъ, что въ тѣхъ сторонахъ десятина стоила 100 и 120 руб. Обработка земли про-

исходила у него на очень выгодныхъ для него условіяхъ. Зиму и лѣто работали на него сосѣдніе мужики, не выходившіе никогда у него изъ долговъ. Онъ называлъ ихъ (въ шутку, разумѣется) своими «крѣпостными». Только немногіе изъ помѣщиковъ—помоложе, да половчѣе—смогли поѣхать на однихъ полозьяхъ съ кулаками. Вообще же у помѣщиковъ шло не хозяйство, а какое-то вавилонское столпотвореніе. Никто ничего не понималъ, а всѣ только злились. Иные помѣщики ругались открыто и отступались отъ хозяйства, сдавая земли въ аренду; иные проживали послѣдніе гроши и входили въ долги для поддержанія хозяйства; другіе же, побогаче, уѣзжали—кто куда.

— Извѣстное дѣло! — говаривалъ Иванъ Афанасьичъ о помѣщикахъ-старикахъ.—Новые-то порядки имъ еще не въ привычку. Вольнонаемный-то трудъ имъ не съ руки...Надо во время и *принанять* и на работѣ *поприсмотрѣть*. А ихъ дѣло барское! Куда имъ! Спятъ они до обѣда иной разъ, нѣжатся; потомъ тоже гости, тары да бары. За народомъ глазъ нуженъ... И съ мужиками то же обращаться еще не умѣютъ: они все хотятъ попрежнему, какъ до воли, крикомъ да руганью взять. Нынче такъ нельзя...

А Ивану Афанасьичу новые порядки пошли въ прокъ, и вольнонаемнаго труда онъ совсѣмъ не чурался, какъ то дѣлали бары. Въ голодную пору, т.-е. осенью до обмолота хлѣба и въ концѣ зимы, когда крестьяне съѣдали весь хлѣбъ, Иванъ Афанасьичъ нанималъ рабочихъ за половинную плату и выдавалъ имъ малые задатки подъ работу будущаго лѣта. Изъ-подъ палки, подъ угрозой голодной смерти шелъ крестьянинъ работать на Рукавицынъ хуторъ. Вотъ это-то Иванъ Афанасьичъ и называлъ «вольнонаемнымъ трудомъ»... Запашки, впрочемъ, у него было немного, около 200 дес. За то сѣна у него накашивалось много: сѣно было ему нужно. Рукавицынъ барышничалъ лошадьми. Онъ скупалъ ихъ въ сосѣднихъ губерніяхъ, и особенно много—по его словамъ—приводили къ нему коней изъ «Пензенской губерніи». Изъ-за этого промысла на Ивана Афанасьича разъ даже большія непріятности обрушились. Въ числѣ лошадей, пригнанныхъ къ нему однажды изъ «Пензенской губерніи», оказалась одна краденая. Много вышло тогда шуму и толковъ. Такъ какъ эта исторія случилась лѣтъ 5 тому назадъ, то она и успѣла уже позаглохнуть... Кромѣ того Рукавицынъ въ селѣ Барковѣ—въ 3 верстахъ отъ хутора—завелъ лавочку со всякимъ товаромъ. При хуторѣ стояла большая, хорошая мельница—вѣтрянка. Поэтому, Иванъ Афанасьичъ могъ скупать хлѣбъ у помѣщиковъ и у крестьянъ и съ порядочнымъ барышемъ продавать муку. У Рукавицына много было разныхъ промысловъ—источниковъ наживы, но конское дѣло было первымъ дѣломъ, хотя онъ и показывалъ видъ, что кони для него—такъ себѣ, «между прочимъ, между дѣломъ». Иванъ Афанасьичъ любилъ лошадей и зналъ въ нихъ толкъ получше всякаго заправскаго барышника. Самъ онъ отлично ѣздилъ верхомъ, хотя за послѣднее время выѣзжалъ рѣдко; за то онъ былъ никогда не прочь прокатиться въ тарабанчикѣ, на дрогахъ тройкой, а зимой въ саночкахъ. На опушкѣ сада онъ выстроилъ бесѣдку, въ видѣ башни, и съ высоты ея наблюдалъ выѣздку и бѣгъ лошадей.

Хотя денегъ у него, конечно, никто не считалъ, но добрые люди смекали про себя, что кубышка его давно уже полнымъ полна. Поэтому, въ околоткѣ къ нему относились съ почтеніемъ. Становой — то же порядочный лошадникъ — запросто ѣзжалъ къ нему въ гости; купцы изъ города понавѣдывались къ нему и господа не гнушались его хлѣбомъ-солью. Его полное, красноватое лицо дышало здоровьемъ и беззаботною веселостью. Съ нимъ пріятно было вести дѣло... Мужики промежъ собой обзывали его «толстымъ псомъ», а люди образованные, съ снисходительной усмѣшкой, величали его «философомъ» и «весельчакомъ». А пофилософствовать подчасъ Иванъ Афанасьичъ, дѣйствительно, любилъ.

— Что—деньги? Деньги— прахъ!—говорилъ онъ, напримѣръ, однажды. — Деньги только для того, чтобы пожить всласть: ѣшь, пей, веселись въ свою волюшку. Вотъ оно что! А беречь, да любоваться на нихъ—нечего! Вѣдь, въ могилу съ собой не унесешь, такъ наплевать на нихъ! А вотъ, поколѣ живъ, денежками-то можно и людей приголубить, и *прищугнуть* и все такое... Дѣтямъ можно воспитанье дать. Я, вонъ, учительшѣ 3 года по 300 рублей платилъ... Тысячу цѣлковыхъ переплатилъ — не шутка! За то же Катя у меня теперь все смыслитъ: книжку читаетъ, играетъ на фортепіанахъ и по французскому... Не чета какой-нибудь барковской дѣвкѣ, прости Господи! Какъ же можно! Съ

деньгами-то все у тебя въ рукахъ... Съ ними можно и покуражиться всласть.

— А сами-то для чего же въ этакой хламидѣ ходите?—замѣтили ему.

— Хочу, такъ и хожу!—съ самодовольною улыбкой возразилъ онъ. — Не люблю нарядовъ... Ну ихъ! Въ этакомъ-то мнѣ лучше, вольготнѣе: я въ немъ—и на конюшню, я въ немъ и на мельницу, и въ лѣсъ и въ степь... Рукавицына, Ивана Афанасьича, признаютъ и безъ наряда, хоть въ рогожѣ иди! А захотѣлъ бы въ бархатѣ, да въ шелку ходить, захотѣлъ бы злато-серебро носить—и сталъ бы носить...

Правду говорилъ про себя Иванъ Афанасьичъ. Онъ былъ не скупъ, любилъ пожить всласть и при всякомъ случаѣ норовилъ форснуть своимъ богачествомъ... Но все-таки у него въ банкѣ хранилось, на приданое Катѣ и на черный день вообще, — тысченокъ 20. Конечно, какъ всякій человѣкъ наживы, онъ былъ страшно жаденъ до денегъ. Года два тому назадъ онъ, напримѣръ, съ помощью судебнаго пристава почти у цѣлой бѣдной деревушки продалъ послѣднюю скотину. Теперь деревенька обнищала въ конецъ и опустѣла, словно черезъ нея прошли мамаевы полчища... Но Иванъ Афанасьичъ не любилъ копить деньги, не находилъ особеннаго удовольствія любоваться на то, какъ онѣ сѣрыми и радужными пачками лежали въ шкатулкѣ. Въ деньгахъ онъ почиталъ не мертвый капиталъ, не красивую игрушку, но живую, могучую силу, на которую можно было купить всѣ блага міра сего.

— Деньги далъ намъ Господь Богъ для оборотовъ!—говаривалъ онъ.—А вовсе не для того, чтобы онѣ лежали втунѣ. Только дуракъ копитъ деньги безъ толку...

Онъ могъ много нажить и при случаѣ еще больше прожить. Онъ жаждалъ денегъ, и порой мечты его порхали очень высоко и далеко... Иванъ Афанасьичъ былъ смѣлъ, любилъ рискъ и въ виду опасности оставался совершенно спокоенъ или такъ ловко притворялся спокойнымъ, что можно было ошибиться. Если бы на Барковѣ водилась рулетка, то онъ, вѣроятно, не моргнувъ бровью, выигрывалъ и проигрывалъ бы порядочные куши. Теперь же онъ довольствовался только стуколкой, выигрывая въ вечеръ рублей по 400... Лѣтомъ, бывало, напримѣръ, поднимаются черныя, грозовыя тучи съ бѣлесоватыми краями — предвѣстники града. Люди добрые вздыхаютъ, смотря на колосистую рожь, на страшныя тучи, грозящія бѣдой и раззореньемъ. Боится, трепещетъ богатый и бѣдный. Всякій съ замираніемъ сердца, съ чувствомъ жуткимъ, непріятнымъ, слѣдитъ: какъ надвигаются тучи, какъ все темнѣе и темнѣе стастъ надъ полями. Ивану Афанасьичу—ни почемъ, усмѣхается, говоритъ:

— И душно же! Пускай бы хоть погремѣло хорошенько.

Глядя на него, можно было подумать, что у него и посѣва пѣтъ... Такъ же спокоенъ казался онъ и во всѣхъ прочихъ случаяхъ жизни, и трудненько было выбить его изъ колеи.

Таковъ-то былъ человѣкъ Иванъ Афанасьичъ.

II.

Блудный сынъ.

Антонъ Васильичъ на своихъ бѣговыхъ дрожкахъ шажкомъ возвращался домой. Пиратъ—такъ было имя его сетеру—бѣгалъ по сторонамъ и порывался гоняться за жаворонками. Замотавъ нагайку на руку, Антонъ Васильичъ то вблизи разсматривалъ ее, то любовался на нее издали. Ружье его лежало впереди, поперекъ сидѣнья. Антонъ Васильичъ не прямо поѣхалъ домой къ себѣ, въ Марьино, а задумалъ сдѣлать крюкъ по Очурковской степи и поискать перепелокъ...

Хорошо на ту пору было въ некошенной степи. (Степь кошенная—степь разоренная, лишенная половины своихъ дивныхъ лѣтнихъ прелестей)... Солнце закатывалось. Яркимъ, краснымъ шаромъ уходило оно за зеленый край земли. А небо — ясное, голубое—подлинно, словно «чаша голубая опрокинулась на міръ». Зеленый просторъ расходился кругомъ, и сладко пахло на этомъ просторѣ травой и цвѣтами. Чистый, здоровый, пахучій вѣтерокъ вѣялъ по степи. На востокѣ степь отливала яркимъ изумрудомъ и отчетливо обрисовывался на ней каждый бугорокъ; на западѣ же вся равнина тонула въ золотисто-розовомъ свѣтѣ. Сонные глазки Антона Васильича разгорѣлись и внимательно, съ напряженьемъ, смотрѣли впередъ. Но не на степь, не на блескъ солнечнаго заката любовался онъ. Нѣтъ! Онъ подкрадывался къ перепеламъ...

Взведя курокъ и прижавъ ружье къ правому боку, осторожно ступаетъ онъ по роскошно-

му, мягкому ложу изъ душистой травы и цвѣтовъ. Впереди него, въ нѣсколькихъ шагахъ, бѣжитъ Пиратъ, нюхомъ добираясь до дичи. Пиратъ почти тычется носомъ въ траву и шибко виляетъ хвостомъ: то — вѣрный признакъ, что онъ напалъ на слѣдъ, что перепелъ—близко. Молодая каряя кобыла, уже пріученная къ охотничьимъ свычаямъ и обычаямъ,—тихимъ, ровнымъ шагомъ чуть-чуть подвигается за охотникомъ... Вотъ Пиратъ остановился, еще ниже поникъ головой, замеръ. Охотникъ поднялъ ружье. Жуткая, лихорадочно-тревожная минута!.. Слышно тихое «пиль». Пиратъ шагнулъ... Чуть-чуть не изъ-подъ носа у него сорвалась перепелка и потянула по-надъ землей. Выстрѣлъ... Лошадь слегка прядетъ ушьми и замедляетъ шагъ. Бѣловатый дымъ стелется по землѣ,—въ дыму видно, какъ скачетъ и визжитъ Пиратъ надъ убитой птицей, какъ подбѣгаетъ къ нему раскраснѣвшійся охотникъ и торопливо хватаетъ еще теплую перепелку. Антонъ Васильичъ заряжаетъ ружье, а Пиратъ весело отправляется далѣе на новые поиски.

Антонъ Васильичъ стрѣлялъ перепеловъ недурно, давая изъ 12 выстрѣловъ не болѣе 3 или 4 промаховъ. Набивъ штукъ семь перепеловъ, шагомъ подъѣзжалъ онъ теперь къ своему Марьину... Сѣрый, старый, одноэтажный домъ, низенькій, съ двумя невзрачными подъѣздами и съ зеленой, полинявшей кровлей,—понуро стоялъ среди двора. За нимъ, поодаль, зеленѣлъ большой садъ. Въ Марьинѣ все приходило въ разрушенье, все валилось и кривилось на бокъ, все подгнивало и поростало мхомъ и травой. Только новыя конюшни и флигель подъ садомъ блестящимъ желтымъ пятномъ выступали посреди всеобщаго разрушенья. Дырявый плетень шелъ вокругъ двора; старыя ворота были подперты новыми жердями. Дальняя часть сада стояла въ запустѣньи и глохла: то садъ — не садъ, роща—не роща, а чортъ знаетъ что такое... Прудъ обмелѣлъ, зацвѣлъ, подернулся тиной, и караси уже давно подохли въ немъ. Въ одной людской избѣ еще кое-какъ ютились. Въ другой же избѣ, годъ тому назадъ, провалилась крыша, задавила кошку, спавшую на печуркѣ, и чуть до смерти не пришибла кухарку. Теперь тесины торчкомъ торчали кверху своими обломившимися краями, а на тесинахъ валялись обломки кирпича и куски глины отъ разрушившейся печки.

При покойномъ родителѣ Антона Васильича, при Василіѣ Федоровичѣ Сучковатовѣ, въ Марьинѣ было не то. Сучковатовъ—купецъ ловкій и дошлый — съумѣлъ въ свое время скопить деньгу. Только водился за нимъ одинъ поровъ—казаться бариномъ и дѣтокъ своихъ подѣлать барчатами. Для того-то купилъ онъ у разорившихся господъ сельце Марьино, подновилъ барскій домъ, расчистилъ прудъ и садъ — словомъ, изъ Марьина сдѣлалъ не сельцо—игрушечку. Не мало денежекъ онъ ухлопалъ на устройство своихъ задушевныхъ мечтаній: жену водилъ въ чистомъ тѣлѣ, сына отдалъ въ гимназію и самъ довольно ловко перенялъ барскія манеры. Знакомые купчики говаривали про него, что «Василій Федорычъ совсѣмъ отошелъ отъ нихъ, сталъ заправскимъ бариномъ». Лѣтъ 10 тому назадъ Сучковатовъ умеръ. Сынокъ, провѣдавъ о смерти родителя, тотчасъ же вышелъ изъ гимназіи и, поселившись въ Марьинѣ, обзавелся, какъ водится, *своими* лошадьми, собаками и ружьемъ. Изъ хозяйственныхъ подвиговъ его самыми видными оказывались конюшни и тотъ флигелекъ о двухъ комнатахъ, гдѣ онъ самъ жилъ. Домашнимъ обиходомъ и хозяйствомъ вообще завѣдывала его мать — старушка. Антонъ Васильичъ по ея порученіямъ ѣзжалъ лишь изрѣдка туда—сюда и заглядывалъ въ поле. Авдотья Семеновна, по старости лѣтъ, вести хорошо полевое хозяйство не могла. Хозяйство шло плохо; усадебка разваливалась. А сынокъ ни во что не вникалъ и возился съ лошадьми да съ собаками.

Въ той полосѣ юго-восточной Россіи, гдѣ происходитъ наша исторія, сумерки не долги: за угасающимъ днемъ по пятамъ идетъ и темная ночь. Когда Антонъ Васильичъ, въ сопровожденіи Пирата, въѣзжалъ на марьинскій дворъ, степь за нимъ уже темнѣла, на небѣ выступали звѣзды и въ трехъ окнахъ барскаго дома свѣтился красноватый огонекъ.

Тамъ, въ небольшой пустой столовой былъ накрытъ столъ не очень-то чистой скатертью; на столѣ стояли два прибора и въ мѣдномъ, позеленѣвшемъ подсвѣчникѣ горѣла пальмовая свѣча. Къ приборамъ были придвинуты стулья... Старушка средняго роста, немного сгорбленная, съ желтымъ, худощавымъ лицомъ, въ темненькомъ платьѣ и съ бѣлымъ платочкомъ на головѣ—сидѣла у окна, сложивъ на колѣняхъ руки. На подоконникѣ передъ нею стоялъ недопитый стаканъ квасу.

— Охъ, Господи Боже!—прошептала старушка, посматривая въ окно.

Часы съ шипѣньемъ пробили десять. На дворѣ раздался собачій лай и визгъ. Черезъ минуту въ передней сильно стукнула дверь и послышались медленные, тяжелые шаги—громыханье сапогъ, подбитыхъ гвоздями.

— Эй! Подавайте кушать!—крикнула старушка и, набожно покрестившись, сѣла за столъ.

— Гдѣ это ты пропадаешь? Ужъ насилу-то я дождалась тебя!—замѣтила она входившему въ столовую Антону Васильичу.—День-то денской умаешься, сморишься, отдохнуть бы охота поскорѣе,—года-то, вѣдь, не молоденькіе мои. А тутъ еще сиди, да тебя жди до полуночи...

— Никто и не велитъ ждать. Сколько разъ вамъ говорено: ужинайте безъ меня...—ровнымъ, вялымъ тономъ промолвилъ сынъ, усаживаясь за столъ.

— А настойки у насъ опять нѣтъ!—замѣтилъ онъ, немного погодя, оглядывая столъ.

— Ну, ладно! Сегодня и безъ настойки живетъ!—съ досадой проворчала старушка.

Сынъ непріятно поморщился, но молчалъ. Стали ѣсть горячее, жареный бараній бокъ и затѣмъ молочную манную кашу съ корицею и сахаромъ. Въ Марьинѣ всѣ порядки смахивали на барскіе; то же было и относительно кушанья.

— Что ты у себя во флигелѣ сѣтки не вставишь въ окно? Заходила я къ тебѣ сегодня. Мухъ, мухъ,—тучи!—говорила мать.

— И безъ сѣтки душно!—возразилъ ей Антонъ Васильичъ.

— Никогда ты убрать у себя не прикажешь. Точно хлѣвъ! На полу крынки съ собачьей ѣдой, на столѣ крошки, соръ. Еще бы мухамъ не быть!..

— Наплевать! — буркнулъ Антонъ Васильичъ.

При такомъ нелюбезномъ настроеніи бесѣдующихъ, разговоръ, конечно, вязаться не могъ. Скоро разошлись по своимъ угламъ. Старушка со своей вѣрной, ворчливой Агашей отправилась въ спальню на покой. Антонъ Васильичъ, идя во флигель, остановился середи двора и сталъ созывать собакъ. Собаки живо окружили его и съ радостнымъ лаемъ и визгомъ начали ласкаться къ нему. Одну минуту Антонъ Васильичъ смотрѣлъ вверхъ на темное, звѣздное небо. Ночной вѣтерокъ задувалъ назадъ его свѣтлыя кудри. «Теперь бы въ Замошье!»—прошепталъ онъ почти вслухъ и слегка привздохнулъ. Пахучимъ тепломъ, нѣгой дышала лѣтняя, степная ночь. Шелестъ шелъ по саду—словно кто-то, невидимый, крадучись, пробирался по листвѣ, затушеванной ночнымъ мракомъ въ одну темную, неясную тѣнь. Антонъ Васильичъ, взявъ съ собой своихъ любимчиковъ, Альму и Пирата, вошелъ во флигель и зажегъ свѣчу. Просто было убранство этого флигелька. Стѣны—голыя, бревенчатыя, въ пазахъ ряды потемнѣвшаго моха. Одна комнатка почти совсѣмъ пустая: въ ней только высокій, некрашенный деревянный столъ, въ родѣ станка, стулъ тоже самой грубой подѣлки, а въ углу большая, небѣленая русская печь. Въ другой комнатѣ, поменьше первой,—лежанка, желѣзная складная кровать съ матрацомъ, не оправленнымъ еще съ утра, красный столъ, два стула чернагодерева, на полу—подстилка; на стѣнахъ нагайки, плети, лошадиныя узды съ наборомъ, ружья, два пистолета, револьверъ и большой охотничій ножъ. На стѣнѣ же—на свободныхъ мѣстахъ—красуются аляповатыя гравюрки съ изображеніемъ всевозможныхъ и невозможныхъ охотничьихъ сценъ. Гравюры во многихъ мѣстахъ уже прострѣлены пульками—знакъ того, что изображенные на картинкахъ львы, тигры и медвѣди служили мишенью для стрѣльбы въ цѣль. По всему видно, что хозяинъ флигелька—охотникъ и наѣздникъ.

Антонъ Васильичъ въ ту ночь спалъ безпокойно. Сначала, повидимому, онъ все еще охотился, и во снѣ вскрикивалъ: «Пиль, Пиратъ! Пиль!» а потомъ забормоталъ что-то нескладное, изъ чего можно было только разобрать: «Ѣду въ Замошье... поѣду... что мнѣ его Катенька! Ну, ихъ—къ лѣшему»...

Антонъ Сучковатовъ вышелъ изъ IV класса гимназіи и мало путнаго вынесъ оттуда. Всего больше оттуда вынесъ онъ чувства недоброжелательства къ инспектору за горячія порки, да чувства ненависти къ латинскому языку. Онъ даже подумывалъ разъ убить почтеннаго Карла Иваныча... Когда Антоша пріѣхалъ изъ гимназіи домой, мать долго неодобрительно качала головой, приговаривая:

— Э-эхъ, дитятко, что ты надѣлалъ!

— Да, вѣдь, мамаша, просто, съ ума сойдешь отъ этихъ: ver, cadaver, iter, tuber...—оправдывался онъ.

Будь живъ отецъ, онъ отжарилъ бы Антошу на обѣ корки и опять препроводилъ бы въ гимназію. Но отца уже не было.

Въ дѣтствѣ Антоша былъ мальчикомъ сонливымъ, вялымъ и смиреннымъ. Очутившись же безъ отца, вырвавшись на волю изъ-подъ гимназическаго надзора, онъ — какъ дикій, степный конь — закусилъ удила и понесъ. Смиренство его скоро пропало, не пропала только его прежняя сонливость. Онъ восчувствовалъ, что сразу сдѣлался «большимъ». На первыхъ порахъ онъ былъ застѣнчивъ, робокъ, не любилъ общества и особенно избѣгалъ барышень. Въ гостиной, въ семейномъ домѣ онъ чувствовалъ себя связаннымъ по рукамъ и по ногамъ; тамъ его, словно, всего веревками опутывало. За то, впрочемъ, въ кругу сосѣднихъ прикащиковъ-«молодцовъ», купеческихъ сыночковъ и кутящихъ барчатъ, Антоша скоро себя почувствовалъ въ своей тарелкѣ. Тутъ шли толки о лошадяхъ, о дѣвкахъ, о собакахъ, здѣсь разсказывались неимовѣрныя исторіи изъ охотничьей жизни, сальные анекдотцы, похожденія съ женщинами; здѣсь хвастались другъ передъ другомъ своими скакунами, гончими, ружьями, охотничьимъ нарядомъ съ серебряною убранью и т. д. Здѣсь Антоша не стѣснялся. Хотя онъ не обладалъ находчивостью и не могъ особенно оживлять бесѣду, но ему самому было пріятно, попивая водку или пиво, слушать всякія росказни или самому ухнуть какое-нибудь забористое словцо и тѣмъ разсмѣшить всю компанію. Одобреніе и похвалы тоже льстили ему. При этомъ, конечно, никто не справлялся: какою цѣной куплена хвала.

Очень понятно, что Антоша мало-по-малу втянулся въ охоту, сталъ увлекаться лошадьми, собаками. Ему хотѣлось быть не хуже другихъ. И онъ-таки добился своего. Собаки у него—хорошія; на лошадей его заглядываются. Охотничій поясъ у него убранъ серебромъ настоящей кавказской работы «подъ чернью». Нагайка его трещитъ, что твой пистолетъ. Понятно, что всѣмъ этимъ онъ гордился на ряду съ прочими; мало того: онъ пользовался всякимъ случаемъ, чтобы превзойти другихъ въ ухарствѣ и заставить позавидовать себѣ. Сказать, напримѣръ: «Такой нагаечки, какъ у меня, ни у кого нѣтъ!» или «Другого такого пса во всемъ околоткѣ не сыщешь!»—было для Антоши блаженствомъ, ибо это же самое составляло блаженство и для окружающихъ его. Вѣчно охотиться или кататься верхомъ, конечно, нельзя. Поэтому, Антоша искалъ «молодецкаго» общества. А тамошніе «молодцы» лишнему человѣку съ деньжонками всегда были рады. Но, вѣдь, и пировать вѣчно—тоже нельзя. Оставаясь дома, скитаясь, какъ тѣнь, изъ угла въ уголъ безъ всякаго дѣла, Антоша искренно скучалъ. Въ томъ кругу, гдѣ онъ вращался, никакими мастерствами не занимались и книгъ въ руки не брали.

— Книги—что! Или вранье какое-нибудь, или философія... и больше ни чорта!—говаривали его собутыльники.

И Антоша не любилъ книгъ. Онъ читалъ только «Брынскій лѣсъ», Аксакова «Записки охотника» и чье-то сочиненіе о коневодствѣ, да какимъ-то образомъ попали къ нему еще творенія Розенгейма и тетрадка стиховъ, приписываемыхъ Пушкину, Баркову, Полежаеву и другимъ. Всѣ же свои учебныя книжки и тетрадки Антоша давно уже сжегъ- -буквально, сжегъ. Въ полѣ за ригой, въ небольшой лощинкѣ, разложилъ онъ съ мальчишками костеръ изъ соломы и костицы, запалилъ его и на немъ устроилъ всесожженіе. А латинскую грамматику Кюнера, еще до окончательнаго ея истребленія огнемъ, онъ изорвалъ и истрепалъ въ клочья. Темный дымокъ клубами разносился по полю; вѣтерокъ развѣялъ оставшійся пепелъ и вмѣстѣ съ пепломъ унесъ послѣдніе видимые остатки Антошиныхъ воспоминаній о гимназическомъ затворничествѣ вообще и объ античномъ Карлѣ Ивановичѣ въ частности... Столь же враждебно, какъ къ книгамъ, относился Антоша и къ писчей бумагѣ, къ перьямъ и карандашамъ.

Особенно часто и подолгу приходилось скучать ему по зимамъ. Ждетъ онъ, бывало, не дождется той поры, какъ стемнѣетъ и зажгутъ на деревнѣ огни. Тогда на тройкѣ съ колокольчикомъ и бубенцами катитъ онъ куда-нибудь на вечеринку. Тамъ собирается кутящій людъ; идетъ попойка, плясъ,—чуть на головахъ не ходятъ добрые люди... А по утру и днемъ опять — тоска, шатанье изъ флигеля къ конюшнѣ, изъ конюшни съ ружьемъ за ригу въ надеждѣ: авось, подвернется куропатка или заяцъ... Мало учился, мало читалъ и не очень много думалъ на своемъ вѣку Антонъ Сучковатовъ, но все-таки онъ уже зналъ или—вѣрнѣе—чуялъ, что живутъ люди и иначе, безъ этой сѣрой, томящей скуки, живутъ полнѣе, лучше, какія-то тамъ дѣла дѣлаютъ... Изрѣдка закрадывалось въ Антошину душу неясное, смутное недовольство и самимъ собой, и всѣмъ окружаю-

щимъ. Такое кислое, тревожное состояніе духа всегда рѣзко сказывалось въ немъ: съ тупою яростью пиналъ онъ ногой своего любимаго сетера, не ходилъ смотрѣть на лошадей, а лежалъ на постели, ворочаясь съ боку на бокъ. Въ эти непріятныя минуты въ его отрывочно бродили слова старой пѣсни: «Ничто не мило, все постыло»... Такъ живется, есть все—и не хуже, чѣмъ у людей. А ему, между тѣмъ, словно чего-то еще не хватаетъ... А чего? Кто его разберетъ... Все одно и тоже, а за этимъ «однимъ и тѣмъ же» — пустота кромѣшная. Впору хоть застрѣлиться. Но такія странныя и — можно сказать — трагическія минуты все рѣже и рѣже выпадали въ жизни Антона Сучковатова и все короче и короче становились онѣ.

Разъ даже Антоша, подъ пьяную руку, повѣдалъ свою тоску-кручину покладливому и разлюбезному Михайлу Ивановичу. (То былъ пожилой, прокутившійся человѣкъ изъ тамошнихъ помѣщиковъ, вѣчный повѣренный всѣхъ тайнъ и секретовъ окрестной молодежи и завсегдатай молодецкихъ пирушекъ).

— Э-эхъ, Антоша! — насмѣшливо замѣтилъ въ отвѣтъ на его признаніе Михайла Ивановичъ, хлопая его по плечу...—Все это, братъ, вздоръ, пустяки! Это оттого, что ты еще больно молоденекъ, не обрыкался. А вотъ ужо, погоди, съ годами всю эту дурь вышибетъ. Вѣрно я тебѣ говорю... Головой-то напрасно не качай, а слушай! Вѣдь, ты видишь, какой я человѣкъ-то... «въ бояхъ посѣдѣлый!»...

И правду сказалъ «въ бояхъ посѣдѣлый» кутила. Дурь вышибало у Антоши живой рукой.

— А ежели ужъ больно присничитъ,— говорилъ ему Михайла Ивановичъ: — купи бутылку водки, — у Максимки не бери! Ну его!—купи въ городѣ, кизлярской. Слышишь? Такъ и спроси «кизлярки!» Выпей ты, братецъ, эту бутылку всю, до капельки, и ложись спать—одинъ или...какъ ужъ тамъ самъ знаешь. Какъ рукой все сниметъ, и голова болѣть не станетъ... Только не забудь, спрашивай кизлярской!

И этотъ благой совѣтъ Антонъ Васильичъ принялъ къ свѣдѣнію.

III.

Вражеское навожденіе.

Покойный родитель оставилъ Антону Васильичу 6 тысячъ чистоганомъ, усадьбу же

и

рѣшительнымъ.—Чтобы будущее время было ротной-то сторонкѣ нимаешь? Вѣдь, не откажетъ. Не поправила. ко поспорилъ чего,—пошелъ Та только да Антошкѣ векселя отъ нихъ если бъ насыпную Васька... по дыню,

10

какъ молнія въ громозвѣще-ярко мелькаетъ умерла она, что-ли!» не желаетъ пускать ее она сама, противъ

къ спитъ *она*— имъ и спокойчего бы ей не ждый вечеръ ъ-подъ поманитъ машетъ теперь, ую тиярко...

ся бъ
сказочн
часамъ, ка
бы у него ни
оставшись съ пус
вольно пораздумалъ о
— Антошкѣ нашему ч
ужо помретъ,—все ему оста
и въ глаза говорили ему товари

И Антоша привыкъ разсчитывать терину смерть все равно, какъ на каме гору. Онъ уже порядочно задолжалъ Максимкѣ Карачевскому, больше того задолжалъ въ деревенскую лавку и еще больше барышникамъ. Деньгами же онъ только бралъ у Ивана Афанасьича Рукавицына. Всѣ ждали уплаты долговъ его безъ ропота и безъ боязни. «Антону Васильичу можно вѣрить... Мать-то ужо»... и такъ далѣе. Въ лавкѣ бери, сколько хочешь и что душѣ угодно; Максимкѣ, знай, только заказывай! И барышники до послѣдняго времени были всѣ къ услугамъ «его милости». Иванъ Афанасьичъ, хотя при выдачѣ денегъ и сильно кряхтѣлъ и пѣлъ все одну и ту же пѣсенку про тяжелыя времена да про безденежье,—кончалъ, обыкновенно, тѣмъ, что бралъ у Антоши векселъ и запиралъ его въ свою шкатулочку.

— О-охъ, баринокъ! Любишь ты денежкамъ глаза протирать... — говаривалъ онъ, добродушно-лукаво усмѣхаясь и похлопывая Антошу по плечу.—Все, поди-ка, на шурымуры? Знаемъ мы васъ! Не отнѣкивайся!.. Старость занимаетъ не на радость, а молодежь—на кутежъ. Извѣстное дѣло!

Такимъ образомъ, Антонъ Васильевичъ достукалъ до 2 тысячъ. Когда послѣ этого онъ принесъ, было, еще векселекъ на 500 рублей, Иванъ Афанасьичъ сказалъ про себя: «баста»!

— Мы, дружекъ, вотъ что сдѣлаемъ!— вслухъ проговорилъ онъ тономъ мягкимъ, но

рѣшительнымъ.—Чтобы намъ, значитъ, и на будущее время было поспокойнѣе, такъ попроси ты мамоньку, вотъ, съ этой—съ оборотной-то сторонки черкнуть маленько. Понимаешь? Вѣдь, она въ поручительствѣ тебѣ не откажетъ. Ей что! Ты попроси ее только...

Не понравилась Антошѣ такая штука. Крѣпко поспорилъ онъ, поморщился, но дѣлать нечего,—пошелъ-таки къ матери съ поклономъ. Та только руками сплеснула, да ахнула. «Куда Антошѣ такая куча денегъ? Зачѣмъ онъ векселя даетъ? Эти векселя — бѣда. Избави отъ нихъ Богъ!»... «А что бы запѣла она, если бы знала, что этакихъ-то векселей у Афанасьича ужъ на 2 тысячи?» подумалъ Антонъ Васильичъ, объясняя матери: для чего ему понадобились деньги.

— Ахъ, Антоша, Антоша! — качая головой, брюзжала старушка.—И что это такое, право! Лошадьми поминутно мѣняешься, какъ барышникъ. Связался съ этимъ—съ Рукавицынымъ. Ну, пристало-ли тебѣ? Пара-ли онъ тебѣ? Товарищъ-ли онъ? Какой тутъ толкъ будетъ, прости Господи! Чортъ съ младенцемъ связался... Извѣстный выжига — твой Афанасьичъ!..

— Всѣ у васъ — выжиги! — проворчалъ Антоша, надувъ губы въ знакъ недовольства.

— А деньги у тебя, просто, плывутъ между пальцами! — не слушая его, продолжала старуха.—По хозяйству ни за чѣмъ не приглядишь, ни къ чему не притронешься. Какъ отца-то не стало, вѣдь, я все одна, какъ какая-нибудь отверженная! Ну, что же это такое? Чѣмъ бы мать пожалѣть, а онъ—по базарамъ,да на охоту,да по гостямъ фить-фить...

Долго ворчала старуха, — поворчитъ да всплакнетъ, всплакнетъ да поворчитъ. Векселекъ все-таки она подписала, но при этомъ замѣтила, чтобы онъ оставилъ эту манеру—векселя давать, что «съ векселями безъ воды утонешь»... Вотъ изъ-за этой-то воркотни, да изъ-за слезъ, Антоша и не бралъ денегъ у матери—не любилъ даже говорить съ нею объ этой матеріи. Разъ, было, попросилъ онъ у нея 100 рублей, но получилъ ихъ послѣ такихъ горячихъ и долгихъ попрековъ и жалобъ на бездолье, что съ тѣхъ поръ ужъ окончательно закаялся обращаться къ матери за деньгами. И съ тѣхъ-то поръ въ особенности проторилъ онъ дорожку на Рукавицынъ хуторъ. Тамъ хоть и охали и покачивали головой, но какъ-то добродушно, безъ морали; тамъ снисходительно хлопали его по плечу и выдавали ему денежки съ приоаутками. Мысль о расплатѣ, какъ уже сказано, не смущала Антошу нимало. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь, мать его не сто же лѣтъ проживетъ на свѣтѣ!

Въ послѣднее время его сильно стали тревожить барышники. Онъ пересталъ съ ними вести дѣла и началъ мѣняться лошадьми съ Иваномъ Афанасьичемъ, (конечно, съ придачею со своей стороны). Барышники охотно ждали съ него уплаты до тѣхъ поръ, пока наживались отъ его сдѣлокъ. Теперь же, увидавъ, что Антонъ Васильичъ не имъ дастъ себя стричь, они разобидились и стали приставать къ нему за деньгами. Для уплаты барышникамъ и на другіе кое-какіе расходы Антону Васильичу понадобились 400 руб. Рукавицынъ обѣщалъ доставить ихъ въ субботу, но опять требовалъ поручительства. Понятно: почему Антоша морщился. Ему представлялась необходимость опять поддѣлываться къ матери, выслушивать ея жалобы, упреки и нравоученья.

На другой день послѣ свиданія съ Иваномъ Афанасьичемъ, Антоша былъ не въ своей тарелкѣ. Ходилъ онъ пасмурный, ни разу не заглянулъ на конюшню и безжалостно пиналъ подвертывавшихся ему подъ ноги собакъ, а черную дворняшку ни съ того-ни съ сего огрѣлъ арапникомъ.

— Экой лѣшій косматый! Вѣчно лежитъ на дорогѣ!—крикнулъ онъ на собаченку, съ визгомъ удиравшую отъ него, поджавъ хвостъ.

Лежала она вовсе не на дорогѣ, а въ сторонкѣ...

Антошу тревожилъ и иззаранѣе уже раздражалъ предстоявшій разговоръ съ матерью. Онъ уже мысленно переживалъ этотъ тяжелый, непріятный разговоръ и, словно, уже видѣлъ, какъ мать вытаращитъ на него глаза и заахаетъ. «Да что же это такое, Антоша? Да какъ же это можно! Деньгами соришь, дѣломъ не займешься... Все я одна, да одна» и т. д. А ты изволь слушать! Нечего сказать — пріятно! Антоша живо представилъ себѣ, какъ мать начнетъ хныкать и ругать его безпутнымъ, и такимъ и сякимъ. «Вонъ, скажетъ, добрые-то люди живутъ себѣ, да радуются на дѣтей... Вонъ у Марьи Григорьевны Саша-то ужъ мировымъ; у Алексѣя Степаныча два сына—офицера, одинъ—адвокатъ, 15 тысячъ въ годъ получаетъ... А я, точно, несчастная какая»... Такъ, вотъ, непремѣнно и скажетъ, этими самыми словами

и молвить! И всегда у нея одно и тоже... А ужъ слезы,—и не приведи Богъ!

Чѣмъ дольше шлялся Антоша по саду и по двору, тѣмъ пуще пропадала у него всякая охота говорить съ матерью о векселѣ.

Въ четвергъ утромъ нарочный съ Рукавицына хутора привезъ въ Марьино конвертикъ для передачи «въ собственныя руки» Антону Васильичу. Въ конвертѣ были вложены вексельная бумага и, по обыкновенію, еще клочекъ сѣрой бумаги. На послѣднемъ клочкѣ неприглядными, безобразными каракулями рукою Ивана Афанасьича была написана форма векселя. Оставалось только переписать, подписать и приложить руку поручительницѣ.

Вечеромъ, передъ сномъ грядущимъ, Антонъ Васильичъ, раздѣвшись, долго сидѣлъ у окна. На подоконникѣ лежалъ лоскутокъ сѣрой бумаги, испещренной каракулями, и Антонъ Васильичъ долго и тупо смотрѣлъ на него. Онъ бралъ бумажку, подносилъ къ свѣчѣ и опять бросалъ ее на подоконникъ. «И какъ все это глупо и смѣшно! Такъ и отзывается канцеляріей, да приказными крючками!» думалъ онъ, прочитывая знакомую ему, обычную форму векселя. «Гм!.. По сему моему векселю, повиненъ я заплатить... или кому онъ прикажетъ»...

Давно уже спятъ на деревнѣ. Спитъ и Марьино... Только въ барынниной спальнѣ сквозь сѣтку брезжитъ слабый свѣтъ: то горитъ передъ образомъ лампада. Ярко теплятся звѣзды въ темно-синемъ небѣ. Черною, неразборчивою массою стоятъ въ саду деревья, стоятъ—не шелохнутся, словно, прислушиваясь къ совершающейся кругомъ нихъ ночной жизни, полной таинственности, полузвуковъ, полутѣней. Тихая, благодатная ночь стояла надъ землей...Все, казалось, было спокойно и мирно въ такую ночь на небѣ и на землѣ. Да! Именно: только «казалось»... Ничто, никакія прелести ночныя, никакая тишь и нѣга не успокоятъ разбушевавшіяся людскія страсти. Антону Васильичу душно, жарко, воздуха не хватаетъ ему. Онъ чуть не разорвалъ, разстегивая, у рубахи воротъ. Его свѣтлыя кудри, всѣ мокрыя отъ пота, сбились на лобъ. Глаза его съ напряженіемъ всматриваются въ темноту, брови нахмурились, а грудь дышитъ такъ тяжело, какъ будто на нее надвинуты пуды. Непріятныя мысли, какъ непрошенные гости, шмыгаютъ у него теперь въ головѣ. Мысли сбивчивы, темны, темнѣе той ночи, что̀ смотритъ въ окно. Эти мысли пугаютъ неопытнаго юношу... И вдругъ въ хаосѣ этихъ темныхъ, ночныхъ думъ, какъ молнія въ громоздящихся тучахъ, зловѣще-ярко мелькаетъ желанье: «Хоть бы ужъ умерла она, что-ли!» Антонъ Васильичъ вовсе не желаетъ пускать дальше эту злую мысль, но она сама, противъ воли его, идетъ и растетъ...

Вотъ свѣтится окно. Тамъ спитъ *она*—спитъ, вѣроятно, сномъ крѣпкимъ и спокойнымъ. Она устала за день. И отчего бы ей не спать? Въ окнѣ у нея сѣтка. Каждый вечеръ Агаша старательно выгоняетъ изъ-подъ полога мухъ. Съ какимъ остервѣненіемъ машетъ она грязнымъ полотенцемъ!.. Старухѣ теперь, вѣроятно, то же жарко, душно. Въ такую тихую, теплую ночь, должно быть, всѣмъ жарко... Да!.. Антошѣ представилось, какъ тяжело дышитъ во снѣ его старуха—мать...

И вдругъ нечаянно, нежданно-негаданно, припомнилось ему...

Это было года два тому назадъ. Возвращаясь съ охоты домой, онъ проѣзжалъ по одной сосѣдней деревнѣ. Онъ, какъ теперь, помнитъ,—былъ часъ девятый утра. Видитъ онъ: стоитъ у кабака толпа народа. Что такое? Оказывается, что какая-то женщина, богомолка или, просто, странница—неизвѣстно откуда зашедшая—умерла скоропостижно. Сидѣла она въ питейномъ у Флегонта, отдыхала, значитъ,—выпила стаканчикъ водки, погодя малость, выпила другой и пошла. Выйдя изъ кабака, странница пошатнулась и упала—упала и духъ вонъ... Антонъ Васильичъ сошелъ тогда со своихъ бѣговыхъ дрожекъ и протискался черезъ толпу. И не позабыть же ему этой странницы! Лежитъ, растянулась она у самаго порога. Лицо изсиня-багровое, почти черное; одна рука покоится на груди—прямо на сердцѣ, другая—наотмашь отброшена; босыя, грязныя ноги—растопырены; животъ горой вздуло. На тѣлѣ какое-то лохмотье намотано. Платокъ сбился съ головы; видны волосы съ просѣдью—сухіе, нечесанные. Тутъ же, подъ бокомъ у нея, лежитъ и странническій костыль... Глаза неподвижные, безъ мысли, безъ блеска—широко раскрыты. Эта куча мяса, жира и костей только что перестала быть человѣкомъ и стала одной зловонной массой... Антошѣ даже живо запомнились разговоры, какіе шли на ту пору въ толпѣ.

— Станетъ-ли батька-то хоронить?

— Для чего не станетъ!.. Спервоначала, знамо, испотрошатъ...

— Да, вѣдь, *начпорту-то при ней*, слышь, никакого нѣтъ! Вѣдь, можетъ, душа-то не христіянская! Кто ее знаетъ... Столовѣрка, можетъ, какая ни на есть... Да мало-ли ихъ!

— Это такъ. А все же закопать-то ее надоть поскорѣе. Вишь, жары-то какіе! Гнить почнетъ, — того и гляди!.. До слѣдствія-то староста, слышь, хочетъ ее за бугромъ зарыть.

— То-то! А то ни въ кабакъ пройти и ничего нельзя... Флегонтъ взвоетъ... И безъ того ужѣ хлопотъ-то ему будетъ не мало. Померлато, вѣдь, у него!

— Ври *больше*! «У него»... Тебѣ говорятъ: на улицу вышла да и упала—вотъ на самомъ этомъ мѣстѣ...

— Какъ же! «Вышла»... Толкуй себѣ!

Мужики заговорили шопотомъ...

И съ чего теперь Антону Васильичу вдругъ припомнилось это мертвое тѣло, припомнились эти смутныя, пустыя рѣчи? И отчего онъ такъ сильно вздрогнулъ весь, когда Пиратъ спросонокъ стукнулъ лапой о стѣну? Странно... Но мигомъ мысль его обрывается и летитъ на Рукавицынъ хуторъ. «И чуденъ же этотъ Иванъ Афанасьичъ! То онъ, какъ будто, добряга, душа-человѣкъ, а то вдругъ... Смѣется онъ какъ-то странно, такимъ непріятнымъ, тоненькимъ голоскомъ: хи-хи-хи! «Зачѣмъ онъ такъ смѣется?»... Пуще и пуще, безобразно и нескладно мятутся мысли въ головѣ Антона Васильича. Больно, и скверно и жутко отъ нихъ на душѣ...

— Гм! Что жъ! Очень просто...—почти вслухъ проговорилъ онъ, какъ бы въ отвѣтъ на какое-то мысленное замѣчаніе.

Видно было, что Антонъ Васильичъ на что-то твердо рѣшился. Да и пора! Ночь уже проходила. Запѣлъ пѣтухъ на деревнѣ, къ нему пристали десятки то хриплыхъ и сиплыхъ, то звонкихъ пѣтушьихъ голосовъ. Пошла перекличка... Бросивъ въ ящикъ стола вексель и клочекъ сѣрой бумаги, Антоша поднялся со стула, задулъ догоравшую свѣчу и весь разбитый, усталый, словно послѣ какой-нибудь тяжкой работы или послѣ горячей свалки, пошатываясь, подошелъ къ кровати. Онъ кое-какъ сунулся на свой матрадъ и старался забыться; но мертвое тѣло, опухшее, багровое лицо и усмѣшки Ивана Афанасьича долго не давали ему успокоиться. Плохо, однимъ глазкомъ, какъ говорится спалъ Антоша въ ту ночь...

IV.

Антоша дѣлается сочинителемъ.

Барковскій священникъ, отецъ Иванъ, былъ чрезвычайно пораженъ, когда на слѣдующее утро изъ Марьина прибѣжалъ Степка съ маленькой стклянкой и заявилъ, что Антонъ Васильичъ проситъ у него чернилъ. «Гм! Что бы это такое значило? Для чего ему чернила?» —раздумывалъ отецъ Иванъ, отливая въ стклянку жиденькихъ чернилъ.

— Всѣ здоровы у васъ? — надумалъ онъ, наконецъ, спросить у Степки.

— Здоровы! Ничего!—былъ отвѣтъ.

— И гостей никого нѣту?

— Нѣту-съ.

«Гм! Странно!» —помыслилъ попъ, напрасно ломая себѣ голову надъ неразрѣшимымъ вопросомъ. Вѣдь, онъ очень хорошо зналъ забубенные, безшабашные нравы, свычаи и обычаи Антона Васильича; зналъ онъ, что тотъ *ни до книгъ, ни до письменной части не* касается и умѣетъ ловко управляться лишь съ арапникомъ, да съ ружьемъ.

А Антоша желтоватыми поповскими чернилами кое-какъ написалъ вексель. Оставалось только Авдотьѣ Семеновнѣ, какъ поручительницѣ, *поставить на оборотѣ свою подпись*. Это, конечно,—большая закорючка; но уже закорючка обойдена. Антонъ Васильичъ еще вчера рѣшилъ обойтись безъ материнскихъ нравоученій... Для того-то передъ обѣдомъ, когда мать была въ полѣ на покосѣ, онъ *зашелъ* въ домъ и, улучивъ удобную минуту, когда Агаша увернулась зачѣмъ-то на крыльце, пробрался въ материну спальню и изъ шкапика, стоявшаго въ переднемъ углу подъ кіотомъ, вытащилъ съ нижней полки изъ-подъ вороха тетрадей старую приходо-расходную книжку. Онъ наскоро перелистовалъ ее, нашелъ на поляхъ помѣтки, сдѣланныя рукой матери, захлопнулъ шкапикъ и, засунувъ книжку подъ пиджакъ, какъ ни въ чемъ не бывало, никѣмъ не замѣченный, вышелъ изъ дома.

— Скоро-ли у васъ обѣдать-то? Ѣсть до смерти охота!—крикнулъ онъ Агашѣ, проходившей по двору.

— Сейчасъ! Какъ только маменька изъ поля воротятся...—съ обычной своею брюзгливостью отозвалась та.

Обѣдъ въ тотъ день, какъ и во всѣ дни вообще, прошелъ больше въ молчаніи. Авдотья

Семеновна жаловалась на косцовъ, на то, что «только отвернись отъ нихъ, они сейчасъ и за трубки; бабы тоже любятъ на боку поваляться»...

— Мученье нынче съ народомъ! — обычнымъ припѣвомъ закончила она свои горькія жалобы.

Мать замѣтила Антошѣ, что онъ мало ѣстъ. «Въ такую жару ничего и въ ротъ нейдетъ! Вѣдь, не пихать же насильно»...

— А сами обѣдъ торопили!—наставническимъ тономъ ввернула Агаша.

— Мало-ли что торопилъ! А теперь, вотъ, не хочу...—проворчалъ Антоша.

Послѣ обѣда старуха отдыхала съ часъ, а потомъ опять пустилась бродить по хозяйству туда и сюда, дѣла не дѣлая и отъ дѣла не бѣгая. А Антоша тѣмъ временемъ, отодвинувъ отъ окна столъ и—противъ всякаго обыкновенія — заложивъ дверь на крючекъ, опять усѣлся за писаніе. Первымъ дѣломъ онъ раскрылъ добытую имъ старую приходо-расходную книгу и долго всматривался въ ея страницы, исписанныя прямымъ, старинпымъ почеркомъ. Всѣ поля сплошь были испещрены замѣтками въ родѣ слѣдующихъ: «Марьѣ Окуловой за полку 25 коп. переплочено; обѣщалась придти на стрижку. Семену Прохорову отпущено 3 пуда гороху и 1/2 пуда льнянаго сѣмени; хотѣлъ прислать Марфушку на жнитво. Осипу Долгушинскому за телушку не вычла; просплъ обождать до перваго Спаса»—и т. д. все въ томъ же родѣ.

— Чортъ знаетъ, что за кривулины!— прошепталъ Антоша, перелистывая тетрадь.

Тутъ же онъ нашелъ сохраненныя на память два-три письмеца свои собственныя, писанныя имъ матери изъ гимназіи. Въ одномъ, напримѣръ, значилось: «Милая маменька! Пришлите мнѣ пожалуста фунтъ финиковъ и сколько-нибудь деньженокъ на булки. Напишите: кто пріѣдетъ за мной о Рождествѣ. Учитель географіи все придирается ко мнѣ и каждый разъ меня сбиваетъ. Остаюсь любящій васъ сынъ А. Сучковатовъ. — Третьяго дня я чуть не запустилъ въ него атласомъ. Здоровъ-ли мой Вороненькій и часто-ли вы даете ему овса!» Антоша посмотрѣлъ на это письмецо и усмѣхнулся. Потомъ онъ опять углубился въ изученіе материнскаго почерка и принялся на клочкѣ бумаги копировать нѣкоторыя буквы.

Прошелъ часъ времени. Въ комнатѣ было жарко, душно. Надоѣдливыя мухи такъ и лѣзли Антошѣ въ глаза. На раскраснѣвшемся лицѣ его выступилъ потъ; даже рубашка смокла... Наконецъ, Антоша обмакнулъ перо въ чернила, долго постукивалъ имъ о край стклянки, — и вдругъ на оборотной сторонѣ векселя подъ перомъ его стала являться прямая съ закорючками подпись Авдотьи Семеновны Сучковатовой.

На такое сочинительство, предусмотрѣнное нашими уголовными законами, Антонъ Васильичъ рѣшился не вдругъ, не съ плеча. Будь онъ увѣренъ, что мать, поплакавъ и поворчавъ досыта, все-таки поставитъ на векселѣ свой бланкъ, онъ пошелъ бы къ ней, сталъ бы подольщаться къ старухѣ, какъ ему то ни противно, смирился бы и выслушалъ до конца ея мораль. Но въ томъ бѣда, что онъ былъ увѣренъ совершенно въ противномъ: старуха поворчитъ, похнычетъ всласть, а бланка своего все-таки не дастъ. Въ мартѣ мѣсяцѣ она подписала векселъ въ 500 рублей. Едва прошло послѣ того три мѣсяца, — онъ опять поднесетъ ей векселекъ въ 400. «Куда же, скажетъ, ты деньги дѣвалъ? Зачѣмъ тебѣ, Антоша, такую кучу денегъ?»..И пойдетъ-пойдетъ чесать, и никакого толку не выйдетъ». Надо правду сказать, что Антонъ Васильичъ въ тѣ минуты, какъ постукивалъ перомъ о чернильницу, шибко трусилъ и волновался: немного не хватало до того, чтобы онъ вовсе отказался отъ своего дѣла. Когда же фальшивая подпись была сдѣлана, лихорадочная трусость съ него разомъ поспала... Чего жъ ему тутъ бояться? Во-первыхъ, поддѣлка, кажется, удалась великолѣпно, и Иванъ Афанасьичъ едва-ли усомнится въ подписи. Во-вторыхъ, если бы даже онъ и пронюхалъ его грѣхъ, то подъ бѣду его не подведетъ: никакой выгоды не выйдетъ ему изъ того, а Афанасьичу вездѣ нужна выгода. Въ-третьихъ, наконецъ—и самое главное — послѣ смерти матери онъ оплатитъ всѣ свои векселя, и этотъ злосчастный векселъ вмѣстѣ съ прочими онъ разорветъ въ клочки. Ухъ, какъ славно полетятъ по вѣтру эти мелкіе клочечки! Нѣтъ, онъ лучше сожжетъ ихъ. Лучше всего — пепелъ; пепелъ — прахъ, ничто... А смерть старухи уже не за горами. Не даромъ же она начала жаловаться на одышку... Такъ, весь тотъ вечеръ утѣшалъ и успокоивалъ себя Антонъ Васильичъ.

А что дѣлать теперь съ этой книжкой въ почернѣломъ переплетѣ? Она помогла Антошѣ и теперь не нужна ему. Бросить ее, унич-

тожить? Нѣтъ, лучше положить ее на мѣсто. Авдотья Семеновна въ субботу по вечерамъ читаетъ у себя въ комнатѣ акаѳисты и иногда роется въ шкапикѣ подъ кіотомъ. Это очень хорошо помнитъ Антоша съ дѣтства, съ той поры, когда онъ еще мальчуганомъ стаивалъ за матерью, слушалъ возгласы: «Іисусе сладчайшій, души моея утѣшеніе», слушалъ, клалъ земные поклоны и зѣвалъ во всю глотку... Старуха можетъ замѣтить, что недостаетъ тетради, подниметъ гвалтъ. Къ чему же такъ? Лучше тихонько, безъ шуму: снести книжку,—и все будетъ шито и крыто. Сказано—сдѣлано.

Подъ вечеръ, когда, кухарка сказала Антошѣ, что барыня ушла на огородъ смотрѣть капусту, онъ отправился въ домъ и положилъ книжку на мѣсто. Уходя изъ спальни, въ дверяхъ онъ столкнулся съ матерью.

— Ты что, Антоша? Тебѣ чего?—спросила она, и сѣрые глазки ея уставились на сына.

— Да я такъ...—промолвилъ тотъ, чувствуя, что на щекахъ его проступалъ румянецъ.—Наливку хотѣлъ посмотрѣть. Кажется, ужъ настоялась... — въ тоже мгновенье добавилъ онъ.

Бѣгло оглянувъ комнату, Антоша увидалъ на окнѣ большую бутылку съ наливкой. Яркіе солнечные лучи на ту пору пронизывали насквозь малиновую влагу.

— Погоди! Къ воскресенью ужо бутылочку подслащу...—сказала Авдотья Семеновна, побрякивая ключами и идя къ комоду.

— Посмотри, какая нынѣ рожь-то плохая!—замѣтила она немного погодя, подзывая сына къ окну.

Тамъ, на подоконникѣ, рядомъ съ бутылью лежала разсыпанная на бумажкѣ горсть тощихъ ржаныхъ зеренъ. Антоша подошелъ, небрежно взялъ на ладонь нѣсколько зеренъ, посмотрѣлъ на нихъ, одно съѣлъ, а другія бросилъ опять на подоконникъ.

— Да! Рожь незавидная... — процѣдилъ онъ сквозь зубы.

Когда онъ вышелъ въ залу, лицо его было уже совершенно спокойно, и глаза его, какъ всегда, смотрѣли вяло и безучастно.

Ночью, на сонъ грядущій, его опять одолѣли думушки. «Теперь еще не поздно. Время не ушло. Вексель можно еще уничтожить... Такъ-то такъ, да деньги-то какъ же? Деньги нужны позарѣзъ... Хоть бы поскорѣе время шло! Отдать бы Афанасьичу этотъ вексель... Чортъ съ нимъ! Тогда стало бы легче, не пришлось бы ужъ раздумывать»... Антонъ Васильичъ, какъ всякій человѣкъ слабый характеромъ, не любилъ «раздумывать»: душевная борьба непріятно раздражала его, обезсиливала, была ему ненавистна. «Скорѣе наступала бы суббота»...

И суббота не заставила себя ждать.

Съ утра по небу ходили облака; вдали на горизонтѣ синѣли сизыя тучи. Антону Васильичу до нихъ не было, конечно, никакого дѣла, но Авдотья Семеновна за то сильно волновалась. «Какъ бы дождь не помѣшалъ уборкѣ послѣдняго сѣна! Дождь въ такія жары—бѣда. Сѣно сопрѣетъ, сгоритъ, почернѣетъ, и тогда оно никуда не годится»... Хотя Антонъ Васильичъ былъ человѣкъ спокойнаго, даже флегматическаго нрава, но лихорадочное нетерпѣніе все пуще и пуще одолѣвало его, чѣмъ ближе подходило время къ поѣздкѣ на хуторъ. Онъ хмурился и не зналъ, что ему дѣлать, какъ убить время до 4 часовъ, (въ 4 часа кончался послѣобѣденный отдыхъ Ивана Афанасьича). На охоту идти—лѣнь... Побродилъ Антоша по двору, потомъ ушелъ во флигель и, растянувшись на своемъ матрасѣ, принялся стрѣлять изъ револьвера въ стѣну. Пули его мѣтко попадали то въ медвѣдя, то въ птицу, то въ тигровъ и львовъ, изображенныхъ на картинкахъ, украшавшихъ его кабинетъ. Въ комнатѣ уже припахивало сѣрой, жженымъ порохомъ... Наскучило Антошѣ стрѣлять. Принялся онъ поплевывать въ печную заслонку и въ щели между половицами. И это занятіе, наконецъ, надоѣло. Антоша оборотился лицомъ къ стѣнѣ и пытался заснуть. Заснуть не представлялось никакой возможности: мѣшали мухи, но пуще мухъ безпокоили думушки.

Послѣ обѣда, въ 3 часа, онъ приказалъ себѣ заложить бѣговыя дрожки и шагомъ поѣхалъ по дорогѣ къ хутору.

V.

Катенька Рукавицына.

Когда Антонъ Васильичъ прибылъ на хуторъ, хозяинъ, только что продравши глаза, сладко позѣвывалъ, потягивался и хриплымъ голосомъ взывалъ, чтобы ему дали «квасу съ ледкомъ».

— А-а!—замычалъ онъ, когда гость показался на порогѣ. — Что тебя не видать? Куда запропастился?..

Антоша, молча, выложилъ вексель. Иванъ Афанасьичъ мелькомъ взглянулъ на подпись поручительницы и заперъ вексель въ столъ. Какъ ни всматривался внимательно Антоша въ лицо его, никакъ не могъ догадаться: замѣтилъ-ли тотъ подлогъ или нѣтъ. Вѣроятнѣе всего, что «нѣтъ». Иванъ Афанасьичъ, между тѣмъ, вынулъ изъ своего кожанаго, потертаго бумажника уже приготовленныя четыре пачки ассигнацій — по 100 рублей каждая пачка—и вручилъ ихъ Антону Васильичу. Тотъ посчиталъ ихъ и запихалъ бумажникъ въ свой боковой карманъ. Совершилось!.. «Уфъ! Какъ гора съ плечъ!» подумалъ Антоша. И кулакъ тоже остался доволенъ, мысля про себя: «Погоди, молодчикъ! Взнуздаемъ безъ трензеля... На сторону не отбѣжишь».

— Ну, Антонъ Васильичъ, какъ знаешь... — вполголоса, немного погодя, заговорилъ хозяинъ. — Я, братъ, лошадокъ къ тебѣ приведу—штуки три. Ты ужъ подержи ихъ у себя недѣльку-другую. Будь другъ!..

— Гм! Недѣльку-другую... вишь ты...—въ раздумьи и, какъ бы, съ неудовольствіемъ промолвилъ Антоша.—А какъ скоро это будетъ?

— Да какъ бы тебѣ сказать—не соврать... съ воскресенья на понедѣльникъ въ ночь—этакъ...

— Ну, ужъ нѣтъ! Такъ никакъ нельзя...—возразилъ Антоша.—Въ воскресенье меня и дома не будетъ... поѣду на охоту!

— Экъ тебя и съ охотой-то... Ничего, денекъ-то посиди! Не бѣда!—заискивающимъ тономъ просилъ Иванъ Афанасьичъ.

— Да, право же, нельзя. Погоди до вторника!—упорствовалъ юноша.

— Э-эхъ!—привздохнулъ хозяинъ, энергично почесывая затылокъ. — Ну, наплевать,—до вторника, такъ до вторника... — согласился онъ, нехотя.

Онъ нахмурилъ брови и покачалъ головой: видно было, что онъ шибко о чемъ-то безпокоится, и досадуетъ и негодуетъ на ребяческое легкомысліе своего упрямаго собесѣдника.

— А лошадку-то обѣщанную когда же ты мнѣ доставишь?—послѣ непродолжительнаго молчанія спросилъ Антонъ Васильичъ хозяина.

— Послѣ перваго Спаса!—отвѣтилъ тотъ.— И лошадка же будетъ! Сѣрая, вся въ яблокахъ... не кобыла, а золото!

Посидѣли еще немного, потолковали кое о чемъ.

— Теперь я зайду къ Катеринѣ Ивановнѣ!—сказалъ, наконецъ, Антоша, поднимаясь съ мѣста.

— Зайди, зайди! Поболтай съ ней... А то она у меня совсѣмъ ужъ зачиталась... — съ добродушно-довольнымъ видомъ напутствовалъ его хозяинъ.

У дверей Антоша остановился и, полуоборотившись, тихо промолвилъ:

— Только, Иванъ Афанасьичъ, смотри же! Я тутъ ни причемъ. Я вашихъ дѣловъ знать не знаю и вѣдать не вѣдаю.

— Да ну-ну, ладно! Полно трусу-то праздновать!—сказалъ хозяинъ успокоивающимъ тономъ, но этому тону сильно противорѣчила загадочная улыбка, промелькнувшая у него по губамъ.

Антоша прошелъ черезъ переднюю и по темной, скрипучей лѣстницѣ сталъ подниматься наверхъ, держась за перила и шагая черезъ двѣ ступеньки на третью. Этотъ домъ со всѣми его закоулками уже хорошо знакомъ ему. Онъ хотѣлъ отворить дверь, но дверь оказалась заперта. Антоша постучалъ; въ комнатѣ послышались шаги и шорохъ женскаго платья. Дверь отворилась, и на порогѣ лицомъ къ лицу съ нимъ встрѣтилась сама владѣтельница мезонина.

Катя Рукавицына была очень недурна собой. Ея свѣтлорусые волосы густы и волнисты. Дома, запросто—ея волосы распущены; только на головѣ обхватываются они полукруглою гребенкой. У ней—слегка вздернутый носъ и полныя, пухлыя губки. Цвѣтъ лица нѣсколько блѣдноватый, не деревенскій. На носу и на щекахъ лѣтомъ выступали у ней веснушки, но онѣ были до того мелки и слабы, что вовсе не портили ея лица. Она была высокаго роста и довольно стройна, но знатоки въ женскомъ тѣлѣ поговаривали, что не мѣшало бы Катѣ быть потолще. Здоровье ея не совсѣмъ въ исправности; она частенько-таки прихварываетъ. Отецъ думаетъ, что замужемъ Катя поправится и «наведетъ себѣ лицо, какъ слѣдуетъ». Ей 20 лѣтъ, но на видъ она кажется старше... Теперь, по лѣтнему времени, она ходитъ налегкѣ—въ свѣтлой, ситцевой блузѣ, подпоясанной, по ея обыкновенію, выше таліи широкимъ, чернымъ ремнемъ.

Вотъ портретъ Катеньки Рукавицыной настолько точный, насколько то можно было сдѣлать неискуснымъ перомъ...

Катенька росла и выросла «полубарыш-

ней». До 6 лѣтъ она, правда, жила такъ же, какъ и всѣ вообще крестьянскіе ребята, и была здорова и крѣпка. Вдругъ отецъ выписываетъ для Кати гувернантку; Катю лишаютъ свободы, держатъ за книгой и начинаютъ муштровать не на животъ, а на смерть. «Присѣдай, душечка, вотъ такъ! Не горбись! Носки ставь врознь! Не держись за мебель» и т. д. до безконечности. Когда матери ея не стало въ живыхъ, т.-е. когда Катѣ уже минуло лѣтъ 10, явилась къ нимъ въ домъ другая гувернантка—нѣмка, Розалія Карловна. Она принялась болѣе ухаживать за самимъ Иваномъ Афанасьичемъ, нежели за его дочкой. Вдовецъ не остался «безчувственнымъ» къ ласкамъ Розаліи Карловны, и нѣмка скоро сдѣлалась хозяйкой на Рукавицыномъ хуторѣ. При ней дѣвочкѣ шибко доставалось. Отецъ въ угоду Розаліи Карловнѣ не однажды собственноручно и очень больно изволилъ высѣчь свою дочку. Нѣмка жила у нихъ три года. При ней Катя научилась читать, писать кос-какъ и играть на фортепіано. По настоянію Розаліи Карловны, Иванъ Афанасьичъ купилъ въ одной разоренной помѣщичьей усадьбѣ старенькій рояль Лихтенталя. Онъ и по сіе время стоитъ въ Катиной комнатѣ... Пребываніе на хуторѣ нѣмецкой женщины закончилось большимъ скандаломъ, съ громомъ и трескомъ. Иванъ Афанасьичъ открылъ ея шашни съ однимъ изъ своихъ работниковъ и чуть не въ шею вытолкалъ ее изъ дома.

Какой-то странный, неуклюжій характеръ сложился у Кати. Дѣвушка знала, напримѣръ, что отецъ ея богатъ. Она слыхала не разъ, какъ Иванъ Афанасьичъ при случаѣ говаривалъ:

— Катя у меня, слава Богу, не безъ приданаго! Не какая-нибудь нищая...

Съ незнакомыми или мало знакомыми мужчинами дѣвушка обращалась сурово и высокомѣрно. Ея строго нахмуренныя брови и сжатыя губы словно съ презрѣніемъ хотѣли сказать: «Убирайтесь! Вы намъ не нужны»... Отецъ тоже иногда говаривалъ:

— Она, вѣдь, у меня не дуботолкъ, образованная... Она и на купчиху-то не похожа. Барышня да и только!

Недаромъ онъ давно уже замыслилъ сдѣлать изъ Кати «настоящую барышню». Дѣвушка теперь и сама уже знала, что она не какая-нибудь мужичка и къ знакомымъ дѣвицамъ относилась почти съ явнымъ пренебреженіемъ.

Въ семьѣ вообще Рукавицынъ не былъ самодуромъ (и объ Иванѣ Афанасьичѣ нужно правду сказать), жесткихъ и крутыхъ мѣръ не одобрялъ и подчасъ даже выглядѣлъ очень добродушнымъ человѣкомъ. Хотя онъ и училъ свою дочь уму-разуму прутомъ, но это ученье производилось еще надъ «дѣвченочкой» и подъ вліяніемъ Розаліи Карловны. Въ описываемую пору онъ крѣпко, по своему, любилъ свою единственную дочь и даже гордился ея благовоспитанностью. Не только справедливыя желанія, даже капризы ея исполнялись охотно. Все это Катя очень хорошо видѣла и понимала, что она можетъ заставить весь домъ плясать по своей дудкѣ. Съ отцомъ она бывала иногда самоуправна, даже груба.

— Для чего тебѣ эта шляпка понадобилась?—спроситъ онъ, бывало.

— Если понадобилась, такъ, значитъ, нужно!—слѣдовалъ короткій отвѣтъ.

Или, напримѣръ:

— Побрянчала бы на фортепіанахъ хоть, что-ли...—замѣтитъ отецъ.

— Брянчите сами, если охота... А мнѣ ужъ надоѣло!

И такъ далѣе.

Впрочемъ, дѣвушка при этомъ чувствовала, что для самоуправства ея были границы обозначенныя неосязаемыми, но, такъ сказать, умственными, математическими линіями. Можетъ быть, она иногда и могла бы переступить ихъ безнаказанно, но боялась. Вмѣшаться въ отцовскія дѣла, оказать ему сопротивленіе въ чемъ-нибудь серьезномъ,— Катя не смѣла и помыслить. Темный страхъ гнѣздился въ ея душѣ... Вотъ этотъ же самый лихтенталевскій рояль, на которомъ она теперь наигрываетъ всякіе романсы, живо напоминаетъ ей изъ дѣтства очень много тяжелыхъ минутъ. У нея и теперь еще болѣзненно щемитъ сердце при этихъ воспоминаньяхъ. Какая досада, злость и стыдъ душили ее, когда она чувствовала себя совершенно безсильною въ крѣпкихъ отцовскихъ рукахъ! Она и по сіе время помнитъ: какими горькими слезами уливалась она, когда Розалія Карловна ядовито подсмѣивалась надъ ея дѣтскимъ горемъ... Страхъ запалъ ей въ душу и темною тѣнью залегъ тамъ навсегда. Мнѣ даже думается, что именно за эти воспоминанія, за этотъ страхъ Катя теперь иногда мститъ отцу своими грубостями, причудами и несговорчивостью — нежеланіемъ потѣшить его...

Мечтательность являлась одною изъ выдающихся чертъ ея характера. Она взасосъ прочитала множество романовъ. Въ ея рукахъ перебывали и «Сынъ дьявола», и «Кровавая рука», и «Рокамболь», и «Петербургскія трущобы», и «Тайны города Мадрида» —и все въ томъ же родѣ. Жизнь же, окружающая ее, не представляла ей, разумѣется, ничего подобнаго тому, что изображается въ этихъ отчаянныхъ произведеніяхъ. Она ѣздила къ обѣднѣ въ праздники, ѣздила изрѣдка въ Марьино пить чай, еще рѣже посѣщала семейство купца Шумилова, два-три раза въ годъ бывала въ городѣ—изъ нихъ одинъ разъ на ярмаркѣ, каталась иногда по базару въ своемъ шарабанѣ и накупала всякой пустяковины. Во всѣхъ этихъ выѣздахъ, конечно, не было ничего таинственнаго, а романомъ даже и не пахло. Хотя оттого особенно убійственнаго недовольства Катя не ощущала, но на словахъ все-таки любила жаловаться на свое «захолустье», на «скуку», на «мужицкую жизнь». Любила она также и помечтать, отъ нечего дѣлать. Романы она считаетъ сказкой, выдумкой... Но она не прочь и въ самомъ дѣлѣ встрѣтить въ жизни что-нибудь такое страшное, не прочь попасть въ какую-нибудь любовную передрягу съ охами и вздохами... Вдругъ, напримѣръ, откуда ни возьмись, явится передъ ней страстный и чудо какой красивый мужчина и скажетъ: «Такъ и такъ, молъ! Я—твой, ты—моя! Люби меня, моя красавица! Бѣги со мной! А если нѣтъ, то я»... У окончанья этой фразы было множество варіацій.

Такъ день за днемъ Катенька проводила свою дѣвичью жизнь.

— Вы ужъ нынче ко мнѣ и глазъ не кажете, когда бываете у насъ!—встрѣтила она упрекомъ Антона Васильича.

— Да никакъ же нельзя было... некогда!—промолвилъ тотъ, подойдя къ кушеткѣ, съ которой, повидимому, только-что поднялась дѣвушка, и взялъ книгу, оставленную на подушкѣ раскрытою.—У-у, страсть какая!—насмѣшливо проговорилъ онъ, посмотрѣвъ на заглавіе книги. — «Гостинница тринадцати повѣшенныхъ». А у меня есть книжка еще страшнѣе — «Гостинница семидесяти зарѣзанныхъ». Не хотите-ли, принесу вамъ почитать?...

— Ну, полно вамъ!—перебила его Катя, отнимая у него книгу...—Сами, вѣдь, не читаете, а смѣетесь...

— И читать не стоитъ, — ерунда! — отозвался Антонъ Васильичъ.

Чрезвычайно странныя отношенія установились у него съ Катей. Иногда онъ, какъ будто, стѣснялся ея, конфузился и вообще чувствовалъ себя неловко при ней. Иной же разъ онъ бывалъ съ нею ужъ слишкомъ развязенъ, грубо-насмѣшливъ и даже дерзокъ... Катя же видѣла въ немъ всегда желаннаго гостя. Она уже попривыкла къ шероховатостямъ его нрава... На хуторѣ у нихъ гости были рѣдки: наѣзжали все болѣе по дѣламъ къ хозяину. А Антоша уже давно сталъ у нихъ своимъ человѣкомъ и допускался къ ней безпрепятственно. Мало того: дѣвушка замѣтила, что отцу даже пріятно, когда Антонъ Васильичъ подолгу балагуритъ съ нею или гуляетъ по саду. А Катѣ то и на руку: все же живой человѣкъ и къ тому же—не купецъ. Катя терпѣть не могла купцовъ. А Антонъ Васильичъ, по ея мнѣнію, настоящій баринъ: онъ одѣвается по барски, торговлей не занимается, ничего не дѣлаетъ, только охотится, ухарски ѣздитъ верхомъ, да покучиваетъ подчасъ.

— Вы нынче, какъ осеннее солнышко, покажетесь на минутку, да и запропадете...— говорила ему, между прочимъ, Катя.

И совершенная правда. Нынѣ лѣтомъ посѣщенія Антона Васильича на хуторъ стали все рѣже и рѣже. Онъ, какъ водится, отговаривался охотой, недосугомъ и т. п.; но грѣхъ иной тутъ былъ.

— Вотъ и сегодня тоже долго оставаться не могу...—замѣтилъ онъ.

Дѣвушка сѣла за фортепіано и запѣла:

«Безумно жаждать тихой встрѣчи,
Со страхомъ встрѣчи ожидать»...

Голосокъ у Кати былъ небольшой, но довольно мягкій и пріятный.

— Какой вздоръ въ этихъ романсахъ... чортъ знаетъ! — проворчалъ Антоша, когда пѣвица взяла послѣдній аккордъ и смолкла.

— Вздоръ?! — вопросительно протянула она, приподнявъ брови.

— Разумѣется!—подтвердилъ молодой человѣкъ.—«Тебя терзать, тебя томить»...— передразнивалъ онъ.—Да развѣ можно мучить того, кого любишь?..

— Очень можно!—съ жаромъ перебила его Катя, попавъ на свою любимую тему.

«Все, что любятъ, люди губятъ...
Такъ ведется у людей».

169460

соч. п. засодимскаго. т. ПОЛОГОДСКАЯ

— Это еще что такое? — спросилъ съ усмѣшкой Антонъ Васильичъ.

— Это тоже стихотвореніе... не помню, какъ дальше!—отвѣтила Катя.—А, вотъ, я вамъ спою еще романсъ... новенькій — новенькій! Слушайте!

Антонъ Васильичъ облокотился на подушку и приготовился слушать, а Катя запѣла:

«Когда утромъ иль позднею ночью,
Предъ иконой головку склоня,
Ты лепечешь святую молитву,—
Помолись, милый другъ, за меня!..»

Въ слова этой пѣсни Антонъ Васильичъ мало вникалъ, но тихое пѣніе разчувствовало его, найдя какъ-то доступъ къ его дичавшей, грубѣвшей душѣ. Полулежа на кушеткѣ и слегка прищурившись, слушалъ онъ, не смотря на пѣвицу... Въ его воображеніи возставалъ другой дѣвичій образъ, болѣе для него заманчивый и во сто разъ милѣе. Изъ-подъ темныхъ, бархатистыхъ рѣсницъ ласково, кротко смотрятъ на него темные глазки, внимательно смотрятъ, словно все дожидаючись отъ него новаго слова, новой радости. И какимъ мягкимъ свѣтомъ свѣтятъ ему эти глаза!.. А вокругъ лѣсная дичь, цвѣты лѣсные, зелень, небо и вода. Кругомъ — тишина невозмутимая. Только слышно вдалекѣ, какъ крякаютъ утки, да чайки пронзительно кричатъ, низко проносясь надъ водой и почти черкая своимъ легкимъ крыломъ по ея зеркальной поверхности.

Катя затрещала той порой какой-то безтолковый вальсъ, но Антоша ее уже не слушалъ.

— Ну, что же вы ничего не скажете? Не правда-ли, очень миленькій романсъ?—обратилась, наконецъ, къ нему дѣвушка.

— Да... романсикъ очень миленькій! — пробормоталъ Антонъ Васильичъ и сталъ собираться домой.

Катя просила его «заглядывать» къ ней почаще. Онъ только сказалъ: «ладно»...

Черезъ часъ послѣ отъѣзда Сучковатова, Иванъ Афанасьичъ стоялъ за садовымъ плетнемъ надъ самымъ береговымъ обрывомъ. Стоялъ онъ, сдвинувъ на затылокъ свой зеленовато - темный картузъ, и вполголоса толковалъ съ какимъ-то приземистымъ, лядящимъ мужиченкой. Мужичекъ былъ на босу ногу, въ холщевыхъ портахъ—грязныхъ и ободранныхъ — и въ синей, нестрядинной рубахѣ, низко подпоясанной по животу узенькимъ, краснымъ поясомъ. На лохматыхъ волосахъ его была надѣта, вся въ дырахъ и пятнахъ, порыжѣвшая войлочная шляпа. Такъ же, какъ одежда, не казисто выглядѣло и лицо этого мужичка... Обтерханная, рѣденькая бородка, широкій, порасплывшійся носъ и тонкія, безцвѣтныя губы; густыя, темныя брови его все хмурились и глаза смотрѣли невесело, угрюмо. Его загорѣлое лицо было страшно худощаво и выглядѣло совсѣмъ какъ у больного...

— Ту тройку-то завтра пораньше утромъ ко мнѣ веди!—говорилъ Иванъ Афанасьичъ.— А остальныхъ во вторникъ ночью къ нему...

— Ужъ давно бы пора!—проворчалъ крестьянинъ.—А то, право, того и гляди—влопаешься... Тоже, вѣдь, не обо двухъ головахъ...

— Ну, ну! Ладчо!—перебилъ его Рукавицынъ.—Вѣдь, не видалъ никто! Кто пойдетъ въ Пугасвъ враже ? Кому туда нужда?

— Такъ-то такъ все-таки боязно... Ей-Богу, право! Больк олго этотъ приводъ стоитъ у насъ...

— Ничего! Справимся, не бойсь! Не въ первой... — успокоивающимъ тономъ замѣтилъ Иванъ Афанасьичъ.—А покуда вотъ тебѣ въ счетъ... на!

И онъ вынулъ изъ своего кожанаго бумажника трешницу и подалъ ее мужику.

— Рубль-то прибавь!—попросилъ тотъ, разглаживая на ладони старенькую ассигнацію. — Недоимку, вишь, надо выправить. Старшина выстегать сулится...

— Въ среду, въ среду, Тихонъ! Какъ, значитъ, сведешь туда коней-то, все и получишь до копѣечки... отвѣчалъ Рукавицынъ, не смотря на мужика. — Тамъ тебѣ, кажется, причитается рубля два съ чѣмъ-то... Такъ, помнится...

— Да въ Правленье-то, вѣдь, завтра зовутъ!—возговорилъ крестьянинъ.

— Тсс! Постой!—прошепталъ Иванъ Афанасьичъ, слегка вздрагивая и оборачиваясь.

Все это время онъ стоялъ спиной къ плетню. Теперь за плетнемъ послышался шорохъ, послышались чьи-то шаги.

— Долго-ли же вы тутъ будете стоять? Я купаться хочу! — раздался голосъ Кати, и въ тужъ минуту сама она явилась у калитки.

— Иди, иди, голубушка! Мы кончили!— торопливо заговорилъ Иванъ Афанасьичъ и, наклонившись къ Тихону, шопотомъ добавилъ: «Приходи попозже»...

Тихонъ своею развалистою, неповоротли-

вою походкой направился по береговой кручѣ далѣе, а Рукавицынъ, пропустивъ дочь въ калитку, вошелъ въ садъ. Тихо, понуривши, брелъ онъ по дорожкѣ до дому. «Слышала-ли она что-нибудь изъ разговора?» вотъ что занимало его въ тѣ минуты. Иванъ Афанасьичъ старался во что бы то ни стало держать дочь въ полнѣйшемъ невѣдѣніи на счетъ его нѣкоторыхъ секретныхъ дѣлъ. (А дѣла такія, надо правду сказать, за нимъ водились). «Пускай она будетъ не замѣшана ни во что, пускай останется чистою, какъ голубица!»... вотъ чего онъ всегда добивался. Къ тому же онъ не довѣрялъ людскому языку—въ особенности женскому... Поэтому-то Тишка не ходилъ къ нему на хуторъ; никто не видалъ Тишку вмѣстѣ съ Иваномъ Афанасьичемъ. Ихъ свиданья до сихъ поръ происходили одинъ на одинъ, третій между ними еще никогда не втирался. Всегда принимались необходимыя предосторожности. Сегодня они сплоховали. И для чего было не отойти отъ калитки. Да, можетъ быть, и страхи его еще напрасны? Можетъ быть, дѣвка-то ничего не слыхала?.. Надо узнать навѣрное. Жгучее нетерпѣніе вдругъ охватило Ивана Афанасьича; сейчасъ же, сію минуту удостовѣриться—подслушивала-ли Катя, могла-ли она *что-нибудь* слышать? Ивану Афанасьичу нужно успокоить себя. Но какъ?.. Онъ поворотилъ назадъ къ калиткѣ, но, не доходя до нея, остановился. Изъ-за зелени деревьевъ онъ замѣтилъ, что дѣвушка стояла на берегу уже совсѣмъ раздѣтая, и бѣлое тѣло ея блестѣло издали на солнцѣ, какъ слоновая кость.

— Гм! Эй! Катя, Катюша! — крикнулъ Иванъ Афанасьичъ, остановившись за деревьями.

Дѣвушка ахнула и торопливо сбѣжала въ воду.

— Да ну тебя! вѣдь, не смотрю... Чего орешь?—съ досадой крикнулъ ей отецъ.—Я только хотѣлъ спросить тебя... Ты давно тутъ у калитки-то дожидалась?

— Да... нѣтъ! Не очень давно...—отвѣчала Катя, погружаясь въ прозрачныя, чистыя воды.

«Нѣтъ! Не очень давно»... Эти слова были сказаны такъ просто и беззаботно, что всѣ сомнѣнія и страхи Ивана Афанасьича разсѣялись разомъ, и онъ, глубоко вздохнувъ, успокоенный возвратился домой.

А Катя, между тѣмъ, дѣйствительно, кое-что слышала. Отправившись купаться и подходя къ калиткѣ, она услышала за садомъ голосъ отца и чей-то другой, незнакомый голосъ. Въ ожиданіи, пока разговаривающіе уйдутъ, дѣвушка забралась въ кусты и стала ѣсть вишни. Изъ рѣчей, отрывисто доносившихся до нея, она узнала, что дѣло идетъ о какихъ-то лошадяхъ. Это было для нея мало занимательно. Потомъ кто-то просилъ у ея отца денегъ и жаловался, что его «сулятся выстегать». Это тоже вовсе не интересно... Разговаривающіе не уходили. Дѣвушкѣ наскучило ждать. Она рѣшилась прогнать ихъ... Не вздрогни отецъ при ея появленіи у плетня, не заторопись онъ такъ разстаться со своимъ собесѣдникомъ, не возвратись онъ, наконецъ, къ ней единственно лишь для того, чтобы спросить: долго-ли стояла она у калитки?—дѣвушка и вниманія не обратила бы на встрѣчу съ нимъ и на всѣ ихъ рѣчи... Конечно, и теперь никакихъ темныхъ подозрѣній не закрадывалось въ ея голову, не думала она, что тутъ дѣло «не чисто, не ладно». Ее, просто, занималъ вопросъ: «что за секреты могутъ быть у ея отца съ такимъ жалкимъ, обдерганнымъ мужиченкой? Отчего отецъ испугался ея? Отчего его безпокоило: «долго-ли стояла она у калитки?» Онъ о чемъ-то тревожился... Это такъ очевидно: онъ даже не посовѣстился идти къ ней, зная навѣрное, что она купается»... Дальше пока мысль ея не шла. Значитъ, пустое, женское любопытство—и только...

А вечеромъ попозже, какъ было условлено, за садомъ опять Иванъ Афанасьичъ сошелся съ Тихономъ. Тихонъ выпросилъ еще рубль съ полтиной, а остальной рубль Рукавицынъ у него зажилилъ. Тишка зло посмотрѣлъ на него, а Иванъ Афанасьичъ, уже привыкшій къ такимъ взглядамъ, и ухомъ не повелъ. Наплевать! Тишка безсиленъ; Тишка ничего не можетъ сдѣлать, а ежели что-нибудь натворитъ, такъ на свою же погибель...

Такимъ образомъ, Тишка избавилъ свою спину отъ пытки, за то же поплатился своимъ кровнымъ рублемъ, заработаннымъ съ опасностью для жизни.

VI.

Въ деревенскомъ трактирѣ.

Антонъ Васильичъ съ хутора поѣхалъ не домой и не на степь,—да съ нимъ на этотъ

разъ и ружья не случилось. Отправился онъ прямехонько на Барково. На селѣ въ тотъ день было подторжье: онъ могъ встрѣтить въ барковскомъ трактирѣ кого-нибудь изъ своихъ знакомыхъ, могъ роспить бутылочку Штритера, покалякать о томъ—о семъ и сыграть партійку на бильіардѣ «на дюжину пива». Къ тому же надо было какъ-нибудь потушить непріятное чувство, взволновавшее его при полученіи денегъ отъ Ивана Афанасьича. Это скверное, жуткое чувство Антоша испытывалъ каждый разъ при займѣ денегъ у своего пріятеля-кулака. Ему въ тѣ мгновенья такъ и чудилось, что его, какъ сѣтью, опутываютъ всѣ эти векселя и векселька, тянутъ его съ головой, словно, въ какой-то бездонный, темный омутъ... Дома же, между тѣмъ, дѣлать, рѣшительно, было ему нечего въ тотъ вечеръ. Однимъ словомъ, у Сучковатова вдругъ нашлось множество резоновъ ѣхать именно на Барково. Не даромъ же въ боковомъ карманѣ его пиджака лежали неразмѣненными 400 рублей.

Село отъ Рукавицына хутора находилось въ четырехъ верстахъ, отъ Марьина же—въ трехъ. Значитъ, и ѣхать-то Антошѣ приходилось *почти* по пути... Онъ ѣхалъ мелкою рысью, и скоро передъ нимъ показалась на возвышеніи бѣлая, узкая и высокая колокольня, а за нею выступила церковь съ зеленою кровлей, ярко блестѣвшей въ лучахъ вечерняго солнца. Кругомъ церкви во всѣ стороны расползлись, какъ попало, безъ всякаго порядка, безъ складу и ладу, темныя хатки съ соломенными стрехами. Вперемежку между хатами тамъ и сямъ густо зеленѣли ветлы. По окраинамъ села, выступя въ поле, торчали сараи и риги, все больше на ту пору раскрытыя, — знать, солому-то съ нихъ хозяева стащили весной скоту на кормъ. По окраинамъ же села на большихъ пространствахъ рядами желтѣли на славу высокіе подсолнухи. Барково разметалось на двухъ оврагахъ — на днѣ ихъ и на покатостяхъ. Какъ оно такъ несуразно разстроилось, — Богъ вѣсть... Церковь стояла на бугрѣ, а около нея, неподалеку, располагался базаръ.

Уже подъ самымъ селомъ Антоша проѣхалъ мимо большого стада овецъ. Пастухъ, болѣзненный паренекъ лѣтъ 12, сидѣлъ у дороги на пенечкѣ и починивалъ свой дырявый сапогъ-опорокъ, неуклюже ковыряя большой иглой. Черезъ поле скакалъ во всю прыть чей-то объѣздчикъ, звонко похлопывая арапникомъ. Откуда-то издалека доносилась заунывная пѣсня... Антоша обдернулъ шапку, хлестнулъ возжами и вихремъ пронесся по селу, поднимая за собой облака сѣрой пыли, (по мѣстнымъ обычаямъ, молодежью принято проѣзжать по селу самымъ ухарскимъ манеромъ). Молодецки остановилъ Антоша своего коня у крылечка, на живую руку замоталъ поводъ о плетень и вошелъ въ трактиръ.

Изъ первой, передней комнатки, гдѣ помѣщался буфетъ, двери налѣво вели на черную, мужицкую половину, дверь направо вела на половину чистую или «дворянскую». Послѣдній покой отъ перваго отличался лишь тѣмъ, что на первый взглядъ казался, какъ будто, почище, въ немъ стоялъ охриплій органъ и у оконъ висѣли красныя, кумачныя занавѣски для защиты отъ солнца, а такъ же — или почти главнымъ образомъ — для того, чтобы простой людъ не пялилъ напрасно глазъ на барское веселье.

— А, Антонъ Васильичъ! Антоша! Дружище! Тебя только не хватало!... — разомъ послышались возгласы при входѣ Сучковатова на дворянскую половину.

Тутъ уже засѣдала цѣлая компанія. Красныя лица, посоловѣвшіе глаза, а пуще всего—заплетавшіеся языки ясно указывали на то, что собесѣдники уже достаточно нагрузились. Здѣсь находились на лицо: мировой судья, Полубояркинъ, человѣкъ лѣтъ 36; Шашневъ, юноша безвременно состарившійся, безъ года недѣлю служившій въ какомъ-то полку и теперь уже пятый годъ гоняющій собакъ въ отцовской усадьбѣ; землемѣръ Юхновичъ—человѣчекъ очень практическій; Обручьевъ — помѣщикъ изъ молодыхъ, наслѣдникъ тысячнаго состоянія, много лѣтъ уже напрасно ожидающій смерти любезнаго родителя; Флоріанскій, становой тамошняго участка, лѣтъ за 40 мужчина, съ чрезвычайно нелѣпымъ лицомъ, но—на бѣду—сильно падкій до женскаго пола, говоритъ по семинарски, но крутить усы научился. Тутъ же присутствовали два купчика и непремѣнный засѣдатель каждой пирушки, Михайла Иванычъ (по фамиліи Охлестышинъ, но по фамиліи въ описываемую пору его никто никогда не звалъ).

Антоша поздравствовался и, бросивъ на окно хлыстъ и шапку, со вздохомъ опустился на продранный стулъ.

— Ты, братъ, что-то зачастилъ на хуторъ... Ужъ не за Катенькой-ли пріударилъ,

а? — замѣтилъ Шашневъ, покручивая свои почти еще невидимые усики, когда Антоша сказалъ ему, что возвращается съ хутора.

— Какъ же, непремѣнно!—возразилъ Антоша.—Э-эхъ, ты, горе штыкъ-юнкеръ!..

— Дѣвокъ-то развѣ безъ нея мало!—проурчалъ Обручьевъ. — Вонъ поди-ка къ Лукешкѣ... уважитъ такъ, что...

Громкій хохотъ поднялся въ комнатѣ.

— Лукреція у меня—молодецъ!—съ гримаской вставилъ отъ себя Михайла Иванычъ.

Опять смѣхъ и хохотъ на дворянской половинѣ. На столѣ, по случаю прибытія новаго гостя, явилась бутылка водки, пустая была снята. Тутъ же на столѣ стояли два чайника, стаканы съ недопитымъ чаемъ, стаканы для водки, изъ которыхъ въ каждый могло войти по три добрыхъ рюмки; тутъ же лежалъ бѣлый хлѣбъ, кусокъ швейцарскаго сыру и валялась пустая коробка изъ-подъ сардинокъ. Скатерть была залита чаемъ и виномъ, усыпана папиросымъ пепломъ, — и вообще дворянская половина являла на тотъ разъ слѣды опустошенья. Почтенная компанія пировала тутъ уже съ 12 часовъ утра... Толковали о томъ, что Иванъ Игнатьичъ нарѣзался нынче на посѣвѣ, что Смекуловъ—извѣстный мошенникъ и непремѣнно выправится передъ судомъ, что вдова Хрибеянко — что тамъ ни говори! — живетъ съ отставнымъ гусаромъ, что Терентій Гусакъ купилъ калѣченную кобылу за 60 рублей, когда и красная-то ей цѣна 25 цѣлковыхъ. Не мало такъ же разсказывалось сальныхъ исторій и анекдотцевъ. По этой части особенно отличался Михайла Иванычъ, душа общества и первый выдумщикъ всякой разухабистой потѣхи. Хотя ему было уже подъ пятьдесятъ лѣтъ, хотя голова его сѣдѣла, а испитое, желтоватое лицо покрывалось сѣтью морщинъ, но онъ дурачился иной разъ не хуже любого юноши. Въ компанію онъ являлся всегда съ веселымъ лицомъ, съ громкимъ смѣхомъ и шутками. Свое маленькое имѣньице Михайла Иванычъ уже давно прокутилъ, пропилъ, а теперь кутилъ и пилъ уже на общественный счетъ... Въ молодой, кутящей компаніи довольно охотно его терпѣли лишь потому, что онъ всегда былъ веселъ, веселилъ другихъ и давалъ вволю забавляться надъ собой. Михайла Иванычъ хотѣлъ попрежнему пить и кутить, а поэтому онъ не долженъ былъ сидѣть на пиру, нахмуривъ брови и наморщивъ лобъ. Онъ не могъ плакаться, жаловаться, вспоминаючи свое прошлое, свою жалко прогорѣвшую жизнь Онъ могъ говорить о своемъ грустномъ прошломъ только со смѣхомъ, съ глумленіемъ; онъ долженъ былъ смѣяться надо всѣмъ, а въ томъ числѣ и надъ самимъ собой... Если бы онъ вздумалъ—по глупости—удариться въ чувствительность, его прогнали бы и не дали бы водки. Чтобы всегда быть сытымъ и пьянымъ, онъ долженъ былъ изживать жизнь—шутомъ. И Михайла Иванычъ покорился своей участи, свыкнулся съ нею — смѣялся, шумѣлъ, сквернословилъ...

— И для какого чорта ты оправдалъ того гуртовщика, Алексѣй Иванычъ, а?—вдругъ обратился Обручьевъ къ захмѣлѣвшему мировому судьѣ.—Вѣдь, ты, братъ, это неправильно... Ей-Богу, неправильно...

— Ну, какъ же! Толкуй!—пробормоталъ Полубояркинъ, покачиваясь на стулѣ.—Миняевъ не правъ. За прогонъ скота онъ бери... Лѣшій съ нимъ! Прогонныя его... А останавливать... задерживать скотъ... Ни-ни! не можетъ... Миняевъ этотъ такая...

— Да, вѣдь, гуртовщикъ-то не платилъ ему прогонныхъ! — перебилъ Обручьевъ.— Ты пойми, чудакъ!.. А ссориться тебѣ съ Миняевымъ изъ-за какого-нибудь тархана вовсе некстати... Вотъ что!

— Не учите, пожалуста! Не ваше дѣло съ... — заплетающимся языкомъ бормоталъ Полубояркинъ, склоняя на столъ свою захмѣлѣвшую голову.—Я, господа, всегда держусь своихъ убѣжденій... со студенческой скамьи... Гуртовщика—не за что... А Миняевъ—подлецъ!

— Онъ держится своихъ убѣжденій! Хаха!—язвительнымъ смѣхомъ разразился Михайла Иванычъ. — Ахъ, чтобъ тебя, чучело воронье!.. У него убѣжденія... Ха!

— Кто это говоритъ? Мишка! Ты?—заговорилъ Полубояркинъ, насилу поднимая голову и мутными, посоловѣвшими глазами обводя по комнатѣ.—У меня нѣтъ убѣжденій? Врешь!..

— Чего «врешь»! Да развѣ ты не кривишь душой?—съ ѣдкой усмѣшкой замѣтилъ Михайла Иванычъ, наклоняясь къ Полубояркину и хлопая его по плечу,

— А зачѣмъ телушекъ-то по осени скупаешь у мужиковъ ни за грошъ, а весной ихъ же пускаешь втридорога? А зачѣмъ къ Максютову поддѣлываешься, а? На другое трехлѣтіе захотѣлось? Отвѣдалъ, небойсь, коз-

линаго-то сала... И еще захотѣлось! Ха! Тоже—«убѣжденія»!

— Да ты чего, антихристъ, напустился-то на него!—вдругъ рявкнулъ Юхновичъ.— Я, вотъ, какъ тресну тебя по головѣ!.. Будешь у меня забываться...

— Ужъ нельзя и пошутить, что-ли!—отозвался Михайла Иванычъ, разомъ понижая тонъ.

Нерѣдко подъ маской шута онъ разыгрывалъ изъ себя какого-то насмѣшливаго бѣса и подъ прикрытьемъ шутки рѣзалъ правду въ лицо. Иногда онъ зарывался и въ такихъ случаяхъ спѣшилъ на попятный... Впрочемъ, по большей части онъ довольно точно зналъ границы, до которыхъ могъ безнаказанно доводить свою дерзость.

— Антонъ Васильичъ! Не хочешь-ли, братъ, отыграться? На полдюжинки... — обратился Михайла Иванычъ къ Сучковатову.

— А на дюжину хочешь?—задорливо спросилъ тотъ въ свою очередь.

— Идетъ!—согласился Михайла Иванычъ.

Встали и, пошатываясь, отправились черезъ маленькій корридоръ въ бильярдную. Бильярдная—продолговатая комната, съ небѣленными, бревенчатыми стѣнами и съ тремя окнами, выходившими на дворъ, гдѣ видны были навѣсы, кучи кизяка и лошади, жевавшія траву, стоя у телѣгъ. За маркера служилъ какой-то парень въ длинныхъ смазныхъ сапогахъ и въ грязной рубахѣ на-выпускъ. Тутъ же, въ бильярдной вдоль стѣнъ стояли небольшіе черные столы... Теперь на двухъ изъ нихъ прикащики «душили» чаекъ вприкусочку, напиваясь до девятаго пота.

Первую партію Антоша игралъ довольно спокойно, на шуточки Михайла Иваныча отвѣчалъ шуточками, приговаривалъ разныя французскія слова и напѣвалъ сквозь зубы «барыньку». Вслѣдствіе такого спокойнаго настроенія духа своего партнера, Михайла Иванычъ кончилъ партію «нищенскимъ манеромъ», по его выраженію, то-есть обогнавъ Антошу только на 3 очка. Сучковатовъ приказалъ маркеру подать на порожній столикъ дюжину пива... За второй партіей Антоша уже сталъ горячиться, французскихъ словъ не произносилъ и, крѣпко сжавъ губы, сосредоточенно — злобилъ шары. Одобрительные возгласы зрителей, когда Михайла Иванычъ откалывалъ какое-нибудь хитрое «колѣнцо», еще пуще подзадоривали и раздражали Антошу. Его шары то и дѣло прыгали черезъ бортъ, и прикащики бережно заслоняли рукой свои чашки и чайнички. Михайла Иванычъ шутки тоже бросилъ въ сторону. Онъ уже зналъ, что когда Антонъ Васильичъ проигрываетъ, — можно одной неудачной остротой поднять такую бурю, что и самъ станешь не радъ. Онъ довольствовался лишь тѣмъ, что повторялъ за маркеромъ счетъ. Антоша раскраснѣлся, какъ ракъ, и поминутно откидывалъ со лба свои кудрявые волосы, мокрые отъ пота. Противникъ его оставался невозмутимо спокоенъ.

— Въ ударѣ сегодня Михайла Иванычъ!— перешептывались про него прикащики.

Михайла Иванычъ былъ всегда «въ ударѣ». Онъ отлично рѣзалъ желтаго въ среднюю лузу, дѣлалъ удивительные дуплеты, гонялъ шары вдоль борта и клалъ шаръ шаромъ. Въ теченіе 15 или 20 лѣтъ онъ успѣлъ въ точности изучить этотъ деревенскій бильярдъ... Онъ зналъ: въ которую лузу шаръ идетъ ходко, въ которую—идетъ по кривой линіи. Онъ зналъ: какой кій лучше, который шаръ правильнѣе. Впрочемъ, ни одного шара и ни одного кія не было правильнаго и самъ бильярдъ былъ дрянь, но Михайла Иванычъ приноровился къ его недостаткамъ. Играть съ нимъ было трудно... Антоша проигралъ вторую партію, не сдѣлавъ и 30 очковъ. Антоша спросилъ еще дюжину пива; Михайла Иванычъ приказалъ его отнесть въ залу...

Вотъ здѣсь-то, въ этихъ грязныхъ стѣнахъ трактира купца Тесемкина проходило много дней и ночей въ жизни Антоши. И мутною, неприглядною волною проходили эти дни и ночи, проходили такимъ же безобразнымъ манеромъ, такъ же пошло, безцвѣтно и пусто, какъ и описываемый вечеръ.

Когда игроки возвратились на дворянскую половину, становой уже скрылся и мирового судью благополучно тоже увезли домой. Оставались Обручьевъ, землемѣръ и купчики, да къ нимъ еще присоединились два прикащика. Пирушка была въ самомъ разгарѣ. Собесѣдники уже не обращали никакого вниманія на то, что они пили — воду, водку или пиво... Одинъ изъ купчиковъ — помоложе, приложивъ руку къ щекѣ и ничему не внимая, голосилъ на всю комнату:

«Ахъ, вотъ тѣ—рубашка, косой воротокъ!
Вотъ тѣ—порточки повыстрочены»...

Наконецъ, пирующіе — по чьему-то наущенью—всей ватагой отправились къ «Хохлушкѣ»—Домнѣ Макаровнѣ.

«Хохлушка» — бойкая баба, вдова лѣтъ 36, бывшая дворовая. У нея на Барковѣ — своя хата и при хатѣ небольшая бакча. Живетъ она хорошо, ѣстъ и пьетъ всласть, но худая слава идетъ про нея въ околоткѣ. Она заманиваетъ къ себѣ бабъ и сводитъ ихъ съ кутящею молодежью. Одѣвается она нарядно и гостей принимаетъ не по деревенски: у нея всегда, во всякую пору дня и ночи, можно достать и чай, и вино, и закуску. Въ хатѣ у нея иной разъ до бѣла-свѣта горитъ огонь, слышна гармоника или гитара... Прибыльное ремесло выбрала Домна Макаровна: публичныхъ домовъ въ барковской сторонѣ открыто еще не существовало... Когда наша почтенная компанія ввалилась къ ней въ хату, Домна Макаровна любезно встрѣтила ее—нарядная, въ красномъ сарафанѣ, слегка нарумяненная и съ голубыми бусами на своей бѣлой, пухлой шеѣ. Она зубоскалитъ, шутитъ съ ниии... Еще бы! Эти пьяненькіе гости сегодня оставятъ у нея не малую толику деньжонокъ, какъ и прежде не разъ оставляли...

Антонъ Васильичъ, не смотря на четыре сотенныя, лежавшія у него въ карманѣ, живого участія—противъ обыкновенія—въ кутежѣ не принималъ и на этотъ разъ не долго пробылъ у обязательной Домны Макаровны. Когда онъ вышелъ на улицу и взнуздывалъ лошадь, въ хатѣ шелъ такой плясъ, что только полъ потрескивалъ, и слышно было изъза женскаго визга, изъ-за свисту и гаму, какъ кто-то сладчайшимъ теноркомъ тянулъ:

«Она ми-и-и-ленька-я-я, прихоро-о-о-шень-ка-я-я»...

— Что-то сегодня раненько Антонъ Васильичъ домой засбирался!—пискнула изъ-за полуотворенной двери какая-то женщина.

— Ну, васъ—къ лѣшему!—проворчалъ Антоша, вскакивая на свои бѣговыя дрожки и трогая возжами.

Поотъѣхавъ немного, онъ еще разъ оглянулся назадъ. Занавѣски въ окнахъ Домниной хатки были опущены. «Ну, теперь—шабашъ!»—молвилъ про себя Антоша и шагомъ поѣхалъ къ Марьину.

Тихая, лѣтняя ночь во всемъ своемъ звѣздномъ величіи давно уже стояла надъ барковскими степями и полями. Антонъ Васильичъ ѣхалъ между двухъ рядовъ желтой, высокой ржи. Отъ поры до времени колосъ склонялся къ колосу, чуть-чуть вздрагивая, словно подъ вѣяньемъ чьего-то дыханія. Антоша разсѣянно поглядывалъ на это желтое море колосьевъ, тонувшее въ ночномъ сумракѣ. Гдѣ-то скрипѣлъ коростель, то близко, то далеко. Отовсюду перекликались перепела. И страстнымъ, глубокимъ томленьемъ звучалъ громкій, настойчивый, ни на минуту не смолкающій ихъ призывный крикъ... Синеватымъ, бархатистымъ полумракомъ окутаны дали: глазу пріятно, отрадно, глазъ отдыхаетъ... Надъ темносизыми тучами, залегшими—подобно горамъ—на восточномъ краѣ неба, слабымъ, блѣднымъ сіяніемъ вспыхивала зарница. «То хлѣбъ зорится!» говорятъ въ деревняхъ... Антоша загнулъ на минуту голову вверхъ. Бездонная, синяя чаша, вся затканная золотыми огоньками, склонялась надъ нимъ... Онъ чувствуетъ, что здѣсь, въ полѣ, лучше, чѣмъ тамъ—въ грязныхъ, душныхъ комнатахъ, наполненныхъ табачнымъ дымомъ и сивушнымъ запахомъ. Антоша былъ далеко не поэтъ, но онъ не могъ же не чувствовать, что «здѣсь» ему дышать хорошо, легко, привольно... Онъ клонитъ голову; дрема его долитъ...

И чудится ему... Глядятъ на него добрые, ласковые глаза. Они синѣе этого яснаго неба, они ярче самыхъ яркихъ звѣздъ въ ночи. Это—не Катенькины глаза. Конечно, нѣтъ!.. «Поѣхать бы завтра въ Замошье... да безъ подарка не охота... Ничего, голубушка, не проситъ... Самому охота порадовать ее чѣмъ-нибудь... Дѣло дѣвичье!.. Не лента дорога, а все-таки»... смутно проходитъ въ отуманенной головѣ Антона Васильича.

Онъ открываетъ глаза... Лошадь его, тихо помахивая хвостомъ, уже подходила къ воротамъ.

VII.

Базаръ.

На другой день, послѣ описанныхъ происшествій, Антонъ Васильичъ шлялся по базару, переходя отъ одной лавки къ другой.

Базаръ на Барковѣ помѣщался не на площади передъ церковью, какъ бываетъ обыкновенно, но въ улицѣ—за церковью. Тутъ въ легкихъ, досчатыхъ балаганахъ, сколоченныхъ на живую руку, на разостланныхъ рогожахъ и подстилкахъ были навалены кучи всякаго товара: деревянныя, желѣзныя и жестяныя подѣлки, калачи, деготь, керосинъ, лампочки, духи, колокольчики, сбруя и цѣлыя груды подсолнечниковыхъ сѣмечекъ. Толпился народъ... Пыль стояла въ воздухѣ. Глу-

хой гулъ и жужжанье расходились по базару... Вотъ, крестьянинъ торгуетъ лопату, даетъ за нее 13 копѣекъ, а толстая, краснощекая торговка запрашиваетъ съ него 15. Тамъ, у лавки съ краснымъ товаромъ стоятъ бабы и дѣвки, умильно поглядывая на развѣшенные ситцы и платки. Тутъ же, между телѣгъ шныряютъ двѣ барышни-сестрицы. За ними слѣдомъ переваливается очень толстый баринъ въ соломенной, широкополой шляпѣ и бѣлыхъ штанахъ. Солдатикъ подъ навѣсомъ покупаетъ гармонику и ради пробы извлекаетъ изъ нея дикіе, ревущіе звуки. Посреди всей этой пестроты красныхъ, желтыхъ, синихъ сарафановъ и платьевъ движется темною тѣнью высокій сборщикъ въ черной шапочкѣ, худой, костлявый, съ желтовато-блѣднымъ лицомъ и съ оловянной тарелочкой въ рукахъ... Повсюду, какъ пчелиное жужжанье, слышенъ говоръ, иногда прорывается рѣзкій возгласъ, звенитъ посуда... По сторонамъ, за балаганами стоятъ телѣги пріѣхавшихъ на базаръ. Оттуда слышится лошадиное фырканье и ржанье... Загорѣлые мальчуганы, безъ шапокъ, съ прядями льняныхъ волосъ, нависшихъ надъ глазами, снуютъ по улицѣ съ гиканьемъ и крикомъ, поднимая пыль.

Антонъ Васильичъ купилъ зеркальце въ блестящей, жестяной оправѣ, купилъ нитку бѣлыхъ и красныхъ бусъ и широкую, пунцовую ленту. На эту ленту онъ довольно долго любовался, то свивая, то развивая ее. Затѣмъ, по порученію матери, заплатилъ онъ барковскому мяснику 4 рубля долга и пошелъ въ лавку къ Миронову выпить сельтерской воды, а оттуда намѣревался ѣхать прямо домой. Пробираясь между телѣгами, Антоша вдругъ остановился. На одной изъ телѣгъ сидѣла дѣвочка лѣтъ 7, но очень маленькаго роста. На ея миніатюрномъ личикѣ, изъ-за низко спустившихся на лобъ темно-русыхъ волосъ, только и были видны вздернутый носикъ, да маленькіе, блестящіе, плутоватые глазки. Тутъ же привязанная, стояла каряя лошадка и ѣла изъ телѣги сѣно. Морда ея приходилась вровень съ дѣвочкой—такъ, что лошадь почти у нея изъ-подъ рукъ тянула траву.

— А, Курышъ!—весело промолвилъ Антонъ Васильичъ, увидавъ дѣвочку.—Съ отцомъ на базаръ пріѣхала—наряды покупать! Ахъ, волкъ тебя зарѣжь!

Дѣвочка промолчала, на минуту понурившись, и потомъ снова взглянула на Антошу.

— Ты, вѣдь,—Курышъ? Да?—поддразнивающимъ тономъ, съ усмѣшкой спросилъ ее Антонъ Васильичъ.

— Самъ такой!...—тихо отрѣзала ему дѣвочка, а когда Антоша уходилъ отъ телѣги,—крикнула ему вслѣдъ:—Что къ намъ стрѣлять не ѣздишь?..

Крикнула и, живо нырнувъ въ сѣно, зарылась въ него съ головой, такъ что только голыя ноженки ея остались на виду.

— Ужо пріѣду... завтра!—откликнулся Антоша.

Въ лавкѣ Миронова толклись покупатели, а за прилавкомъ, въ заднемъ отдѣленіи, собралось на ту пору мѣстное избранное общество. «Заднее отдѣленіе» Мироновской лавки было безъ оконъ и скупо освѣщалось изъ лавки черезъ дверцу. Все оно было заставлено, загромождено деревянными ящиками съ товарами и изъ-подъ товаровъ, завалено было мѣшками, рогожами, свитками веревокъ и всякой всячиной. Но въ этомъ непригляднóмъ на видъ помѣщеніи—темномъ, тѣсномъ и грязномъ—заключались тысячные контракты, совершались крупныя сдѣлки, рѣшались важные мѣстные вопросы и пропивались въ одинъ вечеръ на шампанскомъ сотни рублей. Бары уже давно облюбовали это мѣстечко и обратили его въ свой клубъ, въ свое «святая святыхъ». Въ трактиръ купца Тесемкина они не ходили, не желая смѣшиваться «со всякою дрянью и съ голытьбой». Во что бы то ни стало, имъ нужно было отдѣлиться, обзавестись такимъ мѣстечкомъ, куда бы не могъ втереться всякій встрѣчный и поперечный. «Довольно того, что у мировыхъ, да на земскихъ собраніяхъ вмѣстѣ съ ними сидимъ!»—разсуждали они. Найдись на Барковѣ помѣщеніе лучше, бары, конечно, съ удовольствіемъ завоевали бы его себѣ. Но, къ сожалѣнію, ничего лучшаго не находилось, и приходилось пока довольствоваться лавкой Миронова. Каковъ ни на есть, а все-таки свой «англійскій клубъ». И не безъ достоинства усаживались наши аристократы на мѣшки и на пустые ящики, причемъ ящики, поставленные одинъ на другой, служили имъ вмѣсто столовъ. Хотя бары сидѣли на жесткихъ ящикахъ и принуждены были прислоняться своею благородною спиной къ пыльной, мшистой стѣнѣ, но, тѣмъ не менѣе, кичливость ихъ находила себѣ удовлетвореніе въ той пріятной увѣренности, что мужикъ ни подъ какимъ видомъ уже не ввалится сюда къ нимъ. Зи-

мою они заходили къ Миронову погрѣться, лѣтомъ,—отдохнуть и прохладиться. Хозяинъ, конечно, былъ очень доволенъ, но сразу никакъ не могъ сообразить: «что за охота господамъ сидѣть у него въ кладовой?» и долго удивлялся странному барскому капризу.

— Я бы для вашей милости трактирчикъ открылъ... Хорошенькій трактирчикъ!—заикнулся, было, однажды Мироновъ. — А то, вѣдь, вамъ тутъ у меня ужъ очень неспособно-съ...

— И ни-ни! — отвѣтили ему. — Намъ и здѣсь хорошо... А откроешь трактиръ,—мы къ тебѣ ни ногой! Въ трактиръ, братъ, всякій лѣзетъ, не уймешь... А здѣсь-то мы, вѣдь, можемъ и того... въ шею! Понялъ?

Мироновъ понялъ, о трактирѣ съ тѣхъ поръ уже не заводилъ рѣчи, — и на полутемную, грязную кладовую и онъ, и всѣ его домашніе и всѣ приходившіе въ лавку смотрѣли съ почтеніемъ, какъ на самую великолѣпную залу въ мірѣ. «Заберутся въ чуланъ, да сидятъ тамъ на мѣшкахъ», замѣтилъ па ихъ счетъ одинъ острякъ. «Какъ точно заговорщики или какъ несчастные французскіе эмигранты—блаженной памяти,—скрывавшіеся отъ ярости народной»... Да они, пожалуй, въ нѣкоторомъ смыслѣ и дѣйствительно были заговорщики, только плохіе...

Когда Антоша вошелъ въ лавку, въ «заднемъ отдѣленіи» засѣдали тузы. Тутъ былъ г. Смольяниновъ—довольно тучный баринъ—владѣлецъ 3,000 десятинъ черноземной земли или 300,000 руб. сер.; съ нимъ же рядомъ на большомъ деревянномъ ящикѣ сидѣлъ г. Житовской, бывшій уѣздный предводитель дворянства, такъ же человѣкъ богатый и говорунъ не послѣдней руки. Эти два господина представляли собою живой контрастъ... Первый—съ изрядным брюшкомъ, пухлый, бѣлый, румяный блондинъ, съ смѣющимися глазами. Второй — высокій, худощавый, съ желтовато-смуглымъ лицомъ, съ темными, жесткими волосами, съ сердитымъ взглядомъ, съ желчною рѣчью...Противъ нихъ на ящикѣ — немного пониже—сидѣли становой и земскій врачъ, Щипаковъ. (Становой въ «заднемъ отдѣленіи» терпѣлся, какъ необходимое зло, а къ Щипакову были благосклонны потому, что онъ явно поддѣлывался къ «сильнымъ міра сего»), Антонъ Васильичъ издали раскланялся съ компаніей и, вставъ у прилавка, сталъ пить свою сельтерскую воду. А въ «заднемъ отдѣленіи» на ту пору шелъ очень оживленный разговоръ...

— Что ужъ будетъ дальше,—я и не знаю! Я, право, не понимаю: какъ это правительство допускаетъ... — важно, слегка въ носъ тянулъ Смольяниновъ, выпятивъ свое брюшко и засунувъ руки въ карманы штановъ.— Куда мы идемъ и куда же, наконецъ, мы зайдемъ... Завелся какой-то Шемякинъ судъ... Норовятъ все мужику на руку... А тамъ эти газетчики—прохвосты... Голоштанники...

— Нѣтъ-съ, господа! — съ жаромъ перебилъ Житовской, поднимаясь со своего ящика.—Я всегда говорилъ: свобода — дѣло хорошее, и хорошо, что освободили народъ... Я, господа, не крѣпостникъ! Вѣдь надо же признаться: чего-чего прежде-то у насъ не бывало? Мужа, напримѣръ, въ Сибирь, на поселенье, а жену — въ любовницы... Надо правду сказать: изъ нашего брата тоже всякіе бывали... Нѣтъ, нѣтъ, Григорій Потапычъ!— возвысилъ вдругъ голосъ Житовской, замѣтивъ со стороны Смольянинова поползновеніе перебить его.—Нѣтъ! Что хорошо, такъ хорошо! Крѣпостное право отжило свое время,—ну и Богъ съ нимъ! Но мировой судъ... мировой судъ—еще рано! — Нужно бы сначала мужика-то поучить, вывести изъ невѣжества, а ужъ потомъ мировыхъ садить... А крестьянскій самосудъ! Ну, что это за безобразіе! На что это похоже! Вѣдь, этакой судъ ни въ какомъ образованномъ государствѣ немыслимъ... Вѣдь, ихній «міръ» изъ бѣдняка радъ всѣ жилы вытянуть... И опять, замѣтьте: всякій, у кого три скирды хлѣба наберется, норовитъ ужъ попасть въ кулаки, въ торговцы, такъ ужъ зубы и точитъ... А кругомъ—бѣдность, раззоренье...

— А ужъ кражи, воровства—я вамъ скажу—страсть!—вмѣшался становой, заискивающе посматривая то на Смольянинова, то на Житовскаго.—Ужъ полицію-то укоротили слишкомъ... Захваченъ, примѣрно, воръ-грабитель, а ты его не смѣй и пальцемъ, нини! Ни Боже мой!.. Жди, покуда явится слѣдователь, а тамъ пойдутъ спросы, да допросы. Глядишь: воръ-то ужъ на свободѣ гуляетъ, да посмѣивается въ кулакъ... Да и слѣдователи тоже хороши,—одна только слава, что изъ университета... А ни бѣльмеса не смыслятъ-съ... (Смольяниновъ при этихъ словахъ милостиво улыбнулся). Право-съ!—еще пуще оживился послѣ того становой.—Вонъ, нашъ Ивашинцевъ по году дѣлъ не рѣшаетъ...

Заваленъ, говоритъ, работой... А ты тутъ бейся, можно сказать, какъ рыба объ ледъ... Тебѣ же и нахлобучка потомъ достанется — «за бездѣйствіе». А все оттого-съ, что руки нынче связаны. Эхъ, предоставьте-ка намъ управляться... Да я бы тутъ живо подтянулъ...

Становой выразительно повелъ плечами и крякнулъ. Собесѣдники, молча, кивнули ему головой.

— Вы говорите, Василій Иванычъ: бѣдность! — важно обратился Смольяниновъ къ Житовскому.—А отчего—эта бѣдность? Вы думаете: они работой обременены, что-ли? Развѣ ихъ подати раззоряютъ? Лѣнь, да пьянство, — вотъ гдѣ причина всего зла! Палки надъ ними нѣтъ...

— И грубость, дерзость—на каждомъ шагу! — заголосилъ Житовской, вдругъ входя въ пафосъ.—Да ужъ чего тутъ — дерзость! Хуже! Того и гляди, что окна выщелкаютъ, спалятъ, живымъ сожгутъ, перерѣжутъ... Вѣдь, имъ нынче слова не скажи... Гопору этого набрались: «Мы-ли — не мы-ли, дескать»... Одному недавно морду побилъ (изъза сволочи зашибъ еще руку!), а онъ: «драться не можешь!»... Ха! Каково вамъ покажется... И мошенники же продувные! Такъ и глядятъ, какъ бы только помѣщика надуть...

— А я, господа, признаться, съ ними славно управляюсь...—замѣтилъ Щипаковъ, уже второй годъ арендующій значительный клочекъ землицы.—Я съ ними, знаете, все больше лаской... И выгодно,—я вамъ скажу!

— Да коего чорта съ ними лаской подѣлаешь!—заревѣлъ Житовской.—Ихъ драть, бить надо, какъ скотовъ...

— Нѣтъ-съ, позвольте, Василій Иванычъ!—перебилъ его врачъ. — Я имъ, напримѣръ, иной разъ водочки поднесу. Тогодругого чайкомъ напоишь... Зимой деньжонокъ дашь имъ подъ работу... Вотъ они и идутъ! А при уплатѣ никогда въ убыткѣ не останешься! Это—вѣрно...

— Народъ глупъ. Это—точно!—заключилъ становой.

Антоша ни политическими, ни соціальными вопросами не занимался (мимо него шла эта чаша), а поэтому, выпивъ, не торопясь, сельтерской воды, выкуривъ папиросу и перемолвившись словечкомъ-другимъ съ Мироновымъ, онъ вышелъ изъ лавки и отправился домой. Антоша никакъ не могъ взять въ толкъ: «изъ-за чего горячатся эти господа». Ихъ постоянныя разсужденія о «лѣни» и «пьянствѣ» для Антоши были не новы, и онъ пропускалъ ихъ мимо ушей, какъ очень знакомую, но ни мало не забавную пѣсенку. Если бы у него спросили его мнѣніе объ этомъ предметѣ, онъ, вѣроятно, не задумавшись, согласился бы, что мужики «пьютъ здорово»—особенно въ праздникъ, а разсужденія о мужицкой лѣности назвалъ бы, просто, чепухой. «Самый прилежный изъ васъ—изъ баръ—навѣрно лѣнивѣе и безполезнѣе самаго лѣниваго мужиченки!» такъ, не мудрствуя лукаво, отвѣтилъ бы Антоша, соображаясь лишь съ тѣмъ, что постоянно, изо дня въ день, проходило передъ его глазами. Но въ настоящую минуту его занимали вовсе не эти вопросы.

Антонъ Васильичъ желалъ только одного: проходило бы скорѣе воскресенье. Если бы могъ, онъ даже поторопилъ бы время... «Закачусь завтра въ Замошье! Ухъ, ты—малина!» съ великимъ удовольствіемъ думалъ онъ про себя, и это удовольствіе ясно отражалось на его лицѣ, свѣтилось въ его глазахъ. Все послѣ-обѣда прошло въ томъ, что Антоша съ усердіемъ чистилъ свою двустволку, набивалъ патроны, мазалъ саломъ свои длинные охотничьи сапоги. Сборы на охоту были для него всегда любезнымъ дѣломъ, полнымъ прелестей и очарованій. Кромѣ того, въ тотъ вечеръ съ предстоящею охотой связывались для Антоши еще другого рода пріятности, заслонявшія собой даже прелести охотничьей забавы. Поэтому, понятно, что Антоша былъ въ духѣ, напѣвалъ сквозь зубы какую-то деревенскую пѣсенку, а за чаемъ толкомъ поговорилъ съ матерью о хозяйствѣ, чѣмъ старуха, повидимому, осталась чрезвычайно довольна.

— Завтра, мамаша, закачусь на весь день за утками... Раньше вечера не буду! — сказалъ онъ.

— Ну что-жь!—согласилась Авдотья Семеновна.—Съ Богомъ! Только, Антоша, Христа ради, осторожнѣе... Ужъ такъ я боюсь этихъ ружей! Много отъ нихъ всякихъ несчастій происходитъ...

— Чего же бояться! — успокаивалъ ее сынъ.—Вѣдь само же ружье не выстрѣлитъ...

— А все-таки боюсь!—упорствовала старушка.—У покойника-то и въ заводѣ этихъ ружей, да пистолетовъ не было... Не могу я привыкнуть къ нимъ...

Старуха, скрѣпя сердце, мирилась съ охот-

ничьей страстью своего сына, мирилась оттого главнымъ образомъ, что «всѣ бары охотятся... А, вѣдь, Антоша тоже — помѣщикъ. Какъ же ему не охотиться! Барская забава»...

VIII.

Замошье и его обитатели.

На слѣдующій день всходившее солнце застало Антона Васильича уже въ 12 верстахъ отъ Марьина. Крупной рысью ѣхалъ онъ на своихъ бѣговыхъ дрожкахъ съ ружьемъ за плечами. Дорога шла по правому берегу рѣки Моши, извивавшейся по этой степной сторонѣ самыми прихотливыми луками и изгибами. Берегъ былъ высокъ, крутъ, обрывистъ и съ него далеко можно видѣть всѣ окрестности. Вправо разстилалась степь, какъ скатерть, ровная, гладкая—вплоть до самаго горизонта. Налѣво, за Мошью низменный берегъ поросъ довольно густымъ лѣсомъ,—и теперь, въ ранній утренній часъ, отъ лѣса вѣяло глушью, зеленью, цвѣтами. Впереди, на правомъ же берегу виднѣлась неподалеко деревушка, со своими огородами, плетнями и соломенными, потемнѣвшими крышами, сползавшая по косогору почти къ самой рѣкѣ. Понукая лошадь, Антоша поминутно взглядывалъ на лѣсъ, тихо стоявшій теперь, весь залитый теплымъ, красноватымъ свѣтомъ всходившаго солнца и слегка затканный по опушкѣ сизоватымъ туманомъ. За этой легкою туманною дымкой, въ зелени этого лѣса живетъ его красавица, его любовь... И вотъ онъ смотритъ, всматривается въ зеленую, лиственную даль, словно надѣясь увидать тамъ изъ-за деревьевъ, знакомый ему, дорогой образъ. Но путь—конченъ. Заприпахивало гарью, дымкомъ, жильемъ; залаяли собаки...

Вотъ и Осиновка... Вблизи деревушка казалась еще менѣе, еще жалче, чѣмъ издали. Въ деревушкѣ насчитывалось 7 или 8 дворовъ, 8 убогихъ хатъ съ подслѣповатыми оконцами, почернѣвшихъ и покосившихся на бокъ въ разныя стороны. Но эти хатки, разбросанныя далеко одна отъ другой, широко расползлися по берегу со своими рябинами, вербами и густымъ вишеньемъ. Немного въ сторонѣ отъ деревни, на бугрѣ стояла высокая мельница—вѣтрянка, уже довольно старая, посѣрѣвшая отъ времени и тамъ и сямъ поросшая зеленовато-желтымъ мхомъ. Въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ нея, пониже, поближе къ берегу, подъ широко разметавшимися вербами пріютилась избушка съ небольшимъ дворомъ и съ огородомъ, обнесеннымъ плетнемъ. Эта избушка ближе всѣхъ своихъ сосѣдокъ спустилась къ рѣкѣ, такъ что весной нижнія вѣтви ея вербъ купаются въ водѣ. Вотъ къ этому-то жилью Антонъ Васильичъ и держалъ свой путь. Тутъ онъ, повидимому, былъ свой человѣкъ. Отворивъ настежъ скрипучія ворота, онъ ввелъ на дворъ свою лошадь и сталъ отпрягать ее.

—А тятьки-то нѣтъ! На мельницу ушелъ!—вдругъ послышался тоненькій голосокъ изъ огорода, и изъ отверстія плетня, посреди желтыхъ подсолнуховъ и разноцвѣтныхъ головокъ мака, показалось маленькое, загорѣлое личико, со вздернутымъ носикомъ.

— А, Курышъ! — весело крикнулъ Антоша.—Ты что тутъ дѣлаешь? Балуешь все?..

— Нѣтъ, не балую! Огурцы полю...—поддразнивающимъ тономъ возразила дѣвочка.

— Ладно, ежели такъ... А то я бы тебя крапивой!..

— А самого!..—выразительно-рѣзко крикнула Курышъ.

У Антоши въ то утро на душѣ было такъ хорошо, такъ легко и весело, что онъ готовъ былъ калякать съ дѣвочкой о всякихъ глупостяхъ, не прочь былъ на то утро и самъ обратиться въ малаго ребенка... Разнуздавъ лошадь и привязавъ ее къ колышку плетня, Антонъ Васильичъ, насвистывая, неторопливымъ шагомъ отправился на мельницу. Придя туда, онъ остановился внизу и оглянулся. Здѣсь было сумеречно и прохладно. На земляномъ полу у стѣны валялось нѣсколько пустыхъ мѣшковъ и стоялъ четверикъ съ рожью... Вверху что-то передвигали; слышались тяжелые шаги, скрипъ половицъ.

— Господи, благослови! — вдругъ раздалось вверху, и слышно было, какъ гдѣ-то близко надъ головой Антоши сыпалось—лилось зерно.

То мельникъ засыпалъ рожь для молотья. Въ ожиданіи, пока хозяинъ управится, Антоша, не желая мѣшать, усѣлся на порогѣ и закурилъ папиросу. Ждать ему пришлось не долго; хозяинъ скоро показался на лѣстницѣ.

— А-а, добро пожаловать, гость дорогой!—добродушно веселымъ тономъ заговорилъ мельникъ, привычной поступью спускаясь внизъ по узенькой, животрепещущей лѣсенкѣ.

Гость и хозяинъ дружелюбно пожали другъ другу руки... Илья Мосяговъ — иначе Илья

мельникъ—былъ мужикъ дюжій, лѣтъ подъ 40, съ умнымъ, загорѣлымъ лицомъ. Его свѣтлорусые, нечесанные волосы нависли надо лбомъ; веселые, блестящіе глазки освѣщали все его бородатое лицо. Теперь онъ былъ босъ, безъ шапки, въ бѣлыхъ портахъ и въ синей пестрядинной рубахѣ. Плеча и спина его были сильно забѣлены мукой.

— За утками пріѣхалъ къ вамъ!—заговорилъ Антонъ Васильичъ.

— Утка—въ юбкѣ, селезень—въ кафтанѣ... такъ, что-ли? — усмѣхнулся мельникъ, хлопнувъ Антошу по плечу.

— Ну, тебя тутъ съ прибаутками-то!—перебилъ его тотъ.—Дай-ка лучше лодочки на день.

— Лодочки? Можно!—согласился хозяинъ, почесываясь. — И утокъ же нонѣ, другъ, я тебѣ скажу: видимо-невидимо... Туча!

— Ну!?—тряхнувъ отъ восторга головой, вскричалъ Антоша.

— Ежели таперича ты поѣдешь отъ Мишухиной заводи вправо... Знашь, къ той кривулинѣ... тамъ мосточикъ-то прежде былъ!.. Ну такъ, братецъ ты мой, ты ихъ тамъ сотню перестрѣляешь. Вѣрно. Только ужъ чуръ! не зѣвай...

Сказалъ мельникъ и, видимо, любовался эффектомъ, произведеннымъ его словами на охотника. Да и какой охотникъ не дрогнулъ бы при подобной перспективѣ!

— Ну, ладно! Я сейчасъ же,—айда!—поднимаясь съ мѣста, сказалъ Антоша.

— Съ Богомъ, въ добрый часъ!—промолвилъ вслѣдъ ему мельникъ.

А Антонъ Васильичъ прямо прошелъ на берегъ и, спихнувъ на воду маленькую лодку одновеселку и усѣвшись въ ней поудобнѣе, на сколько было возможно, тихо поплылъ вверхъ по теченію. Хотя солнце еще не высоко поднялось надъ землей, но туманъ, застилавшій лѣвый, лѣсной берегъ, уже разсѣялся... И Замошье на ту пору являлось во всемъ своемъ цвѣтущемъ, ярко зеленомъ убранствѣ. Зеленоватыя тѣни отъ лѣса падали на воду. Въ лѣсу, по низамъ, еще лежали тѣни, а вершины деревъ между тѣмъ уже золотились на солнцѣ, рисуясь въ ясномъ небѣ легкими, воздушными силуэтами.

Рѣка Моша въ своемъ прихотливомъ теченіи образовала небольшой островъ (верстъ 7 въ длину и версты 2 или 3 въ ширину), весь изрѣзанный заливами и проливами, островъ до того низменный, что онъ въ иныхъ мѣстахъ лишь едва-едва поднимался надъ водою, весь былъ покрытъ кочками, полусгнившими, мшистыми пнями и колодами, весь поросъ лѣсомъ, кустарникомъ и густою, сочною, непролазною травой въ ростъ человѣческій. Этотъ островъ назывался Замошьемъ... Антоша направилъ лодочку въ одинъ изъ проливовъ, вившихся мудреными зигзагами, и тихо поплылъ по немъ. Надо было не спугнуть утокъ... Весло въ привычной рукѣ поднималось тихо, безъ шума, и тихо опускалось: не слышалось ни шелеста, ни плеска. Антоша плылъ по водѣ, покрытой мелкою, зеленой травкой и круглолистной кувшинкой. На водѣ тамъ и сямъ виднѣлись бѣлые и желтые цвѣты. Кругомъ деревья — всѣ въ зелени — стояли тихо, не шелохнувшись. Почва мѣстами была такъ низменна, что береговая черта совершенно сливалась съ водой, и иныя купы деревьевъ, казалось, прямо поднимались изъ воды. Шибко, до одури пахло лѣсною глушью, свѣжею зеленью, сыростью, цвѣтами... Вотъ эта-то зеленая глушь съ низкими берегами, съ богатой растительностью, съ цвѣтами кувшинки, повсюду плававшей поверхъ воды, съ густыми деревьями, нависшими надъ тихими, неподвижными водами—и было то самое Замошье, куда въ мечтахъ, во снѣ и наяву уже давно порывался Антонъ Васильичъ... Тутъ не было ни утесовъ, ни горъ, поражающихъ своимъ величіемъ, не открывалось необыкновенно живописныхъ лѣсныхъ видовъ, не было ничего рѣзкаго, выдающагося, ничего такого, что бы ошеломляло человѣка... Небольшой островокъ, очень низменный, ровный, заросшій лѣсомъ—и ничего болѣе. Очень простая, очень обыкновенная картинка... Но не смотря на свою простоту и заурядность, не смотря на отсутствіе горъ, стремнинъ и водопадовъ, Замошье выглядѣло какимъ-то совершенно особеннымъ, чудеснымъ уголкомъ земли, чарующимъ своей тишиной и успокоивающимъ человѣка, вступавшаго въ его пахучую, зеленую тѣнь. Признаюсь, я не могу хорошо передать всей прелести этого лѣсного уголка, хотя живо чувствую ее даже и теперь, когда пишу эти строки — далеко отъ нашего Замошья...

Антошѣ казалось, что всѣ его житейскія горести, всѣ непріятныя волненья, преслѣдовавшія его до тѣхъ поръ,—остались гдѣ-то тамъ, «въ мірѣ», далеко за предѣлами Замошья. Тихо, привольно было вокругъ него. Миръ и спокойствіе сходили ему на душу,—

слетали съ яснаго неба, съ этихъ нависшихъ деревьевъ, съ этихъ водяныхъ цвѣтовъ. Здѣсь Антоша чувствовалъ себя во сто кратъ лучше, чѣмъ гдѣ бы-то ни было, чѣмъ, напр., въ барковскомъ трактирѣ или у Ивана Афанасьича или въ свѣтелкѣ его дочери, вѣчно вздыхающей и поющей романсы. Въ то ясное, благодатное утро Антоша, казалось, сбросилъ съ плечъ всю ту нечисть и мерзость, что̀ давили, принижали его. Понятно: онъ теперь находился въ лѣсу, на охотѣ, а впереди его ожидало еще большее блаженство...

Въ одномъ мѣстѣ проливъ съуживался до того, что Антошѣ пришлось съ большимъ усиліемъ пропихнуть впередъ свою лодочку. Какъ осторожно ни управлялся онъ съ весломъ, прибрежная высокая трава и кустарникъ все-таки слегка зашуршали о край лодки, и въ то же мгновеніе посреди мертвой тишины явственно послышалось громкое, отчетливое: «Крякъ-крякъ»... Прямо противъ себя на кочкѣ, саженяхъ въ 20, Антоша увидалъ утку. Только-что успѣлъ онъ схватить ружье, какъ утка уже поднялась. Треснулъ выстрѣлъ и сухимъ звукомъ гулко прокатился далеко по лѣсу, разомъ сотнею отголосковъ наполнивъ его глубину. Утка грузно хлыснулась въ воду... Въ тотъ же моментъ, какъ бы въ отвѣтъ на выстрѣлъ, въ лѣсу, вокругъ Антоши поднялся страшный шумъ, подобный шуму бури или гулу прорвавшейся плотины. Антоша вздрогнулъ и въ недоумѣніи оглядѣлся по сторонамъ... Изъ травы, изъ-за кустовъ вокругъ него отовсюду поднимались громадныя, диковинныя стаи утокъ, съ стозвучнымъ, громкимъ кряканьемъ—и потянули въ даль. Антоша, весь дрожа отъ неожиданности и волненья, съ лихорадочною торопливостью и почти наобумъ выстрѣлилъ изъ другого ствола и далъ промахъ... Антонъ Васильичъ былъ такъ обезкураженъ и ошеломленъ, какъ никогда. Хотя онъ не мало охотился на своемъ вѣку, но ничего подобнаго ему еще видать не приходилось. Какъ стоялъ онъ въ лодкѣ на одномъ колѣнѣ съ ружьемъ въ рукахъ, такъ, казалось, и замеръ... Сердце его учащенно билось, (предоставляю, впрочемъ, охотникамъ воображать, какъ билось у него сердце). Наконецъ, Антоша опустилъ ружье на дно лодки, провелъ рукой по лицу и растерянно оглядѣлся по сторонамъ. Происшедшее сильно смахивало на сказку изъ «Тысячи и одной ночи» или на разсказъ изъ книжки: «Не любо—не слушай, лгать—не мѣшай»... «Ахъ, если бы я зналъ, что ихъ столько тутъ»... подумалъ Антоша. «Да если бы и зналъ, что̀ же бы сдѣлалъ?.. Ничего». Тутъ, дѣйствительно, надо было пріѣхать десятку вооруженныхъ людей... Антоша поднялъ убитую утку и поплылъ впередъ. Теперь ужъ, конечно, онъ не ожидалъ ничего. Всѣ утки спугнуты. Къ тому же и время теперь такое, что онѣ должны летѣть «на кормъ». Былъ часъ шестой утра...

Антонъ Васильичъ поплылъ далѣе. Проливъ все расширялся и расширялся и, наконецъ, образовалъ маленькое озеро. Здѣсь поверхъ воды зеленѣла все та же трава и тѣ же бѣлые и желтые цвѣточки плавали по водѣ. По всѣмъ направленіямъ эта зеленая водяная поверхность была испещрена тропинками, на которыхъ цвѣты и трава были помяты. Эти тропинки подѣланы утками, плавающими здѣсь на всемъ болотномъ раздольи, вдали отъ людского глаза. Антонъ Васильичъ держалъ къ берегу и пристalъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ, повидимому, уже не рѣдко приставала лодка, потому что прибрежная трава тамъ была помята и отъ того мѣста въ чащу лѣса вилась тропинка. Когда охотникъ уже выходилъ изъ лодки, изъ-за ближнихъ деревьевъ прозвучалъ пріятный, дѣвическій голосокъ.

— Полно палить-то! Опять старика у меня прогнѣвишь...

Антоша быстро обернулся... Тамъ, въ тѣни, подъ деревомъ стояла молодая крестьянская дѣвушка. Она, видно, очень скоро бѣжала и теперь, запыхавшись, тяжело дышала, прислонившись къ толстому стволу березы. Лицо ея разгорѣлось, высокая грудь замѣтно поднималась подъ бѣлой рубахой. Оттѣненные густыми и длинными рѣсницами темные глаза ея свѣтились, какъ угольки. Ея алыя губы, красиво и рѣзко очерченныя, полураскрылись. Бѣлымъ зубамъ ея позавидовала бы любая барыня... Темные волосы, ничѣмъ не покрытые, заплетенные въ одну толстую косу, низко спускались ей на спину. На ней — грубый нестрядинный сарафанъ, на ногахъ—сапоги... Отъ разгорѣвшагося лица ея, отъ высоко поднимавшейся груди, отъ ея полныхъ, загорѣлыхъ рукъ, обнаженныхъ по локоть, отъ всей ея красивой, стройной фигуры—такъ и вѣяло лѣсной свѣжестью, здоровьемъ, силой.

— Ты какъ это узнала, что я здѣсь, а?— обратился къ ней Антоша, привязывая лодку къ прибрежному пню и оглядываясь на дѣ-

вушку.—Али сердцу сердце вѣсть даетъ?—усмѣхнулся онъ.

— Да кому же, кромѣ тебя, палить здѣсь въ эту пору!—отвѣтила дѣвушка.—Пора теперь страдная, самъ знаешь... Всѣ наши охотнички теперь за работами...

— Такъ! Ну, здорово!—прислонивъ ружье къ березѣ, промолвилъ Антоша и, схвативъ дѣвушку въ объятья, сталъ цѣловать ее.

Онъ цѣловалъ ее крѣпко и долго: она страстно, задушевно возвращала ему поцѣлуи. Ея обнаженныя руки крѣпко обнимали его за шею. И видно было, что эта женщина вся и беззавѣтно отдавалась ему душой и тѣломъ... Зеленыя деревья — надъ ними, надъ ними зеленая, прохладная тѣнь, вокругъ нихъ по воздуху вѣтерокъ разноситъ запахъ травъ и цвѣтовъ, изъ-за зелени сквозитъ голубое небо, блеститъ золотой, солнечный лучъ, тамъ, вдали, синѣетъ вода, за водой опять зелень и цвѣты, цвѣты да зелень... Загорѣлое лицо дѣвушки отъ поцѣлуевъ пуще зарумянилось, а блестящіе глазки ея, словно, легкимъ туманомъ заволокло. Долго стояли они, обнявшись; какъ будто, имъ не хотѣлось рукъ отнимать другъ отъ друга... Наконецъ, дѣвушка отшатнулась. Антонъ Васильичъ перебросилъ черезъ плечо ружье, и они углубились въ лѣсъ.

— Давно же ты не былъ у насъ!—замѣтила дѣвушка, идя съ Антошей по узкой, едва проложенной тропинкѣ. — Я тебя еще въ то воскресенье ждала.

— Некогда было, Луша!—оттоваривался юноша.—Все дѣла мѣшали. Не то, такъ другое... Самому до смерти хотѣлось забраться къ вамъ.

— Ну, да! Дѣла! — передразнила его дѣвушка.—У васъ все такъ! Вѣдь, на Барковѣто, поди, веселѣе, чѣмъ у насъ, въ Замошьи! Что у насъ? Вонъ, лѣсъ, да болото...

Хитрая, веселая усмѣшечка промелькнула на губахъ Луши.

— Да, лѣсъ!—перебилъ Антоша. — А въ лѣсу живетъ колдунья.

— Это—кто же?

— А ты—моя колдунья!

И опять на ходу — поцѣлуй, другой-третій...

— Да ну-тебя! Иди же!—замѣтила Луша, шутливо, любовно ударяя его по плечу.—Самъ, поди, проголодался, а туда же—лясы точить!...

Нѣсколько времени шли очень степенно.

— Старикъ дома?—спросилъ Антонъ Васильичъ.

— Нѣту! За вѣниками ушелъ...

— А чѣмъ же ты меня станешь потчивать?—спросилъ опять Антоша, немного погодя.

— Да чѣмъ!..—запнулась на минуту Луша.—Хочешь меду съ хлѣбомъ? Для тебя нарочно свѣженькаго выну...

— Ладно!

И опять—чмокъ...

IX.

Счастливый день.

Тропинка прямо привела къ избушкѣ—такой крохотной и старенькой, что ее можно было принять именно за ту избушку на курьихъ ножкахъ, въ какой живали сказочныя Бабы-Яги. Избушка покосилась на бокъ, соломенная стреха ея порастрепалась и сильно потемнѣла отъ бурь и непогодъ. На верху крыши, вмѣсто трубы, былъ поставленъ вопрокидку какой-то закоптѣлый, черный ящикъ безъ дна. Маленькое оконце на ту пору стояло безъ рамы. Нѣсколько ласточкиныхъ гнѣздъ виднѣлось изъ-подъ стрехи... Отъ избушки шелъ довольно частый плетень, а въ немъ—рядомъ съ избой—была продѣлана калиточка. Дѣвушка, въ сопровожденіи охотника, вошла въ эту калиточку,—и они очутились на пчельникѣ. Тамъ и сямъ стояло колодъ сорокъ или болѣе, огороженныхъ со всѣхъ четырехъ сторонъ низенькимъ плетнемъ. Мѣсто было покатое. Избушка и ульи большею частью стояли на бугрѣ, а отъ избушки почва, все болѣе и болѣе понижаясь, склонялась къ заливу. Сотни заливовъ, какъ уже сказано, врѣзывались повсюду въ Замошьевскій островъ... Человѣкъ не очень низкаго роста могъ легко видѣть, какъ изъза деревьевъ блестѣла вода, а на ней плавала кувшинка. Неподалеко отъ прибрежнаго плетня былъ устроенъ временной, лѣтній очагъ,—вырыта ямка, надъ ямкой поставлены козелки. Зола и уголья покрывали дно ямки. Козелки достаточно почернѣли отъ огня и дыма. Вдоль плетня и надъ ульями вразбросъ, тамъ и сямъ, возвышались прекрасныя, густолиственныя деревья. На самую крышу избушки старая береза бросила свои кужлявыя, свѣтлозеленыя вѣтви.

— Поѣшь въ сѣнцахъ, али въ избу пойдешь?—спросила дѣвушка.

— Пойдемъ ужъ лучше въ избу! — съ улыбкой «себѣ на умѣ» промолвилъ Антонъ Васильичъ и, согнувшись въ три погибели, вступилъ въ хату.

— Луша! Зеркальце у тебя есть? — спросилъ онъ, садясь на лавку у окна.

— Зеркальце!—въ недоумѣніи протянула Луша.—Отъ роду не бывало. А для чего тебѣ?

— Мнѣ-то не надо! — отозвался онъ съ усмѣшкой.—А я слыхалъ, что дѣвушки любятъ въ зеркальце-то смотрѣться... Вотъ я взялъ, да и купилъ тебѣ... На!

И Антоша подалъ ей складное зеркальце въ жестяной оправѣ. Луша съ изумленіемъ посмотрѣла на зеркальце, взяла его и открыла.

— А и въ самомъ дѣлѣ!—вскричала она, очевидно чувствуя себя не въ состояніи скрыть свой восторгъ.

— Теперь поставь ты это зеркальце сюда...—сказалъ юноша, указывая ей на подоконникъ—Вотъ такъ!.. Садись теперь! Вотъ повяжу я тебѣ ленту, а ты смотрись въ зеркало... Видишь?

Онъ развернулъ широкую пунцовую ленту и, какъ умѣлъ, началъ повязывать ей на голову. Пунцовая лента шла къ ея темнымъ, смолянымъ волосамъ... Вообще, въ ту минуту на полуосвѣщенномъ фонѣ бревенчатой, закоптѣлой стѣны эти молодые люди представляли собой очень милую, характерную картинку.

— Хорошо?—спрашивалъ Антонъ Васильичъ.

— Хорошо!—отзывалась Луша.—Ты меня точно барышню наряжаешь... Ну, теперь...

И дѣвушка, не договоривъ, начала весело повертываться передъ маленькимъ зеркальцемъ, смотрясь въ него то прямо, то въ профиль. Луша повязывала себѣ на голову ленточку такъ и сякъ, надѣвала ее на шею и громко смѣялась. Она вовсе и не думала скрывать того, какъ она рада этимъ подаркамъ, какъ ей весело, пріятно смотрѣться на себя въ зеркало... Потомъ Антоша подалъ ей бѣлый платочекъ съ прехорошенькими розовыми цвѣточками по краямъ. Луша была въ восторгѣ...

— Что же это я!.. И забыла меду-то тебѣ принести...—вдругъ спохватилась она, вскакивая съ лавки.—Сиди же тутъ, не подсматривай! Знаешь: старикъ не любитъ...

— Ладно! Знаю, знаю!—отозвался Антонъ Васильичъ.

Дѣвушка скрылась. По мнѣнію отца ея, никогда не должно вынимать медъ изъ ульевъ при посторонникъ. «Вынимай такъ, чтобы никто не видалъ. А ежели увидятъ, пчелка водиться не будетъ!» говаривалъ старикъ. И дѣвушка вѣрила ему... Пока Луша возилась около улья, молодой человѣкъ закурилъ папиросу и прилегъ на лавку. Знакома ему эта изба: низенькій столъ, вдоль стѣны на веревочкахъ связки сухихъ травъ, дырявый коробъ съ угольями, потемнѣвшая икона въ переднемъ углу. «Что такое изображено на ней?» задумался Антоша. Потомъ глаза его перебѣжали на оконце, въ которое ничего не было видно ни вблизи, ни вдали, кромѣ зелени. Солнечный свѣтъ черезъ него полосой падалъ на щелеватый полъ... Скоро возвратилась и хозяйка съ большой чашкой славнаго, ароматнаго меда. Придвинувъ къ Антошѣ колченогій столъ, поставивъ на него медъ и положивъ краюху чернаго хлѣба, Луша усѣлась рядомъ съ гостемъ.

— Кушай! Кушай на здоровье! — ласково говорила она, подвигая къ нему чашку.— Медъ хорошій, вкусный...

Антоша любилъ медъ со ржанымъ хлѣбомъ и теперь ѣлъ его съ большимъ аппетитомъ. Луша съ любовью смотрѣла на него... Потомъ она опять взяла ленту, платочекъ и зеркальце, положила ихъ себѣ на колѣна и вдругъ понурилась. Глаза задумчиво остановились на подаркахъ, пальцы машинально перебирали пунцовую ленту.

— Луша! Ты чего такъ опустилась? —спросилъ ее Антоша, подмѣтивъ печальное выраженіе въ ея лицѣ, еще за минуту оживленномъ и сіяющемъ.

— Ничего!..—промолвила дѣвушка, поднимая голову и съ какимъ-то робкимъ, словно умоляющимъ видомъ смотря на него глазами, полными слезъ.

— Да что же это? О чемъ ты?—спрашивалъ ее Антоша, придвигаясь къ ней и кладя руку ей на плечо.

— Антонъ Васильичъ! Для чего ты эти подарки мнѣ даришь...—отрывисто, сквозь слезы, заговорила Луша.—Что они мнѣ! Хоть бы ихъ и не было...

— Ахъ ты, глупенькая!—перебилъ ее Антонъ Васильичъ...—И съ чего ты это въ голову забираешь... Вѣдь, я же знаю, что ты и безъ подарковъ любишь меня! Такая ужъ наша доля съ тобой!..

— Да! такая, знать, наша доля!—серьезно, задумчиво промолвила шопотомъ Луша.

— Но отчего... отчего же, соколикъ ты мой ясный?—вдругъ съ жаромъ вполголоса начала она, опуская къ нему на грудь свою голову.—Отчего мнѣ иной разъ бываетъ таково тоскливо сидѣть съ тобой? Отчего это?—я и сама не распознаю...

И чувствовалъ Антоша, какъ теплыя слезы падали изъ глазъ Луши ему на руку, на грудь. Жутко ему стало отъ этихъ слезъ...Онъ подумалъ: «Ужъ не дошли-ли до нея какіе-нибудь слухи на счетъ того, что Иванъ Афанасьевъ за меня дочь свою прочитъ?»

— Ужъ не сплетни-ли какія-нибудь распускаютъ про меня?—рѣшился спросить онъ Лушу.

— Нѣтъ, ничего я не слыхала! Какія сплетни!?—полувопросительно, разсѣянно возразила она, взглядывая на него.

— Да мало-ли что̀ выдумываютъ наши деревенскіе дурни...—пробормоталъ Антоша.—Такъ о чемъ же ты тоскуешь? Ну, скажи же мнѣ!—приступалъ онъ къ Лушѣ, ласково гладя ее по головѣ.

— Да что я тебѣ скажу!.. и сама не знаю... А такъ, вотъ, иной разъ вдругъ тяжело станетъ на сердцѣ, просто—смерть!—говорила Луша. — Думается тоже: вдругъ ты уѣдешь куда-нибудь далеко, а либо что̀... Что со мной въ ту пору...

Голосъ оборвался. Луша не кончила, но, вмѣсто словъ, кончилъ ея взглядъ, полный жгучей тоски, взглядъ, устремленный на него съ тѣмъ настойчивымъ, смутнымъ выраженіемъ, съ какимъ смотрятъ въ послѣдній разъ на уѣзжающаго навсегда друга или на дорогого покойника, готоваго уже скрыться въ могильной тьмѣ. Антоша, очевидно, почувствовалъ на себѣ этотъ взглядъ и понялъ смыслъ его...

— Что ты такъ на меня смотришь... точно въ гробъ кладешь? — замѣтилъ онъ, напрасно стараясь улыбнуться повеселѣе.

Улыбки не вышло; вмѣсто нея, появилась какая-то странная, натянутая гримаса.

— И съ чего ты этакую дурь себѣ забрала? Съ чего? Скажи, пожалуста! — проговорилъ Антонъ Васильичъ, растерянно смотря на плачущую дѣвушку.

Та смахнула слезу и, повидимому, старалась успокоиться.

— Нѣтъ, Антоша! Не то я говорю... совсѣмъ не то! Не слушай ты меня, Христа ради!—опять волнуясь, начала она, немного погодя.—Я, вѣдь, тебя не держу... Не вѣкъ же тебѣ со мной возжаться! Не хочу тебя путать... У тебя—своя линія, у насъ—другая... Только вотъ что я у тебя попрошу... Слышь? Побожись, что послушаешься меня... Антоша! голубчикъ! — вдругъ вырвалось у нея, словно, прямо отъ сердца...

Въ эту минуту со двора раздался дрожащій, старческій голосъ:

— Луша! Гдѣ ты? Подь-ка сюда!

— Отецъ! — прошептала дѣвушка и мигомъ скрылась изъ избы.

Вскорѣ послѣ того въ избу вошелъ старикъ—высокій и сѣдой, какъ лунь.

— А-а, гостенекъ! Здорово!—прошамкалъ онъ.—Ну, ужъ и напустилъ же ты опять своего табачища... Фу! Какъ вы только не задохнитесь! Право!..—отмахиваясь отъ дыма, проговорилъ старикъ и, сунувъ топоръ подъ лавку, подсѣлъ къ Антошѣ.

— Какъ живешь-можешь, дѣдушка? — спросилъ тотъ.

— Плохо, дитятко, живу! — отвѣтилъ дѣдъ. — Одышка что-то все мучитъ нонѣ. Вотъ, походишь немного, попаклоняешься— и бѣда! Поясницу ломитъ—страсть!—и старикъ, выпрямившись, потеръ себѣ спину.— Ну, а ты много-ли у меня сегодня уточекъ загубилъ?

— Немного дѣдушка!—отозвался Антоша.—Только одну...

— Будетъ съ тебя!—проворчалъ дѣдъ.— Завидущіе твои глаза!.. Тебѣ бы, не бойсь, охота всѣхъ перестрѣлять!

Старикъ былъ немного глухъ, а потому Антошѣ приходилось говорить съ нимъ громче обыкновеннаго... Этотъ пасечникъ выглядѣлъ совершеннымъ патріархомъ. Сивая борода его спускалась чуть не до пояса. Большой, загорѣлый, весь морщиноватый лобъ его оттѣнялся прядями серебристыхъ волосъ. Его сѣрые, потускнѣвшіе глаза были кротки, незлобивы. Онъ высокъ и худощавъ, но на ходьбѣ держится еще довольно прямо, осанисто. Почтенный старикъ... На немъ—бѣлая, холщевая рубаха, низко подпоясанная, холщевыя порты, на ногахъ — самодѣльные ланти и онучи, перевитыя веревочкой.

— Ну, что у васъ тамъ новенькаго? — спрашивалъ онъ гостя.

Тотъ началъ передавать ему кое-какія болѣе занимательныя новости изъ барковской жизни. Старикъ слушалъ его невозмутимо, внимательно.

— Мы съ Лушкой здѣсь, ровно, въ мона-

стырѣ живемъ... — замѣтилъ онъ съ улыбкой.—Право слово! Ничего-то мы не знаемъ, что̀ въ мірѣ дѣлается. Ничего-то не слышимъ—не видимъ, кромѣ пчелокъ, да лѣсу, да лѣсной птицы...

Когда гость разсказывалъчто-нибудь смѣшное, весслое,—тогда наивная улыбочка скользила по губамъ старика. Когда же разсказъ впадалъ въ грустный тонъ, старикъ становился серьезенъ, сумраченъ. Видно было, что человѣкъ живо отзывался на все и все принималъ къ сердцу—прямо, непосредственно. Но участіе его не походило на участіе актера, лица дѣйствующаго; всему, происходившему въ мірѣ, онъ сочувствовалъ, какъ зритель...

— Пойду, прилягу, отдохну малость! — сказалъ онъ, когда Антоша кончилъ свои розсказни,—и поплелся на дворъ, гдѣ въ тѣни подъ березами, было устроено его ложе изъ сухихъ листьевъ и соломы.

— Приходи же къ заводи! — сказалъ вполголоса Лушѣ Антонъ Васильичъ, опять отправляясь на охоту.

Та, молча, кивнула ему головой. «Да! Она придетъ къ заводи»...

Антоша стрѣлялъ на этотъ разъ какъ-то невпопадъ, зря: съ пяти выстрѣловъ убилъ только одного какого-то несчастнаго чирка и [illegible]лъ чибиза, да и тотъ куда-то пропалъ. [illegible]дивъ по трясинамъ, поплававъ по [illegible]мъ, Антоша снова вышелъ на берегъ и остановился у знакомой заводи. Опершись о ружье, стоялъ онъ тутъ, въ тѣни березъ и ольхъ, и нетерпѣливо смотрѣлъ въ зеленѣющую даль: не видать-ли тамъ темнорусой головки?.. Наконецъ-то! Вотъ показалась и она... Неподалеко отъ заводи былъ маленькій лужокъ, поросшій роскошною травою и весь, словно, нарочно усѣянный цвѣтами. Это былъ ихъ любимый уголокъ, ихъ рай. Они сидѣли, обнявшись, отуманенные, въ полпьяна отъ жгучихъ, любовныхъ ощущеній... Антоша мелькомъ увидалъ изъ-за ея распахнувшейся рубахи часть бѣлой груди и прильнулъ къ ней губами... Молча, съ спокойной, блаженной улыбкой смотрѣла на него Луша. Она была счастлива тѣмъ, что въ тѣ мгновенья могла дѣлать его счастливымъ. Антоша хотѣлъ цѣловать ее, хотѣлъ любоваться ею. Она тоже хотѣла, чтобы онъ цѣловалъ ее... Никакихъ грязныхъ помысловъ не копошилось въ ея головѣ. Луша, съ такою наивною радостью дававшая цѣловать свою грудь, была живымъ идеаломъ нравственной чистоты и цѣломудрія въ сравненіи съ тѣми женщинами, которыя съ голыми плечами и съ полуобнаженною грудью являются въ обществѣ. Лушу, эту деревенскую дѣвушку-дикарку, ни за что въ мірѣ не заставили бы явиться «при людяхъ» въ такомъ бальномъ костюмѣ. Для любимаго же человѣка—все... да! «любимому», по любви, но не изъ-за денежныхъ расчетовъ, не изъ-за связей и тому подобныхъ побужденій, неимѣющихъ ничего общаго съ естественною потребностью любви...

— О чемъ же ты просить меня хотѣла, да не договорила... Помнишь, какъ отецъ-то пришелъ?..—спросилъ Антоша, очнувшись отъ любовныхъ сновъ, грезившихся ему на яву.

— А вотъ о чемъ... Только ты не сердись! Не осердишься? — настойчиво спрашивала Луша, склоняя ему на плечо свое разгорѣвшееся личико.

— Ну, не осержусь! Говори!—съ улыбкой успокоивалъ ее Антоша.

— Я ужъ давно собиралась сказать тебѣ...—продолжала дѣвушка.—Ежели ты другую полюбишь, вздумаешь жениться, скажи тогда мнѣ прямо... не обманывай, не мучь меня! Антоша, голубчикъ! Скажешь, а?.. Я вѣдь тебя люблю до-смерти!.. Самъ знаешь...

— Ахъ, какая ты, Луша, право... Да на кого же я тебя промѣняю!—сказалъ Антоша, наклоняясь и цѣлуя ее въ глаза, въ лобъ.—Да ужъ, въ самомъ дѣлѣ, не врутъ-ли про меня что-нибудь? Чего ты это вздумала?..

— Нѣтъ! Я ничего не слыхала,—грѣшить не хочу! А ты мнѣ только скажи: обманывать не станешь?—приступала къ нему Луша.

— Ну да, ладно, ладно!..

И опять поцѣлуи горячіе и долгіе, долгіе. Луша, успокоенная, счастливая, молча, лежала въ его объятіяхъ... Какая-то лѣсная птичка въ чащѣ орѣшника заводила свою вечернюю, прощальную пѣснь. Сырой зеленью, свѣжестью чувствительнѣе повѣяло въ воздухѣ. Сильнѣе запахли лѣсные цвѣты. Солнце краснымъ, пылающимъ шаромъ закатывалось за зеленыя, лѣсныя вершины. Подъ деревьями ложились тѣни. Небо, сквозившее между листвой, изъ голубаго обращалось въ синее...

— Пора!—сказалъ Антоша, и пошли на пчельникъ.

Старика еще не было дома, видно, въ лѣсу запоздалъ. Луша живо развела огонь, скипятила воду и заварила чай. Чайникъ былъ съ отбитымъ носикомъ, вмѣсто стакановъ или чашекъ служили простыя глиняныя кружки,

но молодые люди, съ великимъ наслажденьемъ, попивали чай съ пахучимъ сотовымъ медомъ. Изрядный кусокъ этого прекраснаго, золотистаго меда лежалъ тутъ же въ деревянной чашкѣ... Возвратился старикъ и тоже присѣлъ попить чайку или—вѣрнѣе—кипятку изъ чайника. Онъ былъ, очевидно, чрезвычайно доволенъ тѣмъ, что охотникъ остался только съ двумя утками—и добродушно посмѣивался, подувая на свое блюдце.

— Погулялъ, попалилъ—и ладно!—разсуждалъ старикъ.—А то, что хорошаго—живую тварь изводить ни за что—ни про что!

— И людей, дѣдушка, изводятъ, а не только, что птицъ, да звѣрей!—съ усмѣшкой замѣтилъ ему Антонъ Васильичъ.

— Кто же это изводитъ?—уставился на него дѣдъ своими тусклыми очами.

— Да мало ли «кто»! — возразилъ молодой человѣкъ.—Люди людей изводятъ... Вонъ, напримѣръ, на войнѣ... Да и безъ войны мало ли всякихъ убійствъ на свѣтѣ!

— Великій грѣхъ!—шамкалъ старикъ, покачивая своею сѣдой головой. — Скажемъ такъ: коли на тебя напали — обороняйся! А ежели кто самъ начнетъ, тотъ — все равно, что горячее угольe на свою голову собираетъ. Такъ, дитятко. Вѣрно!

Поговоривъ еще немного на эту тему, старикъ позѣвнулъ и сталъ креститься. Видно было, что онъ за день порядочно уморился, и дряхлое тѣло его просило отдыха... Антонъ Васильичъ распростился съ хозяевами, поблагодарилъ ихъ за угощенье и отправился во свояси, напутствуемый въ слѣдъ ласковыми словами дѣда: «Напредки жалуй къ намъ!»

Антоша оставилъ Лушу со старикомъ, но вышло какъ-то такъ, что когда Антоша уже входилъ въ лодку, изъ-за деревьевъ на берегу показалась, словно изъ земли выросла, Луша.

— Пріѣзжай же скорѣе!—говорила дѣвушка.—А ужъ я ждать тебя буду...

— А плакать не станешь?—спросилъ Антоша, берясь за весло и смотря на дѣвушку.—Если опять станешь этакъ говорить, долго-долго не пріѣду...

— Не стану!—подхватила та.—Весь день буду смѣяться... буду веселая!

— Коли такъ,—ладно!—согласился Антоша.—А не хочешь-ли со мной на Барково ѣхать, а?

— На Барково...—протянула Луша.—Нѣтъ... боюсь. У васъ тамъ много всякаго народу... Пожалуй, еще обидятъ. А у насъ-то здѣсь тихо, хорошо, живемъ въ сторонѣ! Кромѣ тебя, никто, почитай, къ намъ и не забродитъ...

Еще разъ поцѣловались,—и этимъ поцѣлуемъ кончился для нихъ счастливый денекъ. По сравненію съ другими днями, этотъ день, дѣйствительно, они могли назвать счастливымъ. Правда, Луша немного всплакнула... но то было не ненастье, не буря, но свѣжій весенній дождичекъ съ солнцемъ и тепломъ. Весло тихо опустилось, лодка двинулась и пошла по водѣ, подернутой зеленью. Безмолвно было кругомъ... Солнце уже закатилось. Розовый отсвѣтъ зари лежалъ на землѣ. Антоша еще разъ оглянулся и кивнулъ головой. А тамъ, на берегу, облитая розовымъ свѣтомъ зари, все еще стояла Луша, прислонясь къ бѣлоствolой березѣ, и задумчивымъ, пристальнымъ взглядомъ провожала охотника, уплывавшаго отъ нея въ даль, уже подернутую синими вечерними тѣнями...

X.

О томъ, какъ жили старый да малый.

Парменъ Роговъ родился и прожилъ всю свою жизнь въ Осиновкѣ. Лѣтъ 12 тому назадъ, онъ похоронилъ жену и остался одинъ съ маленькой Лушей. По своей старческой немощи онъ былъ уже не въ силахъ возиться съ землей, поклонился «міру»,—и «міръ» освободилъ его отъ его участка. Прокармливался Парменъ кое-какъ огородничествомъ, да своими пчелками. Онъ снималъ у общины за полтора ведра водки въ лѣто клочекъ земли въ Замошьи; тамъ, въ хаткѣ, смастеренной на живую руку, и жилъ онъ съ Лушей все лѣто съ ранней весны до поздней осени. Луша помогала отцу, да кромѣ того еще засѣвала льномъ два загона, которые уступалъ ей задешево дядя Онисимъ изъ своей полосы. Осенью Луша возилась со льномъ, зимою,—когда съ отцомъ перебирались они въ Осиновку,—Луша пряла, ткала, шила, и, такимъ образомъ, своей немудрой тканиной одѣвала себя и старика.

Въ околоткѣ всѣ любили Пармена за его добродушіе, за его тихій, смиренный нравъ. И подлинно: Парменъ на своемъ вѣку, кажется, мухи не убилъ. Всѣ, близко знавшіе Пармена, почитали его за праведнаго старика. Онъ никогда не ругался, не разводилъ пустыхъ рѣчей, говорилъ дѣло, всегда былъ кро-

токъ, жалостливъ, а самъ ни на что не жаловался — ни на старость, ни на нужное житье свое, ни на близкихъ. Многимъ Парменъ казался какимъ-то страннымъ, чуднымъ... Такъ, напримѣръ, старикъ совсѣмъ не ѣлъ мяса и прямо говорилъ, что человѣкъ не долженъ ѣсть никакой живой твари, что для ѣды за глаза довольно хлѣба, овощей, всякихъ плодовъ, ягодъ и травъ. Старикъ шибко недолюбливалъ охотничковъ и около своего пчельника положительно не давалъ стрѣлять. Такъ ужъ и въ околоткѣ всѣ знали, что дѣдушка Парменъ у пчельника стрѣлять не даетъ...

— Ужъ коли руки больно чешутся, да крови неповинной полакать охота, такъ уходи подальше съ глазъ долой... А здѣсь не пали!—говаривалъ онъ не разъ Антошѣ, пока тотъ не познакомился покороче со взглядами старика на счетъ охоты.

Самъ же старикъ, конечно, питался только хлѣбомъ и овощами. Къ такой же пищѣ пріучилъ онъ съ малыхъ лѣтъ и Лушу. Мясо ей было противно. Впрочемъ, повидимому, растительная пища шла Лушѣ впрокъ, ибо она цвѣла на диво и передъ любой женщиной могла похвастаться силой и здоровьемъ.

Парменъ Роговъ былъ уменъ, немного грамотенъ и свѣдущъ въ письмѣ. Онъ много думалъ и любилъ думать, но думы свои рѣдко высказывалъ. Сама жизнь—уединенная, среди природы—учила его думать и уходить въ себя. Онъ любилъ покойницу-жену, любилъ сына, умершаго на работахъ при желѣзной дорогѣ,—и теперь, въ послѣдніе годы, всю любовь задушевную, всю свою привязанность перенесъ на Лушу. Старикъ казался человѣкомъ нелюдимымъ, молчаливымъ, строгимъ. Такъ точно и Лушѣ онъ не выказывалъ своей любви,—не умѣлъ, не могъ выказывать ее ласками и нѣжными словами. Но дѣвушка и безъ ласки и безъ нѣжностей знала или—вѣрнѣе—чувствовала, что старикъ любитъ ее крѣпко, «до смерти». Парменъ почиталъ свою дочь красавицей, краше которой не было дѣвки на свѣтѣ, считалъ умницей и видѣлъ въ ней свѣтъ и радость своей догорающей жизни. Но никогда ни въ какія признанія онъ не ударялся...

— Эхъ, ты, моя дурочка!—скажетъ онъ, бывало.

Въ такихъ-то простыхъ, грубыхъ словахъ высказывалась вся его ласка.

Въ Парменѣ было много дѣтскаго, много такого, что развивается въ человѣкѣ, живущемъ въ уединеніи и живущемъ въ мирѣ со своею совѣстью и съ ближними. Парменъ любилъ и могъ любить много; онъ любилъ всякую живую тварь, любилъ своихъ пчелокъ, любилъ людей, злыхъ жалѣлъ, но ненависти не питалъ къ нимъ,—жалѣлъ такъ же, какъ и всякаго несчастнаго... Его можно было назвать «святымъ». Вѣдь, какъ извѣстно, одни изъ святыхъ людей вели дѣятельную, ожесточенную борьбу съ міромъ и съ дьяволомъ, а другіе уходили отъ міра въ пустыню, никого не сокрушали и сами не поддавались. Вотъ къ такимъ-то людямъ и можно было отнести дѣдушку Пармена...

Живя постоянно со старикомъ и только съ нимъ вдвоемъ, Луша неминуемо должна была прислушиваться къ его рѣчамъ, приглядываться къ его жизни. Поэтому Луша, до нѣкоторой степени, неминуемо должна была повторять собой старика. И, дѣйствительно, многимъ она позаимствовалась отъ отца. Луша была молчалива, сдержанна и такъ же, какъ онъ, любила уходить въ себя. По своей кротости и добродушію, она—какъ двѣ капли воды—походила на отца. Но что въ старикѣ можно было счесть естественнымъ, то въ молодомъ существѣ казалось страннымъ... Зимой, напримѣръ, она не ходила на посидѣлки, лѣтомъ не плясала съ дѣвушками, не играла съ молодцами, не пѣла пѣсенъ на деревенской улицѣ по праздничнымъ вечерамъ, наряжаться не любила и знать-не знала ни румянъ, ни бѣлилъ.

— Дѣвка степенная! Вся—въ отца!—толковали про нее на деревнѣ.

Прямо сказать: Луша выглядѣла монашенкой — только въ простомъ крестьянскомъ платьѣ, вмѣсто чернаго одѣянья. Впрочемъ, ея дѣвическая жизнь была строже и чище любой монашеской жизни... Пѣсни она пѣла какія-то свои, особенныя, тихія, — и Богъ вѣсть гдѣ она брала ихъ, — и пѣла она ихъ не громко, уныло, забравшись, бывало, куда-нибудь въ зеленую чащу или усѣвшись на пустынномъ берегу Моши. Такъ и выходило, что отецъ съ дочерью прекрасно дополняли другъ друга.

— Посмотри-ка, дочка, какъ пчела-то работаетъ!—скажетъ, бывало, дѣдка, указывая на пчелъ, съ громкимъ жужжаньемъ летающихъ надъ вѣтвями цвѣтущей липы.

И дочь также съ удовольствіемъ смотритъ на пчелокъ, слѣдитъ за ихъ полетомъ.

— Батя! А хорошо у насъ въ лѣсу! Право!—скажетъ она иной разъ въ порывѣ восторга, озираясь кругомъ на небо, на зелень, на тихую воду, покрытую плавающею кувшинкой...

— Благодать!—поддакиваетъ старикъ.

Такъ и жили они мирно, складно и ладно, ничѣмъ не печаля одинъ другого, ничего не утаивая, не скрывая другъ отъ друга. Только съ годъ тому назадъ между старымъ и малымъ завелась тайна...

Эта тайна началась съ вечера одного знойнаго, удушливаго іюльскаго дня. Солнце на ту пору краснымъ, огненнымъ шаромъ уже спускалось низко къ западу. На ясномъ, безоблачномъ небѣ лежалъ какой-то сѣроватый, свинцовый оттѣнокъ. Вѣтерокъ не подувалъ, не рябилась вода. Вода, словно, уснула, уснули склонившіеся надъ нею камыши, какъ будто утомленные жаромъ и духотой, уснули деревья, неподвижно стоявшія купами и въ одиночку надъ замошьинскими болотами, уснули кувшинки, безпомощно распластавъ по водѣ свои бѣлые лепестки и блестящіе, глянцовитые листья, уснули, казалось, и птички въ кустахъ... Истома и нѣга—надъ Замошьемъ... Въ тѣ минуты Луша, идя по воду, повстрѣчалась съ охотникомъ. Тропинка была узенькая, вся позавѣшенная вѣтвями деревъ... Тутъ были свѣтъ и тѣни, запахъ зелени и цвѣтовъ... Охотникъ хотѣлъ посторониться, но, заглядѣвшись на Лушу, вдругъ оступился одной ногой въ топь.

— Зачѣмъ туда лѣзешь! Утопнешь, вѣдь!—крикнула она охотнику и, испуганно, торопливо схвативъ его за руку, съ силой дернула его на тропинку.

— Здѣсь-то утопнешь?—со смѣхомъ возразилъ тотъ, указывая ружьемъ на трясину.

— Ты, видно, не здѣшній... не знаешь, какая тутъ топь бездонная... Оборони Богъ! Шагнешь,—не вылѣзешь, съ головой затянетъ...—проговорила дѣвушка.

— Вотъ еще какъ! Не зналъ... Ну, спасибо, красавица!—ласково молвилъ охотникъ и ласково поглядѣлъ ей вслѣдъ.

Охотникъ былъ Антоша Сучковатовъ. Встрѣтился онъ съ дѣвушкой разъ—другой, а затѣмъ уже, какъ бы на перепутье, явился къ нимъ въ хату. Заходилъ онъ къ нимъ то свѣжаго, сотоваго меда поѣсть, то напиться, то, просто, отдохнуть... Луша полюбилась ему крѣпко, а за предлогами въ такихъ случаяхъ дѣло не станетъ, не лазятъ за ними въ карманъ. Дѣвушка сначала боялась, стыдилась охотника, бѣгала отъ него, потомъ, мало-помалу, стала привыкать къ нему и пристально посматривать на него украдкой. Онъ ей такъ же былъ любъ,—такой тихій, хорошій, да красивый, говоритъ таково складно, внятно, вѣкъ слушалъ бы его! Сидя съ нимъ вмѣстѣ, Луша чувствовала себя счастливою. Безъ него она то становилась задумчивѣе прежняго, то оживлялась, какъ никогда не оживлялась до той поры; глаза блестѣли, грудь высоко поднималась, дышалось тяжело. То вдругъ ей становилось весело, хотѣлось пѣть — не прежнія заунывныя пѣсенки, но громкія, веселыя... Легко было замѣтить въ Лушѣ всѣ эти неровности. Не замѣчалъ ихъ только человѣкъ «не отъ міра сего». Для Пармена дочка оставалась все прежнею дѣвченочкой, ребенкомъ.

Новые помыслы, новыя чувства и желанія зарождались въ Лушѣ и—диво дивное, чудо чудное!—въ первый разъ еще она не могла разсказать про нихъ «батькѣ». Какъ она скажетъ, да и что же она скажетъ ему? Она и сама еще не можетъ хорошо, явственно разобрать: что творится съ нею... Подолгу, безъ старика, Луша разговаривала съ Антономъ Васильичемъ, разсказывала ему про свое зимнее житье-бытье въ четырехъ стѣнахъ, про лѣтнее приволье въ лѣсу. Онъ говорилъ ей про себя... И ничего особеннаго не было въ ихъ свиданьяхъ. Дѣвушка чувствовала ясно только одно: ей пріятно быть вмѣстѣ съ этимъ охотничкомъ... Часъ отъ часу она дѣлалась довѣрчивѣе, смѣлѣе; ея смущенье пропадало. Все шло прекрасно до той поры, пока охотникъ не напугалъ ее.

Однажды Антоша былъ съ нею ласковѣе обыкновеннаго, хвалилъ ея волосы, заглядывалъ ей въ глаза, и вдругъ обнялъ ее и поцѣловалъ. Въ одно мгновеніе Луша снова стала дикаркой. Какъ вспугнутая птичка, сорвалась она съ мѣста, сердито сдвинула свои красивыя брови и, не промолвивъ словечка, торопливо ушла отъ него, грустно поникнувъ головкой. Не принесли Лушѣ счастья и радости эти первыя объятія, эти первые горячіе, порывистые поцѣлуи. Кромѣ испуга, да страха, ничего не почувствовала она на этотъ разъ... Ей показалась непріятна эта неожиданность. Страхъ и стыдъ, овладѣвшіе ею, были велики до-боли, такъ велики, что они совсѣмъ заслонили собой тѣ пріятныя ощущенія, какія, можетъ статься, предвкушала

она въ мечтахъ въ ожиданіи этой самой минуты. Поцѣлуй перевернулъ разомъ вверхъ дномъ всю ея жизнь. Она почувствовала, что въ ея жизнь, вмѣстѣ съ этимъ горячимъ поцѣлуемъ, вошло что-то новое, неизвѣстное, что-то такое, что она должна прятать, скрывать отъ всѣхъ, даже отъ старика. До сей поры ея жизнь шла тихо, ровно, на солнышкѣ; всѣ свои секреты она могла выложить, какъ на ладони, и показать всему бѣлому свѣту... А поцѣлуй сбивалъ ее съ дороги и велъ въ невѣдомую даль. Куда? Какъ? Что такое? Вопросы—безъ отвѣтовъ...

Послѣ поцѣлуя нѣсколько свиданій прошло сдержанно и тихо. А потомъ опять... Нынѣ весной въ теплый, благоухающій день, подъ майскими небесами, когда Замошье со своими цвѣтами и со своею стоячею водой походило на громадную оранжерею съ одуряющимъ запахомъ цвѣтовъ и травъ,—Антонъ Васильичъ опять обнялъ Лушу и крѣпко поцѣловалъ ее. Словно полымемъ занялась она вся. Дрожа и слегка порываясь, какъ бы желая встать, продолжала лежать она въ объятіяхъ милаго. Глаза ея то закрывались отъ истомы и нѣги, то нерѣшительно смотрѣли на него изъ-за полуопущенныхъ, дрожащихъ рѣсницъ. Глаза затуманились; полураскрытыя губы что-то невнятно шептали... Вдругъ она приподнялась, крѣпко обхватила Антошу и прильнула къ нему губами.

— Голубчикъ ты мой! Какъ я люблю тебя!..—вырывалось у нея между поцѣлуями.

Луша любила. Съ каждымъ мгновеньемъ ея тайна становилась больше. Съ каждымъ мгновеньемъ темныя, тревожныя чувства отступали, тонули въ одной всеобъемлющей страсти. Какъ человѣкъ здоровый, какъ натура непосредственная, живая, Луша въ душѣ не находила за собой никакого грѣха... Хотя Луша мало жила съ людьми, но жила съ ними все-таки достаточно для того, чтобы узнать ихъ предразсудки. Потому-то она не рѣшалась даже отцу повѣдать свою тайну, но хоронила ее въ себѣ... Такъ и шла ихъ любовь до послѣдняго дня,— до послѣдняго вечера, описаннаго въ прошлой главѣ.

Когда Антоша въ тотъ вечеръ, возвратившись изъ Замошья, садился на свои бѣговыя дрожки, мельникъ, державшій подъ уздцы его лошадь, многозначительно замѣтилъ:

— Да ты что, въ самомъ дѣлѣ, мало дичи-то настрѣлялъ! Ужъ не за утками-ли въ юбкахъ охотишься... Не обидь нашего старика! Смотри!.. Дѣвка-то у него смазливая...

— Полно тебѣ, балагуръ!—перебилъ его Антонъ Васильичъ.—Для чего обидѣть...

— Ну, то-то же!—промолвилъ мельникъ, опуская поводья. У васъ тамъ и безъ нея, чай, дѣвокъ-то довольно. Только помани,— любая пойдетъ! А у нашего старика только и свѣту въ очахъ... Ну, прости! Не обезсудь на простомъ словѣ! Старика-то жаль, вотъ что...

Молодой человѣкъ кивнулъ ему головой и крупной рысью понесся по деревнѣ.

— А-ахъ! Бѣда только съ ними... — проворчалъ про себя мельникъ, качая головой и смотря въ слѣдъ Антошѣ на бѣлесоватыя облака пыли, поднятыя имъ на тихой деревенской улицѣ.

Еще что-то проворчалъ про себя мельникъ, потеръ поясницу и, глянувъ на темнѣвшее вечернее небо, пошелъ въ огородъ. Подозрѣніе закралось ему въ голову. «Не даромъ зачастилъ баринокъ! Ой, не даромъ! Не старика Пармена провѣдывать ѣздитъ онъ... Что ему дѣлать съ Парменомъ? Не стаскался-ли онъ съ Лушкой? Вотъ горе-то»... Такъ раздумывалъ мельникъ. И боялся онъ за Лушку, боялся за старика. Какъ и всѣ вообще осиновцы, онъ любилъ кроткаго и незлобиваго старика и почиталъ его за человѣка праведнаго. Жаль и возмутительно, если бы какой-нибудь барченокъ, сбѣсившійся съ жиру, какой-нибудь чужой недобрый человѣкъ отнялъ у Пармена его послѣднее и единственное дѣтище, обидѣлъ бы до смерти человѣка, никого никогда не обижавшаго. Только одна мысль успокоивала мельника—мысль о скромной, строгой монашеской жизни Луши. «Такая, гляди, скоро-то не поддастся. Отвадитъ молодца живо»...

А Антонъ Васильичъ той порой ѣхалъ степью. Легкія, перистыя облака мѣстами покрывали ночное небо. Луна свѣтлымъ пятномъ мерещилась изъ-за облакъ... Сладкій цвѣточный запахъ разносился по степи. То близко, то далеко гдѣ-то перекликались перепела. Полупрозрачныя, ночныя тѣни заволакивали степную даль. Тамъ и сямъ неясными черными силуэтами поднимались стога сѣна... Антоша пустилъ лошадь шагомъ, самъ задумался...

Въ самомъ дѣлѣ, какъ бы ему не обидѣть старика съ его дочерью? Сначала онъ хотѣлъ только поиграть съ дѣвушкой, а потомъ, какъ-то незамѣтно врѣзался въ нее и не на шут-

ку. Теперь онъ любилъ Лушу такъ крѣпко, какъ только могъ любить. Но чѣмъ кончится ихъ любовь? Это еще вопросъ. Конечно, онъ не прочь жениться на Лушѣ. Что за бѣда, что она—крестьянка, что у нея деревенскія манеры! Антоша чувствовалъ, что они съ Лушей—по развитію — были свои люди: они прекрасно понимали другъ друга. Въ сущности, никакой пропасти между ними не было, даромъ что одинъ изъ нихъ учился въ гимназіи, а другая едва знала грамотѣ. Такъ же не безпокоило его ни мало и то, что скажутъ про него люди. Наплевать ему на ихъ сказъ! Къ тому же Антоша зналъ, что не онъ первый—не онъ послѣдній женился бы на крестьянкѣ... Примѣры бывали. Въ ихъ околоткѣ и по сіе время живетъ старая генеральша — вдова, бывшая птичница, крѣпостная, которую въ прежнія времена, быть можетъ, не разъ на конюшню водили... И въ Лушѣ онъ увѣренъ: Луша пойдетъ за него. Конечно, отчего бы не жениться!.. Только та бѣда, что не въ правахъ Антоши было сразу рѣшаться на что бы то ни было и въ особенности на такое страшное дѣло, какъ женитьба... «Женитьба для мужчины—послѣднее дѣло! Всегда можно успѣть жениться»... Такъ не однажды заканчивалъ свои думы Антонъ Васильичъ. Но въ ту ночь, въ степи, подъ обаяньемъ только-что пережитаго свиданья, онъ серьезнѣе обыкновеннаго призадумался надъ будущимъ. Слова мельника такъ же не мало помогли ему рѣшительнѣе посмотрѣть на дѣло. Онъ рѣшился дѣйствовать.

«И заживемъ же мы тогда съ ней!» почти вслухъ подумалъ онъ, смотря вверхъ, на небо. А тамъ—облака поразбѣжались. Полный мѣсяцъ свѣтло стоялъ надъ степью. Тамъ и сямъ, между облаками, мигали, перемигивались золотыя звѣздочки... Антошѣ въ ту минуту страстно захотѣлось поскорѣе взять Лушу, ввести ее въ свой домъ и не разлучаться съ нею. «Она меня любитъ вотъ какъ, — не сказать! Никто меня такъ любить не будетъ! Подлинно!.. Да развѣ тѣ куклы—барышни—могутъ любить, какъ слѣдуетъ? Конечно, нѣтъ! Онѣ все съ фантазіями, да съ ужимками,.. Вонъ, Катенька, напримѣръ! Ха!» На мигъ въ воображеніи Антоши промелькнулъ образъ Ивана Афанасьева съ руками, полными векселей, росписокъ и радужныхъ ассигнацій съ портретами Екатерины II... А слѣдомъ за Иваномъ Афанасьевымъ, затирая его, опять выплываетъ Замошье со своими тихими стоячими водами, съ бѣлыми и желтыми цвѣточками, плавающими на водѣ, и съ густою травою... И жутко и отрадно у Антоши на сердцѣ. Ну, да! Онъ женится... непремѣнно... «Заживемъ!» шепчетъ онъ, задумчиво смотря въ темнѣющую даль.

XI.

Тайны Пугаева оврага.

Въ ту далекую пору, когда описываемая степная мѣстность была еще покрыта дремучими лѣсами, жилъ здѣсь, по словамъ барковцевъ, разбойникъ Пугай. Главнымъ мѣстопребываніемъ его шайки служилъ оврагъ, находившійся посреди барковскаго лѣса, вдали отъ всѣхъ большихъ проѣзжихъ дорогъ. Въ настоящее время лѣса исчезли, отъ нихъ остались только кусты, торчащіе тамъ и сямъ, а оврагъ, конечно, уцѣлѣлъ и понынѣ. Мѣсто глухое, дикое... Купы деревьевъ и кустовъ растутъ на днѣ его, лѣпятся по его скатамъ и свѣшиваются надъ нимъ, густо обрамляя его... На днѣ его и по скатамъ весенними потоками вырыты глубокія ямы и ложбины. Молва гласитъ, что въ этомъ оврагѣ зарыта тьма-тьмущая всякаго рода оружія, золота и серебра.

Пугай въ свое время весь околотокъ держалъ въ страхѣ. Особенно доставалось отъ него барамъ, купцамъ, да купеческимъ обозамъ, шедшимъ въ Москву и изъ Москвы. Торговецъ, благополучно проѣхавшій барковскій лѣсъ и избѣжавшій Пугаевыхъ рукъ, считалъ долгомъ возблагодарить Господа и опустить свою лепту въ ту желѣзную кружку, что была прибита у часовни на Барковѣ. Вѣроятно, эти лепты были значительны и ихъ было не мало, потому что на нихъ, впослѣдствіи, сооружена барковская церковь... Мѣстная же интеллигенція полагаетъ, что Пугай былъ, просто, однимъ изъ тѣхъ Пугачей, которые разсѣялись со своими отрядами послѣ пугачевскаго разгрома. Этотъ Пугачъ, или—по народному—Пугай, долго держался въ дебряхъ барковскаго лѣса, немилосердно пугалъ баръ и купцовъ, даже не однажды разбивалъ посланные противъ него царскіе отряды и прослылъ за колдуна. Очевидно, это былъ человѣкъ смѣлый, отчаянный и окружали его подобные же ему сорви-головы...

Какъ бы то ни было, но о Пугаевомъ оврагѣ или овражкѣ ходила въ околоткѣ худая слава. Не каждый барковецъ или осиновецъ

съ особеннымъ удовольствіемъ и съ особенно спокойнымъ духомъ отправится туда ночью гулять. Бабы да ребятишки особенно любили потолковать про страхи и ужасы Пугаева оврага. Говорили, напримѣръ, что въ оврагѣ по ночамъ гремитъ оружіе, лошади ржатъ и топочутъ, иногда кто-то какъ будто стонетъ, охаетъ и свиститъ—жалобно, протяжно. Иной разъ въ оврагѣ, какъ будто, кто-то хохочетъ... Въ холодныя осеннія ночи видали издали, какъ изъ оврага распространялось какое-то странное красное сіяніе, словно отсвѣтъ огня. И по сіе время вблизи Пугаева оврага не пролегала ни одна дорога. Ближайшій жилой пунктъ—маленькій поселокъ въ два двора—отстоялъ отъ него въ 8 верстахъ. Кругомъ оврага на всѣ четыре стороны разстилалась степь.

Во время покоса рабочіе находили на днѣ оврага груды хвороста, головешки, выжженную землю, но никакихъ болѣе ужасныхъ предметовъ тамъ не видали. На головешки и на выжженную землю никто, конечно, не обращалъ особеннаго вниманія. Мало-ли всякаго прохожаго и проѣзжаго народа бродитъ по степи! Вѣдь пути никому не заказаны. Ночью или въ студеную пору странникъ разложитъ костеръ и погрѣется—самое сущее дѣло. Рабочіе въ сѣнокосъ такъ же охотно располагались въ оврагѣ. Тутъ они варили себя варево, готовили кашу, а днемъ отдыхали въ тѣни кустовъ. Въ то веселое время, конечно, въ оврагѣ было все смирно, нечистая сила не бунтовала: оружіе не гремѣло, лошади не ржали, и никто не стоналъ и не охалъ. Напротивъ, около костра по вечерамъ бывало очень весело. Пѣсни пѣлись, разсказывались всякія исторіи, то загадочныя, то смѣшныя. Говоръ и смѣхъ расходились по степи...

Пугаевъ оврагъ никому не выдавалъ своей тайны.

Ночь со вторника на среду, назначенная Антономъ Васильичемъ Рукавицыну для привода къ нему лошадей, была ночь мрачная, облачная, безвѣтряная. Воздухъ былъ удушливо-тяжелъ. Перепела въ степи отрывисто, лѣниво перекликались, словно изнемогши въ страстной истомѣ. Темно на небѣ, темно въ степи. Съ юго-запада надвигались черныя тучи, вспыхивала молнія и громъ гремѣлъ вдалекѣ... Такъ какъ сѣнокосъ еще не вездѣ наступилъ, то рабочаго люда въ степи не видать, — не видать ни телѣгъ, ни огней, не слыхать людского гомона, не слыхать и лая собакъ, прибѣгающихъ въ эти степи за своими хозяевами. Въ ту ночь и въ Пугаевомъ оврагѣ было все тихо, тихо какъ въ могилѣ: никто тамъ не охалъ, не стоналъ, и оружіе не брянчало... Гроза, между тѣмъ, приближалась, молнія сверкала все ярче и ярче. Странная картина представилась бы тому, кто теперь, при свѣтѣ молніи, заглянулъ бы въ оврагъ...

Тамъ, на днѣ его, въ безмолвіи и мракѣ, пріютилось нѣсколько живыхъ существъ. При фосфорическомъ свѣтѣ молній можно было увидать въ густой чащѣ кустарниковъ пять рослыхъ и прекрасныхъ лошадей, стреноженныхъ и привязанныхъ къ березамъ. Морды лошадей были подняты кверху. Въ такомъ неловкомъ положеніи лошади не могли заржать и стояли смирно. Тутъ же лежали, растянувшись на землѣ, два высокіе здоровые татарина. При свѣтѣ молніи ихъ энергичныя, рѣзко очерченныя, лица на мгновеніе выходили изъ мрака и отчетливо рисовались на темномъ фонѣ, подъ склонившимися надъ ними зелеными вѣтвями березъ. У одного изъ нихъ за поясомъ, зловѣще синеватымъ блескомъ, сверкалъ топоръ. Неподалеку отъ татаръ, сгорбившись и безъ шапки, сидѣлъ мозглявый, бородатый мужиченка, уже знакомый читателю, Тихонъ, которому Рукавицынъ нѣсколько дней тому назадъ не додалъ рубля. Почти каждый разъ, какъ поблескивала молнія, Тихонъ набожно крестился, вздыхалъ и, понуривъ голову, проводилъ по волосамъ. Очевидно, онъ былъ погруженъ въ невеселыя думы. Ни однимъ звукомъ, ни однимъ шорохомъ не нарушалась здѣсь ночная тишина. Если бы не свѣтила молнія, то, право, нельзя было бы и заподозрить, что въ оврагѣ прятались лошади и люди. Можно было бы десять разъ пройти оврагъ взадъ и впередъ и не замѣтить ничего подозрительнаго. И лошади и люди забились въ самую непролазную чащу.

— Никакъ погодушка поднимается! Охъ, Господи Боже!—чуть слышно, уже не въ первый разъ, прошепталъ Тихонъ, ни къ кому не обращаясь въ особенности, но чувствуя, повидимому, потребность съ кѣмъ бы то ни было обмѣняться словечкомъ.

Татары молчали и лишь переворачивались съ боку на бокъ.

Хотя эти люди, забравшіеся въ оврагъ, соблюдали осторожность, но въ то же время

они, повидимому, оставались совершенно спокойны. Да и отчего же имъ безпокоиться! Пугаевъ оврагъ—такое заколдованное, проклятое мѣсто, что въ него не всякій полѣзетъ зря въ ночную пору. Не даромъ же изстари народная молва окружала его всякими страхъ нагоняющими вымыслами. Не даромъ же сказывали, что Пугай со своими разбойниками по ночамъ приходитъ въ оврагъ. Они выкапывали изъ земли свое злато-серебро, пересчитывали деньги своими костлявыми руками, вынимали оружіе—свои пищали, сабли, пистолеты, и забавлялись ими... Являлись и ихъ лошади. Замученные ими бары и купцы стонали, охали, а Пугай хохоталъ надъ ними... Вотъ отчего въ Пугаевомъ оврагѣ слышались стоны и хохотъ, лошадиный топотъ, фырканье и ржанье и звонъ оружія. Страшную, нехорошую славу заслужилъ Пугаевъ оврагъ. Въ немъ можно было не только прятать лошадей, но заниматься какими угодно секретными производствами, хотя бы дѣланіемъ фальшивыхъ рублей.

—Не пора-ли, одначе! Вѣдь довести-то ихъ надо до свѣту...—тихо промолвилъ мужикъ, обращаясь къ татарамъ.

Гроза проходила стороной, молнія блестѣла уже слабѣе и не могла выдать этихъ ночныхъ коневодовъ. Вмѣсто отвѣта, татары побормотали что-то между собой, поднялись и стали распутывать и отвязывать лошадей. Безъ шуму вывели они ихъ изъ оврага и, въ сопровожденіи Тихона, зорко оглядываясь по сторонамъ, стали подвигаться степью по направленію къ дорогѣ. Тихонъ вскочилъ верхомъ на одну лошадь, другую повелъ въ поводу и пустился мелкой рысцей по дорогѣ къ Рукавицыну хутору. Татары же съ остальной тройкой отправились къ Марьину. Съ Тихономъ при разставаньи они почти не обмѣнялись ни однимъ словомъ: между ними, очевидно, все уже ранѣе было переговорено и условлено.

Еще наканунѣ Антонъ Васильичъ объявилъ своему конюху, что къ нему приведутъ тройку лошадей, купленныхъ имъ по случаю для Рукавицына. Антоша уже зналъ, что въ такихъ случаяхъ надо договаривать до конца, дабы не оставалось никакихъ недомолвокъ. Допусти хоть малѣйшую таинственность, и непремѣнно поднимутся разговоры, догадки, толки. А этихъ пустыхъ разговоровъ Антоша старался избѣгать... Съ вечера онъ приказалъ разбудить себя, если приведутъ лошадей рано утромъ, и при этомъ распорядился запереть собакъ во флигель, дабы тѣ напрасно не брехали и не будили добрыхъ людей. Дѣло было уже не впервой... Когда на разсвѣтѣ татары привели лошадей въ Марьино, Антошу разбудили. Съ ворчаньемъ, нехотя, поднялся онъ съ постели и, одѣвшись наскоро, вышелъ на дворъ.

Утро уже занималось. Румяная полоска протянулась на востокѣ. Но Марьино, со своимъ тѣнистымъ садомъ, было еще погружено въ передразсвѣтную дремоту и безмолвіе. Синеватыя ночныя тѣни медленно разсѣевались... Легкій туманъ поднимался за садомъ. Деревья въ саду стояли, не шелохнувшись...

Ворча и позѣвывая, Антоша осмотрѣлъ приведенныхъ лошадей, далъ татарамъ трешницу и отправился досыпать во флигель. Лошадей поставили въ конюшню, а черезъ минуту татары уже исчезли, и слѣдъ простылъ... Антонъ Васильичъ былъ не въ духѣ. Засыпая, онъ все ругалъ Рукавицына, ругалъ его лошадей, приводимыхъ «изъ Пензенской губерніи».

— Охъ, ужъ мнѣ эти пензенскія лошади!.. чортъ бы ихъ далъ!—ворчалъ онъ сквозь зубы, сердито ворочаясь на кровати и комкая подушку.—Хоть бы шею сломать ему, старому дьяволу! Вѣдь ничего не беретъ-то его, вора проклятаго...

Хотя Антоша, соглашаясь на приводъ къ нему лошадей, говорилъ, что онъ «ничего знать—не знаетъ», но это онъ говорилъ завѣдомый вздоръ. Онъ все зналъ. Поэтому-то онъ хорошо чувствовалъ, что съ каждымъ новымъ приводомъ лошадей Рукавицынъ все пуще и пуще втягиваетъ его въ свои интимныя дѣла, дѣлаетъ его своимъ участникомъ и союзникомъ. Антоша, казалось, съ каждой новой продѣлкой Рукавицына погружался въ трясину, засасывавшую его все болѣе и болѣе. Антоша хмурился, сердился, но, по своему безсилію, не могъ выказать своего сердца никакимъ болѣе существеннымъ образомъ. Ему оставалось ругаться изподтишка, дуться, ворчать, что онъ «вѣдать не вѣдаетъ» — и только! Векселя и росписки дѣлали Антона Васильича рабомъ — трусливымъ и покорнымъ. Антоша храбро встрѣтился бы въ лѣсу съ медвѣдемъ одинъ на одинъ, но Рукавицына боялся... При этомъ онъ уже давно догадался о желаніи Ивана Афанасьича породниться съ нимъ, съ Сучковатовымъ, навязать ему на шею свою Катеньку. Онъ нисколько не былъ влюбленъ въ эту полубарышню, распѣвающую

романсы; его нимало не привлекали ея дѣвическія прелести. Онъ называлъ ее «коровой». Положимъ, что такое рѣзкое сравненіе было неостроумно и неправдоподобно, но, тѣмъ не менѣе, дѣйствительно, Катенька Рукавицына, не смотря даже на свою нѣкоторую пикантность, въ подметки не годилась той прекрасной русалочкѣ, что̀ жила на зеленомъ островѣ—въ Замошьи. Нѣтъ сомнѣнія, что Антонъ Васильичъ гораздо лучше, снисходительнѣе относился бы къ Катенькѣ, если бы не зналъ, что ее прочатъ ему въ жены. Теперь онъ оказывался къ ней несправедливъ, ибо въ ней видѣлъ своего невольнаго врага. Антоша всячески подсмѣивался надъ дѣвушкой, глумился надъ ея веснушками, ея пѣніе называлъ «волчьимъ воемъ» и увѣрялъ пріятелей, что если Катенька Рукавицына запоетъ, то собаки три дня покоя себѣ не находятъ, лаютъ и воютъ. Ея маленькіе недостатки въ глазахъ Антоши принимали громадные размѣры, а хорошія ея стороны, напротивъ, совершенно стушевывались. Антоша рисовалъ на нее карикатуры, изображалъ ее въ самыхъ неприличныхъ и оскорбительныхъ позахъ, и, въ этихъ случаяхъ, съ какимъ-то злорадствомъ давалъ волю своей разнузданной фантазіи. Пріятели, незнавшіе всей интимной подкладки отношеній Антона Васильича къ Рукавицыну хутору, положительно, недоумѣвали: почему Антоша при каждомъ удобномъ случаѣ старается ввернуть какую нибудь шпильку на счетъ Катеньки и въ то же время, повидимому, дружитъ съ ея отцомъ. Естественнѣе было думать, что на Рукавицынъ хуторъ привлекаетъ его не Иванъ Афанасьичъ, но Катенька. «Что ему дѣлать съ этимъ купчиной? Какія такія дѣла у него могутъ быть съ Иваномъ Афанасьичемъ? Извѣстное дѣло: съ барышней пустился въ шуры-муры!» разсуждали Антошины знакомые.

Онъ не порывалъ сношеній съ Катенькой и даже порой любезничалъ съ нею — лишь единственно потому, что ему надо было душевнѣе расположить къ себѣ Рукавицына. Такимъ образомъ, оказывалось, что оба они—Рукавицынъ и Антонъ Васильичъ играли «въ темную», норовя обдуть другъ друга. На сторонѣ Рукавицына было болѣе шансовъ выиграть...

«Иванъ Афанасьевъ такъ и наровитъ свести меня съ Катькой... Только напрасно старается»... размышлялъ Антоша. «Такой попъ еще не родился, который обвѣнчалъ бы насъ»... Но деньги, деньги — вотъ гдѣ сила! А эта сила пока на сторонѣ Рукавицына хутора. Антошѣ часто нужны деньги, много денегъ. Съ особенно непріятнымъ чувствомъ—съ чувствомъ отвращенія и злости—вспоминаетъ онъ о своемъ послѣднемъ векселѣ съ фальшивымъ бланкомъ... Не рѣдко раздумывалъ Антоша о томъ, какъ бы ему освободиться изъ-подъ гнета этихъ росписокъ и векселей, а съ ними вмѣстѣ послать къ чорту и Ивана Афанасьича съ его Катенькой. Но думы пока не приводили его ни къ какому положительному рѣшенію. Для избавленія изъ плѣна «вавилонскаго» ему нужны деньги. А гдѣ ихъ возьмешь? Онѣ трудно достаются...

Антонъ Васильичъ и не подозрѣвалъ, что втихомолку, между тѣмъ, драма его уже начинала разыгрываться...

XII.

Появляется агитаторъ.

Въ барковской сторонѣ до сего времени въ политическомъ отношеніи все было благонадежно, тихо и смирно. При этомъ мы, конечно, не принимаемъ въ расчетъ происшествія съ тѣмъ мужикомъ, который вслухъ заявилъ однажды навеселѣ, что «нашему-де мировому сталѣе бы цѣпью-то руки-ноги сковать, чѣмъ надѣвать ее на шею ему, потому — судитъ неправо, все барамъ на руку норовитъ». Упомянутый мировой судья съ компаніей раздулъ, было, это происшествіе до размѣровъ «событія», но при ближайшемъ, болѣе точномъ разсмотрѣніи эти размѣры сократились, и дѣло кончилось ничѣмъ. Но какъ-то вскорѣ послѣ поѣздки Антона Васильича въ Замошье въ барковской сторонѣ совершенно неожиданно заявился агитаторъ, — такъ, по крайней мѣрѣ, заговорили въ помѣщичьихъ усадьбахъ и въ барковскомъ дипломатическомъ клубѣ, помѣщавшемся, какъ извѣстно, въ заднемъ отдѣленіи лавки купца Миронова, посреди лукошекъ, пустыхъ бочекъ и мѣшковъ.

Проявившійся агитаторъ былъ молодой человѣкъ, лѣтъ 24, и притомъ довольно ужаснаго вида: широкоплечій, коренастый, слегка сутуловатый, съ мужиковатыми манерами, смуглый, черноволосый, съ темными, карими глазами и даже въ очкахъ. Онъ ходилъ въ поношенной визиткѣ изъ толстаго драпа и въ таковыхъ же штанахъ, заправленныхъ въ сапоги. Словомъ, такого нигилиста нарочно не

выдумаешь... Но что особенно замѣчательно, такъ это то, что онъ прокрался въ эти мирныя веси не таинственно, не подъ покровомъ ночнаго мрака, но пріѣхалъ къ Сучковатовымъ въ Марьино, какъ водится, на подводѣ, середи бѣла дня и совершенно открыто... У воротъ, завидѣвъ Антошу, онъ соскочилъ съ телѣги. Антоша, запускавшій въ ту минуту палкой въ голубей, замѣтивъ пріѣзжаго, протянулъ: «А-а!» и, не выпуская палки изъ рукъ, пошелъ къ нему на встрѣчу. Они обнялись и облобызались.

— Какимъ вѣтромъ тебя занесло?—спросилъ Антоша пріѣзжаго.

— Да вотъ занесло! — коротко отвѣтилъ тотъ.

Авдотья Семеновна встрѣтила гостя очень любезно, называла его «Автошей» и съ первыхъ же словъ заявила, что онъ очень выросъ и измѣнился.

— Старое старится, а молодое растетъ или валится! Это ужъ издавна заведено и ничего не подѣлаешь! — басомъ проговорилъ молодой человѣкъ.

— Правда, правда, батюшка! — согласилась старуха, да и трудно было бы не согласиться.

Пріѣзжій, Автономъ Александрычъ Богоявленскій, приходился Авдотьѣ Семеновнѣ какимъ-то четвероюроднымъ племянникомъ съ сестриной стороны. Онъ только что весной изрядно кончилъ курсъ въ В—ской учительской семинаріи и теперь, пользуясь свободнымъ каникулярнымъ временемъ, гостилъ у своего отца, старичка-священника, жившаго въ томъ же уѣздѣ, и на досугѣ разъѣзжалъ по роднымъ и знакомымъ. Онъ былъ не глупый, дѣльный малый, какихъ можно встрѣтить въ средѣ сельскихъ учителей даже и въ наше время. Это былъ такой человѣкъ, который если принимался за дѣло, то дѣлалъ его какъ слѣдуетъ, со всевозможнымъ стараніемъ, но не относился къ нему спустя рукава. Его молодая и здоровая, дѣятельная натура, казалось, не знала устали. Въ сношеніяхъ съ людьми онъ былъ грубоватъ и рѣзокъ, но душа у него была добрая, учился онъ прекрасно и, конечно, будетъ хорошимъ, толковымъ учителемъ, который звѣздъ съ неба хватать не будетъ, да за то и въ грязь лицомъ не ударитъ. Онъ вѣрилъ во многое изъ того, во что другіе успѣли извѣриться. По наружности и манерамъ, по нѣкоторымъ оборотамъ рѣчи и по образу жизни — его, пожалуй, можно было издали счесть за нигилиста, особенно принявъ въ расчетъ его юношескій возрастъ, но по существу, Автономъ Александрычъ далече отстоялъ отъ всякаго нигилизма.

— Нѣтъ, господа! — говаривалъ онъ не однажды.—Тишкомъ, да ладкомъ можно много сдѣлать, далеко уйти... Надо только половчѣе за дѣло браться!

Не смотря на многія свои хорошія стороны, онъ не былъ для Антоши особенно желательнымъ гостемъ. «Что я буду съ нимъ дѣлать!» — вотъ что̀ прежде всего непріятно мелькнуло у Антоши въ головѣ при встрѣчѣ съ Богоявленскимъ. Для Антоши онъ былъ дальній родственникъ; при встрѣчахъ Антоша обнимался съ нимъ, говорилъ на «ты», но до сего времени видался съ нимъ рѣдко и никогда не былъ близокъ. Сучковатовъ только зналъ, что Автономъ о бабахъ разговаривать не любитъ, въ охотѣ ни уха, ни рыла не смыслитъ, собаками и лошадьми восторгаться не способенъ, нагаекъ не цѣнитъ по достоинству и водки больше одной рюмки заразъ не пьетъ, да и эту единственную рюмку называетъ «баловствомъ». Въ самомъ дѣлѣ, что же было дѣлать Антошѣ съ такимъ гостемъ? Гость все будетъ норовить: какъ бы газетку почитать, про школы — про политику поговорить... «Господи! Скука-то какая!»... Впрочемъ, если Антоша не особенно радовался пріѣзду Богоявленскаго, то во всякомъ случаѣ ему не представлялось достаточныхъ резоновъ и стѣсняться имъ. «А наплевать! Дамъ ему Розенгейма... Пускай дѣлаетъ, что знаетъ! А я ужъ занимать не стану!» — рѣшилъ Антонъ Васильичъ.

— Ну, братъ, съ романсами-то проваливай къ чорту!—отрѣзалъ ему учитель, откладывая книгу въ сторону.—Да ты, пожалуста, не безпокойся... Я, чай, не маленькій,—дѣло найду себѣ.

— Хоть бы къ нашему батькѣ сходилъ... Онъ газету получаетъ! — замѣтилъ Антонъ Васильичъ, какъ бы нѣсколько совѣстясь того, что гость понялъ, по какому побужденію онъ хотѣлъ всучить ему Розенгейма.

— Ну что-жъ, захочу, такъ и схожу! Не твоя забота... А ты, Антоша, знай — справляй свое дѣло, какъ будто бы меня и не было здѣсь!

Спасибо, что гость самъ выручилъ хозяина... Когда Сучковатовъ ѣздилъ на Барково и на Рукавицынъ хуторъ или отправлялся на охоту, гость ходилъ съ Авдотьей Семеновной

на сѣнокосъ и тамъ прилежно работалъ граблями. То, по порученію Авдотьи Семеновны, онъ вырубалъ въ саду сушнякъ, то копался на огородѣ, то бесѣдовалъ съ парнями и ребятишками, приходившими на поле за взрослыми. Богоявленскій расположился во флигелѣ, какъ дома, благо былъ человѣкъ невзыскательный. По вечерамъ у нихъ съ Антошей завязывались разговоры. Антоша разсказывалъ необыкновенныя приключенія изъ охотничьей жизни. Учитель называлъ его Немвродомъ и подсмѣивался надъ нимъ...

— Эхъ вы, Исавы!—говорилъ онъ.—Право, Исавы! Продаете вы себя, братцы, за чечевичную похлебку... Вы съ ружьемъ похаживаете, да «пифъ-пафъ, пифъ-пафъ», а купцы, да кулаки той порой ваши земли къ рукамъ прибираютъ. Того и гляди, что вы со своей-то охотой къ нимъ въ батраки попадете... И очистятъ они васъ, какъ липку...

— Ну, полно ты, пожалуста, политику-то разводить!—небрежно возражалъ Антоша.— На нашъ, братъ, вѣкъ хватитъ, не бойсь, въ батраки не пойдемъ, своимъ добромъ какъ-нибудь промаемся. А ежели дѣти будутъ, сами добудутъ...

И Антоша громко расхохотался... Но, правду сказать, при словахъ учителя Сучковатовъ почувствовалъ, что у него на сердцѣ какъ будто кошка скребетъ. Въ самомъ дѣлѣ, не оплетаетъ-ли его Иванъ Афанасьевъ? Не прочитъ-ли его въ батраки себѣ? Тутъ пришли ему на память въ сотый разъ векселя и росписочки. Но не долго мучили его эти непріятныя воспоминанія, которыя такъ же быстро исчезали, какъ и быстро являлись. Антоша сталъ уже привыкать къ нимъ...

Иногда, когда разговоры и разсказы обрывались, Антоша, лежа на кровати, принимался стрѣлять изъ пистолета въ стѣну. Разъ учитель попытался выстрѣлить, но пуля его засѣла на аршинъ выше намѣченной цѣли. Тутъ Антонъ Васильичъ, въ свою очередь, посмѣялся надъ стрѣлкомъ.

— Попалъ, братъ, пальцемъ въ центру!— кричалъ онъ, покатываясь со смѣху и валяясь на своей скрипучей кровати.

Въ такихъ невинныхъ занятіяхъ и забавахъ проводили время въ Марьинѣ молодые люди, какъ вдругъ нежданно-негаданно въ барковской волости проявилась сильная агитація и виновниками этой агитаціи очутились именно они, эти милые молодые люди...

Однажды въ базарный день, Богоявленскій отправился съ Антошей на Барково прогуляться, да людей посмотрѣть. Зашли, какъ водится, въ трактиръ. Учитель подсѣлъ къ окну и спросилъ себѣ чаю, вознамѣрившись всласть побаловаться на досугѣ, а Антоша, встрѣтивъ пріятелей, пропустилъ нѣсколько рюмокъ водки, а затѣмъ, заручившись алкоголемъ, принялся душить пиво бутылку за бутылкой. На улицѣ, неподалеко отъ того окна, у котораго помѣстился учитель, стояла кучка мужиковъ и слышался отрывистый, оживленный говоръ; то разомъ галдѣло нѣсколько голосовъ, въ перебой, то нескладный этотъ хоръ смолкалъ и слышался лишь одинъ голосъ, рѣзкій, громкій, но довольно симпатичный, то звучавшій ироніей, то явной, грубой насмѣшкой.

Отъ нечего дѣлать Богоявленскій сталъ прислушиваться.

— Значитъ, онъ теперича за траву-то съ васъ четыре сотенки слущить хочетъ? Ло-о-вко, парень! — говорилъ низенькій рыжебородый мужикъ, потряхивая головой, то-ли изъ жалости къ тѣмъ, съ кого «четыре сотенки слущить хотятъ», то-ли въ знакъ своего удивленія передъ чьею-то ловкостью.

Этотъ малорослый мужикъ поминутно поднималъ плеча и все отфыркивался. Онъ былъ въ синихъ пестрядинныхъ портканхъ и въ холщевой рубахѣ, подпоясанной узенькимъ поясомъ очень низко, чуть не подъ самымъ брюхомъ.

— То-то и есть! — отозвался кто-то ему изъ толпы.—За траву, вишь... Подавиться бы ему... А травы-то мы, почесть, и въ глаза не видали... Хоть бы тебѣ волоконце!..

— Ну да, ладно! Добро! Мы еще потолкуемъ...—грубо-насмѣшливо замѣтилъ высокій и смуглый, худощавый мужикъ, стоявшій почти въ серединѣ толпы, въ какомъ-то коричневомъ, дырявомъ азямѣ, пестрѣвшемъ тамъ и сямъ желтыми и черными заплатами.—Мало-ли, что онъ выдумаетъ! Четыре-то сотенныя задарма слупить всякому охота... Только кто же ему зря вытрясетъ-то ихъ! Плати! Вишь ты, больно охочъ плату-то получать! Платила бы у тебя кумѣ вошь въ головѣ,—вотъ что!..

Въ толпѣ послышался смѣхъ.

— А отказъ-то вы ему давно принесли?— спросилъ рыжебородый.

— Еще бы «не давно»! Онъ опосля того лугa-то могъ уже десять разъ сдать... За мѣсяцъ, почитай, до покосу... — проговорилъ

смуглый.—Да ты, голова, послушай, какую штуку-то старшина сочинилъ съ нами! Позвалъ онъ насъ въ волость, да и говоритъ: «такъ и такъ,—коси, молъ, смольяниновскую траву!» А мы говоримъ ему: «не могимъ, Василій Степанычъ! Силушки нашей нѣтъ!» «А для чего, говоритъ, брали?» — «На хлѣбъ, говоримъ, надѣялись, а хлѣбъ-то не вышелъ»... — «Вы, говоритъ, траву хаяли, — говорили, что плоха больно»...—«Нѣтъ, говоримъ, мы травы не корили, а только сказываемъ такъ, по чистой совѣсти, что платить за нее не изъ чего»...

При этомъ Богоявленскій придвинулъ ближе къ окну свой чайный приборъ и сталъ внимательнѣе прислушиваться. Разсказъ заинтересовалъ его. Было очевидно, что какой-то доброхотъ къ мужицкимъ денежкамъ лапу протягивалъ.

— Коси, говоритъ, да и шабашъ! — продолжалъ высокій. А мы ему опять свое: «не могимъ!» Ну, посчитались съ нимъ малость... Тутъ, значитъ, сейчасъ онъ всѣхъ насъ — маршъ въ «холодную». А «холодная» у насъ, братецъ ты мой, какъ бы тебѣ сказать—не соврать, десятку помѣститься еле-еле... какъ есть крохотная! А онъ насъ всѣхъ въ ее и позаперъ. А было насъ счетомъ 23 души... Ну и приняли же мы муку въ тѣ поры, волкъ его зарѣжь! Ни пошевелиться, ни протянуться! Духота—смерть! Грязь, смрадъ,—въ носу-то, ровно, шиломъ вертитъ. Взяли раму—выперли... Ничего не подѣлаешь, потому — не въ моготу стало! Вотъ и сидимъ мы, набились этакъ, ровно, пискари въ буракѣ, сидимъ, да въ оконце поглядываемъ. Дѣло пошло ужъ, этакъ сказать, къ вечеру. Видимъ: старшина идетъ, подошелъ къ окну. «Ну что, говоритъ, такіе-разсякіе, покоряетесь али нѣтъ?» — «Пусти, говоримъ, Иванъ Степанычъ! Тошно, говоримъ, пришло; вздыханья перевести неможно»... Христомъ-Богомъ его молимъ. «А и подохнете, говоритъ, такъ не велика бѣда! Чортъ съ вами!» Съ тѣмъ и ушелъ. Сидимъ, — и такъ это намъ непріятно...

— Знамое дѣло. Какая ужъ тутъ пріятность!—согласился рыженькій, пофыркивая и подергивая плечами и съ видимымъ сочувствіемъ выслушивая разсказъ.

— Вотъ, братецъ ты мой, — продолжалъ высокій,—смотримъ мы: принесли подъ окна цѣлую охапку прутьевъ. Это, видишь, для острастки, запугать думалъ... Ну, думаемъ, шалишь одначе, Иванъ Степанычъ; драть-то еще погоди, выдрать-то недолго, успѣешь, а вотъ стариковъ спросимъ: какъ они разсудятъ... Прутья такъ, зря, и пролежали... А тутъ ночью, какъ на грѣхъ, пожаръ случись! Слышимъ: народъ бѣжитъ, — шумъ, гамъ... «Гдѣ, спрашиваемъ, согрѣшили-то?» — «А чуть-ли, сказываютъ, не ваше Гадюкино горитъ!» Батюшки мои свѣты! Такъ, братъ, сердечушко-то у всѣхъ и екнуло, ровно съ ниточки сорвалось. Завопили мы источнымъ голосомъ... Кричимъ: «выпустите, православные! Горимъ, горимъ!» Да подумай: вѣдь, въ одинъ часъ можетъ такъ очистить, что и мѣста-то своего не скоро признаешь! Всѣхъ животовъ лишишься, по міру находишься...

— Легкое-ли дѣло!—со вздохомъ отозвались въ толпѣ.

— Ну, хотѣли грѣхомъ «холодную» разнести, да бѣгомъ бѣжать на Гадюкино. Васька Журавлевъ ужъ собирался дверь высадить... Только тутъ же и оказалось, что горѣли Филатовскіе выселки... А набрались мы въ тѣ поры страху,—ой, ой-ой! Такъ онъ, братцы мои, полторы суточекъ насъ голодомъ этакъ и проморилъ—ни за что, ни про что, такъ—здорово живешь... Просто, думали, всѣ поколѣемъ... Вечеромъ ужъ на другой день выпустилъ... Старики-то, слышь, судить отказались...

— Охо-хо!—тяжко кто-то привздохнулъ.

— Такъ теперича, выходитъ, вы на какомъ же положеньи состоите?—спросилъ кто-то въ толпѣ.

— Да «на какомъ положеньи»! Судиться хотятъ...—отвѣтили изъ толпы.

— А ужъ не знаю: какъ намъ и быть...—проговорилъ высокій, меланхолически почесывая затылокъ.—Ходока-то, грамотѣя-то у насъ нѣтъ... вотъ что горе! А мы, вѣдь, такой народъ, что намъ можно въ книгѣ-то, что хошь вычитать... Есть, вонъ, у Спиридона въ городѣ «говорокъ» знакомый, аблакатъ то есть... да и съ нимъ бѣда! Сказываютъ, больно, дьяволъ, до водки охочъ, лачетъ во-о-о какъ! Страсть! Да и денегъ много тянетъ... Не знаю, какъ ужъ насъ вынесетъ!

— Дѣла-а-а! — протянулъ рыженькій со вздохомъ.

Богоявленскій, выслушавъ разсказъ, пришелъ къ тому заключенію, что тутъ дѣло неладно, что тутъ, надо быть, происходитъ одна изъ тѣхъ обыкновенныхъ исторій, въ которыхъ главныя роли играютъ, обыкновенно,

«крестьянская простота» съ одной стороны, а съ другой «лукавое своекорыстіе», всячески эксплоатирующее эту «простоту» и въ довершеніе еще издѣвающееся надъ нею и нахально приговаривающее: «Знаемъ мы очень хорошо эту простоту!»...

Допивъ свой чай, Богоявленскій обратился къ Антошѣ съ вопросомъ: знаетъ-ли онъ этого смуглаго, высокаго мужика?

— Это гадюкинскій Левушка... Какъ-же, знаю...—пробормоталъ тотъ, уже порядочно захмѣлѣвъ и высовывая голову въ окно.

— Они о какой-то травѣ все галдятъ... Что это за исторія?—полувопросительно замѣтилъ учитель.

— Да слыхалъ что-то...—небрежно и нехотя отвѣтилъ Антонъ Васильичъ.—Дурачье! Со Смольяниновымъ связались, тягаться вздумали... Перепорютъ, да вотъ тебѣ и все!..

— А сдается, братъ, мужики-то, кажется, не виноваты...—проговорилъ Богоявленскій.

— А чортъ ихъ знаетъ! Кто ихъ тамъ разберетъ!..

— Да ты позвалъ бы ихъ въ Марьино! Тамъ поговоримъ, — увидимъ!—предложилъ Богоявленскій.

— А намъ-то что за дѣло? Вотъ еще очень нужно... Ну ихъ! — бормоталъ Антонъ Васильичъ, краснорѣчиво махнувъ рукой: «пропадай, молъ, все; былъ бы лишь стаканъ съ виномъ!»

— Да ты только позови ихъ, а ужъ я потолкую съ ними! — упрашивалъ учитель.— Тебѣ-то что? Чудакъ ты, право! Смольянинова боишься, что-ли?

Не знаемъ: съ умысломъ-ли, завѣдомо или, просто, случайно Богоявленскій задѣлъ самую чувствительную струнку Антоши, но только вѣрно то, что онъ задѣлъ ее.

— Какъ же! Очень я боюсь его, толстопузаго! — загорланилъ Антоша, хватаясь за нагайку.—Что онъ мнѣ такое? Начальникъ, что-ли? Гм! Экая штука—предводитель! Невидаль, подумаешь... А мнѣ наплевать... Ха!..

Когда они выходили изъ трактира, учитель шепнулъ Антошѣ:

— Такъ позовешь мужиковъ-то?

— Пожалуй! Мнѣ что? Коли охота, возись съ ними на здоровье... — согласился тотъ и, сильно пошатываясь, направился къ кучкѣ крестьянъ.

— Добро жаловать, Антонъ Васильичъ!— послышалось въ толпѣ.

— Въ чемъ, господа, дѣло?—пробулькалъ Антоша, едва ворочая отяжелѣвшимъ языкомъ.—Все это вы насчетъ травы?

— Да ужъ эта трава-то во-о-о гдѣ!—проговорилъ высокій мужикъ, выразительно стукая себя по загривку.

— Добрые люди о жнитвѣ заговариваютъ, а вы все еще съ травой...—насмѣшливо замѣтилъ Антоша.

Въ толпѣ послышался сдержанный хохотъ. Рыжебородый пуще засучилъ плечами, а высокій снялъ картузъ и, проведя рукой по волосамъ, опять сдвинулъ его на затылокъ. Антоша, въ полномъ удовольствіи отъ своей остроты, самодовольно осмотрѣлся по сторонамъ.

— А ты, Левушка, вотъ что, послушай! Иди-ка сюда!—заговорилъ онъ, отшатываясь въ сторону и подманивая къ себѣ высокаго, смуглаго крестьянина.—Вотъ что я тебѣ скажу... Ты ужо съ кѣмъ-нибудь изъ своихъ,— понимаешь, въ Марьино приходи ужо... вотъ этотъ... Богоявленскій... знаешь?.. Онъ хочетъ ваше дѣло разобрать... Онъ у насъ— Соломонъ!.. Всякій законъ по ниточкѣ распутаетъ... Приходи же! Слышишь?

— Слышу, слышу, батюшка!—отозвался Левушка, сомнительно посматривая на пьяненькаго.

Учитель понялъ его недоумѣніе и тутъ же вполголоса добавилъ отъ себя:

— Сегодня или завтра вечеркомъ приходи!

Это очень хорошо! Для чего не придти? Придти можно... Левушка обѣщалъ непремѣнно побывать въ Марьинѣ, у барчатъ.

XIII.

Исторія о лугахъ.

Въ Глаголевскомъ уѣздѣ, гдѣ разыгрываются описываемыя происшествія, во владѣніи помѣщиковъ и купцовъ земли было много, у крестьянъ ея было мало. Деревня Гадюкино, на ряду со многими другими деревнями, страдала малоземельемъ. Надѣлъ въ полторы десятины не обезпечивалъ гадюкинца, не могъ ни прокормить его до-сыта, ни дать ему достаточно средствъ для уплаты податей. На этомъ клочкѣ земли онъ долженъ былъ и усадьбу строить, и хлѣбъ сѣять, и скотъ кормить и, вообще, развивать—какую угодно — культуру. Гадюкинскіе крестьяне пускались на различныя аферы. Эти аферисты, впрочемъ, иной разъ возвращались съ

предпріятій еще бѣднѣе и несчастнѣе прежняго. Они — эти горе-богатыри земли русской—снимали, напримѣръ, у купцовъ и баръ земли для посѣва, и если по уплатѣ арендныхъ денегъ у нихъ оказывалось въ видѣ чистаго барыша нѣсколько вороховъ соломы, то это несомнѣнно значило, что они — въ выигрышѣ. Въ неурожайный годъ могло не получиться даже и соломы... Тогда ужъ, конечно, не о барышахъ была рѣчь, а далъ бы только Богъ ноги унести по добру-по здорову. Иные аферисты снимали луга у крупныхъ собственниковъ—съ небольшими барышами и съ неменьшимъ рискомъ. Иной читатель, можетъ быть, замѣтитъ: «Почему же, въ такомъ случаѣ, они берутся за эти аферы?» Они берутся за нихъ потому, что, во-первыхъ, ни во что не цѣнятъ свой трудъ, во-вторыхъ, расчитываютъ на «авось» и, въ-третьихъ, обольщаются чисто призрачными, кажущимися выгодами, т.-е., какъ попросту говорятъ, лѣшій за носъ водитъ...

Въ описываемую весну 1873 года крестьяне деревни Гадюкина, въ числѣ 23 человѣкъ, сняли у г. Смольянинова 36 десятинъ луга, по 10 рублей за десятину. Дали крестьяне задатка по 3 рубля съ персоны и успокоились. Весною наступила засуха, хлѣба на поляхъ совсѣмъ заморились. Гадюкинцы увидали, что дѣла ихъ плохи, что смольяниновской травки имъ, пожалуй, и не кашивать... Крестьяне, должно замѣтить, обыкновенно, разсуждаютъ такъ: если хлѣба хороши, значитъ и деньги за покосъ будутъ; худы хлѣба—и за траву платить нечѣмъ. Приходилось отказаться отъ луговъ. Съ отказомъ, впрочемъ, гадюкинцы могли и не ходить, а просто махнуть рукой на свои задатки, («пропадай, молъ, наши денежки!»)—да и шабашъ! Если бы гадюкинцы были такъ безнравственны, какъ нѣкоторые о нихъ говорятъ, то они, безъ сомнѣнія, такъ бы именно и сдѣлали. Даже болѣе того... Они могли бы показать, что снимали траву не по 10, но по 5 руб. за десятину. Кто могъ бы ихъ провѣрить и усчитать? Вѣдь, письменнаго-то условія не было, свидѣтелей никакихъ не имѣлось! Но у гадюкинцевъ совѣсть не поднялась бы на такое дѣло. И они, по своей крестьянской честности, разсуждали такъ: «Ежели мы иззаранѣе не извѣстимъ барина, такъ онъ, вѣдь, пожалуй, убытки понести можетъ... А ежели оповѣстимъ, онъ еще успѣетъ сдать луга-то или самъ скоситъ ихъ... Вѣдь, до покоса остается еще мѣсяцъ!» Отказаться же отъ луговъ крестьяне признавали себя въ правѣ на основаніи заключеннаго съ г. Смольяниновымъ словеснаго договора. Читатели, конечно, очень хорошо знаютъ, что отъ такой сдѣлки, при заключеніи которой даются задатки, любая изъ договаривающихся сторонъ всегда можетъ отказаться. Если отъ сдѣлки почему-нибудь отказывается сторона, получившая задатокъ, то задатокъ возвращается; если же отступаетъ сторона, давшая задатокъ, то задатокъ остается въ рукахъ стороны, получившей его. Если бы это было не такъ, то зачѣмъ же въ такомъ случаѣ задатки? Какую же роль, кромѣ указанной, могли они играть? Все это ясно, какъ Божій день, все это вѣрно и общеизвѣстно, какъ дважды два—четыре... Обычаи, въ родѣ указываемыхъ нами, выработанные самимъ народомъ, освященные давностью, составляютъ какъ бы сводъ неписанныхъ народныхъ законовъ. Вся крестьянская Россія строго признаетъ эти неписанные законы...

Отправились гадюкинскіе крестьяне въ Воздвиженское, къ г. Смольянинову, до «самого» добраться они не могли, нашли прикащика и заявили ему о своемъ отказѣ. 69 рублей задатка, конечно, пропали при этомъ, то-есть, остались у барина. Крестьяне думали, что тѣмъ дѣло и кончилось, но не тутъ-то было...

Въ расчеты Григорія Потапыча Смольянинова вовсе не входило — воспользоваться лишь одними задатками. Ему нужно было нѣчто бо́льшее. А именно, ему было желательно, чтобы гадюкинцы во что бы то ни стало скосили траву, а такъ какъ по состоянію хлѣбовъ можно было надѣяться, что крестьяне не въ силахъ будутъ заплатить арендныхъденегъ, то въ перспективѣ представлялась пріятная возможность завладѣть даромъ скошенной травой и задатками. Должно замѣтить, что къ числу упомянутыхъ нами неписанныхъ законовъ относился также законъ, по которому владѣлецъ земли могъ не отдавать съемщикамъ скошенную ими траву или хлѣбъ до тѣхъ поръ, пока тѣ не расплатятся съ нимъ до копѣйки. Вслѣдствіе этого бывало такъ, что сжатый, но неоплаченный хлѣбъ оставался на поляхъ до глубокой осени; его било вѣтромъ и дождемъ, заносило снѣгомъ, а люди, сѣявшіе и жавшіе его, ходили по-міру... Помимо всѣхъ сказанныхъ расчетовъ, Григорію Потапычу хотѣлось наказать гадюкинцевъ...

Смольяниновъ умышленно, злостнымъ ма-

неромъ пропустилъ время, когда онъ еще могъ бы сдать луга. Такъ же съ умысломъ онъ не поднималъ и дѣла, ибо зналъ, что всякій судъ ему скажетъ: «Вѣдь задатки—у васъ, а луга можете отдавать! Время еще не упущено!» Когда же начался сѣнокосъ, баринъ тотчасъ же послалъ за волостнымъ старшиной. Старшина, разумѣется, явился немедленно передъ нимъ, «какъ листъ передъ травой». Смольяниновъ не побрезгалъ принять его въ своей столовой, а барыня—сама барыня—своими нѣжными, деликатными ручками наливала ему чай... Разсказавъ свое дѣло съ гадюкинцами, Смольяниновъ просилъ старшину заставить крестьянъ «непремѣнно» скосить траву!

— Помилуйте! Какъ это можно! Развѣ это порядки?—говорилъ старшина въ тонъ Григорію Потапычу, разчувствовавшись подъ вліяніемъ барскихъ ласкъ. — Мало-ли что они съ дуру выдумаютъ... Такъ нельзя-съ! *Нонече* на этотъ счетъ строго, сами изволите знать!.. Понудить надо!.. Я завтра же...

Узнавъ, что старшина — большой любитель птичекъ, Григорій Потапычъ тутъ же кстати, на прощанье, подарилъ ему канарейку, впрочемъ, давнымъ-давно уже переставшую пѣть. Такъ-то въ нашей степной сторонѣ мило обдѣлываются дѣла!

Изъ разговора, происходившаго передъ окномъ барковскаго трактира, читатель уже знаетъ, какъ энергично принялся распоряжаться старшина. Когда волостные судьи отказались судить гадюкинцевъ, старшина выпустилъ ихъ изъ «холодной», проморивъ подъ арестомъ полторы сутокъ и, должно быть, въ видахъ развлеченія, пугая ихъ розгами. Еще въ то время, когда крестьяне сидѣли въ «холодной», старшина составилъ актъ о неповиновеніи, благоразумно умолчавъ притомъ, для чего ему понадобился этотъ актъ. Старшина былъ, по своему, человѣкъ смышленый... Выпуская крестьянъ изъ-подъ ареста, старшина безъ зазрѣнія совѣсти просилъ ихъ,— ежели представится случай, — заявить кому слѣдуетъ, что онъ понуждалъ ихъ...

— Еще бы не понуждалъ! Чуть до смерти въ кутузкѣ не заморилъ... Чудо этакое!— ворчали крестьяне.

Послѣ этого старшина предложилъ имъ написать формальный отказъ отъ луговъ.

— Этакъ-то лучше!—говорилъ онъ.—Никакихъ разговоровъ тогда ужъ больше не будетъ...

Мужики согласились и даже не мало порадовались тому, что дѣло, столь грозно начавшееся, кончилось благополучно. Такъ вотъ —

«Ходитъ птичка весело
По тропинкѣ бѣдствій...»

Старшина съ писаремъ отъ имени крестьянъ настрочили такой отличный *отказъ*, что ему позавидовалъ бы любой казуистъ. Тутъ были указаны цѣны, задатки, мѣсто, имена съемщиковъ и т. д. Словомъ, этотъ подробный, обстоятельный отказъ могъ отлично замѣнить собой письменное условіе, въ которомъ нуждался г. Смольяниновъ. Мотивъ отказа былъ выставленъ чрезвычайно странный. «Мы отказываемся отъ травы потому, что ея нѣтъ», значилось тамъ. Крестьяне такого вздора никогда не говорили. Они только говорили, что «хлѣбъ ихъ не выручилъ», т.-е. намекали на неурожай. Эта и другія подобныя ей фразы, вошедшія въ «отказъ», были сочинены старшиной изъ усердія къ «батюшкѣ, Григорію Потапычу».. Писарь немедленно вручилъ этотъ отказъ барину и возвратился изъ Воздвиженскаго домой поздно вечеромъ пьянымъ-пьянехонекъ. На другой день старшина опять ѣздилъ въ Воздвиженское и имѣлъ аудіенцію у Григорія Потапыча, а ровно черезъ недѣлю послѣ того онъ подалъ мировому судьѣ прошеніе о томъ, чтобы тотъ подвергнулъ законной отвѣтственности «вышепрописанныхъ» крестьянъ деревни Гадюкина. Къ прошенію былъ также приложенъ актъ о неповиновеніи. На 20 іюня, то-есть, въ самый разгаръ страдной поры, крестьяне были вызваны къ мировому судьѣ за 30 верстъ.

Въ такомъ положеніи находилось дѣло о «лугахъ».

— Вотъ, Антонъ Васильичъ, и мы къ вашей милости!—говорилъ Левушка, входя на другой день вечеромъ во флигель въ сопровожденіи трехъ своихъ односельчанъ.

— Милости прошу, гости дорогіе! Садитесь! Садитесь... Ну! А ты, Левушка, разсказывай!—скомандовалъ Антоша и, усадивъ мужиковъ—кого на стулья, кого на сундукъ, самъ завалился на кровать.

Богоявленскій, сидя на подоконникѣ, набивалъ папиросы... Левушка отрывочно, съ отступленіями, нерѣдко съ повтореніями дважды одного и того же—разсказалъ все то, что описано нами вкратцѣ, разсказалъ обстоятельно и подробно, гораздо подробнѣе нашего.

— Я слышалъ, вы хотите адвоката искать?—спросилъ Богоявленскій, когда разсказчикъ замолчалъ.

— Хотѣли, да обчество-то, вишь, боится: какъ бы, значитъ, не втрюкаться!—отвѣчалъ Левушка.—Денегъ-то протравишь съ нимъ много—ни за грошъ!

— Ну такъ, вотъ, ежели хотите, давайте мнѣ довѣренность... Я за васъ и поговорю на судѣ...—предложилъ Богоявленскій.—Ваше дѣло еще не пропащее...

Съ минуту мужики, молча, посмотрѣли на него.

— Это, значитъ, ваша милость замѣсто аблаката?—замѣтилъ Левушка.

— Ну, да! Повѣренный...—пояснилъ Богоявленскій.

— Повѣренный, точно!—поддакнулъ Левушка.

— Это, выходитъ, какъ Мосеевъ тамотко—у Валешковцевъ? — вполголоса промолвилъ Левушкѣ одинъ изъ крестьянъ.

— Во-во-во! То и есть!—отозвался тотъ.—Ихъ милость, значитъ, дѣло вести, а мы-то ему довѣренность... довѣряемъ то-есть... по совѣсти...

— Тэ-экъ!—протянулъ крестьянинъ.

— Ну, а насчетъ того: сколько, ежели примѣрно сказать, сойдетъ съ души?—обратился къ Богоявленскому другой изъ депутатовъ.

— Да вы это о чемъ? Я что-то въ толкъ не возьму!—проговорилъ учитель.

— А это онъ, вишь, на счетъ того...—принялся объяснять Левушка за товарища, но тоже замялся.

Очевидно, крестьяне раздумывали о томъ, какъ имъ поднять щекотливый вопросъ о вознагражденіи такимъ образомъ, чтобы и ясно было, и въ то же время, чтобы ни себя, ни другихъ не обидѣть.

— Да чего вы, лѣшіе, мнетесь то!—вмѣшался Антоша.—Говори прямо, сколько, молъ, за хлопоты положишь?

— Вишь ты!—съ улыбкой проговорилъ Левушка, кивая на него головой.—Тебѣ-то, Антонъ Васильичъ, ловко... А намъ-то опасно... Вѣдь, вотъ, мы еще не знаемъ, какъ и звать-то... и Левушка показалъ глазами на учителя.

— Автономъ Александрычъ!—сказалъ учитель.—Такъ вы это на счетъ денегъ?

— Точно! На счетъ этого самаго...—подхватилъ Левушка.—Вотъ, значитъ, Автамонъ Александрычъ, ежели бы ты теперича опредѣлилъ примѣрно: какъ и что...

— Да и опредѣлять тутъ нечего!—пояснилъ Богоявленскій.—Дайте мнѣ подводу, чтобы къ судьѣ съѣздить или въ городъ, ежели въ съѣздъ понадобится... Вотъ и все! А денегъ мнѣ не нужно.,.

Крестьяне, повидимому, были сильно поражены такимъ заявленіемъ и недовѣрчиво посмотрѣли на Богоявленскаго. Левушка хмыкнулъ и какъ-то неопредѣленно посмотрѣлъ по сторонамъ... Мужикъ—не избалованъ. Не привыкъ онъ къ тому, чтобы для него даромъ, безплатно хлопотали. Гадюкинцы даже заподозрили, было, Богоявленскаго въ томъ: не подвохъ-ли какой-нибудь онъ строитъ? «Народъ-то тоже ой-ой!» пробѣгало у нихъ въ головѣ.

— То-есть, какъ же это, Автамонъ Александрычъ!—началъ опять Левушка, почесывая затылокъ.—Такъ, значитъ, какъ есть ничего и не положишь съ насъ?

— Сказано, ничего, такъ значитъ такъ и есть!—отозвался учитель.

Левушка посмотрѣлъ на своихъ товарищей, тѣ переглянулись. Наступило непродолжительное молчаніе...

— Вишь, окаянные, даже не вѣрятъ съ радости-то!—съ усмѣшкой, добродушно проговорилъ Антоша.

Левушка, глядя на него, также усмѣхнулся и задумчиво провелъ рукой по бородѣ. Одинъ изъ мужиковъ привздохнулъ.

— Ну ежели такъ... такъ что-жъ!—заговорилъ Левушка, вставая со стула и глянулъ на товарищей.—Дай тебѣ Богъ здоровья, Автамонъ Александрычъ... а мы завсегда будемъ за тебя Бога молить... вотъ тѣ крестъ!..

И Левушка неуклюже пожалъ Богоявленскому руку; тоже продѣлали и всѣ остальные, молча и серьезно... Крестьяне пообѣщали черезъ три дня придти написать довѣренность и, низко поклонившись барчатамъ, отправились восвояси.

Въ принципѣ Антоша, конечно, ровно ничего не имѣлъ противъ баръ, самъ онъ корчилъ изъ себя барина, но сосѣднихъ помѣщиковъ—поважнѣе—онъ терпѣть не могъ за то, что тѣ относились къ нему свысока, съ пренебреженіемъ, какъ къ выскочкѣ. Антоша слыхалъ, что эти господа зовутъ его «мальчишкой-кутилой» и вообще считаютъ его пѣшкой. Поэтому онъ теперь былъ вовсе не прочь, чтобы Богоявленскій хлопоталъ за

крестьянъ. Вслухъ онъ ругалъ мужиковъ «ослами», но въ душѣ былъ бы очень радъ, если бы крестьяне выиграли процессъ и тѣмъ посбили бы немного барской спѣси съ Григорія Потапыча. Мамаша его не такъ смотрѣла на дѣло...

— Что тебѣ, Автоша, вздумалось связаться съ этими сутягами! — замѣтила Авдотья Семеновна Богоявленскому за обѣдомъ, на другой день послѣ посѣщенія гадюкинцевъ.— Дрянь—мужиченки. Не стоитъ для нихъ безпокоиться... Всѣ они — лѣнтяи и пьяницы, какихъ еще свѣтъ не производилъ. Хуже нашихъ мужиковъ я и не знаю...

— Да какъ же, Авдотья Семеновна! Помилуйте!—возразилъ ей учитель. Нельзя же людей зря обижать! Вѣдь, вы, конечно, слыхали объ этомъ дѣлѣ? Ну, какъ же вы скажете? Справедливо развѣ съ нихъ брать 400 рублей за траву, которую они и въ глаза не видали? Что же это за разбой!

— А зачѣмъ брали луга?—горячилась старушка. — Взяли такъ и коси! А не косишь, такъ...А главное, Автоша, судиться со Смольяниновымъ приходится... Вотъ вѣдь что! А этотъ человѣкъ — сила! Ну, гдѣ же тягаться съ нимъ какимъ-нибудь гадюкинцамъ! Ни одинъ судья поперечнаго слова ему не скажетъ! Ты посмотри только, какіе обѣды, да балы онъ задаетъ... Страсть божеская! Вѣдь, всѣ ему въ глаза заглядываютъ...

— Все это прекрасно, Авдотья Семеновна!— отозвался Богоявленскій.— Но обирать мужиковъ—и безъ того уже бѣдныхъ—резону все-таки нѣтъ... Онъ себѣ тамъ пируй сколько хочетъ, а служба — службой, правда — правдой...

— Только жаль тебя, Автоша...—заключила Авдотья Семеновна. Напрасно только— непріятности на себя принимаешь! Послушайся меня! Вѣрно тебѣ говорю, ничего изъ вашего дѣла не выйдетъ, а хлопотъ, да непріятностей себѣ, того гляди, наживешь...

Но Богоявленскій остался при своемъ. Не легко было его сбить съ задуманнаго имъ дѣла. Процессъ сильно заинтересовалъ его...

Въ условленный день крестьяне гурьбой привалили въ Марьино и составили довѣренность. Дня черезъ два послѣ того вечеромъ, по окончаніи работъ, двое изъ нихъ съ Левушкой опять пришли во флигель потолковать о своемъ дѣлѣ.

— Воробьи, видно, въ ногахъ-то у васъ! —съ усмѣшкой замѣтилъ Антоша.

— Точно, батюшка! Не сидится! — признался Левушка.

Авдотья Семеновна подозрительно посматривала на эти сборища, хмурилась и ворчала. Она не разъ высказывала Агашѣ свое недовольство; та совершенно сочувствовала ей.

—Вздумали чѣмъ забавляться!—говорила эта вѣрная служительница въ тонъ барынѣ.— Въ мужичьи дѣла ввязались... И думаютъ хорошо... Нашъ-то бы ничего, да учитель его сбиваетъ... Вы, сударыня, поговорили бы съ нимъ!

— Ужъ я толковала, Агаша, да ничего не-мѣтъ, какъ къ стѣнѣ горохъ! — проговорила старуха, безнадежно махнувъ рукой.

Наконецъ, она не выдержала и однажды, послѣ ужина, оставшись наединѣ съ Антошей, опять завела рѣчь о тревожившемъ ее вопросѣ.

— Что это, право, Антоша! Когда же будетъ конецъ этому? — сказала она раздраженно.

— Чему еще? Какой конецъ? — какъ бы не догадываясь, переспросилъ тотъ.

— «Какой конецъ!» —ворчливо повторила старуха, обдергивая свой чепецъ.—Извѣстно, «какой!»... Долго ли еще мужики-то станутъ таскаться къ вамъ во флигель? Что это за сходбища такія вдругъ поднялись! И днемъ, и вечеромъ, и до поздней ночи... Богъ знаетъ что такое! И что это за компанію такую нашли,—мужики! Я, право, не понимаю... Я все думала, что Антоша—такой умный, степенный, скромный молодой человѣкъ, а онъ вонъ... нате-ка что еще выдумалъ! Мнѣ это ужасно непріятно, право!

— Ахъ, да полноте, пожалуста! Что за вздоръ!—своимъ обычнымъ лѣнивымъ тономъ возразилъ сынъ.—Убудетъ флигеля-то, съѣдятъ насъ мужики-то, что-ли? Развѣ же съ ними и дѣлъ никакихъ имѣть нельзя? Что же это въ самомъ дѣлѣ? Развѣ они не такіе же люди, какъ и всѣ мы! Ужъ нельзя за нихъ и заступиться... Нельзя и поговорить съ ними... Сейчасъ цѣлая исторія поднимется!

— Ну, ходили бы днемъ, если ужъ такъ надо...—перебила Авдотья Семеновна.—Ходилъ бы одинъ кто-нибудь изъ нихъ... Такъ, вѣдь, нѣтъ! все норовятъ скопомъ, по трое, да и больше... И зачѣмъ они ночью шляются? Днято нѣтъ для нихъ, что-ли?

Авдотья Семеновна сердито уставилась на сына. Антоша усмѣхнулся.

— Нашли чему удивляться! — прогово-

рилъ онъ.—Да вѣдь днемъ-то иной разъ имъ некогда... Да что это съ вами сдѣлалось? Агафья васъ напугала, что-ли? Или Григорія Потапыча испугались?

— Агафьѣ меня нечего пугать... И не въ Григоріѣ Потапычѣ тутъ дѣло! — обиженно возразила старуха.—А знаешь, Антоша, нынче такое время... Надо быть осторожнымъ. Береженаго коня и Богъ бережетъ... А то, что хорошаго, какъ начнутъ всѣ пальцами указывать. Не долго и до бѣды! Вонъ, скажутъ, въ Марьинѣ-то по ночамъ сходки собираются... Ну и пойдутъ толковать: что такое? для чего? Нѣтъ-ли чего тамъ? И начнутъ, и начнутъ...

Послѣднія фразы Авдотья Семеновна промолвила вполголоса.

— Бунтовщики—да и шабашъ!—съ громкимъ смѣхомъ подхватилъ Антоша. — Экая мнительность, подумаешь!.. Да и дѣло-то плевое, скоро кончится!

Антоша сталъ прощаться.

— Боюсь я, право, этого!—повторяла старушка.—Долго-ли до грѣха, прости Господи! Время этакое...

— Ну, ладно! Утро вечера мудренѣе! — успокоивалъ ее Антоша, но едва-ли успокоилъ...

Она еще долго послѣ того проговорила съ Агашей и, удалившись въ свою спальню, озаренную мерцаніемъ единственной лампады, долго молилась, то смотря на серебряные оклады иконъ и умиленно качая головой, то опускаясь на колѣна и припадая лбомъ къ коврику, разостланному передъ кіотомъ. Старушка, дѣйствительно, боялась не на шутку, какъ бы не нажить бѣды.

---

20 іюня у мирового судьи 3-го участка разбиралось дѣло старшины, Василія Степанова Бубликова, съ крестьянами деревни Гадюкина. Мужиковъ въ камеру набралось много; было тѣсно, душно — даже не смотря на то, что всѣ окна были растворены и двери стояли настежъ. На красныхъ и потныхъ, загорѣлыхъ лицахъ собравшейся публики было написано чрезвычайное вниманіе. Всѣ напряженно слушали, притая дыханіе, ловя каждое слово... Одна черноволосая, кудластая голова Левушки выдѣлялась надъ толпой. Левушка, видно, не могъ удержать своего восторга и ехидно ухмылялся каждый разъ, когда старшина путался въ своихъ показаніяхъ и запинался.

Василій Степановъ былъ довольно красивый мужчина, блондинъ, высокаго роста, съ представительной физіономіей, но въ то утро онъ выглядѣлъ какъ-то жалко, смущенно и скорѣе походилъ на подсудимаго, чѣмъ на обвинителя-истца. Онъ поминутно вытиралъ себѣ лицо пестрымъ, клѣтчатымъ платкомъ, переминался съ ноги на ногу, пыхтѣлъ, краснѣлъ и какъ-то растерянно смотрѣлъ все больше на одну точку, — на овальный, въ черной рамкѣ, портретъ государя, висѣвшій прямо передъ нимъ на стѣнѣ. Впрочемъ, рѣчь его была довольно продолжительна и витіевата и даже уснащена двумя-тремя иностранными словами. Онъ не жалѣлъ красокъ и безпощадно металъ свои громы направо и налѣво... Наконецъ онъ началъ уже повторяться. Мировой судья, — баринъ довольно тучный и задыхавшійся отъ жара, —вышелъ изъ терпѣнія и остановилъ потокъ его краснорѣчія, вовсе не шедшій къ дѣлу. Судья, повидимому, чрезвычайно боялся, что Богоявленскій также пустится показывать свое краснорѣчіе, и былъ пріятно удивленъ, когда тотъ вкратцѣ, но ясно разсказалъ ему все дѣло. Эта краткость, впрочемъ, крестьянамъ не понравилась. Имъ показалось, что старшина совсѣмъ забилъ ихняго повѣреннаго, но на дѣлѣ оказалось не такъ. Минутъ черезъ десять судья прочелъ крестьянамъ оправдательный приговоръ. Старшина заявилъ неудовольствіе и тутъ же сказалъ, что перенесетъ дѣло въ съѣздъ.

— На здоровье!—прошипѣлъ Левушка.

— Такъ, значитъ, теперича на съѣздъ, Василій Степанычъ?—почтительно клапяясь, приставалъ онъ къ старшинѣ, когда тотъ подвигался къ двери.

Старшина, не говоря ни слова, отвернулся отъ него и вышелъ изъ камеры.

— Э-эхъ, ну! Осерчалъ, братецъ ты мой!— ухмыльнулся онъ, обращаясь къ мужикамъ.

Лѣниво переговариваясь, серьезно и почти уныло брели крестьяне по дорожкѣ домой. Сердце ихъ, словно, чуяло въ будущемъ бѣды и напасти.

XIV.

Между бездѣльемъ.

11 іюля Ольга Михайловна Смольянинова была имянинница.

Въ Воздвиженское, по такому высокоторжественному случаю, гостей наѣхало видимо-невидимо. Въ гостиной на диванѣ и на крес-

лахъ были навалены массы легкихъ, разноцвѣтныхъ лѣтнихъ матерій—барежа, кисеи, массы лентъ, кружевъ; изъ-за нихъ виднѣлись женскія лица—молодыя и старыя, миловидныя и неприглядныя. Гостиная походила на цвѣтникъ въ лѣтнюю пору—съ тою лишь разницею, что цвѣты, собранные въ воздвиженской гостиной, были, въ большинствѣ, цвѣты искусственные и притомъ они не молча наклоняли свои головки, но галдѣли и трещали на перебой, безъ милосердія. Это были цвѣты неугомонные и злые, сплетничавшіе другъ дружкѣ на-ухо и всячески честившіе своихъ друзей, сидѣвшихъ съ ними почти бокъ-о-бокъ. Въ гостиной говорили о томъ же, о чемъ распространялись и гоголевскія дамы, и даже можно было услыхать изреченія въ родѣ классическаго: «Ахъ, ma chère! Какъ это мило, вы представить себѣ не можете! Глазки и лапки, глазки и лапки»... и т. д.

Въ кабинетѣ хозяина, въ смежной съ нимъ комнатѣ и въ бильярдной толпились гости мужескаго пола. Дымъ сигаръ, отъ трубокъ и папиросъ синеватымъ облакомъ наполнялъ эти комнаты, слоями уносясь черезъ окна въ садъ. Здѣсь уже стоялъ раскрытымъ зеленый столъ, и прилежные люди, не желавшіе терять «золотое время», играли въ преферансъ «съ курочкой». Самъ почтенный хозяинъ, Григорій Потапычъ, стоялъ въ бильярдной, опершись на кій, и съ одушевленіемъ разсказывалъ, кажется, въ тысячу первый разъ о томъ, какъ одинъ его казанскій знакомый однимъ краснымъ шаромъ дѣлалъ цѣлую партію. Смольяниновъ былъ мужчина лѣтъ подъ пятьдесятъ, довольно полный, средняго роста, круглолицый, съ блестящей лысиной, пухлый и бѣлый, какъ крупичатое тѣсто. Его сѣрые глазки часто хитро и самодовольно посмѣивались; нижняя губа была слегка оттопырена. Смольяниновъ выглядѣлъ важнымъ бариномъ, какъ и слѣдуетъ быть. По случаю жаркаго времени, Григорій Потапычъ былъ въ бѣломъ, изящномъ костюмѣ, сшитомъ въ Москвѣ. (Смольяниновъ не любилъ Петербурга и предпочиталъ имѣть дѣло съ Москвой). Въ описываемыя минуты хозяинъ былъ очень веселъ и оживленъ...

У окна, землемѣръ Юхновичъ разсказывалъ какіе-то сальные анекдотцы о барыняхъ. Обручьевъ, богатый наслѣдникъ in spe, сидя на подоконникѣ и болтая ногами отъ удовольствія, повторялъ за нимъ послѣднее слово каждой фразы и помиралъ со смѣху... Исправникъ повѣствовалъ кружку слушателей, какъ онъ «прежде» дралъ крестьянъ и какъ «прежде» мало было воровства и вообще все было лучше.

— Розги,—вотъ что намъ надо! Безъ розогъ—ничего!—восклицалъ онъ.

Мировой судья, Полубояркинъ, молодой человѣкъ съ университетскимъ образованіемъ, разсуждалъ со своимъ коллегой о томъ, что волостной судъ—безобразіе, что его уничтожить надо, что вообще наше время требуетъ широкихъ, положительныхъ реформъ. Земскій врачъ, Щипаковъ, какъ собаченка, пляшущая на заднихъ лапкахъ, ходилъ передъ Смѣлковымъ, увѣряя его, что онъ, со своимъ геморроемъ, можетъ сто лѣтъ прожить, что опасности никакой нѣтъ и т. д. Смѣлковъ былъ очень вліятельный господинъ; онъ же—членъ земской управы. Этотъ молодой врачъ, человѣкъ въ высшей степени практическій, изъ всѣхъ сочиненій Некрасова помнилъ наизустъ только одинъ стихъ, гласившій, что—

«Ниже тоненькой былиночки
Надо голову клонить».

И онъ, дѣйствительно, клонилъ иногда голову такъ низко, что даже совершенно терялъ человѣческій образъ. Его тѣло и его совѣсть гнулись во всѣ стороны и гнулись такъ легко, какъ будто у него и то и другое было изъ гуттаперчи... Въ дверяхъ стоялъ какой-то небольшого роста господинъ съ чрезвычайно широкимъ и жирнымъ затылкомъ. Онъ стоялъ, обхвативъ пріятеля за талію, и предлагалъ выпить еще «по маленькой». Акцизный чиновникъ, миніатюрный молодой человѣкъ, chatain, съ кудрявыми волосами, съ мелкими чертами лица, съ горбатымъ носикомъ, въ золотыхъ очкахъ—игралъ на бильярдѣ съ управляющимъ имѣніями князя Забѣльскаго. Акцизный или, какъ чаще звали его знакомые, «акцизная крыса» — былъ истый франтъ, казалось, прямо соскочившій съ модной картинки; онъ такъ постоянно занимался собой, что даже теперь, играя на бильярдѣ, ухитрился какъ-то весьма граціозно загнуть обшлагъ рукава и обнажить свою прекрасную, бѣлоснѣжную сорочку. Онъ принималъ самыя изящныя позы, и, умирая, вѣроятно, подобно Цезарю, постарался бы задрапироваться покрасивѣе въ одѣяло. Управляющій, высокій, коренастый малороссъ, съ невзрачнымъ лицомъ, но съ очень умными, выразительными глазами, небрежно приче-

санный, съ кое-какъ повязаннымъ галстухомъ и въ длинномъ сюртукѣ далеко не первой молодости,—представлялъ съ своимъ прилизаннымъ партнеромъ явный контрастъ. Сначала акцизный, стукая шары, повелъ рѣчь о преимуществахъ новаго спиртометра, потомъ разговоромъ овладѣлъ дюжій малороссъ и принялся распространяться объ изобрѣтенной имъ телѣгѣ для перевозки хлѣба съ полей,—телѣгѣ съ большими полотняными крыльями по бокамъ.

Въ комнатѣ, наполненной клубами табачнаго дыма, слышалось непрерывное жужжанье. Одинъ говорилъ: «розги надо!», другой высказывался за какія-то реформы. Тутъ смѣялись надъ грязнымъ анекдотцемъ, тамъ предлагали «дернуть по маленькой». Здѣсь, въ перебой шла рѣчь о преимуществахъ новаго спиртометра, (при которомъ винокуренные заводы, конечно, *по старому* будутъ обдѣлывать свои дѣлишки) и о телѣгахъ съ крыльями, посредствомъ которыхъ изобрѣтатель, кажется, надѣялся спасти міръ... Однимъ словомъ, если бы прислушаться ко всему, что говорилось въ этой комнатѣ, то, право, можно было бы подумать, что Господь, прогнѣвавшись за что-то на людей, смѣшалъ ихъ умы и языки, они перестали понимать другъ друга и вышло совершенно вавилонское столпотвореніе...

Болѣе всего слушателей толпилось около хозяина дома. Хотя половина имѣній Григорія Потапыча была уже заложена въ Х—скомъ поземельномъ банкѣ, хотя теперь онъ былъ только *бывшимъ* предводителемъ дворянства, хотя его петербургскія связи, которыми онъ такъ сильно гордился, со смертью Фифантова уже давно и окончательно порвались, но, не смотря на все это, отчасти по воспоминаніямъ прошлаго, отчасти по количеству десятинъ черноземной земли, еще остававшейся въ его владѣніи—Григорій Потапычъ все еще считался важною и сильною особой. Онъ уже второе трехлѣтіе отбывалъ предсѣдателемъ земской управы. Онъ пользовался почетомъ не только въ своемъ уѣздномъ муравейникѣ, но имѣлъ вліяніе и вѣсъ даже въ губернскихъ кружкахъ...

Давно уже сказано, что ни безгрѣшныхъ ангеловъ, ни безпросвѣтныхъ, кромѣшныхъ злодѣевъ на свѣтѣ—нѣтъ. Въ человѣкѣ, считаемомъ за подлеца вашими знакомыми, навѣрно существуютъ свѣтлыя, добрыя черты,—даже, можетъ быть, таится геройство самой чистой пробы. Не ручайтесь и за то, что человѣкъ, извѣстный вамъ за добродѣтельнаго—всегда и во всѣхъ своихъ помыслахъ остается чистъ и невиненъ, какъ голубь; въ глубинѣ души такого добродѣтельнаго человѣка можетъ лежать цѣлый слой самой непривлекательной, вонючей грязи. Человѣкъ—будь онъ великъ или малъ, будь онъ князь или угольщикъ, обыкновенно, представляетъ собой странную и иногда въ высшей степени замѣчательную, загадочную смѣсь понятій, чувствъ и склонностей, нѣчто въ родѣ живого, вѣчно движущагося калейдоскопа.

Такую же живую, ходячую, калейдоскопическую смѣсь представлялъ собой и Григорій Потапычъ. Онъ могъ быть добрымъ пріятелемъ, славнымъ малымъ, но могъ быть злымъ и ехиднымъ, какъ сказочная вѣдьма; то онъ поражалъ своею барскою спѣсью и гордыней, достойной Люцифера, то выглядѣлъ какимъ-то беззаботнымъ, легкомысленнымъ ребенкомъ. Онъ могъ являться приличнымъ отцомъ семейства, дѣлать женѣ щедрые, роскошные подарки и въ то же время, бывая въ Москвѣ, могъ съ легкимъ сердцемъ увозить къ себѣ въ номеръ красавицъ изъ «Chateau des fleurs». Сохраненіе своего достоинства, «смольяниновскаго достоинства» было его idée fixe, которую онъ не однажды и выражалъ стереотипною фразой: «Меня не тронь! А затронулъ, такъ ужъ пеняй самъ на себя!» Понятіе же его о «затрогиваніи» было чрезвычайно растяжимо...

И такъ, барскій домъ въ Воздвиженскомъ шумѣлъ. Прислуга совалась туда и сюда, двери поминутно стукали, въ буфетѣ гремѣли тарелками... Въ залѣ большой, длинный столъ былъ накрытъ бѣлоснѣжною скатертью и уставленъ блестящими приборами. Изъ оконъ, выходившихъ въ садъ, виднѣлась зелень, и вѣтки сирени и акаціи лѣзли на подоконникъ... Наконецъ, раздались многообѣщающія слова: «Кушать подано-съ! Пожалуйте кушать-съ!» А затѣмъ и Григорій Потапычъ благосклонно зарявкалъ на всѣ стороны:

— Гости дорогіе, прошу откушать Прошу! Проходите!

Гости—дорогіе и дешевые—всѣ повалили въ залу. И живой цвѣтникъ въ гостиной также взволновался; груды разноцвѣтныхъ матерій, кружева и ленты зашевелились и двинулись въ залу. Ольгу Михайловну велъ къ столу отставной генералъ, въ генераль-

скомъ мундирѣ, болтавшемся на немъ, какъ на вѣшалкѣ. Генералъ былъ старичокъ высокій и худощавый, прямой, какъ палка, и съ сѣдыми прядями волосъ, зачесанныхъ на вискахъ à l'empereur Nicolas I. Этотъ генералъ увидѣлъ свѣтъ въ концѣ прошлаго столѣтія, когда Наполеонъ Бонапарте былъ еще поручикомъ артиллеріи. Нашъ генералъ былъ извѣстенъ своимъ переходомъ черезъ рѣку Иньку, (отъ чего произошло и его прозвище «За-инька», данное ему товарищами), а особенно прославился онъ усмиреніемъ крестьянскаго волненія въ П-ской губерніи въ 1864 году. Теперь онъ уже никого не усмирялъ, не могъ усмирять даже свою дальнюю родственницу, которая жила съ нимъ въ Каменевкѣ и командовала имъ такъ же, какъ онъ прежде командовалъ солдатами. Лизавета Федоровна въ положенные часы кормила его, давала ему по рюмочкѣ травничку, укладывала спать, причемъ сама выгоняла мухъ изъ его полога, въ извѣстные дни провожала его въ баню и т. д. Старикъ бывалъ очень радъ, когда ему удавалось вырваться изъ подъ надзора своей надсмотрщицы.

Теперь генералъ, слегка склонивъ голову и шаркая ногами, важно велъ къ столу m-me Смольянинову, какъ-то хитро выгнувъ руку и приподнявъ локоть кверху. Это торжественное шествіе замыкалъ городской врачъ, красивый, но чрезвычайно анатичный молодой человѣкъ, своею лѣнивою рѣчью и вялыми манерами походившій на человѣка, не совсѣмъ еще пробудившагося отъ сна... Не одна дамочка сходила по немъ съ ума и приходила въ отчаяніе отъ невозможности согрѣть и разгорячить этого ледянаго мужчину. Только они двое съ генераломъ и находились въ гостиной при дамахъ.

Хозяйка, какъ водится, заняла мѣсто на верхнемъ концѣ стола, по обѣ стороны отъ нея размѣстились дамы, vis-à-vis съ нею сидѣлъ мужъ. Гости, въ приличной мѣрѣ, гремя стульями, усѣлись, наконецъ, за столъ... M-me Смольянинова была женщина лѣтъ 35, средняго роста, съ роскошно развитыми формами, смуглая и съ признаками усиковъ надъ верхней губой... Сегодня Ольга Михайловна была великолѣпна въ своемъ платьѣ, съ черной бархатной отдѣлкой и со своими блестящими, черными волосами, высоко приподнятыми на головѣ ея въ видѣ короны. Она безспорно была красива, но красота ея цѣнилась бы высоко только на восточныхъ рынкахъ. Художникъ, задумавшій изобразить какую-нибудь греческую богиню или одну изъ христіанскихъ святыхъ, никогда не взялъ бы ее въ натурщицы...

Въ началѣ обѣда, по обыкновенію, говорили только ложки, да вилки съ ножами. Въ половинѣ обѣда языки стали развязываться, поднялся какой-то разноголосый, жужжащій говоръ...

— Вы знаете, вѣдь нашъ крестьянинъ умственный трудъ не цѣнитъ ни во что! — замѣтилъ земскій врачъ.

— Знаю-съ! — отозвался одинъ помѣщикъ. — Вообще мужикъ всегда норовитъ на чужой счетъ поживиться. Плутъ-народъ...

— И кто это вздумалъ возвеличивать его!—съ усмѣшкой возгласилъ Смѣлковъ.

— Кто же больше! Разумѣется, литература...—пояснилъ ему сосѣдъ.—Сидятъ тамъ въ кабинетахъ-то у себя, да выдумываютъ всякую чушь!

— Всякъ свое дуетъ, и не поймешь ничего: что имъ надо!—вторилъ Смѣлковъ.

— Денегъ имъ надо!—практически замѣтилъ Юхновичъ.

— Денегъ! Такъ ты работай, пиши тамъ всякія полезныя изслѣдованія, а не зубоскаль, не поднимай людей на смѣхъ, не нарушай общественнаго спокойствія...

— Бунтовщики!—огрызался Смѣлковъ.— Я, право, всѣ газеты закрылъ бы...

— И «Московскія Вѣдомости?»—спросилъ насмѣшливо Полубояркинъ.

— Ну, эти оставилъ бы, конечно...—понизивъ тонъ, проговорилъ Смѣлковъ. — Изъ петербургскихъ, пожалуй, оставилъ бы еще одну, а всѣ остальныя—фюить!..

— Рѣшено и подписано! — вполголоса, ехидно промолвилъ Полубояркинъ.

— Нынѣ каждый мальчуганъ все изъ принсипа...—шамкалъ генералъ.—И все это старое... «Ah, ça ira, ah ça ira!»... Глупости все! Прежде у насъ за это очень просто,— налѣво кругомъ маршъ на Кавказъ, въ рядовые!

— Нельзя же, генералъ, безъ уступокъ!.. Требованія времени...—возразилъ ему одинъ изъ мировыхъ судей.

— Требованія времени!—загорячился старикъ. О, pour l'amour Dieu!.. Уступки... Вотъ эти-то уступки насъ и погубятъ! Ни о какихъ уступкахъ мы и знать не должны... Вѣдь это самоубійство! Absolument!.. Помилуйте! Когда я былъ въ Москвѣ... лѣтъ двѣнадцать тому

назадъ... Тамъ я самъ, своими глазами, видѣлъ на улицѣ барышню... бѣжитъ съ книжками, растрепанная, толкается... и совершенный еще ребенокъ... Ее бы надо еще въ дѣтской держать, дѣлать ей отеческія внушенія... А вотъ опять недавно видѣлъ на полѣ пастуха... pardon!.. Еще совсѣмъ мальчуганъ, а ужъ сигарку куритъ... Imaginez vous! Своими глазами видѣлъ... Comme c'est joli! Ха!

Противъ такого убѣдительнаго доказательства растлѣнія современныхъ нравовъ мировой судья, повидимому, не нашелся ничего возразить. А генералъ горячился, стукалъ себя въ грудь, и въ словахъ его звучало что-то дѣтски-злобное, безсильное...

— Слышали, господа? И въ нашей сторонѣ агитаторъ проявился!—вдругъ громогласно заявилъ Григорій Потапычъ, самодовольно-хитренькимъ и торжествующимъ взглядомъ окидывая пирующихъ и, повидимому, съ совершеннымъ спокойствіемъ складывая на брюшкѣ свои бѣлыя, выхоленныя руки.

Онъ любовался произведеннымъ впечатлѣніемъ. Эффектъ, дѣйствительно, получился изрядный. Десятки глазъ вопросительно уставились на него: «что, молъ, дальше будетъ?» Генералъ засопѣлъ и какъ-то нервно поправилъ сбившуюся прядь волосъ. Даже нѣкоторыя изъ дамъ заинтересовались появленіемъ агитатора...

— И какъ же это? Онъ не взятъ? Ходитъ на свободѣ?—спросилъ Смѣлковъ.

— Не взятъ! — продолжалъ огорашивать почтенную публику Григорій Потапычъ.—Ходитъ, гуляетъ себѣ на свободѣ и, съ позволенія сказать, творитъ всякія пакости... Вы ничего не слыхали, Александръ Николаичъ?— обратился онъ къ исправнику, сидѣвшему отъ него черезъ нѣсколько кувертовъ.

— Не слыхалъ, не слыхалъ! — отозвался тотъ, мотая изъ стороны въ сторону головой, какъ худая, заѣзженная кляча.

— Да кто же это? Гдѣ онъ появился? Скажите пожалуста!—заговорили присутствующіе. — Отчего же его не схватятъ? Кто его видалъ, и гдѣ и какъ?...

— Въ Марьино пріѣхалъ къ этому... къ Сучковатову! — заговорилъ Григорій Потапычъ, перебивая дальнѣйшіе вопросы.—Сейчасъ съ крестьянами... крестьянъ мутитъ... Ну, знаете ихъ уловки! Говорятъ: какой-то учитель сельскій... родственникъ Сучковатовыхъ... А кто его знаетъ?

— Ахъ, объ этомъ-то я слышалъ...—замѣтилъ Полубояркинъ.—Это, дѣйствительно, какой-то дальній родственникъ старухи Сучковатовой.

— Да вы-то почему знаете?—накинулись на него. Вы знаете его?

— Говорятъ...

— Ну, батенька, нынче на это полагаться нельзя...—перебилъ его Юхновичъ.—Нынче, куда не оглянись, все оборотни...

— Да полноте, пожалуста! — защищался Полубояркинъ, прихлебывая портвейнъ изъ большой зеленой рюмки.—Вѣдь онъ же повѣреннымъ отъ крестьянъ являлся... Вамъ ужъ вездѣ мерещится...

— Повѣренный!—воскликнулъ саркастически Григорій Потапычъ.—А кто видъ у него спрашивалъ, кто повѣрялъ, что онъ именно то лицо и есть, которое указано въ паспортѣ... Нынѣ развѣ можно довѣрять какому-нибудь виду? Мало-ли ихъ шляется съ подложными видами... Ужъ, подлинно, оборотни!..

— Судья 3-го участка допустилъ же его?— возразилъ Полубояркинъ.

— Ровно-съ ничего не доказываетъ... Вашъ Федоръ Петровичъ хоть кого угодно допуститъ...—горячился хозяинъ.—Хорошъ повѣренный!—собираетъ къ себѣ по ночамъ крестьянъ, толкуютъ тамъ, читаютъ что-то... Это, Богъ знаетъ, что такое? Помилуйте! Да развѣ можно такъ разсуждать! Вонъ у Николая Сергѣича прошлую осень спалили хлѣбъ... И у насъ спалятъ,—раззорятъ... Да и насъ-то еще сожгутъ... Какъ это можно!.. Охъ, ужъ только вы—молодежь, либералы!..

И Григорій Потапычъ полушутливо погрозилъ пальцемъ своему противнику.

Наконецъ, Ольга Михайловна, соскучившись сидѣть съ барынями, величественно поднялась изъ-за стола, слегка двинувъ кресломъ.

— Прошу извинить, гости дорогіе!—провозгласилъ хозяинъ, поднимаясь вслѣдъ за женою.

Стулья опять задвигались, загремѣли; ложка, звеня, упала на полъ. Начались взаимныя раскланиванья и расшаркиванья направо и налѣво. Слышались извиненія... Почетному мировому судьѣ наступили на мозоль. «А-а, чо-о-ортъ!..» — прошипѣлъ тотъ. Опять общество разбрелось по всему дому. Барышни, въ сопровожденіи кавалеровъ, отправились въ садъ...

Вечеромъ открыли рояль. М-me Смольяни-

нова очень недурно сыграла для начала какое-то «Nocturno». Затѣмъ, по обыкновенію, жеманясь и отнѣкиваясь, барышни поочередно садились за рояль «плѣнять своимъ искусствомъ свѣтъ». Одна барышня — въ розовомъ --даже очень мило пропѣла:

«Ахъ, няня! Сладостныя рѣчи
Онъ все нашептываетъ мнѣ!
Съ восторгомъ жду я тайной встрѣчи
Съ нимъ въ темной рощѣ при лунѣ»...

Эта барышня была влюблена въ акцизнаго. Послѣдній куплетъ она исполнила такъ живо, съ такимъ чувствомъ, что даже сама немного сконфузилась и покраснѣла.

— Ахъ, какъ прелестно это пѣлъ Николаевъ! — скороговоркой замѣтила она, беря аккордъ и обращаясь къ слушателямъ, какъ бы желая затушевать свою неловкость.

А акцизный самымъ злодѣйскимъ образомъ крутилъ усы и, граціозно опершись на рояль, убійственно, въ упоръ смотрѣлъ на ея разгорѣвшіяся щечки и на ея высоко поднимавшуюся, бѣлую грудь, сквозившую изъ-подъ розовой дымки.

— Въ прошлую зиму я была въ Петербургѣ... въ клубѣ художниковъ... Тогда онъ пѣлъ «Няню» и еще что-то, не помню... Восхитительно! — бормотала въ смущеніи дѣвушка, чувствуя на себѣ плотоядный взглядъ акцизнаго...

За людской избой въ ту пору такъ же шла музыка и слышались оживленные разговоры. Кучеръ Смѣлкова, бывшій уже въ полпьяна, сидя на какомъ-то обрубкѣ и наигрывая на гармоникѣ, подпѣвалъ самъ себѣ:

«Ой, Никола! Ой, Никола!
Ты не знаешь мово горя.
Ой, машина! Ой, машина—
Мово друга утащила»...

Исправниковскій кучеръ хвастался, что одинъ только его баринъ можетъ по городу съ колокольчикомъ ѣздить и при этомъ случаѣ разсказалъ поучительную исторію о томъ, какъ полицейскіе остановили на базарной площади отца протопопа за то, что тотъ ѣхалъ съ колокольчикомъ. Смольяниновскому кучеру такое наглое бахвальство своего собрата показалось очень оскорбительно, и онъ, сильно возмутившись, ухарски вскинулъ на бекрень свою круглую шапочку и громогласно, со смѣхомъ, заявилъ, что «нашъ Григорій Потапычъ хоть по всему свѣту прокатитъ съ колокольчикомъ». Исправниковскій кучеръ выразилъ сомнѣніе на этотъ счетъ. Въ отвѣтъ ему Гаврила не нашелъ ничего лучше, какъ прямо констатировать тотъ фактъ, что «его исправникъ беретъ взятки», что «это всѣ знаютъ», что поэтому «имъ соваться со своимъ колокольчикомъ напередъ людей — нечего», да къ тому же и колокольчикъ у нихъ—плохой, звенитъ совсѣмъ не слышно, «какъ муха жужжитъ, а вотъ у насъ, такъ ужъ колокольчикъ, за пять верстъ слыхать»—и т. д.

Наступилъ вечеръ. Барскій домъ шумѣлъ и гудѣлъ... Женскій смѣхъ раздавался въ саду... Генералъ, шлепая ногами, слегка кланяясь дамамъ, прошелъ по залѣ въ сопровожденіи хозяина, съ помощью лакея спустился съ лѣстницы, былъ посаженъ въ карету и благополучно увезенъ домой... Григорій Потапычъ, взявъ дружески исправника подъ локоть, долго ходилъ съ нимъ по садовой террасѣ, оживленно разговаривая о чомъ-то вполголоса и сильно жестикулируя. Исправникъ преусердно качалъ и кивалъ ему головой... Григорій Потапычъ благоразумно мѣшалъ дѣло съ бездѣльемъ, хорошо памятуя русскую поговорку: «дѣвушка гуляй, а дѣла не забывай!»...

Синій ночной сумракъ закутывалъ окрестности. Темными купами, не шелохнувшись, стояли въ саду деревья. Слышнѣе запахло цвѣтами. Ароматъ скошеннаго сѣна доносился откуда-то порой. За садомъ, въ полѣ, поскрипывалъ коростель. Мигая и искрясь, проступали звѣзды на темномъ небѣ. И явственно было слышно, въ ночномъ безмолвіи, какъ изъ открытыхъ и ярко освѣщенныхъ оконъ залы раздавалось нѣжное, меланхолическое пѣніе.

«Проносилися дымныя тучки,
На лицѣ ея мѣсяцъ игралъ»...

Это пѣла барышня — въ бѣломъ. Она не была еще ни въ кого влюблена, хандрила, впадала въ меланхолію и любила напѣвать мрачные романсы.

Весело, прекрасно, шумно, пьяно, — съ удовольствіемъ и съ пользой для хозяевъ,— прошелъ въ Воздвиженскомъ день 11 іюля.

XV.

У Ивана Афанасьева открываются глаза.

Дня черезъ два послѣ смольяниновскаго пиршества на Рукавицыномъ хуторѣ разыгралась трагическая сцена, въ которой роль благороднаго отца исполнилъ — не вполнѣ

удачно — Иванъ Афанасьичъ, а Катенька— также не совсѣмъ удачно — сыграла роль угнетенной невинности...

Смеркалось. Въ мезонинѣ становилось темно. Хотя окна стояли растворены настежъ, но вѣтерокъ въ нихъ не подувалъ, и въ комнатѣ было душно, жарко. Рукавицынъ хуторъ и его окрестности, со своими полями, съ цвѣтами и зеленью, съ кустами и деревьями походили въ тотъ вечеръ на жарко натопленную оранжерею. Не задолго передъ тѣмъ шелъ дождь, но воздухъ почти нисколько не освѣжился... Катя бросила книгу, скинула съ себя платье и, оставшись въ одной сорочкѣ и юбкѣ, легла на диванъ. Она лежала навзничь, заложивъ руки подъ голову и закинувъ ногу на ногу. Жара томила и скука одолѣвала Катю. Идти въ садъ ей не хотѣлось, лѣнь, да къ тому же въ саду было еще довольно сыро...

Иванъ Афанасьичъ въ это время, напившійся чаю до девятаго пота, стоялъ на крыльцѣ и, заложивъ руки въ карманы своихъ полосатыхъ штановъ, съ любовью и самодовольнымъ видомъ знатока посматривалъ, какъ водили передъ нимъ воронаго жеребчика. Конь порывался скакнуть... Два конюха—два дюжихъ мужика—съ трудомъ держали его подъ уздцы. Конь храпѣлъ, съ силою раздувалъ ноздри и, вращая кровью налитыми глазами, потрясалъ своею великолѣпною, волнистою гривой...

— Звѣрь, а не лошадь!—съ восторгомъ промолвилъ про себя Иванъ Афанасьичъ, любуясь на воронаго.—Огонь, какъ есть—огонь!..

— Ты кверху-то не дери... Пускай вольно!—замѣтилъ онъ одному изъ своихъ конюховъ.—Во-во... Такъ! Ладно!

За избой послышался плаксивый, умоляющій женскій голосъ, но его скоро покрылъ собой грубый мужской говоръ... Иванъ Афанасьичъ слышалъ этотъ неясный, издалека доносившійся разговоръ, но не обратилъ на него вниманія. Вскорѣ на дворѣ показалась исполинская фигура Онисима Вуколыча, главнаго хуторскаго прикащика, помощника и повѣреннаго почти всѣхъ тайнъ Ивана Афанасьича. Своею обычною неловкою, неуклюжею поступью шелъ онъ прямо къ крыльцу...

Онисимъ былъ человѣкъ очень высокаго роста, большой силы и сложенья атлетическаго. Почти вплоть на его широкихъ плечахъ сидѣла большая кудластая голова. Впрочемъ, свои русые волосы также, какъ и бороду, онъ довольно часто и тщательно подстригалъ. Лицо его казалось какимъ-то расплывшимся... Носъ у него былъ приплюснутый, скулы широкія, ротъ длинный, съ толстыми губами и основательный, широкій подбородокъ. Такимъ можетъ казаться лицо, если смотрѣться въ какую-нибудь блестящую выпуклую поверхность, какъ, напримѣръ, въ самоваръ... Глядя на это тупое лицо, на эту ходячую массу мяса и костей, читатель только съ большой натяжкой призналъ бы Онисима Вуколыча за «вѣнецъ творенія». Глядя на эти мясистые, увѣсистые кулаки и вообще на всю эту фигуру, читатель невольно подумалъ бы, что этотъ человѣкъ — живое олицетвореніе грубой физической силы, и не ошибся бы... Онисимъ Вуколычъ любилъ показать ухарство, помѣряться силами; сбить кого-нибудь съ ногъ, раскровянить, искалѣчить — было для него дѣломъ молодечества. Съ чувствомъ удовольствія и гордости посматривалъ онъ на свои кулаки... Въ глазахъ его виднѣлась хитрость—не слишкомъ-то утонченная, но замѣнявшая ему умъ—такъ же, какъ чувство замѣнялось въ немъ грубою, животною чувственностью...

Иванъ Афанасьичъ дорожилъ этою дикой силой. Онъ очень хорошо зналъ, что Онисимъ не далекъ, что деликатныхъ порученій и дѣлъ дипломатическихъ ему поручать нельзя... Но что же за бѣда? У Рукавицына было множество такихъ дѣлъ, для которыхъ требовались лишь сноровка и наглость. И того, и другого въ старшемъ прикащикѣ было достаточно, а гдѣ не хватало ума, тамъ вывозила хитрость.

— Ѳедоську ребята поймали!—вполголоса сказалъ Онисимъ, и зло, плотоядно ухмыльнулся.

— Какую Ѳедоську? — съ недоумѣніемъ спросилъ Иванъ Афанасьичъ, переводя глаза на Онисима.

— Да кошаровскую Ѳедосью... сейчасъ въ саду накрыли! — пояснилъ тотъ. — Повадилась, вишь, къ намъ въ садъ ходить... И все это норовитъ какъ бы—вечеромъ, либо ночью забраться... Караульщикъ ужъ два раза ее видѣлъ. А я, значитъ, какъ узналъ, такъ сейчасъ и распорядился... Пришла сегодня, да и шляется чего-то за кустами, около дома... И все это, значитъ, крадется да оглядывается, въ окна засматриваетъ. Тутъ ее ребята и прихлопнули...

— Ладно, добро! Уводи! довольно!—крикнулъ конюхамъ Иванъ Афанасьичъ.—Ну?—обратился онъ затѣмъ къ Онисиму. За ви-

шеньемъ прилѣзла, что-ли? Крапивой бы ее, да и—къ чорту!

— Нѣ-ѣ-тъ, не за вишеньемъ, надо быть! — многозначительно посмотрѣвъ на хозяина, замѣтилъ Онисимъ, еще болѣе понизивъ голосъ.—Дѣло тутъ, кажись, что-то неладно... Письмо нашли при ней...

Онисимъ запустилъ руку въ карманъ своихъ штановъ и вытянулъ оттуда грязное, смятое и засаленное письмецо.

— Къ кому? — спросилъ хозяинъ, взявъ отъ него конвертикъ и вопросительно поворачивая его то той, то другой стороной.

Конвертъ былъ безъ всякой надписи.

— А вотъ, почитайте!—говорилъ Онисимъ Вуколычъ. — Только въ этомъ письмѣ, надо быть, вся сила... потому ужъ больно она отбивалась, никакъ не отдавала этого письмеца... Просто, всю руку мнѣ изгрызла, стерва!

— Что еще за оказія! Гм! — проворчалъ Иванъ Афанасьичъ и съ загадочнымъ письмомъ въ рукѣ, въ сопровожденіи Онисима вошелъ въ домъ.

Въ столовой, довольно большой комнатѣ съ бревенчатыми стѣнами и съ рядами потемнѣвшаго моха, съ разнокалиберной мебелью,—на кругломъ столѣ, покрытомъ черной клеенкой, стояли давно остывшій самоваръ съ чайнымъ приборомъ и небольшая керосиновая лампочка безъ абажура. Маленькій огонекъ мерцалъ въ лампочкѣ, стекло сильно закоптилось, и въ комнатѣ припахивало керосиномъ. Иванъ Афанасьичъ усѣлся за столъ, прибавилъ въ лампѣ огонь и, съ трудомъ разорвавъ плотно склеенный конвертъ, разложилъ передъ собой письмо. Онисим Вуколычъ поодаль присѣлъ на стулъ. Хитрая усмѣшечка, какъ тѣнь, скользила по его толстымъ губамъ, когда онъ смотрѣлъ на хозяина... Письмо было коротенькое, читать его было недолго, но, тѣмъ не менѣе, оно бросило въ жаръ Ивана Афанасьича и заставило его шибко покраснѣть. Письмо буквально гласило слѣдующее:

«Милая моя, Катерина Ивановна! Не знаю, къ худу или къ добру я васъ видѣлъ сегодня во снѣ. Вѣрьте—не вѣрьте, а я, кромѣ васъ, ни о чемъ думать не могу. Все представляю себѣ вашъ голосъ, ваши глазки, и просто, кажется, лишаюсь послѣдняго ума. Осчастливьте! На колѣняхъ умоляю васъ! Назначьте день, часъ и мѣсто, гдѣ бы я могъ излить вполнѣ передъ вами свои чувства. Выразить не могу, какъ мучитъ меня разлука. Пожалѣйте любящаго васъ до глубины души и до гроба.

Петръ Сопляскинъ».

«Я бы тебѣ излилъ!..Сволочь проклятая!» Такъ могла бы выразиться на словахъ первая мысль, пробѣжавшая въ головѣ Ивана Афанасьича по прочтеніи этого письма. Тревожныя, безпокойныя думы полѣзли одна за другой. ИванъАфанасьичъ былъ ошеломленъ, какъ отецъ и какъ аферистъ... Все была тишь, да гладь,—и вдругъ оказывается, что его дочка—«тихоня» состоитъ въ любовной связи съ управляющимъ Сопляскинымъ, съ этимъ «жидконогимъ франтомъ» — безъ копѣйки за душой! Темное подозрѣніе закрадывалось ему въ душу... «Ужъ у нихъ не заваривалось-ли чего ни на-есть на грѣхъ»? Если дѣвка задуритъ, да взбѣсится, — прости — прощай Марьино, и всѣ прекрасные планы насчетъ того, какъ бы облапить и заполонить Антошу! Скверное дѣло—одно слово! А, можетъ быть, и нѣтъ ничего? Такъ, можетъ быть, дурь, пустяки, одно баловство? Значитъ, первымъ дѣломъ, надо разузнать, какъ и что... А главное, чтобы слухъ не прошелъ! Надо досужіе рты зажать, гдѣ лаской, гдѣ таской... благо еще, что немного народу знаетъ про эти дѣла... Всѣ эти намѣренія, эти страхи и надежды — такъ быстро промелькнули въ головѣ Рукавицына, что Онисимъ не успѣлъ даже вволю и полюбоваться на смущеніе своего патрона.

— Пустое все! —пренебрежительнымъ тономъ сказалъ онъ, свертывая письмо и смотря разсѣянно въ окно.—А вотъ что, Онисимъ... Мы съ тобой поговоримъ такъ... Ты вѣдь у меня знаешь: ежели кто до меня хорошъ и я хорошъ до того! А ежели того... не прогнѣвайся!

— Какъ можно! Мы это даже довольно хорошо знаемъ!—подхватилъ Онисимъ, выразительно тряхнувъ головой.

—Ну то-то же! Я ужъ, братъ, тебя произведу...во-о какъ!—прищурившись и многозначительно проговорилъ Иванъ Афанасьичъ.—А ты, братъ, помалкивай лучше объ этомъ дѣлѣ... о Ѳедоськѣ-то! Понимаешь! Да и ребята-то пускай пустого не болтаютъ... Ну, да что тутъ! Ты парень смышленый, самъ ужъ знаешь, какъ оборудовать...!Ая ужъ тебя не оставлю... Вотъ только погоди маленько! На Бѣлоусовской хуторъ тебя хозяиномъ посажу... истинно—хозяиномъ!

Онисимъ совсѣмъ растаялъ: умѣлъ-таки Иванъ Афанасьичъ зубы заговаривать. Его

сильнѣе растрогали льстивые намеки на его смышленость, чѣмъ всѣ прелести Бѣлоусовскаго хутора. У Онисима была слабость казаться и считать себя умнѣйшимъ человѣкомъ, а поэтому похвалить Онисима за смышленость значило заставить его сдѣлать для васъ все, что угодно...

— Мы и такъ, Иванъ Афанасьичъ, очень довольны тобой...—ухмыльнувшись, проговорилъ Онисимъ Вукольичъ.—А болтать зачѣмъ? Болтать не для чего...Это мы понимаемъ! Что и говорить!...

— А теперь ступай-ка, Ѳедоську приведи ко мнѣ! приказалъ Рукавицынъ и, тяжело поднявшись со стула, отправился съ лампочкой въ свою комнату, сосѣднюю съ залой.

Половицы шибко заскрипѣли подъ грузными шагами Онисима Вукольича, и черезъ нѣсколько минутъ онъ привелъ въ кабинетъ къ Ивану Аѳанасьичу Ѳедоську. По мановенью хозяйской руки онъ тотчасъ же удалился, дверь кабинета заперлась, и несчастная бабенка, дрожащая отъ страха, очутилась наединѣ лицомъ къ лицу съ разсвирѣпѣвшимъ кулакомъ. Ѳедоська была баба среднихъ лѣтъ, невысокаго роста, кривая и съ невзрачнымъ лицомъ. Платокъ на головѣ ея сбился на сторону, и изъ-подъ него выпали темныя космы сухихъ, нечесаныхъ волосъ. Одеженка на ней жалкая—вся въ дырахъ и заплатахъ; ноги босыя и грязныя... Теперь ея единственный глазъ покраснѣлъ отъ слезъ; красныя и грязныя пятна—смѣсь грязи и слезъ—расходились по ея щекамъ. Она дрожала, подлинно какъ осиновый листъ, и задрожала еще пуще, когда Иванъ Афанасьичъ, нервно, торопливо, схвативъ со стѣны плетку, направился къ ней.

— А ты вонъ какими дѣлами заниматься! А! — тяжело дыша, заговорилъ Иванъ Афанасьевичъ, подступая къ Ѳедоськѣ.—А ты знаешь, что за это бываетъ вашему брату?.. Не зна-е-ешь, а? У-у, сволочь!..

— Батюшка! Иванъ Афанасьичъ... Помилуй!—забормотала баба и повалилась ему въ ноги.

Иванъ Афанасьичъ со всего размаха хлеснулъ ее плетью. Ѳедоська хотѣла тотчасъ же вскочить съ колѣнъ, но кулакъ придержалъ ее за шею въ наклонномъ положеніи и далъ ей еще нѣсколько ударовъ. Несчастная отчаянно билась, ежилась, но уже не кричала, а только какъ-то жалобно выла... Наконецъ, Иванъ Афанасьичъ бросилъ ее.

— Ну, смотри у меня! Ежели ты еще заявишься, не то будетъ!—прерывающимся голосомъ промолвилъ онъ.—Позову молодцовъ, да, какъ худую кобылу, въ два кнута примемъ... съ мѣста не встанешь! Ну, а теперь сказывай всю правду; что знаешь, все сказывай! Сколько разъ таскалась сюда?

Ѳедоська, вся ежась и всхлипывая, прижавшись къ притолкѣ, стояла, какъ говорится, ни жива — ни мертва. Несвязно и отрывочно, плаксивымъ, жалобнымъ тономъ объяснила она, что пришла на Рукавицынъ хуторъ только во второй разъ, что «Петръ Николаичъ» ввелъ ее «въ такой грѣхъ», что, кромѣ того, она ничего не носила и больше ничего не знаетъ.

— Ну, баба! Вотъ тебѣ мой сказъ!—грозно и сурово проговорилъ Иванъ Афанасьичъ, энергически потряхивая плетью передъ глазами почти обезумѣвшей отъ страха и боли Ѳедоськи.—Ты языкъ не распускай, слышь? Ни Боже мой! Ежели хоть одной душѣ пикнешь,—берегись, не миновать тебѣ бѣды... то-есть, я тебя, дьявола, изуродую, послѣдняго глаза тебя рѣшу... жизни не рада будешь... Слышь?

Иванъ Афанасьичъ съ силой ухватилъ ее за плечо и такъ тряхнулъ, что Ѳедоська, какъ кукла, замоталась у него въ рукахъ изъ стороны въ сторону.

— Слышу... слышу! — лепетала она жалобно.

— А теперь убирайся къ чорту! Чтобы духомъ твоимъ не пахло... А языкъ за зубами держи!—сказалъ кулакъ, выталкивая Ѳедоську изъ кабинета и провожая ее изъ дома.

Потомъ онъ опять возвратился въ свою комнату и нѣсколько минутъ ходилъ по ней взадъ и впередъ, задумчиво приглаживая волосы и обдергивая свой поясъ. Наконецъ, схвативъ роковое письмо, онъ отправился къ Катѣ въ мезонинъ. Дверь оказалась заперта.

— Отопри! — глухо зарычалъ онъ, стукнувъ дверною ручкой.

— Что тамъ еще такое!—не совсѣмъ спокойно промолвила дѣвушка, вскакивая съ дивана, и, накинувъ на себя большой сѣрый платокъ, пошла отмыкать дверь; въ тонѣ отца ей слышались злость и раздраженье.

Даже если бы у Кати рыльце не было въ пуху, то и въ такомъ случаѣ при видѣ раскраснѣвшагося и тяжело дышавшаго Ивана Афанасьича—она скоро поняла бы, что поднимается буря... Дѣвушка видѣла, что глу-

бокія морщины бороздили лобъ ея отца. Голосъ его звучалъ глухо... Какъ-то странно, неестественно — спокойно подозвалъ онъ дочь къ окну и бросилъ ей письмо почти въ лицо.

— Читай и радуйся!—зло-насмѣшливо, но сдержанно сказалъ онъ.

— Что такое...—лепетала Катя, какъ то растерянно беря письмо.

— А вотъ зажги огонь, такъ виднѣе будетъ!

Угрозой, холодомъ повѣяло отъ этихъ словъ, сказанныхъ, повидимому, спокойно, вполголоса... Катя насилу нашла спички, да и спички не слушались, — то ломались, то головки ихъ отскакивали. Наконецъ-то огонекъ загорѣлся... Сальный огарокъ, воткнутый въ мѣдный, покрившійся подсвѣчникъ—тусклымъ, мерцающимъ свѣтомъ озарилъ комнату, оставивъ дальніе углы ея въ тѣни... Тогда представилась такого рода картина: Катя, какъ-то приткнувшись бокомъ, сидѣла, на диванѣ за столомъ съ письмомъ въ рукахъ, а передъ нею, грозно опершись на столъ обѣими руками и слегка наклонившись, стоялъ Иванъ Афанасьичъ и пристально, со злостью смотрѣлъ на дочь. Лишь только дѣвушка пробѣжала первую строчку письма, густой, горячій румянецъ разлился по ея лицу.

— Ты любовную переписку заводить, а? Для того я тебя училъ, для того губернанку-то нанималъ, а?—заговорилъ вдругъ жестко и грубо Иванъ Афанасьичъ.—Хорошую барышню выростилъ, нечего сказать. Ха! Всякому прощалыгѣ на шею вѣшается... Э-эхъ ты...

При первыхъ же звукахъ грознаго, отцовскаго голоса, Катя вдругъ страшно поблѣднѣла и губы ея задрожали.

— Да я-то что же! Чѣмъ же я виновата, что ко мнѣ пишутъ...—сбивчиво заговорила она, не смотря на отца и какъ бы даже чувствуя себя не въ силахъ поднять на него глаза.

—Ха! Вишь ты!—сардонически прошипѣлъ Иванъ Афанасьичъ.—Такъ вотъ, не бойсь, безъ твоего вѣдома и стали бы писать къ тебѣ! Полно, дѣвка! Не морочь! Ѳедоська-то, вѣдь, призналась во всемъ... Плетка-то—не тетка! Скажешь, не бойсь.

— Господи! Да что же это такое... — забормотала Катя.—Наврать-то можно, пожалуй... да чѣмъ же я виновата, что онъ пристаетъ... Я и не думала... Я...

— Запѣла, небойсь: «я, я!»—передразнивающимъ топомъ перебилъ ее отецъ.—А вотъ ежели этихъ вздоровъ ты изъ головы не выкинешь, ежели я что-нибудь замѣчу, такъ я тебѣ волосья-то расчешу такъ, что и заплетать нечего будетъ... И-ихъ, безстыжая рожа! Ремнемъ бы тебя хорошенько... Свиданья назначать! Вишь ты... Красавица! Я тебя проберу... Будешь у меня помнить... Станешь мужчинамъ на шею вѣшаться...

Но эта нотація, болѣе походившая на грубое издѣвательство, чѣмъ на отеческое нравоученіе, разомъ оборвалась... Катя чувствовала себя вовсе не такою отчаянною грѣшницей, которая заслуживала бы такіе грязные эпитеты и оскорбленія, которыми надѣлялъ ее отецъ... Дѣвушка не выдержала...

— Вы рады замучить меня, я знаю... Это—подло, подло... Не узнавши ничего, ругаться... всячески ругать меня... Да что же такое я далась вамъ? Что я за несчастная... Господи!—вскрикнула Катя, закрывая лицо руками, и, плача и всхлипывая, бросилась на диванъ.

Припавъ головой къ спинкѣ дивана, она тяжко зарыдала, и почти тотчасъ же къ ея рыданьямъ примѣшался болѣзненный истерическій смѣхъ. Она вся вздрагивала... Крупныя слезы градомъ катились у нея между пальцами и падали на ея сѣрый платокъ и на черную, волосяную обшивку дивана.

— Дайте мнѣ... воды!.. Воды!—задыхаясь отъ слезъ и волненья, пролепетала Катя своими сухими, дрожащими губами.

— Нѣтъ, дѣвка! Шалишь! Ты не удивишь этимъ... Я, братъ, не посмотрю на это... Вотъ что! — тономъ ниже, но попрежнему зло и сердито, проурчалъ Иванъ Афанасьичъ.

Хотя онъ и говорилъ, что «не посмотритъ на это», но все-таки, видно, «посмотрѣлъ», потому что, захвативъ обличительное письмо, ушелъ изъ мезонина, причемъ такъ сильно двинулъ дверью, что та чуть съ петель не слетѣла. Ворча и ругаясь, спустился онъ внизъ и, встрѣтивъ Лизутку, приказалъ ей отнести воды въ мезонинъ.

Тѣмъ, собственно, его исторія съ дочерью и кончилась, если только не считать того обстоятельства, что отецъ съ дочерью послѣ этой сцены цѣлую недѣлю не говорили; Катя не выходила изъ мезонина и слегка прихварывала, а Иванъ Афанасьичъ съ той поры сталъ болѣе зорко приглядывать за дочкой. Но для Антоши Сучковатова эта маленькая семейная исторія возымѣла очень большія и роковыя послѣдствія.

«Положимъ, я теперь смирилъ ее, нагналъ

таки холоду... — раздумывалъ въ ту ночь Иванъ Афанасьичъ, оставшись одинъ.—Ладно! Все это такъ... но вѣдь все это на время... А ну какъ дѣвка взбѣсится, да пойдетъ куралесить... Чортъ вѣдь ихъ узнаетъ, прости Господи! Тогда вѣдь совсѣмъ бѣда... Тогда ужъ свисти въ кулакъ!» Такія тревожныя, невеселыя размышленія заставили Ивана Афанасьича торопиться, поскорѣе приводить въ исполненіе уже давно задуманные имъ планы относительно женитьбы Антоши Сучковатова. Благо, онъ уже растянулъ изрядную паутину, и теперь, кажется, не трудно было запутать въ нее глупенькую муху... Дѣйствовать, дѣйствовать надо! Пора!.. Смущало и сердило его еще то обстоятельство, что «муха» за послѣднее время очень рѣдко стала показываться на хуторѣ и давненько уже не была. Поохотившись въ Замошьи, Антоша, по обыкновенію, пуще прежняго сторонился отъ Рукавицына хутора и отъ всѣхъ обитателей его. Претила ему, просто, дорога на хуторъ... Потомъ Иванъ Афанасьичъ долго и безпокойно ворочался на постели въ ту ночь оттого, что оставался въ полнѣйшей неизвѣстности на счетъ дѣйствительныхъ отношеній Кати къ Сопляскину. «Ужъ не заварилось-ли у нихъ чего ни на есть?» Ѳедоська божится, что только второе письмо принесла; Катя отпирается, говоритъ: «и не думала»... А тотъ «жидконогій» пишетъ: «Все представляю себѣ ваши глазки»... Вотъ и разбирай тутъ, какъ знаешь! Лѣшій ихъ разберетъ... Темно, «ничего въ волнахъ не видно»... «Ежели только цѣловались, то еще не велика бѣда!—раздумывалъ родитель. Поцѣлуй, извѣстное дѣло, на губахъ не виснетъ... Развѣ до выхода замужъ дѣвки мало цѣлуются?»

Ивану Афанасьичу до вопросовъ о высшей нравственности, въ сущности говоря, было столько же дѣла, сколько до прошлогодняго снѣга. И впослѣдствіи, слыша, что та или другая дѣвка гуляетъ, онъ преспокойно махалъ рукой и лаконично замѣчалъ: «Наплевать!..» Рукавицынъ прежде всего былъ барышникъ, кулакъ, человѣкъ дѣловой. Съ дѣловой точки зрѣнія онъ смотрѣлъ на весь божій міръ, на всѣ его явленія. Съ этой же дѣловой точки зрѣнія смотрѣлъ онъ и на нравственность своей дочери. Онъ боялся только того, чтобы она «не спала въ цѣнѣ», чтобы «не продешевить» ему съ невѣстой. Рукавицынъ такъ же точно заботливо присматривалъ, чтобы его конюхи какъ-нибудь не испортили дорогую лошадь... Онъ махнулъ бы рукой на конюховъ и на конюшни, если бы былъ совершенно увѣренъ, что покупатели не станутъ объѣгать его запаленныхъ, калѣченныхъ лошадей...

Безпокойную ночь провелъ Иванъ Афанасьичъ, но, въ концѣ концовъ, рѣшился непремѣнно, во что бы то ни стало, начать дѣйствовать—и дѣйствовать скорѣе.

XVI.

Одна маленькая дѣвичья тайна.

Стыдъ, досада, злость и страхъ передъ сплетней—непріятно волновали Катю. Она тоже не могла долго заснуть въ ту ночь... Она чувствовала себя очень несчастною, много оскорбленною, но очень мало виноватою...

Петръ Николаевичъ Сопляскинъ—управляющій однимъ барскимъ имѣньемъ въ верстахъ 7 отъ Рукавицына хутора—былъ молодой человѣкъ, брюнетъ, очень не дуренъ собой и франтъ большой руки. Онъ носилъ бѣлоснѣжныя рубахи съ высокими, модными въ ту пору—стоячими воротничками, расчесывалъ на головѣ англійскій проборъ, пальцы украшалъ перстнями и прыскался духами Ess-bouquet, словомъ,—слылъ за отчаяннаго щеголя и сердцѣда. Катя встрѣчалась съ нимъ у Шумилиныхъ, изрѣдка въ церкви, на базарѣ. Она, конечно, не могла не замѣтить этого красиваго щеголя и не могла отказать себѣ въ удовольствіи пококетничать съ нимъ на зло «Шумилинскимъ» и прочимъ. Петръ Николаевичъ, со своей стороны, былъ такого полета птичкой, что всегда былъ не прочь поухаживать за хорошенькой, молоденькой женщиной, кто бы она ни была—безразлично: замужняя-ли, вдова или дѣвушка... Онъ съ гордостью заявлялъ, что «знаетъ толкъ въ женщинахъ», разбиралъ ихъ по статьямъ, какъ лошадей, и по различнымъ, извѣстнымъ ему примѣтамъ, заключалъ о достоинствѣ тѣхъ или другихъ женскихъ прелестей... Катя съ ея милымъ личикомъ, съ кокетливо высматривающими глазками, съ массой бѣлокурыхъ волосъ на хорошенькой головкѣ и съ довольно стройнымъ станомъ была оцѣнена по достоинству нашимъ барковскимъ Донъ-Жуаномъ и заинтересовала его не на шутку. Катя же, какъ сказано, со своей стороны, оказывала ему вниманіе, то-есть, съ видимымъ удовольствіемъ болтала съ нимъ, шутила, смѣялась и дѣлала «глазки»...

Петръ Николаевичъ сначала, просто, по привычкѣ ухаживалъ за нею и дальше балагурства, да дешевыхъ комплиментовъ идти не думалъ. Но когда дѣвушка начала съ нимъ кокетничать, намѣреніе его сдѣлалось болѣе серьезно, мысли его стали залетать дальше простого ухаживанья. При своей хорошенькой наружности, Катя была «не какой-нибудь дуботолкъ», какъ говаривалъ про нее отецъ, да и къ тому же еще — невѣста богатая. Управляющій это очень хорошо зналъ, и поэтому жениться на Рукавицыной ему представлялось дѣломъ положительно выгоднымъ. Но онъ жестоко ошибался на счетъ чувствъ своей предполагаемой суженой...

Катя съ нимъ, просто, играла отъ скуки, отъ бездѣлья, играла изъ желанія *поиграть*, позлить знакомыхъ барышень, восхищавшихся управляющимъ. Въ самомъ дѣлѣ, ни занятій, ни развлеченій никакихъ; отецъ вѣчно занятъ своими дѣлами, мужиками и лошадьми, Антоша бываетъ рѣдко, и ни одной интимной, близкой подруги, съ которою можно было бы хоть поговорить обо *всемъ* и отвести душеньку... Стряпней Понсонъ-дю-Террайля и Борна не представлялось возможности наполнить жизнь даже и для Катеньки Рукавицыной. Лучше хоть кокетничанье, чѣмъ ничего; лучше какія нибудь глупыя мечты, чѣмъ скука и пустота безысходныя, безпросвѣтныя. Петръ Николаевичъ вовсе не говорилъ ея сердцу и даже очень мало будилъ ея чувственность... Онъ казался ей слишкомъ прилизанъ, слишкомъ сладокъ, приторенъ; съ хорошенькими женщинами, казалось, онъ былъ совершенно не въ состояніи спорить и только могъ соглашаться, поддакивать имъ. Катя называла его «конфетнымъ кавалеромъ»... Антоша Сучковатовъ былъ для нея гораздо привлекательнѣе, не смотря на свои грубыя и рѣзкія, небрежныя манеры. Антоша своими противорѣчіями и насмѣшками часто злилъ ее, но онъ же за то заставлялъ и вспыхивать ее, заставлялъ ея сердечко биться шибко-шибко и замирать отъ страстныхъ волненій. И Антошу она также не любила—въ точномъ смыслѣ этого слова, но она была влюблена въ него, привыкла къ нему, могла съ наслажденіемъ мечтать о немъ, о его ласкахъ... Ничего подобнаго не чувствовала она къ управляющему.

Петръ Николаевичъ принялъ ея игру за серьезное влеченіе къ себѣ, и самъ увлекся— и ошибся... Онъ былъ человѣкъ отважный и рѣшительный. Вздумавъ завязать интригу, онъ тотчасъ же за рубль серебра подкупилъ Ѳедоську, бѣдную барковскую бабенку, и черезъ нея переслалъ Катѣ письмо, въ которомъ коротко и ясно объяснился ей въ любви и просилъ ему назначить свиданье, «если онъ ей не противенъ», какъ значилось въ концѣ письма. Первымъ побужденіемъ Кати, по прочтеніи этого письма, было взять письмо, бросить его въ печь и оставить безъ отвѣта, а при свиданіи дать понять Петру Николаевичу, что онъ попалъ не туда, куда мѣтилъ. Но потомъ скука, одиночество, отлыниванье Антоши заставили ее перемѣнить рѣшенье. Воображеніе, романически настроенное чтеніемъ Понсонъ-дю-Террайля и другихъ, ея давнишняя мечта быть героиней и, наконецъ, привлекательная таинственность запрещеннаго плода заставила ее согласиться на просьбу управляющаго. Тѣмъ же путемъ, то-есть, черезъ несчастную Ѳедоську былъ посланъ ему отвѣтъ. Свиданье назначено вечеромъ, въ десять часовъ, (въ эту пору Иванъ Афанасьичъ уже ложился спать), въ саду, на берегу рѣки...

Въ день, назначенный для свиданья, Катя сильно волновалась. Ей стало жутко, страшно, но въ то же время ей было интересно узнать: что это такое—тайныя свиданія и какъ происходятъ онѣ въ дѣйствительности. Хотя она увлекалась романами, но не вѣрила имъ на слово... Всѣ эти сбивчивыя ощущенія, переходя отъ сладкихъ, любовныхъ мечтаній, къ страхамъ и ужасамъ, вдругъ могущимъ возникнуть передъ нею,—смущали и забавляли ее. Чѣмъ время ближе подходило къ вечеру, тѣмъ Катя пуще волновалась. Она дважды купалась и все-таки не могла найти себѣ нигдѣ мѣста отъ духоты и жары. Въ IX часовъ— за часъ до «роковаго» свиданья (она называла его уже почему-то «роковымъ»), Катя вдругъ почувствовала страшную слабость... Была такая минута, когда дѣвушка совсѣмъ хотѣла отказаться отъ всякихъ «роковыхъ» свиданій и остаться у себя въ мезонинѣ. Но любопытство, мечтательность и восторженное желаніе видѣть себя героиней—пересилили всѣ страхи.

Подойдя къ зеркалу, она накинула на голову бѣлую, кружевную косынку, высвободила изъ-подъ нея нѣсколько тонкихъ прядей своихъ прекрасныхъ бѣлокурыхъ волосъ, слегка взбила ихъ и внимательно посмотрѣла на себя въ зеркало. Потомъ, наклонивъ свою хорошенькую головку, она усмѣхнулась и

плутовски, изъ-подлобья посмотрѣла въ зеркало; потомъ, откинувъ назадъ голову, и, сжавъ крѣпко губы, она посмотрѣла строго, величаво, цѣломудренно, какъ весталка,—и, наконецъ, вдругъ склонила слегка голову на бокъ и съ томною нѣжностью, вызывающе и ужъ вовсе не цѣломудренно стала смотрѣть куда-то вдаль — въ темную глубину зеркала...

Женщины, подобныя Катенькѣ Рукавицыной, очень много часовъ въ своей жизни проводятъ передъ зеркаломъ. Онѣ не только любуются собой, смотрясь въ него, нѣтъ! передъ зеркаломъ онѣ становятся актрисами, заучиваютъ свои роли, взгляды, повороты головы, пожиманія плечами, улыбки, поклоны, граціозныя движенія рукой и проч.

Катя собиралась пошалить... Но она *шалила*, такъ сказать, серьезно, съ увлеченіемъ. Сердце ея сильно, учащенно билось и замирало, дыханіе ея было неровно и прерывисто, когда она въ тотъ лѣтній вечеръ спускалась въ садъ... Она—*героиня* романа, она *идетъ на тайное свиданіе*; *темная ночь*, *темный садъ* и въ тьмѣ ночной *ее поджидаетъ любовникъ*... Тамъ, *надъ рѣкой*, они встрѣтятся... *Страстныя*, *пылкія рѣчи*, *увѣренія и мольбы!* А поцѣлуи у нихъ будутъ? Натурально. Развѣ же безъ поцѣлуевъ обходится дѣло? Какое же это свиданье безъ поцѣлуевъ! Катя думаетъ, что поцѣлуи при свиданіи должны быть, но не увѣрена въ этомъ вполнѣ... А объятія? Ну, ужъ и объятія! Достаточно однихъ поцѣлуевъ...

Она нерѣшительно шла по аллеѣ, словно прислушиваясь къ тому, какъ подъ ногами ея хруститъ песокъ. Въ саду было уже темно, и дѣвушка съ чувствомъ жуткимъ и боязливымъ всматривалась въ эту темь... На назначенномъ мѣстѣ она нашла управляющаго. Тотъ, первымъ долгомъ, схватилъ ея руку и поцѣловалъ... Отъ калитки они отошли въ густую тѣнь деревьевъ. Кругомъ нихъ, въ ночныхъ сумракахъ, расходился по саду легкій шелестъ, шорохъ. Липы, подъ которыми они стояли, были въ цвѣту и обдавали ихъ своимъ сладкимъ запахомъ. Изъ-за сѣтки древесныхъ вѣтвей было видно, какъ тамъ, вдали, надъ потемнѣвшимъ степнымъ горизонтомъ краснымъ краемъ вырѣзывался всходившій мѣсяцъ... Летучая мышь черною тѣнью пронеслась между деревьями и потонула во мракѣ, Какая-то ночная птица хрипло, глухо прокричала за рѣкой...

Обстановка была романическая... Впрочемъ, Катя гораздо большаго ожидала отъ тайнаго свиданія, чѣмъ оно дало ей на самомъ дѣлѣ. Это—такъ. Но мы сказали бы ложь, если бы стали увѣрять, что дѣвушка осталась недовольна этими ночными похожденіями. Петръ Николаевичъ несъ всякій любовный вздоръ, сыпалъ общими, избитыми фразами, но для Кати этотъ вздоръ и эти фразы звучали очень мило и музыкально. Ей пришлось выслушать, съ маленькими варіяціями, то же, что уже значилось въ письмѣ. Она слушала признанія то лукаво усмѣхаясь, то разсѣянно и томно вглядываясь въ темноту и играя концами своей бѣлой косынки. Ее заинтриговала роль героини, ей нравилась эта таинственность, этотъ страстный шопотъ. Она ничего также не имѣла противъ того, что Петръ Николаевичъ, на прощанье, обнялъ ее и, крѣпко прижавъ къ своей груди, поцѣловалъ ее въ щеку... Но не обошлось и безъ смѣшного... Подходя къ калиткѣ, управляющій запнулся за какой-то пенекъ и чуть не расквасилъ себѣ носъ. Катя насилу удержалась, чтобы не расхохотаться...

Только и было... *Теперь* Катя сильно досадовала на эту «конфетку» за то, что она ввела ее въ такую бѣду. Теперь она безъ злости не могла вспомнить тѣхъ оскорбленій и грубостей, какими осыпалъ ее отецъ... «Мужчинамъ на шею вѣшаешься... безстыжая рожа... ремнемъ бы тебя... я тебя проберу!..» Всѣ эти дикія слова, точно огнемъ выжженныя, не шли у нея изъ памяти. Грудь ея высоко поднималась, дыханіе было тяжело и прерывисто, а все лицо ея—щеки, уши, даже шея горѣли румянцемъ, какъ будто отцовскій ремень дѣйствительно уже коснулся ея... Эти воспоминанія ужасныя, непріятныя, какъ кошмаръ, душили ее. Катя тяжело вздыхала, ворочаясь на постели. Отецъ съ нею еще никогда такъ не говорилъ, никогда! И все это изъ-за этой мерзкой «конфетки!» Слезы огорченія и обиды подступали ей къ горлу. Слезы дрожали у нея на рѣсницахъ, катились по ея разгорѣвшимся щекамъ, падали ей на руку, на подушку...

Кромѣ того, дѣвушка страшно боялась огласки, боялась сплетень. Въ барковской сторонѣ какъ разъ изъ мухи слона сдѣлаютъ; втоптать въ грязь имя дѣвушки, мазнуть его дегтемъ, со смѣхомъ пронести на базарѣ и по всѣмъ трактирамъ — здѣсь ровно ни почемъ... Охъ, лучше отцовскій ремень, чѣмъ

эта черная, гнусная сплетня, какъ позорная язва, никогда не заживающая!

Катя приключившуюся съ ней бѣду объясняла, просто, несчастною случайностью. Ѳедосью какъ-нибудь увидали работники, схватили, нашли у нея письмо и представили его отцу. Катя и не думала, что ей, въ этомъ случаѣ, подрадѣлъ одинъ человѣкъ, близко жившій къ ней, ползавшій, такъ сказать, у ея ногъ, на котораго никогда не могло бы упасть ея подозрѣніе. Этотъ человѣчекъ, такъ зло подрадѣвшій ей, былъ никто иной, какъ старшій прикащикъ ея отца, Онисимъ Вуколычъ, на котораго барышня, съ высоты своего величія, всегда смотрѣла такъ недоступно, съ такимъ холоднымъ пренебреженьемъ, какъ будто вовсе не хотѣла замѣчать его...

А дѣло, между тѣмъ, происходило именно такъ, а не случайно...

Грубою, животною, но страстною любовью давно уже любилъ Онисимъ Вуколычъ хозяйскую дочь, любилъ про себя, въ глубокой тайнѣ и такъ сильно, какъ только можетъ любить совершенно здоровый физически, сильный, хищный звѣрь. Никто еще не зналъ про эту странную любовь, да и знать не могъ, потому что Онисимъ ни словами и ни какими поступками не проявлялъ ее передъ людьми... Но если бы кто-нибудь, уже предупрежденный, вздумалъ слѣдить за Онисимомъ, то онъ могъ бы замѣтить кое-что... Случалось какъ-то такъ, напримѣръ, что если Катя выѣзжала одна изъ дома — къ Шумилинымъ, въ Марьино или въ церковь къ обѣдни, то Онисимъ почти всегда почему-то замѣнялъ кучера. Иванъ Афанасьичъ, зная его любовь къ лошадямъ, только подсмѣивался его услужливости и только упрашивалъ его не шибко гнать лошадей и не пугать барышню.

— Какъ можно! Для чего же пугать! — обыкновенно отвѣтствовалъ онъ лаконически, ухмыляясь себѣ въ бороду, и ради форсу одною лѣвою рукой сдерживалъ рвавшуюся впередъ тройку.

Иванъ Афанасьичъ считалъ Катю въ большей безопасности съ Онисимомъ, чѣмъ съ кѣмъ-либо изъ конюховъ. И Онисимъ, дѣйствительно, возилъ барышню съ такой великой осторожностью, какъ будто бы она была хрупкою стеклянною вещицей. Спускаясь подъ гору, онъ заставлялъ коренника сползать чуть не на хвостѣ... Если же барышня говорила, чтобы онъ ѣхалъ поскорѣе, тогда Онисимъ Вуколычъ, намотавъ возжи на руки, пускалъ пристяжныхъ во всю скачь, — и тройка тогда неслась птицей! У Кати духъ захватывало отъ такой быстрой ѣзды, и она весело смѣялась, цѣпляясь рукой за край экипажа. И жутко, и хорошо.

— Тише, тише, Онисимъ! Довольно... Бога ради!—испуганно вскрикивала, наконецъ, дѣвушка, когда скачка становились все бѣшенѣе и бѣшенѣе...

Тогда возница всѣмъ туловищемъ быстро откидывался назадъ и своими могучими руками сдерживалъ разъяренныхъ животныхъ, раздирая иногда имъ до крови рты трензелемъ, съ котораго уже хлестала на земь желтоватая пѣна.

— Только тятенькѣ не сказывайте! А то ужъ я уважу...—говорилъ въ такихъ случаяхъ Онисимъ, полуоборачиваясь къ барышнѣ со своего сидѣнья и лукаво подмигивая ей.

Онъ, казалось, былъ невообразимо радъ тому, что хоть какая ни на есть маленькая тайна существуетъ между нимъ и барышней и какъ бы связываетъ ихъ. Онисимъ Вуколычъ былъ счастливъ по своему въ тѣ минуты; онъ везъ барышню, былъ съ нею наединѣ, доставлялъ ей удовольствіе, показывалъ ей свою силу, свое ухарство, наконецъ, барышня въ тѣ минуты до нѣкоторой степени находилась въ зависимости отъ него, въ его власти... Развѣ мало этого? Затѣмъ, онъ могъ еще переговариваться съ ней о томъ — о семъ... А барышня, между тѣмъ, почти и не замѣчала ни его, ни его счастья.

Иногда случалось, что Катенька сидѣла въ столовой въ то время, какъ Онисимъ разсуждалъ съ Иваномъ Афанасьичемъ о дѣлахъ. Тогда посторонній проницательный наблюдатель могъ бы замѣтить, что старшій прикащикъ порой пристально, жадно всматривался въ дѣвушку изъ-подъ своихъ нахмуренныхъ бровей. «Ровно съѣсть хочетъ!» сказалъ бы про себя такой наблюдатель.

Для Онисима Вуколыча хозяйская дочка была краше всѣхъ женщинъ на свѣтѣ. Онъ благоговѣлъ передъ нею. По одному ея мановенью онъ готовъ былъ на все... Онъ готовъ былъ, какъ прирученный медвѣдь, плясать и кривляться передъ нею ради потѣхи, онъ, какъ собака, готовъ былъ лизать подошвы ея ногъ... Но въ минуты ярости и злобы онъ же могъ быть съ нею и страшно, возмутительно жестокъ. Онъ могъ бы ломать ея бѣлыя руки такъ, что только кости бы

захрустѣли, онъ могъ бы въ минуту разбить, изуродовать ея красивое лицо, могъ бы даже, просто, свернуть ей шею... Но теперь, пока, онъ только благоговѣлъ передъ барышней, Катериной Ивановной... Странныя дикія мечты кружились иногда въ его воображеніи, когда онъ, бывало, ночью безъ сна лежалъ на своемъ сѣновалѣ, смотря на щели, свѣтившіяся въ крышѣ. Взять бы барышню, утащить ее куда-нибудь въ лѣсъ далеко-далеко и тамъ насильно сдѣлать ее своею... Или вдругъ мечты его принимали болѣе практическій полетъ. Онисимъ Вуколычъ разживется, сдѣлается богатѣемъ и женится на ней... Ахъ, прекрасно!

Пока эти несообразныя мечты кружились въ воображеніи Онисима Вуколыча, оставляя послѣ себя, вмѣсто утѣшенія, горечь и пустоту, Катенька, того и гляди, могла ускользнуть изъ родительскаго дома. Женихи безпокоили, мучили Онисима, еще пуще разжигая его страсти и будя ревность. А женихи-таки навертывались. Изъ города одинъ купчикъ подъѣзжалъ, да дѣло что-то разошлось. Послѣ него явился Антонъ Васильичъ, и вотъ уже третій годъ таскается на хуторъ, а рѣшенія никакого не выходитъ. Онисимъ смотритъ на Антошу съ презрѣньемъ и не особенно боится этого жениха. Онисимъ все знаетъ, что происходитъ у хозяевъ, знаетъ онъ также или—вѣрнѣе—угадываетъ и планы Ивана Афанасьича относительно Сучковатова. Въ этомъ случаѣ Онисимъ видитъ главную опасность со стороны хозяина... Но онъ надѣется, что Антоша своимъ безпутствомъ самъ разстроитъ замыслы Ивана Афанасьича.

Какъ зоркій, злой Аргусъ, никѣмъ не подозрѣваемый, слѣдилъ Онисимъ за барышней. Если бы Катя знала о существованіи этого неподкупнаго, добровольнаго Аргуса, то, конечно, давно бы уже отказалась отъ всякой мысли завести какую бы то ни было интрижку... Увидавъ Ѳедоську разъ - другой на хуторѣ, старшій прикащикъ сразу заподозрилъ въ ея появленіяхъ что-то неладное. Поймавъ бабенку, онъ легко выпыталъ у нея подъ угрозой кнута всю подноготную и, представивъ письмо Ивану Афанасьичу, разомъ порвалъ начинавшуюся любовную интригу. Онисимъ Вуколычъ былъ очень радъ этому открытію. Онъ съ злобнымъ удовольствіемъ подслушивалъ въ сѣняхъ, какъ Иванъ Афанасьичъ расправлялся съ Ѳедоськой, какъ потомъ онъ пошелъ къ дочери наверхъ, какъ тамъ крупно заговорили, какъ барышня заплакала,—и вышелъ изъ сѣнецъ совершенно успокоенный и довольный собой лишь тогда, какъ хозяинъ треснулъ изо всей силы дверью и сталъ спускаться съ лѣстницы и звать Лизутку,

Этой интрижкой, такъ ловко открытой, Онисимъ Вуколычъ намѣревался такъ же воспользоваться при случаѣ для того, чтобы отпугнуть и отогнать Сучковатова отъ Катерины Ивановны, если бы дѣло у нихъ, паче чаянія, пошло на ладъ.

Онисимъ изподтишка слѣдилъ также и за Антошей. Онъ усердно сообщалъ Ивану Афанасьичу о всѣхъ похожденіяхъ и кутежахъ молодого человѣка, но въ этомъ случаѣ усердіе его пропадало напрасно.

— А, чортъ съ нимъ! Пускай перебѣсится... Потомъ смирнѣе станетъ!—говаривалъ ему въ отвѣтъ хозяинъ.—Вѣдь не красная дѣвушка... Наплевать!

Кутежи и мотовство Антоши Ивану Афанасьичу были прямо на руку, потому что они съ головой выдавали ему Антошу — со всѣми его векселями и росписками.

Онисимъ Вуколычъ думалъ: не лучше-ли ему будетъ обратиться съ такими доносами прямо къ барышнѣ. Сказать, напримѣръ, что Антонъ Васильичъ повадился ѣздить въ Замошье на охоту, что это не спроста... «А тамъ ужъ наврать можно!» (О дѣйствительныхъ отношеніяхъ Антоши къ дочери Пармена Рогова этотъ соглядатай еще не успѣлъ пронюхать).

Конечно, только ночью Онисимъ Вуколычъ могъ мечтать о женитьбѣ на барышнѣ и только могъ грезить наяву, что онъ уносилъ Катю куда-то въ лѣсъ. При дневномъ же свѣтѣ онъ не могъ серьезно надѣяться, что его мечты оправдаются на дѣлѣ. Онъ былъ не настолько глупъ, чтобы утѣшаться такой надеждой... Но все-таки онъ рѣшилъ употребить всѣ усилія для того, чтобы не выпустить барышню съ хутора. Пока она дома, не замужемъ, можно еще на все надѣяться... глупо, несбыточно, напрасно, а все же надѣяться. Онъ, какъ собака, лежалъ теперь на сѣнѣ, самъ его не ѣлъ и другимъ ѣсть не давалъ,—лежалъ, ворча и скаля зубы...

КНИГА ВТОРАЯ.

I.

Смутное время въ Марьинѣ.

— Надо, братъ, мнѣ съ тобой поговорить, Антонъ Васильичъ...

— Денегъ опять въ долгъ понадобилось, что-ли? Проваливай, братъ, съ этимъ! У самого нѣтъ...

— Не о деньгахъ дѣло! Тутъ, братецъ ты мой, такое дѣло, просто—ай, ай!.. Вотъ пойдемъ-ка, пройдемся немножко!..

Такъ говорилъ однажды въ базарный день завсегдатай барковскихъ пирушекъ, Михайла Иванычъ Охлестышинъ, подхвативъ Антошу подъ руку и выходя съ нимъ изъ трактира. Оба были навеселѣ, оба были красны и слегка пошатывались. Михайла Иванычъ сдвинулъ фуражку на затылокъ, и пряди его рѣдкихъ, сѣдоватыхъ волосъ свѣсились ему на лобъ. А Антоша свою маленькую, круглую шапочку лихо заломилъ на бекрень и шелъ, сбивая хлыстомъ пыль со своихъ длинныхъ, охотничьихъ сапогъ... Базаръ уже кончился, улица пустѣла. Наступалъ вечеръ... Въ одномъ изъ переулковъ слышалась пьяная мужицкая пѣсня; гдѣ-то во дворѣ кудахтали куры; собачій лай доносился издалека...

— Что тамъ у васъ съ нимъ было, я ужъ, право, не знаю...—заговорилъ Михайла Иванычъ. — Только, братъ, по всему видно, что онъ шибко на тебя осерчалъ...

— Да кто—онъ-то? Говори толкомъ!—съ досадой и нетерпѣніемъ перебилъ его Антонъ Васильичъ, лѣниво идя посрединѣ деревенской улицы и разсѣянно поглядывая по сторонамъ.

— Да Иванъ Афанасьичъ... Кто же еще!—возразилъ ему собесѣдникъ.—Онъ вѣдь утромъ, еще до тебя, былъ здѣсь... встрѣтилъ меня на базарѣ, затащилъ въ трактиръ, чайкомъ побаловались, ну и все такое... Объ тебѣ рѣчь зашла... Ругается. «Таскался, таскался», говоритъ, «на хуторъ ко мнѣ, а тутъ», говоритъ, «вдругъ разомъ ровно отрѣзалъ»... Извѣстно, говорю, человѣкъ молодой... ну, значитъ, туда-сюда... Отъ ихнаго брата, говорю, аккуратности требовать нельзя...

— Ну-ну! А онъ что?— спросилъ лѣниво Антоша, когда разсказчикъ немного пріостановился.

— Я, говоритъ, этакую мораль напускать на себя не позволю... Я, говоритъ, его—милаго дружка—подтяну!.. И напустился онъ на тебя—страсть! Только я никакъ не понялъ: что у васъ тамъ съ нимъ вышло и изъ-за чего...

— Гм! Толстобрюхій чортъ!..—проворчалъ Антоша, сердито нахмуривъ брови и хлестнувъ по сапогу хлыстомъ.—«Подтяну»! Ха! Я самого его подтяну, дьявола... Гм! Стращать еще выдумалъ!..

—Да, да!—подхватилъ Михайла Иванычъ, поворачивая назадъ къ трактиру.—Ужъ такъ-то стращалъ, что, просто, страсть! Пойдемъ, братъ, выпьемъ!

— На чужія-то деньги ты охочъ пить!—замѣтилъ сердито Антоша.

—Своихъ-то, братъ, нѣтъ, Антонъ Васильичъ,—промолвилъ Михайла Иванычъ.—Свои-то ужъ пропилъ, да проугощалъ... Не бойсь, если бы были онѣ, не пожалѣлъ бы... Грѣхъ, братъ, укорять меня даровой выпивкой! Грѣхъ!.. Да развѣ даровая у меня выпивка? Нѣтъ! врешь! Не дешево она достается мнѣ! Мало, развѣ, ругаются надо мной? Ругается всякъ, кому не лѣнь! Вѣдь я изъ-за рюмки-то, какъ собаченка, на заднихъ лапкахъ хожу! Вѣдь изъ меня шута, посмѣшище сдѣлали! Вѣдь мужичье на меня пальцемъ указываетъ... «Прихвостень!» говорятъ. Это—я, Охлестышинъ-то, прихвостень! Ловко?!.. Вонъ онамеднись тотъ мальчуганъ, Шашневъ... на губахъ молоко еще не обсохло... туда же лѣзетъ! Пройдись, говоритъ, на четверенькахъ... пятакъ дамъ! Мозглякъ! Ха! Охлестышину-то пятакъ... Ты, братъ, Антоша, лучше ихъ! Въ тебѣ совѣсть есть... вотъ что я тебѣ скажу... Я тебя за то и люблю! Вѣ-ѣ-ѣрно! Не спьяна говорю... Обнимемся... Другъ!..

Въ это время они всходили на крыльцо. Михайла Иванычъ, стоя уже на послѣдней ступенькѣ, крѣпко обнялъ Антошу и съ чувствомъ поцѣловалъ его.

— Ну, ладно, добро! Пойдемъ!—проговорилъ тотъ.

— Полдюжину пива въ биллъярдную! — крикнулъ онъ, входя въ трактиръ.

Усѣлись за столикъ у окна. Въ биллъярдной на ту пору было пусто... Антоша молча пилъ, сердито раздумывая о чемъ-то и сосре-

доточенно смотря въ стаканъ. А Михайла Иванычъ, разъ пустившись въ чувствительныя изліянія, не могъ уже скоро уняться и продолжалъ, по обыкновенію, все болѣе и болѣе входить въ пафосъ. Антоша разсѣянно слушалъ его...

— При пирѣ, при бражкѣ — всѣ дружки!—говорилъ Михайла Иванычъ, съ ожесточеніемъ отпивая изъ стакана.—Прежде Михайла Иванычъ былъ въ почетѣ, прежде всѣмъ онъ былъ кумъ и сватъ, не было-то, кажется, краше тогда Михайла Иваныча... Въ ту пору у Михайла Иваныча деньги водились! Не стало денегъ... И худъ сталъ Михайла Иванычъ, глупъ, и старъ и никому не нуженъ... только развѣ потѣхи ради въ трактирахъ еще держатъ! Потѣшай, Михайла Иванычъ! Вертись колесомъ! Ползай на четверенькахъ, какъ собаченка! Вотъ оно что...

— Дворянинъ я! Ха!—поднимаясь со стула съ стаканомъ въ рукѣ, продолжалъ онъ, во весь ростъ выпрямляясь передъ Антошей.— Похожъ я на дворянина теперь? А! Печная затычка я! Несчастный я человѣкъ, вотъ что!.. Иной разъ со злости или съ пьянаго веселья не удержишься,—острое словцо скажешь. Думаешь: хоть бы чѣмъ ни на есть душеньку отвести... Нѣтъ! Сиди, не смѣй и заикнуться о правдѣ... Ругаютъ всячески! Да чего—ругаютъ... Бьютъ,—бьютъ!.. Господи!..Вонъ онамеднись Обручьевъ—злой онъ, нехорошій человѣкъ!—ухватилъ меня за шиворотъ, да бутылкой и ну возить по головѣ... Вѣдь думалъ: всю голову расколотитъ... За что же этакъ-то? Развѣ, что безъ денегъ, такъ ужъ и не человѣкъ... Развѣ я не такой же, какъ онъ?

Правой рукой Михайла Иванычъ стучалъ себя кулакомъ въ грудь, а въ лѣвой рукѣ у него дрожалъ стаканъ. Онъ не замѣчалъ въ азартѣ, какъ стаканъ наклонился и пиво плескалось черезъ край... Въ биллярдной становилось темно, и невозможно было хорошо разсмотрѣть лица говорившаго. Только лицо его замѣтно раскраснѣлось пуще прежняго, а глаза блестѣли... Половой не однажды заглядывалъ въ дверь, ухмылялся и, повернувшись за дверь, сообщалъ во всеуслышаніе, что «Михайла Иванычъ сегодня плачется!»

— Въ ударѣ, значитъ!—замѣтили гости.

— Вторую дюжину пьютъ!—въ видѣ поясненія добавлялъ сидѣлецъ изъ-за стойки.

— Ты думаешь, Антонъ Васильичъ, мнѣ это легко! — говорилъ Михайла Иванычъ.— Ой, не легко! Не легко, братъ!..

Въ голосѣ его слышались слезы. Дрожащею рукой поставилъ онъ на столъ недопитый стаканъ и грузно опустился на стулъ. Наклонившись и ухвативъ голову руками, онъ началъ качать головой и жалобно мычать что-то себѣ подъ носъ: казалось, онъ все еще чувствовалъ боль въ головѣ отъ тѣхъ жестокихъ ударовъ, какіе наносилъ ему онамеднись Обручьевъ.

— Охъ, люди, люди!.. О, Господи, Господи! — бормоталъ Михайла Иванычъ сквозь зубы, охая и качая своею взъерошенной, сѣдой головой.

Антошѣ жаль стало этого «несчастненькаго», этого захудалаго дворянина. Антонъ Сучковатовъ былъ человѣкъ вовсе не злой и не жестокій, хотя при случаѣ, конечно, могъ являться таковымъ. Но Михайла Иванычъ производилъ на него еще тѣмъ болѣе сильное и тяжелое впечатлѣніе оттого, что Антоша привыкъ видѣть его, обыкновенно, веселымъ, вѣчно балагурящимъ, такимъ человѣкомъ, съ котораго всѣ обиды и оскорбленія слетали, какъ съ гуся вода, на вороту котораго ни брань, ни толчки, ни затрещины никогда не висли...

— Ну, полно хныкать-то! Допивай лучше... Чокнемся!—пьянымъ манеромъ утѣшалъ его Антонъ Васильичъ. — Стараго не воротишь, что о немъ вспоминать... Наплюй, братъ! А Обручьева мы уймемъ, уйме-е-емъ...

По раскраснѣвшейся щекѣ Михайла Иваныча скатилась слеза... пьяная-ли слеза или, дѣйствительно, выжатая неподдѣльною, искреннею скорбью, мыслью о прошломъ,—кто ее распознаетъ! Михайла Иванычъ судорожно-торопливо, стыдясь и негодуя на себя, смахнулъ слезу и долилъ свой стаканъ... Чокнулись и выпили.

Половой въ ту минуту со свѣчей въ высокомъ мѣдномъ подсвѣчникѣ вошелъ въ биллярдную и съ отвратительною развязностью поставилъ свѣчу на столъ передъ собесѣдниками.

— Для чего чортъ принесъ? Развѣ спрашивали? Убирайся!—рявкнулъ Антоша и задулъ свѣчу.

Половой моментально исчезъ. Сучковатовъ, Антонъ Васильичъ — не Михайла Иванычъ, съ нимъ шутки плохи. Такъ всѣ и знали. Зналъ это и половой.

Михайла Иванычъ, какъ бы ничего не замѣчая, тяжело привздохнулъ.

— Вотъ что я тебѣ скажу!—началъ онъ, подперевъ голову рукой и задумчиво посматривая на молодого человѣка:—жизнь прожить—не поле перейти! До насъ еще сказано... И вѣрно! Никто, господа, не знаетъ изъ васъ, что съ вами будетъ въ мои-то года! Не укоряйте меня даровой выпивкой! Ой, не укоряйте!.. Горекъ чужой хлѣбъ, не пьяно вино чужое... Сколько вотъ, кажется, ни пьешь, а на душѣ-то все саднитъ что-то... Ты, Антонъ Васильичъ, добрѣе ихъ! Ты не издѣваешься надъ старымъ пьяницей. Я, вѣдь, это чувствую, другъ... И вотъ что я тебѣ скажу: ежели тебѣ понадобится когда-нибудь вѣрный да надежный человѣкъ, ты только свисни, и и Михайла Иванычъ явится передъ тобой, какъ листъ передъ травой! Душа-то, вѣдь, тоже есть у меня... Чувствую... Антонъ Васильичъ! Руку!..

Съ чувствомъ и величавостью, нѣсколько театральною, Михайла Иванычъ крѣпко пожалъ руку, протянутую ему Антошей черезъ столъ. Антоша при этомъ серьезно подумалъ: «Не можетъ-ли, въ самомъ дѣлѣ, при случаѣ пригодиться ему Михайла Иванычъ? Человѣкъ опытный, женый, прошелъ огонь и воду»...

На другой день, протрезвившись, Антоша не шутя призадумался надъ донесеніемъ Михайла Иваныча. Если Иванъ Афанасьевъ серчаетъ, то еще не велика бѣда... Но вотъ бѣда, что онъ задумалъ постороннимъ повѣрять свое горе... Это ужъ не къ добру! И выбралъ онъ въ свои повѣренные не кого-либо другого, а именно Михайла Иваныча, зная наперед, что тотъ все передастъ Антошѣ въ точности. «Это онъ даетъ о себѣ знать!» порѣшилъ Антоша. Надо съѣздить къ нему, успокоить... Ну, хорошо! Онъ съѣздитъ... А потомъ что? Далѣе опять то же. Ивану Афанасьеву охота выдать за него дочь. Это ясно, какъ Божій день. А Антоша вовсе не желаетъ родниться съ нимъ... Если же онъ не желаетъ жениться на Катенькѣ и въ то же время желаетъ избѣжать всякихъ непріятностей, онъ долженъ уплатить по векселямъ Ивану Афанасьеву и затѣмъ отказаться на будущее время отъ всякаго кредита съ его стороны. Можетъ-ли онъ немедленно уплатить по векселямъ? Нѣтъ. Можетъ-ли онъ обойтись безъ кредита Ивана Афанасьича? Опять-таки нѣтъ. Слѣдовательно, Антонъ Васильичъ долженъ жениться на Рукавицыной? Нѣтъ, ни за что. Въ такомъ случаѣ остается только вести войну со своимъ кредиторомъ? Да. Но какъ же вести ее? Иванъ Афанасьичъ выступаетъ во всеоружіи, а Антонъ Васильичъ идетъ противъ него съ голыми кулаками, и много-много, если вооруженный какимъ-нибудь жалкимъ перочиннымъ ножичкомъ...

Антошу занималъ вопросъ: какимъ образомъ кулакъ можетъ заставить его жениться на своей дочери. Неужели онъ такъ-таки прямо и скажетъ Антошѣ: женись или подавай деньги! Или подведетъ какую-нибудь болѣе сложную, тонкую махинацію? Но неужели Антоша вынужденъ будетъ когда-нибудь уступить Рукавицыну и жениться на деньгахъ, съ которыми въ придачу пойдетъ нелюбимая дѣвушка? Антоша чувствовалъ, что почва подъ нимъ не прочна, что почва колеблется... Но заманчивый образъ темноволосой красавицы заставлялъ его бороться во что бы то ни стало. Всю жизнь жить съ глазу на глазъ съ Катенькой Рукавицыной, любоваться на ея веснушки, слушать ея романсы—въ то время, какъ въ зеленомъ Замошьи съ тихими водами, покрытыми плавающими цвѣтами кувшинки, будетъ жить Луша... Это ужасно! Отъ одного представленія подобной перспективы морозъ подиралъ Антошу, его бросало и въ жаръ, и въ холодъ. «Посмотрю: съ чего-то онъ начнетъ свои подвохи!» подумалъ Антоша. Ждать ему пришлось не долго...

Онъ все собирался съѣздить на хуторъ, но все откладывалъ: «завтра», да «завтра»... Ему страшно не хотѣлось ѣхать *теперь* на хуторъ. А время шло, да шло... Наконецъ, въ одно прекрасное утро работникъ съ хутора привезъ ему письмо отъ Ивана Афанасьича, письмо, какъ водится, кое-какъ нацарапанное. Посланіе было коротко и гласило:

«Любезнейшій Антонъ Василичъ! 25 сего числа выходитъ срокъ твоему Векселю въ 500 рублей, по коему прошу уплатить безотлагательно. Переписать векселъ никакъ не могу, такъ какъ по случаю расчета за полевыя работы сильно нуждаюсь въ деньгахъ, съ превеликимъ моимъ удовольствіемъ, сдѣлалъ бы тебѣ всякую Отсрочку кабы только могъ. Съ истиннымъ поштченіемъ—Иванъ Рукавицынъ».

«Чортъ бы тебя побралъ, окаяннаго, и съ почтеніемъ-то!» мысленно обругался Антоша. Онъ въ ту пору сидѣлъ у себя во флигелѣ подъ окномъ.

— Ступай, братъ! Больше ничего не бу-

детъ! Отвѣтъ завтра пришлю...—сказалъ онъ работнику, стоявшему у притолки.

— Что вы нынче, Антонъ Васильичъ, совсѣмъ перестали жаловать къ намъ?—спросилъ тотъ.

— Да все какъ-то некогда! — равнодушнымъ тономъ отвѣтилъ Антоша, проводя рукой по волосамъ.—Хозяева здоровы? Что барышня?

— Да ничего... Больна была, сказываютъ... А теперь ничего! На фортепьянахъ играютъ... Папиросочку позвольте, Антонъ Васильичъ.

Антоша далъ «папиросочку», и работникъ съ поклономъ исчезъ.

Антонъ Васильичъ энергично скомкалъ письмо, разорвалъ его на мелкіе клочечки, причемъ рвалъ его съ такимъ усердіемъ, какъ будто бы терзалъ не бумагу, не письмо, но лично самаго Ивана Афанасьева. Изорвавъ письмо, онъ выбросилъ лоскуточки за окно. Эхъ, если бы такъ же удалось разорвать ему всѣ свои векселя и росписочки! Особенно одинъ, послѣдній вексель ненавистенъ ему... Во всякомъ случаѣ, съѣздить на хуторъ надо. Но прежде, пожалуй, лучше написать отвѣтъ. Ну, напишетъ же ему Антоша! Погоди! Но что же напишетъ ему Антоша? И вотъ онъ начинаетъ сочинять письмо. «Напишу ему: такъ и такъ, молъ, мерзавецъ вы, мошенникъ, подлецъ! Я, молъ, очень хорошо понимаю, куда вы гнете, но только напрасно... Шалишь! Не женюсь я на твоей веснущатой... А долги... долги»... Тутъ вышла запинка: ни взадъ, ни впередъ. «Нѣтъ! Это ужъ слишкомъ рѣзко, надо написать помягче. Напишу такъ: «Уплатить въ настоящее время я не могу, дѣлайте со мной, что хотите! Но предупреждаю, что я очень хорошо знаю ваши планы, и они не удадутся... Я не изъ таковскихъ, чтобы далъ себя облапошить... Готовый къ вашимъ услугамъ... Ну и такъ далѣе»... Но все выходило не то... Антоша улегся на кровать и началъ сочинять третій варіантъ письма. Напишу: «Никогда не ожидалъ отъ васъ этого... И не знаю, за что вы на меня сердитесь... Я, кажется, всегда съ удовольствіемъ... Послѣднее время не былъ у васъ долго оттого, что у меня гость гоститъ, и все какъ-то некогда... Надѣюсь скоро видѣться съ вами... Мой низкій поклонъ Катеринѣ Ивановнѣ... Гм!» Антоша мысленно пріостановился. «Гм! Вѣдь это—подло!» подумалъ онъ и заворочался на своей жесткой постели. Въ эту минуту Агаша закричала ему черезъ дворъ: «Антонъ Васильичъ, кушать пожалуйте! Подано!» Онъ встряхнулся, попригладилъ свои взбившіеся волосы и вышелъ на крыльцо.

— А Автономъ Александрычъ дома? — крикнулъ онъ Агашѣ.

— Они ужъ въ столовой съ мамашей... Васъ дожидаются!—отвѣтила та,

Мать и Богоявленскаго Антоша нашелъ уже за столомъ. Только-что успѣли поѣсть ботвинью, за воротами послышался колокольчикъ... все звонче, все ближе, наконецъ, зазвенѣлъ подъ самымъ домомъ и вдругъ, рѣзко звякнувъ, смолкъ.

— Кого Богъ даетъ?—вопросительно промолвила Авдотья Семеновна, приподнявшись въ креслахъ и заглядывая въ окна, выходившія на дворъ.

Къ тѣмъ же окнамъ и Антоша съ Богоявленскимъ повернули головы.

— Становой пріѣхалъ! Бо флигель пошелъ!—объявила Агаша, вывертываясь изъ-за двери.

Антонъ Васильичъ вскочилъ и выбѣжалъ на крыльцо.

— Герасимъ Данилычъ, идите сюда! Тамъ никого нѣтъ!—крикнулъ Антоша.

— А я думалъ: вы здѣсь... Смотрю: никого!—говорилъ становой, выходя изъ флигеля и направляясь къ дому.—А я на перепутьи къ вамъ, да маленькое и дѣльце есть... Здравствуйте, мой дорогой! А вы никакъ еще обѣдаете? Кушайте, кушайте, пожалуста... Я на минутку!.. — скоро, по своему обыкновенію, проговорилъ становой, здороваясь съ Антошей и идя съ нимъ въ домъ.

Въ передней онъ сбросилъ свое сѣрое пальто, взъерошилъ свои темные, подстриженные волосы, закрутилъ усъ и, глянувъ мимоходомъ въ зеркальце, висѣвшее на стѣнѣ, вступилъ въ залу. Ходилъ онъ какъ-то «по своему» молодцовато, выпятивъ слегка грудь, подобравъ животъ, приподнявъ плеча съ такимъ видомъ, какъ будто бы они уже украшались густыми эполетами, и слегка шаркая ногами и покашливая... При входѣ въ столовую, онъ бережно положилъ на стулъ свой портфель и, пристукнувъ каблуками, поклонился Авдотьѣ Семеновнѣ.

— Счастливые къ обѣду! Милости просимъ! Мы только-что сѣли за столъ...—любезно встрѣтила его хозяйка.—Агаша! Приборъ сюда, скорѣе!

— Очень благодаренъ!—проговорилъ Фло-

ріанскій, за руку здороваясь съ Авдотьей Семеновной.—Только, пожалуста, не безпокойтесь, сударыня! Знаете, по пословицѣ: «незваный гость—хуже татарина!»...

Становой громко расхохотался.

— Помилуйте!.. Прошу садиться!—перебила его хозяйка.—Агаша, подайте водки!..

Тутъ становой, какъ бы невзначай увидавъ Богоявленскаго, какъ-то искоса, бокомъ поклонился ему. Тотъ такъ же сухо раскланялся съ нимъ. Герасимъ Данилычъ съ громомъ присѣлъ къ столу.

— Гм! Извините, пожалуста... Право, ѣздишь-мычешься, совсѣмъ и время забудешь... Иной разъ совсѣмъ пріѣдешь не въ пору... но ничего не подѣлаешь!.. За ваше здоровье!..—извиняющимся тономъ говорилъ становой и однимъ махомъ вылилъ себѣ въ горло большую рюмку водки.

— Чортъ знаетъ, какъ только вы управляетесь. Собачья ваша должность...—замѣтилъ Антоша.

Герасимъ Данилычъ выразительно приподнялъ брови и пожалъ плечами, какъ бы желая промолвить: «Что подѣлаете! А все-таки управляемся»...

— У насъ сегодня ботвинья... Ужъ не знаю: по вкусу-ли вамъ...—поспѣшила перебить Антошу Авдотья Семеновна: «Онъ вѣдь-такой чудакъ! Ужасныя вещи говоритъ иногда»...

— Ботвинья! Страсть моя...—съ одушевленіемъ вскричалъ Герасимъ Данилычъ.

— Выпьемте-ка еще!—предложилъ Антоша, наливая ему и себѣ.

— Развѣ только съ вами за компанію... Извольте! Съ вашего позволенія, сударыня!..

Хлопъ,—и рюмки опять, какъ не бывало... Второе блюдо—бараній бокъ съ кашей—было также «страстью» Герасима Данилыча. Вмѣсто десерта подали малину со сливками. По комнатѣ разнесся ароматъ... Оказывалось, что малина со сливками была «изъ страстей страсть» Герасима Данилыча... Антоша не зналъ: по какому маленькому дѣльцу пожаловалъ къ нимъ становой,—и невольно смущался. Зная, что съ человѣкомъ сытымъ и выпившимъ, какъ должно, говорить гораздо легче и сноровнѣе, чѣмъ съ трезвымъ и голоднымъ, Антоша очень усердно потчивалъ станового вишневкой. Да Антоша, признаться, и самъ былъ радъ воспользоваться случаемъ и выпить лишнюю рюмку-другую хорошей наливки, которую Авдотья Семеновна имѣла обыкновеніе подавать лишь при гостяхъ да въ праздники.

Герасимъ Данилычъ былъ человѣкъ среднихъ лѣтъ, высокаго роста, полнокровный, съ толстой и короткой шеей, но вообще довольно представительной наружности. При выпивкѣ или при какомъ нибудь малѣйшемъ волненіи лицо его сильно краснѣло... Онъ былъ любитель лошадей, прекраснаго пола, стуколки и рамса. Онъ никогда не прочь кутнуть «за компанію». Онъ не дуренъ собой и очень собой занятъ... Герасимъ Данилычъ уже понатерся въ обществѣ, былъ ловокъ, смѣтливъ и не безъ хитрости. За молодцоватость и ловкость начальство отличало его и имѣло на хорошемъ счету. Весь обѣдъ онъ говорилъ безъ умолку, обращаясь то къ хозяйкѣ, то къ Антошѣ и взглядывая лишь вскользь на Автонома Александровича, какъ бы, повидимому, вовсе не обращая на него вниманія. Но въ то же время онъ былъ безукоризненно любезенъ. Такъ,онъ, напримѣръ, передавалъ Автоному Александрычу соль и при этомъ замѣтилъ,чтобы онъ«усмѣхнулся», дабы «не поссориться имъ», на что Авдотья Семеновна возразила, что имъ ссориться «не изъ-за чего, храни Богъ!» Въ другой разъ, становой передалъ ему кувшинъ со сливками...

— Недоимочки собираемъ-съ!—сказалъ онъ, между прочимъ, обращаясь къ Авдотьѣ Семеновнѣ.—Повѣрите-ли, сударыня, у насъ на помѣщикахъ больше недоимокъ накопилось, чѣмъ на крестьянахъ! Право-съ! Ѣздишь-ѣздишь, не платятъ, да и кончено! Мужиковъ-то припугнуть можно, а то, пожалуй, и розгами... А тутъ нѣтъ-съ! Иного мужика прямо разорять приходится... самъ видишь, что разоряешь, а прекратить взысканіе нельзя-съ. Изъ города то и дѣло пишутъ: собирай, очищай... ну и очищаешь! А вотъ съ г. Канаусова уже другой годъ двухсотъ шестидесяти рублей получить не можемъ; за г. Живковымъ болѣе трехсотъ рублей числится; за г-жей Сытниной сто восемьдесятъ рублей слишкомъ... Да гдѣ тутъ! Скоро и не пересчитаешь...

— А зачѣмъ же вы имъ мирволите?—замѣтилъ Антонъ Васильичъ.—Вонъ у m-me Сытниной на шлейфы да на шляпочки деньги, не бойсь, есть... Приступили бы: дай—подай,—да и баста!

— Легко сказать, дорогой мой! съ усмѣшкой возразилъ становой.—Говорю вамъ: мужика-то можно и въ Правленье, того... А

тутъ совсѣмъ другое дѣло-съ! Вотъ г. Живковъ еще и принимать не изволитъ. Боленъ, говоритъ, а то въ городъ уѣхалъ... Вотъ и весь сказъ!

Богоявленскій усмѣхнулся и привздохнулъ. Герасимъ Данилычъ искоса, молча, посмотрѣлъ на него.

— Вотъ и за вами, сударыня, поземельныхъ-то значится еще у насъ рубликовъ 28...— понизивъ тонъ и съ фамильярнымъ добродушіемъ отнесся становой къ хозяйкѣ.

— Какъ 28! Кажется, меньше...—въ смущеніи воскликнула та и заискала свой носовой платокъ. — Кажется, 20 рублей съ чѣмъ-то...

Посчитали, посудили и оказалось, дѣйствительно, 28 рублей съ копѣйками.

— Я могу хоть сейчасъ отдать... За мной дѣло не станетъ!—сказала хозяйка.

— Да я это очень хорошо знаю!—успокоилъ ее Герасимъ Данилычъ.—Я не къ тому и сказалъ... Помилуйте! Да если бы всѣ были такъ исправны, какъ вы, Авдотья Семеновна, такъ намъ бы тогда было не житье-съ, а масляница...

Послѣ обѣда Автономъ Александрычъ отправился во флигель, а Антоша со становымъ прошли въ садъ. Тамъ, свернувъ съ аллеи въ сторону, они закурили папиросы и прилегли на траву въ тѣни старыхъ, развѣсистыхъ березъ. Листва слегка шевелилась и изъ-за нея то тамъ, то сямъ пробивался золотистый солнечный лучъ. Вокругъ вставала дичь и глушь запущеннаго сада; въ кустахъ чирикали птицы... Тамъ, высоко и далеко надъ вершинами деревьевъ, бѣловатыми клубами тихо проплывали облака по небесной лазури. Чуть слышный шорохъ расходился по саду... Пахло какими-то цвѣтами. Изъ-за бѣлыхъ стволовъ березъ и изъ-за зелени малинника виднѣлся старый, сѣрый домъ, съ сѣрымъ, потемнѣвшимъ балкономъ, выходившимъ въ садъ... Антоша сорвалъ цвѣтокъ куриной слѣпоты и игралъ имъ, разсѣянно посматривая по сторонамъ. Становой разстегнулъ сюртукъ и тяжело вздохнулъ, какъ вздыхаютъ послѣ сытнаго обѣда... Папиросы медленно дымились. Антошу начинало уже клонить ко сну.

— А кто это такой молодой человѣкъ гоститъ у васъ, Антонъ Васильичъ?—спросилъ становой, позѣвывая.

— Родственникъ! Двоюродный братъ мой... —лѣниво отвѣтилъ Антоша, – сынъ отца Александра... изъ Пекичевскаго прихода. Знаете?

— А-а! Такъ!—подтвердилъ собесѣдникъ.—Давно онъ гоститъ у васъ?

— Да мѣсяцъ, пожалуй, будетъ...

— И долго еще думаетъ погостить?

— Не знаю! А что?

— Да такъ! Вы не знаете: видъ при немъ есть?

— Да зачѣмъ же видъ, когда его знаютъ? —спросилъ, въ свою очередь, Антоша, слегка приподнимаясь на локтѣ и взглядывая на станового.

— Э-эхъ, дорогой мой!—возразилъ тотъ, перекидывая ногу на ногу.—Время нынче такое... безпокойное! Зачѣмъ? Какъ «зачѣмъ?» Да мало-ли что можетъ случиться... Вотъ, напримѣръ, для чего онъ тутъ съ мужиками связался! Шуму на весь околотокъ надѣлали... Ежели хотѣлъ погостить, такъ и гостилъ бы тихонько да смирненько... Нынче только такъ и проживешь .. Ну, поохотился-бы, то—другое... А для чего съ мужичьемъ связываться? Вы хоть поуговаривали бы его, Антонъ Васильичъ! А то вѣдь, право, непріятностей всѣ дождемся!

— Да нисколько онъ не связывается...— возразилъ Антоша.—Все дѣло у насъ на глазахъ происходило... Просто, онъ вызвался быть ихъ повѣреннымъ на судѣ. Вотъ и все!

— Вызвался! — подхватилъ становой.— А вотъ вызываться-то и не слѣдовало... Ихное дѣло, пускай они сами и улаживаютъ! Такимъ людямъ, какъ онъ... (Онъ вѣдь, кажется, учитель сельскій?)... вовсе и не пристало вмѣшиваться въ крестьянскія дѣла. Совсѣмъ не по времени, да и не къ чему!.. Сами знаете: лишнихъ теперь къ мужику не пускаютъ. Да оно и спокойнѣе... Вотъ вы говорите: онъ только взялся быть повѣреннымъ на судѣ. А вонъ что разсказываютъ-то про васъ... Вы, говорятъ, смуту заводите, въ Марьинѣ заговоры устраиваете...

— Тьфу ты, какая ерунда!—съ усмѣшкой и съ досадой замѣтилъ Антоша.

— Ну да, вотъ вы говорите: ерунда!— возразилъ Герасимъ Данилычъ вполголоса.—Вы говорите такъ, а Смольяниновъ толкуетъ другое... Ему скорѣе повѣрятъ, чѣмъ вамъ... Только, пожалуста, это между нами... Знаете, дорогой мой, время такое...

— Да что вы, Герасимъ Данилычъ, въ самомъ дѣлѣ!..—обидчиво и сердито перебилъ его Антоша.—Затвердили, какъ сорока Якова: время да время, такое да сякое... А наплевать! Намъ ужъ и слушать-то эту пѣсню

наскучило. Надоѣла она намъ, какъ горькая рѣдька въ Великій постъ...

— Хорошо вамъ толковать тутъ!—со вздохомъ проговорилъ становой. — А поскакали бы вы на нашемъ мѣстѣ... Поглядѣлъ бы я, дружище, на васъ!

— Сталъ бы я скакать! Какъ же! Вотъ еще нужно... — съ усмѣшкой, презрительно замѣтилъ Антонъ Васильичъ.

Разговоръ кончился ничѣмъ. Собесѣдники поднялись съ травы и отправились во флигель. Автонома Александрыча тамъ уже не было: онъ куда-то ушелъ. Антоша, полулежа, расположился на кровати и, снявъ со стѣны кинжалъ отличной восточной работы, сталъ упражняться имъ отъ нечего дѣлать. Блестящая сталь въ его рукѣ сверкала и горѣла, какъ маленькая молнія. Герасимъ Данилычъ лѣниво сталъ перебирать валявшіяся на столѣ книги. Тутъ онъ нашелъ «Записки охотника» Аксакова и, не смотря, отложилъ книжку въ сторону; затѣмъ, онъ перелистовалъ внимательнѣе сказку Пушкина о «Спящей царевнѣ»—(изданіе какого-то музея). Наконецъ, онъ напалъ на книжку журнала «Свѣточъ». Обложка и первые листы книги были оторваны.

— Свѣточъ!—задумчиво проговорилъ становой, повертывая передъ собой растрепанную книжку.—Свѣточъ! Что же это такое? Гдѣ это издавалось?

— Въ Петербургѣ или въ Москвѣ, навѣрно не знаю. .—отвѣтилъ Антоша, продолжая усердно фехтовать своимъ кинжаломъ.—Вѣдь это старый журналъ...

— Не помню что-то...—сомнительно проговорилъ Герасимъ Данилычъ, перелистывая книгу.—Странное заглавіе. Свѣточъ!.. Гм!..

Кромѣ трехъ вышесказанныхъ, никакихъ книгъ на столѣ не было. Тутъ стояла жестянка съ англійскимъ порохомъ, въ ящикѣ лежала дробь и кучка пулекъ, тутъ же помѣщалась машинка для литья пуль, а далѣе былъ разсыпанъ на бумагѣ табакъ и лежали гильзы... Тамъ и сямъ валялись пустые металлическіе патроны. Ничего замѣчательнаго на столѣ не оказывалось. Поговорили объ охотѣ, о дѣвочкахъ, о томъ-о-семъ и затѣмъ пошли въ домъ пить чай.

Послѣ чая становой тотчасъ же распрощался и, звеня колокольчикомъ, покатилъ далѣе...

Черезъ нѣсколько дней послѣ того Богоявленскій защищалъ въ мировомъ съѣздѣ дѣло гадюкинскихъ крестьянъ. Старшина и на этотъ разъ проигралъ... Такимъ образомъ, сельская власть ни съ чѣмъ возвратилась восвояси. Господинъ Смольяниновъ вскипѣлъ гнѣвомъ и на крестьянъ, и на мировой съѣздъ, и на «новый судъ» вообще — и рѣшился выступить самолично противъ дерзкаго мужичья. Только надо будетъ распорядиться убрать лишнихъ защитниковъ-доброхотовъ...

II.

Продолженіе смутнаго времени.

«Этакая напасть, подумаешь! Право!» размышлялъ Антонъ Васильичъ, проводивши станового и бродя по двору. «Вотъ времечко выдалось, чортъ бы его далъ! Даже отъ охоты отбило! А перепеловъ, говорятъ, страсть божеская... Да когда тутъ? Тамъ Иванъ Афанасьевъ съ векселями къ горлу приступаетъ, а тутъ еще гость навязался, и съ нимъ согрѣшишь... До него-ли тутъ? до его-ли дѣловъ! Со всѣхъ сторонъ непріятности... Просто, не глядѣлъ бы на бѣлый свѣтъ!..»

Дѣйствительно, у Антоши голова шла кругомъ. Положеніе его становилось безвыходнымъ. Онъ чувствовалъ, какъ петля затягивалась на его шеѣ все туже и туже. Кто ее затягивалъ? Кто эти злодѣи? ИванъАфанасьевъ ее затягивалъ, да и самъ Антоша помогалъ ему. Антошѣ казалось, что онъ ни за что не бралъ бы у Рукавицына въ долгъ, если бы могъ знать будущее. Если бы теперь ему какъ-нибудь вывернуться, въ другой разъ ужъ онъ не попалъ бы въ подобную передѣлку. Едва-ли! Мы думаемъ, что Антоша опять и опять попалъ бы именно въ такое же положеніе... если бы онъ самъ и его житейскія условія остались тѣ же самыя. На минуту, только на одну минуту, мимоходомъ остановился онъ на мысли — обратиться къ матери за деньгами. Но это было невозможно... Конечно, мать могла бы достать ему 500 рублей, но она не достанетъ, и кромѣ воркотни, досадныхъ слезъ и непріятностей отъ нея ничего не дождешься. На эту комбинацію Антоша давно уже мысленно махнулъ рукой: «пустое, молъ, это дѣло!» Остается только одно: какимъ бы то ни было манеромъ ладить съ Рукавицынымъ. Если бы онъ согласился на отсрочку! Сомнительно. Антоша знаетъ, чего надо отъ него Рукавицыну. Конечно, деньги у него есть, и

не въ пятистахъ рубляхъ тутъ дѣло... Рукавицынъ хочетъ только прижать его, заставить сдѣлать его «по своему». А если бы теперь Антоша отказался наотрѣзъ отъ уплаты? Пустилъ-ли бы Рукавицынъ въ ходъ крутыя мѣры? Рѣшился-ли бы онъ ссориться съ Антошей? Не можетъ-ли Антоша покуражиться надъ нимъ? Вотъ вопросъ-то! И сильно хотѣлось бы Антошѣ залѣзть къ Ивану Афанасьеву въ душу и порыться въ ней... «Едва-ли уступитъ!» повторялъ себѣ Антоша не разъ. Но маленькая надежда съ этой стороны все-таки мерцала ему, какъ далекій огонекъ въ томъ темномъ, дремучемъ лѣсу, въ которомъ заблудился Антоша... «Авось, согласится на отсрочку!»

Даже при лучшемъ исходѣ, даже допустивъ тотъ случай, что вексель будетъ переписанъ, вопросъ все-таки не разрѣшится окончательно, но только отодвинется на время и еще пуще запутается. Вѣдь, когда-нибудь надо же платить?

«Не двaже вѣка мамаша-то проживетъ!» — говорилъ ему уже не разъ въ утѣшеніе Михайла Иванычъ. Конечно, но... «Ахъ, чортъ!» — мысленно воскликнулъ Антоша при этомъ воспоминаньи. «Да что мнѣ за дѣло до этого? Развѣ я желаю ея смерти? Да живи, живи она хоть еще сто лѣтъ, живи на здоровье, сколько хочетъ, сколько влѣзетъ!»... Должно правду сказать, такого темнаго желанія въ головѣ Антоши никогда не складывалось ясно, опредѣленно, точно. Но въ невѣдомой глубинѣ его помысловъ не разъ и не два смутно бродила мысль о томъ, какъ хорошо поправилъ бы онъ свои дѣла, если бы вдругъ умерла его мать... Онъ расквитался бы съ Иваномъ Афанасьевымъ, женился бы на Лушѣ, на Рукавицынъ хуторъ—ни ногой и все пошло бы прекрасно, какъ по маслу... Такія представленія, блуждавшія порой въ головѣ Антоши, даже нельзя назвать мыслью: это была одна тѣнь мысли, мимолетное отраженіе ея, какое-то инстинктивное, непроизвольное желанье. Антоша гналъ отъ себя эту тѣнь, но прогнать не могъ.

Мучительно-тревожную ночь провелъ Антоша. На утро онъ всталъ въ лихорадкѣ и чувствовалъ себя страшно усталымъ и разбитымъ.

— Здоровъ-ли ты, Антоша? — спросила его за чаемъ Авдотья Семеновна.—Лицо что-то у тебя нехорошее...

— Да ничего особеннаго... легонькая лихорадка!—отвѣтилъ тотъ.

— Не простудился-ли, смотри! Напейся къ ночи липоваго цвѣта... — посовѣтовала ему мать.

— Вотъ вздоръ какой! Сейчасъ ужъ и лѣчиться...

— У васъ все «вздоръ!» — проворчала старушка.

Тотчасъ же послѣ чая Антоша приказалъ заложить Карюю въ бѣговыя дрожки, торопилъ работника, закладывавшаго лошадь, и самъ помогалъ ему. Антошѣ хотѣлось уже поскорѣе перескочить представившійся ему ровъ. Неизвѣстность его мучила... Крупною рысью пустилъ онъ лошадь по дорогѣ къ Рукавицыну хутору. День выдался знойный, удушливый. Солнце пряталось за легкими облаками и мутнымъ, желтымъ пятномъ проступало изъ-за нихъ. Тяжелый, свинцовый оттѣнокъ лежалъ на землѣ. Вѣтерокъ, проносившійся изрѣдка, обдавалъ пыломъ-жаромъ, словно бы вырывался изъ устья огромной, раскаленной печи. Въ такіе сухіе, горячіе дни жаждешь дождя и мечтаешь только о прохладѣ... Вороны, разинувъ ротъ и опустивъ крылья, сидѣли на нижнихъ вѣтвяхъ придорожныхъ вербъ. Тяжело и какъ-то сонно перелетали птицы въ степи, да и мало ихъ было видно. При въѣздѣ на Барково, въ тѣни навѣса, лежала собака, растянувшись, какъ мертвая, и высунувъ свой красный языкъ. Она даже не потрудилась взлаять на Антошу. Полуслѣпой, полуглухой, древній старикъ, дѣдушка Пахомъ, сидѣлъ у своей избы въ бѣлой длинной рубахѣ и бѣлыхъ портахъ. Онъ былъ безъ шапки, и его лысая голова, окаймленная сивыми прядями волосъ, склонялась на грудь. Опустивъ голову и понурившись, чертилъ онъ что-то по песку костылемъ. «Вотъ поди ты! Живетъ тоже!» подумалъ Антоша, поглядѣвъ на его низко понуренную голову.

Антонъ Васильичъ заѣхалъ «по дорогѣ» въ трактиръ, выпилъ рюмку водки и съѣлъ огурецъ. Въ трактирѣ было сумрачно и прохладнѣе, чѣмъ на улицѣ. Здѣсь въ растворенныя окна даже сквозной вѣтеръ подувалъ. Подкрѣпившись, путникъ нашъ отправился далѣе — къ мѣсту своей пытки. Онъ такъ шибко гналъ лошадь, что бока у той давно уже покрылись пѣной; клочья бѣлой пѣны срывались съ удилъ. Въѣхавъ на пригорокъ, съ котораго открывался далекій видъ на всю окрестность, Антонъ Васильичъ придержалъ Карюю, заставивъ ее трусить мелкой

рысцей. Съ этого пригорка далеко и широко охватывалъ глазъ... Вонъ барскій домъ выглядываетъ изъ-за сада, а садъ тихо шушукаетъ деревьями, словно разсказывая по секрету какія-то старыя бывальщины. Тамъ, въ степи хуторокъ пріютился и торчалъ какъ на юру; ни прутика не виднѣлось кругомъ него, только невысокій, частый плетень огораживалъ дворъ. Далѣе, за кустами ютилась деревенька, расползавшаяся на всѣ четыре стороны. Еще далѣе—почти на самомъ горизонтѣ—бѣлѣла высокая колокольня и казалась совершенно игрушечкой. Но ни одного звука не было слышно явственно, не было видно людей.

Грустное, щемящее чувство хватаетъ за душу при видѣ широкаго, мертвенно-безмолвнаго простора нашихъ русскихъ степей и полей. Не даромъ же люди, живущіе на этомъ просторѣ, сложили тягучія, заунывныя пѣсни про «бѣлы снѣжки», да про кудрявую березоньку, которую «некому стало заломати»...

Не о томъ думалъ Антоша. Нѣтъ! Своего горя у него много было.., Прямо передъ нимъ уже раскидывался Рукавицынъ хуторъ. Чѣмъ ближе подъѣзжалъ къ нему Антоша, тѣмъ сильнѣе задерживалъ лошадь. Наконецъ, когда до хутора оставалось уже не болѣе полуверсты, онъ поѣхалъ шагомъ. Насколько онъ до тѣхъ поръ торопился, настолько же теперь старался отдалить рѣшительную минуту свиданія съ кулакомъ. Сердце его учащенно билось, въ виски стучало, какъ молоткомъ... Онъ остановилъ лошадь, медленно закурилъ папиросу и медленно поѣхалъ далѣе.

«А-а! Будь, что будетъ! Пропадай моя голова!» сказалъ про себя Антоша и, сильно дернувъ возжами, вихремъ пронесся въ ворота.

Ивана Афанасьича дома не оказалось: онъ ушелъ въ поле. Въ передней Антоша встрѣтилъ Лизутку и спросилъ ее: «дома-ли барышня?»

— Дома, дома! Идите сюда, Антонъ Васильичъ!—послышался голосъ Кати съ верху лѣстницы, ведшей въ мезонинъ.

Въ прежнее время Антоша живо взобрался бы на эту лѣстницу, ступая черезъ двѣ ступеньки на третью; теперь же неуклюже, неловко всходилъ онъ по ней, какъ будто насилу передвигая ноги.

— Вы ужъ извините, что я встрѣчаю васъ такъ... не по парадному!—сказала дѣвушка, протягивая Антошѣ руку.—Отца нѣтъ дома, вамъ пришлось бы одному сидѣть...

— Пожалуста, безъ церемоній... Со старыми друзьями стѣсняться нечего...—съ напускной развязностью проговорилъ Антоша, крѣпко пожимая протянутую ему ручку и удерживая ее въ своей рукѣ долѣе обыкновеннаго.

— Жара ужасная! Я сегодня уже два раза купалась... но толку нѣтъ! Только одѣнешься, да поднимешься на берегъ и опять уже жарко... — болтала Катя. — Просто, бѣда!.. Мѣста себѣ не находишь!.. Вы садитесь пока, а я сейчасъ... Курить хотите? Вотъ спички и все...

На Катѣ была свѣтлая, длинная блуза съ широкими рукавами, и по случаю жара на ней, повидимому, ничего не было, кромѣ этой легкой блузы и сорочки. Шла-ли Катя, стояла-ли, или садилась, при каждомъ ея движеніи всѣ формы тѣла ея — съ плечъ и до пятокъ— обрисовывались совершенно отчетливо; онѣ не могли бы обрисовываться явственнѣе даже и тогда, если бы Кати ходила, завернувшись въ одну тонкую, мокрую простыню. Ея бѣлокурые волосы, еще мокрые отъ купанья, живою волною разсыпались у нея по спинѣ. Антоша засталъ ее именно въ ту минуту, какъ она справлялась съ волосами. Теперь она опять стояла передъ зеркаломъ и наскоро, жгутомъ, закручивала свою косу. Рукава спустились и обнажили почти до плечъ высоко поднятыя надъ головой руки, отливавшія почти молочною бѣлизной. Глядя на эти руки и сравнивая ихъ съ руками Ивана Афанасьева, можно было придти къ заключенію, что кожа породы Рукавицыныхъ въ Катѣ начала уже замѣтно культивироваться.

— Не знаю... Я, по крайней мѣрѣ, нисколько бы не обидѣлся, если бы вы еще легче одѣлись! — насильственно-игривымъ тономъ проговорилъ Антоша, беря ее за руку около локтя.

— Какой вы шалунъ, однако! Я не знала... Отстаньте же!..

И дѣвушка, легко ударивъ его по рукѣ, отшатнулась въ сторону. Антонъ Васильичъ усмѣхнулся и, насвистывая какую-то никому неизвѣстную арію, отправился на диванъ. Розовый румянецъ игралъ на щекахъ Кати... Оскорбилась она обращеніемъ Антоши, что-ли? Нѣтъ, напротивъ... Онъ всегда болѣе нравился Катѣ, когда становился смѣлѣе. Даже его грубыя шутки ей нравились болѣе, чѣмъ слащавость прочихъ кавалеровъ.

— Что подѣлываете, Катерина Ивановна?—спросилъ онъ, чтобы сказать хоть что-нибудь. — На фортепьянчикахъ брянчите, книжки почитываете...

— Да что же больше... — отвѣтила дѣвушка, окончивъ, наконецъ, туалетъ и опустившись въ кресло у окна.—Страшная скука! Книги почти всѣ перечитала, фортепьяно разстроилось, всѣ клавиши дребезжатъ... Просто, смотрѣть ни на что не охота! Вотъ ужъ мѣсяцъ, какъ сижу дома, даже къ обѣднѣ не ѣздила...

— Меланхолія, что-ли? — съ усмѣшкой замѣтилъ Антоша.—Замужъ, барышня, вамъ надо... Вѣрное средство! Какъ рукой сниметъ...

— Вы развѣ испытали это средство, что говорите такъ?—со смѣхомъ перебила его Катя. — Фу! Какія вы глупости городите!.. И что это съ вами дѣлается? По цѣлымъ недѣлямъ глазъ не кажете... а явитесь—и понесете всякую чушь...

— Еще бы, увидѣвши васъ, да чушь не нести! Развѣ это возможно?

— Вотъ какъ! Mercі!—ироническимъ тономъ протянула дѣвушка, повертываясь къ окну.

— Вѣрно, вѣрно, Катерина Ивановна! — подхватилъ молодой человѣкъ:—при васъ я совершенно глупѣю...

— Прекрасное вліяніе я на васъ оказываю, Антонъ Васильичъ!

— Вы, кажется, меня не понимаете... Я хочу сказать, что вы—

«Такъ умны, и такъ прелестны,
И такъ собою хороши,
Что я отъ васъ, какъ вамъ извѣстно,
И безъ ума и безъ души!»

Лишь только Антоша продекламировалъ съ напускнымъ жаромъ это замѣчательное четверостишіе, какъ дѣвушка неудержимо расхохоталась.

— Что, что такое? Повторите, повторите, пожалуста! Я не дослышала...—скороговоркой заперебивала она.

Четверостишіе, къ ея удовольствію, было повторено съ прежнимъ паѳосомъ.

— Съ какихъ же это поръ вы сдѣлались отъ меня «и безъ ума и безъ души?» — ехидно улыбаясь, спросила его дѣвушка.

— О, очень давно!—отозвался Антоша.

— А вотъ вы скажите мнѣ лучше: для чего вы вздумали въ политику пускаться? — немного погодя, обратилась къ нему Катя. — Въ острогѣ посидѣть захотѣлось? Слѣдовало бы васъ хорошенько «чикъ-чикъ»... Только одно безпокойство изъ-за васъ... Право! Какъ вамъ не совѣстно? Ну, что же вы молчите?

— Въ какую же я политику пустился, Господь съ вами! Не понимаю...—недоумѣвающимъ тономъ промолвилъ Антоша, дѣлая удивленные глаза.—Хоть убей, не понимаю ничего... Я? Въ политику?... Да я отъ всякой политики сторонюсь... Очень мнѣ нужно. Наплевать на все!..

— Не притворяйтесь, пожалуста! Не отнѣкивайтесь!—говорила Катя.—Всѣ ужъ говорятъ... Нечего!..

— Да что же говорятъ? — спросилъ Антонъ Васильичъ съ лѣнивой усмѣшкой.

— А то и говорятъ, что у васъ въ Марьинѣ нигилистъ живетъ!

— Да полноте же, пожалуста! Гоститъ у меня двоюродный братъ мой, сельскій учитель! Какой же онъ, къ чорту, нигилистъ!..

— Нынче, говорятъ, всѣ молодые люди нигилисты... или съ нигилистами заодно! — рѣзко и безапелляціонно рѣшила Катя.

— Антонъ Васильичъ, васъ Иванъ Афанасьичъ зоветъ!—вдругъ послышался въ ту минуту снизу голосъ Лизутки.

Антоша поднялся и со вздохомъ пошелъ изъ мезонина. «Была—не была!» твердилъ онъ про себя, спускаясь по скрипучей лѣстницѣ.

Иванъ Афанасьичъ казался сильно озабоченнымъ. Онъ поминутно обмахивался, проводилъ рукой по вспотѣвшему лбу, выправлялъ изъ-подъ рубахи клочья своей рыжеватой бороды и гладилъ ее. Словомъ, во всей его фигурѣ выражались тревога и безпокойство...

— Наконецъ-то! — заговорилъ онъ, увидавъ входившаго Антошу.—Я ужъ думалъ: ты пропалъ совсѣмъ... Ну, да добро! Привезъ, такъ и ладно! Садись!

— Да ничего я не привезъ, Иванъ Афанасьичъ!—возразилъ Антоша, усаживаясь съ ногами на кушетку.—Откуда же мнѣ взять теперь денегъ?

— Не при-ве-е-зъ?! — возопилъ Рукавицынъ, грузно повертываясь къ нему всѣмъ туловищемъ такъ, что стулъ заскрипѣлъ подъ нимъ.—Ну, братъ, зарѣзалъ, безъ ножа зарѣзалъ! Этакъ, Антонъ Васильичъ, дѣлъ не дѣлаютъ... Между порядочными людьми надо, братъ, по честности... А это что же!

Рукавицынъ, обидчиво надувъ губы, отодвинулся отъ стола и лихорадочно, тревожно заноглаживалъ бороду.

— Что же, ты радъ жилы изъ меня вытянуть? Несчастнымъ человѣкомъ сдѣлать хочешь, что-ли?—проговорилъ Антоша, какъ бы не дослышавъ обидныхъ для него словъ.

— Никто тебя несчастнымъ и не дѣлаетъ! Самъ ты—кутилка несчастная...—рѣзко замѣтилъ кулакъ, все пуще хмуря свои густыя брови.

— Отсрочить-то развѣ не можешь? Ну, хоть на полгода! А? Будь другъ!

— Отсрочить? Чудакъ ты, Антонъ Васильичъ!—съ одушевленіемъ заговорилъ Иванъ Афанасьичъ.—Говорю: деньги по зарѣзъ надо... Такое-ли нынче время, чтобы отсрочки давать! Давай-ка отсрочки-то, такъ и самъ наплачешься... За свои-то деньги по міру пойдешь! Да вотъ достань мнѣ теперь за двѣнадцать процентовъ,—въ ножки поклонюсь... Ей-Богу, право! Просто, такъ пришлось, что хоть «караулъ» кричи! Ничего не подѣлаешь! Деньги-то стали больно дороги, всѣ спрятались куда-то... Найди,—спасибо скажу!..

— Ты найдешь, а мнѣ не найти. Гдѣ мнѣ ихъ взять? Кто дастъ? — уныло промолвилъ Антонъ Васильичъ.

— То-то! «Кто дастъ?» А брать-то, не бойсь, умѣлъ...—ядовито, зло замѣтилъ Иванъ Афанасьичъ.—Какъ, братъ, знаешь! Ждать не могу...

— Представишь ко взысканію?—спросилъ Антоша.

— Всѣ, всѣ представлю!—рѣшительно заявилъ Рукавицынъ и, поднявшись со стула, неровною поступью заходилъ по комнатѣ, заложивъ руки за спину.

Разговоръ оборвался. Антоша, полулежа на кушеткѣ, игралъ хлыстомъ... Лицо его слегка поблѣднѣло, губы были стиснуты, какъ бы подъ вліяніемъ боли. Онъ тяжело дышалъ... Антошѣ чудилось, что слова «всѣ, всѣ» Рукавицынъ произнесъ съ особеннымъ удареніемъ. Можетъ быть, Антошѣ только почудилось? А, можетъ быть, и дѣйствительно Иванъ Афанасьичъ уже разобралъ фальшивую надпись на послѣднемъ векселѣ... О, какъ Антоша ненавидѣлъ его въ эти минуты! Но не было возможности выразить эту ненависть, ее надо было таить, беречь про себя; Антошѣ приходилось ломаться и кривляться, какъ балаганному фигляру. Вмѣсто того, чтобы броситься и раздавить этого паука, опутывавшаго его своею паутиной, Антоша долженъ былъ унижаться, улыбаться, льстить ему. Гадко, подло, а ничего другого не остается на выборъ!

— Неужто же, Иванъ Афанасьичъ, въ кубышкѣ-то у тебя такъ-таки ничего и не накоплено!—мягкимъ, смѣющимся тономъ началъ Антоша.

— По чужимъ-то кубышкамъ, братъ, нечего считать! Ежели и накоплено, такъ не про вашу честь... Мало-ли что у кого есть! Считай лучше свое-то, Антонъ Васильичъ! А до чужого-то что тебѣ за дѣло?

Все это говорилось колко, съ ехидствомъ, съ ужимочкой. Такъ кошка съ мышкой играетъ... то когти выпуститъ и больно царапнетъ, то погладитъ мягко бархатистою лапкой, то покажетъ видъ, что вовсе и не замѣчаетъ своей жертвы, то вдругъ наскочитъ на нее съ разбѣга и хватъ прямо за горло. Мышь, опѣшенная, совершенно сбитая съ толку, совсѣмъ не знаетъ: что ей дѣлать—оставаться-ли на мѣстѣ, или бѣжать, и куда бѣжать... Антоша былъ такъ же сбитъ съ толку нравственными пощечинами и затрещинами, летѣвшими въ него и перемежавшимися отъ поры до времени, повидимому, дружескою фамильярностью и шуткой... Вдругъ Иванъ Афанасьичъ впалъ въ минорный тонъ.

— Будь я одинъ, было бы другое дѣло!—заговорилъ онъ.—А то вѣдь у меня дочь на рукахъ... Ей тоже приданое припасти надо! Не бойсь, безъ денегъ нынче никто не возьметъ.

—Да что вамъ о приданомъ-то больно заботиться!—замѣтилъ Антоша.—Вѣдь Катерина Ивановна не уродъ какой-нибудь, дѣвушка образованная и все...

— Ну да, сказывай! «Образованная»...—скептически отозвался родитель.—Вотъ хоть примѣромъ тебя взять... Заѣздилъ, заѣздилъ было, а тамъ вдругъ и глазъ не кажешь... Этакъ, братецъ, не хорошо тоже пустую-то мораль напускать! Вонъ, послушай, что люди-то толкуютъ... Отцу-то, чай, не особенно сладко, когда этакія штуки выкидываютъ... Да и то—кто же? Человѣкъ, къ которому ты, можно сказать, всей душой... сколько разъ изъ бѣды выручалъ... А онъ вонъ что, замѣсто-то благодарности... Вотъ и поди тутъ!

— Да я-то что же? Я тутъ ни при чемъ...—нѣсколько сконфуженно оправдывался Антоша.—Мало-ли дураковъ-то... врутъ себѣ! А я не былъ въ это время у васъ на хуторѣ, просто, оттого, что у меня гость гостилъ, да все дѣла... А сбѣгать я никуда и не думалъ...

Ты обижаешь меня, Иванъ Афанасьичъ! Вотъ что...

— Что мнѣ тебя обижать!—перебилъ Рукавицынъ.—Правду тебѣ говорю... А дочь я никому не навязываю... Вѣдь она, слава Богу, еще не состарилась, да и приданишко маломало есть, безъ рубахи не находится...

Такъ разговоръ на этотъ разъ и кончился ничѣмъ.

Это свиданіе происходило въ среду.

III.

Неблагонамѣренный человѣкъ, по понятіямъ Григорія Потапыча.

Увидавъ, что дѣло старшины не выгорѣло, господинъ Смольяниновъ рѣшился самолично выступить на сцену и поразить дерзкихъ... Онъ подалъ жалобу мировому судьѣ 1-го участка, Полубояркину, и просилъ поступить съ крестьянами по закону, т.-е. взыскать съ нихъ деньги за снятую ими (но не скошенную) траву. Разбирательство по этому дѣлу происходило въ тотъ же день, какъ Антонъ Васильичъ велъ щекотливый разговоръ съ Рукавицынымъ.

Послѣ полудня солнце выглянуло изъ-за облаковъ, и жаръ сталъ еще невыносимѣе. Въ камерѣ мирового судьи было душно, не смотря на то, что всѣ окна были растворены настежъ, и спущенныя въ нихъ бѣлыя шторы слегка парусились отъ вѣтра. Нѣсколько мужиковъ, переминаясь, стояли у дверей. Они покрякивали, покашливали—сдержанно, и невесело поглаживали бороды. Еще бы! Прогулять рабочій день стоитъ чего-нибудь!.. Полубояркинъ, нахмурившись, сидѣлъ за столомъ, потрогивая цѣпь, блестѣвшую у него на груди. Григорій Потапычъ въ бѣломъ, лѣтнемъ костюмѣ стоялъ у стола, картинно скрестивъ свои коротенькія, толстенькія ножки. Одною рукой онъ опирался на столъ, а въ другой рукѣ вертѣлъ желтую, соломенную шляпу. Тутъ же у стола, прямо противъ судьи, спокойно стоялъ Богоявленскій, запустивъ, по обыкновенію, правую руку за бортъ сюртука. Григорій Потапычъ съ сдержанной улыбкой посматривалъ на него и на мужиковъ. Очевидно, ему было очень жарко; отъ волненія жаръ еще усиливался. Онъ стоялъ по временамъ разинувъ ротъ, какъ ворона, и поминутно отиралъ съ раскраснѣвшагосялица бѣлоснѣжнымъ носовымъ платкомъ крупныя капли пота.

— Не можете-ли еще что-нибудь добавить?—спросилъ его мировой судья, вслухъ прочитавъ его прошеніе.

— Да, что жъ еще добавлять...—переступая съ ноги на ногу, отвѣтилъ Смольяниновъ.—Прошу только по всей строгости... потому что иначе я ужъ и не знаю, что будетъ... Придется отказываться отъ всякой собственности и уѣзжать изъ Россіи, куда глаза глядятъ! Такъ совершенно невозможно... Такъ жить нельзя! Коммуна какая-то... Богъ знаетъ что!

— Вы удаляетесь отъ сущности дѣла!—остановилъ его судья, нетерпѣливо передергивая цѣпь.—Ну-съ, вы что скажете на это?—добавилъ онъ, обращаясь къ Богоявленскому.

— Мои довѣрители, г. судья, также не находятъ возможности жить долѣе при подобныхъ условіяхъ...—началъ Автономъ Александрычъ.—Начать съ того, что совершенно несправедливо взыскивать съ нихъ деньги за ту траву, которою они не пользовались, которой они въ глаза не видали. Господину Смольянинову должно быть хорошо извѣстно: въ какихъ случаяхъ, почему берутся задатки и къ чему они обязываютъ договаривающіяся стороны...

— Г. судья! Виноватъ... Позвольте!—перебилъ Смольяниновъ, тяжело пыхтя и возвышая голосъ.—Я долженъ заявить отводъ... Господинъ Богоявленскій не можетъ быть повѣреннымъ отъ крестьянъ, такъ какъ.. Гм!.. такъ какъ онъ человѣкъ политически неблагонадежный... и я... гм!..

— Мнѣ это неизвѣстно...—замѣтилъ съ неудовольствіемъ судья, посматривая на часы.

— А мнѣ извѣстно-съ!—рѣзко перебилъ его Григорій Потапычъ.

— Г. судья! Я попрошу занести это въ протоколъ... А потомъ я попрошу господина Смольянинова доказать эти слова...—спокойно и отчетливо проговорилъ Автономъ Александрычъ.

Григорій Потапычъ побагровѣлъ и былъ окончательно близокъ къ обмороку.

— Гм! Въ протоколъ!—тяжело засопѣлъ онъ, корча какую-то натянутую улыбку.—Извольте, извольте-съ... Я самъ впишу... Позвольте! Я сейчасъ...

Онъ засуетился, торопливо схватилъ перо и сталъ писать. По этой запискѣ оказалось, что г. Смольяниновъ «сомнѣвается въ правоспособности г. Богоявленскаго». О политической неблагонадежности—ни гу-гу.

— Вы сказали совершенно не то...—замѣтилъ ему Автономъ Александрычъ.

— Нѣтъ! — упорствовалъ Григорій Потапычъ. — Я именно хотѣлъ это сказать, но только ошибся... употребилъ не то слово...

— Папаса! Мама кусать зоветъ!..—вдругъ раздался звонкій, дѣтскій голосокъ, и на порогѣ двери, ведущей во внутреннія комнаты, показалась маленькая дѣвочка съ куклой на плечѣ.—Ботвинья съ лыбкой у насъ... Ахъ, харасо...

Тотчасъ же явилась няня, схватила дѣвочку и захлопнула дверь.

— Вообще, г. судья, по нездоровью, я просилъ бы отложить это дѣло разборомъ... Я никакъ не могу! — заявилъ Григорій Потапычъ.—Тѣмъ болѣе, что изъ свидѣтелей моихъ явились не всѣ...

— Для крестьянъ—время дорого... Сколько дней уже они потеряли съ этимъ дѣломъ!—запротестовалъ, было, Богоявленскій.

Но судья отложилъ разбирательство, снялъ цѣпь и объявилъ засѣданіе закрытымъ.

Полубояркинъ, разумѣется, оставилъ Григорія Потапыча обѣдать, «что Богъ послалъ». А Богъ послалъ имъ на тотъ разъ ботвинью съ осетриной, такъ называемыя «малороссійскія колбаски» съ кислымъ капустнымъ соусомъ, дичь и стоговой пирогъ съ густыми, ароматическими сливками. Григорій Потапычъ, не смотря на свое «нездоровье», кушалъ исправно, причемъ особенно поналегъ на жирныя колбаски и на рябиновку, свою любимую наливку. Послѣ обѣда онъ отправился съ хозяиномъ въ кабинетъ. Здѣсь онъ закурилъ свою «Regalia Flora» и, полулежа, съ полнымъ комфортомъ усѣлся на кушеткѣ, подобравъ подъ себя ножки. Хозяинъ растянулся въ большомъ, глубокомъ креслѣ у окна... Заговорили о работахъ, потомъ перешли къ рабочимъ рукамъ. Бесѣда тянулась вяло и отрывочно, какъ водится послѣ сытнаго обѣда. Григорій Потапычъ усиленно пыхтѣлъ.

— Скажите, пожалуста, Алексѣй Иванычъ!—вдругъ воскликнулъ онъ, обмахивая платкомъ. — Неужели вы оправдаете этихъ мерзавцевъ?

— Да какъ ужо дѣло покажетъ! Посмотримъ ужо!—усмѣхаясь, отвѣтилъ Полубояркинъ.—Знаю я этихъ гадюкинцевъ... Правда, народъ-то они ненадежный... это что говорить! Вѣдь я тоже съ ними дѣло имѣлъ! Но вѣдь сказать иззаранѣе никакъ нельзя... все смотря по тому, какой оборотъ дѣло приметъ...

— Да позвольте! Я вамъ разскажу все въ точности... Намъ секретничать между собой нечего...

И Смольяниновъ въ подробности развилъ передъ нимъ свое дѣло съ гадюкинскими крестьянами. По разсказу его, само собой, оказалось, что крестьяне кругомъ виноваты и черны, какъ черти, а самъ онъ, Григорій Потапычъ, чистъ и невиненъ, какъ голубь. Полубояркинъ долженъ былъ молча и внимательно выслушивать его, не выражая никакихъ недоумѣній и сомнѣній. Полубояркинъ, какъ и всякій человѣкъ вообще, желалъ себѣ добра, а поэтому ссориться съ Григоріемъ Потапычемъ ему было совсѣмъ некстати. Въ средѣ избирателей, родственниковъ и друзей Смольянинова было не мало. Слѣдовательно, избраніе Полубояркина въ судьи на новое трехлѣтіе зависѣло отъ расположенія къ нему этого важнаго барина... Въ камерѣ, съ цѣпью на груди, при свидѣтеляхъ, онъ еще могъ кое-какъ хорохориться и изображать изъ себя судью строгаго и нелицепріятнаго; но у себя въ кабинетѣ, съ глазу на глазъ съ Григоріемъ Потапычемъ, сидѣвшимъ у него въ качествѣ дорогого и любезнаго гостя, Полубояркинъ долженъ былъ отбросить всякую фанаберію въ сторону и быть лишь пріятнымъ хозяиномъ.

— Все это прекрасно, Григорій Потапычъ! Все это такъ!—убѣдительно и мягко заговорилъ онъ какимъ-то извиняющимся тономъ, когда Смольяниновъ закончилъ свой пространный разсказъ о мужицкихъ плутняхъ.—Но, вѣдь, надо знать: что скажетъ противная сторона... Нравственно, конечно, я вполнѣ убѣжденъ въ правотѣ вашего дѣла. Это такъ и должно быть... Но все-таки, сами знаете, рѣшить иззаранѣе ничего нельзя. Къ тому же, дѣло можетъ еще перейти въ съѣздъ, въ сенатъ...

— На съѣздъ я надѣюсь... — замѣтилъ Смольяниновъ.—Неужели же какому нибудь мальчишкѣ-прохвосту повѣрятъ болѣе, чѣмъ мнѣ... Вѣдь это, просто, смѣху подобно... Ахъ, кстати! Вы говорили, что вамъ ничего не извѣстно... Да какъ же! Становой уже ѣздилъ туда къ нимъ, въ Марьино, наводилъ справки. За нимъ присмотръ... Да иначе и нельзя! Помилуйте! Дайте-ка имъ только волю, ихъ столько тутъ расплодится, что, просто, бѣда... святыхъ вонъ неси! Невозможно...

— Да, но оффиціально вамъ ничего не извѣстно?—осторожно вставилъ хозяинъ.

— Ахъ вы, придира! «Оффиціально, оффиціально»... — передразнивающимъ тономъ проговорилъ Григорій Потанычъ, посматривая на часы и поднимаясь съ кушетки.— Знаете что, Алексѣй Иванычъ... Прокатимтесь-ка ко мнѣ! Сегодня у меня будутъ Житовской и Щипаковъ. Пулечку устроимъ, а? По рукамъ, что-ли? А Аннѣ Николаевнѣ поручите пріѣхать за вами. Моя Ольга Михайловна совсѣмъ соскучилась. Съ горя въ пикетъ ужъ стала играть съ докторомъ... Ѣдемъ же!

Алексѣй Иванычъ былъ не прочь отъ пульки. Кто же не радъ въ деревенской глуши пріятно провести вечеръ! Переговорили съ m-me Полубояркиной и отправились. Пара желтыхъ вятокъ быстро катила легкую коляску по гладкой степной дорогѣ и по полямъ желтѣвшей ржи. Жаръ нѣсколько поспалъ. Солнце краснымъ, раскаленнымъ шаромъ уже низко стояло надъ горизонтомъ. Дали задернуты были синеватой мглой. Дымомъ, гарью припахивало въ воздухѣ. Вѣроятно, гдѣ-нибудь горѣли лѣса... Бѣлыя нити паутины стлались по травѣ. Изъ-за желтѣвшей ржи выглядывали синіе и розовые цвѣточки. Дружный трескъ кузнечиковъ непрерывающеюся, музыкальною волной носился надъ полями. Гдѣ-то птичка пѣла...

Если бы Богоявленскій или кто-нибудь изъ гадюкинскихъ крестьянъ увидалъ теперь эту коляску и въ ней мирно, дружно бесѣдовавшихъ господъ, то всякій изъ нихъ невольно дался бы въ сомнѣніе на счетъ того: выгоритъ-ли ихъ дѣло у мирового судьи 1-го участка.

Но вотъ уже зеленая тѣнь садовъ Воздвиженскаго явственно обрисовалась на возвышеніи и изъ-за деревьевъ выступалъ большой барскій домъ. Коляска уже гремѣла вдоль сада по дорожкѣ, плотно убитой щебнемъ и краснымъ пескомъ.

Случилось какъ-то такъ, что на другой же день въ послѣобѣденную пору опять прикатилъ въ Марьино становой. Но на этотъ разъ онъ обратился къ Автоному Александрычу съ категорическимъ требованіемъ паспорта. Паспорта у него не оказалось; онъ долженъ былъ уѣхать.

— Для чего выживать меня отсюда... не понимаю!—говорилъ Богоявленскій.—Съѣзжу за видомъ и опять возвращусь сюда... Не все-ли равно?

— Полноте! Никто васъ не выживаетъ, и выживать не думаетъ... А только безъ вида нынче бродить никакъ нельзя...—возражалъ Флоріанскій.—Положимъ, васъ здѣсь знаютъ, но начальство, видите, этимъ удовольствоваться не можетъ... А вы, пожалуста, не думайте, что тутъ какія-нибудь интриги противъ васъ устраиваются! Ни чуть, ни Боже мой! Нынче вездѣ насчетъ паспортовъ строго... Ничего не подѣлаешь... Приказъ! А по мнѣ—живите, гдѣ хотите...

— Можетъ-ли это быть? — съ усмѣшкой, недовѣрчиво спросилъ Богоявленскій.

— Вѣрно говорю вамъ, что «такъ»!—подтвердилъ Флоріанскій.

Становой напился чаю и укатилъ. На другой день уѣхалъ и Богоявленскій. Антоша былъ почти радъ, что избавился отъ этого безпокойнаго гостя. Лишнія хлопоты, лишнія заботы съ плечъ долой. Въ самомъ дѣлѣ, Антошѣ было не до чужихъ дѣлъ: свои дѣла его съ ногъ сбивали. Но все-таки, провожая Автонома Александрыча, онъ не могъ не подумать про себя: «Сплавили-таки! Вишь ты!.. Во всемъ околоткѣ нашелся только одинъ такой человѣкъ, который хотѣлъ за крестьянъ заступиться,—глядишь, и того выжили. Ловко! Право, ловко!»...

Въ пятницу, утромъ, Антонъ Васильичъ пришелъ къ окончательному рѣшенію. Онъ долженъ жениться? Какъ ни вертись, отъ Ивана Афанасьева, видно, не отвертишься... Маленькій житейскій случай подѣйствовалъ на его рѣшимость. Въ пятницу, утромъ, ему пришлось уплатить 20 рублей долга. По уплатѣ въ его никатулочкѣ оказалось очень мало рублей. И вотъ дума за думой пошли у него въ головѣ... Какъ быть и что дѣлать? Положимъ, Антоша уговоритъ Ивана Афанасьева переписать вексель. Но вѣдь черезъ пять мѣсяцевъ срокъ второму векселю... Положимъ, удастся переписать и этотъ вексель. А далѣе что, чѣмъ жить, гдѣ брать денегъ? А ужъ Рукавицынъ больше не дастъ, это — видно. Остается одна дорога—къ вѣнцу. Иванъ Афанасьевъ дастъ приданое, и вообще съ тестемъ удобнѣе будетъ вести денежныя дѣла, чѣмъ съ чужимъ человѣкомъ, да еще съ такимъ, который на тебя дуется... «Петля пришла... Вотъ что!» въ сотый разъ повторялъ про себя Антоша. А зеленое Замошье? А Луша? Какъ же съ этимъ быть? «Все мечты, мечты пустыя!» Но, надо правду сказать, не безъ боли разставался съ ними этотъ жалкій, слабый человѣкъ. Если бы онъ могъ плакать, онъ за-

плакалъ бы навѣрно... Въ зеленомъ, цвѣтущемъ Замошьи осталось похороненнымъ его лучшее чувство. Жаль ему было Лушу, жаль было свою любовь, а всего болѣе жаль самого себя... Онъ вспоминалъ загорѣлыя руки, крѣпко обнимавшія его, вспоминалъ смуглое личико, пышущее румянцемъ, и темные глаза, съ любовью и лаской смотрѣвшіе на него. И Антону Васильичу становилось жутко, больно,—и зло его разбирало.

Всю ночь на пятницу его била лихорадка. По утру, проводивъ Богоявленскаго, онъ долго шлялся по сараю и съ ожесточеніемъ швырялъ палкой въ голубей, причемъ двумъ голубямъ перешибъ крылья, а третьяго убилъ до смерти. Наконецъ, онъ приказалъ заложить себѣ бѣговыя дрожки и сумрачный, раздраженный, вовсе не похожій на жениха—поѣхалъ на Рукавицынъ хуторъ. Онъ ѣхалъ свататься.

«А пропадай все!» шепталъ онъ про себя, безъ толку дергая возжами туда и сюда и безъ толку ругаясь непечатными словами.

IV.

Кукольная комедія.

«Зажмурься, Антоша, да и бросайся внизъ головой смѣло!» промелькнуло въ головѣ Антона Васильича, когда онъ проходилъ по столовой въ комнату къ Ивану Афанасьеву. Хозяинъ принялъ его сухо, сдержанно, даже такъ посмотрѣлъ на него, какъ будто вовсе не ожидалъ и не желалъ его видѣть у себя. Антоша засталъ его за сочиненіемъ какого-то письма, значитъ въ самыя непріятныя, критическія минуты, такъ какъ писать письма для Рукавицына, по его собственному сознанію, было «божескимъ наказаніемъ». Въ такія минуты онъ пыхтѣлъ и краснѣлъ невѣроятно, тяжело вздыхалъ, вытиралъ поминутно потъ, выступавшій на лицѣ, низко клонилъ голову то на одинъ, то на другой бокъ, щурился, хмурился, немилосердно тискалъ перо своими толстыми неуклюжими пальцами, даже порой, вѣроятно, въ самые затруднительные моменты, высовывалъ кончикъ языка и поводилъ имъ изъ стороны въ сторону,—словомъ, проявлялъ всѣ признаки крайняго напряженія умственныхъ способностей.

Антоша на этотъ разъ не пошелъ обиняками, но прямо приступилъ къ дѣлу, то-есть, заявилъ свое желаніе сдѣлать формальное предложеніе Катеринѣ Ивановнѣ. Старый плутъ при этомъ не выдалъ себя ни на іоту, не хуже любого, заправскаго іезуита. Убравъ кончикъ языка и положивъ перо на столъ, онъ довольно равнодушно посмотрѣлъ на юношу.

— Ну, что жъ?—началъ онъ, выправляя и разглаживая бороду.—Это ужъ, братъ, Антонъ Васильичъ, такое дѣло, знаешь... Спрашивай ужъ ее! Какъ она тамъ... Я ничего не могу. Я дочь не принуждаю. У меня ужъ такое правило. Выбирай сама — на здоровье, только извѣстное дѣло — съ разумомъ, да съ толкомъ... А учить да указывать не буду. Нѣтъ! Выдай-ка насильно, такъ потомъ, ежели что случится, все на твою голову и обрушится. А ужъ сама-то выберетъ, такъ сама и въ отвѣтѣ... Жаловаться не на кого, видѣла—что брала; никто не навязывалъ...

— Такъ-то такъ, Иванъ Афанасьичъ! Это я знаю...—замѣтилъ Антоша, очевидно, желавшій понравиться будущему тестю.—Это ты хорошо дѣлаешь... Да и время-то ужъ прошло, когда силой подъ вѣнецъ ставили. А ты все же отецъ... потому тебѣ первому и сказалъ.

— Что жъ что отецъ!—напуская на себя смиренство, возразилъ Рукавицынъ, хотя смиренство вовсе ему было не къ лицу.—Нынче, братъ, отцовъ-то не больно и спрашиваютъ. Фюить—да вотъ тебѣ и все... И кончено!..

— Ну да ужъ ладно! Все-таки же вѣдь...—заикнулся опять Антоша.

— Да что мнѣ! Не мнѣ, вѣдь, жить-то съ тобой, а ей... Ну и спрашивай у нея... Согласится—ладно, а не согласится—приневоливать не стану. Какъ тамъ ужъ знаешь, такъ и дѣлайся...

Иванъ Афанасьевъ любилъ порезоперствовать и резоперствовалъ теперь охотно. Кошка съ мышкой играла. Антоша начиналъ злиться, и не смотря на принятое имъ рѣшенье во что бы то ни стало не ссориться съ будущимъ тестемъ, ему ужасно хотѣлось сорвать маску съ лицемѣра и ругнуть его хорошенько... «Видишь ты! Еще ломается... У-у, хитрая бестія!» съ досадой думалъ Антоша, посматривая на склонившуюся опять надъ столомъ голову Ивана Афанасьича. «А самъ, поди, очень доволенъ»... Но ругаться вслухъ было нельзя; приходилось себя сдерживать. Теперь, когда Антоша уже рѣшился твердо и сталъ лицомъ къ лицу съ непріятнымъ и пу-

гавшимъ его дѣломъ, онъ вдругъ сталъ побаиваться, чтобы ему «не отказали». Еще недавно онъ боялся женитьбы и готовъ былъ руками и ногами отбиваться отъ нея, а теперь онъ уже опасался того, какъ бы дѣло «не разстроилось». Вотъ каковъ былъ человѣкъ Антонъ Васильичъ.

— Такъ вотъ я и пришелъ потолковать съ тобой...—началъ онъ опять.—Тоже вѣдь вдругъ-то нельзя...

— Извѣстное дѣло! — подхватилъ хозяинъ:—вѣдь не собаки...

— Вотъ я и хочу тебя съ Катериной Ивановной позвать въ Марьино вечеркомъ чайку напиться въ воскресенье...

— Нѣтъ, братъ, въ воскресенье мнѣ некогда... Поѣду къ Евстигнѣеву. А ее зови... Пускай ѣдетъ, коли хочетъ...

— Ну, такъ говори же толкомъ... Благословенье даешь?—спросилъ Антоша, поднимаясь съ кушетки и подходя къ столу.

— Да что жъ, Антонъ Васильичъ...—торжественно заговорилъ вдругъ Иванъ Афанасьевъ, тоже поднимаясь со стула:—я—ничего... Что про тебя скажешь! Молодецъ по всѣмъ статьямъ, какъ есть... Только вотъ что, парень! Съ маменькой-то переговорилъ?

— Она уже давно знаетъ... Да ей-то что!—отвѣтилъ Антоша и совралъ, ибо Авдотья Семеновна вовсе не знала объ его намѣреніи жениться на Катенькѣ.

Онъ и самъ объ этомъ узналъ еще очень недавно. Гдѣ же было знать матери!

— Ну то-то же, смотри!—сказалъ Иванъ Афанасьичъ.—Я, братъ, не хочу, чтобы дочь моя шла въ такую семью, гдѣ ее будутъ не любить, да коситься на нее. Всякому свое дитятко жалко... Да я жъ ее никому и не навязываю. Богъ съ ней! Хочетъ — выходитъ, хочетъ—нѣтъ. Ея добрая волюшка... А прокормиться намъ съ ней на весь вѣкъ хлѣба хватитъ... Это что и говорить... Самъ знаешь! Вѣдь она у меня не безприданница... Ну, а ежели ты теперь такъ... Что жъ, съ Богомъ! Только смотри, братъ, береги ее. Ростилъ, да холилъ ее не даромъ... А теперь помолимся...

Иванъ Афанасьичъ всталъ передъ образомъ, началъ широко креститься и отвѣшивать низкіе поклоны. Помолились, потомъ обнялись, трижды поцѣловались, и затѣмъ Иванъ Афанасьевъ торжественно потрясъ Антошу за руку своею огромною, потною ручищей... Безъ сомнѣнія, въ эти минуты, въ комнатѣ Ивана Афанасьича разыгрывалась кукольная комедія. На зрителей, если бы таковые были, эта комедія могла бы произвести сильное впечатлѣніе, потому что артисты прекрасно разыгрывали свою роль. Такія комедіи часто даются на житейскихъ подмосткахъ и любители могутъ безплатно наслаждаться ими, сколько угодно.

— А на счетъ приданаго-то что же ничего не поговорили, а?—спохватился Рукавицынъ, окомъ благосклоннаго родителя посмотрѣвъ на Антошу.

— Будетъ еще время! Вѣдь не обидишь, чай!—замѣтилъ тотъ.

— Ну, ну, ладно! Бѣги теперь къ ней!—согласился Рукавицынъ.

Катя, разумѣется, обѣщала быть въ воскресенье вечеромъ въ Марьинѣ. Дѣвушка была пріятно удивлена этимъ приглашеніемъ, ибо уже отвыкла отъ любезностей со стороны Антона Васильича.

На другой день, утромъ, проснувшись, Антоша прежде всего подумалъ о «предложеніи», сдѣланномъ наканунѣ Рукавицыну. Онъ чувствовалъ, что начинаетъ все пуще и пуще ненавидѣть своего будущаго тестя. Невѣдомый голосъ внятно нашептывалъ ему: «А вѣдь не отвертѣлся-таки, — подцѣпили молодца! Теперь ужъ окрутятъ... Запляшешь по ихъ дудочкѣ! Захотятъ,—веревки изъ тебя будутъ вить!.. А Луша—прости! Прости, веселое, зеленое Замошье, со своими тихими заводями и цвѣтами! Любовь, надежды на «настоящую жизнь», воля, холостой просторъ-раздолье... все, все—по-боку! Не туда пойдешь, куда хочешь, но куда велятъ... Заставятъ тебѣ по струнке плясать. Тотъ чортъ, не бойсь, опутаетъ ловко!.. Охулки на руку не положитъ».

«Да чтожъ? Отказаться-то еще не поздно...» со злостью разсуждалъ Антоша. «Мало-ли что цѣловались»... Конечно, отказаться не поздно; но горе въ томъ, что отказаться *невозможно*. Деньги, деньги нужны Антошѣ! Кромѣ того, ему нужно спастись отъ векселей, и особенно отъ одного векселька... Онъ рѣшилъ переговорить съ матерью послѣ того, какъ ужъ между нимъ и Рукавицынымъ хуторомъ все будетъ кончено. Не одни сильные, рѣшительные люди сжигаютъ за собой корабли. То же самое дѣлаютъ иногда и души слабыя, робкія, не увѣренныя въ своихъ силахъ, не надѣющіяся на свою твердость...

«Въ воскресенье переговорю сначала съ

Катей, а потомъ матери скажу»... Онъ полагалъ, что мать станетъ его отговаривать.

Въ тотъ же день вечеромъ Иванъ Афанасьичъ объявилъ Катѣ о предложеніи Антоши и также о томъ, что они съ нимъ уже «ударили по рукамъ». Онъ, конечно, не сказалъ при дочери вслухъ, что у него теперь, «ровно гора съ плечъ свалилась», но выразилъ весьма прилично ту мысль, что «теперь, молъ, слава Богу... женихъ—парень воспитанный, не мужланъ, подходящій во всѣхъ статьяхъ», что ей, Катенькѣ, «выходить, да и думать нечего, не вѣкъ же ей, въ самомъ дѣлѣ, въ дѣвкахъ сидѣть, а Антона Васильича, благо, онъ ужъ знаетъ не со вчерашняго дня»...

— Мнѣ некогда, — заключилъ онъ, — а ты поѣзжай съ Богомъ. Пріодѣнься, смотри! Да вѣдь вашего брата не учить стать...

Въ воскресенье послѣ вечерень, Катя отправилась въ Марьино. Онисимъ Вуколычъ былъ шибко не въ духѣ, какъ всегда, когда ему приходилось отвозить барышню къ Сучковатовымъ. Онъ сидѣлъ на козлахъ, нахмурившись, крѣпко стиснувъ зубы, и безъ нужды жестоко раздиралъ лошадямъ рты трензелемъ.

— Долго будете въ гостяхъ-то сидѣть?— спросилъ онъ, подъѣзжая къ Марьину.

— Что? Долго-ли!.. Не знаю...—пробормотала разсѣянно барышня, выходя изъ задумчивости, которую навѣяли на нее мечты о приближающемся, великомъ переворотѣ въ ея жизни.

— Вороные-то больно застоятся... Проѣхаться, что-ли! — продолжалъ возница, какъ бы разсуждая самъ съ собой и въ полоборота поглядывая на Катю.

— Какъ знаешь! Пожалуй, проѣзжай ихъ немного...—безучастно отозвалась барышня, которой на ту пору было вовсе не до вороныхъ.

Авдотья Семеновна, ничего не подозрѣвая, приняла гостью, какъ всегда, ласково, любезно. Всевозможныхъ сортовъ варенья и «жамочки» явились на столѣ. Поднялись приличные случаю разговоры, но шли вяло, натянуто. Авдотья Семеновна толковала о хозяйствѣ, кое о какихъ новостяхъ. Катя поддакивала или говорила «нѣтъ», смотря по обстоятельствамъ. Антошѣ что-то не сидѣлось на мѣстѣ; онъ часто вскакивалъ, выходилъ въ другія комнаты или проходилъ на балконъ въ садъ, что-то напѣвая и посвистывая...

— Катерина Ивановна! Не хотите-ли пройтись по саду?—вдругъ спросилъ онъ, показываясь на порогѣ балконной двери.

— Ступайте-ка, ступайте, погуляйте лучше!—проговорила Авдотья Семеновна.—Съ нами, старухами, ужъ какое веселье...

— Что вы, Авдотья Семеновна...—протестующимъ тономъ замѣтила Катя, поднимаясь съ кресель, и вдругъ съ чего-то, наклонившись къ старушкѣ, повидимому, съ большимъ чувствомъ поцѣловала ее, а затѣмъ легко выпорхнула на балконъ, какъ будто давно уже ожидала этого приглашенія.

Катенька въ этотъ вечеръ была довольно интересна. Лицо ея чаще обыкновеннаго вспыхивало яркимъ, горячимъ румянцемъ, глаза блестѣли; то робко-боязливо, то лукаво-вызывающе, посматривала она на Антона Васильича... Не для чего было Ивану Афанасьичу напоминать ей, чтобы она «пріодѣлась». Катя тонко знала свое дѣло. Сегодня она была въ голубомъ барежевомъ платьѣ, отдѣланномъ бѣлымъ кружевомъ. Бѣлокурые волосы ея были пышно взбиты. Маленькія брилльянтовыя сережки горѣли у нея въ ушахъ; на груди блестѣла золотая брошь — золотая роза, а на рукѣ—браслетъ, въ видѣ змѣйки. Катя любила металлическія украшенія и блестящіе, драгоцѣнные камни.

Антоша дурачился и болталъ всякій вздоръ, какъ обыкновенно, когда бывалъ въ веселомъ расположеніи духа. Катя смѣялась... Они-то бродили по запущеннымъ аллеямъ сада, то усаживались на какую-нибудь старую, полусгнившую скамейку, причемъ прежде, чѣмъ сѣсть, дѣвушка заставляла своего кавалера сметать со скамейки упавшіе на нее листья и всякій соръ. Антоша съ комичною покорностью исполнялъ ея приказанія... То онъ снималъ съ плеча ея пылинки и при этомъ, какъ бы про себя, замѣчалъ, что эти плечи «бѣлы, какъ слоновая кость». То онъ шутливымъ тономъ просилъ позволенія лечь у ея ногъ и послужить для нея живою скамеечкой... Но веселье его отзывалось натяжкой; не было въ немъ искренности, не было настоящаго веселья. За то гостья, кажется, веселилась отъ души, и смѣялась и хохотала безъ всякой задней мысли. Ей всегда нравилось, когда Антоша бывалъ въ такомъ шутливомъ настроеніи. «Какой онъ милый!» говорила она въ такихъ случаяхъ про себя. Только одно нѣсколько смущало, озабочивало Катю... Когда же, скоро-ли объяснится съ

ней Антонъ Васильичъ, и какъ объяснится? Вотъ-вотъ сейчасъ начнетъ... Ее разбирало любопытство: какъ онъ скажетъ, что онъ скажетъ, станетъ-ли объясняться въ любви или, просто, прямо «сдѣлаетъ предложеніе»... Но, Боже! Какъ онъ медлитъ, и чего онъ ждетъ... Мелетъ всякія глупости, а о дѣлѣ ни гу-гу. А Антошу, положительно, начинала разбирать лихорадка. Прежняя робость и страхъ передъ женщинами, казалось, ожили въ немъ съ прежнею силой. Къ тому же и нерѣшительность разбирала его все пуще и пуще. Онъ вызвалъ Катю въ садъ, какъ она и догадывалась, именно для того, чтобы выговорить извѣстныя слова, а теперь, между тѣмъ, онъ ведетъ себя какъ дуракъ и откладываетъ произнесеніе неизбѣжныхъ словъ съ минуты на минуту... Силенки не хватало. Какъ бы хорошо было, если бы кто-нибудь другой затянулъ на его шеѣ петлю, которую самъ онъ смогъ только набросить. «Фу ты, какое поганое положеніе!» ругался онъ про себя, продолжая буффонствовать передъ Катей на всякіе лады.

— Однако, какой у васъ безпорядокъ!— Какъ вы садъ запустили... Это ужасно!—замѣтила дѣвушка, оглядываясь на зеленую дичь и глушь, обступавшія ее со всѣхъ сторонъ.—Ну, смотрите, Антонъ Васильичъ! На что это похоже! Сушнякъ даже не вырубленъ... А эти тополи! Они совершенно заглушатъ у васъ малинникъ... Просто, смотрѣть тоска! Приказали бы хоть тѣ сухія березы вырубить... Или вы сюда вовсе и не заглядываете?

— Рѣдко!—отвѣчалъ Антоша. — А березы прикажу вырубить, чтобы въ слѣдующій вашъ пріѣздъ сюда онѣ не нагоняли на васъ тоску... Все знаете оттого, Катерина Ивановна, что настоящей хозяйки нѣтъ... Мамаша уже стара, да къ тому же занята полевымъ хозяйствомъ. Садъ у насъ совсѣмъ заброшенъ. Я не садоводъ, у меня нѣтъ къ тому охоты... Присмотрѣть-то и некому.

«Ну, слава Богу! Наконецъ-то!» подумала дѣвушка, застѣнчиво вдругъ понуривъ голову и воображая, что молодой человѣкъ при удобной оказіи непремѣнно начнетъ интересныя объясненія. Но не тутъ-то было. Антоша опять примолкъ, подошелъ къ близъ стоявшей, старой липѣ и ни съ того—ни съ сего полѣзъ на нее, ловко карабкаясь съ вѣтки на вѣтку. Взобравшись довольно высоко и почти скрывшись въ густотѣ листвы, онъ опять принялся оттуда балагурить, переговариваться и кричать Катѣ! «ау-у!»

— Не упадите! — почти съ досадой сказала ему Катя.

— Дальше земли не упаду!—продолжалъ фигляритъ Антоша.

Конечно, послѣ того дѣвушка могла бы опять навести его на приличный случаю разговоръ, но она заупрямилась и не хотѣла уже болѣе подавать этому шалуну руку помощи. «Какъ самъ знаетъ! Чортъ съ нимъ!» Антошѣ самому стало казаться, что гостья какъ будто ждетъ отъ него какого-то рѣшенья. «А ну-ка, ну-ка! Выходи, разсказывай, показывай-ка себя!» какъ будто хотѣла сказать Катя глазами и тономъ своихъ рѣчей. Такъ, по крайней мѣрѣ, чудилось Антошѣ... «Отецъ ей навѣрно сказалъ про нашъ уговоръ... Ужъ, конечно, молчать не станетъ! Поди, обо всемъ ужъ перетолковали и сговорились тамъ...Вотъ она теперь и ждетъ представленія... хочетъ посмотрѣть, какъ я буду комедію ломать. А вотъ не буду и не буду!»... И Антоша продолжалъ сидѣть на липѣ и аукаться съ Катей. Мы ужъ не знаемъ, долго-ли — коротко-ли шла эта забавная игра жениха съ невѣстой, но дѣло кончилось тѣмъ, что Агаша позвала гуляющихъ кушать чай.

Чай пили на балконѣ, выходившемъ въ садъ: въ домѣ слишкомъ ужъ докучали мухи. Разговоръ шелъ вяло и тяжело, какъ худая кляча, тащившаяся съ возомъ въ гору. Въ видѣ развлеченія, Антоша бросалъ въ Катю хлѣбными шариками. Катя смѣялась, говоря, что «грѣшно разбрасывать хлѣбъ»... Послѣ чая Авдотья Семеновна куда-то вышла, и молодые люди опять остались одни. Дѣвушка сидѣла, слегка прислонившись къ балконной рѣшеткѣ и какъ-то хмуро посматривая въ садъ. «Что же это такое? Насмѣшки онъ надо мной строитъ, что-ли?» спрашивала себя Катя. А Антоша старательно собиралъ со стола хлѣбныя крошки.

— Который часъ, Антонъ Васильичъ? вдругъ спросила Катя, нервно передергивая на груди золотую брошку.—Не пора-ли мнѣ домой...

Антоша пошелъ въ залу посмотрѣть часы. «Видно, конецъ мой пришелъ!» пробѣжало у него въ головѣ, когда онъ смотрѣлъ на знакомый ему циферблатъ старыхъ, стѣнныхъ часовъ, на которыхъ маленькій разбойникъ въ красномъ плащѣ и въ черной шляпѣ съ чернымъ перомъ страшно поводилъ глазами

въ тактъ движеніямъ маятника. Стрѣлка показывала уже половину восьмого... «Пора!»

Солнце уже спускалось за садъ; въ саду зеленыя тѣни сгущались.

Авдотья Семеновна съ минуты на минуту могла возвратиться на балконъ для того, чтобы «занимать» гостью, и тогда удобный случай будетъ потерянъ, Катя уѣдетъ ни съ чѣмъ... Пора!

— Катерина Ивановна! Хотите-ли выйти за-мужъ?—спросилъ вдругъ Антоша, оборачиваясь къ дѣвушкѣ. — Скажите...

— За кого?—довольно сухо переспросила Катя, повидимому, ожидая отъ юноши опять какихъ-нибудь дурачествъ.

— За меня!—отвѣтилъ онъ и, быстро, торопливо обнявъ ее слегка за талію, поцѣловалъ у нея руку.

Антоша смотрѣлъ на ея вспыхнувшія щеки, на ея свѣтлые глазки, полузакрытые дрожащими рѣсницами, на ея сбившіеся волосы. Антоша въ тѣ минуты находилъ ее хорошенькой, но любоваться ею не могъ. Волненіе обезкураживало, душило его... Катя, склонивъ къ нему головку, прошептала что-то неясно, невнятно, но что-то такое, что̀, очевидно, можно было принять за ея согласіе. Антоша былъ блѣденъ. Ему почудилось, что вдругъ надъ домомъ, надъ садомъ, надъ балкономъ, гдѣ сидѣли они, разомъ стало какъ будто темнѣе и, словно, холоднымъ вѣтромъ подуло откуда-то... Но такъ-ли—сякъли, вопросъ былъ уже рѣшенъ, и Катенька Рукавицына на этотъ разъ уѣхала изъ Марьина невѣстой.

V.

Обстоятельства складываются для него благопріятно.

Иванъ Афанасьичъ справлялъ свои дѣла недурно. То, о чемъ онъ мечталъ, что давно уже задумалъ, — исполнялось воочію. А задумалъ онъ, какъ читатель уже замѣтилъ, женить Антошу на своей дочери, опутавъ его предварительно цѣлою сѣтью векселей и росписочекъ, затѣмъ вовлечь Антошу въ свои предпріятія и, если представится нужда и возможность, прибрать къ своимъ рукамъ его Марьино. Дѣло пошло, какъ по маслу, и первая половина задуманнаго имъ плана уже осуществилась. Антонъ Васильичъ у него очутился въ долгу и въ концѣ концовъ, побрыкавшись и поартачившись, все-таки сдѣлалъ предложеніе и теперь уже онъ формально объявленъ женихомъ... Катя, по возвращеніи изъ Марьина въ воскресенье вечеромъ, конечно, тотчасъ же передала ему самую суть интереснаго разговора, происшедшаго на балконѣ. Родитель остался доволенъ...

Долго въ тотъ вечеръ ходилъ онъ по своей комнатѣ, то радостно потирая руки, то насвистывая что-то себѣ подъ носъ. Тутъ онъ подумалъ о приданомъ... Что жъ приданое! Онъ не обидитъ... А много-то толковать будущему зятю онъ не дастъ. «Есть у насъ такой противъ его милости секретъ, что мы ротъ-то ему живо закроемъ,—безъ замка запремъ!»—подумалъ Иванъ Афанасьевъ, припомнивъ что-то, и сладостно ухмыльнулся, какъ могъ бы, вѣроятно, ухмыльнуться котъ въ той увѣренности, что мышка никуда не можетъ дѣваться отъ него. Антоша о приданомъ еще не заговаривалъ, но только намекалъ стороной, что къ свадьбѣ ему нужно деньженокъ. Ну, тысченку впередъ ему дать можно... И самъ Рукавицынъ не желалъ ударитъ въ грязь лицомъ. «Что жъ такое! Слава Богу, мы не хуже людей! Бѣдняться не станемъ»... Но во всякомъ случаѣ надо было думать, что онъ будущаго зятя не озолотитъ, такъ какъ онъ не однажды, раздумывая объ Антошѣ, мысленно рѣшалъ, что «глупому сыну не въ помощь богатство».

Не въ одномъ этомъ дѣлѣ везло Рукавицыну, и въ другихъ дѣлахъ онъ былъ не менѣе счастливъ... Около того же времени случилось происшествіе, которое могло бы очень непріятно отозваться на Иванѣ Афанасьевичѣ, но не отозвалось, благодаря стеченію нѣкоторыхъ обстоятельствъ.

Убили конокрада. Одна изъ самыхъ обыкновенныхъ исторій, по крайней мѣрѣ, въ той степной полосѣ, гдѣ происходитъ дѣйствіе нашего разсказа. Убили конокрада! Очень просто... Захватилъ человѣкъ чужую лошадь и погналъ ее въ степь; увидали это мужики, бросились въ погоню, настигли и тутъ же безъ всякихъ разсужденій, по русскому закону Линча, дубьемъ забили конокрада до смерти... Убійство, какъ говорили, произошло верстахъ въ 40 отъ Баркова, но произвело на Барковѣ сильное впечатлѣніе и вызвало оживленные толки по той причинѣ, что убитымъ конокрадомъ оказался Тихонъ Перепелкинъ, изъ деревни Большухина, сосѣдней съ Барковымъ. Тихона знали за мужика смирнаго, даже робкаго, и всѣ не мало удивлялись тому: какъ онъ вдругъ объявился конокра-

домъ... Правда, онъ былъ бѣденъ; но въ худыхъ дѣлахъ не попадался и ни въ чемъ подозрительномъ замѣченъ не былъ. Правда, раза два за недоимки драли его въ правленьи; но что жъ изъ этого? кого же не дерутъ! Послѣ покойнаго остались жена и двое ребятъ, старшему изъ нихъ, сыну, было десять лѣтъ. Марина у себя въ хатѣ почти цѣлую недѣлю голосила навзрыдъ по мужѣ. Марину жалѣли, и бабы навѣдывались къ ней: иныя изъ любопытства, ради того, чтобы поглядѣть, какъ плачетъ Маришка, и послушать, что говоритъ она; иныя же по душевному участію, изъ жалости.

Иванъ Афанасьичъ сильно взволновался, даже слегка поблѣднѣлъ, когда дошли до него слухи объ убійствѣ конокрада. Онъ какъ будто бы струсилъ.

— А какъ звали того... убитаго-то?—спрашивалъ онъ.

— Тихонъ! Тихонъ Перепелкинъ... Съ Большухина!—отвѣчали ему.—Можетъ, знавали... смирный такой мужиченка?

— Слыхалъ...—говорилъ Рукавицынъ.—Всѣ они съ виду-то смирные... А что передъ смертью-то говорилъ?

При этомъ Иванъ Афанасьичъ такъ закашлялся, что весь даже покраснѣлъ, а глаза его налились кровью.

— Ничего не говорилъ! Куда тебѣ! Разомъ, слышь, порѣшили... По головѣ кто-то стягомъ такъ ловко тяпнулъ, что мозги выскочили...

Наконецъ-то Иванъ Афанасьевъ прокашлялся и свободно перевелъ духъ... Отлегло отъ души.

Должно-ли говорить (мы думаемъ: читатель уже догадался), что Рукавицынъ былъ конокрадъ, или, вѣрнѣе сказать, глава, вождь конокрадовъ. Самъ онъ, конечно, своими руками не укралъ ни одного жеребенка во всю свою жизнь, но онъ былъ тайнымъ, подпольнымъ атаманомъ воровской шайки. Онъ распоряжался, руководилъ операціями, скрывалъ—по возможности—участниковъ, укрывалъ лошадей, переправлялъ ихъ въ сосѣднія губерніи и тамъ продавалъ ихъ. При его ловкости и изворотливости, при его торговыхъ связяхъ и знакомствахъ по всей линіи Тарабаровской желѣзной дороги, при извѣстной суммѣ денегъ, всегда бывшей у него на лицо для необходимыхъ оборотовъ, при его всегдашней осторожности и при смѣлости вовремя и кстати — дѣло у него шло отлично. Изъ Пензенской и Воронежской губерній то и дѣло приводили ему лошадей, и затѣмъ, тѣмъ же порядкомъ лошади отправлялись въ Рязанскую, Симбирскую, Тамбовскую или иную губернію.

Отъ всѣхъ этихъ операцій, иногда довольно трудныхъ и рискованныхъ, мелкіе конокрады, конокрады-пѣшки, получали десятки рублей, а на долю Ивана Афанасьича, какъ водится, доставались сотни и тысячи. Мелкіе конокрады попадали въ острогъ и шли въ Сибирь, или же ихъ били сами крестьяне и убивали до смерти. Изъ шайки Рукавицына въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ было убито трое: двое убиты на мѣстѣ, а третій умеръ отъ ранъ черезъ нѣсколько дней послѣ побоища. Тихона должно считать уже четвертымъ... Въ то время, какъ мелкимъ пташкамъ перепадали крохи, когда эти пташки поминутно рисковали головой ради того, чтобы добыть лишній рубль, когда эти пташки попадались въ силки и гибли,—Иванъ Афанасьичъ жилъ себѣ благополучно, въ почетѣ, богатѣлъ, толстѣлъ и пользовался всѣми житейскими удобствами и забавами. Шайка не могла обойтись безъ него: онъ снабжалъ деньгами, училъ, совѣтовалъ, давалъ пристанище и сбывалъ товаръ. Онъ велъ свои дѣла такъ ловко, такъ осторожно, что за всѣ десять лѣтъ только одинъ разъ навлекъ на себя маленькое подозрѣніе, да и то прошло безслѣдно. Особенно остороженъ онъ былъ въ сношеніяхъ съ конокрадами. Члены его шайки не знали другъ друга, и каждый изъ нихъ въ частности не подозрѣвалъ того, что Рукавицынъ со всѣми ими находится въ сношеніяхъ. У него въ шайкѣ были и татары, и русскіе, и даже одинъ еврей, занимавшійся въ тѣхъ мѣстахъ скупкой хлѣба. Еврей, впрочемъ, болѣе игралъ роль пристанодержателя...

Въ околоткѣ давно уже удивлялись ловкости и смѣлости конокрадовъ; удивлялись тому, что нѣтъ возможности искоренить это зло, и въ голову никому не приходило, что въ этомъ дѣлѣ былъ всему головой—былъ альфой и омегой—Рукавицынъ хуторъ. Помилуйте! Развѣ можно подумать на Ивана Афанасьева, на такого почтеннаго человѣка? Станетъ-ли онъ, при своемъ богатствѣ, вязываться въ подобныя грязныя и рискованныя дѣла? Такъ всякій бы подумалъ, если бы указали ему на Рукавицына, какъ на главнаго вожака конокрадовъ въ Глаголевскомъ уѣздѣ. А Рукавицынъ смѣялся надъ ближ-

ними, смѣялся надъ закономъ, надъ судомъ, надъ мелкими пташками, попадавшими въ клѣтку, и продолжалъ поживляться насчетъ бѣдности и горя крестьянскаго. Это былъ закаленный боецъ, опытный, дьявольски смѣлый и съ совѣстью, не содрогавшеюся ни передъ чѣмъ.

Когда Онисимъ Вукольичъ, кое-что смекавшій, вполголоса началъ передавать ему росказни о послѣднихъ минутахъ Тихона, Рукавицынъ живо оборвалъ его.

— А мнѣ-то что! Мало-ли ихъ бьютъ, стервецовъ! — сухо проговорилъ онъ вслухъ, и его сѣрые глаза, блестящіе и холодные, какъ сталь, презрительно-сурово посмотрѣли на Онисима, словно хотѣли промолвить: «Ты, дуракъ, съ чего лѣзешь? Чего еще вздумалъ шептаться! Никого на свѣтѣ не боимся мы!»

Великанъ не выдержалъ этого холоднаго взгляда, отвернулся и, промычавъ что-то себѣ подъ носъ, удалился.

При первомъ извѣстіи объ убійствѣ Тихона Иванъ Афанасьичъ, понятно, нѣсколько смутился. «Не выдалъ-ли? Не проговорился-ли? Не указалъ-ли на кого-нибудь?» Вотъ вопросы, заставившіе его призадуматься. Конечно, особенной бѣды отъ пустого, голословнаго оговора ждать нельзя, но непріятности могли бы приключиться: на Рукавицына опять, какъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, могла бы пасть тѣнь, и пришлось бы, пожалуй, на долгое время — если не навсегда — закрыть свою лавочку. А бѣсъ алчбы и любостяжанія погонялъ его, не давая ему остановиться на крутомъ пути... Говорятъ, нѣкоторые нервные люди, взойдя на колокольню или башню и смотря внизъ, испытываютъ чрезвычайно странныя ощущенія: голова у нихъ слегка кружится, во всемъ тѣлѣ чувствуется какая-то слабость, «воля» отступаетъ на задній планъ; имъ страшно, жутко, но они не могутъ противостать желанію наклониться еще разъ и еще разъ посмотрѣть туда, внизъ. Непреодолимое, смутное желаніе тянетъ ихъ броситься съ вышины... Всякая сильная страсть, овладѣвшая душой, также точно влечетъ человѣка на рискъ, — влечетъ непреодолимо — погрузиться въ бездны...

Ивану Афанасьичу невозможно было остановиться и отказаться отъ рискованныхъ дѣлъ — такъ же точно, какъ иному невозможно отойти отъ рулетки или отъ карточнаго стола, пока у него есть хоть что-нибудь въ карманѣ, что можно еще бросить на роковое сукно.

Да! Хорошо, что Тихонъ умеръ, не проронивъ ни словечка. Вообще обстоятельства для него складывались счастливо. Онъ счастливо освободился отъ одного изъ своихъ участниковъ. Дѣло съ Антошей шло на ладъ и въ будущемъ Рукавицыну представлялась возможность — при помощи зятя и его Марьина — еще пуще расширить свои операціи и благонадежнѣе обставить ихъ... И Рукавицынъ, ходя по своему хутору, мечтательно посматривалъ вдаль по направленію къ усадьбѣ будущаго зятя, посвистывалъ и весело, радостно потиралъ руки. Онъ въ своемъ торжествѣ и не чувствовалъ, что его вѣрный прикащикъ, Онисимъ Вукольичъ, въ своихъ личныхъ интересахъ подводилъ, между тѣмъ, мины подъ дѣло рукъ его, съ искреннимъ желаніемъ взорвать это «дѣло» на воздухъ...

Узнавъ, что затѣвается свадьба, Онисимъ Вукольичъ пришелъ въ такую ярость, что чуть до смерти не зашибъ полѣномъ какую-то чужую собаченку, забѣжавшую къ нимъ на дворъ.

— Р-р-разнесу дьявола! У-у-у!—кричалъ онъ вслѣдъ собаченкѣ, съ визгомъ улепетывавшей отъ него, поджавъ хвостъ.

Насмурный, хмурый, присматривалъ онъ за рабочими, жавшими овесъ, бродя по полю взадъ и впередъ, шлялся безъ дѣла по двору, со всѣми огрызался, ни съ того, ни съ сего кухарку обозвалъ «воровкой», а когда хозяинъ о чемъ-то закричалъ ему, —притворился, что не слышитъ, и не отвѣтилъ. А ночью, лежа на своемъ сѣновалѣ, Онисимъ Вукольичъ пришелъ къ такому успокоительному заключенію: «Нѣтъ, ты погоди! Не торопись больно... Я тебѣ бревно-то еще навалю!» И онъ, дѣйствительно, навалилъ бревно, но—къ несчастью для него — тѣ, кому онъ хотѣлъ *удружить*, перескочили черезъ его бревно, какъ ни въ чемъ не бывало.

Какъ бы спроста, зря, Онисимъ Вукольичъ разсказалъ горничной, Лизуткѣ, что у Антона Васильича въ Замошьи есть любовница, что онъ съ ней уже давно таскается, что про это весь околотокъ знаетъ, что жаль барышню, Катерину Ивановну, что она совсѣмъ будетъ несчастная, если за этакого женишка пойдетъ за-мужъ и т. д. Онисимъ разсчитывалъ, что Лизутка ни за что не удержится и всю эту повѣсть о любовницѣ въ точности, а можетъ быть, даже и съ кое-какими прикрасами

собственнаго изобрѣтенія, непремѣнно передастъ барышнѣ, хотя бы ей за то грозили отрѣзать языкъ. «Бабы, все одно — что рѣшето! Чего въ нихъ ни насыпли, все просѣютъ живой рукой!» философски разсуждалъ онъ о прекрасномъ полѣ. Онъ не ошибся въ своемъ расчетѣ: хитрость его на этотъ разъ удалась.

— Перестань, пожалуста! — вспыхнувъ, остановила Катя свою горничную, но не ранѣе того, какъ Лизутка успѣла выложить передъ ней все, что знала и что могла прибавить отъ себя.—И впередъ прошу не лѣзть ко мнѣ съ такими глупостями... Мало-ли что у васъ, на Барковѣ, выдумаютъ! Всего не переслушаешь, да и слушать я не желаю!..

Повѣсть, переданная Лизуткой съ ея собственными добавленіями, вышла очень цвѣтистымъ, эффектнымъ разсказомъ. По словамъ этого разсказа, у Антона Васильича въ Замошьи оказались даже ребята, прижитые имъ съ какою-то барковской дѣвкой, которая будто кому-то, когда-то, сказала на базарѣ, что она «ни во вѣки вѣковъ не дастъ Антону Васильичу жениться», что она ему «устроитъ такой срамъ, такой срамъ»... и т. д.

Хотя Катя съ сердцемъ напустилась на Лизутку и приказала ей замолчать, но разсказъ «о любовницѣ» сильно покоробилъ ее. Уколотое самолюбіе и ревность громко заговорили въ ней; этимъ двумъ непріятнымъ голосамъ вторилъ еще третій голосъ—чувство страха, опасенія, чтобы дѣйствительно не вышло какого-нибудь скандала. Она до смерти боялась всякихъ скандаловъ... Конечно, Катя не знала: сколько было вранья въ разсказѣ Лизутки. Можетъ быть, въ немъ половина была вранья, а можетъ быть, и того больше... но, вѣроятно, скрывается въ немъ и доля правды. Безъ огня дыму не бываетъ. У этой барышни, какъ уже замѣтилъ читатель, воображеніе было развито въ ущербъ прочимъ духовнымъ способностямъ. Барышня почти постоянно жила въ волшебномъ мірѣ грезъ, вымысловъ и сказокъ. И вотъ теперь она уже видѣла себя несчастною... Ей припомнилось (она гдѣ-то читала или слыхала отъ кого-то), какъ жестокіе, невѣрные мужья скверно обращаются съ женами, какъ они мучатъ, терзаютъ, оскорбляютъ ихъ, а несчастныя жены «отцвѣтаютъ, не успѣвши разцвѣсть» и умираютъ прежде времени. Ей уже представилось, какъ Антонъ Васильичъ приведетъ къ себѣ въ домъ свою «гадкую» любовницу и въ угоду той станетъ позорить всячески ее, свою законную жену. А можетъ быть, у него еще не одна любовница? И вдругъ онъ всѣхъ приведетъ ихъ и затѣетъ какія-нибудь оргіи, въ родѣ шабаша вѣдьмъ, а ее, Катю, заставитъ быть зрительницей или даже участницей этихъ грязныхъ, отвратительныхъ оргій... Она скажетъ: «нѣтъ, не хочу!» А онъ вдругъ начнетъ бить ее...

Дѣвушка сама до того растравила, разбередила маленькій уколъ, причиненный ей Лизуткой, что уколъ чуть видимый обратился въ большую и очень болѣзненную рану съ гангренознымъ характеромъ. Катя волновалась... «Неужели у него есть дѣти? Та баба, пожалуй, въ самомъ дѣлѣ устроитъ какой-нибудь скандалъ... Это ужасно!»... Понятно, какъ должна была въ такомъ возбужденномъ состояніи встрѣтить Катя своего жениха. Понятно, что безъ сценъ и непріятностей дѣло не могло обойтись.

Антоша, по заведенному изстари обычаю, въ качествѣ жениха каждый день ѣздилъ на Рукавицынъ хуторъ, привозя иногда, какъ водится, кое-какіе подарочки и гостинцы, (купленные, впрочемъ, на деньги будущаго тестя). Такъ, по обыкновенію, и въ этотъ день «роковаго открытія» онъ явился къ невѣстѣ съ коробочкой конфектъ и со своими обычными шутливыми прибаутками.

— Съ тѣхъ поръ, какъ я васъ люблю, стали конфеты по рублю! Позвольте поцѣловать ручку!—говорилъ онъ шутливо, становясь передъ невѣстой на одно колѣно и подавая ей коробочку.

— Перестаньте фиглярить! Надоѣло!—лѣниво-безучастнымъ тономъ промолвила она и, не глядя на коробочку, пихнула ее на столъ.

— Не той ногой, видно, съ постели сегодня встали! — обидчиво сказалъ Антоша и, поднявшись съ колѣчъ, отошелъ къ окну, усѣлся въ кресло и закурилъ папиросу.

— Надоѣло!—немного погодя, повторилъ Антонъ Васильичъ, съ какой-то кислой, странной усмѣшкой посматривая въ садъ на вершины деревьевъ. — Что же такое вамъ надоѣло? Я надоѣлъ? Или еще что-нибудь...

— Все надоѣло!—отрывисто и сухо отозвалась дѣвушка, усиленно покачивая ножкой, такъ что ея пунцовая туфля поминутно шаркала, касаясь пола.

Нѣсколько минутъ длилось тяжелое, неловкое молчаніе; только слышно было, какъ

шаркала туфля, да муха, жужжа, летала, стукаясь въ потолокъ.

Незачѣмъ было сходиться этимъ людямъ, подумаетъ иной читатель, посмотрѣвъ на жениха и невѣсту; имъ слѣдовало бы, напротивъ, какъ можно далѣе разойтись другъ съ другомъ. Конечно, слѣдовало бы... Но горе въ томъ, что человѣкъ въ жизни чаще идетъ не туда, куда хочетъ, а куда вѣтеръ гонитъ его.

— Антонъ Васильичъ! Въ Замошьи дичи много?—съ улыбочкой и съ нескрываемымъ ехидствомъ вдругъ спросила Катя.

— Много. А что такое? — въ недоумѣніи переспросилъ ее женихъ.

— И вы часто ѣздите туда... на охоту?— прежнимъ насмѣшливымъ тономъ продолжала Катя, вертя въ рукахъ какое-то узенькое кружево и разрывая его въ клочья...

— Нѣтъ! Я рѣдко ѣзжу въ Замошье...— повидимому, спокойно, но сильно смутившись въ душѣ, проговорилъ Антонъ Васильичъ.

— Но вамъ, кажется, нравится тамошняя дичь!—многозначительно промолвила дѣвушка, посмотрѣвъ изподлобья на жениха.

— А мнѣ кажется, что вамъ насплетничали на меня! — въ тонъ ей замѣтилъ Антоша.—А вы всякому слуху про меня охотно вѣрите... Прекрасно! Отлично!..

— Скажите: у васъ нѣтъ тамъ никакой знакомой?—приступила къ нему дѣвушка.— Ну, скажите.

— На подобныя вещи я и отвѣчать не желаю...—уклончиво, какъ бы сильно обидѣвшись, процѣдилъ сквозь зубы Антоша.

— Въ такомъ случаѣ... я не знаю... зачѣмъ... зачѣмъ же вы ѣздите ко мнѣ?.. — прерывающимся голосомъ начала Катя, закрывая лицо руками.

На глазахъ ея блестѣли слезы, рѣсницы дрожали.

— До моей прошлой жизни нѣтъ никому дѣла!—рѣзко замѣтилъ Антоша.

— Да, можетъ быть, и теперь еще... — сквозь слезы прошептала дѣвушка, и вдругъ расплакалась.

— Ну полно же, полно, пожалуста! Ну, перестань же! Все вздоръ... Увѣряю же тебя...—заговорилъ женихъ, подсаживаясь къ ней на диванъ, обнимая ее и цѣлуя ее въ щеку, въ шею.—Все это прошлыя дурачества и болѣе ничего... Ну, не плачь же!

Но Катя любила нѣсколько театральныя сцены и поэтому теперь продолжала тихо плакать и всхлипывать, положивъ голову на плечо Антоши. Кончилось же тѣмъ, что Катя вытерла слезы и сказала:

— Во всякомъ случаѣ, я желаю, чтобы ты не ѣздилъ болѣе въ Замошье! Слышишь? Не желаю... Ты не будешь тамъ охотиться? Да?

Въ голосѣ ея звучала уже повелительная нотка.

— Да что мнѣ Замошье! Есть гдѣ охотиться-то, кромѣ Замошья! — не обинуясь, отрекался Антоша отъ своего хорошаго прошлаго.

Антоша видѣлъ, что для него — одинъ исходъ, неминучій исходъ, и поэтому разыгрывалъ теперь роль жениха самымъ добросовѣстнымъ образомъ. Дѣйствительно: «что ему теперь Замошье!» Онъ закрылъ глаза на все свое прошлое. Онъ балагурилъ, кривлялся передъ Катей, возилъ ей конфетки, унижался передъ ней, самъ себя билъ по ланитамъ. Надо дотягивать нотку до тѣхъ поръ, пока она не оборвется.

Размолвка между женихомъ и невѣстой не пошла далѣе вышеприписанной сцены. Мировая была заключена... Происки Онисима Вуколыча въ концѣ концовъ не привели ни къ чему.

Онисимъ могъ бы убить Сучковатова. Конечно, могъ бы... Но онъ расчиталъ, что надо выбирать меньшее изъ золъ. Не станетъ Антона Васильича,—явится нѣсколько другихъ соискателей. «Вѣдь ихъ въ околоткѣ-то — что собакъ нерѣзанныхъ! Живо набѣгутъ»... А Антоша все-таки лучше другихъ прочихъ. Во-первыхъ, онъ дальше Марьина молодую не увезетъ; слѣдовательно, она будетъ подъ бокомъ. (Надежды еще продолжали жить въ душѣ Онисима Вуколыча). Во-вторыхъ, Антоша, судя по всему, обѣщаетъ быть самымъ плохонькимъ, дрянненькимъ мужемъ, пьяницей, мотомъ, кутилой; значитъ, жена легко можетъ разлюбить его... Правда, кромѣ крутыхъ, экстренныхъ мѣръ, у Онисима было еще одно средство заставить Антошу отшатнуться отъ Катеньки. Стоило только сообщить ему объ интригѣ съ Сопляскинымъ, о томъ, что невѣста его «шуры-муры заводила». Но это средство представлялось Онисиму Вуколычу очень рискованнымъ. «Антонъ Васильичъ—человѣкъ горячій... Возьметъ, да и выболтаетъ все хозяину,—и его съ головой выдастъ... Ну! А тогда ужъ бѣда! Вуколычъ только держись!» Великанъ въ душѣ шибко побаивался Ивана Афанасьича. Хозяинъ, ко-

нечно, за подобныя продѣлки не сказалъ бы ему «спасибо».

«Ну, чортъ съ ними! Посмотримъ, что будетъ!»—рѣшилъ онъ.

Свадьба была назначена въ половинѣ сентября.

VI.

Мать и сынъ.

Когда Антонъ Васильичъ объявилъ матери, что онъ женится на Катенькѣ Рукавицыной, та была такъ поражена этою неожиданною новостью, что не могла слова вымолвить. Нервно подергала она подъ подбородкомъ завязки своего бѣлаго чепчика и такъ же судорожно, нервно ухватилась за ручки кресла, въ которомъ до той поры спокойно сидѣла съ какой-то работой. Наконецъ ея тусклые, старческіе глаза испуганно и недовѣрчиво остановились на Антошѣ, методично свертывавшемъ себѣ папиросу.

— Ну, что же вы такъ смотрите? Не вѣрите, что-ли?—съ кислой, кривой усмѣшкой заговорилъ молодой человѣкъ, вскользь посматривая на Авдотью Семеновну и низко наклоняя голову надъ своимъ портсигаромъ.

Было очевидно, что это объясненіе не доставляло ему особеннаго удовольствія.

— Да ты это, Антоша, вправду... не шутишь? — проронила, наконецъ, старушка.— Какъ же это такъ вдругъ...

— Нисколько не «вдругъ»!—рѣзко перебилъ ее сынъ.—Слава Богу, ужъ сколько лѣтъ съ нимъ знакомъ... Сами же вы не разъ замѣчали, что я часто ѣзжу на хуторъ. Ну вотъ... Дѣвушку я хорошо знаю. Дѣвушка—хорошая... Не ждать же мнѣ: когда какая-нибудь принцесса пріѣдетъ къ намъ на Барково...

— Зачѣмъ «принцесса»!..—мягко возразила Авдотья Семеновна.—Катерина Ивановна, конечно, ничего... дѣвица пріятная, образованная. Это что и говорить... Только, знаешь, Антоша, Иванъ-то Афанасьевъ такой мужланъ, такой мужланъ... Не нравится онъ мнѣ. Вотъ хоть что скажи,—не нравится. Не лежитъ у меня сердце къ этому мужику... Ни о чемъ-то съ нимъ поговорить нельзя. Все-то у него какъ-то грубо выходитъ. Иногда такое словечко скажетъ, что, просто, со стыда сгоришь. А ему ничего, не понимаетъ... Человѣкъ необразованный...

— Да вѣдь вамъ съ нимъ жить не придется! — возразилъ съ неудовольствіемъ Антоша. — Онъ будетъ на хуторѣ, а мы — въ Марьинѣ... Ну, изрѣдка видаться будемъ. Только и есть... А Катя, вы сами говорите, дѣвушка хорошая...

— Да... Только вѣдь что же! Я ее очень мало знаю...

— А я ее знаю!—раздраженно перебилъ Антоша.

— Ну что жъ? Давай Богъ...—со вздохомъ прошептала Авдотья Семеновна.—Тебѣ жить, не мнѣ. Мой вѣкъ къ концу идетъ. Живите.

Тутъ голосъ ея задрожалъ и оборвался. Слезы тихо катились по ея морщинистымъ щекамъ. Она торопливо выдернула изъ кармана платокъ и начала вытирать слезы. Съ какою любовью, какъ нѣжно и ласково смотрѣла теперь старушка на своего Антошу, на его бѣлокурую, кудрявую, низко склоненную голову! Зналъ-ли онъ: какъ крѣпко любила его мать? Нѣтъ, онъ не зналъ этого...

— Ну, вотъ вы сейчасъ и въ слезы...— надувъ губы, сказалъ Антоша и, вдругъ затянувшись, выпустилъ огромные клубы табачнаго дыма.—Никогда нельзя поговорить съ вами толкомъ! Ну, о чемъ плакать? О чемъ слезы? И сами не знаете, небойсь! А такъ вотъ—случай вышелъ...

— Ну, не буду, не буду! Знаю, что ты не любишь... — торопливо заговорила Авдотья Семеновна, съ трудомъ глотая слезы, и начала прятать платокъ въ карманъ, но долго не могла спрятать: руки ее не слушались, дрожали.—Фу! Этотъ дымъ!..

Старушка закашлялась и принялась отмахиваться отъ налетавшаго на нее дыма. Антоша, очевидно, былъ не въ духѣ и нахмурился еще пуще.

— И дымъ вамъ помѣшалъ... Все ужъ вамъ мѣшаетъ!—брюзгливо, вполголоса замѣтилъ онъ, бросая папиросу.

— Ну вотъ, теперь ничего, продышалась... А то, просто, этимъ табачищемъ духъ у меня захватываетъ! Ну разскажи же, Антоша... Какъ у васъ было дѣло?

— Чего жъ тутъ разсказывать... Очень просто... взялъ да и посватался! Не антимоніи же какія-нибудь еще разводить. Катя, разумѣется, согласна; отецъ — тоже... Вотъ тебѣ и все! Приданое, конечно, сдѣлаютъ хорошее.

Тутъ Антоша вкратцѣ передалъ о своемъ сватовствѣ все, что можно было передать матери, умолчавъ, разумѣется, о векселяхъ и вообще о своихъ денежныхъ отношеніяхъ къ Рукавицыну. Антошѣ непріятно было объ-

ясняться съ матерью. Онъ думалъ, что мать сильно возстанетъ противъ такой женитьбы и станетъ уговаривать его бросить это дѣло, пока еще не поздно. Антоша самъ былъ нетвердъ въ своемъ рѣшеніи, и оттого — по своей безхарактерности—боялся отговариваній, боялся, чтобы не поколебали его рѣшимость. Но старушка, какъ оказалось, не была намѣрена сильно противиться его сватовству... Но за то—эти слезы... за то, какъ она смотрѣла на него! Словно, его въ гробъ клали. Онъ видѣлъ, онъ чувствовалъ, что мать встревожена и недовольна въ душѣ его рѣшеньемъ, что она смотритъ на него, какъ на человѣка, пускающагося въ рискованное, опасное предпріятіе. Вотъ почему онъ старался не смотрѣть на Авдотью Семеновну, старался не обращать вниманія на ея грустные, тоскливые взгляды и на выраженіе напускного спокойствія, которое хотѣла придать она своему лицу. «Шабашъ!» повторилъ онъ себѣ въ сотый разъ: «теперь ужъ нечего примѣривать да расчитывать»...

— О приданомъ еще ничего не говорили? — спросила немного погодя Авдотья Семеновна, не безъ любопытства посматривая на сына.

— Нѣтъ, не говорили! — отвѣтствовалъ тотъ.—Разумѣется, не надуетъ... Что ужъ вы такъ очень подозрительно смотрите... Вѣдь не мазурикъ же онъ!

— Кто жъ говоритъ! — согласилась старушка. — Ну, Господь съ вами! Живите хорошенько, въ мирѣ, въ ладу да въ дружбѣ... Это главное! Бога не забывайте... Не оставляйте меня, старуху! Слаба становлюсь...

— Пиратъ! Пиль!—крикнулъ вдругъ Антоша, завидѣвъ въ саду кошку и указывая собакѣ на окно.

Пиратъ со всѣхъ ногъ бросился исполнять приказаніе и однимъ махомъ вылетѣлъ черезъ открытое окно, причемъ едва не разбилъ одну половинку рамы.

— Ахъ, Боже мой, Антоша! Что ты дѣлаешь...—съ испугомъ крикнула Авдотья Семеновна, вскакивая съ креселъ. — Всѣ окна разобьете вы у меня со своими собаками... Вотъ пріучишь, онъ и начнетъ прыгать въ окно... Какъ же это можно!

Антоша не слушалъ ее и, смѣясь, выходилъ уже изъ комнаты.

— А намъ съ вами, мамаша, нужно ужо будетъ съѣздить на хуторъ-то... По положенію, значитъ!—проговорилъ Антонъ Васильичъ, остановившись въ дверяхъ и оборачиваясь къ матери.

— Ну, что жъ! Съѣздимъ! — со вздохомъ отозвалась та.

Странно, полно противорѣчій сердце матери. Авдотья Семеновна то мечтала о томъ, какъ ея Антоша женится на какой-нибудь барышнѣ «изъ благороднаго семейства»—и непремѣнно «изъ благороднаго», (подъ благородствомъ въ данномъ случаѣ разумѣлось, конечно, «дворянство»). На эту-то тему Авдотья Семеновна часто мечтала и мечты свои иногда—въ минуты откровенности—повѣряла сыну. Потому-то онъ сегодня въ разговорѣ съ нею и намекнулъ съ усмѣшкой о «принцессѣ»... Иногда же, она вовсе не желала, чтобы Антоша женился. По крайней мѣрѣ, она шибко побаивалась ранней женитьбы. Онъ казался ей все еще мальчикомъ, и потомъ ей думалось, что Антоша, женившись, непремѣнно оставитъ ее и разлюбитъ... Теперь, конечно, она была недовольна тѣмъ, что Антоша беретъ себѣ въ жены дѣвушку не «изъ благороднаго семейства», да къ тому же еще дочь Ивана Афанасьева, не внушавшаго ей ни мало ни симпатіи, ни довѣрія. Но что жъ станешь дѣлать! Не запретишь, въ самомъ дѣлѣ, жениться, коли дѣвушка понравилась ему! Она будетъ любить свою невѣстку, она постарается любить ее... Катенька не пожалуется на нее.

Такъ рѣшила про себя Авдотья Семеновна, утѣшаясь тѣмъ, что эта невѣста, по крайней мѣрѣ, принесетъ много денегъ, хорошее приданое. Она надѣялась, что Иванъ Афанасьичъ непремѣнно разщедрится ради такого жениха, какъ ея молодецъ-Антоша. Этой пріятной надежды не могла ее лишить даже Агаша своими зловѣщими причитаніями...

— Боюсь я, барыня, какъ бы Иванъ Афанасьевъ не обошелъ насъ!—напѣвала она вечеромъ Авдотьѣ Семеновнѣ, когда та укладывалась спать.—Вѣдь онъ ловокъ... Съ нимъ надо ухо востро держать, а то сразу влетишь... А у насъ Антонъ Васильичъ — извѣстно... трынъ-брынъ!

Слова «трынъ-брынъ» Агаша употребляла для выраженія легкомыслія, безпечности, беззаботности, непрактичности и т. под. душевныхъ качествъ, не совсѣмъ порочныхъ, но и далеко не похвальныхъ.

— Ну, полно ты, ворона!—остановила ее старушка.—Ложись, добро... Утро вечера мудренѣе! Ужо виднѣе будетъ...

Агаша, ворча, улеглась на свою постель около двери и скоро захрапѣла во всеуслышаніе. А барыня еще долго не спала, ворочалась, хотя ни одна муха-кусака не летала у нея подъ пологомъ. Не мухи, но думы мѣшали ей заснуть...

VII.

Прощанье съ холостой жизнью.

Антоша очень порядочно игралъ роль «счастливаго, влюбленнаго жениха». Катенька ѣла его конфекты, смѣялась, кокетничала и оставалась очень довольна и собой, и своимъ суженымъ. Но тѣ усилія, какія употреблялъ онъ, чтобы казаться «благополучнымъ», не проходили для него даромъ. «Господи, что я дѣлаю! Что я дѣлаю со своей головой!» съ отчаяніемъ, почти близкимъ къ сумасшествію, говорилъ онъ иногда самъ себѣ, оставаясь одинъ. Онъ жилъ все это время, какъ будто, во снѣ, подъ давленіемъ какого-то тяжелаго кошмара, и лишь изрѣдка — ночью или утромъ при пробужденьи—находили на него минуты просвѣтленія, когда онъ отрезвлялся, приходилъ въ себя и избавлялся отъ тяжелаго кошмара, до тѣхъ поръ не дававшаго ему опомниться, перевести духъ и оглянуться вокругъ себя. Эти краткія минуты отрезвленія были для него страшными минутами раскаянія и тоски, такой черной, безысходной тоски, отъ которой, казалось, нигдѣ въ мірѣ не могъ онъ найти спасенья.

«Что я дѣлаю, что я дѣлаю!» повторялъ онъ въ такія минуты, сжимая руками голову. Голова болѣла, болѣла, словно хотѣла разорваться на части, и на душѣ было смутно... «Вотъ она, жизнь-то!» говорилъ онъ. Никогда еще Антоша не жилъ такъ скверно, никогда еще не чувствовалъ онъ себя такимъ безпомощнымъ и безсильнымъ, такимъ жалкимъ, слабымъ человѣкомъ. Точно вихремъ подхватило его и противъ его воли, противъ желанія, понесло въ темную, невѣдомую сторону. И вотъ его несетъ, кружитъ, и нѣтъ никакой возможности остановиться, уцѣпиться за что-нибудь; земля уходитъ изъ-подъ его ногъ, и съ невообразимой, головокружительной быстротой все вертится и несется мимо него—все мимо и мимо...

Онъ всегда боялся женитьбы; мысль «навѣки связать» себя съ другимъ, чужимъ человѣкомъ—бросала его въ холодъ. О женитьбѣ же на Катенькѣ Рукавицыной онъ не могъ подумать безъ отвращенья. Онъ не любилъ ее вовсе. Эта женщина лишь изрѣдка, порой, будила въ немъ только грубые животные инстинкты. До сего дня онъ не могъ сблизиться съ нею; въ ея присутствіи Антоша стѣснялся, чувствовалъ себя какъ-то неловко. Въ себѣ и въ невѣстѣ на каждомъ шагу онъ чувствовалъ фальшь, неискренность, ложь... И, не смотря на все это, онъ женится. Жить вѣчно съ нелюбимой женщиной, смотрѣть на ея постылое лицо и вѣчно съ раздраженіемъ чувствовать на себѣ ея назойливый, испытующій взглядъ, полный ревности, угрозъ и шпіонства, вѣчно быть вдвоемъ, вѣчно ожидать упрековъ, слезъ и ругани... «Ты что-то скрываешь?» вдругъ начнетъ приставать она. «Ты не любишь меня? Ты никогда меня не любилъ, никогда не былъ мнѣ вѣренъ. Несчастная я, а ты—подлецъ!» и т. д. на тысячу варіацій. Вѣдь это — не жизнь, а одинъ сплошной, безконечный ужасъ; это каторга съ «нѣкоторыми удобствами», это—подкрашенныя, подслащенныя муки... И Антоша обрекаетъ себя на эти муки!

А съ другой стороны... Съ другой стороны тихое Замошье, съ его зеленью и цвѣтами, съ его прелестной русалкой. Онъ любилъ Лушу, эту милую, простую дѣвушку, какъ только можетъ любить безхарактерный человѣкъ, подобно сухой былинкѣ въ полѣ, качаемой вѣтромъ направо и налѣво. Онъ любилъ ее «по своему» нѣжно и страстно, и теперь, въ тяжелые дни, наступившіе для Антона Васильевича, онъ съ болью и грустью вспоминалъ о Лушѣ. Ему часто мерещилось ея здоровое лицо, пышущее румянцемъ, съ темными, глубокими глазами, съ темными прядями шелковистыхъ волосъ, съ пунцовыми губами. Это личико мерещилось ему всегда на фонѣ бѣлостволыхъ березъ и трепещущей зеленой листвы, въ блестящемъ ореолѣ изъ бѣлыхъ и желтыхъ лѣсныхъ цвѣтовъ...

«Тоскуетъ, поди-ка, голубушка! Ждетъ—не дождется меня»...—много разъ съ печалью думалъ Антоша. И хотѣлось ему слетать въ Замошье—хоть на денекъ, хоть на одинъ часъ. Но какъ онъ посмотритъ на Лушу? Вѣдь онъ обѣщалъ сказать ей, когда вздумаетъ жениться на другой... Ему не сказать этого! И возможно-ли втолковать ей, что онъ женится на Рукавицыной, не любя, поневолѣ, что его любовь останется у нея въ Замошьи—навсегда? Повѣритъ-ли она такимъ росказнямъ? Она, дѣвушка простая, безхитростная, смотритъ на вещи прямо, и трудно ей будетъ по-

нять: какимъ образомъ Антоша, любя, будто бы, ее, можетъ жениться на другой. «Нѣтъ! Тутъ что-нибудь не такъ!» навѣрно подумаетъ она. А если бы онъ рѣшился заговорить съ ней объ этомъ, какъ бы она приняла это извѣстіе? Стала бы она плакать или нѣтъ? Можетъ быть, она и не заплакала бы... Но, Господи! съ какою глубокою скорбью посмотрѣла бы она на него въ тѣ минуты. Антоша былъ человѣкъ не особенно большого ума, но и онъ все-таки понималъ, что эта простая, деревенская дѣвушка любила его такъ сильно, такъ крѣпко, что любовь ей не могла пройти даромъ. Антоша сознавалъ, что онъ можетъ убить Лушу, разбить въ дребезги ея жизнь, но при этомъ можетъ не быть ни слезъ, ни истерикъ, ни обмороковъ. Нѣтъ, Богъ съ ней! Онъ не поѣдетъ въ Замошье... Авось, все сойдетъ благополучно! Онъ будетъ помнить Лушу такою, какою видѣлъ ее въ послѣдній разъ, на берегу тихой заводи, подернутой румянцемъ вечерней зари. Онъ будетъ помнить ее здоровою, веселою, счастливою... Жалкое утѣшеніе и жалкій обманъ!

Кромѣ того, онъ не рѣшился бы поѣхать въ Замошье, просто изъ боязни, какъ бы не поднять опять бури на Рукавицыномъ хуторѣ. Послѣ сцены, устроенной ему невѣстой по поводу Замошья, Антонъ Васильичъ понялъ, что поведеніемъ его кто-то интересуется, что какой-то соглядатай слѣдитъ, присматриваетъ за нимъ и сплетничаетъ. Слѣдовало быть осторожнѣе... Деньги, деньги нужны Антону Васильичу. Рукавицынъ хуторъ дастъ ему денегъ. Дорого достанутся ему эти деньги...

Во флигелѣ у себя по ночамъ, сидя подъ раскрытымъ окномъ и выкуривая папиросу за папиросой, Антоша думалъ, думалъ, но выдумать ничего хорошаго не могъ.

«Хоть бы какъ-нибудь забыться!» говорилъ онъ себѣ иной разъ, шляясь по двору и не находя себѣ мѣста. Забыться можно было въ барковскомъ трактирѣ, и онъ тащился на Барково. За недѣлю до свадьбы онъ устроилъ въ трактирѣ пирушку своимъ друзьямъ-пріятелямъ... Много было выпито водки и пива, много было спѣто пѣсенъ и много было наговорено всякаго пьянаго вздору. Наконецъ, уже поздно вечеромъ, собесѣдники поразбрелись кое-куда, а Антоша съ Михайломъ Иванычемъ остались одинъ на одинъ за маленькимъ столикомъ въ бильярдной, куда удалились изъ общей комнаты отъ шума и гама. Оба они были навеселѣ, но не пьяны,—особенно Антошу пьянымъ нельзя было счесть. «И вино-то сегодня что-то не разбираетъ, какъ на грѣхъ!» жаловался самому себѣ Антонъ Васильичъ въ тотъ вечеръ. Онъ сидѣлъ, опершись обѣими руками на столъ и опустивъ на руки голову, и молча, задумчиво смотрѣлъ на свой недопитый стаканъ съ пивомъ. Оба собесѣдника были красны, растрепаны и раздерганы, какъ и быть слѣдовало людямъ, кутившимъ почти весь день съ ранняго утра. Михайла Иванычъ посвисталъ, было, но тоже замолкъ...

— Что, женишекъ, не веселъ? Что головушку повѣсилъ? — заговорилъ онъ, прихлебывая пиво и закусывая сухарикомъ ржаного хлѣба.

— Что? Не веселъ...—переспросилъ Антоша, какъ бы пробуждаясь отъ сна и поднимая немного голову.—Гм!.. Вѣдь ты знаешь, что у меня сегодня, какой у меня праздникъ! Сегодня, братъ...

— Ну, знаю!—подхватилъ Михайла Иванычъ.—Ну, «мальчишникъ» у тебя сегодня... Ну, что жъ изъ того! Не на похороны собираешься, чай, а на свадьбу, на веселый пиръ...

— Ничего ты не знаешь! Знаешь ты съ носу въ ротъ... вотъ что!—пробормоталъ Антоша, проводя рукой по волосамъ.—Похороны сегодня... именно похороны... Какое тутъ, къ чорту, веселье!

— Да кого же хоронить-то мы будемъ!—съ усмѣшкой промолвилъ собесѣдникъ, опоражнивая свой стаканъ.—Мудрено, братъ, ты что-то заговорилъ... Не понять!

— Мало-ли, что «не понять»! А ты понимай! На то у тебя и голова на плечахъ...—отозвался Антоша.—Сегодня я самъ себя пропиваю, пропиваю свою волюшку... Понимаешь? Самъ себя хороню... самъ себя отпѣваю. Понялъ али нѣтъ?

— Не къ примѣру, братъ, говоришь! Вотъ что я тебѣ скажу... возражалъ Михайла Иванычъ.—Конечно, семейное дѣло не то, что холостое. Это—такъ! Только все же, по моему разсужденью, брачную кровать къ могилѣ приравнивать никакъ невозможно. Никакого подобія не выходитъ... Ужъ одно то взять: въ могилу-то силой валятъ, а на брачную-то кровать человѣкъ самъ скачетъ...

— Ну-у! Тоже не всегда! — рѣзко перебилъ Антоша своего собесѣдника.

— Что «не всегда»? — недоумчиво пере-

спросилъ тотъ. — На кровать-то не всегда сами скачутъ?.. А то неужто же еще подпихивать надо? Не слыхалъ что-то.

— Не слыхалъ, такъ слушай теперь!— замѣтилъ Антоша. — Другая ужъ теперь у меня жизнь пойдетъ... Воли той не будетъ... Въ семьѣ буду путаться!

— Съ молодой-то женой, чай, и неволя люба!—осмѣлился чувствительнымъ тономъ, съ пріятной улыбочкой возразить Михайла Иванычъ.

— Не всякому тоже... кому какъ!—отозвался вполголоса Антоша.

Въ эту минуту губы его слегка задрожали, а по угламъ рта обозначилось какое-то конвульсивное, чуть замѣтное подергиванье. Человѣкъ, казалось, въ тѣ минуты много и сильно чувствовалъ, но сдерживался и не выдавалъ этихъ чувствъ, порывавшихся выбиться наружу.

— Защѣмилъ-таки... дьяволъ!—проговорилъ или, скорѣе, простоналъ про себя Антоша, съ глубокимъ вздохомъ откидываясь на спинку стула.—Эй! Давай еще пару!—крикнулъ онъ по направленію къ двери, ведшей въ общую залу.

Половой мигомъ притащилъ еще двѣ бутылки пива. Михайла Иванычъ съ ловкостью необыкновенной наполнилъ стаканы, не проливъ ни одной капли, не смотря на то, что пѣна высоко поднялась надъ краями стакановъ, точь въ точь, какъ иногда изображается на вывѣскахъ Bier-Halle'ей.

— Знаешь, Антонъ Васильичъ!—вполголоса заговорилъ Михайла Иванычъ, наклоняясь къ Антошѣ черезъ столъ.—Я и самъ смекалъ, что тутъ дѣло не чисто, не ладно... Я такъ думаю: не погрѣшилъ-ли тутъ Иванъ Афанасьевъ? Вѣдь онъ скотина! Я знаю... Онъ изъ-за гроша на все пойдетъ. Только, нельзя-ли и ему ножку подставить? Пускай бы въ грязь носомъ клюнулъ хорошенько...

— Нѣтъ, ужъ теперь ничего не подѣлаешь?—пробормоталъ Антоша.—Ежели бы только кто-нибудь заглянулъ теперь ко мнѣ въ душу... Только ворочать-то неохота! Ну ихъ!

— Выпьемъ!—предложилъ онъ, минуту погодя.

Чокнулись и выпили.

—А видно, братъ, есть у тебя милушка...— продолжалъ Михайла Иванычъ, взглядывая на Антошу.—Вѣрно есть?

— Да еще какая милочка-то... душечка, раскрасавица! Да, просто... А-ахъ!.. Не смотри даромъ, не выглядывай! Не скажу больше ничего...—съ одушевленіемъ отозвался молодой человѣкъ.—Что наши барышни! Куда имъ до нея!..

Замолчали. Михайла Иванычъ добросовѣстно доливалъ стаканы. А собесѣдникъ его вдругъ какъ-то весь осунулся, опустился пуще прежняго. Лицо поблѣднѣло, вытянулось; губы крѣпко сжались. Онъ тяжело дышалъ, облокотившись на руку головой, и настойчиво, неподвижно смотрѣлъ все въ одну точку, какъ будто боялся отвести отъ нея глаза.

Михайла Иваныча считали пустымъ человѣкомъ, пропоицей и кутилой, человѣкомъ сухимъ, себялюбивымъ, жившимъ только для самого себя и жившимъ притомъ глупо и скверно. Для добрыхъ людей онъ былъ только чревоугодникомъ, старымъ негодяемъ, развратникомъ и пьяницей. Люди зажиточные, склонные къ скопидомству, обвиняли его въ мотовствѣ. Почтенные родители семействъ считали его, положительно, человѣкомъ позорнымъ, смѣшивали его съ грязью. Нѣкоторые высоконравственные люди въ томъ околоткѣ прямо говорили, что онъ развращаетъ молодежь, сводничаетъ, втягиваетъ молодыхъ людей съ деньгами въ пьянство и во всякія безобразія съ тою цѣлью, чтобы поживиться отъ нихъ, быть сытымъ и пьянымъ на ихъ счетъ...

Была доля правды въ этихъ нареканіяхъ на Михайла Иваныча; но все же онъ былъ не такъ ужасенъ, какъ его малевали. Прежде, когда у него водились свои деньжонки, онъ самъ пилъ и поилъ другихъ, поилъ всякаго встрѣчнаго и поперечнаго, чувствовавшаго жажду; въ то время всѣ охотно пили на его счетъ, пили до тѣхъ поръ, пока не пропили его послѣдній грошикъ. Онъ былъ кутила, пьяница, любилъ порой веселый анекдотецъ и какую-нибудь забубенную пѣсенку, это вѣрно... Но развратникомъ онъ никогда не былъ. Мы даже болѣе склонны думать, что онъ былъ много нравственнѣе тѣхъ людей, которыхъ другіе считали «почтенными» и которые сами себя, бія въ грудь, ставили неизмѣримо выше всякаго «мытаря». Многіе изъ почтенныхъ людей за угломъ, въ сторонкѣ, не прочь обидѣть, оскорбить и даже сдѣлать несчастною какую-нибудь дѣвочку. Михайла Иванычъ—будь онъ трезвый или пьяный—напротивъ, защищалъ бы ее, чему уже и бывали примѣры не однажды... Онъ

никого не совращалъ съ путей добродѣтели, никого не тащилъ въ кабакъ, но лишь присосѣживался къ тѣмъ, которые уже до него и безъ него сидѣли въ кабакѣ. И это присосѣживанье его объясняется очень просто...

Прежде добрые люди пили на его счетъ, пользовались его денежками, и при этомъ, конечно, добрые люди не ругали его за расточительность и мотовство, какъ ругаютъ теперь, когда съ него—съ голаго и босого—уже нечего взять. Теперь Михайла Иванычъ, въ свою очередь, по-неволѣ норовитъ поживиться на чужой счетъ, такъ какъ своего «текущаго счета» у него уже не стало въ жизни. Но между нимъ и добрыми людьми, жившими во время оно на его счетъ, есть разница—не въ пользу и не къ чести добрыхъ людей: онъ не обвиняетъ теперь своихъ патроновъ въ расточительности и не ругаетъ ихъ за глаза «болванами»—за то, что иногда пьетъ и ѣстъ на ихъ счетъ...

Онъ умѣетъ приноровиться ко всякой компаніи; нужда научитъ приноровляться... Не мало непріятностей переживаетъ онъ въ этихъ веселыхъ компаніяхъ. Очень дорого достается ему иногда рюмка водки. Охъ, какъ дорого!.. Его оскорбляютъ, глумятся надъ нимъ. Онъ долженъ строить улыбку въ тѣ минуты, какъ на душѣ у него кошки скребутъ. Онъ долженъ быть внимателенъ, послушенъ, онъ не имѣетъ права ходить съ печальнымъ лицомъ, говорить о своемъ горѣ и тѣмъ смущать общее веселье. За него въ буфетѣ деньги платятъ, такъ онъ не разсуждай—шути, кривляйся, балагурь, а главное — будь веселъ! Добрые люди за *свои деньги* всегда хотятъ *свое* взять...

— Честью тебя просятъ!—говорятъ иногда ему, едва не хватая его за шиворотъ.

У Михайла Иваныча не было семейныхъ привязанностей, не было семьи, семейнаго очага; у него были только привязанности трактирныя, очагъ его былъ походный, то на Барковѣ, то кое-гдѣ, семья его — семья трактирная—жила въ разсыпную... Къ нѣкоторымъ изъ своихъ собесѣдниковъ онъ сильно привязывался, любилъ ихъ по «своему», относился къ нимъ съ отеческою нѣжностью. Чувство въ человѣкѣ, пока онъ остается *человѣкомъ*, всегда проситъ дѣятельности и ищетъ для себя исхода... Михайла Иванычъ особенно любилъ Антошу. Антоша не глумился, не чванился надъ нимъ, обращался съ нимъ просто,.иногда, правда—рѣзко и грубо, но такъ же грубо и рѣзко относился онъ порой и къ другимъ. Мы думаемъ, что теперь, видя Антошу въ горѣ, Михайла Иванычъ болѣе всѣхъ—послѣ матери—жалѣлъ его, жалѣлъ искренно, отъ всего сердца, самъ болѣлъ за него душой. Онъ—пьяница, кутила, попрошайка... Да! Но *человѣкъ* сохранился въ немъ...

— Антоша! Другъ! — говорилъ онъ, наклоняясь черезъ столъ къ своему пріунывшему собесѣднику.—Послушай ты меня, стараго дурака... Послушай, что я тебѣ скажу... Будешь ужо семьей жить, всяко можетъ случиться. Конечно, дай тебѣ Богъ... а все же случиться можетъ... Отъ жены-то, говорятъ, иногда хоть на стѣну лѣзть, такъ въ пору бываетъ. Тоже, вѣдь, часъ на часъ не приходится... Баба—такое дѣло, что ножомъ рѣзать она тебя не станетъ, а ужъ какъ булавками начнетъ колоть... и-и-и бѣда! Только держись, парень! До смерти заколоть можетъ... Такъ вотъ ежели когда больно ужъ тошно придется, не въ моготу, значитъ, тогда и вали сюда — прямо въ трактиръ... И старинку вспомянемъ и горе размыкаемъ, а дома сидѣть да въ самомъ себѣ горевать — нѣтъ того хуже!.. А тамъ, гляди, все обойдется, заживешь важно...

— Ой, батюшки! Что же это?...—съ болью, шепотомъ вдругъ вырвалось у Антоши.

Онъ такъ порывисто наклонился и такъ порывисто опустилъ голову, что голова его стукнулась о столъ. Онъ сидѣлъ, молча, крѣпко охвативъ голову руками. Плечи его слегка какъ будто вздрагивали... Слышалось тяжелое дыханіе.

— Антонъ Васильичъ! Антоша! Ты чего, а? Что съ тобой? — испуганно проговорилъ Михайла Иванычъ, протянувъ черезъ столъ руку и положивъ ее на плечо Антоши. — Никакъ сомлѣлъ, а?

Тотъ медленно, молча, приподнялся. По его раскраснѣвшемуся лицу катились слезы... Да, онъ плакалъ въ первый и послѣдній разъ, плакалъ по своей разбитой, скомканной жизни. Онъ плакалъ о себѣ, о Лушѣ, о холостой жизни, о волѣ, о несбывшихся желаньяхъ... Онъ самъ, кажется, смутно сознавалъ, что его любовь къ Лушѣ была однимъ изъ лучшихъ чувствъ, пережитыхъ имъ въ жизни. Теперь надъ всѣмъ своимъ прошлымъ онъ долженъ былъ поставить черный крестъ...

Антоша утеръ слезы и поднялся со стула.

Михайла Иванычъ также всталъ, хотѣлъ какъ будто что-то сказать, но вмѣсто того подошелъ къ Антошѣ и крѣпко, съ жаромъ сталъ обнимать его... На рѣсницахъ его также блестѣли слезы. («Пьяныя слезы!» замѣтитъ, быть можетъ, иной трезвый, проницательный читатель).

VIII.

Передсвадебный сонъ.

Чудесное, весеннее утро.

Небо ясное, голубое стоитъ надъ землей. Земля—вся въ зелени и цвѣтахъ. Вѣтерокъ, подувающій со степи, приноситъ съ собою запахъ цвѣтовъ и ароматомъ ихъ наполняетъ воздухъ. Солнце высоко стоитъ въ небѣ яркое, блестящее — и льетъ на землю потоки свѣта и тепла. И все живетъ, блеститъ, горитъ подъ его лучами...

Антоша чувствуетъ себя совершенно счастливымъ въ это благодатное, весеннее утро. Подъ руку съ Лушей онъ идетъ въ барковскую церковь. Съ дѣтства знакомая церковь... Бѣлыя стѣны съ обозначившимися кое-гдѣ рядами красныхъ кирпичей; большая желѣзная дверь, выкрашенная въ зеленую краску; окна съ рѣшетками. Голуби рядкомъ усѣлись на крышѣ, а галки съ безпокойнымъ, надоѣдливымъ крикомъ вьются надъ колокольней, надъ своими оставленными гнѣздами. «Вѣдь, кажется, онѣ къ дождю кричатъ!» думаетъ про себя Антонъ Васильичъ и смотритъ на небо. Нѣтъ! Небо безоблачное, голубое... Нельзя ждать дождя... Вотъ подошли они, наконецъ, къ двери, но дверь оказывается заперта. Странно, очень странно! Женихъ удивляется и нетерпѣливо озирается по сторонамъ... Вѣдь онъ же далъ знать священнику, что будетъ сегодня вѣнчаться...

— Надо позвать сторожа!—говоритъ Антоша.

Въ эту минуту изъ-за церкви выходитъ Иванъ Афанасьевъ съ цѣлою пригоршней подсолнуховыхъ сѣмечекъ, усердно шелушитъ ихъ и съ невозмутимымъ спокойствіемъ замѣчаетъ Антошѣ:

— Погодите! Успѣете еще!

Антонъ Васильичъ начинаетъ сердиться. Онъ оглядывается на Лушу... Темные глаза ея блестятъ и смотрятъ весело, а личико ея страшно поблѣднѣло. Тутъ Антоша вдругъ замѣчаетъ, что невѣста его одѣта вовсе не по-свадебному. Она въ такой же простой одеждѣ, въ какой ходитъ, обыкновенно, дома у себя, въ Замошьи. На ней—рубаха, вышитая краснымъ шнурочкомъ, нестрядинный сарафанъ, на ногахъ сапоги, тѣ самые сапоги, въ которыхъ ходитъ она по болоту. Ея хорошенькая головка гладко, просто причесана; ея густые, темные волосы, заплетенные въ косу, падаютъ ей на спину, спускаются почти ниже таліи. Руки ея обнажены по локоть; шея голая, а на шеѣ блестятъ дешевенькія красныя бусы.

— Что же ты не одѣлась-то, какъ слѣдуетъ?—шепчетъ ей Антоша.

— Ничего! И такъ живетъ,—ладно!—говоритъ дѣвушка.

— Да какъ же такъ можно! Вѣдь мы вѣнчаемся сегодня...

Самъ же Антоша одѣтъ франтомъ. Туго накрахмаленные воротнички рубашки больно рѣжутъ ему шею; его новый сюртукъ лоснится на солнцѣ, точно лакированный; запонки въ рукавахъ какъ жаръ горятъ; сапоги поблескиваютъ на солнцѣ. Только что хотѣлъ, было, Антонъ Васильичъ приняться убѣждать Лушу въ томъ, что ей для свадьбы непремѣнно слѣдовало бы одѣться получше, понарядпѣе, какъ вдругъ кто-то началъ извнутри отпирать церковную дверь. Съ жалобнымъ скрипомъ, съ воемъ, словно надрываясь отъ плача, повернулась тяжелая дверь на своихъ заржавѣвшихъ петляхъ, открывъ за собой темный проходъ.

Женихъ съ невѣстой входятъ въ церковь. Сыростью, затхлью, запахомъ нежилого зданія обдаетъ ихъ. Припахиваетъ ладаномъ, воскомъ... Прохладно и сумрачно подъ сѣрыми сводами храма — сумрачно до того, что, находясь здѣсь, нельзя и подозрѣвать, что тутъ близко, за этими же стѣнами, стоитъ яркій солнечный день во всемъ блескѣ своего весенняго убранства. Направо отъ входа, въ придѣлѣ, на скамьѣ стоитъ пустой деревянный гробъ; только въ изголовьи его лежитъ подушечка, обшитая бѣлымъ каленкоромъ, а съ этой подушечки свѣсился черезъ край гроба пучекъ какихъ-то розовыхъ, живыхъ цвѣтовъ. Антоша смотритъ на гробъ и опять удивляется. «Что это значитъ? Для чего, для кого этотъ пустой гробъ?»... Въ церкви тихо, какъ въ могилѣ, такъ тихо, что даже невозможно и подозрѣвать, что за стѣнами ея—живой міръ, что тамъ птички поютъ, щебечутъ, что тамъ вѣтеръ шумитъ листвой и раздаются людскіе голоса. Эта церковь, словно, стоитъ въ какой-то мертвой пустынѣ.

Начинается вѣнчанье. Странное вѣнчанье...

Является священникъ, не барковскій, не отецъ Иванъ, но какой-то другой, совсѣмъ неизвѣстный—высокій, худой, блѣдный. Дьяконъ и псаломщикъ стоятъ въ сторонѣ, молча. На клиросѣ поютъ тихо-тихо, но кто поетъ,—не видно. Свѣчи передъ образами поминутно зажигаются, гаснутъ и вновь опять сами загораются, какъ по волшебству. Вдругъ Антоша замѣчаетъ, что на полу у его ногъ—на грязныхъ сѣрыхъ плитахъ — что-то ярко поблескиваетъ, отливая какъ будто сталью. Пластинка-ли металлическая, стекло-ли? Что жъ это такое? Антошу сильно занимаетъ этотъ блестящій предметъ.

— Луша! Что это такое? — спрашиваетъ онъ, наклоняясь къ дѣвушкѣ и указывая ей на полъ.

— Развѣ ты не узнаешь? Вѣдь это осколокъ моего зеркальца...—говоритъ Луша.— Помнишь, ты подарилъ мнѣ его, когда еще пріѣзжалъ на пчельникъ къ намъ... Помнишь, лѣтомъ... еще въ ту пору такой красный денекъ выдался!..

Антоша вспомнилъ. Теперь его занимаетъ уже другой вопросъ: почему же, какимъ образомъ этотъ осколочекъ зеркала очутился здѣсь въ церкви, на полу; какъ онъ изъ Замошья попалъ сюда? Его значитъ, разбили... Кто же разбилъ? Антонъ Васильичъ уже хотѣлъ, было, опять обратиться съ вопросомъ къ Лушѣ для разрѣшенія своего недоумѣнья, но сдѣлать этого не успѣлъ. Принесли большіе, блестящіе свадебные вѣнцы, и стали надѣвать ихъ на него и на Лушу. Антоша почувствовалъ холодъ, когда вѣнецъ коснулся его лба. Вѣнецъ оказался такъ тяжелъ, что Антоша качнулся подъ тяжестью его и едва устоялъ на ногахъ.. Когда вѣнцы сняли, Антошей обуяло страшное безпокойство. Онъ чувствовалъ, онъ сознавалъ, что позабылъ что-то и не могъ вспомнить... что-то очень, очень важное! Напрасно старался онъ вспомнить это позабытое. Онъ напрасно ломалъ голову, думалъ, думалъ, думалъ до боли, до изнеможенья, до отчаянія. Разсѣянно, съ чувствомъ полнѣйшей безпомощности озирался онъ по сторонамъ, словно несбыточно, нелѣпо надѣясь увидать вокругъ себя что-нибудь такое, что могло бы ему напомнить... Нѣтъ! Не можетъ онъ вспомнить, хоть убей его, а между тѣмъ вспомнить нужно, необходимо, во что бы то ни стало. Отъ *этого* многое зависитъ... Антоша окончательно выбился изъ силъ и чувствовалъ себя несчастнымъ человѣкомъ. Только бы ему вспомнить! Ахъ, если бы вспомнить!.. Вотъ они, наконецъ, трижды обошли вокругъ аналоя. Вѣнчанье кончилось... Антонъ Васильичъ беретъ Лушу за руку. Рука холодна... Луша пуще поблѣднѣла. Онъ хочетъ, по обычаю, поцѣловать свою молодую женуˆ. Но та не ждетъ его поцѣлуя. Она сама крѣпко-крѣпко обнимаетъ его и цѣлуетъ, цѣлуетъ его въ губы, цѣлуетъ ему голову, лобъ, глаза. Луша плачетъ... Онъ чувствуетъ прикосновенье ея горячихъ губъ, чувствуетъ, какъ ея теплыя слезы капаютъ на его лицо. Да что же это такое? О чемъ она плачетъ?

— Луша! Луша!—шепчетъ онъ, смотря въ ея темные глаза.

— Прощай!—говоритъ Луша.

Декорація перемѣняется мигомъ, скорѣе декорацій театральныхъ...

Зима, Кругомъ Антоши, какъ только можетъ глазъ охватить, разстилается степь, занесенная снѣгомъ. Надъ головой его снѣжное, сѣрое небо... Вѣтеръ поднимаетъ облака снѣгу и носитъ ихъ по степи. Вьюга бушуетъ съ неистовствомъ. Въ трехъ шагахъ не видно свѣта Божьяго. Антоша холодѣетъ, дрожитъ и вязнетъ по колѣна въ сугробѣ. Онъ усиливается выбраться изъ него и не можетъ. Напротивъ, съ каждымъ новымъ усиліемъ онъ все глубже и глубже уходитъ въ снѣгъ, словно, какая-то невѣдомая сила тянетъ, тащитъ его внизъ. Вотъ онъ уже по-поясъ въ снѣгу. Вѣтеръ больно бьетъ его снѣгомъ въ лицо; снѣгъ заноситъ его. Антоша сознаетъ, что ему приходится умереть... Холодно и страшно!.. Богъ вѣсть откуда-то доносится музыка и знакомое пѣніе. Да это—Катенька, Катенька Рукавицына играетъ на своемъ разстроенномъ, дребезжащемъ фортепіано и чувствительно напѣваетъ какой-то романсъ. Что она поетъ, о чемъ? Порывы вѣтра доносятъ до него лишь отрывки ея пѣнія. Антоша слушаетъ, и слышитъ какъ будто сквозь сонъ:

«Подъ душистою вѣтвью сирени
Мы сидѣли надъ сонной рѣкой»...

И Антошѣ мерещатся сонныя, тихія воды Замошья. Круглые, яркозеленые листья кувшинки плаваютъ на водѣ. Зеленыя деревья и высокій прибрежный тростникъ отражаются въ голубой водѣ, какъ въ зеркалѣ... Пахнетъ ландышемъ, лѣсною глушью... И вотъ вѣтеръ опять съ силой доноситъ до Антоши слова:

«Я стоялъ передъ ней на колѣняхъ,
Ея станъ обнималъ я рукой»...

Снѣгъ заноситъ Антошу. Онъ уже пересталъ выбиваться изъ сугроба; онъ покорился своей участи. Пѣнія больше не слышно, не слышно и музыки. Только вьюга гудитъ, словно напѣвая надъ нимъ отходную... Будь, что будетъ!..

— Вставайте же! Да, ну же! Вѣдь пора...— говоритъ кто-то ему надъ ухомъ.

— Не могу!—слабо, невнятно бормочетъ Антонъ Васильичъ, заносимый снѣгомъ.

— Какъ же не можете? Надо вставать... Ужъ десять часовъ! Мамаша ужъ сама приходила, да пожалѣла разбудить... А теперь— время! Вставайте!

Антоша пошевелился и съ трудомъ раскрылъ глаза. У постели его стояла Агаша.

— Сейчасъ встану!—сказалъ онъ, наконецъ, придя въ себя.

Агаша повернулась налѣво кругомъ и удалилась, замѣтивъ, между прочимъ, что уже второй самоваръ подаютъ «изъ-за него».

Сѣрый свѣтъ пасмурнаго сентябрьскаго дня пробивался въ окно. Вьюгу Антоша позабылъ, но воспоминанье о прелестномъ весеннемъ утрѣ, видѣнномъ во снѣ, стояло теперь передъ нимъ, какъ живой образъ живой дѣйствительности. Онъ шелъ съ Лушею вѣнчаться въ барковскую церковь. Да! И точно воочію онъ видѣлъ все это... А теперь—теперь дождь стучитъ въ стекло и слышно, какъ въ саду шумитъ и сердито завываетъ осенній вѣтеръ. Ненастье, холодъ, грязь... И онъ женится не на Лушѣ, а на Катеринѣ Ивановнѣ. Горько, скверно на душѣ, словно ее полынью обдало... Сегодня свадьба... Шестнадцатое сентября... Антоша запомнитъ это число. Зѣвая, потягиваясь, онъ сбрасываетъ съ себя одѣяло, тянется къ столу за папироской, закуриваетъ ее и опять ложится на кровать. Онъ понѣжится, побарствуетъ сегодня вволю. Онъ хочетъ сегодня понаслаждаться одиночествомъ. А тамъ пускай Агаша хоть «третій» самоваръ изъ-за него подаетъ. Наплевать! Въ послѣдній разъ онъ проводитъ ночь одинъ и въ послѣдній разъ одинъ встрѣчастъ утро. Сегодня вечеромъ для него начнется жизнь «самъ-другъ»... и все уже будетъ то, да не то! Антонъ Васильичъ куритъ и какъ-то задумчиво, странно осматриваетъ свою комнату. Знакомая комната... Онъ еще гимназистомъ живалъ въ ней, когда пріѣзжалъ на каникулы. Стѣны въ комнаткѣ всѣ изстрѣляны, столъ изрѣзанъ по всѣмъ направленіямъ, испещренъ всякими буквами и фантастическими вензелями... Во флигелѣ замѣчаются нѣкоторыя перемѣны. Картинки, напримѣръ, съ изображеніемъ охотничьихъ сценъ уже исчезли. Двѣ недѣли тому назадъ стѣны оклеены свѣтлыми обоями, съ золотисто-голубымъ бордюромъ. Въ переднемъ углу виситъ образъ Божіей Матери, въ серебряномъ, позолоченомъ окладѣ. На стѣнѣ у кровати— большой кабинетный фотографическій портретъ Катеньки Рукавицыной, въ полукруглой черной рамѣ. Только одинъ Веблей остался на стѣнѣ, все же остальное оружіе вынесено за перегородку, «въ темненькую». Сосѣднюю комнату, равную спальнѣ по величинѣ, предположено обратить въ гостиную...

Но въ комнатѣ попрежнему — страшный безпорядокъ. Столъ загроможденъ всякой всячиной: тутъ и табакъ съ разсыпанными гильзами, и пустые металлическіе патроны, и кучки дроби, и пули, и куски войлока и какіе-то кожаные ремни. На подоконникѣ— тоже. На стульяхъ разбросаны различныя части мужского туалета. Почти середи комнаты валяются длинные охотничьи сапоги, и тутъ же лежатъ онучи. (Антонъ Васильичъ находилъ болѣе удобнымъ при охотничьихъ сапогахъ носить онучи, противъ чего сильно возставали Авдотья Семеновна съ Агашей). Словомъ, какъ говорится, въ комнатѣ «царствовалъ» полнѣйшій безпорядокъ. Къ вечеру этотъ безпорядокъ исчезнетъ. Эта дрянная, скрыпучая кровать, на которой онъ теперь лежитъ въ послѣдній разъ вольнымъ казакомъ, будетъ вынесена и вмѣсто нея поставится большая, двуспальная кровать краснаго дерева—брачное ложе. Эта кровать, великолѣпная постель на ней и все прочее, къ ней принадлежащее, идетъ отъ Ивана Афанасьича. Столъ вынесутъ, а вмѣсто него поставятъ туалетъ; явятся новые гнутые стулья. Сосѣдняя комнатка, въ которой до тѣхъ поръ кормили собакъ, обратится въ столовую или въ гостиную и обмеблируется также надлежащимъ образомъ. На окнахъ явятся гардины, на полу разстелются ковры, висячая лампа подъ розовымъ абажуромъ будетъ освѣщать комнату. Собачьи подстилки и плошки съ ѣдой, сапоги и онучи, дробь и пули, и пустые патроны, и войлокъ—все будетъ прибрано; потолокъ и всѣ углы и закоулочки обмахнутъ щеткой, паутину снимутъ, полъ вымоютъ и все такъ вычистятъ, вышаркаютъ, что и пылинки не найдешь. Словомъ, грязный, дрянной флиге-

лекъ, съ помощью щелока и мыла, при посредствѣ тряпокъ и мочалокъ, обратятъ въ Храмъ Любви...

Все это прекрасно. Чистота и опрятность—вещь похвальная. Но нашему жениху-чудаку былъ любезенъ, милъ окружавшій его теперь безпорядокъ, въ которомъ, по увѣренію Авдотьи Семеновны, «чортъ ногу сломалъ бы». Антоша напослѣдкахъ наслаждался всѣмъ этимъ безпорядкомъ въ виду подступавшей опрятности и чистоты,—«кошачьей чистоты», какъ съ насмѣшкой говорилъ онъ себѣ. Вотъ почему такъ долго ему не хотѣлось подниматься съ постели въ то утро. «Простись, братъ, Антоша! Ау-у! Завтра ужъ будетъ не то—совсѣмъ не то»... Антонъ Васильичъ хотѣлъ еще повластвовать, поцарствовать лишнюю минуту—одну минуточку, въ своемъ грязномъ, засоренномъ флигелѣ, пока еще не вселились въ него «новые невѣдомые боги»...

IX.

Катенька становится госпожею Сучковатовой.

Весь день 16 сентября въ Марьинѣ прошелъ въ уборкѣ и украшеніи флигеля. Нѣсколько человѣкъ женской прислуги, подъ предводительствомъ Агаши и подъ высшимъ надзоромъ самой Авдотьи Семеновны, подняли такую пыль, что стало не видно свѣта Божьяго. Къ вечеру флигель привели въ надлежащій порядокъ, и все было уже готово для пріема счастливой четы новобрачныхъ. Антонъ Васильичъ, конечно, не показывался во флигель. Онъ весь день бродилъ по дому, шлялся въ людскую, на конюшню... Онъ чувствовалъ лихорадочное состояніе — послѣдствіе тревоги и ожиданья. Долго онъ сидѣлъ у окна, выходившаго въ садъ, и курилъ папиросу за папиросой—до того, что его чуть не стошнило.

Не веселая картина представлялась его глазамъ. Дождевыя капли безостановочно потоками катились по стекламъ. Балконъ отсырѣлъ и почернѣлъ. По дорожкѣ, уходившей въ глубь сада, текли мутные ручьи и мѣстами стояли лужи. На иныхъ деревьяхъ еще уцѣлѣла листва, съ сильной примѣсью красныхъ, желтыхъ и палевыхъ оттѣнковъ; иныя же деревья стояли почти совсѣмъ голыя, какою-то сѣрою прозрачною тѣнью рисуясь на сѣромъ, заоболочавшемъ небѣ. Поблекшій—красный и желтый—листъ усыпалъ землю... Мокрая трава, мокрые кусты, низко ходящія надъ садомъ облака, сѣющія дождь, какъ изъ сита... Холодный, порывистый вѣтеръ гнетъ направо и налѣво кусты и вершины деревьевъ. Кое-гдѣ на сучьяхъ невесело, нахохлившись, сидятъ вороны. Даже не слышно чириканья воробьевъ...

Антоша взглядываетъ на старинные стѣнные часы съ разбойникомъ, страшно поводящимъ глазами изъ стороны въ сторону. Сегодня онъ часто съ неспокойнымъ сердцемъ посматриваетъ на эти старые часы. Вдругъ на мгновеніе Антоша уходитъ въ давнія воспоминанія... Когда онъ былъ еще мальчуганомъ, эти часы сильно интересовали его. Изъ желанія узнать: что будетъ? онъ однажды остановилъ маятникъ и тутъ же замѣтилъ, что разбойникъ пересталъ поводить своими страшными глазами. Онъ захотѣлъ потрогать эти глаза, приставилъ къ часамъ стулъ и началъ, было, упражнять надъ разбойникомъ силу своихъ пальцевъ, какъ въ ту же минуту въ комнату вошелъ отецъ. Антоша помнитъ, какъ тогда больно досталось ему отъ отца... «Худо тогда было!» промелькнуло въ головѣ Антоши. «А теперь хуже!»... Жизнь оказывается суровѣе его суроваго отца и наказываетъ строже. Дикія, нелѣпыя мысли порой мелькали у него въ головѣ. «Вѣдь теперь еще не поздно отказаться и бросить все *это* дѣло! Такъ-ли, полно? А что, если бросить?» Возможное будущее отрывками проносится передъ Антошей. Рукавицынъ больше денегъ не дастъ... Онъ представитъ векселя ко взысканію... Положимъ, мать какъ-нибудь выручитъ его. А что будетъ, если его векселя съ фальшивой надписью явится на свѣтъ Божій! Иди въ Сибирь... ни мать, никто не спасетъ его тогда! Антоша самъ сознавалъ, что попусту ломаетъ голову, раздумываетъ надъ пустяками...

Стало смеркаться. Дождь шелъ попрежнему и попрежнему шумѣлъ вѣтеръ въ саду. Картина, представлявшаяся Антошѣ изъ окна, въ сумерки начала рисоваться еще въ болѣе мрачномъ, уныломъ видѣ. Наконецъ, въ 5 часовъ пріѣхалъ Михайла Иванычъ, бывшій у Антоши посаженнымъ отцомъ; за нимъ слѣдомъ пріѣхалъ и Шашневъ, шаферъ со стороны жениха. Въ залу подали свѣчи и самоваръ. Пили чай съ ромомъ. Печка въ залѣ ярко топилась, дрова потрескивали; въ комнатѣ припахивало горящею сосновой корой. Самоваръ бойко кипѣлъ и шипѣлъ, окру-

живъ себя облаками пара, посреди котораго высоко на камфоркѣ бѣлѣлъ чайникъ. Двѣ стеариновыя свѣчи, горѣвшія на столѣ, не вполнѣ озаряли всю залу, и пламя ихъ красными, колеблющимися язычками отражалось въ темной глубинѣ зеркала, висѣвшаго въ одномъ изъ простѣнковъ. Углы залы оставались въ полумракѣ.

— А прекрасно въ такую погоду у самоварчика погрѣться! Ахъ, славно!—приговаривалъ Михайла Иванычъ, съ наслажденіемъ потирая руки и подсаживаясь къ столу.

Авдотья Семеновна все еще была во флигелѣ, и потому Антошѣ съ гостями пришлось самимъ хозяйничать. Гости, впрочемъ, кажется, остались очень довольны этимъ обстоятельствомъ. Михайла Иванычъ съ видомъ знатока понюхалъ ромъ и, одобривъ, подлилъ его въ стаканъ, потомъ положилъ на стаканъ ложечку—такъ, что она приходилась надъ самою поверхностью чая, опустилъ въ ложечку кусокъ сахара, облилъ его ромомъ и зажегъ. Все это продѣлывалось методично, съ чувствомъ, съ толкомъ и съ глубокимъ знаніемъ дѣла. Синее пламя охватило и кусокъ сахара, и всю ложечку, наводя какіе-то блѣдные смутные блики на раскраснѣвшееся лицо Михайла Иваныча, наклонившагося надъ столомъ и съ удовольствіемъ, съ любовью смотрѣвшаго на стаканъ. Шашневъ, какъ обезьяна, принялся устраивать со своимъ чаемъ то же самое. Антоша хлебнулъ ромъ гольемъ, прямо изъ горлышка... Михайла Иванычъ, по обыкновенію, старался быть разбитнымъ, веселымъ товарищемъ.

— Окрутимъ молодца—живо!—говорилъ онъ, кивая головой на Антошу.—Теперь призадумался; вишь, какъ надулся, ровно мышь на крупу... А потомъ, не бойсь, полюбится, не разнимешь... Ха!

Шашневъ мололъ всякій вздоръ, просилъ Антошу разсказать ему *потомъ* совершенно откровенно о своемъ блаженствѣ, декламировалъ стихотвореніе: «Поздравь, мой другъ! Ужъ я женился»... и т. п.

— Полно звонить-то! Надоѣлъ до смерти...—унималъ его Антоша.

А Шашневъ, выпивъ пунша, продолжалъ ему подмигивать, ухмыляться и дѣлать всякіе пошлые намеки...

— Что, братъ, больно скоро остепенился!—съ громкимъ смѣхомъ говорилъ Шашневъ.—Не успѣлъ еще жениться, а ужъ этакую строгость на себя напустилъ! Фу ты — ну ты! Приступу нѣтъ... А вотъ ты ужо посмотри, какъ я женюсь... Только бы мнѣ невѣсту сыскать, я бы показалъ...

— Не невѣсту тебѣ нужно, а розогъ хорошихъ!—замѣтилъ Михайла Иванычъ. Вонъ, усы-то дергаешь-дергаешь, а они все еще не отросли...

— Молчи, Мишка! Не въ усахъ тутъ дѣло... знаешь!—перебилъ юноша.

— Мишка-то правду говоритъ!—настаивалъ Михайла Иванычъ.

Часы, шипя, звеня и потрескивая, пробили шесть. Явилась Авдотья Семеновна; чай, ромъ и все прочее мигомъ исчезло. Хозяйка сухо, сдержанно обошлась съ гостями. Старушка страшно устала и была взволнована... Въ переднемъ углу появился столикъ, накрытый бѣлою скатертью, хлѣбъ съ солью и икона Спасителя, въ тяжеломъ серебряномъ окладѣ. Стали благословлять, какъ водится, по обычаю. Шашневъ стоялъ у печки, подальше отъ церемоніи, и закусывалъ губы, чтобы не расхохотаться. Антону Васильичу было не по себѣ. Онъ пасмурно, хмуро смотрѣлъ изъ-подлобья на благословлявшихъ его. Михайла Иванычъ держалъ себя не только серьезно, но даже торжественно. Эта-то торжественность и казалась Шашневу особенно смѣшною, такъ какъ завсегдатаи барковскаго трактира не привыкли видѣть Михайла Иваныча въ такой величественной позѣ, дышавшей чувствомъ собственнаго достоинства и какою-то небывалою въ немъ важностью... Когда Авдотья Семеновна благословляла сына, образъ сильно дрожалъ въ ея слабыхъ, худенькихъ рукахъ. Старушка тихо плакала, наклоняясь надъ своимъ любимымъ дѣтищемъ, и теплыя слезы ея кропили его бѣлокурую, кудрявую голову... На что, на какую новую жизнь благословляетъ она сына? Что это будетъ за жизнь? Неизвѣстно, темно будущее...

Авдотья Семеновна была недовольна и вообще женитьбой, и тѣмъ, что такъ скоро «все скрутили», была недовольна и посаженнымъ отцомъ и шаферомъ, — словомъ, была недовольна всѣмъ. «Все-то у насъ не по людски!» мысленно ворчала она. «Тяпъ-ляпъ и корабль... Охо-хо!» Но во всякомъ случаѣ она будетъ ласкова къ невѣсткѣ, постарается полюбить ее. Конечно, дѣвушка не виновата... За то объ Иванѣ Афанасьевѣ, объ «этомъ мужикѣ», она не могла подумать безъ досады и отвращенья. У нея даже сложилось почему-то подозрѣніе, что «всю эту штуку» подстро-

илъ Иванъ Афанасьевъ, что онъ опуталъ какъ-нибудь Антошу...

Агаша, стоя у притолки, горько плакала, смотря на барыню.

Послѣ благословенія Антоша съ товарищами тотчасъ же отправился въ церковь. По выходѣ изъ дома, на крыльцѣ ихъ встрѣтилъ темный, ненастный вечеръ. Дождь переставалъ, но все еще слегка побрызгивалъ порой. Вѣтеръ не унимался и жалобно стоналъ надъ землей. Сѣрыя, дождливыя облака быстро проносились по небу...

— Погодка! Нечего сказать!—проворчалъ Антонъ Васильичъ, поднимая у пальто воротникъ и усаживаясь въ тарантасъ.

— А это, братъ, хорошая примѣта!—замѣтилъ Михайла Иванычъ.—Жениться въ дождь—значитъ богато жить...

— Вотъ-то ерунда!—отозвался Шашневъ.—Просто, небо на землю плюетъ...

Лошади рванули и понесли легкій тарантасъ, разбрызгивая грязь. А колокольчикъ, заливаясь, звонко гудѣлъ подъ дугой... Опустошенныя поля, пустыя степи раскидывались по сторонамъ,—молчаливыя, печальныя, затянутыя мглой сентябрьскаго вечера.

Дня за три до свадьбы на хуторъ прибыла изъ города какая-то двоюродная тетушка, лавочница, Анна Федоровна. Ей надлежало въ качествѣ посаженной матери благословлять Катеньку. Анна Федоровна, повидимому, всего лучше на свѣтѣ знала толкъ въ мукѣ, такъ какъ супругъ ея издавна содержалъ мучной лабазъ. Вращаясь постоянно въ мірѣ муки и крупы, она всего болѣе любила говорить объ этихъ полезныхъ предметахъ и эпитеты брала изъ лексикона словъ, наиболѣе бывшихъ въ употребленіи въ мучномъ лабазѣ. Такъ, напримѣръ, обращаясь къ невѣстѣ, она ласково говорила: «Ахъ ты, моя крупичатая!» А если хотѣла выразить презрѣніе или остановить молвившаго что-нибудь некстати, то замѣчала: «Отрубей тебѣ въ ротъ!», и т. д. Кромѣ нея, за послѣдніе два дня безвыѣздно жили на хуторѣ три барышни, Шумилины (одна изъ нихъ перезрѣвшая дѣва, лѣтъ 38) и молоденькая поповна. Изъ города также пріѣхалъ молодой купчикъ, приглашенный Иваномъ Афанасьичемъ въ шафера.

Все это время при отцѣ Катенька казалась сдержанною, но за глазами у него была какъ-то лихорадочно-весела: то наигрывала на фортепьяно, то кружилась съ которой-нибудь изъ барышень въ вальсѣ, то принималась о чемъ-то шептаться съ подругами и громко смѣялась... Барышни просили ее дернуть скатерть, когда она будетъ садиться за свадебный столъ. Катенька, шутя, обѣщала такъ шибко дернуть, что бутылки повалятся. Анна Федоровна напоминала ей, чтобы она постаралась первая ступить въ церкви на коврикъ. Дѣвушка утвердительно, молча, кивала ей головой. «Не бойтесь! Не прозѣваемъ!»...—какъ будто хотѣлъ сказать ея лукавый, насмѣшливый взглядъ.

Въ день свадьбы Катенькѣ не давали ѣсть, но она все-таки украдкой закусила при помощи Лизутки. Наряжать къ вѣнцу стали ее чуть не съ утра и все-таки не успѣли нарядить ее къ 6 часамъ, (какъ было условлено). Въ 7 часовъ Катенька стояла еще въ своей уборной передъ зеркаломъ, въ бѣломъ, подвѣнечномъ платьи, довольно шикарно отдѣланномъ. У нея все еще что-то закалывали и подкалывали, приподнимали шлейфъ, поправляли прическу. Барышни, усталыя, раскраснѣвшіяся, торопливо одѣвались, прихорашиваясь и толкаясь, чтобы заглянуть на себя въ единственное зеркало, бывшее въ комнатѣ.

— Ну, что ты очень долго! Пусти же!

— Успѣешь! Не на водѣ, чай...

— Пялится, пялится... Богъ знаетъ!..

Такія фразы, произносимыя раздраженнымъ тономъ впопыхахъ, вполголоса, поминутно слышались въ комнатѣ. Невѣста, по мѣрѣ приближенія назначеннаго часа, дѣлалась все степеннѣе, сдержаннѣе. Она, казалось, съ нетерпѣніемъ ожидала конца всей этой суетни и бѣготни и начала новой для нея жизни.

Женихъ въ то время былъ уже въ церкви и петерпѣливо, хмурясь, шагалъ взадъ и впередъ по каменнымъ плитамъ. Подъ сводами было сумрачно; дальніе углы оставались въ тѣни. Свѣчи, зажженныя передъ иконостановъ, не могли разогнать мрака, заливавшаго церковь. Темная, безпросвѣтная ночь заглядывала сквозь рѣшетки оконъ. Слышно было, какъ за стѣной бушевалъ вѣтеръ, проносясь по погосту и уносясь далѣе—въ опустѣлыя поля и степи. Маленькіе колокола на колокольнѣ, раскачиваемые порывами вѣтра, порой жалобно перезванивали. Жены причетниковъ, нѣсколько бабъ и мужиковъ стояли и сидѣли въ придѣлѣ, вполголоса разсуждая между собой.

— Женихъ-то какъ будто бы что-то не веселъ...—замѣтила старуха-просвирница.

— Да она-то, говорятъ, ужъ больно востра...—шепнула дьячиха, прикрывая ротъ платкомъ.—Сказываютъ: такая-то проидошная... и-и, Боже упаси!

— Ну, что жъ! Не намъ, вѣдь, съ ней жить...

— Извѣстное дѣло... Да такъ, къ слову пришлось! Его-то жаль... Говорятъ, душа—баринокъ.

— Дѣвушникъ порядочный тоже...—вставила попадья.—Поди, на деньги позарился... Иванъ Афанасьевъ теперь, знай, раскошеливайся!

И такъ далѣе въ томъ же родѣ шли разговоры.

А женихъ все шагалъ по скудно озаренной церкви, нервно, чуть замѣтно вздрагивая порой и пожимая плечами. Въ церкви еще не начинали топить печи; въ церкви было холодно, сыро. Припахивало ладаномъ, воскомъ, какой-то краской... Вдругъ всѣ эти запахи привели ему на память недавно видѣнный имъ сонъ. Чудесный сонъ! Какъ далека отъ него горькая дѣйствительность, какъ не похожа она на тѣ ночныя грезы!.. Гдѣ тѣ свѣтлыя небеса, гдѣ тотъ благорастворенный воздухъ майскаго утра? И не Луша—другая пойдетъ съ нимъ сейчасъ къ вѣнцу, и священникъ золотыми кольцами, какъ цѣпью, прикуетъ его къ этой *другой* на всю жизнь. Цѣпь спадетъ лишь со смертью того или другого. А разводъ? Вздоръ... Много денегъ для него надо, слыхалъ Антоша. А для такого дѣла у Ивана Афанасьича, конечно, деньгами не разживешься... Нѣтъ, на-вѣки!.. Страшно! Чего всегда боялся Антоша, тому именно и суждено случиться сейчасъ. А могло бы быть иначе... И опять это майское утро, свѣтлое, пахучее, съ ясно синѣющими небесами возстаетъ предъ нимъ, ярко блестя цвѣтами и золотомъ солнечныхъ лучей. Хороша была тогда Луша въ своей рубахѣ, обшитой краснымъ шнуркомъ. Ея ласковые, добрые глаза нѣжили Антошу... Она прощалась съ нимъ во снѣ и плакала. Онъ чувствовалъ на щекахъ ея теплыя слезы. Впечатлѣніе живое и горькое, горше всякой полыни... Что онъ тогда во снѣ старался припомнить? Съ какою мучительною болью торопился онъ припомнить что-то, и не могъ...

А развѣ нельзя было, въ самомъ дѣлѣ, устроить такъ, что сонъ исполнился бы на яву? «Ха! ха!» Антонъ Васильичъ мысленно усмѣхнулся. Смѣйся, горько смѣйся... Болѣе ничего и дѣлать не осталось... Всѣ эти воспоминанія, думы, отрывки грезъ и дѣйствительности съ быстротой молніи пробѣгали у него въ головѣ.

Тяжелая церковная дверь стукнула. Антоша вздрогнулъ и обернулся. Вошелъ сторожъ и, отряхая съ шапки капли дождя, направился къ клиросу. Отецъ Иванъ, соскучившись дожидаться, выбрелъ изъ алтаря и, подойдя къ жениху, отъ нечего дѣлать затѣялъ съ нимъ разговоръ.

— А невѣсты что-то все еще не видать!—сказалъ священникъ, поглаживая волосы.—Чтобы не запоздать намъ...

— Не знаю, право, что у нихъ тамъ дѣлается!—отозвался Антоша, посматривая на часы. — Восемь часовъ... Уговорились въ седьмомъ быть въ церкви.

— Ну, женское дѣло!—съ улыбкой проговорилъ отецъ Иванъ. — Принаряжаются тоже... вѣдь, нельзя, Антонъ Васильичъ, какъ попало-то!

— Кажется, можно бы успѣть! День-то дологъ, слава Богу!—почти съ неудовольствіемъ возразилъ женихъ, засовывая въ карманъ свои часики.

— Такъ-то такъ! Да что жъ дѣлать... Подождемъ!—сказалъ священникъ и, пройдя въ алтарь, усѣлся на стуликъ и сталъ сладко подремывать.

А женихъ опять принялся шагать взадъ и впередъ. Подъ вліяніемъ воспоминаній хорошаго сна, нелѣпыя, несбыточныя мысли заходили у него въ головѣ. «А вѣдь еще не все проиграно! Уѣхать не поздно... Подожду до половины девятаго, а если къ тому времени не пріѣдетъ,—наплевать!.. Закачусь въ Марьино... Эхъ вы, соколики!.. Други милые! Несите-выносите!»—Такъ уже мысленно Антоша покрикивалъ на свою лихую тройку и торопилъ кучера. Мы не можемъ даже выразить: какое страстное желаніе въ ту минуту вдругъ загорѣлось у Антоши—ускакать поскорѣе въ Марьино. Тамъ онъ тотчасъ приказалъ бы поставить самоваръ, и они съ Михайломъ Иванычемъ усѣлись бы около него и стали попивать чаекъ. Превосходно! Антоша сбросилъ бы съ себя поскорѣе это новое, щегольское платье и опять облачился бы въ свои длинные сапоги и въ свою неизмѣнную, запыленную жакетку. Двуспальную кровать долой, долой туалетъ съ кисейными украше-

ніями, флигель опять обратили бы въ прежнее положеніе,—явились бы собаки, подстилки, плошки съ ѣдой, и опять пошла бы холостая жизнь... Чудесно! Антошѣ припомнилось, что съ подобными чувствами и желаніями онъ, бывало, иногда возвращался съ вакацій въ гимназію. «Гимназія, можетъ быть, сгорѣла!—думалось ему тогда.—Или, можетъ быть, перестраивается или, наконецъ, учителя изъ отпуска еще не возвратились... И вдругъ гимназистовъ опять «распустятъ» по домамъ на неопредѣленное время! Опять Марьино и привольная, деревенская жизнь»...

Антоша все чаще и чаще посматривалъ на часы. Было уже четверть девятаго. «Въ половинѣ девятаго уѣду... право! Уѣду и больше ужъ не поѣду вѣнчаться! Нѣтъ!»

— А что, видно, вѣнчанья-то сегодня не будетъ!—позѣвывая, замѣтила какая-то баба.

Почти въ ту же минуту порывъ сердитаго вѣтра донесъ звонъ приближавшихся колокольчиковъ. Сердце Антоши сильно забилось. Онъ тяжело вздохнулъ и, машинально пригладивъ волосы, пошелъ къ дверямъ на встрѣчу своему неизвѣстному будущему... Двери низенькія, потемнѣвшія, съ желѣзными, заржавѣвшими полосами, крестообразно наложенными одна на другую,—тяжело заскрипѣли и распахнулись съ глухимъ шумомъ. Невѣста и женская свита ея вошли въ церковь, шумя платьями и юбками. Запахъ помады и духовъ разнесся по церкви... Антоша взялъ невѣсту за руку и повелъ ее къ аналою. Не особенно складное пѣніе послышалось съ клироса...

Началось вѣнчанье. Катя поторопилась первая вступить на коврикъ, и эта поспѣшность бросилась въ глаза многимъ.

— Вишь ты, какая бойкая!—шепнула просвирница дьячихѣ.

Та, молча, кивнула головой и продолжала разсматривать невѣсту съ ногъ до головы. Всѣ съ любопытствомъ смотрѣли на нее... Источниковъ любопытства было два. Одни просто интересовались нарядомъ рукавицынской барышни... Другой источникъ любопытства былъ мутный, грязный. «Какова, какъ выглядитъ изъ себя дѣвушка, которая готова черезъ нѣсколько часовъ сдѣлаться женщиной?» Зрительницы довольно внимательно посматривали и на Антошу.

Антонъ Васильичъ сильно поблѣднѣлъ, когда холодный металлическій край вѣнца, поддерживаемаго надъ нимъ шаферомъ, коснулся его лба. Катя же была совершенно спокойна. Только голыя плеча ея слегка вздрагивали порой,—вѣроятно, отъ холода и сырости, вѣявшихъ отъ оконъ и церковныхъ сводовъ. Антоша вовсе и не замѣтилъ, что Катя первою вступила на коврикъ. Ему, бѣднягѣ, право, было не до того въ ту пору... То досада на Ивана Афанасьева, то страхъ за темное будущее разбирали его, то сонъ—очаровательный сонъ—проносился передъ его глазами, скрывая отъ него и отца Ивана, и иконоставъ, и невѣсту, и толпу назойливыхъ зрителей, глазѣвшихъ на него, какъ точно на какого-нибудь невиданнаго-неслыханнаго звѣря, какъ точно до тѣхъ поръ не видали его нигдѣ... Положеніе было глупое, неловкое.

Вѣнчанье кончилось. Молодые, по приглашенію отца Ивана, поцѣловались, слегка коснувшись другъ друга губами. Потомъ начались поздравленія и пожеланія, отъ которыхъ никому не бываетъ ни тепло, ни холодно... Темная, ненастная ночь встрѣтила молодыхъ при выходѣ изъ церкви. Слышно было, какъ впотьмахъ придорожныя вербы гнулись подъ напорами вѣтра и глухо шумѣли своими обнаженными вѣтвями. Дождь пересталъ, но за то вѣтеръ крѣпчалъ къ ночи...

—Батюшки! Съ ногъ рветъ!—крикнула толстая лавочница, едва удерживаясь на ногахъ.

— Телеграфныхъ проволокъ опять ужо порветъ сегодня не мало, какъ онамедни!—замѣтилъ Михайла Иванычъ, закутываясь въ свое пальтишко.

Одна изъ Шумиловскихъ барышень, садясь въ экипажъ, немилосердно завизжала, когда буйный вѣтеръ вдругъ рванулъ на ней платье и приподнялъ его въ видѣ зонтика...

Антоша усѣлся съ молодой вдвоемъ, — и поѣздъ, звеня колокольчиками, гремя бубенчиками и разбрасывая грязь на всѣ стороны, тронулся въ путь. Степи, скрывавшіяся во мракѣ, опять потянулись по сторонамъ,—печальныя, унылыя...

— Худо теперь тому, кто на морѣ! — вдругъ замѣтилъ съ чего-то Антонъ Васильичъ, никогда не бывавшій въ морѣ.

— Да!—прошептала Катя.

— Не холодно-ли тебѣ?—немного погодя, спросилъ ее Антоша.

— Нѣтъ! Ничего...—былъ короткій отвѣтъ.

Рѣчь обрывалась, разговоръ не завязывался. Впродолженіе дороги только одинъ разъ Антоша догадался поцѣловать молодую, но и на этотъ разъ поцѣлуй сильно смахивалъ на

поцѣлуй «по приглашенію»... Не такъ бы цѣловались влюбленные, оставшись наединѣ... Молодые были очень рады, когда, наконецъ, въ темной дали замелькали красные огоньки... Залаяли собаки. Они были дома...

Авдотья Семеновна ласково встрѣтила молодыхъ, обняла и разцѣловала Катю. Свадебный обѣдъ прошелъ, по обыкновенію, нѣсколько натянуто, скучновато; хотя иныя добрыя души и прилагали всевозможныя старанія оживить и развеселить почтенную публику, но все это выходило какъ-то неуклюже, искусственно, но не искусно. Кое-кто хохоталъ, происходилъ большой шумъ, но веселья, оживленья въ итогѣ все-таки не получалось. Лавочница первая, отвѣдавъ вина, заявила, что «горько».

— Горько, горько! Ужасть, какъ горько!— подхватили другіе.

Молодые поцѣловались. И опять молчаніе, нарушаемое лишь звяканьемъ ложекъ, стукомъ вилокъ и ножей. Потомъ Иванъ Афанасьевъ съ лавочницей затѣяли, было, какой-то разговоръ, преисполненный пошлыхъ намековъ и лишенный всякаго остроумія. Авдотья Семеновна съ недовольствомъ хмурилась. Разговаривающіе опять-таки скоро оборвались... Барышни порой начинали надъ чѣмъ-то хихикать втихомолку. Катинъ шаферъ, городской купчикъ, разсказалъ, ни съ того ни съ сего, ни мало не интересную исторію о томъ, какъ «у нихъ» прежде *дубили* кожи и что изъ того выходило... Иные гости откровенно позѣвывали. Даже Михайла Иванычъ, по обыкновенію, не лазившій за словомъ въ карманъ и считавшій почти своею обязанностью потѣшать компанію, частенько въ тотъ вечеръ что-то прикусывалъ языкъ. Принужденность и утомленіе были написаны на всѣхъ лицахъ, не исключая и лицъ самихъ молодыхъ.

«Фу ты, дьявольщина!» думалъ Антоша съ тоской, посматривая по сторонамъ и протягивая подъ столъ ноги. «Вотъ положеніе-то! Ужъ подлинно: сиди, какъ дуракъ на именинахъ!» Онъ насильно ухмылялся, когда лавочница, съ масляной улыбкой на своемъ жирномъ лицѣ, лѣзла къ нему съ своимъ заявленіемъ, что вино «страсть, какъ горько!»

— Ну ладно, добро!—остановилъ уже ее Иванъ Афанасьичъ.—Успѣютъ,—налижутся еще... Ты-то кума, чего тутъ лѣзешь?

— Ужъ не прогнѣвайся, батюшка! Безъ тебя эти манеры знаемъ... — отрызнулась Анна Федоровна, но молодыхъ, впрочемъ, послѣ этого оставила въ покоѣ.

Вставши изъ-за стола, гости стали разъѣзжаться и скоро всѣ убрались восвояси. Михайла Иванычъ оставался изъ послѣднихъ, принимаясь не однажды обниматься и цѣловаться съ Антошей, но и тотъ, наконецъ, уѣхалъ.

Антоша послѣ того отправился во флигель. Прислуга убирала со стола, Авдотья Семеновна, усталая, измученная, слонялась за чѣмъ-то изъ комнаты въ комнату. Катя усѣлась въ столовой у окна. Опершись щекой на руку и облокотившись на подоконникъ, она задумчиво, не сводя глазъ, смотрѣла въ окно, въ темь сентябрьской ночи. Нѣсколько сбившихся прядей ея бѣлокурыхъ волосъ свѣсились ей на щеку и на лобъ. Лицо ея поблѣднѣло... Такъ прошло полчаса. Стеариновая свѣча, стоявшая на столѣ въ глубинѣ комнаты, уже догорала. Треща и позванивая, часы въ залѣ пробили два. А молодая, повидимому, ни на что не обращая вниманія, продолжала сидѣть, пригорюнившись, у окна и смотрѣть въ тьму, въ которой буквально было не видно ни зги. Теперь пришла очередь молодой призадуматься... Какъ ни была легкомысленна Катя, но все-таки не могла не сознавать, что для нея начинается новая жизнь, что она стоитъ на порогѣ этой неизвѣстной жизни. Въ церкви, подъ вѣнцомъ, глядя на вытянутое лицо жениха и на всю торжественную обстановку, окружавшую ее, она могла еще улыбаться: ее тѣшили и забавляли любопытные взгляды, изучавшіе ее, казалось, во всѣхъ подробностяхъ, ее забавляло перешептыванье кумушекъ, очевидно относившееся къ ея наряду и къ ея личности, которая — по ея соображеніямъ — должна быть очень интересна и должна была представлять весьма рѣдкое явленіе для барковской церкви. Жаль, что тогда она не могла посмотрѣть на себя въ зеркало! А, должно быть, она была очень граціозна со своей бѣлокурой, изящно убранной головкой, слегка склоненной подъ блестящимъ вѣнцомъ, со своими цѣломудренно опущенными глазами, полузакрытыми рѣсницами и съ розовымъ румянцемъ на щекахъ... Но теперь, когда она сидѣла въ столовой у окна, улыбка уже давно сбѣжала съ ея устъ. Грудь ея тяжело дышала. Отяжелѣвшая голова склонилась на руку.

— Что же, матушка, не пора-ли?—сказала, наконецъ, Авдотья Семеновна, подходя

къ ней, и, ласково положивъ ей на плечо руку, наклонилась надъ нею.—Поди, вѣдь тоже устала?.. Покой нуженъ...

— Какъ же я... я одна пойду?—прошептала Катя, оборачивая къ ней свое поблѣднѣвшее и почти испуганное лицо.

— Пойдемъ вмѣстѣ... Я провожу тебя, голубушка...—успокоивающимъ тономъ проговорила Авдотья Семеновна, цѣлуя ее въ лобъ.

Катя не помнила матери, не знала нѣжныхъ материнскихъ ласкъ. Какое-то болѣзненное, жгучее чувство одиночества и заброшенности шевельнулось на мгновенье въ душѣ этой легкомысленной женщины. Подъ живымъ впечатлѣніемъ этого новаго чувства, Катя вдругъ схватила старушку за руку и съ жаромъ припала своими горячими губами къ этой сухой, морщинистой рукѣ, приласкавшей ее такъ кстати, такъ хорошо въ эти критическія минуты.

— А гдѣ онъ?—едва слышно спросила Катя, крѣпко сжимая въ своихъ рукахъ руку старушки.

— Онъ ужъ ушелъ во флигель!—отвѣтила та тихо.—Вѣдь ужъ два часа... третій...

— Уже?—удивилась Катя, приподнявъ голову и съ безпокойствомъ смотря на Авдотью Семеновну.

На глазахъ ея блестѣли слезы и тихо катились по ея поблѣднѣвшимъ щекамъ.

— Успокойся, успокойся! Что ты, Богъ съ тобой!—начала уговаривать ее старуха, замѣтивъ ея безпокойство и тревогу.—Ну, поднимайся-ка, пойдемъ лучше... Я провожу тебя...

— Агаша, дай-ка намъ одѣться, да зажги фонарь!—скомандовала Авдотья Семеновна.

Катя отерла слезы и поднялась... И вотъ, накинувъ на плечи шубку, а на голову большой сѣрый платокъ и старательно подобравъ платье, Катя подъ руку съ Авдотьей Семеновной пошла черезъ дворъ къ флигелю. Агаша, укутавшись какъ кикимора, шла впереди ихъ съ большимъ фонаремъ въ рукахъ, красноватымъ, дрожащимъ свѣтомъ озаряя имъ дорогу. Женщины съ трудомъ подвигались впередъ, обходя грязь и лужи. Сильный, порывистый вѣтеръ дулъ имъ прямо въ лицо и какъ будто отталкивалъ ихъ отъ флигеля.

— Закрывайся, запахивайся, Катенька!—заботливо говорила старуха.

— Ну ужъ и ночь сегодня!—замѣтила Агаша.—Этакой вѣтеръ-то... Съ ногъ валитъ...

А вѣтеръ, дѣйствительно, неистовствовалъ въ ту ночь съ страшною силой. Правду сказали: не мало онъ порвалъ проволокъ телеграфныхъ въ ту ночь, не мало разметалъ крышъ по деревнямъ, не мало повалилъ деревьевъ... Такіе вѣтры въ нашей степной полосѣ бываютъ въ осеннюю пору не рѣдко. Деревья въ марьинскомъ саду гнулись, скрипѣли и потрескивали,—шумъ стоялъ...

Наконецъ женщины дошли-таки до флигеля. Авдотья Семеновна съ Катей вошли въ комнату и застали тамъ Антошу расхаживавшимъ изъ угла въ уголъ, взадъ и впередъ. При входѣ ихъ онъ принужденно улыбнулся, остановившись посреди комнаты.

— На, вотъ, получай!—шутливо обратилась къ нему мать.—Жену тебѣ привела... Что же сталъ? Бери!..

Антонъ Васильичъ подошелъ и взялъ Катю за руку.

— А теперь прощайте! Господь съ вами...—проговорила старушка и повернулась, чтобы уйти.

— Теперь, значитъ, мнѣ надо васъ проводить!—сказалъ Антоша.

— Нѣтъ, не безпокойся! Меня Агаша въ сѣняхъ дожидается.

Авдотья Семеновна скрылась. Молодые остались одни...

Флюгеръ надъ крышей флигеля скрипѣлъ; ставни, не плотно припертыя, стукали объ оконницу. Вѣтеръ завывалъ въ трубѣ—жалобно, протяжно, шумѣлъ въ саду деревьями и съ такою силой проносился надъ флигелемъ, что, казалось, готовъ былъ сорвать его и унести ни вѣсть куда... Но Катенька успѣла уже оправиться и придти въ себя. Она не безъ любопытства принялась осматривать столовую и маленькую спальню-будуаръ. На туалетѣ передъ зеркаломъ горѣли двѣ свѣчи, а съ потолка спускалась лампа подъ розовымъ абажуромъ, обдававшая комнату нѣжнымъ полусвѣтомъ. «Очень мило!» подумала молодая, оглядываясь по сторонамъ. «И туалетъ убранъ недурно... и эта лампа... розовый свѣтъ на всемъ! Довольно романично!..» Даже и теперь Катя не могла выбросить изъ своей головы всякій романическій вздоръ и воображала себя героиней.

— Ну, что же вы! Помогите же мнѣ раздѣваться...—сказала она Антошѣ, остановившись передъ зеркаломъ, и начала разстегивать платье.

Антоша безпрекословно повиновался...

(Занавѣсъ).

X.

Медовый мѣсяцъ.

Изъ ста медовыхъ мѣсяцевъ найдется немного такихъ, которые, дѣйствительно, сладки, которые являются безъ подмѣси какой-нибудь горечи. Въ громадномъ же большинствѣ случаевъ молодые пьютъ «медъ» этого мѣсяца безъ всякаго наслажденія, морщась и ворча... Знаменитый «медъ» оказывается то кислымъ, то горькимъ, и часто солоно бываетъ отъ него... Это потому, что медовый мѣсяцъ—мѣсяцъ открытій и разочарованій, мѣсяцъ неожиданныхъ сюрпризовъ и кажущихся метаморфозъ. Въ теченіе его мало-по-малу обнаруживаются крупные и мелкіе обманы, раскрывается большая и маленькая ложь, которая еще наканунѣ считалась «истиной святою»; тутъ оказывается, что не все то золото, что блеститъ,—и мишура является въ ея настоящемъ видѣ...

Женщина-невѣста старается нравиться своему суженому всѣмъ: своею наружностью, платьемъ, кстати надѣтымъ бантикомъ, своими манерами, привычками, рѣчью, образомъ мыслей, словомъ и дѣломъ. Невѣста, изучивъ понемногу вкусы жениха, старательно спрятываетъ все то, что ему можетъ не нравиться, и выдвигаетъ, напротивъ, на первый планъ все то, что — по ея мнѣнію — безусловно должно нравиться и очаровывать его. Она одѣвается, говоритъ и даже, какъ будто, думаетъ по его «вкусу». Если невѣста—женщина не глупая, тактичная, то она и не дастъ замѣтить этой искусственности и поддѣлки до поры-до времени... Женихъ со своей стороны тоже прихорашивается и все, что въ немъ худо и дрянно, старательно прячетъ подальше, выдвигая на видъ лишь свои достоинства и добродѣтели. Происходитъ игра въ жмурки. Играющіе взаимно завязываютъ другъ другу глаза. Наканунѣ свадьбы они представляются одинъ другому божественными, идеально прекрасными, возвышенными существами, причемъ каждый изъ нихъ втихомолку думаетъ про себя: «А ловко же я обошелъ»...

Вѣчно играть роль человѣка, во сто разъ лучшаго, чѣмъ есть на самомъ дѣлѣ,—трудно или даже вовсе невозможно. Послѣ свадьбы понемногу, мало-по-малу, начинаются разоблаченія. «Она» оказывается вовсе не такова, какъ онъ думалъ о ней. «Онъ» далеко не таковъ, какъ она воображала его себѣ. Сдѣлавшись мужемъ и женой, оба они оказываются хуже, чѣмъ были прежде... Въ сущности они не стали хуже: они только перестали стѣсняться другъ съ другомъ, стали болѣе являться самими собой. Начинаются мелочныя стычки, упреки, непріятности, доходитъ дѣло до брани. Молодые отворачиваются другъ отъ друга, дуются, играютъ въ молчанки... Они оба считаютъ себя равно несчастными, обманутыми. «Она только думала, какъ бы ей выскочить замужъ!» размышляетъ онъ съ горечью. «А онъ—злодѣй, онъ совсѣмъ—извергъ!» рѣшаетъ она. Подъ вліяніемъ первыхъ живыхъ впечатлѣній чувствуется жгучая боль. Добрые люди вдаются въ преувеличенія и видятъ другъ въ другѣ уже не боговъ, даже не людей, простыхъ смертныхъ, а какихъ-то гадкихъ, отвратительныхъ чертей. Они, какъ дикари, свергаютъ своихъ собственныхъ боговъ и сѣкутъ ихъ...

Если молодые хотя мало-мальски «сходятся характерами», если ихъ коренныя убѣжденія и привычки хотя приблизительно гармонируютъ между собой, тогда дѣло кое-какъ уладится безъ явнаго соблазна, безъ постановки на сцену «битвы русскихъ съ кабардинцами». Они мало-по-малу сживутся, смирятся духомъ, свыкнутся съ недостатками другъ друга, пойдутъ на взаимныя уступки и потянутъ жизнь, какъ говорится, «ни шатко, ни валко, ни на сторону». Если же этого приблизительнаго сходства въ коренныхъ убѣжденіяхъ и привычкахъ не окажется, тогда прости-прощай спокойствіе и «тихія радости» семейнаго очага. Вмѣсто нихъ откроется адъ со всѣми его непривлекательными аттрибутами—съ раскаленными сковородами, съ горящей смолой, со стономъ и скрежетомъ зубовъ. Постоянное недовольство перейдетъ въ ненависть, раздраженіе—въ злобу, слово — въ дѣло. Супруги будутъ расходиться и сходиться вновь и изберутъ благую часть, если разойдутся вовсе. Послѣдній актъ такихъ супружескихъ драмъ, въ видѣ уголовнаго дѣла, иногда разыгрывается уже въ судѣ...

Антону Васильичу и Катѣ медовый мѣсяцъ также не доставилъ особеннаго наслажденія. Оба они прежде старались казаться лучше, чѣмъ были на самомъ дѣлѣ, а теперь подчасъ стали являться нараспашку... Кромѣ того, Антонъ Васильичъ, какъ уже извѣстно читателю, былъ далекъ отъ любви къ Катѣ. А Катя ни больше, ни меньше, какъ только «влюбилась» въ него... Серьезныхъ, человѣ-

ческихъ чувствъ, въ силу которыхъ люди сходятся иногда, не было у нихъ и въ помин-ѣ—ни у того, ни у другого... Кромѣ того еще не мало горечи подлилъ въ ихъ медовый мѣсяцъ и денежный вопросъ, разрѣшившійся, по мнѣнію Антоши, въ высшей степени неудовлетворительно. Если бы на мѣстѣ Антоши былъ человѣкъ того же сословія или, вѣрнѣе, той же профессіи, къ какой принадлежалъ Рукавицынъ, то онъ, конечно, не упустилъ бы прежде всего въ точности выяснить вопросъ о приданомъ, о деньгахъ и не поѣхалъ бы въ церковь вѣнчаться, не получивши всѣхъ денегъ сполна. Антоша былъ не кулакъ, но полу-баринъ, кутила, охотничекъ. Онъ стѣснялся говорить съ будущимъ тестемъ о деньгахъ, торговаться съ нимъ. А Иванъ Афанасьичъ, воспользовавшись недѣловитостью своего зятя, устроилъ такую штуку: «простилъ» (по его собственному выраженію) всѣ долги, доходившіе до 2,500 руб., далъ въ руки Антошѣ до свадьбы 1,000, да послѣ свадьбы столько же, да Катѣ 5,000, за исключеніемъ, разумѣется, приданаго — и только. О 5-ти тысячахъ, данныхъ Катѣ, было благоразумно умолчено, и Катѣ строго-на-строго было наказано молчать и впредь. Антонъ Васильичъ, конечно, былъ крайне недоволенъ такимъ оборотомъ дѣлъ и имѣлъ съ тестемъ послѣ свадьбы чрезвычайно непріятные разговоры. «Скряга противный!» разсуждалъ онъ. «Стоило-ли изъ-за какихъ нибудь грошей продавать себя на всю жизнь Рукавицынскому отродью... Дуракъ я!» Такое душевное состояніе и непріятныя, натянутыя отношенія съ тестемъ не могли, разумѣется, не отражаться на радостяхъ и утѣхахъ медоваго мѣсяца. Катя чувствовала, что дѣло не ладно, грустила, досадовала и втихомолку поплакивала... Антоша дулся.

— Ты, братецъ, такой человѣкъ, что тебѣ сколько ни дай, все мало будетъ... Знаю, братъ, я тебя, франта...—говорилъ Иванъ Афанасьичъ въ отвѣтъ на жалобы Антоши. — Тебѣ сколько ни дай, ты завтра же все спустишь... Вонъ, говорятъ, половымъ въ трактирѣ по цѣлковому даешь! Гдѣ же этакую прорву денегъ припасти для тебя!

— Кто же это говоритъ-то? — возразилъ Антоша.—Одни врутъ, а ты слушаешь... Какъ будто я, въ самомъ дѣлѣ, какой-нибудь мотыга.

— Да мотыга и есть! Вѣрно слово!—подхватилъ Рукавицынъ.—А мы скажемъ такъ: живите ладно, мирно да дружно, а я ужъ не оставлю... Сказалъ: не оставлю—и шабашъ!

«Это ужъ не манера: за каждой малостью къ тебѣ въ карманъ лазить, каждый грошъ изъ рукъ у тебя смотрѣть!»—хотѣлъ, было, замѣтить Антоша, но удержался, да, вѣроятно, и къ лучшему, ибо изъ такихъ его замѣчаній не вышло бы никакого толку, а Иванъ Афанасьевъ, между тѣмъ, могъ бы наговорить ему много грубостей.

— А мы съ тобой насчетъ лошадокъ поведемъ дѣло дружненько!—продолжалъ Рукавицынъ.—Когда придется, ты вмѣсто меня съѣздишь... Ну и лошадокъ къ тебѣ водить станемъ. Хочешь, — прикащика тебѣ своего дамъ. Онъ ужъ всѣ эти дѣла тонко знаетъ. И будешь ты съ нимъ, какъ у Христа за пазушкой. Человѣкъ ловкій,—одно слово... Ну, по родству и видаться можно чаще. Только знаешь,—я ужъ сказывалъ тебѣ, на сторонѣ не болтай, чтобы, значитъ, все было шито да крыто... И святое дѣло!

Иванъ Афанасьичъ говорилъ вполголоса, низко наклонившись черезъ столъ къ Антошѣ. Его бойкіе, сѣрые глазки остро, проницательно смотрѣли въ упоръ на Антошу. Въ тѣ минуты Рукавицынъ казался Антону Васильичу какой-то хищной птицей, кровожадно поглядывавшей на него, какъ на свою жертву, и уже совсѣмъ готовой запустить въ него свои крѣпкіе, крючковатые когти. Его даже слегка передернуло, когда его глаза встрѣтились съ глазами Ивана Афанасьева.

— Вотъ ужъ этихъ-то дѣлъ твоихъ я больно не люблю...—заворчалъ Антоша, откидываясь на спинку стула.—Святое дѣло! Вишь, что еще выдумалъ... За такія-то святыя дѣла по шапкѣ, да...

— Ахъ-ха! Ты этого не любишь! — съ язвительной усмѣшкой перебилъ Рукавицынъ.—А деньги транжирить любишь? Ахъ, ты—бѣлоручка... Скажи на милость: онъ не любитъ... Ха! А по нашему—попросту: люби кататься, люби и саночки возить. До денегъ охочъ, такъ и дѣлай дѣла... А хочешь у себя въ Марьинѣ на печкѣ лежать, такъ лежи, сколько хошь, хоть всѣ бока пролежи. Удержу тебѣ отъ меня нѣтъ... Только ужъ за то и къ деньгамъ не подбирайся! На печкѣ-то и безъ денегъ хорошо...

— Да что—деньги! Я тебѣ о приданомъ...—заикнулся, было, Антоша.

— А приданое тебѣ дадено... вотъ тѣ и

весь сказъ!—отрѣзалъ Иванъ Афанасьевъ, съ громомъ отодвигая кресло.

— Не много же ты отвалилъ! — уже со злостью замѣтилъ Антоша, тоже вставая и берясь за шапку.

— Не много? Считать, видно, парень, не умѣешь! Вотъ что!.. Векселей-то сколько порѣшено! Забылъ, что ли?

И Рукавицынъ многозначительно посмотрѣлъ на зятя.

— Да вотъ ты мнѣ и векселей-то не возвратилъ... Отдай хоть векселя-то! — попросилъ его Антонъ Васильичъ.—Хоть я полюбовался бы на нихъ...

— Ну, полно вздоръ-то городить! «Полюбовался бы»... — брюзгливо возразилъ тестюшка, передразнивая Антошу. — Чего ужъ тутъ любоваться! Ко взысканію не подамъ, не бойсь! Всѣ ужъ надорваны...

А очень хотѣлось Антошѣ получить въ свои руки *одинъ* векселекъ. Съ какимъ наслажденіемъ онъ уничтожилъ бы его!.. А теперь все еще страхи и сомнѣнья одолѣвали его. Настаивать на возвращеніи векселей онъ опасался, боясь возбудить подозрѣнія противъ себя. Съ другой стороны, онъ находился въ полномъ невѣдѣніи относительно того: разобралъ-ли Иванъ Афанасьевъ *поддѣлку*... Какъ бы то ни было, но онъ чувствовалъ, что можетъ быть спокоенъ лишь тогда, когда самъ, своеручно уничтожитъ этотъ дрянной, поганый *векселекъ*.

По возвращеніи послѣ подобныхъ свиданій домой, разумѣется, Антонъ Васильичъ не могъ быть въ хорошемъ расположеніи духа, а жена его не могла быть довольна его ласками и нѣжностью. Онъ въ такія минуты, казалось, избѣгалъ разговоровъ съ женой.

— Ну что, папаша! Какъ поживаетъ?— спрашивала Катя.

— Да ничего... Что ему дѣлается!—сухо отвѣчалъ Антоша, бывшій еще подъ впечатлѣніемъ только-что пережитыхъ,непріятныхъ объясненій съ тестемъ.

Катя начинала жаловаться на неласковость, на то, что Антоша смотритъ на нее какъ-то странно, почти не обращаетъ на нее вниманія, что онъ какъ будто бы за что-то сердится на нее, что она «просто, несчастная»...

— Неужели же молодые такъ всегда обращаются съ женами?—говорила она.—Что же это за житье! Къ кухаркѣ лучше относятся...

— Да какъ же мнѣ еще относиться къ тебѣ, скажи, пожалуста! — недовольнымъ тономъ оправдывался Антоша. — Вѣдь всю жизнь цѣловаться же нельзя...

— Очень хорошо знаю, что нельзя, особенно если люди не любятъ,—возражала Катя, дѣлая замѣтное удареніе на послѣднихъ словахъ. — Тутъ ужъ не о поцѣлуяхъ рѣчь. Вѣдь ты слова не скажешь со мной толкомъ... Что я тебѣ сдѣлала? Ну!

— «Что сдѣлала!» — передразнивающимъ тономъ повторялъ Антоша.—Да кто же тебѣ говоритъ, что ты «что-нибудь сдѣлала»... Ты, ровно, ничего не сдѣлала и не дѣлаешь... Отстань, пожалуста!

— Ну вотъ и шпильки!.. — перебила Катя. — Я ничего не дѣлаю, сижу сложа руки, обременяю васъ...

— Никакихъ шпилекъ тутъ нѣтъ!—возразилъ Антонъ Васильичъ. — Вамъ толкомъ говорятъ... Нельзя же въ самомъ дѣлѣ быть постоянно веселымъ и радоваться! Я не привыкъ быть на вытяжкѣ и ни передъ кѣмъ и никогда на вытяжкѣ не буду, было бы вамъ извѣстно! Если мнѣ скучно, я скрываться не намѣренъ; не стану смѣяться, когда на сердцѣ кошки скребутъ... А по вашему — молодые вѣчно должны сладко улыбаться и только говорить о своей любви и тому подобное!

— Къ чему все это вы говорите! — горько-насмѣшливо замѣтила Катя. — Сказали бы прямо, что я надоѣла вамъ—вотъ и все!

— Ваше нытье, дѣйствительно, надоѣло...—началъ Антоша.

— Давно бы такъ!.. Давно пора... — проговорила Катя, отвернувшись отъ него и вытирая рукой навернувшіяся на глаза слезы.

— Господи! Вотъ мученье! — вскричалъ со злостью Антоша и, схвативъ шапку, вышелъ изъ флигеля и пошелъ, куда глаза глядятъ, не смотря ни на слякоть, ни на вѣтеръ, ни на дождь и все-таки чувствуя себя гораздо лучше подъ пасмурнымъ, ненастнымъ небомъ, чѣмъ подъ одной кровлей со своею молодой женой.

Два дня подъ-рядъ сходитъ Антоша на охоту, Катя опять жалуется.

— Видно, съ собаками въ полѣ пріятнѣе быть, чѣмъ со мной!— скажетъ она, бывало.

— На подобныя замѣчанія... и отвѣчать не стоитъ!—возразитъ въ тонъ ей Антоша.

И опять непріятная сцена, слезы, упреки и т. д.

Со скуки да съ горя съѣздитъ Антоша въ трактиръ на Барково, разговоровъ поднимет-

ся еще больше. Катя неуступчива, а Антонъ Васильичъ навеселѣ становится рѣзокъ и грубъ. Катя ненавидитъ грязную, трактирную компанію и высказываетъ открыто свои взгляды...

— Какъ ужъ вамъ угодно, Катерина Ивановна!—рѣшительно заявлялъ Антоша:—а я ради вашихъ капризовъ товарищей своихъ не брошу. Я съ ними только и душу отвожу... Нѣтъ, ужъ, извините! Я ихъ ни на кого не промѣняю...

— Я знаю, что вы меня готовы на всякую мерзость промѣнять!—замѣчала Катя.—Для васъ трактирные бродяги ближе, чѣмъ жена...

Когда Антонъ Васильичъ, уѣзжая къ Михайлу Ивановичу или къ кому-нибудь другому изъ сосѣдей, подолгу засиживался въ гостяхъ и поздно ночью возвращался домой, тогда Катя, положительно, мучилась и выходила изъ себя отъ злости и досады. Онъ, можетъ быть, поѣхалъ къ своей любовницѣ? Онъ, можетъ быть, насмѣхается съ нею надъ Катей?.. Въ такихъ случаяхъ, по возвращеніи Антона Васильича домой, дѣло доходило до ругательствъ. Катя язвительно спрашивала: не въ Замошье-ли онъ ѣздилъ за дичью? и затѣмъ разражалась бранью на его мнимую любовницу.

— Да ты-то чѣмъ же лучше ее? — спрашивалъ Антоша, выведенный изъ терпѣнья.— Той нужно то же, что и тебѣ... Развѣ же такъ любятъ серьезно, какъ любишь ты... Развѣ же мучатъ такъ...

— А ты! Ты не мучишь меня!—вскрикивала Катя.—Ты меня оскорблять начинаешь... Ты начинаешь меня сравнивать чортъ знаетъ съ кѣмъ... Да что же это такое? Господи, Господи!.. Ахъ, я несчастная!

Крики, стоны, истерическія слезы, истерическій смѣхъ...

Но не должно думать, что весь медовый мѣсяцъ проходилъ только въ колкостяхъ, во взаимномъ пикированьи и руготнѣ. Иногда проглядывало надъ нашими молодыми и солнце, не то холодное, негрѣющее солнце, какое показывается осенью, но яркое и горячее, свѣтившее по лѣтнему... Вслѣдствіе благопріятныхъ объясненій съ тестемъ, гладившимъ его по головѣ, или по инымъ причинамъ, Антоша бывалъ въ духѣ. Тогда онъ самъ заговаривалъ, шутилъ съ Катей и заигрывалъ съ ней, не какъ съ женой, но какъ съ любовницей. Катя становилась въ такія минуты мягкой и ласковой голубкой. Не должно забывать, что она была влюблена въ своего мужа еще до свадьбы, а послѣ свадьбы еще пуще влюбилась, если можно такъ выразиться, не смотря на всѣ досады и непріятности, доставшіяся ей отъ него въ теченіе медоваго мѣсяца. Она подозрѣвала и даже утѣшала себя тѣмъ, что Антоша обращался съ нею подчасъ жестко и грубо, просто, благодаря тому, что между нимъ и отцомъ ея происходили, вѣроятно, какія-нибудь дѣловыя непріятности и недоразумѣнія. «Охъ ужъ мнѣ эти противныя дѣла!»—не разъ говорила она про себя, и даже серьезно сердилась на отца за то, что тотъ огорчаетъ, «разстраиваетъ» Антошу и тѣмъ портитъ ей медовый мѣсяцъ. «Что-нибудь изъ-за денегъ, у нихъ, можетъ быть, вышло... а мнѣ въ чужомъ пиру похмѣлье! Очень пріятно»... Въ минуты нѣжностей и ласкъ, Катя кругомъ во всемъ обвиняла отца и ставала на сторону мужа, совершенно оправдывая его.

— Тебя, вѣроятно, чѣмъ-нибудь папаша разстроиваетъ? Да?—спрашивала Катя, подсаживаясь къ нему и кладя руку къ нему на плечо.

— Да... все непріятности! И такъ это наскучило...—шепталъ онъ, цѣлуя и обнимая ее все крѣпче и крѣпче за талію.

— Ну его! Брось!.. — шепотомъ же отъ волненія утѣшала его Катя.

Тутъ бывали такія минуты, когда Антонъ Васильичъ называлъ жену «хорошенькой», «красавицей»...

— Ты любишь меня? Скажи...—спрашивалъ онъ.

— Ахъ, да! Ахъ, какъ я люблю тебя, милый!..—шептала Катя.

За такими признаніями слѣдовали ласки, крѣпкія объятія и поцѣлуи — безъ числа... Молодые наслаждались... Но даже и теперь въ чаду любовныхъ нѣжностей и ласкъ, Антоша смотрѣлъ на нее, не какъ на любимую, уважаемую женщину, но какъ на любовницу, которую берутъ на прокатъ и потомъ черезъ часъ бросаютъ, какъ никуда негодную вещь, потерявшую всякую цѣнность. Катя— къ счастію или къ несчастію, разбирать не будемъ—была настолько влюблена, настолько неопытна и близорука, что видѣла свои радости и счастье тамъ, гдѣ для нея въ сущности было лишь одно униженіе. Злоупотребляли ея довѣріемъ...—и въ этомъ отношеніи Антоша поступалъ безчестно.

Однажды по утру, на другой день послѣ особенно горячихъ любовныхъ вакханалій,

Катя вынула изъ своей шкатулки на тысячу рублей билетовъ и подала ихъ мужу, сидѣвшему еще за чаемъ и задумчиво посматривавшему на свой стаканъ. (Молодые по утрамъ пили чай во флигелѣ, «у себя», какъ выражалась Агаша). Антоша удивленно посмотрѣлъ на билеты, на Катю, на руку, протягивавшую ему деньги—кучу денегъ.

— Что это? — спросилъ онъ, совершенно ошеломленный.

— Бери!—сказала Катя, положивъ передъ нимъ на столъ билеты.

— Да что же это значитъ? объясни, Бога ради...—пролепеталъ онъ.

— А вотъ что это значитъ...—заговорила Катя, усаживаясь съ нимъ рядомъ и ласково обвившись рукой вокругъ его шеи. — Это значитъ, что я желаю видѣть тебя всегда веселымъ; желаю, чтобы ты не хмурился... Вѣроятно, вся бѣда изъ-за денегъ... Да? признайся!.. Ну такъ вотъ и возьми ихъ! Только чуръ!.. Папашѣ объ этомъ ни слова!

Антоша былъ чрезвычайно пріятно пораженъ, узнавши, что у Кати есть свои деньги, что—мало того—она рада поступаться ими ради того, чтобы Антоша могъ сохранить доброе расположеніе духа. Онъ обнялъ Катю и сталъ цѣловать ея руки, ея плеча, грудь... И Катя осталась довольна въ то утро совершеннымъ ею добрымъ дѣломъ. Антоша былъ очень милъ... Болѣе недѣли послѣ этого утра молодые съ увлеченіемъ праздновали свой медовый мѣсяцъ.

Не знаемъ: инымъ читателямъ, быть можетъ, покажутся утрированными только-что описанныя нами отношенія молодыхъ супруговъ въ теченіе ихъ медоваго мѣсяца. Можетъ быть... Но какъ же быть, милостивые государи, если жизнь иногда болѣе походитъ на глупый вымыселъ, на романъ, чѣмъ иной романъ—на жизнь? Если жизнь, изображенная нами, покажется кому-нибудь уродливой, каррикатурной, то въ этомъ уже наша вина: это только будетъ значить, что мы не съумѣли передать на бумагѣ правду жизни...

Такъ-то шелъ медовый мѣсяцъ для Антоши и его молодой жены.

Онъ не приносилъ имъ тихихъ радостей, душевнаго спокойствія и мира. Много принесъ онъ за то съ собой горечи, досады и злобы... Приступы досады и злости смѣнялись порой какими-то лихорадочными, дикими порывами мутной, бѣшеной страсти...

Они не были счастливы: счастье — не тамъ, гдѣ они его искали...

XI.

Осеннею ночью.

Глухая осень. Сѣрыя облака грязными, сѣрыми лохмотьями висятъ надъ землею. Идутъ дожди — иногда съ утра до ночи, то льютъ потоками, то моросятъ, какъ изъ сита. Дуютъ холодные вѣтры и съ шумомъ раскачиваютъ верхушками голыхъ деревьевъ... По деревнямъ молотятъ, треплютъ ленъ, а по вечерамъ уже зажигаютъ лучину или свѣчи.

Въ Марьинѣ осень тянется вяло и тоскливо. Антонъ Васильичъ изрѣдка ѣздитъ на охоту на дрохвъ, то любезничаетъ съ молодой женой, то ворчитъ и бранится съ нею, частенько заглядываетъ въ барковскій трактиръ. Катенька хмурится, то поплачетъ, то побранится и подолгу валяется съ книгой на постели. Авдотьея Семеновна возится со своимъ хозяйствомъ, косится на молодыхъ и въ разговорахъ съ Агашей отводитъ душеньку. Она подозрѣваетъ, что Антоша не совсѣмъ счастливъ, и жалуется на свое горе. Она боится, что изъ этой женитьбы ничего путнаго не выйдетъ. Агаша вздыхаетъ, и ея вздохи еще пуще надрываютъ материнское сердце...

Однажды, отъ нечего дѣлать, Антонъ Васильичъ приказалъ заложить бѣговыя дрожки и отправился къ отцу Ивану. Время было не позднее, послѣобѣденное, но небо было до того облачно, до того мрачно, что на землю, казалось, спускались сумерки. Отецъ Иванъ показалъ Антошѣ своего хваленаго вороного жеребенка; Антоша попросилъ придержать для него жеребенка. Потомъ, воротившись домой, они потолковали о томъ—о семъ и засѣли играть въ шашки. Аксинья, пожилая баба-бобылка, жившая у отца Ивана въ качествѣ домоправительницы, принесла на столъ большой, пузатый самоваръ и стала поить играющихъ чаемъ. Отецъ Иванъ любилъ игру въ шашки и игралъ искусно. Изъ пяти разъ онъ навѣрное выигрывалъ три. Онъ чрезвычайно ловко проводилъ свои шашки «въ дамки», запиралъ Антошу въ Капернаумъ и т. д. Играли всячески—и «въ крѣпкую» и «въ поддавки». Отецъ Иванъ оказывался одинаково неутомимъ и въ питьѣ чаю, и въ игрѣ въ шашки: онъ вливалъ въ себя горячій чай стаканъ за стаканомъ, какъ въ

бездонную бочку, пыхтѣлъ и потѣлъ. Антоша былъ радъ хоть какому-нибудь развлеченію...

— А слышали, Антонъ Васильичъ, какая исторія вышла?—замѣтилъ, между прочимъ, отецъ Иванъ, закручивая по обыкновенію, рукава своего подрясника и обдумывая убійственный ходъ шашкой.

— Какая исторія? — разсѣянно спросилъ Антоша, откидываясь на спинку стула и не сводя глазъ съ шашечной доски.

— Дѣвка утопилась...—продолжалъ священникъ.—Пармена Рогова знаете? Въ Замошьи пчельникъ снимаетъ... Слыхали?

— Ну, знаю... — наклоняясь вдругъ къ доскѣ, отозвался Антоша.—Ну такъ что жъ?

Глаза его смотрѣли на черныя костяныя шашки, а мысль улетѣла далеко, на пчельникъ, къ убогой хаткѣ, скрытой за ветлами. «Неужели она»... вопросъ не договаривался.

— Э-эхъ, люди, люди!—резонерствовалъ отецъ Иванъ. — Забудутся, готовы хоть нечистому душу продать... только стоитъ сбиться съ пути истиннаго... Не знаю, что ужъ у нихъ тамъ было, только дѣвка-то возьми, да и бросься въ воду. Гуляла, что-ли, — прахъ ихъ знаетъ!

— Утонула?—глухо спросилъ Антонъ Васильичъ, не поднимая головы...

— Вытащили... отводились!—продолжалъ отецъ Иванъ.—Ожить-то ожила, да больно плоха... чуть-ли ужъ не померла, не знаю. И что такое сдѣлалось, никто не знаетъ... Дѣвка-то, говорятъ, была такая степенная, строгая... Никакъ нельзя было и думать этого! Развѣ только-что съ ума спятила... Самъ-то старикъ чудной такой... Едва-ли еще не принадлежитъ къ какой-то сектѣ. И дочь-то, видно, по немъ пошла... А, да ну ихъ! Отчаянныя головушки...

Отецъ Иванъ, какъ и слѣдовало ожидать, сдѣлалъ убійственный ходъ и радостно ухмыльнулся. Антоша проигралъ.

— Еще игорку?—предложилъ ему партнеръ, утирая рукой потъ, обильно выступавшій у него на лбу крупными каплями.

— Пожалуй!—согласился Антонъ Васильичъ, машинально разставляя шашки и уносясь воображеньемъ къ свѣтлой порѣ своей первой любви.

«Подлецъ я! Подлецъ!» съ горечью и злостью подумалъ Антоша. «Я обманулъ ее; я не исполнилъ ея просьбы... ея единственной просьбы! Какая я дрянь!» Вотъ — истинное слово: «дрянь!» Да, Антоша былъ дрянь, и много, много было дряни кругомъ него. Иная дрянь отталкивала своимъ безобразіемъ, другая блестѣла дешевой, грошевой мишурой, третья претендовала на какія-то отличія, но и то, и другое, и третье было все-таки дрянь и дрянь... Дрянненькимъ и плохимъ человѣчкомъ оказывался Антоша во всемъ: въ любви и въ ненависти, въ житейскихъ дѣлахъ и въ дѣлахъ общественныхъ. Случайно дѣлалъ онъ добро и зло, безъ умысла вредилъ, безъ умысла кое-кому приносилъ пользу. Такъ точно сумасшедшій можетъ совершенно безсознательно, безъ всякой любви и нѣжности разцѣловать васъ и въ то же время безъ всякой злости можетъ перегрызть вамъ горло...

«Но она еще жива... жива!»—въ видѣ утѣшенія мелькало въ головѣ Антоши. И вдругъ загорѣлось въ немъ сильное желаніе во чтобы то ни стало побывать въ Замошьи, повидаться съ Лушей и, хотя бы поздно, выпросить, вымолить у нея прощенье. Онъ виноватъ, страшно виноватъ передъ этой милой, доброй дѣвушкой. Она несчастна... Сколько она должна была выстрадать для того, чтобы рѣшиться покончить съ жизнью и бросить одинокимъ крѣпко любимаго ею старика! Много она должна была вытерпѣть и передумать прежде, чѣмъ бросилась въ холодныя воды своей родной Моши! Конечно, она узнала объ его женитьбѣ... сначала, можетъ быть, не повѣрила, а потомъ — потомъ должна была повѣрить. До той поры ее мучили страхи и сомнѣнья, мучили призраки будущаго, всякія опасенья; ее томило горе. Но посреди всей этой тьмы ей могла еще мерещиться хотя слабая надежда. Теперь, когда она узнала вполнѣ свое несчастье, послѣдняя надежда угасла; черное отчаяніе налегло на нее... «Видно же не легко ей было, сердечной... Легкое ли дѣло—самому себя убивать!» съ болью раздумывалъ Антонъ Васильичъ, сидя надъ шашечной доской. Антоша старался не показаться разсѣяннымъ, собралъ всѣ силы и нанесъ отцу Ивану блестящее пораженіе.

— Ну-ка, ну-ка, еще игорку!—съ азартомъ заговорилъ тотъ, хватаясь за шашки и пуще засучивая рукава своего подрясника.

— Нѣтъ, покуда довольно! Домой пора!—вдругъ охладилъ Антоша его пылъ и поднялся со стула.

— Да полно вамъ, еще игорку... Успѣете, доѣдете еще!—уговаривалъ отецъ Иванъ.—Зажгли бы лампочку, да и засѣли... А? Право...

— Нѣтъ, нѣтъ, пора!—отнѣкивался гость, берясь за шапку.

Крупною рысью пустилъ онъ свою лошадь по дорогѣ въ Замошье. Начинало уже замѣтно смеркаться. Темно-сѣрыя, дымчатыя облака, низко нависли надъ землей. Мелкій дождь, чуть-чуть моросившій, билъ Антошѣ въ лицо. Холодный, сѣверо-восточный вѣтеръ дулъ по степи. Антоша поминутно потрогивалъ и хлесталъ возжами, то задумчиво смотря на вздымавшуюся отъ вѣтра черную гриву своей Карей, то напряженно вглядываясь вдаль, на ровную, едва проторенную степную дорогу. Только потемнѣвшіе стога сѣна виднѣлись по сторонамъ, да изрѣдка было видно, какъ вдалекѣ бродили стада сѣрыхъ дрохвъ. Антоша все торопилъ свою Карюю, хотя та и безъ того неслась быстрѣе и быстрѣе. Антоша, казалось, хотѣлъ бы разомъ перескочить унылое, степное пространство, отдѣлявшее его отъ Замошья. Зачѣмъ онъ ѣхалъ туда? Зачѣмъ онъ спѣшилъ? Что онъ будетъ тамъ дѣлать?.. Право, Антоша самъ хорошо не зналъ и не представлялъ себѣ ясно: что онъ будетъ дѣлать въ Замошьи. Онъ увидится съ Лушей, онъ посмотритъ на нее... Она, говорятъ, больна. Бѣдная! Онъ постарается утѣшить ее. Какъ утѣшить,—Антоша опять-таки не отвѣтилъ бы себѣ. Можетъ быть, у нихъ даже нѣтъ денегъ на лѣченье! Онъ дастъ имъ денегъ, отдастъ всѣ, сколько у него съ собой есть. Онъ потрогиваетъ рукой свой боковой карманъ и вспоминаетъ, что у него въ бумажникѣ лежитъ рублей двѣнадцать... Мало, конечно! Завтра онъ привезетъ больше, сколько надо. «Охъ, деньги, деньги!» — почти со стономъ молвилъ про себя Антоша. Въ ту минуту онъ подумалъ, что на свѣтѣ не все продается и покупается за деньги...

Когда Антонъ Васильичъ выѣхалъ на берегъ Моши, уже порядочно стемнѣло, и въ деревушкѣ кое-гдѣ мерцали красные огоньки. Антону Васильичу на этотъ разъ не хотѣлось останавливаться у мельника, который неоднажды уговаривалъ его «не обидѣть» ихъ старика. А онъ все-таки жестоко обидѣлъ его... Антоша точно теперь слышитъ, какъ этотъ мельникъ, держа подъ уздцы его лошадь, предостерегающимъ тономъ говоритъ ему: «Смотри, баринокъ! Не обидь! У нашего старика только и есть одна дочь»... Антоша и слушать его не хотѣлъ тогда. Нѣтъ, онъ не остановится у мельника ни за что; онъ не хочетъ встрѣчаться теперь съ прямымъ, открытымъ взглядомъ его большихъ сѣрыхъ глазъ.

Тихонько, крадучись, какъ воръ, подъѣхалъ онъ къ селенью, поставилъ лошадь въ пустой сарай на краю деревни, и никѣмъ не замѣченный, крадучись, пробрался по-за-околицей на берегъ рѣки, спихнулъ челнокъ на воду и тихо поплылъ мимо знакомыхъ водорослей и тростниковъ. Тихо плылъ онъ изъ одной заводи въ другую, не безъ труда протискиваясь на веслахъ черезъ обмелѣвшіе проливы. Лодка шуршала, задѣвая за блеклые листья, плававшіе по водѣ; вода порой съ глухимъ шумомъ плескалась о носъ лодки... Знакомыя, очень знакомыя, милыя, тихія мѣста... Но Антоша не узналъ ихъ въ томъ мрачномъ, уныломъ видѣ, въ какомъ они представились ему теперь. Задернутыя густыми тѣнями осенней ночи, они выглядывали какъ будто совсѣмъ другими... Въ одной изъ заводей онъ присталъ къ берегу и по знакомой тропинкѣ углубился въ лѣсъ. Деревья рисовались впотьмахъ какою-то сѣрою, неприглядною массой и жалобно шумѣли отъ вѣтра, поскрипывая своими голыми вѣтвями. Блеклый, мокрый листъ шелестилъ подъ ногами. Порою изъ лѣсной чащи, какъ призракъ, выступалъ бѣлый стволъ березы. Дико, уныло и пусто было кругомъ.

«Все перемѣнилось! Все ужъ не то!» подумалъ Антоша, озираясь по сторонамъ и чувствуя, какъ щемящая боль хватала его за сердце при воспоминаніи о прошломъ. Антоша никогда не бывалъ въ Замошьи поздно осенью, да къ тому же еще ночью. Онъ привыкъ видѣть Замошье вѣчно зеленымъ, вѣчно цвѣтущимъ, подъ яснымъ, улыбающимся лѣтнимъ небомъ; онъ запомнилъ Замошье тихо дремлющимъ и нѣжащимся подъ свѣтлыми солнечными лучами, обвѣваемымъ отовсюду цвѣточными ароматами и погруженнымъ въ безмолвіе... Никакихъ звуковъ не слышалось здѣсь, кромѣ птичьяго чириканья и пѣнья, да кроткаго шелеста листьевъ. Здѣсь все было зелено—и земля, и воздухъ, и вода; здѣсь все цвѣло и жило привольно, на всемъ раздольи, въ затишьи... А теперь, на мѣстѣ этого маленькаго земного рая — сырой, холодный мракъ, полный какихъ-то неясныхъ тѣней, смутныхъ образовъ, фантастическихъ чудовищъ и призраковъ .. Въ томъ исчезнувшемъ зеленомъ раю, посреди цвѣтовъ и пчелокъ, жила Луша, сама какъ свѣжій, пахучій цвѣточекъ,—жила до той поры, пока и ее,

заодно съ прочими цвѣтами, не срѣзала острая коса.

Тропинка привела Антошу на пчельникъ. Онъ не посмѣлъ прямо войти въ знакомую хатку и остановился. Изъ-за вѣтвей деревьевъ красный огонекъ свѣтился въ окнѣ. Онъ рѣшилъ подойти сначала къ этому единственному оконцу и заглянуть въ него. Антоша осторожно отвелъ въ сторону свѣсившійся сукъ березы и съ сильно бьющимся сердцемъ приникъ къ маленькому разцвѣченному стеклу.

Прежде всего бросился ему въ глаза старикъ Парменъ... Старикъ сидѣлъ на обрубкѣ дерева, у стола, лицомъ къ окну. Онъ слегка сгорбился и понурилъ голову, такъ, что его большая, сивая борода спускалась ему чуть не до пояса. Грустное, но безпредѣльно покорное, кроткое выраженіе застыло на его сухомъ, старческомъ лицѣ. Казалось, никакіе громы—ни небесные, ни земные, не могли уже напугать и смутить этого человѣка. Его красноватые, слезящіеся глаза смотрѣли теперь въ одну точку, но куда именно,—Антоша еще не могъ опредѣлить. Ночникъ, горѣвшій на столѣ, неподалеку отъ него, бросалъ сбоку на его лицо красноватый, дрожащій свѣтъ. Тѣни глубокихъ морщинъ рѣзко, отчетливо выступали на желтовато-блѣдномъ лицѣ его... Куски дерева и стружки валялись у его ногъ на полу. Въ избушкѣ было тихо и пусто. Только—слышно было—сверчокъ трещалъ гдѣ-то. «Но гдѣ же Луша? Гдѣ она? Отчего старикъ одинъ сидитъ въ хатѣ? И отчего сидитъ онъ безъ дѣла, и не спитъ?» Вѣроятно, Луша больна. Но гдѣ же она лежитъ?

Антоша, приподнявшись на цыпочки, заглядываетъ на лавку, которая, какъ ему хорошо извѣстно, идетъ подъ окномъ, вдоль стѣнъ. Онъ взглянулъ и, тяжело дыша, замеръ на мѣстѣ. Рука его, поддерживавшая березовую вѣтку, какъ-то машинально разжалась, и вѣтка, опустившись, хлестнулась объ оконницу. Антоша вздрогнулъ и взглянулъ на старика. Тотъ сидѣлъ, не шелохнувшись, и все смотрѣлъ въ одну точку. Теперь Антоша уже зналъ, куда смотритъ старикъ. Онъ и самъ сталъ смотрѣть туда же.

Тамъ, на лавкѣ, неподвижно лежала Луша, вытянувшись во весь ростъ. Ея бѣлыя руки были сложены на груди, какъ у покойника, а ея исхудалое личико, съ закрытыми глазами, съ слегка вытянувшимся подбородкомъ, было мертвенно блѣдно. Темная тѣнь отъ длинныхъ рѣсницъ падала на щеки. Это мертвое лицо было невозмутимо спокойно. Только между бровей обозначилась складочка... какъ будто Луша умерла, не додумавъ какую-то думушку. «Какъ она похудѣла! Это только тѣнь ея... Ужасно!» мелькнуло въ головѣ Антоши. «Но неужели она умерла? Да... Она умерла!» Въ изголовьи ея стоитъ мѣдный потемнѣвшій складенецъ; у складенца видѣнъ погашенный, маленькій огарокъ желтой, восковой свѣчи. Да, она умерла... и лежитъ теперь наряжена для могилы. На ней—чистая, холщевая рубаха и ея лучшій, синій сарафанъ. На ногахъ новые башмаки. Ея темные волосы гладко зачесаны на головѣ и волной свѣсились съ лавки изъ-подъ плеча.

Теперь Антоша могъ хорошо разсмотрѣть Лушу, такъ какъ лицо ея приходилось почти подъ самымъ окномъ, значитъ,—у него подъ руками. И онъ смотрѣлъ, смотрѣлъ на это милое, знакомое лицо — въ послѣдній разъ. И все контрасты прошлаго съ настоящимъ лѣзли ему въ голову... Послѣдній разъ передъ этимъ Антоша видѣлъ Лушу здоровою и веселою. Тогда ясный, лѣтній вечеръ догоралъ надъ Замошьемъ. Онъ отплывалъ отъ берега, а Луша стояла, прислонившись къ бѣлоствolой березѣ, и глазами провожала его. Озаренная розовымъ свѣтомъ зари, Луша казалась такою прекрасною, такою цвѣтущею въ своемъ простомъ деревенскомъ нарядѣ, на фонѣ зелени и деревьевъ. Плывя, онъ оборачивался назадъ нѣсколько разъ, пока свѣтлое видѣнье не скрылось за деревьями... А теперь!?..

Въ избушкѣ что-то затрещало. Антоша вздрогнулъ... Старикъ тащилъ отъ двери какую-то доску, подтащилъ ее къ столу, опять сѣлъ на обрубокъ и началъ стругать доску. Только теперь, при дрожащемъ свѣтѣ ночника, Антоша замѣтилъ въ глубинѣ хаты у двери бѣлое домовище. Старикъ только что смастерилъ его. Теперь, отдохнувъ, онъ принялся дѣлать крышку. Вотъ отъ чего стружки валялись около него на полу... Вѣроятно, не легко было старику дѣлать для дочери гробъ. Вѣроятно, онъ не думалъ, что ему придется хоронить Лушу...

Антону Васильичу было совѣстно, было больно смотрѣть на старика. Дѣйствительно, развѣ онъ не отнялъ у него зря его послѣднюю радость? Развѣ онъ не отравилъ спокойствіе и жизнь этихъ людей, прятавшихся въ лѣсу отъ міра и никому не сдѣлавшихъ во

всю жизнь ни малѣйшаго зла? Развѣ послѣ всего этого онъ еще не злодѣй, не изверг, не святотатецъ? За что погубилъ онъ молодую жизнь? За что напоилъ онъ горечью старика, быть можетъ, въ послѣднія минуты его жизни?.. Антонъ Васильичъ отшатнулся отъ окна. «Не предложить-ли Пармену денегъ на похороны?» Нѣтъ! Онъ не посмѣетъ... онъ не войдетъ въ эту избушку. Нѣтъ, нѣтъ, Богъ съ ними!.. И покачнувшись, какъ хмѣльной, онъ пошелъ отъ избушки съ тѣмъ, чтобы уже никогда болѣе не возвращаться въ нее. Каинъ бѣжалъ отъ убитаго имъ Авеля... Идя, Антоша оборачивался назадъ, и въ ночномъ мракѣ, изъ-за голыхъ сучьевъ деревьевъ, ему еще нѣсколько разъ мерцалъ красный огонекъ, при которомъ Парменъ Роговъ додѣлывалъ для дочери гробъ, а дочь его—блѣдная, безмолвная, съ сомкнутыми глазами—холоднымъ трупомъ лежала на лавкѣ. Долго-ли, коротко-ли пробылъ Антонъ Васильичъ подъ окномъ—неизвѣстно, но, во всякомъ случаѣ, когда онъ сѣлъ въ лодку и отчалилъ отъ берега—былъ уже поздній вечеръ.

Вѣтеръ шумѣлъ и завывалъ по лѣсу; волны тихо плескались о челнокъ. Небо было черно. Черно было и на душѣ у Антоши; невеселыя, унылыя думы—подъ-стать осенней, темной ночи, проходили у него въ головѣ... Темная, зимняя пора пройдетъ. Наступитъ весна: деревья одѣнутся листомъ, синее, безоблачное небо раскинется надъ Замошьемъ, будутъ вставать надъ нимъ розовыя зори, Замошье зацвѣтетъ, зазеленѣетъ. Но человѣкъ умершій не отродится весной. Луша уже никогда не явится въ Замошьи...

— Гдѣ пропадалъ? — встрѣтила Антошу жена, когда онъ вошелъ въ столовую.

— Засидѣлся у отца Ивана!—не моргнувъ глазомъ, совралъ Антоша, присаживаясь къ столу.—Болтали, да заигрались въ шашки...

Жена, повидимому, осталась довольна. Складки на лбу ея разгладились, и она ласково посмотрѣла на мужа.

— Дождемъ-то смочило тебя?—освѣдомилась Катя, поглядывая на его мокрыя кудри, разбившіяся на вискахъ.

— Нѣтъ... Я вѣдь ѣздилъ въ клеенчатомъ пальто!—отвѣтилъ Антоша.

— Чаю хочешь?

— Пожалуй, налей стаканчикъ!—разсѣянно проговорилъ мужъ.

На столѣ шипѣлъ самоваръ. Катя, въ свѣтлой блузѣ, подпоясанной лакированнымъ ремнемъ, съ волосами, красиво зачесанными на головѣ, занималась разливаньемъ чая. Бѣлое полотенце висѣло на спинкѣ ея стула. На столѣ возвышалась сухарница съ грудой различнаго печенья, и все было въ порядкѣ. Авдотья Семеновна съ вязаньемъ въ рукахъ сидѣла противъ Антоши и испытующе-критическимъ взглядомъ посматривала сверхъ очковъ на невѣстку, слѣдя за ея движеньями. Старая хозяйка за чайнымъ столомъ уступила свое мѣсто молодой...

Темная, ненастная осенняя ночь заглядывала въ окна. Вѣтеръ шумѣлъ на дворѣ. Дождь порой принимался барабанить въ стекла... А въ Марьинской столовой было уютно, свѣтила лампа пріятнымъ свѣтомъ, шипѣлъ самоваръ. Но это мѣщанское довольство не радовало въ тотъ вечеръ Антона Васильича. Онъ почти враждебно посматривалъ на блестяще вычищенный самоваръ, на груду жирнаго печенья, на мать, на молодую жену, на всю уютность и на всѣ удобства марьинской столовой. Картина, видѣнная имъ въ Замошьи при свѣтѣ ночника, не шла у него изъ головы, отбивала у него всякій аппетитъ и послѣднюю тѣнь самодовольства. Пусто, скучно и холодно было ему у домашняго очага. Въ этотъ вечеръ онъ еще пуще не любилъ свою жену. Онъ въ сотый разъ принялся сравнивать ее съ Лушей. Нѣтъ! Онъ никогда не будетъ счастливъ дома, у семейнаго очага! Противно ему все это... Вѣдъ онъ не любитъ жену, и его, вѣроятно, никто на свѣтѣ не будетъ любить такъ, какъ любила его та простодушная крестьянская дѣвушка, которую онъ убилъ...

— Налить тебѣ еще? — спросила Катя, когда Антоша, допивъ свой стаканъ, отодвинулся отъ стола.

— Нѣтъ, не хочу!—отвѣтилъ тотъ хмуро.

— Что же такъ мало сегодня пьешь? — приставала Катя.

— Ахъ ты, Господи!..—съ раздраженіемъ проворчалъ Антонъ Васильичъ. — Не хочу, да и все! Вотъ еще наказанье божеское...

Онъ сердито двинулъ стуломъ и ушелъ во флигель.

Онъ рано въ тотъ вечеръ легъ спать, но не спалъ, а только лежалъ, закрывши глаза и закутавшись въ одѣяло. Онъ весь — хотя не надолго — желалъ отдаться одолѣвавшей его скорби... Люди даже и скорбью дорожатъ посреди пошлости и скуки, изъ которыхъ ткутся иногда дни ихъ жизни.

XII.

Сѣренькая жизнь.

Осенніе вѣтры и дожди прошли; за недѣлю до Рождества выпалъ снѣгъ. Степи забѣлѣлись; деревья увѣсились инеемъ. Наступило затишье, какое бываетъ въ первые зимніе дни. Жизнь барковскаго околотка шла своимъ путемъ...

Иванъ Афанасьевъ обдѣлывалъ свои дѣла, отвозилъ деньги въ городской банкъ и все болѣе и болѣе овладѣвалъ Антошей. Марьинскими конюшнями Рукавицынъ распоряжался, какъ своими собственными, за что Антоша получалъ кое-какія подачки. Конокрадство мѣстами до того усилилось, что добрые люди приходили въ ужасъ... Онисимъ Вуколычъ частенько навѣдывался въ Марьино—по порученію хозяина — и находилъ иногда случай видать молодую хозяйку Пока онъ довольствовался только этими отрывочными свиданіями и мимолетными разговорами.

Жизнь молодыхъ шла вяло и сонливо, безъ большихъ радостей, безъ крупнаго горя. Взрывы любовной страсти дѣлались рѣже и слабѣе. Катя была недовольна и, оставаясь одна, плакала и, наплакавшись досыта, ложилась съ книгой на постель или засыпала сномъ праведныхъ. Катя, какъ барышня, была вовсе не пріучена къ хозяйственнымъ занятіямъ, была лѣнива и поэтому не могла находить удовольствій и забвенія въ томъ, въ чемъ находила ихъ Авдотья Семеновна—то-есть въ хозяйствѣ и въ мелочныхъ житейскихъ хлопотахъ. Брачная жизнь ее не удовлетворяла; мужемъ она оставалась недовольна. Катя не знала, какъ ей убить время, куда дѣваться ей съ ея молодой жизнью. Чай, обѣдъ, ужинъ, романъ «съ французскаго», переходъ съ постели на кушетку, съ кушетки на постель, однообразные разговоры съ Лизуткой почти объ одномъ и томъ же, скучныя разсужденія Авдотьи Семеновны, ворчанье мужа,—вотъ чѣмъ съ утра до ночи изо дня въ день наполнялась жизнь Катеньки. При такихъ обстоятельствахъ даже брань съ мужемъ, слезы и истерика могли показаться для нея пріятнымъ разнообразіемъ.

Хмурое, пасмурное расположеніе духа сдѣлалось для Антоши самымъ обычнымъ настроеніемъ. Онъ постоянно ворчалъ. Бывали такіе дни, когда онъ двухъ словъ не говорилъ съ женой; съ матерью и съ прислугой онъ сдѣлался рѣзче прежняго. Рѣдко губы его освѣщались улыбкой; на лбу замѣтно обозначились морщинки. Знакомые говорили, что Антонъ Васильичъ шибко постарѣлъ... Даже вино, распиваемое имъ попрежнему въ барковскомъ трактирѣ, не веселило его. Захмѣлѣвъ, Антоша становился золъ и мраченъ. Несообщительность его была такова, что даже Михайло Иванычъ своими чувствительными, дружескими изліяніями не могъ вызвать его на откровенность.

— Э-эхъ, жаль мнѣ тебя, братецъ!—невольно вырвалось разъ у Михаила Иваныча.

— Да ну тебя... пошелъ ты къ лѣшему! — проворчалъ Антоша, съ ожесточеніемъ опрокидывая себѣ въ ротъ рюмку коньяку.

Михайло Иванычъ не сталъ распространяться далѣе на жалостную тему и только, молча, помоталъ головой. Онъ уже зналъ, когда можно пооратарствовать, когда лучше помолчать. Антошинъ нравъ былъ уже извѣстенъ ему...

Часто Антонъ Васильичъ возвращался съ Баркова пьянѣе вина. Разъ жена не въ добрый часъ напустилась на него съ упреками и съ жалобами на его кутежъ. Антоша, не говоря ни слова, схватилъ какой-то романъ, валявшійся на кушеткѣ, и пустилъ имъ въ жену. Книга попала Катѣ въ плечо. Катя упала въ кресло и расплакалась.

— Еще недоставало, чтобы бить меня стали! Господи, да что же это будетъ? — сквозь слезы запричитала она, закрывая лицо руками.

Глаза Антоши блестѣли; злой огонекъ загорался въ нихъ.

— Пьяница этакой... сволочь! — шипѣла Катя, внѣ себя отъ негодованія.

Это былъ первый физическій ударъ, полученный ею отъ муженька... Антоша стоялъ, крѣпко стиснувъ въ рукахъ спинку стула. Губы его дрожали, складочки по угламъ рта судорожно подергивались, — всѣ признаки сильнаго душевнаго волненія. Антоша тяжело дышалъ и какъ бы съ трудомъ удерживался отъ дальнѣйшаго насилія.

— Молчи!—пробормоталъ онъ, съ сосредоточенною ненавистью смотря на опущенную голову Кати.

— Самъ молчи!—проговорила жена.

Антоша плюнулъ и, выругавшись крѣпко, отправился ночевать къ матери въ домъ. Нѣсколько ночей сряду провелъ онъ въ столовой, на жесткомъ волосяномъ диванѣ, а молодая оставалась во флигелѣ одна съ Лизуткой.

Сцены, подобныя только-что описанной, происходили довольно часто, лишь незначительно варьируясь между собой въ нѣкоторыхъ подробностяхъ. Такъ, напримѣръ, иногда Антоша первый начиналъ размолвку.

— Что ты ничего не дѣлаешь, ни за что не примешься? Слоняешься день-денской, какъ тѣнь, изъ угла въ уголъ...—скажетъ, бывало, женѣ Антонъ Васильевичъ.—Просто, вѣдь, смотрѣть на тебя тошно...

— Ты, за то, много дѣлаешь за меня!—насмѣшливо отвѣтитъ Катя и, съ презрѣніемъ посмотрѣвъ на мужа, какъ нарочно тотчасъ же развалится на постели.—Что мнѣ работать-то! Я и безъ работы проживу... у меня свои деньги есть, слава Богу! Кланяться никому не пойду.

Каждое слово Кати было напитано ядомъ; каждое слово ея кололо Антошу, какъ булавкой. Но Антоша въ трезвомъ видѣ бывалъ сдержаннѣе.

— Да какъ тебѣ самой-то не скучно! Я удивляюсь...—продолжалъ онъ.—Просто, кажется, отъ всѣхъ этихъ глупѣйшихъ романовъ одурь возьметъ...

— Обо мнѣ, пожалуста, не безпокойтесь!—холодно-язвительнымъ тономъ отзывалась Катя, отворачиваясь отъ него самымъ безцеремоннымъ и обиднымъ образомъ.—Вы столько удовольствій доставляете мнѣ, что я, право, благодаря вамъ, не нуждаюсь ни въ какихъ развлеченіяхъ... предоставляю вашей матушкѣ хозяйничать и всѣмъ распоряжаться по ея доброй волѣ...

— Да ужъ не о хозяйствѣ рѣчь!—перебилъ ее мужъ.—Пока мать жива, хозяйство еще какъ-нибудь будетъ идти...

— А когда она умретъ, я экономку найму!—вставила Катя.

— Да я же вовсе не о томъ вамъ говорю...—внушительно возразилъ ей Антонъ Васильичъ.—Никто васъ хозяйничать не заставляетъ! А просто, подѣлали бы что-нибудь, чѣмъ-нибудь занялись бы. Вонъ у моего охотничьяго костюма шнурокъ оборвался... взяли бы хоть его, да пришили...

— Лиза также ничего не дѣлаетъ...—отвѣчала Катя.—Прикажите ей пришить, и она пришьетъ вамъ все, что надо, и шнурочки и тесемочки... А меня прошу оставить въ покоѣ!

— Прекрасно!—ворчалъ Антонъ Васильичъ, стискивая зубы.

Жена уже не удостоивала его дальнѣйшимъ разговоромъ и показывала видъ, какъ будто вовсе не замѣчаетъ его. Злою усмѣшкой кривились его губы, и онъ, смотря на жену, валявшуюся на постели, подумывалъ о томъ, какъ было бы хорошо теперь отвалять ее нагайкой... Въ такія минуты великаго соблазна онъ, обыкновенно, отплевывался и уходилъ изъ флигеля, куда глаза глядятъ,—изъ боязни дать волю рукамъ...

Авдотья Семеновна чувствовала себя глубоко несчастною. Конечно, она не могла видѣть и слышать всего, что происходило между мужемъ и женой, но о многомъ сама догадывалась, кое-что слыхала отъ Агаши, кое-что узнавала черезъ Лизутку. Антоша иногда «по нѣсколько дней» не видается съ женой, «уходитъ» на ночь изъ флигеля, началъ сильно «покучивать», опять заѣздилъ на Барково и «даже чуть-ли не чаще прежняго» сталъ пропадать изъ дома, дома ходитъ пасмурный, невеселый, «ровно въ воду опущенный». Чутко, догадливо материнское сердце. Не нужно по немъ стукать обухомъ для того, чтобы довести что бы то ни было до его свѣдѣнія. Всѣхъ перечисленныхъ признаковъ было за глаза довольно для того, чтобы Авдотья Семеновна смекнула: въ чемъ дѣло... Она была убѣждена, что ея возлюбленный Антоша не нашелъ счастья въ своей семейной жизни. Она горько плакала и тосковала... Не такую жену прочила она сыну, не такой участи ожидала и молила она у Бога для сына! Сердце ея кровью обливалось, когда она смотрѣла на Антошу, понуро сидѣвшаго противъ нея за чайнымъ столомъ. «Сердечный! И улыбаться-то разучился, видно»...—съ болью думала она, глядя съ любовью и нѣжностью на поникшую голову Антоши.

Старуха, конечно, не долго задумывалась надъ вопросомъ: «кто виноватъ?» Разумѣется, *она* виновата; она—злодѣйка, она загубила антошину жизнь. Она втерлась въ Марьино къ нимъ, втерлась, можетъ быть, съ помощью какихъ-нибудь происковъ со стороны Ивана Афанасьева. До ея пришествія у нихъ въ Марьинѣ были тишь и гладь, да Божья благодать. Но вотъ явилась она и перевернула все вверхъ дномъ. Конечно, и прежде Антоша бывалъ рѣзокъ и грубъ, и прежде покучивалъ, и прежде бывалъ не въ духѣ; но прежде все было не то... Подуется маленько, да опять и развеселится, и начнетъ шутить и подтрунивать. Антоша замѣтно перемѣнился за послѣдніе полгода: сдѣлался раздражителенъ, мраченъ, молчаливъ,—словомъ, не похожъ на

себя. Авдотья Семеновна ни на минуту не допускала и мысли о томъ, что сынъ ея былъ виноватъ передъ женой. Нѣтъ, онъ не таковъ... Это она его разстроиваетъ, она мутитъ.

Хотя Авдотья Семеновна самой себѣ обѣщала полюбить и приголубить невѣстку во что бы то ни стало, но полюбить Катю было свыше ея силъ теперь, когда она видѣла въ Катѣ своего личнаго врага, человѣка, разрушившаго счастье ея Антоши, отравившаго ему жизнь, загубившаго его молодость. Отношенія между нею и невѣсткой становились все болѣе и болѣе натянутыми. Катя замѣчала нерасположеніе къ себѣ старухи, и платила ей, разумѣется, тѣмъ же. Авдотья Семеновна въ ея присутствіи, смотря на сына, иногда глубоко, тяжко вздыхала...

— Что это съ тобой, Антоша! Ты все худѣешь да худѣешь...—говорила она иногда, жалостливо поглядывая на сына и затѣмъ многозначительно переводя взглядъ на невѣстушку.—Ты, дружекъ, не боленъ-ли?

— Нѣ-ѣтъ, ничего!—мычалъ Антоша, не поднимая головы.

Катя со своей стороны отплачивала имъ шпильками...

— Господи, какая тоска! — скажетъ она, бывало, позѣвывая, сидя долгимъ, зимнимъ вечеркомъ въ марьинской столовой.

— Что же ты, голубушка... вѣдь не маленькая! Занялась бы чѣмъ-нибудь, если книжка наскучила!—возразитъ ей Авдотья Семеновна.

— Пойду спать!—рѣшительнымъ тономъ говоритъ Катя и, ни съ кѣмъ не простившись, уходитъ во флигель.

Не красна была жизнь марьинскихъ обитателей въ ту зиму. А такихъ зимъ предвидѣлось въ будущемъ еще много-много... Долго-долго еще придется этимъ людямъ слушать однообразное чиканье маятника и шипѣнье и бой старинныхъ часовъ...

Въ началѣ зимы случилось одно происшествіе, нѣсколько поразнообразившее сѣренькую жизнь барковскаго околотка и даже заставившее недолгое время говорить о себѣ въ деревняхъ и въ помѣщичьихъ усадьбахъ.

Кончилось дѣло гадюкинскихъ крестьянъ съ господиномъ Смольяниновымъ. Богоявленскій, уѣзжая изъ Марьина, просилъ Антошу извѣстить его: когда будетъ разбираться дѣло его кліентовъ. О томъ же дважды писалъ онъ Антошѣ, но Сучковатовъ, посреди своихъ собственныхъ непріятностей, совсѣмъ позабылъ о гадюкинскомъ дѣлѣ и не увѣдомилъ своевременно Богоявленскаго. Крестьяне сами поневолѣ взялись вести свое дѣло. Мировой судья, Полубояркинъ, присудилъ взыскать съ нихъ въ пользу г. Смольянинова 300 рублей съ копѣйками. Мировой съѣздъ рѣшеніе судьи утвердилъ. Крестьяне не рѣшались обратиться со своимъ дѣломъ въ сенатъ, колебались, толковали и пропустили срокъ. Рѣшеніе суда вошло въ силу, и приговоръ немедленно былъ приведенъ со всею законною строгостью въ исполненіе. Деньги въ пользу г-на Смольянинова были собраны аккуратно,—300 рублей съ копѣйками. У большинства гадюкинцевъ наличныхъ денегъ не нашлось: у такихъ неисправныхъ хозяевъ продали послѣднюю коровенку.

— Что, братцы! За некошенную травку заплатили? — спрашивали гадюкинцевъ сосѣди.

— Заплатили! Барину на разживу...—съ горечью отзывались тѣ.

— Что жъ вамъ теперь? Ложиться, да помирать, что-ли?

— По что «помирать»!—возражали гадюкинцы.—А вотъ, Богъ дастъ, возьмемъ коробушки, да и пойдемъ подъ окна... а избы-то свои заколотимъ, да и отъ земли отступимся совсѣмъ: не кормитъ — не поитъ, а только поборы съ нея плати.

Смольяниновъ, получивъ сполна 300 рублей съ копѣйками, съ радости поступилъ, какъ «истинный христіанинъ». Такъ, по крайней мѣрѣ, утверждалъ отецъ Иванъ. Малую толику денегъ крестьянскихъ онъ оставилъ себѣ за хлопоты, а на остальную сумму купилъ въ Москвѣ великолѣпный крестъ и торжественно пожертвовалъ его въ барковскую церковь. Отецъ Иванъ умилился и, повидимому, вовсе не подозрѣвалъ, что этотъ господинъ, покупая крестъ на деньги, выжатыя съ нищихъ, изволилъ кощунствовать и надъ христіанскимъ храмомъ, и надъ крестьянами. «Мнѣ вашихъ денегъ не надо!» хотѣлъ какъ будто сказать гадюкинцамъ г-нъ Смольяниновъ. «Я вотъ на ваши деньги куплю въ церковь крестъ, а вы, смотря на крестъ, вѣчно вспоминайте меня, да и дѣтямъ и внукамъ своимъ закажите помнить обо мнѣ, о силѣ и могуществѣ моемъ!» Одни хвалили Смольянинова, говорили, что онъ сдѣлалъ хорошо; другіе же думали, что было бы не въ примѣръ лучше, если бы Смольяниновъ всѣ деньги

*

сполна возвратилъ бѣднымъ гадюкинскимъ крестьянамъ, а если ему хотѣлось пожертвовать въ барковскую церковь крестъ или какую-нибудь другую утварь, то онъ могъ бы купить ихъ на свои деньги.

Въ новый годъ послѣ обѣдни отецъ Иванъ торжественно вышелъ на амвонъ съ новымъ крестомъ въ рукахъ и на всю церковь громогласно объявилъ объ имени щедраго жертвователя. Лучи яркаго зимняго солнца, пробиваясь въ рѣшетчатыя окна, блестѣли на наконечникахъ креста, слегка дрожавшаго въ высоко поднятыхъ вверхъ рукахъ отца Ивана. На глазахъ нѣкоторыхъ гадюкинцевъ въ тѣхъ же яркихъ лучахъ зимняго солнца поблескивали слезы. Всѣ богомольцы уже очень хорошо знали исторію барковскаго креста и оглядывались на гадюкинцевъ, потомъ одинъ по одному стали подходить и прикладываться къ кресту. Всѣ замѣтили,—замѣтилъ, конечно, и отецъ Иванъ, — что никто изъ гадюкинцевъ—ни мужики, ни бабы, ни малые ребята—не подошли ко кресту, но всѣ гурьбой направились къ выходу.

— Отчего не шли прикладываться ко кресту? — спросилъ послѣ обѣдни священникъ, повстрѣчавъ на погостѣ нѣсколькихъ гадюкинцевъ.

— Этотъ-то крестъ, батюшка, мы на себѣ несемъ!—серьезно проговорилъ случившійся при этомъ Левушка и строго, укоризненно посмотрѣлъ на отца Ивана.

Тотъ, молча, махнулъ рукой и пошелъ къ дому.

И дѣйствительно, весной большинство избъ въ деревнѣ Гадюкинѣ было заколочено наглухо, и обитатели ихъ разбрелись въ разныя стороны. Мужики пошли въ батраки, а бабы съ ребятишками отправились по-міру...

XIII.

Антоша чиститъ ружье.

Передъ масляницей Антонъ Васильичъ нуждался въ деньгахъ, для уплаты долга одному барышнику и для барковскихъ пикниковъ.

— Не можешь-ли одолжить мнѣ сто рублей до весны?—спросилъ онъ однажды жену.

— Нѣтъ, не могу!—отвѣтила Катя, бывшая въ тотъ день не въ духѣ.

— Не можешь?—со злостью переспросилъ Антоша.

— Не могу!—невозмутимо-холодно повторила Катя, не смотря на него.

— Ну, такъ ладно же! — проворчалъ Антоша и, треснувъ дверью, вышелъ изъ флигеля.

На тотъ разъ разговоръ тѣмъ и кончился...

Дня черезъ два Антоша опять приступилъ къ женѣ за деньгами. Катя на ту пору стояла у комода и рылась въ одномъ изъ его ящиковъ. Антоша взадъ и впередъ ходилъ по комнатѣ, заложивъ руки на спинѣ.

— Такъ не дашь денегъ-то? — спросилъ Антоша, напрасно стараясь придать себѣ спокойный, сдержанный видъ: въ его нахмуренныхъ бровяхъ, въ нервномъ, торопливомъ шагѣ, въ дрожаньи голоса—уже сказывалось приближеніе бури.

— Не дамъ!—коротко отвѣтила Катя, забавляясь и тѣшась, повидимому, безвыходнымъ положеніемъ своего неласковаго супруга.

— Отчего же не дашь? — спросилъ тотъ, останавливаясь передъ нею.—Боишься, что не возвращу тебѣ? Да?

— Да что ты пристадъ ко мнѣ!—переходя въ нетерпѣливый тонъ, крикнула Катя.—Нѣтъ у меня денегъ—вотъ и все!

— Врешь! Деньги у тебя есть...—сквозь зубы проворчалъ Антоша, принимаясь снова шагать по комнатѣ взадъ и впередъ и съ глубокою, затаенною ненавистью посматривая на жену.

Катя, дѣйствительно, солгала. Деньги у нея были и хранились въ одной изъ ея многочисленныхъ шкатулочекъ «съ двойнымъ дномъ». Ей хотѣлось помучить Антошу, поглумиться надъ нимъ, видѣть его униженнымъ, оскорбленнымъ. Не умомъ, не происхожденіемъ своимъ, но только однѣми деньгами могла она кичиться передъ нимъ, только съ помощью силы денежной могла она давить его. И теперь она съ тайнымъ злорадствомъ пользовалась этою силою, бывшею на ея сторонѣ. Теперь она отомститъ этому пьяницѣ, грубіяну! Она заставитъ его почувствовать свое могущество, заставитъ его ползать у своихъ ногъ, пресмыкаться, какъ какую-нибудь гадину... Вотъ что она сдѣлаетъ надъ Антономъ Васильичемъ со своими денежками. «Нѣтъ, ты поклонись, да поклонись пониже!» какъ будто хотѣли процѣдить ея презрительно сжатыя губы. Но она ошибалась въ Антошѣ, потому что еще не знала его хорошо.

Онъ чувствовалъ свое униженье, свое безсиліе; онъ сознавалъ, что въ ту минуту находится во власти этой ненавистной женщины,

съ которою самъ сковалъ себя. И это сознаніе мучило его, приводило въ ярость... Ему хотѣлось бы побить ее, побить эту бѣлую шею, эти слегка вздернутыя плеча, эту небрежно поворачиваемую головку, расчесанную какъ на балъ. Долго сдерживаемая ярость душила его... Что-то сильно, до боли давило ему горло... Его волненье расло и расло съ каждымъ мгновеньемъ. А Катя, казалось, со своей стороны дѣлала все, чтобы вывесть его изъ терпѣнья и разжечь пуще его звѣрскіе инстинкты. То она съ нескрываемымъ презрѣніемъ поглядывала на него, то весело начинала напѣвать вполголоса отрывки изъ разныхъ романсовъ. Она какъ будто нарочно дразнила Антошу, совершенно понадѣявшись на свои силы.

«Зачѣмъ стоите предо мною,
Со мной не мысля говорить,
Съ улыбкой райской, неземною,
Готовой голову вскружить?..»

Насмѣшливо напѣвала Катя, продолжая рыться въ комодѣ и, повидимому, вовсе не обращая вниманія на мужа, ходившаго тутъ же по комнатѣ.

«Я васъ люблю, я обожаю,
Вашъ милый образъ какъ во снѣ...

начала, было, Катя и не кончила. Антоша вдругъ повернулся и съ силой схватилъ ее за руку. Катя испуганно крикнула, хотѣла освободить руку, но не смогла вырвать ее изъ желѣзныхъ пальцевъ, стиснувшихъ ее до боли.

— Дай денегъ! Слышишь? Дай!—прерывающимся голосомъ прошепталъ Антоша, сжимая и ломая, какъ клещами, ея пухлую руку.

Онъ низко наклонился къ ней. Лицо его было красно, разстроено; пряди бѣлокурыхъ волосъ сбились на лобъ. Онъ дышалъ тяжело, съ трудомъ. Мутные глаза его блуждали, какъ у больного. Человѣкъ былъ доведенъ до крайняго изступленія...

— Ты, что это... разбойничать вздумалъ?—говорила она, вырывая у него свою руку и корчась отъ боли и злости.—Пусти... больно... ой больно! Да ты съ ума сошелъ, что-ли! Такъ вотъ же тебѣ... Тфу!

Катя, не помня себя отъ ярости, плюнула ему въ лицо. Но Антоша, какъ будто уже ничего не видалъ, не слыхалъ и не чувствовалъ.

— Дай денегъ... говорятъ тебѣ...—задыхающимся голосомъ повторялъ онъ, наклоняясь къ Катѣ все ниже и ниже и продолжая ломать ей руки съ такою силой, что послѣ нажатія его пальцевъ на ея блѣдно-розовой кожѣ оставались бѣлыя полосы съ синеватымъ оттѣнкомъ.

— Если ты не оставишь мени, пьяница... ой!.. я уйду къ папашѣ...—стискивая зубы, бормотала Катя, употребляя отчаянныя усилія вырваться изъ рукъ Антоши.—Оставь... Закричу... О-ой!

Катя взвизгнула. Антоша вздрогнулъ, схватилъ ее за воротъ блузы и съ силой оттолкнулъ отъ себя. Она почти повалилась въ кресло... А онъ совершенно машинально запустилъ руку въ ящикъ, порылся въ грудѣ валявшагося тамъ тряпья, выкинулъ зачѣмъ-то на комодъ кое-какія вещицы и остановился... выпрямился, провелъ рукой по лицу, по волосамъ, опять зашагалъ, было, по комнатѣ, но скоро остановился передъ Катей.

— Вѣдьма! Змѣя! Ты меня съ ума сведешь скоро... Дьяволъ!—говорилъ онъ, смотря на жену съ глубокою, лютою ненавистью, къ какой только былъ способенъ. — Что ты со мной дѣлаешь?..

Схватившись за голову, онъ опять заходилъ по комнатѣ.

Катя молча сидѣла, отвернувшись отъ него. Лицо ея, за минуту красное, слегка поблѣднѣло. Боязнь за собственную шкуру сказалась въ Катѣ. Она струсила и присмирѣла... «Онъ, пожалуй, убьетъ меня...» со страхомъ подумала она, поглядывая незамѣтно, искоса на разстроенное лицо мужа и на его крѣпко сжатыя руки. Нѣтъ! Она ошиблась. Бурку еще не укатали крутыя горки... Вить веревки, оказывается, изъ Антоши—еще рано. Теперь Катѣ стало не до пѣсенъ, не до поддразниванья, далъ бы только Богъ по добру—по здорову ноги унести... Она накинула на себя платокъ, тихонько выскользнула изъ флигеля и убѣжала въ домъ, подъ защиту Авдотьи Семеновны, которой она, впрочемъ, разумѣется, не рѣшилась повѣдать разыгравшуюся у нихъ во флигелѣ траги-комическую сцену. Она только объявила тещѣ, что «Антонъ Васильичъ сегодня что-то не въ духѣ». Авдотья Семеновна только вздыхала, да хмурилась и крѣпко зажимала свои тонкія губы, что всегда было въ ней признакомъ непріятнаго волненія.

Катя не рѣшилась идти въ тотъ вечеръ во флигель и ночевала въ столовой съ Лизуткой. На другой день молодые не говорили между собой, и Катя опять ночевала въ домѣ. На

третій и на четвертый день—та же исторія...

— Ну и жизнь! Нечего сказать!—разсуждала Агаша.—То одинъ, то другой сбѣжитъ изъ флигеля... Что за оказія такая! Или ужъ разлюбились?.. Скоренько что-то... Не говоря ужъ другъ съ дружкой, дуются? Старую-то барыню мнѣ ужъ больно жаль! Вѣдь измается она совсѣмъ, моя голубушка, глядя на такихъ голубковъ.

Наконецъ, Авдотья Семеновна стала говорить на ту тему, что «не хорошо изъ-за такихъ пустяковъ убѣгать отъ мужа», что «люди могутъ и ни вѣсть что подумать», что «надо быть уступчивѣе». Катя не возражала, хотя думала про себя, что она не «изъ-за пустяковъ» убѣжала отъ мужа. Рука ея все еще болѣла, все еще страхъ и злость разбирали ее. Наконецъ, и Антонъ Васильичъ сказалъ ей:

— Полно ужъ глупить-то! Довольно!

Молодая опять переселилась во флигель и первымъ дѣломъ, тайкомъ отъ мужа, заглянула въ свою шкатулочку «съ двойнымъ дномъ». Деньги ея оказались цѣлы... Но Катя не будетъ спокойна духомъ до тѣхъ поръ, пока не отомститъ Антошѣ за боль, за испугъ, за униженье, за ругательства, за все, что онъ заставилъ ее вытерпѣть недавно. Она не успокоится до тѣхъ поръ, пока не одолѣетъ, не покоритъ себѣ Антошу, пока не заставитъ его, въ свою очередь, унижаться и ползать у ея ногъ... Если въ Катѣ до сего времени и сохранилась еще какимъ-нибудь чудомъ капля любви къ мужу, то эта капля должна была изсякнуть подъ давленіемъ ненависти, страха, стыда и физической боли. Жизнь не могла тянуться долѣе въ такомъ видѣ. Должна была съ которой-нибудь стороны послѣдовать вспышка, который-нибудь изъ супруговъ долженъ былъ смириться. Чрезмѣрно натянутая струна должна порваться...

Масляница прошла, а Антоша такъ и не добился денегъ. Въ Марьинѣ жизнь попрежнему шла вяло, невесело.

Антоша сдѣлался еще задумчивѣе, мрачнѣе. Тупое, холодное отчаяніе овладѣло имъ. Онъ не могъ пересиливать долѣе свою ненависть къ женѣ и всячески, иногда даже противъ воли, высказывалъ ее открыто. Катя же ненавидѣла его еще пуще оттого, что не смѣла дать воли своей злости, принуждена была прятать ее подъ наружнымъ хладнокровіемъ. Антоша хоть на чемъ-нибудь срывалъ свое сердце, а Катя должна была, молча, глотать оскорбленья и таить отъ ненавистнаго ей человѣка свои настоящія чувства къ нему. Различныя случайности почти каждый день подливали желчи въ супружескія отношенія. Антоша услыхалъ объ интрижкѣ Кати съ Сопляскинымъ и началъ дѣлать ей всякіе грубые намеки.

— Хорошо-ли онъ цѣлуется-то?—язвительно спрашивалъ Антоша.— Вѣдь вамъ должно быть въ точности все извѣстно... Вѣдь вы тогда уже были опытная дѣвица... Ха!

На словѣ «опытная» дѣлалось удареніе... Катя въ такихъ случаяхъ отмалчивалась, хотя въ душѣ ея буря бушевала; иногда же уходила изъ комнаты, ложилась на кровать и, уткнувшись лицомъ въ подушку, плакала и въ безсильной злобѣ рвала зубами свой носовой платокъ.

Однажды, безъ мужа, она нашла въ одномъ изъ ящиковъ его стола одну изъ самыхъ скверныхъ каррикатуръ на себя, нарисованныхъ Антошей, какъ видно было изъ надписи, въ то самое время, какъ тотъ сватался къ ней. Она разорвала рисунокъ на мелкіе кусочки и побросала ихъ въ топившуюся печь.

— Какія прекрасныя каррикатуры рисовали вы на меня, Антонъ Васильичъ, будучи женихомъ!—съ едва сдерживаемою яростью замѣтила она мужу.

— Вы, значитъ, видѣли? Отлично! Не правда-ли?—съ нахальной улыбкой смотря на нее, спросилъ Антоша.—Что вы смотрите на меня такъ сердито? Развѣ не похоже?..

Катя, молча, отвернулась отъ него, почти до крови закусивъ свою губу.

— А впрочемъ, я не желаю, чтобы безъ меня лазили по столамъ и рылись въ моихъ бумагахъ...—сказалъ Антоша, надумавшись, заперъ всѣ свои ящики и ключи положилъ въ карманъ.—Я не люблю шпіоновъ! Въ другой разъ я съ вами такъ расправлюсь, что вы перестанете шпіонить за мной... отобью охоту!..

— Что же... вы колотить меня будете? Драться? — съ дурно скрываемымъ презрѣньемъ спросила Катя.

— Да!.. Нагайкой буду жарить...

— О-о!—простонала Катя, сидя, отвернувшись къ окну и въ безсиліи ломая руки: только одинъ страхъ удерживалъ ее теперь.

Не будь этого страха, она бросилась бы на

Антошу, вцѣпилась бы въ него, да такъ, кажется, и замерла бы на мѣстѣ... Но нѣтъ! она подождетъ, она дождется на своей улицѣ праздника.

Однажды, какъ-то на второй или на третьей недѣлѣ великаго поста, когда снѣгъ уже начиналъ таять въ поляхъ, Антоша вздумалъ чистить одно изъ своихъ старыхъ, крѣпкобойныхъ ружей.

— Уйди, пожалуста, въ переднюю! — Я ужасно не люблю ружей... — сказала Катя, когда мужъ съ ружьемъ вошелъ въ ихъ маленькую гостиную, таща съ собой всѣ принадлежности чищенья — длинный, гибкій прутикъ, отвертки, тряпки и прочее.

— Въ передней темно и тѣсно!—какъ бы нехотя проговорилъ Антонъ Васильичъ.—Да тебѣ-то что! Вѣдь я не помѣшаю.

— Я боюсь...—отозвалась Катя.

— Совѣсть не чиста, что-ли?—замѣтилъ про себя вслухъ Антоша.

— Ну, въ такомъ случаѣ ты оставайся, а я уйду... я не могу...—заговорила Катя, поднимаясь съ дивана и забирая съ собою кружево, которое спарывала съ какого-то стараго платья.

Положивъ на столъ всѣ свои мелкіе снаряды, Антоша внимательно, повидимому, началъ разсматривать ружье. Катя встала и хотѣла уже уходить, какъ вдругъ раздался страшный трескъ, комната наполнилась пороховымъ дымомъ и цѣлый зарядъ картечи, пролетѣвъ надъ головой Кати, ударилъ въ стѣну. Одна картечка рикошетомъ попала Катѣ въ плечо...

— Ты что... убить меня хочешь, подлецъ! — завопила Катя, не помня себя отъ страха и, съ силой отчаянія оттолкнувъ Антошу, бѣгомъ бросилась изъ флигеля, побросавъ на дорогѣ все свое кружево, ножницы и нитки.

Антоша, блѣдный какъ полотно, стоялъ посреди комнаты, судорожно сжимая въ рукахъ еще дымившійся стволъ. Холодный потъ проступалъ у него на лбу; руки дрожали, какъ въ лихорадкѣ. «Дьяволъ!» пробормоталъ онъ невнятно, взвелъ курокъ, вытряхнулъ на полъ разбитый пистонъ и, снова спустивъ курокъ, тяжело опустился на кресло. «Я нечаянно... я ненарочно...» пробормоталъ онъ, какъ бы въ бреду, вздохнулъ и низко понурилъ голову...

XIV.

Живи смирно, а не то!..

Катя въ паническомъ страхѣ и почти въ безпамятствѣ, задыхаясь отъ волненія, выбѣжала за ворота и какъ была—въ прюнелевыхъ ботинкахъ, въ одномъ платьѣ, съ маленькимъ платочкомъ на шеѣ и съ непокрытой головой, пустилась по дорогѣ къ Рукавицыну хутору. Вся дрожа и волнуясь, торопливо шла она по знакомымъ тропинкамъ, минуя деревни и поселки. Иззябшая, усталая, разбитая, вошла она въ родной домъ и нашла отца одного въ его комнатѣ. Съ громкимъ истерическимъ плачемъ и съ рыданіями бросилась она къ отцу. Тотъ, ничего не понимая, широко вытаращилъ на нее глаза.

— Что такое? Что такое сдѣлалось?—пролепеталъ онъ въ полнѣйшемъ недоумѣніи, поднимаясь со стула и поддерживая дочь.

— Онъ... онъ чуть не убилъ... меня... онъ...—сквозь слезы и задыхаясь отъ усталости, бормотала она, склонившись къ отцу головой.

— Да ты, дѣвка, откуда теперь взялась-то, скажи ты мнѣ на милость?

— Прямо... изъ Марьина...

— Съ кѣмъ же ты пріѣхала?—допрашивалъ Иванъ Афанасьичъ.

— Я пѣшкомъ пришла... прибѣжала... боялась, что онъ въ погоню... пустится за мной... — всхлипывая, шопотомъ говорила Катя.

Ея бѣлокурые волосы растрепались и свѣтлою волной упали отцу на грудь. Плечи ея вздрагивали. Она съ трудомъ переводила дыханіе...

— Пѣшкомъ? Въ такомъ-то видѣ?—воскликнулъ Иванъ Афанасьичъ.

— Да! Когда же тутъ одѣваться... только бы до грѣха..

Рукавицынъ нахмурился и тяжело запыхтѣлъ.

— Вотъ оно какъ... Гм! Ну, ладно... твой сказъ впереди! А теперь напейся-ка сначала чаю, да согрѣйся, а потомъ потолкуемъ...

Послѣ чая отецъ съ дочерью ушли въ кабинетъ. Иванъ Афанасьичъ то сидѣлъ въ креслахъ и тяжело пыхтѣлъ, то принимался тихонько ходить по комнатѣ, заложивъ руки за спину. Катя, полулежа, усѣлась на кушеткѣ—на той самой кушеткѣ, на которой Антоша, еще не будучи женихомъ, такъ ча-

сто сиживалъ... Катя начала подробный разсказъ о своихъ супружескихъ злоключеніяхъ — длинную повѣсть о притѣсненіяхъ и тиранствахъ, о смертельныхъ оскорбленіяхъ и обидахъ, нанесенныхъ ей мужемъ въ теченіи шести мѣсяцевъ ихъ сожительства. Тутъ было вспомянуто все: и вымогательство денегъ, и упреки, жалобы на то, что Рукавицынъ, будто бы, надулъ Антошу, и ломанье рукъ, и угрозы, — ругательныя слова были приведены въ подлинникѣ. Многое въ этой повѣсти было правдиво, многое преувеличено до гигантскихъ размѣровъ, кое-что разукрашено цвѣтами своей собственной фантазіи, наконецъ, кое-что совсѣмъ выдумано. Катя, не жалѣя ни своего собственнаго самолюбія, ни женскаго достоинства, не посовѣстилась увѣрять отца въ томъ, что Антонъ Васильичъ бранилъ ее такими мужицкими словами, которыхъ она даже повторить не можетъ... Иванъ Афанасьичъ пыхтѣлъ, краснѣлъ и порой мычалъ что-то себѣ подъ носъ.

— Господи! Уродилась же я такая несчастная...—заканчивала Катя свои жалобы, утирая слезы и тяжело вздыхая.

— Гм! Такъ за деньгами-то онъ шибко приставалъ къ тебѣ?—спросилъ, немного погодя, Иванъ Афанасьичъ, очевидно, уже обдумывая какой-то планъ.

— Просто, къ горлу приступалъ... — отвѣтила дочь.

— А ты не давала ему денегъ?

— Нѣтъ!

— Ну, это дѣло! А насчетъ грубостей мы его сократимъ, смиримъ... Не бойсь!—успокоивающимъ тономъ проговорилъ отецъ. — А теперь добро, — ложись-ка спать... съ дороги-то устала, поди! Утро вечера мудренѣе... завтра разсудимъ!

И Катя опять очутилась въ мезонинѣ, въ своей дѣвичьей свѣтелкѣ, выходившей окнами въ садъ, теперь еще позанесенный снѣгомъ. Много лѣтъ провела она въ этой комнаткѣ съ свѣтленькими обоями, и при какихъ странныхъ тяжелыхъ обстоятельствахъ теперь пришлось снова поселиться Катѣ въ этой свѣтелкѣ! И что съ ней будетъ? Сойдется-ли она съ мужемъ? И что будетъ за жизнь ея, если она сойдется опять съ Антономъ Васильичемъ при посредничествѣ отца? Она ни за что не покорится, а онъ тоже упрямъ. Катя не знала, что Рукавицынъ обладалъ кое-какимъ секретомъ, при помощи котораго могъ укротить и не такого звѣря, какъ Антоша, могъ заставить его смириться, ходить по ниточкѣ и быть въ полной покорности. А такой талисманъ былъ, и Рукавицынъ тщательно берегъ его въ своемъ бюро. Теперь представлялась нужда въ первый разъ пустить этотъ талисманъ въ ходъ...

На слѣдующій день въ сумерки Антону Васильичу съ Рукавицына хутора было послано письмо со строгимъ наказомъ явиться къ Ивану Афанасьичу, «ежели ему не охота—какъ значилось въ письмѣ—нажить себѣ большихъ непріятностей, въ коихъ онъ всю жизнь свою станетъ горько каяться, но уже будетъ поздно»... Антонъ Васильичъ, собираясь на хуторъ къ тестю, былъ самъ не свой и чувствовалъ себя нашалившимъ мальчуганомъ, которому угрожаетъ отеческое наказаніе. Онъ зналъ, что будетъ непріятный разговоръ, но не зналъ въ точности, что ожидаетъ его, какіе сюрпризы готовитъ ему тестюшка. Конечно, ему не хотѣлось ѣхать, но онъ долженъ былъ ѣхать. Онъ ничего не зналъ навѣрное, но все-таки почему-то опасался раздражать Ивана Афанасьича: Антошѣ все казалось, что у «этой свиньи», у Ивана Афанасьича, есть для него камешекъ за пазухой. Заготовивъ мысленно цѣлый ворохъ оправдательныхъ аргументовъ въ свою пользу, Антонъ Васильичъ въ легкихъ саночкахъ, одинъ, отправился на Рукавицынъ хуторъ, заѣхавъ на перепутьи въ барковскій трактиръ. Подкрѣпившись нѣсколькими рюмками померанцевой, онъ направился далѣе и въ довольно отважномъ настроеніи духа прибылъ на хуторъ. Ивана Афанасьича онъ засталъ одного. Поздравствовались, какъ слѣдуетъ. Хозяинъ тщательно притворилъ дверь въ свой кабинетъ и повелъ рѣчь.

— Непріятно, братецъ ты мой, что такія исторіи у васъ вышли...—мягкимъ, сдержаннымъ, почти грустнымъ тономъ началъ Иванъ Афанасьичъ, какъ подобаетъ отцу, разстроенному участью дочери.—Я ужъ не знаю, что у васъ тамъ такое произошло, я вамъ не судья и не указчикъ, а только, все же, не хорошо это... и сердцу отцовскому больно... Ну, да чтобы тамъ ни вышло, наплевать! Кто старое вспомянетъ тому глазъ вонъ. Помиритесь!

— Легко сказать, Иванъ Афанасьичъ: помиритесь! — съ кривой усмѣшкой возразилъ Антонъ Васильичъ. — Какъ тутъ мириться? Она мнѣ, просто, всю жизнь отравила...

— Жизнь отравила?!—озабоченно, серьезно, почти строго переспросилъ Рукавицынъ,

хмуря брови и, повидимому, съ большой тревогой засматривая въ глаза Антошѣ, какъ бы ожидая отъ него разъясненія страшныхъ словъ.—Скажи же ты мнѣ, Бога ради... скажи хоть на ухо: что такое она сдѣлала-то? Въ чемъ провинилась-то передъ тобой? Невѣрность супружескую оказала, что-ли? А?

— Нѣ-ѣ-ѣтъ, не знаю... не могу сказать теперь, чтобы она...—съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ протянулъ Антоша, заикаясь и не смотря на тестя.

— Скажемъ такъ...—резонерскимъ тономъ продолжалъ тотъ. — Ежели-бы, примѣромъ, она стала куралесить что-нибудь, ну тогда легонько поучить можно... Отчего не поучить! Извѣстно, бабье дѣло... А строжить да муштровать зря съ утра до ночи и съ ночи до утра — тоже не порядки. Что же тутъ хорошаго, коли жена отъ мужа станетъ убѣгать! Самъ посуди... что скажутъ добрые люди! Такъ вотъ я и прошу тебя, молю Христомъ-Богомъ, скажи ты мнѣ толкомъ: въ чемъ она провинилась-то передъ тобой?

— Въ чемъ!..—переговорилъ Антонъ Васильичъ, хмурясь.—Да мало ли «въ чемъ!» Ничего не дѣлаетъ, упряма, все поровитъ наперекоръ, дразнитъ меня, какъ собаченку, грубитъ, насмѣхается... просто, я жизни не радъ отъ нея.

— Ну вотъ тебѣ и разъ!—насмѣшливо и разводя руками, сказалъ Рукавицынъ. — И она жалуется на это же самое! Говоритъ, что ты все ей идешь наперекоръ, не даешь ей покою, дразнишь ее, грубишь, глумишься надъ нею, поносишь ее всякими позорными словами, обѣщаешься нагайкой ее хлестать...

— Да вѣдь она хоть ангела выведетъ изъ терпѣнья, хоть кого звѣремъ сдѣлаетъ...—перебилъ Антоша съ жаромъ.—Она, поди-ка, насказала ужъ тебѣ съ три короба!..

— Да кому же ей, Антонъ Васильичъ, и сказать про свое горе, какъ не отцу родному! — замѣтилъ Рукавицынъ, какъ-то жалостливо посмотрѣвъ на дверь.—А я теперь понимаю такъ, что у васъ, просто, только одинъ вздоръ вышелъ. Поссорились, побранились малость, а теперь и помириться пора... да и напредки надо воздерживаться! Пожурить—пожури, а сору изъ избы выносить не слѣдъ.

— Не могу я мириться съ ней! — рѣшительно проговорилъ Антоша, вскакивая съ мѣста и шагая по комнатѣ. — Она въ эти шесть мѣсяцевъ у меня столько крови испортила, сколько не испортилъ бы, кажется, въ десять лѣтъ. У меня даже характеръ измѣнился отъ этихъ постоянныхъ стычекъ. Я самъ себя не узнаю... Она раздражаетъ меня, просто съ ума сводитъ! Я видѣть ее не могу... Какъ хочешь, Иванъ Афанасьичъ, а я, право, не могу... Повѣришь-ли: она довела меня до такого состоянія, что... до грѣха не долго... Вѣчно—дрязги, ругань, перекоры... Что это за жизнь!

На глазахъ Антоши блеснули слезы. Видно было, что много накипѣло у него на душѣ, много накопилось горечи. Только не въ добрый часъ онъ вздумалъ выгружаться со своимъ горемъ. Передъ нимъ, вѣдь, находился Иванъ Афанасьевъ, насмѣшливо выслушивавшій его откровенную исповѣдь, дышавшую глубокимъ отчаяніемъ.

— Кто у кого изъ васъ больше крови перепортилъ, я ужъ не знаю...—съ усмѣшкой проговорилъ Рукавицынъ. — Катя тоже жалуется, что ей не больно сладко жилось все это время въ Марьинѣ, у васъ. Ты ее всячески шпыняешь, мамонька твоя дуется... Вотъ въ чемъ дѣло, Антонъ Васильичъ: вѣдь ты видѣлъ, что бралъ, зналъ ты мою дочь не со вчерашняго дня, можно бы, кажется, познакомиться... Глазъ тебѣ не завязывали, никто тебя не морочилъ. Не силой тебя женили, самъ вызвался... Приданымъ не обидѣли... насчетъ невѣсты тоже въ сомнѣньи быть не могъ: не гнилой товаръ выдавали, а первый сортъ... Что жъ пустое толковать! А теперь горячиться нечего, да добрыхъ людей смѣшить... Надо жить помаленьку, какъ Богъ дастъ. А такъ разъѣзжаться, зря, — нельзя; изъ-за каждаго браннаго слова, изъ-за немилаго взгляда разводовъ у насъ не полагается... Такъ вотъ я и позову ее сейчасъ, помиритесь! Только чуръ, Антонъ Васильичъ, не буянить!..

— Я не буяню, а сходиться съ ней не могу...—отрѣзалъ зять.

— Не можешь?—повидимому, совершенно спокойнымъ, ровнымъ тономъ переспросилъ Иванъ Афанасьичъ, поднимаясь съ кресла.

— Не могу! — тономъ ниже проговорилъ Антоша.

Иванъ Афанасьевъ, не промолвивъ болѣе ни слова, подошелъ къ своему бюро, отперъ одинъ изъ его ящиковъ, довольно долго порылся въ немъ и, наконецъ, найдя въ немъ то, что было нужно, оборотился къ Антошѣ. Лицо его мигомъ измѣнилось, оно какъ будто вдругъ потемнѣло; брови нахмурились, насу-

пились, губы сжались, глаза смотрѣли холодно, сурово, даже рѣдкіе волосы на вискахъ топорщились какъ-то сердито. Онъ былъ хорошій актеръ и умѣлъ гримироваться ловко...

— Это что? Знаешь?—грубо спросилъ Антошу Рукавицынъ, показывая ему издали вексель съ фальшивымъ бланкомъ.—За это, знаешь, что бываетъ вашему брату? А? Что глаза-то вылупилъ? Не признаешь своей продѣлки, что-ли?

— Хорошо!—съ яростью вскричалъ Антонъ Васильичъ, словно укушенный.—Славно! А не ты-ли говорилъ, что всѣ векселя уничтожилъ... божился... Э-эхъ, ты!..

— Всѣ и уничтожилъ, кромѣ одного...—съ злой усмѣшкой замѣтилъ Рукавицынъ, нахально поглядывая на зятя.—Этотъ оставилъ для того, чтобы имъ замѣсто узды тебя попридерживать, коли больно разгорячишься. Вотъ что! Я зналъ, что съ вашимъ братомъ по честности нельзя поступать... и оставилъ про всякій случай!

— Чортъ!—прошипѣлъ сквозь зубы Антонъ Васильичъ, помутившимися глазами посматривая на Рукавицына.

Онъ готовъ былъ броситься и придушить этого ненавистнаго человѣка, своего злого демона, опутавшаго его своими сѣтями и влекшаго на погибель. Всѣ униженія и оскорбленія, перенесенныя имъ отъ Ивана Афанасьева и отъ его дочери, всѣ опасности, навязанныя ему тестемъ-конокрадомъ, затащившимъ его незамѣтно въ свою воровскую шайку, разлука съ Лушей, ея смерть, старикъ Парменъ, при свѣтѣ ночника додѣлывающій гробъ, милое, незабвенное Замошье со своими ветлами и тростниками, съ цвѣтами и затишьемъ, нелюбимая жена, слезы, сцены, ругань, — вся жизнь его сбитая, перепутанная, какъ перепутанный, дрянной мотокъ нитокъ—представилась Антошѣ на минуту, какъ воочію, теперь, при взглядѣ на Ивана Афанасьева.

— Гм! Чортъ!..Подлецъ!—съ бѣшенствомъ и злостью проговорилъ Антоша, какъ бы выливая въ этихъ двухъ словахъ всю ненависть и злобу, накопившіяся въ немъ уже съ давнихъ поръ противъ этого человѣка.

— Что-о-о! Что-о-о ты сказалъ?—грозно зарычалъ Иванъ Афанасьичъ, выпрямляясь.—Ты что! Ругаться? Ужъ не драться-ли и со мной полѣзешь? А? Ну-ка!.. Ха! Ты дочь мою тиранить вздумалъ, да еще ругаться пришелъ сюда... Вонъ отсюда, щенокъ! Я тебя проучу! Будешь ты женѣ руки ломать да вымогать у нея деньги! Будешь ты въ нее изъ ружья стрѣлять... станешь фальшивые бланки на векселя ставить! Постой! Теперь я дѣло ужъ не такъ поведу, нѣтъ! Пропадай все! Я тебя, молодчика, выведу на чистую воду! Погоди! Гм! Ты что еще вздумалъ? Изъ ружья стрѣлять, разбойничать?.. Хотѣлъ помирить, такъ еще рыло воротитъ... Ахъ ты... Вонъ отсюда! Вонъ! Пошелъ!

Иванъ Афанасьевъ, съ раскраснѣвшимся лицомъ, съ напрягшимися на лбу жилами, съ глазами, налитыми кровью,—былъ отвратителенъ и страшенъ. Онъ смотрѣлъ и кричалъ на Антошу, какъ на послѣдняго человѣка въ мірѣ, какъ на собаченку; онъ повелительно указывалъ ему на дверь, высокомѣрно, съ нескрываемымъ презрѣніемъ посматривая на него; онъ ругалъ Антошу, гналъ его вонъ... Сознаніемъ своей силы, сознаніемъ своего превосходства дышало каждое его слово, дышалъ каждый жестъ, каждый поворотъ головы, каждая его поза.

Антоша былъ совершенно ошеломленъ этимъ энергическимъ монологомъ съ приправой ругательныхъ словъ. Иванъ Афанасьичъ своими грубостями и угрозами облилъ его, какъ ушатомъ холодной воды. Онъ до того смѣшался и поразился подобнымъ оборотомъ дѣла, что не могъ слова промолвить и, какъ точно подъ давленіемъ какого-то тяжелаго кошмара, убрался съ хутора, какъ убирается, поджавъ хвостъ, больно прибитая жалкая, дрянная собаченка...

Антоша былъ такъ оглушенъ, что долго даже не могъ придти въ себя... Когда же онъ опомнился, прежде всего гоноръ заявилъ о себѣ. «Какъ онъ смѣлъ! Дьяволъ! Мужикъ этакой... Зачѣмъ же я не пустилъ въ него, чѣмъ ни попало! Расквасить бы ему мордуто хорошенько»... Но подобныя воинственныя пожеланія и позднія сожалѣнья не долго занимали Антошу. Страхъ обуялъ его — не на животъ, а на смерть. Весь вечеръ того дня онъ не находилъ себѣ мѣста. Всю ночь мерещились ему разные ужасы... Его арестуютъ, засадятъ въ острогъ, начнется дѣло, судъ, а далѣе — ссылка въ Сибирь. Пропала его головушка... Да! Фальшивая подпись на векселѣ—его... на судѣ все разнюхаютъ, узнаютъ, сличатъ почеркъ—и баста! Онъ вымогалъ у жены деньги, ссорился, бранился съ ней, жилъ нехорошо. Это ужъ многіе, навѣрное, знаютъ. Какъ не знать! Развѣ шило въ мѣшкѣ утаишь! Въ ихнемъ барковскомъ околоткѣ сей-

часъ все узнаютъ... А тутъ, вдругъ, этотъ выстрѣлъ! Повѣрятъ-ли ему, если онъ скажетъ, что ружье его выстрѣлило нечаянно? Вѣдь онъ былъ въ ссорѣ съ женой... Онъ уже ранѣе ломалъ ей руки, грозился отхлестать нагайкой... Вѣдь всѣ эти дрязги, всѣ эти мелочи и скверны его семейной жизни вытащатъ на свѣтъ Божій и будутъ перетрясать передъ почтенной публикой. Рукавицынъ—если дѣло пойдетъ въ серьезъ—не посовѣстится перетрясти хоть все грязное бѣлье, лишь бы повредить Антошѣ. Зналъ это Антонъ Васильичъ и сильно, очень сильно смущался...

Впрочемъ, онъ можетъ указать на Рукавицына, какъ на конокрада! Пустыя слова—ни къ чему... Нѣтъ, ты докажи, уличи! А гдѣ взять уликъ противъ этого мошенника? Онъ, злодѣй, такъ ловко прячетъ въ воду концы, что ихъ никакой судъ не отыщетъ. У Рукавицына все шито и крыто, и онъ знать ничего не знаетъ и не вѣдаетъ. Нѣтъ, Антоша напрасно утѣшалъ себя тѣмъ, что и онъ, въ свою очередь, можетъ нанести своему противнику ударъ. Нѣтъ! Онъ связанъ, совершенно безоруженъ и припертъ къ стѣнѣ, а противникъ его свободенъ, стоитъ передъ нимъ во всеоружіи и можетъ бить его, беззащитнаго, по чему попало и какъ попало... Борьба—неравная, невозможная. Антоша совершенно упалъ духомъ и повѣсилъ голову. Покоряться, покоряться — только и осталось! Но неужели мириться послѣ такихъ оскорбленій и ругательствъ, какія нанесены были ему сегодня? Да. Мириться, покориться—во что бы то ни стало, зажмуривъ глаза, заткнувъ уши, заставивъ молчать свое самолюбіе... Тяжело, невыносимо тяжело, горько, скверно, но все же лучше, чѣмъ ссылка въ Сибирь и явный публичный позоръ. Лучше ужъ выносить отеческое внушеніе отъ руки Ивана Афанасьева, одинъ на одинъ, въ четырехъ стѣнахъ, чѣмъ быть выставленнымъ рукой палача на площади. Лучше домашнія непріятности и оскорбленія, чѣмъ арестантская одежда.

Такъ раздумывалъ Антоша, всю ночь не смыкая глазъ, ворочаясь безпокойно на постели и чувствуя себя самымъ жалкимъ, безпомощнымъ созданіемъ въ мірѣ. Но дѣйствительно-ли лучше ссылки въ Сибирь было то каторжное, семейное положеніе, на которое онъ рѣшался осудить себя? Едва-ли онъ думалъ объ этомъ серьезно; едва-ли достаточно осмотрительно взвѣсилъ онъ представлявшіяся ему два бремени. Его ужъ очень сильно поразила перспектива суда и сибирской ссылки, но онъ не останавливался долго на своей будущей семейной жизни. Ему казалось *все* лучше суда, гласности и ссылки на поселенье...

Авдотья Семеновна только плакала и молилась Богу. Отъ сына она не узнала толкомъ: что такое произошло у него съ женой. По его словамъ, оказывалось, что жена поссорилась съ нимъ и сдуру убѣжала къ отцу, что ружье у него выстрѣлило нечаянно и т. д. Но старушка уже догадывалась, что надъ ея сыномъ стряслась какая-то бѣда. «Скрываетъ, скрываетъ отъ меня!» — говорила она про себя. «А дѣло, видно, не шуточное... О, Господи! Спаси и помилуй насъ, грѣшныхъ»...

На другой день рано утромъ Иванъ Афанасьичъ съ дочерью отправился въ городъ. Антоша, узнавъ объ его отъѣздѣ, тотчасъ же слѣдомъ за нимъ поскакалъ въ городъ.

Они остановились въ номерахъ одной гостинницы, по одному и тому же корридору. Иванъ Афанасьичъ занималъ двѣ комнаты, Антоша одну...

Антоша безъ зова явился на этотъ разъ къ Рукавицыну и выказалъ во всемъ великолѣпіи малодушіе своей дрянненькой, заячьей натуры. Не существовало, казалось, такого униженія, котораго онъ не перенесъ бы теперь ради примиренья съ Рукавицыными.

— Ой, Антонъ Васильичъ, Антонъ Васильичъ! — говорилъ ему Рукавицынъ. — Могъ бы я теперь загубить тебя совсѣмъ, не помогли бы и маменькины слезы, да жаль по человѣчеству. Человѣкъ ты молодой, горячій—вотъ что... Только ужъ теперь не серди меня, слышь? Смотри! Берегись... Живи смирно да ладно, а не то...

И Иванъ Афанасьичъ самымъ оскорбительнымъ образомъ и очень внушительно погрозилъ Антошѣ пальцемъ. Тотъ обѣщалъ помириться съ женой и жить смирненько... Антоша чувствовалъ себя разбитымъ. Надъ нимъ наглумились, наплевали на него, да онъ же еще очутился теперь и въ роли облагодѣтельствованнаго, долженъ благодарить за то, что его въ Сибирь не сослали. Теперь онъ чувствовалъ, что его скрутили по рукамъ и по ногамъ. До сего времени были только цвѣточки, а теперь стали созрѣвать настоящія ягодки. Теперь у него не будетъ своей воли, не станетъ своихъ желаній, теперь онъ пойдетъ на привязи за Иваномъ Афанасьевымъ, куда

тому вздумается тащить его. Теперь онъ съ женой, съ этой противной гадиной, чуть не доведшей его до тяжкаго преступленья, долженъ будетъ жить въ «мирѣ», долженъ быть шелковымъ, плясать по ея дудочкѣ... Но какъ послѣ всѣхъ этихъ исторій онъ посмотритъ въ глаза женѣ? Вотъ еще вопросъ... Онъ встрѣтился и посмотрѣлъ на нее, а она — на него посмотрѣла, какъ ни въ чемъ не бывало. (Отецъ строго запретилъ ей упоминать мужу о прошлыхъ пертурбаціяхъ, какъ-то: о выстрѣлѣ, о нагоняѣ, полученномъ имъ отъ тестя и т. п.).

Но Иванъ Афанасьичъ не могъ удержаться, чтобы еще не прочесть Антошѣ приличной нотаціи въ присутствіи жены, а затѣмъ, какъ бы для смягченія впечатлѣнія, произведеннаго на Антошу этой сценой, погрозилъ и Катѣ, строго промолвивъ:

— А ты, сударыня, не куралесь тоже! А то смотри, потачки не дамъ, самъ, своими руками расправлюсь съ тобой важно... Отъ мужа у меня больше не бѣгать, слышь? А теперь—поцѣлуйтесь, да и съ Богомъ!

И что это былъ за поцѣлуй! Супругамъ, кажется, легче было бы, если бы ихъ заставили надавать другъ другу полновѣсныхъ пощечинъ, чѣмъ давать этотъ отвратительный поцѣлуй. Но они все-таки поцѣловались... Желѣзная воля вертѣла ими по своему произволу, какъ пѣшками.

Провожая Антошу, Рукавицынъ, въ видѣ напутствія, не однажды повторилъ ему:

— Смотри же, братецъ, живи смирно, а не то...

XV.

Годъ спустя.

Не велико время—годъ, въ сравненіи съ вѣчностью: только 365 дней (maximum 366); но много переживаетъ иногда въ одинъ годъ какъ цѣлое общество, такъ и отдѣльный человѣкъ.

Послѣ описанныхъ происшествій прошелъ годъ—съ нѣсколькими мѣсяцами. Много въ этотъ годъ пережили обитатели Марьина.

Авдотья Семеновна сильно постарѣла, одряхлѣла, худо слышала, худо видѣла, на одинъ глазъ окончательно ослѣпла. Она много плакала и сильно тосковала, глядя на неладную жизнь Антоши. Хозяйство пришло въ упадокъ.

Поля взялъ въ аренду Иванъ-Афанасьевъ и, какъ глупый сынъ, которому не въ пользу никакое богатство, расточалъ сокровища земли, изнуряя почву и вовсе не думая ни объ общественномъ благѣ, ни о благополучіи будущихъ поколѣній и т. п. отвлеченныхъ матеріяхъ. «Ты—хищникъ!» скажете вы ему. «Я—арендаторъ!» возразитъ онъ. «Ты истощаешь землю!» замѣтите вы. «За свои деньги ее истощаю!» будетъ вамъ отвѣтомъ. Если вы намекнете объ общественномъ благѣ, то вамъ коротко отвѣтятъ: «Ты, видно, самъ нигилистъ!» И такъ далѣе... Ловкіе, скользкіе, какъ угри, но въ милліонъ разъ зловреднѣе всякаго угря, Иваны Афанасьичи, подъ различными кличками и наименованіями, изъ различныхъ сословій и профессій, всюду проскользаютъ нынѣ то въ грубыхъ, смазныхъ сапогахъ, пахнущихъ дегтемъ, то въ цивилизованномъ европейскомъ костюмѣ, и всюду они пускаютъ корни на зло будущему благосостоянію народа. Эти люди, преданные одному своекорыстію, не знающіе ни партій, ни отечества, ни любви къ родинѣ, уважающіе науку столько же, сколько уважала свинья тотъ дубъ, желудями котораго питалась,—являются подъ различными личинами и различно объясняютъ причины своего появленія. Чаще же всего они проповѣдуютъ о томъ, что призваны извлечь русскій народъ изъ вѣковой косности и поставить его на путь прогресса и цивилизаціи, что они призваны вызвать къ дѣятельности тѣ мертвые капиталы, которые, въ видѣ произведеній различныхъ царствъ природы, хоронятся до сего времени, благодаря русской косности, подъ спудомъ... Повсюду въ мірѣ, гдѣ ни заводились эти люди, повсюду они развили пролетаріатъ, безземелье народной массы и самое отчаянное, голодное нищенство. А у насъ, вмѣсто этихъ плевелъ современной цивилизаціи они обѣщаются насадить чудеснѣйшіе, роскошнѣйшіе плоды: они обѣщаютъ развить земледѣліе, промышленность, торговлю, науки, искусства,—однимъ словомъ, все, чѣмъ красна и свѣтла наша жизнь. Они обѣщаютъ открыть новые источники богатства, народному благосостоянію они рисуютъ сверхъестественно-лучезарную перспективу, обѣщаютъ все и вся... Благодѣтели! Только *пока* не предвидится отъ нихъ ничего, кромѣ эксплоатаціи, обезсиленія и развращенія народа...

Мужикъ кряхтитъ, сгибается на работахъ для «ихъ милости», мы всѣ чувствуемъ на себѣ тлетворное вѣяніе этихъ новыхъ благо-

дѣтелей, но лучезарная перспектива, съ каждымъ ихъ шагомъ впередъ, уходитъ отъ насъ все дальше и дальше...

Иванъ Афанасьичъ благоденствовалъ, но обитатели Марьина не могли похвалиться тѣмъ же. Авдотья Семеновна, какъ уже сказано, совсѣмъ захирѣла: ее было не слышно, не видно. По цѣлымъ днямъ сидѣла она съ Аѓашей, запершись въ своей комнаткѣ, или молилась подолгу и усердно передъ иконой Казанской Божіей Матери. Сокрушала ее семейная жизнь Антоши... Неуютно, невесело, негостепріимно стало Марьино. Ни наливокъ, ни настоекъ, ни соленья, ни варенья въ немъ не стало... Все шло, по выраженію Агаши, «кумелькой». Антонъ Васильичъ, казалось, сравнительно еще болѣе постарѣлъ, чѣмъ Авдотья Семеновна. Онъ какъ-то весь опустился, обрюзгъ, понурился. Онъ изживалъ жизнь нехотя и вяло, такъ же точно, какъ вяло и нехотя во дни оны крестьяне наши справляли барщину. Ни лошади, ни ружья, ни нагаечки не занимали его болѣе; охота, попойки, пріятельскіе кутежи не веселили его душу, не доставляли ему забвенія горькой и непривѣтливой дѣйствительности. Пилъ онъ много, дома и на Барковѣ; напивался иной разъ съ ранняго утра, только что успѣвъ глаза продрать; почти каждый Божій день бывалъ пьянъ и сдѣлался очень жалкимъ, несчастнымъ человѣкомъ. Иногда на попойку у него не хватало своихъ денегъ, тогда онъ пользовался на чужой счетъ. Неряшливый, растрепанный, неумытый являлся онъ въ барковскій трактиръ и Христомъ-Богомъ молилъ поднести ему стаканчикъ. Кто-нибудь изъ жалости приказывалъ дать ему водки... Помутившимися глазами оглядывая комнату и безсмысленно ухмыляясь, дрожащею рукой хватался онъ за стаканчикъ съ сивухой и въ какой-то дикой, страстной истомѣ, закрывъ глаза, залпомъ проглатывалъ вонючую влагу.

Такимъ образомъ, Антонъ Васильичъ очутился товарищемъ Михайлу Иванычу, надъ которымъ онъ самъ иногда въ прежнее время подтрунивалъ. Михайло Иванычъ до конца сохранялъ къ нему всю свою нѣжность и нерѣдко уступалъ ему свою порцію, утѣшалъ его, старался развеселить въ слишкомъ мрачныя минуты...

Разница между этими людьми заключалась лишь въ томъ, что Михайло Иванычъ уже давнымъ-давно безпрекословно покорился своей горькой участи, всегда сохранялъ въ компаніи веселый взглядъ, пріятное обращеніе, сыпалъ шутками, анекдотами, смѣшилъ, фиглярилъ. Антоша не успѣлъ еще привыкнуть къ своему несчастью, былъ мраченъ, нелюдимъ, сторонился отъ веселой компаніи, бывалъ буенъ, лѣзъ драться и, лишь сильно захмѣлѣвъ, позволялъ шутить и глумиться надъ собой пьяной компаніи. Михайло Иванычъ жалѣлъ его, по возможности предохранялъ отъ непріятностей, — и все еще не хотѣлъ считать его своимъ товарищемъ по несчастью. Но для барковскаго общества оба они были «одного поля ягодами». Сожалѣнье, презрѣніе и ругательства были ихъ удѣломъ.

Антоша часто ходилъ съ синяками и съ фонарями подъ глазами. Онъ жестоко дрался, и его поколачивали исправно. Нельзя сказать, чтобы онъ сдѣлался за послѣднее время злѣе и строптивѣе прежняго. Онъ не былъ золъ... Хлебнувъ водки, онъ только разгорячался и чувствовалъ непреодолимое желанье выместить на комъ-нибудь свое горе, сорвать сердце. Не со зла, но чаще съ горя дерется русскій человѣкъ. Протестъ вырывается безобразно...

— Змѣя! Змѣя подколодная! Кровь мою пьетъ... кровь!—шепталъ онъ, бывало, за бутылкой пива Михайлу Иванычу, безпомощно покачивая головой.

— Ну ее, вѣдьму!..—отзывался тотъ, уже очень хорошо зная, про кого шла рѣчь.— Брось ее! Шлюха она окаянная,—вотъ что!

Очевидно, что всѣ тѣ удары, которые Антоша такъ щедро расточалъ въ бою своимъ противникамъ, собственно предназначались его супругѣ, тестю и еще одному человѣку—Онисиму Вукольичу. Безсильная злость противъ нихъ находила исходъ въ пьяномъ побоищѣ... Антоша только оживлялся еще кое-какъ на Барковѣ, въ трактирѣ: тутъ онъ и поговоритъ, и поругается, и подерется при случаѣ. Дома же, въ Марьинѣ, онъ совсѣмъ замиралъ, былъ неслышимъ и невидимъ, ни на что не обращалъ вниманія, все пропускалъ мимо глазъ и ушей, какъ ни въ чемъ не бывало: бродилъ по двору, по конюшнѣ, швырялъ палкой въ голубей или, просто, заваливался спать и спалъ по цѣлымъ днямъ. Съ матерью онъ говорилъ мало, съ женой—того меньше. Дома его, казалось, ничто не могло возмутить, вывести изъ терпѣнья. Стиснувъ зубы и тяжело вздыхая, бродилъ онъ по Марьину, какъ тѣнь, въ ожиданіи удобнаго времени, когда можно будетъ отправиться на Барково—въ

надеждѣ встрѣтить тамъ веселую, пьющую компанію.

Здоровье его сильно порасхлябалось. Онъ кашлялъ, жаловался иногда на грудь... Видавшимъ его спящимъ онъ представлялся полумертвымъ. Да и въ дѣйствительности онъ былъ полумертвый человѣкъ...

Катя за послѣднее время вела себя, какъ порывистая бѣшеная лошадь, нечаянно освободившаяся отъ узды. Нѣжныя супружескія отношенія между ею и Антошей давно уже покончились безвозвратно. У нея родилась дочка, зачатая въ пьяномъ видѣ, жалкое, тщедушное, больное существо, но скоро умерла... Половые инстинкты разгулялись въ Катѣ, и она пустилась во вся тяжкая. «Что мнѣ на этого пьянаго чурбана смотрѣть!» рѣшила она про себя, разумѣя подъ «чурбаномъ» Антошу. «Онъ, знай себѣ, водку лачетъ... на меня смотрѣть не хочетъ!» Первая интрижка ея завязалась съ дьячковскимъ сыномъ, семинаристомъ, гостившимъ у отца на вакаціяхъ. Впрочемъ, эта связь ея скоро прекратилась, такъ какъ кто-то въ одинъ темный вечеръ шибко помялъ бока счастливому избраннику ея сердца. Избранникъ ея вскорѣ послѣ того уѣхалъ въ городъ... Потомъ въ околоткѣ пошли слухи, что марьинская молодая барыня лазитъ черезъ плетни въ поле на свиданія съ Онисимомъ Вуколычемъ. Такимъ образомъ, Вуколычъ добился-таки своей давнишней цѣли и сдѣлался обладателемъ Катеньки, какъ говорится, не мытьемъ, такъ катаньемъ. Всѣ удивлялись слѣпотѣ и терпѣнью Антона Васильича... Еще болѣе всѣ дались диву, когда Онисимъ Вуколычъ, въ качествѣ прикащика Ивана Афанасьича, поселился въ Марьинѣ, для соблюденія хозяйскихъ интересовъ. Онъ помыкалъ Антошей, какъ пѣшкой, а Антоша не могъ противъ него и голоса возвысить, такъ какъ чувствовалъ за нимъ руку Ивана Афанасьева. Онъ распоряжался марьинскими лошадьми и конюхами, устраивалъ въ Марьинѣ разныя воровскія продѣлки, а въ отсутствіе Антоши безъ церемоніи забирался къ барынѣ во флигель и проводилъ съ нею цѣлые часы...

Теперь уже Онисимъ Вуколычъ не уступитъ Катю безъ бою ни мужу, ни любовнику, и дѣло легко можетъ дойти до уголовщины.

Манеры и рѣчи Кати стали рѣзки, грубонахальны и напоминали собой обращенье публичныхъ женщинъ. Она сдѣлалась небрежна, неряшлива до цинизма. Въ одной юбкѣ и кофточкѣ, на босу ногу переходила она нерѣдко изъ флигеля въ домъ и обратно. Стала испивать... Щеки ея поблекли; она начала румяниться. Иногда принималась зубоскалить, отъ нечего дѣлать, съ пьяными работниками и, не моргнувъ глазомъ, выслушивала всевозможныя сквернословія. Самые грязные слухи ходили про нее въ околоткѣ,.. «По душѣ» она не любила Вуколыча, но держала его любовникомъ, терпѣла его, потому что его боялась. Онъ уже не однажды жестоко поколачивалъ ее. Жаловаться было нельзя и некому. Приходилось терпѣть... Порой она ненавидѣла Вуколыча такъ же, какъ и Антошу. Только шутить съ первымъ было нельзя...

При взглядѣ на все это безобразіе, было о чемъ плакать и сокрушаться Авдотьѣ Семеновнѣ, было ей о чемъ молиться подолгу по ночамъ передъ образомъ, озареннымъ красноватымъ мерцаньемъ лампады.

Прежде въ Марьинѣ мало было счастья, стало еще меньше.

XVI.

Степь выдаетъ не всѣ свои тайны.

Темная сентябрьская ночь.

Барково спитъ. Только кое-гдѣ въ окончахъ свѣтится красный огонекъ.

Трактиръ не спитъ... Изъ отворенныхъ его оконъ на улицу падаетъ полосами свѣтъ. Слышны крики, говоръ, стуканье билльярдныхъ шаровъ, пьяные возгласы, звонъ посуды... Народу много и на «чистой», и на «черной» половинѣ. Половые бѣгаютъ, суетятся. Облака ѣдкаго табачнаго дыма носятся по комнатамъ. Кто-то пьянымъ, хриплымъ голосомъ напѣваетъ во все горло.

«Тамъ и Машенька,
Тамъ и Сашенька,
Тамъ и Дарья,
Тамъ и сватья...
А-ахъ, душечка—
И Катюшечка»...

Антоша съ Михайломъ Иванычемъ сидятъ на барской половинѣ и допиваютъ дюжину пива, благо Антоша на этотъ разъ случился при деньгахъ. Антоша, раскраснѣвшійся, растрепанный, сидитъ у стола, подпирая голову рукой. Нѣсколько гостей сидятъ у столиковъ; кто пьетъ чай, кто — вино, кто душитъ сивуху.

Почти середи комнаты стоитъ странный человѣкъ, довольно высокаго роста, широкоплечій, коренастый, лѣтъ сорока, съ густою, коротко подстриженной бородой. Его темные волосы такъ косматы, какъ будто кто-нибудь нарочно взъерошилъ ихъ. Лицо широкое, загорѣлое, почти темное; большіе, впалые глаза быстро бѣгаютъ, какъ бы въ испугѣ, въ ожиданіи чего-то недобраго; носъ и губы толстые и вообще черты лица крупныя, съ какимъ-то неопредѣленнымъ, дикимъ выраженьемъ. На немъ обтерханый, весь рваный и въ заплатахъ сѣрый азямъ, подпоясанный, обрывкомъ толстой веревки; изъ-подъ него видны короткіе, грязные портки. Ноги босы. Въ прорѣхи азяма видно смуглое тѣло; загорѣлая шея и грудь — голы. Нѣтъ и признаковъ рубахи. Въ одной рукѣ онъ держитъ какіе-то камешки, другою почесываетъ голову, запустивъ въ волосы всю пятерню. Онъ поминутно оборачивается туда и сюда; выглядитъ запуганнымъ. Жалкая, дѣтски-болѣзненная улыбка пробѣгаетъ теперь по его губамъ. Это—барковскій дурачекъ.

— Скоро-ли ты женишься? Смотри, Николашка... неженатыхъ нынче всѣхъ въ солдеты будутъ брать!—серьезно говорилъ ему Михайло Иванычъ.

Николашка всего болѣе боялся солдатчины.

— Я женюсь скоро... завтра!—торопливо отвѣтилъ дурачекъ и шибче прежняго завертѣлся на мѣстѣ, испуганно поглядывая на окружающихъ.

— Кто за тебя замужъ-то пойдетъ?—продолжали поддразнивать его. — Ну, на комъ же ты женишься, говори!

— На комъ! На Матрешкѣ... — прогнусилъ дуракъ.

— На кошкѣ? — какъ бы не дослышавъ, переспросили его.

— Гм-ы-ы... Нѣтъ! На Матрешкѣ... — громко промычалъ онъ.

Матрешка была какое-то миѳическое лицо, игравшее постоянно роль его невѣсты.

— А она за тебя не пойдетъ! — сказалъ ему одинъ изъ собесѣдниковъ.

— Не пойдетъ? Врешь... пойдетъ! Я покажу ей...

Присутствовавшіе расхохотались.

— Николашка! Тебѣ чего надо? Палокъ?— спросилъ Антоша.

— Палокъ! Гм-ы-ы... нѣтъ! Денегъ мнѣ надо...—отвѣчалъ дурачекъ.

— На что тебѣ денегъ?

— На панихиду...

— По комъ же панихиду ты служить собираешься?—приставалъ Антоша.

Гости невольно примолкли и съ суевѣрнымъ страхомъ посматривали на Николашку въ ожиданіи его отвѣта. Многіе приписывали ему даръ предвидѣнія и пророчества. Дурачекъ обвелъ глазами комнату и остановилъ ихъ на Антошѣ.

— По комъ... А по тебѣ! — проговорилъ Николашка, какъ-то особенно выразительно ткнувъ рукой по направленію къ Антону Васильичу, причемъ изъ руки его выпалъ камешекъ.

Онъ торопливо наклонился, поднялъ его и крѣпко зажалъ въ кулакѣ. Онъ всегда что-нибудь носилъ въ рукѣ — камешки, песокъ, мочалы, бересту и тому подобное.

Въ отвѣтъ на его пророчество, блѣдная, кривая усмѣшка пробѣжала по губамъ Антоши.

— Ахъ ты дуракъ, дуракъ! — крикнулъ кто-то Николашкѣ.

— Самъ дуракъ! —протянулъ тотъ и тяжело, грузною поступью направился къ выходу, неистово почесывая голову.

— Въ солдаты тебя, мерзавца!—раздалось ему вслѣдъ.

— Тебя самого въ солдаты!..—промычалъ онъ уже изъ-за двери, но, очевидно, безъ всякаго неудовольствія, и поплелся далѣе, ворча и мыча себѣ подъ носъ: «самъ дуракъ... тебя самого въ солдаты»...

Появленія дурачка и разговоры съ нимъ нѣсколько разнообразили удовольствія посѣтителей барковскаго трактира. По уходѣ его, гости вяло продолжали переговариваться между собой. Шашневъ сидѣлъ на диванчикѣ, обнявшись съ какою-то нарумяненною красавицей, которую онъ называлъ «кузиной»; пиньонъ у «кузины» сбился на бокъ; она пила пиво и громко хохотала... Молодой купеческій прикащикъ, щегольски одѣтый, разговаривалъ въ уголку съ какимъ-то старичкомъ-евреемъ, немилосердно потрескивая нагайкой. При каждомъ взмахѣ нагайкой, старикъ вздрагивалъ и преуморительно щурился... Въ сторонкѣ три купчика, устроившіе съ крестьянами выгодную сдѣлку «насчетъ хлѣба», то есть облапошившіе крестьянъ,—обливались потомъ, допивая свой чай. Говоръ, гамъ расходился по комнатѣ...

Здѣсь-то Антонъ Васильичъ пытался отъ поры-до времени топить свое горе и предать

забвенію свою «змѣю-подколодную», но напрасно: не могъ онъ потопить свое горе ни въ разгульи, ни въ водкѣ, ни въ пивѣ, ни въ безшабашномъ пѣньи, ни въ развратѣ...

На «черной» половинѣ бесѣда шла въ другомъ родѣ. Обширная, грязная комната по справедливости называлась «черною»: потолки и стѣны въ ней были страшно закоптѣлы и безъ всякихъ украшеній. Здѣсь пахло сивухой, лукомъ, смазными сапогами, дегтемъ; сладковато-кислымъ запахомъ махорки здѣсь, казалось, былъ пропитанъ не только воздухъ, но были пропитаны и стѣны, и всѣ предметы, одушевленные и неодушевленные, находившіеся въ комнатѣ. Человѣкъ двѣнадцать мужичковъ, кучкой, сидѣли у стѣны, покуривая свои цыгарки. Они собрались около одного странника, забредшаго въ трактиръ отдохнуть и пораспарить чайкомъ свои старческія, походныя косточки.

Этотъ странникъ представлялъ собой очень типичную, рѣзко очерченную фигуру, которую художникъ могъ бы назвать очень благодарнымъ «сюжетомъ». Рельефно выдѣлялся онъ темнымъ пятномъ на фонѣ окружавшихъ его сермягъ и ситцевыхъ и пестрядинныхъ рубахъ... Странникъ былъ высокаго роста, худой, весь въ черномъ, длинномъ одѣяньи, съ черненькой, круглой шапочкой, плотно прилегавшей къ его головѣ. Длинные, рѣдкіе волосы съ просѣдью опускались ему на плечи темными прядями. Темная бородка съ просѣдью прикрывала нижнюю часть лица... На страшно худощавомъ, желтомъ лицѣ блестѣли темные глаза, глубоко ушедшіе во впадины. Онъ сидѣлъ, опершись руками на свою палку и уткнувшись подбородкомъ въ скрещенныя руки. Онъ, по словамъ его, пробирался изъ Соловковъ въ Воронежъ, а затѣмъ путь его лежалъ на Аѳонъ, въ Царьградъ и въ Старый Іерусалимъ. Посказавъ собравшемуся около него люду о своихъ дальнихъ странствованіяхъ и о разныхъ видѣнныхъ имъ диковинкахъ, онъ пустился разсуждать о суетѣ мірской, о грѣхахъ, о временахъ тяжкихъ.

Мужики внимательно слушали его, затаивъ дыханіе. Угрюмо нахмурившись и понуривъ низко голову, странникъ говорилъ страшно однообразнымъ тономъ, словно читалъ по покойникѣ. Но слушателямъ, повидимому, это нравилось. Его понимали и готовы были слушать долго-долго...

— Отецъ пойдетъ противъ сына, сынъ возстанетъ на отца, братъ на брата...— тянулъ странникъ, неподвижно возсѣдая на лавкѣ, какъ черная желтолицая статуя; голосъ его звучалъ металлически, сухо; ни одинъ мускулъ не дрожалъ въ лицѣ его.—Мать не найдетъ дочери, дочь отречется отъ матери своей... Родной родному вѣры не дастъ, родной на родного доносчикомъ объявится, врагомъ и супостатомъ. Будутъ тяжбы и битвы великія, трусъ, землетрясенія по мѣстамъ. Настанутъ волненія, народы смятутся, звѣзды поколеблются и спадутъ съ небеси. Солнце померкнетъ, и луна не дастъ свѣта, кости мертвыхъ двинутся во гробахъ своихъ, грады исчезнутъ, какъ дымъ, и не останется камня на камнѣ... Горе рождающимъ въ тѣ дни, горе сосущимъ молоко материно! Горе! Тяжкіе дни настанутъ для грѣшныхъ; потъ и кровь взыщется съ погубителей; перстъ Божій найдетъ виновныхъ и поразитъ супостата, сотретъ главу змія и разсѣетъ приспѣшниковъ его... Тогда міръ очистится. И будутъ новыя небеса и новая земля... Тогда лики праведныхъ возсіяютъ и наступитъ... наступитъ...

Странникъ запнулся. На дворянской половинѣ слышалась усиленная бѣготня и возгласы: гдѣ? Въ которой сторонѣ?»... Тревожные, торопливые звуки набата гудѣли надъ селомъ, грозно отдаваясь въ ночномъ безмолвіи. Мгновеніе мужики прислушивались и, разомъ сорвавшись съ мѣстъ, бросились на крыльцо. Только одинъ старый крестьянинъ не успѣлъ выбѣжать съ прочими, кряхтя, съ усиліемъ поднялся съ лавки и побрелъ къ двери, тяжело вздыхая и приговаривая:

— Охъ Господи, Господи! Грѣхи, грѣхи наши тяжкіе...

Скоро отъ звонаря узнали, что горитъ Воздвиженское.

— Поѣдемъ! Посмотримъ на пожаръ! — предложилъ Антошѣ Михайло Иванычъ, большой охотникъ до всякихъ зрѣлищъ.

— Ну ихъ! Спать до смерти охота!—сказалъ Антоша и сталъ собираться домой.

Нѣкоторые отправились «посмотрѣть», иные разошлись по домамъ, немногіе бросились спасать чужое имѣнье... Пожавъ руку Михайлу Иванычу, Антоша сѣлъ на свои бѣговыя дрожки и крупной рысью выбрался за околицу. Тутъ онъ пустилъ лошадь шагомъ и сталъ смотрѣть по направленію пожара. Красное, багровое зарево разливалось по темному, ночному небу — все шире, все выше. Вѣтерокъ замѣтно разгуливался, крѣпчалъ... Набатъ гудѣлъ и гудѣлъ, разносясь по спя-

щей окрестности, озаренной зловѣщимъ свѣтомъ... Вдругъ Антоша вздрогнулъ. Близь него послышался какой-то дикій, неистовый ревъ. Направо отъ дороги расходился погостъ. Оттуда-то слышался ревъ. Антоша призадержалъ лошадь и оглянулся...

Дурачекъ Николашка, стоя на высокомъ бугрѣ въ самой вызывающей позѣ, размахивалъ темнымъ, полусгнившимъ могильнымъ крестомъ, очевидно, только-что вырваннымъ изъ земли,—и во все горло оралъ:

— У-у-у! Вотъ такъ праздникъ! Святъ, святъ, святъ!..

Онъ прыгалъ, кривлялся, гримасничалъ. Улыбки—той кроткой, дѣтски-наивной улыбки, что еще такъ недавно играла на его губахъ,—теперь не было и помину. Лицо его было необыкновенно одушевленно, глаза расширились и блестѣли. Ротъ у него кривился въ какихъ-то яростныхъ судорогахъ. Несчастный былъ въ изступленіи. Съ страшною, невѣроятною силой размахивалъ онъ крестомъ... Стоя на высокомъ бугрѣ, выпрямившись, во весь свой ростъ и слегка, смутно озаренный лишь дрожащимъ, полыхающимъ отсвѣтомъ краснаго зарева,—онъ казался въ ночномъ сумракѣ выше обыкновеннаго человѣческаго роста, казался великаномъ.

— Чего ты орешь тутъ! Какой тебѣ праздникъ?—крикнулъ ему Антоша.

— А колокола-то бумъ-бумъ-бумъ!—продолжалъ реветь дурачекъ, неистово бѣснуясь и размахивая крестомъ.

Антонъ Васильичъ махнулъ возжами и поѣхалъ далѣе. Онъ еще не разъ оглянулся на Николашку. Тотъ попрежнему стоялъ на могильномъ бугрѣ съ крестомъ въ рукахъ, кривляясь и завывая подъ дрожащій гулъ колоколовъ. Теперь было не безопасно подступиться къ нему. Теперь онъ могъ убить наповалъ... «Собирается по мнѣ панихиду служить!» невольно припомнилось Антону Васильичу. «Давно бы по мнѣ панихиду-то служить надо... Антонъ Сучковатовъ давно ужъ умеръ и похороненъ». И ему въ ту минуту почудилось, что онъ въ самомъ дѣлѣ уже умеръ, что вмѣсто него его жизнь доживаетъ уже другой человѣкъ... человѣкъ несчастный, забитый, рискующій не сегодня-завтра по чужой милости попасть въ бѣду за участіе въ конокрадствѣ, осужденный жить съ глазу на глазъ съ самой ненавистной для него женщиной, занявшей мѣсто той, одно воспоминаніе о которой даже до сего времени больно щемитъ его сердце.

Онъ ѣхалъ шагомъ. Ночной вѣтерокъ пріятно освѣжалъ его пылавшую голову, отрезвлялъ отъ хмѣля и угара вечернихъ возліяній, погружая его въ задумчивость. Его прошлая жизнь не разъ въ живыхъ образахъ скользила передъ нимъ. И теперь отрывочными картинами проносилась она передъ Антошей... Ему мерещилось зеленое Замошье, все залитое золотомъ солнечныхъ лучей, бѣлоствольныя березы, въ тишинѣ неподвижно стоящія съ опущенными внизъ вѣтвями, цвѣты кувшинки, плавающіе на зеленоватой поверхности воды, густой тростникъ по берегамъ—и свѣтло-голубое, сіяющее небо. И все это—цвѣты, тростникъ, деревья — все тихо дремлетъ, нѣжится въ страстной истомѣ... Кричитъ чайка, проносясь низко надъ водой; въ чащѣ кустовъ птичка запѣваетъ; трещитъ кузнечикъ... Куялявыя вѣтви березъ раздвигаются, изъ-за нихъ показывается хорошенькая, темноволосая головка. Это—*она*, его русалка... И теперь, въ ночномъ сумракѣ, въ степномъ безмолвіи, подъ вѣяніемъ вѣтерка все опять ожило на мгновенье персдъ Антошей, все опять живо, живетъ, дышитъ... Маленькое, очень маленькое счастье, но тамъ, все-таки *было* счастье. А теперь... «Дурачекъ, служи панихиду!»

Антонъ Васильичъ привздохнулъ изъ глубины души. «Э-эхъ!»... Не онъ—первый, не онъ—послѣдній. Не его одна жизнь исковеркалась...

Вокругъ него разстилалась степь, тонувшая во мракѣ. Красное, полыхающееся зарево все шире и шире разливалось по ночному небу, отбрасывая смутный, кровавый отсвѣтъ на темнѣвшую степь. Гулъ набата издали доносился по вѣтру... Дымомъ, гарью припахивало въ воздухѣ.

Когда Антоша шагомъ проѣзжалъ по деревнѣ, кое-гдѣ изъ оконъ выглядывали заспанныя лица мужиковъ.

— Антонъ Васильичъ! Никакъ ты?—спрашивали его крестьяне, вглядываясь въ темноту.

— Я!—отзывался Антоша на ихъ опросы.

— Гдѣ горитъ-то? Не слыхали-ли?

— Воздвиженское, говорятъ...

— Тэ-экъ!—слышалось въ отвѣтъ.—А шибко полыхаетъ...

— Храни, Господи, и помилуй!—шамкалъ кто-то беззубыми челюстями.

Почесываясь и сладко позѣвывая, мужики захлопывали оконцы. Антоша ѣхалъ далѣе... Небо рдѣло все пуще и пуще. Свѣжій вѣтерокъ гулялъ по степи. Безлюдно, безмолвно было въ степи. Даже набата уже не слышно...

Пріѣхавъ домой, Антоша нашелъ жену еще не спящею. При свѣтѣ керосиновой лампочки сидѣла она за фортепіано, въ одной сорочкѣ, почти спустившейся съ плечъ, и наигрывала какой-то чрезвычайно сладостный романсъ. Ея свѣтлые волосы свѣсились за спинку стула... Запрокинувъ голову, она мечтательно смотрѣла въ потолокъ, какъ бы уносясь воображеніемъ куда-то вдаль, вмѣстѣ со звуками, раздававшимися въ ночномъ безмолвіи. Недопитая бутылка пива стояла на столѣ... На коврѣ у стола валялась какая-то раскрытая книга. Антоша поднялъ книгу и заглянулъ... «Убійство въ улицѣ Рэно»... «Тфу ты, ерунда!»—выругался онъ про себя, бросивъ книгу на кушетку. Катя не обращала на него ни малѣйшаго вниманія... Пьяненькая, полуобнаженная, она продолжала наигрывать на жалко дребезжащемъ фортепіано. Антоша прошелъ въ спальню.

— Не хочешь-ли пива?—какимъ-то разбитымъ, хриплымъ голосомъ крикнула ему Катя.

— Не хочу!—отвѣтилъ онъ.

— Была бы честь приложена, убытку Богъ избавитъ! Тра-та-та! Тра-та-та!—запѣла Катя и расхохоталась во все горло.

А Авдотья Семеновна той порой тоже не спала и, переходя отъ окна къ окну, со страхомъ посматривала на зарево.

— Кто-то, видно, согрѣшилъ, грѣшный!—шептала она, крестясь и вздыхая.

Агаша, позѣвывая, бродила за ней слѣдомъ.

Такъ и впослѣдствіи не узнали,—отчего загорѣлось Воздвиженское. Сгорѣло все: барскій домъ, людскія избы, сараи, рига, даже груды хлѣба... Одни думали, что загорѣлось, просто, по чьей нибудь неосторожности. Иные подозрѣвали, что тутъ былъ пущенъ красный пѣтухъ... Какъ знать?

Много тайнъ хоронится въ нашихъ степяхъ.

1880 г.

НЕВѢДОМЫЙ СТРАДАЛЕЦЪ.

(Изъ записокъ фра-Джеронимо).

...Господи, благослови! или — вѣрнѣе — помоги мнѣ, Господи, записать тягостныя впечатлѣнія прошлой ночи. Что это была за ночь! Темная, бурная,—но сердца человѣческія бываютъ чернѣе и ужаснѣе всякой темной ночи. Да!.. А я такъ-таки и не узналъ, не знаю и, вѣроятно, не узнаю никогда: кто онъ такой. Впрочемъ, лучше запишу по порядку все, какъ было...

Еще съ вечера вѣтеръ сталъ разгуливаться, къ ночи онъ превратился въ бурю. Я рано затворилъ ставни, зажегъ маленькую ночную лампу, пододвинулъ къ камину свое любимое, мягкое кресло и съ полнѣйшимъ удобствомъ расположился въ немъ передъ камелькомъ. У меня подъ рукой, какъ водится, стоялъ на столикѣ стаканъ нагрѣтой воды съ виномъ и сахаромъ. Тутъ же лежала моя старая Библія. Маленькими глотками прихлебывалъ я свой домашній напитокъ и съ великимъ наслажденіемъ грѣлъ у огня свои озябшія старческія ноги. Зима нынѣ, кажется, будетъ холодная... «Сохрани Боже! Плохо придется бѣднымъ, неимущимъ людямъ безъ порядочной одежды, безъ пристанища. Особенно — эти ночи съ холоднымъ, суровымъ вѣтромъ...» Такъ я раздумывалъ, прислушиваясь къ шуму вѣтра и дождя. Мнѣ было удобно въ моемъ мягкомъ креслѣ, старыя ноги мои согрѣвались, мнѣ было тепло, уютно; я былъ увѣренъ, что меня никто не выгонитъ на вѣтеръ и дождь изъ моего уютнаго уголка и — благодареніе небу! — ни мало не заботился о хлѣбѣ насущномъ, о завтрашнемъ днѣ. Но несмотря на все это, не смотря на то, что я, недостойный, чувствовалъ себя на пиру жизни въ числѣ избранныхъ, какое-то странное, тягостное волненіе порой охватывало меня въ тотъ вечеръ. Конечно, сверхъестественнаго тутъ ровно ничего не было. Свое возбужденное состояніе я прямо приписывалъ погодѣ. И прежде не разъ случалось, что вѣтеръ раздражалъ меня, и я становился безпокоенъ, но, кажется, никогда еще тревожное состояніе такъ сильно не угнетало меня, какъ вчера вечеромъ... Старъ становлюсь я, — вотъ это что!

Дождь то какъ будто стихалъ, то принимался хлестать съ удвоенною силою. Вѣтеръ съ шумомъ проносился по улицѣ и съ такой яростью постукивалъ неплотно припертыми ставнями моихъ оконъ, какъ точно хотѣлъ сорвать ихъ съ петель. Я прислушивался къ его дикимъ завываньямъ, и въ воображеніи моемъ съ удивительною ясностью рисовались сцены, словно живьемъ выхваченныя, съ мясомъ и съ кровью, изъ безсмертныхъ картинъ Дантова Ада. Мнѣ чудилось, что сотни—тысячи несчастныхъ съ жалобнымъ стономъ летѣли, проносились мимо моихъ оконъ и уносились въ безбрежное море ужасовъ, отчаянія и мрака. Я видѣлъ... да! я видѣлъ прямо передъ собой ихъ страшно-блѣдныя, искаженныя лица, видѣлъ ихъ судорожно изгибавшіяся тѣла, бѣлыя и казавшіяся прозрачными отъ худобы, видѣлъ ихъ глубоко впалые, въ мукахъ потухшіе глаза... Пустыя мечтанія, плоды поэтическаго неистовства, конечно... я очень хорошо понимаю это... но этотъ «ужасный» вздоръ все-таки не могъ способствовать къ моему успокоенію. Глухая, томящая грусть болѣзненно щемила мнѣ сердце. Напрасно я говорилъ себѣ: «эти мрачныя, непріятныя ощущенія вѣтеръ нагоняетъ на меня!» Пускай, то — вѣтеръ или дождь, или хоть самъ чортъ... Вѣдь мнѣ отъ того не легче...

Я старался отводить свои мысли въ другую сторону, старался, такъ сказать, взять себя въ руки и не поддаваться тому, что я

называлъ малодушіемъ, пустою сентиментальностью, вздоромъ. И я почти вслухъ говорилъ себѣ: «Каково-то путешествующимъ и странствующимъ проводить такую ночь въ морѣ—между жизнью и смертью! Каково-то тѣмъ, которыхъ буря застигла въ пустынныхъ мѣстахъ, въ ущельяхъ горъ, въ лѣсахъ!»... И я старался сравнивать ихъ положеніе со своимъ, и, разумѣется, всѣ выгоды оказывались на моей сторонѣ. Я сидѣлъ подъ кровлей, грѣясь у камелька и потягивая сахарную воду съ виномъ... Я ужъ старъ; я уже не принимаю марева за дѣйствительность и потому не гонюсь за нимъ. Блестящіе призраки, населявшіе для меня міръ лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, уже давно исчезли безслѣдно, какъ фейерверочные огни, безслѣдно потухающіе въ темномъ ночномъ небѣ. За чѣмъ гонятся, что ищутъ всѣ эти путешествующіе и странствующіе, застигнутые въ дорогѣ сегодняшнею бурей? Одинъ гонится за богатствомъ, другой — за почестями, за славой, иной, просто, изъ-за тщеславія стремится въ даль, иной гонится за любовью къ женщинѣ, къ семьѣ, иной ищетъ куска насущнаго хлѣба, иной тянется къ родному очагу... А я ни къ чему не бѣгу, и мой родной очагъ давно погасъ. И я старался насильно вызвать въ памяти знакомыя картины, залитыя золотомъ солнечныхъ лучей равнины и горы Кампаньи, тихо дремлющія подъ синимъ классическимъ небомъ, словно въ ожиданіи своего мессіи, который долженъ придти, который придетъ, и пробудитъ и оживитъ народъ... Тамъ, въ Кампаньи, на склонѣ горъ стоитъ деревушка Монте-Течино, а въ той деревушкѣ есть маленькая хижина. Неподалеку отъ дороги пріютилась она подъ деревьями и скрылась вся отъ палящихъ лучей солнца въ зеленой тѣни... Мой родной домъ, кто живетъ теперь въ стѣнахъ твоихъ?.. Отецъ, мать, старый дѣдушка съ его разсказами объ австрійцахъ, о «первомъ консулѣ французской республики», о королѣ Мюратѣ,—братья, сестры—всѣ исчезли, всѣхъ пережилъ я... Припоминалось мнѣ, какъ мы всѣ горевали въ тотъ день, когда моя младшая сестра, Марія, всеобщая любимица и первая красавица во всемъ Бузентонелльскомъ округѣ, была похищена разбойниками. Она осталась съ ними и во время одной перестрѣлки была убита королевскими карабинерами. Почему она осталась у своихъ похитителей? Богъ вѣсть!.. Не потому-ли, что эти разбойники были изъ тѣхъ, которые раньше насъ, святошъ, будутъ въ раю, какъ сказалъ Христосъ!..

Живучи воспоминанія дѣтства! Сидя, сгорбившись, передъ каминомъ, я произносилъ, вполголоса давно уже для меня отзвучавшія, знакомыя, милыя имена: «Монте-Течино»... «Бузентонелли...» «Капричіольскій лѣсъ...» И сердце мое сильно забилось. Мнѣ припомнилось, какъ я въ дѣтствѣ съ сестрой игралъ камышками и раковинками посреди зелени и цвѣтовъ. Давно было это... Сначала я насильно принуждалъ себя погружаться въ воспоминанія, чтобы какъ-нибудь развлечься, потомъ уже невольно сталъ поддаваться ихъ чарующей прелести, но угнетенное состояніе духа продолжало попрежнему нагонять темную тѣнь на мой внутренній міръ. Непреодолимое чувство безпокойства мѣшало мнѣ забыться. Вѣтеръ попрежнему шумѣлъ за окномъ, ревѣлъ и гудѣлъ, потрясая ставнями, и глухо завывалъ въ трубѣ. Порою громъ грохоталъ и, казалось, грохоталъ такъ низко, какъ будто надъ самой кровлей. Раза два мнѣ послышался стукъ въ дверь, я вставалъ, отворялъ ее, никого не находилъ за нею и снова садился въ кресло. Этотъ вѣтеръ совершенно разстроилъ меня...

Я посмотрѣлъ на свои старые стѣнные часы: стрѣлка показывала XI. Спать еще не хотѣлось. Я раскрылъ Библію и сталъ читать (какъ я нерѣдко дѣлалъ на сонъ грядущій). Я читалъ книгу пророка Даніила и невольно задумался надъ IV главой, въ которой повѣствуется объ униженіи Навуходоносора, могущественнаго царя вавилонскаго... «расхаживая по царскимъ чертогамъ въ Вавилонѣ, (читалъ я), царь сказалъ:—это-ли не величественный Вавилонъ, который построилъ я въ домъ царства силою моего могущества и въ славу моего величія! Еще рѣчь сія была въ устахъ царя, какъ былъ съ неба голосъ: «Тебѣ говорятъ, царь Навуходоносоръ: царство отошло отъ тебя! И отлучатъ тебя отъ людей, и будетъ обитаніе твое съ полевыми звѣрями; травою будутъ кормить тебя, какъ вола, и семь временъ пройдутъ надъ тобою...» Тотчасъ и исполнилось это слово надъ Навуходоносоромъ, и отлученъ онъ былъ отъ людей, ѣлъ траву, какъ волъ, и орошалось тѣло его росою небесною: такъ что волосы выросли у него, какъ у льва, и ногти у него, какъ у птицы...» «Какое паденіе!—размышлялъ я. — Какое тяжкое испытаніе для че-

ловѣческой гордыни! Могущественный монархъ обширнаго государства вынужденъ оставить свою столицу, свой «величественный» Вавилонъ, покинуть свои роскошные чертоги, свой многочисленный дворъ, всю роскошь и удобства жизни. Онъ бѣжитъ за городъ, въ поля, живетъ со звѣрями и самъ, какъ скотъ, питается травой... Ужасно!..»

Эти размышленія по поводу одной страницы изъ Библіи были прерваны самымъ неожиданнымъ для меня образомъ. Мнѣ опять послышалось, что кто-то стукнулъ въ мою дверь. Но я на этотъ разъ уже не пошелъ отворять ее и спокойно остался въ креслѣ. Между тѣмъ, стукъ повторился и теперь уже совершенно явственно... Я закрылъ Библію и, взявъ лампу, направился къ двери. Стукнули еще разъ и еще. Мнѣ почудилось бряцанье оружія... «Что бы это могло быть?» Какого ночного посѣтителя Богъ послалъ ко мнѣ?» допрашивалъ я самъ себя. Когда я растворилъ дверь, мнѣ прежде всего бросился въ глаза бѣлый мундиръ австрійскаго солдата.

— Что тебѣ нужно, сынъ мой? — кротко спросилъ я пришедшаго.

Теперь онъ придвинулся къ самой двери и весь выступилъ изъ мрака на свѣтъ, разливаемый моей лампой. Я могъ хорошо разсмотрѣть его дюжую фигуру. Это былъ истый германецъ—холодный, какъ небо его родины, и сумрачный, какъ его германскіе лѣса. На видъ онъ казался пожилымъ... Изъ-подъ блестящей, мѣдной каски видны были бѣлокурые волосы; длинные, рыжеватые усы почти закрывали его губы и опускались книзу. Сѣрые глаза его почти безъ всякаго выраженія какъ-то тупо, безсмысленно уставились на меня. Когда я смотрѣлъ на его мѣдную каску, на его красное, усатое лицо, мнѣ почему-то показалось, что именно таковы, какъ этотъ австрійскій солдатъ, должны быть тѣ воины, которые нѣкогда по повелѣнію цезарей душили своихъ братьевъ и, вторгаясь въ чужіе предѣлы, такъ неумолимо, безжалостно умерщвляли беззащитныхъ старцевъ и женъ и «съ дикимъ хохотомъ» разбивали о камень младенцевъ.

— Мнѣ приказано привести священника къ умирающему... къ заключенному...—проговорилъ онъ или—вѣрнѣе сказать — пробарабанилъ, какъ хорошо заученный урокъ.

Онъ стоялъ, какъ видно, по привычкѣ, вытянувшись передо мной во весь ростъ, слегка выпятивъ свою здоровую грудь и не сводя съ меня своихъ сѣрыхъ, холодныхъ глазъ.

— Къ какому заключенному?.. Куда?—въ недоумѣніи спросилъ я солдата, все также стоя передъ нимъ съ лампой въ рукѣ.

— Въ тюрьму Санъ-Піетро! — отвѣтилъ онъ тѣмъ-же заученнымъ тономъ.

— Странно!—проговорилъ я, подходя къ столу и ставя на него лампу.—Вѣдь у васъ есть свой тюремный священникъ... Зачѣмъ же еще понадобился я?..

— Тюремный священникъ боленъ, помощникъ его въ отлучкѣ. Мнѣ приказано привести... Пожалуйте! — пробарабанилъ солдатъ, звякнувъ саблей.

Судя по тону и по всему виду говорившаго со мной, можно было думать, что если-бы я отказался идти—этотъ бравый мужчина, недоступный, повидимому, никакимъ мягкимъ, нѣжнымъ чувствованіямъ, взялъ бы меня за шиворотъ, несмотря на мой санъ и на мои почтенныя сѣдины, и потащилъ бы меня, куда ему «приказано»...

— Я пойду, конечно... Я еще никогда и никому не отказывалъ въ послѣднемъ утѣшеніи, насколько оно въ моихъ силахъ... А теперь — заключенному и подавно не откажу! — проворчалъ я съ горечью и въ то-же время сильно подосадовалъ на себя за то, что не могъ скрыть своего раздраженія.

Положимъ, я—старикъ, я—лицо духовное, но все же прежде всего я—человѣкъ, я—итальянецъ. На зло шестидесяти годамъ, на зло житейскимъ скорбямъ и невзгодамъ, подъ моею черною рясой бьется еще не старое сердце и въ головѣ моей, покрытой сѣдинами, живутъ не одни философскіе и смиренные помыслы... Грубый говоръ этого деревяннаго австрійскаго солдата возмущалъ меня.

— А кто этотъ заключенный? Кто-нибудь изъ итальянскихъ патріотовъ? Да?—спросилъ я, съ презрѣніемъ посмотрѣвъ на солдата, (не могъ-таки я, грѣшный, отказать себѣ въ этомъ невинномъ удовольствіи).

— Ничего не знаю!—самымъ невозмутимымъ тономъ отвѣтилъ солдатъ, слегка тряхнувъ головой, причемъ его мѣдная каска блеснула и сабля брякнула объ полъ.

Было очевидно, что не только презрѣніе, но и болѣе сильное выраженіе нерасположенія не могло бы пробить шкуру этого выдрессированнаго австрійскаго бегемота.

— Да! Ты сказалъ правду... Ты ничего не знаешь!—промолвилъ я внушительно и рѣз-

ко, доставая со стѣны распятіе.—Да, другъ мой! Палачъ никогда не знаетъ своихъ жертвъ. Если бы онъ ихъ узналъ, то пересталъ бы быть палачемъ. Вотъ и эти люди, распявшіе Христа, не вѣдали, что творили... Несчастные, темные люди! — дрогнувшимъ отъ волненія голосомъ заключилъ я, высоко поднявъ свое старое, потемнѣвшее распятіе и показывая его солдату.

А тотъ стоялъ, не шелохнувшись, у притолки и, не моргнувъ глазомъ, смотрѣлъ на меня. Ни одна черта лица его не измѣнилась, ни одинъ мускулъ не дрогнулъ въ немъ. Я думаю, что онъ не понялъ меня, а можетъ быть, даже и не слыхалъ ничего... Не говоря болѣе ни слова, я сталъ собираться въ путь, а солдатъ, попрежнему, стоялъ неподвижно, какъ статуя. Говорить ему что бы то ни было или проповѣдывать въ пустынѣ—было, кажется, одно и то же. Камень не будетъ безчувственнѣе его... А между тѣмъ этимъ-то несчастнымъ и должно говорить и проповѣдывать слово истины... Я былъ уже почти совсѣмъ готовъ, какъ вдругъ совершенно неожиданно статуя заговорила...

— Нельзя-ли здѣсь достать воды напиться?—сказалъ солдатъ, не измѣняя своей позы.

Я, молча, подалъ ему кружку съ водой. Видно, бѣднякъ сильно же хотѣлъ пить, если разомъ проговорилъ столько словъ, не относившихся къ исполненію его обязанности... Чтобы удобнѣй пить, онъ разстегнулъ подъ подбородкомъ мѣдную чешуйку и, снявъ каску, съ жадностью припалъ къ кружкѣ. Тутъ моментально произошло чудесное превращеніе... Этотъ суровый воинъ, оказывалось, былъ гораздо моложе, чѣмъ я думалъ. Это былъ еще почти юноша... Я смотрѣлъ теперь на его короткіе бѣлокурые волосы и думалъ: если бы сбросить съ него эту тяжелую каску и саблю, снять этотъ бѣлый мундиръ, подстричь усы и затѣмъ одѣть его въ обыкновенную одежду, какую носятъ наши поселяне, то изъ него вышелъ бы славный деревенскій парень, и дѣвушки стали бы заглядываться на него... Впрочемъ, нѣтъ! едва-ли онъ могъ бы такъ скоро обратиться въ простого и веселаго деревенскаго парня. Извѣстная солдатская складочка уже легла на его нравственную физіономію, также какъ и на его лицо. Мнѣ стало жаль его...

— Благодарю!—проговорилъ онъ, подавая мнѣ кружку и поспѣшно вздѣвая на себя свой шлемъ.

И странное дѣло: въ этомъ «благодарю» выразилось чувство, слышалось что-то человѣческое, хотя, конечно, слабо, какъ бы доносившееся откуда-то издалека... но все-таки слышалось! Я посмотрѣлъ на него; лицо его уже снова окаменѣло.

Наконецъ, въ сопровожденіи его я вышелъ изъ дома. Мы проходили по темнымъ, пустыннымъ улицамъ. Вдали еще слышался громъ и изрѣдка блистала молнія. Дождь еще продолжалъ накрапывать, вѣтеръ дулъ съ яростью и все норовилъ сорвать мой капишонъ, накинутый на голову. Ни одной живой души не встрѣтилось намъ по дорогѣ. Я слышалъ за собой только ровный, размѣренный шагъ моего спутника и звяканье его сабли. Я посмотрѣлъ на небо. Небо было такъ же черно, какъ и земля, утопавшая во мракѣ. Черезъ четверть часа ходьбы мы приблизились къ каналу, и я мелькомъ заглянулъ черезъ рѣшетку... Вода въ каналѣ—черная, какъ чернила,—съ глухимъ шумомъ плескалась о каменныя стѣны. Мы перешли черезъ мостъ и очутились прямо передъ темными воротами крѣпости. Два фонаря тускло горѣли у входа, и ихъ мерцающій красноватый свѣтъ напрасно боролся съ заливавшей его темнотой. Смутно мерещились, едва выдѣляясь на черномъ фонѣ ночного неба, сѣрыя, тяжелыя, зубчатыя стѣны и круглыя башни по угламъ ихъ. Сердце мое забилось, когда я увидѣлъ такъ близко передъ собой эти сѣрыя стѣны, эти башни, эти темныя, массивныя желѣзныя ворота... Я зналъ, что эта крѣпость уже давно не стрѣляетъ въ непріятеля и даже не въ состояніи защищать городъ отъ нашествія вражескаго; я зналъ, напротивъ, что она представляетъ теперь собой большой каменный гробъ, въ которомъ гибнутъ безъ воздуха и свѣта представители народа, наши лучшія силы, свѣтъ, радость и счастіе уже многихъ поколѣній. Уже давно австріецъ обратилъ эту крѣпость въ тюрьму. Я зналъ изъ исторіи, что прежде она славно громила и нѣмцевъ, и французовъ, и испанцевъ... Тѣ времена уже забыты. А теперь, напротивъ, воспоминанья всѣхъ полны разсказами объ ужасахъ подземелій Санъ-Піетро, о несчастныхъ узникахъ, томящихся въ этихъ каменныхъ стѣнахъ...

Въ воротахъ, сбоку, тихо—неслышно растворилась калитка и такъ же неслышно тотчасъ же замкнулась за нами. Мы очутились въ какомъ-то мрачномъ проходѣ со сводами. У стѣны горѣлъ большой красный фонарь.

Гдѣ-то близко въ темнотѣ слышался плескъ воды. Тутъ припомнились мнѣ многочисленные разсказы, ходившіе въ народѣ, о томъ: какъ въ тюрьмѣ избавлялись отъ нѣкоторыхъ, болѣе опасныхъ узниковъ. Ихъ, говорятъ, просто, сбрасывали черезъ потайные люки въ какіе-то подземные каналы, будто бы проходившіе подъ Санъ-Піетро. Все это сѣрое зданіе, съ его бойницами и съ живущими въ немъ людьми, было изстари облечено покровомъ тайны. О происходившемъ въ стѣнахъ его говорили шопотомъ... Немудрено, что теперь мое воображеніе, безъ того уже возбужденное въ тотъ вечеръ, разыгралось не на шутку. Опять чудовищныя картины дантовскаго Ада замелькали передо мной...

Въ это время изъ-подъ сводовъ узкаго, мрачнаго прохода мы выбрались на такой же мрачный, небольшой дворъ. Этотъ дворъ скорѣе походилъ на громадный каменный колодезь—безъ воды. Нужно было загнуть голову для того, чтобы увидѣть вверху клочекъ неба. Дворъ былъ квадратный. Четыре высокія, сѣрыя стѣны, сходившіяся другъ съ другомъ подъ прямымъ угломъ, окружали дворъ. Въ каждой стѣнѣ зіяли, какъ щели, темныя, узкія окна; въ каждой стѣнѣ были небольшія ворота, и у каждыхъ воротъ горѣло по фонарю. Тишина нарушалась только завываньемъ вѣтра, звяканьемъ оружія, да мѣрнымъ шагомъ часового, гдѣ-то невидимо расхаживавшаго въ темнотѣ. Мы направились въ лѣвыя ворота отъ главнаго входа и опять черезъ узкій, полуосвѣщенный проходъ выбрались на второй дворъ, походившій на какое-то ущелье. Можно было догадываться, что этотъ узкій дворъ обходилъ вокругъ всего центральнаго тюремнаго зданія. Въ полумракѣ осторожно я подвигался впередъ. Наконецъ, мы подошли къ низкому, каменному зданію, очевидно, примыкавшему къ внѣшней крѣпостной стѣнѣ,— и взошли на подъѣздъ, то-есть, на двѣ каменныя плиты, положенныя одна на другую въ видѣ ступени. Тотчасъ же къ намъ на встрѣчу вышелъ какой-то молоденькій офицеръ, очень красивый собой, и, придерживая рукой саблю, осмотрѣлъ меня съ ногъ до головы испытующимъ взглядомъ. Шопотомъ перемолвился онъ по нѣмецки нѣсколькими словами съ моимъ нѣмымъ спутникомъ и затѣмъ, молча, указалъ мнѣ рукой на корридоръ. Солдатъ остался у входа, а офицеръ пошелъ впереди меня. Корридоръ освѣщался кое-гдѣ горѣвшими ночниками; противоположный конецъ его пропадалъ во мракѣ. Мы шли, молча... Вдругъ посреди тишины гдѣ-то неподалеку за стѣной послышался слабый, протяжный, полузаглушаемый стонъ. Я вздрогнулъ, холодъ пробѣжалъ у меня по спинѣ. И опять этотъ стонъ—тихій, жалобный... Сердце у меня забилось, ноги какъ-то отяжелѣли, и я невольно пріостановился, чтобы перевести духъ. Офицеръ тотчасъ же оглянулся на меня и, нахмуривъ свои красивыя брови, отрывисто, рѣзко проговорилъ:

— Идите же!

Вдругъ мы остановились передъ одною изъ тѣхъ дверей, о которыхъ я только-что говорилъ. Въ ту же минуту передъ нами явился какой-то низенькаго роста господинъ, широкоплечій и коренастый, въ военномъ сюртукѣ на-распашку. Откуда онъ взялся,—я не видалъ; онъ точно изъ земли выросъ. Его рыжеватые волосы, сухіе и взъерошенные, низко свѣсились на лобъ и болѣе походили на всклокоченную шерсть дикаго звѣря, чѣмъ на волосы. Отъ него припахивало виномъ. Физіономія его была отвратительна. Нижняя часть лица выдавалась впередъ, какъ у хищнаго, плотоядnаго животнаго; губы—толстыя, щеки—одутловатыя, красныя, красный носъ, глаза, горѣвшіе въ одно и то же время жестокостью и ненасытнымъ сладострастіемъ... Мнѣ подумалось, что ветхозавѣтные старцы, такъ подло нападавшіе на Сусанну, должны были нѣсколько походить на этого тюремщика. Офицеръ пошепталъ съ нимъ и ушелъ назадъ. А плотоядный господинъ сталъ отмыкать передо мной дверь. (Очевидно, онъ былъ одинъ изъ смотрителей).

— Войдите и кончайте скорѣе свое дѣло! —на ломанномъ итальянскомъ языкѣ, сиплымъ голосомъ прохрипѣлъ онъ, отворяя дверь и предлагая мнѣ войти.

Я вошелъ...

Я пишу не для печати, не для читателей: я пишу для самого себя—лишь для того, чтобы коротать хоть какъ-нибудь свое грустное одиночество. Мой дневникъ, вѣроятно, пропадетъ вмѣстѣ со мной. Можетъ быть, уличные ребятишки, играя, изорвутъ его, или эти листы пойдутъ на оклейку чего-нибудь или попадутъ въ коробъ старьевщика... Значитъ, съ этими листами, какъ съ самымъ вѣрнымъ молчаливымъ другомъ, я могу быть совершенно откровененъ и могу здѣсь разсказать все, что я видѣлъ и слышалъ, все, что пережилъ въ какія-нибудь десять—пятнадцать минутъ,

проведенныхъ мною въ кельѣ заключеннаго.

Каменная клѣтка или — вѣрнѣе — каменный склепъ, въ четыре аршина длины и аршина три ширины: это камера заключеннаго, того умирающаго страдальца, напутствовать котораго призвали меня. Здѣсь такъ низко, что я даже при своемъ невысокомъ ростѣ стоялъ, слегка согнувшись, чтобы не стукнуться головой о своды. Было мрачно, сыро и холодно. Тусклый, скупой полусвѣтъ проникалъ сюда изъ корридора черезъ стекло въ верхней части двери. Сѣрыя, холодныя стѣны были покрыты какою-то зеленовато-бурою слизью; со сводовъ—капало. Воздухъ здѣсь былъ до того удушливъ и ядовитъ, что голова у меня тотчасъ же закружилась, какъ только я вошелъ въ камеру. Словно, молотокомъ стукало меня въ темя, а передъ глазами сталъ расплываться какой-то сѣровато-красный туманъ. Мнѣ было трудно дышать... Я почувствовалъ страшную слабость и, машинально прислонившись къ стѣнѣ, на мгновенье поникъ головой.

«Неужели здѣсь могутъ жить!»—мелькало у меня въ головѣ. Я слыхалъ, что цѣлые десятки лѣтъ люди жили и живутъ въ этихъ каменныхъ гробахъ—въ совершенномъ одиночествѣ, безъ живого слова, безъ свѣта, безъ воздуха и безъ надежды когда-нибудь выйти отсюда, увидать распускающійся полевой цвѣтокъ, солнечный золотистый лучъ и ясныя небеса... Мой дядя, Джіованни, говорятъ, прожилъ въ такомъ казематѣ шестнадцать лѣтъ —до самой смерти. Знаменитый Ферини, желавшій поднять народъ противъ австрійцевъ, желавшій ему свободы и счастья, томился въ такомъ же казематѣ цѣлыхъ 20 лѣтъ и умеръ.

Все, что здѣсь записано и еще многое другое, что уже выскользнуло изъ моей старческой памяти, въ одно мгновенье промелькнуло въ моей головѣ, когда я, было, въ припадкѣ малодушной слабости прислонился къ стѣнѣ. Но тотчасъ же черезъ одежду я почувствовалъ, что стѣна совершенно сыра,—и отшатнулся...

Дверь въ камеру осталась полуотворенною. Красноватый, тусклый свѣтъ ночника, помѣщавшагося неподалеку въ корридорѣ, еле брезжущей полосой падалъ теперь въ камеру. При помощи этого освѣщенія я увидѣлъ передъ собой у стѣны желѣзную кровать. Около нея въ стѣнѣ были вбиты два заржавѣвшихъ желѣзныхъ кольца, а въ нихъ—теперь неподвижно—висѣли цѣпи. Плиты каменнаго пола въ этомъ мѣстѣ были сильно выбиты... Вѣроятно, не одно поколѣніе заключенныхъ выбивали эти углубленія своими ногами. На постели лежало что-то неподвижное. Я сдѣлалъ шагъ и наклонился надъ кроватью... Тутъ лежалъ человѣкъ или—вѣрнѣе—одна тѣнь его. Какой-то грязный и смрадный, дырявый войлокъ, вродѣ лошадиной попоны, прикрывалъ лежавшаго до пояса... Много я видѣлъ на своемъ вѣку всякихъ больныхъ, умирающихъ и мертвецовъ... но до тѣхъ поръ, пока я не увидалъ этого несчастнаго страдальца, я представить себѣ не могъ: до какой страшной, поразительной худобы можно было довести живого человѣка. Передо мной былъ не трупъ, худой и измозженный, но, просто, скелетъ, обтянутый сѣровато-желтой кожей. Его руки, тонкія и сухія, буквально лежали, какъ плети. Грудь не впала, но была, казалось, совершенно вдавлена внутрь. Кости грудины и каждое ребро выдавались въ полусвѣтѣ такъ явственно, такъ отчетливо, какъ будто были обведены чернымъ карандашемъ. Животъ опалъ такъ низко, что его, какъ будто совсѣмъ не было. Слабое, прерывистое дыханіе было чуть-чуть замѣтно...

А лицо!.. Нѣтъ! Я не въ силахъ въ точности изобразить это лицо, хотя бы я исписалъ нѣсколько страницъ... Темные, потухшіе глаза ввалились такъ глубоко, что ихъ едва было видно въ полумракѣ. Они казались матовыми, и пока я смотрѣлъ на нихъ — они оставались совершенно неподвижны. Ротъ былъ полуоткрытъ и зіялъ темною щелью. На всемъ лицѣ рѣзко выдавался только сильно заострившійся носъ. Темные волосы съ просѣдью, смоченные каплями пота, прилипли на вискахъ и на лбу... И все это желтое, блѣдное лицо было покрыто сѣроватымъ, землянистымъ оттѣнкомъ, какой замѣчается иногда на лицахъ труповъ. Красноватый полусвѣтъ, проникавшій въ камеру, придавалъ этому измозженному лицу какой-то особенно выразительный, страшный отпечатокъ... Я посмотрѣлъ по направленію къ двери. Тамъ стоялъ смотритель, прислонившись къ притолкѣ. Тѣнь отъ его косматой головы тихо передвигалась по потолку...

— Кто это?—невольно сорвалось у меня съ языка.

Смотритель высунулъ изъ-за двери свою рыжую голову и разсѣянно заглянулъ въ камеру.

— Кто это?—повторилъ я, указывая на умирающаго.

— Нумеръ четырнадцатый! — отрывисто, рѣзко отвѣтилъ смотритель, и нетерпѣливымъ тономъ добавилъ: — Нельзя-ли безъ разспросовъ, да кончайте скорѣе!..

Кто-же этотъ несчастный? Какъ его имя? Какого онъ рода—племени? Сколько ему лѣтъ и давно-ли онъ томится въ этомъ ужасномъ казематѣ? И за что — за что загублена его жизнь?.. Кто мнѣ отвѣтитъ на эти вопросы! Если смотритель хотя на шагъ отойдетъ отъ двери, я рѣшился попытаться—спросить самого умирающаго. Можетъ быть, у него найдется силы промолвить нѣсколько словъ—послѣднихъ словъ. Можетъ быть, онъ сдѣлаетъ какое-нибудь завѣщаніе, выскажетъ свое послѣднее желаніе, свою предсмертную волю, которую, авось, я въ состояніи буду исполнить. Безъ сомнѣнія, это одинъ изъ нашихъ патріотовъ, одинъ изъ многихъ, безслѣдно и безвѣстно пропавшихъ... Безъ сомнѣнія! Вся обстановка его убѣждаетъ меня въ этомъ... Правда, въ Санъ-Піетро содержатся и разбойники. Но, я слышалъ, они помѣщаются лучше...

Тутъ обычнымъ порядкомъ я началъ исповѣдывать умирающаго. Смотритель опять заглянулъ въ камеру.

— Вы, отче, отвѣта отъ него не дожидайтесь!—съ усмѣшкой проговорилъ онъ.—Нумеръ четырнадцатый не говоритъ, да, кажется, и не понимаетъ ничего... Только вы—живѣе... Не мѣшкайте!..

Въ то время, какъ мы переговаривались, я замѣтилъ, что по лицу умирающаго пробѣжала какъ-бы судорога. Мнѣ почудилось, что глаза его, уставившіеся въ одну точку, вдругъ обратились ко мнѣ. Не слышалъ-ли, не понялъ-ли онъ: о чемъ мы говорили? До той поры мнѣ самому казалось, что онъ ничего не видитъ, не слышитъ и не разумѣетъ. Но теперь я подумалъ, что передо мной еще—не трупъ, ближе наклонился къ нему и началъ шептать молитву. Ахъ, какъ мнѣ хотѣлось поговорить съ нимъ!.. Небо, видно, подслушало мое горячее желаніе: смотритель, все время до тѣхъ поръ торчавшій у двери, вдругъ куда-то скрылся... Продолжая читать молитву, я приникъ къ изголовью умирающаго и съ напряженіемъ всматривался въ его лицо, въ его глаза. Увы! Видно, страданія сдѣлали свое дѣло. Глаза были совершенно безсмысленны, какъ у идіота; никакого выраженія не замѣчалось въ лицѣ... Не умираетъ-ли онъ, не умеръ-ли?.. Если бы онъ меня понялъ, если бы онъ шепнулъ мнѣ что-нибудь!

Я тотчасъ же поспѣшилъ воспользоваться отсутствіемъ рыжеволосаго человѣка.

— Сынъ мой!—внятно заговорилъ я, наклоняясь надъ нимъ, и положилъ свою руку ему на руку: этимъ движеніемъ я надѣялся сильнѣе обратить на себя вниманіе умирающаго.—Я — твой другъ, я—твой послѣдній утѣшитель! Довѣрься мнѣ... Скажи: не могу-ли я что-нибудь сдѣлать для тебя? Я все исполню, все, что въ моихъ силахъ... Нѣтъ-ли у тебя родныхъ, и гдѣ они? Не хочешь-ли ты имъ передать что-нибудь? Скажи, молви только слово...

Тутъ вдругъ въ глазахъ умирающаго, въ глазахъ, дотолѣ тупыхъ и неподвижныхъ, мелькнуло осмысленное, человѣческое выраженіе. Но эти глубоко впалые глаза, казалось, смотрѣли на меня откуда-то издалека, какъ будто изъ другого міра. Я не могу вполнѣ передать ихъ выраженіе: въ нихъ была скорбь, отчаяніе, жалоба... Я чувствовалъ, какъ его сухіе, длинные пальцы затрепетали; онъ, какъ будто, хотѣлъ пожать мою руку. Но это слабое, чуть слышное пожатіе, повидимому, стоило ему громадныхъ усилій... Сухія губы его зашевелились, и я надѣялся, что вотъ-вотъ онъ вымолвитъ слово. Но, нѣтъ!—онъ только стоналъ и мычалъ — протяжно, жалобно. Это глухое мычанье, просто, всю душу переворачивало во мнѣ...

— Сынъ мой!—заговорилъ я опять.—Соберись съ силами... Воспользуемся временемъ, пока нѣтъ тюремщика! Скажи мнѣ что-нибудь... чѣмъ бы я могъ тебя утѣшить, облегчить твои страданія? Я догадываюсь, я знаю, что ты страдалъ тяжко, страдалъ за ближнихъ... Но имя твое мнѣ неизвѣстно. Кто ты?

Умирающій простоналъ и съ такимъ жгучимъ, безграничнымъ отчаяніемъ взглянулъ на меня, что я даже вздрогнулъ. Несчастный! Онъ даже не могъ говорить... Мычанье и тяжкіе стоны,—и болѣе ничего! На глазахъ умирающаго блеснули слезы... Мнѣ было очень тяжело, какъ будто что-то давило мнѣ горло и грудь! Я уже давно не плакалъ, не плакалъ цѣлые десятки лѣтъ, а теперь чувствовалъ, какъ къ глазамъ моимъ подступали жгучія слезы. Сознаніемъ безсилія были выжаты онѣ... Въ самомъ дѣлѣ, что я могъ

сдѣлать для своего умирающаго брата? Вѣдь, онъ былъ уже доведенъ почти до состоянія скота. Онъ даже не могъ говорить. Онъ только мычалъ, какъ звѣрь... И если бы не его скорбный, молящій взглядъ, если бы не слезы, блеснувшія у него на глазахъ, въ немъ невозможно было бы видѣть *человѣка*. Сколько лѣтъ долженъ былъ онъ томиться въ этихъ стѣнахъ, какія муки онъ долженъ былъ вынести прежде, чѣмъ дойти до такого почти безсознательнаго, безсмысленнаго состоянія, въ какомъ я его нашелъ! И не заговори я съ нимъ, *человѣкъ* не проснулся бы въ немъ. Мой голосъ, мои слова вызвали изъ пучины мрака его сознаніе, и его-то послѣднія искры блеснули въ глазахъ умирающаго.

Смотря на этого страдальца, я невольно подумалъ: жива-ли его мать? А если жива?.. Что, если бы она узнала... если бы она теперь увидѣла сына! Сердце ея истекло бы кровью... Конечно, она не покрывала его въ дѣтствѣ такимъ конскимъ войлокомъ, голова его не валялась на такой грязной и жесткой подстилкѣ. Она—любящая, нѣжная—ласкала эту голову, лелѣяла ее, сулила ей въ будущемъ счастье.

Всѣ эти чувства и мысли отрывочно, сбивчиво мелькали въ моей разстроенной головѣ, когда я, наклонившись надъ умирающимъ, стоялъ подъ сырыми и смрадными сводами каземата.

— Такъ ты не можешь мнѣ сказать ничего?—началъ я дрогнувшимъ отъ волненія голосомъ.—Ты не можешь мнѣ передать...

— Молчать! Уходите! — перебилъ меня хриплый голосъ,—смотритель входилъ въ камеру.

Умирающій сдѣлалъ усиліе схватить меня за руку. Онъ, какъ будто, хотѣлъ подолѣе удержать меня при себѣ. Съ мольбой, сквозь слезы посмотрѣлъ онъ на меня. Я, было, сталъ благословлять его—возлагать на него знаменіе креста, символъ Любви и Страданій, но рыжеволосый нѣмецъ мнѣ не далъ кончить. Онъ грубо, съ силой схватилъ меня за плечо, вытолкнулъ изъ камеры, и въ то-же мгновенье ключъ щелкнулъ въ замкѣ. За дверью послышался жалобный стонъ...

— Вы, отче, не изъ нашихъ...—раздраженнымъ тономъ, сурово заговорилъ смотритель, позвякивая связкой ключей.—Только это и можетъ васъ извинить... Вы не знаете нашихъ порядковъ. Съ заключенными вступать въ разговоры строго запрещается... А теперь—уходите!

— Но вѣдь этотъ человѣкъ, котораго вы называете «четырнадцатымъ нумеромъ», черезъ часъ—черезъ два умретъ...—возразилъ я.—Какая же тутъ можетъ быть для васъ опасность или вредъ для государства?

Смотритель, не слушая меня, уже далъ свистокъ, и по корридору ко мнѣ на встрѣчу шелъ тотъ же молоденькій, смазливый офицеръ.

— Вамъ нужно будетъ зайти въ управленіе—получить плату! — сказалъ онъ, когда мы съ нимъ подходили къ концу корридора.

— Я не возьму вашихъ денегъ! Лучше отдайте ихъ какому-нибудь бѣдному...—холодно сказалъ я этому красавчику.

Онъ только, молча, пожалъ плечами и сдалъ меня на руки солдату, но уже не тому, который провожалъ меня въ крѣпость... Опять узкіе, темные переходы, опять дворы, подобные ущельямъ, гдѣ-то впотемкахъ бряцанье оружія, красные фонари и тускло-освѣщенныя ими небольшія пространства сѣрыхъ каменныхъ стѣнъ. Наконецъ, я очутился за воротами... Да и была пора: я чувствовалъ головокруженіе, и страшная слабость одолѣвала меня—не отъ усталости, конечно, но отъ массы тяжелыхъ ощущеній, пережитыхъ мною за послѣдніе полчаса...

На улицѣ опять меня встрѣтила темная, ненастная ночь. Опять я очутился на вѣтру и на дождѣ, но я былъ радъ этому. Идя по набережной канала, я не разъ еще оглянулся на сѣрыя, массивныя стѣны, рисовавшіяся мрачнымъ силуэтомъ на темномъ, ночномъ небѣ. Долго еще впотьмахъ меня преслѣдовалъ молящій взглядъ умирающаго; долго еще я чувствовалъ на своей рукѣ легкое, но выразительное прикосновеніе его длинныхъ и сухихъ, холодныхъ пальцевъ. Долго еще представлялась мнѣ мрачная камера, тускло освѣщенная красноватымъ, мерцающимъ свѣтомъ, и сырыя, обслизлыя стѣны, и заржавѣвшія цѣпи, и каменныя плиты съ углубленіями, выбитыми чьими-то ногами. Почему-то особенно эти выбитыя плиты поразили мое воображеніе и живо запомнились мнѣ...

Я ужъ не помню теперь всего, что я передумалъ — перечувствовалъ на обратномъ пути домой.

Завѣса, прикрывавшая тайны Санъ-Піетро, неожиданно въ тотъ вечеръ приподня-

лась для меня. Теперь я думаю, что въ многочисленныхъ разсказахъ о Санъ-Піетро есть кое-что баснословное, но все-таки въ нихъ правды больше, чѣмъ вымысла... О, гораздо больше!..

1881 г.

ТРИ ДОРОГИ.

ПОВѢСТЬ.

(Посвящается моему другу дѣтства М. Л. Ç—ну).

Вы придали словамъ моимъ ужъ слишкомъ
Печальное значенье; ободрить
Хотѣлъ я васъ; хотѣлъ, чтобъ *эта ночь*
Свѣтла была, какъ день. Будь вамъ извѣстно:
Отъ завтрашняго дня добра я чаю...

Шекспиръ. (Антоній и Клеопатра. Д. 1, сц. 1).

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

(Вмѣсто увертюры).

Жарокъ лѣтній день. Высоко стоитъ солнышко въ ясномъ небѣ. Вѣтерокъ не подуваетъ... Тихо, тяжело катитъ рѣка свои волны. Неподвижно стоятъ лѣса, тихо въ лугахъ,—и глухой провинціальный городокъ, затерявшійся среди этихъ лѣсовъ и луговъ, тоже, казалось, на этотъ часъ, какъ очарованный, замеръ отъ истомы и зноя...

На краю города стоитъ старый-престарый домъ. Онъ сильно покривился и одинъ уголъ его вросъ въ землю; его стѣны почернѣли, приплюснутая кровля поросла мохомъ. Окна въ домѣ открыты, но въ нихъ никого не видно и не слышно... Въ тѣни, у воротъ лежитъ трязная, кудластая собака, безпомощно раскинувшись и высунувъ свой красный языкъ. За воротами, черезъ полуотворенную калитку, видѣнъ пустой дворъ, заросшій травой, за дворомъ—огородъ. Въ огородѣ въ нѣсколько рядовъ тянутся гряды съ горохомъ, со свеклой, съ картофелемъ, съ морковью. Вдоль плетня съ полуночной стороны растутъ старыя, развѣсистыя березы.

Теперь подъ этими березами, въ ихъ прохладной тѣни, пріютилось маленькое общество...

На травѣ, почти у самаго ствола березы сидѣла темноволосая дѣвочка съ цѣлымъ ворохомъ желтыхъ цвѣточковъ на колѣняхъ. Дѣвочка, наклонивъ головку, рылась въ цвѣтахъ и плела вѣнокъ, мурлыча себѣ подъ носъ какую-то пѣсенку. Когда она выпрямлялась и отбрасывала съ лица темныя пряди своихъ густыхъ, шелковистыхъ волосъ, въ ту пору можно было залюбоваться на ея бойкіе, каріе глазки, оттѣненные длинными рѣсницами, на ея пунцовыя, полураскрытыя губы и на смуглыя щеки, залитыя густымъ, горячимъ румянцемъ. На ней—простое ситцевое платьице съ короткими рукавами, а на волосахъ—красная, засаленная лента. По всему видно, что дѣвочка жила не въ холѣ...

Неподалеко отъ нея, тутъ же подъ березой, растянулся на травѣ мальчуганъ У него—тоже темные волосы, темные глаза и щеки тоже пышутъ здоровымъ румянцемъ. Верхняя губа его слегка вздернута, что и придаетъ его хорошенькому лицу нѣсколько насмѣшливый, полуспѣсивый, полузадорный видъ. На немъ—щегольская куртка синяго сукна и сѣрые панталоны. Волосы его напомажены и, какъ видно, старательно причесаны. Материнская, нѣжная рука — да! непремѣнно, материнская—охорашивала этого мальчугана... Онъ растегнулъ свою куртку и, заложивъ руки подъ голову, прищурившись, смотритъ вверхъ на живой зеленый навѣсъ, раскинутый надъ нимъ кужлявыми березами. Мальчикъ нѣжится, отдыхаетъ. Далеко отброшенная отъ него книга торчитъ изъ травы...

Другой мальчуганъ—блондинъ, крѣпкій и коренастый—расположился на лугу, на са-

момъ солнцепекѣ. Его худощавое, загорѣлое лицо некрасиво, но очень выразительно—смѣлое, открытое лицо. Спокойно и увѣренно смотрятъ его большіе, сѣрые глаза. Въ нихъ видѣнъ умъ. Крѣпко сжатыя губы и легкія складочки по сторонамъ ихъ говорятъ о томъ, что въ этомъ маленькомъ, худенькомъ тѣлѣ живетъ крѣпкая воля и духъ бодрый... Старенькій, потертый по швамъ сюртукъ сидитъ на немъ мѣшковато; на одномъ изъ порыжѣвшихъ сапогъ его видна заплата... Теперь глаза его смотрятъ очень озабоченно. Онъ сидитъ, скрестивъ ноги потурецки, и дѣлаетъ лукъ — самострѣлъ. Онъ, очевидно, размышляетъ о томъ: какъ бы покрѣпче натянуть тетиву.

Эти мальчики были школьными товарищами и друзьями.

Они сегодня—герои. Для нихъ сегодня—праздникъ. Они кончили въ училищѣ курсъ, и только-что возвратились съ послѣдняго экзамена...

— Что это, Гриша, ты на солнышкѣ жаришься? Иди къ намъ, сюда!—промолвила дѣвочка, обращаясь къ тому, кто занимался отдѣлкой лука.

— Я хочу быть спартанцемъ!—отвѣтилъ Гриша, поднимая на дѣвочку свои большіе, сѣрые глаза.—Я хочу ко всему пріучать себя—къ жару, къ холоду и голоду...

— А если бы лисица стала когтями грудь тебѣ разрывать, стерпѣлъ бы ты?—спросилъ мальчуганъ, лежавшій подъ березой: отрывки изъ греческой исторіи были еще свѣжи у него въ памяти.

— Стерпѣлъ бы, конечно! — отозвался Гриша.

— А ты не плакалъ, когда тебя смотритель въ послѣдній разъ сѣкъ? Помнишь... за подсказыванье...

— Ни-ни!—даже не крикнулъ...

Молчаніе. Только слышно, какъ гдѣ-то на заборѣ чирикаютъ воробьи.

— Ужь не станешь-ли ты вериги носить, а?—немного погодя, смѣясь, спросилъ Гришу товарищъ.

— Можетъ быть, и стану! — промолвилъ тотъ, и свѣтлою, спокойною улыбкой озарилось его загорѣлое, некрасивое лицо.

— Вася! Что такое значитъ—вериги?—спросила дѣвочка у своего лежавшаго товарища.

— Вериги!.. А это—такое тяжелое желѣзо... на голомъ тѣлѣ носятъ! — пояснилъ Вася.

—Для чего же это? Вѣдь это больно...—замѣтила дѣвочка, строя кислую гримасу.

— Мало-ли, что «больно»... Для того и носятъ, чтобы было больно, чтобы спастись...

Дѣвочка подняла голову. Подпершись ручонкой подбородокъ, она не то съ недоумѣньемъ, не то съ жалостью посмотрѣла на Гришу и покачала головой, какъ будто уже, въ самомъ дѣлѣ, видѣла на его тѣлѣ страшныя желѣзныя вериги.

— А какъ хорошо, братъ, что кончились экзамены!—съ увлеченіемъ вскричалъ Вася, оборачиваясь къ товарищу-спартанцу.

— Да! Я тоже радъ! — восторженно подхватилъ Гриша.—Теперь все лѣто мы будемъ на волѣ... Станемъ ходить въ лѣсъ, кататься въ лодкѣ, купаться... Я досталъ много книгъ, будемъ читать... Чудесно!

— Отлично!—поддакнулъ Вася.

Гриша бросилъ лукъ и съ живѣйшимъ удовольствіемъ посмотрѣлъ вокругъ себя.

А вокругъ него на ту пору было очень, очень хорошо... Горохъ высоко вился по жердочкамъ, а по плетню красиво взбирался хмѣль. На грядахъ, позаросшихъ травой, сочные, темнозеленые листья свекольника чередовались съ узорчатымъ листомъ моркови. Тамъ, подалѣе, густо сидѣлъ картофель; еще далѣе гряздился лукъ. По всѣмъ грядамъ и въ бороздахъ пестрѣли цвѣты мака всевозможныхъ оттѣнковъ, начиная отъ бѣлаго и кончая яркопунцовымъ. Тамъ и сямъ изъ травы выглядывали розовая гвоздика, желтые цвѣточки дикаго цикорія, бѣлѣла куричья слѣпота, синѣли незабудки. Въ тихомъ воздухѣ пахло цвѣтами и травой... Растрепанное, соломенное чучело самаго безобразнаго вида, съ широко раскинутыми руками, увѣшанное черными лоскутьями какой-то старой одежи, темною тѣнью таращилось надъ грядами гороха. Только оно одно невзрачнымъ пятномъ выступало на этомъ блестящемъ фонѣ зелени, цвѣтовъ и яснаго, сіяющаго неба... Этотъ уютный уголокъ сада представлялся въ тѣ минуты какимъ-то маленькимъ царствомъ овощей, зелени и цвѣтовъ.

Кто въ дѣтствѣ не видалъ себя въ такомъ тихомъ, уютномъ и привольномъ уголкѣ, кто не дышалъ такимъ воздухомъ, напоеннымъ запахомъ свѣжей зелени и цвѣтовъ, тотъ, значитъ, не видалъ многихъ фантастическихъ сценъ, не видалъ очень хорошихъ сновъ...

Дѣвочка, наконецъ, доплела вѣнокъ и, надѣвъ его на свои темные волосы, поднялась съ земли.

— Хорошо? Смотрите... Идетъ вѣдь ко мнѣ?—спросила она, обращаясь къ мальчикамъ.

— Надя! Гдѣ ты?—послышался за плетнемъ дребезжащій старушечій голосъ.

— Здѣсь, бабушка!.. Я сейчасъ иду! — откликнулась дѣвочка и побѣжала изъ огорода.

Вася задумчиво смотрѣлъ ей въ слѣдъ, а маленькій спартанецъ вовсе не обратилъ вниманія ни на нее, ни на ея хорошенькій вѣнокъ.

— Вечеромъ приду... Будемъ въ мячикъ играть!—прозвенѣлъ уже издали ея голосокъ.

Мальчики остались одни. Опять молчаніе... Вася, задумавшись, лѣниво ощипывалъ лепестки цвѣтовъ, оставленныхъ послѣ себя дѣвочкой. Гриша додѣлывалъ лукъ и, наконецъ, кончилъ его. Началась проба. Маленькія стрѣлы засвистали въ воздухѣ, то попадая въ плетень, то погружаясь въ густую траву. Гриша остался доволенъ своимъ лукомъ и, повѣсивъ его на сучекъ дерева, присѣлъ къ своему другу.

— А все-таки, Гриша, спасибо тебѣ! — заговорилъ тотъ, приподнимаясь съ травы и опуская руку товарищу на плечо.—Если бы не ты, едва-ли бы я не срѣзался изъ ариѳметики...

И въ порывѣ живого, дѣтскаго восторга, какого намъ, читатель, уже не испытывать и даже, можетъ быть, не понять,—мальчики бросились другъ другу въ объятія и крѣпко-крѣпко поцѣловались.

Искренни были ихъ рѣчи, ихъ крѣпкія объятія и поцѣлуи. Ихъ дѣтскія души въ тотъ часъ были такъ же невозмутимо спокойны и ясны, какъ ихъ свѣтлые глазенки, какъ синее небо, сіявшее надъ ихъ головами. Въ ту пору для нихъ шелъ золотой вѣкъ...

— Гриша! Мы никогда не будемъ съ тобой ссориться... слышишь! Никогда! — говорилъ Вася.

— Никогда! — съ жаромъ поддакивалъ Гриша.

Они будутъ «всегда, всегда любить другъ друга» и имъ будетъ «такъ хорошо» жить...

Неподалеко отъ нихъ въ кусту чирикала малиновка, какъ бы освящая и подтверждая своимъ тихимъ щебетаньемъ тотъ прекрасный обѣтъ, который въ тѣ минуты лепетали ихъ чистыя, дѣтскія уста...

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Послѣ утренней сцены въ огородѣ подъ березами—прошло 20 лѣтъ.

На счетахъ Вѣчности 20 лѣтъ—одно мгновенье, но на житейскихъ нашихъ счетахъ 20 лѣтъ—большой промежутокъ времени. За эти двадцать лѣтъ много воды утекло...

Прошумѣли народныя бури, сокрушились царскіе троны и цари ушли въ изгнаніе. Пытливый умъ человѣческій работалъ; въ итогѣ работъ его въ области техники и механики получались чудеса. Въ государственной и общественной жизни то что-то строили, то разрушали; то что-то распутывали, то запутывали еще пуще; происходили реформы, болѣе или менѣе громкія, болѣе или менѣе звонкія... Великое множество новыхъ могилъ выросло на землѣ, множество народилось новыхъ людей, а живущіе, какъ сказочные оборотни, попрежнему превращались изъ барановъ то въ волковъ, то въ лисицъ или — наоборотъ. Міровая лабораторія также попрежнему дѣлала свое дѣло... Листья на деревьяхъ въ свое время желтѣли и облетали, облака плыли по небу; то сугробы снѣжные бѣлѣли на землѣ, то цвѣты разцвѣтали, сіяло солнце, а затѣмъ ложились ночныя тѣни. «А смертныхъ родъ попрежнему страдалъ», попрежнему всюду незримо лились слезы и слышался сквозь слезы смѣхъ...

Выросли и по разнымъ дорогамъ пошли наши маленькіе друзья, которыхъ читатель видѣлъ на зарѣ ихъ жизни посреди зелени и цвѣтовъ, подъ кужлявыми березками. Каждый изъ нихъ занялъ свое мѣсто въ той громадной гостинницѣ подъ вывѣской «Міръ», въ которой такъ много званыхъ и такъ мало избранныхъ...

Вася сталъ уже Васильемъ Алексѣевичемъ Прѣсновымъ. Вотъ—онъ... Высокій, довольно стройный, съ томнымъ взглядомъ «съ поволокой», румяный, съ темными усиками и съ темными, блестящими волосами. Въ общемъ лицо его смутно, слегка напоминало Петра I, какимъ тотъ, обыкновенно, изображается на портретахъ и картинкахъ, — только лицо Прѣснова было гораздо женственнѣе. Верхняя губа его, какъ была, такъ и осталась нѣсколько вздернутою. Насмѣшливая, презрительная улыбка, казалось, шла бы всего болѣе къ этимъ губамъ. Прѣсновъ многимъ нравился.

А вотъ вкратцѣ и вся его жизнь, какъ на ладони...

Когда Прѣсновъ прибылъ изъ провинціи въ Петербургъ и поступилъ въ университетъ, отецъ его на ту пору находился уже въ отставкѣ и не могъ удѣлять ему много деньженокъ. Первый годъ отецъ посылалъ ему рублей по 15, по 20 въ мѣсяцъ, а на второй годъ только выслалъ разомъ 50 рублей, да тѣмъ и покончилъ. У Прѣснова былъ въ Петербургѣ богатый дядя (довольно важный чиновникъ и немного писатель), но между дядей и отцомъ Прѣснова давно уже пробѣжала черная кошка. Уже много лѣтъ они даже не переписывались и не подавали о себѣ другъ другу никакой вѣсточки. По пріѣздѣ въ Питеръ, Вася Прѣсновъ только разъ былъ у дяди, возмутился до глубины души его холоднымъ пріемомъ и далъ себѣ слово никогда болѣе не переступать дядинаго порога. «Зазнался, старый чортъ! И рыло воротитъ...» сказалъ онъ про себя. «Думаетъ: за его денежки всѣ ему въ дугу гнуться станутъ. Нѣтъ! Шалишь, скаредъ! Ломайся надъ другими, надъ кѣмъ знаешь... а ужъ я твоему золотому тельцу кланяться не буду!..» Хорошъ былъ Вася въ тѣ минуты—въ минуты справедливаго негодованія и сознанія своего человѣческаго достоинства. Его устами въ тѣ минуты выражался протестъ, вѣчно заявляемый буйными головушками противъ поклоненія золотому тельцу. Но золотой телецъ за такое презрѣніе къ нему жестоко даетъ себя знать всѣмъ буйнымъ головамъ...

Отцовскихъ денегъ Васѣ хватило не надолго; пришлось пробиваться уроками. Началась извѣстная музыка... Тогда, какъ и въ наши дни, послѣднія страницы газетъ пестрѣли объявленіями о томъ, что «студентъ» или, просто, «молодой человѣкъ» желаютъ давать уроки по *всѣмъ предметамъ* «за самое умѣренное вознагражденіе» или «за столъ и квартиру». Такъ съ отчаяніемъ взывала холодная, голодная бѣдность, не могшая ходить по улицамъ за подаяніемъ или стоять на церковной паперти съ протянутой рукой. Безъ знакомствъ, безъ протекціи работа находилась съ большимъ трудомъ... У Прѣснова были только одни уроки, и пятнадцати рублей въ мѣсяцъ съ этихъ уроковъ ему не хватало на прожитье. Поэтому ему приходилось перебиваться кое-какъ, прихватывая у товарищей по двугривенному въ долгъ. Съ товарищами онъ жилъ дружно: человѣкъ въ бѣдѣ, въ опасности всегда крѣпче жмется къ своимъ ближнимъ. А Прѣсновъ, при безденежьи, часто попадалъ въ бѣду. Товарищи относились къ нему хорошо, считали его «добрымъ малымъ», но «со странностями». У кого же нѣтъ странностей!.. У Прѣснова, напримѣръ, была такая манера: если у него, бывало, случайно заведется въ карманѣ лишній рубль, онъ тотчасъ же непремѣнно зайдетъ къ Доминику выпить рюмку водки, или купитъ какой-нибудь щегольской галстухъ à la *чортъ возьми*. Надъ этой маленькой странностью подсмѣивались, но никто не ставилъ ее Прѣснову въ укоръ, тѣмъ болѣе никто не думалъ, что изъ нея можетъ вырости какое-нибудь чудовищное безобразіе. Прѣсновъ отшучивался отъ насмѣшекъ и оставался недоволенъ лишь тѣмъ, что его галстучекъ или новая шляпа далеко не гармонировали съ остальнымъ его костюмомъ. Сапоги, положимъ, хотя не новые, но блестятъ чудесно; не даромъ же Вася каждое утро чиститъ ихъ ваксой съ сахаромъ и третъ ихъ щеткой съ изумительнымъ терпѣніемъ. Сюртукъ — старъ, безспорно, старъ; брюки тоже обшаркались; пальто коротенькое, вышедшее изъ моды... «Терпи казакъ, атаманъ будешь!» — утѣшалъ себя Прѣсновъ.

Знакомыхъ семейныхъ домовъ у Прѣснова съ товарищами насчитывалось немного, семьи двѣ-три. Но зато на вечеринки въ эти дома онъ являлся по возможности въ приличномъ видѣ. Носовой платокъ его всегда припахивалъ духами, хотя бы самыми дешевенькими. Когда же на вечеринкѣ случались франты, превосходившіе его своимъ щегольствомъ, то Вася отводилъ душу тѣмъ, что немилосердно еропилъ себѣ волосы и съ особеннымъ удареніемъ упиралъ на слова: «мы, студенты», какъ бы давая тѣмъ знать, что ему, какъ человѣку не отъ суетнаго міра сего, нельзя ставить всякое лыко въ строку; что его отнюдь нельзя сравнивать, напримѣръ, съ этимъ «офицерикомъ» или съ тѣмъ «чиновникомъ». На этихъ франтовъ онъ поглядывалъ съ презрѣніемъ, но въ душѣ, должно полагать, шибко завидовалъ имъ... Въ университетѣ безшабашное, напускное ухорство его пропадало. Здѣсь онъ, въ свою очередь, подшучивалъ надъ «красными рубахами», и надъ «плисовыми штанами», заправленными въ высокіе «сапожищи». (Въ ту пору, въ университетскихъ аудиторіяхъ такіе костюмы встрѣчались еще довольно часто). Но эти шутки не мѣшали ему совершенно дружески пожимать руку волосатымъ личностямъ въ грязныхъ рубахахъ «на-выпускъ» и высокихъ сапо-

жищахъ, не мѣшали ему, повидимому, совершенно дружелюбно смотрѣть въ ихъ честные, добродушные глаза. Участвуя, какъ водится, въ студенческихъ пирушкахъ, онъ много не пилъ, но все-таки прихлебывалъ достаточно. И не разъ, скинувъ сюртукъ, при синеватомъ пламени пуншевой чаши, Прѣсновъ сидѣлъ раскраснѣвшійся, въ облакахъ табачнаго дыма, и вмѣстѣ съ прочими громко, нестройно напѣвалъ:

«Кто къ рому и къ водкѣ
Не indifferent;
Кто счастливъ съ красоткой,
Тотъ истый студентъ!
Мы всѣ жизни рады,
Жарка наша кровь...
Такъ пейте-жъ, камрады,
Такъ пойте-жъ любовь!»...

Затѣмъ шли: «Vivant omnes virgines», «Vivat et Respublica» и т. п. Иногда ночью, возвращаясь съ пирушки или таскаясь изъ переулка въ переулокъ по Васильевскому Острову, онъ вмѣстѣ съ товарищами такъ громогласно затягивалъ пѣсенки, что городовые только покашливали, прижимаясь къ стѣнѣ, и, по удаленіи шумной ватаги, храбро ворчали ей вслѣдъ: «Проходите, проходите, господа!» Не мѣшаетъ также замѣтить для полноты характеристики Прѣснова, что онъ ни въ какихъ «исторіяхъ» не попадался и по полицейскимъ участкамъ не странствовалъ. Человѣкъ зналъ мѣру, всякому увлеченію полагалъ надлежащую границу и умѣлъ вовремя ретироваться вспять... Вмѣстѣ съ прочими Вася читалъ и запретныя произведенія въ родѣ «Колокола», «Полярной Звѣзды», Стихотвореній Огарева и т. п. книги, съ надписью: «London. Pater Noster Row». Кажется, не будетъ ошибки, если сказать, что Прѣсновъ читалъ всѣ эти книги болѣе изъ праздная любопытства, чѣмъ по какимъ-нибудь высшимъ побужденіямъ. Напрямки, до послѣдняго слова онъ никогда не высказывался, какъ другіе, въ спорахъ живого участія не принималъ, и когда шумъ слишкомъ усиливался,—онъ начиналъ унимать спорящихъ...

Въ ту же пору улыбнулась ему и первая любовь. Но и любви онъ придалъ какой-то свой, особенный отпечатокъ...

Однажды весной, возвращаясь «изъ города» на Васильевскій Островъ, Прѣсновъ повстрѣчалъ или—вѣрнѣе—догналъ одну молодую дѣвушку, съ картонкой въ рукахъ. Съ развязною любезностью Вася заговорилъ съ хорошенькою незнакомкой, (это дѣлалось въ кругу его товарищей); ему отвѣтили. Оказалось, что она—швея и возвращалась съ работой въ ту же 5 линію, гдѣ жилъ и Прѣсновъ. Слово за слово, — познакомились. На другой день они встрѣтились на бульварѣ, подъ тощими, обтерханными березками, что противъ церкви Андрея Первозваннаго. Какъ-то вскорѣ послѣ того Прѣсновъ ужиналъ съ Любой въ Золотомъ Якорѣ; они слушали, какъ старый, разбитый органъ скрипѣлъ и шипѣлъ мотивы изъ «Троватора», Вильгельма Телля — и были по-своему счастливы. Онъ сталъ изрѣдка заглядывать въ ея каморку; она также навѣщала его. Хотя Люба была дѣвушка совсѣмъ бѣдная, «съ одной лишь юбкой за душой», но выпадали не разъ такіе дни и недѣли, когда она ухитрялась при помощи жалкаго заработка прокармливать своего милаго, бѣднаго студента. Она шила ему бѣлье, починивала его платье. Прѣсновъ уже рѣшилъ про себя, что онъ въ свое время заплатитъ ей за все сторицею. Чудакъ! Какъ будто можно было заплатить деньгами за тѣ кровные гроши, которые бѣдная швея отдавала ему безъ мысли о возвратѣ или о процентахъ... Нѣтъ сомнѣнія, что эта швея любила Прѣснова крѣпко, искренно, какъ, быть можетъ, уже не полюбятъ его болѣе никогда. А любилъ-ли онъ? Впослѣдствіи онъ не разъ говаривалъ, что онъ «увлекался Любой»...

Простое, русское женское лицо — почти круглое, съ бойкими карими глазами и съ богатою русою косой; средняго роста, довольно полненькая, неглупая, доступная сожалѣнію и всѣмъ хорошимъ человѣческимъ чувствамъ, за работой—съ безконечною пѣсней, въ праздникъ, на досугѣ—веселая до легкомыслія, живая, здоровая—вотъ какова была Люба. Иногда ея румяныя щечки блѣднѣли отъ долгаго ночного сидѣнья за работой и глаза иногда бывали красны и тусклы. Тогда Вася находилъ ее некрасивой, «не интересной...» Когда же Люба забеременѣла, и слишкомъ полный станъ сдѣлалъ ея низенькую фигуру, дѣйствительно, далеко не классически стройною, Прѣсновъ, отецъ ея будущаго ребенка, подсмѣивался надъ нею и называлъ ее про себя «обрубкомъ» и «кубышкой»...

Прѣсновъ былъ уже на четвертомъ курсѣ, когда вдругъ получилось на его имя письмо съ черною печатью. Мать неразборчиво писала ему о своей «тяжкой потерѣ», о «великомъ горѣ», о томъ, что «Богу угодно было

посѣтить ее...» однимъ словомъ, Васю извѣщали о смерти его отца. Письмо, повидимому, было закапано слезами; чернила мѣстами расползлись; двѣ кляксы украшали первую страницу письма. Прѣсновъ не безъ труда прочелъ письмо матери, останавливаясь надъ нѣкоторыми каракулями, замѣтилъ въ письмѣ нѣсколько грамматическихъ ошибокъ и бросилъ его въ столъ. Живя въ гимназіи и въ Петербургѣ, онъ уже успѣлъ отвыкнуть отъ семьи... Прѣсновъ не могъ ни къ чему привыкать сильно, ни къ мѣсту, ни къ людямъ, ни къ идеѣ и никакому чувству. Впечатлѣнія въ сознаніи его скользили почти безслѣдно, какъ по гладко выполированной поверхности; воспоминанія его были блѣдны и тусклы. Этотъ человѣкъ жилъ минутой, не вспоминая о вчерашнемъ днѣ и мало задумываясь о будущемъ: въ пролетающемъ мгновеніи были для него и радости, и горе и заботы. Теперь вѣсть о смерти близкаго родного человѣка не поразила его нисколько; лишь какою-то неопредѣленною, мелкою рябью пробѣжала она по его душѣ. Хотя лицо его какъ-то вытянулось, губы сжимались, а глаза смотрѣли серьезно и мрачно, когда онъ передавалъ товарищамъ печальную вѣсть, но въ душѣ его было холодно и пусто, какъ въ нежиломъ покоѣ...

Лѣтомъ Прѣсновъ поѣхалъ къ матери въ той пріятной надеждѣ, чтобы раздобыться деньженками. Онъ думалъ, что покойный отецъ или слишкомъ транжирилъ, или скряжничалъ. «Мамаша дастъ мнѣ денегъ! Конечно, дастъ... разжалоблю!» утѣшалъ онъ себя, катя въ дилижансѣ на родную сторону. Мать встрѣтила его въ слезахъ, но, разумѣется, была несказанно рада своему единственному и любимому сыну. Она не знала, какъ говорится, въ какой уголъ посадить его, какое блюдо приготовить къ обѣду, какую комнату получше отвести ему на житье. Когда Вася спалъ, въ домѣ ходили на цыпочкахъ, говорили шопотомъ, не стукнутъ, не брякнутъ. Но во всемъ этомъ ухаживаньи для Васи представлялось мало интереса. Съ мѣсяцъ поскучалъ онъ въ родномъ захолустьи и сталъ собираться въ Петербургъ. Сынъ уже не разъ заговаривалъ съ матерью о деньгахъ, но та давала все уклончивые отвѣты. Наканунѣ отъѣзда Вася прямо приступилъ къ дѣлу и попросилъ у нея денегъ.

— Не хотѣлось мнѣ огорчать-то тебя, голубчикъ!—съ глубокимъ сокрушеніемъ проговорила старушка.—Оттого-то я и не говорила съ тобой объ этомъ... Думаешь: не вижу я, что денежки-то тебѣ нужны... Все вижу, знаю... да денегъ-то нѣтъ! Вотъ вѣдь—горе... Покойный, кромѣ долгу, ничего не оставилъ. Ужъ я все это время ходила, хлопотала для тебя; насилу достала... завтра обѣщали дать!

— Сколько же? — перебилъ ее сынъ, небрежно стряхивая съ папиросы пепелъ прямо на бѣлую скатерть, постланную на столѣ.

— Шестьдесятъ рублей, Василька... И то насилу!—отвѣтила старушка.—Знаешь: какія времена нынѣ! Деньги—дороги, ни у кого нѣтъ...

«Вотъ тебѣ и разъ!» — съ кислой гримасой подумалъ про себя Прѣсновъ. «Почти всѣ эти деньги на проѣздъ уйдутъ...останется развѣ какихъ-нибудь рублей десять!»

На другой день, какъ сказано, мать принесла ему 60 рублей.

— Ужъ такъ, право, жаль, что я не могу тебѣ больше дать... Неоткуда взять мнѣ! Что тутъ будешь дѣлать!—съ чувствомъ искренней горести сказала ему при этомъ старушка.

А онъ досадовалъ, злился...

При прощаньи мать горько-горько плакала, обнимая и цѣлуя его. Сынъ чувствовалъ, какъ ея горячія слезы падали ему на щеки, на лобъ, на глаза; онъ чувствовалъ, какъ теплыя губы крѣпко-крѣпко прижимались къ его губамъ, къ его щекѣ; онъ слышалъ, какъ старушка шептала слезно-молящимъ тономъ: «Ужъ ты, голубчикъ, не гнѣвайся на меня... что могла, все... все...» Сынъ слышалъ, чувствовалъ все это, вѣрилъ, что старушка ему говорила правду, вѣрилъ, что она для него ничего не пожалѣла бы, но тѣмъ не менѣе Вася чуть не плакалъ съ горя и досады. Ни одного теплаго луча, ни одного проблеска живого человѣческаго чувства не пробилось въ тѣ минуты сквозь сумракъ его сухихъ, практическихъ разсчетовъ и соображеній. Ни капли сочувствія, ни капли сожалѣнья не шевельнулось въ немъ въ тѣ минуты къ старухѣ—матери, съ энергіей жгучаго горя обнимавшей его своими слабыми, дрожащими руками. Онъ, изволите видѣть, надѣялся возвратиться къ своимъ петербургскимъ знакомымъ съ деньгами, разсчитывалъ прилично одѣться, устроиться comme il faut—и вдругъ, вмѣсто того, въ перспективѣ ему опять представляются потертый сюртукъ, скудные обѣды въ кухмистерской, перебиванье по грошамъ въ долгъ... Разочарованіе было до того

сильно, что подъ его острымъ вліяніемъ Вася почти холодно освободился изъ материнскихъ объятій, почти насильно снялъ со своего плеча худенькую, дрожащую руку старушки и поспѣшилъ сократить минуты прощанья. Безъ сомнѣнія, онъ былъ бы добрѣе или, по крайней мѣрѣ, былъ бы ласковѣе къ матери, если бы уѣзжалъ съ нѣсколькими сотнями рублей въ карманѣ. А то теперь — за что же расточать передъ старухой всякія нѣжности! Да къ тому же ихъ и нѣтъ, и взять негдѣ...

— Я городомъ-то, Василинька, тебя провожу... немного...—запыхавшись и утирая слезы, говорила мать, идя за нимъ на крыльцо.

— Зачѣмъ, мамаша!—остановилъ онъ ее съ явнымъ недовольствомъ.—Дальніе проводы, лишнія слезы...

Это ужъ было жестоко! Но онъ едва-ли почувствовалъ всю мѣру своей жестокости. Мать почувствовала, но не дала ему знать объ этомъ,—и онъ не узналъ никогда, какъ глубоко онъ вонзилъ ножъ въ ея любящее сердце. Она всю жизнь терпѣла, стерпѣла и теперь...

— Можетъ быть, послѣдній разъ...—тихо промолвила она, глотая слезы.—А, впрочемъ, ежели не хочешь... И то правда: лишніе проводы... Ну, что-жъ! Ну, Христосъ съ тобой!..

Колокольчикъ зазвенѣлъ, кибитка загремѣла по мостовой, — и Вася уже не видалъ устремленныхъ на него заплаканныхъ глазъ, не слыхалъ искреннихъ пожеланій, какими напутствовали его съ деревяннаго крыльца... Черезъ два мѣсяца послѣ того старушка умерла. Знакомые извѣстили Прѣснова объ ея кончинѣ и представили ему счетъ въ 22 рубля, которые кому-то изъ нихъ старушка осталась должна. Прѣсновъ тяжело вздохнулъ... Несмотря на легкость, съ какою онъ переживалъ всѣ впечатлѣнія, теперь ему стало неловко, стало больно, когда припомнилось ему, какъ съ сердцемъ, сурово освобождался онъ изъ материнскихъ объятій и съ досады даже не далъ ей проводить себя «за городъ», не далъ ей побыть съ собой какихъ-нибудь лишнихъ 20 минутъ. А теперь ужъ едва-ли когда-нибудь во всю его жизнь, вплоть до могилы, болѣе искреннія, теплыя объятія сожмутъ его...

Но Прѣсновъ по этому случаю не погрузился въ меланхолію. Онъ живо сбросилъ съ себя гнетъ непріятныхъ воспоминаній, тряхнулъ головой и, насвистывая мотивъ изъ «La belle Hélène», отправился куда-то въ гости. Самыя, повидимому, тягостныя, сильныя, поражающія впечатлѣнія скользили по немъ, какъ съ гуся вода...

Прошелъ еще годъ. Прѣсновъ кончилъ университетскій курсъ, вышелъ кандидатомъ, но пока оставался безъ мѣста и попрежнему продолжалъ перебиваться кое-какъ частными занятіями. Порой въ карманѣ его было густо, порою—пусто. Онъ хотѣлъ бы пошикарить, пожить всласть, но пожить такимъ манеромъ было не на что... Приходилось сокращаться и лишь съ досадой посвистывать, проходя мимо Доминика и Бореля.

Мертвые, обыкновенно, скоро забываются... Прѣсновъ особенно скоро забывалъ—не только мертвыхъ, но и живыхъ. Люба была уже давно оставлена, брошена, какъ выжатый лимонъ. Онъ даже не зналъ и не желалъ узнавать: что съ нею, что съ его ребенкомъ, гдѣ они и какъ живутъ, да и живы-ли, не лежатъ-ли они оба гдѣ-нибудь на одномъ изъ петербургскихъ кладбищъ? Онъ уже давно мысленно махнулъ на нихъ рукой. «А ну ихъ!..»

«Мертвый въ гробѣ мирно спи,
Жизнью пользуйся живущій».

О, конечно, онъ зналъ Жуковскаго! Онъ много знаетъ. Прѣсновъ.—человѣкъ просвѣщенный...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Въ ноябрѣ 187* года съ Васильемъ Алексѣевичемъ вышелъ замѣчательный *случай*, все перевернувшій для него вверхъ дномъ.

Однажды вечеромъ онъ получилъ по городской почтѣ письмо. Дядя просилъ его пожаловать къ себѣ такого-то числа въ XI часовъ утра для «личныхъ объясненій». Мысли или—вѣрнѣе—обрывки всякихъ мыслей, надежды, догадки, соображенія пестрымъ, сбивчивымъ потокомъ нахлынули на нашего добра-молодца. Вспомнилъ онъ при этомъ и свое твердое рѣшеніе: никогда болѣе не переступать порога дядиной квартиры. Это было очень давно... Въ ту пору и о золотомъ тельцѣ произносились неуважительныя рѣчи... Ахъ, мало-ли твердыхъ рѣшеній! Мало-ли твердынь рушится на свѣтѣ, мало-ли у людей въ жизни бываетъ своего рода Карѳагеновъ! Вся разница лишь въ томъ, что одни на развалинахъ своего Карѳагена горько плачутъ, а другіе хохочутъ, какъ дураки. Прѣснову мерещилось что-то многообѣщающее, когда онъ въ четвертый разъ пробѣгалъ ла-

коничное дядино письмо. «Наплевать! Сходить надо... Самъ вѣдь зоветъ! Видно, недаромъ...» Такъ можно было бы приблизительно изобразить мысленную путаницу въ головѣ Прѣснова въ тотъ вечеръ, когда онъ, томимый безсонницей, валялся на своемъ клеенчатомъ диванѣ, выкуривая папиросу за папиросой—до того, что даже во рту у него стало горько.

На утро онъ старательно почистилъ платье, прихватилъ у товарища пальто получше и отправился къ дядѣ. Утро было холодное. Шелъ снѣгъ, и вѣтеръ билъ имъ въ лицо Прѣснову, который, поднявъ у пальто воротникъ, чуть не бѣгомъ бѣжалъ по Николаевскому мосту. До угла Фурштадтской и Литейной—не близкій путь. «Конка» въ ту пору еще не ходила, а извощики были не всегда по карману для нашего героя. Усталый и иззябшій, съ покраснѣвшимъ носомъ и съ красными лапами, какъ у гуся, явился онъ къ дядѣ. Кривой камердинеръ, степенной наружности и съ умнымъ лицомъ, молча, проводилъ его въ кабинетъ. Неслышно, по мягкимъ коврамъ проходили они по гостиной, и Вася не удержался, чтобы не взглянуть на себя въ зеркало. Боже, какая жалкая фигура тамъ, въ зеркалѣ, промелькнула передъ нимъ. Эти поношенные штаны, этотъ ужасный сюртучишка съ засаленными локтями, эта сорочка далеко не безукоризненной бѣлизны, это красное, иззябшее лицо, красныя руки безъ перчатокъ, — какъ все это мизерно, жалко, смѣшно, какъ все это не гармонировало съ окружающей его, приличной обстановкой. Кривой лакей, почтительно, но съ достоинствомъ провожавшій его, могъ бы показаться министромъ, въ сравненіи съ нимъ, съ бѣднымъ, жалкимъ «кандидатомъ». И Прѣсновъ стыдился самого себя, и на кого-то глубоко досадовалъ и злился... Но вотъ зеленая портьера тихо поднялась и такъ же тихо опустилась за нимъ. Кривой человѣкъ остался за портьерой, а Прѣсновъ неувѣренно сдѣлалъ шагъ впередъ. Въ кабинетѣ было сумрачно отъ полуспущенныхъ гардинъ. У стола, въ глубокомъ креслѣ сидѣлъ старикъ, запахнувшись въ какой-то сѣрый халатъ и закутавъ ноги въ мѣхъ.

— А, здравствуй! Садись! — встрѣтилъ старикъ Василья Алексѣевича, легко пожимая ему руку и взглядывая на него сверхъ очковъ изъ-подъ своихъ густыхъ, нависшихъ бровей. — Впрочемъ, постой! Сначала отодвинь экранъ... въ сторону его! Вотъ такъ! Теперь присаживайся къ камину... Ты озябъ!

— Да, немного... вѣтеръ сегодня сильный...—смущенно пролепеталъ молодой человѣкъ, слегка ежась и утирая платкомъ свои мокрые усы.

Онъ подсѣлъ къ камину... Въ каминѣ весело потрескивали дрова, и очень отраднымъ показалось на ту пору Прѣснову ихъ яркое пламя.

Старикъ позвонилъ, и черезъ минуту изъ-за портьеры неслышно, какъ тѣнь, опять выдвинулся кривой аргусъ.

— Антонъ! Дайте намъ чаю... Да постой!.. Не хочешь-ли съ ромомъ? Пьешь?— обратился старикъ къ своему гостю.

— Благодарю васъ, дядя! Пожалуй...—отвѣтилъ тотъ, наслаждаясь, такъ сказать, всѣмъ тѣломъ и душой, и удобнымъ кресломъ, и мягкимъ ковромъ подъ ногами, и теплотой камина, и пріятнымъ ожиданіемъ пунша и еще во сто—въ тысячу разъ болѣе пріятной, развертывавшейся передъ нимъ перспективой самыхъ блестящихъ, лучезарныхъ надеждъ...

Пріемъ дяди въ сравненіи съ его первымъ холоднымъ пріемомъ представлялся верхомъ ласки и любезности и по началу обѣщалъ много хорошаго...

Сергѣй Борисовичъ Прѣсновъ-Отрешковъ пожилъ на своемъ вѣку,—говорилъ съ царями, бывалъ въ милости и въ немилости, не разъ могъ бы занять очень высокій постъ въ петербургской служебной іерархіи, — стóило только руку протянуть; но онъ руки не протянулъ, а за то черезъ его голову, словно играя въ чехарду, другіе перескакивали одинъ за другимъ на желанныя «кресла». Генералъ П***въ, человѣкъ грубый и необразованный, едва умѣвшій, какъ говорили въ обществѣ, подписать свою фамилію, бойко перебѣжалъ дорогу Сергѣю Борисовичу и его же потомъ возненавидѣлъ всѣми силами своей души... Теперь Сергѣю Борисовичу уже около 70 лѣтъ, но онъ еще свѣжъ и бодръ, только простуда ногъ по временамъ даетъ ему себя знать. Сѣдые волосы на головѣ его еще густы; усовъ и бороды онъ не носитъ, но бороду ему отчасти замѣняютъ длинныя бакенбарды, спускающіяся довольно низко и прикрывающія всю нижнюю часть лица. Черты лица крупныя: толстыя губы, довольно толстый носъ, лобъ большой и открытый. Въ его старческихъ, темныхъ глазахъ иногда еще

горитъ огонекъ. Въ минуты волненій легкій румянецъ показывается на его щекахъ... Вообще его почтенное лицо, порядочно изборожденное морщинами, дышитъ тою увѣренностью, тѣмъ спокойствіемъ, которыя даются человѣку только рѣшительнымъ, твердымъ характеромъ, сильной волей. При взглядѣ на этого старика невольно вспоминался ясный, тихо угасающій вечеръ...

— Теперь поговоримъ... — началъ онъ, когда Антонъ, поставивъ передъ ними чай, ромъ и печенье, удалился изъ кабинета.—У меня съ твоимъ старикомъ были большія неудовольствія. Ты, быть можетъ, знаешь... (Прѣсновъ, дѣйствительно, мелькомъ что-то слыхалъ, что отецъ его когда-то сильно злоупотребилъ довѣріемъ своего старшаго брата). Старикъ твой померъ. Теперь надо все забыть... Я самъ ужъ старъ... Вотъ и захотѣлъ я съ тобой познакомиться... да! А чѣмъ ты занимаешься?—вдругъ круто перервалъ старикъ свою рѣчь.

— Кончилъ въ университетѣ, а теперь—такъ... частными работами пробавляюсь!—отвѣтилъ Вася, прихлебывая чай и мысленно стараясь опредѣлить цѣну рома, поданнаго Антономъ.

— Хорошо! А далѣе что?.. — продолжалъ дядя.

— Думаю добиваться профессуры или идти служить по гражданской... еще самъ не знаю, не опредѣлилъ!—проговорилъ Вася.

Онъ, въ дѣйствительности, никогда не намѣревался добиваться профессуры, но сказалъ такъ, просто, по вдохновенію, самъ не зная: ученый или чиновникъ больше придется по-сердцу почтенному дядюшкѣ. Онъ хотѣлъ нравиться, старался произвести на дядю самое пріятное впечатлѣніе.

— Чѣмъ же ты живешь?—немного погодя, спросилъ старикъ, самымъ тонкимъ образомъ, то-есть, почти незамѣтно оглядывая племянника съ ногъ до головы.

— Даю уроки... живу кое-какъ, по-студенчески... А вѣдь студенты, знаете, — народъ неприхотливый. Если четвертакъ въ карманѣ есть, такъ и счастливъ!—отозвался тотъ.

Старикъ добродушно усмѣхнулся.

— Нѣтъ, право... — серьезно продолжалъ Вася. — Я, напримѣръ, съ уроковъ получаю рублей 30...

— Да... но вѣдь этого недостаточно, я полагаю! Столъ, квартира... ну, кое-какіе непредвидѣнные расходы...—съ улыбкой перебилъ дядя: очевидно, послѣдній отвѣтъ юноши пришелся ему по-сердцу.

— Теперь, приходи ко мнѣ почаще. Будемъ друзьями... Да?

И дядя дружелюбно протянулъ ему руку. Вася крѣпко сжалъ ее и пробормоталъ что-то въ родѣ «благодарности» и «удовольствія».

— А пока...—началъ дядя, отпирая ящикъ своего стола и доставая оттуда три радужныя ассигнаціи,—пока вотъ возьми это...

У юноши даже въ глазахъ зарябило, когда передъ нимъ во всей прелести развернулись радужныя ассигнаціи. Онъ, молча, поднялся со стула...

— Пустяки... пустяки! — говорилъ дядя, съ ласковой усмѣшкой поглядывая на молодого человѣка.

— Ты одинъ живешь?—спросилъ онъ племянника на прощанье.

— Нѣтъ, съ товарищемъ!—отвѣтилъ тотъ.

— Хорошо! Вотъ ужо зимой, какъ-нибудь вечеркомъ, собери у меня своихъ товарищей, разумѣется, тѣхъ, съ которыми ты ближе... Устроимъ пирушку! По-студенчески, понимаешь? безъ стѣсненій... Я это люблю...

«Старикъ-то, оказывается, лучше, чѣмъ я думалъ!» разсуждалъ Прѣсновъ, спускаясь съ лѣстницы. Да! Золотой телецъ и противъ шерсти погладитъ, да съумѣетъ и приласкать.

— Извощикъ! — внушительно крикнулъ Прѣсновъ, сходя съ подъѣзда. (Такъ внушительно поговариваютъ люди, твердо увѣренные въ существованіи денегъ въ ихъ карманѣ).

Лихачъ, стоявшій неподалеко, посмотрѣлъ на него довольно равнодушно и не тронулся съ мѣста, полагая, что господину, вѣроятно, нуженъ «Ванька».

— Подавай же!—повелительно крикнулъ Прѣсновъ.

Лихачъ, нехотя, «подалъ» и мѣрною рысью повезъ его на Васильевскій Островъ, меланхолически разсуждая про себя: «Не стрекача-ли какого-нибудь ему Богъ послалъ!» Но нѣтъ... не стрекача. Лихачъ получилъ все свое сполна.

Когда Прѣсновъ, наклонившись въ дверяхъ, чтобы не стукнуться о притолку, вошелъ въ свою маленькую, «студенческую» каморку, она показалась ему на этотъ разъ темнѣе и грязнѣе обыкновеннаго. Теперь, послѣ свиданія съ дядей, онъ почувствовалъ, что ему не суждено было жить въ этой комнаткѣ, что

для него на бѣломъ свѣтѣ приготовлены лучшіе аппартаменты, что эта тѣсная, жалкая комнатка служила лишь временнымъ мѣстомъ его пребыванія. И свѣтлыя, блестящія мечты поплыли длинной-длинной вереницей передъ Прѣсновымъ, пока онъ, полулежа, сидѣлъ на своемъ жесткомъ, клеенчатомъ диванѣ...

Но вдругъ одна мысль заставила его обратиться къ дѣйствительности. Дядя желаетъ познакомиться съ его товарищами... «Приведи, говоритъ, тѣхъ, съ которыми ты ближе». Друзей у Прѣснова нѣтъ, но знакомыхъ, пріятелей — множество. Кого изъ нихъ познакомить со старикомъ? вопросъ важный, очень важный. Вѣдь иногда человѣка узнаютъ по его знакомымъ, по друзьямъ. «Скажи мнѣ: кто твой другъ, — я скажу: кто ты самъ!»... Его близкіе пріятели — кутилы и фаты. Бросить рубль лакею, нахально заглянуть женщинѣ въ лицо, поострить и посмѣяться надъ чужимъ горемъ или надъ чужою непріятностью, сотворить какую-нибудь глупую, пошлую шалость, изо дня въ день посѣщать различные кафе-шантаны и плевать на все, рѣшительно, на все — казалось «шикомъ» для этихъ господъ. Все безобразіе россійскаго ухорства, слегка прикрашеннаго столичнымъ лоскомъ, являлось въ нихъ въ самомъ отвратительномъ видѣ...

Если деревенскій парень буянитъ и озорничаетъ, такъ здѣсь, по крайней мѣрѣ, видишь передъ собой, дѣйствительно, расходившуюся силушку, здороваго человѣка, которому играть, баловаться охота... А тутъ... тощіе, хилые, тонконогіе, съ подслѣповатыми глазами, золотушные — того и гляди: вѣтромъ съ ногъ свалитъ, — любой Еремушка-кузнецъ пристукнетъ такъ, что отъ нихъ только мокренько останется, — ну, словомъ, живое олицетвореніе безсилія, взращеннаго городскою жизнью и всяческимъ развратомъ.

Прѣсновъ боялся, что эти его «близкіе люди» не понравятся дядѣ. Конечно, изъ нихъ можно было выбрать человѣкъ двухъ-трехъ поскромнѣе, можно было уговорить ихъ не выказывать передъ старикомъ всѣхъ своихъ отличительныхъ достоинствъ, не щеголять передъ старикомъ своимъ шикомъ. Все это — такъ, но вѣдь двухъ-трехъ человѣкъ мало. Какая же это будетъ вечеринка! Нѣтъ, нужно набрать такихъ, которые походили бы на «студентовъ». Прѣсновъ уже смекнулъ, что именно *такіе* полюбятся дядѣ. Изъ старыхъ знакомыхъ Прѣснова были всякіе — и умѣренные, благонамѣренные либералы, и труженики не отъ міра сего, прилежно «двигавшіе науку», сулившіе сдѣлаться профессорами, были и красные, «бѣдовые», не жалѣвшіе ни своей, ни чужой головы, однимъ словомъ — народъ былъ всякій, и Прѣснову теперь представлялся большой выборъ. Прѣсновъ былъ въ затрудненіи. На комъ остановиться? Какъ узнать: кто изъ нихъ болѣе понравится дядѣ? Понравятся-ли ему *эти* красные или ученые... Безъ сомнѣнія, Прѣсновъ дорого бы далъ за то, чтобы кто-нибудь шепнулъ ему словечко на этотъ счетъ, и вывелъ бы его изъ тяжелаго недоумѣнья. Онъ не привыкъ подолгу ломать голову надъ какимъ бы то ни было вопросомъ. Онъ уже уставалъ, начиналъ досадовать и, наконецъ, съ досады или съ радости (по случаю неожиданной получки трехъ радужныхъ) отправился въ сумерки въ какой-то ресторанъ.

Тутъ онъ скоро сдѣлался счастливъ, спросивъ себѣ бутылку своего любимаго рейнвейна. Почти слѣдомъ за нимъ въ комнату вошелъ Вальцевъ, одинъ изъ его ближайшихъ благопріятелей, молодой человѣкъ съ парикмахерской физіономіей, съ темными глазками, съ тонко закрученными усиками и въ свѣтло-сѣрыхъ лайковыхъ перчаткахъ. Увидавъ Прѣснова, онъ прямо подошелъ къ его столику и, не снимая шляпы и не говоря ни слова, взялъ бутылку и, слегка прищуривши, съ видомъ знатока посмотрѣлъ вино «на свѣтъ».

— Ты, никакъ, оперился? А!—вяло проговорилъ Вальцевъ, съ какой-то кривой усмѣшкой посмотрѣвъ на счастливаго пріятеля и небрежно ставя бутылку на столъ.

— Садись и узнаешь... Тутъ, братъ, такія дѣла, такія... — заговорилъ Прѣсновъ.

— Надѣюсь: не уголовныя! — замѣтилъ пріятель, бросая перчатки въ шляпу и разваливаясь въ креслѣ.

Приказали подать другую рюмку.

— Максимъ!—окликнулъ Вальцевъ человѣка, уже готоваго исчезнуть за дверью. — Большую, зеленую... знаете, изъ которой я пью! Люблю эти зеленыя... — обратился онъ къ Прѣснову, откидывая голову на спинку креселъ. — Помнишь Матильду?.. на брудершафтъ!.. Ха!.. А я сейчасъ отъ Фейка...— продолжалъ онъ, раскрывая ящичекъ сигаръ и ставя его на столъ. — Рекомендую: Манилла!..

Налили вина, закурили сигары, и совѣщаніе началось.

Василій Алексѣевичъ вкратцѣ передалъ все, что̀, по его мнѣнію, слѣдовало знать его пріятелю для того, чтобы тотъ могъ подать ему благой совѣтъ.

— Очень просто!—сказалъ тотъ:—позови меня... пригласи тѣхъ, и другихъ, и третьихъ! Такимъ манеромъ всего легче угадаешь на вкусъ старика и попадешь въ цѣль. Самое вѣрное: бери всего понемножку... А тамъ ужъ видно будетъ: кто ему больше понравится. Кто больше ему понравится, тѣхъ и приглашай потомъ на вечеринки. Voilà et tout ça... Очень просто, mon cher?

Такой совѣтъ показался Прѣснову очень практичнымъ, и теперь онъ удивлялся только тому, какъ ему самому ранѣе не пришло въ голову такое простое разрѣшеніе вопроса. Удивительно! «Всего понемножку!» повторялъ онъ про себя слова Вальцева. Чего же лучше! Не тотъ — такъ другой, не другой—такъ третій, все же, авось, кто-нибудь изъ нихъ понравится...

Поздно, уже за полночь возвратился на этотъ разъ Прѣсновъ въ свою каморку—сильно навеселѣ. Пошатываясь, онъ раздѣлся и легъ, но и тутъ, лежа подъ своимъ рваным байковымъ одѣяломъ, не однажды принимался онъ раздумывать на тэму: кого именно изъ пріятелей познакомить съ дядей. «Вальцевъ, Мятельскій, Снѣжинъ, Линденгофъ...bon vivant'ы. Хорошо! Пряжкинъ, Фоменко, Кирпичевъ—studiosus'ы... Эти насчетъ науки пройдутся. Поленскій, Гуляевъ, Васильевъ, Поповъ... ну, либераловъ-то много можно набрать! А вотъ изъ красныхъ-то кто же? Изъ красныхъ... Кто у насъ красный?..» Прѣсновъ уже сладко подремывалъ, когда дошелъ до послѣдняго вопроса. Никакое имя не приходило на память... Только при мысли о «красномъ» въ воображеніи засыпавшаго Прѣснова сталъ съ чего-то мелькать Мефистофель, въ своемъ классическомъ красномъ одѣяньи, въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ онъ является въ операѣ Гуно. Съ его шапочки спускается длинное перо; густыя брови, вострый носъ и вострый подбородокъ; съ плечъ его, раздуваясь, складками спускается красный плащъ.

«Ха-ха-ха! Ха-ха-ха!..»

—зычнымъ голосомъ хохочетъ Мефистофель. Прѣсновъ невольно раскрываетъ глаза. Въ комнатѣ тихо и темно. «Фу, ты... какая ерунда въ голову лѣзетъ!—съ досадой подумалось Прѣснову. — Позвать развѣ Гришу Сѣверцова...» И передъ нимъ опять мелькаетъ Мефистофель со своимъ краснымъ плащомъ... Съ чего? Вѣдь, Гриша не похожъ на Мефистофеля, нисколько! У него — большіе, свѣтлые, голубые глаза, бѣлокурые волосы; онъ—средняго роста, широкоплечъ, смѣется всегда тихо, какъ бы про себя,—ничего въ немъ нѣтъ чертовскаго. Но онъ—«красный»... Прѣсновъ уже давно съ нимъ не видался, почти разошелся... Но теперь надо будетъ его залучить! «Надо»...

И съ этимъ словомъ Прѣсновъ крѣпко и сладко заснулъ. Онъ успокоился, окончательно рѣшивъ: кого изъ знакомыхъ позвать на вечеринку къ дядѣ...

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

А Гриша Сѣверцовъ — тотъ самый мальчикъ, который во время сцены въ саду, описанной въ началѣ нашей исторіи, дѣлалъ себѣ лукъ, сидя на солнцепёкѣ, и не шелъ на зовъ товарищей подъ тѣнь деревьевъ, говоря, что онъ хочетъ быть спартанцемъ. Онъ былъ сверстникомъ Прѣснова, и ему теперь такъ же, какъ и Прѣснову, лѣтъ 27—28. Но съ самаго начала ихъ дороги въ жизни уже стали расходиться...

Вася Прѣсновъ выросталъ на материнскихъ ласкахъ, на сдобныхъ булочкахъ, въ затишьи. Всѣ желанія его—по возможности — исполнялись; по крайней мѣрѣ, онъ часто слыхалъ, какъ мать, гладя его по головкѣ, говаривала: «все, голубчикъ, для тебя сдѣлаю!» Вотъ это-то «все сдѣлаю» и внушило маленькому Прѣснову первыя неясныя представленія о томъ, что чуть-ли не весь міръ созданъ лишь для того, чтобы «дѣлать для него все». Конечно, это было большое заблужденіе съ его стороны, и онъ изъ-за него не рѣдко получалъ толчки и всякія иныя непріятности отъ окружавшаго его человѣчества; но всѣ эти толчки не могли его отрезвить, вывести изъ его заблужденья — оттого-ли, что толчки были слабы или, просто, потому, что въ пріятномъ заблужденіи пріятно оставаться. И старые, и малые очень дорожатъ иногда ихъ «утѣшающими обманами» и «чародѣйствомъ сладкихъ вымысловъ»: оттого люди такъ часто разочаровываются... Но маленькій Вася Прѣсновъ, какъ уже сказано, не разочаровывался, и всѣ толчки, попадавшіе на его долю, считалъ великою и злою несправедливостью судьбы,—или же думалъ, что толчки попадали ему лишь по ошибкѣ...

Не такъ выросталъ Гриша. Онъ былъ круглый сирота, жилъ у тетки-лавочницы, и съ малыхъ лѣтъ досыта наслушался изреченій въ родѣ того, что «тебя, щенка, даромъ кормить нигдѣ не станутъ... Сложа-то руки нечего сидѣть» и т. п. Его не ласкали въ дѣтствѣ. Тетка была старая вдова, женщина взбалмошная и самодурная. Однажды она до того усердно выдрала Гришу, что тотъ впалъ въ безпамятство, а когда опомнился и раскрылъ глаза, тетка самымъ невозмутимымъ тономъ замѣтила:

— Не околѣешь, видно!

Въ другой разъ она чуть живымъ не сварила Гришу, ошпаривъ его кипяткомъ. А дранье за вихры, подзатыльники, затрещины и тому подобныя мелочныя непріятности въ счетъ не шли... Мальчикъ видѣлъ самую возмутительную жестокость и самую гнусную ложь на каждомъ шагу. Онъ видѣлъ, какъ тетка, божась и клянясь всѣми святыми, сбывала покупателямъ никуда негодный товаръ и, выпроводивъ изъ лавки съ различными прибаутками обманутыхъ бѣдняковъ, со вздохомъ облегченія потирала руки, приговаривая: «сбыла-таки...» Гриша видѣлъ также, какъ она послѣ того, при всякой возможности шла въ церковь, ставила свѣчку Божіей Матери и молилась, молилась, а придя домой, опять жестоко колотила Гришу. Гриша рано постигъ людское лицемѣріе и злость и рано понялъ своимъ маленькимъ, свѣтлымъ умомъ, что отъ всѣхъ этихъ обмановъ и обирательствъ, отъ всей этой злости и лицемѣрія никто никогда не бываетъ въ выигрышѣ, а всѣ, напротивъ, стонутъ, да охаютъ... Тетка каждый божій день обманывала добрыхъ людей; тѣ дома, поди, шибко горевали и злились. А разъ и тетку обокрали—такъ, что она чуть съ ума не сошла, цѣлый клокъ волосъ у себя выдергала... Въ жестокой школѣ учился Гриша житейской премудрости, — и раскусилъ ее «по-своему»...

Гриша жилъ по сосѣдству съ Васей Прѣсновымъ, и въ школѣ они сидѣли рядомъ, на одной скамьѣ; вмѣстѣ учились, вмѣстѣ и забавлялись. Въ играхъ иногда составляла имъ компанію еще одна маленькая дѣвочка, Надя, дочь кружевницы... Гриша учился хорошо, Вася часто лѣнился и нерѣдко обращался за помощью къ товарищу. Жили дружно... Маленькій дворъ лавочницы примыкалъ къ двору чиновника Прѣснова. Мальчики почасто захаживали другъ къ другу и всегда могли переглядываться и переговариваться черезъ щели стараго досчатаго забора. Все одна и та же тихая, мирная картина рисовалась имъ, когда они заглядывали въ эти щели. Картинка памятная... Тамъ куры рылись въ пескѣ и громко кудахтали; тамъ у вороха соломы, подъ навѣсомъ, стояла корова; вороны прыгали надъ помойной ямой; сизые голуби, тихо воркуя, сидѣли на крышѣ ветхаго сарая, подернутаго зеленовато-желтымъ мохомъ,—и вездѣ, въ саду, на дворѣ, на заборѣ, безъ-умолку чирикали воробьи. Рѣдко проходилъ человѣкъ и рѣдко слышалась человѣческая рѣчь. То былъ городокъ маленькій, мертвый городокъ...

Огородъ и садъ при домѣ Прѣсновыхъ служили обычнымъ, любимымъ мѣстомъ сборища для нашихъ маленькихъ друзей. Зимой здѣсь они первые топтали вновь выпавшій снѣгъ, устраивали горы и играли въ снѣжки. Весной они здѣсь первые мяли весеннюю траву, ѣли еще зеленые ягоды красной и черной смородины, играли въ мячъ, а Надя составляла себѣ букеты, плела вѣнки, вила гирлянды и напѣвала какія-то свои «особенныя» пѣсни, которыхъ, кромѣ нея, никто не зналъ...

Но вскорѣ послѣ утренней сцены въ саду— этотъ маленькій тріумвиратъ распался. Прѣсновы перебрались на житье въ другую губернію, а Гришу помѣстилъ на свой счетъ въ гимназію одинъ старый отставной маіоръ, уѣздный филантропъ, человѣкъ бездѣтный и большой чудакъ.

Гриша, еще съ дѣтства желавшій сдѣлаться «спартанцемъ», нашелъ въ гимназіи всѣ условія на-лицо, благопріятствовавшія тому, чтобы изъ него, дѣйствительно, выработался «спартанецъ» на русскій ладъ. До какой степени доходило у него презрѣніе къ физической боли, можно видѣть изъ слѣдующаго факта, подлинность котораго, конечно, не откажутся засвидѣтельствовать товарищи-одноклассники Григорія Сѣверцова.

Будучи уже въ IV классѣ гимназіи, Гриша однажды игралъ съ товарищами на дворѣ въ свайку. Свайка была тяжелая, желѣзная. Вдругъ съ чего-то загорѣлся споръ о томъ: кто рѣшится изо всей силы ударить свайкой себя по рукѣ. Гриша съ одушевленіемъ, всегда отличавшимъ его, когда дѣло шло объ умерщвленіи плоти и презрѣніи къ ней, вызвался изо всей мочи хватить себя свайкой по пальцамъ... Принесли кирпичъ. Гриша, не колеблясь, положилъ на кирпичъ лѣвую руку, а

въ правую взялъ увѣсистую свайку. Толпа любопытныхъ, какъ водится, окружила споривших живой стѣной и съ величайшимъ наслажденьемъ ожидала кровавой развязки. Такъ римляне, бывало, въ циркахъ любовались на гладіаторовъ и на христіанъ, терзаемыхъ звѣрями... Спартанскія, аскетическія наклонности Сѣверцова были уже извѣстны публикѣ, собравшейся на «представленіе», и всѣ ожидали, что развязка непремѣнно будетъ кровавая. Такъ и вышло, но вышло даже болѣе, чѣмъ ожидали зрители. Всѣ затаили дыханіе. Гриша размахнулся... Взгляды десятковъ глазъ пристально, напряженно приковались къ его рукѣ. Болѣе впечатлительные изъ зрителей почувствовали, какъ по спинѣ ихъ пробѣжала дрожь. Сѣверцовъ со всего размаха хватилъ по рукѣ свайкой. Что-то хляснуло, треснуло... Кирпичъ и трава вокругъ него окрасились брызгами алой крови. При этомъ у болѣе робкихъ и малодушныхъ «искры изъ глазъ посыпались», по ихъ собственнымъ словамъ; нѣкоторые невольно зажмурились; вчуже стало больно... ударъ главнымъ образомъ пришелся по большому пальцу. Палецъ былъ раздробленъ... Бровью не повелъ нашъ спартанецъ, ни одинъ мускулъ въ лицѣ его не дрогнулъ, только лицо слегка поблѣднѣло, да губы крѣпко сжались. Онъ оттолкнулъ ногой окровавленный кирпичъ и хладнокровно сталъ разсматривать свой размозженный, изуродованный палецъ. Осколокъ кости вышелъ наружу изъ-подъ разорванныхъ тканей.

Присутствовавшій при этомъ одинъ изъ старшихъ учениковъ, положительно, пришелъ въ восторгъ и, хлопнувъ Гришу по плечу, вскричалъ:

— Молодецъ, братъ! Настоящій Муцій Сцевола!

И съ той поры прозвище Муція Сцеволы осталось за Гришей Сѣверцовымъ и въ свое время онъ оправдалъ его... Впрочемъ, нѣтъ! Онъ сдѣлалъ болѣе... Римскій Муцій Сцевола—по преданію—сжегъ только одну *руку*, а нашъ Сцевола сжегъ *всего* себя...

По желѣзной силѣ воли и по своей способности къ умерщвленію плоти Григорій Сѣверцовъ походилъ на протопопа Аввакума, на Стеньку Разина или на какихъ-нибудь древнихъ мучениковъ первыхъ временъ христіанства. Изъ Григорія Сѣверцова выработывался аскетъ, фанатикъ. Въ прежнія времена изъ него могъ выйти какой-нибудь столпникъ, подвижникъ въ духѣ монашества; онъ сталъ бы, можетъ быть, носить власяницу, вериги, сталъ бы морить себя голодомъ, основалъ бы какую-нибудь секту, подобралъ бы себѣ товарищей, устроилъ бы общежитіе въ чащѣ дремучихъ лѣсовъ и кончилъ бы, можетъ статься, тѣмъ, что отдалъ бы себя на муки или, вмѣстѣ со своими послѣдователями, сжегъ бы себя въ виду наступающей военной силы. Во всѣ времена, когда бы ни явился нашъ Григорій Сѣверцовъ, онъ былъ бы отщепенцемъ. Въ наше время онъ также вышелъ отщепенцемъ—на современный ладъ... Теперь онъ не могъ ограничиться ношеніемъ веригъ или удаленіемъ въ безпросвѣтную чащу какихъ-нибудь лѣсовъ. Не тѣ мысли и чувства жили въ немъ; не тѣ идеалы передъ нимъ стояли... Въ наше время изъ него должна была выработаться одна изъ тѣхъ могучихъ желѣзныхъ натуръ, о которыхъ уже не мало говорено и писано вкривь и вкось и которыя все-таки остаются—для большинства—натурами загадочными...

Лѣтомъ на вакаціи Гриша ѣздилъ къ теткѣ, но жилъ въ теченіе лѣта болѣе у своего друга — маіора, чѣмъ у тетки. Этотъ старый маіоръ — большой чудакъ, какъ уже сказано,—любилъ его по-своему. Въ чуланѣ у него нашелся ворохъ книгъ, и для Гриши эта находка оказалась сущимъ кладомъ. Зарывшись въ книги, онъ проводилъ надъ ними цѣлые дни, а иногда и ночи напролетъ. И эти старыя и новыя книги сослужили ему большую службу. Кажется, не будетъ большой ошибки, если мы скажемъ, что на этихъ книгахъ онъ развился болѣе, чѣмъ на гимназической наукѣ... Но и въ гимназіи онъ кончилъ курсъ прекрасно, однимъ изъ первыхъ.

Тотъ же старичекъ маіоръ снабдилъ его деньгами. Гриша отправился въ Петербургъ и поступилъ въ технологическій институтъ...

Серьезнымъ, задумчивымъ юношей, но рѣшительно—вступалъ Гриша въ жизнь. Помыслы его были чисты, мечты — героичны; онъ былъ цѣломудренъ и даже немного—аскетъ. Его большіе, свѣтлосѣрые глаза твердо, самоувѣренно смотрѣли на людей. Крѣпко сжатыя губы, отрывистая рѣчь, раннія морщинки, особенно явственно видимыя между бровями, и вообще все его некрасивое, но умное и выразительное, блѣдное лицо указывало въ немъ человѣка чрезвычайно упрямаго, сосредоточеннаго, рѣшившагося разъ

навсегда идти по одной извѣстной линіи—идти до тѣхъ поръ, пока онъ не дойдетъ до цѣли или пока эта «линія» не оборвется подъ нимъ. Знакомое лицо... Вы, читатель, быть можетъ, встрѣчали подобныя лица—вчера, третьяго дня, годъ или два тому назадъ? Памятныя лица... Разъ увидишь,—не забудешь. Какъ топоромъ вырубленные, эти образы остаются навсегда въ воспоминаньи,—живые, дышащіе, играющіе всѣми красками жизни и кажутся только чуть-чуть не говорящими съ вами. Всматриваясь пристально въ этихъ людей, вы подмѣчали или — вѣрнѣе—чувствовали въ ихъ глубокомъ, сосредоточенномъ взглядѣ что-то трагическое, какъ бы предсказаніе ихъ будущей участи, словно на эти лица уже падала тѣнь грядущихъ событій, столь же непреложныхъ, неминуемыхъ, какъ и наступленіе дня или ночи... Встрѣтившись съ такими лицами, самый ярый проповѣдникъ долженъ былъ безнадежно махнуть рукой: тутъ уже невозможно было разсчитывать убѣдить человѣка обратиться вспять или своротить въ сторону съ его дороги; тутъ нельзя было разсчитывать отклонить человѣка отъ его вѣры, какова бы она ни была, и привести его въ иную вѣру...

За нѣсколько мѣсяцевъ до окончанія курса, Сѣверцовъ вынужденъ былъ оставить институтъ. Отправился онъ въ деревню сельскимъ учителемъ. Но въ ту пору такихъ учителей, какъ онъ, считали «чумой и язвой здѣшнихъ мѣстъ»; оказалось, что оставаться учителемъ ему невозможно... И опять нашъ Григорій Сѣверцовъ направилъ стопы свои въ Петербургъ. Теперь онъ былъ уже озлобленъ... «Коли ни такъ—ни этакъ нельзя, сказалъ онъ себѣ, такъ будемъ валить въ такомъ случаѣ черезъ пни—колоды, черезъ гнилыя воды... Вали, братъ, Гриша!»

И онъ повалилъ...

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Друзья дѣтства жили врозь, учились въ разныхъ гимназіяхъ, не переписывались, конечно, и поэтому не мудрено, что совершенно потеряли другъ друга изъ виду. Одновременно они жили въ Петербургѣ; Прѣсновъ на Васильевскомъ Островѣ, Сѣверцовъ—въ 9-й ротѣ Измайловскаго полка,—и оба не знали, что они живутъ въ одномъ городѣ, такъ сказать, бокъ-о-бокъ и даже, можетъ быть, сталкиваются на улицахъ, не признавая другъ друга.

Уже будучи на третьемъ курсѣ университета, Василій Алексѣевичъ въ одномъ знакомомъ семейномъ домѣ совсѣмъ случайно повстрѣчалъ Сѣверцова, гдѣ тотъ давалъ уроки изъ математики.

— Сѣверцовъ!—какъ бы припоминая, протянулъ онъ, когда однажды при немъ назвали фамилію студента-технолога, дававшаго мальчику урокъ въ сосѣдней комнатѣ.—Сѣверцовъ!—повторилъ онъ.—Не Григорій-ли?

— Да! Григорій Александровичъ!—отвѣтили ему.

«Ну, такъ и есть... Это—онъ, маленькій «спартанецъ», другъ далекаго дѣтства». Но когда студентъ, по окончаніи урока, вышелъ въ столовую, то, конечно, ни Прѣсновъ не узналъ его, ни онъ—Прѣснова: только смутныя, блѣдныя воспоминанія остались у нихъ другъ о другѣ.

— Кажется, намъ не нужно рекомендоваться!—заговорилъ Прѣсновъ, протягивая Сѣверцову руку.—Мы уже давно знакомы... Не узнаете?.. Помните Прѣснова... Васю Прѣснова?

— Конечно, трудно узнать...—отозвался Сѣверцовъ и, закуривъ папиросу, подсѣлъ къ старому товарищу.

Тотъ началъ банальную болтовню о «несходящихся горахъ» и о «встрѣчающихся людяхъ», а Сѣверцовъ, молча и довольно пристально, всматривался въ него. Прѣсновъ любилъ поболтать, и теперь болталъ и болталъ безъ умолку о томъ, о семъ и лично о себѣ и ни о чемъ въ особенности. «Кажется, вѣтрогонъ!» подумалъ Сѣверцовъ. «Серьезенъ, какъ чортъ!» размышлялъ про него въ то же время Прѣсновъ, но, несмотря на «чертовскую серьезность» своего друга дѣтства, все-таки зазвалъ его къ себѣ «въ хату».

Оба они, повидимому, во время этого перваго свиданія наединѣ—послѣ многолѣтней разлуки—чувствовали себя какъ-то тяжело, неловко, словно оба ходили по какой-то шаткой, зыбучей почвѣ, по которой нога ступала нетвердо, неувѣренно. У каждаго изъ нихъ невольно мелькало въ головѣ: «Что-то, братъ, изъ тебя вышло за это время! Ну-ка, покажись-ка—подальше, поглубже»... Сѣверцовъ казался гораздо спокойнѣе: онъ какъ будто бы уже разгадалъ своего стараго товарища и тотъ, словно, былъ для него уже ясенъ, какъ день. Удобно развалившись, онъ сидѣлъ съ папиросой, слушалъ разглагольствованія своего товарища, а самъ говорилъ мало и, точно, хо-

тѣлъ сказать Прѣснову: «Выкладывай, братъ! Что есть въ печи,—все на столъ мечи!» А Василій Алексѣевичъ очень суетился, вглядывался Сѣверцову въ лицо, внимательно вслушивался въ его выраженія, въ тонъ его голоса, очевидно, стараясь хотя бы приблизительно опредѣлить: что за человѣкъ сидитъ теперь передъ нимъ въ образѣ Гриши Сѣверцова. Но не легко было раскусить ему своего неразговорчиваго собесѣдника. Прѣсновъ потряхивалъ дѣтскими воспоминаніями изъ давняго прошлаго, перебиралъ своихъ старыхъ знакомыхъ—учителей, товарищей по школѣ, вспомянулъ о Надѣ—ихъ общей «подружкѣ».

— А знаешь: вѣдь она—въ Петербургѣ!—съ жаромъ замѣтилъ онъ Сѣверцову.

— Да. Слыхалъ что-то...—глухо отозвался тотъ.

Несмотря на говорливость хозяина, разговоръ не однажды прерывался непріятнымъ молчаніемъ. Не припоминались-ли друзьямъ въ эти минуты знакомыя картины?.. Развѣсистыя березы, гряды разноцвѣтнаго маку, растрепанное чучело надъ грядами гороха, на дворѣ роющіяся въ пескѣ куры, голуби на мшистыхъ окраинахъ крыши стараго сарая, ветхій, щелеватый заборъ и на немъ безъумолку чирикающіе воробьи... зелень, запахъ цвѣтовъ, потоки солнечнаго свѣта, а тамъ—тѣнь, прохлада и тишина, тишина безконечная, невозмутимая. Маленькій городокъ дремлетъ, дремлетъ рѣка, тихо катящая свои волны въ холодное сѣверное море, дремлютъ прибрежныя ивы и высокая осока, дремлютъ въ своемъ величественномъ, таинственномъ безмолвіи дремучіе лѣса, со всѣхъ сторонъ окружающіе городъ и, словно, густымъ, синимъ туманомъ заволакивающіе даль...

Не мудрено, если все это припомнилось теперь старымъ друзьямъ, когда они сидѣли наединѣ въ тѣсной комнаткѣ, наполненной табачнымъ дымомъ, въ грязной и сумрачной комнаткѣ, выходившей окнами въ каменный ящикъ, по петербургски называемый дворомъ. Вѣдь, всѣ тѣ картины видѣли они прежде не разъ—не два, но много разъ, видѣли ихъ передъ собой постоянно изо дня въ день, изъ года въ годъ—и такъ въ теченіе многихъ, долгихъ лѣтъ... Въ тѣ минуты черномазый шарманщикъ въ короткомъ, синемъ плащѣ и въ широкополой тирольской шляпѣ стоялъ середи двора и наигрывалъ на своемъ гнусливомъ инструментѣ какую-то грустную, за душу рвущую мелодію. Дѣвочка, переминаясь съ ноги на ногу и поглядывая вверхъ на окна, осипшимъ голосомъ подтягивала шарманкѣ,—и отъ этого подтягиванья печальная мелодія казалась еще жалостнѣе... Можетъ быть, нашимъ пріятелямъ припомнилась при этомъ другая дѣвочка, со свѣжимъ вѣнкомъ полевыхъ цвѣтовъ на головѣ. Та дѣвочка тоже пѣла, но пѣла какія-то свои особенныя тихія пѣсни безъ словъ, невѣдомыя никому, кромѣ нея.

Да! живучи и ярки воспоминанія дѣтства, каковы бы они ни были...

Случилось въ разговорѣ какъ-то такъ, что Прѣсновъ сталъ расхваливать одного своего университетскаго профессора.

— Что за невидаль!—сухо и довольно безучастно отозвался Сѣверцовъ. — Филистеръ, научное чучело—и больше ничего.

— Ну, что ты! Помилуй!—запротестовалъ пріятель.—Вѣдь онъ же труженикъ... науку двигаетъ... Нельзя же такъ о человѣкѣ...

— Не науку двигаетъ твой профессоръ, а, просто, мѣшокъ съ фактами перетряхиваетъ для своего собственнаго удовольствія... — не безъ желчи возразилъ ему Сѣверцовъ.

— Ну, я ужъ не знаю послѣ этого... послѣ этого что жъ... гм!—смущенно пролепеталъ Василій Алексѣевичъ.

Чтобы объяснить его смущеніе, здѣсь должно замѣтить, что въ средѣ его товарищей-студентовъ, составившихъ себѣ репутацію скучныхъ малыхъ, но серьезно занимающихся и дѣльныхъ, этотъ самый упомянутый профессоръ считался единогласно свѣтиломъ юридической науки, и даже самыя забубенныя головы, довольно беззаботныя относительно всякой науки, говорили о немъ лишь не иначе, какъ съ почтеніемъ. А тутъ вдругъ—такой аффронтъ!..

— Но, вѣдь, приноситъ же онъ пользу... Признайся! — пытался Прѣсновъ защищать своего профессора.

— Не признаюсь!—лаконично отвѣтилъ пріятель.

— Да какъ же такъ! Развѣ же отъ его практической дѣятельности вовсе нѣтъ никакой пользы?

— Это насчетъ чего?.. Это—что онъ тюрьмы-то самаго новѣйшаго покроя проповѣдуетъ...—съ ироніей возразилъ Сѣверцовъ.

— Да-а... Ты вотъ какъ смотришь!—процѣдилъ Василій Алексѣевичъ.

— А то еще какъ же! Не заводить же розовые очки...

Однимъ словомъ, чѣмъ дальше подвигались въ лѣсъ, тѣмъ больше попадало дровъ. Чѣмъ долѣе пріятели говорили, тѣмъ сильнѣе, ярче выяснялось, что для нихъ совершенно немыслимо завязать вновь прежнія дружескія отношенія, какъ немыслимо смѣшать масло съ водой. Конечно, они могутъ оставаться на «ты», могутъ, *повидимому*, быть въ интимныхъ отношеніяхъ, могутъ толковать о прошломъ, о старыхъ своихъ знакомыхъ, о товарищахъ, о родныхъ, о томъ—о семъ, но въ то же время они будутъ чувствовать, что они далеко отстоятъ другъ отъ друга, что ихъ соединяетъ связь чисто механическая, что ихъ соединяютъ воспоминанія изъ такого далекаго прошлаго, которое уже давнымъ-давно стало для нихъ сномъ,—и оба они будутъ чувствовать, что иныя, новыя связи для нихъ несравненно интереснѣе и дороже...

Говорятъ: старый другъ лучше новыхъ двухъ. Не всегда... иногда бываетъ совершенно наоборотъ: два старыхъ друга бываютъ хуже одного новаго.

Когда Сѣверцовъ шелъ въ свой Измайловскій полкъ и холодный осенній вѣтеръ дождемъ и снѣгомъ хлесталъ ему въ лицо и раздувалъ его полосатый плэдъ, Прѣсновъ думалъ про него: «Завинченъ, завинченъ! Сейчасъ видно, что изъ породы дервишей... изъ тѣхъ, что всю жизнь готовы на одной ногѣ простоять, хоть ты ихъ убей... Радикалъ! Прямолинейный... Ха!» А Сѣверцовъ въ то же время подумывалъ о своемъ другѣ дѣтства: «Что-то ужъ шибко пахнетъ отъ него благополучнымъ Россіяниномъ!»... Они совсѣмъ чужими стали другъ другу. Но не вспомнилось-ли имъ ихъ дѣтское обѣщаніе, вылившееся у нихъ въ порывѣ радостнаго восторга, обѣщаніе: «вѣчно оставаться друзьями и любить другъ друга!».

Много такихъ обѣщаній дается людьми совершенно искренно и — не выполняется. Такими обѣщаніями, какъ сухимъ, осеннимъ листомъ, покрыто сплошь наше поле житейское. Каждый изъ насъ въ свое время—рано или поздно — сметаетъ метлой въ кучу всѣ эти сухіе листья и сожигаетъ ихъ. При видѣ этого всесожженія насъ коробитъ — мимолетно или продолжительно и тяжко, смотря по житейской обстановкѣ, по темпераменту... И вотъ отъ блестящихъ обѣщаній, какъ отъ сожженныхъ листьевъ, остается на душѣ лишь темный пепелъ. Если у человѣка накопится много такого пеплу, то конецъ его бываетъ печаленъ.

Понятно, что наши старые друзья видались не часто. Ихъ дороги расходились въ разныя стороны... Видались они рѣдко, конечно, не потому, что одинъ изъ нихъ жилъ въ Измайловскомъ полку, а другой—на Васильевскомъ островѣ. Для милаго дружка семь верстъ—не околица... Нѣтъ! Эти друзья дѣтства могли бы жить въ одной комнатѣ и оставаться въ то же время чуждыми другъ другу и быть также далеко одинъ отъ другого, какъ антиподы. Сѣверцовъ былъ преданъ до фанатизма своей «идеѣ»; для Прѣснова преданность какой бы то ни было идеѣ представлялась сумбуромъ, какою-то тарабарской грамотой. Одинъ менѣе всего искалъ благъ міра; другой, повидимому, для нихъ только и жилъ.

Я—простой, безхитростный повѣствователь, и, конечно, не мое дѣло объяснять: почему люди, развивавшіеся, повидимому, при однихъ и тѣхъ же условіяхъ, расходятся въ противоположныя стороны. Этотъ вопросъ можетъ свестись къ другому вопросу: почему въ жизни человѣка происходитъ та или другая *встрѣча*, то или другое *событіе*, та или иная *книга* попадается въ руки? Почему изъ двухъ человѣкъ, изъ двухъ родныхъ братьевъ, выросшихъ въ одной и той же дѣтской, учившихся въ одной и той же школѣ,—одинъ идетъ дома строить, капиталы наживать и всячески холить свою плоть, а вся жизнь другого является сотканною изъ дѣлъ самоотверженія и героизма — изъ любви къ людямъ?

Почему на одномъ и томъ же клочкѣ земли, рядомъ растутъ чертополохъ, репейникъ и крапива—и прекрасный, благоухающій цвѣтокъ?..

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Читатель, вѣроятно, помнитъ ту хорошенькую, темноволосую дѣвочку, которую онъ видѣлъ при поднятіи занавѣса въ началѣ нашей маленькой драмы. Тогда, въ жаркій лѣтній день, она сидѣла на травѣ подъ березами, съ цвѣтами на колѣняхъ и вила вѣнокъ. Одинъ изъ ея товарищей лежалъ тутъ же въ тѣни деревьевъ, а другой жарился на солнцѣ, додѣлывая свой лукъ. Тогда дѣвочка разспрашивала у нихъ: что такое—вериги, и зачѣмъ ихъ носятъ... И тогда ея свѣтлые, ясные глазки съ грустью остановились на ея това-

рищѣ, который хотѣлъ сдѣлаться «спартанцемъ»... Тогда ея темноволосая головка съ вѣнкомъ изъ желтыхъ цвѣтовъ мелькнула на фонѣ зелени, мелькнула и пропала,—и читатель съ тѣхъ поръ почти ничего не узналъ о ней... Но, между тѣмъ, съ ней надо познакомиться.

Эта дѣвочка, Надя, была круглой сиротой уже и въ то далекое время, когда она въ саду вила себѣ вѣнки изъ полевыхъ цвѣтовъ. Ни отца, ни матери она не помнила и жила у своей старой бабушки. Отецъ ея, унтеръ-офицеръ, былъ убитъ въ Крыму, въ сраженіи при Черной рѣчкѣ; мать вскорѣ же послѣ отца умерла въ чахоткѣ, измаявшись надъ работой. Бабушка взяла ее трехлѣтнимъ ребенкомъ къ себѣ. Ея бабушка плела кружева почти до семидесяти лѣтъ, пока, въ конецъ, не ослѣпла. Мать ея также всю жизнь надрывала грудь надъ этимъ кружевомъ. Прабабка корпѣла надъ тою же работой... И Надю съ двѣнадцати лѣтъ засадили за тѣ же самыя пяльцы, надъ которыми жило и умерло уже нѣсколько женскихъ поколѣній... И вотъ Надя, подобно матери, бабушкѣ и прабабушкѣ, стала корпѣть надъ пяльцами, но — къ счастью или къ несчастью (кто жъ тутъ разберетъ!) — слѣпая бабушка не всегда могла знать: чѣмъ занимается внучка. Она иногда думала, что внучка плететъ кружево, а та, между тѣмъ, облокотившись на подоконникъ, задумчиво смотрѣла на улицу, слѣдила за проходящими или развлекалась какою-нибудь уличною сценой — вродѣ, напримѣръ, «драки козла съ дворовою собакой». Скучно, тоскливо день-денской сидѣть за кружевомъ: то-ли дѣло идти бы побѣгать, поиграть, подышать вольной грудью, поразмять уставшія отъ сидѣнья ноги.

— Надя! Ты вяжешь? — спроситъ, бывало, старуха.

— Вяжу, бабушка!—печально вздыхая, отвѣчаетъ внучка и поникаетъ головой надъ пяльцами.

Нерѣдко между старымъ и малымъ происходили такіе разговоры и нѣсколько напоминали собой извѣстный разговоръ изъ Беранже, оканчивавшійся все однимъ и тѣмъ же припѣвомъ: «Лиза, ты не шьешь!»...

Не знаемъ: какъ въ нынѣшнее время и въ нашей просвѣщенной средѣ, но знаемъ, что въ то далекое время и въ томъ дикомъ, глухомъ городкѣ, гдѣ происходило дѣло, на молодую красивую дѣвушку мужчины смотрѣли, какъ на лакомый кусокъ, — нѣчто вродѣ пирожнаго.

Надя видѣла, какъ дѣвушки старались одѣться порядочнѣе, какъ онѣ пристально смотрѣли на себя въ зеркальце, какъ онѣ болтали и кокетничали съ мужчинами. Надя видѣла, что дѣвушки какъ-будто вступали между собой въ заговоръ противъ мужчинъ, желая ихъ прельстить во что бы то ни стало... Надя слыхала, какъ мужчины въ свою очередь расхваливали хорошенькихъ дѣвушекъ, ухаживали за ними, потчивали ихъ гостинцами, дѣлали имъ подарки... Надя пришла къ тому, что, значитъ, главное и самое пріятное дѣло въ жизни женщины—воевать съ мужчинами такимъ коварнымъ образомъ...

Для нея было великимъ праздникомъ, радостью и торжествомъ, когда ей удалось, однажды, достать осколокъ зеркала. Тутъ ужъ стали происходить цѣлыя представленія... Когда бабушка спала или дремала, Надя садилась передъ своимъ крохотнымъ туалетомъ, расплетала и заплетала свои густые, роскошные волосы, то распускала ихъ по плечамъ, представляя собой русалку, то собирала ихъ на головѣ въ видѣ черной, блестящей короны и важно, надменно смотрѣла въ зеркало, какъ маленькая сказочная царевна, то одѣвала на свою смуглую шею красныя, грошевыя бусы, то прикрывала волоса старенькой, засаленной пунцовой лентой, и глядѣла въ зеркало, и улыбалась и смѣялась, показывая рядъ бѣленькихъ зубовъ. Въ ту пору, когда происходили подобныя пантомимы, дѣвочкѣ едва-ли еще было 16 лѣтъ...

Прошло года два, — и на Надю обратили вниманіе. Да она, правду сказать, была и недурна... Стали нашептывать ей всякія соблазнительныя рѣчи; крѣпкія рукопожатія, объятія и поцѣлуи, какъ бы вскользь, въ видѣ шалости, стали волновать и осквернять ея душевный міръ. Замутилась ея юная душа... Бабушка чаще и безпокойнѣе прежняго окликала ее: «Надя! Ты вяжешь?» и все чаще и чаще не получала отвѣта. Отвѣтомъ ей было только мертвое молчаніе...

— Надя! Ты гдѣ? Надя! А, Надя!—тщетно взывала старуха.

Кружево пылилось, брошенное у окна, а Надя сидѣла у какой-нибудь подруги или стояла за воротами, болтая съ сосѣдкой и все, словно, кого-то высматривая по сторонамъ.

— Куда опять таскалась? Гдѣ ты шляешь-

ся? — ворчала старушка на Надю, когда та являлась домой.

— Нигдѣ я не шляюсь!—раздражительно отвѣчала дѣвушка.—Ужъ и выйти нельзя... Что за наказаніе такое! Вѣдь, не прирости же мнѣ къ пяльцамъ-то!

— Ой, дѣвка, дѣвка! Не добѣгай ты до грѣха...—продолжала старуха, качая головой.

— Грѣхъ на мнѣ, я и въ отвѣтѣ... другихъ за меня спрашивать не будутъ...—рѣзко возражала Надя.

Прежде она не говорила со старухой такъ грубо и съ такимъ раздраженьемъ... Иногда дѣло доходило и до явнаго обмана. Иногда Надя возвращалась домой уже ночью, часу въ двѣнадцатомъ, и на вопросъ бабушки: который часъ? не обинуясь, отвѣчала: «десять»!

— Что ты, что ты! Въ соборѣ ужъ давно десять-то било...—говоритъ слѣпая.

— Вы, бабушка, ослышались... обсчитались...—увѣряетъ ее Надя.—Еще только-что стемнѣло...

Иной разъ, когда Надя слишкомъ горячо перебранивалась со старухой, та, въ полномъ сознаніи своего безсилія, съ горечью приговаривала:

— Ежели бы не темнота моя, да силы... Охъ, дѣвка... ужъ такъ-то бы я тебя... а-ахъ!

Внучка для нея была все такою же маленькой дѣвочкой, какою она видѣла ее передъ тѣмъ, какъ совсѣмъ ослѣпла, то-есть, лѣтъ восемь тому назадъ, когда она, дѣйствительно, при помощи розги могла смирять непокорную.

Время шло... Надя бывала то неудержимо весела, то чрезъ мѣру строптива и раздражительна; то ласкалась она къ старушкѣ, то страшно досаждала ей, какъ будто съ умысломъ. Жажда наслажденій, веселой жизни въ довольствѣ и нѣгѣ разгоралась въ дѣвушкѣ все пуще и пуще, и звала и манила ее въ даль отъ пялецъ, отъ вѣчныхъ кружевъ, въ даль отъ ихъ маленькаго домика... Зеркало докладывало ей, что она хороша, что она со своимъ смазливымъ личикомъ можетъ попытать счастья. И нерѣдко, томимая смутными, но страстными, горячими желаніями, по вечерамъ, ложась спать, усаживалась она передъ зеркальцемъ и мечтала... Такъ подолгу сидѣла она, полураздѣтая, съ голыми плечами, съ голою грудью, прикрытою лишь волнистыми прядями темныхъ волосъ. Съ блестящими глазами, съ пылающимъ лицомъ, глубоко задумавшись и тяжело дыша, смотрѣла она на себя въ зеркало... Конечно, она знала мало, только то, чему научили ее въ пріютѣ,—была грамотна, читала кое-что, въ родѣ «Гуака» и «Вѣдьмы за Днѣпромъ». Но, не смотря на свои малыя свѣдѣнія, дѣвушка уже знала, что есть жизнь лучше ихъ жизни, что есть края лучше ихъ захолустнаго, мертваго городка... На пяльцы она уже смотрѣла съ такою ненавистью, съ какою каторжникъ смотритъ на свою тачку...

И вотъ пришелъ такой день, когда у Нади стали являться золотыя серьги, и броши и браслеты, зашелестѣли шелковыя платья, стали появляться деньжонки,—благо, бабушка ничего не видала... И Надя по вечерамъ, сидя на полуразвалившемся крылечкѣ подъ старымъ, посѣрѣвшимъ навѣсомъ, вполголоса уже напѣвала:

«Я помню все,—и голосъ милый,
И ласки, ласки безъ конца»...

Кончилось тѣмъ, что Надя бросила свою слѣпую бабушку, бросила старыя пяльцы и улетѣла изъ родного города съ однимъ богатымъ молодчикомъ...

Es ist eine alte Geschichte,
Doch bleibt sie immer neu...

Черезъ годъ, когда любовникъ сталъ бить и жестоко истязать ее, Надя бросила его и, чтобы не умереть съ голоду и не погибнуть на блестящей мостовой «золотого» города, принуждена была разомъ окунуться во всю мерзость и горечь житейскую... Благодаря своей бойкости, умѣнью хорошо читать, главнымъ образомъ — благодаря своему смазливому личику и стройной, изящной фигурѣ, ей удалось поступить на одну изъ провинціальныхъ театральныхъ сценъ. Она играла два года и — въ качествѣ красивой женщины—имѣла успѣхъ, но когда въ средѣ труппы изъ-за нея стали выходить ссоры и раздоры, она бросила сцену... Надя была дѣвушка не злая и вовсе не желала травить между собой людей, устраивать грызню. Да къ тому же для нея, какъ для диллетантки, сцена уже надоѣла. Наконецъ, она явилась въ Петербургъ съ небольшими деньгами и съ худой славой. Теперь она была въ полномъ разцвѣтѣ своей красоты. У нея «свободныя манеры и всегда веселый взглядъ», — такъ, по крайней мѣрѣ, сказываютъ ея знакомые. Надя измѣнилась, измѣнилась до того, что даже отреклась отъ своего прежняго настоящаго имени.

Теперь ее уже зовутъ m-elle Blanche. Однимъ словомъ, Надя стала «камеліей»...

Сѣверцовъ видѣлся въ послѣдній разъ съ Надей въ родномъ городкѣ, когда той было лѣтъ 15. Это было лѣтъ 8 до описываемой исторіи. Послѣ того онъ былъ на родинѣ и слышалъ, что Надя «совсѣмъ испортилась, завела себѣ любовника и тайкомъ уѣхала съ нимъ въ Петербургъ». «Вѣроятно, пропала дѣвченка...» добавляли уѣздныя кумушки. Живя въ Петербургѣ, Сѣверцовъ и не подумалъ разыскивать свою подругу дѣтства...

Здѣсь должно замѣтить, что у Сѣверцова были очень странные взгляды на женщинъ. Когда Гриша былъ еще гимназистомъ, въ записной книжкѣ его значились, между прочимъ, слѣдующія изреченія: «Каждая красивая женщина—Далила. Если Самсонъ не желаетъ быть выстриженнымъ и преданнымъ филистимлянамъ, то онъ не долженъ жить съ Далилой»... «Дружескія отношенія къ женщинѣ — самыя лучшія отношенія»... «Всѣ женщины раздѣляются на двѣ большія группы: хозяекъ - кухарокъ, живущихъ передъ своей печкой и ничего болѣе не видящихъ, кромѣ нея,—и вакханокъ, утопающихъ въ сластолюбіи. Іоанна д'Аркъ—только одна»... «Подлецъ тотъ, кто въ объятіяхъ женщины забываетъ весь міръ»... «Примѣты хорошей женщины: умна, добра, образованна и безобразна, какъ чортъ». Въ другомъ мѣстѣ той же книжки была выписана цитата изъ одного нѣмецкаго романиста, слѣдующаго содержанія: «Человѣкъ, живущій лишь для себя, никогда не можетъ чувствовать себя удовлетвореннымъ. Только въ борьбѣ за общечеловѣческое дѣло можно найти счастье»...

Конечно, въ этихъ замѣчаніяхъ, набросанныхъ мальчикомъ на живую руку, иной увидитъ только ребяческія бредни... Но это—не такъ. Взгляды Сѣверцова на женщинъ въ общемъ и теперь остались тѣ же. У него и до сего времени сохранились именно такія впечатлѣнія, что однѣ женщины похожи на его тетку (хозяйки, кухарки и тому подобныя) или же онѣ красивыя, изящныя и нарядныя созданія (одалиски, вакханки и проч.)...Между его знакомыми было, правда, нѣсколько *хорошихъ* женщинъ, съ которыми онъ обращался попросту, по товарищески. Но это—исключенія; это *свои* люди, попутчики... Изъ Нади, сколько онъ могъ догадываться, не могла выйти попутчица ему. Онъ представлялъ ее себѣ красивой, нарядной, опасной женщиной—ну, однимъ словомъ, Далилой. Зачѣмъ же, въ такомъ случаѣ, онъ станетъ разыскивать ее по Петербургу и возобновлять съ нею старое знакомство, пріятное лишь по воспоминаніямъ изъ дѣтскихъ лѣтъ. Случайно Сѣверцовъ все-таки однажды столкнулся съ Надей, и волей-неволей ему пришлось возобновить это знакомство...

Былъ ясный и холодный осенній день. Сѣверцовъ, по своему обыкновенію, довольно скоро шелъ по Невскому проспекту близъ Пассажа, какъ вдругъ женскій голосъ окликнулъ его. Онъ обернулся... Около него, близъ самаго тротуара кучеръ - здоровякъ съ трудомъ сдерживалъ пару великолѣпныхъ вороныхъ коней. Сѣверцовъ глянулъ на экипажъ... Щегольская, небольшая коляска на лежачихъ рессорахъ. Какая-то молодая дама, очень изящная, наполовину скрывавшая свое лицо подъ черной вуалеткой, слегка приподнявшись съ подушекъ коляски, подзывала его къ себѣ и протягивала къ нему руку, обтянутую лайковою французскою перчаткой. Первымъ побужденіемъ его при взглядѣ на эту современную Далилу—было: не останавливаясь, идти впередъ. Ясно, что вышло недоразумѣніе: его приняли за кого-то другого. Но, пристальнѣе взглянувъ на даму, онъ призналъ въ ея лицѣ знакомыя черты, и сдѣлалъ шагъ къ колескѣ. Да, точно! Это—Надя...

— Здравствуй! Ты не узналъ меня? — съ веселымъ смѣхомъ проговорила молодая дама.—Садись сюда! Отправимся ко мнѣ... Я такъ рада! Ну да, пожалуста, не отговаривайся... Ахъ, какъ давно мы съ тобой не видались...

И Сѣверцовъ—волею судьбы—въ своемъ обтерханномъ пальто и въ полосатомъ плэдѣ вдругъ очутился въ колескѣ съ шикарно одѣтой дамой. Черезъ минуту они уже мчались по Невскому, еще черезъ нѣсколько минутъ они уже входили въ гостиную Нади или — иначе—m-lle Blanche. Квартира — небольшая, но убрана роскошно: прекрасная мебель, искусственно разставленная въ безпорядкѣ, мягкіе ковры, статуэтки, картины отъ Даціара въ блестящихъ рамахъ, каминъ съ мраморной доской и на ней — различныя бездѣлушки... Кумберговская лампа розоваго стекла на бронзовыхъ цѣпяхъ спускалась съ потолка. Пальмы и ары тамъ и сямъ разбрасывали свои прелестные зеленые листья. Въ комнатѣ слег-

ка припахивало какими-то тонкими духами...

Отдавъ дѣвушкѣ приказаніе — никого не принимать и находу поправивъ передъ зеркаломъ волосы, Надя сѣла съ гостемъ на кушетку.

— Ну, разсказывай же: какъ и что... Вѣдь мы съ тобой на «ты», попрежнему... да?— говорила она, держа его за руку.

— Пожалуй! Это все равно...—отозвался Сѣверцовъ.

— Ты все еще студентъ? — спрашивала Надя.

— Нѣтъ!—давно ужъ не студентъ...

— Чѣмъ же ты теперь занимаешься?

— Чѣмъ попадется...

— Ты еще не женатъ?

— И не думалъ еще объ этомъ!—отвѣтилъ гость, усмѣхнувшись.

— Чему же ты смѣешься? Что жъ тутъ такого смѣшного... А-а! Понимаю... Ты, видно, влюбленъ... да?—допрашивала Надя, заглядывая ему въ лицо.

—Нисколько!—опять усмѣхнувшись, промолвилъ Сѣверцовъ.

Такъ, быстро, скороговоркой шли вперебивку отрывистые вопросы и отвѣты. Наконецъ, разговаривавшіе коснулись своего роднаго городка.

— Тетка твоя жива?—спросила дѣвушка.

— Что ей дѣлается! Торгуетъ да толстѣетъ... Домъ нынѣ выстроила.

— А маіоръ?

— Маіоръ умеръ.

— Славный былъ старикъ!.. — замѣтила Надя.—Бабушка моя также умерла...—добавила она, немного погодя, и поникла головой.

На мгновенье представилась ей, какъ живая, эта слѣпая старуха, то ворчливая, то ласковая; мелькнула маленькая, низенькая, тѣсная комната, подслѣповатыя оконца, пяльцы и кружево, кружево безъ конца, зеленыя вѣтви березы подъ окномъ и видимый изъ окошка уголъ стараго, полусгнившаго крыльца... Поднявъ голову и замѣтивъ, что Гриша довольно пристально осматриваетъ ея гостиную, Надя какъ будто смутилась.

— Что ты такъ смотришь, какъ будто отъ роду не видалъ ничего такого?..—съ громкимъ, натянутымъ смѣхомъ замѣтила дѣвушка.

—Такого не видалъ!—сознался Сѣверцовъ и посмотрѣлъ на нее.

Онъ сказалъ эти слова спроста, потому что, дѣйствительно, ему еще не приводилось видѣть вблизи подобнаго великолѣпія. Онъ и взглянулъ на нее также совершенно спроста... Но дѣвушкѣ въ словахъ его послышался намекъ, а во взглядѣ его почудился ей невысказанный вопросъ: «откуда, Надя, у тебя— у бѣдной дѣвочки—взялась такая роскошь, такія бездѣлушки, стоющія столько денегъ, сколько ты, бѣдная дѣвочка, живя съ бабушкой, не истратила бы, можетъ статься, во всю жизнь?» Она выпустила руку Гриши и слегка отвернулась, какъ бы оправляя платье. Щеки ея горѣли яркимъ румянцемъ; она тяжело дышала... Одно мгновенье казалось, что въ глазахъ ея стояли слезы... Вотъ-вотъ сію минуту заплачетъ!

Но, нѣтъ! черезъ минуту она уже сидѣла передъ Сѣверцовымъ, какъ ни въ чемъ не бывало, веселая, блестящая, беззаботная, какъ птичка. Она напѣвала какой-то игривый мотивъ изъ «Периколы» и, перекинувъ ногу на ногу, въ тактъ покачивала своей маленькой ножкой, поминутно показывая ее изъ-подъ платья. Теперь она прямо, дерзко смотрѣла на молодого человѣка; насмѣшка свѣтилась въ ея карихъ глазахъ. Всей своей вызывающей позой, гордо приподнятой головой, бойко покачиваемой ножкой, всѣмъ выраженіемъ лица, дѣвушка, словно, хотѣла сказать: «А вотъ! Смотрите: какова я!»... А Сѣверцовъ задумчиво смотрѣлъ на висѣвшую передъ нимъ картину, изображавшую грѣшницу въ пустынѣ. Но думалъ онъ не о ней... О своей подругѣ дѣтства думалъ онъ. Онъ еще не слышалъ ни одного слова изъ повѣсти ея жизни, но уже разгадалъ ея *сутъ*, и понялъ, что эта повѣсть, несмотря на кое-какіе блестящіе и, повидимому, свѣтлые эпизоды, должна быть печальна и темна, какъ темный и мрачный надгробный памятникъ, покрытый дешевыми бронзовыми украшеніями. Замѣтивъ, что гость не обращаетъ на нее вниманія, дѣвушка скоро успокоилась и опять стала простою и доброй, какою она и была въ душѣ. Люди пріучили ее напускать на себя видъ дерзкій и нахальный... Ее пріучили краснѣть за скромность, за сохраненіе своего человѣческаго достоинства, и—кичиться безстыдствомъ. Въ томъ кругу, гдѣ Надя жила и вращалась, блистая мишурой тщеславія, всѣ здравыя понятія ходили вверхъ дномъ, какъ, обыкновенно, ходятъ всѣ предметы въ глазахъ пьянаго человѣка...

Наконецъ, Сѣверцовъ собрался уходить.

— Заходи же ко мнѣ хоть изрѣдка... когда будетъ у тебя время... Слышишь?—упраши-

вала она молодого человѣка ласково и нѣжно, какъ крѣпко любимаго брата.

Своею нѣжностью она, какъ будто, хотѣла загладить свою вину предъ нимъ. Она напрасно подозрѣвала его; она дурно подумала о немъ...

— Такъ придешь? Да? Не забывай же меня...—повторяла она, провожая его.

— Ладно! Приду какъ-нибудь...—промолвилъ Сѣверцовъ на прощанье.

Когда Надя осталась одна, то она на этотъ разъ не обратилась въ обычную m-elle Blanche. Подъ вліяніемъ встрѣчи съ Гришей Сѣверцовымъ... (какое знакомое имя и какъ много воспоминаній связывается съ нимъ!) подъ вліяніемъ разговоровъ съ другомъ дѣтства, подъ вліяніемъ воспоминаній — живыхъ и яркихъ—Надя не обратилась въ m-elle Blanche, но, можетъ быть, на нѣсколько часовъ или на нѣсколько минутъ, сохранила въ себѣ прежнюю Надю...

Бываютъ въ жизни такія минуты, когда, словно, по какому-то волшебству у человѣка раскрываются глаза, и онъ—на одинъ мигъ—видитъ свое положеніе въ настоящемъ свѣтѣ, видитъ его съ необыкновенною, съ ужасающею ясностью. Потомъ, минуту спустя, опять начинается житейская дребедень, опять житейская толчея начинаетъ мозжить человѣка,—волшебство моментально исчезаетъ отъ шума и звона, поднимаемаго толчеей, умственныя очи опять заволакиваются туманомъ, какъ дымкой, и человѣкъ опять бродитъ безъ пути, заодно съ другими, самъ не зная: гдѣ и зачѣмъ онъ бродитъ... Вотъ такія-то минуты душевнаго просвѣтленія переживала теперь Надя...

Интересно было наблюдать ее въ тѣ минуты...

Когда по уходѣ Сѣверцова она возвратилась въ гостиную, лицо ея какъ-то вдругъ осунулось, щеки поблѣднѣли. Въ глубокой задумчивости, какъ бы машинально, прошла она раза два по гостинной, съ безпомощно опущенными руками и низко понуривъ голову, словно подъ какою-нибудь непосильной тяжестью. Потомъ она остановилась у камина, все также машинально, какъ во снѣ, взяла съ мраморной доски камина разноцвѣтную раковину, повертѣла ее, какъ будто съ большимъ вниманіемъ посмотрѣла на разнообразно пестрившія ее пятнышки и жилы и затѣмъ тихо, осторожно положила ее на мѣсто...

Послѣ того на глаза ей попалась тутъ же на каминной полкѣ стоявшая статуэтка Фрины. Эта изящная статуэтка, чрезвычайно мастерской работы, изображала голую вакханку, лежавшую навзничъ, съ заложенными подъ голову руками — въ соблазнительной, сладострастной позѣ. Надя долго, долго смотрѣла на статуэтку. Опять глаза ея затуманились, опять въ нихъ стояли слезы... Она облокотилась на каминъ и низко склонилась надъ изящной статуэткой... По блѣднымъ щекамъ ея катились слезы. Она плакала, наклонившись надъ Фриной. Да... она плакала надъ собой, надъ своею изуродованной душой... Эту статуэтку подарилъ ей на новоселье одинъ изъ ея знакомыхъ. Мужчины, бывавшіе у нея, нерѣдко дѣлали свои замѣчанія насчетъ Фрины и сами же громко и глупо смѣялись надъ своими циничными, пошлыми выходками... Теперь все это припомнилось Надѣ, припомнились всѣ эти наглые взгляды, всѣ эти разговоры, намеки и кабацкія шуточки. Фрина напомнила ей ея собственную участь, ея паденіе и позоръ, напомнила ей всѣ оскорбленія и обиды, всю ту горечь, которую ей до сего дня приходилось пить изъ позолоченной чаши. Гадкою, гнусною показалась она себѣ въ ту минуту... Губы ея сжались, словно подъ вліяніемъ жгучей, нестерпимой боли, на лбу прошла складка, складочки обозначились и по угламъ ея рта. Со злостью, съ ненавистью посмотрѣла она на Фрину... Она также, какъ эта Фрина, бываетъ соблазнительна; къ восторгамъ и страсти любовныхъ объятій она остается также холодна, какъ эта холодная, бездушная статуя! О, будь ты проклята, вакханка... подлая, несчастная, сладострастная вакханка!..

Мгновенье,—и изящная статуэтка Фрины, разбитая въ дребезги, уже валялась на полу...

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Старикъ Прѣсновъ, дѣйствительно, былъ гораздо лучше, чѣмъ думалъ о немъ Вася,—даже, болѣе, старикъ былъ лучше, чѣмъ могъ представить себѣ этотъ молодой человѣкъ.

Васинъ отецъ, въ свое время, измѣнилъ довѣрію старика и чрезвычайно огорчилъ его, (старая исторія, которую здѣсь не стоитъ перетряхивать). Старикъ долго не могъ отдѣлаться отъ непріятнаго, тяжелаго чувства къ своимъ родственникамъ и, какъ человѣкъ впечатлительный, нерасположеніе свое перенесъ, было, на племянника. Но извѣстіе о

смерти нѣкогда любимаго, глубоко огорчившаго его человѣка—смирило, утишило гнѣвъ старика. Онъ вовсе не хотѣлъ заискиваній, какъ сначала предполагалъ его племянникъ: напротивъ, онъ, именно, боялся ухаживаній за собой, видя въ нихъ лишь ухаживанія за туго набитымъ кошелькомъ. Сергѣй Борисовичъ зналъ, что безъ денегъ всегда худенекъ, что деньги, какъ сила, внушаютъ къ себѣ почтеніе; но въ то же время онъ желалъ, чтобы добываніе денегъ неимущимъ отъ имущаго и человѣческія привязанности шли своимъ путемъ, чтобы естественныя корыстныя побужденія не являлись подъ прикрытіемъ чувства родственнаго уваженія и любви... Отчужденіе отъ него молодого человѣка въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ уже много говорило, по мнѣнію старика, въ пользу Васи Прѣснова. Онъ, повидимому, и не думалъ заискивать у богатаго дяди; онъ, повидимому, даже забылъ, что такой дядя существуетъ на бѣломъ свѣтѣ. Вася явился лишь по зову. А между тѣмъ, по всѣмъ видимостямъ, оказывалось, что бѣднягѣ жилось не совсѣмъ-то сладко. Дядя, отпаивая племянника пуншемъ, конечно, замѣтилъ его красныя лапы и всѣ недостатки его потертаго, неказистаго костюма... Всѣ эти вышеуказанныя обстоятельства служили для Васи хорошей рекомендаціей въ глазахъ старика. Свиданіе съ Васей произвело на него довольно пріятное впечатлѣніе. Простые, короткіе, даже—иной разъ—грубые отвѣты, ударенія на словахъ «мы, студенты», «по-студенчески» и т. под. и, наконецъ, отсутствіе всякихъ льстивыхъ рѣчей и подобострастныхъ манеръ расположили Сергѣя Борисовича къ молодому человѣку... Вася былъ молодъ видомъ, но старъ и опытенъ душой. Дядя подумалъ о немъ то же, что племянникъ думалъ о немъ самомъ.

«Малый-то вовсе не таковъ, какъ я предполагалъ»... размышлялъ старикъ, по уходѣ племянника.

Сергѣй Борисовичъ, если хотите, былъ, пожалуй, немного идеалистъ. Это былъ славный старикъ, одинъ изъ тѣхъ неворчливыхъ, исполненныхъ терпимости стариковъ, которые не только смотрятъ снисходительно на юношескія шалости и увлеченья, но даже оправдываютъ, одобряютъ ихъ. Онъ былъ человѣкъ неглупый, серьезный, до послѣдняго времени усидчиво работалъ надъ своимъ многолѣтнимъ литературно-ученымъ трудомъ, но въ минуты отдыха онъ желалъ, чтобы кругомъ него толпилась молодежь, разсуждала, спорила, запѣвала пѣсни, дурачилась—словомъ, вела бы себя такъ, какъ дома, на-распашку. Онъ не прочь спѣть и русскую народную пѣсенку и не прочь глубокомысленно потолковать о такомъ вопросѣ, который для него уже казался давнымъ-давно рѣшеннымъ и подписаннымъ.

На святкахъ какъ-то, наконецъ, устроилась вечеринка....

Вася пригласилъ на эту вечеринку человѣкъ до двѣнадцати своихъ пріятелей—различныхъ оттѣнковъ. Когда всѣ эти люди сошлись въ одну комнату, то составилась, такъ сказать, какая-то нравственная радуга; всевозможные оттѣнки мнѣній и взглядовъ, начиная съ бѣлаго и кончая краснымъ, образовали удивительную пестроту. Вочію, какъ послѣ разрушенія Вавилонской башни, здѣсь происходило смѣшеніе языковъ и народовъ. Тутъ были буквоѣды и архивныя крысы, и либералы съ оттѣнкомъ адвокатскаго задора, и умѣренные, довольствовавшіеся теоріей «понемножку—помаленьку», и радикалы, бившіе въ корень; замѣшался даже одинъ художникъ, толковавшій о тонахъ и перспективѣ съ такимъ неподдѣльнымъ жаромъ, какъ будто бы отъ его перспективы должна была позолотиться вся житейская грязь.

Вася рѣдко видался съ Сѣверцовымъ; ему пришлось идти нарочно къ Сѣверцову—приглашать того на вечеринку.

— Что тамъ такое?—освѣдомился Сѣверцовъ.

— Да ничего особеннаго! Такъ—соберется народъ... Потолкуемъ о суетѣ мірской, о томъ—о семъ...—пояснилъ ему Василій Алексѣевичъ, разумѣется, умолчавъ о тѣхъ побужденіяхъ, какія заставили его приглашать Сѣверцова на вечеринку къ дядѣ.

— Пожалуй!—согласился Сѣверцовъ, не упускавшій случая бывать тамъ, гдѣ собирался «народъ».

Въ этомъ отношеніи онъ держался того мнѣнія, что «не знаешь: гдѣ найдешь, гдѣ потеряешь», что, поэтому, надо болѣе и чаще сталкиваться съ людьми всевозможныхъ званій и профессій, что надо бывать вездѣ, гдѣ только возможно. Сѣверцовъ былъ всегда противъ замкнутыхъ, тѣсныхъ кружковъ, противъ толченья на одномъ мѣстѣ, со «своими людьми». Онъ никогда не говорилъ о человѣкѣ: «Что можетъ выйти добраго изъ Назарета»... Вслѣдствіе всего этого, кругъ знакомства его былъ чрезвычайно разнообразенъ...

Сергѣй Борисовичъ былъ очень доволенъ,

радушно потчивалъ своихъ гостей и веселился вмѣстѣ съ ними. Обыкновенно тихія комнаты наполнились теперь шумомъ и гуломъ голосовъ. Въ столовой была приготовлена закуска, стояли вина; въ кабинетѣ на столѣ лежали отличныя сигары, въ каминѣ теплился огонь и передъ каминомъ полукругомъ стояли кресла для желающихъ понѣжиться передъ камелькомъ. Гостиная же представляла главный сборный пунктъ. Разговоръ съ начала вечера, какъ водится, не клеился: часто сбивался, велся отрывисто,— и если бы не находчивость хозяина, то, вѣроятно, не разъ въ собраніи пролеталъ бы тихій ангелъ. Наконецъ, одинъ изъ молодыхъ людей, по словамъ товарищей, «двигавшій науку», завелъ рѣчь о моллюскахъ такимъ тономъ, какъ будто бы онъ уже съ каѳедры читалъ лекцію студентамъ. Юный юристъ началъ распространяться о земствѣ, о самоуправленіи и о тому подобныхъ вопросахъ, которые какъ будто нарочно и придуманы для гостиныхъ нашего времени, для услажденія либеральныхъ ушей. Художникъ съ пыломъ, съ жаромъ объяснялъ хозяину всѣ сокровенныя прелести послѣдней картины «нашего знаменитаго художника»... Василій Алексѣевичъ въ своемъ новенькомъ, модномъ, длинноломъ сюртукѣ леталъ изъ комнаты въ комнату. Онъ исполнялъ роль молодого хозяина — на тотъ вечеръ—и должно отдать ему справедливость: онъ довольно легко вошелъ въ свою роль, особенно около вина.

Сѣверцовъ сидѣлъ въ сторонѣ, прислушивался къ происходившей вокругъ него бесѣдѣ, самъ говорилъ мало. Вечеръ, повидимому, его не интересовалъ, и онъ собирался уйти. Въ дверяхъ, встрѣтившись съ хозяиномъ, онъ откланялся ему и хотѣлъ пройти, но старикъ удержалъ его.

— Уже? Что такъ рано? — спросилъ Сергѣй Борисовичъ, какъ бы отъ удивленія приподнявъ свои густыя брови и пристально посмотрѣвъ на Сѣверцова.

— Да дѣлать нечего!—съ обычной своей простотой отвѣтилъ тотъ.

Старикъ улыбнулся. Ему, вѣроятно, подумалось: «Это что еще за enfant terrible!» Человѣкъ, не моргнувъ глазомъ, прямо говоритъ, что ему съ вами дѣлать нечего, что ему съ вами скучно...

— Какъ же это «дѣлать нечего»!—возразилъ Сергѣй Борисовичъ. — Въ наше время люди необходимо должны сходиться—ну, хоть за стаканомъ чая или за бутылкой вина, — должны сближаться другъ съ другомъ... Вѣдь вы знаете! одинъ въ полѣ—не воинъ.

— Не всегда, — отозвался Сѣверцовъ. — Иногда и одинъ въ полѣ воинъ... Въ Библіи разсказывается, что Давидъ, почти мальчикъ, убилъ филистимлянина Голіафа и спасъ родину.

— Это — исключительные случаи! — настаивалъ Сергѣй Борисовичъ. — Вообще же для всякаго дѣла нужны люди, большія группы людей... Міровыя дѣла, молодой человѣкъ, совершаются не единичными усиліями, какъ бы личность сама по себѣ ни была талантлива, хотя бы она была семи пядей во лбу...

Разговаривавшіе, тѣмъ временемъ, незамѣтно прошли гостиную и очутились въ кабинетѣ, гдѣ на ту пору было пусто.

— Сядемъ! Посидимъ! — предложилъ хозяинъ, опускаясь на одно изъ низенькихъ креселъ, стоявшихъ близъ камина.—Если у васъ есть время, продолжимъ разговоръ...

Сѣверцовъ сѣлъ съ нимъ рядомъ. Откинувъ со лба свѣсившуюся прядь своихъ бѣлокурыхъ волосъ, онъ, молча, посмотрѣлъ на собесѣдника. Его большіе, свѣтло-голубые глаза смотрѣли на старика такъ настойчиво, проницательно, до того выразителенъ былъ ихъ взглядъ, что Сергѣй Борисовичъ какъ бы поспѣшилъ оправдаться...

— Вы, можетъ быть, думаете, что я хочу только поболтать съ вами — отъ нечего дѣлать, да?—сказалъ онъ.—Нѣтъ, нѣтъ! Я хотѣлъ бы серьезно подѣлиться съ вами мыслями... Видите: мы уже слишкомъ долго идемъ въ разбродъ. Пора намъ сплотиться, сговориться на чемъ-нибудь...

— Сплотиться, конечно, — хорошо... Кто жъ противъ этого говоритъ!—отозвался Сѣверцовъ. — Но надо, именно, сплотиться... А то въ наше время есть такіе поклонники «собиранія людей», для которыхъ «сплотить» значитъ собрать въ одну комнату какъ можно больше народа. Это—«собираніе» какихъ бы то ни было людей, «собираніе» во что бы то ни стало. Отъ такого механическаго «собиранія людей» во что бы то ни стало—положеніе дѣла принимаетъ траги-комическій характеръ. Лебедь, щука и ракъ запрягаются везти возъ; возъ, разумѣется, ни съ мѣста, а возница неразумный вздыхаетъ, охаетъ. . Старая басня! Щукѣ, лебедю и раку воза не стащить во вѣки вѣковъ. Не смогутъ-ли ле-

бедь или щука въ одиночку потащить возъ... Какъ вы думаете?

— Можетъ быть! — проговорилъ Сергѣй Борисовичъ. — Только хватитъ-ли у нихъ силъ...

— Это—другой вопросъ!—перебилъ Сѣверцовъ.—Но вообще я долженъ признаться, что вижу дѣйствительную силу не въ количествѣ, но въ качествѣ людей. Для меня важно не число, но то, чтобъ люди шли «въ ногу», думали и чувствовали одинаково, — хотя бы приблизительно... Для меня дороже маленькая кучка людей совершенно единомышленныхъ, солидарныхъ между собой, тянущихъ въ одну сторону, чѣмъ громадная масса людей, толкущихся взадъ и впередъ, и читающихъ про себя свое особенное *Credo*... Первые сдѣлаютъ свое дѣло, а вторые нашумятъ, нагалдятъ и уйдутъ, откуда пришли...

— Я понимаю, что вы хотите сказать!— замѣтилъ Сергѣй Борисовичъ.—Но вѣдь согласитесь, что безъ партіи, безъ союзниковъ вы будете безсильны, за какое бы дѣло вы ни взялись... Исключительныхъ случаевъ не будемъ брать въ примѣръ.

— Ну, что жъ! Какъ бываютъ передвижныя выставки, передвижныя школы и тому подобное, также точно можетъ быть и «своя» передвижная партія...

— Какъ такъ?—спросилъ старикъ.—Это что-то для меня новое...

— Исторію Робеспьера знаете?—спросилъ его въ свою очередь Сѣверцовъ.—У него не было партіи, какъ мы съ вами понимаемъ «свою партію». Онъ самъ признавался, что шелъ съ людьми лишь до тѣхъ поръ, пока они были ему попутчики. Когда онъ замѣчалъ, что союзники отстаютъ отъ него или отходятъ въ сторону, куда, по его убѣжденію, для пользы дѣла, отходить вовсе не слѣдовало, онъ переходилъ къ другой группѣ людей, на ту минуту единомышленныхъ съ нимъ, и тѣ своею дѣятельностью, такъ сказать, выносили его къ цѣли. На-завтра онъ могъ оставить ихъ и перейти къ слѣдующей группѣ, и такъ далѣе...

— Да! и такъ далѣе, до тѣхъ поръ, пока ему не отрубили голову! — съ горькой ироніей произнесъ старикъ.

Сѣверцовъ промолчалъ. Онъ смотрѣлъ въ каминъ на уголья, подергивавшіеся золой. Красноватыя искры еще перебѣгали тамъ и сямъ по угольямъ, вспыхивали и гасли. Лицо молодого человѣка оставалось въ тѣни, и Сергѣй Борисовичъ не могъ замѣтить той задумчивой, тихой улыбки, что свѣтилась въ глазахъ его собесѣдника, когда тотъ, повидимому, такъ пристально всматривался въ красныя искорки, перебѣгавшія по грудамъ сѣраго пепла.

— Голова—еще не самая дорогая вещь на свѣтѣ!—проговорилъ Сѣверцовъ, прислоняясь къ спинкѣ креселъ и не глядя на своего собесѣдника.

Тотъ, молча, пытливо смотрѣлъ на молодого человѣка...

Потомъ опять завязался разговоръ, разговоръ перешелъ въ споръ — довольно оживленный, и споръ протянулся далеко за полночь... Вася Прѣсновъ, между тѣмъ, сильно волновался. Если бы могъ, онъ уже давно вмѣшался бы въ споръ и постарался бы такъ или сякъ прекратить его или, по крайней мѣрѣ, не дать ему слишкомъ разгорѣться. Но—къ несчастію его — онъ не могъ этого сдѣлать, онъ еще не былъ настолько въ короткихъ отношеніяхъ съ дядей, чтобы могъ фамильярничать съ нимъ. Онъ могъ только хозяйничать около вина, приготовлять смѣсь изъ коньяку и лимонаду и намекать своимъ знакомымъ на то, что онъ здѣсь «свой» человѣкъ, хотя въ дѣйствительности здѣсь онъ еще не былъ «своимъ» человѣкомъ. «Охъ, ужъ этотъ Гришка... нагородитъ чего-нибудь!»—ропталъ про себя Василій Алексѣевичъ и шнырялъ около двери кабинета, надѣясь хотя урывками уловить сущность безпокоившаго его спора. Одинъ разъ слышалъ онъ, какъ Сѣверцовъ говорилъ: «Нѣтъ... все лучше, чѣмъ такое прозябанье! Хоть что-нибудь... Борьба, движенье все-таки — жизнь! А такой мертвенный покой—хуже, опаснѣе всего: онъ — предвѣстникъ смерти, самой ужасной, нравственной смерти»... Затѣмъ, въ другой разъ до Прѣснова еще явственнѣе донеслись слова: «Оставьте, пожалуста, народъ! Народъ одинаковъ вездѣ, на всемъ земномъ шарѣ... То онъ терпитъ и молится; то, когда придется, вдругъ осатанѣетъ, хуже самаго лютаго звѣря сдѣлается...»

«Понесъ!» проворчалъ про себя Василій Алексѣевичъ. Онъ, конечно, не слышалъ всего разговора, но по нѣкоторымъ фразамъ уже догадывался, что Сѣверцовъ принялся развивать свои излюбленныя теоріи. Но это еще куда бы ни шло, если бы дядя, по своему обыкновенію, посмѣивался надъ нимъ. Такъ

вѣдь нѣтъ же!.. Въ томъ была бѣда, что старикъ спорилъ, горячился... вонъ у него даже щеки покраснѣли. «Это ужъ недаромъ!—подумалъ Прѣсновъ:—теперь—кончено...Этотъ Гришка весь вечеръ испортитъ... И лѣшій знаетъ, что онъ напоетъ старику! А тотъ ужо напустится на меня... Этакихъ, скажетъ, разбойниковъ привелъ... Вотъ такъ устроилъ вечерокъ... нечего сказать! Чортъ... навязался»... И Прѣсновъ мысленно рвалъ на себѣ волосы. Что бы тамъ Сѣверцовъ ни говорилъ—для него, конечно, безразлично. «Мели, сколько влѣзетъ»... Но горе въ томъ, что этотъ безпокойный человѣкъ, по мнѣнію Прѣснова, разстроилъ весь вечеръ. Дядя разсердится, не поговоритъ ни съ кѣмъ толкомъ, ни съ его учеными пріятелями, ни съ художникомъ, ни съ краснорѣчивыми либералами... А главное: какое же лестное понятіе составитъ дядя о его знакомыхъ, судя по этому «погибельному» субъекту. Ужасъ, ужасъ!.. Вася былъ того мнѣнія, что можно и поспорить, только надо знать: гдѣ, съ кѣмъ и какъ спорить. На студенческихъ сходкахъ, когда сюртукъ и душа бываютъ на распашку, можно спорить обо всемъ, спорить рѣзко, сказать даже лишнее. Но спорить такимъ образомъ съ почтеннымъ старикомъ, съ человѣкомъ мало знакомымъ, притомъ «на вечерѣ»—для него казалось совершенно неумѣстнымъ и неделикатнымъ въ высшей степени...

За ужиномъ разговоромъ завладѣлъ художникъ. Онъ говорилъ:

— Какая у него тонкая работа! (рѣчь шла о «нашемъ знаменитомъ»...) Непостижимо! Не видано—не слыхано!.. Посмотрите на деревья... Такъ вѣдь и хочется ухватиться рукой за вѣтви! А вода... хоть сейчасъ же бросайся и купайся въ ней... Какая легкость, прозрачность! Вѣдь это прелесть...

Сѣверцовъ ушелъ раньше всѣхъ. Остальные гости разошлись уже передъ утромъ.

На другой день старикъ, между прочимъ, сталъ разспрашивать Васю о Сѣверцовѣ.

— А что?.. Онъ не понравился вамъ?—съ кислой усмѣшкой замѣтилъ молодой человѣкъ.

— Напротивъ!—возразилъ Сергѣй Борисовичъ. — Хотя всѣ твои товарищи вообще, кажется, отличные ребята, но этотъ понравился мнѣ всѣхъ больше... Онъ человѣкъ живой, очень неглупый.

— Да, онъ—ничего...—пробормоталъ племянникъ, совершенно сбитый съ толку такимъ неожиданнымъ признаніемъ: онъ ожидалъ себѣ нагоняя изъ-за Гришки, а между тѣмъ оказывается, что именно этимъ-то enfant terrible дядя и остался въ особенности доволенъ.

— Только... боюсь я за него... Такіе-то, какъ онъ, говорятъ, не жильцы у насъ на бѣломъ свѣтѣ!—немного погодя, задумчиво промолвилъ старикъ, смотря вдаль.

Онъ вздохнулъ. На умномъ лицѣ его отразилась грусть...

Вася тоже вздохнулъ, но вздохнулъ съ облегченіемъ. Онъ былъ очень радъ, что его пріятели понравились дядѣ, что Гришка не только не испортилъ «вечера», но даже очаровалъ старика. Дядя даже изъявилъ желаніе, чтобы Григорій Александровичъ навѣщалъ его... Чего жъ лучше! — И Прѣсновъ оставался доволенъ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Прошелъ еще годъ.

Съ Васей Прѣсновымъ за это время произошла очень замѣтная перемѣна, бросавшаяся въ глаза людямъ, прежде знавшимъ его, но перемѣна, впрочемъ, совершенно естественная съ обыкновенной житейской точки зрѣнія.

Онъ получалъ отъ дяди до 200 рублей въ мѣсяцъ, да сверхъ того въ экстренныхъ случаяхъ ему былъ всегда открытъ кредитъ. Кромѣ того, ему достали мѣсто въ какомъ-то обществѣ на 3 тысячи въ годъ,—мѣсто, не доставлявшее ему почти никакихъ заботъ и трудовъ. Прѣсновъ посѣщалъ мѣсто своего служенія черезъ день,—черезъ два, какъ придется: повертится, покуритъ, поболтаетъ съ товарищами и, любезно пославъ кому слѣдуетъ воздушный поцѣлуй, мгновенно улетучивается... Такихъ «служащихъ» не мало на свѣтѣ. Однимъ словомъ, Василій Алексѣевичъ въ деньгахъ не нуждался. А вслѣдствіе этого произошло то, что онъ зимою, напримѣръ, ходилъ въ бобрахъ, лѣтомъ — въ костюмѣ шармеровскаго издѣлія. На островахъ онъ иногда являлся въ коляскѣ en deux съ дамой полусвѣта. Васильевскій островъ онъ, разумѣется, давно уже бросилъ, бросилъ свою жалкую каморку въ 5 линіи. Теперь онъ жилъ на Литейной, въ chambres garnies, въ большой, свѣтлой и довольно изящно меблированной комнатѣ. Отъ старыхъ своихъ товарищей Прѣсновъ мало-по-малу отдалялся и, наконецъ, вовсе разошелся съ ними, а сблизился съ такими людьми, которыхъ въ его

прежнемъ кружкѣ звали, обыкновенно, «хлыщами» и «прохвостами». Подобныя превращенія въ жизни дѣлаются очень просто и легко. Поэтому-то жизнь дѣйствительная иногда и бываетъ фантастичнѣе всякаго романа...

«Василька оперился!» говорили про него старые товарищи и подсмѣивались ему въ глаза надъ его французскими перчатками и щегольскимъ цилиндромъ. «Досадно, что у самихъ ничего нѣтъ!» успокоивалъ себя въ такихъ случаяхъ Прѣсновъ. Прежніе товарищи все холоднѣе и холоднѣе относились къ нему, тѣ товарищи, у которыхъ въ былые черные дни онъ грѣлся, кормился, находилъ совѣтъ и доброе слово. На первыхъ порахъ Прѣснова покалывала эта холодность, хотя она была лишь отвѣтомъ на его же собственную холодность, но и эти незначительныя покалыванья скоро прошли. Дорожка къ старымъ пріятелямъ скоро совсѣмъ заросла для него. «Наплевать!» рѣшилъ онъ и махнулъ рукой на все свое прошлое...

«Je bois, je bois, je bois toujours!»

стало однимъ изъ его любимыхъ мотивовъ. И вообще свою теорію «наплевать» онъ сталъ развивать все шире, все дальше и смѣлѣе. Пародируя Виктора Гюго, Васю Прѣснова можно было бы назвать «человѣкомъ, который на все плюетъ»; таково могло бы быть, пожалуй, и заглавіе нашей повѣсти... Семена, носившіяся въ общественной атмосферѣ, недаромъ запали ему въ душу: въ этой душѣ они нашли для себя хорошую почву и дали роскошный цвѣтъ... Не подумайте, читатель, что нашъ Вася Прѣсновъ, или Basile, какъ чаще называли его «друзья», представлялъ съ виду что-нибудь ужасное. Совсѣмъ напротивъ...

При поверхностномъ знакомствѣ онъ могъ показаться, просто bon vivant'омъ, со средствами, беззаботно, весело живущимъ человѣкомъ, какихъ много на свѣтѣ. Съ щегольскимъ галстучкомъ на шеѣ, всегда въ модной шляпѣ, раздушенный, блестящій, сіяющій, онъ порхалъ, какъ мотылекъ, отъ удовольствія къ удовольствію, съ гулянья на гулянье. То онъ катитъ на острова, ins Grüne, или на «пуантъ», то летитъ въ Павловскъ, на музыку. Зимой мчится на тройкѣ къ Дороту или на горы, къ знакомымъ на дачу. Онъ напѣваетъ всегда самую новѣйшую шансонетку, только-что пропѣтую на сценѣ пріѣзжею знаменитостью каскаднаго міра, Онъ вкусно ѣстъ, пьетъ и всегда веселъ. Задумчивости онъ, кажется, вовсе не знаетъ. Онъ соритъ деньгами направо и налѣво, пока есть деньги. Нѣтъ денегъ, идетъ къ дядѣ или беретъ въ долгъ. Есть уже для Прѣснова такія злачныя мѣста, гдѣ ему открытъ кредитъ... Иногда Прѣсновъ могъ показаться пресыщеннымъ, но не больнымъ, не разслабленнымъ отъ пресыщенья, и поэтому отвращенья онъ не внушалъ. Инымъ онъ могъ показаться кутилой и даже добрымъ малымъ. Но это было бы большой ошибкой... Онъ вовсе не былъ кутилой въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова, онъ не увлекался по-юношески, беззавѣтно ни женщинами, ни виномъ, онъ не предавался пьянству, не зналъ пьяныхъ восторговъ и дружескихъ изліяній подъ вліяніемъ осушенныхъ бутылокъ бургундскаго и не любилъ шалить и дурачиться, будучи навеселѣ. Онъ всегда оставался самимъ собой, Васей Прѣсновымъ. Опьяненіе сказывалось въ немъ лишь тѣмъ, что блескъ темныхъ глазъ его становился какъ-то холоднѣе; презрительная улыбка на губахъ его рисовалась ярче, беззастѣнчивѣе; наглѣе, циничнѣе становились его рѣчи и взгляды и громче слышалось его обычное «наплевать», расточаемое щедро направо и налѣво. Нѣтъ, это былъ не кутила... Добрымъ малымъ Вася Прѣсновъ также могъ показаться только при самомъ бѣгломъ взглядѣ на него. Выражаясь аллегорически, вмѣсто сердца, у него былъ кусочекъ льда, слабо таявшій лишь въ жару чувственныхъ наслажденій...

О Васѣ Прѣсновѣ, впрочемъ, приходится говорить поподробнѣе, такъ какъ онъ — нечего скромничать—является однимъ изъ героевъ нашего времени, представителемъ цѣлаго типа людей, «на все плюющихъ».

Изъ Прѣснова вышло то, что̀ и могло выйти изъ юноши, оттолкнувшаго нѣкогда отъ себя нѣжно любившую его мать, оттолкнувшаго ее за то, что она не могла достать для него столько денегъ, сколько нужно было для того, чтобы онъ могъ пофорсить передъ своими петербургскими знакомыми. Именно: изъ Прѣснова вышло какое-то холодное, бездушное, студенистое существо, облекшееся въ довольно приличныя формы—со свѣтской точки зрѣнія. Какъ еще въ дѣтствѣ онъ думалъ, что міръ созданъ для его услады, для удовлетворенія его личныхъ прихотей и капризовъ, также точно — только съ небольшими варіаціями — думалъ онъ и теперь. Онъ ежился, пока былъ въ бѣдности, ежился, ронталъ на

судьбу и по-неволѣ не давалъ разгуляться своимъ инстинктамъ. Но онъ всегда разсчитывалъ, что черные дни его не долги, что онъ покинетъ свою каморку въ 5 линіи Васильевскаго острова, броситъ свой жалкій сюртучишка, а вмѣстѣ съ тѣмъ броситъ и тѣхъ изъ своихъ товарищей, которые находили возможность дѣлиться съ нимъ только ломтемъ чернаго хлѣба съ масломъ или съ какой-нибудь дрянной колбасой.

— Развѣ же это жизнь? Это чортъ знаетъ что такое!—не однажды послѣ такой закуски восклицалъ онъ, бывало, оставшись наединѣ.—Жрать посвински, что̀ подъ руку попадетъ, да и за то еще говорить «спасибо...» Фу, гадость, мерзость!.. А *они* и въ самомъ дѣлѣ, кажется, готовы «спасибо» сказать за эту колбасу. Ахъ, дурачье, дурачье!.. Нѣтъ! Кончится же все это, наконецъ, когда-нибудь... Ѣсть всякую дрянь, упрашивать хозяйку подождать «за комнату», вытягивать у пріятелей по рублю... ахъ, какъ все это мнѣ опротивѣло! Кончится же эта музыка... но когда, когда?..

Кончилась эта «музыка». Часъ пробилъ. У Васи Прѣснова руки полны денегъ. Прощай, противная колбаса! прощайте, други-пріятели... Вы остаетесь позади! Вася выпрямился, развернулся и понесся, какъ саврасъ, закусивъ удила. Теперь, съ деньгами въ карманѣ, онъ посмотрѣлъ на міръ такъ, какъ будто бы тотъ былъ уже у его ногъ. Перемѣна произошла быстрая, рѣзкая. Прежде, напримѣръ, хотя изъ приличія, бывало, онъ выслушивалъ разсказы о людскомъ горѣ, выслушивалъ людскія жалобы, сѣтованья. Теперь же онъ прямо чурался такихъ разсказовъ, не потому, чтобы они тревожили его... конечно, нѣтъ! Просто, они для него были скучны, незанимательны. «Распустятъ нюни-то, да и носятся съ ними!» думалъ онъ и не разъ тоже самое говаривалъ вслухъ. «Нисколько не интересно. Все одно и то-же!..» Прежде Вася выслушивалъ тѣ разсказы съ напускнымъ вниманіемъ, а теперь онъ громко зѣвалъ и не скрывалъ ни мало того: какую невыносимую скуку испытывалъ онъ, слушая эти «вѣчныя ламентаціи». (Онъ любилъ острить и давать всему и всѣмъ «смѣшныя» прозвища, благо ни для того, ни для другого не требовалось большого ума). Теперь онъ не находилъ нужнымъ скрывать свое холодное, жестокое равнодушіе ко всему, что̀ не могло ни прибавить, ни убавить его личныхъ наслажденій и комфорта... Теперь онъ сдѣлался болѣе самимъ собой, чѣмъ былъ прежде.

Затѣять съ нимъ споръ представлялось дѣломъ почти невозможнымъ: онъ со всѣмъ соглашался или—вѣрнѣе—ко всему относился безразлично. Онъ согласился бы и съ вами, читатель, согласился бы и съ человѣкомъ, діаметрально - противоположныхъ съ вами взглядовъ. Это—ему, рѣшительно, ни почемъ: вѣдь онъ же при этомъ ничего не терялъ. Со всѣми соглашаясь, онъ надо всѣмъ смѣялся и на все «плевалъ»... Представятъ-ли ему бѣдственное положеніе какой-нибудь семьи,—онъ остритъ: «рукъ еще себѣ не отгрызли?..» Укажутъ-ли ему на вопіющее нарушеніе правъ и достоинства личности, на какое-нибудь ужасное преступленіе, подымающее дыбомъ волосы,—ему «наплевать!» Заговорятъ-ли о какомъ-нибудь патріотическомъ предпріятіи,—опять-таки «наплевать».

— Сказать страшно: до чего дошла нынѣ распущенность... — заговорятъ, бывало, при немъ.—Зло такъ велико, такъ велико...

— А намъ-то что̀ за дѣло! Вотъ еще!..— со смѣхомъ возражаетъ онъ.

Высшіе государственные или общественные интересы для Васи Прѣснова такъ же дороги, какъ дорогъ для насъ съ тобой, читатель, прошлогодній снѣгъ. Однимъ словомъ, ничто въ жизни серьезно не останавливало на себѣ его вниманія, не пробуждало въ немъ сочувствія, не внушало почтенія къ себѣ. Отъ великаго до смѣшного, говорятъ, одинъ шагъ. Прѣсновъ этого не находилъ. Великое, трогательное, смѣшное—сбито для него въ одну кучу. Слезы, кровь... Что жъ тутъ ужаснаго? Слезы—вода, а у крови, право, очень красивый алый цвѣтъ... Для характеристики этого молодого человѣка приведу здѣсь одинъ подлинный случай изъ его жизни. Однажды ему пришлось проходить гдѣ-то около Таврическаго сада тотчасъ послѣ какого-то уличнаго побоища, причемъ совершено было убійство. Лужа крови еще стояла на сѣрыхъ плитахъ троттуара. Видимо, смущенная, пораженная толпа народа стояла тутъ же около и горячо разсуждала о происшедшемъ... Прѣсновъ съ громкимъ смѣхомъ перешагнулъ черезъ лужу крови и замѣтилъ пріятелю:

— Voilà! Точно, барана рѣзали... Ха!

Даже извощика, молодого паренька, стоявшаго неподалеку, покоробило отъ его смѣха. А онъ, посвистывая, шелъ себѣ далѣе въ Таврическій садъ засматривать въ лица хорошень-

кихъ «нянюшекъ», иногда гуляющихъ тамъ съ дѣтьми.

Взгляды Прѣснова были довольно опредѣленны. Привожу на выдержку нѣкоторые изъ нихъ...

La patrie, qu'est-ce que c'est? Это тотъ большой кафе-ресторанъ или кафе-шантанъ, въ которыхъ приняты въ обращеніе русскія деньги. А жизнь... смѣшная и глупая шутка. Каждый умный человѣкъ долженъ постараться сдѣлать ее какъ можно смѣшнѣе, забавнѣе, долженъ взять отъ нея на свою долю возможно больше наслажденій. Нравственность — гнилое яйцо, и, какъ гнилое яйцо, ее не должно окончательно разбивать лишь единственно потому, что, разбившись, она можетъ скверно запáхнуть. La belle femme, qu'est-ce que c'est? Она необходима мужчинѣ лишь для удовлетворенія нѣкоторой физической потребности... Артистъ, литераторъ, живописецъ—qu'est-ce que c'est? Люди, которыхъ за деньги можно заставить говорить всякія пошлости, нарисовать самую мерзкую картину, написать какой угодно пасквиль, полный клеветъ и инсинуацій, на что хотите... Mon brave, военный человѣкъ, герой-полководецъ или рядовой, qu'est-ce que c'est? Живое пушечное мясо... Чиновникъ, какой бы онъ тамъ ни былъ,—пѣшка, которую всегда можно подкупить и заставить все выдать и продать. Ученый—нѣчто въ родѣ египетскихъ сфинксовъ, служащихъ для украшенія академій и лежащихъ, вѣчно сложа лапы. Народъ—стадо глупыхъ барановъ, которыхъ надо стричь и брить. Палачъ—гнусенъ, но, по крайней мѣрѣ, иногда представителенъ, а жертва—ни мало не эффектна. Жертва, самоотверженіе — нисколько не забавная и поэтому уже совсѣмъ непростительная глупость... «Скажи Юпитеръ! Что лучше бутылки хорошаго стараго вина и молодой, красивой женщины... Скажи! Ты вѣдь зналъ въ этомъ толкъ...»

Вотъ каковы выходятъ опредѣленія Прѣснова по его современной теоріи «наплевать».

Но что же, въ такомъ случаѣ, оставалось для него въ жизни?—спроситъ, можетъ статься, иной читатель. Оставалось все то, что́ неразрывно связываетъ человѣка съ животнымъ и растительнымъ міромъ.

Съ утра онъ уже, напримѣръ, думалъ о томъ: гдѣ бы ему сегодня позавтракать? У Вольфа, у Татаръ или, для разнообразія, отправиться въ Медвѣдя? Вопросъ важный, важнѣе всѣхъ вопросовъ, когда бы то ни было разрѣшавшихся на европейскихъ международныхъ конгрессахъ. Для возбужденія аппетита Вася проходилъ по Морской или по Невскому или же летѣлъ стремглавъ на рысакѣ, а пѣшеходы, глядя на него, думали, что человѣкъ спѣшитъ, вѣроятно, по такому важному дѣлу, отъ неуспѣха котораго можетъ пострадать все государство. Затѣмъ, онъ завтракалъ, обѣдалъ въ свое время, (иногда заглядывалъ въ контору Общества, гдѣ числился на службѣ и получалъ за то 3 тысячи въ годъ); начало вечера, то-есть часовъ до 12-ти, проводилъ въ балетѣ или въ клубѣ, порою заѣзжалъ въ Буффъ посмотрѣть на артистокъ съ голыми ногами и перекинуться съ пріятелями догадкой насчетъ того: которая изъ «этихъ дамъ» лучше сложена. Кончалъ же онъ вечеръ въ Самаркандѣ или у Дорота съ камеліями...

Прѣсновъ никого и ничего не любилъ. Въ немъ, кажется, не осталось ни капли добра, но не было въ немъ ни къ чему и ненависти, —въ немъ оставалось именно лишь одно «наплевать на все». Въ его душѣ — ни мракъ, ни свѣтъ, но вѣчныя, сѣрыя сумерки. При случаѣ онъ могъ сдѣлаться воромъ, крупнымъ, стотысячнымъ, милліоннымъ воромъ, но—не разбойникомъ. Онъ непоможетъ умирающему, если бы для того ему пришлось промочить ботинки, онъ дастъ погибнуть у себя на глазахъ не одной человѣческой жизни и пальцемъ не пошевелитъ, ни одинъ мускулъ не дрогнетъ въ немъ и сердце его не забьется участіемъ, но придушить, зарѣзать самъ онъ не рѣшится. Съ родной сестрой онъ сдѣлаетъ всякую подлость, онъ не пожалѣетъ малаго ребенка, онъ не пожалѣетъ ничего, что́ плохо лежитъ, но протянетъ руку и совершитъ самое гнусное преступленіе лишь въ томъ случаѣ, если онъ вполнѣ увѣренъ, что его дѣяніе не угрожаетъ скандаломъ, останется безнаказаннымъ. Судъ, скандалъ, это — мерзость...

Прѣсновъ былъ не одинокъ. Товарищей у него находилось не мало... Но то не были товарищи—друзья, въ обыкновенномъ смыслѣ слова, ибо каждый изъ нихъ норовилъ вырыть одинъ другому яму, — не нарочно, разумѣется, но при случаѣ, кстати. Поэтому, всѣ они состояли, какъ будто, на военномъ положеніи, смотрѣли въ оба другъ за другомъ изъ-за своихъ бутылокъ вина и, чокаясь стаканами, держали за пазухой—камень. Взгляды, убѣжденія, принципы для этихъ людей—пустыя слова безъ смысла и значенія.

Повторяю: ихъ считали кутилами, весельчаками, bon vivant'ами... Насколько они—«добрые малые», читатель можетъ судить самъ по тому образчику, который теперь фигурируетъ передъ нимъ въ лицѣ Васи Прѣснова.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Между Прѣсновымъ и его другомъ дѣтства, Григоріемъ Сѣверцовымъ, не было ничего общаго. Судьбы ихъ различны и сами они рѣзко отличаются другъ отъ друга—и внѣшностью, и чувствами, и мыслями, и характерами, и образомъ жизни, однимъ словомъ—всѣмъ, начиная съ мелочей и кончая крупнымъ. Одинъ, напримѣръ, всегда одѣтъ comme il faut и не прочь пустить пыль въ глаза своею наружностью; другой одѣтъ бѣдно, небрежно и говоритъ, что «не стоитъ холить свою плоть: все равно, черезъ сто лѣтъ отъ нея ничего не останется»... Одинъ думаетъ только о себѣ и смотритъ на міръ, какъ на большое увеселительное заведеніе, устроенное для него и для подобныхъ ему господъ; другой совсѣмъ забываетъ о себѣ, на жизнь смотритъ серьезно, какъ на тяжелую борьбу. Различіе ихъ душевнаго міра отражается и въ физіономіи ихъ... Одинъ—полный, съ румянцемъ на щекахъ, съ нахальнымъ взглядомъ, съ презрительной усмѣшкой и съ легкомысленной рѣчью на устахъ. Другой—худощавый, съ умнымъ и выразительнымъ, блѣднымъ лицомъ, изобличающимъ въ немъ человѣка, много страдавшаго, болѣвшаго душой, молчаливый, какъ будто все думающій свою думу; сѣрые глаза его смотрятъ строго, рѣшительно...

Понятно, что друзья дѣтства не могли сойтись и завязать прежнихъ душевныхъ отношеній. Прѣсновъ пригласилъ Сѣверцова на вечеринку къ дядѣ по-неволѣ. Желая блеснуть передъ старикомъ своими знакомыми, но еще не зная его вкусовъ, онъ долженъ былъ прихватить и этого «enfant terrible», хотя и не надѣялся, чтобы «Гришка» произвелъ на дядю особенно пріятное впечатлѣніе. Прѣсновъ ошибся. Теперь онъ и радъ бы отдѣлаться отъ Сѣверцова, да нельзя. Дядя желаетъ его видѣть и проситъ пригласить его къ себѣ... Такой оборотъ дѣлъ шибко не понравился племяннику. Знай, что выйдетъ такая оказія,—онъ ни за что не пригласилъ бы Сѣверцова на вечеринку... «Смертная тоска съ этимъ Гришкой!» говаривалъ онъ про себя. Сѣверцовъ, дѣйствительно, сначала нѣсколько стѣснялъ его, на шутки и болтовню его не обращалъ вниманія и часто даже вовсе не отвѣчалъ ему. Примется Вася, бывало, за свои любимые циничные разсказы, а Сѣверцовъ молчитъ, упорно молчитъ, посматривая на него съ улыбкой сожалѣнья, какъ на дурачка. Когда же онъ начиналъ распространяться о томъ: чѣмъ лучше закусывать послѣ коньяку или послѣ водки, тогда Сѣверцовъ или вовсе не смотрѣлъ на него, или же принимался внимательно разглядывать его, какъ какое-нибудь необыкновенное, невиданное существо,—такъ разглядывали, вѣроятно, товарищи Христофора Колумба первыхъ дикарей, встрѣченныхъ ими въ Новомъ Свѣтѣ. Суровый, пристальный взглядъ Сѣверцова мѣшалъ Васѣ развернуться. Прѣсновъ въ такія минуты дѣлался менѣе интереснъ, чѣмъ бывалъ, обыкновенно, въ обществѣ. Остроты его не удавались, разсказы выходили безцвѣтны, грубы и не было въ нихъ обычной соли. Вообще, въ присутствіи Сѣверцова, Прѣсновъ чувствовалъ себя, какъ бы, стоящимъ подъ душью, готовою каждую минуту окатить его холодною водой. Понятно, что при такихъ натянутыхъ отношеніяхъ оживленные разговоры между ними завязываться не могли... Предложитъ Прѣсновъ гостю сыграть въ пикетъ. «Не играю»... Предложитъ выпить. «Не пью»... И такъ далѣе. Однимъ словомъ, у нихъ не оказывалось ничего общаго, даже никакихъ общихъ знакомыхъ не было, кромѣ Нади или m-elle Blanche, да и о той какъ-то рѣчь не заходила.

Прѣсновъ досадовалъ на Сѣверцова, а Сѣверцовъ непритворно скучалъ и зѣвалъ, сидя съ нимъ. Григорій Александровичъ ходилъ на уголъ Литейной и Фурштадтской только ради старика, который казался ему очень умнымъ и симпатичнымъ человѣкомъ. Его нога не была бы здѣсь, если бы не приглашалъ его Сергѣй Борисовичъ. Васю Прѣснова онъ уже давно разгадалъ и не ждалъ отъ него ничего путнаго. Старикъ подолгу, оживленно, съ видимымъ интересомъ разговаривалъ съ Сѣверцовымъ, то громко спорилъ съ нимъ, то говорилъ почти шопотомъ; иногда они вмѣстѣ читали газеты или просматривали какую-нибудь книгу. При прощаніи Сергѣй Борисовичъ крѣпко пожималъ руку Сѣверцову, просилъ его поскорѣе заходить къ себѣ. Ни интимные разговоры полушопотомъ, ни крѣпкія рукопожатія и вообще ни одинъ знакъ осо-

беннаго, почти дружескаго расположенія старика къ Сѣверцову не ускользалъ отъ вниманія Basil'я и причинялъ ему не мало живѣйшихъ тревогъ и опасеній.

— Мнѣ очень нравится твой товарищъ!— сказалъ однажды Васѣ Сергѣй Борисовичъ по уходѣ гостя.

Вася и безъ того уже захлебывался отъ досады, безъ того уже онъ едва сдерживался, чтобы не разразиться цѣлымъ потокомъ сарказмовъ насчетъ своего «товарища». А теперь, когда дядя открыто сознался, что этотъ «товарищъ» ему очень нравится, Васѣ хотѣлось прямо брякнуть старику, что «Гришка — дрянь, педантъ, фальшивый либералъ, корчитъ изъ себя чортъ знаетъ что» и т. под. Но онъ не могъ выступать такъ прямо изъ боязни, какъ бы старикъ, по своей проницательности, не разгадалъ его самого, не прочелъ бы его сокровенныя думы. Поэтому, вмѣсто іереміады, Вася довольно небрежно проговорилъ:

— Да! Онъ—славный малый.

— Какое выраженіе! славный малый...— насмѣшливо передразнилъ его дядя. — Это слишкомъ мало сказано...

Вася промолчалъ, какъ будто не дослышавъ, и въ душѣ проклялъ обоихъ — и дядю, и Сѣверцова. Онъ еще не рѣшался быть нараспашку съ дядей. Онъ находился еще въ большой зависимости отъ старика, да и духовное завѣщаніе, насколько ему извѣстно, еще не было написано. Слѣдовательно, еще надо было сантиментальничать и маскироваться...

Если бы Сѣверцовъ досаждалъ Basil'ю только своимъ пытливымъ, пристальнымъ взглядомъ и презрительнымъ молчаніемъ, если бы онъ нагонялъ только скуку на Basil'я, то это бы еще не велика бѣда и съ нею кое-какъ, скрѣпя сердце, можно было бы мириться до поры—до времени. Пускай потѣшился бы старикъ, пока живъ, а когда умретъ, тогда Basile потѣшится въ свою очередь... Но горе въ томъ, что Сѣверцовъ, по мнѣнію Прѣснова, становился опасенъ. Здѣсь должно замѣтить, что Прѣсновъ уже смотрѣлъ на дядины деньги, какъ на свои собственныя, какъ на деньги, которыя по закону и по всей справедливости должны были цѣликомъ достаться ему въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ. Поэтому, самъ вдоволь пользуясь дядинымъ карманомъ, онъ въ то же время зорко охранялъ этотъ карманъ отъ всякаго нашествія со стороны. Вотъ почему Прѣсновъ сталъ побаиваться Сѣверцова: онъ ревновалъ его къ дядинымъ деньгамъ. Конечно, у него еще не было основаній думать, что «Гришка уже запустилъ свою лапу», но никто не могъ поручиться, что онъ современемъ не запуститъ ее. При всемъ своемъ легкомысліи и пустотѣ, онъ все-таки догадывался, что такіе люди, какъ Григорій Сѣверцовъ, — молчаливые, съ виду даже робкіе и застѣнчивые, фанатически и беззавѣтно преданные «одной идеѣ», — могутъ оказывать на другихъ громадное, неотразимое вліяніе. Онъ догадывался, что Сѣверцовъ, при помощи своего обаянія, можетъ заставить старика широко раскрыть передъ собой его денежную шкатулку. «Бери и черпай, сколько хочешь, сколько надо!»... Положимъ: Сѣверцовъ станетъ брать у него деньги не лично для себя, но для *другихъ*. Да, вѣдь, наслѣднику-то отъ того не легче, что капиталъ, предназначенный ему, перейдетъ не къ тому, а къ другому или третьему.

Прѣсновъ уже не однажды думалъ о томъ: какъ было бы прекрасно, если бы дядѣ приглянулся Вальцевъ, Мятельскій или вообще «свой человѣкъ», то-есть, изъ числа его собутыльниковъ и компаньоновъ по кутежу. Съ этими ему было бы, конечно, веселѣе, а затѣмъ не представлялось бы съ ихъ стороны никакой опасности: они не смогли бы прибрать къ рукамъ его старика... Гдѣ имъ, вѣтрогонамъ, пустомелямъ, вліяніе оказывать!..

Сѣверцовъ не дѣлалъ съ умысломъ непріятностей Прѣснову: онъ, просто, не замѣчалъ его. Прѣсновъ же началъ заводить отъ поры до времени разговоры, непріятные — по его мнѣнію—для Сѣверцова.

Однажды Василій Алексѣевичъ засталъ его у дяди въ кабинетѣ и былъ непріятно пораженъ тою фамильярностью, съ которою дядя его обращался съ гостемъ. Старикъ собирался выѣхать куда-то и съ помощью Антона заканчивалъ свой туалетъ. Сѣверцовъ, развалившись, сидѣлъ въ креслахъ у погасшаго камина съ сигарой въ рукахъ. Прѣсновъ по необыкновенно ароматическому запаху тотчасъ догадался, что Сѣверцовъ курилъ одну изъ тѣхъ прекрасныхъ, дорогихъ сигаръ, которыми, лишь въ видѣ особеннаго благоволенія, старикъ потчуетъ своихъ гостей. Поздравствовавшись, Василій Алексѣевичъ опустился, молча, на другое кресло, стоявшее у камина.

— Отчего же такихъ условій, о какихъ вы говорите, не заведено до сихъ поръ, если они такъ хороши и такъ достижимы?—спрашивалъ Сергѣй Борисовичъ, очевидно, продолжая уже давно начатый разговоръ.

— Отчего? — повторилъ Сѣверцовъ.—Да все оттого же, что люди мало думаютъ объ этомъ. Идеалы отрывочно носятся передъ глазами немногихъ, а въ сознаніе массъ не проникаютъ. Ну, вотъ все и идетъ постарому, попрежнему, какъ шло испоконъ вѣка. Знаете, Сергѣй Борисовичъ: прежде, говорятъ, наряды переходили много разъ отъ поколѣнія къ поколѣнію, и люди носили прадѣдушкины шляпы, прабабушкины платья... Вотъ такъ точно и мысль людская переходитъ по рутинѣ отъ поколѣнія къ поколѣнію...

— Но, вѣдь, желаніе хорошо жить, кажется, совершенно естественное, законное желаніе! — замѣтилъ, немного погодя, Сергѣй Борисовичъ.—Всякая тварь о томъ же хлопочетъ...

— Ужъ чего естественнѣе! — согласился Сѣверцовъ.—Но дѣло въ томъ, что человѣкъ, какъ оказывается, своими единичными усиліями не можетъ добиться такого хорошаго житья, безъ того, чтобы не задѣть чужого благополучія... А какъ скоро задѣлъ чужое благополучіе—шабашъ! и не дожидайся личнаго довольства и спокойствія. Ты задѣлъ другого, а другой тебя задѣнетъ... ну, и пойдетъ игра! Сказочка про бѣлаго бычка... Вѣчная война повсюду—и все изъ-за того самаго, о чемъ мы говоримъ. Ну, вотъ, посмотрите вы хоть на эти милліонныя кражи и воровства! Развѣ же это не генеральныя сраженія? А голодающія провинціи—развѣ это не лагерь побѣжденныхъ?

— Какъ вы думаете: до чего же мы дойдемъ?—обратился старикъ къ Сѣверцову.

— Теперь ужъ, пожалуй, видно: до чего мы дойдемъ!—отвѣтилъ тотъ.—Мы упремся въ стѣну лбомъ, и намъ придется или разламывать эту стѣну, или ложиться, да помирать. Вѣдь вы только всмотритесь хорошенько, попристальнѣе: что дѣлается... Всѣ крадутъ. Дѣтей съ малыхъ лѣтъ уже пріучаютъ всячески любить деньгу, заводятъ для нихъ копилки, учатъ ихъ скаредничеству, скоро, вѣроятно, будутъ учить ихъ всякимъ банковымъ операціямъ... Говорятъ, что игрушки и конфекты для нихъ въ магазинахъ будутъ завертывать въ биржевые бюллетени... Куда ужъ тутъ идти дальше—я, право, не знаю...

— Нынѣ, кажется, только и есть одинъ вопросъ—вопросъ о вознагражденіи...—продолжалъ Сѣверцовъ, немного погодя.—Вознагражденіе, содержаніе, жалованье, гонораръ, субсидія, рента—вотъ сущность всего... Кому бы ни служить, что бы ни дѣлать — все равно, это уже вопросъ посторонній. Каждому хочется жить *лучше*; аппетитъ разыгрался... А нравственное состояніе?.. На днѣ самыхъ, повидимому, сердечныхъ изліяній скрываются недовѣріе и измѣна; въ большей части любезностей и услугъ опять-таки скрывается продажность, и ничего болѣе... Погоня за наживой—вотъ наше послѣднее слово! Другого лучшаго не выдумали... Конечно, мы не говоримъ о народѣ: тому не до наживы, только прокормиться бы какъ ни на есть...

— Правда, Григорій Александровичъ! Правда!—проговорилъ хозяинъ, беря перчатки и взглядывая на часы.—Впрочемъ, мнѣ пора... я васъ оставлю. Затопите каминъ... Антонъ подастъ вамъ завтракъ... Au revoir!

Молодые люди остались одни. Послѣ минутной паузы, Пръсновъ вздумалъ затѣять одинъ изъ тѣхъ разговоровъ, которые, по его мнѣнію, должны были причинять Сѣверцову большое неудовольствіе.

— Положимъ, я согласенъ съ тѣмъ, что ты говоришь...—началъ онъ своимъ обычнымъ развязнымъ тономъ.—Но скажи, пожалуста: зачѣмъ ради фантастическаго будущаго ты, напримѣръ, отказываешься отъ всякихъ радостей и удовольствій? Ну, что тебѣ за дѣло до того, какъ станутъ жить люди въ то время, когда изъ тебя будетъ крапива расти? Для чего отказываться отъ наслажденій, ради какого-то невѣдомаго божка?

Василій Алексѣевичъ говорилъ рѣшительно, съ апломбомъ и, прищурившись, посматривалъ на своего собесѣдника.

— Наслажденья? — съ усмѣшкой повторилъ Сѣверцовъ.—Да гдѣ они, ваши наслажденья? Ты ужъ не въ первый разъ тычешь ими... Ты укажи мнѣ ихъ! А, по-моему, всѣ ваши наслажденья только одна жалкая пародія... Ну, каковы они? Гдѣ они? Дѣлай-ка имъ смотръ!..

Такой прямой приступъ, повидимому, нѣсколько сбилъ Пръснова съ позиціи. Но, въ ту жъ минуту, оправившись, онъ фатовато заложилъ пальцы въ карманы жилета и, протянувъ ноги къ каминной рѣшеткѣ, небрежно откинулся къ спинкѣ кресслъ. Его губы, гла-

за и все лицо нахально, самодовольно усмѣхались.

— Да мало-ли есть въ жизни наслажденій для человѣка со средствами!—смѣясь, проговорилъ онъ, слегка прищуриваясь и играя своимъ pince-nez въ золотой оправѣ.—Право!.. Какъ, напримѣръ, пріятно—проснешься утромъ и знаешь, что ты хорошо позавтракаешь, вкусно, плотно пообѣдаешь, выпьешь вина, погуляешь, прокатишься на хорошей лошадкѣ... Вечеръ—въ веселой компаніи, послушаешь какую-нибудь оперетку, а тамъ—ужинать съ хорошенькими дѣвчонками, шампанское во льду и—тру-ля-ля, тру-ля-ля... Развѣ же это дурно, mon cher? Хочешь, поѣдемъ сегодня къ Дороту? Побывай хоть разъ тамъ...

— Спасибо!—промолвилъ Сѣверцовъ, выразительно взглянувъ на Прѣснова.

— Да чего жъ «спасибо!» — продолжалъ тотъ въ пріятной увѣренности, что онъ своими легкомысленными разглагольствованіями сильно раздражаетъ собесѣдника-ригориста.—Поѣдемъ лучше... Есть у меня на примѣтѣ одна француженка. Задорная барышня, чортъ возьми!.. Если ты любишь брюнетокъ, я, пожалуй, уступлю тебѣ ее на вечеръ... Хочешь?

Василій Алексѣевичъ громко расхохотался.

— Представляю я себѣ, какъ бы ты сталъ ухаживать за нею... Ха! Да ты умѣешь-ли?..—смѣясь, говорилъ онъ, закидывая ноги на рѣшетку камина.—Науку-то «страсти нѣжной» проходилъ? Или бѣгствомъ спасаешься, какъ Іосифъ Прекрасный?..

Опять взрывъ неистоваго хохота. Василій Алексѣевичъ, очевидно, остался весьма доволенъ собой, полагая, что своимъ легкомысліемъ и эпитетомъ «Іосифъ Прекрасный» самымъ чувствительнымъ образомъ уязвилъ пріятеля, постоянно разсуждающаго лишь о «матерьяхъ важныхъ». А Сѣверцовъ, не сводя глазъ, смотрѣлъ на него, какъ бы изучая.

— Полно болтать-то!—насмѣшливо перебилъ онъ, наконецъ, своего веселаго пріятеля.—А я вотъ что тебѣ скажу—хочешь вѣрь, хочешь не вѣрь: всѣ эти наслажденья для меня вовсе не привлекательны...

— Неужели?:—съ недовѣрчивой улыбкой спросилъ его Прѣсновъ.

— Да! Представь себѣ...—въ тонъ ему промолвилъ Сѣверцовъ:—нисколько они меня не плѣняютъ,—ни эти Дороты, ни француженки, ни блондинки, ни брюнетки, ни ужины съ шампанскимъ... Да!.. Если бы мнѣ дали денегъ и осудили бы меня на такую жизнь—я, просто, удавился бы съ тоски... Откровенно тебѣ говорю... Я удивляюсь: какъ вы можете находить пріятности въ такой жизни... Да тутъ, просто, ошалѣешь. дуракомъ сдѣлаешься!

— А я тебѣ дивлюсь!—отозвался Василій Алексѣевичъ.—Ты какой-то аскетъ... ты...

— Знаю, знаю!—перебилъ Сѣверцовъ.—Ты уже не первый разъ мнѣ говоришь это.. Но пойми же, что вѣдь я ровно ничѣмъ не жертвую, если отказываюсь отъ вашихъ Доротовъ и отъ прочихъ наслажденій, которыя ты рекомендуешь мнѣ. Ты, вотъ, какъ попугай, все твердишь: аскетъ, аскетъ... (Прѣсновъ при этомъ отвѣсилъ ему ироническій поклонъ). А я, скажу тебѣ, вовсе—не аскетъ. Если я отбрасываю въ сторону нѣкоторый комфортъ, такъ, просто, только потому, что не дорожу имъ; онъ мнѣ не нуженъ. Неужели ты думаешь, что я по принципу, какъ говорится, не ходилъ бы въ Александринку или тамъ въ какія-нибудь другія мѣста, если бы находилъ въ нихъ удовольствіе для себя? Нѣтъ, братъ, я—человѣкъ откровенный, безъ маски! И не хожу я въ Александринку только именно потому, что не хочу, не нахожу тамъ никакихъ веселыхъ наслажденій...

— А женщины? — спросилъ Прѣсновъ, ухмыляясь.

— Ну что жъ—женщины?—переспросилъ его въ свою очередь Сѣверцовъ.

— Ты и въ нихъ не нуждаешься, что-ли? И онѣ не доставляютъ тебѣ наслажденья?..

— Я не нахожу нужнымъ распространяться объ этомъ!—довольно рѣзко отвѣтилъ Сѣверцовъ. — Объ этомъ всякъ про себя разумѣй...

Пауза. Василій Алексѣевичъ посвисталъ и опять замолкъ. Потомъ, немного погодя, онъ позвонилъ. Изъ-за темно-зеленой портьеры показались бакенбарды, ухо и часть щеки.

— Завтракъ скоро?—спросилъ Прѣсновъ, не поворачивая головы.

— Сейчасъ подаю!—отвѣчалъ Антонъ.

— Вино слегка подогрѣйте!

Бакенбарды исчезли, только портьера еще колебалась нѣсколько секундъ...

— А-ахъ, славно! Выпить, закусить, потомъ пройтись... — самодовольнымъ тономъ заговорилъ Прѣсновъ, сладко потягиваясь.—Нѣтъ, братъ, Григорій Александровичъ, какъ ты ни живи, по принципу или безъ принци-

па, какъ ты ни бейся, тебѣ не перестроить міръ, не перевернуть его!.. Онъ ужъ заведенъ давно и идетъ своимъ порядкомъ... Худъ-ли, хорошъ-ли онъ,—бери, ужъ каковъ есть!..

— Если бы вы его завели и правили бы имъ, тогда, конечно, пиши «пропало»...—съ тонкой, ядовитой усмѣшкой отозвался Сѣверцовъ.—Но вы-то, братцы, вѣдь тутъ ровнехонько ни причемъ. Вы сами плывете, куда васъ вѣтеръ гонитъ, но вы вовсе вѣтромъ не управляете... Васъ, конечно, много, но, все-таки, тѣмъ не менѣе вы только—щепки...

— Ты что же — развѣ завтракать не будешь?—спросилъ Прѣсновъ, видя, что Сѣверцовъ собрался уходить.

— Нѣтъ! Некогда...—отвѣтилъ тотъ.

«Ха! Цѣломудренный Іосифъ»... сказалъ про себя Василій Алексѣевичъ вслѣдъ уходившему гостю. — А втихомолку, не бойсь, первымъ въ мірѣ развратникомъ явится... Знаемъ мы васъ, святошъ!»... Прѣсновъ остался вполнѣ доволенъ тѣмъ *непріятнымъ* разговоромъ, какой ему удалось устроить «Гришкѣ». «Хорошо поддѣлъ я его этой француженкой и вообще насчетъ женщинъ»... раздумывалъ онъ, сидя за завтракомъ и потягивая красное вино. «Ха! я ужъ знаю: онъ до смерти не любитъ этого. Знаю я: *чьимъ* его пронять»...

Хотя Василій Алексѣевичъ, по его мнѣнію, зналъ: чѣмъ можно пронять «Гришку», но тотъ, ни мало не обращая на него вниманія, продолжалъ попрежнему часто ходить къ Сергѣю Борисовичу и цѣлые часы проводить въ его кабинетѣ. Со старикомъ Сѣверцовъ былъ въ отличныхъ отношеніяхъ, а на Прѣснова смотрѣлъ совершенно равнодушно. Тогда Прѣсновъ рѣшился при первомъ удобномъ случаѣ переговорить съ дядей, раскрыть ему глаза на тѣ опасности, какимъ онъ подвергается, вступая въ короткія отношенія съ Сѣверцовымъ. Случай представился...

Сергѣй Борисовичъ однажды попросилъ племянника передать отъ него Григорію Александровичу чекъ на 500 рублей... Цифра не Богъ вѣсть какая большая для Прѣснова и К°, но она могла показаться чрезвычайно многознаменательной, если принять въ разсчетъ, что за нею могла послѣдовать другая цифра—крупнѣе, за другою—третья еще покрупнѣе и т. п. Кто предскажетъ: до чего могли дойти эти цифры?..

Конечно, Прѣснову не было ни малѣйшей заботы до того: какихъ взглядовъ и принциповъ придерживается Сѣверцовъ,—либералъ-ли онъ, красный-ли, завзятый-ли консерваторъ, западникъ или славянофилъ, республиканецъ, монархистъ или анархистъ самый отчаянный, какого только могъ изрыгнуть адъ, вѣрующій онъ или безбожникъ, — это все такіе вопросы, которые шли мимо Васи Прѣснова. «Проповѣдуй, что хочешь! Наплевать»... Ему все равно: старается-ли проповѣдникъ о томъ, чтобы сдѣлать общество дремучимъ лѣсомъ и погрузить его во мракъ, или хочетъ онъ принести свѣтъ истинный; затишье-ли готовитъ эта проповѣдь или же сѣетъ сѣмена грядущихъ бурь и раздоровъ... Что за дѣло до всѣхъ этихъ проповѣдей Васѣ Прѣснову, если онѣ не касаются его лично и ни на іоту не уменьшаютъ доли его комфорта и наслажденій! Пропагандируйте хоть крестовый походъ, — ему безразлично. Слушая всевозможныя проповѣди, онъ только смѣется, подобно беранжеровскому весельчаку. «Да ну ихъ, говоритъ...»

Всѣ эти проповѣди, всѣ эти принципы и теоріи ни на волосъ не затрогивали его личныхъ интересовъ въ текущую минуту и казались ему только смѣшными. Но если бы они стали изъ области мечтаній и разговоровъ переходить на практику, если бы стали стѣснять его комфортъ и удовольствія... тогда, конечно, онъ возмутился бы! Примѣръ... Если бы полиція, въ силу славянофильскихъ воззрѣній, вдругъ изъяла изъ продажи всѣ напитки, кромѣ сивухи и жидкаго, кислаго кваса, или если бы установила, чтобы всѣ граждане въ постные дни кушали только овсяную кашу съ лукомъ,—о! тогда и Прѣсновъ заговорилъ бы... Или: если бы, согласно евангельскому ученію, ему предложили раздать бѣднымъ все его будущее наслѣдство, или если бы, по какой-нибудь соціалистической теоріи, его заставили, наравнѣ со всѣми гражданами государства, работать каждый день по 6 или по 8 часовъ,—тогда онъ, конечно, встрепенулся бы живо. А теперь всѣ эти партіи и теоріи для него — одинъ вздоръ, болѣе или менѣе скучный, болѣе или менѣе забавный...

Прѣсновъ и не думалъ скрывать свои взгляды въ этомъ отношеніи и, когда приходилось, всегда высказывалъ ихъ совершенно откровенно — такъ откровенно, что васъ покоробило бы, читатель, если вы—человѣкъ впечатлительный. «Администрація (такая-

то) самымъ вопіющимъ образомъ злоупотребляетъ своею силой!» скажутъ, бывало, при немъ. А онъ: «Такъ что жъ! На здоровье!»—«Анархисты заговоры злоумышляютъ».—«А пускай ихъ!»... И такъ далѣе.

Поэтому-то Сѣверцовъ, какъ единица извѣстнаго общественнаго типа, представлялся Прѣснову величиной, совершенно безразличной. Что ему за дѣло до того: какихъ «идей» и «убѣжденій» держится Сѣверцовъ, какую вѣру исповѣдуетъ онъ, на какое будущее разсчитываетъ онъ для человѣчества черезъ сто или тысячу лѣтъ... Пусть онъ развиваетъ передъ дядей свои «теоріи», пускай онъ толкуетъ съ дядей хоть по цѣлымъ вечерамъ о Бисмаркѣ, о Марксѣ, о разрушеніи міра или о созиданіи его,—для Прѣснова, рѣшительно, все равно. «Наплевать!» — вотъ и весь его сказъ. Только не трогайте его личныхъ интересовъ, а *тамъ* дальше—хоть трава не расти, хоть рай, хоть адъ. Но дѣло принимаетъ совершенно иной оборотъ, когда его личнымъ интересамъ угрожаетъ весьма существенный ущербъ. *Это* уже не фантазіи... Сѣверцовъ запускаетъ лапу въ его будущее наслѣдство, — значитъ, можетъ лишить его доли комфорта и наслажденій. Положимъ, Сѣверцовъ, можетъ статься, не для себя лично старается, а для другихъ—съ какой-нибудь филантропической цѣлью... мало-ли у нихъ нынѣ всякихъ «добрыхъ дѣлъ»! Вопросъ ни мало не измѣняется оттого: кому именно перейдутъ деньги черезъ руки Сѣверцова. Только одно ясно: онѣ уйдутъ изъ рукъ Василья Алексѣевича, а вмѣстѣ съ ними уйдетъ и извѣстная часть благъ міра сего. Противъ этого должно принять мѣры...

Вотъ почему чекъ на 500 рублей, врученный ему дядей для передачи Сѣверцову, показался Василью Алексѣевичу въ высшей степени многознаменательнымъ фактомъ.

— Вотъ!—повидимому, совершенно равнодушно проговорилъ онъ, небрежно засунувъ чекъ въ свой бумажникъ, и затѣмъ, какъ бы между прочимъ, какъ бы не придавая своимъ словамъ особеннаго значенія, замѣтилъ: — Напрасно вы, дядя, слишкомъ сближаетесь съ Сѣверцовымъ...

— Что такъ?—съ недоумѣвающимъ видомъ спросилъ его Сергѣй Борисовичъ.

— Я, впрочемъ, самъ виноватъ...—по обыкновенію, вяло и лѣниво продолжалъ Василій Алексѣевичъ.—Я васъ не предупредилъ ранѣе насчетъ его... Конечно, онъ—хорошій человѣкъ, но—entre nous—крайне безпокойный. Онъ и въ кружкѣ у насъ всегда считался такимъ... все разныя теоріи развивалъ...

— Д-а-а?—протянулъ Сергѣй Борисовичъ, выразительно приподнявъ свои густыя брови.

— Лучше подальше отъ него держаться!—уже смѣлѣе заговорилъ Прѣсновъ, нѣсколько ободренный нерѣшительнымъ тономъ дядюшки.—Спокойнѣе... А то вы изъ-за него, пожалуй, еще хлопотъ наживете... Мало-ли какая случайность можетъ выйти. Знаете: вѣдь въ наше время надо осторожно заводить знакомства, а то какъ разъ попадешь въ непріятность ни съ того—ни съ сего...

— У-у, какой же ты—степенный молодой человѣкъ... и осторожный! Очень осторожный... Ты ужъ въ непріятность не попадешь—навѣрно!.. — съ нескрываемой насмѣшкой, чрезвычайно мило проговорилъ старикъ.—Прощай!—заключилъ онъ.

Это значило, что дядя желалъ остаться наединѣ.

«Одинъ болванъ еще ума не нажилъ, а другой—старый дуракъ, видно, выжилъ изъ ума окончательно!»—съ кислой усмѣшкой прошепталъ Василій Алексѣевичъ, проходя по гостиной.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Прѣсновъ рѣдко видался съ Надей.

Во дни бѣдности, онъ очень желалъ сдѣлать подругу дѣтства своею любовницей, но происки его въ этомъ направленіи оказались неудачны. Свою неудачу въ любовныхъ похожденіяхъ съ нею Прѣсновъ объяснялъ тѣмъ, что рѣдко бывалъ у нея. А ходилъ онъ рѣдко къ Надѣ оттого, что не хотѣлъ являться передъ нею въ своей кургузой, засаленной визиткѣ съ вытертыми локтями и вообще въ своемъ тогдашнемъ непрезентабельномъ видѣ. Разбогатѣвъ, онъ не оставилъ своей мысли овладѣть Надей. Василій Алексѣевичъ видѣлъ въ ней красивую, изящную, дорогую камелію,—за ней стоило немного поухаживать и посорить деньгами. Здѣсь кстати должно замѣтить, что Прѣсновъ и на женщинъ также смотрѣлъ съ точки зрѣнія своей теоріи «наплевать». При помощи денегъ, по его мнѣнію, съ женщиной можно сдѣлать, рѣшительно, все.

— Едва ли изъ всѣхъ моихъ знакомыхъ, говаривалъ онъ,—найдется хоть одна женщина, которую нельзя было бы купить... если не за 50 рублей, такъ за 50 тысячъ... Вся разница—въ рубляхъ!

Съ такими-то мнѣніями онъ подходилъ и къ Надѣ. Хуже того: онъ видѣлъ въ ней самку, даже не имѣвшую права отказывать ему въ любви. И вотъ, запасшись деньгами и нахальствомъ, онъ явился къ Надѣ. Прежде, во дни его бѣдности, дѣвушка принимала его довольно сухо; теперь же, когда онъ, по его мнѣнію, явился во всемъ блескѣ, Надя встрѣтила его уже совсѣмъ холодно. «Эта дѣвчонка его аффрапировала», какъ онъ самъ впослѣдствіи признавался себѣ. Ея прежнюю холодность къ себѣ онъ, просто, объяснялъ своимъ незавидным общественнымъ положеніемъ. «Въ то время взять съ меня было нечего»... А теперь? Или она не довѣряетъ солидности его бумажника? О, въ такомъ случаѣ онъ ей покажетъ себя... И онъ, какъ искусный бахвалъ, показывалъ себя съ самыхъ эффектныхъ сторонъ; и въ итогѣ опять получалась неудача. Онъ совершенно терялся при разрѣшеніи вопроса: «чего же еще ей было надо?» А между тѣмъ, выходило очень простое недоразумѣніе...

Онъ не нравился Надѣ. «Терпѣть не могу такихъ масляныхъ глазъ!» говаривала про него дѣвушка. Еще въ то время, когда Пресновъ ходилъ въ засаленной, куртузой визиткѣ, Надя замѣчала его поползновенія, но, скрѣпя сердце, пускала его къ себѣ по старой памяти, какъ давнишняго знакомаго. Она только терпѣла его... Теперь же, когда Basile явился передъ нею съ увѣренностью султана, бросающаго платокъ избранницѣ своего сердца, онъ ей сдѣлался окончательно противенъ и гадокъ.

— Ты сталъ еще хуже съ этими дурацкими ухватками!—однажды прямо сказала ему Надя, (они были на «ты»).—Знаешь? мнѣ иногда ужасно хочется побить тебя...

— Какія милыя желанья?—съ громкимъ смѣхомъ отшучивался тотъ.

Онъ притворялся, она же была искренна.

Наконецъ, грубая фамильярность въ отношеніяхъ къ Basil'ю исчезла совсѣмъ. Дѣвушка стала обращаться съ нимъ съ холодною вѣжливостью, не допускавшею никакого интимнаго сближенія. При всякомъ удобномъ случаѣ Надя показывала свое отвращеніе къ нему. Кончилось тѣмъ, что Пресновъ изрекъ про себя свое обычное «наплевать». «Чортъ съ ней! Есть дѣвокъ-то и безъ нея... Свѣтъ не клиномъ сошелся!» разсуждалъ онъ въ утѣшеніе себѣ. «Вонъ mademoiselle Elise ничѣмъ не хуже ея. Пожалуй, еще пошикарнѣе будетъ»... И Пресновъ сталъ бывать у Нади все рѣже и рѣже, объявляя своимъ знакомымъ, что у Blanche нынѣ—страшная скука! А Надя была очень рада, что отдѣлалась отъ этого нахала.

Совершенно иныя отношенія завязались между Надей и Сѣверцовымъ. Она всегда была рада ему, какъ родному человѣку, и попрежнему звала его Гришей. Сѣверцовъ, какъ читатель, быть можетъ, помнитъ, былъ не красивъ собой, не блестящъ, не одаренъ свѣтскимъ остроуміемъ и безъ всякаго изящества въ манерахъ, но его простое, открытое, умное лицо чрезвычайно было по сердцу дѣвушкѣ и казалось ей еще милѣе при воспоминаніи о тѣхъ припомаженныхъ, накрахмаленныхъ и прилизанныхъ физіономіяхъ, которыя толкались въ ея гостиной, казалось, повсюду принося съ собой какую-то свою особенную атмосферу—пошлости и цинизма. Скромное, сдержанное, человѣчное обращеніе Сѣверцова представляло живой контрастъ съ тѣми кабацкими манерами, для которыхъ канканъ служилъ идеаломъ и которыя Надѣ пріѣлись до тошноты. У Сѣверцова было много дѣла, онъ не часто ходилъ къ Надѣ, но за то, когда онъ приходилъ, дѣвушка бывала такъ рада, такъ рада... Она приказывала никого не принимать, уводила гостя въ свой будуаръ и тамъ, сидя съ нимъ на маленькомъ диванѣ, передъ чашкой чая, она въ разговорахъ съ нимъ хотя ненадолго, на нѣсколько мгновеній забывала всю житейскую мерзость, мутнымъ потокомъ заливавшую ее изо-дня въ день. И съ какимъ великимъ наслажденьемъ пила она это забвеніе окружавшей ея нѣчисти! Когда дѣвушка, бывало, вслушивалась въ его тихія, вдумчивыя, задушевныя рѣчи, ей казалось, что она только-что вырвалась изъ какого-то дикаго, бѣшенаго маскарада, шумнаго и крикливаго—и вдругъ очутилась въ затишьи, наединѣ съ милымъ, ласковымъ другомъ... Онъ не обидитъ, не огорчитъ ее, онъ поговоритъ съ ней о старыхъ, хорошихъ дняхъ, о будущемъ, поговоритъ о ней и о себѣ. У него нѣтъ заднихъ мыслей, въ словахъ его нѣтъ сальностей. Она отдыхаетъ съ нимъ отъ мученій своей позолоченной каторги,—каторги, со всѣмъ современнымъ комфортомъ, да и онъ, казалось иногда Надѣ, тоже какъ будто приходилъ отдыхать къ ней...

Дѣвушка уже давно мечтала о другѣ,—и вотъ другъ нашелся въ лицѣ Гриши, товарища ея дѣтскихъ лѣтъ. Имъ даже не приходи-

лось сближаться... Шероховатости, обозначившіяся во время первыхъ свиданій, живо сгладились. Надя скоро отбросила свою мнительность и недовѣріе, развившіяся въ ней подъ вліяніемъ окружавшей ее обстановки; она увидала, что въ ея старомъ другѣ нѣтъ ни высокомѣрія, ни коварства, что опасаться его — нечего... Сѣверцовъ, въ свою очередь, увидалъ въ Надѣ не злую піявицу, но добраго и несчастнаго, слабаго человѣка, надломившагося въ борьбѣ за жизнь, но еще не утратившаго чистыхъ инстинктовъ. Онъ увидалъ въ ней хорошія начала, но сбитыя, затоптанныя житейской кутерьмой. Это была женщина, правда, малообразованная, но не глупая, и главное—она не закрывала доступа къ своему сердцу хорошимъ чувствамъ. Она могла сочувствовать людскому горю, могла сильно любить, даже могла пожертвовать *собой*, не только своимъ комфортомъ и удобствами. Только узнать бы ей навѣрное: гдѣ примется ея жертва и гдѣ она не пропадетъ даромъ... Эта «погибшая», эта камелія была одна изъ тѣхъ блудницъ, которыя при случаѣ могутъ сдѣлаться героинями и совершать высокіе подвиги самоотверженія и любви. Добрыя сѣмена, забросанныя всякою дрянью и грязью, живутъ въ нихъ и ждутъ лишь того часа, чтобы дать ростки... Блудницы не разъ уходили спасаться въ пустыни, въ сосѣдство къ дикимъ звѣрямъ; не разъ отдавали онѣ въ руки палача свои трепещущія груди,—и тотъ рвалъ и терзалъ ихъ раскаленными щипцами; не разъ онѣ умирали въ тяжкихъ мукахъ. Эти блудницы, до извѣстнаго часа погибающія въ развратѣ, похожи на прекрасные полевые цвѣты: до поры—до времени прохожіе мнутъ и топчутъ ихъ подъ ногами...

Григорій Александровичъ уже много всякаго народа встрѣчалъ на своемъ вѣку, но съ типомъ Нади встрѣчался еще въ первый разъ. Онъ зналъ много женщинъ и дурныхъ, и хорошихъ,—женщинъ учащихся, писательницъ, учительницъ, благонравныхъ матерей семействъ, продувныхъ кокетокъ и развратницъ, зналъ и прекрасныхъ, энергичныхъ, желѣзныхъ женщинъ, цѣломудренныхъ и страстно преданныхъ общественному дѣлу, убившихъ, вытравившихъ въ себѣ послѣдній намекъ, всякую тѣнь чувства личнаго самоуслажденія. Но только теперь впервые столкнулся онъ съ блудницей—съ прекрасной блудницей, способной и готовой покаяться, можетъ быть, много грѣшившей, но за то и готовой много *любить*, однимъ словомъ—еще не потерявшей въ себѣ образа и подобія человѣка, чѣмъ не могутъ похвастаться многіе изъ тѣхъ нравственно-прилизанныхъ и приглаженныхъ, *чистенькихъ* людей, которыхъ общественное лицемѣріе заноситъ въ списокъ «лучшихъ»... Эта дѣвушка, эта камелія, заинтересовала собой Сѣверцова, какъ нѣкая terra incognita, невѣдомая страна. Въ свободное время онъ сталъ чаще ходить къ ней, а она встрѣчала его, какъ стараго знакомаго, какъ «своего» человѣка, какъ родного.

Да! Они стали друзьями... Надя рада, Надя счастлива.

Всѣ мужчины, посѣщавшіе ее, ей опротивѣли. Однихъ поневолѣ она принимала благосклонно, съ улыбкой, другихъ—съ кислой гримасой, холодно или даже грубо. Но тѣ и другіе—ей равно ненавистны. Отъ нихъ не дождешься ничего новаго. Избитые каламбуры и остроты, намеки и разсказы одинъ другого циничнѣе, пошлѣе, глупѣе, пустые разговоры, пьянство да обжорство, да ночныя вакханаліи—звѣрскія оргіи разврата, въ которомъ, какъ въ грязной, вонючей лужѣ, топятся послѣдніе проблески живыхъ человѣческихъ думъ и чувствъ... Все одно — одно и то же изо-дня въ день, изъ года въ годъ, пока не износится, не истреплется это красивое тѣло или пока не сойдешь съ ума. Всѣ эти мужчины приходили къ ней, какъ къ самкѣ, и видѣли въ ней лишь одинъ увеселительный предметъ. Лишь только миновало наслажденье, приторныя, напускныя любезности кончались,—и отъ этихъ людей вѣяло холодомъ; среди нихъ Надя чувствовала себя одинокою, брошенною на произволъ чувственной страсти... Гриша былъ единственный человѣкъ, подходившій къ ней безъ эгоистическихъ поползновеній, даже не намекавшій ни на какое ухаживанье со своей стороны. Онъ одинъ не расточалъ ей любезностей, не говорилъ ей глупостей, но обращался съ нею, какъ человѣкъ съ человѣкомъ, какъ равный съ равнымъ. Сѣверцовъ бывалъ то веселъ, то грустенъ, но и въ грусти и въ весельи въ рѣчахъ его всегда звучала какая-то глубокосерьезная нота... Также серьезенъ былъ и открытый взглядъ его сѣрыхъ глазъ... Когда къ ней приходилъ Сѣверцовъ, то Надѣ чудилось, что приходилъ къ ней ея старшій братъ, любившій ее крѣпко, но не умѣвшій нѣжничать и выражать ей свою любовь, нѣсколько грубоватый, неуклюжій, безъ вся-

кихъ изысканныхъ манеръ, но честный, хорошій...

Жизнь уже порядочно поломала и исковеркала Надю. Она чувствовала себя на военномъ положеніи со всѣмъ міромъ и про всякаго встрѣчнаго хранила камышекъ, потому что въ каждомъ встрѣчномъ подозрѣвала врага. Много вынесла она обидъ и оскорбленій. Она знала, что ее презираютъ и притомъ же презираютъ тѣ, которые сами достойны всякаго презрѣнія. Презрѣніе всегда горько, хотя бы оно и преподносилось въ подслащенномъ видѣ, съ улыбками и съ различными любезностями. Дѣвушка была уже проучена, напугана... Поэтому сначала и на Сѣверцова она смотрѣла съ темнымъ подозрѣньемъ, косо, недовѣрчиво. Она думала, что и Гриша, заодно съ прочими, посмотритъ на нее свысока, какъ на ничтожную тварь, и скажетъ: «Какъ ты, бѣдная дѣвочка, разбогатѣла! Какою продажной развратницей стала ты, честная дѣвочка!» Или же прямо, безъ всякихъ разсужденій, вслѣдъ за другими, обниметъ ее... Не произошло ни того, ни другого. Гриша и не думалъ читать ей мораль и не выражалъ ни малѣйшаго желанья обниматься съ нею. Она краснѣла за самое себя и упрекала себя горько за то, что такъ дурно подумала о своемъ старомъ товарищѣ. Да! Она была виновата передъ нимъ... Темныя подозрѣнія въ ней окончательно растаяли, какъ ледъ, подъ вліяніемъ добраго, открытаго обращенія съ нею Сѣверцова. Но другое непріятное чувство, чувство стыда, испытываемое Надей въ его присутствіи, не исчезало. Она стыдилась за самое себя, за свою жизнь, за ту позорную роскошь, которою окружилъ ее общественный развратъ. Иной разъ она была рада провалиться сквозь землю, готова была убрать съ глазъ долой всѣ дорогія бездѣлушки, загромождавшія ея будуаръ, лишь бы Гриша не видалъ ихъ. Она стыдилась, несмотря на то, что Сѣверцовъ, при всей своей грубости и неуклюжести, былъ крайне деликатенъ въ отношеніи къ ней...

И Сѣверцовъ также сначала сторонился отъ нея вслѣдствіе тѣхъ взглядовъ, какіе высказывалъ онъ о женщинахъ еще въ годы своей ранней юности. Онъ видѣлъ въ ней опасную очаровательницу, Далилу. Но Сѣверцовъ скоро успокоился, увидавъ, что ему сѣтей не разставляли, что его принимали, какъ друга.

Темная, зимняя пора прошла. На улицахъ продавались фіалки... По синимъ волнамъ Невы, пыхтя, проносились пароходы. У береговъ, какъ безлиственный лѣсъ, виднѣлись корабельныя мачты, а на нихъ бѣлыми лоскутьями висѣли паруса... Майскія, бѣлесоватыя ночи вставали надъ Петербургомъ со своимъ фантастическимъ освѣщеніемъ, придававшимъ всему городу какой-то странный, призрачный оттѣнокъ. «Вотъ, вотъ, казалось, — все мигомъ пропадетъ, исчезнетъ, какъ марево, какъ ночная греза»...

Первый часъ ночи. Городской шумъ стихаетъ... Лишь изрѣдка поднимается гулъ, доносящійся откуда-то издалека, какъ гулъ послѣдняго прибоя морскихъ волнъ,—и опять все тише, тише и, наконецъ, замираетъ вдали. Небо ясное, свѣтло-голубое; звѣздъ не видно...

Въ маленькомъ, роскошномъ будуарѣ m-elle Blanche открыто окно. Теплый, ночной воздухъ едва замѣтною струей вливается въ комнату. Порою въ окно слабо вѣетъ запахомъ зелени: то окно выходило въ садъ— въ жалкій петербургскій садъ съ двумя-тремя каштанами, съ двумя-тремя липами и съ какимъ-то замореннымъ кустарникомъ. Лѣтомъ этотъ кустарникъ и эти несчастныя деревья заносило уличною пылью, черною копотью каменнаго угля и дымомъ изъ трубъ. Для довершенія печальной картины должно замѣтить, что этотъ садъ съ трехъ сторонъ былъ окруженъ пяти-этажными домами, а съ четвертой—высокой каменной сѣной. Растенія въ этомъ саду, казалось, умирали, задыхались отъ недостатка воздуха и свѣта, какъ узники въ каменныхъ клѣткахъ тюремныхъ... Изъ окна, кромѣ этого жалости достойнаго садика, еще была видна, угломъ выступавшая тяжелая, безобразная масса краснаго брандмауера, а изъ-за него сквозилъ клочекъ неба...

Въ тотъ часъ въ глубинѣ будуара, на столѣ, накрытая розовымъ абажуромъ, горѣла лампа,—и вся комната съ ея разукрашеннымъ туалетомъ, съ ея большимъ, теперь совершенно темнымъ зеркаломъ, съ ея коврами, съ ея мягкою, изящною мебелью, съ зеленью пальмъ—была погружена въ красноватый полусвѣтъ. За столомъ сидѣлъ Сѣверцовъ въ своемъ запыленномъ, потертомъ пиджакѣ и читалъ вслухъ разсказъ объ одномъ изъ самыхъ бурныхъ эпизодовъ исторіи французскаго народа. Онъ сидѣлъ, по обыкновенію, низко наклонившись, и мягкія, свѣтлыя пря-

ди его волосъ свѣсились ему на лобъ, упали на щеку и полузакрыли его исхудалое, блѣдное лицо. Красноватый свѣтъ, падавшій отъ лампы, придавалъ въ тѣ минуты какой-то странный оттѣнокъ этому лицу, блѣдному и страстному, вѣчно, казалось, сосредоточенному на одной думѣ, на одномъ чувствѣ... Порой машинально онъ приподнималъ низко свѣсившіеся волосы и проводилъ рукой по головѣ разъ и два. То совершенно машинально принимался развязывать галстухъ и разстегивалъ воротъ сорочки. Онъ, повидимому, самъ заинтересовался и увлекся чтеніемъ... Голосъ его ровно, явственно звучалъ въ ночной тишинѣ. Его чтеніе не было декламаціей; не было въ немъ музыкальной пѣвучести: оно нѣсколько отрывисто, но выразительно, дышитъ силой, энергіей...

У окна на низенькомъ креслѣ сидитъ Надя и съ величайшимъ вниманіемъ, напряженно слушаетъ чтеца. Теперь на ней легкое свѣтлое платье съ широкими рукавами, съ высоко застегнутымъ воротомъ, безъ всякихъ обычныхъ побрякушекъ и украшеній, и лишь подпоясанное по таліи серебрянымъ, чешуйчатымъ поясомъ. Ея темные, распущенные волосы, схваченные на затылкѣ какою-то изящною, блестящею гребенкой, мягкою темною волной разсыпались по ея плечамъ и по спинѣ. Сначала она сидѣла, откинувшись на спинку креселъ и перебросивъ ногу на ногу. Какъ бы въ тактъ теченію своихъ мыслей, она тихонько покачивала ногой, и ея маленькая бархатная малиновая туфля поминутно то показывалась, то скрывалась. Слегка склонивъ на грудь голову, она пристально смотрѣла изъ-подлобья на чтеца. Но потомъ понемногу, незамѣтно для самой себя, дѣвушка приподнялась и, выпрямившись, обхватила руками колѣно. Шея ея слегка вытянулась, ея хорошенькая головка и весь ея стройный, легкій станъ невольно подались впередъ, какъ будто, подъ неотразимымъ обаяніемъ какого-то чудеснаго, чарующаго зрѣлища, представившагося Надѣ, словно по волшебству,— тамъ, въ глубинѣ комнаты, въ глубинѣ, мѣстами подернутой красноватымъ свѣтомъ, мѣстами погруженной въ тѣнь. Дѣвушка тяжело дышала. Ея губы полураскрылись... Задумчивые, каріе глаза ея блестѣли отъ волненія и казались теперь еще темнѣе и блестящѣе отъ яркаго румянца, заливавшаго ей лицо. Она вся, какъ говорится, превратилась въ слухъ, и, затаивъ дыханіе, съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ, жадно ловила каждое слово разсказа... Хотя дѣвушка пристально, напряженно смотрѣла на чтеца, не сводя съ него своихъ блестящихъ, темныхъ глазъ, но она, кажется, не видѣла его. Въ тотъ моментъ, въ ночной тиши, подъ звуки разсказа — величаво проходили передъ нею, какъ живые, тѣ образы и событія, о которыхъ читалъ ей Гриша...

Дѣвушка въ тѣ минуты сама представляла собой прелестную, живую картину.

Впечатлѣніе, произведенное на нее разсказомъ, было таково, что когда Сѣверцовъ пріостановился, чтобы закурить папиросу и перевести вздохъ, дѣвушка нѣсколько секундъ продолжала попрежнему сидѣть неподвижно, не шелохнувшись, словно она замерла, застыла въ какомъ-то полуснѣ. Если бы не горячій румянецъ на щекахъ, да не эта грудь, высоко подымавшаяся отъ волненія подъ легкою, бѣлою тканью, то, право, Надю въ тѣ минуты можно было бы принять за прекрасную статую какого-нибудь великаго художника, задумавшаго изобразить человѣка въ то мгновеніе, когда онъ мысленно, силою своего воображенія, облетаетъ вселенную и видитъ передъ собой воочію міръ, невидимый для его плотскихъ очей... Сѣверцовъ, закуривъ папиросу, оглянулся на Надю. Она попрежнему смотрѣла на него вопросительно, въ выжидательной позѣ. Сѣверцовъ улыбнулся...

— Не пора-ли на покой?—спросилъ онъ ее.

— Что такое? — пролепетала она, разжимая руки, обхватывавшія колѣно, и отшатываясь на спинку креселъ.

Теперь она смотрѣла тупо, недоумѣвающе; словно, она только-что пробудилась отъ сна и не могла еще вполнѣ собраться съ мыслями.

— Я говорю: не пора-ли спать? — повтовилъ Сѣверцовъ.

— О, нѣтъ, нѣтъ! Теперь еще рано...— живо проговорила она.

Сѣверцовъ протянулъ руку за ея часиками, лежавшими передъ нимъ на столѣ.

— Два часа!—сказалъ онъ, потягиваясь.

— Ты, можетъ быть, усталъ... Такъ кончимъ!—замѣтила Надя.

— Нѣтъ, не усталъ...

И чтеніе продолжалось далѣе... Надя не уставала слушать, но Сѣверцовъ, наконецъ, усталъ читать. Дѣвушка очень жалѣла, что онъ не можетъ почаще приходить къ ней. У него—«дѣла»...

Теперь она, молча, сидѣла взволнованная.

— Люди-то какіе!.. Господи! — прошептала она.—И неужели... обратилась она къ Сѣверцову,—неужели все это такъ точно и было?

— Да, все это было!—Все это осталось въ книгѣ на память намъ—вотъ здѣсь! — отозвался тотъ, ударивъ по книгѣ рукой.

Дѣвушка поднялась съ мѣста и взглянула въ окно. Передутреннею свѣжестью пахнуло на нее... Занималась заря. Изъ-за нѣжной зелени деревьевъ уже сквозилъ край розовой полоски,—и чѣмъ выше, тѣмъ замѣтнѣе эта полоска переходила въ какой-то свѣтло-свинцовый оттѣнокъ, разливавшійся по небу. Слышно было: гдѣ-то чирикали воробьи... Съ канала, находившагося по сосѣдству, отрывочно и смутно доносились крики барочниковъ... Подъ чириканье воробьевъ, подъ легкое дуновенье утренняго вѣтерка на Надю пестрымъ потокомъ нахлынули воспоминанья изъ давнихъ лѣтъ. Она отвернулась отъ окна и оглянула комнату. Въ комнатѣ было темнѣе, чѣмъ тамъ, за окномъ. Красноватый свѣтъ лампы не разгонялъ сумраковъ, задергивавшихъ неясною тѣнью глубину комнаты и ея дальніе углы... Сѣверцовъ сидѣлъ тамъ же, за столомъ, и докуривалъ послѣднюю папиросу, облокотившись головой на руку и задумчиво смотря въ окно. Лицо его казалось еще измученнѣе и блѣднѣе отъ утренняго свѣта, проникавшаго въ комнату... Надя остановилась передъ зеркаломъ и заглянула въ его еще темнѣвшую глубину. Ея фигура, какъ блѣдный призракъ, отразилась передъ нею въ зеркалѣ смутно, неясно. Надя поправила волосы, потянулась... А воспоминанья продолжали кружиться передъ нею... Это большое зеркало, въ прекрасной, изящной рамѣ—зеркало, въ которомъ она видитъ всю себя съ ногъ до головы — напомнило ей въ ту минуту тотъ маленькій осколочекъ зеркала, въ который еще въ дѣтствѣ съ такою жадностью смотрѣлась она, примѣряя на себѣ разныя дрянныя ленточки и грошевыя бусы, передъ которымъ она полусознательно училась кокетничать, улыбаться, играть глазами. «Надя, ты не вяжешь! Гдѣ же ты опять, шалунья?» окликаетъ ее бабушка. Но слѣпая старуха не видитъ, что продѣлываетъ ея внучка... Ха-ха-ха! Какъ это весело!.. А воробьи чирикаютъ на заборѣ — вотъ точь-въ-точь, какъ чирикаютъ теперь эти петербургскіе воробьи... Но воспоминанья дѣтства скользятъ и уплываютъ, и опять, какъ тѣни въ волшебномъ фонарѣ, встаютъ передъ нею великіе, необыкновенные люди, опять проходятъ передъ нею бурныя сцены, полныя живого, духъ захватывающаго интереса, разсказы о которыхъ она только-что слышала въ эту ночь... Дѣвушка страшно потрясена. Нервы ея крайне возбуждены и безсонною ночью, и всѣми этими воспоминаньями и разсказами. Она отходитъ отъ зеркала... Глаза ея омрачились и, словно, потемнѣли. Ломая пальцы, въ волненіи, съ какимъ-то тоскливымъ выраженьемъ въ лицѣ подошла она къ Гришѣ и тихо опустилась на коверъ у его ногъ.

— Посидимъ такъ?—спросила дѣвушка, съ дѣтски-грустной улыбкой смотря ему въ лицо.—Помнишь: какъ сиживали прежде... на травѣ...

Она положила руки къ нему на колѣни и поникла головой. Ея бѣлое платье складками легло по ковру, и по этому бѣлому платью ниже пояса темною волной спускались ея длинные, роскошные волосы. Одинъ изъ рукавовъ спустился и обнажилъ ея руку, съ смуглымъ оттѣнкомъ, но нѣжную и прекрасную. «Вотъ она, Далила-то!..» мелькнуло у Сѣверцова въ головѣ, когда онъ мелькомъ взглянулъ на эту соблазнительную женщину, полулежавшую у его ногъ. «Все это—вздоръ! Надя—вовсе не Далила, а онъ—не Самсонъ...» Вдругъ онъ услыхалъ тихій, сдержанный плачъ и тутъ же замѣтилъ, что плечи Нади слегка вздрагивали, какъ бы отъ подавляемыхъ рыданій.

— Надя! Ты что это? Что съ тобой?—жалостливо спросилъ Сѣверцовъ, наклоняясь надъ нею, и ласково провелъ рукой по ея волосамъ.—Что ты это вздумала, а?

Дѣвушка молчала, и еще пуще расплакалась... Гришина ласка, казалось, сняла послѣдніе запоры, сдерживавшіе въ границахъ житейскаго приличія всѣ горькія чувства, накипѣвшія въ душѣ Нади... Все, все, что было выстрадано за много лѣтъ, выливалось теперь въ этихъ горькихъ слезахъ,—и чувство недовольства собой, и смертная тоска, порой доходившая до отчаянія, и чувство повсечасныхъ злыхъ обидъ и оскорбленій, и горькое презрѣніе къ самой себѣ, и сознаніе полнаго безсилія избавиться отъ своей каторжной жизни, позолоченной снаружи, а внутри, въ самой себѣ, полной позора и адскихъ мученій. «Нервы!» думалъ Сѣверцовъ въ смущеніи: ему еще не приходилось ни ра-

зу ухаживать за плачущей женщиной и быть повѣреннымъ ея горя... Тихій, сдержанный плачъ и всхлипыванья скоро перешли въ глухія, истерическія рыданья.

— Что жъ это будетъ... Господи!—сквозь слезы, дрогнувшимъ голосомъ, промолвила дѣвушка.—Вѣдь я ничего не могу... ничего, ничего!.. Я — мерзкая, гадкая женщина... какъ послѣднюю собаченку... умру... швырнутъ... и ничего, ничего!

— Ты не гадкая и не мерзкая женщина... ты, просто, несчастная... бѣдная ты моя дѣвочка!—тихо проговорилъ Сѣверцовъ, незамѣтно для самого себя входя въ роль любящаго брата, утѣшающаго свою сестру...

— Это ты говоришь... а люди...—шептала дѣвушка.—Нѣтъ, нѣтъ, я — гадкая, я сама себѣ гадка...

И она тяжко зарыдала.

— Ну, полно же, полно! Перестань, успокойся...—уговаривалъ онъ ее.—Люди самито очень хороши... Пусть бы каждый сначала на себя полюбовался, а потомъ ужъ побивалъ бы каменьми...Полно брось! Посмотри на меня.

Сѣверцовъ съ усиліемъ приподнялъ ея голову и посмотрѣлъ ей въ лицо. Темныя, длинныя рѣсницы ея дрожали, глаза были полузакрыты, крупныя слезы катились по ея разгорѣвшимся щекамъ и теплыми каплями падали на руки Сѣверцову. Казалось, въ ту минуту ей трудно было посмотрѣть въ лицо товарищу ея дѣтскихъ игръ. Она подняла голову, рѣсницы ея пуще задрожали... Наконецъ, робко, нерѣшительно взглянула она на Сѣверцова, — и въ этомъ затуманившемся взглядѣ сказалась глубокая скорбь. Почти въ то же мгновенье она опять закрыла лицо руками и, склонившись къ нему, простонала:

— Что это за жизнь! Хоть бы умереть какъ-нибудь, что-ли...

И дѣвушка опять въ изнеможеніи опустилась на колѣни.

— Тебѣ надо лечь и успокоиться...—заговорилъ Сѣверцовъ, поднимая ее и усаживая на кресло.—Мы ужо съ тобой поговоримъ объ этомъ... А теперь мнѣ—пора...

Онъ дружески распростился съ нею и ушелъ. Но дѣвушка, по уходѣ его, не легла, не успокоилась. Она долго еще ходила по комнатѣ, то высовываясь въ окно, то заглядывая въ зеркало. Она растегнула платье, сбросила свой серебрянный поясъ. Послѣдняя краска уже давно пропала съ лица. Блѣдная, утомленная, тихими, неслышными шагами ходила она по будуару, волоча по ковру измятый шлейфъ своего платья. И такъ долго, долго еще бродила она, какъ печальная скитающаяся тѣнь, мимо громаднаго зеркала, мимо всѣхъ этихъ пустыхъ, дорогихъ бездѣлушекъ, позорившихъ ее своею роскошью и блескомъ, но ровно ничего не дававшихъ для успокоенья ея наболѣвшей души...

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

— Какое тяжелое состояніе! Это ужасно...—говорилъ Сергѣй Борисовичъ, сидя съ Сѣверцовымъ въ своемъ кабинетѣ. — Хуже войны, хуже всякаго глада и мора... Тамъ хоть видишь бѣду въ лицо, такъ сказать, и знаешь: что дѣлать... А тутъ извольте-ка управляться... Я даже не знаю: съ чѣмъ сравнить такое положеніе... То, какъ будто—на станціи сидишь, ждешь лошадей; лошадей нѣтъ, а ѣхать, между тѣмъ, надо, непремѣнно надо, во что бы то ни стало; чувствуешь, что отъ твоей поѣздки многое, очень многое зависитъ, что остановка на пути принесетъ твоимъ дѣламъ страшный, неисчислимый вредъ... То, какъ будто, все ждешь: вотъ-вотъ сейчасъ, сію минуту прискачетъ курьеръ и привезетъ эстафету съ какимъ-нибудь необычайнымъ извѣстіемъ, выходящимъ изъ ряду всякихъ возможностей...

Сѣверцовъ усмѣхнулся.

— Что жъ! Можетъ быть, и привезетъ!—замѣтилъ онъ.

— Или, какъ будто бы, надъ тобой дамокловъ мечъ виситъ и каждую минуту готовъ оборваться тебѣ на голову... — продолжалъ Сергѣй Борисовичъ, какъ бы не дослышавъ замѣчанія молодого человѣка.

— Хуже!—опять отозвался Сѣверцовъ.— Вѣдь тотъ, миѳологическій дамокловъ мечъ хотя висѣлъ на волоскѣ, но, кажется, никогда не срывался...

— Вчера въ нѣсколькихъ домахъ былъ,— и все одно и то же!—продолжалъ старикъ.— Всѣ жалуются... Не въ мочь, говорятъ, стало, хоть со свѣта бѣги... И всѣ какіе-то странные, раздражительные. А люди нервные, просто, съ ума сходятъ.., Да вотъ хоть возьму себя, напримѣръ... ужъ, кажется, я—человѣкъ не особенно нервный, а—повѣрите-ли!— ночи не спишь, до галлюцинацій доходитъ. И иной разъ не успокоишься, пока не примешь хлорала... Скверно! и замѣчаете-ли вы эту нервность: иной мраченъ, точно на похороны

собирается, иной готовъ бѣситься за всякую малость, а иной—вонъ какъ, напримѣръ, мой Василій Алексѣевичъ, дни и ночи готовъ кутить, да пѣть всякія скабрезныя шансонетки... Одинъ весь въ себя уходитъ, точно въ раковину, иной на людяхъ хочетъ сердце сорвать, а другой думаетъ забыться въ напускномъ весельи—въ винѣ и въ канканѣ... Ну, не правда-ли? Это-ли еще не лихорадочныя времена?

— Погодите, Сергѣй Борисовичъ: все перемелется—мука будетъ!—проговорилъ Сѣверцовъ.

— То-есть!.. Когда же все это перемелется!—съ замѣтнымъ раздраженіемъ въ голосѣ спросилъ старикъ.—Вы знаете срокъ-то, что-ли?

— Кто жъ его знаетъ!—возразилъ тотъ—Лѣтъ черезъ восемь, черезъ девять, черезъ десять...

— Черезъ сто!..—съ насмѣшкой добавилъ Сергѣй Борисовичъ.

— Ну, зачѣмъ же такъ долго... Подождите маленько! Все,—рѣшительно, все перемелется...

— Vivrons et verrons!—съ тою же усмѣшкой проворчалъ старикъ и занялся сигарой, повидимому, очень мало довѣряя «всеобщему перемалыванью», на которое такъ крѣпко уповалъ его собесѣдникъ.

Наступалъ вечеръ. Шторы въ кабинетѣ, по обыкновенію, были спущены.

— Я ухожу!—сказалъ Сѣверцовъ, поднимаясь съ мѣста.

— Сейчасъ, Григорій Александровичъ! Минуту!—остановилъ его старикъ и позвонилъ.

— Антонъ, свѣчи! — скомандовалъ онъ, когда его кривой Аргусъ выставилъ изъ-за портьеры край своихъ бакенбардъ.

Черезъ минуту Антонъ явился въ дверяхъ съ двумя свѣчами въ массивныхъ подсвѣчникахъ. Сергѣй Борисовичъ подкатилъ свое кресло къ столу, досталъ изъ ящика книжку чековъ и сталъ надписывать одинъ листочекъ. Почти слѣдомъ за Антономъ вошелъ въ комнату Василій Алексѣевичъ и своею вялою, лѣнивою походкой приблизился къ столу. Проходя мимо дяди, онъ какъ бы невзначай заглянулъ ему черезъ плечо и прищурился. Его интересовала цифра... «На семь тысячъ! Ого-го!» сказалъ онъ про себя. «Цифра почтенная!..» Надписавъ чекъ, старикъ подалъ его Сѣверцову; тотъ немедленно распрощался и ушелъ.

«Нѣтъ, надо положить этому конецъ...» раздумывалъ Basile. «А то чортъ знаетъ: до чего дойдетъ... Этотъ фанатикъ у него, пожалуй, все выудитъ...» Но какъ положить «конецъ» этому выуживанью дядиныхъ денежекъ, Basile и самъ еще не зналъ. Что бы такое предпринять? А предпринять что-нибудь надо... это—ясно до очевидности. Если этакъ будетъ уплывать по семи тысячъ за разъ въ карманъ всякаго встрѣчнаго и поперечнаго, то немного же придется получить ему послѣ смерти дяди... Прѣснову кажется, что судьба опять становится къ нему такъ же несправедлива, какъ была несправедлива во время оно, пока онъ пресмыкался въ жалкой клѣтушкѣ на Васильевскомъ островѣ. Зачѣмъ она бросила ему на дорогу этого отчаяннаго «сорви голову!» Приступать къ дядѣ съ предостереженіями онъ уже болѣе не рѣшался, опасаясь, какъ бы тотъ не разгадалъ тайныхъ причинъ его кажущейся заботливости о спокойствіи и безопасности старика. Поговорить съ Гришкой? Едва-ли будетъ какой-нибудь толкъ! Всѣ самые непріятные разговоры, какіе только могъ придумать Basile, до сего времени отскакивали отъ Сѣверцова, какъ горохъ отъ стѣны...

Вскорѣ послѣ выдачи чека, онъ встрѣтился съ Сѣверцовымъ въ гостиной дяди, когда старикъ съ какимъ-то господиномъ бесѣдовалъ въ кабинетѣ.

— Скажи, пожалуста, Григорій Александровичъ: куда тебѣ такая куча денегъ понадобилась?—потягиваясь и зѣвая, проговорилъ Прѣсновъ, какъ бы «между прочимъ». — Въ прошлый разъ ты получилъ отъ дяди чекъ на семь тысячъ...

— А ты ужъ разглядѣлъ!—съ усмѣшкой перебилъ его Сѣверцовъ.

— Развѣ же это—секретъ? Я не зналъ...—замѣтилъ Basile. — Но меня заинтересовало: на что тебѣ столько денегъ...

— На закуску! — съ тою же холодной усмѣшкой отвѣтилъ Сѣверцовъ.

— Знаю я эти закуски... Только не подавись, братъ! — промолвилъ Basile и, прищурившись, хитро, пронидательно посмотрѣлъ на своего стараго друга.

Тонкая, злая улыбочка мелькала на его красивыхъ губахъ.

— А признаться сказать: все это ужасно надоѣло... — небрежно и вяло, «по своему», продолжалъ онъ, вытянувъ по ковру ноги и играя своимъ золотымъ pince-nez. — Вы на-

скучили до смерти... Вѣчно эта филантропія... вечера, всякія затѣи, то да се... школы, какія-то тамъ газеты... Все это ужъ такъ пріѣлось, такъ стало прѣсно... Прежде хотя интересовало все это, какъ новинка. А теперь—только одна тоска, тосчища смертная! Вѣдь нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, постоянно вымогать у общества... У иного—семья, а другой самъ жить хочетъ. Согласись, что мы имѣемъ право жить, какъ намъ хочется! Не обязаны же мы всѣ, напримѣръ, идти за тобой... Это ужъ, просто, какое-то чудачество, съ позволенія сказать... Изувѣрство!

И Прѣсновъ пожалъ плечами...

— Дядиныхъ денежекъ тебѣ стало жаль, а?—откровенно спросилъ его Сѣверцовъ.

— Жаль! Жаль, братъ, Григорій Александровичъ... Прямо тебѣ говорю! — отвѣтилъ Basile и, не сморгнувъ, поглядѣлъ на Сѣверцова. — Какъ не жаль, когда видишь, что деньги идутъ безъ толку на какія-то химеры...

— То-то «на химеры»... — перебилъ Сѣверцовъ. — А у тебя онѣ на что идутъ: на француженокъ, на чревоугодіе, на пьянство?.. Да?

— Чревоугодіе! — передразнилъ его въ свою очередь Василій Алексѣевичъ.—Какія страшныя слова ты выговариваешь... Но, сколько мнѣ извѣстно, законъ не запрещаетъ ни француженокъ, ни чревоугодія... Да, впрочемъ, это въ сторону! О вкусахъ не спорятъ. Кому нравится арбузъ, кому — свиной хрящикъ... А серьезно говоря (Basile, дѣйствительно, сдѣлалъ серьезное лицо), вашу трату денегъ я считаю безсмысленной. Вы сами разстроили свое воображеніе и теперь гоняетесь за призраками, какъ полоумные... Таково мое убѣжденіе! (Сѣверцовъ при этомъ тихонько засмѣялся). Да! Я убѣжденъ, что изъ всей вашей бѣготни ровно ничего не выйдетъ... Я, по крайней мѣрѣ, совершенно разочаровался въ васъ. Я, рѣшительно, не признаю того, что вы нынѣ говорите и пишете. Не вѣрится! Воля ваша, не вѣрится... Все это—какъ-то глупо, мелко, смѣшно! Я ужъ давно извѣрился, и теперь вовсе не вѣрю вамъ...

— Да полно! Ты во что-нибудь вѣришь-ли?—спросилъ Сѣверцовъ.

Basile громко расхохотался. Да, дѣйствительно, вѣрилъ-ли онъ во что-нибудь...

— Ты, что это... за нигилиста меня принимаешь?—со смѣхомъ говорилъ онъ.—Нѣтъ! Какъ же можно... Я вѣрю... вѣрю въ мой рейнвейнъ, когда его пью, вѣрю въ дѣвочку, когда обнимаюсь съ нею... Да мало-ли, наконецъ, во что я вѣрю... Это я привелъ только на образчикъ, какъ примѣръ... Comprenez vous, mon cher? Безъ вѣры нельзя дня прожить...

— Ну, а все жъ таки,—перебилъ его Сѣверцовъ:—ты разочаровался во мнѣ и потерялъ вѣру только потому, что тутъ замѣшались деньги... Я полагаю: ты не будешь отрицать этого...

— Зачѣмъ же отрицать!—согласился тотъ съ непоколебимымъ нахальствомъ въ голосѣ и во взглядѣ. — Я ужъ сказалъ тебѣ, что считаю потерянными тѣ деньги, которыя попадутъ тебѣ въ руки. Я, по крайней мѣрѣ, лично не далъ бы тебѣ ни гроша... говорю откровенно! Семь тысячъ, которыя ты — pardon!—выманилъ у дяди, я, право, съ бо́льшей пользой оставилъ бы въ игорномъ домѣ или съ тѣми француженками, къ которымъ ты относишься такъ недоброжелательно...

И опять «ха-ха, хи-хи»... Basile откинулъ сюртукъ и, запустивъ руки за жилетъ, принялъ такую позу, какъ будто сейчасъ же хотѣлъ пуститься канканировать. Съ презрительнымъ сожалѣніемъ смотрѣлъ на него Сѣверцовъ... Василій Алексѣевичъ началъ разговоръ вяло и лѣниво, томно смотря своими прищуренными глазками, но потомъ, когда заговорилъ о своемъ «разочарованіи», о «безполезной тратѣ денегъ и т. под.,—въ рѣчахъ его сказалось столько горячности, сколько нельзя было и подозрѣвать въ этомъ, повидимому, холодномъ, флегматичномъ «человѣкѣ гостиныхъ». Теперь онъ опять остылъ, опять томно полузакрылъ свои красивые, темные глаза и смотрѣлъ совершенно безучастно, словно погрузившись въ сладкую мечтательность на тэму: какимъ производительнымъ образомъ потратилъ бы онъ семь тысячъ...

— Хорошо! Меня оставимъ въ сторонѣ...—промолвилъ Сѣверцовъ.—Ты можешь мнѣ сочувствовать, можешь отрицать меня... Это—такъ! Но вотъ я знаю одну семью—больную мать съ дѣтьми... Ты, вѣроятно, не подѣлился бы и съ ними...

— Филантропія.. Конечно, нѣтъ!—сквозь зубы процѣдилъ Василій Алексѣевичъ. — Мнѣ что за дѣло! Вотъ еще очень нужно... Наплевать мнѣ на нихъ!

— А если бы тебя подлецомъ назвали?—

съ невозмутимымъ хладнокровіемъ и не перемѣняя тонъ спросилъ Сѣверцовъ.

Basile разсмѣялся, но затѣмъ, какъ бы спохватившись, вдругъ нахмурился и строго проговорилъ:

— Человѣкъ здравомыслящій никогда подлецомъ меня не назоветъ, а если скажетъ какой-нибудь дуракъ, поджигатель... такъ наплевать!.. Гм! За то, что человѣкъ умѣетъ пользоваться жизнью... Странно!

Прѣсновъ разозлился, чего съ нимъ почти не бывало за послѣдніе годы, то-есть, съ тѣхъ поръ, какъ онъ началъ жуировать на дядины денежки... Углы губъ его теперь слегка, чуть замѣтно подергивались, щеки поблѣднѣли и румянецъ выступалъ на нихъ пятнами. Въ темныхъ, прищуренныхъ глазахъ его свѣтился какой-то непріятный, злой огонекъ... Хотя онъ уже давно привыкъ «плевать» на все, но теперь не могъ не почувствовать пощечины, нанесенной ему сразмаху, притомъ нанесенной именно тою ненавистной рукой, которая подъ носомъ у него перехватывала дядины денежки. Его даже огорчала не столько пощечина, сколько то обстоятельство, что и теперь, послѣ «непріятнаго» разговора, устроеннаго имъ пріятелю, онъ, Basile, попрежнему не видалъ для себя хорошаго исхода... «Надо прекратить это!» говорилъ онъ себѣ въ сотый разъ, посматривая изъ-подлобья на исхудалое, сухое, словно изъ металла вылитое лицо своего стараго друга—теперешняго врага. «Но какъ это прекратить? Какъ?..» *Этотъ* по доброй волѣ не отступится, нѣтъ! Ни разговорами, ни лаской, ни угрозами—ничѣмъ на свѣтѣ его не проймешь...

Тѣмъ разговоръ и кончился, и все опять пошло попрежнему... Прошло недѣли двѣ-три.

— Я вамъ скажу новость, Григорій Александровичъ!—вполголоса сказалъ однажды Сѣверцову Антонъ, подавая ему пальто.

— Какую такую новость?—спросилъ тотъ, немного удивившись: съ Антономъ они были въ очень хорошихъ отношеніяхъ, но въ разговоры старикъ вообще вступалъ рѣдко.

— Да вотъ, какъ-то, вчера или третьяго дня... когда вы у насъ были-то въ послѣдній разъ?..—началъ вполголоса Антонъ.—Иду я изъ корридора въ переднюю, а Василій Алексѣевичъ,—смотрю,—рестся въ вашемъ пальто, какъ будто что-то въ карманахъ ищетъ...увидалъ меня, да сейчасъ и къ своему пальто, какъ будто за платкомъ... Странно мнѣ это показалось.

— Вѣдь я фальшивыхъ бумажекъ не дѣлаю... Что это ему вздумалось вдругъ обыскивать меня....—промолвилъ Сѣверцовъ, усмѣхнувшись.

— Чортъ его знаетъ!—шепотомъ отозвался Антонъ, выразительно качнувъ головой, и пошелъ отпирать дверь для Григорія Александровича.

— Не искалъ ли письма отъ какой-нибудь барышни, можетъ быть?—сообщилъ Антонъ свою догадку, уже стоя въ дверяхъ.

— Нѣ-ѣтъ! Едва-ли, Антонъ...—отвѣтилъ Сѣверцовъ, уже спускаясь съ лѣстницы.—Вѣдь я съ нимъ по барышнямъ не ѣзжу... Мы съ нимъ по этой дорогѣ не товарищи!

— Ну, такъ ужъ... не знаю!..—проворчалъ старикъ, приподнявъ брови и выразительно качнулъ головой, какъ бы вмѣсто окончанія фразы.

Повидимому, поступокъ Василья Алексѣевича его сильно заинтриговалъ: какъ, что, почему? Съ минуту въ недоумѣньи стоялъ онъ въ дверяхъ, задумчиво смотря своимъ единственнымъ глазомъ на коренастую фигуру Сѣверцова, медленно, тяжело спускавшагося съ лѣстницы. Потомъ, все въ раздумьи, старикъ тихо заперъ дверь и возвратился къ своей газетѣ.

Здѣсь должно замѣтить, что Василій Алексѣевичъ сначала, пока не оперился, относился къ Антону заискивающимъ образомъ, почти ухаживалъ за нимъ. Заручившись же прочною позиціей, онъ началъ обращаться со старикомъ высокомѣрно, властно, почти съ презрѣніемъ, какъ вообще обращался онъ съ людьми, стоящими ниже его на общественной лѣстницѣ. Сѣверцовъ относился къ старику просто, по человѣчески. Въ Прѣсновѣ Антонъ видѣлъ выскочку, которому удалось подобраться къ деньгамъ его барина. А Сѣверцовъ представлялся ему скромнымъ молодымъ человѣкомъ, котораго онъ очень желалъ бы видѣть, вмѣсто Прѣснова, племянникомъ своего почтеннаго барина...

— Гремитъ. Слышишь?

— Слышу!

— Точно изъ пушекъ палятъ. Не правда-ли?

— Да, похоже!.. А хорошо это... люблю я раскаты грома и пушечный гулъ...

Такіе вопросы задавала m-elle Blanche, а ей отвѣчалъ Сѣверцовъ. Дѣвушка только-что пришла въ его «логовище», какъ въ шутку называла она квартиру своего друга. Она

только что сняла перчатки, шляпку, и теперь, стоя у окна, смотрѣла черезъ дворъ на противоположную стѣну, на которой отражался отъ поры до времени синевато-блѣдный свѣтъ молніи. Сѣверцовъ спѣшно дописывалъ какое-то письмо...

Былъ августъ въ половинѣ. День стоялъ жаркій, удушливый, какъ будто въ серединѣ лѣта. Небо и дали были подернуты сѣрою мглой. Солнце краснымъ шаромъ, безъ лучей, проступало сквозь мглу смутно, неясно. Вѣтеръ стихъ. Къ вечеру надъ городомъ скопились тучи, загремѣлъ громъ и полилъ дождь. Надя только-что до дождя успѣла войти въ «логовище» Сѣверцова. Отъ набѣжавшихъ тучъ въ комнатѣ теперь было темно. На столѣ передъ Сѣверцовымъ горѣла лампа съ сильно закопченнымъ стекломъ.

Григорій Александровичъ жилъ на Пескахъ. Онъ нанималъ квартиру сообща съ товарищами. Квартира производила странное впечатлѣніе: въ ней люди какъ будто не жили, но останавливались только на время. Комнаты довольно большія, но низкія, съ грязными, голыми стѣнами, оклеенными какими-то желтоватыми обоями. Нѣсколько дешевыхъ стульевъ съ жесткими сидѣньями, черный жидконогій столъ, лампа съ закопченнымъ стекломъ, на столѣ бумаги, карандаши, разведенная на блюдцѣ тушь, два толстые тома, очевидно, какіе-то словари, на подоконникѣ четвертка табаку, гильзы, недопитый стаканъ чая, у стѣны на табуреткѣ остывшій самоваръ, тутъ же у стѣны—ящикъ съ какой-то неразобранной посудой и изъ щелей его торчатъ клочки сѣна и соломы, въ углу валяется нѣсколько полѣнъ дровъ, а недалеко отъ двери вдоль стѣны кровать, прикрытая полосатымъ плэдомъ. Дверь въ сосѣднюю комнату плотно притворена... Въ такихъ комнатахъ можетъ жить только извѣстная часть «мыслящаго» пролетаріята, та часть его, которая ведетъ вѣчно-кочующую, художническую жизнь, ни мало не нуждаясь въ комфортѣ и удобствахъ и не устраивая себѣ уютнаго уголка. Живи здѣсь какой-нибудь бѣдный литераторъ, онъ поставилъ бы хоть письменный столъ и какую-нибудь чернильницу — свидѣтельницу лучшихъ дней, повѣсилъ бы полку съ книгами. Живи здѣсь чиновникъ, онъ украсилъ бы стѣны фотографіями или портретомъ генерала, купленнымъ на толкучкѣ за сходную цѣну. Какія нибудь мастерицы—навѣсили бы на окна рваныя гардины, на подоконникѣ явились бы хотя замороженные цвѣты—въ родѣ мускуса, герани, резеды и т. под., помѣстили бы у окна чижа или синицу въ клѣткѣ. Но теперь ничего подобнаго здѣсь не было...

Впродолженіе визита Нади, только разъ изъ сосѣдней комнаты отворилась дверь и на порогѣ на одно мгновенье показался какой-то бѣлокурый молодой человѣкъ, въ синей блузѣ, средняго роста, съ красными, воспаленными глазами, очевидно страшно уставшими отъ продолжительной работы. Онъ позвалъ къ себѣ Сѣверцова; тотъ ушелъ и черезъ минуту возвратился... Дѣвушка знала, что Гриша не жалуетъ ея посѣщеній, — говорилъ, что она мѣшаетъ ему.

— И для твоего шлейфа вовсе не безопасно мести полъ въ нашей квартирѣ! — подсмѣивался онъ.—Еще, пожалуй, зацѣпишься за что-нибудь...

Но онъ дѣлалъ ей эти выговоры подружески, безобидно. Теперь она пришла къ Гришѣ потому, что соскучилась о немъ, хотѣла видѣть его и побесѣдовать съ нимъ. А главное, давно не видавшись съ Гришей, она начинала безпокоиться о немъ: не заболѣлъ-ли, напримѣръ, да мало-ли что...

— Борзяевъ дома? — спросила она, усѣвшись, наконецъ, на стулѣ у окна.

— Нѣтъ! Ушелъ!—отвѣтилъ Сѣверцовъ, доканчивая свое письмо.

Борзяевъ былъ одинъ изъ сожителей Гриши, медицинскій студентъ, брюнетъ, высокаго роста, съ которымъ Сѣверцовъ познакомилъ Надю въ одно изъ ея посѣщеній пустыннаго логовища. Наля не могла забыть этого «высокаго чернаго». Онъ поразилъ Надю своими увѣреніями, что лягушки очень вкусны, что ихъ можно ѣсть и быть сытымъ. Онъ, по его словамъ, лѣтомъ въ Лѣсномъ постоянно ѣлъ лягушекъ. «Недурно, говоритъ, также запивать ихъ водкой». Онъ же увѣрялъ, будто бы на основаніи собственнаго опыта, что самый лучшій способъ самоубійства—повѣшеніе. Онъ былъ большой циникъ... Борзяевъ, высказывая свои сужденія, всегда какъ будто говорилъ проповѣдь или читалъ лекцію,—говорилъ съ жаромъ, съ искреннимъ увлеченіемъ, пылко, убѣжденно, и поэтому его рѣчи о лягушкѣ и о прочихъ пунктахъ его ученія производили громадное, но тяжелое впечатлѣніе. Надя заинтересовалась имъ еще болѣе послѣ того, какъ Гриша сказалъ ей, что Борзяевъ — одинъ изъ честнѣйшихъ людей на

свѣтѣ и, несмотря на свои нѣкоторыя чудачества, очень уменъ и очень образованъ.

— Онъ годился бы въ проповѣдники!— говаривалъ про него Сѣверцовъ.

Надя сегодня, повидимому, была разстроена.

— Ахъ, нервы, мои нервы!—говорила она, облокачиваясь на столъ и тяжело вздыхая.

— Работай, такъ всѣ нервы пройдутъ!— съ усмѣшкой отозвался Сѣверцовъ.

— Что я буду работать? Укажи! — обратилась къ нему Надя.—Вѣдь ты самъ говорилъ не разъ, что я—барышня...

— Для всѣхъ работа будетъ: и для барышень и для мужиковъ, для старыхъ и малыхъ!—отвѣтилъ ей тотъ.

Они проговорили долго, спорили, перебивали другъ друга, однимъ словомъ—бесѣдовали съ большимъ жаромъ.

— А знаешь: мнѣ иногда кажется, что ты, просто, отъ нечего дѣлать, отъ скуки заводишь всѣ эти жалкія рѣчи! — замѣтилъ ей Сѣверцовъ.

— И тебѣ, Гриша, не совѣстно это...— остановила его дѣвушка, съ глубокимъ укоромъ посмотрѣвъ на него.

— Докажи!—настаивалъ тотъ.

— Докажи, докажи! — передразнила Надя.—Придетъ время, докажу...

Въ жару спора лицо ея раскраснѣлось и блестѣвшіе глаза ея смотрѣли твердо и рѣшительно. «Она смѣлая!» подумалъ Сѣверцовъ, залюбовавшись на красивое лицо. Но въ ту жъ минуту представленіе о Далилахъ, объ опасныхъ женщинахъ-сиренахъ, о Капуѣ, гдѣ никогда не долженъ былъ останавливаться Ганнибалъ, — живо пронеслось въ его воображеніи.

Разговоръ оборвался. Слышно было, на дворѣ шумѣлъ дождь и вода лила изъ водосточныхъ трубъ. Иногда у воротъ раздавался звонъ колокольчика: то запоздавшій жилецъ возвращался въ свою конуру. На противоположной сторонѣ двора только въ двухъ-трехъ окнахъ еще свѣтился огонь. Въ «логовищѣ» было тихо. Только гдѣ-то въ дальней комнатѣ постучали молоткомъ, какъ бы во что-то вбивая гвоздь, и скоро опять все смолкло. Сѣверцовъ набивалъ папиросу, гостья его сидѣла задумчиво, какъ бы прислушиваясь къ шуму дождя.

— Гриша! Неужели ты никогда, никогда не думалъ о тихой, спокойной жизни?—спросила Надя, взглядывая на Сѣверцова и, очевидно, въ то же время слѣдя за ходомъ своихъ собственныхъ мыслей до того пристально, что сказанная ею фраза, казалось, вырвалась помимо ея сознанія, случайно выговорилась вслухъ.

Тотъ съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на нее.

— Никогда я не думалъ ни о чемъ подобномъ!—отвѣтилъ онъ, отрицательно качнувъ головой.

— Неужели тебѣ не наскучили всѣ эти непріятности, тревоги, эта бродяжническая жизнь?—продолжала дѣвушка, пытливо посматривая на Гришу.—Представь себѣ: уютный уголокъ, около тебя—жена, любовница... ну, все равно, однимъ словомъ—другъ... За стѣной вѣтеръ шумитъ, дождь; за стѣной — горе и печали... За окномъ хоть стонъ стой, а у тебя тепло, свѣтло, хорошо...

— Ты съ ума сошла! — перебилъ ее Сѣверцовъ съ улыбкой.—Мнѣ и во снѣ-то снится все бушующее море... Да, въ самомъ дѣлѣ, мнѣ часто снится, что я будто въ лодкѣ, безъ парусовъ, безъ веселъ ношусь по морю. То лодка моя взлетитъ на самый гребень волны, то вдругъ точно разомъ провалится въ темную, зіяющую бездну. Небо черно, вода черна, ни зги не видно. Обдаетъ брызгами... Холодно. А вѣтеръ, просто, такой, что духъ захватываетъ... И только далеко-далеко на небѣ, надъ бушующими волнами, свѣтится яркая, багровая полоса, какъ ранняя утренняя заря... А кромѣ этого далекаго, краснаго свѣта все, будто бы, вокругъ меня темно, черно, буря, хаосъ, мракъ... Такъ, знаешь, даже чувствуешь, какъ будто, уже на себѣ холодъ волнъ, а голова кружится и дыханіе захватываетъ при мысли о томъ: надъ какой страшной, темной глубиной носишься ты одинокъ... А все-таки—хорошо, и жутко, и отрадно... Да! Мнѣ даже и во снѣ-то никогда не снится тихая, благополучная пристань, а ты что тутъ такое городишь: уютный уголокъ, жена... Ха!

Нѣсколько минутъ длилось молчаніе. Дѣвушка медленно поднялась со стула и, подойдя къ Сѣверцову, наклонилась надъ нимъ и положила ему на плечо руку. Онъ вопросительно взглянулъ на нее.

— Гриша! — взволнованнымъ голосомъ сказала она, печально смотря ему въ лицо.— Ахъ, Гриша, какъ мнѣ жаль тебя!.. Если бы ты зналъ...

Тутъ она вздохнула, выраженіе лица ея сдѣлалось болѣзненнымъ. Въ ту минуту по-

рывъ ея былъ совершенно искрененъ... Сѣверцовъ былъ также искрененъ. Онъ посмотрѣлъ на нее и тихо засмѣялся. Но въ этомъ тихомъ смѣхѣ слышалась холодная, жестокая безжалостность къ себѣ и къ другимъ, слышалась непоколебимая, безповоротная рѣшимость... Какъ будто онъ хотѣлъ сказать Надѣ: «Глупая ты, моя дѣвочка! Нашла чего жалѣть!»...

— Ну-у! Еще что?..—спросилъ онъ, такъ какъ Надя все еще продолжала, наклонившись, стоять надъ нимъ и такъ грустно-грустно смотрѣла на него.

— Вѣдь ты совсѣмъ одинъ, то-есть, въ томъ смыслѣ... — съ усиліемъ промолвила она:—въ томъ смыслѣ, что у тебя нѣтъ ни матери, ни сестры, ни... любовницы... Вѣдь нѣтъ никого, да?

— Что жъ изъ того? Нѣтъ, такъ и нѣтъ!—отозвался Сѣверцовъ.—Дальше что?..

— Значитъ, нѣтъ на свѣтѣ ни одного человѣка, который бы любилъ тебя—не за мысли, не за идеи тамъ, что-ли... а, просто, любилъ бы тебя самого, какъ ты есть—худъ-ли, хорошъ-ли—все равно. Понимаешь?—говорила Надя.—Вонъ, я слыхала, что матери иногда такъ любятъ... иная не откажется отъ своего дѣтища ни за что, хоть бы весь свѣтъ возсталъ противъ него... Женщины иногда также до конца не отступаются отъ своихъ возлюбленныхъ, кто бы они ни были: грабители, воры, разбойники... Онѣ и въ тюрьму приходятъ... не оставляютъ... А ты—одинъ!

— Тѣмъ лучше! Легче прыгать, если никто у тебя на вороту не виснетъ! — сказалъ Сѣверцовъ.

— Ты—все свое... А я сказать не могу: какъ мнѣ все-таки жаль...

Голосъ оборвался. Надя замолчала... Она отвернулась, было, отъ Сѣверцова, но потомъ вдругъ опять низко наклонилась къ нему и съ чувствомъ, горячо поцѣловала его въ лобъ...

— Теперь я пойду... дождь, кажется, прошелъ... — говорила она, надѣвая шляпку и нервно, торопливо натягивая на руку перчатку.—А знаешь, Гриша: вѣдь все это время я была больна. Сердце у меня болитъ...

— Полѣчиться надо! — замѣтилъ Сѣверцовъ, провожая ее съ лампой на лѣстницу.

— Нѣтъ, что жъ тутъ лѣчиться... Тоска! Смертная тоска...—вполголоса говорила она, какъ-то судорожно прижимая руку къ груди.—Приходи же въ субботу! Я жду!—крикнула она, почти уже спустившись съ лѣстницы, и, загнувъ голову, еще въ послѣдній разъ посмотрѣла на него...

А онъ стоялъ, опираясь одной рукой о перила, и свѣтилъ ей...

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Григорій Александровичъ почти не спалъ всю ночь. То онъ уходилъ ненадолго въ сосѣднюю комнату, то бродилъ по своей комнатѣ изъ угла въ уголъ, то читалъ какую-то рукопись, дѣлалъ замѣтки на ея поляхъ, то опять принимался бродить взадъ и впередъ. Наконецъ, онъ остановился передъ столомъ и задумчиво сталъ разсматривать свою лѣвую руку, свой крѣпко сжатый кулакъ и большой палецъ, нѣкогда раздробленный желѣзною свайкой. Въ задумчивости онъ проговорилъ:

— Такъ надо! Непремѣнно...

Сѣверцовъ былъ до того погруженъ съ свои думы, что даже и не замѣтилъ, какъ сталъ думать вслухъ...

Въ субботу Григорій Александровичъ не пришелъ къ m-elle Blanche. M-elle Blanche ждала его весь вечеръ, до поздней ночи, ждала напрасно—не дождалась... Сергѣй Борисовичъ его также не видалъ.

Basile торжествовалъ. Сама судьба подрадѣла ему... Прѣсновъ опять развеселился и попрежнему могъ казаться безмятежнымъ bon vivant'омъ.

Сѣверцовъ былъ арестованъ по какому-то дѣлу.

Надя была сильно поражена. Она никого не хотѣла видѣть и слышать. Утромъ нѣкто изъ ея знакомыхъ послалъ ей корзину вина и при ней записку такого содержанія «Сегодня вечеромъ я съ княземъ и съ кузиной буду у тебя. Пригласи A. и W.» (Слѣдовала подпись). Надя была такъ разстроена, такъ хандрила или—вѣрнѣе—чувствовала себя такою несчастною, что на томъ же клочкѣ бумаги, на оборотной сторонѣ письма, тотчасъ же черкнула: «Только не сегодня, не завтра, не послѣзавтра. Извѣщу». И это письмо вмѣстѣ съ корзиной она отослала обратно, заперлась въ своемъ будуарѣ и не выходила весь день. Дѣвушка ея думала, что «барыню» обидѣли, что она разсорилась съ кѣмъ-нибудь...

Нѣсколько дней Надя ходила какъ въ воду опущенная. Недавнія воспоминанія вставали передъ нею вперемежку съ воспоминаніями дѣтскихъ лѣтъ, когда Гриша, тогда еще ма-

ленькій мальчикъ, игралъ съ нею въ саду и однажды сказалъ: «я хочу быть спартанцемъ»! Тогда она жалѣла Гришу, представляя себѣ, какъ онъ станетъ носить на себѣ желѣзныя вериги. Надя жалѣла его и теперь... Но жалѣла-ли она его только, какъ друга? Тотъ поцѣлуй, который она дала ему въ послѣднее свиданье, былъ-ли поцѣлуй чисто братскій? Не было-ли уже въ немъ зачатковъ того чувства, что̀ называется любовью? Ей почему-то было даже совѣстно теперь думать объ этомъ... Да! Въ тотъ вечеръ—дождливый и сумрачный—она хотѣла многое сказать ему, но досказать не могла. Конецъ ея рѣчи остался въ поцѣлуѣ. Теперь она мысленно просматривала все время короткаго знакомства своего съ Сѣверцовымъ, начиная съ первой случайной встрѣчи у Пассажа и вплоть до послѣдняго вечера. Она припоминала вечера, проведенные съ Сѣверцовымъ наединѣ, ихъ чтенія далеко за полночь, ихъ разговоры, ихъ взаимныя отношенія другъ къ другу и всю ту массу мелочей, изъ которыхъ ткутся людскія отношенія. Нѣтъ, во всемъ этомъ не было еще любви, какъ описываютъ ее въ романахъ и какъ является она въ дѣйствительности, но ея первые, отдаленные приступы, задатки ея—были, были... То былъ легкій, чуть замѣтный вѣтерокъ, мимолетною рябью пробѣгавшій по водѣ, но онъ предшествовалъ бурѣ, поднимающей большія волны и съ шумомъ проносящейся по лѣсамъ. Для Нади было бы совершенно естественно—полюбить. Это была бы ея первая любовь... До сего времени шелъ только рядъ обольщеній и чувственныхъ порывовъ. Гриша былъ первый мужчина, на котораго она посмотрѣла съ уваженіемъ и котораго могла бы полюбить, какъ человѣка. Но любовь ея не разцвѣла или, говоря словами поэта, дѣвушка «не допила до дна бокала, полнаго вина», не дочитала до конца своего романа... Можно почти съ увѣренностью сказать, что въ отношеніяхъ ея къ Сѣверцову чувственность еще не играла никакой роли, и ея единственный поцѣлуй былъ поцѣлуй братскій. Этотъ необыкновенный человѣкъ, этотъ «спартанецъ» съ юныхъ лѣтъ, какъ былъ, такъ и остался для нея свободнымъ отъ всякихъ низменныхъ недостатковъ и человѣческихъ слабостей, остался не запятнаннымъ никакими темными подозрѣніями: высоко̀ стоялъ онъ, высоко стоящимъ и остался онъ въ ея представленіи навсегда.

Но, подобно любви, и иныя чувства и думы, внушенныя имъ, не могли сразу безповоротно овладѣть ея смятой, измотавшейся душой, какъ, навѣрно, съ необычайной силой овладѣли бы онѣ душой свѣжей, чистой, еще не столь загрязненной житейскимъ тщеславіемъ и суетой. Онъ былъ для Нади человѣкомъ необыкновеннымъ... да! она не совсѣмъ понимала его. Она подолгу, внимательно слушала его рѣчи; она, казалось, понимала ихъ и сочувствовала ему, но въ концѣ концовъ все-таки и въ его рѣчахъ и въ немъ самомъ—въ тайникахъ его души—оставалось для нея что-то темное, недосказанное, неясное. Ея разумъ, какъ отпотѣвшее или запыленное зеркало, не могъ отражать явственно, опредѣленно, точно всего, рисовавшагося передъ нимъ. Почва-то была добрая, да заросла сорной травой,—и сѣмена пшеницы гибли среди разросшихся плевелъ... Не прошло недѣли послѣ той субботы, какъ она поджидала къ себѣ Сѣверцова, а она уже писала своимъ знакомымъ — и W., и А. и всѣмъ прочимъ, что готова принять ихъ. И тѣ были у нея, пили, безобразничали, какъ только можетъ безобразничать jeunesse dorée, и она пила и была пьяна... А затѣмъ слѣдовала другая пирушка—у княжеской *кузины*. И опять пошла, потянулась сѣрая, неприглядная жизнь, лишь зловѣще озаряемая краснымъ свѣтомъ вакхическихъ огней, при мерцающемъ блескѣ которыхъ, какъ въ какомъ-то дикомъ, чудовищномъ полуснѣ, мерещились раскраснѣвшіяся лица съ безсмысленными, помутившимися глазами, мелькали распустившіеся женскіе волосы, щегольскія платья въ страшномъ безпорядкѣ, голыя руки, голыя плечи, ноги, на столѣ—рядъ бутылокъ, фрукты, недопитые стаканы съ виномъ...

Да! Разбить свое прошлое труднѣе, чѣмъ какую-нибудь статуэтку...

Опять жизнь пошла своимъ чередомъ, но только не съ такимъ безмятежнымъ самодовольствомъ, съ какимъ шла она для Нади до встрѣчи ея съ другомъ дѣтства. Борьба была, но слабая, пассивная, достойная жалости. Вечеромъ иногда, оставаясь одна, дѣвушка принимала благія рѣшенія развязаться навсегда со своей каторжной жизнью, а утромъ опять — позднее пробужденье съ головною болью, съ слабостью во всемъ тѣлѣ, съ пустотой въ душѣ и съ полнѣйшимъ безсиліемъ для того, чтобы начать приводить въ исполненіе вчерашнія добрыя намѣренія. День шелъ—и про-

ходилъ вяло, тоскливо, съ безцѣльнымъ катаньемъ по Невскому, съ захожденіями въ различные магазины «Modes et Robes», съ лежаньемъ на кушеткѣ, въ пустыхъ разговорахъ... А вечеромъ опять вино, опять объятія съ напускнымъ жаромъ, раскрывающіяся какъ по заказу, опять пьяные поцѣлуи, безъ любви, безъ страсти, безъ желаній, опять насильственно разжигаемыя похоти, а въ итогѣ опять —безсиліе и тоска, черная тоска, безпредѣльная, безпросвѣтная, навѣшивавшая, казалось, на весь міръ извѣстную вывѣску съ черными буквами: «Трауръ и гробы». Такія вывѣски видала она...

Дѣвушка чувствовала сама свое безсиліе. Она не могла бѣжать со своей позолоченной, подслащенной каторги: жизнь тяжелыми цѣпями крѣпко удерживала ее на одномъ и томъ же гнусномъ, ненавистномъ для нея мѣстѣ... Но тѣ цѣпи и оковы были перевиты цвѣтами, украшены драгоцѣнными бездѣлушками, ленточками и всевозможными побрякушками. Надѣ противна была ея жизнь, но пока она могла сдѣлать только одно—постараться хоть на мгновенья позабывать ее. И Надя пила и громко хохотала, слушая разныя скабрезныя пѣсни... Иногда въ минуты протрезвленья ей воочію, явственно чудилось, что она, какъ будто, зашла въ болото, сверху красиво поросшее зеленью и цвѣтами, и болотная топь затягивала ее, затягивала все дальше, все глубже, и она погружалась все пуще и пуще въ вязкую, топкую тину,—и не находила она въ себѣ достаточно силы для того, чтобы разомъ выбраться изъ затягивающей ее грязи...

Не разъ она признавалась Сѣверцову въ своемъ безсиліи, говорила, что она сознаетъ всю мерзость, окружающую ее, но у нея нѣтъ силъ вырваться на новую дорогу — къ лучшей, свѣтлой жизни. Надю, до нѣкоторой степени, можно было сравнить съ человѣкомъ, разбитымъ параличемъ, который и думаетъ, и все чувствуетъ, но въ то же время не можетъ пальцемъ пошевелить и, какъ пластъ, лежитъ тамъ, куда бросили его чужія руки... Не разъ съ совершенно искренними слезами говорила ему Надя о своей дрянности и о пустотѣ своей жизни, о чувствѣ одиночества, о своей тоскѣ, ничѣмъ не истребимой. А онъ возражалъ ей, что самые дрянные, самые, повидимому, гнусные люди иногда скорѣе обращаются на путь правый, чѣмъ тѣ чистенькіе и приглаженные, которымъ въ обществѣ—всякій почетъ и уваженье. Онъ разсказывалъ ей о мученицахъ первыхъ временъ христіанства, о грѣшницахъ, призванныхъ Христомъ на тяжкое и славное дѣло въ тѣ минуты, когда онѣ лишь замышляли соблазнять ближнихъ обаяніемъ своихъ чарующихъ прелестей; онъ разсказывалъ ей о блудницахъ, уходившихъ спасаться въ пустыню, или погибавшихъ на аренѣ цирковъ въ когтяхъ разъяренныхъ звѣрей, подъ оглушительные клики и рукоплесканья собравшихся зрителей, покрывавшихъ своимъ радостнымъ, неистовымъ ревомъ ревъ дикихъ звѣрей; онъ разсказывалъ ей о женщинахъ, погибавшихъ въ мучительныхъ пыткахъ, оставлявшихъ клочки своей нѣжной кожи и куски мяса на зубьяхъ колесъ, о задыхавшихся въ дымѣ и пламени костровъ...

Дѣвушка слушала долго, внимательно, порою вздрагивала, порою какъ бы съ великимъ сокрушеніемъ покачивала головой. И такъ тихо сидѣла она передъ нимъ, блѣдная, съ глазами, полными слезъ, и вовсе не похожая на m-elle Blanche, на извѣстную предсѣдательницу ночныхъ вакханалій. Сѣверцовъ исчезъ,—исчезла съ нимъ и скромная, задумчивая дѣвушка, его неутомимая слушательница, а вмѣсто нея осталась m-elle Blanche, сама на медленномъ огнѣ сгоравшая и сжигавшая другихъ... Но не *все* осталось въ ней попрежнему, какъ было до встрѣчи съ Гришей: ея тоска и недовольство усилились... Иногда она серьезно задумывалась надъ своею участью, иногда подолгу хандрила, то-есть, дня два-три, иногда на пирушкахъ хмурилась, бросала недопитый бокалъ и уѣзжала домой съ тѣмъ, чтобы отдать себя на муки безсонницѣ. Въ своей грусти, въ одиночествѣ дѣвушка находила какое-то особенное горькое утѣшеніе и отраду, какихъ не было для нея въ шумномъ обществѣ, предававшемся безшабашному разгулу... Думы и чувства, заброшенныя въ нее Сѣверцовымъ, бродили въ ней смутно, неясно, какъ передразсвѣтныя тѣни въ туманное утро—въ ожиданіи солнечнаго восхода...

Прошло два мѣсяца. На дворѣ стоялъ уже ноябрь...

Было позднее утро, когда Надя, выйдя только-что изъ ванны, расположилась немного отдохнуть на кушеткѣ, (она очень любила брать ванны). Неодѣтая, лишь слегка прикрывшись тонкой, бѣлоснѣжной простыней, лежала она на кушеткѣ, нѣжась и наслаждаясь тѣми пріятными ощущеніями, ка-

кія она всегда испытывала послѣ ванны. Легкая усталость, истома, лѣнь овладѣвали ею въ тѣ минуты, и она погружалась въ какое-то полузабытье. Полуденные солнечные лучи теплымъ свѣтомъ наполняли всю комнату и яркимъ, золотистымъ сіяньемъ обдавали лежавшую дѣвушку, ея темные, распущенные, еще сырые волосы, ея голыя плечи, грудь и ноги и все ея розовое, нѣжное тѣло, сквозившее изъ-подъ простыни. Глаза ея полузакрывались, она чуть-чуть смотрѣла—смотрѣла себѣ на руки, на ноги, спустившіяся съ кушетки, и въ головѣ ея отрывочно бродила мысль: «И этакое-то тѣло, холенное, береженное—вдругъ отдать на растерзанье хищнымъ звѣрямъ, на позоръ палачу... Колеса съ желѣзными зубцами, острыми и рвущими тѣло, какъ какую-нибудь тончайшую паутину, раскаленныя щипцы, плети—кожаныя, ременныя, разомъ выхватывающія цѣлыя полосы живого мяса... И потомъ—костеръ, огонь... Господи! Гдѣ жъ это вынести!» И вдругъ колеса, щипцы и всѣ эти страсти представились ей такъ живо, что морозъ пробѣжалъ по ея тѣлу. Она вздрогнула и закрыла лицо руками. «Ужасно, ужасно!» невнятно шептала она... Когда она опять раскрыла глаза, солнце такъ ярко ударяло въ окна, что Надя слегка прищурилась...

Ей пріятно было, прищуривши, смотрѣть на это солнце, на этотъ веселый, радостный свѣтъ, на этотъ клочекъ голубого, сіяющаго неба, видимый въ окно. И она опять думала, смотря на себя: «На такое тѣло надо только любоваться, такому тѣлу только надо жить! Да, да! Жить, жить!.. Если бы теперь Гриша увидалъ меня? Онъ сказалъ бы: «кукла!» Да, кукла, конечно,—красивая, но глупая, безчувственная кукла»... Тутъ Надя начала сравнивать свою спокойную, сравнительно довольную жизнь съ тѣми воображаемыми тревогами и опасностями, на которыя она могла бы промѣнять эту жизнь. Только на мгновенье представила она себѣ будущее съ его возможными пертурбаціями, и существованіе ея, за минуту передъ тѣмъ казавшееся ей такимъ пошлымъ и недостойнымъ, явилось уже въ иномъ свѣтѣ. Отказаться отъ своихъ ежедневныхъ привычекъ и поставить всю жизнь вверхъ дномъ, отказаться отъ удобствъ и комфорта для рискованнаго, темнаго будущаго, отказаться отъ возможныхъ радостей, прогнать себя какъ бы въ пустыню—прочь отъ жизни, отъ живыхъ людей — тяжело. Въ неизвѣстномъ мірѣ, ожидающемъ ее и рисующемся ей, какъ въ смутномъ, сбивчивомъ снѣ, все кажется какъ-то странно, дико и холодно.. «Ахъ, нѣтъ!..» проговорила она почти вслухъ и, сбросивъ съ себя простыню, поднялась съ кушетки. Она заломила руки на голову и потянулась... «Нѣтъ, жизнь—хоть какая-нибудь—все же лучше, нежели смерть! Смерть и безъ того сама не заставитъ долго ждать себя, придетъ скоро... А жизни другой—такой же не будетъ больше»...

Звонокъ, раздавшійся въ передней, прервалъ теченіе ея мыслей. Даша вошла въ уборную...

— Вы, барыня, одѣваться-то сегодня не думаете, что-ли?—съ улыбкой замѣтила она.—Вонъ тамъ ужъ пришли... дожидаются васъ!

— Кто?—довольно равнодушно спросила Надя, не перемѣняя своей позы.

— Какой-то офицеръ пришелъ... отъ Григорія Александровича!—такъ же равнодушно отвѣтила дѣвушка.

— Что такое? Отъ кого? — переспросила Надя, невольно опуская руки и съ недоумѣніемъ взглядывая на свою камеристку.

— Отъ Григорія Александровича, говоритъ...—повторила та.

— Одѣваться, Даша! Скорѣе, скорѣе!...—крикнула госпожа и, неслышно скользнувъ по ковру, скрылась за драпри.

Черезъ нѣсколько минутъ она уже выходила въ гостиную, наскоро одѣтая, съ волосами, небрежно закрученными на затылкѣ. При входѣ ея гость поднялся съ кресла и просто, почтительно поклонился ей. Это былъ молодой человѣкъ, блондинъ, средняго роста, очень симпатичной наружности...

— Извините, пожалуста, что я васъ безпокою...—началъ онъ. — Вы, кажется, нѣсколько знаете моего брата, студента-медика... Я—Борзяевъ.

— Ахъ, да—знаю, помню...—взволнованнымъ голосомъ промолвила m-elle Blanche. (Для этого незнакомаго офицера она, конечно, была только m-elle Blanche).—Но скажите... развѣ Григорій Александровичъ вышелъ?..

— Нѣтъ, но къ вамъ есть отъ него письмецо... съ просьбой, къ которой и я присоединяюсь... и буду очень, очень благодаренъ, если...—говорилъ офицеръ и, вытащивъ изъ кармана цѣлую пачку бумагъ, сталъ отыскивать между ними нужное ему письмо.

Онъ, очевидно, былъ сильно близорукъ, и

низко наклонялся надъ бумагою, а потому и не могъ видѣть, какъ при словахъ его вдругъ затуманилось лицо m-elle Blanche, за минуту еще такое оживленное. Наконецъ, офицеръ нашелъ письмо—полулисточикъ почтовой бумаги, мелко исписанный, словно унизанный чернымъ бисеромъ—и подалъ его m-elle Blanche. Она быстро пробѣжала его и обратилась къ офицеру:

— Григорій Александровичъ пишетъ о вашемъ братѣ... Онъ, бѣдняжка, тамъ же. Что же я могу сдѣлать? Онъ пишетъ, что я все узнаю отъ васъ...

Посѣтитель замѣтилъ, что легкій почтовый листокъ въ рукѣ дѣвушки дрожалъ, какъ осиновый листъ на вѣтру. M-elle Blanche стояла, опираясь на спинку кресель. Она казалась не то задумчивою, не то разсѣянною... Повидимому, это маленькое письмецо сильно взволновало ее.

— Я могу взять брата на поруки...—говорилъ офицеръ.—Но нужно внести залогъ—три тысячи. Мнѣ негдѣ достать такихъ денегъ... Вотъ поэтому-то Григорій Александровичъ и писалъ... Не будете-ли вы такъ добры, не поможете-ли...

— Что жъ это мы съ вами стоимъ! Прошу садиться! — промолвила она, какъ бы опомнившись, и затѣмъ, когда сѣли, она продолжала:—Большія деньги! Но, впрочемъ, я надѣюсь достать, я постараюсь... Какъ скоро это надо?

— Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше!—отвѣтилъ посѣтитель.—Братъ что-то занемогъ...

— Дня черезъ три не поздно?—спросила m-elle Blanche.

Офицеръ, молча, поклонился и, поблагодаривъ ее за участіе, собрался, было, уходить, но m-elle Blanche удержала его и стала разспрашивать о Григоріѣ Александровичѣ, объ его братѣ. Борзяевъ разсказалъ ей все, что зналъ. Между прочимъ, онъ разсказалъ о томъ, какъ съ письмомъ Григорія Александровича являлся онъ, недѣлю тому назадъ, къ Прѣснову-Отрѣшкову по тому же поводу, по какому теперь явился къ ней; что тамъ ему сказали, что старикъ боленъ, нельзя тревожить; что къ нему вышелъ какой-то фатоватый молодой человѣкъ. Узнавъ, въ чемъ дѣло, онъ процѣдилъ сквозь зубы отказъ и, холодно поклонившись, тотчасъ же вышелъ изъ комнаты. (Въ этомъ фатоватомъ молодомъ человѣкѣ m-elle Blanche, конечно, узнала почтеннаго Василія Алексѣевича). Дѣвушка слыхала отъ Сѣверцова о дурныхъ отношеніяхъ его съ Прѣсновымъ, и, разумѣется, не посовѣтовала бы офицеру обращаться къ нему. Очевидно, Сѣверцовъ въ этомъ дѣлѣ разсчитывалъ на старика, не зная, что тотъ боленъ. «Но какой же прохвостъ этотъ Василька!» не удержалась она, чтобы тутъ же не окрестить Прѣснова не совсѣмъ благозвучнымъ эпитетомъ.

Такимъ образомъ, m-elle Blanche довольно долго проговорила съ Борзяевымъ. По уходѣ его Надя еще раза два пробѣжала записку. Когда дѣвушка читала ее, до нея, словно, издалека, доходилъ голосъ друга... Записка ей много говорила, гораздо больше того, чѣмъ было написано въ ней словами. «Онъ и тамъ-то думаетъ о другихъ... Что за человѣкъ!» мелькнуло у нея въ головѣ. И подъ вліяніемъ письма всѣ думы и чувства, нѣкогда волновавшія ее, опять возстали съ новою силой. Лицо ея горѣло отъ стыда, когда она вспоминала свои недавнія эпикурейскія разсужденія, страхъ и опасенія за свою красивую шкуру. Съ ненавистью, съ презрѣньемъ смотрѣла она теперь на себя и на свою блестящую обстановку.

«Надо помочь, надо!» говорила она самой себѣ, ходя по мягкимъ коврамъ гостиной. «Нужно хоть что-нибудь сдѣлать, хоть чѣмъ-нибудь быть полезной людямъ»... Какъ бы достать денегъ? Въ шкатулкѣ у нея теперь что-то около ста рублей... «Продамъ, заложу мебель, зеркала, картины, вещи свои — все, все...—рѣшила она—и черезъ три дня деньги будутъ!» Дѣвушка дышала прерывисто, тяжело. Но послѣ того, какъ рѣшеніе ея было окончательно принято, на душѣ ея стало легко. Она не думала при этомъ, что Гриша узнаетъ о ея подвигахъ и хотя въ душѣ одобритъ ее. Нѣтъ! Эта дѣвушка была лучше, чѣмъ думали о ней люди. Въ этомъ самомъ дѣлѣ она находила для себя одобренье... И, дѣйствительно, мебель, зеркала, картины, драгоцѣнныя вещи, дорогія бездѣлушки—отчасти были проданы, отчасти заложены, и черезъ три дня ровно три тысячи были вручены офицеру... Конечно, не каждый изъ *честныхъ*, благоразумныхъ гражданъ сдѣлалъ бы *это*...

Вскорѣ какъ-то послѣ того къ Надѣ пожаловалъ Василій Алексѣевичъ и былъ принятъ суше и холоднѣе обыкновеннаго.

— Не въ духѣ сегодня? — спросилъ онъ Надю, небрежно разваливаясь на диванѣ.

Дѣвушка тотчасъ же повела рѣчь о по-

слѣднихъ происшествіяхъ, о поступкѣ его съ Борзяевымъ и т. под.

— Ты гадко, гадко поступилъ!—говорила она съ жаромъ.—Ты, вѣроятно, старику ничего не сказалъ, да?

— Разумѣется! — глазомъ не моргнувъ, отвѣтилъ тотъ.—Ужъ и безъ того у дяди достаточно выманили денегъ... Давно уже надо было положить этому конецъ. Ну, ихъ!..

Надю передернуло. Она нервно играла вѣеромъ, случайно попавшимся ей подъ руку, то раскрывала, то закрывала его, то помахивала имъ и прикрывала свое пылавшее лицо. Холодность и равнодушіе молодого человѣка, повидимому, выводили ее изъ терпѣнія. Почти со злостью посматривала она на него изъ-подъ своихъ полуопущенныхъ рѣсницъ.

— Скажи, пожалуста: когда ты вспоминаешь про дѣтскіе годы, неужели у тебя въ душѣ никогда ничего не шевельнется?—промолвила дѣвушка.—Вѣдь ты помнишь: какъ мы жили вмѣстѣ, вмѣстѣ учились, играли... тогда мы любили другъ друга... А теперь, напримѣръ, ты, какъ чужой, даже хуже чужого... На меня ты смотришь, какъ... какъ на всякую другую дѣвку; Гришу ты былъ бы радъ въ каплѣ воды утопить... Неужели ты забылъ все прежнее, старое наше житье... Вѣдь, мы были друзья тогда... Помнишь, какъ мы...

— Ну, милая, ты сегодня чертовски сантиментальна... вотъ что я тебѣ скажу! — съ кислой гримасой перебилъ ее Прѣсновъ.—Что ты ко мнѣ пристаешь съ этимъ дѣтствомъ, какъ банный листъ. Надоѣла! Мало-ли что было въ дѣтствѣ, всего же не упомнишь... да воспоминанія ровно ни къ чему и не обязываютъ.

— Ты начинаешь разсуждать, какъ скотина!—сказала Надя.

— А ты скучна сегодня, какъ десять ворчливыхъ тетокъ! — со смѣхомъ замѣтилъ Прѣсновъ. — А чтобы ты не была впередъ такъ дерзка, тебя слѣдовало бы поучить...

Дѣвушка съ презрѣніемъ поглядѣла на него.

— Объясни, по крайней мѣрѣ: почему ты отказалъ Борзяеву? — спросила она Прѣснова.

— Да очень просто...—отвѣтилъ тотъ.— Наплевать мнѣ на всѣхъ!.. Это, конечно, главное. А во-вторыхъ, потому что...

Вяло, монотонно принялся онъ объяснять мотивы своего отказа; но мотивы его были такъ откровенно циничны, съ такимъ самоувѣреннымъ нахальствомъ посматривалъ онъ на Надю, словно, поддразнивая ее, какъ собаченку, съ такимъ нестерпимымъ презрѣніемъ ко всему на свѣтѣ относился онъ, съ такимъ безстыдствомъ высказывалъ, что для него, кромѣ его собственной особы, нѣтъ ничего святого и дорогого въ жизни,—словомъ, показывалъ свою отвратительную наготу съ чувствомъ такого самоуслажденія и довольства, что Надя, очевидно, едва-едва сдерживалась, чтобы только не разразиться потокомъ грубыхъ ругательствъ. Губы ея были крѣпко сжаты, грудь высоко поднималась. Она стучала вѣеромъ по ручкѣ кресла и посматривала по сторонамъ, лишь изрѣдка даря Прѣснова выразительнымъ, недобрымъ взглядомъ. Но наконецъ—конецъ всему бываетъ. Дѣвушка не выдержала и вспыхнула, какъ порохъ.

— Ну, будетъ, будетъ! — крикнула она, задыхаясь отъ долго сдерживаемаго волненія, и бросила на столъ свой вѣеръ съ такою силой, что Прѣсновъ не упустилъ замѣтить ей:

— Этакъ, ma chère, когда-нибудь ты изломаешь его... А вещичка очень недурна...

Но дѣвушка уже не слушала его. Она поднялась съ креселъ. Губы ея полураскрылись, глаза горѣли, а нѣжныя ноздри ея слегка вздрагивали, какъ у коня, готоваго взбѣситься и понестись...

— Вы, Василій Алексѣевичъ, такой... я ужъ не знаю: какъ лучше сказать... такой... благонамѣренный человѣкъ, что я не желаю васъ никогда болѣе видѣть у себя!—пылко, съ желчью проговорила она, смотря на Прѣснова въ упоръ. — Убирайтесь вонъ... вонъ отсюда... сейчасъ же!

Послѣднія слова были сказаны такъ рѣшительно и энергично, что послѣдняя тѣнь улыбки сбѣжала съ лица Василья Алексѣевича и замѣнилась какою-то кислой гримасой. Нахальство пропало... Онъ поднялся съ дивана.

— Ты сегодня, рѣшительно, не въ своей тарелкѣ. Au revoir! Мнѣ и самому не весело ухаживать за тобой, какъ точно за какой-нибудь нервной барыней...—смущенно прошепталъ онъ и пошелъ къ двери, какъ прибитая собаченка, удирающая во-свояси, поджавъ хвостъ.

Въ дверяхъ онъ еще разъ оглянулся и, посмотрѣвъ на Надю, пытался скорчить какое-то жалкое подобіе усмѣшки, даже что-то

прошипѣлъ, но что̀ именно, — Надя уже не слыхала... Она исчезла изъ гостиной. А Даша, тѣмъ временемъ, слышавшая крупный разговоръ барыни съ гостемъ, уже предупредительно подавала Прѣснову пальто и широко размахивала передъ нимъ дверь.

Бываютъ такія удивительныя времена, когда шашки совсѣмъ перепутываются на нашей общественной, шашечной доскѣ, когда дуракъ идетъ за мудреца, подлецъ за честнаго человѣка, идіотъ за патріота, черное за бѣлое и — наоборотъ. Въ подобныя времена происходитъ смѣшеніе языковъ, хуже вавилонскаго столпотворенія,—нѣчто такое, чего еще не снилось нашимъ философамъ и романистамъ... Повидимому, благонамѣренный гражданинъ своего отечества, человѣкъ, пользующійся въ обществѣ почетомъ—выказываетъ самую жестокую, звѣрскую холодность по отношенію къ ближнему, а публичная женщина, всѣми осмѣянная и опозоренная, является какимъ-то добрымъ геніемъ, горячо сочувствующимъ людскому страданію... Да, читатель! Я видѣлъ—самъ видѣлъ, какъ эта «падшая» женщина, какъ эта камелія срывала съ себя золотую цѣпь съ толстымъ золотымъ медальономъ, какъ она лихорадочно-торопливо укладывала въ шкатулку свои драгоцѣнности и безъ сожалѣнія разставалась съ ними, лишь бы помочь людскому горю...

Бываютъ, дѣйствительно, такія времена, когда кажется, что послѣдній свѣтъ на небѣ меркнетъ... но это именно только кажется, ибо свѣтъ и во тьмѣ свѣтится.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Прошелъ годъ слишкомъ. Время приближалось къ масляницѣ... Зима 187* проходила такъ блестяще, такъ оживленно, какъ впослѣдствіи уже долго не проходила она...

У театра Буффъ *) горѣли фонари, стояла масса экипажей съ кучерами, дремавшими на козлахъ. Съѣздъ былъ на тотъ разъ большой и жандармы сердитѣе обыкновеннаго покрикивали на Ванекъ... Театръ — полонъ такъ, что некуда яблоку упасть—несмотря на то, что за мѣста платились тройныя цѣны. Галлереи ломились подъ напоромъ публики; ни одной ложи не оставалось пустой; партеръ представлялся сплошной массой человѣческихъ головъ. Въ тотъ вечеръ на сценѣ театра въ первый разъ являлась заѣзжая французская пѣвица — царица каскаднаго міра. Задніе ряды партера и галлереи положительно неистовствовали, когда эта фея начинала ловко играть юбочками и показывать выше колѣнъ свои стройныя ноги, обтянутыя въ трико. Она пѣла такъ зажигательно, такъ выразительно вскрикивала, ахала и хохотала, что по дряблымъ лицамъ старыхъ и малыхъ великосвѣтскихъ гименовъ расползалась умильная, отвратительная улыбочка. Въ особенно патетическихъ мѣстахъ иныя женщины отшатывались въ глубину ложъ, другія же, напротивъ, перегибались черезъ барьеръ, выставляя на показъ свои раскрашенныя, размалеванныя лица и грошовые остатки своихъ прелестей... Занавѣсъ спустился при громѣ рукоплесканій и при неистовомъ ревѣ тысячи глотокъ. Начались вызовы, стукъ и трескъ, которымъ, казалось, не предвидѣлось конца...

Во время антракта въ корридорѣ Прѣснова повстрѣчался съ однимъ знакомымъ толстякомъ—концессіонеромъ.

— Умираетъ!—лаконично заявилъ Василій Алексѣевичъ своему знакомому.

— Старая пѣсня! Не въ первый разъ отъ васъ это слышу...—усмѣхаясь, замѣтилъ ему тотъ. — Богатые-то дяди, батенька, иногда подолгу умираютъ, очень подолгу... Ха!

— Но, нѣтъ! На этотъ разъ, mon cher, уже положительно... — возражалъ Basile.— Третьяго дня былъ консиліумъ... Теперь уже, можетъ быть, умеръ. Я давно изъ дома... съ утра! А докторъ вчера вечеромъ говорилъ, что не протянетъ сутокъ...

— Не вѣрьте вы, голубчикъ, докторамъ! Всѣ они врутъ... право, врутъ!—уговаривалъ его толстякъ. — Выпьемъ-ка лучше монастырскаго! Идемъ!

Пошли въ буфетъ и выпили по рюмкѣ бенедиктинскаго ликера.

— Вонъ,—говорилъ концессіонеръ,—жену мою уже года три тому назадъ доктора къ смерти приговорили, а она, матушка моя, и по сіе время въ Ментонѣ... съ какимъ-то французикомъ волочится... Э-хе-хе!

И толстякъ весело, добродушно захихикалъ.

— Сегодня — на горы, Степанъ Николаичъ!—промолвилъ Прѣсновъ.

— Это что жъ... наслѣдство спрыскивать? Ладно, идетъ!.. А *твоя* будетъ?

— Будетъ... Какъ же!.. Au revoir!

*) Изъ этого читатель можетъ заключить, что дѣйствіе этого разсказа происходитъ за нѣсколько лѣтъ до нашего времени.

И Василій Алексѣевичъ лѣнивой походкой отправился далѣе, вовсе не думая о томъ, что дядя его въ тѣ минуты умиралъ на рукахъ своего вѣрнаго Антона. Ему—не до того: сегодня его компанія ѣдетъ на дачу къ одному знакомому—кататься съ горъ... У одной изъ ложъ Basile остановился, посмотрѣлъ на нумеръ и вошелъ.

Тамъ сидѣли двѣ дамы. Одна — пожилая, очень скверной наружности, получухонка, полунѣмка. Другая — красавица, высокая, стройная, съ пепельнаго цвѣта волосами, съ темными (можетъ быть, подкрашенными) бровями и съ легкимъ розовымъ румянцемъ на щекахъ. Ея прическа (громадный шиньонъ, гривой спускавшійся на спину), ея костюмъ, ея жесты и манеры, ея взгляды полунасмѣшливые, полувызывающіе — однимъ словомъ, все въ этой молодой, красивой женщинѣ говорило за то, что она — кокотка. И, дѣйствительно, это была содержанка Василья Алексѣевича, извѣстная m-lle Elise. Прѣсновъ, войдя въ ложу, наклонился къ ней, мимоходомъ поцѣловалъ ее въ плечо и растянулся на стулѣ. Онъ чувствовалъ себя хозяиномъ ложи и повелителемъ сидѣвшей въ ней красавицы,—давалъ и другимъ это чувствовать.

— Вотъ русскія... да и вы, нѣмецкія женщины, тоже не умѣете дѣйствовать, какъ эта француженка...—заговорилъ Basile.—У васъ или mein lieber Augustin выйдетъ, или ужъ смотрѣть тошно! Граціи, легкости этой у васъ нѣтъ...

Пожилая особа скверной наружности вступила съ нимъ въ споръ.

— О, нѣтъ! Mein Herr...—сказала она съ подлѣйшей улыбочкой.—Это фотъ фидите... привичка... фторой натуръ... Русскія дамы скромни... онѣ не ахтерки!

— Разсказывайте, какъ же! А вонъ на Нижегородской ярмаркѣ какія колѣнца откалываютъ...—промолвилъ онъ и, наклонившись къ пожилой дамѣ, явственнымъ шопотомъ сталъ что-то разсказывать ей.

— Monsieur! De grace!—прошептала m-elle Elise, озираясь по сторонамъ и на сосѣднюю ложу.—У-у, противный!..—добавила она, посматривая на Basil'я.

— Какъ ви можетъ такъ... Ай-ай-ай!—запротестовала и пожилая дама на своемъ ломаномъ языкѣ.

Надя была одна въ ложѣ. Она сидѣла, облокотившись на барьеръ, и, склонивъ на руку свою хорошенькую голову, смотрѣла на волновавшееся внизу людское море. Искренняя, непритворная скука выражалась на ея лицѣ. Ни бархатъ, ни шелкъ, украшавшіе ее, ни алмазы, блестѣвшіе на ея волосахъ, повидимому, ни мало не занимали ея.

Basile подошелъ къ двери ея ложи и тихонько постучалъ.

— Entrez!—отвѣтили ему изъ ложи.

— Минуту! На одно слово...—скороговоркой промолвилъ Прѣсновъ. — Сегодня мы ѣдемъ на горы... Князь, m-elle Elise, m-elle Blacard, «толстенькій» и еще кое-кто... А вы?

— Пожалуй!—отвѣтила Надя, полуоборачиваясь къ нему.

— Отлично!—пробулькалъ Basile и исчезъ.

(Онъ съ Надей опять началъ видаться около этого времени).

Опять взвился занавѣсъ, опять игра шлейфомъ и снова взрывы аплодисментовъ...

Замѣчательное въ своемъ родѣ зрѣлище представлялъ собою въ то время театръ Буффъ. Зачѣмъ эти люди, почтенные старички и юноши, сошлись теперь сюда, въ эту душную, тѣсную залу? Говоря безъ обиняковъ, они сошлись сюда открыто прелюбодѣйствовать взорами. Они заплатили баснословныя, бѣшеныя деньги пикантной француженкѣ за то, чтобы она при свѣтѣ люстръ, при многочисленной публикѣ будила и тѣшила ихъ нечистые помыслы, щекотала ихъ грубую, животную чувственность, изображая передъ ними то, что даже «падшія» женщины по доброй волѣ не изображаютъ, обыкновенно, при сотняхъ любопытныхъ глазъ. И вотъ эти люди потѣютъ, задыхаются отъ жара и волненія, слушая циничные намеки, для всѣхъ ясные, какъ день, и смотря на тѣлодвиженія, въ которыхъ такъ воочію и переливается тончайшій ядъ разврата. Вотъ—они, эти безцвѣтныя лица, старыя и молодыя, съ тусклыми, безжизненными глазами, съ отвисшею нижнею губой. Вотъ—они, эти люди... Молодежь, это—наша золотая молодежь; старички, это—столпы отечества... непрочные, гнилые, но все же столпы,—по крайней мѣрѣ, они сами себя считаютъ таковыми, таковыми же считаютъ ихъ и другіе—легкомысленные люди. Этимъ старичкамъ ужъ давно бы спать пора, а они вмѣсто того торчатъ въ первыхъ рядахъ креселъ, таютъ и замираютъ отъ восторга, слѣдя за движеніями, на сценѣ, женскихъ ногъ...

Послѣ спектакля наше маленькое общество собралось на театральномъ подъѣздѣ. Тутъ были: m-elle Elise, ея скверная дуэнья, m-elle

Blanche, Basile Прѣсновъ, ѣхавшій спрыскивать смерть своего дяди, толстякъ,—концессіонеръ, князь Кудашевъ, какой-то офицеръ, служившій, какъ говорится, безъ году недѣлю, но уже основательно узнавшій всѣ ходы и выходы за кулисами, одинъ сѣденькій старичекъ, очень живой, съ румяными щеками и, наконецъ, еще одна безличная личность, какихъ можетъ производить лишь жизнь большихъ городовъ—какой-то жалкій, безцвѣтный petit crevé, полуидіотъ, нѣчто въ родѣ попугая. Съ громкимъ смѣхомъ и съ шутками размѣстились на трехъ тройкахъ такъ: князь съ m-elle Blanche и сѣденькимъ старичкомъ съ розовыми щеками; Basile съ m-elle Elise и концессіонеръ,—и, наконецъ, слѣдовалъ оборышъ въ лицѣ дуэньи, офицера и petit crevé.

Ночь была не холодная, мглистая.

Высоко на тускломъ небѣ выступало свѣтлое пятно отъ мѣсяца, слегка задернутаго сѣрыми, дымчатыми облаками. Морской вѣтеръ, сырой и теплый, едва подувалъ. Вообще погода обѣщала близкую оттепель. Сизая мгла окутывала дали. Дорога уже замѣтно потемнѣла... Тройки, брянча бляхами и позванивая бубенчиками, быстро неслись за городъ. Деревья по сторонамъ дороги, выступая, какъ призраки, также, казалось, неслись на встрѣчу путникамъ,—и густыя вѣтви ихъ, покрытыя бѣлымъ, пушистымъ инеемъ, рѣзко отдѣлялись отъ темнѣвшихъ окраинъ ночного неба. Раздувались черныя лошадиныя гривы, покрикивали ямщики, лихо заломившіе на бекрень свои шапки съ классическимъ перышкомъ на боку, покрикивали и сѣдоки. Порою раздавался женскій крикъ, слышалось «чмокъ» и «чмокъ» и снова хохотъ. Князь уже поилъ шампанскимъ своего ямщика, разбрасывая по сторонамъ дороги пустыя бутылки, и уже довольно фамильярно обращался со своею спутницей. Розовый, веселый старичекъ напѣвалъ шансонетку, въ которой фигурировала «la chaumière» и какая-то «Fadette». Несчастный petit crevé всячески паясничалъ, заговаривалъ налету съ прохожими, посылалъ воздушный поцѣлуй городовымъ, освѣдомлялся у нихъ: «который теперь часъ?» или: «какой номеръ бляхи?» или спрашивалъ встрѣчнаго извозчика: «Что тотъ возьметъ—до Поцѣлуева моста?» и т. д. Василій Алексѣевичъ полулежалъ въ саняхъ, обнимаясь съ m-elle Elise, а толстякъ жался у нихъ въ ногахъ...

Вотъ и церковь княгини Бѣлосельской и паркъ Лѣсного института уже остались позади. Наконецъ, тройки подлетѣли къ воротамъ той дачи, хозяинъ которой пригласилъ сегодня къ себѣ Basil'я и К° кататься ночью съ горъ.

Яркій огонь горѣлъ въ каминѣ, когда наша почтенная компанія вступила въ залу. Зала—длинная, довольно высокая комната съ четырьмя деревянными колоннами посерединѣ. Длинный столъ стоялъ уже накрытый бѣлоснѣжною скатертью; хрусталь и зеленыя рюмки блестѣли на немъ въ изобиліи. Внушительная баттарея бутылокъ возвышалась на одномъ концѣ стола. Люстра и кенкетки ярко освѣщали всѣ эти прелести. Въ углу залы, на низенькомъ столѣ шипѣла пуншевая чаша; благоуханіе отъ нея распространялось по всей комнатѣ. Пріятно было очутиться ночью въ такомъ тихомъ, гостепріимномъ пристанищѣ... И пріѣхавшая компанія, повидимому, очень хорошо сознавала выгоды своего положенія и готовилась, какъ должно, воспользоваться ими. Дамы столпились передъ зеркаломъ, помѣщавшимся противъ камина, а нѣкоторые изъ мужчинъ остановились передъ картиной, висѣвшей тутъ же неподалеку, написанной чрезвычайно ярко и изображавшей что-то въ родѣ Венеры и Адониса.

— Что это у тебя за очарованіе! — говорилъ хозяину розовый старичекъ, кивая головой на картину.

— У князя еще получше есть!..—со смѣхомъ подхватилъ амфитріонъ.

— Князь... неужели?—приступалъ старичекъ.

— Да!—процѣдилъ князь. — Въ кабинетѣ... подъ кисеей...

— Да покажи же, mon ange! Какъ же это можно прятать подъ-спудъ такія вещи...

И начались тутъ разговоры на извѣстную тэму, по поговоркѣ: не любо—не слушай...

Погрѣлись, выпили, закусили и, оставивъ сытный ужинъ въ видѣ пріятной для себя перспективы, пошли кататься. Горы были устроены тутъ же при домѣ, въ саду, посреди деревьевъ, завѣшанныхъ инеемъ, какъ бѣлымъ, прихотливымъ узоромъ. Мѣсяцъ то свѣтилъ ясно, то скрывался за набѣгавшими облаками. Ночное катанье получило какой-то фантастическій оттѣнокъ. Гости катались долго, причемъ, разумѣется, не обошлось и безъ скабрезныхъ приключеній. Офицеръ чуть не вздулъ бѣдненькаго petit crevé... Затѣмъ, опять вся компанія съ шумомъ, съ громкимъ

говоромъ и смѣхомъ возвратилась въ теплую, ярко освѣщенную залу. Сѣли ужинать и ужинали часа два, то-есть, до тѣхъ поръ, пока не допили послѣдней бутылки вина... Толстякъ съ офицеромъ удалились въ сосѣднюю комнату и тамъ, въ облакахъ табачнаго дыма, играли на билліардѣ. Розовый старичекъ—теперь, впрочемъ, уже не розовый, но совершенно багровый—самымъ отчаяннымъ образомъ канканировалъ съ m-elle Elise. Князь подпѣвалъ и смѣялся, хлопая въ ладоши. Petit crevé выказывалъ очень неуживчивый, безпокойный характеръ, какимъ, обыкновенно, отличаются злыя и безсильныя собаченки. Онъ ссорился все изъ-за чего-то съ нѣмкой-дуэньей и настойчиво утверждалъ, что она—«каналья». M-elle Blanche, не на шутку захмѣлѣвъ, полулежала на низенькомъ диванѣ и дремала.

Такъ прошла ночь. Было шумно, разгульно, пьяно,—повидимому, весело, но настоящаго безшабашнаго, разудалаго веселья не чувствовалось. Люди *хотѣли* веселиться во что бы то ни стало, но веселье выходило искусственное. Люди хотѣли забыться, увлечься, но, вмѣсто увлеченья, оказывалась какая-то жалкая, безсильная натяжка. Подъ всѣмъ этимъ громкимъ и, какъ бы, веселымъ говоромъ, подъ смѣхомъ и пѣснями скрывалась скука пресыщенья и самая отчаянная пустота, граничившая съ безуміемъ. Не молодость, не веселье, брызжущее черезъ край, устраивали этотъ пикникъ, пѣли и плясали. Нѣтъ! скука, тоска, не знавшія куда дѣваться съ силами, да какъ бы получше пожить — гнали этихъ людей, какъ бѣшеныхъ, съ мѣста на мѣсто въ сладкой надеждѣ: авось, если не тутъ, такъ тамъ найдутъ они что-нибудь такое, что, дѣйствительно, хоть сколько-нибудь развлечетъ, развеселитъ... И вотъ они, какъ жалкія тѣни, эти бѣдныя созданія, таскаются съ мѣста на мѣсто, волоча за собой и свою неизбываемую скуку, шляются по театрамъ, по клубамъ, по всевозможнымъ публичнымъ мѣстамъ, пьютъ, прожигаютъ свою жизнь, кутятъ, безобразничаютъ, вѣчно ходятъ или съ больной, или съ хмѣльной головой, — и въ итогѣ тотъ же нуль, та же отчаянная пустота, населенная лишь миражами разстроеннаго воображенія...

Въ окна уже брезжилъ разсвѣтъ, и лица собесѣдниковъ выглядѣли очень некрасиво. Эти лица были блѣдны, желты, истасканы, словно, прямо были выхвачены изъ картинъ дантовскаго ада.

Гости поплескали себѣ на лица холодной воды, привели въ порядокъ свою шевелюру, — и опять загремѣли бубенчики, поскакали тройки. Когда тройки очутились на Невскомъ, было уже утро. Облака на ту пору разбѣжались, и блѣдно-голубое небо сіяло надъ городомъ. Первые утренніе лучи уже играли въ небѣ и ярко поблескивали тамъ и сямъ по шпилямъ и крышамъ болѣе высокихъ зданій... Въ утреннемъ воздухѣ уже вѣяло весной... Вдругъ m-elle Elise пришла тутъ блажная мысль прокатиться передъ сномъ грядущимъ къ Невскому монастырю. Тройки поскакали и противъ Казанскаго собора чуть не задавили какую-то старушонку, пробиравшуюся къ ранней обѣднѣ. Старушка громко закричала со страху и заметалась по серединѣ улицы, какъ угорѣлая, не зная куда дѣваться... А кутящая компанія какъ бы ей въ отвѣтъ разразилась громкимъ хохотомъ.

— Помолись, бабушка, за насъ, рабовъ божіихъ!—крикнулъ ей кто-то изъ саней.

— Безбожники! Охъ, безбожники!—ворчала старуха, шамкая беззубыми челюстями и смотря на уносившіяся сани, которыя порою, казалось, совсѣмъ заволакивались облаками бѣлесоватаго пара, валившаго отъ лошадей.

Когда взмыленныя тройки, миновавъ церковь Знаменья, приближались къ Конной площади, на площади въ ту пору, несмотря на ранній утренній часъ, стояли разношерстныя толпы народа...

. . . . . .

. . . . . .

— Дальше ужъ некуда и ѣхать! Allons, messieurs!—сказалъ князь, немного погодя, приказывая ямщику заворачивать лошадей назадъ.

— А-а, все это—старое...—зѣвая, проговорилъ старикъ.—Надоѣло до смерти...

— Пора спать! Голова, просто, на плечахъ не держится...—замѣтилъ petit crevé.

— Пора, пора! Bon jour, mesdames! — крикнулъ князь и,ославъ воздушный поцѣлуй m-elle Elise, полетѣлъ къ Знаменью.

За нимъ, шурша и позвякивая бубенчиками, поскакали и другія двѣ тройки.

M-elle Blanche сидѣла или, вѣрнѣе ска-

зать, полулежала въ саняхъ, отвернувшись отъ своихъ спутниковъ. Лицо ея страшно побледнѣло, глаза были закрыты, губы стиснуты, какъ бы подъ давленіемъ сильной боли. Она уже не видала солнечнаго блеска, не видала сіяющаго, утренняго неба: иныя картины теперь вставали передъ ней... Страшная усталость, пьянство и кутежъ бѣшено проведенной ночи, наконецъ, сломили ее окончательно, и она впала въ полузабытье... Она не то бодрствовала, не то спала, не то ей Богъ вѣсть что-то мечталось...

— Blanche! Что съ вами?—спросилъ старикъ, беря ее за руку.—Вамъ дурно?

— Да... нѣтъ! — пробормотала дѣвушка, еще крѣпче стискивая зубы.

...А солнце той порой поднималось надъ городомъ все выше и выше, обѣщая ясный весенній день...

1881 г.

Въ ту же ночь, какъ предсказалъ докторъ, старикъ Прѣсновъ умеръ, завѣщавъ половину своего состоянія на добрыя дѣла. Несмотря на такое уменьшеніе наслѣдства, Васинька былъ очень радъ и первый разъ въ жизни напился чуть не до чертиковъ. Протрезвившись, онъ, однако жъ, далъ полную волю своему чувству огорченія и обругалъ покойнаго дядю... «Конечно,—разсуждалъ онъ,—дядя поступилъ несправедливо относительно меня...»

Недѣли черезъ три послѣ описаннаго ночного кутежа m-elle Blanche исчезла изъ Петербурга...

СТЕПАНЪ ОГОНЬКОВЪ.

ПОВѢСТЬ.

(Изъ разсказовъ о неудачникахъ).

I.

Дѣло происходило въ 187* году, въ одной изъ нашихъ восточныхъ провинцій...

Въ ясный и тихій іюньскій вечеръ, проселочной дорогой пробирался путникъ, очень неказистый на взглядъ. Маленькая черная фуражка съ истрескавшимся околышемъ едва держалась на его длинныхъ и нечесаныхъ бѣлокурыхъ волосахъ, на плечахъ его неуклюже болталось коротенькое пальто какого-то зеленоватаго, табачнаго цвѣта, сѣрыя штаны были засучены почти до колѣнъ, а ноги—босы. Путникъ былъ человѣкъ еще молодой, лѣтъ 20—22, блондинъ высокаго роста, худощавый, слегка сутуловатый. Казалось, вся сила волосяной растительности ушла въ его густую, всклокоченную гриву, потому что усы у него были маленькіе, чуть пробивающіеся, и жалкая, рѣденькая бородка съ рыжеватымъ отливомъ. Лицо путника также, какъ и вся его особа, было невзрачно: щеки блѣдныя и впалыя, губы толстыя, носъ также довольно толстый, лобъ небольшой, сдавленный въ вискахъ. Только его голубые, выразительные глаза были хороши, глаза свѣтлые, довѣрчивые, часто смотрѣвшіе какъ-то странно-загадочно, не то задумчиво, не то вопросительно: человѣкъ какъ-будто настойчиво хотѣлъ что-то придумать или что-то вспомнить... Путникъ одною рукой сильно помахивалъ на ходу, а другою держалъ палку, лежавшую у него на плечѣ. На палкѣ висѣли сапоги и какой-то довольно объемистый узелокъ.

Путникъ шелъ по направленію къ сѣверо-востоку, туда, гдѣ синѣли дремучіе сосновые и еловые лѣса. Ноги путника были грязны, покрыты пылью; глядя на нихъ, можно было подумать, что странникъ шелъ издалека. Онъ, повидимому, порой чувствовалъ усталость, но шелъ еще довольно бодро, твердо и самоувѣренно посматривая впередъ. Очевидно, онъ хорошо зналъ ту сторону и иногда, для сокращенія пути, сходя съ проселочной дороги, шелъ по едва протоптаннымъ тропинкамъ или прямо пробирался лугомъ или перелѣсками... Вокругъ него разстилались поля. Одни изъ нихъ отливали изумрудомъ, другія-же, вспаханныя подъ паръ, чернѣли неправильными четыреугольниками. Мѣстами расходились лу-

га, пестрѣвшіе цвѣтами; мѣстами шли перелѣски. Изрѣдка видны были въ сторонѣ деревеньки, сѣрыми пятнами мелькавшія изъ-за зелени. Въ двухъ-трехъ мѣстахъ, вдалекѣ, путникъ могъ видѣть крестьянъ, косившихъ свои луга, и лезвія ихъ косъ, поблескивавшихъ на солнцѣ. Въ травѣ скрипѣли коростеля, въ кустахъ кое-гдѣ запѣвали малиновки, чирикали воробьи, трясогузки и другая птичья мелкота, а высоко надъ головой, въ ясномъ воздухѣ, заливался жаворонокъ. И горячее іюньское солнце свѣтомъ и блескомъ своихъ яркихъ лучей затопляло всю эту тихую, глухую сторонку.

Странникъ, казалось, на все смотрѣлъ съ чувствомъ живѣйшей радости и, такъ-сказать, всѣмъ существомъ своимъ наслаждался представлявшимся ему просторомъ и волнами вольнаго воздуха, обдававшаго его со всѣхъ сторонъ. То онъ взглядывалъ на небо, синѣвшее надъ нимъ и надъ всею окрестною стороной, то изъ-подъ руки посматривалъ на солнце, то взглядъ его опускался на землю, всю разубранную зеленью и цвѣтами. То онъ съ жадностью впивалъ полною грудью ароматный, свѣжій воздухъ, то вдругъ, наклонившись, срывалъ попадавшіеся ему по дорогѣ цвѣты клевера, одуванчика или куриной слѣпоты, нюхалъ, разсматривалъ ихъ и вертѣлъ въ рукѣ... Вдругъ странникъ задумался, губы его крѣпко сжались, и онъ началъ разсѣянно, какъ-то озабоченно смотрѣть по сторонамъ. Было очевидно, что онъ думалъ теперь вовсе не о томъ, на что̀ смотрѣли его глаза, что мысль его улетала далеко, дальше видимаго горизонта. Но, немного погодя, онъ тряхнулъ головой, словно желая этимъ движеніемъ сбросить съ себя тягостную думу, и попрежнему бодро сталъ смотрѣть въ сіяющую даль. Онъ ускорилъ шагъ и тихо, вполголоса запѣлъ:

Ни кола—ни двора,
Зипунъ—весь пожитокъ.
Эхъ, живи—не тужи,
Умрешь—не убытокъ!..

Тутъ странникъ наклонился и сорвалъ лиловый дикій колокольчикъ. Пропустивъ нѣсколько строкъ, онъ продолжалъ мурлыкать себѣ подъ носъ, помахивая цвѣткомъ:

Онъ идетъ, да поетъ,
Вѣтеръ подпѣваетъ...
Сторонись, богачи!
Бѣднота гуляетъ!..

Затѣмъ, странникъ замолкъ, ухмыльнулся, прищурившись посмотрѣлъ въ даль и речитативомъ закончилъ:

Разумѣй, кто уменъ!
Пѣсенка допѣта!..

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ тропинки, вправо, поднимался довольно высокій, зеленый бугоръ. На вершинѣ его росли двѣ ели: одна—старая, темная, лохматая, а другая—около нея—молоденькая ёль, стройная и прямая, какъ стрѣла. Внизу эти ели густо обросли кустарникомъ, посреди котораго особенно рѣзко выдавался шиповникъ, весь сверху до низу покрытый розовымъ цвѣтомъ... Путникъ взобрался на бугоръ и прилегъ на мохъ, подъ елями. Не даромъ для своего отдыха онъ облюбовалъ этотъ холмъ... Здѣсь было совершенно сухо, мягкій мохъ представлялъ собой отличное ложе, и притомъ отсюда открывался далекій видъ на всю окрестность... Лѣса, надвигавшіеся съ сѣверо-востока, были уже недалеко... Путникъ долго задумчиво смотрѣлъ на ихъ темно-зеленыя, зубчатыя вершины, рѣзко обрисовывавшіяся на голубомъ небѣ. Въ одномъ мѣстѣ изъ-за лѣса ярко поблескивалъ въ золотѣ солнечныхъ лучей высокій колокольный шпиль. Но этотъ шпиль былъ далеко, — и, вѣроятно, въ пасмурную погоду или въ туманъ его не видать съ этого холма... Полулежа, облокотившись на мохъ, путникъ взглядывалъ на этотъ колокольный шпиль какъ-то «по-своему» задумчиво-вопросительно.

— Ну, ужò—поживемъ, увидимъ!—прошепталъ онъ и тяжело вздохнулъ.

Эти слова, нечаянно сорвавшіяся вслухъ съ его языка, очевидно, служили отголоскомъ занимавшихъ его думъ. Видно было, что путникъ чѣмъ-то озабоченъ, но юность все-таки брала свое, и ей по временамъ удавалось отгонять отъ путника далеко прочь тяготившія его заботы... Солнце уже низко спускалось къ западу, — была пора продолжать путь. А странникъ все лежалъ, смотрѣлъ въ даль и прислушивался къ шопоту лохматыхъ вѣтвей, простершихся надъ нимъ. Солнце закатывалось, когда путникъ, наконецъ, оставилъ гостепріимную тѣнь елей и пошелъ далѣе. Съ полудня тихо надвигалась туча... Странникъ пошелъ скорѣе и черезъ полчаса уже шагалъ по лѣсу. Но туча неслась его быстрѣе и перегоняла его. Какъ темною тѣнью, закрыла она половину неба, и яркія краски заката потонули безслѣдно въ ея темныхъ клубахъ. Тяжело, съ зловѣщимъ шумомъ уже проноси-

*

лась туча надъ лѣсными вершинами. Блистала молнія и трепетнымъ, голубоватымъ свѣтомъ на мгновенье озаряла лѣсныя чащи. Громъ гремѣлъ, и его трескъ и раскаты стозвучнымъ эхомъ расходились по темному лѣсу. Вѣтеръ шумѣлъ, ломалъ сухіе сучья и, качая вершины деревьевъ, какъ бѣшеный, порывисто гнулъ ихъ туда и сюда. Накрапывалъ дождь...

Въ это время, изъ-за крутого поворота лѣсной дороги показалась изба. Къ избѣ примыкало длинное строенье безъ оконъ, крытое соломой. Путникъ прямо направился къ избѣ и постучалъ въ оконницу.

— Хозяева! А, хозяева! Пустите переночевать!—крикнулъ онъ.

Въ избѣ послышался шорохъ и затѣмъ ворчанье.

— Да входи... Кто тутъ?.. Чего сталъ! Ворота-то не заперты...—послышался грубый голосъ.

Путникъ зашелъ въ ворота и почти ощупью пробрался въ избу.

— Никакъ самъ хозяинъ! Иванъ Сергѣевъ —ты?—спросилъ путникъ, войдя въ избу и всматриваясь въ полумракѣ въ стоявшаго передъ нимъ мужика.

— Я! А ты-то кто будешь?.. О-о! — воскликнулъ хозяинъ, распознавъ пришедшаго.— Ну... давно же ты у насъ не былъ! Давно...

— Два года не былъ! — проговорилъ странникъ, опуская на полъ все свое маленькое имущество, то-есть, сапоги и узелокъ, скидывая съ себя пальто и усаживаясь на лавку.

— То-то... давно тебя не видать! — поддакнулъ хозяинъ,—А теперь къ Николѣ ползешь, небойсь?

— Да, домой!—отвѣтилъ гость. — Ну, а ты какъ со своимъ постоялымъ дворомъ?.. Разбогатѣлъ, поди!

— Разбогатѣешь! Какъ же... Ужъ годъ скоро будетъ, какъ я порѣшилъ его! — ворчливо проговорилъ хозяинъ.—Коего лѣшаго сидѣть-то тутъ... никакого, братецъ, проѣзду нонѣ не стало! Вотъ взялъ, да и плюнулъ... А теперь сюда-то по случаю пришелъ, на сѣнокосъ. Тутъ вѣдь у меня маленькая поженка есть...

Хозяинъ былъ высокій, здоровенный мужчина, широкоплечій, съ густою, темною бородой. На немъ были сѣрая ситцевая рубаха, низко опоясанная, и синія нестрядинныя порты, не доходившія до щиколотки. Изъ-за растегнутаго ворота рубахи видна была его загорѣлая, могучая грудь. Густая, всклокоченная борода прикрывала чуть не половину его лица. Этотъ мужикъ представлялъ живой, бьющій въ глаза контрастъ съ худощавымъ и хилымъ юношей, сидѣвшимъ, сгорбившись, противъ него на лавкѣ... Хозяинъ подсѣлъ къ гостю, поговорили немного о городѣ и скоро разошлись спать. Хозяинъ ушелъ на палати, а гость растянулся на лавкѣ.

— Ну, братъ! Хорошо, что ты успѣлъ до двора-то дойти... А то промыло бы... Слышь! —проговорилъ хозяинъ, укладываясь спать.

Дѣйствительно, дождь съ такою силой хлесталъ въ оконницы, что даже стекла дребезжали. Гроза пронеслась, но дождь не обѣщалъ пройти скоро. Сѣрыя облака быстро шли по небу, гонимыя порывистымъ вѣтромъ... Путникъ разостлалъ на лавкѣ свое пальто, вмѣсто подушки подложилъ подъ голову узелокъ и растянулся. Въ нежилой избѣ спать было хорошо: ни таракановъ, ни мухъ, ни комаровъ. Только лѣсной, крадущійся шорохъ расходился за стѣной. Странникъ усталъ, но спать не могъ. Ужъ, конечно, не лѣсной, баюкающій шорохъ, не шумъ дождя за окномъ мѣшали ему заснуть. Видно, думушки расходились... Въ то время, когда хозяинъ крѣпко спалъ и видѣлъ, можетъ быть, во снѣ свой сѣнокосъ, гость все еще ворочался на лавкѣ, вздыхая и позѣвывая...

Дождь пересталъ и вѣтеръ гудѣлъ уже не съ прежнею силой... Странникъ задремалъ... но вдругъ вдали послышался колокольчикъ, все ближе, ближе, прозвенѣлъ, наконецъ, подъ самыми окнами постоялаго двора и тутъ же замолкъ. Послышались неистовые, торопливые удары въ ворота. Хозяинъ, ворча, полѣзъ съ палатей и сталъ искать впотьмахъ лучины. Онъ шибко ругался... «Чего надо? Кого еще тамъ чортъ принесъ... не въ пору — не вовремя! Да еще какъ ломятся-то!»... Хозяинъ вышелъ, и на дворѣ тотчасъ же послышался громкій разговоръ. Ночлежникъ уже спускалъ ноги съ лавки и хотѣлъ-было встать, какъ вдругъ въ сѣнцахъ раздалось звяканье шпоръ, —и онъ снова завалился на лавку.

Въ ту жъ минуту дверь широко распахнулась и въ ней показался человѣкъ небольшого роста, толстенькій, съ рыжеватыми усами, въ сѣромъ пальто и форменной, полицейской фуражкѣ. За пріѣзжимъ слѣдомъ выступалъ, почесываясь, полусонный содержатель бывшаго постоялаго двора съ горящей лучиной въ рукѣ и освѣщалъ путь.

— А это кто у тебя тутъ? — спросилъ пріѣзжій, бросая на столъ мокрую отъ дождя фуражку и кивая головой на странника, который, казалось, спалъ крѣпкимъ, безпробуднымъ сномъ, оборотившись лицомъ къ стѣнѣ.

— А это отъ Николы, изъ Ремнева... Старой дьячихи сынъ!—позѣвывая проговорилъ Иванъ Сергѣевъ, подходя ближе къ столу.— Можетъ, зналъ покойнаго-то дьячка, Петра? Такъ это — его сынъ... Учится въ городѣ... Степаномъ зовутъ...

— Какъ фамилія? — строго, очевидно, по привычкѣ, спросилъ полицейскій чиновникъ, усаживаясь на лавку и подозрительно посматривая на всклокоченную гриву спящаго.

— Фамиль-то? Что-й-то, какъ-будто запамятовалъ... да никакъ,—Огопьковъ, надо быть!..Огоньковъ!—неувѣренно протяжнымъ тономъ повторилъ хозяинъ.

Пріѣзжій, между тѣмъ, досталъ портфель, вынулъ изъ него какіе-то листы разграфленной бумаги, дорожную чернилицу, перо и какъ бы собрался что-то записывать.

— Ѣхалъ мимо, да ужъ давай, думаю, заѣду за-одно, по-пути...—началъ онъ, закуривая папиросу. — Надо, вотъ, свѣдѣнія собрать—о землѣ, о посѣвахъ, о числѣ строеній, обо всемъ...

— Это опять вѣдомость, значитъ? — отозвался хозяинъ, съ очевиднымъ недовольствомъ почесывая себѣ поясницу. — И что это нонѣ [все вѣдомости пошли... А ничего отъ нихъ нѣтъ хорошаго, право слово!

— Не наше, братъ, дѣло разсуждать! Сказано тебѣ: дѣлай,—и дѣлай!—съ легкимъ вздохомъ промолвилъ чиновникъ.

— Что и говорить! Это ужъ извѣстное дѣло...—живо согласился хозяинъ. — Такъ что же, ваше благородіе... Пиши! Вотъ—старый постоялый дворъ, давно ужъ закрытъ... Потомъ сѣновалъ тамъ, на низу, и больше никакихъ строеньевъ и заведеньевъ у меня нѣтъ... Земля-же у меня опять обчественная, на арендѣ... ну, пиши ее хошь четыре десятины...

Иванъ Сергѣевъ, все зѣвая и почесываясь, стоялъ, наклонившись надъ столомъ, и то и дѣло замѣнялъ догоравшую въ его рукахъ лучину новою.

— Теперь подпишись! Вѣдь ты грамотный?—сказалъ чиновникъ, когда отвѣты были вписаны по всѣмъ пунктамъ и въ надлежащія графы.

— Морокую маленько... Такъ лучинку-то подержи, ваше благородіе... А то мнѣ ужъ не способно этакъ!—проговорилъ хозяинъ.

Чиновникъ свѣтилъ, а Иванъ Сергѣевъ, клоня голову то направо, то налѣво, кряхтя и сопя, не безъ труда вывелъ свою подпись, которая, по неразборчивости, походила на министерскую. Чиновникъ убралъ бумаги, спряталъ всѣ свои канцелярскія принадлежности и, закуривъ папиросу, собрался уходить.

— А онъ куда идетъ? Ты его хорошо знаешь?—спросилъ чиновникъ, кивая головой на спящаго.

— Да какъ не знать... дьячихи, Анны Михайловны, сынъ... съ отцомъ еще, бывало, все у насъ на крылосѣ пѣлъ...—говорилъ хозяинъ.—Теперь домой пробирается...да, вотъ, отъ дождика ко мнѣ зашелъ!.. Спитъ этакъ, не слышитъ... Видно, притомился!

— То-то! Вѣдь нынѣ у насъ на этотъ счетъ строго...—внушительно промолвилъ полицейскій чиновникъ, идя къ двери.—Ежели немножко что... ежели, напримѣръ, незнакомый человѣкъ проявится... сейчасъ!..

— Ну, извѣстно... Что и говорить!..—поддакнулъ хозяинъ, идя за гостемъ и свѣтя ему.

Опять зазвенѣлъ колокольчикъ и все дальше, все тише. Хозяинъ воротился на палати и, громко зѣвая, ворчалъ себѣ подъ носъ: «Вотъ-то лѣшегоны! И оказія это... ни ночь, ни погодушка ихъ не держитъ! — Мычутся, ровно собаки, прости Господи!»...

II.

Утромъ рано, еще «до солнышка» поднялся Степанъ Огоньковъ. (Имя и фамилію странника хозяинъ назвалъ совершенно вѣрно). Распрощавшись съ Иваномъ Сергѣевымъ, нашъ путникъ отправился далѣе...

Прекрасенъ былъ лѣсъ въ этотъ ранній, утренній часъ. Солнце всходило ясно, обдавая вершины деревьевъ красноватымъ свѣтомъ и разсыпая тамъ и сямъ по листвѣ, словно, золотыя искры. Внизу, на дорогѣ, по кустамъ еще лежали тѣни. Птички заводили свои пѣсни, и громче всѣхъ жаворонокъ пѣлъ свою прелестную, меланхолическую пѣсенку. Лѣсъ, омытый дождемъ, выглядѣлъ зеленѣе вчерашняго. Послѣ грозы, послѣ дождя весь лѣсъ благоухалъ... Въ свѣжемъ воздухѣ пахло всевозможными цвѣтами и травой, пахло лѣсною дичью, лѣсною глушью... Часа черезъ два пути, лѣсъ сталъ рѣдѣть, и Огонь-

ковъ скоро вышелъ на крутой, песчаный берегъ рѣки.

— Вотъ и она, Большая Ко̀торань!—промолвилъ Огоньковъ вслухъ, смотря на противоположный берегъ.

А тамъ шли поемные луга, поля — и въ верстѣ отъ берега, на возвышеніи, виднѣлся погостъ— церковь съ кладбищемъ и дома церковниковъ. Рѣка, Большая Ко̀торань, теперь—въ лѣтнее время—была не широка и не глубока. Огоньковъ по камнямъ перешелъ ее вбродъ. Затѣмъ, онъ умылся въ чистой, прохладной водѣ, пригладилъ гребенкой свои взъерошенные волосы, почистился кое-какъ и пошелъ далѣе. Не успѣлъ онъ еще сдѣлать нѣсколько шаговъ, какъ тутъ же неподалеку отъ дороги увидалъ какого-то человѣка, усердно косившаго. Этотъ человѣкъ былъ въ одной рубахѣ, въ бѣлыхъ портахъ, запущенныхъ въ сапоги, и въ старой, порыжѣвшей шляпѣ съ широкими полями; длинные волосы его были завязаны на затылкѣ узломъ.

— Отецъ дьяконъ! Богъ на помочь! Косить начинаете?.. — крикнулъ Огоньковъ, останавливаясь.

— А-а! Любезнѣйшій... добро жаловать! Сколько лѣтъ—сколько зимъ...—пробасилъ дьяконъ, опуская косу и смотря на прохожаго.—По Николѣ соскучился, видно! Въ гости къ намъ? Что жъ, дѣло!..

Сошлись, поздравствовались и покалякали, пока отецъ дьяконъ точилъ косу. Степанъ Огоньковъ сразу же былъ посвященъ въ мѣстную злобу дня... Новый благочинный назначенъ; у отца Алексѣя вчера корова пала, «бока этакъ вотъ вздулись — страсть!»... Въ Леонтьевскомъ приходѣ идетъ слѣдствіе о растратѣ суммъ; говорятъ, нынѣ лѣтомъ, «въ нашей сторонѣ» архіерей хочетъ побывать и т. д... Дьячиха, Анна Михайловна,—недавно ходила на богомолье въ Кирилловскій монастырь, а теперь—дома... «Сидитъ и не чаетъ, поди, гостя къ себѣ»... У отца Алексѣя съ пасхи племянница гоститъ—Марья Аристарховна, все лѣто, говорятъ, прогоститъ. Старая попадья слаба стала, почти не видитъ и слышитъ худо... Новый псаломщикъ оказался дрянь; у отца дьякона съ нимъ вышли большія непріятности; теперь, впрочемъ, псаломщикъ «поприжалъ хвостъ»... Однимъ словомъ, когда Огоньковъ, оставивъ дьякона, пошелъ далѣе, то современное положеніе дѣлъ «у Николы» ему было извѣстно въ точности.

Погостъ былъ уже весь на виду — не болѣе, какъ въ полуверстѣ отъ странника. Церковь была небольшая, съ бѣлыми истрескавшимися стѣнами; немного въ сторонѣ отъ нея стояла высокая, бѣлая же колокольня, шпиль которой Огоньковъ видѣлъ вчера съ холма. Вокругъ церкви на порядочное пространство расходились могилы безвѣстныхъ деревенскихъ людей. Сѣрая, деревянная ограда мѣстами полуразвалилась; изъ-за нея тамъ и сямъ поднимались плакучія березы, рябины и кусты ивъ. Къ кладбищу примыкали съ полуденной стороны огороды — со всякою овощью. По другую сторону кладбища, вдоль довольно широкой улицы вытянулись дома церковниковъ; позади ихъ виднѣлись амбарушки, овины съ закоптѣлыми стѣнами, сѣновалы съ соломенными крышами, далѣе раскидывались поля, луга, а еще далѣе горизонтъ замыкался сосновыми и еловыми лѣсами. Никольскіе прихожане говорили, что эти дремучіе лѣса доходятъ до «Сибирской горы».

Войдя въ селенье, Огоньковъ прямо направился ко второй избѣ съ краю. Изба была небольшая, въ два оконца, почернѣвшая отъ времени и слегка покосившаяся на одинъ бокъ. Ветхія стекла въ оконцахъ расцвѣчивались всѣми семью цвѣтами радуги, причемъ цвѣта зеленый и фіолетовый преобладали. Солома на крышѣ, какъ видно, уже давно не обновлялась— вся потемнѣла, иструхла и по краямъ стрехи висѣла клочьями, что̀, впрочемъ, не мѣшало ласточкамъ вить подъ стрехой свои глиняныя гнѣзда. Вообще же изба или, какъ часто называли ее, «келья» старой дьячихи, Анны Михайловны, выглядѣла какъ-то жалостливо, сиротливо. Склонившіяся надъ крышей ветлы и тощія рябинки, словно, все плакали надъ ея горькой долей... По двумъ скрипучимъ ступенямъ Огоньковъ прошелъ въ сѣнцы и, тутъ сбросивъ свою ношу, направился въ избу. Здѣсь на первомъ же шагу онъ встрѣтилъ совершенно идиллическую сцену въ сельскомъ вкусѣ... На лавкѣ у окна сидѣла очень хорошенькая бѣлокурая дѣвочка лѣтъ 5—6, въ бѣлой рубахѣ и въ какой-то цвѣтной юбочкѣ. Мальчуганъ лѣтъ 4-хъ, полуголый, въ коротенькой розовой рубашенкѣ, такой же бѣлокурый и такой же хорошенькій, какъ дѣвочка, и очень похожій на нее, какъ только можетъ быть похожъ братъ на сестру,—лежалъ смирнехонько на лавкѣ, положивъ голову къ дѣвочкѣ на колѣни. Дѣвочка съ самымъ серьезнымъ, сосредоточеннымъ видомъ «искала» у него въ головѣ и

въ ту минуту, какъ Степанъ Огоньковъ отворялъ дверь, она своимъ звонкимъ голоскомъ кому-то объявляла, что «у него ни одной вошки нѣтъ».

— Тебѣ кого надо? — бойко спросила она Огонькова, когда тотъ, наклонившись, чтобы не стукнуться о палати, подвигался къ ней.— Ты къ бабушкѣ, что-ли?

— Да! А гдѣ она?—спросилъ въ свою очередь Огоньковъ.

Въ ту жъ минуту за перегородкой, отдѣлявшей печь отъ пріемнаго покоя, послышался шорохъ, отворилась маленькая, низенькая дверца и въ ней, съ мочалкой и кринкой въ рукахъ, показалась старуха въ затасканномъ, затрапезномъ сарафанѣ и съ платкомъ на головѣ, на подобіе грязной тряпицы.

— Никакъ, Стена,—ты!—крикнула старуха и, торопливо сунувъ на печурку кринку и мочалу, вышла изъ-за перегородки.

Поцѣловались. Послѣ обычныхъ привѣтствій и отрывочныхъ разспросовъ, дьячиха принялась ставить самоваръ.

— А ты племянницу, да племянника-то еще и не видалъ...—говорила старуха, щепля лучину и кивая головой на ребятъ. — Да! Вотъ еще Богъ надавалъ... Мало, видно, было своего-то горя, такъ еще чужое приснѣло... Охъ, Господи Боже!..

Огоньковъ, между тѣмъ, подсѣлъ къ ребятишкамъ, поцѣловалъ ихъ и ласково погладилъ ихъ по голевѣ. Съ любовью посмотрѣлъ онъ на дѣтей, какъ только добрая душа можетъ смотрѣть на слабыхъ и беззащитныхъ созданій.

— Сестра-то умерла наканунѣ Егорьева дня, а дьяконъ-то и запилъ, батюшка ты мой...—продолжала дьячиха какимъ-то причитающимъ тономъ.—Запилъ, запилъ да допилъ до того, что его въ монастырь послали. Буйный этакій сталъ, и-и-и! Не приведи Богъ... Сторожу чуть всю бороду не выщипалъ! Ой, да что у нихъ и было—не сказать! Чистая бѣда!.. Ну, а сиротъ куда дѣваешь? По міру ходить еще малы,—куда ихъ однихъ-то пустишь! Вотъ пошла, да и взяла ихъ къ себѣ... Съ Филипповокъ у меня и живутъ. Маемся кое-какъ старые, до малые, поколь Богъ грѣхамъ терпитъ... А что ужъ будетъ дальше,—не знаю...

— Слышалъ, вѣдь, я это... Отецъ Алексѣй сказывалъ, какъ былъ въ городѣ великимъ постомъ... Да что жъ будешь дѣлать! Вѣдь не бросишь сиротъ... — замѣтилъ Огоньковъ, гладя мальчугана по головѣ.

— Да не бросишь, конечно... Куда ихъ бросишь! Вѣдь не котята, прости Господи... тоже—крещеныя душеньки!—дрогнувшимъ голосомъ заговорила дьячиха. — Да вѣдь и мнѣ-то не легко! Жилы изъ себя не вымотаешь... А имъ, гляди, одного хлѣба въ день куска по три надо... Не шутка! А нынѣ времена-то, знаешь, какія! Вонъ осенью пойдешь собирать по гумнамъ... Въ иномъ мѣстѣ дадутъ горсточку, а въ иномъ скажутъ: у самихъ нѣтъ... Поклонись, да и проваливай, куда знаешь! Да ужъ что—я! Мое дѣло — отставное, заштатное; хожу, — прошу изъ милости... А ты послушай: какъ нынѣ церковники ходятъ петровщину собирать! Вѣдь ровно на турку войной идутъ... Срамъ сказать! Прежде, бывало, дьякону-то яйца два-три попадетъ съ каждаго двора, а нынѣ дай Богъ хоть одно яйцо вытормошить. И просвирнѣ—яйцо, и дьякону—яйцо... вотъ какъ у насъ сравняли! Церковники-то больно обижаются... Да еще что! У иной избы и не достучатся, такъ и уйдутъ ни съ чѣмъ... Подходишь, говорятъ, къ иной избѣ,—нигдѣ не шелохнется, ровно все вымерло... Это, значитъ, увидали, что *они* идутъ, и попрятались,—даже малые ребятишки забьются, кто куда: кто на повѣти, кто на сѣновалъ... Охъ, только грѣхъ одинъ!.. И ужъ бѣдность же нынѣ пошла! Этакой и не слыхано... Вѣдь цѣлыя деревни по міру ходятъ, дворовъ по 30—по 40 — совсѣмъ нищіе, какъ есть въ разворъ... ни скотинки, ни струмента какого ни на есть, ни путной одежонки,—ровно, какъ цыгане... И что ужъ это такое, Богъ знаетъ!

Степанъ Огоньковъ сидѣлъ, молча, и слушалъ эти причитанія. Губы его крѣпко сжались какъ бы подъ вліяніемъ сильной физической боли; голова поникла на грудь, брови нахмурились, и глаза задумчиво, сосредоточенно смотрѣли на грязный, щелеватый полъ. Кудластые волосы его свѣсились и позакрыли лицо... А дьячиха продолжала безконечные разсказы о своемъ горькомъ житьѣ-бытьѣ. «Вѣдь и кромѣ хлѣба еще много кое-что надо... Вонъ Олѣ нужно хошь кое-какое платьишко, вѣдь ей шесть лѣтъ... Не голой-же ей ходить. А къ зимѣ надо потеплѣе одежду запасать... Зимой въ избѣ холодно, вездѣ дуетъ, съ полу несетъ. Изба стара, разваливается» и т. д. Изба, дѣйствительно, выгля-

дѣла непривѣтно и внутри такъ-же, какъ снаружи. Стекла въ окнахъ были поразбиты и замазаны сѣрой бумагой; въ углахъ бревна совсѣмъ прогнили отъ сырости; потолокъ и полъ покривились. Особенно негостепріименъ оказывался полъ... Входящій въ избу долженъ былъ подвигаться впередъ съ нѣкоторымъ усиліемъ, какъ бы поднимаясь въ гору; уходя же, напротивъ, гость катился, какъ подъ гору, и невольно ускорялъ шагъ. Большая русская печь, вся въ трещинахъ, закоптѣлая,—не могла ни мало скрасить избу. На почернѣлыхъ, бревенчатыхъ стѣнахъ, должно быть, въ видѣ украшенія, висѣлъ цѣлый рядъ раскрашенныхъ картинъ московскаго издѣлія. Картины все были религіозно-нравственнаго содержанія: «Кончина грѣшника и праведнаго», «Богатый и Лазарь», «Возвращеніе блуднаго сына», «Страшный судъ», «Лѣствица адовыхъ мученій», «Архангелъ Гавріилъ у дѣвы Маріи» и «Изображеніе двунадесятыхъ праздниковъ». Кромѣ того, у одного окна висѣлъ въ рамкѣ портретъ московскаго митрополита Филарета, а у другого окна была приклеена хлѣбнымъ мякишемъ, очевидно, вырванная изъ какой - то старинной книги гравюра, изображавшая «Похищеніе Европы». Всѣ эти картины въ свое время накупилъ покойный дьячекъ, бывшій большимъ любителемъ художественныхъ произведеній. Теперь всѣ эти картины до того были замараны мухами и покрыты копотью, что трудно было разсмотрѣть ихъ... Въ переднемъ углу на божницѣ стоялъ большой, потемнѣвшій мѣдный складенецъ.

Иззелена-бурый самоваръ, казалось, отъ вѣка нечищенный, шипѣлъ на столѣ. Его окружали чашки и блюдца,—все какой-то отчаянный, разнокалиберный сбродъ. Сынъ сидѣлъ на лавкѣ, мать помѣстилась противъ него на скамьѣ. Огоньковъ съ дороги пилъ чашку за чашкой съ большимъ аппетитомъ. Чашку жиденькаго чая и огрызокъ сахару дали и ребятамъ, сидѣвшимъ все это время смирно за столомъ и поглядывавшимъ на «дядю». Сестра сама пила мало и усердно поила братишку. Вообще она съ невозмутимою серьезностью исполняла роль няньки...

— А Оля-то будетъ похожа на покойную сестру... Глаза такіе-же большіе, голубые!— промолвилъ Огоньковъ, опорожнивъ послѣднюю чашку и задумчиво смотря на дѣвочку.

Дьячиха только глубоко вздохнула ему въ отвѣтъ: «Что, дескать, въ голубыхъ-то глазахъ, коли жрать нечего!»...

— А ты, матушка, за эти два года шибко постарѣла!—началъ опять Огоньковъ, взглядывая на мать.

— Года-то не молодятъ, а горе-то не краситъ...—отозвалась та.

Дьячихѣ уже стукнуло за 50 лѣтъ. Ея желтое лицо все было въ морщинахъ, но не утратило своей подвижности. Впалые, сѣрые глаза выглядѣли еще довольно бойко на Божій міръ изъ-подъ ея темнаго платка. Вообще, старуха казалась еще очень живою и проворною. Складки по угламъ рта и кислая усмѣшечка, нерѣдко проскользавшая по ея тонкимъ, плотно зажатымъ губамъ,—придавали ея лицу желчное, брюзгливое выраженіе. Ея, обыкновенно, недовольный тонъ отзывался причитаньемъ: она какъ-будто ежеминутно готова была на что-то жаловаться. Очевидно, жизнь этой женщины прошла не красно. Въ ея сѣрыхъ глазахъ иногда виднѣлось такое холодное, жестокое выраженіе, какъ будто эти глаза хотѣли промолвить: «Мы думаемъ только сами о себѣ, а до другихъ намъ дѣла нѣтъ!»... Теперь, разумѣется, глаза ея, на сколько возможно, смотрѣли на сына любовно, ласково... Еще бы! Вѣдь она видитъ въ сынѣ своего будущаго поильца и кормильца и ожидаетъ отъ него богатыхъ и великихъ милостей. Онъ ужо скоро кончитъ въ семинаріи, женится, получитъ мѣсто священника, а старая дьячиха станетъ хозяйничать у него, учить уму-разуму его и его молодуху. Ужъ тогда-то она вволю поворчитъ на нихъ... тогда ей будетъ надъ кѣмъ покомандовать. Анна Михайловна уже давно мечтаетъ на эту тему.

Освѣдомляясь о городскихъ новостяхъ, она, между прочимъ, спросила сына: часто-ли бывалъ онъ у отца Боголѣпова? Оказалось, что сынъ во всю зиму былъ у отца Боголѣпова только одинъ разъ... «Что у него дѣлать!» Мать была совершенно иного мнѣнія на этотъ счетъ: «Почто же такъ! Вѣдь онъ родственникомъ приходится имъ... человѣкъ—нужный, могъ бы иной разъ кое-кому и словечко замолвить... Развѣ Степа не слыхалъ, что владыка хочетъ его къ себѣ въ ключари взять?.. Напрасно, напрасно не ходилъ онъ къ отцу Боголѣпову!» и т. п. Послѣднія разсужденія были высказаны очень сухимъ, недовольнымъ тономъ. То было первое облачко, омрачившее радость свиданья сына съ матерью послѣ двухлѣтней разлуки.

Молодой человѣкъ сдѣлалъ себѣ папиросу изъ своего дешеваго табаку и пошелъ отдыхать въ огородъ. За избой, обнесенныя плетнемъ, тянулись гряды капусты, картофеля, свеклы и луку. Кое-гдѣ въ бороздахъ и по краямъ грядъ рѣдька высоко поднимала свои сочные, темнозеленые листья... Въ углу, между плетнемъ и задней стѣной избы, росла старая береза и кусты ивъ. Здѣсь-то въ тѣни, подъ березой, прилегъ Огоньковъ. «Тьфу, ты! Развалился, ровно баринъ»... съ видимымъ удовольствіемъ проговорилъ онъ про себя, лежа на спинѣ и покуривая папиросу. Гомонъ мелкихъ насѣкомыхъ расходился кругомъ него и въ травѣ, и по-надъ травой. На плетнѣ чирикали воробьи. Прищурившись, смотрѣлъ Огоньковъ на зеленую листву, едва-едва передвигавшуюся надъ его головой, и на бѣлыя, легкія облака, тихо плывшія по сіяющему, голубому небу. Огоньковъ дремалъ, но* заснуть не могъ, хотя порядочно усталъ съ дороги. Очевидно, его что-то безпокоило, тревожило, не давало ему вполнѣ предаться отдыху... Разъ онъ даже вслухъ промолвилъ вполголоса: «Надо будетъ ей сказать... Ужъ, еще успѣю!» Сказалъ и вздохнулъ. Такъ часа три пролежалъ онъ на травѣ, ворочаясь съ боку на бокъ и тяжело вздыхая, не то засыпая какимъ-то чуткимъ полусномъ, не то бодрствуя впросонкахъ. Наконецъ, онъ всталъ и пошелъ въ избу... Солнце показывало, что теперь уже было часа четыре или даже болѣе. Отецъ Алексѣй, вѣроятно, теперь уже возсталъ отъ своего послѣобѣденнаго сна. «Теперь онъ сходитъ къ о. Алексѣю, пройдется по погосту»... Огоньковъ сидѣлъ на лавкѣ и развязывалъ свой походный узелокъ — съ платьемъ и съ книгами. Надо было вынуть лучшій костюмъ—бѣлую, крахмаленную рубаху, темносѣрый жилетъ, черный потертый сюртукъ и такія-же штаны... Дьячиха у окна штопала какое-то старье. Ребятишекъ на ту пору въ избѣ не было...

— До какого времени отпустили-то? До Богородицына дня? — спросила дьячиха, не смотря на сына и, очевидно, не придавая своему вопросу никакого особеннаго значенія.

Въ это мгновенье, повидимому, что-то странное, загадочное происходило въ душѣ Степана Огонькова. Легкій румянецъ выступилъ на его щекахъ; даже уши закраснѣлись. Нѣсколько секундъ онъ ничего не отвѣчалъ и продолжалъ рыться въ своемъ узелкѣ, низко наклонившись надъ нимъ. Онъ какъ-будто что-то обдумывалъ или собирался съ духомъ.

— Ужъ больше не ворочусь... Совсѣмъ отпустили... выключили!—отрывисто проговорилъ онъ, вытаскивая изъ узла жилетъ и встряхивая его.

Дьячиха опустила работу на колѣни и, раскрывъ ротъ, молча, посмотрѣла на сына. Каждымъ произносимымъ словомъ сынъ стукалъ ее, словно, обухомъ по лбу. Жужжанье мухъ только слышалось въ избѣ...

— Это что жъ такое! Это что̀ еще за радость!—растерянно прошептала Анна Михайловна, не сводя своихъ сѣрыхъ, холодныхъ глазъ съ сына, расправлявшаго въ ту минуту смятую крахмаленную рубаху.

— А вотъ! — вмѣсто всякаго поясненія, промолвилъ Огоньковъ, какъ бы желая сказать: «Что тутъ, молъ, подѣлаешь!»

— Да полно тебѣ шутки-то шутить! Почто̀ выключили? За что̀? Ну? За какія-такія дѣла? —заговорила дьячиха, почувствовавъ послѣ перваго приступа смущенія, что даръ слова снова возвратился къ ней.

— За что!—повторилъ сынъ. — Да ни за что... за книги...

—Полно, полно врать-то!—замахала руками дьячиха — За книги не выключатъ... безъ книгъ вѣдь не учатся! Знаемъ тоже, не бойсь! «За книги!»... Гм! Вишь, что̀ вывезъ... Развѣ что какія-нибудь масонскія...

— Книги цензурныя... — началъ, было, объяснять Огоньковъ.

— Ну, то-то и есть!—вскричала Анна Михайловна.—Я говорю, что масонскія... подметныя! Нынѣ ихъ вездѣ подбрасываютъ всякіе сомутьяны... За хорошія книги кто же выключать станетъ!

Огоньковъ теперь, въ свою очередь, махнулъ рукой, видя невозможность остановить потокъ старушечьяго краснорѣчія, и, захвативъ платье, ушелъ переодѣваться за перегородку.

— За грѣхи, видно, Господь насъ наказываетъ...—неудержимо причитала Анна Михайловна, адресуя свои жалобы за перегородку. Вотъ—на всю жизнь теперь несчастнымъ человѣкомъ сдѣлался... И я дождалась... Охти, мати Пресвятая Богородица! Дождалась!.. Вотъ будетъ кормилецъ подъ старость! Вотъ успокоюсь ужо̀!.. Успокоилась! Сиди, вотъ, теперь... Охъ, Господи Боже! Да что же это такое? Что̀ я за горемычная... Другіе, вотъ, живутъ, да радуются на дѣтей-то... А тебѣ,

вотъ, ровно, на грѣхъ все... Дочь только-что пристроила,—померла... мнѣ же и сиротъ на руки оставила! Зятюшка спился... А теперь и послѣдняя надежда,—вотъ на тебѣ... Согрѣшила я, грѣшная!..

Старуха заплакала. Сынъ живо одѣлся и торопливо вышелъ на улицу... Теперь онъ выглядѣлъ гораздо спокойнѣе, какъ человѣкъ, спустившій гору съ плечъ, какъ больной, вынесшій во время операціи самую острую боль. Молодцомъ шелъ онъ теперь по единственной улицѣ своего родного села.

III.

Черезъ полчаса по приходѣ Степана Огонькова, все Ремнево—отъ стараго до малаго—уже знало, что къ дьячихѣ, Аннѣ Михайловнѣ, изъ города сынъ прибылъ. Новость, представляющая громадный интересъ для тѣхъ людей, замкнутыхъ отъ движенія міровой жизни, для которыхъ забѣжавшая со стороны собаченка или лишнее яйцо, снесенное курицей, составляютъ предметъ очень оживленныхъ, продолжительныхъ разсужденій и толковъ. Поэтому, совершенно естественно, что когда Степанъ Огоньковъ, шелъ по улицѣ къ дому о. Алексѣя—всѣ ремневскіе обитатели и обитательницы выглядывали на него изъ оконъ, иные здоровались съ нимъ, иные втихомолку, молча, провожали его взглядами...

— Вотъ разбойникъ-то идетъ... чистый разбойникъ! — прошамкала старая попадья, глядя на смиренную фигуру Огонькова изъ окна мезонина высокаго священническаго дома.

— Ой, бабушка, что это! Вотъ ужъ нисколько-то не похожъ на разбойника...—почти въ одинъ голосъ возразили старухѣ двѣ дѣвушки, поповна и ея гостья, двоюродная сестра, вмѣстѣ съ нею смотрѣвшія изъ окна.

— Разбойникъ! Сущій разбойникъ! — съ ожесточеннымъ упорствомъ повторила старуха, потряхивая головой.

— Бабушка людей-то не видитъ, такъ ей всякій посторонній человѣкъ разбойникомъ кажется!—вполголоса замѣтила гостья.

А Степанъ Огоньковъ той порой подходилъ къ священническому дому. Этотъ домъ отъ жилищъ прочихъ церковниковъ отличался бо́льшею величиной и претензіями на благообразіе. Домъ былъ опушенный тесомъ, двухъэтажный, съ мезониномъ и съ балкономъ при немъ. Въ большихъ окнахъ второго этажа виднѣлись яркія пунцовыя занавѣски изъ кумача. Передъ домомъ, съ лицевой его стороны, былъ устроенъ небольшой полисадникъ, гдѣ подъ тѣнью тополей расли кусты малины и смородины. Съ боку дома помѣщалось крыльцо съ навѣсомъ и со столбиками. Съ другого бока за невысокимъ частоколомъ далеко разбрасывали свои вѣтви бѣлоствольныя березы, черемуха и рябина, а за ними тянулся огородъ, пестрѣвшій разноцвѣтнымъ макомъ. Стѣны дома посѣрѣли, крыша мѣстами подернулась зеленовато-желтымъ мохомъ, крыльцо поосѣло, но домъ, повидимому, стоялъ еще крѣпко...

Огоньковъ засталъ о. Алексѣя на его любимомъ мѣстѣ отдыха — на крыльцѣ, обращенномъ на западъ. О. Алексѣй, дѣйствительно, любилъ въ свободное время сидѣть на низкой и широкой крылечной лавочкѣ—читать книгу или, просто, смотрѣть на захожденіе солнца и загадывать о погодѣ на завтрашній день. Здѣсь онъ толковалъ съ прихожанами, разсуждалъ о вопросахъ дня со своими церковниками, раздумывалъ о своихъ дѣлахъ и вспоминалъ старыя времена — тѣ давніе дни, когда онъ еще молодымъ священникомъ явился въ Ремнево. Это было слишкомъ тридцать лѣтъ тому назадъ. Отцу Алексѣю уже стукнуло 60. Рѣдкія пряди сѣдыхъ, вьющихся волосъ окаймляютъ его лысину. Большая, серебристая борода придаетъ ему патріархальный видъ. Добродушный взглядъ его блѣдно-голубыхъ глазъ располагаетъ къ нему, внушаетъ довѣріе, а его морщинистое, красноватое, загорѣлое лицо дышитъ спокойствіемъ...Теперь онъ только-что возсталъ отъ послѣобѣденнаго сна и сидѣлъ на лавкѣ въ одномъ своемъ сѣромъ подрясникѣ, подпоясанномъ старымъ зеленымъ кушакомъ, и, по обыкновенію, безъ шапки. Глаза его еще слипались. Онъ щурился и зѣвалъ... Въ одной рукѣ онъ держалъ клѣтчатый носовой платокъ, въ другой берестяную табакерку, «тавлинку», и, собираясь понюхать, словно, задумался надъ своей тавлинкой.

— А-а, Степанъ!?—радушно проговорилъ старикъ, увидѣвъ молодого человѣка.—Ну, братъ, молодцомъ сталъ... Право! Садись-ка, потолкуемъ!.. Вотъ сюда... сюда, на лавочку! Не бойсь, мѣста будетъ!..

Огоньковъ съ малыхъ лѣтъ любилъ отца Алексѣя и съ удовольствіемъ подолгу слушалъ его разсказы про прежнее время. Свя-

щенникъ также со своей стороны благоволилъ къ тихому, смирному мальчику. Между старымъ и малымъ издавна установилась какая-то интимная связь... Теперь молодой человѣкъ передалъ ему кое-какія городскія новости и кое-что изъ послѣднихъ газетныхъ извѣстій. Затѣмъ, по нѣкоторымъ признакамъ волненія, отразившагося на его лицѣ, можно было заключить, что онъ готовился приступить къ передачѣ самой щекотливой для него новости. Наконецъ, онъ сообщилъ отцу Алексѣю, что исключенъ изъ семинаріи,—и разсказалъ при этомъ: какъ и за что исключили его... Товарищи вздумали завести свою библіотеку, въ складчину выписали и накупили книгъ: Рѣшетникова, Левитова, Помяловскаго, Никитина, Писарева, Добролюбова, Некрасова, Флеровскаго и др. Каждый, участвовавшій въ складчинѣ, обязанъ былъ поочереди служить три мѣсяца библіотекаремъ и въ теченіи этого времени держать книги на своей квартирѣ. Хотя книги были все дозволенныя, но семинарское начальство посмотрѣло на эту ученическую библіотеку, устроенную безъ «надлежащаго разрѣшенія», какъ на преступный продуктъ тайнаго сообщества, стремящагося къ ниспроверженію всего существующаго... Стали искать библіотеку и напали на нее въ ту пору, когда она—согласно очереди—находилась на храненіи у Огонькова. Огоньковъ оказался не разговорчивъ и даже строптивъ, такъ какъ имѣлъ дерзость замѣтить начальству, что «эти книги испортить человѣка не могутъ». И Огоньковъ, безъ дальнихъ околичностей, былъ прогнанъ изъ храма семинарской науки, какъ негодная, паршивая овца. Старичокъ-священникъ съ теплымъ участіемъ выслушалъ эту повѣсть...

— Ой, грѣхъ, грѣхъ!—со вздохомъ проговорилъ о. Алексѣй, покачивая головой.—Ну, братъ, плохи твои дѣла... Вижу, что плохи... Какъ же ты теперь думаешь быть со своей головушкой, а?

Огоньковъ еще не рѣшилъ этого вопроса; онъ еще подумаетъ... Затѣмъ, онъ освѣдомился у о. Алексѣя объ его житьѣ-бытьѣ.

— Старъ становлюсь!—говорилъ о. Алексѣй.—Ноги плохи... а съ требами иногда приходится пѣшкомъ ходить по приходу. Что тутъ подѣлаешь, коли у мужика лошадки нѣтъ! И плетешься... А вѣдь, вонъ, въ Песковатое, напримѣръ, верстъ 7 будетъ! Просто, иное заморишься такъ, что — бѣда... А вѣдь у меня-то что же — одна Карюха съ жеребенкомъ. На ней и въ лѣсъ, на ней и въ поле, и въ городъ... Плохо живемъ да привыкли—ничего...

— Тятинька, чай пить!—крикнула молодая дѣвушка, показываясь на крыльцѣ изъ сумрака сѣней.

Огоньковъ всталъ и поздравствовался... Это была Саша, младшая дочь отца Алексѣя, дѣвушка лѣтъ 16-ти, высокая, худощавая. У нея были «отцовскіе» блѣдно-голубые глаза, смотрѣвшіе очень добродушно. Ея слегка курносое, румяное личико казалось весьма заурядным. Ея свѣтло-русые волосы, густые и длинные, заплетены въ одну косу. На ней довольно поношенное ситцевое розовое платьице.

— Пойдемъ-ка, парень, напьемся чайку хоть съ горя! — предложилъ Огонькову о. Алексѣй.

Чай пили—также, какъ и обѣдали, внизу (во второй этажъ переходили только по праздникамъ да при гостяхъ). Въ довольно просторной, но низкой комнатѣ Огоньковъ увидалъ на столѣ большой самоваръ, окруженный клубами бѣловатаго пара, а изъ-за самовара увидалъ круглое и лоснящееся лицо матушки-попадьи. Попадья выглядѣла истою Бобелиной: высокая, широкоплечая, толстая, она—по выраженію мужиковъ—«могла хвостомъ убить». Прихожане искренно хвастались своей «матушкой»... «Вотъ это—такъ настоящая попадья, не то что въ Никольскомъ приходѣ... Рожа-то, ровно, рѣшето, а на спинѣ хошь горохъ молоти!» Для прихожанъ попадья, не смотря на свои 50 лѣтъ *съ хвостикомъ*, представлялась идеаломъ женской дородности и красоты. «Въ кого у нихъ дочь этакая выродилась!» разсуждали прихожане, глядя на Сашеньку. «Ровно, восковая свѣчечка... трехкопѣечная! Диво!».. Тутъ же у окна сидѣла гостья, Марья Аристарховна, матушкина племянница. Эта дѣвица, лѣтъ 20, а можетъ быть, и болѣе, одѣвалась съ претензіями на изящество. Темные волосы ея высоко зачесаны на головѣ и даже чуть-ли не съ шиньономъ; на ней воротнички и манжеты и платье съ разными финтифлюшками. Ея лицо было бы не дурно, если бы не было такъ усыпано веснушками. Вообще она выглядѣла бы привлекательнѣе, если бы поменьше ломалась и модничала—особенно при постороннихъ.

Разговоръ за чаемъ коснулся злобы дня, то-есть, павшей коровы. Попадья чрезвычай-

но протяжнымъ тономъ съ различными отступленіями и съ вводными подробностями разсказала гостю, какъ было дѣло...

— Вчера у меня попадья весь вечеръ ревѣла...—замѣтилъ о. Алексѣй.—Полно, говорю, глупая... слезами коровки ужъ не воротишь... Что тутъ пустое! А она—куда тебѣ... извѣстно, бабье дѣло! И слушать не хочетъ... насилу угомонилъ!

Сашенька той порой носила чай бабушкѣ въ мезонинъ. Старуха «при людяхъ» рѣдко спускалась внизъ. Она, какъ говорили, уже выживала изъ ума и сильно побаивалась постороннихъ людей, заподозрѣвая ихъ во всякихъ дурныхъ намѣреніяхъ... Марья Аристарховна, по обыкновенію, жеманясь, спросила Огонькова о нѣкоторыхъ городскихъ знакомыхъ. Въ росказняхъ и разспросахъ прошло время до вечера. Тутъ пришелъ какой-то крестьянинъ и позвалъ отца Алексѣя «съ поганой молитвой». (Такъ въ той мѣстности крестьяне называли очистительную молитву, читаемую священникомъ надъ родильницей). Огоньковъ, получивъ приглашеніе «бывать», распростился со всѣми и пошелъ шляться по погосту.

Побродивъ по кладбищу, Огоньковъ остановился у отцовской могилы, присѣлъ на нее и, вытащивъ изъ кармана обрывокъ газетной бумаги, гдѣ хранились у него гильсы и табакъ, сдѣлалъ себѣ папиросу. Покуривая, Огоньковъ погрузился наполовину въ созерцаніе всего, находившагося передъ нимъ, наполовину въ свои отрывочныя думы и воспоминанья... Вокругъ него расходились могилы, густо поросшія травой и пестрѣвшія полевыми цвѣтами. На иныхъ изъ нихъ стояли покрившіеся кресты, на иныхъ, просто, лежалъ кирпичъ или была воткнута палочка. Кое-гдѣ изъ-за зелени, изъ-подъ цвѣтовъ макушки и голубыхъ незабудокъ бѣлѣли человѣческія кости... Посреди пространства, усѣяннаго могилами, возвышалась бѣлая церковь съ желѣзною зеленою крышей и съ темными, рѣшетчатыми окнами. Бѣлая краска на стѣнахъ мѣстами облупилась, и были видны ряды красныхъ кирпичей. Подъ окнами темными пятнами выступали подтеки. Ветхая, старинная церковь... Она построена еще во дни императрицы Елисаветы Петровны. Съ тѣхъ поръ она уже много разъ перестраивалась, отстраивалась и подновлялась... Въ дѣтствѣ въ этой самой церкви Огоньковъ однажды пережилъ чрезвычайно сильныя впечатлѣнія, темныя и мрачныя, какъ и самая церковь. Это было лѣтомъ, стояли жары. Страшная засуха тяготѣла надъ землей. Земля давала трещины, трава увядала. Въ воздухѣ, какъ теперь Огоньковъ видитъ, стоялъ дымъ отъ горѣвшихъ лѣсовъ; дымомъ закутана была даль, дымомъ, какъ сѣрой мглой, было покрыто небо, и солнце—краснымъ шаромъ, безъ лучей—тускло мерцало посреди этой мглы. Дымомъ пахло на улицѣ, дымомъ пахло въ избахъ, дымомъ, казалось, пропахло все платье насквозь. Огоньковъ помнитъ, какъ этотъ запахъ нощно и денно раздражалъ, мучилъ его и сдѣлался для него ненавистнымъ. Жилось какъ-то тоскливо. Всѣ ходили невеселыми и выглядѣли больными. Огоньковъ помнитъ, какъ сильно тогда болѣла голова у него, словно, что-то тяжелое давило ему темя... Въ одинъ изъ такихъ душныхъ, тяжкихъ дней привезли покойника на погостъ. Тогда вмѣстѣ съ прочими и онъ пробрался въ церковь. Направо отъ входа на скамейкѣ поставили покойника... Онъ, по обыкновенію, лежалъ въ некрашенномъ, деревянномъ гробу. Ноги его худыя, какъ плети, были обмотаны сѣрыми онучами и перевязаны веревкой; руки, такія же худыя, заскорузлыя—лежали на глубоко впавшей груди. Лицо—темное, обросшее бородой; на глазахъ—мѣдяки. Особенно выдавался кверху кончикъ заострившагося носа, да ступни ногъ, почти вылѣзавшія изъ гроба... Бабы выли, причитали; плакалъ какой-то ребенокъ и все кричалъ: «Ой, тятя, тятя!».. Въ эти минуты ласточка залетѣла въ отворенное окно, покружилась по церкви, на мгновенье присѣла на гробъ и, чирикнувъ, мигомъ вылетѣла въ дверь. Вся эта картина живо врѣзалась въ его памяти...

Огоньковъ всталъ съ могилы, подошелъ къ церкви и, поднявшись на приступочекъ, заглянулъ въ окно черезъ рѣшетку. И теперь, какъ тогда, въ церкви—направо отъ входа—стоялъ гробъ, но теперь за нимъ стояли еще три дѣтскихъ гробика. Въ церкви—темно и мрачно. Огонькову казалось, что въ церкви стало еще темнѣе и мрачнѣе, чѣмъ было прежде... Онъ отошелъ и опять присѣлъ на отцовскую могилу... Грачи съ крикомъ носились около колокольни. Гдѣ-то мычала корова...Солнце закатывалось за церковью и краснымъ, золотистымъ свѣтомъ озаряло всю окрестность. Спокойныя воды Большой Которани, какъ синее стекло, вставленное въ

зеленую оправу, блестѣли издали. Еще далѣе синѣли лѣса, черезъ которые еще такъ недавно проходилъ Степанъ Огоньковъ и которые теперь отдѣлили его отъ городского шумнаго міра. Но вотъ солнце закатилось; тѣни легли на кладбище. Свѣжестью повѣяло съ луговъ; запахло слышнѣе скошенной травой; явственнѣе доносился скрипъ коростеля изъ высокой осоки, росшей по ручью. А вонъ прошелъ на колокольню и церковный сторожъ, старикъ, Иванъ Трофимычъ—и огласилъ засыпавшую окрестность гулко разнесшимися по зарѣ звуками колокола. Наугадъ онъ пробилъ десять часовъ... Огоньковъ засидѣлся въ гостяхъ у мертвецовъ. Пора бы ему и домой. А то мать, пожалуй, двери запретъ и съ горя завалится спать... Огоньковъ очнулся и отъ мертвецовъ обратился къ живой дѣйствительности.

Отецъ Алексѣй сказалъ, что его дѣла «плохи», но самъ Огоньковъ не унывалъ, думая, что не совсѣмъ плохи его дѣла. Его выгнали, ему не дали кончить курса... Это—такъ. Но вѣдь по окончаніи курса онъ хотѣлъ отправиться въ Петербургъ... Въ этомъ отношеніи обстоятельства почти не измѣнились. Онъ можетъ отправиться туда и теперь... Онъ пришелъ въ Ремнево отдохнуть, взять — если представится — какую-нибудь работу, скопить деньжонокъ и махнуть въ Питеръ. Можетъ быть, для этого придется прожить мѣсяца два-три. Что жъ дѣлать! Надо какъ-нибудь промышлять... Онъ пришелъ въ Ремнево на время — на короткое время. Эта-то мысль и утѣшаетъ его. Онъ съ удовольствіемъ шелъ сюда, къ матери, именно потому, что смотрѣлъ на Ремнево, какъ на станцію по дорогѣ къ Петербургу, — къ новой жизни. Потому-то такъ доброжелательно онъ и присматривался къ роднымъ, знакомымъ мѣстамъ, идя вчера по полямъ и лѣсамъ. Если бы онъ зналъ, что ему придется въ Ремневѣ вѣкъ-вѣковать, тогда онъ посмотрѣлъ бы на родной погостъ, какъ на мѣсто своего невольнаго заключенія, какъ на мѣсто ссылки. Тогда онъ не посматривалъ бы съ тихою, мечтательною грустью на окружавшіе его зеленые могильные бугры; тогда онъ не любовался бы беззаботно на яркія краски заката, погасавшія въ небѣ, и на синеватый ночной сумракъ, подкрадывающійся съ востока и окутывающій всю окрестность полупрозрачною тѣнью. Нѣтъ! Тогда онъ смотрѣлъ бы на Ремнево съ чувствомъ ужаса, съ тревогой, съ тѣмъ чувствомъ холода, отчаянія и смертельной тоски, съ какимъ человѣкъ въ полномъ цвѣтѣ силъ и надеждъ смотритъ на разверзшуюся у ногъ его темную могилу... Но, къ счастію, этого нѣтъ на самомъ дѣлѣ... Его ничто не удержитъ въ Ремневѣ. Онъ уйдетъ!.. Эта твердая увѣренность ободряетъ и успокоиваетъ Огонькова. «Уѣзжаютъ же добрые люди лѣтомъ на дачу!» раздумывалъ онъ. «Вотъ и я уѣхалъ... А чѣмъ здѣсь не дача? Лѣсъ, рѣка... Прелесть! Буду бродить, дышать свѣжимъ воздухомъ... Авось, тѣмъ временемъ какая-нибудь работа навернется! А осенью — прости, прощай, тихая ремневская обитель! Или, какъ въ пѣснѣ-то поется, «простите галки и сороки, кусточки и пенечки»..

Еще года два тому назадъ Огоньковъ и не думалъ о Питерѣ. Въ послѣдніе два года онъ пережилъ тотъ нравственный переворотъ, какой пережили и многіе изъ его товарищей. Злые инстинкты наживы, хищенія и всяческой неправды, инстинкты, составлявшіе краеугольный камень, альфу и омегу всего общественнаго строенья, въ Огоньковѣ глохли, заглушались развивающимися инстинктами добра и правды. Книга и бесѣда переработывали Огонькова въ лучшаго человѣка. Это дѣло перерожденья остановилось на половинѣ дороги... У Огонькова было еще мало знаній. Онъ не чурается деревни. На столько-то онъ уже знаетъ, что долженъ *жить* для этой деревни, не только жить, но и умереть за нее, если понадобится. Но ради этой деревни ему нужно отправиться за знаніями. Съ ними онъ возвратится сюда, съ ними онъ не будетъ здѣсь лишнимъ, не будетъ лежать лишней тяготой на мужицкой шеѣ...

Только одна мысль нагоняла за послѣдніе дни темную тѣнь на душу и на лицо его. Эта мысль была о томъ: какъ онъ скажетъ матери о своемъ исключеньи, какъ приметъ она эту новость. На сколько зналъ Огоньковъ, старуха должна была страшно перетревожиться. Онъ очень хорошо зналъ всѣ ея надежды и разсчеты относительно того, какъ «ужо Степанъ кончитъ въ семинаріи, женится, получитъ священническое мѣсто» и т. д. Онъ нанесетъ ей сильный ударъ, сомнетъ и притопчетъ всѣ ея надежды и мечты, какъ цвѣточки, не успѣвшіе разцвѣсть. «Мать взбунтуется,—ужъ я знаю! У нея пойдетъ дымъ коромысломъ!» говорилъ себѣ Огоньковъ не разъ, идя изъ города домой. Вотъ эта-то не-

пріятная перспектива «бунта» со стороны матери и «дыма коромысломъ» пугала и тревожила его гораздо болѣе, чѣмъ онъ хотѣлъ показать. Онъ былъ человѣкъ добрый, мягкій, съ самыми мирными наклонностями, не желавшій мухи обидѣть понапрасно и не могшій даже подумать безъ отвращенія о необходимости причинить боль своему ближнему. Но теперь дѣло уже сдѣлано, «ужасная» новость сообщена,—и первый, бурный шквалъ разбушевавшейся старухи благополучно пронесся надъ головой бѣднаго Степана Огонькова. Онъ выдержалъ потокъ неминуемыхъ упрековъ, жалобъ и слезъ, и теперь нравственно отдыхалъ, какъ морякъ, благополучно добравшійся, наконецъ, до тихой пристани сквозь шумъ и ревъ расходившейся бури...

Разумѣется, непріятностямъ еще не конецъ. Еще будетъ много разговоровъ на одну и ту же тэму, много будетъ жалобъ, оховъ, стенаній и слезъ... Много тяжелыхъ минутъ еще предстоитъ пережить Огонькову. Что жъ дѣлать! Онъ потерпитъ, не станетъ раздражать старуху... Огонькову очень жаль ее. Онъ съ радостью осушилъ бы слезы съ ея морщинистыхъ щекъ, если бы только зналъ, какъ взяться за это безъ всякаго ущерба для своего «дѣла». Онъ будетъ терпѣть, какъ христіанинъ первыхъ вѣковъ, и, какъ христіанинъ первыхъ вѣковъ, выстрадаетъ всѣ малыя и крупныя муки, но не отступится отъ своей вѣры...

Когда Огоньковъ пришелъ домой, Анна Михайловна, уже полусонная, отперла ему дверь и, молча, ушла въ избу. Въ сѣнцахъ Огоньковъ нашелъ на полу подушку и мѣшокъ съ сѣномъ, очевидно, замѣнявшій матрасъ. «На сѣнѣ спать отлично»! вполголоса пробормоталъ онъ, укладываясь спать, и скорехонько заснулъ здоровымъ, крѣпкимъ сномъ.

IV.

Дьячихѣ въ эту ночь спалось плохо... Ей все снился ворохъ какихъ-то книгъ. «Масонскія!» говорила она сама себѣ во снѣ. Книги, какъ живыя, ходили кругомъ нея, прыгали, скакали, подкатывались ей подъ ноги, больно стукали ее по спинѣ, по головѣ и по рукамъ. Она все злилась на нихъ и пугалась... По утру встала она невеселая, надутая, съ ворчаньемъ сходила къ дьяконицѣ—выпросила на завтракъ кринку молока. Послѣ завтрака начались разговоры... Но Огоньковъ уже выспался, подкрѣпился и былъ готовъ бодро выдержать предстоявшія ему непріятности.

— Ну, что же ты теперь думаешь дѣлать со своей головой?—спросила его старушка, принимаясь за вязку шерстяного чулка и изъ-подлобья посматривая, какъ онъ набивалъ папиросы.

— Поищу какой-нибудь работы...—отвѣтилъ молодой человѣкъ.

— Здѣсь-то?—перебила его Анна Михайловна.—Какая же здѣсь работа! Кто для тебя ее припасъ? Никакой работы здѣсь тебѣ не найти... Вѣдь у насъ—не городъ. Молотить или коровъ пасти, поди, не пойдешь...

— А отчего молотить не пойти... Пойду!—возразилъ Степанъ.—Только-бы денегъ заработать...

— Полно, дитятко! Гдѣ жъ тебѣ молотить! — иронически замѣтила ему мать.—Еще, пожалуй, молотиломъ по головѣ себя съѣздишь! Нѣтъ! Что пустое-то разводить... Ты говори толкомъ! Вѣдь что же въ самомъ дѣлѣ... Пить—ѣсть то-же надо, одежонка тоже, глядишь, порвется... все надо, все! А у меня—что? Не ахти какіе капиталы... Вотъ послѣ покойника-то пятый годъ маюсь этакъ! Ворогу не приведи Богъ такъ маяться... Вотъ ребята то же! Хошь по-міру пускай! На чулкахъ-то много-ли выработаешь... двѣнадцать копѣекъ за пару изъ ихной шерсти! Пустое дѣло...

— Я, матушка, тебѣ въ тягость покуда не буду. У меня десять рублей отъ уроковъ осталось... Одежа есть! — проговорилъ Огоньковъ.—Поживу, присмотрюсь, а той порой, можетъ быть, какая-нибудь работа навернется...

— Никакой работы тебѣ, сказано, не найти!—отрѣзала старуха.

—Посмотримъ—увидимъ! —спокойно отозвался Огоньковъ.

— А вотъ и увидишь!..

Разговоръ на томъ и оборвался. Невеселое молчаніе наступило въ избѣ...Огоньковъ взялъ книгу, папиросъ и отправился въ огородъ, а Анна Михайловна, сердито перебирая спицами, ворчала себѣ подъ носъ: «Велики деньги—десять рублей! Что и говорить! На одно это проклятое курево сколько выйдетъ, поди... Вишь ты—богатый какой пріѣхалъ! Ха!»... Огоньковъ нашелъ въ огородѣ ребятъ, сидѣвшихъ подъ ветлой. Они играли, но теперь, завидѣвъ дядю, вдругъ примолкли. Огоньковъ подсѣлъ къ нимъ и намѣревался познакомиться съ ними поближе. Онъ очень любилъ дѣтей, и дѣти сильно привязывались къ нему. Лишь только онъ опустился на траву, какъ

дѣвочка тотчасъ же встала и, схвативъ братишку за руку, хотѣла уйти.

— Оля! Куда-же ты?—обратился онъ къ дѣвочкѣ и, ласково взявъ мальчугана за плечо, потащилъ къ себѣ.—Вы, братцы, какъ будто дичитесь меня... Вѣдь я васъ не съѣмъ. Садитесь-ка лучше...

— Мы хотѣли пойти играть на дворъ... чтобы не мѣшать тебѣ...—проговорила дѣвочка, видимо, чѣмъ-то стѣсняясь.

«Что за чудо!» подумалъ Огоньковъ про себя, смотря на мальчугана, робко поглядывавшаго на него, и на понуренную головку дѣвочки. Оля встрѣтила его такъ развязно, бойко, и вдругъ этакая перемѣна... бѣгутъ отъ него, точно отъ волка.

— Вы меня боитесь, что-ли?—спросилъ онъ, привлекая къ себѣ ребятъ.—Я—страшный... да?

— Нѣтъ... не страшный!..—тихо промолвила дѣвочка, взглядывая на дядю, а мальчикъ, между тѣмъ, уже готовъ былъ расплакаться.

Эта робость, эта застѣнчивость, вдругъ напавшія на дѣвочку, живую и бойкую, шибко заинтересовали Огонькова. Онъ почти силой усадилъ ребятъ около себя и заставилъ дѣвочку разговориться. Тутъ оказалось, что бабушка «дядей» пугала ребятъ. «Дядя» разыгрывалъ роль «буки»... «Вотъ ужо дядя придетъ... дастъ онъ вамъ знать!... Онъ васъ усмиритъ! Погодите, ужо... Небо съ овчинку покажется. Онъ наломаетъ такихъ розогъ, что ой-ой, до новыхъ вѣниковъ не забудете! Онъ ужо проберетъ васъ... Дядя шутить не любитъ! Онъ какъ примется хлестать, такъ только клочья полетятъ!» и т. д. Вообще бабушка не поскупилась на сильныя выраженія и такъ страшно охарактеризовала «дядю», что ребята съ трепетомъ ожидали его пришествія и представляли себѣ, что какъ только дядя придетъ, такъ сейчасъ же наломаетъ розогъ и, первымъ дѣломъ, жестоко выпоретъ ихъ. Аннѣ Михайловнѣ не было дѣла до дѣтскихъ страховъ: лишь бы угомонить ребятъ. Всѣ средства для достиженія этой полезной цѣли она считала безразлично пригодными... Понятно: ребята перетрусили и присмирѣли, когда узнали, что пришедшій именно и есть тотъ *дядя*, который будетъ драть ихъ, «какъ сидоровыхъ козъ», по выраженію бабушки. Они не знали, какъ въ точности дерутъ сидоровыхъ козъ, но уже догадывались, что сидоровымъ козамъ, должно быть, житье не сладко. Ребята чувствовали себя теперь не въ безопасности. Когда дядя засталъ ихъ въ огородѣ подъ ветлами, Оля тотчасъ же смекнула, что ихъ дѣло плохо, что приближается расправа за всѣ ихъ прегрѣшенія, вольныя и невольныя. Поэтому-то Оля и спѣшила схватить братишку и скрыться съ нимъ съ глазъ Степана Огонькова.

Но дѣло скоро объяснилось къ обоюдному удовольствію. Дядя совершенно разсѣялъ ихъ страхи. Дѣвочка скоро оправилась, но Вася продолжалъ еще смотрѣть волченкомъ... Узнавъ, что бабушка не разъ сѣкла ихъ, дядя сказалъ, что этого больше не будетъ, что онъ попроситъ бабушку не бить ихъ. Оля была дѣвочка веселая, общительная, и черезъ часъ она уже разсказывала дядѣ разныя разности, смѣялась и весело напѣвала:

Солнышко, солнышко,
Выгляни въ окошечко!

Солнце, дѣйствительно, порой скрывалось за облака, порой выглядывало на дѣвочку изъ своего голубого окошечка.

Вася сидѣлъ, молчалъ и слушалъ. У Васи былъ другой характеръ... Онъ выглядѣлъ какимъ-то задумчиво-сосредоточеннымъ мальчуганомъ. Онъ не любилъ шумныхъ игръ, бо́льшею частью игралъ одинъ, самъ съ собою. Неразговорчивый, хмурый, часто прихварывавшій, онъ заслужилъ отъ бабушки прозвище «дохлаго». Олю бабушка довольно мѣтко называла «егозой». Оля относилась къ брату покровительственно, иногда она, просто, забавлялась съ нимъ, какъ съ куклой: причесывала, мыла, то раздѣвала, то одѣвала его. Вася безропотно покорялся «старшей сестрѣ». Они крѣпко любили другъ друга...

Доброму человѣку сойтись съ дѣтьми — нѣтъ ничего легче. Къ вечеру Степанъ Огоньковъ былъ уже на самой дружеской ногѣ со своимъ племянникомъ и племянницей.

Вечеромъ, передъ ужиномъ, у него опять съ матерью зашелъ разговоръ о его будущихъ перспективахъ.

— Ну, положимъ, лѣто еще проживешь какъ-нибудь...—начала Анна Михайловна.—А осенью что же ты думаешь дѣлать?

— А думаю отправиться въ Питеръ!—отвѣтилъ сынъ.

— Часъ отъ часу не легче...—пробормотала старуха.—Ха! Въ Питеръ! Тебя-то тамъ и не доставало... Безъ тебя, видно, тамъ мало народу-то...

— Мало — не мало, но и мнѣ мѣсто бу-

детъ!—проговорилъ съ улыбкой молодой человѣкъ.

Полунасмѣшливый, полупрезрительный тонъ старушки, очевидно, нисколько не раздражалъ Огонькова. Если же онъ и смущался, то лишь единственно тѣмъ, что былъ вынужденъ поневолѣ причинять безпокойства и тревоги своему ближнему. Онъ ни за что не причинилъ бы своей матери—также, какъ и всякому другому человѣку на ея мѣстѣ, — никакой нравственной боли, если бы только зналъ, какъ это сдѣлать, не отступаясь отъ убѣжденій, которыя онъ считалъ правыми. Презрѣніе, колкія насмѣшки и вообще несправедливыя нападки на него матери — больно язвили его чуткую, чувствительную душу. Но теперь онъ готовъ былъ вынести всѣ эти непріятности, не показывая виду, что онѣ оскорбляютъ его, и, дѣйствительно, выносилъ ихъ безропотно въ той надеждѣ, что авось старушкѣ будетъ легче, когда она— въ видѣ ѣдкихъ насмѣшекъ и жестокой брани—выгрузитъ часть своего горя... А Огоньковъ стерпитъ,—отчего не стерпѣть! Не въ первый разъ шишки валятся на его неповинную голову...

— Полно, полно, парень! Брось! Все это— пустое...—продолжала дьячиха. — Такое-ли теперь время, храни Богъ, чтобы по Питерамъ разъѣзжать... Гдѣ сѣлъ, тамъ и сиди... А я вотъ что придумала про себя: осенью у насъ при церкви школа открывается... сходить мнѣ развѣ къ отцу Алексѣю, поклониться ему, авось, для тебя сдѣлаетъ... Какъ-никакъ, а восемнадцать рубликовъ въ мѣсяцъ пригодятся... на улицѣ тоже не поднимешь!

Дьячиха, смотря на сына, разсуждала такъ, что «съ бѣшеной собаки хоть шерсти клокъ», а сынъ въ то же время думалъ про себя: «Пусть ее!.. Чего жъ я попущу злить ее стану!А никакое мѣсто не удержитъ меня здѣсь». Но онъ не развилъ вслухъ свою мысль.

— Только зачѣмъ же вамъ идти кланяться... — сказалъ онъ. — Я и самъ схожу къ отцу Алексѣю... И ежели мѣсто еще не занято, не обѣщано кому-нибудь, такъ...

— А наплевать, ежели и обѣщано...—проговорила Анна Михайловна съ прояснившимся взоромъ.—Попроси хорошенько батюшку, такъ онъ для тебя сдѣлаетъ... Онъ и то все спрашивалъ о тебѣ..

Отъ Огонькова требовали невозможнаго, чтобы онъ спихнулъ кого-нибудь съ мѣста и самъ усѣлся бы на этомъ мѣстѣ. Мыслимо-ли требовать такихъ подвиговъ отъ человѣка, который постоянно и безъ того какъ бы совѣстился за себя, совѣстился за то, что онъ существуетъ на свѣтѣ и стѣсняетъ другихъ своимъ присутствіемъ,—отъ человѣка, который искренно жалѣлъ птичекъ, испуганно вспархивавшихъ съ деревьевъ при его проходѣ!.. Слова матери шибко покоробили его, но онъ, разумѣется, смолчалъ и въ отвѣтъ ей ограничился лишь лаконичнымъ: «Ужо схожу»...

Онъ не распространялся съ матерью о своихъ дѣйствительныхъ «замыслахъ», о своемъ будущемъ. Онъ зналъ, что мать его— женщина не глупая и не какая-нибудь злодѣйка, но все же она не поняла бы его. Изъ ихъ разговоровъ могли бы выйти только однѣ непріятности — и ничего болѣе. Огоньковъ сознавалъ, что между матерью и имъ была пропасть—въ духовномъ отношеніи, то-есть, значитъ — самая глубокая пропасть, какая только можетъ залегать между людьми... Лягушка не будетъ сочувствовать жаворонку— ни его пѣнью, ни его высокому полету, а жаворонокъ, въ свою очередь, не пойметъ тѣхъ наслажденій, какія испытываетъ лягушка, погружаясь въ тину пруда и оглашая своимъ кваканьемъ прибрежную осоку...

На другой день Огоньковъ сходилъ къ отцу Алексѣю и попросилъ его о мѣстѣ. Мѣсто еще не было занято... О. Алексѣй обѣщалъ «сдѣлать все, что будетъ можно»... Только не помѣшали бы «книги».

Такимъ-то образомъ одинъ изъ щекотливыхъ вопросовъ въ общемъ былъ рѣшенъ, и дьячиха нѣсколько успокоилась. Въ будущемъ ей представлялась возможность—«съ бѣшеной собаки содрать хоть шерсти клокъ».

V.

Первые дни въ деревнѣ для Огонькова прошли прелестно. Онъ именно чувствовалъ себя, какъ школьникъ, вырвавшійся на волю изъ-подъ ферулы училищной жизни. Два года онъ просидѣлъ въ городѣ, за книгами, въ четырехъ стѣнахъ, словно, въ заключеньи. Два года онъ не бродилъ по полю, по лѣсамъ и не дышалъ чистымъ, сельскимъ воздухомъ, если исключить тѣ рѣдкія поѣздки за городъ въ лодкѣ, которыя предпринимались имъ сообща съ товарищами. Огоньковъ чувствовалъ себя въ деревнѣ совсѣмъ инымъ человѣкомъ. Онъ, какъ всякая добрая, простая душа, любилъ природу, скорѣе понимая

инстинктивно, нежели сознательно, что жизнь природы всего ближе къ правдѣ... Бродя по лѣсу или по полямъ, онъ наслаждался вольнымъ воздухомъ—безъ боязни, что его нѣтъ-нѣтъ, да обдастъ какою-нибудь гадостью, наслаждался просторомъ, — сознаніемъ того, что его никто не толкаетъ и онъ не толкаетъ никого, что за нимъ не подсматриваютъ, не наблюдаютъ за тѣмъ: застегнуто - ли его платье на всѣ пуговицы, — наконецъ, онъ просто наслаждался деревенскою глушью... То ходилъ онъ съ книжкой, то съ пустыми руками; то обсуждалъ онъ планъ своихъ будущихъ дѣйствій, то просто предавался смутнымъ мечтамъ о Петербургѣ, о людяхъ, съ которыми ему суждено судьбою столкнуться тамъ... Но ходить такимъ образомъ безъ толку, безцѣльно—постоянно нельзя или, по крайней мѣрѣ, непріятно въ томъ отношеніи, что добрые люди могутъ замѣтить про него: «Чего же онъ бѣгаетъ по полямъ, ровно съумасшедшій, безъ всякаго дѣла!» Надо было придумать какое-нибудь занятіе. Бродить по полямъ подъ видомъ охоты—нельзя: ружья нѣтъ, да къ тому же Огоньковъ и не въ состояніи былъ ни съ того ни съ сего, такъ себѣ «за здорово живешь» умерщвлять живое существо, не сдѣлавшее ему ровно никакого вреда... Завести развѣ удочку и сидѣть на берегу? Это, пожалуй, возможно... Можно показывать видъ, что будто ловишь — и притомъ ничего не поймать. Очень просто: для того не надо только насаживать на крючекъ никакой приманки. Даже самая глупая или жадная рыбка не схватится за голый крючекъ...

Огоньковъ живо сдѣлалъ себѣ удилище, лесу, выпросилъ у дьякона—извѣстнаго рыболова — два крючка, и дѣло оказалось въ шляпѣ. Теперь съ удочкой въ рукѣ онъ могъ, сколько угодно, бродить по уединеннымъ берегамъ Которани, не обращая на себя особенно ничьего вниманія и не навлекая на себя никакихъ темныхъ подозрѣній. И вотъ иногда съ утра до ночи онъ оставался на рѣкѣ, но рыбы въ рѣкѣ не убывало, и старая дьячиха съ усмѣшкой просила его: принести ей хоть одного пискаря. Но пискарь не являлся, а Огоньковъ оставался очень доволенъ своею рыбной ловлей...

— Клюетъ? — спрашивалъ при встрѣчѣ Огонькова отецъ дьяконъ.

— Плохо!—отвѣчалъ Огоньковъ съ серьезнѣйшимъ выраженіемъ въ лицѣ.

— Что такъ! Вотъ диво...—изумлялся отецъ дьяконъ.—Время теперь, кажется, хорошее... Вотъ только малость управиться бы мнѣ съ сѣнокосомъ, мы, братъ, съ тобой отправимся на Низъ... Ухъ, знаю я тамъ мѣста! И что жъ это такое! Просто, я тебѣ скажу: рыбы тамъ... густо! Не впроворотъ... Глаза, братъ, у тебя разбѣгутся... Вотъ тоже подъ кустами—подъ Нагорнымъ, знаешь,—щука большая водится,—фунтовъ по двадцати есть, ежели не больше... Возьми у меня крючекъ, да сходи когда - нибудь туда! Внакладѣ не останешься...

— Ладно, схожу...—говорилъ Огоньковъ.

Отецъ дьяконъ шибко завидовалъ Огонькову, интересовался его похожденіями по части рыбной ловли и, какъ истый, завзятый рыболовъ, страшно волновался и досадовалъ на Огонькова за его неловкость. «Какъ это можетъ быть, чтобы въ этакое хорошее время рыба не ловилась! Зѣваетъ, видно, малый»... Подобное предположеніе кололо отца дьякона, какъ острымъ ножомъ. Онъ удивлялся: какимъ образомъ Огоньковъ могъ такъ равнодушно относиться къ своимъ неудачамъ...

Не по указаніямъ отца дьякона, а какъ-то такъ случайно — однажды Огоньковъ, бродя со своей удочкой по берегу Которани, дошелъ до Нагорнаго и усѣлся тутъ на большомъ сѣромъ камнѣ, поднимавшемся изъ воды почти у самаго берега. Теченіемъ такъ отполировало этотъ камень, что верхняя часть его представляла собой отличное сидѣнье... Въ этихъ мѣстахъ, по словамъ дьякона, ловилась щука «фунтовъ по двадцати, а не то и болѣе». Огоньковъ, разумѣется, никакой щуки не поймалъ, но зато здѣсь случилось съ нимъ маленькое приключеніе, возымѣвшее, впрочемъ, для него довольно большія послѣдствія...

Нагорное была барская усадьба съ хорошимъ садомъ, спускавшимся почти къ самой рѣкѣ. Мѣстами поломанный, низкій плетень, лѣпившійся по самой крутизнѣ берега, окружалъ садъ. Сѣрый, деревянный домъ едва былъ видѣнъ изъ-за густой зелени березъ и липъ... Огоньковъ вообще очень мало зналъ о Нагорномъ, о его владѣльцахъ и о его жителяхъ. Онъ зналъ, напримѣръ, что помѣщица, госпожа Гречулева, вдова, живетъ въ Петербургѣ, гдѣ жилъ и умеръ ея мужъ; зналъ, что она пріѣзжаетъ въ свое Нагорное только по лѣтамъ, да и то не каждый годъ. Каково было ея семейство,

о томъ Огоньковъ не имѣлъ и понятія. Раза два или три, еще ребенкомъ, бывалъ онъ въ Нагорномъ съ отцомъ, когда тотъ съ прочими причетниками ѣздилъ по приходу «славить» о Пасхѣ и о Рождествѣ. Потомъ, когда онъ приходилъ домой лѣтомъ на вакаціи, то видѣлъ нѣсколько разъ въ церкви у обѣдни г-жу Гречулеву, но помнитъ ее очень смутно... И теперь онъ вовсе не думалъ о Нагорномъ, а весь предался наслажденію прекраснымъ, лѣтнимъ днемъ. Голубая, прозрачная вода текла у его ногъ, съ легкимъ плескомъ разбиваясь о камень, на которомъ сидѣлъ онъ. Такое же голубое, прозрачное небо сіяло надъ его головой. Чайки низко проносились надъ водою, блестя на солнцѣ своими бѣлоснѣжными крыльями. Свѣжимъ сѣномъ пахло въ воздухѣ... Въ какомъ-то странномъ, мечтательномъ состояніи сидѣлъ Огоньковъ, слегка сгорбившись и склонившись надъ водой. Онъ, какъ-будто, не могъ оторвать глазъ отъ этихъ голубыхъ, прозрачныхъ струй, бѣжавшихъ у его ногъ.

А въ ту пору, когда онъ сидѣлъ такимъ образомъ, не то мечтая, не то сладко подремывая, — въ барскомъ саду, у плетня, на счетъ его особы происходилъ довольно оживленный разговоръ.

— Долго-ли онъ еще просидитъ тутъ!.. Я передъ чаемъ хотѣла выкупаться... — говорила молодая дѣвушка, очень красивая блондинка, облокачиваясь на плетень и съ неудовольствіемъ посматривая на сгорбленную фигуру Огонькова.

Былъ часъ шестой вечера, но солнце еще шибко палило.

Дѣвушка расплела косу, и ея бѣлокурые волосы разсыпались по спинѣ. Одѣта она была—для деревни — довольно щегольски, въ изящный малороссійскій костюмъ. Рубаха ея была расшита узорами—разноцвѣтными и очень затѣйливыми. Рядомъ съ дѣвушкой, взобравшись на плетень и перевѣсившись черезъ него, стоялъ мальчуганъ лѣтъ 12 или 13, въ сѣрой холстинковой блузѣ и въ военно-гимназическомъ кэпи, сдвинутомъ на затылокъ. Онъ также смотрѣлъ на Огонькова, но безъ неудовольствія, а—напротивъ—даже съ большимъ интересомъ, о чемъ можно было заключить по краснорѣчиво разинутому рту.

— Женичка! Я сбѣгаю къ нему,—скажу, чтобы онъ ушелъ?—спросилъ мальчуганъ, не измѣняя позы.

— Не перевѣшивайся такъ... тебѣ говорятъ! Вѣдь шею сломишь...—проговорила дѣвушка...

— Сбѣгать, а?—продолжалъ мальчуганъ, не обращая никакого вниманія на сдѣланное ему предостереженіе.

— Погоди! Онъ, можетъ быть, самъ скоро уйдетъ...

— Нѣтъ! Онъ скоро не уйдетъ... Я сбѣгаю, Женичка!—настаивалъ мальчуганъ, съ очевиднымъ желаніемъ воспользоваться случаемъ и вырваться изъ сада.

— Пожалуй... только... Постой! Коля, Коля!..

Послѣднія слова были крикнуты вполголоса уже тогда, какъ Коля, съ ловкостью перекувырнувшись черезъ низенькій плетень, прыгая и размахивая руками, несся по обрывистому берегу прямо къ рѣкѣ.

— У-у, сорванецъ! — пробормотала дѣвушка ему въ слѣдъ.

Скоро послѣ того Огоньковъ услыхалъ за собой дѣтскій голосокъ: «Вы рыбу ловите?» Онъ слегка вздрогнулъ и оглянулся. Въ ту же минуту Коля съ разбѣга перескочилъ узкую полосу воды, отдѣлявшую камень отъ берега, и прилѣпился рядомъ съ Огоньковымъ.

— А здѣсь—славно, отлично! Право! Какъ точно, на островѣ...—заговорилъ мальчуганъ, осматриваясь по сторонамъ.—А вы какъ ловите: на мушку или на червяка?

— На червяка! — смутившись, отвѣтилъ Огоньковъ, вовсе не ожидавшій на себя такого бойкаго нашествія.

— А у меня нѣтъ удочки... да меня и на рѣку одного не пускаютъ!—жалобнымъ тономъ продолжалъ Коля.—А вы сами сдѣлали эту удочку?.. Дайте, пожалуста, мнѣ разъ закинуть... одинъ разикъ...

Огоньковъ, улыбаясь, съ удовольствіемъ посмотрѣлъ на его раскраснѣвшееся, шаловливое личико и подалъ ему удочку.

— А рыба-то у васъ склевала всего червяка... Смотрите!—проговорилъ Коля, подносся крючокъ почти къ самому его носу.—Смотрите! Вѣдь у васъ ничего нѣтъ... Да! А вы не замѣтили...

—Да, видно, склевала...—согласился Огоньковъ и слегка покраснѣлъ отъ сознанія, что онъ вынужденъ лгать передъ ребенкомъ. — И червяковъ у меня больше нѣтъ...

— Мы ихъ живо накопаемъ...—успокоилъ его мальчуганъ.—Я знаю—вотъ тутъ, на берегу, подъ доской—ихъ много... Ихъ тутъ—

цѣлая куча... Ахъ, я и забылъ...—нѣсколько затуманившись и какъ бы съ досадой вдругъ заговорилъ Коля. — Намъ вѣдь нужно уйти отсюда... Женичка хочетъ купаться! Она и то ужъ давно ждетъ, когда вы уйдете... Вотъ зайдемъ за тѣ кусты,—она не увидитъ насъ... А тамъ тоже отлично...

Огоньковъ весь вспыхнулъ. Онъ почувствовалъ себя какъ на иголкахъ... Онъ зашелъ въ чужія владѣнія и кому-то мѣшалъ, кого-то заставлялъ ждать. Это, по истинѣ, было ужасно. Онъ проворно поднялся и соскочилъ съ камня на берегъ. Тамъ, высоко, въ саду, изъза зелени, — онъ видѣлъ,—мелькало что-то бѣлое. Онъ чувствовалъ себя страшно неловко, и когда онъ въ сопровожденіи Коли торопливо уходилъ за кусты, земля, казалось, горѣла подъ его ногами.

— Ну, вотъ здѣсь мы и сядемъ!—вполголоса промолвилъ Коля; указывая мѣстечко между кустами. — Здѣсь ничего не видно... да вѣдь мы не будемъ и смотрѣть на нее...

— Нѣтъ, ужъ я пойду... — отговаривался Огоньковъ. — А если вы хотите, я оставлю вамъ удочку... У меня дома другая есть...

Мальчуганъ замялся: выходило такъ, какъ будто онъ самъ напросился на подарокъ.

— А вы откуда?—спросилъ Коля, съ восторгомъ любуясь на удочку.

— Я—сынъ дьячка здѣшней церкви! — отвѣтилъ Огоньковъ.

— Семинаристъ?—допрашивалъ Коля.

— Да! Семинаристъ...

— А-а!.. Такъ—благодарствуйте...—проговорилъ мальчуганъ.—А то оставались бы... Вѣдь Женичка—ничего...

Но Огоньковъ все-таки ушелъ и, идя домой, жестоко ругалъ себя. Какъ можно быть такимъ разсѣяннымъ и не обращать вниманіе на происходящее вокругъ него! Какъ можно до того замечтаться, чтобы ничего не видать и не слыхать... Это—непростительно, это—глупо...

Послѣдствія этого приключенія не заставили себя долго ждать... Черезъ нѣсколько дней послѣ того Огоньковъ ходилъ въ лѣсъ за ягодами. Возвращаясь изъ лѣсу, онъ увидалъ, что передъ ихъ покосившеюся хатой стояла отличная сѣрая лошадь, запряженная въ шарабанъ. Лошадь отъ нетерпѣнья била копытами землю и хотя была привязана къ колышку, но все-таки сторожъ, Иванъ Трофимычъ, стоялъ подлѣ нея и, съ видимымъ страхомъ, старался успокоить ее. Когда сторожъ сказалъ Огонькову, что къ нимъ пріѣхалъ управляющій изъ Нагорнаго, нашъ малый совсѣмъ растерялся. Онъ ходилъ въ лѣсъ, какъ водится, въ своемъ затрапезномъ одѣяньи, въ оборванныхъ штанахъ и босой. Явиться въ такомъ видѣ передъ управляющимъ было невозможно... На счастье, онъ въ сѣняхъ встрѣтилъ Олю и откомандировалъ ее—принести ему въ огородъ платье! «Зачѣмъ? Что такое?» вертѣлось у него въ головѣ, пока онъ облачался въ свою лучшую пару. Дѣло скоро объяснилось...

Когда Огоньковъ пришелъ въ избу, мать его умильно улыбалась, а управляющій — живой, энергичный человѣкъ среднихъ лѣтъ и съ польскимъ типомъ лица — тотчасъ же прямо приступилъ къ нему съ объясненіями. Шутливо и съ замѣтнымъ акцентомъ въ своей рѣчи, онъ разсказалъ ему, что требуется «утвердить барченка въ знаніи математики и русскаго языка», что поэтому «Надежда Павловна послала его узнать»: не возьмется-ли онъ, Степанъ Огоньковъ, давать уроки изъ этихъ предметовъ, урока три-четыре въ недѣлю, что на это «ассигнуется рублей 15 въ мѣсяцъ», что если онъ, Степанъ Огоньковъ, желаетъ, то можетъ на такихъ условіяхъ завтра же придти и дать первый урокъ. Огоньковъ, разумѣется, тотчасъ же изъявилъ свое согласіе...

— Нашъ молодецъ уже успѣлъ какъ-то познакомиться съ вами!—замѣтилъ управляющій.

Огоньковъ вкратцѣ разсказалъ о своей встрѣчѣ съ нимъ на рѣкѣ.

— Вотъ, батенька, скажу вамъ — сорви голова...—заключилъ управляющій.—Сущій enfant terrible...

Когда Огоньковъ вышелъ провожать управляющаго, тотъ довольно фамильярно хлопнулъ его по плечу и, подмигивая и усмѣхаясь, замѣтилъ ему вполголоса:

— Только смотрите, батенька, не влюбитесь въ нашу барышню...

Огоньковъ смутился отъ такого неожиданнаго предостереженія, хотѣлъ тоже улыбнуться въ отвѣтъ, но, вмѣсто улыбки, вызвалъ на свое лицо какую-то жалкую, кислую гримасу. «Это опять, вѣроятно, Женичка»... подумалось ему. Это имя онъ почему-то очень хорошо запомнилъ...

Такимъ образомъ, въ то самое время, когда жизнь Степана Огонькова уже готова была

предаться очень монотонному теченію, вдругъ судьба выдвигаетъ ему на встрѣчу новыхъ, незнакомыхъ людей, вноситъ въ его жизнь разнообразіе и притомъ—въ видѣ находки—предоставляетъ ему 15 рублей въ мѣсяцъ,—цифра, о которой онъ едва лишь осмѣливался мечтать. Даже и старая дьячиха сдѣлалась какъ будто повеселѣе...

На другой день послѣ завтрака Степанъ Огоньковъ одѣлся въ свое лучшее платье — въ потертый сюртукъ, тщательно почистилъ его, волосы смочилъ водой и, за неимѣніемъ помады, слегка намазалъ ихъ масломъ и причесалъ ихъ такъ старательно, что на вискахъ и на темени они совсѣмъ прилипли къ кожѣ, точно кѣмъ-нибудь прилизанные. И въ такомъ-то щегольскомъ видѣ онъ отправился въ Нагорное. Когда онъ поравнялся съ домомъ о. Алексѣя, изъ окна выглянула Марья Аристарховна, а Сашенька оставалась за ней, въ тѣни.

— Что это вы такъ вырядились, Степанъ Петровичъ? Сегодня вѣдь не праздникъ... — крикнула ему Марья Аристарховна.

— На урокъ иду, въ Нагорное!—отвѣтилъ Огоньковъ, неловко раскланиваясь съ дѣвушками.

— А-а! Да, мы слышали... Теперь ужъ вы совсѣмъ отобьетесь отъ нашего Ремнева!

— Помилуйте! Зачѣмъ же... — оправдывался Огоньковъ, продолжая далѣе свой путь.

Нагорное отъ Ремнева находилось въ трехъ верстахъ. Дорога шла полями, проходила черезъ двѣ деревни и только въ одномъ мѣстѣ на протяженіи полуверсты шла небольшимъ перелѣскомъ, извѣстнымъ подъ именемъ Епифановой пустоши... День на тотъ разъ выдался сѣренькій, идти было нежарко, но Огоньковъ все-таки подвигался очень тихо. Дѣло въ томъ, что ему было какъ-то не по себѣ... Онъ не привыкъ сходиться съ людьми и сближался вообще очень туго. А тутъ, кромѣ того, оказывались для безпокойства еще и другія причины... «Женичка!»... Какъ она встрѣтитъ его, какъ она на него посмотритъ, какъ она станетъ говорить съ нимъ? Вѣроятно, будетъ же она говорить съ нимъ?.. Чѣмъ ближе подходилъ онъ къ барской усадьбѣ, тѣмъ пуще усиливались его опасенія и тревоги. Наконецъ, когда все Нагорное было уже на виду, ноги его вдругъ до того отяжелѣли, что онъ вынужденъ былъ присѣсть на краю дороги и отдохнуть. Онъ набилъ себѣ папиросу, закурилъ и, посматривая на заоболочавшее небо, принялся раздумывать о своемъ невеселомъ положеніи... «И откуда у него такая смѣлость взялась? Съ чего онъ ухватился за эти уроки!.. Мальчикъ, говорятъ, сорви-голова! И потомъ—Женичка... Бѣда!» И какъ онъ ни разсматривалъ этотъ вопросъ, все выходила — «бѣда». Собравшись съ силами, на сколько было возможно, Огоньковъ поднялся съ земли и съ отчаянною рѣшимостью человѣка, съ закрытыми глазами кидающагося въ бездну, направился къ воротамъ барской усадьбы... Коля стоялъ на крыльцѣ и уже издали кричалъ ему:

— А я вчера четырехъ пискарей поймалъ.

Огоньковъ по этому поводу выразилъ сожалѣніе объ участи пискарей и, подойдя къ крыльцу, пожалъ руку Колѣ, что, повидимому, его нѣсколько удивило, но затѣмъ немедленно мальчуганъ бросился въ комнаты съ крикомъ. «Мамаша, мамаша! Учитель пришелъ!» Огоньковъ той порой повѣсилъ свою фуражку въ передней на гвоздь, откашлялся, стряхнулъ съ сюртука какія-то пылинки и вступилъ въ залу. «Женичка... не тутъ-ли она?» мелькнуло у него въ головѣ, и онъ робко, но внимательно оглядѣлъ комнату. Нѣтъ, все—благополучно: въ залѣ никого не было. Но гдѣ же, наконецъ, хозяева? Куда дѣвался этотъ пострѣленокъ? Чего они мучатъ Огонькова? Въ ту минуту, когда онъ приходилъ уже въ уныніе, не зная, какъ ему быть съ руками и со всей своей несчастной особой,—съ садовой террассы въ растворенную балконную дверь вбѣжалъ Коля, сильно запыхавшись, а за нимъ вплыла въ комнату и сама maman.

Надеждѣ Павловнѣ Гречулевой на видъ казалось лѣтъ около 45. Ея заурядная наружность не представляла собой ничего ни особенно замѣчательнаго, ни особенно привлекательнаго. Толстая блондинка, бѣлая, пухлая, — она выглядѣла довольно апатичнымъ созданьемъ. Походка, всѣ движенія и рѣчь ея обличали лѣниваго, раскисшаго человѣка. Ея голубые, какъ бы выцвѣтшіе, глаза на все смотрѣли тускло и безучастно. Войдя въ залу, она тотчасъ же въ изнеможеніи опустилась въ кресло, стоявшее передъ балконною дверью.

— Садитесь, пожалуста! — заговорила она, указывая Огонькову на другое кресло—напротивъ себя.—Вы согласны заняться съ моимъ мальчикомъ... я очень рада! Нынѣ

такъ строго... Вотъ особенно надо изъ математики... Онъ поступаетъ въ военную гимназію! Онъ, впрочемъ, ребенокъ бойкій, смышленый, такъ что вамъ... Ахъ, мухи! Просто, невозможно ничего... Хотите—въ его комнатѣ, хотите—здѣсь... Лучше здѣсь... и я послушаю... Не стѣсняйтесь, садитесь, гдѣ вамъ удобнѣе... Ой, что это—мухи! Просто, наказанье съ ними... И изъ русскаго тоже... Вотъ вы увидите: онъ у меня очень способный...

Все это Надежда Павловна проговорила, тяжело дыша, отрывисто, съѣдая окончаніе фразъ, то отмахиваясь отъ мухъ, то гладя по головѣ Колю, тутъ же стоявшаго у ея кресла. Мальчуганъ бойко посматривалъ то на мать, то на «учителя» и, видимо, чрезвычайно забавлялся всѣми этими предисловіями и вступленіями. Но этому пріятному для него времяпрепровожденію скоро былъ положенъ конецъ. Огоньковъ, какъ утопающій, хватающійся за соломенку, тотчасъ же взялъ книгу и подсѣлъ къ столу; мамаша сказала Колѣ «asseyez-vous», и онъ также вынужденъ былъ послѣдовать за Огоньковымъ. Учитель открылъ урокъ тѣмъ, что сразу же погрузился въ грамматическій разборъ, но погрузить Колю въ этотъ же разборъ оказалось дѣломъ болѣе затруднительнымъ, чѣмъ предполагалъ учитель. Коля какъ-то часто отвлекался отъ книги и обращалъ свое вниманіе на то, что вовсе, повидимому, не касалось грамматическаго разбора, какъ-то: на лай дворовой собаки подъ окномъ, на перебранку двухъ бабъ, проходившихъ по двору, на какую-то маленькую птичку, порхавшую по балконнымъ периламъ и т. п. Огоньковъ не рѣшался сдѣлать ему замѣчаніе, но въ то же время разсѣянность ученика смущала его. Напрасно онъ воображалъ, что за урокомъ онъ, такъ сказать, будетъ «царствовать»: не тутъ-то было. Только одно утѣшало его, что барыня сладко дремала подъ его грамматическій разборъ, лишь изрѣдка впросонкахъ приговаривая: «Ахъ, мухи, мухи!» Очевидно, эта большая, толстая женщина окончательно изнемогала въ борьбѣ съ мухами и съ лѣтнимъ зноемъ... Но если дремлющая барыня не безпокоила Огонькова, зато его сильно тревожило опасенье: «А ну какъ явится *та?*»...

Но урокъ на этотъ разъ прошелъ безъ всякихъ «явленій», и Степанъ Огоньковъ благополучно ретировался домой.

VI.

Прошла недѣля, даны были четыре урока; за каждымъ урокомъ Огоньковъ переживалъ не мало тягостныхъ треволненій, не однажды мать съ сыномъ упоминали при немъ о Женичкѣ, но сама она ни разу еще не показывалась, и Огоньковъ попрежнему оставался въ лихорадочномъ ожиданіи. «А ну какъ явится?»... Его собственно безпокоила возможность очутиться съ Женичкой одинъ-на-одинъ и необходимость въ такомъ случаѣ вести съ ней разговоръ. «О чемъ я буду съ ней разговаривать!»... мысленно восклицалъ онъ каждый разъ, идя на урокъ. Съ Надеждой Павловной онъ еще могъ говорить о полевыхъ работахъ, о Колѣ, объ экзаменахъ, — о мухахъ, наконецъ... Мало-ли о чемъ! Да къ тому же, Надежда Павловна такъ часто дремала въ своихъ покойныхъ креслахъ, что вовсе не нуждалась ни въ какихъ разговорахъ. А Женичка — другое дѣло... Эту и сонъ, поди, не возьметъ... И опять же о мухахъ, да объ экзаменахъ распространяться не станешь съ ней... Его прошлое не научило его «обращаться» съ барышнями.

Но «пока Богъ миловалъ», какъ думалъ про себя Огоньковъ.

Однажды дорогой въ Нагорное его засталъ сильный дождь, и онъ пережидалъ его на деревнѣ, зайдя въ избу къ знакомому мужику. Съ часъ оставался онъ въ избѣ и поэтому на урокъ немного опоздалъ, но все-таки пошелъ въ усадьбу... Въ передней его встрѣтила горничная и—вопреки обыкновенію—попросила его въ столовую. Тамъ за большимъ, круглымъ столомъ, передъ шипящимъ самоваромъ сидѣла молодая дѣвушка въ малороссійскомъ костюмѣ и заливала чай. «Ну, вотъ! Дождались!» съ отчаяніемъ подумалъ Степанъ Огоньковъ, увидѣвъ передъ собой такую картину. Улизнуть, разумѣется, уже не было возможности. Онъ поклонился неуклюжѣе обыкновеннаго и слегка покраснѣлъ.

— Садитесь, пожалуста! — проговорила дѣвушка, указывая ему на стулъ рядомъ съ собой.—Мамаша занята вареньемъ, а ученикъ вашъ уѣхалъ верхомъ съ кучеромъ... Онъ долженъ скоро возвратиться. А вамъ пока не угодно-ли чаю?

Все это было сказано пріятнымъ, звучнымъ голосомъ, но Огоньковъ тѣмъ не менѣе чувствовалъ себя очень скверно.

— Благодарю васъ! Я...—началъ онъ не-

внятно, а кончилъ уже, положительно, какимъ-то бормотаньемъ.

Онъ отодвинулъ немного стулъ отъ указаннаго ему мѣста (подалѣе отъ барышни) и сѣлъ. Нерѣшительно и робко, изъ-подлобья посмотрѣлъ онъ на свою собесѣдницу и не удержался-таки — вздохнулъ. «Вотъ она... Женичка-то! Ну, что теперь запоешь!» невесело раздумывалъ Огоньковъ, понуривъ голову и машинально слѣдя за тѣмъ: какъ барышня наливала ему чай... Въ описываемое время Женичка вовсе не напоминала собой Надежды Павловны, хотя лѣтъ черезъ 25, можетъ быть, и могла бы сдѣлаться похожею на мать. Какъ уже сказано, она была красивая дѣвушка—высокая, стройная, съ блестящей волной бѣлокурыхъ волосъ; лицо у нея было овальное, носъ съ легкимъ горбикомъ, глаза каріе, бойкіе—съ длинными, темными рѣсницами, и темныя, правильно-очерченныя брови; ея лицо, шея, руки были бѣлизны матовой, а на щекахъ, какъ отсвѣтъ гаснущей зари, игралъ легкій румянецъ — признакъ лѣтняго загара. Въ общемъ—дѣвушка была очень симпатична,—съ этимъ соглашался и Степанъ Огоньковъ, посматривавшій на нее украдкой. Но это обстоятельство нимало не облегчало, если еще только не отягчало — его положенія...

Получивъ отъ барышни стаканъ чаю, Огоньковъ тотчасъ же, хотя и порядочно обжигаясь, принялся за него. Молодая хозяйка, по разсѣянности, позабыла положить сахару въ стаканъ, сахарницы на столѣ близко не случилось, и Огоньковъ изъ двухъ золъ выбралъ меньшее, то-есть, молча, продолжалъ пить чай безъ сахару.

— Сладко-ли у васъ?.. я не спросила...— обратилась къ нему барышня.

— Ничего! Благодарю васъ...—пробормоталъ онъ.

— Ахъ, что-же это... я, кажется, совсѣмъ не положила вамъ сахару... Вотъ—онъ!—и она подала ему сахарницу.—Да что же это вы одинъ кусокъ... Берите, пожалуста!—угощала барышня.

Огоньковъ съ энергіей отчаянія ухватилъ три куска и бухнулъ ихъ въ стаканъ. «Ахъ, чтобъ тебя!»... мелькало у него въ головѣ. Не то отъ горячаго чая, не то отъ болѣе еще горячаго волненія, лицо несчастнаго Огонькова, рѣшительно, начинало пламенѣть. Молча, выпилъ онъ одинъ стаканъ и, молча, принялся за другой. Барышня также молчала... Огонькову было очень тяжело.

Для посторонняго зрителя вся эта сцена могла показаться крайне смѣшной; но не до смѣху было Степану Огонькову. Но что жъ дѣлать? Чѣмъ же онъ былъ виноватъ, если онъ могъ разговаривать съ товарищами, съ отцомъ Алексѣемъ, съ дьякономъ, съ крестьянами, и вовсе не умѣлъ бесѣдовать съ людьми изъ другого міра? А теперь онъ очутился именно въ присутствіи человѣка изъ другого міра, да къ тому же еще въ присутствіи молодой особы женскаго пола. Онъ чувствовалъ себя глупымъ, какъ точно связаннымъ, пришибленнымъ—однимъ словомъ, чувствовалъ себя несчастнымъ человѣкомъ... Итакъ, Огоньковъ молчалъ, — и барышня молчала. Прошло съ четверть часа. Огоньковъ продолжалъ прихлебывать чай и потихоньку вздыхалъ про себя.

— Что жъ это мы молчимъ! Что жъ вы не говорите со мной?—вдругъ обратилась къ нему барышня.

Огоньковъ покраснѣлъ, какъ ракъ, кашлянулъ и слегка задвигался на стулѣ. Въ ту минуту совершенно искренно онъ желалъ бы быть гдѣ-нибудь въ деревнѣ, у себя въ Ременевѣ, въ лѣсу—чортъ знаетъ гдѣ, только бы не сидѣть здѣсь, въ столовой, передъ чайнымъ столомъ и не разыгрывать изъ себя «дурака на именинахъ»... А барышнѣ, очевидно, пришла въ голову злая мысль помучить робкаго юношу. Она не унималась...

— Ну, что жъ! Со мной такъ-таки и не о чемъ говорить? — приступала она, слегка хмуря брови.

— Да что же... — откашливаясь, началъ Огоньковъ и замолчалъ.

Онъ хотѣлъ было сказать ей: «О чемъ же, въ самомъ дѣлѣ, я стану говорить съ вами»... но во-время спохватился, подумавъ, что подобнымъ отвѣтомъ онъ могъ обидѣть барышню. А за что жъ ее обижать? Онъ не желалъ обижать никого... И безъ того—не прогнѣвалась-ли она на него за его молчаніе? Онъ старался преодолѣть свое смущеніе и взглянуть на барышню. Въ то же время на губахъ его блуждала добрая, робкая улыбка: то какъ-будто онъ смѣялся надъ самимъ собой, то словно въ чемъ-то извинялся и молилъ о пощадѣ. Наконецъ, онъ взглянулъ барышнѣ въ лицо и увидалъ на лицѣ ея также улыбку. Женичка пристально и не безъ удовольствія смотрѣла на него... Чудное дѣ-

ло! Огоньковъ былъ некрасивъ и неуклюжъ, какъ медвѣженокъ, но теперь, раскраснѣвшійся и смущенный, робко, съ усиліемъ посматривавшій на дѣвушку своими добрыми, ласковыми глазами, поминутно затѣнявшимися дрожащими рѣсницами, — онъ выглядѣлъ очень симпатичнымъ. Даже легкомысленное сердечко барышни почувствовало состраданіе къ этому неповоротливому, растерявшемуся юношѣ.

— Вотъ... я опоздалъ на урокъ... по случаю дождя...—проговорилъ онъ для начала, взглядывая на барышню вскользь.

— Ну, хорошо!.. Нѣтъ, вы лучше разскажите мнѣ что-нибудь о себѣ...—промолвила та, подвинувшись къ Огонькову, и, опершись на руки головой, съ покровительственнымъ, благосклоннымъ видомъ посмотрѣла на него, какъ бы вызывая его на довѣріе и интимность.

Огоньковъ былъ глубоко благодаренъ ей, но все-таки не могъ стряхнуть съ себя разомъ всего смущенія. Онъ началъ говорить—сбивчиво, нескладно съ ужасающей силой вертя между пальцами пуговицу своего сюртука и погрузясь, повидимому, въ созерцаніе самовара, на блестящей поверхности котораго въ расплывшемся, безобразномъ видѣ отражалось его лицо, какъ лицо нѣкоего Квазимодо. Онъ говорилъ о семинарской жизни, объ ученьи, о товариществѣ и мелькомъ упомянулъ о томъ, что нѣкоторыя обстоятельства заставили его выйти изъ семинаріи до окончанія курса. Тутъ собесѣдница перебила его...

— Какія «обстоятельства»? Политика?—спросила она.—Нынѣ вѣдь молодежь все политикой занимается...

Огоньковъ опять взволновался до глубины души. Онъ не любилъ лгать и избѣгалъ даже такой лжи, которая при случаѣ могла бы послужить ему во спасеніе. Лгать же теперь ему казалось, просто, гнусною неблагодарностью по отношенію къ Женичкѣ. Пускай—и не сочувствуетъ она ему искренно, отъ всего сердца, но все же она выводила его изъ тягостнаго положенія, была къ нему добра, ласкова. А съ другой стороны опять какимъ образомъ въ двухъ-трехъ словахъ передать ей ясно длинную исторію всѣхъ тѣхъ «обстоятельствъ», по которымъ изженили его изъ семинаріи!

— Нѣтъ... Какая же политика!—промолвилъ онъ съ такимъ чистосердечнымъ видомъ, что дѣвушка разомъ же повѣрила ему, какъ повѣрилъ бы и всякій другой на ея мѣстѣ, кромѣ развѣ ужъ очень «проницательнаго» человѣка.

Но въ эту минуту Коля, ворвавшійся въ комнату, подобно бурѣ, прекратилъ всякую возможность вести какіе бы то ни было разговоры. Коля былъ въ восторгѣ отъ Воронка, онъ завтра опять непремѣнно поѣдетъ кататься, «непремѣнно»... Раскраснѣвшійся, весь въ поту, съ растрепанными волосами, съ высоко засучившимися штанишками, изъ-подъ которыхъ бѣлѣли голыя икры, онъ закружился, какъ кубарь, помахивая хлыстикомъ и наполняя комнату шумомъ и свистомъ. Теперь онъ «никакъ не можетъ заниматься», теперь онъ «ужасно хочетъ ѣсть и пить», пусть Женичка нальетъ ему чаю — «и какъ можно больше сливокъ»...

— Да не кричи же такъ... Господи!—замѣтила ему сестра.—Садись и пей!

Коля бросился въ «свое» старинное кресло съ высокой, вычурной спинкой и началъ безъ разбору уплетать все, что было на столѣ съѣстного: хлѣбъ, масло, пирожки, американское печенье...

— А вы, Степанъ Петровичъ, видно, съ сестрицей любезничали! Ха! Вотъ я ужо скажу про васъ мамашѣ... Я... скажу...—бормоталъ Коля, набивая себѣ за обѣ щеки самую разнообразную пищу и не обращая ровно ни на кого вниманія.

Огоньковъ почти съ умоляющимъ видомъ посмотрѣлъ на этого маленькаго, жестокаго человѣка, но тотъ даже и не видалъ его: болтая руками и ногами, словно бы онѣ были пропитаны ртутью, Коля такъ низко наклонился надъ «своимъ» громаднымъ стаканомъ, что кончикъ носа его едва не купался въ чаю.

— Ахъ, какой несносный болтунъ!—промолвила Женичка, съ веселымъ хохотомъ посмотрѣвъ на брата.—А вы его сегодня за урокомъ хорошенько за это...—добавила она, обращаясь къ Огонькову.

Но тотъ уже покорно сложилъ руки на колѣняхъ и упорно, съ нѣмымъ укоромъ смотрѣлъ въ потолокъ...

По окончаніи урока онъ не видѣлъ барышни, такъ и домой ушелъ, уже не видавъ ее болѣе.

На слѣдующій разъ, когда Степанъ Огоньковъ по окончаніи урока собирался идти домой и уже брался за фуражку, въ комнату явилась «сестрица» и предложила ему прой-

тись съ ней по саду. Предложеніе было сдѣлано такимъ любезнымъ и пріятнымъ тономъ, такъ просто и мило, что отказаться отъ него не представлялось никакихъ достаточныхъ резоновъ... Когда они уже шли въ тѣни аллеи и вѣтерокъ ихъ обдавалъ сладкимъ запахомъ цвѣтущихъ липъ и бузины, барышня завязала разговоръ именно на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ порвался въ прошлый разъ за чайнымъ столомъ при нашествіи Коли, то-есть она спросила у Огонькова о тѣхъ «обстоятельствахъ», которыя заставили его покинуть семинарію до окончанія курса. Огоньковъ, слегка тревожась, но ужъ безъ прежняго ужаса, приступилъ къ изложенію «обстоятельствъ» и разсказалъ, какъ было дѣло. Сначала въ разговорѣ съ нею онъ тянулъ свою рѣчь, запинался и мямлилъ, но когда онъ замѣтилъ, что барышня интересуется «обстоятельствами», принимаетъ въ немъ участіе, сочувствуетъ ему, тогда Огоньковъ оправился и сталъ лучше распоряжаться даромъ слова... Затѣмъ, барышня освѣдомилась о будущихъ его планахъ. На первый разъ онъ ограничился по этому поводу лишь общими соображеніями... Тогда Женичка завела его въ кусты малинника и предложила ему полакомиться ягодами. И, дѣйствительно, очень аппетитно выглядѣли почти изъ-подъ каждаго зеленаго листочка спѣлыя, темно-малиновыя ягоды, освѣщенныя яркимъ солнцемъ. Въ трехъ шагахъ отъ того мѣста въ кусту орѣшника щебетала какая-то птичка. Пахло цвѣтами. Вокругъ вставали деревья все выше и выше—зеленыя, развѣсистыя, а между вершинами ихъ сквозило синее, сіяющее небо. И въ этомъ зеленомъ, тихомъ уголкѣ было хорошо, очень хорошо... Какія-то теплыя и пахучія испаренія поднимались отъ земли, и весь садъ — цвѣтущій, благоухающій—на тотъ разъ. какъ бы, превратился въ одну громадную теплицу, насыщенную сотнею одуряющихъ запаховъ.

— Что же вы не кушаете? Кушайте, пожалуста... Смотрите сколько ихъ!..—сказала дѣвушка, замѣтивъ, что молодой человѣкъ лѣниво срывалъ ягоду за ягодой.

— Очень вамъ благодаренъ! Я ужъ наѣлся...—проговорилъ тотъ, думая про себя, что «не хорошо наѣдаться въ чужихъ людяхъ—чортъ знаетъ какъ», и въ то же время предпочитая лучше заняться болѣе внимательнымъ обзоромъ своей новой знакомой.

Теперь онъ, въ свою очередь, хотѣлъ воспользоваться удобнымъ случаемъ, когда барышня не смотрѣла на него. Теперь его не смущалъ взглядъ ея карихъ бойкихъ глазъ... Она стояла къ нему бокомъ, и онъ съ полнымъ удобствомъ могъ разсматривать въ профиль ея лицо—лицо съ очень легкимъ изящнымъ контуромъ. Ея лицо, подернутое розовымъ румянцемъ, ея тонкій, съ горбинкой носъ и ея густые, бѣлокурые волосы, поднимавшіеся надъ лбомъ—теперь отчетливо обрисовывались на фонѣ зеленыхъ листьевъ. То, поднявшись на-цыпочки, она высоко тянулась за спѣлой ягодой, почему-то особенно приглянувшейся ей, то низко наклонялась и запускала руку въ самую чащу куста. И при этихъ движеніяхъ — совершенно естественныхъ и свободныхъ—ея гибкая и стройная, прекрасная фигура являлась передъ Огоньковымъ во всей своей прелести, дыша всѣми чарами, всѣмъ обаяніемъ молодости — здоровьемъ и силой. Въ первый разъ еще Степанъ Огоньковъ рѣшился поднять на нее глаза и разсматривать ея особу такъ внимательно и пристально. За то же онъ теперь и не могъ оторвать отъ нея глазъ, чувствуя себя какъ бы въ столбнякѣ... Вдругъ дѣвушка быстро обернулась и увидала, что Огоньковъ смотритъ на нее съ какимъ-то необыкновенно довольнымъ, сіяющимъ видомъ, съ какимъ, вѣроятно, художникъ, оставаясь наединѣ, въ минуты восторженной мечтательности останавливается передъ своимъ собственнымъ произведеніемъ и погружается въ благоговѣйное созерцаніе, забывая и кисти свои, и палитру, и весь міръ.

— Что вы смотрите такъ?..—съ улыбкой промолвила она, невольно затѣняя отъ солнца глаза своими длинными шелковистыми рѣсницами.

— Да такъ... ничего... — пробормоталъ онъ, и покраснѣлъ и смутился, какъ воръ, застигнутый врасплохъ на мѣстѣ преступленія, между тѣмъ, какъ въ головѣ его мелькало: «Что теперь подумаетъ она обо мнѣ?»

Но дѣвушка нисколько не смутилась, какъ-будто такъ и слѣдовало быть, чтобы всѣ окружающіе любовались на нее, какъ на какую-нибудь классическую статую или на картину. Оно такъ и было, по крайней мѣрѣ, въ этомъ случаѣ. Огоньковъ именно такъ и смотрѣлъ на нее, безъ всякихъ животныхъ побужденій, какъ смотрятъ на прекрасную картину или на статую, «однимъ цѣломудріемъ прикрытую»?.. Простая, безхитростная душа, онъ иначе и не могъ посмотрѣть на эту дѣвушку.

Приглашеніе поѣсть малины съ одного

куста съ барышней послужило для Степана Огонькова заключительной главой его перваго знакомства съ женщиной изъ «другого міра».

Но не кустамъ малины суждено было сблизить ихъ.

У женщинъ, какъ извѣстно, есть способность незамѣтно вкрадываться въ довѣріе, ставить съ собой мужчину на короткую, дружескую ногу и заставлять его воображать, что они уже не со вчерашняго дня, но очень давно знакомы между собой. Это — способность сглаживать, уравнивать путь для сближенія; это—своего рода чутье для отысканія того фокуса, въ которомъ сосредоточиваются самые живые интересы даннаго субъекта. Безъ грубостей и цинизма производится эта операція; невидимая, едва ощутимая паутина раскидывается легкою, искусною рукой... Мужчины въ громадномъ большинствѣ случаевъ лишены этой способности; для нихъ, какъ для представителей сильнаго пола, не представляется необходимости ткать какую бы то ни было паутину, когда у нихъ и безъ того полны руки всякихъ веревокъ. Вотъ поэтому-то женщины въ житейскихъ дѣлахъ и выигрываютъ чаще свою партію, между тѣмъ какъ представители сильнаго пола часто сидятъ, какъ дурачки, со своими веревками, не зная, что̀ съ ними дѣлать...

Этого такта не лишена была и Женичка.

Въ итогѣ вышло то, что черезъ недѣлю послѣ первой неловкой встрѣчи за чайнымъ столомъ, Огоньковъ по окончаніи урока не бѣжалъ домой, сломя голову, но заходилъ въ столовую или въ садъ, гдѣ ожидалъ найти барышню. И онъ находилъ ее и велъ съ нею долгіе-долгіе разговоры. Онъ уже не боялся ея, но, напротивъ, находилъ неизъяснимое удовольствіе бывать вмѣстѣ съ нею и бесѣдовать съ нею въ тиши...

Но пусть читатель не ожидаетъ здѣсь романа «по всѣмъ правиламъ искусства»...

Въ дѣтствѣ Степанъ Огоньковъ не видалъ отъ матери нѣжныхъ ласкъ. Уже и въ то время—въ лучшее время своей жизни—она была женщиной сухой, эгоистической, съ такимъ подозрѣніемъ смотрѣвшей на весь Божій міръ, какъ будто всѣ только и наровили вырвать у нея кусокъ изо рта. Также и отношенія ея къ дѣтямъ никогда не были согрѣты теплымъ чувствомъ... Только отецъ иногда, подвыпивши, ласкалъ по своему Степу, гладилъ его по головѣ, заставлялъ его вмѣстѣ съ собой тянуть всякіе церковные канты, бралъ съ собой на славленье, водилъ на колокольню и проч. Сестра была гораздо старше его, и взаимныя отношенія ихъ были также самыя заурядныя. И въ школѣ Степанъ Огоньковъ не былъ избалованъ дружескимъ привѣтомъ... Не испыталъ онъ въ жизни и никакихъ особенныхъ жестокостей и гоненій. Сѣрою, бездвѣтною лентой развивалось за нимъ его прошлое, безъ черныхъ пятенъ и безъ яркихъ красокъ. Не представлялось ничего такого, на чемъ бы онъ могъ развивать силу воли и упорство. Онъ шелъ, какъ въ туманѣ, лишь прислушиваясь къ глухому шороху своихъ собственныхъ шаговъ. А съ туманомъ бороться невозможно... Можно, конечно, махать руками по воздуху, но отъ такой борьбы не окрѣпнутъ силы... Мягкимъ и добрымъ, безхитростнымъ человѣкомъ выросталъ Степанъ Огоньковъ. Онъ былъ такъ добръ, такъ всецѣло позабывалъ себя ради интересовъ ближняго; до того онъ былъ неспособенъ къ какой бы то ни было жестокости, что, повидимому, вовсе не годился для той ожесточенной битвы жизни, которая кипѣла кругомъ него. Его добрыя чувства—любви и самоотверженія, не находили для себя полнаго исхода и, какъ горючій матеріалъ, накоплялись въ немъ все болѣе и болѣе до поры, до времени... На видъ онъ былъ неказистъ, невзраченъ, неуклюжъ. Въ дѣтствѣ онъ говорилъ тихо, робко и не складно... Насмѣшки товарищей смущали его еще пуще и онъ дѣлался еще молчаливѣе. Но говорить, повѣрять свои думы и чувства ему все-таки хотѣлось. Онъ началъ вести нѣчто въ родѣ дневника, и сдѣлался существомъ очень замкнутымъ. Онъ началъ рыться въ самомъ себѣ, какъ кротъ въ норѣ, сталъ дѣлаться маленькимъ философомъ...

Года за два до начала этого разсказа, съ Огоньковымъ произошли неожиданныя и большія перемѣны. Онъ услыхалъ новыя рѣчи, и нѣкоторыя изъ нихъ глубоко запали въ его впечатлительную, отзывчивую душу... Говорили про то, что не слѣдуетъ «носиться со своей драгоцѣнной особой», что не должно смотрѣть на нее, какъ на средоточіе вселенной, что бездѣльничать человѣкъ не въ правѣ, когда въ мірѣ такъ много работы и т. д., въ томъ же родѣ. Огоньковъ краснѣлъ, слушая такія рѣчи. Говорившіе, словно, мѣтили прямо въ него. Ему было ужасно стыдно, совѣстно за самого себя «Это вѣрно!» повторялъ онъ себѣ. «Они правду говорятъ... *Такъ* жить

подло!»... И онъ сталъ стараться побороть свою застѣнчивость, выйти изъ своей замкнутости. Это стоило ему большихъ усилій, но онъ добивался своего мало-по-малу. Онъ готовъ былъ хоть сейчасъ же идти на доброе общественное дѣло. Онъ охотно сдѣлается чернорабочимъ, если нужно, и если понадобится, займетъ такое мѣсто, на которомъ не будетъ ни радостей, ни спокойствія, ни житейскихъ удобствъ... Такой переворотъ былъ совершенно естественъ въ Огоньковѣ. Горючій матеріалъ, накопившійся въ его доброй, любящей душѣ, находилъ для себя исходъ. Вотъ и все!..

Поэтому-то онъ и не особенно грустилъ, когда ему предложили убираться изъ семинаріи, куда глаза глядятъ. Его глаза глядѣли по направленію къ Петербургу...

Огоньковъ, какъ уже сказано, не былъ избалованъ жизнью, не много видѣлъ ласкъ и сочувствія къ себѣ. Онъ дорожилъ каждымъ добрымъ взглядомъ, каждымъ добрымъ словомъ, обращеннымъ къ нему. Человѣкъ, сравнительно, «весело, хорошо живущій» даже не пойметъ Огонькова, также точно, какъ мотъ и расточитель никогда не поймутъ и не перечувствуютъ того сердечнаго замиранья, съ какимъ жадный скряга въ сотый разъ деньгу за деньгой пересчитываетъ свое мертвое сокровище... За каждую малѣйшую ласку Степанъ Огоньковъ былъ глубоко благодаренъ людямъ, какъ за незаслуженный подарокъ... Барышня выразила къ нему живое участіе, сочувствовала ему, и онъ готовъ былъ благоговѣть передъ ней. Это не было раболѣпство низшаго передъ высшимъ, передъ человѣкомъ изъ «другого міра». Нѣтъ! Огоньковъ не зналъ раболѣпства, также точно, какъ не зналъ кичливости и высокомѣрія передъ низшими. Ему было все равно—откуда бы ни пригрѣлъ его солнечный лучъ, изъ крестьянской избы или изъ барскихъ палатъ. Онъ былъ равно радъ и благодаренъ солнечному лучу и нѣжился въ его теплѣ, не размышляя о томъ, откуда, съ какой стороны упалъ на него этотъ лучъ...

А Женичка... Она завязала знакомство съ Огоньковымъ сначала, просто, отъ нечего дѣлать, со скуки, но потомъ заинтересовалась имъ. Барышня была не глупа и скоро увидала, что передъ нею не одинъ изъ тѣхъ заурядныхъ людей, какихъ цѣлыя толпы проходили передъ нею до того времени. Если она не сознавала ясно, то, по крайней мѣрѣ, догадывалась, что въ Огоньковѣ, подъ его неказистой, неуклюжей внѣшностью, скрывалось много душевной силы, много искренности и чистоты... всѣ такія качества, которыя не каждый день встрѣчаются и въ старыхъ, и въ молодыхъ людяхъ... Иногда, слушая его разсказы о школьномъ житьѣ, о товарищахъ, смотря на его открытое лицо, въ его добрые, голубые глаза, дѣвушка думала про себя. «Хорошій онъ человѣкъ! Золотое у него сердце!»... И барышня не ошибалась. Дѣйствительно, у Степана Огонькова сердце было золотое. Всякій, сойдясь съ нимъ, подумалъ бы то же. Но Огоньковъ сходился туго съ людьми, какъ вообще человѣкъ сосредоточенный, застѣнчивый и робкій. И съ барышней онъ сблизился не вдругъ, но сблизился скорѣе, чѣмъ можно было ожидать. Тутъ были двѣ причины... Простое, ласковое обращеніе Женички помогало сближенію. А затѣмъ и самъ юноша уже давно изнывалъ въ одиночествѣ; ему нуженъ былъ человѣкъ, который понималъ бы его, нуженъ былъ другъ.

Женичка отнеслась къ нему, какъ сестра къ младшему брату, какъ сильный къ слабому, и эта для нея совершенно новая роль очень занимала ее. И въ отношеніяхъ барышни къ этому застѣнчивому, неуклюжему и некрасивому человѣку было нѣчто очень трогательное, *нѣчто* лучшее, нежели, такъ-называемая, «романическая любовь». Женичка называла иногда Огонькова «медвѣженкомъ», «неповоротливымъ», «разсѣяннымъ молодымъ человѣкомъ», и Огонькову было очень пріятно, потому что всѣ эти прозвища давались ему голосомъ ласковымъ и тономъ полнѣйшаго снисхожденія.

— Медвѣженокъ!—повторялъ онъ потомъ съ добродушной улыбкой.—Такъ, такъ! Медвѣженокъ и есть...

VII.

Прекрасны въ деревнѣ лѣтніе дни. Кто не переживалъ ихъ, тотъ, значитъ, не прочелъ въ книгѣ жизни одну очень хорошую, очень поэтическую страницу, которая навѣваетъ хотя мимолетныя, но чудесныя видѣнія... Ясное небо, золото солнечныхъ лучей—по цвѣтамъ и по травѣ, западъ весь, словно, плавающій въ огнѣ, сумерки, полупрозрачныя, ночныя тѣни и звѣзды въ вышинѣ, розовый румянецъ утренней зари и капли росы на лепесткахъ цвѣтка, — вотъ какія видѣнія мерещатся въ тѣ ясные, яркіе дни... Огоньковъ

переживалъ эти свѣтлые дни, какъ благодатные сны на яву.

Почти послѣ каждаго урока, когда Коля, словно съ цѣпи сорвавшись, уносился вдругъ неизвѣстно куда, Огоньковъ съ Женичкой ходили по саду или сидѣли гдѣ-нибудь въ тѣни подъ деревьями. Иногда они читали, иногда вели тихіе разговоры. Огоньковъ съ жаромъ говорилъ о томъ, какъ онъ будетъ жить, что будетъ дѣлать... А дѣвушка разсказывала ему про Петербургъ, куда онъ уже улеталъ мыслью. Огоньковъ не уставалъ слушать ее...

Однажды они сидѣли на скамейкѣ подъ деревьями, и Женичка говорила:

— Приходите же къ намъ, когда пріѣдете въ Петербургъ... непремѣнно приходите! Чаще мы бываемъ дома въ воскресенье вечеромъ... Вотъ и приходите такъ, въ сумерки,— отобѣдаемъ вмѣстѣ, потомъ я васъ чаемъ напою... Потолкуемъ...

Огоньковъ только вздохнулъ, молча.

— Да вы пріѣзжайте скорѣе...—продолжала дѣвушка очень убѣдительнымъ тономъ.

— Конечно, мнѣ и самому хотѣлось бы поскорѣе... да еще не знаю, какъ удастся...— отозвался Огоньковъ: о денежныхъ дѣлахъ своихъ онъ не распространялся ни съ кѣмъ, какъ бы находя неделикатнымъ утруждать другихъ подобными мелочами, касавшимися его маленькой особы.

Иногда у нихъ разговоры заходили на темы, болѣе общія—о вопросахъ міровыхъ, о нравственности, о счастьи... Степанъ Огоньковъ, по обыкновенію, высказывался откровенно, напрямки.

— Другъ подъ дружку подкапываются, ни за какой подлостью не постоятъ, только бы насолить, кому нужно...—съ видимой душевной болью, съ тяжкой грустью говорилъ онъ, вовсе не подозрѣвая того, что высказанное имъ положеніе чуть-ли не возведено въ науку.—Развѣ же этакъ легко жить? И развѣ это пріятно... Никому, я думаю, не пріятно, а всѣ тянутъ лямку.

— Такъ какъ же иначе быть?—возражала дѣвушка.—Свѣтъ такъ устроенъ...

— «Устроенъ!»—съ улыбкой сожалѣнія повторялъ Огоньковъ.—Да... но худо, видно, устроенъ... Знаете: я думаю иногда... Вотъ, говорятъ, что мужики—народъ темный, невѣжественный и поэтому не могутъ сдѣлать для себя ничего хорошаго... Ну, положимъ, что они, дѣйствительно, народъ темный... А мы, люди мало-мальски образованные!.. Вѣдь много есть людей и очень образованныхъ между нами... Такъ вотъ я и думаю про себя: отчего же мы-то ничего не можемъ сдѣлать путнаго ни для себя, ни для другихъ... Только вотъ такія маленькія, личныя дѣлишки и умѣемъ обдѣлывать! Можемъ, напримѣръ, устроить себѣ привольную жизнь, всякія удобства и комфорты и прочее... И для того, чтобы устроить эти маленькія дѣлишки, — вѣдь замѣтьте, — тратится громадная масса силъ... Если бы половину этихъ силъ, половину нашей ловкости и энергіи мы, положимъ, употребили на какое-нибудь доброе дѣло, вѣдь тогда бы, пожалуй, дѣло пошло... А то теперь—всякое общественное дѣло, какъ тотъ сказочный возъ... лебедь—туда, щука—сюда, ракъ пятится назадъ... А въ концѣ-концовъ всѣ, рѣшительно, всѣ, въ проигрышѣ... Все это ужасно обидно, за человѣка обидно... Вотъ какъ въ одномъ стихотвореніи говорится: «А счастье было такъ близко, такъ возможно»... И возможно! Это—сущая правда... А то вотъ другое стихотвореніе... я наизусть его знаю...

— Скажите! — промолвила дѣвушка, замѣтивъ, что Огоньковъ какъ будто колебался.

— Видите, продолжалъ онъ: — авторъ обращается къ людямъ и говоритъ:

«...Зачѣмъ борьбой суровой
Другъ другу жизнь вамъ отравлять?
Зачѣмъ вражды вѣнокъ терновый
Вамъ другъ на друга надѣвать?
Ужели міръ земной вамъ тѣсенъ?
Ужель нельзя вамъ въ мирѣ жить
И, старой жизни сбросивъ плѣсень,
Какъ брата,—ближняго любить?..»

— Мнѣ очень нравится это стихотвореніе... очень!—тихимъ, взволнованнымъ голосомъ промолвилъ Огоньковъ.

Напрасно онъ говорилъ: это было видно и безъ его словъ... Ему не часто удавалось произносить такіе длинные монологи, какъ теперь сказанный имъ. Онъ говорилъ прерывающимся голосомъ, страшно волнуясь. Когда онъ декламировалъ стихотвореніе, въ его неумѣломъ чтеньи сказывалось столько страсти, столько искренняго увлеченія, столько горячей вѣры, сколько рѣдко приходится слышать ихъ въ чтеніяхъ на литературныхъ вечерахъ. Все то, что онъ высказалъ, очевидно, мучило его, не давало ему покоя... Прочитавъ стихи, онъ замолчалъ. Видимо, онъ былъ глубоко потрясенъ. Онъ коснулся своего самаго больного мѣста...

Степанъ Огоньковъ сидѣлъ, слегка отвер-

нувшись отъ своей собесѣдницы. Лицо его горѣло, на глазахъ блестѣли слезы... Добрая душа! Очевидно, высказанное имъ было для него не пустой фразой, не одними хорошими словами, какими полонъ міръ. Современный человѣкъ начиненъ громкими фразами, но смыслъ этихъ фразъ для него — совершенно отвлеченный... Для Огонькова, напротивъ, ихъ смыслъ являлся живымъ, облеченнымъ плотью и кровью. Онъ страдалъ, болѣлъ отъ сознанья своего безсилія... Голова его такъ же горѣла, какъ лицо; думамъ и чувствамъ, волновавшимъ его, казалось, было тѣсно въ его маленькомъ, тщедушномъ тѣлѣ.

Женичка съ удивленіемъ смотрѣла на юношу. Красивая, блестящая барышня, уже видавшая свѣтъ и людей, чувствовала теперь, что этотъ маленькій, невзрачный человѣчекъ, сидѣвшій передъ нею, весь съежившись и сгорбившись, открывалъ ей далекіе и совершенно новые горизонты. И его тщедушная, невзрачная фигура выростала въ ея мнѣніи до весьма почтенныхъ размѣровъ. Въ его дрожащемъ голосѣ, въ его манерахъ, неловкихъ и сдержанныхъ, сказывалась сила... Дѣйствительно, барышнѣ странно было видѣть человѣка, искренно думающаго объ общемъ благѣ и совершенно позабывающаго о себѣ...

Иногда находилъ тихій часъ,—и молодые люди сидѣли, молча. Огоньковъ, какъ бы погрузившись въ глубокую думу, упирался локтями въ колѣна, опускалъ голову на руки и такъ подолгу сидѣлъ, понурившись. Глядя на него, можно было подумать, что онъ въ эти минуты былъ далеко-далеко отъ барскаго сада и вообще отъ всей этой мирной веси. А дѣвушка, также задумавшись, машинально чертила зонтикомъ по землѣ, изрѣдка взглядывая на понурую фигуру своего молчаливаго собесѣдника. Странный былъ этотъ собесѣдникъ! То онъ начиналъ говорить, и говорить много, съ какою-то лихорадочною поспѣшностью, словно желая наговориться за долгіе годы молчанія; то вдругъ онъ дѣлался молчаливъ и нѣмъ, какъ рыба. Эти переходы, иногда очень рѣзкіе, смущали дѣвушку, даже нѣсколько пугали ее. Она догадывалась, что Огоньковъ — натура очень нѣжная, впечатлительная, что для него, какъ сказалъ поэтъ, было «слышно травъ прозябанье». Женичка, какъ сама немного музыкантша, очень хорошо знала, какъ легко порвать слишкомъ туго натянутыя струны. Да! именно, она сравнивала Огонькова съ такимъ чувствительнымъ струннымъ инструментомъ, съ которымъ слѣдовало обращаться очень, очень осторожно... «А кто съ нимъ, съ бѣдняжкой, станетъ такъ обращаться! Кто будетъ съ нимъ церемониться»... Конечно, жизнь— такая бѣшеная толкучка, что ежеминутно можно было ожидать: вотъ-вотъ тяжелый кулакъ опустится на туго-натянутыя, чутко-дрожащія струны и порветъ ихъ, и разобьетъ въ дребезги этотъ нѣжный инструментъ...

Не рѣдко молодые люди стояли у плетня, отдѣлявшаго садъ отъ береговой кручи. Отсюда подолгу смотрѣли они на всю окрестную сторону. Это было самымъ любимымъ мѣстомъ Женички... Отсюда открывался далекій видъ на рѣку, на противоположный берегъ, на рощи, на сѣрыя, убогія деревушки, пріютившіяся тамъ и сямъ, на поля и перелѣски.

Такъ шли дни за днями. Огоньковъ все болѣе привязывался къ своему молодому другу. Эта довольно странная дружба выражалась въ сотнѣ разныхъ незамѣтныхъ мелочей и придавала отношеніямъ Огонькова къ барышнѣ какой-то особенный, очаровательный колоритъ. Онъ иногда приносилъ ей тѣхъ ягодъ, какія не росли у нихъ въ саду: земляники, полянки, лѣсной малины... Дѣвушка, въ свою очередь, не пропускала случая сдѣлать ему удовольствіе. Зная, что Огоньковъ очень любитъ чай, она послѣ урока каждый разъ сама угощала его чаемъ. Она распорядилась купить въ сосѣднемъ уѣздномъ городкѣ самыхъ лучшихъ папиросъ, какія только могли найтись въ убогихъ уѣздныхъ магазинахъ. Ей купили какую-то дрянь, подъ названіемъ «Бафра», въ рубль сотню... Этими папиросами Огоньковъ постоянно пользовался, бывая въ Нагорномъ и, послѣ своего «горлодера», находилъ, разумѣется, папиросы Женички превосходными.,.

А толстая maman той порой, повидимому, то и дѣло отбивавшаяся отъ мухъ или дремавшая въ креслѣ гдѣ-нибудь въ тѣни, все-таки какъ-то замѣтила продолжительныя прогулки дочери съ «господиномъ Огоньковымъ» и, со свойственнымъ ей материнскимъ цинизмомъ, сказала однажды Женичкѣ, оставшись съ ней наединѣ:

— Ужъ ты, ma chère, не влюбилась-ли въ этого?..

— Съ чего вы взяли?—слегка вспыхнувъ

и сердито нахмуривъ брови, возразила дѣвушка.

— Богъ мой!.. Какъ ты строго...—съ кислой усмѣшкой проговорила мать, зѣвая во весь ротъ.

— Да съ чего вы это взяли?—настойчиво повторила Женичка, съ видимой досадой перебирая бѣлыя бусы, украшавшія ея малороссійскій нарядъ.

— Ахъ! Да очень просто...—лѣниво отвѣтила maman.—Вы съ нимъ такъ подолгу гуляете... И потомъ же, на безлюдьи... Впрочемъ, конечно, все это — вздоръ... онъ ужъ слишкомъ непрезентабеленъ! Не правда-ли?

Надежда Павловна, прищурившись, съ усмѣшкой посмотрѣла на молодую дѣвушку.

— Я только знаю, что онъ—вовсе не пошлякъ... Не такой человѣкъ, чтобы...—рѣзко заговорила Женичка.

— Да я же, милая, и не говорю, что онъ—пошлякъ или какой - нибудь гадкій человѣкъ!—перебила ее мать.

— Если бы вы его знали, вы не говорили бы мнѣ...

— Я только знаю, что твой monsieur Stéphan, можетъ быть, очень хорошій учитель и превосходный молодой человѣкъ...—продолжала Надежда Павловна.—Но онъ, милая, скученъ до крайности... и потомъ, эти его скрипучіе сапоги — ужасны! Такъ раздражаютъ нервы... Ну, да оставимъ это! Бросимъ... Я надѣюсь, что ты не увлечешься первымъ встрѣчнымъ. Что хорошо въ романѣ, издали, то—знаешь!—вблизи очень-очень иногда шокируетъ и... непріятно вообще...

Дочь усмѣхнулась, и тѣмъ кончился разговоръ.

Прогулки по саду продолжались, и бесѣды съ «monsieur Stéphan'омъ» длились иногда у Женички по цѣлымъ часамъ. О любви и увлеченіяхъ не было и помину. Смотря на него (послѣ разговора съ maman), дѣвушка подумала, что, кромѣ дружбы, она ничего не могла бы дать Степану Огонькову. Какъ мужчина, онъ ей не нравился и ни мало не будилъ ея чувственность... Если бы она жила съ нимъ въ пустынѣ, то, кажется, и тогда она оставалась бы съ нимъ въ совершенной безопасности...

Конечно, она видѣла въ Огоньковѣ случайнаго знакомаго,—сегодня она съ нимъ встрѣтилась, завтра—разстанется. Хотя онъ и говоритъ, что пріѣдетъ въ Петербургъ, но мало-ли что можетъ случиться... Они, можетъ быть, и не увидятся болѣе. Но теперь, пока, эта дружеская связь нравилась дѣвушкѣ своею новизной, необычайностью. До сего времени она не могла сблизиться съ мужчиной безъ того, чтобы не услыхать отъ него какихъ-нибудь пошлыхъ комплиментовъ, разсужденій о любви или, просто, о какихъ-нибудь пустякахъ. Ея связь—если можно такъ выразиться—съ Огоньковымъ была ея первая серьезная, чисто дружеская связь съ мужчиной. Ей пріятно было сдѣлаться повѣренной этого молодого человѣка...

Степанъ Огоньковъ также со своей стороны приближался къ ней безъ всякихъ чувственныхъ побужденій, и если иногда онъ смотрѣлъ на нее съ нескрываемымъ восторгомъ, то это была, просто, невольная дань уваженія къ человѣческой красотѣ... Но съ нѣкотораго времени въ душѣ его стали подниматься какія-то смутныя чувства—скорѣе нѣчто въ родѣ предчувствія, чувства туманныя, неясныя, какъ передразсвѣтныя тѣни. Онъ самъ не давалъ себѣ отчета въ этихъ чувствахъ... Было жутко и отрадно...

Коротко сѣверное лѣто Оно пролетаетъ быстро, какъ чудесный сонъ. Въ концѣ августа листъ желтѣетъ и опадаетъ, туманы стелются по полямъ... Но Надежда Павловна не дождалась тумановъ: Колѣ слѣдовало явиться въ гимназію не позже 16-го августа, да и самой m-me Гречулевой страшно надоѣло кормить деревенскихъ мухъ своимъ бѣлымъ тѣломъ. Отъѣздъ былъ назначенъ на 8-е число. Степанъ Огоньковъ замѣтно пріунылъ, и на послѣднихъ урокахъ онъ былъ такъ разсѣянъ, что трудно было сказать: кто разсѣяннѣе—учитель или ученикъ.

Вообще, въ поведеніи Огонькова за послѣднее время стала замѣчаться какая-то странная перемѣна. Въ его обыкновенно кроткомъ, спокойномъ характерѣ стала проявляться неровность, какая-то шероховатость, вовсе не свойственная ему. То онъ ходилъ угрюмый, молчаливый, не обращалъ ни на что вниманія, какъ-будто былъ недоволенъ чѣмъ-то... Въ такое время мать говорила про него, что онъ «бѣлены объѣлся». То онъ оживлялся, дѣлался говорливъ чрезъ мѣру, игралъ и возился съ дѣтьми, а мать комментировала это поведеніе тѣмъ, что его «бѣсы тѣшатъ».

Но Степанъ Огоньковъ ни бѣлены не объѣлся, ни бѣсамъ потѣхой не служилъ. Въ дѣйствительности, дѣло было гораздо проще. Онъ

полюбилъ... Молодость взяла свое. Но Огоньковъ и самъ не зналъ, что онъ любилъ... по крайней мѣрѣ, онъ не отдавалъ себѣ яснаго отчета въ волновавшемъ его чувствѣ. Когда, при какихъ обстоятельствахъ, какимъ образомъ такъ незамѣтно закралась въ него любовь,—онъ самъ не могъ бы сказать ни за что въ мірѣ. До послѣдняго времени онъ, повидимому, зналъ только одну дружбу къ этой красивой дѣвушкѣ, которая была къ нему всегда такъ равно добра и снисходительна... Что жъ это такое сдѣлалось съ нимъ?

Когда оказалось, что Гречулевы скоро уѣзжаютъ,—Огоньковъ вдругъ сдѣлался разсѣянъ и тревоженъ. Свою тревогу онъ объяснялъ очень просто... Разлука съ «другомъ», предстоявшее ему одиночество и, наконецъ, неизвѣстность и полнѣйшая неувѣренность въ будущемъ—вотъ что, по его мнѣнію, нагоняло на него тоску и такъ тяжко, до боли сжимало ему грудь. Отчасти въ такихъ объясненіяхъ была доля правды. Мысль о предстоявшемъ одиночествѣ, дѣйствительно, приводила его въ уныніе. Отецъ Алексѣй, конечно, хорошій человѣкъ, но старъ, слишкомъ спокойно, эпически-спокойно настроенъ. Не понять ему Огонькова, да и Огоньковъ не найдетъ наслажденія въ томъ, въ чемъ находитъ его отецъ Алексѣй, то-есть, въ спокойствіи и тишинѣ. Не можетъ онъ постоянно сидѣть на крыльцѣ съ отцомъ Алексѣемъ и безмятежно любоваться на мирную картину, солнечнаго заката и толковать о мелочахъ дня... Но, кромѣ мысли объ одиночествѣ, было еще и другое, что нагоняло на Огонькова темную тѣнь. Это *другое* еще представлялось ему смутно, неявственно; онъ, словно, боялся заглянуть подальше...

5-го августа Огоньковъ далъ послѣдній урокъ,—онъ хорошо запомнилъ это число. Надежда Павловна, расплачиваясь за уроки, въ видѣ «благодарности» прибавила, было, учителю сверхъ платы еще 10 рублей, но Огоньковъ отъ прибавки отказался и взялъ лишь слѣдуемое... Барыня на него серьезно обидѣлась. Да, какъ же, помилуйте! «Всякая дрянь еще безкорыстіе показываетъ! Тоже съ гоноромъ!»...

По окончаніи разсчета, Огоньковъ отправился въ садъ и тамъ въ аллеѣ встрѣтилъ Женичку. Барышня сразу же замѣтила, что Огоньковъ чѣмъ-то взволнованъ. Онъ выглядѣлъ блѣднѣе обыкновеннаго, и углы губъ его слегка подергивались, какъ у ребенка, когда тотъ собирается заплакать.

— Что съ вами? Здоровы-ли вы?—спросила она.

— Ваша мамаша... я не знаю, право, съ чего это...—смущенно проговорилъ онъ.—Она хотѣла мнѣ подарить денегъ... Я не взялъ... съ чего жъ я возьму!.. Но я, кажется, этимъ обидѣлъ ее... Только я, право, ничего не сказалъ ей такого... такого обиднаго...

— Вотъ еще стоитъ волноваться изъ-за всякихъ пустяковъ... Мамаша сама иногда не знаетъ, что дѣлаетъ...—съ ободряющей улыбкой промолвила дѣвушка. — Значитъ, намъ проститься надо...

Они прошлись еще нѣсколько разъ по саду. Огоньковъ хмурился и молчалъ... И день выдался какой-то сѣрый и мглистый. Женичка долго стояла на своемъ любимомъ мѣстѣ у плетня... Еще въ первый разъ въ бесѣдѣ съ Огоньковымъ чувствовалось для нея какое то стѣсненіе...

— Хорошо здѣсь было лѣтомъ!—сказала она, задумчиво оглядываясь на садъ.

Огоньковъ все молчалъ. Очевидно, слова не шли у него съ языка... Онъ былъ такъ разсѣянъ, противъ всякаго обыкновенія, что даже не слыхалъ многаго изъ того, что говорила ему барышня. Онъ самъ многое собирался высказать, но все это теперь или забылось, или какъ-то не шло съ языка.

— Зимой здѣсь будетъ худо... — вдругъ проговорилъ онъ совершенно некстати, очевидно, продолжая думать вслухъ.

— Разумѣется, скучно... мужики, да волки только и останутся!—отозвалась Женичка, посмотрѣвъ на него.

— Нѣтъ, не то... — задумчиво пробормоталъ Огоньковъ.—И съ волками жить можно... а съ людьми и подавно... Только что же безъ толку-то жить съ ними... Ихъ же объѣдать!.. Вотъ я про что, а вовсе не проскуку...

Въ тонѣ его звучали раздраженье и досада. Это было въ немъ такъ ново, такъ удивительно, что Женичка пристально взглянула на него.

— Какой же вамъ еще нужно толкъ, если вы будете учителемъ!— возразила она.—На сколько можете, будете просвѣщать, станете приносить пользу...

—Просвѣщать!—съ какою-то жалостной усмѣшкой промолвилъ Огоньковъ.—А вы знаете,

что здѣсь зимой всего нужнѣе будетъ ржаной хлѣбъ!

— Хлѣбъ? — повторила барышня.—Ахъ, да-а... вѣдь нынѣ—неурожай! Да! Конечно, это—вопросъ...

— Для меня—не вопросъ...—тихо проговорилъ Огоньковъ, какъ бы про себя.

Еще немного помолчали, еще немного поговорили... Огоньковъ говорилъ невпопадъ, все какъ будто бы не то, о чемъ хотѣлось сказать... Наконецъ, пришла пора проститься...

— Пріѣзжайте же!—сказала ему Женичка на прощанье.

Огоньковъ крѣпко пожалъ ей руку и съ минуту, молча и грустно, смотрѣлъ на нее. Прекрасная, здоровая, свѣжая — стояла она передъ нимъ. Также, какъ и въ первое ихъ свиданье за чайнымъ столомъ, на щекахъ ея игралъ розовый, нѣжный румянецъ, взглядъ ея былъ свѣтелъ и ясенъ, и легкая улыбка играла на ея губахъ. «Понятно! Что жъ ей скучать!» подумалъ Огоньковъ. «Она теперь ѣдетъ въ Петербургъ, къ своимъ знакомымъ, въ уютное гнѣздышко, на все готовое... У нея тамъ свои интересы, друзья, все... Добрая она, а все же, наше горе—не ея горе... И *мы* для нея—*чужіе*!» Степанъ Огоньковъ почувствовалъ, какъ при этомъ его больно кольнуло въ сердце, и ему стало тяжело при сознаніи своей отчужденности отъ этой дѣвушки. Онъ тяжело вздохнулъ...

— Прощайте! — тихо проговорилъ онъ, еще разъ пожалъ ей руку и вышелъ изъ калитки.

Спустившись съ кручи, онъ берегомъ прямо отправился домой, не заходя въ усадьбу.

Тутъ бросился ему въ глаза большой сѣрый камень, поднимавшійся изъ воды, камень, на которомъ онъ свелъ свое первое знакомство съ Колей, и это знакомство привело его въ Нагорное... Послѣ того дня, когда онъ ловилъ рыбу на этомъ камнѣ, прошло уже около двухъ мѣсяцевъ. Быстро пролетѣло это время... Огоньковъ невольно еще разъ оглянулся на барскій садъ. Молодая дѣвушка все еще стояла у плетня, облитая яркимъ свѣтомъ заходящаго солнца. Ея бѣлая рубаха блестѣла на солнцѣ... Дѣвушка, какъ будто, кивнула ему головой,—или, можетъ быть, Огонькову это померещилось... Онъ также махнулъ ей шапкой, въ видѣ прощальнаго привѣта. Вдругъ страшная тоска налегла ему на сердце. Теперь онъ почувствовалъ, что эта дѣвушка изъ «другого міра» дорога для него, гораздо *дороже*, чѣмъ онъ думалъ до послѣдней минуты. Теперь, когда онъ издали и, можетъ быть, ужъ въ послѣдній разъ смотрѣлъ на Женичку, на него, точно сошло какое-то прозрѣніе... Такъ иногда въ ночи, неожиданно, сверкнетъ молнія и на мгновенье озаритъ далеко всю окрестность своимъ полыхающимъ, синеватымъ свѣтомъ.

«Воротиться назадъ!»... Вотъ каково было первое, непосредственное побужденіе послѣ открытія, сдѣланнаго Огоньковымъ. Съ замираньемъ и тревогой, тяжело дыша, смотрѣлъ онъ на сѣрый, полусгнившій плетень, нависшій надъ берегомъ, на бѣлую фигуру, прислонившуюся къ нему, и на густыя, могучія липы, раскидывавшія надъ плетнемъ свои зеленыя вѣтви. «Зачѣмъ же ты воротишься?» говорилъ разсудокъ. «Тебя спросятъ: вы не позабыли-ли что-нибудь? Ты что-же скажешь на это? Скажешь: да! Я забылъ... забылъ сказать, что мнѣ очень тоскливо, что я не хочу разставаться съ вами, что я хочу быть съ вами вмѣстѣ... Вздоръ! Нелѣпость! Иди, иди скорѣе домой, пока не сочли тебя за полоумнаго!..» И Огоньковъ медленно шелъ берегомъ. Ноги его, казалось, отяжелѣли и съ трудомъ несли его маленькое, худенькое тѣло. А блѣдныя губы его въ то же время что-то беззвучно шептали...

Такъ въ первый разъ Степанъ Огоньковъ полюбилъ женщину, да и то какъ-то странно, «заднимъ числомъ», когда уже разстался съ этой женщиной и послѣ того уже болѣе не видалъ ее... Но что вышло бы, если бы дѣла оставались въ прежнемъ положеніи, то-есть, если бы Огоньковъ продолжалъ встрѣчаться съ барышней? Едва-ли его робость и смиреніе допустили бы его когда-нибудь объяснить ей свои чувства, открыть свою великую тайну. Это могло бы случиться лишь тогда, если бы сама дѣвушка дала ему поводъ думать, что его «люблю» будетъ встрѣчено хорошо. Но не смотря на всю свою младенческую неопытность, Огоньковъ чувствовалъ, что невозможно было ожидать для его «люблю» благосклоннаго пріема... И потомъ же, кромѣ робости и смиренія, не допустило бы его до любовныхъ объясненій еще другое обстоятельство. Онъ сознавалъ, что эта дѣвушка, какъ онъ уже не разъ говорилъ себѣ, — существо «другого міра», и общей, крѣпкой связи между ними не существовало. Пришлось бы, значитъ, или ломаться ей, или ему гнуться. Кто бы изъ нихъ перетянулъ—не-

извѣстно. А она ужъ, конечно, стала бы тянуть Огонькова изъ той среды, гдѣ живутъ только «мужики да волки»... А вѣдь чортъ—силенъ, говорятъ, горами качаетъ. Не качнулъ-ли бы онъ и Огоньковымъ?.. Огоньковъ, разумѣется, постарался бы утащить любимую женщину за собой... но статочное-ли дѣло затащить Женичку въ деревню? Чтобы убѣдиться въ томъ, что это дѣло вовсе нестаточное, дѣло нелѣпое, фантастическое—для того стоило только посмотрѣть на эту изящную, нарядную дѣвушку, нѣжную и выхоленную, какъ дорогой цвѣтокъ... При воспоминаніи объ этомъ блестящемъ образѣ, всѣ мечты Огонькова должны были разлетаться въ прахъ. Ту же мысль мать его выразила бы проще, сказавъ, что «барышня ему—не пара»... «Не пара!» вотъ—настоящее слово.

Все это, конечно, такъ, все это — сущая правда, но отъ этой правды не было легче Огонькову, когда онъ шелъ домой берегомъ Которани, съ тоской, уныло посматривая на ивы, склонявшіяся къ водѣ. Онъ долженъ любить втайнѣ, украдкой. Это было очень тяжело... Но вѣдь также точно втайнѣ, украдкой любилъ бы онъ и тогда, если бы по прежнему остался въ обществѣ Женички.

Такова была первая и послѣдняя любовь Степана Огонькова. Не принесла она ему радости и свѣта...

VIII.

Если до сего времени Огоньковъ всѣми силами души стремился къ Петербургу, то теперь этотъ далекій, «большой» городъ облекся для него еще новымъ очарованіемъ,—теперь, когда барскій домъ въ Нагорномъ опустѣлъ. И умъ, и чувство, и личная привязанность—все толкало его туда, въ даль отъ ремневскаго погоста. Но выбраться изъ Ремнева не представлялось возможности, и Огонькову приходилось пить горькую чашу. Финансы его были въ очень плохомъ состояніи. Онъ надѣялся на деньги съ уроковъ, но эти деньги—30 рублей съ чѣмъ-то — уплыли у него, какъ вода, между пальцами. Матери надо было заплатить долгъ рублей 8, Васѣ надо было шапку купить, Олѣ—шубку, валенки, потомъ пришлось хлѣба покупать и т. д. Огоньковъ положительно не могъ отказывать въ деньгахъ, когда деньги у него были въ рукахъ. И деньги разошлись, осталось рублей 5—6, да вѣдь съ ними далеко не уѣдешь.

Отецъ Алексѣй обнадеживалъ его, что мѣсто учителя во вновь открывающейся школѣ останется за нимъ. Оставалось ждать, «копить деньги» и затѣмъ весной, или будущею осенью — въ Питеръ! И Огоньковъ съ глубокимъ вздохомъ, скрѣпя сердце, соглашался ждать...

— Что, Степанушка, не веселъ, что головушку повѣсилъ?—говорилъ отецъ дьяконъ Огонькову, когда тотъ уныло бродилъ вокругъ своей хаты.

— Скучно что-то, отецъ дьяконъ!—отвѣчалъ Огоньковъ.

— Сходилъ бы хоть на Трошкино, — поразгулялся малость!—продолжалъ дьяконъ.—Чего тебѣ киснуть-то у насъ на Ремневѣ? У насъ, братъ, взять нечего...

— Нѣтъ, не то... Безъ дѣла-то, говорю, неловко!—возражалъ молодой человѣкъ.

— Извѣстно: какія у насъ дѣла...—соглашался и отецъ дьяконъ.

Трошкино — была большая деревня, въ трехъ верстахъ отъ Ремнева. На Трошкинѣ—почтовая станція и при ней почтовое отдѣленіе, двѣ лавки съ разнымъ товаромъ, кабакъ, волостное правленіе, въ центрѣ деревни—среди улицы—старенькая, но подновленная и на диво раскрашенная часовня и, кромѣ того, здѣсь же, на Трошкинѣ, жилъ старшина. Мѣсто, дѣйствительно, было бойкое, проѣзжее; по воскресеньямъ сюда сходился народъ со всей волости и кучками расползался по всей деревнѣ. На почтовой станціи или, вѣрнѣе, передъ станціей, на помостѣ, на ступеняхъ крылечка и вокругъ полосатаго, почтоваго столба люди толковали о новостяхъ дня; около часовни шла торговля; въ кабакѣ пили, въ правленьи били и т. д.

Степанъ Огоньковъ уже познакомился кое съ кѣмъ на Трошкинѣ. Такъ, напримѣръ, по совѣту матери, онъ былъ раза два у волостного старшины. Старшина, какъ водится, мѣстный кулакъ и пройдоха, былъ человѣкъ ловкій и пользовался вліяніемъ. Онъ не могъ дѣлать много добра, но могъ вредить много. Потомъ, Огоньковъ познакомился съ писаремъ, съ лавочниками, съ фельдшеромъ, но рѣдко бывалъ на Трошкинѣ: тамошняя компанія была ему не по нутру. Особенно не нравился ему волостной писарь, который всѣмъ хвастался, что у него запасено розогъ «на круглый годъ»...

Незамѣтно подкралась осень. Перевалило за половину сентября...

V

Сѣрыя облака висятъ надъ землею; съ утра до ночи мороситъ дождь. Грязь на улицѣ—по ступицу... Поля опустошены; послѣдній суслонъ давно уже свезенъ съ поля,—и невесело торчитъ колючая жнива... Гряды въ огородахъ разрыты, валяется кое-гдѣ забытая луковица, картофель, и тамъ и сямъ разбросаны увядшіе листья разныхъ овощей. Деревья уныло скрипятъ своими оголенными вѣтвями. Въ полуночной тьмѣ вѣтеръ стонетъ, завываетъ надъ этой раззоренной стороной... Деревенскія хаты, потемнѣвшія отъ дождя, кажутся невзрачнѣе обыкновеннаго, и слезливѣе обыкновеннаго выглядятъ ихъ подслѣповатыя оконца. Точно какой-нибудь Мамай прошелъ по этой унылой, печальной сторонѣ и раззорилъ ее въ раззоръ.

Степанъ Огоньковъ чувствовалъ себя несчастнымъ. И дома, и въ людяхъ тоска грызла его... Только съ дѣтьми отводилъ онъ душеньку. Бывало, усадитъ онъ ихъ около себя и разсказываетъ имъ всякія исторіи, или возьметъ Васю къ себѣ на колѣни, гладитъ его по волосамъ, бѣлокурымъ и мягкимъ, какъ расчесанный ленъ, и тихо бесѣдуетъ съ нимъ. И понятенъ былъ его незлобивой душѣ этотъ дѣтскій лепетъ, понятны ему были взгляды свѣтлыхъ, голубыхъ глазенокъ, такъ довѣрчиво, съ такою любовью заглядывавшихъ въ его грустное лицо. И для «малыхъ сихъ» также были внятны разсказы и ласки добраго, смиреннаго дяди. Одна и та же жесткая рука судьбы пришибла и «стараго», и «малыхъ». Они невольно прижимались другъ къ другу, какъ путники, выброшенные послѣ кораблекрушенія на необитаемый островъ... Дьячиха ворчала на нихъ, и дѣти и Огоньковъ побаивались ея. Она не могла шлепать его, какъ шлепала иногда ребятъ, но за то изрѣдка донимала его нравоученіями на ту тему, что съ поклона спина не переломится, голова не свалится и вообще не причинится никакихъ увѣчій...

Иногда Огоньковъ захаживалъ къ отцу Алексѣю, но эти захаживанья не веселили его. Гостья, Марья Аристарховна, давно уже убралась восвояси, да если бы и не убралась, такъ радостей отъ нея было бы мало: у нея одинъ только любимый разговоръ—о городскихъ сплетняхъ. Попадья разсуждала съ успѣхомъ лишь о своемъ хозяйствѣ, а дальше того—пасъ... Съ дочкой ея, Сашинькой, Огоньковъ никакъ не могъ сблизиться... Толковалъ онъ съ отцомъ Алексѣемъ, но разговоры со старикомъ не удовлетворяли его...

— Скучно, отецъ Алексѣй! — говорилъ Огоньковъ.

— Что это?—вопросительно отзывался старикъ, какъ бы въ недоумѣніи насчетъ того: съ чего выдумалъ скучать Степанъ Огоньковъ.—Полно, полно, дитятко! Пустое! Брось все это... Живи-ка лучше съ нами—добро!.. Устроимъ мы тебя учителемъ, жалованьемъ обижать не будемъ,—все, какъ слѣдуетъ, честь честью! А ты живи себѣ у насъ... Этакъ-то, братъ, здоровѣе будетъ, чѣмъ по свѣту шляться—незнамо гдѣ... Помнишь Крыловскую басню «Два голубя»?.. Такъ-то вотъ! Того гляди, еще крылья обломаютъ, калѣкой перехожимъ сдѣлаешься... А безъ своего-то угла натерпишься всего, дитятко! Жизнь-то иной разъ долга, охъ! долга... ее перейти не то, что поле! А здѣсь-то, у родной своей, у знакомыхъ людей, въ родномъ уголку изжилъ бы ты свой вѣкъ важно, въ покоѣ, въ мирѣ, да въ тихой радости. Вѣрно тебѣ говорю...

О. Алексѣй напрасно тратилъ свое краснорѣчіе; втунѣ пропадали его заманчивыя рѣчи, не попадая въ цѣль. Человѣкъ рвется на просторъ, а ему говорятъ о какомъ-то «уголкѣ»; человѣкъ рвется къ жизни, какъ на бой, а ему, въ видѣ приманки, добрые люди развертываютъ перспективу спокойнаго, мирнаго житья въ какомъ-то затишьи. Странны и дики казались Огонькову рѣчи отца Алексѣя; на него отъ этихъ рѣчей вѣяло холодомъ, какъ изъ сырого и затхлаго, нежилого зданія.

— Хорошо вамъ говорить, отецъ Алексѣй, когда вы пожили на своемъ вѣку...—возражалъ молодой человѣкъ.—Конечно, вамъ теперь милы миръ и тишина... Это я понимаю! И я, можетъ быть, въ ваши годы также захочу спокойствія... А теперь мнѣ покоя не надо! Что мнѣ дѣлать съ вашимъ покоемъ? Я хочу жить... и вовсе не думаю избѣгать ни тревогъ, ни борьбы, ни житейскаго шума...

Собесѣдники представляли собой явный контрастъ. Огоньковъ волновался; лицо его горѣло, глаза блестѣли. Онъ говорилъ быстро, и въ тонѣ голоса его слышалось нетерпѣнье... А старикъ поглаживалъ свою длинную, сѣдую бороду и говорилъ спокойнымъ, задушевнымъ тономъ. Собесѣдники говорили на разныхъ языкахъ и не понимали другъ друга. Одинъ уже давно былъ въ пристани и смотрѣлъ на міръ, какъ на суету суетъ, а другой норовилъ выйти въ открытое море, помѣряться съ бурей, ибо за моремъ, въ туманѣ, ему мерещился чудесный край, миражъ или дѣйствитель-

ность, — рѣшить было еще невозможно. Но эта даль, терявшаяся въ туманѣ, манила его къ себѣ...

— Я, братъ, съ молодыхъ лѣтъ поселился здѣсь... — возражалъ старикъ. — Не жилъ я никогда въ большихъ городахъ... никогда я не жилъ «въ борьбѣ», какъ ты говоришь! Вотъ ужъ четвертый десятокъ лѣтъ живу я противъ этой колокольни...

О. Алексѣй махнулъ рукой по направленію къ окну, изъ котораго видна была колокольня, бѣлѣвшая въ синеватомъ, вечернемъ сумракѣ... Въ комнатѣ огонь еще не былъ зажженъ: старикъ любилъ посидѣть впотемкахъ въ передвечернее время. Это онъ называлъ «сумерничать». Его семьяне большею частью жили внизу, а онъ одинъ или съ гостями уходилъ иногда наверхъ. Поэтому, внизу слышались порой голоса и стукъ дверей, а вверху было совсѣмъ тихо. Когда собесѣдники замолкали, въ комнатѣ явственно слышалось только мѣрное тиканье большихъ стѣнныхъ часовъ.

— Обживешься, привыкнешь...—продолжалъ старикъ.—Вотъ ужо мы тебя женимъ, пойдутъ ребятишки, и проживешь ты вѣкъ свой, какъ у Христа за пазухой. А на Петербургъ ты плюнь! Право! Ну, чего ты позабылъ тамъ? Чего тамъ хорошаго? Шумъ, гвалтъ, другъ дружку давятъ... даже голова закружится, какъ поскажутъ про тамошнія дѣла...

— Меня *зоветъ* отсюда... *зоветъ!*—тихо, какъ бы въ задумчивости, промолвилъ Степанъ Огоньковъ.

— Полно, полно! — перебилъ его старикъ. — Все это только мысли тебя смущаютъ... буйство духа! Пустое...

Старикъ спокойно разглаживалъ на колѣняхъ свой клѣтчатый носовой платокъ. А Степанъ Огоньковъ, съ пылающимъ лицомъ и тяжело дыша, отвернулся къ окну и смотрѣлъ въ вечерній сумракъ, уже окутывавшій непроницаемой дымкой ремневскій погостъ. Только церковь, да высокая колокольня, какъ призрачныя видѣнія, бѣлѣли во мглѣ. Сильно билось сердце у Степана Огонькова, когда онъ смотрѣлъ въ эту темь...

Ему предлагаютъ жениться, обзавестись семьей, хотятъ приковать его здѣсь, какъ собаку на цѣпь, и за то сулятъ ему спокойствіе и миръ... Да развѣ же онъ думаетъ о *себѣ?* Зачѣмъ ему *свой* уголъ?.. Онъ будетъ бороться. Онъ будетъ раздѣлять горе и радости, надежды и тревоги своихъ бѣдныхъ братьевъ. Онъ будетъ несказанно радъ, онъ будетъ счастливъ, если ему удастся пронести хотя маленькій свѣтъ въ темное царство. Онъ понимаетъ, что Прометей страшно мучился, пригвожденный къ скалѣ, но вѣдь его муки навѣрное облегчались тѣмъ сознаніемъ, что огонь, принесенный имъ на землю, не будетъ уже отнятъ у людей—никѣмъ и никогда... И вдругъ среди мрака Огонькову является свѣтлая точка...

Яркій, цвѣтущій, блещущій всѣми красками молодости и здоровья, мерещится ему образъ милой, любимой дѣвушки. Зеленый малинникъ, разметавшійся во всѣ стороны и покрытый спѣлыми ягодами, зелень, цвѣты и ясное небо надъ головою, цвѣтущія липы и бузина и влажныя, пахучія испаренья,—все припомнилось Огонькову. Передъ глазами его словно пронеслась прелестная, яркая картина, только-что написанная, краски которой еще не успѣли засохнуть... Свѣтлое видѣнье мгновенно пропало, какъ мгновенно явилось. И сквозь вечерній сумракъ Огоньковъ видитъ опять передъ собой однѣ безмолвныя могилы. Неужели здѣсь, вотъ на этомъ самомъ погостѣ, суждено ему лечь раньше, чѣмъ онъ извѣдаетъ счастья и бурь? Заснуть утромъ, когда день, можетъ статься, обѣщаетъ быть прекраснымъ! Это было бы очень тяжело...

— Пойдемъ - ка внизъ! Ужъ пора чай пить! —говорилъ въ заключеніе отецъ Алексѣй.

Холодомъ всегда вѣяло на Огонькова отъ этихъ «сумеречныхъ» разговоровъ, и тоска больно щемила ему сердце...

Наконецъ, въ половинѣ октября открылась школа. По ходатайству о. Алексѣя, Степану Огонькову было разрѣшено *временно* исправлять должность учителя въ ремневской школѣ. Старшина также со своей стороны посодѣйствовалъ и далъ удовлетворительный отзывъ относительно политической благонамѣренности Степана Огонькова. Но общій надзоръ за школой былъ порученъ все-таки отцу Алексѣю, и даже самъ учитель былъ какъ бы отданъ ему на поруки.

— Ну, смотри же, парень! Не подведи меня...—говорилъ ему старикъ въ день открытія школы.

Огоньковъ, молча, грустно, почти уныло посмотрѣлъ на старика.

Ну, и стали собираться въ школу ученики. И что это были за ученики, Боже, ты мой! Иной пришелъ въ мамкиномъ шугаѣ съ

длиннѣйшими рукавами, иной въ дырявомъ полушубкѣ, иной просто въ холодномъ зипунишкѣ, и все больше худенькіе, заморенные, съ покраснѣвшими отъ холода лицами. У нѣкоторыхъ изъ-за пазухи или изъ кармана торчали куски чернаго хлѣба: они насбирали его Христа ради, идя въ школу. Дѣвочекъ было немного...

Огоньковъ, любившій дѣтей, разумѣется, занимался съ ними усердно, съ терпѣніемъ. Онъ чувствовалъ глубокую жалость и участіе къ своимъ холоднымъ и голоднымъ ученикамъ. Иногда, оставаясь одинъ, Огоньковъ вспоминалъ ихъ маленькія, худыя лица, и на глазахъ его невольно навертывались слезы... Этимъ русымъ и бѣлокурымъ головкамъ, нечесаннымъ и немытымъ, онъ желалъ отъ всей души лучшей доли, желалъ имъ всякаго счастья. И въ то же время онъ сознавалъ свое безсиліе сдѣлать что-нибудь въ настоящее время для того, чтобы приблизить къ своимъ нищимъ ученикамъ желаемое лучшее будущее. Это-то горькое сознаніе и выжимало на глаза его слезы...

Какъ ни усердно занимался съ дѣтьми Огоньковъ, свободнаго времени все-таки оставалось у него много. Книги были всѣ прочтены. Почтовый смотритель давалъ ему иногда читать кое-какія газеты, но вѣдь газетнымъ хламомъ жизни не наполнишь... Тоска не покидала Степана Огонькова.

Молоченье кончили, риги замолкли. Земля подмерзала и снѣгъ кружился въ воздухѣ.

— Бѣлыя мухи летятъ! — кричали ребятишки, ловя себѣ на руки снѣжные хлопья, мелькавшіе въ воздухѣ.

Первый снѣгъ выпалъ наканунѣ Михайлова дня. За ночь земля забѣлѣлась, и бѣлые пушистые клочья повисли на голыхъ вѣтвяхъ деревъ... Степанъ Огоньковъ обрадовался снѣгу и послѣ обѣдни отправился берегомъ Которани по направленію къ Нагорному. Берега запорошило снѣгомъ, и тихо катившіяся воды рѣки казались темнѣе обыкновеннаго. Въ воздухѣ — тихо, безмолвны окрестности, покрытыя снѣгомъ. Вотъ и Нагорное! Вотъ большой сѣрый камень поднимается изъ воды, направо береговая круча, а тамъ, высоко, — покрившійся плетень, за плетнемъ — садъ, теперь безмолвный и пустынный. Огоньковъ бродилъ по аллеямъ, заглянулъ на сѣрый домъ, прошелъ мимо малинника и присѣлъ на одну изъ скамеекъ, на которыхъ онъ часто сиживалъ лѣтомъ съ Женичкой. Сухой, поломанный вѣтромъ малинникъ сѣрымъ, невзрачнымъ кустомъ торчалъ передъ нимъ. Холодно, пусто... И вспоминалось Огонькову жаркое лѣто, голубыя небеса и такъ недавно пріятно прожитые дни. Теперь хмурыя, снѣжныя облака заволакивали небо изъ края въ край. Также хмуро и сѣро было на душѣ Огонькова. Въ виду знакомыхъ мѣстъ, гдѣ Огоньковъ привыкъ видѣть *ее*, тоска еще больнѣе сжала ему сердце... Женичка говорила: «Приходите же къ намъ, когда пріѣдете въ Петербургъ... Чаще мы бываемъ дома въ воскрессенье вечеромъ. Приходите въ сумерки, отобѣдаемъ вмѣстѣ, потомъ я васъ чаемъ напою. Потолкуемъ»... Эти слова, точно огнемъ написанныя, теперь стоятъ передъ нимъ. Когда-то наступятъ для него тѣ сумерки, когда онъ пойдетъ къ *ней?*

Огоньковъ выкурилъ одну папиросу, другую, третью... Время было уже за полдень. А онъ все еще сидѣлъ на скамеечкѣ, сгорбившись и низко понуривъ голову. Если бы въ эту минуту его спросили: что онъ чувствуетъ? онъ, вѣроятно, отвѣтилъ бы: «Мнѣ тяжело!» И этимъ онъ сказалъ бы все... Разлука съ любимой женщиной, сознаніе одиночества, оторванности отъ близкихъ людей, неувѣренность въ будущемъ, смутныя опасенія за настоящее, грустная и убогая дѣйствительность, со всѣхъ сторонъ обступавшая его, все это, какъ тяжелымъ камнемъ, пригнетало его.

«Я больше не пойду сюда!» говорилъ про себя Огоньковъ, уходя изъ барскаго сада. Уже вечеромъ возвратился онъ домой, голодный и усталый...

IX.

Наступила зима. Начался сборъ податей и недоимокъ. Въ деревняхъ вокругъ Ремнева стонъ стоялъ. Днемъ мужики ревѣли подъ розгами, ночью выли голодные волки... Годъ выдался плохой, хлѣба едва хватило до половины Филипповокъ...

Сѣро и тоскливо проходила для Огонькова зима. Иной разъ Огонькова брала такая одурь, что онъ отправлялся на Трошкино — къ волостному писарю въ гости.

Писарь, Афанасій Иванычъ Трубицынъ, былъ вдовецъ, лѣтъ подъ 40, человѣкъ разгульнаго поведенія и такового же образа мыслей. Онъ представлялъ изъ себя довольно дюжую фигуру съ краснымъ лицомъ и съ подслѣповатыми глазками, помутившимися отъ пьянства и разврата. Поговаривали въ де-

ревняхъ, что онъ былъ въ «нехорошей» болѣзни... Жилъ онъ, какъ водится, при волостномъ правленьи, и иногда по зимнимъ вечерамъ собиралась у него вся трошкинская аристократія, то-есть, старшина, почтовый смотритель, фельдшеръ, лавочники, каменщикъ-подрядчикъ, содержатель постоялаго двора—онъ же и кабатчикъ, письмоводитель непремѣннаго члена, жившаго въ своей усадьбѣ, въ двухъ верстахъ отъ Трошкина, и иногда кое-кто изъ городскихъ...

Старшина, Игнатій Ермолаевъ, былъ настоящій «умственный» мужичекъ (въ худшемъ смыслѣ слова), то-есть, ловкачъ и пройдоха, какихъ не мало стала плодить въ наше время деревня. Онъ совершенно напоминалъ собой любого петербургскаго старшаго дворника: толстый, жирный, съ самодовольной миной на лоснящемся лицѣ, съ хитрыми, лукавыми глазками, съ «галантерейнымъ» обращеніемъ, съ тяжелымъ, увѣсистымъ кулакомъ и съ высокимъ мнѣніемъ о себѣ... Фельдшеръ, Герасимъ Васильичъ Филенкинъ, среднихъ лѣтъ, средняго роста человѣчекъ, худенькій, мозглявый, съ какимъ-то сѣрымъ, невзрачнымъ лицомъ, съ сухими и нечесанными, рыжеватыми волосами, въ затасканномъ сюртукѣ, съ вѣчно прорванными локтями—изображалъ изъ себя очень жалкую, забитую, спившуюся личность. Лавочникъ, Иванъ Федоровъ—по прозванью Гладкій—былъ мѣстный франтъ и Донъ-Жуанъ; его темные волосы всегда подстрижены въ скобку и иногда даже напомажены, а усы закручены самымъ убійственнымъ образомъ; онъ ходитъ въ щегольскомъ казакинѣ и перетягиваетъ талію блестящимъ наборнымъ поясомъ, носитъ также и крахмаленныя рубахи...

Остальные обычные собесѣдники Афанасія Иваныча составляютъ лишь сѣрый фонъ для картины.

Иногда почтовый смотритель приносилъ съ собой завалявшіяся газеты, почему-нибудь еще не взятыя съ почты, тогда писарь вслухъ читалъ газеты, а затѣмъ компанія обсуждала различные вопросы. Впрочемъ, нѣкоторымъ не нравилось такое времяпрепровожденіе, и лавочникъ не разъ замѣчалъ чтецу:

— Брось, Афанасій Иванычъ! Ну, ихъ, къ лѣшему... Иной разъ, знаешь, этакую газету пошлютъ, что и съ ней пропадомъ-пропадешь! Наплюй, братъ, лучше... Здоровѣе будетъ!

Писарь ничего не имѣлъ противъ этого. Поэтому, чаще всего передъ собесѣдниками на столѣ являлась болѣе или менѣе значительныхъ размѣровъ стеклянная посуда съ водкой и закуска, приличная случаю. Тутъ обсуждались разные дѣловые вопросы, разсказывались мало вѣроятныя исторіи, говорилось много пошлостей и вздору, нестройно, нескладно запѣвались пѣсни. На этихъ вечеринкахъ присутствовала иногда Глафирка, про которую на Трошкинѣ говорили, что она «шла по рукамъ». Это была мѣстная куртизанка, дѣвушка лѣтъ 25, сирота, выросшая въ чужихъ людяхъ, въ прохолодь и въ проголодь. Высокая, довольно-стройная, темноволосая, темноглазая, съ смазливымъ личикомъ, она производила на трошкинцевъ сильное впечатлѣніе. При томъ-же, одѣвалась она въ городское платье и не брезгала пунцовымъ цвѣтомъ, наряжалась со вкусомъ и умѣла нравиться. Мѣстнымъ властямъ она служила безданно-безпошлинно, какъ бы отбывая своего рода натуральную повинность... Вообще же Глафирка была женщина недалекаго ума.

Когда пирушка разгоралась, собесѣдники начинали или обниматься, или ссориться, смотря по ходу дѣлъ и по личному настроенію каждаго. Глафирку иногда безцеремонно ласкали, а иногда также безцеремонно и били, хлестали ее, чѣмъ попало. Слышались то смѣхъ, то плачъ, то пѣсни, то жалобное завыванье...

Конечно, это было плохое общество, очень плохое, хуже всякой мужицкой гулянки, но все-таки это было людское общество, и Степанъ Огоньковъ не разъ бывалъ у писаря. Онъ пилъ мало и никогда не досиживалъ до конца, когда уже начинались объятія и поцѣлуи съ аккомпаниментомъ ругательствъ и побоевъ... Нечего и говорить о томъ, что Огоньковъ охотнѣе сталъ бы ходить къ крестьянамъ и къ своимъ ученикамъ, чѣмъ къ писарю, но деревня была отгорожена отъ него, какъ бы китайской стѣной. Отецъ Алексѣй, предоставляя ему мѣсто школьнаго учителя, поставилъ для него непремѣннымъ условіемъ: не ходить по деревнямъ.

— Знаю, братъ, Степа, что ты человѣкъ хорошій!—говорилъ старикъ.—Знаю, что ты худого не занесешь никуда... Оттого-то я и хлопоталъ о тебѣ! Неужто ты думаешь, что я сталъ бы хлопотать этакъ, ежели бы былъ въ сомнѣніи насчетъ тебя! Нѣтъ, другъ... Только все-таки же говорю тебѣ: по деревнямъ не шляйся! Семинарская исторія тебѣ повредила, — это разъ. Ну и потомъ, самъ

знаешь, время такое... На всякаго косо смотрятъ, кто въ деревню ходитъ. Что будешь дѣлать... Ужъ ты не выдай меня! Я, Степа, на тебя надѣюсь...

— Да вѣдь къ ученикамъ же я могу ходить! — замѣтилъ Огоньковъ.

— Только не учащай! Вотъ я про что говорю...—пояснилъ о. Алексѣй.

Не таковъ былъ Степанъ Огоньковъ, чтобы измѣнить чьей-нибудь довѣренности. Онъ не могъ учинить вѣроломства въ отношеніи того, кто ему довѣрился, — кто бы онъ ни былъ, другъ или недругъ... А вѣдь о. Алексѣй все-таки былъ для него человѣкомъ доброжелательнымъ... Онъ считалъ себя нравственно «на порукахъ» у о. Алексѣя, и поэтому долженъ былъ принять его условія и выполнить ихъ. Но такое положеніе было въ высшей степени тяжело. Постоянная борьба — борьба жестокая—происходила въ Огоньковѣ. Совѣсть его говорила на-двое: она настоятельно усовѣщевала не измѣнять довѣрію почтеннаго старика и въ то же время столь же настоятельно—нѣтъ! еще настоятельнѣе, еще громче совѣсть требовала отъ него не однихъ хорошихъ намѣреній и словъ, но и дѣла,—*настоящаго* дѣла на пользу ближняго...

Прежняя склонность къ раздумыванью надъ самимъ собой—надъ каждымъ своимъ побужденіемъ, надъ каждымъ мимолетнымъ чувствованіемъ—порою снова возвращалась къ Огонькову. И въ длинныя, зимнія ночи — въ часы тяжелой безсонницы—онъ мучился надъ неразрѣшимыми вопросами, мучился до боли, до слезъ, какъ мучились многіе другіе и до него, и послѣ него и, вѣроятно, еще будутъ мучиться долго...

Если Степанъ Огоньковъ обманетъ старика, онъ будетъ человѣкъ безчестный. Каждый будетъ въ правѣ въ лицо назвать его безчестнымъ... Но какою же дорогой цѣной онъ купитъ—въ такомъ случаѣ — хорошее мнѣніе о себѣ! Хорошее людское мнѣніе не только не излѣчитъ его болящихъ, душевныхъ ранъ, но будетъ только пуще растравлять ихъ. И Огоньковъ будетъ страдать тяжко... Онъ сохранитъ о себѣ добрую славу въ кружкѣ, напримѣръ, отца Алексѣя и подобныхъ ему божьихъ коровокъ, а между тѣмъ, будетъ идти противъ себя, противъ совѣсти, противъ убѣжденій... Вмѣсто хлѣба, онъ будетъ подавать камень. Ему укажутъ на черное и спросятъ: «Это черное?» А онъ отвѣтитъ: «Нѣтъ, бѣлое!», или же—въ лучшемъ случаѣ—промолчитъ. Развѣ это не подлость? Развѣ не имѣютъ права назвать его за это человѣкомъ сугубо безчестнымъ, сугубо подлымъ?.. Отецъ Алексѣй не пускаетъ его «шляться», можетъ быть, потому, что, дѣйствительно, самъ убѣжденъ искренно въ правотѣ своей. А онъ, Степанъ Огоньковъ, развѣ можетъ сказать про себя то же? Нѣтъ! Онъ хуже всѣхъ ихъ, — хуже писаря, хуже лавочника, хуже Глафирки! Они безсознательно или, по крайней мѣрѣ, полусознательно подаютъ людямъ камень, вмѣсто хлѣба, а Огоньковъ въ полномъ разумѣ, совершенно сознательно дѣлаетъ то же... Это — гадко, безнравственно, низко... Не будетъ-ли онъ правъ передъ лицомъ высшей нравственности, если пожертвуетъ своимъ добрымъ именемъ и, поступая по совѣсти, пойдетъ туда, куда надо, и станетъ говорить то, что, по его мнѣнію, слѣдуетъ говорить?

Человѣку съ доброй душой и съ благими намѣреніями, но съ слабой волей, безъ характера, трудно быть прямолинейнымъ и дѣлать выборъ. Такой человѣкъ, измучившись душевными тревогами и сомнѣніями, всего чаще начинаетъ лавировать самымъ неумѣлымъ образомъ между Сциллой и Харибдой... Степанъ Огоньковъ немного измѣнялъ довѣрію отца Алексѣя и, съ другой стороны, дѣлалъ половину дѣла... И онъ мучился, сердце его обливалось кровью, и онъ чувствовалъ себя виноватымъ передъ той и передъ другой стороной,—особенно глубоко виноватымъ чувствовалъ онъ себя за недосказанное слово, за недодѣланное дѣло... Онъ ставилъ маленькія —очень маленькія точки, какъ будто въ томъ предположеніи, что ихъ не сочтутъ за точки... Жаль было Степана Огонькова, но многое ему должно проститься, ибо онъ *много* любилъ...

Гдѣ жъ ему было взять твердой воли и желѣзнаго упорства, которыхъ не дала ему жизнь?

Также не мало смущали его и его дѣтская застѣнчивость, неувѣренность въ своихъ силахъ, въ знаніяхъ... Не даромъ же онъ все порывался пробраться въ Петербургъ, повидаться съ людьми знающими и пополнить свои пробѣлы.

И финансовый вопросъ, къ тому же, повергалъ его въ отчаяніе. Его учительское жалованье уплывало почти все сполна на всякія домашнія надобности. Онъ не могъ отказывать въ деньгахъ, когда онѣ были въ его ко-

шелькѣ. Онъ давалъ деньги матери, и отцу дьякону, и мужикамъ, голодавшимъ зиму со своими семьями, давалъ, конечно, понемногу —по двугривенному, по полтиннику, но, все-таки, его жалованье все расходилось по рукамъ, лишь едва оставалось ему на табакъ, да и тотъ иной разъ онъ бралъ у лавочника въ долгъ. Разумѣется, Огоньковъ очень хорошо зналъ, что онъ своимъ маленькимъ учительскимъ жалованьемъ не въ состояніи заткнуть и сотой доли голодныхъ ртовъ, разѣвавшихся вокругъ него со всѣхъ сторонъ. Велики-ли деньги 15 рублей съ копѣйками!..

Но дѣло въ томъ, что онъ не могъ, физически не могъ отказать въ деньгахъ, когда глаза умоляюще смотрѣли на него, а губы шептали: «Голубчикъ, Степанъ Петровичъ... Ради-то Христа!» И онъ умомъ сознавалъ и сердцемъ чувствовалъ,—чувствовалъ ясно и живо до боли, что въ тѣ минуты не всуе упоминалось имя Христа. И въ ту пору онъ отдавалъ все, что у него было... Онъ, кажется, отдалъ бы послѣднюю одежу, если бы попросили у него.

Когда же у Степана Огонькова кошелекъ былъ окончательно пустъ, когда онъ не могъ уже ничѣмъ подѣлиться съ просящимъ, тогда онъ переживалъ истинно невыразимыя муки. Онъ краснѣлъ и блѣднѣлъ, какъ виноватый, смотря на просящаго у него. У него самого въ ту минуту на глазахъ выступали слезы, и онъ стоялъ, отвернувшись въ сторону отъ просящаго, или низко понуривъ голову. Ему невыносимо тяжело было смотрѣть на своего несчастнаго брата, которому онъ не могъ ничѣмъ помочь...

Иногда ему думалось, что напрасно онъ раздаетъ направо и налѣво свои гроши. Онъ читалъ о безплодности филантропіи и думалъ, что было бы гораздо лучше и полезнѣе, если бы онъ, скопивъ деньги, отправился въ Петербургъ и, запасшись необходимыми знаніями, опять возвратился въ деревню. Тогда онъ могъ бы больше сдѣлать добра людямъ, чѣмъ теперь, — своими грошевыми подачками. Но какимъ образомъ скопить деньги? Легко разсуждать о безплодности филантропическихъ затѣй, легко критиковать ихъ въ теоріи, но трудно отрицать ихъ на практикѣ... По крайней мѣрѣ, для Степана Огонькова было бы очень тяжело отказать просящему въ какомъ нибудь рублѣ, только единственно потому, что онъ, Огоньковъ, признаетъ безсиліе филантропіи. Разсуждая въ теоріи, онъ имѣлъ дѣло съ отвлеченными предметами, съ мертвыми, математическими формулами, а тутъ, въ дѣйствительности, передъ нимъ болѣло, стонало и плакало живое существо,—тутъ онъ могъ дотронуться до этого существа, могъ провести рукой по его лицу, и на рукѣ его остались бы капли слезъ... Огоньковъ не могъ пройти съ философскимъ равнодушіемъ мимо того горя, которое онъ въ силахъ былъ облегчить. Поэтому-то, отрицая въ теоріи пользу филантропіи, въ дѣйствительной жизни онъ былъ, можно сказать, идеальнымъ филантропомъ, ибо отдавалъ послѣднее нуждающимся.

У Степана Огонькова съ матерью изъ-за этого «мотовства» выходили непріятныя столкновенія: Анна Михайловна находила, что деньгамъ вовсе не слѣдовало «уходить изъ дома».

— Что у тебя за манера такая!—съ сердцемъ ворчала она.—Кого ты удивить хочешь своей благостыней? Не удивишь! Надъ тобой же, поди, смѣются... Вотъ, молъ, еще дурачекъ нашелся, — въ долгъ, безъ отдачи, даетъ!.. Хм!..

— Ну, что жъ! Кому охота, — и пусть смѣется!—нехотя, отбивался Огоньковъ.

— Вишь ты, — какой богачъ выискался, подумаешь!—продолжала иронизировать дьячиха.—Роздаетъ, роздаетъ себѣ, какъ ни въ чемъ не бывало, ровно у него гдѣ-нибудь неразмѣнный рубль лежитъ... А самому не на что сапогъ купить!

— Будетъ время, — куплю!—кратко отзывался сынъ.

— Куплю!—съ усмѣшкой передразнивала его Анна Михайловна.—Купишь... Какъ же! Дожидайся!.. Не купить и во вѣки вѣковъ!.. Съ этакими порядками по-міру находишься... И что это за напасть этакая! Вѣдь, ровно, вздурѣлъ...—продолжала дьячиха, уже жалобнымъ тономъ.—Точно, шалый какой, прости Господи...Напустилъ на себя дурь, да самъ же и радуется... Думаетъ, очень хорошо! Весь вѣкъ этакимъ дуракомъ проживетъ...

— Аминь!—съ улыбкой, вполголоса произносилъ Огоньковъ.

Но всего пуще его мучило то обстоятельство, что онъ постоянно долженъ былъ не договаривать, вынужденъ былъ ломать, коверкать свою мысль и, такъ сказать, своими собственными руками душить чувство, рвавшееся на волю. Огоньковъ доходилъ иногда до истинно ужаснаго состоянія, до изступленія, до галлюцинацій, до отчаянія... Въ ча-

сы безсонницы особенно онъ чувствовалъ себя несчастнымъ человѣкомъ...

Мѣсячная, звѣздная, зимняя ночь смотритъ въ окно и мерцающимъ, призрачнымъ сіяніемъ наполняетъ хату, погруженную въ безмолвіе и въ сумракъ. Голубыя полосы свѣта ложатся на полъ и озаряютъ край закоптѣлой печки. Дьячиха спала на печи, ребята—на палатяхъ... Степанъ Огоньковъ лежалъ на лавкѣ, не зная ни сна, ни покоя. Вынужденное молчаніе и повсюдное безмолвіе вокругъ него его мучили, сводили съ ума. Болѣзненныя желанія поднимались въ немъ... Сказать бы когда-нибудь въ церкви проповѣдь... И, вотъ, раздвигаются передъ нимъ закоптѣлыя стѣны... Онъ стоитъ въ какой-то церкви, на амвонѣ, передъ множествомъ народа. Горятъ вездѣ свѣчи, и ихъ желтовато-красные огоньки тихо дрожатъ и колеблются въ воздухѣ. Яркое солнце свѣтитъ въ окна... Синеватый дымъ ладана стоитъ въ воздухѣ и широкими полосами тянется отъ оконъ внутрь храма... Въ церкви—тихо... Только слышенъ одинъ голосъ, явственно, отчетливо раздающійся надъ толпой. Это онъ, Огоньковъ, говоритъ проповѣдь, — и что за проповѣдь! Господи Боже!.. Онъ изливалъ въ этой проповѣди всю свою наболѣвшую душу и чувствовалъ, какъ его проповѣдь — однимъ добрымъ побужденіемъ, однимъ свѣтлымъ, добрымъ чувствомъ жгла сердца всѣхъ предстоявшихъ... Огоньковъ чувствовалъ себя невыразимо легко; какое-то, неиспытанное дотолѣ, блаженство сходило на него... Мгновенье — и народъ, и храмъ, со всѣмъ его свѣтомъ и блескомъ,— пропадали, и передъ Огоньковымъ опять были только закоптѣлыя стѣны его родной хатки, погруженной въ ночные сумраки. Только брезжущій, голубой полусвѣтъ падалъ черезъ окно на щелеватый полъ.

«Тоска, тоска!» шепталъ про себя Огоньковъ, и медлительно проходила для него зимняя ночь...

Наступили святки.

Однажды Степанъ Огоньковъ отправился на Трошкино. Наступалъ уже вечеръ, сырой и мглистый, обѣщавшій оттепель. Огоньковъ чувствовалъ себя въ крайне возбужденномъ состояніи. Сырая, тяжелая погода еще пуще угнетала его. Ему хотѣлось «вырваться на волю»—хотя бы на нѣсколько минутъ, хотѣлось бы крикнуть «свое слово»... Но кому крикнешь его здѣсь? Пустыя, безмолвныя поля, покрытыя снѣгомъ, разстилались кругомъ него... Правда, вонъ въ деревнѣ видны огоньки, тамъ живутъ люди. Да!.. Но выслушаютъ-ли его эти люди?..

Такъ раздумывалъ Огоньковъ, волнуясь и колеблясь между страхомъ и надеждой, между застѣнчивостью и отвагой, все болѣе и болѣе поддаваясь очарованію своей мечты и своихъ ночныхъ видѣній. Онъ сознавалъ, какъ его думы и чувства, придавливаемыя имъ самимъ въ угоду другимъ, выпрямлялись, оживали, получали силу, мощь... Съ какой-то странной, лихорадочной поспѣшностью подходилъ онъ къ деревнѣ. Сердце его сильно билось. Неровная поступь, блестѣвшіе глаза и разговоръ съ самимъ собой, веденный почти вслухъ, придавали ему сходство съ пьянымъ человѣкомъ.

На деревнѣ въ окнахъ мерцали красные огоньки. Изъ переулка доносилась пьяная, невеселая пѣсня. Слышно было, какъ ругались въ кабакѣ...

Огоньковъ зашелъ къ писарю и засталъ тамъ всю почтенную компанію. Керосиновая лампа, безъ колпака и безъ абажура, тускло свѣтила въ облакахъ ѣдкаго табачнаго дыма и неясно озаряла бѣлыя бревенчатыя стѣны довольно большой писарской комнаты. На столѣ передъ собесѣдниками стояли бутылки съ водкой и съ различными, разноцвѣтными наливками, кое-какая закуска и даже на тарелочкѣ — орѣхи и мятные пряники, до которыхъ старшина былъ большой охотникъ. Между рюмками валялись грязныя, засаленныя карты... Тутъ же у стола, на низенькой скамейкѣ, стоялъ уже давно потухшій самоваръ, весь въ какихъ-то темнозеленыхъ пятнахъ и подтекахъ... Хозяинъ и старшина выглядѣли наряднѣе обыкновеннаго; письмоводитель непремѣннаго члена щеголялъ въ новой визиткѣ и въ голубомъ галстухѣ; лавочникъ былъ въ ярко-пестромъ, плюшевомъ жилетѣ, а содержатель постоялаго двора — рыжій мужчина, съ необыкновенно краснымъ лицомъ и въ красной кумачной рубахѣ, — казался огненнымъ среди окружавшаго его табачнаго дыма; двѣ длинныя часовыя цѣпочки изъ «новаго золота» болтались у него на груди. Только одинъ фельдшеръ, Герасимъ Васильичъ, былъ, попрежнему, въ своемъ затасканномъ сюртукѣ, попрежнему не мытый, не причесанный... Глафирка, съ блестящей, стеклярусной сѣткой на головѣ и въ зеленомъ шерстяномъ платьѣ, съ грязнымъ, розовымъ бантомъ на груди, сидѣла у печки въ углу, лихо закинувъ ногу на ногу и показывая,

чуть не до колѣнъ, свои сѣрые шерстяные чулки. Она сидѣла съ закрытыми глазами, закинувъ голову на спинку стула, и щелкала орѣхи. Румянецъ красными пятнами выступалъ на ея молодомъ, но изможденномъ лицѣ...

Попойка началась уже давно. Когда подошелъ Огоньковъ, пирушка была уже въ самомъ разгарѣ. Раскраснѣвшіяся лица, пьяные возгласы, шумъ и нестройное галдѣнье,— вотъ что встрѣтилъ здѣсь Огоньковъ. Почтенная компанія привѣтствовала его дружелюбно; пьяные почему-то всегда бываютъ рады лишнему питуху; да, кромѣ того, этой компаніи уже давно хотѣлось подпоить учителя, но все какъ-то не удавалось.

— Ну, братъ, Степанъ Петровичъ, теперь ужъ не уйдешь отъ насъ... — встрѣтилъ его писарь.—Не уйдешь...Нѣтъ!..Зашелъ къ волкамъ, такъ ужъ по волчьи и вой! Да!

— Да что жъ, въ самомъ дѣлѣ, милый человѣкъ, никогда ты съ нами не выпьешь, а?— проговорилъ Герасимъ Васильичъ, не то обнимая Огонькова, не то хватаясь за него, чтобы не упасть.—Выпьемъ—по душѣ! А? Будь другъ... Чего жъ тутъ... Живи—живи, да и не ухни!

— Брезгуешь нами, что-ли?—возгласила красная рубаха.—Али окромѣ молока ничего не потребляешь? А? Какой же ты, послѣ этого, есть учитель? Вонъ сегодня и Глафирка полштофа высадила...

— Да! А вверхъ ногамъ еще не валяется...—подтвердилъ лавочникъ.

— Ну, что вы, господа, на него навалились-то!—вступился старшина.—Дайте ему опомниться-то... Человѣкъ не успѣлъ войти, а они ужъ и налетѣли на него... Герасимъ Васильичъ! Да полно же трясти-то его... Чего ты, пьяная морда, лѣзешь?..

— А зачѣмъ онъ не пьетъ съ нами? Зачѣмъ онъ брезгуетъ нашей компаніей...—заплетаясь и путаясь, возражалъ Герасимъ Васильичъ.—Онъ учитель, такъ значитъ... значитъ, и надо учить его...

— Я, господа, нисколько не брезгую...— заговорилъ Огоньковъ, улучивъ удобную минуту, чтобы сказать что-нибудь въ свое оправданіе. Сегодня, для праздника, я выпить не прочь...

— Ну, вотъ такъ-то лучше! Выпьемъка!—подхватилъ Игнатій Ермолаевъ, самъ подавая ему стаканчикъ и чокаясь.

Огоньковъ, самымъ неумѣлымъ образомъ, опорожнилъ стаканчикъ и закашлялся...

— Хе, хе!—подсмѣивался писарь и потрепалъ его по плечу.—Первый стаканчикъ ребромъ, второй—соколомъ, а третій—мелкой пташкой... Ничего, обойдется!

— Обойдется! — поддакнула красная рубаха.

Огоньковъ былъ положительно оглушенъ встрѣтившими его возгласами и гамомъ. Водка, выпитая имъ съ непривычки, еще пуще ошеломила его. Ему чудилось, что вся внутренность его въ огнѣ, и голова его заходила ходенемъ... Но его не оставляли въ покоѣ. Едва лишь онъ началъ приходить въ себя, какъ писарь опять заставилъ его «выпить съ нимъ за компанію». Потомъ присталъ къ нему письмоводитель: выпей, да выпей!—и третій стаканчикъ выпилъ Огоньковъ. Хмѣль шибко разбиралъ его... Шумъ и крики пировавшей компаніи уже доносились до него словно издалека. При свѣтѣ мерцающей лампы, въ облакахъ сѣраго табачнаго дыма, онъ неясно различалъ раскраснѣвшіяся лица, растрепанные волосы, красную рубаху и зеленое глафиркино платье съ розовымъ бантомъ... Съ полчаса Огоньковъ просидѣлъ въ какомъ-то полузабытьи, не то засыпая порой, не то бодрствуя. Собесѣдники совсѣмъ, было, ужъ позабыли объ его присутствіи... Но тутъ, неожиданно для Огонькова,—обуяла имъ отчаянная храбрость. Вдругъ онъ поднялся съ мѣста и, пошатываясь, но рѣшительно, подошелъ къ столу.

— Господа! Я хочу сказать рѣчь!—крикнулъ онъ, съ силой опираясь на столъ обѣими руками.

Глаза его горѣли, лицо было блѣдно и бѣлокурыя пряди волосъ сбились на лобъ.

— Чего — «рѣчь»... Ну, тебя къ лѣшему...—забушевала красная рубаха.—Надо бы дѣвокъ позвать...

— Нѣтъ, лучше бы въ стуколку перекинуть...—предложилъ лавочникъ.

Но нѣкоторые изъ собесѣдниковъ заинтересовались тѣмъ, что скажетъ захмѣлѣвшій учитель. Въ числѣ заинтересовавшихся былъ и старшина.

— Валяй, братъ!—крикнулъ онъ Огонькову, махнувъ рукой, и выразительно толкнулъ писаря локтемъ: «дескать, малый-то совсѣмъ готовъ».— Валяй... А мы послушаемъ! — повторилъ онъ, съ самодовольствомъ откидываясь на спинку стула и приготовляясь слушать.

Глафирка подняла голову и, пригорюнив-

шись, смотрѣла на Огонькова своими пьяными, посоловѣвшими глазами. Герасимъ Васильичъ, разставивъ ноги и заложивъ руки за спину, въ выжидающей позѣ стоялъ позади оратора. Лавочникъ сидѣлъ, обнявшись съ красной рубахой. Письмоводитель склонилъ на столъ отяжелѣвшую голову и сопѣлъ себѣ подъ носъ. Писарь грузно облокотился на столъ... Всѣ ожидали «рѣчи», какъ точно какого-нибудь представленія.

Огоньковъ началъ неувѣренно, сбивчиво, но скоро поборолъ свою застѣнчивость и, очертя голову, ухватился за самую *суть*. Каждое слово его дышало глубокимъ чувствомъ, самою задушевною искренностью.

— Я хотѣлъ бы, господа, чтобы каждое мое слово запало вамъ въ душу...—дрожащимъ голосомъ заговорилъ Степанъ Огоньковъ, еще сильнѣе упираясь руками въ столъ и оглядывая своихъ слушателей. — Да! Непремѣнно... именно, чтобы запало... Иные говорятъ, что вы—свиньи. Но это—неправда! Вы—люди... но вы темные, жалкіе люди. Вы иногда ужасно похожи на скотовъ, это—такъ... но вы все-таки же — не скотина. Это—вѣрно... (Нѣкоторые изъ слушателей съ улыбкой переглянулись). Многіе изъ васъ сами не знаютъ, что дѣлаютъ... Да! Не знаютъ... Ну, вотъ хоть теперь... вы думаете, что пьете малиновую наливку? Нѣтъ! (Огоньковъ указалъ на недопитыя рюмки). Это—не наливка, это — кровь... кровь человѣческую вы пьете... Вотъ я вамъ сейчасъ скажу... Вы сами увидите! Начну хоть съ тебя, старшина... со старшаго! Ты что дѣлаешь? Ну-ка, посмотри намъ въ глаза... (Писарь локтемъ толкнулъ старшину: «Вотъ, молъ, комедія!» Старшина прокашлялся и съ усмѣшкой мелькомъ посмотрѣлъ на оратора). Не чисты твои руки! Всѣ мы знаемъ, что къ твоимъ рукамъ пристаетъ не мало трудовыхъ крестьянскихъ денежекъ. Мужицкій потъ, и слезы, и капли крови остаются на твоихъ рукахъ... Вотъ недавно еще эта исторія съ Марфушкой Пашуновской. Ну, за что ты проморилъ три дня въ «холодной» эту бабу? За что? Что она тебѣ сдѣлала? Помѣшала она тебѣ?.. Она только не сдавалась,—не хотѣла идти на грѣхъ съ тобой. Покайся, старшина! (Писарь заворчалъ: «Что жъ это за *рѣчь* такая!» Старшину передернуло, но онъ не подалъ виду, что обидѣлся—и тихо засмѣялся, махнувъ рукой: «Потѣха, молъ!») А ты, писарь, не ворчи! Ты тоже грѣшенъ—не меньше насъ... Ты радъ всячески притѣснить мужика. За трешницу ты всякій законъ перевернешь по своему... У тебя съ Алексахой старые счеты были, такъ ты его подъ розги подвелъ... А за что ты въ прошлый разъ—у почтоваго смотрителя на вечеринкѣ—Глафирку отхлесталъ? За что ты срамишь ее? Ты сильнѣе ея, а она—бѣдная дѣвка, совершенно беззащитная... Ты знаешь, что за нее на всемъ свѣтѣ ни одна собака не вступится. Вотъ ты и куражишься надъ ней... Да! Ты ужъ не одну дѣвку испортилъ... (Писарь побагровѣлъ и съ ожесточеніемъ плюнулъ въ сторону). А ты, фельдшеръ, человѣкъ—не злой, и притѣснять тебѣ некого... Это такъ!—обратился Огоньковъ къ Герасиму Васильичу, выглядывавшему изъ-за его плеча.—Но и у тебя есть грѣхи.. Дѣтки дома сидятъ голодныя, жена больная, плачетъ, мается съ ними, а ты пьянствуешь, послѣднія копѣйки пропиваешь... («Правда! Чистая правда!» со вздохомъ проленепталъ Герасимъ Васильичъ, опустился на стулъ и понурился, словно удрученный угрызеніями совѣсти). А ты, письмоводитель, тоже—пьяница, да еще взяточникъ! Отъ тебя тоже плачетъ народъ. Ты мать родную прогналъ! Самъ живешь въ барскомъ домѣ, какъ баринъ, франтишь, наряжаешься, а мать-старуха по міру ходитъ... (Письмоводитель, вмѣсто улыбки, скорчилъ какую-то гримасу и поправилъ свой голубенькій галстухъ). Ты, красная рубаха, народъ православный спаиваешь... безсовѣстнымъ образомъ спаиваешь! (Кабатчикъ потянулся и зѣвнулъ съ видомъ скучающаго человѣка). А ты, лавочникъ, обираешь живаго и мертваго, насчитываешь на безграмотнаго человѣка, радъ послѣднюю рубаху содрать съ бѣднаго человѣка! (Лавочникъ не шелохнулся, точно не про него и рѣчь шла). Осенью, о праздникѣ, я слышалъ, какъ ты, Глафира ругалась... Срамъ! Какъ у тебя языкъ поворачивался на такія слова... точно, у тебя матери не было! Ты что дѣлаешь? Ты—дѣвка еще молодая, здоровая, могла бы работать за двоихъ, а ты, вмѣсто того, занимаешься распутствомъ... (Глафирка затаила дыханіе и не подавала признака жизни. Думали, что она—спитъ...) А я...—при этихъ словахъ Огоньковъ выпрямился.—Я—не лучше васъ, а еще, можетъ быть, похуже буду... Я всю жизнь живу на чужой счетъ, а добра еще никому и на столько не сдѣлалъ! (Ораторъ указалъ на кончикъ мизинца). Покаем-

ся, братья! Всѣ мы грѣшны, всѣ... Теперь мы пьемъ, да кантуемъ, а каково мужику? Годъ нынче былъ плохой. Еще до Рождества послѣдній хлѣбъ доѣли... Люди плачутся. А мы нѣсни поемъ... *Тамъ* ужъ послѣднюю овцу со двора свели, а у насъ пиры, да пляски. Мы еще думаемъ: нельзя-ли какъ-нибудь ухитриться — нищаго обокрасть... Страшное дѣло!.. Братья! (Голосъ оратора при этомъ замѣтно дрогнулъ). Братья! Возлюбимъ ближняго, какъ любимъ самихъ себя! Послушайте! Это не я выдумалъ... Это сказано въ Евангеліи, въ той книгѣ, которую въ церкви каждое воскресенье дьяконъ читаетъ на амвонѣ... Какъ будто не про насъ читаетъ! Бросимъ грошъ сторожу на блюдо, потрясемъ волосьями-то передъ образами, да и думаемъ: шабашъ! сдѣлали свое дѣло... Какъ-же!.. Мы себя, да другихъ только морочимъ. Раздавать грошики, да куски черствого хлѣба нищимъ,—это еще не значитъ любить ближнихъ, совсѣмъ не значитъ... Наше сердце кровью не обливается, намъ и горя мало, что ближніе стонутъ кругомъ насъ. Мы только помышляемъ о себѣ и думаемъ, что мы счастливы. Какое это счастье! Не веселы наши нѣсни... Только и смотри, чтобы на тебя кто-нибудь бѣды не накликалъ. Нѣтъ, братья! Во истину возлюбимъ другъ друга... *вправду* возлюбимъ, не на словахъ, на дѣлѣ! Не станемъ обижать слабыхъ, не станемъ подкапываться другъ подъ друга, станемъ дѣлиться съ бѣдными всѣмъ, всѣмъ, что у насъ есть,—и заживемъ мы, какъ дѣти одной матери, какъ родные братья... И начнемъ мы такую жизнь теперь-же,—вотъ сейчасъ, сію минуту. Послушайте!.. Вы не вѣрите...

— Полно молоть-то! Будетъ тебѣ...—крикнулъ писарь, съ шумомъ поднимаясь съ мѣста.

Блѣдный, какъ полотно, съ блестящими глазами, стоялъ Огоньковъ, упираясь одной рукой въ столъ, а другою вдохновенно указывая куда-то вдаль, гдѣ, словно, онъ уже видѣлъ великое множество людей, *вправду* любящихъ другъ друга. Онъ былъ въ какомъ-то упоеніи, и бревенчатыя стѣны, и пьяные собесѣдники, и все близко окружавшее его, казалось, на мгновенье исчезло у него изъ глазъ. Восклицаніе писаря подѣйствовало на него такъ же, какъ дѣйствуетъ крикъ на лунатика. Онъ какъ бы пришелъ въ себя и вдругъ почувствовалъ страшную усталость. Возбужденіе пропало, наступила реакція... Онъ чувствовалъ себя сброшеннымъ съ высоты—прямо въ грязь, и сознаніе, что его какая-то невѣдомая сила тянетъ книзу, съ болью пробѣжало въ его отуманенной головѣ и обдало такимъ холодомъ, какого Огоньковъ еще никогда не испытывалъ въ самые лютые морозы. Онъ не сѣлъ, а словно свалился на стулъ, точно подкошенный. Онъ въ безсиліи опустилъ голову, голова стукнулась объ столъ.

— Малый-то захмѣлѣлъ... съ непривычки!—спокойно проговорилъ сторшина.

— Надоѣлъ до смерти...—заворчала красная рубаха.—Экая забава, подумаешь!

— Ровно, съ цѣпи сорвался! — замѣтилъ лавочникъ, громко расхохотавшись.—Вотъ-то лѣшегонъ, прости Господи... И чего онъ тутъ нагородилъ! Ровно, какую проповѣдь отчиталъ... Ахъ, чтобъ его!..

И лавочникъ долго не могъ уняться отъ хохоту.

Фельдшеръ подошелъ къ Огонькову и навалился на него, по пріятельски хлопая его по плечу.

— Нѣтъ, Степанъ Петровичъ! — безсвязно бормоталъ онъ.—Это ты вѣрно... Всѣ мы—свиньи! Подлыя свиньи... Не такъ бы еще насъ надо... а принять бы насъ хорошенько, въ два кнута... Вотъ!

— Ты еще не вздумай рѣчи говорить!—строго замѣтилъ ему писарь.—Смотри! Живо на улицу вытряхну... Побаловались — и довольно!

Глафирка, сгорбившись и понуривъ голову, попрежнему сидѣла въ уголку, закрывъ лицо руками. Она тихо плакала. Слезы катились у нея между пальцами и падали на ея зеленое платье и на смятый розовый бантъ...

— Не перекинуть-ли въ стуколку?—предложилъ лавочникъ, и предложеніе его было принято.

Мѣдяки и серебро зазвенѣли по столу, зашуршали ассигнаціи. Игроки горячились, спорили; порой гомерическій хохотъ раздавался по комнатѣ, порой вырывалось крѣпкое ругательное слово. Лавочникъ осипшимъ голосомъ нескладно, неладно затянулъ пѣсню:

«Отшабашилъ портной шубу,
Вышелъ разгуляться;
Онъ чугунный мостъ прошелъ,
Повернулъ налѣво.
Обернулся онъ назадъ:
Видитъ, идетъ дѣва»...

Кабатчикъ стоялъ середи комнаты, подбо-

ченившись, и тоненькимъ, визгливымъ голосомъ подхватилъ:

«Вижу, вижу: въ чемъ одѣта,
Во черномъ капотѣ—
По своей охотѣ!..»

Лавочникъ отъ полноты восторга даже какъ-то заржалъ... Писарь приказывалъ Глафиркѣ плясать, та отказывалась. Бѣлила и румяны, размытыя слезами, затѣйливыми узорами покрыли ея лицо. Ея заплаканные глаза были красны, брови нахмурились. Писарь предлагалъ «поучить» ее, но старшина махнулъ рукой: «брось, молъ!..»

Всѣ эти разговоры, пѣсни и крики смутно, точно изъ другого міра, доходили до Огонькова. Долго онъ не могъ опомниться: гдѣ онъ? что съ нимъ? кто вокругъ него?..

Поздно ночью тащился онъ домой, спотыкаясь и пошатывась. Опять пустыя, безмолвныя, снѣгомъ занесенныя поля раскидывались кругомъ него. Огонькову припомнилось стихотвореніе о проповѣдникѣ «Бедѣ-Слѣпомъ»... Когда Беда кончилъ свою проповѣдь въ пустынѣ, то тамъ, по крайней мѣрѣ, хоть «Аминь!» ему грянули камни въ отвѣтъ... А онъ, Степанъ Огоньковъ? Онъ осмѣянъ, поруганъ... Онъ, оказывается, «мололъ» все вздоръ... Вздоръ? Неужели это — такъ?.. Огоньковъ судорожно схватился за голову. Въ немъ было слишкомъ много доброты и кротости, слишкомъ много любви — для того, чтобы вмѣстѣ съ ожесточившимся поэтомъ бросить въ лицо людямъ фразу: «Такъ, грызитесь, плотоядные, до единаго, какъ псы!» Но, все-таки, горькое, очень горькое чувство щемило ему сердце...

Огоньковъ уже подходилъ къ Ремневу. Въ это время старый Трофимычъ, съ просонокъ, билъ двѣнадцать часовъ, хотя было гораздо позже. И звуки надтреснутаго колокола глухо и уныло разносились по окрестности. Огоньковъ вздрогнулъ... Бѣлая колокольня, какъ призракъ, поднималась надъ погостомъ. Неужели здѣсь—вотъ на этомъ самомъ погостѣ—суждено ему сложить, вмѣстѣ со своей горячей головой, и всѣ свои надежды и упованья? Неужели онъ весь вѣкъ проживетъ, ничего не сдѣлавъ, и умретъ «никчемушнымъ» человѣкомъ?.. И съ той минуты темная тѣнь глубоко залегла ему на душу.

X.

Зима для Огонькова проходила тоскливо. Усердно занимался онъ въ школѣ, сидѣлъ дома, забавляя ребятишекъ. Когда же его, положительно, брала одурь, онъ бродилъ по сосѣднимъ деревнямъ, вопреки увѣщаніямъ отца Алексѣя, заходилъ на Трошкино къ писарю, по цѣлымъ часамъ болталъ съ лавочникомъ или съ его женой, нѣсколько разъ напивался до пьяна, но никакихъ «рѣчей» уже не произносилъ, рта не раскрывалъ, но молча пилъ, пилъ, а ночью, возвратившись домой подъ хмѣлькомъ, горько плакалъ, уткнувшись въ подушку... Онъ чувствовалъ себя глубоко несчастнымъ.

Жалованье получалось, хотя иногда и съ небольшими задержками, и расходилось все до копѣйки за-долго до конца мѣсяца. Степану Огонькову не предвидѣлось возможности вырваться изъ Ремнева. А между тѣмъ, не трудно было бы скопить деньги на дорогу: лишь стоило ихъ крѣпче зажать въ кулакъ... Для того надо было немного силы, но этой жестокой силы не хватало у Степана Огонькова... Молва о его добротѣ и незлобіи уже прошла въ околоткѣ.

— Мухи не обидитъ!—говорили про него въ деревняхъ.

Трошкинская аристократія, послѣ знаменитой святочной «рѣчи», считала его чудакомъ, чѣмъ-то въ родѣ дурачка, нѣсмысля. Мать прямо звала его Акимшей-простотой. Даже инымъ изъ крестьянъ, знавшимъ его, онъ казался чуднымъ...

Темная, зимняя пора прошла. Пришла весна и разсыпала надъ землей свой блескъ и свѣтъ. Ручьи текли по полямъ, зеленѣла травка и въ ней цвѣты пестрѣли. По утрамъ жаворонокъ запѣлъ въ голубомъ небѣ... И свѣтлой вереницей поплыли надъ землей ясные, сіяющіе дни, и тихіе вечера съ розовыми зорями, и благодатныя ночи...

Огоньковъ былъ молодъ, выносливъ. Вмѣстѣ съ зимнимъ мракомъ, вмѣстѣ съ длинными, темными ночами, казалось, слетѣли и съ его души всѣ зловѣщія тѣни. Онъ ожилъ—заодно съ травой и цвѣтами — подъ дуновеніемъ теплаго, весенняго вѣтерка. Онъ опять надѣялся и, выходя порой въ поле, бодрѣе, веселѣе смотрѣлъ въ сіяющую даль... Всѣ эти безобразныя, ночныя пирушки, въ чаду табачнаго дыма, съ водкой и картами, исчезли, прошли безслѣдно вмѣстѣ съ зимнимъ мракомъ... Безслѣдно-ли? Нѣтъ! Бываютъ минуты, когда Огоньковъ—посреди цвѣтущаго, великолѣпнаго праздника природы — чувствуетъ живѣйшее безпокойство... Темные

призраки унынія и сомнѣній преслѣдуютъ его и теперь, подъ лучами яркаго солнца, подъ ярко блещущими небесами.

Вдругъ до него дошли слухи, что госпожа Гречулева пріѣхала въ свое Нагорное, но пріѣхала на этотъ разъ безъ Женички, — «съ однимъ барченкомъ», какъ говорила старуха, сообщавшая эту новость. Женичка, можетъ быть, пріѣдетъ позже, — раздумывалъ себѣ въ утѣшенье Огоньковъ. Дня черезъ три онъ отправился въ Нагорное, гдѣ мелькомъ видѣлъ своего бывшаго ученика и имѣлъ разговоръ съ m-me Гречулевой. Разговоръ, конечно, не вязался, валился черезъ пень — черезъ колоду, и Огоньковъ былъ уже самъ не радъ, что разлетѣлся сюда. Надежда Павловна за это время еще пуще растолстѣла... Отмахиваясь отъ мухъ, вздыхая и охая, отрывочно и кое-какъ разсказала она Огонькову, что Женичка нынѣшнее лѣто гоститъ въ Крыму, у своей замужней подруги, что сама Надежда Павловна пріѣхала въ деревню не надолго, недѣли на двѣ—на три, и тоже отправляется на югъ. Огонькову было невыносимо грустно и тяжело видѣть эти знакомыя комнаты, эту столовую, гдѣ Женичка въ первый разъ поила его чаемъ, а онъ робѣлъ и конфузился. И страстно желалъ онъ, чтобы несбыточное осуществилось... И чудилось ему: отворится дверь и явится *она* — красивая, здоровая, съ румянцемъ на щекахъ, въ своемъ прелестномъ малороссійскомъ костюмѣ, въ какомъ она запомнилась ему. *Она* подойдетъ къ нему, взглянетъ, подастъ руку и ласково заговоритъ съ нимъ... Все такъ же, все то же вокругъ Огонькова, только *ея* не достаетъ. Такое же голубое небо раскидывается надъ зеленѣющимъ садомъ; такъ же цвѣтутъ въ саду акаціи, и липы, и бузина...

Точно съ похоронъ возвратился Огоньковъ изъ Нагорнаго. Ни разу болѣе не ходилъ онъ къ m-me Гречулевой...

И опять лѣто прошло, опять наступила осень... Опять у Степана Огонькова нѣтъ въ карманѣ денегъ. Тотъ проситъ на сѣмена, тотъ—на хлѣбъ, а мать-старуха ворчитъ, что Степанъ ей мало удѣляетъ, а все раздаетъ деньги направо и налѣво. Анна Михайловна говорила неправду: по крайней мѣрѣ, половина сыновняго жалованья перепадала ей въ руки...

Сентябрь былъ уже на дворѣ. Небо нахмурилось, нахмурился и Степанъ Огоньковъ... Значитъ, ему не вырваться изъ Ремнева во вѣки вѣковъ? Опять наступятъ длинные, зимніе вечера... Опять—попойки у писаря, карточная игра и всякое дебоширство, а дома—смертельная тоска. Огоньковъ пріунылъ... Занятія въ школѣ еще не начинались. Его любимой привычкой сдѣлалось съ нѣкотораго времени ходить на берегъ Которани, садиться тамъ на бугоръ и смотрѣть на дорогу, уходившую въ лѣсъ. Эта дорога вела въ городъ и далѣе — въ Петербургъ, гдѣ были люди, нужные Огонькову. По этой дорожкѣ, когда-то, съ надеждами, бодро подходилъ онъ къ Ремневу... Огоньковъ ходилъ, какъ въ воду опущенный. Порой ему казалось, что въ самомъ скоромъ времени должно было неминуемо совершиться *что-то* особенное, *что-то* необыкновенное или въ его личной жизни, или *вообще*... Словно камень висѣлъ надъ его головой, поминутно угрожая сорваться и придавить его. Такое угнетенное состояніе духа заставляло сильно страдать Степана Огонькова. И прежде не разъ нападала на него тоска, но никогда еще душа его не блуждала въ такомъ безъисходномъ, безпросвѣтномъ мракѣ...

Повидимому, характеръ его начиналъ портиться. Огоньковъ дѣлался нетерпѣливъ, раздражителенъ и старательно уединялся отъ общества.

Около половины сентября старая дьячиха отправилась на богомолье въ женскій монастырь. Степанъ Огоньковъ остался одинъ съ ребятами... Онъ давно уже пересталъ разсказывать Олѣ сказки и не игралъ съ Васей. Хмуро, не весело посматривалъ онъ на ребятъ. «Кто удержитъ меня въ Ремневѣ?» спрашивалъ онъ себя. «Мать не удержитъ меня... Она и безъ меня проживетъ. Ей уже обѣщали мѣсто просвирни... Деревенскій людъ не вымогаетъ у меня денегъ насильно; могу дать и не дать ему... Но—ребята... Ребята—вотъ кто меня держитъ здѣсь! Они меня путаютъ. Какъ ихъ бросишь!..» За все это время онъ кормилъ, поилъ и одѣвалъ ихъ. Огоньковъ, конечно, не жалѣетъ объ этомъ. Онъ вѣдь любитъ этихъ ребятъ... Но, все-таки, какъ же ему быть со своими дальнѣйшими планами? Нельзя всю жизнь быть нянькой—и только нянькой... Онъ долженъ отказаться отъ личныхъ привязанностей, долженъ уйти отсюда и возвратиться съ знаніемъ, съ силой. Не головнымъ, не разсудочнымъ, холоднымъ тономъ говорилъ онъ, что ему надо уйти отсюда. Нѣтъ! Въ этомъ желаньи ска-

зывалось его живое и горячее, страстное чувство. Въ немъ все пуще заговаривало жгучее желаніе — порвать путы, удерживавшія его въ Ремневѣ, порвать путы и уйти, убѣжать отсюда...

Тяжелый, туманный день склонялся къ вечеру. Сѣрыя облака тихо ползли надъ погостомъ. Деревья полуобнаженныя, кое-гдѣ покрытыя пожелтѣлымъ листомъ, неподвижно стояли, опустивъ уныло свои вѣтви. Сѣровато-свинцовый оттѣнокъ лежалъ на всемъ — на небѣ и на землѣ. Начиналъ накрапывать дождь, но пересталъ. Въ воздухѣ стояло затишье...

Была суббота. Старый Трофимычъ на погостѣ копалъ для кого-то могилу. Степанъ Огоньковъ, сидя у окна, слѣдилъ за тѣмъ, какъ Трофимычъ лѣниво выбрасывалъ заступомъ комья сырой глинистой земли. «Жилище готовитъ для кого-то!» думалъ Огоньковъ и потеръ себѣ лобъ. Съ утра онъ чувствовалъ себя не хорошо; словно, какая-то непонятная тяжесть давила и давила его. Онъ разсѣянно смотрѣлъ въ окно и вздыхалъ...

Ребята сидѣли въ избѣ и о чемъ-то болтали между собой, но Огоньковъ ихъ не слушалъ.

— Дядя! У дьякона сегодня баню топили... — заговорила дѣвочка, подходя къ нему.—Ты не пойдешь?

Огоньковъ перевелъ глаза на ребятъ, повидимому, не безъ труда, и задумчиво, молча, посмотрѣлъ на нихъ.

— Ну, что жъ! Не пойдешь?—переспросила Оля.

— Нѣтъ! Не пойду...—пробормоталъ Огоньковъ, продолжая все задумчиво посматривать на ребятъ.

— Отчего, дядя? А?—приступала Оля, теребя его за руку.

— Не пойду!—повторилъ тотъ, какъ будто не слыша, что говоритъ ему дѣвочка.

Его красноватые, мутные глаза неподвижно уставились на ребятъ. Губы сжались, какъ бы подъ впечатлѣніемъ сильной физической боли; на лбу явственно обозначилась морщина...

— Ну, какой!..—съ неудовольствіемъ промолвила Оля и пошла отъ Огонькова

А онъ съ какою-то внезапною, дикою ненавистью смотрѣлъ на нее и на ея маленькаго братишку. *Въ нихъ* онъ видѣлъ теперь путы, привязывавшія его къ Ремневу. Вырваться, вырваться, во что бы то ни стало... Уничтожить путы! Да, непремѣнно... Вдругъ Огоньковъ заломилъ руки на голову и съ силой потянулся. Потомъ онъ такъ крѣпко сжалъ руки, что даже пальцы хрустнули. Потомъ онъ тихо засмѣялся, какъ бы въ отвѣтъ на какую-то мысль, явившуюся въ его умѣ, и вдругъ тяжело, тяжело вздохнулъ... Дѣти примолкли, и въ избѣ было тихо— такъ же, какъ на улицѣ.

Тутъ произошло что-то невѣроятное, необычайное, нѣчто такое, что скорѣе походило на ужасную фантасмагорію, чѣмъ на дѣйствительность. Впослѣдствіи Степанъ Огоньковъ говорилъ, что онъ совершенно не помнитъ, что онъ думалъ и чувствовалъ въ тѣ минуты, какъ будто эти минуты были окончательно выхвачены изъ его жизни... Онъ всталъ съ лавки, взялъ Васю подъ мышки, какъ часто, играя, нашивалъ его, схватилъ дѣвочку за руку и торопливо потащилъ ихъ изъ избы.

— Дядя! А, дядя? Ты куда?—приставала Оля.

— Молчи! Молчите!—шопотомъ пробормоталъ онъ такъ, что дѣвочка едва его разслышала.

Потомъ она разсказывала, что ее очень испугало молчаніе дяди, его крѣпко сжатыя губы и его поблѣднѣвшее, совсѣмъ бѣлое лицо,—«точно оно мѣломъ было намазано». Дѣвочку еще поразило то обстоятельство, что дядя въ эти минуты не смотрѣлъ на нихъ, а «воззрился» какъ будто куда-то въ даль. За руку ее дядя держалъ крѣпко и шелъ такъ скоро, что ноги ея чуть не волочились по землѣ. Она никогда прежде не думала, что у дяди столько силы...

— Дядинька! Мнѣ больно! — испуганно проговорила дѣвочка.

Тутъ и Вася, было, захныкалъ, глядя на сестру: онъ тоже не понималъ, куда его тащатъ,—и испугался...

— Молчи! Молчи! — безсвязно шепталъ Огоньковъ, сбѣжалъ съ крыльца и, очутившись на улицѣ, на минуту остановился, какъ вкопанный, все прямо смотря впередъ—передъ собой.

А прямо передъ нимъ былъ колодецъ, съ ветхимъ, позеленѣвшимъ срубомъ. Огоньковъ—къ нему... Колодецъ, словно, вывелъ его изъ недоумѣнія и указалъ,—что ему дѣлать. И Степанъ Огоньковъ—этотъ кроткій, незлобивый человѣкъ, едва-ли когда-нибудь умышленно обидѣвшій своего ближняго, человѣкъ, по общему признанію, мухи не убив-

шій, не колеблясь, словно въ бреду, шелъ на страшное дѣло... И шелъ онъ на это дѣло съ такою рѣшимостью, какой еще никогда прежде не замѣчалось въ его поступкахъ... Подойдя къ краю колодца, одною рукою онъ подхватилъ мальчугана и бросилъ его въ темное, зіявшее отверстіе, словно этотъ мальчуганъ былъ какая-нибудь кукла, а не Вася, не живое существо, нѣжно любимое имъ. Дѣвочка потомъ говорила, что «у Васи только головка мелькнула» и что въ ту пору въ лицѣ» дядиньки ни одна жилка не дрогнула... Онъ преспокойно бросилъ Васю, какъ будто и дѣло сдѣлалъ»...

Изъ колодца послышался жалобный, дрожащій голосъ.

Тогда Степанъ Огоньковъ, все не выпуская Олю изъ рукъ, схватилъ ее и приподнялъ ее надъ срубомъ. Дѣвочка закричала, стала защищаться, упираясь ногами въ ослизлыя бревна колодезнаго сруба: тогда онъ началъ, по словамъ Оли, «ломать» ее и «поворачивалъ ее, ровно медвѣдь»... Въ это время работница отца Алексѣя шла за водой, издали еще увидала сцену, происходившую у колодца, и закричала благимъ матомъ. Къ колодцу прибѣжали отецъ дьяконъ съ сыномъ, церковный сторожъ и какой-то изъ сосѣдней деревни мужичекъ, случившійся въ эту пору у церкви. Дѣвочку вырвали безъ труда изъ рукъ Огонькова, да онъ, впрочемъ, и не думалъ бороться, а его самого оттолкнули отъ колодца. Дьяконъ обмоталъ веревкой своего сына — мальчика лѣтъ 15—и опустилъ его въ колодецъ за Васей... А Степанъ Огоньковъ, понурившись, неровною, колеблющеюся походкой отправился въ хату, какъ ни въ чемъ не бывало.

Вася отдѣлался еще довольно счастливо: онъ поналъ на выдавшіяся бревна и уцѣпился за нихъ рученками, такимъ образомъ, онъ только по поясъ опустился въ студеную воду. Разумѣется, ребенокъ не могъ бы долго продержаться въ такомъ полувисячемъ положеніи, почти на однѣхъ рукахъ, и навѣрное сорвался бы въ воду и утонулъ, если бы не подали ему скоро помощь. Падая, онъ только сильно расшибъ себѣ голову о срубъ... Когда его вытащили, голова его была въ крови.

Сторожъ побѣжалъ въ баню къ о. Алексѣю и сообщилъ о случившемся. Старикъ былъ ошеломленъ...

— Да что это онъ! Съ ума сошелъ, что-ли?—бормоталъ о. Алексѣй, торопливо натягивая на себя подрясникъ и дрожащими руками застегивая воротъ у рубахи.—Вотъ грѣхъ... Господи Боже! Сегодня вѣдь я видѣлъ его, говорилъ еще съ нимъ...

Отецъ Алексѣй по своему любилъ Степана Огонькова,—этого кроткаго, доброжелательнаго юношу. Да кто жъ его не любилъ! Послѣдняя деревенская собака любила его... Священникъ сильно волновался, идя къ дьячихиной хатѣ, куда укрылся преступникъ послѣ покушенія; старикъ, просто, ума не могъ приложить: что такое произошло съ Огоньковымъ. Отъ кого другого,—отъ него-то ужъ нельзя было ожидать ничего подобнаго... Такой смирный, кроткій, любящій человѣкъ, всегда особенно нѣжный къ дѣтямъ—и вдругъ бросаетъ ребятъ въ колодезь, какъ котятъ.. Въ этомъ было что-то чудовищное, что вовсе казалось неправдоподобнымъ, невѣроятнымъ. А, между тѣмъ, свидѣтели—на лицо... «Этакой исторіи нарочно не выдумаешь, думай хоть сто лѣтъ!» рѣшилъ про себя отецъ Алексѣй, совершенно запутавшись въ явныхъ для него противорѣчіяхъ.

Когда онъ, въ сопровожденіи сторожа, вошелъ въ хату, Степанъ Огоньковъ одинъ сидѣлъ у окна, низко понуривъ свою взъерошенную голову, весь какъ-то опустившись и въ безсиліи сложивъ руки на колѣняхъ. Глядя на такую позу, можно было подумать, что на человѣка навалилась какая-то чрезмѣрная, страшная тяжесть, не дававшая ему возможности выпрямиться и посмотрѣть вверхъ. Огоньковъ былъ блѣденъ и весь дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ. Его дыханіе было тяжело и прерывисто. Опущенные глаза, полузакрытые дрожащими рѣсницами, упорно смотрѣли въ полъ. Онъ, повидимому, не замѣтилъ прихода постороннихъ въ избу. Отецъ Алексѣй присѣлъ къ нему на лавку и знаками указалъ сторожу выйти за дверь.

— Степанъ Петровичъ! Степа! А, Степа?—тихо, осторожно позвалъ Огонькова старикъ такимъ тономъ, какъ точно будилъ спящаго.

Огоньковъ сидѣлъ, не шелохнувшись, словно ничего не слыша.

— Степа! Послушай!—продолжалъ священникъ, слегка дотрогиваясь до его дрожащей руки.

Рука была холодна, какъ ледъ, и покрыта легкимъ потомъ.

— Ну-у!—едва-едва слышно пролепеталъ Огоньковъ, не поднимая головы и не измѣняя позы.

— Что съ тобой, голубчикъ? Неможешь? А?—ласково и съ глубокимъ сожалѣніемъ спрашивалъ о. Алексѣй.

— Да! Немогу...—также чуть слышно какимъ-то подавленнымъ, не своимъ голосомъ промолвилъ Огоньковъ.

— Что же у тебя болитъ? Скажи-ка мнѣ...—допытывался священникъ, наклоняясь къ нему и стараясь заглянуть ему въ лицо.—Гдѣ болитъ? А?

— Вотъ тутъ...—прошепталъ Огоньковъ и, повидимому, съ большимъ трудомъ поднялъ руку и на минуту приложилъ ее къ головѣ.

Вообще онъ производилъ такое впечатлѣніе, какъ будто находился въ бреду или подъ вліяніемъ лунатизма... О. Алексѣй также приложилъ руку къ его лбу. Голова пылала...

— А еще гдѣ болитъ? — уже посмѣлѣе спросилъ старикъ.

— Вездѣ... все... всѣ кости болятъ...—попрежнему чуть слышно произнесъ Огоньковъ.—Руки... ноги ломитъ...

— Что же это съ тобой сдѣлалось вдругъ?—продолжалъ о. Алексѣй, дружески положивъ свою руку ему на руку.

— Не знаю... не помню...—отрывисто отвѣтилъ тотъ, потирая себѣ лобъ.

— Тебѣ, можетъ быть, и говорить-то трудно?

— Да...—тихо пролепеталъ Огоньковъ.

Священникъ хотя и не смыслилъ ничего въ медицинѣ, но понялъ, что передъ нимъ—не преступникъ, но больной, несчастный человѣкъ... Дрожь понемногу уменьшалась, но за то, очевидно, слабость одолѣвала Огонькова. Онъ еще пуще сгорбился и пристально смотрѣлъ теперь себѣ на руки,—на пальцы, которыми чуть замѣтно перебиралъ.

Начинало смеркаться. Въ избѣ становилось сумрачно. Огоньковъ попрежнему сидѣлъ неподвижно, а старикъ, глядя на него, тяжело вздыхалъ и время отъ времени гладилъ его по плечу, какъ ребенка, и успокоивалъ, какъ могъ...

Тутъ сторожъ привелъ въ избу ребятъ.

— Не бойся! Чего ты...—тихо уговаривала Оля своего маленькаго братишку, упиравшагося и не хотѣвшаго отходить отъ двери.

Голова Васи была обмотана сырою, бѣлою тряпицей. Личико его все еще было блѣдно и испуганно.

Огоньковъ, повидимому, узналъ голосъ дѣвочки и немного приподнялъ голову. Молча, рукой поманилъ онъ къ себѣ ребятъ. Оля нерѣшительно подошла къ нему и встала около него. Вася стоялъ, широко раскрывъ глаза, и не трогался съ мѣста. Онъ боялся подходить къ дядѣ...

— Чего жъ ты не идешь!—ободряющимъ тономъ сказалъ ему сторожъ.

Вася все еще нехотя и пугливо подошелъ къ Огонькову. Тотъ съ усиліемъ посадилъ его къ себѣ на колѣни, прижалъ его къ груди, наклонился надъ нимъ и тихо заплакалъ. Онъ цѣловалъ Васю и плакалъ, и теплыя слезы его тихо кропили бѣлокурые волосики, еще покрытые пятнами крови...

Все Ремнево въ тотъ вечеръ было въ сильномъ волненіи. Оно и понятно... «Дьячихинъ сынъ хотѣлъ утопить ребятъ, парнишку ужъ бросилъ въ колодецъ, туда же собирался отправить и дѣвчонку, да Богъ спасъ, — сбѣжался народъ... Насилу отбили дѣвченочку-то!» и т. д. Женщины заглядывали въ окно дьячихиной хаты и перебѣгали съ новостями изъ избы въ избу. Много было толковъ и восклицаній—болѣе или менѣе глупыхъ. «Кто бы могъ подумать... этакой тихоня! Ахъ, злодѣй! Ахъ, каторжный! На экое дѣло пустился... И что ему ребята сдѣлали! Вотъ ужъ подлинно: въ тихомъ омутѣ черти водятся... Вотъ народъ-то нонче какой! Поди-кось, раскуси его...» Поздно вечеромъ, наконецъ, разнесся слухъ, что Степанъ Огоньковъ застрѣлился, хотя выстрѣла никто не слыхалъ, а—напротивъ—всѣмъ было очень хорошо извѣстно, что на Ремневѣ ни у кого не было никакого огнестрѣльнаго оружія... Дьяконица и просвирня не утерпѣли, — подбѣжали къ окошку взглянуть на самоубійцу.

Въ избѣ было тихо. Ребята уже спали на палатяхъ. Огоньковъ съ закрытыми глазами лежалъ на лавкѣ. Лицо его попрежнему было блѣдно, измучено; волосы растрепались, и его жиденькая, рыжеватая бородка торчала кверху. Огоньковъ тяжело дышалъ, и замѣтно было, какъ при дыханіи высоко поднималась его грудь...Церковный сторожъ, старикъ Трофимычъ, сгорбившись и подремывая, сидѣлъ въ ногахъ у Огонькова. Оплывшій огарокъ сальной свѣчи мерцающимъ, фантастическимъ свѣтомъ озарялъ закоптѣлую внутренность хаты...

Въ ту же ночь съ Огоньковымъ сдѣлался жаръ и бредъ. Онъ опасно заболѣлъ. (Дѣло, разумѣется, было замято). Всѣ думали, что онъ умретъ... Но Огоньковъ выздоровѣлъ, то

есть—вѣрнѣе сказать — остался живъ. Здоровье же къ нему уже не возвращалось... Жизнь была разбита... Память совершенно измѣнила ему: учительскія занятія, да и вообще всякія занятія, требовавшія хотя бы малѣйшаго напряженія памяти, сдѣлались для него невозможны... Только, повидимому, смутныя воспоминанія о тягостныхъ впечатлѣніяхъ, пережитыхъ имъ передъ болѣзнью, тревожили и мучили Огонькова. Ремнево, погостъ и все, окружавшее его, иногда наводило на него какой-то ужасъ. Ему думалось, что ему стало бы легче, если бы онъ ушелъ куда-нибудь изъ Ремнева, если бы онъ не видалъ передъ собой этихъ знакомыхъ предметовъ, съ которыми связывалось представленіе о *чемъ-то* темномъ и мрачномъ. Безпросвѣтная, безъисходная тоска заѣдала Степана Огонькова, когда онъ смотрѣлъ на высокую колокольню, на грачей, съ крикомъ летавшихъ вокругъ нея, на могилы, на пустую улицу и на колодецъ съ позеленѣвшимъ ослизлымъ срубомъ... Во всемъ этомъ, какъ будто, скрывалось *что-то* зловѣщее и роковое для его жизни.

Наконецъ, онъ написалъ госпожѣ Гречулевой письмо съ просьбой: позволить ему жить въ Нагорномъ, хотя бы въ качествѣ какого-нибудь прикащика или рабочаго. Гречулева—вѣроятно, по настоянію дочери — отвѣтила Огонькову, что онъ можетъ переселиться въ Нагорное и жить въ конторѣ, что у управляющаго будетъ для него работа...

Дьячиха къ тому времени получила мѣсто просвирни и могла — сравнительно — жить припѣваючи. Огоньковъ немедленно перебрался въ Нагорное.

Трудно было найти для него работу. Управляющій поручилъ ему садъ... Огоньковъ чистилъ дорожки, обрубалъ сушнякъ, поливалъ цвѣты, подвязывалъ кусты малины и смородины, поправлялъ плетень. Онъ еще могъ коекакъ справлять эту работу, да и то надъ всякимъ пустякомъ копался Богъ вѣсть сколько времени... Иной разъ возьметъ онъ колышекъ, но вмѣсто того, чтобы вбить его въ землю — вдругъ обопрется на него и начинаетъ безцѣльно, бездумно всматриваться въ зеленѣющую даль. А то подойдетъ къ малиннику, къ тому мѣсту, гдѣ онъ не однажды сиживалъ съ Женичкой, облокотится на жердь и смотритъ на ягоды, ярко краснѣющія на солнцѣ, а на блѣдныхъ губахъ его въ тѣ минуты появляется какая-то болѣзненная, блуждающая улыбка... Иногда же онъ принимался работать и работалъ съ величайшимъ усердіемъ такъ, что потъ градомъ катился съ него.

Огоньковъ поминутно забывалъ, что ему говорили и указывали сдѣлать. Но управляющій былъ человѣкъ не злой и давалъ Огонькову работу лишь для его успокоенья...

Огоньковъ все вѣчно перепутывалъ. Онъ, напримѣръ, узналъ, что старая барыня умерла, а потомъ до него дошли слухи, что барышня вышла замужъ... Черезъ нѣсколько времени онъ былъ уже совершенно убѣжденъ и съ тѣмъ убѣжденіемъ и остался, что старая барыня снова вышла замужъ, а барышня, *его* Женичка, умерла...

Еще смиреннѣе, еще молчаливѣе и тише сдѣлался Огоньковъ послѣ болѣзни. По цѣлымъ часамъ сидѣлъ онъ въ своей комнатѣ у окна, глубоко задумавшись и, повидимому, совершенно отрѣшившись отъ дѣйствительнаго міра. Съ недоумѣніемъ, недовѣрчиво посматривалъ онъ на своихъ рѣдкихъ посѣтителей. Самый обыкновенный разговоръ, сотканный изъ общихъ фразъ о погодѣ, о здоровьѣ и тому подобномъ—поддерживать для него было тяжело.

Управляющій иногда — изъ сожалѣнія— старался вызвать его на разговоръ.

— Что, Степанъ Петровичъ, скажете хорошенькаго?—спроситъ онъ, бывало, Огонькова.

— Хорошенькое!—промолвитъ тотъ, заберетъ въ ротъ кончикъ своей рѣденькой бородки, задумается и молчитъ.

Въ лѣтніе жары, въ засуху, также передъ грозой Степанъ Огоньковъ приходилъ въ страшно возбужденное состояніе, — особенно поздно вечеромъ и ночью. Тогда жалко было смотрѣть на него... Онъ, какъ безумный, метался по комнатѣ изъ угла въ уголъ, не находя себѣ мѣста. Цѣлые часы ходилъ онъ взадъ и впередъ, ходилъ до изнеможенія, снѣдаемый тоской и отчаяніемъ... Однажды управляющій случайно, черезъ полурастворенную дверь, видѣлъ его въ такомъ положеніи,—и самъ пришелъ въ ужасъ. Въ блѣдномъ, разстроенномъ лицѣ Степана Огонькова въ тѣ минуты выражалось сильное душевное страданіе. Усталый, измученный, неровною поступью бродилъ онъ по комнатѣ и тяжело вздыхалъ.

Тутъ управляющій вошелъ въ комнату и мягко-ласково замѣтилъ ему:

— Вы опять хандрите, Степанъ Петровичъ! Полно вамъ, будетъ ужъ мучить-то себя...

Огоньковъ вздрогнулъ при его словахъ и тутъ же только замѣтилъ его появленіе.

— Да я — ничего-съ... Я не хандрю...— проговорилъ Огоньковъ, какъ бы извиняющимся тономъ...

Однажды знакомый крестьянинъ съ Трошкина также причинилъ ему большое безпокойство. Дѣло было осенью... Огоньковъ сидѣлъ на крыльцѣ, по обыкновенію, погрузившись въ свою неисходную думу. Крестьянинъ шелъ, было, къ управляющему и пріостановился у крыльца.

— На солнышкѣ грѣешься, Петровичъ?— промолвилъ крестьянинъ.

— На солнышкѣ грѣюсь! — машинально, какъ эхо, отозвался Степанъ Огоньковъ.

— Та-акъ! Доброе дѣло!—протянулъ крестьянинъ, глядя на больного. — А совсѣмъ нынче ты хворый сталъ, какъ я погляжу на тебя... Вишь, какъ исхудалъ!

— Нѣтъ! Я здоровъ... Что ты! Съ чего ты это взялъ? — вдругъ, какъ-то весь оживившись, возразилъ Огоньковъ.

— Ну, и врешь!—замѣтилъ крестьянинъ.— Развѣ здоровые такіе бываютъ...

Въ тотъ же день Огоньковъ говорилъ управляющему:

— Что это значитъ, что онъ такъ пытливо, такъ недовѣрчиво посмотрѣлъ на меня, да и говоритъ: врешь! Значитъ, *они* не вѣрятъ мнѣ? Развѣ же я обманывалъ, когда говорилъ имъ?.. Зачѣмъ онъ такъ пристально смотрѣлъ на меня?.. Развѣ я сказалъ что-нибудь лишнее? Что такое я сказалъ ему, не помню...

И онъ усиленно, съ мучительной тревогой теръ себѣ лобъ.

Управляющій весь вечеръ успокоивалъ его, какъ могъ...

Иногда Огонькова чрезвычайно тревожили сны, — очень тяжелые и мрачные. Онъ разсказывалъ ихъ управляющему и просилъ объясненій...

— Къ чему видѣть во снѣ солнце? — говорилъ онъ однажды.—Я видѣлъ: надъ землею всходило большое-большое, красное солнце. Земля, будто бы—сѣрая, трава почернѣла, и цвѣты тоже почернѣли. Вокругъ, будто бы—какія-то каменистыя горы сѣро-пепельнаго цвѣта. Мѣстность дикая, скалы да овраги... Черные ручьи текутъ... А на небѣ и на землѣ лежитъ, будто бы, темнобагровый оттѣнокъ... вотъ точно такой, если бы посмотрѣть на свѣтъ черезъ толстое, темно-красное стекло! Вы смотрѣли когда-нибудь черезъ такое стекло на землю и на небо? Нѣтъ? Ахъ, посмотрите когда-нибудь... Это очень интересно... очень! Я смотрѣлъ... Страшно!.. Вотъ точно такой же свѣтъ я видѣлъ во снѣ. Духъ захватывало, такъ было *это* ужасно...

Огоньковъ слегка вздрогнулъ и поёжился, какъ бы снова испытывая пережитый имъ ужасъ.

— Мало-ли снится всякой чепухи!—говорилъ ему управляющій.

— Да, да! Чепуха... это все—чепуха! Конечно...—словно, извиняясь и самъ себя успокаивая, задумчиво-тихо шепталъ Огоньковъ.

Видалъ Огоньковъ и другого рода сны и также не мало волновался... Вообще же онъ мало жилъ жизнью дѣйствительной... Онъ сиднемъ сидѣлъ въ своей комнаткѣ, погруженный въ вѣчную думу. Зимою, бывало, выйдетъ онъ на крыльце, посмотритъ по сторонамъ и уходитъ назадъ, повторяя про себя: «Снѣгъ и холодъ!»... Въ лѣтнюю пору иногда ходила онъ въ садъ, подолгу стоялъ тамъ, опершись на плетень, и смотрѣлъ на рѣку, на разстилавшіеся за нею луга, на рощи и деревни, выступавшія тамъ и сямъ сѣрыми пятнами. Порой на глаза его набѣгали слезы, онъ смахивалъ ихъ, — и грустный, унылый, понуривши, еле волоча ноги, тащился домой посреди сочной зелени и яркихъ цвѣтовъ, облитыхъ яснымъ солнечнымъ свѣтомъ,—тащился, какъ жалкая, блѣдная тѣнь, и, повидимому, какъ бы вовсе не замѣчалъ вокругъ себя торжествующей *жизни*,—блеска и сіянія великолѣпнаго лѣтняго дня...

1882 г.

ИЗЪ ЖИЗНИ ЛѢСНОЙ СТОРОНЫ.

(Посвящается Ивану Лучигову, крестьянину деревни Кибры, Вологодской губерніи).

I.

Петряевщина.

Сторона наша — глухая. Сосновые и еловые лѣса всю ее прикрыли своей дремучей тѣнью и, какъ живою, зеленою стѣной, отдѣлили ее отъ городовъ,—не хуже какихъ-нибудь горъ высокихъ или песковъ сыпучихъ.

Поля у насъ небольшія: растутъ на нихъ только рожь и ячмень, да и то плохо. Мы ужъ давно бы всѣ померли съ холоду, да съ голоду, если бы не лѣсъ. Онъ, кормилецъ, питаетъ насъ, поитъ, одѣваетъ. Въ его чащѣ ютятся рябчики, бѣлки, рыскаютъ сѣрые волки и царствуетъ медвѣдь—истинно сказать—царствуетъ. Есть лѣса до того темные, до того дремучіе, что въ нихъ, кромѣ медвѣдя, не можетъ жить никакой другой звѣрь. И много чудесныхъ сказаній ходитъ въ нашей сторонѣ про этого косматаго лѣсного царя... Дѣдъ Ивана Совенка сказывалъ, что на его памяти произошла такая исторія: въ ту пору, когда на свѣтѣ еще водились капитанъ-исправники, какъ-то разъ одинъ изъ такихъ капитанъ-исправниковъ пробирался къ намъ, въ Петряевщину, за сборомъ недоимокъ, катилъ, какъ водится, на тройкѣ съ колокольчикомъ, а вдругъ ему навстрѣчу изъ лѣсу медвѣдь—шасть! поднялся на заднія лапы, уставился середи дороги, стоитъ да реветъ, словно оглашенный; лошади, разумѣется,—ни взадъ, ни впередъ, храпятъ, бьются. (Въ ту пору такъ же, какъ и теперь, дороги въ нашихъ лѣсахъ были узенькія: на нихъ двумъ тройкамъ не разъѣхаться). Ну, и кончилось дѣло тѣмъ, что кое-какъ осторожненько поворотили лошадей назадъ, да давай Богъ ноги. Такъ въ то время капитанъ-исправникъ,—сказывалъ дѣдушка,—и не собралъ недоимокъ...

И неложно зовемъ мы лѣсъ своимъ кормильцемъ: мы имъ живемъ. Мы находимъ въ немъ всякую дичь, пушнаго звѣря, дрова и бревна, грибы и ягоды... Кромѣ того, почти всѣ наши домашнія подѣлки — изъ дерева. У насъ посуда все больше — глиняная, еще чаще — деревянная, а желѣзная и мѣдная встрѣчается за рѣдкость. Солонки, хлѣбницы, умывальники мы дѣлаемъ изъ бересты. Ложки, чашки, «чуманы», столы, телѣги, колеса, приклады ружейные—все сами мастеримъ изъ дерева. Вмѣсто желѣзныхъ гвоздей для вѣшалокъ, съ большимъ удобствомъ идутъ у насъ въ дѣло сучья лиственницъ, сосенъ и березъ. Изъ ивовой и березовой коры вьемъ крѣпкія веревки; онѣ у насъ вездѣ въ ходу—и въ упряжи, и на перевозахъ, и въ домашнемъ обиходѣ. Въ ивовой корѣ красимъ холстъ въ красную и желтую краску, и крашенина выходитъ лучше, прочнѣе линючихъ городскихъ ситцевъ. Изъ лѣсу же достаемъ и всякія лѣкарственныя снадобья: золотуху лѣчимъ отваромъ изъ ягодъ калины, а чахотку — травой «мать и мачиха», (впрочемъ, чахотка у насъ болѣзнь рѣдкая); цвѣтъ донника пьемъ отъ лихорадки, вмѣсто мяты или липоваго цвѣта; богульникъ, столистникъ, плаунъ-трава помогаютъ отъ боли въ животѣ, хорошъ также звѣробой. Чернобыльникъ употребляется отъ женской немочи. Вмѣсто пластыря мы прикладываемъ къ ранѣ листъ подорожника; настойкой изъ золотой лозы сгоняемъ опухоли... Да всего-то, что даетъ намъ лѣсъ, пожалуй, сразу и не пересчитать. Даже ребятишки не знаютъ городскихъ игрушекъ — ни коней, ни глиняныхъ пѣтушковъ, а сами дѣлаютъ себѣ всякія дудочки и свистульки изъ дерева или изъ стеблей травы.

Такъ-то! Значитъ, не напрасно зовемъ мы лѣсъ своимъ кормильцемъ.

Недаромъ, говорятъ, въ стары годы, наши петряевцы почитали за бога одну большую, толстую березу, земно кланялись ей и, въ видѣ даровъ, вѣшали на ея сучья всякіе разноцвѣтные лоскутья и звѣриныя шкурки. Когда же петряевцы сдѣлались крещеными, тогда вышелъ откуда-то указъ срубить эту

березу. Три дня и три ночи рубили ее. И все время, пока ее рубили, береза слезно плакала, а, повалившись, застонала, сердечная, на весь лѣсъ—таково тяжко, жалобно. Такъ люди сказываютъ, да такъ, говорятъ, и въ старыхъ книгахъ написано. Говорятъ еще, что съ той поры, какъ петряевцы загубили свою барезоньку, они стали жить все хуже и хуже: звѣря въ лѣсу стало меньше, приказныхъ въ городахъ — больше, и все пошло какъ-то неладно...

Синія рѣки протекаютъ черезъ наши лѣса, и пароходы своими колесами еще не мутятъ ихъ прозрачныя, чистыя воды. Сосны да лохматыя ели склоняются надъ ними... Рыба стаями ходитъ въ рѣкахъ. Но соль у насъ—плохая, поэтому мы не можемъ запасать рыбу впрокъ. Промышленники занимаются этимъ дѣломъ. Въ одной рѣкѣ, неподалеку отъ Петряевщины, водится хваленая, прославленная стерлядь. Прежде въ нашихъ сторонахъ ее не ѣли, считали ее нечистою, думали, что отъ нея лихорадки бываютъ. Лѣтъ 30 тому назадъ, стерлядь здѣсь стоила 2 копѣйки фунтъ, а теперь, пожалуй, и за 40 копѣекъ не купишь.

По берегамъ рѣкъ, тамъ и сямъ разбросались селенья и деревушки, видны поля, луга — пожни, подсѣки. Селенья, правда, не часты, но зато—велики.

Почтовый трактъ или, какъ говорится у насъ, «большая дорога» проходитъ стороной, минуя нашъ лѣсной уголокъ. О чугункѣ, о телеграфахъ, о фабрикахъ и тому подобныхъ диковинкахъ у насъ слыхомъ не слыхать, и въ этомъ смыслѣ сторона наша—совсѣмъ дикая. Отъ Петряева до нашего уѣзднаго города Устьчегодска считается около 200 верстъ, а до «губерніи» верстъ 500, а, можетъ быть, и болѣе: сказать въ точности трудно, потому что версты-то у насъ баба клюкой мѣряла, да наконецъ гдѣ-то и клюку потеряла. Немногіе, очень немногіе изъ петряевцевъ побывали на своемъ вѣку въ губернскомъ городѣ, да ужъ зато и набрались они гонору... и-и-и, Боже ты мой, сколько похвальбы у нихъ! Ежели, бывало, съ этакими «ходоками» заспорятъ о какихъ-нибудь отвлеченныхъ матеріяхъ, они сейчасъ и выдвигаютъ свой единственный, несокрушимый аргументъ:

— Нѣтъ, братъ! Ты спервоначалу въ губерніи побывай — вотъ что!—многозначительно говорятъ они въ такихъ случаяхъ, махнувъ рукой по направленію ни вѣсть куда.

Что же подѣлаешь противъ такихъ доводовъ! Правда, иной горячій противникъ и послѣ того не унимался, продолжая ворчать про себя: «Губернія! Ну что жъ—губернія»... но и самый завзятый спорщикъ далѣе такого несвязнаго мычанья не шелъ.

Представленія же о Питерѣ у петряевцевъ были до того туманны и сбивчивы, что и самъ чортъ не разобрался бы въ нихъ. Что—Питеръ, что—Бѣлая Арапія, для нихъ было все едино - единственно. Два-три отставные солдата изъ петряевцевъ не однажды со всеусердіемъ принимались объяснять своимъ землякамъ: что за штука—Питеръ, но изъ этихъ разговоровъ выходило мало путнаго. Большинство петряевцевъ по этому поводу все-таки приходило къ тому заключенію, что «лѣшій ихъ распутаетъ, чего тамъ такого»... Старые служивые замолкали и отступались отъ петряевцевъ, какъ отъ людей совсѣмъ безнадежныхъ.

— Экій народъ-то! А?.. Ну!..—повторяли служивые, покачивая головой, не то печалуясь, не то удивляясь при видѣ дикости и темноты своихъ односельчанъ.

Зато въ своемъ уѣздномъ городѣ почти каждый петряевецъ, дожившій до 50-ти-лѣтняго возраста, успѣвалъ побывать на своемъ вѣку раза два или три, а иной и больше. И, конечно, для петряевцевъ на всемъ бѣломъ свѣтѣ не было города великолѣпнѣе и краше Устьчегодска. Какъ можно! Одна церковь чего стоитъ,—этакая большущая, бѣлая, каменная; ея зеленая крыша такъ и блеститъ на солнцѣ, а главы на церкви и шпиль колокольный, ровно, серебромъ отливаютъ. Колокольня высокая, высокая — на диво! Петряевцы, бывая въ городѣ, очень любятъ смотрѣть на эту колокольню, и подолгу смотрятъ на нее, загнувъ головы такъ, что съ нихъ чуть шапки не сваливаются, — и любятъ разсуждать о томъ: сколько саженъ высоты эта колокольня, и какимъ образомъ строили ее, и какъ утвердили на ней этотъ высоко-сіяющій въ небѣ шпиль? Вопросы — крайне занимательные... Въ Петряевщинѣ—церкви деревянныя, старинныя, полутемныя и тѣсныя. Колокольни—не высоки и также деревянныя. Значитъ, было отчего «нашимъ» любоваться на городской соборъ, и, понятно, его заурядная архитектура казалась петряевцамъ дивно - прекрасною. Потомъ, другой предметъ удивленія и восторга—лавки, съ дверями, наполовину стеклянными, завѣшенными краснымъ кума-

чемъ. Чего-чего только нѣтъ въ этихъ лавкахъ,—и много въ нихъ такого, чему даже и имени не знаютъ петряевцы, не знаютъ и того: для какой потребы идутъ эти товары. Для многихъ изъ петряевцевъ эти лавки съ краснымъ и бакалейнымъ товаромъ остаются какою-то таинственною областью, чѣмъ-то въ родѣ «святая святыхъ».

— Чего-то такое пестрое, баскóе *)—блеститъ, свѣтитъ... Богъ ё знаетъ!—разсказывали они своимъ, по возвращеніи домой изъ дальнихъ странствій.

На базарной площади—подъ крышей большіе вѣсы, и тутъ же, около, сидятъ торговки съ калачами. Въ гостинницѣ органъ играетъ и, по мнѣнію петряевцевъ, играетъ чудесно. Весь день господа гуляютъ по городу, если погода хорошая... Петряевцевъ всегда можно отличить отъ крестьянъ пригородныхъ мѣстностей. Они ходятъ по городу, точно шалые, зѣваютъ по сторонамъ, глазѣютъ въ окна, заглядываются на всякаго встрѣчнаго и всему удивляются. Городъ для нихъ полонъ таинственности и вещей необычайныхъ... Слова нѣтъ — весело, забавно въ городѣ, пріятно потолкаться на рынкѣ, гдѣ таково людно, пріятно въ трактирѣ чайку попить, но все-таки петряевцы долго не выдерживали и начинали скучать по своемъ медвѣжьемъ углу. Они находили, что въ городѣ люди хуже, чѣмъ у нихъ въ Петряевщинѣ,—люди хитрые, продувные и большіе зубоскалы.

— У насъ народъ — проще, душевнѣе... какъ можно! — со вздохомъ говорили они между собой, поглядывая на нарядныхъ горожанъ, смотрѣвшихъ на нихъ то высокомѣрно, то съ усмѣшкой.

— Петряевщина - матушка привалила... Обломы!—толковали имъ вслѣдъ горожане.

Устьчегодская цивилизація стѣсняла петряевцевъ, а если имъ случалось развернуться,—ихъ тотчасъ осаживали. «Эй, борода! Ты куда лѣзешь!» кричали имъ въ такихъ случаяхъ, и они, благосклонно посмотрѣвъ на кричавшаго, не торопясь, отходили прочь. Бывало, въ жаркій день петряевцы спустятся на берегъ и вздумаютъ покупаться маленько, а полицейскій или какой-нибудь городской обыватель завидитъ ихъ и кричитъ: «Ахъ, вы такіе-сякіе! Развѣ здѣсь можно купаться! Убирайтесь!» Петряевцы взваливаютъ на плечи свои *кошелки* и съ достоинствомъ удаляются. Заберутся они на городской бульваръ, разлягутся въ тѣни березъ, кошелки подъ головы, таково отлично, а ихъ—глядишь—ужъ опять гонятъ: «Развѣ можно лежать здѣсь! Проваливайте вы, такіе-сякіе»... Такъ и гоняютъ ихъ съ мѣста на мѣсто.

— И чудно, братцы, здѣсь...—переговариваются они промежъ собой, чинно поглаживая свои длинныя, кудластыя бороды. Никакъ то-есть мѣста-то не найдешь...

Дѣйствительно, все это чудно казалось для петряевцевъ, бывавшихъ въ первый разъ въ городѣ. Въ Петряевщинѣ гдѣ захотѣлъ, тамъ и легъ, гдѣ захотѣлъ, тамъ вышелъ на рѣку, раздѣлся безъ всякихъ околичностей, и бухъ въ воду. А здѣсь—не то, здѣсь на каждомъ шагу предписанія и указы, ужъ одно слово—городъ... Кстати должно замѣтить, что петряевцы не особенно гнушаются и стыдятся наготы, довольно остроумно утверждая, что вѣдь у нихъ *краденаго* ничего нѣтъ. И это говорятъ они правду: нѣтъ у нихъ ничего краденаго. Если петряевская дѣвка румяна, такъ значитъ—свой румянецъ, не въ москательной лавкѣ купленъ; если у нея брови и рѣсницы темныя, то, значитъ, онѣ отъ роду таковы, а не подведены углемъ; если волосы у нея чуть не до пятъ, такъ ужъ ихъ не оторвешь — не привязные; если зубы бѣлые, да ровные, то, значитъ, не вставные—ужъ такіе отъ роду. Если баба толстобокая да съ большими округлостями, такъ опять, значитъ, что все это у нея—свое, а никакихъ ватныхъ подушекъ на ней нѣтъ. О мужикахъ и молодыхъ парняхъ и толковать нечего: всѣ они безъ всякихъ прикрасъ, какъ мать родила...

Когда петряевцевъ раза два-три погоняютъ изъ стороны въ сторону, тогда они начинаютъ чувствовать, что они въ городѣ—не на своемъ мѣстѣ. Они такъ безропотно-покорны, они позволяютъ такъ грубо осаживать себя вовсе не потому, чтобы боялись кого-нибудь. Каждый изъ нихъ на своемъ вѣку по десятку медвѣдей уложилъ, а иной и сороковаго ухлопалъ... Что жъ имъ этотъ сердитый полицейскій, этотъ лавочникъ-зубоскалъ или любой мозглявый горожанинъ, покрикивающій на нихъ съ высоты своего величія! Петряевцамъ нелестно о нихъ и руки-то марать, а то однимъ взмахомъ они угомонили бы этихъ крикуновъ. Нѣтъ! Наши петряевцы—не трусы: они просто добрые, смирные люди. Они слушались городскихъ крикуновъ только потому, что, по ихъ мнѣнію, было бы нехорошо ходить со сво-

*) Баское—красивое. Мѣстное выраженіе.

имъ уставомъ въ чужой монастырь... Ну, что жъ! Можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ такъ и надо: вѣдь они здѣшнихъ обычаевъ не знаютъ... Они слушались городскихъ крикуновъ, но при этомъ вполнѣ сохраняли свое достоинство и смотрѣли на крикуновъ безъ всякой горечи и злости,—совершенно снисходительно. Иногда петряевцы, при нападеніяхъ на нихъ, оставались серьезны, задумчивы, и какъ бы не замѣчали наступавшихъ на нихъ, иногда же добродушно усмѣхались себѣ въ бороду или замѣчали:

— Ну, ладно! Не кричи! Не испужаешь, милый человѣкъ...

И это говорилось такимъ безобиднымъ, невозмутимо-спокойнымъ тономъ, какимъ обыкновенно взрослые люди говорятъ съ маленькими ребятами - забіяками. «Не горячись, молъ!..» Такимъ тономъ вѣроятно, долженъ былъ говорить Гулливеръ со своими лилипутами. Сознаніе силы, превосходства, дѣлало петряевцевъ кроткими и уступчивыми, а вовсе—не малодушіе и боязнь. По тому же самому и такъ невозмутимо сохраняли они свое достоинство. Не торопясь и переваливаясь, своею тяжелою поступью уходили они оттуда, откуда гнали ихъ сердитые люди, надрывавшіеся отъ крику... Смотря на ихъ средняго роста крѣпкія, коренастыя фигуры, на ихъ мускулистыя, загорѣлыя руки, словно отлитыя изъ красной бронзы, всякій проницательный человѣкъ подумалъ бы про себя, что эти такъ грузно, тяжело ступающіе люди пойдутъ всюду, куда захотятъ, что запугать ихъ трудно... Но если въ то же время заглянуть петряевцу въ лицо, то зрителя въ этомъ лицѣ прежде всего поразитъ незлобивое, простодушное, крайне наивное выраженіе. Въ этихъ свѣтлыхъ, сѣрыхъ глазахъ видится что-то дѣтское... Да! Теперь, пока они ходятъ по городу и заглядываются на его диковины, петряевцы—сущія дѣти. Смѣсь дѣтскаго простодушія съ силой—не рѣдкость на бѣломъ свѣтѣ. Дѣйствительная сила не бубнитъ, не трещитъ о себѣ на всѣхъ перекресткахъ. Она живетъ иной разъ въ самой скромной, грубой оболочкѣ...

Кромѣ колокольни, большихъ базарныхъ вѣсовъ и лавокъ, въ городѣ былъ еще одинъ предметъ, обращавшій на себя особенное вниманіе петряевцевъ и сильно волновавшій ихъ умы. Здѣсь кстати замѣтить, что наши петряевцы рѣдко ходятъ въ городъ поодиночкѣ, но обыкновенно валятъ цѣлой гурьбой, и въ этой гурьбѣ обыкновенно бываетъ хоть одинъ человѣкъ, уже видавшій виды, то-есть, посѣщавшій городъ,—и онъ-то служитъ руководителемъ. Показавъ, какъ водится, колокольню, лавки, базарные вѣсы и другія рѣдкости, петряевцы, «видавшій виды», считаетъ какъ бы долгомъ привести своихъ земляковъ въ одну изъ четырехъ улицъ, составляющихъ городъ Устьчегодскъ. Здѣсь онъ останавливается и, молча, тычетъ пальцемъ по направленію того предмета, который нѣкони имѣетъ для петряевцевъ глубокій, живой интересъ. За нимъ и всѣ останавливаются и принимаются глубокомысленно, сосредоточенно смотрѣть по указанному направленію...

То была улица глухая, непроѣзжая, и большею частью пустынная. Немощеная дорога здѣсь поростала травой, по сторонамъ тянулись дырявые заборы, ютились темныя, покрившіяся лачуги обывателей, и тутъ же стоялъ двухъ-этажный каменный домъ. Вотъ этотъ-то домъ и привлекалъ сюда петряевцевъ, хотя въ сущности, съ виду, въ немъ не представлялось ничего заманчиваго или поразительнаго. Домъ—старый, довольно ветхій; стѣны его, нѣкогда очевидно выкрашенныя въ желтую краску, давнымъ-давно уже полинявшую, были грязны, всѣ въ какихъ-то сѣрыхъ пятнахъ и подтекахъ, его желѣзная крыша покраснѣла отъ ржавчины; окна нижняго этажа защищались такими же заржавленными рѣшетками; стекла въ иныхъ окнахъ отливали всѣми радужными оттѣнками. Къ дому примыкала съ одной стороны небольшая низенькая, каменная же пристройка — не крашеная и не бѣленая, съ красными, кирпичными стѣнами; въ этой пристройкѣ ни оконъ, ни дверей не выходило на улицу. Далѣе тянулся гнилой, покосившійся заборъ, уже нѣсколько лѣтъ угрожавшій упасть прямо въ канаву. За заборомъ расходился садъ. Съ улицы видны были старыя, жалкія деревья, все больше какія-то кривыя, засохшія да поломанныя. (Говорятъ, нѣсколько поколѣній смотрителей устьчегодскаго уѣзднаго училища вплоть до послѣдняго времени пользовались изъ этого сада прутьями, какъ необходимыми учебными пособіями для просвѣщенія юношества).

Однимъ словомъ, это былъ одинъ изъ такихъ домовъ, какіе встрѣчаются почти въ каждомъ захолустномъ городишкѣ. Своею грязною и отвратительною наружностью, своимъ

казеннымъ убожествомъ, они производятъ на душу свѣжаго человѣка самое непріятное, тягостное впечатлѣніе... На томъ домѣ, о которомъ теперь идетъ рѣчь, явственно лежала печать запустѣнія. Но этой мерзости запустѣнія придавали еще особенный характеръ полосатая будка, торчавшая у воротъ, и гарнизонный солдатъ, лѣниво и вяло расхаживавшій около нея взадъ и впередъ, съ ружьемъ на плечѣ, и съ меланхолическимъ видомъ зѣвавшій на пролетающихъ воронъ. На лицевой сторонѣ дома находилась вывѣска—бѣлая съ черными буквами, но буквы до того полиняли и смылись дождями, что лишь съ большимъ трудомъ можно было разобрать на вывѣскѣ одно слово: «Казначейство».

Слово—многознаменательное; по крайней мѣрѣ, много говорило оно уму и сердцу петряевца. Два раза въ годъ отвозилъ сюда старшина «подань», что собиралась съ Петряевщины. Уже не одно поколѣніе петряевцевъ приходило сюда. Они подолгу смотрѣли на этотъ необыкновенный домъ, переговаривались вполголоса, покачивали головой. Стоя посреди улицы, они упорно смотрѣли въ окна казначейства, но напрасно смотрѣли... Этотъ домъ ветхій и грязный, съ облупившейся по стѣнамъ штукатуркой, — не выдавалъ имъ своихъ завѣтныхъ тайнъ. Въ окнахъ верхняго этажа иногда мелькали испитыя чиновничьи лица, а въ нижнихъ окнахъ изъ-за рѣшетокъ уже ровно ничего не было видно.

— Вотъ оно!—многозначительно произносилъ вполголоса бывалый петряевецъ, кивая головой на домъ.

— Вишь ты!—отзывались ему изъ толпы.

— Деньжищъ-то, поди, навалено тутъ... прорва!—замѣчалъ бывалый.

— Знамо! Еще бы тѣ не навалено!—поддакивали въ толпѣ.

Кряхтя и тяжело вздыхая, вздыхая и охая, брели петряевцы отъ того дома, въ которомъ, по ихъ крайнему разумѣнію, была «навалена цѣлая прорва деньжищъ»,—и потомъ нерѣдко въ длинные зимніе вечера, лежа на палатяхъ, разсуждали они промежъ себя объ этомъ домѣ...

Разъ, передъ этимъ самымъ домомъ, съ петряевцами вышелъ странный и забавный случай, еще пуще спутавшій и замутившій ихъ представленія о «казначействѣ»,—если только можно было еще болѣе спутать и замутить эти представленія: до того они были расплывчаты, туманны и неясны.

Однажды ватага петряевцевъ ближе обыкновеннаго подошла къ занимательному дому. Часовой, уставши безцѣльно бродить взадъ и впередъ или, можетъ быть, соскучившись смотрѣть на сосредоточенныя физіономіи петряевцевъ, уставившихся на казначейство, вдругъ остановился, поднялъ ружье и сталъ цѣлиться въ нашихъ мужиковъ.

— Чего ты мѣтишься-то, оглашенный? Вѣдь не въ звѣря, чай...—спокойно замѣтилъ ему одинъ старикъ-петряевецъ, уже не разъ бывавшій передъ «казначействомъ», но никогда еще не попадавшій за это подъ выстрѣлы.

Солдатъ ухмыльнулся,—очевидно, довольный своею шуткой,—и, перебросивъ ружье на плечо, снова принялся медленно сновать изъ стороны въ сторону. Въ это время, изъ воротъ показался сторожъ, служившій при казначействѣ,—лысый старикъ съ красносизымъ носомъ, со щетинистыми, торчащими усами и съ унтеръ-офицерскими нашивками на рукавѣ.

— Ну-у, чего бороды-то уставили? Чего не видали?—сиплымъ голосомъ спросилъ онъ петряевцевъ.

— Здравствуй!—сказалъ ему бывалый петряевецъ, выступивъ немного изъ толпы.

— Здравствуй!.. Для чего, говорю, пожаловали-то сюда?—продолжалъ старый унтеръ, съ усмѣшкой поглядывая на посѣтителей.

— Казначейство!? не то спрашивая, не то отвѣчая на вопросъ, промолвилъ петряевецъ, махнувъ рукой на домъ.

— Ну, что жъ! Извѣстно, казначейство... А вамъ-то что?—переспросилъ сторожъ.

— Намъ-то что? Гм!.. А служивый-то дяче тутъ?—уклончиво заговорилъ петряевецъ.

— По наряду, значитъ, въ караулѣ состоитъ—для охраны!—пояснилъ унтеръ: очевидно, его стали занимать эти необыкновенные собесѣдники.

— Для охраны, слышь...—проговорилъ ведшій переговоры старикъ, обращаясь къ своимъ землякамъ съ такимъ видомъ, какъ будто онъ служилъ для нихъ переводчикомъ.

— Гм-гм!—послышалось въ толпѣ ему въ отвѣтъ.

Петряевцы многозначительно переглянулись: «Поняли, молъ! Валяй дальше!»—и затѣмъ еще тѣснѣе обступили своего рѣчистаго, находчиваго товарища. Здѣсь должно замѣтить, что петряевцы, и между собой и съ другими, обыкновенно выражались крайне лаконично, а иногда даже объяснялись просто

одними жестами — и довольно удачно. Конечно, человѣкъ посторонній, не посвященный во всѣ тонкости петряевскаго діалекта, подчасъ становился втупикъ, но это было ужъ его дѣло... А петряевцы отлично понимали другъ друга.

— Денегъ-то, поди, много?—продолжалъ петряевецъ, выразительно кивнувъ головой на казначейство.

— Не мало, только вашихъ-то нѣтъ! — съострилъ сторожъ и остался весьма доволенъ собой.

— Нѣтъ, врё! И наши деньги тутотка есть! — внушительно замѣтилъ петряевецъ.—Куда имъ, парень, дѣваться!

— Ваши-то деньги были у насъ, да ужъ уѣхали! — продолжалъ унтеръ, забавляясь недоумѣніемъ сѣраго люда.

— Почтѣ уѣхали? Куда?—замѣтно оживившись, спросилъ старикъ, а прочіе петряевцы насторожили уши.

— Далеко-далеко уѣхали... не видать отсюда!—посмѣивался сторожъ.

— Уѣхали, баетъ... далеко, слышь!—вполголоса обратился къ толпѣ петряевецъ, ведшій переговоры.

Тяжелый вздохъ послышался въ толпѣ.

Петряевцы на этотъ разъ ушли отъ роковаго дома съ болѣе задумчивымъ видомъ, чѣмъ когда-нибудь, и съ бо̀льшимъ ожесточеніемъ чесали себѣ затылки. Куда, въ самомъ дѣлѣ, «уѣхали» ихъ денежки? И зачѣмъ онѣ уѣхали такъ далеко? Загадка—для петряевцевъ...

А сторожъ-унтеръ, послѣ того, еще долго потѣшался со своими пріятелями надъ «деревеньщиной».

«Казначействомъ» окончательно исчерпывался весь интересъ, представляемый городомъ для петряевцевъ. На больницу они не обращали особеннаго вниманія: никогда никто изъ нихъ въ этой больницѣ не лежалъ. Острогъ, стоявшій на краю города, также мало занималъ петряевцевъ своими бойницами, большими желѣзными воротами и вообще своимъ угрюмымъ, мрачнымъ видомъ! Люди изъ нашего глухаго угла рѣдко сидятъ въ острогѣ. (Въ Петряевщинѣ, въ теченіе 25-ти лѣтъ, случается не болѣе одной уголовщины, да и та обыкновенно является лишь не иначе, какъ въ видѣ неумышленнаго убійства «въ пьяномъ видѣ»).

Уже сказано, что петряевцы не могли долго пробыть въ Устьчегодскѣ безъ того, чтобы не соскучиться по своимъ дремучимъ лѣсамъ, по пнямъ и колодамъ. Они скучали еще болѣе отъ того, что замѣчали къ себѣ насмѣшливое или явно враждебное отношеніе со стороны горожанъ. Немало также стѣсняло ихъ то обстоятельство, что нѣкоторые — люди, вновь пріѣзжіе—съ изумленіемъ пялили на нихъ глаза. Впрочемъ, надо правду сказать: своею наружностью и одеждой петряевцы шибко отличались отъ прочихъ крестьянъ, посѣщавшихъ городъ. Ихъ широкополыя войлочныя шляпы, сѣрые зипуны съ мѣшками на спинѣ, сзади висящій топоръ, продѣтый черезъ отверстіе въ поясѣ книзу топорищемъ, самодѣльные лапти; наконецъ, ихъ развалистая походка, нѣсколько тягучій говоръ, выраженіе невозмутимаго спокойствія въ лицѣ и размѣренныя движенія, исполненныя достоинства—словомъ, все въ петряевцахъ бросалось въ глаза, особенно человѣку, видѣвшему ихъ въ первый разъ.

Они—лѣсные жители, «лѣшіе», какъ не очень-то вѣжливо зовутъ ихъ горожане, — чувствуютъ себя въ городѣ какъ бы спутанными по рукамъ и по ногамъ и, лишь вырвавшись въ лѣсъ, они опять становятся людьми свободными, находчивыми и проворными. Тогда лучше не тягаться съ ними любезнымъ горожанамъ.

Петряево разсѣлось по берегу довольно широкой и глубокой рѣки Сосвы. Она вытекаетъ гдѣ-то далеко изъ болотъ, вся протекаетъ въ тѣни густыхъ лѣсовъ, за Петряевымъ соединяется съ другой рѣкой и льется на-полночь къ холодному морю.

Наше Петряево выстроилось задолго до Устьчегодска. Въ ту пору, когда на мѣстѣ теперешнаго города въ чащѣ лѣсной еще рыскали волки и носились олени, въ Петряевѣ жили уже люди и была выстроена церковь во имя Николы Чудотворца. Поправляемая отъ поры до времени, эта церковь стоитъ и понынѣ. Надпись на церкви гласитъ, что она построена въ 1780 году.

Бревенчатыя, почернѣлыя стѣны, между бревнами ряды моху, крыша тесовая, покрывшаяся зеленью, съ самыми простыми, незатѣйливыми украшеніями, какія бываютъ у избъ; крыльцо съ навѣсомъ; окна небольшія, квадратныя, съ деревянными рѣшетками; на церкви два купола—тоже деревянные, одинъ — большой надъ срединой церкви, а другой —поменьше надъ алтаремъ:—такова съ ви-

ду церковь «Николы въ Петряевщинѣ»... Колокольня—также вся деревянная—стоитъ немного отступя отъ церкви; колокола на ней небольшіе. Внутри церкви — темно и мрачно. Придѣлы отдѣляются отъ церкви деревянной рѣшеткой; въ нихъ вдоль стѣнъ—лавки, въ углу — большая, истрескавшаяся печь. Иконы все старинныя, потемнѣвшія... Особенно почитается одна большая древняя икона. Она представляетъ собой просто черную доску, покоробленную и всю въ щеляхъ. Ничего невозможно разобрать на ней... Но передъ этимъ образомъ въ праздники всего болѣе горитъ грошовыхъ восковыхъ свѣчей и на образѣ всегда висятъ приношенія: платокъ, полотенце, какой-нибудь поясокъ или кусокъ грубаго холста. Не блестящи приношенія петряевцевъ! Добрые люди чѣмъ богаты, тѣмъ и рады... Думаютъ, что на этомъ образѣ былъ написанъ Николай Чудотворецъ. А Никола считается у петряевцевъ какимъ-то особеннымъ заступникомъ за нихъ, защитникомъ и хранителемъ ихъ болотъ и лѣсовъ.

Вокругъ церкви расходится погостъ. На могилахъ, вмѣсто крестовъ, лежатъ сложенныя въ видѣ гроба красныя кирпичныя плиты. Деревянная, гнилая и посѣрѣвшая ограда вокругъ погоста мѣстами уже совсѣмъ развалилась и не подновляется. Убогая церковь и убогій погостъ... Но стоитъ наша церковь на очень хорошемъ мѣстѣ—на высокомъ берегу рѣки, а за рѣкой безконечно синѣютъ лѣса, спускаясь на-полдень отъ Петряева все ниже и ниже. Такой далекій, сказочный видъ не всякому приснится и во снѣ...

Въ Петряевѣ считается до 40 дворовъ и въ этихъ дворахъ живетъ болѣе двухсотъ душъ. Наша главная улица тянется вдоль берега, а съ нея сходятъ проулочки. Зимою насъ заноситъ снѣгомъ такъ ловко, что иной разъ поутру приходится сообща разгребаться. А лѣтомъ зато у насъ — славно! Вокругъ—лѣса, пахнетъ зеленью, цвѣтами, часто припахиваетъ жженымъ вересомъ, (любятъ у насъ этотъ запахъ и почитаютъ его здоровымъ). Есть у насъ на Петряевѣ и большія избы — вонъ какъ, напримѣръ, у Мироныча,—есть и маленькія, какъ сказочныя избушки на курьихъ ножкахъ; крыши то тесовыя, то соломенныя; трубы высокія — деревянныя или корзиночныя; есть и курныя избы—вовсе безъ трубъ; надъ оконцами—рѣзные узоры, иногда выкрашенные красной, синей и зеленой краской. На высокихъ крыльцахъ лѣтомъ висятъ берестяные рукомойники и тутъ же сушатся на веревочкахъ пучки разной травы. Да что жъ описывать наши избы!.. Читатель, поди, на картинкахъ видалъ ихъ.

Петряевцы искони вѣковъ живутъ общиной и даже не представляютъ себѣ возможности жить иначе. Земля передѣляется разъ въ 12 лѣтъ... Ужо я приведу не мало примѣровъ того, какъ ишибко въѣлся общинный духъ въ нравы и во все міросозерцаніе петряевцевъ. А пока разскажу нѣсколько о томъ, какой шумъ поднялся однажды у насъ изъ-за пустыхъ рѣчей волостного писарька...

Лѣтъ шесть тому назадъ, въ селѣ Пелымдинѣ, разъ послѣ сходки, когда крестьяне еще толпились передъ правленіемъ, писарь, сидя тутъ же на бревнахъ, калякалъ со «стариками» о томъ—о семъ и сказалъ, между прочимъ, что поговариваютъ: «не надоть-ли общинную землю порѣшить». Старики молчали.

— Ну вотъ,—шутя замѣтилъ писарь:—что бы вы сказали, ежели бы, примѣрно, спрошали васъ: надобна община, али нѣтъ? Какую рѣчь повели бы, а?

Петряевцы соображаютъ туго, и поэтому они отвѣтили писарю не вдругъ.

— Господи, помилуй!—какъ-то неопредѣленно, съ легкимъ вздохомъ, проговорилъ старикъ Парменъ.

— Чего такое? Про что онъ блекочетъ?—промолвилъ другой старикъ, Василій Медвѣжатникъ, стоя въ толпѣ и грузно опираясь на палку.

Но скоро поняли петряевцы, про что шла рѣчь,—и зашумѣли не на шутку. Какъ такъ—«порѣшить» общинную землю? Что еще за бѣда такая пришла? Кто и откуда добылъ такія новости? Не ворона-ли на хвостѣ принесла? Или въ самомъ дѣлѣ толки идутъ про ихъ общину? Весь Пелымдинъ взволновался.

— Ну, другъ, сказывай! Какъ мы теперь безъ общины можемъ?..—приступили къ писарю.

— Да «какъ»! Оченно даже просто...—затараторилъ писарь, бывшій замѣтно навеселѣ.—Разбить землю на участки, значитъ, подворно, да и пускай каждый владѣетъ землей, какъ ему Богъ на душу положитъ; хочетъ—заложитъ, либо продастъ, что хочетъ—то съ ей и дѣлаетъ...

— Ну ужъ, парень, это — не того... неладно ты говоришь! — съ твердостью возразилъ Парменъ.—Что ты! Развѣ, дитятко, землю можно продавать?

— А то какъ же!—съ усмѣшкой отозвался писарь.—Это только въ вашемъ медвѣжьемъ углу, прости Господи, такіе диковинные порядки заведены... А вотъ въ другихъ-то мѣстахъ, у образованнаго народу, никакихъ общинъ нѣтъ, и земля переходитъ себѣ изъ рукъ въ руки отличнымъ манеромъ.

— Гдѣ жъ это такъ?—спросилъ кто-то изъ толпы.—Може, въ бусурманахъ гдѣ?

— Въ какихъ тамъ басурманахъ! Сами вы басурмане...—возразилъ писарь, не то съ досадой, не то съ сожалѣніемъ посматривая на петряевцевъ и качая головой.—Э-эхъ! Вотъ ужъ подлинно сказать—«петряевщина»!.. Да вонъ и въ нашей губерніи во многихъ мѣстахъ *это* есть... Вѣдь это вы только ничего не слышите, не видите, потому—сидите, какъ кроты, въ своихъ трущобахъ да норахъ. А тамъ насчетъ земли свободно! Покупай, продавай ее, сколько хошь...

— Кто жъ это продаетъ-то?—опять спросили изъ толпы.

— Тфу, ты, анаѳемы! (Писарь отплюнулся уже съ явнымъ презрѣніемъ).—Толкомъ говорятъ вамъ: продавай, кто хошь... И казна продаетъ, и баринъ, и мѣщанинъ, и мужикъ, и купецъ...

— Да буде тебѣ толковать-то!—почти съ досадой перебилъ писаря старикъ Парменъ такимъ тономъ, какъ будто хотѣлъ сказать: вотъ-то «нелюбо — не слушай, врать — не мѣшай»!

— Гм! Чего еще выдумалъ!—послышалось въ толпѣ.—Земля—не продажная... земля—ничья! Нѣтъ, братъ! Почто баловаться...

—Ну-у! А если бы приказали «порѣшить»!—спросилъ писарь, ехидно усмѣхаясь.

— Кто жъ бы это приказалъ? Ужъ не ты-ли? — въ свою очередь спросили изъ толпы.

— Извѣстно, кто... — пояснилъ писарь.—Начальство!...

— Начальство!—протянулъ Иванъ Совенокъ, одинъ изъ строптивыхъ петряевцевъ.—Начальство! Экое дѣло, подумаешь...

— А ежели солдатъ пришлютъ?—вдругъ выпалилъ писарь.

— Господи помилуй! Почто солдатъ...—проговорилъ старичокъ Парменъ, почесывая затылокъ.

Василій Большакъ, здоровый, могучій парень, лѣтъ 26-ти, сдѣлалъ при этомъ выразительный жестъ.

Писарь весело расхохотался и сквозь смѣхъ проговаривалъ: «Ахъ, петряевщина, петряевщина дремучая! Ахъ-ха-ха»...

— Ну, что тутъ пустое молоть!—заключилъ Медвѣжатникъ.—Общину порѣшить—міръ порѣшить! Никакъ этого не можно...

На томъ и покончили, что писарь пугалъ петряевцевъ, и тутъ же было условлено, чтобы о «порѣшеньѣ» общины больше—ни слова, а ежели кто-нибудь и заговоритъ, то другимъ не слушать его, плюнуть и уходить прочь...

Все, что не сдѣлано человѣческими руками, по мнѣнію петряевцевъ, «божье», а «божье» на ихъ языкѣ значитъ—ничье. Петряевецъ выростаетъ и живетъ съ тѣмъ непреложнымъ убѣжденіемъ, что земля, лѣса и воды—божьи, и всякій для себя можетъ пользоваться ими, сколько ему надо. По этимъ дикимъ понятіямъ выходитъ, напримѣръ, такъ, что земля принадлежитъ тому, кто самъ пашетъ ее, но никто въ мірѣ не можетъ владѣть землей, какъ вѣчною собственностью, и торговать ею, какъ торгуютъ сапогами, калачами и тому подобными издѣліями рукъ человѣческихъ. Впрочемъ, такимъ воззрѣніямъ петряевцы откопали поддержку даже и въ священномъ писаніи. Изъ книгъ оказывалось, что Богъ, сотворивъ міръ, сказалъ человѣку: «Пользуйся всѣмъ, что есть въ воздухѣ, въ водѣ, на землѣ и подъ землей: все—твое!» Все это совершенно удовлетворительно петряевцы истолковали такъ: «Стрѣляй рябчиковъ и бѣлокъ, пользуйся изъ лѣсу дровами и бревнами, сколько хошь, жги подсѣки, лови всякую рыбу въ рѣкахъ, паши землю, сѣно коси» и т. д. Ясно!.. И если бы кто-нибудь вздумалъ серьезно разубѣждать петряевцевъ въ этихъ истинахъ, они разсмѣялись бы тому въ лицо и ушли бы прочь—«отъ грѣха дальше».

Петряевцы—государственные крестьяне, и никогда ни одного помѣщика слыхомъ было не слыхать и видомъ не видать въ Петряевщинѣ даже до сего дня. Когда завелось земство, такъ даже въ предсѣдатели пришлось мужика допустить. Что жъ подѣлаешь, коли во всемъ Устьчегодскомъ уѣздѣ не нашлось на этотъ случай ни одного помѣщика, хотя бы самаго что ни на есть завалящаго...

Ежегодно въ извѣстное время петряевцы платили положенную подать, не зная,—кому и за что-про что они платятъ, но зная только, что эту «подань» платили ихъ отцы, и дѣды и прадѣды. Они платили подати довольно исправно, и вообще изъ-за податей никакихъ

недоразумѣній въ Петряевщинѣ не выходило, по крайней мѣрѣ, за послѣднія 40 лѣтъ... Установленіе «подани» терялось во мракѣ вѣковъ, и поэтому самая «подань» какъ бы освящалась давностью. Петряевцы знали, что старшина отвозитъ ихъ денежки въ казначейство, что ихъ денежки нужны «казнѣ», но имъ никто никогда не говорилъ о томъ, что такое — «казна» и куда, для чего тратитъ она петряевскую «подань». Казначейство, какъ уже знаетъ читатель, не открывало петряевцамъ своихъ тайнъ, а казначейскій сторожъ, забавы ради, еще болѣе спутывалъ ихъ представленія о государственной механикѣ...

Отдѣленные отъ остальнаго міра непроходимыми, большими и дремучими лѣсами, петряевцы чувствовали себя людьми свободными.

Небесныя власти являлись имъ въ видѣ изображеній, и въ средѣ этихъ властей не послѣднее мѣсто занимали Стефанъ Храпъ и Николай Чудотворецъ. Власти же земныя олицетворялись для нихъ въ исправникѣ и становомъ... Эти лица часто мѣнялись, но петряевцамъ казалось, что они постоянно походили одно на другое, какъ двѣ капли воды. Исправникъ и становой обращались съ петряевцами смирненько: петряевцы — народъ тихій, задумчивый, и эта тихость и задумчивость многихъ невольно пугала и заставляла удерживаться въ границахъ умѣренности. Становой къ намъ навѣдывался обыкновенно разъ въ годъ, а исправникъ—въ два-три года разъ, а то, бывало, и рѣже...

Далѣе исправника и станового — этихъ двухъ живыхъ фигуръ «во плоти»—кругозоръ петряевцевъ замыкался, какъ кольцомъ, сѣрыми туманами, и посреди этихъ тумановъ мелькали какой-то «управляющій», «полковникъ» и «губернаторъ». А еще далѣе, посреди этихъ сѣрыхъ, непроглядныхъ тумановъ, неясно и призрачно, какъ сказочныя видѣнія, поднимались образы генераловъ «въ золотѣ», «министера», сенатора, — однимъ словомъ, уже господствовалъ полный хаосъ. Кто такой—министръ? Что такое—сенаторъ? Картины-ли это — нѣчто въ родѣ образовъ? Или это — живые люди? И одинъ-ли сенаторъ на свѣтѣ, или ихъ много? Кто тутъ разберетъ... Въ Петряевщинѣ никто ихъ не видалъ, никто обстоятельно не слыхалъ о нихъ. О нихъ только говорятъ, какъ о привидѣніяхъ, которыхъ никто не видитъ...

Петряевцы умѣютъ отлично ладить и съ небесными и съ земными силами. Однимъ они по воскресеньямъ ставятъ свѣчи и кладутъ на блюдо грошики, другимъ—платятъ «подань». Этими подаяніями, по ихъ мнѣнію, совершенно исчерпываются ихъ обязанности относительно земли и неба, и затѣмъ уже они—вольныя птицы.

Также смутны у петряевцевъ понятія о величинѣ и видѣ земли и вообще о строеніи вселенной. Впрочемъ, скажу, положа руку на сердце, что пресловутаго разсказа о трехъ китахъ я никогда отъ нихъ не слыхалъ... Здѣшняя космогонія очень незатѣйлива. Петряевцы, напримѣръ, думаютъ, что солнце и мѣсяцъ ходятъ, а земля, разумѣется, стоитъ неподвижно на одномъ мѣстѣ; они, подобно многимъ древнимъ народамъ, полагаютъ, что земля—плоскій кругъ, что если бы не мѣшали горы да лѣса, то всю землю можно было бы увидать, какъ на ладони; они также думаютъ, что земля довольно велика, но тѣмъ не менѣе Питеръ, по ихъ понятіямъ, непремѣнно долженъ стоять на краю свѣта. А что далѣе—за этимъ «краемъ»—про то ни одинъ петряевецъ не скажетъ, потому что самъ ничего не знаетъ и представить себѣ ничего не можетъ, а ежели кто-нибудь и начнетъ толковать, такъ это значитъ — онъ ужъ самъ выдумываетъ «изъ головы»... На природу и на тѣ ея явленія, которыя поддаются хотя какимъ - нибудь объясненіямъ, петряевцы смотрятъ довольно своеобычно. Если, напримѣръ, во время грозы, молнія ударяетъ въ дерево или кажется падающею на землю, то по понятіямъ петряевцевъ, подъ видомъ этихъ молній, бѣсы проваливаются сквозь землю. Объ Ильѣ пророкѣ, съ грохотомъ разъѣзжающемъ по облакамъ въ своей огненной колесницѣ, петряевцы не имѣютъ и понятія.

Зато у петряевцевъ существуютъ довольно опредѣленные взгляды на происхожденіе нѣкоторыхъ домашнихъ и дикихъ животныхъ, а также на счетъ образа жизни ихъ. Ежъ, напримѣръ, въ сущности, ничто иное, какъ оборотень: это—несчастный младенецъ, проклятый матерью. Всего болѣе повѣрій въ Петряевщинѣ ходитъ о медвѣдѣ, какъ о самомъ видномъ представителѣ звѣринаго царства. Медвѣдь—старшій сынъ, за что-то проклятый своею родительницею. Медвѣдь таскаетъ къ себѣ въ берлогу молодыхъ дѣвушекъ и заставляетъ ихъ «спать» съ собой. Это всякій знаетъ и всѣ говорятъ объ этомъ, какъ о подлинныхъ происшествіяхъ, не однажды бывавшихъ въ нашей сторонѣ... Вонъ изъ

одной деревни, недалеко за Пелымдиномъ, медвѣдь уволокъ дѣвку въ лѣсъ; то же вотъ случилось не особенно давно въ Троицкой волости, въ одной маленькой деревенькѣ, около Коркеровскаго погоста. Но—странное дѣло, на которое, впрочемъ, у насъ не обращается вниманія—при этомъ никто изъ разсказчиковъ никогда не можетъ указать, чтобы медвѣдь хоть разъ утащилъ дѣвку, знакомую кому-нибудь изъ нихъ, — такую, которую можно было бы назвать по имени-по отчеству... А все дѣйствіе обыкновенно происходитъ гдѣ-то *тамъ*, за Пелымдиномъ или около Коркеровскаго погоста, хотя и очень недалеко отъ Петряевщины.

О коровѣ и лошади у насъ сложилась даже цѣлая исторія. (Нѣкоторые подозрѣваютъ, что эта исторія зашла къ намъ отъ пермскихъ или вятскихъ раскольниковъ. Можетъ быть,—но во всякомъ случаѣ она уже получила у насъ право гражданства). Когда родился Іисусъ Христосъ, то онъ, какъ извѣстно, былъ положенъ въ ясли—«и прикрытъ сѣномъ»—добавляетъ петряевское сказаніе. Въ то время, какъ оказывается, у ясель стояли коровы и лошади. Лошадь не стала ѣсть сѣна, прикрывшаго младенца, а корова по своей жадности напустилась на кормъ и понемногу мордой спихала сѣно съ Младенца Іисуса. Вотъ за это-то Богъ и устроилъ такъ, что лошадь скоро наѣдается досыта, а корова жуетъ-жуетъ и день и ночь, а все-таки наѣсться не можетъ.

Также выросла у насъ какимъ-то образомъ цѣлая легенда о козлѣ и о происхожденіи на землѣ враговъ... Однажды дьяволъ позавидовалъ Богу и вздумалъ также, въ свою очередь, сотворить что-нибудь. Думалъ—думалъ чортъ и, наконецъ, вылѣпилъ онъ кое-какъ изъ глины козла, но вдунуть въ него жизнь никакъ не могъ. Дулъ онъ козлу и въ морду, и въ глаза, и въ ротъ и подъ хвостъ,—ничего не выходило: глина не оживала. Тогда дьяволъ смирился и обратился къ Богу съ просьбой. И Богъ, чтобы показать свое всемогущество, мигомъ оживилъ козла. Дьяволъ остался недоволенъ: все-таки же, значитъ, не онъ козла сотворилъ. Съ горя нарылъ тогда дьяволъ враговъ по всей землѣ: пускай, молъ, козелъ ходитъ по этимъ оврагамъ, пускай люди ползаютъ по нимъ, падаютъ да меня поминаютъ... И дѣйствительно, люди, падая въ оврагахъ, всегда и по сіе время съ досадою приговариваютъ: «Ахъ, чортъ тебя побери!»...

Ребяческая вѣра еще живетъ въ петряевцѣ—вѣра въ лѣшихъ, домовыхъ, банныхъ и гуменныхъ, и въ другихъ духовъ. Банный иногда до смерти запариваетъ въ банѣ старыхъ старухъ и стариковъ. Домовой подчасъ также иногда злыя шутки шутитъ. Разъ, напримѣръ, домовой повадился ходить къ одному мужику во дворъ и путать гриву и хвостъ его лошади. Шалость, въ сущности, весьма обыкновенная, но домовой на этотъ разъ старался такъ усердно, что грива и хвостъ лошаденки наконецъ скатались въ войлокъ и стали ни на что не похожи. Домовой былъ такъ нахаленъ, что даже принесъ на дворъ камень и садился на него отдыхать послѣ всѣхъ совершенныхъ пакостей. Очевидно, онъ задумалъ расположиться тутъ съ полнѣйшимъ комфортомъ. Хозяинъ догадался объ его продѣлкахъ и однажды вечеркомъ раскалилъ камень. Въ урочный часъ явился домовой, напроказилъ, какъ слѣдуетъ, и затѣмъ, по обыкновенію, съ трубочкой сѣлъ, было, на камень, но вдругъ порывисто вскочилъ съ него; онъ весь задъ спалилъ себѣ и убѣгъ домой... На другой день домовой не пожаловалъ, и хозяинъ обрадовался, подумавъ, что совсѣмъ избавился отъ своего сквернаго гостя. Не тутъ-то было: вышло еще хуже... На третій день поутру, мужикъ спускается на дворъ и видитъ лошадь мертвою. Такъ отплатилъ ему домовой...

Впрочемъ, по большей части, съ домовымъ ладятъ, живутъ мирно. Если онъ начинаетъ возиться—стучитъ и шумитъ, то это еще—не бѣда. Тогда его спрашиваютъ: къ худу это или къ добру? Ежели онъ скажетъ: «ху-ху», значитъ—плохо. А ежели захохочетъ и засвищетъ—ничего. Всѣхъ повѣрій и бывальщинъ петряевскихъ я здѣсь не привожу: для этого пришлось бы написать цѣлую книгу.

Та же ребяческая вѣра въ злыя и добрыя чары прямехонько привела петряевца и къ вѣрѣ въ колдуновъ и колдуній. Колдуновъ у насъ много... Если колдуна не почествовать на свадьбѣ, какъ слѣдуетъ, то онъ по злобѣ можетъ сдѣлать молодымъ большой вредъ. Колдунъ можетъ напустить порчу и на человѣка, и на лошадь, и на корову—на всякую скотину; онъ можетъ заговаривать сѣмена—такъ, что ни одно зерно не взойдетъ, хотя бы попало оно въ самую лучшую землю. Колдунъ также оказываетъ большія услуги,—можетъ дѣвичье сердце приворожить, указать, гдѣ найти потерянное, вылѣчить отъ «недобраго глаза» и отъ всякой немочи.

Одинъ изъ такихъ вѣдущихъ людей даже и теперь живетъ у насъ на Петряевѣ. Его такъ и зовутъ: Андрей-колдунъ. Это очень почтенный старикъ лѣтъ подъ 70, средняго роста, худошавый, съ большою сивою бородой и съ крѣпкими жилистыми руками. Онъ въ своей длинной холщевой рубахѣ съ растегнутымъ воротомъ, съ бородой—чуть не по поясъ, съ кроткими свѣтло-сѣрыми глазами, невозмутимо-спокойными, съ лицомъ, изрытымъ глубокими морщинами, вообще всей своей старческой степенной фигурой, всѣми своими манерами, исполненными достоинства и въ то же время какой-то тихости и дѣтскаго незлобія — выглядѣлъ истымъ патріархомъ. Андрей всего чаще ворожитъ на водѣ, читаетъ молитвы, но, впрочемъ, шепчетъ иногда, и какія-то непонятныя слова. Все это онъ совершаетъ медленно, съ важностью, и смотритъ подчасъ такъ, какъ-будто находится въ глубокой задумчивости. Странный, чудной старичокъ!.. Андрей-колдунъ — добрый колдунъ: никто не видалъ отъ него зла, и потому въ нашей сторонѣ любятъ его, не боятся. Онъ же и лѣчитъ у насъ разными травами и настоями... Въ Устьчегодскомъ уѣздѣ, разумѣется, есть лѣкарь, но онъ пребываетъ въ городѣ, по деревнямъ не ѣздитъ, живыхъ не лѣчитъ, а только мертвыя тѣла вскрываетъ. Онъ, говорятъ,—Богъ съ нимъ!—въ карты шибко играетъ... Ну, вотъ Андрей-колдунъ и управляется, какъ умѣетъ: иной отъ его лѣкарствъ выздоровѣетъ, иной помретъ—ежели жизни его вышелъ предѣлъ, а въ такомъ случаѣ, какъ ужъ всѣмъ извѣстно, никакой городской лѣкарь не поможетъ. «Предѣлъ»—и шабашъ! Въ этотъ предѣлъ петряевцы крѣпко вѣрятъ. Но еще крѣпче того заботятся они о томъ, чтобы умереть «своею смертью», то-есть не въ больницѣ. Страхъ и отвращеніе внушаютъ имъ больницы...

Здѣсь должно замѣтить, что вѣра въ злыя и добрыя чары, не дѣлаетъ петряевца пугливымъ и робкимъ. Лѣшіе—сами по себѣ, петряевецъ также—самъ по себѣ... Съ самодѣльной винтовкой на плечѣ, съ топоромъ, заткнутымъ за поясъ, въ сопровожденіи взъерошенной, лохматой собачонки — петряевецъ отважно углубляется въ безпросвѣтную чащу своихъ лѣсовъ. Почти всю осень и зиму онъ живетъ въ лѣсу, перекочевывая изъ одной истопки въ другую. Петряевцы всего болѣе охотятся на рябчика, на бѣлку и медвѣдя. Съ ловкостью и отвагой, по истинѣ, изумительными—укладываютъ они медвѣдя, какъ ни въ чемъ не бывало. И петряевцы въ своей простотѣ душевной вовсе и не подозрѣваютъ того, что они—герои.

Наши нравы—патріархальны. (Понимайте это слово въ похвальномъ или ругательномъ смыслѣ, какъ хотите). Приведу нѣсколько наглядныхъ примѣровъ нашей патріархальности.

До послѣдняго времени, петряевцы не знавали желѣзныхъ замковъ. Нашъ торговецъ, Миронычъ, первый привезъ желѣзный замокъ изъ города, лѣтъ 15 тому назадъ. Всѣ наши ходили смотрѣть на него, какъ на диковину, и много толковъ было въ ту пору. Прежде у насъ двери запирались деревяннымъ замкомъ очень хитраго устройства; для человѣка, не знающаго секрета, легче было сломать этотъ замокъ, чѣмъ отпереть его. Чаще всего двери замыкались просто веревкой или припирались колышкомъ. Колышекъ, торчавшій у двери, обозначалъ, что хозяевъ нѣтъ дома. Такіе веревочные запоры и колышки были у насъ въ ходу еще недавно—на моей памяти, а деревянныхъ замковъ и теперь еще немного: примѣръ Мироныча, видно, не всѣхъ соблазнилъ. Ни кражъ, ни ночныхъ грабежей, ни увода коней у насъ не слыхать и до сего дня. Всѣ другъ друга знаютъ, знаютъ — у кого что есть, и залѣзать въ чужую клѣть никакъ невозможно. А пришлый народъ шатается здѣсь рѣдко... Кого понесетъ нелегкая въ наши петряевскія трущобы!

До чего у насъ патріархальны нравы, видно уже изъ того, что даже женскіе наряды носятся по старинѣ: ни шляпокъ, ни платьевъ городскихъ и въ заводѣ нѣтъ. Если бы какая-нибудь красавица вздумала одѣться по городскому и выйти гулять, то ее такъ осмѣяли бы, что бѣги съ улицы безъ оглядки. До послѣдняго времени ситцы были у насъ не въ ходу, да и теперь встрѣчаются за рѣдкость. Крашенина отлично идетъ за ситецъ.

И торговля петряевская—также патріархальна, торговля мѣновая. Я дамъ тебѣ, примѣрно, бѣлку или волчью шкуру, а ты мнѣ зато давай пороху, хлѣба, соли или, вообще, чего мнѣ понадобится. Просто!.. Правда, съ недавняго времени, по осени, стали ѣздить по нашимъ мѣстамъ городскіе торговцы и закупать рябчиковъ, но деньги, полученныя

со скупщиковъ, петряевцы тотчасъ же переводятъ на какую-нибудь «натуру». Впрочемъ, надо и то сказать: вести дѣло съ этими закупщиками несподручно. Миронычъ косится на этихъ пришельцевъ и на своихъ сельчанъ за то, что они съ чужимъ человѣкомъ вступаютъ въ сдѣлки. Когда въ первый разъ сдѣлалось извѣстно, что кое-кто изъ петряевцевъ сталъ вести дѣло съ посторонними закупщиками, прибавлявшими по три копѣйки на рябчика,—Миронычъ нахмурился, презрительно сжалъ губы и затѣмъ дрогнувшимъ голосомъ, съ чувствомъ, промолвилъ:

— Ну-у-у! Народъ... Отца родного за полушку продастъ! Э-эхъ!..

Онъ и еще сказалъ слова два-три, но я не повторяю ихъ: не всякое же лыко въ строку.

— Отца родного продастъ! Вѣрно! — повторилъ онъ, немного погодя, какъ бы желая, чтобы мы лучше, основательнѣе усвоили представленіе о нашихъ гнусныхъ душевныхъ качествахъ.

Это онъ себя-то ставилъ намъ за отца... А мы, признаться, грѣшнымъ дѣломъ, сначала не сообразили: въ чемъ тутъ толкъ. А понимать это дѣло слѣдовало такъ, что мы не рябчиковъ продали на три копѣйки дороже, а продали какъ бы съ головой самого Миронича. Вотъ она, линія-то, куда пошла...

И съ тѣхъ поръ нашъ Миронычъ замѣтно сдѣлался недоволенъ Петряевщиной и сталъ все чаще и чаще ворчать.

— Что еще за новые порядки такіе поднялись! Гм! За хвостъ, да палкой бы хорошенько... Вотъ!—внушительно говорилъ онъ, слегка прищуриваясь и смотря въ сторону съ такимъ проницательнымъ видомъ, словно онъ надѣялся увидать тамъ именно того, кого слѣдовало схватить за хвостъ.

Да! Миронычъ косится на такіе порядки. А это очень нехорошо, если онъ косится. Миронычъ — нужный человѣкъ, особа важная. Почти вся наша петряевская торговля у него зажата въ кулакѣ. Онъ—нашъ единственный торговецъ: въ голодную пору у него можно перехватить и хлѣба, и соли, и пороху, и всякой всячины. Онъ—въ случаѣ недостачи — и денегъ «на подань» выдастъ. Конечно, за все это приходится расплачиваться сторицей; по крайней мѣрѣ, еще не бывало такого случая, чтобы Миронычъ когда-нибудь остался въ накладѣ. Самъ онъ зоветъ себя нашимъ благодѣтелемъ, но я, право, не могу сказать въ точности: согласны-ли съ нимъ на этотъ счетъ петряевцы. Напротивъ, мнѣ кажется, что они не особенно любятъ этого благодѣтеля. За свои благодѣянія онъ получаетъ барыши немалые... Бѣлки и рябчики приходятся ему дешево, а за фунтъ пороху онъ беретъ съ петряевцевъ полтора рубля — въ то время, какъ въ городѣ этотъ фунтъ пороху стоитъ 60 коп. Осенью онъ скупаетъ хлѣбъ у петряевцевъ по 6 руб. куль, а весной имъ же отпускаетъ этотъ хлѣбъ по 15 рублей...

Если посмотрѣть со стороны — выходитъ такъ, что петряевцы работаютъ, надрываются, рискуютъ головой во время своихъ лѣсныхъ похожденій, терпятъ и стужу, и нужу, какъ будто для того, чтобы богатѣлъ Миронычъ. Петряевцы живутъ бѣдно, въ закоптѣлыхъ, покрившихся избахъ на курьихъ ножкахъ, а Миронычъ отъ ихъ трудовъ праведныхъ живетъ въ большой и хорошей, свѣтлой избѣ, — и окна-то у него съ цѣльными стеклами, и картины-то раскрашенныя на стѣнахъ, и самоваръ-то ведерный стоитъ передъ нимъ на столѣ. Одно слово: живетъ человѣкъ всласть... А что онъ дѣлаетъ? Косточками на счетахъ постукиваетъ, ѣздитъ гулять въ городъ, да по ярмаркамъ раскатывается. Вотъ и всѣ его дѣла тяжкія... Не умаешься съ такихъ дѣловъ! Петряевцы думаютъ про себя, что Миронычъ живетъ не по правдѣ. Богъ сказалъ человѣку: «Въ потѣ лица будешь ѣсть хлѣбъ твой»! А петряевцы очень хорошо видятъ, что Миронычъ потѣетъ только тогда, когда по десяти чашекъ чаю выпиваетъ однимъ махомъ. Онъ не сѣетъ, не жнетъ, а въ житницы собираетъ; въ лѣсъ онъ не ходитъ, ни бѣлокъ, ни рябчиковъ не стрѣляетъ, ни одного медвѣдя не свалилъ на своемъ вѣку, а все-то у него есть—и соль, и хлѣбъ, и порохъ, и рыба, и всякая штука; живетъ человѣкъ припѣваючи.

Торгашество не выходитъ изъ рода Миронича: отецъ и дѣдъ его занимались торгашествомъ. Дѣда его я не помню, а отца зналъ: былъ страшный скряга, сущій аспидъ. Зато же онъ и умеръ собачьей смертью: отъ жадности своей, костью подавился. Сидѣлъ онъ разъ у окна и ѣлъ рыбу. Вдругъ видитъ, что какой-то мальчишка стащилъ у него изъ-подъ окна катушку лубковъ, забавы ради, и играючи, сталъ катать ее по улицѣ. Жаль стало лубковъ старику, не успѣлъ онъ проѣсть рыбу и съ ругательствами напустился на мальчугана. «Оставь мои лубки!» кричитъ. Да,

видно, крикнулъ-то не въ добрый часъ, кость стала у него поперекъ горла и ни взадъ, ни впередъ. Помаялся старый скряга дня два, да и отдалъ Богу душеньку. Много толковъ было у насъ въ тѣ поры объ этихъ лубкахъ... Миронычъ не такъ скупъ, какъ батька, изъза лубковъ не подавится, а все же, однако, свое изъ рукъ не выпуститъ. Дошлый!.. Самоваръ завелъ, въ черномъ кафтанѣ въ городъ ѣздитъ, да и обличьемъ на городскаго купца сталъ похожъ: рожа красная, глаза жиромъ заплыли, пузатый, толстый и неповоротливый, что твой чурбанъ; загривокъ у него ровно у быка, на спинѣ хоть горохъ молоти,—одно слово: туша! Но нельзя сказать, чтобы въ этой грузной, тяжелой тушѣ была большая сила. Нѣтъ ея... Нашъ Василій Большакъ одной рукой уложитъ его «спать».

Кромѣ Мироныча и осеннихъ закупщиковъ, петряевцы ведутъ еще дѣло съ вятскими торговцами. Эти привозятъ ружейные стволы и продаютъ имъ рублей за 5—за 4 стволъ. Замокъ и ложе къ ружью петряевцы придѣлываютъ сами: жестяная пластинка, ремень, веревочка—все тутъ идетъ въ дѣло. Заправскій охотникъ испугался бы нашего ружья...

Нужно, наконецъ, поговорить о «наукѣ» въ Петряевщинѣ.

Вѣдомство народнаго просвѣщенія находится у насъ въ рукахъ Дарьи Михайловны. Она—вдова-дьячиха и въ то же время просвирня. Уже давно жила она какъ-то лѣтъ 5 въ городѣ и тамъ научилась грамотѣ, счету и письму. Теперь ей за 40 лѣтъ. Свои гладко причесанные, свѣтлорусые волосы она всегда повязываетъ чернымъ платкомъ съ бѣлой каемочкой,—остатокъ траура по мужѣ и по ея единственномъ сынѣ, умершемъ въ семинаріи. Одежда на ней всегда простая—нестрядинный сарафанъ, а поверхъ его синій шугайчикъ. На ея блѣдномъ, маленькомъ, сморщенномъ лицѣ уже ясно обозначились морщины, — слѣдъ горестей и заботъ. Но женщина она—бойкая, ловкая, и не любитъ сидѣть сложа руки. Она-то и учитъ грамотѣ петряевскихъ ребятишекъ. Плата за ученье—натурой: крупой, хлѣбомъ, яйцами, масломъ, холстомъ, нитками,—кто чѣмъ можетъ. Также беретъ Дарья Михайловна и дичь: рябчиковъ, бѣлокъ и зайцевъ...

Въ сороковыхъ годахъ, у насъ, было, устроилось училище «отъ министера» *), какъ говорили въ ту пору, но изъ этого училища вышло только нѣсколько писарей, да и то лучшихъ изъ нихъ взялъ къ себѣ въ канцелярію тогдашній окружной начальникъ, (въ тѣ времена и такіе начальники еще бывали). Петряевщина ничѣмъ не пользовалась отъ «министеровскаго» училища. Такъ только одинъ пустой звонъ былъ... Со временемъ и учитель, и книги, и бумага, и перья—все куда-то исчезло изъ училища, словно сквозь землю провалилось, и самое училищное зданіе наконецъ разрушилось. На мѣстѣ его осталась только груда кирпичей, да уцѣлѣло основаніе большой печи—и все это заросло могучими кустами репейника и крапивой. Эти развалины приходятся на краю села, и теперь въ нихъ петряевцы передъ праздниками варятъ себѣ пиво. Такимъ образомъ, изъ остатковъ училищной печи устроилось нѣчто въ родѣ общественной пивоварни... Въ послѣднее время, какъ слышно, въ городѣ не разъ поднимались толки про то, что надо бы, молъ, въ Петряевщинѣ школу устроить, но школы все нѣтъ: то, говорятъ, денегъ не оказывается, то учитель не находится.

А Дарья Михайловна той порой дѣйствуетъ. Впрочемъ, учениковъ у нея немного: Миронычъ отдалъ ей на выучку двухъ своихъ сыновей (старшенькому лѣтъ 14), да еще ходитъ къ ней ребятъ десятокъ изъ семей зажиточныхъ. Дешево беретъ Дарья Михайловна за обученіе,—нечего про то и говорить. Но для петряевцевъ и то дорого: иному и четверикъ ржи отдать тягостно...

Такъ-то и живемъ мы — сами по себѣ, а городъ—самъ по себѣ.

Мы стараемся изворачиваться собственными средствами, безъ помощи города и, подлинно можно сказать, на обухѣ рожь молотимъ. Изловчились, значитъ... Я ужъ говорилъ, что у насъ почти всѣ домашнія подѣлки изъ дерева. Кромѣ того, петряевцы сами лѣпятъ кирпичи и часто употребляютъ ихъ необожженными. Они сами ткутъ изъ овечьей шерсти сѣрое и бѣлое сукно, и бѣлое сукно выходитъ прекрасно; сами катаютъ войлочныя шляпы, сами дѣлаютъ обувь и шьютъ одежду. У насъ есть и свои швецы; съ осени они начинаютъ ходить по деревнямъ и всю зиму—вплоть до весны — ходятъ и обшиваютъ петряевщину. Такая передвижная мастерская обходитъ въ зиму деревень пять-- шесть и всѣхъ удовлетворитъ самымъ лучшимъ манеромъ... Вмѣсто мыла у насъ идутъ въ дѣло телячьи кишки,

*) Министерство государственныхъ имуществъ.

ошурки. Конскими копытами мы обкуриваемъ скотъ въ жаркую пору. Лѣчимся, какъ уже сказано, сами—разными травками да баней... Даже украшенія въ избахъ доморощенныя. Первымъ украшеніемъ и первой забавой является у насъ въ избѣ деревянный голубокъ,—впрочемъ, на голубка непохожій. Это просто птичка съ крыльями, растопыренными вѣеромъ, грубо сдѣланная изъ дерева и иногда раскрашенная разными красками. На тонкомъ, конскомъ волосѣ подвѣшивается она къ потолку посрединѣ избы—иногда ближе къ переднему углу. Малѣйшее движеніе воздуха приводитъ въ сотрясеніе эту птичку; поэтому она весь день вздрагиваетъ и кружится подъ потолкомъ. Волосъ не видѣнъ и оттого кажется, что птичка, какъ будто, сама собой держится на воздухѣ. Вотъ этотъ-то обманъ глазъ и забавляетъ петряевцевъ...

Какъ видите, немного намъ надо, да и то «немногое» мы ухитряемся сами сдѣлать для себя изъ того самаго матеріала, какой у насъ есть подъ руками. Мало того: мы еще находимъ деньги для отсылки въ казначейство, да круглый годъ отдаемъ что-нибудь городу. Городу такъ не прожить, какъ живемъ мы. Нѣтъ! Ему нужны шелки да бархатъ, всякія сласти да заморскія вина — мало-ли чего ему надо! Не стану здѣсь выписывать цифръ,—вы ихъ въ ученыхъ книгахъ найдете; но только вѣрно, что петряевщина отдаетъ Устьчегодску несравненно больше, чѣмъ получаетъ отъ него въ обмѣнъ. Также вѣрно то, что безъ насъ городу и дня не прожить,—«соскучится», потому что городъ живетъ на готовомъ.

Теперь про насъ говорятъ, что мы — неученый, темный народъ, что мы — «обломы». Всячески хаютъ нашу сторону. Говорятъ: «Медвѣжья ваша сторона! Сторона — дремучая! Дичь, глушь... И сами-то вы живете не по людски, какъ медвѣди въ берлогахъ. Нѣтъ у васъ ни порядочныхъ дорогъ, ни мостовъ, ни школъ, ни фабрикъ, ни заводовъ»... Пусть такъ. Мы—темный народъ... Нѣтъ у насъ ни гладкихъ дорогъ, ни прочныхъ мостовъ, ни фабрикъ, ни заводовъ, ни школъ... Но еслибы городъ не обижалъ насъ, у насъ завелись бы лишнія денежки, завелись бы непремѣнно. Тогда мы устроили бы отличныя дороги, навели бы мосты черезъ рѣки, стали бы доставать изъ земли желѣзо и мѣдь, которыхъ, говорятъ, у насъ немало и которыя, говорятъ, гораздо больше пользы приносятъ міру, чѣмъ золото и серебро,—стали бы школы заводить и, право, завели бы не хуже городскихъ.

И просвѣтлѣла бы тогда моя родная сторона и зажила бы она, пробудилась отъ своего вѣковаго сна, отъ своихъ темныхъ грезъ о лѣшихъ и оборотняхъ. И просвѣтились бы тогда головы петряевцевъ свѣтомъ мысли и знанія, какъ теперь весной—во дни оживленія нашей сѣверной природы—озаряются ярко веселымъ, золотистымъ свѣтомъ мрачныя, угрюмыя дебри нашихъ петряевскихъ лѣсовъ...

II.

«Мірское дитё».

Глухая осень стояла надъ Петряевымъ.

Лѣса заволакивало туманомъ; туманъ порой разсѣевался, и изъ-за темно-зеленой хвои сосенъ и елей яркими пятнами пестрѣли разноцвѣтные листья — красные, розовые, желтые. Порой, съ утра до ночи и съ ночи до утра, моросилъ мелкій дождь. Порой поднимался вѣтеръ, и подъ его тяжелымъ, суровымъ дыханіемъ глухо шумѣли и стонали вокругъ Петряева дремучіе лѣса. Широкая, немощеная петряевская улица вся покрылась густою, невылазною грязью: ходили и ѣздили стороной, у самыхъ избъ, выбирая мѣста посуше, или пробирались по задворкамъ. Избы потемнѣли отъ дождя и подъ своими нависшими кровлями глядѣли мрачнѣе обыкновеннаго. Сѣрое облачное небо плакало надъ ними мелкимъ, частымъ дождичкомъ. Жалкія рябины и березы, кое-гдѣ поднимавшіяся изъ-за плетня, дрожали отъ вѣтра и роняли на земь свой послѣдній, мокрый листъ.

Смеркалось. Сѣрыми, темно-сизыми облаками задергивалось все небо отъ края до края. Начиналъ накрапывать дождь, обѣщавшій разойтись на всю ночь. Въ нѣкоторыхъ избахъ была уже зажжена лучина, и черезъ оконца пробивался красноватый свѣтъ, еле брезжущими полосками падая на мокрую зелень и на уличную грязь. Двѣ-три бабы подъ навѣсами сараевъ еще трепали ленъ, а иныя бродили по двору, загоняя скотину. Ребятишки съ крикомъ бѣгали другъ за дружкой, шлепая по лужамъ. Мужиковъ было не видать; тѣ съ утра отправились въ лѣсъ за рябчиками и еще не возвращались съ охоты. Старики сидѣли по избамъ...

Въ этотъ-то поздній часъ сумрачнаго, осен-

няго вечера, на нашей улицѣ появилась какая-то прохожая — женщина, повидимому, еще довольно молодая, одѣтая по-городскому. На головѣ ея былъ повязанъ большой сѣрый шерстяной платокъ, покрывавшій ея плеча, спину и перекрещивавшійся на груди, а сзади завязанный узломъ. Изъ-подъ платка виднѣлась коротенькая суконная шубейка на бѣличьемъ мѣху; какое-то полинявшее ситцевое платье и юбка были подобраны, очевидно, для удобства при ходьбѣ по лѣснымъ дорогамъ; на ногахъ—высокіе башмаки и шерстяные чулки, мокрые и забрызганные грязью. Сѣрый платокъ прикрывалъ ея лобъ и подбородокъ, такъ что трудно было разсмотрѣть ея лицо. Видны были только ея темные глазки да вострый, вздернутый носъ. Лѣвую руку она крѣпко прижимала къ своей груди, и отъ этого казалось, что она какъ будто что-то несла, или что-то прятала подъ своимъ сѣрымъ платкомъ. Правою рукой она опиралась на небольшую сучковатую хворостину, и тою же хворостиной оборонялась отъ собакъ. Походка ея обличала большую усталость. Вообще женщина шла какъ-то медленно, неловко, спотыкаясь и скользя по грязи.

Появленіе всякаго новаго лица, хотя бы появленіе самое скоропреходящее, обыкновенно обращало на себя въ Петряевѣ большое вниманіе и, спустя долгое время, еще служило предметомъ самыхъ разнообразныхъ, оживленныхъ толковъ. Такъ и въ этомъ случаѣ: прохожая, одѣтая по-городскому, никакъ не могла миновать Петряева безъ того, чтобы не обратить на себя всеобщаго вниманія. Бабы, загонявшія скотину во дворъ, останавливались на полдорогѣ и съ нескрываемымъ любопытствомъ смотрѣли на незнакомую проходящую женщину, какъ на какое-нибудь чудесное видѣніе. Трепальщицы льна, при появленіи незнакомки, также оставляли свою работу и, молча, задумчиво, смотрѣли ей вслѣдъ. Ребятишки, стоя середи лужи, поднявъ рубашенки по поясъ, съ сосредоточенною серьезностью глазѣли на прохожую. Загадочные вопросы вертѣлись у всѣхъ въ головѣ: «Кто такая? Откуда? Куда идетъ? Почто? Что такое несетъ?» и т. д. Одежда незнакомки разглядывалась во всѣхъ подробностяхъ. Особенно ея шерстяные чулки бросались въ глаза: у насъ бабы обыкновенно носятъ онучи и затѣмъ кожаные саноги или валенки, смотря по времени года. Лѣвой рукой она крѣпко прижимала къ груди какой-то свертокъ. «Что-то хоронитъ!» рѣшили про себя бабы. Но *что* именно хоронила прохожая,—оставалось тайной; знала только она. Все петряевское населеніе — отъ стараго до малаго—случившееся въ ту пору на улицѣ, съ живѣйшимъ любопытствомъ слѣдило за тѣмъ: пройдетъ-ли незнакомка по селу, ни къ кому не зайдя, или завернетъ къ чьей-нибудь избѣ. Если зайдетъ, то узнаютъ любопытные люди тайну незнакомой прохожей.

Вдругъ, уже въ концѣ деревенской улицы, незнакомка круто повернула къ Парменовой избѣ и вошла въ нее.

— Къ Пармену зашла, слышь!—крикнула одна баба.

— Зашла, зашла!—живо отозвалась другая съ противоположной стороны улицы.

Такимъ образомъ, къ общему успокоенію оказывалось, что незнакомка не ушла-таки отъ петряевскихъ бабъ. Той порой она, переступивъ порогъ Парменовой хаты, очутилась лицомъ къ лицу съ самимъ хозяиномъ.

— Пусти, дѣдушка, переночевать! — попросилась прохожая.

— Ну что жъ! Переночуй! — кротко отозвался дѣдъ и, давъ ей дорогу, зорко посмотрѣлъ на пришедшую.

Недовѣрчивы и робки бываютъ петряевцы, когда имъ приходится сходиться съ новыми людьми.

Женщина помолилась въ передній уголъ и, обдернувъ платье, стала разболокаться. Когда она скинула съ себя большой сѣрый платокъ, на рукахъ ея очутился маленькій ребенокъ, завернутый въ какія-то грязныя лохмотья. Ребенокъ безпокойно ворочалъ головой, всхлипывалъ и протягивалъ свои крошечныя ручонки, какъ бы что-то ловя ими кругомъ себя. Незнакомка присѣла въ уголокъ за печь и начала кормить дитя, но напрасно она прикладывала его то къ одному, то къ другому сосцу; напрасно ребенокъ усиленно чмокалъ, далеко втягивая сосокъ въ свой маленькій ротъ. Очевидно, молока оказывалось мало, и ребенокъ продолжалъ безпокойно ворочаться и хныкать. Парменъ опустился на лавку и, въ смущеніи, разсѣянно посматривалъ на незнакомку изъ-подъ своихъ сѣдыхъ, нахмуренныхъ бровей. Но въ избѣ было уже довольно сумеречно, и женщину съ ребенкомъ едва было видно изъ-за печи. Парменъ крякнулъ и откашлялся. Женщина сидѣла, молча, неподвижно, склонившись низко надъ ребенкомъ.

— Ты откуда будешь?—спросилъ ее, наконецъ, Парменъ.

— Изъ городу, дѣдушка!—тихо отвѣтила женщина.

— А куда, дитятко, пробираешься?—продолжалъ онъ.

— На Вятку! — промолвила его собесѣдница, и дѣдкѣ почудилось, что баба при этомъ слегка вздохнула.

— А къ кому идешь-то?

— Къ мужу!—отвѣчала та.

— Ребенокъ-то твой? — немного погодя, откашлявшись, спросилъ старикъ.

— Мой!—проговорила женщина.

Всѣ эти разспросы старикъ дѣлалъ безъ всякой задней мысли, не пытливо, какъ на допросѣ, но просто изъ дѣтскаго любопытства и самымъ добродушнымъ образомъ.

Спустя нѣсколько минутъ, опять послѣдовали вопросы и на нихъ краткіе отвѣты:

— Мальчикъ или дѣвочка?

— Дѣвочка.

— Махонькая еще, кажись?

— Скоро полгода минетъ.

— Въ дорогѣ-то, поди, тебѣ трудно съ ней возжаться?

— Да какъ не трудно... трудно! Чистое горе...

— Охо-хо! Оборони Богъ...—со вздохомъ заключилъ старикъ, отчасти удовлетворивъ свое любопытство.

Тутъ женщина въ свою очередь спросила его:

— А кто у тебя въ семьѣ-то дѣдушка?

— Въ семьѣ-то? Я, сестра-старуха, бобылка, — началъ высчитывать Парменъ, — два сына, женатый одинъ, а другой холостой... У старшаго-то паренька есть маленькій, годовалый, въ зыбкѣ качается! (Старикъ при этомъ кивнулъ головой на дѣтскую люльку, висѣвшую у самой перегородки). — Были и еще ребята, да померли.

— А гдѣ же у тебя домашніе-то?—спросила прохожая.

— Бабы-то къ сосѣдямъ пошли, а сыновья въ лѣсу, на охотѣ... Самъ-то ужъ не хожу: глаза худы стали, да и ноженьки что-то ужъ не носятъ. И ружья ужъ нонѣ сыновьямъ отдалъ... Пускай ихъ!

Почтенный былъ человѣкъ этотъ дѣдушка Парменъ. Очень хорошо помню я его: онъ стоитъ передо мной и теперь, словно живой. Средняго роста, широкоплечій, худощавый, но мускулистый, лысый, съ сѣдыми прядями волосъ на вискахъ и на затылкѣ, съ кроткими сѣрыми глазами, мерцавшими изъ-подъ сѣдыхъ бровей, съ морщинистымъ, загорѣлымъ лицомъ и съ большой сивой бородой чуть не по поясъ, однимъ словомъ—видъ настоящаго деревенскаго патріарха. Добрая душа былъ дѣдушка Парменъ.

— Мухи не обидѣлъ на своемъ вѣку!—съ почтеніемъ говорили про него его односельчане.

Въ описываемую пору онъ былъ уже человѣкъ ветхій, ему перевалило за 70, но ни самъ онъ и никто на селѣ не зналъ въ точности: давно-ли живетъ на сей землѣ старый дѣдъ.

Было уже пора вздувать огонь. Парменъ подтащилъ къ столу свѣтецъ, почернѣвшій отъ копоти, и зажегъ лучину. Прохожая, той порой, закутала ребенка въ сѣрый платокъ и, положивъ его на печь, стала раздѣваться. При красноватомъ свѣтѣ лучины, Парменъ могъ ее лучше разсмотрѣть. Это была женщина еще довольно молодая, миловидная, но слабосильная и хворая. Ея сухіе, темные волосы сбились на лбу; ея грустные каріе глаза были красны, то-ли отъ вѣтру, то-ли отъ слезъ. Вообще загорѣлое, покраснѣвшее съ дороги, лицо ея выглядѣло какъ-то тоскливо, жалобно, какъ будто, каждаго человѣка собиралась она о чемъ-то молить. Смотря на ея понурепную голову, можно было подумать, что на душѣ у нея лежитъ большое горе.

— Ты, дитятко, устала, кажись? — спросилъ старикъ.

— Устала, родной...—промолвила незнакомка.

Старику показалось, что на глазахъ ея блеснули слезы.

— Вотъ ужо бабы придутъ, дадутъ поѣсть...—замѣтилъ онъ.

— Спасибо, дѣдушка! Ѣсть-то я не хочу... У меня еще хлѣбушка краюха есть! — отозвалась прохожая, ежась и кутаясь въ свою дырявую бѣличью шубейку.

— Назябласъ, видно! — промолвилъ старикъ, укачивая въ колыбели своего заплакавшаго внука.—А коли ѣсть не хошь, ложись спать, съ Богомъ... Вотъ ложись на печку, туда, подальше, къ стѣнкѣ! Никому не помѣшаешь...

Женщина, повидимому, обрадовалась этому предложенію, проворно влѣзла на печь, подложила подъ голову шубку и прикорнула съ ребенкомъ у дальней стѣнки, такимъ об-

разомъ, что ея снизу было почти совсѣмъ не видать.

Скоро все Петряево уже узнало, что къ Пармену зашла какая-то странница «городская». Парменовы бабы, услыхавъ такую новость, тотчасъ же пустились домой, но уже опоздали, заставъ странницу спящею.

У нѣсколькихъ бабъ разомъ нашлась нужда до Парменовыхъ бабъ, и онѣ почти слѣдомъ за ними явились въ избу. Всѣмъ имъ хотѣлось «хоть однимъ глазкомъ» посмотрѣть на прохожую; они поднимались на цыпочки, взбирались на приступочекъ печи и заглядывали на спящую. Затѣмъ, вполголоса начались разспросы. Дѣдъ передалъ имъ все, что самъ зналъ, но бабамъ его объясненія показались недостаточными. Кто у нея мужъ, что онъ дѣлаетъ въ Вяткѣ, почто они жили порознь, зачѣмъ она теперь идетъ къ нему? и еще много другихъ вопросовъ, не менѣе занимательныхъ, остались нерѣшенными. «Богъ ее знаетъ!» на все говорилъ Парменъ, но этотъ краткій отвѣтъ не могъ удовлетворить бабьяго любопытства. Поднялись разсужденія.

— О, Господи! Сколько всякаго народу-то на свѣтѣ живетъ!—съ легкимъ вздохомъ заговорила одна сосѣдка.

— Всякіе есть... таскаются вотъ! — отозвалась другая, подпирая рукой подбородокъ и посматривая на печь.

— Да! За прохожими-то приглядывать надо!—замѣтила Аксинья, Парменова сестра, старуха ворчливая и вѣчно всѣмъ недовольная.—У насъ народъ простой... того и гляди, что обидятъ...

— Ну-у! Эта не обидитъ...—проговорилъ Парменъ.—Только бы ее не обидѣли...

— Охо-хо!—ворчала сосѣдка. — Чужого-то человѣка не узнаешь. Въ душу вѣдь не влѣзешь къ ему...

Посудили-порядили бабы и разошлись по домамъ.

Наступила ночь — ненастная, дождливая. Воротились изъ лѣсу мужики съ цѣлой ношей убитой птицы. Хозяева поужинали и легли спать.

Всю ночь шелъ дождь и стучалъ въ оконницы. Кромѣ шума дождя да завыванья вѣтра, ничего не было слышно на Петряевѣ; даже собаки не лаяли, забравшись подъ навѣсъ сараевъ. Передъ утромъ Парменъ слышалъ сквозь сонъ, какъ скрипнула дверь и осторожно затворилась. Старикъ подумалъ про себя, что молодуха собралась обряжаться, и вздремнулъ еще малость. Прошло еще сколько-то времени, и вдругъ видитъ Парменъ, что его невѣстка стоитъ посреди избы съ зажженной лучиной, почесываясь и зѣвая со сна.

— Батько! А, батько? Гдѣ у насъ странница-то? — пробормотала она соннымъ голосомъ.

— Гдѣ! Спитъ, надо быть...—промолвилъ старикъ, уже окончательно пробудившись.

— Да на печи-то ее, ровно, нѣтъ!—какъ-то нерѣшительно, боязливо замѣтила невѣстка.

— А ты погляди хорошенько!—посовѣтовалъ ей Парменъ.

Протирая глаза и высоко поднявъ надъ головой лучину, она подошла къ печи и внимательно оглядѣла всѣ углы.

— Ой, батько! Вѣдь ея нѣту!—крикнула испуганно баба, тараща свои заспанные глаза.

— Чего жъ орешь! Чего испужалась-то?—остановилъ ее свекоръ. — Видно, вышла на дворъ... Глянь-ка тамо!

Баба ушла изъ избы и, немного погодя, воротилась ни съ чѣмъ.

— Ой, батенько! Ея и тамо нѣту... правону нѣту!—въ сильной тревогѣ взвыла баба, оглядываясь по сторонамъ.

— Съ нами крестная сила! Да куда жъ она въ этакую непогодь...—началъ, было, старикъ, но въ это время на печи заплакалъ ребенокъ.

— Да дитё-то, слышь, здѣсь! Куда жъ она отъ робенка уйдетъ далеко! — убѣдительно проговорилъ старикъ, поднимаясь съ лавки.

— Дитё-то здѣсь, а ея, вишь, нѣтъ!—крикнула баба.

— Ой, Господи! Вотъ грѣхъ навязался... Не приключилось-ли съ ней чего ни на есть!

Мужики поднялись и въ сопровожденіи молодухи отправились искать прохожую; осмотрѣли весь дворъ, задворки, прошли по улицѣ, даже за околицей походили,—прохожей и слѣдъ простылъ. Сѣрый разсвѣтъ уже занимался надъ землей, дождь порою переставалъ, но небо попрежнему было облачно и мглисто. Парменъ и его семьяне долго стояли въ нерѣшимости, посматривая на грязную кочковатую дорогу, тотчасъ же за селомъ уходившую въ лѣсъ. Этой дорогой можно пройти на Вятку и до самой «Сибирской горы», гдѣ «плиту ломаютъ». Если прохожая не соврала, если она дѣйствительно направлялась къ Вяткѣ, то, очевидно, что она должна была пойти по

этой дорогѣ, а не назадъ въ городъ. Невозможно же было допустить, что эта бабенка нарочно изъ города пришла въ Петряево для того, чтобы подбросить своего ребенка. Конечно, можно было тотчасъ же пуститься за ней въ погоню по этой дорогѣ, можно было бы поѣхать на лошади верхомъ. Вѣдь она еще не успѣла уйти далеко; можетъ быть, отошла версты три-четыре, не больше. Но Парменъ и семьяне его очень хорошо знаютъ, что погоня по ихнимъ петряевскимъ лѣсамъ—пустое дѣло. Они знаютъ, какъ трудно поймать въ петряевскихъ лѣсахъ человѣка, рѣшившагося во что бы то ни стало скрыться. Вотъ, напримѣръ, этотъ самый лѣсъ, чрезъ который идетъ дорога на Вятку, тянется безъ малаго на полтораста верстъ, тянется безъ перерыву. Ни одного поселка, ни одной станціи нѣтъ на всемъ этомъ протяженіи. Стоятъ только три пустыя истопочки, три маленькія избушки, гдѣ могутъ останавливаться путешественники. Трудновато на этой дорогѣ поймать уходящаго человѣка. Едва лишь заслышитъ онъ за собой погоню, тотчасъ же нырнетъ въ лѣсъ, какъ въ безбрежное море. Ищи его тамъ, коли охота въ прятки играть. Погоня пройдетъ мимо, а бѣглецъ опять вынырнетъ изъ лѣсу, да и путешествуетъ себѣ благополучно впередъ. Заслышитъ, что погоня ему навстрѣчу идетъ, онъ опять въ лѣсъ шмыгъ, и притаится. Потомъ опять дальше въ путь... Семь лѣтъ тому назадъ, этакимъ-то манеромъ у насъ, въ Петряевщинѣ, какихъ-то двухъ семинаристовъ ловили, да и поймать не могли. Потомъ ужъ въ городѣ сказывали, что эти молодцы за море ушли...

Постоялъ Парменъ съ семьянами и, махнувъ рукой, пошелъ домой.

Когда всѣ воротились въ избу, дѣвочка, выбившись изъ тряпья, лежала на печи почти совсѣмъ голенькая и горько плакала. Въ ту пору Аннушка, Парменова невѣстка, еще кормила сама своего годового сынишку, и поэтому ей не трудно было успокоить плачущаго ребенка. Она накормила его, завернула опять въ тряпье и положила на печь. Хозяева, смущенные всѣмъ происшедшимъ, долго сидѣли молча на лавкѣ, въ глубокой задумчивости почесывая затылки. Теперь уже не оставалось сомнѣнія, что прохожая скрылась и бросила своего ребенка на руки чужимъ.

— Вотъ, батько, что ты надѣлалъ... пустилъ этакую...—сказала Анна, съ укоромъ посмотрѣвъ на старика, который сидѣлъ, низко понуривъ голову.—Недаромъ бабы говорили вчерась, что за ними надо присматривать... Теперь вотъ!..

— Ну, что за бѣда такая!—спокойно возразилъ ей дѣдушка Парменъ, поднимая голову и проводя рукой по своимъ сѣдымъ волосамъ.—На что жъ тутъ больно-то плакаться? Не пожаръ, не моръ какой-нибудь, прости, Господи! Нечего ужъ шибко-то тужить...

— Чего жъ мы чужихъ-то ребятъ кормить станемъ!—замѣтила Анна.—А своимъ-то что?

— Робенокъ-то не объѣстъ, гляди!—возражалъ старикъ.—Да что тутъ пустое блекотать! Ужо поглядимъ-посмотримъ, всѣмъ міромъ разсудимъ, какъ тутъ быть...

Старшій сынъ его, Алексѣй, ничего не говорилъ, только молча покачивалъ головой. Младшій же сынъ, Петръ, относился къ этому дѣлу совершенно равнодушно. Все происшедшее, впрочемъ, казалось какъ-то странно и чуднò.

— Ну-у, дѣла!—протянулъ старшій, какъ бы разсуждая самъ съ собой, и затѣмъ опять замолчалъ.

Не успѣло еще улечься волненіе, возбужденное въ Петряевѣ появленіемъ прохожей, какъ вдругъ волненіе пуще усилилось, когда прошелъ слухъ, что женщина, ночевавшая у Пармена, скрылась неизвѣстно куда, а ребенка бросила. Всѣ бабы въ тотъ день переходили въ Парменову избу, то по одиночкѣ, то цѣлой гурьбой. Онѣ досыта судили и рядили промежъ собою и, многозначительно покачивая головой, разсматривали дѣвочку со всѣхъ сторонъ, гладили по головѣ, щупали ей руки, поднимали ноженки, дотрогивались до спины. Особенно поражало бабъ то обстоятельство, что дѣвочка была очень мала, гораздо менѣе, чѣмъ обыкновенно бываютъ полугодовыя дѣти.

— Какъ же теперь съ ей?—спрашивали сосѣдки.

— Ужо старики разсудятъ, какъ быть!—отвѣчала Анна.

Затѣмъ, снова поднимались разспросы и толки, и хозяйка шибко досадовала, что она знала про все это дѣло немногимъ больше постороннихъ. «Пришла какая-то, подбросила ребенка и скрылась...» только и знали. А откуда и куда она шла, Богъ вѣсть. Говоритъ, что идетъ она на Вятку, да вѣдь, можетъ быть, все вретъ. Можетъ быть, она вовсе даже и не мужняя жена. А, можетъ быть, и мужняя

жена, да ребенка-то безъ мужа прижила, а потому и боится съ нимъ къ мужу-то придти. «Народъ-то, говорятъ, въ городахъ лютый... Возьмутъ, да ни за что и зашибутъ человѣка...» Да кто она такая есть-то? Мастеровая-ли какая-нибудь, солдатка-ли или крестьянка? На все былъ только одинъ отвѣтъ: «Богъ ее знаетъ!»

Если принять въ расчетъ тихую, однообразную жизнь петряевскую, то всякій безъ труда пойметъ, что такое событіе, какъ подкинутіе ребенка неизвѣстною женщиной, должно было совершенно взбудоражить нашъ мирный муравейникъ, потрясти его до глубины и прекратить на время обычное теченіе всѣхъ петряевскихъ дѣлъ. Несмотря на дождь, моросившій, какъ изъ сита, бабы весь день переходили изъ избы въ избу, то собирались кучками на улицѣ, то отправлялись къ дѣдушкѣ Пармену подѣлиться своими соображеніями и догадками.

Явленіе казалось, дѣйствительно, необычайнымъ.

Для чего, спрашивается, понадобилось подбрасывать ребенка? — въ простотѣ душевной разсуждали между собой добрые люди.— Въ Петряевщинѣ, у насъ, такихъ дѣловъ было еще не слыхать... Волчица не бросаетъ своихъ волчатъ, а то какъ же человѣкъ добровольно покинетъ свое родное дитя! Какая-такая бѣда могла бы заставить мать отказаться отъ ребенка и кинуть его на чужой сторонѣ, въ чужихъ людяхъ?.. Въ Петряевщинѣ ребятами не тяготятся, и не стыдятся ихъ... Родитъ-ли мужняя жена, или дѣвка—все едино. Никто дѣвкѣ въ укоръ не поставитъ ребенка, и дѣвка открыто кормитъ, поитъ и роститъ свое дитя. Ея дитя почитается ничѣмъ не хуже всѣхъ прочихъ ребятъ.

— Дитё-то что! развѣ оно что разумѣетъ! — разсуждаютъ петряевцы.

У насъ еще не бывало случая, чтобы изъза ребенка опорочили дѣвушку; не бывало случая, чтобы дѣвушка подбросила куда-нибудь свое дитя или—храни Богъ!—убила бы его какъ ни на есть, въ утробѣ или по рожденіи. У насъ на этотъ счетъ — очень просто: родился ребенокъ,—ладно! Значитъ, работникъ прибылъ, а работникъ всегда пригодится, міръ отъ него не въ накладѣ, былъ бы лишь онъ не калѣка, да не дурья голова сидѣла бы у него на плечахъ...

Надо правду сказать, попъ прижимаетъ маленько, беретъ съ дѣвокъ лишнее за крестины. «Ты,—говоритъ,—со своимъ голубчикомъ не вѣнчалась, такъ теперь за то приплачивай!» Ну, да мы за это ужъ не стоимъ! Гдѣ наше не пропадало!..

Вотъ по всему этому, петряевскія бабы и давались диву, глядя на подброшенную дѣвочку.

И такъ Петряево волновалось... Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда Миронычъ въ первый разъ привезъ изъ города большой томпаковый самоваръ, тоже было у насъ сильное волненіе, но все-таки оно было меньше того, которое разразилось теперь. Не мало занимались разрѣшеніемъ и того вопроса, что будетъ съ дѣвочкой, куда и какъ пристроятъ ее?

— Парменъ едва-ли возьметъ! У Анны, гляди, своихъ робятъ еще будетъ много...

— Извѣстное дѣло! Баба еще не старая... Что ей: наноситъ еще сколько, поди...

— Кто жъ приметъ подкидыша? У всякаго свои робята... Гдѣ жъ еще чужихъ набирать!

— Такъ-то такъ, а все же...

— Вотъ ужо старики разсудятъ...

И старики, дѣйствительно, разсудили такъ, какъ бабы, кажется, вовсе не ожидали.

Въ тотъ же день, въ сумерки, собрались «старики» въ избѣ дѣдушки Пармена, собрались и разсѣлись на лавки. Такимъ образомъ, какъ бы случайно, составилась сходка...

Наши петряевскіе «старики» очень характерны. Это серьезные, молчаливые, задумчивые люди, бородатые, въ длинныхъ сермягахъ и въ лаптяхъ, но не смотря на свою неказистость и на свой неприглядный нарядъ, они, по моему мнѣнію, болѣе похожи на настоящихъ людей, чѣмъ тѣ человѣкообразныя обезьяны, весьма прилично одѣтыя, какихъ много водится въ большихъ городахъ...

Теперь они собрались сюда для важнаго, серьезнаго дѣла—для рѣшенія участи одной маленькой человѣческой жизни. Такое дѣло стряслось на Петряевѣ еще впервые, ни разу не подкидывали ребенка ни свои, ни чужія бабы.

Старики нѣсколько минутъ сидѣли молча, понуривъ головы, какъ бы соображая всякъ про себя и переворачивая въ своемъ умѣ представившійся имъ вопросъ. Дымя и потрескивая, горѣла въ свѣтцѣ лучина. Въ избѣ было тихо, только бусый котъ, лежавшій въ углу за квашенкой, мурлыкалъ свою однообразную пѣсенку, да глухой кашель слышался порой. Дѣвочка, завернутая въ тряпье, лежа-

ла тутъ же на лавкѣ, какъ предметъ, подлежавшій обсужденію. Она сжала одинъ кулачекъ и преусердно сосала его, а другою рученкой тихо водила по тряпкамъ, покрывавшимъ ее. Дѣдушка Парменъ сидѣлъ на скамьѣ около дѣвочки и, склонивъ къ ней свою сѣдую голову, шутливо грозилъ ей пальцемъ. Дитя открыто, прямо смотрѣло на него своими большими голубыми глазами, смотрѣло, казалось, такъ пристально, какъ будто ему хотѣлось допытаться у этого почтеннаго старца о томъ, какая участь ожидаетъ его въ жизни: свѣтла или темна, длинна или коротка будетъ эта жизнь? Старикъ далъ ей соску, сдѣланную изъ тряпокъ и наполненную размоченнымъ въ водѣ хлѣбнымъ мякишемъ; дѣвочка ухватилась за соску съ жадностью, чмокнула и весело улыбнулась дѣду. Дитя, повидимому, было теперь совершенно счастливо своимъ настоящимъ положеніемъ...

— Что, дѣдушка! Ребенка нажилъ, а? — спросилъ, наконецъ, Пармена Василій Медвѣжатникъ, прервавъ молчаніе.

— Да! Вотъ...—отозвался тотъ, выразительно взглянувъ на дѣвочку.

— Этакой крохотной дѣвки я еще отродясь не видалъ!—замѣтилъ Иванъ Совенокъ.

Старики согласились, что дѣвочка, дѣйствительно, «сущая крошка».

— А мать ушла, бросила!?—проговорилъ Миронычъ, не упускавшій случая вмѣшиваться въ петряевскія дѣла.

— Ушла!—съ легкимъ вздохомъ отозвался Парменъ.

— Этакихъ шлюхъ стегать бы надо хорошенько, на обѣ корки...—горячо продолжалъ Миронычъ.

Такое его замѣчаніе, очевидно, старикамъ не полюбилось: всѣ уже знали, что Миронычъ—извѣстный дѣвушникъ. Его лицемѣріе и ханжество, его чиновничье отношеніе къ дѣламъ никогда не нравилось этимъ простымъ людямъ, — правда, суровымъ и грубымъ, но вовсе не жестокимъ.

— За что же стегать-то? Почтѣ этакъ? — нахмурившись, возразилъ Иванъ Совенокъ.

— А не блуди, живи по закону! Вотъ!— огрызнулся Миронычъ.

— Не ты бы говорилъ, да не мы бы слушали! — строго замѣтилъ Медвѣжатникъ, круто оборотившись къ Миронычу. — Ежели бы этакъ-то судить, такъ тебя бы ужъ давно разложить слѣдовало, да нагрѣть во-о какъ!..

Миронычъ поперхнулся и закашлялся.

— Неладно только, что она дите свое бросила... Вотъ что!—сказалъ Андрей, степенный мужикъ, раздумчиво поглаживая свою длинную бороду, спускавшуюся почти до пояса.—Ежели прижила ребенка, такъ ужъ не чурайся его, отъ него не бѣгай, корми-пои... Отъ своего плода отказываться грѣхъ!

— Это такъ! Это ужъ что и говорить! — согласились старики; только одинъ Парменъ промолчалъ при этомъ и лишь глубоко вздохнулъ.

— Забава имъ далась... — молвилъ одинъ изъ стариковъ.—Вишь, въ самомъ дѣлѣ, робятъ бросаютъ, ровно котятъ... Право...

— Э-эхъ, братцы!—заговорилъ Парменъ своимъ тихимъ, задушевнымъ тономъ.—Неужто ей легко было бросать свое родное дите... Нѣ-ѣтъ! Тоже, поди, не легкое дѣло! Сердце-то, поди, рвалось тоже... Да ужъ, видно, дѣла такія подошли, что, значитъ, ничего не подѣлаешь... Небось, никто зря свое родное дитятко на чужія руки не броситъ! А вѣдь мы не знаемъ, что у ней и какъ тамъ... Мало-ли всякихъ случаевъ на свѣтѣ бываетъ! Може, она не мужняя жена... А вѣдь въ городахъ у нихъ на этотъ счетъ строго. Вонъ, какъ нашъ торговецъ-то поговариваетъ... слыхали? Выстегать, говоритъ, надо... Ну, може, скрыть ей надо было ребеночка-то. А то, може, совсѣмъ измаялась, невмоготу стало...

— А какъ она изъ себя-то? дюжа?—спросилъ Андрей Колдунъ.

— Гдѣ тамъ—«дюжа!»—возразилъ Парменъ.—Худая, тощая, въ чемъ-то только въ ей душа держится... Диво! И молока-то у нея не хватало для робенка... Ужъ тотъ ревѣлъ-ревѣлъ! Бѣда!

— Гм! Поди жъ ты!..—промычалъ Андрей, и затѣмъ наступило молчаніе.

— Да что ужъ—теперь не о матери рѣчь... А вотъ что съ этимъ-то дѣлать?—заговорилъ Иванъ Совенокъ, подходя къ дѣвочкѣ и разглядывая ее.—Экая крохотная!—сказалъ Совенокъ, съ удивленіемъ мотнувъ головой и беря дѣвочку за руку своею грубою мозолистою ручищей.

Дѣвочка вскинула своими свѣтлыми голубыми глазками и довѣрчиво посмотрѣла на него. Да! Этотъ суровый, бородатый и подчасъ очень свирѣпый мужикъ не обидитъ ея... Потомъ къ дѣвочкѣ подошелъ Медвѣжатникъ и также внимательно осмотрѣлъ ее.

— Какъ глядитъ-то, братцы! Ровно разу-

мѣетъ, что про нее говорятъ... Чудно это, право!—промолвилъ онъ, усмѣхаясь.

Андрей осмотрѣлъ дѣвочку съ видомъ знатока, какъ лѣкарь потрогалъ ее, пощупалъ и заявилъ:

— Ничего! Даромъ, что мала, а здорова... дѣвчонка, какъ слѣдуетъ быть—въ порядкѣ!

Старики опять важно разсѣлись по лавкамъ и опять помолчали, посматривая искоса на дѣвочку, лежавшую спокойно на лавкѣ съ соской во рту.

— Такъ какъ же намъ быть съ ей?—спросилъ Парменъ, естественнымъ ходомъ дѣлъ принужденный занять мѣсто предсѣдателя на этой случайной сходкѣ. — Ну что жъ—мать сплоховала, а робенокъ вѣдь ни въ чемъ не виноватъ. Вонъ она лежитъ, улыбается, ровно и дѣло сдѣлала, что къ намъ на Петряево попала... Вѣдь не бросать же ее въ самомъ дѣлѣ?

— Почто бросать! Какъ можно!—заговорили старики. — Тоже вѣдь человѣческая душенька .. А, знамо дѣло, вины ея тутъ нѣтъ...

— А у меня, братцы, тоже своя семья!—кротко продолжалъ Парменъ. — А рабочихъ-то немного: одинъ сынъ... Я-то ужъ старъ становлюсь. Ни въ лѣсъ меня, ни на подсѣки, ни на рѣку — никуда я не гожъ! Вотъ только развѣ около дому подѣлаешь что ни на есть... А вѣдь у насъ въ семьѣ три рта, да гляди еще скоро четвертый прибудетъ...

— Это такъ!—согласились старики.—Почто жъ на тебя одного валить! Твоего грѣха тутъ не больше нашего... Надо ужъ по-божески...

— А очень просто...—началъ Миронычъ, самодовольно поглядывая на собесѣдниковъ.— Вотъ ужо, какъ кто-нибудь отъ насъ пойдетъ въ городъ, мы туда ребенка-то и отправимъ. Въ городахъ вѣдь есть такіе дома, куда принимаютъ ребятъ на воспитанье. Пускай казна кормитъ, какъ знаетъ... Казна, братцы, богата. А намъ чего жъ тутъ путаться съ дѣвчонкой! Кто за ней смотрѣть станетъ? А вѣдь ужо подростетъ, ей все понадобится. А откуда жъ намъ взять для нея? Запасныхъ капиталовъ для такихъ подкидышей вѣдь у насъ нѣтъ... Такъ вотъ и положимъ: отправить ее въ городъ, да и шабашъ!..

Дѣвочка той порой уже заснула и крѣпко спала, зарывшись въ тряпье и подложивъ ручонку подъ щеку. Въ избѣ было тепло. Лицо дѣвочки разгорѣлось: безмятежная улыбка пробѣгала у нея по губамъ; словно она чему-то радовалась во снѣ. Малютка не предчувствовала, что въ тѣ минуты рѣшалась ея участь: отправляться-ли въ воспитательный домъ, или оставаться въ Петряевщинѣ. Парменъ посмотрѣлъ на нее и вздохнулъ.

— Для чего жъ—въ городъ?—проговорилъ онъ. — Станемъ кормить ее всѣмъ міромъ...

— Ну что жъ! — отозвался Совенокъ. — Хватитъ на нее...

— Отчего же и не кормить! Можно!—согласился Медвѣжатникъ. —Выкормимъ, выростимъ — и будетъ у насъ «мірской человѣкъ...»

Старикамъ, очевидно, пришлось по сердцу предложеніе Пармена. Даже можно было подумать, что эта самая мысль уже бродила у нихъ въ головѣ, что Парменъ только перехватилъ ее у нихъ. Если бы эта мысль о кормленьѣ міромъ была для нихъ новостью, то она ни въ какомъ случаѣ не высказалась бы такъ скоро и съ такою опредѣленностью. Они еще долго думали бы, качали бы головой, прежде чѣмъ рѣшить такой вопросъ... Парменъ угадалъ и высказалъ вслухъ то, что уже начинало бродить и выясняться въ «мірской душѣ». Пармену, поэтому, не приходилось никого убѣждать...

Тутъ же старики и порѣшили, чтобы дѣвочка жила по мѣсяцу въ каждой избѣ, а одежу для нея надо было готовить сообща, всѣмъ міромъ.

— Не бѣда,—разсуждали старики,— ежели въ одной избѣ дѣвочку будетъ кормить баба своимъ молокомъ, а въ другомъ домѣ станутъ поить коровьимъ молокомъ черезъ соску.

— Крещена-ли она?—спросилъ Андрей.

— Да вѣдь какъ... надо быть, крещеная!—отозвался Парменъ.

У дѣвочки на шеѣ былъ виденъ тонкій синій шнурокъ, а на шнуркѣ — маленькій мѣдный потемнѣвшій крестъ.

— А какъ же ее звать? — спросилъ Медвѣжатникъ, мотнувъ головой въ ту сторону, гдѣ лежала дѣвочка.

— Вотъ ужъ этого не знаю! — отвѣтилъ дѣдка.

— Какъ же такъ—безъ прозвища-то!—замѣтилъ Андрей.—Надо же ее какъ-нибудь звать...

— Да назовемъ хоть Машей!—предложилъ Совенокъ.

— Ну что жъ! Маша — такъ и Маша! — согласились старики.

Такимъ-то образомъ, маленькій несчастный подкидышъ, съ согласія общины, обратился въ мірское дитя. При бѣдственномъ положеніи, въ какомъ, очевидно, находилась мать, ребенка могла бы постигнуть во сто разъ горькая участь. Теперъ онъ оставался на попеченіи всей общины, на рукахъ добрыхъ, простыхъ людей... По разрѣшеніи головоломнаго вопроса, старики поднялись съ мѣстъ и собрались уходить по домамъ. Они еще разъ посмотрѣли на дѣвочку. А та спокойно спала. подсунувъ рученку себѣ подъ щеку. Парменъ также поднялся и, махнувъ на нее рукой, проговорилъ:

— Ну, Христосъ съ ней! Пускай ужъ первый-то мѣсяцъ она пробудетъ у меня... Съ меня, значитъ, очередь и пойдетъ! А тамъ по жребію... кому достанется!

Тутъ же бросили жребій, — и достался жребій кормить дѣвочку слѣдующій мѣсяцъ Ивану Совенку.

Такъ и стала расти Маша, переходя изъ дома въ домъ, кормясь и одѣваясь на мірской счетъ. Какъ передъ Богомъ, могу сказать, что петряевцы кормили, поили, одѣвали и обували Машу ни чѣмъ не хуже своихъ собственныхъ ребятъ. Не знаю, столько-ли же любили они ее, какъ своихъ родныхъ дѣтищъ, но только одно могу сказать съ увѣренностью, что ни одинъ пытливый посторонній глазъ не замѣтилъ бы разницы въ обращеніи съ нею и съ другими ребятами со стороны петряевскихъ бабъ и мужиковъ. Впрочемъ, надо оговориться: небольшая разница была... Всякій могъ ласкать и голубить Машу, сколько угодно, но бить, наказывать ее, по своему личному усмотрѣнію, никто не могъ, не переговоривъ со «стариками». Мірскаго дитятю можно было наказать только по мірскому приговору, съ общаго согласія. Это было установлено съ той поры, какъ одна ворчливая, сердитая старуха вздумала, было, за какую-то ребяческую шалость, расправиться съ Машей по свойски.

— Свое-то родное дите никто, небось, лишній разокъ не ударитъ!—разсуждали старики. — А сироту-то иной, сдуру, и зря обидитъ...

Такъ съ того времени и положили, чтобы о всякой провинности Маши доводить до свѣдѣнія стариковъ, а старики ужъ сами должны были разсудить дѣло по совѣсти.

Незамѣтно шло время,—то земля засыпалась снѣгомъ, то она опять молодѣла подъ теплымъ дыханьемъ весенняго вѣтра и убиралась зеленью и цвѣтами. Такъ прошло 15 лѣтъ. Выростили петряевцы Машу на славу. И подлинно — дѣвка была здоровая, сильная, красивая. Съ длинною русою косой, голубоглазая, румяная, высокая и стройная, она была по сердцу не одному нашему парню... Маша по лѣтамъ пасла скотину. Въ досужее время она также работала на полѣ, ходила въ лѣсъ за лубками, за ягодами и за грибами, по праздникамъ съ дѣвками пѣла пѣсни—громко, звонко, весело. Посмотришь, бывало, на нее, даже какъ-то радостно сдѣлается и свѣтлѣе станетъ на душѣ. Здоровьемъ, да силой такъ и пышитъ отъ нея... Глядя на Машу, самъ, бывало, ровно молодѣешь и начинаешь жить вдругорядь. Славная была дѣвушка—и добрая, умная.

Жила Маша на прежнемъ положеньѣ: въ каждой семьѣ мѣсяцъ—по очереди. Въ лѣтнюю пору, иной хозяинъ радъ былъ бы оставить ее у себя, пожалуй, и па два, на три мѣсяца,—кто жъ хорошей работницѣ не радъ! но этого не полагалось. Мірское дите было ничье и должно было жить безобидно у всѣхъ петряевцевъ. Деньгами ей міръ ничего не давалъ, а дѣлалъ для нея все, что надо. Старики сказали: «Когда дѣвка слюбится, да будетъ замужъ выходить, міръ сдѣлаетъ ей приданое, и пускай она живетъ себѣ на здоровье,—ребятъ наживаетъ, да добра не проживаетъ...» Но Маша до поры-до времени еще ни съ кѣмъ не слюбилась, и напрасно наши охотнички поглядывали на нее... Маша была дѣвушка строгая, и пустого баловства, какое иногда водится за дѣвками, за ней было вовсе не въ примѣту...

Старики не налюбовались, не нарадовались на нее. Когда, бывало, незнакомый захожій человѣкъ спрашивалъ про Машу, они съ большимъ оживленіемъ начинали разсказывать ему исторію дѣвушки.

— Она, братецъ ты мой, намъ замѣсто родной приходится! — говорили старики. — Она—наша мірская...

1883 г.

ПРОПАЛЪ ЧЕЛОВѢКЪ.

(Изъ деревенскихъ лѣтописей).

I.

Вечеръ 16-го августа 1878 года. Небо—облачно, на горизонтѣ залегаютъ сизыя тучи и только на западѣ, гдѣ солнце уходитъ за лѣсистый край земли, видѣнъ голубой клочокъ яснаго неба. Вечерніе солнечные лучи озаряютъ красноватымъ свѣтомъ рядъ посѣрѣвшихъ срубовъ крестьянскихъ избъ, обращенныхъ лицевой стороной къ закату. Западъ горитъ и пышетъ, словно залитый растопленнымъ золотомъ, и брызги этого растопленнаго золота, попавъ на стекла крестьянскихъ оконницъ, сверкаютъ и блестятъ тамъ и сямъ, какъ огоньки.

Въ этотъ вечеръ деревня Косичево — въ большомъ волненіи... Народъ воротившійся съ поля, почти весь собрался у избы Андрея Прохорова. Василій, старшій сынъ Андреевъ, стоитъ, прислонившись къ углу избы, и, запустивъ пальцы обѣихъ рукъ за поясъ, низко повязанный у него по животу, задумчиво смотритъ по сторонамъ. Тутъ же на бревнахъ сидятъ старики, переговариваясь съ Васильемъ и между собой. Разговоръ часто прерывается, и въ это время, посреди наступающей тишины, слышно, какъ чирикаютъ воробьи, перелетая со стрехи на стреху, а въ полѣ безъ умолку трещатъ кузнечики. Теперь, по зарѣ, всѣ звуки деревенской жизни слышатся явственно. То лошадь заржетъ, то въ лѣсу кто-то аукнетъ, то откуда-то издалека донесется пѣсня и оборвется вдругъ. Надъ лѣсною рѣчкой, Котласомъ, протекающей за деревней, порой чайка кричитъ громко, жалобно... Старики задумчиво сидятъ на бревнахъ. Василій тоже молчитъ и вздыхаетъ. По всему видно, что люди встревожены, находятся въ недоумѣньѣ.

— Ты говоришь: онъ перебрался спать-то на сарай съ Пасхи? — спросилъ одинъ изъ стариковъ, поднимая голову и оборачиваясь къ Василью.

— Да! Точно...—подтвердилъ тотъ.—На Ѳоминой перебрался. Душно, говоритъ, въ избѣ-то, жарко... да и тараканы одолѣли. Зимòсь не успѣли поморозить-то ихъ...

— Гм! Какъ же это никто не слыхалъ, какъ онъ въ горницѣ-то ворочался?—продолжалъ старикъ.—Сказываешь: забралъ валенки, тулупъ, шапку и рубахи...

— Не слыхали... то-есть, вотъ, какъ передъ Богомъ!—проговорилъ Василій, слегка выпрямляясь, какъ будто готовясь принять присягу въ правотѣ своихъ словъ.—Какъ, поди, половицы не трещали... трещали! И дверь поди, тоже скрипѣла... Да что подѣлаешь! Вѣдь знаешь: спимъ-то мы каково! Вонъ у меня хозяйка... у ней надъ ухомъ-то хошь въ трубу труби, такъ...

— Къ мельнику-то ходилъ? — спросилъ Василья, немного погодя, другой старикъ, задумчиво посматривая въ даль своими слезящимися, прищуренными глазками.—Съ кумомъ-то вѣдь они жили все въ дружбѣ, да въ ладу...

— Ой, что ты! Ужъ такая дружба неразнимная была у нихъ, что, просто...—поддакнулъ Василій умильнымъ тономъ...—Ходилъ, спрашивалъ... Не видалъ, говоритъ: ко мнѣ, говоритъ, съ Ильина дня не захаживалъ.

Старикъ поникнулъ головой и замолкъ.

Солнце закатилось и синеватыя сумерки уже окутывали даль своей волшебной, полупрозрачной дымкой. Облака къ ночи поразбѣжались; небо немного прояснилось. Сыростью, лѣсною глушью замѣтнѣе потянуло въ воздухѣ.

— Въ правленьѣ былъ, объявку подалъ...—заговорилъ Василій.—Да вѣдь какъ! Три дня прошло, ни слуху—ни духу... Просто, ума не приложу: что съ нимъ подѣлось... Жили мы съ нимъ, кажись, по божески, никакого вздору у насъ не было...

— О, Господи!—вздохнулъ старикъ, поглаживая свою сивую бороду.—Пропалъ человѣкъ, сгинулъ... ровно съ камнемъ въ воду..

— Да вотъ—поди ты!..—замѣтилъ другой изъ собесѣдниковъ.—Жилъ о сю пору, какъ у Христа за пазухой... Домъ — полная тѣ

чаша, дочь замужъ выдалъ за хорошаго человѣка, сына только-что поженилъ... Что еще надоть! Все шло таково складно... жить бы да радоваться! А оно вонъ...

— Да куда дѣвался-то,—ты вотъ что скажи!—молвилъ сосѣдъ.—Вѣдь не иголка, чай... въ щель не забьется... Ну, куда онъ могъ?.. Скажемъ такъ: ежели пошелъ на богомолье, такъ почто тайкомъ-то?

— И опять, вишь, всю теплую одежу забралъ съ собой, рубахъ эстолько!—возразили изъ толпы.—Нѣтъ ужъ—какое тутъ богомолье!..

— Оказія!—промолвилъ одинъ изъ мужиковъ.

— Чудное дѣло!

Когда народъ разошелся по домамъ, заря уже потухла. Легкія дымчатыя облака плыли по небу и блѣдный мѣсяцъ выглядывалъ изъ-за нихъ на опустѣвшую и безмолвную деревенскую улицу.

II.

Дѣйствительно, вышло «дѣло чудное», какъ говорили мужики, сидѣвшіе на бревнахъ.

Андрей Прохоровъ на своемъ вѣку, наряду со всѣми своими односельцами, конечно, испыталъ всѣ злоключенія и напасти, какими полна жизнь крестьянская. Но онъ былъ силенъ, живучъ, и потому устоялъ во всѣхъ напастяхъ... Двадцать лѣтъ тому назадъ онъ погорѣлъ; пожаръ случился ночью, въ осеннюю непогодь. Прохоровъ и его семьяне едва лишь успѣли выскочить на улицу въ однѣхъ рубахахъ. Не однажды у него падалъ скотъ, медвѣдь задралъ одну корову, да волки закусили нѣсколько овецъ; не однажды червь поѣдалъ озимь и оставлялъ Прохорову семью безъ хлѣба; не однажды хлѣбъ побивало градомъ. Все—такія бѣды, отъ которыхъ стонетъ грудь и трещитъ спина крестьянская, трещитъ и порой ломится...

Но при всѣхъ этихъ обычныхъ бѣдахъ и напастяхъ, Андрей Прохоровъ считался мужикомъ зажиточнымъ, да и въ дѣйствительности, пожалуй, былъ человѣкъ зажиточный... Еще ни разу не драли его за недоимки въ волостномъ правленьѣ; у него есть скотина,—чѣмъ нынѣ, какъ извѣстно, не каждый крестьянинъ можетъ похвалиться; *своего* хлѣба у него почти всегда хватаетъ до самой Пасхи, между тѣмъ какъ у многихъ изъ его односельцевъ хлѣба едва достаетъ лишь до Рождества, а ужъ много-много до великаго поста, въ продолженіе котораго и скотина и люди постятся такъ усердно, что потомъ—но веснѣ—еле ноги волочатъ... Прохорова семья, обыкновенно, почти всю зиму питалась настоящимъ хлѣбомъ,—выдались только раза три или четыре такія отчаянныя голодовки, когда Прохоровой хозяйкѣ приходилось примѣшивать къ мукѣ и отрубямъ намелко перетертые отростки молодыхъ елей, кору и мохъ... Однимъ словомъ, можно подлинно сказать, что Андрей Прохоровъ жилъ припѣваючи.

И въ семьѣ у него все ладилось Правда, два года тому назадъ приключилось горе: схоронилъ онъ старуху жену. Но смерть ужъ, извѣстно, такая гостья, что отъ нея ни богачъ, ни нищій ни крестомъ, ни пестомъ не отдѣлается... Правда, у него еще умерло въ свое время пятеро «младенчиковъ», но безъ этого вѣдь никакъ нельзя, да это горе—къ слову сказать—на Косичевѣ и за горе не считалось. На Косичевѣ даже матери не жалѣютъ своихъ малютокъ. Помретъ ребенокъ,—«слава тѣ, Господи», избавились, значитъ, отъ лишняго рта, пѣстовать некого и не за кѣмъ ухаживать, отъ дѣла отрываючись... Отрубятъ небольшую осиновую или сосновую плаху, расколютъ ее почти пополамъ, обѣ половины кое-какъ выдолбятъ, и въ этотъ гробикъ, болѣе похожій на корыто, чѣмъ на гробъ, кладутъ «покойничка», завернутаго въ кусокъ сѣрой холстины, несутъ въ церковь, а оттуда—въ могилу. Сегодня ребенокъ умеръ, завтра онъ уже—въ землѣ... Ребятъ не лѣчатъ. Есть, конечно, гдѣ-то тамъ «фершалъ», но гдѣжъ его искать, когда за нимъ ходить, особливо въ рабочую пору, то-есть, въ то время, когда именно всего болѣе мрутъ ребята?.. На Косичевѣ не дорожатъ ни своей, ни чужой жизнью, и вообще человѣческая жизнь здѣсь не цѣнится ни въ грошъ.

Зато четверо ребятъ, оставшихся въ живыхъ у Андрея Прохорова, вышли не какіенибудь дурни, но все люди здоровые и неглупые. Годъ тому назадъ, онъ выдалъ дочь замужъ за хорошаго мужика, сыновья всѣ были уже женаты,—третьяго, младшаго, недавно женилъ. Середній сынъ, Алексѣй, уже пятый годъ въ раздѣлѣ, и живетъ своимъ хозяйствомъ. Василій съ младшимъ братомъ, Иваномъ, остались пока вмѣстѣ. Оставалось Андрею Прохорову жить подъ старость лѣтъ безъ печали, въ тихой радости, да въ веселіи. И вдругъ онъ

тайкомъ скрывается изъ дому въ ночи, какъ тать, скрывается неизвѣстно куда и невѣдомо зачѣмъ. Самыя хитроумныя головы на Косичевѣ не могли придумать: какая причина заставила Прохорова пуститься въ бѣга на старости лѣтъ.

— Диковина!—толковали люди, и далѣе удивленія не шли.

Съ сыновьями и невѣстками Прохоровъ жилъ дружно, никакихъ ссоръ и сваръ между ними не происходило. Односельчане также жили съ нимъ всегда въ ладу и относились къ нему съ почтеніемъ, хотя и не всегда слушались его благихъ совѣтовъ. Онъ былъ издавна радѣтелемъ за крестьянскій міръ. Не разъ отъ лица міра говаривалъ онъ съ властями и власти не однажды сулили его самого «упечь туда, куда воронъ костей не нашивалъ». Не разъ также посылали его ходокомъ въ городъ по деревенскимъ дѣламъ. Не однажды также случалось, что онъ защищалъ «захудалыхъ людишекъ» отъ мірской несправедливости, готовившейся обрушиться на нихъ... И этакій-то человѣкъ вдругъ пропадаетъ, исчезаетъ безслѣдно.

Было о чемъ призадуматься старикамъ, сидѣвшимъ на бревнахъ у Прохоровой избы въ тихій августовскій вечеръ. Ясно было только одно, а именно, что онъ ушелъ навсегда или, по крайней мѣрѣ, надолго. Старикъ, какъ оказывалось, забралъ съ собой теплую одежу и свою толстую, старинную книгу, которую любилъ читать въ досужее время. Но куда онъ ушелъ, зачѣмъ ушелъ? не только никто не могъ сказать, никто не могъ даже остановиться ни на какой догадкѣ, которая хоть сколько-нибудь шла бы къ дѣлу... Но жизнь покатилась своимъ чередомъ и о пропавшемъ человѣкѣ стали мало-по-малу забывать въ Косичевѣ.

Шелъ мѣсяцъ за мѣсяцемъ и прошло два года...

III.

Дремучій, безпросвѣтный лѣсъ тянется въ четырехъ верстахъ отъ Косичева, заходитъ въ другую губернію и раскидывается на всѣ четыре стороны безъ перерывовъ на сотни верстъ. Попадаются въ немъ мѣстами и береза, и осина, и мелкій олешнякъ, но болѣе высятся въ немъ темною тѣнью лохматыя ели, сосны да лиственницы. Бо́льшую часть года лѣсъ стоитъ теменъ и мраченъ, то гудитъ и стонетъ, то стоитъ молчаливо, нахмурившись. Только въ лѣтнюю пору онъ оживляется и глядитъ веселѣе. Свѣтлою зеленью покрывается кустарникъ, разцвѣтаютъ цвѣты и воздухъ въ лѣсу наполняется ихъ чудеснымъ ароматомъ. Косичевцы въ этомъ лѣсу охотятся на бѣлокъ, на рябчиковъ и тетеревей, бьютъ медвѣдей, а въ лѣсныхъ рѣчкахъ и рѣкахъ ловится много рыбы. Косичевцы увѣрены, что никто еще отъ вѣка не проходилъ ихъ лѣса вдоль и поперегъ.

Но въ народѣ живетъ преданіе, что по одной изъ лѣсныхъ рѣкъ—по Котласу—въ старые годы плавали въ легкихъ лодочкахъ разбойники, пробираясь для своего промысла на «большую рѣку», текущую отъ Великаго Устюга къ холодному, ледяному морю. Сказываютъ, что у разбойниковъ на берегу Котласа было устроено становище. И нынѣ, неподалеку отъ рѣки и по самой береговой кручѣ, еще видны въ землѣ какія-то бревна и полугнившіе срубы, попадаются глубокія ямы, словно вырытыя человѣческими руками, и большіе сѣрые камни, сложенные въ кучи или разбросанные тамъ и сямъ по сторонамъ. Все это теперь, конечно, заросло деревьями, покрылось густымъ кустарникомъ. Это мѣсто въ нашей сторонѣ называютъ Чудиновымъ Городищемъ. Дурная слава идетъ про него въ народѣ. Не любятъ мои земляки проходить по этому мѣсту въ ночную пору или ночевать по близости его. Тутъ, говорятъ, «чудится, бла́знитъ»—видятся и слышатся всякіе страхи... Сказываютъ, что подъ Чудиновымъ Городищемъ зарытъ кладъ и съ такимъ ужаснымъ заклятьемъ, что взять его мудрено всякому крещеному человѣку, кому жизнь дорога. Здѣсь разбойники скрывали свои награбленныя сокровища... Изъ Котласа въ «большую рѣку» они переносили лодки на себѣ — на разстояніи семи верстъ. По болотистой топи, разстилающейся въ лѣсу между Котласомъ и «большой рѣкой», разбойники проложили для себя узкія-узкія тропинки. Эти тропы были извѣстны только имъ, по различнымъ примѣтамъ. Чужой, посторонній человѣкъ ни за что въ свѣтѣ не прошелъ бы здѣсь и сгинулъ бы въ болотѣ самою мучительною смертью, захлебнувшись въ зеленой тинѣ, посреди блестящей, роскошной травы, посреди красивыхъ цвѣтовъ—бѣлыхъ и желтыхъ кувшинокъ.

Говорятъ, какая-то купеческая дочь, молодая дѣвушка-красавица, была захвачена разбойниками въ плѣнъ и, чтобы избавиться

отъ насилій и срама, бросилась въ отчаяніи въ Котласъ и утонула. Ея душа съ тѣхъ поръ не находитъ покоя... Близъ Чудинова Городища, въ свѣтлыя лѣтнія ночи, рыбаки издали видятъ русалку. То она сидитъ на берегу, вся позакрывшись волнами темнорусыхъ волосъ, то качается на вѣтвяхъ какой-нибудь ивы, низко склонившейся надъ водой, — вся голая, бѣлая, блестящая. Откинувъ волосы на спину, она держится за иву одной рукой, а другою — плещется въ водѣ и подзываетъ къ себѣ одинокаго рыбака, маня его къ себѣ своими дьявольскими прелестями. То-ли она плачетъ, то-ли пѣсни поетъ, — не разберешь...

Въ чащѣ лѣса неподалеку отъ Котласа — верстахъ въ восьми — тянутся большія прогалины, покрытыя рѣдкимъ ельникомъ, кустами вереса и можжевельника, и почти сплошь поросшія бѣлоусомъ,—поэтому прогалины и извѣстны подъ именемъ «бѣлоусовыхъ прогалинъ», знаменитыхъ тѣмъ, что на нихъ растетъ великое множество рыжиковъ, волнушекъ, маслухъ и сухарей,—однимъ словомъ, растетъ въ изобиліи тотъ родъ грибовъ, что̀ называется «губиной». Каждый годъ въ концѣ лѣта и по осени, въ дождливую ненастную погоду, когда полевыя работы даютъ передышку, цѣлыя ватаги дѣвокъ и бабъ отправляются за губиной на «бѣлоусовы прогалины». Въ иной годъ, когда рыжиковъ уродится много, прихватывается даже лошадь съ одноколкой, чтобы вывезти на ней изъ лѣса грибы.

IV.

Лѣто 1880 года было сухое и жаркое, на грибы былъ «неуродъ».

Бабы, ходившія на «бѣлоусовы прогалины», на этотъ разъ набрали немного рыжиковъ, но зато одна изъ ихъ ватаги случайно сдѣлала въ лѣсу удивительное открытіе. Бабы были уже на обратномъ пути и спѣшили выбраться изъ лѣса до наступленія ночи. По ихъ примѣтамъ оказывалось, что Котласъ отъ нихъ былъ недалеко, недалеко было и Чудиново Городище. Вдругъ въ чащѣ лѣсной онѣ наткнулись на высокую груду бурелома и стали обходить ее. Мѣсто было трущобистое, мрачное: со всѣхъ сторонъ обступали его темныя, вѣковыя сосны и ели, а по̀-низу, межъ ихъ стволами, шла густая, непролазная поросль. Такія мѣста любятъ выбирать медвѣди для своихъ берлогъ. Бабы съ трудомъ пробирались сквозь чащу и съ опаской посматривали на вывороченное вверхъ корнями пеньё. Сучья довольно чувствительно царапали имъ плечи и хлестали по бокамъ, но бабы не ругались, не смѣя призывать вслухъ имя *того*, кто иной разъ пошаливаетъ въ лѣсу. Только и слышались недоконченныя рѣчи: «Ахъ ты»... «А чтобъ тѣ!»... и т. под.

Вдругъ посреди навороченнаго пенья имъ показался какъ бы небольшой проходъ, въ видѣ лазейки. «Не медвѣжья-ли берлога?» мелькнуло прежде всего у путницъ въ головѣ. А было похоже на то... Одна баба—посмѣлѣе—прямо подошла къ зіявшему отверстію. Лазейка вела въ подземелье.

— Бабы! А, бабы? Гляпько-сь сюда! Что здѣся-то дѣется!— вполголоса молвила баба своимъ товаркамъ.

Тѣ подошли и при неясномъ свѣтѣ сумерекъ, царствовавшихъ подъ сводомъ лѣса, увидали передъ входомъ въ пещеру выжженную землю и на ней кучу пепла и разбросаннаго уголья.

— Это что жъ, бабоньки! Ужъ не бѣглый-ли тутъ?

Прислушались, слушали чутко, затаивъ дыханіе, но, кромѣ смутнаго шороха, расходившагося вокругъ по лѣснымъ чащамъ, бабы ничего не слыхали.

— Загляну? — молвила смѣлая бабенка, не смогши сдержать своего любопытства, и, сгорбившись, чуть не ползкомъ пробралась въ пещеру.

За нею полѣзла другая и третья...

Оставшіяся у входа стали разглядывать мѣстность и скоро усмотрѣли, что на выжженномъ мѣстѣ, подъ нависшими сучьями ели, стояли въ козлахъ три связанные вмѣстѣ колышка, почернѣвшіе отъ дыма; къ этимъ кольямъ былъ подвѣшенъ на желѣзномъ прутѣ небольшой чугунный котелокъ—въ родѣ тѣхъ, какіе употребляются рабочими, уходящими изъ дома на дальніе сѣнокосы. Ясное дѣло, что тутъ кто-то жилъ и варилъ себѣ варево въ этомъ котелкѣ, и варилъ уже много разъ, о чемъ можно было заключить по грудамъ золы и угольевъ...

Той порой бабы разглядывали пещеру. Здѣсь прежде всего онѣ увидѣли одинъ толстый и довольно высокій сосновый обрубокъ, другой—поменьше и пониже. На высокомъ обрубкѣ, какъ бы замѣнявшемъ собою столъ, лежала какая-то старинная книга въ черномъ кожаномъ переплетѣ, тутъ же стоялъ

съ водой берестяный чуманъ *), а рядомъ съ этимъ чумашкомъ былъ оставленъ кѣмъ-то кусокъ черстваго хлѣба. Въ сторонѣ валялась куча хвороста, покрытаго засохшей лѣсной травой. Груда хвороста, очевидно, служила постелью обитателю этого подземелья. На хворостѣ еще нашли какую-то грязную затасканную тряпицу. Подъ сводомъ пещеры висѣли на веревочкѣ пучки сушеныхъ травъ. Бабы все перетрогали, все перенюхали, но ни чуманъ, ни книга, ни кусокъ хлѣба, ни рваная тряпица, ни сушеныя травы ничего не открыли имъ, не повѣдали тайны этого подземнаго лѣсного жилья... Хлѣбъ, повидимому, могъ быть испеченъ съ недѣлю тому назадъ или даже болѣе: онъ былъ почти уже совсѣмъ сухой. А вода? Когда она почерпнута изъ ручья? Богъ вѣсть... Во всякомъ случаѣ можно было думать, что здѣсь не очень давно кто-то былъ, что здѣсь, можетъ быть, даже и теперь еще кто-нибудь живетъ. Эта пещера подъ наваленнымъ буреломомъ была невелика, но жильемъ могла служить:—шага четыре въ длину, да около трехъ шаговъ въ ширину, и при этомъ человѣкъ средняго роста не могъ бы встать въ ней, выпрямившись, безъ того, чтобы не задѣть головой до ея земляного свода.

Бабы съ недоумѣніемъ и тревогой посматривали по сторонамъ. Имъ уже захотѣлось поскорѣе уйти отсюда. Въ эту минуту, гдѣ-то по близости въ лѣсу птица громко захлопала крыльями, бабы въ страхѣ выползли изъ пещеры одна за другой и опрометью бросились прочь, продираясь сквозь кусты и валежникъ.

Дома онѣ, конечно, разсказали о своемъ необычайномъ открытіи со всѣми подробностями и даже не безъ прикрасъ. И эта случайно открытая пещера еще долго въ деревняхъ по вечерамъ служила предметомъ для разговоровъ, предположеній и догадокъ.

Всѣхъ занималъ вопросъ: кто живетъ въ подземельѣ? Бѣглый, пробирающійся изъ Сибири на родимую сторону, поспалъ бы въ такомъ лѣсномъ пріютѣ, отдохнулъ бы, сколько ему угодно, и пустился далѣе. Но по всему видимо, въ пещеру кто-то зашелъ не на перепутьѣ, а прямо поселился въ ней. Кто бы это могъ быть! Одни думали, что въ ней скрывается бѣглый солдатикъ,—можетъ быть, даже родомъ изъ нашихъ мѣстъ. Другіе полагали, что въ пещерѣ поселился какой-нибудь старецъ... для чего бы старинной книгѣ быть у бѣглаго солдата? Можетъ быть, какой-нибудь раскольникъ убѣгъ спасаться въ наши дремучіе лѣса. Въ старину, говорятъ, въ нашихъ лѣсныхъ трущобахъ бывало немало всякихъ старцевъ. Знающіе люди и теперь еще указываютъ на тѣ мѣста, гдѣ они жили... Было у насъ много разговоровъ насчетъ этой пещеры, но никакого толку изъ тѣхъ разговоровъ не вышло. Тайна лѣсной пещеры ни мало не разъяснялась. Особенно было досадно многимъ то, что бабы съ перепугу не замѣтили мѣстонахожденія пещеры и не могли толкомъ указать, въ какой части лѣса онѣ нашли ее.

— Ой, дуры, дуры!—ворчали мужики.—Бѣгутъ—и сами не знаютъ куда и почто...

— Да, толкуй!—оправдывались бабы.—Какъ крыльями-то замахало, да зашумѣло, такъ просто рученьки-ноженьки затряслись... Таково бо́язно стало!

— То-то, «бо́язно»!—передразнивали ихъ мужики.—Тетерька, поди, изъ куста поднялась, а вы ужъ... Э-эхъ!

V.

По осени какъ-то, одинъ парень, ходившій на охоту за рябчиками, опять видѣлъ въ лѣсу нѣчто странное, а именно: какого-то высокаго, диковиннаго сѣдаго старика. Къ парню приступили съ разспросами: отчего онъ не подошелъ къ старику и не узналъ, почто онъ бродитъ тутъ по лѣсу. Парень смутился. Надо правду сказать, этотъ паренекъ былъ не очень уменъ.

— Да такъ мнѣ что-то не по мысли было!—объяснилъ онъ. — Въ рукахъ у него, вижу, ничего нѣту, ни кузова, ни ружья... А самъ высокій этакій, весь бѣлый да худой... ровно какъ будто и на человѣка-то не похожъ!.. Я думалъ, что онъ хочетъ заманить меня да завести куда ни на-есть...

На Косичевѣ еще многіе вѣрятъ и о сю пору, что *онъ* принимаетъ всякіе о́бразы для того, чтобы пакостить людямъ и смущать ихъ. Вспомнились разные случаи... Напримѣръ, разсказывали, какъ *онъ* однажды, въ видѣ красивой молодухи, завелъ пьяненькаго молодца въ такую непроходимую чащу, что тотъ три дня и три ночи кружилъ все на одномъ мѣстѣ—до тѣхъ поръ, пока не упалъ за-мертво. Тутъ ужъ, случайно, нашли его

*) Родъ ковшика безъ ручки.

совсѣмъ безъ чувствъ мимо проходившіе охотники и доставили домой чуть живого.

— Цѣлый мѣсяцъ провалялся бѣднягa!— заканчивали разсказчики.—Всякую околесную несъ... Какую-то красотку поминалъ да за голову хватался; говорилъ, что его нечистый кружитъ...

Послѣ того еще двое или трое мужиковъ видали въ лѣсу какого-то старика, но видали издали. Одинъ изъ мужиковъ пошелъ, было, къ нему, но тотъ скрылся... Нашъ лѣсъ — что море; юркни въ кусты—и поминай, какъ звали! Никакая погоня не догонитъ, никакой урядникъ не разыщетъ... Вонъ, лѣтъ десять тому назадъ, какіе-то два ссыльные въ прятки играли въ нашемъ лѣсу, въ Архангельскъ пробирались, сказываютъ. Полковникъ съ солдатами пріѣзжалъ за ними, да что... все пустое! Походили, понюхали нашего лѣсного воздуха, полазили по пнямъ, по колодамъ, да и поѣхали обратно ни съ чѣмъ.

Такъ вотъ и пошла по деревнямъ молва про то, что въ лѣсу, наподалеко отъ лѣваго берега Котласа, въ непролазной чащѣ, не то въ пещерѣ, не то въ берлогѣ медвѣжьей, поселился какой-то невѣдомый старецъ. И опять-таки никто не зналъ: кто онъ, откуда и почто забрался въ нашъ лѣсъ... Таинственный жилецъ пещеры, подъ вліяніемъ живой народной фантазіи, началъ, было, уже принимать разные затѣйливые образы и окрашиваться въ сказочный свѣтъ. Но тутъ послѣдовало открытіе... И вотъ ужъ, по истинѣ сказать, удивилось и загалдѣло Косичево, когда—неизвѣстно откуда—прошелъ слухъ, что старикъ, скрывающійся въ лѣсу близъ Котласа, никто иной, какъ нашъ, два года тому назадъ пропавшій безъ вѣсти и почти уже забытый односельцами, Андрей Прохоровъ...

VI.

Скоро весь околотокъ узналъ, кто жилъ отшельникомъ въ нашемъ лѣсу. Сначала, разумѣется, косичевцы провѣдали дорогу къ его пещерѣ, а потомъ мало-по-малу сталъ собираться къ нему народъ и изъ другихъ мѣстъ. И прежде у насъ почитали его, какъ человѣка добраго и мудраго, какъ заступника за всѣхъ обиженныхъ, за всѣхъ «мірскихъ сиротъ», а теперь, когда онъ ушелъ отъ людей и уединился въ лѣсъ, бросивъ привольное житье, которымъ могъ пользоваться на старости лѣтъ, онъ еще болѣе выросъ въ глазахъ деревни, — и нѣтъ ничего мудренаго, что воображеніе этихъ людей, знавшихъ и не знавшихъ его, придало почтенному старцу обликъ святости.

Видомъ своимъ Андрей Прохоровъ напоминалъ настоящихъ отшельниковъ, что нѣкогда уходили въ пустыню спасаться отъ мірскихъ соблазновъ и обрекали свою грѣшную плоть на всевозможныя нужды и лишенія. Ему было уже подъ 70 лѣтъ; онъ былъ высокъ, широкоплечъ, худощавъ, но еще довольно крѣпокъ и при ходьбѣ лишь слегка горбился. Особенно характерно выглядѣло его лицо: большой, открытый лобъ, изрытый морщинами, круглая лысина на головѣ, окаймленная сѣдыми вьющимися волосами, сѣдая борода чуть не по поясъ, большіе голубые глаза, хотя потускнѣвшіе отъ лѣтъ, но все еще сохранившіе выраженіе кротости и доброты,—все это, вмѣстѣ взятое, дѣлало Андрея Прохорова чрезвычайно похожимъ на ветхозавѣтныхъ патріарховъ, на пророковъ или апостоловъ, какъ ихъ изображаютъ художники на картинахъ. Подъ его сермягой, опоясанной веревкой, какъ-то невольно думалось найти желѣзныя вериги... При взглядѣ на него, всякій чувствовалъ къ нему полное довѣріе. Никто, кажется, не поколебался бы ни на минуты—отдать ему на сохраненіе самую дорогую вещь или сообщить свою завѣтную и опасную тайну. Въ глазахъ его сказывалась младенчески-чистая, любящая душа, сказывалась безконечная, всепрощающая доброта,—и все лицо его дышало кротостью и спокойствіемъ, какимъ бываетъ проникнутъ тихо, мирно угасающій ясный лѣтній вечеръ.

— Мой огонекъ догораетъ!—говаривалъ старикъ, улыбаясь.

И въ словахъ его не слышалось ни горечи, ни тайной душевной тревоги, но звучала лишь тихая грусть—именно та грусть, что сказывается и чувствуется въ погасающихъ краскахъ вечерняго заката... Часто, когда онъ задумывался, глаза его принимали то молящее, то невыразимо жалостливое выраженіе,— точно въ тѣ минуты проходили передъ нимъ картины какихъ-то бѣдствій и горестей людскихъ. Подмѣтившему эти взгляды какъ-то невольно становилось жутко...

— Ровно, онъ тоскуетъ о чемъ-то...—говорили про него.

Въ числѣ первыхъ посѣтителей явился къ Прохорову старшій сынъ его, Василій, и звалъ его домой.

— Почто я пойду къ тебѣ!—ласково, но рѣшительно говорилъ онъ сыну.—Мнѣ здѣсь хорошо, спокойно, тихо здѣсь... Не уговаривай ты меня, дитятко, понапрасну! Ступай съ Богомъ... живи хорошенько, а пуще—не обижай никого..

Такъ Василій и ушелъ отъ него ни съ чѣмъ, а хозяйка его съ тѣхъ поръ, отъ времени до времени, стала носить старику ѣду. Но теперь Прохоровъ уже ни въ чемъ не нуждался. Каждый несъ ему все, что могъ... Но чѣмъ онъ прежде питался въ лѣсу? Побирался-ли онъ по дальнимъ деревнямъ Христовымъ именемъ, или кто-нибудь изъ доброхотовъ, знавшихъ и скрывавшихъ его мѣстожительство, приносилъ ему ѣду—осталось неизвѣстно и до сего дня. Только одинъ человѣкъ, кажется, могъ бы, если бы захотѣлъ, сказать это,—Иванъ мельникъ, но онъ упорно молчалъ...

Много народу ходило къ Андрею Прохорову. Одинъ шелъ къ нему за совѣтомъ, другой за утѣшеньемъ, а иному просто хотѣлось послушать его ободряющихъ умныхъ рѣчей. Ходили къ нему въ лѣсъ и мужики совѣщаться объ общественныхъ дѣлахъ, но бабъ ходило больше. Старикъ охотно выслушивалъ всѣхъ и со всѣми говорилъ равно ласково, давалъ всякіе житейскіе совѣты, утѣшалъ, читалъ имъ мѣста изъ евангелія, поучалъ жить по правдѣ, въ мирѣ и незлобіи. Слушатели съ умиленіемъ внимали ему, разумѣли каждое его слово и тяжко вздыхали: слова были хорошія, святая правда въ нихъ, но людямъ казалось трудно исполнить ихъ на дѣлѣ. Старикъ часто говорилъ объ «умиреньѣ»... Да кто жъ «умиритъ» людей, кто укротитъ ихъ мелочную, но лютую злобу, кто вырветъ изъ сердецъ ихъ жгучую зависть? Старикъ кончалъ все одними и тѣми же словами: «Покайтесь, покайтесь, братцы»!..

Къ его пещерѣ иногда собиралось человѣкъ по сту, по двѣсти и болѣе. Молва о нашемъ старцѣ прошла далеко. Изъ сосѣднихъ уѣздовъ приходилъ къ нему народъ... И безъ всякаго уговора сами собой устраивались сборища въ лѣсу, подъ открытымъ небомъ. Люди приходили съ котомками, съ кузовками и разсаживались,—какъ придется. Сидѣли на землѣ, на кочкахъ, на пняхъ, на мшистыхъ колодахъ... Иной отдыхалъ съ дороги, полулежа въ густой травѣ и опершись на локоть, иной закусывалъ, посыпая хлѣбъ крупною солью, иной рылся въ своемъ дорожномъ мѣшкѣ и вытаскивалъ оттуда головку луку или чесноку. Вечеромъ разводили костеръ,—и тогда яркимъ отблескомъ краснаго пламени озарялись мшистые, дуплистые стволы столѣтнихъ деревьевъ, темные нависшіе сучья сосенъ и елей и безобразно торчащіе тамъ и сямъ, вывороченные пни... Эта картина съ ея рѣзкими, яркими тонами,—картина, полная таинственности,—своею дикою, мрачною обстановкой невольно уносила мысль къ тѣмъ далекимъ временамъ, когда бродячая Русь—голь перекатная—скрывалась въ лѣсахъ, спасаясь отъ преслѣдованій лютыхъ волостелей или пускалась на поиски за «Царствіемъ Божіимъ»... При красноватомъ свѣтѣ огня, на фонѣ темной зелени видны были красныя, загорѣлыя лица бородатыхъ людей, видны были темныя, загорѣлыя руки, словно вылитыя изъ бронзы, мускулистыя, жилистыя, мозолями покрытыя руки; видны были сермяги, рубахи-косоворотки холщевыя, пестрыя, кумачныя; пестрядинные и холщевые штаны; видны были босыя ноги, ноги въ сапогахъ, въ лаптяхъ, завернутыя въ онучи. Порой выступали изъ тѣни взъерошенныя, косматыя головы, приближались къ костру,—и охапки сухаго валежника летѣли въ огонь. Трескъ шелъ по лѣсу, пламя вспыхивало ярче и все выше и выше взлетало къ темному ночному небу...

А по сторонамъ, куда не досягалъ свѣтъ костра, тѣни сгущались и мѣстами ложились черными пятнами. Причудливая игра свѣта и тѣни отражалась на листвѣ и хвоѣ вокругъ стоявшихъ деревьевъ, на ихъ разметавшихся и нависшихъ сучьяхъ... Осенью всего чаще происходили эти сборища. Ночи выдавались темныя, когда мѣсяцъ бывалъ «на ущербѣ»... Изъ-за вѣтвей виднѣлись золотыя звѣзды, ярко сверкавшія на синемъ небѣ... Въ сыромъ, прохладномъ воздухѣ пахло сильнѣе травой и цвѣтами—и особенно багульникомъ. При наступавшей тишинѣ было слышно, какъ жалобно скрипѣло надломленное дерево, слышался иногда въ чащѣ дикій крикъ ночной птицы; порою шелестъ проносился по лѣсу, словно чье-то могучее дыханіе пролетало надъ потемнѣвшими вершинами лѣса, и вершины подъ его вѣяніемъ тихо вздрагивали и качались... Въ средѣ собравшихся иногда слышались вздохи и восклицанія: «О, Господи Боже!».. «Охти-мнѣ, грѣхи, грѣхи!»...

Всѣ эти люди приходили къ старику въ лѣсъ «душеньку отвести»,—и всѣ они возвращались отсюда утѣшенные, ободренные,

и опять плелись по обычной житейской колеѣ съ мыслью—снова пойти «ужо когда ни на есть» въ сторону Котласа, къ дѣдушкѣ Андрею.

— Пригожее-ли дѣло жить старику въ пещерѣ, ровно медвѣдю въ берлогѣ!—толковали бабы.—И темно-то ему, сердечному, и сыро и холодно... Надо бы ему тамо состроить истопочку, хошь не раженькую *)... Не грѣхъ бы порадѣть нашимъ мужикамъ!

И вскорѣ, по уговору бабъ, мужики артелью отправились въ лѣсъ, живо расчистили въ лѣсу мѣсто неподалеку отъ пещеры и выстроили хатку; конопатчикъ оконопатилъ ее, печникъ склалъ печь, мастеръ смастерилъ для нея столъ, лавки, поставецъ... И черезъ годъ нашъ старикъ былъ уже на новосельѣ; на новоселье каждый приходящій приносилъ ему все, что могъ и что было нужно. Но старику немного было надо, и часто приношенья отправлялись обратно домой.

VII.

Андрей Прохоровъ уже давно подумывалъ уйти въ лѣсъ и пожить тамъ «по душѣ».

Эти тайныя, сокровенныя думы свои онъ повѣрялъ, намеками только, старому другу-пріятелю, Ивану Мировому. Иванъ былъ ему ровесникъ, его односелецъ, и содержалъ на рѣкѣ мельницу въ двухъ верстахъ отъ Косичева. «Мировымъ» прозвали его за то, что онъ при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ любилъ мирить враждующихъ, за что, впрочемъ, иногда порядкомъ доставалось и самому миротворцу. Дружба у Андрея съ мельникомъ пошла издавна, съ молодыхъ лѣтъ; мельникъ былъ крестнымъ отцомъ—«божаткомъ»—его старшаго сына. Мысли у нихъ какъ-то сходились, и они часто думали и жили заодно. Андрей не разъ подговаривалъ Мироваго «уйти» съ нимъ куда ни на есть. Но у Ивана еще была жива старуха-хозяйка и ему не хотѣлось бросить ее.

— Тебѣ-то ладно, а я-то, вишь, еще не управился...—отзывался мельникъ.

— А у меня ужъ сердечушко все изболѣло, вотъ тѣ Христосъ!—говорилъ ему Прохоровъ, разсуждая о своихъ односельчанахъ.—Жалости въ нихъ нѣту—вотъ что!.. Вмѣсто того, чтобъ помочь слабому да убогому, они—на него же всѣ... Въ горѣ да въ бѣдности смиренъ человѣкъ, тихъ и кротокъ, что твой агнецъ божій,—только и глядитъ: какъ бы его не обидѣли. А оперится, поправится съ дѣлами малость, онъ ужъ сейчасъ и норовитъ, какъ бы ему другихъ поприжать—кто посмирнѣе да податливѣе... Не даромъ говорится: мужикъ богатый,—что чортъ рогатый...

Андрей Проховъ былъ человѣкъ простой, искренній—и искренно болѣлъ душой, видя повсюду вокругъ себя зло и неправду, Онъ былъ мужикъ, но въ мужикѣ горѣла искра божья...

Онъ еще съ молоду научился крѣпко стоять за свой деревенскій міръ, когда приходилось вѣдаться съ людьми, власть имущими. И онъ безбоязненно подставлялъ свою голову подъ удары, не страшился непріятностей и кляузъ, и всегда былъ готовъ пострадать, потерпѣть за міръ. Поговорить-ли нужно со становымъ, или съ исправникомъ,—«выходи Андрей Прохоровъ!» Понадобится-ли сходить съ прошеньемъ отъ крестьянъ въ городъ—хоть къ самому губернатору,—«иди, братъ, Прохоровъ!»—Прохоровъ идетъ, говоритъ, подаетъ прошенье. И приходилось ему бывать въ большихъ перепалкахъ. Начальство, бывало, раскраснѣется, кричитъ на него до хрипоты: «Ахъ, ты—такой-сякой!»... «Да я тебя!»... «Да ты у меня!»... и т. д. А Прохоровъ въ своей сермягѣ, накинутой на плечи, стоитъ, слегка наклонивъ голову, какъ наклоняютъ ее противъ вѣтра, стоитъ твердо, самоувѣренно, лицо спокойно, ни одинъ мускулъ не дрогнетъ; стоитъ, какъ желѣзная статуя, молчитъ... А спроситъ его начальство,—Прохоровъ опять за свое и спокойно, ровно, не торопясь, излагаетъ дѣло. На этого человѣка, очевидно, можно было кричать и шумѣть, сколько угодно, но нельзя было запугать его. Онъ походилъ на крѣпкое дерево съ живой, здоровой сердцевиной; такое дерево невозможно ни сломить, ни согнуть, его можно только вырвать съ корнемъ. Прохоровъ былъ стоекъ и упрямъ, и бури, разражавшіяся надъ его головою, не заставляли, повидимому, биться сильнѣе его сердце. Только крѣпко сжатыя губы его говорили о силѣ его сосредоточенности, о желѣзномъ упорствѣ.

— Ну, братъ! Ты, кажется, помрешь, а ужъ отъ своего не отступишься!—сказалъ ему однажды сторожъ той канцеляріи, гдѣ надъ нашимъ «ходокомъ» разбушевалась особенно сильная буря.

*) Ражій—хорошій, здоровый, видный.

— Ништо мнѣ и надо!—невозмутимо проговорилъ Андрей Прохоровъ.

И никогда ни отъ какихъ хожденій онъ не отказывался. Въ такихъ случаяхъ онъ всегда чувствовалъ въ себѣ силу, ибо зналъ, что за нимъ стоитъ «міръ», на ту пору выдвинувшій его впередъ.

Но когда неправда совершалась самимъ міромъ, тутъ ужъ Прохоровъ сознавалъ себя безсильнымъ и совсѣмъ несчастнымъ человѣкомъ. А такіе случаи бывали въ деревенской жизни—и даже нерѣдко...

Кулакъ мошенническимъ, обманнымъ образомъ оттягалъ у крестьянина землю. Андрей Прохоровъ возмущался до глубины души и обличалъ кулацкія продѣлки. Въ то же время его односельцы отнеслись къ обойденному бѣдняку не только равнодушно, но даже какъ-то очень странно...

— Такъ ему, дураку, и надо! Впередъ не зѣвай! Вотъ что!..—говорили добрые люди.

А Прохоровъ зналъ, что мужикъ, оставшись съ семьей безъ земли, плакалъ горькими слезами и молилъ добрыхъ людей «заступиться» за него. Прохоровъ зналъ, что и съ каждымъ изъ его односельчанъ могла бы стрястись такая же бѣда и каждый изъ нихъ заплакалъ бы такъже горько, какъ тотъ бѣднякъ—«ротозѣй»... А то—богатенькій крестьянинъ и бѣднякъ придутъ судиться. Въ сущности оказывается, что оба были пьяны, оба неправы, повздорили и подрались. Но богатый выставляетъ ведро водки и бѣдняка приговариваютъ къ двадцати ударамъ розогъ, причемъ, вмѣсто двадцати, иногда всыплютъ и вдвое болѣе. А противникъ его стоитъ тутъ же и злорадно ухмыляется, слушая, какъ тотъ кричитъ отъ боли источнымъ голосомъ...

Однажды, лѣтъ 15 тому назадъ, бывшій въ то время старшина взъѣлся за что-то на одного крестьянина и сталъ хлопотать о выселеньѣ его въ Сибирь. Что ни говорилъ Прохоровъ,—не могъ ничего подѣлать. И міръ, поддавшись старшинѣ, выселилъ въ Сибирь ни въ чемъ неповиннаго человѣка... Еще — случай. Въ Косичевѣ не взлюбили одну солдатку, мужнюю жену, и стали ее гнать всячески. Послушать—такъ хуже этой бабы не было человѣка на свѣтѣ... Когда же умеръ ея мужъ, бабѣ просто житья не стало: то ее обокрадутъ, то изъ озорства окна вышибутъ въ ея хатѣ, то подъ ея хатку сосѣди начнутъ подрываться—якобы ради того, что имъ для чего-то земля понадобилась, то мальчишекъ на нее науськаютъ и тѣ поднимаютъ свистъ и гагайканье, лишь только покажется она на улицѣ; о праздникѣ какой-то парень привязался къ ней и изорвалъ на ней платье; ни за что, ни про что ворота у нея вымазали дегтемъ, — ну, словомъ, травили бабенку на всѣхъ перекресткахъ, какъ хищнаго звѣря. Злобу перенесли даже на ея маленькую собачку, при каждомъ случаѣ швыряли въ нее палками и грозились задавить ее. Баба, наконецъ, обозлилась, стала огрызаться,—и каша заварилась еще пуще. Бабу стали тягать въ правленье, сажали въ «холодную». Старшина былъ противъ нея заодно съ мужиками за то, что баба отвѣтила отказомъ на его любовныя приставанья... Прохоровъ заступался за нее, усовѣщевалъ своихъ односельцевъ, срамилъ ихъ за то, что всѣ они огуломъ нападаютъ на одну беззащитную женщину, но никакого толку не вышло изъ его заступничества, и баба принуждена была продать свою хатку и переселиться въ сосѣдній уѣздный городъ...

Вотъ въ такихъ-то случаяхъ тоска нападала на Прохорова; тутъ ужъ неправда шла не «со стороны», неправду совершалъ самъ міръ противъ того или другого изъ своихъ мірянъ. Когда міръ шелъ заодно противъ общаго врага, когда онъ сплачивался воедино на доброе дѣло, тогда Андрей Прохоровъ любилъ его беззавѣтно, почиталъ его, какъ истинную силу, и радъ былъ душу свою положить за него. Когда же міръ поѣдомъ ѣлъ своего же брата-мужика, тогда Андрей Прохоровъ возмущался и болѣлъ за него душой... Міръ сплачивался ненадолго, а большею частью не было въ немъ ладу. Прохоровъ зналъ, что міръ можетъ быть силой, но только не при тѣхъ условіяхъ, при какихъ онъ жилъ теперь. Что это за міръ такой, когда всѣ въ немъ роютъ ямы другъ другу! Пострадать и умереть за міръ можно — въ ожиданіи лучшаго будущаго, но жить съ этимъ міромъ заодно — тяжко... Жить съ нимъ заодно, значитъ—страдать, значитъ—постоянно видѣть передъ собой, какъ изо дня въ день съ тупымъ равнодушіемъ люди все крѣпче и крѣпче затягиваютъ петлю на себѣ и на другихъ—безъ думы, безъ сожалѣнья... Что это за міръ такой, когда любой пришлецъ со стороны можетъ переломать въ отдѣльности всѣхъ мірянъ, какъ прутья развязавшагося и разсыпавшагося вѣника!..

Постороннихъ людей, стоявшихъ внѣ міра и лишь соприкасавшихся съ нимъ по раз-

нымъ «дѣламъ», Прохоровъ также цѣнилъ по достоинству. «Это — хищныя птицы!» говорилъ онъ. Темный народъ, весь поглощенный то работой—борьбой изъ-за куска хлѣба,— то взаимной грызней, представляетъ собой для хищныхъ птицъ легкую добычу. Добыча уменьшается съ каждымъ годомъ, но птицы говорятъ себѣ: «Ладно! Съ бѣшеной собаки— хоть шерсти клокъ!»... и спѣшатъ въ перебой, торопятся добирать послѣднія крохи. Онѣ какъ будто боятся, что не сегодня—завтра будетъ уже поздно, что нельзя уже будетъ рвать клочья съ этой добычи. Противны и ненавистны Прохорову эти жадныя птицы, со всѣхъ сторонъ налетающія на деревню, на крестьянскій міръ, но онъ не боится ихъ. Его страшитъ самъ міръ своими неправдами,— міръ, что̀ воспитываетъ и выращиваетъ въ своей средѣ цѣлыя стаи мелкихъ хищниковъ, міръ, глухо стонущій отъ притѣсненій извнѣ и вѣчно грызущійся въ потемкахъ...

— Уйду! Право, уйду! Пусть лучше глазоньки мои не глядятъ на нихъ!—съ отчаяніемъ говорилъ не разъ Прохоровъ своему куму-мельнику.

Много думъ бродило въ головѣ Прохорова... Если бы знать, думалось ему порой, такое вѣщее слово, съ помощью котораго можно было бы просвѣтить людскія головы, сдѣлать людей добрѣе, раскрыть имъ глаза, чтобы они могли *все* видѣть, и соединить всѣ силы на одномъ дѣлѣ!.. Если бы онъ зналъ такое слово, то, конечно, тотчасъ же сказалъ бы его, не убоявшись и «тьмы нападающихъ на него». Онъ сказалъ бы это слово, а тамъ—послѣ — будь съ нимъ, что̀ будетъ,—ему все равно. Днемъ позже, днемъ раньше кормить собою червей,—разсчета не составитъ... Но вѣдь мало того, чтобы сказать это слово на селѣ. Нужно сказать это слово на весь міръ. Какъ тутъ быть? На весь міръ не крикнешь, глотку надорвешь... Самому пойти по всему міру, и во вѣкъ его не пройти... Мудреное дѣло! Андрей Прохоровъ не видѣлъ возможности соединить людей на одномъ благомъ дѣлѣ, чтобы они, забывъ свои мелкія ссоры и распри, какъ добрые кони, дружно потянули возъ въ одну сторону. Не могъ Прохоровъ сказать такого вѣщаго слова, да не могъ, видно, долѣе и смотрѣть на людскія страданія и неправду, и ушелъ...

Мельникъ, конечно, сразу догадался, куда исчезъ Прохоровъ, но не счелъ нужнымъ распространяться объ этомъ. Онъ даже, можетъ быть, зналъ и мѣсто, куда тотъ направилъ свои стопы, но молчалъ.

То обстоятельство,—окончательное устройство домашнихъ дѣлъ,—которое, по мнѣнію косичевцевъ, должно было прикрѣпить Прохорова къ дому,—именно и побудило его привести теперь въ исполненіе давнишнее задушевное желаніе—пожить «по душѣ». Теперь, когда онъ ушелъ въ лѣсъ, Прохоровъ возъимѣлъ болѣе вліянія на народъ. Теперь слова его глубже западали въ душу... Но недолго пришлось Андрею Прохорову пожить на этотъ разъ въ лѣсу, на покоѣ, въ своей новой хаткѣ...

VIII.

Слухи о «старцѣ» дошли до урядника, черезъ урядника — до становаго, отъ становаго—до исправника. Исправникъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ протопопомъ. Протопопъ, услыхавъ объ отшельникѣ, сказалъ исправнику:

— Смотрите, Иванъ Ѳедоровичъ,—это дѣло не ладно! — Какъ бы вамъ хлопотъ не нажить съ этимъ старцемъ... Вѣдь это сектантствомъ пахнетъ. (Протопопъ при этомъ весьма многозначительно приложилъ палецъ къ носу). Зачѣмъ къ нему народъ собирается, о чемъ они толкуютъ тамъ? Видите, они ему ужъ и келью тамъ выстроили и всякіе припасы носятъ ему... А тамъ, глядишь, часовню соорудятъ и пойдетъ — и пойдетъ... А тамъ всякія смуты да волненія, — грѣха не оберешься съ ними... Нынѣ, Иванъ Ѳедоровичъ, сами знаете, какія времена... Смотри въ оба, да и то не усмотришь...

— Надо пресѣчь въ корнѣ!—проговорилъ исправникъ.

Онъ еще недавно получилъ орденъ и теперь чувствовалъ въ себѣ необыкновенное рвеніе...

— И пресѣките!—поддакнулъ ему протопопъ, засучивая, по обыкновенію, рукава своей свѣтло-зеленой рясы.—Что тутъ за приношенія такія? Ежели пришла охота дѣлать приношенія, да лишнія деньги завелись, такъ несите ихъ лучше въ церковь, причтникамъ помогайте!..

Въ одно жаркое іюльское утро въ Косичево прикатилъ становой съ колокольцемъ и съ бубенчиками, а за нимъ на другой тройкѣ слѣдовалъ старшина съ урядникомъ. Напившись у старосты чаю, выпивъ водки и съѣвъ полдюжины яицъ, становой въ сопровожде-

ніи тѣхъ же лицъ, да еще вдобавокъ съ нѣсколькими понятыми — покатилъ въ лѣсъ. Ему было приказано: «старца», скрывающагося въ лѣсу близь Котласа, водворить на прежнее мѣстожительство, всѣ приношенія забрать и передать причту мѣстной приходской церкви, а «келью» уничтожить. Такимъ образомъ оказывалось, что всѣ эти люди—болѣе десятка человѣкъ—безпокоились изъза одного ветхаго «старца».

Звеня и громыхая, понеслись три тройки за околицу по направленію къ лѣсу. У опушки всѣмъ пришлось остановиться, такъ какъ дороги въ лѣсу не полагалось. Нужно было идти пѣшкомъ. Становой ругался, урядникъ хмурился, придерживая свой тесакъ, старшина-толстякъ только отпыхивался. Понятые, какъ люди привычные къ жару и къ холоду, шли молча, съ стоическимъ терпѣніемъ... Даже тропинокъ не было въ лѣсу; приходилось перебираться черезъ пни-колоды, перелѣзать черезъ поваленныя деревья, продираться черезъ высокій, густой кустарникъ. Нѣсколько разъ попадали въ болото и вязли чуть не по колѣна... Удушающій зной стоялъ подъ сѣнью лѣса; вѣтерокъ не подувалъ ни откуда; листъ на деревѣ не шевелился. Становой вспотѣлъ, измучился и усталъ до того, что уже не ругался, а только что-то мычалъ себѣ подъ носъ.

— Да что же, будетъ-ли конецъ?—нетерпѣливо спросилъ онъ слѣдовавшаго за нимъ по пятамъ урядника.

— Скоро, ваше благородіе! Тутъ и есть... —отвѣчалъ тотъ.

— Да ужъ ты мнѣ это не разъ говорилъ, а все конца-краю нѣтъ!—пробурчалъ становой съ досадой.—Этакій у васъ лѣсъ-то кромешный, чортъ знаетъ! Ступить невозможно... Точно тутъ нарочно пенье наворочено! Тфу ты—пропасть!.. (Становой при этомъ споткнулся и едва не клюнулъ носомъ въ траву).

— Тутъ надо посноровнѣе... — замѣтилъ старшина.

— Кой чортъ—«посноровнѣе»... Тутъ рыло себѣ расквасишь!—огрызнулся становой.

— И очень просто... — согласился урядникъ.

Не разъ возбуждался вопросъ: въ томъ-ли направленіи они идутъ, въ какомъ слѣдовало идти,—и понятые на этотъ вопросъ, какъ-то нехотя, бормотали въ отвѣтъ:

— Надо быть такъ... Богъ ё знаетъ! Вишь, вѣдь дороги-то безъ столбовъ!

Становой шопотомъ высказалъ уряднику свое позрѣніе: не стакнулись-ли между собой мужики и не съ умысломъ-ли водятъ ихъ по лѣсу зря. Урядникъ сначала, молча, тряхнулъ головой и пожалъ плечами, а потомъ шепнулъ становому, что едва-ли мужики «осмѣлятся пуститься на такія штуки». Но оба они—становой и урядникъ — были несовсѣмъ спокойны: не смотря ни на форменную одежду, ни на оружіе, они чувствовали себя въ лѣсу совершенно безпомощными...

— Зачѣмъ его чортъ понесъ въ эту трущобу? — допытывался становой, обращаясь къ старшинѣ.

— Это вы насчетъ Прохорова?—отозвался тотъ.—Да такъ... безпокойный былъ человѣкъ! Не захотѣлъ жить, какъ всѣ... вотъ и ушелъ! Надо думать: просто дурь на себя напустилъ...

Нѣсколько разъ садились отдыхать то на сухой пень, то на какую-нибудь мшистую колоду. Становой закуривалъ папиросу, чтобы отбиться отъ комаровъ и мошекъ, и усиленно обмахивался фуражкой. Старшина окончательно сомлѣлъ отъ жары и все жаловался, что негдѣ покупаться.

— Такъ бы, кажись, и раздѣлся догола! —говорилъ онъ.

— Въ чемъ же дѣло!—подшучивалъ урядникъ.—Разболакайся! Вѣдь бабъ нѣту...

— Да что бабы,—наплевать!.. мошкары-то здѣсь много больно! Такъ тѣ нажгутъ, что—ой-ой-ой...

Тихо было въ лѣсу; только слышалось немолчное жужжанье насѣкомыхъ, да кое-гдѣ пѣнье птичекъ въ густыхъ зарослях. Таинственный шорохъ расходился по чащѣ, словно вѣковыя деревья переговаривались между собою о томъ: «что, молъ, понадобилось подъ нашею сѣнью этимъ пришельцамъ? для чего они нарушаютъ торжественное безмолвіе нашихъ зеленыхъ сумерекъ своими пустыми рѣчами?»... Картины лѣса разнообразились на каждомъ шагу. Мѣстами дерево, выкорчеванное съ корнями бурей, таращилось, какъ какое-нибудь сказочное чудовище; мѣстами на зеленомъ фонѣ мрачно рисовалась обожженная сосна или ель; мѣстами посреди чащи лѣса являлся оврагъ, и деревья, росшія на днѣ его, казались сверху маленькими деревцами...

Наступалъ вечеръ, а зной еще не спадалъ. Глухіе раскаты грома доносились издалека. Должно быть, собиралась гроза... Неба

нельзя было видѣть, только небольшіе клочки его сквозили тамъ и сямъ изъ-за зеленаго навѣса листвы и хвои.

IX.

Путники порядочно умаялись, когда, наконецъ, вышли на прогалину и очутились передъ избушкой. Это лѣсное жилище сильно смахивало на сказочную избушку на курьихъ ножкахъ.

— Это и есть?—съ чувствомъ облегченія спросилъ становой, указывая рукой на хатку.

— Точно такъ, ваше благородіе!—отозвался урядникъ и, по приказу становаго, прямо направился къ двери избушки.

Не успѣлъ онъ дойти до нея, какъ дверь отворилась и изъ нея показался Андрей Прохоровъ, нашъ Косичевскій патріархъ, въ бѣлой, холщевой рубахѣ съ разстегнутымъ воротомъ, въ бѣлыхъ портахъ, босой, безъ шапки. Серебристые волосы оттѣняли его загорѣлое лицо, а длинная борода спускалась на грудь.

— Почтò пожаловали, други милые?—спросилъ старикъ, спокойно и кротко посмотрѣвъ на пришедшихъ

— А вотъ слѣдовало бы тебя, стараго дурака, въ Соловецкій монастырь запрятать!—заворчалъ становой, усаживаясь на валявшееся тутъ бревно.

Полицейскій чиновникъ былъ не на шутку раздосадованъ и утомленъ странствованіемъ по лѣснымъ трущобамъ. Давно ужъ норовилъ онъ, по привычкѣ, сорвать на комъ нибудь сердце. Теперь для ругани представлялся самый, такъ сказать, законный случай, но въ эту минуту старшина, наклонившись, шепнулъ что-то ему на ухо... Становой нахмурился и искоса поглядѣлъ на понятыхъ. А тѣ въ свою очередь, молча, серьезно смотрѣли на него въ упоръ, какъ бы ожидая, что̀ будетъ далѣе.

— И въ Соловецкомъ монастырѣ люди живутъ... Только за что же меня, баринъ, «запрятывать-то»?—спросилъ Прохоровъ, дѣлая замѣтное удареніе на послѣднемъ словѣ.

Онъ стоялъ, опершись о притолоку двери, и попрежнему спокойно и невозмутимо смотрѣлъ на становаго. Тотъ, молча, переглянулся съ урядникомъ и старшиной, какъ бы негласно совѣтуясь съ ними.

— Вотъ такіе-то вольнодумцы все и мутятъ народъ!—проговорилъ становой, хмуря брови и какъ бы не обращаясь ни къ кому въ особенности. (Прежней рѣшительности и воинственности въ немъ уже не замѣчалось).

— Я не смущаю народъ...—твердо проговорилъ Прохоровъ, не сводя пристальнаго взгляда со становаго.

— Молчи, молчи, старикъ! Чего ты это...—заговорилъ урядникъ, являясь на подмогу начальству.

— Почтò, Прохоровъ, изъ дому-то утёкъ?—ласковымъ тономъ спросилъ старшина.

— Здѣсь лучше!—просто отвѣтилъ ему старикъ.

— Мало-ли чего! Да развѣ это порядокъ?—затараторилъ старшина.—Что жъ это будетъ, ежели всѣ этакъ по лѣсамъ разбѣгутся! Кто жъ станетъ подати платить да повинности отбывать?..

— Всѣ по лѣсамъ не разбѣгутся. Вотъ ты, первый, въ лѣсъ не побѣжишь...—съ улыбкой проговорилъ Андрей Прохоровъ.—А повинности... Я ужъ пятьдесятъ лѣтъ отбывалъ ихъ. Трое сыновей у меня—работники, на ноги поставлены. Мои счеты съ вами кончены...

— Да все-таки... нѣшто это въ законѣ—по лѣсамъ-то жить!—возражалъ старшина.

— Ой, родной!—жалостливо перебилъ его старикъ.—Не намъ о законѣ-то говорить, да не намъ бы и слушать о немъ... Вотъ что!

— А для чего народъ-то къ себѣ собираешь?—опять вмѣшался урядникъ.

— Не собираю,—народъ самъ идетъ ко мнѣ!—отвѣчалъ Прохоровъ.—А добрыхъ людей я отъ себя не гоню!

— Ну, такъ вотъ...—размѣреннымъ, отчетливымъ тономъ говорилъ становой.—Приказано избу твою уничтожить, тебя самого водворить на прежнее мѣстожительство, а приношенья, какія у тебя окажутся, передать причетникамъ. Слышалъ?.. Доходъ только у церкви отбиваешь!.. Показывай теперь: какія у тебя приношенья!

— Приношенья!... А вотъ пожалуйте—возьмите, голубчики!—сказалъ старикъ, указывая на сѣнцы. Немного у меня приношеній... берите, коли надо!

Урядникъ, по приказанію становаго, тотчасъ же вошелъ въ полутемныя сѣнцы и, погодя немного, заявилъ, что нашелъ мѣшочекъ сухарей, вѣсомъ около полупуда, столько же овсяной крупы, да пятокъ яицъ. Всѣ эти убогія приношенья немедленно вынесли изъ сѣнецъ и, какъ трофеи, разложили на прогалинѣ.

*

— И только?—не безъ удивленія спросилъ становой, выразительно приподнявъ брови.

— Такъ точно, ваше благородіе! — отозвался урядникъ.

— Гм! Странно...—проворчалъ становой, въ недоумѣніи переглянувшись со старшиной.

— Да! Не велико богатство... позариться не на что!—промолвилъ тотъ, усмѣхнувшись.

Очевидно, власти разсчитывали найти въ «кельѣ» чуть не цѣлый кладъ и ошиблись...

— Ну, ладно!—Выноси теперь свое добро,—да живѣе! — Копаться намъ некогда...—крикнулъ Прохорову становой, посмотрѣвъ на свои карманные часы.

Часовая стрѣлка уже показывала VII.

Прохоровъ, не говоря ни слова, вынесъ изъ хаты книгу въ старинномъ порыжѣвшемъ переплетѣ, надѣлъ шапку, сапоги, набросилъ на плечи армякъ, а одинъ изъ понятыхъ взялся нести его овчинный тулупъ.

— Что за книга? Покажи! — обратился становой къ Прохорову.

Тотъ, молча, подалъ ему книгу. Оказалось—евангеліе. Становой слегка перелистовалъ его и отдалъ Прохорову.

— Все вынесъ? Больше ничего нѣтъ?—спросилъ становой.

— Нѣтъ ничего!—сказалъ старикъ.

— Теперь запалимъ келью!—началъ становой.—Поторапливаться надо...

— За что этакъ, братцы!.. Кому же я помѣшалъ-то здѣсь?—горячо заговорилъ старикъ.

— Да и то...—проговорилъ одинъ изъ понятыхъ.—Вѣдь онъ — не убивецъ, не воръ-грабитель... Что ужъ его оченно...

— Молчи, молчи ты!—съ угрожающимъ видомъ крикнулъ урядникъ, потряхивая своимъ тесакомъ.

Становой, съ явнымъ безпокойствомъ, изподтишка осматривался по сторонамъ. Понятые переговаривались о чемъ-то между собой и тоже, повидимому, волновались. Старшина откряхнулся, всталъ съ бревна и поспѣшилъ на выручку.

— Сказано вѣдь тебѣ, Прохоровъ, что въ народѣ смуту производишь... Какъ это ты, братецъ, странно говоришь!..—съ ласковымъ видомъ замѣтилъ старшина, подходя къ Прохорову.

— Это точно, что никакой смуты отъ него нѣтъ...—опять заворчалъ кто-то изъ понятыхъ.

— Экій народъ-то... а?.. Дерево!—выразительно промолвилъ старшина, хлопнувъ себя по бокамъ и какъ бы въ величайшемъ удивленіи посмотрѣвъ на мужиковъ.

— Не ваше дѣло разсуждать!—прикрикнулъ становой, пріосаниваясь, и въ свою очередь поднялся съ бревна и присоединился къ старшинѣ. Не для того васъ сюда взяли... Вы что тутъ за командиры, а?

— Воля ваша... А старикъ онъ смиреный!—говорили понятые.

Въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ, власти вполголоса совѣщались между собой, послѣ чего становой вдругъ выступилъ впередъ.

— Поджигай, ребята! живо! — скомандовалъ онъ, обращаясь къ понятымъ и указывая на хату.

Но тутъ, къ сожалѣнію, встрѣтилось непредвидѣнное препятствіе: ни у кого изъ понятыхъ не оказывалось съ собой спичекъ.

— Ну, что жъ?—нетерпѣливо крикнулъ становой.

— Спичекъ, говорятъ, нѣтъ, ваше благородіе!—доложилъ урядникъ.

— Что-о-о? Спичекъ нѣтъ! А!—огрызнулся становой.—Нѣтъ! У васъ есть спички... А это только одно ваше медвѣжье упрямство!.. Всѣ заодно... У-у, дубье!

Становой былъ взбѣшенъ. Онъ даже слегка поблѣднѣлъ, чувствуя, что понятые, молча, нанесли ему оскорбленіе своимъ пассивнымъ сопротивленіемъ, и въ то же время тревожась въ глубинѣ души: какъ бы не увлечься и не озлобить мужиковъ. Съ одной стороны, «долгъ службы» и личное раздраженіе побуждали его «распорядиться» по-простому, по военному, и тѣмъ проучить упрямцевъ; съ другой стороны, въ голову лѣзли непріятныя воспоминанія о «потерпѣвшихъ» чиновникахъ... Дрожащими руками принялся онъ отмыкать свою дорожную сумку и сталъ искать спичекъ. Понятые стояли, молча, крѣпко стиснувъ губы и серьезно посматривая на новую избушку, приговоренную къ сожженію. Своею безучастною позой они какъ будто хотѣли сказать: дѣлайте, что хотите,—мы вамъ не помощники! Хоть мы и стоимъ здѣсь по службѣ, но ничего вѣдать-не вѣдаемъ!.. Становой рѣшился оставить ихъ въ покоѣ.

Онъ самъ чиркнулъ разомъ нѣсколько спичекъ и ткнулъ ихъ въ соломенную крышу избушки. Солома вспыхнула, какъ порохъ. Синій дымокъ взвился и побѣжалъ по стрехѣ. Гарью запахло въ воздухѣ... Прохоровъ съ грустью посмотрѣлъ на свою загорѣвшуюся избушку, построенную для него усердіемъ

добрыхъ людей, взглянулъ еще разъ и махнулъ рукой.

Скоро затрещало пламя, пробираясь по смолистому дереву, и черезъ нѣсколько минутъ вся хата была уже въ огнѣ. Вершины ближайшихъ деревьевъ зашумѣли отъ усиленной тяги воздуха; вмѣстѣ съ густыми клубами дыма, дождь искръ полетѣлъ къ небу. Въ вечернемъ воздухѣ, еще недавно такомъ чистомъ и ароматномъ, понесло смрадомъ и копотью... Тѣни сгушались въ лѣсу.

Вдругъ Прохоровъ выпрямился,—сермяга его спустилась съ плечъ, онъ поднялъ руку... Старикъ стоялъ, весь облитый краснымъ отблескомъ пожарища, и въ ту минуту походилъ на грознаго заклинателя. Его сѣдая борода слегка раздувалась отъ вѣтра; глаза пристально, настойчиво смотрѣли въ темнѣвшую даль. Онъ заговорилъ громко, твердо, словно отчеканивая каждое слово:

—«Горе вамъ, творящимъ насилія...» Такъ сказано въ священномъ писаніи, братія...

— Чего ты проповѣдывать-то выдумалъ!..

—Молчи, молчи, старикъ!—въ одинъ голосъ напустились на него старшина и урядникъ.

—Полно, полно, Прохоровъ...

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

1883 г.

Черезъ часъ уже догорали послѣднія нижнія бревна избушки. Старшина съ урядникомъ раскатывали и тушили тлѣвшія головни, заваливая ихъ сырой землей. Оставалось одно догоравшее пожарище, и на немъ черною тѣнью поднималась уцѣлѣвшая печь посреди груды угольевъ и пепла. Когда раскатывали послѣднія бревна, старшина съ усмѣшкой замѣтилъ:

— Вотъ, Прохоровъ, и дворецъ твой догорѣлъ... Ступай-ка теперь на Косичево, да живи себѣ съ Богомъ!...

Прохоровъ промолчалъ, молчалъ всю дорогу вплоть до Косичева...

Итакъ совершилось... «Келья» была сожжена.

Сухари, овсяная крупа и пятокъ печеныхъ яицъ въ точности были переданы на другое утро церковникамъ.

Андрей Прохоровъ былъ «водворенъ»... Впрочемъ, пожилъ онъ у насъ въ Косичевѣ недолго, недѣли двѣ-три, а послѣ того опять скрылся,—съ тѣхъ поръ его уже нигдѣ не видали, а, можетъ быть, и видѣли, да не говорятъ... Надо думать, что теперь окончательно «пропалъ человѣкъ», и на прежнее мѣстожительство его уже болѣе никогда «не водворятъ»...

НА БОЛЬШОЙ ДОРОГѢ.

РАЗСКАЗЪ.

I.

Деревня Васютино стоитъ на большой, почтовой дорогѣ. Эта дорога называется Архангельскою, или «Архангельскимъ трактомъ», потому что по ней можно проѣхать въ Архангельскую губернію. Она и теперь еще—проѣзжая: въ нашихъ сторонахъ чугунки нѣтъ, да и пароходы еще не дымятъ по нашимъ лѣснымъ рѣкамъ,—по нимъ лишь въ половодье весною плывутъ плоты-бревенъ и дровъ. Наша «большая дорога», передъ пріѣздомъ въ наши дремучіе края императора Александра I-го, была расширена и украшена: по обѣимъ сторонамъ ея насыпали возвышенія и усадили ихъ въ два ряда березами,—такъ что вся дорога на тысячеверстномъ разстояніи сдѣлалась похожа на бульваръ. Дорога то идетъ прямо, какъ стрѣла, то поворачиваетъ въ сторону и вьется зигзагами, тянется по полямъ, по лугамъ, пролегаетъ по лѣснымъ трущобамъ и болотинамъ, перебирается черезъ горы, проходитъ по городамъ, по деревнямъ и селамъ, мимо сельскихъ церквей и низенькихъ старыхъ часовень, мимо глухихъ починковъ и лѣсныхъ одинокихъ истопокъ... Нынѣ, мѣстами, деревьевъ уже не стало: одни изъ нихъ погибли отъ старости, другія пали жертвой свирѣпыхъ бурь — были сломлены

вѣтромъ или разбиты молніей; отъ иныхъ остались одни пни, а мѣстами даже и не знать: гдѣ были деревья.

Въ давніе годы много думъ возбуждала въ моей дѣтской головѣ эта «большая дорога»... Круглый годъ много всякаго народа проходило и проѣзжало по ней.

Сгорбившись, брели по ней богомольцы съ кошолками на спинѣ; тащились нищіе и убогіе, божіи страннички съ темными загорѣлыми лицами и съ длинными посохами въ исхудалыхъ, костлявыхъ рукахъ; плелись всякіе калѣки и юродивые. Иногда, подъ руку съ провожатымъ проходилъ какой-нибудь слѣпой съ полузакрытыми или странно-вытаращенными глазами. И въ ту пору, какъ вожатый безцѣльно, разсѣянно, со скучающей миной посматривалъ по сторонамъ, слѣпецъ своими безцвѣтными, тусклыми очами, казалось, напряженно заглядывалъ въ туманную даль, куда медленно шагъ за шагомъ и подвигался со своимъ товарищемъ. То проходилъ безрукій, жалобно выкрикивая по деревнямъ и подъ окнами постоялыхъ дворовъ: «Подайте, Христа ради, православные, безрукому—немощному!»... Однажды проходилъ нѣмой, мыча страшнымъ, нечеловѣческимъ голосомъ и выразительно протягивая руку ко всякому встрѣчному. Проползалъ безногій, усердно работая локтями и колѣнами, весь обливаясь потомъ и пресмыкаясь въ пыли. И весь этотъ людъ, проходившій мимо меня по «большой дорогѣ», странный и жалкій людъ, едва прикрытый грязными, рваными лохмотьями, съ босыми, до крови наколотыми ногами, — не однажды заставлялъ меня въ дѣтствѣ горько плакать. Мнѣ было жаль этихъ несчастныхъ странниковъ и я желалъ бы дать имъ пріютъ...

Иногда проходили по дорогѣ кучки солдатъ, возвращавшихся по домамъ; порою проѣзжали новобранцы,—и въ то время, какъ провожавшія ихъ бабы хныкали и утирали покраснѣвшіе отъ слезъ глаза, молодые рекруты, буйно заломивъ шапки на-бекрень, съ напускнымъ весельемъ горланили пѣсни—громко и несвязно. Иногда проходили арестанты—худые, бритые, уныло позвякивая цѣпями, а за ними штыки ярко поблескивали на ружьяхъ конвойныхъ, шедшихъ мѣрною поступью. «Несчастненькимъ» на Васютинѣ всякій подавалъ, что могъ.

Нерѣдко тянулись по дорогѣ длинные обозы, поскрипывая колесами,—и тогда въ воздухѣ сильно припахивало дегтемъ. Иногда проходилъ цыганскій таборъ, пробираясь на кочевья... На большихъ телѣгахъ везли сложенныя бѣлыя палатки, короба съ какимъ-то тряпьемъ, и изъ нихъ выглядывали темноволосыя, курчавыя головы ребятишекъ; по сторонамъ шли или ѣхали верхомъ цыгане; шли смуглолицыя женщины съ красными, рваными шалями на смуглыхъ плечахъ, — сухіе, черные волосы прядями выбивались изъ-подъ небрежно повязанныхъ платковъ и острые, проницательные глаза свѣтились ярко, какъ угольки, изъ-подъ черныхъ нависшихъ бровей и зорко взглядывали по сторонамъ. За телѣгами слѣдомъ шли поджарыя собаки, уныло поджавъ хвостъ и низко понуривъ голову. Объ этихъ кочевникахъ у насъ шла дурная слава. Говорили, что цыгане мошенничаютъ, обмѣнивая хорошихъ лошадей на своихъ жалкихъ клячъ: для этого они, будтобы, предварительно подбодряютъ ихъ нещадными ударами кнута,—такъ что самое смиренное животное, разбитое на всѣ четыре ноги, вдругъ дѣлается звѣрь-звѣремъ, и ловкій цыганъ выдѣлываетъ на немъ передъ покупателемъ такіе отчаянные курбеты, что всѣ только ахаютъ отъ удивленія. Про цыганокъ говорили, что онѣ, подъ предлогомъ ворожбы и гаданій, втираются въ дома къ добрымъ людямъ и крадутъ куръ, яйца, холстъ, одежу и вообще всякій домашній скарбъ, плохо лежащій. Даже о цыганскихъ собакахъ разсказывали, что онѣ пріучены давить овецъ и телятъ...

Каждую недѣлю два раза, взадъ и впередъ по дорогѣ, проносилась «почта» на тройкѣ добрыхъ коней, поднимая за собой облака сѣрой пыли; колокольчикъ звенѣлъ, заливался подъ дугой, бубенчики громко звякали и шуршали на шеѣ пристяжныхъ; ямщикъ съ блестящей бляхой на шапкѣ лихо покрикивалъ и крутилъ арапникомъ, а на телѣгѣ, на тюкахъ, покрытыхъ кожей и перевязанныхъ веревками, сидѣлъ, примостившись бокомъ, почтальонъ — усталый, измученный, полусонный, — и, при каждомъ толчкѣ, его форменная фуражка, казалось, готова была слетѣть съ его головы, качавшейся изъ стороны въ сторону, а старый, заржавленный пистолетъ чуть не выскакивалъ у него изъза пояса... Иногда проѣзжали бары, чиновники, купцы. Въ годъ или въ два года разъ, въ каретѣ шестерней, цугомъ, провозили губернатора и архіерея. При этомъ ямщикамъ

бывало не мало хлопотъ: крестьянскія лошади, не привыкшія къ такой парадной ѣздѣ, поминутно сбивались, путались въ постромкахъ; ямщикъ кричалъ и трещалъ своимъ длиннымъ арапникомъ, а паренекъ, скакавшій форейторомъ, чуть не ревѣлъ—ревмя... Въ прежніе годы, придорожнымъ бульваромъ иногда проводили медвѣдя, и Мишка тяжело переваливался, идя на цѣпи за своимъ повожатаемъ. Какъ-то уже давно, лѣтъ 30 тому назадъ, по «большой дорогѣ» однажды провели даже одногорбаго верблюда, и это животное—невиданное и неслыханное въ нашей сторонѣ—произвело у насъ, на Васютинѣ, страшный переполохъ и повергло въ ужасъ одну выжившую изъ ума старуху, принявшую его, кажется, за апокалипсическаго звѣря. Толпа народа шла вплоть до постоялаго двора, гдѣ верблюдъ останавливался на ночевку...

На протяженіи версты отъ деревни дорога извивалась широкой, пыльной лентой, осѣненной по сторонамъ зеленью кудрявыхъ березъ, затѣмъ круто поворачивала на западъ, а тамъ, еще далѣе, пролегала черезъ кустарникъ и, наконецъ, уходила въ лѣсъ.

Въ дѣтствѣ, для меня въ «большой дорогѣ» заключалась особенная прелесть, полная таинственности и очарованій. Туманная даль, въ которой пропадала дорога, какою-то невидимою силой привлекала меня, неотступно манила, звала къ себѣ... Лѣтнимъ вечеромъ, бывало, я любилъ сиживать при дорогѣ, прислонившись спиной къ бѣлоствольной березонькѣ, и смотрѣть на эту пыльную дорогу, по которой проѣзжало и проходило куда-то столько народа. И карета, тихо покачивавшаяся на своихъ рессорахъ, и лихая почтовая тройка, и арестанты въ сѣрыхъ халатахъ, и странники, и убогіе—всѣ направлялись по этой дорогѣ и скрывались въ синевато-сѣрой дали. Куда, зачѣмъ шли и ѣхали всѣ эти люди? Куда они спѣшили? Кто ихъ ожидалъ *тамъ?* И я невольно засматривался въ ту сторону, куда уходила дорога и гдѣ солнце по вечерамъ западало за лѣсистый край земли, надолго оставляя послѣ себя на небѣ яркій отсвѣтъ. И подолгу задумчиво смотрѣлъ я въ эту сіяющую даль, и смутныя думы, смутные образы проносились въ моей дѣтской головѣ... Мнѣ хотѣлось самому пойти по этой дорогѣ, усаженной березами, пойти далеко — далеко вмѣстѣ со всѣмъ людомъ, проходившимъ по ней. Мнѣ хотѣлось дойти до конца ея и посмотрѣть: что тамъ есть? Какіе люди тамъ живутъ и какъ живутъ?..

Дорога, вѣдь, уходила туда, куда заходило и солнце; дорога скрывалась въ золотисто-розовой дали... И мнѣ невольно думалось, что тамъ, куда она уходитъ, должно быть очень хорошо, свѣтло и радостно. Когда у насъ на Васютинѣ уже почти наступала ночь, *тамъ* все еще горѣла заря и долго-долго свѣтилась она *тамъ* послѣ того, какъ надъ нашими полями и болотами спускались полупрозрачныя, синеватыя тѣни лѣтней ночи. Когда яркая полоса на западѣ потухала, вмѣсто нея надъ темнымъ лѣсомъ еще долго мерцалъ нѣжный, розовый свѣтъ. Зубчатыя вершины еловыхъ лѣсовъ, подернутыхъ синеватою тѣнью, рѣзко обрисовывались на ясномъ небѣ. Въ вышинѣ проступали звѣзды, тихо мерцавшія блѣдным, серебристымъ свѣтомъ. Отъ свѣсившихся надо мной зеленыхъ вѣтвей вѣяло вечернею прохладой... Болото, лежавшее прямо противъ меня по ту сторону дороги, поросшее ивой, низкимъ верескомъ и можжевеломъ, утопало въ ночномъ сумракѣ, а на болѣе низкихъ мѣстахъ и вдоль рѣчки, извивавшейся по болоту между кустами ивъ и ольхи, полосами стлался бѣлесоватый туманъ.

Давно уже прогнали домой деревенское стадо; трескъ бича уже замолкъ... А я все еще сидѣлъ подъ березой и, не то засыпая, не то бодрствуя, смотрѣлъ на пыльную дорогу, сѣрою лентой извивавшуюся передо мной и пропадавшую въ сумракѣ наступившей лѣтней ночи. Какъ будто сквозь сонъ, слышалъ я доносившійся издали глухой лай деревенскихъ собакъ, видѣлъ тройку «обратныхъ» почтовыхъ лошадей, шагомъ возвращавшихся домой, видѣлъ ямщика, развалившагося въ телѣгѣ на охапкѣ зеленаго сѣна и напѣвавшаго пѣсенку. Я слышалъ лѣнивое позвякиваніе колокольчика, шуршанье бубенчиковъ, —и до меня доносились все одни и тѣ же унылыя слова:

«Сторона-ль моя сторонушка,
Сторона-ль моя родимая»...

II.

Середи Васютина есть небольшая площадка, а на ней стоитъ небольшая часовня. Крестъ и куполъ часовни покрыты бѣлою, блестящею жестью, а кровля ея, стѣны и деревянная рѣшетка вокругъ—ярко расписаны зеленою, синею и красною краской. У дверей сбоку

прибита зеленая кружка для сбора пожертвованій. Эта ярко-расписанная часовенька невольно бросается въ глаза и цвѣтистымъ пятномъ рѣзко отдѣляется на сѣромъ фонѣ окружающихъ ее крестьянскихъ избъ. Въ часовнѣ стоятъ три потемнѣвшіе образа и передъ ними виситъ большая мѣдная лампада на заржавленной желѣзной цѣпочкѣ. Въ часовнѣ постоянно—сумерки. Только два раза въ годъ убогая внутренность ея ярко освѣщается лампадой и десятками восковыхъ свѣчей; наканунѣ Ильина дня, 19-го іюля, въ ней служитъ всенощную приходскій священникъ, и въ самый Ильинъ день служится молебенъ. Въ Ильинъ день Васютино гуляетъ... Еще за недѣлю до праздника начинаются сборы, варятъ пиво, закупаютъ водку, моютъ и чистятъ избы. Три дня гуляетъ Васютино... Многіе изъ нынѣ живущихъ васютинцевъ уже забыли, а иные и вовсе не знаютъ: по какому случаю выстроена ихъ часовня и почему такъ торжественно «справляютъ» они Ильинъ день...

Лѣтъ 50 тому назадъ, страшная гроза разразилась надъ Васютинымъ въ Ильинъ день. Такой бури не запомнили самые древніе старожилы. Середи бѣлаго дня стало темно, какъ ночью: вихрь вырывалъ деревья съ корнемъ, сносилъ кровли, разрушалъ сараи и риги; градомъ выбило до тла не только хлѣбъ, но даже траву на лугахъ; вода въ рѣкѣ замутилась и подъ напорами вихря плескалась далеко на берегъ. Молніи бороздили небо, и испуганнымъ людямъ казалось, что небо, все полыхавшее огнемъ, раскрывалось надъ ними; какой-то зловѣщій, багровый свѣтъ обдавалъ деревню, поля, луга и лѣса кругомъ нея. Нѣсколько человѣкъ было убито молніей, многіе были оглушены... Люди метались, какъ угорѣлые, туда и сюда; то заберутся въ избу, спасаясь отъ града, то изъ опасенья быть раздавленными въ домахъ бѣгутъ на улицу. Думали: наступилъ конецъ свѣту... Вотъ послѣ этого-то погрома васютинцы и рѣшили выстроить часовню, поставить въ ней образъ Ильи Пророка и въ молитвѣ проводить 20-ое іюля. Страшный погромъ понемногу забывался и Ильинъ день мало-по-малу превратился въ обыкновенный пивной праздникъ, и едва-ли найдутся теперь двое-трое изъ васютинцевъ, которые вспомнили бы въ этотъ день объ ужасахъ, пережитыхъ ихъ отцами полвѣка тому назадъ.

На площадкѣ передъ часовней, въ праздничные дни, любитъ собираться народъ; старики садятся на ступени часовни, а ребятишки возятся середи улицы. Площадка служила сборнымъ мѣстомъ для васютинцевъ еще болѣе потому, что тутъ же наискось противъ часовни находились: почтовая станція и при ней контора для пріема и выдачи писемъ.

Старый, низенькій, посѣрѣвшій домъ очень неказистъ на видъ, и только стоящій у крыльца полосатый верстовой столбъ, слегка наклонившійся, указываетъ на то, что это—не простая крестьянская изба, а «почтовая васютинская станція». Такая надпись значится черными буквами на бѣлой вывѣскѣ надъ входомъ, но зимній снѣгъ и осенніе дожди смыли на половину буквы и теперь ихъ можно скорѣе угадывать, нежели читать... Зеленовато-желтымъ мохомъ опушаются края ветхой станціонной крыши. Нѣкоторыя стекла въ окнахъ расцвѣчаются всѣми радужными оттѣнками. Крыльцо осѣло, опустилось, и колонны, поддерживающія крылечный навѣсъ, сильно покосились: не нужно было Голіафа для того, чтобы повалить ихъ и разрушить все станціонное крыльцо. Отъ помоста, выложеннаго нѣкогда передъ станціоннымъ домомъ, уцѣлѣли лишь воспоминанія да нѣсколько полусгнившихъ жердей. У крыльца же, по другую его сторону, стоитъ фонарный столбъ, выкрашенный въ зеленую краску,—нововведеніе позднѣйшаго времени. Тутъ же рядомъ со станціей находится большой навѣсъ; подъ нимъ стоятъ почтовые тарантасы оглоблями вверхъ, сани всякихъ сортовъ, валяются дуги и кое-какая сбруя, стоятъ лагунки съ дегтемъ и тамъ и сямъ разбросаны охапки сѣна и соломы. По ночамъ куры спятъ на тарантасахъ, вмѣсто нашестей; сюда же порой заходятъ овцы и телята попользоваться сѣномъ или спасаясь отъ непогоды. Близь навѣса — колодезь и при немъ колода для пойла лошадей.

Васютинцы любятъ по вечерамъ усаживаться у станціоннаго крыльца на лавочку и гуторить о своихъ деревенскихъ дѣлахъ. Здѣсь же отъ прибывающихъ ямщиковъ узнаются всякія новости и затѣмъ разносятся по околотку.

Съ дѣтства знакомъ я съ этимъ станціоннымъ домикомъ,—и, словно, теперь вижу его передъ собой. Узкій коридоръ дѣлилъ его на двѣ части: дверь направо — ничѣмъ не обитая—вела въ избу, въ помѣщеніе смотрителя; другая дверь налѣво—обитая войлокомъ

и клеенкой—вела собственно на «станцію», въ комнаты для проѣзжающихъ. Отъ маленькой передней была отгорожена часть подъ контору, или «конторку», какъ называли ее ямщики.

Эта каморка глядѣла сумрачно, потому что ея единственное окно выходило подъ навѣсъ. У окна стоялъ столъ, покрытый черною клеенкой и уставленный письменными принадлежностями самаго скромнаго вида. Линейка, закапанная чернилами, три гусиныя пера, перочинный ножикъ и огрызокъ карандаша лежали на суконкѣ передъ чернилицей и песочницей. На столѣ всегда въ величайшемъ порядкѣ содержались книги для записи отпускаемыхъ лошадей, а справа, подъ клеенкой, внимательный наблюдатель могъ легко ощупать рукой знаменитую «жалобную книгу». На страницы этой ужасной книги проѣзжающіе обыкновенно изливали свою ярость и негодованіе на станціонные безпорядки... На стѣнѣ, надъ письменнымъ столомъ, висѣлъ засиженный мухами «Вѣчный Календарь», а неподалеку отъ него помѣщались счеты. Передъ столомъ стоялъ стулъ съ плетенымъ сидѣньемъ, довольно порваннымъ и опустившимся. За стуломъ находился большой темный сундукъ, окованный желѣзомъ. На днѣ этого сундука хранилось казенное станціонное имущество: нѣсколько дестей писчей бумаги, станціонныя книги и тетрадь для всякихъ записей, пачка штемпельныхъ конвертовъ различныхъ форматовъ, стклянки съ чернилами, палочки сургуча, печать, кусочки, воска, веревки, клубокъ сѣрыхъ нитокъ, обрывки холста и т. д. Тутъ же хранились и письма, еще не взятыя изъ конторы. Все это лежало въ порядкѣ, акуратно разложенное по своимъ мѣстамъ. Сундукъ запирался большимъ висячимъ замкомъ... Въ «конторкѣ» всегда припахивало сургучемъ, кожаными переплетами книгъ, сѣрою бумагою; отдавало сыростью...

Для проѣзжающихъ предназначались двѣ комнаты: одна — прямо изъ передней — довольно большая, въ два окна, а другая, поменьше, въ одно окно и съ длиннымъ жесткимъ диваномъ, обитымъ черною клеенкой. Объ эти комнаты содержались въ чистотѣ и опрятности. Посерединѣ большой комнаты проходилъ половикъ — нѣчто въ родѣ самодѣльнаго ковра. У стѣны стоялъ диванъ, а передъ нимъ круглый столъ, накрытый зеленою клеенкой. Надъ диваномъ висѣлъ портретъ Царя. Въ простѣнкѣ между двухъ оконъ помѣщалось зеркало,—«зеркало съ сюрпризомъ», какъ называли его проѣзжающіе за то, что лица ихъ въ этомъ зеркалѣ казались крупнѣе и полнѣе, чѣмъ были въ дѣйствительности. Подъ зеркаломъ стоялъ другой столъ, также накрытый клеенкой, а на немъ обыкновенно помѣщались графинъ съ водой, стаканъ, и на маленькомъ подносѣ лежали щипцы. Въ другомъ простѣнкѣ красовалась старинная гравюра, изображавшая видъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря. Задняя стѣна была увѣшана почтовыми росписаніями, извлеченіями изъ почтовыхъ правилъ и различными циркулярами, подписанными «директоромъ почтоваго департамента». Окна въ этой комнатѣ были всегда чисты, а крашеный полъ блестѣлъ и лоснился.

Проѣзжающихъ встрѣчалъ здѣсь сѣрый котъ съ чрезвычайно умной, серьезной и задумчивой физіономіей. Онъ или терся, ласкаясь, у ногъ проѣзжающихъ, самымъ довѣрчивымъ и дружелюбнымъ образомъ выгибая спину и поднимая хвостъ, или же сидѣлъ, прикорнувъ на подоконникѣ и поджавъ подъ себя всѣ четыре лапы, и тихо мурлыкалъ свою безконечную пѣсенку. Путники, разсерженные чѣмъ-нибудь въ дорогѣ, въ отвѣтъ на ласки, жестоко пинали бѣднаго кота, потому что были сильнѣе его и чувствовали себя вправѣ поступать жестоко, а если бывали въ духѣ,—кормили сѣрку кусочками бѣлаго хлѣба и гладили его по мягкой, пушистой спинѣ.

Осенью, когда бывалъ особенно большой разгонъ лошадей, проѣзжающимъ нерѣдко приходилось подолгу сидѣть на станціи. Скучая, смотрѣли они въ окна на грязную деревенскую улицу и на проходившихъ бабъ и мужиковъ, мѣсившихъ ногами жидкую грязь. И ходили они отъ окна къ окну, проклиная дороги, проклиная станцію и смотрителя, не дававшаго имъ лошадей; громко позѣвывая, читали циркуляры, почтовыя объявленія, и съ горя приказывали подавать самоваръ. Весело и бойко кипящій самоваръ разгонялъ немного ихъ хандру, и тусклыя лица ихъ мало-по-малу прояснялись, а злая, ироническая улыбка смягчалась,—можетъ быть, при воспоминаніи о другомъ чайномъ столѣ, болѣе привлекательномъ и болѣе уютномъ, чѣмъ этотъ круглый станціонный столъ со своей зеленой клеенкой... Слышно было, какъ ямщики шумѣли и бранились, смазывая тарантасы; наконецъ, начиналъ позванивать коло-

кольчикъ,—лошадей подавали къ крыльцу, и путники, забравъ свои пожитки и не взглянувъ на комнату; давшую имъ временный пріютъ отъ непогоды, спѣшили садиться въ тарантасъ и катили далѣе. За ними являлись другіе, третьи... Станціонный домикъ всѣхъ принималъ гостепріимно и радушно, не смотря на свою казенную обстановку. А они, проѣзжіе—эти неблагодарные люди,— только бранились и ворчали...

III.

Былъ у насъ почтовымъ смотрителемъ Иванъ Петровичъ Прокофьевъ, человѣкъ смиренный, тихій, воды не замутившій ни разу на своемъ вѣку. Его звали у насъ на деревнѣ просто «Петровичемъ» или «чиновникомъ»— ради его форменнаго сюртука съ мѣдными пуговицами. Это былъ, по истинѣ сказать, несчастный человѣкъ. У него было такое злополучное лицо, что изъ ста человѣкъ, посмотрѣвшихъ на него, навѣрное девяносто съ полною увѣренностью сказали бы про него, что онъ— пьяница. У проѣзжающихъ даже составилось о Васютинскомъ смотрителѣ такое мнѣніе, что онъ «пьетъ безъ просыпа», что онъ «вѣчно пьянъ, какъ стелька». А между тѣмъ въ дѣйствительности Прокофьевъ пилъ очень умѣренно, да и то лишь въ праздники, въ почтенной компаніи.

Проѣзжающихъ вводило въ заблужденіе его лицо — блѣдное, какъ бы испитое, его тусклые, покраснѣвшіе глаза, его красноватый носъ, напоминавшій собой грушу; его волосы какого-то неопредѣленнаго, желтовато-рыжаго цвѣта, лѣзшіе ему прямо на лобъ и на глаза; его торчащіе усы и часто небритый подбородокъ, покрытый словно щетиной. Вообще, все его невзрачное лицо казалось какимъ-то выцвѣтшимъ, полинявшимъ,—и человѣкъ, незнакомый съ Петровичемъ, при взглядѣ на него, невольно искалъ на его лицѣ синяковъ, царапинъ, фонарей и т. под. примѣтъ, обыкновенно украшающихъ собой лица пьяницъ. Его старое, поношенное платье производило на зрителя такое же невыгодное впечатлѣніе, какъ и его лицо. Форменный сюртукъ, вытертый до-нельзя, позеленѣвшій отъ старости, побѣлѣвшій по швамъ и лишенный двухъ или трехъ мѣдныхъ пуговицъ; потертые, короткіе штаны, не доходившіе до пятъ, и скрипучіе, неуклюжіе сапоги не выставляли въ лучшемъ свѣтѣ фигуры Петровича, не придавали ей привлекательности.

Когда же проѣзжающіе являлись ночью и Петровичъ бывалъ застигнутъ врасплохъ, тогда онъ являлся въ еще болѣе непрезентабельномъ видѣ. Непричесанные волосы будоражились на его головѣ и лѣзли во всѣ стороны, словно ихъ кто-нибудь только-что взъерошилъ; форменный сюртукъ былъ въ пыли, въ пуху, а заспанные глаза придавали Петровичу еще болѣе видъ пьянаго, непроспавшагося человѣка. Когда онъ являлся къ проѣзжающимъ, еще пошатываясь со сна, торопливо застегивая дрожащими руками свой «вицъ-мундиръ» и невольно щуря глаза при переходѣ изъ потемковъ къ свѣту, проѣзжающіе брезгливо отворачивались отъ него, ворча вполголоса: «пьянъ!..» А у Петровича, можетъ статься, болѣе мѣсяца, какъ во рту не бывало и капли вина. Ужъ правда, что «наружность иногда обманчива бываетъ»... Болѣе трезваго человѣка трудно было найти въ почтовомъ вѣдомствѣ россійской имперіи, а между тѣмъ никогда еще, кажется, ни одинъ завзятый пьяница-смотритель не внушалъ проѣзжающимъ такого отвращенія, какъ нашъ бѣдный Петровичъ. Онъ былъ безъ вины виноватъ—только тѣмъ, что природа сыграла съ нимъ злую шутку, надѣливъ его, трезваго человѣка, физіономіей горькаго пьяницы.

Онъ былъ сынъ почтальона и самъ началъ свою карьеру почтальономъ, трясясь на почтовой телѣгѣ отъ города до города; изъ почтальоновъ онъ, наконецъ, дослужился до смотрительства. Въ описываемую пору ему было около 50 лѣтъ и изъ нихъ 28 лѣтъ онъ провелъ на службѣ. Уже пятнадцатый годъ онъ служилъ у насъ смотрителемъ и три года тому назадъ получилъ первый чинъ—коллежскаго регистратора...

Уже будучи смотрителемъ, онъ женился на дочери одного сельскаго священника, имѣвшаго 16 человѣкъ дѣтей обоего пола. Петровичъ въ ту пору былъ по своему счастливъ, но счастье его продолжалось недолго...

Черезъ десять лѣтъ тихой и скромной супружеской жизни, жена его вдругъ заболѣла страшнымъ душевнымъ недугомъ, оставивъ на его попеченіе трехъ сыновей и дочь—малютку по второму году. Несчастная женщина, уже будучи больною, года два еще жила въ семьѣ. Не могъ Петровичъ разстаться съ нею, все тѣшилъ себя надеждою, что авось она поправится и они попрежнему заживутъ хорошо. Много горя принялъ отъ нея Петровичъ въ эти два года... Она была женщина слаба-

го здоровья, очень религіозная, добрая, чувствительная, и теперь въ сумасшествіи постоянно всѣмъ говорила, что она—страшная грѣшница и мужъ ея также великій грѣшникъ.

— Мы съ тобой живемъ не по правдѣ!—говорила она мужу, строго смотря на него въ упоръ своими безумными очами.—По какому праву мы этакъ наряжаемся съ тобой? Какъ мы можемъ наряжать такъ своихъ ребятъ, когда у иныхъ совсѣмъ нечѣмъ прикрыться?.. Ой, Петровичъ! Ужъ доживемъ мы съ тобой до великой бѣды! Вотъ попомни мое слово! Погоди!.. Пропадемъ мы за свое окаянство, какъ черви придорожные!

Петровичъ — бѣдняга — только ежился и ужасно смущался, слушая такія рѣчи. Онъ не на шутку трусилъ, когда жена его принималась за свои «страшныя слова» и просто не зналъ, куда ему дѣваться. Но онъ чувствовалъ себя еще хуже, ему становилось еще болѣе жутко и «не по себѣ», когда жена начинала плакать и тосковать. Въ такія минуты онъ совершенно терялся и самъ готовъ былъ плакать. Губы его дрожали, и онъ начиналъ усиленно крутить нижнюю пуговицу своего несчастнаго вицъ-мундира.

— Петровичъ!—тихо говорила она, грустно смотря на него сквозь слезы.—Голубчикъ мой... Покаемся! Покаемся, Христа ради... Хоть ради ребятишекъ... Смотри: вѣдь и на нихъ горя хватитъ! Много горя на свѣтѣ, не изжить его... Успокой ты меня! Покаемся, Петровичъ! Простимся, — раздадимъ имущество бѣднымъ...

Она говорила тихо, но страстно, съ жаромъ искренняго увлеченія.

— Что ты, Катя, Господь съ тобой!—чуть самъ не плача, усовѣщевалъ ее Петровичъ.—Какое же у насъ съ тобой имущество! И развѣ сами мы не бѣдные?

— Нѣтъ, Петровичъ... не бѣдные!—упорно настаивала она, горько вздыхая и качая головой.—Вонъ у насъ есть и самоваръ, и стулья, и всякое платье. А у бѣдныхъ ничего нѣтъ... Они живутъ въ холодѣ, въ голодѣ...

И несчастная страдалица мучилась невыразимо.

— Чужую долю мы заѣдаемъ!—постоянно повторяла она шопотомъ, уныло сидя у окошка и глядя ни вѣсть куда—не то на соломенныя крыши деревенскихъ избъ, не то на облака, низко ходившія надъ ними.

Блѣдная, какъ смерть, худая, изнуренная, съ бѣлокурыми, распущенными волосами, по цѣлымъ днямъ не бравшая ни крошки въ ротъ, сидѣла она на своемъ стулѣ у окна, низко понуривъ свою нечесаную голову, безпомощно сложивъ руки на колѣняхъ и вся какъ будто опустившись. А блѣдныя губы ея, между тѣмъ, все что-то шептали... Такъ изнывала она изо дня въ день—цѣлые мѣсяцы и годы,—не присматривая за дѣтьми, не заботясь о мужѣ, вообще не обращая ни на что вниманія и вся углубившись въ свой призрачный міръ—въ свои безумныя грезы...

Петровичъ страдалъ вмѣстѣ съ нею, глядя на ея душевныя муки и не зная, какъ помочь ей, чѣмъ облегчить ея страданія. При этомъ онъ и боялся за нее, опасаясь какихъ-нибудь безумныхъ выходокъ съ ея стороны, и старался по возможности не спускать ее съ глазъ. Но не всегда же онъ могъ услѣдить за ней. Хотя у почтоваго смотрителя не Богъ вѣсть какія дѣла и обязанности, а все-таки онъ не сидитъ сложа руки. Къ тому же, Петровичъ долженъ былъ, по болѣзни жены, самъ вести свое немудрое хозяйство и приглядывать за дѣтьми. Устанетъ человѣкъ за день, измучится, заснетъ... А жену иногда и ночью сонъ не бралъ:—полежитъ часъ-другой съ открытыми глазами, вскочитъ и заходитъ по комнатѣ, какъ тѣнь, или сядетъ у окна, понурится, съежится вся и, перекинувъ ногу на ногу, быстро, усиленно качаетъ ногой, какъ бы въ тактъ мыслямъ, толпившимся въ ея бѣдной разстроенной головѣ.

Тайкомъ отъ мужа, бывало, зимой, въ сильную стужу, убѣгала она въ церковь къ обѣднѣ, версты за три, и тамъ, ставши въ притворѣ, вмѣстѣ съ нищими и убогими, по цѣлымъ часамъ простаивала на колѣнахъ, припавъ пылающимъ лбомъ къ холоднымъ церковнымъ плитамъ и молясь горячо, отъ души. Въ эти минуты она, повидимому, въ какомъ-то изступленіи, забывала все окружающее, ничего не видя и не слыша... Крупныя слезы катились по ея изможденному лицу, глаза устремлялись вверхъ, и смутная, неуловимая улыбка, какъ солнечный лучъ сквозь туманъ, мелькала на ея поблѣднѣвшихъ губахъ.

Однажды, когда мужъ не доглядѣлъ, больная, совсѣмъ раздѣвшись, вышла на улицу и, съ чисто дѣтской наивностью кланяясь на всѣ четыре стороны, громко объявила, что она—по заповѣди Христа—навсегда отказы-

вается отъ всякаго имущества, отрекается отъ мужа, отъ семьи...

— Простите меня, православные! Грѣшная я—недостойная... — обливаясь слезами, говорила она людямъ, случившимся въ это время на улицѣ.

Кумушки-сосѣдки насилу утащили ее въ домъ и насилу кое-какъ одѣли ее.

Въ другой разъ, какая-то добрая душа подарила дѣтямъ ситцу на рубахи. Она тайкомъ подобралась къ этому ситцу и весь изрѣзала его ножницами на мелкіе куски... Какимъ-то проѣзжающимъ она принялась было читать проповѣдь о грѣхахъ,—и вышелъ бы скандалъ, если бы проѣзжающимъ не объяснили, что она—женщина больная... Порой находили на нее припадки бѣшенства; тогда гнала она отъ себя мужа, дѣтей, рвала и метала; кроткая, смиренная женщина вдругъ превращалась въ какое-то бѣшеное, разъяренное чудовище. Но проходили эти тяжелыя минуты, больная успокоивалась, забивалась куда-нибудь въ уголокъ и молчала по цѣлымъ днямъ. Припадки стали повторяться все чаще и чаще. Больная стала служить предметомъ насмѣшекъ для деревенскихъ зубоскаловъ. Петровичъ сталъ побаиваться за дѣтей: «Какъ бы сумасшедшая не сдѣлала съ ними чего-нибудь!» Нанять же прислугу для присмотра за больною было не на что...

Скрѣпя сердце, Петровичъ долженъ былъ отвести больную въ городъ, въ домъ для умалишенныхъ. Возвратившись домой въ свою пустую избу, онъ сѣлъ на лавку и, свѣсивъ голову на руки, горько заплакалъ... Девять счастливыхъ лѣтъ прошли, какъ сонъ: послѣ нихъ онъ два года маялся, глядя на больную жену,—и вотъ теперь остался окончательно одинъ - одинешенекъ со своими ребятами. Взялъ онъ на руки малютку-дѣвочку и, посмотрѣвъ на дѣтей, промолвилъ вполголоса:

— Нѣтъ у васъ мамы... Что теперь буду я съ вами дѣлать!..

Мальчики видѣли, что отецъ разстроенъ, плачетъ—и, молча, стояли подлѣ него. Черезъ минуту, однако, младшій изъ мальчугановъ обратился къ нему, какъ нивъ чемъ не бывало...

— Дай мнѣ бумажки — змѣй сдѣлать! — умильно проговорилъ онъ.

Петровичъ только рукой махнулъ...

IV.

Съ семьей на плечахъ Петровичъ чувствовалъ себя теперь совсѣмъ несчастнымъ человѣкомъ. Но онъ былъ живучъ, не унывалъ, сталъ работать за троихъ. Какая-то старуха-бобылка за полтинникъ въ мѣсяцъ взялась варить ему похлебку и печь хлѣбъ. Петровичъ былъ бѣденъ. Онъ получалъ жалованья 12 руб. 25 коп. въ мѣсяцъ, да готовую квартиру и дрова. Дрова, впрочемъ, въ нашей лѣсной сторонѣ не стоили почти ничего, а квартирой ему служила простая крестьянская изба съ законтѣлыми стѣнами, съ черной русской печью, съ палатями, съ лавками вокругъ стѣнъ и съ тараканами во всѣхъ щеляхъ. При женѣ, у оконъ висѣли красныя кумачныя занавѣски, а на подоконникахъ стояли цвѣты въ горшкахъ и въ крынкахъ, за неимѣніемъ горшковъ. Во время же болѣзни жены, цвѣты подолгу не поливались; они засохли и погибли, — и только какимъ-то чудомъ изъ нихъ уцѣлѣли геранъ и кустикъ резеды. Занавѣски уже давно пошли на рубашки дѣтямъ... Въ избѣ было не всегда опрятно. У Петровича рукъ не хватало. Онъ заботился о томъ, чтобы содержать въ чистотѣ комнаты для проѣзжающихъ. «А самъ-то ужъ какъ-нибудь»...

На 12 рублей приходилось жить съ семьей—кормиться и одѣваться. Днемъ справляя свои смотрительскія обязанности, Петровичъ урывками, въ досужія минуты, самъ обшивалъ ребятъ, самъ бѣгалъ на рѣчку стирать бѣлье, а вечеромъ или ночью, какъ случится, мылъ полы у себя въ конторѣ и въ комнатахъ, вытиралъ окна, сметалъ пыль съ мебели, приводилъ въ порядокъ свои станціонныя книги, писалъ «отношенія» по начальству, отвѣты на различные запросы и т. под. И поздно за полночь, когда ребятишки уже спали спокойнымъ сномъ—кто на печи, кто на палатяхъ, Петровичъ за столомъ у мигающаго ночника корпѣлъ за работой. То онъ что-нибудь строчилъ «по службѣ», то неумѣлой рукой починивалъ свой вицъ-мундиръ или рубаху.

Отъ постоянной устали, отъ безсонныхъ ночей, отъ тревогъ и безпокойства за дѣтей, отъ горя—поблѣднѣлъ, осунулся Петровичъ; глаза его покраснѣли и затускли, и весь онъ какъ будто съежился и полинялъ. Мы, васютинскіе жители, знали все это, а проѣзжающіе не могли знать и въ душѣ ругали его «канальей» и «пропоицей». Начальство, сдѣлавшее Петровича смотрителемъ, знало его за трезваго, акуратнаго и исполнительнаго человѣка. Но начальство не знало, что

этотъ старый, вѣрный служака, не укравшій во всю жизнь куска казеннаго сургуча, былъ нищій. Начальство не знало, что почтовый смотритель, снявъ свой вицъ-мундиръ, босой, засучивъ по локоть рукава рубахи и вооружившись грязной мочалкой, мылъ на станціи полъ. Начальство не знало, что смотритель, облачившись въ розовую ситцевую рубаху на выпускъ и подпоясавъ ее мужицкимъ поясомъ, носилъ на рукахъ свою малютку—дочь, а младшаго сына водилъ за руку къ рѣчкѣ, протекавшей за Васютинымъ, и тамъ, какъ добрая нянюшка, мылъ ребятъ. Начальство, вѣроятно, ничего подобнаго не видало на своемъ вѣку, ничего не подозрѣвало и не знало, что «чиновники» занимаются прачешнымъ дѣломъ, портняжествомъ, судомойничествомъ и проч.

Смотрителя, какъ уже сказано, получаютъ очень маленькое жалованье. А между тѣмъ въ средѣ ихъ часто встрѣчаются люди семейные. На одинъ хлѣбъ въ мѣсяцъ идетъ половина жалованья. На остальныя деньги нужно купить какой-нибудь приварокъ, нужно одѣться, одѣть семью; при этомъ нужно еще считать всякіе непредвидѣнные расходы, какъ напр., въ родѣ покупки лѣкарства и т. под. О смотрителяхъ не говорятъ, не пишутъ... Это жалкіе, заброшенные, Богомъ и людьми забытые люди. Почтовый смотритель бѣднѣе, въ сущности, всякаго бѣднаго мужика: у мужика есть земля и — по закону — никто не можетъ ее отнять у него. А нашъ смотритель? Лишившись мѣста, куда пойдетъ онъ,— несчастный чиновникъ, съ 12-ю рублями жалованья въ карманѣ? Чѣмъ станетъ онъ кормить семью, если Богъ наградилъ его таковою? Онъ можетъ смѣло разсчитывать только на три аршина кладбищенской земли...

Тяжело, не радостно положеніе смотрителей вообще; положеніе же Петровича было, по истинѣ, трагическое, ужасное положеніе. Поставьте, читатель, себя хоть на минуту въ его положеніе!.. Петровичъ долженъ былъ прежде всего исполнять свои обязанности и угождать начальству; затѣмъ, онъ долженъ былъ ладить съ содержателями почтовыхъ лошадей—съ зажиточными крестьянами, «гонявшими почту» по контракту; въ-третьихъ, долженъ былъ угождать «публикѣ», то-есть, проѣзжающимъ.

Онъ могъ бы не наблюдать за тѣмъ, чтобы содержатели въ точности исполняли условія, заключенныя съ казною, и за это могъ бы надѣяться получать отъ нихъ небольшія подачки, попросту сказать, могъ бы брать взятки. Но зато, въ такомъ случаѣ онъ не могъ бы угодить проѣзжающимъ, долженъ былъ бы притѣснять ихъ, отказывать въ лошадяхъ, божиться, что лошадей нѣтъ, въ то время, какъ лошади стоятъ на дворѣ, или долженъ былъ бы отпускать проѣзжающихъ на какихъ-нибудь хромыхъ, увѣчныхъ клячахъ, которыя, не добѣжавъ до слѣдующей станціи, ложились бы середи дороги, предоставляя ямщикамъ бить себя, а путникамъ—добираться до станціи путемъ пѣшаго хожденія. Но Петровичъ зналъ, что начальство поставило его для служенія «публикѣ», за что и выдавало ему по 12 рублей въ мѣсяцъ. Петровичъ не могъ кривить совѣстью и, не смотря на свою бѣдноту, не бралъ взятокъ съ содержателей. Онъ не смотрѣлъ сквозь пальцы на ихъ продѣлки, постоянно воевалъ съ ними и требовалъ неуклоннаго, точнаго исполненія условій. Содержатели мстили ему, какъ могли: писали по начальству жалобы на него, строчили доносы, словомъ — кляузничали. Начальство, не брезгавшее приношеніями содержателей, хмурилось на Прокофьева, дѣлало ему выговоры, но стереть его съ мѣста не могло, потому что онъ былъ *правъ* и всѣ доносы его недоброжелателей оказывались вздоромъ.

Но и проѣзжающимъ—такъ же, какъ содержателямъ — Петровичъ иногда не могъ угодить, не смотря на все свое желаніе. Инымъ господамъ, положительно, невозможно было растолковать, что лошадей свободныхъ, дѣйствительно, нѣтъ; что всѣ лошади—«въ разгонѣ». Напрасно Петровичъ показывалъ имъ книги, указывалъ на число лошадей, содержащихся на станціи, на число лошадей, ушедшихъ «съ работой» (т.-е. съ проѣзжающими), или возвратившихся, но еще отдыхавшихъ опредѣленное число часовъ. Напрасно распинался Петровичъ... Самый благодушный путешественникъ, при взглядѣ на его несчастную физіономію, чувствовалъ уже къ нему предубѣжденіе. Люди же раздражительные просто не выносили его. Физіономія Петровича служила для нихъ тѣмъ краснымъ лоскутомъ, которымъ въ Испаніи во время боя быковъ приводятъ животныхъ въ бѣшенство... Петровича не слушали, и даже если бы онъ заговорилъ языкомъ ангеловъ, то и въ такомъ случаѣ едва-ли разсерженные проѣзжающіе обратили бы на него вниманіе. На него кричали, къ нему подступали съ кулака-

ми, а онъ невозмутимо стоялъ, вытянувшись у притолки въ своемъ форменномъ сюртучишкѣ, заложивъ одинъ палецъ за пуговицу и покорно принимая на свою склоненную голову всѣ непріятности, какъ нѣчто должное, неминучее...

Уйдя за перегородку въ свою «конторку», онъ явственно слышалъ, какъ иной сердитый путешественникъ, расхаживая по комнатѣ, изволилъ шипѣть на его счетъ:

— Пьяницы проклятые... Дармоѣды!.. Всѣ заодно съ ямщиками... Тфу!

Много безъ вины терпѣлъ Петровичъ отъ проѣзжающихъ и отъ содержателей, и отъ мелкаго начальства. Зато мужики любили его за простоту и уживчивость.

— Петровичъ у насъ—золото!—говорили про него въ деревняхъ.—Никого никогда не притѣснитъ, не обидитъ... Только его самого не трожь!

Нашъ Петровичъ не гордился своимъ чиновничествомъ, охотно водилъ знакомство съ крестьянами, и когда ему, бывало, грозила бѣда неминучая — чуть не голодная смерть, крестьяне являлись на выручку. И Петровичъ, совершенно растроганный, никогда не отказывался отъ ихъ скромныхъ даяній. Онъ даже, какъ будто, съ какимъ-то благоговѣніемъ бралъ отъ нихъ мѣрку ржи или овса, десятокъ яицъ, конецъ холстины или мотокъ суровыхъ нитокъ. Петровичъ очень хорошо зналъ, что всѣ эти приношенія доставались крестьянамъ дорогой цѣной, и онъ цѣнилъ ихъ не по рыночной цѣнѣ, а также, какъ была оцѣнена въ евангельской притчѣ лепта вдовицы. Это были не взятки, а добровольныя даянія...

— Да я скотина, что-ли? развѣ же я не чувствую!.. Нѣтъ! Вотъ они у меня гдѣ... — съ жаромъ говорилъ онъ, стуча себя въ грудь кулакомъ.

Онъ писалъ крестьянамъ письма, читалъ имъ случайно попадавшіеся въ руки разрозненные нумера газетъ, пояснялъ прочитанное, толковалъ съ ними о деревенскихъ дѣлахъ, и васютинцы охотно заходили къ нему на перепутьѣ, не смотря на то, что «изба его была не красна углами», и часто по вечерамъ собирались они на ступеняхъ станціоннаго крыльца...

V.

Петровичъ всю жизнь перевертывался изъ кулька въ рогожку. Вся жизнь его походила на «Тришкинъ кафтанъ»... То въ одномъ ощущался недостатокъ, то въ другомъ оказывалась недохватка. Но Петровичъ былъ великій человѣкъ, не смотря на то, что назывался простымъ почтовымъ смотрителемъ; онъ былъ великъ потому, что не унывалъ, потому что у него была прекрасная, мужественная душа.

Кромѣ того, что онъ самъ дѣлалъ на станціи все, что могъ, Петровичъ измышлялъ еще всевозможные источники для пропитанія. Вѣдь за него никто не думалъ и не предлагалъ ему пропитанія. И вотъ онъ ловилъ рыбу вершами, удилъ, ставилъ въ лѣсу силки на птицъ, ходилъ въ лѣсъ за ягодами, за грибами... Впрочемъ, собираніе грибовъ служило для него отдыхомъ и единственнымъ развлеченіемъ въ жизни. Избавившись отъ форменнаго сюртука, облачившись въ рубаху, засучивъ штаны чуть не до колѣнъ, а сапоги оставивъ изъ экономіи дома, отправлялся Петровичъ въ лѣсъ; на одной рукѣ у него висѣла корзина, а другою онъ опирался на палку.

— За грибами Богъ понесъ?—окликнутъ, бывало, его изъ окна.

— За грибами!—весело отвѣтитъ онъ и—довольный, сіяющій—направляется къ лѣсу.

Въ лѣсу Петровичъ совершенно преображался. Глаза его смотрѣли веселѣе обыкновеннаго, губы улыбались, и наивная дѣтская радость свѣтилась на его лицѣ, разгорѣвшемся отъ ходьбы и волненія... Я иногда ходилъ съ нимъ въ лѣсъ и удивлялся тому чисто дѣтскому восторгу, который испытывалъ Петровичъ подъ зеленою сѣнью лѣса. Надо было видѣть: съ какимъ живѣйшимъ наслажденіемъ осматривался онъ по сторонамъ! Увидавъ, напримѣръ, въ травѣ красноголовато боровика, онъ радостно подходилъ къ нему, наклонялся и, полюбовавшись, осторожно бралъ его и опускалъ въ корзинку. Онъ на эту пору какъ бы обращался въ ребенка и отъ полноты чувствъ принимался разсуждать вслухъ и разговаривать съ грибами, какъ будто тѣ могли понимать его.

— Э-э, голубчикъ! Ты чего прячешься тамъ отъ меня? Иди-ка, иди сюда!—говорилъ Петровичъ, замѣтивъ среди мха подъ валежникомъ какой-нибудь хорошій грибъ.

— Тебя, братъ, не надо... Оставайся, гдѣ стоишь! Такіе старики, какъ ты, не годятся въ дѣло... — замѣчалъ онъ, найдя старый грибъ, источенный червями.

Иногда мы присаживались отдыхать на кочку или на древесный пень. Тогда Петровичъ опускалъ корзину на-земь, снималъ фуражку и, опершись на свою палку, велъ со мною тихія рѣчи... Иногда, подъ вліяніемъ тихой грусти, онъ начиналъ мурлыкать вполголоса знакомую, старую пѣсенку:

«Ямщикъ лихой—онъ всталъ съ полночи,
Ему взгрустнулося въ тиши,
И онъ запѣлъ про ясны очи,
Про очи дѣвицы—души».

Сдвинувъ фуражку на затылокъ, онъ иногда подолгу задумчиво смотрѣлъ на вершины деревьевъ, обступавшихъ насъ со всѣхъ сторонъ, смотрѣлъ на голубое небо, сквозившее изъ-за листвы надъ его головою. Порой глаза его вдругъ затуманивались, словно ихъ заволакивало слезами, и губы его слегка дрожали. И Петровичъ тяжело вздыхалъ... Можетъ быть, смотря на ясное голубое небо, онъ вспоминалъ голубые глаза своей молодой жены, до ея болѣзни,—глаза, свѣтившіе ему въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, помогавшіе бороться съ горемъ и нуждой, дѣлившіе съ нимъ и радости, и печали...

Такъ и жилъ Петровичъ терпѣливо, смиренно, не ожидая въ будущемъ ничего лучшаго. Чего же лучшаго можетъ ожидать почтовый смотритель? Крестьянинъ можетъ ожидать хорошаго урожая, купецъ — барышей, адвокатъ можетъ ждать увеличенія числа преступленій, аптекарь—усиленія болѣзней, городской чиновникъ — наградъ и повышеній; даже ссыльно-каторжные могутъ ожидать помилованія или, по крайней мѣрѣ, смягченія своей жестокой участи, а нашему почтовому смотрителю, «двѣнадцати-рублевому чиновнику», не откуда и нечего ждать. Онъ забытъ. Даже газеты не поднимаютъ о немъ вопроса...

Петровичъ зналъ, что и далѣе—еще, быть можетъ, многіе годы—до самой смерти онъ будетъ терпѣть нужду, выносить брань проѣзжающихъ и всякія притѣсненія, будетъ вѣчно работать, голодать и недосыпать, станетъ строчить отчеты, подводить итоги, писать «отношенія» и «объясненія», запечатывать конверты, принимать и отсылать письма, встрѣчать и провожать проѣзжающихъ,— зналъ все это и не унывалъ. Лучше не будетъ... Ожидалъ-ли онъ худшаго—неизвѣстно... Но бѣда нагрянула на него нежданно-негаданно для всѣхъ насъ.

Пронеслись слухи, что въ нашей сторонѣ ожидали проѣздомъ новаго губернатора, отправившагося ревизовать ввѣренный его попеченіямъ край. Петровичъ, разумѣется, привелъ въ отличный порядокъ обѣ комнаты для проѣзжающихъ, вымылъ сѣни и даже крыльцо. Станціонныя книги также были тщательно пересмотрѣны. Лошади стояли наготовѣ; ямщикамъ было строго наказано, по возможности — воздерживаться отъ водки. Петровичъ и свою особу привелъ въ надлежащій порядокъ: подстригъ свои взъерошенные волосы, зачинилъ кое-какъ форменный старый сюртукъ, пришилъ недостававшія пуговицы, самымъ добросовѣстнымъ образомъ вычистилъ ихъ тертымъ кирпичемъ, а сапоги тщательно смазалъ деревяннымъ масломъ и натеръ ихъ сажей. По его мнѣнію, въ такомъ видѣ онъ долженъ былъ показаться губернатору настоящимъ франтомъ... Вообще за это время ему было много безпокойства и тревогъ... Но губернаторъ не ѣхалъ. Прошли слухи, что онъ отдумалъ и отложилъ ревизію. Потомъ, спустя нѣсколько времени, опять заговорили, «что губернаторъ ѣдетъ»...

Однажды въ концѣ августа выдался денекъ теплый и ясный. Петровичъ отправился въ лѣсъ за грибами—«освѣжиться», какъ онъ самъ говорилъ—и воротился уже вечеромъ съ полною корзиной и въ полномъ удовольствіи. Поужинавъ и уложивъ дѣтей спать, онъ зажегъ у крыльца фонарь, замкнулъ дверь въ избу на крючекъ и самъ завалился на боковую. Уставъ за день, онъ скоро заснулъ крѣпкимъ, мертвымъ сномъ...

И приснилось ему, что идетъ онъ изъ лѣса съ грибами, вдыхая въ себя съ наслажденіемъ полною грудью теплый осенній воздухъ, пропитанный запахомъ увядающихъ цвѣтовъ и травъ. Вдругъ, къ неописанному ужасу его и смущенію, на встрѣчу ему—губернаторъ, въ полной формѣ, въ лентѣ, орденахъ и въ каскѣ съ развѣвающимся султаномъ. Губернаторъ большими шагами идетъ по полю, направляясь прямехонько къ нему—къ Петровичу,—и синеватаго сукна шинель его широко распахивается по вѣтру. Особа — внушительная... Лицо — такое величественное, серьезное. Петровичъ вытягивается передъ нимъ въ струнку, не выпуская, впрочемъ, изъ рукъ ни палки, ни корзины съ грибами. Онъ страшно сконфуженъ тѣмъ, что губернаторъ засталъ его въ такомъ видѣ—въ рубахѣ, босикомъ, съ засученными штанами и съ дырявой корзиной въ рукахъ. «Что-то бу-

детъ!» съ трепетомъ мысленно восклицаетъ онъ. «Погибель моя пришла»... Въ холодъ и въ жаръ бросаетъ Петровича. Отъ смущенія онъ не знаетъ, куда ему дѣваться; руки машинально дергаютъ поясъ. Онъ не смѣетъ взглянуть на губернатора. Ноги, какъ свинцовыя, точно къ землѣ приросли... Но губернаторъ, остановившись, обращается къ нему съ одобряющими словами:

— Прокофьевъ!—звучнымъ голосомъ говоритъ онъ.—Ты—хорошій служака, ты исправно дѣлаешь свое дѣло... Я знаю! Не стыдись же своей бѣдноты! Если ты находишь время ходить въ лѣсъ за грибами, то это — весьма похвально. Одобряю .. Я самъ люблю ходить за грибами. А за твою честность и неподкупность я тебя...

Въ ту минуту Петровичу послышался сильный стукъ, какъ бы доносившійся откуда-то издалека. Онъ раскрываетъ глаза и прислушивается. Стучатся къ нему въ дверь, стучатся неистово,—на дворѣ слышны побрякиванья колокольчика, говоръ и шумъ.

— Господи, помилуй!—въ испугѣ вскричалъ Петровичъ.—Вотъ разоспался-то...

Онъ подбѣжалъ къ двери и спросилъ:

— Кто тутъ? Чего надо?

— Иди скорѣе!.. Губернаторъ... серчаетъ... —вполголоса отвѣтилъ ему ямщикъ изъ-за двери.

Петровичъ бросился одѣваться, и—какъ обыкновенно водится второпяхъ—все у него не клеилось: то не можетъ сапога найти, то никакъ въ рукавъ не попадетъ, то пуговица заскочитъ не въ ту петлю, въ какую бы слѣдовало. Пока онъ досталъ огня, одѣлся на скорую руку въ свой «вицъ-мундиръ» и явился на крыльцо передъ свѣтлыя губернаторскія очи,—прошло нѣсколько минутъ.

Губернаторъ—высокій, видный мужчина, съ военной осанкой—стоялъ у коляски, пока ямщики суетились около лошадей. При появленіи смотрителя, представившагося ему съ низкими поклонами, губернаторъ нахмурился и строго посмотрѣлъ на него.

— Пьянъ?—лаконично спросилъ онъ суровымъ тономъ.

— Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство! —дрогнувшимъ голосомъ промолвилъ Петровичъ.—Извините... только заспался...

— И видно, что не пьянъ! — сердито замѣтилъ губернаторъ.—По лицу видно... Ну, ну, не разсуждать!—прикрикнулъ онъ, замѣтивъ со стороны Петровича робкое поползновенье вставить слово въ свое оправданіе.

Петровичъ замолчалъ и только вздохнулъ изподтишка. Злополучная физіономія и на этотъ разъ удружила ему. «Лучше бы мнѣ съ этакимъ рыломъ и на свѣтъ не родиться!» —съ горечью подумалъ онъ.

— Смѣю просить...—немного погодя, заговорилъ Петровичъ.—Не угодно-ли вашему превосходительству, пока, пожаловать въ комнаты... А мы тутъ сейчасъ... живой рукой...

Губернаторъ даже не отвѣтилъ бѣднягѣ и, молча, повернулся къ нему спиной А Петровичъ втайнѣ надѣялся, что губернаторъ, увидавъ чистенькія, свѣтлыя станціонныя комнаты и замѣтивъ порядокъ, царствующій на станціи, смилостивится хоть немного надъ смотрителемъ и не зачтетъ ему въ большой грѣхъ ни его гнусной рожи, ни того обстоятельства, что смотритель не встрѣтилъ его, какъ подобаетъ, на крыльцѣ. Но тутъ Петровичъ долженъ былъ признаться, что начальство во снѣ гораздо добрѣе, чѣмъ въ дѣйствительности. Во снѣ губернаторъ обласкалъ его, а наяву губернаторъ даже не «плюнулъ» въ отвѣтъ на его любезное приглашеніе—пожаловать въ комнаты. Чтобы не оставаться безъ дѣла и показать свое усердіе, Петровичъ схватилъ фонарь, стоявшій на землѣ, и принялся свѣтить ямщикамъ, которые смазывали саломъ колеса губернаторскаго экипажа.

Августовская ночь была темна,—для Петровича она казалась еще темнѣе обыкновеннаго. Черныя, мрачныя облака низко нависли надъ соломенными крышами крестьянскихъ избъ. Фонари у коляски сверкали во мракѣ, какъ два огненные глаза; фонарь горѣлъ у станціоннаго крыльца, другой фонарь былъ въ рукахъ Петровича. Но свѣтъ фонарей мерцалъ слабо и еще пуще, казалось, сгущалъ мракъ, заливавшій со всѣхъ сторонъ эту нѣсколько фантастическую сцену. Красноватый огонь фонарей бѣглымъ, трепетнымъ свѣтомъ озарялъ то колесо, то загорѣлое, темнобронзовое лицо ямщика, наклонявшагося надъ осью; немного въ сторонѣ мелькалъ бѣлый крупъ лошади, помахивавшей хвостомъ; ямщики, какъ тѣни, сновали въ полумракѣ, вполголоса переговариваясь между собой. Вообще вся картина являлась какою-то призрачною, а Петровичу со сна она, просто, казалась непріятнымъ кошмаромъ...

Губернаторъ, запахнувшись въ шинель, стоялъ неподвижно, прислонившись къ кры-

лечнымъ пёриламъ, и сѣрые глаза его сердито смотрѣли изъ-подъ околыша форменной фуражки. Эти сердитые глаза и крѣпко сжатыя губы предвѣщали кому-то бѣду... Петровичъ искоса, съ страшной тревогой, поглядывалъ на губернатора и переживалъ мучительныя, адскія минуты. «И вздумалось же ему прислониться къ гнилымъ периламъ... Вотъ напасть! Ну, какъ обломятся! Ну, какъ *онъ* свалится!.. О, Господи, спаси и помилуй!..» И Петровичъ при этомъ разсѣянно махалъ фонаремъ туда и сюда. Губернаторъ замѣтилъ, что онъ свѣтитъ не тамъ, гдѣ ямщики болѣе нуждались въ фонарѣ, и вдругъ, подойдя къ Петровичу, съ силой дернулъ его за рукавъ.

— Да проснись же! Не сюда свѣтишь... Вотъ куда надо, вотъ, вотъ!—говорилъ онъ, дергая Петровича за рукавъ.

Злополучный рукавъ, еще недавно такъ старательно зачиненный Петровичемъ, не выдержалъ прикосновенія здоровой, могучей губернаторской руки и съ трескомъ лопнулъ по шву, — такъ что едва-едва на ниточкѣ удержался на плечѣ.

— Получше-то сюртука нѣтъ?—крикнулъ губернаторъ.

— Нѣту, ваше превосходительство!—отвѣчалъ Петровичъ, усиленно заморгавъ глазами.

Жгучія слезы подступили ему къ горлу. «Всѣ бѣды сегодня на меня обрушились!» думалъ онъ, придерживая оторванный рукавъ и продолжая свѣтить ямщикамъ. Губернаторъ, между тѣмъ, проворчавъ что-то о пьянствѣ, отошелъ опять въ сторону. Уже садясь въ коляску и занеся ногу на подножку, онъ вынулъ изъ кармана записную книжку съ маленькимъ карандашемъ въ золотой оправѣ и спросилъ, не обращаясь ни къ кому въ особенности: «Какъ называется эта станція?»

— Васютино!—отвѣчало ему разомъ нѣсколько голосовъ.

Губернаторъ что-то черкнулъ въ записной книжкѣ и сѣлъ въ коляску, не удостоивъ никого взглядомъ. Смотритель глубоко вздохнулъ, смотря въ слѣдъ отъѣзжавшей колясѣ... Столько труда, безпокойствъ, столько приготовленій—и къ чему все это!.. Все равно—«не угодилъ»...

— Проштрафился, Иванъ Петровичъ! — Экое дѣло, подумаешь... — соболѣзнующимъ тономъ говорили ямщики.

Петровичъ и самъ чувствовалъ, что онъ «проштрафился»,—и тяжело было у него на душѣ. Зловѣщія предчувствія осаждали его. «Быть бѣдѣ!» говорилъ онъ про себя, ложась снова спать, но сонъ уже не шелъ; Петровичъ напрасно проворочался остатокъ ночи на своемъ жесткомъ, одинокомъ ложѣ.

VI.

Предчувствія сбылись...

Недѣли черезъ двѣ послѣ проѣзда губернатора получена была изъ города роковая «бумага»: смотритель Васютинской станціи, коллежскій регистраторъ, Иванъ Петровичъ Прокофьевъ переводился въ почтальоны—на одинъ изъ самыхъ захолустныхъ трактовъ...

Было дождливое сентябрьское утро, когда Петровичъ отправлялся изъ Васютина на мѣсто своего новаго служенія. По обыкновенію, онъ былъ не пьянъ, но болѣе обыкновеннаго походилъ на пьянаго. Глаза его были красны — то-ли отъ слезъ, то-ли отъ вѣтра. Все утро онъ бѣгалъ туда и сюда.

— Вотъ, братъ! — говорилъ онъ одному старику, пришедшему провожать его.—Опять дослужился до почтальонскаго званія, опять будемъ трястись на телѣжкѣ! Съ чего началъ, на томъ, видно, и помереть...

Блѣдная, грустная улыбка мелькала на его губахъ.

— Да! Вотъ она—ваша служба-то!—отозвался старикъ, качнувъ головой.

Мелкій осенній дождь моросилъ съ заоболочавшаго неба, холодный вѣтеръ проносился по улицѣ. Желтый листъ, сорвавшись съ деревьевъ, кружился въ воздухѣ и падалъ на мокрую землю. Пестрая часовня на площадкѣ глядѣла невесело въ это ненастное утро. Точно теперь я смотрю на Петровича... Иззябшій, съ краснымъ лицомъ, въ форменномъ сюртукѣ и въ какомъ-то жалкомъ пальтишкѣ, бѣгалъ онъ и суетился около телѣги, въ которую укладывалъ весь свой убогій скарбъ и усаживалъ ребятъ. Наконецъ, попрощавшись со всѣми, онъ усѣлся въ телѣгу,—и лошадь тронулась шагомъ. Скоро телѣга скрылась за бѣлесоватой сѣткой дождя, словно потонула въ сѣрой мглѣ, заливавшей «большую дорогу».

Съ тѣхъ поръ мы уже не видали Петровича. Но мы нерѣдко вспоминаемъ о нашемъ старомъ смотрителѣ, бѣгавшемъ босикомъ въ лѣсъ за грибами и не брезгавшемъ бесѣдовать съ мужиками «по душѣ»...

— Жаль, жаль Петровича!—говорятъ васютинцы.— Хорошій человѣкъ онъ былъ... простой!

1884 г.

НЕДОУМѢНІЕ КАПИТОЛИНЫ ВАСИЛЬЕВНЫ.

(РАЗСКАЗЪ).

I.

Капитолина Васильевна представляетъ собой старый, отживающій типъ петербургской квартирной хозяйки, нынѣ уже рѣдко встрѣчающійся не только въ центрѣ города, но и въ столичныхъ захолустьяхъ.

Въ какомъ-то уѣздномъ городкѣ Костромской губерніи, у мужа ея — мѣщанина — былъ свой домъ «съ тремя окнами на улицу» и до пяти десятинъ лѣсу. Въ домѣ, супруги жили сами и держали постояльцевъ, а въ лѣсу съ помощью наемнаго работника гнали деготь. Но мѣщанину надоѣло возиться съ дегтемъ; захотѣлъ онъ попытать счастья на сторонѣ, продалъ все свое имущество, движимое и недвижимое, за триста рублей, и съ этими капиталами отправились наши Кокошевы изъ костромскихъ дебрей въ Петербургъ.

Это событіе произошло лѣтъ 30 тому назадъ. Промежутокъ времени не малый, но, несмотря на то, Капитолина Васильевна, уже успѣвъ порядочно ожесточиться въ горнилѣ житейскихъ передрягъ и достаточно одурѣть въ чаду всякихъ глубокихъ соображеній практическаго свойства, и понынѣ еще съ искреннимъ, сердечнымъ умиленіемъ вспоминаетъ о своей собственной конурѣ «съ тремя окнами на улицу», а когда рѣчь случайно заходитъ о лѣсѣ, объ ульяхъ и дегтѣ, тогда Капитолина Васильевна положительно становится краснорѣчива; въ тѣ минуты ея отрывочная рѣчь дышетъ своеобразной поэзіей, возвышается до истиннаго пафоса...

— Да что жъ это было! Господи!—закатывая глаза, восклицаетъ она, бывало.—Птички-то вездѣ поютъ, заливаются, пчелки-то... Въ лѣсу пахнетъ сладко таково... Воздухъ вольный... тишь, гладь, не то, что здѣсь!.. Побывала бы я тамъ еще хоть разъ, взглянула бы хоть однимъ глазкомъ, на одну — одну минуточку!..

Мнѣ всегда казалось, что Ева должна была такъ же убиваться при мысли о покинутыхъ прелестяхъ райскихъ кущей, какъ наша Капитолина Васильевна при воспоминаніи о своихъ дикихъ костромскихъ дебряхъ, причемъ, однако, между нею и ветхозавѣтною прародительницей (помимо, разумѣется, костюма) была еще та существенная разница, что Ева, какъ уже всѣмъ доподлинно извѣстно, сама соблазнила Адама и, такъ сказать, «подвела» его, а Капитолина Васильевна, напротивъ, была соблазнена своимъ Адамомъ.

— Что намъ тутъ съ дегтемъ мараться!—толковалъ онъ.—Очень нужно! Вотъ охота!.. Махнемъ въ Питеръ? Тамъ, сказываютъ, слышь, на каждомъ углу «мѣсто» представляется... А здѣсь что? Деготь... Экое дѣло подумаешь! Пускай мужикъ гонитъ деготь, а мы—въ Питеръ!

Вотъ и махнули наши въ Питеръ, стали счастья искать да приглядываться. Оказалось, что въ Питерѣ, дѣйствительно, угловъто «много», а мѣстовъ — «мало». Супруги пріуныли. И Капитолина Васильевна не разъ горько попрекала своего не по разуму предпріимчиваго супруга.

— Ну, что?—язвительно спрашивала она его.—Каковъ Питеръ-то, а? Выучилъ? Али еще мало?

И несчастному человѣку въ такихъ случаяхъ оставалось только, вмѣсто всякаго отвѣта, взять шапку да задать стрекача по направленію къ полпивной.

Впрочемъ, черезъ годъ, кое-какъ съ грѣхомъ пополамъ, Кокошевъ нашелъ мѣсто кондуктора на царскосельской желѣзной дорогѣ, но вскорѣ какъ-то искалѣчился, захирѣлъ и померъ. Капитолина Васильевна продала и заложила все, что было, сняла квартиру и стала отдавать комнаты внаймы — сначала просто «съ небелью», потомъ «съ небелью, столомъ и прислугой», а позже на ея афишахъ уже значилось: «Отдаются комнаты съ водопроводомъ и съ удобствомъ, по желанію со столомъ, съ мебелью и съ прислугой». Большею частью выходило какъ-то такъ, что жильцы обыкновенно желали пользовать-

ся ея столомъ. Она брала за обѣдъ по 40 коп. и давала два кушанья, а по праздникамъ, кромѣ того, еще пирогъ съ говядиной, которая для этого вытаскивалась изъ бульона.

Капитолина Васильевна хозяйничаетъ около 30-ти лѣтъ и изъ нихъ 16 лѣтъ живетъ на одной квартирѣ (въ четвертомъ этажѣ, «со двора»), по Разъѣзжей. Не смотря ни на какія реформы, вѣянія и прогрессы, видимо отразившіеся даже на объявленіяхъ о комнатахъ «съ удобствомъ», Капитолина Васильевна сохранила какимъ-то чудомъ свои патріархальные нравы и взгляды на все окружающее. Съ жильцами она говоритъ на «ты», по зимнимъ вечерамъ играетъ въ носки, въ дурачки, въ акульку; Марѳушкѣ, своей вѣковѣчной кухаркѣ, — сто разъ отходившей отъ нея со слезами и сто разъ со слезами возвращавшейся къ ней,—она при случаѣ «за дѣло», попрежнему, даетъ по загривку, и Марѳушкѣ еще ни разу въ голову не приходило, что Капитолину Васильевну за ея патріархальныя манеры можно «притянуть» къ мировому. Да что—Марѳушка!.. Марѳушка, по выраженію хозяйки, «одеръ». Не только кухарка - «одеръ», но и жильцы бо́льшею частью, какъ-то невольно, поддавались патріархальному настроенію, господствовавшему въ квартирѣ Капитолины Васильевны и, казалось, проникавшему собой весь складъ ея жизни. Даже самый воздухъ, пропитанный запахомъ пригорѣлаго сала, казалось, дышалъ здѣсь полнѣйшимъ отрицаніемъ всякой современности и всякихъ новшествъ. Можно было почесть за диво, если въ нашей квартирѣ поднимался разговоръ о какихъ-нибудь «нонѣшнихъ» новостяхъ—въ родѣ страхованія имущества отъ огня, о мировомъ и непререкаемости полицейскихъ распоряженій, о моментальной прописке паспортовъ, о требованіяхъ гигіены, о телефонахъ, микрофонахъ и т. под. Мировой для Капитолины Васильевны, попрежнему, представлялся «крючкомъ», адвокатъ—«крапивнымъ сѣменемъ», полицейскій участокъ — мѣстомъ, гдѣ «дерутъ», околоточный—хотя бы въ самой блестящей формѣ — попрежнему былъ для нея «шишига» и т. д.

Хозяинъ дома набавлялъ на Капитолину Васильевну менѣе, чѣмъ на прочихъ жильцовъ—въ уваженіе ея «долговѣчнаго квартирантства», какъ говорилъ онъ, а также и вслѣдствіе того, что Капитолина Васильевна никогда не лѣзла къ нему ни съ какими требованіями и претензіями. Всѣ свои дѣла она облаживала съ дворниками при помощи двугривеннаго и стакана водки. Она считала болѣе дѣйствительнымъ задобрить дворника, его жену или шершаваго Картошку, нежели, помимо дворника, обращаться съ оффиціальными заявленіями и жалобами къ домовладѣльцу, къ управляющему и вообще къ высокопоставленнымъ лицамъ въ томъ же родѣ. И, дѣйствительно, за двугривенный и за стаканъ водки Капитолинѣ Васильевнѣ дѣлалось все «съ нашимъ удовольствіемъ» и въ самомъ лучшемъ видѣ: въ извѣстное время въ квартирѣ производились потребныя ремонтировки, дрова отпускались въ достаточномъ количествѣ и весьма изряднаго качества, за паспортами къ жильцамъ ея къ горлу не приставали («вынь да положь!»), какъ разбойники, а просили честью, вѣжливенько...

Общій видъ квартиры, надо правду сказать, былъ не особенно привлекателенъ: комнатки довольно грязныя, мебель старенькая, подержанная, повсюду пахнетъ кухней, затхлостью, какой-то кислятиной. Комнаты содержатся не въ большой аккуратности; куда ни загляни, вездѣ пыль, паутина, соръ, что́ придаетъ этой патріархальной квартирѣ какой-то особенно заброшенный, запущенный видъ. Но не смотря на все это, комнаты Капитолины Васильевны никогда не стоятъ пустыми. Мѣсто — насиженное, комнаты переходятъ иногда отъ знакомаго къ знакомому и служатъ какъ бы гнѣздомъ для нѣсколькихъ поколѣній жильцовъ.

Сама хозяйка вполнѣ гармонируетъ съ этой убогой, грязной обстановкой. Капитолина Васильевна — женщина лѣтъ подъ 60, средняго роста, довольно полная, съ крупными чертами лица, съ большими сѣрыми глазами и съ прядями сухихъ, бѣлокурыхъ волосъ на головѣ. Волосы ея большею частью не причесаны, а носъ и подбородокъ часто замазаны сажей и саломъ. Сверхъ затрапезнаго платья она носитъ бѣлый фартукъ, а рукава обыкновенно засучиваетъ по локоть. Она любитъ разговаривать, стоя и упершись руками въ бока. Если разговоръ завязывается черезчуръ интересный, оживленный, заинтриговывающій Капитолину Васильевну, то она въ подобныхъ случаяхъ лишь изрѣдка прерываетъ его энергичными возгласами, не относящимися къ дѣлу, по адресу Марѳушки: «Отодвинь кострюлю-то, демонъты этакій! Не

*

видишь»... Или: «Смотри, статуй! Бифштикъ-то пригоритъ у тебя»...

Какъ уже сказано, для своего домашняго обихода она не признавала необходимости ни мировыхъ, ни полицейскихъ учрежденій, — хотя въ душѣ побаивалась и тѣхъ, и другихъ. Иногда, бывало, жилецъ задолжаетъ ей за нѣсколько мѣсяцевъ. Она ужъ и то и се, — и дровъ-то ему не даетъ для печки, и обѣда-то не отпускаетъ, и самовара-то не подаетъ, а тотъ сидитъ, прижукнется, какъ ни въ чемъ не бывало, а то вдругъ возьметъ, да и скроется — пропадетъ ни вѣсть куда, оставивъ хозяйкѣ на память какую-нибудь ломаную пепельницу... Но зато, бывало, другой жилецъ задолжаетъ хозяйкѣ за годъ или больше, и вдругъ, получивъ наслѣдство или мѣсто, или вообще какимъ-нибудь образомъ слопавъ изрядный кушъ, расплатится щедро, да еще, кромѣ того, и угоститъ до положенія ризъ всѣхъ свидѣтелей его бывшаго бѣдственнаго состоянія — и квартирантовъ, и Капитолину Васильевну, и ея вѣрнаго «одра». Въ подобныхъ случаяхъ, иной разъ, Капитолина Васильевна служитъ молебенъ у Ивана Предтечи, но въ участокъ или къ мировому не обращается никогда.

— Новые порядки! — говорила она, лукаво и проницательно взглядывая въ уголъ. — Насмотрѣлась я на всякіе порядки... Знаю я ихъ довольно!.. Сунься-ка, такъ тебя же и обчистятъ, какъ липку. Вонъ, я помню, у насъ унтерша Ѳедотова пошла, было, разъ жаловаться, такъ изъ полиціи-то ее, голубушку, едва въ одной рубахѣ выпустили. Такъ-то!..

Въ итогѣ всѣхъ хлопотъ Капитолины Васильевны — по ея собственному признанію — оказывалось, что отъ обѣдовъ были сыты сама она и ея Марѳушка, а собственно отъ квартиры она сколотила лишь малую толику себѣ на похороны.

— На гробъ, на саванъ, да на поминанье! — говорила она.

Въ сундукѣ у нея лежитъ уже все платье для похоронъ, а она часто ходитъ дома въ дырявыхъ чулкахъ или въ башмакахъ на босу ногу.

— Теперь-то не что мнѣ и надо, — предусмотрительно разсуждаетъ она, — за то ужъ въ гробу-то я полежу въ новыхъ чулкахъ...

II.

Послѣ четырёхлѣтней отлучки изъ Петербурга, шелъ я недавно по Разъѣзжей, и вспомнилось мнѣ о Капитолинѣ Васильевнѣ. Въ прежніе годы я самъ живалъ у нея, живали у нея и мои друзья-пріятели. Зайти, думаю, узнать: жива-ли Капитолина? не тутъ-ли она еще пребываетъ? Зашелъ я въ знакомый дворъ и сталъ подниматься по лѣстницѣ... Лѣстница все такая же грязная, мѣстами облитая помоями, тускло освѣщенная; попрежнему ведра съ мусоромъ стоятъ на площадкахъ, кошки неподвижно сидятъ на ступеняхъ лѣстницы, пахнетъ кофеемъ, капустой и всякой дрянью.

Вхожу въ знакомую дверь съ оборванной клеенкой и съ лохмотьями войлока, висящаго по краямъ, иду по корридору, — обдаетъ затхлостью и запахомъ гнили, — и уже издали слышу знакомый голосъ: «Что жъ ты разсолу-то не принесла, а? Аспидъ ты окаянный... Сто разъ тебѣ говорить, анаѳемѣ! Грѣхъ ты мой — неисходный»...

Въ эту минуту я вошелъ въ комнату. Марѳушка, нимало не чувствительная къ брани, какъ ни въ чемъ не бывало, присѣвъ на корточки, раздувала огонь въ плитѣ, — и красныя, надутыя щеки ея, казалось, готовы были лопнуть съ надсады. Капитолина Васильевна съ засученными по локоть рукавами, въ воинственной позѣ, предшествовавшей обыкновенно началу военныхъ дѣйствій, стояла въ дверяхъ, подбоченившись, и многозначительно посматривала на Марѳушкинъ загривокъ, очевидно, имѣвшій для нея какую-то особенную, притягательную силу.

— Кто это? А-а!.. Это ты! — заговорила она, увидавъ меня. — Ну, вотъ сколько лѣтъ... Ну, ну, пойдемъ!

И Капитолина Васильевна привела меня въ свою комнатку. Та же затхлость чувствовалась въ воздухѣ, пахло пригорѣлымъ саломъ, деревяннымъ масломъ, теплившимся въ лампадкѣ, припахивало «бифштикомъ»; вездѣ пыль, соръ и паутина по угламъ.

— Тебѣ не комнату-ли? — зорко взглядывая на меня, спросила хозяйка. — Нѣту, братъ! Всѣ заняты... Вотъ, можетъ быть, съ перваго числа одна освободится... большая, знаешь? въ 15-ть рублей... прежде-то она ходила у меня за 12-ть, а нынче вѣдь Ѳедоръ Максимычъ опять надбавилъ... Невозможно никакъ за 12-ть!

Я успокоилъ Капитолину Васильевну, объявивъ, что я пріѣхалъ сюда на время и остановился у одного знакомаго въ Троицкомъ переулкѣ. «Провѣдать зашелъ, говорю. Хотѣлось узнать: какъ и что у васъ тутъ»...

— Ну, ну, ладно! Спасибо, что не забылъ...— радушно промолвила Капитолина Васильевна и тотчасъ же занялась приготовленіемъ кофе.

Я сидѣлъ и курилъ. Знакомый портретъ генерала въ черной рамкѣ висѣлъ передо мной надъ комодомъ. Портретъ былъ купленъ Капитолиной на толкучкѣ и повѣшенъ «для виду»—на страхъ врагамъ. «Хоть не такъ ломаться станутъ!—объясняла въ то время хозяйка. А то, извѣстно, дѣло женское, своего мужчины нѣтъ, а жильцы вѣдь всякіе могутъ навязаться»... Эта патріархальная женщина, повидимому, придавала портрету какое-то особенное значеніе. Интересно бы теперь узнать, думалось мнѣ при взглядѣ на портретъ: выручалъ-ли когда-нибудь Капитолину этотъ генералъ? избавлялъ-ли ее отъ непріятностей?

Кофе былъ готовъ и мы съ хозяйкой усѣлись на диванъ. Пошли разспросы и разсказы.

— Хочу, братецъ, квартиру совсѣмъ порѣшить! — проговорила Капитолина Васильевна, вдругъ впадая въ какой-то жалкій, меланхолическій тонъ, вовсе несвойственный ей въ прежнее время.

— Что такъ?

— Да ужъ такъ! Будетъ! Побаловались!— съ горечью, отрывисто промолвила она, съ рѣшимостью скрестивъ руки на груди по наполеоновски.

— Безъ квартиры-то, съ непривычки, поди, скучно будетъ!—замѣтилъ я.

— Силъ моихъ нѣтъ больше... — не слушая меня, говорила Капитолина Васильевна.— Невозможно мнѣ больше квартиру держать, никакъ невозможно... съ ней до того достукаешься, что... У меня и то ужъ голова кругомъ пошла! Народъ-то нынче сдѣлался ужъ больно проворенъ, вотъ что!.. Народъ лукавый, обманщикъ... и потомъ пошла у насъ эта шентрапа́.

— Что такое? — переспросилъ я съ удивленіемъ.

— А *шентрапа*—вотъ что! — пояснила Капитолина Васильевна, видимо, начиная волноваться.—Ничему вѣрить стало нельзя, ничему, ни-ни! ни на маково зернышко... Измучилась я съ *ними!* Парнишка изъ овощной корзину съ провизіей принесетъ, такъ вѣдь иной разъ одурь-то такъ тебя разберетъ... роешься-роешься, всю картошку изъ корзины выкидаешь... все думаешь: нѣтъ-ли чего! Сама вѣдь знаешь, что—одурь, а удержаться не можешь, потому—ужъ очень большое сомнѣнье... Знаешь, другъ! (Капитолина Васильевна при этомъ глубоко вздохнула). Вотъ до чего доходитъ... Иной разъ смотришь—смотришь на Марѳушку, да вдругъ въ голову-то ровно что́ шибнетъ... Думаешь: а чортъ тебя знаетъ, —можетъ, и ты... И кошку нынче не держу, ну ихъ совсѣмъ! И кошки-то нынче попадаются... Разстроилась я, батюшка, совсѣмъ разстроилась! Вотъ и на тебя теперь гляжу да думаю: «А что у него за свертокъ въ рукахъ?» Ей Богу, право!.. Можетъ, что́...

— А это—матерія! — отвѣтилъ я, хлопнувъ рукой по свертку, лежавшему у меня на колѣняхъ: я начиналъ понимать Капитолину Васильевну.

— Матерія тоже всякая бываетъ!—недовѣрчивымъ тономъ замѣтила она.—Иная матерія возьметъ да — фыркъ! — только мокренько останется... знаемъ мы, батюшка, эти матеріи-то; въ передѣлкахъ-то тоже бывали... натерпѣлись этого страху-то!

— Обыкновенная матерія для пальто!— уже съ досадой пояснилъ я.—Вотъ сейчасъ у Котомина купилъ...

— Такъ-то такъ! — немного погодя, продолжала хозяйка.—А все-таки, братецъ, нынче съ квартирой никакъ невозможно... одно слово—Сибирь! Какъ разъ влетишь!..

— Да что жъ собственно тебя такъ разстроило?—спросилъ я.—Ужъ не обчистилъ-ли тебя кто-нибудь изъ жильцовъ? Не удралъ-ли кто-нибудь, да не заплатилъ денегъ?

— Нѣтъ, сила не въ томъ... А вотъ ты прислушай...—начала Капитолина Васильевна.—Поселился у меня разъ одинъ студентъ—технологическій. Ну, честь честью, живетъ мѣсяцъ и другой, все ладно, платитъ за комнату исправно,—такой разбитной, такой веселый малый, что ужъ просто... Полюбила я его. Придетъ, бывало, хлопнетъ меня по плечу... «Посватайте-ка, говоритъ, мнѣ, хозяюшка, невѣсту богатую, тысячъ сто чтобъ»...Шутитъ, разумѣется. «Ну, судырь, говорю,—рыломъ не вышелъ! Ста тысячъ, говорю, лохматая твоя голова не стоитъ!» А онъ хохочетъ. «Что вы, говоритъ, хозяюшка! помилуйте! Дороже, говоритъ, стоитъ... Сто-то тысячъ, говоритъ, за нее сейчасъ дадутъ, а вотъ ужо́, говоритъ, черезъ годъ—черезъ два, съ божьей помощью тысячъ въ двѣсти вгонимъ!» (Это, вишь, голову-то!) Ужъ такой былъ прокуратъ!

Капитолина Васильевна даже усмѣхнулась

при воспоминаніи о веселомъ жильцѣ и качнула головой.

— А изъ себя не больно зрячій...—продолжала она. — Голова такая большущая, лохматая, борода черная, ходилъ все больше въ сѣрой, мастеровой блузѣ... Ну и все бы ничего, да не понравилось мнѣ, что вздумалъ онъ новые порядки у меня заводить. «Что это, говоритъ, хозяйка, у васъ дверь выходная никогда не запирается! Это, говоритъ, никакъ невозможно, особливо, говоритъ, по нонѣшнимъ временамъ, потому что, говоритъ, много мазуриковъ развелось...» Никогда, говорю, этого запору у насъ не было, а Богъ хранилъ... «То, говоритъ, было прежде, а теперь, говоритъ, совсѣмъ другія времена пришли!» Напугалъ, вѣдь! чтобъ ему — пусто!.. Нечего дѣлать, стали дверь запирать... Ужъ поговорить умѣлъ; захочетъ—такъ хоть кого заговоритъ... Бѣдовый!

(По адресу Марѳушки: «Стерва окаянная! Опять щи-то упустила...»).

— Ну, такъ вотъ и жили мы съ нимъ этакъ,—ничего... Ну, извѣстно, собирались къ нему иной разъ товарищи, пойдетъ у нихъ шумъ-гамъ, спорятъ чего-то, кричатъ такую бѣду... страсть! Тоже за пивомъ посылали, за папиросами... И ужъ курили же, братецъ ты мой! А-ахъ ты, Господи! Не позабыть мнѣ... Разъ откуда-то воротилась я домой, со свѣжаго воздуха; знаешь, вошла я въ коридоръ-то, гляжу: батюшки свѣты! дымъ столбомъ валитъ, свѣту божьяго не видать. «Марѳушка! кричу.—Шельма ты этакая, вѣдь горимъ... труба гдѣ-нибудь, что-ли... Бѣжи, говорю, дьяволенокъ— за дворникомъ!» А она: «Чего, говоритъ, орешь-то безъ пути! Въ большой комнатѣ, говоритъ, гости»... Что жъ бы ты думалъ? Вѣдь это они накурили этакъ, ей-Богу! Напугали то-есть до смерти... поджилки трясутся, руки-ноги дрожатъ... Думала въ самомъ дѣлѣ: пожаръ. Да вѣдь долго-ли до грѣха...

(По адресу Марѳушки — строго, но сдержанно: «Подкинь дровъ-то!»)

— Иной разъ, бывало, прокантуютъ до поздней ночи. Иногда кое-кто и заночевывалъ... Ужъ Марѳушкѣ и доставалось отъ нихъ, ужъ погоняли они ее,—ну да за то и ей, дьяволу, перепадало, надо правду сказать... Иной разъ около нихъ на рубль заработаетъ... День-денской звонокъ за звонкомъ, все гости... Ну, прямо сказать, шуму было много... Хорошо! Такъ-то мы и жили... Вдругъ, братецъ ты мой, разъ ночью—хлопъ! и сцапали и его самого, и того, кто ночевалъ... Ужъ такая смута у насъ была въ тѣ поры, такое безпокойство, что и сказать тебѣ не могу... Ну, разумѣется, протоколъ и все... И прочимъ постояльцамъ немалое утѣсненье было. Да вѣдь какъ же! Извѣстно, дѣло божье, а судъ-то царскій. Напугались всѣ тогда... вѣдь тоже опасливо! Одна постоялка передъ тѣмъ полтора мѣсяца зубами маялась, а тутъ въ одну ночь прошли, зубы-то.. Просто, можно чуду приписать... И кто бы могъ подумать! Анъ, вонъ, поди тутъ... Послѣ того ужъ и дворникъ вразумлялъ меня. «Ты, говоритъ, матушка, жильцовъ-то нынче съ оглядкой пущай! Нонѣ, говоритъ, ты не смотри, что иной съ виду-то хорошъ... съ виду-то, говоритъ, онъ гладокъ, а въ немъ, можетъ, сто чертей сидитъ... Мы, говоритъ, сами теперь въ большомъ сомнѣньѣ находимся»...

Капитолина Васильевна налила мнѣ другой стаканъ кофе и, вздохнувъ, продолжала свой разсказъ уже въ болѣе минорномъ тонѣ.

— Послѣ того, голубчикъ ты мой, нанялъ у меня эту комнату одинъ горный инженеръ, —чудесный молодой человѣкъ, смирный, тихій, просто, и не слыхать его. Одѣвался отлично, всегда въ сюртукѣ, помадился, все какъ слѣдуетъ,—не такъ, какъ тотъ—лохматый... Какъ первое число, такъ онъ сейчасъ ко мнѣ, съ поклономъ выложитъ денежки на столъ и маршъ! Шутокъ не шутилъ, какъ тотъ чортъ лохматый, ни-ни, ни Боже мой! Даже шельмѣ-то моей, Марѳушкѣ, «вы» говорилъ... Потѣха! И ужъ ровно красная дѣвушка! Выйдетъ, спроситъ, — что надо — и опять къ себѣ въ комнату. Съ жильцами знакомства не водилъ, а такъ только на поклонахъ; «да», да «нѣтъ» — и только... Видно, что и знакомыхъ-то у него было мало. Говорилъ мнѣ, что онъ—пріѣзжій изъ Херсона, что ему нужно здѣсь, въ Петербургѣ, большую работу сдать, а какъ сдастъ, такъ, значитъ, его сейчасъ и повысятъ, къ наградѣ представятъ. (Представили, — какъ же!) У меня, говоритъ, свободнаго времени совсѣмъ нѣтъ, шляться мнѣ некогда. И ужъ, подлинно сказать, трудолюбивъ былъ. Сидитъ, бывало, корпитъ день-денской, все какіе-то чертежи чертитъ, да пишетъ что-то, да въ книгахъ читаетъ. Ученый былъ человѣкъ, умный, что и говорить!.. Народу къ нему ходило мало, — и все господа хорошіе, благородные—въ калошахъ. Днемъ изрѣдка ба-

рыня захахирала, красивая, нарядная, въ бархатной ротондѣ, батюшка мой, и всегда подъ вуалью. Онъ сказывалъ, что это—двоюродная сестра его; здѣсь, въ Петербургѣ, живетъ, за полковникомъ...

(По адресу Марѳушки — укоризненно: «Балбесъ! Полно тебѣ киснуть-то... Приготовь лучше сухари-то»!..)

— Самъ выходилъ тоже рѣдко. Ну, случалось, конечно, вечеромъ иногда выйдетъ и возвратится за полночь... Да вѣдь — самъ былъ молодъ — знаешь, дѣло мущинское... Благо, хоть сюда-то не водилъ, не какъ, вонъ, нонече пошло... Ну, и куренья этого не было, ни винища, ничего... Не могла я нахвалиться, просто. Водой не замутитъ, голоса его не услышишь. А ежели и придутъ къ нему господа, такъ сейчасъ видно, что не какіе-нибудь, а люди разсудительные, говорятъ между собой тихо, шу-шу, шу-шу, посидятъ и уйдутъ, да не цѣлой ватагой, а одинъ по одному—тихимъ, деликатнымъ манеромъ, не какъ тѣ, что у лохматаго собирались. Вѣдь тѣ, бывало, какъ заспорятся, да загагайкаютъ, такъ у меня всѣ жильцы уши насторожатъ, потому — сомнѣваются, думаютъ: дебошъ... Порадовалась я. Ну, думаю, обзавелась жильцомъ, лучше не надо! Такой милый, такой пріятный молодой человѣкъ,—вотъ, какъ передъ Богомъ, другого такого не видывала! Ежели бы, думаю, всѣ были такіе, тогда и помирать бы не надо... И какъ бы ты, батюшка, думалъ! Опять разъ почью—хлопъ! и исторія... Да что было-то!.. А-ахъ, прости Господи! Шуму да безпокойства вышло еще больше, чѣмъ съ лохматымъ... Этакое тутъ дѣло открылось, этакое дѣло, что просто умопомраченіе!.. Вотъ тебѣ, Капитолинушка, и обзавелась жильцомъ, «лучше не надо»! Ужъ чего лучше! Ха! Ловко, братъ, поддѣваютъ, а?

— Да кто жъ это такой былъ? — спросилъ, я.

— Кто? Да все—тоже...—съ глубокимъ огорченіемъ промолвила Капитолина Васильевна. — Ну, такъ вотъ и разсуди ты теперь: возможно-ли нынѣ комнаты сдавать? Одинъ былъ веселый да шумливый—и добрякался до бѣды; другой по одной половичкѣ ходилъ, не слыхать его было,—и опять неладно... Ну, какъ же теперь быть? Кого же пускать? А? Нѣтъ, ты скажи толкомъ: кого же пускать-то?

Я, дѣйствительно, затруднялся отвѣтомъ.

— Вѣдь *они*, небось, сами объ себѣ не скажутъ?—спросила хозяйка.

— Конечно, не скажутъ.

— На лбу у *нихъ* не написано?

— Не написано.

— Намъ-то, хозяйкамъ квартирнымъ, какъ же быть! Разсуди... А вѣдь съ насъ тоже спрашивается, вонъ и дворникъ пугаетъ...

— А теперь кто у васъ живетъ въ той комнатѣ?—спросилъ я, немного погодя.

— Чиновникомъ притворяется, а Богъ его знаетъ...—какъ-то необыкновенно растерянно проговорила Капитолина Васильевна, словно я затронулъ сильно мучившій ее вопросъ.

— Какъ это «притворяется»?—переспросилъ я въ недоумѣніи.—Развѣ же ты навѣрное не знаешь?

— Ничего я, батюшка, нынче не знаю и ничему не вѣрю, какъ есть ничему...—взволнованно произнесла она, нервно обдергивая свой грязный фартукъ.

— Да вѣдь паспортъ-то у него есть?

— Ахъ, оставь!.. Что ужъ тутъ паспортъ, прости Господи!—вспыхнула Капитолина Васильевна.—Вонъ околоточный говоритъ, что нынче паспорту-то меньше всего надо вѣрить... Да извѣстно: бумага... все терпитъ, выводи на ней, что хочешь, — хоть туркой пропишись!.. Нѣтъ ужъ, голубчикъ, довольно морочили этими самыми паспортами... Будетъ! Покорно благодаримъ...

— Да какъ же, однако... — не унимался я.—Вѣдь если онъ, въ самомъ дѣлѣ, чиновникъ, такъ долженъ же указать мѣсто служенія.

— Онъ и указываетъ, только что жъ изъ того! Говоритъ, въ комитетѣ служитъ...

— Въ какомъ?—полюбопытствовалъ я.

— Ужъ не знаю, право, какъ тебѣ сказать... Онъ-то его чисто выговариваетъ, а я не могу никакъ приноровиться... Постой, впрочемъ! Погоди...

Капитолина Васильевна уставила глаза въ потолокъ и невнятно начала выговаривать:

— Стеки... скити... ски-кисти-ческій...

— Статистическій!—поправилъ я.

— Во, во, во! Онъ самый и есть!—подхватила Капитолина Васильевна.

— Ну, что жъ такое...—началъ, было, я.

— Меня ужъ на этотъ счетъ добрые люди надоумили! — заговорила хозяйка. —Комитеты, братецъ ты мой, пошли нынче тоже разные: одни — отъ министра, по закону, значитъ... а есть и такіе, которые на счетъ смуты и все такое... Такъ вотъ я и не знаю: какъ съ нимъ быть! Сомнительно онъ мнѣ

кажется, безпокоитъ онъ меня. Паспортъ отдалъ до слова, я—къ дворнику: такъ и такъ, молъ... А тотъ говоритъ: «ничего, давай! въ участкѣ все разберутъ»... Томитъ онъ меня, голубчикъ,—страсть! Хоть бы ужъ конецъ скорѣе... А то сердце-то все неспокойно, какъ будто не на мѣстѣ... Погляжу я на него иной разъ, и таково-то невесело станетъ... Ну, какой такой чиновникъ—безъ формы? И потомъ же опять на службу разъ въ недѣлю ходитъ, на часъ—на два. Что это за чиновникъ! Нѣтъ! Ежели ты чиновникъ, а не какой-нибудь шаромыга, такъ ты съ ранняго утра въ форму оболокайся, да маршъ — на службу! А этотъ до полудня, тфу! въ однихъ кальсончикахъ шляется, да дудитъ себѣ: ду-ду-ду, тю-тю-тю, фю-фю-фю... только и есть! Нѣтъ, если ты чиновникъ, такъ ты и корпи, сиди въ канцеляріи, нишкни! А этотъ цѣлый день только знай зѣваетъ да свищетъ, да по стекламъ ровно въ барабаны бьетъ, а то вдругъ начнетъ ржать... Чиновникъ! И видать, что чиновникъ... Какъ же! — съ презрѣніемъ повторила Капитолина Васильевна.

— Нынче вѣдь, Капитолина Васильевна, чиновники бываютъ разные...—заговорилъ я.

— Да ужъ какъ не разные... сама, батюшка, вижу, что даже и оченно разные...

Въ эту минуту, какъ нарочно, въ одной изъ комнатъ раздался необыкновенно веселый, звонкій голосъ, напѣвавшій самымъ лихимъ, забубеннымъ тономъ:

«Раздушенька мой миленькій казакъ,
Раздушенька мой миленькій казакъ,
Что не ходишь, что не жалуешь ко мнѣ?
Что не ходишь, что не жалуешь ко мнѣ?

Послышался топотъ, приплясыванье, и затѣмъ по квартирѣ пронесся протяжный, пронзительный свистъ.

— Вотъ, вотъ! Началось!.. Каждый божій день вотъ этакъ...—вполголоса говорила Капитолина Васильевна, судорожно хватая меня одною рукой за плечо, а другою указывая по направленію раздавшагося пѣнья, какъ бы рекомендуя мнѣ обратить на него особенное вниманіе.

— И вотъ, голубчикъ, никакъ я не могу домекнуться: чего онъ такое все считаетъ... — продолжала Капитолина Васильевна. — Считаетъ все тысячи, да тысячи... А у самого въ карманѣ ни гроша. Мнѣ долженъ за мѣсяцъ... А все что-то считаетъ—и на бумажкахъ и на счетахъ стучитъ...

— Ну и опять, батюшка, развѣ хорошо это: приведетъ иной разъ къ себѣ вечеромъ, знаешь... — продолжала Капитолина Васильевна.—Ну, приводи, лѣшій, съ собой, да чинно, тихо, келейнымъ манеромъ, чтобы соблазна никому не было... А у него ночью вдругъ трескотня поднимется, стукъ, грохотъ на всю квартиру, ровно онъ тамъ на головѣ ходитъ, либо колесомъ катается... Ну, подумай, ладно это? Вѣдь у меня жильцы есть... Какъ же онѣ должны думать на этотъ счетъ, а? Ну, обыкновенно, сомнѣнье на всѣхъ нападаетъ. Нехорошо!.. Разъ ужъ не выдержала, послала къ нему Марѳушку. Та пришла къ двери и говоритъ: «Нельзя-ли потише, Иванъ Кузьмичъ!» — «Никакъ, говоритъ, нельзя потише, потому, говоритъ, доктора мнѣ прописали гимнастикой заниматься (это ночью-то, слышь!), прописали, говоритъ, гирями—что есть силы—махать и на стульяхъ коверкаться!» А Марѳушка ему опять: «Всѣ вѣдь ужъ спятъ, говоритъ. Помилуйте, говоритъ, Иванъ Кузьмичъ, вѣдь вы обезпокоите... И потомъ же, говоритъ, всѣ въ большомъ сомнѣніи»...— «Я, говоритъ, за комнату заплатилъ, комната—моя, и я, говоритъ, никакихъ сомнѣній знать не хочу. Захочу, говоритъ, такъ изъ ружей палить начну»... Просто, какой-то отчаянный!

Опять изъ комнаты послышалось громкое залихватское пѣніе:

«Безъ тебя, мой другъ, постелька холодна,
Безъ тебя, мой другъ, постелька холодна,
Одѣяльце заиндевѣло,
Одѣяльце заиндевѣло!»

Опять—топотъ, пляска и пронзительный, протяжный свистъ на всю квартиру, причемъ Капитолина Васильевна слегка вздрагиваетъ...

— Тфу, ты! Прахъ его возьми... Никакъ не могу привыкнуть къ этому свисту...—съ досадой и раздраженіемъ заговорила хозяйка, обдергивая на себѣ фартукъ.—Въ другой разъ, голубчикъ, послала къ нему Марѳушку со строгимъ наказомъ. Марѳушка и говоритъ ему черезъ двери: «Ежели, говоритъ, Иванъ Кузьмичъ, возню не прекратите, хозяйка завтра же вамъ откажетъ, потому, говоритъ, по ночамъ такого безобразія не видано»...— А онъ, батюшка, какъ окрысится на нее, да какъ закричитъ. «Убирайся, говоритъ, и скажи лучше своей хозяйкѣ, что ежели, говоритъ, вы еще не отстанете отъ меня, приду, говоритъ, къ вамъ, какъ Мамай, сорву со стѣны вашего патретнаго генерала и всего

его, говоритъ, въ дребезги расшибу объ ваши пустыя головы!..» А! Ловко?.. Потомъ ужъ больше не посылала къ нему. Ну его совсѣмъ!.. Наскочишь еще на непріятность этакую... А вѣдь отъ него, шалаго, все станется!.. Э-эхъ! Чиновникъ еще называется... Нѣшто такіе чиновники бываютъ... Срамота!

Капитолина Васильевна тяжело вздохнула и понурилась. Очевидно, ее тревожила и шентрапà, безпокоилъ и безформенный чиновникъ, такъ ужасно угрожавшій ей... Посмотрѣвъ на ея поникнувшую, непричесанную голову, на ея безсильно упавшія руки, я подумалъ: «Видно, и для твоего патріархальнаго житья конецъ пришелъ»...

1884 г.

— Хочу перваго числа отказать ему! — со вздохомъ, тихо промолвила Капитолина Васильевна, какъ бы разсуждая вслухъ сама съ собой. — А то опять ввяжешься... Да и квартиру скоро совсѣмъ порѣшу... Ну ихъ!

Я старался успокоить ее, приводя ей доводы въ родѣ «авось» да «какъ-нибудь», но она качала головой и упрямо повторяла:

— Нѣтъ! Порѣшу я совсѣмъ... и шабашъ.

Въ эту минуту изъ комнаты жильца послышался трескъ и грохотъ...

Съ тѣхъ поръ я уже не видалъ Капитолину Васильевну и не знаю: «порѣшила-ли» она.

ПО ГРАДАМЪ И ВЕСЯМЪ.

(Изъ исторіи нашего времени).

РОМАНЪ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

I.

Вмѣсто пролога.

«12 марта 187. г.

«Т*.

«Ты, быть можетъ, удивишься, старый дружище, что я забрался въ такую даль. Не удивляйся! Такъ нужно... Смышляевъ предложилъ мнѣ мѣсто землемѣра; я и ухватился за его предложеніе. Коротко и ясно. Давно я не писалъ тебѣ: некогда было. Теперь, на досугѣ, потолкуемъ. Если, дѣйствительно, у васъ устроится ремесленная школа, это будетъ прекрасно. На земство вы, конечно, можете вліять черезъ Р. Г. И «либераломъ» брезгать не надо, болтуны подчасъ тоже могутъ пригодиться. Писалъ нашему эскулапу, чтобы онъ собралъ свѣдѣнія о каменно-угольныхъ копяхъ въ Р—ской губерніи. Обѣщалъ.—Нижегородцы хотѣли напечатать твой экономическій очеркъ. Я, по крайней мѣрѣ, объ этомъ сильно хлопоталъ. Ты знаешь мое мнѣніе насчетъ такихъ очерковъ: только по такимъ очеркамъ можетъ составиться полная картина современнаго состоянія Россіи.—О Петербургѣ сказать много нечего. Попрежнему, люди толкутся на одномъ мѣстѣ, какъ комары... Я уже писалъ тебѣ, что сошелся съ нѣкоторыми литературными кружками. Насмотрѣлся, а еще пуще—наслушался я всякихъ диковинокъ вдоволь. На собраніяхъ дѣло, обыкновенно, происходило такъ: въ началѣ вечера общій разговоръ не завязывался, толковали о новостяхъ дня, сплетничали, пересуживали отсутствующихъ; попозже начинали горячиться, одинъ по столу кулакомъ стучалъ, другой ударялъ себя въ грудь, споры, да вздоры... Тутъ ужъ являлись на сцену и заплѣсневѣлыя воспоминанія чуть-ли не о сорокъ восьмомъ годѣ, и толки о конституціи и т. д. За ужиномъ и послѣ ужина разсказывалось много анекдотовъ. Вѣдь наше славное время, по преимуществу,—время анекдотовъ... Когда же послѣ всего этого пустословія выйдешь, бывало, на улицу, такъ просто даже въ головѣ-то шумъ стоитъ, какъ будто только-что изъ угарной комнаты выползъ. Впрочемъ, не всегда такъ случалось...

Иногда на вечерахъ высказывались самыя благія намѣренія и пожеланія, составлялись всякіе планы, строились цѣлые воздушные замки,—и всѣ эти воздушные замки и пожеланія на утро же пропадали безслѣдно, какъ мыльные пузыри. Выходило одно словоблудіе—и больше ничего!.. Литература падаетъ. Это даже сами литераторы признаютъ. Почему она падаетъ? Нынѣ объ этомъ ужасно любятъ писать, пишутъ вкривь и вкось, и потому отвѣты все даются различные. Я же, братъ, думаю такъ: въ прежніе годы лучшія силы нашей интеллигенціи находили исходъ для своей дѣятельности главнымъ образомъ и легче всего—на писательскомъ поприщѣ. Много хорошихъ силъ шло туда... Теперь же для этихъ силъ открылись и другія поприща, которыя представляютъ для нихъ возможность лучшей, болѣе живой, болѣе широкой дѣятельности. Не потому-ли, въ самомъ дѣлѣ, оскудѣла талантами наша литература? Не на другое-ли какое-нибудь дѣло пошли наши лучшія силы? Какъ ты думаешь?—Барынѣ своей скажи отъ меня поклонъ. Привѣтъ всѣмъ нашимъ. Пиши такъ: въ г. Т*, по Дольней улицѣ, домъ священника Троицкаго. Лебедкину.

Твой Ѳ. В.»

«P. S. Вотъ уже цѣлую недѣлю не вижу я передъ собой ни каменныхъ петербургскихъ громадъ, ни петербургскихъ городовыхъ. Кругомъ меня — пестренькіе деревянные дома, выкрашенные въ розовую и желтую краску, а за ними—поля, луга и лѣса. Все это пока, конечно, еще подъ снѣгомъ, но когда всѣ эти лѣса и поля зазеленѣютъ и зацвѣтутъ, тогда здѣсь будетъ чудесно».

Черезъ нѣсколько дней послѣ того, какъ было написано это посланіе, почтальонъ доставилъ его по адресу учителю уѣзднаго училища въ одномъ изъ городковъ П—ской губерніи.

Весною того-же года, землемѣръ, Ѳеофанъ Михайловичъ Верюгинъ, былъ командированъ для размежеванья земель въ различныхъ мѣстностяхъ Т—ской губерніи. Въ концѣ мая онъ отправился въ свои странствованія по барскимъ усадьбамъ и по деревнямъ. Онъ уже побывалъ въ двухъ селеньяхъ и размежевалъ крестьянъ съ ихъ бывшими помѣщиками.

Теперь путь его лежалъ въ Вязовку, имѣніе г-жи Маркушевой. Пара крестьянскихъ лошадокъ тащила его телѣгу по степямъ и полямъ. Поскрипывая и потрескивая, катилась телѣга по ровной степной дорогѣ. Сѣренькій весенній день смеркался. Свѣжій вѣтерокъ лѣниво подувалъ... Черноземныя поля раскидывались во всѣ стороны, уходили въ даль и не было видно имъ конца. Стая воронъ съ глухимъ карканьемъ, кружилась надъ вспаханными полосами. Мужикъ, обдерганный, обтерханный, пошатываясь, ходилъ по полю, склонившись надъ сохою. Медленно брела его тощая, усталая кляча... Закутавшись въ свой темный плэдъ, Верюгинъ задумчиво посматривалъ на эту сѣрую, неприглядную картину, широко разметнувшуюся передъ нимъ. Картина — съ дѣтства ему знакомая, родная картина: сѣрое небо, сѣрая земля, пахарь за сохою и стая воронъ надъ полями...

Верюгину стукнуло 35 лѣтъ, но, благодаря счастливой наружности, онъ казался моложе. Только въ волосахъ его уже пробивалась сѣдина, да въ глазахъ иногда, когда онъ оставался наединѣ, какъ, напримѣръ, теперь, выражалось утомленіе... Онъ высокъ, строенъ, повидимому, довольно силенъ, но лицо его далеко некрасиво. Лицо овальное, носъ длинный, съ горбикомъ, лобъ высокій, но не очень большой, блѣдно-голубые глаза (глаза, впрочемъ, хорошіе, сильные), вьющіеся, свѣтло-русые волосы, усы, почти закрывающіе верхнюю губу, и мефистофелевская бородка... Конечно, написанный мною портретъ туманенъ и безцвѣтенъ и, быть можетъ, напоминаетъ собой тѣ портреты, что пишутся въ паспортахъ, вѣчно заканчиваясь однимъ и тѣмъ же штрихомъ: «особыхъ примѣтъ нѣтъ»... Что жъ дѣлать! Ванъ-Диковъ на свѣтѣ мало.

Теперь Верюгинъ, какъ уже сказано, ѣхалъ въ Вязовку, къ помѣщицѣ, Аннѣ Павловнѣ Маркушевой. Онъ въ городѣ уже слышалъ кое-что про эту госпожу. Одни говорили, что она—гордячка, отъ провинціальнаго общества держится въ сторонѣ и общественнымъ мнѣніемъ не дорожитъ. Другіе утверждали, что она—барыня, «очень либеральная», все читаетъ книги и стоитъ за свободу чувствъ.

— Пожила она на своемъ вѣку!—толковали старики. — Была въ свое время красавицей, да такой франтихой, что нынѣшнимъ барынямъ куда до нея,—и не подумать!.. А теперь обстоятельства ея перемѣнились,—все въ деревнѣ живетъ, съ племянницей! Женщина — очень образованная, воспитанная... Въ хорошемъ обществѣ живала...

Понятно, что не очень-то ясный и складный образъ являлся въ воображеніи Верюги-

на, когда хотѣлъ онъ теперь представить себѣ m-me Маркушеву... Въ ожиданіи Вязовки, Ѳеофанъ Михайловичъ слегка вздремнулъ. Проснувшись, онъ увидалъ передъ собой ту же картину—сѣрое небо, сѣрую землю, стаю воронъ надъ полемъ и мужика, шатавшагося за сохой... Проѣхали еще верстъ десять. Верюгинъ снова дремлетъ, снова раскрываетъ глаза, и опять передъ нимъ все то же сѣрое небо, полосы вспаханной земли, стаи воронъ надъ ними, а въ дали какъ будто тотъ же грязный, лохматый мужикъ понуро ходитъ за сохой. И въ ту пору сквозь сонъ Верюгину почудилось, что куда бы онъ ни ѣхалъ, куда бы ни заѣхалъ, надъ нимъ вездѣ и всюду вѣчно будетъ висѣть это же самое сѣрое, безпросвѣтное небо, будетъ разстилаться та же сѣрая земля, поросшая терновникомъ и ковылемъ, будутъ чернѣть все тѣ же вспаханныя полосы, надъ ними станутъ кружиться стаи воронъ, а по полю станетъ все ходить и ходить Вѣчный Мужикъ за своею сохой... Верюгину стало даже жутко, дрема мигомъ слетѣла съ него. «Въ самомъ дѣлѣ, не эмблемали это земли русской!—съ усмѣшкой подумалъ онъ, позѣвывая и протирая глаза.—Куда ни глянь,—все *онъ* со своей сохой, да съ жалкой клячей»...

А вокругъ—поля и степи ровныя, необъятныя и пустынныя... Никого, кромѣ стаи воронъ, мужика, да его Сивки...

Былъ часъ шестой утра. Верюгинъ сидѣлъ у открытаго окошка. Вѣтви цвѣтущей, пахучей сирени лѣзли на подоконникъ. На деревнѣ пѣли пѣтухи. Звонко заливался жаворонокъ въ сосѣднемъ полѣ. Съ голубого неба ярко свѣтило майское солнце... И въ этотъ тихій утренній часъ Верюгинъ невольно, незамѣтно поддался очарованію деревенскаго спокойствія и мира, полнаго мечтательной нѣги. Онъ наслаждался вполнѣ, всѣмъ существомъ своимъ, наслаждался и солнечнымъ свѣтомъ, и блескомъ изумрудной зелени, и яркостью красокъ полевыхъ цвѣтовъ, и благоуханіемъ сирени, и всѣми звуками пробуждавшейся отъ сна деревенской жизни... Кто росъ въ сосѣдствѣ съ полями и лѣсами, или кто долго жилъ въ деревнѣ и потомъ вынужденъ былъ нѣсколько лѣтъ сряду провести въ большомъ городѣ, тотъ совершенно пойметъ Верюгина и посочувствуетъ ему. А Верюгинъ именно выросъ среди полей и за послѣднее время принужденъ былъ безвыѣздно выжить въ Петербургѣ болѣе трехъ лѣтъ...

Выпивъ стаканъ молока и взявъ съ собой кусокъ ржанаго хлѣба, Ѳеофанъ Михайловичъ отправился на деревню. Тамъ разыскалъ онъ старосту и попросилъ его на завтра дать ему на помощь нѣсколько человѣкъ рабочихъ. Сегодня же онъ хотѣлъ познакомиться съ мѣстностью, отдохнуть...

Теперь, вырвавшись на деревенскій просторъ, выйдя за околицу, Верюгинъ, казалось, не могъ надышаться вволю свѣжимъ пахучимъ воздухомъ полей и лѣсовъ. Степь, разстилавшаяся передъ нимъ, вся была уже въ цвѣту, пестрѣла и алѣла. Вѣтерокъ чуть-чуть подувалъ, разнося съ собой степные ароматы. Порядочно побродивъ и проголодавшись, Верюгинъ взошелъ на одинъ изъ невысокихъ бугровъ, тамъ и сямъ поднимавшихся среди степи, и усѣлся на траву совершать свою трапезу. Онъ вынулъ изъ сумочки свой кусокъ чернаго ржанаго хлѣба, плотно посолилъ его и съѣлъ съ большимъ аппетитомъ... Эта закуска,—любимая закуска Верюгина въ дѣтствѣ,—привела ему теперь на память давніе годы и давнихъ людей, изъ которыхъ уже многіе лежали въ могилѣ. И вотъ передъ нимъ живо, какъ наяву, мелькнуло маленькое, знакомое личико... Бѣлокурая, голубоглазая дѣвочка, небольшаго роста, худенькая... Кроткое, любящее существо...подруга его дѣтства...

Портной Кузьма Прокопьевичъ, обшивавшій изстари все семейство Верюгиныхъ, жилъ въ собственномъ домикѣ на самомъ концѣ города, и маленькій огородъ его выходилъ на сполье. Портной, зайдя къ Верюгинымъ съ работой, иногда оставался у нихъ на весь день, занимаясь починкой и накладываньемъ заплатъ на разное старье. Прокопьичъ слылъ за грамотѣя, за человѣка начитаннаго, живалъ въ Москвѣ и много видалъ на своемъ вѣку. Маленькій Ѳеофанъ Верюгинъ чрезвычайно любилъ толковать съ нимъ о томъ-о семъ и слушать его розсказни. Иногда посылали его къ Прокопьичу по какому-нибудь дѣлу, иногда же самъ онъ отправлялся къ нему въ гости. Въ этой простой рабочей семьѣ Ѳеофану было привольнѣе, нежели въ домахъ чиновничьихъ, съ которыми были знакомы его отецъ и мать... Жена портнаго, Максимовна, пекла такіе отличные, вкусные крендели на постномъ маслѣ! Прокопьичъ разсказывалъ такія чудесныя исторіи... Въ зимніе вечера сидѣли они съ сальной свѣчей за простымъ деревян-

нымъ столомъ. Верюгинъ помнитъ, какъ маленькая Оля всегда усаживалась съ нимъ рядомъ и въ страшныхъ, патетическихъ мѣстахъ разсказа, слегка вздрагивая, прижималась къ его плечу. Иногда, когда въ лачугѣ портнаго бывало холодно, Ѳеофанъ забирался на печь и подчасъ тамъ сладко подремывалъ... Или: бѣжитъ онъ, бывало, домой отъ Прокопьича. Поздній вечеръ. Улицы маленькаго городка пусты, безлюдны. Лишь изрѣдка кое-гдѣ изъ-подъ воротъ пролаетъ собака, да сторожъ поколотитъ въ доску. Бѣжитъ мальчуганъ вдоль улицы, только сухой снѣгъ поскрипываетъ слегка подъ ногами въ безмолвіи морозной ночи. Мѣсяцъ высоко стоитъ въ ясномъ небѣ и блѣдно-голубымъ свѣтомъ озаряетъ спящій городъ. А звѣздъ на небѣ выступаетъ видимо-невидимо. Огни въ домахъ погашены. Рѣдко-рѣдко кое-гдѣ мерцаетъ красный огонекъ свѣчи или тихо брезжитъ сіяніе теплящейся передъ образомъ лампады. Деревья, всѣ покрытыя инеемъ и облитыя луннымъ сіяніемъ, какъ блѣдные призраки, стоятъ по краямъ дороги, не шелохнутся... Вотъ мальчуганъ перебѣгаетъ площадь, бѣжитъ мимо наглухо запертыхъ лавокъ, мимо большихъ рыночныхъ вѣсовъ, мимо собора. Высока кажется ему тогда соборная колокольня, уносящаяся въ небо со своимъ блистающимъ шпилемъ. Бѣжитъ онъ, а вслѣдъ ему съ колокольни мѣрно гудитъ колоколъ: «бумъ, бумъ». И рѣзко, отчетливо раздается въ морозномъ воздухѣ колокольный звонъ надъ мирно почивающимъ городкомъ. Вотъ Ѳеофанъ уже—на Нижней улицѣ, вбѣгаетъ на свой дворъ. Онъ—дома...

Теперь въ степи, подъ яркимъ солнечнымъ освѣщеньемъ, въ виду зелени и цвѣтовъ—особенно ясно припомнились ему лѣтніе вечера, проведенные имъ въ огородѣ друга его, Прокопьича. Лучшими минутами отдыха были для него эти вечера.

Послѣ дождя, бывало, въ ясный теплый день, весь огородъ цвѣлъ и благоухалъ. Въ огородѣ насчитывалось грядъ шесть-семь, но чего-чего только не росло на этихъ семи грядкахъ! Тутъ росъ лукъ, тамъ рисовался узорчатый листъ моркови и картофеля, далѣе разбрасывался сочный свекольникъ; сахарный горохъ вился по тонкимъ жердочкамъ, а еще далѣе — огуречныя вѣтви ползли и лѣзли въ разныя стороны. На краяхъ грядъ и въ бороздахъ подсолнечники высоко поднимали кверху свои тяжелыя желтыя головки. Особенно изобильно тамъ и сямъ пестрѣлъ макъ. Этотъ яркій макъ съ его матовой зеленью крѣпко запомнился Верюгину... По угламъ и вдоль загороди росла густая, сочная трава. Красивый хмѣль вился по тычинкамъ, свѣшиваясь внизъ гирляндами. Вдоль же загороди вперемежку лѣпились смородинникъ, малина и сирень. У калитки разрослась желтая акація. Верюгинъ помнитъ, что для него съ Олей мѣсто подъ этою акаціей было любимымъ уголкомъ.

Маленькій Верюгинъ любилъ Олю. Съ нею дѣлился онъ своими дѣтскими радостями и горемъ. Она не уставала слушать его предположенія насчетъ будущаго, причемъ всегда выходило, что они съ Олей будутъ жить вмѣстѣ. Дѣвочка вполнѣ вѣрила ему, разукрашивала его планы еще собственными добавленіями, утверждая, напримѣръ, что имъ непремѣнно нужно будетъ взять съ собой и Лыску, ихъ дворовую собаку... Тутъ разыгралась старая исторія—вѣчно новая исторія,—очень обыкновенная и очень короткая... Ѳеофанъ уѣхалъ въ гимназію, а Оля, года черезъ три послѣ его отъѣзда, какъ-то простудилась весной, полоща на рѣкѣ бѣлье, и умерла въ чахоткѣ. Уже студентомъ, то-есть лѣтъ черезъ шесть послѣ ея смерти, Верюгинъ пріѣзжалъ въ родной городокъ... Прокопьичъ, тогда уже овдовѣвшій и сѣдой, какъ лунь, водилъ его на кладбище, «къ своимъ». Сначала старикъ остановился у могилы Максимовны, а потомъ указалъ ему на маленькую, уже совсѣмъ опустившуюся могилку, всю заросшую травой. Старикъ снялъ шапку, покрестился на церковь и, кивнувъ головой на могилу, молвилъ Верюгину:

— Вотъ и подружка твоя...

А теперь и Прокопьичъ давно уже лежитъ въ могилѣ...

Говорятъ, что иногда случайно донесшійся звукъ или запахъ какого-нибудь цвѣтка могутъ пробудить въ человѣкѣ цѣлый рой воспоминаній, могутъ воскресить передъ нимъ образы людей, уже давно умершихъ и истлѣвшихъ, могутъ воскресить цѣлый рядъ сценъ, событій, полузабытыхъ, полузатертыхъ временемъ. Это—правда. Простая закуска и запахи степныхъ цвѣтовъ напомнили теперь Ѳеофану Михайловичу его маленькую подругу дѣтства просто потому, что въ огородѣ Прокопьича воздухъ также былъ напоенъ запахомъ зелени—овощей, цвѣтовъ и травъ, и въ томъ маленькомъ огородѣ Верюгинъ не

разъ закусывалъ также незатѣйливо коркой чернаго хлѣба, какъ закусилъ онъ сегодня...

Грустная тѣнь отъ этихъ воспоминаній, упавшая, было, на душу Верюгина, не могла особенно сильно сгуститься, благодаря его молодости, здоровью, въ виду цвѣтовъ, роскоши и блеска сіяющаго майскаго дня...

Когда солнышко стало слишкомъ припекать, Ѳеофанъ Михайловичъ зашелъ отдохнуть въ лѣсную тѣнь. И здѣсь, въ зелени и въ цвѣтахъ, обвѣваемый лѣснымъ запахомъ, лѣсною глушью—онъ всею грудью вдыхалъ въ себя здоровый, свѣжій, смолистый воздухъ. Онъ чувствовалъ теперь нѣчто подобное тому, что ощущаетъ человѣкъ, только-что вставшій на ноги послѣ тяжкой болѣзни и вышедшій на открытый воздухъ... Верюгинъ то задумчиво лежалъ, разсматривая со вниманіемъ; почти съ любовью, нависшія надъ нимъ вѣтви деревьевъ, — такъ пристально, любовно всматриваемся мы въ лицо друга послѣ долгой-долгой разлуки; — то быстро шагалъ онъ по лѣсу, переходя изъ чащи въ чащу, перескакивая черезъ кочки и легко и ловко перебираясь черезъ толстыя, поваленныя колоды, черезъ выкорчеванные, съ землею вывороченные, пни. Всякій, увидѣвшій его въ тѣ минуты, навѣрно сказалъ бы, что этотъ человѣкъ—въ лѣсу, какъ у себя дома, или, еще вѣрнѣе, какъ рыба въ водѣ... То Верюгинъ вдругъ вполголоса затягивалъ пѣсню; но тихая пѣсня его совсѣмъ заглушалась чириканьемъ и щебетаньемъ птичекъ. Послѣ городского уличнаго шума и грохота, послѣ городскихъ разговоровъ въ душныхъ комнатахъ, наполненныхъ табачнымъ дымомъ или запахомъ духовъ, отрадно было ему прислушиваться къ лѣсному шелесту и щебетанью, расходившимся кругомъ него...

На слѣдующее утро начались и пошли своимъ обычнымъ порядкомъ работы по межеванью. Верюгинъ возвращался въ усадьбу лишь къ вечеру... Онъ познакомился съ рабочими, носившими его инструменты и цѣпь, и подолгу разговаривалъ съ ними о томъ-о семъ.

II.

Соловьиная ночь.

— Много горя испытала я на своемъ вѣку! —говорила Анна Павловна Маркушева.

Верюгинъ, не отрываясь отъ работы, молча, посмотрѣлъ на нее.

Разговоръ происходилъ подъ вечеръ въ зеленой тѣни густолиственной липовой аллеи. Владѣтельница Вязовки и гость ея сидѣли на посѣрѣвшей и погнившей деревянной скамьѣ. Она на жаровнѣ варила варенье; онъ набрасывалъ черновой планъ пройденнаго имъ въ то утро степного пространства. Передъ барыней на жаровнѣ стоялъ тазикъ съ вареньемъ, а рядомъ на столѣ помѣщались чайныя блюдца, чашка съ водой, были разбросаны кленовые листья и изъ-подъ нихъ блестѣла серебряная ложка; подъ столомъ виднѣлась корзина съ угольемъ... Верюгинъ сидѣлъ, наклонившись надъ бумагами, разложенными передъ нимъ на особомъ столикѣ. Тутъ же валялись перочинный ножикъ, транспортиръ, линейка, треугольникъ, циркуль...

Аннѣ Павловнѣ стукнуло уже за сорокъ пять лѣтъ, но ей никто не далъ бы и сорока. Всѣ знакомые ея говорили, что она удивительно сохранилась. Она была высокаго роста, стройная, полная, съ прекраснымъ бюстомъ; держалась она всегда прямо, и какъ-то особенно строго-величавъ былъ поворотъ ея головы. Она могла бы на сценѣ съ успѣхомъ исполнять роль grande dame. Русые волосы съ легкою, почти незамѣтною просѣдью, изящно заплетенные, въ видѣ темной коронки, увѣнчивали ея голову. Ея бѣлый лобъ казался еще совершенно гладкимъ, и на немъ красиво обрисовывались темныя брови. Въ ея темныхъ карихъ глазахъ еще очень замѣтно, порою, горѣлъ огонекъ. Ея полная нижняя губа слегка выдавалась впередъ, что придавало подчасъ ея красивому лицу презрительно-горделивое выраженіе... Въ этотъ майскій вечеръ, на Аннѣ Павловнѣ было легкое, бѣлое платье съ широкими рукавами и съ небольшимъ шлейфомъ, охваченное по таліи розовымъ поясомъ съ длинными, развѣвающимися концами... Она не была еще старухой, да и старить себя не желала. Ея самоувѣренный взглядъ, непринужденное обращенье, ея нѣсколько утомленный видъ, разговоръ и вообще всѣ манеры указывали на то, что m-me Маркушева не всегда жила въ Вязовкѣ, въ своемъ тѣсномъ степномъ околоткѣ, не всегда ограничивалась знакомствомъ съ сельскимъ попомъ, съ исправникомъ, да съ двумя-тремя сосѣдними помѣщиками. И дѣйствительно, какъ свидѣтельствуютъ провинціальныя лѣтописи, m-me Маркушева пожила на своемъ вѣку въ волюшку, пожила широко, въ большомъ свѣтѣ, съ большими людьми,—и отъ того блестящаго времени, вѣроятно, не мало блестящихъ вос-

поминаній сохранилось въ архивахъ ея памяти...

Теперь, варя свое варенье, Анна Павловна не разъ то прямо, то искоса поглядывала на молодого человѣка, на его низко склоненную голову. Онъ былъ въ Вязовкѣ homo novus, незнакомецъ, а всякій незнакомецъ самъ по себѣ уже таинственъ. И естественно, что въ m-me Маркушевой, какъ въ деревенской жительницѣ, Верюгинъ особенно возбуждалъ любопытство. Все въ незнакомцѣ интересовало барыню — даже его костюмъ, хотя Ѳеофанъ Михайловичъ на этотъ разъ былъ въ своей обычной одеждѣ — въ свѣтло-сѣрой блузѣ и сѣрыхъ штанахъ, заправленныхъ въ длинные сапоги, подтянутые немного ниже колѣнъ ремешками. Блуза была подпоясана широкимъ чернымъ ремнемъ. Толстая стальная цѣпочка—подъ цвѣтъ блузы — лежала у него на груди, а часики были заткнуты въ боковой карманъ. Свою маленькую, сѣрую фуражку Верюгинъ во время работы, въ забывчивости, сдвинулъ на затылокъ, и густыя пряди его вьющихся, свѣтло-русыхъ волосъ выбились изъ-подъ фуражки, а нѣсколько коротенькихъ прядей упало ему на лицо. Неказистъ былъ костюмъ, да неказистъ и самъ землемѣръ... Волосы—въ пыли, руки—въ чернилахъ, замараны тушью. Лицо — красное, загорѣлое. Но это лицо, какъ уже сказано, некрасивое—было очень выразительно, и эта-то выразительность придавала ему ту высшую красоту, которая зависитъ не отъ правильности линій, но отъ того внутренняго, душевнаго огня, что̀ согрѣваетъ и освѣщаетъ самое, повидимому, простое, обыкновенное лицо. Такія лица мы называемъ *интеллигентными*... Хотя ни въ костюмѣ, ни въ наружности Верюгина не оказывалось ничего необычайнаго, но все-таки и то и другое заставляло Анну Павловну задумываться. Блуза, длинные, запыленные сапоги и самыя рѣчи Верюгина напоминали ей что-то или давно читанное, или слышанное отъ кого-нибудь изъ сосѣдей. «Нигилистъ!»—подумалось ей, когда она въ первый разъ увидѣла Верюгина...

Здѣсь должно замѣтить, что, по мнѣнію тѣхъ степныхъ хуторовъ, среди которыхъ жила Анна Павловна, нигилисты, въ родѣ Базарова, все еще продолжали, будто бы, существовать на Руси, между тѣмъ какъ эти несчастные «лягушечники» давнымъ-давно уже прошли, да и быльемъ поросли, а на смѣну имъ «иные люди въ міръ пришли; иныя чувства и понятья они съ собою принесли». Для добродушныхъ степняковъ всякое новое ученіе, шедшее въ разрѣзъ съ общепринятой рутиной, все еще было «нигилизмомъ», хотя бы нигилизмомъ въ немъ даже и не пахло...

Лицо Верюгина также обращало на себя вниманіе m-me Маркушевой, хотя она на своемъ вѣку видала много мужчинъ-красавцевъ. Но въ неправильномъ и некрасивомъ лицѣ Верюгина было то, что̀ не часто удавалось барынѣ встрѣчать въ мужчинахъ: въ этомъ лицѣ отражалась бодрая, здоровая, цѣломудренная юность... Словомъ, въ итогѣ оказывалось, что Анна Павловна не на шутку заинтересовалась молодымъ человѣкомъ, явившимся къ ней, словно, изъ другого міра, и заговорившимъ съ нею совсѣмъ иначе, чѣмъ говорили до тѣхъ поръ ея деревенскіе и городскіе знакомые. Верюгинъ поразилъ m-me Маркушеву еще болѣе оттого, что совершенно обманулъ ея ожиданія. Въ землемѣрѣ она думала увидѣть «человѣка на вытяжку», неуклюжую каррикатуру на свѣтскаго кавалера, прибавляющаго въ разговорѣ *съ* и коверкающаго иностранныя слова. При мысли о землемѣрѣ, ей вспоминались мелкіе чиновники, какихъ ей случалось видѣть въ городѣ, въ потертыхъ сюртукахъ, въ грязной измятой манишкѣ, съ широкимъ, безобразно повязаннымъ, чернымъ галстухомъ и даже чуть-ли не съ перомъ за ухомъ. Но Верюгинъ не представлялъ собой ничего подобнаго... Языкомъ онъ владѣлъ прекрасно, хотя говорилъ иногда рѣзко и грубовато. Ни одѣянье его, ни манеры ни мало не напоминали чиновничьихъ.

M-me Маркушева, осужденная въ послѣдніе года на уединеніе и скуку хуторской жизни, была очень рада «интересному» незнакомцу. Ей нравился разговоръ Ѳеофана Михайловича; ей хотѣлось ближе познакомиться съ нимъ. И поэтому каждый разъ, когда у землемѣра выпадала досужая минута, m-me Маркушева съ удовольствіемъ бесѣдовала съ нимъ. Конечно, онъ былъ не изъ того слоя общества, которымъ нѣкогда увлекалась барыня, но все-таки въ немъ что-то, даже подчасъ его рѣзкость и грубость, напоминали ей манеры людей «большого свѣта», — манеры непринужденныя, не лишенныя простоты и нѣкоторой своеобразной грубости. Словомъ, въ Верюгинѣ что-то напоминало ей доброе старое время и въ то же время въ немъ было для нея что-то непонятное, загадочное... Она могла назвать этого землемѣра человѣкомъ

«своего круга», только странно замаскированнымъ.

— Да! много видѣла я горя...—повторила Анна Павловна послѣ непродолжительной паузы.

— Горе горю—рознь!—замѣтилъ Верюгинъ, не поднимая отъ работы головы.—Иныя барыни, я слыхалъ, горюютъ о томъ, что не могутъ сдѣлать себѣ шляпку съ какими-нибудь финтифлюшками. Вы, напримѣръ, Анна Павловна, горюете о потерѣ близкихъ людей, о своемъ одиночествѣ. А мужикъ, вонъ, горюетъ о томъ, что податей много, да ѣсть нечего... И то и это горе,—все горе!

— Ну, такъ и есть! Я такъ и знала!—подхватила m-me Маркушева. — По вашему мнѣнію, настоящее только и есть одно—мужицкое горе! По вашему, горе заключается только въ бѣдности, въ нищетѣ... А нравственныя страданія—все вздоръ!

Досада и насмѣшка звучали въ словахъ Анны Павловны.

— Я этого не сказалъ!—промолвилъ Верюгинъ, улыбаясь.—Бываютъ и нравственныя страданія мучительнѣе физическихъ. Только дѣло въ томъ, что съ дѣйствительными нравственными страданіями часто смѣшиваютъ страданія чисто вымышленныя, фантастическія...

— Вотъ, я живу въ довольствѣ, барыней...— перебила Анна Павловна, почти не слушая Верюгина и, очевидно, увлекаясь своею любимою темой, (въ послѣднее время она забрала себѣ въ голову представлять себя мученицей).—Судя по внѣшности, вы можете подумать, Ѳеофанъ Михайловичъ, что я живу сладко... А я, между тѣмъ, быть можетъ, кровавыми слезами обливаюсь. Одинъ Богъ видитъ: сколько безсонныхъ ночей провела я на этомъ хуторѣ... Даже удивляюсь, какъ только я до сихъ поръ жива осталась...

Послѣднія фразы были сказаны съ большимъ чувствомъ. Анна Павловна въ волненіи сняла съ жаровни мѣдный, блестяще вычищенный тазикъ и энергично покачала и покружила его, причемъ вѣеркомъ распахнуло ея широкіе рукава, и ея бѣлыя, полныя руки обнажились почти до локтя... Варенъемъ сладко запахло въ воздухѣ... Подъ деревьями становилось темно; работать было уже неудобно. Верюгинъ бросилъ карандашъ и циркуль и, скрестивъ руки, прислонился спиной къ стволу липы, простиравшей надъ нимъ густыя, широкія вѣтви. Лицо Верюгина очутилось въ тѣни.

— Въ мірѣ много горя!—заговорилъ онъ.—Это—такъ. И каждому его горе кажется самымъ большимъ горемъ; всякій несчастный считаетъ себя самымъ несчастнымъ. Понятно! Своя рубашка ближе къ тѣлу... Иной увлекается до того, что съ малѣйшимъ уколомъ на собственномъ тѣлѣ носится, какъ съ тяжкою раной...

Брови Анны Павловны слегка нахмурились: Верюгинъ задѣлъ ее за живое. Она уже хотѣла пуститься въ горячія пренія, но ея собесѣдникъ живо перебилъ ее.

— Я вовсе не умаляю вашего горя... Ничуть!—продолжалъ Ѳеофанъ Михайловичъ.—Я очень хорошо знаю, что и при матеріальномъ довольствѣ можно плакать... и черезъ золото слезы льются! Но согласитесь же, Анна Павловна, что вы еще не извѣдали многихъ горестей. Вы, напримѣръ, не испытали чувства голода... А это—страшное чувство! Посреди цивилизованнаго общества, посреди роскоши и избытка умирать съ голода—ужасно, неправдоподобно... Это все равно, какъ если бы посреди блестящаго, веселаго собранія на васъ бросился волкъ и сталъ бы душить за горло, а вы оставались бы совершенно безпомощны и беззащитны... пирующіе продолжали бы спокойно смотрѣть на васъ, какъ будто такъ и надо... Къ мужицкому горю—я замѣтилъ—вы относитесь какъ-то свысока, а между тѣмъ это горе, право, нешуточное. Къ голоду и ко всякимъ другимъ физическимъ страданіямъ тутъ еще присоединяются муки нравственныя, униженія, оскорбленія, сознаніе умственной темноты и безсилія, сознаніе безвыходнаго положенія, несправедливости всяческія и на каждомъ шагу...

— Все это такъ! — замѣтила Анна Павловна.—Но вѣдь мнѣ-то отъ того не легче, что въ мірѣ много горя, какъ вы говорите...

— У васъ, Анна Павловна, горе частное, личное... но есть еще бо́льшее горе, горе общественное, міровое... — продолжалъ Верюгинъ.

— Міровая скорбь? Такъ, кажется, это называется... я слыхала! — съ добродушной усмѣшкой промолвила m-me Маркушева.

— Да! міровая скорбь!—въ тонъ ей, насмѣшливо подхватилъ Ѳеофанъ Михайловичъ.—Впрочемъ, все равно: назовите, какъ хотите... Вотъ въ этой-то великой скорби и

котлеты, яблочный стоговой пирогъ съ густыми ароматическими сливками, и все это запили превосходною вишневкой. Больная же, какъ птичка, поклевала кое-чего и скоро отодвинула отъ себя тарелку. Разговоръ шелъ о губернскомъ обществѣ, о сосѣднемъ помѣщичествѣ, о томъ-о семъ. Послѣ ужина, Анна Павловна предложила гостю опять идти въ садъ, слушать соловьевъ.

— Вы знаете, Ѳеофанъ Михайловичъ... Нынѣ, вѣдь, у насъ соловьиныя ночи! Онѣ уже скоро кончатся...—сказала она.

Побродивши по саду, они вышли на берегъ пруда и остановились. Вода темнѣла, темнѣли ветлы, низко и густо нависшія надъ водою. Мѣсяцъ, невысоко поднявшійся въ небѣ, блѣднымъ пятномъ отражался въ стоячей водѣ. Летучая мышь покружилась между деревьями и, пролетѣвъ надъ головою Верюгина, скрылась за прудомъ, потонувъ въ ночной мглѣ... Затѣмъ, гуляющіе опять углубились въ садъ и вышли на небольшую прогалинку, всю окруженную цвѣтущею сиренью. Здѣсь они сѣли на невысокій и широкій дерновый диванчикъ... Разговоръ между Верюгинымъ и m-me Маркушевой продолжался на ту же тему, что и вечеромъ въ липовой бесѣдкѣ. Иногда разговоръ переходилъ въ споръ, но Анна Павловна теперь уже почти соглашалась или, по крайней мѣрѣ, шла на уступки и, повидимому, безъ особенной досады. Она удовольствовалась лишь тѣмъ, что въ заключеніе нѣсколько разъ повторила:

— Охъ, молодежь, молодежь! Вотъ ужо поживете вы подольше, не такъ заговорите... право, не такъ!

Въ ту минуту, изъ сумрака густой аллеи показалась бѣлая тѣнь, тихо двигавшаяся по направленію къ дерновому диванчику. Тѣнь шла такъ беззвучно, неслышимо, словно плыла надъ землею.

— Мина! ты?—окликнула Анна Павловна.

— Я, тетя!—отозвалась тѣнь.

Своею колеблющеюся, слабою походкой дѣвушка медленно приблизилась къ нимъ, вся, съ головы и до колѣнъ, завернутая въ бѣлую кашемировую шаль. У ногъ тетки она опустилась на земь.

— Что ты, матушка, закуталась? Неужели тебѣ холодно?—спросила ее тетка.

— Да! Я что-то все зябну...—промолвила Мина, пожимая и поводя подъ шалью плечами, и погрузилась въ свое обычное молчаніе...

Темная ночь стояла надъ Вязовкой, раскинувъ свою темносинюю, звѣздную ризу. Въ той сторонѣ, гдѣ находилась Вязовка, лѣтнія ночи были темны. Ихъ мягкая, бархатистая темнота нѣжила, покоила глазъ, утомленный дневнымъ сіяньемъ. Глаза пріятно, привольно отдыхали, утопая въ этой темной мглѣ. Теплом и нѣгой вѣяла ночь, словно чье-нибудь глубокое дыханіе доносилось до земли съ небесныхъ высотъ... То была, дѣйствительно, соловьиная ночь. Соловьи пѣли безъ устали на всемъ пространствѣ глухо заросшаго сада. Одинъ кончалъ, другой начиналъ тотчасъ же, вдали подхватывало разомъ нѣсколько голосовъ... И упоительная, млѣющая музыка безъ перерыва звучала подъ темными кущами сада въ ночномъ безмолвіи. Въ воздухѣ пахло сиренью, ландышемъ, цвѣтомъ яблонь, сливъ и вишень... Это были такія чудесныя мгновенья, когда разомъ въ памяти всплываютъ блаженныя дѣтскія грезы, полу-дѣйствительность, полу-сказка; все то, чѣмъ дороги и святы мечты юности, мелькаетъ тогда въ воображеніи на мигъ, подобно молніи, и, подобно же молніи, озаряетъ окутывающій насъ житейскій мракъ... Собесѣдники примолкли.

— Пройдемтесь!—предложила Анна Павловна.

Мина, поникнувъ своею хорошенькой головкой, шла немного позади Анны Павловны, изрѣдка вздыхая и кутаясь въ свою шаль.

— Скажите-ка мнѣ лучше, Ѳеофанъ Михайловичъ, какъ называется эта звѣздочка? —спросила Анна Павловна, когда они подошли къ плетню, отдѣлявшему садъ отъ полей.—Вонъ, вонъ, налѣво отъ сада, не очень высоко надъ землей... Видите? Такъ ярко горитъ зеленоватымъ свѣтомъ! Вонъ какъ переливается...

Она показывала рукой на небо.

— Въ небесахъ не могу быть вашимъ путеводителемъ...—отозвался Верюгинъ, погружая взоръ въ темныя бездны, сіявшія золотыми огнями надъ его головою.—Въ небесахъ, должно признаться, я самъ ничего не смыслю, да мало и интересуюсь ими, хотя люблю смотрѣть на нихъ, какъ смотрятъ профаны. Они красивы... Но занимаюсь я дѣлами земными, живу и умру на землѣ и для земли... Для земныхъ дѣлъ времени не хватаетъ... Куда же еще тутъ небеса!.. А мы досидѣли-таки до зари! Смотрите-ка!—сказалъ онъ, указывая рукой на востокъ, гдѣ полосой уже брезжилъ розовый свѣтъ, а темное небо надъ этою полоской начинало голубѣть.

— Это значитъ: пора спать? — отозвалась Анна Павловна, кокетливо улыбаясь.—А вы завтра опять въ Марѳинское? Вѣдь завтра воскресенье... И опять пѣшкомъ съ своей длинной палкой?

— Да! И опять пѣшкомъ, съ длинной палкой.

— Удивляюсь, что вамъ за интересъ сидѣть тамъ со старухой, да читать Четьи-Минеи!—проговорила Анна Павловна, пожимая плечами.

— А что жъ! Ничего! я люблю странности...—возразилъ ей Верюгинъ.—Не все же ухаживать за молоденькими...

— А вы, значитъ, Ѳеофанъ Михайловичъ, тоже иногда ухаживаете?—ехидно спросила его m-me Маркушева.

— Какъ же! Ухаживаю...—съ усмѣшкой отвѣтилъ ей Ѳеофанъ Михайловичъ.

— Ну, доброй ночи!

Анна Павловна крѣпко пожала ему руку.

— А, право, интересно бы знать: зачѣмъ онъ таскается въ Марѳинское? Что онъ тамъ дѣлаетъ съ этою Олимпіадой?—вслухъ разсуждала m-me Маркушева, укладываясь спать.

Но ни племянница, ни горничная дѣвушка, Таня, не могли ей отвѣтить на этотъ вопросъ.

III.

Въ старомъ заброшенномъ домѣ.

Поутру Ѳеофанъ Михайловичъ, взявъ длинную палку, съ которою обыкновенно отправлялся въ свои странствованія, пошелъ въ Марѳинское. Утро было дивно хорошо... Трава не была еще скошена. Степь пестрѣла цвѣтами, какъ роскошный коверъ. Земля, вся въ зелени и цвѣтахъ, курилась благоуханіями. Верюгинъ шелъ полями, по тропинкѣ, извивавшейся между колосистою рожью... Порою проносилось легкое дыханіе вѣтерка, и волнистая, чуть замѣтная рябь разливалась тогда по этому колосистому морю. Верюгинъ полною грудью вдыхалъ въ себя пахучій полевой воздухъ... Ему встрѣчались толпы крестьянъ, бабъ и дѣвокъ, возвращавшихся отъ обѣдни, (обѣдня въ деревняхъ кончается рано). На бабахъ и дѣвкахъ преобладали желтый и красный цвѣтъ, на мужикахъ—сѣрый... Отъ Вязовки до Марѳинскаго считалось семь верстъ. Съ 10-ти часовъ солнышко стало сильно припекать, и Верюгинъ вспотѣлъ, ибо, по своей всегдашней привычкѣ, шелъ скоро. Подъ самымъ Марѳинскимъ онъ вздумалъ выкупаться въ Мокшанкѣ—не широкой, но довольно глубокой рѣчкѣ, густо поросшей ивнякомъ. Вокругъ было все пусто и безлюдно. Верюгинъ спустился подъ вѣтлы, наскоро раздѣлся и погрузился въ воду... Велико наслажденіе чувствовать въ жаркую пору, какъ студеная, прозрачная влага охватываетъ тѣло, измученное, истомленное зноемъ,—не холодитъ, но живитъ, нѣжитъ... Верюгинъ былъ охотникъ купаться, и купался съ ранней весны почти до заморозковъ.

Перейдя рѣчку по мосту, сдѣланному самымъ первобытнымъ образомъ—изъ соломы и прутьевъ, Ѳеофанъ Михайловичъ очутился у Марѳинскаго сада. Отъ кирпичной, нѣкогда выбѣленной ограды, окружавшей садъ и дворъ, остались лишь однѣ развалины. Только уцѣлѣли два каменные приворотные столба, кверху съуженные, съ большими чугунными шарами на вершинѣ. Самыя ворота давно уже исчезли. Обширный дворъ мѣстами поросъ репейникомъ и крапивой. Большой колодезь, находившійся въ одномъ углу двора, былъ заваленъ сѣрыми каменьями. Конюшни и каретники и людскія избы съ двухъ сторонъ окружали дворъ, а съ третьей стороны возвышался барскій домъ—двухъ-этажная, деревянная громада, съ мезониномъ и съ остроконечной башенкой на западной сторонѣ крыши. Домъ потемнѣлъ отъ времени; зеленовато-желтымъ мохомъ поросла его крыша. Домъ когда-то, очевидно, былъ выкрашенъ бѣлою краской; сохранившіеся кое-гдѣ слѣды этой краски пестрили стѣны. Главный фасадъ дома выходилъ на садовую террасу, на полдень, и былъ украшенъ четырьмя высокими, толстыми колоннами—тоже деревянными и совершенно почернѣвшими. Низкій балконъ выходилъ въ садъ, а съ него широкія ступени вели прямо въ заглохшій цвѣтникъ. Много лѣтъ, много непогодъ и бурь пронеслось надъ этимъ домомъ... Этотъ замокъ уже давно стоялъ пустымъ. Но въ этомъ спящемъ, заколдованномъ замкѣ обитала не прекрасная принцесса, дожидавшаяся отважнаго царевича, но жила простая ключница-экономка, очень старенькая старушка, Олимпіада Марковна Иванова. Только три небольшія комнаты занимала она въ задней части дома, въ нижнемъ этажѣ...

Верюгинъ прошелъ дворомъ и обогнулъ главный подъѣздъ. Тутъ съ лаемъ, было, бросилась къ нему большая рыжая дворняшка, но, повидимому, признавъ Верюгина, ткнулась ему въ колѣно мордой и съ отрывистымъ

ласмъ побѣжала впередъ. Черезъ «черное» крыльцо Верюгинъ прошелъ въ сѣни и затѣмъ вступилъ въ комнаты. Его тотчасъ же обдало нѣсколько спертымъ, удушливымъ воздухомъ, какой, обыкновенно, бываетъ въ низкихъ, тѣсныхъ, дурно провѣтриваемыхъ помѣщеніяхъ, заставленныхъ мебелью. Сильно припахивало резедой, мускусомъ, а всего пуще — жасминомъ. Канарейка заливалась во все свое маленькое горлышко, и оглушительныя трели ея звонкой пѣсенки раздавались въ комнатахъ... Когда Верюгинъ входилъ въ столовую, маленькая старушка въ темномъ ситцевомъ платьѣ и въ бѣломъ чепчикѣ стояла у стола, спиной къ двери, и крошила укропъ.

— Здравствуйте, Олимпіада Марковна! Здравствуйте, матушка! — заговорилъ Ѳеофанъ Михайловичъ, подходя къ ней.

— А-а! Это ты? А я не оборачиваюсь... Думаю: Андрійко...—отозвалась старушка.

— Какъ живете-можете? Все-ли по добру, по здорову? — спрашивалъ Верюгинъ, взявъ Олимпіаду Марковну за плечи и слегка тряся ее.

— Ничего! Помаленьку, слава Богу! Да ну тебя... Полно... — говорила старушка, освобождаясь изъ его лапъ. — Садись-ка лучше, отдохни!

Ѳеофанъ Михайловичъ развалился на диванѣ, а старушка любовно-ласково посмотрѣла сверхъ очковъ на его веселое, загорѣлое лицо.

— Ну, чѣмъ же угощать-то? Чаю хочешь или молока? А то, пожалуй, лучше и молока, и чайку... Сейчасъ, батюшка!.. Курево-то есть?

— Есть, есть, Олимпіада Марковна!—успокоивалъ ее Верюгинъ.

— То-то! А я, было, запаслась для тебя и папиросками...

Старушка захлопотала. Вскорѣ явился Андрійко, свѣтлоглазый мальчуганъ, съ гладко причесанными, бѣлокурыми волосами, босой, въ бѣлыхъ портахъ и въ пестрой ситцевой рубахѣ, подпоясанной краснымъ кушачкомъ. Андрійко притащилъ на столъ весело шипящій, пузатый самоваръ и разное сдобное печенье — кренделькн и булочки, и пирожки съ лукомъ, и большой пирогъ съ яицами, и кусокъ превосходнаго масла. На столѣ мѣста не стало. Старушка радушно угощала гостя, сидя въ глубокомъ, покойномъ креслѣ. Это кресло было остаткомъ старины—съ рѣзными ручками и съ высокою, черною спинкой, украшенной вверху княжескимъ гербомъ. Олимпіада Марковна отрыла его гдѣ-то въ хламѣ на чердакѣ и перетащила къ себѣ въ комнату.

Она, какъ уже сказано, занимала въ этомъ громадномъ домѣ три комнаты: переднюю, бывшую «дѣвичью», темненькую, гдѣ стояла постель, и столовую. Эта послѣдняя комната *при господахъ* называлась «наугольною» и въ ней, у окна, обыкновенно, сидѣлъ «старый князь». Столовая, въ описываемую пору, конечно, уже не имѣла того вида, какой былъ «при господахъ», то-есть, лѣтъ 15 тому назадъ. Мебель въ ней стояла разнокалиберная: тяжелый, неподъемный диванъ краснаго дерева, легкіе орѣховые стулья и простой комодъ новѣйшей подѣлки, выкрашенный въ красную краску. У двухъ оконъ висѣли зеленыя гардины. Дряни, подобной мускусу и резедѣ, въ прежнее время не потерпѣли бы въ «наугольной». Противъ самыхъ оконъ росло нѣсколько тополей, и оттого въ комнатѣ было немного сумрачно. Со всею окружающею обстановкой находились въ явномъ разладѣ только диванъ, фамильное кресло, да въ простѣнкѣ между окнами большой портретъ масляными красками Екатерины II—во весь ростъ, въ коронѣ и въ горностаевой мантіи. Портретъ почернѣлъ, потрескался, и запыленное, пожелтѣвшее лицо пасмурно, угрюмо глядѣло съ полотна. Въ переднемъ углу помѣщались большой образъ Спасителя и передъ нимъ постоянно теплившаяся лампадка.

Это имѣніе—одинъ изъ уцѣлѣвшихъ клочковъ громадныхъ помѣстій—уже болѣе полутораста лѣтъ принадлежало фамиліи князей Махоткиныхъ. Одинъ изъ Махоткиныхъ, Николай Матвѣевичъ, при Екатеринѣ II былъ въ Сибири воеводой и по окончаніи своего воеводства вывезъ оттуда, какъ гласитъ мѣстное преданіе, цѣлые караваны мѣховъ, «злата и серебра» и драгоцѣнныхъ камней. Съ той-то поры Марѳинское и стало главною резиденціей старшей отрасли фамиліи князей Махоткиныхъ. Въ царствованіе Александра I и Николая, имѣнья Махоткиныхъ страшно дробились, мельчали и переходили въ другія руки. Въ царствованіе Александра II, въ эпоху реформъ, нѣкоторые Махоткины, говорятъ, уже бѣгали безъ сапогъ... Въ это время, Марѳинское безъ раздѣла принадлежало двумъ братьямъ: одинъ изъ нихъ, старшій, занималъ

высокій постъ и благополучно проводилъ на всѣхъ парусахъ свой корабль между вѣчною Сциллой и Харибдой; другой же, младшій братъ, по выраженію Олимпіады Марковны, «пропалъ»... Старый князь умеръ 12 лѣтъ тому назадъ. Молодые же князья никогда не жили подолгу въ Мареинскомъ. За все это время старшій братъ, генералъ, какъ-то разъ пріѣзжалъ сюда съ женой, да младшій братъ, теперь «пропавшій», наѣзжалъ иногда лѣтомъ, ходилъ на охоту, а больше все читалъ и писалъ... Имѣньемъ завѣдывалъ управляющій, а надъ усадьбой присматривала Олимпіада Марковна.

Напившись чаю и закусивъ изрядно, гость обратился къ старушкѣ.

— Чѣмъ же мы сегодня займемся съ вами?—спросилъ онъ.

— Вотъ, батюшка, давно хотѣла я попросить тебя, да все забывала—прочесть житіе святой великомученицы Екатерины...—сказала старушка.

Сейчасъ же явилась книжка и началось чтеніе. Ѳеофанъ Михайловичъ читалъ хорошо—ясно, внятно, не торопясь. Старуха вязала чулокъ, по временамъ, сверхъ очковъ взглядывая на Верюгина, и подолгу внимательно смотрѣла на его опущенное лицо.

— Не усталъ-ли, батюшка? Покури-ка!—говаривала она ему.

Потомъ занялись путешествіемъ въ Китай. Старушка была очень любознательна и не уставала слушать. Не успѣли еще добраться до Пекина, какъ Андрійко принялся накрывать на столъ. За обѣдомъ опять явились варенички, блинчики, наливка и проч. Послѣ обѣда, рѣчь зашла о только-что прочтенномъ житіи святой мученицы.

— Вотъ терзали-то несчастную... Ахъ, злодѣи, злодѣи!—не утерпѣла, чтобы не крикнуть Олимпіада Марковна, покачивая головой.—Палачи! псы окаянные!..

— Всегда, Олимпіада Марковна, есть жертвы, есть и палачи!—отозвался Верюгинъ.—Всегда были и есть люди, не отрекающіеся отъ своей вѣры. Какъ ихъ ни пытаютъ, какъ ни мучатъ,—они не отступаются отъ правды. Съ нею живутъ они, съ нею и умираютъ...

— Неужто, батюшка, Ѳеофанъ Михайловичъ, и всегда такъ?—перебила старушка.

— Да, всегда,—только на разный ладъ...

И для того, чтобы лучше оттѣнить положеніе жертвъ и палачей, онъ принялся простыми словами разсказывать старушкѣ различные факты изъ жизни человѣческихъ обществъ.

— До чего въ наши дни дошла алчность къ деньгамъ,—трудно сказать!—говорилъ онъ, между прочимъ.—Мальчики въ школѣ уже толкуютъ о томъ, какая служба выгоднѣе, на какомъ мѣстѣ больше денегъ дадутъ... А иныхъ ребятишекъ съ малыхъ лѣтъ уже пріучаютъ копить деньги, скаредничать... Заговорятъ, напримѣръ, о женитьбѣ,—сейчасъ же являются денежные разсчеты. Задумаютъ-ли сводить знакомство или дружбу,—первымъ дѣломъ спрашивается: денежные-ли люди будущіе пріятели? И все такъ! Каждому, видите, хочется вволю попользоваться жизнью. А безъ денегъ—какая жизнь! Трудиться, гнуть спину — толку нѣтъ... Отъ трудовъ праведныхъ — не нажить палатъ каменныхъ. Приходится красть. Вотъ всѣ и крадутъ... Крадетъ купецъ и злостно банкротится; крадетъ банкиръ, кассиръ, конторщикъ, прикащикъ... Словомъ, вездѣ крадутъ, всѣ крадутъ... Одинъ тащитъ сотни рублей, другой—сотни тысячъ, а иной прямо хапаетъ милліоны... Хочется разбогатѣть въ одинъ мигъ!

— Правда, правда!—покачивая въ тактъ головой, отозвалась Олимпіада Марковна.—У насъ-то, вотъ, нонѣ также... Какъ мужичокъ выбьется, разбогатѣетъ, такъ сейчасъ и полѣзетъ въ бары. Чѣмъ мужикъ богаче, тѣмъ прижимистѣе. Ровно, у нихъ креста на воротѣ не станетъ; ровно, забудутъ, какъ сами-то бѣдствовали, да пресмыкались. И какъ скоро манеры-то купеческія они перенимаютъ—диво!..

— Ну, да! У васъ въ маломъ видѣ тоже самое...—продолжалъ Верюгинъ.—У насъ, въ Питерѣ, только все пошире, покрупнѣе: у насъ вѣдь большіе корабли, большое и плаваніе имъ нужно... Бросить, напримѣръ, 50 тысячъ на какую-нибудь фигурантку—у насъ ничего не стоитъ! (Старуха даже охнула). Вѣдь, эти самыя 50 тысячъ совершенно безопасно и безнаказанно можно содрать какимъ-нибудь манеромъ съ безпомощнаго люда... Возьмите-ка газеты, да почитайте! На каждомъ шагу только и есть, что кражи да хищенія, фальшивые векселя да подложныя духовныя завѣщанія, убійства да самоубійства...

— О, Господи! Послѣднія времена, знать, пришли...—замѣтила старушка.

— Да!—промолвилъ Верюгинъ.—Потому: пошли войны и смуты великія... Сынъ идетъ

противъ отца, отецъ противъ сына, братъ возстаетъ на брата.

— Что жъ! Значитъ, скоро и свѣтопреставленіе?

— Можетъ быть... — съ усмѣшкою отозвался Верюгинъ.—Поживемъ—увидимъ!..

Нѣсколько минутъ длилось молчаніе. Только слышно было, какъ мухи, жужжа, стукались въ стекла, да изъ сада, вмѣстѣ съ запахомъ сирени и бузины, доносилось рѣзвое чириканье и щебетанье... Олимпіада Марковна сидѣла, пригорюнившись. Ѳеофанъ Михайловичъ подвинулся къ ней.

— Вѣдь есть и нынѣ люди совсѣмъ инаго сорта, снова заговорилъ онъ,—люди безкорыстные, чистые совѣстью, радѣющіе о правдѣ, о добрѣ. Они любятъ ближнихъ, какъ самихъ себя, и душу свою полагаютъ за ближнихъ своихъ. Эти люди—не темнѣе, не глупѣе другихъ, но они сокровищъ себѣ не собираютъ, домовъ не строятъ, хотя могли бы не хуже прочихъ и дома строить и имущество наживать всѣми правдами и неправдами. Но они не хотятъ этого. Совѣсть не даетъ имъ воровать и грабить нищихъ...

— Вотъ когда ты этакъ-то говоришь, ладненько, люблю я слушать! — промолвила Олимпіада Марковна.— А вотъ ужъ какъ примешься за страсти-то, и бѣда!..

— Что жъ дѣлать! Не все же ворковать по голубиному; иной разъ приходится и по вороньи закаркать...—отозвался Верюгинъ. —А когда же вы, Олимпіада Марковна, домъ-то мнѣ покажете? — спросилъ онъ, немного погодя.—Въ прошлый разъ еще обѣщали...

— Ну, что жъ! Пойдемъ хоть теперь... Время досужее. Вотъ ключи только достану!— согласилась старушка и ушла въ «темненькую».

Отправились. Щелеватыя ступени лѣстницы немилосердно заскрипѣли подъ тяжелыми шагами Ѳеофана Михайловича. Съ трудомъ повернулъ онъ ключъ въ заржавленномъ замкѣ. Дверь съ трескомъ отворилась. Затхлью, сыростью, запахомъ нежилаго зданія повѣяло на вошедшихъ. Въ углахъ и на подоконникахъ узорами висѣла паутина; слои пыли лежали на всемъ. Въ княжескомъ дворцѣ царила мерзость запустѣнія...

— Вонъ ужъ сколько паутины-то! А давно-ли, кажется, обметала... — проговорила Олимпіада Марковна, и слова ея какъ-то странно-гулко прозвучали въ пустыхъ комнатахъ.

Тихо проходили они комнату за комнатой; прошли громадную залу, по одной стѣнѣ которой тянулись хоры, а посерединѣ потолка висѣла массивная люстра съ хрустальными подвѣсками. Окна залы выходили въ садъ. Лучи вечерняго солнца играли теперь на хрустальныхъ подвѣскахъ, переливаясь въ нихъ всѣми цвѣтами радуги. Стѣны были бѣлыя съ позолоченными карнизами. Здѣсь опять на стѣнѣ висѣлъ большой поясной портретъ императрицы Екатерины II въ овальной, позолоченной рамѣ. Вверху, на приступочкахъ большой изразцовой печи, помѣщались два гипсовые амура, писавшіе въ книгахъ, разложенныхъ у нихъ на колѣняхъ. Середи печи, въ нишѣ, стояла статуя Флоры съ корзиной цвѣтовъ на головѣ... За залой слѣдовала гостиная, выходившая на садовую террасу. Здѣсь мебель была покрыта краснымъ сафьяномъ и стояла въ чахлахъ; въ простѣнкахъ между оконъ висѣли продолговатыя зеркала въ золоченыхъ рамахъ, а по стѣнамъ нѣсколько раскрашенныхъ гравюръ — работы прошлаго столѣтія, изображавшихъ сцены изъ жизни Абеляра и Элоизы.

При первомъ взглядѣ, мароинскій домъ казался еще довольно прочнымъ, но при болѣе внимательномъ осмотрѣ можно было замѣтить, что рука времени давала ему себя знать. Одинъ уголъ въ залѣ осѣлъ, стѣны треснули и бѣлая краска съ нихъ осыпалась. Видна была рваная бумага, которою оклеены стѣны. Осѣвшій уголъ зимой промерзалъ. Полъ разсохся и далъ большія щели, половицы скрипѣли и потрескивали. На потолкѣ краска обвалилась и видны были пятна и подтеки отъ сырости. Стекла въ окнахъ, давно уже не мытыя, были страшно тусклы... Въ гостиной краска со стѣнъ также поокрошилась и полъ былъ не лучше.

Рядомъ съ гостиной была «картинная», въ которой, впрочемъ, не было ни одной картины, а висѣли только фамильные портреты. Эта комната выглядѣла сумрачнѣе остальныхъ, потому что выходила окнами въ густую березовую аллею. Портретовъ было много— и очень старинныхъ. Въ глубинѣ комнаты, всю среднюю часть стѣны занимало родословное дерево, многовѣтвистое, выроставшее изъ могилы, въ которой покоился въ какомъ-то странномъ, полу-монашескомъ одѣяніи и съ желтымъ лицомъ родоначальникъ князей Махоткиныхъ. На груди этого желтолицаго мертвеца лежалъ свитокъ съ надписью: «Князь

Григорій Махоткинъ» — затѣмъ слѣдовалъ годъ, но разобрать его не представлялось никакой возможности. На вѣтвяхъ этого дерева были изображены бѣлые кружки, съ указаніемъ именъ и лѣтъ рожденія и смерти...

— Вотъ это прадѣдушка молодыхъ князей... А это дѣдушка... Это вотъ «старый князь», царство ему небесное... — говорила Олимпіада Марковна, позвякивая ключами и указывая на потемнѣвшіе портреты въ черныхъ рамахъ.

Прадѣдушка, улыбаясь, глядѣлъ съ полотна; его пухлыя, бѣлыя щеки съ ямочками, и пунцовыя, очень толстыя губы, и сѣрые большіе глаза — словомъ, все лицо его дышало снисходительностью и самодовольствомъ. Громадный пудреный парикъ украшалъ его голову, а шею обматывалъ широчайшій бѣлый галстухъ. Онъ былъ въ какомъ-то бѣломъ кафтанѣ съ золотымъ шитьемъ на груди и съ голубою лентой черезъ плечо. Смотря на это самодовольное смѣющееся лицо, невольно думалось, что этотъ вельможа въ свое время, вѣроятно, блисталъ, умѣлъ нравиться и шаркать по паркету, любезно улыбаться, кому слѣдовало, — и фортуна, очевидно, не оборачивалась къ нему спиной, но также весело улыбалась ему... За то же и на портретѣ пришлось ему улыбаться въ теченіе почти цѣлаго столѣтія!.. Это-то и былъ знаменитый сибирскій правитель, положившій начало богатству и процвѣтанію рода князей Махоткиныхъ... Дѣдъ былъ уже не таковъ: онъ — въ мундирѣ съ красными отворотами и съ высокимъ стоячимъ воротникомъ, подпиравшимъ ему подбородокъ. Лицо худощавое, съ крѣпко сжатыми губами, брови густыя, нахмуренныя, и сѣрые, холоднымъ свѣтомъ — цвѣтомъ стали — блестящіе глаза... Этотъ былъ друженъ съ Зубовыми и Жеребцовыми въ царствованіе Павла I и едва-ли не былъ съ ними заодно... Въ началѣ александровскаго правленія, онъ впалъ въ немилость, жилъ въ Марѳинскомъ и жестоко сѣкъ своихъ дворовыхъ. Затѣмъ, посчастливилось ему какъ-то отличиться въ битвахъ съ французами въ 1812—13 г., а въ началѣ двадцатыхъ годовъ, предавшись мистицизму à la Крюднеръ, онъ даже пользовался большимъ вліяніемъ въ нѣкоторыхъ петербургскихъ кружкахъ... Отецъ молодыхъ князей, извѣстный болѣе подъ именемъ «стараго князя», изображенъ очень банально — во фракѣ, съ анненской ленточкой въ петлицѣ, въ бѣлыхъ перчаткахъ и съ цилиндромъ въ рукѣ. Лицо также самое обыкновенное, дышащее барскою спѣсью...

Было нѣсколько женскихъ портретовъ. Дамы важно сидѣли въ фижмахъ, съ громадными воротничками и въ пудрѣ. Особенно красива была прабабушка — смуглая, темноволосая молодая женщина, съ пунцовою розой на груди. Родомъ она была татарская княжна.

Наконецъ, Верюгинъ остановился передъ двумя небольшими портретами, очевидно, позднѣйшей работы, что можно было заключить по свѣжести красокъ и по чистотѣ фона. Одинъ портретъ изображалъ мальчика лѣтъ 12-ти, въ куртке и въ бѣлыхъ отложныхъ воротничкахъ; его свѣтлые волосы были гладко причесаны. Слегка вздернутый носъ и немного отвислая нижняя губа придавали его лицу какое-то презрительно-горделивое выраженіе, дѣлавшее нѣсколько похожимъ этого мальчика на «стараго князя». На другомъ портретѣ былъ нарисованъ мальчуганъ лѣтъ 6—7, смуглый, съ темными вьющимися волосами и съ глазами большими и темными, напоминавшими глаза бабушки-татарки. На немъ — пунцовая рубашка. Онъ сидѣлъ, опершись подбородкомъ на крѣпко сжатый кулакъ правой руки; въ лѣвой рукѣ онъ держалъ большую охотничью трубу. Тутъ же, около него, валялась дѣтская сабля — безъ ноженъ. Веселая улыбка застыла на его полненькихъ, дѣтскихъ губахъ. Умные, довѣрчивые глаза и вообще все это прелестное дѣтское личико производило отрадное впечатлѣніе...

— Чьи это портреты? Это не Николай-ли Михайловичъ? — спросилъ Верюгинъ, указывая на мальчугана въ красной рубашкѣ.

— Да, да! Это — онъ, мой красавчикъ! — отвѣчала Олимпіада Марковна. — На бабушку, говорятъ, похожъ. Такой же добрый, горячій, да отходчивый...

— Ну, теперь-то князя было бы трудно узнать по этому портрету... Вишь, онъ тутъ какой полненькій, да кругленькій... — смѣючись, говорилъ Верюгинъ, пощелкивая пальцемъ по портрету. — Только одни глаза-то и остались... А Петръ-то Михайловичъ какой надутый! Настоящій барченокъ...

— Да, Богъ съ нимъ, онъ и нынѣ такой... Сущій камень! — вполголоса промолвила старушка, словно, опасаясь, чтобы портретъ не подслушалъ ея дерзкихъ словъ. — Вотъ эти-

то портреты и выдали того обманщика, фискала-то...—вдругъ неожиданно проговорила Олимпіада Марковна, когда гость уже хотѣлъ идти далѣе—въ «оружейную».

— Какого еще фискала? — переспросилъ онъ, озадаченно смотря на старушку.

— Какъ «какого»? Да развѣ я тебѣ не разсказывала!—въ свою очередь удивилась та, воззрившись на Ѳеофана Михайловича. — Какъ же это... Ну, пойдемъ-ка въ ту комнату: тамъ хоть присѣсть можно... Ноги что-то все ноютъ.

Тутъ вышло недоразумѣніе. Старуха, дѣйствительно, такъ усердно передавала своимъ знакомымъ эту необыкновенную, сильно встревожившую ее исторію съ фискаломъ, что ей уже казалось, будто и Верюгинъ долженъ былъ ее знать... Случалось съ нею и наоборотъ, что она разсказывала ему дважды одну и ту же исторію... Въ сосѣдней комнатѣ—въ оружейной—они усѣлись на маленькій, низенькій диванъ, и Верюгинъ, воспользовавшись случаемъ, свернулъ и закурилъ папиросу.

Комната была небольшая, въ два окна, и выходила въ садъ. По стѣнамъ висѣло десятка два ружей и старинныхъ пищалей, нѣсколько паръ большихъ ленажевскихъ пистолетовъ, нѣсколько ножей, сабель. Была даже одна настоящая турецкая сабля, на серебряной рукояти которой остались еще слѣды крови... русской-ли крови, или турецкой?—неизвѣстно... На стѣнѣ, на вѣтвистыхъ оленьихъ рогахъ висѣли сумки, пороховницы и двѣ-три черныхъ ременныхъ нагайки... Здѣсь же какимъ-то образомъ очутился на стѣнѣ и гравированный портретъ одного изъ нашихъ государственныхъ людей—Павла Дмитріевича Киселева.

— Года два тому назадъ—такъ будетъ,—начала свою исторію Олимпіада Марковна,—разъ лѣтомъ, вскорѣ какъ-то послѣ Петрова дня, какъ теперь вижу, сижу у себя въ комнатѣ, вяжу чулокъ. Вдругъ, смотрю, въ переднюю вошелъ какой-то странникъ-старичекъ, и спрашиваетъ: «Гдѣ бы мнѣ видѣть ключницу?» Выхожу я къ нему. «Я, говорю, ключница! А вамъ чего?» — «Давно, говоритъ, не бывалъ я въ этихъ сторонахъ, а здѣсь, говоритъ, родился и, почитай, всю жизнь выжилъ... Каждый кустикъ, говоритъ, мнѣ здѣсь знакомъ... Провѣдать пришелъ!» Вижу, не пьянъ, говоритъ ладно... Отчего, думаю, не покалякать! «При господахъ служили, говорю, что-ли?» — «Такъ точно, говоритъ, камердинеромъ при старомъ князѣ состояли...» Слыхала я, что камердинера у стараго князя звали Иваномъ Степановичемъ, а сама его никогда не видала, — только слышала, что за пять лѣтъ до кончины-то князя (это, значитъ, за годъ до моего поступленія въ ключницы) старый камердинеръ ушелъ ко святымъ мѣстамъ, въ Іерусалимъ, Богу молиться... Ушелъ, ушелъ, да такъ и пропалъ. Ни слуху, ни духу... Семнадцать лѣтъ прошло; изъ старой-то дворни никого ужъ не осталось. Со мной, вотъ, Андрійко жилъ, да въ людской избѣ три парня-работника, люди молодые... Ну, смотрю я на него: старичекъ сѣденькій, лысый, росту маленькаго; платьишко все обшмыгано... А обращенье, батюшка, такое, что сейчасъ видно, что человѣкъ живалъ съ людьми. И разговоръ не мужицкій. «Такъ, значитъ, говорю ему, вы—Иванъ Степановичъ будете?» — «Такъ точно, говоритъ;— по слуху, матушка, видно, знать изволите...» А глаза у самого такіе бойкіе да вострые, такъ тебѣ въ душу и заглядываютъ. «По слуху, говорю. Отъ старыхъ дворовыхъ...» — «Никого, говоритъ, изъ прежнихъ моихъ пріятелей нѣту. Никифоръ, кучеръ, померъ. Сашка его въ городѣ въ извощикахъ живетъ»... Слово за слово, да и разговорились. Ну, вижу, старичекъ усталъ, усадила его, лѣшаго этакого, прости Господи, чаемъ напоила съ вареньемъ, ровно путнаго. И началъ онъ тутъ хвалить молодыхъ господъ. Расхваливалъ онъ ихъ, расхваливалъ — и-и, Боже ты мой! «Петръ Михайловичъ, говоритъ, далеко пойдетъ; потому, говоритъ, голова... И младшенькій-то, говоритъ, доброй души человѣкъ! Добрѣе, говоритъ, дитяти не бывало у насъ»...—«Такой, говорю, и нонѣ остался!» — «Ну, говоритъ, такъ-такъ! Дай, говоритъ, Богъ ему здоровья, да много лѣтъ здравствовать! Его и маленькаго-то всѣ любили»... Тутъ онъ и началъ у меня выспрашивать: часто-ли Николай Михайловичъ пріѣзжаетъ въ Марѳинское, подолгу-ли живетъ, любятъ-ли его крестьяне, да ходятъ-ли къ нему, да что онъ говоритъ съ ними?.. И пошелъ, и пошелъ...—«Любятъ, говорю, всѣ—отъ мала до велика. Какъ, говорю, не любить, коли зла отъ него никто не видалъ!» Крестьяне иной разъ, точно, захаживали къ нему... «Баринъ, говорю, онъ у насъ тароватый, никѣмъ не брезговалъ, со всякимъ, бывало, слово ласковое перемолвитъ. Мужиковъ добру училъ, какъ бы, значитъ,

на пользу имъ было. Извѣстно, народъ темный... Иной разъ и пошутитъ»... — «А что, говоритъ, онъ имъ разсказывалъ?» — «Ну, ужъ этого, говорю, сказать не могу, не знаю. Мало-ли о чемъ говорили»... И этакій, вѣдь, треклятый! Чтобъ ему... «Прежде, говоритъ, портреты бывали!..» — «Куда, говорю, имъ дѣваться! Висятъ и нонѣ». — «Весьма хотѣлось бы, говоритъ, посмотрѣть на нихъ,—взглянуть еще разъ»... Какъ онъ шибко-то сталъ выспрашивать, мнѣ и не понравилось. Прикусила языкъ; «да», да «нѣтъ», только отъ меня и было! Повела его, однако, въ портретную. А тутъ-то его и попутало. Первымъ дѣломъ, бабушку смѣшалъ со старой княгиней. «Обмолвился!» говоритъ. Ладно. А потомъ Николая Михайловича не призналъ. Опять говоритъ: «Ошибся, на память понадѣялся»... А надо тебѣ, батюшка, сказать, что портрета Петра-то Михайловича въ ту пору здѣсь не было, въ Петербургъ возили переснимывать... Тутъ я пораздумалась, и зло же меня взяло... А какъ его уличить, стараго чорта! Сижу, примолкла, да вяжу чулокъ таково сердито. Такъ онъ посидѣлъ, посидѣлъ у меня, несолоно хлебавши, да и ушелъ. Чтобъ ему ни дна, ни покрышки, аспиду окаянному!.. Послѣ того онъ еще дня три шатался около Мареинскаго. Въ питейномъ домѣ и по деревнямъ таскался. Извѣстно, о молодомъ князѣ никакого худа не узнаешь! Потомъ нашъ странничекъ вдругъ скрылся, ровно, провалился сквозь землю... Прошло времени съ недѣлю или больше,—теперь ужъ хорошо не упомню. Ходила я къ обѣднѣ, да отъ обѣдни къ попу зашла. Старичекъ-то, отецъ Николай, уже не служитъ, такъ только въ церковь ходитъ; видитъ худо, да и руки дрожатъ... Осталась я у нихъ чайку напиться; матушка-то мнѣ кума будетъ.... А молодой-то, отецъ Дмитрій, вдругъ мнѣ и сказываетъ, что заходилъ къ нимъ не очень давно какой-то странникъ и все разспрашивалъ у тестя о прежней дворнѣ, о старомъ камердинерѣ, о господахъ. А отецъ-то Николай, что давно было, все хорошо помнитъ. Онъ страннику-то все и разскажи: сказалъ, какъ звали камердинера, и прочихъ дворовыхъ, и все... Отецъ Дмитрій и говоритъ, что ему показалось: будто, странникъ-то человѣкъ—совсѣмъ чужой и отъ роду небывалый въ нашей сторонѣ... Тутъ и я ему все разсказала. Такъ и рѣшили, что приходилъ къ намъ не Иванъ Степановичъ, а какой-нибудь обманщикъ—мошенникъ, значитъ, мазурикъ. Ты подумай то: какъ бы ему портретовъ не узнать, если бы онъ въ самомъ дѣлѣ былъ старый слуга? Просто, фискалъ... Ну, и напугалась же я въ тѣ поры. Потомъ я все, все пересмотрѣла, да перешарила: не стянулъ-ли, думаю, грѣхомъ, чего-нибудь! Да нѣтъ! Богъ миловалъ... Только вотъ черезъ годикъ-то послѣ того Николай Михайловичъ и *пропалъ*...

— Вотъ какія дѣла!—со вздохомъ заключила Олимпіада Марковна, провожая Верюгина въ угловую комнату, въ кабинетъ «пропавшаго князя».

Комната — довольно большая, въ четыре окна, и также выходящая въ садъ. Подъ потолкомъ — лампа новѣйшей конструкціи на чугунныхъ цѣпяхъ, съ голубымъ абажуромъ. Громадный шкафъ орѣховаго дерева съ книгами. На стѣнѣ, въ глубинѣ комнаты, большая карта Россіи, на которой мѣстами, главнымъ образомъ—въ центрѣ, было наколото нѣсколько булавокъ. На картѣ висѣлъ длинный и тонкій кинжалъ въ малиновыхъ, бархатныхъ ножнахъ, украшенныхъ серебромъ и золотомъ «подъ чернью». Въ углу стояла сучковатая можжевеловая палка. На окнѣ лежали черныя кожаныя перчатки. На письменномъ столѣ помѣщалась большая стеклянная чернильница съ массивною крышкой, а около нея лежало нѣсколько ручекъ со стальными перьями. Тутъ же, на столѣ оставалось нѣсколько нѣмецкихъ и французскихъ книгъ научнаго содержанія.

— Вотъ здѣсь работалъ нашъ милый баринокъ!—замѣтила старуха, подходя къ столу и пододвигая подъ него широкое, мягкое кресло. Сидитъ, бывало, да пишетъ, либо книжку читаетъ. Его и не слышишь, ровно никого и въ домѣ нѣтъ... Право! А по вечерамъ долго сидѣлъ. Иной разъ у него всю ночь огонь горитъ. Почитаетъ да устанетъ, видно, и начнетъ ходить. Ужъ ходитъ онъ, ходитъ... Мнѣ-то внизу все слышно: вѣдь этотъ кабинетъ-то прямо надъ моей столовой приходится... А въ хорошую погоду въ садъ, бывало, уйдетъ, заберется куда-нибудь въ тѣнь съ книжкой и лежитъ... Слова сердитаго отъ него не слыхала... Только и есть, что «голубушка, Олимпіада Марковна», да «голубушка»... Убирать у себя въ кабинетѣ не давалъ—для того, значитъ, чтобы какъ-нибудь ненарокомъ нужную бумажку не смели вмѣстѣ съ соромъ. Пыли, дрязгу всякаго, бывало, накопится у него—страсть! Одной мнѣ только

и позволялъ входить сюда... Иной разъ утромъ придешь будить его, а онъ, сердечный, какъ въ креслѣ сидѣлъ передъ столомъ, такъ, глядишь, и заснулъ. Положитъ голову на столъ, на бумаги-то, да и спитъ... Ловко-ли же!.. А будить жаль... А вотъ, какъ соберется уѣзжать, бывало, въ Питеръ—и ключъ мнѣ: «На, говоритъ, Марковна! Возись, мети, мой, чисти, — отводи душеньку!» Смѣется голубчикъ... Зналъ, что до чистоты-то я охотница...

Старушка еще продолжала говорить про своего любимчика, «молодого барина», но Верюгинъ уже разсѣянно слушалъ ее. Живо представился ему этотъ человѣкъ, энергичный, смѣлый, рѣшительный, промѣнявшій, не задумавшись, всѣ блага міра сего на тернистый путь борьбы со зломъ. Его духъ безпокойный и страстный, казалось, еще виталъ подъ сводами этой сумрачной комнаты. Здѣсь —еще недавно—онъ жилъ, работалъ... Каждая вещь, каждая книга, наконецъ, эти булавочки, воткнутыя въ ландкарту, вѣроятно, его рукою, — однимъ словомъ, все въ этомъ покоѣ было полно имъ, говорило о немъ... И блѣдное лицо съ глубокими, темными глазами на мигъ померещилось Ѳеофану Михайловичу. Настойчиво, вопросительно посмотрѣли на него эти глаза... Когда на обратномъ пути проходили они черезъ «портретную», послѣдніе лучи заходящаго солнца озаряли стѣну, и въ этомъ красноватомъ, дрожащемъ свѣтѣ странно выступали изъ сумрака желтыя лица старыхъ людей. «Дрогнули бы ваши косточки въ могилахъ, если бы вы узнали про все»... съ усмѣшкою подумалъ Верюгинъ, глядя на эти самодовольно-улыбающіяся лица.

— А теперь, Олимпіада Марковна, выпустите меня черезъ балконъ въ садъ, а сами отправляйтесь внизъ отдыхать!—сказалъ онъ старушкѣ, входя въ гостиную.

— Ступай, батюшка, погуляй! У насъ вѣдь тутъ хорошо, есть гдѣ побродить... Только вотъ дорожки не чищены, все заросло. И цвѣтовъ-то нынѣ что-то мало...—говорила Олимпіада Марковна, отпирая балконную дверь.

Вверху, около карнизовъ балконныхъ колоннъ пріютилось нѣсколько ласточкиныхъ гнѣздъ. Маленькія, темныя головки выглянули оттуда и опять тотчасъ же, при появленіи Верюгина, скрылись. По жалобно скрипящимъ ступенямъ Ѳеофанъ Михайловичъ сошелъ въ цвѣтникъ и очутился среди бѣлыхъ и алыхъ розъ, среди махровыхъ піоновъ, нарцисовъ, жонкилей, со всѣхъ сторонъ заглушаемыхъ силою—ратью великою—крапивой, репьемъ и осокой. И клонились къ землѣ нѣжныя розы своими прелестными головками; никого не радуя, цвѣли онѣ посреди сочной, густой травы, роняя свои лепестки къ ногамъ обступавшаго непріятеля... Верюгинъ углубился въ садъ... Послѣдніе солнечные лучи играли на вершинахъ деревьевъ, а внизу между кустами уже ложились тѣни. Мѣстами изъза разступавшейся чащи блестѣли тихія воды пруда; въ заглохшихъ уголкахъ попадались диваны, скамейки, статуи, посѣрѣвшія, разбитыя... Садъ былъ раскинутъ на пяти десятинахъ. Покато, террасами, спускался онъ къ рѣчкѣ. Съ одной террасы на другую въ разныхъ мѣстахъ вели широкія ступени, выбитыя въ землѣ. Липовыя и березовыя аллеи то шли параллельно, то пересѣкались, то вдругъ образовывали какой-то запутанный лабиринтъ. Дорожки поросли травой, а изъ вишенья и орѣшника составилась между деревьями такая непролазная глушь, какая можетъ встрѣтиться только въ лѣсу... Тутъ Верюгину пришли на память разсказы Олимпіады Марковны про старое время, когда въ Марѳинское наѣзжало множество гостей, лилось рѣкой шампанское, садъ по вечерамъ роскошно иллюминовался, гремѣла музыка, и въ сумракѣ аллей бродили разряженныя дамы и кавалеры... Теперь — тихо. Марѳинское отшумѣло, отпировало. Только глухой, скрадывающійся шелестъ расходился теперь вокругъ Верюгина по потемнѣвшему саду. Но, вѣроятно, никогда, даже въ самыя лучшія времена, не бывало въ саду марѳинскомъ столько птичекъ, никогда глубина его не звучала такимъ веселымъ, мелодическимъ пѣньемъ и щебетаньемъ... Дамы и кавалеры, гулявшіе по саду, давнымъ-давно уже обратились въ прахъ подъ своими мраморными памятниками, а деревья, навѣвавшія на нихъ прохладу и дававшія имъ тѣнь, стоятъ,—стоятъ и понынѣ, могучія, цвѣтущія, величаво поднимая къ небу свои зеленыя вершины, по которымъ и теперь, попрежнему, какъ сто лѣтъ тому назадъ, весело играетъ вечерній солнечный лучъ...

Проходя берегомъ пруда, Верюгинъ набрелъ на заброшенную бесѣдку. У входа ея лежали какія-то два чудовища, высѣченныя изъ сѣраго камня, теперь подернутыя желтоватозеленоватымъ мохомъ и позаросшія травой. Въ ихъ разверстыя пасти набилась куча

сухихъ листьевъ и хвои съ высокихъ сосенъ, обступавшись бесѣдку. Разноцвѣтныя стекла въ окнахъ были повыбиты; земляной полъ усыпанъ листомъ и прутьями; въ высокой, остроконечной крышѣ показались щели. Верюгинъ вошелъ въ бесѣдку и, осмотрѣвшись, подумалъ вслухъ. «Вѣроятно, это самая и есть, о которой *онъ* тогда говорилъ... Дѣйствительно, удобно...» Въ пяти шагахъ отъ входа въ бесѣдку начинался довольно крутой берегъ пруда, обмелѣвшаго и покрытаго тиной. Верюгинъ внимательно осмотрѣлъ береговой спускъ...

— Что же! и сегодня опять не ночуешь? Потащишься, на ночь глядя, къ своей Маркушихѣ? — спросила Олимпіада Марковна у Верюгина, когда тотъ возвратился въ домъ.

— Нельзя, матушка! Завтра съ ранняго утра опять мужики придутъ, пойдемъ съ пѣнью... По холодку-то я теперь отлично дойду!

— Ну, прощай! Спасибо, что не забываешь меня, старуху, провѣдываешь... Спасибо!.. А то вѣдь все — одна одинешенька, иной разъ инда одурь возьметъ... А въ воскресенье придешь?

— Можетъ быть, и раньше! — крикнулъ уже изъ-за двери Ѳеофанъ Михайловичъ.

— Ну, ладно! — прошептала ему вслѣдъ старуха.

На дворѣ встрѣтила Верюгина чудесная, звѣздная ночь...

IV.

И будутъ послѣдніе первыми.

Олимпіада Марковна, дѣйствительно, была сильно напугана появленіемъ того, кого она называла «обманщикомъ», и послѣдовавшими затѣмъ печальными происшествіями. Старушка, — по натурѣ, добродушная и откровенная,—сдѣлалась послѣ того чрезвычайно осторожна и недовѣрчива. Подозрительно стала смотрѣть она на всякаго незнакомаго человѣка; въ каждомъ новомъ лицѣ ей мерещился «недобрый» человѣкъ, готовый ни за грошъ продать отца съ матерью. Поэтому, Верюгину было бы не легко въ короткое время сблизиться со старушкой, если бы не помогло ему знакомство съ молодымъ княземъ. Да и на то, чтобы разсѣять въ старухѣ послѣднія тѣни подозрѣній и страховъ, понадобились сильныя вещественныя доказательства. Верюгинъ показывалъ ей письма князя, адресованныя къ нему, къ Ѳеофану Михайловичу, показывалъ фотографическую карточку, на которой надпись была сдѣлана рукою князя. Наконецъ, онъ передалъ ей такія подробности изъ жизни князя, которыя можно было слышать только отъ него самого и не иначе, какъ находившись съ нимъ въ самыхъ короткихъ, задушевныхъ отношеніяхъ. Всего же лучше рекомендовало Верюгина Олимпіадѣ Марковнѣ знакомство его съ Марьей Константиновной. Исторія же Марьи Константиновны очень обыкновенная, и здѣсь, кстати, можно разсказать ее...

Лѣтъ 25 тому назадъ, однажды къ старому князю пріѣхалъ лѣтомъ погостить его младшій братъ. Князь Матвѣй былъ въ ту пору красивымъ молодымъ человѣкомъ, лѣтъ 30-ти, и очень падкимъ до женщинъ. Бродя разъ по саду, князь случайно повстрѣчалъ молодую дѣвушку, собиравшую малину. То была дочь садовника, семьнадцатилѣтняя, голубоглазая, краснощекая красавица. Дѣвушка приглянулась князю, и онъ приволокнулся за нею... Блаженныя минуты проводили они, когда надъ почтеннымъ марѳинскимъ садомъ спускались синія сумерки и подъ деревьями сгущались тѣни. Обнявшись и нѣжно воркуя, ходили они по дальнимъ аллеямъ, а полный мѣсяцъ свѣтилъ имъ своимъ чарующимъ свѣтомъ и золотыя звѣзды мигали имъ изъ-за зеленыхъ вѣтвей деревьевъ... Князь Матвѣй, выкупивъ у брата на волю всю семью садовника, осенью уѣхалъ въ столицу. По веснѣ, у молодой садовницы родилась дочь Марія. Старый князь распорядился, чтобы управляющій былъ у нея крестнымъ отцомъ, и самъ, собственноручно, изволилъ положить ей подъ подушку, набитую соломой, сотенную ассигнацію «на зубокъ». По крестному отцу назвали дѣвочку Константиновной, а фамилію «Хоткиной» далъ ей—по старому обычаю—самъ князь. Молодая мать скоро умерла, не видавъ болѣе ни разу своего возлюбленнаго, а дѣвочка осталась на рукахъ у дѣда-садовника, который такъ сжился со своею садовническою должностью, что, даже не смотря на волю, не уходилъ изъ Марѳинскаго... Дѣвочка росла между дѣвичьей и гостиной. Старый князь то забавлялся съ нею, сажалъ ее къ себѣ на колѣни и поилъ чаемъ, то держалъ ее на побѣгушкахъ, посылалъ ее туда и сюда. Дьяконовскому сыну, жившему одно время безъ мѣста, было поручено выучить Машу грамотѣ, письму и счету...

Когда дѣвушкѣ минуло восемнадцать лѣтъ, она слыла красавицей. Младшій сынъ князя еще въ дѣтствѣ подружился съ Машей, а потомъ какъ-то дружба ихъ перешла въ любовь. Послѣ смерти стараго князя, Николай Михайловичъ выстроилъ ей въ пяти верстахъ отъ Марѳинскаго домъ и помогъ завести лавку. Любовь ихъ оставалась тайной... Только темные слухи шли по околотку: будто видали, какъ молодой князь по ночамъ, пѣшкомъ и съ ружьемъ за плечами, возвращался черезъ поля въ Марѳинское, и возвращался онъ, будто бы, именно отъ лавочницы. И много большихъ услугъ оказала князю эта лавочница, благодаря своимъ деревенскимъ знакомствамъ и своей расторопности.

Теперь ей 24 года. Она—блондинка, здоровая, сильная, высокаго роста, стройная, съ румянцемъ во всю щеку. Ея умные свѣтло-сѣрые глаза смотрятъ внимательно и пытливо изъ-подъ густыхъ, длинныхъ рѣсницъ. Ея русые волосы двумя тяжелыми косами лежатъ у нея на спинѣ. Лицо красиво, обращеніе—сдержанно, даже подчасъ нѣсколько холодно... При волненіи румянецъ гуще выступалъ у нея на щекахъ, и вся мощная фигура ея въ тѣ минуты дышала силой и энергіей... По наружному образу жизни она мало отличалась отъ обыкновенныхъ деревенскихъ лавочницъ. Лѣтомъ она также, какъ и всѣ бабы, ходила въ лѣсъ за ягодами, за грибами; зимой она пряла, шила по заказу, вязала шерстяные чулки для бабъ, пояски и шарфы для парней.,. Впрочемъ, кромѣ того, она даромъ давала больнымъ нѣкоторыя цѣлебныя травы, примочки и пластыри для заживленія ранъ, ушибовъ и порѣзовъ. Оттого по деревнямъ она слыла лѣкаркой... Отъ простыхъ же бабъ она отличалась своею развитостью; въ досужее время она любила читать книги и газеты, которыя выписывала сообща съ священникомъ и съ однимъ грамотнымъ сосѣдомъ-крестьяниномъ. Она была женщина — думающая своимъ умомъ, женщина практическая... Она крѣпко любила князя, но когда тотъ «пропалъ», молодая женщина стойко выдержала ударъ. Въ околоткѣ ее любили, смотрѣли на нее безъ предубѣжденія, какъ на своего же брата, бывшаго крѣпостнаго. «Баба—неглупая, ловкая!.. Что и говорить»... толковали про нее на деревнѣ.

Но не смотря даже на знакомство Верюгина съ Марьей Константиновной, Олимпіада Марковна долго поглядывала на него исподлобья, долго отмалчивалась и уступила только въ виду очевидно несомнѣнныхъ доказательствъ того, что Ѳеофанъ Михайловичъ—человѣкъ хорошій и другъ. Верюгинъ зналъ то время, въ какое суждено было ему жить, и поэтому его ничуть не покоробили тѣ недовѣрчивые, почти враждебные взгляды, которыми его встрѣтила старая ключница. Напротивъ: старуха своими косыми взглядами и недомолвками внушила ему даже большую симпатію и высокое мнѣніе о себѣ. Человѣкъ, туго поддающійся на знакомство и съ перваго взгляда не выкладывающій всю свою душу, человѣкъ «надежный»... Олимпіаду Марковну на первыхъ порахъ очень удивляло отношеніе къ ней Верюгина. «Да какъ же! Я къ нему—медвѣдемъ, а онъ смотритъ таково ласково, улыбается, ровно его медомъ по губамъ мажутъ»... Верюгину нужно было расположить къ себѣ ключницу, и онъ своего добился. Каждый праздникъ, когда выпадала свободная минута, Верюгинъ отправлялся къ Олимпіадѣ Марковнѣ, въ Марѳинское, читалъ ей и велъ съ нею разговоры. Теперь онъ пользовался уже полнѣйшимъ довѣріемъ старушки. Она его считала за своего, за «родного». Она дѣйствительно, какъ сама говорила, жила одна одинешенька и теперь была очень рада, что нашелся добрый человѣкъ, съ которымъ ей можно было отвести душеньку... Каждый праздникъ она ждала землемѣра и въ ожиданіи его приготовляла сытный и вкусный обѣдъ. Онъ всегда былъ въ Марѳинскомъ дорогимъ гостемъ...

Здѣсь необходимо сказать нѣсколько словъ о самой Олимпіадѣ Марковнѣ. Она — дочь сельскаго дьячка того прихода, къ которому принадлежало Марѳинское. Она была замужемъ за дьякономъ той же церкви, оставалась бездѣтна и овдовѣла уже давно, лѣтъ 20 тому назадъ. Любимый братъ ея, Леонидъ, умеръ, только-что кончивши курсъ въ семинаріи. Родныхъ у нея теперь уже никого не оставалось въ живыхъ. Ей остались только одни воспоминанья. Въ Верюгинѣ она нашла сходство съ братомъ и потому еще пуще полюбила его... Чувства ея волей-неволей искали выхода, и теперь, совершенно естественно, ея привязанности раздѣлились между живымъ и дорогими ей мертвецами. Порою прошлое для нея смѣшивалось съ дѣйствительностью, происходила пріятная коллизія, въ которой разочаровывать старуху

было бы жестоко... Приключенія съ молодымъ княземъ, чтеніе, разсказы и признанія Верюгина сдѣлали то, что старуха стала на многое смотрѣть вовсе не такъ, какъ смотрѣла прежде. Что вокругъ нея называли бѣлымъ, то она стала считать чернымъ, и наоборотъ. Такое превращеніе съ нею произошло скорѣе и легче, чѣмъ можно было ожидать. Прежніе ея взгляды и мнѣнія были получены уже готовыми, въ наслѣдство отъ родителей, вмѣстѣ со всякимъ старымъ платьемъ и домашнимъ тряпьемъ. Теперь же она измѣнила свои мнѣнія сознательно... И тѣмъ горячѣе, тѣмъ упорнѣе стала старуха держаться своихъ новыхъ взглядомъ на людей и на дѣла людскія. Она сама себя звала «раскольницей»... Уже двѣнадцать лѣта она хозяйничала въ Марѳинскомъ. Говорили, что у нея водятся деньжонки... Хотя Олимпіаду Марковну нельзя было назвать скрягой, но тѣмъ не менѣе она любила беречь денежку, — и нѣтъ ничего удивительнаго, что у нея уже скопилась малая толика.

Однажды, въ минуту откровенности, Олимпіада Марковна заговорила съ Верюгинымъ такимъ тономъ, какъ бы спрашивая его совѣта:

— Хочу все въ монастырь отказать... — замѣтила она, между прочимъ.—Родныхъ нѣту... Куда мнѣ дѣваться съ деньгами-то!

— Въ монастырѣ и безъ вашихъ грошей много богатствъ, даже, можетъ быть, больше, чѣмъ надобно...—возразилъ ей на это Ѳеофанъ Михайловичъ.—За монастырскими стѣнами хорошо живутъ. А въ мірѣ-то больше бѣдности, да горя...

— Тамъ, батюшка, хоть за душу помолятся... И то ладно!

— Сдѣлайте доброе дѣло... Вотъ и все! Право, лучше будетъ...

— Ужъ не знаю, какъ и быть...—немного погодя, вполголоса промолвила Олимпіада Марковна, и замолкла.

Послѣ того, не однажды старуха заводила рѣчь о томъ же и все то же возражалъ ей Верюгинъ, Ни къ какому рѣшенію ни пришли... А Верюгинъ той порой все пуще интересовался своею новой знакомой, которая, въ свою очередь, все болѣе и болѣе благоволила къ нему. Сору изъ избы выносить было некому, ибо и самъ Андрійко, прислуживавшій Олимпіадѣ Марковнѣ, ничего не слыхалъ изъ разговоровъ ихъ и зналъ только, что гость часто «что-то читалъ въ книгѣ», а хозяйка внимательно слушала и вздыхала.

Понятно, что m-me Маркушева недоумѣвала: зачѣмъ молодой человѣкъ шлялся въ пустую усадьбу, что у него могло найтись общаго со старой ключницей. Не могъ же онъ — «человѣкъ развитый, передовой» — находить удовольствіе или пользу въ бесѣдахъ съ какою-то старой дьяконицей, женщиной совсѣмъ необразованной... На ея вопросъ: что онъ дѣлаетъ въ Марѳинскомъ? Ѳеофанъ Михайловичъ съ усмѣшкой отвѣчалъ, что онъ читаетъ старушкѣ Четьи-Минеи. M-me Маркушева положительно отказывалась вѣрить, чтобы такой «развитый, передовой молодой человѣкъ и едва-ли не нигилистъ», сталъ вдругъ читать старухѣ Четьи-Минеи. Это, просто, смѣху подобное предположеніе!.. Но сколько m-me Маркушева ни подсмѣивалась надъ Верюгинымъ, вызывая его на объясненія, тотъ не поддавался и отдѣлывался тоже смѣхомъ или же, просто, отмалчивался. Напрасно Анна Павловна ломала голову: тайна странствованій въ Марѳинское не разъяснялась...

Дѣло дошло даже до того, что въ одно изъ воскресеній Анна Павловна сама отправилась въ своемъ шарабанѣ въ Марѳинское, въ видѣ прогулки, обошла весь садъ, полюбовалась на его прелести, пожалѣла, что онъ въ такомъ запустѣньи, выпила съ превосходнымъ вареньемъ чашку чая въ комнатѣ Олимпіады Марковны и на прощанье звала старушку къ себѣ. Ничего особеннаго, ничего такого, что разъясняло бы странное поведеніе Верюгина, Анна Павловна не открыла ни въ старомъ марѳинскомъ домѣ, ни въ ключницѣ, ни въ обращеніи ея съ молодымъ человѣкомъ. Только въ одномъ отношеніи Анна Павловна успокоилась: она никакъ не могла ревновать Верюгина къ старухѣ-ключницѣ...

M-me Маркушева влюбилась въ молодого землемѣра.

Она принадлежала къ числу тѣхъ женщинъ, которыя и въ пожилыхъ лѣтахъ бываютъ очень склонны къ чувственнымъ наслажденьямъ. Она много влюблялась, много разъ измѣняла и разочаровывалась въ предметѣ своей любви, но всѣ эти увлеченія она готова была объяснять тѣмъ, что была «несчастлива» въ замужествѣ. Въ послѣдніе годы, сердце ея оставалось спокойно, и любовный жаръ, казалось, остылъ въ ней окончательно. Но это именно только «казалось», благодаря тому, что она была окружена все мало интересны-

ми субъектами. Сосѣднихъ помѣщиковъ, уже не обращавшихъ вниманія на ея прелести, она считала народомъ пошлымъ и глупымъ; былъ одинъ земскій докторъ, довольно смазливый, да и тотъ души не чаялъ въ своей молодой женѣ. Верюгинъ же—человѣкъ новый, незнакомый, притомъ недавно изъ столицы... Глядя на него, Анна Павловна вспомнила доброе старое время, свои побѣды и увлеченія; вспомнила про то, сколько, бывало, поклонниковъ хвостомъ увивалось вокругъ нея... Хотя она несовсѣмъ понимала Верюгина, но ей нравился энтузіазмъ молодого человѣка: она съ удовольствіемъ слушала его и съ удовольствіемъ смотрѣла на его одушевленное, энергичное лицо. Анна Павловна никакъ не могла опредѣлить: что собственно представлялъ собою ея новый знакомый. Познакомившись съ нимъ поближе, она однажды, глядя на его длинные сапоги и сѣрую блузу, спросила:

— Ѳеофанъ Михайловичъ! Вы — нигилистъ?

— Что въ имени тебѣ моемъ!—съ усмѣшкой продекламировалъ Верюгинъ.—Но почему же вы заключили, что я нигилистъ?

— Догадалась изъ вашихъ словъ!

— Ну, что жъ! Теперь вы станете меня бояться? Вѣдь я, значитъ, по вашему, поджигатель, разбойникъ, воръ, убійца...

— О, нѣтъ! Было бы очень хорошо, если бы вся молодежь походила на васъ... — съ любезною улыбкой возразила Анна Павловна.

Собственно говоря, ей не было никакого дѣла до того, какихъ политическихъ теорій держался молодой человѣкъ. Познакомиться же хотя бѣгло съ его убѣжденіями значило для нея хотя нѣсколько оріентироваться въ той области, которую хотѣла она покорить себѣ... Анна Павловна, какъ женщина неглупая, быстро сообразила, что однимъ грубымъ кокетствомъ, ласками, да любезностями Верюгина не увлечь. Чтобы заинтересовать его, надо непремѣнно выказать сочувствіе къ его «идеямъ», надо показать себя равной ему, стоящей на одной съ нимъ высотѣ воззрѣній. Но барыня съ сожалѣніемъ видѣла, что юноша ничуть не раздѣляетъ ея любовныхъ стремленій и даже, просто, не замѣчаетъ ея ухаживаній. Верюгинъ, дѣйствительно, не догадывался о томъ, что происходило въ сердцѣ отцвѣтшей красавицы... Впрочемъ, m-me Маркушева не унывала и съ каждымъ днемъ дѣлалась все рѣшительнѣе и либеральнѣе въ своихъ сужденіяхъ о «матерьяхъ важныхъ».

На другой день послѣ странствованія Верюгина въ Марѳинское, поздно вечеромъ, сидя въ своей любимой сиреневой бесѣдкѣ, Анна Павловна опять завела рѣчь про то, на что всего легче и всего охотнѣе отзывался ея собесѣдникъ.

— Вотъ вы говорите, что людей, забывающихъ свои интересы ради общаго блага, мало... Да какъ же быть! — разсуждала m-me Маркушева.—Ну, вотъ хоть бы я! На что я гожусь? Ну, что я могу?

— А развѣ ничего не можете?—перебилъ ее Верюгинъ.

— Конечно, ничего... — возразила барыня.—Ни къ чему я не способна, ни къ чему не приготовлена... Воспитаніе я получила такое же, какое, обыкновенно, дается нашимъ барышнямъ,—воспитаніе самое пустое. Поучили меня, напримѣръ, французскому языку, танцамъ, кое-какимъ рукодѣльямъ,—вотъ и все! Ну, на что же серьезное, спрашивается, я гожусь?

— Все это еще не бѣда!—промолвилъ онъ. —И вы можете дѣлать дѣло—по силамъ, по возможности... Знаете некрасовскаго дядюшку Власа? Ни иконы написать, ни плана составить, ни кирпича обжечь самъ онъ не могъ, не умѣлъ... Что же онъ дѣлаетъ? «Ходитъ въ зимушку студеную, ходитъ въ лѣтніе жары» и собираетъ деньги на построенье храма... «И даютъ, даютъ прохожіе...» А вы—помѣщица! У васъ свои средства есть... Ну и давайте ихъ! Вотъ вамъ одинъ примѣръ... Да затѣмъ есть много и другихъ способовъ.

— Конечно!—тотчасъ же согласилась Анна Павловна;—я могу такимъ образомъ... Но вѣдь у меня средства не Богъ вѣсть какія...

— Изъ грошей составляются милліоны!— замѣтилъ Верюгинъ и, немного помолчавъ, добавилъ: —У васъ, Анна Павловна, по близости школы нѣтъ... Ну, вотъ вамъ и дѣло въ руки! Дайте у себя въ усадьбѣ помѣщеніе для школы, сдѣлайте все школьное обзаведеніе, а я вамъ отрекомендую учителя или учительницу—хорошаго человѣка...

— Что жъ! Я не прочь, Ѳеофанъ Михайловичъ!—отозвалась m-me Маркушева.—Школу можно устроить!.. Отчего жъ не устроить... Но какъ быть съ помѣщеніемъ? Придется вновь строить флигель—нарочно подъ школу... У меня вѣдь свободныхъ помѣщеній нѣтъ. Сами знаете: домъ у меня маленькій, а, кромѣ него, только одна людская изба... Вотъ и всѣ жилыя строенья! А сторона наша лѣсомъ не

богата, постройка будетъ стоить очень дорого, а затѣмъ обзаведенье... Все это, конечно, возможно, только нужно подумать, разсчитать...

— Около Вязовки четыре деревни, даже можно считать пять... Положеніе очень хорошее...—говорилъ Верюгинъ.—Если же вамъ тяжело покажется содержать и ремонтировать школу, впослѣдствіи вы можете обратиться къ земству съ просьбой: не приметъ-ли оно на себя часть расходовъ. Главное—лишь-бы устроить, начать... поддерживать легче!

—Охъ, Ѳеофанъ Михайловичъ! Съ нашимъ земствомъ не подѣлать ничего путнаго!—покачивая головой, возразила ему Анна Павловна—Всѣ порядочные люди изъ земства уже давно ушли. Осталась же, съ позволенья сказать, такая шваль, которая только транжиритъ земскія денежки, да живетъ скандалами. О серьезномъ дѣлѣ у насъ и заикаться не стоитъ: впередъ можно сказать, что ничего не выйдетъ...

— Кто же у васъ сидитъ въ управѣ? — спросилъ Верюгинъ.

— Предсѣдателемъ уже шестой годъ — Остаповъ, какой-то отставной юнкеръ... Нашъ прежній докторъ говорилъ, что онъ «одержимъ горделивымъ умопомѣшательствомъ»... Дуракъ набитый, и къ тому-же—злой дуракъ! Члены-же управы — его собственныя креатуры и ходятъ передъ нимъ на заднихъ лапкахъ. Одинъ изъ нихъ помѣщикъ—пьяница и буянъ, а другой — разжирѣвшій мужикъ. А вы знаете, что мужикъ богатый — что̀ чортъ рогатый... Для предсѣдателя онъ барановъ закупаетъ, зато ему земскіе подряды отдаются, а онъ мошенничаетъ на этихъ подрядахъ... Купилъ уже себѣ имѣнье, въ городѣ домъ выстроилъ. Вся наша городская знать къ нему въ гости жалуетъ...

— Сколько я могу видѣть изъ вашего разсказа, — заговорилъ Верюгинъ, — ни этотъ воришка, ни баринъ-буянъ не помѣшаютъ дѣлу, если только за него выскажется вашъ отставной юнкеръ... Значитъ, вамъ нужно приняться за него. А женщина толковая да смышленая можетъ многое сдѣлать изъ того, что̀ для насъ, для мужчинъ, недостижимо... Знаете поговорку, Анна Павловна: куда чортъ самъ не поспѣетъ, туда бабу пошлетъ!

Верюгинъ улыбнулся. М-ме Маркушева посмотрѣла ему въ глаза и тоже отвѣтила лукавою улыбкой. Повидимому, она осталась довольна...

Послѣ того разговоръ о школѣ поднимался не разъ. Анна Павловна попросила Верюгина начертить планъ будущей вязовской школы. Онъ сказалъ, что планъ составить недолго, только нужно сначала достовѣрно узнать: возможна-ли эта школа. Насчетъ разрѣшенія—безпокоиться нечего, если Анна Павловна приметъ на себя всѣ первоначальныя издержки: инспекторъ сельскихъ училищъ — человѣкъ знакомый, интересующійся болѣе клубомъ, чѣмъ школами, и препятствій съ его стороны ждать нельзя.

— Ужъ надо какъ-нибудь постараться... придется поэкономить!—рѣшила барыня.—Я думаю: домъ построить за воротами, по ту сторону дороги... Знаете: около тѣхъ рябинъ...

— Это все равно!—согласился Верюгинъ.

Съ м-ме Маркушевой онъ сдѣлался очень дружелюбенъ, не смотря на споры, возникавшіе между ними порою. Споры, обыкновенно, кончались тѣмъ, что Анна Павловна со вздохомъ повторяла:

— Охъ вы, молодежь, молодежь!..

А Мина Игнатьевна, той порой, попрежнему, играла «въ молчанки» и почасту сидѣла на своемъ висячемъ диванчикѣ между березъ, устремивъ свой усталый, неподвижный взоръ въ зеленую даль. Нерѣдко приходилось ей присутствовать при разговорахъ Верюгина съ теткой... Тогда она внимательно вслушивалась въ ихъ рѣчи. Иногда при словахъ Анны Павловны она улыбалась и вдругъ, какъ бы съ досадой, отворачивалась въ сторону. Когда, случалось, Верюгинъ съ жаромъ начиналъ развивать свою «теорію», дѣвушка пристально смотрѣла на него изъ-за вѣтвей деревъ, никѣмъ не замѣченная; легкій румянецъ выступалъ на ея блѣдныхъ щекахъ, и она слушала, притаивъ дыханіе...

Нельзя сказать, чтобы Мина Игнатьевна была лѣнива... Апатія одолѣвала ее. Она сама признавалась, что у нея нѣтъ никакого горя, что ее заѣдаетъ скука. И лѣчилась-то она только потому, что ее другіе лѣчили, заставляли лѣчиться. По указанію родныхъ, она сначала поѣхала въ Петербургъ, потомъ отправилась за границу. Сама же для себя она не пошевелила бы пальцемъ... Ей скучно было заниматься рукодѣльями, какъ занимались ими другія барышни, ея сверстницы; скучно ей было и безъ дѣла шляться, и жить ей наскучило, все наскучило... Ее ничто не занимало: ничто ее не радовало, не печалило. Вѣчно холодная, вялая, безучастная ко все-

му—избывала она жизнь, какъ нѣкогда крѣпостные люди избывали свою барщину.

— Странная дѣвушка ваша племянница!— сказалъ однажды Аннѣ Павловнѣ Верюгинъ.

— Больная... Да, впрочемъ, и прежде она была такая же нелюдимая, флегма! Не правда-ли: она выглядитъ старушкой?—сказала m-me Маркушева.

Но вскорѣ какъ-то послѣ того эта странная дѣвушка сильно поразила Верюгина... Однажды онъ довольно горячо разсуждалъ съ Анной Павловной. Барыня все напирала на то, что она—*не прочь*, что она — *готова*, но народъ теменъ, невѣжественъ, дикъ, что съ нимъ ничего не подѣлаешь и т. п.

— Я живу въ деревнѣ постоянно, насмотрѣлась на мужиковъ, знаю, каковы они...— говорила Анна Павловна. — Вы только посмотрите, что у нихъ дѣлается... Пьянство повальное, драки, безобразія... И сколько въ нихъ непониманія самыхъ простыхъ вещей! Сколько въ нихъ жестокости!.. Вѣдь они готовы съѣсть другъ друга...

И такъ далѣе въ томъ же родѣ. А Верюгинъ объяснялъ ей, что грѣхи многихъ вѣковъ поправлять не легко, что въ одно поколѣніе люди не могутъ совершенно переродиться, что всѣ должны по мѣрѣ силъ и возможности трудиться для общаго блага, что только при такомъ условіи можно добиться лучшаго... Въ тотъ же вечеръ Верюгинъ встрѣтился въ саду одинъ съ m-lle Судславской.

— Какъ мнѣ совѣстно и досадно за тетушку! — замѣтила она ему, какъ всегда, вяло, тихо и слегка пожавъ плечами.

Тотъ въ недоумѣніи посмотрѣлъ на нее, какъ бы ожидая, что будетъ дальше.

— Что вы на меня такъ смотрите! Я говорю серьезно. Она комедію разыгрываетъ...

— Ваша тетушка, кажется, женщина добрая... либералка!—отозвался Верюгинъ.

— Либералка!—небрежно повторила дѣвушка и направилась къ дому.

Подойдя къ балкону, она вдругъ оборотилась и спросила Верюгина: нѣтъ-ли у него въ городѣ хорошихъ знакомыхъ. Тотъ указалъ ей на одного учителя реальнаго училища и на секретаря земской управы.

— Я могу, значитъ, обратиться къ нимъ, если понадобится?—промолвила дѣвушка.

— Да! Они—люди вполнѣ порядочные.

— Хорошо! — сказала она, и въ первый разъ крѣпко пожала руку Верюгину.

«Что сдѣлалось съ этой молчальницей!» подумалъ онъ про себя. «Статуя заговорила»... Этотъ случай невольно заставилъ Верюгина обратить вниманіе на отношенія тетки къ племянницѣ. Въ ихъ отношеніяхъ оказалось много страннаго, чего до тѣхъ поръ онъ не замѣчалъ. Тетка какъ будто заискивала въ дѣвушкѣ, даже какъ будто немного побаивалась ея, а та, повидимому, не обращала вниманія на ея усердныя ухаживанья и относилась къ ней вообще холодно, полунасмѣшливо, полунебрежно. За глаза же тетка, обыкновенно, жалѣла ее, называла «несчастною дѣвушкой» и не однажды съ Верюгинымъ распространялась по этому поводу.

— Несчастное созданье!— говорила она съ легкимъ вздохомъ.—Такой флегмы, кажется, еще свѣтъ не производилъ... Ничто ее не интересуетъ, ничто не волнуетъ. Книги ее не занимаютъ, ни за какое дѣло она не примется... Думала я одно время, что она хоть за филантропію ухватится... И то нѣтъ! Что мнѣ, говоритъ, возиться тутъ! Я, говоритъ, не сенъ-бернардская собака, чтобы спасать кое-кого... Одного, говоритъ, выручу изъ бѣды, а той порой десятокъ сгинетъ... Одна наша знакомая акушерка, такая славная, развитая барыня, уговаривала ее пріютъ для дѣтей устроить. И то опять ей неладно! Что мнѣ, говоритъ, сопливымъ ребятишкамъ носъ то утирать! Для какихъ подвиговъ, говоритъ, я ихъ выращу, выхолю... Повѣрите-ли, Ѳеофанъ Михайловичъ! Никакъ на нее не угодишь. Все ей скучно, все ей—не то, не такъ, да не стóитъ...

— А не думала она поступать на женскіе курсы? — немного погодя, спросилъ Верюгинъ.

— Куда намъ на женскіе курсы! — съ усмѣшкой воскликнула Анна Павловна. — Говорю же вамъ, что книжки въ руки не возьметъ. Въ книгахъ, видите, все вздоръ да чушь! Разъ даже до чего договорилась... «Не велика, говоритъ, была бы печаль, если бы всѣ ваши книги взять да въ печь!»—«Мина! говорю ей. Да это Богъ знаетъ, что такое ты говоришь! Сжечь плоды вѣковой цивилизаціи»...—«Плоды-то, говоритъ, гнилые, никуда не годятся»... — «Какъ, говорю, никуда не годятся? Да развѣ мало хорошихъ книгъ»... — «Вы, говоритъ, тетя, напрасно ахаете! Хорошихъ книгъ такъ мало, что всѣ онѣ уставились бы на одну полку, могли бы и въ рукописяхъ ходить! А вы, говоритъ,

тетя, какъ попугай... что одинъ сказалъ, то и вы затвердили»... Бранится! Просто, ужасная особа! Это даже и не нигилизмъ... это ужъ, право, я и не знаю, что такое... Дико до глупости! Станешь иной разъ подтрунивать надъ тѣмъ, что она ничего не дѣлаетъ, а только шляется, какъ тѣнь... Смѣется! «Все равно, говоритъ. Человѣчество, право, ничего не выигрываетъ отъ того, что вы, говоритъ, суетесь изъ угла въ уголъ съ утра до ночи, а также, говоритъ, и ничего ровно не проигрываетъ изъ-за того, что я бездѣльничаю»... Ну, вотъ и подите! Толкуйте съ нею...

Послѣ подобной рекомендаціи Верюгину захотѣлось поближе познакомиться съ этою «сумасбродною» дѣвушкой, ни въ грошъ не ставящей «книги». Но завязать съ нею болѣе короткое знакомство было не легко, ибо она продолжала попрежнему держаться въ сторонѣ... Разъ за ужиномъ зашла рѣчь о женскихъ медицинскихъ курсахъ. Мина Игнатьевна сидѣла, откинувшись на спинку креселъ и закутавшись въ свой бѣлый кашемировый платокъ.

— Вотъ вы — человѣкъ свободный, обезпеченный...—обратился къ ней, между прочимъ, Верюгинъ.—Отчего бы вамъ не поступить на курсы?

Анна Павловна уже заранѣе съ торжествующимъ видомъ посмотрѣла на племянницу, словно желая сказать той: «какъ-то ты, сударыня, теперь выправишься! Посмотримъ»!

— Зачѣмъ? — взглядывая на Верюгина, спросила дѣвушка, не измѣняя позы.—Лѣкаремъ больше, лѣкаремъ меньше... разсчета, мнѣ кажется, не составитъ...

Верюгинъ смолчалъ. По лицу m-me Маркушевой пробѣжала тѣнь недовольства.

— Но все-таки курсами можно пользоваться...—замѣтилъ Верюгинъ.

— А развѣ женскую самостоятельность ты ни во что не ставишь!—строго перебила Анна Павловна, обращаясь къ племянницѣ.

— Какая тутъ женская самостоятельность!—небрежно замѣтила ей та.—Женщина должна сама добиваться самостоятельности, а не смотрѣть изъ рукъ у мужчинъ... Намъ только крохи бросаютъ...

— Да вѣдь нельзя же все за разъ!—воскликнула m-me Маркушева въ порывѣ либеральнаго негодованія.

— Ну, ужъ я тамъ не знаю: льзя это или нельзя... Только, по моему мнѣнію: все или ничего...

— Впрочемъ, должно оговориться, я самъ никакого особаго женскаго вопроса не признаю. Есть только одинъ вопросъ—общій для мужчинъ и женщинъ...

— Я тоже говорю!—вполголоса, какъ будто про себя, молвила дѣвушка.

— Ты ужъ слишкомъ требовательна, горяча, какъ я погляжу! — сердито проговорила Анна Павловна, обращаясь къ племянницѣ.—На такихъ-то горячихъ воду возятъ...

Вышло какъ-то грубо и пошло. Разговоръ на томъ и оборвался, ибо хозяйка съ шумомъ отодвинула свое кресло и очень недовольная встала изъ-за стола. Верюгинъ, какъ ей показалось, переходилъ на сторону m-lle Суславской. Вдовушка съ самаго начала именно и боялась того, чтобы онъ какъ-нибудь, чего добраго, не увлекся этою «блѣдною тѣнью», какъ называла она про себя Мину Игнатьевну. «Даромъ, что худа, а со своими странностями да причудами, пожалуй, можетъ понравиться»... Она даже стала подозрѣвать Мину Игнатьевну въ желаніи кокетничать на зло ей, m-me Маркушевой. На слѣдующій день она была не въ духѣ и злѣе обыкновеннаго говорила о племянницѣ. Для ея характеристики она брала именно такія черты, которыя, по ея мнѣнію, должны были оттолкнуть его или, по крайней мѣрѣ, должны были не понравиться «развитому, передовому человѣку и едва-ли не нигилисту».

По нѣсколькимъ рѣзкимъ словамъ, вырвавшимся у Мины Игнатьевны, по ея горящимъ глазамъ—Верюгинъ догадался, что въ этой хрупкой плоти живетъ духъ мощный и бодрый. Онъ такъ объяснялъ себѣ эту дѣвушку: во-первыхъ, она больна, слаба физически; во-вторыхъ, она не видитъ цѣли своего существованія, находя вокругъ себя на каждомъ шагу пошлость и глупость во всевозможныхъ видахъ... Вотъ откуда ея тоска или, вѣрнѣе сказать, ея скука, вѣчное недовольство всѣмъ, собой и другими, и безконечная апатія. «Бѣда та, что очень хила, слаба! Человѣкъ больной, прозябающій изо дня въ день, конечно, въ работники не годится, *но*»... Первый оживленный разговоръ завязался у нихъ на вѣчно старую—вѣчно новую тему.

— Стоитъ-ли жить? Стоитъ-ли волноваться?—говорила дѣвушка, сидя на своемъ висячемъ воздушномъ диванчикѣ и смотря вверхъ на бѣлыя, легкія облака, тихо проплывавшія по ясному небу надъ ея голо-

вою.—Вотъ я теперь смотрю на эти облака, и знаете-ли: о чемъ думаю?

Мина Игнатьевна вяло и какъ-то разсѣянно усмѣхнулась.

— Я думаю,—лѣниво продолжала она:—вотъ ужò, когда отъ меня и костей не останется, такія же точно облака и также точно пойдутъ по небу... Вонъ рябины! Посмотрите, какъ красиво рисуются на голубомъ фонѣ ихъ узорчатые листья... Когда меня уже не будетъ и въ поминѣ на бѣломъ свѣтѣ, эта самая глупая, безчувственная рябина станетъ жить попрежнему... Смѣшно и жалко! Жить для того, чтобы накормить собою червей... Конечно, бывали такіе люди—геніальные, ученые, поэты, изобрѣтатели, государственные мужи... Ихъ помнятъ и теперь... Они, быть можетъ, и знали, для чего жили! А мы, большинство смертныхъ, право, не знаемъ: для чего живемъ, также, вотъ, какъ эта рябина, только съ тою разницей, что она переживетъ и насъ, и нашихъ внучатъ... Право, хоть бы сдѣлать что-нибудь такое, ради чего стóило бы жить!..

— Отъ насъ самихъ зависитъ сдѣлать это... —замѣтилъ ей Верюгинъ, бодро и весело смотря на пылавшій западъ и на зеленыя рябиновыя вѣтви, рѣзко обрисовывавшіяся на багровомъ небѣ.—Не нужно быть геніальнымъ человѣкомъ для того, чтобы прожить жизнь недаромъ... Отъ насъ зависитъ, Мина Игнатьевна, прожить съ пользой и умереть со смысломъ. Въ чемъ другомъ, а въ этомъ мы свободны... Особенно свободны мы въ выборѣ смерти.

Верюгинъ долгимъ, пытливымъ взглядомъ посмотрѣлъ на дѣвушку, вдругъ получившую въ его глазахъ большую цѣну. А она сидѣла, поникнувъ головой, въ своей обычной мечтательной позѣ. Только было замѣтно, какъ будто легкій румянецъ выступилъ у нея на щекахъ. Или, можетъ статься, то былъ отсвѣтъ румянаго заката... Она еще ниже понурилась, и пряди волосъ низко свѣсились на это загадочное лицо...

Когда у Верюгина съ «блѣдною тѣнью» стали заходить разговоры, когда Верюгинъ началъ нерѣдко подолгу засиживаться съ дѣвушкой, Анна Павловна вышла изъ себя и обозлилась не на шутку. «Тихоня-то наша... туда же! любезничать лѣзетъ съ молодыми людьми»... бранилась про себя m-me Маркушева. «Вотъ ужъ, подлинно, какъ говорится, не изъ тучи громъ»...

— А вы, кажется, Θеофанъ Михайловичъ, интересуетесь нашею больной? — спросила она однажды Верюгина, и блѣдная, легкая улыбочка обрисовалась на ея губахъ. — Не правда-ли, очень странная особа?..

— Да... Но я странности люблю! — шутливо отвѣтилъ ей тотъ. — Ежели бы не было странностей, то жизнь, пожалуй, вышла бы очень однообразна, слишкомъ прѣсна...

— О вкусахъ не спорятъ! — съ кривой усмѣшкой промолвила Анна Павловна и, довольно сухо взглянувъ на Верюгина, отправилась по хозяйству.

Дѣло дошло до того, что тетка уже въ глаза стала подтрунивать надъ Миной Игнатьевной, чего прежде никогда не позволяла себѣ. Въ своихъ нападкахъ она особенно напирала на ея «лѣнь», на «отсталость», на «дикіе взгляды», и старалась всячески поднять дѣвушку на смѣхъ. Мина Игнатьевна оставалась невозмутима и лишь, небрежно глядя на тетку, позѣвывала и повторяла:

— Охъ, какъ вы наскучили мнѣ... Тоска съ вами!...

— Тебѣ, кажется, все наскучило?—рѣзко замѣтила Анна Павловна, выведенная изъ терпѣнія флегматичностью своей мнимой соперницы.

— Все!—коротко отозвалась та.

— Ты и сама себѣ наскучила!

— Наскучила!—какъ эхо, отвѣтила дѣвушка.

— Ты, рѣшительно, ни въ чемъ хорошаго не находишь!

— Не нахожу!..

Тутъ тетка со злости расхохоталась и почти со слезами на глазахъ заговорила съ Верюгинымъ чуть-ли не о геологическихъ переворотахъ. А дѣвушка все сидѣла, не шелохнувшись, и задумчиво, спокойно смотрѣла на тетку. Вотъ это-то спокойствіе и незлобіе особенно и бѣсили Анну Павловну... «Не могу я видѣть ея кислую физіономію! Хоть бы ѣхала она скорѣе къ своей Женни!» не разъ говорила она себѣ послѣ стычекъ съ племянницей. (Женни была знакомая Мины Игнатьевны, недавно вышедшая замужъ за помѣщика сосѣдняго уѣзда).

Здѣсь должно замѣтить, что ни друзей, ни даже короткихъ пріятельницъ никогда не было у m-lle Судславской. Матери она не помнила, и на всемъ бѣломъ свѣтѣ любила во всю жизнь свою только—отца...

V.

Сказка про бѣлаго бычка.

Въ тѣ дни случилась одна изъ тѣхъ обыкновенныхъ исторій, которыя періодически происходятъ во всѣхъ уголкахъ деревенской Россіи и называются «прискорбными недоразумѣніями, волненіями, безпорядками»...

Въ селеніи Щепотовѣ, въ 8 верстахъ отъ Вязовки и въ 3 верстахъ отъ Марѳинскаго, въ Петровъ день былъ храмовой праздникъ, —праздникъ пивной, день разгула и безшабашнаго веселья. Къ щепотовцамъ, какъ водится, изо всѣхъ сосѣднихъ деревень сошлись гости; иные пришли къ роднымъ, другіе къ знакомымъ. Было много и такихъ гостей, которые не могли идти прямо къ кому-нибудь въ избу безъ приглашенія. Такіе садились на бревна, лежавшія на улицѣ посреди села, и ждали, пока кто-нибудь не подойдетъ и не позоветъ ихъ къ себѣ въ гости. Они ждали, обыкновенно, недолго: всѣхъ ихъ щепотовцы скоро разбирали по своимъ избамъ и угощали пивомъ, виномъ, пирогами...

Здѣсь кстати замѣтить, что пивной деревенскій праздникъ не только—день веселья, день забвенія трудовой, тяжелой жизни, день пѣсенъ и плясокъ. Нѣтъ! Онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, бываетъ и днемъ расплаты, когда вся злоба, издавна накопившаяся въ душѣ крестьянской, неудержимо вырывается наружу: что прежде таилось на умѣ, то переходитъ въ слово, а иногда и въ дѣло. Глубоко, на днѣ души, крестьянинъ таитъ обиду до перваго большаго праздника. Тутъ во хмѣлю онъ мститъ своему недругу, чѣмъ попало и какъ попало. И эта месть иногда бываетъ жестока. Оттого-то, послѣ такихъ праздниковъ гдѣ-нибудь въ рѣкѣ или въ канавѣ находятъ ночью мертвое тѣло съ синяками и подтеками, ясно свидѣтельствующими о томъ, что человѣка постигнула кончина «не мирная». Тутъ подъ хмѣлькомъ припоминается все старое, уже давно, повидимому, забытое... При этомъ, какъ извѣстно, въ крестьянствѣ бываютъ демоническія натуры, жаждущія драки, шума, одержимыя страстью разрушенія... Сила по жилочкамъ переливается, разгуляться хочется ей...

Собираясь на праздникъ, такой паренекъ уже заранѣе оповѣщаетъ:

— Подерусь, братцы! Чувствую, что подерусь... никакъ не удержаться! Не въ моготу, братцы!

И накопившаяся лютая злоба изливается въ жестокой дракѣ — не на животъ, а на смерть... Посторонній человѣкъ, не посвященный въ тайны міра крестьянскаго, по своей наивности можетъ подумать, что люди дерутся только изъ-за любви къ искусству или изъ-за какихъ-нибудь личностей. Правда, бьютъ дядю Митяя или Миняя, но бьютъ не за ихъ прегрѣшенія. На нихъ, какъ на непріятныхъ личностяхъ, только срываютъ злобу. Дядя Митяй или Миняй платятся своими боками за кого-то другого... Чѣмъ болѣе накопится злобы, чѣмъ дольше и глубже бываетъ вынужденъ мужикъ таить ее про себя, тѣмъ страшнѣе въ концѣ концовъ бываетъ его расправа...

Вотъ такой-то праздникъ шумѣлъ и гудѣлъ на Щепотовѣ въ Петровъ день. Звуки гармоній и пѣсенъ смѣшивались съ криками пьяныхъ. Шумъ и гамъ стоялъ въ воздухѣ. Щепотово ревѣло и выло во всю мочь, и этимъ ревомъ-воемъ далеко оглашались въ иную пору безмолвныя, тихія поля и рощи. На третій день праздника, становому вздумалось съ судебнымъ приставомъ дѣлать опись скота и имущества у нѣкоторыхъ изъ кунявинскихъ крестьянъ за неплатежъ ими оброка помѣщику. Почему такъ распорядился становой: единственно-ли по глупости, или изъ презрѣнія къ крестьянскому міру—неизвѣстно, но только извѣстно, что «вышло не больно гоже», какъ говорили впослѣдствіи въ той сторонѣ.

Кунявино—деревенька въ полуверстѣ отъ Щепотова, связанная со Щепотовымъ родственными и дружескими узами до того тѣсно, что считалась, обыкновенно, за продолженіе этого села, да въ сущности Кунявино и было выселкомъ, а Щепотово въ отношеніи его играло роль метрополіи. Кунявинцы уже давно, но пропустивши срокъ, отказались отъ надѣловъ, упирая на то, что земля имъ дана неудобная; отказавшись отъ надѣловъ, они отказались и отъ уплаты оброка. Они собирались идти на какія-то казенныя пустопорожнія земли, но только горе ихъ состояло въ томъ, что никто не могъ указать имъ дорогу къ этимъ благодатнымъ землямъ. А между тѣмъ ихъ принуждали платить оброкъ... Мѣсяцъ тому назадъ, пріѣзжалъ исправникъ и говорилъ старостѣ, чтобы оброкъ былъ немедленно взысканъ, ибо срокъ уплаты уже

*

давно минулъ. Становой понукалъ старшину, старшина понукалъ старосту, староста понукалъ крестьянъ, а крестьяне говорили каждый за себя: «Да я что... Я—ничего! Какъ міръ, такъ и я!»... Извѣстная исторія: помѣщикъ жаловался исправнику, исправникъ выговаривалъ становому, становой ворчалъ на старшину, старшина ругалъ старосту, староста усовѣщавалъ мужиковъ, а дѣло все-таки ни съ мѣста. Однимъ словомъ — внучка за бабку, бабка за дѣдку, дѣдка за рѣпку—не вырвали рѣпку...

Въ Щепотовѣ слышали колокольчикъ, но не знали: кто проѣхалъ на Кунявино, (ѣхали со стороны Марѳинскаго). Погодя немного, съ Кунявина прибѣжала баба и съ воемъ кликала мужиковъ, оповѣщая, что «пріѣхали скотъ описывать». Отставной матросъ Измайлычъ, принадлежавшій именно къ тѣмъ людямъ, которые во хмѣлю бываютъ буйны, первый откликнулся на зовъ бабы, хотя самъ жилъ въ Щепотовѣ.

— Пойдемъ, братцы, кунявинцевъ выручать!—заревѣлъ онъ во все горло.

Парни погорячѣе мигомъ пристали къ нему и бѣгомъ пустились на Кунявино, къ нимъ не мало пристало любопытныхъ, и толпа человѣкъ въ 400—500 повалила по дорогѣ къ поселку. Мальчишки съ крикомъ сновали въ толпѣ... Становой, тѣмъ временемъ, съ понятыми ходилъ по опустѣлой деревенской улицѣ, стучался въ ворота и приказывалъ отпирать. Увидавъ въ сѣнцахъ какую-то старуху, онъ взобрался къ ней и, стоя на высокомъ крыльцѣ, сталъ разспрашивать у нея: сколько у нихъ скотины, гдѣ ходитъ и гдѣ ключи отъ амбара... Толпа подгулявшихъ крестьянъ, прибѣжавъ, между тѣмъ, въ деревню, сходилась къ избѣ, на крыльцѣ которой стоялъ становой. Становой сильно вспотѣлъ, раскраснѣлся и стоялъ, разстегнувъ сюртукъ.

— Зачѣмъ пожаловалъ, ваше благородіе?—довольно дерзко крикнулъ Измайлычъ, подступая къ крыльцу.

— А ты что тутъ? Разбойничать, что-ли, вздумалъ! А? Вотъ я васъ...—гаркнулъ становой, оборотившись къ толпѣ.

Въ ту же минуту старуха незамѣтно вошла въ сѣнцы и передъ самымъ носомъ становаго захлопнула за собой дверь, задвинувъ ее засовомъ. Такое начало не предвѣщало ничего хорошаго... Съ одной стороны становой очутился передъ запертой дверью, съ другой — передъ лицомъ бушевавшей толпы—на узенькомъ, животрепещущемъ крылечкѣ безъ перилъ, на высотѣ почти двухъ саженъ отъ земли.

— Баринъ! Уйти бы вамъ лучше...—вполголоса замѣтилъ одинъ изъ понятыхъ становому, все еще стоявшему на крыльцѣ и пыхтѣвшему отъ досады.—Крылечко-то высоконькое, вишь... Народъ все—пьяный... того гляди, ушибутъ...

— Вѣдь я говорилъ, ваше благородіе? Не ходить бы сегодня...—добавилъ староста.

Толпа передъ крыльцомъ шумѣла все пуще и пуще... Слышно было, какъ затрещали огороды. Зловѣщій знакъ—знакъ того, что крестьяне начали вооружаться своимъ доморощеннымъ оружіемъ—кольями.

— Уйди до грѣха! Тебѣ говорятъ: уйди...—кричали становому изъ толпы.

— Одно слово: не дадимъ! Ну-у, вотъ тѣ и весь сказъ!—ревѣлъ Измайлычъ.

— Ужь я до тебя доберусь... пьяница ты этакій! — раздраженно говорилъ становой, спускаясь съ крыльца къ понятымъ.

— Айда, баринъ!—кричали изъ толпы.

— Такъ наплевать же на васъ, дьяволы!—проворчалъ становой, садясь въ тарантасъ.—Солдатъ пришлютъ... Вотъ вамъ и будетъ «айда»!..

Лошади тронули, и тарантасъ сталъ медленно подвигаться середи толпы, тихо, словно нехотя разступавшейся.

— Когда, ваше благородіе, навѣдаться къ намъ пожалуете? — насмѣшливо кричали вслѣдъ становому.

— Пошелъ... скорѣе!—прошепталъ становой ямщику.

Лошади, выбравшись изъ толпы, понеслись во всю скачь. Крики и гамъ провожали становаго далеко за околицу.

Глухой гулъ донесся тогда и до Марѳинскаго, гдѣ сидѣлъ на ту пору Верюгинъ въ комнаткѣ Олимпіады Марковны. Потомъ слышали, какъ мимо сада прозвенѣлъ колокольчикъ и замолкъ вдали. Отъ двухъ бабъ, возвращавшихся съ праздника, Олимпіада Марковна узнала, что на Кунявинѣ «мужики на становаго шумѣли», причемъ бабы довольно сбивчиво передали и самое происшествіе, о которомъ слышали уже изъ третьихъ устъ... На этотъ разъ Верюгинъ возвратился въ Вязовку уже утромъ на разсвѣтѣ, и прямо, не ложившись спать, отправился на работу...

На четвертый день послѣ того, какъ предсказалъ становой, пришли солдаты и распо-

ложились постоемъ на Кунявинѣ и Щепотовѣ. Было найдено 13 главныхъ зачинщиковъ безпорядковъ; въ числѣ ихъ значился и Измайлычъ. Всѣ они были немедленно арестованы и посажены на ночь въ Щепотовѣ, въ темный сарай при домѣ старшины. Три солдата съ заряженными ружьями стали у дверей караулить арестантовъ, (поутру ихъ слѣдовало препроводить подъ конвоемъ въ городъ). Убѣжать арестантамъ не представлялось, повидимому, никакой возможности. Кромѣ одной двери, ни оконъ и никакихъ иныхъ отверстій въ сараѣ не имѣлось.

День былъ страшно знойный, удушливый.

— Передъ грозой, знать, паритъ этакъ!— замѣчали про себя деревенскіе люди.

Гарью, дымомъ пахло въ воздухѣ; видно, гдѣ-нибудь горѣли лѣса. Даль была подернута синевато-туманной дымкой. Солнце закатывалось въ тучахъ. Глядя на багровѣвшіе края облаковъ, поднимавшихся на западѣ, дьячокъ щепотовской церкви замѣтилъ, стоя у себя на дворѣ:

— Быть сегодня ночью бурѣ!

И угадалъ дьячекъ... Сильная гроза съ вихремъ, съ шумомъ налетѣла на щепотовскія веси. Громъ грохоталъ, не умолкая; ослѣпительная молнія поминутно горѣла въ ночномъ мракѣ, раздирая черныя лохмотья тучъ, которыя подобно горамъ тяжело громоздились одна надъ другою, заволакивая все небо и сгущая надъ землею тѣни. Въ сторонѣ, вдали пылало багровое зарево.

— Согрѣшили грѣшные!—говорили деревенскіе люди, смотря на зарево, разливавшееся по черному небу.

Послѣ этой бурной ночи, въ сараѣ не досчитались двухъ заключенныхъ: Измайлыча и еще одного молодого парня. Въ соломенной крышѣ въ углу оказалась дыра, да на кровельной жерди болтался пестрый мужицкій кушакъ. Двухъ арестантовъ и слѣдъ простылъ. Ихъ разыскивали, но всѣ поиски остались тщетными. Бѣглецы, ровно, сквозь землю провалились.

— Да и какъ же вы не подумали о томъ, что они могутъ солому на крышѣ разметать!— кричалъ исправникъ.—Хорошо, что хоть не всѣ еще убѣжали...

— Что ты будешь дѣлать! Заднимъ умомъ крѣпки...—отозвался становой, безпомощно разводя руками.—Да и то надо сказать: мошенники! Вездѣ вѣдь у нихъ тутъ родня да пріятели... Скроютъ мерзавцевъ!

— А все-таки они нашихъ рукъ не минуютъ... Со дна моря достану! — съ увѣренностью говорилъ исправникъ.

Становой смолчалъ, повидимому, не раздѣляя такой твердой увѣренности своего начальника. И послѣдствія доказали, что онъ былъ правъ... Измайлычу, какъ матросу, конечно, было не трудно взлѣзть на стѣну, прорыть въ крышѣ солому и помочь послѣдовать за собой смѣлому и ловкому парню. У остальныхъ или искусства не хватило, или, просто, не захотѣлось пускаться въ бѣга, подобно двумъ этимъ смѣльчакамъ. Какъ бы то ни было, они остались и покорились своей участи, утѣшая себя лишь тѣмъ, что «вѣдь ни убивства, ни особливаго бунта у нихъ не было, а такъ только—шуму надѣлали, станового попужать маленько хотѣли»... Все-таки же ихъ увели въ острогъ, а солдаты, послѣ уплаты оброка, еще съ мѣсяцъ оставались на Кунявинѣ, пили и ѣли на крестьянскій счетъ, отчего нѣкоторыя семьи раззорились въ конецъ и много нищихъ разошлось изъ Кунявина по сосѣднимъ окрестностямъ за сборомъ милостыни.

Слухъ о «кунявинскихъ» безпорядкахъ живо разнесся по уѣзду и дошелъ даже до губернскаго города. Много толковалось вкривь и вкось по поводу этой «исторіи». Одни говорили, что побили становаго, другіе разсказывали, что нѣсколькихъ крестьянъ застрѣлили. А были и такіе отчаянные оптимисты, что отрицали огуломъ всю эту исторію, говоря, что она выдумана «алармистами». Впрочемъ, эти скоро должны были замолчать въ виду очевидныхъ доказательствъ. Затѣмъ начались пересуды: почему и какъ произошло волненіе. Одни все объясняли пьянствомъ, другіе неумѣлостью становаго, третьи видѣли причину волненія въ распространеніи лжеученій,—всѣ же вообще соглашались, что извѣстные «корни» и «нити», по всему вѣроятію, играли нѣкоторую роль въ кунявинскомъ бунтѣ. Только надо найти злоумышленника... Не мало также говорилось объ исчезнувшихъ арестантахъ, особенно о какомъ-то «отставномъ солдатѣ», проломившемъ крышу и благополучно ушедшемъ изъ рукъ цѣлаго десятка вооруженныхъ людей... Чѣмъ далѣе распространялась кунявинская исторія, тѣмъ болѣе принимала она какой-то сказочный, миѳическій характеръ.

Такъ, камень, брошенный въ воду, производитъ на водѣ круги—и чѣмъ дальше, тѣмъ круги становятся все болѣе и болѣе, расхо-

дятся все шире и шире, пока совсѣмъ не уляжется волненіе...

Денекъ съ самаго утра выдался дождливый. Сѣрыя облака сплошь заволокли все небо, задернувъ его, словно, одною грязною тряпицей... Верюгинъ на работѣ промокъ до костей и ранѣе обыкновеннаго возвратился на тотъ разъ въ Вязовку. На дворѣ, у каретнаго сарая, онъ увидалъ тарантасъ, забрызганный грязью, и тройку отпряженныхъ лошадей въ щегольской сбруѣ съ бляхами и переметами и со множествомъ бубенчиковъ, шуршавшихъ и позвякивавшихъ при малѣйшемъ движеніи лошадей. Въ домѣ Верюгинъ нашелъ гостя, одного изъ сосѣднихъ помѣщиковъ. Онъ ѣхалъ въ городъ и завернулъ «къ кумушкѣ» на перепутье...

Иванъ Степановичъ Славцовъ былъ одинъ изъ тѣхъ настойчивыхъ, упрямыхъ людей, которые и до сего времени не перестаютъ утверждать, что «волю крестьянамъ дали рано», что «народъ нашъ еще не подготовленъ» и т. д. Въ ожиданіи же лучшаго будущаго, онъ хозяйничалъ, поигрывалъ въ картишки, сплетничалъ и закладывалъ одно за другимъ свои родовыя имѣнія въ мѣстномъ поземельномъ банкѣ. Въ карты ему не особенно везло, хозяйство шло плохо, проценты въ банкъ уплачивались съ грѣхомъ пополамъ, и порой, при взглядѣ на будущее, кислая гримаса рисовалась на сухихъ, безцвѣтныхъ губахъ Ивана Степановича. Но по наружности онъ живетъ важно... У него и лошади, и охотничьи собаки, и мѣсто въ клубѣ. Ему лѣтъ 50. Онъ высокъ, худощавъ, съ большой лысиной на головѣ и съ прядями рѣдкихъ, разлетающихся волосъ на вискахъ и на затылкѣ. Темные усы и такія же густыя брови украшаютъ его желтое, загорѣлое лицо съ довольно большимъ, прямымъ носомъ и съ сизоватыми щеками и подбородкомъ, недавно лишь выбритыми. Блѣдные, выцвѣтшіе глаза его бѣгаютъ еще довольно бойко и порою кажутся очень хитренькими.

Когда Верюгинъ вошелъ въ комнату и совершился обычный обрядъ представленія, тогда послѣдовало какъ будто нѣкоторое замѣшательство, какое часто бываетъ при появленіи новаго, незнакомаго лица или же той особы, о которой именно только-что говорились какія-нибудь щекотливыя вещи. Замѣшательство, послѣдовавшее за его приходомъ, Верюгинъ отнесъ къ первой причинѣ. Нѣсколько времени разговоръ тянулся отрывисто, тяжело и вяло... такъ тяжело лошадь тащится въ гору съ непосильнымъ возомъ. Заговорили о купявинской исторіи. Тутъ Иванъ Степановичъ поставилъ вопросъ ребромъ и разрѣшилъ его съ перваго же слова.

— Перевѣшалъ бы я всѣхъ этихъ ходоковъ въ народъ! — заявилъ онъ, энергично помахивая своимъ длиннымъ черешневымъ чубукомъ, а глаза его хитро и пристально посмотрѣли на землемѣра.

Madame Маркушева тоже искоса взглянула на него.

— Да?!—протянулъ тотъ, спокойно смотря прямо въ лицо Ивану Степановичу.

Въ его «да» слышалось не то восклицаніе, не то вопросъ... Затѣмъ рѣчь перешла вообще къ крестьянскому быту. Иванъ Степановичъ заговорилъ о той легкости и быстротѣ, съ какою изъ мужика выростаетъ кулакъ и какъ этотъ кулакъ начинаетъ все гнуть въ свою пользу. Верюгинъ совершенно соглашался съ нимъ.

— Въ прежнее время помѣщику и въ голову не пришли бы такія операціи, какія теперь маклаки производятъ надъ крестьянами!—говорилъ Верюгинъ.—Я знаю цѣлыя деревни, которыя въ концѣ раззорились и ходятъ по-міру, благодаря кулаку...

— Совершенно вѣрно! Совершенно вѣрно!—повторялъ Иванъ Степановичъ.

— И еще хуже будетъ!—замѣтилъ Верюгинъ.

— Непремѣнно хуже! — съ жаромъ подхватилъ помѣщикъ, выпуская клубы сѣраго дыма и окружаясь имъ, какъ сѣдымъ облакомъ.

Анна Павловна вышла похлопотать по хозяйству. Верюгинъ разсказалъ гостю нѣсколько замысловатыхъ кулацкихъ продѣлокъ, затѣмъ перешелъ къ петербургской жизни и изъ этой жизни разсказалъ вполголоса два-три анекдота.

По отъѣздѣ гостя, за ужиномъ, Анна Павловна съ веселою улыбкой сказала Верюгину:

— Чѣмъ это вы, Ѳеофанъ Михайловичъ, обворожили моего куманька, скажите, пожалуста! Онъ просто въ восторгѣ отъ васъ... Просилъ даже меня привезти васъ къ нему въ Рябушкино, спрашивалъ: не охотникъ-ли вы? Хотѣлъ предложить вамъ ѣхать съ нимъ за зайцами... Вы колдунъ, что-ли?

Верюгинъ усмѣхнулся.

— Да какъ же!—продолжала барыня.— Сначала, признаться, я даже не рада была, что вы такъ рано возвратились съ занятій. Я все боялась, что вы сцѣпитесь съ нимъ... Онъ такой отсталый, такой дикій человѣкъ, что, просто, иногда бываетъ невыносимъ. Я съ нимъ часто бранюсь... А тутъ вдругъ, когда вы вышли, онъ начинаетъ расхваливать васъ. Я, просто, глаза вытаращила... «Вотъ, говоритъ, золотая голова, — даромъ, что такой молодой; не чета тѣмъ бунтовщикамъ... Этотъ знаетъ дѣло! Тонкая штука! И какъ онъ, говоритъ, этихъ подлецовъ, нашихъ мазуриковъ отдѣлалъ! Просто, говоритъ, я чуть не померъ со смѣху!» И пошелъ и пошелъ...

— Ахъ, да! A propos...—немного погодя, воскликнула Анна Павловна.—Знаете-ли, что про васъ говорятъ въ нашемъ околоткѣ?

— Не знаю, что говорятъ! —отозвался Верюгинъ.

— Вы только послушайте, что плетутъ!— начала барыня вполголоса. — Иванъ Степановичъ мнѣ говорилъ... Онъ ужъ все знаетъ... Говорятъ, будто вы не земли межевать сюда пріѣхали, а составляете какой-то заговоръ... Меня вѣдь здѣсь не любятъ, ну и меня также приплели... Говорятъ, что моя племянница привезла изъ-за границы прокламаціи, что мы съ вами зачѣмъ-то ѣздили въ Мареинское, что у насъ тамъ былъ какой-то таинственный съѣздъ... И вѣдь нужно же выдумать такую ахинею! Потомъ, послушайте еще что... Говорятъ, что васъ будто видѣли въ Никольской подскотинѣ съ тѣмъ солдатомъ, который потомъ убѣжалъ изъ-подъ ареста! Говорятъ, что и вы, вѣроятно, замѣшаны въ этомъ дѣлѣ. И вѣдь выдумаютъ же, право!.. Ну, говорю, кумъ: если вы станете распространять такія глупости, я на васъ, рѣшительно, осержусь; серьезно, говорю, осержусь...

— Этому солдату вмѣстѣ съ прочими вышла очередь носить цѣпь — и только! —пояснилъ Верюгинъ, внимательно слушая разсказъ Анны Павловны.

— Я такъ ему и сказала! — поддакнула та. — А это, знаете, было важно объяснить ему. Онъ ужасный сплетникъ: всѣхъ знаетъ, вездѣ бываетъ, и у предводителя и у полковника... Хорошо, что вы ему понравились! Вотъ онъ теперь и станетъ звонить въ вашу пользу. А вы не смѣйтесь, — звонить такъ, какъ онъ звонитъ по всему околотку, право, очень важно. Я серьезно говорю...

— Ну, что жъ! И прекрасно... Я очень радъ!—отозвался весело Верюгинъ.—Заслуживать о себѣ доброе мнѣніе и пріятно, и полезно...

Какъ-то вскорѣ послѣ того, вечеромъ, Мина Игнатьевна осталась съ Верюгинымъ наединѣ.

— Вы, кажется, желаете всѣмъ нравиться!—раздражительно заговорила она, смотря серьезно, въ упоръ на Верюгина. — Вы желаете нравиться и тетушкѣ, и Ивану Степановичу, и нашему кучеру Гаврилѣ... всѣмъ!

— И дворнику, и «собакѣ дворника, чтобъ ласкова была!» — въ тонъ ей промолвилъ Ѳеофанъ Михайловичъ.—А вамъ это не нравится?

— Іезуитизмъ! Это — старая штука...— возразила дѣвушка.—Всѣ эти хитрые, слишкомъ окольные пути мнѣ не нравятся...

— Это потому, что вы еще — мечтательница!—замѣтилъ собесѣдникъ.—Вы желали бы дѣйствовать прямо, открыто говорить правду? Да?.. Знаете: съ кѣмъ сравниваютъ такихъ людей, какъ вы? Съ храбрымъ, доблестнымъ цыпленкомъ, который самъ бѣжитъ подъ поварской ножъ...

Дѣвушка молчала, слегка понуривъ голову. Блѣдный румянецъ проступалъ на ея щекахъ. Она грустно посмотрѣла въ сторону.

— А впрочемъ, быть можетъ, вы правы... я не подумала объ этомъ...—тихо промолвила дѣвушка, не поднимая головы. — Но неужели вы всегда *такъ*?..

— Да!—отвѣтилъ Верюгинъ.

Мина Игнатьевна слегка вздрогнула, какъ бы отъ холода, и пожала плечами.

— Но вѣдь *это* тяжело?.. — прошептала она.

— Конечно, тяжелѣе, чѣмъ разомъ высказать всю правду и затѣмъ стушеваться!— согласился онъ.

— А если бы я по своему темпераменту, по своимъ убѣжденіямъ, вообще по какимъ-нибудь обстоятельствамъ, не могла пойти ни съ вами, ни съ другимъ, ни съ третьимъ...— говорила дѣвушка, пытливо посматривая на него. — Если бы я пошла въ одиночку, на свой страхъ...

— Иные такъ и дѣлаютъ... — отозвался ея собесѣдникъ. — Идутъ въ одиночку... но это—нехорошо! Одинъ въ полѣ—не воинъ... Когда силы идутъ въ разбродъ, тогда результаты получаются ничтожные. Нужно, чтобы движеніе было стройное, необходима дисци-

плина. Въ томъ-то и бѣда наша, что у насъ—кто въ лѣсъ, кто по дрова...

— Но вѣдь должна же я избрать себѣ такое занятіе, которое было бы по моимъ силамъ...—замѣтила Мина Игнатьевна.—Всякій долженъ быть на своемъ мѣстѣ...

— Разумѣется! Дѣлъ на свѣтѣ много, дѣла разнообразны... Для всякаго найдется мѣсто...

— Въ такомъ случаѣ... — съ жаромъ перебила его дѣвушка, и вдругъ остановилась.

Приходъ Анны Павловны прервалъ разговоръ на полусловѣ...

VI.

Птица улетѣла.

Верюгинъ торопился уѣзжать.

Наканунѣ отъѣзда онъ пошелъ прощаться со своими знакомыми, и прежде всего направился въ Марѳинское...

Верюгинъ любилъ слушать Олимпіаду Марковну. Она разсказывала ему о своемъ житьѣ-бытьѣ, о своихъ хозяйственныхъ хлопотахъ, о разныхъ деревенскихъ исторіяхъ, то забавныхъ, то печальныхъ, объ очень простыхъ, незамысловатыхъ исторіяхъ. Однообразныя, тихія рѣчи старушки покоили, убаюкивали его. Къ инымъ онъ прислушивался, иныя пропускалъ мимо ушей. Такъ точно среди безмолвія онъ съ удовольствіемъ прислушивался бы къ однообразному журчанью воды по камешкамъ... Послѣ городскаго шума и треска, послѣ громкихъ споровъ и разговоровъ — ему было чрезвычайно отрадно, когда доносились до него эти мѣрныя рѣчи. Верюгинъ отдыхалъ. Въ этихъ рѣчахъ не было ни трескучихъ фразъ, ни мелодраматическихъ восклицаній... Представьте себѣ такое положеніе: нѣсколько лѣтъ подъ-рядъ человѣкъ зачитывался съ жаромъ политическими памфлетами и брошюрами, написанными по поводу жгучихъ вопросовъ дня, такими книгами, отъ каждой страницы которыхъ такъ и вѣяло борьбой, горячимъ личнымъ чувствомъ, страстью, увлеченьемъ. И вдругъ этотъ человѣкъ погружается въ чтеніе какой-нибудь исторической книги, берется за эпическое произведеніе, за какую-нибудь лѣтопись, въ родѣ лѣтописи Пимена, гдѣ совершенно безстрастно передаются дѣянія дней давно минувшихъ, гдѣ описываются подвиги, горе и радости людей, уже давно истлѣвшихъ...

Уже нѣсколько времени челнъ Верюгина носился по морю; бушующія волны кидали его изъ стороны въ сторону, обдавая брызгами и пѣной. Челнъ его то взлеталъ на гребень водяной горы, то стремглавъ летѣлъ въ темную бездну, вдругъ разверзавшуюся подъ нимъ. Верюгинъ боролся, какъ могъ. Небо темнѣло надъ его головой, блистали молніи во мракѣ, гремѣлъ громъ. И вдругъ случайно челнъ его прибило къ берегу,—и Верюгинъ ненадолго очутился въ затишьи. И вотъ сидитъ онъ на мирномъ, цвѣтущемъ берегу, въ тѣни зеленыхъ кустовъ, на мягкой, нѣжной муравѣ. Ясный вечеръ догораетъ надъ этимъ уютнымъ уголкомъ земли. Тихо... Морской шумъ затихъ, какъ будто море — волнующееся, бурное—вдругъ далеко стало отъ Верюгина. Кругомъ него слышится пѣніе птичекъ, да шелестъ листьевъ...

Вотъ, приблизительно, съ какимъ состояніемъ можно было сравнить то положеніе, въ какомъ очутился Верюгинъ въ Марѳинскомъ, въ тихой, уютной комнатѣ Олимпіады Марковны. Конечно, старушечьи рѣчи могли ему наскучить, надоѣсть: отъ нихъ онъ опять бѣжалъ бы въ даль, опять туда же — къ шумному, бурливому морю, снова бросился бы въ свой челнокъ и предался бы на волю вѣтровъ и волнъ... Послѣ страданій горячки, успокоеніе отрадно, но это же успокоеніе, продлившись слишкомъ долго, должно сдѣлаться тягостнымъ для здороваго, оправившагося организма, ибо покой черезъ мѣру можетъ быть лишь подневольнымъ. Отдыхъ, который давалъ себѣ Верюгинъ, былъ коротокъ и не успѣлъ наскучить ему... Теперь, когда онъ, быть можетъ, въ послѣдній разъ сидѣлъ въ комнаткѣ Олимпіады Марковны, слушалъ ея разсказы и смотрѣлъ на ея добродушное старческое лицо, на ея черное платье, на опрятный бѣлый чепчикъ, онъ чувствовалъ, что уноситъ объ этой тихой комнаткѣ и о хозяйкѣ ея одно лишь отрадное воспоминанье,—воспоминанье о кратковременномъ затишьѣ, какое выдалось ему посреди заботъ и треволненій.

Дружески простилась съ нимъ старушка.

— Спасибо, батюшка, что не брезгалъ мной, глупой старухой! Хоть маленько повеселилъ меня, горемычную... Ежели въ наши стороны опять когда-нибудь Богъ приведетъ, завертывай... смотри же!

Старушка обняла его, какъ сына, и трижды крѣпко поцѣловала. Верюгинъ на крыльцѣ еще разъ пожалъ ей руку и, снявъ шапку,

низко поклонился. Стариковъ, подобныхъ Олимпіадѣ Марковнѣ, Верюгинъ глубоко уважалъ...

Изъ Марѳинскаго онъ прошелъ къ лавочницѣ, Марьѣ Константиновнѣ, за однимъ адресомъ, обѣщаннымъ ему. Когда та пошла въ другую комнату, Верюгинъ ступилъ, было, за ней, но вдругъ остановился, заслышавъ за стѣной чье-то покашливанье.

— Ничего, идите! Вамъ можно... вѣдь вы знаете его!—сказала ему хозяйка.

— А, вонъ кто!—протянулъ Ѳеофанъ Михайловичъ, заглянувъ въ комнату.—Невидимка!.. Каково живете?

— Да помаленьку, по добру—по здорову... покамѣстъ на рейдѣ стоимъ!—отвѣтилъ ему хриплый мужской голосъ.

— Это и хорошо!—промолвилъ Верюгинъ и, ненадолго зайдя въ сосѣднюю комнату, скоро показался оттуда.—Вы дайте ему денегъ, если понадобится...—обратился онъ къ хозяйкѣ.

— Знаю. Дамъ!—лаконично отозвалась та.

— Не скучайте же!—сказалъ онъ ей на прощанье, выйдя уже на дворъ.

Дѣвушка стояла вверху на крыльцѣ и опиралась на перила.

— Хотѣлось бы повидаться... — прошептала она.

— На всякое хотѣнье есть терпѣнье! Вы лучше и не говорите объ этомъ... Будьте умницей, какъ были до сихъ поръ!

И Верюгинъ, кивнувъ ей головой, скоро пошелъ по дорогѣ въ Вязовку.

— Напишите, по крайней мѣрѣ!..—крикнула ему вслѣдъ Марья Константиновна.

— Не напишу!—отозвался тотъ, не оглядываясь, и скоро скрылся за кустами ивъ, окаймлявшихъ узенькую проселочную дорогу.

Лицо Верюгина затуманилось, словно тѣнь набѣжала на него. «Э-эхъ!» — думалъ онъ, постукивая мимоходомъ своею палкой по кустарнику. «И лучшія-то изъ нихъ все-таки никакъ не могутъ совсѣмъ отказаться отъ нѣжностей! Иная потерпитъ, потерпитъ,— думаешь: закалился человѣкъ! А глядь,—и она туда же, куда всѣ... словно прорветъ ее»...

По возвращеніи въ Вязовку, Верюгинъ встрѣтилъ Анну Павловну за воротами.

— Вотъ и кстати! Легки на поминѣ...— весело крикнула она ему.—Я вамъ теперь же покажу и мѣсто, которое назначаю подъ школу. Вотъ все это... Тутъ и мѣсто для огорода будетъ, и дворъ небольшой, все...

И она обошла съ нимъ все это мѣсто, теперь жалкій пустырь, густо заросшій репейникомъ, крапивой и другими сорными травами.

— Ужъ деньгами какъ-нибудь собьюсь, а дѣло сдѣлаю!—говорила m-me Маркушева, идя съ нимъ къ дому.

Такимъ образомъ, слухи и толки о m-me Маркушевой оправдывались. Она, дѣйствительно, оказывалась женщиной либеральной. не подъ-стать инымъ провинціальнымъ барынямъ. Верюгину, конечно, не было никакого дѣла до тѣхъ насмѣшекъ и злоязычныхъ разсказовъ, которые ходили въ околоткѣ объ Аннѣ Павловнѣ... Что ему за дѣло до какого-то молодого управляющаго, до какого-то заѣзжаго доктора-ловеласа... Онъ остался очень доволенъ тѣмъ, что надежды не обманули его, что добрая душа на этотъ разъ не оборотилась волкомъ... Анна Павловна сильно упрашивала Ѳеофана Михайловича пробыть слѣдующій день у нея въ Вязовкѣ.

— Вѣдь я долѣе мѣсяца прожилъ у васъ! —говорилъ онъ, благодаря ее за радушіе и гостепріимство.

— А я, право, и не видала, какъ прошло это время!—возразила барыня, дѣлая замѣтное удареніе на послѣднихъ словахъ, какъ бы желая подчеркнуть ихъ для слушателя.—Вы вѣчно были за работой... Рано утромъ вы уходили на занятія и пропадали со своей цѣпью до поздняго вечера, а вечеромъ вы иногда казались очень усталымъ, такъ что мнѣ было совѣстно задерживать васъ долго... А въ праздникъ вы отправлялись въ Марѳинское, къ своей Олимпіадѣ Марковнѣ, читать Четьи-Минеи... (ироническая улыбка). Такъ мы васъ мало и видѣли! Подарите же намъ одинъ денекъ...

— Не могу, Анна Павловна!—отнѣкивался Верюгинъ. — Такова жизнь наша, что мы постоянно пріятнымъ должны жертвовать полезному.

— Вы лучше останьтесь-ка, чѣмъ говорить комплименты!—перебила его хозяйка съ лукавой улыбкой, которой, вѣроятно, по мнѣнію m-me Маркушевой, надлежало быть самой очаровательной, побѣдоносной улыбкой.— Особенныхъ пріятностей, мы знаемъ, для васъ нѣтъ въ Вязовкѣ... Мы просимъ для себя собственно.

Мѣстоименіе «мы» явилось тутъ не слу-

чайно, но съ цѣлью нѣсколько сгладить впечатлѣніе, которое могло показаться слишкомъ рѣзко. «Мы»—было вовсе неумѣстно здѣсь, ибо Мина Игнатьевна и не думала присоединяться къ теткѣ въ этомъ случаѣ. Но m-me Маркушева, не обращая на то вниманія, продолжала говорить высокимъ слогомъ манифестовъ и газетныхъ передовыхъ статей.

— Мнѣ вездѣ пріятно, гдѣ есть умные, симпатичные для меня люди... — отозвался Верюгинъ, но все-таки упорствовалъ въ своемъ отказѣ пробыть слѣдующій день въ Вязовкѣ.

Въ этотъ вечеръ, гуляя съ Верюгинымъ по тѣнистымъ аллеямъ сада, Анна Павловна какъ-то особенно пристально, многозначительно взглядывала на него. Она была очень интересна въ тотъ вечеръ. Сердечное волненіе ясно сказывалось и въ блескѣ ея живыхъ, темныхъ глазъ, и въ румянцѣ, порой выступавшемъ на ея щекахъ. На ней было ея любимое платье, особенно шедшее къ ея лицу и къ ея высокой, стройной фигурѣ—бѣлое платье, обхваченное по таліи розовымъ кушакомъ; изъ-подъ широкихъ рукавовъ нерѣдко были видны по локоть обнаженныя руки—полныя, бѣлыя, красивыя; на темныхъ волосахъ ея былъ кокетливо повязанъ какой-то свѣтлый платочекъ. Въ бесѣдкѣ изъ акацій они сѣли. Анна Павловна начала жаловаться на свое одиночество, на уединеніе.

— Вѣдь мы настоящими затворницами живемъ! — заговорила она. — Ужъ занесетъ насъ снѣгомъ, ни мы никуда, ни къ намъ никто, точно медвѣди, лежимъ въ своей берлогѣ. Вечеръ зимой идетъ тихо, за-вѣкъ покажется... Проговоримъ что-нибудь, да опять молчимъ... Въ молчанки играемъ! Вотъ только теперь, лѣтомъ-то, и видимъ еще кое-какія удовольствія, да и то рѣдко, случайно...

— Лѣтомъ здѣсь у васъ хорошо!—поддакнулъ Верюгинъ, осматриваясь по сторонамъ, на зелень и цвѣты...

Съ вечера онъ завязалъ свой тюкъ и стянулъ его ремнями. Когда онъ уже допаковывалъ его, въ комнату вошла хозяйка.

— И все тутъ? — спросила та съ удивленіемъ, указывая на тюкъ. — Неужели ваше все имущество тутъ?

— Почти «все»! Въ городѣ на квартирѣ остались только кое-какія книги, да теплые сапоги и полушубокъ. Такъ легче... чѣмъ меньше хламу, тѣмъ лучше! Мой идеалъ таковъ, чтобы этого имущества вовсе не было...

— Да какъ же это?.. И лампы у васъ нѣтъ?—наугадъ спросила m-me Маркушева, взглянувъ случайно на лампу, стоявшую на столѣ.

— И лампы нѣтъ! Зачѣмъ же?—говорилъ Верюгинъ, улыбаясь.—Когда понадобится, у хозяевъ возьму...

— А платье?

— Платье — на мнѣ!.. А остальное кое-что въ Питерѣ оставилъ, отдалъ неимущему... Оффиціальное, нѣмецкое платье, конечно, есть. Оно—здѣсь, въ тюкѣ!

— Но вѣдь то,—въ Петербургѣ, можетъ опять понадобиться?—продолжала допрашивать Анна Павловна.

— Ну, что жъ!—отозвался онъ.—Опять и возьму его или попрошу у товарищей, а если случатся деньги, — куплю новое... Вѣдь я въ банкъ денегъ не откладываю!

Верюгинъ вдругъ расхохотался.

— Чему вы это?.. — спросила его Анна Павловна.

Ему представилось, что онъ вдругъ сталъ шикарное платье себѣ заводить, да деньги откладывать въ банкъ...

— Удивительное дѣло!—пожимая плечами, молвила хозяйка, когда гость объяснилъ ей причину своей внезапной веселости. Чего жъ тутъ смѣшного...

Впрочемъ, она съ видимымъ удовольствіемъ посмотрѣла на смѣющееся, веселое лицо молодого человѣка...

Послѣ ужина она опять предложила ему пойти въ садъ. «А Мина, вѣроятно, не пойдетъ! Вечеръ сегодня сыроватъ»... Дѣвушка, вмѣсто всякаго отвѣта на такое мимоходомъ брошенное замѣчаніе, простилась съ теткой и съ Верюгинымъ и, молча, ушла въ свою комнату. «Характеръ! Нечего сказать»... прошептала Анна Павловна, выходя въ садъ. И опять сидѣли они въ бесѣдкѣ... Чѣмъ болѣе подъ деревьями сгущались тѣни, тѣмъ задушевнѣе, нѣжнѣе становились рѣчи Анны Павловны.

— Скажите, пожалуста, Ѳеофанъ Михайловичъ,—говорила она: — неужели вамъ не надоѣстъ этакъ мыкаться всю жизнь по чужимъ людямъ?

— Почему вы думаете, что скитальничество можетъ скорѣе надоѣсть, чѣмъ постоянно сидячая, осѣдлая жизнь? — возразилъ молодой человѣкъ.—Въ бродяжнической жизни, право, много пріятнаго, много разнообразія. Видишь новыя мѣста, сталкиваешься съ но-

выми лицами, заводишь знакомства, пріобрѣтаешь друзей, связи... Все это очень пріятно и полезно!

— Неужели никогда вамъ не приходитъ въ голову мысль о домашнемъ очагѣ, о любимой женщинѣ, у которой вы всегда могли бы найти ободреніе, привѣтъ и ласку?—продолжала Анна Павловна.—Неужели вы никогда не мечтали о такомъ уютномъ уголкѣ, гдѣ вы могли бы отдохнуть отъ своихъ трудовъ и заботъ... А заботъ и тревогъ у васъ, какъ видно, много...

Все это Анна Павловна проговорила съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ.

— Признаться, ни о чемъ подобномъ мнѣ еще не приходило въ голову! — усмѣхнувшись, отвѣтилъ Верюгинъ.—Мнѣ съ непривычки какъ-то даже дико слышать это... Объ отдыхѣ мнѣ думать рано: я еще не усталъ... А заниматься любовными дѣлами, перетряхивать нѣжными чувствами—некогда, да, право, какъ-то и совѣстно мечтать о розахъ, когда дѣйствительность вся повита терніемъ. Нѣтъ ни времени, ни охоты мечтать при такой обстановкѣ...

— Это—какой-то жестокій стоицизмъ, отреченіе отъ всѣхъ радостей и наслажденій, ношеніе веригъ...—съ жаромъ замѣтила Анна Павловна.—Ѳеофанъ Михайловичъ, мнѣ васъ жаль...

— Благодарю! Но вы напрасно меня жалѣете... Я веригъ не ношу... и если отрекаюсь отъ радостей и наслажденій, то лишь потому, что они для меня вовсе не «радости» и не «наслажденья». Наслажденья для себя я ищу и нахожу въ другомъ... Я счастливъ «по своему»! Впрочемъ, это—вопросъ посторонній. Вамъ, Анна Павловна, любопытно знать: обзаведусь-ли я когда-нибудь подругой жизни и теплымъ гнѣздышкомъ, перестану-ли вести бродяжническую жизнь? Такъ?.. Извольте! Я вамъ скажу: до конца жизни останусь я бродягой! Я—такая птица, что живу одиночкой и гнѣзда не вью. Вѣдь вы сами не разъ мнѣ говорили, что я—по вашему мнѣнію—легко могу сдѣлаться *несчастнымъ* человѣкомъ. Зачѣмъ же я стану дѣлать несчастнымъ еще другого человѣка, для чего я заставлю его постоянно рисковать и мыкаться вмѣстѣ съ собой?

— А, можетъ быть, найдется такая женщина, которая, по убѣжденію, сознательно раздѣлила бы съ вами вашу карьеру, послѣдовала бы за вами всюду, въ огонь и въ воду! —съ жаромъ возразила т-те Маркушева.

— Можетъ быть... не знаю! Не думалъ объ этомъ...—отрывисто промолвилъ Верюгинъ.

Молчаніе.

— Но зато при такой жизни, какую вы ведете, при такой быстрой смѣнѣ мѣстъ и лицъ, вы можете легко забывать своихъ случайныхъ знакомыхъ и новыхъ друзей!—заговорила барыня, немного погодя, дѣлая удареніе на нѣкоторыхъ словахъ.

— Нѣтъ, Анна Павловна!—возразилъ Верюгинъ.—У меня память хороша... Она до того хороша, что я даже обхожусь безъ записной книжки: имена знакомыхъ, близкихъ и далекихъ, ихъ адресы—у меня всегда въ головѣ. Я терпѣть не могу записокъ и памятныхъ книжекъ...

— Такъ вы и насъ не забудете?—спросила Анна Павловна, пристально всматриваясь въ лицо своего собесѣдника.

Онъ не забудетъ. «Конечно, нѣтъ!..»

— А соловьевъ уже не слышно въ саду!—вскользь замѣтилъ онъ.

— Да! Они уже перестаютъ пѣть...—разсѣянно замѣтила Анна Павловна.

Понуривъ голову, возвращалась она изъ сада. Ей было досадно и тяжело, но сдѣлать самой рѣшительный шагъ ей мѣшалъ обычай. До сихъ поръ она, правда, исповѣдывала свободную любовь, но мужчина все-таки первый говорилъ ей о любви... Или это—безсердечный истуканъ, или, дѣйствительно, фанатикъ, въ родѣ Симеона Столпника, злостно, съ умысломъ—наперекоръ природѣ — отказывающійся отъ наслажденій, въ родѣ тѣхъ фанатиковъ новѣйшаго покроя, какихъ изображали въ романахъ нѣкоторые писатели? Или же, наконецъ, она не производитъ на него никакого впечатлѣнія? Можетъ-ли это быть? Неужели она устарѣла... Такъ съ горечью и досадой раздумывала Анна Павловна. Послѣднее предположеніе, впрочемъ, она скоро отвергла... «Скорѣе же всего, что онъ—фанатикъ или играетъ твердо заученную роль героя и самъ увлекается этою ролью... Видно, въ модѣ нынѣ такія теоріи»... Верюгинъ тоже чувствовалъ себя какъ-то неловко, чувствовалъ недовольство самимъ собой, и какія-то смутныя, темныя подозрѣнія навѣяла на него эта ночная бесѣда, походившая на исповѣдь. «Не бѣсъ-ли ее мутитъ?»—съ досадой подумалъ онъ.

Когда они вышли изъ тѣни деревьевъ, Анна Павловна остановилась на лужайкѣ. Передъ ними сквозь ночной сумракъ неясно рисо-

вался барскій домъ своими сѣрыми контурами. Только въ окнахъ пустой столовой виднѣлся свѣтъ; въ остальныхъ окнахъ было темно. Въ домѣ все уже спало... Гдѣ-то далеко въ деревнѣ лаяли собаки. За садомъ, въ степи томно и страстно перекликались перепела... Край мѣсяца чуть замѣтно выходилъ изъ-за облаковъ, красиво озаренныхъ его желтовато-блѣднымъ сіяньемъ. Садъ тихо шелестилъ, и купы высокихъ деревьевъ на опушкѣ его рисовались въ неясныхъ очертаніяхъ какими-то тяжелыми, мрачными массами. «Какъ здѣсь тихо!» невольно подумалось Верюгину, и онъ вдругъ незамѣтно для самого себя шагнулъ въ воспоминанія о бурныхъ и шумныхъ, тревожныхъ сценахъ, пережитыхъ имъ въ прошломъ... Изъ забытья скоро вывелъ его голосъ Анны Павловны, которая никакъ не могла удержаться, чтобы не сорвать на комъ нибудь свою досаду.

— Вы всѣ, молодые люди, такъ говорите...—раздраженно промолвила она.—Вы очень любите являться какими-то героями, полубогами. Нѣтъ, право... Вы извините... въ васъ много напускнаго! Посмотрите, напримѣръ, какіе краснорѣчивые прокуроры, какіе прекрасные болтуны-адвокаты, инженеры-богачи, богачи-литераторы выходятъ изъ среды вашей молодежи! Все перемелется, Ѳеофанъ Михайловичъ, все—мука будетъ... Зачѣмъ бы не быть попроще, зачѣмъ не быть простыми смертными, со всѣми слабостями и недостатками, свойственными людямъ? Къ чему маскироваться?

— Вы ужъ начинаете браниться, Анна Павловна!—совершенно мягко замѣтилъ Верюгинъ.—Пойдемте-ка лучше спать...

Она, молча, пожала ему руку, и они, молча, разошлись.

Домъ m-me Маркушевой былъ маленькій, выстроенный на живую руку, для одиночки. Хозяйка не разсчитывала на семейство. Одна комната служила спальней и уборной для нея, другая—для ея племянницы, третья комната—проходная—была гостиной и столовой, въ ней же укладывали спать пріѣзжавшихъ гостей-мужчинъ. Дамы спали съ хозяйкой и съ Миной Игнатьевной... Затѣмъ слѣдовали передняя, сѣнцы и кладовая, изъ сѣнецъ—кухня, а при кухнѣ—комнатка для прикащика, носившая громкое названіе «конторы»...

Съ вечера Верюгинъ долго писалъ письма и поэтому, противъ обыкновенія, проспалъ.

Анна Павловна встала раньше его, и ей по необходимости пришлось не разъ проходить въ кухню черезъ столовую. Она ходила тихо и мелькомъ взглядывала на Верюгина. Онъ спалъ на кушеткѣ, въ платьѣ, не раздѣваясь, какъ человѣкъ, привыкшій къ походной жизни. Только длинные сапоги его валялись на полу. Воротъ его сѣрой блузы былъ разстегнутъ. Одна рука его была засунута подъ подушку, откуда торчалъ дорожный револьверъ... Дыханье спящаго было такъ тихо, слабо, что его почти нельзя было замѣтить. Лицо—серьезно; страшное, смертельное, утомленіе выражалось на немъ. «И во снѣ таковъ же!» прошептала Анна Павловна, остановившись въ дверяхъ и смотря на спящаго. Она вздохнула и, съ грустью покачавъ головой, осторожно вышла изъ комнаты...

Поѣздъ желѣзной дороги проходилъ черезъ Ольшанку (ближайшая станція отъ Вязовки) въ 5 часовъ вечера; до Ольшанки было около 9 верстъ. Слѣдовательно, Верюгинъ располагалъ временемъ совершенно свободно до 3 часовъ... Утромъ онъ сходилъ въ деревню и нанялъ лошадей. Днемъ онъ опять встрѣтился въ саду съ Анной Павловной. Ему чрезвычайно не хотѣлось оставаться наединѣ съ хозяйкой, но убѣжать было бы дико, а другого средства избавиться отъ этого непріятнаго для него tête-à-tête не представлялось... Анна Павловна жаловалась на головную боль; ночью ее мучила безсонница. Теперь ее томила жара, и она не могла найти себѣ мѣста. День выдался, дѣйствительно, знойный... Лицо ея казалось блѣднѣе обыкновеннаго; подъ глазами у нея замѣчались легкія синеватыя тѣни. Разговаривая, она часто и громко истерически смѣялась, а глаза ея смотрѣли такъ, какъ будто готовились наполниться слезами. Не смотря ни на свое бѣлое платье, ни на кокетливо повязанный платочекъ на головѣ, ни на розовый поясъ, обхватывавшій ея еще стройную талію, она казалась въ то утро старѣе обыкновеннаго.

— Неможется мнѣ что-то!—говорила она, обращаясь къ Верюгину.

— А признайтесь, вѣдь вамъ не нравится Вязовка? Да?—спросила она, между прочимъ. —Вѣдь вы говорили, что тихія, мирныя пристанища вамъ не по сердцу. Вамъ нужны все волненія да бури... или, какъ сказалъ Лермонтовъ:

«Подъ нимъ струя свѣтлѣй лазури,
Надъ нимъ лучъ солнца золотой,
А онъ, мятежный, проситъ бури»...

Вотъ это вы и есть! Вы просите бури... мятежный человѣкъ!

— Положимъ, говоря вашимъ поэтическимъ слогомъ, я человѣкъ мятежный...—серьезно проговорилъ Верюгинъ, не отвѣчая насмѣшкой на насмѣшку.—Положимъ такъ... но я не прошу бури, хотя и не бѣгу отъ нея... Нѣтъ, Анна Павловна, мнѣ Вязовка нравится, и я съ удовольствіемъ жилъ въ ней гостемъ... Вы понимаете, *что* я хочу сказать? Это удовольствіе утратилось бы, если бы я вдругъ былъ привязанъ къ ней... Я люблю природу, свѣжій воздухъ, зеленую тѣнь деревьевъ, цвѣтущую степь, дремучіе лѣса... Если хотите, это—моя слабость! Вы такъ добивались найти во мнѣ слабыя стороны... Ну, вотъ онѣ!.. Впрочемъ, по необходимости мнѣ приходится жить въ большихъ городахъ, вдали отъ родныхъ степей и деревень...

—Ну, прекрасно!—подхватила m-me Маркушева.—Хоть одна слабость нашлась у васъ... Такъ, значитъ, вы будете вспоминать о насъ, по крайней мѣрѣ, наряду съ этою зеленью, съ этими степями?.. Когда же вы пріѣдете къ намъ? Не напишете-ли?

— Не могу сказать навѣрное, когда поѣду изъ той стороны...—отозвался Верюгинъ.—А отъ писемъ увольте! Не люблю я писать писемъ...

«Нѣтъ! Этотъ человѣкъ, положительно, рисуется»... подумала съ досадой Анна Павловна, но съ гостемъ осталась попрежнему любезна и предупредительна, какъ будто вчерашней досады не осталось и слѣда. Она выговаривала ему: зачѣмъ онъ не воспользовался ея лошадьми доѣхать до станціи, а нанялъ какихъ-то деревенскихъ клячъ. При разставаньи онъ передалъ Аннѣ Павловнѣ небольшой тюкъ, тщательно перевязанный веревочкой, и просилъ похранить его «до востребованія». Она, повидимому, осталась очень довольна такимъ довѣріемъ со стороны молодого человѣка и сама отнесла тюкъ въ свою комнату. Что бы тамъ ни было, она будетъ хранить его...

Мина Игнатьевна крѣпко пожала ему руку и промолвила только обычное «прощайте!» Верюгинъ вскочилъ въ телѣгу, и лошади рысцой потрусили со двора.

Онъ пріѣхалъ на вокзалъ почти за часъ до прихода поѣзда. Положивъ свой багажъ подъ скамеечку, путникъ нашъ принялся ходить взадъ и впередъ по дебаркадеру. Кромѣ него и какого-то крестьянина съ кошелкой за плечами, пассажировъ болѣе никого не было. Въ садикѣ, разведенномъ при вокзалѣ, начальникъ станціи со своей молодой женой пилъ чай. Трое рабочихъ возились около пустого товарнаго вагона. Въ вокзалѣ было пусто... Курица какъ-то забрела сюда и, ходя около закрытаго буфета, на свободѣ поклевывала хлѣбныя крошки. Рыжій сетеръ лежалъ на платформѣ, высунувъ отъ жары свой красный языкъ, да и тотъ скоро убѣжалъ на зовъ хозяина въ садъ. Этотъ маленькій степной вокзалъ въ лѣтнее время вовсе не походилъ на вокзалы большихъ желѣзныхъ дорогъ. Ужó, осенью, когда югъ начнетъ посылать свою пшеницу на всѣ четыре стороны, этотъ вокзалъ оживится, загромоздится товарами до того, что не будетъ хватать даже открытыхъ платформъ для перевозки грузовъ, и хлѣбъ по цѣлымъ недѣлямъ станетъ валяться безъ брезентовъ и мокнуть на дождѣ. А теперь пока на вокзалѣ—пусто и тихо...

Шагая взадъ и впередъ по дебаркадеру въ ожиданіи поѣзда, Верюгинъ вдругъ завидѣлъ вдали приближавшійся къ станціи экипажъ. Сидящихъ въ экипажѣ нельзя было разсмотрѣть изъ-за высокой колосистой ржи. «Ѣдетъ, вѣроятно, кто-нибудь изъ сосѣднихъ помѣщиковъ...» Наконецъ, неподалеку отъ станціи, около сторожки, переѣхавъ черезъ рельсы, экипажъ очутился на открытомъ мѣстѣ, и Верюгинъ узналъ шарабанъ m-me Маркушевой и въ немъ владѣтельницу Вязовки. Черезъ минуту она уже явилась на платформѣ, объявивъ Ѳеофану Михайловичу, что она, пользуясь «такимъ прекраснымъ вечеромъ», захотѣла прокатиться и кстати проводить его. Вчерашнія подозрѣнія снова проснулись въ Верюгинѣ и непріятно покоробили его. «Неужто ее въ самомъ дѣлѣ бѣсы мутятъ? Для чего, спрашивается, притащилась? Сама же жаловалась на головную боль...» подумалъ онъ, смотря на m-me Маркушеву, на ея сѣрое платье и круглую шляпку съ чернымъ перомъ, что, конечно, болѣе бы шло къ молодой дѣвушкѣ, чѣмъ къ ея пожилымъ лѣтамъ.

— Такъ вы теперь прямо отправляетесь къ Зоринымъ? — спросила Анна Павловна, усаживаясь съ нимъ на скамеечку близь вокзала.

Верюгинъ, закуривая папиросу, молча кивнулъ ей головой.

— Ну, что жъ! Это—недалеко... три станціи по желѣзной дорогѣ, да тамъ въ сторону, на лошадяхъ, верстъ 6, кажется...—продолжала m-me Маркушева. — Большое семейство и очень интересное. Тамъ вы найдете барышень, тамъ вамъ будетъ весело,—не то, что у насъ въ Вязовкѣ. Тамъ много сосѣдей... Люди общительные, живутъ открыто...

— Кстати: вы знаете Зориныхъ? — спросилъ онъ, пропустивъ мимо ушей тонкіе намеки Анны Павловны насчетъ Вязовки. — Скажите, пожалуста, что это за люди...

— Я съ ними мало знакома, но кое-что сообщить о нихъ могу... — нехотя и съ видимымъ предубѣжденіемъ къ Зоринымъ начала Анна Павловна. Отецъ—крѣпостникъ, собачникъ; мать—плакса, очень скучная особа... Оба хозяйствомъ нисколько не занимаются и ничего въ немъ не смыслятъ. Madame Зорина все какія-то салфетки тамбуромъ вяжетъ, а онъ трубку куритъ, да читаетъ газеты. Ужасно безпечные люди... Старшая дочь очень недурна собой, артистка, играетъ зимой въ городѣ на любительскихъ спектакляхъ. Это—всеобщая любимица и избалована до крайности... Вторая, Сашенька, что-то въ родѣ нигилистки, ходитъ съ распущенными косами, въ сарафанѣ, работаетъ на полѣ... ни то, ни сё — ни два, на полтора! А младшая, Надя...

Въ эту минуту до разговаривающихъ донесся свистокъ. Поѣздъ подходилъ къ станціи. M-me Маркушева слегка вздрогнула. Верюгинъ взялся за вещи.

— Надя—дѣвочка болѣзненная, съ большими странностями. Разсказываютъ про нее... —продолжала Маркушева.—Впрочемъ, некогда... Вамъ еще надо билетъ брать?

— Напрасно не остались еще на денекъ!— заговорила она, когда Верюгинъ возвратился отъ кассы.—Поскучали бы хоть еще немножко у насъ. Останьтесь! Я васъ сейчасъ же увезла бы въ Вязовку, а завтра васъ опять представили бы сюда къ пяти часамъ... Останьтесь, право! А?

— Нѣтъ, Анна Павловна! Не могу! Нельзя!—проговорилъ Ѳеофанъ Михайловичъ, беря свой тюкъ и наскоро прощаясь съ m-me Маркушевой.

— Упрямый!—премило надувъ губки, проворчала барыня.

Поѣздъ уже подошелъ. Вагоны тихо мелькали одинъ за другимъ и, наконецъ, остановились. Раздался звонокъ. Поѣздъ на станціи Ольшанской стоялъ только три минуты. Верюгинъ отнесъ свой тюкъ въ вагонъ и бросилъ его подъ лавку. Анна Павловна подошла къ окну. Грустно, разстроенно слѣдила она за отъѣзжающимъ.

— Не забывайте же насъ! Напишите хоть разокъ, хоть одну строчку!—съ жаромъ проговорила она, наклоняясь къ окну.

Опять звонокъ, опять свистъ машины—и поѣздъ тронулся далѣе. M-me Маркушева ускореннымъ шагомъ шла рядомъ съ вагономъ, шелестя своимъ шлейфомъ.

— Прощайте, Ѳеофанъ Михайловичъ! Прощайте!—съ чувствомъ повторяла она, кивая головой Верюгину и помахивая зонтикомъ, какъ бы въ знакъ прощальнаго привѣтствія, между тѣмъ какъ путникъ нашъ той порой усаживался на лавкѣ противъ какого-то мужичка, щелкавшаго подсолнечниковыя сѣмечки.

— Прощайте! — громко крикнула Анна Павловна, когда поѣздъ пошелъ быстрѣе и она не смогла далѣе слѣдовать за нимъ.

— Экъ тебя, голубушка!—полужалостливо, полунасмѣшливо замѣтилъ мужичекъ, отплевывая шелуху подсолнечнаго сѣмени.

Всѣ сомнѣнія исчезли для Верюгина... Въ самомъ дѣлѣ, съ какой стати было барынѣ тащиться на станцію провожать его, съ какой стати почти бѣгомъ бѣжать за вагономъ? И, наконецъ, это послѣднее отчаянное «прощайте»!.. Что онъ такое для нея? Братъ, сватъ или какой-нибудь близкій знакомый? Ничуть не бывало... Онъ, просто, землемѣръ, случайно встрѣтившійся съ нею, поживши недолго по дѣлу у нея въ имѣньи,—вотъ и все! Откуда же всѣ эти нѣжности, упрашиванья писать, остаться у нея «хоть на денекъ», откуда такая фамильярность? Тутъ ему разомъ припомнились ея многозначительные взгляды, рѣчи, полныя намековъ, крѣпкія рукопожатія и множество другихъ мелочей, до тѣхъ поръ совершенно ускользавшихъ отъ его вниманія. Хотя Верюгинъ мало обращалъ вниманія на житейскія мелочи, касавшіяся его лично, но въ этомъ случаѣ и онъ даже замѣтилъ или—вѣрнѣе—инстинктивно почувствовалъ что-то «странное» въ обращеніи съ нимъ m-me Маркушевой. Не оставалось сомнѣнія, что барыня увлекалась имъ... Верюгину было чрезвычайно непріятно такое открытіе. «Гдѣ замѣшаются личности, тамъ ужъ дѣло скверно!» думалъ онъ и сразу рѣшилъ, было, не заглядывать болѣе

въ Вязовку. Но въ такомъ случаѣ Вязовская школа не устроится... Нѣтъ! Онъ *долженъ* осенью побывать въ Вязовкѣ. Все-таки надо правду сказать, она — барыня либеральная. Неужели же она броситъ школу изъ-за того, что осердится на Верюгина? Неужели доброе дѣло должно пострадать изъ-за минутнаго каприза? конечно, все могло случиться, все могло быть...

Верюгинъ уже зналъ по горькому опыту, что превращенія въ наше время совершаются очень легко. Недаромъ же онъ не разъ говорилъ, что «мы живемъ въ царствѣ оборотней»...

VII.

Изъ прошлаго.

Если бы ограничиваться одною формальною стороною, то намъ пришлось бы сказать немного для рекомендаціи Верюгина. Пройдя гимназическій курсъ, онъ поступилъ въ межевой институтъ, гдѣ и кончилъ весьма успѣшно. Затѣмъ онъ пробылъ четыре года на одномъ изъ факультетовъ петербургскаго университета и кончилъ кандидатомъ. Годъ занимался онъ частными уроками. Потомъ онъ отправился, было, въ Р-скую губернію въ сельскіе учителя, но тамъ вышли какія-то недоразумѣнія: кандидатъ университета не былъ утвержденъ въ званіи сельскаго учителя и возвратился въ Петербургъ. Послѣ того онъ сотрудничалъ въ одномъ періодическомъ изданіи, гдѣ и было помѣщено нѣсколько статей его по общественнымъ вопросамъ. Подъ статьями онъ не подписывался, и имя его сдѣлалось извѣстно лишь въ тѣсныхъ литературныхъ кружкахъ. Наконецъ, не очень давно прибылъ онъ въ качествѣ землемѣра въ городъ Т***. Изъ такого формальнаго перечня читатель, конечно, не составитъ никакого опредѣленнаго сужденія о личности Верюгина: былъ тамъ-то, занимался тѣмъ-то и т. д. Но подъ этими фактами, столь сухими въ нашемъ изложеніи, скрывается жизнь кипучая и страстная, полная волненій, тревогъ, надеждъ и разочарованій...

Начнемъ сначала. Верюгинъ съ дѣтства, начитавшись греческой исторіи, мечталъ сдѣлаться «спартанцемъ»... Первые четыре года, проведенные имъ въ гимназіи, были временами кулачнаго права. Драки были въ сильномъ ходу. Ходили «стѣной» классъ на классъ, бились въ одиночку, во время «перемѣнъ», дрались послѣ классовъ въ рекреаціонной залѣ, дрались жестоко, безъ милосердія, а гувернеры, сами увлекаясь, аплодировали и поощряли этихъ доморощенныхъ гладіаторовъ «давать сдачи», науськивая ихъ, какъ собачонокъ, другъ на друга. Учителя собственноручно били учениковъ, до того, что зашибали руку и плакали отъ злости и боли. Старшіе воспитанники колотили младшихъ; изъ младшихъ посильнѣе норовилъ отдуть слабѣйшаго. По субботамъ сѣкли; случались и въ продолженіе недѣли экстренныя экзекуціи... Гимназическая атмосфера была затхлая, душная. Ни одинъ свѣтлый лучъ, казалось, не проникалъ въ это темное царство кулака и розги. Уроки зубрились безсознательно, по извѣстной методѣ «отъ сихъ и до сихъ». Старшіе ученики читали въ ту пору украдкой «Первую ночь», переписку Шарлотты съ Амаліей и т. п. циничный вздоръ. Любимыми писателями считались Лажечниковъ и Загоскинъ, а также были въ ходу quasi-историческіе романы Булгарина и иныхъ. По рукамъ также частенько ходили приносимые кое-кѣмъ изъ дома «Стригольники», «Вѣдьма за Днѣпромъ», «Паденіе Новгорода» и другія произведенія сѣрой литературы...

Нерѣдко изъ гимназіи, бывало, пускались въ бѣга. Одни, просто, убѣгали домой; иные бѣжали, куда глаза глядятъ. Перловъ, напримѣръ, мальчикъ изъ третьяго класса, убѣжалъ въ монастырь, поступилъ въ послушники, да такъ и затерялся. Потомъ, спустя уже много времени послѣ того видѣлъ его кто-то въ Кіевѣ шествующимъ съ палкой, въ роли богомольца-странника... При поступленіи Верюгина въ гимназію, тамъ свѣжо еще было преданіе о братьяхъ Репейкиныхъ, убѣжавшихъ изъ гимназіи «на войну». Репейкины были силачи: никто изъ гимназистовъ не могъ сладить съ ними. По зимамъ они выходили на рѣку драться съ семинаристами. Дрались на кулачкахъ, полѣньями, палками, чѣмъ попало. Драки иногда кончались увѣчьями, переломомъ рукъ и ногъ. Репейкины, наконецъ, и на семинаристовъ нагнали такого страха, что одного имени «Репейкиныхъ» было достаточно для того, чтобы обратить въ бѣгство цѣлую толпу кутейниковъ. Вотъ эти-то силачи, братья-разбойники, и убѣжали однажды изъ гимназіи, съ намѣреніемъ пробраться на Кавказъ и тамъ поступить въ полкъ... Въ ту пору, въ горахъ кавказскихъ шла война. О Кавказѣ писали въ газетахъ; всюду шли

толки о кавказскихъ герояхъ, объ ужасахъ и опасностяхъ войны съ горцами; коробейники въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ разносили по всему лицу земли русской — по городамъ и селамъ—картинки съ изображеніемъ сценъ изъ кавказской войны. Публика зачитывалась романами изъ кавказской жизни. Подобныя книги, начиная съ «Аммалатъ-Бека» и кончая пресловутою «Битвой русскихъ съ кабардинцами», читались на расхватъ, запоемъ, съ наслажденіемъ... А съ другой стороны, въ ту пору, во дни кулачнаго права, мечты гимназистовъ всего чаще сводились къ военной службѣ, къ офицерскому мундиру, къ «звонко бряцающей саблѣ» и ко всякаго рода непечатнымъ скандаламъ — иногда самаго возмутительнаго свойства... Братьямъ Репейкинымъ, впрочемъ, какъ гласило преданіе, не удалось пробраться на Кавказъ. Ихъ схватили гдѣ-то въ лѣсу, въ 70 верстахъ отъ города, и представили въ гимназію...

До какого ожесточенія воспитатели доводили своихъ воспитанниковъ, теперешнему молодому поколѣнію трудно даже представить себѣ... Напримѣръ, гувернеръ однажды, разгорячившись, оторвалъ ученику ухо, а ученикъ, потрогавъ свое висѣвшее окровавленное ухо, плюнулъ въ лицо своему инквизитору. Въ другой разъ мальчикъ послѣ сѣченья норовилъ изъ-за угла напасть на инспектора и пырнуть его ножомъ, но во-время былъ схваченъ, опять жестоко наказанъ и посаженъ на недѣлю въ холодный карцеръ на хлѣбъ-на воду. Былъ и такой случай, что во время класса одинъ ученикъ хватилъ другого ножомъ въ бокъ, да такъ ловко, что раненый черезъ нѣсколько дней умеръ, а убійца былъ выключенъ изъ гимнизіи и подвергнутъ церковному покаянію...

Верюгинъ, еще съ дѣтства желавшій сдѣлаться «спартанцемъ», нашелъ въ гимназіи на лицо всѣ условія, благопріятствовавшія тому, чтобы изъ него, дѣйствительно, вышелъ «спартанецъ» на русскій современный ладъ.

Когда Верюгинъ былъ уже въ V классѣ, въ воздухѣ пронеслось новое вѣяніе, и подъ его вліяніемъ мало-по-малу смягчались нравы,— и брезжущій лучъ разсвѣта проникъ въ тьму кромѣшную. Драки теряли свое обаяніе, господство розогъ сдѣлалось сильно ограниченнымъ и готовилось совсѣмъ исчезнуть. Военная служба, съ понятіемъ о которой въ тѣ времена тѣсно связывалось представленіе объ ухарствѣ и грубой физической силѣ, перестала влечь къ себѣ сердца юношей. Напротивъ, слово «студентъ», о которомъ прежде было и слыхомъ не слыхать, окружалось свѣтлымъ, сіяющимъ ореоломъ и становилось девизомъ умственной силы и всякаго благородства... Старшіе ученики не глумились надъ младшими, но разыгрывали роль покровителей. Вышло двѣ-три исторіи съ экономомъ изъ-за гнилой крупы и изъ-за мяса. Разъ даже въ квартирѣ эконома выбили стекла, а самого его публично назвали «длинноусымъ тараканомъ» и «воромъ». Эконома смѣнили, и старшіе воспитанники, по очереди, стали наблюдать за пріемомъ провизіи и дежурить въ кухнѣ во время отпуска кушанья на столъ. Дежурный отвѣчалъ за доброкачественность пищи...

Произошелъ неслыханный и невиданный до тѣхъ поръ казусъ... Ученики VI класса подали въ гимназическій совѣтъ прошеніе о томъ, чтобы ихъ избавили отъ преподавателя латинскаго языка, Эдуарда Карловича Бедлинга, по той причинѣ, что онъ, «по незнанію русскаго языка, не въ состояніи удовлетворительно объясняться и толковать правила», что онъ, кромѣ того, страшно «грубъ въ обращеніи»... Прочитали на педагогическомъ совѣтѣ это прошеніе, но ходу ему не дали. Учителя же со своей стороны настояли, чтобы Эдуардъ Карловичъ извинился нередъ воспитанниками VI класса и постарался бы на будущее время не доводить дѣла до подобныхъ крайностей. Такое прошеніе и подобная резолюція на него только и были мыслимы тогда, въ золотые годы «надеждъ и упованій»...

Крестьянамъ, наконецъ, дали тогда февральскую волю. Доходили слухи о какихъ-то народныхъ волненіяхъ и бунтахъ, разсказывали о студенческихъ безпорядкахъ въ Петербургѣ и Москвѣ. Въ томъ губернскомъ городѣ, гдѣ учился Верюгинъ, въ домѣ вице-губернаторши одинъ изъ гимназическихъ учителей читалъ лекціи по минералогіи и ботаникѣ въ пользу бѣдныхъ. Въ городѣ открылись двѣ воскресныя школы, въ которыхъ гимназисты учили дѣтей и взрослыхъ. На одномъ литературномъ вечерѣ въ театрѣ редакторъ «Т-скихъ Губернскихъ Вѣдомостей» прочелъ «Парадный подъѣздъ»... И много было такого необыкновеннаго, что уже давно сказано и пересказано...

Въ гимназіи, по вечерамъ, подъ руководствомъ учителя словесности, устраивались

собранія, «бесѣды», на которыхъ читали Гоголя, Бѣлинскаго, трактовали о прочитанномъ и желающіе вызывались писать сочиненіе на данную тему, а это сочиненіе въ свою очередь читалось и обсуживалось сообща. Старшіе ученики читали произведенія Толстого, Тургенева (особенно нравились «Наканунѣ» и «Рудинъ»). Попадались даже такія книги, на голубой обложкѣ которыхъ значилось «Pater Noster Row»...

Во всемъ этомъ движеніи Верюгинъ принималъ живѣйшее участіе. Учился онъ прекрасно и кончилъ съ золотою медалью. Но сильнѣе этой золотой медали оставили въ немъ впечатлѣніе слова стараго учителя-чудака. Это было давно, еще въ V классѣ, но Верюгинъ живо помнилъ эти слова... Странный человѣкъ былъ этотъ учитель. Въ классъ онъ ходилъ исправно, но являлся всегда растрепанный, въ потертомъ сюртукѣ, въ пыли и въ пуху, словно онъ и спалъ въ этомъ сюртукѣ. Иногда отъ него сильно припахивало виномъ... Всегда и со всѣми онъ былъ равно добродушенъ. Ученики хотя порой подшучивали надъ нимъ, но искренно любили его за неизмѣнную доброту; товарищи-учителя считали его полупомѣшаннымъ, но терпѣли его, такъ какъ онъ никому не мѣшалъ.

— Помните же, что вы учитесь на счетъ народа! — сказалъ имъ однажды въ классѣ этотъ чудакъ.—Послѣ, когда вы станете на ноги, вы должны заплатить ему этотъ долгъ. Вы должны служить народу, всѣ мы должны служить ему вѣрой и правдой! Онъ — нашъ кормилецъ и поилецъ... Помните же!..

Эти слова учителя поразили маленькаго Верюгина своею необычайностью и глубоко врѣзались ему въ память. Учителя такъ не говорили съ ними... Эти слова шли совершенно въ разрѣзъ со всѣмъ тѣмъ, что до тѣхъ поръ говорилось вокругъ нихъ. По прошествіи многихъ лѣтъ, когда Верюгинъ уже самъ сталъ разсуждать надъ прочитаннымъ и надъ дѣйствительностью, окружавшею его, слова учителя не разъ припоминались ему, какъ эпиграфъ къ огромному сочиненію, первыя страницы котораго Верюгинъ началъ перелистывать. Новыя думы и новыя чувства, возбуждаемыя чтеніемъ этой живой книги, бурнымъ потокомъ увлекали его все дальше и дальше...

Изъ той же среды, въ которой развивался Верюгинъ, вышли прокуроры, адвокаты и подсудимые, вышли ученые филистеры, желѣзнодорожные дѣятели, люди, торговавшіе своею совѣстью, душой и тѣломъ, люди злые и глупые; изъ той же самой среды явились и хорошіе работники, и свѣтлыя, талантливыя личности, и загадочныя натуры, страстныя и несчастныя... Кто распознаетъ, кто скажетъ: почему на одномъ и томъ же тѣсномъ клочкѣ земли, при одинаковыхъ почвенныхъ и климатическихъ условіяхъ, одновременно растетъ и прекрасный цвѣтокъ, и полезное растеніе, и репейникъ и чертополохъ? Кто прослѣдитъ: подъ массой какихъ таинственныхъ условій изъ одной и той же среды, изъ одной и той же общественной атмосферы выходятъ друзья человѣчества и его враги? Наслѣдственность и окружающая среда, — первое знакомство, первая дружба, первая прочтенная книга, произведшая сильное впечатлѣніе, даютъ толчокъ и помогаютъ развиваться въ подростающемъ человѣкѣ добрымъ или злымъ инстинктамъ...

Впослѣдствіи все, что привлекало къ себѣ большинство товарищей Верюгина, нисколько не говорило его сердцу. Сѣмя упало на добрую почву и дало уже ростокъ; не могли выклевать его птицы, не могло заглушить терніе... Блескъ почестей, богатство, свѣтскіе успѣхи — все это ему казалось ничтожно и мелко. Одинъ говорилъ о повышеніяхъ по службѣ, о карьерѣ, о связяхъ; другой съ самодовольствомъ распространялся о выгодныхъ «дѣлишкахъ»; третій щеголялъ костюмомъ по послѣдней модѣ, крутилъ усики и хвастался своими побѣдами надъ женщинами. Верюгинъ молчалъ, ни мало не завидовалъ ни тѣмъ, ни другимъ, ни третьимъ, и ни за что бы не желалъ быть на мѣстѣ этихъ счастливцевъ «отъ міра сего». Нельзя сказать, чтобы онъ не былъ честолюбивъ, только честолюбіе его заключалось вовсе не въ томъ, въ чемъ полагало его большинство окружавшихъ его людей.

Его юношескія мечты были тусклы и туманны... То онъ видѣлъ себя учителемъ или миссіонеромъ, въ родѣ ветхозавѣтныхъ пророковъ; то онъ являлся самому себѣ въ образѣ какого-то чудеснаго, фантастическаго предводителя «голи перекатной» со всего свѣта. Шли годы,—мечты съуживались, но зато становились опредѣленнѣе, яснѣе. Только въ одномъ онъ утверждался все крѣпче и крѣпче... «Служить народу» — стало его девизомъ, стало преобладающею мыслью и самымъ сильнымъ чувствомъ его жизни.

Переселившись изъ родной провинціи въ столицу, Верюгинъ на первыхъ порахъ велъ жизнь замкнутую, вращаясь въ своемъ кружкѣ и смотря на весь міръ съ точки зрѣнія этого кружка. Онъ преимущественно дружился съ земляками... Но съ теченіемъ времени онъ увидалъ, что дѣло не подвинется впередъ, если они станутъ проповѣдывать лишь другъ другу и будутъ любоваться одинъ на другого, игнорируя все, что внѣ ихъ кружка. Тогда-то онъ вырвался изъ цѣпей кружка своихъ земляковъ. Онъ пересталъ дорожить земляками, ибо у него на глазахъ было уже нѣсколько примѣровъ того, что земляки его оказывались сущею дрянью, такими жалкими оборышами, которыхъ не стоило труда и поднимать. Онъ сходился теперь съ новгородцами, псковичами, туляками и другими, повсюду находя людей гораздо лучше своихъ земляковъ. Шли годы, — Верюгинъ съ головою окунулся въ жизнь... Наблюдательность, трезвое отношеніе къ дѣйствительности многому научили его. Изъ мечтательнаго юноши-романтика вышелъ практическій боецъ, сохранившій изъ своихъ юношескихъ сокровищъ три, именуемыя «вѣрой, надеждой, любовью»... Съ милою, любезною улыбкою непринужденно входилъ онъ въ лагерь враговъ. Весело насвистывая пѣсенку, повидимому, совершенно беззаботно проходилъ онъ по самому краю пропасти, мимо «львовъ рыкающихъ, ищущихъ кого бы поглотити». Онъ умѣлъ производить пріятное впечатлѣніе и въ гостиныхъ, и въ крестьянскихъ избахъ, и на скромныхъ хуторахъ, и въ домахъ, жившихъ на барскую ногу. Онъ умѣлъ со всякимъ говорить такъ, что его слушали съ интересомъ; онъ умѣлъ располагать къ себѣ, внушать довѣріе. Онъ обходился безъ рѣзкихъ манеръ, безъ страшныхъ словъ... Отъ его рѣчей не только не вставали дыбомъ волосы и нервныя барыни не приходили въ разстройство, но даже совершенно напротивъ... въ кругу женщинъ онъ пользовался особеннымъ вліяніемъ. Знакомство у него было громадное. Друзей и пріятелей или — вѣрнѣе сказать — такихъ людей, которыхъ онъ называлъ «пріятелями» — было великое множество и были они вездѣ и всюду, во всѣхъ классахъ общества, по всей Руси.

Живя постоянно, какъ Богъ велитъ, Верюгинъ не переставалъ въ то же время быть спартанцемъ, только ригоризмъ его выражался особеннымъ образомъ. Онъ могъ спать и на мягкихъ пуховикахъ, и на голыхъ доскахъ, и на землѣ, не чувствуя себя въ послѣднихъ случаяхъ несчастнымъ человѣкомъ. Если ему случалось, онъ съ аппетитомъ ѣлъ роскошный обѣдъ, затѣмъ, ни мало не горюя, насыщался кухмистерскимъ обѣдомъ въ 25 копѣекъ или же по цѣлымъ недѣлямъ питался чаемъ и хлѣбомъ съ сыромъ или колбасой. Словомъ, отъ комфорта «по принципу» Ѳеофанъ Михайловичъ не отказывался; если случалось, онъ пользовался имъ, но не искалъ его никогда и могъ прекрасно обходиться безъ него. Куда судьба его ни кидала, въ какое положеніе онъ ни попадалъ, онъ нигдѣ не терялся, вездѣ устраивался, какъ дома... Отъ слишкомъ трудовой и тревожной жизни здоровье его слегка порасшаталось, но онъ, какъ умѣлъ, сохранялъ его, по возможности «уравновѣшивая расходъ съ приходомъ»...

Намъ могутъ замѣтить, что въ нашей характеристикѣ существуетъ большой пропускъ, что у насъ ни слова не сказано о цѣломъ рядѣ явленій, которыхъ невозможно выкинуть изъ жизни человѣческой. Дѣйствительно, у насъ ни слова не сказано о любви...

Верюгинъ любилъ только однажды во всю свою жизнь, любилъ онъ крѣпко, искренно, задушевно. Такъ любилъ онъ свою покойную мать. Она защищала его отъ нападокъ вспыльчиваго, раздражительнаго отца, учила его читать, писать и, быть можетъ, безсознательно развивала въ немъ, въ ребенкѣ, лучшія стороны человѣческой натуры. Отъ нея первой услыхалъ онъ о равенствѣ людей, о томъ, что всѣ люди—братья, изъ одной земли всѣ подѣланы и послѣ смерти всѣ въ одну и ту же землю уходятъ. Она развивала въ ребенкѣ чувства добра, правды, чувства состраданія и жалости къ несчастнымъ. Она, бѣдная, сама была несчастна въ жизни. Нерѣдко она украдкой, забравшись въ уголокъ, тихо плакала. А маленькій Ѳеофанъ, самъ со слезами на глазахъ, приставалъ къ ней, выспрашивая у нея шопотомъ:

— Мама! Милая! О чемъ ты? Скажи... мама!

Мальчуганъ самъ чуть не плакалъ, клонилъ къ ней на колѣна голову и съ сердечнымъ сокрушеніемъ смотрѣлъ въ ея заплаканное лицо своими чистыми дѣтскими глазенками.

— Ничего, голубчикъ! Пройдетъ все...— тихо успокоивала его мать.

И чувствовалъ мальчуганъ, какъ ему на волосы, на щеку канали теплыя слезы. Онъ не могъ выносить слезъ и начиналъ горько плакать. Мать брала его за голову и крѣпко прижимала къ своей груди, какъ бы желая заглушить его рыданія.

— Тише, тише!—шопотомъ приговаривала она, наклоняясь къ сыну.

И такъ тихо, украдкой, горько плакали они... Мать первая, обыкновенно, успокоивалась, приглаживала мальчугану волосы, утирала ему слезы и, цѣлуя, приговаривала:

— Ну, полно! Ну, перестань! Что ты это, глупенькій? О чемъ эты ты? Посмотри: вѣдь я не плачу... Ну, перестань же, улыбнись! Посмотри на меня весленько...

Это была добрая женщина, знакомые звали ее «святою». Маленькій Ѳаня любилъ ее всѣмъ сердцемъ, любилъ до того, что безъ страха не могъ помыслить о разлукѣ съ нею. Въ гимназіи на первыхъ порахъ онъ сильно тосковалъ. Онъ чуть не расплакался, когда на другой день по поступленіи въ гимназію его отвели въ «гардеробъ», гдѣ цирюльникъ, отставной унтеръ-офицеръ съ нашивками на рукавѣ, остригъ его подъ гребенку. Его русыя кудри такъ и сыпались подъ острыми ножницами безжалостнаго унтеръ-офицера, тѣ самыя кудри, которыя—вспомнилъ онъ—такъ часто расчесывала ему мать и на которыя она такъ часто любовалась, нѣжно, ласково гладя его по головѣ. Онъ скучалъ въ гимназіи еще пуще оттого, что ему не съ кѣмъ было подѣлиться своимъ дѣтскимъ горемъ. Какъ же сказать, что матери жаль, что хотѣлось бы съ матерью повидаться, хотѣлось бы убѣжать къ ней, въ ея тихую комнатку съ мерцающей передъ образомъ лампадой, убѣжать подалѣе отъ этого ненавистнаго, безпокойнаго шума и гама гимназическаго, отъ этихъ желтыхъ каменныхъ стѣнъ, отъ этихъ надутыхъ, сердитыхъ людей въ форменныхъ вицъ-мундирахъ съ свѣтлыми пуговицами, отъ людей, повидимому, такихъ же холодныхъ, какъ стѣны, вѣчно бранящихся и угрожающихъ всевозможными наказаніями! Можно было признаться въ томъ, что тоскуешь по своей лошади или по своимъ собакамъ, но неприлично было сознаваться въ томъ, что грустишь о матери. Всякій сталъ бы смѣяться надъ нимъ, назвали бы «плаксой, бабой» и Богъ вѣсть чего не выдумали бы про него. Выдать на смѣхъ свою милую маму—Верюгинъ не рѣшился бы ни за что на свѣтѣ. Поэтому-то на вопросъ товарищей: «что онъ все хмурится?» мальчуганъ, обыкновенно, лаконично отвѣчалъ: «такъ, ничего!» А самъ, между тѣмъ, украдкой, за печкой, стоя у окна въ сумерки или вечеромъ, подолгу смотрѣлъ на небо, на мѣсяцъ, на звѣзды и съ тихою грустью воображалъ себѣ, что эти же звѣзды и мѣсяцъ свѣтятъ теперь и надъ его роднымъ домомъ и даже—могло статься—въ эту самую минуту, его мама смотрѣла на нихъ изъ окна, вспоминаючи о своемъ любимцѣ...

Жестокая гимназическая обстановка помогла закалиться его характеру, помогла превратиться ему изъ чувствительнаго мальчика въ маленькаго спартанца. Извѣстіе о смерти матери дошло до него, когда онъ жилъ уже «на урокахъ», (отецъ же его умеръ задолго до той эпохи).

Былъ темный, ненастный осенній вечеръ, когда онъ получилъ отъ одного изъ своихъ дальнихъ родственниковъ письмо, въ казенныхъ выраженіяхъ увѣдомлявшее его о томъ, что «6 октября, въ 9 часовъ вечера, Надежда Николаевна покинула насъ», что «послѣ кратковременнаго нездоровья она скончалась тихо, какъ точно уснула» и т. д. Грустный сидѣлъ Верюгинъ надъ этимъ письмомъ и смотрѣлъ въ темное окно на дворъ, и тамъ, въ ночномъ мракѣ, быстро, какъ молнія, мелькнуло ему знакомое милое лицо, блѣдный образъ, тѣнь изъ невозвратнаго прошлаго. Въ ту минуту онъ видѣлъ передъ собой это дорогое лицо и рядомъ съ нимъ видѣлъ себя ребенкомъ—слабымъ, безпомощнымъ... И тутъ изъ далекаго прошлаго, какъ эхо, какъ отзвукъ дальній, донеслись до него слова: «никто, голубчикъ, не станетъ тебя любить такъ, какъ я!» И Верюгинъ тогда сказалъ самому себѣ: «да! никто, братъ, Ѳеофанъ, не полюбитъ тебя такъ»... Самое свѣжее, чистое воспоминаніе сохранилъ онъ о матери, и любовь къ матери была единственнымъ личнымъ чувствомъ, крѣпко пустившимъ корни въ сердцѣ Верюгина. Другой любви, равной этой по силѣ, онъ уже не испытывалъ въ жизни.

Когда онъ, въ послѣднее свиданіе съ матерью, открылъ передъ ней свою душу, свои помыслы и стремленія, обозначилъ передъ нею въ общихъ чертахъ ту завѣтную цѣль, какую онъ поставилъ себѣ въ жизни, старушка, молча, выслушала его, благословила своею слабою дрожащею рукой и, вздохнувъ, промолвила:

— Хочешь крестъ нести!—Неси...

Слеза скатилась по ея морщинистой щекѣ, она смахнула ее и, приклонивъ къ своей груди голову сына, какъ во дни оны, во дни дѣтства, крѣпко, горячо поцѣловавъ его въ уста и въ лобъ, прикрыла его своими блѣдными трепещущими руками, какъ бы желая защитить эту дорогую для нея голову отъ будущихъ невзгодъ и бурь...

«А вѣдь простая женщина была, необразованная, только и знала, кажется, одно евангеліе»... раздумывалъ впослѣдствіи о ней Верюгинъ,—и образъ ея, глубоко вѣрующей и желающей всѣмъ добра, какъ чистѣйшей воды алмазъ, блисталъ ему среди житейскаго мусора и дрязгъ...

Правда, Верюгинъ подъ вліяніемъ чисто чувственнаго влеченія сблизился какъ-то въ Петербургѣ съ одной дѣвушкой... Но стоитъ-ли говорить объ этомъ? Какъ случайно началось это знакомство, вечеромъ въ одномъ изъ петербургскихъ скверовъ, также случайно и оборвалось, не оставивъ по себѣ въ жизни Верюгина никакихъ слѣдовъ. Потомъ еще не разъ чувственность грозила ему разгорѣться пожаромъ, но онъ умѣлъ останавливаться во-время. «Завязать съ женщиной связь легко, но трудно разорвать эту связь, если она сдѣлается въ тягость и станетъ мѣшать дѣлу!» говорилъ онъ. Быть одинокимъ—значитъ быть свободнымъ. Не берутъ же солдаты съ собой на войну своихъ женъ... А Верюгинъ былъ солдатъ. Трудовая жизнь, полная заботъ и волненій, помогала ему выходить побѣдителемъ изъ борьбы съ животными инстинктами...

Если человѣкъ всѣ чувства свои сполна посвящаетъ какому нибудь одному общественному дѣлу, тогда для развитія личныхъ нѣжныхъ чувствованій нѣтъ мѣста. Когда вся любовь отдается людямъ, тогда не можетъ быть поклоненія единичной личности... Съ точки зрѣнія ходячихъ понятій, такой человѣкъ долженъ являться сухимъ, безсердечнымъ резонеромъ. По этимъ же понятіямъ, человѣкъ признается чувствительнымъ и добрымъ, если вслухъ сожалѣетъ о бѣдной извощичьей лошади, везущей подъ ударами кнута непосильную тяжесть. Людямъ «ходячихъ понятій» нѣтъ дѣла до того, что этотъ же самый мягкосердечный господинъ за тихую ѣзду отколотитъ извощика. Сантиментальная барышня, плачущая надъ умершей канарейкой, не задумается причинить самыя тяжкія страданія своей соперницѣ, но она все-таки останется чувствительной особой...

«Сухой, холодный человѣкъ!»—говорили нѣкоторые про Верюгина. «Вѣчно разыгрываетъ роль, ломается, уродуетъ себя...» Были даже такіе господа, которые называли его «неестественнымъ явленіемъ». Для этихъ людей общественное дѣло кажется столь же отдаленнымъ и такимъ же отвлеченнымъ и сухимъ, какими казались намъ, напримѣръ, нѣкогда событія и лица изъ древне-греческой и римской исторіи, которую мы находили въ учебникѣ Зуева и Кайданова. Для этихъ людей, заключившихся въ узкій, тѣсный кругъ личныхъ, домашнихъ интересовъ, лишь то дѣло «не отвлеченно» и живо, которое касается устройства ихъ собственныхъ «дѣлишекъ», лишь тотъ человѣкъ естественъ, который роется въ своей норѣ или подрывается подъ чужую нору... Для этихъ людей кажется странно и дико пожертвовать самомалѣйшею долей житейскихъ благъ, самою ничтожною долей комфорта ради какого-то дѣла; страненъ и дикъ кажется имъ человѣкъ, поступающій иначе, чѣмъ они...

Для Верюгина общественное дѣло было дѣломъ *живымъ*, одѣтымъ плотью и кровью. Онъ не размѣнивалъ своихъ чувствъ на каждомъ перекресткѣ, не тратилъ ихъ на мелочи, для домашняго обихода. Весь жаръ его чувства шелъ на то же дѣло, надъ которымъ работала его мысль.

КНИГА ВТОРАЯ.

I.

Висящево и его обитатели.

Красные фонари на станціи Пеньковкѣ тускло мерцали въ синеватомъ свѣтѣ сумерекъ, когда Верюгинъ вышелъ изъ вагона и съ тюкомъ въ рукахъ прошелъ черезъ вокзалъ, гдѣ какой-то толстопузый купчина наблюдалъ за взвѣшиваніемъ своей клади. На подъѣздѣ Верюгинъ нашелъ ямщиковъ... Скоро зазвенѣли колокольчики, и на легкой, довольно тряской таратаечкѣ Верюгинъ по-

катилъ со станціи. Степной вѣтерокъ подувалъ ему въ лицо, и всего его охватывало вечернею прохладой.

— Сколько тутъ верстъ будетъ? — спросилъ онъ ямщика, смотря на извилистую, мало проѣзженную дорожку, бѣжавшую передъ нимъ по степной глади.

— Это до Висящева-то? — переспросилъ ямщикъ. — Верстъ семь будетъ; пожалуй, и побольше... Да ежели на водочку пожалуете, такъ ужъ уважу... Представлю живо... Коренникъ у меня молодой!.. Э-эхъ вы, голубчики! Подхватывай! — вдругъ прикрикнулъ ямщикъ, перекачнувшись съ боку на бокъ, и хлеснулъ возжами.

Кони рванули и быстро понеслись по степной дорожкѣ. Верюгинъ накинулъ на себя плэдъ и задумчиво смотрѣлъ по сторонамъ. Необъятныя черноземныя поля разбѣгались въ даль во всѣ стороны; кое-гдѣ виднѣлись поселки, хутора, неясно рисовавшіеся въ вечернихъ сумеркахъ. Свѣжимъ, недавно скошеннымъ сѣномъ пахло въ воздухѣ. Мѣсяцъ желтовато-блѣднымъ шаромъ низко стоялъ надъ потемнѣвшею землей, не разгоняя вечернихъ тѣней. Яркія звѣзды горѣли въ безоблачномъ небѣ, раскидывавшемся надъ степью. Въ степи кричали и стонали перепела, трещалъ коростель, пищали чибиза, звенѣли кузнечики, меланхолически насвистывала какая-то ночная птица, — и все это сливалось въ одну стозвучную, неясную пѣсню, которую степь поетъ по ночамъ. Даже колокольчикъ, звеня и гудя подъ дугой, не шелъ нимало въ разрѣзъ съ этою степною музыкой, но, казалось, только подпѣвалъ ей... Ночь той порой все гуще, все плотнѣе закутывала землю своимъ чернымъ покровомъ. Стало уже совсѣмъ темно, когда наши путники пріѣхали на берегъ не очень широкой рѣки.

— Что за рѣка?—спросилъ Верюгинъ.

— Большая Жингарь!—отвѣчалъ ямщикъ, приподнимаясь на облучкѣ и заглядывая впередъ. Весной да въ дожди воды много бываетъ.... А лѣтомъ — мелко... Въ бродъ ѣздятъ. Не знаю только: какъ тутъ спускъ нонѣ... Давно, чишь, не бывалъ...

— Это-то и есть Висящево? — спросилъ Верюгинъ, указывая на противоположный берегъ.

— Оно и есть! — отвѣтилъ ямщикъ, все еще нерѣшительно поглядывая на воду.

Мѣсто было низкое. Густая роса шла — расходилась по берегу. Казалось, вся рѣка дымилась: такъ густо клубились надъ нею бѣлыя испаренія. Картина того мѣста, куда теперь Верюгинъ держалъ путь, представлялась ему въ самомъ фантастическомъ видѣ. Сбоку у него, надъ степью, надъ самымъ горизонтомъ, несвѣтящимъ шаромъ безъ лучей, низко стоялъ полный мѣсяцъ. Передъ нимъ поднимались клубы паровъ, какъ бѣлыя волнующіяся облака. Скатъ противоположнаго берега не былъ видѣнъ за туманомъ... но можно было предполагать, что берегъ высокъ и крутъ, потому что садъ на немъ являлся Верюгину высоко-высоко вверху, надъ клубившимся туманомъ, и казался совершенно висящимъ на воздухѣ. Темныя очертанія сада тяжелою, неподвижною массой рисовались на ночномъ небѣ... «Висящево!» подумалъ Ѳеофанъ Михайловичъ. «Прозвище идетъ къ мѣсту... Именно: точно виситъ въ воздухѣ!..» Съ одной стороны сада, справа, смутно выступалъ сѣрый уголъ дома и мерцали два или три освѣщенныя окна. Еще правѣе шли какія-то строенія, а далѣе опять темнѣли высокія купы деревьевъ. Хотя Верюгина нельзя было считать художникомъ, но онъ невольно заглядѣлся на эту волшебную картину съ густымъ ночнымъ колоритомъ. «Совершенно какъ сказочное видѣніе!» подумалось ему. «Да, впрочемъ, такіе воздушные замки и приличествуютъ царству оборотней... Все—одна фантасмагорія! Различаешь ясно только звѣзды въ далекомъ небѣ»...

Наконецъ ямщикъ тронулъ лошадей. Тарантаечка съ шумомъ спустилась въ рѣку, и колеса ея застучали по каменистому дну. Верюгинъ вдругъ очутился въ облакахъ. Сырость пронизывала его насквозь. Въ трехъ шагахъ ничего не было видно, словно все заволокло сѣрою пеленой. Только порой, на мгновенье, изъ-за разрывавшихся бѣлыхъ клубовъ, видѣнъ былъ высоко надъ головой темный садъ и освѣщенное окно, — и опять все, небо и земля, заволакивалось туманомъ. Когда лошади выбрались изъ воды, Верюгинъ увидалъ, что онъ не ошибся, что берегъ, дѣйствительно, и высокъ, и крутъ. Ямщикъ, съ покрикиваніемъ, лихо поднялся въ гору и со звономъ и трескомъ влетѣлъ на барскій дворъ. «Что-то тамъ!» отрывочно мелькнуло въ головѣ Верюгина, когда большой барскій домъ съ мезониномъ глянулъ на него длиннымъ рядомъ своихъ оконъ, изъ которыхъ

одни были темны, а въ другихъ виднѣлся свѣтъ... На парадномъ крыльцѣ стоялъ высокій, чрезвычайно худощавый старикъ, почти совсѣмъ лысый, съ сѣдыми усами и съ сѣдыми бакенбардами, пристально всматривавшійся въ ночную темь.

— Вы, сударь, не землемѣръ-ли?—крикнулъ онъ пріѣзжему.

По тону его и по манерамъ можно было заключать, что это—старинный служитель, что-нибудь въ родѣ камердинера или дворецкаго.

— Землемѣръ!—отвѣтилъ ему Верюгинъ, подумавъ про себя съ усмѣшкой: «Этотъ ветхій старецъ какъ нельзя болѣе идетъ къ фантастическому замку ..»

— Такъ, вотъ, пожалуйте въ тотъ флигель... Тамъ для васъ приготовлено! — прошамкалъ старикъ, указывая въ то же время ямщику въ противоположный уголъ двора.— Эй, Матюшка! Проводи ихъ!—крикнулъ онъ мальчику, выскочившему на крыльцо.

Дворъ былъ очень обширный. Флигель, отведенный Верюгину, стоялъ вдали отъ дома, наискось отъ него, въ углу двора, и одной стороной своей примыкалъ къ небольшой липовой рощѣ. Матюшка проворно растворилъ дверь въ сѣнцы и провелъ пріѣзжаго въ комнату. На Верюгина пахнуло запахомъ давно нежилыхъ покоевъ. Мальчикъ порылся у себя въ карманахъ и, найдя сѣрную спичку, зажегъ свѣчу, стоявшую на столѣ въ мѣдномъ и очень древнемъ подсвѣчникѣ. Матюшка скрылся, а Верюгинъ сдѣлалъ легкій обзоръ своего временнаго мѣстожительства...

Во флигелѣ, кромѣ передней, оказались двѣ комнаты. Одна изъ нихъ была большая, въ три окна. Тутъ стояли постель, столъ, нѣсколько стульевъ. Окна—небольшія; стѣны оклеены какою-то синеватою, исписанною бумагой и старыми газетными листами, кажется, «Сѣверной Пчелы» конца сороковыхъ годовъ. За перегородкой — маленькая комната въ одно окно, съ большой русской печью - пекаркой, сильно закоптѣлой, и съ лавками вокругъ стѣнъ. Подъ обѣими комнатками находилось подполье. Въ маленькой комнатѣ между печкой и стѣной открывался люкъ. Стѣны въ этой комнатѣ оставались голыми; бревна ихъ почернѣли, почернѣлъ и мохъ въ пазахъ. Очевидно, въ этомъ флигелькѣ жилъ нѣкогда прикащикъ или управляющій... Очевидно также, что землемѣра поджидали: полы и окна были вымыты. Изъ двухъ оконъ, выходившихъ на дворъ, видна была стоявшая недалеко колода для кормленья лошадей. Два окна выходили въ липовую рощу.

— Фу ты! — вслухъ промолвилъ Верюгинъ, высовываясь изъ окна въ рощу и съ наслажденіемъ вдыхая въ себя запахъ липъ. — Да я здѣсь буду жить, какъ во дворцѣ! Прекрасно, право!..

Въ эту минуту, за дверью послышались шаги, шорохъ; дверь отворилась, и на порогѣ показалась молодая дѣвушка въ свѣтломъ ситцевомъ платьѣ, очень недурненькая собой. Дѣвушка робко заглянула въ комнату.

— Баринъ приказали узнать: не угодно-ли вамъ откушать съ ними...—проговорила она, изподлобья взглядывая на Верюгина, сидѣвшаго на подоконникѣ.

— Пожалуй, я приду...—отозвался тотъ, смотря на дѣвушку.

— А если вы устали съ дороги, такъ вамъ сюда принесутъ... — добавила дѣвушка, берясь за скобку двери.

— Нѣтъ, я приду! — повторилъ Ѳеофанъ Михайловичъ.

Еще взглядъ изподлобья, еще разъ мелькнуло свѣтлое платьице, — и дѣвушка скрылась въ темныхъ сѣнцахъ. Верюгину, признаться, хотѣлось поскорѣе увидать Зориныхъ, обитателей фантастическаго висящевскаго замка, которыхъ m-me Маркушева уже успѣла мелькомъ расписать ему. Верюгинъ отправился въ домъ.

Онъ прошелъ полуосвѣщенную залу, довольно большую комнату, въ одномъ углу которой въ сторонкѣ шипѣлъ самоваръ, а около него возился высокій, худощавый старикъ, встрѣтившій Верюгина на крыльцѣ.

— Въ гостиную пожалуйте!—вполголоса прошамкалъ старикъ, кивая головой.

Въ гостиной балконная дверь была настежъ распахнута на садовую террасу и чернымъ пятномъ зіяла на фонѣ освѣщенныхъ стѣнъ, оклеенныхъ свѣтло-голубыми обоями. На террасѣ, около самой двери, по обѣимъ сторонамъ ея, стояли большіе, высокіе олеандры, всѣ въ цвѣту; свѣтъ полосой падалъ на нихъ отъ лампы, и ихъ розовые лепестки, трепеща подъ дуновеньемъ ночного вѣтерка, то являлись изъ темноты, то снова пропадали во мракѣ. Вотъ что первое бросилось Верюгину въ глаза... На порогѣ гостиной по-

встрѣчалъ его самъ хозяинъ, очень рослый, дюжій мужчина, привѣтливо пожавшій ему руку. Это и былъ Василій Петровичъ Зоринъ.

— Господинъ Верюгинъ? Очень радъ, прошу покорно! А мы васъ ждали... Кажется, уже съ недѣлю, какъ мы получили ваше письмо... Садитесь, пожалуста!.. А я сейчасъ съ охоты... чай пью. Не хотите-ли? Эй, Иванъ Степанычъ! Дайте-ка намъ чаю...

Все это баринъ произнесъ скороговоркой, довольно густымъ, хриплымъ голосомъ.

— Ма chère, господинъ Верюгинъ!—пробасилъ онъ, обращаясь къ чрезвычайно полной женщинѣ, выплывшей въ ту минуту въ гостиную.—Моя жена!—быстро отнесся онъ къ Верюгину.

Сѣли.

— Вы трубку курите? Нѣтъ? — началъ хозяинъ. — Да вѣдь вы нынче все съ папиросками... Такъ-съ!—съ умысломъ, по обыкновенію, коверкая слова, говорилъ онъ.— Матюшка, трубку!

— Матюшка, трубку!—какъ эхо, только нотой пониже, повторилъ въ залѣ Иванъ Степановичъ.

Живо явился Матюшка съ трубкой на длинномъ черешневомъ чубукѣ.

— А трубки всѣ набиты? Ну, то-то же, смотри!.. А у меня, знаете, такой порядокъ...— обратился Зоринъ къ гостю. — У меня семь трубокъ... Мальчикъ сразу набиваетъ ихъ всѣ и затѣмъ подаетъ мнѣ одну за другой. Фунтъ табаку въ недѣлю выкуриваю... Теперь, впрочемъ, сталъ меньше курить...

— Какое же «меньше»! — возразила его супруга.—Трубку изо рта не выпускаетъ,— дымитъ-дымитъ, просто бѣда!

Василій Петровичъ при этомъ раскатился громкимъ, гомерическимъ хохотомъ.

Онъ оказывался веселымъ, добродушнымъ собесѣдникомъ, котораго можно было слушать цѣлые часы, самому ничего не говоря. Верюгинъ слушалъ его и наблюдалъ... Въ его густыхъ, довольно длинныхъ волосахъ уже замѣтно пробивалась сѣдина. Усы и борода— тоже съ просѣдью—составляли какъ бы одно цѣлое и прикрывали всю нижнюю часть лица. Когда онъ выпускалъ изо рта клубы табачнаго дыма, изъ-за его толстыхъ губъ видны были великолѣпно сохранившіеся бѣлые зубы. Лицо полное, нѣсколько одутловатое, съ крупными чертами. Лобъ большой, широкій, совершенно бѣлый, а носъ, щеки и шея сильно загорѣлые,—особенно шея, словно горѣвшая огнемъ. Легкія морщины бороздили его лобъ, и явственнѣе прочихъ обрисовывались двѣ морщинки по краямъ рта. Свѣтло-сѣрые глаза его смотрѣли бойко и живо изъ-подъ густыхъ, посѣдѣвшихъ бровей. Василій Петровичъ начиналъ отращивать брюшко, но, при широкихъ плечахъ и при высокомъ ростѣ, полнота не безобразила его фигуры. Этому дюжему, здоровому тѣлу было уже за 50 лѣтъ, но оно еще обѣщало долгую жизнь... Вообще же, смотря на Василія Петровича, гдѣ бы вы его ни встрѣтили, въ Италіи, въ Швейцаріи, въ Японіи,—въ немъ вы непремѣнно признали бы русскаго барина - помѣщика, именно помѣщика, живущаго въ степяхъ, на распашку, съ собаками и казачками, ругающаго «родныя палестины» и въ то же время въ душѣ не находящаго ничего на свѣтѣ лучше ихъ...

Въ тѣ минуты, какъ Верюгинъ смотрѣлъ на Василія Петровича, спокойствіе и самодовольство отпечатлѣвались на барскомъ лицѣ. Зоринъ сидѣлъ, перекинувъ ногу на ногу, и немилосердно дымилъ трубкой. На немъ— поношенный бархатный казакинъ съ крупными пуговицами на груди и съ таковыми же петлями, обшитыми аграмантомъ. Изъ-за распахнувшагося казакина видна желтая рубашка-косоворотка. Онъ не успѣлъ еще скинуть съ ногъ своихъ длинныхъ охотничьихъ порыжѣвшихъ сапогъ...

Юлія Вячеславовна казалась моложе мужа лѣтъ на 10 или немного меньше. Это была женщина средняго роста, толстенькая, въ очень свободной деревенской блузѣ съ широкими рукавами. Ея темные волосы причесаны гладко, безъ всякаго кокетства. Губы полураскрыты, словно ей все жарко, словно она томится. Ея полное, бѣлое лицо замѣчательно отсутствіемъ всякаго опредѣленнаго выраженія. Только маленькіе, черные заплывшіе глазки часто глядѣли слезливо, жалобно. Она всегда сидѣла на «своемъ» маленькомъ диванѣ въ гостиной; передъ нею стоялъ «ея» маленькій столикъ, крышка котораго складывалась пакетцемъ и служила для картежной игры, ибо оборотная сторона ея была покрыта зеленымъ сукномъ. На столикѣ вѣчно стояла плетеная корзиночка съ мотками разныхъ нитокъ и шерстей, съ прутками, съ иглой для вязанья и съ кучей всякихъ тряпочекъ. Передъ диваномъ на полу былъ раскинутъ старый выцвѣтшій коверъ. Сетеръ— желтый съ бѣлыми пятнами—улегся теперь

на коврѣ. Барыня тотчасъ же обратила на него вниманіе...

— Василій Петровичъ! Возьмите вы отъ меня свою собаку... Знаете, что я не люблю этого!—брезгливо промолвила она, безпокойно заворочавшись на своемъ диванѣ.

— Гаугвицъ! Ісі... сюда!—крикнулъ Василій Петровичъ, указывая подъ свое кресло.—Couche... сюда... Гаугвицъ!

Сетеръ поднялъ голову, умно посмотрѣлъ на господина своими прекрасными карими глазами и, поднявшись съ ковра, неторопливо забрался подъ кресло и развалился тамъ.

Верюгинъ замѣтилъ, что въ залѣ мебель была новая, стулья вѣнскіе, а въ гостиной новомодная мебель перемѣшивалась со старыми креслами, очень прочными, но неудобными, съ рѣзными украшеніями на спинкахъ. Дымомъ жукова табака былъ пропитанъ воздухъ во всѣхъ комнатахъ...

— Гаугвицъ!..—говорилъ Василій Петровичъ, обращаясь къ Верюгину и совершенно позабывая нить разговора, что́ часто случается съ говорунами.—Странная кличка, не правда-ли? Это племянникъ мой такъ его назвалъ... Что такое — Гаугвицъ, я, право, не знаю. Министръ, кажется, такой былъ, что-ли... Мало-ли дряни-то на свѣтѣ, всего не упомнишь! Если это былъ хорошій министръ, такъ ладно...а если—съ позволенія сказать—какая-нибудь шваль, такъ моему сетеру отъ этой клички мало чести... Хорошіе-то министры вѣдь на свѣтѣ рѣдки... Ха-ха! Хорошихъ, вѣрныхъ и добрыхъ сетеровъ гораздо больше, не правда-ли?

И опять гомерическій хохотъ раздался въ комнатѣ и черезъ балконную дверь глухо разнесся по саду.

— Ахъ, Василій Петровичъ! Что тебѣ за охота, право...—замѣтила барыня и, не договоривъ, съ прискорбіемъ покачала головой, какъ бы сокрушаясь о легкомысліи своего муженька.

— А наплевать! Вотъ еще... У себя-то дома слова не скажи, держи языкъ на замкѣ... Вотъ, очень нужно!.. Вы ужъ извините... мы попросту...—крикнулъ баринъ, обратившись къ Верюгину при послѣднихъ словахъ.

— Я не нахожу ничего предосудительнаго въ вашихъ словахъ!—отозвался тотъ въ отвѣтъ на извиненіе хозяина.—Дѣйствительно, на свѣтѣ легче найти умную и вѣрную собаку, чѣмъ умнаго и вѣрнаго министра.

— Ну, ну! Вотъ, вотъ!—подхватилъ Василій Петровичъ.—Я тоже, мамочка, говорю... Что жъ изъ этого!

Юлія Вячеславовна только, молча, тяжело вздохнула.

Въ полчаса, которые Ѳеофанъ Михайловичъ провелъ въ висящевской гостиной, хозяинъ говорилъ безъ умолку. Онъ разсказывалъ о сосѣднихъ помѣщикахъ, о дворянскомъ предводителѣ, о его женѣ, объ ихъ amie de la maison — чиновникѣ по особымъ порученіямъ при губернаторѣ, вслѣдствіе чего отношенія между администраціей и земствомъ, къ неудовольствію нѣкоторыхъ дворянъ, установились чрезвычайно дружелюбныя и т. д. Разсказъ его, по обыкновенію, не лился рѣкою, а несся какимъ-то безпорядочнымъ, бушующимъ потокомъ. Онъ говорилъ скоро, много, иное не договаривалъ по забывчивости и второпяхъ, оставляя главную нить разсказа въ сторонѣ и ударяясь въ отступленія. Гость изъ потока его словъ уразумѣлъ лишь то, что Зоринъ недоволенъ предводителемъ, что жена его, предводителя,—пустая бабенка, что чиновникъ особыхъ порученій — вѣтрогонъ, какихъ мало и т. д.

— Въ шахматы играете? — вдругъ спросилъ Верюгина хозяинъ, когда взглядъ его случайно упалъ на шахматную доску, лежавшую на окнѣ.

Оказалось, что гость игралъ въ шахматы, хотя несовсѣмъ мастерски.

— Ну, вотъ и прекрасно! Мы когда-нибудь и сыграемъ ужо съ вами... — съ видимымъ удовольствіемъ проговорилъ Василій Петровичъ.—Осенью да зимой у насъ, просто, умрешь со скуки. Радъ-радешенекъ, когда есть чѣмъ время убить...

Въ ту минуту на террасѣ послышался легкій шорохъ, и въ дверяхъ балкона, изъ-за цвѣтущихъ олеандровъ, мелькнула какая-то бѣлая женская фигура.

— Надя! Это ты? — спросила Юлія Вячеславовна, не поднимаясь съ дивана.—Откуда такъ поздно?

— Съ Шевалдина! — рѣзко отвѣтила дѣвушка и, ступивъ на порогъ балконной двери, прислонилась плечомъ къ косяку.

Дѣвушка, попавъ изъ темноты прямо въ ярко освѣщенную комнату, невольно щурилась, смотря исподлобья.

— Съ Шевалдина?—вскричала жалобнымъ тономъ Юлія Вячеславовна. — Господи! Да

какъ же это ты... Лодка была на той сторонѣ рѣки, что-ли?

— Я перешла въ бродъ...—отвѣчала Надя, не измѣняя позы.

Мать только всплеснула руками отъ ужаса.

Надя была еще очень молода, высока и худощава, но гибка и стройна. Голосъ былъ звучный и пріятный. Верюгинъ видѣлъ хорошо только мокрый подолъ ея свѣтлаго платьица. Лица же ея нельзя было ясно разсмотрѣть, потому что оно оставалось въ тѣни. Только видно было, что лицо блѣдно, а черные, короткіе волосы до плечъ легкими прядями свѣшивались на лицо...

— Да какъ же это можно...—начала, было, Юлія Вячеславовна.

— Ну, ну, иди-ка, матушка! Я тебя познакомлю... — перебилъ ее Василій Петровичъ, обращаясь къ дочери.—Вотъ это—барышня... рекомендую!.. плаваетъ по рѣкѣ въ лодкѣ, ходитъ въ бродъ... бѣгаетъ ночью по деревнямъ, по полямъ и ужъ не знаю гдѣ...— со смѣхомъ говорилъ отецъ, посматривая то на дочь, то на гостя.—Видали вы такихъ барышень? Ха!..

— Василій Петровичъ! — умоляющимъ тономъ проговорила Юлія Вячеславовна.

— Да ужъ нечего. матушка, дѣлать! Быль молодцу не укоръ... Ха-ха-ха!

Дѣвушка, молча, какъ-то неуклюже, холодно поклонилась Верюгину и прошла черезъ гостиную въ корридоръ.

Барынѣ хотѣлось поскорѣе замять мужнину рекомендацію, которая ей казалась черезчуръ безтактною.

— Вы уже давно у насъ въ Т***?—спросила она гостя.

— Я пріѣхалъ въ концѣ зимы...—отвѣчалъ тотъ.

— Не познакомились-ли вы съ моей сестрой, Святской?—продолжала хозяйка. — Ея мужъ служитъ по акцизу...

Верюгинъ не имѣлъ чести быть знакомымъ со Святскими. Допросъ, повидимому, уже готовъ былъ продолжаться, какъ вдругъ въ передней стукнула дверь, послышался трескъ нагайки и громкій говоръ.

— Это Владиміръ Васильичъ такъ отличается!—замѣтила maman.

— А-а, вотъ и семья моя собирается...— говорилъ Василій Петровичъ, не слушая ворчанья жены.—Они сегодня что-то запоздали... Эй, Иванъ Степанычъ! Прикажите накрывать на столъ, да подавать кушать!

Въ гостиную съ шумомъ ворвался мальчуганъ лѣтъ 7—8, растрепанный, раскраснѣвшійся, въ фуражкѣ, сдвинутой на затылокъ, въ рубашкѣ и панталонахъ, перемаранныхъ въ пескѣ и въ травѣ.

— Это—мой наслѣдникъ!—объявилъ хозяинъ, указывая на мальчугана.

— Фуражку-то развѣ нельзя снять? — строго замѣтила мать.

Мальчикъ снялъ шапку, подошелъ къ Верюгину и пожалъ ему руку, пристально оглядывая его.

— Вы-то землемѣръ и есть? — серьезно спросилъ онъ Верюгина.

Василій Петровичъ громко расхохотался. Верюгинъ отвѣтилъ утвердительно... Юлія Вячеславовна жалобно и брюзгливо посмотрѣла на сына и на мужа, находя, вѣроятно, поведеніе ихъ чрезвычайно неприличнымъ.

— Ступайте, умойтесь, по крайней мѣрѣ!—строго обратилась она къ Володѣ.

— Не зачѣмъ! Сейчасъ спать... — невозмутимо спокойно возразилъ тотъ, забираясь съ ногами на кресло рядомъ съ Верюгинымъ.

— Остальное сѣно убрали!—проговорила барышня, входя въ комнату.

Это была Сашенька, вторая дочь Зориныхъ, которая завѣдывала хозяйствомъ, и, по словамъ m-me Маркушевой, была чѣмъ-то въ родѣ «нигилистки». На ней—малороссійскій костюмъ, волосы заплетены въ двѣ косы и темными жгутами лежатъ у нея на спинѣ. Смугловатое, сильно загорѣлое лицо дышетъ энергіей... Поздоровавшись съ Верюгинымъ, она присѣла къ отцовскому столу и на клочкѣ бумаги стала дѣлать карандашемъ какія-то выкладки.

— Ну, что, каково сѣно? Хорошо?—спросилъ ее отецъ, пыхтя надъ своей трубкой.

— Да! Лучше прошлогодняго...—не поднимая головы, отвѣтила дѣвушка. — Завтра вотъ нужно дѣлать разсчетъ съ рабочими...

— А это у меня—хозяйка...—весело сказалъ Зоринъ, кивая гостю на дѣвушку.—Въ прошлый годъ она насѣяла множество пшеницы, и вся пшеница у насъ пропала... Ха-ха-ха!

— Вы сами, папаша, очень хорошо знаете, что я тутъ не виновата... — не безъ досады возразила дѣвушка.—Въ прошлое лѣто была засуха... Пшеница не у насъ однихъ пропала...—пояснила Сашенька, обращаясь къ Верюгину.

Тотъ внимательно посмотрѣлъ на нее и

успѣлъ уловить взглядъ ея темныхъ глазъ,—очень умный взглядъ.

— Дѣло не въ томъ... — оправдывался отецъ.—Только зачѣмъ было сразу сѣять такъ много пшеницы!..

— Конечно, съ моей стороны былъ рискъ. Но вѣдь за то, если бы мнѣ удалось, если бы былъ урожай, вы первый же стали бы расхваливать меня...

На первый взглядъ, Сашенька показалась Верюгину крѣпкою, здоровою дѣвушкой, что̀ называется «кровь съ молокомъ». Средняго роста, полненькая, съ очень обыкновеннымъ, милымъ русскимъ лицомъ, она нѣсколько смахивала на переодѣтую крестьянскую дѣвушку. Ея загрубѣлыя, загорѣлыя руки, повидимому, работывали на полѣ. Обращеніе ея было совершенно просто... Съ Верюгинымъ, напримѣръ, она заговорила такъ, какъ будто бы уже давно была знакома съ нимъ. Это, повидимому, была дѣльная, практическая, неглупая натура, не отказывавшаяся и отъ синицы, если нельзя было захватить журавля въ руки.

Къ ужину, наконецъ, явилась и старшая дочь, Серафимочка, «артистка», по рекомендаціи m-me Маркушевой. Посмотрѣвъ на эту молодую особу, можно было почти безошибочно заключить, что она всего болѣе на свѣтѣ занята собой, своею внѣшностью, что если бы судьба бросила ее даже въ безлюдную пустыню, въ какую-нибудь Сахару, то она и тамъ стала бы по нѣскольку разъ въ день заглядывать на себя въ зеркало, и если бы костюмъ ея состоялъ только изъ однихъ листьевъ,—на подобіе того костюма, въ какомъ ветхозавѣтная Ева щеголяла послѣ грѣхопаденія, удаляясь изъ рая,—то наша красавица съумѣла бы даже и имъ, этимъ листьямъ, каждый день придавать болѣе кокетливое и изящное положеніе. Теперь она была одѣта щеголеватѣе всѣхъ членовъ семейства. На ней было надѣто сѣрое платье съ трэномъ, прекрасно сшитое, а ея бѣлую, граціозную шею закрывала вязаная бѣлая косынка, крестъ-накрестъ перетянутая на груди и завязанная назади по таліи. Она слыла любимицей всей семьи, ея славой и гордостью. Родители возлагали на нее великія надежды; особенно мать не нарадовалась на нее, видя въ ней осуществленіе своего завѣтнаго идеала и сожалѣя лишь о томъ, что состояніе семейныхъ финансовъ не даетъ ей возможности показать міру этотъ брилліантъ въ надлежащей оправѣ, которая соотвѣтствовала бы его стоимости и блеску... Она была высокаго роста и изящно сложена. Лицо ея— красиво, цвѣтуще. Ея густые свѣтлорусые волосы въ видѣ коронки лежатъ на головѣ. Чистые голубые глаза, алый ротъ сердечкомъ, тонкія брови, словно обведенныя кисточкой,—словомъ, такія лица встрѣчаются на бонбоньеркахъ... Это безстрастно-холодное лицо не освѣщалось ровно никакимъ выраженіемъ. Это была красота, такъ сказать, бездушная, красота линій. Цѣлое же являлось блестящимъ, лакированнымъ, но впечатлѣніе отъ этого цѣлаго получалось легкое, скользящее и скоро пропадающее безслѣдно... Но—странное дѣло! Эта холодная красавица была очень порядочной актрисой. Говорили, что она весьма недурно, хотя довольно однообразно, исполняла свои роли. На сценѣ у нея являлись огонь и жаръ, и одушевленіе, чего въ дѣйствительной жизни въ ней вовсе не замѣчалось. Вообще же она держала себя съ достоинствомъ, говорила мало, сдержанно, и была до того серьезна, что даже отецъ не часто позволялъ себѣ шутить съ нею.

За ужиномъ Серафимочка ѣла мало, вовсе непохоже на сестру Сашу. Надя не вышла къ столу. Горничная сказала, что она легла спать...

— Дикарка!—проворчалъ Василій Петровичъ, оканчивая свою сытную трапезу.

— Простудится она когда-нибудь!—жаловалась maman, не обращаясь ни къ кому въ особенности.

— Не подъ замкомъ же, въ самомъ дѣлѣ, держать ее, мама!—замѣтила Сашенька вполголоса.

Краснорѣчивый вздохъ былъ ей отвѣтомъ.

— Матюшка!—крикнулъ Василій Петровичъ, когда встали изъ-за стола. — Скажи Степкѣ, чтобы онъ прислуживалъ Ѳеофану Михайловичу и спалъ бы во флигелѣ, въ сѣняхъ, если нужно...

Верюгинъ сказалъ, что это совершенно лишнее.

— Я надѣюсь, что вы у насъ поживете...—говорилъ хозяинъ.—У васъ вѣдь есть работы по сосѣдству, верстахъ въ 10... Вотъ и прекрасно! Берите лошадь, когда надо, и поѣзжайте... А живите у насъ! Право... Для чего вамъ маяться по деревнямъ... Мы очень рады...

За себя Василій Петровичъ, конечно, могъ сказать это. Онъ всегда былъ радъ-радешенекъ лишнему человѣку, да еще къ тому же *новому*. Въ перспективѣ ему представлялась возможность коротать вечера въ пріятныхъ

разговорахъ. А, можетъ быть, Верюгинъ еще и въ карты играетъ?..

Бильярдная была большая комната, часть ея съ вѣшалкой вдоль стѣнъ служила передней. Провожая гостя и проходя черезъ бильярдную, Василій Петровичъ не удержался, чтобы не спросить гостя: не играетъ-ли онъ на бильярдѣ. Верюгинъ игралъ на бильярдѣ...

— Ну, вотъ, мы съ вами ужо и на бильярдѣ сразимся! — съ восхищеніемъ сказалъ хозяинъ, потирая руки.—Бильярдъ у меня хорошій, изъ Москвы... Только нужно бы немного полъ поправить... покосился... да все не соберусь... Спокойной ночи!

— До свиданія!

«Чортъ возьми! Гдѣ же я видѣлъ такой профиль? Хоть убей, не могу вспомнить»... подумалъ про себя Верюгинъ, придя во флигель и садясь у окна, выходившаго въ рощу. Деревья въ рощѣ стояли почти неподвижно, лишь порой между вѣтвями ихъ поднимался тихій, сдержанный, чуть слышный шелестъ и скоро снова стихалъ. Верюгинъ облокотился на подоконникъ и, прислушиваясь къ таинственному ночному шелесту, погрузился въ думу...

«Барышня, бѣгающая ночью по полямъ», скоро прошла мимо него по гостиной, и онъ видѣлъ ее только мелькомъ... Но этотъ профиль поразилъ его... Въ дѣйствительности-ли когда-нибудь, давно-давно, или на картинѣ видалъ онъ подобный профиль? Профиль съ классически-правильнымъ очертаніемъ, гордый, строгій, прекрасный... Наконецъ, Верюгинъ вспомнилъ и невольно усмѣхнулся. Да, точно... онъ видѣлъ его уже прежде!

Это было давно, лѣтъ 8 тому назадъ, когда онъ въ первый разъ пріѣхалъ въ Петербургъ. Однажды онъ отправился съ товарищами въ Эрмитажъ. Долго ходили они изъ залы въ залу, много картинъ различныхъ школъ промелькнуло передъ ихъ глазами. Наконецъ, они перешли къ произведеніямъ скульптуры. Верюгинъ, вообще мало понимавшій въ искусствѣ, могъ еще любоваться картинами, но въ статуяхъ до тѣхъ поръ онъ положительно видѣлъ лишь куски холоднаго мрамора... Эти бѣлыя фигуры въ классическихъ однообразныхъ позахъ, эти лица безъ глазъ—ничего не говорили ему. Но тутъ, въ Эрмитажѣ, передъ одной изъ статуй Верюгинъ невольно остановился... Передъ этой статуей онъ понялъ: почему статуи, эти куски бѣлаго мрамора, могутъ вводить зрителя въ иллюзію. Онъ понялъ: какъ могъ полюбить Пигмаліонъ свою миѳическую Галатею и пожелать, чтобы она ожила... Передъ Верюгинымъ на пьедесталѣ являлась женщина—совершенно обнаженная, безъ всякихъ покрововъ, даже безъ пресловутыхъ листочковъ. Она стояла, спокойна и самоувѣренна, во всей своей цѣломудренной прелести. Лицо ея — прекрасно, оно дышитъ силой и страстной, несокрушимой энергіей... Это была знаменитая Діана Гудона. Бывавшіе въ Эрмитажѣ, вѣроятно, видали и помнятъ эту чудесную статую... Тогда Верюгинъ-юноша, почти мальчикъ,—онъ хорошо помнитъ это теперь,—невольно подумалъ: «Возможно-ли встрѣтить на свѣтѣ подобную женщину? Едва-ли... Вѣдь это — идеалъ богини... Навѣрно въ такомъ тѣлѣ долженъ былъ бы жить и духъ мощный, великій... Что это былъ бы за человѣкъ!..»

Теперь Верюгинъ усмѣхнулся.

«Вотъ, въ степной глуши, та богиня вдругъ является въ образѣ живой женщины. Да... Лицо этой дѣвочки, «бѣгающей ночью по полямъ», удивительно напоминаетъ собой лицо гудоновской Діаны»...

«Дѣвочка болѣзненная, съ большими странностями»... словно шепталъ, между тѣмъ, въ уши Верюгину знакомый голосъ m-me Маркушевой.

Верюгинъ ложится спать... За стѣною его флигеля роща тихо шелеститъ листвой, и подъ этотъ шелестъ онъ сладко засыпаетъ. Въ тѣ фантастическія мгновенія, когда дрема переходитъ въ сонъ, передъ нимъ, какъ въ туманѣ, мелькаетъ бѣлый, дивный обликъ... То Діана сходила къ нему съ пьедестала...

II.

Изъ исторіи помѣщичьей семьи.

Василій Петровичъ Зоринъ, родомъ изъ столбовыхъ дворянъ, учился въ кадетскомъ корпусѣ, 8 лѣтъ прослужилъ въ кавалеріи и, выйдя въ отставку штабсъ-ротмистромъ, женился и засѣлъ въ свое Висящево. Когда стали собираться комитеты для обсужденія крестьянскаго вопроса, Василій Петровичъ многозначительно покачивалъ головой и не уставалъ утверждать, что «не дѣло затѣяли» и «не во время». Но онъ, вмѣстѣ съ прочими своими степными сосѣдями, никакъ не думалъ, что реформа такъ близка. «Страшенъ

сонъ, да милостивъ Богъ!» думалось этимъ людямъ.

Наканунѣ 1 января 1860 года, въ Висящевѣ разыгралась исторія, надѣлавшая въ околоткѣ не мало шуму. Въ этотъ день вечеромъ кое-кто изъ ближайшихъ сосѣдей были у Зориныхъ въ гостяхъ. Играли въ карты... Вдругъ какіе-то ряженые (конечно, дворовые) попросили позволенія показаться господамъ, (подобныя вольности допускались въ крѣпостномъ быту). Хозяинъ былъ въ духѣ и приказалъ маскированныхъ пустить въ залу, а гостямъ предложилъ посмотрѣть «на артистовъ». Маскированные, старательно вытерши о половикъ ноги, пестрой гурьбой ввалились въ залу...

Тутъ, въ сопровожденіи своего неизмѣннаго вожатая, ходилъ на четверенькахъ медвѣдь, одѣтый въ бараній полушубокъ, вывороченный наизнанку; тутъ прыгала, по обыкновенію, наша классическая коза, головою для которой служила пряслица; тутъ была и цыганка въ ярко красномъ платкѣ черезъ плечо, и съ чудовищнымъ брюхомъ старикъ съ длинною льняною бородой; былъ цыганъ съ настоящимъ арапникомъ въ рукахъ и затѣмъ еще нѣсколько совершенно безличныхъ и неопредѣленныхъ масокъ. И все это толклось, топало, шумѣло и визжало, впрочемъ, довольно умѣренно, какъ и подобало въ присутствіи господъ. Медвѣдь хрюкалъ по свинячьи и довольно вѣрно показывалъ: какъ красныя дѣвушки въ зеркальце смотрятся, какъ старыя старушки Богу молятся, или какъ бабы на барщину ходятъ и какъ съ барщины домой возвращаются. Послѣднія два представленія особенно понравились Василію Петровичу, и онъ много смѣялся съ гостями надъ этимъ медвѣдемъ въ овечьей шкурѣ. Коза плясала передъ медвѣдемъ безъ устали и повизгивала. Старикъ что-то бормоталъ себѣ подъ носъ, помахивалъ своею клюкой и поминутно сталкивался съ чрезвычайно высокой и неповоротливой дѣвицей въ кринолинѣ, которая, приплясывая трепака, страшно громыхала подошвами своихъ сапожищъ, подбитыхъ гвоздями. Цыганъ похлопывалъ арапникомъ... Кто-то не очень громко наигрывалъ на гармоніи. Господа изволили милостиво смѣяться... Особенно бойка и рѣчиста оказалась цыганка. Смѣло и развязно подходила она къ господамъ и скороговоркой, на цыганскій ладъ, приговаривала: «Ай, баринъ хорошій, баринъ красавецъ! Дай-ка денегъ мнѣ на ручку, положи-ка денегъ кучку, — всю правду скажу! Все, что было, я узнаю; все, что будетъ, разгадаю — всю правду скажу!» Голосъ не оставлялъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что цыганка — настоящая женщина. Ея брови были подведены уголькомъ. Ея натуральные черные волосы были сбиты на лобъ и довольно кокетливо повязаны желтымъ платкомъ. Пунцовая шаль была перекинута черезъ плечо, поверхъ сарафана; на шеѣ болтались большія красныя бусы...

Когда медвѣдь съ низкими поклонами и съ глухимъ рычаньемъ сталъ уже пятиться къ двери въ сопровожденіи всѣхъ ряженыхъ, а гости собирались возвратиться къ карточнымъ столамъ, цыганка вдругъ остановилась въ дверяхъ, съ видомъ пророчицы подняла руку и, отмахнувъ свою красную шаль, обратилась къ ряженымъ:

— А всѣмъ вамъ, православные христіане, скоро будетъ воля вольная!..

Крикнула и опрометью бросилась въ переднюю, гдѣ ряженые столпились въ дверяхъ, толкая другъ друга... Василій Петровичъ былъ сильно ошеломленъ. «Воля» до сего времени было словомъ запрещеннымъ...

— Это кто? Остановить ее! Воротить! — крикнулъ баринъ, торопливо направившись къ передней.

Гости, перешептываясь между собой, удалились въ гостиную.

— Вотъ до чего мы дожили! — повторяла Юлія Вячеславовна, охая на всѣ лады.

Но смущеніе еще болѣе увеличилось, когда оказалось, что дерзкая цыганка исчезла безслѣдно, словно сквозь землю провалилась. Безъ всякаго успѣха допрашивали ряженыхъ: кто былъ одѣтъ цыганкой. Всѣ отзывались полнѣйшимъ невѣдѣніемъ и утверждали, что цыганка «пристала къ нимъ дорогой, случайно». Никто также не видалъ: куда она дѣвалась...

На другой день староста указалъ барину на одну молодую дворовую женщину, съ которою онъ уже давно жилъ не въ ладахъ. Староста увѣрялъ, что она—цыганка-то и есть. Та отнѣкивалась... Зоринъ былъ взбѣшенъ—тѣмъ болѣе, что такой казусъ случился у него въ домѣ при гостяхъ, — и приказалъ наказать бабенку. Дворовые, впрочемъ, съ увѣренностью поговаривали, что бабу выстегали зря. Настоящую же цыганку выдать имъ, видно, не хотѣлось... Какъ бы то ни было, слухъ о дерзкомъ предсказаніи цыганки разошелся по околотку...

Осенью того же 1860 года, поднялись еще болѣе горячіе толки о приближающихся смутахъ—по поводу того, что въ одной барской усадьбѣ, въ 12 верстахъ отъ Висящева, дворовый парень въ заговорѣ съ горничною дѣвушкой сожгли ночью господскій домъ. Домъ былъ большой двухъэтажный, съ мезониномъ. Ночь была бурная. Домъ сгорѣлъ до-тла; едва сами господа успѣли выскочить на дворъ. Багровое, кровавое зарево всю ночь пылало на черномъ ночномъ небѣ, заставляя не на шутку задумываться въ барскихъ усадьбахъ. Объ этомъ событіи разсказывали ужасающія подробности. Говорили, что въ верхній—нежилой этажъ дома съ вечера были наношены цѣлыя охапки соломы, чтобы шибче разгорѣлось, что у пороговъ дверей въ полу были натыканы гвозди и ножи остріями вверхъ, въ томъ разсчетѣ, что могли найтись желающіе спасать господское имущество. Никакихъ металлическихъ слитковъ на мѣстѣ пожарища не нашли, хотя въ старомъ помѣщичьемъ домѣ имущество собиралось не годъ — не два, но копилось нѣсколькими поколѣніями, и много было въ немъ мѣдной посуды, золотыхъ и серебряныхъ вещей, и тяжелыхъ окладовъ съ иконъ. Говорили, что мостки на рѣкѣ въ ту ночь оказались изломанными, — такъ что съ противоположной стороны никто не могъ попасть на помощь. Лодка также неизвѣстно чьими-то руками была отвязана отъ берега и пущена внизъ по теченію... Съ различными чувствами, смотря по темпераменту, узнали окрестные помѣщики о причинахъ пожара въ сельцѣ Моловѣ. Одни вознегодовали, другіе струсили, а третьи съ злорадствомъ трубили о томъ, что «начинается», молъ, что, впрочемъ, «это еще—цвѣточки, а ягодки-то впереди» и т. д.

Василій Петровичъ — должно правду сказать — заодно съ большинствомъ въ душѣ струсилъ, а вслухъ громко негодовалъ... Но смотря на всѣ эти зловѣщія знаменія времени, Зоринъ и К° никакъ не хотѣли вѣрить, что крестьянская реформа у нихъ уже на носу. Они все думали, что «авось, пронесетъ»... Поэтому-то февральскій манифестъ, не смотря на предшествовавшія ему подготовительныя работы въ коммиссіяхъ, стукнулъ нашихъ господъ, какъ обухомъ по лбу. Въ двадцатыхъ числахъ февраля, когда газеты еще не успѣли принести роковой вѣсти, къ Зоринымъ на перепутьѣ завернулъ одинъ изъ сосѣдей, старикъ Ухановъ, возвращавшійся изъ города домой. Съ траурной физіономіей вошелъ почтенный старичекъ въ комнату и, еще не поздоровавшись съ хозяевами и чрезвычайно высоко приподнявъ свои густыя, сѣдыя брови, съ волненіемъ прошамкалъ:

— Слышали?..

— Что такое?

— Объявлено...

— Что «объявлено»?..—сурово спросилъ своего гостя Василій Петровичъ, не поднимаясь съ кресла и протягивая ему руку.

При взглядѣ на вытянувшееся лицо любезнаго сосѣда, онъ уже угадалъ горькую истину и чувствовалъ, какъ сердце его тревожно забилось. Все объяснилось скоро... Ухановъ бросилъ на столикъ передъ Василіемъ Петровичемъ только-что полученное имъ въ то утро письмо изъ Петербурга, отъ сына, увѣдомлявшаго его о событіи 19 февраля.

— Во время заварили кашу! Нечего сказать...—захрипѣлъ Василій Петровичъ, отталкивая отъ себя такъ порывисто свой любимый большой фарфоровый стаканъ, что тотъ полетѣлъ со стола и разбился въ дребезги.

— Ужо, ужо! Подождемъ... — шамкалъ Ухановъ, ходя по комнатѣ и съ озабоченнымъ видомъ потирая руки.

Онъ спѣшилъ со своею новостью въ другую усадьбу. Бѣдный старикашка! Его чрезвычайно занимало, что онъ могъ теперь по всѣмъ знакомымъ развозить это потрясающее извѣстіе, могъ вездѣ производить своего рода эффектъ...

Это роковое извѣстіе заставило Василія Петровича нѣсколько времени похандрить и позлиться, но недолго: онъ еще и сапоговъ не износилъ, а его беззаботный и далеко не жолчный характеръ сталъ уже брать свое. Онъ не могъ долго злиться, ибо, надо правду сказать, онъ не былъ человѣкомъ жестокимъ, одержимымъ желаніемъ глумиться надъ подвластными ему людьми. Его собственно поражалъ фактъ болѣе съ внѣшней стороны: какъ же это такъ — «отнимутъ крестьянъ, выпустятъ людей на волю!» Значитъ, Васька-поваръ, кучеръ и вообще всѣ дворовые могутъ разойтись, не спросясь? Значитъ, не смѣй никому дать и въ морду? А вѣдь онъ выросъ и сжился съ тою мыслью, что всѣ эти люди—«его собственность». Не разъ приходилось ему слыхать, какъ мужики и бабы говорили еще его отцу: «Воля ваша! Мы, батюшка, ваши»... и т. п. Не такъ-то легко

отдѣлались нѣкоторые изъ сосѣдей Зорина. Невыщагинъ, напримѣръ, рѣшительно не могъ вынести «этой перемѣны» и умеръ скоропостижно отъ апоплексическаго удара. Это былъ варваръ, какихъ немного водилось даже въ крѣпостныя времена, и достоинъ былъ занять въ лѣтописяхъ позорное мѣсто наряду съ знаменитой Салтычихой и подобными ей извергами...

Время шло. Помѣщики, пережившіе благополучно первыя 5—6 лѣтъ, послѣдовавшихъ за «волей», увидали, что въ дѣйствительности чортъ былъ вовсе не такъ страшенъ, какъ его малевали... Мировой посредникъ, а впослѣдствіи—непремѣнный членъ присутствія по крестьянскимъ дѣламъ, мировые судьи, исправникъ были свои люди, вслѣдствіе чего Василій Петровичъ дѣла свои устроилъ отлично. Онъ съумѣлъ нарѣзать крестьянамъ надѣлы такимъ образомъ, чтобы не обидѣть себя. И въ итогѣ оказалось, что для крестьянскаго скота совсѣмъ не было выхода; крестьяне принуждены были, помимо оффиціальной сдѣлки, вступать съ нимъ еще въ частные переговоры... Затѣмъ Василій Петровичъ увидалъ, что если ему самому нельзя подвергать крестьянъ тѣлесному наказанію, такъ зато черезъ другихъ—черезъ волостнаго старшину, напримѣръ, — можно произвести экзекуцію съ неменьшимъ успѣхомъ, чѣмъ, бывало, у себя на конюшнѣ. А съѣздить кулакомъ въ зубы или по шеѣ можно и теперь безнаказанно—также, какъ и «до воли»,— въ чемъ Василій Петровичъ уже убѣдился собственнымъ опытомъ. Наконецъ, онъ отдалъ крестьянъ на выкупъ, «въ казну», и остался совершенно доволенъ.

Иные изъ его сосѣдей жаловались на новые порядки, на неудобство и дороговизну вольнонаемнаго труда и т. д. Но всѣ эти печали и волненія вовсе не касались Василія Петровича. Если ужъ «до воли» онъ мало вникалъ въ хозяйство и занимался лишь охотой да своей трубкой, предоставивъ всѣ сельско-хозяйственныя хлопоты старостѣ Алексѣю, то послѣ «воли» и подавно, конечно, онъ не хотѣлъ возиться съ этой, по его мнѣнію, скучной матеріей. Сосѣди его зашли въ какой-то лабиринтъ и, какъ говорится, ни тпру—ни ну! Рабочій сталъ дорогъ, лѣнивъ, непослушенъ, грубъ; онъ только портитъ и воруетъ хозяйское добро. Купцы сбиваютъ цѣны на хлѣбъ, мутятъ крестьянъ. «Хоть бросай все, да бѣги вонъ, куда глаза глядятъ...» вопили несчастные агрономы. А Зоринъ сидитъ себѣ спокойно въ своемъ Висящевѣ—и ничего!.. Сначала онъ отдалъ землю въ аренду какому-то отставному майору-аферисту и поселилъ его у себя во флигелѣ, (въ которомъ, въ описываемую пору были приготовлены комнаты для Верюгина). Послѣ того онъ отдалъ землю крестьянамъ изъ-полу, но арендаторъ до того испортилъ почву, что половники получили немного на свой пай и на слѣдующій годъ отказались отъ земли. Зоринъ нанялъ управляющаго... Такимъ образомъ, ничѣмъ не отрываемый отъ своихъ любимыхъ занятій, онъ могъ охотиться ежедневно,—только бы дичи Богъ далъ,—и могъ безъ устали и безъ помѣхи сосать свою трубку. Но нельзя сказать, чтобы такая система хозяйства, какая существовала въ Висящевѣ, была выгодна. Выкупныя свидѣтельства проживались довольно скоро, а доходовъ съ усадьбы было очень мало. Впрочемъ, въ утѣшеніе себѣ Василій Петровичъ могъ всегда сказать, что не въ лучшемъ положеніи находились и тѣ изъ его сосѣдей, которые не сидѣли, подобно ему, сложа руки, но выбивались изъ силъ, приноровляясь къ новымъ порядкамъ. Большинство изъ нихъ также въ концѣ концовъ съѣхало на нуль. Разница между Зоринымъ и ими заключалась лишь въ томъ, что первый плылъ по теченію, не шевеля пальцемъ, а тѣ совершенно напрасно барахтались и шумѣли...

Въ началѣ семидесятыхъ годовъ, Василій Петровичъ замѣтилъ, что нѣкоторые изъ крестьянъ — прежніе старосты, старшины, лавочники, кабатчики—стали наживаться, богатѣть, превращаться въ купцовъ. Около того же времени, ни вѣсть откуда взялись въ мирной помѣщичьей сторонѣ пришлые пройдохи-кулаки. Они явились уже съ готовыми тысячами въ карманѣ. Эти пришлые и мѣстные длиннополые люди, съ мужицкими ухватками и «безъ всякаго воспитанія», начали во множествѣ заводить лавочки, кабаки, скупать земли у помѣщиковъ, у крестьянъ, у кого попало. Они начали строить въ степяхъ хутора; земля на громадныхъ пространствахъ вокругъ хуторовъ распахивалась, засѣвалась хлѣбомъ. Провели чугунку... «Новые господа» возликовали и сдѣлались еще энергичнѣе.

— И откуда вдругъ эта мошка набилась! —говорилъ Василій Петровичъ, не безъ презрѣнія вспоминая смѣшныя манеры и ухватки

этихъ грубыхъ неотесанныхъ людей въ смазныхъ сапогахъ.

Мошка забирала силу и значеніе, а онъ, столбовой дворянинъ, и не предчувствовалъ, что эта мошка скоро уже взвалитъ свой кошель съ деньгами на обломки его фамильнаго герба... Впрочемъ, Василій Петровичъ вынужденъ былъ затаить свое презрѣніе къ этимъ непрошеннымъ гостямъ и даже вовсе отбросить его, какъ не идущее къ дѣлу и совсѣмъ не современное. Обстоятельства принудили его вступать даже въ сношенія съ нѣкоторыми изъ «этихъ людей». Онъ продавалъ имъ по клочкамъ свои земли, бралъ у нихъ денегъ въ долгъ подъ хлѣбъ и не разъ уже пользовался ихъ услугами по части маклачества. Деньги за проданную землю исчезали, доходы съ каждымъ годомъ уменьшались. Наконецъ, Висящево было заложено со всѣми угодьями въ мѣстномъ поземельномъ банкѣ за 12 тысячъ рублей, и этими-то денежками жили пока Зорины, уплачивая лишь проценты, да и то не всегда аккуратно. Не смотря на всю свою беззаботность, Василій Петровичъ иногда призадумывался, глядя на будущее. Невеселая перспектива являлась ему... Того и гляди, его послѣднее достояніе, его родовое Висящево уйдетъ съ молотка, и Василій Петровичъ со своей семьей останется босъ и нагъ. Рѣдко находили на него такія минуты раздумья, а все же-таки находили... и сколько, бывало, онъ ни курилъ, ни дымилъ, но никакъ не могъ избавиться отъ черныхъ думъ. Правда, находилось у него и утѣшеніе. Еще вскорѣ послѣ февральскаго погрома, Василій Петровичъ слыхалъ, какъ сосѣди его поговаривали о томъ, что «авось, все перемелется—мука будетъ», что никакъ не можетъ того быть, чтобы дворянство лишилось всего своего значенія и вліянія, что временныя замѣшательства пройдутъ и т. д. Газета «Звонъ», которую онъ выписывалъ одно время, поддерживала его въ этихъ убѣжденіяхъ. Чѣмъ далѣе шло время, тѣмъ Василій Петровичъ все горячѣе, все настойчивѣе начиналъ вѣрить въ то, что попятное движеніе «для насъ» необходимо, что необходима другая крестьянская реформа... Что это такое было? Пустая-ли мечта, или дѣйствительная надежда, основанная на какихъ-нибудь фактахъ, на какихъ-нибудь недомолвкахъ и намекахъ? Сначала это вѣрованіе было пустой мечтой, придуманной праздными умами въ утѣшеніе себѣ, но съ теченіемъ времени эта мечта получила какъ бы подтвержденіе, — и людямъ, дѣйствительно, могло показаться, что «если такъ пойдетъ и дальше, то, пожалуй, чего добраго»... Сама текущая жизнь увѣряла и обнадеживала Зорина въ томъ пріятномъ предположеніи, что его мечта можетъ осуществиться на дѣлѣ. Шли слухи о различныхъ проэктахъ, въ томъ числѣ о проэктѣ «всесословной волости»... Василій Петровичъ и его сосѣди встрѣчали эти слухи, какъ зарю новыхъ, лучшихъ временъ, когда дворяне опять будутъ призваны къ дѣятельности въ качествѣ «столповъ» и «руководителей». А пока, въ ожиданіи того блаженнаго времени, когда сдѣлаютъ его «руководителемъ», Василій Петровичъ проживалъ послѣдніе гроши и безъ устали сосалъ свой черешневый чубукъ.

Хозяина, въ строгомъ смыслѣ слова, въ Висящевѣ не было, ибо Юлія Вячеславовна, по своей бездѣятельности и вѣчной безпечности, какъ нельзя болѣе гармонировала со своимъ благовѣрнымъ. «Юлія Вячеславовна совсѣмъ распустилась!» говаривали про нее сосѣди. И правду говорили: она распустилась и физически, и нравственно. Она много спитъ, много ѣстъ—и преимущественно все жирное; ходитъ она почти постоянно въ блузѣ: надѣть платье ей уже въ тягость и въ великое стѣсненіе. Домашнимъ обиходомъ она вовсе не занимается, предоставивъ все на произволъ судьбы, да стараго Ивана Степановича. Лѣтомъ она варитъ варенье, а затѣмъ, во всѣ времена года, уже въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ сряду, вяжетъ тамбуромъ какую-то фантастическую салфетку. На дѣтей она не обращаетъ много вниманія, какъ вообще не обращаетъ много вниманія ни на что на свѣтѣ, кромѣ своихъ личныхъ удобствъ. Воспитаніе, по ея мнѣнію, главнымъ образомъ должно было состоять въ томъ, чтобы научить дѣтей, «какъ должно держаться»... «Умѣнье держаться» было для Юліи Вячеславовны альфой и омегой всей педагогики. «Манеры, — вотъ что главное!..» Смотря съ такой точки зрѣнія на дѣло, она и учила дѣтей при ходьбѣ ступать носками врознь, не держаться за мебель, не фыркать, учила ѣсть съ ложки такимъ образомъ, чтобы не вывертывать локоть кверху, учила кланяться, дѣлать реверансъ и т. д. Она также строго наблюдала за тѣмъ, чтобы на дѣтяхъ все было надѣто, какъ слѣдуетъ, прилично, въ порядкѣ, чтобы нигдѣ не болтались тесемочки, пелеринки не сбива-

лись бы на сторону, волосы были бы причесаны гладко... Въ послѣднее время, однако, Юлія Вячеславовна въ этомъ отношеніи стала дѣлать уступки и на многое—по лѣни—смотрѣла сквозь пальцы. Нынѣ случалось, напримѣръ, что Володя по утрамъ выбѣгалъ въ столовую въ одномъ нижнемъ бѣльѣ, и мамаша, скорчивъ кислую гримасу, ограничивалась лишь тѣмъ, что говорила ему:

— Владиміръ Васильичъ! Извольте сейчасъ же одѣться...

Между тѣмъ, въ былыя времена ему досталась бы сильная головомойка за подобную вольность, да и едва-ли онъ осмѣлился бы тогда явиться передъ мамашей безъ пояса, а не только что безъ штановъ...

Впрочемъ, для дѣтей Юлія Вячеславовна прежде нанимала гувернантокъ ради научныхъ предметовъ, то-есть, собственно ради французскаго языка. Одна гувернантка-старушка жила у нихъ долго и отказалась отъ занятій лишь по болѣзни. Къ сожалѣнію, эта очень добродушная особа сама ничего не смыслила въ научныхъ предметахъ и поэтому никакими серьезными знаніями не могла обогатить дѣтскія головы. Прочіе же гувернантки (счетомъ три) были дѣвушки, кое-что знавшія, но долѣе полугода онѣ не оставалась въ Висящевѣ. Дѣло въ томъ, что Василій Петровичъ былъ съ ними слишкомъ предупредителенъ и любезенъ, а хозяйка дома, напротивъ, обращалась съ ними черезчуръ нелюбезно. Пребываніе каждой молодой гувернантки въ Висящевѣ оканчивалось скандаломъ... Юлія Вячеславовна не разъ горько упрекала своего супруга въ невѣрности.

—Хоть бы стѣнъ-то вы постыдились!—патетическимъ тономъ восклицала она.—Вѣдь у васъ дочери взрослыя... Вѣдь вы ужъ, кажется, не молоденькій, чтобы гоняться за каждой юбкой... Какъ вамъ не совѣстно! До сѣдыхъ волосъ дожили... Вы хотите, видно, меня въ могилу свести? Этого вамъ нужно?..

Но подобныя патетическія сцены до серьезныхъ раздоровъ никогда не доводили и ограничивались лишь тѣмъ, что Василій Петровичъ, постукавъ дверьми, убирался на охоту въ какое-нибудь дальнее болото, а Юлія Вячеславовна, походивъ нѣсколько времени съ заплаканными глазами, понемногу успокоивалась. Затѣмъ, она прощала «Васеньку», мѣняла строгое «вы» на дружеское «ты», а супругъ великодушно предоставлялъ ей распоряжаться по ея усмотрѣнію...

Юлія Вячеславовна очень любила слушать и читать романическія исторіи, можетъ быть, потому, что съ нею самой никогда никакихъ романическихъ приключеній не случалось. Она была склонна къ мечтательности... Прежде предметомъ ея мечтаній была ея собственная особа; теперь же въ мечтахъ ея главную роль играли дочери... Сидя надъ книгою, надъ какимъ-нибудь пустѣйшимъ романомъ, углубляясь въ свое тамбурное вязанье или безъ всякаго дѣла полулежа на диванѣ, она любила погружаться въ мечтанія, которыя съ теченіемъ времени варьировались. Одно время, напримѣръ,—уже очень давно—часто она мечтала о томъ, что ея петербургская кузина, генеральша Лощинская, вдругъ найдетъ хорошее мѣсто для Василія Петровича, съ содержаніемъ, тысячъ шесть въ годъ, что они переѣдутъ на житье въ Петербургъ, а далѣе уже шли какіе-то блестящіе миражи, въ которыхъ даже и сама Юлія Вячеславовна не могла бы дать себѣ разумнаго отчета. Впослѣдствіи, она сбавила—въ мечтахъ—это жалованье уже до трехъ тысячъ... Затѣмъ, она стала мечтать о томъ, какъ кузина возьметъ къ себѣ ея красавицу, Серафимушку, и пригласитъ ее, Юлію Вячеславовну, погостить къ себѣ. Она увидитъ «свѣтъ», поѣдетъ на балъ, въ оперу, можетъ быть, даже увидитъ августѣйшихъ особъ... Затѣмъ, она мечтала о томъ: какъ было бы хорошо, если бы Василію Петровичу удалось найти въ родномъ городѣ хорошенькое, прибыльное мѣстечко. Тогда она начала бы «вывозить» своихъ дочерей, и всѣ ахали бы, глядя на нихъ. Стали бы являться женихи, все прекрасные молодые люди, «воспитанные, съ хорошимъ состояніемъ»... Впрочемъ, всѣхъ мечтаній Юліи Вячеславовны скоро не перечислить. Въ настоящее же время, мечты ея все чаще и чаще витали въ кухонной сферѣ. Придумывать завтракъ, обѣдъ, заказывать кухаркѣ кушанья, смаковать ихъ и разсуждать о томъ: чего въ нихъ слишкомъ много и чего не достаетъ—стало для нея почти спеціальною задачей жизни.

Когда, года три тому назадъ, Сашенька стала заговаривать о томъ, что ей хотѣлось бы заняться хозяйствомъ, Юлія Вячеславовна вмѣстѣ съ мужемъ только смѣялась надъ «дѣвичьими бреднями». Сашенька не унывала, дѣлалась настойчивѣе. Родители, наконецъ, стали удостоивать ее своихъ возраженій. Отецъ упиралъ на то, что она ничего не смыслитъ и не сможетъ управляться съ работами. Мать

главнымъ образомъ настаивала на томъ, что «барышнѣ неприлично возиться съ мужиками»... Время шло; деньги проживались. Наконецъ, Василій Петровичъ сталъ принимать сторону дочери и въ одно прекрасное утро, отказавъ управляющему, который тоже стоилъ денегъ, передалъ веденіе хозяйства Сашенькѣ. Мамап не могла примириться съ такимъ положеніемъ дѣлъ. Она начала еще жалобнѣе вздыхать, еще слезливѣе стало выраженіе ея глазъ, и почасту она брюзжала на молодую хозяйку, хотя вовсе не брезгала брать у нея денегъ.

— Ну, дѣло ли—барышнѣ шляться по полямъ...—роптала она.—Для того-ли я ихъ воспитывала!.. Господи!

И она жалобно искала глазами образа...

Нельзя сказать, чтобы у Александры Васильевны дѣло шло плохо. Во всякомъ случаѣ, оно шло не хуже, чѣмъ при управляющемъ. Она уже давно прислушивалась, приглядывалась, выписывала книги по сельскому хозяйству... Это была дѣвушка дѣятельная, до нѣкоторой степени отщепенка среди степныхъ барышень, и слыла за нигилистку. Малороссійскій костюмъ она носила не по принципу, а просто потому, что онъ былъ удобенъ для нея, нравился ей, да—правду сказать—онъ и шелъ къ ея здоровому, румяному лицу...

Младшая дочь, Надя, еще пуще сокрушала мамашу. Надя сильно безпокоила и почти на каждомъ шагу раздражала ее самымъ чувствительнымъ образомъ, нанося удары ея чопорности и ея понятіямъ о приличіяхъ и благопристойности. Надя была страшно небрежна относительно своего костюма. Она вдругъ, никого не спросившись, никому не сказавши, остригла свои прекрасные черные волосы, которыми могла бы гордиться любая красавица. Надя не умѣла держать себя при гостяхъ: говорила рѣзко, иногда даже позволяла себѣ грубости, отворачивалась, напримѣръ, отъ непріятныхъ ей особъ или же вовсе не выходила изъ своей комнаты. Надя зналась съ «простымъ народомъ», бродила по деревнямъ къ своимъ знакомымъ, бѣгала по полямъ, и лѣтомъ, бывало, по цѣлымъ днямъ пропадала изъ дому.

— Ну, хорошо-ли это?—выговаривала ей мать.—Какая-же тебѣ компанія—мужичьё?.. Скажи, ножалуста... развѣ они ровня тебѣ? И что это за удовольствіе, я не понимаю... Ну, Сашенька, положимъ, дѣломъ занимается... А ты? Шляешься, какъ тѣнь... Не примешься ни за какое дѣло... Вотъ ужъ сколько времени договориться не могу, чтобы хоть прошивокъ навязала къ подушкамъ...

А Надя стоитъ, молчитъ, смотритъ въ окно, или же уйдетъ къ себѣ въ мезонинъ, не говоря ни слова, какъ бы находя не заслуживающею вниманія прочтенную ей нотацію, а мамаша такъ и останется, не солоно хлебавши.

— Это какой-то выродокъ! — съ досадой повторяла сотни разъ Юлія Вячеславовна, говоря о Надѣ.

Дѣйствительно, Надя была выродокъ.

— Она у насъ—ни въ мать, ни въ отца, ни въ проѣзжаго молодца!—съ громкимъ смѣхомъ говаривалъ Василій Петровичъ.

— Хоть бы при дѣтяхъ-то вы не говорили глупостей! — жалобно замѣчала Юлія Вячеславовна, перебивая его и закатывая глаза подъ лобъ.

Надя была высокая, худенькая, блѣдная дѣвушка. Ей весною минуло 16 лѣтъ, но она казалась моложе. Ея лицо было классически прекрасно. Ея лобъ, носъ—прямой и тонкій, —губы и вообще всѣ очертанія лица, казалось, были выточены рукою знаменитаго маэстро, а не вырублены топоромъ, съ плеча, какъ черты ея родителей. Ея большіе глаза—темные и глубокіе—смотрѣли задумчиво, пристально, серьезно. Ни въ средѣ знакомыхъ, ни въ своей семьѣ, она не считалась хорошенькой... То-ли дѣло—Серафима Васильевна! «Просто прелесть, картинка...» Надю находили слишкомъ блѣдною, болѣзненною дѣвушкой. Ея строгая красота не приходилась по вкусу степнякамъ. Даже румяной, толстенькой Сашей интересовались болѣе, нежели Надей. Но бывали минуты, когда холодная красота ея проникалась жизнью, свѣтомъ. Впрочемъ, родные до сихъ поръ еще не бывали свидѣтелями такого преображенія...

Зато Серафимушку всѣ носили на рукахъ. «Ахъ, она такъ мила, привѣтлива... У нея такія отличныя манеры. У нея — таланты, молодость, красота; взглянетъ—рублемъ подаритъ!»... Для Серафимочки была даже отведена въ мезонинѣ отдѣльная комната. А Сашенька съ Надей жили вмѣстѣ...

Хотя Юлія Вячеславовна и звала Надю—«выродкомъ», но, между тѣмъ, въ роднѣ ихъ была одна особа, на которую дѣвушка походила лицомъ, въ особенности глазами. Это—ея бабушка съ материнской стороны...

Бабушка, урожденная Лялева, была жен-

щина очень странная, съ большими причудами, но не всегда была она такою... Съ шифромъ кончила она курсъ въ Смольномъ монастырѣ. Въ 182* году, по случаю пріѣзда императора Александра I въ Т***, въ залѣ дворянскаго собранія давался балъ, и бабушка—въ то время еще молоденькая дѣвушка—съ отцомъ своимъ попала на балъ. Пройдя въ польскомъ съ женою городскаго головы, государь пожелалъ, чтобы ему были представлены дѣвицы, учившіяся въ Смольномъ монастырѣ. Въ залѣ на ту пору оказалось таковыхъ три. Первую изъ нихъ, m-elle Лялеву, государь ангажировалъ на танецъ и потомъ изволилъ любезно бесѣдовать съ нею. Кроткій, ласковый взглядъ и очаровательная улыбка императора Александра привели дѣвушку въ восторгъ. Весь вечеръ, вплоть до отъѣзда государя, эта степная барышня была на седьмомъ небѣ и, пріѣхавъ домой, вся сіяющая, разгорѣвшаяся, въ бальномъ платьѣ, она прямо бросилась на шею своей старой нянѣ и прошептала:

— Ахъ, няня! Я видѣла ангела...

Но и бабушка, повидимому, тогда была прелестна, насколько можно догадываться по ея портрету, на которомъ—по желанію отца—снята она художникомъ, совершенно въ томъ же видѣ, какъ была на памятномъ балу 18 января 182* года. Портретъ ея, въ овальной позолоченной рамкѣ, виситъ и по сіе время надъ диваномъ въ висящевской гостиной. Хотя портретъ потемнѣлъ, но все-таки еще можно различить на немъ молодую женщину въ бѣломъ платьѣ съ короткой таліей, съ алой розой на груди, и блѣдное — теперь пожелтѣвшее — лицо, съ высокою прической надо лбомъ. Темные волосы и большіе темные глаза рѣзко оттѣняли бѣлизну лица, а на щекахъ игралъ легкій румянецъ, словно отблескъ розы, приколотой къ ея корсажу. Эти-то самые темные глаза теперь снова ожили въ глазахъ внучки... Старички — ихъ, впрочемъ, осталось уже немного — и теперь еще вспоминаютъ, какъ была хороша покойная Лизавета Петровна.

Но судьба ей выдалась несчастливая... По разсчету, выдали ее замужъ за Махмутьева, не спрашивая ее и не справляясь: хочетъ-ли она замужъ и любъ-ли ей суженый. Махмутьевъ былъ псарь и картежникъ. Особенныхъ жестокостей, правда, молодая жена не видала отъ него, но все же тосковала и плакала цѣлыя ночи напролетъ, когда онъ бражничалъ со своими гостями, съ такимъ шумомъ, что по всему дому расходились стоны и гулъ, или же когда уѣзжалъ онъ къ сосѣдямъ и по недѣлямъ не заглядывалъ домой. Вотъ въ это-то время она и стала причудливою... Однажды ночью, когда она была беременна, мужъ сильно перепугалъ ее, ворвавшись къ ней съ бѣшеными ласками...

Она умерла рано... И смерть ея была такою же странною, какъ жизнь.

Разъ въ жаркій, томительный лѣтній день, она приказала горничнымъ разостлать въ саду коверъ въ тѣни густыхъ березъ, прилегла тамъ отдохнуть и заснула. Во время сна ея, изъ куста выползла змѣя и смертельно ужалила спавшую въ обнаженное плечо и въ горло. Пробудившись отъ боли, молодая женщина страшно вскрикнула и въ ужасѣ сбросила съ себя змѣю, но было уже поздно. Черезъ два дня, не дождавшись мужа, бывшаго въ отлучкѣ, несчастная умерла въ страшныхъ мученіяхъ...

Таковы фамильныя преданія, сохранившіяся въ Висящевѣ о бабушкѣ Лизаветѣ Петровнѣ Махмутьевой...

Василій Петровичъ, указывая на ея портретъ, не однажды съ гордостью, съ веселымъ, самодовольнымъ смѣхомъ, замѣчалъ своимъ знакомымъ:

— Да-съ! Съ государемъ танцовала...

III.

Занавѣсъ приподнимается.

На слѣдующій день поутру Верюгинъ, по привычкѣ, проснулся рано и присѣлъ къ окну, выходившему въ рощу. Утро было тихое и ясное. Липы стояли, не шелохнувшись. Прохладой и свѣжестью вѣяло изъ рощи... Наскоро одѣвшись, онъ вышелъ изъ флигеля и отправился къ рѣкѣ.

Въ барскомъ домѣ все еще спало; двери были заперты. Въ мезонинѣ было открыто окно,—такъ оно, видно, оставалось всю ночь. Только на кухонномъ крыльцѣ Матюшка чистилъ самоваръ.

Верюгинъ отыскалъ въ рѣкѣ глубокое мѣстечко и славно выкупался. Ночные туманы уже исчезли, и солнце сильно припекало, суля жаркій день. Верюгинъ оглянулся на садъ. Деревья его нависли надъ самою береговою кручью; заборъ, поломанный мѣстами, окружалъ садъ. Ступени, выбитыя въ землѣ, ве-

ли съ рѣки прямо въ него. Верюгинъ легко взбѣжалъ по нимъ и, растворивъ ветхую калитку, очутился въ саду. Деревья стояли неподвижно и вершины ихъ золотились въ солнечныхъ лучахъ, между тѣмъ какъ внизу еще стояли тѣнь и прохлада. На травѣ и на кустахъ блестѣли капли росы. Въ воздухѣ сильно пахло цвѣтами—левкоемъ, гвоздикой, горошкомъ... Садъ былъ не очнь большой, не чета Марѳинскому, но тоже старинный и тоже почти въ запущеньи. Деревья то шли аллеями, то толпились въ кучку, то разбрасывались въ видѣ какого-то безпорядочнаго лабиринта. Побродивъ по саду, Ѳеофанъ Михайловичъ вышелъ на террасу, разстилавшуюся передъ домомъ и занятую отчасти цвѣтникомъ. Домъ оказывался довольно большимъ, старымъ, посѣрѣвшимъ. Онъ собственно состоялъ изъ трехъ строеній: главный (средній) корпусъ представлялъ собою домъ съ мезониномъ; отъ него вправо и влѣво находились два флигеля, соединявшіеся съ нимъ галлереями. Въ одномъ флигелѣ помѣщались кухня, кладовая и т. под., а въ другомъ была домашняя церковь, и ея маленькій жестяной куполъ и крестъ теперь ярко горѣли на солнцѣ. Въ галлереѣ, ведшей въ церковь, была стеклянная дверь въ садъ. Осторожно пріотворивъ дверь, чтобы какъ-нибудь не разрушить ея, Верюгинъ вступилъ въ галлерею. Тутъ, очевидно, нѣкогда зимній садъ увеселялъ барскіе взоры во время зимней стужи и зимнихъ мятелей, но теперь онъ уже заброшенъ, деревья погибли—и вмѣсто нихъ стояли коекакіе большіе цвѣты въ кадкахъ да пустые горшки изъ-подъ цвѣтовъ, валялись поддонки, какіе-то колышки, а по угламъ и вдоль стѣнъ—соръ и паутина. Верюгинъ заглянулъ и въ церковь. Здѣсь все чистенько, прибрано; сумракъ и тѣнь, запахъ нежилаго зданія... Слазилъ Верюгинъ и на маленькую колокольню, причемъ случайно спугнулъ голубей, пріютившихся подъ карнизомъ крыши.

Возвратившись во флигель, онъ узналъ, что рабочихъ для ношенія цѣпи не успѣли еще откомандировать ему. Поэтому день у него выдался праздничный, прогульный, и онъ рѣшился посвятить его на писанье и отправку писемъ въ Петербургъ и во многія другія мѣста россійской имперіи. Чай, по его просьбѣ, принесли ему во флигель. Наконецъ, подписавъ послѣднее посланье, онъ отправился въ домъ. Былъ уже первый часъ...

— Не хотите-ли чаю или кофе?

Такимъ восклицаніемъ встрѣтилъ его Василій Петровичъ.

— А это—сосѣдъ нашъ, Фроловъ!—отрекомендовалъ онъ Верюгину сидѣвшаго у него на ту пору гостя.

Тотъ привсталъ, какъ-то неумѣло сунулъ пришедшему свою руку, крякнулъ и, проведя ладонью по волосамъ, грузно опустился опять на кресло.

Въ прежнія времена, такого гостя Зоринъ не посадилъ бы съ собой, а приказалъ бы, если ужъ была милость, напоить его чаемъ гдѣ-нибудь въ людской или въ дѣвичьей. Это былъ богатый кулакъ, съ которымъ Василій Петровичъ состоялъ въ короткихъ сношеніяхъ и даже въ прошломъ году крестилъ у него сына. Фроловъ, при покупкѣ земли у Василія Петровича, далъ ему впередъ денегъ до совершенія купчей, затѣмъ посредничалъ,—конечно, съ выгодой для себя,—между нимъ и покупателями насчетъ запродажи хлѣба, и оказалъ барину нѣсколько другихъ, тому подобныхъ, услугъ. Фроловъ—мужчина лѣтъ 50, массивный, съ красными ручищами, съ лицомъ круглымъ и полнымъ, готовымъ, казалось, лопнуть отъ жира, и съ туловищемъ, до того толстымъ и неуклюжимъ, что оно было одинаковой ширины, какъ въ бокахъ, такъ и въ таліи. Широкоплечій, толстопузый, неповоротливый, съ двойнымъ подбородкомъ и съ безобразно толстымъ затылкомъ,—онъ производилъ впечатлѣніе быка, одѣтаго въ людское платье и нѣсколько приноровленнаго къ образу человѣческому. Только маленькіе, лукавые смѣющіеся глазки разрушали иллюзію, убѣждая васъ въ томъ, что передъ вами былъ не глупый, переодѣтый быкъ, но дѣйствительный человѣкъ... На Фроловѣ былъ потертый длинный сюртукъ, глухой жилетъ съ какимъ-то радужнымъ отливомъ и рыжеватые штаны, заправленные въ сапожища. Сидѣлъ онъ, упершись руками въ колѣни... Кресло слегка потрескивало подъ тяжестью этого бычачьяго тѣла, но не разваливалось, вѣроятно, лишь единственно потому, что было чрезвычайно прочнаго, стариннаго издѣлія.

— Одолжите мнѣ лошадь, Василій Петровичъ!—сказалъ Верюгинъ, отказавшись отъ чая и отъ кофе и присаживаясь на кушетку.—Хочу ужо съѣздить на вокзалъ...

— На вокзалъ! А что такое? Зачѣмъ?—спросилъ хозяинъ.

По степнымъ понятіямъ, изъ празднаго

*

любопытства полагалось спрашивать: куда? зачѣмъ? для чего? и т. д., и подобные разспросы не считались нескромностью,—они срывались съ языка такъ, «спроста».

— Письма надо отвезти...—отозвался Верюгинъ.

— А-а! Извольте, извольте! — перебилъ Василій Петровичъ.—Рыжій въ полномъ вашемъ распоряженіи... Вы кучеру такъ и скажите: «Рыжаго»... А то, если хотите, можно работника съ письмами послать? Сами хотите? Ну, что жъ? Прокатитесь... Кстати, куманекъ! Торгуй иноходца-то...—обратился Зоринъ къ кулаку.—Вотъ и сталъ бы на немъ поля-то объѣзжать! А бѣжитъ - то какъ! 60 верстъ безъ передышки, не кормя... Да что говорить,—самъ знаешь...

— Куда намъ иноходца! Мы и на простыхъ поѣздимъ... — отнѣкивался кулакъ, усмѣхаясь и ворочаясь въ креслѣ.

— Вѣдь дешево уступлю, право!—настаивалъ хозяинъ.

— Куда тутъ—иноходцы!.. Что пустое говорить...

Тутъ выплыла Юлія Вячеславовна и любезно поздоровалась съ Верюгинымъ, (съ Фроловымъ она уже видѣлась). За нею показалась Серафимушка. Она только что изволила «сойти» сверху, то-есть, только-что одѣлась. Кивнувъ головой Фролову, который вытянулся, было, передъ нею чуть-ли не въ надеждѣ потрясти ее за руку, Серафимушка поцѣловала отца, мать и граціозно пожала Верюгину руку, едва прикоснувшись къ ней пальчиками.

— Не хотите-ли посмотрѣть нашъ садъ?—обратилась она къ нему.

— Я уже, признаться, познакомился съ нимъ слегка, но съ удовольствіемъ еще пройдусь!—сказалъ тотъ, слѣдуя за ней на балконъ.

Величаво поднявъ свою красивую головку и шурша длиннымъ платьемъ, дѣвушка спускалась съ лѣстницы въ садъ, словно королева, снизошедшая до того, что хотѣла показать простому смертному свои сокровища и цвѣтъ своихъ владѣній. Верюгинъ пріостановился на минуту подтянуть у сапога ремень и тоже сталъ спускаться въ садъ.

— Садъ у насъ заброшенъ... — томно и вяло говорила красавица, идя по аллеѣ въ глубь сада.—Нынѣ такъ трудно найти порядочнаго, знающаго садовника. Одинъ ничего не смыслитъ, другой—пьяница... Такая возня нынѣ съ людьми!

Все это были стереотипныя затверженныя фразы, которыя Серафима Васильевна слыхала уже не однажды и при случаѣ сама повторяла ихъ машинально... А садъ, не смотря на свое запущеніе, не смотря на свой дикій видъ, цвѣлъ, благоухалъ и былъ прелестенъ въ своей дикости.

— Мнѣ такіе сады нравятся. Они напоминаютъ лѣсъ...—промолвилъ Ѳеофанъ Михайловичъ, любуясь на могущество растительной силы, зеленою тѣнью обступавшей его со всѣхъ сторонъ въ видѣ сочной, высокой травы, густого переплетшагося кустарника и развѣсистыхъ столѣтнихъ деревъ.—Чѣмъ меньше къ саду приложено искусства, тѣмъ онъ для меня краше. Посмотрите, напримѣръ, какая тамъ чаща, какъ красиво береза опустила тамъ свои вѣтви... Вѣдь это —роскошь! А то вдругъ возьмутъ — выровняютъ деревья по ранжиру, какъ рядовыхъ, или подстригутъ, обезобразятъ... Жаль смотрѣть...

— Да... но непріятно, когда дорожки поростаютъ травой!—возразила дѣвушка.—Вечеромъ на нихъ бываетъ сыро отъ росы и ходить уже неудобно... Впрочемъ, въ такихъ сапогахъ, какъ ваши, ходить, конечно, можно... (Барышня при этомъ улыбнулась, мелькомъ взглянувъ на своего собесѣдника и на его длинные сапоги). Вы бывали въ Нескучномъ, въ Москвѣ? Вотъ это садъ... Прелесть!

Верюгинъ отвѣчалъ, что онъ бывалъ въ этомъ саду, что садъ недуренъ, но настоящій лѣсъ все-таки лучше... Вдругъ вѣтви липы надъ гуляющими съ шумомъ застукались другъ о друга, и пахучій липовый цвѣтъ дождемъ посыпался имъ на головы. Барышня крикнула и бросилась впередъ, а съ дерева въ ту же минуту послышался веселый, дѣтскій смѣхъ.

— Это Владиміръ изволитъ такъ отличаться? — строго замѣтила Серафима Васильевна, отряхая съ себя липовый цвѣтъ.

Дѣйствительно, это былъ Володя. Онъ, покачиваясь, сидѣлъ верхомъ на толстомъ липовомъ сучкѣ и показывалъ изъ-за зелени свое улыбающееся румяное личико.

— Ужасно избалованный ребенокъ!—проговорила барышня, и гуляющіе пошли дальше.

Изъ всей семьи только одинъ Володя, рѣшительно, не обращалъ вниманія на всеобщее поклоненіе Серафимушкѣ и позволялъ себѣ продѣлывать надъ нею такія же шутки, какія продѣлывалъ надъ прочими... А между

гуляющими той порой разговоръ зашелъ о театрѣ—объ idée fixe Серафимы Васильевны, хотя она старалась не показывать, что особенно увлекается сценой. Всякія увлеченія чѣмъ бы то ни было, по ея мнѣнію, были неприличны... Она «по своему» любила сценическое искусство и играла недурно. Она играла только въ любительскихъ спектакляхъ съ благотворительною цѣлью, но никогда не рѣшилась бы поступить на сцену въ качествѣ актрисы, получающей жалованье.

— Вы, конечно, видали Савину?—спросила она, между прочимъ, Верюгина.

Верюгинъ не видалъ ея.

— Какъ же это такъ? Вѣдь это ваша петербургская знаменитость...—почти съ укоромъ замѣтила ему барышня.—Въ прошлую зиму я видѣла ее въ «Завоеванномъ счастьи». Она была очень мила... Но, къ сожалѣнію, однообразна, постоянно повторяется. А все-таки она очень понравилась мнѣ... Ахъ, эта послѣдняя сцена въ 3-мъ актѣ... Какъ хороша она въ этой сценѣ!..

Возвращаясь домой, Верюгинъ посмотрѣлъ на красивую головку своей собесѣдницы и подумалъ: «Ну, здѣсь, кажется, только фруфру!..»

— Какъ вы нашли Фролку? — спросилъ Зоринъ, когда Верюгинъ вошелъ на балконъ.— Это нашъ Ротшильдъ... дѣльный, смышленый мужикъ, но скряга... у-у! Кремень!

За глаза баринъ величалъ своего кума Фролкой и никогда не называлъ купцомъ, а всегда—мужикомъ.

— Только онъ ужасно много чаю пьетъ! — замѣтила Юлія Вячеславовна.

— Я только удивляюсь, какъ этотъ человѣкъ не лопнетъ!—со смѣхомъ крикнулъ Василій Петровичъ.

— Кушать подано!—показываясь въ дверяхъ, доложилъ Иванъ Степановичъ.

— Сегодня, ma chère, у насъ щи?—съ величайшимъ интересомъ освѣдомился муженекъ.—А баранина съ кашей есть? Прекрасно! Ну, идемте!—обратился онъ къ гостю.— Отвѣдайте нашихъ деревенскихъ разносоловъ, что Богъ послалъ... А вся-ли команда въ сборѣ? Всѣ на лицо?..

Вся семья собралась къ столу.

— Надя! Здорова-ли ты? — спросилъ за обѣдомъ отецъ.

— Здорова!—отвѣтила дѣвушка, не поднимая на него глазъ.

Тутъ Верюгинъ могъ хорошенько разсмотрѣть свою «степную Діану», какъ назвалъ онъ младшую m-elle Зорину. Да, лицо гудоновской Діаны—лишь съ тою разницею, что это лицо еще очень молодое, почти дѣтское. Что она изображала собой, еще было неизвѣстно... За обѣдомъ эта барышня все молчала, между тѣмъ какъ сестры ея переговаривались между собой. Верюгинъ разспрашивалъ у Василія Петровича объ ихъ мѣстной аристократіи и поинтересовался узнать: что за особа ихъ губернскій предводитель дворянства.

— Іуда-предатель! — не обинуясь, отрѣзалъ Василій Петровичъ.

Верюгинъ съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на хозяина.

— Да, да!—подтвердилъ тотъ.—Вѣдь вы знаете: были два Іуды - предателя... Одинъ Іуда Христа предалъ, а другой—нашъ предводитель... насъ, дворянъ, предалъ! Вы не знали? Такъ я вамъ разскажу... Онъ, видите, былъ вызванъ въ Петербургъ, въ то время, какъ рѣчь шла о волѣ. Ну-съ, онъ и былъ тамъ заодно съ тѣми... съ поджигателями, стоялъ за свободу крестьянъ съ землею... А самъ за полтора года до того предложилъ крестьянамъ на волю выкупиться безъ земли. Тѣ съ дуру и выкупились — по 100 рублей за душу. О! Да это—такая бестія, такой выжига, какого еще свѣтъ не производилъ. Его долго и въ предводители не выбирали, въ загонѣ былъ... Такъ-то вотъ!.. Ораторовъ-то «тѣхъ» въ Сибирь поссылали, а онъ, вонъ, опять—предводителемъ! Да дворянство-то у насъ нынѣ...

Василій Петровичъ сдѣлалъ кислую гримасу и махнулъ рукой.

— Вонъ есть у меня племянничекъ, когда-нибудь встрѣтите его здѣсь, тоже—либералъ...—продолжалъ Зоринъ съ большимъ одушевленіемъ.—А чортъ-ли въ его либеральствѣ, прости Господи!.. Ну, да никто, какъ Богъ! Хотѣли сдѣлать лучше, а посмотрите— что вышло, что съ народомъ-то дѣлается... Разбой, нищета повальная! Вонъ у васъ, въ Петербургѣ, толкуютъ, что у крестьянина продаютъ послѣднюю скотину... Врутъ они! Послѣдняя-то скотина ужъ давно продана, а теперь и продавать-то стало нечего... Вы что смѣетесь? Вѣрно говорю...

Послѣ обѣда Верюгинъ сыгралъ съ хозяиномъ партію на бильярдѣ, а затѣмъ баринъ ушелъ отдыхать. Юлія Вячеславовна давно уже спала. Барышень было не видать. Верю-

гинъ, отъ нечего дѣлать, отправился въ поле. Тамъ жали рожь...

Жаръ едва начиналъ спадать. Вечерній вѣтерокъ вѣялъ по полю. Темно-голубое небо безъ единаго облачка раскидывалось надъ полями. Желтая колосистая рожь, едва колыхаясь, золотомъ отливала на солнцѣ. Жнецы и жницы, числомъ около 20, отважно подвигались въ это колосистое волнующееся море, врѣзываясь въ его золотистую глубь со своими блестящими серпами. Тамъ и сямъ, то и дѣло поднимались загорѣлыя руки, высоко взмахивавшія пучками срѣзанной ржи. Только порой какая-нибудь баба останавливалась на минуту, чтобы напиться или перевести духъ, да отереть рукавомъ рубахи катившійся съ лица потъ. Это, дѣйствительно, была такая пора, когда рабочіе—въ буквальномъ смыслѣ—потомъ своимъ кропили землю... На сжатыхъ полосахъ стояли уже суслоны подъ своими нахлобученными шапками, знаменуя собой приближающуюся осень съ ея туманами и непогодью. Надъ дальними суслонами—черными точками на ясномъ небѣ—съ глухимъ карканьемъ кружились вороны. Верюгинъ, медленно подвигаясь по колючему жнивью, вдругъ увидалъ рыжаго волкодава, Бюффона, —собаку младшей m-elle Зориной—и подумалъ про себя, что которая-нибудь изъ барышень, должно быть, тутъ неподалеку—и не ошибся.

За суслономъ, ближайшимъ къ Верюгину, на двухъ снопахъ, сложенныхъ комельемъ одинъ на другой, сидѣла Александра Васильевна. Съ нею рядомъ, спиною къ Верюгину, стояла Надя и, повидимому, съ жаромъ объяснялась о чемъ-то съ сестрой. До Верюгина долетѣли лишь послѣднія слова ихъ разговора.

— Какъ тебѣ, Саша, не совѣстно сидѣть тутъ весь день...—говорила Надя, вертя въ рукѣ какой-то прутикъ и похлопывая имъ по снопамъ.

— Ахъ, отстань, пожалуста, сдѣлай милость!—съ досадой проговорила сестра.—Ну, пойми же, наконецъ, что безъ присмотру никакъ нельзя... Какая ты странная, право!

— Не пойму я этого...—раздражительно перебила Надя.

— Ну, дура и есть!—вполголоса, въ тонъ сестрѣ промолвила Александра Васильевна.—Я же тебѣ толкомъ говорю: они работаютъ только до тѣхъ поръ, пока я здѣсь. Уйди я, они и ручки сложатъ...

— И пусть сложатъ! Ну и брось все, брось!.. —крикнула Надя, сильно жестикулируя.—Ты взгляни, какъ они устали... глаза кровью налились... Это—ужасно! вѣдь они насилу смотрятъ... А та баба, вонъ вправо, въ одной рубахѣ-то, недаромъ охаетъ...

Въ голосѣ дѣвушки слышались слезы и смѣхъ, смѣхъ истерическій, какъ у раздраженнаго ребенка. Тутъ Надя, обернувшись, увидала Верюгина и смолкла. Хотя она и старалась передъ нимъ показаться спокойною, но это ей не удалось. Верюгинъ уже замѣтилъ, какъ блеснули ея глаза, когда она посмотрѣла въ его сторону. Легкій румянецъ игралъ на ея щекахъ, словно на нихъ отражался румяный свѣтъ вечерняго неба. Она была безъ шляпки, и ея черные вьющіеся волосы порастрепались и пряди ихъ свѣсились на ея высокій бѣлый лобъ.

— Не помѣшалъ-ли я вамъ?—спросилъ ихъ Верюгинъ.

— Н-ѣ-ѣтъ!—протянула Сашенька, тоже стараясь прогнать со своего лица тѣнь досады и раздраженія.

— Бюффонъ, Бюффонъ!—крикнула Надя, уходя далѣе, и скоро скрылась за суслонами въ сіяющей вечерней дали.

— Жарко же сидѣть вамъ тутъ!—замѣтилъ Верюгинъ. — Да и зрѣлище-то, признаться, не особенно пріятное... хотя, говорятъ, нѣкоторые любятъ смотрѣть на эти работы...

— Непріятно, конечно! Да что жъ дѣлать... —тихо проговорила Александра Васильевна.

При этомъ Верюгина поразило то обстоятельство, что онъ невольно какъ будто продолжаетъ тотъ непріятный разговоръ, который вели сестры до его прихода.

— Что это вамъ вздумалось заниматься хозяйствомъ?—немного погодя, началъ онъ, усаживаясь на земь.

— А что же такое! Отчего же и не заняться имъ?—спросила его въ свою очередь дѣвушка, смотря на него вызывающимъ взглядомъ.

Легкая усмѣшка промелькнула по губамъ Верюгина. Александра Васильевна подмѣтила ее. Очевидно, она уже была раздражена, и поэтому теперь, при словахъ Верюгина, ей легко было вспыхнуть, какъ пороху отъ попавшей въ него искры.

— А по вашему—хорошія слова говорить лучше!—колко заговорила она. —Все это, право, ужъ наскучило намъ... Ну, что же прикажете мнѣ дѣлать? Пишутъ-пишутъ, совѣтуютъ, указываютъ, но все выходятъ какія-то общія

фразы, вяло и темно... Сказывали бы прямо, толкомъ: что надо дѣлать... А то каждый свое тянетъ!.. Ѣхать мнѣ въ Петербургъ, что-ли? толочься тамъ на одномъ мѣстѣ, болтать языкомъ, да участвовать въ какихъ-нибудь демонстраціяхъ? Все это слишкомъ мелко... Въ Петербургѣ и то безъ дѣла много народа толчется, только говорятъ, говорятъ... А что изъ того пользы! Такой нигилизмъ мнѣ, право, противенъ. И всѣ эти высшія стремленія, всѣ эти великія дѣла на малой подкладкѣ до того уже опошлились, что больше, кажется, и опошлиться нельзя... Какъ сказано у Некрасова: «по свѣту рыщутъ, дѣла себѣ исполинскаго ищутъ»... А сами, между тѣмъ, баклуши бьютъ въ ожиданіи «настоящаго дѣла», которое, будто, можетъ къ нимъ съ неба свалиться...Меня это всегда ужасно возмущаетъ... А я вотъ нашла себѣ дѣло; конечно, маленькое, не исполинское... Но развѣ мой трудъ не производителенъ? Чему же вы смѣетесь?..

— Мнѣ нравится, что вы такъ горячо защищаете свое дѣло и такъ славно бьете нигилизмъ и нигилистовъ... — отвѣтилъ Верюгинъ, весело улыбаясь.—Конечно, хозяйство—дѣло очень производительное, какъ вы вѣрно замѣтили. Добытый такимъ манеромъ хлѣбъ вы станете кушать, станете кормить своихъ семьянъ, будете продавать его... Но сами-то теперь вы что же дѣлаете?.. Барышничаете!

— Но вѣдь я тоже хлопочу, устаю... Я не сижу, сложа руки!—возразила дѣвушка.— Я даю работу людямъ, плачу имъ за трудъ...

— А кто больше устаетъ: вы или эти бабы?—спросилъ онъ, указывая на жницъ. — А кто больше получитъ за трудъ: вы или онѣ?

— Конечно... но странно...—смѣшалась на минуту Александра Васильевна.—Вѣдь земля — наша. Наши сохи... наши сѣмена для посѣва!

— Все это я хорошо знаю!— перебилъ ее Верюгинъ. — Но хлѣбъ, сударыня, все-таки производите не вы, а эти мужики и бабы...

Александра Васильевна промолчала. Очевидно, какъ дѣвушка неглупая, она не желала отстаивать свое положеніе во что бы то ни стало, не подумавши.

— Но согласитесь, что вѣдь и я тружусь не мало...— замѣтила она.—А вы, изъ-за своихъ прекрасныхъ теорій, изъ-за этихъ бабъ и мужиковъ, уже ровно ничего не видите...

— Да я съ вами не спорю... Вы тоже трудитесь по своему... Я даже думаю, что вы трудитесь вовсе не потому, что нуждаетесь въ деньгахъ, но болѣе для успокоенія совѣсти... (Верюгинъ на послѣднихъ фразахъ сдѣлалъ замѣтное удареніе и остановился). Однако мнѣ пора на вокзалъ... — сказалъ онъ, посмотрѣвъ на часы!

А Александра Васильевна осталась сидѣть на снопахъ, но она, казалось, болѣе углубилась въ свои думы, чѣмъ слѣдила за жнецами. Верюгинъ, разставшись съ нею, подумалъ: «Старая пѣсня! Что бы ни дѣлать, только бы дѣлать, быть занятой, не сидѣть, сложа руки, ѣсть «свой хлѣбъ»... Эти насмѣшки надъ исполинскимъ дѣломъ — нынѣ въ ходу. Понятно также и это смотрѣніе сверху внизъ, и это «смиреніе паче гордости»... Но онъ все-таки долженъ былъ признаться, что эта дѣвушка — не чета своей старшей сестрѣ — барышнѣ до мозга костей, что въ ней, можетъ быть, здоровая сердцевина. «Интересно узнать: какъ дошла она до своихъ агрономическихъ занятій. Надо будетъ потолковать съ нею посерьезнѣе»... Какъ бы то ни было, дѣвушка все же представлялась существомъ думающимъ, чувствующимъ и живущимъ вовсе не такъ, какъ жило все ее окружающее. Кто же, дѣйствительно, изъ ея близкихъ думаетъ о дѣлѣ, ищетъ себѣ дѣла, хочетъ жить своимъ трудомъ? Кто изъ нихъ злится на толченіе воды? Она думаетъ... Вотъ что важно.

Вечеромъ, возвратившись съ вокзала, онъ нашелъ домъ почти пустымъ. Василій Петровичъ уѣхалъ въ лѣсъ на вальдшнеповъ съ однимъ изъ своихъ дворовыхъ охотниковъ; Серафимушка пошла въ поле къ сестрѣ. Володя убѣжалъ съ ребятишками на рѣку, а Надя неизвѣстно гдѣ пропадала. Одна Юлія Вячеславовна оставалась дома, и когда Верюгинъ вошелъ въ гостиную, она очень обрадовалась гостю. Барыня пригласила его посидѣть на балконѣ и завладѣла имъ. Ѳеофанъ Михайловичъ, немного уставшій, сидѣлъ на ступеняхъ балкона, свѣсивъ голову къ колѣнямъ, и слушалъ ея томныя рѣчи.

— Когда я сижу здѣсь на балконѣ и смотрю вонъ туда... — проговорила Юлія Вячеславовна, указывая рукой въ даль,—каждый разъ вспоминаю я своего Колю. Ахъ, какой былъ славный, милый мальчикъ! Вы представить себѣ не можете... Совершенный ангелъ! Вонъ тамъ его могилка... Вонъ!

И барыня протянула руку по тому направленію, гдѣ въ вечерней, синеватой мглѣ бѣлѣла, какъ столбъ, высокая колокольня. Собесѣдникъ ея полюбопытствовалъ узнать: давно-ли она лишилась сына.

— Восемь лѣтъ скоро будетъ!—отвѣтила она.—Но всякій разъ, какъ подумаю о немъ, такъ сердце и разрывается... Ужъ такой-то былъ ребенокъ, что, просто, сказать нельзя... Улетѣлъ мой голубчикъ. Теперь онъ тамъ... (Юлія Вячеславовна посмотрѣла на синѣющее надъ головой ея небо). Онъ тамъ теперь, — тихо продекламировала она нараспѣвъ:

«Въ селеньяхъ, гдѣ свѣтъ невечерній горитъ,
Гдѣ нѣту печалей, гдѣ нѣтъ воздыханій,
Гдѣ вѣчная радость...»

— Дальше не помню... Очень хорошее стихотвореніе. Вы не знаете его?

Верюгинъ не зналъ этого стихотворенія и спросилъ въ свою очередь: сколькихъ лѣтъ умеръ ея сынъ. Оказалось, что мальчикъ умеръ по пятому году... Верюгинъ положительно недоумѣвалъ: чему приписать такую горячую, неисцѣлимую горесть объ утратѣ ребенка, когда четверо осталось въ живыхъ. Онъ такъ и сказалъ ей...

— Да! Но живыя-то дѣти нынѣ мало утѣшаютъ родителей!—со скорбнымъ вздохомъ протянула Юлія Вячеславовна.—Нынѣ дѣтки, просто, сокрушаютъ... Мало радостей отъ нихъ видишь! Время такое безпокойное, того и гляди, несчастными сдѣлаются... Бѣда нынѣ и съ дѣтьми... Вонъ, въ евангеліи, гдѣ говорится о пришествіи антихриста, сказано, что горе тѣмъ женщинамъ, у которыхъ будутъ дѣти въ тѣ дни... Вотъ и нынѣ то же самое: боишься, дрожишь за нихъ... Одна наша знакомая барышня уѣхала въ Кіевъ учиться, — вдругъ слышимъ: застрѣлилась. Другая—изъ хорошаго семейства — «попалась», такъ и погибла... Да что говорить вамъ! Вы сами знаете... А Коля! Ахъ, нѣтъ! Колю мнѣ никто, никто не замѣнитъ... Никогда мнѣ не забыть его!..

Верюгинъ, какъ человѣкъ непосвященный, еще не догадывался: въ чемъ тутъ дѣло. Между тѣмъ ларчикъ просто открывался. Барыня, дѣйствительно, очень любила Колю, и когда онъ умеръ, сильно тосковала по немъ. Тогда она была совершенно искренна. Съ теченіемъ же времени, эти воспоминанія объ умершемъ сынѣ мало-по-малу стали ея маніей, а разговоры о Колѣ обратились въ простую привычку. Вслѣдствіе этой привычки, каждому новому лицу, появлявшемуся въ ихъ домѣ, Юлія Вячеславовна считала какъ бы долгомъ повѣрять свою кручину. Даже случалось иногда такъ, что барыня, забывшись, повторяла свою исторію объ умершемъ сынѣ по нѣскольку разъ одному и тому же лицу.

Теперь Верюгинъ могъ уже составить коекакое, болѣе или менѣе опредѣленное понятіе о всѣхъ членахъ семейства Зориныхъ, за исключеніемъ Нади. Онъ мелькомъ лишь слышалъ окончаніе ея разговора съ сестрой на полѣ—и только... Надя, повидимому, существо какое-то странное, дикое, нелюдимое.

Когда темы для разговора между Верюгинымъ и барыней уже истощились, на балконѣ появился рыжій сетеръ и, помахивая хвостомъ, бросился въ гостиную. Въ туже минуту въ передней раздалось зычное восклицаніе:

— Иванъ Степанычъ! Чаю!

Со слѣдующаго дня у Верюгина начались его обычныя занятія. Съ утра до вечера странствовалъ онъ со своею цѣпью. Во время отдыха, сидя гдѣ-нибудь подъ стогомъ или въ тѣни вербъ, онъ толковалъ съ крестьянами о всякой всячинѣ. Зная крестьянскія работы и вообще деревенское житье-бытье, онъ могъ бесѣдовать съ рабочими съ интересомъ для себя и для нихъ. Онъ видалъ и зналъ болѣе, чѣмъ крестьяне, поэтому могъ разсказать много и новаго и занимательнаго для нихъ. Тѣ, въ свою очередь, дѣлали сравненія слышаннаго отъ него съ тѣмъ, что было у нихъ передъ глазами. Особенно же вездѣ крестьяне донимали Верюгина разспросами о томъ, скоро-ли будетъ «общее межеванье»...

— Разно сказываютъ!—толковали крестьяне.—Одни говорятъ, что все это—пустое... А другіе обѣщаютъ, что этой межевкѣ быть —не миновать. Какъ ужъ тамъ будетъ, Богъ знаетъ...

Верюгинъ увѣрялъ ихъ со своей стороны, что о такомъ размежеваніи, о какомъ мечтаютъ они, и рѣчи нѣтъ, что никто по доброй волѣ имъ своей земли не отдастъ.

— Знамо, не отдадутъ! Это ужъ что и говорить... — соглашались крестьяне. — Кто нонѣ землю даромъ отдастъ по своей волѣ! земля дорогая... Вонъ, по сту съ четвертной за десятину-то не хошь-ли?.. Только теперь, говорятъ, ежели по имперіи указъ такой выйдетъ, такъ въ тѣ поры, значитъ... и можно, того...

— Вотъ такъ-то, вишь, и сказываютъ!— подхватилъ одинъ паренекъ.

— А кто же указъ-то издастъ? — возразилъ Верюгинъ.—Полно вамъ, братцы, вздоръ городить... Все это—пустое!

Подолгу иногда шли у него съ крестьянами такія разсужденія... Также разспрашивалъ онъ крестьянъ о сосѣднихъ помѣщикахъ и однажды, между прочимъ, завелъ разговоръ о висящевскихъ господахъ.

— А какова барышня, которая хозяйство-то ведетъ?—спросилъ онъ одного рабочаго.

— Это—Александра-то Васильевна?—переспросилъ тотъ.—Умница — одно слово, и барышня хорошая... Вотъ вѣдь мы у нихъ часто работаемъ, а николи не обидитъ. Ну, на работѣ обыкновенно спрашиваетъ... строга! Такъ вѣдь какъ же... А барышня — ничего, мы ей много довольны...

— Ну, а та — младшая, Надежда-то? — спросилъ онъ.

— Ой, ужъ такая доброхотка, что, просто, и-и-и Боже ты мой! — качая головой, промолвилъ крестьянинъ. — По деревнямъ у насъ всѣхъ-то она знаетъ по имени, вездѣ-то сама ходитъ... На усадьбѣ-то ее за это ругаютъ, слышь, а она все ходитъ... Заболитъ-ли кто ни на есть, она, значитъ, сейчасъ лѣкарствица... все сама, своими рученьками сдѣлаетъ, сядетъ, да и сидитъ надъ больнымъ. А иной разъ, какъ помочи-то нѣтъ никакой,—тоже вѣдь всяко случается,—возьметъ вдругъ, да и заплачетъ. Чудно этакъ... И горько плачетъ... Умретъ-ли кто, али другая какая бѣда случится,—ужъ она тутъ... И никакая погодушка ее не удержитъ... Вѣдь иной разъ, братецъ ты мой, придетъ вся мокрехонька, платьишко-то хошь выжми... Вотъ тоже опять ежели заступиться передъ господами — заступится... Сама неговорливая, и съ нами-то въ кой часъ словечко промолвитъ, а ужъ ежели вступаться почнетъ, — только держись! Льется, словно, вотъ тебѣ рѣченька...

— А чудно иное скажетъ! — вмѣшался другой крестьянинъ, молча лежавшій до тѣхъ поръ.—Онамеднись говорю ей: «Чтой-то, барышня, ты такъ убиваешься? Чѣмъ мы, говорю, заслужили тебѣ?» — «Мнѣ, говоритъ, всѣхъ васъ больно жаль... Только, говоритъ, ничего я не могу сдѣлать»... Потомъ разомъ и примолкла, сидитъ, вся сгорбилась. А лицо такое бѣлое-бѣлое, ровно мѣломъ натерто... Смотрю я на нее этакъ, да думаю: ну, братъ, не жиличка ты на бѣломъ свѣтѣ, какъ я погляжу... И вѣрно, братцы вы мои: этакіе-то болѣзные подолгу никогда не живутъ...

— Да она и на барышню-то не похожа... больно ужъ добра! Ужъ такая простая... — замѣтилъ паренекъ.

— Пьяныхъ вотъ не любитъ! — продолжалъ первый разсказчикъ.—Не любитъ тоже, когда мужики промежъ себя ругаются или драться почнутъ... Это ужъ ей хуже ножа востраго! Не могу, говоритъ, видѣть, какъ бьютъ! Въ душѣ, говоритъ, мутитъ...

«Вотъ она что за птичка!» подумалъ про себя Верюгинъ. Изъ этихъ отрывочныхъ, наивныхъ разсказовъ онъ могъ только заключить, что его «степная Діана» — существо очень сострадательное, впечатлительное, поддающееся первымъ порывамъ своей нѣжной любящей души. Конечно, ничего новаго, ничего невѣроятнаго такія натуры собой не представляютъ. Такая деревенская Діана въ своемъ родѣ не первая и не послѣдняя. Многія начинаютъ такимъ образомъ «за здравіе», а сводятъ «за упокой», выходя благополучно замужъ за какого-нибудь прекраснаго молодаго человѣка, или же, не найдя человѣка по душѣ, остаются старыми дѣвами, сосредоточивая подъ конецъ дней своихъ всю любовь, весь остывающій жаръ своихъ чувствъ на попугаяхъ, болонкахъ, кошкахъ и тому подобныхъ предметахъ... Но эта Діана переживаетъ теперь еще такіе моменты, когда изъ нея дѣйствительно можетъ выйти незаурядный человѣкъ, идущій въ огонь и въ воду за то, что онъ сочтетъ истиной. Теперь эта Діана стоитъ на распутьи... Только не призракъ-ли она, не видѣніе-ли? А если «нѣтъ»... Тогда, конечно, она—отщепенка въ этой барской семьѣ, не смотря даже на то, что въ семьѣ есть и нигилистка особаго сорта, задавшаяся сельско-хозяйственными цѣлями.

Къ сожалѣнію, Верюгинъ, возвращаясь вечеромъ съ работъ, никогда не заставалъ дѣвушку дома, лишь мелькомъ иногда видалъ ее за ужиномъ и не могъ ближе познакомиться съ нею. Зато онъ могъ, сколько угодно, болтать съ артисткой, съ самою Юліей Вячеславовной, могъ доставлять удовольствіе Василію Петровичу, играя на бильярдѣ и выслушивая его безпорядочныя и невнятныя повѣствованія; могъ, наконецъ, ходить съ Володей по вечерамъ купаться и наблюдать, какъ тотъ ловилъ раковъ и бѣгалъ по берегу, что, повидимому, доставляло ему величайшее наслажденіе. Верюгинъ скоро изучилъ до тон-

кости жизнь висящевскихъ господъ. Она тянулась вяло и сонливо... Юлія Вячеславовна всегда находила предметы для своихъ жалобъ и сѣтованій; Серафимушка мечтала о зимнемъ сезонѣ, о лаврахъ, которые ей удастся пожать на сценѣ любительскихъ спектаклей и на балахъ; Александра Васильевна ходила усталая и все возилась со счетами да съ приходо-расходными книгами; Володя по своему острилъ и балагурилъ; Надя пропадала по цѣлымъ днямъ, и родные, повидимому, уже махнули на нее рукой. Наиболѣе живымъ человѣкомъ являлся самъ хозяинъ, особенно въ то время, какъ получались газеты.

— Политическихъ извѣстій мало читаю...—говорилъ онъ Верюгину.—Ну ихъ!.. Сами ничего не знаютъ и все врутъ... Сегодня напишутъ: такой-то принцъ выѣхалъ, а послѣ завтра оказывается, глядишь, что принцъ и выѣзжать-то не думалъ... А въ передовыя статьи ужъ и не заглядываю. Сначала, было, читалъ, да бросилъ. Голова что-то стала побаливать! Право, право! Серьезно... Вы не смѣйтесь!.. Да какъ же! Сегодня одно толкуютъ, а завтра про тоже самое—другое поютъ. Остановиться вѣдь не на чемъ... Просто, ничего не понимаешь! Дурману какого-то напустятъ, да иностранныхъ словъ наберутъ... Тьфу! (Василій Петровичъ энергически отплюнулся). Прежде хоть Катковъ хорошо писалъ, а нынче и тотъ сталъ какой-то скучный. Право! Выписывалъ прежде его «Вѣдомости», да бросилъ... такая тоска!

— А вотъ, послушайте-ка здѣсь... — со смѣхомъ продолжалъ Зоринъ и начиналъ читать выдержки. «Продается жеребецъ карковой масти», «нѣмка-бонна ищетъ мѣста», «потерялась собачка... вознагражденіе», «студентъ ищетъ занятій», «за отъѣздомъ продаются экипажи», «mademoiselle...», «лучшій кенигсбергскій марципанъ и вестфальскій пумперникель», «дѣвица ищетъ мѣста въ отъѣздъ»... Потѣха! Вотъ объявленія читать люблю... Тутъ, знаете, даже пофилософствовать можно. Дѣвица, жеребецъ, мебель по случаю... вѣдь все это сводится къ тому: какъ бы деньгу нажить... Такъ всѣ руку и протягиваютъ за кускомъ хлѣба... Все можно купить: жеребца, дѣвицу, нѣмку-бонну... Ха-ха-ха!

— Василій Петровичъ! — пробормотала Юлія Вячеславовна, съ умоляющимъ видомъ взглядывая на своего благовѣрнаго, который между тѣмъ закатывался гомерическимъ хохотомъ.

— Или вотъ тоже всегда читаю дневникъ происшествій...—продолжалъ онъ, снова берясь за газету.—Тамъ, глядишь, утонулъ нечаянно... тамъ убили... драка... кого-нибудь вздули... тутъ же какая-нибудь любовная исторія... процессъ... И замѣтьте — въ рѣдкомъ номерѣ, чтобы не было: удавился, застрѣлился, зарѣзался, бросился въ воду... причины неизвѣстны... дознаніе производится... И все—въ какой-то меланхоліи! Что это такое?.. Конечно, и прежде это бывало, только нынѣ ужъ что-то очень часто... Въ самомъ дѣлѣ, жить имъ худо, что-ли!

— Да, надо быть, что не особенно весело...—отзывался Верюгинъ.

IV.

Синица въ небѣ.

Въ воскресенье, въ висящевскомъ домѣ, дотолѣ погруженномъ въ затишье, вдругъ разразилась страшная буря, съ громомъ и молніей.

— Подлецы! Негодяи! Они меня... Ха! Да я ихъ...—хриплымъ голосомъ ревѣлъ на всю залу Василій Петровичъ, когда Верюгинъ вошелъ въ переднюю.

Не желая натолкнуться на непріятную сцену, Ѳеофанъ Михайловичъ зашелъ въ бильярдную и сталъ перекатывать шары. Онъ уже наканунѣ зналъ, что Зоринъ въ воскресенье собирался на именинный обѣдъ къ одному изъ сосѣдей,—и поэтому не думалъ, чтобы сцена протянулась долго, ибо былъ уже первый часъ, именинный пирогъ могъ простыть. Но Василій Петровичъ не унимался и, ругаясь, тяжелыми шагами продолжалъ ходить по залѣ... Сельскій староста — среднихъ лѣтъ и средняго роста мужикъ, смугловатый и загорѣлый, въ сѣромъ армякѣ, подпоясанномъ для праздника или ради барина пестрымъ кушакомъ,—стоялъ въ залѣ у дверей, переминаясь съ ноги на ногу и поглаживая свои волосы, подстриженные въ скобку.

— Такъ и не отдаютъ?—спросилъ баринъ, на минуту останавливаясь передъ старостой въ своемъ бурномъ странствованіи изъ угла въ уголъ по залѣ.

— Не отдаютъ, Василій Петровичъ!—отозвался староста.—Пускай, говорятъ, за потраву заплатятъ... А до тѣхъ поръ, говорятъ, не выпустимъ! Съ насъ, говорятъ, брали... пускай теперь и сами поплатятъ.

— А ты имъ, поди-ка, ни слова! — перебилъ Зоринъ.—И ты за нихъ! Знаю я васъ... Всѣ вы заодно... Ужъ погодите!..

— Да я что же, Василій Петровичъ... Я—ничего... вотъ какъ передъ Богомъ!—проговорилъ староста, запуская руку за кушакъ и глядя въ потолокъ.

— Знаю, знаю! Всѣ вы, молодчики, хороши... Всѣ на насъ зубы точите! Да нѣтъ, шалишь!.. Не на таковскаго напали... Я вамъ пропишу!—хрипѣлъ Василій Петровичъ.—Вы думаете, что ужъ нынѣ выше васъ, выше вашего волостнаго начальства и суда нѣтъ... Ха!

— Какъ можно-съ, Василій Петровичъ...—вставилъ староста, очевидно, уже не въ первый разъ выдерживавшій подобную бурю.

— Ваше волостное начальство — тьфу!.. Вотъ что! Плевать мнѣ на него...—оралъ баринъ.—А пусть они подаютъ мировому... Мы тамъ и увидимъ... Я сегодня встрѣчусь съ Васеньевымъ и разскажу ему про ваши продѣлки. Какъ ихній скотъ ходитъ, такъ ничего... Возьми-ка у нихъ, застань, заревутъ на всю ивановскую... А наша лошадь на ихъ траву только ногу занесетъ, они ее сейчасъ и—заставать!

— Они, Василій Петровичъ, актъ составили... съ понятыми, значитъ...—пояснилъ староста.—Потравлено точно что...

— Актъ? Знаю я эти акты!—горячо возразилъ баринъ.—А чортъ ихъ знаетъ... Они, можетъ быть, сами загнали лошадей-то къ себѣ! Отъ нихъ все станется... А понятые, поди, пьяны, пьянѣе вина, лыка не вяжутъ... Молчи, молчи!—воскликнулъ Василій Петровичъ, замѣтивъ, что староста хотѣлъ протестовать.—И не говори лучше! Знаю, знаю!.. Мерзавцы, свиньи, неблагодарные...

— И что у насъ за мужики, чортъ ихъ знаетъ!—немного погодя, проговорилъ Василій Петровичъ.—Разбойникъ на разбойникѣ... Вѣдь вонъ крестьяне въ другихъ мѣстахъ живутъ же, какъ слѣдуетъ, тихо, смирно, а у насъ—нѣтъ! Все разныя исторіи... Ну, да ладно! Я заплачу. Только ужъ они берегись у меня теперь... Я имъ дамъ!

Въ залѣ воцарилось молчаніе. Только слышно было, какъ вздыхалъ староста. Наконецъ, Василій Петровичъ, сколько ни хорохорился, все-таки вынесъ деньги, 15 рублей 50 копѣекъ, и бросилъ ихъ на столъ.

— На! Возьмите, да помните! А ужъ я не забуду... Нѣтъ, голубчики! — проговорилъ онъ, задыхаясь отъ досады и злости.

Староста собралъ деньги, сосчиталъ и, аккуратно запихнувъ ихъ за пазуху, съ поклономъ удалился изъ залы... Верюгинъ засталъ Василія Петровича уже одѣтымъ и совершенно готовымъ ѣхать въ гости. Онъ стоялъ среди гостиной и немилосердно дымилъ трубкою, что всегда было въ немъ вѣрнымъ признакомъ сильнаго душевнаго разстройства.

— Каковъ народецъ! Слышали? — встрѣтилъ онъ Верюгина при входѣ его въ гостиную.—Михайловскіе мужики загнали моихъ лошадей и не отпускаютъ. Вотъ еще радость Богъ послалъ! Мнѣ нужно ѣхать къ Скорбѣевымъ, меня ждутъ... Я имъ русскимъ языкомъ говорю: заплачу, только пусть теперь же лошадей отпустятъ. А они—нѣтъ! Подавай имъ сейчасъ же деньги... Это — чортъ знаетъ что такое! И еще дерзости... Съ насъ, говорятъ, побрали за потраву-то, теперь пускай сами поплатятся... Каково вамъ покажется?

— Да! Но вы, кажется, съ ними покончили...—замѣтилъ Ѳеофанъ Михайловичъ.

— Да что же! Бросилъ имъ... — промолвилъ Василій Петровичъ. — И вѣдь навѣрно пропьютъ, канальи! Эти деньги имъ впрокъ не пойдутъ... Ну-съ! Впрочемъ, я васъ оставлю...—засуетился онъ.—И то уже опоздалъ... Ma chère, я ѣду!

— Съ Богомъ! Кланяйся отъ меня!—отозвалась Юлія Вячеславовна изъ другой комнаты.

Баринъ уѣхалъ.

Нынѣшніе барскіе съѣзды, конечно, не похожи на пиры добраго стараго времени. Прежде они были, можетъ статься, рѣзче, характернѣе, интереснѣе съ бытовой стороны, но теперь они представляются гораздо занимательнѣе для человѣка, пытающаго общественное мнѣніе. Нынѣ на барскихъ съѣздахъ уже нѣтъ прежняго патріархальнаго, разухабистаго веселья, нѣтъ прежняго добродушія и самодовольствія. Нынѣ въ рѣчахъ собесѣдниковъ слышатся озабоченность, недовольство, досада, даже злость. Нерѣдко также рѣчи касаются политики и матерій важныхъ. Жалобы замѣнили прежнее хвастовство и бахвальство; безграничная, иногда даже несознаваемая спѣсь уступила мѣсто чувству оскорбленнаго достоинства, чувствамъ жолчнымъ.

Василій Петровичъ поспѣлъ въ время, то-есть, когда гости закусывали передъ обѣдомъ.

Разговоръ шелъ о хозяйствѣ. Жалобамъ и сѣтованіямъ, какъ водится, не было конца...

— Я, господа, совсѣмъ согрѣшилъ съ народомъ!—витійствовалъ одинъ изъ ораторовъ, толстякъ Бахрушовъ, уже успѣвшій выпить и теперь закусывавшій за обѣ щеки.—Да какъ же, помилуйте! Рожь переспѣла, того гляди—вытечетъ.., Зову, зову, и ни одной собаки не могу дозваться... Не идутъ! У нихъ, видите, сѣнокосъ еще не убранъ, у самихъ дѣла много... (При этихъ словахъ въ тонѣ оратора послышалась иронія). Ну, что вы подѣлаете? Нѣтъ, они сначала еще свое сожнутъ, а вы ждите... Просто, я вамъ скажу, безвыходное положеніе... Хоть китайцевъ выписывай!

— Праздниковъ-то у нихъ нынѣ что-то ужъ очень много!—замѣтилъ юркій сѣденькій старичокъ, извѣстный и въ литературѣ, и во многихъ сельско-хозяйственныхъ обществахъ, Иванъ Федоровичъ Шманкъ.—Недѣли, кажется, не проходитъ, чтобы у нихъ гдѣ-нибудь въ околоткѣ не было праздника. И вѣдь празднячаютъ не день, а два-три дня... Вы посмотрите: вѣдь пьянство повальное... А работы, между тѣмъ, стой, дожидайся! Теперь и понятно: откуда у насъ эта бѣдность, о которой такъ плачутъ либеральные петербургскіе писаки. А бѣдность и преступленія противъ чужой собственности, какъ уже извѣстно, идутъ рядомъ... воровство, грабежъ, все —что хотите...

— А духовенство изъ своихъ личныхъ выгодъ ни слова не говоритъ противъ этихъ праздниковъ!—замѣтилъ молодой помѣщикъ, слывшій между своими за либерала.—Вмѣсто того, чтобы священникамъ поговорить въ проповѣди о вредѣ праздности и лѣни, они читаютъ старинныя поученія Златоуста, поученія, утомительно-длинныя и вдобавокъ еще непонятныя народу. Вѣдь народъ—страшно не развитъ... Онъ не понимаетъ того, что отъ этихъ праздниковъ ему же самому вредъ...

— Да какъ же! Разумѣется!—подхватило нѣсколько голосовъ.

Либералъ остался очень доволенъ тѣмъ, что ему удалось ввернуть словечко.

Въ то же время, въ другой кучкѣ закусывавшихъ гостей шли горячіе толки о необыкновенной склонности крестьянъ къ преступленіямъ противъ чужой собственности.

— Хуже нашихъ Опалимовскихъ крестьянъ я, право, не знаю!—звонкимъ теноромъ кричалъ хозяинъ.—Воръ на ворѣ... Помните: —въ прошлую зиму стогъ-то сѣна украли въ степи? Теперь оказывается: это—ихъ дѣло... Ихъ, ихъ!..

— Ну ужъ, куманекъ, извините! Мои Михайловскіе вашимъ не уступятъ!—замѣтилъ Зоринъ. — Ужъ такіе тоже соколы ясные... я вамъ скажу...

И тутъ, по поговоркѣ: «у кого что болитъ, тотъ о томъ и говоритъ»,—Василій Петровичъ со всѣми подробностями описалъ слушателямъ только-что случившуюся съ нимъ исторію. Слушатели, разумѣется, сочувствовали ему и казались возмущенными...

Почти вся мужская часть общества сосредоточилась теперь около закуски. Только исправникъ и земскій врачъ, какъ истые дамскіе угодники, увивались около барынь.

Врачъ monsieur Вавиловъ,—молодой человѣкъ, очень недурной собою, съ темными глазками и съ темными волосами, нависшими надо лбомъ,—разыгрывалъ изъ себя какого-то разочарованнаго уѣзднаго Чайльдъ-Гарольда и любилъ, чтобы за нимъ ухаживали. Исправникъ же предпочиталъ самъ волочиться за «хорошенькими», не дожидаясь, когда тѣмъ угодно будетъ самимъ снизойти до него. Исправникъ, Алексѣй Николаевичъ Жбановъ, былъ довольно видный, представительный мужчина, съ румянцемъ на щекахъ, съ маслянистыми глазками и одѣтый безукоризненно-изящно, насколько, разумѣется, изящество совмѣстимо съ свѣтлыми форменными пуговицами и съ позолоченнымъ галуномъ. Особенное вниманіе этой административной особы, повидимому, было обращено на волосы, тщательнѣйшимъ образомъ расчесанные, напомаженные и съ англійскимъ проборомъ на затылкѣ. Столь же старательно были закручены и усы, кончики которыхъ были, можно сказать, идеально прямы и тонки, какъ нить, едва видимая простымъ, невооруженнымъ глазомъ. M-eur Вавиловъ, напротивъ, ерошилъ и крутилъ свои короткіе волосы, лѣзшіе ему на лобъ. Онъ, вѣроятно, уже зналъ силу своихъ чаръ, и поэтому было незамѣтно, чтобы онъ занимался своимъ галстухомъ, прическою и т. п. Но зато онъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ особъ, умѣлъ дѣлать «такіе глазки», умѣлъ принимать такія привлекательныя позы, — небрежныя и въ небрежности своей очаровательныя,—что въ этомъ отношеніи исправникъ совершенно пасовалъ передъ нимъ. Да правду сказать, Жбанову въ его мундирѣ и неудобно было бы, напримѣръ,

забраться съ ногами на кресло или на диванъ, á l'enfant, если онъ желалъ сохранить свое достоинство. М-eur Вавиловъ былъ убѣжденъ, что родился въ сорочкѣ, и уповалъ на свое счастье. Жбановъ долженъ былъ возлагать всѣ надежды только на свои полувоенныя манеры, на мягкій, вкрадчивый голосъ и на идеально-закрученные усы... Онъ былъ человѣкъ общительный, «разбитной, обязательный»; дамы его звали «нашимъ милымъ Алексѣемъ Николаевичемъ». Онъ—отставной военный, человѣкъ ловкій, и умѣлъ нравиться разношерстному провинціальному обществу. Очень мало было такихъ, которые втихомолку называли его «іезуитомъ» и говорили, что онъ, какъ «Блонденъ, ходитъ по канату, вѣчно балансируя между «вашими» и «нашими», и стараясь угодить тѣмъ и другимъ»... Ошибались тѣ, которые полагали, что Жбановъ съ умысломъ, сознательно балансировалъ между «вашими» и «нашими». Онъ былъ плохой чиновникъ, человѣкъ безхарактерный, даже подчасъ малодушный, находившійся подъ сильнымъ вліяніемъ одной всевѣдущей *жены*. Вообще же дамы любили его любовью платоническою, вовсе не опасною для чести и спокойствія ихъ мужей...

Съ любовью болѣе нылкою относились дамы къ m-eur Вавилову. Этотъ пѣдомъ ѣлъ женскія сердца и съ томною небрежностью переносилъ зато косые взгляды ихъ мужей и родственниковъ. Поговаривали о какихъ-то семейныхъ непріятностяхъ, происшедшихъ изъ-за него...

М-eur Вавиловъ получалъ отъ земства 1.500 рублей жалованья, но крестьяне рѣдко видали его, а если и видали, то не иначе, какъ пролетающимъ подобно метеору. Всѣмъ завѣдывали фельдшера. Зато m-eur Вавиловъ по нѣскольку дней гащивалъ въ помѣщичьихъ усадьбахъ, пріятно проводя время за рамсомъ или стуколкой, а затѣмъ, на упреки въ небреженіи къ народному здравію, резонно отговаривался тѣмъ, что ему надо было поставить очень трудный діагнозъ и прослѣдить нѣкоторое время за дѣйствіемъ лѣкарствъ на больномъ субъектѣ. Какъ бы то ни было, но—благодаря связямъ и угодливости передъ власть имущими — онъ нерѣдко получалъ отъ земства благодарность и награды...

Наконецъ, общество двинулось къ обѣденному столу, шумно задвигались стулья и гости усѣлись,—и стали завязываться отрывочные разговоры...

—Вотъ, вы говорите...—началъ Шманкъ, обращаясь къ Бахрушову.—А тутъ еще эти непрошенные ходоки въ народъ... книжки всякія тамъ... Развѣ, спрошу я васъ, это неумственный развратъ своего рода? Чего *имъ* надо? Знаемъ мы: чего *имъ* надо!..

— Ну, у насъ, слава Богу, ихъ еще не слыхать, Иванъ Ѳедоровичъ!—замѣтилъ хозяинъ.

— Вездѣ они нынѣ есть! Вездѣ... — съ убѣжденіемъ проговорилъ толстякъ Бахрушовъ, обращая къ хозяину свое раскраснѣвшееся лицо.—Я даже, знаете, не увѣренъ: нѣтъ ли *какого-нибудь* здѣсь, съ нами, вотъ въ этой самой комнатѣ... Да-съ! Вы не смѣйтесь... *Они* такое общество составили—вездѣ, вездѣ... Въ Петербургѣ даже знатные люди имъ деньгами помогаютъ. Это такъ! Они нынѣ вездѣ снуютъ...

— Мало-ли что врутъ! Всѣхъ сплетенъ не переслушаешь! — замѣтилъ мировой судья, Васеньевъ, человѣкъ среднихъ лѣтъ, съ чудесною окладистою бородой. — Знаете поговорку: пуганая ворона куста боится...

— Ладно, ладно! Разсказывайте... А знаете, Василій Петровичъ, вашъ-то землемѣръ...— обратился толстякъ къ Зорину.—Онъ, кажется, тоже изъ такихъ...

— Полноте, пожалуста!—съ азартомъ заревѣлъ тотъ черезъ столъ, въ отвѣтъ ему.— Прекрасный молодой человѣкъ! Я его хорошо знаю. Нѣтъ, нѣтъ!

— Ну, какъ же «нѣтъ»! Что вы мнѣ говорите!—съ досадою огрызнулся толстякъ.— Вѣдь онъ же замѣшанъ былъ въ Кунявинскомъ дѣлѣ... Развѣ вы не слыхали? Тамъ съ Маркушихой они что-то порядочно напроказили. Какъ же! Военная команда потребовалась... Алексѣй Николаевичъ! Вы не слыхали?

— О чемъ это? — переспросилъ исправникъ, оборачиваясь къ нему и небрежно играя своимъ золотымъ pince-nez. — О Кунявинскомъ-то дѣлѣ?

— Нѣтъ! О землемѣрѣ, который замѣшанъ тамъ...

— О землемѣрѣ ничего не слыхалъ... — осторожно, но, повидимому, совершенно беззаботно проговорилъ исправникъ.—Да что... entre nous soit dit, тамошній исправникъ во всемъ виноватъ! Вѣдь знаете Епанчина... распустилъ становыхъ ни на что не похоже. Изъ мухи слона сдѣлали и нашумѣли такъ, зря...

— Не знаю! Говорятъ, по крайней мѣрѣ... Слухомъ земля полнится!—оправдывался Бах-

рушовъ.—А присматривать, я вамъ скажу, все-таки не мѣшаетъ... Знаете, дорогой мой, Василій Петровичъ, время нынѣ такое, что ни за кого поручиться нельзя. Я, вонъ, съ роднымъ братомъ пересталъ видаться... Невозможно! Какъ разъ влетишь... И хитры же *они* нынѣ стали, о-охъ хитры!

— Вздоръ, вздоръ!—не слушая его, кричалъ Василій Петровичъ.—Прекрасный молодой человѣкъ... А кстати,—обратился онъ къ хозяину, — на бильярдѣ отлично играетъ! Нѣтъ, нѣтъ! (снова обращаясь къ Бахрушову). Онъ — славный малый! Нѣтъ въ немъ, знаете, этой фанаберіи... Весельчакъ! Не молчитъ, не хмурится, не задумывается про себя, какъ тотъ, напримѣръ... ильяшевскій учитель...

— Ахъ, терпѣть не могу такихъ! — пришепетывая, замѣтила одна дама.—Благородные люди никогда не думаютъ...

Бахрушовъ промолчалъ на слова Василія Петровича и лишь пожалъ плечами, какъ бы желая промолвить: «Изъ ума, видно, голубчикъ, выживать сталъ!»... А Зоринъ такъ горячо защищалъ землемѣра вовсе не потому, что сильно полюбилъ его или былъ, дѣйствительно, увѣренъ въ немъ вполнѣ. Нѣтъ! Что, бывало, онъ заберетъ себѣ въ голову, съ тѣмъ и носится, пока ему не надоѣстъ... Онъ иногда уподоблялся тому ослу, который, не смотря ни на какія побужденія и побои, не хотѣлъ перейти моста и упирался до тѣхъ поръ, пока догадливые люди изо всей мочи не потянули его за хвостъ прочь отъ моста... тогда, какъ извѣстно, оселъ со всѣхъ ногъ, рванулся впередъ, бросился на мостъ и живо перескакалъ его.

Чѣмъ болѣе пустѣли бутылки, тѣмъ пуще развязывались языки. Наконецъ, рѣчи приняли очень жгучій и нѣсколько легкомысленный, сумасбродный характеръ.

— Дали крестьянамъ волю, такъ давайте же и намъ что-нибудь! — нетвердо выговаривая, хрипѣлъ Василій Петровичъ, стуча по столу черенкомъ ножа.—Что жъ, въ самомъ дѣлѣ, это такое? Какіе же мы нынче столпы, прости Господи! Подпорки какія-то изъ насъ подѣлали... Только по губамъ мажутъ, мажутъ...

— Нѣтъ, господа, безъ шутокъ... Въ случаѣ, если бы... кого, примѣрно, выбрали бы мы?..—со смѣхомъ возгласилъ хозяинъ, обращаясь къ гостямъ.

Золотушный господинъ—либералъ — при этомъ до того взволновался, что даже вдругъ покраснѣлъ, какъ вареный ракъ.

— Неужели же у насъ нѣтъ людей? Люди нашлись бы... Не безпокойтесь!—засуетился онъ, какъ будто бы дѣло было уже наканунѣ выборовъ.

— На войнѣ и генералы являются!—добавилъ мировой судья.

— Но, право, серьезно, я не знаю: кого бы мы выбрали...—въ задумчивости проговорилъ Скорбѣевъ, одной рукою облокачиваясь о столъ, Щербачева? Нельзя,—даромъ, что умница... обокрадетъ!

— Ну, что вы! Кого же ему тамъ обокрасть? — разсудительно замѣтилъ мировой судья.

— Да ужъ не знаю — кого, а только непремѣнно обокрадетъ... — упорствовалъ хозяинъ.—Иваншинъ годился бы, пожалуй, да выпить любитъ... Того и гляди, всю сессію проспитъ гдѣ-нибудь въ трактирѣ... Травинскій—польское отродье! Этого ни подъ какимъ видомъ!.. Ромашковъ?

— Куда ему! — со смѣхомъ воскликнулъ Василій Петровичъ. — Двухъ словъ связно не скажетъ... «того», да «этого» — начнетъ ковырять, и никто ничего не пойметъ у него... Срамъ! Какой онъ — къ чорту — депутатъ... Pardon!

Гости и хозяинъ весело расхохотались.

— Конечно, Иванъ Ѳедоровичъ не откажется быть нашимъ первымъ депутатомъ...— замѣтилъ хозяинъ.—Объ этомъ ужъ, разумѣется, не можетъ быть и рѣчи, никакихъ споровъ... Но вѣдь это еще только одинъ! Кого же мы еще пошлемъ? А?

При провозглашеніи имени перваго депутата отъ Т—ской губерніи, либерала всего передернуло; онъ заёрзалъ на стулѣ и закашлялся...

— Да неужели же такъ-таки и некого?—завизжалъ онъ въ негодованіи, стараясь своимъ визгомъ заглушить общій говоръ.

— Зачѣмъ же дѣло стало! Выберите Илью Яковлевича... Петрищева!—ироническимъ тономъ предложилъ ему Бахрушовъ.—Вѣдь вы—либералы... вамъ и чортъ не братъ! Посылайте Илью Яковлевича, если ужъ больно захотѣлось... Онъ вамъ такую пугачевщину устроитъ, что и вы съ нимъ вмѣстѣ на воздухъ взлетите! Вотъ что-съ!.. Терпѣть не могу такого пустословія...

— Да ужъ извѣстно... Вамъ воротить бы николаевскія времена!—съ горечью провор-

чалъ либералъ, схвативъ рюмку и какъ бы желая въ винѣ утопить свое раздраженіе.

— Какъ-то вы, Иванъ Ѳедоровичъ, станете представлять насъ тамъ?.. Какъ-то вы станете защищать наши интересы?—обратился хозяинъ къ Шманку.

Тотъ, очевидно, чувствовалъ себя польщеннымъ. Какая-то глупая, младенческая улыбка бродила по его сухимъ, старческимъ губамъ. На щекахъ его, старательно выбритыхъ, выступалъ легкій румянецъ—то-ли отъ душевнаго волненія, то-ли отъ выпитаго за обѣдомъ вина. Его темные глазки бойко посматривали на собесѣдниковъ изъ-подъ сѣдыхъ нависшихъ бровей... Довольно большой, тонкій носъ и острый подбородокъ придавали ему сходство съ птицею, особенно когда онъ начиналъ торопливо поворачивать головою то въ ту, то въ другую сторону.

— Я, господа, какъ извѣстно, на первомъ планѣ всегда ставлю вопросы экономическіе, вопросы сельскаго хозяйства! — откашлявшись, началъ Иванъ Ѳедоровичъ, обводя взглядомъ почтенное собраніе. (По тону и по всѣмъ ухваткамъ его сейчасъ можно было видѣть въ немъ завзятаго оратора, человѣка, привыкшаго колотить языкомъ гдѣ угодно и когда угодно).—Съ этого, господа, и слѣдуетъ начать. Экономическій вопросъ, если позволено такъ выразиться, фундаментъ, основаніе! (Ораторъ слегка наклоняетъ голову и изподлобья оглядываетъ слушателей). Это—камень, на которомъ зиждется благосостояніе государства, общества, семьи и отдѣльнаго индивида... Причины какъ упадка, такъ равно и процвѣтанія государствъ многоразличны. Но при тщательнѣйшемъ анализѣ, онѣ въ своемъ многообразіи могутъ быть сведены къ двумъ-тремъ причинамъ. То же самое могу сказать я и относительно насъ...—Спросимъ себя: въ чемъ наше спасеніе? Наше спасеніе не въ общинѣ, не въ коммунѣ, какъ утверждаютъ нѣкоторые безумцы! (Взглядъ по направленію мироваго судьи и золотушнаго либерала). Наше спасеніе не въ разнузданности сельскаго населенія, не въ демократическихъ тенденціяхъ, заимствованныхъ изъ западной Европы и абсолютно, могу сказать, противныхъ исторіи и духу нашего народа. Будемъ говорить конкретными образами. Спасеніе Россіи зависитъ прежде всего и главнымъ образомъ, само собою разумѣется, отъ твердой, ни передъ чѣмъ не останавливающейся внутренней политики. Затѣмъ, нисходя къ ближайшимъ причинамъ, мы, не обинуясь, можемъ сказать, что Россію спасутъ: каналы, быкъ и барда...

— Qu'est ce que c'est барда?—вполголоса спросила одна дама хозяйку.

— А это... на винныхъ заводахъ остатки какіе-то... ими еще, знаете, кормятъ коровъ...—пояснила хозяйка.

— Не смѣйтесь, не смѣйтесь, господа! Я могу это сейчасъ же доказать...—горячо заговорилъ Шманкъ, намѣреваясь, повидимому, продолжать свою чудесную рѣчь до безконечности.

Но, увы! подвыпившіе и плотно пообѣдавшіе слушатели представляли собою весьма неблагодарную аудиторію. Они вовсе не были расположены наслаждаться ораторскимъ искусствомъ г-на Шманка...

— Все это, конечно, такъ,.. все это—вѣрно насчетъ коммуны... — крикнулъ хозяинъ.—А надо будетъ непремѣнно поднять вопросъ о заложенныхъ имѣніяхъ и вообще объ отношеніяхъ къ банкамъ. Что жъ это такое? Всѣ наши земли къ нѣмцамъ да къ жидамъ перейдутъ! Правительство должно же придти къ намъ на помощь. Не можемъ же мы, въ самомъ дѣлѣ, вовсе безъ земли остаться...

— Разумѣется! Разумѣется!—подхватили собесѣдники, причемъ голосъ Василія Петровича, подобно шуму бури, покрывалъ собою весь этотъ дружный концертъ.

— Вотъ кого выбрать-то надо! Вотъ это такъ!—одобрительно гаркнулъ Василій Петровичъ, кивая головой на Скорбѣева.—А послушалъ бы я, какъ ты началъ бы тамъ орудовать...

И гость и хозяинъ громко расхохотались.

— Алексѣй Николаевичъ... Господинъ исправникъ! Призовите же къ порядку! Вы развѣ не слышите, о какихъ вещахъ говорятъ при васъ?—своимъ обычнымъ, вялымъ, лѣнивымъ тономъ обратился Вавиловъ къ исправнику, между тѣмъ какъ тотъ любезничалъ съ женой акцизнаго и показывалъ видъ, что не слышитъ происходящаго кругомъ него сумасброднаго разговора.

— Что такое?—спросилъ исправникъ съ гримасою, какъ будто недовольный тѣмъ, что его отрывали отъ пріятной бесѣды съ молодой интересной дамочкой, на которую, по его подозрѣніямъ, уже имѣлъ виды Вавиловъ.

— А послушайте-ка, о чемъ толкуютъ!—продолжалъ Вавиловъ съ усмѣшкою.—Развѣ

позволяется этакъ, а? Да еще—при васъ... Ну, какая же вы послѣ того администрація...

— Ничего я не слышу!—отнѣкивался исправникъ, вскидывая на носъ свое золотое pince-nez, и, посмотрѣвъ на собесѣдниковъ, опять обратился къ своей интересной сосѣдкѣ.

За столомъ послышался смѣхъ.

— Алексѣй Николаевичъ у насъ—молодецъ!—прохрипѣлъ Василій Петровичъ, подмигивая своему vis-à-vis.—Онъ знаетъ: когда ему нужно золотомъ уши завѣшивать... Ха-ха-ха!

— Ну, посуесловили и довольно!—съ досадою замѣтилъ Бахрушовъ, когда стулья съ шумомъ задвигались и гости отправились благодарить хозяевъ за хлѣбъ-за соль.

Такого рода разговоры въ описываемое время изрѣдка заходили на помѣщичьихъ собраніяхъ. Старые и пожилые люди относились къ нимъ въ шутливо-пасмѣшливомъ тонѣ, какъ къ пустой, несбыточной мечтѣ. Они,—какъ люди степенные, благонамѣренные, по ихъ мнѣнію,—могли дозволить себѣ позубоскалить по поводу этой противозаконной мечты. Вѣдь ничего же не приключится оттого, что они промежъ собою поиграютъ «въ депутаты»! Молодежь же, въ родѣ мирового судьи и золотушнаго либерала, относилась къ этимъ разсужденіямъ не какъ къ праздной болтовнѣ на сытый желудокъ—pour passer le temps, но какъ къ серьезнымъ предположеніямъ, которымъ не сегодня-завтра суждено сбыться. Называли даже имя того профессора, которому, будто бы, было поручено осуществленіе этихъ предположеній на бумагѣ. Молодежи очень не нравилось, что старики такъ легкомысленно, со смѣхомъ и съ шуткой относились къ этимъ важнымъ вопросамъ, но сами они, между тѣмъ, пальцемъ не шевелили для того, чтобы подвинуть эти вопросы къ желаемому разрѣшенію. Они какъ будто разсчитывали на то, что все случится къ лучшему, по щучьему велѣнью. И, дѣйствительно, хотя они на словахъ, вмѣстѣ съ прочими, очень энергично ругали «злоумышленниковъ», но въ душѣ, тѣмъ не менѣе, очень желали чужими руками жаръ загрести. Это были все тѣ же неисправимые, вѣчные Маниловы...

Черезъ нѣсколько минутъ уже и помину не было о политикѣ... Толковали о дупеляхъ, о собакахъ и лошадяхъ, о томъ, что «хорошо было бы собраться на вальдшнеповъ». Немного погодя, карточные столы раскрыли свое зеленое поле для желающихъ. Желающихъ, по обыкновенію, нашлось много. Даже и Шманкъ, разгорячившійся, было, по поводу спасенія Россіи, сѣлъ играть въ преферансъ съ хозяиномъ и успѣлъ уже объявить девять безъ козырей... Раздались звуки стараго виртовскаго рояля, и жена акцизнаго чиновника очень недурно, «съ душой», какъ говорили, пропѣла.

«Отчего такъ задумчива ты,
Отчего взоръ твой полонъ тоскою?
Разскажи про свои мнѣ мечты!
Грусть-тоску раздѣлю я съ тобою»...

Жбановъ сидѣлъ на балконѣ посреди дамъ и, безъ преувеличенія говоря, вертѣлся, какъ бѣсъ передъ заутреней. M-eur Вавиловъ съ какою-то барышнею подъ-руку углубился въ тѣнистую аллею, засунувъ въ петлицу прекрасную алую розу.

Когда въ комнатахъ уже стемнѣло, а надъ садомъ ложились синія тѣни вечернихъ сумерекъ, одинъ изъ гостей, старичекъ, степнякъ-помѣщикъ, вдругъ объявилъ, что онъ будетъ пѣть,—и вокругъ него собрались слушатели. Съ глубокимъ чувствомъ, какого въ немъ нельзя было предположить, старикъ запѣлъ: «Въ старину живали дѣды веселѣй своихъ внучатъ»... Съ каждымъ стихомъ голосъ его, казалось, крѣпчалъ, становился все звучнѣе, глубже, выразительнѣе. Въ пѣніи, дѣйствительно, какъ будто слышалась грусть, слышалось сожалѣніе о добромъ старомъ времени, когда...

Возвратившись домой, Василій Петровичъ, между прочимъ, сказалъ женѣ:

— Опять всякій вздоръ городили... Э-эхъ, право! Плетутъ, плетутъ, а ничего, кажется, изъ того не выйдетъ...

Онъ вздохнулъ и съ досадой махнулъ рукою. Потомъ онъ передалъ «ma chère» слышанное имъ о землемѣрѣ, и «ma chère» совершенно согласилась съ нимъ, что все это—«пустяки»...

V.

Скитающіяся души.

Хотя мерцали звѣзды и мѣсяцъ свѣтилъ, но лѣтняя ночь была темна, какъ вообще бываютъ темны въ той сторонѣ лѣтнія ночи. Верюгинъ, возвратившись въ свой флигель, почиталъ немного и затѣмъ, погасивъ свѣчу, вышелъ на крыльцо. Ему не хотѣлось спать. Онъ присѣлъ на ступеньки и, задумавшись,

сталъ безцѣльно смотрѣть на разстилавшійся передъ нимъ дворъ и на большой барскій домъ, сѣрою громадой рисовавшійся сквозь ночной сумракъ съ противоположной стороны двора. Густыя, темныя тѣни ложились отъ дома на пустынный дворъ, озаренный мѣсячнымъ сіяніемъ, словно подернутый серебристою паутиною. Деревья при мѣсяцѣ принимали какія-то странныя, причудливыя очертанія.

Висящево заснуло. Нигдѣ не видно было огня и все затихло. Только деревья въ рощѣ надъ головою Верюгина шушукались чуть слышно... Вдругъ собаки съ лаемъ бросились отъ конюшень къ воротамъ. Верюгинъ сталъ всматриваться по тому направленію, куда кинулись собаки, и у приворотнаго столба увидѣлъ какую-то неясную тѣнь. Тѣнь эта, повидимому, задабривала собакъ, желая ихъ успокоить, и подзывала ихъ къ себѣ. «Кто-нибудь изъ дворовыхъ возвращается домой съ гулянки, или какой-нибудь прохожій»... разсѣянно подумалъ Верюгинъ. А гулящихъ людей въ тотъ праздничный вечеръ проходило не мало мимо барскаго двора. Шли съ пѣснями; порой слышалась гармоника... Собаки, между тѣмъ, не унимались и тѣнь не трогалась съ мѣста. Желая выручить несчастнаго изъ неловкаго положенія, Ѳеофанъ Михайловичъ направился къ воротамъ и началъ присвистывать къ себѣ собакъ, уже успѣвшихъ хорошо познакомиться съ нимъ, такъ какъ онъ нерѣдко бросалъ имъ куски хлѣба. Собаки отступились отъ прохожаго и, помахивая хвостомъ, побѣжали къ Верюгину. Только одинъ глуный, молодой щенокъ не поддавался на его свистъ и продолжалъ наступать на незнакомца.

— Жучка! Жучка!—крикнулъ, наконецъ, на него Верюгинъ.

— Тебя-то мнѣ и надо!—вполголоса проговорила тѣнь.—Убери ихъ, пожалуста, да заставь замолчать!

— А-а! — протянулъ Верюгинъ, подходя къ незнакомцу, стоявшему у воротъ.—Пойдемъ!—и, взявъ пришельца за рукавъ, повелъ его во флигель.

Собаки тотчасъ же разбѣжались, какъ бы удовольствовавшись его рекомендаціею. Указавъ гостю на дверь, Верюгинъ на минуту пріостановился на крыльцѣ и осмотрѣлся по сторонамъ. Въ домѣ попрежнему было темно и тихо. Только взглянувъ на окно мезонина, онъ мелькомъ увидалъ, что бѣлая занавѣска въ окнѣ какъ будто на минуту была отдернута и затѣмъ быстро опустилась. Впрочемъ, быть можетъ, это почудилось ему...

— Какъ ты меня нашелъ здѣсь? — спросилъ онъ гостя, входя во флигель и запирая за собою дверь.

А гость, той порою, уже развалился на кровати.

— Да какъ! Промахнулъ въ Вязовку по твоему старому адресу... — медленно заговорилъ онъ, отчеканивая каждое слово и сильно упирая на «о», причемъ рѣчь его звучала грубо, но была чрезвычайно выразительна.— Твоя барыня осмотрѣла меня съ ногъ до головы, какъ какого-нибудь звѣря, нахмурилась, а адресъ все-таки дала... Что она — ручная?

— Да, не совсѣмъ дикая... Не написала-ли съ тобою посланія?—спросилъ Верюгинъ.

— Нѣтъ, не писала... скажите, говоритъ, ему низкій поклонъ! — все тѣмъ же размѣреннымъ тономъ промолвилъ гость.—А я у тебя день пробуду! До смерти усталъ...

— Можно!

Не зажигая огня, въ потемкахъ, долго бесѣдовали они.

— А что такое—Зоринъ? Важный баринъ? —спросилъ, между прочимъ, гость.

— Нѣтъ, далеко не важный...

— А кучера ему не нужно?

— Кучера здѣсь есть...

Гость тихо засмѣялся, какъ бы про себя... Говорили они о своихъ товарищахъ, о знакомыхъ, переговорили о многомъ. Ночныя тѣни начали сбѣгать, звѣзды гасли и небо свѣтлѣло. Румяная заря загоралась на востокѣ, за рощей, виднѣвшейся въ окно, и деревья уже ясно обрисовывались со своими раскидистыми вѣтвями на красномъ, пылающемъ фонѣ.

— Скоро солнце выглянетъ! Не пора-ли спать?—замѣтилъ Верюгинъ.

— А это бы хорошо!—согласился гость.

Въ комнатѣ становилось уже довольно свѣтло, и въ утреннемъ полусвѣтѣ можно было разсмотрѣть невысокую, коренастую фигуру незнакомца, стоявшаго посреди комнаты. Онъ былъ въ дорожномъ платьѣ, весь въ пыли. Его длинные сапоги до колѣнъ были забрызганы грязью. По костюму незнакомецъ походилъ на странствующаго купеческаго прикащика. Его черные волосы были гладко подстрижены. Лицо у него было загорѣлое, выразительное: большой, гладкій

лобъ, носъ нѣсколько широкій, глаза бойкіе, умные; губы довольно толстыя, крѣпко сжатыя. Когда онъ говорилъ или смѣялся особеннымъ своимъ смѣхомъ, «про себя», тогда были видны бѣлые блестящіе зубы. Онъ носилъ небольшую, но густую, окладистую бородку и небольшіе усы. Рѣшимость—рѣшимость почти отчаянная, до дерзости—и желѣзная сила воли были написаны на этомъ лицѣ, не красивомъ, но бившемъ въ глаза... Клементьевъ былъ давнишнимъ пріятелемъ Верюгина по Петербургу.

— Я, братъ, тебя здѣсь спать не положу: мухъ больно много, а уведу наверхъ, въ мѣста злачныя! Тамъ и сиди, пока я не возвращусь съ работъ... А возвращусь я сегодня рано...—сказалъ Верюгинъ.

У этого флигеля вверху была галлерея, выходившая на дворъ. На эту галлерею единственный ходъ велъ съ чердака черезъ полукруглое слуховое окно. На ней разсыпали для сушки рожь, кукурузу, хмѣль и всякую хозяйственную всячину. По узенькой, животрепещущей лѣстницѣ Верюгинъ провелъ гостя на чердакъ. Здѣсь было темно и такъ низко, что надо было ходить, сгорбившись въ три погибели, и притомъ все-таки ходившіе принуждены были касаться кровельныхъ балокъ. Утренній свѣтъ смутно пробивался въ полукруглое окно.

— А глянь-ка сюда! — промолвилъ Клементьевъ, указывая на окно, и пріятели выползли на галлерею.—Вотъ это хорошо... —сказалъ гость, ухвативъ одной рукою толстую липовую вѣтвь, протянувшуюся изъ рощи на галлерею, почти къ самому окну. — Можно и въ рощѣ погулять, если вздумается...

Клементьевъ тихо засмѣялся... Ухватившись за вѣтвь, дѣйствительно, можно было по липѣ спуститься въ рощу — при нѣкоторомъ умѣньѣ и ловкости.

На чердакѣ оказались охапки прошлогодняго хмѣля, груды старой овечьей шерсти, два-три какихъ-то старыхъ полушубка и кучи всякаго хлама и сора. Ночлегъ живо приготовили. Ложе изъ хмѣля и шерсти оказалось очень мягко, даже слишкомъ мягко для странника, привыкшаго ночевать гдѣ Богъ послалъ—и на землѣ, и на голыхъ доскахъ. Верюгинъ принесъ ночлежнику воды, хлѣба и кусокъ сухаго сыру.

— Теперь будемъ высыпаться! — проговорилъ Клементьевъ, растянувшись на своемъ ложѣ во весь ростъ и заложивъ руку за голову.

Было видно, что этотъ человѣкъ уже привыкъ къ скитальческой жизни, ко всѣмъ мытарствамъ. Подъ всякимъ неприхотливымъ кровомъ онъ былъ, какъ дома. Безпечно, съ наслажденьемъ развалился онъ теперь на старыхъ полушубкахъ. Своя несокрушимая философія, должно быть, была у этого человѣка...

Въ обычное время Ѳеофанъ Михайловичъ отправился на межовку. По своемъ возвращеніи съ работъ, не измѣняя разъ заведеннаго обыкновенія, онъ зашелъ въ «большой домъ» (такъ называлъ онъ барскій висящевскій домъ) и засталъ всю семью въ сборѣ, за вечернимъ чаемъ. Надя, допивъ свою чашку, пригорюнившись, сидѣла на порогѣ балкона. Ея вѣрный Бюффонка лежалъ съ нею рядомъ, положивъ ей на колѣни свою мягкую, красивую голову. Верюгинъ не безъ удивленія замѣтилъ, что Надя съ какимъ-то страннымъ любопытствомъ, пристально посмотрѣла на него, когда онъ вошелъ въ комнату. «Что бы это значило?» подумалъ онъ и въ свою очередь посмотрѣлъ на дѣвушку. Тутъ въ первый разъ глаза ихъ встрѣтились, но не надолго. Дѣвушка поникла головою и принялась гладить собаку, запустивъ въ ея мягкую, волнистую шерсть свою миніатюрную бѣлую ручку. Верюгинъ успѣлъ-таки уловить взглядъ этой дикарки... Она смотрѣла на него съ недоумѣніемъ и съ такимъ видомъ, какъ будто въ первый разъ увидала его передъ собою. Взглядъ ея темныхъ глазъ о чемъ-то настойчиво допытывалъ. «Что такое?» спросилъ онъ самого себя, искоса поглядывая на дѣвушку. На этотъ разъ онъ наскоро выпилъ чай и сталъ прощаться.

— А на бильярдѣ, Ѳеофанъ Михайловичъ, развѣ не сыграемъ?—встревожившись, спросилъ его Зоринъ.

Нѣтъ! Сегодня ему надо работать, много дѣла накопилось... Уходя, онъ опять замѣтилъ, что Надя задумчивымъ взглядомъ провожала его изъ столовой.

— Надя у насъ, кажется, начинаетъ интересоваться monsieur Верюгинымъ!—насмѣшливо промолвила Серафимочка, замѣтивъ долгій, пристальный взглядъ сестры.

Василій Петровичъ, по обыкновенію, громко расхохотался... Надя, молча, сердито взглянула на сестру, вскочила и въ сопровожденіи Бюффона вышла въ садъ. Легкій румянецъ игралъ на ея щекахъ, когда она шла по аллеѣ къ рѣкѣ.

Сбѣжавъ съ берега, Надя вскочила въ лодку и, отпихнувшись съ отмели, поплыла по теченію. На носу лодки, какъ статуя, сидѣлъ неподвижно Бюффонъ, поднявъ морду и смотря въ даль своими карими глазами... И лодка съ этими двумя пассажирами, плывшая по голубой, прозрачной рѣкѣ между зеленѣющими берегами, поросшими кое-гдѣ ветлами, ярко озаренными вечернимъ багровымъ свѣтомъ—представляла собою очень красивую картину.

Въ двухъ верстахъ отъ Висящева, на берегу той же рѣки, Большой Жингари, раскинулось Тепеньковское, небольшая бѣдная деревенька, дворовъ въ 20. Черезъ полчаса барышня, причаливъ лодку къ берегу, была уже въ деревнѣ и, наклонившись, входила въ черную покривившуюся избушку. Въ избушкѣ было сумрачно, грязно, душно. Солнечный лучъ пробивался сюда въ единственное оконце, позалѣпленное бумагой, и краснымъ пятномъ игралъ на закоптѣлой бревенчатой стѣнѣ. Мальчуганъ лѣтъ трехъ, съ бѣлыми, льняными волосиками, худенькій и грязный, замотанный въ какое-то тряпье, сидѣлъ на полу, играя пучкомъ завядшихъ полевыхъ цвѣтовъ. Дѣвочка, въ платкѣ, сдвинутомъ на лобъ, сгорбившись, сидѣла на лавкѣ у окна и ѣла корку черстваго ржаного хлѣба, обмакивая ее въ чашку съ квасомъ.

— Здравствуй, Степа! —проговорила Надя, подходя къ мальчугану.

Она сѣла къ нему на полъ и горячо поцѣловала его въ лобъ.

— Ну, что? Какъ онъ?—освѣдомилась Надя у пѣстуньи, которая даже не пошевелилась при ея входѣ, вѣроятно, уже достаточно привыкши къ такимъ посѣщеніямъ.

— Да все кàвкаетъ... *) отвѣтила та, жуя свою корку.—Иной разъ, просто, думаешь, помираетъ...—кавкаетъ, кавкаетъ, даже задохнется... и глазки закатитъ.

— Скажи Маринѣ, какъ съ работы-то воротится, чтобы по ложкѣ давала пить вотъ этого... утромъ и вечеромъ каждый день...—сказала барышня, подавая пѣстуньѣ зеленую стклянку.—А это, вотъ, чай и сахаръ... А вотъ сальный огарокъ—въ бумажкѣ... Пускай ему въ чай немножко сала накаплетъ! Это тоже хорошо...

— Ладно, скажу!—проговорила дѣвочка.

— Что ты, мой бѣдный? Что ты, мой хорошій? Иди-ка ко мнѣ,—обратилась барышня къ мальчугану, беря его къ себѣ на руки.—Степа боленъ? Да?

— Больно тутъ...—прошепталъ ребенокъ, указывая на горло.

— Ну, погоди, потерпи немного... пройдетъ!—утѣшала его Надя, ласково гладя по головкѣ и цѣлуя его.—Какой худенькій сталъ у меня Степа...—говорила она, грѣя въ своихъ рукахъ его холодныя ножонки.—Совсѣмъ извели бѣднягу...

Ребенокъ, очевидно, любилъ гостью и былъ очень доволенъ ея приходомъ. Невнятнымъ шопотомъ бормоталъ онъ ей что-то на своемъ ласковомъ дѣтскомъ языкѣ, сообщая, вѣроятно, какія-нибудь новости. И дѣвушка понимала его... Наконецъ, еще разъ повторивъ пѣстуньѣ свое наставленіе и поцѣловавъ на прощанье Степу, дѣвушка вышла изъ смрадной избы на вольный свѣтъ. Тутъ она остановилась еще у одной избы и, постучавъ въ оконницу, крикнула: «Эй! Кто тутъ есть?»

На зовъ ея скоро показался на порогѣ старикъ; сгорбленная фигура его рѣзко обрисовалась на фонѣ темныхъ сѣнецъ. Старикъ былъ очень дряхлъ, кривъ на одинъ глазъ, плѣшивъ и съ большою сивою бородою, лежавшей у него на груди.

— Лошадь-то, Андріянъ, нашли?—спросила у него Надя.

— Нашли, нашли, матушка!—зашамкалъ тотъ своими беззубыми челюстями.—За Большимъ Болотомъ нашли... Ужъ такого-то мы страху натерпѣлись—просто, бѣда!.. Да ты что не присядешь? Садись, посиди у насъ! Молочка не хошь-ли, а?—говорилъ старикъ, сметая рукою пыль съ лавочки, стоявшей у двери.

— Пожалуй, дѣдушка... Давай!—промолвила Надя, усаживаясь на лавку.

Лицо ея, какъ обыкновенно, было грустно, задумчиво. Теперь она засмотрѣлась на соломенную кровлю, поразметанную вѣтрами и непогодой. Пять ласточкиныхъ гнѣздъ лѣпились подъ кровлею.

— А правда, Андріянъ, что ласточки счастье приносятъ тому дому, у котораго гнѣзда вьютъ?—спросила она, когда старикъ явился изъ избы съ крынкою молока, съ ложкою и съ такимъ толстымъ ломтемъ хлѣба, какой, обыкновенно, отрѣзывается на завтракъ взрослому рабочему.

— Говорятъ, матушка, что правда...—отвѣтилъ тотъ, поставивъ передъ нею на лавочку свои съѣстные припасы.

*) Кашляетъ.

— А если правда, такъ отчего же вамъ особеннаго счастья нѣтъ?..—замѣтила дѣвушка.—Живете вы въ бѣдности...

— Ой голубушка! Да какъ же не въ бѣдности!—воскликнулъ Андріянъ.—Извѣстно, какое у насъ, у мужиковъ, счастье... Ну, кушай же, матушка! Кушай на здоровьице... Утрешняго удоя молочко-то, холодное, прямо съ погрѣбицы...

Старикъ очень радушно угощалъ барышню. А барышня, напившись молока, сказала ему «спасибо» и утерла ротъ рукавомъ, «по мужицки»,—какъ навѣрно замѣтила бы, если бы увидала, ея maman.

— Что же хлѣбца-то нашего не покушала, а? Не хошь?—шамкалъ дѣдъ.

—А Егоръ дома?—спросила барышня.

— Нѣту! Его на три дня отрядили по очереди ходить съ землемѣромъ!

— А-а! съ землемѣромъ?..—протянула Надя и затѣмъ, распрощавшись со старикомъ, направилась къ лодкѣ.

Большая Жингарь, не смотря на свое мелководье, была рѣчка очень быстрая. Теперь дѣвушкѣ пришлось плыть по ней вверхъ, противъ теченія, но она, какъ лодочница уже искусная, не могла устать. Тихо плыла она вдоль берега, неторопливо, мѣрно взмахивая веслами... Наступилъ вечеръ. Солнце уже закатилось за степью, и лучи мѣсяца, стоявшаго невысоко надъ землей, серебристымъ снопомъ, дрожа и колеблясь, отражались въ струяхъ рѣки. Дѣвушка задумчиво смотрѣла на зеленые берега и, словно, прислушивалась къ мѣрному плеску веселъ. Ветлы на берегу темнѣли, и темнѣла подъ ними вода. Свѣжій вѣтерокъ дулъ дѣвушкѣ прямо въ лицо и развѣвалъ ея короткіе волнистые волосы.

Какъ и всегда, задумчива, серьезна, возвращалась она изъ своихъ странствованій по крестьянскимъ избамъ и полямъ. Теперь Надя была одна, ни одинъ людской глазъ не подкарауливалъ за нею. Холодное, рѣзкое выраженіе, иногда замѣчавшееся въ ея лицѣ, теперь, казалось, исчезло безслѣдно. Кроткая, любящая, нѣжная душа сказывалась въ ея юномъ лицѣ, свѣтилась въ ея глазахъ. Да! Теперь ни maman не станетъ читать ей правилъ вѣжливости и приличій, ни сестры не станутъ смѣяться надъ нею, ни отецъ не пристанетъ къ ней съ разспросами изъ празднаго любопытства, ни горничныя не станутъ таращить на нее глазъ. Теперь она можетъ быть самой собою... Порою, налегая на весло, она тяжело вздыхала,—не отъ усталости, не отъ какой нибудь физической боли—нѣтъ! Смутные помыслы, какъ передразсвѣтныя тѣни, вопросы, догадки томили ее. Только одно ясно вставало передъ нею: семья чужда ей, она не можетъ быть счастлива на тотъ манеръ, на какой счастливы окружающіе ее; она не можетъ жить такъ, какъ живутъ всѣ кругомъ нея... Даже сестрѣ Сашѣ не рѣшается повѣрять она своихъ думъ и мечтаній послѣ того, какъ та однажды расхохоталась ей въ лицо надъ ея дѣтски-наивными признаніями, что если не жить, то, по крайней мѣрѣ, умереть хотѣлось бы ей «получше»... «Какъ же это такъ?» спросила ее Сашенька.—«Все равно, какъ ни умереть! Хоть бы на крестѣ!..» почти со слезами крикнула Надя и, рыдая, уткнулась лицомъ себѣ въ колѣна... Да! Сестра смѣялась надъ нею, называла ее «горячею головою». Правда: горячая голова у нея... но что же ей дѣлать со своею головою! Сестра, смѣясь, совѣтовала ей принять лавро-вишневыхъ капель, совѣтовала успокоиться, лечь спать. Охъ, если бы эти капли исцѣлили ея бѣдную, горячую голову! Если бы заснуть ей крѣпкимъ, крѣпкимъ сномъ!..

Съ тѣхъ поръ Надя спряталась, замкнулась въ самой себѣ, какъ улитка въ раковинкѣ. Не съ кѣмъ ей было дѣлиться своими думами... Такъ она и стала дѣвушкою молчаливою, нелюдимою, то страшно робкою, то рѣзкою до грубости; но дома—при *своихъ*—она всегда прежде всего оставалась гордою и неприступною, такъ что отецъ, за ея вѣчно нахмуренныя брови, часто звалъ ее «бутусомъ». Легче чувствовала она себя, вырываясь изъ дому въ поле, въ лѣсъ, на рѣку; даже въ грязныхъ, душныхъ избахъ она чувствовала себя лучше, нежели въ своемъ большомъ барскомъ домѣ. Ей было скучно, нестерпимо подъ роднымъ кровомъ: ее манило дальше отъ него—къ простымъ людямъ, на просторъ, на волю, въ уединеніе... Но ни простые люди, ни уединеніе не просвѣтляли ея смутныхъ догадокъ, а дома для нея уже окончательно царствовала тьма кромѣшная. Вопросы, догадки и сомнѣнія оставались неразрѣшенными и кошмаромъ тяготили впечатлительную, нервную дѣвушку...

Надю можно было сравнить съ туго-туго натянутою арфою, до того чувствительною и воспріимчивою, что не только грубое прикосновеніе руки, но даже легкое дыханіе перелетнаго вѣтерка заставляло дрожать ея стру-

ны, и съ нихъ поднимались жалобные, трепетные звуки. Если же на эту арфу налеталъ порывъ вѣтра посильнѣе, тогда она разражалась такимъ бурнымъ аккордомъ, какъ будто всѣ струны ея въ одну минуту готовы были съ трескомъ порваться. Вотъ самое вѣрное сравненіе... Съ этой дѣвушкой такъ и слѣдовало обращаться, какъ съ страшно чувствительнымъ, нѣжнымъ инструментомъ, который отъ малѣйшаго грубаго прикосновенія могъ разстроиться и поломаться. Но развѣ жизнь станетъ разбирать!.. Судьба иногда, какъ нарочно, осыпаетъ всяческими нѣжностями дрянную балалайку, а арфу безжалостно раскалываетъ въ щепы...

Правда, родныхъ Нади нельзя было упрекнуть въ жестокости или грубости. Они — люди недальніе, люди простой, топорной работы, люди — самые обыкновенные, но не изверги, не злодѣи. Для нихъ Надя являлась просто капризною, странною, причудливою дѣвушкой, очень разсѣянной, мечтательной или, по словамъ Юліи Вячеславовны, «думающей Богъ вѣсть о чемъ». Мамашѣ хотѣлось видѣть въ ней барышню, приличную во всѣхъ отношеніяхъ, съ хорошими манерами, въ родѣ ея несравненной Серафимушки. Поэтому она съ жаромъ занималась исправленіемъ Нади до тѣхъ поръ, пока не отчаялась въ успѣхѣ и не махнула на нее рукой. Теперь она ограничивалась лишь тѣмъ, что въ интимныхъ бесѣдахъ распространялась съ глубокимъ сожалѣніемъ объ упрямствѣ дочери и очень мрачными красками рисовала ея будущее. «Ой, бѣда, бѣда!» говорила она. «Ужъ сломитъ она себѣ шею... Когда-нибудь наживемъ мы съ нею хлопотъ...»

Немудрено, что, благодаря муштрованью, Юлія Вячеславовна, съ ея грошовою моралью и съ вѣчными указаніями, какъ дѣвица должна вести себя—надоѣла и наскучила Надѣ. И хотя теперь дѣвушка не слыхала уже отъ матери нравоученій, но, по воспоминаніямъ о вынесенныхъ непріятностяхъ, не могла переломить себя и оставалась холодною къ своей родительницѣ. Къ отцу она относилась безразлично... Старшая сестра вѣчно витала въ мірѣ свѣтскихъ удовольствій. Избалованная въ семьѣ, упоенная лестью и дешевыми успѣхами въ обществѣ, убѣжденная въ могуществѣ своихъ прелестей, Серафимушка съ чужихъ словъ и сама, наконецъ, стала считать себя славою и гордостью своей семьи. Съ высоты ея воздушнаго пьедестала, ей казалось, что она составляетъ чуть-ли не центръ всего извѣстнаго ей человѣчества. Узкій эгоизмъ, развившійся въ ней до крайней степени, ставшій ея религіей, нашептывалъ ей, что все должно служить *ей* и быть у *ея* ногъ. И съ удивительною наивностью выказывала она свой эгоизмъ во всей его безобразной наготѣ. Надя чувствовала, что между нею и Серафимушкою лежала пропасть... Сестра Сашенька своею практичностью отталкивала ее отъ себя и охлаждала ея порывы откровенности. Благодаря такой обстановкѣ, произошло то, что по природѣ пылкая, страстная, живая дѣвочка стала мало-по-малу дѣвушкою молчаливою, сосредоточенною въ самой себѣ, рѣзкою въ обращеніи съ семьянами и притомъ дѣвушкою болѣзненною. Жаръ ея, не находя себѣ исхода, сжигалъ ее самое, какъ на медленномъ огнѣ. Она становилась все болѣе и болѣе грустною, раздражительною, и эта раздражительность должна была неминуемо отражаться на ея слабомъ здоровьѣ...

Арфа надломилась...

Верюгинъ не счелъ нужнымъ представлять Зоринымъ своего захожаго пріятеля. Въ тотъ же вечеръ, когда Надя посѣщала Тененьковское, только немного позже, Ѳеофанъ Михайловичъ провожалъ своего гостя. Около полуночи, когда огни уже погасли и все заснуло въ усадьбѣ, они отправились къ рѣкѣ. Густыя облака, высоко нагромоздившіяся, какъ горы, и теперь, ночью, казавшіяся совсѣмъ черными, заволакивали мѣсяцъ, и оттого тѣни еще больше сгущались надъ землею. Въ воздухѣ было тихо; листъ на деревьяхъ не шевелился. Неподвижно и мрачно высились деревья въ саду, словно объятыя дремотою. Порою лишь доносились издалека стоны перепела и завыванія какой-то ночной птицы...

Когда пріятели пришли на берегъ, рѣка въ ночномъ сумракѣ казалась совершенно черною, какъ будто, вмѣсто воды, въ нее были налиты чернила. Сѣли въ лодку и тихо, осторожно стали пробираться по мелководью. Верюгинъ еще не зналъ хорошо мѣстъ въ рѣкѣ, и поэтому лодка часто набѣгала на камни, а въ концѣ концовъ быстриною ихъ отнесло гораздо ниже того мѣста, куда они разсчитывали пристать. Верюгину удалось, впрочемъ, довольно ловко завернуть подъ ветлы, нависшія надъ берегомъ... Блестящій край мѣсяца въ ту минуту выглянулъ изъ-за обла-

ка, но подъ ветлами, гдѣ остановилась лодка, попрежнему царствовалъ мракъ...

— Если уѣду съ утреннимъ поѣздомъ, то завтра къ вечеру буду въ Ряжскѣ?..—полувопросительно замѣтилъ Клементьевъ.

Верюгинъ, молча, кивнулъ ему головою.

Гость на прощанье крѣпко сжалъ ему руку, выпрыгнулъ изъ лодки и, продравшись сквозь ветельникъ, въ тотъ же мигъ потонулъ въ ночномъ мракѣ, окутывавшемъ степь...

VI.

Клубокъ разматывается.

На другой день, вечеромъ послѣ работъ, Верюгинъ нашелъ на балконѣ одну Александру Васильевну, страшно усталую.

— Вы совсѣмъ кажетесь мученицей!—замѣтилъ онъ, садясь съ нею рядомъ.

— Да, вотъ кстати... Помните, мы говорили съ вами...—начала Сашенька.—Вотъ теперь видите: каково легко достается мнѣ!.. Иногда сама сѣно пошевелишь, погребешь; иной разъ немного пожнешь,—скучно вѣдь такъ-то сидѣть безъ дѣла. Право, придешь вечеромъ иной разъ домой такая усталая, такая разбитая, — точно руки и ноги отнимаются... Къ тому же, и работы у насъ еще производятся такимъ патріархальнымъ манеромъ, что люди иногда, дѣйствительно, мучатся....

— Теперь вы не злитесь... за то же и я съ вами поговорю серьезно... Хотите?—сказалъ Верюгинъ, взглядывая на свою собесѣдницу.—Ваши поиски за настоящимъ дѣломъ возбуждаютъ къ вамъ участіе... Мнѣ жаль васъ! Если между нами условлено говорить откровенно... вѣдь, кажется, условлено?—пріостановился Верюгинъ.

Дѣвушка, молча, кивнула ему головой.

— Такъ я вамъ скажу, что вы со своимъ теперешнимъ дѣломъ напоминаете крыловскую басню: «Крестьянинъ и мартышка»... Вы помните ее?

Сашенька помнила эту басню...

Затѣмъ Верюгинъ сталъ говорить о «безплодномъ толченіи воды» въ Петербургѣ и вообще въ большихъ городахъ, о томъ, что время «болтовни» уже проходитъ, что люди стали убѣждаться въ безсиліи «щучьяго велѣнья, да нашего прошенья», что само на свѣтѣ ничего не сдѣлается...

— Здѣсь, въ Висящевѣ, вѣдь вы отрѣшены отъ міра живыхъ!—замѣтилъ онъ.—Вы не можете слѣдить за ходомъ общественнаго движенія. О настоящемъ вы судите по прошедшему, котораго образчики вамъ приходилось видѣть. Теперь уже произошли большія перемѣны... Вы слишкомъ рано ударились въ отчаяніе!

Въ это время Надя, выйдя на балконъ, вдругъ—къ великому удивленію Верюгина—присѣла на ступеньку у ногъ сестры и спросила:

— Я вамъ не помѣшаю?

— Я думаю, что у насъ секретовъ нѣтъ!—промолвилъ Верюгинъ, взглядывая на Сашеньку.

— Конечно!—согласилась и та, впрочемъ, съ оттѣнкомъ легкой досады.

— Вы ухватились за сельское хозяйство, какъ за якорь спасенія!—продолжалъ Верюгинъ.—Я очень хорошо понимаю васъ... но не можетъ быть, чтобы вы были довольны собой...

— Я сама чувствую, что мнѣ не выдержать долго этой роли!—перебила его дѣвушка.—Я уже подумывала все это бросить и ѣхать въ Петербургъ на медицинскіе курсы...

— Въ чемъ же дѣло?—подхватилъ Верюгинъ.—Очень хорошо быть врачемъ! Дорога удобная... Но, разумѣется, званіе врача не должно быть единственною цѣлью...

— Конечно! Но прежде всего—учиться и учиться...—съ жаромъ заговорила дѣвушка.—Ну, что я знаю? Что я могу сдѣлать хорошаго?.. Согласитесь!.. Положимъ, я читала много. Но все-таки иной самый простой вопросъ можетъ поставить меня втупикъ! А все оттого, что я не получила систематическаго, основательнаго образованія.

— Боюсь я...—началъ Верюгинъ.—Я зналъ въ своей жизни людей, которые начинали учиться съ доброю цѣлью и учились такъ долго и такъ прилежно, что наконецъ, повидимому, совсѣмъ забывали эту добрую цѣль. И люди дѣлались самодовольными филистерами, иногда, правда, очень учеными... но что жъ изъ того!

— Нѣтъ!—возразила Сашенька.—Я хочу быть полезною и для того хочу знать, по возможности, больше, потому что безъ знаній я не могу приносить пользы.

— Но вѣдь у васъ уже есть знанія... Подѣлитесь же съ другими тѣмъ, что у васъ есть!—замѣтилъ Верюгинъ.

— А если я сама сознаю недостаточность своихъ знаній!—упорствовала дѣвушка.

— А сколько народа лишено даже и такихъ неполныхъ, недостаточныхъ знаній, какими обладаете вы! — возражалъ онъ.—Да впрочемъ, что жъ... учитесь!.. Только не забудьте: для чего стали учиться...

Все это время Надя внимательно прислушивалась къ разговору, не проронивъ изъ него, повидимому, ни одного слова.

Она ничего не спросила, ничего не сказала. Но зато съ какимъ восторгомъ, сидя въ тотъ вечеръ на берегу, на своемъ любимомъ бугоркѣ подъ елями, сознавала она, что наконецъ-то темная завѣса готова подняться передъ нею, что нашелся человѣкъ, могущій указать ей азбуку для пониманія тѣхъ заколдованныхъ грамотъ, которыя длинною хартіей начинали развиваться передъ нею въ тѣ минуты, когда она сегодня вечеромъ слушала его горячія, убѣдительныя рѣчи. Тѣ рѣчи находили отзывъ въ ея душѣ... Она крѣпко прижимала руки къ груди и пристально всматривалась въ быстро текущія у ногъ ея синія волны, съ однообразнымъ, тихимъ шопотомъ плескавшіяся на песчаную отмель. Вѣчно-юныя, вѣчно-зеленыя ели свѣшивали надъ нею свои мохнатыя, темныя вѣтви. «Онъ скажетъ *правду!* Онъ все скажетъ»... невольно вслухъ вырвалось у Нади. А сердце ея билось такъ быстро-быстро...

А Сашенька? Куда дѣвалась ея строптивость, ея увлеченіе сельско-хозяйственными задачами?.. Правду сказать, она еще до встрѣчи съ Верюгинымъ уже порядочно охладѣла къ хозяйству, не найдя въ немъ того, чего искала и что могло бы соотвѣтствовать либеральному образу ея мыслей. Нападеніе Верюгина вызвало съ ея стороны отпоръ лишь единственно въ силу привычки, да ради упрямства. Ей показалось, что Верюгинъ смѣется надъ нею, хочетъ поучать ее. Она не терпѣла вмѣшательства въ свои дѣла и не выносила нравоученій — особенно отъ посторонняго человѣка. Притомъ же, Верюгинъ показался ей однимъ изъ тѣхъ праздношатающихся людей, которыхъ не мало развелось въ наше время и которые на словахъ «города берутъ», а на дѣлѣ—ни съ мѣста. Впрочемъ, со временемъ ей пришлось разубѣдиться относительно Верюгина и признаться въ своей ошибкѣ... Еще до встрѣчи съ нимъ дѣвушка уже готова была сдѣлать поворотъ отъ своей сельско-хозяйственной дѣятельности,—и его разсужденія, сначала принятыя ею враждебно, дали лишь толчокъ ея рѣшимости. Послѣдній же разговоръ покончилъ всѣ ея колебанія... Въ концѣ іюля она поѣдетъ въ Петербургъ. Она, какъ институтка, надѣялась поступить на курсы безъ экзамена. Со стороны родныхъ ей не пришлось выдерживать особенной бури... Юлія Вячеславовна уже дошла до того, что для нея—«хоть трава не расти»...

— Часъ отъ часу не легче!—со вздохомъ замѣтила она, услыхавъ отъ Сашеньки объ ея новомъ намѣреніи, и съ кислою усмѣшкою покачала головой.

Въ самомъ дѣлѣ, развѣ ей не все равно: съ мужиками-ли дочь ея будетъ возиться, или станетъ рѣзать трупы, знаться со студентами и «съ тѣми противными стриженными женщинами!»... Эта несчастная maman уже не могла болѣе ничего потерять: кромѣ Серафимушки, дочери были для нея уже потеряны давно—съ тѣхъ поръ, какъ она убѣдилась воочію, что изъ нихъ не удастся сдѣлать барышень съ хорошими манерами, барышень «авантажныхъ», — по ея собственному выраженію.

— Ха, ха, ха! Это еще что такое!—загототалъ Василій Петровичъ. — Опять у тебя новыя выдумки пошли... Не въ политикѣ-ли участвовать захотѣлось? Драть бы васъ всѣхъ хорошенько!..

— Что это, папаша, какой вздоръ вы городите! — хладнокровно возразила ему дѣвушка. — Просто, я хочу учиться! Вѣдь не я—первая, не я—послѣдняя. Вонъ, генеральскія дочери нынѣ учатся...

Не глупая дѣвица была Александра Васильевна. Знала она: какимъ оружіемъ надо было ей сражаться съ отцомъ.

— Ну, что же!—тономъ ниже продолжалъ тотъ. — И генеральскія дочери всякія бываютъ на свѣтѣ... Только дѣло не въ томъ! Неужто вы думаете, что васъ станутъ приглашать лѣчить? Полно, пожалуста! Да я первый не позволю дѣвицѣ лѣчить себя! Да это, просто, скандалъ... И неужто вы думаете, что будете хорошими докторами? Никогда!.. Во-первыхъ, у васъ силенки нѣтъ... А, знаешь, иногда доктору-то какую силу нужно имѣть при операціи?

— Ну, хирургію и откиньте! — согласилась Сашенька.—Хоть о силѣ-то еще можно поспорить...(вставила она между словъ). А лѣченье всѣхъ другихъ болѣзней совершенно доступно женщинѣ. Женщина будетъ даже лучшимъ врачемъ, чѣмъ мужчина... Повѣрьте!

— Никогда не повѣрю, никогда!.. — возражалъ Зоринъ.—Ни во вѣки вѣковъ не повѣрю... Помилуйте,—скажите! А если такой лѣкарь самъ забеременѣетъ... Ну, какъ же тутъ?.. Нѣтъ! Я допускаю, что женщины могутъ быть только акушерками... ну-у! лѣчить, пожалуй, отчасти женскія болѣзни... Это имъ пристало. А при остальныхъ больныхъ быть имъ только—сидѣлками!..

— Ученые люди не такъ рѣшили!—замѣтила Сашенька.

— Ваши ученые люди заврались! — въ тонъ ей пропѣлъ отецъ.—Пусть они сначала сдѣлаютъ, чтобъ вы не брюхатѣли... Вотъ что!

— Василій Петровичъ! Да пощадите же!— умоляющимъ тономъ воскликнула Юлія Вячеславовна.

— Ты-то чего кипятишься!—съ досадою огрызнулся на нее муженекъ.—Сама не брюхатѣла, что-ли? (Василій Петровичъ любилъ иногда какимъ-нибудь рѣзкимъ словомъ или вольной шуткой «вгонять въ краску» свою женушку, помѣшанную на приличіяхъ и бонтонности). Ужъ если дѣвицы нынѣ слушаютъ про это, глазомъ не моргнувъ, такъ тебѣ-то и подавно нечего тутъ ахать...

— Я сгорѣла бы со стыда...—зашептала Юлія Вячеславовна, копаясь надъ своей рабочей корзинкой.

— Ну, и сгорай себѣ на здоровье, коли охота! — съ серьезной комичностью проговорилъ мужъ. — Нѣтъ, матушка!—обратившись къ Сашенькѣ, продолжалъ онъ.—Сама природа поставила вамъ въ беременности и во всякихъ вашихъ немощахъ такую преграду, что ее же не прейдеши...

— А какъ же бабы-крестьянки до послѣдняго дня работаютъ, а на другой день послѣ родовъ опять ужъ принимаются за работу!— возразила дѣвушка.

— Нечего сказать—сравнила!—воскликнулъ отецъ.—Мало-ли что — крестьянки... Вонъ, деревенскіе-то ребятишки зимою бѣгаютъ босикомъ по снѣгу... А вы развѣ пробѣжите!

Василій Петровичъ собственно спорилъ потому, что былъ врагъ всякой эмансипаціи. Даже самое это слово казалось ему ненавистнымъ... Если дѣвица убѣгала съ любовникомъ и дѣлалась его содержанкой,—Василій Петровичъ называлъ ее просто дурой. «Таковская и есть!»... Если жена уходила отъ мужа, тоже была дура, которую слѣдовало бы подвергнуть домашнему наказанію. Но все это были проступки обыкновенные, за которые, по его мнѣнію, казни не полагалось. Но женщина эмансипированкая, студентка... Брррр! При этихъ ужасныхъ словахъ его бросало даже въ холодъ. Понятіе объ эмансипированной женщинѣ «вообще» являлось для него еще въ довольно расплывчатомъ видѣ. Но студентки... О! *эти* представлялись ему въ самомъ зловѣщемъ свѣтѣ. Стриженыя, въ короткомъ платьѣ, въ очкахъ — хуже, мерзѣе всякихъ кіевскихъ вѣдьмъ. Онъ не видалъ ни разу студентки въ дѣйствительности и не самъ, конечно, выдумалъ ее въ такомъ видѣ: онъ вычиталъ ея описаніе у какого-то романиста... Ему представлялось, что студентка ходитъ, непремѣнно размахивая руками, громко смѣется, заговариваетъ на улицѣ съ мужчинами, приглашаетъ ихъ къ себѣ, вступаетъ въ какія-то «партіи», участвуетъ въ заговорахъ, въ разныхъ уличныхъ безпорядкахъ, безъ церемоніи бываетъ бита и вообще отличается отъ публичной женщины лишь тѣмъ, что занимается политикой и носитъ очки. Дѣйствительно, такимъ образомъ одинъ романистъ описывалъ нигилистку своего времени (студентокъ тогда еще не было, и онѣ не могли попасть подъ перо размашистаго бытописателя); Василій Петровичъ почему-то разомъ и навсегда черты нигилистки перенесъ и на студентку.

Теперь, отпуская дочь въ Петербургъ, онъ оставался глубоко убѣжденъ въ томъ, что его Сашенька—вовсе не то, что другія, что она воспитана въ *такихъ* правилахъ (въ какихъ? онъ собственно и самъ не зналъ), что она не можетъ сбиться съ пути истиннаго и «пойти на совѣтъ нечестивыхъ». Онъ никакъ не могъ представить свою дочь въ томъ отвратительномъ, позорномъ видѣ, въ какомъ грезились ему студентки. Для него дочь не будетъ студенткою, но останется попрежнему «Сашенькой». Булькнулъ же онъ ей про политику, просто, ради краснаго словца, а совсѣмъ не потому, чтобы боялся: какъ бы его Сашенька «не попалась». Тѣ, что «попадаются», — дрянныя дѣвчонки, люди совсѣмъ иного сорта... Нѣтъ! Его безпокоила лишь та мысль: что скажутъ сосѣди, что заговорятъ?.. Но замѣчаніе Сашеньки о «генеральскихъ дочеряхъ» попало въ цѣль, заставивъ его утѣшиться и отбросить прочь свои опасенія.

Вечеромъ, возвратившись съ работъ, Верюгинъ нашелъ Сашеньку въ саду на скамьѣ,

съ книгою на колѣняхъ. Дѣвушка вкратцѣ передала ему свой разговоръ съ родителями и затѣмъ съ досадою принялась рѣзко критиковать отцовскія воззрѣнія на женскій вопросъ.

— Этакіе допотопные взгляды только и можно, кажется, встрѣтить въ нашей поганой глуши!—говорила она.—Мнѣ даже просто совѣстно за него, когда онъ начинаетъ такъ говорить...

— Напрасно вы волнуетесь!—возражалъ Верюгинъ.—Ничего новаго онъ не сказалъ... Онъ повторилъ лишь то, о чемъ уже издавна трубятъ на всѣ лады...

Въ эту минуту за разговаривавшими послышался легкій шорохъ, и Верюгинъ оглянулся, запнувшись на полусловѣ. За ними стояла Надя.

— Что тебѣ?..—спросила ее сестра.

— Я пришла посидѣть съ тобою...—отвѣтила та, не глядя на Верюгина, и тихо присѣла на край скамейки.

Верюгинъ на минуту остановилъ на ней свой взглядъ. Надя сидѣла, слегка опустивъ голову; по ея неловкимъ движеніямъ, по блѣдному, взволнованному лицу можно было догадаться, что ей стоило не малаго труда подойти къ разговаривающимъ. Только страстное желаніе и необыкновенная рѣшимость могли заставить ее преодолѣть ея нелюдимость.

— Я васъ предупреждаю, — продолжалъ Ѳеофанъ Михайловичъ, — что вездѣ — и въ Петербургѣ — вы можете легко столкнуться съ противниками женской самостоятельности, и отъ нихъ вы услышите то же самое, что̀ говорилъ вамъ папаша, только съ тою разницею, можетъ быть, что они станутъ выражаться помягче. Даже между учеными вы найдете противниковъ... Чего же вы хотите отъ степняковъ, изъ которыхъ не всѣ даже и въ гимназіяхъ-то поучились, ограничившись лишь уѣзднымъ училищемъ или какимъ-нибудь гувернеромъ. Они только и знаютъ свой «Домострой»... Они прямо говорятъ, что женщина—слаба, глупа и годится только въ кухарки или въ наложницы. Они не сами дошли до этого своимъ умомъ, но получили въ наслѣдство отъ своихъ предковъ вмѣстѣ со всякимъ прочимъ хламомъ. Рабство женщины, это—большое историческое недоразумѣніе. Оно слагалось вѣками, и одному или двумъ поколѣніямъ не подъ силу вырвать его изъ жизни. Нужно, чтобы люди сознали несправедливость и невыгоду этого рабства. Сознаніе — первый шагъ... Въ дѣйствительности, это сознаніе, переходя въ дѣло, можетъ встрѣтить много препятствій, и препятствій, до того сильныхъ, что не въ состояніи будетъ разомъ осуществиться на практикѣ. И идея принуждена будетъ на время отступить, но только — «на время»... Идея, разъ сознанная умами, — уже никогда не умираетъ, не исчезаетъ изъ міра. Она постоянно будетъ пытаться перейти изъ области отвлеченной въ жизнь дѣйствительную, будетъ пытаться до тѣхъ поръ, пока не сдѣлается фактомъ, за который станетъ большинство, а противъ котораго очутится лишь незначительная кучка «послѣднихъ могиканъ»... Я, разумѣется, говорю не о женскихъ курсахъ, но вообще о развитіи идеи... Впрочемъ, я, кажется, слишкомъ распространился... Я хотѣлъ только сказать, что вамъ не за что сердиться на папашу и волноваться изъ-за его шутокъ... Право, такъ! Вы смотрите на его рѣчи, какъ на шутки!

— Совершенно согласна съ вами! — отозвалась Сашенька.—Но вѣдь досадно же слушать, какъ онъ относится къ учащимся женщинамъ. Онъ сравниваетъ ихъ чуть-ли не съ самыми дурными женщинами... Иногда даже дрожь возьметъ со злости, какъ онъ начнетъ честить ихъ!.. Это ужасно!

— Ничего нѣтъ ужаснаго!—перебилъ ее спокойно Верюгинъ. — А вотъ вы такъ, кажется, нервная барышня... Какъ-то ужо вы съ cadaver'омъ будете ладить! Право... Васъ смущаетъ грубость, руготня... Да вѣдь вы же знаете, что представителей каждой новой идеи большинство всегда гнало, потому что возвѣщаемая ими идея шла въ разрѣзъ съ установившимся порядкомъ вещей! Развѣ вы не знаете, что такихъ людей въ темницахъ томили, жгли на кострахъ, терзали, мучили, — и каждый, казалось, старался добиться счастія бросить въ нихъ камнемъ или придушить?.. Старая исторія! Что же при этомъ значатъ глумленіе и какія-нибудь плоскія, глупыя насмѣшки! Сущій вздоръ!.. Скажемъ такъ: если вы ищите богатства, почестей, славы,—той славы, что оффиціально, такъ сказать, въ трубу трубитъ,—то не сходите съ проторенной широкой дороги, по которой идутъ всѣ. Если вы дорожите родственными узами, личными привязанностями, добрымъ людскимъ мнѣніемъ о себѣ, то опять-таки не сходите съ широкой дороги. Людское мнѣніе васъ не пощадитъ... Въ этомъ отношеніи не-

чего глаза закрывать! Мало того, что перетолкуютъ ваши побужденія, переврутъ самыя ваши дѣйствія... васъ еще оклевещутъ! Станутъ бросать въ васъ не только камнями, но и грязью... Это ужъ—такъ!.. Впрочемъ, повторяю: это не идетъ къ вашему положенію. Поступить на женскіе курсы можно нынче не только безопасно, но еще, пожалуй, можно стяжать за то одобреніе и похвалы со стороны... Развѣ какая-нибудь старосвѣтская Пульхерія Ивановна возстаетъ нынче противъ этихъ курсовъ...

Верюгинъ при этомъ повернулся къ своей собесѣдницѣ. Та сидѣла, понуривши, а изъза плеча ея онъ увидѣлъ Надю, пристально смотрѣвшую на него. Верюгинъ уловилъ ея лихорадочно горѣвшій взглядъ, яркій румянецъ, разлившійся по щекамъ и, словно, розовымъ налетомъ покрывшій ея шею. Ея рѣсницы слегка дрожали, будто на глаза ея набѣгали слезы... Дѣвушка быстро отвернулась отъ него, но было уже поздно... Онъ уже видѣлъ свою гудоновскую Діану живою, видѣлъ ее сошедшею съ холоднаго мраморнаго пьедестала. Вотъ тутъ, въ зеленой тѣни деревьевъ, вдругъ очутилась она передъ нимъ во всей силѣ, во всемъ могуществѣ своей классической красоты...

— Конечно, только отсталый человѣкъ можетъ говорить противъ курсовъ!—замѣтила Александра Васильевна.

— Но я все-таки повторяю вамъ: не сердитесь на нихъ!—убѣдительно проговорилъ Верюгинъ.—Во время оно, они васъ подвергли бы пыткамъ, отодрали бы кнутомъ и изувѣченную, пожалуй, еще сожгли бы на кострѣ. Нынче они могутъ только безсильно злобствовать и изрыгать хулы. Оставьте же имъ ихъ насмѣшки и ругательства, если они могутъ утѣшиться тѣмъ въ своемъ пораженіи! Оставьте имъ хоть что-нибудь за всѣ ихъ потери—прошлыя, настоящія—и еще болѣе ожидающія ихъ въ близкомъ будущемъ!

— Хорошо резонерствовать, когда вамъ не приходится выслушивать такихъ милыхъ рѣчей! — возразила ему Александра Васильевна. — Вѣроятно, вы не оставались бы такъ спокойны и разсудительны, если бы были сегодня утромъ на моемъ мѣстѣ...

— Гм! Неужто вы думаете, что мнѣ не приходилось на своемъ вѣку слыхать ничего подобнаго? — усмѣхаясь, заговорилъ Верюгинъ.—Приходилось,—увѣряю васъ... и теперь приходится нерѣдко слышать... Сначала я тоже спѣрилъ, горячился. И меня пронимала дрожь, когда при мнѣ несли всякій вздоръ и чепуху, и мнѣ хотѣлось зажать ротъ противнику однимъ рѣзкимъ словомъ. Да! Повторяю: я самъ волновался... Поэтому я и говорю вамъ теперь, чтобы вы успокоились и понапрасну не впадали въ неистовство... Я убѣдился въ томъ, что ни Демосѳенъ, ни Цицеронъ не могли бы сломить упрямства и живучести человѣческихъ заблужденій. Бороться съ рутиною на словахъ тяжело: рутина слѣпа, глуха и глупа... Сколько есть такихъ людей, которые упрутся въ стѣну лбомъ и преусердно бодаютъ твердый камень. Иному вы докажете его ошибку ясно, убѣдительно, а онъ все-таки упрется, какъ быкъ, и — ни съ мѣста!.. Неубѣжденные бываютъ двухъ сортовъ: одни изъ нихъ дѣйствительно, изъза чада своихъ заблужденій, не видятъ свѣта; другіе же, въ душѣ уже сложившіе оружіе, изъ болѣзненно развитаго самолюбія, продолжаютъ отрицательно качать головою. Первые—жалки, вторые—смѣшны и противны, какъ вообще всякіе лицемѣры. Первые могутъ быть людьми съ очень сильнымъ характеромъ, людьми дѣятельными, по своему честными, — то-есть могутъ быть *добрыми* язычниками. Сдѣлавшись обращенными, они становятся ревностными проповѣдниками истины, въ родѣ апостола Павла... Вторые—ни рыба, ни мясо, ни въ городѣ Богданъ — ни въ селѣ Селифанъ, люди безхарактерные, сотканные изъ тщеславія, легкомыслія и горделивости самой низшей пробы... Да! Такъ вы думаете: вокругъ меня мало такого, что могло бы вывести меня изъ терпѣнія, будь я помоложе... Студентами, бывало, мы цѣлыя ночи спорили. Кто изъ насъ не помнитъ этихъ лихорадочныхъ безсонныхъ ночей! Тутъ и философія, и политика, и идеалы, и жизнь съ ея беззаконіями и безобразіями, жизнь, почти діаметрально противоположная идеалу, вопросы о скудости и богатствѣ, о свободѣ, о братствѣ,—все тутъ обсуждалось рѣзко, горячо, до устали, до изнеможенія... Все это бывало прежде, а теперь прошло!

— А что жъ теперь?—спросила Сашенька.

— Теперь діалектическій турниръ меня уже не манитъ, потому что — должно признаться — въ ту пору нѣкоторые изъ насъ не мало-таки упражнялись въ діалектикѣ. Теперь я узналъ, что мысль, широкіе планы и рѣшимость для ихъ осуществленія родятся и зрѣютъ въ тиши уединенья и вовсе не нуж-

даются въ шумномъ обществѣ... Будда, Моисей, Магометъ, Аполлоній Тіанскій принесли свое ученіе людямъ не изъ академій, не изъ какихъ-нибудь Аѳинъ, — они принесли его изъ безмолвія пустынь, изъ одиночества. И люди, распространявшіе ихъ ученіе и умиравшіе въ мукахъ, были не академики, но простые рыбари, люди, жившіе лицомъ къ лицу съ природою и оттого такіе сильные, смѣлые и могучіе...

— Если бы теперь я могъ также волноваться, какъ во дни оны, да я просто могъ бы съ ума сойти...—немного помолчавъ, проговорилъ Верюгинъ. — Грубыя, циничныя слова вашего папаши, просто, цвѣточки въ сравненіи съ тѣми ягодками, какія разсыпаются вокругъ насъ открыто, устно и печатно...

— Вотъ какъ! Папаша въ васъ еще нашелъ защитника!—съ улыбкою сказала Сашенька.

— Еще бы! Вы посмотрите, что пишется нынѣ...—продолжалъ онъ.—Вы читали когонибудь изъ нашихъ новѣйшихъ борзописцевъ?

Онъ назвалъ нѣсколько именъ. Дѣвушка отрицательно качнула головой.

— Нѣтъ? Напрасно!—съ усмѣшкою промолвилъ Верюгинъ.—А вѣдь это—наши патентованные мудрецы... Ихъ слушаютъ, ихъ читаютъ... Вашъ папаша въ сравненіи съ ними болтливый добрякъ — и больше ничего! Онъ скажетъ слово, да тотчасъ же и забудетъ его—ради картъ или охоты. А тѣ—современные фарисеи—только вѣдь тѣмъ и живутъ, что инсинуируютъ, клевещутъ и затемняютъ умы. Въ этомъ, повидимому, ихъ призваніе и слава... Теперь я смотрю на нихъ спокойно, какъ на необходимое зло! Вѣдь мы не сердимся же, напримѣръ, лѣтомъ на мухъ, на комаровъ, на мошекъ! А это—точно такая же тля, живущая какъ бы одинъ лишь вечеръ—въ сравненіи съ вѣчностью... Каждою своею печатною строчкой, каждымъ своимъ словомъ, они даютъ лишь поводъ съ сугубою ясностью обличать себя въ лукавствѣ и невѣжествѣ...

— Что же, Ѳеофанъ Михайловичъ... На бильярдѣ-то мы сыграемъ съ вами? — крикнулъ въ эту минуту съ балкона Василій Петровичъ. — Неужто мои дѣвчата еще не наскучили вамъ? Онѣ, пожалуй, рады весь день балагурить... А вы смотрите: партнера у меня не отбивать! — грозя пальцемъ барышнямъ, добродушно добавилъ онъ.

— Слышите? Ну, развѣ же это—злодѣй! —вполголоса промолвилъ Верюгинъ, усмѣхнувшись и укоризненно посмотрѣвъ на Сашеньку.

Онъ поднялся съ мѣста и пошелъ на зовъ своего любезнаго хозяина.

Въ бильярдной уже были зажжены лампы, и Иванъ Степанычъ, разставивъ шары, помѣстился въ амбразурѣ окна въ ожиданіи игры.

— Удивляюсь: что такое сдѣлалось съ Надей...—говорилъ Василій Петровичъ, старательно натирая мѣломъ кончикъ своего кія.

— А что такое?—спросилъ Верюгинъ и, слегка прищурившись, выставилъ свой шаръ прямо противъ желтаго.

— Да какъ же! околдовали вы ее, что-ли?—отозвался хозяинъ. — Вѣдь она у насъ не только чужихъ людей—даже своихъ дичится... Право!.. Э-э, батенька, вижу, вижу: куда вы мѣтите! Да не удастся... нѣтъ!.—и Василій Петровичъ при этомъ прогналъ желтаго вдаль къ самому борту.

— Она, признаться сказать, и меня сторонится... Я, кажется, съ ней еще двухъ словъ не сказалъ... — проговорилъ Ѳеофанъ Михайловичъ, кладя краснаго въ уголъ.

— Нѣтъ! Какъ можно... Она васъ не чурается. Я ужъ не первый разъ вижу, какъ она сидитъ съ вами и сестрой... О-о! Это ужъ много значитъ...—говорилъ Зоринъ.—Да вы что же это... обыгрывать! А-а, наконецъ-то!.. —и ему удалось сдѣлать дуплетъ въ уголъ— его любимый ударъ...

Верюгинъ ужъ и самъ не разъ удивлялся, что его «степная Діана» не бѣжитъ отъ него, а напротивъ, повидимому, интересуется его бесѣдами съ Александрой Васильевной. Василій Петровичъ теперь еще болѣе подстрекнулъ его любопытство... Но баринъ окончательно увлекся игрой, и разговоръ о Надѣ, оборвавшись на полусловѣ, не продолжался болѣе въ тотъ вечеръ за бильярдомъ.

VII.

Типы нашихъ захолустій.

Надя все пуще и пуще интересовала Верюгина.

Галлерея лицъ, встрѣченныхъ имъ на распутіяхъ жизни, велика, и въ ней есть много прекрасныхъ лицъ, но немногія изъ нихъ поражали его такъ глубоко, такъ полно, какъ

образъ этой блѣдной, симпатичной деревенской дѣвушки. И Верюгинъ при всякомъ удобномъ случаѣ разспрашивалъ о ней, когда, разумѣется, приходилось кстати. Онъ ужъ зналъ, какъ опасно для мужчинъ показаться заинтересованнымъ какою бы то ни было молодою дѣвушкой. Онъ зналъ, что заговори хоть языкомъ ангеловъ,—и все-таки не увѣришь кумушекъ (мужскаго и женскаго пола) въ томъ, что въ головѣ и мысли нѣтъ объ «амурахъ»... «Разсказывайте сказки! Знаемъ мы!» скептически усмѣхаясь, замѣтятъ ему проницательные читатели. «Старушкою, небось, не заинтересуетесь»... И Верюгину, дѣйствительно, ни за что не убѣдить этихъ глупо хихикающихъ и вѣчно подозрѣвающихъ кумушекъ въ томъ, что онъ также точно интересовался бы Надей и въ томъ случаѣ, если бы она была надѣлена всѣми ужасами безобразія... Никто въ мірѣ, кажется, менѣе Верюгина не обращалъ вниманія на красивую оболочку и не придавалъ ей цѣны больше той, какой она заслуживала по справедливости. Нѣтъ! Въ его Діанѣ было что-то сильнѣе, обаятельнѣе обыкновенныхъ женскихъ прелестей.

— Ваша младшая сестра, кажется, очень молчаливая особа!—сказалъ онъ однажды вечеромъ Александрѣ Васильевнѣ, встрѣтившись съ нею въ саду.

— Да! Она у насъ какая-то странная, Богъ ее знаетъ...—отвѣчала ему та.—И совершенный еще ребенокъ... Мужчинъ, напримѣръ, терпѣть не можетъ. Когда, бывало, посмѣются надъ нею, укажутъ на какого-нибудь молодого человѣка, какъ на ея жениха, или скажутъ: «вотъ ужо замужъ ее выдадимъ!»—такъ вѣдь, просто, бѣда! Скандалъ! Покраснѣетъ, взбѣсится, наговоритъ дерзостей—прямо въ лицо, ничѣмъ не постѣснится... Щекотлива-до глупости.

— А давно она по деревнямъ-то странствуетъ?—спросилъ Верюгинъ довольно разсѣянно, какъ бы вовсе не интересуясь отвѣтомъ.

— Давно... съ малыхъ лѣтъ она все съ ребятишками...—сказала барышня.—Насъ, вотъ, хоть въ институтъ отдали; мы хоть тамъ кое-чего понахватались, а она—все дома. Она была дѣвочка очень хилая. Все думали, что умретъ... Ну, по причинѣ слабаго здоровья, ее и не отдали въ институтъ и гувернантки съ нея меньше спрашивали, чѣмъ съ насъ. Вотъ и вышло изъ нея такое чудушко... А какъ вы ее находите: не правда-ли, вѣдь она очень неразвита? Она не знаетъ самыхъ обыденныхъ вещей, которыя знакомы любому гимназисту перваго или второго класса...

— Я, право, такъ мало ее знаю, что ничего не могу сказать!—уклончиво отозвался Верюгинъ.

— Всѣ родные почему-то думаютъ, что она—не жилица на бѣломъ свѣтѣ...—послѣ небольшой паузы продолжала Сашенька.—Я этого не думаю... Скрипучее дерево долго живетъ... А мнѣ кажется, что она такъ и останется навсегда полубарышнею, полумужичкою—какою-то дикаркой...

— Она откровенна съ вами?—перебилъ ее собесѣдникъ.

— Нѣтъ!—усмѣхнувшись, отвѣтила Сашенька.—Прежде она говаривала со мной... И, знаете, любимое время для разговоровъ у нея было по ночамъ. Усядется, бывало, ко мнѣ на постель или вдругъ заходитъ по комнатѣ—и ходитъ, ходитъ... Но однажды я, грѣшный человѣкъ, посмѣялась надъ ея признаніями. Съ тѣхъ поръ и отъ меня она заперлась на замокъ. Ни гу-гу!.. Упряма, чортъ знаетъ какъ!.. «Ничего же я тебѣ больше не скажу!» крикнула, знаете, съ такимъ сердцемъ, вся вспыхнула, расплакалась, разрыдалась... Помню: всю ночь тогда она не спала и все что-то бормотала: «Никого, никого»... И сдержала свое слово. Наши разговоры по ночамъ прекратились, и я лишилась навсегда ея довѣрія...—съ комическою важностью закончила Сашенька.

Вообще, послѣднему разсказу она придала какой-то смѣшной оттѣнокъ.

— Что же, она передавала вамъ свои мечты, свои планы на будущее?—спросилъ Верюгинъ.

— Да! Бредни всякія...—нехотя отвѣтила дѣвушка.—Не любо—не слушай... Ужасный сумбуръ у нея въ головѣ... Я говорю, напримѣръ: Надя, тебѣ учиться надо: ты ничего не смыслишь!—А вы, говоритъ, съ сестрою учились, да умнѣе оттого не стали... И это у нея выходитъ, какъ бы, не дерзость, а, просто, она свое мнѣніе *такъ* высказываетъ!..

— О чемъ же—ея мечты?—перебилъ Верюгинъ.

— Да все глупости... Впрочемъ, становится сыро. Пойдемте-ка домой!—проговорила Александра Васильевна.

Около этого времени Верюгину случайно

пришлось познакомиться съ «Медвѣдемъ», который впослѣдствіи оказался очень полезнымъ господиномъ.

«Медвѣдемъ» въ околоткѣ звали Илью Яковлевича Петрищева. Это былъ холостякъ, помѣщикъ средней руки, помѣщиками нелюбимый и многими даже не признаваемый себѣ за рѣвню. Онъ былъ отщепенцемъ, жилъ особнякомъ, на дворянскихъ съѣздахъ его не видали, ни въ какихъ барскихъ затѣяхъ онъ не участвовалъ. Какъ своимъ костюмомъ и образомъ жизни, такъ и своими взглядами и дѣятельностью онъ отличался отъ окрестнаго помѣщичества. Онъ былъ человѣкъ не глупый, кое-чему поучившійся и страшно самолюбивый. Сначала онъ, рѣшительно, не видѣлъ никакихъ средствъ для того, чтобы затмить прочихъ своихъ собратьевъ или, по крайней мѣрѣ, выдѣлиться изъ среды ихъ и внушить къ себѣ чувство уваженія или страха.

Начать съ его наружности... Онъ—средняго роста, худощавъ, съ длинными руками, сутуловатъ, ходитъ, слегка прихрамывая и вздергивая лѣвое плечо выше праваго. Лицо у него — блѣдновато-желтое, слегка изрытое оспой и съ грубыми, топорными чертами; носъ толстый, въ видѣ груши, сѣрые глаза, при волненіи становившіеся красными—отъ прилива крови; длинные, черные усы съ просѣдью, опущенные книзу; волосы—тоже темные съ просѣдью, всегда выстриженные подъ гребенку, сухіе и жосткіе, стоящіе торчкомъ, какъ щетина. Не смотря на свою неуклюжесть, онъ былъ человѣкъ очень живой, ловкій, подвижной, довольно сильный,—особенно сильны были его большія и длинныя руки... Но какъ бы то ни было—наружностью онъ не могъ взять. Илья Яковлевичъ и самъ это сознавалъ...

Богатствомъ своимъ онъ также никого удивить не могъ: имѣньице ему досталось отъ отца небольшое, разоренное. Нельзя ему было заводить блестящіе экипажи и ухорскія тройки и такимъ образомъ сорить деньги. Онъ не могъ ни устраивать пировъ, ни заводить парадныхъ костюмовъ. Служилъ онъ недолго и не надѣялся выслужить никакихъ почестей, ибо онъ былъ человѣкъ честный, правдивый и притомъ страшно упрямый... Лѣтъ 20 тому назадъ, поселившись въ своей Дербенькѣ, Илья Яковлевичъ тотчасъ же увидалъ, что ему придется спрятать свое самолюбіе въ карманъ, если онъ не захочетъ перемѣнить обычнаго барскаго образа жизни. И вотъ понемножку сталъ онъ отдаляться отъ общества помѣщиковъ. Сосѣди рѣдко навѣщали его; онъ и того рѣже показывался къ нимъ. Ему непріятно было разъѣзжать по барскимъ усадьбамъ на парѣ своихъ неказистыхъ лошадокъ, въ досчатой таратаечкѣ; также непріятно было ему показывать и скудость своей домашней обстановки. Мѣстные зубоскалы подсмѣивались надъ его старымъ домомъ съ соломенной кровлей, острили надъ его вихрастыми, толстоногими лошадками, надъ его Аниской, служившимъ ему поваромъ, кучеромъ, плотникомъ, камердинеромъ, скотникомъ и т. д. Илья Яковлевичъ очень хорошо сознавалъ, что онъ не глупѣе и не смѣшнѣе тѣхъ, которые глумились надъ нимъ. Онъ не могъ и не желалъ прослыть ни подлипалой, ни приживалкой, ни смиреннымъ бѣднякомъ. Самолюбіе не допускало его смириться до унизительной роли—до самоуничиженія.... Между тѣмъ, на дворянскихъ съѣздахъ и собраніяхъ ему не давали рта разинуть: никто не слушалъ его, никто вниманія на него не обращалъ, какъ на «мелкопомѣстнаго»... Его постоянно оттирали на задній планъ...

«Ну, ладно! Наплевать же, коли такъ!» —сказалъ Петрищевъ самому себѣ и, замкнувшись въ своей Дербенькѣ, сталъ отщепенцемъ, отростилъ бороду, ходилъ по мужицки—лѣтомъ въ сѣромъ полукафтаньѣ, зимою въ дубленомъ полушубкѣ, работалъ на полѣ, научился хорошо пахать, охотился на зайцевъ, на волковъ... Но тутъ, въ минуты одиночества, ему какъ-то пришло на мысль, что жить отшельникомъ—не слѣдъ, что жить такъ, какъ живетъ онъ, тоскливо и безполезно. Онъ вовсе не желалъ, чтобы его забыли и считали мертвымъ, какъ бы похороненнымъ въ его Дербенькѣ. Напротивъ, ему хотѣлось, чтобы о немъ помнили даже и тогда, какъ онъ дѣйствительно ляжетъ въ могилу. Поэтому-то, отрѣшившись отъ барскаго общества, онъ задумалъ пристать къ мужикамъ. Не по знакомству съ исторіей Юлія Цезаря, но собственнымъ умомъ дошелъ онъ до той мысли, что лучше быть первымъ между крестьянами, чѣмъ послѣднимъ среди баръ,—и сталъ сближаться съ мужиками. Самъ грубый и нетребовательный, онъ легко вошелъ въ крестьянскую среду. По праздникамъ онъ ѣздилъ къ знакомымъ мужикамъ въ гости, ходилъ съ ними на охоту, пилъ съ ними чай и водку и бесѣдовалъ за панибрата, какъ свой человѣкъ. Говорилъ онъ пословицами, пого-

ворками, да не избѣгалъ и крѣпкаго словца. Ему не приходилось «поддѣлываться», ломаться: самъ онъ въ душѣ былъ мужикъ... Крестьяне ходили къ нему за рублями, за лѣкарствомъ, за совѣтомъ. Илья Яковлевичъ хотя не получилъ университетскаго образованія, но все-таки знаній у него было больше, чѣмъ у крестьянъ. Онъ даже читалъ газеты... Сколько умѣлъ и сколько могъ, онъ дѣлалъ добро крестьянамъ. Тутъ-то, заручившись вліяніемъ въ крестьянствѣ, онъ увидалъ, что его личныя цѣли совершенно совпадали съ исконными требованіями справедливости. Онъ почувствовалъ, что нашелъ ту силу, которая —безъ ухарскихъ троекъ съ блестящими переметами, безъ знатности и красоты—можетъ вынести его на верхъ волны житейскаго моря, можетъ дать значеніе ему—«мелкопомѣстному», можетъ утѣшить его взамѣнъ потери прочихъ земныхъ благъ и, между прочимъ, можетъ даже отомстить за него тупоголовымъ собратьямъ...

И мало-по-малу въ околоткѣ заговорили объ Ильѣ Яковлевичѣ, какъ о «мужицкомъ предводителѣ», заговорили такъ шибко, что про него скоро узналъ весь уѣздъ. Онъ былъ избранъ въ земскіе гласные и на собраніяхъ сидѣлъ не съ помѣщиками, не на «почетныхъ», переднихъ скамьяхъ, но оставался посреди крестьянъ. Въ то время, о которомъ идетъ рѣчь въ моемъ разсказѣ, Петрищевъ справедливо хвалился, что въ земскомъ собраніи его партія—самая большая. Дѣйствительно, крестьяне-гласные составляли почти двѣ трети земскаго собранія. Во время антрактовъ, Илья Яковлевичъ добросовѣстно разъяснялъ крестьянамъ значеніе того или другого предложенія... Помѣщики попрежнему звали его «Медвѣдемъ», но смѣялись надъ нимъ уже не спроста, не шутки ради, а со злости и досады. Его ненавидѣли, но уже не могли презирать, ибо съ нимъ приходилось считаться, да еще часто считаться безуспѣшно и нести пораженія... Петрищевъ добился-таки своего.

Когда онъ нападалъ на земскую управу или ратовалъ за крестьянскіе интересы противъ предложеній гласныхъ-дворянъ, тогда стоило посмотрѣть на него. Густымъ басомъ гремѣлъ онъ со своей скамьи, не краснорѣчиво, не блестяще, но сильно и мѣтко поражая своихъ противниковъ... Онъ размахивалъ своими длинными ручищами, взбивалъ свою сивую бороду и ужасно ерошилъ свои и безъ того всегда взъерошенные волосы. Въ эти минуты онъ казался выше и красивѣе, чѣмъ былъ на самомъ дѣлѣ... Онъ говорилъ просто, кратко, но иногда съ повтореніями—для того, чтобы усилить свою мысль и вѣрнѣе довести ее до сознанія слушателей. Крестьяне разумѣли каждое его слово...

Однажды, когда Верюгинъ былъ на работахъ, день выдался ясный и жаркій. Верюгину страшно хотѣлось пить, а въ степи, гдѣ онъ ходилъ на ту пору, какъ на грѣхъ, не встрѣчалось ни одного родника. Въ полуверстѣ виднѣлся хуторъ, и туда-то отправился за водою Ѳеофанъ Михайловичъ со своей походною фляжкою. Онъ уже зналъ, что это—Дербепька, резиденція «мужицкаго предводителя», и шелъ теперь на хуторъ не безъ тайной надежды увидать это странное существо, о которомъ уже не мало слыхалъ диковинокъ и отъ m-me Маркушевой, и отъ Зоринныхъ.

Хуторъ глядѣлъ съ виду очень простовато. Господскій домъ съ соломенною кровлею представлялъ собою избу, лишь съ тою разницей, что при ней не имѣлось крытаго двора, да окна въ ней были побольше, чѣмъ въ обыкновенной крестьянской избѣ. Въ старомъ, низкомъ и очень длинномъ строеніи—неподалеку отъ дома — помѣщались: каретникъ, конюшни и скотный дворъ. Между этимъ строеніемъ и домомъ находилась погребушка, вырытая въ землѣ и покрытая дерномъ... Хуторъ стоялъ посреди голой степи, на юру: ни сада, никакого другого жилья при немъ не было видно. Двѣ-три жалкія ветелки зеленѣли позади барскаго дома, а за ними тянулась рига съ ворохами соломы. Дворъ отъ степи ничѣмъ не отгораживался, и на дворѣ противъ дома находился большой колодецъ.

Въ то время, какъ Верюгинъ пришелъ на хуторъ, подлѣ колодца стоялъ самъ хозяинъ, опершись ногою на колодезный срубъ и покуривая трубку. Онъ былъ безъ шапки, въ свѣтлой ситцевой рубахѣ «на выпускъ», въ какой-то желтовато-грязной поддёвкѣ и въ сѣрыхъ штанахъ, заправленныхъ въ длинные сапоги. Изъ-подъ руки посмотрѣлъ онъ на приближавшагося Верюгина, не перемѣняя позы и не выпуская изо рта трубочки. По желтовато-блѣдному лицу, по длиннымъ чернымъ усамъ и по одеждѣ Верюгинъ тотчасъ же догадался, что видитъ передъ собой самого «мужицкаго предводителя».

— За водой пришелъ къ вамъ... До смерти

пить хочется!—промолвилъ онъ, подходя къ колодцу и поздоровавшись съ хозяиномъ.

— Сами достанете или вамъ начерпать?—спросилъ тотъ.

Верюгинъ сказалъ, что онъ съумѣетъ достать самъ. Пока онъ пилъ и наполнялъ свою фляжку студеною водою, Медвѣдь пристально, съ недовѣрчивостью, искоса посматривалъ на него.

— Вѣроятно, вы—землемѣръ?—спросилъ хозяинъ.

Верюгинъ отвѣчалъ утвердительно. Землемѣръ, повидимому, понравился Медвѣдю, потому что морщины на лбу его поразгладились и сѣрые глаза его, до тѣхъ поръ смотрѣвшіе угрюмо, стали посвѣтлѣе.

— Устали? Не хотите-ли зайти въ домъ?—предложилъ онъ.

Верюгинъ усталъ, вспотѣлъ, не прочь былъ выкурить папиросу гдѣ-нибудь въ тѣни и думалъ, что онъ можетъ на минуту зайти въ домъ, такъ какъ ничто, кромѣ его соломенной кровли, здѣсь не давало тѣни.

— Я слышалъ, вы—у Зориныхъ теперь... Ну, что — какъ «машеры» поживаютъ?—грубо-насмѣшливо говорилъ Петрищевъ, пока они шли къ дому.

Верюгинъ сказалъ, что Зорины живы и здоровы.

— Знаю я ихъ... взбалмошные, съ придурью! Впрочемъ, есть хуже ихъ... — отрывисто говорилъ хозяинъ.—Самъ-то лежебокъ, а женушка все нюни распускаетъ... Дочерей не знаю... Старшую только видалъ въ городѣ... Настоящая герцогиня! Хвостъ—во-о какой!.. (Петрищевъ широко размахнулъ руками). Подоломъ пыль такъ и мететъ...

— Садитесь лучше на лавку! Стулья-то всѣ поломаны...—сказалъ Илья Яковлевичъ, вводя гостя въ комнату.

Комната была довольно большая, съ бревенчатыми стѣнами и съ самою разнокалиберною мебелью. Тутъ были стулья съ плетеными и деревянными сидѣньями, шкапъ съ полустекляннною дверью, красный, грубо выкрашенный столъ и лавки кругомъ стѣнъ. На стѣнахъ висѣли: картинка, написанная масляными красками, изображающая Лазаря у порога богача, старинная гравюра—видъ могилы Наполеона I на островѣ св. Елены и портретъ генерала Ермолова. Въ переднемъ углу, вмѣсто образовъ, висѣлъ большой старинный мѣдный крестъ, съ изображеніемъ на немъ распятаго Христа. За крестомъ была заткнута сухая верба... Въ растворенныя двери видна была другая — маленькая комната въ одно окно, съ простымъ деревяннымъ столомъ, очевидно, служившая кабинетомъ; тутъ стояла деревянная некрашеная кровать, съ одной кожаною подушкою и съ войлокомъ вмѣсто постели. На стѣнѣ видно было нѣсколько ружей, пистолетовъ, охотничій рогъ, а стѣна около кровати была вся завѣшана темнобурою шкурою большого «матёраго» медвѣдя.

— Хата у меня не велика, да и я не великъ человѣкъ... Съ меня будетъ!—говорилъ Петрищевъ, садясь противъ гостя на лавку.—Живу одинъ... Только вотъ нынче племянникъ пріѣхалъ погостить на лѣто... Кончилъ въ гимназіи, отдохнуть захотѣлъ... Убѣжалъ теперь куда-то въ поле. Замучили, говоритъ, древніе языки... Да скоро-ли же ихъ, въ самомъ дѣлѣ, уберутъ? Пора бы, кажется... Побаловались—и шабашъ!..

Верюгинъ намѣревался просидѣть «минуту», а просидѣлъ между тѣмъ часа два и не видалъ, какъ прошло время. Онъ, наконецъ, взглянулъ на часы и собрался уходить...

— Ну, я свое дѣло сдѣлалъ, предостерегъ васъ... теперь ужъ вы сами, какъ знаете...—говорилъ Медвѣдь, провожая его на крыльцо.

— Спасибо, спасибо! — промолвилъ тотъ, пожимая хозяину руку.

— Право! — продолжалъ Петрищевъ. — Вѣдь у насъ изъ мухи слона дѣлаютъ...

— А зато слона не примѣчаютъ... — съ усмѣшкою отозвался Верюгинъ. — Надѣюсь видѣться съ вами въ городѣ...—добавилъ онъ.

— Очень, очень радъ! — пробасилъ Медвѣдь, крѣпко потрясая ему руку.

— А когда у васъ начнется сессія?

— Въ началѣ октября! — отвѣтилъ хозяинъ.—Не забудьте же: я останавливаюсь у мѣщанина Непьянова, противъ склада.

«Нашего полку отовсюду прибываетъ!» говорилъ про себя Верюгинъ, идя по раскаленной степи, подъ горячими лучами яркаго лѣтняго солнца...

КНИГА ТРЕТЬЯ.

I.

Подъ шумокъ.

22-го іюля, по случаю дня рожденія Василія Петровича, въ Висящевѣ собралось много гостей. Праздничный день съ самаго утра былъ удушливо зноенъ; въ воздухѣ стояла мертвая тишина. Всѣ окна въ домѣ были раскрыты настежъ, но не смотря на то, начиная съ Матюшки и кончая хозяевами, всѣ обливались потомъ... До обѣда, какъ водится, мужчины все выпивали и суесловили. Обѣдъ прошелъ шумно, весело. Василій Петровичъ порядочно «начокался» съ пріятелями и кричалъ и смѣялся громче всѣхъ. Юлія Вячеславовна и дамы—такія же тучныя, какъ она—къ концу обѣда осовѣли уже окончательно и сидѣли, безсмысленно вытаращивъ глаза и полураскрывъ рты. Послѣ обѣда мужчины сѣли за карты; немногіе изъ нихъ ушли съ дамами на террасу. Барышни, взявшись подъ руки, бродили по саду.

— Серафимчикъ! Правда-ли, что у васъ живетъ какой-то землемѣръ?—говорила одна барышня со вздернутымъ носикомъ и темными глазками, большая хохотунья и вертушка.—Говорятъ, очень интересный personnage!

— Ничего въ немъ особеннаго нѣтъ!—отвѣчала Серафимушка. — Папаша, впрочемъ, сошелся съ нимъ и очень хвалитъ его...

— Но гдѣ же онъ? Или онъ не показывается?—спросила другая дѣвица сомнительнаго возраста, уже третій годъ подъ рядъ считавшая себѣ 25 лѣтъ.

— Теперь онъ на работахъ... не знаю, гдѣ-то въ степи! Съ Сашенькой все о чемъ-то разсуждаетъ!—пояснила Серафимушка.

— Не нигилистъ-ли онъ?—вскричала черноглазая.—Ахъ, какъ мнѣ хотѣлось бы посмотрѣть на него... Господи!—протянула она жалобно. — Хоть бы однимъ-однимъ глазкомъ взглянуть...

— Успокойтесь, душечка! Онъ, можетъ быть, покажется вамъ...—язвительнымъ тономъ утѣшала барышню ея не старѣющаяся подруга.—Вѣдь онъ придетъ сюда, Серафимушка? Не правда ли?

— Вѣроятно, придетъ...—съ снисходительной улыбкой отвѣчала ей та.

Дѣйствительно, вечеромъ, когда гости пили чай, явился Верюгинъ — не въ обычномъ своемъ костюмѣ, но весь въ черномъ—въ наглухо застегнутомъ сюртукѣ, изъ-за котораго узкою полоской бѣлѣлъ отложной воротничокъ сорочки. Его густые, волнистые волосы—безъ всякой прически, какъ всегда — были взбиты, какъ львиная грива, и красиво оттѣняли его загорѣлое энергичное лицо. Небрежно и лѣниво, слегка переваливаясь, какъ человѣкъ усталый, вошелъ онъ въ комнату и прямо направился къ тому столу, за которымъ игралъ Василій Петровичъ. Тотъ наскоро отрекомендовалъ его гостямъ; всѣ исподтишка разглядывали его съ ногъ до головы, какъ невиданнаго звѣря. Толки о кунявинскихъ волненіяхъ были еще свѣжи въ памяти... Поговоривъ съ дамами о томъ, о семъ, объ ихъ деревенскомъ житьѣ-бытьѣ, о Петербургѣ, пошутивъ и побалагуривъ съ ними, Ѳеофанъ Михайловичъ отправился къ играющимъ и пожелалъ Василію Петровичу проиграть—для того, чтобы быть счастливымъ въ любви, за что тотъ съ громкимъ хохотомъ оттолкнулъ его отъ себя, шутливо замѣтивъ, что его время «уже прошло».

— У меня, батенька, ужъ всѣ страсти улеглись...—кричалъ онъ.—Теперь для меня козырная дама лучше всѣхъ дамъ на свѣтѣ. Да-съ!..

— Очень милый молодой человѣкъ!—сказала по уходѣ Верюгина одна барыня.

Остальныя согласились съ нею. Женщины иногда удивительно быстро составляютъ свои мнѣнія... Барышнямъ, какъ существамъ болѣе романическимъ, Верюгинъ, весь въ черномъ и со своей косматой гривою, показался таинственнымъ и страшнымъ, хотя нигилиста въ немъ онѣ и не признали.

— Ахъ, ma chère, онъ — настоящій Робертъ-дьяволъ!—шепнула Серафимушкѣ темноокая дѣвица, почему-то представившая себѣ, что Верюгинъ долженъ былъ непремѣнно походить на Роберта-дьявола, хотя никакого Роберта-дьявола она никогда и въ глаза не видала...

Въ комнатахъ было накурено, жарко и душно... Верюгинъ вышелъ въ садъ, а оттуда, никѣмъ не замѣченный, прошелъ къ себѣ во

флигель и, накинувъ вмѣсто сюртука пальто, отправился въ степь... Вдали гремѣло и вспыхивала молнія. Темныя тучи тяжелою, безобразною массой шли съ юго-запада, медленно надвигаясь. Солнце уже совсѣмъ затонуло въ черныхъ клубахъ. Причудливы и страшны были очертанія тучъ. Тамъ, казалось, горы громоздились одна на другую, поминутно мѣняя свой видъ. Темные склоны ихъ быстро расплывались въ какихъ-то неопредѣленныхъ, сѣроватыхъ оттѣнкахъ, а свѣтлѣвшія до тѣхъ поръ вершины этихъ воздушныхъ фантастическихъ горъ вдругъ превращались въ черныя зіяющія бездны,—и яркія молніи бороздили эти бездны синеватымъ, бѣглымъ сіяніемъ, озаряя на мгновеніе ихъ мракъ... И вся эта масса двигалась, неслась съ шумомъ и, казалось, приближалась къ землѣ...

Верюгинъ прошелъ по степи версты двѣ и, взойдя на зеленѣющій бугоръ, остановился на его вершинѣ. Отсюда далеко открывался видъ на окрестности. Висящево осталось позади Верюгина, а прямо передъ нимъ, направо и налѣво, разстилалась голая безлюдная степь. Вдали сгущались синеватыя тѣни, набрасываемыя тучами. Густыя ветлы, росшія по скату холма, шумѣли и гнули по вѣтру свои вершины. Высокая, сухая трава также пригибалась къ землѣ... Верюгинъ снялъ шапку и оборотился лицомъ къ вѣтру. Такъ пріятно, вырвавшись изъ душныхъ, дымныхъ комнатъ, очутиться на свѣжемъ открытомъ воздухѣ, на степномъ просторѣ... Крупными, рѣдкими каплями накрапывалъ дождь, но большого дождя, повидимому, нельзя было ожидать. Зато молніи ослѣпительно горѣли въ темныхъ тучахъ и громъ грохоталъ, не умолкая. А Верюгинъ стоялъ на вершинѣ холма, съ наслажденіемъ вдыхая чистый степной воздухъ. Сильный, порывистый вѣтеръ дулъ ему въ лицо. Онъ стоялъ, выпрямившись во весь ростъ, высоко поднявъ голову, и смотрѣлъ на тучи, съ молніями и съ громомъ проносившіяся надъ его головою. Глядя на его смѣлую, самоувѣренную позу и на выразительное, энергичное лицо съ крѣпко сжатыми губами и съ твердымъ, рѣшительнымъ взглядомъ, можно было подумать, что этотъ человѣкъ вышелъ помѣряться съ бурею. Такъ, по крайней мѣрѣ, думалъ юноша, лежавшій въ ту пору на скатѣ холма и давно уже изъ-за ветелъ слѣдившій за Верюгинымъ.

— Что это вы... какъ будто бурю на бой вызываете!—съ усмѣшкою проговорилъ онъ, приподнимаясь на локтѣ.

— А вы отъ бури прячетесь! — въ тонъ ему отозвался Верюгинъ, посмотрѣвъ внимательно на юношу.

— Да зачѣмъ же на вѣтру-то стоять?—возразилъ тотъ.—Еще того гляди—съ ногъ свалитъ... А я здѣсь — въ затишьѣ, смотрю, наблюдаю...

— А помните: «Есть упоеніе въ бою, и бездны мрачной на краю, и въ разъяренномъ океанѣ... и въ аравійскомъ ураганѣ, и въ дуновеніи чумы»...

Верюгинъ съ дѣтства любилъ грозу—и во время грозы съ какимъ-то наслажденіемъ бѣжалъ въ поле, въ степь — встрѣчать грудью напоръ вѣтра, слушать, какъ съ тяжкимъ грохотомъ и трескомъ надъ его головой проносился громъ, и слѣдить за молніей, полымемъ охватывавшей черныя тучи. И верѣдко измокшій, дрожащій возвращался онъ домой...

— Но теперь гроза уже проходитъ... — сказалъ юноша.—Идите, прилягте здѣсь!

— Пожалуй!—согласился Верюгинъ, спускаясь съ холма.

— Кашинцевъ! — отрекомендовался юноша, приподнимаясь съ земли и пожимая Верюгину руку, а тотъ назвалъ ему себя и прилегъ подъ ветлы.—Мнѣ дядя сказывалъ про васъ...—говорилъ юноша.—Вы были у него безъ меня... Петрищевъ! Помните?.. еще такой чудакъ...

Верюгинъ отвѣтилъ, что онъ знаетъ его дядю, что дядя его — очень почтенный человѣкъ.

— А вы не замѣтили, что онъ какъ будто немного рехнулся?—понизивъ голосъ, спросилъ его молодой человѣкъ.

— Изъ чего вы это заключаете?—въ свою очередь спросилъ его Ѳеофанъ Михайловичъ.

— Да какъ же... ни съ кѣмъ онъ не знается, водится съ мужиками... Всѣ про него говорятъ *такъ*...—пояснилъ Кашинцевъ.

— Ахъ, только-то...—съ улыбкою протянулъ Верюгинъ.—Ну, это-то, положимъ, еще не доказательство сумасшествія... Конечно, онъ можетъ казаться страннымъ, но все-таки онъ умнѣе многихъ здѣшнихъ помѣщиковъ. Вы не смотрите на то, что его зовутъ «медвѣдемъ»...

— Вы это серьезно говорите?—спросилъ юноша, нѣсколько смутившись и недовѣрчиво взглянувъ на Верюгина.

— Разумѣется, серьезно... — отвѣтилъ тотъ и пристально посмотрѣлъ на своего собесѣдника.

— Но съ нимъ такая скука... — пробормоталъ Кашинцевъ. — Знай только трубку свою куритъ, да ругается... Кромѣ мужиковъ, никого у него не увидишь!

— Отчего же вы не бываете у Зориныхъ! Тамъ, вонъ, барышни есть... — съ улыбкою замѣтилъ Верюгинъ.

— Я съ ними не знакомъ. Дядя вѣдь всѣхъ помѣщиковъ отъ себя отпугалъ... — съ легкимъ вздохомъ промолвилъ юноша.—Такая тоска, право... А въ Висящевѣ сегодня, я слышалъ, гости... Зачѣмъ же вы оттуда ушли?

— Скучно... дѣлать тамъ нечего! — разсѣянно промолвилъ Верюгинъ, не замѣтивъ удивленія, выразившагося на лицѣ молодого человѣка.

Кашинцевъ былъ лѣтъ двадцати съ небольшимъ, средняго роста, довольно плотный, съ карими глазками и темнорусыми волосами. Усы и борода у него едва пробивались. Полныя губы были прекрасно очерчены; его каріе глаза искрились въ минуты волненія, и смуглыя щеки покрывались густымъ румянцемъ. Его лицо нельзя было назвать красивымъ, но оно дышало здоровьемъ, свѣжестью; при взглядѣ на подобное лицо, старики, обыкновенно, перестаютъ браниться и ворчать и многое прощаютъ молодежи... Юноша еще только весной кончилъ курсъ въ С — ской гимназіи и теперь стоялъ на распутьи, не зная: «куда идти, куда стремиться, гдѣ силы юныя пытать». Онъ подумывалъ поступить въ университетъ, на юридическій факультетъ.

— Почему же вы приняли такое рѣшеніе? —спросилъ Верюгинъ.

— Да какъ вамъ сказать...—замялся молодой человѣкъ.—Вѣдь надо же куда-нибудь идти... А на юридическій факультетъ — выгодно... Можно сдѣлаться адвокатомъ или найти мѣсто по мировымъ учрежденіямъ. Нынче все требуютъ университетскихъ... хорошая карьера впереди!

— «Карьера»... «выгодно»... Какъ это противно слышать! — рѣзко промолвилъ Верюгинъ.—Неужели вы воображаете, что человѣкъ является на свѣтъ только для того, чтобы упитывать и холить свою особу?..

Верюгинъ говорилъ кратко и внятно — тѣмъ языкомъ, какой любитъ и понимаетъ молодежь, но онъ не договаривалъ до послѣдняго слова. Многое въ словахъ его задѣло Кашинцева за живое; онъ чувствовалъ, что собесѣдникъ оставилъ кое-что недосказаннымъ, «про себя».

— Мнѣ еще хотѣлось бы повидаться съ вами!—сказалъ на прощанье молодой человѣкъ.—Только я не знаю: гдѣ бы намъ встрѣтиться. Къ дядѣ вамъ идти далеко... Мнѣ придти къ вамъ неудобно, пока я не познакомлюсь съ Зориными...

— Отчего же «неудобно»? Приходите... Хозяева мои—народъ очень радушный.

— А если они узнаютъ, что я—племянникъ Петрищева?

— Ну, что жъ изъ того!

— Хорошо!—согласился Кашинцевъ.—Но пока все-таки намъ лучше увидаться гдѣ-нибудь на сторонѣ... Вотъ что я придумалъ: если можно, приходите завтра въ развалины!..

— Это еще что за развалины?—съ улыбкою спросилъ Верюгинъ.—Нѣтъ-ли еще тутъ какихъ-нибудь потайныхъ ходовъ, подземелій?

— Потайныхъ ходовъ не знаю...—смѣясь, отвѣтилъ юноша. — А развалины есть... За плотиной, вонъ—гдѣ садъ... видите? (Кашинцевъ указывалъ рукою въ даль, гдѣ темнѣла какая-то роща). Тамъ есть старый, развалившійся господскій домъ... его уже начали ломать, да отчего-то бросили... Тамъ отлично! Всѣ комнаты будутъ въ нашемъ распоряженіи... И караульщиковъ нѣтъ!.. Такъ придете?

Верюгинъ обѣщалъ придти вечеромъ, и новые знакомые разстались, крѣпко пожавъ другъ другу руки. Верюгинъ долго смотрѣлъ вслѣдъ молодому человѣку... Новенькій сюртукъ не очень ловко сидѣлъ на его широкихъ плечахъ, жилетъ былъ разстегнутъ; голубенькій галстухъ—дешеваго издѣлія—былъ завязанъ у него на шеѣ какъ бы самымъ небрежнымъ образомъ, но въ сущности ему стоило большихъ усилій завязать его такъ небрежно; мягкіе, шелковистые волосы были расчесаны очень старательно. По всему было замѣтно, что юноша охорашивался,— можетъ быть, безсознательно... Съ надеждой и съ улыбкою вступалъ онъ въ міръ. Ни тѣни прошлаго и настоящаго, ни страхи и призраки будущаго не темнили для него жизнь. Очевидно, никакихъ установившихся замысловъ еще не было въ этой веселой, беззаботной головѣ. Онъ даже еще не жилъ, а только зрителемъ смотрѣлъ на жизнь изъ окна...

Для Верюгина въ знакомствѣ съ Кашинцевымъ представлялся живой интересъ. Сходясь съ людьми, онъ вообще любилъ изучать ихъ для пользы дѣла,—особенное же влеченіе чувствовалъ онъ всегда къ молодымъ воспріимчивымъ натурамъ, чуткимъ и отзывчивымъ на правду. Онъ рѣшилъ сблизиться съ молодымъ человѣкомъ. «Не знаешь: гдѣ найдешь, гдѣ потеряешь!» говорилъ онъ себѣ, возвращаясь въ Висящево.

Кашинцевъ также сильно заинтересовался своимъ новымъ знакомымъ. Верюгинъ говорилъ такъ ясно, такъ хорошо, съ такимъ знаніемъ дѣла... Къ подобнымъ учителямъ едва оперившіеся птенцы притягиваются невольно: первые уже слетали туда, гдѣ птенцы еще не бывали...

На другой день послѣ висящевскаго празднества, Сашенька уѣхала въ Петербургъ.

— Пожалуста, не дружись ты съ *этими* стриженными...—говорилъ ей отецъ, выдавая деньги на дорогу.—Не ввязывайся ни въ какія «исторіи»... Будь умницей!

Юлія Вячеславовна всплакнула, долго благословляла ее, просила писать почаще. Ѳеофанъ Михайловичъ далъ ей два письма къ знакомымъ учащимся женщинамъ...

До сихъ поръ Надя находила возможность иногда присутствовать при разговорахъ Верюгина съ сестрой; по отъѣздѣ ея, казалось, между нимъ и Надей должны были порваться даже и эти сношенія «черезъ вторыя руки». Начать съ нимъ сношенія непосредственныя Надя, повидимому, не отваживалась. Правда, она была смѣла... Во всякую погоду, въ ненастье и въ бурю, безъ страха садилась она въ лодку и отважно пускалась по волнамъ; безъ всякаго опасенія бродила она по деревнямъ и одна-одинехонька, позднею ночью, возвращалась домой. Въ обращеніи съ деревенскимъ людомъ она была довѣрчива... Съ семьянами же, и вообще съ людьми своего круга, она чувствовала какую-то непріятную робость, но умѣла скрывать ее подъ видомъ застѣнчивости или холоднаго, презрительнаго равнодушія и отчужденности...

Она познакомилась съ Верюгинымъ по разговорамъ его съ Сашенькой и съ нимъ болѣе, чѣмъ съ кѣмъ-нибудь другимъ, повидимому, хотѣлось бы ей теперь сойтись поближе, но робость мѣшала ей обратиться прямо къ нему. Даже болѣе того... Она умышленно избѣгала Верюгина. Ея семьяне приписывали эту застѣнчивость просто тому, что она «омужичилась», что она «разучилась держать себя въ порядочномъ обществѣ»... И семьяне отчасти были правы. Да! Она привыкла къ простой жизни, къ обществу простыхъ людей, къ ихъ рѣчамъ и обращенью—безъ затѣй и безъ жеманства. Она переняла отъ нихъ многое,—какъ, напримѣръ, лаконизмъ выраженій, простоту вкусовъ; она даже раздѣляла нѣкоторые ихъ взгляды и чувства. Она сама сознавала, что «омужичилась», что она не была барышней comme il faut, многаго она не понимала изъ того, что думали и говорили ея окружающіе; ихъ интересы были ей чужды; ихъ обращеніе и манеры казались ей приторны. Она сознавала также, что ея взгляды, рѣчи и манеры, совершенно подходившія къ простой деревенской жизни, въ барскомъ домѣ должны были показаться дикими, грубыми, неуклюжими... Въ крестьянской избѣ Надя чувствовала себя прекрасно, а дома или въ гостяхъ всегда была не въ своей тарелкѣ.

— Ты точно не знаешь, куда тебѣ съ руками дѣваться!—замѣчала ей maman.

И совершенно вѣрно: Надя сознавала, что здѣсь она—вовсе не у мѣста.

Верюгинъ видѣлъ въ Надѣ барышню-дикарку, дѣвушку съ хорошими, здоровыми задатками, оставленную на произволъ судьбы. Она сильно занимала его, но сблизиться съ нею было трудно. Дома онъ бывалъ только по вечерамъ, а Надя вечеромъ, какъ нарочно, никогда не сидѣла дома.

Однажды, въ воскресенье, идя по саду, Верюгинъ замѣтилъ у калитки Надю и пошелъ къ ней. Первымъ побужденіемъ ея, при видѣ Верюгина, было—бѣжать черезъ калитку на берегъ и тамъ скрыться гдѣ-нибудь въ кустахъ, но послѣ нѣкоторой борьбы она совладала со своею робостью и осталась на мѣстѣ. Верюгинъ оперся рукою о калитку; Надя мелькомъ взглянула на него и отодвинулась въ сторону.

— Мнѣ показалось, что васъ занимали наши разговоры съ Александрой Васильевной!— началъ онъ, пристально смотря на дѣвушку.—Не ошибся-ли я?

— Вы не ошиблись...—тихо промолвила Надя, съ трудомъ взглянувъ на Верюгина.

Рѣсницы ея дрожали, и нѣжный румянецъ алѣлъ на блѣдныхъ щекахъ.

— А если это такъ, то отчего бы намъ не

*

познакомиться съ вами поближе? — продолжалъ онъ.

— Да что же вамъ знакомиться со мною!.. — тихо, нерѣшительно промолвила Надя, хмуря брови и не оборачиваясь къ нему.— Сестра училась въ институтѣ, она много читала... А я—что же!..

Румянецъ гуще разлился у нея по щекамъ, а темные глаза почти совсѣмъ закрылись рѣсницами.

— Вы хотите сказать, что сестра ваша ученая, а вы—нѣтъ, что поэтому мнѣ съ вами и знакомиться не стоитъ? — съ легкой улыбкой проговорилъ Верюгинъ.

— Разумѣется... я ничего не знаю! О чемъ же я стану говорить съ вами... — прошептала дѣвушка, положивъ на заборъ руки и упираясь въ нихъ подбородкомъ.

— Ну, вы ужъ слишкомъ преувеличиваете ученость вашей сестры и несправедливы къ себѣ... Вы, можетъ быть, напримѣръ, желали бы спросить меня о чемъ-нибудь?

— Да! Я хотѣла васъ спросить...— начала Надя и запнулась.

— И прекрасно! Спрашивайте! — дружескимъ тономъ сказалъ ей Верюгинъ.

Она опять подняла на Верюгина свои темные, глубокіе глаза, но теперь они уже смотрѣли смѣлѣе, увѣреннѣе и не скрывались болѣе за рѣсницами.

— Вы говорили разъ, что и неученый человѣкъ можетъ быть полезенъ людямъ...—пытливо взглядывая на своего собесѣдника, сказала Надя.—Значитъ, и я могу быть полезна?

— Можете! — отвѣчалъ онъ тономъ полнѣйшей увѣренности, не допускавшей никакихъ сомнѣній.

— Ахъ, если бы такъ!.. — сильно взволнованнымъ голосомъ прошептала дѣвушка.— А Саша мнѣ постоянно говорила, что я ни къ чему не способна... Да и въ самомъ дѣлѣ, я училась такъ мало, книгъ я не читала... ничего не знаю!..

— Утѣшьтесь!—убѣдительно заговорилъ Верюгинъ.—Институты особенной учености не даютъ, а книгъ хорошихъ, стоющихъ вниманія—очень, очень мало, такъ что вы немного потеряли оттого, что не учились въ институтѣ и не читали книгъ. Хорошихъ книгъ немного, а вы еще молоды и все успѣете наверстать... А вы, кажется, объ учености очень высокаго мнѣнія?

— Да какъ же... сестры меня постоянно стыдятъ за то, что я ничему не училась...— съ горькой усмѣшкой промолвила дѣвушка, поникнувъ головою.—Мнѣ всѣ уши прожужжали тѣмъ, что «ученье—свѣтъ, а неученье —тьма!»

— Правда. Ученье—свѣтъ...—согласился Верюгинъ.—Но при помощи этого свѣта дѣлаются добрыя дѣла и совершаются величайшія злодѣйства... До сихъ поръ наука и ученье—главнымъ образомъ — служили сильнымъ міра сего, дѣйствовали въ ихъ интересахъ... Большею частью люди учатся изъ-за денегъ, изъ-за теплаго мѣстечка, изъ-за личныхъ выгодъ. Немногіе увлекаются наукой также, какъ иные увлекаются искусствомъ ради искусства; они любятъ сидѣть надъ книгами, имъ это нравится... И очень рѣдко можно встрѣтить человѣка, который учится для того, чтобы быть полезнымъ народу, то-есть, всѣмъ... Безъ знаній, конечно, нельзя ничего сдѣлать... Но развѣ у васъ нѣтъ никакихъ познаній? Я слышалъ, что вы почти не живете дома, все больше въ деревнѣ. Значитъ, вы должны знать крестьянскую жизнь. А это знаніе—очень важно, рѣдко можно встрѣтить его у людей нашего круга. Ну, вотъ, и пользуйтесь имъ! Но при этомъ, конечно, вамъ нужно учиться, читать... Я вамъ сегодня же дамъ книгу, если хотите!

— Хорошо! Дайте!—промолвила Надя...

— Но помните, что книги даютъ только знаніе, а знаніе — только средство для того, чтобы быть полезнымъ людямъ!—закончилъ Верюгинъ, идя съ Надей къ дому. — Книга, сама по себѣ, еще не дастъ человѣку ни рѣшимости, ни смѣлости, ни энергіи. Однихъ знаній — еще недостаточно. Знающихъ людей — много, но мало людей, пользующихся этими знаніями для служенія народу. Этими знаніями воспользуется, какъ должно, только человѣкъ съ сильною душою, самоотверженно любящій брата своего и готовый на все ради человѣческаго блага...

Дѣвушка шла по аллеѣ, слегка поникнувъ головою, прислушиваясь къ словамъ Верюгина и усиленно раздумывая надъ ними.

Въ тотъ же вечеръ книга была у нея въ рукахъ, и она принялась читать ее. Дѣвушка читала, не отрываясь. Когда въ комнатѣ стемнѣло, она зажгла лампу и все читала. Она заперлась на ключъ, отказалась отъ ужина и просидѣла надъ книгой цѣлую ночь. Когда же разсвѣло, Надя потушила лампу и, отворивъ окно, сѣла на подоконникъ... Въ десять часовъ ее позвали пить чай. Надя

сходила внизъ, выпила свою чашку и опять убѣжала въ мезонинъ. Послѣ обѣда книга была кончена... Но не смотря на усталость, Надѣ вовсе не хотѣлось спать: до того сильно было ея возбужденье. Мысль ея работала въ уединеніи. Книга раскрывала ей новый міръ...

Когда, вечеромъ, дѣвушка сидѣла у окна и смотрѣла на ясный солнечный закатъ, лицо ея горѣло, глаза блестѣли и искрились, и темныя полураспустившіяся пряди волосъ падали ей на лобъ. Грудь ея высоко поднималась... Обширенъ казался ей міръ въ этотъ румяный лѣтній вечеръ. Отрадное сознаніе восхищало ее,—то сознаніе, что она можетъ послужить своимъ ближнимъ. Ей не представлялось необходимости мѣнять свой образъ жизни... Она останется въ деревнѣ...

И теперь, въ виду этого тихаго, сіяющаго вечерняго неба, въ виду этого вѣчнаго свѣтила, она дала въ душѣ обѣтъ посвятить всю жизнь, всѣ силы на доброе дѣло. И въ тѣ минуты чудесно хороша была эта дѣвушка, смотрѣвшая на міръ съ надеждой, съ любовью и глубокою вѣрою въ торжество праваго дѣла... Будущее ей рисовалось также ярко-блестяще, какъ былъ блестящъ теперь западъ, горѣвшій, какъ въ пламени, въ красныхъ лучахъ заходящаго солнца...

II.

Въ развалинахъ.

Однажды послѣ обѣда кучеръ, ѣздившій обыкновенно за газетами на вокзалъ, привезъ Верюгину нѣсколько писемъ; изъ нихъ одно порадовало его, а другое немного опечалило. Вся наша жизнь проходитъ такъ: гдѣ свѣтъ, тамъ и тѣнь... Псковской знакомый увѣдомлялъ его, что онъ переходитъ въ Новгородскую губернію, что всѣ товарищи ихъ живы и здоровы, за исключеніемъ Еремушкина... Другое письмо, нагнавшее на Верюгина тѣнь, было отъ Суделавской. Она сообщала, что уѣзжаетъ въ городъ, спрашивала его кое о чемъ и, между прочимъ, писала: «О Вязовкѣ писать нечего. Скажу только пока, что вы ошиблись въ тетушкѣ, какъ я уже и ранѣе намекала вамъ. Вы сами въ этомъ скоро убѣдитесь. Изъ ея словъ видно, что она ждала отъ васъ писемъ и очень недовольна вашимъ молчаніемъ. О школѣ уже ни гу-гу, ни слова. И повѣрьте мнѣ: кромѣ хорошихъ, звонкихъ фразъ, отъ нея вы ничего не дождетесь. Я вѣдь знаю ее»...

Крѣпко сжавъ губы, что всегда случалось съ нимъ въ минуты непріятнаго волненія, Ѳеофанъ Михайловичъ еще разъ внимательно пробѣжалъ всѣ письма, скомкалъ ихъ и, бросивъ въ печь, сжегъ до послѣдняго клочка. У него было правило: уничтожать письма, и, благодаря отличной памяти, онъ могъ съ удобствомъ придерживаться этого правила: всѣ имена и адресы оставались у него въ головѣ, какъ въ самой сохранной записной книжкѣ, которая не могла ни затеряться, ни попасть въ руки какого-нибудь проницательнаго читателя... Смотря, какъ догорали послѣднія письма, какъ послѣднія красныя искры пробѣгали по сѣрой грудѣ пепла, Верюгинъ вздохнулъ, но тотчасъ же поднялъ голову... «Ну, что жъ!—промолвилъ онъ про себя.—Вѣдь правду люди говорятъ, что только тотъ не ошибается, кто ничего не дѣлаетъ... Вѣдь и все такъ идетъ: въ одномъ мѣстѣ потеряешь, въ другомъ—найдешь... А все-таки мы живемъ въ странное время,—время оборотней! Нужно быть ко всему готовымъ»... Посмотрѣвъ на часы, онъ торопливо схватилъ шапку и вышелъ.

Бодро и весело направлялся онъ за плотину, къ «развалинамъ», гдѣ происходили его свиданія съ молодымъ Кашинцевымъ. Солнце уже закатилось, и въ синеватомъ свѣтѣ сумерекъ «развалины» принимали нѣсколько фантастическій видъ...

Это была давно заброшенная барская усадьба. Какой-то кулакъ купилъ ее съ аукціона и собирался строить здѣсь кожевенный заводъ. Заборъ, прежде отдѣлявшій дворъ отъ степи и отъ полей, давно уже исчезъ, растасканный на дрова. Дворъ густо заросъ травою. Съ одной стороны его стоялъ уцѣлѣвшій каретный сарай, пустой и безъ дверей, да какая-то жалкая, покосившаяся на бокъ кухонька съ поломанною крышею, усыпанною кирпичемъ отъ развалившейся печной трубы. Съ другой стороны двора поднимался полуразрушенный домъ и заглохшій, одичавшій садъ со столѣтними деревьями. Крыша, потолокъ и полъ въ домѣ были уже сняты; нѣкоторыя печи разобраны до основанія, другія—только до половины; двери и рамы вынуты; стѣны голыя, только кое-гдѣ мѣстами видны были на нихъ клочки бумаги и обоевъ, нѣкогда покрывавшихъ ихъ. Накаты были еще цѣлы; взрытая земля, бывшая подъ поломъ, густо поросла

крапивой, репейникомъ и всякою сорною травою. Изъ сада лѣзли въ окна вѣтви сиреней и бузины; акаціи разрослись до того, что совершенно закрыли собою нѣкоторыя окна. Уцѣлѣла лѣстница, ведшая въ мезонинъ, но самый мезонинъ былъ уже снесенъ и на мѣстѣ его образовалась открытая площадка. На ступеняхъ лѣстницы, въ расщелинахъ, выростали березки и мѣстами лѣпились какіе-то мелкіе желтые и сиреневые цвѣточки.

Тяжелое, грустное чувство навѣвала на зрителя вся эта мерзость запустѣнія. Продираясь сквозь крапиву и репейникъ, черезъ груды щебня и земли, перелѣзая черезъ бревна, случайный путникъ могъ бы указать: вотъ здѣсь, вѣроятно, была зала, а вотъ это, вѣроятно, столовая, гдѣ запросто собиралась вся семья; тамъ, можетъ быть, была спальня или дѣтская, а тамъ—кабинетъ хозяина... Здѣсь жили-были люди, здѣсь «каждый гвоздикъ вколоченъ съ надеждою», здѣсь люди устраивали себѣ пріютъ на многіе, долгіе годы. Въ этихъ стѣнахъ, какъ и повсюду въ мірѣ, разыгрывались трогательные, чувствительные романы, а, быть можетъ, на домашней сценѣ ставилась порой и потрясающая драма; въ этихъ стѣнахъ не одно поколѣніе родилось и умерло, плакало и радовалось, отчаявалось и по своему мечтало... А теперь отъ всего прошлаго великолѣпія остались только голыя стѣны съ клочками порванныхъ, разноцвѣтныхъ обоевъ; вѣтеръ дуетъ по дому на всемъ просторѣ; дождемъ мочитъ эти—нѣкогда уютныя — комнаты и снѣгомъ заноситъ ихъ зимою.

Этотъ полуразвалившійся домъ, стоявшій въ степи, служилъ какъ бы памятникомъ безповоротно минувшихъ временъ крѣпостничества...

Верюгинъ торопливо пробирался черезъ дворъ къ дому. Сегодня его новый ученикъ обѣщалъ объявить ему свое окончательное рѣшеніе: что онъ намѣренъ дѣлать. Для Верюгина было величайшимъ наслажденіемъ, когда ему представлялась возможность спасти хоть одну овцу изъ стада паршивыхъ животныхъ... Кашинцева онъ нашелъ въ *залѣ*, на бревнѣ. Молодой человѣкъ сидѣлъ въ глубокой задумчивости, поникнувъ головою и вертя въ рукѣ погасшую папиросу. Онъ не слыхалъ, какъ подошелъ Верюгинъ, и поднялъ голову лишь тогда, какъ тотъ перелѣзалъ черезъ порогъ въ залу.

— Рубиконъ перейденъ!—промолвилъ тихо юноша, смотря на него и какъ бы продолжая думать вслухъ.

— Ну!—замѣтилъ Верюгинъ съ улыбкою. По вашей фигурѣ не видно, чтобы вы окончательно перешли свой Рубиконъ...

— А что?—живо спросилъ тотъ, стараясь принять веселый, беззаботный видъ.

— Да вы теперь скорѣе похожи на мокрую курицу, чѣмъ на побѣдоноснаго героя...

— Съ чего вы это взяли!—оправдываясь, заговорилъ юноша.—Нѣтъ, серьезно... Я рѣшилъ. Меня только смущаетъ одно: какъ я безъ средствъ отправлюсь въ Питеръ, какъ мнѣ тамъ устроиться... Ни родныхъ, ни знакомыхъ!.. Вѣдь страшное дѣло...

— Ничего нѣтъ страшнаго! — ободряющимъ тономъ заговорилъ Ѳеофанъ Михайловичъ, усаживаясь съ нимъ рядомъ на бревно.— Мы вамъ и знакомыхъ отыщемъ, и уроки найдемъ, все устроимъ отлично...

— Ну, такъ баста! Значитъ, въ технологическій институтъ...—проговорилъ юноша.—Только ужъ вы смотрите, не оставьте же меня тамъ, какъ рака на мели...

— А вы не измѣните намъ! — проговорилъ Верюгинъ, съ грустью взглянувъ на своего ученика: онъ еще такъ мало зналъ Кашинцева, а соблазновъ въ жизни такъ много и время смутное...

— Что вы! — вскрикнулъ молодой человѣкъ.—Нѣтъ, я—не измѣнникъ...Вотъ вамъ моя рука!..—и, протянувъ руку, онъ открыто посмотрѣлъ на Верюгина.—Развѣ я похожъ на Іуду?

— Кто жъ это говоритъ!—отозвался тотъ, пожимая ему руку.—Молодость всегда подкупаетъ меня. Теперь я вамъ вѣрю... Завѣтъ мой: вѣрить въ молодежь... Хотя ужъ бывали разочарованія, большія ошибки выходили не разъ...

И опять грустная тѣнь пробѣжала по его лицу. Нѣсколько минутъ сидѣлъ онъ молча, посматривая на темно-голубое небо, разстилавшееся надъ его головою, потомъ заговорилъ о той жизни, въ которую юноша готовился вступить, объ ея искушеніяхъ, объ обществѣ, поклонявшемся золотому тѣльцу...

Уже много разъ Верюгинъ сидѣлъ такимъ образомъ съ юношей до поздняго вечера въ «развалинахъ» барскаго дома. Здѣсь никто не стѣснялъ ихъ, никто имъ не мѣшалъ. Было имъ о чемъ поговорить... Кашинцевъ, напримѣръ, въ гимназіи познакомился съ исторіей по учебникамъ. А теперь собесѣдникъ

представилъ ему ходъ историческихъ событій совсѣмъ въ новомъ для него свѣтѣ. Верюгинъ излагалъ историческія событія не казеннымъ способомъ, но безъ всякихъ умолчаній и искаженій. Фиговые листочки онъ считалъ неумѣстными въ наукѣ... Онъ особенно подробно развилъ передъ юношей экономическую сторону жизни человѣческихъ обществъ и тѣмъ пополнилъ значительный пробѣлъ, остававшійся отъ гимназическаго преподаванія. Говорили также о литературѣ,—впрочемъ, чаще Верюгинъ разсказывалъ, а юноша внимательно слушалъ. Каждая книга давала имъ тему для разсужденій.

И на этотъ—послѣдній—разъ они долго просидѣли въ развалинахъ. Послѣ того, какъ было рѣшено, что Кашинцевъ получитъ рекомендательныя письма и черезъ три дня отправится въ Петербургъ, они, наконецъ, оставили развалины и вышли на дворъ.

Уже наступила ночь.

Мѣсяцъ свѣтилъ ярко. Старый домъ мрачно смотрѣлъ на нихъ рядомъ своихъ темныхъ оконъ, лишенныхъ стеколъ и рамъ, какъ слѣпецъ, тупо устремлявшій на міръ свои темныя помутившіяся очи. Садъ слегка шумѣлъ порой подъ дуновеніемъ ночнаго вѣтерка, налетавшаго со степи, — и тяжелою, темною массой рисовались на ясномъ небѣ густыя чащи его старыхъ, высокихъ деревьевъ. Въ степи страстно стонали, перекликались перепела, и явственнѣе, слышнѣе стали тѣ таинственные скрадывающіеся звуки, что наполняютъ собою ночные сумраки и безмолвіе. Бальзамическій воздухъ лѣтней ночи дышалъ нѣгой... И подъ яркимъ мѣсячнымъ свѣтомъ, подъ этимъ синимъ звѣзднымъ небомъ—на пруду, въ затишьи, бѣлыя дикія лиліи и желтыя широколистныя кувшинки мечтательно склонили свои головки надъ темною, неподвижною водой...

Было что-то фантастическое, что-то призрачное въ этой картинѣ лѣтней ночи... Наши собесѣдники, молча проходя по двору, не разъ оглянулись на домъ и на садъ, далеко бросавшій отъ себя густую, мрачную тѣнь,— и только лиліи, озаренныя серебристымъ мѣсячнымъ сіяніемъ, бѣлѣли на темной поверхности пруда...

III.

Неожиданная развязка.

Вскорѣ какъ-то послѣ этого ночного свиданія, возвращаясь съ работъ домой, Ѳеофанъ Михайловичъ встрѣтилъ Надю на берегу, подъ самымъ садомъ. Она стояла, какъ бы въ недоумѣніи, опираясь на весло, и, повидимому, находилась въ большой нерѣшимости. Подойдя къ ней, онъ замѣтилъ, что дѣвушка тяжело дышала и лицо ея было блѣдно.

— Что съ вами?—участливо спросилъ ее Верюгинъ.—Куда это вы собираетесь, глядя на ночь?

— Хотѣла съѣздить въ Обносково... да не знаю...теперь ужъ поздно, да и незачѣмъ!..— промолвила Надя, отвернувшись отъ него.

Верюгинъ ничего не понялъ изъ ея отрывистой рѣчи.

— Хотите,—отправимся вмѣстѣ!—предложилъ онъ, смотря на ея поникшую головку.

— Да мы съ вами что жъ... тамъ нужны деньги!—полуоборотившись, проговорила Надя дрожащимъ голосомъ.

Тутъ онъ замѣтилъ, что глаза ея полны слезъ, и она всячески старалась сдержать ихъ, усиленно мигая и закусывая губы. Верюгину стало невыразимо жаль ее.

— Да что жъ это такое... Скажите: не могу-ли я помочь вашему горю!—сказалъ онъ голосомъ мягкимъ и нѣжнымъ, вовсе не похожимъ на его обычный тонъ.

И онъ дружески взялъ ее за руку, державшую весло... Онъ, какъ многіе изъ мужчинъ, не смотря на свою жосткость и суровость, не могъ равнодушно выносить женскихъ слезъ. Ему припоминались картины дѣтства, когда онъ утѣшалъ свою плачущую мать и самъ плакалъ на ея колѣняхъ... Теперь онъ съ радостью, по братски раздѣлилъ бы горе этой милой, прекрасной дѣвушки, лишь бы не видѣть ее плачущею.

Повидимому, немного успокоившись, Надя разсказала ему, что завтра въ Обносковѣ назначенъ аукціонъ: за какія-то недоимки станутъ продавать скотъ. У Василья Максименка описана послѣдняя корова; онъ и безъ того мужикъ бѣдный, съ семьею, а теперь ужъ совсѣмъ раззорится и пойдетъ съ ребятишками по міру.

— Господи! Какъ мнѣ жаль ихъ всѣхъ!— съ болью вырвалось у дѣвушки.

Она вдругъ замолчала, глубоко погружая весло въ прибрежный сыпучій песокъ. Но тутъ ужъ она не выдержала, уронила весло, закрыла лицо руками, и по блѣднымъ щекамъ ея покатились слезы... Рыдая и всхлипывая, какъ ребенокъ, прерывающимся голосомъ повѣдала она свое горе о томъ, что было бы еще

не поздно «снять корову съ аукціона», какъ говоритъ Василій, если бы были деньги; что она просила денегъ у папаши и у мамы, что тѣ отказали и «только выбранили» за то, что она «вмѣшивается не въ свое дѣло», что теперь она не знаетъ: какъ ей быть?..

— Зачѣмъ же вы стыдитесь своихъ слезъ?— замѣтилъ ей Верюгинъ.—Такія слезы не прячутъ... («Только живая, сильная душа можетъ плакать такими слезами!» — подумалъ онъ про себя).

— Сколько же нужно денегъ для того, чтобы «снять съ аукціона» Васильеву корову?— спросилъ онъ.

— Двадцать два рубля!—отвѣчала дѣвушка, со страхомъ и надеждой посмотрѣвъ на него своими заплаканными глазами.

На рѣсницахъ ея еще дрожали свѣтлыя капли слезъ.

— Я дамъ эти деньги... Не плачьте! Ну, не плачьте же! — уговаривалъ онъ, беря ее за руку.

Она посмотрѣла на него и, улыбнувшись сквозь слезы, крѣпко пожала ему руку... Семья Василья Максименка осталась съ коровой...

Послѣ того Ѳеофанъ Михайловичъ въ свободныя минуты много разговаривалъ съ Надей, и дѣвушка скоро поняла, что они со своими рублями не сдѣлаютъ бѣдняковъ богаче и счастливѣе, что въ ту пору, какъ они станутъ выручать въ Обносковѣ Васильеву корову, въ другихъ деревняхъ у другихъ бѣдняковъ будутъ продавать послѣднюю скотину. Она видѣла, что для блага людей надо было дѣйствовать иначе, начинать съ начала, а не вырывать изъ середины, гдѣ попало и какъ попало... Она скоро уразумѣла языкъ своего собесѣдника и схватывала налету его намеки. Умная дѣвушка и ранѣе сознавала все безсиліе филантропіи, у нея и прежде уже не разъ опускались руки передъ этою бочкою Данаидъ. Но въ то же время она не могла оставаться, сложа руки, и шла опять въ деревни со своими лѣкарствами и грошами. Другой дороги она тогда не видѣла передъ собою... «Это—не то, что Сашенька!—думалъ про нее Верюгинъ. — Это — сокровище, золотое сердце»...

И дѣвушка при всякомъ случаѣ выказывала ему свою симпатію и вниманіе. Симпатія ея часто проявлялась по дѣтски, въ мелочахъ, но довольно краснорѣчиво... Однажды, напримѣръ, возвратившись съ работъ, онъ нашелъ у себя во флигелѣ на подоконникѣ корзинку, искусно сдѣланную изъ кленовыхъ листьевъ и всю наполненную спѣлою лѣсною малиной. Нѣсколько дней тому назадъ, въ большомъ домѣ, за ужиномъ—какъ-то случайно въ разговорѣ—онъ сказалъ, что очень любитъ лѣсную малину... и теперь удивлялся: кому вздумалось сдѣлать ему такой сюрпризъ? Во флигель безъ него, очевидно, не входили, но окно, выходившее въ рощу, оставалось весь день отвореннымъ и было такъ низко отъ земли, что корзинку легко можно было поставить на подоконникъ.

— Не вы-ли принесли мнѣ малины?— спросилъ онъ Надю въ тотъ же вечеръ, встрѣтившись съ нею на дворѣ.

При его словахъ, легкій розовый румянецъ вспыхнулъ у нея на щекахъ, и Надя, какъ часто случалось съ нею, не сказавъ ни слова, убѣжала отъ Верюгина.

Верюгинъ и Надя сдѣлались большими друзьями...

Иногда, когда онъ оставался по вечерамъ одинъ въ своемъ флигелѣ, ему казалось, что онъ любитъ эту дѣвушку не только какъ честнаго, хорошаго человѣка, не только какъ товарища и друга, но еще иначе... «какъ женщину!»—подсказывалъ ему тайный голосъ, тихій, вкрадчивый и страстный, и новыя, неизвѣданныя имъ, жгучія ощущенія волновали его... «Нѣтъ! Этого быть не можетъ! Этого не будетъ!» съ упорствомъ говорилъ онъ себѣ. «Это была бы непростительная слабость; она могла бы только испортить все дѣло... Не такое время теперь, чтобы предаваться любви и нѣгѣ! Розы — не для тебя, Ѳеофанъ Верюгинъ!.. Помни, что за этими кустами великолѣпныхъ, пышныхъ розъ повсюду страдаютъ твои братья... Нѣтъ, нѣтъ!» Но тайный голосъ, нѣжный и страстный, нашептывалъ ему иныя рѣчи, обдававшія его всего, словно полымемъ, и жгучимъ румянцемъ заливавшія его лицо... «Пусть я буду аскетъ, фанатикъ; пусть я буду Симеонъ столпникъ! Пусть люди зовутъ меня, какъ хотятъ! Я не сверну со своей дороги... Никогда! Никогда!» невнятно шептали его сухія губы, и онъ боролся съ одолѣвавшими его искушеніями, какъ только могъ бороться со своею плотью, со своими буйными чувствами какой-нибудь строгій монахъ-отшельникъ...

Поутру онъ думалъ: «Я ужъ скоро кончу здѣсь работу и уѣду... Конечно, сношеній съ нею я не прерву... Я не оставлю ее изъ-за

какой-нибудь дури... А разстаться на время— будетъ хорошо»...

Человѣкъ предполагаетъ...

Поздно вечеромъ, въ дождь и вѣтеръ, Надя возвращалась изъ деревни, гдѣ учила нѣсколькихъ взрослыхъ парней и читала имъ книги. Погода выдалась холодная, ненастная, — «настоящая осень», какъ говорили мужики. Надя промокла до ниточки и сильно простудилась. Утромъ, на другой день, она уже не могла встать съ постели; пресловутые горчишники не помогли,—съ нею сдѣлались ознобъ и жаръ, и колотье въ боку. Болѣла грудь; голова ея пылала, а ноги были совсѣмъ холодны. Семьяне ея перетревожились... Вечеромъ съ нею начался бредъ. Юлія Вячеславовна окончательно растерялась; Василій Петровичъ ходилъ по комнатамъ, сердито нахмурившись и немилосердно дымя своею трубкой. Серафимушка боялась: «не тифъ-ли съ нею? не оспа-ли?.. Сохрани Богъ, еще заразишься, на весь вѣкъ несчастной сдѣлаешься... Куда покажешься съ изрытымъ лицомъ! Это — ужасно!..» Серафимушка живо представляла себѣ Надю, изборожденную оспой, и мысленно уже видѣла въ зеркалѣ и свое собственное красивое лицо, страшно обезображенное оспинами. И она рѣшительно заявила, что «нога ея не будетъ въ комнатѣ Нади до тѣхъ поръ, пока докторъ въ точности не опредѣлитъ, что у нея не оспа и не тифъ...» Тифъ вѣдь тоже — чрезвычайно опасная болѣзнь: Серафимушка слыхала, что послѣ тифа сильно падаютъ волосы... «Ужасно! Ужасно!» повторяла она и безъ содроганія не могла представить себѣ, что, вмѣсто этихъ роскошныхъ русыхъ косъ, на головѣ ея можетъ очутиться лысина. «Быть плѣшивой!.. Господи! Лучше прямо — въ гробъ...» И въ то же время она очень негодовала на сестру, причинившую ей столько безпокойствъ и непріятныхъ волненій: «Таскается гдѣ-то по деревнямъ... долго-ли тутъ заболѣть! Я еще удивляюсь: какъ она до сихъ поръ не заразила насъ всѣхъ худою болѣзнью... Вѣдь, говорятъ, по деревнямъ много *такихъ* больныхъ...» Она и не думала о томъ, что Надя могла умереть, что Надя страдала... Только маленькій братишка часто забѣгалъ въ комнату больной и, присѣвъ на кровать, ласково гладилъ ее по головѣ.

— Надя, милая, что съ тобою? — нѣжно говорилъ онъ, припадая къ ея плечу. — Голубушка! У тебя что болитъ, а?

Мать гнала его прочь.

Въ сидѣлки подговорили какую-то старушку. Больной становилось все хуже и хуже... Докторская квартира находилась въ большомъ селѣ, Мордовьѣ, въ 12 верстахъ отъ Висящева, но докторъ рѣдко бывалъ дома. Не знали: кого послать за докторомъ. Если послать кучера, то скоро-ли тотъ найдетъ его, да и поспѣшитъ-ли докторъ на его зовъ? Верюгинъ вызвался съѣздить за докторомъ... Черезъ четверть часа, онъ уже мчался на Рыжемъ со двора, «думали, что голову сломитъ!» какъ разсказывалъ потомъ кучеръ. Въ Мордовьѣ доктора не оказалось: онъ уѣхалъ на имянины къ сосѣднему помѣщику. Верюгинъ полетѣлъ туда...

Уже смеркалось. Верюгинъ скакалъ на своемъ Рыжемъ по полямъ, по степямъ, по тихимъ безлюднымъ улицамъ заснувшихъ деревень, гдѣ собаки яростно лаяли на него и топотъ его лошади гулко отдавался между строеньемъ. Рыжій былъ уже весь въ пѣнѣ и тяжело дышалъ. А Верюгинъ попрежнему бѣшено несся по пустынной степи. Онъ въ тѣ минуты точно сросся съ лошадью, словно составляя съ нею одно цѣлое, какъ сказочный центавръ. И конь, напрягая свои послѣднія усилія, казалось, понималъ, что отъ быстроты его бѣга зависитъ человѣческая жизнь... Мѣсяцъ низко стоялъ надъ степью, не разгоняя ночнаго мрака. По сторонамъ чернѣли стоги сѣна; сухіе стебли поблекшей сорной травы и пожелтѣвшія ветлы, какъ неясныя тѣни, мелькали мимо Верюгина. Съ жадностью всматривался онъ въ степную даль, все ожидая: не забрезжитъ-ли въ темнотѣ огонекъ. Наконецъ-то, вотъ онъ мерцаетъ... вотъ онъ— все ближе и ближе...

Передъ утромъ, на разсвѣтѣ, Верюгинъ,— усталый, измученный,—возвратился въ Висящево съ докторомъ.

Болѣзнь шла такъ быстро, что докторъ предпочелъ ухватиться за самыя сильныя средства. Послали въ городъ нарочнаго за лѣкарствами, какихъ не оказалось въ Мордовской аптечкѣ. Вечеромъ докторъ уѣхалъ, пообѣщавъ пріѣхать черезъ день.

Въ это время Верюгинъ оканчивалъ для одного журнала чрезвычайно интересную политическую статью. Его торопили съ этой статьей, и онъ страшно спѣшилъ. Бо́льшую часть дня все-таки приходилось проводить на

работахъ — въ степи: въ его распоряженіи оставалась только ночь. Правда, днемъ онъ уставалъ, но сила его воли не поддавалась физической усталости. Бороться съ усталостью ему было тѣмъ легче, что самъ онъ сильно увлекался своею статьей... Онъ просиживалъ всю ночь, съ одиннадцати до трехъ и до четырехъ часовъ, не замѣчая, какъ въ горячей умственной работѣ пролетало время. Онъ оставлялъ перо, когда одеревенѣвшіе пальцы уже отказывались ему служить. Онъ злился, досадовалъ на то, что его «бодрый духъ» вынужденъ былъ на время покориться «немощной плоти». Онъ спалъ поутру часа по два-по три, а иногда, когда мысль работала особенно бойко, Верюгинъ вовсе не ложился спать, а затѣмъ днемъ, на работахъ, гдѣ-нибудь подъ кустомъ или въ какомъ-нибудь дырявомъ сараѣ, буквально сломленный усталостью, засыпалъ, какъ убитый, часа на два. А мужики, смотря на его измученное блѣдное лицо, говорили промежъ собой:

— Чтой-то, братцы, какъ онъ умаялся... Глядь-ка! Вѣдь ровно—покойникъ!..

Въ тотъ день, о которомъ идетъ рѣчь, Верюгинъ, немного отдохнувшій послѣ своей бѣшеной скачки, по возвращеніи съ работы, напился крѣпкаго чаю и засѣлъ за статью. Пора было отправлять ее по назначенію... На этотъ разъ работа сначала не шла. Верюгинъ обмакивалъ перо въ чернила, какъ бы въ задумчивости, нетерпѣливо стучалъ имъ по краю чернилицы, потомъ начиналъ писать и опять останавливался, опять обмакивалъ перо въ чернила и задумчиво постукивалъ имъ... Брови его нахмурились и губы были крѣпко сжаты. То онъ закуривалъ погасшую папиросу и, откинувшись на спинку стула, пристально смотрѣлъ въ темнѣвшее передъ нимъ окно, то облокачивался на столъ и, склонивъ голову на руку, также пристально начиналъ смотрѣть на лежавшій передъ нимъ чистый листъ бумаги. Онъ никакъ не могъ сосредоточить свои мысли... Между нимъ и бумагою или — вѣрнѣе — между нимъ и его работой поминутно вставало воспоминаніе о больной дѣвушкѣ, о томъ, что она страдаетъ въ эти минуты — и такъ близко отъ него... Мысль поминутно обрывалась... Теперь, въ ночной тиши, ему мерещился, какъ наяву, знакомый блѣдный образъ. Онъ смотрѣлъ на него въ окно изъ темной рощи, отпечатывался на бѣломъ листѣ бумаги, лежавшей передъ нимъ; Верюгинъ видѣлъ его повсюду, куда бы ни обернулся... «Можетъ быть, ей угрожаетъ опасность...» думалось ему. Сердце болѣло... Но что жъ ему за дѣло до сердца! Ему все-таки надо работать... «Тяжело!..» Да! Тяжело, правда...

Верюгина пойметъ каждый, кому, въ силу желѣзныхъ обстоятельствъ, приходилось работать во что бы то ни стало, въ то время, какъ возлѣ него умиралъ близкій человѣкъ, когда онъ, подъ давленіемъ жгучаго горя, едва различалъ окружающее и едва могъ собрать свои мысли...

Наконецъ, Верюгинъ справился съ собою, заставилъ себя работать. Онъ писалъ, не отрываясь, часъ, и два, и три. Голова его отяжелѣла. Онъ выпрямился, потянулся и провелъ рукою по разгоряченному лбу. «Пройдусь!» рѣшилъ онъ и, закуривъ папиросу, вышелъ изъ флигеля.

Темная ночь стояла на дворѣ. Небо было облачно. Невозмутимо, мертвенно-тихо было вокругъ, какъ въ могилѣ. Листъ на деревѣ не шевелился... Въ мезонинѣ, въ комнатѣ больной горѣлъ огонь, шторы были спущены.

Ѳеофанъ Михайловичъ прошелъ въ садъ. Когда онъ вступилъ въ главную аллею, ведшую отъ балкона къ береговой калиткѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него мелькнула какая-то бѣлая фигура. «Не Серафимушка ли вышла въ садъ помечтать на свободѣ?» подумалось ему, и онъ медленно подвигался впередъ. Подходя къ калиткѣ, онъ увидалъ передъ собою ту же бѣлую фигуру. Повидимому, она старалась отворить калитку, но это ей не удавалось. Верюгинъ пристально посмотрѣлъ на нее, сдѣлалъ еще шагъ и вздрогнулъ... Надя!..

Очевидно, подъ вліяньемъ бреда, никѣмъ не замѣченная, она вышла изъ дому и, по привычкѣ, направилась по знакомой дорожкѣ, по которой она постоянно ходила на рѣку и въ сосѣднія деревни... Блѣдная, въ одной рубашкѣ, съ темными распущенными волосами, съ глубоко-впалыми глазами, горѣвшими безумнымъ, лихорадочнымъ огнемъ, дѣвушка въ ночномъ сумракѣ, сгущавшемся еще болѣе отъ нависшихъ вѣтвей деревъ, казалась призракомъ. Рубашка немного спустилась,—и ея обнаженное плечо и бѣлая дѣвственная грудь блестѣли, какъ мраморъ, во мракѣ ночи. Воспоминаніе о гудоновской Діанѣ живо промелькнуло передъ Верюгинымъ.

Дѣвушка дышала тяжело и вся дрожала...

— Куда вы?—невольно сорвалось у него,

хотя онъ очень хорошо зналъ, что въ это время съ Надей нельзя было вступать ни въ какіе разговоры.

Заслышавъ его голосъ, дѣвушка не выказала ни малѣйшаго признака волненія или замѣшательства, не измѣнила позы и не сдѣлала никакой попытки прикрыть свою наготу. Она, какъ стояла, такъ и осталась, спокойна, невозмутима,—и только слегка повернулась къ Верюгину.

— Я иду туда... туда!—дрожащимъ голосомъ, торопливо проговорила она, указывая рукою въ темную даль.

И, сдѣлавъ послѣднее отчаянное усиліе, она распахнула калитку и уже хотѣла броситься по лѣстницѣ внизъ, къ рѣкѣ, но вдругъ пошатнулась... Верюгинъ едва успѣлъ подхватить ее. Онъ бережно взялъ ее на руки, какъ дитя, и понесъ къ дому. Сердце его болѣзненно ныло... Сначала больная стала вырываться у него изъ рукъ, какъ бы желая освободиться, но черезъ минуту стихла, какъ птичка, выбившаяся изъ силъ... Легкою ношей лежала она на рукахъ Верюгина. Онъ прислушивался. Надя шептала: «Тамъ роза чудная цвѣтетъ... тамъ лугъ зеленый... тамъ солнце!»... Когда Ѳеофанъ Михайловичъ принесъ Надю въ домъ, она была уже безъ чувствъ, и горячая голова ея въ безсиліи лежала у него на плечѣ. Въ домѣ, разумѣется, произошелъ страшный переполохъ. Всѣ напустились на старуху-сидѣлку, заснувшую у постели больной.

Утромъ, согласно своему обѣщанію, пріѣхалъ докторъ и, узнавъ о ночномъ странствованіи, сильно нахмурился. По его совѣту, больную перевели изъ мезонина внизъ—въ комнату Юліи Вячеславовны. «Воздуху больше!»...

Вечеромъ, проходя по корридору, Верюгинъ не могъ удержаться, чтобы не заглянуть въ комнату больной. Словно, какая-то невидимая сила неотступно притягивала его къ этой затворенной двери. Онъ тихо пріотворилъ ее и остановился на порогѣ, затаивъ дыханіе, чтобы какъ-нибудь не потревожить больную. Но дѣвушка не спала... Она поминутно ворочалась на постели и повертывала голову то въ ту, то въ другую сторону. Темныя пряди волосъ, смокшихъ отъ пота, прилипли у нея на лбу и на вискахъ. Губы были полураскрыты... Она смотрѣла такъ жалостливо, какъ будто все призывала кого-то на помощь, какъ будто молила спасти ее, дать ей пожить...

Неохота умирать старику, все уже извѣдавшему на свѣтѣ, вкусившему и горькаго, и сладкаго,—во сколько же разъ тяжелѣе умирать существу молодому, полному силъ, при самомъ расцвѣтѣ надеждъ, на зарѣ жизни,—подобно саисскому юношѣ, еще стоящему передъ таинственною завѣсой!..

Надя, повидимому, замѣтила Ѳеофана Михайловича, хотя шторы были спущены и только одна стеариновая свѣчка горѣла на комодѣ—въ изголовьѣ большой кровати. Въ комнатѣ пахло всякими аптекарскими снадобьями... Со смертельною тоскою посмотрѣла больная на Верюгина и едва внятно прошептала:

— Неужели я умру?.. Голубчикъ! Какъ мнѣ тяжело!.. Охъ, если бы знали... Эта боль... о-охъ!

Она не плакала. Нѣтъ!.. Ея темные, широко-раскрытые глаза были сухи. Но въ нихъ сказывалась такая сильная душевная боль, такая мука невыразимая, что Верюгину вдругъ стало какъ-то холодно и жутко... Онъ судорожно сжалъ мѣдную ручку двери и стиснулъ зубы, какъ бы подъ вліяніемъ острой физической боли. На мгновенье, словно темное облако пронеслось у него передъ глазами,—и точно ножемъ кольнуло его въ сердце. Онъ былъ не въ состояніи помочь своему страдающему другу... Въ корридорѣ послышались шаги, онъ торопливо притворилъ дверь...

Идя во флигель, онъ дышалъ такъ тяжело, какъ будто шелъ въ гору съ непосильною тяжестью на плечахъ...

Еще нѣсколько дней прошло въ мучительной неизвѣстности. Работы Верюгина подходили къ концу; статья была дописана и отослана.

Однажды, поздно вечеромъ, грустный, сидѣлъ онъ на ступеняхъ своего флигеля и задумчиво смотрѣлъ на барскій домъ, возвышавшійся на противоположной сторонѣ двора. Онъ зажегъ спичку и посмотрѣлъ на часы. Былъ уже двѣнадцатый часъ въ исходѣ... На крыльцѣ показался высокій, сѣдой Иванъ Степановичъ и прошелъ въ кухню. Немного погодя, кучеръ съ фонаремъ пробрелъ въ каретный сарай; слышно было, какъ онъ тамъ стучалъ топоромъ. Вскорѣ горничная дѣвушка пробѣжала въ кухню и затѣмъ обратно—въ домъ. За нею слѣдомъ торопливо прошелъ Иванъ Степановичъ. Въ домѣ нѣкоторыя окна освѣтились, и по тѣни, мелькавшей на шторахъ, можно было догадаться, что кто-то ходилъ изъ комнаты въ комнату. «Не хуже-ли стало ей?» подумалъ Ѳеофанъ Михайловичъ,

перешелъ черезъ дворъ и вступилъ въ полуосвѣщенную переднюю. Въ сумракѣ смутно рисовались рядъ вѣшалокъ и бильярдъ въ сторонѣ. Свѣтъ въ переднюю проникалъ изъ залы черезъ полуотворенную дверь. Сѣрыми продолговатыми четыреугольниками проступали окна, и изъ нихъ видны были покачивавшіяся вѣтви березъ... Въ залѣ слышался шопотъ, гдѣ-то скрипнула дверь...

Не успѣлъ Верюгинъ сдѣлать и двухъ шаговъ, какъ изъ залы на встрѣчу ему вышелъ Иванъ Степановичъ. Онъ, видимо, былъ разстроенъ и сильно моргалъ своими подслѣповатыми, покраснѣвшими глазами.

— Умерла!—прошепталъ старикъ, не дожидаясь вопроса со стороны Верюгина.

Верюгинъ остановился, какъ вкопанный, въ упоръ посмотрѣлъ на Ивана Степановича и, не проронивъ ни слова, повернулся къ двери.

— Теперь поплачетъ наша бѣднота... Да! Поплачетъ... — шамкалъ старикъ, какъ бы разсуждая самъ съ собою.—Такую не скоро найдешь...

Верюгинъ уже не слыхалъ его. Вокругъ него стало темно и пусто: душа, родная ему, улетѣла въ этотъ часъ изъ міра... И онъ опять сидѣлъ на ветхихъ ступеняхъ своего крыльца и думалъ... о чемъ? — онъ никогда не могъ припомнить впослѣдствіи. Ему чудилось, что тяжелый кошмаръ душитъ его во снѣ, а у него нѣтъ силъ освободиться. Ему казалось, что онъ сидѣлъ тутъ, на крыльцѣ, очень-очень долго и все смотрѣлъ въ ночную темь. Эта ночь тянулась томительно долго...

Когда же, наконецъ, онъ поднялъ голову и оглянулся, — на востокѣ уже брезжилъ свѣтъ... Ночь проходила, и опять для *живыхъ* наступалъ день...

IV.

Старые знакомые.

Было мглистое осеннее утро, когда Ѳеофанъ Михайловичъ уѣзжалъ изъ Висящева.

Съ тяжелымъ чувствомъ вспоминалъ онъ объ усадьбахъ, остававшихся позади него. Мало свѣтлаго было тамъ... Два-три симпатичныхъ образа мелькали, какъ звѣздочки, мерцавшія изъ-за темныхъ тучъ въ ненастную, непогожую ночь. Онъ оставлялъ за собою темный міръ прожектерства и интригъ, клонившихся лишь къ тому, какъ бы покрѣпче опутать мужика, заставить его работать на себя за какой-нибудь несчастный грошъ или за мѣрку зерна, выданную ему въ «минуту жизни трудную»; какъ бы присосѣдиться къ земскому пирогу, который состряпанъ, какъ извѣстно, съ «начинкою» изъ того же мужика. Разнузданные инстинкты алчбы и наживы во что бы то ни стало разгуливали здѣсь на всемъ просторѣ, подъ прикрытіемъ той или другой буквы писаннаго закона, а иногда и безъ всякаго прикрытія—въ своемъ «натуральномъ видѣ». Каждый норовилъ «утянуть», «поживиться»; каждый съ лихорадочною поспѣшностью старался обобрать мужика до чиста—такъ, чтобы другому не оставить ни крошки... И всѣ эти хищники такъ ужасно торопились, какъ будто не сегодня—завтра добыча должна была ускользнуть отъ нихъ навсегда...

Какіе-то купеческіе прикащики—«молодцы», ѣхавшіе со станціи Пеньковки въ одномъ вагонѣ съ Верюгинымъ, пощелкивая подсолнечниковыя сѣмечки, громко оратерствовали:

— Мы покажемъ этимъ опалевцамъ! Мы имъ засвѣтимъ! Они у насъ не скоро прочухаются... Ха!

Верюгину стало вчужѣ жаль этихъ неизвѣстныхъ ему опалевцевъ, чѣмъ-то прогнѣвившихъ господъ прикащиковъ или ихъ атамана. Онъ былъ увѣренъ, что эти «молодцы», перетянутые по таліи кавказскими ремнями и съ шапочками на бекрень, дѣйствительно, доймутъ несчастныхъ опалевцевъ,—такъ что тѣ не скоро «прочухаются»... А мужикъ—тотъ, на кого всѣ охотились взапуски со своими ловчими и съ гончими и на кого всѣ страшно негодовали, когда онъ не давался имъ въ руки живымъ, сладко спалъ, прикорнувъ рядомъ съ Верюгинымъ и свѣсивъ почти на плечо къ нему свою лохматую голову. Онъ, сердечный, и не предчувствовалъ, что о послѣднихъ одеждахъ его уже «метали жребій»...

Оставивъ свой багажъ на вокзалѣ, у сторожа на храненіи, Верюгинъ съ небольшимъ тюкомъ отправился пѣшкомъ въ Вязовку. Послѣ письма Суславской онъ уже не ожидалъ особенно богатыхъ милостей отъ m-me Маркушевой, но все-таки разсчитывалъ на нее въ одномъ отношеніи... «И нужно же было замѣшаться этимъ личнымъ чувствованіямъ!.. чортъ бы ихъ побралъ!..» со злостью думалъ онъ, подходя къ Вязовкѣ.

Сѣрый осенній день смеркался. Красная но-

лоса на западной окраинѣ неба потухала, и высокіе тополи, стоявшіе передъ домомъ, уже темнѣли, закутываемые синеватыми тѣнями вечернихъ сумерекъ.

Въ домѣ Верюгинъ никого не нашелъ: отъ прислуги онъ узналъ, что барышня уѣхала въ городъ, а «сама барыня» была на гумнѣ. Оставивъ свой тюкъ въ столовой на диванѣ, онъ отправился прямо на ригу и явился очень невпопадъ. Два мужика лопатами вѣяли хлѣбъ. Вороха оставалось уже немного... Анна Павловна стояла въ сторонкѣ, очевидно, была не въ духѣ и ворчала на мужиковъ, укоряя ихъ, по обыкновенію, въ лѣности, въ нерадѣніи и т. под. непохвальныхъ качествахъ. На ней былъ домашній, незатѣйливый костюмъ—какая-то сѣрая блуза и ситцевый платочекъ на головѣ. Ея лицо на этотъ разъ было не подкрашено косметиками, но покрыто слоемъ сѣрой пыли. Однимъ словомъ, въ такомъ *непрезентабельномъ* видѣ она показывалась только мужикамъ. Человѣкъ же ея круга, заставъ ее въ такомъ видѣ, долженъ былъ неминуемо причинить ей большое неудовольствіе.

При видѣ Верюгина барыню невольно передернуло, и кислая гримаса обозначилась на ея сухихъ губахъ. А тотъ, конечно, и не догадывался, что появленіемъ невзначай онъ еще пуще испортилъ себѣ пріемъ...

— Ахъ! Это—вы?—небрежно протянула Анна Павловна, всматриваясь въ пришедшаго и холодно подавая ему руку.—Какимъ вѣтромъ занесло васъ сюда?

— Кажется, недобрымъ вѣтромъ...—многозначительнымъ тономъ, смѣясь, отвѣтилъ тотъ. — А вы распекаете любезныхъ поселянъ?..

— Да! Вездѣ свой глазъ нуженъ...—сухо промолвила она, не смотря на Верюгина. — Впрочемъ, уже все почти кончено... мы, пожалуй, можемъ идти въ домъ! Семенъ! Приди потомъ въ комнату за ключами отъ амбара!—заключила она, обратившись къ одному изъ вѣяльщиковъ.

Анна Павловна ожидая отъ Верюгина непріятныхъ разговоровъ о школѣ, предпочла прямо схватить быка за рога.

— А я, знаете, отдумала строить школу... —сказала барыня, идя съ нимъ въ усадьбу и смотря по сторонамъ: тонъ ея былъ строгъ и рѣшителенъ.—Все это — пустое... Я разговаривала съ мужиками по этому поводу, спрашивала ихъ сама: нужна-ли имъ школа? Они отвѣтили какъ-то уклончиво... «Для чего, говорятъ, намъ школа! Еще, пожалуй, говорятъ, съ насъ же деньги потянутъ на нее»...

— Но вы, конечно, сказали имъ, что денегъ на школу съ нихъ не потянутъ, что школу вы устроите на свой счетъ?—перебилъ ее Ѳеофанъ Михайловичъ.

— Да, я сказала имъ, что устрою школу, но поддерживать ее, платить учителю, разумѣется, должно земство или они сами... — скороговоркою продолжала Анна Павловна.— Согласитесь, что при нынѣшнихъ неурожаяхъ, при такомъ застоѣ дѣлъ, не могу же я рисковать своими деньгами... Вѣдь у меня, Ѳеофанъ Михайловичъ, не Богъ вѣсть какое состояніе... Я должна и о себѣ подумать подъ старость,—кормильцевъ у меня никого нѣтъ...

— Такъ! — промолвилъ онъ, грустно и жалостливо посмотрѣвъ ей въ лицо.

Барыня, между тѣмъ, старалась придать себѣ по возможности беззаботный видъ и шла, слегка постукивая зонтикомъ о сухую землю. Придя домой, она предложила Верюгину чаю; тотъ отказался и только попросилъ ее подержать у себя еще нѣкоторое время тотъ небольшой тюкъ, который онъ отставилъ у нея въ первый свой пріѣздъ.

— Вотъ ужъ, право, не знаю: какъ вамъ сказать...—надувъ губы, съ явнымъ неудовольствіемъ проговорила Маркушева.—Нынѣ такое время, что ни въ чемъ нельзя быть увѣреннымъ... Сами знаете, какое мнѣніе здѣсь составилось обо мнѣ!

— Эхъ, Анна Павловна! Зачѣмъ тутъ страшныя слова... — съ упрекомъ замѣтилъ ей Верюгинъ. — Скажите просто, что мой тюкъ васъ стѣсняетъ!

— Конечно, если бы вы были со мною откровеннѣе... если бы я знала... если бы было изъ-за чего рисковать, тогда другое дѣло...— отговаривалась Маркушева.

— Ну, такъ давайте его сюда и—прощайте!—сказалъ онъ, вставая съ дивана.

— Да куда жъ вы теперь... вѣдь ночь... темно!—воскликнула она, подавая ему тюкъ и нѣсколько смутившись.—Переночуйте у насъ...

Очевидно, ей было чрезвычайно неловко подъ пристальнымъ взглядомъ Верюгина. Ей хотѣлось и поскорѣе отдѣлаться отъ непріятныхъ разговоровъ, и въ то же время сохранить приличіе.

— Я, Анна Павловна, признаться, боюсь трусливыхъ людей!—съ усмѣшкою отвѣтилъ

онъ.—А вы обо мнѣ не безпокойтесь... я пристанище себѣ найду...

— Послушайте!—вполголоса заговорила она, идя за нимъ къ двери.—Вы тогда, помните, говорили о деньгахъ... Я могу вамъ теперь рублей 200—300... въ ваше распоряженіе...

Ѳеофанъ Михайловичъ, уже взявшійся за ручку двери, остановился на минуту и съ грустною улыбкою посмотрѣлъ на барыню, желавшую поставить въ одно время и Богу свѣчку, и чорту—огарокъ. Ему жаль было m-me Маркушеву, такъ красно говорившую не далѣе трехъ мѣсяцевъ тому назадъ, а теперь, подъ вліяніемъ мелочныхъ личныхъ чувствъ, готовую на всякую гадость.

— Это что же? Въ родѣ отступного?.. — спросилъ онъ ее.

— Мнѣ не за что давать отступное!—съ сердцемъ проговорила Анна Павловна. — Я дѣлаю, что могу... и совѣсть моя спокойна!

— Тѣмъ лучше для васъ! —уже совершѣнно безучастно на этотъ разъ замѣтилъ Верюгинъ и вышелъ изъ дома, оставивъ за собою, вмѣсто друга, однимъ врагомъ болѣе.

Анна Павловна съ минуту стояла неподвижно середи комнаты, сжавъ губы и сильно покраснѣвъ, словно кто-нибудь смертельно оскорбилъ ее...

Уже не разъ Верюгинъ ошибался, не разъ приходилось ему горько разочаровываться, но все-таки онъ продолжалъ вѣрить,—и въ этой вѣрѣ въ человѣка была его сила...Относительно Маркушевой онъ, правду сказать, не особенно обольщался, такъ какъ еще мало зналъ ее... но бывали другіе случаи, когда вѣра его подвергалась большимъ испытаніямъ. Уже не разъ онъ находилъ измѣну со стороны такихъ людей, на которыхъ крѣпко надѣялся. Но и теперь—въ виду этой маленькой ошибки—невесело было у него на душѣ. «Ищи, находи и теряй!» мелькало въ его головѣ.

На дворѣ была уже ночь, когда Верюгинъ пришелъ въ Марѳинское. Собака подняла, было, громкій лай, но Андрійко, выбѣжавшій вскорѣ на крыльцосъ фонаремъ и узнавшій Ѳеофана Михайловича, угомонилъ вѣрнаго пса и провелъ гостя въ комнаты. Олимпіада Марковна спала и видѣла, по ея выраженію, уже «десятый сонъ», но пробудилась при неистовомъ лаѣ собаки и, узнавъ, какого поздняго странника Богъ прислалъ имъ, наскоро одѣлась и вышла въ столовую. Сейчасъ же, разумѣется, появились на столѣ весело шипящій самоваръ и сытная деревенская закуска. Небольшая лампа съ зеленымъ абажуромъ освѣщала уютную комнату и ея радушную хозяйку.

— Ну, гость дорогой,—вотъ ужъ не ждала —не гадала...—говорила старушка, хлопоча около самовара.—Откуда же и куда теперь путь держишь?

—Теперь—отъ Маркушихи, а пробираюсь въ городъ... Нужно еще тутъ въ одинъ монастырь заѣхать по дѣламъ...—отвѣчалъ Ѳеофанъ Михайловичъ.—Я оставлю у васъ, матушка Олимпіада Марковна, на время вотъ этотъ тюкъ... (онъ хлопнулъ рукою по тюку, затянутому въ ремни). Ужъ похраните, пожалуста!.. теперь онъ меня стѣсняетъ...

— Оставляй, голубчикъ, что хочешь...— ласково согласилась Олимпіада Марковна.— Мѣста много... Не только для твоей поклажи, и для тебя мѣста хватитъ....

— Спасибо!.. Для себя-то пока еще не хлопочу...—сказалъ онъ.

— А ладно, что ты пришелъ...—немного погодя, заговорила старуха.—Вѣдь я задумала духовную написать и ужъ написала... и у нотаріуса засвидѣтельствовала, все какъ слѣдуетъ... Нарочно въ городъ для того ѣздила...

— Не умирать-ли хотите?—шутливо спросилъ ее Ѳеофанъ Михайловичъ.

— Да вѣдь хочешь—не хочешь, а ужъ когда-нибудь помирать придется.. Я тебѣ сейчасъ покажу...

Старушка вынула изъ комода старинную шкатулку, отперла ее какимъ-то необыкновенно гремящимъ ключемъ и, вынувъ изъ нея вчетверо сложенный листъ бумаги, бережно подала его Верюгину. Тотъ развернулъ и быстро пробѣжалъ его... Прочитавъ, онъ задумчиво посмотрѣлъ сначала на исписанный листъ бумаги, а потомъ на Олимпіаду Марковну.

— Это что жъ такое?—въ недоумѣніи проговорилъ онъ.—Все мнѣ отдаете?

— Да! Тебѣ...—тихо отвѣчала старушка. —Думала-думала... Родныхъ у меня никого нѣтъ... Кому жъ отдать!.. А ты—человѣкъ хорошій, добрый, я знаю... не пустишь по вѣтру мои денежки...

Ѳеофанъ Михайловичъ всталъ, молча подошелъ къ старушкѣ, обнялъ ее и крѣпко поцѣловалъ...

Она тихо плакала, утирая рукавомъ слезы...

«Вотъ ужъ подлинно: не знаешь, гдѣ найдешь!»... — раздумывалъ Верюгинъ, засыпая въ ту ночь подъ гостепріимнымъ кровомъ

Марѳинскаго и прислушиваясь къ глухому завыванію вѣтра, проносившагося по саду.

V.

За монастырскими стѣнами.

Верюгину нужно было побывать въ Заволькомъ монастырѣ, гдѣ требовалось провѣрить поземельные планы и возобновить нѣкоторыя старыя межи.

Монастырь находился въ 15 верстахъ отъ города, за рѣкой Волой,—отчего и получилъ свое названіе. Подъѣзжая къ нему, Ѳеофанъ Михайловичъ замѣтилъ, что хозяйство здѣсь велось въ широкихъ размѣрахъ, основательно, съ толкомъ... Монастырь стоялъ на ровномъ мѣстѣ, посреди полей и луговъ, окопанныхъ глубокими канавами; за нимъ шла большая роща, такъ называемая «подмонастырская», куда горожане иногда пріѣзжали гулять, привозя съ собою кулечки съ виномъ и съ закусками. Въ полуверстѣ отъ монастыря, внизъ по рѣкѣ была устроена мельница, и плотина ея шумѣла день и ночь. На лугахъ было построено нѣсколько обширныхъ сѣноваловъ. На выгонѣ паслось громадное стадо здоровыхъ откормленныхъ коровъ, овецъ и свиней. Стада гусей и утокъ плавали по рѣкѣ. На берегу для просушки были развѣшены рыболовныя сѣти и двѣ лодки болтались у берега на причалѣ.

Бѣлыя, недавно подновленныя стѣны монастырскія при солнцѣ виднѣлись издалека, ярко блестя посреди зелени. Четыре каменныя башни стояли по угламъ. За стѣною поднимались деревья, а выше ихъ—колокольня и куполъ храма—голубой, усѣянный золотыми звѣздами... Вокругъ монастыря уже построилось цѣлое селенье: избы, гостинницы, скотные дворы, маслобойный заводъ, немного отступя—рига, кирпичный заводъ, нѣсколько сараевъ и разныхъ другихъ строеній...

Когда Верюгинъ, рано утромъ, подъѣзжалъ къ монастырю на парѣ захудалыхъ деревенскихъ лошаденокъ, блестящій шпиль высокой колокольни, церковный куполъ, усѣянный золотыми звѣздами, бѣлыя стѣны, башни и деревья, пестрѣвшія за ними въ своемъ осеннемъ убранствѣ—ярко горѣли въ красноватыхъ лучахъ восходящаго солнца. За монастыремъ, въ большой ригѣ, шло молоченье; слышались крики, стукъ машины и трескъ арапника. Облако желтоватой пыли стояло надъ ригой. Въ монастырѣ благовѣстили къ заутренѣ, и звонъ колоколовъ гулко расходился въ сыромъ осеннемъ воздухѣ. Легкій, бѣлесоватый туманъ стлался еще тамъ и сямъ по низменнымъ луговинамъ. Темныя фигуры послушниковъ сновали изъ монастыря и въ монастырь...

У воротъ Верюгинъ остановился, соскочилъ съ телѣги и приказалъ возницѣ унести свои вещи за монастырскую ограду. Тотчасъ же подошелъ къ нему послушникъ и, узнавъ, кто онъ, попросилъ его пожаловать въ келью къ отцу игумену.

— Отецъ игуменъ еще у заутрени, но онъ скоро придетъ!—говорилъ молодой послушникъ, съ поклономъ указывая ему дорогу и обративъ къ нему свое здоровое, румяное лицо.

Подрясникъ ловко сидѣлъ на немъ, обхватывая его высокую, стройную фигуру, перетянутую по таліи широкимъ лакированнымъ ремнемъ. Волосы его были напомажены и расчесаны очень старательно: едва видимою узкою полоской на шеѣ у него бѣлѣли воротнички, а на рукахъ—рукавчики. Этотъ послушникъ, какъ Верюгинъ узналъ впослѣдствіи, благодаря своей «счастливой», т.-е. красивой наружности, былъ назначенъ спеціально для пріема посѣтителей, и потому на его щегольство строгій игуменъ смотрѣлъ сквозь пальцы.

— Вы съ отцомъ игуменомъ незнакомы?—продолжалъ словоохотливый послушникъ.—Ну, вотъ ужо увидите его... Человѣкъ—прозорливый... такого строителя у насъ еще не бывало... Къ святынѣ ужъ очень усерденъ... Вѣдь вотъ его хлопотами старая церковь перестроена... Посмотрите: что у насъ теперь стала за церковь!.. въ городѣ такой нѣтъ... Право!.. Стѣны подновилъ, башни каменныя выстроилъ, а вѣдь прежде были простыя, деревянныя... А ужъ по хозяйству—все самъ, все самъ... даже, можно сказать, удивительно!.. Да вотъ ужо сами познакомитесь, увидите... До него братія сильно скудалась, никакихъ доходовъ, а теперь что дѣлается!.. Страсть!..

И разсказчикъ выразительно махнулъ рукою.

По дорогѣ онъ занесъ вещи Верюгина въ гостинницу, а самого его провелъ въ келью отца игумена и тутъ уже передалъ его на руки другому послушнику, прислуживавшему игумену. Это былъ тоже молодой человѣкъ,

лѣтъ, 20, но чрезвычайно скромный, молчаливый, сдержанный и одѣтый безъ всякаго щегольства—въ самый грубый подрясникъ.

Пріемная, куда провелъ послушникъ Верюгина, была довольно большая комната въ три окна. На подоконникахъ стояло нѣсколько горшковъ съ цвѣтами; пахло мускусомъ, геранью, резедой. Темный коверъ покрывалъ полъ. Налѣво отъ входной двери стоялъ у стѣны диванъ, а передъ нимъ — осьмигранный столъ краснаго дерева, накрытый бѣлою вязаною салфеткой. Въ переднемъ углу помѣщался образъ Спасителя въ терновомъ вѣнцѣ, прекрасной работы, — образъ безъ ризы. На стѣнѣ, надъ диваномъ, висѣлъ портретъ масляными красками митрополита Филарета московскаго, а подъ нимъ фотографическій кабинетный портретъ мѣстнаго архіерея.

Въ углу, рядомъ съ диваномъ, на кругломъ столикѣ лежала книга поученій Іоанна Златоуста. Въ книгу были положены двѣ закладки; на одной изъ нихъ шелками было вышито «Souvenir», а на другой, по черному бархатному фону голубымъ и золотымъ бисеромъ было вышито старинною вязью: «Помолись за меня!»

Когда Ѳеофанъ Михайловичъ перелистывалъ эту книгу, въ передней послышался шопотъ: «Идутъ, идутъ...» Немного погодя, дверь безъ шума отворилась,—и тихими, неслышными шагами, въ мягкихъ валеныхъ сапогахъ, въ комнату вошелъ монахъ средняго роста, слегка сгорбленный, молча снялъ клобукъ, передалъ его слѣдовавшему за нимъ послушнику и, сдѣлавъ передъ образомъ три низкихъ поясныхъ поклона, смиренно подошелъ къ Верюгину, вставшему ему на встрѣчу.

— Господинъ Верюгинъ? — едва слышно спросилъ онъ, пожимая или — вѣрнѣе сказать—слегка тряся его за руку.—Позвольте узнать имя-отчество!

Верюгинъ сказалъ.

— Очень радъ... прошу покорно!.. Чайку не угодно-ли? Или закусить?..—говорилъ игуменъ, приложивъ правую руку къ груди, а лѣвою—придерживая правый рукавъ своей поношенной черной рясы.

Ѳеофанъ Михайловичъ попросилъ чаю, а отъ закуски отказался. Но, не смотря на его отказъ, вмѣстѣ съ чаемъ появились на столѣ и икра, и балыкъ, и всякая копченая, вяленая и соленая рыба, и—въ заключеніе—цѣлый рядъ бутылокъ—всевозможныхъ водокъ, настоекъ и наливокъ различныхъ цвѣтовъ—темно-вишневаго, золотистаго, розоваго, малиноваго... Игуменъ оказывался очень гостепріимнымъ, добродушнымъ хозяиномъ. Никакой суетни и толкотни не было; все дѣлалось быстро, безъ шума, аккуратно... Личность хозяина сильно заинтересовала Верюгина.

Отцу Ѳалласію было лѣтъ за 50. Онъ былъ чрезвычайно худощавъ, какъ можетъ быть худощавъ только человѣкъ, находящійся при смерти послѣ продолжительной, томительной болѣзни, или настоящій постникъ, убивающій добровольно свою плоть. Въ его темныхъ волосахъ и въ густой бородѣ пробивалась сѣдина; лицо было желтое, какъ пергаментъ,—и вообще онъ сильно напоминалъ бы собою мощи, если бы не его живые, темные, глубоко впавшіе глаза, горѣвшіе, какъ угольки. Казалось, вся жизнь, вся энергія этого исхудалаго, изможденнаго тѣла сосредоточилась въ глазахъ. На людей нервныхъ должны были производить сильное впечатлѣніе эти глаза, блестѣвшіе изъ своихъ глубокихъ впадинъ, изъ-подъ густыхъ темныхъ бровей, почти сходившихся надъ переносьемъ... Этотъ узкій лобъ, эти блестящіе проницательные глаза, смотрѣвшіе, казалось, уже изъ другого міра, это исхудалое желтовато-блѣдное лицо, съ выдавшимися отъ худобы скулами, эти тонкія, крѣпко сжатыя, безкровныя губы обличали въ отцѣ Ѳалласіѣ человѣка страшно упрямаго и рѣшительнаго. Повидимому, кругъ идей его былъ весьма ограниченъ, но онъ всецѣло, со стойкостью средневѣковаго подвижника, былъ преданъ этимъ идеямъ. Ради торжества ихъ, монахъ готовъ былъ идти и на уступки, приноравливаться къ вѣяніямъ духа времени и сходиться съ людьми совершенно противоположныхъ съ нимъ взглядовъ...

Верюгинъ чувствовалъ, что въ лицѣ Ѳалласія онъ встрѣтился съ натурой, родственной ему по желѣзному упорству, по энергіи и фанатической преданности идеѣ. У него только идеи другія, другія цѣли, другая обстановка дѣятельности...

Монахъ рѣдко улыбался, и улыбка его обдавала холодомъ, какъ улыбка мертвеца, жителя иного міра. Онъ, подобно Верюгину, не зналъ слабостей и проходилъ жизнь, не поддаваясь искушеніямъ... Не каждому посѣтителю смотрѣлъ онъ прямо въ глаза... Иныхъ богомольцевъ и особенно богомолокъ онъ, положительно, мучилъ своимъ пристальнымъ, горячимъ взглядомъ, заставляя ихъ вздраги-

вать и трепетать отъ какого-то необъяснимаго страха. Онъ нѣсколько разъ посмотрѣлъ на Ѳеофана Михайловича, но, встрѣтивъ въ отвѣтъ съ его стороны такой же проницательный, упорный взглядъ, опустилъ рѣсницы, и съ тѣхъ поръ сталъ наблюдать за гостемъ изподтишка.

— Много молельщиковъ ходитъ къ вамъ въ монастырь, отецъ Ѳалласій?—освѣдомился Верюгинъ, сидя за стаканомъ чая.

— Не въ конецъ еще прогнѣвался Господь... — съ легкимъ вздохомъ, проговорилъ игуменъ, опуская глаза.—Есть добрыя души, радѣющія о спасеніи... не забываютъ обитель и святую, пречистую Матерь Божію.. .Ходятъ!

Отецъ Ѳалласій ѣлъ сухую просфору, отламывая ее маленькими кусочками и запивая жидкимъ чаемъ.

— И доходы порядочные? — продолжалъ Верюгинъ.

— Всяко даяніе благо и всякъ даръ совершенъ...—началъ монахъ, творя крестное знаменіе и возводя очи горѣ.—Отъ трудовъ своихъ братія питается... Но не могу сказать, чтобы были излишки; особенныхъ доходовъ нѣтъ... Мельница... ну, скотъ, конечно... въ городѣ подворье приноситъ кое-что... часовни есть въ разныхъ мѣстахъ... Живемъ по малости...

Потомъ зашла рѣчь о дѣлахъ.

— Сосѣдніе мужички десятинъ пять монастырской землицы оттягали... — сказалъ отецъ Ѳалласій.—Ужъ вы, пожалуста, провѣрьте, возобновите старыя-то межи... За что же терять обители, сами согласитесь? Лишней земли у насъ и безъ того нѣтъ...

— А сколько у васъ всей земли? — спросилъ его Верюгинъ.

— Да, какъ вамъ сказать... всего-то... гм! —запнулся отецъ игуменъ, и глаза его забѣгали изъ стороны въ сторону, словно застигнутые врасплохъ.—Есть тоже и неудобная земля, всякая... Всего-то будетъ, пожалуй, около 1,500 десятинъ... Такъ вы ужъ, пожалуста, Ѳеофанъ Михайловичъ, ради обители...

— Посмотримъ, посмотримъ, отецъ Ѳалласій!—какъ-то неопредѣленно проговорилъ Верюгинъ.

— Намъ чужого не надо, сохрани Богъ... — пытливо посмотрѣвъ на него украдкой, продолжалъ монахъ. — А нельзя же святой обители терять, тутъ клочокъ, да тамъ клочокъ... глядишь, и наберется участокъ порядочный...

И долго отецъ Ѳалласій разсуждалъ на эту тему, пока явившійся послушникъ не объявилъ, что подрядчикъ давно уже дожидается его. Верюгинъ отправился въ монастырскую гостинницу, получивъ приглашеніе: ничѣмъ не стѣсняться и требовать все, что ему понадобится.

Больше недѣли Верюгинъ прожилъ въ Завольскомъ монастырѣ и повсюду видѣлъ вокругъ себя слѣды энергіи и предпріимчивости отца игумена, а отъ братіи—отъ послушниковъ и монаховъ—слышалъ о немъ только самыя лестныя мнѣнія. «Человѣкъ прозорливый»... «старается для обители»... «такого строителя еще не бывало»... «человѣкъ, Богу угодный»—вотъ что говорила о немъ братія. Крестьяне, работавшіе въ монастырѣ «по обѣщанію», также не могли нахвалиться игуменомъ. «Ужъ такого хозяина поискать»... толковали они. «У него ни одна крошечка не пропадетъ даромъ»...

Въ воскресенье, бродя въ «подмонастырской» рощѣ, Ѳеофанъ Михайловичъ повстрѣчалъ одного монаха и разговорился съ нимъ о монастырѣ. Монахъ сидѣлъ подъ кустомъ орѣшника; Верюгинъ прилегъ съ нимъ рядомъ и закурилъ папиросу.

— Еще недавно наша обитель, могу сказать, была совсѣмъ въ упадкѣ...—густымъ, хриплымъ басомъ говорилъ монахъ.—Отецъ Ѳалласій насъ въ люди вывелъ. Истинно: безъ него мы погибли бы, какъ черви. Не было порядка, не было никакого радѣнія... Прежній игуменъ былъ человѣкъ старый, ветхій, съ разными недугами. Въ послѣднее время и въ церковь-то его водили ужъ подъ руки... А этотъ... Вы посмотрите: вѣдь онъ ни минуты въ покоѣ не посидитъ... Ужъ такой старатель, что просто... Вонъ, кирпичный заводъ выстроилъ, церкви подновилъ... теперь, вотъ, тоже—маслобойка... Какіе скотные дворы завелъ — всѣмъ на удивленіе! Скота накупилъ кучу, быки все—крупные... Въ городѣ подворье завелъ, по деревнямъ, по проѣзжимъ дорогамъ гостинницъ, да постоялыхъ дворовъ настроилъ... И-и-и! Да что это за человѣкъ!..

При этомъ монахъ слегка прищурился и выразительно покачалъ головою, какъ будто ему, простому смертному, было не въ мочь смотрѣть на сіяющій ликъ такого «прозорливаго», праведнаго человѣка, какимъ былъ для него игуменъ.

Этотъ монахъ, отецъ Леонтій, былъ чело-

вѣкъ пожилой, высокій, тучный и здоровый, какъ говорится, «кровь съ молокомъ». Онъ представлялъ съ игуменомъ полный контрастъ: большой матеріалистъ въ жизни, живой, веселый, словоохотливый, отецъ Леонтій въ то же время былъ глубоко убѣжденъ въ той истинѣ, что «вино веселитъ сердце человѣка». Его толстый красный носъ безмолвно свидѣтельствовалъ о томъ, что отецъ Леонтій нерѣдко на опытѣ провѣрялъ эту истину... Его полныя румяныя щеки лоснились отъ жиру, и даже узкіе сѣрые глаза, казалось, получили какой-то маслянистый оттѣнокъ. Отецъ Леонтій, благодаря своей тучности, пыхтѣлъ и сопѣлъ невыносимо, особенно при ходьбѣ... Онъ, заодно со всей братіей, былъ чрезвычайно доволенъ игуменомъ и, смѣясь, говорилъ, что ему, грѣшному, идетъ въ прокъ монастырскій хлѣбъ.

— Былъ худъ я, какъ щепка, во дни оны, а теперь во-о!—говаривалъ онъ, хлопая себя по брюху, причемъ все тучное тѣло его дрожало отъ смѣха, словно готовясь разорваться въ порывѣ неудержимой веселости.

— Откуда вашъ игуменъ деньги беретъ?—спросилъ его Верюгинъ.

Богъ!..—торжественно заговорилъ монахъ, вдругъ впадая въ высокій тонъ и тыча пальцемъ въ воздухъ.—Единственно только Богъ помогаетъ ему... Господь не оставляетъ, споспѣшествуетъ ему во всѣхъ его благихъ начинаніяхъ.

— Однако, все-таки, откуда же деньги?—допытывался Верюгинъ.

— Откуда!.. О, маловѣры, маловѣры...—тѣмъ же тономъ продолжалъ отецъ Леонтій.—Рука дающаго не оскудѣваетъ...

— Значитъ, отецъ Ѳалласій дѣлаетъ сборы?

— Большіе...—понизивъ голосъ и наклонившись къ Верюгину, промолвилъ монахъ.—Въ Москву ѣздилъ много разъ... Тамъ у него знакомство большое, все купечество... Ну, потомъ и здѣсь... Вѣдь вотъ сами видите: дня почти не проходитъ, чтобы онъ въ городъ не ѣздилъ или къ нему не пріѣзжали бы изъ города его радѣльцы... Святымъ его почитаютъ!.. Да ужъ что про него говорить!.. Со всякимъ онъ умѣетъ обойтись: съ однимъ—такъ, съ другимъ—этакъ... Каждаго мужика радъ обласкать, ни одного чиновника не отпуститъ безъ угощенья, — и всѣхъ самъ потчуетъ... Вонъ, онамедни, исправникъ заѣхалъ изъ уѣзда, да захотѣлъ въ баню, грѣшнымъ дѣломъ; такъ вѣдь ему какую баню-то устроили... хоть царю — такъ впору... Случается, господа пріѣдутъ съ дѣтьми,— ужъ упокоитъ такъ, что потомъ благодарятъ-благодарятъ его... страсть!.. Посмотрѣли бы вы, какъ онъ съ богомольцами обращается!.. А стоитъ повидать, право!..

— Какъ же онъ обращается съ ними?—спросилъ Верюгинъ.

— А вотъ какъ, батюшка...—продолжалъ словоохотливый монахъ.—Пріѣдетъ къ нему—скажемъ такъ—какая-нибудь важная барыня, а онъ и начнетъ ей вычитывать о грѣхахъ, да о смертномъ часѣ... говоритъ такъ грубо, точно бранится, и на образъ ей рукою показываетъ и грозится... А глаза-то у самого такъ и сверкаютъ, такъ и сверкаютъ... Барыня-то иной разъ даже затрясется вся, заплачетъ. Ну, онъ и постихнетъ маленько... Съ купчихами онъ опять иначе держится. Говоритъ таково тихо, все утѣшаетъ ихъ, молится съ ними, а тѣ-то разливаются, сердечныя...

— Что жъ! Всѣ онѣ и жертвуютъ?—спросилъ Ѳеофанъ Михайловичъ.

— Жертвуютъ... и много жертвуютъ иной разъ! — вполголоса поддакнулъ отецъ Леонтій, невольно оглядываясь на кустъ орѣшника.—Чудеса онъ дѣлаетъ словомъ своимъ... Одну женщину уговорилъ уступить ему въ городѣ мѣсто подъ постройку монастырскаго подворья,—и до слова отдала ему... Одного барина, костромскаго помѣщика, уговорилъ поселиться въ обители; тотъ всѣ деньги свои въ монастырь отдалъ, а отецъ игуменъ взялся кормить-поить его до самой смерти... больше десяти тысячъ внесъ. Да!.. Умудряетъ Господь... Только бы ему Богъ вѣку продлилъ, а ужъ онъ украситъ нашу обитель... а-ахъ! украситъ... и насъ, грѣшныхъ, упокоитъ...

Монахъ вздохнулъ и перекрестился. Въ это время ударили къ вечернѣ, и разговоръ прервался... Отецъ Леонтій, охая и кряхтя, крестясь и зѣвая, поплелся въ церковь...

Верюгинъ, такимъ образомъ, все болѣе и болѣе знакомился съ личностью дѣятельнаго, предпріимчиваго игумена. Всѣ также говорили ему, что отецъ Ѳалласій ведетъ жизнь крайне строгую, постническую, чисто подвижническую: «пьетъ одну воду, ѣстъ просфоры и самую грубую пищу, — и то понемногу, клюетъ, какъ птичка»... Въ строгости жизни игумена, впрочемъ, и самъ Верюгинъ убѣдился... Было удивительно: какимъ обра-

зомъ въ этомъ худомъ, изможденномъ тѣлѣ жилъ духъ такой бодрый и мощный.

«Въ воображеніи людей простыхъ, думалъ Верюгинъ, дѣйствительно, личность отца Ѳалласія легко могла окружиться сіяющимъ ореоломъ святости»...

VI.

Оборотная сторона медали.

Однажды вечеромъ, послѣ работъ, гуляя по берегу рѣки Волы, Ѳеофанъ Михайловичъ дошелъ до монастырской мельницы и хотѣлъ уже поворотить назадъ, какъ вдругъ замѣтилъ какого-то старика, сидѣвшаго на берегу. Старикъ былъ въ одной холщевой рубахѣ и въ синихъ крашенинныхъ порткахъ, босой и безъ шапки. Его лицо и большая сивая борода были покрыты мельничною пылью. Онъ сидѣлъ, свѣсивъ на руки свою лысую голову, и разсѣянно смотрѣлъ на шумѣвшую передъ нимъ плотину. На его морщинистомъ, загорѣломъ лицѣ выражалось столько грусти; во всей согбенной, немощной позѣ его сказывалось такое глубокое уныніе, что Ѳеофанъ Михайловичъ невольно обратилъ на него вниманіе и остановился. Очевидно было, что этотъ старикъ, смотрѣвшій на плотину, вовсе не видалъ ея, и не къ этой плотинѣ летѣли его думы. Онъ, казалось, былъ убитъ какимъ-то страшнымъ горемъ,—и вотъ теперь сидѣлъ на берегу одинъ-одинехонекъ, какъ будто не зная: что ему дѣлать со своею старой головой.

Верюгинъ присѣлъ къ старику. Тотъ, молча, посмотрѣлъ на него и снова понурился.

— Изъ монастырскихъ? — спросилъ его, немного погодя, Верюгинъ.

— Изъ монастырскихъ! — какъ эхо, отозвался старикъ.

— «По обѣщанію» трудишься на обитель? —продолжалъ Верюгинъ, приноровляясь къ мѣстному жаргону.

— Ужъ, право, не знаю: какъ тебѣ сказать...—со вздохомъ промолвилъ старикъ.— Вотъ живу теперь при мельницѣ... А что дальше Богъ дастъ, ужъ не знаю...

— Ты—изъ здѣшнихъ?

— Нѣтутка! Родина-то моя отсюда верстъ 50 будетъ... изъ Карамышевской волости, коли слыхалъ...—отвѣтилъ крестьянинъ. — Родомъ-то я—изъ Красныхъ Кустовъ... А сюда-то ужъ такъ Богъ привелъ...

Старикъ опять поникъ головою и какъ будто задумался.

— Какимъ же образомъ, старинушка, очутился ты здѣсь, въ монастырѣ? — спросилъ Ѳеофанъ Михайловичъ, пододвигаясь къ мужичку.

Старикъ, видно, давно уже таилъ въ себѣ всѣ свои сомнѣнія и горести, долго крѣпился, молчалъ, и теперь, наконецъ, не выдержалъ, распахнулъ свою душу... Отрывочно, съ отступленіями, тяжело вздыхая и охая, повѣдалъ онъ Верюгину свою кручину...

Въ деревушкѣ «Красные Кусты» жилъ-былъ старикъ со старухою, какъ говорится въ сказкахъ. Не было у нихъ дѣтей, ни сына, ни дочери. Въ деревенскомъ затишьи, въ спокойствіи и въ мирѣ доживали они дни свои. Въ домѣ у нихъ было всего вдоволь. Оба они были люди работящіе, здоровые и впереди имъ представлялась бодрая, хорошая старость.

Отецъ игуменъ, проѣзжая однажды черезъ «Красные Кусты», остановился у нихъ и разговорился. «Вы, говоритъ, люди старые... для чего вамъ жить въ мірѣ? Послужили бы лучше святой обители, Матери Божіей, усердной заступницѣ грѣшныхъ... Не все жъ, говоритъ, человѣку жить только для себя, нужно подумать и о Богѣ. А ужъ я не оставилъ бы васъ, успокоилъ бы на старости лѣтъ»... Старуха всплакнула, слушая такія рѣчи. Уѣхалъ монахъ, а старуха и приступила къ мужу. «А что, Ермолаюшка, и въ самомъ дѣлѣ, не послушать-ли намъ его?»—«Охъ, старуха!—говорилъ мужъ. — Жили мы съ тобой до сей поры ладно, проживемъ и дальше, Богъ вслитъ»... Прошло немного-немало времени, опять пріѣхалъ монахъ и опять заговорилъ о грѣхахъ, да о спасеніи души. Старуха плакала, ночей не спала, смутился духъ ея и сильно роптала она на мужа. Старикъ и самъ не мало смущался и послѣ каждаго пріѣзда монаха становился уступчивѣе. Наконецъ, онъ махнулъ рукой. «Пусть—что будетъ!»

Продали избу, продали курочекъ, овецъ и корову, все имущество распродали, деньги отдали въ монастырь и пришли къ игумену. «Успокою, говоритъ, васъ, добрые люди... Погодите!»

Монастыри, какъ извѣстно, не могутъ пріобрѣтать земли покупкою: они могутъ только принимать приносимое имъ въ даръ. На имя старика были куплены для монастыря двѣ по-

мѣщичьи усадьбы, продававшіяся за долги... Старикъ формально принесъ эти усадьбы въ даръ Завольскому монастырю. Всѣ окрестные жители, конечно, очень хорошо знали, что мужику не на что было покупать барскія усадьбы. И въ городѣ всѣ знали объ этомъ... Старика съ женою игуменъ оставилъ сторожемъ въ одной изъ усадебъ, а барскій домъ обратилъ въ гостинницу для пріѣзжающихъ. Такимъ образомъ, отецъ Ѳалласій пріобрѣлъ для монастыря около 1,000 десятинъ земли, съ пашнями, съ лугами, съ лѣсомъ, со всѣми угодьями... А старикъ со старухою стали жить въ большой нуждѣ, въ безпокойствѣ, и не разъ съ горечью вспоминали о своемъ прежнемъ мирномъ житьѣ-бытьѣ. Старуху, впрочемъ, скоро Богъ прибралъ, а старика игуменъ приставилъ къ мельницѣ...

— Не знаю: что ужъ будетъ у насъ... — закончилъ разсказчикъ, смахивая слезу. — Старуху-то больно жаль... скудались мы съ нею, изъ-за своихъ же грошей скудались... Что будешь дѣлать!.. Охъ, Господи, Господи!

Старикъ тяжело вздохнулъ и понурился. «Мало словъ, а горя — рѣченька»... Видно было, что онъ не могъ выразить словами всей горечи своего положенія при сравненіи съ прошлымъ деревенскимъ житьемъ. Только отрывочныя фразы, въ родѣ: «все-то у насъ было»... «пришлось теперь подъ старость мыкаться» — ясно указывали на то, что «Ермолаюшка» уносился мыслью въ прошлое. Видно было также, что онъ глубоко скорбѣлъ о своей потерянной «голубкѣ»...

Отецъ Ѳалласій являлся въ новомъ свѣтѣ... Еще болѣе Верюгинъ познакомился съ загадочною личностью игумена во время бесѣды съ деревенскимъ лавочникомъ.

— Скоро всю волость за монастыремъ укрѣпитъ...—говорилъ лавочникъ объ игуменѣ.—Денегъ-то насобиралъ,—такъ, вонъ, теперь какое хозяйство повелъ... Купцу этакъ не догадаться! Ужъ одно слово — «прокуратъ»... Въ городѣ какую-то мѣщанку обошелъ, сказываютъ. Та ему свой домишко и землю отдала подъ монастырское подворье— съ тѣмъ чтобы онъ содержалъ ее до старости, чтобы—значитъ—кормилъ и поилъ, и давалъ бы пріютъ... Подворье этакое выстроилъ— страсть! прямо сказать — дворецъ... больше губернаторскаго дома! Право, больше... А мѣщанка-то теперь шатается по городу, ходитъ по знакомымъ,—ни кола, ни двора, и въ карманѣ ни гроша. Жалится на монаха-то, извѣстно...

Бабы въ сосѣднихъ деревняхъ были особенно недовольны...

— Совсѣмъ они нашихъ мужиковъ споили!—кричали онѣ. — Какъ у нихъ помочь, такъ и бѣда... Имъ-то, знамо дѣло, выгодно, а намъ-то каково!.. Бока-то до синяковъ намнутъ иной разъ спьяна, лѣшіе этакіе!.. Послѣ помочи-то дня по два всѣ ходятъ, какъ шалые, опамятоваться не могутъ, ничего не разумѣютъ... За водку-то они рады всю землю выворотить, а дома-то, поглядишь, все валится... Ужъ этакъ-то, кажется, у насъ николи еще не бывало!..

Верюгинъ видѣлъ въ обители тотъ же духъ наживы, который съ такою силою свирѣпствовалъ и за стѣнами ея, повсюду въ мірѣ. То же стремленіе заставить другихъ работать на себя, по возможности, дешевле, то же стремленіе пользоваться человѣческими слабостями, то же поползновеніе пускаться въ торгашество,—только всѣ эти стремленія и поползновенія здѣсь прикрывались лицемѣрными вздохами и охами... Покупка земель на чужое имя, пріобрѣтеніе усадебъ, игра векселями, постройка всякихъ заводовъ, гостинницъ, подворій и постоялыхъ дворовъ, пріобрѣтеніе денегъ на чисто коммерческія предпріятія, подговариваніе простыхъ людей (какъ, напримѣръ, старика и старуху) оставлять свои насиженныя гнѣзда и служить обители,—развѣ все это не проявленія того же самаго духа времени, съ которыми Верюгинъ сталкивался повсюду «въ мірѣ»—и въ барскихъ усадьбахъ, и на кулацкихъ хуторахъ, въ городахъ и селахъ?

Теперь Верюгинъ видѣлъ: какими путями довелъ отецъ Ѳалласій свой монастырь до такого блестящаго матеріальнаго благосостоянія... Теперь онъ понялъ этого монаха. Игуменья Митрофанія, очевидно,—не единичное явленіе въ своемъ родѣ...

Верюгинъ той порой провѣрилъ планы, и при этомъ оказалось, что крестьяне владѣли по праву тѣми пятью десятинами, которыя игуменъ по ошибкѣ считалъ монастырскою землею. Верюгинъ такъ и сказалъ ему.

— Ну, значитъ, ошиблись мы...—смиренно проговорилъ отецъ Ѳалласій.

Верюгинъ разложилъ на столѣ планы и указалъ на спорное мѣсто. Игуменъ вздѣлъ очки и внимательно слѣдилъ за его указаніями.

— Гм! Ужъ не знаю, право, какъ это мы

прошиблись...—говорилъ онъ, по обыкновенію, тихо, едва слышно, и ни одна черта въ его желтомъ исхудаломъ лицѣ не выдала досады и испытаннаго имъ разочарованія.—Ну, извините, извините...

Только когда онъ свертывалъ планы, блестящіе глаза его холодно посмотрѣли на Верюгина. Затѣмъ, отецъ игуменъ коротко извинился, что ему—некогда,—и черезъ минуту шелъ уже съ подрядчикомъ осматривать работы по вновь строившимся амбарамъ.

Въ тотъ же день Ѳеофанъ Михайловичъ отправился въ городъ и по дорогѣ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ монастыря, встрѣтилъ двухъ послушниковъ, возвращавшихся откуда-то навеселѣ и напѣвавшихъ нѣсенки, которыя ни по содержанію, ни по своему мотиву ни мало не напоминали церковные канты.

VII.

Въ средѣ земскихъ людей.

Уѣздный городъ, куда теперь Верюгинъ держалъ путь, былъ маленькій, грязненькій городокъ съ немощенными улицами, освѣщавшимися по вечерамъ лишь огнемъ изъ оконъ обывательскихъ домовъ или сіяніемъ мѣсяца въ ясную погоду. Осенью городская грязь доходила до того, что даже существовало совершенно неправдоподобное преданіе о старушкѣ—повивальной бабкѣ, потонувшей нѣкогда въ лужѣ середи улицы, то-есть—буквально—захлебнувшейся грязью. Этому городу, наравнѣ съ прочими русскими городами, въ свое время было дано самоуправленіе, но его общественное самоуправленіе какъ-то очень скоро превратилось въ «личное самоуправство», сосредоточившись въ рукахъ двухъ купеческихъ семействъ, состоявшихъ между собою въ родствѣ.

Ноховы и Еноховы избирали изъ среды своей и голову, и членовъ управы, и большинство гласныхъ; вслѣдствіе своего родственнаго состава, здѣшняя дума могла служить образцомъ для всѣхъ думъ на свѣтѣ, предпочитающихъ миръ и спокойствіе борьбѣ партій и бурнымъ преніямъ. Въ здѣшней думѣ оппозиціи не существовало, не было ни правыхъ, ни лѣвыхъ; вся дума, обыкновенно, голосовала, какъ одинъ человѣкъ, а о контролѣ и тому подобныхъ мудреныхъ вещахъ никто даже и понятія не имѣлъ. А если какія-нибудь дрязги и случались, то соръ не выносился изъ избы, и корреспондентамъ—если бы, паче чаянія, завелись таковые — пришлось бы только зубами щелкать. Дѣло въ томъ, что выборы происходили постоянно въ такое время, когда мѣщане-избиратели, по случаю рабочей поры, бывали въ разбродѣ. Почему всегда выходило такъ?—неизвѣстно...

Главныя хлопоты городскаго головы заключались въ томъ, чтобы собрать гг. гласныхъ въ засѣданіе. Въ день засѣданія иной заболѣетъ («тоже вѣдь—человѣкъ!»), иной въ баню отлучится съ супругою — согласно патріархальному обычаю, иной отправится по своей надобности неизвѣстно куда, иной спать завалится спозаранку. Въ такихъ случаяхъ думскій сторожъ, старый Дорофеичъ, ходитъ по домамъ гласныхъ и «честью проситъ пожаловать въ думу», приводя имъ всевозможные резоны и въ особенности упирая на то, что «свѣчи горятъ попусту» и «Иванъ Митричъ серчаютъ»... Зато ужъ если гласные оказывались въ достаточномъ количествѣ, то всѣ вопросы вершались съ изумительною быстротою.

— Не отказать-ли мѣщанкѣ Драловой въ освобожденіи ея отъ воинскаго постоя?—спрашиваетъ, бывало, голова.

— Такъ точно!—отзываются гласные въ одинъ голосъ.

— Согласны-ли вы прибавить секретарю 300 рублей въ годъ?

— Согласны!—отвѣчаетъ эхо.

Кое-кто изъ обывателей жаловался на грязь, на зловоніе, на темноту, на плохое состояніе пожарной команды.

— Ну, ладно!—возражали имъ управцы. —Жили же до насъ люди, да не валялись на улицахъ... А если несчастье случится, такъ ужъ, значитъ, Богу угодно наказать за грѣхи... Противъ Бога никакая пожарная команда ничего не подѣлаетъ!.. А о зловоніи это вы—напрасно... потому что свѣтъ ужъ такъ устроенъ: гдѣ люди живутъ, тамъ ужъ непремѣнно нечистота заводится и всякое зловоніе. Иначе какъ же!.. Вѣдь люди-то, чай, живые...

Уже въ сумерки Верюгинъ пріѣхалъ въ городъ, и монастырскія лошадки, по черной невылазной грязи едва дотащили его до постоялаго двора. Домъ мѣщанина Непьянова оказался недалеко, и Верюгинъ, пристроивъ свои вещи на «хозяйскую половину», отправился разыскивать Петрищева. Онъ скоро нашелъ его въ комнатѣ, уступленной ему мѣщаниномъ на время его пріѣзда. Въ комнаткѣ

пахло затхлью, сыростью, кожей и свѣжеиспеченнымъ хлѣбомъ. На стѣнѣ, въ видѣ украшенія, висѣла картина, написанная масляными красками: «Послѣдній день Помпеи», но она до того запылилась, закоптилась и пострадала отъ мухъ, что на ней, рѣшительно, невозможно было ничего разобрать. Какіе-то тощіе цвѣточки стояли въ горшкахъ на подоконникѣ. Комната была уставлена самою сбродною мебелью, а полъ такъ трещалъ, какъ будто готовъ былъ ежеминутно провалиться.

При входѣ Верюгина, Илья Яковлевичъ сидѣлъ передъ столомъ за стаканомъ чая, въ сѣрыхъ облакахъ табачнаго дыма; его архалукъ съ мѣховой опушкой былъ распахнутъ, и свѣтъ единственной сальной свѣчи, горѣвшей на столѣ, падалъ на его красную кумачную рубаху, яркимъ пятномъ выступавшую на сѣромъ фонѣ убогой обстановки.

— А-а! Ну, вотъ и вы!—сказалъ Петрищевъ, вставая со стула, и, помахивая чубукомъ, пошелъ на встрѣчу Верюгину.—Завтра у насъ собраніе... генеральная битва... да-съ! Кажется, всѣ ужъ прибыли: кто въ тарантасѣ, кто въ телѣгѣ, кто пѣшкомъ... Прошу! Садитесь!.. Эй, хозяинъ! Еще—стаканъ!—крикнулъ онъ, стукнувъ кулакомъ въ перегородку. Приходите же завтра—непремѣнно... Посмотрите... все таки, знаете, вамъ для разнообразія не мѣшаетъ, право...

Какая-то замухрышка-дѣвушка съ сажей на щекахъ, въ большомъ платкѣ на головѣ и босая, подала стаканъ и скрылась.

— Я ужъ кое-что стороной слышалъ...—съ оживленіемъ говорилъ Илья Яковлевичъ, наливъ чаю себѣ и гостю.—Сегодня вечеромъ предсѣдатель управы поручилъ Щукову созвать къ нему крестьянъ. Вы не знаете Щукова? Это—членъ управы, плутяга-мужикъ, правая рука Остапова, его ставленникъ, нажился на подрядахъ—на мостахъ, да на гатяхъ... Пройдоха! Онъ служилъ Остапову посредникомъ въ его сношеніяхъ съ крестьянами, онъ же и овецъ для него закупаетъ по дешевымъ цѣнамъ, онъ же и всякія другія услуги ему оказываетъ... Всѣ эти мелочи, можетъ быть, вамъ покажутся пустяками, а вѣдь намъ-то приходится съ ними вѣдаться... Вонъ этотъ Щуковъ домъ себѣ въ городѣ выстроилъ, съ исправникомъ въ дружбѣ состоитъ, чиновниковъ у себя угощаетъ... Сегодня, вечеромъ, у него крестьянамъ угощенье выставлено... Наплевать! Немного народа пойдетъ къ нимъ... Я ужъ со своими уговорился... Вопросъ поднимается у насъ о сокращеніи жалованья служащимъ въ управѣ. Вопросъ, изволите видѣть, самый животрепещущій для нихъ...

Илья Яковлевичъ разсмѣялся, всталъ, набилъ трубку и заходилъ по комнатѣ, слегка прихрамывая. Ѳеофанъ Михайловичъ задумчиво смотрѣлъ на его неуклюжую сильную фигуру, широкоплечую и немного сутуловатую.

— Да!—заговорилъ Петрищевъ, остановившись передъ Верюгинымъ. Они ненавидятъ меня... я знаю. Если бы было возможно, они прогнали бы меня изъ собранія! Это—вѣрно. Да вы ужо посмотрите: что будетъ!.. Они противъ меня, какъ говорится, поднимутъ всѣ силы небесныя и земныя. А вы что думаете? Вѣдь у насъ на этотъ счетъ—очень просто... Не понравился человѣкъ—«бунтовщикъ!»... Знаю я ихъ, молодчиковъ! Ни передъ чѣмъ не остановятся... А тамъ ужъ, разумѣется, ихъ поддержатъ... (Илья Яковлевичъ какъ-то неопредѣленно ткнулъ чубукомъ по направленію къ потолку). Свой своему поневолѣ другъ...

Верюгинъ до поздней ночи просидѣлъ у Петрищева.

Въ 10 часовъ утра Ѳеофанъ Михайловичъ былъ уже въ залѣ земскаго собранія.

Эта зала, предназначавшаяся также и для мироваго съѣзда, и для сессій окружнаго суда, была большая комната, нѣсколько сумрачная, потому что освѣщалась только съ одной стороны. Передъ предсѣдательскимъ мѣстомъ были расположены полукругомъ стулья для помѣщиковъ, а за стульями въ нѣсколько рядовъ стояли скамейки для гласныхъ изъ крестьянъ. Даже и здѣсь, въ этой самой залѣ, гдѣ сходились люди совершенно равноправные, сословная рознь давала себя чувствовать... Между скамьями былъ оставленъ неширокій проходъ. Предсѣдательскій столъ, по канцелярскому обычаю, былъ покрытъ зеленымъ сукномъ, а на стѣнѣ, какъ водится, висѣлъ большой портретъ царя. Въ десять часовъ крестьяне уже сидѣли на своихъ мѣстахъ. Петрищевъ помѣстился на одной изъ среднихъ скамеекъ, и вокругъ него столпилось нѣсколько крестьянъ. Между ними шелъ оживленный разговоръ. Около 11 часовъ стали собираться господа. Ровно въ 11 явился предводитель дворянства, молодой человѣкъ лѣтъ 36, блестящій и изящный, съ англій-

скимъ проборомъ, съ великолѣпно расчесанной русой бородой и съ румяными щеками,— мужчина, безспорно, красивый, но болѣе походившій на модную картинку, чѣмъ на живого человѣка.

По обычной формулѣ, онъ объявилъ собраніе открытымъ и съ полупоклономъ опустился на свое кресло. Сначала происходила повѣрка гласныхъ и шло чтеніе различныхъ отчетовъ. Послѣ того Илья Яковлевичъ, взъерошивъ свои короткіе волосы, тихо поднялся съ мѣста. Помѣщики украдкой наблюдали за нимъ, перешептываясь между собою. Кое-кто улыбался... Петрищевъ былъ въ какомъ-то старенькомъ плисовомъ казакинѣ съ крупными пуговицами и со шнурками на груди. Лицо его, какъ всегда, было нѣсколько блѣдно; сѣрые глаза смотрѣли хмуро, но смѣло и рѣшительно.

— Я желалъ бы узнать отъ г. предсѣдателя управы... — заговорилъ онъ, опираясь своими длинными, сильными руками на плеча сидѣвшаго впереди него крестьянина. Вѣрны-ли дошедшіе до меня слухи о томъ, что будто бы нѣкоторыя волости нашего уѣзда пострадали отъ неурожая и имъ грозитъ голодъ?

— Не голодъ!.. — съ ужимкою отвѣтилъ Остаповъ, рыжеволосый господинъ, съ краснымъ лицомъ и съ военною осанкой.—Изъ донесеній, полученныхъ до сего времени управою, видно, что дѣйствительно въ двухъ-трехъ волостяхъ ощущается недоборъ въ хлѣбѣ противъ прошлогодняго, и можно ожидать, что весною населеніе будетъ болѣе или менѣе нуждаться въ хлѣбѣ, но о голодѣ нѣтъ и рѣчи...

— Голодъ вы изволите называть нуждой... Пожалуй! Я за словомъ не постою... — спокойно продолжалъ Петрищевъ.—Будемъ говорить о нуждѣ... Если теперь уже извѣстно, что волости, пострадавшія отъ «недобора въ хлѣбѣ» (онъ сдѣлалъ замѣтное удареніе на этихъ словахъ) весною будутъ нуждаться, то не сочтетъ-ли собраніе умѣстнымъ теперь же, заблаговременно, позаботиться о томъ: какъ бы выручить населеніе изъ бѣды... Напримѣръ: не ассигновать-ли теперь же извѣстную сумму или, если такихъ денегъ въ распоряженіи земства не окажется, не попросить-ли ссуду изъ продовольственнаго капитала?

Едва Петрищевъ успѣлъ произнести послѣднее слово, какъ г. Шманкъ вдругъ сорвался со стула, словно кто-нибудь его въ бокъ ткнулъ.

— Милостивые государи!—захлебываясь, вскричалъ онъ.—Обще-имперскій продовольственный капиталъ — не какой-нибудь неистощимый кладезь, изъ котораго можно безъ возврата черпать, черпать и черпать... Мы должны быть экономны, должны прибѣгать къ нему лишь въ моментъ самой крайней нужды... А мы, между тѣмъ, лѣземъ въ долги. До какихъ же поръ мы будемъ еще запутываться въ долгахъ! Лишь только какой-нибудь незначительный недородъ постигнетъ извѣстную мѣстность, мы сейчасъ — и за ссуду... Я долженъ замѣтить, что эти постоянныя ссуды оказываютъ весьма вредное вліяніе на крестьянское населеніе. Да, наконецъ, предлагающіе ссуду (взглядъ въ сторону Петрищева) должны же подумать о томъ: какую петлю затягиваютъ они на шеѣ «любезнаго народа», за интересы котораго ратуютъ съ такимъ ожесточеніемъ... Я предлагаю отвергнуть ссуду!

Ораторъ тяжело опустился на стулъ, отирая потъ, крупными каплями выступившій у него на лбу. Ближайшіе сосѣди его съ чувствомъ признательности и съ видомъ одобренія пожали ему руку. Шманкъ съ побѣдоноснымъ видомъ обвелъ своими темными глазками почтенное собраніе и съ важностью откинулся на спинку стула.

— Я настаиваю на своемъ предложеніи: заблаговременно просить ссуду или изъ земскихъ средствъ назначить требуемую сумму... —проговорилъ Илья Яковлевичъ, мѣрно, въ тактъ ударяя рукою по плечу своего сосѣда.—По собраннымъ свѣдѣніямъ оказывается, что населеніе этихъ волостей едва-ли прокормится своимъ хлѣбомъ до великаго поста,—многимъ едва хватитъ лишь до рождества... Вы можете провѣрить эти свѣдѣнія. Опросите нѣкоторыхъ гласныхъ-крестьянъ!.. Недостатокъ въ хлѣбѣ долженъ ожидаться раннею весною. Если же во время не помочь крестьянамъ, то нужда заставитъ ихъ идти къ кулакамъ съ предложеніемъ своихъ услугъ... А мы ужъ знаемъ, какъ люди пользуются безвыходнымъ положеніемъ своихъ ближнихъ... Нуждающіеся продадутъ свой лѣтній трудъ за полцѣны, а за каждый занятый у кулака пудъ хлѣба имъ придется осенью отдать два пуда. Вотъ именно вслѣдствіе такихъ-то причинъ, иногда и очень незначительный—въ сущности — неурожай разоряетъ крестьянъ въ пухъ и прахъ... Я самъ знаю, что очень нехорошо наживать долги.

Я самъ былъ бы противъ ссуды, еслибы можно было обойтись собственными средствами. Но я сомнѣваюсь, чтобы хватило на это земскихъ денегъ... Во всякомъ случаѣ,—долгъ, сдѣланный для прокормленія нѣсколькихъ тысячъ народа, долгъ производительный. А говорить о томъ, что мы, будто бы, затягиваемъ петлю на шеѣ «любезнаго народа»—вовсе не пристало тѣмъ господамъ, которые устроили земскую гарантію для желѣзной дороги, давшей только лишній случай поживиться отъ нея всякимъ сіятельнымъ и несіятельнымъ прожектерамъ... Народъ, дѣйствительно, «любезенъ» намъ, и не мы затягиваемъ петлю на его шеѣ, а тѣ, кто закабалилъ земство въ интересахъ желѣзнодорожныхъ кулаковъ... А теперь боятся входить въ долги для прокормленія нуждающагося населенія, проповѣдуютъ экономію...

Шманкъ поблѣднѣлъ и, тяжело дыша, ворочался на стулѣ. Предсѣдатель собранія, видя, что пренія переходятъ на опасную почву, поспѣшилъ остановить Петрищева.

— Вы уклонились въ сторону отъ вопроса...—мягко замѣтилъ онъ.

— Я хотѣлъ сказать,—продолжалъ Илья Яковлевичъ,—что если собранію не желательно испрашивать ссуду, то нужно постараться обернуться земскими средствами. Поэтому, при обсужденіи смѣтъ на будущій годъ, я намѣренъ внести кое-какія предложенія...

— Въ свое время вы это и сдѣлаете!—отозвался предсѣдатель.

— Хорошо-съ! Теперь я предлагаю опросить гласныхъ о размѣрѣ нужды пострадавшихъ волостей и о томъ: надолго-ли имъ хватитъ своего хлѣба.

Опросили крестьянъ; тѣ подтвердили слова Петрищева. Предводитель переговорилъ вполголоса съ предсѣдателемъ управы и затѣмъ поставилъ вопросъ о ссудѣ на балотировку. Шманкъ уже не возражалъ, сбитый съ позиціи напоминаніемъ о злополучной гарантіи. Крестьяне-гласные были за ссуду, и поэтому вопросъ былъ рѣшенъ утвердительно большинствомъ голосовъ. Шманкъ молчалъ...

Въ половинѣ втораго часа пополудни засѣданіе было прервано на полчаса. Бары удалились въ комнаты, расположенныя за залой засѣданій, и тамъ пили чай, закусывали и курили.

— «Медвѣдь», кажется, противъ насъ войной собирается!—съ усмѣшкой говорилъ одинъ помѣщикъ.

— Мужикъ! Неучъ! Невѣжда! — слышалось по адресу Петрищева изъ группы, окружавшей Шманка. Шманкъ о чемъ-то яростно ораторствовалъ.

Крестьяне-гласные той порой расположились въ сѣняхъ, на лѣстницѣ и на подъѣздѣ; они закусывали кускомъ черстваго хлѣба, который доставали изъ тряпицъ и платковъ, запихнутыхъ въ карманы ихъ сѣрмягъ. Нѣкоторые изъ крестьянъ сошли въ садъ, еще недавно разведенный при земской управѣ, и бродили по аллеямъ. Петрищевъ и Верюгинъ были тутъ же и бесѣдовали съ крестьянами, живѣе интересовавшимися ходомъ земскихъ дѣлъ.

— Что-то они запоютъ, когда дѣло дойдетъ до бюджета! — говорилъ Илья Яковлевичъ, проводя рукою по своимъ щетинистымъ волосамъ и выпрямляясь во весь ростъ, какъ бы готовясь выступить на борьбу съ невидимыми противниками.

Въ два часа гласные снова собрались въ залу.

Управа предлагала пристроить къ земскому дому двѣ комнаты, изъ которыхъ одна предназначалась подъ архивъ для мироваго съѣзда; затѣмъ, управа предлагала выдать земскому врачу 200 рублей въ видѣ награды «за добросовѣстное исполненіе возложенныхъ на него обязанностей». И, наконецъ, перешли вообще къ разсмотрѣнію бюджета на слѣдующій годъ. Петрищевъ всталъ и попросилъ слова. При этомъ, въ средѣ помѣщиковъ кто-то сошкольничалъ, насмѣшливо промолвивъ вполголоса: «Дербеньковскій Гамбетта!»

— Съ самаго начала, господа,—заговорилъ Петрищевъ,—наше земство задалось очень широкими проэктами и стало строить чуть не висячіе сады; жалованье служащимъ назначалось, разумѣется, щедрою рукою. При этомъ была сдѣлана громадная, капитальная ошибка,—могу сказать—роковая ошибка... Земство на́чало не съ того, съ чего ему слѣдовало начать... Да-съ! Прежде чѣмъ выдумывать и приступать къ постройкѣ висячихъ садовъ, назначать крупные оклады жалованья и т. п., земству на первыхъ же порахъ, прежде всего — прежде составленія смѣтъ — слѣдовало узнать въ точности: сколько *можетъ* платить земскихъ податей крестьянинъ нашего уѣзда безъ того, чтобы эти подати не разоряли его, не ложились бы тяжкой, непосильной ношей на его шею, и безъ того уже не въ мѣру обремененную. Это и былъ бы первый разумный

шагъ въ земскомъ дѣлѣ. Но онъ не былъ сдѣланъ... А, между тѣмъ, чрезвычайно важно и необходимо знать: какъ велики платежныя способности крестьянина. Вы сами, господа, знаете, что не надо истощать корову, дающую молоко... Нужно рѣшить: перейдя какой предѣлъ, подати становятся несправедливостью по отношенію къ крестьянскому населенію и служатъ причиною его обѣдненія. Земство же, какъ я уже сказалъ, не потрудилось узнать: сколько можетъ платить нашъ крестьянинъ безъ ущерба для своего благосостоянія, — и начало съ составленія смѣтъ. Оно, сказать по просту, начало распоряжаться деньгами, которыхъ у него еще не было въ карманѣ и которыя оно, можетъ быть, еще не имѣло права собирать съ народа въ томъ размѣрѣ, какой назначили, совершенно произвольно, гг. составители смѣтъ. Я теперь удивляюсь: какъ мы ранѣе не думали объ этомъ... Земство стало считать цыплятъ не по осени, какъ дѣлаютъ всѣ добрые люди, а по веснѣ. Вотъ оттого-то и стали накопляться недоимки, постройка висячихъ садовъ пріостановилась, а построенное пришло въ упадокъ, за неимѣніемъ средствъ; не стало возможности платить во время жалованье учителямъ, фельдшерамъ и т. д.; земство стало входить въ долги, народъ сталъ бѣднѣть, а тутъ еще подвернулась въ недобрый часъ желѣзнодорожная гарантія,—чтобъ ей пусто было!.. и теперь земство страшно запуталось. Я, кажется, не особенно ошибусь, если скажу, что мы теперь—наканунѣ банкротства. На шеѣ у насъ—масса долговъ, касса—пуста, народъ—разоренъ... А между тѣмъ все могло бы быть иначе! Если бы земство не мѣшало жить народу, если бы оно—для выполненія своихъ произвольныхъ смѣтъ—не обирало съ народа послѣдній грошъ, неужели, господа, вы думаете, что народъ, сдѣлавъ сбереженія, самъ не съумѣлъ бы устроить висячіе сады, если бы нашелъ, что они необходимы для его благополучія? Повѣрьте, что съумѣлъ бы... А въ настоящее время земство изъ-за этихъ висячихъ садовъ въ корнѣ подрываетъ народное благосостояніе...

— Я долженъ замѣтить вамъ, г. Петрищевъ,—любезно заговорилъ предсѣдатель,—что мы теперь обсуждаемъ смѣты на будущій годъ, а вы, между тѣмъ, бросаете общій ретроспективный взглядъ на всю прошлую дѣятельность земства... Я просилъ бы васъ прямо перейти къ вопросу, подлежащему нашему обсужденію.

— Извольте!—согласился Петрищевъ.

Гласные изъ помѣщиковъ при этомъ насторожили уши; нѣкоторые стали перешептываться.

— На основаніи всего сказаннаго,—говорилъ Петрищевъ,—я предлагаю собранію: во-первыхъ, назначить комиссію для изслѣдованія экономическаго быта нашего уѣзда; во-вторыхъ, предложеніе управы о пристройкѣ двухъ комнатъ—отвергнуть: мировой съѣздъ можетъ обойтись и тѣмъ архивомъ, какой у него есть. Въ-третьихъ, я предлагаю не выдавать врачу 200 руб. въ награду. Мы не можемъ и не должны награждать людей за то, что они добросовѣстно исполняютъ свое дѣло; за работу они получаютъ плату. Въ-четвертыхъ, управа предлагаетъ покупку самовара и нѣкоторыхъ журналовъ для мироваго съѣзда... Крестьяне не пользуются самоваромъ, а поэтому не соблаговолятъ-ли мировые судьи изъ своихъ средствъ завести самоваръ и чайную посуду къ нему, какая понадобится... Предлагается выписывать «Русскій Вѣстникъ», «Природу и Охоту». Я опять долженъ заявить, что крестьяне-гласные этими журналами не пользуются и вовсе не нуждаются въ нихъ. Вотъ, если бы рѣчь зашла о какомъ-нибудь дѣйствительно полезномъ изданіи,—ну, тогда другое дѣло... А желающіе читать «Русскій Вѣстникъ» могутъ выписывать его на свой счетъ Мы же не имѣемъ права тратить на это земскія деньги... Въ-пятыхъ, я предлагаю уменьшить жалованье членамъ управы съ 1,000 до 800 рублей, а предсѣдателю—съ 2,000 до 1,700 рублей. Наконецъ, въ-шестыхъ, я предлагаю ассигновать 300 руб. на выдачу стипендіи женщинѣ, желающей быть фельдшерицей и акушеркой—съ тѣмъ, чтобы она служила земству, Лишній врачъ намъ не по карману, а лишняго фельдшера мы содержать можемъ...

Петрищевъ кончилъ. Его предложенія, разумѣется, вызвали въ собраніи страшную бурю. Предсѣдательскій колокольчикъ напрасно звонилъ въ теченіе почти десяти минутъ безъ умолку. Помѣщики волновались. Крестьяне сидѣли спокойно, шопотомъ переговариваясь между собою... Шманкъ, наконецъ, кое-какъ добился слова и угомонилъ своихъ расходившихся партизановъ.

— Только невѣжественный человѣкъ можетъ надѣяться съ успѣхомъ замѣнять врачей какими-нибудь фельдшерицами!—кричалъ онъ.—Вообще же поддерживать какіе бы то

ни было женскіе курсы я считаю неумѣстнымъ и несвоевременнымъ... А намъ предлагаютъ оказать именно такую косвенную поддержку. Я со своей стороны предлагаю отвергнуть...

Петрищевъ посмотрѣлъ на него и усмѣхнулся.

— Относительно выписки журналовъ, а также относительно самовара—я нахожу слова г. Петрищева, просто, мелочною придиркою, недостойною серьезнаго человѣка!—вспыхнувъ, заговорилъ предсѣдатель управы, приподнимаясь и граціозно опираясь одной рукою на столъ.—Земство—учрежденіе не крестьянское, а всесословное, и поэтому странно было бы говорить лишь за интересы одного сельскаго населенія...

— На выписку «Русскаго Вѣстника» у насъ нѣтъ денегъ!—не вставая съ мѣста, замѣтилъ Петрищевъ.

Осенній короткій день уже смеркался. Въ залѣ становилось темно. Четыре стеариновыя свѣчи въ бронзовыхъ подсвѣчникахъ мерцали на предсѣдательскомъ столѣ. Засѣданіе было прервано до слѣдующаго утра.

На другой день предложенія Петрищева были приняты большинствомъ голосовъ, то-есть, гласными отъ крестьянъ. Нѣкоторые изъ помѣщиковъ остались при особомъ мнѣніи, и всѣ утѣшали себя надеждою, что постановленія земскаго собранія будутъ навѣрное опротестованы губернаторомъ...

Верюгинъ, конечно, порадовался побѣдѣ, одержанной крестьянами, но онъ не увлекался этою побѣдой. Онъ зналъ, что такихъ гласныхъ, какъ Петрищевъ, очень мало, и такія побѣды составляютъ исключеніе... Петрищевъ, по его мнѣнію, подобно Пирру, могъ сказать про себя: «Еще одна такая побѣда,— и я пропалъ!..» Верюгинъ зналъ, что при всякомъ удобномъ случаѣ недоброжелатели Петрищева могутъ легко обвинить его въ семи смертныхъ грѣхахъ. А «удобные случаи» въ жизни нашей представляются часто... Пѣсня, начатая «за здравіе»—глядишь, не сегодня-завтра, уже сводится «за упокой»...

VIII.

О томъ, какъ Верюгинъ проводитъ зиму.

Снѣгъ крутился въ воздухѣ, сѣрое облачное небо было тускло, и холодный, рѣзкій вѣтеръ дулъ по опустѣлымъ, опустошеннымъ полямъ, когда Ѳеофанъ Михайловичъ, возвращаясь изъ своихъ странствованій, подъѣзжалъ къ губернскому городу Т***, гдѣ, по его выраженію, онъ долженъ былъ остановиться на «зимнихъ квартирахъ».

«Зимнія квартиры» его были неказисты на видъ и неуютны. Это были двѣ комнаты съ голыми стѣнами, оклеенными самыми дешевыми сѣрыми обоями, уставленныя кое-какою мебелью, посреди которой особенно выдѣлялся по своей неуклюжести и величинѣ клеенчатый порванный диванъ, изъ котораго мѣстами виднѣлась мочала. Одна комната — въ два окна — играла роль пріемной, столовой, залы,—назовите, какъ хотите. Другая— въ одно окно—служила хозяину спальней и кабинетомъ. Но въ этихъ неуютныхъ, неприглядныхъ комнатахъ по зимнимъ вечерамъ иногда собиралось много народу...

У Верюгина были большія организаторскія способности: онъ умѣлъ сближать между собою людей, умѣлъ вліять на нихъ и пользовался своимъ вліяніемъ; онъ умѣлъ заинтересовать, ободрить, расшевелить человѣка. У него по вечерамъ собиралось самое разнообразное общество: семинаристы, офицеры, гимназисты, студенты, пріѣзжавшіе на рождество домой, чиновникъ изъ канцеляріи губернатора съ женою, очень умной барынькой, секретарь статистическаго комитета, учитель гимназіи, одинъ опальный литераторъ, скитавшійся въ изгнаніи чуть не всю свою жизнь, двѣ дѣвушки, благодаря своей энергіи, выбившіяся изъ купеческой среды на вольный свѣтъ, одинъ портной-нѣмецъ, человѣкъ очень начитанный и изрядно говорившій по русски, и, наконецъ, нѣсколько рабочихъ, въ свободное время учившихся у Верюгина. Бывали иногда и люди заѣзжіе... Сюда сносились всевозможныя новости, не попадавшія въ газеты или попадавшія въ нихъ не цѣликомъ. Офицеры разсказывали кое-что изъ своей военной жизни, чиновникъ изъ канцеляріи губернатора приносилъ самыя свѣжія извѣстія, касавшіяся разнообразныхъ вопросовъ, статистикъ предлагалъ вниманію собравшейся публики интересныя цифры, люди заѣзжіе дѣлились своими новостями...

Ѳеофанъ Михайловичъ съумѣлъ сплотить это разнообразное общество, вдунувъ въ него «душу живу»,—и люди, сходившіеся къ нему, не только знакомились между собою, но и становились друзьями. Верюгинъ никого не «занималъ» въ качествѣ хозяина, но толковалъ то съ тѣмъ, то съ другимъ. Онъ при-

слушивался и присматривался зорко... Иногда онъ вовсе не бывалъ съ гостями, а сидѣлъ въ кабинетѣ и занимался, когда случалась спѣшная работа. Онъ выходилъ къ нимъ только на время и опять скрывался. Въ такихъ случаяхъ, жена губернаторскаго чиновника и одинъ изъ офицеровъ — веселый, живой малый—обыкновенно, возились около самовара и угощали компанію чаемъ, а нѣмецъ-портной завѣдывалъ пивомъ и устройствомъ немудрой закуски. Иной изъ гостей весь вечеръ сидѣлъ, уткнувшись въ книгу. Подъ конецъ вечера, иной разъ составлялся хоръ; пѣли всякую всячину: и «Дубинушку», и малороссійскія пѣсни. Иногда устраивалось чтеніе...

Самое шумное и веселое собраніе на «зимнихъ квартирахъ» Верюгина происходило при встрѣчѣ новаго 187* года. Въ этотъ вечеръ, кромѣ двухъ лампъ, горѣли въ комнатахъ еще четыре свѣчи. Народу собралось болѣе обыкновеннаго. Всѣ лица были оживлены... Клементьевъ—тотъ коренастый, широкоплечій человѣкъ, съ узкими проницательными глазками и съ большимъ лбомъ, говорящій размѣреннымъ тономъ, словно отчеканивающій каждое слово, который посѣщалъ Верюгина въ Висящевѣ,—привезъ очень важное извѣстіе...

— Какое желаніе ты хотѣла бы шепнуть наступающему новому году?—шутливо спросила одна дѣвушка другую.

— Желаніе?.. — протянула та задумчиво, поникнувъ головою.—Я желала бы прожить этотъ годъ, и еще годъ и еще... лѣтъ пятнадцать, напримѣръ!..

— Будемъ жить...—воскликнулъ учитель гимназіи. — Будемъ жить, вѣрить и надѣяться...

— И ничего не дѣлать?—бойко перебилъ его нѣмецъ.—Эге!.. У васъ, у русскихъ, есть одна худая сказка о томъ, какъ все дѣлалось по щучьему велѣнью, по чьему-то прошенью... Надежды сами собой не исполняются, если мы не будемъ ничего дѣлать, а только декламировать... Довольно декламаціи! Arbeiten Sie!..

— Браво, культуртрегеръ! Молодецъ!—одобрительно крикнулъ Верюгинъ.

«Культуртрегеромъ» въ ихъ кружкѣ въ шутку звали нѣмца-портного.

— За новый годъ, господа!—сказалъ кто-то, поднимая стаканъ.

— Охъ, ужъ этотъ новый годъ...—проговорилъ опальный литераторъ и вздохнулъ.—Темно, темно впереди...

Веселый хохотъ, раздавшійся изъ другого угла комнаты, заглушилъ эти зловѣщія слова.

Въ ту минуту постучали въ дверь; разговоры смолкли.

— Войдите!—громко крикнулъ Ѳеофанъ Михайловичъ.

Дверь отворилась, и въ комнату вошла знакомая читателю Мина Игнатьевна Судславская. Верюгинъ, идя на встрѣчу, съ удивленіемъ смотрѣлъ на позднюю гостью.

— Васъ теперь не скоро узнаешь... вы такъ перемѣнились!—весело проговорилъ онъ.—Вы кажетесь такой бодрой, здоровой!..

Она крѣпко пожала ему руку.

— Проведите меня въ другую комнату! Мнѣ нужно переговорить съ вами...—промолвила она вполголоса.

Верюгинъ повелъ ее въ кабинетъ.

Судславская была одѣта по дорожному—въ полушубкѣ, перекрещенномъ на груди башлыкомъ, въ черной барашковой шапкѣ и въ сапогахъ; маленькая сумочка была надѣта черезъ плечо. Гости нимало не удивились появленію полушубка: они уже ничему не удивлялись, привыкши ко всевозможнымъ странностямъ и явленіямъ, случавшимся на «зимнихъ квартирахъ»...

Дѣйствительно, теперь трудно было узнать въ Судславской ту слабую, полубольную дѣвушку, которая, полгода тому назадъ, въ Вязовкѣ, лѣниво покачивалась на своемъ воздушномъ древесномъ диванѣ, задумчиво смотря въ зеленую даль и помышляя о смерти. Ея болѣзненная блѣдность пропала, лицо было оживлено, глаза блестѣли. Было очевидно, что этотъ человѣкъ—здоровый и сильный—уже не думалъ о смерти. Дѣвушка вся отдалась дѣлу или, вѣрнѣе, дѣло овладѣло всѣми ея помыслами, всѣмъ существомъ ея. Она уже не хотѣла умирать, потому что теперь у нея была цѣль въ жизни. Въ шутку она говорила, что ее «излѣчилъ» Ѳеофанъ Михайловичъ, а не доктора, не «Ментона» и не заграничныя воды...

— Я теперь ѣду на святки въ Кіевъ... Нѣтъ-ли отъ васъ порученій?—спросила она.

— У меня порученій нѣтъ...—отвѣтилъ онъ.—А вотъ сейчасъ я васъ познакомлю съ однимъ бариномъ...

И, полуотворивъ дверь въ залу, онъ позвалъ Клементьева. Тотъ, тяжело переваливаясь, вошелъ въ кабинетъ и, притворяя дверь,

проницательно поглядѣлъ на Судславскую. Верюгинъ представилъ ей Клементьева.

Черезъ полчаса, послѣ очень оживленнаго разговора, Верюгинъ проводилъ гостью на крыльцо, гдѣ встрѣтила ихъ звѣздная зимняя ночь. Дѣвушка быстро шла по улицѣ, и снѣгъ слегка скрипѣлъ подъ ея ногами. Верюгинъ задумчиво посмотрѣлъ ей вслѣдъ—въ синюю мглу ясной морозной ночи... Гдѣ-то на колокольнѣ пробила полночь... Въ тѣ минуты ему припомнилась другая женщина, его степная Діана, и грустно стало ему... И нерѣдко въ минуты раздумья, въ минуты одиночества являлось ему воспоминаніе объ этой чудной дѣвушкѣ...

Когда онъ возвратился въ комнату, пирушка была въ полномъ разгарѣ. Гости шумѣли, пѣли, спорили, но всѣ съ надеждою, съ упованьемъ смотрѣли въ даль...

А прохожіе, видя огни и слыша пѣніе, доносившееся на улицу, говорили про себя: «Сегодня, видно, у землемѣра вечеръ»...

IX.

Черезъ семь лѣтъ.

Писатели добраго стараго времени любили кончать романъ свадьбою; современные романисты въ этомъ случаѣ болѣе предпочитаютъ убійство или самоубійство, или же приговоръ присяжныхъ. Мое же сказаніе кончается совсѣмъ не въ современномъ духѣ, безъ всякихъ эффектовъ... Ѳеофанъ Михайловичъ Верюгинъ никого не убилъ и самъ не убился, не женился и на скамью подсудимыхъ еще не попалъ. Нѣкоторые изъ его знакомыхъ кончили трагически, а самъ онъ живетъ невредимо и до сего дня. А завтрашній день,—чей онъ? Богъ вѣсть...

Пролетѣло семь лѣтъ послѣ той веселой, шумной встрѣчи новаго года, что происходила на «зимнихъ квартирахъ» Верюгина. Семь разъ на землѣ провожали старый годъ и встрѣчали новый. Для однихъ эти семь лѣтъ шли очень томительно и долго; другіе же не видали, какъ промчались они, хотя въ каждомъ изъ протекшихъ годовъ было надлежащее число дней и ночей. По истеченіи этого періода времени—довольно значительнаго на счетахъ жизни человѣческой и неизмѣримо малаго на счетахъ вѣчности—на землѣ съ высоты птичьяго полета, рѣшительно, невозможно было бы подмѣтить никакихъ перемѣнъ. Только одно было ясно, что, попрежнему, счастливцевъ въ мірѣ очень мало... Но вблизи, когда Верюгинъ осматривался вокругъ себя, въ русской жизни оказывались нѣкоторыя метаморфозы.

Въ интеллигентныхъ кружкахъ жизнь, казалось, замирала. Совы, еще недавно, повидимому, отчаявшіяся свести на землю ночь, скрѣпя сердце, пѣвшія въ унисонъ со своими заклятыми врагами и публично взывавшія: «да царствуетъ солнце! да скроется тьма!» теперь вдругъ подняли голову и заговорили свои настоящія рѣчи своимъ настоящимъ совинымъ языкомъ. Заигрывающія улыбки исчезли безслѣдно... Безстыдство шло далѣе геркулесовыхъ столбовъ... Разсуждали о томъ, что надо образумить народъ, что пора опять прибрать его къ рукамъ, что народъ еще не умѣетъ пользоваться свободою, — какъ будто можно научиться пользоваться свободою, не имѣя ея въ рукахъ. Созидались самые удивительные и самые невѣроятные проэкты... Въ то же время всѣ жаловались на безденежье, на трудныя времена, на тоску и скуку. Недовольство проникло даже въ такіе кружки, которые, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, казалось, были совершенно застрахованы отъ всякихъ житейскихъ непріятностей... На литературномъ рынкѣ появилась масса модныхъ журналовъ, и даже журналы для куколъ. Сказка о Бовѣ-королевичѣ вышла новымъ изданіемъ въ 500,000 экземпляровъ. Устраивалось общество соколиной охоты, и вообще картины изъ эпохи царя Алексѣя Михайловича вошли въ большую моду...

За это время Верюгинъ много странствовалъ по Россіи, побывалъ и за границей, а въ началѣ 188* года пріѣхалъ въ Петербургъ и остановился въ знакомыхъ ему меблированныхъ комнатахъ, на Пушкинской улицѣ. Онъ не пробылъ въ Петербургѣ еще и недѣли, но уже живо почувствовалъ перемѣны, происшедшія въ этомъ блестящемъ городѣ. Въ клубахъ, конечно, попрежнему была разряженная толпа. Но люди, повидимому, сходились сюда только потому, что не знали, куда дѣваться, сходились по привычкѣ, въ силу инерціи... На вечеринкахъ молодежь танцовала, пила и даже играла въ карты, но и на этихъ вечеринкахъ настоящаго веселья, какъ бывало прежде, не чувствовалось; на нихъ шелъ какой-то напускной разгулъ. Казалось, люди хотѣли забыться отъ пере-

житыхъ сильныхъ ощущеній или старались заглушить темныя угрызенія совѣсти, поднимавшіяся со дна души. Люди показывали видъ, что веселятся...

О многихъ изъ своихъ знакомыхъ Ѳеофанъ Михайловичъ могъ сказать: «иныхъ ужъ нѣтъ, а тѣ далече». Сталъ онъ считать ихъ и многихъ не досчитался: одни погибли въ житейскомъ бою, другіе «измѣнили и продали шпагу свою»...

Одинъ пожилой литераторъ, семь лѣтъ тому назадъ съ пѣною у рта толковавшій о 48 годѣ и ожесточенно бившій себя въ грудь кулакомъ, преспокойно служилъ въ какомъ-то банкѣ съ приличнымъ годовымъ окладомъ. Нѣкоторые знакомые его, отличавшіеся большимъ либерализмомъ, теперь занимались столоверченіемъ, «стуками и шумами»... Сашенька Зорина, поѣхавшая на курсы съ благою цѣлью и подававшая надежды, кончила тѣмъ, что, получивъ званіе врача и приколовъ къ своему изящному черному платью серебряный значокъ съ буквами «Ж. В.», отправилась въ провинцію и жила въ С., заработывая, по ея словамъ, «съ одной частной практики» до 300 рублей въ мѣсяцъ. Кашинцевъ, еще находясь въ технологическомъ институтѣ, сошелся съ одной пожилой, богатой барыней: ея сыну-пажу онъ давалъ уроки. Эта барыня «вывела его въ люди», то-есть, пристроила кассиромъ въ какое-то тепленькое общество, гдѣ предсѣдателемъ былъ ея братъ. Юноша такъ практически разсуждалъ о «новыхъ временахъ», о «новыхъ требованіяхъ», что Верюгинъ только плюнулъ и ушелъ отъ своего бывшаго ученика—съ тѣмъ, чтобы уже никогда не видаться съ нимъ. Петрищевъ очутился въ одной изъ сѣверныхъ губерній, былъ боленъ и писалъ Верюгину очень грустныя письма...

Изъ людей, встрѣчавшихъ у Верюгина новый 187* годъ, уже многихъ не стало... На самомъ Верюгинѣ время, конечно, отразилось, какъ и на всемъ живущемъ: морщины прошли по лбу, глаза немного впали... Но онъ попрежнему—силенъ, бодръ, полонъ энергіи и отваги. Многіе изъ его знакомыхъ, «сдавшихся на капитуляцію», говорили ему, что онъ занимается сизифовой работой, но онъ имъ возражалъ, что это—не сизифова работа, а движеніе впередъ шагъ за шагомъ, съ неизбѣжными остановками и перерывами, которые въ свое время должны наверстаться. Верюгинъ не могъ упасть духомъ, потому что глубоко вѣрилъ въ силу и въ торжество мысли...

Даже на самаго сильнаго человѣка находитъ иногда—не скажу, уныніе,—но какое-то тягостное раздумье, находятъ такія минуты, когда міръ представляется въ темномъ цвѣтѣ. Такія минуты раздумья переживалъ теперь Верюгинъ... Однажды долго за полночь просидѣлъ онъ въ своей меблированной комнатѣ, всматриваясь въ настоящее, заглядывая въ прошлое...

Въ эту ночь Верюгину приснился странный сонъ.

Ему грезилось: будто онъ идетъ по какому-то обширному кладбищу. Небо—темно, сумрачно, и земля какъ-то необыкновенно печальна. Деревья стоятъ такъ уныло, не шелохнувъ вѣтвями. Верюгинъ идетъ и видитъ, что могилы разрыты, гробы, стоящіе въ нихъ, раскрыты,—и въ тѣхъ гробахъ лежатъ знакомые ему живые люди, лежатъ неподвижно, съ печатью смерти на лицѣ...

Вотъ господинъ, еще недавно кричавшій о 48 годѣ и потомъ продавшій себя за нѣсколько тысячъ рублей... Вотъ одинъ ретивый литераторъ, сжегшій все, чему поклонялся, поклонившійся тому, что сжигалъ... Вотъ Кашинцевъ съ розовымъ цвѣточкомъ въ петлицѣ, какъ видѣлъ его Верюгинъ въ послѣдній разъ... Вотъ Сашенька Зорина со своимъ серебрянымъ значкомъ на груди... Вотъ m-me Маркушева... Вотъ одинъ деревенскій кулакъ, жирный и толстый, съ лоснящимся одутловатымъ лицомъ...

И чѣмъ далѣе идетъ Верюгинъ, тѣмъ болѣе могилъ открывается передъ нимъ, тѣмъ болѣе знакомыхъ узнаётъ онъ. «Но вѣдь всѣ эти люди еще живы»... думаетъ онъ про себя во снѣ. «Что за притча! Вѣдь я еще недавно видѣлъ ихъ... Какимъ же образомъ попали они сюда, на кладбище?»...

Куда ни идетъ Верюгинъ, всюду—насколько можетъ глазъ охватить—разстилается вокругъ него кладбище, печальное, унылое. На необозримомъ пространствѣ онъ видитъ вокругъ себя только однѣ могилы, а въ нихъ—живыхъ мертвецовъ... «Теперь я догадался!—говоритъ самъ себѣ Верюгинъ.—Это—мертвое царство... Да! Но какъ же я, живой, зашелъ сюда! Я не хочу быть въ этомъ царствѣ. Здѣсь такъ пустынно, холодно»...

И страшно ему становится, и грустно, и жутко. И жаль ему этихъ живыхъ мертвецовъ, до боли жаль, и пугаютъ они его сво-

имъ неподвижнымъ, тупымъ взглядомъ и самодовольною улыбкою, застывшею на ихъ поблѣднѣвшихъ устахъ.

Но всего болѣе поражаетъ его тишина,—полная, глубокая тишина, возможная и мыслимая именно лишь подъ землею, въ могилѣ. На обыкновенномъ кладбищѣ раздаются все-таки кое-какіе звуки; тамъ хоть вѣтеръ прошумитъ въ вѣтвяхъ деревъ, или прокаркаетъ черный воронъ... А здѣсь—ни звука! Эта тишина невыносимо раздражаетъ Верюгина, давитъ, гнететъ его, какъ кошмаръ; положительно, сводитъ съ ума... Наконецъ, онъ не выдержалъ и что-то крикнулъ. Безотвѣтно замеръ его крикъ и такъ дикъ показался ему, что онъ не узналъ въ немъ своего собственнаго голоса...

Этотъ отчаянный крикъ еще не успѣлъ замереть въ воздухѣ какъ вдругъ со всѣхъ сторонъ изъ могилъ потянулись къ Верюгину длинныя костлявыя руки. Мертвецы какъ будто хотѣли схватить, изловить его. Верюгинъ пошелъ скорѣе, отбиваясь отъ ихъ холодныхъ объятій, а руки все тянулись къ нему—все длиннѣе, все костлявѣе. Верюгинъ, наконецъ, сталъ уже уставать въ этой молчаливой, неравной борьбѣ. Мертвецовъ такъ много, куда ни оглянись, вездѣ они...

«Неужели и мнѣ суждено погибнуть? Неужели и я свалюсь въ могилу и буду лежать такъ же тихо, неподвижно, какъ всѣ *эти*?..» съ отчаяніемъ думаетъ Верюгинъ. Но вдругъ вдали, сквозь сумракъ ночи, онъ видитъ какое-то голубоватое сіяніе и слышитъ несущіеся оттуда отрадные, мелодическіе звуки, такіе мощные, такіе прекрасные, что и царь Саулъ заслушался бы ихъ... Онъ идетъ, подходитъ ближе къ сіяющему видѣнію, всматривается... Тамъ, окруженная какимъ-то чуднымъ, неземнымъ сіяніемъ, стоитъ женщина въ бѣлой блистающей одеждѣ... Кто это? Усиленно всматривается онъ въ блѣдное лицо призрака и вдругъ узнаетъ знакомыя, милыя черты. Это—его мать, такъ нѣжно, такъ глубоко любившая его.

«Спаси! Не дай мнѣ погибнуть въ этомъ ужасномъ мертвомъ царствѣ! Родная моя! Выведи меня отсюда... Мама! Мама!» шепчетъ онъ довѣрчиво и ласково, какъ, бывало, часто шепталъ еще въ дѣтствѣ, пробуждаясь отъ страшнаго сна и прибѣгая къ ея заступничеству... «Мама! Это — ты?» вскрикнулъ онъ громко и проснулся...

Было уже утро. Верюгинъ всталъ бодръ и свѣжъ. «Теперь надо снова приниматься за работу... Нельзя опускать руки!» говорилъ онъ себѣ, выходя изъ дому.

Черезъ часъ онъ уже былъ въ одномъ изъ дальнихъ петербургскихъ предмѣстій, гдѣ дымятъ высокія фабричныя трубы и гдѣ толпы закоптѣлыхъ рабочихъ встрѣчаются на улицѣ... Утро было ясное, свѣтлое, съ легкимъ морозомъ. Густое облако дыма синевато-фіолетоваго цвѣта тяжело висѣло надъ городомъ, и въ этомъ дыму тамъ и сямъ прорѣзывались блестящіе шпили, горѣвшіе въ голубомъ небѣ. Солнце еще недавно поднялось надъ горизонтомъ. Верюгинъ быстро шелъ, бодро смотря впередъ, въ даль, сіявшую золотомъ солнечныхъ лучей...

И мнилось ему, что надъ міромъ восходитъ солнце, блестящѣе и ярче того, что теперь поднималось надъ городомъ... То солнце лило на міръ потоки свѣта и тепла, озаряя своими веселыми лучами города и веси, проникая въ самыя дикія, глухія дебри и повсюду—по всему лицу земли — разливая жизнь и счастье...

1885 г.

ОТЪ СОХИ КЪ РУЖЬЮ.

(Изъ деревенскихъ лѣтописей).

«О край лѣса—лѣса темнаго
Пролегала слѣдъ-дороженька,
Та дороженька поубитая,
Горючей слезой политая»...
(Изъ народной пѣсни).

I.

Время—іюль 1877 года. Мѣсто дѣйствія—глухой деревенскій уголокъ въ одной изъ нашихъ сѣверо-восточныхъ провинцій.

Ни одного облачка не видать на синемъ небѣ, и высоко стоитъ въ немъ горячее полуденное солнце. Теплый вѣтерокъ чуть подуваетъ, и подъ его дуновеніемъ едва колышется колосъ желтѣющей ржи, едва подергиваются легкою зыбью голубыя воды рѣчки. Зеленые луга разстилаются по отлогому берегу, далѣе раскидываются поля. Рѣчка обмелѣла; берега ея теперь окаймляются песчаною, каменистою полосой. Берегъ, противоположный лугамъ и полямъ, крутъ и обрывистъ; на немъ располагается большая деревня—Обросимово.

Страда—въ самомъ разгарѣ. Деревня опустѣла, словно вымерла. Только двѣ старухи оставались на виду: одна сидѣла подъ окончемъ, на завалинкѣ, на самомъ припекѣ, и разогрѣвала на солнышкѣ свое зябкое, худенькое тѣло; другая, кряхтя и охая, разстилала по травѣ холстъ. Черный Жучко лежалъ въ тѣни у колодца, подъ рябиной... Все Обросимово разбрелось по луговой сторонѣ: одни ленъ дергали, другіе жали, третьи еще сѣно дометывали; нѣкоторые косили, а иные — поторопливѣе—уже принимались за озимовую пашню. Дѣло въ томъ, что зимой снѣга были глубокіе, вода весной была велика и не спадала долго, и весна выдалась холодная. Съ половины іюня пошли жары, и лишь съ того времени стала подниматься травка... Оттого и вышло, что сѣнокосъ еще не кончили, а рожь уже поспѣла и пришло время посѣва. Трудно было въ этотъ годъ деревенскому люду справляться за-разъ съ тремя работами.

Зато и не зѣвали—жали иной разъ до полуночи и возвращались домой, когда мѣсяцъ уже скрывался за лѣсомъ. Теперь на лугу сверкали косы, на поляхъ серпы блестѣли. Пестрѣли разноцвѣтные платки; видны были съ подоткнутыми подолами сарафаны—синіе, желтые, розовые; попадались и дырявыя холщевыя рубахи. Ребята ставили суслоны, шевелили сѣно и, играючи, чуть не съ головой зарывались въ ароматной травѣ.

Яковъ Вахрушинъ докосилъ свой участокъ; Марѳуша перешевелила сѣно и сгребла его въ валы... Наступалъ тихій, благодатный вечеръ. Въ олешнякѣ надъ рѣкой громко чирикала малиновка; заунывная пѣсенка доносилась откуда-то издалека.

— Вонъ, люди нàужинать собираются... Пора и намъ!—сказалъ Яковъ, кладя на плечо косу и прихватывая другою рукой пустой буракъ изъ-подъ воды.

— Пора и то!—промолвила Марѳуша, отходя къ сосѣдней копнѣ.

Тамъ, зарытый въ сѣно и обмотанный въ тряпье, спалъ ея сынишка. Во снѣ малютка ухватилъ правой ручонкой горсть сухой розовой макушки, а другую подложилъ подъ свою разгорѣвшуюся щечку и спалъ тѣмъ блаженнымъ, беззаботно-спокойнымъ сномъ, какимъ, читатель, намъ уже не спать. Марѳуша бережно взяла его на руки и, прихвативъ на плечо грабли, пошла за мужемъ. Малютка не пробудился, только потянулся на другой бокъ и еще крѣпче прижался головкой къ материнской груди... Марѳуша заботливо поглядывала на своего спящаго Пашутку. И какъ ей было не поглядывать на него! Вѣдь это—ея единственный сынокъ, ея первенецъ, ея радость. Къ тому жъ, и бабушка, и сестра, и всѣ говорятъ, что Пашутка походитъ на отца... А Якова она крѣпко лю-

бить. Мужикъ хорошій, добрый, непьющій, ни разу пальцемъ ее не тронулъ...

И Якову было за что̀ любить свою молодуху: баба — работящая, не пустомеля, не слезомоя, женщина здоровая и красивая. Лицо у нея продолговатое, съ прямымъ, тонкимъ носомъ и съ пухлыми алыми губами. Ея голубые глаза весело и открыто смотрятъ на бѣлый свѣтъ. А надъ ними, словно кисточкой, проведены темныя брови. Густой румянецъ играетъ на ея загорѣлыхъ щекахъ. На головѣ теперь повязанъ ситцевый платочекъ, десять разъ стиранный и уже кажущійся бѣловатымъ; пряди русыхъ волосъ выбиваются изъ-подъ него. Ея холщевая рубаха кругомъ вдо̀рота незатѣйливо обшита кумачемъ. Свободно, легко сидитъ на ней синій, также полинявшій сарафанъ, едва подтянутый по стану узенькимъ поясомъ. Высокаго роста, стройная, довольно полная, идетъ она «съ переваλочкой», — и видно, какъ подъ рубахой вздымается ея высокая, здоровая грудь.

Яковъ тоже—молодецъ, подъ пару ей. Недаромъ же былъ онъ «записанъ» въ гвардію. Плечи у него—косая сажень, и по всему замѣтно, что силы ему не занимать. Лицо—чистое, пригожее, а кроткіе сѣрые глаза словно хотятъ промолвить: «Мы смирны! Не обидимъ мы васъ, добрые люди! Только насъ не трожь»... Впрочемъ, теперь въ этомъ дюжемъ мужикѣ, обросшемъ бородой, трудно признать гвардейца. На немъ—потертая фуражка съ истрескавшимся козырькомъ, холщевая рубаха, синіе пестрядинные штаны, далеко не доходящіе до пятокъ. Ноги босы, грязны, мѣстами наколоты до крови... Слегка сгорбившись, медленною поступью, шелъ онъ теперь къ рѣкѣ, а солнце такъ и поблескивало на лезвеѣ его косы.

Дойдя до рѣки, Яковъ сталъ перебираться черезъ нее гдѣ по камешкамъ, торчавшимъ изъ воды, гдѣ въ бродъ, благо было неглубоко. За нимъ, приподнявъ рубаху до колѣнъ, переходила Марѳуша со своею живою ношей на рукахъ. Взобравшись по узенькой тропинкѣ на берегъ, они пошли вдоль деревенской улицы и, свернувъ въ проулокъ, скоро очутились до̀ма.

Хата у нихъ—небольшая, въ два оконца, новенькая, три года тому назадъ поставлена. Налѣво отъ нея—дворъ, съ двухъ сторонъ обнесенный сараями, а съ третьей—отъ проулка отгороженный плетнемъ. Въ плетнѣ продѣланы ворота, сколоченныя тоже изъ новыхъ сосновыхъ досокъ. За хатой разведенъ огородъ. Надъ самой хатой, широко распростерши вѣтви, стоитъ, наклонившись, старая черемуха, а въ уголъ забилась дикая яблонь, обросшая шиповникомъ и высокимъ лопухомъ.

II.

Въ то время, какъ Марѳуша, положивъ ребенка въ зыбку, возилась съ чѣмъ-то подъ навѣсомъ сарая, Яковъ пошелъ въ огородъ за лукомъ. Выдернувъ нѣсколько головокъ и отрясая съ нихъ землю, онъ задумчиво осмотрѣлся по сторонамъ.

— А знаешь — что̀ я хочу сдѣлать!..— крикнулъ онъ Марѳушѣ.—Спиму-ка я на будущій годъ у Кузьмича вотъ этотъ косячокъ, да и пригородимъ его... грядъ десять лишнихъ, глядишь, и выйдетъ...

— А это хорошо бы, Яша! — отозвалась жена.

— Гм! Еще бы — нехорошо... — продолжалъ Яковъ.—Посадили бы мы картошки— и важное дѣло! Картошка вѣдь — большое подспорье въ ѣдѣ. Хлѣба-то на зиму, пожалуй, у насъ и стало бы хватать. А то вѣдь не накупишься его... вонъ какъ зимо̀сь по рублю пудъ...

— Что и говорить! — согласилась Марѳуша.

— Вотъ то-то я теперь и думаю: сколько-то Кузьмичъ запроситъ за «уголъ»... Землято у него также безъ дѣла стоитъ...

Яковъ почесалъ затылокъ и еще разъ пристально посмотрѣлъ на прилегавшій къ его огороду участокъ сосѣдской земли, стоявшей впустѣ.

— Поспрошать ужо...—замѣтила жена.

Обоимъ имъ пришлась по сердцу мысль: прихватить у Кузьмича землицы и расширить огородъ... Отправились нàужинать. Похлебали квасу съ натертымъ лукомъ, хлебнули кислаго молока съ накрошеннымъ въ него хлѣбомъ и все это запили ковшикомъ студеной воды.

— Сѣнокосъ завтра порѣшимъ!—заговорилъ Яковъ, усаживаясь на крыльцо.—Ты, Марѳа, завтра ленъ дергай, а я сѣно перевожу... Слышь?

— Ладно!—отозвалась жена.

— Ну, а потомъ за рожь принимайся... я засѣюсь той порой... А какъ съ пашней управлюсь, съ тобой на полосу стану. Вотъ тогда дѣло-то у насъ ходчѣе пойдетъ.

— Да съ рожью-то торопиться некуда...— замѣтила Марѳуша.—Овесъ-то еще съ прозеленью, да такой неровный, Богъ съ нимъ...

— Овесъ нынче неважный... нельзя похвастать!

— Что будешь дѣлать!—съ легкимъ вздохомъ прошептала жена.

Яковъ, молча, вытащилъ изъ кармана штановъ трубку и кисетъ. Взялъ онъ горсточку истолокшагося листа, набилъ свою носогрѣйку, досталъ изъ кисета кремень, огниво и, оторвавъ зубами кусочекъ трута, высѣкъ огня и закурилъ. Дымокъ взвился надъ трубкой и пошелъ гулять въ воздухѣ тонкими синеватыми струйками. Потянуло тютюномъ...

Марѳуша, управившись, тоже вышла на крыльцо и, присѣвъ на ступеньку, стала ублажать своего маленькаго крикуна. Разстегнувъ воротъ, она обнажила свою могучую бѣлую грудь и приложила къ ней малютку. Тотъ мигомъ замолкъ, и слышно было его самодовольное мычанье и причмокиванье... Пусть пьетъ малютка, пусть онъ, сердечный, набирается силъ и бодрости: ихъ понадобится ему въ жизни много-много...Теперь ему нѣтъ еще дѣла ни до государственныхъ, ни до земскихъ податей. Теперь онъ не признаетъ никакого государства... Онъ дышетъ даровымъ воздухомъ, сладко спитъ на груди материнской, и сны не тревожатъ его. Ни староста, ни «міръ» ему не страшны: мать никому не дастъ его въ обиду. Радостно смотритъ теперь молодая мать на его розовыя пухлыя щеки, на полузакрытые свѣтлые глазенки и на этотъ маленькій ротикъ, крѣпко прильнувшій къ ея соску. А Пашутка расположился со всѣмъ удобствомъ, ухватившись лѣвою ручонкой за грудь матери.

— Смотри-ка, Яковъ,—каковъ проворъ!— сказала Марѳуша, глазами указывая на сына.

Яковъ повернулъ къ нимъ голову и ухмыльнулся.

— Ишь ты, баловникъ!—промолвилъ онъ, наклоняя надъ сынишкой свое загорѣлое, темное бородатое лицо и ласково поглаживая его по волосамъ, мягкимъ и свѣтлымъ, какъ чесанный ленъ.

Пашутка при этомъ на мгновеніе широко раскрылъ глаза и, усиленно зачмокавъ, еще ближе прильнулъ къ груди, еще крѣпче сжалъ свой кулачокъ.

— Пальцы-то какъ запускаетъ... Ахъ, батюшки!.. Изо всей-то мочи...—смѣясь, говорила Марѳуша.

— Боится, чтобъ не взяли... — пояснилъ отецъ.—Ну, да—ладно! Не отымутъ твою забаву... Оставайся съ ней на здоровье!

Посидѣли, молча; тихій часъ нашелъ. Они были бѣдны; осенью имъ угрожало постукиванье подъ окномъ старосты, собирающаго старыя недоимки и новыя подати; они устали сегодня, измаялись, но все-таки теперь они «по своему» были довольны. Съ податью они какъ-нибудь справятся; ноги и рученьки ихъ отдохнутъ ужо послѣ Покрова дня, когда они измолотятъ послѣдній овинъ; съ недостачей хлѣба также сладятъ какъ-нибудь,—призаймутъ опять у того же Трофимыча до новой ржи... Что жъ дѣлать, если придется за четверикъ два отдать! «Гдѣ наше не пропадало!..» А главное: оба они молоды, здоровы и не унываютъ...

— Экій вечеръ-то сегодня тихій!—сказала Марѳуша, оглядываясь и заслоняясь рукою отъ солнца. — Знать, и завтра будетъ вёдро... Дай бы Богъ — постояло такое времячко... Съ рожью-то управились бы живо!

— Да!—промолвилъ Яковъ, поглядывая за рѣку на разстилавшіеся тамъ поля и луга.

Тишиной и миромъ, честнымъ, святымъ трудомъ вѣяло отовсюду надъ этимъ укромнымъ уголкомъ земли въ тотъ вечерній часъ. Воробьи громко чирикали, перескакивая и порхая по жердочкамъ плетня; куры кудахтали, роясь въ пескѣ. Темнозеленые листья черемухи, росшей за плетнемъ, чуть-чуть покачивались...

— Ну! сидѣть-то тутъ хорошо, а идти — копны класть—все-таки надо...А то, гляди, росой хватитъ! —проговорилъ наконецъ Яковъ, поднимаясь съ крыльца.

Марѳуша проворно накинула на пробой петлю и заткнула ее деревяшкой, тутъ же висѣвшей на веревочкѣ. Когда Яковъ брался за грабли, завалившіяся за крыльцо, вдали послышался колокольчикъ, и все ближе, ближе...

— Кого Богъ даетъ?—замѣтила Марѳуша, выходя изъ воротъ.

— Можетъ, писарь опять... — говорилъ Яковъ, идя за женой.

Колокольчикъ той порой смолкъ. Яковъ издали видѣлъ, что какая-то пара лошадокъ остановилась у старостиной избы. Дорожа послѣдними часами заходящаго дня, онъ, не останавливаясь, поворотилъ къ рѣкѣ и сталъ спускаться по тропинкѣ, извивавшейся по обрыву.

— Не бѣги! Тише! — крикнулъ онъ женѣ.—Урони ребенка-то...

— Да круто больно... Такъ и толкаетъ!— отозвалась та, сбѣжавъ съ кручи и остановившись надъ водой.

— Толкаетъ!—добродушно передразнилъ ее мужъ.—Я вотъ ужо́ тебя толкону...

«Онъ только что прошелъ»...—«Куда?»—«Къ рѣкѣ... на покосъ, надо быть»... Этотъ отрывочный разговоръ донесся до Якова, когда онъ съ женой былъ уже на серединѣ рѣки. И почти въ ту же минуту на береговой кручѣ появился староста, порядочно запыхавшись, съ раскраснѣвшимся лицомъ и безъ шапки.

— Яковъ! А, Яковъ! — кричалъ староста.—Подь сюда!

— Чего тебѣ? Чего орешь-то?..—отозвался Яковъ, въ полъоборота оглядываясь на старосту.

— Завтра тебѣ въ волость нужно... безсрочныхъ собираютъ... изъ правленья, вонъ, нарочный...—выкрикивалъ староста, тяжело переводя духъ.

— Какихъ безсрочныхъ? — переспросилъ Яковъ, переступая съ ноги на ногу.

— Вашихъ, слышь, — гвардейскихъ!.. Да подь-ка сюда... Вонъ, бумага...

И староста, почесываясь, поплелся съ берега.

III.

Марѳуша обомлѣла и стояла, не шевелясь, какъ вкопанная. Въ первую минуту ни одинъ мускулъ въ лицѣ ея не дрогнулъ, только все лицо вдругъ поблѣднѣло, да глаза съ напряженіемъ уставились вверхъ, на то мѣсто, гдѣ за минуту передъ тѣмъ стоялъ староста и гдѣ теперь былъ видѣнъ лишь песчаный бугоръ да груда полусгнившей соломы, а выше—голубое сіяющее небо, озаренное красноватыми лучами вечерняго солнца... Впрочемъ, для Марѳуши краснаго солнышка уже не стало; оно словно пропало, скатилось за край земли,—и все кругомъ нея вдругъ замутилось, потемнѣло; посѣрѣлъ, пріунылъ весь бѣлый свѣтъ... И Якова ровно обухомъ по лбу хватилъ староста своимъ извѣстіемъ.

— Яша! Правда?—чуть слышнымъ шопотомъ сорвалось съ устъ Марѳуши.

— Надо узнать толкомъ... — отвѣчалъ Яковъ, возвращаясь въ деревню.

Онъ пошелъ къ старостиной избѣ; жена—за нимъ. Тутъ ужъ не осталось ни малѣйшаго сомнѣнія и никакой надежды. Имъ, признаться, до послѣдней минуты думалось: «Не вранье-ли?»... Теперь ужъ, конечно, стало не до работы; некогда косны класть да сѣно убирать...

— Ты домой ступай! А я — сейчасъ...—молвилъ Яковъ женѣ.

Значитъ,—«правда»...

Съ тихимъ, надрывающимся плачемъ шла Марѳуша по деревенской улицѣ, ничего не видя, ни на что не глядя и спотыкаясь, точно пьяная. Горе одурманило ее... Слезы застилали ей глаза, текли по загорѣлымъ щекамъ, падали куда попало — на земь, на руку, на волосы спящаго малютки. Непригляденъ, холоденъ показался ей теперь сквозь слезы этотъ красный догорающій вечеръ. «Господи! Что съ нами будетъ? Что будетъ!»—шептали ея побѣлѣвшія губы, а сердечушко кровью обливалось... Пришла она въ избу, тяжело опустилась на лавку, да такъ и замерла. Ни одного яснаго чувства, никакой ясной мысли не пробуждалось въ ней. Жгучею, нестерпимою болью всю ее охватывало... Одно лишь съ убійственною ясностью стояло передъ нею, какъ дикій кошмаръ: «На войну *его* угонятъ! Одни мы останемся»... Вотъ *что* такъ сгорбило ее, такъ низко нагнуло ей голову и выжимало у нея слезу за слезой...

Заплакалъ ребенокъ... Марѳуша машинально, по привычкѣ, разстегнула рубаху и прижала къ себѣ ребенка. А у самой глухія рыданія такъ и рвутся изъ груди; сердечушко ноетъ, болитъ, словно кто-нибудь желѣзными щипцами зажимаетъ его. И плачетъ она, наклонившись надъ Пашуткой, и кропятъ Пашуткину голову ея горячія слезы. Уже смокли отъ слезъ его свѣтлые волосики. А онъ и не чуетъ, что мать его съ горя убивается; онъ—знай себѣ—тянетъ свою соску...

А Яковъ зашелъ въ питейный и купилъ косушку.

— Что жъ дѣлать! Надо, братъ, послужить...—отозвался онъ, встряхивая волосами, когда цѣловальникъ выразилъ ему свое сожалѣніе.—На то, братъ, и солдатъ, чтобы воевать...

Онъ кашлянулъ, выпилъ тутъ же залпомъ половину косушки, а остальное старательно заткнулъ пробкой и склянницу пихнулъ за пазуху.

— Только знатьё—не жениться бы!—со вздохомъ прошепталъ онъ, выходя на улицу и торопливо проводя рукой по глазамъ.

И вдругъ во все горло затянулъ онъ пѣсенку. Безшабашное разгулье, разгулье отчаянія звучало въ ея тонѣ... Неладная, дикая

была та пѣсня. Вышло бы лучше, не такъ больно и жутко было бы слушать, если бы Яковъ прямо, благимъ матомъ заревѣлъ на всю улицу.

Придя домой, онъ допилъ косушку и съ напускной веселостью сказалъ женѣ:

— Ну, Марѳа! Надо мундиръ доставать, и кэпу и все... Ступай въ чуланъ, тащи... да почисти!.. Нѣтъ, погоди... самъ вычищу... Гдѣ вамъ, бабамъ!..

Напрасно Яковъ пилъ и шутилъ: виномъ горя не зальешь, разговорами не заговоришь и шутками не скрасишь...

— Господи, Господи! Да что жъ это такое... — тихо причитала про себя Марѳуша, роясь въ лѣтнемъ чуланѣ и доставая изъ-подъ груды всякаго домашняго хлама мужнину одежду.—Что мы теперь безъ него... Сиротинушки!.. Не думали—не гадали, а вотъ... Кормилецъ ты нашъ! Красное мое солнышко...

Все мигомъ припомнилось Марѳушѣ... «Еще лѣтось въ Троицынъ день съ парнями баловалъ, надѣвалъ на себя всю муницію, по улицѣ ходилъ, балагурилъ, показывалъ всякія штуки... А теперь, вотъ, и въ самомъ дѣлѣ пришлось опять»... —И Марѳуша, склонившись надъ рухлядью, горько зарыдала.

Яковъ—этотъ нѣкогда бравый гвардеецъ, а теперь обросшій бородой и съ виду мужиковатый малый—также невеселъ сидѣлъ за столомъ передъ пустой косушкой. Низко понуривъ голову, онъ барабанилъ пальцами по краю стола, исподлобья взглядывая на дверь, куда вышла жена и откуда должна была скоро появиться съ его амуниціей...

IV.

Яковъ былъ ошеломленъ нечаяннымъ призывомъ.

Уже четыре года онъ на Обросимовѣ въ безсрочномъ отпуску. Общество выдѣлило ему землю; Яковъ поставилъ хатку, обнесъ ее двумя сараями, развелъ огородъ и въ довершеніе всего женился года полтора тому назадъ. Черезъ годъ Марѳуша принесла ему сына. Вахрушинъ зажилъ семьяниномъ, и мысль о службѣ гвардейской совсѣмъ-таки выпала у него изъ головы. Вспоминалъ онъ про нее только изрѣдка, разсказывая ребятамъ про смотры и ученья, про генераловъ въ золотѣ да про великихъ князей. Время шло, и Якову стало казаться, что уже ничто не потревожитъ его, что онъ такъ-таки и доживетъ до старости въ своемъ родномъ Обросимовѣ. Въ его голову и думушки никогда не закрадывалось о томъ, что его опять когда-нибудь потянутъ на службу, что придется доставать изъ чулана амуницію и прощаться съ крестьянской рабочей долей...

Правда, еще въ прошломъ году говорили про то, что много русскихъ уѣхало на войну съ турками. Только та война объявилась не отъ Россіи, а отъ сербскаго государства. Сказывали, что изъ первыхъ уѣхалъ биться съ турками нашъ генералъ Черняевъ. Писарь про него въ газетѣ читалъ и не мало толковали про него на Обросимовѣ... Но прошло лѣто, прошла осень,—Богъ миловалъ: призыву не было... Съ весны опять начали о войнѣ поговаривать. Писарь сказывалъ, что противъ турокъ войска наши пошли. Иной разъ и про то поминали: какъ бы не стали безсрочныхъ собирать...

Но Якову никакъ не вѣрилось, что за нимъ-то вотъ именно и пошлютъ... Онъ такъ сжился съ деревней, со своимъ полемъ, съ хатой, съ мирною жизнью семейной, что ему даже дико было подумать о казармѣ, о солдатскомъ житьѣ-бытьѣ, о войнѣ и о сраженіяхъ. Руки за пять лѣтъ уже отвыкли отъ ружья; зато онъ ловко управляется съ топоромъ, съ косой, съ цѣпомъ и вилами. Отвыкъ онъ маршировать, зато — мастеръ ходить за сохой, дрова рубить, молотить, корчевать пни. Отвыкъ онъ отъ барабаннаго боя, отъ шума и грохота маневровъ и смотровъ; привыкъ къ жизни тихой, деревенской... Недѣлю, бывало, работаетъ онъ, какъ волъ, а въ праздникъ погулять выйдетъ, полштофъ съ ребятами разопьетъ, споетъ пѣсенку—не боевую, не военную, а пѣсенку обросимовскую — протяжную да унылую... Знать, эта пѣсня названа: «непогодою, невзгодою повитая, во крови—въ слезахъ крещеная, омытая»; про нее, знать, сказано, что «нанесло ее съ пожарищъ дымомъ-копотью,—намело съ сырыхъ могилъ мятелицей»... А иной разъ, бывало, и на улицу не пойдетъ, сядетъ съ трубочкой у оконца и переговаривается съ Марѳушей. Когда же семьи прибыло, Яковъ рѣже прежняго сталъ уходить изъ дому въ досужіе часы...

Но вотъ воротилась жена въ избу съ амуниціей и, тихо плача, начала вытряхивать мундиръ и обчищать пыль съ кэпи. Нужно было кое-что зашить, пришить двѣ-три пуговицы. Марѳуша сѣла за работу.

Скоро вся деревня уже знала, что собира-

ютъ безсрочныхъ и Якова завтра въ городъ погонятъ.

— Марѳа-то, поди, убивается!—толковали бабы.

— Еще бы ей не убиваться... только-что было своимъ домомъ зажили, а тутъ — нако-сь...

— Все хозяйство теперь въ раззоръ пойдетъ!—разсуждали мужики.

— Что и толковать! Гдѣ ужъ бабѣ управиться, да еще съ ребенкомъ...

— Охо-хо! Горе-гореваньице, прости Господи... Землю-то, поди, разложатъ на общество... двѣ лишнія души кормить заставятъ...

— Знамо, что заставятъ... это ужъ какъ есть... Вѣдь не съ голоду же помирать бабѣ!..

— Охъ, какъ бы и всѣмъ-то намъ съ голоду помирать не пришлось!—замѣтилъ старикъ Прохоръ, посматривая на мужиковъ своими красными слезящимися глазками.

Сосѣди пришли къ Якову понавѣдаться, посидѣли, потолковали, поохали и разошлись невесело.

Сборы были не долги: Яковъ живо управился. Вечеромъ поздно, послѣ ужина, онъ усѣлся—можетъ быть, въ послѣдній разъ—на свое любимое мѣстечко, на крыльцо, и закурилъ трубку... Въ трудѣ, со спокойной душой, свѣтло началъ былъ имъ этотъ день. А вечеромъ сразу все вверхъ дномъ стало, сердечушко ныло, болѣло, и темно было впереди. Всѣ его планы и разсчеты разлетѣлись мигомъ: не сниметъ онъ у Кузьмича въ аренду этотъ клинышекъ земли, не насадитъ картофеля; не кончить ему полевыхъ работъ; женѣ одной придется дожинать и убирать хлѣбъ.

Наступала ночь, ясная, тихая. Въ синемъ небѣ золотыя звѣздочки ярко горѣли. Полный мѣсяцъ стоялъ надъ землей. Онъ приходился теперь за избой. Отъ хаты и отъ плетня ложились тѣни... Вотъ — дворъ. Въ одномъ углу его лежитъ ворохъ полусгнившей прошлогодней соломы. Подъ навѣсомъ стоятъ дровни, оглоблями вверхъ. Вонъ черемуха раскинула надъ плетнемъ свои жиденькія вѣтви. Вершина ея не шелохнется и вся серебрится въ мѣсячномъ свѣтѣ. Вонъ въ огородѣ хмѣль высоко вьется по тычинкамъ, а вокругъ него темнѣетъ разросшаяся крапива и лопухъ... Все это очень знакомо Якову и со всѣмъ этимъ приходится теперь проститься... Надолго-ли? Не навсегда-ли?

Яковъ легъ спать, но долго ворочался, не смыкая глазъ. Извѣстно: время лѣтнее... то муха укуситъ, то комаръ запищитъ надъ головой... Передъ разсвѣтомъ Яковъ задремалъ...

V.

И пригрезился ему сонъ...

Въ первомъ же сраженіи, будто бы, его ранили, и онъ, за непригодностью къ службѣ, былъ отпущенъ домой. И вотъ онъ летѣлъ по чугункѣ, плылъ на пароходѣ, тащился въ телѣгахъ съ попутными мужиками и, наконецъ, добрался до знакомыхъ мѣстъ. Вотъ идетъ онъ Поземовскимъ лѣсомъ; по его разсчету, до Обросимова осталось не больше десяти верстъ. Пробирается онъ лѣсной окраиной, вдоль дороги, по сухой, крѣпко убитой тропинкѣ. По ту и по другую сторону отъ него высокой стѣной стоитъ лѣсъ. Густой кустарникъ разростается по опушкѣ. Изъ-за нѣжной зелени березъ и осинъ тамъ и сямъ торчатъ лохматыя ели, высятся сосны. Розовый цвѣтъ иван-чая, иван-чая, иван-чая,

дождь. Непривѣтливо, угрюмо глядѣли въ то утро обросимовскія хаты, потемнѣвшія отъ дождя. Тамъ и сямъ изъ трубъ поднимался дымъ... Обросимово принималось за работу.

Въ послѣдній разъ Яковъ взялся за топоръ и сталъ колоть дрова. И много накололъ онъ дровъ. «Надолго ей хватитъ теперь!» — думалъ онъ, смотря на полѣнья. Жаль только, что онъ также скоро не можетъ управить за Марѳушу и всѣ полевыя работы. «Эхъ, знатьё бы — поторопился... Рожь-то бы хоть кончить!» — съ сожалѣньемъ сказалъ онъ про себя.

Надо было собираться въ путь. Натянулъ на себя Яковъ свой военный нарядъ съ кантами и свѣтлыми пуговицами. Отъ платья пахло затхлостью, сыростью, какъ вообще пахнетъ отъ залежавшейся старой одежи. Неуклюже сидѣлъ на Яковѣ потертый полукафтанъ и совсѣмъ какъ-то не шелъ къ его мужицкому лицу, обросшему бородой. Кэпи тоже какъ-то странно торчала на его густыхъ, косматыхъ волосахъ... Вообще Яковъ скорѣе выглядѣлъ переряженнымъ мужикомъ, чѣмъ солдатомъ. Плечи его какъ-то опустились, спина согнулась и походка стала чисто мужицкая, тяжелая, «съ перевалкой»...

Попрощавшись съ сельчанами и попросивъ «міръ» не обижать его хозяйку, Яковъ еще разъ взглянулъ на свою хату, судорожно перекинулъ съ одного плеча на другое свой походный холстинный мѣшокъ и двинулся въ путь. Баба съ ребенкомъ пошла провожать его.

— На могилки зайдешь?—спросила Марѳуша, когда они поровнялись съ погостомъ.

— Какъ-же! Надо попрощаться съ родителями...—промолвилъ Яковъ.

Жалобно скрипнула калитка на ржавыхъ петляхъ, и путники стали пробираться между буграми къ знакомымъ могиламъ, гдѣ, наклонившись, стояли два деревянныхъ креста. Кресты посѣрѣли, погнили,—не нынѣ, такъ въ будущую осень ихъ свалитъ вѣтромъ. Могилы осѣли, опустились... Яковъ скинулъ кэпи, набожно крестясь, трижды поклонился въ землю, касаясь головой основанія погнившихъ крестовъ. «Простите и вы, могилы!.. Прости, прахъ родительскій!» говорилъ про себя Яковъ, смотря на густую траву, росшую привольно на могильныхъ буграхъ. Высокая, сочная осока слегка покачивалась отъ вѣтра, и голубыя незабудки выглядывали изъ-за нея.

— Марѳа! Нѣтъ-ли у тебя какой ни на есть тряпочки? — вдругъ спросилъ Яковъ, круто оборачиваясь къ женѣ.

Та, молча, пошарила въ карманѣ. Никакой тряпки не оказалось... Тогда Яковъ присѣлъ на землю, стащилъ сапогъ и оторвалъ отъ своихъ онучь лоскутокъ. Обувшись снова, онъ взялъ съ могилы горсточку сырой земли, завернулъ ее въ холстину и этотъ крохотный узелокъ привязалъ на тесемку къ кресту. Марѳуша, молча, смотрѣла на мужа своими тусклыми, покраснѣвшими отъ слезъ, глазами.

— Вотъ такъ-то лучше... — проговорилъ Яковъ, застегивая у рубахи воротъ.

Глянулъ онъ на церковь и опять покрестился... Дорогъ и милъ ему съ малыхъ лѣтъ этотъ старый деревянный храмъ съ сѣрою крышей и съ низкою колокольней! Онъ еще мальчуганомъ ходилъ сюда по праздникамъ къ обѣднѣ. Здѣсь отпѣвали его отца и мать. Здѣсь, передъ этимъ старымъ почернѣвшимъ иконостасомъ, онъ вѣнчался. Здѣсь же крестили его сынишку... Бывать-ли ему когда-нибудь въ этой церкви? Богъ вѣсть... На войнѣ по головкѣ не гладятъ. Хоть тамъ и даютъ иногда георгіевскіе кресты, а все-таки скорѣе можно угодить въ могилу безъ креста, чѣмъ съ крестомъ на груди домой воротиться...

Пошли далѣе. Яковъ взялъ парнишку на руки, а жена за нимъ слѣдомъ тащила мѣшокъ.

Волостное правленіе отъ Обросимова было въ 12 верстахъ. До него нужно было идти пѣшкомъ, а оттуда безсрочныхъ должны были везти на подводахъ въ городъ за 40 верстъ.

Прошли обросимовскія поля, прошли воронинскую пустошь. Родныя мѣста уже скрылись изъ виду... А на Обросимовѣ той порой жизнь и работы шли прежнимъ порядкомъ... По прежнему, надъ Обросимовымъ наступитъ вечеръ, потемнѣетъ небо, заскрипятъ по полямъ коростели, запахнетъ сѣномъ въ прохладномъ воздухѣ. Не будетъ доставать лишь одного «Якова безсрочнаго»...

VI.

Сосѣди обѣщали не обижать Марѳушу. Это такъ... Но Яковъ Вахрушинъ очень хорошо зналъ, что въ минуту прощанья люди какъ-то невольно становятся мягче, добрѣе и даютъ иногда такія обѣщанія, которыя исполнить бываетъ имъ не подъ силу. Вѣдь сосѣди его люди бѣдные, вѣчно въ нуждѣ да въ притѣ-

сненіяхъ. А бѣдные люди поневолѣ подчасъ становятся раздражительны, злы, жестоки... Яковъ былъ человѣкъ неглупый, и думалось ему, что не сегодня — завтра его Марѳушѣ можетъ прійтись плохо. А кто же вступится за нее, когда у каждаго своя забота, свое горе. Всякому некогда, не до другихъ, когда свое добро горитъ и болитъ душа...

Хотя Яковъ въ свое время былъ бравымъ солдатомъ и лихо выкрикивалъ «ура» и «рады стараться», хотя онъ числился «безсрочнымъ», но все-таки прежде всего онъ былъ человѣкъ, семьянинъ, крестьянинъ обросимовскаго общества. Для солдатскихъ чувствъ время еще будетъ впереди; запахъ пушечнаго дыма и крови не раздулъ еще въ немъ воинственныхъ инстинктовъ. Чувства простыя, человѣческія теперь всецѣло владѣютъ имъ, волнуютъ его и заставляютъ высоко подниматься его грудь. Теперь онъ еще не военный герой, подвигамъ котораго, быть можетъ, станетъ удивляться міръ. Теперь онъ только герой труда и терпѣнія...

Онъ не задавался вслухъ горькимъ вопросомъ: «Зачѣмъ эта война поднялась? Для чего было безсрочныхъ собирать?» и т. д. Только гдѣ-то глубоко въ душѣ вставало сожалѣніе. «Э-эхъ! То ли дѣло на Обросимовѣ»... Слава его не манила и ничто не тянуло на войну, въ даль отъ родного угла. Что жъ дѣлать! Не виноватъ Яковъ Вахрушинъ, что онъ не родился воинственнымъ человѣкомъ, не выросъ героемъ, хотя трусомъ, человѣкомъ малодушнымъ онъ не былъ никогда. Всѣ думы, всѣ человѣческія чувства онъ глубоко схоронитъ въ своей душѣ...

Въ городъ пріѣхали уже ночью и расположились на улицѣ передъ желтымъ одноэтажнымъ домомъ. Надпись на домѣ гласила: «Полицейское Управленіе». Передъ этимъ домомъ простиралась большая, пустая площадь, только въ базарные дни наполнявшаяся деревенскимъ людомъ. Среди площади въ ночномъ сумракѣ неясно бѣлѣла большая каменная церковь, за церковью темнѣли «ряды», то-есть, рядъ пустыхъ лавчонокъ съ какими-то жалкими навѣсами. Изрѣдка коегдѣ взлаивала собака. Изъ растворенныхъ оконъ сосѣдняго дома отрывочно доносились звуки музыки и нѣжный женскій голосъ сладко пѣлъ про счастье, про любовь... Небо было сѣро, облачно и грозило дождемъ.

Путники наши расположились по цыгански, только нельзя было костра развести. Марѳуша съ ребенкомъ прилегла въ телѣгѣ, а Яковъ, завернувшись въ сукманину, растянулся на пыльной муравѣ. Другіе два «безсрочные», ѣхавшіе съ ними, завалились тутъ же. А возница, привязавъ лошадь къ тротуарной тумбѣ, самъ прикорнулъ подъ телѣгой... По улицѣ иногда проходили бары, вѣроятно, возвращавшіеся домой изъ гостей, и съ жаромъ толковали что-то про Дунай-рѣку, про Карсъ... А сѣрое небо хмурилось, и высокая бѣлая колокольня на площади какъ-то мрачно, зловѣще рисовалась на темно-сизыхъ тучахъ, нависшихъ надъ городомъ...

Къ утру передъ полицейскимъ управленіемъ набралось «безсрочныхъ» со всего уѣзда человѣкъ 40. Пошли осмотры, вписыванья да расписыванья... Явившись по начальству и освободившись на время, безсрочные разбрелись по трактирамъ заливать свое горе— кто чаемъ, кто водкой. На всѣхъ перекресткахъ встрѣчались плачущія женщины. Солдатики пьяными ватагами ходили, обнявшись, по улицамъ и орали пѣсни. Городишка оживился... До поздняго вечера на улицахъ слышались разгульныя пѣсни, стоны бабъ и плачъ ребятъ... Все это время Яковъ давалъ своей Марѳушѣ совѣты и училъ: какъ ей быть и что дѣлать безъ него...

Ночью на нѣсколькихъ подводахъ безсрочныхъ повезли въ губернскій городъ. Марѳуша упросила своего кума Василья довезти и ее до города... Зазвенѣли колокольчики, запылила большая дорога. Лѣса, болота, поля, деревни, станціонные дома съ ихъ полосатыми фонарными столбами долго мелькали передъ глазами путниковъ. Наконецъ телѣги застучали по каменной мостовой. Пріѣхали.

На слѣдующій день наступило послѣднее прощанье. Можно было думать, что прощанье не умножитъ скорби, не усилитъ горя, ибо горе и такъ было велико и глубоко. Но нѣтъ!.. Въ эти-то послѣднія минуты и произошелъ взрывъ самаго жгучаго отчаянія...

VII.

На вокзалъ Яковъ явился уже болѣе похожимъ на солдата: онъ былъ подстриженъ, выбритъ; только усы — попрежнему длинные — закрывали его верхнюю губу. На плечахъ была накинута сѣрая шинель... Раздался звонокъ. Точно по сердцу ударилъ онъ Марѳушу. Яковъ рванулся, было, но жена крѣпко ухватила его одной рукой за плечо, а другою

прижала къ его груди ребенка и сама прильнула къ нему.

— Голубчикъ! Яша... на кого ты насъ...— вся дрожа и рыдая, замирающимъ голосомъ, шептала она.

Яковъ, его жена и сынъ составляли въ тѣ минуты такую тѣсную группу, словно бы она была одно цѣлое. У Якова на рѣсницахъ дрожали слезы, когда онъ смотрѣлъ на сынишку и чувствовалъ, какъ Марѳушины теплыя слезы падали ему на щеку... Второй звонокъ.

— По мѣстамъ, господа! — выкрикивалъ кондукторъ.—Садитесь!.. Служивый! Эй!..

Яковъ рванулся и побѣжалъ въ вагонъ. А тихій жалобный плачъ несся за нимъ.

— Яша, голубчикъ!—крикнула Марѳуша.

«Мало словъ, а горя—рѣченька,
Горя—рѣченька бездонная»..

Много бабъ набралось. Стонъ и вой разносились по всему вокзалу изъ конца въ конецъ. Много слезъ было пролито въ тотъ день на каменныя плиты дебаркадера желѣзной дороги... Третій звонокъ, затѣмъ свистокъ... И какой же онъ громкій, пронзительный, жалобный! Бабы даже вздрогнули, заслышавъ его... Поѣздъ тронулся. Марѳа, глотая слезы и прижимая къ груди Пашутку, ускореннымъ шагомъ шла рядомъ съ тѣмъ вагономъ, откуда изъ окна кивалъ ей головой и махалъ шапкой ея Яша... Поѣздъ пошелъ скорѣе. Марѳуша побѣжала... Сбѣжала съ платформы и съ воемъ пустилась вдоль полотна дороги догонять поѣздъ.

— Не бѣжи! Расшибешься!—кричали ей незнакомые голоса изъ оконъ мелькавшихъ передъ нею вагоновъ.—Прости, голубка! Не поминай лихомъ... Э-эхъ ты, ну! У-ухъ!.. Жги-и-и, говори... рукавички барановыя...— вопили изъ вагоновъ во всю мочь.

Марѳуша уже не видала своего Якова. Поѣздъ, стуча и громыхая, проносился мимо нея; въ окнахъ вагоновъ мелькали незнакомыя лица... Въ глазахъ у Марѳуши помутилось, закружилась ея бѣдная головушка. Марѳуша остановилась и, чтобы не упасть, оперлась на телеграфный столбъ... Поѣздъ умчался, шумъ затихъ вдали. Народъ расходился со станціи.

VIII.

По прибытіи на мѣсто военныхъ дѣйствій, Якова Вахрушина, вмѣстѣ съ прочими, отправили въ Зимницу. Тамъ они оставались сутки безъ ѣды, потому что на нихъ еще не было отпущено провіанта. На другой день имъ выдали сухарей, а еще черезъ день они добыли себѣ какой-то холодной похлебки. Вскорѣ же ихъ зачислили въ полкъ и отправили подъ Плевну.

Въ половинѣ октября, когда одна изъ самыхъ отчаянныхъ непріятельскихъ аттакъ была отбита нашими войсками, сотоварищъ Якова, раненый въ ногу, лежалъ на окраинѣ заброненнаго, вытоптаннаго кукурузнаго поля. Вечерѣло... Вся лощина и скатъ противоположнаго холма, занятаго турками, были еще въ дыму. Слышался сухой трескъ ружейныхъ выстрѣловъ. Въ сѣроватыхъ облакахъ дыма порой вспыхивали молніи и слышался грохотъ орудій... Солнце краснымъ шаромъ стояло низко надъ землей, и клубы дыма порою заволакивали его...

Совершалось здѣсь страшное дѣло... Люди на время переставали быть людьми и становились звѣрями—дикими и злыми. Чудовищно странны и страшны до безобразія были эти лица съ выраженіемъ то страха, то лютой ненависти и злости; страшны были эти налитые кровью глаза, жилы, напрягшіяся на вискахъ, раздувшіяся ноздри, оскаленныя физіономіи, потемнѣвшія отъ пороховаго дыма и забрызганныя кровью. Убитые лежали кучами. Раненые корчились въ предсмертныхъ мукахъ. Слышались стоны, хрипѣнье... Животныя пришли въ ярость; лошади грызлись между собой такъ же, какъ люди. Земля стонала; стоналъ, казалось, и самый воздухъ надъ землей. Адская музыка гудѣла, не умолкая, между землей и небесами...

Вдругъ раненый, лежавшій на краю кукурузнаго поля, услыхалъ неподалеку отъ себя слабое, прерывистое ржанье и обернулся. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него лежала издыхавшая лошадь. Ея бока тяжело подымались; окровавленныя внутренности вывалились у нея наружу... Какой-то солдатъ, тоже, видно, тяжело раненый, полулежалъ, прислонившись къ спинѣ лошади. Стараясь приподняться, онъ съ усиліемъ упирался локтемъ о шею лошади. Первый раненый внимательно посмотрѣлъ на земляка, призналъ его и тихо окликнулъ:

— Вахрушинъ! Ты?

— Я!—отозвался тотъ также тихо, съ трудомъ поворачивая голову къ товарищу. — А ты... а-а...—началъ было онъ и не кончилъ.

Въ то же мгновеніе граната, шипя, взборозднла землю передъ самой лошадью, и раздал-

ся взрывъ. Раненаго, который окликнулъ Вахрушина, всего обдало пескомъ. Когда же пыль разсѣялась, онъ протеръ глаза и оглянулся... Лошадь была уже бездыханна, и рядомъ съ ней, распластавъ руки, лежалъ Яковъ Вахрушинъ, страшно обезображенный, съ размозженнымъ черепомъ, облитый кровью...

Бѣдняга! — не исполнился тотъ сонъ, что̀ видѣлъ онъ наканунѣ отъѣзда изъ дому...

Въ облакахъ дыма попрежнему поблескивали молніи и грохоталъ громъ. Красноватые лучи заходящаго солнца, пробившись сквозь дымъ, кровавымъ свѣтомъ окрашивали на мгновеніе лощину, — и затѣмъ мрачныя тѣни, сгущаясь, снова ложились надъ полемъ брани, надъ полемъ смерти...

...А на Обросимовѣ напрасно Марѳуша ждала своего мужа. Не возвратился онъ домой... Когда сынъ подросъ и въ первый разъ спросилъ мать: гдѣ тятя?—она сквозь слезы отвѣтила ему:

— Тятя твой на войну ушелъ...

1885 г.

ЧЕРНЫЕ ВОРОНЫ.

(Изъ деревенскихъ лѣтописей).

I.

Всю осень 1882 года наши пелехинцы были въ большомъ недоумѣніи. Ермилъ Ивановичъ привелъ ихъ въ недоумѣніе своими странными поступками.

Ермилъ Ивановичъ Большухинъ — попросту «Большухичъ» — поселился въ нашей сторонѣ лѣтъ 15 тому назадъ и первый, на своемъ собственномъ примѣрѣ, показалъ пелехинцамъ, какъ надо разбойнымъ образомъ, «*по закону*», изъ копейки рубль дѣлать. И ловокъ же былъ Большухинъ! Волостной писарь, человѣкъ свѣдущій, читавшій газету и любившій употреблять иностранныя слова, иначе и не звалъ его, какъ «*пролетаріемъ*».

— Вотъ ужъ настоящій пролетарій!—одобрительно говорилъ онъ про него.—Изъ воды сухъ выйдетъ, а сухого, глядишь, мокрой курицей пуститъ... Комаръ носу подъ него не подточитъ... Голова!

Пелехинцы ужъ и сами видѣли, что онъ—голова... И протеръ же имъ глаза этотъ удалъ-добрый молодецъ.

Первымъ дѣломъ онъ скупилъ за полцѣны Михайловку. Усадьба была хорошая, со всѣми угодьями, съ чудесными заливными лугами и съ богатѣйшимъ выгономъ. Одинъ садъ чего стоилъ! На трехъ десятинахъ былъ разбитъ... А въ саду-то вездѣ были скамеечки понаставлены и бесѣдочки понатыканы, съ какими-то шариками да со всякими бирюльками, и мостики крашеные, и статуи—все больше женщины голыя. Наши мужики на эту самую Михайловку ужъ давно зубы точили, скупить хотѣли. Да вѣдь деревня матушка тяжела на подъемъ: годъ протолковали да годъ затылки чесали, пока собрались послать ходоковъ къ барину въ Москву, а тутъ, какъ на грѣхъ, Большухинъ подвернулся и изъ-подъ носу у пелехинцевъ перехватилъ Михайловку. Когда ходоки-то пришли въ Москву, Ермилъ Ивановичъ ужъ купчую написалъ и все дѣло оборудовалъ въ самомъ лучшемъ видѣ, — такъ, несолоно хлебавши, и воротились наши восвояси, закусивъ московскимъ калачикомъ да позѣвавъ на батюшку Василія Блаженнаго.

Пріѣхалъ Большухинъ въ Михайловку, началъ устраиваться и новые порядки заводить. Онъ велѣлъ раскатить старый барскій домъ; часть бревенъ испилилъ на дрова, часть пошла для поправокъ кое-какихъ усадебныхъ построекъ; садъ вырубилъ до чиста, до послѣдняго пня, всѣ бесѣдочки и скамеечки, разумѣется, снесъ; приказалъ статуи свалить наземь и разбить ломомъ вдребезги всѣхъ этихъ бѣлыхъ богинь и красавицъ, а обломками ихъ, вмѣстѣ со щебнемъ, насыпалъ тропинку отъ дома къ конюшнямъ, чтобы, значитъ, Ермилу во всякую погоду удобно было ходить по двору.

У домовъ, какъ и у людей, тоже есть своя

физіономія; каждый хозяинъ накладываетъ на домъ свою печать. Большухинъ выстроилъ домъ совершенно похожій на себя, такой же неуклюжій, крѣпкій, коренастый и безъ всякихъ затѣй,—зато ужъ такой домъ не скоро своротишь съ мѣста.

Ермилъ Ивановичъ былъ мужчина лѣтъ пятидесяти съ хвостикомъ, довольно высокаго роста, толстый, съ краснымъ лицомъ, съ сѣрыми заплывшими глазками и съ густыми рыжевато-желтыми волосами. Цвѣтъ лица у него былъ какой-то странный, не смуглый, не бѣлый, а грязноватый. Шеи у него было непримѣтно, голова сидѣла почти прямо на плечахъ. Онъ былъ слегка сутоловатъ, смотрѣлъ исподлобья и вообще всѣмъ своимъ видомъ производилъ такое впечатлѣніе, какъ будто онъ ежеминутно хотѣлъ кого-то подстеречь, на кого-то броситься...

Пелехинцы въ первый разъ увидали желѣзную кровлю на большухинскомъ домѣ... Всѣ усадебныя постройки и дворъ Ермилъ Ивановичъ обнесъ такимъ плотнымъ, высокимъ заборомъ, какъ будто ожидалъ нашествія иноплеменниковъ; завелъ злющихъ, свирѣпыхъ собакъ; добылъ откуда-то изъ Рязанской губерніи трехъ «приказчиковъ» (сущіе разбойники были, прости Господи!). Большухинъ былъ вдовъ, бездѣтенъ и жилъ съ «Палашкой»; мужики наши звали ее Пелагеей Филипповной. Когда Ермилъ Ивановичъ бывалъ въ добромъ расположеніи духа, то, возвращаясь изъ города, привозилъ ей «адекалону», вмѣсто духовъ, а иногда и шелковой матеріи на платье; подъ сердитый же часъ спуску ей не давалъ и не разъ, говорятъ, хлесталъ ее на обѣ корки. Палашка только и дѣлала, что спала, ѣла да грызла подсолнечниковыя сѣмечки или щелкала орѣхи. Была она бѣла, какъ сметана, рыхла, какъ сдобная булка, и глупа, какъ пробка.

Устроившись, Ермилъ Ивановичъ обратилъ вниманіе свое на сосѣднихъ мужиковъ и живо «подтянулъ» ихъ... Бары уже давно не жили въ Михайловкѣ, управляющіе часто смѣнялись,—и для пелехинцевъ нѣсколько лѣтъ подъ рядъ шли совсѣмъ какія-то особенныя, патріархальныя времена... Ихъ скотина безвозбранно захаживала на Михайловскій выгонъ, порою забиралась даже въ поля; ребятишки залѣзали въ барскій садъ, какъ въ свою собственную загородь, объѣдались вишеньемъ и хозяйничали въ садовыхъ бесѣдкахъ... Съ Ермиломъ шутки вышли плохи. Какъ только, бывало, крестьянскій скотъ забредетъ на его выгонъ, глядь—приказчикъ ужъ тутъ какъ тутъ, и несется, какъ ураганъ, на своемъ гнѣдомъ конѣ, шумитъ, ухаетъ, гукаетъ... Сейчасъ, значитъ, понятыхъ сюда, актъ о потравѣ и т. д., а въ воскресенье «пожалуйте, господа», съ денежками въ волостное правленіе.

— У насъ на этотъ счетъ просто!—говорили приказчики.

Взвыли пелехинцы... Дѣло въ томъ, что мировой посредникъ нарѣзалъ пелехинцамъ надѣлы, какъ будто нарочно, такимъ образомъ, чтобы скотина ихъ непремѣнно заходила на помѣщичью землю.

Сталъ Большухинъ донимать штрафами нашихъ пелехинцевъ. Тошно пришлось имъ: хоть въ петлю полѣзай...

— Помилуй, Ермилъ Ивановичъ!—плакались они Большухину на первыхъ порахъ, пока еще не раскусили, что онъ есть за птица.—Вѣдь ты насъ этакъ въ конецъ разоришь! Этакой досады намъ никогда еще не бывало... Ей-Богу, право! Жили мы до сей поры мирно... а ты, вотъ, шкандалъ затѣваешь.

— Какой тутъ шкандалъ? — возражалъ Ермилъ Ивановичъ, задирая носъ.—Никакого шкандалу нѣтъ... Всякому свое дорого. А вамъ до сей поры просто было жить въ мирѣ, когда вамъ удержу не было,—что хотѣли, то и дѣлали на барской землѣ... Нѣтъ, голубчики! Вы ужъ оставьте... я *этого* не люблю!

— Ты бы хошь канавъ нарылъ, что ли... —толковали мужики.—А то гдѣ жъ тутъ уберечься... Гляди, какъ выгонъ-то намъ нарѣзали... клиномъ, вѣдь, прямо въ твой выгонъ упирается...

— А мнѣ что за дѣло!—огрызался Большухинъ, свысока посматривая на весь крестьянскій міръ.—Чего смотрѣли, когда надѣлъ брали! Такъ васъ, дураковъ, и надо учить! А я изъ-за вашихъ глупостей рыть канавъ не стану... Пастуховъ нанимайте!

При всей осторожности, пелехинцы все-таки раза два-три въ лѣто платили Ермилу Ивановичу за потраву... Какъ-то незамѣтно, исподволь, исподтишка Большухинъ забралъ въ руки пелехинцевъ, да таково ловко, что тѣ и очнуться не успѣли, какъ всѣ со своими дѣтишками и животишками очутились у него въ кулакѣ. Тому онъ отпуститъ въ долгъ сѣмянъ, тому хлѣба дастъ до осени, тому денегъ выдастъ подъ лѣтнюю работу; на всемъ

беретъ онъ проценты жидовскіе, а крестьяне ежатся, да идутъ къ нему.

Невмоготу приходилось пелехинцамъ...

А у Ермила Ивановича, какъ на грѣхъ, была еще скверная привычка — самымъ серьезнымъ образомъ дразнить мужика, тыкать ему въ глаза «волей».

— Я, братъ, принуждать тебя не могу...— разсудительно смиреннымъ тономъ говорилъ онъ, все крѣпче и крѣпче затягивая петлю на шеѣ своей жертвы.—Ты, братъ, человѣкъ вольный... Скажемъ, «по-божески», такъ... Соглашаешься—ладно, нѣтъ—и съ Богомъ, скатертью дорога—счастливый путь! Неволить тебя не могу...

— Это что и говорить...—соглашается и мужикъ, попавшій въ его сѣти, въ самомъ дѣлѣ какъ бы признавая, что онъ «воленъ» самъ удавиться, или предоставить удавить себя Ермилу Ивановичу, или кому-нибудь другому.

И Ермилъ Ивановичъ своими «божескими» разговорами и поддразниваніемъ иногда, бывало, до того доймета мужика, что даже въ потъ его вгонитъ.

— Эхъ, ну тебя!.. Душу, душу-то вымоталъ ты у меня...—съ укоризной иной разъ скажетъ мужикъ.

— Чѣмъ же это, голубчикъ, я тебѣ душу вымоталъ?—простодушно спрашиваетъ Ермилъ Ивановичъ, щуря, какъ котъ, свои маслянистые глазки.—Я тебѣ привожу настоящіе резоны, какъ есть...

— Резоны...—съ затаенной злобой бормочетъ мужикъ, неистово почесывая затылокъ.—Резоны... Понимаешь: жрать нечего, хлѣбушка нѣтъ... а ты—про «волю»!.. Резоны!..

Въ концѣ-концовъ всегда почти выходило такъ, что мужикъ живьемъ давался Ермилу Ивановичу. И по правдѣ сказать, у Большухина силы было не меньше, чѣмъ прежде у барина, только обличьемъ Богъ его обидѣлъ,—да почету барскаго ему не хватало. Хотя онъ былъ и силенъ, а все-таки—только «Большухичъ»... такъ же, какъ и сударушка его, Пелагея Филипповна, хоть и бѣла была, и городское платье носила, а все-таки была только—дѣвка подзаборная...

Не разъ также Ермилъ Ивановичъ принимался пугать пелехинцевъ «машиной»...

— Вы со мной не больно-то куражьтесь, соколики! — говорилъ онъ при случаѣ. — Я вотъ посмотрю-посмотрю, да заведу машину и буду все машиной дѣлать, а васъ всѣхъ къ лѣшему!

И каждый разъ, когда мужики чѣмъ-нибудь досаждали ему, онъ стращалъ ихъ призракомъ машины.

— Вотъ, ужо, погодите, голубчики, выпишу машину... бѣлугой заревете вы у меня...

Если немножко что, сейчасъ: «Вотъ ужо машину выпишу» и т. д. Разъ одинъ мужикъ—человѣкъ очень сдержанный и молчаливый—даже осерчалъ на него, не выдержавъ его постоянныхъ застращиваній, и въ отчаяніи крикнулъ ему:

— А ну тя къ чорту! Выписывай, что хошь... Надоѣлъ ты намъ со своей машиной... «Выпишу, выпишу...» А что же она у тебя о сю пору не ѣдетъ, эта самая машина? Ну?..

Большухинъ плюнулъ и отошелъ...

Съ купцами стараго уклада у него «по внѣшности» не было почти ничего общаго, за исключеніемъ развѣ субботнихъ хожденій въ баню. Въ рѣчахъ, въ обхожденіи и вообще въ образѣ жизни Большухинъ какъ-то выбился на половину изъ купеческой колеи, хотя въ то же время ни въ какую другую колею не попалъ. Сапоги, напримѣръ, онъ носилъ городскіе, опойковые, но штаны все-таки заправлялъ въ сапоги; русскую ситцевую рубаху «косоворотку» любилъ носить «на выпускъ», подтягивая ее пояскомъ, а сверхъ рубахи надѣвалъ жилетъ, на которомъ красовалась серебряная часовая цѣпочка. Иногда, выѣзжая куда-нибудь въ деревню, онъ при этомъ надѣвалъ еще сюртукъ. Въ городъ Большухинъ отправлялся въ нѣмецкомъ платьѣ, и это платье, поистинѣ сказать, сидѣло на немъ, какъ на коровѣ сѣдло. Волосы онъ носилъ длинные, а не стригъ ихъ въ кружокъ, по-мужицки; фуражку сдвигалъ на затылокъ.

Изъ числа немногихъ древнихъ обычаевъ, которыхъ придерживался Ермилъ Ивановичъ, какъ я ужъ сказалъ, было еженедѣльное хожденіе въ баню. Мытье происходило самымъ патріархальнымъ образомъ. Попарится, бывало, Ермилъ Ивановичъ всласть, до того, что очумѣетъ, и голый вывалится на крыльцо, весь красный, багровый, съ приставшими къ тѣлу зелеными березовыми листочками, окруженный облакомъ бѣлесоватаго пара; въ лѣтнее время сядетъ на крыльцо или встанетъ у притолки и кричитъ на весь дворъ, чтобы ему принесли квасу...

— Ой, пить хочу до смерти... А-ахъ, хорошо! — тяжело пыхтя и отдуваясь, стонетъ онъ сладострастно.

Если приказчика не случится дома, тащитъ ему квасъ Пелагея Филипповна или работница. А Ермилъ Иванычъ, какъ ни въ чемъ не бывало, стоитъ, какъ малеваный истуканъ, прикрываясь только вѣникомъ, вмѣсто фиговаго листочка, и безсмысленно вылупивъ свои посоловѣвшіе глаза...

Отъ купцовъ онъ, между прочимъ, замѣтно отличался тѣмъ, что мало радѣлъ ко храму Божію. На первыхъ порахъ по своемъ переселеніи въ Михайловку онъ давалъ на церковныя нужды по 25 руб. въ годъ, а потомъ сталъ все сбавлять, и въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, онъ давалъ въ церковь уже только 5 рублей. Неугасимыхъ лампадъ у него въ домѣ не полагалось; Палашка зажигала лампады только въ праздники да наканунѣ ихъ. Купецъ ветхозавѣтнаго начала все-таки побаивался Бога, да и на чорта косился порой. А Ермилъ Иванычъ никого и ничего не страшился. Онъ, напримѣръ, смѣясь, прямо, говорилъ, что «лѣшаго старыя бабы со скуки выдумали, на печи лежа»... Для Ермила Ивановича не было никакого удержу. Правда, онъ ходилъ въ церковь и становился за обѣдней впереди всѣхъ, у праваго клироса; но только онъ все это продѣлывалъ «ради прилику», а вовсе не въ силу внутренняго побужденія. Искренно и задушевно Ермилъ поклонялся только одному божеству—«золотому тельцу».

Къ мѣстнымъ чиновникамъ-властямъ Большухинъ относился даже съ большимъ презрѣніемъ.

— Куплю и продамъ всякаго!—говорилъ онъ однажды писарю навеселѣ, хлопая себя по карману. — Захочу: они для меня такіе законы напишутъ, что вашъ «міръ» только ахнетъ! Вотъ что!.. Не такъ-ли я говорю, а?

Писарь утвердительно кивалъ ему головой.

Большухинъ — хотя съ виду сѣрый человѣкъ—былъ по своему не глупъ и умѣлъ при случаѣ отлично пользоваться и телеграфомъ, и желѣзными дорогами, и банкомъ, и страховыми обществами и т. п. Всѣ научныя и техническія усовершенствованія были къ его услугамъ... Но въ то же время Большухинъ, какъ свинья подъ дубомъ, съ высокомѣрнымъ презрѣніемъ отзывался о наукѣ вообще, а надъ учеными и образованными людьми всегда подсмѣивался. Учителя, напримѣръ, онъ звалъ «учителишкой», а для учительницъ у него было только одно привѣтствіе. «Я бы имъ задалъ науку», «я бы надавалъ имъ»... и т. д. въ томъ же родѣ...

Съ этакимъ сильнымъ, безстрашнымъ человѣкомъ пришлось познакомиться пелехинцамъ, да не только познакомиться, но и вступить съ нимъ въ близкія сношенія. Понятно, скрутилъ ихъ Ермилъ Ивановичъ какъ нельзя лучше. Какія-то странныя и страшныя представленія сложились о немъ въ умахъ пелехинцевъ. «Большухинъ хуторъ» казался чѣмъ-то въ родѣ замка Черномора; собаки и «большухинскіе молодцы» нагоняли страхъ на весь околотокъ; самъ Ермилъ Ивановичъ, въ глазахъ пелехинцевъ, выросъ въ какого-то сказочнаго великана и окрасился адскимъ свѣтомъ...

— Ему что!..—толковали въ деревняхъ.— Онъ, братъ, ни передъ чѣмъ не остановится... Онъ тя псами затравитъ, по міру пуститъ, всю деревню выжжетъ... А тамъ ступай, ищи, доказывай! Деньги, братъ, все сдѣлаютъ.

И вотъ этотъ-то человѣкъ съ осени 1882 года, какъ уже сказано, сталъ приводить въ недоумѣніе весь нашъ околотокъ.

II.

На своемъ хуторѣ до сего времени—въ теченіе почти 15 лѣтъ — Ермилъ Ивановичъ занимался посѣвами, пробавляясь главнымъ образомъ даровыми руками закабаленныхъ рабочихъ; скупалъ также хлѣбъ, когда крестьянамъ дозарѣзу нужны были деньги, и перепродавалъ его съ громаднымъ барышомъ, откармливалъ воловъ на арендуемомъ участкѣ степи и гонялъ ихъ въ Питеръ и въ Москву. Хуторъ у него,—какъ говорится, былъ полная чаша: чего хочешь—того и просишь. Лошади на конюшнѣ стояли одна другой бойчѣе,—звѣри, а не кони!

Большухинъ, какъ уже сказано, выстроилъ домъ на славу и обнесъ его такимъ заборомъ, что и солдаты, кажется, не вдругъ взяли бы его приступомъ, а бродягамъ-грабителямъ не стоило и подходить къ хутору съ задними мыслями ни днемъ, ни ночью: днемъ приказчики-разбойнички нагайками задерутъ до полусмерти, ночью—собаки разорвутъ въ клочья. Притомъ, говорятъ, на хуторѣ было до полдюжины ружей, а пистолетовъ и того больше... Однимъ словомъ, Ермилъ Ивано-

вичъ, повидимому, основался крѣпко, прочно, какъ будто разсчитывая всю жизнь прожить съ пелехинцами.

Вдругъ слышатъ-послышатъ добрые люди... начинаетъ Большухинъ распродавать свое добро-имущество. Рты разинули пелехинцы... Ермилъ Ивановичъ отказался отъ аренды, продавалъ коровъ и лишнихъ лошадей и пріискивалъ для хутора «вѣрнаго покупщика»... Пелехинцы, 15 лѣтъ тому назадъ, когда были еще въ силѣ, просбирались купить Михайловку, а теперь, послѣ Ермилкина «сидѣнья», они пришли въ такой раззоръ, что о покупкѣ «міромъ» нечего было и думать... И ни одна душа въ нашей сторонѣ не знала о томъ: зачѣмъ, ради чего Ермилъ Ивановичъ собрался рушить свое насиженное гнѣздо... «Что за чудо!» толковали въ деревняхъ. И много разговоровъ было по этому случаю. Къ писарю подходы дѣлали, но и писарь божился, что ничего не знаетъ.

— Спрашивалъ,—говоритъ,—его онамеднись... Что ты, говорю, Ермилъ Ивановичъ, задумалъ такое?.. «Задумалъ, говоритъ, одну штуку»... А какую такую штуку, —прахъ его знаетъ...

Было только извѣстно, что его самый довѣренный и самый продувной приказчикъ, знавшій всѣ его тайны, Петръ,—прозванный цыганенкомъ за свое черное «волосье» и за смуглый цвѣтъ лица,—не одинъ разъ куда-то ѣздилъ и пропадалъ по цѣлымъ недѣлямъ. Всѣ замѣчали, что на хуторѣ творится что-то необычное, а домекнуться до сути никто не могъ. Большухинъ то казался озабоченнымъ, то становился веселъ, шутилъ, смѣялся съ мужиками, и по вечерамъ, сидя на крыльцѣ, громогласно распѣвалъ: «Да исправится молитва моя, яко кадило предъ Тобою», или, впадая въ болѣе мрачный тонъ, густымъ басомъ тянулъ: «Волною морскою»...

Наконецъ и самъ Ермилъ Ивановичъ ѣздилъ куда-то два раза, бывалъ въ отлучкѣ по нѣсколько дней, и каждый разъ, по возвращеніи его изъ поѣздки, распродажа движимаго имущества на хуторѣ шла шибче прежняго. Загадочны были каждое слово и каждый взглядъ Ермила Ивановича.

— По всѣмъ видимостямъ, Ермилъ Ивановичъ, вы хотите переселиться куда-то отъ насъ? — сказалъ ему однажды священникъ, встрѣтившись съ нимъ на базарѣ въ Ульянкахъ. — Много, поди, безпокойства вамъ теперь?

Присутствующіе насторожили уши и воззрились на Большухина: «Какъ-то, молъ, ты теперь отвертишься?..

— Что же дѣлать, батюшка!—со вздохомъ отозвался Ермилъ Ивановичъ.—Рыба ищетъ гдѣ глубже, человѣкъ—гдѣ лучше...

— Это вы справедливо... — согласился отецъ Николай.

Присутствующіе при этомъ повѣсили носы:—«улизнулъ-таки»...

— Только дѣло въ томъ, Ермилъ Ивановичъ, что вѣдь вы здѣсь таково хорошо устроились, заведенье у васъ шло на широкую ногу... — продолжалъ священникъ.—А теперь вамъ опять такое безпокойство...

— Ничего, отче!—весело возразилъ Большухинъ.—Все перемелется,—мука будетъ. Именно—мука... Ахъ, ха-ха!

Да какъ вдругъ расхохочется на всю площадь...

Потомъ пелехинцы вспомнили этотъ хохотъ и поняли его настоящій смыслъ, а въ ту пору добрые люди смотрѣли на него, какъ на шального. Въ словахъ: «перемелется — мука будетъ», не было ровно ничего смѣшного. Онъ, дѣйствительно, въ то время о мукѣ думалъ, поговорка пришлась кстати и разсмѣшила его...

— А куда переѣзжаешь-то? Далеко? — прямо спросилъ Большухина нашъ простоватый дядя Климъ.

— Далеко! Отсюда не видать! — съ веселой улыбкой промолвилъ тотъ, отходя въ сторону.

Присутствующіе покачали головами и стали перешептываться между собой...

А время шло — подвигалось. Наступила зима... Нашелся и покупатель на хуторъ, вѣрнѣе сказать — покупательница нѣмка, Клейманъ (пелехинцы зовутъ ее Клеманшей). Задумала она на нѣмецкій манеръ заводить молочное хозяйство, сыръ да масло дѣлать... Наконецъ, Ермилъ Ивановичъ собрался уѣзжать; долѣе скрывать тайну было уже нельзя. Оказывалось, что Ермилъ Ивановичъ удалялся отъ насъ въ Алюбинскую станицу. Впослѣдствіи, уже гораздо позже, пелехинцы узнали всѣ подробности таинственной «штуки», задуманной и самымъ блестящимъ образомъ приведенной въ исполненіе Ермиломъ Ивановичемъ. Слышали пелехинцы потомъ отъ очевидцевъ, какъ печально и даже, можно сказать, трагично разрѣшилась для него самого его таинственная «штука».

Станица Алюбинская находилась въ ста верстахъ отъ нашихъ мѣстъ и стояла на берегу Вепра, посреди зеленыхъ донскихъ степей, въ мѣстности бойкой, людной, богатой пшеницею. Мощеныя улицы, кабаки, трактиры съ заманчивыми красными вывѣсками, рядъ деревяныхъ лавокъ на базарной площади, большая бѣлая церковь—дѣлали станицу похожею на веселый, оживленный городокъ. Осенью въ станицѣ бывали ярмарки; много торговцевъ наѣзжало сюда изъ сосѣднихъ губерній.

Въ станицѣ на рѣкѣ Вепрѣ была отличная общественная мельница, сдававшаяся въ аренду и приносившая, по слухамъ, арендатору громадный доходъ. Эта мельница славилась далеко въ окружности и почти 8 мѣсяцевъ въ году безостановочно работала на хлѣбородный край. Арендаторомъ мельницы за послѣднее время былъ купецъ Зуевъ—человѣкъ съ головой и съ деньгами. «На мельницѣ онъ нажился—страсть!» говорили про него въ народѣ. Вотъ нашему Большухину и вспало на умъ перебить у Зуева мельницу: продажа воловъ и хлѣбная торговля, должно быть, показались ему слишкомъ окольнымъ, медленнымъ путемъ для обогащенія. Мельница сулила громадные барыши...

Ермилъ Ивановичъ привыкъ хитрить и лукавить издавна, хитрость и разсчетъ уже въѣлись въ него. Онъ хитрилъ и лукавилъ даже въ самыхъ пустыхъ вещахъ, вовсе не требовавшихъ никакихъ хитростей. Когда же насчетъ мельницы дѣло завязалось серьезно, онъ довелъ свою хитрость, можно сказать, до тонкости паутины. Онъ довѣрилъ это важное дѣло только своему «цыганенку»—и болѣе никому ни слова, даже на Палашку онъ крикнулъ «цыцъ» и пригрозилъ ей ремнемъ, когда та, по своему бабьему любопытству, слишкомъ стала приступать къ нему съ разспросами. «Цыганенку» было поручено самымъ секретнымъ образомъ, въ отсутствіе Зуева, вступить въ переговоры со стариками станичниками; съ помощью водки, задариванья и всякихъ посуловъ склонить ихъ на сторону Ермила Ивановича и понудить, по окончаніи срока Зуевской аренды, сдать ему мельницу. «Цыганенокъ» — хитрая бестія, весь въ хозяина!—соблазнилъ станичниковъ и обломалъ дѣло въ самомъ лучшемъ видѣ. Срокъ аренды истекалъ въ декабрѣ мѣсяцѣ. И кончилось дѣло тѣмъ, что Большухинъ накинулъ станичникамъ за мельницу лишнихъ 300 рублей въ годъ,—и мельница осталась за нимъ. Все это крупное дѣло велось такъ ловко, такъ скрытно, что даже Зуевъ ничего не пронюхалъ о непріятельскихъ подкопахъ...

А Зуевъ, Григорій Васильевичъ, былъ тоже человѣкъ «себѣ на умѣ», птица хищная, плотоядная... Извѣстіе о передачѣ мельницы Большухину стукнуло его, какъ обухомъ по лбу. Крякнулъ Григорій Васильевичъ, отеръ потъ, выступившій у него на лбу отъ такого неожиданнаго удара, и промолчалъ.

Большухинъ былъ съ нимъ знакомъ уже давно; они сталкивались въ городѣ,—встрѣчались въ банкѣ, въ трактирахъ, на ярмаркахъ и на большихъ базарахъ; однажды въ Воронежѣ они даже сообща приторговали себѣ одну арфистку... Но дѣловъ они не вели между собой и не были друзьями. Да если бы они даже и были друзьями, то дружба въ этомъ случаѣ не могла помѣшать никакимъ каверзамъ и подвохамъ. Оба они, про себя, въ одинъ голосъ твердили: «дружить дружи, а камень за пазухой держи». По понятіямъ такихъ хищниковъ, какъ Зуевъ и Большухинъ, подкопаться подъ ближняго, утянуть у него кусокъ изо рта, или подставить ногу такимъ манеромъ, чтобы ближній, стремясь къ цѣли, споткнулся и, по возможности, основательнѣе расквасилъ себѣ носъ,—считалось просто «коммерческимъ» дѣломъ. Они оба взапуски объ «одеждѣ» ближнихъ своихъ метали жребій. «Ошарашить», «объегорить», «облапошить», «нагрѣть», «подкузьмить» было для нихъ дѣломъ похвальбы и молодечества... И странно было бы Зуеву негодовать на то, что сегодня Большухину вынулся жребій получше, чѣмъ ему. Завтра, глядишь, такой же—или даже заманчивѣе—падетъ жребій на долю Зуева. Только не надо сидѣть, сложа руки, и унывать.

А Зуевъ, между тѣмъ, повидимому, былъ такъ ошеломленъ нападеніемъ изъ засады со стороны Ермила Ивановича, что, казалось, совсѣмъ опѣшилъ. Когда его спрашивали: что онъ думаетъ теперь предпринять?—Григорій Васильевичъ необыкновенно меланхолически поглядывалъ по сторонамъ.

— Да что теперь дѣлать... Подрадѣли добрые люди... Спасибо! — говорилъ онъ, печально складывая губы и задумчиво растерянно смотря передъ собой въ пустое пространство.

— Гришка нашъ совсѣмъ опустился! — толковали про него въ народѣ—Поддѣлъ его

Большухинъ—нечего сказать...—Ахъ, волкъ тя зарѣжь!..

— Нагрѣлъ... живетъ съ него! До новыхъ вѣниковъ, чай, не забудетъ...

— Гдѣ забыть!.. Ну, ужъ и Большухинъ! Ловкачъ.

Дѣйствительно, казалось, Зуевъ впалъ въ какое-то уныніе, слонялся изъ стороны въ сторону, а если и принимался что-нибудь дѣлать, то очень смахивалъ на сумасшедшаго. Вдругъ, напримѣръ, ни съ того, ни съ сего, купилъ онъ въ двухъ верстахъ отъ станицы 5 десятинъ земли и деньги заплатилъ за нихъ чисто бѣшеныя. Народъ только подсмѣивался...

— Гришка-то, никакъ, совсѣмъ рехнулся!—толковали мужики.

— Ну, почто ему понадобился этотъ пустырь!—Пырей на немъ разводить, что-ли?

— И не говори лучше! «Въ отдѣлку» его изъ ума вышибло...

Передъ пріѣздомъ Ермила Ивановича въ Алюбино, Зуевъ вдругъ скрылся куда-то... Сказывали, въ Москву укатилъ.

Вотъ пріѣхалъ новый арендаторъ, напоилъ станичное начальство чуть не до чертиковъ, и сталъ устраиваться на новомъ мѣстѣ. Незадолго до Рождества возвратился и Зуевъ въ станицу. Вотъ тутъ-то и встрѣтились наши вороны, и одинъ другого шибко потрепалъ.

III.

Былъ зимній солнечный день, На базаръ въ станицу съѣхалось много народу. Трактиры были полнехоньки, торговали и шумѣли на славу... Время шло за полдень, дѣла были покончены, и продавцы и покупатели гуляли всласть.

Въ трактирѣ Ивашкина, на «чистой половинѣ», повстрѣчались наши хищники. Ну, разумѣется, какъ знакомые, поздоровались, потрясли другъ друга за руку и повели рѣчь о томъ, о семъ. Большухину, признаться, не особенно пріятно было столкнуться съ Зуевымъ въ трактирѣ:—«Напьется, чего добраго, станетъ привязываться; еще, пожалуй, скандалъ устроитъ». Увидѣвъ теперь, что Григорій Васильевичъ ведетъ себя прилично и, повидимому, примирился съ своимъ пораженіемъ, Большухинъ мигомъ повеселѣлъ. Конечно, онъ не боялся Зуева («мнѣ что...—наплевать! Серчай себѣ»!), но все-таки онъ гораздо спокойнѣе чувствовалъ себя, видя, что за спиной у него не торчитъ врагъ, готовый ежеминутно огрѣть его по затылку. Расчувствовался Ермилъ и не побоялся даже коснуться щекотливаго предмета...

— Григорій Васильевичъ! ты что жъ меня не проздравишь, а?—спросилъ онъ, хлопнувъ Зуева по плечу.

Въ ту минуту эти два воротила стояли почти среди комнаты, у всѣхъ на виду. Яркій солнечный лучъ, полосой пробивавшійся въ окно, озарялъ ихъ золотистымъ свѣтомъ, словно окружая какимъ-то блестящимъ ореоломъ. Изъ-за сѣрой трактирной пыли, волновавшейся въ полосахъ солнечнаго свѣта, видны были посѣтители, сидѣвшіе у столиковъ, тамъ и сямъ, за большими чайниками и за бутылками пива, и съ напряженнымъ любопытствомъ посматривавшіе на двухъ чудо-богатырей, сошедшихся другъ съ другомъ лицомъ къ лицу... На грязно-сѣромъ фонѣ стѣнъ ярко выдавались красныя кумачныя занавѣски у оконъ, на то время отдернутыя, бутылки съ разноцвѣтной влагой, украшавшія за прилавкомъ всю стѣну отъ пола до потолка и, наконецъ, посреди табачнаго дыма и пыли, кружившейся въ полосахъ солнечнаго свѣта, — два наши хищника...

— Съ чѣмъ же проздравлять тебя? Что за праздникъ? — переспросилъ Зуевъ, какъ бы въ недоумѣніи.

— А мельницу-то надо вѣдь спрыснуть, какъ ты думаешь, а?—вполголоса продолжалъ Ермилъ Ивановичъ.

— Да... мельницу-то!—совершенно равнодушно проговорилъ Зуевъ.—Ну, что же! Спрыснемъ!.. Угощай!

— Шиппанскаго! — зычнымъ голосомъ крикнулъ Ермилъ Ивановичъ.

Пробка хлопнула, два стакана налилъ половой,—пріятели наши чокнулись, выпили и, по привычкѣ, сплюнули въ сторону.

— А я, Григорій Васильевичъ, не то, чтобы противъ тебя...—вполголоса и несвязно, примирительнымъ тономъ заговорилъ Ермилъ Ивановичъ.—Вотъ какъ передъ Богомъ!.. Самъ знаешь: дѣло наше такое... Гм... Потомъ же я слышалъ, что будто ты хотѣлъ ужъ отступаться отъ мельницы... Правда?

— Точно! Было дѣло...—не моргнувъ глазомъ, спокойно, съ легкой усмѣшкой отвѣтилъ Зуевъ.

Ермилъ Ивановичъ лгалъ самымъ нахальнымъ образомъ: ничего подобнаго онъ не слыхалъ. Григорій Васильевичъ почему-то счелъ нужнымъ поддержать эту ложь.

— А я, признаться, думалъ: ты станешь серчать на меня...—продолжалъ Большухинъ.

— Что жъ серчать... Я ужъ этой мельницей попользовался достаточно... А теперь ты... —смиренно отозвался Зуевъ, потупляя глазки.

Вдругъ онъ оживился.

— Охъ, ты, старый плутяга! Ловко же ты обошелъ меня съ этой мельницей... Ловко!— громко проговорилъ Зуевъ, по-пріятельски хлопая по брюху Ермила Ивановича.—Да я ничего... Богъ съ тобой!..

Большухинъ взялся за шапку.

— Нѣтъ, ужъ ты постой, Ермилъ Иванычъ...—дружески остановилъ его за руку Зуевъ.—Я вѣдь тебя проздравилъ, такъ ужъ и ты проздравь меня.

— Съ чѣмъ?—быстро спросилъ Ермилъ, пристально посмотрѣвъ на своего побѣжденнаго соперника.

— Новое заведеніе открываю...

— Ну, что жъ! Доброе дѣло, доброе дѣло... —проговорилъ Большухинъ.

— Еще бутылочку! — крикнулъ Зуевъ, полуоборачиваясь къ прилавку.

Опять пробка—хлопъ, и опять наши вороны, со стаканами шипучаго вина въ рукахъ, очутились лицомъ къ лицу... Но Григорій Васильевичъ, худощавый, смуглый, съ черными волосами, съ темными проницательными глазами и съ тонкимъ, вострымъ носомъ—гораздо болѣе походилъ на хищника, нежели нашъ тучный, мягкій и рыхлый Ермилъ Ивановичъ.

— Ну, сказывай: съ чѣмъ же проздравлять?—спросилъ Большухинъ.

— А я, видишь, Ермилъ Иванычъ, подъ станицей клочокъ землицы купилъ...—пояснилъ Зуевъ съ разстановкой.—Можетъ быть, слышалъ?

Большухинъ, молча, ему кивнулъ головой.

— Вотъ, и хочу я, другъ, нынѣшней весной выстроить тутъ *паровую мельницу*...— съ невозмутимымъ спокойствіемъ проговорилъ Зуевъ.

Большухинъ пошатнулся, точно его кто-нибудь по башкѣ хватилъ.

Зуевъ перехитрилъ, разорилъ его... Всѣ хитрости обрушились на его же голову. Что онъ теперь будетъ дѣлать съ водяной мельницей, когда подъ бокомъ у него заведутъ мельницу паровую?.. А хуторъ ужъ проданъ, мельница заарендована, условіе написано и неустойка—большая. Онъ не выговорилъ въ условіи, чтобы станичники не допускали устройства другой мельницы. Станичники продали его... «Нашла коса на камень». Все это съ быстротой молніи мелькнуло въ головѣ Большухина и поразило его страшно. Въ порывѣ ярости и отчаянія, онъ хотѣлъ, было, крикнуть «караулъ!», хотѣлъ размозжить голову сопернику, съ злой усмѣшкой смотрѣвшему теперь на него своими темными разбойничьими глазами.

Большухинъ тяжело дышалъ... Его широко раскрытые глаза безсмысленно блуждали по сторонамъ, лицо побагровѣло... Стаканъ съ шампанскимъ выскользнулъ изъ его дрожащей руки, и Ермилъ Ивановичъ тяжело грохнулся на полъ...

Его хватилъ «кондрашка»...

На первый разъ съ нимъ отводились коекакъ. Но ужъ прежняго Ермила Ивановича Большухина не стало. Языкъ его заплетался, правой рукой онъ почти не владѣлъ, ходилъ, какъ разслабленный.

Вотъ и невѣрна оказалась поговорка, что будто «воронъ ворону глазъ не выклюетъ». Однакожъ, выклевалъ...

1886 г.

НЕБЫВАЛЫЙ ПОСѢТИТЕЛЬ.

(Изъ воспоминаній одного моего знакомаго).

Въ тотъ святочный вечеръ жена моя съ дѣтьми отправилась къ «своимъ» на Васильевскій островъ. Я оставался одинъ дома. Послѣ обѣда я читалъ газету, потомъ написалъ два-три дѣловыхъ письма. Когда я посмотрѣлъ на стѣнные часы, стрѣлка ихъ приближалась къ IX. Мнѣ вздумалось пройтись по улицамъ, потолкаться въ праздничной толпѣ, подышать морознымъ воздухомъ. Уходя, я сказалъ прислугѣ, чтобы безъ меня затопили каминъ и

приготовили чай. Швейцаръ Иванъ, получившій «праздничныя», энергичнѣе обыкновеннаго распахнулъ передо мною дверь подъѣзда...

Снѣгъ искрился на землѣ, звѣзды искрились на небѣ, и блѣдный мѣсяцъ стоялъ высоко... Я съ удовольствіемъ прошелся по Невскому и полюбовался мимоходомъ на Казанскій соборъ; одна колоннада его на то время была ярко озарена серебристымъ мѣсячнымъ сіяніемъ, а другая—была задернута синеватой, полупрозрачной дымкой зимней ночи. Морозная мгла стояла въ воздухѣ... Пѣшеходы, плохо одѣтые, бѣжали чуть не бѣгомъ, то прикрывая лобъ, то потирая уши. Было градусовъ 16, если не болѣе.

Уже на возвратномъ пути, идя по Николаевской улицѣ, я встрѣтилъ оборванца, какихъ не мало въ Петербургѣ. Онъ стоялъ, почти прижавшись къ стѣнѣ дома, и его жалкая, обтрепанная фигура темнымъ пятномъ рѣзко обрисовывалась на желтовато-грязномъ фонѣ стѣны. На немъ была фуражка съ истрескавшимся козырькомъ, рваный сюртучишка весь въ дырахъ, едва застегнутый на двѣ пуговицы, брюки, очевидно, бывшія ему не впору, длинныя и широкія, а на ногахъ—женскіе кожаные башмаки. Изъ дыръ на сюртукѣ тамъ и сямъ торчала грязная ситцевая рубаха. Мѣсяцъ ярко освѣщалъ его всего и наводилъ блѣдные, матовые блики на его страшно худощавое, посинѣвшее отъ холода лицо. Бѣдняга переступалъ съ ноги на ногу, дрожалъ и ежился, придерживая одной рукой на груди расходившійся сюртукъ. При видѣ его посинѣвшихъ губъ и бѣлыхъ зубовъ, стучавшихъ, какъ въ лихорадкѣ, мнѣ самому вчужѣ стало холодно, и я какъ-то невольно поплотнѣе закутался въ свою шубу. Нищій въ ту минуту, молча, протянулъ ко мнѣ руку и съ отчаяніемъ, какъ мнѣ показалось, посмотрѣлъ на меня.

Вообще, признаться, я не люблю нищихъ и всякихъ оборванцевъ: они производятъ на меня очень тяжелое впечатлѣніе. Я всегда по возможности стараюсь не слушать ихъ жалобныхъ причитаній и поскорѣе отдѣлываюсь отъ нихъ съ помощью какой-нибудь мелкой монеты. Нищіе мнѣ разстроиваютъ нервы... Конечно, я—не прочь иногда подать имъ милостыню, но въ то же время думаю, что современному государству слѣдовало бы позаботиться о томъ, чтобы на улицахъ не появлялись эти печальныя напоминанія о несовершенствѣ нашей цивилизаціи. Они своимъ несчастнымъ видомъ непріятно мозолятъ глаза почтеннымъ гражданамъ... Отвести бы имъ на окраинѣ города какой-нибудь кварталъ, что-ли, вонъ какъ дѣлалось для жидовъ въ средніе вѣка или какъ и понынѣ дѣлается на Востокѣ для прокаженныхъ.

Я запустилъ руку въ боковой карманъ, гдѣ, обыкновенно, храню свое портмонэ, но на этотъ разъ, кромѣ трехрублевой ассигнаціи, въ портмонэ ничего не оказалось. Заходить куда-нибудь въ магазинъ—мѣнять деньги мнѣ не хотѣлось, я спѣшилъ домой, морозъ уже начиналъ чувствительно пощипывать мнѣ лицо. Отдать нищему трехрублевку было бы ужъ слишкомъ щедро, до глупости щедро. Я—человѣкъ не злой, мнѣ было жаль этого оборванца,—и случись у меня на ту пору въ портмонэ пятіалтынный, я, право, отдалъ бы ему (хотя болѣе пятака нищимъ не даю). Я положилъ портмонэ на мѣсто и пошелъ впередъ. Я слышалъ, какъ нищій сдѣлалъ за мной шага два-три и остановился. Я оглянулся на ходу и къ моему душевному облегченію увидѣлъ, что какая-то старушонка подавала нищему, и тотъ, дрожа и ежась, кланялся ей вслѣдъ и бормоталъ свои благословенья. Ну, и ладно! Не остался, значитъ, безъ подачки...

Дома я выпилъ стаканъ пунша и согрѣлся прекрасно. Сухія сосновыя дрова ярко горѣли въ каминѣ. Я сѣлъ за свой письменный столъ, приказалъ подать себѣ еще чаю и отпустилъ прислугу спать... Мнѣ захотѣлось устроить маленькую жженку; я положилъ ложку на стаканъ, въ ложку опустилъ кусокъ сахара, облилъ ромомъ и зажегъ. Синеватое пламя взвилось надъ стаканомъ. Я откинулъ голову на мягкую спинку кресла, протянулъ ноги и сталъ благодушествовать. Я думалъ о томъ, какъ былъ счастливъ для меня истекшій годъ: я, наконецъ, получилъ давно желанное «мѣсто» съ мѣсячнымъ окладомъ въ 400 руб.,—съ наградными выйдетъ болѣе 5 тыс. Это, конечно, очень хорошо... Я надѣялся, что черезъ годъ правленье прибавитъ мнѣ еще рублей 1,000. А ужъ это будетъ еще лучше... Дѣтки мои подростаютъ, жена здорова... и все прекрасно!

Отъ усталости или отъ выпитаго пунша, или отъ быстраго перехода съ мороза въ теплую комнатную температуру, я сталъ слегка подремывать, смотря на голубое пламя, колыхавшееся надъ стаканомъ. Я смутно слышалъ, какъ въ залѣ часы били полночь, но

не успѣлъ еще бой часовъ замереть въ воздухѣ, какъ въ передней раздался звонъ колокольчика, но какой-то странный звонъ, робкій, отрывистый. Я слышалъ, какъ кто-то отпиралъ дверь; потомъ я услыхалъ въ передней шмыганье ногъ... и, къ величайшему моему изумленію и испугу, въ кабинетъ вошелъ тотъ самый оборванецъ, который незадолго передъ тѣмъ на улицѣ, молча, просилъ у меня милостыню. Я, рѣшительно, былъ пораженъ... Какимъ образомъ *онъ* могъ проскользнуть незамѣченнымъ мимо швейцара? Какъ онъ нашелъ мою квартиру? И какъ же это прислуга безъ доклада пропустила его ко мнѣ?.. Нищій взялъ легкій вѣнскій стулъ, стоявшій у стѣны, тихо придвинулъ его къ моему письменному столу и сѣлъ прямо противъ меня. Теперь мы очутились съ нимъ лицомъ къ лицу; насъ раздѣлялъ только неширокій письменный столъ, уставленный всякими бездѣлушками. Онъ не снялъ фуражку и, сидя, сохранялъ свою прежнюю жалкую, угнетенную позу: приподнималъ плечи, корчился и ежился, какъ бы отъ холода. Лицо его было чрезвычайно блѣдно; впрочемъ, можетъ быть, оно мнѣ показалось такимъ отъ пуншеваго пламени, все еще поднимавшагося надъ стаканомъ.

— Ты живешь хорошо! — глухимъ голосомъ заговорилъ онъ, потирая свои красныя, окоченѣвшія руки и оглядывая мой кабинетъ.—Очень хорошо... Да!.. А трехъ рублей ты пожалѣлъ для меня?

— Да! Пожалѣлъ...—признался я, невольно поддаваясь какой-то глупой откровенности.

— А правда-ли, что нынѣче на святкахъ ты въ одинъ вечеръ прокутилъ съ пріятелями 60 руб. и 5 руб. бросилъ лакею, подававшему тебѣ шубу?—спросилъ нищій.

— Да!—проленеталъ я.

— Помнишь-ли, когда ты былъ на школьной скамьѣ, одинъ разъ у тебя въ карманѣ оставался четвертакъ,—и ты изъ него отдалъ 20 коп. голодному товарищу?

— Ахъ, да, помню... какъ же!

И я почувствовалъ, какъ при этомъ воспоминаніи у меня покраснѣли не только щеки, но и уши...

— Ты постарѣлъ!—съ непріятною улыбкой промолвилъ оборванецъ, пристально посмотрѣвъ мнѣ въ глаза.

— Да! Борода ужъ совсѣмъ посѣдѣла...—замѣтилъ я, поглаживая бороду.

— Я не объ этой старости говорю!—перебилъ меня собесѣдникъ.—Еще не велика бѣда, что борода твоя сѣда, да на лбу морщины... Я говорю о томъ, что ты сердцемъ состарѣлся, сталъ черствъ, жестокъ, людскія страданія тебя уже не трогаютъ, какъ прежде, ближними стали для тебя только жена и дѣти, ты «отошелъ» отъ людей... Свою прежнюю «правду», свои прежнія завѣтныя думы ты теперь ногами топчешь... Вотъ о какой старости я говорю!

Сначала мнѣ показались обидны эти грубыя рѣчи: мои знакомые такъ никогда не говорятъ... но вдругъ при видѣ впалой груди незнакомца и его страдальческаго лица мнѣ стало такъ совѣстно и непріятно, что я, не говоря ни слова, вынулъ изъ портмонэ свою трехрублевку и подалъ ее черезъ столъ собесѣднику.

— Не надо! Оставь ее у себя...—промолвилъ нищій. — Сегодня вечеромъ на улицѣ, кутаясь въ свою дорогую шубу, ты не призналъ меня своимъ ближнимъ, потому что я дрожалъ и трясся отъ холода въ драномъ сюртучишкѣ... Ты счелъ меня за тварь совсѣмъ другой, низшей породы и оцѣнилъ меня въ 5 копѣекъ. Не такъ-ли это было? Я тебѣ показался гадокъ, мерзокъ, отвратителенъ въ этой рваной одёжѣ... Ты, можетъ быть, думаешь, что я и въ міръ-то явился въ этой рвани—только для того, чтобы голодать и корчиться да ежиться отъ стужи! Не всегда я ходилъ въ такой рвани... Да! Ты видишь эти всклокоченныя пряди волосъ... Послушай! Я разскажу тебѣ повѣсть... Я такъ же, какъ и ты, былъ когда-то маленькимъ мальчикомъ. У меня, какъ и у тебя, была мать... Она меня любила, я былъ дорогъ ей. Она одѣвала меня въ чистую рубашечку, берегла меня... Она разчесывала и приглаживала эти самые всклокоченные волосы, она не разъ плакала надъ ними,—она цѣловала мою голову, ласкала меня... Слезы ея уже давно высохли. Она умерла... И если бы она узнала, что ты сегодня пожалѣлъ нѣсколько рублей для того, чтобы спасти меня, уличнаго бродягу-оборванца, ея милаго сыночка...

Собесѣдникъ мой тяжело вздохнулъ.

— Ты понимаешь, что я хочу сказать тебѣ!..

Мнѣ казалось, что я понимаю, и кивнулъ ему головой. Мнѣ стало такъ больно, такъ жутко, что я попросилъ его—не продолжать его повѣсть... Мнѣ вдругъ сдавило горло, и

слезы набѣжали на глаза; я зажмурился и закрылъ лицо руками, чтобы не видать собесѣдника. Онъ, положительно, становился для меня страшенъ, хотя въ наружности его ужъ вовсе не было ничего ужаснаго...

— Ты, конечно, слыхалъ и самъ читалъ, что люди—братья...—заговорилъ нищій.—Эти слова ты продумалъ умомъ и признаешь ихъ истиной, но сердцемъ ты не прочувствовалъ ихъ, они не вошли въ твою плоть и кровь,—и оттого на дѣлѣ выходитъ совсѣмъ не то... Оттого-то ты и не помогъ сегодня мнѣ. Въ умѣ ты считаешь меня братомъ, а на дѣлѣ я для тебя не только «чужой», но какъ будто животное другой породы, только обличьемъ похожее на человѣка...

— Я видѣлъ, что какая-то старушка подала тебѣ—замѣтилъ я нищему.

— Да... подала копѣйку! Она сама бѣдная...—тихо промолвилъ онъ.

Я опять протянулъ ему свою несчастную ассигнацію.

— Мнѣ теперь не надо... — сказалъ мой собесѣдникъ. — Завтра меня ужъ не будетъ на свѣтѣ, завтра однимъ оборванцемъ въ мірѣ станетъ меньше!

— Что жъ ты хочешь сдѣлать?—спросилъ я, весь вздрогнувъ.

— Я уйду куда-нибудь подальше, прикорну къ забору, засну и умру...—спокойно проговорилъ нищій.

Тутъ я ощутилъ, что во мнѣ пробудились прежнія, юныя, свѣтлыя чувства—любовь и состраданіе къ людямъ; точно, темная повязка спала съ моихъ глазъ... Я скомкалъ въ рукѣ ассигнацію,—и какою же грязною, гнусною показалась она мнѣ въ ту минуту!

— Не умирай, братъ! — вскричалъ я въ сильномъ волненіи, протягивая къ нему руки и какъ бы желая удержать его.—Не уходи! останься!..

Въ то время въ ящикѣ моего письменнаго стола было около 500 руб. Теперь я отдалъ бы ихъ ему, отдалъ бы съ радостью и былъ бы счастливъ, и было бы мнѣ легко, и стало бы свѣтло у меня на душѣ,—такъ свѣтло, какъ ужъ давно не бывало... Но самое ужасное, самое трагическое въ моемъ положеніи заключалось въ томъ, что нищій у меня ничего не бралъ.

— Умереть-то ничего... Всѣ умираютъ!—тихо говорилъ мой собесѣдникъ.—Наступитъ когда-нибудь такой день, взойдетъ солнце, а ты не раскроешь глазъ и будешь лежать холоденъ и неподвиженъ... Днемъ раньше, днемъ позже—всѣмъ одинъ конецъ... А вотъ, умирать заживо—худо...

— Это все такъ... но постой!—вскричалъ я.—Вѣдь всѣ люди имѣютъ...

— Имѣютъ право на жизнь?—съ усмѣшкой перебилъ меня нищій.—Я это знаю... Ты еще недавно въ какой-то книгѣ читалъ эту фразу и теперь захотѣлъ повторить ее... Скажи мнѣ лучше: зачѣмъ ты живешь?

При такомъ неожиданномъ вопросѣ я, по привычкѣ, приложилъ палецъ къ губамъ и задумался. Вмѣсто живого отвѣта полѣзли мнѣ въ голову мертвыя фразы изъ старыхъ прописей, по которымъ я учился чистописанію: «Человѣкъ живетъ для того, чтобы быть полезнымъ... Каждый человѣкъ долженъ въ жизни исполнять свою обязанность»... Каждый такой отвѣтъ уже самъ по себѣ возбуждалъ вопросъ: «А полезенъ-ли ты? Исполняешь-ли ты свою обязанность?» И что это за обязанности? Для кого и для чего онѣ нужны? Кто обязалъ тебя ими и т. д. до безконечности.

— Я скажу: для чего ты живешь...—промолвилъ нищій, грустно посмотрѣвъ на меня. Ты наживаешь деньги для того, чтобы ихъ прожить, а проживаешь ихъ для того, чтобы имѣть возможность наживать... Значитъ, ты живешь для рубля! А пока ты снуешь и колотишься въ жизни, думая лишь о минутѣ, могильныя черви уже дожидаются тебя...

Я вздрогнулъ. Въ ту минуту мнѣ показалось, что изъ камина, вмѣсто тепла, повѣяло на меня ледянымъ холодомъ. На мгновенье я обернулся къ камину и совершенно не замѣтилъ, какъ мой собесѣдникъ вышелъ изъ кабинета. Стулъ стоялъ уже пустой...

— Зачѣмъ ты не ложишься? Ну, удобно-ли такъ спать—на столѣ!—раздался знакомый голосъ.

Я поднялъ голову. Жена наклонилась надо мной, положивъ мнѣ руку на плечо. Глаза ея блестѣли, щеки пылали румянцемъ, духами *Violette de Parme* и морознымъ воздухомъ вѣяло отъ нея. Я смотрѣлъ на нее съ испугомъ... При видѣ ея здоровьемъ и весельемъ пышущаго лица мнѣ вдругъ отчего-то стало грустно. Голова моя слегка кружилась, сердце болѣзненно сжималось,—и я испытывалъ такое тягостное, мучительное ощущеніе, какъ будто стоялъ на краю какой-то бездонной, зіяющей пропасти и заглядывалъ въ безконечную пустоту...

Легкій вѣнскій стулъ, конечно, оказался на своемъ мѣстѣ, у стѣны, портмонэ—въ карманѣ и никакихъ слѣдовъ полуночнаго посѣтителя. Ну, разумѣется, все это былъ сонъ...

Дня черезъ два послѣ того я прочиталъ въ газетѣ—въ хроникѣ городскихъ происшествій,—что гдѣ-то, кажется, за Нарвской заставой, у забора «былъ усмотрѣнъ замерзшимъ неизвѣстный человѣкъ». Я ужъ, право, не знаю: *онъ*-ли это или какой-нибудь другой несчастливецъ...

Все это я очень хорошо помню... Въ тотъ вечеръ у Сабановыхъ мы еще играли въ винтъ. Везло ужасно.

1887 г.

ИСТОРІЯ ОДНОЙ УСТАВНОЙ ГРАМОТЫ.

(Изъ деревенскихъ лѣтописей).

Ровнехонько двадцать четыре года не былъ я на родной сторонѣ. Уѣхалъ я изъ деревни въ концѣ зимы 1864 года, а нынѣ весной только пріѣхалъ домой—повидаться съ родными. Много перемѣнъ нашелъ я въ деревнѣ. Старики померли; тѣ, что были въ мое время мальчишками, сдѣлались бородатыми мужиками; молодые здоровые парни состарѣлись.

Въ день моего пріѣзда—въ теплый майскій день—надъ нашей стороной пронеслась первая весенняя гроза. Когда дождь пересталъ и солнце выглянуло изъ-за темныхъ клочковъ разорвавшихся тучъ, я отправился въ деревню, къ своему старому другу-пріятелю, Алексѣю Кузнецу. Деревня показалась мнѣ такой жалкой, такой убогой, какой я никогда еще не видалъ ее. Я увидѣлъ покривившіяся избы съ подслѣповатыми оконцами, бревенчатыя стѣны, почернѣвшія отъ недавняго дождя, сѣрыя полусгнившія соломенныя крыши, поразметанныя вѣтрами, грязную улицу и груды соломы и навоза въ проулкахъ между избами и на задворкахъ. У нѣкоторыхъ избъ двери и окна были наглухо заколочены досками. Посреди этихъ темныхъ, полуразвалившихся хатъ двѣ новыя избы ярко блестѣли на солнцѣ своими бѣлыми сосновыми стѣнами. Одна изъ этихъ избъ, большая, двухъэтажная, была построена на городской манеръ и напоминала собой выскочку, вырядившагося въ новое платье на счетъ «черни» и неумѣстно задиравшаго носъ передъ той же самой «чернью»...

Алексѣя я нашелъ у избы на завалинкѣ. Онъ сидѣлъ, грѣлся на вечернемъ солнышкѣ и задумчиво чертилъ что-то палкой по землѣ. Постарѣлъ пріятель!.. Когда я уѣзжалъ изъ деревни, ему было около 40 лѣтъ, и онъ тогда выглядѣлъ молодецъ-молодцомъ. А теперь борода его сдѣлалась совсѣмъ сивая, лицо сморщилось, потемнѣло, грудь ему точно что-нибудь вдавило, плечи подались впередъ, опустились,—и весь онъ какъ-то сгорбился, сдѣлался ниже, меньше. Алексѣй сидѣлъ понурившись, но, услыхавъ мои шаги, лѣниво поднялъ голову и изъ-подъ руки посмотрѣлъ на меня своими сѣрыми, теперь слезившимися глазами. Солнышко мѣшало ему, и онъ не сразу призналъ меня. Поздоровались, поцѣловались трижды, и я сѣлъ съ нимъ рядомъ на завалинку.

— Ну, братъ, Алексѣй, постарѣлъ же ты! — сказалъ я, посмотрѣвъ на его глубокія морщины и на сѣдые, слегка вьющіеся волосы.

— Да и ты, парень, не помолодѣлъ!—съ тихой усмѣшкой промолвилъ онъ, пристально поглядѣвъ на меня.

— Что и говорить!—согласился я.

Я взялъ папиросу, другую подалъ Алексѣю; закурили и съ минуту курили молча. Намъ хотѣлось разомъ о многомъ поговорить, но словъ какъ-то не находилось.

— Ну, какъ же вы, други мои, безъ меня поживали?—спросилъ я.

— Да такъ вотъ и поживали—плохо!—отвѣчалъ Алексѣй и, погодя немного, сталъ мнѣ разсказывать о своихъ семьянахъ. Старуха его уже давно умерла; сынъ его, Петръ, побывалъ въ солдатахъ и воротился домой; теперь онъ со старикомъ управляется въ кузницѣ; Мишутка давно женатъ и дѣти есть;

три дочери замужемъ, одна въ дѣвкахъ осталась.

— Вмѣстѣ живете? Не подѣлились? — спросилъ я Алексѣя.

— Нѣтъ, Богъ миловалъ! — проговорилъ онъ. — Бабы-то промежъ собой пошумятъ иной разъ. Извѣстно, безъ шуму у нихъ никакъ нельзя,— то изъ-за плошки, то изъ-за поварешки дѣло затѣютъ. Да вѣдь это что!.. Ихъ, пожалуй, не переслушаешь... Тутъ, братецъ, главное дѣло, чтобы мужья не путались въ ихъ бабьи пересуды: ужъ онѣ сами промежъ собой разберутся...Пофыркаютъ, постучатъ ухватами и угомонятся...

— А въ деревнѣ у васъ что новаго? — спрашивалъ я.

— Новаго?.. А вонъ кабакъ новый! — съ усмѣшкой сказалъ Алексѣй, мотнувъ головой въ ту сторону, гдѣ видна была новая изба съ вывѣской кирпичнаго цвѣта и съ надписью бѣлыми буквами: «Питейная лавка».— Недавно, лѣтъ пять тому будетъ, завелась у насъ еще одна лавка. Нимфодорку-то помнишь? Такъ вотъ, значитъ, ейная дочь теперь лавочницей... И все-то, братецъ, у нея есть: ситцы французскіе, керосинъ и табачище, и для дѣвокъ всякая дрянь.

Когда я уѣзжалъ изъ деревни, уставная грамота еще не была утверждена и у крестьянъ съ помѣщикомъ шли споры изъ-за надѣловъ. Теперь мнѣ припомнилось это обстоятельство, и я спросилъ Алексѣя: какъ у нихъ кончилось дѣло съ бариномъ?

— Да никакъ не кончилось! — коротко отвѣтилъ Алексѣй.

— Какъ же это?.. Въ 25 лѣтъ распутаться не могли?

— Да вотъ! — мотнувъ головой, сказалъ Алексѣй.—Встало наше дѣло,—ни взадъ, ни впередъ, хошь ты что скажи! Ни въ кузовъ не лѣзетъ, ни изъ кузова не идетъ. Иной разъ подумаешь, — даже самому чудно станетъ... Ровно насъ кто обошелъ,— ей-Богу, право!

— Да вы, братцы, и въ самомъ дѣлѣ никакъ очумѣли! Въ 25 лѣтъ не могли надѣловъ выправить...

— Гм! Очумѣешь тутъ... Пожилъ бы ты въ нашей шкурѣ, такъ и самъ бы, дружокъ, не хуже нашего очумѣлъ...

Алексѣй вздохнулъ и, понурившись, сталъ чертить палочкой по землѣ. Я поглядѣлъ на него. Глаза его тупо смотрѣли на грязную деревенскую улицу, на ту пору залитую золотомъ солнечныхъ лучей; губы его подергивались какою-то странною, болѣзненною улыбкой.

— За чѣмъ же дѣло стало?—продолжалъ я допытываться.

— А за тѣмъ и стало, что никакъ разобраться не можно...

— Да ты разскажи толкомъ!

— Э-эхъ! Да что ужъ разсказывать... Одно слово, дѣло наше вышло дрянь!—почесавъ затылокъ, началъ Алексѣй.—Воля-то, братецъ ты мой, вѣдь порѣшилась еще при старомъ баринѣ, при Васильѣ Иванычѣ, а посредникомъ въ тѣ поры былъ у насъ Митрій Михайлычъ,—чай, помнишь! Баринъ-то нашъ ему кумомъ приходился, все у него дѣтей крестилъ... Ну, вотъ этакимъ-то манеромъ Митрій Михайлычъ намъ болото въ надѣлъ и отхватилъ... Пустой Логъ, знаешь, поди,— въ ту сторону, къ Верейкину. Ужъ точно что — пустой логъ: ни лѣсу, ни покосу, а такъ—только мохъ растетъ, да бѣлоусъ... А что за трава бѣлоусъ, самъ знаешь: ни къ лѣшему не годится... Ни въ кормъ ее, ни въ подстилку! Прямо сказать, самая пустая трава... Посмотрѣли наши мужики, потолковали да и говорятъ: «Не возьмемъ мы Пустого Лога!» А Митрій Михайлычъ ходитъ по пустоши да тросточкой въ землю тычетъ. «Чтой-то вы, братцы, говоритъ, дѣлаете? Земля-то, говоритъ,— чистый черноземъ. Этакую-то землю даже и попъ возьметъ, не токмо что, говоритъ, вашему суконному рылу. Ежели, говоритъ, теперича кочки срѣзать, канавку прокопать вотъ тутъ, да тамъ, такъ земля-то, говоритъ, совсѣмъ преобразится,— у васъ, говоритъ, на этакой землѣ не токмо что трава, виноградъ расти станетъ». А мы опять ему: «Нѣтъ, ваше благородіе! Хошь что скажи, не возьмемъ мы этого лога! Винограду-то еще дожидайся, зубы—гляди—позеленѣютъ до той поры, а за землю-то плати! Не заплатишь, спиной отвѣтишь за этотъ самый виноградъ-то». Хошь лѣсу-то нонече и мало стало въ нашей сторонѣ, а прутья-то все-таки есть. Спуску, братецъ мой, не даютъ...

— Ну, какъ же вы сдѣлались? — спросилъ я.

— Да такъ и сдѣлались... и говоримъ ему: «Вѣдь въ Положеньи, ваше благородіе, сказано, чтобы отводить надѣлы изъ той земли, какой мы владѣли до воли, а Пустымъ Логомъ, говоримъ, мы не пользовались, да и никто испоконъ вѣку не пользовался имъ, потому—земля бросовая, ни къ чему». А

онъ на насъ: «Вы, говоритъ, криво толкуете Положеніе! Ежели, говоритъ, изъ прежняго вашего владѣнія надѣловъ не выходитъ, такъ помѣщикъ, говоритъ, воленъ прирѣзать земли, гдѣ ему угодно». Чуешь, братецъ, куда онъ загнулъ?

Я молча кивнулъ ему головой.

— Такъ мы въ ту пору и не столковались. Митрій Михайлычъ съ бариномъ написали, было, уставную грамоту, а мы согласья не дали,—такъ у насъ дѣло и пошло и пошло... Послѣ Митрія Михайлыча въ посредникахъ у насъ сидѣлъ Берховъ, Владиміръ Александрычъ. Человѣкъ былъ ничего-себѣ, добрый, все больше на скрипкѣ игралъ. Выйдетъ, бывало, къ намъ, подбородкомъ въ скрипочку упрется, голову свернетъ на сторону, какъ журавль, и пиликаетъ - пиликаетъ, а самъ все кланяется, да кланяется... Мы на первыхъ порахъ тоже, бывало, стоимъ да кланяемся, а потомъ какъ разобрали, что это онъ не кланяется, а такъ, значитъ, просто головой вертитъ, чтобы ему играть было способнѣе,—и мы перестали ему кляняться. А обходительный, тихій былъ господинъ,—нечего пустое болтать. Выйдетъ, бывало, и спрашиваетъ: «Что, голубчики, скажете?» —Такъ и такъ, молъ, говоримъ, пришли къ вашей милости...— «Все небось, говоритъ, о надѣлахъ?» —Такъ точно, молъ, ваше благородіе! О чемъ же намъ больше?—«Положились бы вы, говоритъ, лучше миромъ съ помѣщикомъ! Василій Иванычъ, говоритъ, человѣкъ покладливый. Попросите его хорошенько! Вы, значитъ, немножко уступите, онъ немножко прибавитъ вамъ полевыхъ угодій. Вотъ и будетъ все отлично!» Говоритъ этакъ, а самъ все на скрипкѣ наяриваетъ — только визготокъ стоитъ... А иной разъ спохватится: «Опять, говоритъ, совралъ!» Знамо, это онъ—на счетъ скрипки... А старикъ нашъ, Крысанъ, слышитъ-то худо, не разобралъ да одинъ разъ сдуру и ляпни ему: «Такъ точно, ваше благородіе!»

Я невольно разсмѣялся.

— Нахмурился, братецъ ты мой, вдругъ ровно проснулся, посмотрѣлъ на Крысана и говоритъ: «Совсѣмъ я не съ вами разговариваю!» Ну, опослѣ того мы опять ему говоримъ: — Рады бы радостью мирно-то порѣшиться, да баринъ, говоримъ, уперся: ходили, просили,—ничего не беретъ. Ослобоните, говоримъ, ваше благородіе, отъ Пустого Лога! Никакъ намъ невозможно принять его!— «Вотъ ужо, говоритъ, я посмотрю, обойду всѣ надѣлы... А теперь, говоритъ, мнѣ некогда! дѣлъ много. А самъ весь изогнется, смычкомъ-то такъ и сверкаетъ и ножкой притопываетъ. И такъ это, братецъ, иной разъ онъ своей скрипкой проберетъ,—сказать не могу, Цѣлый день послѣ того въ ушахъ звенитъ... Эхъ, шутъ его дери!

Алексѣй выразительно покачалъ головой.

— Ну, вотъ и пошли у насъ судъ и дѣло, —продолжалъ разсказчикъ.—Баринъ выставилъ своихъ свидѣтелей, мы своихъ, и пошли опять надѣлы осматривать. Пришли на Пустой Логъ. Посредникъ нашъ ходитъ да посвистываетъ, то сорветъ травку—понюхаетъ, то сапогомъ землю поростъ. «Что жъ, говоритъ, господа-мужички! Я не вижу ничего худого,—земля, какъ земля.»—Развѣ, говоримъ, земля такая бываетъ? Это что? Мохъ, да бѣлоусъ, —только и всего... Почто намъ такую землю! Ежели бы, говоримъ, въ нашей сторонѣ олени водились, такъ хошь ихъ кормили бы этимъ мохомъ; а то оленей нѣтъ, а скотъ ѣсть не станетъ.—«Положимъ, говоритъ, на землѣ всякія перемѣны бываютъ: можетъ, говоритъ, и у васъ когда ни на есть олени заведутся»... А самъ смѣется. Извѣстно, ему что! А намъ-то не до шутокъ дѣло дошло... Такъ, братецъ, мы ничего и не выходили. Баринъ своихъ свидѣтелей, обыкновенно, чаемъ напоилъ, водкой попотчивалъ. Ну, тѣ и показали, что «земля удобная», а мы опять при своемъ остались. «Неудобная земля!» говоримъ, да и шабашъ... Погодя мало, опять мы пошли къ Владиміру Александрычу. Вышелъ онъ опять къ намъ со скрипкой и триндикаетъ. «Что, говоритъ, миленькіе, скажете? Все, небось, о надѣлахъ?»—Такъ точно, говоримъ, ваше благородіе!—«Не бойтесь, говоритъ, ничего! Все, говоритъ, хорошо обойдется. Вотъ ужо, говоритъ, погодите!» А самъ на скрипкѣ-то какъ завизжалъ, да завизжалъ,—просто все нутро выворотилъ... Лучше бы, кажется, посади онъ насъ въ холодную, —легше было бы! Ей-Богу, право!

Тутъ я досталъ папиросъ, и мы съ Алексѣемъ опять закурили.

— Такъ прошло много лѣтъ: все мы годили,—повѣствовалъ разсказчикъ.—Посредники у насъ смѣнились; пошли, вмѣсто нихъ, непремѣнные. А намъ легше отъ того не стало... Баринъ померъ, имѣніе перешло къ его племянницѣ. А мы все годили. Три посредника, да четыре непремѣнныхъ смѣнились, а дѣло

наше прямо сказать, какъ на мель сѣло...Что совой о пень, что пнемъ о сову—все одинъ чортъ... Какъ новый непремѣнный, такъ сейчасъ у насъ надѣлы осматривать... Потомъ идетъ наше дѣло въ уѣздное присутствіе, а оттуда—въ губернію; въ губерніи оно ужъ и застрянетъ, лежитъ до новаго непремѣннаго. Какъ новый непремѣнный, такъ опять надѣлы смотрѣть... Чисто наказанье Божеское! Всю мы эту пустошь,—чтобъ ей провалиться!—изъ конца въ конецъ исходили, всѣ кочкито, почитай, исковыряли, а толку все нѣтъ.

Алексѣй вздохнулъ, провелъ рукой по волосамъ и задумчиво посмотрѣлъ въ поле. Солнце уже зашло за дальній перелѣсокъ;вершины елей, поднимавшихся надъ лѣсомъ,темными силуэтами отчетливо обрисовывались на яркомъ фонѣ заката; послѣдніе солнечные лучи красноватымъ свѣтомъ догорали на верхахъ соломенныхъ крышъ. Жаворонокъ гдѣто высоко надъ землей допѣвалъ свою меланхолическую пѣсенку...

— Былъ тутъ у насъ одинъ непремѣнный, —продолжалъ разсказчикъ,—Петръ Петровичъ, изъ военныхъ... Онъ и выѣхалъ-то къ намъ не больно давно. Ужъ этакой былъ крикунъ и ругатель,—и-и-и, не приведи Богъ!.. Ежели скажешь ему что-нибудь супротивное, сейчасъ вскипятится, весь скраснѣетъ даже изъ себя, заоретъ, залопочетъ таково-непонятно, слюнами забрызжетъ во всѣ стороны... А какъ надѣлы осматривали, онъ всѣхъ насъ чуть въ протоколъ не вписалъ. Какъ пришли на пустошь, мы ему и сказываемъ: «Земля неудобная, ваше благородіе,—сами извольте посмотрѣть! Потому—бѣлоусъ...» А онъ какъ напустится на насъ, зарычитъ: «Что-о? Что-о-о такое? Бѣлоусъ?» Ногами затопалъ и просто весь въ изступленье пришелъ. То палкой о землю—трахъ, то за бороду себя хватитъ. «Вы, говоритъ, бунтовщики! Васъ, говоритъ, въ Сибирь сослать мало... Сицилійцы вы этакіе!» И началъ, и началъ... Ужъ такими-то словами онъ костилъ насъ—страхъ!.. Ну баринъ! Ругаться горазд...волкъ его нанюхай!..

Алексѣй даже усмѣхнулся при воспоминаніи объ этомъ крикливомъ баринѣ.

— А послѣдній непремѣнный былъ у насъ душа-человѣкъ, хорошій баринъ, добрый и совсѣмъ еще молодой. Все онъ ходилъ въ синей рубахѣ съ пестрымъ пояскомъ и въ длинныхъ сапожищахъ. Этотъ совсѣмъ, было, насъ обнадежилъ. «Я, говоритъ, ваше дѣло живу порѣшу. Не сумлѣвайтесь! Самъ переговорю съ вашей помѣщицей... Такъ, говоритъ, нельзя дѣло тянуть, потому—не въ порядкѣ, не по закону...» Обѣщалъ пріѣхать къ намъ передъ Троицей. Тутъ мы вздохнули. Ну, думаемъ, слава Богу! дождались:—напали на добраго человѣка... А онъ, голубчикъ, послѣ Пасхи заболѣлъ,—заболѣлъ да и померъ, (сухотка, сказываютъ, была у него). Такъ мы и остались опять ни съ чѣмъ...

— Въ какомъ же положеніи теперь ваше дѣло?—спросилъ я.

— Да все въ такомъ же: теперь въ губерніи лежитъ!—со вздохомъ проговорилъ Алексѣй, низко понуривъ голову.—Разсорились мы отъ этого дѣла совсѣмъ! Пришлось говорка *) нанять, денегъ давать ходокамъ, каждый разъ свидѣтелей поить... Вонъ лугъ-то за мельницей, по берегу, заложили на десять лѣтъ Губатову Ильѣ,—тутъ у насъ нынче купецъ такой проявился... Вишь, хоромы какія смастерилъ! (Разсказчикъ махнулъ рукой по направленію большого, двухъ-этажнаго дома). Корму, братецъ, стало у насъ мало, скота убавили, убавилось навоза, а безъ удобренія, самъ знаешь, развѣ что родитъ наша земля! Хлѣбъ сталъ родиться плохой, до Рождества иной разъ не хватаетъ, весной засѣяться нечѣмъ... У кого что было, все прожили, а тѣ, кто были побѣднѣе, ужъ давно пошли по-міру. Вонъ видишь: избы-то стоятъ заколочены: хозяева, значитъ, побираться ушли. Одно слово—раззоръ! И всѣ бы мы ушли и отъ земли отказались, да уйти-то не съ чѣмъ... вотъ—грѣхъ!

— Имѣніе-то, говоришь, досталось племянницѣ Василья Иваныча? А кто жъ она такая? —спрашивалъ я.

— Пріѣзжая... изъ Рязани, говорятъ. Дѣвица...—лѣтъ ей 40 съ хвостикомъ будетъ.

— Ну, что жъ? Какъ она съ вами?

— Чудная какая-то... ровно бы юродивая, либо дурочка. Шутъ ее знаетъ!—нехотя, съ неудовольствіемъ процѣдилъ сквозь зубы Алексѣй.—Съ виду такая тихая, смирёная,—просто, кажется, водой не замутитъ... Ребятамъ нашимъ все какія-то книжки съ молитвами раздаетъ; любитъ о божественномъ говорить, для церкви радѣетъ. И съ нами обходительна, всѣмъ *вы* говоритъ, по имени-отчеству зоветъ. Покуда о божественномъ съ ней толкуешь, все и идетъ по-хорошему, а какъ о дѣлѣ заговo-

*) «Говорокъ» по нашему, по деревенски значитъ «адвокатъ».

ришь, такъ и шабашъ, — ничего и не выходитъ! «Мнѣ, говоритъ, чужого не надо, а всякъ своимъ должонъ пользоваться. Не я, говоритъ, вамъ надѣлы отводила и землю нарѣзывала,— не я, говоритъ, Пустой Логъ сотворила, Богъ его создалъ... Земля, говоритъ, вамъ дадена по закону... А вы, говоритъ, воздѣлывайте ее, старайтесь хорошенько... Потому, говоритъ,— Богъ труды любитъ и велѣлъ людямъ въ потѣ лица ѣсть хлѣбъ свой...»

— Не отступаетъ, значитъ?

— Ни-ни, ни Боже мой! Да вѣдь что говоритъ-то, ты-бы послушалъ! Ты ужо какъ-нибудь повидайся съ нею! Стоитъ, братъ, посмотрѣть. Много барынь видали мы на своемъ вѣку, всякихъ перевидали, слава Богу, а такой еще не бывало. Бывали и добрыя барыни, заступались за насъ, бывали и сердитыя, сами стегали и тасцали за волосья, а этакой диковины еще слыхомъ не слыхали... Одинъ разъ, братецъ, она намъ проповѣдь сказала. «Вы, говоритъ, все денегъ добиваетесь, но не думайте, говоритъ, что въ деньгахъ счастье. Отъ нихъ-то, отъ проклятыхъ, вся бѣда и есть... Надо, говоритъ, завсегда быть въ смиреніи, терпѣть и трудиться. Вы, говоритъ, голубчики, не думайте, что богатые люди—счастливы! Кусокъ, говоритъ, не добромъ нажитый, въ прокъ не пойдетъ, а свой кусокъ слаще сахару...» Ручки сложитъ и говоритъ тихо-тихо, ровно батька на исповѣди, глаза закатитъ эвона куда и все вздыхаетъ... А иной разъ такое скажетъ, что и въ толкъ не возьмешь...

— Плохо ваше дѣло!—замѣтилъ я.

— Какъ ужъ не плохо...—началъ, было, спокойно Алексѣй, но вдругъ его ровно прорвало: онъ выпрямился и стукнулъ палкой о землю; въ его старческихъ глазахъ блеснулъ огонекъ.—Нѣтъ! Ты скажи, милый человѣкъ, почто насъ раззорили? Раззорили-то насъ почто? А?

Я грустно покачалъ головой.

Мы замолчали... Скотъ уже давно прогнали; Алексѣевы семьяне возвратились домой и собирались ужинать. Красная вечерняя заря догорала на западѣ. За деревней темнѣли полосы незасѣянной земли, поросшей бурьяномъ. Съ голубого вечерняго неба мигали блѣдныя звѣзды. А на землѣ темныя хаты печально глядѣли на меня своими крохотными, подслѣповатыми оконцами.

1888 г.

ВЪ ПОГОНЮ ЗА ПОѢЗДОМЪ *).

(Изъ желѣзнодорожнаго быта).

Репьевка — небольшая станція на одной изъ нашихъ юго-восточныхъ дорогъ. Она со своими кирпичными постройками совсѣмъ теряется посреди необъятныхъ степей. Вокругъ нея разметывается унылая равнина безъ единаго кусточка. Только вдали на горизонтѣ сѣрымъ пятномъ виднѣется деревушка да бѣлѣетъ колокольня сельской церкви. Станція стоитъ на юру; со всею яростью обрушиваются на нее зимнія метели и вьюги; лѣтомъ горячее солнышко жжетъ и палитъ ее немилосердно. По ту и по другую сторону вокзала вдоль желѣзнодорожнаго пути разведены небольшіе цвѣтники, окаймленные акаціей. Для защиты отъ снѣжныхъ заносовъ территорія желѣзнодорожной станціи отдѣлялась отъ степи высокимъ заборомъ.

Въ лѣтнюю пору на станціи тихо, пусто и безлюдно; только одни служащіе бродятъ туда и сюда, да изрѣдка наѣзжаетъ какой-нибудь сосѣдній помѣщикъ, пробирающійся въ городъ по своимъ дѣламъ, покалякаетъ съ начальникомъ станціи, напьется чаю и въ ожиданіи ночного поѣзда завалится спать. Осенью картина перемѣняется. Репьевка оживаетъ: товарные поѣзда катятся съ юга одинъ за другимъ; со всѣхъ сторонъ тянутся къ станціи обозы; горы хлѣба близъ станціи прибываютъ съ каждымъ днемъ. Хлѣбъ, по недостатку вагоновъ и платформъ, подолгу залеживается здѣсь подъ открытымъ небомъ, и, за неимѣніемъ брезентовъ, не мало его портится отъ

*) Разсказанное здѣсь — подлинный фактъ.

снѣга и дождя. Пассажирскіе поѣзда останавливаются въ Репьевкѣ на 3 и на 5 минутъ; пассажиры рѣдко заглядываютъ въ репьевскій буфетъ, а если и заглядываютъ, то большею частью лишь затѣмъ, чтобы купить на копѣйку кипятку. Поэтому понятно, что, съ одной стороны, трудно надѣяться, чтобы почтенная Парасковья Никифоровна (буфетчица) нажила когда-нибудь отъ своей коммерціи значительные капиталы, а съ другой стороны столь же трудно разсчитывать найти на прилавкѣ репьевскаго буфета какіе-нибудь особенные разносолы. Но, тѣмъ не менѣе, однако, здѣсь всегда можно получить—при проходѣ поѣзда—и чай, и водку, и бутерброды съ колбасой, съ ломтикомъ окаменѣвшаго сыра и даже съ позеленѣвшей икрой—въ видѣ археологической рѣдкости...Начальникъ станціи, его помощникъ, телеграфистъ и сторожъ Максимъ составляли осѣдлое населеніе репьевскаго вокзала, а пассажиры, забѣгавшіе на минуту въ вокзалъ или высаживавшіеся на станціи съ тѣмъ, чтобы продолжать далѣе путь пѣшкомъ или на лошадяхъ, появлялись и исчезали безслѣдно, какъ фантастическія тѣни волшебнаго фонаря. Неподалеку отъ станціи въ домикѣ Парасковьи Никифоровны ютились нѣсколько человѣкъ рабочихъ, товарный староста, жандармъ Евстигнѣевъ и мужъ самой буфетчицы — безгласное, смиренное существо.

На всей репьевской станціи, несмотря на ея шаблонныя казарменныя постройки, лежалъ тотъ мирный, патріархальный оттѣнокъ, какой вообще замѣчается на жизни въ степной глуши. Всѣ служащіе на репьевской станціи, несмотря на свои блестящія, форменныя пуговицы, были простые, милые люди. По яснымъ лѣтнимъ вечерамъ, въ досужія минуты, они собирались на площадкѣ за вокзаломъ и тихо бесѣдовали или играли въ городки. Даже здѣшній жандармъ, Евстигнѣевъ, не обладалъ молодцоватою, внушительною наружностью и тѣмъ воинственнымъ духомъ, какимъ обыкновенно отличаются жандармы на большихъ станціяхъ.

Начальникъ станціи, Иванъ Алексѣевичъ Хмуровъ, былъ человѣкъ холостой, лѣтъ 30 хорошій служака и добрый малый. Нельзя сказать, чтобы онъ обладалъ особенно хорошимъ здоровьемъ; онъ былъ худощавъ, со впалой грудью и слегка сгорбленными плечами; иногда жаловался на лѣвый бокъ. Зная его каторжную, собачью жизнь, зная, что онъ недоѣдаетъ, недосыпаетъ, сильно устаетъ, я рѣшительно изумлялся, смотря на его кроткіе каріе глаза, оттѣненные длинными рѣсницами, и видя его всегда бодрымъ, свѣжимъ и дѣятельнымъ. Хмуровъ обладалъ необычайной способностью почти одновременно бывать въ двухъ — трехъ мѣстахъ. То вдругъ его красная фуражка покажется въ телеграфѣ, черезъ секунду мелькаетъ въ залѣ 3-го класса, а еще черезъ секунду уже—въ конторѣ...

— Какъ васъ ноги носятъ?—замѣтишь ему, бывало.

— Носятъ!—крикнетъ онъ на-лету и исчезнетъ, какъ сновидѣнье.

Иногда, бывало, усадишь его не надолго, чтобы поговорить, и только тутъ, въ минуты покоя, можно было замѣтить, до чего онъ утомленъ и до чего голова его занята однимъ и тѣмъ же—его служебными обязанностями. Въ разговорѣ онъ бывалъ разсѣянъ, тянулъ и подыскивалъ слова, поминутно оглядывался и озирался, все какъ будто къ чему-то прислушиваясь и какъ будто боясь, чтобы чего-нибудь не позабыть... Иногда вдругъ на полусловѣ Иванъ Алексѣевичъ обрывалъ разговоръ.

— Извините! Нужно еще составить рапортичку!—говорилъ онъ и улетучивался моментально.

Осенью, когда хлѣбъ начиналъ двигаться съ юга, торговцы буквально готовы были растерзать Ивана Алексѣевича. «Гдѣ начальникъ станціи?» — «Начальникъ у себя?» — «Мнѣ бы нужно начальника станціи!» —слышится въ ту пору отовсюду. А иногда торговцы положительно приходятъ въ ярость. «Когда жъ уйдетъ мой товаръ?»—«Когда же отправятъ нашъ хлѣбъ?» — «Да что жъ это такое! На что это похоже!» — «Знали бы—не везли...» — «Чтобъ ей провалиться, этой чертовой дорогѣ!»... Стонъ стоитъ на станціи. А Иванъ Алексѣевичъ бѣгаетъ, высуня языкъ, шлетъ телеграмму за телеграммой и, пожимая плечами, держитъ хлѣбникамъ все одинъ и тотъ же отвѣтъ: «Нѣтъ вагоновъ! Нѣтъ платформъ!» Даже сторожъ Максимъ въ такія минуты входитъ въ его положеніе и ворчитъ на кулаковъ:

— Да что вы въ самомъ дѣлѣ пристали! Вагоны-то мы для васъ изъ земли выроемъ, что-ли? Ну, ужъ народъ! Диковина!

А «народъ» не унимался, и лишь только появлялся Иванъ Алексѣевичъ, отправители гурьбой осаждали его...

У Ивана Алексѣевича обязанностей было не мало. Онъ долженъ былъ, по очереди съ помощникомъ, встрѣчать поѣзда, слѣдовавшіе черезъ Рѣпьевку, не исключая и тѣхъ, которые не останавливались на станціи; по прибытіи поѣзда онъ былъ обязанъ: записать въ журналъ № поѣзда, № паровоза и тендера, фамилію машиниста и оберъ-кондуктора, составъ поѣзда, число вагоновъ, время прибытія и отправленія поѣзда,—и притомъ наблюдать за правильностью нагрузки и выгрузки багажа и товаровъ и за размѣщеніемъ пассажировъ. Въ то же время онъ исправлялъ должность кассира, т.-е. выдавалъ билеты, иногда принималъ и багажъ. Онъ наблюдалъ за тѣмъ, чтобы подвижной составъ былъ рас предѣленъ на запасныхъ путяхъ надлежащимъ образомъ и чтобы въ извѣстное время эти пути были свободны, чтобы стрѣлки и станціонные сигналы были въ исправности и служащіе находились на своихъ мѣстахъ. Онъ долженъ былъ наблюдать, чтобы во время движенія поѣздовъ или паровозовъ постороннія лица не ходили по пути, не переносили черезъ него тяжести, не проходили бы между стоящими вагонами и «не подлѣзали бы подъ оные»... Иванъ Алексѣевичъ долженъ былъ «вообще, — какъ сказано въ инструкціи,—содѣйствовать всѣми средствами къ предотвращенію всякаго рода несчастныхъ случаевъ». Кромѣ того, онъ наблюдалъ за всей станціей вообще и за вокзаломъ въ частности; кромѣ того, онъ велъ желѣзнодорожныя книги, отписывался съ начальствомъ, представлялъ отчеты, слѣдилъ за чистотой и исправностью желѣзнодорожныхъ помѣщеній; кромѣ того... впрочемъ, достаточно уже сказаннаго: мнѣ было бы скучно писать, а читателю пробѣгать дальнѣйшій перечень обязанностей Ивана Алексѣевича. За исполненіе всей массы этихъ тяжкихъ, отвѣтственныхъ обязанностей Иванъ Алексѣевичъ получалъ 50 р. въ мѣсяцъ.

Какъ уже сказано, Хмуровъ былъ хорошій служака, неутомимый труженикъ, но на героя онъ нисколько не походилъ. Тѣмъ не менѣе, пришелъ такой часъ, когда и нашъ Иванъ Алексѣевичъ сдѣлался героемъ...

Начинался тусклый разсвѣтъ декабрьскаго дня. На дебаркадерѣ прозвонилъ колоколъ, давая знать о томъ, что ожидавшійся пассажирскій поѣздъ вышелъ съ сосѣдней станціи и былъ уже на пути въ Репьевку. На вокзалѣ горѣли лампы, но дальніе углы, куда не достигалъ свѣтъ лампъ, еще тонули въ полумракѣ. Небольшіе круглые часы безъ гирь, висѣвшіе въ залѣ второго класса, показывали безъ четверти восемь. Въ вокзалѣ замѣчалось движеніе, какое обыкновенно предшествуетъ приходу поѣзда. Пришла Парасковья Никифоровна, поставила самоваръ въ своей каморкѣ за буфетомъ и забрякала стаканами и чайными блюдцами. Сторожъ Максимъ пробрелъ куда-то съ метлой. Какой-то юркій мѣщанинъ уже взгромоздилъ на вѣсы свою кладь и все вертѣлся около нея въ ожиданіи пріемки. Старушка въ большомъ черномъ платкѣ и два крестьянина въ старыхъ, заплатанныхъ полушубкахъ и въ шапкахъ, надвинутыхъ на уши, прохаживались передъ закрытой кассой... А за стѣнами вокзала той порой буря бушевала. Дулъ сильный, порывистый сѣверо-восточный вѣтеръ; снѣжныя облака крутились по степи, въ десяти шагахъ свѣту божьяго было не видать. Небо и земля, казалось, слились въ какомъ-то снѣжномъ, бушующемъ хаосѣ. Шумъ и свистъ вѣтра слышались за окномъ,—и каждый разъ, какъ отворялась дверь, снѣжная пыль, вмѣстѣ съ пронизывающимъ холодомъ, врывалась въ вокзалъ.

— Погодку же Богъ далъ! — замѣтилъ крестьянинъ, смотря изъ окна на облака снѣга, бѣшено крутившагося по открытому дебаркадеру, по полотну желѣзной дороги и съ воемъ уносившагося въ степь.

— О, Господи, спаси и помилуй!—со вздохомъ, набожно шептала старушка, съ боязнью поглядывая въ окно.

Наконецъ, появился и начальникъ станціи въ своей красной фуражкѣ и въ шубѣ. Онъ быстро выдалъ билеты, захлопнулъ оконце, заглянулъ въ залу 2-го класса, посмотрѣлъ на часы и, кивнувъ головой буфетчицѣ, возившейся за прилавкомъ, вышелъ на дебаркадеръ. Тутъ порывъ вѣтра сразу же налетѣлъ на него и всего его обдалъ снѣжной пылью. Запахнувъ шубу, Хмуровъ дважды прошелъ по дебаркадеру, остановился, посмотрѣлъ, прислушался, но ничего не было видно и ничего не было слышно, кромѣ яростнаго завыванья бури. Сегодня ночь была «его», и онъ уже два раза вставалъ для встрѣчи поѣздовъ, —теперь поднялся уже окончательно, только еще не успѣлъ «хлебнуть чайку». Но думать о чаѣ теперь не приходилось. Иванъ Алексѣевичъ безпокоился... Встрѣчный товарный по-

ѣздъ, по росписанію, уже долженъ былъ прибыть въ Репьевку и встать на запасный путь для пропуска утренняго пассажирскаго поѣзда, а о немъ, между тѣмъ, еще не было ни слуху, ни духу. Иванъ Алексѣевичъ отправился на телеграфъ.

— А товарнаго все нѣтъ!—сказалъ онъ, посмотрѣвъ на свои часы.—Ужъ 20 минутъ девятаго...

— Видите, что дѣлается!—отозвался заспанный телеграфистъ, мотнувъ головой на окно.—Вѣдь и пассажирскій опоздалъ...

— Ну, 5 минутъ — немного... Сейчасъ, вѣроятно, придетъ!—проговорилъ Иванъ Алексѣевичъ.—А все-таки надо узнать... Спросите поскорѣе: что у нихъ тамъ?..

— Пожалуй!—отвѣтилъ телеграфистъ и, позѣвывая, подошелъ къ аппарату, чтобы запросить сосѣднюю станцію относительно товарнаго поѣзда.

Въ ту же минуту изъ-за шума вѣтра послышался гдѣ-то близко протяжный, жалобный свистокъ, словно призывавшій на помощь.

— Вотъ онъ! — промолвилъ Иванъ Алексѣевичъ, торопливо выходя на дебаркадеръ.

Медленно, неслышно пассажирскій поѣздъ приближался къ станціи, словно ощупью пробираясь сквозь снѣжный вихрь, и тихо остановился. Стукнули запорки, три кондуктора соскочили съ платформъ; одинъ остался у вагоновъ, другой побѣжалъ въ буфетъ за кипяткомъ, третій подошелъ къ начальнику и передалъ ему какія-то письма.

— До Репьевки, видно, никого нѣтъ? — замѣтилъ начальникъ.

— Никого!—отвѣтилъ кондукторъ.

Въ ту минуту къ начальнику подошелъ оберъ-кондукторъ, очень полный мужчина, съ одутловатымъ, нездороваго цвѣта, лицомъ.

— Народу много? — спросилъ его Иванъ Алексѣевичъ.

— Порядочно!.. Только въ двухъ заднихъ вагонахъ остались пустыя мѣста!—промолвилъ толстякъ и направился въ вокзалъ.

А Иванъ Алексѣевичъ, пройдясь взадъ и впередъ по дебаркадеру, подошелъ къ кондуктору, стоявшему у вагоновъ.

— Спятъ? — спросилъ онъ, видя, что ни одинъ пассажиръ не показывается на платформѣ.

— Спятъ!—равнодушно отвѣчалъ кондукторъ, переминаясь съ ноги на ногу.

Иванъ Алексѣевичъ съ безпокойствомъ посмотрѣлъ по тому направленію, откуда долженъ былъ прибыть встрѣчный товарный поѣздъ, и торопливо пошелъ на телеграфъ. Утренній пассажирскій поѣздъ, по росписанію, стоитъ въ Репьевкѣ 5 минутъ. Минуты 3 уже прошло... «Придется задержать этотъ поѣздъ!»—раздумывалъ начальникъ.

— Ну, что? — спросилъ онъ своего телеграфиста.

— Да ничего...—спокойно отвѣтилъ тотъ. —Поѣздъ отошелъ во-время, на пути все благополучно...

— Такъ нужно дать знать...—началъ-было, Иванъ Алексѣевичъ и запнулся.

Онъ былъ такъ ошеломленъ, что секундъ десять стоялъ буквально какъ вкопанный, тяжело дыша и съ широко раскрытыми глазами, устремленными въ окно. Онъ смотрѣлъ въ окно и глазамъ не вѣрилъ. На лицѣ его— ужасъ и изумленіе... Поѣздъ двигается, уходитъ... Одно мгновеніе Иванъ Алексѣевичъ готовъ былъ думать, что ему мерещится... Но, нѣтъ! Колеса движутся... Нѣтъ сомнѣнія: поѣздъ уходитъ...

Чтобы понять весь его ужасъ и изумленіе, должно знать, что по правилу желѣзнодорожнаго движенія машинистъ не только не можетъ уйти со станціи, но даже не имѣетъ права передвинуть поѣздъ взадъ или впередъ ни на одну пядь безъ вѣдома начальника станціи. Для отправленія поѣзда, по распоряженію начальника станціи, подается на платформѣ звонокъ, затѣмъ оберъ-кондукторъ подаетъ два свистка и, наконецъ, только послѣ двухъ отвѣтныхъ свистковъ машиниста поѣздъ трогается... А тутъ безъ звонка, безъ свистковъ поѣздъ уходитъ, какъ ни въ чемъ не бывало, въ то время, какъ начальникъ станціи лишь на минуту отлучился на телеграфъ. Общеизвѣстное желѣзнодорожное правило нарушено и къ тому же при такихъ условіяхъ, когда вслѣдствіе его нарушенія съ минуты на минуту могла произойти страшная катастрофа. Запоздавшій встрѣчный товарный поѣздъ, очевидно, теперь долженъ былъ приближаться къ Репьевкѣ, — и несчастіе неминуемо... Всѣ эти мысли и страхи, потребовавшіе у меня для ихъ описанія нѣсколько строкъ, быстрѣе молніи мелькнули въ головѣ Ивана Алексѣевича.

— Что это?—внѣ себя крикнулъ онъ, выбѣгая на дебаркадеръ и обращаясь къ растерявшемуся оберъ-кондуктору, словно спросонокъ смотрѣвшему вслѣдъ поѣзду.

Иванъ Алексѣевичъ не слыхалъ отвѣта оберъ-кондуктора, сбросилъ съ плечъ шубу и, сломя голову, пустился бѣжать по дебаркадеру, а потомъ вдоль желѣзнодорожнаго полотна въ погоню за поѣздомъ. Только одна мысль съ ужасающей ясностью представлялась ему въ ту минуту: теперь ему уже не на кого разсчитывать, — онъ долженъ надѣяться только на самого себя... Удастся ему догнать поѣздъ настолько, что его крикъ будетъ услышанъ на поѣздѣ — ладно, поѣздъ еще можетъ быть спасенъ; если же онъ опоздаетъ, не остановитъ поѣздъ теперь же, вотъ сію минуту,—все пропало... Столкновеніе неизбѣжно!..

И онъ бѣжалъ, скользя, спотыкаясь и увязая въ снѣгу, бѣжалъ и кричалъ отчаяннымъ голосомъ: «Стой-ой! Сто-ой!» Порывистый вѣтеръ подхватывалъ звуки его голоса, едва лишь они успѣвали слетать съ его губъ; вѣтеръ, казалось, съ яростью рвалъ-разрывалъ эти звуки человѣческой рѣчи и, вмѣстѣ съ облаками снѣгу, крутилъ и разметывалъ ихъ по необъятному степному простору. Нѣтъ! Машинистъ не услышитъ, никто, рѣшительно, не услышитъ изъ-за вѣтра его отчаянныхъ криковъ... Да и крики его съ каждымъ мгновеньемъ все труднѣе и труднѣе вылетаютъ изъ груди, слабѣютъ и замираютъ...

Иванъ Алексѣевичъ не чувствовалъ ни стужи, ни ледяного пронизывающаго вѣтра; въ виски у него стучало словно молоткомъ, и сердце часто и сильно билось. Онъ задыхался отъ усталости и глубокаго душевнаго волненія. Все одна и та же страшная, мучительная картина вставала передъ его умственными очами, пока онъ, запыхавшись и полузадохнувшись, бѣжалъ за поѣздомъ... Свѣчи въ вагонахъ погашены или догорѣли. Въ вагонахъ — полусумракъ ранняго зимняго утра. Окна заиндевѣли и запорошены снѣгомъ. Пассажиры — мужчины, женщины, малютки — спятъ, кто сидя, кто лежа, спокойно спятъ, не предчувствуя, что они—на волоскѣ отъ смерти... Не будь метели, машинисты еще могли бы предотвратить столкновеніе или, по крайней мѣрѣ, насколько возможно уменьшить его силу. Но теперь, когда на разстояніи двухъ саженъ ничего не видать въ степи изъ-за клубящихся облаковъ снѣга, только и оставалось ожидать, что черезъ нѣсколько минутъ или даже, можетъ быть, черезъ нѣсколько секундъ поѣзда столкнутся и вагоны съ трескомъ полѣзутъ одинъ на другой, съ чудовищной силой громоздясь другъ на друга или скатываясь съ насыпи. Послышатся отчаянные крики, хрипѣнье и стоны раненыхъ, раздавленныхъ, умирающихъ... Ужасно! ужасно! Такія душу надрывающія картины во мгновеніе ока проносились передъ Хмуровымъ. Воображеніе его было до того настроено, что Ивану Алексѣевичу уже не однажды сквозь свистъ и завыванье бури слышался то зловѣщій трескъ и грохотъ вдребезги разлетающихся вагоновъ, то жалобные вопли, стоны и слабый дѣтскій плачъ...

Сознаніе всей громадности ожидаемаго несчастія заставляло его напрягать послѣднія усилія, — почти сверхъестественныя усилія, чтобы догнать поѣздъ. Въ другое время онъ былъ бы неспособенъ на такія усилія... Но при мысли, что судьба, жизнь или смерть сотенъ людей зависитъ только отъ *него*, отъ быстроты его бѣга, отъ возможности громко крикнуть,—онъ вдругъ чувствовалъ слабость и головокруженіе, какія испытываетъ человѣкъ при видѣ темной, зіяющей пропасти.

Вотъ наконецъ-то Хмуровъ поравнялся со вторымъ вагономъ, и въ ту минуту, на его счастье и къ благополучію всего поѣзда, изъ вагона вышелъ на платформу какой-то заспанный мужичекъ. Съ великимъ изумленіемъ мужикъ вытаращилъ глаза при видѣ начальника станціи, бѣжавшаго рядомъ съ поѣздомъ въ одномъ сюртукѣ и махавшаго руками.

— Веревку!.. — собравъ послѣднія силы, крикнулъ Иванъ Алексѣевичъ, но, не кончивъ фразы, запнулся и почти безъ чувствъ повалился въ снѣгъ.

Крестьянинъ догадался, что поѣзду грозитъ какая-то бѣда,—и обѣими руками, изо всей силы, схватился за веревку и налегъ на нее... Поѣздъ остановился. Встревоженные кондуктора повыскакивали изъ вагоновъ.

— Задній ходъ! Скорѣе! — разбитымъ, осипшимъ голосомъ бормоталъ Иванъ Алексѣевичъ, поднимаясь на ноги.

Сторожъ Максимъ и двое рабочихъ уже бѣжали къ мѣсту остановки... Хмуровъ вскарабкался на платформу второго вагона, поѣздъ тронулся и заднимъ ходомъ быстро направился къ станціи. И только-что поѣздъ успѣлъ поравняться съ дебаркадеромъ, едва лишь успѣлъ остановиться, какъ вслѣдъ за нимъ, по пятамъ его, изъ-за снѣжнаго вихря показался большой огненный глазъ, темной массой выдвинулся локомотивъ, — и товарный

поѣздъ, тяжело погромыхивая и позвякивая цѣпями, прослѣдовалъ на запасный путь. Еще бы одна минута — и было бы не мало убитыхъ и искалеченныхъ...

— Мнѣ послышался свистокъ... Мнѣ послышалось...—бормоталъ растерявшійся машинистъ въ отвѣтъ на обращенный къ нему вопросъ: съ чего онъ безъ звонка и безъ сигнальныхъ свистковъ ушелъ со станціи?

Жаль было смотрѣть на этого несчастнаго человѣка, обезумѣвшаго со страха.

Пассажиры между тѣмъ стали показываться изъ вагоновъ и спрашивать кондукторовъ о причинѣ толчковъ и такихъ частыхъ остановокъ.

— Ничего, ничего! — успокоивали ихъ кондуктора.—Пропускали товарный поѣздъ на запасный путь... Сейчасъ отправимся!

— А какая это станція?

— Репьевка!

— А-а!..

И пассажиры, позѣвывая, уходили въ вагоны, рѣшительно не имѣя понятія о томъ, какой опасности они подвергались. И никогда не узнали они, благодаря чьему мужеству они избавились отъ смерти или увѣчій...

А Иванъ Алексѣевичъ, между тѣмъ, пошатываясь, какъ пьяный, стоялъ на дебаркадерѣ и, тяжело дыша, смотрѣлъ на спасенный имъ поѣздъ. Въ послѣднія 15 минутъ онъ перечувствовалъ и пережилъ столько, сколько не переживалъ во всю свою жизнь,— и теперь на него какъ бы напалъ столбнякъ... Какая-то добрая душа догадалась накинуть на него шубу... Слезы катились по его щекамъ, но онъ не замѣчалъ слезъ...

1888 г.

ПѢСНЯ СПѢТА.

ПОВѢСТЬ.

Et ego in Arcadia vixi.

I.

Наступилъ тихій и ясный лѣтній вечеръ. Румяная заря горѣла на западной окраинѣ неба и ея нѣжно-розовый отсвѣтъ ложился на поля, луга и перелѣски. Въ посвѣжѣвшемъ воздухѣ сильнѣе запахло коноплей и цвѣтущей гречихой. Слышнѣе скрипѣлъ коростель въ лугу...

Въ это время Пестеревъ, Николай Ивановичъ, владѣлецъ сельца Михайловки, возвращался съ охоты. Его рыжій сетеръ, Сбогаръ, уже видимо усталый, бѣжалъ передъ нимъ, лѣниво нюхтя и опустивъ хвостъ. Охотникъ, съ ружьемъ на плечѣ, медленно пробирался берегомъ рѣки, по узкой тропинкѣ, между высокою травой, мѣстами доходившей ему по поясъ. Онъ разсѣянно посматривалъ по сторонамъ, повидимому ни мало не интересуясь дичью и предоставляя дупелямъ выпархивать у него изъ-подъ ногъ и летѣть на всѣ четыре стороны. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ тропинки цѣлый утиный выводокъ плавалъ въ прибрежной осокѣ, а нашъ охотникъ даже не потрудился снять съ плеча свою веблеевскую двустволку. Напрасно Сбогаръ дѣлалъ «стойку» и, вѣроятно, въ душѣ страшно досадовалъ на хозяина; онъ могъ бы еще долго оставаться въ своей живописной позѣ,—его хозяинъ все-таки не пришелъ бы въ охотничій азартъ.

Неподалеку на возвышеніи былъ видѣнъ садъ, и изъ-за зелени его деревьевъ выступали красная кровля и высокія бѣлыя трубы помѣщичьяго дома. Пестеревъ, завидѣвъ домъ, какъ будто съ умысломъ пошелъ еще тише, и когда Сбогаръ слишкомъ забѣгалъ впередъ, торопясь къ своей обычной вечерней крынкѣ съ молокомъ и съ кусками ржаного хлѣба, господинъ вполголоса сурово окликалъ его: «Сбогаръ! Arrière!.. ici... скотина!..»

Пестереву было лѣтъ 40, но ранняя сѣдина уже замѣтно пробивалась въ его темнорусыхъ коротко остриженныхъ волосахъ и въ окладистой бородѣ,—только усы еще сохраняли свой первоначальный темный цвѣтъ. Онъ былъ довольно высокаго роста, строенъ, полонъ въ мѣру. Ловко сшитый сѣрый пид-

жакъ, сѣрые штаны и длинные охотничьи сапоги обрисовывали его хорошо сложенную фигуру; сѣрая парусинная фуражка была надвинута на лобъ. Его нельзя было назвать красивымъ мужчиной, но онъ былъ недуренъ: лицо—бѣлое, съ легкимъ румянцемъ на щекахъ, сѣрые, задумчивые глаза, носъ—прямой, широкій и довольно толстыя губы; выраженіе же всего лица—мягкое, кроткое,—и въ немъ ни одной рѣзко опредѣленной черты, ни одной характерной складочки. Въ этомъ лицѣ, не смотря на усы и бороду, сказывалось что-то женственное. Движенія и манеры Пестерева были также мягки, ровны и отличались такою же неопредѣленностью. Никакой Лафатеръ въ мірѣ не открылъ бы въ этомъ человѣкѣ слѣдовъ нравственной устойчивости, рѣшительности, силы воли. Это былъ настоящій сынъ своего времени, слабый, безхарактерный, готовый плыть по теченію, безконечно идти на уступки и въ то же время готовый втихомолку каяться и бичевать себя... Его нравственная физіономія, какъ старый, выцвѣтшій дагерротипъ, смутно, неопредѣленно просвѣчивала въ его физическомъ обличьи.

Подойдя къ саду, Пестеревъ хмуро посмотрѣлъ на его первыя, сторожевыя деревья, потомъ еще разъ поглядѣлъ на берегъ, на синія воды рѣчки и на разстилавшійся далеко за нею красивый сельскій видъ. Вся окрестность уже подергивалась синеватою тѣнью лѣтнихъ сумерекъ... Наконецъ, Пестеревъ вошелъ въ садъ, захлопнувъ за собой калитку, и, пройдя нѣсколько шаговъ по широкой березовой аллеѣ, тяжело опустился на скамью... Въ концѣ аллеи видна была невысокая терраса, на ней—цвѣтникъ, а въ цвѣтникѣ издали ярко выдѣлялись пунцовые піоны. За цвѣтникомъ выступалъ сѣрый барскій домъ съ мезониномъ и балкономъ. Широкія ступени балкона были красиво уставлены олеандрами, кактусами, алыми и бѣлыми розами... Николай Ивановичъ скинулъ фуражку, опустилъ ружье между колѣнъ и взялся, было, за портсигаръ, какъ въ то же время на балконѣ мелькнуло свѣтлое женское платье и послышался рѣзкій и раздражительный женскій голосъ: «Николай Иванычъ! Вѣдь ужъ одиннадцатый часъ... Пора ужинать!..»—«Эхъ!» съ досадой сорвалось у Пестерева. Положивъ портсигаръ обратно въ карманъ, онъ схватилъ ружье и, понуривъ голову, тяжелою поступью направился къ дому.

Черезъ минуту онъ былъ уже на балконѣ и входилъ въ залу въ сопровожденіи своего Сбогара... Большая висячая лампа спускалась съ потолка и освѣщала стоявшій подъ нею круглый столъ, накрытый бѣлоснѣжною скатертью. Часть залы, отдѣленная бѣлыми колоннами, представляла собой небольшую, уютную гостиную. Между колоннами въ зеленыхъ деревянныхъ ящикахъ и кадкахъ росли плющъ, кактусы, широколиственныя ары, олеандры. Между двухъ колоннъ оставался проходъ — въ видѣ двери. Плющъ вился по этимъ двумъ колоннамъ, свѣшиваясь надъ проходомъ легкою, полупрозрачною гирляндой. На полу былъ разостланъ толстый темный коверъ.

Въ гостиной на мягкой широкой кушеткѣ полулежала молодая женщина, опершись локтемъ на подушку, и лѣниво перелистывала какой-то иллюстрированный французскій журналъ. Передъ нею на низенькомъ столикѣ, придвинутомъ къ кушеткѣ, горѣла стеариновая свѣча подъ розовымъ абажуромъ. Это была та самая женщина, что помѣшала Николаю Ивановичу предаться послѣ охоты его вечернему dolce far niente. Это была его жена.

Изъ ста мужчинъ 99, можно сказать почти навѣрняка, нашли бы эту женщину хорошенькой... Она была брюнетка, высокаго роста, стройная; ея смугловатое лицо съ темнокарими глазами, съ темными—словно кистью обрисованными — бровями и съ длинными, густыми рѣсницами многіе назвали бы «смазливымъ личикомъ»; особенную же пикантность придавали ея физіономіи слегка вздернутый носикъ и чувственныя, пухлыя губы. Густой румянецъ покрывалъ ея щеки, и ея черные волосы какимъ-то прихотливымъ узломъ были завязаны на затылкѣ и темною волной спускались ей на спину.

Она полулежала, опустивъ голову на руку и свѣсивъ съ кушетки одну ногу, обутую въ тонкій ажурный чулокъ и сѣрую шелковую туфлю, едва державшуюся на носкѣ. Въ ту минуту, какъ Николай Ивановичъ вошелъ въ гостиную, выраженіе лица ея было чрезвычайно непріятное, капризное и злое; глаза ея смотрѣли холодно и недовольно.

— Я приказала загнать онучинскихъ коровъ...—монотонно проговорила она, не отрываясь отъ французскихъ иллюстрацій.—Онѣ безъ тебя опять попали въ нашъ лугъ... Я распорядилась—позвала старосту, понятыхъ,

составили актъ о потравѣ... потомъ, разумѣется, коровъ я отпустила... Деньги будутъ взысканы черезъ волостное правленіе. Нужно же, наконецъ, проучить ихъ...

— Тфу ты!.. «Актъ»... «черезъ волостное правленіе»...—передразнивающимъ тономъ и съ явнымъ неудовольствіемъ промолвилъ Николай Ивановичъ, сдвигая фуражку на затылокъ и отирая рукой вспотѣвшій лобъ.—Ты, Надя, становишься совершенно дѣловымъ человѣкомъ... Но, знаешь, если мы начнемъ свое хозяйничанье съ полицейскихъ протоколовъ, то это—не совсѣмъ-то ловко!

Николай Ивановичъ покраснѣлъ, но подъ загаромъ щекъ его румянца почти нельзя было замѣтить.

— А по моему: или хозяйничать, или заниматься филантропіей—одно изъ двухъ!—спокойно отозвалась молодая женщина.—Ихъ коровы почти каждый день въ нашемъ лугу... Что жъ, по твоему: смотрѣть и молчать?

— Не молчать, а предупредить, сказать, чтобы получше приглядывали за скотомъ... Вотъ и все! — холодно смотря на жену, отвѣтилъ Николай Ивановичъ.

— Было уже говорено не разъ... — проворчала та сквозь зубы.—На вѣжливости съ этимъ народомъ далеко не уѣдешь... Если имъ мирволить, такъ можно, пожалуй, и совсѣмъ раззориться.

— А ты не подумала о томъ, что и безъ нашихъ взысканій этимъ бѣднякамъ приходится не легко! — сказалъ Николай Ивановичъ.—Осенью ужо за недоимки опять станутъ ихъ пороть...

— И прекрасно! Пусть бы хорошенько... Не пьянствуй!—рѣзко проговорила молодая женщина, отбрасывая отъ себя журналъ, и, заложивъ свои полуобнаженныя руки подъ голову, съ чувствомъ самодовольства потянулась всѣмъ тѣломъ.

Такъ лежала она молча, неподвижно, съ закрытыми глазами, представляя собой настоящую живую картину. Но Пестеревъ на этотъ разъ не любовался ею. Онъ былъ взбѣшенъ. У этой красивой молодой женщины была необыкновенная способность выводить его изъ терпѣнія.

— Ну, какъ вамъ угодно! А я съ крестьянъ денегъ не возьму. Такое веденіе хозяйства совсѣмъ не въ моемъ духѣ!—проговорилъ онъ, опираясь на ружье.—Было бы вамъ извѣстно, что я не желаю изъ-за какихъ-нибудь пяти рублей ссориться съ сосѣдями и вѣчно быть на военномъ положеніи...

— То-ли вы боитесь мужиковъ, то-ли вы жалѣете ихъ,—васъ не разберешь!.. Да, впрочемъ, ужъ я знаю: что бы я ни сдѣлала, все вамъ не по вкусу, «не въ вашемъ духѣ»...—многозначительно замѣтила жена, насмѣшливо посмотрѣвъ на него изъ-подъ полуопущенныхъ рѣсницъ. — Ваша «неземная» Ольга, конечно, на моемъ мѣстѣ...

— Я уже просилъ васъ, Надежда Александровна, разъ на всегда, не упоминать объ Ольгѣ...тяжело переводя дыханіе, неровнымъ голосомъ перебилъ ее Николай Ивановичъ, раздражительно стукнувъ ружьемъ объ полъ. —Вамъ никогда не понять ее... вы...

— Да я вовсе и не стараюсь понять...—съ громкимъ смѣхомъ отозвалась молодая женщина.—Однако, Николай Иванычъ, какъ это васъ сильно волнуетъ!..

Онъ хотѣлъ еще что-то сказать, но вдругъ круто повернулся и, не говоря ни слова, вышелъ изъ гостиной.

— Господи! Я ужъ думала: вы хотите застрѣлить меня, какъ въ романахъ пишутъ иногда...—съ нервнымъ смѣхомъ вслѣдъ ему промолвила жена.

— Я ужинать не буду! — не слушая ея, крикнулъ уже изъ залы Николай Ивановичъ, желая покончить одинъ изъ тѣхъ разговоровъ, которые въ семейной жизни никогда еще не доводили ни до чего хорошаго.

— Я тоже не буду ужинать!—сказала Надежда Александровна.

— Вмѣсто ужина, я лучше бы напился чаю!—продолжалъ онъ.

— Ну, опять съ самоваромъ возиться...—брюзгливымъ тономъ замѣтила жена.

— Зачѣмъ же тебѣ возиться съ самоваромъ!.. Маша подастъ мнѣ чаю... А ты ложись спать!—сухо возразилъ ей мужъ.

— Мнѣ все равно ужъ не уснуть...—поднимется ходьба, стукъ, звонъ...

— Маша! Подайте мнѣ стаканъ воды!—крикнулъ Николай Ивановичъ, проходя въ кабинетъ.

Онъ повѣсилъ ружье на стѣну, снялъ съ себя сумку, патронташъ и какъ бы въ тяжеломъ раздумьи остановился посреди комнаты. Маша, молодая дѣвушка, недурненькая собой, въ бѣломъ передникѣ, въ воротничкѣ и манжетахъ,—вообще напоминавшая собой не деревенскую прислугу, а тѣхъ горничныхъ-«любительницъ», что являются на клубныхъ

петербургскихъ сценахъ, въ это время подала Николаю Ивановичу стаканъ воды. Маша ушла, а онъ все еще, не снимая фуражку, въ раздумьи стоялъ середи комнаты... Дверь тихо отворилась, и на порогѣ появилась Надежда Александровна. Она, повидимому, была сильно разстроена.

— Если ты хочешь, я прикажу поставить самоваръ?—слабымъ, какъ бы надорваннымъ голосомъ спросила она.

— Благодарю! Теперь ужъ не надо...— отвѣтилъ Николай Ивановичъ, полуоборачиваясь къ ней.

— Ну, какъ знаешь!.. Я тебѣ ничѣмъ не могу угодить... О, Господи, Господи! И что жъ это за жизнь!.. — съ страдальческимъ видомъ простонала она и ушла, хлопнувъ дверью.

Слышно было, какъ въ гостиной она что-то швырнула, что-то стукнуло, брякнуло; черезъ минуту ея рѣзкій, раздраженный голосъ уже послышался въ спальнѣ.

— Сколько разъ я ужъ говорила: не подавать мнѣ эти кофточки! Это, наконецъ, просто, невыносимо!.. — патетическимъ тономъ кричала она.

Послѣ того въ домѣ все стихло.

— Бѣдная Маша! Ей въ чужомъ пиру похмѣлье...— съ грустной усмѣшкой прошепталъ Николай Ивановичъ, ходя по кабинету изъ угла въ уголъ.—Впрочемъ, что жъ... Маша—человѣкъ вольный, попроситъ разсчетъ и уйдетъ, а я... И въ несчастный же часъ сошелся я...—совсѣмъ забывшись, вслухъ заговорилъ Николай Ивановичъ, какъ бы жалуясь кому-то на свое горе, но на полусловѣ оборвалъ.

Онъ заглянулъ въ залу. Тамъ Маша убирала со стола, ходя на цыпочкахъ и осторожно снимая тарелки, чтобы «какъ-нибудь не стукнуть, храни Богъ».

— Надежда Александровна легла?—спросилъ онъ дѣвушку.

— Да!—тихимъ шопотомъ отвѣтила Маша.

Николай Ивановичъ прошелъ на балконъ, тихо заперъ за собой дверь и спустился въ садъ. Въ концѣ березовой аллеи онъ присѣлъ на скамейку...

Краски на западѣ погасли, слышнѣе запахло травой и цвѣтами и посреди ночного безмолвія явственнѣе доносился до него издали шумъ водяной мельницы. Ночныя испаренія легкими клубами поднимались надъ рѣкой, разливались по лугу и бѣлесоватою волной ползли между кустами, застилая полупрозрачнымъ туманомъ лѣсныя опушки.

Хмуро, невесело выглядѣлъ въ тѣ минуты владѣлецъ Михайловки. Съ грустной, мучительной думой смотрѣлъ онъ теперь на эту знакомую картину. Онъ нѣсколько разъ, самъ не замѣчая, тяжело вздохнулъ... А между тѣмъ всѣ считали его счастливымъ человѣкомъ, многіе завидовали ему. Его провинціальные знакомые единогласно утверждали, что «Николай Ивановичъ устроился отлично».

Три года тому назадъ, дядя съ материнской стороны, пропадавшій гдѣ-то на Кавказѣ, совершенно неожиданно оставилъ послѣ своей смерти, по духовному завѣщанію, около 15 тысячъ рублей. Съ помощью этихъ денегъ, какъ бы упавшихъ съ неба, Пестеревъ купилъ Михайловку и такимъ образомъ изъ петербургскаго пролетарія, постоянно думавшаго о хлѣбѣ насущномъ для завтрашняго дня и бравшаго у знакомыхъ «по рублику», превратился въ почтеннаго землевладѣльца... Покупая Михайловку, Николай Ивановичъ осуществлялъ свою давнишнюю, завѣтную мечту. Эта мечта казалась ему несбыточна, но онъ въ тайнѣ лелѣялъ ее и хранилъ про себя, не выдавая ее своимъ петербургскимъ пріятелямъ, носившимся со своими «идеями»: тѣ Симеоны Столпники не въ состояніи были бы сочувствовать его замысламъ; они не только не стали бы раздѣлять его мечтаній на тему сельскихъ идиллій во вкусѣ Геснера, но просто не поняли бы его «узко-эгоистическихъ вожделѣній», выражаясь ихъ языкомъ, и обругали бы его «свиньей».

Михайловка была усадьба его дѣда и нѣкогда составляла съ принадлежащею къ ней землей лишь незначительную часть громадныхъ Пестеревскихъ владѣній. Николай Ивановичъ ребенкомъ въ лѣтнюю пору часто гостилъ у дѣдушки, и Михайловка съ тѣхъ поръ стала очень дорога ему по воспоминаніямъ дѣтства. Въ старомъ домѣ былъ знакомъ ему каждый уголокъ, начиная съ изразцовой лежанки въ столовой и до дѣдовскаго кабинета, гдѣ стояла прекрасно сдѣланная модель большого трехмачтоваго корабля—издѣліе самого хозяина, бывшаго моряка, а на стѣнѣ висѣла старинная гравюра, изображавшая Полтавскую битву. Онъ зналъ въ саду каждый кустъ, на поляхъ—каждый холмъ. Въ рѣкѣ, протекавшей передъ садомъ, онъ купался и бѣгалъ по берегу, отыскивая на песчаныхъ отмеляхъ разноцвѣтные камешки и ракови-

ны... Иногда утромъ, ранымъ-рано, когда роса еще блестѣла по травѣ и въ домѣ всѣ спали, онъ усаживался на берегу, подъ садомъ, и читалъ книжку, добытую изъ дѣдовской библіотеки. Тогда онъ прочелъ не мало книгъ вродѣ: «Леонидъ или русскіе въ 1812 году», «Таинственный Монахъ» Р. Зотова, «Редгонтлетъ» Вальтеръ-Скотта, «Тереза Дюнойе» и «Вѣчный Жидъ» Евгенія Сю, «Тайны инквизиціи» и т. д.

Михайловка очень нравилась ему. И впослѣдствіи, спустя уже много лѣтъ послѣ того, какъ онъ по лѣтнимъ утрамъ читалъ «Редгонтлета» подъ тѣнью михайловскаго сада,— каждый разъ, когда рѣчь заходила о «своемъ домѣ», о «своемъ углѣ», въ воображеніи Николая Ивановича являлся не какой-нибудь другой домъ, а именно старый дѣдовскій домъ, именно Михайловка съ ея тѣнистымъ садомъ, съ голубой рѣкой и съ необъятнымъ просторомъ ея полей и луговъ. Живучи воспоминанья дѣтства...

А Михайловка той порой была уже продана и перепродана и къ началу 80-хъ годовъ перешла по закладной въ руки мѣстнаго разбогатѣвшаго крестьянина. Петербургскій пролетарій, бѣгавшій по рублевымъ урокамъ и получавшій скудный журнальный гонораръ, конечно, иной разъ послѣ какого-нибудь гнуснаго кухмистерскаго обѣда, лежа на своемъ жесткомъ клеенчатомъ диванѣ, могъ мечтать съ горя о томъ, что «хорошо было бы купить Михайловку и зажить въ ней на славу». Николай Ивановичъ могъ мечтать о золотыхъ яблокахъ, но онъ былъ не настолько глупъ, чтобы надѣяться когда-нибудь найти въ дѣйствительности эти яблоки на вѣтвяхъ одного изъ тѣхъ захудалыхъ деревьевъ, что украшаютъ собой петербургскіе скверы. Но мечта Николая Ивановича осуществилась очень просто... И вотъ уже два года онъ владѣетъ Михайловкой, какъ своей законною собственностью. Прежній «Калифъ на часъ» — въ дѣйствительности сталъ царствовать.

Сдѣлавшись обладателемъ своей любимой Михайловки, Пестеревъ на первыхъ порахъ просто доходилъ до ребячества. Положивъ руку на стволъ столѣтней липы и смотря на ея вершину онъ говорилъ себѣ: «Это—мое дерево!» Проходя по полю, онъ думалъ: «Я иду теперь по *своей* землѣ!» Смотря изъ сада на берегъ, на луга, на сѣнокосы, онъ съ какимъ-то дѣтскимъ восторгомъ протягивалъ руку впередъ и, забывшись, шепталъ вслухъ: «Это —мое, все—мое»!.. «Славная штука—деньги!» говаривалъ онъ про себя. Вечеромъ ложась спать, онъ не долженъ былъ думать: гдѣ бы достать денегъ на завтрашній обѣдъ. Проснувшись по утру, онъ долго нѣжился и потягивался: ему теперь некуда торопиться, не зачѣмъ бѣжать, у него все есть дома...

Провинціальное общество приняло Пестерева съ распростертыми объятіями. Своею мягкостью и уживчивостью онъ покорилъ самыя строптивыя сердца. Его избрали въ земскіе гласные и избрали бы навѣрное въ мировые судьи, если бы онъ самъ не отказался, отговариваясь тѣмъ, что ему нужно еще устроить свое хозяйство.

Пока шли переговоры по покупкѣ Михайловки, Пестеревъ жилъ въ усадьбѣ своей старой знакомой, г-жи Сендуновой. Сендунова была старушка-вдова, подруга его покойной матери, и почти безвыѣздно жила въ своемъ Запольи съ единственной дочкой, Надей, года за два передъ тѣмъ кончившей курсъ въ мѣстномъ провинціальномъ институтѣ для благородныхъ дѣвицъ. Смазливенькая Надя приглянулась Николаю Ивановичу, а деревенское безлюдье, прогулка по саду вдвоемъ, вечерніе разговоры въ потемнѣвшихъ аллеяхъ, помогли ему сблизиться съ молодой дѣвушкой. Николай Ивановичъ увлекся... Надя тоже казалась неравнодушна къ нему и помогла ему окончательно влюбиться. Когда онъ уѣхалъ по дѣламъ въ Москву, а затѣмъ — въ Петербургъ, они стали переписываться,— и кончилось дѣло тѣмъ, что, купивъ Михайловку, вскорѣ Пестеревъ ввелъ въ свой домъ молодую хозяйку. Надя принесла съ собой, кромѣ богатаго приданаго, т.-е. кромѣ массы всякаго тряпья, кучу банковыхъ билетовъ восточнаго займа, внутренняго пяти-процентнаго займа и т. п. цѣнныхъ бумажекъ—всего на сумму десять тысячъ рублей. Помимо того въ будущемъ представлялась возможность, послѣ смерти тещи, получить домъ въ городѣ и еще кое-какія деньжонки.

Дѣйствительно, съ общепринятой точки зрѣнія, Николай Ивановичъ могъ показаться человѣкомъ счастливымъ, но онъ не былъ счастливъ. Въ описываемый вечеръ онъ особенно выбился изъ колеи и былъ крайне недоволенъ собой и всѣмъ окружающимъ... Сегодня утромъ, роясь въ ящикѣ своего письменнаго стола, онъ случайно нашелъ старую фотографическую карточку и засмотрѣлся на черты знакомаго, дорогого лица. Это была

карточка еще очень молодой и очень симпатичной дѣвушки. На оборотной сторонѣ карточки значилась надпись, сдѣланная женскою рукой: «Учителю отъ ученицы на память.— Петербургъ 1871 г. 2 мая». Чернила уже выцвѣли, пожелтѣли и самая карточка поблѣднѣла... Эта-то старая фотографическая карточка и непріятности съ женой сильно взволновали сегодня Пестерева и пробудили въ немъ цѣлый рядъ воспоминаній и сопоставленій прошлаго съ настоящимъ. Ему думалось, что жизнь его сложилась вовсе не такъ, какъ бы слѣдовало, какъ бы ему хотѣлось, что все могло бы быть иначе, могло бы быть лучше...

Какая-то ночная птичка долго чирикала въ кустахъ, но и та, наконецъ, замолкла. Въ дремотное безмолвіе погрузился садъ. Деревья стояли тихо, неподвижно — подъ синими, ночными небесами, словно застывши въ какомъ-то заколдованномъ снѣ. Изрѣдка легкій, скрадывающійся шорохъ поднимался въ чащѣ сада; деревья, казалось, спросонокъ шептались о чемъ-то между собой; порой вершины ихъ чуть замѣтно вздрагивали, словно чье-то легкое, теплое дыханіе доносилось до нихъ съ высоты. И черезъ мгновеніе опять все затихало... Блѣдно-золотистый мѣсяцъ сквозилъ изъ-за потемнѣвшей листвы и, крадучись, какъ татъ, заглядывалъ однимъ своимъ блестящимъ краемъ на одинокаго человѣка, сидѣвшаго съ печально поникшей головой въ тѣни развѣсистой березы...

Пестеревъ начиналъ дышать свободнѣе... Непріятныя впечатлѣнія исчезали, улетучивались; досада и раздраженіе замѣнялись мало-по-малу тихою грустью. Николай Ивановичъ закурилъ папиросу и, прислонившись спиной къ бѣлому стволу березы, задумался глубоко. Не долго въ тѣни аллеи свѣтился красный огонекъ папиросы: скоро онъ подернулся пепломъ и потухъ...

Воспоминанія длинной вереницей вставали передъ Пестеревымъ...

Бываютъ такія минуты, когда передъ человѣкомъ все прошлое проносится въ живыхъ образахъ. Что до той поры казалось забытымъ, погребеннымъ, вдругъ всплываетъ ярко и рисуется со всѣми мельчайшими подробностями; все, что въ свое время произвело на человѣка сильное впечатлѣніе, что особенно вліяло на его послѣдующую жизнь, въ эти минуты оживаетъ вновь,—словно какой-нибудь волшебникъ моментально, съ быстротою молніи, передергиваетъ картину за картиной передъ его умственными очами...

II.

...Онъ въ первый разъ уѣзжалъ въ Москву —въ университетъ. Съ хутора онъ вышелъ пѣшкомъ, отецъ провожалъ его, а Гераська, одинъ съ его поклажей, уѣхалъ впередъ до перваго мостика. Съ полей пахло цвѣтами; вечернею прохладой вѣяло въ воздухѣ; солнце краснымъ шаромъ низко стояло надъ землей. Отецъ задумчиво шелъ съ нимъ рядомъ между двумя стѣнами желтой колосистой ржи. Какъ воочію видитъ онъ теперь своего старика... Высокій, худощавый, безъ шапки, въ сѣромъ поношенномъ ополченскомъ казакинѣ, въ широкихъ бѣлыхъ панталонахъ и въ вышитыхъ туфляхъ; глубокія морщины залегли на лбу; красное, загорѣлое лицо съ широкимъ, бритымъ подбородкомъ, съ длинными сѣдыми усами, опущенными книзу; большая лысина на головѣ, и серебристыя пряди волосъ зачесаны съ затылка на виски — по модѣ николаевскихъ временъ. Въ рукахъ у него длинный черный чубукъ. Старикъ въ забывчивости сосетъ свою погасшую трубку...

Они шли молча. Юношѣ было жаль одинокаго старика (мать умерла уже 3 года тому назадъ) и теперь онъ мысленно представлялъ себѣ: какъ отецъ станетъ коротать на своемъ хуторкѣ длинные осенніе и зимніе вечера въ сообществѣ неизмѣннаго Гераськи, съ его неизмѣнными разсказами о деревенскихъ новостяхъ. Старикъ будетъ, молча, ходить съ трубкой, а по бревенчатымъ стѣнамъ столовой за нимъ станетъ двигаться его длинная тѣнь. И старикъ, можетъ быть, думалъ о томъ же, а также, можетъ статься, загадывалъ и о той новой жизни, что ждала его сына на чужой сторонѣ. Такъ, молча, дошли они до мосту, гдѣ поджидалъ ихъ Гераська, сидя на краю телѣги и глубокомысленно посматривая на барчука и на своего стараго хозяина... Какъ теперь видитъ онъ въ телѣгѣ свой небольшой чемоданъ, на немъ—подушку, зашитую въ красную кумачную наволоку и торчащіе изъ-подъ нея клочья зеленаго сѣна.

— Ну, прощай! Христосъ съ тобой...—заговорилъ старикъ, обнимая и цѣлуя его.

Сынъ почувствовалъ, какъ теплая слеза упала ему на щеку. Но когда онъ взглянулъ на старика, тотъ съ напускнымъ равнодушіемъ разглаживалъ, по привычкѣ, янтар-

нымъ наконечникомъ чубука свои нависшіе усы.

— Напиши же, когда пріѣдешь! Ну, съ Богомъ...—сказалъ онъ, стараясь придать своему голосу самый безпечный тонъ.—А ты, смотри, не уѣзжай изъ города, пока не проводишь барина! Слышишь?—крикнулъ онъ Гераськѣ.

—Ужъ слышали!—флегматично отозвался тотъ, трогая возжи.

Поѣхали. Юноша оборачивался, кланялся, махалъ фуражкой. Отецъ въ отвѣтъ ему помахивалъ чубукомъ. Отъѣхали уже съ полверсты, а старикъ все еще стоялъ у мостика и смотрѣлъ имъ въ слѣдъ. Дорога завернула за кусты, и не стало видно ни старика, ни родного хутора, ни высокаго колодезнаго шеста, ни густыхъ ветелъ, склонявшихся надъ прудомъ. Путники ѣхали на западъ... Солнце закатывалось за перелѣскомъ и небо пылало, словно объятое пожаромъ, и пылали бѣлыя облака, медленно плывшія по небу.

Юноша, полулежа въ телѣгѣ на охапкѣ свѣжаго, пахучаго сѣна, задумчиво смотрѣлъ на горящій западъ; ему тамъ казалось все золото, да розы... Что-то ждало его тамъ, за степями и лѣсами—за этою синею далью? Ни одной темной думы тогда не бродило у него въ головѣ. Онъ былъ молодъ, силенъ и надѣялся взять съ бою свое счастье... Не онъ одинъ такъ думалъ,—вѣчно старая и вѣчно новая исторія. Не онъ первый, не онъ послѣдній населялъ таинственную даль какими-то блестящими призраками и въ мечтахъ игралъ роль героя. Но въ то же время, какъ онъ мысленно уносился впередъ, ему жаль было покидать родную сторону, тихій отцовскій хуторъ, патріархальную деревенскую жизнь, гдѣ люди встаютъ утромъ съ пѣтухами, ложатся съ солнышкомъ и гдѣ тишину нарушаетъ только вѣтеръ, шумящій вѣтвями деревъ. Безъ страха, безъ робости, но лишь съ тихою грустью повторялъ онъ про себя слова поэта:

«Храни Господь того, кто скажетъ:
Простите, мирныя поля!
И бѣдный свой челнокъ привяжетъ
Къ кормѣ большого корабля...»

Онъ ни на минуту не останавливался на зловѣщемъ предсказаніи того же пѣвца:

«Пройдутъ года въ борьбѣ безплодной,
И на красивыя плиты,
Какъ изъ машины винтъ негодный,
Быть можетъ, брошенъ будешь ты!..»

Съ *нимъ* этого, конечно, не случится. Онъ никогда не очутится безпріютнымъ скитальцемъ, бѣднякомъ, умирающимъ съ голода. Разумѣется, нѣтъ!.. Онъ найдетъ себѣ дѣло, станетъ работать за двоихъ и пробьется... У него не было, конечно, рѣзко опредѣленныхъ плановъ. Сначала — въ Москву, въ университетъ, а тамъ ужъ будетъ видно...

— Герасимъ! Ты хотѣлъ бы поѣхать куда-нибудь далеко-далеко?—спросилъ онъ своего молчаливаго возницу.

— Почто?—переспросилъ тотъ, почесывая себѣ затылокъ.

— Какъ «почто»!—возразилъ юноша.—Чтобы видѣть, какъ въ другихъ мѣстахъ люди живутъ, попытать счастья...

— Все это — пустое! — позѣвывая, лаконично промолвилъ Гераська.—Чего я тамъ не видалъ!.. Мнѣ и здѣсь хорошо...

Какъ живой, стоитъ теперь передъ нимъ Гераська, вѣчно заспанный, съ свѣтлыми кудластыми волосами, вѣчно въ разорванной рубахѣ, флегматичный, медленный, съ невозмутимо спокойнымъ нравомъ и всѣмъ, мужику и барину, говорящій «ты»... Въ городѣ на прощанье молодой человѣкъ обнялъ Гераську и горячо расцѣловалъ его. Въ лицѣ этого немытаго, нечесаннаго Гераськи онъ прощался съ родной стороной. А Гераська сердито ворчалъ себѣ подъ носъ: «И что выдумалъ!.. Тащиться въ этакую даль... Сидѣлъ бы, сидѣлъ лучше дома!..» Давно не стало Гераськи, давно и старикъ его легъ рядомъ съ матерью на сельскомъ кладбищѣ... Всѣ убрались.

Въ ту давнюю пору, т.-е. лѣтъ 20 тому назадъ, изъ ихъ губернскаго города ѣздили въ Москву въ дилижансахъ, въ громадныхъ, неуклюжихъ тарантасахъ съ фордекомъ, вмѣщавшихъ въ себѣ до 6 человѣкъ. Четверка лошадей то шагомъ, то рысью тащила этотъ тяжелый, безобразный рыдванъ. Дилижансъ отходилъ не въ урочное время, а какъ Богъ на душу положитъ. Впрочемъ, Шестереву не пришлось ждать. Когда онъ пришелъ въ контору дилижансовъ, то оказалось, что не доставало только одного пассажира. Черезъ часъ онъ уже катилъ по московской дорогѣ. Съ нимъ ѣхали: какой-то купецъ со своимъ прикащикомъ, чиновникъ съ сыномъ—мальчикомъ лѣтъ 10, и молодая дѣвушка, какъ оказалось впослѣдствіи, гувернантка.

Добравшись до Москвы, дилижансъ остановился у Крестовъ, въ одномъ изъ самыхъ

тнусныхъ московскихъ предмѣстій. Путники распрощались и, пожелавъ другъ другу всякихъ благъ, разошлись въ разныя стороны; съ тѣхъ поръ Пестеревъ никого изъ нихъ не встрѣчалъ. Москва на первыхъ порахъ страшно поразила его своею столичною грязью и необычайнымъ зловоніемъ. Пестеревъ остановился на какомъ-то подворьи, и вечеромъ долго сидѣлъ у окна; гомонъ и шумъ большого города смущали и пугали его. На другой же день онъ пошелъ искать себѣ комнату и нашелъ ее на антресоляхъ дома Кузьминой, на Петровскомъ бульварѣ. Распаковавъ чемоданъ и доставъ свои документы, Пестеревъ тотчасъ же пустился разыскивать университетъ. Долго странствовалъ онъ, пока не увидалъ передъ собой большое, величественное зданіе и на немъ надпись крупными золоченными буквами: «Императорскій Московскій Университетъ»...

Черезъ пять минутъ, послѣ мимолетнаго раздумья, Пестеревъ уже сидѣлъ въ университетской канцеляріи и писалъ прошеніе «о допущеніи его къ слушанію лекцій медицинскаго факультета».

Устроился Пестеревъ довольно сносно: комната у него была небольшая, но сухая, теплая; въ ней стояли: кожаная кушетка — не первой молодости, таковой же столъ и два стула, а на стѣнѣ, противъ кушетки, помѣщалась вѣшалка для платья. Живо помнитъ онъ эту первую свою студенческую каморку, оклеенную дешевенькими синими обоями. Кромѣ дешевизны (комната стоила 5 руб.), у нея были еще и другія достоинства... Во-первыхъ, занимаясь у стола, Пестеревъ, не сходя съ мѣста, могъ достать все, что ему было надо—со стула, съ окна или съ кушетки: комната была такъ мала, что у Пестерева всегда все находилось подъ рукой. Когда же ему замѣчали, что комната его—тѣсна, что въ ней даже нельзя походить, Пестеревъ указывалъ въ окно на Петровскій бульваръ и совершенно основательно возражалъ: «А бульваръ-то на что! Ходи, сколько хочешь»... Во-вторыхъ, по осеннимъ и зимнимъ вечерамъ Пестеревъ иногда могъ не зажигать свѣчи, благодаря тому счастливому стеченію обстоятельствъ, что единственное окно его комнаты выходило къ воротамъ, а у самыхъ воротъ стоялъ уличный фонарь и весь вечеръ—и даже большую часть ночи — освѣщалъ комнату настолько хорошо, что Пестеревъ могъ, напр., набивать папиросы, пить чай, могъ разглядѣть лицо посѣтителя, одѣться или раздѣться и даже посмотрѣться въ свое дорожное зеркальце въ жестяной оправѣ, валявшееся на столѣ. Пестеревъ пробовалъ читать и писать, но оказалось неудобно: глаза скоро утомлялись при подобномъ даровомъ освѣщеніи...

Пестеревъ явился въ Москву съ пятидесятью рублями въ карманѣ, и ему поневолѣ приходилось соблюдать самую строгую экономію. Онъ обѣдалъ въ кухмистерской два раза въ недѣлю—въ воскресенье и четвергъ; остальные дни питался «всухомятку». Счастливый случай помогъ ему запастись дешевымъ чаемъ. Онъ купилъ за рубль фунтъ чаю у какой-то странной личности, вродѣ тѣхъ таинственныхъ матросовъ, что разносятъ по домамъ рижскій бальзамъ. Чай оказался какимъ-то, по истинѣ, необычайнымъ зельемъ: съ виду онъ былъ совершенно черный и одной щепотки его было достаточно для того, чтобы напиться до отвалу человѣкамъ двадцати. «Пестеревскій чай» прославился, вошелъ даже въ поговорку между товарищами-студентами. Настой этого чая былъ вяжущъ на вкусъ и пахнулъ довольно скверно. Но голодные люди пили этотъ настой стаканъ за стаканомъ и только со смѣхомъ спрашивали Пестерева: «Гдѣ онъ досталъ такую диковину»?.. Николай Ивановичъ пилъ его всю зиму, а весной, уѣзжая на уроки, остатки его подарилъ прислугѣ.

15 сентября... Да, онъ хорошо помнитъ этотъ сѣрый, тусклый, дождливый день. Въ тотъ день онъ купилъ себѣ на Толкучкѣ красную, кумачную рубаху и въ первый разъ облекся въ нее. Въ ту эпоху красныя рубахи были въ большомъ ходу въ средѣ молодежи... Послѣ обѣда дождь на время пересталъ, и Пестеревъ съ товарищами долго гулялъ по бульварамъ. Товарищи выпили, и онъ подкутилъ съ ними за компанію. Поздно вечеромъ всей гурьбой они отправились странствовать по московскимъ закоулкамъ, бродили по Цвѣтному бульвару, зашли, наконецъ, въ какой-то мрачный, грязный переулокъ, и вдругъ Пестеревъ очутился въ большой, ярко освѣщенной залѣ. Музыка, блескъ свѣчей, толпа молодыхъ, разряженныхъ женщинъ, смѣхъ и говоръ ошеломили его. Онъ никогда еще не бывалъ въ «такихъ» залахъ, но, разумѣется, скоро догадался, куда затащили его пріятели. Здѣсь они были, какъ дома, и совершенно фамильярно обращались съ красавицами. Пестеревъ самъ хорошо не пом-

нитъ: какъ онъ выбрался изъ этой залы и очутился на улицѣ, во мракѣ осенней ночи, на вѣтру и подъ дождемъ. Фонари, задуваемые порывистымъ вѣтромъ, смутно мерцали во мракѣ и темные облака низко нависли надъ городомъ. Черезъ минуту, когда Пестеревъ пришелъ въ себя, ярко освѣщенная зала съ ея полуобнаженными вакханками могла бы показаться ему созданіемъ горячечнаго бреда, если бы до него все еще не доносились звуки музыки и сквозь щели ставень не пробивался свѣтъ...

III.

«Наука» шла своимъ чередомъ. На первыхъ порахъ Пестеревъ, какъ водится, не пропускалъ ни одной лекціи, скоро сошелся съ товарищами и попалъ въ обычную студенческую колею...

До 1863 г. студенты ходили въ формѣ и составляли отдѣльную корпорацію, общество. Уставъ 1863 г. назвалъ студентовъ «посѣтителями» университета. Студенты рѣшили противодѣйствовать этому параграфу устава, видя въ немъ желаніе разбить, разъединить студенческую семью, уничтожить въ ней сознаніе товарищества и солидарности. Образовались кружки, кассы, библіотеки, представители кружковъ сносились между собой, устраивали собранія, вечеринки и вообще дѣлали всевозможное для объединенія студентовъ вопреки уставу...

Теперь, сидя на скамейкѣ въ тѣни своего михайловскаго сада, Пестеревъ словно воочію видитъ передъ собой большую аудиторію, биткомъ набитую народомъ. Изумительная смѣсь «одеждъ и лицъ, племенъ, нарѣчій, состояній»... Великороссы, хохлы, грузины, поляки, болгары,—сюртуки, визитки, пальто, красныя, розовыя и желтыя рубахи—все сбилось въ одну кучу въ этой громадной аудиторіи; стояли на скамьяхъ, на столахъ, влѣзали на каѳедру, на подоконники. Дверь была плотно затворена. За вторымъ столомъ отъ каѳедры стоялъ, потупившись, смертельно-блѣдный молодой человѣкъ, одѣтый щегольски, въ лиловомъ галстучкѣ и съ золотыми запонками. Лицо его походило на маску: до того оно было блѣдно... Въ аудиторіи — тишина, и слышно, какъ кто-то громко, отчетливо говоритъ... Молодой человѣкъ оправдывался какъ-то вяло, сбивался, беззвучно шевелилъ своими поблѣднѣвшими губами и не поднималъ глазъ на товарищей. Его поза особенно непріятно, тяжело поразила Пестерева, и онъ съ предубѣжденіемъ смотрѣлъ на обвиняемаго. «Если онъ, правъ, думалось Пестереву, то какъ же онъ не оскорбился, не возмутился и не обругалъ людей, взводившихъ на него такую напраслину? Что такое невнятно бормочетъ онъ и ничего не скажетъ толкомъ? Почему онъ не смотритъ на товарищей, а стоитъ, понуривъ голову, словно пришибенный?»..

Немного погодя, въ дверяхъ показался одинъ изъ любимыхъ профессоровъ. Онъ сказалъ, что хочетъ говорить со студентами. Нѣсколько человѣкъ мигомъ подняли его на плеча.

— Господа! Что вы тутъ дѣлаете?—спросилъ онъ.—Къ чему этотъ шумъ?

— Мы судили этого господина и приговорили его къ исключенію изъ университета!—крикнулъ кто-то изъ толпы.

— Но вы, господа, не имѣете права исключать!—замѣтилъ профессоръ, видимо смутившись.—Не вы принимаете въ университетъ, не вы должны и исключать...

— Это—дѣло особенное, дѣло наше, студенческое!—возразили изъ толпы.

— Ура, профессоръ! Ура!—перебили сотни голосовъ.

Профессора начали качать и, качая, крича «ура», вынесли изъ аудиторіи. Дверь опять затворилась... Какой-то высокій, широкоплечій молодой человѣкъ протолкался черезъ толпу, подошелъ къ обвиняемому и, положивъ руку ему на плечо, сказалъ:

— Уходите и не приходите больше сюда!

Тотъ наклонился къ столу, собралъ свои тетради и, ни на кого не глядя, ни живъ—ни мертвъ пошелъ къ двери. Толпа, молча, неохотно разступилась передъ нимъ. Очевидно, многимъ хотѣлось отплатить ему за совершонныя имъ дѣянья, но если бы каждый желающій ударилъ его хотя бы по одному разу, то юношѣ, конечно, не дойти бы живымъ до двери... Пестеревъ не знаетъ и до сего времени: само-ли начальство посовѣтовало этому франту оставить университетъ, или онъ, просто, не рѣшился показываться на глаза товарищамъ, но какъ бы то ни было послѣ сходки «лиловаго галстучка» уже не видали въ университетѣ.

Студенческія «исторіи» все-таки не мѣшали Пестереву заниматься своимъ дѣломъ. Особенно усердно работалъ онъ надъ анатоміей и очень аккуратно посѣщалъ препаровочную...

И вотъ въ воображеніи его рисуется большая, высокая комната, еще погруженная въ ночной мракъ. Окна смутно выступаютъ сѣрыми, продолговатыми четыреугольниками на темномъ фонѣ. Смутно и зловѣще мерещится изъ мрака рядъ длинныхъ, черныхъ столовъ; на нѣкоторыхъ столахъ лежитъ что-то бѣлое. Два огарка мерцаютъ въ комнатѣ, и красноватое пламя ихъ поминутно дрожитъ, словно отовсюду заливаемое густымъ, чернымъ мракомъ. Съ однимъ огаркомъ надъ «своимъ» cadaver'омъ работаетъ Пестеревъ, съ другимъ —въ противоположномъ концѣ препаровочной занимается его товарищъ, Труневъ. Зимою онъ съ Труневымъ иногда рано приходилъ въ препаровочную...

— Заберутся спозаранку, ровно дня-то для нихъ не будетъ...—бормочетъ, бывало, старикъ-сторожъ, стоя въ дверяхъ на босу ногу, въ штанахъ и въ розовой ситцевой рубахѣ, съ одной подтяжкой черезъ плечо.

Онъ почесывается, зѣваетъ, брюзгливо смотритъ на «полунощниковъ» и съ шумомъ набиваетъ табакомъ свой красно-сизый носъ.

— И удивительное дѣло: что имъ не спится-то!..—ворчитъ сторожъ.—Я бы такъ спалъ, да спалъ...

— И спи, Васильичъ, на здоровье!—говоритъ Пестеревъ.

— Какъ же!.. уснешь съ вами, съ баловниками, прости Господи!.. — толкуетъ старикъ себѣ подъ носъ, удаляясь изъ препаровочной и утопая во мракѣ пріемной, и только слышно мягкое шлепанье по полу его босыхъ ногъ.

Пестеревъ взглядываетъ на огарокъ, мерцающій вдали, и при его красноватомъ, брезжущемъ свѣтѣ выступаютъ изъ мрака костлявыя ступни и бѣлыя колѣна трупа, да низко склонившаяся надъ ними темно-русая, всклокоченная голова Трунева... Передъ Пестеревымъ лежитъ трупъ страшно исхудалой женщины, безъ роду безъ племени, подобранной на одной изъ московскихъ улицъ. Лицо —какое-то синевато-желтое, грудь впалая съ ясно обозначившимися ребрами, животъ совсѣмъ опалъ, руки и ноги, какъ плети... Пестеревъ съ папиросой въ зубахъ наклоняется надъ трупомъ и осторожно вскрываетъ нужный для него мускулъ. А въ головѣ его невольно встаетъ вопросъ: «Отчего-то умерла эта женщина? Не голодомъ-ли уморила ее «радушная» матушка-Москва?»

— Пестеревъ! Нѣтъ-ли съ тобой чего-нибудь закусить? Вечеромъ ничего не жралъ... —окликаетъ его товарищъ, и звуки его голоса гулко раздаются въ пустой залѣ.

— Ничего, братъ, нѣтъ... кромѣ папиросъ! —отзывается Пестеревъ.

— Чортъ-ли мнѣ въ твоихъ папиросахъ! —ворчитъ Труневъ и съ недовольствомъ тихо посвистываетъ...

Пестеревъ очень хорошо помнитъ одну сцену, происходившую въ этой самой препаровочной... Было ясное морозное утро въ началѣ января. Студенты въ присутствіи профессора вскрывали трупъ, за день передъ тѣмъ найденный гдѣ-то за Лефортовымъ. То былъ трупъ мужчины въ полномъ цвѣтѣ силъ. Когда распилили и сняли черепъ, профессоръ внимательно посмотрѣлъ на мозгъ. «Прекрасный мозгъ!» повторилъ онъ нѣсколько разъ, глядя на богатыя, ярко окрашенныя мозговыя извилины. Когда-же вскрыли легкія, сердце и желудокъ, профессоръ положилъ руку на плечо трупа и проговорилъ:

— Ну, съ этакой машиной, братъ, ты могъ бы сто лѣтъ прожить!..

Конструкція тѣла, дѣйствительно, была замѣчательна. Это, должно быть, былъ здоровенный, могучій человѣкъ, съ чрезвычайно развитыми мускулами, обѣщавшій долгую жизнь. Трупъ этого человѣка глубоко запечатлѣлся въ памяти Пестерева...

Одно время Пестеревъ до того углубился въ анатомію, до того увлекся своею препаровочной, что сталъ видѣть въ людяхъ какіе-то ходячіе cadaver'ы... Разъ товарищи затащили его въ театръ; забрались, конечно, прямо въ «рай», и молодежь при вызовѣ своихъ любимцевъ страшно бѣсновалась, такъ что полицейскіе уже многозначительно шевелили усами, какъ тараканы, пронюхавшіе себѣ поживу. Послѣ одного изъ антрактовъ Пестеревъ задумчиво посматривалъ на театральную залу, биткомъ набитую публикой въ тотъ вечеръ. Въ партерѣ черные сюртуки, фраки и блестящіе мундиры составляли своеобразную мозаику; прелестныя молодыя женщины съ вѣерами или биноклями въ рукахъ граціозно опирались на барьеры ложъ, блестя брилліантами и голыми плечами... И всѣ эти люди кривлялись, кокетничали, «дѣлали глазки», старались произвести впечатлѣніе... Пестереву въ ту минуту пришла на память полуосвѣщенная препаровочная зала, и теперь, глядя на эту массу зрителей, расфранченныхъ, надушенныхъ, залитыхъ яркимъ свѣ-

томъ, онъ подумалъ: «Вотъ сколько труповъ-то здѣсь!..» и мысленно уже влекъ въ свою препаровочную всѣхъ этихъ блестящихъ кавалеровъ и дамъ, мысленно раздѣвалъ ихъ до нага и клалъ рядами на длинные, черные, столы. «И они, рѣшительно, ничѣмъ не отличались бы отъ тѣхъ cadaver'овъ, что каждый день доставляютъ отовсюду въ препаровочную...» Взрывъ аплодисментовъ, трескъ и грохотъ, раздавшіеся въ зрительной залѣ, оторвали Пестерева отъ его анатомическихъ занятій надъ ходячими трупами...

На антресоляхъ дома Кузьминой, кромѣ Пестерева, жилъ еще студентъ - медикъ, Шварцъ, обрусѣвшій нѣмецъ, здоровый, коренастый молодой человѣкъ средняго роста, темноволосый, смуглолицый, съ живыми, бойкими глазками, съ тонкимъ, острымъ носомъ и съ эспаньолкой. Это былъ веселый, неунывающій юноша, всегда готовый пошутить и посмѣяться... У Шварца было обыкновеніе вѣшать у себя въ окнѣ, между зимней и лѣтней рамой, части человѣческихъ рукъ и ногъ, приносимыхъ изъ препаровочной; по этому поводу квартирная хозяйка, женщина крайне брезгливая, приходила въ сильное негодованіе.

Когда Пестеревъ появился на антресоляхъ, Шварцъ былъ уже на послѣднемъ курсѣ; весной онъ кончалъ. Хотя у Шварца и были кое-какія частныя занятія, но все-таки за послѣдніе два года его дѣлишки были такъ плохи, что ему ни за что бы не получить лѣкарскаго диплома, если-бы не помогала ему одна благодѣтельная фея. Фея на этотъ разъ являлась въ образѣ простой швеи. Лизета, какъ звалъ ее Шварцъ, была дѣвушка лѣтъ 20, блондинка, небольшого роста, толстушка, съ самымъ заурядным лицомъ, покрывавшимся въ лѣтнее время массой веснушекъ. Феей дѣлало ее доброе сердце — «золотое сердце», какъ говорили про нее знакомые студенты. Знакомство ея съ Шварцемъ началось очень просто осеннимъ вечеркомъ на одной изъ скамеекъ Петровскаго бульвара и продолжалось на антресоляхъ дома Кузьминой, въ комнатѣ, заваленной медицинскими книгами, человѣческими костями и различными препаратами. «Въ минуты жизни трудныя», продолжавшіяся иногда по нѣсколько мѣсяцевъ, Лиза кормила и поила Шварца, постоянно обшивала его и заботилась объ его платьѣ и бѣльѣ.

Однажды зимнимъ вечеркомъ, когда Пестеревъ сидѣлъ у Шварца и набивалъ папиросы, между любовниками разыгралась очень трогательная сцена. Шварцъ завелъ рѣчь о томъ, что онъ уже скоро кончитъ экзамены и ему придется ѣхать изъ Москвы. Лиза сидѣла съ работой у стола, и свѣтъ отъ лампы падалъ прямо на ея бѣлокурую, поникшую головку. Стальной наперстокъ блестѣлъ, и блестѣла иголка въ ея проворной рукѣ.

— Ну, что жъ!—промолвила Лиза, не отрываясь отъ работы, какъ будто рѣчь шла о вещахъ, для нея совершенно постороннихъ, но губы ея дрожали и на глаза набѣгали слезы.

Шварцъ ходилъ по комнатѣ изъ угла въ уголъ, заложивъ руки за спину.

— Но прежде чѣмъ уѣхать изъ Москвы, намъ нужно повѣнчаться! — продолжалъ онъ.

Лиза подняла голову и, положивъ шитье на колѣна, хотѣла что-то сказать, но вмѣсто того вдругъ закрыла руками свое блѣдное личико и горько заплакала.

— Это еще что за штуки?—сказалъ весело Шварцъ, останавливаясь передъ Лизой и беря ее за подбородокъ.—О чемъ это?.. Ну, полно же!.. Посмотри на меня...

Лиза взглянула на него и пуще расплакалась.

— Нѣтъ, нѣтъ! Я не пойду замужъ... Нѣтъ! Ни за что... Ты поѣзжай одинъ... одинъ...— всхлипывая, твердила она сквозь слезы, обхвативъ руками голову и качая ею, какъ бы подъ вліяніемъ сильной физической боли.

Шварцъ, повидимому, былъ сильно удивленъ и растроганъ, не смотря на то, что его подвижная, веселая натура туго поддавалась всякимъ сантиментальностямъ. Онъ сѣлъ съ нею рядомъ, обнялъ ее за шею, цѣловалъ, увѣрялъ, что онъ любитъ ее и не можетъ жить безъ нея. Но дѣвушка оставалась непреклонна и все твердила свое:

— Я не хочу тебя связывать... Тебѣ нужно не такую жену...

Шварцъ, кажется, и самъ сознавалъ, что Лиза ему—не пара, что ему нужна «не такая жена», но въ то же время онъ считалъ подлостью бросить на произволъ судьбы бѣдную дѣвушку, помогавшую ему изъ своихъ крохъ въ черные дни студенческихъ невзгодъ...

Пестеревъ, не добивъ папиросъ, ушелъ въ свою комнату. Уже поздно вечеромъ явился къ нему разстроенный Шварцъ и взволно-

ваннымъ голосомъ говорилъ о томъ: «какая славная дѣвушка» его Лизета...

Въ третьей комнатѣ жилъ перчаточникъ, очень щеголеватый молодой человѣкъ, всегда напомаженный и раздушенный. Онъ весь день проводилъ въ магазинѣ, и въ будни жильцы только мелькомъ видали его по утрамъ, да позже 10 часовъ вечера.

Главную же большую комнату въ два окна, съ шерстяными малиновыми занавѣсами, нанималъ отставной полковникъ, Василій Васильевичъ Чемряевъ, очень добродушный старикъ, хорошо сохранившійся, не смотря на свои 63 года. Онъ былъ мужчина высокаго роста, широкоплечій, съ прекрасно развитой грудью, видный, представительный. Онъ говорилъ, что въ молодости слылъ красавцемъ—и не мудрено. Любовныхъ интригъ у него, по его словамъ, была «тьма». Въ то время, какъ Пестеревъ поселился на антресоляхъ, Чемряевъ уже облысѣлъ, дома часто ходилъ въ халатѣ, но по старой привычкѣ все еще держался прямо, говорилъ громко, отрывисто и часто, споря или что-нибудь разсказывая, становился въ такую позу, какъ будто находился передъ полкомъ и собирался командовать. Онъ часто приподнималъ плечи и поводилъ ими такъ, какъ будто на нихъ все еще были эполеты и нужно было поправить ихъ. Василій Васильевичъ курилъ толстыя папиросы изъ табаку «Капова и Габая» (нынѣ, кажется, такой фабрики уже нѣтъ), жилъ довольно скромно доходами со своего ярославскаго имѣнія, но по вечерамъ любилъ пуншъ, а за неимѣніемъ пунша шло иногда пиво. Вообще полковникъ былъ не прочь покутить и, подкутивши,— не смотря на свои почтенные годы, — былъ способенъ на всякія чудачества...

Полковникъ, Пестеревъ и Шварцъ составляли неразлучное, дружеское тріо. Василій Васильевичъ вставалъ по утрамъ рано и, соскучившись въ одиночествѣ, съ семи часовъ начиналъ ходить по комнатамъ и будить молодежь.

— Вставайте, вставайте, господа! — покрикивалъ онъ и, не удовольствовавшись иногда словами, сдергивалъ съ нихъ одѣяла.

Ему, повидимому, нравилось играть роль дядьки. Онъ иногда напоминалъ имъ о лекціяхъ, торопилъ ихъ идти въ университетъ, иногда отправлялся съ ними гулять на бульваръ. Со временемъ сложилось какъ-то такъ, что молодежь, обыкновенно, пила утренній чай въ его комнатѣ, причемъ Василій Васильевичъ самъ хозяйничалъ около самовара; вечеромъ также по большей части всѣ собирались у полковника. Если же который-нибудь изъ юношей вечеромъ не являлся въ «большую комнату», полковникъ замѣчалъ:

— Ужъ не пришла-ли къ нему дѣвочка, чортъ возьми!

Разсказы его были неистощимы: онъ много видалъ и слыхалъ на своемъ вѣку и притомъ былъ довольно начитанъ. Онъ лично зналъ Пушкина, Языкова, былъ знакомъ съ Бенедиктовымъ, встрѣчался съ Лермонтовымъ на Кавказѣ, былъ близокъ съ нѣкоторыми изъ декабристовъ. Онъ разсказывалъ эпизоды изъ своей кадетской жизни, описывалъ наводненіе 1824 года. Во время турецкой кампаніи 1828 года онъ находился подъ Силистріей,—и прекрасно изображалъ сцены изъ походной жизни, стоянки въ болотѣ по колѣна въ водѣ и т. д. Иногда разсказы Чемряева были вполнѣ нецензурнаго свойства...

Гдѣ-то теперь Василій Васильевичъ, этотъ добродушнѣйшій изъ полковниковъ? Въ Москвѣ-ли, въ своемъ-ли ярославскомъ имѣніи, на берегу Волги, проводитъ онъ свои послѣдніе дни?.. да и живъ-ли онъ?.. Вѣдь ужъ 20 лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ. Гдѣ-то Шварцъ, этотъ неунывающій человѣкъ? Что-то подѣлываетъ его «Лизета»?... Въ 20 лѣтъ много воды утекло...

Николай Ивановичъ вздохнулъ и прислушался... За садомъ, гдѣ-то близко, скрипѣлъ коростель. Вѣтеръ пронесся по саду и смолкъ. Блѣдно-золотистый мѣсяцъ поднимался надъ деревьями...

IV.

Весной Пестереву посчастливилось по газетному объявленію найти уроки у генеральши Полкановой, и съ нею и съ ея Анатолемъ, мальчикомъ лѣтъ 14, онъ уѣхалъ на лѣто въ усадьбу, въ Тульскую губернію. Это лѣто не оставило по себѣ особенно яркихъ впечатлѣній... Пестеревъ только помнитъ, что оголодавши и отощавши за зиму на московскихъ хлѣбахъ, онъ въ деревнѣ выспался и отъѣлся на славу.

Онъ смутно помнитъ большой барскій домъ, съ бѣлыми колоннами, домъ ветхій, гнилой, по зимамъ промерзавшій, съ порванными обоями и удобный для житья только въ лѣтнюю пору. Также смутно рисуется въ его воспоминаніи и сама генеральша Полканова —

женщина высокаго роста, съ величавой осанкой и съ безцвѣтнымъ, полинявшимъ лицомъ. Его особенно поражали ея стеклянные глаза, какъ у куколъ, безъ всякаго выраженія. Смутно помнятся Пестереву ея длинные, но крайне сбивчивые разсказы про то давнее время, когда она еще молодою женщиной «жила въ Парижѣ» и была знакома съ различными знаменитостями; въ ея разсказахъ самымъ безтолковымъ образомъ перепутывались имена Дюма-рѐге, Октава Фелье, Альфредаде-Мюссе, орлеанскихъ принцевъ, принцессъ, художниковъ...

Сѣро и тускло прошли еще два года студенческаго житья. Въ концѣ этого времени отецъ Пестерева умеръ, а хуторъ за долгъ ушелъ съ молотка. Ему было очень грустно при мысли, что на его родномъ хуторѣ поселились чужіе, что въ лѣтнюю пору подъ тѣнью ветелъ будутъ сидѣть посторонніе люди. Ему жаль было и Гераську... Этого грубаго, но вѣрнаго, честнаго человѣка, конечно, новые хозяева прогонятъ на всѣ четыре стороны. Куда-то онъ дѣнется? Вѣдь онъ тоже, бѣднята, привыкъ къ хутору, прожилъ на немъ почти всю свою жизнь... Незадолго передъ смертью отецъ, между прочимъ, писалъ ему: «Гераська тебѣ кланяется и зоветъ тебя лѣтомъ на хуторъ. Говоритъ, что ты съ нимъ уже давно сѣно не косилъ, что забылъ, поди, какъ и косу держать...» И живо вспомнилось ему, какъ, бывало, лѣтнимъ утромъ ранымъ-рано онъ выходилъ съ Гераськой въ степь за хуторъ и учился косить... Да! Онъ тогда начиналъ уже порядочно косить... Гераська, Гераська! Гдѣ ты?.. Никогда уже болѣе барчукъ не пріѣдетъ къ тебѣ на хуторъ.

И не разъ по ночамъ, лежа на жесткой, клеенчатой кушеткѣ въ своей маленькой комнатѣ, призрачно освѣщавшейся уличнымъ фонаремъ, мечталъ Пестеревъ о томъ, что когда онъ разбогатѣетъ (какъ разбогатѣетъ? это еще скрывалось въ туманѣ), то непремѣнно поѣдетъ на родную сторону и скупитъ хуторъ и Михайловку у ихъ новыхъ хозяевъ. Но скоро жизнь дѣйствительная смяла и затерла эти блестящія мечты.

Пестереву пришлось туго. Прежде отъ отца все-таки иной разъ перепадала ему малая толика деньжонокъ... Съ третьяго курса Пестереву пришлось оставить университетъ «по недостатку средствъ». Онъ ухватился за уроки, какъ за якорь спасенія, и отправился на годъ въ Воронежскую губернію къ помѣщику Федотову — приготовлять его сыновей для поступленія въ гимназію. Семейство Федотовыхъ состояло изъ отца, матери и четырехъ сыновей: трое изъ нихъ—ученики Пестерева—были еще мальчики, а четвертый—былъ студентъ, и черезъ него-то Пестеревъ попалъ на уроки. Федотовы были простые, милые люди. М-me Федотова обращалась съ нимъ всегда ровно, ласково, по родственному; хозяинъ смотрѣлъ на него, какъ на товарища, помогавшаго ему коротать скучные осенніе и зимніе вечера; дѣти любили его...

Тепло, уютно жилось ему у Федотовыхъ. Пестеревъ помнитъ, что на него нападала грусть только въ то время, когда студентъ Федотовъ, любимецъ матери, пріѣзжалъ въ Кабановку на вакаціи и на двѣ недѣли рождественскихъ праздниковъ. Конечно, старики Федотовы попрежнему ласково обращались съ нимъ, какъ со своимъ человѣкомъ, но, понятно, они болѣе ухаживали за сыномъ, нежели за учителемъ. Барыня наглядѣться не могла на своего любимчика: ему — лучшій кусокъ за обѣдомъ, ему — всѣ удобства, всѣ удовольствія, какія только мыслимы въ деревенской глуши. Пестеревъ зналъ, что все это— совершенно естественно, но ему какъ-то невольно думалось о томъ, что у него нѣтъ «своего дома, что его уже нигдѣ не встрѣтятъ такъ, какъ встрѣчаютъ въ Кабановкѣ этого счастливаго студента. А было время, когда онъ гимназистомъ пріѣзжалъ «домой» на каникулы, и отецъ съ матерью также не знали, куда посадить и чѣмъ потчивать дорогого гостя...

Въ концѣ зимы одинъ изъ помѣщиковъ, Шмагинъ, привезъ изъ Петербурга гувернантку для своихъ дочерей. Какъ-то во время масляной Пестеревъ съ Федотовыми пріѣхалъ вечеромъ къ Шмагинымъ и тутъ въ первый разъ увидалъ гувернантку. Ее звали Варварой Павловной Сумбуловой.

«Mademoiselle» была еще очень молодая дѣвушка, лѣтъ 18, средняго роста, брюнетка, съ темными блестящими глазами и съ яркимъ, здоровымъ румянцемъ на щекахъ. Густые, черные волосы увѣнчивали, какъ короной, ея красивую головку. Дѣвушка произвела на Пестерева очень пріятное впечатлѣніе. Они познакомились. Сходство ихъ общественнаго положенія, ихъ профессіи скоро сблизило ихъ. Они сошлись и подружились... Оба они были тогда молоды, отзывчивы, оба переживали золотую пору идеаловъ, надеждъ и мечтаній. Оба они гнушались зломъ и твердо вѣрили въ

торжество правды. Они были готовы бороться за свою «правду» и пострадать за нее. Какъ они были тогда смѣлы, отважны, самоотверженны—и какъ прекрасны въ своемъ самоотверженіи!.. Въ человѣческой жизни бываетъ свой золотой вѣкъ, и онъ до того блестящъ и лучезаренъ въ сравненіи съ обыденной грязью послѣдующаго періода, что иному подъ старость онъ начинаетъ казаться миѳомъ. Охладѣвшее воображеніе уже не въ силахъ воссоздать чудное видѣніе, бывшее нѣкогда дѣйствительностью,—и человѣку начинаетъ чудиться, что тою свѣтлою жизнью жилъ вовсе не онъ, а кто-то другой... Та пора идеаловъ, надеждъ и мечтаній была такъ хороша, такъ прекрасна, что даже теперь, когда Николай Ивановичъ сталъ уже совершенно практическимъ человѣкомъ, у него не хватило духу улыбнуться насмѣшливо надъ «юношескими грезами».

При всякомъ удобномъ случаѣ Пестеревъ бралъ у Федотовыхъ лошадь и отправлялся въ Никольское, къ Шмагинымъ. Весна въ тотъ годъ наступила быстро; въ одну ночь степные рѣчки и ручьи наполнились водой и вылились изъ бѣреговъ... Подошла Пасха—время свободное отъ занятій, и Пестеревъ, несмотря на страшную распутицу, то верхомъ, то пѣшкомъ пробирался въ Никольское. Старикъ Федотовъ подтрунивалъ надъ учителемъ.

— А кажется, Николай Иванычъ, «черные глазки» васъ обожгли!—сказалъ онъ однажды, посмѣиваясь. («Черными глазками» старикъ, обыкновенно, называлъ шмагинскую гувернантку).

Пестерева смутили такія подозрѣнія. До той поры онъ могъ бы смѣло заявить, положа руку на сердце, что между нимъ и Варварой Павловной существовали только-чисто дружескія отношенія. Подтруниванья Федотова раскрыли ему глаза и заставили пристальнѣе посмотрѣть на дѣло... «А вѣдь, въ самомъ дѣлѣ», подумалось ему, «я отношусь къ ней нѣжнѣе, какъ-то иначе, чѣмъ относился бы къ другу мужского пола!..» И дѣвушка, повидимому, сочувствовала ему. Грустно смотрѣли на него ея темные, глубокіе глаза, когда онъ разсказывалъ ей о своемъ бѣдственномъ студенческомъ житьѣ-бытьѣ и о томъ, какъ онъ вынужденъ былъ оставить университетъ и ѣхать на уроки. Онъ разсчитывалъ здѣсь накопить денегъ и съ будущей осени продолжать прерванныя занятія. Варвара Павловна смотрѣла на него и вздыхала... Боялась-ли она, что его мечта о «накопленіи» денегъ несбыточна или думала въ то время о своей собственной участи? Дѣвушка также повѣдала ему свое горе: отецъ ея кое-какъ перебивается съ семьей, она—его любимица, но отецъ все-таки долженъ былъ отпустить ее въ гувернантки, такъ какъ она—старшая въ семьѣ и только она одна въ состояніи заработывать деньгу. Дѣвушка разсказала ему, какъ она боялась ѣхать въ провинцію, въ такую даль, какъ ей сначала было скучно, тоскливо среди чужихъ людей...

— Всѣ, они, конечно, люди простые и добрые...— говорила Варвара Павловна. Но все-таки мнѣ было ужасно тяжело... рѣшительно, не съ кѣмъ было поговорить по душѣ! Я такъ обрадовалась, когда встрѣтила васъ!.. Мы съ вами встрѣтились здѣсь, знаете, какъ точно путешественники въ какой-нибудь африканской пустынѣ. Право!..

Она говорила безъ малѣйшей тѣни кокетства, совершенно просто, искренно и нѣсколько наивно... Также наивно сообщила она Пестереву о томъ, что m-me Шмагина ревнуетъ ее къ мужу и дѣлаетъ ей разныя мелочныя непріятности.

Дѣвушка затѣяла съ нимъ переписку. Она просила у него ту или другую книгу, сообщала свои мнѣнія о прочитанномъ, обращалась къ нему за разрѣшеніемъ своихъ недоумѣній. Она была дѣвушка серьезная, трудящаяся и старательно пополняла, какъ могла, пробѣлы въ своемъ образованіи. Пестеревъ и самъ не знаетъ, не увлекся-ли бы онъ со временемъ «черными глазками»... Но осенью занятія его у Федотовыхъ кончились,—и романъ его остановился на первой главѣ. Онъ дружески разстался съ Варинькой, обѣщавъ переписываться съ нею.

— До лучшихъ дней! —сказала она на прощанье, задумчиво, грустно посмотрѣвъ на него.

Онъ, молча, крѣпко пожалъ ей руку. «Скоро-ли, бѣдняжка, ты выберешься отсюда и попадешь къ своимъ роднымъ?» подумалъ онъ про себя.

Сначала они переписывались, а потомъ—черезъ годъ—Варинька куда-то уѣхала изъ Никольскаго, отъ Федотовыхъ онъ не получалъ извѣстій—и «черные глазки», казалось, исчезли изъ его жизни навсегда. Лѣтъ семь уже спустя послѣ того, какъ Николай Ивановичъ уѣхалъ изъ Кабановки, совершенно случайно дошло до него извѣстіе «о черныхъ глазкахъ». Въ то время онъ жилъ въ Петербургѣ и работалъ на литературномъ полѣ.

На одномъ изъ редакціонныхъ вечернихъ собраній онъ взялъ отъ нечего дѣлать какой-то провинціальный листокъ и сталъ пробѣгать его. Въ корреспонденціи изъ Кіева его поразило одно мѣсто, гдѣ сообщалось о томъ, что утопилась одна домашняя учительница, В. П. Сумбулова, что на другой день трупъ ея вытащенъ изъ рѣки, что производится дознаніе и т. д. Въ заключеніе корреспондентъ передавалъ—въ видѣ ходившаго по городу слуха—разсказъ о томъ, что это самоубійство, будто бы, находится въ связи съ политическимъ дѣломъ, недавно передъ тѣмъ раскрытымъ гдѣ-то на югѣ Россіи... Пестеревъ сидѣлъ, склонившись надъ столомъ, заваленнымъ газетами. Вокругъ него шумѣли, спорили, смѣялись. А онъ какъ будто и не слыхалъ этого шуму; на мгновенье все его окружающее какъ будто уплыло куда-то, улетучилось... Онъ продолжалъ смотрѣть на поразившія его печатныя строки, но не эти печатныя строки видѣлъ онъ передъ собой...

Изъ-за сѣраго газетнаго листа выдвигалась передъ нимъ Кабановка, затерявшаяся посреди степей, вся потонувшая въ зелени... Вотъ сѣрый, низенькій, продолговатый домъ, съ двумя крыльцами по бокамъ, съ длиннымъ рядомъ оконъ, съ приплюснутой кровлей; за домомъ поднимается садъ, съ запущенными аллеями, съ густымъ вишеньемъ; далѣе видны конопляники... Какъ воочію встаютъ передъ нимъ старосвѣтскіе обитатели Кабановки, проводящіе подъ ея сѣнью мирное, безмятежное житіе... За конопляниками вьется еле проѣзженная дорога. Нерѣдко по этой дорожкѣ возвращался онъ изъ Никольскаго домой на бѣговыхъ дрожкахъ. Что это были за благодатныя лѣтнія ночи!.. По бокамъ его высокою стѣною поднималась желтая колосистая рожь, надъ головой его синѣло ясное ночное небо и блѣдныя звѣзды свѣтили ему съ далекаго неба. Онъ пускалъ лошадь шагомъ, снималъ фуражку и, поднявъ голову, мечтательно смотрѣлъ въ эту синюю глубь, мерцавшую огнями. Легкій ночной вѣтерокъ проносился по полю, покачивая колосья и играя его густыми кудрями... Въ то время въ этихъ кудряхъ еще не блестѣли серебристыя нити... Тогда порой мерещились ему «черные глазки»,—они и теперь выплыли передъ нимъ изъ тумана прошлаго... Большіе, темные, выразительные глаза... И въ ту пору уже иногда горѣлъ въ нихъ мрачный огонекъ и, казалось, что-то «трагическое» таилось въ ихъ загадочной глубинѣ... «Что сталось съ нею за эти годы? Изъ-за чего она?..» И ему почудилось, что онъ слышитъ ея страстно звучащій, взволнованный голосъ; почудилось, что она, какъ часто бывало прежде, низко наклоняется къ нему, пристально смотритъ ему въ глаза и прерывающимся шопотомъ сообщаетъ ему свои завѣтныя думы. Ему казалось, что онъ даже, какъ будто, почувствовалъ на щекѣ ея горячее дыханіе,—и вздрогнулъ...

Тутъ опять редакціонный шумъ дорвался до Пестерева... Товарищи спрашивали его о чемъ-то... И онъ отвѣчалъ, говорилъ съ ними, разсуждалъ о недавно передъ тѣмъ обнародованномъ государственномъ бюджетѣ, по соображенія министра финансовъ и ряды цифръ не могли въ тотъ вечеръ вытѣснить изъ его головы кіевской корреспонденціи... «Бѣдная! думалось ему. Вотъ и еще одна жертва нашей общественной нескладицы! Еще одна сгинувшая жизнь!.. Неслышно пропалъ человѣкъ,—такъ неслышно падаетъ колосъ, подрѣзанный острымъ серпомъ, такъ неслышно падаетъ осенью съ дерева желтый листочекъ»...

Въ ту ночь, помнитъ Пестеревъ, онъ долго не могъ заснуть, возвратившись домой изъ редакціи, и курилъ папиросу за папиросой. Варинька не шла у него изъ головы... Что погубило ее? Теперь—въ деревенской тиши, въ минуты тяжкаго раздумья—воспоминаніе о «черныхъ глазкахъ» опять больно кольнуло его.

Тяжело было теперь на душѣ Пестерева. Онъ поднялъ голову и посмотрѣлъ на ночное небо—не съ прежнимъ упованьемъ, но печально и уныло, хотя небо попрежнему было прекрасно въ своей синей, звѣздной ризѣ...

А воспоминанія той порой мелькали своимъ чередомъ...

Надежда «скопить деньги на урокахъ» не оправдалась. По пріѣздѣ изъ Воронежской губ. въ Москву, онъ насчиталъ въ своемъ кошелькѣ 50 рублей съ копѣйками. Приходилось отложить въ сторону всякое помышленіе объ университетѣ. Въ это время въ жизни его произошла большая перемѣна: онъ вздумалъ выступить на литературное поприще. Пестеревъ до сей поры и самъ хорошо не знаетъ: почему такъ вышло? что въ сущности побудило его взяться за перо?.. Въ дѣтствѣ онъ не обладалъ ни особенной силой, ни ловкостью, и поэтому онъ всегда из-

бѣгалъ драки на кулачкахъ и всякихъ шумныхъ игръ. Въ гимназіи у него было много товарищей, но не было друга; ему не съ кѣмъ было отвести душу, подѣлиться своими мыслями и чувствами. Записную книжку онъ сдѣлалъ повѣренною своихъ дѣтскихъ думъ и мечтаній и заносилъ въ нее все, что́ приходило ему въ голову, писалъ небольшіе разсказы, сцены, прозу и стихи. Книжка не выдастъ и не подниметъ на смѣхъ: она вѣрнѣе и скромнѣе всякаго друга... Онъ также любилъ читать и читалъ много. Когда стали писать классныя сочиненія на заданныя тэмы, его сочиненія оказывались изъ лучшихъ... Теперь же знакомство съ Варинькой, прощальныя бесѣды съ нею взволновали Пестерева, разбудили его воображеніе,—и ему страстно захотѣлось написать исторію одной маленькой, несчастной женской жизни. Мысль объ этомъ разсказѣ пришла ему какъ-то совершенно внезапно, какъ наитіе свыше. Однажды ночью, въ минуты безсонницы, ему явился очень симпатичный образъ молодой дѣвушки... Онъ въ то время находился еще подъ впечатлѣніемъ «черныхъ глазокъ», и—естественно—героиня его повѣсти сильно напоминала собой Вариньку. Какъ-то быстро, моментально составился планъ повѣсти, и утромъ, когда Пестеревъ проснулся, вся повѣсть, къ его удивленію, была уже написана въ его головѣ. Оставшись на время безъ всякихъ занятій, онъ съ лихорадочной поспѣшностью принялся за повѣсть и работалъ надъ нею съ такимъ жаромъ, такъ усидчиво, какъ будто боялся, чтобы образы и мысли, волновавшіе его, не исчезли моментально у него изъ головы. Черезъ мѣсяцъ работа была кончена.

Въ одно холодное ноябрьское утро Пестеревъ очутился на дебаркадерѣ Николаевской желѣзной дороги и мчался въ Петербургъ. Всю дорогу промечталъ онъ о писательской дѣятельности...Онъ дрожалъ отъ холода въ своемъ легкомъ пальто, изрѣдка на станціяхъ онъ выпивалъ по рюмкѣ водки и коекакъ согрѣвался... Смотря въ окно на мелькавшія мимо него окрестности, запорошенныя снѣгомъ, и на голыя, сухія деревья, словно дрожавшія на холодномъ вѣтру, Пестеревъ погружался въ свою сладостную мечту, представляя себѣ, какъ онъ войдетъ въ литературный кругъ. Какія тамъ, должно быть, все—свѣтлыя головы, какія честныя, благородныя души!.. И въ блестящихъ краскахъ рисовались ему личности писателей, которыхъ имена уже давно съ уваженіемъ встрѣчалъ онъ въ журналахъ. Радужнымъ ореоломъ окружались они въ воображеніи юноши, блестя и сіяя, какъ алмазы. Какое счастье познакомиться съ этими людьми, бывать въ ихъ обществѣ!.. Онъ будетъ слушать этихъ апостоловъ, этихъ проповѣдниковъ общественной морали, станетъ поучаться у нихъ...

Подъѣзжая къ Петербургу и съ лихорадочнымъ волненіемъ заглядывая въ окно на большой городъ, разстилавшійся вдали, онъ шопотомъ повторялъ некрасовскіе стихи:

... Въ стѣнахъ твоихъ
И есть и были въ стары годы
Друзья народа и свободы,
А посреди могилъ нѣмыхъ
Найдутся громкія могилы»...

V.

Въ Петербургъ онъ пріѣхалъ утромъ. Клочки ясной, холодной лазури просвѣчивали изъза быстро бѣжавшихъ по небу облаковъ; ледяной, пронзительный вѣтеръ дулъ порывисто съ Ладожскаго озера. Петербургъ на первыхъ порахъ показался Пестереву холоденъ и неуютенъ. «Наружность иногда обманчива бываетъ!» утѣшалъ онъ самъ себя.

Пестеревъ поселился на Васильевскомъ островѣ, на углу 3 линіи и Средняго проспекта... Тутъ, какъ сказочный добрый молодецъ, онъ разомъ очутился на распутьи. Въ какую редакцію идти? Ихъ было три или даже четыре... Остатки федотовскихъ денегъ проживались и нужда уже сидѣла у него за плечами. Что дѣлать? Куда направиться?.. Впрочемъ, ему не долго пришлось раздумывать: счастливый случай выручилъ его на этотъ разъ...

Его сосѣдомъ по комнатѣ оказался студентъ, у студента былъ знакомый учитель одной изъ петербургскихъ гимназій, а этотъ учитель въ свою очередь былъ товарищемъ Предтеченскаго—одного изъ тѣхъ передовыхъ людей, о которыхъ Пестеревъ мечталъ въ вагонѣ желѣзной дороги.(Предтеченскій въ то время былъ редакторомъ одного толстаго журнала). Однажды у своего сосѣда Пестеревъ встрѣтился съ учителемъ, разговорился, повѣдалъ ему о своей повѣсти и попросилъ прочесть ее. Этотъ милый, обязательный человѣкъ взялъ у него рукопись и вскорѣ возвратилъ ее съ самымъ благопріятнымъ отзывомъ, исправивъ кстати нѣсколько грамматическихъ и стили-

стическихъ ошибокъ. Онъ самъ вызвался дать ему и рекомендательное письмо «къ Николаю Алексѣевичу» (Предтеченскому).

Весь вечеръ того дня Пестеревъ былъ сильно взволнованъ; лицо горѣло, лихорадочная дрожь пробирала его, и онъ не могъ ни за что приняться... Онъ заперся въ своей комнатѣ и сталъ перечитывать наиболѣе эффектныя сцены изъ своей повѣсти... Удача ободрила его. Онъ уже былъ вполнѣ увѣренъ, что этими сценами «онъ» останется доволенъ. Пестереву даже думалось, что «онъ» придетъ отъ нихъ въ восторгъ... Ночью ему приснилось, что онъ потерялъ свою драгоцѣнную рукопись и ужасно безпокоился, чтобы она не появилась въ печати подъ чужимъ именемъ, всюду искалъ ее, не находилъ и былъ въ отчаяніи... Онъ проснулся съ тяжестью на душѣ и сильно бьющимся сердцемъ, въ ту жъ минуту вскочилъ съ постели, бросился къ столу и торопливо заглянулъ въ ящикъ: рукопись лежала тамъ цѣла и невредима. Съ облегченіемъ вздохнулъ онъ и, закуривъ папиросу, снова легъ на свою желѣзную кровать. Тусклый разсвѣтъ ноябрьскаго утра сквозилъ въ окно... Съ полчаса пробылъ Пестеревъ въ какомъ-то блаженномъ, полумечтательномъ, полусонномъ состояніи... «Сегодня утромъ онъ пойдетъ къ Предтеченскому!»... Ему припомнилось, какъ произведеніями Предтеченскаго зачитывалась въ ту пору молодежь. Онъ мысленно представлялъ себѣ образъ этого симпатичнаго писателя: волосы до плечъ, строгій, красивый профиль, задумчивый взглядъ...

Николай Алексѣевичъ жилъ тогда на Знаменской улицѣ, и Пестереву съ Васильевскаго острова пришлось сдѣлать пѣшкомъ изрядный конецъ (конножелѣзныхъ дорогъ въ ту отдаленную эпоху еще не существовало въ Петербургѣ). Утро было холодное, въ воздухѣ стояла изморозь, пронизывающая до костей. Пестеревъ вздрагивалъ и ежился въ своемъ легкомъ пальто,—и только тутъ впервые почему-то пришла ему въ голову непріятная мысль о томъ, что его можетъ постигнуть неудача. Обратитъ-ли Предтеченскій вниманіе на его повѣсть? Какъ-то онъ приметъ его?.. То-ли отъ ходьбы, то-ли отъ душевнаго волненія, Пестеревъ, дойдя до Знаменской улицы, такъ согрѣлся, что ему стало даже жарко... Хотя былъ уже одиннадцатый часъ, но онъ засталъ Предтеченскаго еще за чаемъ. Какая-то горничная или кухарка—очень видная, полная женщина въ сарафанѣ—встрѣтила его въ передней.

— Вчера опять поздно воротился...—конфиденціально проговорила женщина, очевидно, принимая Пестерева за одного изъ знакомыхъ Николая Алексѣевича.

Предтеченскій при входѣ Пестерева сидѣлъ передъ столомъ, забравшись съ ногами на кушетку. На столѣ были разбросаны книги, тетради, старые номера газетъ, масса небольшихъ исписанныхъ клочковъ бумаги и тутъ же стоялъ недопитый стаканъ чая. Предтеченскій вовсе не походилъ на тотъ портретъ, какой Пестеревъ составилъ заочно: не было ни строгаго профиля, ни волосъ до плечъ... Онъ былъ худощавъ, тонокъ, строенъ; блѣдное лицо его съ небольшими усами было очень недурно; волосы—темные, короткіе и тщательно приглаженные. Во взглядѣ его карихъ глазъ, а также въ его рѣчи и манерахъ сказывалось что-то мягкое, нѣжное, женственное. Онъ поднялся на встрѣчу Пестереву и очень любезно пожалъ ему руку.

— Садитесь... Не хотите-ли чаю? — радушно спросилъ онъ.

Голосъ его былъ тихій и пріятный, невольно располагавшій къ довѣрію.

— Благодарю васъ! Я только-что пилъ...—отвѣтилъ Пестеревъ.

Онъ ушелъ изъ дома безъ чая, но полагалъ, что нехорошо для перваго знакомства набрасываться на чай. Онъ подалъ Николаю Алексѣевичу рекомендательное письмо. Тотъ пробѣжалъ его и попросилъ у него посмотрѣть рукопись. Еще никогда, ни разу въ жизни, даже на выпускныхъ экзаменахъ изъ латинскаго языка, у Пестерева не билось такъ сердце, какъ теперь, когда онъ сталъ торопливо вывертывать изъ газетной бумаги свою рукопись. И какою жалкою, мизерною показалась ему эта тщательно, каллиграфически переписанная тетрадь, когда ему припомнился рядъ блестящихъ, талантливыхъ произведеній находившагося теперь передъ нимъ писателя...

— Вы нигдѣ еще не писали? — ласково спросилъ его Предтеченскій.

— Нигдѣ... Я въ первый разъ...—пробормоталъ Пестеревъ.

Сердце его захолонуло. Онъ подалъ рукопись и грязнымъ, носовымъ платкомъ отеръ вспотѣвшій лобъ... Предтеченскій быстро пе-

релистовалъ рукопись, взглянулъ на заглавіе и, слегка прищурившись, посмотрѣлъ вверхъ, какъ бы что-то соображая...

— Черезъ недѣлю вы зайдите ко мнѣ. Я постараюсь къ тому времени прочесть вашу повѣсть...—тихо промолвилъ онъ. — Теперь у меня такая масса рукописей, столько работы, что не успѣваешь...

Дверь отворилась и въ комнату вошелъ средняго роста, бѣлокурый господинъ, довольно полный, съ окладистой бородой, съ большимъ открытымъ лбомъ и съ золотымъ pince-nez. Если бы хозяинъ даже и не назвалъ по фамиліи этого господина, то Пестеревъ все-таки тотчасъ же догадался бы, что видитъ передъ собой какого-нибудь недюжиннаго русскаго литератора... Бываютъ типическія, характерныя физіономіи: помѣщичьи, купеческія, студенческія, артистическія... А у вошедшаго господина, по мнѣнію Пестерева, была «физіономія писателя». И онъ не ошибся... Измайловъ, дѣйствительно, былъ на ту пору любимцемъ лучшей части нашей читающей публики.

Измайловъ присѣлъ на край стола, стоявшаго передъ зеркаломъ; хозяинъ попрежнему забрался съ ногами на кушетку и принялся болтать съ гостемъ. Пестеревъ почтительно смотрѣлъ то на того, то на другого. Вотъ они передъ нимъ—эти люди, которыхъ онъ уже давно заочно, по ихъ сочиненіямъ, любилъ и уважалъ, какъ свѣточей свободы мысли. Имена ихъ и подобныхъ имъ писателей уже давно сдѣлались для Пестерева синонимомъ честности, благородства и всего лучшаго въ мірѣ. Они въ своихъ уединенныхъ кабинетахъ представлялись ему чудесными волшебниками, вырабатывавшими въ своихъ лабораторіяхъ тѣ созданія, что впослѣдствіи облетали всю читающую образованную Россію, повсюду возбуждали живѣйшій интересъ и встрѣчались съ востэргомъ — особенно молодежью... Оба они были неоффиціальными редакторами одного журнала и теперь—Пестеревъ помнитъ —они разсуждали о послѣднемъ романѣ, надѣлавшемъ шуму въ нѣкоторыхъ кружкахъ, о книгѣ Беккера «Путешествіе къ истокамъ Нила» и еще о чемъ-то... Пестеревъ слушалъ внимательно, но не могъ уловить нити ихъ отрывочнаго разговора, вѣроятно, начатаго раньше,—можетъ быть, еще за день или за два.

Съ дѣтскимъ любопытствомъ Пестеревъ разсматривалъ комнату и всѣ мелочи ея обстановки: все, касавшееся домашней, интимной жизни писателя сильно интересовало его. Комната была небольшая, но высокая, свѣтлая, въ два окна, съ старинной кафельной печкой въ углу. На письменномъ столѣ Пестеревъ замѣтилъ, между прочимъ, стеклянную чернильницу съ широкимъ основаніемъ, перо съ бѣлой ручкой изъ слоновой кости и пресъ-папье темной бронзы, изображавшее лежащую навзничь вакханку съ кубкомъ въ рукѣ. На табуретѣ возлѣ кушетки стоялъ самоваръ; на столѣ, заваленномъ бумагами, мѣста для него не оказывалось. На подзеркальномъ столикѣ лежала головная щетка съ двумя воткнутыми въ нее гребенками, стояла стклянка одеколона и какой-то изящный розовый флаконъ. На обоихъ подоконникахъ валялись книги, рукописи, кипы старыхъ газетъ, и тутъ же пустые ящики изъ-подъ сигаръ. Спальню отъ этой комнаты отдѣляло темно-малиновое шерстяное драпри.

Вдругъ Пестеревъ услыхалъ, что Николай Алексѣевичъ вполголоса завелъ рѣчь объ его повѣсти, назвалъ ея заглавіе и передалъ рукопись Измайлову. Тотъ вскинулъ на носъ pince-nez и начать перелистывать тетрадь. Опять Пестеревъ почувствовалъ, что сердце его забилось, какъ птичка, попавшаяся въ западню.

— Не можете-ли вы разсказать въ двухъ словахъ содержаніе вашей повѣсти!—обратился къ нему Измайловъ.

Юноша принялся разсказывать отрывочно, сбивчиво; слова не шли съ языка, а если и шли, то вовсе не тѣ, какимъ бы слѣдовало идти. Онъ былъ очень недоволенъ собой, чувствовалъ себя крайне неловко; каждою неумѣлой фразой онъ какъ будто пригвождалъ къ позорному столбу дѣйствующихъ лицъ своей повѣсти. Николай Алексѣевичъ ласково смотрѣлъ на него, его пріятель одобрительно покачивалъ головой, а Пестеревъ краснѣлъ и заикался... Онъ испытывалъ такое ощущеніе, какъ будто чья-то невидимая рука снимала съ него одну за другой всѣ принадлежности его туалета—до тѣхъ поръ, пока онъ остался въ чемъ мать родила.

— А вы какую идею проводите въ своей повѣсти? — спросилъ Измайловъ, взмахнувъ на него своимъ золотымъ pince-nez.

— Да... идея, конечно... я... — забормоталъ юноша, путаясь все болѣе и болѣе.

Но въ эту минуту, на его счастье, опять отворилась дверь и вошелъ новый посѣти-

тель—темноволосый мужчина, съ небольшой лысиной и съ бородой. Это былъ «нашъ извѣстный» переводчикъ и поэтъ... Воспользовавшись тѣмъ обстоятельствомъ, что разговоръ объ его повѣсти прервался, Пестеревъ попрощался и ушелъ.

— Черезъ недѣлю навѣдайтесь!—сказалъ ему хозяинъ на прощанье.

Первое знакомство съ литераторами положительно очаровало Пестерева. Возвращаясь на Васильевскій островъ, онъ былъ какъ въ чаду. Холодный вѣтеръ и сырая изморозь, попрежнему стоявшая въ воздухѣ, теперь уже не пронимали его до костей. Блестящія надежды роились въ его головѣ...

Черезъ недѣлю онъ опять, съ тревогой и сомнѣньемъ, звонилъ у квартиры Предтеченскаго. Тотъ попрежнему встрѣтилъ его любезно. Онъ прочиталъ его повѣсть; повѣсть можетъ быть напечатана въ ихъ журналѣ, но въ ней нужно кое-что сократить, измѣнить, «сгладить» шероховатости.

—Я—человѣкъ опытный... Вы ужъ будьте спокойны! Я не испорчу вашу повѣсть...—своимъ мягкимъ, нѣжнымъ тономъ проговорилъ Николай Алексѣевичъ.

Пестеревъ и самъ зналъ, что Предтеченскій—литераторъ опытный, но, какъ всякій новичекъ, онъ боялся за свое произведеніе, дрожалъ за каждую его строчку, за каждую подробность готовъ былъ горой стоять, спорить до девятаго пота, и считалъ на вѣсъ золота каждое свое bon mot. Ему непремѣнно хотѣлось знать: какія «мѣста» Николай Алексѣевичъ намѣренъ сократить, и что именно приходится измѣнять...

— Теперь я этого еще не могу сказать, нужно посмотрѣть... Но ужъ вы, пожалуста, предоставьте мнѣ... Право же, я не желаю вамъ зла!—убѣдительнымъ тономъ, съ улыбкой повторилъ Предтеченскій.

Вся личность его невольно внушала довѣріе; Пестеревъ болѣе не настаивалъ. Тутъ явился другой вопросъ—вопросъ денежный, чуть-ли еще не болѣе щекотливый... Въ отношеніи литературныхъ обычаевъ Пестеревъ былъ круглый невѣжда. Онъ не зналъ: можно-ли просить денегъ впередъ за свое сочиненіе. У Пестерева деньги всѣ уже вышли, и послѣдніе три дня онъ ложился спать впроголодь, съ щемящей болью подъ ложечкой и въ весьма унылымъ настроеніи духа... На его счастье обычные гости еще не собрались къ Предтеченскому, и онъ рѣшился спросить: нельзя-ли получить немного денегъ впередъ.

— Отчего-же... Я думаю можно...—сказалъ Николай Алексѣевичъ.—Я увижу издателя и поговорю съ нимъ. А вы зайдите къ нему въ воскресенье, отъ 3 до 4...

Когда Пестеревъ уже всталъ и собирался уходить, въ комнату, какъ вихрь, ворвался посѣтитель... Это былъ мужчина среднихъ лѣтъ, небольшого роста, кругленькій, мягкій, съ англійскимъ проборомъ, съ великолѣпно расчесанными бакенбардами, свѣжій, сіяющій румянцемъ и одѣтый по картинкѣ модъ. Хозяинъ лишь мелькомъ успѣлъ познакомить съ нимъ Пестерева, и Пестеревъ едва разслышалъ фамилію посѣтителя... г. Меліусъ... «Издатель»?.. Пестеревъ такъ и воззрился на него.

А гость, между тѣмъ, потирая руки и дѣлая забавныя антраша, быстро забѣгалъ по комнатѣ и заболталъ скороговоркой. Онъ то подскакивалъ къ зеркалу и расчесывалъ бороду, то схватывалъ со стола книгу и снова бросалъ ее—и трещалъ, трещалъ безъ умолку. Онъ пожалѣлъ, что Измайловъ не былъ вчера въ театрѣ, потомъ затараторилъ о спиритизмѣ, о чертяхъ, затѣмъ какимъ-то бѣшенымъ salto-mortale перескочилъ къ кіевскому митрополиту и, вставъ на колѣни и протягивая руки, сталъ представлять, какъ его бабушка-старушка принимала благословеніе митрополита... Пестеревъ стоялъ, какъ вкопанный, смотрѣлъ, слушалъ и дивился... Что-то мальчишеское, легкомысленное сказывалось въ рѣчахъ и манерахъ этого необыкновеннаго издателя, «Да ужъ полно—издатель-ли онъ? Можетъ быть, однофамилецъ»... подумалъ Пестеревъ. Но изъ отрывочной болтовни, происходившей передъ нимъ, онъ скоро убѣдился, что этотъ странный господинъ, дѣйствительно, былъ издатель того журнала, гдѣ работалъ Предтеченскій. Пестеревъ, по своей наивности, никакъ не могъ сообразить, что было общаго между этою кривляющеюся мартышкой и такими писателями, какъ Предтеченскій и Измайловъ.

Сначала Пестеревъ хотѣлъ было остаться въ той надеждѣ, что авось Николай Алексѣевичъ при немъ же переговоритъ съ издателемъ о деньгахъ. Но, увидавъ, что Предтеченскій, рѣшительно не имѣлъ ни малѣйшей физической возможности вставить слово и перебить издательскую рѣчь, лившуюся какимъ-то безтолковымъ, шумнымъ водопадомъ,

Пестеревъ раскланялся и ушелъ. Въ ушахъ его звенѣло отъ трескотни, и ему было совѣстно и обидно за Предтеченскаго — за то, что ему приходилось выносить присутствіе подобнаго кривляки...

Былъ четвергъ, денегъ не оставалось ни гроша. Пестеревъ занялъ полтинникъ у сосѣда-студента и жилъ имъ до воскресенья.

Въ воскресенье, ровно въ половинѣ четвертаго, Пестеревъ былъ уже на Николаевской улицѣ и поднимался по парадной лѣстницѣ, устланной мягкимъ сѣрымъ ковромъ съ красной каймой. Негръ во фракѣ и въ бѣлыхъ вязаныхъ перчаткахъ отворилъ ему дверь. Въ ту минуту на порогѣ передней и сосѣдней комнаты, походившей не то на кабинетъ, не то на дамскій будуаръ, стояла дама высокаго роста, очень стройная, блондинка, съ пышными свѣтлыми волосами, высоко поднимавшимися надъ лбомъ. Она показалась Пестереву худощавою; продолговатое лицо ея было блѣдно. Особенно бросались въ глаза ея взбитые, пушистые волосы и греческій носъ съ широкими, слегка приподнятыми ноздрями. На ней было шелковое платье стальнаго цвѣта. Она стояла въ дверяхъ въ величавой позѣ и, откинувъ назадъ голову, съ легкимъ оттѣнкомъ презрѣнія и брезгливости посматривала на Пестерева. «Герцогиня!» подумалъ юноша, сознавая въ то же время, что онъ со своимъ лицомъ, покраснѣвшимъ отъ холода, съ красными, какъ у гуся, лапами и въ потертомъ сюртучишкѣ, побѣлѣвшемъ по швамъ, долженъ былъ представлять собой очень жалкую фигуру, въ особенности рядомъ съ приличнымъ негромъ и посреди той шикарной обстановки, въ какой онъ очутился, какъ грязное пятно на свѣтломъ фонѣ.

— Что вамъ нужно? — сухо, отрывисто спросила его дама, не перемѣняя своей олимпійской позы.

— Мнѣ нужно видѣть г. издателя!—отвѣтилъ Пестеревъ.

— Зачѣмъ?

— Мнѣ хотѣлось бы поговорить съ нимъ по поводу повѣсти...

— Для этого нужно обратиться къ редактору!—перебила его дама.

— Николай Алексѣевичъ уже читалъ мою повѣсть и принялъ ее...—началъ, было, Пестеревъ.

— Какъ ваша фамилія?

Пестеревъ сказалъ.

— Не знаю. Въ первый разъ слышу...— прежнимъ холоднымъ тономъ замѣтила барыня.

— Николай Алексѣевичъ хотѣлъ сказать обо мнѣ...—объяснялъ Пестеревъ.

— Мы вчера видѣли и его, и Измайлова... они ничего не говорили... Впрочемъ, мужъ долженъ скоро быть. Войдите!—промолвила дама, входя въ кабинетъ.

Почти по срединѣ комнаты стоялъ великолѣпно устроенный акваріумъ, убранный камнями, раковинами, разноцвѣтнымъ мохомъ и водяными растеніями. Мягкій темный коверъ покрывалъ полъ, на стѣнахъ висѣли картины въ дорогихъ рамахъ. Въ глубинѣ комнаты видѣнъ былъ изящный письменный столъ съ массой стоявшихъ на немъ бездѣлушекъ. У противоположной стѣны, посреди зеленыхъ пальмъ, пріютилась прехорошенькая козетка. Два большія высокія окна были красиво задрапированы занавѣсами. Въ каминѣ по чернымъ грудамъ дотлѣвавшихъ угольевъ пробѣгали золотистыя искры. Большая висячая лампа съ матовымъ блѣднорозовымъ шаромъ мягкимъ полусвѣтомъ озаряла комнату, а въ окнахъ, изъ-за занавѣсей, синѣло ясное, вечернее зимнее небо.

Дама, подойдя къ акваріуму, опустила въ воду кончикъ пальца и къ нему со всѣхъ сторонъ начали сплываться маленькія бойкія рыбки, блестя въ прозрачной влагѣ своею красною и золотистою чешуей. Пестеревъ усталъ, промаршировавъ съ Васильевскаго острова на Николаевскую улицу... Безъ приглашенія онъ опустился на первый попавшійся ему стулъ и, молча, мялъ и теребилъ свою несчастную шапку. Съ замираніемъ сердца, нехотя, шелъ онъ въ первый разъ за деньгами къ издателю. Холодный, строгій пріемъ окончательно обезкуражилъ его. Эта высокая, худощавая женщина съ сухимъ металлическимъ голосомъ, въ платьѣ стальнаго цвѣта и съ осанкой герцогини, рѣшительно, подавляла его своимъ величіемъ, и онъ ужъ подумывалъ о томъ: не лучше-ли было бы удрать изъ этой великолѣпной комнаты... Барыня играла съ рыбками и молчала; Пестеревъ смотрѣлъ на нее и потихоньку вздыхалъ. «Не приведи, Господи, ходить къ издателямъ—просить денегъ впередъ!» съ грустью размышлялъ Пестеревъ и вдругъ сильно вздрогнулъ... Неистовый звонокъ раздался въ передней и чумазый лакей пробѣжалъ отворять дверь.

— Вотъ и онъ! — проговорила дама, выходя изъ комнаты.

Черезъ минуту издатель очутился передъ Пестеревымъ. Онъ слегка поклонился ему и, снимая перчатки, подбѣжалъ къ камину.

— Филиппъ! Дровъ сюда!.. Да скоро-ли обѣдать?— кричалъ онъ, суетясь по комнатѣ.

На зовъ его моментально явился негръ съ нѣсколькими полѣнами въ рукахъ.

— Чѣмъ могу служить вамъ?—спросилъ г. Меліусъ, подлетая къ Пестереву.

Тотъ объяснилъ ему свое дѣло.

— Не помню... совершенно не помню! — тараторилъ онъ, потирая руки.—Развѣ Николай Алексѣичъ говорилъ мнѣ? Да когда же это? Я вчера его видѣлъ и онъ — ничего... Впрочемъ, знаете, молодой человѣкъ, у насъ нѣтъ правила выдавать деньги впередъ. Вы еще нигдѣ не печатались? Да?.. Ну, вотъ, видите, какъ же можно! Можетъ быть, вашъ разсказъ еще потребуетъ измѣненій... и какъ взглянетъ цензура... вообще... Извините!

— Но мнѣ очень нужны деньги!—заговорилъ Пестеревъ.—У меня нѣтъ ни копѣйки. Въ Петербургѣ я еще недавно... Здѣсь я — совсѣмъ чужой человѣкъ...

— Но согласитесь, наконецъ, что вѣдь редакція—не вспомогательная касса для бѣдныхъ... Не можемъ же мы раздавать!.. — вдругъ ни съ того ни съ сего вспылилъ г. Меліусъ, вынимая свои золотые часики, снова кладя ихъ въ карманъ и снова вытаскивая.

Можетъ быть, по своему легкомыслію, онъ вовсе и не подумалъ, что оскорбилъ Пестерева, но юношѣ показалось очень обидно, что этотъ сытый, румяный толстякъ ломается и глумится надъ человѣкомъ, не обѣдавшимъ двѣ недѣли и умиравшимъ съ голоду медленною смертью. У Пестерева слегка закружилась голова, и онъ какъ-то смутно видѣлъ передъ собой эту роскошную комнату, погруженную въ розовый полусвѣтъ, и вертѣвшагося передъ нимъ г. Меліуса. Тогда онъ сказалъ: «Такъ я возьму свою рукопись»... Въ голосѣ его дрожали слезы и на сердцѣ было тяжело. «Какъ вамъ угодно!» проронилъ издатель, повертываясь на каблукахъ, какъ маріонетка.

Пестеревъ, какъ сквозь сонъ, очутился на подъѣздѣ, гдѣ морозомъ обдала его голубая, зимняя ночь. Но ему все еще мерещились полуосвѣщенная комната съ мягкими коврами, великолѣпный акваріумъ съ красными и золотыми рыбками, и высокая, суровая женщина въ сѣромъ шелковомъ платьѣ, и краснощекій г. Меліусъ, и толстогубый, черномазый негръ, страшно вращавшій бѣлками глазъ... «Зачѣмъ *она* стояла у акваріума? Вѣроятно, она опасалась, чтобы я не похитилъ ихъ сокровищъ»... думалъ Пестеревъ. Онъ совершенно упускалъ изъ виду, что люди вообще, а такія, какъ m-me Меліусъ въ особенности, встрѣчаютъ по платью, а вѣдь онъ явился къ этой дамѣ именно въ такомъ костюмѣ, въ какомъ, обыкновенно, рисуются уличные мазурики. Барыня съ ея точки зрѣнія была вполнѣ права, побоявшись оставить его одного въ кабинетѣ. «Она могла бы видѣть по моему лицу, что я не какой-нибудь уличный бродяга и воръ»... говорилъ про себя Пестеревъ. Но нельзя же отъ каждой барыни требовать особенной проницательности... Все-таки онъ чувствовалъ себѣ «униженнымъ и оскорбленнымъ». Въ другое время онъ сильно обозлился бы, а теперь это оскорбленіе потонуло въ массѣ другихъ, болѣе тягостныхъ ощущеній...

Мечты его разлетѣлись. Напрасно онъ ожидалъ скоро увидѣть въ печати свою повѣсть. Несчастная эта повѣсть!.. Припомнились ему безсонныя ночи, тревоги, волненья и мучительные переходы отъ надежды къ сомнѣнію, какъ отъ ясной лѣтней лазури къ осеннему ненастью. Повѣсть опять у него на рукахъ, а въ карманѣ—ни гроша. Съ тупымъ, холоднымъ отчаяніемъ шелъ онъ по Невскому проспекту посреди праздничной, гуляющей толпы, машинально заглядывая на ярко освѣщенные магазины. Онъ посмотрѣлъ вверхъ... Ночное небо отъ контраста съ ярко освѣщенной улицей показалось ему еще темнѣе. Да! Темно, холодно и пусто было вокругъ него въ ту зимнюю ночь... Онъ чувствовалъ себя затерявшимся въ этой праздничной веселой толпѣ, чувствовалъ себя брошеннымъ, одинокимъ въ этомъ большомъ городѣ. Тогда Петербургъ показался ему страшенъ... И вспомнились ему слова поэта: «Пройдутъ года въ борьбѣ безплодной»... Неужели пришло уже то время, когда онъ, «какъ винтъ негодный», будетъ брошенъ «на красивыя плиты»?

На слѣдующее утро онъ потащился на Знаменскую за своею рукописью.

— Что такое случилось?—съ удивленіемъ спросилъ Предтеченскій, когда Пестеревъ объяснилъ причину своего прихода къ нему.

Тогда бѣдняга разсказалъ ему происшедшую вчера сцену. Пестереву показалось, что Николай Алексѣевичъ какъ будто смутился...

— Не знаю, что это такое... не понимаю... Я говорилъ ему, да онъ, вѣроятно, позабылъ... Жаль, очень жаль!—нѣсколько сбивчиво проговорилъ Предтеченскій.

Рукопись была возвращена ему съ различными помѣтками, сдѣланными на поляхъ карандашемъ. Предтеченскій извинился: онъ уже началъ дѣлать нѣкоторыя исправленія... Съ той поры Пестеревъ уже не видалъ болѣе Николая Алексѣевича. Вскорѣ послѣ того звѣзда его, къ сожалѣнію, скатилась съ литературнаго горизонта. Предтеченскій заболѣлъ.

Возвратившись домой, Пестеревъ съ горечью бросилъ на столъ свою помятую, перемаранную рукопись. А какъ она была отлично переписана!.. «И все прахомъ пошло!..» Теперь уже не о литературной славѣ приходилось мечтать; надо было подумать о хлѣбѣ насущномъ. Взялъ Пестеревъ свое послѣднее сокровище—два тома стихотвореній Некрасова—и отнесъ его къ букинисту. Букинистъ далъ ему рубль. Съ горя Пестеревъ отправился обѣдать въ кухмистерскую: все равно —рублемъ долго не проживешь. Въ кухмистерской, просматривая «Петербургскія Вѣдомости», онъ наткнулся на объявленіе отъ редакціи новаго журнала «Утро». Редакція заявляла, что она охотно даетъ мѣсто на страницахъ своего журнала молодымъ, начинающимъ писателямъ и что-то еще въ томъ же родѣ. Пестеревъ тотчасъ же занесъ въ свою записную книжку адресъ редакціи и пріемные часы (отъ 6 до 8 вечера). Вечеромъ онъ былъ занятъ тѣмъ, что приводилъ въ порядокъ свою рукопись, уничтожалъ помѣтки, сдѣланныя на поляхъ ея Предтеченскимъ,—стиралъ ихъ резинкой и старательно подчищалъ перочиннымъ ножикомъ. Но слѣды помарокъ все-таки же остались... «Не переписывать-же ее съизнова»... думалъ Пестеревъ и опять засыпалъ въ ту ночь съ мечтами о новой редакціи, такъ охотно раскрывавшей объятія подобнымъ ему бѣднякамъ. Но мечты, уже получившія щелчокъ, на этотъ разъ не были такъ бойки и блестящи, какъ прежде, и не залетали слишкомъ высоко...

На слѣдующій день вечеромъ Пестеревъ пошелъ на Фонтанку. Лакей очень серьезнаго, внушительнаго вида отворилъ ему дверь и указалъ на кабинетъ редактора. Редакторъ былъ пожилой мужчина, брюнетъ высокаго роста, державшійся прямо, какъ палка, съ прилично подстриженными бакенбардами, съ гладко выбритымъ подбородкомъ, словомъ—чиновникъ съ головы до пятъ. Кабинетъ былъ убранъ также по чиновничьи—прилично, сухо, монотонно... Редакторъ съ легкимъ полупоклономъ указалъ Пестереву на кресло, взялъ у него рукопись и просилъ его придти за отвѣтомъ черезъ три недѣли. Тотъ, намекнувъ на свое критическое положеніе и сославшись на небольшой объемъ рукописи, просилъ дать отвѣтъ поскорѣе.

— Извольте въ такомъ случаѣ—черезъ недѣлю!—согласился редакторъ, внимательно выслушавъ Пестерева, и поднялся съ кресла.

Это значило, что аудіенція—кончена.

«Сухо, холодно, прилично, безъ интимностей, но и ничего оскорбительнаго»... Такъ охарактеризовалъ Пестеревъ свое свиданіе съ редакторомъ «Утра».

За послѣднее время Пестеревъ питался только чаемъ съ хлѣбомъ и смутными надеждами,—и очень замѣтно похудѣлъ. Черезъ недѣлю, часъ въ часъ, онъ опять поплелся на Фонтанку въ весьма унылом настроеніи духа. «Чиновничья» редакція, какъ ему казалось, сулила мало добраго... Въ воздухѣ стояла оттепель, снѣгъ таялъ, превращался въ лужи и грязь; тяжелая, сѣрая мгла затопляла улицы. Въ Петербургѣ въ такіе дни увеличивается число самоубійствъ...

— Въ своей повѣсти вы отрицательно относитесь къ семьѣ...—сухо говорилъ ему редакторъ, поглаживая свой лоснящійся подбородокъ.—Я не раздѣляю этихъ убѣжденій! Вообще, я—противъ всякихъ разрушительныхъ теорій. Правда, онѣ нынѣ—въ большой модѣ, у нихъ находятся и очень талантливые защитники... Но я (онъ хлопнулъ рукой по лежавшей передъ нимъ книжкѣ журнала),—я въ своемъ журналѣ буду бороться съ этимъ направленіемъ... Отъ жизни, молодой человѣкъ, нужно брать то, что она даетъ. Совершенно напрасно *теперь* требовать того, что жизнь намъ можетъ дать только черезъ нѣсколько тысячелѣтій, да еще, можетъ быть, и никогда не дастъ... А жаль, что вы вступили на эту дорогу.,. Безспорно, талантъ у васъ есть... Ваша рукопись уже была ранѣе въ какой-нибудь редакціи?

«Выдали! Выдали, проклятыя»...—съ горечью подумалъ Пестеревъ о слѣдахъ помѣтокъ на поляхъ рукописи. Онъ сказалъ, что уже носилъ свою повѣсть въ одинъ журналъ, что повѣсть была принята, но вслѣдствіе «нѣ-

которыхъ обстоятельствъ» онъ взялъ ее назадъ.

Редакторъ былъ резонеръ, но человѣкъ не злой.

Жаль, что вы разошлись тамъ...—сказалъ онъ.—Впрочемъ, съ нынѣшней осени открывается еще новый журналъ — «Работа»... Сходите туда! Насколько можно думать, ваша повѣсть понравится тамъ. Имѣю честь кланяться!..

«Охъ ты, несчастная!» говорилъ про себя Пестеревъ, выходя на улицу и крѣпко сжимая въ рукѣ свою рукопись. «Господи! Долго-ли же мнѣ съ тобой таскаться по всѣмъ этимъ мытарствамъ? Швырнуть тебя да приняться опять за уроки»... А утромъ онъ уже думалъ: «Безспорно, талантъ у васъ есть, сказалъ редакторъ. А что если и въ самомъ дѣлѣ?.. Можетъ быть, именно въ этой сторонѣ мое счастье лежитъ... Зачѣмъ ему лгать?.. Малодушно поддаваться неудачѣ. Да въ сущности и неудачи мои—почетныя... Въ одной редакціи повѣсть была принята, самъ выхватилъ ее оттуда; въ другой редакціи опять-таки признали ее талантливой, но не взяли только изъ-за «разрушительной теоріи», усмотрѣнной въ ней редакторомъ... Снесу ее еще въ «Работу» и затѣмъ — баста!..» Человѣкъ всегда чувствуетъ себя легче, когда приметъ какое-либо безповоротное рѣшеніе. Поневолѣ пойдешь впередъ, когда за тобой сожжены корабли. «Панъ или пропалъ!» сказалъ себѣ Пестеревъ.

Поутру онъ снесъ къ закладчику сюртукъ. «Если вмѣсто одной пары бѣлья надѣть двѣ, то и безъ сюртука можно ходить...» Закладчикъ далъ ему 4 рубля. Часть этихъ денегъ онъ употребилъ на помѣщеніе въ газетѣ объявленія о предложеніи услугъ въ качествѣ домашняго учителя; на остальныя деньги нужно было «жить»... Въ то же время онъ усидчиво принялся переписывать свою повѣсть. Хотя онъ еще не зналъ въ тонкости всѣхъ свычаевъ и обычаевъ литературнаго мірка, но уже догадывался, что слѣды помѣтокъ и помарки компрометируютъ рукопись и непріятно дѣйствуютъ на редакторовъ, какъ доказательство того, что рукопись уже странствовала по рукамъ, а, слѣдовательно, терпѣла неудачи. Вѣдь не станешь же съ перваго слова объяснять всѣмъ, какъ въ дѣйствительности было дѣло... Къ тому же, въ добавленіе къ помѣткамъ Предтеченскаго редакторъ «Утра» начерталъ еще на рукописи номеръ и какіе-то непонятные знаки, которые Пестеревъ, положительно, ничѣмъ не могъ вытравить—ни резинкой, ни ножомъ.

Газетное объявленіе не принесло ничего. Пестеревъ уже давно познакомился случайно въ кухмистерской съ однимъ старичкомъ, служившимъ въ таможнѣ. Пестеревъ какъ-то разговорился съ нимъ о газетныхъ объявленіяхъ, о трудности найти занятія—и слово за слово договорился до самой сути... Старичекъ вызвался доставить ему мѣсто писца въ какой-то конторѣ съ 15 рублями жалованья. Пестеревъ, конечно, съ радостью ухватился за эту соломинку. Занятіе его было чисто-механическое. Онъ приходилъ въ контору въ 7 часовъ утра и оставался въ ней до 12, иногда и долѣе. До 10 часовъ онъ работалъ при маленькой лампочкѣ...

Помнитъ онъ и теперь эту «контору» съ ея голыми стѣнами, окрашенными блѣдно-желтою краской. Въ переднемъ углу, какъ бы вмѣсто образа, висѣлъ въ черной рамкѣ подъ стекломъ литографированный рисунокъ, изображавшій «Бракъ въ Канѣ Галлилейской». Черный столъ и три стула составляли всю мебель. Комната была какая-то узкая, длинная, неуютная, напоминавшая казарму; въ ней было холодно, сыро, припахивало откуда-то махоркой, кожей, какой-то отвратительной кислятиной... Грустные часы проводилъ Пестеревъ въ этой «конторѣ», то сгибаясь надъ «матеріальной» книгой, то щелкая косточками счетовъ. Онъ вздыхалъ и горько усмѣхался при воспоминаніи о своихъ неудачныхъ первыхъ шагахъ на литературномъ поприщѣ. Несправедлива показалась ему поговорка, что будто бы «попытка — не пытка...» Никогда онъ еще не испытывалъ такихъ тяжкихъ нравственныхъ мученій, какъ теперь, когда пытался пробраться на тернистое литературное поле. Житье впроходь и впроголодь, конторскія занятія, бывшія ему не по душѣ, уязвленное самолюбіе, обманутыя надежды, сомнѣніе въ своихъ силахъ, мракъ неопредѣленнаго будущаго,—все это вмѣстѣ наложило на Пестерева печать глубокой меланхоліи. Въ это грустное время онъ даже избралъ для своего будущаго разсказа очень мрачный эпиграфъ изъ Альфреда Мюссе:

«Какъ придется мнѣ покинуть свѣтъ,
Посадите иву надъ могилой.
О, друзья! Мнѣ дорогъ этотъ цвѣтъ—
Блѣдный цвѣтъ, плакучій и унылый»...

Хотя работы въ конторѣ было немного, но

занятія «не по душѣ» сильно утомляли Пестерева, и, возвращаясь домой, онъ не скоро могъ приняться за переписку своей повѣсти,—тѣмъ болѣе, что и эта переписка была для него сущимъ наказаніемъ. «Переписывай! Переписывай!» съ усмѣшкой говорилъ онъ себѣ. «Черезъ мѣсяцъ, можетъ быть, и эта вновь переписанная тетрадь полетитъ къ чорту»... Но какъ ни медленно подвигалась переписка, а все-таки рукопись, наконецъ, была отнесена въ редакцію журнала «Работа»... Редакція находилась въ одномъ изъ переулковъ, прилегавшихъ къ Владимірской улицѣ. Секретарь редакціи, мистеръ Митмитъ (какъ узналъ впослѣдствіи Пестеревъ), обрусѣвшій англичанинъ, съ гладко выстриженными волосами, съ густыми, темными бровями и съ бородкой à la Napoleon III,— сидѣлъ передъ конторкой на высокомъ табуретѣ и читалъ корректуру. При входѣ Пестерева онъ обернулся и, не оставляя корректуры, спросилъ:

— Рукопись? Редактора теперь нѣтъ. Оставьте! Отвѣтъ черезъ три недѣли.

— Такъ долго?.. — заикнулся, было, Пестеревъ.

— Раньше не успѣютъ... — проговорилъ Митмитъ.—Если пожелаете видѣть редактора, приходите отъ четырехъ до шести.

Онъ говорилъ просто, лаконично, какъ человѣкъ очень занятый, но во взглядѣ его веселыхъ сѣрыхъ глазъ и во всей наружности было что-то располагающее къ нему. Онъ произвелъ на Пестерева очень пріятное впечатлѣніе, и, уходя, онъ протянулъ руку Митмиту. Тотъ крѣпко пожалъ ее... Петербургскіе литераторы такъ не пожимали ему руки...

VI.

Проживи онъ хоть сто лѣтъ,—и все-таки ему никогда не забыть канунъ Благовѣщенья 187*. Не забыть ему также и Василія Петровича Добрякова, редактора «Работы»... Добряковъ былъ человѣкъ средняго роста, средней толщины и среднихъ лѣтъ, съ большими карими глазами, съ прямымъ носомъ и съ длинными, внизъ опущенными усами. Его прямые, темные волосы часто свѣшивались на лобъ, и онъ уже машинально, по привычкѣ, поправлялъ ихъ. Разговаривая съ Пестеревымъ, онъ игралъ костянымъ ножикомъ, покачивалъ ногой, и ласковая, добродушная улыбка поминутно освѣщала его блѣдное, продолговатое лицо. Подъ статскимъ платьемъ въ немъ сказывался человѣкъ военный. Онъ часто крутилъ усы и очень характерно подергивалъ плечами. Говорилъ онъ тихо и любилъ поговорить. Въ немъ, по лицу и разговору сразу былъ видѣнъ весь человѣкъ, какъ на ладони, со всей его святой простотой, со всѣмъ его дѣтскимъ лукавствомъ... Добряковъ былъ «подставной» редакторъ; за нимъ въ ту пору скрывался человѣкъ болѣе властный, болѣе сильный и энергичный, который по «независящимъ отъ него» обстоятельствамъ не могъ оффиціально подписываться редакторомъ. Пестеревъ узналъ эти закулисныя тайны уже впослѣдствіи, а тогда — въ тотъ мартовскій вечеръ—въ Добряковѣ онъ видѣлъ дѣйствительнаго и самовластнаго вершителя его судебъ...

Редакторъ похвалилъ его повѣсть, объявилъ ему, что она «принята» и будетъ напечатана въ одной изъ зимнихъ книжекъ. Магическое дѣйствіе произвели на юношу эти золотыя слова!.. Сразу онъ почувствовалъ себя опять бодрымъ, сильнымъ, счастливымъ, —и вся жизнь, весь міръ въ ту минуту показались ему прекрасны. Теперь онъ уже не сѣтовалъ на то, что придется ждать до зимы и, наученный горькимъ опытомъ, не рѣшался просить денегъ впередъ. Главное: повѣсть его принята и будетъ напечатана въ такомъ хорошемъ журналѣ, какъ «Работа». А все остальное придетъ само собой въ свое время... Редакторъ вскользь замѣтилъ ему, что онъ «ужо», вѣроятно, получитъ письмо отъ Свѣтозарова: тотъ желалъ лично познакомиться съ нимъ. Пестеревъ встрѣчалъ эту фамилію рядомъ съ именами Предтеченскаго, Измайлова и другихъ извѣстныхъ писателей. Редакторъ спросилъ: не пишетъ-ли теперь Пестеревъ «что-нибудь новенькое»? Пестеревъ пока ничего не писалъ, но онъ съ удовольствіемъ принесетъ имъ все, что напишетъ, и будетъ «очень радъ» и т. д. Тутъ онъ вспомнилъ о своемъ «письмоводствѣ», о своей жалкой «конторѣ» и даже слегка покраснѣлъ съ досады. Много накипѣло у него на душѣ, хотѣлось бы ему много высказать этому любезному Василію Петровичу, подѣлиться съ нимъ своимъ горемъ и радостями, но слова какъ-то путались и не шли съ языка. Добряковъ, между тѣмъ, перервалъ дѣловой разговоръ и перешелъ къ политикѣ—заговорилъ о Франціи, о Германіи, о тогдашнемъ настроеніи русскаго общества и правительственныхъ сферъ, о цензурѣ. Пестереву было такъ хорошо, что

онъ готовъ былъ до полуночи слушать этого словоохотливаго, милаго человѣка. Но стрѣлка стѣнныхъ часовъ уже показывала шесть. Пріемъ въ редакціи кончался...

Господи Боже! Въ какомъ блаженномъ состояніи шелъ тогда Пестеревъ по Владимірской улицѣ!.. Вечеръ былъ теплый и ясный. Заря тихо догорала на высокомъ шпилѣ Владимірской колокольни. Хотя было еще довольно свѣтло, но уличные фонари уже зажигались и въ окнахъ магазиновъ горѣли огни. Безоблачное, голубое небо, кротко сіяя, раскидывалось надъ Петербургомъ. Въ воздухѣ вѣяло весной... Онъ живо помнитъ все происходившее въ тотъ благодатный вечеръ...

Одна изъ ночныхъ бабочекъ — хорошенькая, молодая дѣвушка—встрѣтилась съ нимъ и, посмотрѣвъ на его веселое, одушевленное лицо и на его густые, кудластые волосы, шепнула:

— Студентъ! Пойдемъ со мной...

Въ другое время онъ поступилъ бы, какъ резонеръ,—то-есть, нахмурившись, послалъ бы проклятіе общественному строю, выгоняющему на улицу дѣвушекъ, почти дѣтей, и прошелъ бы мимо. Но теперь при взглядѣ на молодое, миловидное личико, ему стало невыразимо жаль эту дѣвушку, торговавшую собой. Пестеревъ вытащилъ всю мелочь, бывшую у него въ портмонэ, и въ смущеньи подалъ ей: онъ, словно, чувствовалъ себя виноватымъ передъ этою женщиной. Вѣдь это же—его младшая, несчастная сестра...

— Спасибо!.. Такъ ты не пойдешь со мной! —прошептала дѣвушка, какъ бы въ раздумьи, медленно идя за нимъ слѣдомъ.

Пестеревъ отрицательно кивнулъ головой. Пестеревъ не могъ покупать ее... не могъ красть на пожарѣ послѣднее имущество бѣдняка.

Вынимая деньги, Пестеревъ замѣтилъ въ портмонэ какой-то маленькій клочекъ бумажки. Теперь онъ вынулъ эту бумажку и, подойдя къ освѣщенному окну булочной, сталъ разглядывать ее. На бумажкѣ карандашемъ было написано: «Владим. ул., д. 8, кв. 15. Долинскій».

«Вотъ и кстати! Зайду теперь къ нему»... подумалъ Пестеревъ.

Терентій Михайловичъ Долинскій былъ молодой человѣкъ, такъ же, какъ Пестеревъ, «начинающій литераторъ», пописывавшій кое-гдѣ стихи и мелкіе разсказы, человѣкъ довольно хорошо образованный, начитанный, талантливый, рослій въ провинціи. Пестеревъ съ мѣсяцъ тому назадъ познакомился съ нимъ у своего сосѣда студента, и Долинскій своею остроумною, насмѣшливою рѣчью произвелъ на него глубокое впечатлѣніе... Пестеревъ читывалъ въ романахъ о разныхъ предчувствіяхъ болѣе или менѣе сверхъестественнаго свойства, но самъ до сего времени такихъ предчувствій не испытывалъ и не вѣрилъ въ нихъ. Теперь, при первомъ же свиданіи съ Долинскимъ, Пестереву почудилось, что онъ неминуемо *долженъ* близко сойтись съ этимъ человѣкомъ, что это знакомство какимъ-то образомъ непремѣнно *должно* повліять на него, отразиться на всей его будущей жизни. Тогда припомнились ему подобные же случаи, вычитанные изъ романовъ, и ему стало даже жутко, но онъ, разумѣется, никому ни слова не сказалъ о странномъ впечатлѣніи, произведенномъ на него Долинскимъ: онъ былъ вовсе не суевѣренъ и не желалъ казаться смѣшнымъ...

Долинскій былъ очень недуренъ собой — невысокаго роста, очень стройный, съ большимъ, открытымъ лбомъ, съ бойкими, выразительными глазами и съ прекрасною, окладистою бородой. Правда, темнокаштановые волосы на головѣ его замѣтно порѣдѣли, но этотъ недостатокъ не портилъ общаго пріятнаго впечатлѣнія. Во всей его наружности, въ рѣчахъ и манерахъ порывистыхъ и нервныхъ, было что-то такое, почему всякій маломальски проницательный человѣкъ могъ легко признать его за человѣка какой-нибудь либеральной профессіи. Долинскій былъ человѣкъ воспріимчивый, чуткій, натура пылкая, увлекающаяся... Онъ любилъ выпить и съ радости, и съ горя, въ минуты хандры и возбужденія, но тогда онъ еще не былъ пьяницей, и гражданская скорбь являлась у него всегда на первомъ планѣ. Онъ все собирался написать «большую вещь», то-есть, романъ, но никакъ не могъ собраться, а пока что, писалъ разсказы и стихи, а деньги, вырученныя за нихъ, прокучивалъ съ пріятелями... Онъ просилъ Пестерева «заходить» къ нему.

А теперь Пестеревъ чувствовалъ себя въ самомъ общительномъ настроеніи духа, былъ веселъ, счастливъ, ему хотѣлось быть въ обществѣ, поговорить по душѣ, посмѣяться... «А что въ самомъ дѣлѣ—развѣ зайти теперь къ нему!» думалъ Пестеревъ.

Долинскій въ ту пору нанималъ комнату

въ одномъ знакомомъ семействѣ. Семья Волжиныхъ состояла изъ матери-вдовы и ея двухъ дочерей. Долинскій уже давно, еще въ провинціи, былъ знакомъ съ Волжиными и теперь жилъ у нихъ на правахъ «своего человѣка»: вмѣстѣ съ ними обѣдалъ, пилъ чай, днемъ сидѣлъ—гдѣ хотѣлъ, иногда даже забирался работать въ комнату самой m-me Волжиной и тамъ, усѣвшись въ углу на сундучкѣ, строчилъ какую-нибудь элегію или сонетъ. А гости его были и гостями хозяевъ—и наоборотъ.

Когда Пестеревъ въ передней спрашивалъ у горничной: дома-ли Терентій Михайловичъ, и снималъ пальто, изъ залы вдругъ раздался хриплый, глухой, нечеловѣческій голосъ: «Пришелъ! Пришелъ!» Пестеревъ вздрогнулъ... «Попка, замолчи... противный!» послышалось затѣмъ въ залѣ. Долинскій—въ какой-то сѣрой, домашней визиткѣ—встрѣтилъ его въ дверяхъ, радушно схватилъ за руку и черезъ залу торопливо провелъ его къ себѣ въ комнату. Въ то время, какъ Пестеревъ проходилъ по залѣ, какая-то черноглазая молодая дѣвушка, стоя у клѣтки и поднявъ голову, грозила пальцемъ попугаю, а тотъ хрипло кричалъ: «Ах-ха-ха! Ах-ха-ха»!.. Пестеревъ вскользь видѣлъ въ залѣ еще нѣсколько женскихъ фигуръ, сидѣвшихъ за столомъ.

Комната Долинскаго очень напомнила Пестереву его крохотную студенческую каморку на Петровскомъ бульварѣ, лишь съ той разницей, что въ ней, вмѣсто кожаной кушетки, стояла желѣзная кровать съ матрацомъ, покрытая пунцовымъ байковымъ одѣяломъ, а на подоконникѣ единственнаго окна красовались два какіе-то цвѣточные горшка. Земли въ этихъ горшкахъ было почти совсѣмъ не видно подъ набросанными папиросными окурками. У окна была кисейная, бѣлая занавѣска, а передъ столомъ лежалъ старенькій коверъ.

— Вотъ—мой кабинетъ, моя спальня, моя пріемная и все тутъ...—весело говорилъ Терентій Михайловичъ, усаживаясь на кровать, а стулъ предлагая гостю.—Впрочемъ, всѣ комнаты—къ моимъ услугамъ... Хозяева мои—отличный народъ!

— У васъ и занавѣски у окна, точно у барышни!—пошутилъ Пестеревъ.

— Да, да!—со смѣхомъ подхватилъ Долинскій.—Повѣсили... Ничего не подѣлаешь!

— Работаете теперь что-нибудь?—освѣдомился Пестеревъ.

— Да!.. такъ кое-что, пустяки... Вотъ ужо лѣтомъ примусь за «большую вещь»—изъ современной жизни... — говорилъ Терентій Михайловичъ, потирая руки, и, прищуривъ, посмотрѣлъ въ уголъ.—Да! Большую крупную вещь я задумалъ... ужо засяду!.. А то, въ самомъ дѣлѣ, размѣняешься весь на мелочи и—ни къ чорту...

— Это—правда!—согласился Пестеревъ.

— Ну! А вы что сдѣлали со своей повѣстью?—спросилъ его хозяинъ.—Вы, кажется, говорили, что не знаете: куда дѣваться съ нею...

— Я ужъ отдалъ ее. Она будетъ напечатана въ «Работѣ»! — съ сильно бьющимся сердцемъ промолвилъ Пестеревъ

— Чудесно!—вскричалъ Долинскій.—Значитъ, мы теперь съ вами товарищи... Мой послѣдній разсказъ печатается тамъ же. А какъ заглавіе вашей повѣсти?

— «Несчастная!» —отвѣтилъ Пестеревъ.

Въ ту минуту постучали въ дверь. «Терентій Михайловичъ! Чай пить!»—послышался за дверью свѣжій молодой голосъ.

— Вотъ и отлично!—вскричалъ Долинскій.—Пойдемте я познакомлю васъ со своими...

— Я, право, не знаю...ловко-ли это будетъ...—въ смущеніи пробормоталъ Пестеревъ.

Бѣдняга уже отвыкъ отъ общества, и теперь ему стало страшно идти въ залу...

— Что вы, что вы! Полноте, пожалуста!—возражалъ Терентій Михайловичъ.—Вѣдь у насъ—люди простые, безъ церемоній... Идемъ!

Онъ подхватилъ Николая Ивановича подъ руку и потащилъ въ залу. Тамъ около круглаго чайнаго стола, освѣщеннаго большой лампой, у весело шипѣвшаго самовара, собралось маленькое общество: хозяйка съ двумя дочками и гостья съ какой-то работой въ рукахъ.

— Лизавета Александровна! шутливо-веселымъ тономъ обратился Долинскій къ m-me Волжиной.—Позвольте васъ познакомить... мой пріятель, сотрудникъ «Работы», авторъ «Несчастной»...А это—моя добрѣйшая хозяюшка! А это, рекомендую,—ея дщери... Вотъ эта дѣвица, старшая сестрица, Елена Игнатьевна, или, иначе, Елена Прекрасная... А это—младшая, еще просто—Дуня или Дунечка... Вы скоро, mesdames, будете имѣть удовольствіе читать его повѣсть!—заключилъ Долинскій, указывая на смѣшавшагося Николая Ивановича.—А пока, Лизавета Александровна, дайте-ка намъ чайку!..

Смѣясь и болтая безъ умолку, Долинскій присосѣдился къ хозяйкѣ, а Пестерева усадилъ рядомъ съ собой.

М-ме Волжина была женщина болѣзненная, высокаго роста, худощавая, блѣдная. Ея старшая дочь — Елена Прекрасная — была, дѣйствительно, великолѣпная блондинка. Стройностью, пластичностью своихъ формъ, безукоризненной правильностью своего лица, а также его безжизненностью, она напоминала собой прекрасную античную статую, одѣтую по послѣдней модѣ. Она была невозмутимо сдержанна, апатична, и теперь, обмакивая въ чай свой сухарикъ, Леночка, какъ бы нехотя, грызла его кончиками своихъ бѣлыхъ, блестящихъ зубовъ. Младшая сестренка, черноглазая Дуня, была очень остроумная, находчивая особа, живая, бойкая. Елена уже кончила курсъ въ одной изъ петербургскихъ гимназій, а Дуня—кончала.

У Пестерева не было въ Петербургѣ знакомыхъ семейныхъ домовъ и теперь—особенно сегодня—ему было чрезвычайно отрадно сидѣть въ уютной комнатѣ, освѣщенной мягкимъ свѣтомъ лампы, за чайнымъ семейнымъ столомъ. Застѣнчивость его быстро исчезла... Онъ много говорилъ, шутилъ, смѣялся... И удивительно живо помнитъ онъ всѣ подробности этого мартовскаго вечера—перваго вечера, проведеннаго имъ въ семействѣ Волжиныхъ.

Терентій Михайловичъ, по разсѣянности, не познакомилъ его съ гостьей, а Пестеревъ, между тѣмъ, очень заинтересовался ею. Она почти не принимала участія въ разговорѣ и отдѣлывалась только односложными отвѣтами. Очевидно, она была еще очень молода... Съ кѣмъ бы ни разговаривалъ Николай Ивановичъ—съ хозяйкой, съ барышнями или съ Долинскимъ, — глаза его какъ-то невольно обращались къ хорошенькой бѣлокурой головкѣ, склонившейся надъ шитьемъ. Эта молодая дѣвушка казалась ему очаровательной. На ней было сѣрое ситцевое платье, бѣлые рукавчики и воротничекъ; ея густые, свѣтло-русые волосы, гладко зачесанные назадъ и повязанные голубой ленточкой, падали ей на спину роскошною, шелковистою волной. Ея бѣлое, нѣжное лицо и щеки, покрытыя здоровымъ дѣвственнымъ румянцемъ, глубоко запомнились Пестереву, какъ картина какого-нибудь великаго художника. И тутъ же ему подумалось, что ни годамъ, ни милліону другихъ воспоминаній не затушевать, не изгладить изъ его памяти этого чудеснаго видѣнія. Ему чрезвычайно хотѣлось заговорить съ незнакомкой...

— Вы не боитесь испортить зрѣніе этой работой!—обратился онъ къ ней.

— О, нѣтъ! У меня хорошіе глаза!—отвѣтила дѣвушка, взглянувъ на него.

Правда. У нея были очень хорошіе глаза—большіе, голубые глаза... При взглядѣ ея сердце Пестерева такъ сильно забилось, какъ будто между нимъ и этими голубыми глазами вдругъ образовалась какая-то тайная, невѣдомая связующая нить.

— Терентій Михайловичъ насъ не познакомилъ...—началъ Пестеревъ.

— Неужели? Виноватъ... Позвольте! — скороговоркой подхватилъ Долинскій, вскакивая со стула и становясь между пріятелемъ и прелестной незнакомкой.—Это, какъ уже сказано выше, мой товарищъ, литераторъ, подающій большія надежды, Пестеревъ, Николай Ивановичъ... А это—Ольга Николаевна Таланова. Попросту мы зовемъ ее Оленькой или Лелечкой, какъ кому нравится...

Пестеревъ, молча, пожалъ руку своей новой знакомкѣ и, тутъ же воспользовавшись давно жданнымъ случаемъ, сѣлъ съ нею рядомъ и завязалъ разговоръ... Что это она шьетъ?—Платье сестрѣ...—Почему же она не заведетъ себѣ швейную машину?..—Она уже давно собирается купить машинку, да все какъ-то не удается... — Когда же разговоръ прервался, Пестеревъ охотно сидѣлъ возлѣ дѣвушки, молча, и съ величайшимъ наслажденіемъ посматривалъ тайкомъ на ея бѣлую шею, сквозившую изъ-за прядей волосъ, и на грудь ея, высоко поднимавшуюся при дыханіи и цѣломудренно прикрытую воротомъ ея скромнаго платьица... Начиналась вѣчно старая исторія, но для Пестерева она была самою пріятною новостью. Ему казалось, что онъ могъ бы долго просидѣть *такъ* возлѣ «Оленьки», молча любуясь на нее... Но было уже поздно; Пестеревъ собрался уходить.

— Позвольте, позвольте!—остановилъ его Терентій Михайловичъ.—Мамочка! — обратился онъ къ хозяйкѣ. (Такъ звали m-me Волжину дочери, а иногда въ шутку и Долинскій).—Прикажите, пожалуста, подать рюмки! У меня есть бутылка портвейна... Надо распить ее для перваго знакомства...

Рюмки были налиты. И Оленька, за одно съ прочими чокнувшись со всѣми, также и съ

Пестеревымъ, выпила полъ-рюмки, послѣ чего еще болѣе горячій румянецъ залилъ ея щеки.

— Господи!.. Ольга Николаевна! Вѣдь вы совсѣмъ сгорите... — шутилъ Долинскій.— Взгляните въ зеркало!.. Что жъ это такое! Пожаръ!..

Николай Ивановичъ не замѣтилъ, какъ пролетѣлъ еще часъ. Была полночь...

Словно, въ какомъ-то чаду, въ упоеньи шелъ онъ по Невскому проспекту, возвращаясь на Васильевскій Островъ. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, также вечеромъ, шелъ онъ отъ Меліуса по этой же самой улицѣ. Но какая разница между тѣмъ вечеромъ и сегодняшнимъ!.. Тогда онъ шелъ разочарованный, разогорченный, «униженный и оскорбленный», дрожа отъ пронизывающаго вѣтра въ своемъ дрянномъ пальтишкѣ и съ тупымъ, холоднымъ отчаяніемъ посматривая на блестящія громады домовъ, поднимавшихся по сторонамъ его. Тогда ясное, зимнее небо, казалось, дышало на него холодомъ... А теперь онъ любовался и Невскимъ, и темнымъ, звѣзднымъ небомъ, и готовъ былъ побрататься съ каждымъ прохожимъ... Въ жизни человѣка бываютъ такіе свѣтлые моменты, когда онъ явственно сознаетъ свое родство со всѣмъ живущимъ, когда, дѣйствительно, бываетъ готовъ обнять весь міръ и звать всѣхъ къ братству, единенію, всепрощенію и любви. И въ жизни народовъ выпадаютъ подобные моменты, какъ показываетъ исторія... Но, къ сожалѣнію, эти моменты и въ жизни народовъ, какъ и въ жизни единичной личности, вспыхиваютъ лишь на мгновенье, словно фейерверочные огни, и, погорѣвъ нѣсколько секундъ, гаснутъ...

Весенній воздухъ оказывался крѣпче всѣхъ спиртныхъ напитковъ и страшно возбуждающимъ образомъ дѣйствовалъ на Пестерева. Онъ чувствовалъ, что лицо его горитъ, а сердце бьется и замираетъ, словно въ предвкушеніи какихъ-то неземныхъ благъ. Ему все мерещилась бѣлокурая головка, склонившаяся надъ работой, — мерещились голубые глаза и румянцемъ залитыя щеки. И ночью во снѣ эта же головка грезилась ему въ какомъ-то сіяніи, вродѣ того, какимъ на рисункахъ окружаютъ лики святыхъ...

Вскорѣ послѣ того Долинскій зашелъ къ нему и они весь вечеръ пропутались, странствуя по Васильевскому острову, заходили и въ «Лондонъ», и въ «Золотой Якорь», и въ какой-то нѣмецкій ресторанъ, гдѣ, по словамъ Терентія Михайловича, «всегда подавали отличный портеръ». Весь вечеръ они вели самые задушевные разговоры и очень подружились. Прогулки по трактирамъ были не во вкусѣ Пестерева, но теперь онъ дѣлалъ уступку своему новому пріятелю и извлекалъ выгоду изъ этихъ прогулокъ... Онъ не разъ заводилъ рѣчь о m-lle Талановой и изъ отрывочныхъ разсказовъ Долинскаго въ концѣ концовъ узналъ слѣдующее:

Оленька жила въ одномъ домѣ съ Волжиными—даже по одной лѣстницѣ, только этажемъ выше. Отецъ ея, отставной чиновникъ, служитъ письмоводителемъ у мирового судьи и бьется съ семьей, какъ рыба объ ледъ. Онъ —вдовецъ, женатъ на второй, — отъ первой жены остались у него двѣ дочери и два сына. Ольга Николаевна—подруга Леночки—только году не доучилась въ гимназіи: у отца пороху не хватило... «А жаль! Славная она дѣвушка!» замѣтилъ Терентій Михайловичъ. (Пестеревъ промолчалъ, но въ душѣ былъ совершенно согласенъ съ нимъ). Младшая сестра ея, Пульхерія, «Пуша», принята стипендіаткою въ какое-то училище; старшій братъ подвизается на одной изъ провинціальныхъ сценъ, а младшій учится въ гимназіи. Мачиха — сущая вѣдьма кіевская... И старшій-то братъ, говорятъ, отъ нея изъ дому убѣжалъ... Съ ними еще живетъ бабушка-старушка, Анисья Ѳедоровна, мать покойной Талановой. Прежде Талановы жили хорошо, но послѣ первой жены дѣла пошли подъ гору,—и теперь они жили кое-какъ, крохами прежняго величія да тѣмъ, что̀ зарабатывали отецъ и старшая дочь...

На слѣдующей недѣлѣ Пестеревъ отправился къ Долинскому, хотя то была седьмая недѣля великаго поста, время, вовсе неудобное для гостьбы, когда всѣ добрые люди готовятся къ празднику. Пестеревъ почти у подъѣзда догналъ своего пріятеля, возвращавшагося откуда-то домой съ продолговатой корзиной въ рукахъ.

— А!—весело вскричалъ Терентій Михайловичъ, когда Пестеревъ, догнавъ, хлопнулъ его по плечу.—Вотъ и отлично! А я сегодня запасался виномъ... Купилъ отличнаго рейнвейна... Вотъ мы сейчасъ и попробуемъ его!

Барышень не было дома: онѣ ушли въ гостиный дворъ. Хозяйка и горничная встрѣтили нашихъ пріятелей съ тряпками и со щетками въ рукахъ.

— Не станемъ мѣшать, пойдемъ ко мнѣ въ комнату!—сказалъ Терентій Михайловичъ, увлекая гостя за собой.

— Я къ вамъ — на минуту! — какъ бы оправдываясь, повторялъ тотъ, и просидѣлъ часа три.

Онъ никакъ не могъ отказаться отъ рюмки рейнвейна, и между разговоромъ, конечно, не преминулъ освѣдомиться объ Ольгѣ Николаевнѣ... «О! У нихъ теперь тоже, вѣроятно, возня идетъ! Дымъ коромысломъ... Знаете, какъ всегда передъ праздниками»... Между прочимъ, Пестеревъ спросилъ: что она дѣлаетъ, чѣмъ занимается?

— Даетъ уроки!—разсказывалъ Терентій Михайловичъ.—Нѣсколько знакомыхъ мальчиковъ и дѣвочекъ ходятъ къ ней на домъ, занимается съ сестрой, репетируетъ.. Дѣлаетъ шляпки на какой-то магазинъ, беретъ шитье... Не нужно-ли вамъ, напримѣръ, носовые платки обрубить, сдѣлать мѣтки? Давайте! Это мы все можемъ — сейчасъ...

— А каково ей живется въ семьѣ?—спросилъ любознательный молодой человѣкъ.

— Не весело! Отецъ-то человѣкъ не злой, но какой-то безхарактерный...—продолжалъ Долинскій.—Отъ мачихи ей шибко достается... Я шучу иногда, спрашиваю: не высѣкла-ли ее мачиха... Но—безъ шутокъ — ей плохое житьишко... Бабушка любитъ ее, но тоже не всегда можетъ защитить отъ всякихъ нападокъ и подвоховъ...

Пестеревъ уже заочно возненавидѣлъ эту мачиху.

— А вы что это, государь мой, такъ заинтересовались нашей Леленькой, а? Ужъ она не въ полонъ-ли васъ взяла?—съ веселымъ смѣхомъ вдругъ обратился къ нему разсказчикъ, хлопнувъ его по плечу.

— «О, дѣти, дѣти! Какъ опасны ваши лѣта и такъ далѣе»... — задекламировалъ Долинскій.—Ну, выпьемте еще по маленькой? Выпьемте, родной! Ну, будьте другъ!.. За здоровье Ольги Николаевны! Неужели откажетесь?.. Надо ужъ выпить, какъ хотите!

Николай Ивановичъ вспыхнулъ, но взялъ рюмку и выпилъ, чокнувшись съ пріятелемъ.

— Ну, еще одну-единую... послѣднюю рюмочку!—немного погодя, началъ опять приставать къ нему Долинскій.—Если не выпьете, непремѣнно скажу Ольгѣ Николаевнѣ, что вы пьете только за ея здоровье...

— Ужъ пожалуста... —началъ, было, Пестеревъ, но не успѣлъ договорить.

Дверь отворилась и въ комнату торопливо вошла Оленька, одѣтая запросто «по домашнему», въ блузѣ, подтянутой поясомъ по таліи, и съ засученными по локоть рукавами. Очевидно, она хлопотала надъ чѣмъ-то дома и вбѣжала въ комнату, не замѣтивъ Пестерева.

— Терентій Михайловичъ! — заговорила она. — Дайте мнѣ, пожалуста, листъ бумаги для... Ахъ!

И она страшно переконфузилась, очутившись передъ Николаемъ Ивановичемъ.

— Извините... я не знала... я помѣшала, можетъ быть...—въ смущеніи пробормотала она, одергивая рукавъ и поправляя свои сбившіеся волосы.

— Никому и ничему не помѣшали, а напротивъ — легки на поминѣ! — заговорилъ Долинскій.—Мы только-что...

— Терентій Михайловичъ!—строго, укоризненнымъ тономъ перебилъ его гость.

— ...сейчасъ пили за ваше здоровье! — бухнулъ Долинскій.

— Вамъ бы за что ни пить,—только пить... ужъ я знаю! — со смѣхомъ проговорила дѣвушка, стараясь замять свое смущеніе, но все-таки не могла скрыть своихъ зардѣвшихся щекъ.—Пожалуста, листочекъ бумаги... Благодарю. До свиданія!..

— Мы съ ней большіе друзья!—замѣтилъ Долинскій, когда Оленька исчезла изъ комнаты.

Пестереву, по правдѣ сказать, было желательно, чтобы пріятель — хотя бы въ полушутливомъ тонѣ—довелъ до свѣдѣнія Ольги Николаевны, что они пили за *ея* здоровье, но въ то же время ему было какъ-то совѣстно и жутко. «Вѣдь это, чортъ возьми, нѣчто вродѣ признанія... Второй разъ вижу ее и — вдругъ»...

Въ первый же день Пасхи Пестеревъ хотѣлъ направиться къ Долинскому, но коекакъ удержался. Зато онъ, рѣшительно, не могъ отказать себѣ въ удовольствіи пройтись по Владимірской, конечно, въ смутной надеждѣ повстрѣчаться съ *кѣмъ-нибудь* изъ знакомыхъ. И онъ дважды прошелъ по улицѣ—по той и по другой ея сторонѣ. Владимірская ему очень нравилась... Ну, разумѣется, это—очень хорошая улица, широкая, оживленная, съ такими прекрасными зданіями, съ старинымъ соборомъ! За церковной оградой такъ мило бѣгаютъ и играютъ дѣтишки... Но въ тотъ день онъ не встрѣтилъ

никого изъ знакомыхъ и только вдоволь полюбовался блестящимъ колокольнымъ шпилемъ, да играющими ребятишками...

На второй день праздника, въ первомъ часу,—это хорошо помнитъ Пестеревъ,—пришелъ онъ къ Долинскому. Того не оказалось дома. Его приняла Лизавета Александровна. По старому обычаю, Николай Ивановичъ перецѣловался съ хозяйкой и съ ея дочерьми. На ту пору у Волжиныхъ были съ визитомъ двое какихъ-то знакомыхъ, но вскорѣ улетучились... Когда явилась Ольга Николаевна, Пестеревъ нерѣшительно попросилъ у нея позволенія исполнить древній христіанскій обычай, но дѣвушка вспыхнула и, молча, отступила. Лизавета Александровна и барышни со смѣхомъ и шутками стали усовѣщевать ее. Оленька убѣжала въ комнату m-me Волжиной... Пестеревъ — онъ впослѣдствіи самъ удивлялся своей храбрости—пошелъ вслѣдъ за Оленькой.

Темномалиновая занавѣсь у окна была опущена и въ комнатѣ стоялъ полумракъ. Какъ онъ живо помнитъ эту минуту!.. Оленька была въ бѣломъ кисейномъ платьѣ и въ ея обычной прическѣ—съ распущенными волосами... Она стояла у окна, сложивъ руки на груди, вся раскраснѣвшись, и словно не рѣшалась взглянуть на него изъ-подъ своихъ дрожащихъ, полуопущенныхъ рѣсницъ. Въ то же время какая-то робкая, застѣнчивая улыбка мелькала на ея губахъ. Николай Ивановичъ помнитъ, какъ онъ подошелъ къ Оленькѣ и, положивъ ей руку на плечо, не отрываясь, трижды поцѣловалъ ее крѣпко-крѣпко. Но съ послѣднимъ поцѣлуемъ дѣвушка вырвалась у него и скрылась...

— Оленька! Оленька, Ольга Николаевна!—кричали въ залѣ барышни и напрасно бѣгали и искали свою подругу: она ушла домой и уже болѣе не показывалась въ тотъ день.

Лизавета Александровна при прощаньи звала Пестерева въ четвергъ вечеромъ.

— Будутъ только свои, молодежь... попляшутъ, пошалятъ... Приходите!

Добрая душа!.. Она, вѣроятно, уже догадывалась, *что* привлекало его съ Васильевскаго Острова на Владимірскую улицу, въ домъ № 8, кварт. 15. Она догадывалась—и хотѣла доставить ему пріятный вечерокъ. Чудесная женщина... Она всегда любила, чтобы вокругъ нея веселилась молодежь; она любила дѣлать всѣхъ счастливыми вокругъ себя. Ея блѣдное, худощавое лицо съ болѣзненнымъ румянцемъ на щекахъ, съ тусклыми, какъ бы заплаканными глазами, съ жидкими прядями свѣтлыхъ волосъ, посеребренныхъ сѣдиною, всегда примѣшивается къ его лучшимъ воспоминаніямъ... Доброе лицо, съ ласковой, снисходительной улыбкой... Юная душа—въ слабомъ, больномъ тѣлѣ, душа чистая, безъ фарисейскаго лицемѣрія, безъ тѣни жестокости, вся проникнутая милосердіемъ къ несчастнымъ, душа кроткая, любящая, смиренная и великая въ своемъ смиреніи... Пестеревъ, ставшій впослѣдствіи «своимъ человѣкомъ» у Волжиныхъ, ни разу не слыхалъ, чтобы Лизавета Александровна ворчала, брюзжала на кого-нибудь, чтобы она сердилась и рѣзко отзывалась о своихъ близкихъ или о знакомыхъ. Въ нашихъ уголовныхъ лѣтописяхъ не было такого преступника, для котораго она не нашла бы оправданія или, по крайней мѣрѣ, снисхожденія...

Пестеревъ скоро подружился съ нею. Онъ, Лизавета Александровна и Долинскій составили такое тѣсное тріо, что его, по выраженію Дуни Волжиной, «нельзя было водой разлить». Въ минуту интимныхъ изліяній Пестеревъ уже выпилъ съ Долинскимъ на брудершафтъ и былъ съ нимъ на «ты»...

Конечно, Николай Ивановичъ пришелъ въ четвергъ—и одну кадриль протанцовалъ съ Оленькой. Затѣмъ, она почти весь вечеръ играла на роялѣ, а онъ сидѣлъ около нея у стѣны. Они то молчали, взглядывая другъ на друга, то принимались разговаривать, и имъ обоимъ было, кажется, очень хорошо.

— Вы устанете, Ольга Николаевна!—говорилъ ей Пестеревъ.

— О, нѣтъ! Пускай они танцуютъ...—возражала она.—У меня руки привычныя... Я иногда цѣлые вечера играю...

Онъ былъ счастливъ: онъ могъ сидѣть рядомъ съ нею, смотрѣть на нее, перемолвиться словечкомъ... Благодатные часы!..

Иной скажетъ: «Пошлы и легкомысленны всѣ эти на лету, украдкой схваченные поцѣлуи, всѣ эти пустые, ничего незначащіе разговоры»... Но самый разсудительный человѣкъ, вѣчно пребывающій въ чаду самыхъ глубокихъ соображеній, почему-то всегда съ отрадой вспоминаетъ о подобномъ «легкомысліи» юношескихъ лѣтъ...

Въ тѣ дни и веселый, радостный колокольный звонъ, и праздничный шумъ большого города, и люди, и неодушевленная природа,—однимъ словомъ, все носило для Пестерева це-

чать того невыразимаго очарованія, которое никогда не тускнѣетъ и не забывается, хотя бы человѣкъ прожилъ маѳусаиловъ вѣкъ...

VII.

Оленькѣ Талановой было 17 лѣтъ, но не смотря на свой короткій вѣкъ, она уже испытала въ жизни большое горе: она похоронила мать — своего лучшаго друга, и видѣла, какъ мѣсто любимой и нѣжно любившей ее матери заняла другая—чужая женщина, капризная, сварливая и злая; она видѣла, какъ мачиха вооружала отца противъ дѣтей и отецъ все болѣе и болѣе подпадалъ подъ это недоброе вліяніе. Оленька не носилась по чужимъ людямъ со своимъ горемъ: ея бодрая, здоровая натура не знала унынія. Дѣвушка не говорила Николаю Ивановичу о своихъ семейныхъ непріятностяхъ, но Пестеревъ такъ часто разговаривалъ о ней съ Лизаветой Александровной, что, наконецъ, могъ совершенно ясно представить себѣ ея домашнее житье-бытье, какъ будто уже давно былъ знакомъ со всей семьей Талановыхъ, со всей ихъ обстановкой.

Въ разговорахъ съ Пестеревымъ дѣвушка жалѣла только о томъ, что не могла кончить гимназическаго курса, что она мало знаетъ. Ей очень хотѣлось бы еще поучиться. Николай Ивановичъ предложилъ ей давать уроки, и Оленька съ благодарностью приняла его услуги. Условились, что Пестеревъ будетъ давать ей уроки въ квартирѣ Волжиной...

— У насъ неудобно...—съ замѣшательствомъ пояснила дѣвушка.—Мачиха станетъ коситься, да и отцу, можетъ быть, покажется непріятно, что мнѣ безплатно даютъ уроки...

Никогда еще, кажется, Пестеревъ не готовился къ урокамъ такъ добросовѣстно и никогда еще эти занятія не доставляли ему такого наслажденія, какъ теперь, когда онъ сидѣлъ наединѣ съ Оленькой, почти рядомъ съ нею. Даже мелочныя грамматическія правила въ ту пору теряли для него свою сухость, становились поэтичны, и даже русская «удѣльная система» и «монгольское иго» получили въ его глазахъ совершенно особенный интересъ. Ему также было очень пріятно провѣрять познанія своей ученицы и заставлять ее вкратцѣ повторять пройденное. И она повторяла тихо и толково, опустивъ глаза и лишь изрѣдка взглядывая на «учителя», какъ бы ожидая отъ него подтвержденія. А онъ слушалъ, казалось, съ величайшимъ вниманіемъ, но иногда почти ровно ничего не слыхалъ. Не вникая въ содержаніе рѣчи, онъ съ наслажденіемъ вслушивался въ тонъ ея голоса, какъ вслушиваются въ хорошую музыку. И ученица, бывало, приводила его въ немалое смущеніе, спрашивая: «Такъ? Вѣрно?...» Въ тѣ минуты онъ чувствовалъ себя, какъ шаловливый школьникъ, застигнутый врасплохъ, не могъ смотрѣть въ ея ясные глаза и бормоталъ на авось: «Да, да! вѣрно!..» Но не часто онъ бывалъ такъ разсѣянъ. Дѣвушка ему нравилась,—въ этомъ онъ уже долженъ былъ признаться себѣ, положивъ руку на сердце; онъ даже, кажется, любилъ ее, но онъ вовсе не желалъ смѣшивать серьезное дѣло съ пріятнымъ «бездѣльемъ»... Поэтому ихъ уроки ни мало не походили на тѣ уроки, что Абеляръ давалъ своей Элоизѣ: «руки ихъ не встрѣчались» подъ столомъ, они не сидѣли по цѣлымъ часамъ «надъ одной и той же страницей» и Николаю Ивановичу не за что было, подобно Абеляру, «наказывать» свою внимательную, прилежную ученицу.

Послѣ урока вся семья собиралась за чайнымъ столомъ, вокругъ самовара. Затѣмъ, если Терентій Михайловичъ бывалъ дома, являлось вино или пиво съ приличной закуской. Оленька и барышни Волжины иногда поочереди играли на рояли; молодежь дурачилась и плясала до упаду. Иногда принимались пѣть... Долинскій, поднявъ руку, какъ Руже де-Лиль на извѣстной картинѣ, восторженно затягивалъ: «Свободы гордой вдохновенье...» А Оленька, подъ аккомпаниментъ рояля, очень мило, съ чувствомъ напѣвала старинный романсъ:

«Позабудешь меня ты не скоро,
Въ томъ сердечно увѣрена я...
Нѣтъ, не даромъ съ тобой мы сошлися
На широкомъ пути бытія!..»

Николай Ивановичъ помнитъ, что Долинскій подтрунивалъ надъ «широкимъ путемъ бытія»...

— Сантиментально, высокопарно и смѣшно!—говорилъ онъ.

Пестеревъ, конечно, не соглашался съ нимъ и не находилъ въ этихъ словахъ ничего смѣшного. Но онъ тогда и не воображалъ, что въ словахъ этого стариннаго романса заключалось для него пророчество...

Расходились далеко за полночь. Пестеревъ, обыкновенно, уходилъ вмѣстѣ съ Ольгой Николаевной. Хотя она жила только однимъ эта-

жемъ выше и ей нужно было пройти лишь двѣ лѣстницы, но такъ какъ время было уже позднее, фонари на лѣстницѣ не горѣли, то Пестеревъ и усвоилъ себѣ привычку провожать Оленьку до дверей ея квартиры. Прежде чѣмъ позвонить, дѣвушка крѣпко жала ему руку, и онъ, получивъ свою плату, моментально исчезалъ...

— Вы смотрите, чтобы какъ-нибудь не увидала бабушка или мачиха...—со смѣхомъ предостерегала его Лизавета Александровна. —Онѣ, просто, съ ума сойдутъ, когда узнаютъ, что молодой человѣкъ въ потьмахъ провожаетъ ихъ Оленьку... Особенно мачиха. Та совсѣмъ взбѣсится...

Въ это время Пестеревъ сдѣлался уже «своимъ человѣкомъ» въ семьѣ Волжиныхъ.

Около этого же времени онъ обмѣнялся съ Ольгой Николаевной фотографическими карточками, и она на оборотной сторонѣ своей карточки надписала: «Учителю отъ ученицы на память».

Такъ прошла весна и наступило лѣто...

Вдругъ Пестеревъ получаетъ по городской почтѣ письмо слѣдующаго лаконическаго содержанія:

«Милостивый государь!

Покорнѣйше прошу васъ пожаловать ко мнѣ завтра утромъ, отъ 9 до 11 часовъ, для окончательныхъ переговоровъ о вашей повѣсти.

Г. Свѣтозаровъ».

Слѣдовалъ адресъ.... Наконецъ-то Пестеревъ увидитъ этого господина! Отъ Долинскаго, посвященнаго во всѣ закулисныя тайны литературнаго міра, Николай Ивановичъ уже зналъ, что Свѣтозаровъ былъ дѣйствительно хозяиномъ и душой журнала «Работа», а оффиціальный издатель и редакторъ служили для него лишь послушными орудіями.

На другой день, въ 10 часовъ утра, Пестеревъ сидѣлъ въ кабинетѣ Свѣтозарова... Человѣкъ, находившійся теперь передъ нимъ, былъ пожилой мужчина небольшого роста, крѣпкій, коренастый, съ темными съ просѣдью гладко-выстриженными волосами, съ бритымъ подбородкомъ, съ жесткими, торчащими усами, съ острымъ носомъ и съ рѣдкими, сѣдоватыми бакенбардами на щекахъ. Вообще черты его смуглаго лица были такъ рѣзко обточены, какъ будто вылиты изъ темной бронзы. Его темносѣрые глаза, острые, живые, проницательно взглядывали на собесѣдника... Этотъ человѣкъ былъ некрасивъ, неказистъ на взглядъ и напоминалъ собой Пестереву отставного унтеръ-офицера... Но это былъ не совсѣмъ обыкновенный унтеръ-офицеръ. Человѣкъ наблюдательный легко бы замѣтилъ, что этотъ «унтеръ-офицеръ» при случаѣ могъ командовать арміей. Въ очертаніяхъ его рта и въ блестящихъ темныхъ глазахъ сказывалась желѣзная энергія и большая нравственная сила...

Пестеревъ съ невольнымъ почтеніемъ смотрѣлъ теперь на этого человѣка. Въ немъ онъ видѣлъ одного изъ самыхъ рѣшительныхъ, самыхъ послѣдовательныхъ представителей русскаго слова. Пестеревъ уже наслушался отъ Долинскаго объ его удивительной способности группировать вокругъ себя талантливыхъ людей, объ его любви къ литературѣ, къ журналу... Разсказывали о его труженичествѣ—о томъ, какъ находили его по утру въ редакціи, заснувшимъ надъ корректурой. Долинскій особенно живо передавалъ ту сцену, когда Свѣтозаровъ приносилъ въ редакцію вновь вышедшую книгу журнала, еще сырую, пахнувшую типографской краской, наскоро сброшюрованную и, съ любовью прижимая ее къ груди, какъ родное дѣтище, со вздохомъ облегченія говорилъ: «Вытянули!» Онъ съ торжествомъ клалъ эту книжку на столъ и въ волненіи, своею нервною, торопливою поступью ходилъ по комнатѣ, потирая руки...

Да! Этотъ человѣкъ былъ не то, что Предтеченскій и другіе писатели, симпатичные Пестереву. Это была другого поля ягода. Предтеченскій и его товарищи были честные, талантливые литераторы; Свѣтозаровъ же представлялся Пестереву настоящимъ общественнымъ дѣятелемъ, бойцомъ...

Свѣтозаровъ сказалъ Пестереву, что повѣсть его будетъ напечатана въ двухъ книжкахъ: въ ноябрьской и декабрьской; потомъ заговорилъ съ нимъ вообще о литературныхъ дѣятеляхъ. Каждое слово его было мѣтко; одной фразой онъ умѣлъ вполнѣ охарактеризовать человѣка—такъ, что его бѣглыя замѣчанія могли составить рядъ краткихъ, живыхъ біографій. Онъ говорилъ насмѣшливо и употреблялъ подчасъ очень рѣзкія словечки. Пестеревъ былъ очарованъ имъ, какъ были очарованы и многіе другіе до и послѣ него. Между прочимъ, Свѣтозаровъ говорилъ о томъ, что молодые, тенденціозные писатели пренебрегаютъ формой и оттого много теряютъ...

— Посмотрите на литераторовъ 40-хъ годовъ...—говорилъ онъ.—Они съумѣли выработать себѣ форму, и поэтому всякая ихъ бездѣлушка (и вся цѣна-то ей ломаный грошъ!) читается съ интересомъ. А наши молодые писатели не радѣютъ о формѣ...

Пестеревъ слушалъ со вниманіемъ.

Свѣтозаровъ говорилъ много, говорилъ съ увлеченіемъ... Можетъ быть, его слова были пустою фразой; можетъ быть, онъ уже не въ первый разъ и не первому молодому человѣку повторялъ ихъ. Все это могло быть... Новыхъ истинъ въ обращеніи бываетъ мало, а общихъ фразъ—много: фраза царитъ на бѣломъ свѣтѣ. И старыя фразы въ устахъ Свѣтозарова получали новую силу и жизнь; онѣ высказывались съ жаромъ, съ убѣжденіемъ—и не мудрено, что онѣ, словно топоромъ зарубленныя, глубоко запали въ душу Пестерева. Николаю Ивановичу припомнились унылыя ламентаціи Предтеченскаго о «временахъ и нравахъ» и невольно напрашивались на сравненіе съ сильною, смѣлою и ободряющею рѣчью Свѣтозарова...

— А не нужно-ли вамъ теперь сколько-нибудь презрѣннаго металла?—совершенно просто, по-дружески спросилъ его Свѣтозаровъ.

Конечно, деньги были нужны ему.

— Я могу вамъ дать теперь же... Пока довольно? — говорилъ Свѣтозаровъ, вынимая изъ ящика стола нѣсколько ассигнацій и передавая ихъ Пестереву.

Да! Здѣсь Пестереву не сказали, что редакція—«не вспомогательная касса для бѣдныхъ»; здѣсь даже не ждали просьбы съ его стороны, сами догадались и предложили денегъ впередъ самымъ безобиднымъ образомъ... У Пестерева очутились въ карманѣ деньги; онъ разбогатѣлъ...

Прямо отъ Свѣтозарова онъ пошелъ на Владимірскую: теперь для него уже стало потребностью — дѣлиться всякой новостью, горемъ и радостью съ Лизаветой Александровной, съ Долинскимъ и Оленькой. Вскорѣ же онъ развязался со своей жалкой «конторой» и принялся за другую повѣсть...

Однажды, придя къ Волжинымъ, Пестеревъ засталъ Лизавету Александровну сильно разстроенною и съ заплаканными глазами.

— Что такое? Что съ вами?—съ участіемъ освѣдомился онъ.

— Да вотъ—Оленька...—проговорила она и тутъ же передала Пестереву грустную повѣсть изъ жизни темнаго царства...

Мачиха уже давно задумала сбыть Оленьку съ рукъ и пріискивала ей жениха. Недавно нашелся женихъ, какой-то отставной интендантъ, вдовецъ лѣтъ 50 и съ кучей дѣтей. Онъ былъ управляющимъ домами и у него самого уже былъ домикъ гдѣ-то на Петербургской сторонѣ. Талановы познакомились съ нимъ, и «полковникъ» сталъ у нихъ бывать. Одна изъ дочерей этого интенданта училась въ гимназіи вмѣстѣ съ Оленькой и была года на три старше ея. Теперь отецъ, по наущенію мачихи, заставилъ Оленьку возобновить знакомство съ ея школьной подругой, хотя онѣ и не были близки между собой. Оленька сдѣлала нѣсколько визитовъ своей подругѣ и, наконецъ, наотрѣзъ отказалась ходить на Петербургскую: любезности отставного интенданта были ей противны, да и подруга, догадавшись о замыслахъ своего отца, стала коситься на Оленьку и сдѣлалась къ ней холодна. А «противный» интендантъ, между тѣмъ, не нашутку увлекся Оленькой. Дѣвушка показывала свое нерасположеніе къ нему, но онъ не унимался и, наконецъ, сдѣлалъ «формальное предложеніе». Мачиха, конечно, ухватилась обѣими руками за такую «отличную партію для Оленьки», отецъ ей вторилъ, а Оленька и слушать не хотѣла. Ей поминутно устраивали сцены; отецъ хмурился, дулся, мачиха пилила ее, постоянно напѣвая о томъ, что она—«безсердечная», что «ей никого не жаль», что «отецъ ея бьется, а ей и горюшка мало» и т. д. Дѣло дошло до того, что Оленька не могла съѣсть куска хлѣба безъ того, чтобы ее не попрекнули. Сегодня, наконецъ, мачиха устроила ей генеральную баталію и почти выгнала ее изъ дома.

— Вонъ, сидитъ теперь у меня... дрожитъ, какъ въ лихорадкѣ... Не знаю, право, что съ ней и дѣлать!..—растерянно и грустно говорила Лизавета Александровна.

Пестеревъ одинъ прошелъ въ ея комнату... Оленька сидѣла на сундучкѣ, закутавшись въ большой сѣрый платокъ и низко понуривъ голову. Она слегка вздрагивала и какъ бы ёжилась отъ холода. Ея разстроенное, измученное лицо было блѣдно. Она, молча, пожала руку Пестереву и задумчиво продолжала крутить между пальцами бахрому своего сѣраго платка. Пестеревъ еще никого да не видалъ дѣвушку такою грустною, и ему стало невыразимо жаль ее. Съ минуту онъ стоялъ, молча, тяжело дыша. Вокругъ

нихъ было тихо. Было слышно, какъ тикали стѣнные часы, да воробьи чирикали гдѣ-то за окномъ... Николаю Ивановичу хотѣлось утѣшить, успокоить любимую дѣвушку, но все краснорѣчіе его разомъ изсякло и слова не шли съ языка. Нужно спасти ее во что бы то ни стало, вырвать ее изъ этого семейнаго ада, вывести изъ темнаго царства на свѣтъ, дать ей жить... Пестеревъ присѣлъ на сундучекъ рядомъ съ Оленькой.

— Вышли бы вы за меня замужъ?...— спросилъ онъ, и ни тогда, ни впослѣдствіи не могъ дать себѣ отчета: какимъ образомъ эти слова сорвались у него съ языка, и какимъ образомъ рука Оленьки вдругъ очутилась въ его рукѣ.

— За васъ?.. Да!..—тихо промолвила она, поднявъ голову и посмотрѣвъ на него.

Отвѣтъ былъ очень простъ, кратокъ и ясенъ. Однимъ «да» дѣвушка призналась въ любви и сдѣлала юношу счастливымъ... Все это вышло какъ-то странно, неожиданно, экспромтомъ... Потомъ Пестеревъ помнитъ, онъ обнялъ Оленьку и цѣловалъ — цѣловалъ ее безъ конца, а она улыбалась ему сквозь слезы и—счастливая, радостная—смотрѣла на него своими голубыми глазами. Она довѣрчиво склонилась къ нему на плечо, а онъ съ нѣжностью гладилъ ея шелковистые волосы и клялся въ душѣ защитить ее отъ всѣхъ житейскихъ бѣдъ и напастей и сдѣлать ее счастливою...

Было рѣшено, что Оленька пока останется у Лизаветы Александровны. А эта добрая душа была очень рада, что дѣло ея любезной Оленьки приняло такой отличный оборотъ. Только Долинскій хмурился и гримасничалъ.

— Смотри, братъ! — говорилъ онъ, грозя пальцемъ.—Люди толкуютъ: женишься—перемѣнишься... А это — скверно! Положимъ, Ольга Николаевна—хорошая дѣвушка... Но семья,—вотъ бѣда! Семья засасываетъ...

И въ тотъ же вечеръ, со стаканомъ портвейна въ рукѣ, онъ обратился къ Оленькѣ съ маленькой рѣчью—полуторжественной, полушутливой. Онъ просилъ Оленьку беречь его пріятеля, сравнивалъ его съ нѣжной, чувствительной арфой и совѣтовалъ ей играть на этой арфѣ крайне осторожно, чтобы не порвать струнъ,—подъ конецъ самъ разчувствовался, цѣловался съ ними и расплескивалъ портвейнъ себѣ на грудь и на полъ...

Оленька послѣ того нѣсколько дней прожила у Волжиныхъ, а потомъ бабушка помирила ее съ отцомъ и мачихой. Вскорѣ Пестеревъ узналъ отъ Лизаветы Александровны, что Талановъ рѣшительно отказывался выдать дочь замужъ за какого-то таинственнаго незнакомца, за литератора, нигдѣ не пишущаго, за человѣка безъ всякихъ опредѣленныхъ занятій. Оленька заболѣла... Николай Ивановичъ тосковалъ, не видя своей невѣсты и воображая себѣ всевозможные ужасы. Онъ сталъ уже подумывать о похищеніи и о тайномъ вѣнчаньи въ какой-нибудь загородной церкви. Онъ уже съѣздилъ въ Лигово, въ Вартемяги, въ Колпино, нашелъ священника —старичка, соглашавшагося вѣнчать, пріискалъ себѣ шаферовъ и свидѣтелей, какъ вдругъ получилъ письмо отъ Оленьки: его просили «завтра вечеромъ придти въ садикъ, около десяти часовъ»... «Папа хочетъ познакомиться съ вами... Приходите непремѣнно! Но я съ тобой завтра не увижусь»... На первыхъ порахъ въ разговорѣ и въ письмахъ Оленька часто сбивалась въ мѣстоименіяхъ, говоря ему и «ты» и «вы», какъ попадется.

При томъ домѣ, гдѣ жили Талановы и Волжины, находился садикъ—въ петербургскомъ вкусѣ, то-есть небольшой клочекъ земли, окруженный съ одной стороны рѣшеткой, а съ прочихъ сторонъ—стѣнами дома и брандмауерами. Были въ этомъ саду и песчаныя дорожки, и полоски зелени, и скамейки, и какіе-то смутные намеки на цвѣты и нѣсколько хилыхъ, достойныхъ жалости деревцовъ, задыхавшихся отъ недостатка воздуха и солнечнаго свѣта. Но этотъ несчастный садикъ въ то лѣто былъ для Пестерева не хуже армидиныхъ садовъ. Здѣсь онъ встрѣчалъ Оленьку или въ обществѣ подругъ, или одну, и не мало прелестныхъ, незабвенныхъ вечеровъ провелъ онъ здѣсь, сидя съ нею на одной изъ низенькихъ скамеекъ. Березки вокругъ нихъ все-таки порой шелестѣли подъ налетомъ вѣтра, тамъ и сямъ была видна блѣдно-зеленая травка, надъ головой сіяло открытое небо, а въ позднiй часъ вечера въ небѣ зажигались звѣзды, иногда мѣсяцъ всплывалъ изъ-за сосѣдняго брандмауера и свѣтилъ влюбленнымъ такъ же мило и поэтично, какъ свѣтилъ онъ въ ту пору и надъ великолѣпными парками и заглохшими рощами...

Въ назначенный вечеръ Николай Ивановичъ сидѣлъ въ знакомомъ садикѣ на угловой скамейкѣ. Оленька явилась съ отцомъ и, указавъ ему издали на Пестерева, возвратилась домой... Талановъ, по натурѣ, былъ старикъ

добродушный, много потерпѣвшій на своемъ вѣку и оттого сдѣлавшійся раздражительнымъ. Пестеревъ смутно помнитъ его физіономію: всего болѣе Пестерева поразили его тонко закрученные усы и темные волосы, гладко прилизанные и очень походившіе на парикъ. Теперь онъ былъ въ длинномъ сѣромъ пальто и въ цилиндрѣ... По причинѣ поздняго времени въ садикѣ уже не оставалось никого гуляющихъ, и Николай Ивановичъ могъ на свободѣ бесѣдовать со старикомъ.

— Вы сдѣлали предложеніе моей дочери... —сухо заговорилъ тотъ, послѣ взаимныхъ рекомендацій, усѣвшись съ Пестеревымъ на скамейку и упираясь въ песокъ своей длинной камышевой тростью.

— Да!—промолвилъ юноша.

— Но все это, извините, какъ-то очень странно...—продолжалъ Талановъ, пожимая плечами. — Вы не познакомились съ нами... Мы васъ совершенно не знаемъ...

— Я познакомился съ Ольгой Николаевной въ концѣ зимы, у г-жи Волжиной!—перебилъ Пестеревъ.

— Знаю-съ, слышалъ...—сурово отозвался старикъ. — Но скажите пожалуста... Познакомьте меня съ вашими рессурсами! Чѣмъ вы живете?

— Живу своимъ трудомъ, даю уроки, пишу...

— Сколько же вы получаете въ годъ?— допытывался старикъ.

— Годъ на годъ не придется... могу получить и 1,000 рублей въ годъ, и рублей 500—600...

— Положеніе неопредѣленное...—какъ бы про себя, задумчиво промолвилъ Талановъ, чертя тростью по песку.—Какъ же вы будете жить?—спросилъ онъ, немного погодя, уже болѣе мягкимъ тономъ.

— Такъ и будемъ жить... станемъ работать!—проговорилъ Пестеревъ.

— Эхъ, молодежь, молодежь! — со вздохомъ сказалъ Талановъ. — Вѣдь нынче не прожить въ шалашѣ подъ тѣнью древесъ... Вы посмотрите: что нынче стоитъ фунтъ мяса... Надо ужъ говорить все... Вы—люди молодые, пойдутъ у васъ дѣти... Что вы тогда будете дѣлать?.. Хорошо-ли вы обдумали свое намѣреніе?

— Я твердо рѣшился!—отвѣчалъ Пестеревъ.

— Ну... А я съ своей стороны долженъ объяснить вамъ, молодой человѣкъ, что дѣла мои теперь въ такомъ положеніи, что я ничего не могу дать за дочерью... рѣшительно, ничего!—съ ударсніемъ на послѣднихъ словахъ повторилъ Талановъ.

— Мнѣ ничего и не надо...—замѣтилъ Пестеревъ.—Мнѣ нужно не приданое, не деньги, а ваша дочь...

— Конечно, приданое я сдѣлаю... — нѣсколько смѣшавшись, промолвилъ старикъ.— Но я не могу много... потому что въ настоящее время мои семейныя обстоятельства вообще... гм!..

— Ей давайте, что вамъ угодно,—это ваше дѣло... А мнѣ не надо! Я ничего не возьму...—повторилъ Николай Ивановичъ.

Послѣ этихъ переговоровъ Талановъ пригласилъ его къ себѣ. Тутъ Пестеревъ въ первый разъ увидалъ мачиху—худощавую, желтолицую женщину съ черными глазками и сухими, тонкими губами. Она вынесла имъ по стакану жидкаго, теплаго чая... Этой женщинѣ, какъ оказывалось, было рѣшительно все равно, за кого бы Оленька ни выходила замужъ, лишь бы только отвязаться отъ нея. «Отказала порядочному человѣку, господину съ деньгами, а влюбилась въ голь перекатную... Ей же хуже!..» А Николай Ивановичъ, между тѣмъ, только и мечталъ о томъ, какъ бы ему поскорѣе вырвать свою голубку изъ когтей этой ненавистной мачихи...

Съ того времени онъ сталъ часто видаться съ Оленькой—то у Волжиныхъ, то въ садикѣ, то у нея на дому. Онъ въ качествѣ жениха носилъ ей конфекты, особенно ея любимыя «сливочныя тягучки»; нѣсколько разъ приносилъ ей цвѣтовъ. Чудные дни, золотое времячко!..

За недѣлю передъ свадьбой онъ перебрался съ Васильевскаго Острова и поселился неподалеку отъ Владимірской церкви. Онъ нанялъ хорошую, свѣтлую комнату въ два окна съ занавѣсами, съ мягкой мебелью. За темно-зеленымъ шерстянымъ драпри помѣщались постель и небольшой комодъ краснаго дерева. Зеркальце, стоявшее на комодѣ, должно было играть роль туалета... Гнѣздышко было готово.

Наканунѣ свадьбы ему пришлось много бѣгать и хлопотать, а вечеръ онъ провелъ дома. У него сидѣлъ Долинскій и пилъ пиво. По уходѣ гостя, онъ долго бродилъ по комнатѣ изъ угла въ уголъ и думалъ о предстоявшей перемѣнѣ въ его жизни. Эта перемѣна пуга-

ла его. Ему стало жутко... Что сулило ему будущее? Неизвѣстно...

Вѣнчались въ домовой церкви. Оленька была въ бѣломъ платьѣ и съ бѣлыми померанцевыми цвѣтами на головѣ. Спокойная, серьезная стояла она, изрѣдка съ улыбкой взглядывая на него. А его во время вѣнчанія страшно безпокоилъ и смущалъ бѣлый жилетъ, взятый имъ у одного знакомаго: жилетъ оказывался широкъ, и Николай Ивановичъ поминутно долженъ былъ застегивать то одну, то другую пуговицу...

Въ этотъ день Пестереву въ первый разъ въ жизни пришлось проѣхать въ каретѣ...

Послѣ вѣнчанья въ комнатѣ Пестерева были поданы чай съ легкой закуской, вино, фрукты. Мачиха не пожаловала, «по случаю болѣзни», а старикъ Талановъ съ бабушкой рано ушелъ домой. Волжины, Долинскій, студенты, бывшіе шаферами, просидѣли у новобрачныхъ весь вечеръ, весело, шумно болтая и смѣясь... Въ 11 часовъ они ушли; Пестеревъ остался съ Оленькой наединѣ... И Оленька стала его женой...

По утру онъ всталъ бодрый, сильный, счастливый — и готовъ былъ, подобно неистовому Орланду, бороться за свое счастіе и съ людьми, и со всевозможными чудовищами въ мірѣ...

Теперь, сидя одинъ въ своемъ михайловскомъ саду, Николай Ивановичъ глубоко вздохнулъ при этомъ свѣтломъ воспоминаніи и грустно посмотрѣлъ на темнѣвшія надъ головой его деревья... Легкій ночной вѣтерокъ пронесся по саду, прошумѣлъ листвой и смолкъ. Опять—безмолвіе и трепетный лунный свѣтъ, крадущійся изъ-за деревьевъ... И снова плывутъ одно за другимъ воспоминанія...

VIII.

На утро послѣ свадьбы въ карманѣ у новобрачнаго оказалось только 70 копѣекъ, но въ то утро онъ, рѣшительно, былъ не расположенъ унывать...

— Знаешь-ли, Оленька, сколько у насъ денегъ?.. Семь гривенъ ровно... — съ веселымъ смѣхомъ говорилъ Николай Ивановичъ, перебирая въ портмонэ мелочь, въ то время, какъ жена, шурша юбками, одѣвалась за драпировкой.

— Прекрасно. Вотъ такъ богачи!..—такъ же весело и со смѣхомъ отозвалась молодая.

Съ этими копѣйками, конечно, трудно было начинать жизнь вдвоемъ. На первыхъ порахъ пришлось перехватить нѣсколько рублей у Лизаветы Александровны, а затѣмъ искать занятій. Въ ту осень безденежье случалось у нихъ часто, но все-таки Пестеревъ не запомнитъ, чтобы была когда-нибудь другая такая же хорошая осень, какъ въ тотъ годъ... Почти каждый вечеръ въ сумерки онъ ходилъ съ Оленькой гулять. И замѣчательное дѣло: тогда, кажется, и дождикъ не мочилъ ихъ... Они странствовали по Невскому проспекту, по Знаменской, по Литейной, по Владимірской, иногда заходили ненадолго на перепутье къ «своимъ», то-есть къ Талановымъ, или къ Волжинымъ, на обратномъ пути посѣщали кондитерскую, булочную или фруктовый магазинъ, а вечеръ кончали дома и ничуть не скучали, если никто изъ посторонникъ не являлся къ нимъ. То они поочереди читали вслухъ, то разсуждали о своихъ дѣлахъ, о близкихъ знакомыхъ, то строили чудесные воздушные замки, то просто, обнявшись, принимались тихо ворковать...о чемъ?— того не передастъ никакой поэтъ въ мірѣ, такъ же, какъ ни одинъ художникъ не перенесетъ на свой холстъ ни клочка небесной лазури, ни живыхъ переливовъ свѣта и тѣни въ листвѣ деревъ... И незамѣтно для нихъ пролеталъ вечеръ. Иногда къ нимъ собирались знакомые... Приходили Волжины, Долинскій, мистеръ Митмитъ, секретарь редакціи «Работы», нѣсколько студентовъ, двѣ-три гимназическія подруги Оленьки,—и время проходило весело и мило. Изъ Талановыхъ всѣхъ чаще навѣщала ихъ бабушка, Анисья Ѳедоровна. Она очень любила свою старшую внучку.

Оленька той порой продолжала шить шляпки на магазинъ, давала уроки и въ то же время сама готовилась къ экзамену на званіе учительницы. Николай Ивановичъ бѣгалъ по Петербургу, ища занятій. Нельзя было жить однимъ литературнымъ заработкомъ: пишущей братіи оказывалось такъ много, что Пестереву приходилось ждать своей очереди по полугоду и долѣе. А въ полгода можно было не разъ умереть голодной смертью...Въ тѣ дни онъ пускался на самыя отчаянныя, оригинальныя средства для пріисканія себѣ занятій. Онъ, напримѣръ, рѣшился обойти всѣ книжные магазины, помѣщавшіеся тогда на Невскомъ, и просить себѣ переводовъ или вообще какой-нибудь работы. И онъ обошелъ буквально всѣ магазины, странствуя съ одной стороны Невскаго на другую и всюду получая отвѣты или

вовсе неутѣшительные, или весьма сомнительнаго свойства. Въ нѣкоторыхъ магазинахъ ему прямо сказали, что у нихъ—«свои переводчики», въ другихъ—записали его адресъ, въ третьихъ—ему предложили навѣдаться «недѣли черезъ двѣ» и т. д.

Усталый, разбитый, возвращался онъ со своихъ поисковъ, только мысленно утѣшая себя, что дома его ждетъ Оленька. И она встрѣчала его поцѣлуями, снимала съ него шарфъ, грѣла въ своихъ теплыхъ рукахъ его красныя, иззябшія руки и съ живымъ участіемъ спрашивала его:

— Видно, холодно на дворѣ? Ты озябъ, милый?

И вотъ, сидятъ они за самоваромъ, на диванѣ, въ своей маленькой, уютной, комнаткѣ. На столѣ горитъ лампа; въ печкѣ потрескиваютъ дрова, — пріятная теплота и запахъ горящей сосновой смолы расходится по комнатѣ! А за окномъ осенній вѣтеръ шумитъ и гудитъ, потрясая вывѣсками и стуча водосточными трубами, и дождь хлещетъ въ стекла.

— Какая ужасная погода! — замѣчаетъ Оленька, припадая головой къ его плечу.

Имъ, впрочемъ, теперь хорошо во всякое ненастье...

— Сегодня вечеръ мы—дома!—говоритъ Оленька.

— Да! И, вѣроятно, по такой погодѣ къ намъ никто не придетъ... Развѣ только Долинскій забредетъ... — отзывается Николай Ивановичъ...

Женихъ и невѣста всегда болѣе или менѣе рисуются другъ передъ другомъ, стараясь казаться лучше. Этотъ обоюдный обманъ происходитъ отчасти съ умысломъ, отчасти безсознательно, но во всякомъ случаѣ онъ совершенно естественъ. Человѣкъ передъ любимой особой всегда желаетъ показаться съ лучшей стороны, чтобы заслужить ея благосклонность. Къ тому же, въ силу любовнаго импульса, въ ту пору всѣ лучшія качества человѣческой природы обнаруживаются ярче, выступаютъ виднѣе, чѣмъ въ обыкновенное время. Когда женихъ и невѣста обращаются въ мужа и жену, тогда уже не бываетъ ни нужды, ни возможности рисоваться долѣе. Мужъ является передъ женой запросто, въ халатѣ, а жена—въ кофтѣ; въ нравственномъ отношеніи происходитъ подобное же разоблаченіе. Люди перестаютъ стѣсняться, и всѣ непріятныя стороны характера, всѣ мелочные недостатки и пороки, что скрывались до тѣхъ поръ, теперь выплываютъ наружу. Супруги начинаютъ всматриваться другъ въ друга и замѣчаютъ, что они въ дѣйствительности не совсѣмъ то, чѣмъ казались ранѣе. Является разочарованіе, а съ нимъ—взаимные упреки и неудовольствія. Если люди сошлись, не слишкомъ обманувшись другъ въ другѣ и притомъ склонные къ терпимости и взаимнымъ уступкамъ, тогда—благо для нихъ: недоразумѣнія между ними кое-какъ сглаживаются и исчезаютъ, какъ облака, въ ясный день набѣгающія на солнце и не омрачающія надолго небесной лазури. Если же они обманулись другъ въ другѣ самымъ основательнымъ образомъ, въ такомъ случаѣ, понятно, ими обоюдно испытывается очень горькое разочарованіе,—и легкія облака съ теченіемъ времени сгущаются въ темныя тучи, блеститъ молнія и гремитъ громъ. Отсюда—семейная нескладица, «разлученія», бѣгства, хлопоты о разводѣ, убійства и самоубійства—вообще, такъ называемыя, «семейныя драмы»...

Медовый мѣсяцъ Пестерева также не обошелся безъ горечи...

Онъ помнитъ, какъ однажды Оленька собралась на вечеръ къ Волжинымъ, а ему хотѣлось, чтобы жена осталась съ нимъ дома... поспорили, погорячились,—и Оленька, раздосадованная, ушла одна, а онъ надулся и ворчалъ про себя: «Вотъ она любовь!..» Оленькѣ, конечно, непріятно, тяжело было сознавать, что она, освободившись отъ мачихи, вдругъ очутилась въ подданствѣ у мужа и должна была исполнять всѣ его прихоти и ребяческіе капризы. Дня два между ними чувствовалась холодность. Противъ обыкновенія, утромъ они не здоровались, а вечеромъ не говорили другъ другу: «Прощай! Спокойной ночи!» — Разговоры ихъ ограничивались лишь самыми необходимыми вопросами и отвѣтами. При гостяхъ они должны были разыгрывать роль и не показывать вида, что между ними пробѣжала черная кошка... Кончилось же тѣмъ, что Оленька подошла къ нему, когда онъ сидѣлъ за работой, нѣжно обняла его за шею и, почти насильно приподнявъ ему голаву, стала цѣловать его. Николай Ивановичъ, разумѣется, не могъ уже долѣе хмуриться...

Въ другой разъ ему вздумалось идти въ театръ, а Оленькѣ что-то нездоровилось, она хотѣла посидѣть вечеръ дома. Опять—разногласіе, горячіе споры, упреки...

— Ты, вотъ, вѣчно такъ!..

— Да если мнѣ неможется...

— Ну, конечно, мы оба—свободны и можемъ дѣлать, что хотимъ!..

Николай Ивановичъ ушелъ одинъ, провелъ въ театрѣ время довольно скучно и недовольный, сердитый, возвратился домой, зайдя предварительно въ трактиръ и выпивъ съ горя, «ей на зло», три рюмки англійской горькой. На утро опять—холодъ и игра въ молчанки, а вечеромъ—примиреніе, объятія, поцѣлуи и молодой, веселый смѣхъ... Теперь Пестеревъ съ горечью и съ болью вспоминаетъ, что почти всегда съ мировой являлась Оленька къ нему. Да! Она была добрѣе его... Она всегда была нѣжна, ласкова, снисходительна.

Впрочемъ, не смотря на свою снисходительность, она иногда полусерьезно, полушутливо высказывала ему очень непріятныя истины. Она, напримѣръ, замѣчала въ немъ слишкомъ деспотическія замашки, находила его слишкомъ неподвижнымъ, нерѣшительнымъ. А мужъ, съ своей стороны, обвинялъ ее порой въ легкомысліи, въ торопливости и верхоглядствѣ...

— Ты ничего не обдумаешь толкомъ! — съ сердцемъ выговаривалъ онъ Оленькѣ.—У тебя—тяпъ-ляпъ и корабль! Такъ нельзя же!..

— Мямля ты... вотъ что!—бранилась жена, и «мямля» было ея самымъ рѣзкимъ ругательнымъ словомъ.

Чѣмъ далѣе шло время, тѣмъ ярче выступали ея умственныя достоинства и сокровища ея золотого сердца. Много горя и радостей пришлось имъ пережить вмѣстѣ, и ни разу ничѣмъ не затемнила она его свѣтлыхъ минутъ, а въ черные дни—утѣшала и ободряла. Въ минуты опасности она являлась его ангеломъ-хранителемъ, ухаживала за нимъ во время болѣзни и терпѣливо, безропотно переносила въ ту пору всѣ его капризы; сама же, заболѣвъ, всегда старалась по возможности избавить его отъ хлопотъ, ни вздохами, ни стонами не выдавая своихъ страданій... Въ тяжелыя минуты она старалась найти и посреди мрака какую-нибудь свѣтлую точку и указывала на нее мужу, какъ на путеводную звѣзду.

Рѣдко, очень рѣдко—только въ моменты самаго сильнаго, жгучаго горя—видалъ онъ слезы на ея глазахъ. И за то же какъ невыносимо больно было ему видѣть эти слезы! Раскаленнымъ желѣзомъ падали онѣ ему на сердце...

Въ минуты мелочныхъ житейскихъ непріятностей и тревогъ, Оленька всегда казалась доброю, веселою, живою, смѣшила его, пѣла его любимыя пѣсни—всячески старалась развлечь и развеселить его. А онъ иногда, раздраженный какою-нибудь неудачей, слыша ея веселый смѣхъ, ворчалъ про себя:

— Вотъ-то безчувственная... Ей и заботушки мало! У нея только: хи-хи-хи, да ха-ха-ха...

И онъ сердился на нее и бранился—рѣзко, грубо...

— Ну, что тутъ... полно же хмуриться!—тихо говорила Оленька, подходя къ нему и опуская руку ему на плечо.—Стоитъ-ли безпокоиться о такихъ пустякахъ...

— Я знаю: тебѣ—все пустяки!—огрызался мужъ.

А она продолжала говорить спокойно, ровно, и хотя изъ упрямства онъ все еще послѣ того хмурился и ворчалъ, но непріятное волненіе его мало-по-малу стихало.

Въ началѣ зимы имъ улыбнулось счастье: Николай Ивановичъ получилъ статистическую работу; Оленька продолжала усердно готовиться къ экзамену. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ Пестеревъ имѣлъ счастіе увидѣть въ печати свою повѣсть. «Теперь», съ восторгомъ думалъ онъ, «я стану бесѣдовать съ десятками тысячъ читателей. Мечта моя исполнилась!..» Но литература, какъ уже сказано, не могла прокормить его, и ему волей-неволей приходилось часто отрываться отъ своихъ любимыхъ занятій—отъ бесѣды съ «десятками тысячъ читателей», и искать уроковъ или какихъ-нибудь другихъ хлѣбныхъ заработковъ. Тогда онъ принимался хандрить...

— Чортъ знаетъ, что за жизнь! — говорилъ онъ со злостью.—Думай только о завтрашнемъ днѣ—о томъ, какъ бы пообѣдать... Хотѣлось бы тебѣ дѣломъ заняться, засѣсть за крупную работу, а тутъ бѣгай, ищи грошевыхъ уроковъ, работай на домовладѣльцевъ, да на хозяевъ мясныхъ и овощныхъ лавокъ... Чортъ бы ихъ побралъ!.. А золотое время уходитъ и силы уходятъ... Вотъ тебѣ и семейная жизнь!..

— Не все же такъ будетъ!—утѣшала его Оленька.—Ужо дѣла поправятся... Я получу мѣсто, ты напишешь романъ,—вотъ и будутъ деньги...

— Какъ же! дожидайся!—съ горечью возражалъ онъ.—Беззубой бѣлкѣ—орѣхи...

— О, мы съ тобой еще долго не будемъ без-

зубыми бѣлками...—со смѣхомъ говорила она, цѣлуя его.—Ну, милый, улыбнись же, разгуляйся, посмотри веселенько!..

— Ахъ, отстань пожалуста! Нельзя же вѣчно смѣяться и любезничать...—ворчалъ онъ, отстраняя ея ласки.

— Ну, ну, не буду! Не буду больше! — успокаивала она его, какъ ребенка, и отходила отъ него.

Но и это опять было неладно... «Этакій характерецъ!» мысленно говорилъ онъ про нее. А у нея, между тѣмъ, былъ чудесный характеръ... Только Пестеревъ, къ сожалѣнію, поздно оцѣнилъ его... Вообще тогда Пестеревъ могъ бы сказать про себя:

«Ни смѣхъ, ни говоръ твой веселый
Не прогоняли темныхъ думъ:
Они бѣсили мой тяжелый,
Больной и раздраженный умъ»...

Неблагодарный человѣкъ! Несчастный человѣкъ!.. Что за злой демонъ строптивости и недовольства вселялся въ него порой въ тѣ дни? Съ горечью вспоминаетъ онъ теперь объ этихъ проклятыхъ разсчетахъ, объ упрекахъ и насмѣшкахъ надъ тѣмъ, что ей слѣдовало бы выйти замужъ за богатаго, что за него она вышла по ошибкѣ... Впрочемъ, и въ минуты душевнаго спокойствія и просвѣтленія казался онъ себѣ страшною дрянью, чувствовалъ иногда отвращеніе къ себѣ и признавался, что онъ не стоитъ Оленьки.

Зимою, когда оказалось, что Оленька готовится быть матерью, бабушка чаще прежняго заходила къ нимъ, вела съ Оленькой шопотомъ продолжительные разговоры и помогала ей готовить маленькое приданое для будущаго маленькаго человѣка. Лизавета Александровна также не мало хлопотала по поводу этого приданаго. Оленька все что-то шила, вязала и, повидимому, очень интересовалась этими сборами и приготовленіями.

У Николая Ивановича недостатки и пороки были, такъ сказать, самые обыденные, за которые ни священники не накладываютъ эпитемій, ни мировые судьи не штрафуютъ. Но мелочности—самой подлой мелочности была въ немъ бездна. Если бы за себялюбіе, за холодный, узкій эгоизмъ назначалась кара, то Пестеревъ непремѣнно попалъ бы въ каторжныя работы въ рудникахъ безъ сроку. Онъ былъ мелочно упрямъ, но упрямъ, какъ оселъ. Онъ, кажется, скорѣе откусилъ бы себѣ языкъ, чѣмъ вслухъ созналъ бы себя побѣжденнымъ. Въ своемъ себялюбіи и упрямствѣ онъ доходилъ до жестокости и при всемъ томъ еще постоянно норовилъ выставить себя несчастной жертвой, человѣкомъ непонятымъ, никѣмъ не любимымъ и т. д.

Когда же проходили темныя минуты всякой мелочности и подозрѣній, «молодые» опять были счастливы и ворковали, какъ голубки...

Талановы рѣдко посѣщали ихъ; самъ старикъ былъ боленъ, мачиха приходила къ нимъ не болѣе двухъ разъ во всю зиму, только младшій братъ съ сестренкой да бабушка почаще заглядывали къ нимъ. Весной старикъ умеръ, мачиха все имущество подобрала къ рукамъ и дѣти остались ни съ чѣмъ. Въ послѣднее время старикъ Талановъ, окончательно подпавшій подъ вліяніе жены, все свое движимое имущество перевелъ на ея имя, такъ что когда послѣ его смерти явились «опечатывать», то мачиха заявила, что тутъ все —ея собственность и, въ подтвержденіе своихъ словъ, представила законный «документъ»... Въ семьѣ разомъ произошелъ полный разгромъ. Сынъ—юноша лѣтъ 15—вынужденъ былъ бросить гимназію и поступить въ какую-то частную контору. Оленька хотѣла бы взять сестру къ себѣ, но средства не позволяли. Нѣсколько недѣль Пуша промаялась съ мачихой въ холодѣ и голодѣ. Мачиха съ утра уходила куда-то къ знакомымъ и шлялась цѣлый день невѣдомо гдѣ, оставляя дѣвочку одну одинехоньку. Мачиха кормила ее сухой колбасой. Когда Пуша жаловалась, что колбаса слишкомъ жестка, мачиха совѣтовала ей разогрѣвать эту провизію на свѣчкѣ. И дѣвочка, голодная и иззябшая, со слезами на глазахъ сидѣла передъ свѣчкой и разогрѣвала на ней кусокъ почти окаменѣвшей конченой колбасы. Впрочемъ, добрые люди скоро пристроили дѣвочку стипендіаткой въ какое-то училище...

Въ концѣ зимы съ Пестеревымъ приключилось еще маленькое горе... Николай Ивановичъ, когда еще былъ холостымъ, завелъ себѣ синицу и помѣстилъ ее въ маленькой деревянной клѣткѣ у окна. Эта синица почти совсѣмъ не пѣла, но иногда принималась трещать. Эта маленькая птичка не мѣшала Пестереву, а около него все-таки было хоть какое-нибудь живое существо. Комната сдѣлалась для него не такъ пуста и скучна. Онъ привыкъ къ своей синицѣ,—разговаривалъ съ нею, давалъ ей сахару и сухарей и наблюдалъ за тѣмъ, чтобы у нея всегда было вдоволь воды и корму. Женившись, Пестеревъ

не разстался съ синицей и перевезъ ее на свою новую квартиру... Но вотъ однажды, какъ-то въ концѣ зимы, синица занемогла, нахохлилась и забилась въ уголъ. Пестеревъ вынулъ ее изъ клѣтки, мочилъ ей голову холодной водой, влилъ ей въ ротъ каплю вина, дулъ на нее, долго качалъ ее на рукѣ,—однимъ словомъ, отваживался съ птичкой, какъ умѣлъ. Но синичка не оправлялась... Опустивъ голову и растопыривъ крылья, невеселая, сидѣла она неподвижно на днѣ клѣтки. Была уже ночь, когда Николай Ивановичъ, кончивъ работу, подошелъ къ клѣткѣ и нашелъ птичку мертвою... Ему стало очень жаль своего стараго товарища, раздѣлявшаго его уединеніе и неоднажды разгонявшаго его скуку и хандру...

— Оленька! Синичка умерла!—сказалъ онъ женѣ, заглянувъ за драпри.

— Какая жалость!—въ просонкахъ говорила Оленька.—Что это съ ней сдѣлалось?

— Не знаю! Еще съ вечера она все что-то хмурилась...—отозвался онъ.

Пестеревъ завернулъ синицу въ какую-то тряпку, обмоталъ ее нитками и выбросилъ въ форточку за окно. Онъ видѣлъ, что трупъ птички упалъ на полѣнницу, между дровъ, и утѣшалъ себя тѣмъ, что, по крайней мѣрѣ, ни кошкамъ, ни воронамъ не добраться до его любимицы. Этотъ «ничтожный» случай почему-то сильно врѣзался въ его памяти... Онъ помнитъ, что ночь тогда была темная, облачная,—и онъ долго смотрѣлъ въ форточку на полѣнницу, на крыши сосѣднихъ домовъ, на высокія печныя трубы, на сѣрое, мрачное небо...

На утро пустую клѣтку унесли изъ комнаты и забросили куда-то на чердакъ...

Прошла темная, зимняя пора, прошла весна и наступило горячее лѣто...

IX.

Былъ іюнь...

Послѣ обѣда Пестеревъ съ женой ходилъ гулять. Вечеромъ Оленькѣ сдѣлалось дурно... «Вотъ оно!» со страхомъ и трепетомъ подумалъ онъ. Онъ уже давно боялся *этой* роковой минуты... Пришла квартирная хозяйка-старушка, позвали акушерку. Николай Ивановичъ совсѣмъ растерялся. Онъ уже не чувствовалъ себя хозяиномъ въ своей комнатѣ, а былъ лишь послушнымъ, безгласнымъ орудіемъ въ рукахъ женщинъ, вполнѣ и безконтрольно завладѣвшихъ его комнатой. Имъ только командовали: «Принесите то! принесите это! Сходите въ аптеку, туда-сюда»... И онъ ходилъ, какъ автоматъ, исполнялъ порученія, а душа его была очень неспокойна... Оленька сильно страдала. Она лежала въ постели, стиснувъ зубы, и старалась сдерживать вырывавшіеся у нея стоны. Лицо ея то вспыхивало яркимъ румянцемъ, то вдругъ перекрывалось смертельною блѣдностью. Николай Ивановичъ, въ полномъ сознаніи своей безпомощности и безсилія, стоялъ у постели. Оленька почти въ безпамятствѣ схватывала его руку и судорожно, крѣпко сжимала ее...

— Я умру, умру... Не уходи отъ меня, голубчикъ! Милый! трепещущимъ голосомъ шептала она, — и крупныя слезы текли по ея щекамъ.

— Не уйду, не уйду!—успокоивалъ ее Николай Ивановичъ, наклоняясь надъ ея изголовьемъ.

— О, не могу, не могу больше... Вы мучите меня... мучите!—раздирающимъ голосомъ вдругъ вскрикивала она.

— Кричите, кричите! Это — ничего... — спокойнымъ, ободряющимъ тономъ говорила ей акушерка.

А Николай Ивановичъ въ тѣ минуты въ отчаяніи схватывалъ себя за голову и готовъ былъ провалиться сквозь землю, лишь бы не слышать этихъ полузаглушаемыхъ стоновъ и криковъ, выжатыхъ непосильною болью.

Ночью, когда Оленька, казалось, стала успокоиваться, Пестеревъ могъ уйти въ сосѣднюю комнату, стоявшую безъ жильца, и тамъ, сломленный пережитыми волненіями, страхами и усталостью, крѣпко заснулъ. Что было ночью,—онъ не знаетъ.

— Вставайте! У васъ сынъ родился! — услыхалъ онъ сквозь сонъ голосъ квартирной хозяйки.

Іюньское солнце заливало всю комнату веселымъ, яркимъ свѣтомъ... Пестеревъ вскочилъ съ кушетки и, еще пошатываясь со сна, пошелъ къ Оленькѣ. Сонъ разомъ слетѣлъ съ него, когда онъ увидалъ жену. Она спокойно лежала въ подушкахъ, какъ бѣлая роза на бѣломъ пуху. Голубые глаза ея, казалось, стали еще больше, еще прекраснѣе отъ перенесенныхъ страданій. Распущенные волосы окаймляли, какъ рамкой, ея милое, поблѣднѣвшее личико. Она, повидимому, была еще утомлена... Но теперь, увидавъ мужа, она съ

счастливой улыбкой протянула ему руку, и Пестеревъ, наклонившись, припалъ лицомъ къ ея рукамъ.

Свѣтло и радостно билось въ немъ сердце въ то ясное іюньское утро.

— Посмотри, Коля... какіе у него славные глазки!—шепнула ему жена.

Онъ оглянулся—и подошелъ къ сундуку, стоявшему тутъ же за драпировкой, около кровати. На сундукѣ, на подушкѣ лежало завернутое въ пеленки очень маленькое существо; ясные, голубые глазенки его, какъ показалось Николаю Ивановичу, вопросительно. серьезно смотрѣли на него. «Зачѣмъ вызвали вы меня на Божій свѣтъ? Что вы дадите мнѣ? Что ждетъ меня впереди?»... словно спрашивали — допытывались эти ясные, чистые глазки. Пестереву на минуту даже стало жутко. Въ самомъ дѣлѣ, что-то дастъ онъ этому малюткѣ? Въ пылу любовныхъ восторговъ онъ вовсе не думалъ объ этомъ маленькомъ существѣ... Онъ наклонился къ дитяти и съ нѣжностью припалъ губами къ его теплому лбу и къ шелковистымъ прядямъ его золотистыхъ волосъ. Малютка зажмурился, пока отецъ, цѣлуя, невольно щекоталъ своими усами его нѣжное личико,—но черезъ минуту глаза, какъ звѣздочки, опять свѣтили Пестереву.

Пестеревъ помнитъ, какъ Долинскій въ тотъ день затащилъ его въ какую-то портерную на Малой Морской, гдѣ—по его словамъ —онъ «открылъ лучшій въ мірѣ экспортъ». Пестеревъ на радостяхъ хватилъ кружки три, и когда возвращался домой, въ головѣ его шумѣло, и онъ весь вечеръ былъ въ какомъ-то невыразимо-блаженномъ настроеніи духа...

Теперь у Оленьки, вмѣсто одного, стало два Коли: «большой» Коля и «маленькій». Вскорѣ оказалось, что у маленькаго Коли глаза были материнскіе, а носъ, губы и волосы—отцовскіе; въ особенности насчетъ волосъ уже не могло быть ни малѣйшаго сомнѣнія: такіе же свѣтлорусые, волнистые...

— Ну, разумѣется, твои!.. Посмотри, Коля! Они ужъ вьются...—говорила ему жена, держа на рукахъ сынишку и разглаживая его мягкіе, золотистые волосики.

— Да, да!—соглашался Николай Ивановичъ.

Иногда Оленька принималась съ такимъ жаромъ цѣловать своего маленькаго Колю, что Пестеревъ не выдерживалъ и останавливалъ ее.

— Вѣдь этакъ, милая, ты ему больно сдѣлаешь...—озабоченно говорилъ онъ.

— Ужъ сдѣлай милость! Не безпокойся!— со смѣхомъ успокоивала его Оленька.

— Теперь, кажется, ты его любишь больше, чѣмъ меня!—замѣчалъ ей иногда мужъ.

— Обоихъ васъ люблю я... обоихъ!—убѣдительнымъ тономъ говорила она и въ подтвержденіе своихъ словъ цѣловала крѣпко того и другого Колю.

И какою злою, холодною насмѣшкой кажутся ему теперь, въ воспоминаніи, эти дни свѣтлаго, безоблачнаго счастья!...

Оленькѣ очень хотѣлось самой кормить ребенка, но она не могла кормить... Надо было брать кормилицу или выпаивать ребенка на рожкѣ. На кормилицу не было денегъ. А гдѣ найти въ Петербургѣ чистое, цѣльное молоко —свѣжее и притомъ безъ мѣла, безъ муки и тому подобныхъ подмѣсей? Устрицы, всевозможные паштеты, марципанъ и пумперникель можно найти легко, а хорошее молоко трудно... Случай удружилъ Пестереву.

Николай Ивановичъ узналъ отъ дворника, что по Лиговкѣ у одного содержателя извозчичьяго двора есть коровы, что жена его продаетъ молоко. И Пестеревъ съ бутылкой подъ мышкой отправился на Лиговку. Хозяйка оказалась доброю и бойкою деревенской бабой. Пестеревъ объяснилъ ей свое положеніе и Христомъ-Богомъ молилъ ее отпускать ему хорошее цѣльное молоко.

— Будь спокоенъ, баринъ! Понимаемъ тоже... У самихъ на вороту крестъ есть...— сказала она, открыто и весело посмотрѣвъ на него.

Онъ готовъ былъ обнять эту добрую женщину. Хозяйка не обманула Пестерева... Онъ иногда самъ ходилъ къ ней за молокомъ, подружился съ ней, и та уже освѣдомлялась объ его женѣ и о ребенкѣ, какъ о своихъ давнишнихъ знакомыхъ. Славная женщина! Жива-ли она? А мужъ ея—толстякъ—держитъ-ли попрежнему извозчиковъ?.. Иногда,—Пестеревъ помнитъ,—онъ ходилъ съ хозяйкой въ сарай и хозяйка при немъ доила корову. Съ невольнымъ почтеніемъ смотрѣлъ онъ тогда на эту коровку, кормившую его дорогого, маленькаго Колю, гладилъ ее по мордѣ и ласково смотрѣлъ въ ея большіе, сѣрые, кроткіе глаза...

Въ жизни бѣдняка мало насчитывается дней безоблачнаго счастья и очень скоро проходятъ они. Поэзія уступаетъ мѣсто прозѣ...

Пестеревымъ пришлось перемѣнить квартиру.

Они поселились въ старомъ каменномъ домѣ, надъ мелочною лавкой. Изъ двухъ комнатъ одна, зала, была большая и нѣсколько холодная, а другая—сумрачная, съ однимъ окномъ; кухня—громадная, съ русской печью. Три окна выходили «на улицу», и домовладѣлецъ, какъ объяснялъ имъ дворникъ, за то накидывалъ на квартиру лишнихъ три рубля...

Купили на апраксиномъ дворѣ кое-какой не слишкомъ подержаной мебели, и Оленька, какъ теперь видитъ онъ, нѣсколько дней хлопотала надъ устройствомъ своего гнѣздышка: она разставляла мебель, вколачивала гвозди, вѣшала занавѣсы къ окнамъ, размѣщала по стѣнамъ картинки и фотографическія карточки родныхъ и близкихъ людей. Да! Здѣсь каждый гвоздикъ былъ «вколоченъ съ надеждою»... Бывало, придетъ къ нему Оленька, разгорѣвшаяся, усталая, но довольная и счастливая, спрашиваетъ у него совѣта или ждетъ одобренія.

— Не правда-ли, Коля, диванъ лучше поставить у этой стѣны? Такъ уютнѣе!—говоритъ она.

Ея распущенные волосы растрепались, на ней—бѣлый передникъ, рукава засучены по локоть, въ рукахъ—полотенце.

— А фотографическую группу я хочу повѣсить вотъ тутъ! Хорошо? — спрашиваетъ Оленька.

— Ну, что жъ! Отлично! — соглашается Николай Ивановичъ, беретъ ея обнаженную руку и цѣлуетъ.

Онъ любуется на жену, да и нельзя было въ тѣ минуты не любоваться на нее. Оленька была прелестна; ея оживленіе и веселость дѣйствовали заразительно.

— Знаешь, милый, что я думаю сдѣлать?— нашептываетъ она, обнимая его за шею и прикасаясь къ его щекѣ своею разгорѣвшеюся щекой.

— Нѣтъ, не знаю! — говоритъ онъ съ улыбкой.

— Я хочу купить двѣ маленькія-маленькія пальмы и поставлю ихъ по сторонамъ дивана... Теперь, осенью, можно дешево купить ихъ на Сѣнной.

— Купи! — какъ-то машинально соглашается Пестеревъ, растаявши отъ нѣжныхъ ласкъ.

И вотъ онъ самъ, оставивъ письменный столъ и свои важныя, серьезныя занятія, по указаніямъ жены вколачиваетъ гвозди, крючки, прибиваетъ вѣшалку, возится съ лампой, передвигаетъ сундуки,—и онъ увлекается ея увлеченіемъ...

Жить съ ребенкомъ на квартирѣ безъ прислуги, само собой, невозможно.

— Наймемъ какую-нибудь подешевле—деревенскую!—говоритъ Оленька.

Прачка порекомендовала имъ молодую крестьянскую дѣвушку, Машу, еще недавно пріѣхавшую изъ Тверской губерніи. Пестеревы взяли эту Машу и остались очень довольны ею: у нея оказывался только одинъ недостатокъ, съ которымъ, впрочемъ, можно было мириться,—дѣвушка любила поспать. Маша скоро привыкла къ нимъ и они полюбили ее. Но Оленька все-таки не рѣшалась поручать ей на ночь ребенка. Коля въ своей плетеной коляскѣ съ зеленымъ коленкоровымъ верхомъ спалъ у нихъ въ комнатѣ рядомъ съ ихъ кроватью.

Оленька осенью выдержала экзаменъ и получила мѣсто въ одномъ частномъ учебномъ заведеніи. Она была учительницей, и въ то же время ей приходилось два раза въ недѣлю оставаться на дежурствѣ по цѣлымъ суткамъ. Коля оставался у отца на рукахъ, и они очень подружились. Нѣкоторые философы находятъ, что шестимѣсячный ребенокъ, просто,—«кусокъ мяса» и поэтому любить его — невозможно. А Пестеревъ любилъ этотъ кусокъ мяса: въ его голубыхъ глазахъ уже свѣтился «жизни чудный огонекъ»... Коля улыбался ему, тянулся ручонкой къ его рту и крѣпко зажималъ въ кулакъ его указательный палецъ. Отецъ и сынъ, казалось, отлично понимали другъ друга...

По вечерамъ, когда Пестеревъ писалъ или читалъ, рядомъ съ нимъ на диванѣ лежалъ и Коля на подушкѣ. Ребенокъ или спалъ, или забавлялся со своей черной гуттаперчевой соской или смирнехонько лежалъ, смотря на лампу и какъ бы сознательно стараясь не мѣшать отцу въ его работѣ. Иногда Николай Ивановичъ, вмѣсто отдыха, игралъ съ нимъ, цѣловалъ его пухлыя щечки и разговаривалъ на такомъ языкѣ, какой понимали они только двое. Иногда онъ кормилъ Колю молокомъ, разогрѣтымъ на спиртовой лампочкѣ, завертывалъ его въ одѣяло и укладывалъ спать. И Пестереву было очень пріятно, когда онъ, сидя одинъ за работой въ тихой комнаткѣ, чувствовалъ, что около него спитъ спокой-

нымъ сномъ это маленькое живое существо. Онъ чувствовалъ себя не одинокимъ...

Но бѣднякъ не всегда добродушенъ и ласковъ. Бывало, случалось безденежье, выпадали какія-нибудь непріятности или подвертывалась спѣшная работа, а усталая голова думала и соображала плохо, дѣло подвигалось туго; тогда Пестеревъ раздражался, дѣлался нетерпѣливымъ, желчнымъ, злымъ,—и всякій пустякъ выводилъ его изъ себя. Если въ такіе дни жены не бывало дома, Колѣ приходилось плохо. Николай Ивановичъ кое-какъ закутывалъ въ одѣяло плачущаго ребенка и, сунувъ его въ плетеную колясочку — такъ, что вся колясочка даже вздрагивала и трепала,—съ сердцемъ приговаривалъ:

— Ну, спи же! Спи!

Или совалъ соску въ ротъ ребенку, приговаривая:

— Да, на же, на! Уймись, ради Бога!..

Если же Коля не унимался, Пестеревъ съ яростью схватывалъ его на руки, носилъ по комнатѣ и съ такой силой укачивалъ его, что голова Коли моталась изъ стороны въ сторону. Съ тупой, безумной злостью смотрѣлъ Пестеревъ на эту бѣлокурую головку и шипѣлъ про себя:

— Нѣтъ! Бѣднякамъ не слѣдуетъ жениться... Это—чистый омутъ!.. Ѣсть нечего, голова трещитъ отъ работы, все въ тебѣ ноетъ, болитъ, кажется, каждый нервъ трепещетъ... а тутъ еще изволь съ ребенкомъ возиться!

Иногда въ такія минуты Пестеревъ принимался резонерствовать на старыя, избитыя темы: «Что еще изъ него выйдетъ — неизвѣстно... можетъ быть, какой-нибудь лоботрясъ или отчаянный эксплуататоръ... А тутъ убивайся изъ-за него!»

Стиснувъ зубы, какъ бы подъ вліяніемъ сильной физической боли, съ поблѣднѣвшимъ лицомъ, пошатываясь, бродилъ онъ по комнатѣ взадъ и впередъ, обращаясь по временамъ къ своей плачущей ношѣ съ суровымъ вопросомъ:

— Ну! Что же тебѣ еще надо? Ну?.. О, Господи!..

Въ иное время онъ самъ посмѣялся бы надъ собой, а теперь ему было не до смѣху: онъ приходилъ, просто, въ отчаяніе и готовъ былъ вмѣстѣ съ Колей заплакать отъ безсилія и злости.

Также иногда, бывало, ночью, когда жена случалась на дежурствѣ или бывала больна Пестереву приходилось ухаживать за Колей, опять словно какіе-то злые демоны овладѣвали имъ... Поднимаясь съ постели къ плачущему ребенку, онъ злобно ворчалъ про себя:

— День-то бейся, да и ночью покоя нѣтъ... Что за наказаніе! Чортъ...

Онъ, конечно, даже шепотомъ не кончалъ этой жестокой, глупой фразы, но се досказывалъ за него какой-то внутренній голосъ.... Иногда жена, видя его нехорошее лицо, говорила ему:

— Ты, Коля, не сердись на него... Вѣдь онъ же не виноватъ, бѣдняжка! У него, можетъ быть, что-нибудь болитъ, но онъ не можетъ объяснить...

— Ничего у него не болитъ, а просто капризничаетъ...

— Если тебѣ не охота возиться съ нимъ, такъ я встану... Оставь его! — предлагала Оленька.—Только не смотри на него *такъ*...

— Лежи, лежи, пожалуста! — отрывисто говорилъ онъ женѣ. — Все безъ тебя сдѣлается!

Оленька молчала, но очень хорошо видѣла, что мужъ сердится.

А въ хорошемъ расположеніи духа, когда работа не мучила Николая Ивановича и не угнетали его житейскія непріятности и невзгоды, онъ опять игралъ съ Колей, каталъ его по комнатѣ въ колясочкѣ, бралъ на колѣни, нѣжно ласкалъ и цѣловалъ его...

Однажды утромъ, незадолго до Рождества, Оленька съ озабоченнымъ видомъ подошла къ его письменному столу.

— Ты работаешь...—нерѣшительно заговорила она. — А я хотѣла поговорить съ тобой...

— Ну! Что еще?—спросилъ Пестеревъ, не отрываясь отъ работы.

— Коля меня безпокоитъ... Другой день онъ что-то покашливаетъ, и все какой-то невеселый...—съ тревогой говорила Оленька.

— Вы ужъ не дадите и кашлянуть ребенку!—все не отрываясь отъ работы, съ досадой процѣдилъ сквозь зубы Николай Ивановичъ.

— Все-таки надо бы сходить къ доктору, узнать, что съ нимъ...—настаивала жена.

— Ну, что жъ! сходи къ Крапивину или пошли Машу съ письмомъ... Только не мѣшай мнѣ, пожалуста!—сказалъ онъ, нетерпѣливо ворочаясь на стулѣ.

Онъ въ то время писалъ на спѣхъ какую-то экономическую статью.

Оленька сходила къ Крапивину; тотъ прописалъ какіе-то порошки. Крапивинъ былъ докторъ-старичекъ, человѣкъ въ высшей степени добродушный, знакомый Талановыхъ.

— Да что—Крапивинъ! — на слѣдующее утро за чаемъ говорила Оленька. — Онъ—очень хорошій человѣкъ и я люблю его... но, какъ врачъ, онъ трусливъ и нерѣшителенъ. Я не вѣрю ему... Лучше бы сходить къ Михалеву, тотъ приведетъ своего знакомаго ассистента.

— Ну, вотъ еще! — возразилъ Николай Ивановичъ, попивая чай.—Безпокоить Михалева... а все, вѣроятно, пустяки! И такъ само собой пройдетъ... Ты вѣчно сдѣлаешь изъ мухи слона!

Весь вечеръ того дня Оленька проходила съ Колей на рукахъ. Ребенокъ жалобно плакалъ и былъ очень безпокоенъ.

— Право, милый, надо бы доктора позвать! —тихо говорила она, боясь, какъ бы не разбудить задремавшаго Колю.

— Если бы были деньги, позвать не мудрено!—отозвался Пестеревъ, постукивая перомъ о край чернильницы.—Вѣдь ты знаешь: дѣтскому доктору меньше 5 рублей не дашь.

— Я получу жалованье, отдамъ тебѣ...— промолвила Оленька.

— Да у меня теперь и въ карманѣ-то не наберется пяти рублей!—замѣтилъ онъ.

— Можно достать гдѣ-нибудь...

— Посмотримъ, что будетъ завтра...—порѣшилъ Николай Ивановичъ.

Въ тотъ вечеръ, помнитъ Пестеревъ, ему пришлось проходить мимо того дома, гдѣ жилъ одинъ его знакомый «богатый» литераторъ, и онъ, глядя на освѣщенныя окна его шикарной квартиры, думалъ: «Зайти бы къ нему, поговорить по душѣ, сказать ему, что такъ и такъ, вы—богаты, я бѣденъ, подѣлитесь со мной, у меня дома—дитя больное... разсказать ему все безъ утайки, сказать ему, что у меня грудь отъ работы надрывается, голова болитъ... И, можетъ быть, человѣкъ пойметъ человѣка, не скажетъ, что у него «не вспомогательная касса для бѣдняковъ». Что ему значатъ какіе-нибудь 50 или 100 рублей, когда онъ иногда, говорятъ, на однѣ вина для ужина издерживаетъ по 50 рублей и болѣе! И какъ было бы легко спасти Колю, если онъ, дѣйствительно, опасно боленъ, какъ думаетъ жена! Отъ этого богатаго человѣка теперь отдѣляетъ его только одна каменная стѣна. Рукой подать!.. Пройти на подъѣздъ, потомъ—мимо швейцара, къ двери, дернуть звонокъ и въ кабинетѣ»...

И, вѣроятно, многимъ бѣднякамъ на свѣтѣ являлись въ голову такія же мысли—хоть разъ въ жизни, когда они въ «минуты трудныя» проходили мимо ярко освѣщенныхъ жилищъ своихъ богатыхъ ближнихъ. Но эти бѣдняки, вѣроятно, также помнятъ, что ихъ мечта оставалась мечтой и ихъ призрачные замки разлетались моментально при первомъ же прикосновеніи къ дѣйствительности. Если нѣкоторые изъ нихъ пытались на практикѣ осуществить мечту и приходили къ своему богатому ближнему, то ихъ языкъ выговаривалъ вовсе не то, что они хотѣли бы сказать, бесѣды по душѣ не выходило, и они спѣшили поскорѣе выбраться на улицу, во мракъ и холодъ, выслушавъ отъ богатаго ближняго одну изъ стереотипныхъ фразъ, въ родѣ: «Извините! теперь у меня нѣтъ свободныхъ денегъ»... или: «Я самъ знаю: куда мнѣ употреблять деньги!» или: «Не могу же я, согласитесь, одѣть и накормить всѣхъ бѣдняковъ!..»

Пестеревъ не рѣшился зайти къ своему богатому знакомому. Можетъ быть, этотъ господинъ не пожалѣлъ бы ста рублей на вина, и охотно пригласилъ бы Николая Ивановича на ужинъ и сталъ бы любезно угощать его дорогимъ рейнвейномъ и «настоящимъ» бенедиктинскимъ ликеромъ, а денегъ все-таки не далъ бы ему... Встрѣчаются такія личности. Пестеревъ не посмѣлъ идти и къ Свѣтозарову—просить у того денегъ впередъ... Обжегшись на молокѣ, Николай Ивановичъ дулъ и на воду. Онъ обратился къ своему же брату-бѣдняку и досталъ, какъ помнится, рублей 10—15.

На другое утро, когда Коля еще спалъ, Пестеревъ собрался идти въ Публичную Библіотеку. Жена была грустна и разстроена.

— Ты не слыхалъ, какъ ночью Коля кашлялъ?—спросила его Оленька.

Нѣтъ! Онъ спалъ крѣпко и ничего не слыхалъ... «Ужо, если лучше не будетъ, надо сходить къ Михалеву!..» И съ тѣмъ отправился онъ въ Библіотеку,—хмурый, сбитый съ толку и своей спѣшной работой, и болѣзнью Коли, и смутной тревогой, поднимавшейся въ душѣ... Онъ возвратился домой уже въ сумерки; жена встрѣтила его въ передней въ шляпкѣ и въ пальто.

— Я иду къ Михалеву!—рѣшительно проговорила она сильно взволнованнымъ голо-

сомъ.—Коля такъ кашляетъ и хрипитъ, что, просто,—ужасъ!..

Жена ушла, а онъ пообѣдалъ одинъ, закурилъ папиросу и сѣлъ за работу. Коля какъ будто дремалъ въ своей колясочкѣ, а Маша вполголоса напѣвала ему какую-то деревенскую колыбельную пѣсенку. Работа у Пестерева не клеилась: волненіе жены сообщилось и ему... Цифры путались и мѣшались у него передъ глазами, онъ съ трудомъ подыскивалъ подходящія выраженія и поминутно зачеркивалъ написанное. Наконецъ, онъ бросилъ перо и подошелъ къ Колиной колясочкѣ. Въ первый разъ за эти дни онъ внимательно посмотрѣлъ на ребенка... Какъ онъ измѣнился и похудѣлъ за послѣдніе три дня! Какой онъ блѣдный! какой худенькій,—точно заморенный зайченокъ! Руки и ноги, какъ плеточки... Какимъ образомъ Пестеревъ не замѣтилъ ранѣе такой перемѣны въ своемъ малюткѣ?.. О, проклятая работа! Охъ, жизнь каторжная! Его сынъ, быть можетъ, уже умираетъ! Онъ слыхалъ, что горловыя болѣзни у маленькихъ дѣтей бываютъ очень скоротечны... А онъ уткнулся въ свою статью и вовсе не обращалъ вниманія на Колю. Онъ даже сердился на жену за то, что та приставала къ нему со всякими «пустяками»; онъ даже худо вслушивался въ ея слова... Жалобный плачъ Коли только раздражалъ его, мѣшалъ ему сосредоточиться на своихъ цифрахъ...

Неужели Коля умретъ? Не можетъ быть... Сейчасъ пріѣдетъ докторъ... Сердце его болѣло и отцовскія чувства его пришли въ страшное смятеніе, когда онъ смотрѣлъ на блѣдное личико ребенка...

Онъ наклонился надъ колясочкой. Коля лежалъ какъ бы въ забытьи, по временамъ открывалъ глаза и, посмотрѣвъ на отца, опять смежалъ ихъ. Губы его были полуоткрыты, и дыханье съ легкимъ свистомъ и хрипѣніемъ вырывалось изъ его тяжело поднимавшейся груди. Долго-долго послѣ того слышалось Николаю Ивановичу это ужасное хрипѣніе... Коля казался ему такъ худъ и слабъ, что онъ не рѣшался самъ дотрогиваться до него.

Голова его уже почти не держалась прямо, а все клонилась къ плечу или на грудь; его глазки, помутившіеся отъ страданій, какъ-то невыразимо жалобно взглядывали на окружающихъ и поминутно закрывались...

Вскорѣ возвратилась жена, а за нею почти слѣдомъ пришелъ знакомый медикъ-студентъ, Михалевъ, съ какимъ-то высокимъ, красивымъ господиномъ въ черномъ фракѣ. Колю переложили на кровать, и высокій господинъ внимательно осматривалъ его, ворочалъ на грудь и на спину, выслушивалъ, наконецъ, осторожно запустилъ ему въ ротъ конецъ пальца... Малютка заметался изъ стороны въ сторону, какъ бы задыхаясь. Высокій господинъ нахмурилъ брови и покачалъ головой. Онъ поговорилъ о чемъ-то съ его женой, съ Михалевымъ, произнесъ, какъ заклинаніе, какія-то латинскія слова и затѣмъ моментально исчезъ...

Потомъ Пестеревъ помнитъ, какъ жена, закрывъ лицо руками, съ тихимъ плачемъ вышла изъ комнаты, а онъ, наклонившись надъ постелью, держалъ на рукахъ маленькій, холодѣвшій трупъ. Тихій плачъ Оленьки мучительнымъ укоромъ больно отозвался въ его душѣ. Безъ слезъ, стиснувъ губы и тяжело дыша, стоялъ онъ, наклонившись надъ малюткой и смотря въ его полузакрытые глаза... И съ удивительной яркостью припомнилось ему то ясное іюньское утро, когда онъ впервые встрѣтился глазами съ Колей, и тотъ, какъ чудилось ему тогда, вопросительно, задумчиво смотрѣлъ на него. Зачѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, вызывали его на свѣтъ? Только для того, чтобы помучить?.. Явился и исчезъ, какъ тѣнь волшебнаго фонаря.

«Убійца!» нашептывалъ Пестереву тайный голосъ. «Да! Ты—убійца... Если бы ты послушался жену и принялъ мѣры въ свое время, Коля, можетъ быть, остался бы живъ»...

Николай Ивановичъ не знаетъ, долго-ли онъ такимъ образомъ простоялъ надъ постелью... кажется, что — не долго. Пришла бабушка и отняла у него Колю... Уже поздно вечеромъ явились Волжины и увели Оленьку ночевать къ себѣ...

Тихо, спокойно стало въ квартирѣ Пестеревыхъ; не слышно ни дѣтскаго крика, ни плача... Маша храпитъ въ кухнѣ, да часы отбиваютъ свое мѣрное «тикъ-такъ». Николай Ивановичъ сидитъ на диванѣ и пишетъ, низко склонившись надъ столомъ. Какъ онъ могъ писать тогда! Удивительно!.. Что это было такое: сила воли или, просто, отупѣніе, — и онъ работалъ въ силу инерціи, полумашинально?.. Онъ много курилъ въ ту ночь и часто, какъ-то невольно, взглядывалъ на плетеную колясочку, стоявшую около него. Одинъ разъ, взглянувъ въ ту сторону,

онъ тяжело вздохнулъ. «Теперь Коля уже не помѣшаетъ мнѣ...лежитъ—не шелохнется»... язвительно-горько мелькнуло у него въ головѣ при взглядѣ на колясочку. И тутъ въ первый разъ на глаза его набѣжали слезы, горло сдавило, и онъ готовъ былъ зарыдать...

Сквозь слезы, какъ сквозь сѣрый туманъ, видѣлъ онъ передъ собой бѣлый тюлевый лоскутъ, наброшенный на коляску, а подъ этимъ прозрачнымъ лоскутомъ мерещилось ему блѣдное, неподвижное личико Коли... Коля лежалъ въ бѣлой рубашкѣ, съ кружевами, подпоясанный голубою лентой. Дитя какъ будто бы спало: такъ спокойно, мирно было выраженіе лица его.

Вдругъ припомнилась ему та ночь, когда онъ горевалъ о своей умершей синицѣ; припомнилось ему, какъ онъ завернулъ ее въ какую-то тряпку и, отворивъ форточку, бросилъ ее въ ночной мракъ... Въ такую же темную, зимнюю пору и такъ же быстро, неожиданно лишился онъ другой птички...

Николай Ивановичъ сдѣлалъ, было, усиліе снова приняться за работу, но не могъ... Его тянуло къ закрытой колясочкѣ, — и онъ съ перомъ въ рукѣ, не помня себя, всталъ и, откинувъ съ колясочки тюлевый лоскутъ, наклонился надъ нею—ниже и еще ниже, опустился на колѣни и, припавъ щекой къ холодному, безжизненному личику, горько-горько заплакалъ. И кропили его теплыя слезы свѣтлые Колины волосики, его холодный, бѣлый лобъ, его на вѣки закрытые глазки и бѣлую рубашку съ голубыми лентами... Тяжелая ночь! Не одну сѣдую прядь бросила она въ волоса Пестерева...

Послѣ того, помнится ему, онъ опять сидѣлъ за работой, но въ ушахъ его—посреди ночного безмолвія — поминутно раздавалось предсмертное хрипѣнье... Онъ и самъ не знаетъ, какъ заснулъ.

По утру, скрѣпя сердце, Пестеревъ долженъ былъ идти къ доктору за свидѣтельствомъ, потомъ въ полицейскій участокъ, оттуда за билетомъ къ священнику, крестившему Колю, и наконецъ пришлось ѣхать на кладбище—«покупать мѣсто для Коли».

Стоялъ декабрь. Выдался прекрасный зимній день — сѣрый, тихій, съ легкимъ морозцемъ. На петербургскихъ улицахъ замѣчалось большое оживленіе. Вездѣ передъ лавками стояли ряды елокъ и толпились покупатели. Каждый мальчуганъ, любовавшійся на святочныя прелести, выставленныя въ окнахъ магазиновъ, и что-то лепетавшій своей мамѣ, — напоминалъ Пестереву объ его утратѣ... На обратномъ пути съ кладбища Пестереву пришла въ голову странная мысль —купить елку для Коли. И онъ купилъ небольшую, стройную елочку, привезъ ее домой и поставилъ въ изголовьи маленькой коляски... И свѣжія, зеленыя вѣтви ели свѣсились надъ мертвымъ дитятей.

— Зачѣмъ это, милый? — спросила его Оленька.

Онъ ей отвѣтилъ: «Такъ...» и больше ничего не сказалъ.

А дѣло въ томъ, что онъ постоянно мечталъ—увезти на лѣто жену и ребенка куда-нибудь въ деревню, въ глушь. Онъ мечталъ о томъ, какъ цѣлые дни станетъ проводить съ Колей въ саду или въ рощѣ, мечты его не сбылись и не сбудутся... Пусть же, по крайней мѣрѣ, Коля—хотя мертвый—полежитъ недолго подъ вѣтвями этой темно-зеленой ели, принесшей съ собой въ комнаты свѣжій запахъ лѣса...

— Ребячество! — разсуждалъ Долинскій. — Нечего физіономію-то вытягивать! Всѣ, братъ, тамъ будемъ!

И онъ неопредѣленно махнулъ рукой...

На слѣдующій день Николай Ивановичъ съ женой везли на кладбище маленькій глазетовый гробъ. Вотъ по какому случаю Пестеревъ во второй разъ въ жизни ѣхалъ въ каретѣ.

Уже передъ выносомъ изъ церкви священникъ-старичекъ, обходя съ кадиломъ маленькихъ покойниковъ, остановился передъ гробомъ ихъ Коли, пристально посмотрѣлъ на малютку своими тусклыми, подслѣповатыми глазами и прошепталъ:

— Какой славный мальчикъ!

«А что бы ты сказалъ, если бы видѣлъ его живого, если бы видѣлъ его глаза!» съ горечью подумалъ Пестеревъ, услыхавъ замѣчаніе священника.

Когда Пестеревъ съ женою выносили гробикъ изъ церкви, какія-то старухи толковали про нихъ:

— Видно, мужъ съ женой!

— Да... Вишь, какая еще молодая!..

— Зачѣмъ же они сами-то несутъ покойничка! Нехорошо...

— Да! Напрасно они это...

На возвратномъ пути домой Оленька объяснила ему, что есть такое повѣрье, будто бы дѣти не будутъ жить у тѣхъ, кто самъ несетъ къ могилѣ свое дитя...

Коли не стало. Осталась отъ него только одна шелковистая прядь свѣтло-русыхъ волосъ, тщательно завернутыхъ въ бумажку, да черная гуттаперчевая соска, еще за нѣсколько минутъ до его смерти бывшая у него во рту, да двѣ мѣдныя двухкопѣечныя монеты, недолго полежавшія на глазахъ его. Эти скорбные сувениры и по сей день хранятся у Пестерева,—въ ящикѣ его письменнаго стола...

Тихо стало въ квартирѣ Пестеревыхъ... Колясочку убрали съ глазъ долой. Все Колино бѣлье и игрушки Оленька, плача, спрятала въ сундукъ и заперла... Въ тѣ минуты Николаю Ивановичу было очень тяжело смотрѣть на жену. «Все твое маленькое приданое, всѣ твои труды, заботы, и безсонныя ночи у постели больного дитяти, и муки родовъ—все прахомъ пошло... Бѣдная!..»

Ночной воздухъ посвѣжѣлъ. Пестеревъ слегка вздрогнулъ... «Грустное было время, да!» подумалъ онъ, смотря въ темнѣвшую глубь сада. «Но въ той грусти была своя прелесть...» Съ нимъ тогда оставалась Оленька.

X.

Прошло четыре года послѣ смерти Коли. За это время они успѣли уже перемѣнить не одну квартиру. Маши у нихъ уже давно не было; ее вызвали домой, въ деревню. Машу замѣнила старуха Максимовна — честная, скромная, тихая женщина.

Никогда Пестеревъ еще не жилъ такою полною жизнью, какъ въ эти годы.

Пестеревъ уже успѣлъ разочароваться въ литераторахъ: съ нѣкоторыми изъ нихъ онъ еще поддерживалъ знакомство, но друзей въ томъ кругу у него уже не оставалось. Прежняго почтенія къ писателямъ не стало... Пестеревъ слишкомъ близко видѣлъ ихъ — слишкомъ близко для того, чтобы сохранить тѣ чувства благоговѣнія, какія нѣкогда онъ къ нимъ питалъ. И чѣмъ выше ставилъ онъ прежде писателя, тѣмъ болѣе теперь разочаровывался. И совершенно естественно! Пестеревъ требовалъ, чтобы у писателя слово шло нераздѣльно съ дѣломъ, а между тѣмъ знакомые ему литераторы въ жизни являлись такими же жалкими и слабыми людьми, какихъ сами они жестоко и талантливо громили въ своихъ произведеніяхъ.

— Что же это такое!—въ негодованіи восклицалъ онъ.—Пишетъ—одно, а дѣлаетъ—другое...

— Нельзя же отъ человѣка требовать всего!—возражали ему.—Достаточно и того, что онъ указываетъ людямъ путь.

— Указываетъ путь! *Только* указываетъ, а самъ не идетъ по этому пути? — приставалъ Николай Ивановичъ. — Это, значитъ, какъ верстовой столбъ: дорогу указываетъ, а самъ ни съ мѣста...

Пестеревъ до глубины души возмущался такими кривотолками.

Изъ всей литературной компаніи онъ едвали могъ бы указать семь праведниковъ, у которыхъ слово не расходилось бы съ дѣломъ. Пестеревъ искалъ товарищей въ другихъ кругахъ и находилъ...

И знакомые образы являются передъ нимъ изъ тумана прошлаго...

Хорошо жили тогда Пестеревы, — словно, въ какой-нибудь большой семьѣ. Весь день у ихъ двери звонокъ звенѣлъ. Старуха Максимовна не знала по фамиліи никого изъ посѣтителей, но у нея были свои примѣты и она «по своему» докладывала Пестереву о гостяхъ: «рыжій пришелъ» или «пришелъ, знаешь, тотъ,—съ черными-то глазками» или «пришла высокая барышня», «маленькая пришла» или «пришелъ тотъ, въ шляпѣ-то, что все хохочетъ»... Иногда посѣтитель заходилъ сообщить какую-нибудь новость или приносилъ книгу; иногда гости оставались пить чай. Къ чаю подавались черный хлѣбъ и масло, но того и другого было вдоволь,—и усталые, проголодавшіеся гости иногда съѣдали все до крошки...

Пестереву невольно представилась разница между его тогдашнимъ и теперешнимъ «чаемъ»... Теперь у него серебряный подносъ, фарфоровыя чашки, ложечки не качевскія, а настоящія серебряныя. Чай у него теперь—дорогой и очень хорошій, къ чаю подается американское печенье, серебряные щипцы подъ-чернью для сахара и такая же вилочка для лимона... А чай уже не пьется съ такимъ аппетитомъ, какъ, бывало, прежде, и нѣтъ прежняго беззавѣтнаго веселья за чайнымъ столомъ. Нѣтъ Оленьки, друзья исчезли...

Тогда въ комнаткѣ бывало безбожно накурено, вездѣ насыпано пеплу, набросано клочковъ бумаги, папиросныхъ окурковъ; на полу — несомнѣнные слѣды грязныхъ сапоговъ, на подоконникахъ лежатъ шапки, палки, связки какихъ-то книгъ и тутъ же, на стулѣ или на спинкѣ дивана, валяется и чье

нибудь пальто... А теперь вокругъ Николая Ивановича такой невозмутимый порядокъ,— Боже мой! Крашеный полъ всегда чистъ и блеститъ до того, что въ немъ, какъ въ зеркалѣ, отражаются вѣнскіе стулья, неукоснительно разставленные вдоль стѣнъ. На столахъ ни пылинки; даже изъ пепельницъ постоянно выбрасываются окурки; все чинно, аккуратно... Но некому ходить теперь по этимъ опрятнымъ комнатамъ, некому сидѣть на этихъ вѣнскихъ стульяхъ. Холодно, пусто и скучно теперь вокругъ Пестерева...

Тогда были въ жизни волненья, надежды, радости, были любовь и трудъ, и сладкій отдыхъ послѣ труда, была спокойная совѣсть... А теперь онъ тянетъ свое существованіе изо дня въ день, какъ тяжкую ношу, безъ удовольствія, безъ вкуса. «Это—каторга со всѣми удобствами!» говоритъ онъ о своей настоящей жизни, когда ужъ слишкомъ тошно станетъ ему и слишкомъ больно заскребетъ на сердцѣ. Теперь издали онъ видитъ, что *та* жизнь его была полна... Что ни толкуй о юношескихъ «глупостяхъ» и «увлеченьяхъ», а то время все-таки было хорошее, ужъ лучше его не будетъ, а будетъ много хуже... Говорятъ, что онъ тогда предавался «чародѣйству сладкихъ вымысловъ»... Пусть такъ! Да еще *такъ*-ли, полно? Не ближе-ли тогда, чѣмъ теперь, онъ былъ къ истинѣ? И гдѣ же, если не тамъ, было его счастье?.. Впрочемъ, Николай Ивановичъ очень хорошо помнитъ, что и тогда онъ не былъ доволенъ текущими мгновеньями и во дни невзгодъ и хандры также называлъ жизнь и «проклятою» и «каторгою»!..

И образъ Оленьки — веселой, живой — опять мерещится ему, какъ на яву.

— Не скучай, мой милый!—шепчетъ она, обнимая его.—Вотъ погоди!.. «Не все на небѣ будетъ ночь! Авось и солнышко проглянетъ»...

Такъ Оленька утѣшала его въ житейскихъ невзгодахъ, — и успокоеніе сходило на его взволнованную душу... Иногда же онъ сердился...

— Я удивляюсь!—желчно говорилъ Николай Ивановичъ.—Какъ ты легко ко всему относишься... Тебѣ все—смѣхъ!

Ея веселыя, ободряющія рѣчи, дѣйствительно, порой еще пуще раздражали хандрившаго Пестерева.

— А зачѣмъ же нюни распускать! — возражала Оленька.—Ну, взгляни, да посмотри же на меня...

Она слегка брала его за подбородокъ и поднимала ему голову.

— Да улыбнись же!.. сдѣлай милость!— шутливо упрашивала она.

— Ахъ, отстань, пожалуста!—съ досадой говорилъ Пестеревъ, хмуро взглядывалъ на жену и отворачивался.

— Ну, какой сердитый... у-у, бука! — шаловливымъ тономъ замѣчала она и оставляла его одного.

Послѣ ея ухода онъ всегда страшно терзался раскаяніемъ. Ему было больно, что онъ отталкивалъ отъ себя утѣшенія и ласки этого милаго, любящаго созданія. «Слѣпецъ ты! Жалкій, дрянной человѣкъ!» шепталъ ему тайный голосъ. А теперь, теперь-то съ какой жгучей болью вспоминаетъ онъ объ этихъ отвергнутыхъ ласкахъ... Впрочемъ, не всегда Пестеревъ отталкивалъ отъ себя Оленьку...

Николай Ивановичъ помнитъ, какъ однажды послѣ работы, усталый, вышелъ онъ изъ своей комнаты и Оленька, оставивъ шитье, потащила его танцовать.

— Вѣдь я же не умѣю!—отбивался Николай Ивановичъ.

— А женихомъ танцовалъ! — возражала Оленька.

— Не танцовалъ, а просто козломъ прыгалъ...

— Ну и теперь попрыгай, попрыгай, голубчикъ! Пай будешь, пай! — уговаривала она.—Надо же какое-нибудь движеніе... Ты вѣдь цѣлые дни сидишь!..

И онъ кружился съ нею по залѣ, задѣвая за стулья, и затѣмъ, подхвативъ Оленьку на руки, какъ ребенка, опустилъ ее на диванъ, и цѣловалъ и ласкалъ ее... А она, милая, прижималась своею разгорѣвшеюся щекой къ его щекѣ, съ счастливой улыбкой смотрѣла на него и что-то шептала ему... Онъ помнитъ, какъ въ ту минуту старая Максимовна зашла, было, въ комнату, но круто повернула назадъ.

— Ну, ну! Ладно... цѣлуйтесь... Я уйду! —проговорила она, махнувъ рукой.

Тогда Оленька очень смѣялась надъ старухой..

Оленька, не смотря на то, что росла, сравнительно, въ богатствѣ и роскоши, оказывалась очень нетребовательна. Въ своихъ желаніяхъ она была гораздо скромнѣе тѣхъ женщинъ, что, выросши въ бѣдности, попадали впослѣдствіи въ лучшія условія жизни. Оленька довольствовалась самымъ простымъ ко-

стюмомъ, перешивала, какъ уже сказано, старыя платья, передѣлывала шляпку, сама бензиномъ чистила перчатки, а въ кухнѣ она, положительно, какъ говорится, на обухѣ рожь молотила... А Николай Ивановичъ все еще ворчалъ на нее и разглагольствовалъ болѣе или менѣе краснорѣчиво по поводу «женскихъ тряпокъ» и т. п.

Оленька не любила жаловаться... Только одинъ разъ—единственный разъ—постоянное безденежье затуманило ей глаза. Это случилось въ то время, когда Пестеревъ заболѣлъ тифомъ и слегъ въ постель. Оленька очень испугалась за него. Пестеревъ увидалъ, что она, сидя у его изголовья и прячась за подушки, тихо плакала.

— Долго-ли еще намъ маяться!—говорила она, глотая слезы.—Когда же, наконецъ, ты сдѣлаешь себѣ теплое пальто!.. Господи! Будетъ-ли этому конецъ?...

— А ты развѣ въ шубѣ ходишь?—шутливо замѣтилъ Пестеревъ.

— Я—совсѣмъ другое дѣло! Я—здорова, а ты постоянно хвораешь... все простужаешься...

Хорошее теплое пальто для Коли было предметомъ ея постоянныхъ разсужденій. Но денегъ не хватало на новое пальто... Она съ удовольствіемъ удѣлила бы ему на пальто часть своего жалованья, но, къ сожалѣнію, все ея жалованье уходило на хозяйство, да на самое необходимое для нея платье...

Теперь, издали, всѣ золотыя качества Оленьки ярко выступаютъ передъ нимъ. Напримѣръ, даже трудно представить себѣ, до чего была она терпѣлива и выносliва... Полуслѣпая, полуглухая и, признаться, довольно безтолковая Максимовна нерѣдко выводила изъ терпѣнія Николая Ивановича. Оленька же постоянно была съ нею ровна и спокойна.

Въ сердцѣ Оленьки всегда находилось состраданіе къ чужому несчастью,—въ какомъ бы видѣ ни являлось оно... Напримѣръ, сколько разъ онъ хотѣлъ прогнать безъ церемоніи пьянаго Долинскаго, врывавшагося ночью къ нимъ въ квартиру.

— Я, братъ, переночую у тебя! — заплетающимся языкомъ говорилъ Терентій Михайловичъ, шатаясь изъ стороны въ сторону, съ шляпой, сдвинутой на затылокъ. — Надѣюсь, ты—хоть и семейный человѣкъ—не прогонишь безпріютнаго поэта... не дашь ему замерзнуть на улицѣ...

— У меня—не постоялый дворъ для пьяныхъ поэтовъ!—рѣзко обрывалъ его Пестеревъ.

Долинскій всегда пугалъ его своимъ неистовымъ звонкомъ, мѣшалъ работать и возмущалъ его до глубины души своими пьяными, безтолковыми рѣчами.

— Что-о-о?—обиженнымъ тономъ мычалъ Терентій Михайловичъ, подступая къ непривѣтливому хозяину и уже готовясь произнести громовую рѣчь по поводу «мирныхъ семьянъ, превращающихся въ скотовъ».

— Оставь его, Коля! Пусть ночуетъ...—вступалась за него жена.— Не гнать же его, въ самомъ дѣлѣ, на улицу въ такой морозъ!.. Онъ тебѣ не помѣшаетъ...

Пестеревъ, махнувъ рукой, уходилъ къ себѣ въ комнату и запирался на ключъ. Оленька посылала Максимовну помочь Долинскому лечь спать. И Пестеревъ еще долго слышалъ за дверью бурчанье пьянаго: «Вотъ—благородная женщина... святая женщина! Да!.. А мужъ — ужъ извините—скотина... Чтобъ я когда-нибудь къ нему...гм! Чортъ... буржуй!..»

Оленька была для него не только женой и хозяйкой, но и добрымъ геніемъ.

Иногда, бывало, Николай Ивановичъ готовъ былъ смалодушничать, но Оленька однимъ своимъ словомъ не допускала его до нравственнаго паденія.

— Коля! Что съ тобой?—грустно говорила она ему.—Я тебя, просто, не узнаю... Ты совсѣмъ, какъ будто, опустился... Ужъ ты не начинаешь-ли стариться?

— Вовсе нѣтъ!—оправдывался тотъ.—Я только раздумываю: какъ быть?.. И онъ старался подбодрить себя и дѣлалъ такъ, какъ внушала ему Оленька и его собственная совѣсть... «Да, думалъ теперь Пестеревъ. Умная и смѣлая женщина можетъ оказать мужчинѣ много незабвенныхъ услугъ въ тяжкія минуты его колебаній и сомнѣній!..»

Оленька познакомилась съ природой въ Павловскѣ и въ Петергофѣ, куда еще дѣвочкой возили ее иногда отецъ съ матерью. Лѣтомъ Николай Ивановичъ нѣсколько разъ ѣздилъ съ нею въ Парголово и они гуляли въ сосновыхъ рощахъ. Оленька была въ восторгѣ... Она съ наслажденіемъ вдыхала ароматическій, смолистый запахъ сосенъ, наклонялась къ цвѣтамъ, мелькавшимъ въ травѣ, и съ дѣтскою радостью любовалась на нихъ. Она никогда не рвала цвѣтовъ, потому что ей было жаль лишать жизни эти нѣжныя, прелест-

ныя созданья, на краткій мигъ появляющіяся на свѣтъ, на солнце — изъ темной и холодной подземной области... Съ дѣтской живостью она обнимала старыя деревья и цѣловала ихъ, какъ живыя, любимыя существа.

— Ольга! Какая ты глупая! — съ добродушнымъ смѣхомъ говорилъ ей Пестеревъ.

— Да, милый... глупая! — также смѣясь, соглашалась она, и на глазахъ ея блестѣли радостныя слезы...

Они садились отдыхать въ тѣни деревьевъ... Оленька съ интересомъ и любовью разсматривала кругомъ себя зеленый мохъ, красивые узорчатые листья папоротника и крохотныхъ букашекъ, ползавшихъ по травѣ.

— А какія славныя деревья! — говорила она, положивъ руку на стволъ сосны, и, запрокинувъ голову, смотрѣла вверхъ на темнозеленую хвою.—Вѣроятно, они еще долго проживутъ...

— Да, конечно, это—хорошія деревья!— замѣтилъ ей Николай Ивановичъ.—Но что бы ты сказала, если бы показать тебѣ настоящій, дикій, дремучій лѣсъ! Вотъ-то прелесть!..

Оленька задумалась и минуту съ тихою грустью смотрѣла на зеленый ландшафтъ, разстилавшійся передъ нею... Вдали блестѣло озеро, словно осколокъ синяго стекла, вставленный въ зеленую, бархатную раму. Кое-гдѣ видны были домики... Въ то время у Оленьки отъ сердца вырвались слова, которыя теперь невольно припомнились Пестереву, и не забыть ихъ ему никогда...

— Ахъ, какъ бы мнѣ хотѣлось когда-нибудь пожить въ деревнѣ!—сказала она.—Знаешь, милый... не на дачѣ, не подъ Петербургомъ, а въ настоящей деревнѣ, гдѣ-нибудь въ лѣсной глуши, на берегу рѣки...

Она уже мысленно составила себѣ понятіе о деревнѣ. Пестеревъ также часто мечталъ о деревенскомъ привольи и много разсказывалъ о своей любимой Михайловкѣ, о рѣкѣ, протекающей почти передъ самымъ барскимъ садомъ, о лѣсахъ, синѣющихъ кругомъ...

Самъ онъ въ тайнѣ часто мечталъ о деревнѣ, о Михайловкѣ, но мечты его были нѣсколько иныя... Ему страстно хотѣлось сдѣлаться обладателемъ этого родового имѣнія, памятнаго и милаго ему съ дѣтства. Горе его было только въ томъ, что онъ не видѣлъ рѣшительно никакой возможности для петербургскаго пролетарія, перебивавшагося уроками и кое-какой журнальной работой, сдѣлаться помѣщикомъ.

Ему было очень тяжело проводить лѣто въ душномъ, пыльномъ городѣ. Иногда, проходя мимо вновь строющихся каменныхъ громадъ, вдыхая запахъ отвратительнаго газа, извести и каменнаго угля, смотря на чахлыя, запыленныя деревья петербургскихъ скверовъ, онъ съ грустью вспоминалъ деревню съ ея привольемъ, съ ея свободой, съ ея свѣжимъ, чистымъ воздухомъ, съ запахомъ цвѣтовъ и съ синею лѣсною далью. Въ такія минуты онъ живо представлялъ себѣ милую, незабвенную Михайловку, ея тѣнистый садъ, рѣку—въ зеленыхъ берегахъ, ивы, купающія въ водѣ свои гибкія вѣтви, и просторъ - раздолье цвѣтущихъ луговъ... И Пестеревъ представлялъ себѣ, какъ онъ съ Оленькой поселился бы въ томъ тихомъ, благодатномъ уголкѣ, и какъ бы онъ былъ счастливъ и какъ Оленька полюбила бы тѣ мѣста, которыя были милы ему съ дѣтства. Никогда не забыть ему, съ какимъ чувствомъ вырвались у нея эти слова: «Ахъ, какъ бы мнѣ хотѣлось когда-нибудь пожить въ деревнѣ!..» И теперь при этомъ воспоминаніи сердце Пестерева сжимается такъ больно...

Хожденія въ театръ, поѣздки въ Парголово и свободные вечера, проводимые Пестеревымъ въ задушевной бесѣдѣ съ женой, были рѣдкими свѣтлыми точками, разсѣянными по темному или сѣрому фону. Матеріальные недостатки давали себя сильно чувствовать, характеръ Пестерева замѣтно портился...

Онъ находилъ какое-то дикое, болѣзненное удовольствіе въ томъ, чтобы отравлять Оленькѣ и ту малую радость, что доставалась ей на долю. Съ тайнымъ наслажденіемъ онъ обдавалъ ее, какъ холодной водой, своими насмѣшливыми замѣчаніями и темною тѣнью омрачалъ ея минуты восторга. Съ безжалостнымъ злорадствомъ разбивалъ онъ въ дребезги ея дѣтскія свѣтлыя мечты и надежды.

— Выбьемся же и мы когда-нибудь! — въ утѣшеніе ему, бывало, говорила Оленька, намекая на то, что ихъ, авось, денежныя обстоятельства улучшатся.

А онъ со злостью ворчалъ:—Какъ же... Дожидайся!

Иногда, вечеромъ, въ свободныя минуты Оленька вслухъ начинала мечтать о томъ: что бы она сдѣлала, если бы у нихъ были деньги... Съ практической точки зрѣнія занятіе, несомнѣнно, безполезное, но въ то же время, строго говоря, не приносящее вреда ближнимъ, но за то очень пріятное для ме-

чтающаго бѣдняка, доставляющее ему отраду и забвеніе всѣхъ угнетающихъ его золъ и напастей... Оленька вся одушевлялась въ тѣ мгновенія, щеки ея разгорались яркимъ румянцемъ, глаза блестѣли. Она, какъ птичка, весело, оживленно щебетала и была очень мила въ своемъ наивномъ увлеченіи. Много нужно было жестокости и черствости сердечной для того, чтобы злорадно посмѣяться надъ ея увлеченіемъ и заставить ее замолчать. А Пестеревъ именно поступалъ такъ...

— Будетъ тебѣ пустяки-то болтать! — брюзгливо замѣчалъ онъ.—И что тебѣ за охота строить воздушные замки... Не понимаю!

Оленька замолкала и, поникнувъ головой, снова бралась за работу. Только тихій вздохъ бывалъ отвѣтомъ на его сердитое ворчаніе... Она, какъ будто, мѣшала ему своимъ безобиднымъ щебетаніемъ! Ему словно хотѣлось, чтобы и Оленька съ нимъ заодно ныла и хандрила, словно хотѣлось ему видѣть и ея лицо такимъ же пасмурнымъ и хмурымъ, какъ было у него. Ему, какъ будто, жаль было выпускать ее—хоть бы на единый мигъ—изъ-подъ гнета убогой дѣйствительности — въ міръ сладкихъ вымысловъ, высокихъ восторговъ и необыденныхъ волненій. Въ минуты безпросвѣтной хандры и озлобленія онъ, казалось, желалъ погасить и въ ея душѣ послѣднія искры свѣтлыхъ надеждъ и упованій—такъ, чтобы и она съ нимъ заодно не видѣла передъ собой впереди ничего, кромѣ холодной пустыни и мрака...

Такъ,—Пестеревъ помнитъ—ея вѣра въ людей служила для него постояннымъ предметомъ насмѣшекъ.

— Сегодня я встрѣтила на улицѣ нищаго...—однажды говорила Оленька. — Какой онъ жалкій, если бы ты видѣлъ... Ужасъ!.. А у меня, какъ на грѣхъ, оказалось съ собой мало денегъ...

— Это—все равно!—сухо замѣтилъ ей Николай Ивановичъ.—Сколько бы ты ему ни дала, все очутилось бы въ кабакѣ...

— Въ кабакѣ!—горячо вступилась она, съ упрекомъ посмотрѣвъ на мужа. Неужели же всѣ они — пьяницы! Неужели ты, Коля, не допускаешь, что эти люди могутъ быть, дѣйствительно,—несчастны, голодны, больны?.. У этого нищаго, по крайней мѣрѣ, былъ такой болѣзненный видъ... Онъ показался мнѣ такъ блѣденъ... по одеждѣ, какъ будто бы, рабочій...

— Они на этотъ счетъ — молодцы! Они отлично умѣютъ прикидываться и больными, и убогими...—съ увѣренностью проговорилъ Пестеревъ.—Это—такіе мошенники, такіе... Вотъ ужъ никогда не подалъ бы ни гроша этимъ попрошайкамъ...

— Ты говоришь это не искренно!—замѣтила ему однажды Оленька.—Ты, просто, въ минуту досады напускаешь на себя такую жестокость... и потомъ, вѣроятно, самъ же раскаяваешься въ ней!

— Ничуть не бывало!—настаивалъ Николай Ивановичъ.—Я, признаться, совершенно извѣрился въ людей... Столько случаевъ было въ моей жизни... Всѣ эти жалкія слова, слезы и кривлянья мнѣ кажутся однимъ подлымъ притворствомъ...

— Не вѣрю, чтобы ты чувствовалъ то, что говоришь!—возражала Оленька, съ недоумѣніемъ и почти съ испугомъ смотря на мужа, какъ смотрятъ на человѣка, пораженнаго какою-нибудь странною и страшною болѣзнью.

— Какъ знаешь! Хочешь—вѣрь, хочешь—не вѣрь! Это ужъ — твое дѣло... — подсмѣивался Пестеревъ, весьма довольный тѣмъ, что смутилъ и задѣлъ за живое эту «неисправимую идеалистку».

— Такъ какъ же?..—продолжала та.—Когда ты, голодный, попросишь хлѣба, другіе также могутъ счесть тебя за притворщика?.. И если ты съ голодухи упадешь въ обморокъ, то люди также могутъ принять это за кривлянье?

— Могутъ!—невозмутимымъ тономъ отвѣчалъ Пестеревъ, самъ мысленно любуясь на производимое имъ впечатлѣніе.

— Это—ужасно!—волновалась Оленька.—Вѣдь это же была бы неправда,—самая жестокая ошибка!

— Ну, что жъ за бѣда! — прежнимъ тономъ продолжалъ онъ.—Ошибаться свойственно человѣку... Конечно, могутъ быть и ошибки... могутъ не отличить голоднаго отъ пьянаго... но такіе случаи очень рѣдки!

— Но ты, конечно, не хочешь этимъ сказать, что будто бы на свѣтѣ очень мало *такихъ* искреннихъ и правдивыхъ людей, какъ, напримѣръ, мы съ тобой?

— Господи! Да развѣ ты хоть разъ когда-нибудь соглашалась со мной?—въ свою очередь спросилъ Пестеревъ, барабаня пальцами по столу и съ злой усмѣшкой смотря на жену.

— Что жъ дѣлать! Я иногда никакъ не могу согласиться съ тобой...—тихо говорила та.

Ихъ споры нерѣдко кончались такимъ плачевнымъ образомъ...

Въ праздники Николай Ивановичъ особенно «притѣснялъ» жену, какъ онъ самъ выражался впослѣдствіи... Съ теченіемъ времени онъ становился домосѣдомъ и любилъ проводить праздники дома, въ своей комнатѣ, уткнувшись въ книги. Оленька, какъ болѣе молодой и болѣе живой человѣкъ, пользуясь свободнымъ временемъ, шла подышать чистымъ воздухомъ, повидаться съ кѣмъ-нибудь изъ знакомыхъ, поговорить о новостяхъ дня... Пока Оленька бывала дома, Пестеревъ сиднемъ сидѣлъ въ своей комнатѣ и корпѣлъ надъ письменнымъ столомъ. Ни слова—съ женой; только за чаемъ и за обѣдомъ Оленька видала его и могла урывками побесѣдовать съ нимъ. Пестеревъ не любилъ, когда она приходила къ нему въ кабинетъ и отрывала его отъ занятій. Ей оставалось сидѣть одной или толковать съ полуглухой Максимовной о томъ, какъ трудно старухамъ въ Петербургѣ попасть въ богадѣльню и т. п. Но едва лишь она собиралась уйти изъ дома, Николай Ивановичъ начиналъ ворчать:

— Куда опять? Опять на весь день пропадешь?.. Я опять одинъ дома весь вечеръ...

— Да вѣдь что же, милый, мнѣ дѣлать!— оправдывалась Оленька.—Ты сидишь—работаешь, а мнѣ хочется пройтись, повидаться съ Волжиными... Вѣдь я же теперь не нужна тебѣ, ты со мной слова не скажешь...

— Ступай, пожалуй! — обиженнымъ, сухимъ тономъ говорилъ онъ, отвертываясь отъ жены.—Я ужъ привыкъ быть одинъ...

— Да вѣдь ты же самъ этого хочешь! — усовѣщевала его Оленька. Къ себѣ меня не пускаешь, ко мнѣ не выходишь... А если я нужна, такъ я останусь!

— Нѣтъ! Иди, иди! — повторялъ Пестеревъ.—Я только о томъ говорю, что иной разъ сидишь-сидишь за работой, даже одурь возьметъ, — выйдешь изъ комнаты и не съ кѣмъ слова сказать...

— Милый! Да когда же это бываетъ? — уже съ легкимъ упрекомъ спрашивала его Оленька.

— Случается все-таки!..—настаивалъ онъ.

И Пестереву въ душѣ было очень пріятно, что ему удавалось хоть чѣмъ-нибудь смутить ея праздничный отдыхъ... Конечно, она иногда послѣ такихъ разговоровъ все же уходила изъ дома, но уже не веселая и не съ легкимъ сердцемъ. Она уже знала, что оставляла за собой недовольство, хмурые взгляды и подавленные вздохи. А Пестеревъ мастерски умѣлъ разыгрывать роль жертвы человѣческой несправедливости.

Пестеревъ также упускалъ изъ виду, что Оленька—молодая, 22-лѣтняя женщина—не могла вся погрузиться въ книги, подобно ему. Кромѣ книгъ, ей нужна была жизнь дѣйствительная, нужно было разнообразіе впечатлѣній, нужны были ласки любимаго человѣка... А Николай Ивановичъ воображалъ, что Оленькѣ совершенно достаточно, если онъ аккуратно два раза въ день—утромъ и вечеромъ,— какъ по обязанности, цѣловалъ ее въ лобъ отеческимъ поцѣлуемъ или иногда — подъ рѣзвый часъ—дружески хлопалъ ее по плечу, а затѣмъ немедленно удалялся въ свою комнату и зарывался въ книги...

XI.

Осенью Оленька захворала. Конечно, трудно сказать съ увѣренностью, отчего приключилась съ ней болѣзнь. Но Пестереву съ ужасомъ казалось, что *онъ* знаетъ причину, знаетъ и время, когда эта болѣзнь началась...

Былъ ненастный, ноябрьскій вечеръ, шелъ дождь и снѣгъ и холодный, съ ногъ сшибающій вѣтеръ носился по улицамъ, какъ бѣшеный... Вѣтеръ съ жалобнымъ воемъ задувалъ въ трубы, стучалъ и хлопалъ вывѣсками, глухо шумѣлъ вѣтвями обнаженныхъ деревьевъ и съ яростью хлесталъ въ окна снѣгомъ и дождемъ. Шумъ дождя смѣшивался съ завываньемъ вѣтра, — и выходила какая-то глухая, печальная, за душу рвущая музыка...

Оленька въ тотъ вечеръ, возвращаясь съ уроковъ, страшно озябла и промочила ноги. Ея изорванныя резиновыя калоши совсѣмъ отказывались служить, а купить новыя—все какъ-то руки не доходили, да и свободныхъ двухъ рублей не случалось. Уже не разъ поднимались толки. «Надо же тебѣ калоши купить»...—«Вотъ ужо куплю»...

Теперь, когда у Пестерева всегда есть въ карманѣ рублей 200—300 свободныхъ, ему даже кажется невѣроятно, чтобы *тогда* могло не хватить какихъ-нибудь двухъ рублей на покупку калошъ. И неужели изъ-за этихъ несчастныхъ двухъ рублей... Но *это* положительно ужасно, если только правда!..

Пестеревъ помнитъ, что въ тотъ вечеръ, придя домой, Оленька тотчасъ же стала разуваться. Онъ дотронулся до ея ногъ,—ноги были холодны, какъ ледъ.

— Не натереть-ли водкой? — спросилъ онъ.

— Нѣтъ! Не стóитъ... Напьюсь чаю и живо согрѣюсь...—отвѣтила Оленька.

Она потерла рукой подошвы ногъ, надѣла сухіе чулки, туфли и сѣла за чай.

— Надо же тебѣ, наконецъ, купить калоши!—говорилъ Николай Ивановичъ.

— Да, милый! Завтра же куплю...—промолвила она.—Погода, видно, испортилась не на шутку...

Назавтра, дѣйствительно, были куплены калоши. Вскорѣ послѣ того Оленька стала кашлять, съ ней начались лихорадки, зябли ноги и спина. Словно теперь видитъ онъ, какъ Оленька въ своей комнатѣ стоитъ у теплой печки, грѣется, заложивъ руки за спину,—и нехорошій, болѣзненный румянецъ играетъ на ея похудѣвшихъ щекахъ. А онъ съ книгой сидитъ у стола передъ лампой, порой взглядываетъ на жену и спрашиваетъ:

— Ну, что! Каково ты себя чувствуешь сегодня?

— Сегодня хорошо... Мнѣ лучше!—отвѣчаетъ она, пожимая плечами и какъ бы слегка вздрагивая.

— Но ты все-таки зябнешь?—замѣчаетъ Николай Ивановичъ.

— Нѣтъ! Теперь мнѣ тепло... Я согрѣваюсь... — успокоивающимъ тономъ говоритъ Оленька.

Пестеревъ цѣлые дни бродилъ по дѣламъ или сидѣлъ за своимъ письменнымъ столомъ; вечеромъ они видались мелькомъ. Онъ былъ какъ-то невнимателенъ къ общему недомоганію Оленьки, а она избѣгала говорить съ нимъ о своей болѣзни. Если бы теперь... О, да! Теперь онъ смотрѣлъ бы «въ оба» за женой... Оленька, между тѣмъ, продолжала ходить на уроки, а ихъ давно уже слѣдовало бы бросить... но деньги, деньги были нужны!

Въ концѣ зимы Оленька слегла. Поднялась бѣготня по докторамъ, по аптекамъ, возня съ сгущеннымъ воздухомъ, въ комнатахъ запахло лѣкарствами. Все это, казалось Пестереву, случилось какъ-то вдругъ, безъ всякихъ предисловій: несчастье захватило его врасплохъ. Николай Ивановичъ смутился, растерялся; то онъ на что-то злился и досадовалъ, то какъ будто чего-то страшился... Онъ уже такъ привыкъ видѣть жену всегда здоровою, что даже не могъ и представить себѣ ее больною. Онъ думалъ или — вѣрнѣе сказать — желалъ думать, что доктора преувеличиваютъ опасность: «человѣкъ—область еще довольно темная и медицина иногда бродитъ въ ней ощупью»... Онъ, какъ ребенокъ, пугался даже одной мысли, что Оленька, какъ и всякій человѣкъ, *можетъ умереть*. «Конечно, она поправится!» со страхомъ и трепетомъ утѣшалъ онъ себя.

Лѣтомъ больной стало легче; она даже выходила гулять.

— Хорошо бы вамъ отправиться съ нею въ деревню!—сказалъ ему однажды знакомый докторъ.

«Знаю, братъ, безъ тебя! — съ сердцемъ ворчалъ про себя Пестеревъ.—Были бы деньги, въ Италію увезъ бы ее»...

И потомъ ему часто думалось: «Эхъ! Уѣхать бы теперь въ Михайловку! Она тамъ поправилась бы живо,—я увѣренъ! Всѣ дни—съ утра до ночи—мы проводили бы въ саду... Я поставилъ бы въ залѣ ея кровать, и она спала бы въ хорошую погоду съ открытою балконною дверью... Ахъ, какъ это было бы хорошо!..» Теперь онъ начиналъ цѣнить Оленьку и дорожить ею. Теперь онъ не пожалѣлъ бы для нея никакихъ денегъ... но денегъ не было!

Мелькнуло короткое петербургское лѣто и опять наступило осеннее ненастье, съ туманами, съ пронизывающею изморозью и съ безпросвѣтными сумерками—съ утра до ночи. Опять по ночамъ загрохотали надъ Петербургомъ пушечные выстрѣлы, извѣщавшіе о прибыли воды въ Невѣ, и опять несчастные гаваньскіе жители съ часу на часъ стали ожидать наводненія, собирая въ узлы свои образа и самовары...

Оленькѣ опять стало хуже, она слегла въ постель. Опять появились доктора, началось прописыванье рецептовъ, хожденіе въ аптеку за сгущеннымъ воздухомъ, за микстурами, за порошками... А больная во время самыхъ жестокихъ страданій не измѣняла себѣ и оставалась тѣмъ же, чѣмъ и была,—милымъ, кроткимъ созданіемъ. Безъ жалобъ, безъ стоновъ лежала она на своей постели и, по возможности, старалась не удерживать при себѣ Николая Ивановича.

— Иди, Коля! Тебѣ вѣдь надо работать!—шептала она слабымъ голосомъ.—Я все отрываю тебя отъ дѣла...—Я думаю, голубчикъ, тебѣ ужъ наскучила эта бѣготня въ аптеки и по докторамъ...

— Все это—не бѣда! Только поправляйся скорѣе...—успокоивалъ ее мужъ.

Хотя Оленька и не удерживала его при себѣ, но всегда была несказанно рада, когда онъ садился къ ней на кровать, бралъ ее за руку и разговаривалъ съ нею. Они любили всего чаще говорить о томъ, какъ «на лѣто уѣдутъ въ деревню»...

Въ одинъ ненастный октябрьскій вечеръ больная казалась грустнѣе обыкновеннаго. Ее, повидимому, сильно безпокоилъ вѣтеръ, шумѣвшій за окномъ и жалобно завывавшій въ трубѣ. Лампа, стоявшая на комодѣ, была прикрыта темнымъ абажуромъ, и комната оставалась въ полумракѣ. Оленька нѣсколько времени лежала, молча, съ закрытыми глазами, какъ бы задумавшись или къ чему-то прислушиваясь. Пестеревъ сидѣлъ у нея на кровати въ ногахъ и съ мучительной думой смотрѣлъ на ея страшно похудѣвшее, матово-блѣдное лицо.

— Коля! — вдругъ заговорила она, раскрывъ глаза и вопросительно посмотрѣвъ на Николая Ивановича. — Кто это намъ читалъ свое стихотвореніе... о вѣтрѣ, помнишь? Оно у тебя было записано... Скажи мнѣ его, пожалуста... прошу тебя! Скажи!..

Пестереву ужасно не хотѣлось читать теперь вслухъ это стихотвореніе.

— Что тебѣ пришла за фантазія! — пытался, было, онъ увернуться.—Я ужъ, кажется, забылъ его...

— Нѣтъ, нѣтъ!—Ты его знаешь... Ну, пожалуста... голубчикъ! Сдѣлай мнѣ удовольствіе...—молящимъ тономъ промолвила она.

Конечно, Пестеревъ могъ бы отговориться, но ему теперь было бы очень больно огорчить Оленьку отказомъ. И онъ нехотя, скороговоркой прочиталъ:

По комъ ты плачешь, вѣтеръ?
О чемъ твоя печаль?
«Я ни о комъ не плачу,
Мнѣ никого не жаль!»

* * *

Зачѣмъ же ты наводишь
Тоску на душу мнѣ
Своимъ угрюмымъ воемъ
Въ полночной тишинѣ?

* * *

«Зачѣмъ?.. И на могилѣ
Когда-нибудь твоей
Я тоже буду плакать
И выть среди ночей...»

— Какое странное стихотвореніе!—помолчавъ, проговорила Оленька.

— Вздорное стихотвореніе—и больше ничего!—съ легкой досадой замѣтилъ Пестеревъ.

— Чѣмъ оно вздорное?—вскинувъ на него глазами, серьезно спросила его Оленька.

— Во-первыхъ, нѣтъ отвѣта на вопросъ... —началъ Николай Ивановичъ.—Во-вторыхъ, что это за выраженіе: «выть среди ночей»! Очевидный подборъ риѳмъ... Слѣдовало бы сказать «выть по ночамъ», а не...

— Ахъ все это—не то!—перебила его больная.—Ты меня не понялъ... Я вовсе—не о томъ, правильно или неправильно написано стихотвореніе...

Оленька вдругъ замолчала, опять закрыла глаза и какъ бы стала къ чему-то прислушиваться. Пестереву показалось, что въ ту минуту на ея рѣсницахъ дрожали слезы. Можетъ быть, ему просто почудилось? И немудрено—при такомъ тускломъ сумеречномъ освѣщеніи...

А вѣтеръ попрежнему шумѣлъ за окномъ и протяжно, жалобно завывалъ въ трубѣ...

Чѣмъ сильнѣе развивалась болѣзнь, тѣмъ слабѣе дѣлалась Оленька, тѣмъ жгучѣе, тѣмъ страстнѣе становилось его желаніе видѣть ее снова здоровою, бодрою и веселою. А конецъ, между тѣмъ, приближался... Но Пестеревъ, какъ будто, не видалъ его, не признавалъ, не хотѣлъ—не могъ думать о немъ и даже не любилъ, когда другіе, говоря съ нимъ о болѣзни Оленьки, мрачно хмурили брови и дѣлали какія-то постныя лица... Неужели онъ, въ правду, надѣялся до послѣдней минуты? Неужели въ голову ему не закрадывалось опасеній?.. Разумѣется, опасенія были, и не оставляли его ни на минуту. Онъ съ ужасомъ думалъ, что *это* можетъ случиться, но и самъ даже не признавался въ своихъ страхахъ. Темная тѣнь уже давно залегла въ его душу и таилась гдѣ-то въ глубинѣ ея... Онъ до послѣдней минуты игралъ самъ съ собой въ жмурки...

24 октября!.. Да!.. но когда именно *это* случилось—утромъ-ли рано, въ сумерки или вечеромъ? Пестеревъ не помнитъ,—хоть убей!..

Воспоминанія его объ этомъ днѣ и о послѣдовавшихъ дняхъ такъ сбивчивы и туманны, какъ будто не онъ самъ, а кто-нибудь другой переживалъ за него это тяжелое время... Онъ помнитъ, что усталый, измученный безсонницей и страшными думами—страшными грезами на яву, стоялъ онъ у постели. Оленька, молча, крѣпко держала его за руку и смотрѣла на него съ такою глубокою скорбью, какую не передастъ никакое человѣческое слово... Была минута, когда Пестереву

почудилось, что глаза ея, пристально смотрѣвшіе на него, словно затуманились, губы слегка зашевелились, но съ нихъ не слетѣло ни звука... Оленька тяжело вздохнула и судорожно схватилась за него рукой. Николай Ивановичъ ниже наклонился къ ней... Онъ не знаетъ: долго-ли стоялъ тутъ... можетъ быть, съ минуту... можетъ быть, и цѣлый часъ! Теченіе времени, какъ бы, перервалось для него.

Когда онъ очнулся, рука, лежавшая въ его рукѣ, уже похолодѣла. Глаза попрежнему обращены къ нему и широко раскрыты,—на мгновенье можно было даже подумать, что они все еще смотрятъ на него... Но эти большіе голубые глаза уже погасли; огонь жизни въ нихъ потухъ. Только на холодной щекѣ еще блестѣла одинокая слеза—послѣдняя, прощальная слеза. Губы были полуоткрыты, какъ будто на нихъ замерло какое-то недосказанное слово...

Тутъ нить воспоминаній его обрывается и въ нихъ сказывается ощутительный пробѣлъ...

Явилась m-me Волжина съ заплаканными глазами и что-то говорила ему, потомъ еще пришли какія-то знакомыя дамы, рѣдко посѣщавшія ихъ, стали хозяйничать и предложили Николаю Ивановичу пока уйти изъ дому, и онъ, какъ послушный ребенокъ, дѣйствительно, ушелъ. Выйдя изъ воротъ, онъ машинально повернулъ налѣво, потому что чаще ходилъ по этому направленію. Безъ мысли, безъ цѣли брелъ все впередъ и впередъ, куда несли ноги, и вдругъ очутился гдѣ-то на Выборгской сторонѣ. Была уже ночь, моросилъ мелкій дождь... Пестеревъ поворотилъ назадъ.

Дома старая Максимовна отперла ему дверь.

— Барыни ушли!.. сказали, что завтра опять придутъ!—объявила она Пестереву.

Тотъ промолчалъ.

Дверь въ маленькую залу была плотно притворена и Максимовна, очевидно, старалась направить Николая Ивановича по корридору въ его кабинетъ. Но ему хотѣлось непремѣнно пройти черезъ залу.

— Куда лѣзешь-то? Зачѣмъ тебѣ идти туда? Ну! Зачѣмъ?—брюзгливо ворчала старуха, заслоняя собой дверь и, по обыкновенію, говоря съ нимъ на «ты».

Пестеревъ остановился, было, въ нерѣшимости, но вдругъ отодвинулъ Максимовну и взялся за ручку.

— Ступай! Оставь меня, пожалуста!— глухо проговорилъ онъ и, быстро войдя въ залу, затворилъ за собой дверь.

Въ комнатѣ былъ полумракъ. Въ нее только изъ оконъ сосѣднихъ квартиръ проникалъ полосами блѣдный, брезжущій свѣтъ. Николай Ивановичъ вошелъ и тотчасъ же остановился. Въ двухъ шагахъ передъ нимъ лежала Оленька въ бѣломъ платьѣ и вся прикрытая прозрачнымъ бѣлымъ крепомъ.

Не было ни слезъ, ни стоновъ, ни вздоховъ. Пестеревъ былъ совершенно подавленъ, убитъ нравственно. Переживаемыя ощущенія оказывались ему не подъ силу. Сердце его изныло, изболѣло. Тупое, холодное отчаяніе овладѣло имъ... Крѣпко сжавъ губы, сухими воспаленными глазами смотрѣлъ онъ на покойницу, на ея блѣдныя руки, сложенныя на груди,— смотрѣлъ, какъ очарованный, и не могъ глазъ отвести. Пестереву припомнилось, что въ минуты хандры и недовольства онъ не разъ отталкивалъ эти руки, нѣжно и ласково обнимавшія его. Теперь онѣ ужъ не обнимутъ... Нѣтъ!

Онъ подвинулся къ покойницѣ—еще и еще, и откинулъ съ ея лица крепъ... При брезжущемъ свѣтѣ онъ замѣтилъ, какъ отъ ея длинныхъ рѣсницъ падала на щеку тѣнь. Ему даже показалось, что рѣсницы слегка дрогнули. Можетъ-ли это быть? Онъ наклонился и съ тоской и съ любовью смотрѣлъ на милое, дорогое лицо... Неподвижно оно!.. Конечно, эти глаза уже не откроются болѣе никогда... Въ ту минуту какая-то запоздалая осенняя муха бродила по блѣдному, холодному лбу покойницы. Онъ осторожно согналъ муху... Потомъ, помнится, онъ что-то шепталъ покойницѣ...

— Оленька, Оленька! — вдругъ проговорилъ онъ вслухъ и вздрогнулъ, словно испугавшись звуковъ своего собственнаго голоса.

Наконецъ, Максимовна пришла со свѣчей въ залу, взяла его за рукавъ и почти насильно увела въ кабинетъ.

Онъ помнитъ, что на другой день вечеромъ, спускаясь съ лѣстницы, когда были уже зажжены фонари, онъ встрѣтилъ какого-то человѣка, несшаго на головѣ бѣлый глазетовый гробъ.

— Скажите, пожалуста: гдѣ тутъ 20-й номеръ? —спросилъ его носильщикъ.

«А-а! Это—для *ися*»... Пестеревъ не могъ выговорить ни слова и, молча, указалъ рукой на дверь своей квартиры.

День былъ праздничный. Пьяные мастеро-

вые и шатающіяся взадъ и впередъ проститутки встрѣчались Пестереву на каждомъ шагу; гдѣ-то жалобно наигрывала шарманка, изъ растворявшихся дверей трактировъ и пивныхъ слышались нескладныя пѣсни, въ переулкѣ кто-то пьянымъ голосомъ кричалъ «караулъ»; шумъ, грохотъ экипажей, покрикиванія извозчиковъ, звонки конножелѣзныхъ вагоновъ, свистки городовыхъ неслись отовсюду...

Долго Пестеревъ бродилъ по улицамъ; поздно возвратился домой и спалъ ночь тревожнымъ, чуткимъ полусномъ.

Передъ утромъ онъ вдругъ проснулся,—какъ будто кто-то разбудилъ его... Но старая Максимовна еще спала въ своей кухнѣ и въ квартирѣ было тихо... Съ сильно бьющимся сердцемъ, страшно испуганный, поднялся онъ на постели...

«Что же это я... оставилъ ее одну!.. Я сплю... А вѣдь она послѣднюю ночь со мной! Сегодня унесутъ ее»... мелькнуло въ его обезумѣвшей головѣ.

Онъ вскочилъ, весь дрожа, какъ въ лихорадкѣ, наскоро одѣлся и вышелъ въ залу.

Разсвѣтъ только что начинался... Въ залѣ было холодно, пахло деревомъ гроба...

Съ той поры Пестеревъ возненавидѣлъ этотъ запахъ, гдѣ бы—когда бы ни донесся случайно до него этотъ запахъ,—въ воображеніи его моментально являлась знакомая комната, еще погруженная въ сѣрыя, предразсвѣтныя тѣни тусклаго октябрьскаго утра и въ этой комнатѣ передъ нимъ возставалъ, какъ привидѣніе, блестящій глазетовый гробъ, а въ гробу ему мерещился знакомый профиль...

Онъ опустился на подоконникъ и сидѣлъ, какъ убитый, понуривъ голову... Ему показалось, что утро на тотъ разъ необычайно быстро разсвѣло. Онъ не успѣлъ очнуться, какъ въ комнатѣ стало уже совсѣмъ свѣтло... Максимовна забродила по корридору, затопила въ кухнѣ плиту,—слышно было, какъ потрескивали дрова... Раздался звонокъ, явились Волжины въ траурѣ, затѣмъ еще кто-то пришелъ, еще и еще... Люди въ пальто ходили по комнатѣ, дамы разговаривали о чемъ-то вполголоса... Въ сѣняхъ на лѣстницѣ завизжала собаченка, кто-то смѣялся тамъ... Какой-то господинъ — Николай Ивановичъ явственно помнитъ его—съ краснымъ иззябшимъ лицомъ и съ сизымъ носомъ подошелъ къ нему и просилъ за что-то на чай. Пестеревъ торопливо подалъ ему, тотъ низко поклонился, вздохнулъ и ушелъ въ переднюю. Двери въ переднюю поминутно отворялись и струя свѣжаго, холоднаго воздуха доносилась до Николая Ивановича. Какія-то совершенно незнакомыя ему лица заглядывали въ залу...

Потомъ онъ помнитъ запахъ ладона... Служили панихиду...

Онъ спускался за гробомъ по лѣстницѣ, а Максимовна кричала ему сверху, чтобы онъ застегнулъ пальто... Кухарки изъ сосѣднихъ квартиръ съ какимъ-то дикимъ, пугливымъ любопытствомъ смотрѣли на гробъ и на него, поднося къ глазамъ свои грязные, засаленные передники... На улицѣ гробъ ставили на дроги, и его пріятель спрашивалъ кого-то: «Хорошо-ли поставили?» Ему отвѣтили: «Теперь крѣпко!»..

Долго—охъ! какъ долго — тащился онъ по грязи за погребальными дрогами, тупо посматривая на кисти по угламъ гроба, безпорядочно качавшіяся при движеніи дрогъ по неровной мостовой... Шли, шли... Наконецъ, Николай Ивановичъ прошелъ за гробомъ въ ворота кладбища и очутился въ церкви, битком набитой народомъ... Онъ помнитъ, какъ привинчивали крышку гроба...

Вотъ онъ подошелъ къ вырытой могилѣ и совершенно безучастно, машинально смотрѣлъ на груды сырой глины, что возвышались по краямъ этой зіяющей ямы... Когда земля тяжелыми комьями посыпалась и глухо застучала по крышкѣ гроба, Николай Ивановичъ словно пробудился. Ему показалось, что въ груди его какъ будто бы что-то оборвалось... Тутъ впервые слезы застлали ему глаза и рыданія стѣснили ему горло... Онъ хотѣлъ что-то крикнуть и не могъ, какъ погруженный въ летаргію... Пестеревъ не переживалъ болѣе ужасныхъ, съ ума сводящихъ минутъ.

Вдругъ ему представилось, что онъ что-то забылъ... Онъ теръ себѣ лобъ и съ мучительной болью силился припомнить что-то, но все было напрасно... Шумъ сыпавшейся земли ни на одну минуту не давалъ ему возможности сосредоточиться, собраться съ мыслями...

— Я, кажется, не простился съ нею...— задыхающимся голосомъ и съ величайшими усиліями, едва слышно, могъ онъ, наконецъ, прошептать.

— Ну, полно! — успокоивалъ его пріятель.—Что ты такое говоришь!.. Какъ же не прощался? Развѣ забылъ?..

— Право же, не прощался... — шепталъ онъ коснѣющимъ языкомъ, стараясь, повидимому, пробиться къ могильщикамъ, бойко справлявшимъ свою привычную работу. «И куда они торопятся»!..

— Перестань дурить, тебѣ говорятъ!— унималъ пріятель, придерживая его за руку. — Еще скажутъ: «Вотъ комедію-то ломаетъ»!..

Словно холодной водой обдали Пестерева послѣднія слова: «Комедію ломаетъ»!..

Да! Вѣдь люди, дѣйствительно, такъ умны, что сущихъ-то пустяковъ иногда и не понимаютъ...

«Въ самомъ дѣлѣ, что жъ такое! Всѣ мы — смертны, всѣ умремъ»... начало, было, слагаться въ его головѣ, но вдругъ онъ опять съ болью подумалъ или — вѣрнѣе сказать — всѣмъ существомъ своимъ почувствовалъ: «Нѣтъ моей Оленьки!..» И земля, какъ будто, закачалась у него подъ ногами, закачались кругомъ него высокіе могильные памятники, и голыя сѣрыя деревья, и бѣлая церковь, сквозившая изъ-за деревьевъ, и бѣлая колокольня, и дождливыя темныя облака, низко нависшія надъ землей... Пестеревъ ухватился за руку пріятеля... Головокруженіе скоро прошло. Нѣсколько холодныхъ капель упало съ голыхъ сучьевъ березы прямо на лицо Пестереву. Онъ вздрогнулъ. Зубы его стучали и какой-то совсѣмъ необыкновенный, пронизывающій холодъ прохватывалъ его до костей.

— Я озябъ!—проговорилъ онъ, ежась и приподнимая плечи.

— Ну, что жъ! Теперь здѣсь нечего... Поѣдемъ домой!—сказалъ пріятель.

И вотъ по какому случаю въ третій разъ въ жизни Николай Ивановичъ ѣхалъ въ каретѣ по петербургскимъ улицамъ... Онъ всю дорогу смотрѣлъ въ окно. Сначала передъ нимъ мелькали деревянные, крашеные дома, заборы и вдоль ихъ цѣлые ряды крестовъ, вѣнковъ и гирляндъ изъ искусственныхъ бумажныхъ цвѣтовъ, потомъ пошли каменные дома, блестящіе магазины... Вотъ и Невскій проспектъ!

«Словно сонъ»!..

Дома онъ выпилъ рюмку водки, потомъ дали ему кофе, потомъ зажгли лампу и сѣли за обѣдъ. Онъ не могъ ѣсть, а только выпилъ нѣсколько рюмокъ вина. Волжина и пріятель разговаривали съ нимъ о чемъ-то... Наконецъ, гости разошлись, онъ остался одинъ въ залѣ на диванѣ, потушилъ лампу и впалъ въ какое-то странное полузабытье. Нѣсколько разъ сквозь легкій сонъ ему слышалось: какъ будто, кто-то кашлялъ въ сосѣдней комнатѣ, — кашлялъ часто, отрывисто и глухо; такъ кашляла Оленька послѣднее время...

Пестеревъ не знаетъ: долго-ли лежалъ онъ впотьмахъ на диванѣ.

— Что сидишь-то тутъ? Шелъ бы лучше, да прогулялся!—сказала Максимовна, появляясь въ дверяхъ.

— Нѣтъ! Не пойду! — отвѣтилъ онъ черезъ силу.

— По мнѣ, какъ хочешь! Сиди, пожалуй! — замѣтила старуха тономъ мягче обыкновеннаго и, идя въ кухню, печально качала головой.

На другой день, зайдя въ комнату жены, Пестеревъ не нашелъ тамъ ни ея платья, ни мелкихъ ея вещицъ, стоявшихъ на комодѣ и на подзеркальномъ столикѣ.

— Максимовна! Куда же тутъ все дѣвалось?—спросилъ онъ старуху.

— Лизавета Александровна, батюшка, все убрала въ большой сундукъ!—отвѣтила ему та.

Когда Николай Ивановичъ поднялъ крышку сундука, сердце его сильно, болѣзненно забилось при видѣ знакомыхъ вещей... Вотъ — *ея* пальто, платье, вотъ — коврикъ съ шерстяными цвѣтами для лампы — *ея* собственное рукодѣлье, вотъ — *ея* перчатки, *ея* маленькія туфли, старыя бонбоньерки съ елокъ, вотъ — ящичекъ изъ-подъ конфектъ съ рисункомъ женской головки на крышкѣ, а въ ящичкѣ — *ея* стальной наперстокъ, катушка чернаго шелка, иголки, булавки, шпильки, запонки, какая-то ленточка и всякая всячина, вотъ — *ея* книги, тетрадки, вотъ ихъ вѣнчальныя свѣчи, перевязанныя голубой лентой... Николай Ивановичъ не могъ смотрѣть далѣе. Ему было очень нехорошо... Съ глухимъ, полузаглушеннымъ стономъ захлопнулъ онъ крышку сундука...

Въ эти дни не разъ нападали на него минуты мучительнаго раздумья. Совѣсть горько упрекала его. Онъ призывалъ себя къ суду... Это былъ очень странный судъ — единственный въ своемъ родѣ судъ, когда подсудимый не защищался, не искалъ для себя «смягчающихъ обстоятельствъ», а напротивъ — находилъ какую-то тайную отраду и наслажденіе въ томъ, чтобы самому еще болѣе отягощать направленныя противъ него обвине-

нія. «Да, да! Онъ всегда былъ грубо несправедливъ къ ней. Мало того... Онъ былъ жестокъ!.. Онъ не стоилъ ея...»

Всѣ мельчайшія непріятности, какія причинялъ онъ Оленькѣ въ минуты своей проклятой хандры, припоминались ему теперь съ убійственною ясностью, и больно язвили и кололи его. Ему припоминалось, съ какою холодностью иногда относился онъ къ ея искреннимъ, сердечнымъ ласкамъ; какъ онъ иногда рѣзко обрывалъ ее, когда она старалась утѣшить и успокоить его; какъ иногда раздражалъ его ея веселый, бодрый смѣхъ... А что онъ давалъ ей за все это? Постоянное ворчанье, ироническія насмѣшки, жалобы на «каторжную жизнь», упреки, невѣдомо къ кому обращенные, и жестокія, злыя слова... «Да! Виновенъ—и не заслуживаетъ снисхожденія!..»

Всѣ непріятные разговоры, споры и пререканія; мефистофелевскіе взгляды, презрительныя помахиванія рукой, вспышки досады и негодованія, — все это всплывало теперь, приходило ему на память...

Или вотъ, напримѣръ, такая милая сцена...

Ясное утро... Николай Ивановичъ сидитъ за работой, уткнувшись въ книги. Оленька подходитъ сзади, обнимаетъ его за шею и крѣпко цѣлуетъ...

— Это еще что за телячьи восторги! — ворчитъ онъ, даже не поворачивая головы къ веселому, сіяющему личику Оленьки.

Жена видитъ, что «Коля — не въ духѣ», что онъ «занятъ» — и живо перемѣняетъ тонъ, смиряя свои сердечные порывы—свои «телячьи восторги».

— До свиданья, голубчикъ! Я ухожу! — говоритъ она и спѣшитъ на уроки.

Подобныя воспоминанія, какъ капли растопленнаго олова, падаютъ ему на сердце и жгутъ-прожигаютъ его... А слезъ — нѣтъ, глаза—сухи. Слезы—въ сердцѣ...

Если бы онъ зналъ тогда, что работа останется при немъ, а Оленька исчезнетъ!.. Тогда онъ, конечно, не гнѣвался бы за то, что она «мѣшаетъ ему, отрываетъ его отъ занятій...» «Великія занятія! Постылыя занятія!» съ горечью шепчетъ онъ теперь, припомнивъ нѣсколько такихъ случаевъ, когда онъ неласково, грубо отводилъ отъ себя ея руки, съ обычнымъ припѣвомъ: «Не мѣшай, пожалуста!..»

Опустѣла для Пестерева его маленькая, уютная квартира, гдѣ все напоминало ему Оленьку, гдѣ каждый гвоздикъ былъ ею вколоченъ съ надеждою. Тихо стало; только Максимовна порой, сослѣпа, гремѣла въ кухнѣ кострюлями. Теперь Николаю Ивановичу никто и ничто «не помѣшаетъ» предаваться его занятіямъ, теперь ужъ никто «не развлечетъ» его, никто не придетъ, не поцѣлуетъ—и не къ кому теперь ему обращать свой обычный напѣвъ: «Уйди же, не мѣшай!..» Тихо теперь вокругъ Пестерева,—слишкомъ тихо. Даже онъ—занятый, дѣловой человѣкъ —почувствовалъ всю тягость этого мертваго безмолвія. Онъ шелъ изъ дома и бродилъ по улицамъ въ толпѣ незнакомыхъ людей, безучастно и безцѣльно глазѣя по сторонамъ... И гдѣ бы онъ ни былъ, надъ чѣмъ бы ни задумался, — словно какая-то невѣдомая сила неотступно влекла его по дорогѣ къ кладбищу, къ знакомой могилѣ — подъ березой, низко склонявшей свои сухія, голыя вѣтви. Каждую недѣлю, по крайней мѣрѣ, раза два онъ бывалъ на кладбищѣ и грустный-грустный возвращался послѣ того домой... Охъ, какія это тяжелыя воспоминанія!..

Мѣсяцъ уже закатился, звѣзды блѣднѣли, гасли и прохладой замѣтнѣе потянуло съ рѣки...

Николай Ивановичъ, страшно взволнованный нахлынувшими на него воспоминаніями, блѣдный и тяжело дыша, съ какимъ-то тупымъ отчаяніемъ смотрѣлъ на безмолвный садъ, погруженный въ передутреннюю дремоту...

XII.

Первое время послѣ смерти Оленьки прошло для Пестерева тяжелымъ, мрачнымъ кошмаромъ... Прошло около трехъ лѣтъ,— и всеисцѣляющее время начало уже залѣчивать его душевныя раны. Острая боль мало-по-малу утихла и переходила въ какое-то тупое, ноющее чувство. На кладбищѣ онъ бывалъ въ полгода разъ, а иногда и рѣже...

Сѣро и тоскливо шелъ годъ за годомъ и прошло еще четыре года. Нѣкоторые изъ знакомыхъ и пріятелей Николая Ивановича умерли, другіе исчезли съ петербургскаго горизонта; съ иными онъ разошелся, иные сами оставили его: въ характерѣ Пестерева было много жесткости, и мало онъ былъ склоненъ къ терпимости и прощенію; Пестеревъ не умѣлъ «отсрочивать долги» должникамъ своимъ... Волжины-барышни вышли замужъ и отправились въ провинцію; съ одной изъ нихъ уѣхала и Лизавета Александровна. Свѣтоза-

ровъ и Долинскій умерли и похоронены на Волковомъ кладбищѣ. Мистеръ Митмитъ переселился въ Швейцарію...

За это малое время большія перемѣны произошли въ Пестеревѣ и въ окружающихъ его.

Изъ Пестерева—изъ «мыслящаго», безпокойнаго пролетарія вышелъ очень спокойный буржуа... Какимъ же образомъ этотъ человѣкъ, щеголявшій своими демократическими заплатами, обитавшій въ шестомъ этажѣ и похвалявшійся тѣмъ, что онъ «жилъ выше всѣхъ»,—вдругъ успокоился, удовольствовался охотой на бекасовъ и дупелей? Николай Ивановичъ былъ отчасти правъ, говоря про себя, что онъ и самъ не знаетъ, какъ произошла съ нимъ такая нравственная пертурбація. Дѣло въ томъ, что превращеніе произошло не такъ, какъ произошли метаморфозы, описываемыя Овидіемъ, — то-есть, не вдругъ, не моментально, но постепенно, мало-по-малу, и превращеніе произошло тѣмъ легче, тѣмъ незамѣтнѣе, что и все окружающее Пестерева перемѣнило «фронтъ».

Шли годы... Свѣтлый образъ Оленьки стушевывался, даже ея фотографическая карточка поблѣднѣла; воспоминанія о друзьяхъ—живыхъ и умершихъ — все болѣе и болѣе тускнѣли. На свои прежніе поступки Пестеревъ начиналъ уже посматривать свысока, какъ на юношескія увлеченія и однажды высказался по этому поводу очень категорично... Одинъ господинъ, знавшій нѣкоторыхъ изъ его пріятелей и слыхавшій о его прошлой дѣятельности, недавно при встрѣчѣ напомнилъ ему о быломъ.

— Вотъ такъ было времечко! — воскликалъ этотъ добродушный человѣкъ.

— Побаловались—и будетъ!—сухо замѣтилъ ему Николай Ивановичъ.

Впрочемъ, Пестеревъ не могъ разъ навсегда рѣшительно установиться на одной точкѣ зрѣнія.

Вотъ, наконецъ, воспоминанія послѣднихъ дней...

Нежданно-негаданно Пестереву свалилось, какъ съ неба, наслѣдство послѣ дяди; въ рукахъ его разомъ очутилась довольно порядочная сумма денегъ, и онъ отправился въ провинцію въ смутной надеждѣ завладѣть давно желаннымъ, родовымъ имѣньемъ — Михайловкой. На мѣстѣ, впрочемъ, оказалось, что его денегъ недостаточно на покупку усадьбы и на первоначальное веденіе хозяйства, но тутъ благопріятныя обстоятельства выступили ему на помощь... На время своего пріѣзда—на правахъ стараго знакомства—Николай Ивановичъ остановился въ Запольи—имѣньи m-me Сендуновой. Гостепріимная старушка самымъ отличнымъ образомъ приняла «петербургскаго жителя» и съ перваго же свиданія заговорила съ нимъ на «ты». У нея была одна дочь, очень красивая дѣвушка лѣтъ, 20, и m-me Сендунова при видѣ Николая Ивановича, вѣроятно, сразу почуяла, что «на ловца звѣрь бѣжалъ»...

Май уже стоялъ на дворѣ во всей роскоши, во всемъ блескѣ своихъ весеннихъ прелестей. Деревья опушались свѣжею зеленью, изъ свѣтлозеленой травы выглядывали ранніе цвѣточки. Птички летали парами и съ веселымъ щебетаньемъ вили себѣ гнѣзда... Пестеревъ по цѣлымъ часамъ гулялъ съ барышней по саду.

— Что за воздухъ! Что за упоенье!—говорилъ Николай Ивановичъ, вдыхая весенніе ароматы.

То-ли отъ шестилѣтняго промежутка времени, то-ли подъ вліяніемъ горячихъ лучей весенняго солнца,—воспоминаніе объ Оленькѣ въ ту пору еще пуще потускнѣло, а молодая дѣвушка, ходившая съ нимъ по аллеѣ, нравилась ему. Она представлялась Пестереву мечтательнымъ, задумчивымъ существомъ, напоминавшимъ собой романтическія созданія старинныхъ нѣмецкихъ поэтовъ. И чѣмъ болѣе Пестеревъ всматривался въ нее, тѣмъ болѣе убѣждался, что Надежда Александровна, положительно, красавица. Ему очень нравился густой румянецъ ея смуглыхъ щекъ, ея блестящіе, темнокаріе глаза и пухлыя, пунцовыя губки... «Какъ она граціозна! Какъ она женственна, — просто, чудо!» восхищался онъ про себя, глядя, бывало, какъ ея высокая, гибкая и стройная фигура двигалась по аллеѣ медленною и какъ бы нѣсколько лѣнивою походкой...

Правда, она, повидимому, читала мало, «вопросами» не занималась, вообще была молчалива, любила слушать, но за то о чемъ бы она ни говорила (напримѣръ, о своихъ птичкахъ, о цвѣтахъ, о сосѣднихъ помѣщикахъ, о деревенской жизни), говорила съ толкомъ, съ тактомъ и порою очень мѣтко. Она чрезвычайно комично разсказывала о своей боязни мышей, лягушекъ, червяковъ и т. под. Слушая же Пестерева, дѣвушка любила сидѣть въ мечтательной позѣ, слегка склонивъ на грудь свою хорошенькую головку и задумчи-

во смотря въ даль. Она, конечно, уже знала, что эта мечтательная поза «идетъ къ ней...» Она давно и самымъ основательнымъ образомъ изучила передъ зеркаломъ всѣ позы...

Когда Николай Ивановичъ сообщилъ m-me Сендуновой о своемъ намѣреніи купить Михайловку и поселиться въ ней, старушка даже всплакнула отъ умиленія.

— Покупай, батюшка! Покупай, да устраивайся!—говорила ему Анна Петровна.—Сосѣдями будемъ... Все-таки, намъ веселѣе станетъ въ этой глуши!

Когда же Нестеревъ открылъ ей, что у него не хватаетъ денегъ на покупку имѣнія, старушка призадумалась, а на другой день объявила, что дастъ ему подъ векселъ 7 тысячъ.

Сказано-сдѣлано, и все вышло, какъ по писанному. Нестеревъ купилъ Михайловку и— пока старый домъ перестраивался—онъ продолжалъ жить въ Запольи, у m-me Сендуновой. Онъ не на шутку увлекся мечтательной брюнеткой. Мать и дочь, повидимому, были очень довольны этимъ увлеченіемъ. Но Николай Ивановичъ колебался и никакихъ рѣшительныхъ заявленій не дѣлалъ. Въ это время выдался одинъ случай, очень естественный при условіяхъ патріархальной деревенской жизни.

Разъ вечеромъ, когда Нестеревъ возвращался съ охоты, Надежда Александровна отправилась купаться въ сопровожденіи своей горничной. И случилось такъ, что послѣ купанья она вышла на берегъ именно въ ту минуту, какъ Нестеревъ съ противоположнаго берега приблизился къ рѣчкѣ.

— Барышня! Николай Ивановичъ идутъ...—шопотомъ, въ смятеніи проговорила горничная, не зная, за что схватиться.

А барышня ничуть не растерялась.

— Дай мнѣ рубашку!—спокойно сказала она.

Она, очевидно, не находила поводовъ скрываться, сознавая себя въ тѣ минуты во всемогуществѣ своихъ прелестей.

Не мудрено, если у простого смертнаго закружилась голова при видѣ богини, выходящей изъ воды, точь-въ-точь какъ она является въ идиллическихъ произведеніяхъ Рубенса и другихъ старинныхъ живописцевъ...

— Ну, батюшка! Дворъ устроилъ, теперь надо скотинку заводить, какъ говорятъ у насъ въ деревняхъ...—шутливо замѣтила ему Анна Петровна вскорѣ послѣ представленія живой картины на берегу рѣки.

Старушка была пріятно поражена его отвѣтомъ.

— Да! Жить одному скучно... Я привыкъ къ семьѣ... — сказалъ онъ, барабаня пальцами по столу и смотря куда-то въ уголъ, между тѣмъ какъ передъ нимъ мерещились чудесныя, круглыя плечи, прелестныя руки, тянувшіяся за платьемъ, и голая спина, залитая мягкимъ розовымъ свѣтомъ вечерняго солнца.

— Я люблю вашу дочь, Анна Петровна...—продолжалъ Нестеревъ.—Я уже говорилъ съ нею... Она согласна... и... и я—такъ счастливъ!..

Затѣмъ, какъ водится, послѣдовали объятія, поцѣлуи, благословенія и слезы.

— Живите, Богъ съ вами... только меня, старуху, не забывайте! Береги ее, батюшка... Вѣдь она у меня, знаешь, одно дитя... Ужъ не взыщи на ней иной разъ...

Въ концѣ октября сыграли свадьбу. Вышло какъ-то странно: день свадьбы, 24 октября, совпалъ со днемъ смерти Оленьки. Николай Ивановичъ поздно вспомнилъ объ этомъ неловкомъ совпаденіи, но утѣшилъ себя тѣмъ, что «днемъ позже, днемъ раньше, — не все-ли равно!»

Лишній бокалъ шампанскаго за обѣдомъ, горячіе поцѣлуи и объятія новобрачной оттѣснили далеко назадъ послѣднія тѣни мрачныхъ воспоминаній...

Гости разъѣхались по домамъ. Наступила ночь...

Нестеревъ помнитъ, что, придя въ спальню, онъ нѣсколько времени стоялъ у окна и всматривался въ мглу октябрьской ночи. Облака черными клочьями быстро ползли по небу. Мѣсяцъ-то скрывался за облаками, то выступалъ изъ-за нихъ на мгновенье и призрачнымъ сіяніемъ обдавалъ садъ... Тогда выступали изъ мрака высокія деревья, наклонявшія по вѣтру свои вершины, и густыя акаціи и кусты сирени, росшіе передъ домомъ... Облака набѣгали, заволакивали мѣсяцъ и садъ опять погружался въ тьму...

Николай Ивановичъ захватилъ съ собой въ спальню бутылку шампанскаго, самъ пилъ и поилъ жену. Оба они были сильно навеселѣ... Наденька, лежа въ постели и заложивъ подъ голову свои обнаженныя руки, смѣялась и хохотала, какъ истая вакханка. Глаза ея горѣли, горѣли щеки, вся она горѣла...

Николай Ивановичъ всталъ на утро весь

разбитый, съ больной головой, какъ послѣ неумѣреннаго кутежа. Онъ какъ будто стѣснялся чего-то и избѣгалъ смотрѣть на жену. Онъ нѣсколько разъ проговаривался, обращаясь къ женѣ на «вы»...

Наконецъ-то исполнилась его завѣтная мечта, которую онъ тайно лелѣялъ, таскаясь въ Петербургѣ по грошовымъ урокамъ, шатаясь по редакціямъ за полистной платой, лазая въ свою квартирку на высоту шестого этажа и вздыхая при видѣ запыленныхъ деревьевъ петербургскихъ скверовъ. Мечта далась ему въ руки—на яву. Онъ зажилъ въ Михайловкѣ—именно въ томъ домѣ, который онъ помнилъ и любилъ еще съ ранняго дѣтства; онъ гулялъ по тому саду, который въ воображеніи его былъ окруженъ какимъ-то необыкновеннымъ очарованіемъ; онъ бродилъ по берегу знакомой рѣчки и любовался на знакомые далекіе виды...

Когда наступило лѣто, ему пришла въ голову дикая блажь снова пережить и перечувствовать свѣтлыя, отрадныя впечатлѣнія дѣтскихъ лѣтъ. Въ прелестное, лѣтнее утро ранымъ-рано онъ бралъ изъ шкафа какую-нибудь старую книжку въ толстомъ кожаномъ переплетѣ—что-нибудь въ родѣ вальтеръ-скоттовскаго «Редгонтлета»—и попрежнему, какъ въ былые дни, усаживался за садомъ, на береговомъ бугрѣ, въ тѣни березъ, читалъ и любовался на разстилавшійся передъ нимъ лѣтній пейзажъ. Хотя книга въ рукахъ его была та же самая, которою онъ зачитывался нѣкогда, хотя передъ глазами его были тѣ же луга, пестрѣвшіе цвѣтами, тѣ же лѣса, синѣвшіе вдали, тотъ же просторъ и та же сельская благодать,—но, нѣтъ, онъ уже не испытывалъ прежнихъ юношескихъ впечатлѣній. Онъ «старался» заинтересоваться книгой, «старался» наслаждаться природой, но изъ этихъ жалкихъ стараній и потугъ ничего хорошаго, ничего «настоящаго» не выходило...

Онъ купался въ той же рѣчкѣ, въ которой прежде купался съ такимъ восторгомъ, бродилъ по тѣмъ же полямъ, по тѣмъ же лѣснымъ тропинкамъ,—но веселые, свѣтлые боги, населявшіе всѣ эти мѣста во дни безпечной, беззавѣтной юности, для него уже исчезли безвозвратно... И онъ горько посмѣялся въ душѣ надъ своею нелѣпою, несбыточною надеждой опять сдѣлаться хоть на одинъ мигъ наивнымъ мальчикомъ, не знающимъ ни печалей, ни воздыханій, увлекающимся и «Редгонтлетомъ», и золотымъ солнечнымъ лучомъ, скользящимъ изъ-за листвы,—мальчикомъ, облекающимъ силою своей фантазіи, какою-то таинственною прелестью каждый перелѣсокъ, каждую тропинку, пропадавшую въ синеватой дали...

Можетъ быть, вѣчно-юная природа и утѣшила бы Пестерева, разогнала бы его темныя думы, дала бы ему нѣкоторый покой и исцѣленіе, если бы теперь находился при немъ какой-нибудь добрый другъ и этотъ другъ сумѣлъ бы подвигнуть его на доброе дѣло, ободрить, примирить его съ совѣстью... Но у него не было такого друга...

Прошло уже около двухъ лѣтъ послѣ хмѣльной брачной ночи.

Перемѣны, происшедшія въ Пестеревѣ, съ каждымъ годомъ сказывались явственнѣе...

Пестеревъ страдалъ тою же болѣзнью, къ которой вообще сталъ такъ воспріимчивъ современный человѣкъ. Но эта «худая боль» скрывается самымъ тщательнымъ образомъ отъ глазъ постороннихъ. Заподозрить у человѣка существованіе этой «худой боли» значитъ нанести ему кровную обиду... Пестеревъ страдалъ двойственностью, лицемѣріемъ передъ ближними и передъ самимъ собой. Онъ не могъ остаться безупречно честнымъ человѣкомъ—подобно нѣкоторымъ изъ своихъ прежнихъ знакомыхъ, не могъ въ то же время сдѣлаться и отъявленнымъ разбойникомъ,—и въ итогѣ, въ нравственномъ смыслѣ, получалась какая-то безличная, студенистая масса. Если Пестеревъ дѣлалъ гадость и шелъ на уступки, то все-таки рѣшался на подобныя дѣянія не съ легкимъ сердцемъ, не кичился ими, а напротивъ—совѣстился, старался оправдаться передъ собой, придумывалъ какія-нибудь «смягчающія обстоятельства»... Когда одна рука его хотѣла сдѣлать доброе дѣло, другая рука въ то же время норовила по возможности уменьшить хорошее впечатлѣніе, производимое добрымъ дѣломъ, и творила какую-нибудь подлость.

Николай Ивановичъ разлюбилъ и разучился спорить. Когда рѣчь заходила о занимательныхъ сюжетахъ, вызывающихъ на горячій разговоръ, Пестеревъ, не желая вслухъ высказывать ни своихъ сочувствій, ни антипатій, ограничивался лишь тѣмъ, что тяжело вздыхалъ, пожималъ плечами и лишь иногда позволялъ глубокомысленно мычать себѣ подъ носъ: «Ужо посмотримъ: чѣмъ все это кончится!..» Но въ сущности ему было рѣши-

тельно все равно, чѣмъ бы «это» ни кончилось.

Съ нѣкотораго времени Пестеревъ сталъ очень часто думать на тэму словъ изъ священнаго писанія: «Никто же плоть свою возненавиде, но всякъ питаетъ и грѣетъ ю»... И онъ ужъ слишкомъ заботился о себѣ, слишкомъ старательно «питалъ» и «грѣлъ» свою особу.

И съ Надеждой Александровной за эти два года произошли превращенія не малыя. Задумчивая, мечтательная, томная дѣвушка, «неземное созданіе, напоминавшее поэтическіе образы старинныхъ нѣмецкихъ балладъ», сдѣлавшись m-me Пестеревой, оказалась въ дѣйствительности очень раздражительной, строгой хозяйкой, очень капризной и ревнивой женой—вообще женщиной вздорной и несносной. Кромѣ богатаго приданаго, она еще получила отъ матери вексель Пестерева на 7 тысячъ и при каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ—иногда довольно грубо—давала чувствовать кому слѣдуетъ, что Михайловка отчасти принадлежитъ ей, что она—здѣсь хозяйка.

— Вотъ ужъ никогда бы не позволила мужу командовать надъ собой! Никогда!—ораторствовала она, бывало, передъ знакомыми барынями.—Съ чего это... скажите пожалуста! Вѣдь я ему далась не какая-нибудь дѣвченка, у которой «только юбка за душой»... У меня свои деньги, слава Богу! Я не пойду кланяться...

— Ну, разумѣется!—хоромъ поддакивали барыни.

Надежда Александровна «по своему» любила мужа, то-есть, очень нѣжно и очень страстно цѣловала и ласкала его. И въ то же время «любовь» не мѣшала ей подвергать мужа безконечнымъ нравственнымъ пыткамъ. Она не могла спокойно говорить объ его покойной женѣ. Она очень зло смѣялась надъ его «мальчишествомъ», когда однажды случайно увидала въ ящикѣ его письменнаго стола связку Оленькиныхъ писемъ, перевязанныхъ голубой ленточкой—*ея*, Оленькиной, ленточкой.

— Вы ужъ не плачете-ли надъ этими письмами, когда перечитываете ихъ?—саркастическимъ тономъ спросила она Николая Ивановича, перемѣняя, по обыкновенію, простое, фамильярное «ты» на холодное, язвительное «вы».

Пестеревъ промолчалъ, только грустно взглянулъ на нее, вздохнулъ и убралъ поскорѣе съ глазъ долой связку Оленькиныхъ писемъ.

Послѣ того онъ постарался припрятать подалѣе дорогіе ему сувениры: двѣ шелковистыя пряди свѣтло-русыхъ волосъ—жены и сына, черную гуттаперчевую соску и двѣ мѣдныя монеты, лежавшія на глазахъ покойнаго Коли...

Николай Ивановичъ просилъ, молилъ, требовалъ, чтобы между ними никогда не упоминалось имя его покойной жены, но все было напрасно... Надежда Александровна при всякомъ подходящемъ случаѣ старалась кольнуть его, подсмѣиваясь надъ его «идеальной Ольгой».

Не очень давно, въ отсутствіе мужа, она безъ церемоніи выбрала изъ его альбома нѣсколько фотографическихъ карточекъ его прежнихъ знакомыхъ барышень—въ томъ числѣ Волжиныхъ—и сожгла ихъ въ печкѣ. Если бы Николай Ивановичъ не былъ подготовленъ къ такому оскорбленію цѣлымъ рядомъ мелочныхъ придирокъ и обидъ, то весьма можетъ быть, что между супругами произошелъ бы формальный разрывъ. Но, какъ уже извѣстно изъ практики, переходя постепенно отъ теплой воды къ болѣе холодной, можно пріучить себя къ самой ледяной души. Поэтому, сожженіе карточекъ вызвало между супругами крупный разговоръ—и только...

— По какому праву вы берете мои вещи и уничтожаете ихъ? — вскричалъ Николай Ивановичъ, наконецъ, выведенный изъ терпѣнія ея нахальствомъ.

— Я—ваша жена... а вы — не турокъ!.. Вотъ мое право!—съ легкой насмѣшкой въ голосѣ холодно промолвила Надежда Александровна.

— Что вы такое городите?..

— Я говорю, что вы, какъ христіанинъ, должны довольствоваться одной женой, и для васъ должно быть совершенно достаточно смотрѣть на карточку вашей жены... — съ прежнимъ безстрастіемъ продолжала она.—Вы ужъ не мальчикъ, Николай Ивановичъ, и пора бы вамъ выкинуть изъ головы всѣхъ *вашихъ* барышень.

И она величественно вышла изъ комнаты.

— Дура! Ревнивая дура!—проворчалъ ей въ слѣдъ Пестеревъ.

Оленька иногда второпяхъ, въ забывчивости брала у него съ письменнаго стола карандашъ или перо и за это ей всегда доставался большой нагоняй, и Николай Ивановичъ подолгу дулся на нее, къ ея искрен-

нему сокрушенію... Онъ словно видитъ передъ собой ея вытянувшееся, опечаленное личико—и слышитъ ея кроткій голосъ: «Ну, голубчикъ! Я больше никогда не возьму»... Но Оленька ни разу не шарила въ ящикахъ его письменнаго стола, не производила обысковъ для открытія фотографическихъ карточекъ, писемъ и тому подобныхъ обвинительныхъ документовъ и никогда не рылась въ его душѣ. Онъ невольно сравнивалъ свои прежнія «непріятности» съ нынѣшними... Тогда съ нимъ игралъ рѣзвый, веселый котенокъ, а теперь... теперь разъяренная тигрица запускала въ него свои острые когти, какъ бы желая вырвать изъ груди его болящее, трепещущее сердце...

Ревность его жены доходила до глупости, до галлюцинацій.

Разъ ей почудилось, что Николай Ивановичъ сталъ «заглядываться» на одну молодую крестьянку. Послѣдовала сцена...

— Ты, кажется, очень заинтересовался Аришкой?—подъ видомъ шутки язвительно говорила Надежда Александровна.—Ты хоть крестьянокъ-то оставилъ бы въ покоѣ... А то смотри!.. Мужъ узнаетъ—да изъ-за твоего донъ-жуанства задастъ ей такую лупку, что небу станетъ жарко... У нихъ вѣдь на этотъ счетъ безъ церемоніи... Хоть бабу-то пожалѣлъ бы!.. О себѣ ужъ я не говорю! Тебѣ нисколько не жаль меня... Ты, кажется, еще ни одного дня не былъ мнѣ вѣренъ...

— Ты—опять за свое!—брезгливо возразилъ Пестеревъ и постарался уклониться отъ дальнѣйшихъ разсужденій съ женой по поводу своего донъ-жуанства.

Въ другой разъ,—Пестеревъ помнитъ,—сыръ-боръ загорѣлся изъ-за букета цвѣтовъ и шутливой записочки, посланныхъ имъ дочери одной сосѣдней помѣщицы, — дѣвочкѣ лѣтъ 15 или 16, въ день ея имянинъ.

— Змѣя подколодная!—кричала Надежда Александровна, вскакивая съ мѣста и въ страшной ярости ходя по комнатѣ.—Я всегда чувствовала, что она втирается къ намъ... Дрянь! Она рада каждому мужчинѣ вѣшаться на шею... Я ужъ давно вижу, что она дѣлаетъ тебѣ глазки... Распутная дѣвчонка!

— Уймись! — останавливалъ ее Пестеревъ.—Что ты съ ума-то сходишь?.. Чего кричишь-то?.. Вѣдь прислуга услышитъ!..

— И пускай слышитъ!.. Хочу говорить и буду говорить... закричу во все горло! — съ бѣшенствомъ перебила она Николая Ивановича.—Всегда скажу, что она—распутная и распутная... Видно, въ бабушку уродилась... Бабушка-то ея съ какимъ-то офицеромъ сбѣжала... Да, нѣтъ! Я выведу ее на чистую воду, я ей докажу, я... Ноги ея не будетъ у меня въ домѣ...

Надежда Александровна продолжала бѣгать по комнатѣ и метаться изъ угла въ уголъ, какъ разъяренный звѣрь въ клѣткѣ. Глаза ея горѣли, зубы были стиснуты, щеки покрылись густымъ румянцемъ, а кончикъ носа замѣтно поблѣднѣлъ... По всѣмъ этимъ видимымъ признакамъ Пестеревъ уже зналъ, что жена его обозлена до послѣдней степени и въ тѣ минуты готова на всякій скандалъ. Въ такомъ отвратительномъ видѣ онъ ни разу не видалъ Оленьку въ теченіе семи лѣтъ брачнаго сожительства... Николаю Ивановичу, просто, наконецъ, стало смертельно тошно слушать эту женщину и смотрѣть на нее. Онъ плюнулъ и ушелъ...

«Сколько, однако, въ ней злости!» не разъ говорилъ онъ про себя, и при этомъ какъ-то само собой, невольно напрашивалось сравненіе Надежды Александровны съ его первой женой. Это сравненіе прибавляло еще лишнюю каплю горечи къ его настоящему тяжелому положенію. Жена своею злостью, дѣйствительно, при каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ донимала его...

Иногда, бывало, Николай Ивановичъ вздохнетъ, задумавшись о своемъ невеселомъ житьѣ, а жена тотчасъ же ѣдко замѣчаетъ ему:

— О чемъ это изволите вздыхать? Ужъ не о любезной-ли своей?..

И при этомъ подбиралось первое женское имя, попадавшее ей на языкъ, а затѣмъ слѣдовали: «Змѣя подколодная! Дрянь! Распутная!.. Я вижу: ужъ она давно глазки тебѣ дѣлаетъ... Я крылышки-то ей ободью...» и т. д.

Надежда Александровна такъ донимала его своею бѣшеною ревностью, что, наконецъ, опротивѣла ему и вообще довела его до того, что ему даже не хотѣлось и смотрѣть на женщинъ. Пестеревъ, какъ человѣкъ, неоднократно подвергавшійся жесточайшимъ пыткамъ и въ конецъ измученный ими, не мечталъ уже ни о какихъ любовныхъ радостяхъ и тревогахъ: онъ искалъ теперь только забвенія и покоя...

Нерѣдко между нимъ и женой происходили крупныя сцены. Николаю Ивановичу не разъ ужасно хотѣлось ударить, приколотить жену... Кончалось же, однако, тѣмъ, что Надежда Але-

ксандровна пускалась въ слезы и ревѣла до истерики, а мужъ хваталъ ружье и со своимъ вѣрнымъ Сбогаромъ уходилъ въ поле или въ лѣсъ. У его Надежды Александровны была необыкновенная способность плакать поминутно и о чемъ угодно... Своими слезами она, кажется, пуще всегда донимала Николая Ивановича, хотя ея колкости, ядовитыя замѣчанія и вѣчныя жалобы тоже дѣлали свое дѣло, то есть, изрядно отравляли жизнь ея ближнимъ... Теперь, когда онъ вспоминалъ веселый Оленькинъ смѣхъ и ея ободряющія рѣчи, ему каждый разъ приходили на память, заученныя имъ наизустъ, слова его любимаго поэта:

«Ты умерла... Смирились грозы.
Другую женщину я зналъ,
Я поминутно видѣлъ слезы
И часто смѣхъ твой вспоминалъ»...

Да! Теперь онъ очень часто видѣлъ слезы и самъ былъ готовъ плакать горючими слезами надъ собой,—надъ своимъ прошлымъ.

Онъ окончательно запуталъ, замутилъ, сбилъ съ толку свою жизнь, женившись на этой взбалмошной, сумасбродной нимфѣ болотистой рѣченки. Пестеревъ сознавалъ, что проживи онъ съ женой хоть 100 лѣтъ, — и все-таки они останутся другъ для друга чужими людьми. Пестеревъ въ своемъ брачномъ сожительствѣ чувствовалъ себя такъ, какъ долженъ чувствовать себя каторжникъ, скованный съ другимъ колодникомъ, съ человѣкомъ совершенно для него постороннимъ и во всѣхъ отношеніяхъ чуждымъ ему. Случайность свела его съ женой — такъ же точно, какъ случайность сводитъ вмѣстѣ двухъ каторжниковъ и замыкаетъ на одну цѣпь. Пестеревъ съ ужасомъ, съ отчаяніемъ чувствовалъ, что только смерть или какая-нибудь катастрофа могутъ разорвать его союзъ съ этой дикой женщиной...

Николай Ивановичъ уже не ждалъ отъ жены ободренія и утѣшеній. Напротивъ — онъ зналъ, что всегда встрѣтитъ дома кислую, кривую усмѣшку, услышитъ какую-нибудь колкость или долженъ будетъ вести непріятный для него разговоръ о томъ, что всѣ мужики — пьяницы, воры и негодяи, что ихъ нужно гнуть въ баранiй рогъ, стоять надъ ними съ палкой и т. д. Иногда она принималась ласкаться къ нему, какъ сластолюбивая вакханка, и порой успѣвала опьянить его своими бѣшеными, страстными ласками. Пестеревъ чувствовалъ, что онъ не любитъ эту женщину, но все-таки поддавался ей, уступалъ силѣ чувственнаго влеченія и стыдился самого себя... Каждымъ своимъ взглядомъ—взглядомъ разнѣженнаго животнаго, каждымъ объятіемъ, каждымъ поцѣлуемъ—онъ лгалъ...

Послѣ каждой вспышки такой насильственной, лживой нѣжности слѣдовало еще бо́льшее охлажденіе со стороны Николая Ивановича. Она, конечно, замѣчала это охлажденіе,—и опять поднимались сцены ревности, жалобы, слезы и рѣзкія, бранныя слова...

— Ты, вѣроятно, завелъ какую-нибудь кралечку... Признайся! — говорила она, нахально посматривая на него.—Я ужъ очень хорошо вижу, что надоѣла тебѣ... Ты даже не отвѣчаешь на мои ласки...

— Что тебѣ еще надо отъ меня? Скажи пожалуста!—возражалъ ей мужъ.

— Мнѣ нужно, чтобы ты меня любилъ и обращался со мной, какъ съ женой... Вотъ что мнѣ нужно!—категорически заявляла она.

— А какъ же я съ тобой обращаюсь... не какъ съ женой? — спрашивалъ ее Николай Ивановичъ.

— Именно!..—рѣзко продолжала жена.— Ты обращаешься со мной, какъ съ первой встрѣчной потаскушкой... Сегодня ты очень нѣженъ, цѣлуешься со мной, а на завтра отвернулся, не хочешь и глядѣть на меня... Я теперь ужъ не нужна? Да?

Николай Ивановичъ, молча, пожималъ плечами.

— Ужъ я узнаю, съ кѣмъ ты связался... узнаю... и устрою такой скандалъ, что...—съ бѣшенствомъ накидывалась на него жена.— Нечего пожимать плечами... Я, что говорю, то и сдѣлаю!

Ея откровенный цинизмъ возмущалъ Пестерева. «Ты—*мой* и *долженъ* любить меня!» слышалось въ каждой ея фразѣ, отзывалось въ каждомъ ея взглядѣ, въ каждомъ жестѣ.

Жена нерѣдко донимала его своими ядовитыми уколами и ругательствами, но еще никогда, кажется, Николай Ивановичъ не чувствовалъ себя такъ сильно потрясеннымъ и разбитымъ нравственно, какъ въ эту тихую лѣтнюю ночь. Теперь она поставила его даже во враждебныя отношенія къ сосѣднимъ крестьянамъ,—подрывала у него подъ ногами послѣдній клочокъ почвы. Онъ желалъ бы, по крайней мѣрѣ, быть для крестьянъ «простымъ, добрымъ бариномъ». А теперь его станутъ ненавидѣть, какъ злого супостата...

Въ эту ночь нервы его были крайне возбуждены...

Все прошлое въ яркихъ образахъ возставало передъ нимъ...

И онъ пожалѣлъ о своемъ прежнемъ житьѣ—о житьѣ петербургскаго пролетарія, когда онъ не зналъ, что будетъ ѣсть завтра, когда «перехватывалъ» у знакомыхъ по «рублику» въ долгъ, зябнулъ зимой въ осеннемъ пальто и лазалъ по грязнымъ лѣстницамъ на высоту шестого этажа... А между тѣмъ съ матеріальной точки зрѣнія теперь у него есть положительно все, что только можетъ пожелать «средній человѣкъ», то-есть, человѣкъ его круга. Онъ можетъ протянуть руку и сказать: «Все это—мое!..» У него—прекрасное имѣніе (и даже еще не заложенное), домъ, какъ говорится, полная чаша и въ домѣ теперь «сладко спитъ молодая жена», у него отличное общественное положеніе, въ виду—земская дѣятельность, и при всемъ томъ—досугъ, возможность доставлять себѣ всякій комфортъ, исполнять всѣ свои прихоти...

У него, напримѣръ, была слабость къ иллюстрированнымъ изданіямъ, но Николай Ивановичъ прежде не могъ пріобрѣтать ихъ по безденежью; теперь же онъ можетъ обложиться лучшими заграничными иллюстраціями... Прежде онъ бывалъ не въ состояніи нанять извозчика — какого-нибудь жалкаго Ваньку—и мѣсилъ грязь въ своихъ резиновыхъ калошахъ, а теперь онъ можетъ летать на лихой тройкѣ съ колокольчикомъ, обдавая прохожихъ пылью или грязью, смотря по погодѣ. Прежде онъ долженъ былъ иногда самъ бѣгать за хлѣбомъ въ мелочную лавку или въ булочную, а теперь онъ, лежа на кушеткѣ, беретъ колокольчикъ, звонитъ, — и передъ нимъ моментально является человѣкъ и подаетъ ему со стола, стоящаго отъ него въ трехъ шагахъ, книгу, спички или папиросы... Онъ можетъ лѣниться, сколько ему угодно, и не заботиться о своемъ обѣдѣ. Обѣдъ въ свое время будетъ... Всевозможный разгулъ и самый безшабашный развратъ теперь доступенъ ему... Поѣзжай въ Петербургъ или въ любой изъ большихъ европейскихъ городовъ, тряхни деньгами, не жалѣючи, — кокотки колесомъ заходятъ передъ нимъ и воочію повторятся самыя фантастическія сцены изъ произведеній полусумасшедшаго маркиза де-Сада.

Все это—такъ, все это онъ *можетъ*...

Но гдѣ же довольство своею участью, гдѣ спокойствіе совѣсти? Гдѣ душевный миръ и радость? Счастье гдѣ?... Оно осталось тамъ, позади, въ тѣсныхъ комнаткахъ его петербургской квартиры.

Пестеревъ облокачивается руками на колѣни и опускаетъ голову на руки... Опять ему мерещится знакомая комната, и опять *она* стоитъ передъ нимъ и *ея* явственный шопотъ словно и теперь еще доносится до него откуда-то издалека въ тихомъ шопотѣ листьевъ: «Подожди, милый! Все поправится...»

Господи! Что бы онъ далъ теперь,—только бы возвратить *ее* къ жизни! Что бы онъ далъ теперь за то, чтобы она сидѣла здѣсь, съ нимъ рядомъ — вотъ на этой самой скамьѣ! Онъ, словно, теперь еще слышитъ ея голосъ: «Ахъ! Какъ бы мнѣ хотѣлось когда-нибудь пожить въ деревнѣ!..» Бѣдная! Она не видѣла ничего лучше Парголова!.. Теперь она не оставалась бы одна дома, не спала бы... Она, конечно, въ такую ночь сидѣла бы съ нимъ въ саду, рука объ руку... Все могло бы быть иначе, лучше... Онъ сохранилъ бы Оленьку...

Самые тяжкіе, трудные годы прожила *она* съ нимъ, задыхаясь въ тѣсныхъ каморкахъ, перебиваясь изо дня въ день, экономя на каждомъ кускѣ, на каждой тряпкѣ, терпѣливо вынося его раздражительный характеръ, его мелочныя, ничѣмъ незаслуженныя придирки и воркотню,—и до конца, до послѣдняго часа оставалась она его кроткою, доброю подругой; она скрасила для него тѣ тяжелые годы... И теперь онъ смотритъ на то время, какъ на свой потерянный рай... И какъ страстно, съ какою жгучею душевною болью хотѣлъ бы онъ въ эту минуту воротить прошлое...

«Ой, кабъ Волга-Матушка да вспять побѣжала!
Кабы можно было начать жить сначала!..»

Онъ уже впередъ знаетъ навѣрное, что ждетъ его завтра утромъ. Онъ увидитъ кислое, недовольное лицо жены, услышитъ ея вздохи, упреки, жалобы, опять увидитъ слезы... А будь на ея мѣстѣ *другая*... Сіяющее, свѣтлое личико встрѣтило бы его на утро въ столовой за чайнымъ столомъ и опять, какъ вчера, начался бы для него добрый день... А если бы Оленька могла увидать, что теперь сталось съ нимъ, какимъ онъ сталъ жалкимъ, дряннымъ человѣкомъ...

Да развѣ уже все кончено, развѣ вся жизнь уже прожита? Развѣ нельзя поправить дѣло?.. Хотя въ волосахъ его и пробивается сѣдина, хотя на лбу его прорѣзались морщины, а подъ глазами кожа собирается въ складки, но онъ

еще не старъ: вѣдь ему только съ небольшимъ 40 лѣтъ... Отъ него зависитъ — *многое* передѣлать... «Напримѣръ?» вопрошаетъ тайный, насмѣшливый голосъ. Онъ можетъ, по словамъ писанія, раздать свое имущество и скитальцемъ пойти въ міръ. «Хорошія слова!» нашептываетъ ему непріятный голосъ. «Ничего ты не раздашь и никуда не пойдешь, потому что болѣе всего въ мірѣ ты любишь свою шкуру...»

Съ глухимъ стономъ Пестеревъ поднялся со скамейки, провелъ рукой по разгорячённому лбу и съ тупымъ, безнадежнымъ отчаяніемъ посмотрѣлъ вверхъ. Надъ нимъ вершины деревьевъ уже слегка озарялись первымъ проблескомъ разсвѣта. Изъ-за зелени видна была розовая полоска, горѣвшая на востокѣ. Ночныя тѣни разсѣевались... Проснулась какая-то птичка и чирикала въ кустахъ. Начиналось утро, ведя за собой прелестный лѣтній день. Пестеревъ тяжело вздохнулъ...

Этотъ же день засвѣтится и надъ знакомымъ ему петербургскимъ кладбищемъ и надъ березой, низко склонившей свои вѣтви надъ двумя могилами. Одна изъ этихъ могилъ — большая, другая рядомъ съ ней — маленькая. На могилахъ — бѣлые деревянные кресты, на крестахъ — краткія надписи... Пестеревъ не чувствовалъ, какъ по щекамъ его катились слезы — горькія слезы, выжатыя позднимъ раскаяніемъ, сожалѣніемъ о прошломъ.

Благополучный владѣлецъ сельца Михайловки тихо шелъ по аллеѣ къ дому, словно съ трудомъ волоча свои отяжелѣвшія ноги по песчаной дорожкѣ. И померещилась ему на мгновенье сѣрая, безцвѣтная вереница лѣтъ, ожидающихъ его въ перспективѣ, охота на бекасовъ и тетеревей, сцены съ женой, слезы и вздохи, жизнь безъ свѣта, безъ радости, пустая, безполезная жизнь... а тамъ, въ концѣ, послѣдній смертный часъ — на мягкой постели, въ большомъ барскомъ домѣ. Занавѣсъ падаетъ...

Лѣтняя пора жизни уже осталась вся далеко позади... *Тамъ* осталось все хорошее, тамъ — надежда и силы, тамъ — свѣтъ и блескъ, цвѣты и улыбки... А впереди — одно осеннее ненастье; вѣтеръ шумитъ по опустѣлымъ полямъ; сѣрое небо — надъ головой, грязь — подъ ногами...

Пестеревъ вздрогнулъ и съ поникшей головой подошелъ къ дому...

1888 г.

ВЕСЬ ВѢКЪ — ДЛЯ ДРУГИХЪ.

(БЫЛЬ).

Однажды лѣтомъ я жилъ въ имѣніи своей тетки. Случилось мнѣ какъ-то поздно вечеромъ возвратиться домой изъ поля. Вхожу въ комнату и вижу, что съ теткой сидитъ какой-то старичокъ-крестьянинъ и пьетъ чай. Старичокъ былъ одѣтъ чистенько — въ синемъ армякѣ и подпоясанъ пестрымъ кушакомъ; онъ былъ въ длинныхъ смазныхъ сапогахъ, а на колѣняхъ у него лежалъ картузъ. Его густые волосы съ просѣдью были подстрижены по-деревенски, въ кружокъ, посерединѣ головы раздѣлены проборомъ и приглажены. Этотъ гость меня не удивилъ: къ теткѣ часто захаживали сосѣдніе крестьяне то за лѣкарствомъ, то за книжкой, то по какому-нибудь дѣлу. Мнѣ только странно показалось, что у этого крестьянина нѣтъ ни усовъ, ни бороды. Я еще ни разу не видалъ его у тетки.

Старичокъ сидѣлъ, перекинувъ ногу на ногу, и при входѣ моемъ провелъ рукой по губамъ, какъ бы утираючи усы. Я поклонился ему и подсѣлъ къ самовару. Старикъ повернулъ ко мнѣ свое худое, желтое, морщинистое лицо и добродушно посмотрѣлъ на меня своими кроткими, блѣдно-голубыми глазами.

— Это племянникъ твой: изъ Питера? — тихо спросилъ онъ у тетки и кивнулъ на меня головой.

— Да, племянникъ! — отвѣтила ему тетка.

— Ну, вотъ и доброе дѣло, доброе дѣло... — промолвилъ старикъ. — Деревню не забываетъ, тебя провѣдываетъ... Такъ, такъ!

— А ты, кажется, Настасью-то еще не видалъ? — спросила меня тетка.

— Какую, говорю, Настасью?

— А вотъ эту самую—Настасью Прохоровну!—сказала тетка указывая на старичка.

Удивился я тогда, правду сказать...

— А ты, небойсь, за мужика ее принялъ? —замѣтила тетка и усмѣхнулась.—Многіе, въ первый разъ, ее за мужика признаютъ.

— Не мужикъ я, голубчикъ... а старая дѣвка... — обратилась ко мнѣ Настасья: — только весь вѣкъ, почитай, мужицкую одежу ношу.. Такъ ужъ пришлось!

Я познакомился съ Настасьей, часто видался съ нею и изъ разговоровъ ея и изъ разсказовъ постороннихъ узналъ понемножку всю жизнь этой удивительной старухи, ходившей въ мужицкой одеждѣ...

Родомъ она была изъ деревни Погорѣлова. Послѣ смерти матери въ семьѣ остались съ отцомъ — она, двѣ сестры да маленькій братишка, — только полгода было ему. Настасья была старше всѣхъ; въ ту пору ей было 12 лѣтъ. И сдѣлалась она хозяйкой: содержала избу въ чистотѣ, нянчилась съ маленькими сестрами и съ братишкой, готовила обѣдъ, пекла хлѣбы, обряжала скотину, доила корову, отецъ помогалъ ей только мѣсить хлѣбы да колоть дрова,—на это ея силы еще не хватало. Зато и она иногда помогала отцу: лѣтомъ ходила на поле съ граблями и серпомъ, а зимой ѣздила съ нимъ въ лѣсъ за дровами. Настасья рано также научилась шить: нужда всему научитъ. Настасья обшивала отца и ребятъ...

— Какіе стежки-то у меня сначала выходили—во-о! страсть!—говаривала она мнѣ, вспоминаючи свое трудное дѣтство. — Иной разъ палецъ-то до крови наколешь, а ничего не подѣлаешь... Персты-то у меня въ ту пору были малы, ни одинъ наперстокъ еще не годился... Вотъ зимой, бывало, батюшка, вечеромъ, какъ ребятъ-то спать уложу, а отецъ на печь завалится, за день-то тоже уморится, я зажгу лучину, сяду поближе къ печкѣ, чтобы теплѣе было, да и шишляюсь надъ своей работой...

Иной разъ за полночь сидѣла дѣвочка надъ своимъ шитьемъ; бывало, всю лучину сухую сожжетъ. Сидитъ, бывало, этакъ, а за окномъ то вѣтеръ прошумитъ, то волки за деревней завоютъ, то собаки примутся брехать. И спать ей иной разъ захочется: такъ вотъ головушку-то и клонитъ, ровно она вся у нея отяжелѣетъ. А подумаетъ Настя о ребятахъ, — и весь сонъ стряхнетъ съ себя. Днемъ-то работать ей мало доводилось, некогда... то она — по хозяйству, то съ ребятишками, то куда-нибудь сходить надо. А ночью никто не мѣшаетъ. Ну, и сидитъ-корпитъ: надо же было ребятишекъ одѣть, не голымъ же имъ ползать.

Въ тѣ годы, когда барскія дѣти еще игрушками забавляются, все смотрятъ изъ рукъ старшихъ и нѣтъ у нихъ никакой горькой думушки и печали,—Настя въ ту пору была ужъ заправской хозяйкой, много у нея было заботушки и рѣдко удавалось ей погулять съ подружками.

— Настя, а Настя! бѣжи сюда, поиграемъ!—звали ее, бывало, подружки.

А Настѣ некогда: то, глядишь, сестренки ссорятся изъ-за какого-нибудь прутика, нужно помирить ихъ; то маленькій братишка въ зыбкѣ ротъ широко разѣваетъ, какъ галченокъ, кричитъ во все горло, ѣсть проситъ, а тамъ еще кринки не перемыты, то, гляди, отецъ съ работы воротится—обѣдать запроситъ. Весь день Настя въ работѣ—съ утра и до ночи, да и ночи иной разъ прихватываетъ. Только иногда въ праздникъ, ежели денекъ красный выдастся, выведетъ она сестеръ на улицу, посадитъ братишку у избы на завалинку, а сама съ дѣвочками побѣгаетъ, поиграетъ, пѣсенки попоетъ... Такъ, въ трудѣ, прожила Настя свои дѣтскіе годы.

Отецъ ея однажды въ концѣ зимы ѣздилъ за сѣномъ на дальнюю пустошь и простудился,— захирѣлъ, захирѣлъ и весной померъ.

Тогда Настѣ было 18 лѣтъ. Въ эти годы деревенскія дѣвушки о женихахъ думаютъ, помышляютъ о томъ, какъ бы свить свое собственное гнѣздышко... Настѣ было не до женіховъ. Гнѣздышко у нея уже было свое, родное, семья тоже была, были у нея и «свои» ребята—сестры и братъ. Гнѣздышко у нея—старое, вѣтрами потрепано, — нужно было его уберечь; ребятъ нужно было поднять, вырастить; нужно было хозяйство управить. Деревенскій міръ оставилъ землю за Настасьей, не хотѣлъ обижать дѣвку съ малыми ребятами. А Настасья была дѣвка работящая, сама съ землей управлялась и за душу подать платила исправно: дядя—мужикъ изъ сосѣдней деревни—только весной да осенью приходилъ къ ней на помочь и по два дня пахалъ ея полосу; за то Настасья цѣлую недѣлю, а иной разъ и больше, работала у него на полѣ въ сѣнокосъ и въ жнитво.

Теперь ужъ она сама все хозяйство правила—и въ лѣсъ за дровами ѣздила, и сѣно

по зимамъ возила, и топоромъ работала. Денегъ у нея было мало, да и тѣ малыя деньги Настасья берегла для сестеръ. Думала: «Вотъ ужо выростутъ,—можетъ, замужъ захотятъ, вѣдь не такъ же имъ свой вѣкъ вѣковать, какъ я живу... Пускай порадуются!»

У Настасьи одежа совсѣмъ износилась: нѣтъ ни шубейки, ни сарафана,—все изорвалось, все въ заплатахъ, да и заплаты, наконецъ, разлѣзлись. А послѣ отца всякой одежи осталось: полушубокъ почти новый, армякъ, сукманина, сапоги кожаные, да двѣ пары сапогъ валеныхъ, да двѣ шапки — одна баранья, другая—съ козырькомъ, кожаная, остались рубахи и портки. Подумала-подумала Настасья да и говоритъ сама себѣ:

— Чѣмъ деньги-то тратить, стану-ка я лучше ходить въ тятькиной одежѣ: такъ же вѣдь лежитъ она безъ всякаго проку; а продавать не стоитъ, дешево дадутъ за старое...

Сначала Настасья надѣла полушубокъ и тятькины сапоги,—не совсѣмъ они были впору, да ничего — обойдется! Потомъ, погодя мало, сняла съ себя она и остальную женскую одежу и надѣла мужскую рубаху и штаны, остригла волосы въ кружокъ, какъ дѣлаютъ степенные мужики, и стала носить мужскую шапку. На первыхъ порахъ въ деревнѣ дивились, глядючи на нее, и ребятишки смѣялись надъ нею,—но потомъ привыкли и оставили ее въ покоѣ: дѣвка-то она была ужъ очень хорошая, добрая, ко всѣмъ ласковая—къ старому и малому... А Настасья такъ привыкла къ мужской одежѣ, что ужъ не оставляла ея больше никогда. Когда вся отцовская одежа износилась, она сшила себѣ новую, а къ женскимъ нарядамъ уже не воротилась.

— Такъ-то мнѣ и лучше, вольнѣе! — говаривала она.

При жизни отца Настасьѣ было работы не мало, а теперь стало еще труднѣе, но никому она не жаловалась на свое горькое житьебытье и всегда съ довольнымъ, спокойнымъ лицомъ показывалась она людямъ.

— Какъ ты, Настасьюшка, одна управляешься?—говорили ей иногда.

— А что жъ мнѣ больше и дѣлать-то! — весело отзывалась она.

— Да безъ хозяина-то, говоримъ, вѣдь тебѣ худо!—приставали бабы.

— Чѣмъ худо?.. Сама себѣ хозяйка,—толи дѣло!

Такъ и пошли года,—и прошли года...

Сестеръ Настасья замужъ выдала, брата женила, передала ему избу, землю и все хозяйство въ такомъ порядкѣ, въ какомъ дай Богъ соблюсти любому мужику...

Состарѣлась Настасья, но старость ея была хорошая, здоровая, никому не въ горе и не въ тягость. По лѣтамъ она жила то у той, то у другой сестры, то у брата, помогала имъ управляться съ полевыми работами, няньчилась съ ребятами, а въ дождь да въ досужее время ходила за грибами, за ягодами. Всѣ сосѣдніе лѣса и перелѣски она знала, какъ свои пять пальцевъ; знала мѣста, гдѣ какіе грибы растутъ, гдѣ какія ягоды найти и въ какую пору. Грибы и иныя ягоды—черную смородину, малину, чернику—она сушила и отдавала старикамъ и старушкамъ—одиночкамъ: тѣ по дряхлости ужъ сами не могли ходить въ лѣсъ.

По зимамъ Настасья занималась портняжествомъ; поживетъ недѣлю-двѣ въ одной крестьянской семьѣ, сработаетъ что надо, обошьетъ хозяевъ,—переходитъ въ другую избу, куда позовутъ, потомъ—въ третью и далѣе; такъ она всю зимушку и бродитъ изъ деревни въ деревню и много народу, бывало, она обошьетъ, много починитъ всякаго старья и мужикамъ, и бабамъ, и малымъ ребятамъ. Во всей волости да и дальше знали нашу Настасью-портняжку. Въ иной семьѣ къ ней такъ привыкали, что уговаривали ее остаться на всю зиму.

— Полно тебѣ, старуха, бродить! — говорили ей добрые люди. — Замерзнешь ты когда-нибудь на дорогѣ или занесетъ тебя мятелица... Право! Сидѣла бы у насъ — въ теплѣ... Хлѣбъ-соль у насъ есть, небойсь—не объешь, и мѣста въ избѣ не убудетъ, хватитъ на всѣхъ... И работа, гляди, найдется какая ни на есть... А ежели какой день и безъ работы посидишь—не бѣда. На печкѣ полежи, порасправь свои старыя косточки... Не грѣхъ, бабушка!

— Грѣхъ, голубчики, безъ работы сидѣть... большой грѣхъ, миленькіе мои!—отвѣчала Настасья.—Ни день, ни полдня не надо безъ дѣла сидѣть да на печкѣ валяться! Покуда здоровъ, никакъ нельзя безъ работы... Какъ помрешь, такъ въ тѣ поры успѣешь належаться...

— Поживи хоть немного-то; отдохни!—уговаривали ее хозяева.

— Отдохнула, голубчики, отдохнула... Спасибо! Дай вамъ Богъ здоровья...—говорила

Настасья.—А нельзя мнѣ у васъ оставаться дольше: въ другомъ мѣстѣ меня дожидаются,—и тамъ вѣдь работа есть!

И въ самомъ дѣлѣ она вездѣ была желанной гостьей.

— Ну, спасибо этому дому, пойду къ другому!—говаривала она при прощаньѣ и направлялась дальше.

За работу ее кормили, поили да и деньжонокъ малость давали. Нраву она была смирнаго, кроткаго, всѣмъ она была довольна, всякую похлебку хвалила, за всякую плату говорила хозяевамъ «спасибо». Правду сказать, Настасья работала не такъ чисто и гладко, какъ работаетъ городской портняжка,—такъ вѣдь за то какую и плату она получала! Дай-ка этакую-то плату настоящему городскому портному, онъ на тебя такъ зафыркаетъ, такъ окрысится, что ты и самъ не радъ будешь... Въ деревнѣ красиваго шитья не нужно: нужно, чтобы было крѣпко, прочно. А Настасья умѣла шить крѣпко... Давальцы не могли нахвалиться своей Настасьей-портняжкой, а Настасья всегда была много довольна своими давальцами. Дѣвкамъ приданое да нарядныя платья бабамъ, какія побогаче, шили дорогія портнихи, городскія,—ну, туда имъ и дорога! Настасья наша шила попросту, безъ выкрутасъ, но прочно, крѣпко—и одѣвала, почитай, весь нашъ деревенскій міръ...

Настасья денегъ не копила и носила въ кошолкѣ все свое имущество — кое-какую одежу да портняжій «штрументъ». Иной разъ собирала она за зиму рублей 10—12 и всѣ эти деньги раздавала помаленьку то тому, то другому деревенскому бѣдняку. Родные, бывало, прослышатъ какъ-нибудь стороной про такую раздачу и выговариваютъ ей:

— Ты почто же чужимъ-то раздаешь?.. Лучше бы намъ!

— А вамъ-то для чего? Вы, миленькіе, и такъ живете хорошо, — сыты, одѣты... А у тѣхъ—хлѣбушка нѣтъ!—отвѣчала имъ Настасья.

Иногда люди жалостливые говорили ей:

— Какъ это ты, Настасьюшка, про завтрашній день копѣечку не бережешь? Да развѣ такъ можно жить?

— Можно,—говоритъ,—отчего жъ? Вѣдь видите,—говоритъ,—живу да и хлѣбъ жую, и на все у меня хватаетъ.

— Какъ же такъ? Другимъ отдаешь, а у самой про завтрашній день—ни гроша...

— Завтра день будетъ, самъ добудетъ,—нечего о немъ заботиться!

Иной разъ ей скажутъ:

— Ты бы, Настасья, въ баню сходила,—ужъ давно, чай, не парилась!

— Это, — говоритъ, — ничего! Для чего, голубчики, тѣло-то больно баловать: все одно въ землѣ-то ему гнить...

— Уродится же такой человѣкъ на свѣтѣ!—говорили про нее въ деревняхъ.

А хорошій она была человѣкъ, и всѣ ее любили, и она любила всѣхъ. Особенно же она любила всѣхъ несчастныхъ—сиротъ, уродовъ, дурачковъ, дряхлыхъ покинутыхъ стариковъ и малыхъ ребятъ безпризорныхъ.

— Умнаго, хорошаго да пригожаго полюбить не мудрено... Это не диво!—сказывала Настасья—А ты полюби да приголубь того, отъ кого другіе люди отворачиваются, идутъ въ сторону... Вотъ это—такъ! А хорошему да пригожему и безъ насъ тепло на свѣтѣ...

И Настасья такъ привыкла жить для другихъ, что и подумать не могла, что можно ей жить какъ-нибудь иначе. Она совсѣмъ позабывала о себѣ, и ей даже казалось странно, когда ее спрашивали при встрѣчѣ: «Какъ поживаешь, Настасьюшка?»

Она какъ бы съ удивленіемъ озиралась по сторонамъ, проводила, по привычкѣ, рукой по волосамъ и говорила:

— А что мнѣ дѣлается? Живу!..

«Живу—и слава Богу!» Вотъ тебѣ и весь ея сказъ и разсказъ про себя. Ей даже странно казалось хотя минуту подумать о томъ, каково она живетъ...

Когда я въ первый разъ увидѣлъ Настасью, ей было уже за 60 лѣтъ. У сестеръ ея дочери были уже давно замужемъ, да и у нихъ уже ребята народились; у брата тоже семья была не малая... И добрые люди иной разъ говорили имъ:

— Ну, ежели бы не тетка Настасья, не живать бы вамъ на бѣломъ свѣтѣ! Вѣдь она и матерей-то вашихъ выходила, выкормила, безъ нея пропали бы онѣ, какъ щенки... И вамъ не бывать бы у насъ на Погорѣловѣ.

Въ прошлую зиму Настасья что-то занемогла, захирѣла, стала приваливаться на лавку. Незадолго передъ Свѣтлымъ праздникомъ она совсѣмъ слегла, но лежала не долго—дня два—и никому не успѣла надоѣсть. Лежала она у одной изъ своихъ племянницъ; сестры и братъ провѣдывали ее...

Весь послѣдній день она молчала и лежала

съ закрытыми глазами, какъ бы въ забытьѣ, и вдругъ уже вечеромъ—передъ самымъ заходомъ солнца—какъ будто она пришла въ себя и тихо проговорила:

— Вотъ и смерть пришла!

Вздохнула и посмотрѣла въ окно—на яркое весеннее солнышко.

Кто-то изъ домашнихъ услыхалъ ея слова, подошелъ къ ней и говоритъ:

— Полно, бабушка... Еще поживешь!

— Нѣтъ родимые!—промолвила она еще тише.—Будетъ!.. Пожито, поработала... а теперь на покой.

И въ самомъ дѣлѣ, какъ бы съ устатку, она протянула на лавкѣ свои худыя костлявыя руки, и опять вздохнула...

— Старье-то мое отдайте Ниловнѣ...—погодя мало, заговорила она. — Трудно ей, бѣдной... Армякъ-то синій Трофиму отдайте... армякъ то-еще живетъ... а меня-то въ гробъ въ чемъ ни на есть положите... не взыщутъ!

— Да что ты, бабушка, торопишься! Поживи!—говорили ей.

Старуха молчала и долго смотрѣла на красное солнышко... Ужъ только одинъ красшекъ солнца видѣнъ былъ ей изъ-за сосѣдней соломенной крыши,—и она не сводитъ съ него потухающихъ глазъ.

— А жаворонокъ, поди, поетъ теперь въ полѣ?—тихо спросила она.

— Какъ же, бабушка! поетъ... — отвѣчали ей.

— И пускай... Людямъ любо, какъ поетъ онъ...—молвила старуха.

Солнышко зашло за крышу, но небо надъ крышей было еще свѣтло...

— Простите, родимые... простите всѣ...—шептала Настасья своими сухими поблѣднѣвшими губами.

Солнце закатилось; умерла Настасья.

Всѣ плакали по ней—старый и малый,—мужики плакали... И подумалъ я про себя: «А хорошо, кто послѣ смерти оставитъ такую добрую память, какую оставила по себѣ эта старуха!»

ВЕРЕТЬЕВЪ.

ОЧЕРКЪ.

I.

«Хорошо бы теперь очутиться въ тѣни, въ прохладной комнатѣ!» думалъ Синявинъ, полузакрывъ глаза и прислонившись спиной къ задку телѣги. Иногда на нѣсколько мгновеній онъ впадалъ въ какую-то тяжелую полудремоту, но тряска и толчки скоро возвращали его къ дѣйствительности,—и ему, какъ сквозь сонъ, мерещилась на облучкѣ покачивавшаяся фигура ямщика въ розовой рубахѣ, въ рваной шапкѣ набекрень, и пара тощихъ, жалкихъ клячъ, бѣжавшихъ мелкою рысью по выжженной степи, подъ пылью и зноемъ лѣтняго дня...

Іюньское солнце жгло немилосердно, — и Синявинъ чувствовалъ, какъ тягостная истома все пуще и пуще одолѣвала его. И подъ солнечнымъ зноемъ и пылью онъ продолжалъ мечтать о тѣнистомъ, прохладномъ убѣжищѣ... Отъ станціи желѣзной дороги до Тимохина—усадьбы его пріятеля — было не болѣе 30 верстъ, но послѣднія версты этого степнаго пути показались ему томительно долгими.

Наконецъ, черезъ часъ, его мечты сбылись воочію. Синявинъ сидѣлъ въ покойномъ креслѣ, въ большой прохладной комнатѣ; балконъ и окна были растворены настежъ и въ нихъ изъ сада волнами вливался ароматъ цвѣтовъ и травъ.

— Ну, Григорій Петровичъ! Каково живешь?—спрашивалъ онъ пріятеля, съ великимъ наслажденіемъ развалившись въ глубокомъ креслѣ.

— Какъ видишь! Благораствореніе воздуховъ земныхъ и времена мирныя... Только одно худо: хлѣбъ съ рукъ нейдетъ, а поэтому сидимъ безъ денегъ... — съ усмѣшкой отвѣчалъ хозяинъ, сидя по другую сторону стола и отмахиваясь платкомъ отъ мухъ. — Ну, а ты?.. Читалъ я, братъ, недавно твои этнографическія статьи... А теперь что подѣлываешь?

— Да вотъ опять собралъ массу матеріала и буду здѣсь работать...

— Ужъ сейчасъ и работать! Удивительно: какіе вы всѣ жадные на работу... Ахъ, что же это!—спохватился хозяинъ.—«Ядъ!» Самоваръ... Живо!

«Ядъ»—при крещеніи Іоадъ—былъ глуповатый парень, здоровый и сильный, какъ та черноземная почва, на которой онъ выросъ, въ комнатахъ неуклюжій и неповоротливый, а въ людской и на дворѣ, съ дѣвками,—малый весьма ловкій и догадливый.

Немного погодя, Ядъ въ бѣлыхъ нитяныхъ перчаткахъ, въ громыхающихъ сапожищахъ и въ сюртукѣ, сидѣвшемъ на немъ, какъ на коровѣ сѣдло, явился съ самоваромъ, и пріятели за стаканами чая повели тихую бесѣду. Они не видались четыре года...

Григорій Петровичъ Веретьевъ, благополучный владѣлецъ сельца Тимохина, былъ мужчина лѣтъ 35, блондинъ высокаго роста, довольно полный, широкоплечій, коренастый,—однимъ словомъ, типъ здороваго и сильнаго деревенскаго человѣка, не умирающаго надъ кабинетной работой и не проводящаго ночей за картами или въ обществѣ кокотокъ. Смотря на его большую фигуру и на крупныя черты лица, можно было заключить, что природа, создавая Веретьева, надѣлила его большимъ запасомъ силъ, но не потрудилась тщательнѣе обдѣлать детали его наружности. Его загорѣлое лицо съ довольно большимъ носомъ, съ толстыми губами и широкимъ подбородкомъ, было самое обыкновенное, заурядное лицо: сѣрые глаза его простодушно и спокойно смотрѣли на міръ. Слыша его ровную рѣчь и громкій задушевный смѣхъ, видя открытую улыбку, освѣщавшую все его лицо, всякій подумалъ бы, что «проклятые вопросы» не заставляли его болѣть и не мѣшали пищеваренію. Разговоръ его отличался откровенностью и прямотой; манеры были грубоваты... Лѣтомъ онъ носилъ сѣрую тужурку, сѣрые штаны и бѣлую фуражку.

Веретьевъ былъ человѣкомъ довольно образованнымъ, начитаннымъ и порядочнымъ сельскимъ хозяиномъ, не жестокимъ, но въ то же время и не простофилей; при случаѣ онъ оказывался щедрымъ, и когда нужно — умѣлъ быть скупымъ.

Онъ также любилъ садоводство и кое-что смыслилъ въ немъ. Садъ у него былъ большой, прадѣдовскій, съ темными аллеями, но теперь стоялъ на половину запущенный и только часть его, прилегавшая къ дому, содержалась въ чистотѣ и порядкѣ.

— Нашимъ дѣдамъ можно было заводить и содержать въ исправности такіе сады... Рабочія-то руки у нихъ были даровыя!—говаривалъ Веретьевъ. — А намъ поддерживать ихъ затѣи не подъ силу, когда хлѣбъ продаешь по 27 коп. пудъ, а шерсть едва добиваешь до 8 рублей... Держу садовника и при немъ еще мальчика,—и за то слава Богу...

Передъ балкономъ былъ со вкусомъ разбитъ цвѣтникъ; тутъ расли кусты жасмина, пестрѣли георгины, флоксы, циніи, бѣлыя и алыя розы, настурціи и разные мелкіе цвѣточки, изъ которыхъ иные, какъ, напримѣръ, гвоздика и анютины глазки—представляли изумительное разнообразіе колеровъ и рисунковъ. Дорожки по близости дома были усыпаны пескомъ и зелень по краямъ ихъ тщательно подстрижена, но чѣмъ дальше отъ барскаго дома, тѣмъ садъ становился глуше, дорожки проростали травой, а въ аллеяхъ, между деревьями изъ высокихъ травъ и кустовъ, образовалась сплошная заросль.

Домъ въ Тимохинѣ былъ большой и очень старый; вѣтеръ его продувалъ, а зимой морозъ прохватывалъ насквозь. Три комнаты—столовую, спальню и кабинетъ—Веретьевъ поправилъ, сдѣлалъ теплыми и удобными для зимняго житья, а всѣ остальныя комнаты на зиму запирались и изрѣдка протапливались.

Веретьевъ — главное дѣйствующее лицо моего правдиваго повѣствованія, и поэтому нельзя будетъ счесть за отступленіе тѣ строки, которыя я посвящу разсказу объ его дѣятельности... Не могу сказать, чтобы Григорій Петровичъ занимался сельскимъ хозяйствомъ съ особенной любовью, но, во всякомъ случаѣ, онъ занимался имъ прилежно, и сельскохозяйственное дѣло, повидимому, наполняло всю его жизнь. Веретьевъ занимался имъ прямо, какъ хлѣбнымъ дѣломъ, доставлявшимъ ему средства къ жизни, и отчасти — уже въ силу привычки. Онъ не разсчитывалъ нажить милліонъ на земледѣліи и велъ дѣло безъ риска: сѣялъ пшеницу, рожь, овесъ, гречиху, просо и коноплю и держалъ овецъ. У него былъ небольшой запасный капиталецъ; онъ могъ не бросаться на шею къ первому встрѣчному покупателю-кулаку, могъ выжидать. Онъ не чуждался новшествъ, но и не увлекался ими, постоянно памятуя, что онъ хозяйничаетъ въ Россіи, а не въ какомъ-нибудь

тридесятомъ царствѣ. Изъ машинъ у него была, кромѣ вѣялки, только одна конная молотилка; да и то, если погода благопріятствовала, онъ часто молотилъ цѣпами подъ открытымъ небомъ. Веретьевъ иногда (не «изъ принципа», а просто вслѣдствіе потребности физическаго труда) самъ косилъ и ходилъ за плугомъ, поднимая новь. Онъ съ удовольствіемъ бывалъ въ полѣ, въ степи, въ лѣсу—и не для того только, чтобы наблюдать за рабочими... Ему было пріятно смотрѣть на колосистую рожь, золотившуюся подъ солнечными лучами, отрадно было видѣть зеленый лугъ и степь, покрытую весенними цвѣтами. Веретьевъ полюбилъ природу, живя съ нею лицомъ къ лицу, и любилъ ее здоровою любовью, а не такъ, какъ любятъ ее нѣкоторые городскіе жители, ахающіе передъ пейзажами Куинджи.

Веретьевъ велъ жизнь дѣятельную: вставалъ съ солнышкомъ, ѣздилъ въ поле или въ степь на работы; послѣ ранняго деревенскаго обѣда, съ часъ отдыхалъ, сначала читая газету, а затѣмъ опуская ее себѣ на лицо и прикрываясь ею отъ мухъ, какъ простыней; потомъ опять отправлялся на работы или рылся въ саду, столярничалъ, изрѣдка ходилъ на охоту, а вечеромъ—за чаемъ, пока простывалъ стаканъ, любилъ почитать журналъ или какую-нибудь толковую книгу по сельскому хозяйству или садоводству, и ко всему прочитанному — будь то романъ или научная статья—относился строго критически; въ десять часовъ регулярно ложился спать, за исключеніемъ лишь экстренныхъ случаевъ, въ родѣ, напримѣръ, пріѣзда Синявина.

Пріятели составляли между собой живой контрастъ: одинъ былъ человѣкъ топорной работы, сильный, кряжистый, походившій на переодѣтаго крестьянина, а другой—средняго роста, брюнетъ, лѣтъ 32, изящной наружности, нѣсколько худощавый, но стройный, съ интеллигентнымъ лицомъ, съ темными задумчивыми глазами,—напоминалъ собой скорѣе художника-поэта, чѣмъ писателя-этнографа и экономиста. Жизнь и характеры этихъ людей составляли столь же рѣзкій контрастъ, какъ и ихъ наружность.

Веретьевъ казался человѣкомъ уравновѣшеннымъ, довольнымъ самимъ собой; его рѣчь и манеры дышали спокойствіемъ и самоувѣренностью человѣка, видящаго передъ собой свой путь, знающаго: что ему завтра надо дѣлать. Синявинъ, напротивъ, жилъ тревожною лихорадочною жизнью, жизнью нервовъ, жизнью—полною вопросовъ, загадокъ, треволненій. Веретьевъ имѣлъ дѣло съ предметами вполнѣ для него ясными и реальными—съ землей, со своими рабочими. Синявинъ жилъ напряженнымъ умственнымъ трудомъ, посреди книгъ и газетъ, отрываясь отъ нихъ лишь для непосредственнаго наблюденія надъ общественнымъ настроеніемъ минуты, и виталъ иногда въ мірѣ призраковъ и грезъ. Тотъ пульсъ, что чувствовался въ каждомъ общественномъ индивидуумѣ, бился въ Синявинѣ съ удвоенною силой и энергіей.

И у Веретьева, конечно, были свои тревоги: съ ранней весны и до осени, пока хлѣбъ не былъ убранъ, онъ съ безпокойствомъ слѣдилъ за направленіемъ вѣтра, за каждымъ темнымъ облакомъ, за каждой подозрительной тучей съ бѣлесоватыми краями, поднимавшейся надъ землей... Понятно, что засуха, дожди не во время, холодъ, градъ, іюльская «мгла» могли разомъ обратить въ нуль труды цѣлаго года. Но сравнительно онъ былъ спокоенъ, былъ свободенъ отъ тѣхъ, иногда мелочныхъ волненій, какія испытываются городской интеллигенціей. Горечь злобы дня, отравлявшая существованіе петербуржцу или москвичу, заставлявшая ихъ захлебываться, расплескивалась по дорогѣ, испарялась и, дойдя до Тимохина, утрачивала значительную долю своего ѣдкаго специфическаго букета. Переводъ Ивана Петровича на мѣсто Петра Ивановича, какой-нибудь фактъ общественнаго недомыслія, наглая выходка какого-нибудь жалкаго писаки, какъ событія «изъ ряда вонъ», волновали иныхъ петербуржцевъ или москвичей до глубины души, заставляли ихъ негодовать и почти отчаяваться за будущія судьбы отечества, а тамъ, гдѣ—

«Лишь вѣтеръ не даетъ покою
Вершинамъ придорожныхъ ивъ
И выгибаются дугою,
Цѣлуясь съ матерью-землею,
Колосья безконечныхъ нивъ»,

—тамъ, вслѣдствіе, можетъ быть, широкаго деревенскаго горизонта, всѣ эти «событія дня» казались весьма обыкновенными или даже ничтожными «случаями», и Веретьеву они представлялись въ такихъ незначительныхъ размѣрахъ, какъ будто бы онъ смотрѣлъ на нихъ изъ своего Тимохина въ уменьшительное стекло.

Не смотря на то, что Веретьевъ и Синявинъ были людьми двухъ отдѣльныхъ міровъ,

не смотря на различіе ихъ душевныхъ и физическихъ качествъ или, вѣрнѣе, именно въ силу того психологическаго закона, по которому контрасты сближаются,—эти два человѣка уже давно, почти со школьной скамьи, сошлись на дружескую ногу и отлично понимали другъ друга. Правда, равнодушіе Веретьева иногда казалось Синявину тупостью, а слишкомъ большую нервозность Синявина помѣщикъ называлъ «развинченностью»; правда также, что они нерѣдко пикировались и острили другъ надъ другомъ — по поговоркѣ: «милые бранятся, только тѣшатся»; но они искренно уважали и любили другъ друга, и каждый изъ нихъ, въ случаѣ нужды, сталъ бы за другого горой и началъ бы горячо защищать его...

Повѣствованіе мое будетъ правдиво и трогательно. Но, желая быть насколько возможно добросовѣстнымъ, я не стану вводить читателя въ заблужденіе и поэтому въ концѣ первой же главы долженъ предупредить его, что если ему нужно «занимательное» чтеніе съ героями, съ любовными интригами, съ уголовщиной или со спиритической чертовщиной, то пусть бы онъ не углублялся далѣе въ мое повѣствованіе, а обратился къ тѣмъ увеселительнымъ романистамъ и романисткамъ, которые взялись спеціально поставлять для него беллетристическія произведенія, приправленныя если не кайенскимъ, то, по крайней мѣрѣ, обыкновеннымъ — такъ называемымъ стручковымъ — перцемъ.

II.

Вечеромъ же, въ день пріѣзда, Синявинъ объявилъ хозяину, что, отдохнувъ съ дороги дня два-три, онъ намѣренъ приняться за работу.

— Уже? — протянулъ Веретьевъ, посмотрѣвъ на пріятеля.—Лучше, братъ, отдохни хорошенько! Посмотри, на что ты похожъ! Худой да желтый, — вѣдь взглянуть не на что... А какъ отдохнешь, — и работа скорѣе пойдетъ... Нечего головой-то качать, вѣрно тебѣ говорю. Не будь у насъ основательной зимней спячки, едва-ли мы могли бы съ такимъ азартомъ работать все лѣто—съ пѣтуховъ и до поздней зари. Отдыхъ необходимъ...

— Старая истина!—замѣтилъ Синявинъ.

— А вы, умственные работники, этой старой истины знать не хотите... какъ лошадь съ непосильнымъ грузомъ, прете въ гору, надсаживаетесь, и ничего путнаго у васъ не выходитъ... Вонъ еще новое слово въ литературный обиходъ пустили: «прострація»... Подумаешь—и нивѣсть что! А по нашему, просто, человѣкъ надорвался... Вы за работой точно въ перегонки играете. И чертъ знаетъ, куда вы торопитесь! Какъ будто кто-нибудь васъ въ-зашей толкаетъ, не даетъ вамъ остановиться... Вонъ вы чтите великихъ писателей... да и по дѣломъ! Вѣдь вы передъ ними — какіе-то жалкіе недоноски... У васъ «тяпъ-ляпъ и корабль», въ сутки готово, такъ зато же ваши корабли дольше сутокъ и не живутъ. Великіе люди, создавшіе безсмертныя произведенія, я думаю, были не меньше васъ трудолюбивы, но они не гнали свою работу, сломя голову, давали себѣ возможность одуматься...

— Ну, что жъ говорить о нихъ! — перебилъ Синявинъ.—То—люди могучаго ума...

— И для сильнаго ума нуженъ отдыхъ!— возразилъ Веретьевъ. — А для силъ посредственныхъ нужно еще больше отдыха... А вы запряжетесь, да, не справившись съ силами, —и ну валять! Мозгъ утомляется, перестаетъ работать, вы его насилуете, работаете по ночамъ, день превращаете въ ночь... Вы не донашиваете ни своихъ мыслей, ни чувствъ, и выкидываете ихъ на бумагу, какъ ни попало. Изъ ничего не выходитъ ничего... Ваши литературныя произведенія — не продуктъ здороваго, спокойнаго ума, но лихорадочно-тревожнаго нервнаго возбужденія. Весь вашъ творческій процессъ—чисто патологическаго характера... Вы много толкуете о гигіенѣ, о раціональныхъ условіяхъ жизни, а сами, между тѣмъ, идете наперекоръ всѣмъ раціональнымъ требованіямъ...

— Да я вовсе не утруждаю себя.... Съ чего ты на меня напустился!—заговорилъ Синявинъ.—А насчетъ нашей торопливости скажу тебѣ: нынче вѣкъ такой, что все дѣлается къ спѣху. Люди ѣздятъ по 40-по 50 верстъ въ часъ, да и то кажется еще тихо,—желали бы верстъ по сту летать. Книги пишутся наспѣхъ, и ихъ не читаютъ, а пробѣгаютъ—также, какъ смотрятъ вскользь изъ окна вагона на ландшафтъ, мелькающіе мимо. Всѣ торопятся жить... даже дѣти торопятся расти. Нынче, говорятъ, дѣтей нѣтъ...

«Und mancher ist im zwölften Jahr
Fast klüger als sein Vater war,
Da er die Mutter nahm..»

Всѣ торопятся и никому не охота отстать отъ

толпы. Остановись,—тебя сейчасъ же съ ногъ собьютъ, затопчутъ, раздавятъ... Нельзя, братъ, останавливаться! задніе ряды напираютъ, а съ боку рядомъ идущіе тебя невольно увлекаютъ впередъ. Иди или исчезай, стушевывайся! Да еслибы даже и можно было остановиться, то вѣдь ты знаешь, что̀ бываетъ съ отсталыми на войнѣ, въ походѣ, когда войско идетъ форсированнымъ маршемъ... Такихъ отсталыхъ покидаютъ на произволъ судьбы, на холодъ и голодъ, въ добычу мародерамъ, хищнымъ птицамъ и волкамъ...

— Вздоръ!—проворчалъ Веретьевъ.—Ты все это говоришь аллегоріями... Нѣтъ, ты прямо скажи: что *тебѣ* мѣшаетъ отдохнуть во время?

— Мѣшаетъ мысль о томъ, что работы слишкомъ много, такъ много, что ее во всю жизнь не передѣлать...

— Вотъ, по моему, еще причина, почему не должно торопиться!

— Ты думаешь такъ, а я смотрю иначе!—возражалъ Синявинъ.—Чѣмъ меньше остается времени въ моемъ распоряженіи, тѣмъ болѣе я долженъ дорожить имъ.

— Изволь!—согласился Веретьевъ.—Стану и на твою точку зрѣнія и все-таки скажу, что ты поступаешь не экономно... Отдохнувъ, въ часъ ты сдѣлаешь столько, сколько тебѣ не наработать въ три часа съ усталой головой...

Убѣдился-ли Синявинъ доводами своего пріятеля, поддался-ли очарованію прелестныхъ лѣтнихъ дней,—я ужъ не знаю,—но, какъ бы то ни было, онъ цѣлую недѣлю не принимался за работу, бродилъ по саду, ходилъ съ Веретьевымъ въ поле, въ степь, заходилъ въ лѣсъ и тамъ подолгу лежалъ въ тѣни зеленыхъ молодыхъ дубовъ, любуясь на ихъ красивый листъ, отчетливо рисовавшійся на фонѣ голубаго неба.

«Счастливая натура!» почти съ завистью раздумывалъ онъ о Веретьевѣ. «Здоровый, уравновѣшенный человѣкъ! Такихъ субъектовъ не встрѣтишь въ нашихъ большихъ городахъ... Его не скоро выбьешь изъ колеи. Онъ дѣлаетъ свое дѣло, и доволенъ... Мнѣ кажется, если подольше здѣсь пожить съ нимъ, такъ и самъ сдѣлаешься спокойнѣе, трезвѣе посмотришь на міръ... Здѣсь глазъ и слухъ, и мысль отдыхаютъ,—и чувствуешь, какъ съ каждымъ днемъ набираешься новыхъ силъ. Теперь я понимаю: почему онъ такой бодрый, свѣжій и невозмутимо спокойный»...

Люди склонны дѣлать поспѣшные выводы и поэтому часто ошибаются.

Однажды Синявинъ засталъ хозяина на балконѣ въ самое неурочное время—часовъ въ 11 вечера, когда онъ, по обыкновенію, уже уходилъ на покой. Веретьевъ сидѣлъ въ креслѣ и, облокотившись на балконныя перила, курилъ трубку. Дверь изъ гостиной на балконъ была растворена настежъ. Въ гостиной, на передиванномъ столѣ, горѣла лампа подъ зеленымъ абажуромъ и, вмѣстѣ со столомъ и съ частью полутемной комнаты, отражалась въ зеркалѣ, висѣвшемъ надъ диваномъ.

— Ты еще не въ постели!—съ удивленіемъ замѣтилъ Синявинъ.

— Да! Что-то не спится...—глухимъ голосомъ отозвался хозяинъ.

— А зачѣмъ же тутъ лампа? Я погашу ее!—продолжалъ Синявинъ.

— Пожалуй, гаси!—безучастно промолвилъ Веретьевъ.

Синявинъ, потушивъ лампу, вышелъ на балконъ, присѣлъ бокомъ на перила и, прислонившись къ одной изъ сѣрыхъ деревянныхъ колоннъ, поддерживавшихъ балконный навѣсъ, посмотрѣлъ на хозяина. Его холодный, отрывистый тонъ поразилъ Синявина, привыкшаго слышать его веселый, добродушно-насмѣшливый голосъ... Полный мѣсяцъ, высоко поднявшійся надъ садомъ, свѣтилъ прямо въ лицо Веретьеву. «Чѣмъ-нибудь, видно, разстроенъ!» подумалъ пріятель, замѣтивъ его сдвинутыя брови и затуманившійся взглядъ.

— А вставать тебѣ надо рано... пожалуй, не выспишься!—заговорилъ онъ, поглядывая на Веретьева.

— Ничего... успѣю!—разсѣянно пробормоталъ тотъ, нажимая пальцемъ горячій пепелъ въ трубкѣ.

Минуты двѣ-три длилось молчаніе. Какая-то ночная птичка запѣвала въ кустахъ... Пахло розой и жасминомъ... Лунный свѣтъ посеребрилъ тополи и старый вязъ, и цвѣтникъ передъ балкономъ, и степную даль, смутно виднѣвшуюся за садомъ.

— А ну его — къ чорту!.. — раздражительно, съ чуть слышнымъ стономъ заговорилъ Веретьевъ, перекидывая ногу на ногу.— Бросить все это хозяйство, продать... наплевать на все!

Подобныя рѣчи показались до того странны и необычны въ устахъ пріятеля, что Синявинъ внимательно посмотрѣлъ на его недовольное,

помрачившееся лицо. Это было совсѣмъ не то лицо, какое онъ зналъ и привыкъ видѣть: то было лицо такое бодрое, открытое, а теперь сидѣлъ передъ нимъ человѣкъ недовольный, темнѣе тучи. «Что съ нимъ? Видно, не на шутку захандрилъ»... подумалъ Синявинъ. «Вотъ оно что! Такъ, значитъ, и *онъ* отъ хандры не ушелъ»...

— Что ты такое говоришь? —сказалъ онъ вслухъ!—Бросить хозяйство—твое любимое дѣло... Богъ знаетъ, что такое!

— Ну, да... бросить все и съ глазъ долой! сердито отозвался хозяинъ.

— Тебя, видно, что-нибудь разстроило?— спросилъ Синявинъ.

— Вздоръ! Тамъ... съ мужиками... да дѣло не въ томъ!—съ жаромъ заговорилъ Григорій Петровичъ, словно его прорвало.—Ну, для какого дьявола мнѣ хозяйничать?.. Вотъ теперь, если оцѣнить мое имѣнье, то у меня въ рукахъ окажется, приблизительно, около 100 тысячъ... Ну, куда мнѣ ихъ? Изъ-за чего мнѣ биться? Какого мнѣ рожна надо?

— Ты развиваешь культуру, увеличиваешь производительность земли, умножаешь на землѣ жизнь—и благо тебѣ!—поучительнымъ тономъ замѣтилъ Синявинъ.

— Расписалъ отлично!—съ усмѣшкой перебилъ его Григорій Петровичъ. — Чужую бѣду руками разведу... Гм! развиваю культуру... А на какой шутъ она мнѣ? Пойми, дружище... для чего мнѣ работать-то?.. Для кого?.. Теперь, правда, мнѣ немножко не по себѣ... но, знаешь, и въ спокойныя минуты— иной разъ ходишь-ходишь одинъ по этому пустому дому, заглянешь въ ту комнату, въ другую — одурь возьметъ... Спрашивается: для чего живетъ человѣкъ?.. Сто тысячъ! Куда мнѣ такія деньги? Не будь у меня ихъ, я также могъ бы работать, да еще, пожалуй, лучше бы работалъ, съ бо́льшей пріятностью и энергіей, также бы и здоровъ былъ, да еще, пожалуй, здоровѣе... А теперь, вонъ, то «печень», то «нервы», то еще что-нибудь, — лѣшій ихъ тамъ разберетъ... Тогда, небось, и нервы пришли бы въ порядокъ, и печень дѣлала бы исправно свое дѣло. А главное— только тогда бы я узналъ: что я дѣлаю, для чего и для кого работаю, для чего на свѣтѣ живу... Тогда, пожалуй, я могъ бы и счастливымъ быть!

Не часто Веретьеву приходилось за разъ говорить такую длинную рѣчь. Онъ не любилъ много говорить, въ особенности о себѣ, а ужъ если заговорилъ, то, значитъ, потребность общенія доняла его въ конецъ. Синявинъ съ удивленіемъ смотрѣлъ на пріятеля. Въ его лицѣ, озаренномъ на ту пору блѣднымъ мѣсячнымъ свѣтомъ, выражалось какое-то мучительно-тревожное чувство, и его глаза, какъ у загнаннаго звѣря, съ томительной тоской смотрѣли въ даль.

— Это, кажется, зовется «исканіемъ правды!»—замѣтилъ Синявинъ, стараясь какъ-нибудь разговорить и поразвлечь Веретьева.

— Не смѣйся, братъ... — возразилъ ему тотъ.—Тяжело жить для одной утробы... Ты не смотри на то, что мы нынче стали такіе молчаливые! Многіе изъ насъ ищутъ этой самой *правды* (искали ее, конечно, и прежде), ищутъ втихомолку, про себя, идутъ враздробь,—и горе наше въ томъ, что нѣтъ такого Христа, который собралъ бы всѣхъ насъ и соединилъ на чемъ-нибудь... Многіе ищутъ и не находятъ, и снова терпѣливо ищутъ, а иные, ничего не найдя, машутъ рукой и хотятъ уже только одного забвенія. Но не всѣ могутъ довольствоваться забвеніемъ. Мнѣ, напримѣръ, его и даромъ не надо.. Забвеніе! Это, значитъ,—пьянство, кутежъ, картежная игра, женщины... Хорошо забвеніе—нечего сказать! Конечно, короткую память и водка зальетъ, и азартная игра заглушитъ, и женщина похоронитъ въ своихъ объятіяхъ... Это такъ! Но такимъ дешевымъ, подлымъ способомъ не всякій можетъ купить себѣ забвеніе!

— Ты говоришь: нѣтъ Христа, но вѣдь зато есть его послѣдователи...—сказалъ Синявинъ, вставая съ перилъ и прохаживаясь по скрипучимъ половицамъ балкона.—Отдай деньги на доброе дѣло... ну, хоть не все, хоть половину... Вотъ совѣсть твоя и успокоится.

— Гм! Ты думаешь?—съ усмѣшкой проворчалъ Веретьевъ, также вставая съ кресла и подходя къ двери.—Отдать половину! Все это — не то... Ну, положимъ, я деньги отдамъ... деньги! А самъ-то, самъ-то я куда дѣнусь, куда пристрою себя?.. Я слышалъ, что одинъ князь или графъ роздалъ все свое имущество, поселился въ избѣ, а теперь, говорятъ, съ тоски помираетъ... человѣкъ видитъ, что не туда шелъ.

Синявинъ промолчалъ.

Пріятели на минуту остановились въ дверяхъ и посмотрѣли на темнѣвшій садъ, посеребренный мѣсячнымъ сіяніемъ. Птичка замолкла въ кустахъ. Цвѣты поникли голов-

ками и смутно виднѣлись изъ-за зелени въ голубоватомъ фантастическомъ освѣщеніи.

— Какъ хорошо! Какъ тихо теперь на землѣ! — мечтательно промолвилъ Синявинъ, смотря на садъ и на ясное небо, все горѣвшее огнями.

Веретьевъ вздохнулъ,—и губы его слегка дрогнули, словно, онъ съ трудомъ удерживался отъ слезъ. Его не радовала и не прельщала картина южной ночи, на которую любовался его заѣзжій другъ. Они пожали другъ другу руки и, молча, разошлись по своимъ комнатамъ.

III.

«Но счастья нѣтъ и между вами,
Природы бѣдные сыны!—
И подъ избранными шатрами
Живутъ мучительные сны;
И ваши сѣни кочевыя
Въ пустыняхъ не спаслись отъ бѣдъ,
И всюду—страсти роковыя,
И отъ судебъ защиты нѣтъ...»

повторялъ про себя Синявинъ слова поэта, идя въ свою комнату. Онъ былъ рѣшительно ошеломленъ происшедшимъ разговоромъ. Веретьева-ли онъ слышалъ въ этотъ вечеръ? Веретьева-ли онъ видѣлъ передъ собой?

Оказывалось, что и подъ мирнымъ тимохинскимъ кровомъ «живутъ мучительные сны», что и Веретьевъ,—эта простая, непосредственная натура, человѣкъ, ведшій такую дѣятельную жизнь и, повидимому, остававшійся вполнѣ довольнымъ ею, — порой поддавался припадкамъ того же душевнаго недуга, какимъ страдали и болѣе чувствительные, болѣе воспріимчивые люди его времени. Синявинъ считалъ этотъ душевный недугъ одною изъ «привилегій» городской жизни, и теперь видѣлъ, что онъ ошибался...

Нѣкоторые довольно неопредѣленно зовутъ этотъ недугъ нервозностью, болѣзнью воли; другіе зовутъ его болѣзнью печени, а иные—просто хандрой. Въ сущности же, въ этомъ недугѣ сливается не одно, но нѣсколько тягостныхъ болѣзненныхъ ощущеній, — и современный человѣкъ, одержимый этимъ сильно распространеннымъ недугомъ, чувствуетъ себя какъ бы сбившимся съ дороги, очутившимся въ глухой пустынѣ,—и самъ не знаетъ: куда идти, что дѣлать, къ чему себя пріурочить? *Старый* путь оказывается кольцеобразнымъ: идя по этому пути, человѣкъ возвращается къ тому же пункту, откуда отправился. А новый путь—гдѣ?.. Подъ видомъ этого недуга, человѣка мучатъ угрызенія совѣсти, тоска и недовольство; онъ чувствуетъ потребность — помимо житейскихъ домашнихъ дѣлъ и дѣлишекъ — найти настоящее дѣло, сыскать правду и праведную жизнь. Не каждый можетъ ясно высказать свое тяжелое душевное состояніе, даже не каждый отчетливо сознаетъ его, и поэтому современный человѣкъ всего чаще ограничивается словами: «хандра», «печень», «нервы», хотя эти слова, подвертывающіяся ему подъ руку, также какъ и всякія страшныя слова, въ родѣ «металлъ» и «жупелъ», ровнехонько ничего не объясняютъ....

Непосредственными, видимыми причинами, нарушавшими нравственное равновѣсіе Веретьева, бывали обыкновенно: открытый имъ нечаянно какой-нибудь наглый обманъ со стороны служащихъ у него людей, обнаруженная ложь, какія-нибудь кляузы между рабочими, людская тупость, сознаніе сдѣланной имъ самимъ несправедливости или горькое сознаніе того, что для выгоднаго веденія хозяйства нужно иногда заглушать совѣсть, быть жестокимъ и ловко эксплуатировать въ свою пользу несчастье ближняго. Душевное разстройство у Веретьева видимымъ образомъ проявлялось въ томъ, что брови его сдвигались, сѣрые, добродушные глаза словно заволакивало туманомъ, а губы слегка подергивались, какъ у человѣка, сейчасъ готоваго заплакать. И въ такія минуты этотъ здоровый, сильный мужчина казался безпомощнѣе ребенка...

Въ подобныхъ случаяхъ онъ дѣлался страшно раздражителенъ, молчаливъ и, вмѣсто приказовъ по хозяйству, отрывисто и сердито ворчалъ:

— Наплевать! Убирайся къ чорту! Пошелъ!

Въ такія минуты онъ обыкновенно смотрѣлъ въ землю, сидѣлъ молча, теребилъ бороду и тяжело вздыхалъ или же по цѣлымъ часамъ ходилъ по комнатамъ изъ угла въ уголъ, безцѣльно заглядывая въ окна и что-то насвистывая себѣ подъ носъ. Въ эти дни у Веретьева все изъ рукъ валилось, ни до чего ему дѣла не было...

— Опять на него нашло... Не подступайся!—говорили про него на кухнѣ и въ людской избѣ.

Если въ ту пору пріѣзжали какіе-нибудь скупщики и желали видѣть Веретьева, онъ

съ видимымъ усиліемъ говорилъ своему «Яду»:

— Скажи, что я боленъ... что меня нѣтъ... Ну, скажи что хочешь!.. Можетъ быть, завтра или послѣ завтра я переговорю съ ними, а сегодня не могу... Пошелъ!

Казачокъ скрывался моментально и, не смотря на всѣ упрашиванья купцовъ, ни за что не рѣшался болѣе «тревожить» барина. Даже иногда Ядъ, являвшійся въ комнату для того, чтобы убрать со стола или подать чай, сильно раздражалъ его скрипомъ своихъ сапоговъ.

— Куда лѣзешь?—огрызался на него Веретьевъ.—Что опять нужно? Убирайся! Да ходи тише, а то я твои каблуки топоромъ обрублю... Дуракъ!

За подобныя выходки, дикія и нелѣпыя, онъ, разумѣется, злился на себя, сознавая всю свою несправедливость, и оттого еще пуще раздражался. Такіе черные дни самъ Веретьевъ называлъ «умопомраченіемъ». Въ такіе дни онъ, дѣйствительно, готовъ былъ все бросить и бѣжать изъ Тимохина за тридевять земель. А староста той порой мошенничалъ и своевольничалъ въ полной увѣренности, что никто не пойдетъ жаловаться на него барину, когда тотъ, нахмурившись темнѣе ночи, бродитъ по дому или шатается по дальнимъ заглохшимъ аллеямъ сада.

Синявинъ въ описываемый вечеръ скоро заснулъ и спалъ крѣпко, а хозяинъ лишь передъ утромъ вздремнулъ безпокойнымъ, тревожнымъ сномъ. Синявинъ чрезвычайно заинтересовался своимъ пріятелемъ и, вмѣсто этнографическихъ фактовъ и статистическихъ цифръ, ему захотѣлось теперь изучить кусочекъ живой человѣческой натуры, захотѣлось поглубже взглянуть въ человѣческую душу.

Дня черезъ три послѣ ночнаго разговора, когда Григорій Петровичъ казался свѣжѣе, бодрѣе и начиналъ походить на самаго себя —на спокойнаго веселаго малаго,—вечеромъ послѣ чая Синявинъ вышелъ съ нимъ въ садъ и рѣшился продолжить, какъ ему казалось, недоконченный разговоръ. Веретьевъ во время того разговора, между прочимъ, жаловался на свое одиночество, на скуку въ этомъ большомъ пустомъ домѣ,—и эту его жалобу Синявинъ запомнилъ и по поводу ея теперь повелъ рѣчь.

— Ты тяготишься одиночествомъ,—говорилъ Синявинъ.—Кто жъ тебѣ мѣшаетъ жениться? Обзаведись семьей,—вотъ жизнь и наполнится и станетъ веселѣе. И не будешь одинъ-одинешенекъ слоняться по пустымъ комнатамъ да отъ нечего дѣлать во всѣ углы заглядывать...

— Гм! Женись самъ сначала, а я посмотрю!—съ усмѣшкой отозвался Веретьевъ.

— Невѣсты, братъ, нѣтъ!—шутливо возразилъ Синявинъ.

— И у меня ея нѣтъ!—въ тонъ ему промолвилъ Веретьевъ.

— Ну, можетъ-ли быть!.. Что ты врешь?—сказалъ ему Синявинъ.—Такое большое сосѣдство,—и нѣтъ барышень, что-ли?

— Барышни-то есть, какъ не быть... да вѣдь и ты на всякой не женишься, а тоже посмотришь внимательно, семь разъ примѣряешь—прежде, чѣмъ отрѣжешь... Вѣдь ты знаешь: мы, старые холостяки, не похожи въ этомъ отношеніи на старыхъ дѣвъ. Тѣ, несчастныя, чѣмъ становятся старше, тѣмъ съ большей готовностью кидаются на шею каждому мужчинѣ, будь онъ хоть немного покраше чорта... А мы, напротивъ, съ каждымъ годомъ дѣлаемся разборчивѣе, скептичнѣе смотримъ на юбки, становимся нерѣшительнѣе, и съ каждымъ годомъ для насъ кажется страшнѣе мѣнять свою независимость на неизвѣстныя еще блага семейной жизни...

— Что жъ... Ты хочешь сказать, что здѣсь нѣтъ ни одной порядочной дѣвушки, которая нравилась бы и была бы достойна тебя!—замѣтилъ пріятель.

— Почемъ знать!—хмуро промолвилъ Веретьевъ.—Можетъ быть, такая достойная дѣвушка и есть гдѣ-нибудь въ нашемъ околоткѣ, да только вопросъ въ томъ: она-то еще захочетъ-ли переселяться въ мое прелестное Тимохино... Эй, Алексѣй!—вдругъ крикнулъ онъ садовнику, копавшемуся надъ чѣмъ-то въ цвѣтникѣ.—Ты опять къ георгинамъ высокихъ палокъ натыкалъ! Нехорошо... Надо, братъ, покороче...

— Да вѣдь георгины-то, Григорій Петровичъ, скоро поднимутся...—оправдывался садовникъ.

— Ну! Когда еще поднимутся!.. А теперь гляди: что за дреколья торчатъ...—недовольнымъ тономъ проговорилъ хозяинъ.

Брови его сдвинулись, и Синявинъ понялъ, что онъ невзначай дотронулся до больного мѣста, и замолчалъ. «Очевидно, у него съ любовью вышла какая-нибудь неудачная исторія!» подумалъ онъ. Впрочемъ, немного по-

годя, Веретьевъ самъ возвратился къ прерванному разговору, только подошелъ къ нему съ другой стороны.

— Да что, братъ,—семья!..—заговорилъ онъ уныло.—Хорошую семью трудно устроить — такую семью, которая не засасывала бы человѣка въ гнилое болото, а — напротивъ — тащила бы его изъ болота вонъ на просторъ, къ людямъ. Если ужъ холостому человѣку, ради общественнаго дѣла, тяжело разставаться со своими привычками и разными мелочными удобствами, приходится идти на уступки, то женатому — тѣмъ паче... Къ тому же, «семья» всего чаще служитъ благовиднымъ прикрытіемъ самому гнусному эгоизму, отводомъ глазъ для всякихъ своекорыстныхъ, лукавыхъ побужденій. Иной говоритъ: «Если бы не семья, не дѣти, я бы, конечно, этого *не сдѣлалъ*»... Лжетъ, мерзавецъ!—конечно, сдѣлалъ бы то же самое... А за дѣтей только прячется...

IV.

Въ семи верстахъ отъ Тимохина затерялся въ зеленой степи небольшой хуторокъ. Плотина изъ соломы и-назьму вела къ этому хутору черезъ зацвѣтшій прудъ, обросшій ивами. За прудомъ, въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ него, стояла изба съ четырьмя небольшими, но свѣтлыми оконцами; ея желтая соломенная крыша была тщательно подровнена и напоминала собой недавно подстриженные льняные волосики на лбу деревенскаго мальчугана. Передъ избой и по бокамъ ея расло нѣсколько развѣсистыхъ кудрявыхъ березъ. Поодаль стояла еще другая изба, а еще далѣе виднѣлись сараи, амбаръ, рига... Кромѣ нѣсколькихъ березъ, вокругъ хутора не было ни лѣсочка, ни кусточка, и на всѣ четыре стороны, какъ только могъ глазъ охватить, безконечной гладью раскидывались черноземныя поля и зеленѣли степи.

Этотъ неуютный хуторъ, почти безъ всякой тѣни, выстроившійся на юру и предоставленный зимой всей ярости степныхъ бурановъ, а лѣтомъ—безпощадному жару солнечныхъ лучей, назывался Новымъ Поселкомъ, хотя и насчитывалъ себѣ уже болѣе десятка лѣтъ. Въ немъ безвыѣздно жила зиму и лѣто помѣщица-вдова, Авдотья Михайловна Тевяшева, съ молоденькой дочерью, Лизой. Тевяшевъ умеръ на службѣ 12 лѣтъ тому назадъ, и Авдотья Михайловна вскорѣ послѣ его смерти переселилась изъ города на свой небольшой участокъ земли. Тевяшева была изъ хорошей, но обѣднѣвшей помѣщичьей семьи, до замужества жила съ родными въ деревнѣ и кое-что смыслила въ сельскомъ хозяйствѣ. Теперь она задумала сама управляться съ землей и на первое время наскоро смастерила для житья избу.

— Когда дѣла хорошо пойдутъ, можно будетъ и домъ построить! А пока что—поживемъ и подъ соломенной кровлей!—говорила она. — Не бѣда! И получше насъ люди подъ такой кровлей живали...

Дѣла шли не бойко. Авдотья Михайловна только мечтала о домѣ, но продолжала жить подъ соломенной стрехой.

— Ничего! Богъ дастъ, выстроимся!—утѣшала она себя.—Въ тѣснотѣ люди живутъ,—поживемъ и мы!

Небольшаго роста, худощавая, съ легкой просѣдью въ темнорусыхъ волосахъ, съ проницательными глазками, бойкая, живая, Тевяшева казалась женщиной среднихъ лѣтъ, хотя ей было далеко за пятьдесятъ. Она была хорошая, дѣятельная хозяйка и добрая мать... Лиза была очень красивая дѣвушка семнадцати лѣтъ, высокаго роста, гораздо выше матери, но классически стройная, съ чудесными бѣлокурыми волосами и съ большими голубыми глазами, ясными и свѣтлыми, какъ весеннее небо.

Веретьевъ познакомился съ Авдотьей Михайловной вскорѣ по переѣздѣ ея изъ города въ Новый Поселокъ и зналъ Лизу еще шестилѣтней дѣвочкой. Ему понравилась робкая, ласковая, тихая дѣвочка, и онъ постоянно возилъ ей изъ города гостинцы — то книжку съ картинками, то конфектъ, то какую-нибудь игрушку. И ребенокъ полюбилъ его... Пока Веретьевъ шагомъ проѣзжалъ черезъ плотину на своихъ бѣговыхъ дрожкахъ, Лиза радостно хлопала въ ладоши и кричала: «Дядя ѣдетъ! Дядя ѣдетъ!» Лиза росла у него на глазахъ, и онъ рѣшительно не замѣтилъ, какъ ребенокъ сталъ 14-ти-лѣтней дѣвочкой, а дѣвочка затѣмъ превратилась во взрослую дѣвушку. И Лиза, также въ свою очередь, въ семнадцать лѣтъ обращалась съ Веретьевымъ съ тою же наивною беззастѣнчивостью, съ какою относилась къ нему десять лѣтъ тому назадъ.

Бывало, развозившись, они принимались бѣгать, и Веретьевъ, ловя дѣвушку, попрежнему безцеремонно хваталъ ее за руку, бралъ

за талію, а Лиза попрежнему съ веселымъ смѣхомъ отбивалась отъ него. Прежде такая короткость нравилась Веретьеву, а потомъ стала смущать и даже печалить его... Дѣло въ томъ, что онъ полюбилъ Лизу. Когда и какъ это случилось, Веретьевъ и самъ не зналъ. Какъ незамѣтно на его глазахъ дитя превратилось въ женщину, также точно незамѣтно его дружба разгорѣлась въ болѣе нѣжное, болѣе глубокое чувство... Прежде, бывало, когда Лиза, разыгравшись, бросала въ него репейникомъ, Веретьевъ отвѣчалъ ей тѣмъ же и усаживалъ ей платье цѣпкими репейными головками. А теперь онъ снималъ съ себя репейникъ и говорилъ:

— Ну, полно же! Развозились мы, точно маленькіе...

— Ребенокъ!—какъ бы въ извиненіе дочери замѣчала Авдотья Михайловна.

И правда: въ Лизѣ, вслѣдствіе простой и здоровой деревенской жизни, сохранилось еще много той святой невинности, того непосредственнаго, жизнерадостнаго чувства, недостатокъ которыхъ такъ больно, такъ непріятно даетъ себя чувствовать въ дѣтяхъ большихъ городовъ.

Со страхомъ и трепетомъ помышлялъ Веретьевъ о томъ: что будетъ съ Лизой, въ какія отношенія она станетъ къ нему, когда онъ скажетъ ей о своей любви. И онъ медлилъ признаніемъ... Онъ боялся. Съ сердечнымъ замираньемъ онъ думалъ о рѣшительномъ шагѣ и волновался, какъ волнуется въ глубинѣ души человѣкъ, проигравшійся и ставящій на карту послѣдніе остатки своего достоянія. Но пришло время...

Въ прошломъ году, однимъ лѣтнимъ вечеромъ, Веретьевъ гулялъ съ Лизой въ полѣ. Имъ пришлось проходить по узкой межѣ, среди колосистой ржи. Лиза рвала васильки и составляла изъ нихъ маленькій букетъ... Веретьевъ повелъ рѣчь издалека, обиняками, но, наконецъ, подъ вдохновеньемъ страсти сдѣлался краснорѣчивѣе, смѣлѣе, откровеннѣе... Онъ взялъ Лизу за руку. Они остановились... Дѣвушка сначала какъ будто не понимала его и посмотрѣла на него широкораскрытыми глазами, но вдругъ ея темныя рѣсницы дрогнули, опустились и розовымъ румянцемъ перекрылись ея нѣжныя щеки.

— Ты любишь меня? Да? — прошепталъ Веретьевъ, наклоняясь къ Лизѣ и обдавая ее своимъ горячимъ дыханіемъ.

Страсть, послышавшаяся въ его шепотѣ, испугала дѣвушку. Она отняла свою руку и отвернулась отъ Веретьева.

— Да?—настойчиво повторилъ онъ.

— Нѣтъ, нѣтъ!—дрогнувшимъ голосомъ отвѣтила дѣвушка и, полузакрывъ лицо букетомъ васильковъ, тихо пошла домой.

На возвратномъ пути они оба молчали. Лиза шла, слегка понуривъ голову. Заглянувъ ей въ лицо, Веретьевъ увидалъ, что глаза ея—полны слезъ; она моргала, проводя цвѣтами по глазамъ, стараясь смотрѣть внизъ и вообще употребляла всевозможныя усилія, чтобы не расплакаться.

— Лиза! Бога ради... о чемъ же? — умоляющимъ тономъ спросилъ ее Веретьевъ.

— Такъ! — въ смущеніи прошептала дѣвушка, и въ ту минуту одна непослушная слеза скатилась по ея щекѣ и упала на лепестокъ василька.

Вѣроятно, она не могла бы словами выразить одолѣвавшаго ее смятенія. Ей было грустно, было жаль, что она заставляла Веретьева страдать, было горько, что она лишается въ немъ товарища-друга, и въ то же время ей было чрезвычайно неловко, стыдно, когда она вспоминала тотъ пылкій, горячій взглядъ, какимъ онъ смотрѣлъ на нее и, казалось, прожигалъ ее насквозь...

— Не говорите ничего мамѣ!—сказала она Веретьеву, подходя къ дому.

Тотъ обѣщалъ молчать...

По наружности, между Лизой и Веретьевымъ все осталось попрежнему, постарому, но Авдотья Михайловна подмѣтила, что между ними «то же, да не то», хотя и не могла дать себѣ отчета, въ чемъ заключалась перемѣна. Въ первое время послѣ объясненія, Веретьевъ продолжалъ бывать въ Новомъ Поселкѣ такъ же часто, какъ и прежде, но затѣмъ, съ теченіемъ времени, сталъ все рѣже и рѣже посѣщать Тевяшевыхъ, отговариваясь недосугомъ. Веретьевъ попрежнему оставался съ ними въ хорошихъ дружескихъ отношеніяхъ, посылалъ имъ раннихъ огурцовъ изъ своихъ парниковъ, вишень, ягодъ, дынь, но онъ избѣгалъ Лизы, потому что ему было тяжело въ ея присутствіи. И теперь, по прошествіи года, въ его ушахъ такъ же явственно, какъ въ тотъ ясный и душистый лѣтній вечеръ, звучало ея тревожное, но рѣшительное: «Нѣтъ, нѣтъ!..»

Однажды, въ минуту сердечныхъ изліяній, Веретьевъ открылъ другу свою любовную тайну.

— Ты напугалъ ее!—сказалъ Синявинъ.—Если бы ты исподоволь подготовилъ ее, то почемъ знать! можетъ быть, теперь она уже была бы твоею... Что жъ! Попытка—не пытка, а спросъ—не бѣда... Поговори съ ней еще разъ!

Веретьевъ уныло покачалъ головой.

— Пытаться ужъ больше не стану! Нѣтъ!—глухимъ голосомъ промолвилъ онъ.—Съ меня довольно...

По сосѣдству была еще одна хорошая помѣщичья семья—и въ ней четыре дѣвушки-невѣсты; одна изъ сестеръ, видимо, была неравнодушна къ нему, и ему она нравилась. Но съ нѣкотораго времени Веретьеву засѣла въ голову несчастная мысль, что дѣвицы не столько влюбляются въ него, сколько въ его, нигдѣ незаложенныя 1.000 десятинъ земли. Поэтому, посѣщая семейные дома, Веретьевъ былъ крайне остороженъ съ барышнями и дальше общепринятыхъ шаблонныхъ любезностей не шелъ въ отношеніи ихъ...

V.

Писатель сидѣлъ у стола, передъ раскрытымъ окномъ, выходившимъ въ садъ. Изъ окна были видны вершины деревьевъ и ясное, голубое небо; изъ сада доносилось щебетанье и пѣніе птичекъ. Писатель не слушалъ птичьей трескотни и не обращалъ вниманія ни на голубыя небеса, ни на прелестную игру свѣта и тѣни въ зеленой листвѣ деревьевъ. Онъ теперь ничего не видалъ въ природѣ, кромѣ своей чернильницы, пера и бумаги, да раскрытой передъ нимъ книги Токвиля: «L'ancien Régime et la Révolution»... Онъ писалъ въ то утро съ большимъ увлеченіемъ и съ помощью цифръ и фактовъ доказывалъ въ своей статьѣ, что «такъ какъ не шапка гоняется за Сенькой, а Сенька—за шапкой, то, слѣдовательно, и виноватъ во всемъ Сенька»...

— Полно корпѣть надъ своими бумагами! Зимой наработаешься!—сказалъ Веретьевъ, заходя къ нему въ комнату.—Поѣдемъ лучше по сосѣдямъ странствовать...

— Куда именно?—спросилъ Синявинъ, постукивая перомъ о чернильницу.

— Сначала проѣдемъ къ Свирскому, (мнѣ нужно къ нему по одному дѣлу), а потомъ завернемъ на перепутье къ Куратову...—отвѣчалъ Веретьевъ. — Все, братъ, субъекты—интересные...

И черезъ часъ они уже пустились странствовать.

Подъѣзжая къ усадьбѣ Свирскаго, Синявинъ увидалъ въ глубинѣ двора сѣрый, длинный одноэтажный домъ съ высокой кровлей, выкрашенной въ давнія времена зеленою краской. За домомъ расходился довольно обширный садъ... На крыльцѣ гостей встрѣтилъ парень въ бѣлой русской рубахѣ на выпускъ, подтянутой ремнемъ, и въ сюртукѣ, неуклюже сидѣвшемъ на его широкихъ плечахъ. Парень былъ заспанъ, неумытъ и непричесанъ, словно только-что вскочилъ со сна, въ чемъ еще болѣе убѣждали посѣтителей пухъ и соръ, приставшіе къ его сюртуку.

— Баринъ дома?—спросилъ Григорій Петровичъ.

— Дома-съ! Еще спятъ...—отвѣтилъ парень, стараясь застегнуть сюртукъ.

— Какъ «спятъ»? Вѣдь ужъ второй часъ... Здоровъ-ли онъ?

— Ничего-съ...—съ глуповатой улыбкой пробормоталъ парень.—Вчера легли поздно... потому, какъ были гости-съ...

Посѣтители вошли въ переднюю, а изъ нея проникли въ столовую. Парень, повидимому, началъ убирать комнату и не кончилъ: щетка стояла въ углу... На большомъ кругломъ столѣ стояли бутылки, стаканы, рюмки, тарелки съ объѣдками огурцовъ, редиски, съ яичной скорлупой; были набросаны окурки папиросъ, сигаръ; какая-то бутылка валялась подъ столомъ; на полу въ одномъ мѣстѣ виднѣлась цѣлая лужа краснаго вина. Пахло алкоголемъ, какой-то отвратительной кислятиной...

Веретьевъ подошелъ къ спальнѣ хозяина и изо всей мочи постучалъ въ дверь кулакомъ.

— Тише! Что ты дѣлаешь?—невольно сорвалось у Синявина.

— Что за дьяволъ?.. Слышу... не сплю!—послышался за дверью хриплый голосъ и затѣмъ громогласное позѣвыванье на всю комнату.

— Вставайте, Василій Игнатьевичъ! Ужъ скоро два часа,—говорилъ Веретьевъ.—Ахъ, вы, безобразникъ... грѣховодникъ вы этакій!

— Батенька, Григорій Петровичъ! Вы-ли это? Васъ-ли я слышу?—послышался въ отвѣтъ тотъ же хриплый голосъ, но уже смягченный тономъ ниже.

Черезъ нѣсколько секундъ, въ сосѣдней комнатѣ послышался шорохъ, что-то стукнуло, брякнуло, явственно послышалось слово «чортъ»; наконецъ, дверь распахнулась и въ

ней появился растрепанный субъектъ въ одномъ бѣльѣ, съ разстегнутымъ воротомъ, босой, съ краснымъ одутловатымъ лицомъ и съ рыжими торчащими усами.

— А-а! Да вы — не одинъ... Сейчасъ!— пробасилъ онъ, снова скрываясь за дверью.

— Ты боялся, что я испугаю его...—съ усмѣшкой обратился Веретьевъ къ пріятелю.—Напрасно!.. Если бы онъ спалъ, мнѣ бы ни за что не разбудить его своимъ стукомъ. Онъ спитъ такимъ богатырскимъ сномъ, о какомъ вы, питерскіе люди, даже понятія не имѣете...

Вскорѣ хозяинъ явился поприглаженный, съ мокрыми отъ умыванья волосами, въ халатѣ и туфляхъ на босу ногу.

— Извините!—заговорилъ онъ, здороваясь и обращаясь болѣе къ Синявину («Григорій Петровичъ — свой человѣкъ, не взыщетъ!»). — Мы, знаете, попросту, по деревенски... Прошу садиться! Давно-ли пожаловали въ наши страны? На лѣто, погулять? Такъ-съ! Прекрасно... Воздухъ у насъ, я вамъ скажу, дѣйствительно, чудесный... Дармошка, свинья! Открыть окна! Живо!..А у меня, Григорій Петровичъ, вчера такое питье учинилось, что...

— Вижу! — лаконически отозвался Веретьевъ, указывая на безпорядокъ, свирѣпствовавшій въ комнатѣ, причемъ хозяинъ закатился такимъ гомерическимъ хохотомъ, что стекла въ окнахъ задребезжали.

— Да! «Было дѣло подъ Полтавой!»—задекламировалъ онъ.—«Дѣло славное, друзья! Мы дрались тогда»... Эй, Дармошка! Бутылку зельтерской! — крикнулъ онъ, стукнувъ по столу.

— А какъ здравствуетъ дядюшка, Иванъ Степановичъ?—спросилъ Веретьевъ.

— Ничего.. Я думаю, еще не очнулся съ нашего навечерія! — отвѣтилъ хозяинъ.— Выдумалъ, старый, жженку дѣлать, да чуть съ вина не сгорѣлъ... Посылали за фельдшеромъ... насилу отходили! А! Каковъ мерзавецъ?.. Спиридовъ насмѣшилъ насъ вчера... А знаете, батенька, по бутылкѣ *Fine champagne* на брата пришлось, — и потомъ еще водки, да краснаго и всякой дряни... Страшное дѣло! Голова трещитъ...

— Вѣрю!.. А я къ вамъ съ просьбой, Василій Игнатьевичъ!—заговорилъ Веретьевъ.—Вы хорошо знакомы съ Лобанскимъ, съѣздите къ нему, пожалуста, выберите мнѣ у него лошадку рублей въ 200 — 300... и имѣйте въ виду, чтобы была крѣпка, выносliва. Статьи не суть важны...

— То-есть, чтобы годилась и для работы, и въ упряжь при случаѣ? Такъ? — съ дѣловымъ видомъ, хмуря брови и весь моментально оживляясь, подхватилъ Свирскій.—Это я могу... это мы устроимъ! Ужъ я знаю у него одну лошадку... какъ быть для васъ!

Въ ту минуту, въ дверяхъ показался Дармошка съ бутылкой зельтерской воды. Затѣмъ гостямъ подали чай... Веретьевъ взялъ одну изъ тяжелыхъ гирь, стоявшихъ на подоконникѣ, и, показывая ее Синявину, замѣтилъ:

— А вотъ этими штучками Василій Игнатьевичъ изволитъ заниматься!

Въ каждой гирѣ было, по меньшей мѣрѣ, фунтовъ по двадцати. Хозяинъ робко, застѣнчиво улыбнулся, какъ скромная дѣвочка, когда ее похвалятъ за ловкость въ рукодѣльѣ.

— А когда же вы устроите мнѣ это дѣльце?—спросилъ Веретьевъ, передавая хозяину три сотенныя бумажки.—Если не достанетъ, приложите своихъ!..

— Будьте спокойны, достанетъ!—сказалъ тотъ.—А это мы устроимъ хоть сегодня, сейчасъ... вотъ вмѣстѣ съ вами и выѣду! Подождите минутку!—добавилъ онъ, замѣтивъ, что гости хотѣли уѣзжать.—Мнѣ все равно, нужно въ ту сторону... Дармошка! Эй ты, адское исчадье!—крикнулъ онъ зычнымъ голосомъ. — Ведро холодной воды — въ садъ, прямо изъ колодца. Осѣдлать Воронаго. Папиросъ! Живо!..

И дѣйствительно, минутъ черезъ 15, Василій Игнатьевичъ явился уже одѣтымъ—въ кожаной куртkѣ, въ кожаной фуражкѣ, въ сѣрыхъ штанахъ, въ длинныхъ сапогахъ по колѣно и съ нагайкой въ рукѣ... Онъ недолго ѣхалъ рысцой рядомъ съ экипажемъ Веретьева и, попрощавшись съ пріятелями, помчался по степи—такъ, что земля, казалось, дрогнула подъ копытами его Воронаго. Сдвинувъ фуражку набекрень, слегка пригнувшись къ лукѣ сѣдла и вытянувъ немного назадъ правую руку съ нагайкой, онъ несся, какъ вихрь, и скоро исчезъ въ зеленой степной дали.

— Желѣзное здоровье... силища громадная, на десятерыхъ хватитъ!—задумчиво говорилъ Веретьевъ. — И вотъ видишь: куда тратятся эти силы и здоровье... На попойки! Слышалъ? По бутылкѣ *Fine champagne* на

брата!.. Чортъ знаетъ, что такое! Удальство свое показываютъ... И замѣть: вѣдь неглупый человѣкъ — и съ добрымъ сердцемъ... Всѣмъ готовъ съ тобой подѣлиться, послѣднее отдастъ. Обратится къ нему бѣднякъ за деньгами, онъ, не глядя, даетъ ему, сколько попало. Во всѣхъ благотворительныхъ подпискахъ участвуетъ, самъ устраиваетъ въ городѣ вечера въ пользу бѣдныхъ учащихся,—однимъ словомъ, отъ души готовъ помочь каждому. Не дурной человѣкъ, но безхарактеренъ, слабъ волей... Съ виду грубъ и жестокъ, какъ желѣзо, а душой мягокъ, какъ воскъ... И вотъ время и общественная среда вылѣпили изъ него безобразную фигуру пьяницы, кутилы и картежника...

— Что же, однако, онъ дѣлаетъ? Чѣмъ занимается?—спросилъ Синявинъ.

— Да вотъ тѣмъ и занимается, — кутежемъ!.. да, кромѣ того, любитъ собакъ и лошадей, и знаетъ въ нихъ толкъ. Съ какимъ-то дикимъ наслажденіемъ онъ объѣзжаетъ бѣшеныхъ лошадей и продѣлываетъ всякія чудеса наѣздническаго искусства. Изрѣдка отправляется на охоту... Хозяйство поручилъ старостѣ, впрочемъ со скуки иногда самъ коситъ, ходитъ за плугомъ, возится на молотилкѣ и, конечно, работаетъ за пятерыхъ... Еще бы,—этакій обломъ!

— Гдѣ же онъ учился и вообще каково его прошлое?—спросилъ Синявинъ.

— Очень обыкновенно его прошлое! Гдѣ-то поучился немного, да не кончилъ курсъ и послѣ смерти тетки пріѣхалъ въ деревню,— да вотъ шестой годъ этакъ кутитъ и мутитъ на-пропалую. Надолго-ли хватитъ его желѣзнаго здоровья, не сломаетъ-ли онъ себѣ шею на какомъ-нибудь скакунѣ, — Богъ вѣсть! Говорилъ я съ нимъ разъ по душѣ. «Надо бы вамъ, говорю, перемѣнить жизнь, поберечь себя».—«А для кого, говоритъ, мнѣ беречь себя? Кому я нуженъ? И какъ, говоритъ, я могу перемѣнить свою жизнь! Ежели, говоритъ, самому хозяйствомъ заняться, такъ все равно изъ кулька въ рогожку перевертываться... Идти въ чиновники, говоритъ, не хочу! Ну, ихъ!.. Въ ученые, говоритъ, не гожусь: ума не хватитъ... Буду, говоритъ, такъ до конца жизнь прожигать»... Да и вообще онъ не любитъ толковать объ этомъ...

Вдали показалась небольшая барская усадьба. Новый домъ ярко блестѣлъ на солнцѣ своими бѣлыми бревенчатыми стѣнами...

— А теперь мы заѣдемъ къ Куратову, Петру Алексѣевичу! — замѣтилъ пріятель Веретьевъ.—Обрати вниманіе... тоже личность типическая, только въ другомъ родѣ. Этотъ не пьетъ, въ карты не играетъ, читаетъ много, по нашимъ мѣстамъ чуть-ли не самый образованный человѣкъ, съ хорошимъ направленіемъ, живо интересуется общественными дѣлами... Вообще въ немъ—много хорошаго, но есть у него и свои странности, довольно несимпатичныя... Впрочемъ, вотъ онъ самъ—на лицо!

Куратова гости застали на дворѣ. Онъ съ фельдшеромъ осматривалъ заболѣвшихъ овецъ. Куратовъ былъ человѣкъ лѣтъ тридцати, средняго роста, очень стройный и гибкій, съ темными кудрявыми волосами, съ темными усиками и небольшой бородой. Его блѣдное, какъ бы слегка опухлое лицо походило на маску, и изъ-подъ этой маски свѣтились каріе, блестящіе глаза. Онъ былъ безъ фуражки, въ бѣломъ коломянковомъ пальто, въ широкихъ бѣлыхъ панталонахъ и въ красныхъ сафьяновыхъ полусапожкахъ, расшитыхъ шелками въ азіатскомъ вкусѣ. Куратовъ повелъ гостей въ домъ.

Домъ у него былъ небольшой, еще совсѣмъ новенькій, ни тесомъ не обшитый, ни обоями не оклеенный внутри, ни достаточно меблированный.

— Пойдемте въ кабинетъ! — промолвилъ хозяинъ.

Кабинетъ былъ въ то же время и его спальней, и едва-ли не единственной жилой комнатой во всемъ домѣ. Здѣсь на полу и на стѣнахъ были ковры съ изображеніемъ охотничьихъ сценъ; на стѣнѣ висѣло нѣсколько револьверовъ, два-три охотничьихъ ружья, берданка и кавказскій большой кинжалъ. У одной стѣны—широкая зеленая кушетка съ мягкими валиками по краямъ, у противоположной стѣны—желѣзная кровать, прикрытая очень красивымъ мохнатымъ одѣяломъ; возлѣ кровати столикъ, на немъ—подсвѣчникъ съ огаркомъ стеариновой свѣчи, номеръ «Нивы» и послѣдняя книжка одного толстаго журнала. Между окнами—токарный станокъ и на немъ куча всякихъ инструментовъ; на полу стружки и опилки. Посреди комнаты—небольшой круглый столъ. На стѣнахъ —нѣсколько фотографическихъ карточекъ и портретовъ, а надъ кроватью большая картина съ изображеніемъ голой женщины, лежащей навзничь.

Веретьевъ взялъ со стола какую-то газету

и мелькомъ взглянулъ на нее. Хозяинъ заговорилъ о политикѣ и говорилъ такъ дѣльно и толково, высказывалъ такіе свѣтлые, трезвые взгляды, такъ остроумно критиковалъ нѣкоторыя «мѣры», что Синявинъ невольно заслушался его...

Немного погодя, какая-то женщина въ сарафанѣ и бѣлой воротушкѣ принесла на большомъ подносѣ завтракъ и поставила его на столъ. Это была очень полная, миловидная блондинка среднихъ лѣтъ, довольно высокаго роста.

— А чайку, Марья Михайловна, вы намъ дадите?—спросилъ Куратовъ, беря ее за бѣлую, пухлую руку, обнаженную по локоть.

— Какъ же, батюшка, какъ же! Сію минуту!—отвѣтила она.—А вы кушайте пирожки, пока не простыли.

Веретьевъ по пріятельски поздоровался съ Марьей Михайловной: онъ всегда хорошо относился къ этой работящей, добродушной женщинѣ, экономкѣ и наложницѣ Куратова, ухаживавшей за своимъ господиномъ, какъ за малымъ дитятей. Многіе женатые люди совершенно искренно, въ глубинѣ души, завидовали Куратову, хотя за глаза и считали нужнымъ подсмѣиваться надъ его «толстобокой petite femme».

— Ну, что, Петръ Алексѣевичъ! Все, небось, амурами занимаешься? — заговорилъ Веретьевъ, когда Марья Михайловна вышла изъ комнаты, и, обратившись къ Синявину, въ видѣ рекомендаціи добавилъ, указывая на хозяина:—Онъ—ужасный человѣкъ! Ни одной дѣвицы, ни одной хорошенькой молодой женщины не оставитъ безъ вниманія!

— Ну, что жъ!—съ самодовольнымъ смѣхомъ промолвилъ Куратовъ, разваливаясь на кушеткѣ.—Люблю женщинъ и не скрываю... Люблю пластику!

— «Пластику»!—съ усмѣшкой передразнилъ его Веретьевъ.

— У меня та же слабость, что была у царя Соломона...—не слушая Веретьева, продолжалъ хозяинъ.

— Только у Соломона женщины-то, я думаю, были получше твоихъ...

— Ахъ, голубчикъ!—перебилъ Куратовъ, играя мягкимъ валикомъ кушетки.—Какую нимфу я отыскалъ въ городѣ, когда въ послѣдній разъ былъ на ярмаркѣ... Чудо!

— Представляю себѣ!—съ сардонической улыбкой замѣтилъ Веретьевъ.—Изъ какого-нибудь «заведенія»?

— Говорю тебѣ: одно наслажденье! Хочешь, познакомлю?.. Восторгъ! Прелесть! Настоящая барышня... Пойдемъ когда-нибудь!

— Убирайся ты!—со смѣхомъ отвѣтилъ ему Веретьевъ.—Наслажденье-то, поди, она раздаетъ направо и налѣво... Грязь!

— Ну, ужъ нѣтъ... вотъ ужъ извини!—горячился Куратовъ, сроша свои темные кудрявые волосы.—Молоденькая, хорошенькая... цвѣточекъ... бутончикъ! Я ужо тебѣ покажу ее! Лемохину она ужасно понравилась... Хочетъ отбить у меня... Ха!

— И не хитро! Кто дороже дастъ, тотъ и перебьетъ!—равнодушно замѣтилъ Веретьевъ.

— Перебьетъ?—воскликнулъ Куратовъ.—Нѣтъ! Шалишь!.. Она вовсе не изъ «такихъ»...

— Гдѣ жъ ты съ нею познакомился? У кого въ домѣ?—съ мефистофелевскимъ видомъ спросилъ Веретьевъ.

— Въ Театральномъ саду я съ нею познакомился... Она сидѣла на скамейкѣ въ одной боковой аллеѣ... Было уже довольно темно...Я подсѣлъ къ ней, закурилъ папиросу и...

— Ну, такъ! Знаю! —перебилъ Веретьевъ, —«je vous aime, je vous adore» и т. д. Разумѣется, какая-нибудь потаскушка...

— Ты невыносимъ!..—вскричалъ Куратовъ, впрочемъ, не обижаясь на пріятеля за его скептицизмъ: очевидно, онъ уже привыкъ встрѣчать недовѣріе съ его стороны.

Затѣмъ, какъ-то незамѣтно, Куратовъ перевелъ разговоръ на женщинъ вообще и прочиталъ нѣчто въ родѣ лекціи о томъ: какую женщину должно считать красивой, какую хорошенькой, какую «аппетитной» и т. д., и т. д. Синявинъ съ удивленіемъ наблюдалъ за чудесной перемѣной, происшедшей въ Куратовѣ во время послѣдняго разговора... Маска ожила. Легкій румянецъ проступилъ на щекахъ; каріе глазки его покрылись маслянистою влагой, съузились; сладенькая, притворная улыбка расползалась по всему лицу. Человѣкъ, казалось, сразу поглупѣлъ и обратился въ какое-то похотливое и довольно отвратительное животное. «Тотъ-ли это человѣкъ, который еще недавно такъ разумно, такъ хорошо разсуждалъ объ общественныхъ дѣлахъ!—думалось Синявину. — Какая же злая волшебница сдѣлала его оборотнемъ?»..

На возвратномъ пути Веретьевъ дѣлалъ свои комментаріи.

— Вотъ тоже помѣшался человѣкъ на

адюльтерѣ и на всякихъ любовныхъ интрижкахъ!—говорилъ онъ Синявину. — И вѣдь очень неглупый человѣкъ, энергичный, работящій,—его рѣдко безъдѣла застанешь, много читаетъ, выписываетъ журналы и книги... А между тѣмъ, какъ всмотришься повнимательнѣе,—и увидишь, что у человѣка весь интересъ жизни сосредоточился на одномъ: на женскомъ тѣлѣ... У него есть огромный альбомъ... Я удивляюсь: какъ онъ не показалъ его тебѣ... И въ этомъ альбомѣ—милліонъ женскихъ карточекъ, портретовъ и картинокъ, съ изображеніемъ обнаженныхъ женщинъ во всевозможныхъ и даже невозможныхъ позахъ... Только заговори съ нимъ о женщинахъ,—и конца не дождешься... Тутъ, братъ, такіе разсказы пойдутъ, что, просто, не любо—не слушай... То онъ похититъ какую-нибудь барыню, то его похитятъ, то онъ застанетъ кого-нибудь на мѣстѣ преступленія, то его застанутъ,—прелюбодѣяніе на всевозможные лады, безъ конца. Правда и вымыселъ въ его разсказахъ перепутываются въ одну кучу,—и ничего не разберешь! И сочиняетъ онъ иногда неумышленно, какъ-то безсознательно... Онъ, знаешь, до того увлекается, что самъ вѣритъ въ свое вранье—и постоянно живетъ въ мірѣ какихъ-то призрачныхъ, соблазнительныхъ нимфъ...

— Странные люди!—задумчиво промолвилъ Синявинъ.

— «Тронутые» люди, больные,—сказалъ Веретьевъ.—Недугъ у нихъ—у всѣхъ одинъ и тотъ же: недовольство, стараніе такъ или сякъ забыть о невозможности лучшей жизни... Что тутъ толковать! Все это—eine alte Geschichte...

VI.

Черезъ нѣсколько времени послѣ странствованія по сосѣдямъ, пріятели, за вечернимъ чаемъ, опять «подняли вопросъ». Синявинъ завелъ рѣчь о нынѣшнихъ людяхъ и нисовсѣмъ хорошо отозвался о нихъ. По поговоркѣ: что у кого болитъ, тотъ о томъ и говоритъ,—Синявинъ началъ съ литературы.

— Писатели наши «опростились» и обратились въ фельетонистовъ,—замѣтилъ онъ.—Беллетристы, публицисты, даже философы валяютъ фельетоны, словно въ перегонки. Положимъ, два-три человѣка уцѣлѣли; остались серьезны, не превратились въ клоуновъ,—эти молчатъ или проповѣдуютъ истины, непререкаемыя и ясныя въ теченіе уже 2,000 лѣтъ. Повтореніе такихъ истинъ, можетъ быть, не безполезно, но вѣдь повтореніемъ однихъ и тѣхъ же хорошихъ словъ не разрѣшить нашихъ узъ, не разрѣшить болѣзней вѣка... Ученіе о смиреніи и терпѣніи, какое преподносятъ намъ Достоевскій и другіе, не новость—особенно для русскаго человѣка. Мы, кажется, испоконъ вѣковъ отличаемся этими отрицательными качествами... Намъ нужно совсѣмъ, совсѣмъ не то... Читатель недоволенъ. Онъ проситъ хлѣба, ему подаютъ камень, лишь съ виду похожій на хлѣбъ.

— Я тебѣ объясню... только сдѣлаю небольшое отступленіе!—заговорилъ Веретьевъ.—Между людьми прошлаго и нами, какъ между отцами и дѣтьми, есть разница. Они не вполнѣ сознавали тѣ истины, какія проповѣдывали, и поэтому ихъ рѣчи по большей части были только звонкими, непрочувствованными словами. Они повторяли эти слова съ жаромъ, потому что слова имъ нравились, повторяли до тѣхъ поръ, пока была охота или было безопасно, безъ особенной боли отказываясь отъ этихъ словъ и принимаясь за другія... Мы же сознаемъ то, что говоримъ,—высказываемую истину мы признаемъ дѣйствительно за истину, только не можемъ перевести ее въ дѣло, въ жизнь, не можемъ дать ей плоть и кровь. Оттого мы и страдаемъ, что *еще* не въ силахъ свое сознаніе перевести на практику...

— Ты хочешь сказать: «А до дѣла дойдетъ,—замираетъ рука»... — сказалъ Синявинъ.

— Именно! — сознался его пріятель. — Безсильны мы; воли у насъ мало... Мы уже воочію видимъ, что та колея, по которой мы идемъ, пробита случайно, безсознательно, что она неудобна, что, наконецъ, идя по ней, мы никогда не дойдемъ туда, куда нужно. Понимаешь: «Никогда!..» Мы все это отлично видимъ, все это знаемъ не хуже нашихъ пророковъ и учителей, хотя мы, простые смертные, не такъ краснорѣчивы, какъ они, и болѣе склонны къ молчанію. Горе въ томъ, что учителя и пророки такъ же немощны, какъ и мы, такіе же ветхіе люди... Они не дадутъ намъ силы выбиться изъ этой глубокой, вѣками пробитой, колеи. И сами-то они, наши пророки и учителя, ползутъ вмѣстѣ съ нами по той же самой колеѣ, хотя иногда и возмущаются, упираются, убѣдительно доказывая всю непригодность пути. Почему же они первые не свернутъ на новый, настоящій путь?

— Потому, полагаю, что традиціи, привычка къ проторенной дорожкѣ, къ житейскимъ удобствамъ и недостатокъ твердой воли,—ну, однимъ словомъ, все то же, что̀ мѣшаетъ намъ, мѣшаетъ и имъ!—проговорилъ Синявинъ.

— Да! И не думай, пожалуста, что наши пророки и учителя ближе насъ къ истинѣ! Ничуть не бывало!—продолжалъ Веретьевъ.— Мы уже знаемъ то, что̀ они говорятъ намъ такъ пространно; мы знаемъ, *что̀* надо дѣлать... И если мы еще прислушиваемся къ ихъ словамъ, то лишь единственно въ надеждѣ узнать отъ нихъ: *какъ* же сдѣлать то, что̀—по убѣжденію всѣхъ насъ—должно сдѣлать. Но мы напрасно ждемъ и прислушиваемся... Вмѣсто, указаній мы слышимъ лишь повтореніе старой погудки на новый ладъ. Никто не трогается съ мѣста...

Собесѣдники замолчали. Веретьевъ поднялся со стула и большими шагами заходилъ по комнатѣ. Брови его нахмурились, какъ бы подъ вліяніемъ боли. Казалось, какая-то недосказанная тяжелая дума мучила этого человѣка. Онъ ходилъ задумчиво, безцѣльно, то посматривая себѣ подъ ноги, то разсѣянно взглядывая на свой большой книжный шкафъ, то въ окно—на цвѣтникъ, подернутый румянымъ сіяніемъ заката. Синявинъ обѣими руками оперся на столъ и низко склонился надъ нимъ. Было очевидно, что «вопросъ» обоихъ волновалъ глубоко...

— Никто не трогается! — тихо говорилъ Веретьевъ, продолжая ходить по комнатѣ, и вдругъ возвысилъ голосъ:—У каждаго своя отговорка... Юноша говоритъ: «Вы, старики, пожили... Вамъ хорошо разсуждать объ отреченіи отъ мірскихъ благъ, о жертвахъ, о праведной жизни! А мы хотимъ жить, хотимъ пожить по своей волѣ—такъ же, какъ жили вы въ свое время... Вы испытали всѣ житейскія радости, всѣ мірскія блага, и теперь очень низко цѣните ихъ. Вы, быть можетъ, даже пресытились ими... Но позвольте не согласиться съ вами, дайте же намъ возможность самимъ сдѣлать оцѣнку! Послѣ сытнаго обѣда вы совершенно равнодушно смотрите на самыя вкусныя кушанья и не находите въ нихъ ничего заманчиваго. Но мы еще не обѣдали... «Суха теорія, а древо жизни зеленью одѣто!» Вотъ что скажетъ юноша... А взрослый, пожилой человѣкъ заявитъ: «Теперь я не могу... Я—не одинъ: у меня—семья, жена, дѣти. Я не могу быть тираномъ, я не имѣю права насильно тащить за собой семью на новый, ей невѣдомый путь... Бросить семью, оставить жену и дѣтей на произволъ судьбы — слишкомъ жестоко, и дико требовать отъ меня чего-нибудь подобнаго!..» Старикъ говоритъ: «Жить мнѣ осталось недолго! Незачѣмъ мнѣ мѣнять старое на новое... Для чего мнѣ ломаться? Все равно, протяну какъ-нибудь! Теперь мнѣ нуженъ только покой, а потомъ — ящикъ изъ шести досокъ... и пѣсенкѣ моей конецъ! Пусть ужъ молодые, здоровые и сильные пролагаютъ новые пути... У нихъ—и смѣлость, и энергія...ая—старъ, немощенъ и хилъ! Я могу только указать имъ на праведный путь, а какъ перейти на него—ихъ дѣло»... Такъ вотъ и идутъ поколѣнія за поколѣніями, видя, что идутъ не путемъ, не дорогой, и не зная: какимъ же образомъ свернуть колесницу жизни на новый путь...

Веретьевъ нѣсколько разъ, молча, прошелся по комнатѣ.

— Сколько людей до насъ толковали о томъ же, о чемъ мы теперь разсуждаемъ съ тобой!—съ улыбкой промолвилъ Синявинъ, не поднимая головы. — А облака, глядишь, попрежнему плывутъ и таютъ въ небѣ, люди проходятъ и умираютъ, аристофановскія комедіи попрежнему разыгрываются въ человѣческомъ муравейникѣ и исторія продолжаетъ выводить свои фантастическіе узоры...

Веретьевъ набилъ трубку, закурилъ ее и присѣлъ къ столу.

— Когда же, по твоему, конецъ такому положенію дѣлъ, какое ты нарисовалъ? — спросилъ Синявинъ.

— Не стану говорить фразъ... скажу, братъ, тебѣ откровенно: не вижу я ему конца, какъ не вижу конца этому кольцу! — отвѣчалъ Веретьевъ, вертя на пальцѣ свой золотой перстень и задумчиво смотря на него.

Синія лѣтнія сумерки спускались на землю. Въ комнатахъ тѣни сгущались... Въ корридорѣ послышались скрипъ и громыханье сапоговъ, и въ дверяхъ съ зажженной лампой показался Ядъ.

— Купецъ пріѣхалъ... спрашиваетъ васъ! —доложилъ онъ, ставя на столъ лампу.

— Какой еще тамъ купецъ?—съ неудовольствіемъ спросилъ Веретьевъ.

— Стукинъ!—отвѣтствовалъ Ядъ.

— А, чортъ бы его... Ну, посылай сюда!— сказалъ хозяинъ, потирая лобъ и со вздохомъ откидываясь на спинку стула. — На-

шихъ «больныхъ» людей я уже рекомендовалъ тебѣ, — обратился онъ къ пріятелю. — Тѣ, кажется, тебѣ не особенно понравились... А теперь я покажу тебѣ здороваго... Полюбуйся!

Черезъ минуту толстая, неуклюжая туша съ краснымъ лоснящимся лицомъ ввалилась въ комнату и, «поздоровкавшись», опустилась на стулъ. Стулъ затрещалъ...

— А я насчетъ шерсти, Григорій Петровичъ, да и о хлѣбѣ узнать,—пыхтя и отдуваясь захрипѣлъ купецъ. — Ѣхалъ мимо... Дай, думаю, заѣду на всякій случай... Взялъ да и заѣхалъ на перепутье...

— Взяли да и заѣхали? — съ усмѣшкой въ голосѣ промолвилъ хозяинъ, играя часовой цѣпочкой и поглядывая на собесѣдника.

— Да-съ... и заѣхалъ! — подтвердилъ тотъ.—Больше насчетъ шерсти-съ...

— Да что жъ на счетъ шерсти намъ съ вами толковать?—съ равнодушнымъ видомъ сказалъ Веретьевъ.—Вѣдь цѣнъ еще нѣтъ... Что жъ, мы станемъ, значитъ, изъ пустого въ порожнее переливать... Хотите, такъ давайте, пожалуй!

— Нѣтъ-съ! Зачѣмъ же изъ пустого въ порожнее... Мы съ вами люди сурьезные,—еще больше запыхтѣвъ, съ усмѣшкой проговорилъ купецъ.—Восемь рублей даютъ...

— Гдѣ же и кто это даетъ?

— Даютъ... такъ стороной слышно.

— Вы думаете также, какъ въ прошломъ году? Напрасно, г. Стукинъ... Дешевле 10 рублей не отдамъ!—сказалъ Веретьевъ, прищурившись и смотря въ потолокъ съ самымъ рѣшительнымъ видомъ.

— Десять рублей за пудъ?! — какъ бы сконфузившись, воскликнулъ торговецъ. — Ну, шерсть оставимъ... Видимое дѣло: продавать не хотите... А вотъ-съ какъ на счетъ хлѣба будетъ?

— 35 копѣекъ!—отрѣзалъ хозяинъ, протянувъ ноги и съ беззаботнымъ видомъ запустивъ руки въ карманы штановъ.

— Что вы-съ! Шутить изволите!—возразилъ купецъ, тяжело ёрзая по стулу. — Помилуйте! 35 копѣекъ? Гдѣ жъ слыханы такія цѣны? Вонъ третьяго дня изъ Риги телеграмма была... и тамъ такихъ цѣнъ нѣтъ!

— Знаю я эти телеграммы! Сами вы себѣ ихъ пишете!—со смѣхомъ перебилъ его Веретьевъ.

— Вы вотъ все смѣетесь! — съ насильственной улыбкой пробормоталъ купецъ и, переходя въ тихій, сдержанный тонъ, добавилъ: — Нѣтъ... а ежели сурьезно, Григорій Петровичъ...28 копѣекъ желаете получить— сейчасъ по рукамъ?

— Не желаю!—съ невозмутимымъ равнодушіемъ промолвилъ Веретьевъ и принялся насвистывать свои любимые мотивы изъ «Руслана и Людмилы».

— Ну! Значитъ, никакого дѣла у насъ покуда не выйдетъ!—полувопросительно замѣтилъ купецъ.

— Значитъ, г. Стукинъ!

— Гм! А сегодня меня звали ночевать въ Карцево... къ куму!—сказалъ купецъ, очевидно замѣтивъ нерасположеніе къ себѣ со стороны хозяина, и посмотрѣлъ на часы.— Пожалуй, не мѣшаетъ поторапливаться.

— Поторапливайтесь!.. Ахъ, да! Я хотѣлъ спросить васъ, г. Стукинъ, насчетъ вашего дѣла съ никольскими мужиками... Чѣмъ же у васъ кончилось?

— Да очень просто... все описали и продали!—спокойно проговорилъ купецъ.

— Гм! Описали и продали... Чего же проще!—язвительно замѣтилъ Веретьевъ.

— Наше дѣло чистое! — продолжалъ купецъ. — Расписочки засвидѣтельствованы и все, какъ слѣдуетъ, въ акуратѣ... Съ этакимъ-то дѣломъ не только что къ мировому судьѣ, а хоть къ самому Судьѣ небесному...

— Ну, г. Стукинъ! Ужъ Судью-то небеснаго... ахъ! оставьте... На томъ судѣ ваши расписочки и записочки не подѣйствуютъ!— брезгливо замѣтилъ Веретьевъ.

— То-есть, это какъ же-съ?—встрепенулся г. Стукинъ, съ ехидной усмѣшкой осмотрѣвшись по сторонамъ. — Развѣ за правое дѣло на томъ свѣтѣ станутъ на сковородѣ поджаривать нашего брата?

— На чемъ станутъ поджаривать тамъ вашего брата я ужъ, право, сказать не могу,— отвѣчалъ хозяинъ.—А только за такія дѣла, какъ ваши, гладить по головкѣ нельзя ни на небѣ, ни на землѣ...

— Помилуйте... Да позвольте... Я—вотъ какъ передъ Богомъ... — и купецъ глазами заискалъ образа, но второпяхъ, не взвидѣвъ его, обратился къ окну и осѣнилъ себя широкимъ крестнымъ знаменіемъ.—Что мнѣ врать! Прямо говорю: дѣло мое чистое.

— А какой процентъ вы слупили съ мужиковъ?—спросилъ Веретьевъ, укоризненно взглянувъ на собесѣдника.

— Ну, что жъ...процентъ!—съ неудоволь-

ствіемъ заговорилъ купецъ, вытаскивая изъ кармана полосатый носовой платокъ и утирая имъ свое потное, лоснящееся отъ жиру, лицо.—По нашему торговому дѣлу иначе никакъ нельзя. Гм! Прòцентъ—дѣло законное...

— Шесть-то гривенъ на рубль? Едва-ли законно...

— Что жъ! Сами захотѣли... Я вѣдь не неволилъ...

— Нѣтъ, г. Стукинъ! — вмѣшался Синявинъ.—Мужики не по своей охотѣ идутъ къ вамъ за деньгами... Горькая неволя гонитъ ихъ къ вамъ!

Г. Стукинъ искоса, съ пренебреженіемъ посмотрѣлъ на Синявина.

— Городскимъ господамъ наши дѣла—невдомекъ...—презрительнымъ тономъ замѣтилъ онъ, поднимаясь со стула.—До пріятнаго!..

И торговецъ удалился, видимо раздраженный «непріятнымъ» разговоромъ и въ особенности тѣмъ обстоятельствомъ, что ему не удалось «обдѣлать» Веретьева.

— Понравился тебѣ нашъ здоровый человѣкъ?—спросилъ хозяинъ пріятеля.

— Ну, нѣтъ...—отозвался Синявинъ.—Тѣ недужные, которыхъ мы видѣли съ тобой, мнѣ—признаться—не нравятся... но они все-таки симпатичнѣе *этого*... Въ тѣхъ, подъ мусоромъ и грязью, еще тлѣетъ искра божія! А въ твоемъ г. Стукинѣ все заплыло жиромъ... Ставь надъ нимъ крестъ!

VII.

Прошелъ іюль, наступилъ августъ. Днемъ термометръ показывалъ уже не болѣе 20—22°, (въ іюлѣ доходило до 40). Ночи посвѣжѣли; туманами задергивалась степная даль. Поля пустѣли. Въ степяхъ горѣли огни по ночамъ, словно какое-нибудь воинство на необозримомъ пространствѣ, подъ синеватой дымкой лѣтней полуночи, раскидывало громадный станъ... И тамъ, вокругъ пылающихъ костровъ, дѣйствительно собиралось воинство, только мирное, безъ копій и мечей, громадное воинство русскихъ пахарей-работничковъ... Въ одномъ мѣстѣ, при свѣтѣ огня, молотили, пользуясь ясной погодой и прохладой ночи, въ другомъ мѣстѣ спали, а въ иномъ—варили «степную кашу» и пѣли пѣсни степныя, заунывныя... Знакомыя, милыя сердцу картины!..

Все это время Веретьевъ былъ спокоенъ, мыкался по работамъ, изрѣдка съ Синявинымъ ѣздилъ къ сосѣдямъ, но вдругъ, въ самый разгаръ страдной поры опять захандрилъ. Однажды, во время горячаго вечерняго разговора съ пріятелемъ, онъ опять отрывисто, съ раздраженіемъ заговорилъ:

— Брошу! Уйду... Ну ихъ—къ чорту!.. Силъ моихъ нѣтъ!

— Такъ отчего же, въ самомъ дѣлѣ, ты не ликвидируешь своихъ дѣлъ!—замѣтилъ ему Синявинъ. — Продай имѣнье и возьмись за какое-нибудь другое дѣло... Вѣдь ты не недоучка... Можешь поискать себѣ другой работы...

— Гм! Другой работы...—проворчалъ Веретьевъ.—Легко сказать?.. А гдѣ я найду ее, другую-то работу? Въ чиновники я не пойду, въ земство также; мнѣ нужна не «служба», нужно живое дѣло, понимаешь?.. чтобы меня всего захватывало...

— Напримѣръ?—спросилъ Синявинъ.

— Напримѣръ, писательство или учительская дѣятельность... Но и то, и другое мнѣ кажется страшно... ново, необычно для меня! Ну, а сельское хозяйство мнѣ знакомо...

Поговорили еще немного и разошлись.

Поутру Синявинъ опять было завелъ рѣчь на прежнюю тему:

— Ну, какъ же... насчетъ вопроса-то жизни?—спросилъ онъ Веретьева.

— Теперь, голубчикъ, некогда!—отозвался тотъ, посмотрѣвъ на часы.—На молотилку надо... потомъ нужно заглянуть въ поле... Сегодня у меня гречиху убираютъ... Новь поднимаютъ плугомъ.

Веретьевъ схватилъ фуражку и торопливо вышелъ изъ комнаты. «Знать, разгулялся!» подумалъ Синявинъ, смотря ему вслѣдъ. «И вправду, значитъ, утро вечера мудренѣе»...

Въ тотъ день друзьямъ не пришлось побесѣдовать: молотилка и гречиха, гречиха и молотилка заняли все время. На другой день—тоже, на слѣдующій—тоже...

Такъ прошла недѣля. Синявинъ уже сталъ собираться въ Петербургъ, но до отъѣзда ему хотѣлось выяснить себѣ: что такое представляетъ собой Веретьевъ?..

Наканунѣ отъѣзда, оставшись съ хозяиномъ наединѣ, Синявинъ приступилъ къ нему напрямки.

— Такъ, какъ же ты рѣшилъ? — спросилъ онъ.

Веретьевъ хмуро и какъ бы въ смущеніи посмотрѣлъ на пріятеля, очень хорошо зная, о чемъ идетъ рѣчь.

— А-а! Ты все о *томъ*...—пробормоталъ онъ нехотя.—Да какъ тутъ рѣшишь! Никакъ не рѣшилъ... Ты помнишь стихотвореніе Некрасова «Рыцарь на часъ»? Ну, вотъ, мы всѣ — рыцари на часъ... Въ эмпиреяхъ мы паримъ соколомъ, а на землѣ, въ жизни дѣйствительной, тащимся, какъ жалкіе «калики перехожіе». Въ мечтахъ мы готовы міръ покорить, а на дѣлѣ и комаръ насъ приводитъ въ замѣшательство... Ты не подумай, что я лицемѣрю, напускаю на себя хандру. Вѣдь ты знаешь: мнѣ не передъ кѣмъ рисоваться и разыгрывать тамъ какого-нибудь Чайльдъ-Гарольда... Не ради же тебя я стану безпокоиться и устраивать этакій маскарадъ! Повѣрь, дружище, я говорилъ искренно — то, что̀ думалъ и чувствовалъ. Мнѣ иногда, въ самомъ дѣлѣ, смотрѣть ни на что не охота, самъ себѣ становлюсь противенъ, хоть въ петлю полѣзай .. А потомъ оглянешься, посмотришь...

— «Съ холоднымъ вниманьемъ вокругъ?» —вставилъ Синявинъ.

— Да! «Съ холоднымъ вниманьемъ»...— согласился Веретьевъ. — Ну, и видишь, что выбиться трудно... Жизнь,—положимъ, хоть тупая и безсознательно сложившаяся,—уже наладилась, идетъ, какъ заведенная машина, какъ привычная каторга «со всѣми удобствами»; такъ идетъ она и у меня, и около, и по всей округѣ, и во всемъ мірѣ. Трудно вырваться! Колея слишкомъ глубоко пробита: пробивали ее тысячи тысячъ поколѣній...

— Это ты насчетъ исторической давности... наслѣдственной глупости?—съ усмѣшкой замѣтилъ Синявинъ.

— Да!—отозвался Веретьевъ.—Колея-то для меня «не способна», какъ выражаются наши мужики, и хотѣлъ бы я проложить лучшую колею, да со старой дороги свернуть невозможно... Предки протягиваютъ изъ могилъ свои длинныя цѣпкія руки, хватаютъ меня и толкаютъ по старой дорогѣ. Никуда я не могу уйти отъ нихъ и постоянно чувствую на себѣ ихъ тяжелыя, холодныя руки... Ну, вотъ въ иную слишкомъ горькую минуту и побунтуешь этакъ втихомолку, такъ сказать, стоя на колѣняхъ, да и опять, какъ худая кляча, плетешься по проторенному пути...

— Положимъ! Не спорю... И мертвецы намъ даютъ себя знать! — замѣтилъ Синявинъ.—Ну, а наши-то личныя привязанности, наша склонность къ житейскимъ удобствамъ, наши привычки, наша болѣзненная чуткость къ мнѣнію ближнихъ о насъ—развѣ не причемъ? Предковъ ужъ давно нѣтъ, каковы бы они тамъ ни были... А сами-то мы каковы? Хороши?

— Не особенно... не могу похвалить, но... мы—люди искренніе!—задумчиво проговорилъ Веретьевъ, берясь за свою трубку. — Да! Мы—искренніе... Мы не можемъ пользоваться земными благами съ такой спокойной совѣстью, какъ наши дѣды и отцы; мы не можемъ беззаботно прожигать жизнь, а если и вздумаемъ прожигать ее, то прожигаемъ съ чувствомъ горечи и отчаянія; если мы и безобразничаемъ, то не отъ избытка животныхъ силъ, не отъ полноты чувства, такъ сказать, а просто безобразничаемъ съ горя, какъ попало, безъ аппетита и безъ вкуса... Мы сильнѣе отцовъ чувствуемъ и сознаемъ свою неправоту, но мы еще не готовы перейти отъ словъ къ дѣлу, да и слѣдующему поколѣнію, кажется, придется толочься на одномъ мѣстѣ,—и не видать ему земли обѣтованной... Жизнь со всѣми ея радостями и наслажденьями уже навсегда отравлена для насъ, но ветхій человѣкъ упорно хватается за края этой отравленной для него чаши — и не можетъ зажить болѣе праведною жизнью... Мы—слабые, жалкіе, несчастные люди...

Веретьевъ замолчалъ... Въ комнатѣ было тихо. Въ растворенныя окна виднѣлось ночное, темно-синее, звѣздное небо.

— Но... почемъ знать: можетъ быть, близокъ разсвѣтъ, близокъ тотъ часъ, когда родъ людской выйдетъ изъ «сѣни смертной»... — промолвилъ Веретьевъ.

Голосъ его слегка дрогнулъ.

— А пока, значитъ,—

«Суждены намъ благіе порывы,
Но свершить ничего не дано»...

— Такъ, что-ли?—спросилъ Синявинъ.

Веретьевъ ничего не отвѣтилъ ему.

Онъ, молча, усиленно засосалъ трубку и черезъ минуту весь закутался синеватымъ облакомъ табачнаго дыма...

1889 г.

СМЕРТНАЯ КАЗНЬ.

(Изъ воспоминаній моего друга).

I.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, у насъ, во Владивостокѣ, разыгралась одна изъ обыкновенныхъ житейскихъ исторій: произошло покушеніе на грабежъ и убійство.

Два китайца заподозрили у одного русскаго чиновника существованіе большихъ богатствъ. Какъ-то въ концѣ зимы, въ темную и туманную ночь, они подошли къ его дому и постучали въ дверь. Служитель—китаецъ—со сна, второпяхъ, отперъ имъ, но въ ту же минуту сообразивъ, для чего пожаловали къ нему земляки въ такую неурочную пору,—принялся бороться съ ними и былъ убитъ въ схваткѣ. Дверь во внутреннія комнаты была заперта на ключъ, и китайцы напрасно ломились въ дверь и вертѣли ручку. Проснувшійся хозяинъ, разумѣется, догадался въ чемъ дѣло—и, дрожа отъ страха, кричалъ черезъ дверь, что — если злодѣи не оставятъ его въ покоѣ — онъ будетъ стрѣлять изъ револьвера. Устрашились-ли китайцы его угрозъ, или испугались произведеннаго ими шума — неизвѣстно, только, какъ бы то ни было, они немедленно скрылись...

На другой же день начались розыски. Вскорѣ преступники были найдены, арестованы и преданы военному суду. Одинъ изъ подсудимыхъ былъ оправданъ, а другой, по имени Ліу-Тангъ, былъ обвиненъ въ убійствѣ и въ покушеніи на грабежъ и приговоренъ къ смертной казни черезъ повѣшеніе.

Никто не былъ удивленъ строгостью произнесеннаго приговора. Владивостокъ основался въ странѣ пустынной и полудикой, и понятно, что здѣшнее общество, въ силу самозащиты, необходимо должно было строго относиться къ преступленіямъ противъ жизни и собственности...

II.

Разсвѣтало. Сѣрыя облака расползлись по всему небу и только на востокѣ, надъ самымъ горизонтомъ, виднѣлась узкая голубая полоса.

Мѣстомъ казни у насъ служилъ покатый морской берегъ, песчаный и пустынный. Море теперь было задернуто сѣдою дымкой тумана,—и этотъ туманъ, скрывавшій за собой воды Великаго Океана, невольно наводилъ на мысль о безконечности... На роковомъ берегу, при брезжущемъ сіяніи разсвѣта, уже рисовался на сѣромъ фонѣ облаковъ темный, зловѣщій силуэтъ висѣлицы.

Не смотря на ранній часъ, толпы народа шли изъ города къ этому печальному мѣсту (я по обязанности также долженъ былъ присутствовать при казни). За неимѣніемъ позорной колесницы, Ліу-Тангa, скованнаго по рукамъ и по ногамъ, везли къ мѣсту казни на обыкновенныхъ извозчичьихъ пролеткахъ; одинъ солдатъ сидѣлъ рядомъ съ преступникомъ и держалъ его за воротъ, а другой стражъ кое-какъ примостился противъ нихъ на козлахъ. Такимъ образомъ, китайца доставили на берегъ. Тутъ произошло нѣкоторое замѣшательство: забыли прихватить изъ города кузнеца для снятія съ осужденнаго оковъ. И для смертной казни существуетъ свой этикетъ... Послали за кузнецомъ. Смерть для Ліу-Тангa была отсрочена минутъ на двадцать.

Солдаты, стоявшіе въ каре, той порой слегка разомкнулись и пропустили къ помосту китайца съ его стражей. Ліу-Тангъ, до той минуты казавшійся совершенно апатичнымъ, теперь, при видѣ орудій казни, вдругъ сильно взволновался; темные глаза его блеснули и судорогой подернулись желтыя, морщинистыя щеки. Онъ поднимался на цыпочки, вертѣлъ головой—такъ, что его жиденькая черная косичка моталась изъ стороны въ сторону; ему, повидимому, чрезвычайно хотѣлось черезъ плечи солдатъ заглянуть на собравшуюся толпу. Тамъ, вѣдь, было не мало земляковъ Ліу-Тангa, его знакомыхъ и даже, быть можетъ, его родныхъ... На тонкихъ, блѣдныхъ губахъ его мелькала какая-то гримаса, что-то вродѣ горькой улыбки, между тѣмъ, какъ крупныя слезы катились изъ глазъ. Въ ту минуту китаецъ мнѣ показался очень жалокъ... Онъ бор-

моталъ что-то сбивчиво и торопливо, поднимая руки, и, очевидно, протестуя, жалуясь и взывая о помилованіи. Цѣпи его звякали и ихъ звяканье слышалось явственно... Впрочемъ, это жалобное звяканье и крики китайца были скоро заглушены барабанною дробью, раскаты которой дѣлались съ каждымъ мгновеньемъ все сильнѣе и сильнѣе и, наконецъ, превратились въ какой-то страшный, рокочущій гулъ.

Можно было видѣть, какъ китаецъ еще нѣсколько секундъ сильно жестикулировалъ и раскрывалъ ротъ, какъ бы разсчитывая перекричать барабанный грохотъ, и потомъ замолчалъ, въ безсиліи опустивъ руки. Ломая пальцы и съ какимъ-то отупѣлымъ, недоумѣвающимъ видомъ, смотрѣлъ онъ сквозь слезы на солдатъ, отдѣлившихъ его, какъ стѣной, отъ міра живыхъ... Наконецъ, явился кузнецъ, снялъ съ осужденнаго оковы, — и Ліу-Танга взвели на помостъ. Смертный приговоръ былъ прочтенъ Ліу-Тангу, и чиновникъ въ трехъуголкѣ быстро удалился.

Палачъ — высокій, здоровенный мужикъ-сибирякъ, съ рыжей бородой, въ красной кумачевой рубахѣ и съ классически засученными рукавами—уже готовился приступить къ исполненію своихъ обязанностей и собирался положить руку на плечо китайца, какъ тотъ, вдругъ, рванулся отъ него и хотѣлъ убѣжать съ помоста. Палачъ схватилъ его за косу и съ силой подтянулъ къ себѣ, а помощникъ его мигомъ скрутилъ руки Ліу-Тангу. На Ліу-Танга накинули сѣрый холщевый саванъ, подтащили Ліу-Танга къ висѣлицѣ и набросили ему на шею петлю...

Тутъ опять произошло небольшое замѣшательство... Китаецъ до послѣдней минуты продолжалъ сопротивляться и барахтался со своими палачами. Поэтому-то палачу и не удалось сразу выбить изъ-подъ ногъ китайца подвижную доску помоста, (скамейки у насъ не полагается, а въ помостѣ доска подъ петлей дѣлается подвижною и выталкивается изъподъ ногъ казнимаго). Палачъ былъ вынужденъ одной рукой приподнять китайца на воздухъ, а другою — отбросить доску, отдѣлявшую Ліу-Танга отъ «вѣчности».

Когда же палачъ выпустилъ китайца и тотъ, содрогаясь, повисъ въ воздухѣ, веревка, связывавшая ему руки, отъ сотрясенія или отъ силы предсмертныхъ конвульсій — лопнула, саванъ спереди разорвался, и показались двѣ желтыя, костлявыя руки, съ страшными, невѣроятными усиліями тянувшіяся къ роковой петлѣ. Руки дрожали и поднимались все выше и выше... Въ этой отчаянной, безнадежной борьбѣ сильнаго, здороваго животнаго со смертью было что-то ужасное... Я отвернулся.

Когда я черезъ минуту или черезъ двѣ взглянулъ на казненнаго, то увидѣлъ, что желтыя, худыя руки вершка полтора не дотянулись до петли и замерли въ напряженной позѣ — со скрюченными пальцами. До конца жизни не забыть мнѣ этихъ желтыхъ, костлявыхъ рукъ...

Ліу-Тангъ успокоился. Предутренній вѣтерокъ тихо раскачивалъ его тѣло, облеченное въ сѣрый саванъ. Тысячная толпа, окружавшая мѣсто казни, безмолвствовала.

Пока ждали кузнеца, пока совершалась казнь, времени ушло не мало... Облака надъ восточнымъ краемъ горизонта окрасились въ розовый цвѣтъ и ихъ сѣдоватые клубы при такой окраскѣ приняли очень эффектный видъ. Вскорѣ изъ-за водъ Великаго Океана выплылъ багровый край блестящаго свѣтила и лучи его золотомъ сверкнули по морю и по землѣ. И теперь, въ виду этого свѣтила, въ виду неба и земли, въ виду наступавшаго весенняго дня, передъ лицомъ природы, непричастной нашимъ грѣхамъ и преступленіямъ, невозможно было смотрѣть безъ трепета на темный помостъ — на зловѣщій силуэтъ висѣлицы, воздвигнутой человѣкомъ для человѣка.

Мы всѣ были увѣрены, что китаецъ виновенъ въ убійствѣ; мы знали, что строгость необходима для сохраненія общественной безопасности; мы знали, что китайца судили правильно и правильно составленнымъ судомъ, насколько, разумѣется, вообще правильны дѣянія человѣческія... Мы чувствовали себя до послѣдняго момента въ роли обороняющихся. Но теперь, не смотря на всѣ доводы разсудка, мы вдругъ почувствовали нѣкоторое *замѣшательство*. При видѣ яркаго солнца, краснымъ шаромъ выплывавшаго изъ-за океана, и при видѣ сѣрой фигуры, качавшейся отъ вѣтра подъ висѣлицей, — намъ стало *ужасно неловко*, *и мы старались не смотрѣть другъ на друга*. Теперь мы словно опомнились и со стыдомъ замѣтили, что мы увлеклись и зашли слишкомъ далеко въ самооборонѣ.

Намъ казалось въ глубинѣ души, что мы сообща совершили въ то утро очень нехоро-

шее дѣло, которое передѣлать уже невозможно. Мы всѣ, присутствовавшіе на казни этого бѣднаго Ліу-Танга, на словахъ исповѣдывали съ малыхъ лѣтъ заповѣдь о любви къ ближнему, а теперь, между тѣмъ, сдѣлали нѣчто такое жестокое и звѣрское, что прямо, рѣшительно, безусловно, противорѣчитъ Христовой заповѣди...

1889 г.

ПЕРЕДЪ ПОТУХШИМЪ КАМЕЛЬКОМЪ.

СВЯТОЧНЫЙ РАЗСКАЗЪ.

(Изъ воспоминаній одного моего знакомаго).

Въ тотъ вечеръ я, рѣшительно, былъ не въ духѣ. Да какъ же!.. Святки на дворѣ, а я сижу дома одинъ одинехонекъ. Насморкъ, кашель, грудь заложило...

Я отворилъ дверь изъ кабинета въ залу и съ горя принялся шагать по комнатамъ взадъ и впередъ. Въ свое время, то-есть, въ 10 часовъ, моя экономка, Анна Ефимовна подала мнѣ чай. А я, заложивъ руки за спину, продолжалъ шататься изъ угла въ уголъ. Одиночество въ тотъ вечеръ тяготило меня. Старый холостякъ въ будни не такъ сильно чувствуетъ свое одиночество, какъ въ свободное праздничное время. Хотѣлось бы душу отвести, поговорить съ кѣмъ-нибудь откровенно. А тутъ, какъ на зло, нездоровье заставило меня сидѣть дома. Да и то сказать: съ кѣмъ же я могъ бы поговорить такъ, какъ мнѣ хотѣлось? Ни родныхъ — у меня, ни друзей... знакомыхъ, правда много, — пожалуй, хоть отбавляй... Но эти знакомые, эти партнеры—винтёры,—вовсе не то, что мнѣ надо... Да и тѣхъ-то теперь нѣтъ подъ руками... Анна Ефимовна? Женщина очень почтенная, словъ нѣтъ, точная, аккуратная, и за 15 рублей въ мѣсяцъ превосходно ведетъ мое хозяйство и служитъ мнѣ вѣрой и правдой, то-есть—воруетъ по мелочамъ, въ мѣру. Но о чемъ же разговаривать съ ней? Выслушивать опять ея разсказъ о томъ, какъ она жила въ Царскомъ-Селѣ у старой генеральши Хрѣновой и чесала гребнемъ ея четырнадцать болонокъ?.. Съ ней можно пошутить, потолковать на счетъ обѣда—и только... Безъ всякаго аппетита выпилъ я стаканъ чаю, налилъ другой и ушелъ съ нимъ въ кабинетъ.

— Прикажете убирать?—немного погодя спросила Анна Ефимовна, показываясь въ дверяхъ.

— Да, я больше не буду пить!—отвѣтилъ я ей.—Убирайте! И можете ложиться спать...

Я самъ затопилъ каминъ, придвинулъ къ нему круглый столикъ и поставилъ на него свой стаканъ съ чаемъ и небольшой граненый графинъ съ ямайскимъ ромомъ настоящаго Елисеевскаго приготовленія. Затѣмъ я потушилъ свѣчи на письменномъ столѣ, подкатилъ къ камину кресло и удобно расположился въ немъ. Методически, не торопясь, я положилъ на стаканъ ложечку, опустилъ въ нее кусокъ сахара и облилъ ромомъ. Синевато-блѣдный огонекъ забѣгалъ надъ стаканомъ, а я сталъ смотрѣть на него. Скоро огонекъ сталъ опадать, заметался, вспыхнулъ разъ-другой и погасъ. Понемногу прихлебывая, пилъ я горячій напитокъ... Въ квартирѣ было тихо; Анна Ефимовна, очевидно, уже отправилась спать. Допивъ стаканъ, я поставилъ его на столъ, закурилъ сигару и, откинувшись на спинку кресла, сталъ смотрѣть въ каминъ. Дрова разгорались, и порой, когда вѣтеръ задувалъ въ трубу, изъ камина слегка припахивало горящей березовой корой. Этотъ знакомый запахъ напомнилъ мнѣ мое далекое дѣтство... Весело проводилъ я тогда святочные вечера.

Въ то время я жилъ въ родномъ Михальцевѣ съ отцомъ, съ матерью, сестренкой Олей и съ моей няней-баловницей, Максимовной. Для меня въ саду устраивали гору, по вечерамъ зажигали елку... Мать, повидимому, очень любила меня. Я помню, какъ она разглаживала мои русыя кудри, какъ ласково гладила меня по головѣ и крѣпко цѣловала. Ея поцѣлуи, признаться, мнѣ не особенно

нравились; я гораздо охотнѣе цѣловался украдкой съ горничными дѣвченками. Отецъ не разъ собирался посѣчь меня за шалости, но мать всегда за меня заступалась. Я слышалъ однажды, какъ она нравоучительнымъ тономъ говорила отцу:

— Прошу тебя... оставь, пожалуста! Вѣдь такимъ наказаніемъ можно выбить изъ ребенка всякій стыдъ!

Конечно, я былъ очень благодаренъ за ея заступничество,—но только она совершенно напрасно сокрушалась за мое чувство стыда. Это чувство ужъ было утрачено. Я боялся только физической боли, но розги, какъ позоръ, ни мало меня не смущали...

Всѣ они—отецъ, мать, и сестренка, и няня—уже давно ушли туда, откуда никто не приходитъ... Михальцево куплено какимъ-то кулакомъ, и знакомыя, милыя липы уже давно срублены. Моя дѣтская быль мохомъ поросла...

Потомъ мнѣ припомнилось, какъ гимназистомъ, въ нашемъ губернскомъ захолустьѣ, я ѣздилъ на святкахъ съ товарищами маскированнымъ въ знакомые дома; танцовали, шалили, кутерьмили. Но въ то время, какъ мои товарищи украдкой курили папиросы и самымъ невиннымъ образомъ ухаживали за барышнями, я простиралъ свои виды уже далѣе простого ухаживанья. Пріятели звали меня «удалымъ». Шумно и бурно прошли студенческіе годы. Какія многолюдныя, оживленныя сборища бывали у насъ въ ту пору! Иной разъ только рубль въ карманѣ, а смѣху, веселья, свѣтлыхъ надеждъ и мечтаній столько, что богачу и за милліонъ не купить... Впрочемъ, деньгами я никогда не участвовалъ въ товарищескихъ кутежахъ. У меня—такое правило: денегъ напрасно не тратить... И эта ранняя зеленая юность уже давно отлетѣла и кажется мнѣ теперь сномъ. Кудри мои развились, порѣдѣли, и на темени у меня блеститъ изрядная лысина.

Теперь, могу сказать, я—человѣкъ вполнѣ обезпеченный. Изъ Царевококшайскаго желѣзнодорожнаго правленія я получаю (съ наградами) около 2,000 въ годъ, да кое-что припрятано въ банкѣ. Кажется, можно бы жить и пользоваться благами міра сего. Но прежняго аппетита нѣтъ, вкуса нѣтъ. Ничто меня особенно не манитъ, не тянетъ меня никуда... Вотъ только развѣ еще «винтъ». Оставался у меня изъ родныхъ одинъ дядя, да и тотъ померъ лѣтъ десять тому назадъ; дочь его вышла замужъ за какого-то инженера и уѣхала съ нимъ въ Самаркандъ или за Самаркандъ,—Богъ ее знаетъ. Впрочемъ, эту двоюродную сестру я почти не помню. Помню только, что все лицо ея, кажется, было въ веснушкахъ. Друзья, товарищи студенческихъ лѣтъ, всѣ куда-то запропали, исчезли... Вотъ ужъ подлинно, «спрятаться такъ хорошо мы успѣли, что послѣ другъ друга найти не съумѣли». Иной дошелъ «до степеней извѣстныхъ», иной затонулъ въ провинціи, кое-кто умеръ, а двѣ-три горячія головы попали даже въ мѣста довольно холодныя.

Впрочемъ, одинъ изъ моихъ университетскихъ товарищей, Черемухинъ, долго шатался ко мнѣ и иногда захаживалъ даже довольно часто. Онъ былъ замѣчательный образчикъ человѣческой натуры, феноменъ въ своемъ родѣ, словомъ—одинъ изъ могиканъ шестидесятыхъ годовъ. Онъ ужасно любилъ пофилософствовать и горячо разсуждалъ о мирѣ всего міра, о бѣдныхъ и богатыхъ, о добрѣ и злѣ — и весь его знаетъ еще о чемъ. Это былъ человѣкъ крайне тупой и ограниченный. Одинъ мой знакомый очень мѣтко называлъ его «прямолинейнымъ осломъ». Черемухинъ не могъ понимать самыхъ простыхъ вещей, не могъ, напримѣръ, сообразить того, что вчерашнія понятія и разговоры сегодня могутъ уже наскучить, а завтра и окончательно выйти изъ моды. Этотъ мудрецъ, зимой щеголявшій въ лѣтнемъ пальто и во всѣ времена года ходившій въ отрепанныхъ штанахъ и мечтавшій покрывать чужія крыши, когда его собственная протекала, наконецъ, надоѣлъ мнѣ до смерти со своими банальными разсужденіями о добрѣ и злѣ и вѣчнымъ приставаньемъ за деньгами. То дай ему «рублика», то два, и каждый разъ почти обязательно ставь передъ нимъ водку. Налижется, какъ стелька, и лѣзетъ съ мокрыми губами цѣловаться. Я самъ — человѣкъ трезвый и пьяницъ не выношу... Иной разъ еще расплачется. «Ахъ, говоритъ, доля моя, доля! Гдѣ ты запропала?» А то вдругъ страшнымъ голосомъ примется распѣвать: «Свободы гордой вдохновенье, тебя не вѣдаетъ народъ...» Ну, просто, устраивалъ у меня безобразіе.

Кончилось тѣмъ, что я приказалъ Аннѣ Ефимовнѣ не принимать эту шушеру. Послѣ того онъ заходилъ ко мнѣ нѣсколько разъ, и я слышалъ, какъ онъ однажды, спускаясь съ лѣстницы, повидимому, чрезвычайно усталый, измученный, бормоталъ сквозь зубы: «Раз-

жирѣлъ! Бѣдняка товарища знать не хочетъ... Чиновникъ!..» И съ какой горечью онъ всегда произносилъ это слово! Что ему сдѣлали чиновники, чортъ его знаетъ!.. Онъ, очевидно, сердился и каждый разъ такъ неистово дергалъ звонокъ, что заставлялъ меня вздрагивать и мои несчастные нервы послѣ того положительно разстраивались. Въ послѣдній разъ, уходя отъ двери не солоно хлебавши, (дверь въ моей квартирѣ—постоянно на цѣпочкѣ), онъ остановился на площадкѣ, и я слышалъ, какъ онъ крикнулъ Аннѣ Ефимовнѣ: «Скажите вашему барину, что онъ — свинья! Онъ думаетъ, что я къ нему только за деньгами хожу, или ради водки! Наплевать мнѣ, говоритъ, на его водку! А цѣлковые я ему возвращу... Мнѣ поговорить съ нимъ хотѣлось. Я вѣдь, говоритъ, прежде любилъ его, скотину!» Онъ, очевидно, въ то время былъ чѣмъ-то сильно огорченъ и взволнованъ, — но все-таки съ его стороны было довольно безтактно такимъ тономъ говорить обо мнѣ съ прислугой...

Вотъ уже лѣтъ 6 или 7 я не вижу Черемухина. Живъ-ли онъ? Пресмыкается-ли гдѣ-нибудь «въ углу» и попрежнему трактуетъ о добрѣ и злѣ? Или, можетъ быть, уже успокоился и лежитъ теперь на какомъ-нибудь изъ петербургскихъ кладбищъ? Подчасъ былъ ужасно непріятный человѣкъ. Ну да—Богъ съ нимъ! Я зла не помню... А долгу—рублей 10—12—онъ мнѣ все-таки не возвратилъ... Въ тотъ вечеръ одиночество до того тяготило меня, что, право, мнѣ кажется, если бы явился Черемухинъ, я принялъ бы его и даже былъ бы ему радъ. Я былъ бы, пожалуй, не прочь послушать его «завиральныхъ» (либеральныхъ) разсужденій о правдѣ и кривдѣ, о добрѣ и злѣ и о всякой чепухѣ. Можетъ быть, онъ опять попросилъ бы у меня «рубликъ» и ужъ навѣрное вылакалъ бы у меня весь ромъ. Ну, да это—не бѣда...

Странно! Вокругъ меня—цѣлый міръ, все человѣчество, а я, между тѣмъ, чувствую себя отрѣзаннымъ отъ міра, совсѣмъ одинокимъ, словно живу на какомъ-нибудь необитаемомъ островѣ. Да! именно такъ... Я живу на островѣ Личнаго Благополучія.

Березовыя полѣнья въ каминѣ уже прогорали. Я засмотрѣлся на груду красныхъ, горячихъ угольевъ и смотрѣлъ на нихъ такъ долго, что глаза мои стали невольно смыкаться, и на меня напала дремота. Но я не спалъ, честное слово, не спалъ!.. Я даже порой пріоткрывалъ глаза и видѣлъ передъ собой, какъ въ туманѣ, ту же груду красныхъ угольевъ...

Вдругъ мнѣ показалось, что кто-то подошелъ сзади къ моему креслу... не подошелъ, а осторожно, на цыпочкахъ, тихо подкрался. Было мгновенье, когда мнѣ даже почудилось, что кто-то наклонился надо мной, чье-то дыханіе коснулось моей щеки, и этотъ *кто-то*, неслышно подкравшійся ко мнѣ, нѣжно, чуть дотрогиваясь, провелъ рукой по моимъ волосамъ, какъ бы желая погладить, приласкать меня... Я не выдержалъ, раскрылъ глаза и, круто повернувшись въ креслѣ, оглянулся назадъ. Это движеніе мнѣ стоило большихъ усилій: мнѣ ужасно не хотѣлось оглядываться; мнѣ было очень трудно повернуть голову. Такъ во снѣ иногда бываетъ трудно пошевелить рукой или ногой, хотя—по ходу сна—ясно сознаешь, что отъ этихъ движеній зависитъ вопросъ о жизни и смерти...

Я отъ природы—не трусъ.

Но тутъ, передъ каминомъ, въ этотъ несчастный святочный вечеръ, куда вдругъ дѣвалось все мое мужество!.. Съ усиліемъ оглянувшись назадъ, я увидалъ за креслами довольно высокую, бѣлую, призрачную фигуру. И этотъ призракъ не то съ укоромъ, не то съ сожалѣніемъ тихо покачивалъ головой. Такъ, по крайней мѣрѣ, мнѣ почудилось одно мгновенье. Въ дѣйствительности, разумѣется, не было никакого призрака. Людямъ въ здравомъ разсудкѣ—такимъ, какъ я, привидѣнія не являются. А дѣло было очень просто... Изъ залы, гдѣ горѣла лампа, свѣтъ полосой проникалъ въ кабинетъ черезъ отворенную дверь и падалъ на бѣлую, тюлевую занавѣсъ у окна. Моя комната была погружена въ полусумракъ, и оттого бѣлая занавѣсъ, ярко озаренная, слишкомъ рельефно выступала въ окружающей ее темнотѣ и могла на одно мгновеніе превосходно разыграть роль призрака...Сердце мое все-таки сильно билось, какъ будто я въ самомъ дѣлѣ пережилъ какую-нибудь дѣйствительную опасность; руки мои похолодѣли и по спинѣ пробѣжалъ какой-то непріятный ознобъ. Для того, чтобы подобной исторіи не повторялось, чтобы опять не сдѣлаться игрушкой своего собственнаго воображенія, я всталъ, зажегъ свѣчи на письменномъ столѣ и, прикрывъ ихъ зеленымъ абажуромъ, возвратился къ камину.

Пошевеливъ щипцами горячіе уголья, я поудобнѣе усѣлся въ креслѣ и постарался думать о дѣловыхъ предметахъ—о движеніи по

службѣ, о гадательной возможности выиграть 200 тысячъ, о дешевизнѣ шерстяной матеріи, подаренной мною Аннѣ Ефимовнѣ на Рождество, и т. п. Но я опять заглядѣлся на уголья и опять эти несносныя воспоминанія полѣзли въ голову. И откуда они берутся, прахъ ихъ знаетъ! цѣлые годы лежатъ гдѣ то тамъ, подспудомъ, а тутъ вдругъ, откуда ни возьмись, и начнутъ выплывать...

И живо-живо, вотъ точно на картинѣ, представился мнѣ тотъ святочный вечеръ, когда я впервые встрѣтился *съ нею*... Я былъ въ одномъ знакомомъ семействѣ; танцовали, только-что кончили кадриль. Былъ уже часъ двѣнадцатый .. Вдругъ послышался звонокъ. Колокольчикъ чуть дрогнулъ, но въ тишинѣ, послѣдовавшей за танцами, его слабый, дребезжащій звукъ явственно раздался въ комнатѣ. Запоздалый гость...

Въ залу вошла очень молоденькая барышня, лѣтъ 17, высокая, стройная и съ чудесными бѣлокурыми волосами, Елена Александровна Невѣдова!.. Когда меня представили этой прелестной незнакомкѣ, я крѣпко пожалъ ей руку, съ удовольствіемъ оглядѣвъ ее всю съ ногъ до головы. Большіе, голубые глаза, весело смѣючись, прямо и довѣрчиво посмотрѣли на меня. Спору нѣтъ, всегда скажу: хорошіе, красивые глаза. Но я почему-то никогда не могъ открыто, пристально смотрѣть въ эти глаза. Слишкомъ ужъ дѣтски-невинны, слишкомъ какъ-то ясны и чисты были они... Когда мои глаза встрѣчались съ этими голубыми дѣтски-простодушными глазами, мнѣ сдуру казалось, что они какимъ-то чудомъ могутъ увидать все то, что скрывается на днѣ моей души...

Обыкновенно, не перлы и адаманты кроются въ тайникахъ человѣческой души. Эти тайники по бо́льшей части представляютъ собой нѣчто въ родѣ мусорныхъ ямъ, и обнаружить передъ свѣтомъ ихъ содержимое — мнѣ по крайней мѣрѣ—кажется несравненно позорнѣе и стыднѣе, чѣмъ показать людямъ свою тѣлесную наготу...

Помню: въ ту минуту, какъ я пожималъ *ей* руку, свѣжимъ, студенымъ воздухомъ и запахомъ фіалокъ повѣяло на меня отъ ея платья, отъ рукъ, отъ ея разгорѣвшихся на морозѣ щекъ, отъ ея роскошныхъ бѣлокурыхъ волосъ... Я танцовалъ съ ней и потомъ, разговаривая, довольно долго ходилъ съ ней по залѣ. Она была ни слишкомъ полна, ни худощава, а именно такова, какою, по моему мнѣнію, должна быть «здоровая» дѣвушка въ ея лѣта... Высокія, стройныя, мягкія женщины были всегда въ моемъ вкусѣ. Съ женщиной полной и небольшого роста я еще могу мириться, но женщинъ субтильныхъ, подобныхъ скелетамъ, представляющихъ собой ходячія «кости да тряпки»—не выношу. Женщинъ въ родѣ моей новой знакомки я звалъ «аппетитными», но аппетитнѣе Елены Александровны я еще не встрѣчалъ дѣвушекъ. Понятно, мнѣ было очень пріятно созерцать ея прекрасно развитыя, дѣвственныя формы, и я съ нескрываемымъ восторгомъ, на правахъ кавалера, смотрѣлъ на ея щеки, залитыя горячимъ румянцемъ, румянцемъ юности и здоровья. Мнѣ въ то время было около 30 лѣтъ, и мнѣ показалось, что я произвелъ на нее также пріятное впечатлѣніе... Нянька, Максимовна, не даромъ звала меня «красавчикомъ»; зеркало подтверждало справедливость ея приговора.

Двадцать лѣтъ прошло послѣ того, а я и теперь помню Невѣдову такою, какъ увидалъ ее въ тотъ святочный вечеръ. На ней было простенькое, сѣрое платье; на груди, на тонкой золотой цѣпочкѣ, блестѣлъ золотой крестикъ съ черной эмалью, усыпанный мелкими брилліантами, ея единственное цѣнное украшеніе, (вѣроятно, купленное по случаю); на головѣ голубая лента (копѣекъ по 30 аршинъ, не дороже). Конечно, я скоро сообразилъ, что дѣвочка соблазнительно-красива, что поближе познакомиться съ ней очень лестно, но, ясное дѣло, въ жены для меня эта красавица не годилась. Цензъ не вышелъ... Я въ тотъ же вечеръ уже все разузналъ о ней.

Елена Александровна была сирота, дочь какого-то несчастнаго сорока-рублеваго чиновника, жила съ матерью да съ маленькимъ братомъ и давала уроки, бѣгая съ Торговой улицы на Васильевскій островъ и куда-то къ Таврическому саду. Дѣло знакомое... Благородная бѣдность... Идиллія въ разбитомъ горшкѣ!.. Иныя женщины въ дырявыхъ платьишкахъ, я знаю, чрезвычайно любятъ гордиться своими добродѣтелями. Все это старыя исторіи, давнымъ-давно заѣзженныя, общія фразы!

Я сталъ часто встрѣчаться съ ней у знакомыхъ и все больше и больше влюблялся. Наконецъ, какъ водится, я началъ заговаривать съ Невѣдовой о «чувствахъ», но, какъ на зло, то «чувство», которое меня всего бо лѣе интересовало, которое всего пуще мнѣ

хотѣлось расшевелить въ ней, не подавало и признака жизни; оно или еще спало, или оставалось въ полудремотѣ. Но по всѣмъ моимъ предположеніямъ въ такой вполнѣ развитой, здоровой дѣвушкѣ «чувство» должно было спать очень легкимъ, чуткимъ полусномъ, и пробудить его, мнѣ казалось, не особенно трудно.

Елена Александровна слушала, слушала мои разсужденія о «чувствахъ» и вдругъ однажды огорошила меня совершенно неожиданнымъ замѣчаніемъ.

— Что это, Алексѣй Петровичъ, вы все о любви... Какъ это скучно! Развѣ же нельзя поговорить о чемъ-нибудь другомъ! — съ оттѣнкомъ легкой досады и нетерпѣнія, сказала она мнѣ.

«А! такъ вотъ оно что...—подумалъ я.— Надо, значитъ, съ серьезныхъ разговоровъ съ тобой начинать!.. Ладно».

Въ ту пору очень многіе находили нужнымъ толковать и писать о женской равноправности, объ общемъ благѣ, о гражданской скорби и т. п. Я, признаться, никогда особенно не вникалъ въ эти вещи: мнѣ до нихъ не было никакого дѣла. Что мнѣ Гекуба?.. Ну, а теперь поневолѣ пришлось почитывать тотъ или другой журналъ и разныя «переводныя книжки». До того времени я читалъ только свою газету, правленскіе отчеты да «Стрекозу»... Послѣ такого чтенія, натурально, мнѣ показалось слишкомъ тягостно приниматься за книги и журналы.

Зѣваешь, бывало... скучища дьявольская! Иная статья написана такъ, что ее два раза надо было прочитать, чтобы сообразить, о чемъ идетъ дѣло,—и потомъ быть въ состояніи разсуждать о ней съ Еленой Александровной. А возьмешь, бывало, иную, «хорошую» переводную книжку, такъ еще и того тошнѣе: точно по болоту бродишь, то на пень наскочишь, то за кочку запнешься, то увязнешь чуть не по уши въ какой-нибудь философской трясинѣ... Но за то я добился своего: Елена Александровна стала внимательно слушать меня и гораздо лучше ко мнѣ относиться...

Иногда вечеромъ я провожалъ ее до дому. Съ Надеждинской до Коломны — не близкій путь. Иной разъ мы ходили пѣшкомъ, а въ дурную погоду я иногда съ полдороги бралъ извозчика. Двугривенные и пятіалтынные такъ и летѣли. А двугривенныхъ да пятіалтынныхъ въ ту пору у меня было еще не особенно много... Но что жъ прикажете дѣлать! Влюбился!.. Влюбился... и бѣгалъ я за своей красавицей, по истинѣ сказать, какъ мартовскій котъ. Тоска бывала ужасная... Толкуешь о политикѣ, о разныхъ общественныхъ вопросахъ, о рабочихъ союзахъ, о стачкахъ, о всякой белибердѣ, а у самого страсть такъ и клокочетъ... Иной разъ, просто, доходилъ до бѣшенства. Наконецъ, по нѣкоторымъ признакамъ, я сталъ замѣчать, что и въ юной красавицѣ кровь заиграла... Иногда, сидя со мной наединѣ, она вдругъ вся вспыхивала, голосъ ея становился нѣжнѣе; она чаще взглядывала на меня украдкой, и взглядъ ея становился какъ-то мягче, привѣтливѣе.

Однажды, проводивъ Елену Александровну до дверей ея квартиры, я сталъ прощаться. Огонь на лѣстницѣ былъ уже погашенъ; въ окна пробивался сумеречный свѣтъ лишь настолько, что я могъ видѣть ея лицо и бѣлое крылышко на ея шляпкѣ. Когда я пожималъ ей руку, меня вдругъ осѣнила мысль: «Не пора-ли?» И подъ наитіемъ осѣнившей меня мысли тутъ же, впотьмахъ, на грязной площадкѣ лѣстницы, я въ первый разъ сказалъ ей «люблю!», обнялъ ее и горячо, страстно поцѣловалъ... Я, грѣшнымъ дѣломъ, думалъ, что она оттолкнетъ меня, (она была одного роста со мной и очень сильная), или по крайней мѣрѣ, съ жестомъ, «исполненнымъ негодованія», отстранится отъ меня и скажетъ: «Оставьте! Уходите, уходите, пожалуйста!» Не тутъ-то было... Она была слишкомъ чиста душой, слишкомъ невинна и наивна для того, чтобы кокетничать и разыгрывать комедію. Она одной рукой обняла меня за шею и возвратила мнѣ поцѣлуй.

Въ виду такого благопріятнаго оборота дѣлъ я, было, уже намѣревался повторить объятія, но она въ ту минуту дернула за колокольчикъ и совершенно просто сказала мнѣ:

— Приходите въ воскресенье! Я познакомлю васъ съ мамой...

Любилъ-ли я ее? Безъ сомнѣнія, любилъ —по своему, какъ только могъ. Она мнѣ нравилась, она неотразимо влекла меня къ себѣ... Мнѣ страстно хотѣлось обладать ею, то-есть, ея красивымъ тѣломъ... ну, пожалуй, и душой, но лишь на столько, чтобы эта самая душа не препятствовала моему пріятному времяпрепровожденію.

Я сталъ часто ходить къ Невѣдовымъ. Онѣ нанимали маленькую квартиру въ 5-мъ эта-

жъ, — двѣ комнаты и кухня. Одну комнату занимали мать съ дочерью, а въ другой помѣщался, то-есть, спалъ и готовилъ уроки, Вася, братишка Елены Александровны, и эта же послѣдняя комната служила столовой и гостиной. Сама г-жа Невѣдова была какое-то вѣчно хворое, жалкое, слезливое созданье. Вдругъ, бывало, она начнетъ плакать о томъ: что будетъ съ ея Леной, когда она, старуха, помретъ? или: кончитъ-ли Вася въ гимназіи?.. «Вотъ и на прошлой недѣлѣ получилъ двойку изъ ариѳметики»... А Вася въ то же время ходитъ по комнатѣ и съ ожесточеніемъ зубритъ: «panis, piscis, crinis, finis, ignis, lapis, pulvis, cinis, orbis, amnis, et canalis, sanguis, unguis, glis, annalis»...Лена сидитъ тутъ же съ книжкой и читаетъ статью какого-нибудь Добролюбова... А изъ кухни несетъ чадомъ, пахнетъ кислой капустой, пригорѣлымъ саломъ. Просто, иной разъ выйдешь отъ нихъ и чувствуешь, какъ будто побывалъ въ домѣ умалишенныхъ...

А страсть моя къ Леночкѣ все пуще разгоралась и стала меня вводить въ совершенно ненужныя затраты. Такъ, напримѣръ, я купилъ однажды Васѣ какой-то недоставшій ему учебникъ и заплатилъ, помнится, около рубля съ полтиной; такъ же принашивалъ Леночкѣ то коробку конфектъ, то яблоковъ или винограду. Она, положимъ, всегда отказывалась и говорила: «Не нужно, не нужно! Зачѣмъ вы это дѣлаете?» и даже очень мило надувала губки. Охотно вѣрю, что она не нуждалась въ гостинцахъ и безъ нихъ могла любить меня... Но вѣдь мнѣ оттого было не легче: въ магазинъ обратно яблоки или конфекты не возьмутъ и денегъ не возвратятъ. И я съ любезной, снисходительной улыбкой долженъ былъ смотрѣть, какъ Вася съ изумительной быстротой пожиралъ мои приношенія.

Мать даже подговорилась къ тому, чтобы я давалъ уроки ея обжорливому сынку. «Лена такъ утомляется!..» говорила она. Сталъ давать уроки. Что человѣкъ влюбленный положительно глупѣетъ—фактъ, не подлежащій сомнѣнію и подтвержденный исторіей всѣхъ временъ и народовъ. Я былъ влюбленъ, — значитъ, и поумнѣть не могъ... Мальчишка нерѣдко доводилъ меня до бѣшенства. А Леночка, бывало, ласково гладитъ по головѣ этого дуботолка и говоритъ:

— Вы ужъ не сердитесь на него, Алексѣй Петровичъ! Вѣдь онъ старается... Право!.. Только онъ у насъ немного разсѣянъ, и такой робкій, застѣнчивый...

А я съ яростью смотрю на него, да думаю: «Застѣнчивый!.. Взять бы тебя—разложить, да выпороть хорошенько...»

Рѣдко мнѣ удавалось оставаться съ Леночкой наединѣ: то мать, то Вася, около насъ торчали, (впрочемъ, полагаю, безъ злого умысла), да и эти рѣдкіе случаи свиданій наединѣ мало доставляли мнѣ удовольствія. Леночка иногда бывала нѣжна ко мнѣ: то позволяетъ себя цѣловать и сама какъ будто ищетъ моей ласки, смотритъ на меня такъ любовно... А то проходитъ недѣля-другая, Леночка меня совсѣмъ какъ будто не замѣчаетъ, носится съ Боклемъ или Льюисомъ и заводитъ ученые споры. Ну, просто, смерть моя!.. Я, конечно, старался соглашаться съ ней и норовилъ лишь обнять ее. А она въ своемъ увлеченіи отталкивала меня и продолжала съ жаромъ толковать о своемъ...

Пришла весна. Петербургскіе дворники сгребали грязь въ кучи, а тамъ, гдѣ-то за Петербургомъ, запѣли соловьи. Наступило лѣто,—соловьи замолкли, а вмѣсто того въ Аркадіи и Ливадіи раздались шансонетки, и любители изящнаго собирались туда по вечерамъ смотрѣть на полуобнаженныхъ женщинъ.

Невѣдовы въ видахъ экономіи еще въ началѣ мая перебрались на дачу по Финляндской желѣзной дорогѣ, неподалеку отъ Петербурга, (Вася остался у знакомыхъ на время экзаменовъ). Я каждый праздникъ ѣздилъ къ Невѣдовымъ, а въ іюлѣ взялъ отпускъ и поселился съ ними по сосѣдству. Вася гостилъ почти все лѣто у товарища, гдѣ-то за Петергофомъ. Старуха часто прихварывала, а когда ей бывало легче, — я съ Леночкой по цѣлымъ днямъ пропадалъ въ лѣсу.

Въ этомъ величавомъ, немного мрачномъ сосновомъ лѣсу мы провели свой медовый мѣсяцъ... Сосны вѣковыя, могучія,—сосны тѣнистыя, пахучія! Какъ вы были прекрасны въ ту пору! Полна волшебства, полна обаянія была ваша чаща въ горячій, полуденный часъ и задумчива, таинственна въ тихій часъ вечернихъ сумерекъ...

Леночка была прелестна въ своемъ лѣтнемъ костюмѣ и въ соломенной шляпѣ съ пучкомъ неувядаемыхъ французскихъ цвѣтовъ... Безтолковое, лихорадочное, но все-таки очень пріятное время. Ясное небо, смолистый запахъ сосенъ, мягкій мохъ подъ но-

гами, цвѣты... восторги, объятія и поцѣлуи безконечные, жгучіе, страстные. Нѣтъ, въ то время, положительно, сосны были зеленѣе и пахучѣе, нежели теперь, цвѣты ярче, небо синѣе... Бывали такіе дни, когда я, пожалуй, былъ готовъ не на шутку сдѣлаться поэтомъ и декламировать Майкова и Фета.

Блаженные дни... что и говорить! А мой отпускъ въ свое время все-таки кончился; пришлось перебраться въ Петербургъ. И здѣсь, сидя въ правленьи, перебирая косточки счетовъ и закатывая глаза въ потолокъ по «влюбленному», я, бывало, какъ дуракъ, шепталъ про себя: «Какіе дни! Какія ночи!..» А дома иной разъ отъ нечего дѣлать, лежа въ постели, я рисовалъ карандашомъ Леночку въ профиль, en face и во всевозможныхъ позахъ... Ребячество...

Мы, конечно, переписывались. И какія письма сочинялъ я!.. Знаки восклицательные, многоточія, подчеркнутыя слова, намеки — иногда довольно нескромные, но для проницательныхъ читателей мало интересные... Моихъ намековъ Леночка, кажется, не понимала, какъ дѣвушка еще не вполнѣ «образованная», а за подчеркнутыя фразы она бранила меня въ своихъ письмахъ. Ея стыдливость, ея нравственная порядочность разжигали мою похоть, какъ вѣтеръ раздуваетъ огонекъ; ея скромность и сдержанность подзадоривали меня идти далѣе въ опереточномъ направленіи и я еще усиленнѣе изощрялся въ придумываніи различныхъ шуточекъ...

Въ сентябрѣ Невѣдовы переѣхали въ Петербургъ, а въ октябрѣ старуха отдала Богу душу. Одинъ изъ ея старыхъ знакомыхъ помѣстилъ Васю въ какую-то частную гимназію. Я нанялъ квартиру на Фурштадтской, и мы съ Леной зажили, какъ мужъ съ женой.

Леночка, вѣроятно, въ силу «благородной гордости» и довѣрія ко мнѣ, о бракѣ не заговаривала, у меня тоже были свои причины помалкивать и сохранять для себя свободу дѣйствій. Въ общемъ все шло прекрасно. Положимъ, расходы мои увеличились, — но что жъ дѣлать! Вѣдь мнѣ все равно — рано-ли, поздно-ли — пришлось бы тратиться на содержанку или платить какой-нибудь... Тамъ, глядишь, я могъ бы нарваться на дрянь, на какую-нибудь паршивую, нахальную бабу, а тутъ ужъ, по крайней мѣрѣ, дѣвушка завѣдомо порядочная, честная, «барышня» изъ благороднаго семейства и притомъ—вполнѣ здоровая...

Около того времени насъ (или, вѣрнѣе сказать—меня) постигло большое горе. Леночка оказалась въ *такомъ* положеніи и сильно подурнѣла; лицо ея поблѣднѣло, временами покрывалось красными пятнами, станъ ея слишкомъ пополнѣлъ и оттого вся ея фигура испортилась. Не понимаю: почему это положеніе зовутъ «интереснымъ»!.. Пришлось перешивать платья, передѣлывать кофточку, пальто. Надо признаться, что Леночка, не смотря на молодые годы, очень терпѣливо переносила свою беременность: ни особенной раздражительности, ни прихотей, ни капризовъ... Только, помню, одинъ разъ она неотступно запросила апельсиновъ, и пришлось разсориться на рубль. Слезами и вздохами она тоже не донимала меня. Только однажды ей что-то всгрустнулось... Она тихо заплакала и, подойдя къ моему креслу, обняла меня.

— Алеша! Ты пожалѣешь обо мнѣ, если я умру?..—сквозь слезы спросила она, прижимаясь горячей щекой къ моему лицу.

Нѣсколько ея горячихъ слезъ упало мнѣ на щеку, — я отеръ ихъ и старался успокоить Леночку, просилъ не думать о смерти (терпѣть не могу такихъ думъ!), говорилъ ей, что все это—вздоръ, что всѣ женщины рожаютъ, а однако рѣдко умираютъ отъ родовъ.

— Все-таки же умираютъ! — настаивала Лена.

Я посадилъ ее къ себѣ на колѣни, ласкалъ и утѣшалъ ее: не она — первая, не она — послѣдняя, она у меня такая здоровая, такъ отлично сложена, кость у нея широкая, — и бояться ей, рѣшительно, нечего.

Съ большимъ неудовольствіемъ, даже, можно сказать, съ отвращеніемъ думалъ я о нашемъ будущемъ ребенкѣ. Для чего онъ мнѣ? Что мнѣ въ немъ? Сходясь съ Леночкой, я вовсе о немъ не помышлялъ. Я только думалъ о любовныхъ удовольствіяхъ, а вовсе не имѣлъ въ виду сдѣлаться отцомъ семейства. Вотъ еще, — очень нужно... при моихъ-то средствахъ! (Въ то время я получалъ только 900 руб. въ годъ).

Пеленки, простынки, свивальники, тряпки, мочалки, корыта... Каждый день стирка, пачкотня, запахъ дѣтскаго бѣлья на всю квартиру... Хорошо обзаводиться этими живыми игрушками тѣмъ, у кого въ распоряженіи анфилады комнатъ, да цѣлая ватага всякой челяди. А тутъ съ одной прислугой, въ трехъ комнатахъ съ ребенкомъ,—да, просто, задохнешься, измучишься! Говорятъ, въ деревнѣ

... ...

Я нехотя прикоснулся слегка губами къ его нѣжной щечкѣ, но вдругъ лицо его сморщилось, губы сложились въ горькую гримасу. Ребенокъ заплакалъ. Вѣроятно, я укололъ его своей бородой или усами... Вѣдь не могъ же онъ, разумѣется, понять смысла моего холоднаго, недоброжелательнаго взгляда на него; не могъ же онъ—этотъ кусокъ мяса—знать, что я вовсе-вовсе не радъ его появленію, что безъ него мнѣ было гораздо удобнѣе съ Леночкой наслаждаться жизнью. «Началось!» подумалъ я, глядя на плачущаго ребенка. А однако знаменательно... Мой поцѣлуй заставилъ сына въ первый разъ заплакать...

Мать въ ту жъ минуту взяла дитя, и дитя мигомъ утѣшилось на ея груди. Съ какою любовью, съ какимъ восторгомъ Леночка смотрѣла на него! Конечно, я не могъ ревновать Леночку къ этому куску мяса,—но все-таки теперь, при взглядѣ на мать и ребенка, мнѣ пришли въ голову кое-какія мысли, не совсѣмъ лестныя для моего самолюбія... Если бы въ наше время существовало нѣкое сказочное чудовище, если бы это чудовище потребовало для себя человѣческой жертвы и если бы Леночку спросили: кѣмъ она готова пожертвовать—сыномъ или мной? то я вовсе не увѣренъ, что не очутился бы въ ужасной пасти этого чудовища...

— Не правда-ли, Алеша, вѣдь *онъ* похожъ на тебя?—спросила Лена, съ радостной, свѣтлой улыбкой смотря на дитя, прильнувшее къ ея груди.

Леночка смотрѣла на него такъ, какъ будто увидала въ банковской таблицѣ, что на нашъ билетъ выпалъ выигрышъ, по крайней мѣрѣ, тысячъ въ 40. Я не раздѣлялъ ея телячьихъ восторговъ и находилъ, что предметъ ея восторговъ ровно ни на что не похожъ.

— Напротивъ, мнѣ кажется, онъ скорѣе похожъ на тебя!—замѣтилъ я лишь для того, чтобы сказать что-нибудь.—У него глаза совершенно твои!

— Глаза... да! это правда...—любовно смотря на ребенка, промолвила Лена.—Но лицо твое, и волосики темные и вьются—такъ же, какъ у тебя...

— Я слыхалъ: цвѣтъ волосъ у ребятъ мѣняется!..

— Алеша! Мы назовемъ его Александромъ!

— Какъ хочешь, милая!—поддакнулъ я.

И дѣйствительно: мнѣ было, рѣшительно, все равно, какъ ни назвать этотъ кричащій кусокъ мяса—Александромъ, Иваномъ или иначе...

Прошло двѣ недѣли. За это время нашъ Саша (уже окрещенный) заболѣвалъ раза два или три. Приходилось звать доктора, да еще не одного, потому что первый докторъ—серьезный молодой человѣкъ, — по мнѣнію Лены, отнесся къ Сашѣ весьма невнимательно,—потрогалъ у него только животикъ да «пощелкалъ пальцемъ по спинѣ» (ея собственныя слова). За то другой докторъ, старичекъ, намъ очень понравился. Онъ, собственно говоря, былъ ничуть не внимательнѣе перваго, но опытнѣе и гораздо лукавѣе. Онъ похвалилъ ребенка.

— Какой славный, здоровый мальчуганъ! просто, прелесть...—проговорилъ докторъ.

Леночка нашла, что онъ ужасно знающій врачъ, и настояла на томъ, чтобы заплатить ему не менѣе трехъ рублей...

Жизнь моя окончательно выбилась изъ обычной колеи (впрочемъ, она выбилась еще раньше, съ того момента, какъ я ввелъ Леночку въ свой «домъ»). Послѣ обѣда я, обыкновенно, ложился отдыхать съ газетой часа на полтора; интересно узнать: о чемъ потолковалъ императоръ Вильгельмъ Германскій, съ кѣмъ на свиданіе поѣхалъ итальянскій министръ Крисни, какъ поживаетъ mister Гладстонъ и т. д. Строго-то говоря, мнѣ до нихъ не было никакого дѣла, но привычка... Отдохнувши, я отправлялся гулять, или къ знакомымъ на винтъ или, наконецъ, въ Малый театръ. Я всегда охотно любовался на бюсты (не знаменитыхъ людей, разумѣется, а на женскіе бюсты). Ночью, какъ всякій благонамѣренный гражданинъ, я любилъ покой... А тутъ бѣготня за докторами, въ аптеку, туда и сюда; ночью до меня, иногда доносился дѣтскій плачъ. Все это, конечно, ужасно разстраивало меня.

Положимъ, Лена все больше сама возилась съ ребенкомъ и днемъ и ночью, и эта возня, повидимому, доставляла ей громадное наслажденіе. Но иногда она чувствовала себя дурно, ей нуженъ былъ ночью покой, и мнѣ въ такихъ случаяхъ приходилось не спать по цѣлымъ часамъ. Я ходилъ съ ребенкомъ по комнатѣ, укачивалъ его,—и злость меня разбирала на это несносное, надоѣдливое существо. Такъ, кажется, иной разъ взялъ бы его да и хватилъ головой объ стѣну... Но такое ду-

шевное помраченіе, конечно, черезъ мгновенье улетучивалось. Упоминается о немъ лишь потому, что изъ пѣсни слова не выкинешь. Я—человѣкъ не кровожадный, мнѣ даже противно было раздавить прусака (таракана), и ужъ, конечно, прокурору я никогда не доставлю случая расточать его краснорѣчіе по обвиненію меня въ умерщвленіи ребенка...

Много лѣтъ тому назадъ одинъ извѣстный профессоръ въ своихъ публичныхъ лекціяхъ изъ анатоміи и физіологіи мозга говорилъ,что въ головномъ мозгу есть такой нѣжный, чувствительный пунктъ, что если уколоть его булавкой, то смерть послѣдуетъ моментально. Интересный предметъ... Гдѣ этотъ пунктъ—я теперь не помню. Но онъ есть, это—вѣрно!..

Пускай глупцы толкуютъ о «врожденномъ чувствѣ любви къ своимъ дѣтямъ», о «голосѣ крови» и тому подобной чепухѣ. Не скажу, чтобы я былъ звѣрь, извергъ человѣческаго рода, но, тѣмъ не менѣе, къ своему дѣтищу я не только не питалъ никакого теплаго чувства, но напротивъ—подумывалъ о томъ, какъ бы мнѣ отдѣлаться отъ него какимъ-нибудь благовиднымъ манеромъ. (Повторяю не убійствомъ. Хотя я—человѣкъ со слабостями и грѣшками, но на подобное-то злодѣйство я не способенъ).

Тутъ вышелъ одинъ *случай*... Не будь этого случая, такъ мнѣ, разумѣется, наплевать! Живи Саша у меня на квартирѣ... тѣмъ болѣе, что Лена торжественно, чуть не подъ клятвой обѣщала, оправившись отъ болѣзни, совершенно избавить меня отъ обязанностей нянюшки, и гарантировать мнѣ спокойный сонъ по ночамъ, и послѣобѣденный отдыхъ и возможность повинтить во всякую данную минуту.

— Милый! Онъ у меня не будетъ плакать...Увѣряю тебя!—успокаивала меня Лиса Патрикѣевна.

Дѣло въ томъ, что около того времени мнѣ блеснула въ будущемъ возможность устроить очень выгодное дѣльце. Познакомился я съ одной богатой вдовушкой. По слухамъ,у нея было до 60 тыс. капитала, да въ какомъ-то черноземномъ захолустьѣ клочекъ земли въ 1,000 десятинъ. Вдовушка и сама по себѣ была апетитна—довольно полная, лѣтъ 35, брюнетка, съ блестящими черными волосами, съ пухлыми пунцовыми губками и т. д., а ужъ съ денежной стороны она представлялась изумительно лакомымъ кусочкомъ. Мнѣ показалось, что она была неравнодушна ко мнѣ и я рѣшился заняться ею...

Я разсуждалъ такъ: ребенокъ—вещественное доказательство, живая улика;онъ можетъ связать меня по рукамъ и ногамъ. Не будь ребенка, мнѣ было бы сравнительно легко сладить съ Леной. Ну, пришлось бы вынести нѣсколько непріятностей, выслушать рядъ упрековъ... рыданія, слезы и стоны, какъ вообще довольно вѣрно описывается въ романахъ. Но вѣдь я же для того и мужчина,чтобы не поддаваться сантиментальностямъ, которыя, обыкновенно, нашего брата до добра не доводятъ. Однимъ словомъ, мы съ Леночкой разошлись бы безъ скандала, и я могъ бы въ качествѣ законнаго супруга преспокойно присосаться къ моей черноземной вдовушкѣ... Однажды вечеромъ, когда я уже лежалъ въ постели, мнѣ пришла въ голову блестящая мысль. На другой же день я сталъ приводить ее въ исполненіе..

Охотники на дрохвъ, обыкновенно, начинаютъ издалека ѣздить кругомъ стада этихъ зоркихъ, осторожныхъ птицъ, съ каждымъ кругомъ все ближе и ближе подъѣзжая къ своимъ жертвамъ, и наконецъ, когда дрохвы очутятся на ружейный выстрѣлъ, охотники, соскочивъ съ дрогъ или прямо изъ экипажа, стрѣляютъ птицу...

Такъ и я началъ издали подходы къ своей «дрохвѣ»—и кстати, къ слову—съ грустнымъ видомъ—сталъ заговаривать съ Леночкой о томъ, что ребенокъ насъ стѣснитъ. Я до четырехъ часовъ въ правленьи, возвращаюсь домой усталый,«разбитый», «часто съ головною болью» (поэтическая вольность)!—и помогать ей не въ силахъ; она съ ребенкомъ на рукахъ, конечно, не можетъ ходить на уроки въ пансіонъ. А если она не станетъ ничего вкладывать въ хозяйство, то намъ, пожалуй, придется туго, придется иной разъ поголодать, и вся эта денежная неурядица можетъ неблагопріятно отразиться на «бѣдномъ Сашѣ». Поручить ребенка кухаркѣ—рискованно; нанять няньку—нѣтъ средствъ. Мертвая петля, да и шабашъ!.. И въ то же время я намекалъ на то, что могу отвезти Сашу въ имѣніе къ матери; (мать моя въ ту пору была еще жива и сидѣла въ своемъ разоренномъ, полуразрушенномъ Михальцевѣ).

Леночка не хотѣла и слушать о разлукѣ съ сыномъ. Ни Боже мой! Ни за что на свѣтѣ!.. Вотъ она ужо оправится. Сашурка окрѣпнетъ, тогда она отниметъ его отъ груди, ста-

нетъ кормить коровьимъ молокомъ,—и ей будетъ можно снова приняться за уроки.

— Да когда же это будетъ?—возражалъ я. А деньги наши убываютъ...

— Ахъ, Алеша! Погоди же немного... Какой ты, право!.. Видишь: какъ Саша еще слабъ, да и я не въ силахъ...—говорила Леночка, жалобно посматривая на меня и протягивая по одѣялу свои исхудалыя руки.

(Она то нѣсколько дней бывала на ногахъ, то опять ложилась въ постель).

Я пошелъ далѣе—и продолжалъ кружить вокругъ «дрохвы».

Неужели она училась на счетъ народа и такъ развилась духовно лишь для того, чтобъ закабалить себя въ дѣтской и въ кухнѣ, обратиться въ мамку и въ няньку... А что еще выйдетъ изъ Саши, — Богъ вѣсть! Развѣ мы рѣдко видимъ, какъ у почтенныхъ родителей бываютъ дѣти такія негодныя, что родителямъ съ прискорбіемъ приходится отказываться отъ нихъ? На иного балбеса родители затратятъ тысячи, а отъ него людямъ ничего, кромѣ горя... Неужели, говорилъ я, материнство превратило ее въ «самку» (въ худшемъ смыслѣ этого слова) и совсѣмъ отрѣшило отъ общественныхъ интересовъ? Неужели дальше свивальниковъ и пеленокъ она уже ничего не видитъ въ мірѣ?..

Тутъ мнѣ припомнились разныя «книжки» и «статейки», которыми нѣкогда зачитывались мои товарищи и за которыя я тогда не далъ бы гроша ломанаго... потому что былъ глупъ. А вотъ теперь мнѣ и пригодились всѣ эти «книжки» и «статейки». Я сталъ говорить Леночкѣ объ общемъ благѣ, о вѣковомъ долгѣ народу, о служеніи идеѣ, о томъ, что «обильною скорбью народной переполнилась наша земля» et cetera et cetera. Леночка поколебалась... Я такъ и зналъ,—зналъ: чѣмъ можно пронять ее. Но все-таки она устояла. Возраженіе съ ея стороны послѣдовало тоже: она поправится, примется за работу, а изъ Саши она выроститъ «достойнаго гражданина».

Но, очевидно, Леночкѣ было совѣстно. Она покраснѣла и не рѣшилась посмотрѣть мнѣ въ глаза, пылавшіе въ тѣ минуты такимъ огнемъ и одушевленіемъ, какихъ хватило бы на сотню Кромвелей и Вильгельмовъ Теллей.

Я пошелъ еще дальше... Если она думаетъ о «достойномъ гражданинѣ», говорилъ я, то прежде всего нужно постараться о томъ, чтобы ребенокъ выросъ здоровымъ и сильнымъ. А въ Петербургѣ, при здѣшнемъ климатѣ, при здѣшней зараженной почвѣ и водѣ, при фальсификаціи всѣхъ продуктовъ (за исключеніемъ яицъ), начиная съ молока и кончая вареньемъ на «глицеринѣ», къ тому же при нашихъ условіяхъ жизни—въ трехъ маленькихъ комнатахъ—трудно, даже едва-ли возможно, выростить здороваго человѣка. Я много и подробно говорилъ Леночкѣ объ ужасахъ англійской болѣзни, объ оспѣ, скарлатинѣ, дифтеритѣ, о кишечныхъ, желудочныхъ катаррахъ и другихъ болѣзняхъ, повидимому, на вѣчныя времена свившихъ себѣ гнѣздо въ Петербургѣ.

Разумѣется, я иллюстрировалъ свою мысль блестящими примѣрами изъ жизни моихъ знакомыхъ, то-есть, убійственно грустными фактами смертности въ средѣ дѣтей. Съ видомъ глубокаго, искренняго сокрушенія и тяжело вздыхая, я говорилъ о несчастныхъ малюткахъ, такихъ блѣдныхъ и чахлыхъ... Неужели ей не жаль петербургскихъ дѣтей?.. Если она хочетъ выростить какую-нибудь нервную хворую дрянь, которую первый же порывъ сквозного вѣтра можетъ унести въ могилу, то пускай она оставляетъ Сашу при себѣ, пускай тѣшитъ этою живой игрушкой свой материнскій эгоизмъ.

Наконецъ-то!.. Я попалъ въ цѣль. Леночка уже не могла энергично возражать мнѣ. Леночка сдавалась. А я, не давая ей ни отдыха, ни срока, продолжалъ ковать свое желѣзо. Я началъ читать ей на сонъ грядущій газетныя сообщенія о размѣрахъ заболѣваемости въ Петербургѣ, о развитіи той или другой эпидеміи и т. п. Леночка слушала эти вѣсти—это газетное memento mori—и блѣднѣла...

Иной чуствительный болванъ, пожалуй, замѣтитъ, что я подвергалъ Лену самымъ утонченнымъ пыткамъ, хуже всякихъ «испанскихъ саноговъ» и «нюренбергскихъ красавицъ». Я могъ бы возразить, что подобное сравненіе не только не остроумно, но даже, просто, безсмысленно. На войнѣ нѣтъ жестокостей. Между мной и Леной шла борьба, происходилъ поединокъ, причемъ я нападалъ, а она защищалась... я остался побѣдителемъ—et voilà tout!

Съ другой стороны я не жалѣлъ красокъ при описаніи тѣхъ благъ, что ожидали Сашу въ деревнѣ. Здоровая пища, отличное молоко — безъ подмѣсей, прекрасный воздухъ, садъ, самый бережный уходъ за ребенкомъ.

наконецъ, докторъ въ 3 верстахъ и тамъ же аптечка, — однимъ словомъ, въ томъ благодатномъ краю нашъ Саша, какъ сказочный Антей, наберется силъ, выростетъ здоровымъ, сильнымъ, краснощекимъ, настоящимъ богатыремъ, и тогда ужъ можно будетъ дѣлать изъ него какого угодно «гражданина» — во вкусѣ Чичерина или Марата.

Ночи двѣ Саша спалъ безпокойно и покапливалъ, днемъ плакалъ и «сучилъ ножками». На третій день утромъ Леночка не выдержала и сдалась окончательно. Прячась за самоваръ и украдкой глотая слезы, (ей уже было извѣстно, что я не терплю бабьихъ причитаній), дрогнувшимъ голосомъ она промолвила:

— Я ужъ, право, не знаю, Алеша... что мнѣ дѣлать! Не отправить-ли въ самомъ дѣлѣ Сашу въ деревню? Онъ какъ будто начинаетъ хирѣть...

— Конечно, онъ страшно похудѣлъ... сталъ совершенно зайченокъ! Давно бы его слѣдовало отправить... — поддержалъ я ея рѣшимость.

— Только какъ мнѣ быть!.. Милый, мнѣ такъ жаль его! Онъ такой маленькій и... и я такъ привыкла къ нему!

И Леночка, какъ ребенокъ, закрывъ лицо руками, горько зарыдала. Я старался успокоить, утѣшить ее.

— Тамъ старухи... пожалуй, окормятъ его чѣмъ-нибудь... станутъ пичкать, чѣмъ попало... — печально говорила она, стараясь подавить рыданія.

— Вотъ глупости!—возражалъ я.—Моя мать, славу Богу, умѣетъ ходить за дѣтьми... Я могу, кажется, служить недурнымъ примѣромъ ея умѣнья вести дѣтей...

Я выпрямился на стулѣ и, выпятивъ грудь, самодовольно усмѣхнулся.

— Теперь начало мая...—продолжала Лена.—Въ іюнѣ или въ іюлѣ я вѣдь могу съѣздить къ твоей мамашѣ хоть ненадолго... только повидаться съ *нимъ?*

— Что за вопросъ! Конечно, можешь... — весело согласился я.—Хочешь, такъ вмѣстѣ поѣдемъ!.. Возьму отпускъ на мѣсяцъ...

— Только, пожалуста, Алеша, чтобы мамаша каждую недѣлю писала намъ... ну хоть строкъ пять-десять...—замѣтила мнѣ Лена.

— Ну, разумѣется...

Участь Саши была рѣшена... Леночка, очевидно, уже не колебалась а только страдала при мысли о твердо принятомъ намѣреніи... Уходя въ то утро изъ дому и прощаясь съ Леночкой, я почувствовалъ себя какъ-то неловко при взглядѣ на ея грустное лицо, такое измученное и блѣдное отъ безсонной ночи. Она всю ту ночь просидѣла надъ ребенкомъ и проходила съ нимъ по комнатѣ. Я слышалъ изъ своей комнаты ея шаги и тихое баюканье, но мнѣ хотѣлось спать и лѣнь было вставать—идти къ ней на смѣну... Глаза ея были красны, на лицѣ слѣды слезъ.

Хоть мнѣ и было неловко (не скажу, чтобы «совѣстно»), но я все-таки съ живѣйшимъ любопытствомъ наблюдалъ за Леной. Вивисекція—вещь чрезвычайно интересная для всякаго мыслящаго человѣка.

Я еще съ дѣтства отличался особенной склонностью къ наблюденіямъ надъ животными. У насъ въ саду, за липовой аллеей, близъ пруда, лягушекъ была масса. Какъ онѣ, вечеромъ, бывало, примутся квакать, такъ на балконѣ, просто, неудобно было разговаривать... Заглушаютъ!.. Вотъ я возьму, бывало, да палочкой и прижму лягушкѣ лапу къ землѣ—и пытливо смотрю: какъ она ежится и корчится отъ боли, старается вырваться. Или: ударю ее, переверну на спину и палкой упрусь ей въ брюшко... Дергаетъ она безпомощно лапками, таращитъ на меня глаза, силится приподняться, вертитъ своею безобразной головой,—а я стою, наклонившись надъ нею, наблюдаю за ея судорогами и смотрю на ея вытаращенные глаза...Я продѣлывалъ свои опыты и наблюденія также надъ кошками, надъ щенятами... Съ годами моя любознательность развилась въ этомъ направленіи; съ лягушекъ и т. под. мелкоты я перенесъ свои опыты на человѣка, что, конечно, было уже гораздо интереснѣе...

Сашу начали отнимать отъ груди и пріучать къ коровьему молоку. Наконецъ, я попросилъ у начальника трехдневный отпускъ и взялся отвезти ребенка въ деревню... Я велѣлъ прислугѣ нанять карету на Николаевскій вокзалъ и привести ее къ подъѣзду. Лена очень долго прощалась съ ребенкомъ, какъ будто тотъ въ самомъ дѣлѣ что-нибудь понималъ. Она почти все утро прощалась съ нимъ... (По ея мутнымъ, покраснѣвшимъ глазамъ и по измятому личику могу подозрѣвать, что это прощанье началось еще съ вечера и продолжалось всю ночь).

Когда Сашу закутали въ одѣяльце, Леночка опять принялась прощаться съ нимъ. Она несчетное число разъ цѣловала его въ губы,

въ щеки, цѣловала ему глаза, волосенки, плакала такъ горько-горько и своими слезами закапала Сашѣ все лицо... Наконецъ, на прощанье я далъ Леночкѣ іудинъ поцѣлуй, схватилъ «дорогую ношу» и пошелъ... Леночкѣ въ тотъ день опять прихварывалось, и она ужасно жалѣла, что ей нельзя было поѣхать на вокзалъ. Лена уже съ лѣстницы воротила меня...

— Постой, постой, Алеша! Иди-ка сюда!—сильно взволнованнымъ голосомъ крикнула она мнѣ.

Пришлось воротиться.

— Что такое? Забыла что-нибудь?—спросилъ я съ досадой.

— Нѣтъ, нѣтъ... Я вотъ только... сію минуту!—растерянно бормотала она, обливаясь слезами.

— Мы опоздаемъ на поѣздъ!

— Я не задержу, милый... Я сейчасъ!..

Блѣдною, дрожащею рукой она трижды перекрестила малютку, порывисто наклонилась надъ нимъ и опять впилась въ него губами. Не нацѣловалась еще до-сыта!..

— Ну, теперь неси... Богъ съ вами! Поѣзжайте!—говорила она сквозь слезы, а сама все продолжала цѣпляться за ребенка и не пускала насъ.

Видя, что, дѣйствительно, дальнія проводы—лишнія слезы, я, наконецъ, со всевозможной осторожностью вырвалъ у Леночки свою «дорогую ношу» и пошелъ. Она уже не рѣшалась болѣе ворочать меня... Ну, признаться, такого обилія слезъ я еще ни разу не видалъ въ жизни. Я готовъ былъ повѣрить, какъ это ни странно, что эта 18-ти-лѣтняя мать и въ самомъ дѣлѣ очень любила свое дитя...

День былъ ясный и теплый. Въ воздухѣ припахивало распускавшимся листомъ. Гуляющіе—взрослые и дѣтишки—почти сплошной толпой двигались по троттуарамъ. Тамъ и сямъ были видны парни со связкой яркокрасныхъ пузырей, поминутно норовившихъ сорваться съ веревки и унестись въ лазурную высь. Слышны были звуки шарманокъ, которыхъ теперь совсѣмъ не слышно... Праздникъ весны былъ въ самомъ разгарѣ... Я очень жалѣлъ, что Леночка сидитъ въ комнатѣ и не можетъ воспользоваться такой прекрасной погодой: свѣжій воздухъ возвратилъ бы ея щекамъ румянецъ, блескъ — ея глазамъ и сдѣлалъ бы ее попрежнему интересной...

Когда карета завернула за уголъ, я опустилъ стекло и крикнулъ извозчику:

— На Мойку... въ Воспитательный домъ!

Я ни минуты не думалъ отвозить Сашу къ моей матери: я очень хорошо зналъ ея взгляды на нравственность вообще и на женскую нравственность въ особенности. Какъ бы она ни любила меня, но ни за что не признала бы любовницу моей женой, своей «невѣсткой», и назвала бы Леночку такъ, какъ принято попросту звать падшихъ женщинъ. Разбираться въ разныхъ тонкостяхъ было не ея ума дѣло. Легче было бы голыми руками вывороти съ корнями пень изъ земли, чѣмъ сбить старуху съ ея позиціи. Заговори я съ матерью хоть языкомъ ангеловъ, она все-таки не приняла бы къ себѣ въ домъ ни Леночку, ни нашего ребенка, (только постаралась бы во что бы то ни стало взглянуть на нихъ украдкой, заплатила бы за это удовольствіе большія деньги, поплакала бы, можетъ быть).

Устроивъ Сашу въ Воспитательный домъ, я воспользовался трехдневнымъ отпускомъ и уѣхалъ по Варшавской жел. дорогѣ на станцію Сиверскую къ однимъ знакомымъ, ужъ давно приглашавшимъ меня къ себѣ. Время провели пріятно—перекинулись въ картишки, ходили гулять въ лѣсъ, любовались на живописные виды. Впрочемъ, лѣсъ на картинахъ художника Шишкина мнѣ больше нравится, чѣмъ въ дѣйствительности... Въ сиверскихъ лѣсахъ было еще сыровато, и я загрязнилъ себѣ сапоги.

«И онъ могъ еще гулять послѣ того!..» замѣтитъ на мой счетъ иной первопразвинченный субъектъ. А что же мнѣ было дѣлать въ такую прекрасную погоду?.. «Вѣдь все это ужасно жестоко... И неужели онъ не чувствовалъ угрызеній совѣсти?..» Вотъ это мило! Совѣсть... А за что же бы совѣсти меня грызть?

Леночка сильно ошибалась; она мечтала служить разомъ двумъ богамъ. А между тѣмъ ей слѣдовало: или удержать при себѣ ребенка и сдѣлаться нянькой и кухаркой, или разстаться съ Сашей и снова приняться за учительскую дѣятельность. Что же я сдѣлалъ такое ужасное? Какое же преступленіе я совершилъ? Пускай человѣкъ отрѣшится, если можетъ, отъ всѣхъ предразсудковъ и заблужденій ума и чувства, и тогда онъ самъ увидитъ, что я только *возвратилъ* обществу полезнаго члена. Если же произошло такое удачное совпаденіе, что, возвращая обществу хорошаго работника, я въ то же время возвратилъ се-

бѣ любовницу и развязалъ себѣ руки по отношенію къ богатой вдовушкѣ, то ужъ это—мое счастье... Саша! А что жъ такое? Былъли бы онъ еще счастливѣе, оставшись съ нами?.. Найдется-ли въ мірѣ такой мудрецъ, (человѣкъ—искренній и правдивый), который положительно, вотъ сейчасъ же, отвѣтитъ мнѣ на этотъ вопросъ безъ всякихъ «если» и «но» и смотря мнѣ прямо въ глаза? Да счастье-то что такое? Гдѣ оно? въ чемъ оно? У каждаго человѣка на этотъ счетъ вѣдь свой аршинъ...

Меня всегда удивляло, что на человѣческомъ языкѣ существуетъ такъ много очень красивыхъ, звучныхъ словъ, но притомъ совершенно безсмысленныхъ. Вотъ хоть взять «угрызенія совѣсти»... Вѣдь отъ такихъ словъ у иной несчастной старушенки послѣдній волосъ на головѣ дыбомъ встанетъ. А если хорошенько разобрать всѣ эти ужасные глаголы, то и окажется—ерунда.

Пушкинъ, напримѣръ,—нашъ препрославленный пѣвецъ женскихъ «персей», «ручекъ» и «ножекъ»—говоритъ, что «совѣсть—когтистый звѣрь, скребущій сердце, незваный гость, докучный собесѣдникъ, заимодавецъ грубый (?)... вѣдьма, отъ коей меркнетъ мѣсяцъ (?) и могилы смущаются и мертвыхъ высылаютъ!...» Что жъ это такое, какъ не наборъ фразъ? Я готовъ голову прозакладывать за то, что «угрызенія совѣсти» выдумали романисты. Эти канальи — большіе мастера сочинять для потѣхи всякія страшныя и жалкія слова. Меня, напримѣръ, совѣсть никогда не мучила, хотя и я, конечно, по слабости, присущей человѣческой натурѣ, поступалъ иногда дурно, не совсѣмъ правильно. Въ часы ночной безсонницы «когтистѣе» клопа или блохи никакой звѣрь меня не кусалъ...

На третій день вечеромъ я благополучно возвратился домой. Разспросамъ о Сашѣ, я полагаю, не было бы конца, если бы я насильно не прекратилъ ихъ.

— Извини, голубушка! Усталъ ужасно... и спать хочется до смерти!—сказалъ я, зѣвая и потягиваясь.

Впрочемъ, ночь я спалъ дурно...

Я попросилъ одну свою «старую» тверскую знакомую каждую недѣлю писать мнѣ о «милomъ Сашѣ», о томъ, что онъ здоровъ, растетъ не по днямъ, а по часамъ, аукаетъ и, кажется, все уже понимаетъ, только не говоритъ. Я предупредилъ ее въ чемъ дѣло: она должна была по возможности поддѣлываться подъ руку моей матери, то-есть, писать стариннымъ прямымъ почеркомъ и подписываться фамиліей моей матери. Я рѣдко переписывался съ матерью и разсчитывалъ, что Лена не замѣтила хорошо почерка моей старухи и не помнитъ его.

Черезъ недѣлю пришло письмо и невыразимо обрадовало Леночку...

Она той порой стала замѣтно поправляться, появился румянецъ. Она опять стала дѣлаться интересной... О Сашѣ, конечно, она болтала постоянно, нѣсколько разъ перечитывала подложное письмо, составленное, впрочемъ, довольно мастерски, вязала Сашѣ чулочки, шерстяные башмаки, какіе-то бѣлые дурацкіе колпачки, вышивала ему къ зимѣ одѣяльце,— однимъ словомъ, вся жизнь ея наполнялась мыслью о Сашѣ. Впрочемъ, это меня не касалось: чѣмъ бы дитя ни тѣшилось... Леночка была счастлива или, по крайней мѣрѣ, спокойна—и прекрасно!

— Онъ ужъ, можетъ быть, теперь говоритъ: «Ма-ма-ма!»—соображала Лена, и я вполнѣ раздѣлялъ эту ея сладостную надежду.

Въ то время, когда все шло отлично, Леночка успокоилась и вдовушка продолжала дѣлать мнѣ глазки, вдругъ дернуло мою тверскую знакомую захворать; она укатила куда-то на югъ, и письма о Сашѣ прекратились. Первую недѣлю Леночка еще довольно терпѣливо ждала письма, а затѣмъ загрустила и стала приставать ко мнѣ:

— Что жъ это такое? Ужъ двѣ недѣли писемъ нѣтъ! Вѣроятно, Саша заболѣлъ... Ахъ, Господи! Спаси его и помилуй!.. — взывала она по десяти (а, можетъ быть, и по сто разъ) въ день.—Алеша! Голубчикъ! Ужъ не умеръли онъ? Мамаша, можетъ быть, не рѣшается сообщить объ этомъ... Послать бы телеграмму, что-ли! Ахъ, да... туда нѣтъ телеграфа!

Я всячески уговаривалъ ее, но все напрасно. Она слезно умоляла меня взять отпускъ и мчаться, летѣть съ нею въ Тверскую губернію, туда-туда, гдѣ — ея «золото», ея «сокровище», ея «ненаглядный Сашурка»... Я увѣрялъ ее, что раньше іюля начальникъ отпуска не дастъ, такъ какъ много служащихъ отпущено на іюнь мѣсяцъ. Однажды, когда я возвратился домой, Лена преподнесла мнѣ сюрпризъ...

— Алеша! Сегодня утромъ я совсѣмъ забыла тебѣ сказать... Я, право, такъ безпо-

*

коилась... и написала Натальѣ Михайловнѣ. Прошу ее немедленно увѣдомить насъ о здоровьи Саши...—заявила мнѣ Лена.

(Мать мою звали Натальей Михайловной).

Я былъ застигнутъ врасплохъ и едва не схватилъ себя за волосы.

— Что съ тобой, Алеша?—вскричала Лена, вѣроятно, замѣтивъ по моему лицу, что ея новость меня глубоко взволновала.

— Ничего! — старался я поправиться.— Только напрасно ты это сдѣлала... Попусту безпокоишься...

— Отчего жъ мнѣ было не написать ей? Вѣдь ты же говорилъ, что она уже давно знакома со мной... и такъ хорошо относится...— какъ бы оправдываясь, говорила Лена.

«Заварила кашу! Глупая, глупая!» подумалъ я про себя. «Развѣ худо ей жилось въ мірѣ «красныхъ вымысловъ»?.. Чего ей было еще надо?» Впрочемъ, если обману моему и суждено теперь раскрыться, то не бѣда. Мнѣ только было нужно, чтобы Леночка успокоилась, нужно было выиграть время—и я выигралъ его... По моимъ разсчетамъ, особенно жгучихъ порывовъ отчаянія теперь уже нельзя было ожидать... Каковъ долженъ былъ придти отвѣтъ на письмо Лены изъ Михальцева, — я ужъ, конечно, догадывался. Что-жъ дѣлать! Леночка поплачетъ, похнычетъ, въ худшемъ случаѣ назоветъ меня подлецомъ, — и затѣмъ трагедія мало-по-малу перейдетъ въ фарсъ, то-есть, нѣсколько времени Леночка подуется на меня, поиграетъ въ молчанки, побросаетъ на «подлеца» презрительные взгляды, а тамъ и — примиреніе...

Кромѣ этой непріятности около того же времени меня поразилъ болѣе тяжелый ударъ. Моя вдовушка (чортъ бы ее побралъ!) сдурѣла—скоропостижно вышла замужъ за какого-то прокутившагося офицера и ухнула съ нимъ заграницу.

Черезъ нѣсколько дней, когда я былъ на службѣ, почтальонъ принесъ ко мнѣ на квартиру письмо отъ моей матери на имя «г-жи Е. Невѣдовой». Старуха моя до сего времени, конечно, не имѣла и понятія о существованіи на свѣтѣ Леночки и послала письмо просто, по адресу той неизвѣстной ей женщины, которая въ письмѣ къ ней подписалась «Е. Невѣдовой».

Леночка, по обыкновенію, встрѣчала меня или въ передней, или въ залѣ и съ поцѣлуями усаживала меня за столъ на мое кресло. Въ день же полученія письма я не нашелъ ее въ передней, не встрѣтилъ и въ залѣ—и прошелъ къ ней въ комнату. Леночка лежала на постели, уткнувшись лицомъ въ подушку и сжимая въ рукѣ письмо. Я, разумѣется, тотчасъ же догадался: въ чемъ дѣло. При входѣ моемъ въ комнату Леночка вскочила съ постели и, тяжело дыша, молча, протянула мнѣ письмо. Очевидно, она была страшно разстроена, и въ глазахъ ея, обыкновенно, такихъ кроткихъ и свѣтлыхъ, теперь дѣйствительно мелькало что-то мрачное, трагическое...

Я уже отлично зналъ содержаніе письма, какъ будто бы читалъ его не однажды, но все-таки взялъ у нея изъ рукъ смятый и смоченный ея слезами почтовый листочекъ и мелькомъ пробѣжалъ его... Ну, разумѣется: «Никакого ребенка у меня не было и нѣтъ... напрасно безпокоитесь... никогда не поощряла разврата... прошу оставить... удивляюсь безстыдству... надѣюсь, что болѣе»... Однимъ словомъ, все было такъ, какъ я ожидалъ.

Вдругъ Леночка бросилась ко мнѣ и крѣпко обняла меня.

— Гдѣ же нашъ Саша? — съ мольбой говорила она, плача и опуская голову ко мнѣ на грудь. — Ты обманулъ меня... Да говори же: гдѣ мой сынъ? Куда ты дѣвалъ его?.. Алеша? Милый!..

Она вся дрожала. Мнѣ, признаться, даже стало жаль ее въ ту минуту.

— Прости меня... Прости, Леночка!—промолвилъ я по возможности мягко и нѣжно.— Не плачь, голубушка... Ну, не плачь же! Успокойся!.. Я тебѣ все объясню... Видишь... (Она подняла голову и, не сводя глазъ, затаивъ дыханіе, смотрѣла на меня). Видишь... я не отвозилъ Сашу къ матери...

— А куда же?.. Куда? — крикнула она, какъ-то судорожно, порывисто сжимая мнѣ руку, какъ въ тискахъ.

— Я... я отдалъ его въ Воспитательный Домъ!

Словно, какая-нибудь невидимая сила оттолкнула ее отъ меня. Она отшатнулась и страшно поблѣднѣла... нѣтъ! не поблѣднѣла, а побѣлѣла, какъ полотно. Ни кровинки, казалось, не осталось у нея въ лицѣ. Глаза ея широко раскрылись... И вдругъ она схватилась за голову...

— Что ты говоришь!.. — тихимъ, упавшимъ голосомъ, словно бы не своимъ, прошептала Леночка.—Въ Воспитательный Домъ?

Сашу? А какъ же письма?.. Я ничего не понимаю...

Она не договорила, въ безсиліи опустила руки и какъ-то странно уставилась въ одну точку широко раскрытыми глазами, какъ будто увидала передъ собой какое-нибудь ужасное привидѣніе. Я подумалъ: не вспомнились-ли ей въ ту минуту всякія розсказни и басни о печальной участи подкидышей Воспитательнаго Дома. Не померещился-ли ей въ ту минуту ея Саша въ видѣ уличнаго оборванца, дрогнущаго на морозѣ и вымаливающаго у прохожихъ «копѣечку»? Такихъ жалкихъ попрошаекъ она, конечно, должна была не рѣдко видать на петербургскихъ улицахъ...

Мнѣ показалось, что Леночкѣ дѣлается дурно, я подхватилъ ее и — безъ всякаго съ ея стороны сопротивленія — посадилъ ее на кресло у окна. Она облокотилась на подоконникъ и, подгорюнившись, молча, стала смотрѣть въ окно. Я подалъ ей стаканъ воды, она не брала и дѣлала видъ, что будто не замѣчаетъ меня. Я поднесъ ей стаканъ къ губамъ, она молча замотала головой и отвернулась... Такого дикаго, безумнаго отчаянія я не ожидалъ.

Весьма убѣдительно я уговаривалъ ее успокоиться, просилъ прощенья, обѣщалъ завтра же съѣздить въ Воспитательный Домъ, отыскать Сашу,—я вставалъ передъ ней на колѣни, сидѣлъ на коврѣ у ея ногъ, называлъ ее самыми ласковыми именами. Что жъ я могъ еще сдѣлать? Желалъ бы я знать: какъ же другой поступилъ бы на моемъ мѣстѣ? Леночка, повидимому, рѣшительно не хотѣла разговаривать со мной, даже ни разу не взглянула на меня. Леночка въ тотъ день не обѣдала и чаю не пила, все сидѣла, пригорюнившись, у окна и не обращала на меня ни малѣйшаго вниманія.

— Ну, что жъ ты молчишь? Скажи хоть словечко... Что ужъ это такое?!.. — приставалъ я къ ней.

Ноль вниманія! Леночка слушала меня и какъ будто не слыхала, смотрѣла и не видала меня. Я, словно, пересталъ существовать для нея... Я уже зналъ, что она разсердится на меня, но никакъ не воображалъ, что она такъ распрогнѣвается... Меня утѣшало то, что она хоть перестала плакать и слезы ея высохли.

Уже поздно вечеромъ я почти насильно заставилъ Лену раздѣться и лечь въ постель. Спала-ли она въ ту ночь,—не знаю; ни всхлипываній, ни стоновъ не было слышно. По утру я подошелъ на цыпочкахъ къ ея двери и долго прислушивался. Въ комнатѣ было тихо. Уходя на службу, я велѣлъ прислугѣ ни подъ какимъ видомъ не будить ее. Пускай спитъ! думалъ я. Иные болѣзни, я слыхалъ, проходятъ сномъ...

Въ обычное время, въ половинѣ пятаго, аккуратный и точный, какъ полуденный пушечный выстрѣлъ, взбѣжалъ я на свой третій этажъ и по хозяйски, властно, дернулъ звонокъ. Степанида съ какимъ-то дурацкимъ, растерянным видомъ встрѣтила меня.

— Ой, батюшка, баринъ! Съ Еленой Александровной что-то неладно...—принимая мое пальто, промолвила она такимъ шопотомъ, какимъ говорится, когда въ домѣ опасно больной или покойникъ.

— Что еще такое!—съ неудовольствіемъ проворчалъ я.

«Неужели еще не кончились мои испытанія?.. И за что, подумаешь, обрушились на меня всѣ эти казни? Только за то, что я однажды на лѣстницѣ впотьмахъ поцѣловалъ дѣвицу (влюбленную въ меня, прошу замѣтить!), за то, что я когда-то нѣсколько вечеровъ погулялъ съ нею въ тихомъ сосновомъ лѣсу при волшебномъ сіяніи луны!..

Леночка не въ примѣръ другимъ женщинамъ, какихъ мнѣ приходилось знавать на своемъ вѣку, отличалась большою скромностью и, не смотря на сожительство со мной почти втеченіе года, она ни разу, — честное слово! — не позволила мнѣ присутствовать при своемъ туалетѣ...

Теперь же, войдя въ ея комнату, я засталъ Леночку не одѣтой... Съ распущенными волосами, прихваченными только на затылкѣ большою шпилькой, въ одной сорочкѣ, безъ кофточки, босикомъ бродила она по комнатѣ и, низко наклоняясь, заглядывала подъ стулья, подъ столы.

— Лена! Что съ тобой?—окликнулъ я ее, рѣшительно ничего не понимая. — Пятый часъ... и ты еще не одѣта! А я пригласилъ сегодня обѣдать къ намъ Карла Густавовича... Онъ, вѣроятно, сейчасъ придетъ...

Услыхавъ мой голосъ, она остановилась, выпрямилась и совершенно спокойно смотрѣла на меня. Сорочка чуть не сползала у нея съ плечъ, но она, какъ будто, соьсѣмъ не замѣчала своей наготы.

— Чего ты ищешь? Отчего не одѣнешься?— спросилъ я.

Она задумчиво на меня взглянула и, приложивъ палецъ къ губамъ, прошептала:

— Тсс! Тише... Я ищу *его!* Не мѣшай... Я стану вездѣ *его* искать...

Мурашки пробѣжали у меня по спинѣ. Мнѣ стало холодно, какъ будто я вдругъ провалился въ какой-то сырой, холодный скленъ.

— Ахъ, теперь я знаю, гдѣ онъ!..—пробормотала она и, схвативъ стулъ, потащила его черезъ всю комнату къ печкѣ — съ явнымъ намѣреніемъ карабкаться на круглую и гладкую желѣзную печь.

Тутъ ужъ я вмѣшался... взялъ ее въ охапку и уложилъ въ постель.

Положимъ, Леночка была очень спокойна, припадковъ бѣшенства на нее не нападало, но все-таки оставлять у себя сумасшедшую было опасно и во всякомъ случаѣ неудобно. Я отвезъ ее въ лѣчебницу. Хлопотъ было не мало... Вся эта исторія крайне непріятно подѣйствовала на меня. Еще бы! Человѣкъ—не камень... Скажутъ: я свелъ Леночку съ ума. Вздоръ!.. Кто жъ могъ думать, что такая молоденькая женщина, сама еще почти ребенокъ, такъ сильно полюбитъ своего дитятю, до того привяжется къ нему?..

Сначала я часто навѣщалъ ее, почти каждое воскресенье... Ахъ, этотъ тихій, безмолвный поѣздъ финляндской желѣзной дороги! Сколько воспоминаній каждый разъ пробуждалъ онъ во мнѣ: по этой дорогѣ въ прошлое лѣто я ѣздилъ на дачу къ Невѣдовымъ... Затѣмъ я сталъ навѣщать Леночку разъ въ мѣсяцъ, потомъ разъ въ три мѣсяца, вполгода—разъ... Что жъ мнѣ было съ ней дѣлать, когда она ничего не понимала и обратилась почти въ безсловесное животное. Иногда, впрочемъ, Леночка узнавала меня, спрашивала: поливаютъ-ли безъ нея цвѣты? Куда дѣвалось то одѣяльце, что она вышивала для Саши? и т. п. Однажды вдругъ она съ чего-то спросила: приказалъ-ли я поставить самоваръ? Въ другой разъ сказала, что вѣтеръ любитъ деревья въ ихъ саду и потому онъ такъ налетаетъ на нихъ, шумитъ ихъ вѣтвями, а иногда даже ломаетъ деревья...

Лѣтъ пять Леночка прожила въ лѣчебницѣ.

Я нѣсколько разъ также ѣздилъ въ Воспитательный домъ узнавать о судьбѣ нашего сына. Сначала мнѣ сказали одно, потомъ—другое и, наконецъ, вѣроятно, для того, чтобы отвязаться отъ меня, объявили, что Саша умеръ. Можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ—такъ. И благо ему!.. А, можетъ быть, онъ и теперь еще живетъ въ работникахъ у какого-нибудь чухонца или у русскаго кулака? Въ такомъ случаѣ, хуже для него... Но я сдѣлалъ, что могъ, и чувствую себя болѣе въ правѣ, чѣмъ Пилатъ, «умыть руки»...

Однажды Лена больше обыкновеннаго разговорилась со мной и даже разсказала мнѣ свой сонъ.

— Пришла ко мнѣ женщина въ такой бѣлой, блестящей одеждѣ...—разсказывала Леночка.—Пришла и говоритъ мнѣ: «Знаешь, гдѣ твой Саша? Хочешь: я проведу тебя къ нему?» Я ужасно обрадовалась. И она повела меня куда-то, и я шла за ней,—и солнышко шло за нами и птицы летѣли... А на землѣ, вокругъ, все цвѣты, цвѣты... Вотъ и шли мы и пришли къ какой-то двери. «Твой сынъ тамъ, за этой дверью!»—сказала женщина. Я изо всей силы дергала, вертѣла-ручку, трясла ее изо всей мочи, хватала ее зубами, стучала по ней кулакомъ,—ничего не могла сдѣлать... Тогда женщина положила мнѣ руку на плечо и сказала. «Надо подождать!..» И ушла отъ меня. Я осталась одна и заплакала... Тутъ съ неба звѣзда покатилась и прямо — мнѣ подъ ноги. Въ воздухѣ что-то блеснуло, точно пламя,—и я будто бы ослѣпла... вскрикнула и проснулась... И теперь еще у меня голова болитъ...

И Леночка съ утомленнымъ видомъ поднесла къ виску свою блѣдную, исхудалую руку.

Леночка вообще была очень худа и блѣдна; станъ ея согнулся, глаза казались мутными... Теперь она совсѣмъ, совсѣмъ не походила на ту барышню, которую я встрѣтилъ у своихъ знакомыхъ въ святочный вечеръ лѣтъ шесть тому назадъ... Уходъ за ней, впрочемъ, былъ отличный.

Мѣсяца черезъ 3 или 4, хорошо не упомню, докторъ той лѣчебницы, человѣкъ очень милый и обязательный, извѣстилъ меня о смерти Леночки. Я намѣревался непремѣнно быть на ея похоронахъ, мнѣ хотѣлось посмотрѣть на нее—на мертвую, въ гробу, но, какъ на грѣхъ, въ этотъ самый день случилось засѣданіе желѣзнодорожнаго съѣзда и мнѣ пришлось присутствовать тамъ...

Ни разу я не видалъ Леночку во снѣ. А ужъ если бы увидалъ, непремѣнно спросилъ бы ее: что она думаетъ обо мнѣ? Простила-ли?.. То-есть, собственно, въ чемъ же?..

Всѣ эти воспоминанія — то смутныя, то яркія—быстро промелькнули передо мной въ тотъ святочный вечеръ, когда я — больной,

одинъ одинехонекъ — сидѣлъ передъ своимъ потухшимъ камелькомъ. Да! Все прогорѣло и потухло... и отъ «дѣлъ давно минувшихъ дней» остался только холодный пепелъ. И невольно мнѣ подумалось: «А что, если бы Леночка теперь была жива и сынъ нашъ оставался съ нами?..

Сашѣ было бы теперь 18 лѣтъ... Можетъ статься, кромѣ него были бы у насъ еще дѣти... Леночка (ей было бы теперь 38 лѣтъ) подошла бы ко мнѣ, обняла бы меня, поцѣловала... И Саша—съ ней рядомъ, высокій, такой же голубоглазый, какъ она, красивый, стройный...

Не великъ человѣческій черепъ, но какой въ немъ — громадный міръ, безграничный, безконечный... И если на мигъ остановиться передъ этимъ необъятнымъ, загадочнымъ міромъ и вглядѣться въ него, то онъ можетъ внушить намъ гордость Титана и восторгъ неописуемый и въ то же время онъ можетъ повергнуть насъ въ отчаяніе, въ ужасъ и трепетъ. Лабораторія свѣтлыхъ помысловъ, великихъ думъ, поэтическихъ образовъ, граціозныхъ и прозрачныхъ, какъ тончайшая паутина, могучая, страшная лабораторія самыхъ чудовищныхъ, злодѣйскихъ замысловъ, преступнѣйшихъ посягательствъ на благо ближнихъ, лабораторія безостановочно, лихорадочно-торопливо работающая и ежечасно, ежеминутно могущая моментально прекратить свою дѣятельность, погрузиться во мракъ или совсѣмъ исчезнуть...

И удивительныя несообразности, удивительнѣе всякихъ сказочныхъ вымысловъ, рождаются иногда въ томъ тѣсномъ и таинственномъ пространствѣ, что̀ заключается подъ нашей черепной чашкой. «Если бы то... если бы это...»

Я приподнялся въ креслахъ.

Уголья въ каминѣ уже давно подернулись золой. Свѣчи на письменномъ моемъ столѣ догорали. Часы показывали четверть третьяго. Вокругъ меня было тихо, какъ въ могилѣ... И вдругъ мнѣ пришла въ голову, по истинѣ, блажная мысль — дикая и нелѣпая: сходить теперь же на Фурштадтскую улицу и взглянуть на окна той квартиры, гдѣ 19 лѣтъ тому назадъ я жилъ съ Леночкой и гдѣ—почти мѣсяцъ—прогостилъ у меня Саша... Я подошелъ къ окну и отворилъ форточку, чтобы узнать: какова погода... Меня обдало холодомъ.

Метель... Снѣгъ такъ и крутится въ воздухѣ. Мѣсяцъ блѣдный, какъ мертвецъ, выглядываетъ изъ-за проносящихся по небу облаковъ... Я захлопнулъ форточку. Нѣтъ! Погода неблагопріятная для прогулки—особенно для человѣка съ насморкомъ и кашлемъ...

Когда я посмотрѣлъ въ окно на мѣсяцъ и быстро бѣжавшія облака, мнѣ невольно подумалось: что-то теперь тамъ, въ томъ памятномъ сосновомъ лѣсу, гдѣ *мы* бродили по лѣтнимъ вечерамъ? Вопросъ — по меньшей мѣрѣ — странный... Тамъ, конечно, теперь не цвѣтутъ цвѣты и птички не поютъ... тамъ сугробы снѣга, вѣтеръ печально воетъ, тамъ холодно и пусто...

Всѣ эти воспоминанья и неумѣстныя думы о томъ: что было и что могло бы быть, разстроили меня не на шутку. Въ моихъ комнатахъ, обставленныхъ довольно комфортабельно, мнѣ вдругъ показалось такъ же холодно и пустынно, какъ въ *томъ* сосновомъ лѣсу, занесенномъ снѣгомъ... Мнѣ захотѣлось—къ людямъ... Мнѣ страстно захотѣлось, чтобы теперь кто-нибудь былъ со мной; мнѣ хотѣлось слышать чей-нибудь пріятный голосъ, веселый смѣхъ и шумъ, оживленный разговоръ... У меня вѣдь была жена, былъ сынъ, но я самъ...

Я опять опустился въ кресло, — крѣпко стиснулъ зубы и провелъ рукой по лицу... «Плачь, жалкій человѣкъ! Плачь!» припомнилась мнѣ въ ту минуту одна чувствительная фраза изъ какого-то романа. Вотъ, не терплю вѣчно ноющихъ и причитающихъ людей!.. Самозванные пророки Іереміи... «Жизнь для *жизни* мнѣ дана!» Вотъ это—такъ! Это я понимаю... Это значитъ: «Пифъ-пафъ, труля-ля!.. Смотрите тутъ, смотрите тамъ...» Или, какъ у Шекспира,—сколько помнится, въ Генрихѣ IV,—Сайленсъ говоритъ:

«Будь, что̀ будетъ—все равно,
Были бъ дѣвки, да вино!»

Я старался перевести свои мысли на другіе рельсы и устремить ихъ на «веселенькіе сюжеты»...

Нѣтъ! Думы мои мчатся все по тому же направленію... Все какъ будто чего-то жаль, чего-то совѣстно... Но — если разобрать хорошенько—чего же мнѣ совѣститься? Не я первый и не я *послѣдній* обманулъ женщину и подбросилъ своего ребенка въ Воспитательный Домъ!.. И чего жъ мнѣ жалѣть? Положимъ, вокругъ меня ужъ слишкомъ тихо, пусто... А за то съ другой стороны: какъ спокойна жизнь холостяка... Разумѣется!.. Но... Господи! Да что жъ это? Отчего жъ въ этотъ свя-

точный вечеръ вдругъ напала на меня такая смертельная тоска?

1891 г.

Хоть ужъ поскорѣе прошли бы эти праздники...

ГРѢХЪ.

РОМАНЪ.

(Посвящается Сергѣю Николаевичу Кривенко).

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Дремучи никольщинскіе лѣса...

Каждый годъ много лѣсу вырубаютъ и сплавляютъ на-сторону, много рубятъ его для подсѣкъ, подъ посѣвы льна, расчищаютъ подъ покосы, не мало лѣсу гибнетъ отъ бурь и еще больше сгораетъ въ лѣтнюю пору... Какой-нибудь странничекъ или бѣглый изъ Сибири, пробирающійся въ родную сторону, соскучится въ вечернее время и разложитъ теплинку подъ вѣтвями лохматыхъ елей, а то пастухъ или охотники разведутъ огонь въ защиту отъ надоѣдливыхъ комаровъ и разной лѣсной мошкары,—уйдутъ и не зальютъ теплинку, какъ слѣдуетъ, а вѣтеръ раздуетъ пепелъ, разожжетъ уголья, — и лѣсъ вспыхиваетъ и горитъ до тѣхъ поръ, пока дождемъ не зальетъ.

Близь города, да по теченью сплавной рѣки Важи лѣса стали замѣтно рѣдѣть, но Никольщина и до сего дня еще богата лѣсомъ.

Никольщина—или иначе «Никольскій Конецъ»—довольно большая волость въ одной изъ нашихъ сѣверо-восточныхъ провинцій, уголокъ глухой, мало знаемый. Никольщинцы—ихъ безъ малаго тысяча душъ—живутъ въ 14 деревняхъ; кромѣ того, есть еще небольшой поселокъ подъ названіемъ «Вешнія Выселки», хотя та весна ужъ очень далеко, когда построились эти выселки; есть также одна захудалая барская усадьба и погостъ. Никольщина занимаетъ равнину съ небольшими возвышенностями и съ перелѣсками,— и со всѣхъ сторонъ обступаютъ ее березовые, сосновые и еловые лѣса.

По этой равнинѣ протекаетъ рѣка Пудега; берется она откуда-то съ востока, изъ болотъ, на какихъ-нибудь 30-ти или 40 верстахъ дѣлаетъ сотни самыхъ затѣйливыхъ и неожиданныхъ поворотовъ и на западѣ снова скрывается въ тѣни лѣсовъ, а тамъ уже впадаетъ въ Важу. Пудега—рѣка не особенно широкая, но мѣстами очень глубокая, быстрая, съ крутыми, обрывистыми берегами и съ темными омутами. Въ народѣ объ этихъ омутахъ идетъ худая слава... Одинъ такой омутъ находится въ лѣсу и извѣстенъ подъ названіемъ «Кручень».

— Бѣда—попасть въ Кручень!—говорятъ деревенскіе люди. — Не выбиться ни въ жизнь... Простись съ бѣлымъ свѣтомъ, душа крещеная!.. закрутитъ-закрутитъ и какъ съ камнемъ въ воду...

Когда-то, давно, говорятъ, въ старые годы, одинъ бѣглый солдатъ долго скрывался отъ погони въ никольщинскихъ лѣсахъ, а какъ стали его настигать, онъ и бросился въ Кручень, хотѣлъ переплыть его, знать на силушку свою понадѣялся,—бултыхнулся съ берега, да и былъ таковъ,— только и видѣли его, сердечнаго...

Старухи деревенскія, люди все знающіе, сказываютъ, что иногда въ лѣтнія ночи по обрыву берега надъ самымъ Кручнемъ ходитъ этотъ бѣглый солдатъ въ бѣлой рубахѣ, краснымъ пояскомъ подпоясанной, въ бѣлыхъ портканхъ и въ длинныхъ сапогахъ, въ солдатской фуражкѣ съ кантикомъ. Ходитъ онъ взадъ и впередъ надъ Кручнемъ, смотритъ въ темную воду и все вздыхаетъ, а въ полночь, какъ на деревнѣ пропоютъ пѣтухи, вдругъ остановится, подниметъ руки кверху и бросается въ омутъ... Вода въ омутѣ на ту пору страшно взволнуется, закипитъ, заплещетъ въ берегъ, а по лѣсу, словно, кто-то пронесется съ дикимъ хохотомъ и плачемъ и стономъ застонетъ надъ темною чащей...

Мужикъ съ помощью топора и сохи завоевалъ у лѣса никольщинскую равнину. Никольщина заселялась по рѣкѣ Пудегѣ отъ запада къ востоку; почти всѣ деревни ея расположились по берегамъ рѣки; даже и теперь можно легко прослѣдить: какимъ путемъ шло заселеніе этого края. Самыя старыя деревни—Подосенье, Куваево, Яковлевка, Вороньево,—также какъ и погостъ,—засѣли по нижнему теченію Пудеги, и чѣмъ выше къ истоку, тѣмъ деревни являются болѣе новаго происхожденія, такъ что Вешнія Выселки уже самое крайнее поселеніе на востокѣ, почти подъ самымъ лѣсомъ.

Черезъ Пудегу въ двухъ мѣстахъ устроены *лавы*—временные, плавучіе мосты, и въ нѣсколькихъ мѣстахъ крестьяне держатъ лодки для перевоза, взимая по яйцу съ пассажира.

Самое большое селенье, Вороньево, стоитъ на безымянномъ притокѣ Пудеги, на почтовой столбовой дорогѣ, перерѣзывающей сѣверо-западный край Никольщины. Въ Вороньевѣ находятся: волостное правленіе, станція съ почтовымъ отдѣленіемъ и съ фонаремъ, зажигаемымъ въ темныя ночи, фельдшерскій пунктъ, училище, мелочная лавка, трактиръ и рядомъ питейный домъ, а посреди деревни стоитъ всѣми цвѣтами радуги раскрашенная часовенька, въ которой наканунѣ дня Тихвинской Божіей Матери, 26 іюня, служится всенощная, а въ самый праздникъ—молебенъ съ водосвятіемъ. Въ Вороньевѣ—въ волостномъ правленьи—останавливаются, обыкновенно, и власти, пріѣзжающія по дѣламъ въ Никольщину: исправникъ, непремѣнный, слѣдователь, — урядникъ, впрочемъ, всего чаще по дѣламъ службы предпочитаетъ заѣзжать къ цѣловальнику и, уѣзжая отъ него, кажется такимъ усталымъ и изнеможеннымъ, что съ великимъ трудомъ взлѣзаетъ на лошадь...

Вороньево—чуть что не городъ. Въ немъ даже есть мостовая: поперегъ улицы наложены жерди и позасыпаны слегка песочкомъ,—съ виду выходитъ даже довольно красиво. Впрочемъ, проѣзжающіе—люди, какъ извѣстно, недоспавшіе, недоѣвшіе, значитъ, вообще всѣмъ недовольные — постоянно проклинаютъ вороньевскую мостовую. Ахъ! какъ ужасно они проклинаютъ ее...

Когда губернскіе чиновники видятъ, что кто-нибудь изъ ихъ братіи запаковываетъ слишкомъ большой чемоданъ или слишкомъ тепло закутывается въ дорогу, то, обыкновенно, съ улыбкой замѣчаютъ: «Не въ Никольщину-ли собираетесь?»

Никольщина считается самымъ дикимъ захолустьемъ, а жители ея въ воображеніи губернскаго культурнаго человѣка смѣшиваются съ представленіемъ о медвѣдяхъ, обитающихъ въ ихъ дремучихъ лѣсахъ.

— Какіе они все неуклюжіе, неповоротливые, да молчаливые! Настоящіе дикари!..—толковали въ губерніи.

Правду говорили господа, когда называли никольщинцевъ «неповоротливыми и неуклюжими». Въ городѣ они были неуклюжи. Такъ же неуклюжъ матросъ на сухомъ пути и кавалеристъ на морскомъ суднѣ... А если бы господа увидали ихъ на полѣ или въ лѣсу, то, навѣрное, перемѣнили бы свое мнѣніе. Особенно въ лѣсу они были ловки и проворны,—и ужъ тамъ не угнаться бы за ними горожанамъ.

Хотя никольщинцы и занимаются хлѣбопашествомъ, но ихъ настоящая стихія—лѣсъ. Съ малыхъ лѣтъ онѣ—въ лѣсу, въ лѣсу они растутъ и привыкаютъ къ лѣсу, какъ, напр., петербуржцы къ Невскому проспекту. Не изъ книгъ, но путемъ опыта, досконально знаютъ они жизнь лѣсного царства и всѣхъ его обитателей. Они идутъ въ лѣсъ за лыкомъ для лаптей, за ивовой корой для веревокъ, за разными лѣкарственными растеніями, за растеніями, дающими краску, за пахучей травой, уничтожающей въ избахъ блохъ и всякую нечисть, идутъ за грибами, за ягодами и за деревомъ для всякихъ подѣлокъ, идутъ на охоту—за рябчикомъ, за тетеревомъ, за бѣлкой, зайцемъ и медвѣдемъ. Охота—главное подспорье въ хозяйствѣ никольщинскихъ жителей. Кому удалось разжиться хорошимъ ружьемъ, тотъ уже считаетъ себя застрахованнымъ отъ голода въ случаѣ неурожая. А неурожаи въ Никольщинѣ—не въ диво...

Никольщина—сторона замкнутая, обособленная. Темные, дремучіе лѣса, какъ зеленою стѣной, отдѣлили ее отъ сосѣдняго человѣчества. Громадныя разстоянія не мало помогаютъ отчужденности этого края отъ остального деревенскаго міра. Отсюда до уѣзднаго города 120 верстъ, до губернскаго—около 500. Новости доходятъ сюда туго и всегда въ видѣ болѣе или менѣе сбивчивыхъ, смутныхъ слуховъ. Лѣтъ 15 тому назадъ, въ губернскій городъ провели чугунку, а локомотивъ еще не очень давно представлялся въ Никольщинѣ въ самомъ сказочномъ видѣ.

— Не то звѣрь какой, не то что̀... лѣшій его знастъ! — объяснялъ на зимнихъ посидѣнкахъ одинъ изъ деревенскихъ ходоковъ, впервые повидавшій чугунку.—Пыхтитъ, говорятъ, свиститъ, а то вдругъ заухаетъ, да зареветъ таково сердито... А пойдетъ — паромъ запышетъ, искрами замететъ по небу, — страсть!.. и потащитъ за собой, слышь, такіе большущіе-пребольшущіе желѣзные ящики на колесахъ, а въ тѣхъ ящикахъ всякій товаръ наваленъ и люди насажены...

— Живые?—переспросила одна любознательная старушка.

— Надо быть, что живые... — отвѣтилъ разсказчикъ. — Кумъ Клименъ сказывалъ: самъ, говоритъ, видѣлъ, какъ изъ окошекъ головами киваютъ...

— Поди-ка, некрещеные!—замѣтила старуха.

— Откуда же такого привели? Поди-ка, изъ-за моря?—спросилъ одинъ изъ слушателей.

— Ужъ не знаю! Кажись, что не изъ нашей земли...

— А чѣмъ его кормятъ?

— Да кумъ сказывалъ, что даютъ ему и дрова, и уголье, и воду... все, значитъ, жретъ! —повѣствовалъ разсказчикъ.

И долго въ зимнюю пору въ избѣ трещала лучина въ свѣтцѣ и долго на посидѣнкахъ деревенскіе люди толковали о рычащемъ чудовищѣ, изрыгающемъ огонь и дымъ. И подолгу деревенскіе люди иной разъ сидѣли, молча, понуривъ головы и задумавшись надъ неразрѣшенными вопросами.

«Воля» 19 февраля прошла здѣсь безъ всякаго шуму, потому что крѣпостныхъ въ Никольщинѣ насчитывалось только 70 душъ, да и эти 70 душъ вышли на волю безъ всякихъ смутъ. Всѣ остальные крестьяне здѣсь— государственные. Вообще всѣ нововведенія отражались въ Никольщинѣ весьма нечувствительно, прошли тихо, незамѣтно, какъ незамѣтенъ бываетъ самый дальній изъ круговъ, расходящихся по водѣ отъ камня, брошеннаго въ воду. Вотъ, школѣ никольщинцы были очень рады... Только на первыхъ порахъ у нихъ съ учителемъ вышли небольшія недоразумѣнія...

Однажды осенью, въ воскресенье, цѣлой толпой собрались они на Ворэньево и предложили учителю за добавочную плату учить всѣхъ желающихъ—старыхъ и малыхъ. Учитель имъ объяснилъ, что ему одному такое дѣло не подъ силу.

— Ну! — помолчавъ, сказалъ одинъ мужикъ.—Пусть ужъ мы дураками останемся, дураками и помремъ... Только ребятъ-то ты учи хорошенько! Мы ужъ тебя не оставимъ... Слышь?.. Всему учи, что̀ самъ знаешь!

Учитель при этомъ не мало смутился и сталъ имъ толковать, что учить всему никакъ невозможно.

— Отчего?

Это «отчего» было сказано съ такой глубокой серьезностью, съ такимъ живымъ интересомъ, и открытые, свѣтлые глаза никольщинцевъ при этомъ такъ настойчиво, пытливо, въ упоръ посмотрѣли на учителя, что тотъ, бѣдняга, еще пуще смутился. Такія слова, какъ «министерство», «программа», «курсъ» и т. под. никольщинцамъ были неизвѣстны, и учителю въ своемъ отвѣтѣ на прямо поставленный, разумный вопросъ пришлось ужомъ извиваться и ухищряться до поту лица. Онъ все-таки добился своего: никольщинцы поняли... Помолчали они, попереглядывались.

— Видишь, другъ, что я тебѣ скажу...— заговорилъ одинъ старикъ, энергично качнувъ головой. — Положимъ, мы наняли бы тебя учить насъ мастерить сошники, топоры, ножи и всякое такое издѣлье. Должонъ ты слушаться насъ, али нѣтъ? Что жъ теперь, ежели ты, вмѣсто косъ и топоровъ, начнешь, примѣрно, учить насъ деревянныя балясины строить, либо городскіе сапоги шить... Такъ-то вотъ и по школѣ! Отъ насъ ты станешь деньги получать, стало быть, жалованье, такъ насъ и слушайся!..

Долго толковали, разговорились никольщинцы на диво...

— Если я вамъ не угоденъ, такъ вѣдь могу и уйти! — обидчиво сказалъ, наконецъ, учитель.

— Ахъ, милый человѣкъ! Развѣ же мы къ тому говоримъ...—сталъ ласково успокоивать его старикъ.—Ты не обижайся на насъ! Вишь, мы — люди темные, неученые... Мы и сказать-то не можемъ тебѣ толкомъ, чего намъ надо... Не серчай на насъ, добрый человѣкъ! Оставайся, Богъ съ тобой... Что ты!.. «Нельзя, говоришь, всему учить...» Ну, что жь... пускай!..

Старикъ тихо вздохнулъ и махнулъ рукой. Толпа разошлась...

Лѣсная жизнь наложила на никольщинца

свою особую печать. Никольщинецъ молчаливъ, склоненъ къ созерцательности, часто задумчивъ, — и въ задумчивости его иногда проглядываетъ тихая грусть. Въ лѣсу подчасъ онъ, не торопясь, зарядитъ свое ружье, обопрется на него и смотритъ на высящіяся вокругъ него деревья, присматривается, прислушивается и въ то же время о чемъ-то соображаетъ. Сядетъ онъ въ лѣтнюю пору, вечеркомъ, отбивать косу, отточитъ ее, опуститъ молотокъ на земь, облокотится на косу и смотритъ—Богъ знаетъ, куда—въ даль невѣдомую. Любитъ онъ также ночью смотрѣть на небо, замѣчать звѣзды, и по звѣздамъ онъ отлично узнаетъ время. Въ дорогѣ, въ полѣ, въ лѣсу онъ примѣтитъ и запомнитъ то, на что другой вовсе и не взглянетъ. Никольщинецъ очень внимателенъ ко всему окружающему. Ему нельзя не быть внимательнымъ: вѣдь онъ предоставленъ самому себѣ, за него никто другой не думаетъ, не радѣетъ. Никольщинецъ съ малыхъ лѣтъ и до гробовой доски самъ промышляетъ о себѣ. Такихъ поговорокъ, какъ «на чужой каравай ротъ не разѣвай», здѣсь даже и не слыхали...

Грустная задумчивость сказывается и въ здѣшней пѣснѣ, и въ самой манерѣ пѣнья. Иной разъ въ досужую минуту дѣвушка сядетъ гдѣ-нибудь за околицей, подъ бѣлоствол ой березонькой, пригорюнится, запоетъ и вдругъ оборветъ на полусловѣ и подолгу сидитъ такъ и смотритъ въ лѣсную, зеленую даль. Веселая, разухабистая пѣсня не вяжется съ мрачнымъ величіемъ лѣсной пустыни, съ ея таинственнымъ полусумракомъ.

Никольщинцу есть о чемъ призадуматься. Вѣдь онъ знаетъ, что земля не клиномъ сошлась, что за ихъ темными лѣсами живутъ люди въ такихъ же деревняхъ, какъ у нихъ въ Никольщинѣ, что за этими лѣсами есть немало всякихъ диковинокъ, есть такіе города, гдѣ люди въ высокихъ башняхъ живутъ, не сѣютъ, не жнутъ, не косятъ, ни за дровами въ лѣсъ не ѣздятъ, а все у нихъ подъ руками. Люди, побывавшіе «за лѣсами», разсказываютъ про великія чудеса, но приносимыя ими свѣдѣнія не умаляютъ той таинственности, которая окружаетъ для лѣсного жителя тотъ дальній, дивный міръ. И никольщинецъ любитъ думать объ этомъ таинственномъ мірѣ; заманчиво и жутко думать о немъ. Какъ все таинственное, необъяснимое, какъ вообще всякая неизвѣданная пропасть и глубина, этотъ міръ изстари манилъ къ себѣ и звалъ изотступно лѣсного человѣка. Пять или шесть никольщинцевъ не выдержали и въ разное время поодиночкѣ ушли жить за синіе лѣса и не возвратились, пропали, и нѣтъ о нихъ ни слуху, ни духу. И послѣ того, конечно, никольщинцы не перестали думать о дальнемъ мірѣ, но ужъ никто болѣе не отваживался идти «за лѣса», такъ какъ оказывалось, что «залѣсный міръ» не возвращалъ обратно вступавшихъ въ него пришельцевъ...

Къ нѣкоторымъ стариннымъ обычаямъ никольщинцы чрезвычайно привязаны, и никому изъ нихъ въ голову не приходитъ отмѣнять или измѣнять отческія установленія.

— «Упрямы они, какъ ослы!»—говорятъ о нихъ въ такихъ случаяхъ городскіе господа.—«Медвѣди! Обломы! Ничего не понимаютъ... упрутся и стоятъ на своемъ!»

На общину они смотрятъ, какъ на такой порядокъ земельнаго уклада, которому во вѣки вѣковъ не будетъ конца. Здѣсь никому и въ голову никогда не приходило, чтобы кто-нибудь могъ сдѣлать землю своею собственностью. «Каждая семья должна получать общинной земли столько, сколько нужно на ея потребу и сколько можетъ она сама обработать», — такъ гласитъ неписанный, но непреклонный законъ никольщинской общины. Конечно, на дѣлѣ «міру» приходилось иногда отступать отъ этого основного закона—по недостатку земли, но и при этомъ земля все-таки дѣлилась строго согласно потребностямъ домохозяевъ. Замѣчательно, что въ Никольщинѣ, въ этомъ дикомъ, медвѣжьемъ углу, нищихъ гораздо меньше, чѣмъ въ другихъ волостяхъ, находящихся ближе къ городу и отвѣдавшихъ мутныхъ подонковъ фабрично-городской образованности. Старыхъ, больныхъ и сирыхъ, т.-е. людей, буквально не могущихъ работать,—община кормила безъ особеннаго отягощенія, ибо пользовалась землей, приходившейся на долю этихъ бѣдняковъ. Лѣтъ 10 тому назадъ, прошли слухи о томъ, что ѣздятъ какіе-то чиновники изъ Питера и спрашиваютъ крестьянъ: «не хотятъ-ли они *порушить общину*»? Въ отвѣтъ на подобные нелѣпые слухи никольщинцы только, молча, качали головой.

Никольщина и до сего дня представляется настоящимъ цѣльнымъ осколкомъ той лѣсной общины, что засѣла на русской землѣ еще задолго до царей Ивановъ и понынѣ крѣпко держится въ родной почвѣ...

Когда рѣчь заходитъ о достопримѣчательностяхъ Никольщинскаго края, то невольно думается, что сама Никольщина представляетъ собой весьма цѣнную и интересную достопримѣчательность въ этнографическомъ отношеніи. Тѣхъ достопримѣчательностей, какихъ отыскиваютъ, напр., археологи, изслѣдователи древней архитектуры и т. п.— здѣсь нѣтъ.

На полѣ, неподалеку отъ Вороньева, есть здѣсь «каменная баба». Это просто большой сѣрый камень, въ которомъ съ помощью фантазіи можно открыть нѣкоторое сходство съ фигурой сидящаго человѣка, во что-то закутаннаго и какъ будто держащаго что-то на рукахъ. Въ Никольщинѣ разсказываютъ о каменной бабѣ преданіе съ различными варіантами. Одни говорятъ, что въ старые годы въ этотъ камень превратилась одна баба за то, что прокляла своего младенца. Другіе же сказываютъ, что въ камень была превращена одна несчастная дѣвушка, задушившая прижитаго ею ребенка. Иные же — и большинство согласно съ ними—говорятъ, что эта дѣвушка окаменѣла за то, что хотѣла умертвить своего ребенка...

Еще не бывало случая на памятн никольщинскихъ старожиловъ, чтобъ дѣвушка рѣшилась умертвить свое дитя, — и вовсе не оттого, что у никольщинскихъ женщинъ стыда меньше, чѣмъ у другихъ, а просто потому, что—по ихъ словамъ—«одинъ грѣхъ легче, чѣмъ два грѣха». Если дѣвушка родила, то ужъ должна вырастить ребенка, а родить и убить — грѣхъ тяжкій, съ трудомъ замолимый, грѣхъ передъ рожденнымъ дитятей, передъ людьми, передъ судомъ правды Божіей... И никольщинцы со своей стороны дѣлаютъ все, чтобы по возможности облегчить въ такихъ случаяхъ участь женщины. Здѣсь еще не бывало, чтобы женщину за ея «дѣвичій грѣхъ» подвергали какому-нибудь наказанію, чтобы порочили ее, указывали на нее пальцемъ. О «дѣвичьемъ грѣхѣ» даже стараются не говорить, и никому въ голову не придетъ допытываться у женщины: съ кѣмъ она прижила ребеночка... Въ преданіи о «каменной бабѣ» (въ послѣднемъ варіантѣ) никольщинцы выразили все свое отвращеніе къ дѣтоубійству.

Сами никольщинцы считаютъ достопримѣчательностью свою, дѣйствительно, хорошую церковь и высокую, бѣлую колокольню; церковь стоитъ на высокомъ берегу Пудеги, и вершина ея колокольни съ блестящимъ шпилемъ видна верстъ за 20 въ ясную погоду. Тутъ же по берегу ютятся дома церковниковъ и расположенъ погостъ, гдѣ никольщинцы слагаютъ вмѣстѣ съ прахомъ въ темныя могилы свои радости и печали. На могилахъ сдѣланы изъ кирпичей подобія маленькихъ гробницъ, или просто кирпичи положены крестообразно или же воткнута палка, а сверху въ разщепъ ея вставлена другая небольшая палочка или лучина—также крестообразно. Пышныхъ памятниковъ нѣтъ; рѣшетокъ здѣсь также не полагается. Только на восточной сторонѣ погоста, прямо противъ алтаря, на могилѣ одного изъ священниковъ положена каменная плита и на ней кратко значится, что «іерей Алексѣй въ теченіе 40 лѣтъ священствованія молился за паству свою». Этотъ іерей, повидимому, не обижалъ свою паству, и простые люди, повидимому, любили своего стараго пастыря, ибо сами они по угламъ его могилы посадили четыре пирамидальныя пихты...

Настоящую же достопримѣчательность Никольщины составляютъ ея лѣса. Несмотря на подсѣки, на случайные поджоги и бури, эти темные, дремучіе лѣса со всѣхъ четырехъ сторонъ надвигаются на Никольщину, защищая ее отъ шумнаго, суетливаго свѣта. Могучая лѣсная сила такъ и претъ на нее отовсюду, бросая на нее зеленыя тѣни, напѣвая ей свои заунывныя пѣсни и обдавая ее въ лѣтнюю пору своимъ смолистымъ запахомъ и запахомъ цвѣтовъ...

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Григорій Петровъ, по прозвищу Чабанъ, былъ рослый, здоровый, сильный старикъ лѣтъ 50. Его умное, выразительное лицо, красное и загорѣлое—красиво оттѣнялось густою, сѣдою бородой; русыя, кудреватыя пряди волосъ съ просѣдью окаймляли его небольшую лысину. Глаза у него были большіе, сѣрые, носъ толстый, нижняя губа, слегка выдавшаяся впередъ. На лбу и подъ глазами шли морщины; двѣ глубокія складки по угламъ рта придавали его лицу выраженіе упрямства и настойчивости. Григорій представлялъ собой яркій образчикъ бойкаго, работящаго крестьянина.

Сегодня Григорій Чабанъ веселъ и пьянъ. Много пироговъ у него напечено, много куплено водки и наварено пива. Сегодня онъ сына женилъ...

Въ сумерки самый почетный гость, старшина, Капитонъ Игнатьевичъ, доводившійся своякомъ Григорію Петрову, отправился домой, на Вороньево, а остальные гости на время разбрелись изъ хаты. Самъ хозяинъ съ мужиками стоялъ на улицѣ подъ окнами своей избы.

Тусклый октябрьскій вечеръ уже набрасывалъ сѣрыя тѣни на Куваево и на окрестныя поля и перелѣски. Мелкая осенняя изморозь, какъ бѣлесоватымъ туманомъ, заволакивала дали и лѣса, темнѣвшіе на горизонтѣ. Небо было облачно, въ воздухѣ пахло дождемъ, сыростью, поблекшимъ листомъ. Изрѣдка вѣтеръ проносился по улицѣ, и голыя, сухія вѣтви березъ и рябинъ, торчавшихъ тамъ и сямъ изъ-за плетня, покачивались и шумѣли уныло. Деревенская улица утопала въ черной, невылазной грязи, и лишь въ двухъ-трехъ мѣстахъ для перехода черезъ улицу были навалены кучи желтой соломы и костицы. Сѣрыя стѣны избъ совсѣмъ почернѣли отъ недавняго дождя, соломенныя крыши намокли. И все Куваево со всѣми его окрестными лѣсами и болотами въ тотъ ненастный осенній вечеръ — подъ сѣрымъ, плачущимъ небомъ — казалось какъ-то необыкновенно убого и печально...

А Григорію Петрову не было никакого дѣла до осенняго ненастья. Хлѣбъ у него ужъ давно убранъ съ поля, и обмолоченъ и въ амбаръ ссыпанъ... Разстегнувъ армякъ, веселый и пьяный, стоялъ онъ, прислонившись къ стѣнѣ избы.

Изба у него—по правдѣ сказать — была довольно ветхая и на видъ весьма неказистая; стѣны и крыша ея, какъ будто, жили между собой не совсѣмъ въ ладу: изба покосилась на одинъ бокъ, а соломенная крыша, порастрепанная вѣтрами, сползала на другую сторону. Въ Никольщинѣ лѣсъ былъ дешевъ,— у Чабана денегъ хватило бы на поправку, да не любилъ старикъ вынимать деньги изъ своего кожанаго кошеля, и поэтому дѣло все откладывалось съ году на годъ.

— Покуда жить еще можно... а тамъ ужо увидимъ!—говаривалъ Чабанъ.

И, дѣйствительно, какъ оказывалось, въ избѣ еще можно было жить, особенно ежели къ зимѣ постарательнѣе уладить завалинку.

— Ну, кумъ! Окрутилъ парня!—говорилъ одинъ малорослый мужичокъ, Андрей Мерлушинъ, пошатываясь и хлопая хозяина по плечу.

— Окрутилъ молодца!—промолвилъ тотъ, поглаживая бороду.—Ужъ не знаю: что будетъ!..

— Извѣстно, что... ребята ужо пойдутъ!— шутливо замѣтилъ кумъ.

— Такъ-то такъ! За этимъ, братъ, дѣло не станетъ!—согласился Чабанъ.— Оба—молодые... что имъ дѣется!

Самодовольная добродушная улыбка свѣтилась въ его сѣрыхъ глазахъ. А кумъ, широко разставивъ ноги и запустивъ руки за поясъ, стоялъ передъ нимъ съ такимъ видомъ, какъ будто земля подъ его ногами ходила ходенемъ и ему стоило большихъ усилій удержаться на ней въ стоячемъ положеніи.

— Анютка будетъ баба добрая... вотъ посмотри!—заплетающимся языкомъ толковалъ кумъ.— Ты не сумнѣвайся... дѣвка она смиренная!

— Издали-то всѣ онѣ смиренныя, а поживутъ, поосмотрятся, зубы тѣ и покажутъ...— замѣтилъ Григорій.

— Эта, братъ, не покажетъ... Нѣ-ѣ-ѣтъ, кумъ! Это ужъ ты напрасно...

— Давай Богъ миръ да согласіе! — вмѣшался кузнецъ Никита, держа въ рукахъ ковшикъ съ пивомъ, до половины отпитымъ.

— Что ужъ и говорить!—съ особеннымъ азартомъ подхватилъ кумъ и едва не повалился на земь.—Первое дѣло, значитъ, чтобы миромъ... по согласію! Это ужъ такъ!.. Поцѣлуемся!

Кумовья обнялись и разцѣловались.

Въ эту минуту подошелъ къ хозяину, пошатываясь, странный человѣчекъ съ желтовато-блѣднымъ лицомъ, съ темными, впалыми глазами и въ фуражкѣ, задорно сдвинутой на затылокъ. Онъ былъ въ поношенномъ, побѣлѣвшемъ по швамъ сюртукѣ и въ жилеткѣ, изъ-подъ которой виднѣлась пестрая ситцевая рубаха; черныя потертыя штаны были запрятаны въ невысокіе, городскіе сапоги съ порыжѣвшими голенищами, забрызганными грязью. Съ небольшими темными усами, рѣзко выступавшими на безкровномъ лицѣ, съ темной же, рѣденькой, обдерганной бородкой, сутуловатый, худощавый, со впалой грудью, этотъ человѣкъ посреди окружавшихъ его здоровенныхъ, дюжихъ никольщинцевъ казался какимъ-то совсѣмъ жалкимъ, замореннымъ существомъ.

Это былъ портной, Прокопій Васильевъ, дальній родственникъ Чабана, совершенно случайно попавшій на свадьбу. Чабанъ недо-

любливалъ его, называлъ «пустымъ человѣкомъ», «вѣтряной мельницей», но, конечно, сегодня въ угощеньи ему не отказалъ.

Прокопій жилъ то въ уѣздномъ городѣ, то шатался по деревнямъ, обшивалъ крещеный людъ. Онъ былъ вдовъ, бездѣтенъ, зналъ грамоту, любилъ почитать хорошую книжку и былъ склоненъ помечтать, помудрствовать, потолковать о суетѣ мірской, о правдѣ и кривдѣ, о добрѣ и злѣ и т. п. болѣе или менѣе отвлеченныхъ предметахъ. Онъ былъ не прочь выпить, и въ подвыпитіи особенно любилъ поговорить по душѣ. Сидячій трудъ и водка сломили преждевременно его здоровье. Прокопій—по натурѣ человѣкъ добрый, мягкій и ласковый—подъ вліяніемъ житейскихъ невзгодъ и болѣзней—сталъ рѣзокъ, раздражителенъ и порой бывалъ упрямъ, «какъ чортъ», по словамъ нѣкоторыхъ, повидимому, близко знакомыхъ съ качествами этого нечистаго духа.

— Смотри, Петровичъ,—не замай молодуху-то!—сказалъ портной Чабану, перебирая длинными, желтыми пальцами свою рѣденькую бородку.

Старикъ нѣсколько свысока и съ видимымъ неудовольствіемъ вскользь взглянулъ на Прокопія.

— Кто жъ ее будетъ маять!.. Все это ты пустое... — нехотя проговорилъ Чабанъ, посматривая вдоль деревенской улицы.

— То-то «кто»...—продолжалъ Прокопій, не сводя со старика своихъ темныхъ глазъ.— Я вѣдь, братъ, знаю тебя довольно... Больно ты жаденъ на работу! Ты, какъ лошадь горячая, готовъ и самъ надорваться и другихъ надорвать на работѣ... Да и всѣ вы, вся ваша семья Чабанья такая жадная... Вы рады на полѣ-то пластомъ распластаться.

— Не по твоему же... знамо дѣло!—возразилъ старикъ, сердито передернувъ на себѣ поясъ.—Ты, вонъ, три стежка сдѣлаешь, да за водку, либо часъ цѣлый языкъ чешешь... Знаемъ тебя тоже!

— Еще бы меня-то не знать!—съ задорной усмѣшкой перебилъ портной.—Меня, братъ, вся округа знаетъ! Куда ни придешь — въ городъ-ли, въ деревнюшку-ли, — сейчасъ: «Прокопій Васильичъ! Милости просимъ!..» Даже малые младенцы Прокопія знаютъ... Такъ-то, другъ!.. Только дѣло теперь не въ томъ... Я говорю: жаденъ ты... И молодуху-то, гляди, загоняешь! Вѣдь ты радъ комереть на работѣ. Вѣрно?.. Скажемъ примѣрно: нажнетъ тебѣ баба суслоновъ восемь въ день,— а ты ей: «Отчего не десять?» Нажнетъ десять суслоновъ,—ты и тутъ не уймешься... Разорвись на двое, а ты скажешь: «Отчего не начетверо?..» Вонъ, говорятъ, ты со старухой иной разъ до свѣту, съ фонаремъ, ходишь въ лѣсъ за рыжиками... Рыжикамъ-то не дашь вырости!

Въ толпѣ послышался смѣхъ.

— А ты еще бахвалишься, кичишься!— продолжалъ портной, съ вызывающимъ видомъ приступая къ старику.

— Оставь, Прокопій! Все пустое болтаешь, зря... самъ не знаешь что... Слушать тошнехонько!—слегка дрогнувшимъ голосомъ проворчалъ Чабанъ, отвертываясь отъ портного: было очевидно, что тотъ задѣлъ его за живое.—У насъ—по крестьянству—иначе нельзя... На печкѣ валяться не приходится: печь вѣдь не прокормитъ! Не по твоему же всѣмъ лодырнячать!

— Никто тебѣ и не велитъ лодырнячать!— огрызнулся Прокопій.—Я и самъ не лодырнячаю, свой хлѣбъ ѣмъ, подъ окнами не прошу, работаю — сколько надо, а на работѣ — это точно—не убиваюсь, да и убиваться не желаю... Ты, братъ, думаешь: человѣку много надо для прожитья! Одежонку какую ни на есть, хлѣба кусокъ, да въ непогодь крышу какую-нибудь нераженькую... Вотъ-тѣ и все! А тебѣ, Петровичъ, грѣхъ на недостатки пожаловаться: про черный день у тебя денежки есть...

— А ты видалъ мои денежки-то? считалъ? —съ злой усмѣшкой спросилъ Чабанъ.

— Не считалъ... не люблю этимъ дѣломъ заниматься!—сухо промолвилъ Прокопій.— Потомъ же—амбаръ у тебя завсегда полонъ... Жить можешь припѣваючи. Ну, чего тебѣ еще надо?

— А тебѣ чего отъ меня надо? Чего ты ко мнѣ присталъ, ровно банный листъ?—тяжело дыша, заговорилъ Чабанъ и посмотрѣлъ на портного.

Прокопій, въ свою очередь, поглядѣлъ на него,—глаза ихъ встрѣтились на мгновенье... Чабанъ плюнулъ и отвернулся: онъ не могъ долго выдержать настойчиваго, горячаго взгляда темныхъ, впалыхъ глазъ.

— Я, братъ, не обижать тебя хочу,—сказалъ портной,—а говорю къ тому, что изъза этой самой жадности у тебя времечка нѣтъ о другомъ подумать...

— Это о чемъ же? О баловствѣ?—впадая

опять въ насмѣшливый тонъ, спросилъ старикъ.

— Что жъ о баловствѣ думать! Коли захочется баловать—побалуешь да и шабашъ! —какъ бы не замѣчая насмѣшки, спокойно отозвался Прокопій. —Не въ баловствѣ, братъ, дѣло, не о томъ рѣчь идетъ...

— А о чемъ же? — ухмыляясь, перебилъ Чабанъ.

— А вотъ о томъ, что ты только и помышляешь: какъ бы лишній грошъ въ карманъ залучить... О душѣ тебѣ подумать некогда!..

— Ой, парень? Мужики-то, можетъ, побольше вашего о душѣ думаютъ... — многозначительно, тихимъ голосомъ замѣтилъ Чабанъ.

Въ ту минуту изъ избы донеслись веселые крики и смѣхъ. Крестьяне тѣснѣе обступили споривщихъ. Кузнецъ Никита съ чувствомъ покачивалъ головой надъ опорожненнымъ ковшикомъ... Чабанъ, повидимому, горячился все болѣе и болѣе, а портной, напротивъ, становился хладнокровнѣе и какъ-то вдумчивѣе.

— Ну, что жъ! — не отставалъ Чабанъ, презрительно посматривая на Прокопія.— Деньги у меня есть, точно... Такъ тебѣ-то что? Завидно, что-ли?

— Нѣтъ, не завидно!—отвѣтилъ портной, опять въ упоръ посмотрѣвъ на старика.—На мой вѣкъ хватитъ... Пока будетъ сила, стану работать и сытъ буду. Не станетъ силы, лягу и помру—не хуже твоего... Не бойсь, Петровичъ! Къ тебѣ не приду просить милостыню. Не опасайся, другъ!

— Охо-хо! Денежки, денежки...—какъ бы не слушая портного и обращаясь къ мужикамъ, проговорилъ старикъ. — Безъ денегъ вездѣ худенекъ, безъ нихъ не проживешь... Всякій за деньгами тянется, всякій за нихъ цѣпляется, богатый и бѣдный...

— А будь онѣ прокляты, деньги-то! — вскричалъ портной, размахивая руками.— Вотъ онѣ-то, окаянныя, и привораживаютъ человѣка—такъ, что онъ изъ-за нихъ ничего не видитъ и не разумѣетъ... Тьфу! Пропади онѣ пропадомъ!

Хотя мужики и ухмылялись порой, но всѣ они, не смотря на хмѣль, очевидно, съ самымъ напряженнымъ вниманіемъ прислушивались къ словамъ этого блѣднаго человѣчка съ темными, впалыми глазами. При первомъ появленіи онъ казался жалкимъ и смѣшнымъ въ своемъ потертомъ сюртучишкѣ и съ фуражкой, заломленной на затылокъ. Но подъ конецъ этотъ болѣзненный, худощавый человѣчекъ, сутуловатый, со впалой грудью, вдругъ какъ будто выросъ и похорошѣлъ въ глазахъ окружавшихъ его никольщинцевъ. Конечно, если бы дѣло дошло до рукопашной, любой изъ подвыпившихъ мужиковъ пристукнулъ бы однимъ кулакомъ этого «несчастнаго говоруна» — такъ, что отъ него только бы «мокренько осталось». Но въ то же время дюжіе, здоровенные никольщинцы чувствовали, что этотъ мозглявый портной производитъ на нихъ неотразимое обаяніе, что птичка «не величка», да коготокъ востеръ; всѣ они сознавали, что у портного есть своего рода сила, такая *сила*, которой у нихъ нѣтъ... Въ душѣ они соглашались съ «портняжкой», но только не хотѣли открыто идти противъ стараго Чабана.

Въ избѣ той порой на столѣ уже горѣли двѣ сальныя свѣчи и было такъ людно и шумно, что тараканы, положительно, не знали, куда дѣваться,—и поводя усиками, въ недоумѣніи выглядывали изъ щелей... Молодушка—женщина лѣтъ 20, полненькая, небольшого роста, съ гладко причесанными бѣлокурыми волосами, съ добрымъ, пригожимъ лицомъ—сидѣла за столомъ, понуривъ голову, и собирала въ кучку хлѣбныя крошки, оставшіяся на скатерти. На ней — красный шерстяной сарафанъ, бѣлая воротушка съ широкими, короткими рукавами, едва доходившими до локтя, на головѣ — голубая повязка, обшитая узкимъ, серебрянымъ позументомъ. Эту дорогую повязку, стоившую «рупъ-цѣлковый», молодушка не много разъ надѣнетъ во всю свою жизнь, и въ этой же повязкѣ, Богъ дастъ, ея дочь пойдетъ подъ вѣнецъ, если только будетъ у нея когда-нибудь дочь-невѣста.

Украдкой —робко и застѣнчиво — взглядывала она порой на народъ, толкавшійся по избѣ, а когда на нее обращали вниманіе, она еще ниже клонила голову, вся какъ-то съеживалась, горбилась, словно хотѣла сдѣлаться какъ можно меньше, незначительнѣе. Впрочемъ, къ ея счастью, гости разгулялись и мало обращали на нее вниманія.

Эта молодая женщина съ поникшей головой переживала теперь, можетъ быть, самыя тяжелыя минуты на своемъ вѣку — минуты неизвѣстности. Какая участь ожидаетъ ее впереди? Какова жизнь начнется для нея зав-

тра?.. До сего дня она жила съ отцомъ, съ матерью, да съ маленькимъ братишкой, Сашуткой, и работала на нихъ, а теперь она ушла изъ родной избы и вошла въ чужую семью. Теперь она станетъ работать на мужа, на свекра, на свекровь. Положимъ, ея родная деревушка, Яковлевка, съ поля на поле съ Куваевымъ,—въ трехъ верстахъ станетъ она жить отъ родныхъ своихъ, а все-таки страшно, жутко. Смутно, неспокойно у нея на душѣ...

Дома ее любили и мать, и отецъ, и Сашутка, особенно любилъ старикъ-отецъ, а здѣсь приходится начать жить съ чужими людьми. Какъ бы не стали ее обижать?.. Съ мужемъ, со своимъ «хозяиномъ», она еще мало знакома... Кажись, что парень добрый и не вздорный... А кто жъ его знаетъ! Каковъ-то ужо во хмѣлю будетъ?..» «А о свекрѣ, да о свекрови—охъ! что-то всѣ худо въ сказкахъ сказывается, худо про нихъ и въ пѣсняхъ поется»... Въ тѣхъ пѣсняхъ говорится, что «свекоръ-батюшка на печи сидитъ, кочергой грозитъ, а свекровь-матушка на челѣ сидитъ, да помеломъ грозитъ... Свекоръ-батюшка журитъ, бранитъ; свекровушка побить велитъ, а деверья наговариваютъ»... И все въ томъ же невеселомъ, угрожающемъ тонѣ.

Алексѣя она уже давно знала въ лицо, встрѣчалась съ нимъ на деревенскихъ праздникахъ, на гуляньяхъ, на ярмаркахъ въ Вороньевѣ, но отцы ихъ до прошлаго лѣта знакомства не водили. Ей только сказывали, что Алексѣй—парень хорошій, тихій, что онъ—одинъ сынъ у отца, что старый Чабанъ—мужикъ исправный, что у нихъ и деньги есть и всего вдоволь. Чѣмъ же еще не женихъ! Двѣ коровы съ телушкой, пара лошадей, да овецъ штукъ десятокъ... Отецъ сказалъ:

— Выходи, Анютка!

— Выходи, доченька! — со слезами сказала мать.

— Ну, что жъ! — прошептала Анютка—и вышла...

Вѣдь на тоже и дѣвки, чтобы выходить замужъ, да ребятъ носить... Она станетъ работать на такомъ же полѣ, на какомъ и прежде работала, будетъ обряжаться въ такой же избѣ, только люди кругомъ нея будутъ другіе... И припомнилась ей теперь одна давно знакомая пѣсня. Аннушка пѣвала ее невѣстамъ, а вчера вечеромъ на дѣвишникѣ ту же пѣсню пѣли ей подруженьки...

«Во новой—во горницѣ столы стоятъ,
Середь бѣлой горницы—дубовые стоятъ.
На столикахъ скатерти браныя,
На скатертяхъ гусельцы звончатыя.
Во эти гуселечки Алексѣй игралъ.
Въ эти звончатые Григорьевичъ игралъ.
Аннушка расплакалася,
Васильевна растужилася.
Родная матушка выспрашивала:
Что, мое дитятко, расплакалося?
Что, мое милое, растужилося?
Какъ же мнѣ, родная матушка, не плакать—не тужить!
Алексѣевы гусельцы не ладно говорятъ:
Зовутъ эти гусли на чужую сторону»...

Гусли велятъ звать свекра-то батюшкою, свекровку-то — матушкою, деверьевъ-то — милыми братцами, золовушекъ—милыми сестрицами,—

«А Алексѣя-то звать велятъ милымъ дружкомъ,
Григорьевича звать велятъ сердечнымъ»...

Пѣли уныло, однообразно, словно хотѣли у невѣсты всю душу вытянуть. Аннушка горько плакала подъ эту пѣсню, и звуки той пѣсни, казалось, все еще отдавались у нея въ ушахъ..,

Бѣлокурый мальчуганъ въ розовой ситцевой рубахѣ сидѣлъ рядомъ съ молодушкой, облокотившись рукой на столъ и склонивъ на нее голову. Это—Сашутка, ея маленькій, любимый братишка.

— На Михайловъ-то день придешь къ намъ?—спросилъ онъ сестру, посмотрѣвъ на нее сбоку.

— Приду, Сашутка, безпремѣнно приду... Можетъ, и раньше...—отвѣтила та и ласково погладила его свѣтлые, льняные волосики.

Тутъ глаза ея затуманились, и Сашутка почувствовалъ, что теплая слеза упала ему на щеку.

— Ты о чемъ? — тревожно спросилъ ее мальчуганъ.

— Ничего, ничего, родимый! Это я такъ!.. —прошептала Аннушка, прикрывая лицо рукой и стараясь скрыть набѣгавшія слезы.

— Съ Алексѣемъ придешь?—спрашивалъ Сашутка.

— Да вѣдь какъ!.. съ нимъ, поди...

— Приходи! мамка тебѣ олянышковъ напечетъ...

Братишка хотѣлъ утѣшить ее, а вмѣсто того лишь подливалъ масла въ огонь, и Аннушкѣ стоило большихъ усилій глотать слезы.

А Алексѣй той порой сидѣлъ съ парнями около двери, переговаривался и посмѣивался

съ ними, часто встряхивая, по привычкѣ, своими темными, лоснящимися волосами, намазанными скоромнымъ масломъ. Въ его сѣрыхъ, безхитростныхъ глазахъ сказывалась вся, какъ на ладони, его простая, безхитростная душа. Аннушка—люба ему, ему весело, но — въ силу никольщинскихъ приличій — онъ не выказываетъ того, что доволенъ своею молодой хозяйкой, «при людяхъ» не разговариваетъ съ женой, старается даже не смотрѣть на нее. Старики, по своему стариковскому обычаю, не разъ начинали подтрунивать надъ нимъ, а онъ хмурился и отворачивался отъ нихъ: «Чего въ самъ-дѣлѣ пристали!..»

Дѣвушки сбились въ кучу, долго о чемъ-то между собою перекорялись, перешептывались и, наконецъ, затянули одну изъ свадебныхъ пѣсенъ:

«Разлилася—разливалася
По лугамъ вода весенняя,
Уносила три кораблика.
Какъ одинъ-то корабль съ золотомъ,
А другой-то корабль съ серебромъ,
А третій-то корабль съ милой дѣвицей-душой,
Что съ Анной-то, съ Васильевной.
И на эту быстру рѣченьку
Выходила родна матушка,
Закричала громкимъ голосомъ:
Воротися, дитя милое!..»

У Аннушки на глазахъ опять блеснули слезы...

Дождь прогналъ гостей съ улицы. Мужики привалили въ избу. Портной присѣлъ у двери на лавочку и заигралъ на гармоніи. Одинъ парень, подбоченившись, съ самымъ вызывающимъ видомъ принялся топтаться на мѣстѣ. Какая-то подгулявшая бабенка взмахнула платочкомъ, — не выдержала, сердечная,— пустилась въ плясъ, поплыла по избѣ, маня къ себѣ парня... Ходенемъ заходилъ щелеватый полъ.

А часа черезъ два въ избѣ было уже тихо и темно, и только было слышно, какъ въ оконца дождь моросилъ, да вѣтеръ завывалъ въ трубѣ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Предки стараго Чабана были государственными крестьянами, испоконъ вѣку жили на Куваевѣ и обработывали свое поле. Одного изъ его предковъ на охотѣ медвѣдь растерзалъ, другого подрубленнымъ деревомъ зашибло въ лѣсу, двое были сосланы на каторгу: одинъ за убійство односельца въ пьяномъ видѣ, а другой—за участіе въ бунтѣ. Этотъ бунтъ произошелъ въ Никольщинѣ еще въ очень давніе годы...

Не у однихъ дворянъ растутъ родословныя деревья. У Чабана такъ же, какъ и у каждаго изъ сотни милліоновъ русскихъ крестьянъ, есть свое родословное дерево, могучее дерево, съ глубокими корнями, многовѣтвистое, запятнанное потомъ, слезами и кровью. Только не пришло еще время публиковать эти семейныя крестьянскія хроники.

Жизнь Григорія Чабана сложилась такъ же просто, незатѣйливо, какъ слагается вообще жизнь крестьянская.

Мать цѣлыя сутки рожала его, деревенскія старухи-повитухи таскали ее то въ баню, то изъ бани, мяли ей животъ, трясли за ноги и измучили до того, что она, родивъ сына, сама едва не померла. Григорій росъ на полѣ и на улицѣ, безъ всякаго призору. Однажды его чуть свинья не загрызла; въ другой разъ онъ самъ едва не свалился въ колодезь. За баловство, какъ водится, отецъ стегалъ его прутомъ, а мать, украдкой отъ отца, совала ему въ утѣшенье олялышекъ или кусокъ пирога съ картошкой. Съ двѣнадцати лѣтъ Григорій уже сдѣлался работникомъ: шевелилъ и сгребалъ сѣно, возилъ съ поля хлѣбъ, сидя верхомъ на Чалкѣ, ѣздилъ въ ночное, задавалъ иногда скотинѣ кормъ. Года черезъ три отецъ уже совѣтовался съ нимъ по хозяйству, какъ со взрослымъ. Когда же ему пошелъ двадцатый годъ, отецъ рѣшилъ: «Надо парня женить, пока не избаловался!»

И Григорія женили на дочери одного довольно зажиточнаго Вороньевскаго крестьянина. Хотя Ульяна Матвѣевна оказалась лѣтъ на пять старше его, да и не особенно ему нравилась, но зажили они ладно: Григорій напрасно не притѣснялъ бабу и только раза два за какое-то «супротивничанье» сгоряча намялъ ей бока...

Старики—отецъ съ матерью — въ свое время умерли... У Григорія своимъ чередомъ пошли дѣти; у него было четыре сына и двѣ дочери. Одна дочка померла еще во младенчествѣ,—«горло захватило», другая дочь, Лизавета, была замужемъ, жила въ Вешнихъ Выселкахъ и рѣдко показывалась на Куваевѣ—съ той поры, какъ между ея мужемъ и отцомъ вышли нелады. Зять Чабана, Иванъ Пустошкинъ, былъ мужикъ вялый, рохлый и

сталъ, было, всѣмъ заимствоваться у старика: то ему хлѣба не хватитъ, то денегъ позарѣзъ нужно... Сначала Чабанъ давалъ, хотя и морщился, а потомъ, увидавъ, что этимъ позаимствованіямъ не предвидится конца-краю, рѣшительно сказалъ:

— Шабашъ, парень! Будетъ!..Съумѣлъ ребятъ нажить, умѣй самъ и хлѣбъ промышлять!

Лизавета очутилась между двухъ огней. Придетъ она на Куваево, отецъ пилитъ ее, ругаетъ ее съ мужемъ «лежебоками, пустокормами»... А дома Иванъ поноситъ ее, какъ нельзя хуже, а иной разъ, подвыпивши, и по загривку дастъ или за косу рванетъ и на весь дворъ кричитъ:

— Не хочешь ничего у отца выпросить!.. И чортъ меня связалъ съ вами... Провалиться бы вамъ!..

Незавидна была участь замужней дочери стараго Чабана.

Изъ четырехъ же сыновей его двое умерли еще мальчуганами,—одинъ «отъ живота», другой оттого, что ему «подъ сердце подкатывало», а третій былъ въ солдатахъ и убитъ гдѣ-то въ Болгаріи. Уцѣлѣлъ одинъ Алексѣй.

Всѣ несчастія и злоключенія, постигающія крестьянина, разражались въ свое время и надъ головой Григорія Чабана.

Около двадцати лѣтъ тому назадъ однажды зимой, въ позднюю вечернюю пору, вспыхнули и запылали надъ Куваевымъ огненные языки, въ темномъ небѣ заиграло зарево и снѣжные сугробы, окружавшіе деревню, озарились красноватымъ свѣтомъ. Съ Никольщинской колокольни раздавался тревожный звонъ набата, а на Куваевѣ той порой гулъ пожара, шумъ и трескъ огня смѣшивались съ отчаянными криками и плачемъ, съ мычаньемъ коровъ,со ржаньемъ лошадей. Вспугнутые голуби носились высоко надъ пожарищемъ. Григорій съ мужиками тушилъ пожаръ, а Ульяна, выскочившая изъ избы съ ребятами почти въ одной рубахѣ, бѣгала, пока было можно, въ свою горѣвшую избу и съ обезумѣвшимъ видомъ таскала изъ нея ухваты, корчаги, старыя, ненужныя мочалки... Когда же крыша съ трескомъ рухнула и золотистыя искры тучей поднялись къ темному небу, Ульяна безпомощно опустила руки и, увидавъ, какъ огонь безжалостно пожиралъ ихъ послѣднее достояніе, заголосила на всю улицу:

— Ой, батюшки! Ой,свѣтики мои родные... Послѣднія-то кровныя крошечки...

И, въ правду, послѣднія кровныя крошечки ихъ убогаго хозяйства улетѣли въ ту ночь вмѣстѣ съ пламенемъ.

На утро на мѣстѣ сгорѣвшихъ избъ валялись груды почернѣвшихъ бревенъ, торчали обуглившіяся вереи,да поднимались, въ видѣ памятниковъ, закоптѣлые остовы полуразвалившихся печей. Ночью шелъ снѣгъ и слегка запорошилъ мѣсто пожарища... Ульяна съ клюкой бродила по тому мѣсту, гдѣ еще недавно былъ «ея домъ», наклонялась надъ грудами кирпича, рылась въ угольяхъ и въ золѣ, какъ бы все еще надѣясь найти что-нибудь подъ ними, наконецъ, подошла къ печкѣ, прислонилась къ ней и заплакала горько. Много лѣтъ обряжалась она у этой самой печки,— и передъ этимъ устьемъ бывало такъ тепло и свѣтло... И капали ея слезы на кучи сѣрой золы и на закоптѣлые кирпичи, запорошенные снѣгомъ.

— Ульяну-то, видно, совсѣмъ изъ ума вышибло!—смотря на нее, говорили куваевцы.

— Вышибетъ... и то сказать!—замѣчали бабы.

Послѣ того Ульяна не могла спать нѣсколько ночей подъ рядъ: «лихоманка» ее била, и ей все слышался какой-то зловѣщій шумъ и трескъ.

Въ тотъ пожаръ на Куваевѣ сгорѣло 8 дворовъ, 11 уцѣлѣло. Зиму Чабанъ съ семьей кое-какъ промаячилъ по сосѣдямъ, къ осени обстроился, и съ тѣхъ поръ Богъ миловалъ. Григорій и самъ уже не однажды давалъ въ своей избѣ пріютъ погорѣльцамъ...

Во время скотскихъ падежей случалось, что и у Чабана падала то корова, то лошадь; одну коровенку волки загубили, а овецъ перегрызли штукъ до шести, если не больше... Ульяна жалобно причитала по павшей скотинкѣ, а мужъ унималъ ее:

— Ну! Будетъ ужъ тебѣ... У-у, рева!

Много морозныхъ, трескучихъ зимъ пережилъ Чабанъ на своемъ вѣку и въ одну изъ такихъ лютыхъ зимъ, въ лѣсу, шибко зазнобилъ лѣвую руку,—и рука у него съ той поры побаливаетъ въ худую погоду... Не мало Чабанъ пережилъ и неурожайныхъ годовъ, и въ эти годы его семьѣ приходилось голодать. Мужики ѣздили въ лѣсъ, рубили молодые отростки елей, сушили ихъ и толкли. Этотъ «еловый порошокъ» подбавляли ко ржанымъ отрубямъ, прибавляли къ нимъ муки, и изъ этой остроумной смѣси бабы пекли хлѣбъ. Сказать по правдѣ, такое печенье больше по-

ходило на куски засохшаго навоза, чѣмъ на хлѣбъ, но все же куваевцы — въ ожиданіи лучшаго будущаго — кое-какъ набивали имъ брюхо... Въ одинъ изъ такихъ годовъ, лѣтъ десять тому назадъ, чуть не половина куваевцевъ перемерла — «отъ горячки», какъ говорили лѣкаря. И Чабанъ въ тотъ разъ три недѣли провалялся...

Первые три-четыре года хозяйничанья Григорія, а также два года послѣ пожара, семья Чабанова жила плохо; молодой хозяинъ не успѣвалъ перевертываться, и не разъ въ волостномъ правленіи грозили постегать его, но березовая каша его миновала. Впрочемъ, все это было давно... Давно Чабанъ уже внесъ послѣднія недоимки, сдѣлался исправнымъ плательщикомъ и зажиточнымъ мужикомъ.

На днѣ его сундука, въ тряпьѣ, хранилось до 500 рублей ассигнаціями и серебромъ. Его считали богатымъ, да онъ и, дѣйствительно, былъ однимъ изъ богатѣевъ, ибо въ Никольщинѣ крестьянинъ, имѣвшій въ запасѣ сотню рублей, уже считался состоятельнымъ хозяиномъ... Въ числѣ ассигнацій у Чабана хранились даже такія рѣдкости, какъ двѣ десятирублевки, уже давнымъ-давно изъятыя изъ обращенія и вслѣдствіе этого превратившіяся въ клочки грязной бумаги, но такъ какъ въ Никольщинѣ никто не подозрѣвалъ возможности подобныхъ превращеній, то въ глазахъ Чабана и другихъ сельчанъ эти несчастныя, засусленныя десятирублевки представляли собой дѣйствительную цѣнность. Вѣроятно, только люди образованные — кабатчикъ да лавочникъ — не приняли бы ихъ въ уплату, крестьяне же съ удовольствіемъ запихали бы ихъ при случаѣ въ свою мошну.

Чабанъ не былъ скупъ, но только разсчетливъ, бережливъ. Онъ зналъ, что стрясись бѣда, обѣдняй онъ, ему, можетъ быть, и пособятъ, а можетъ быть — и нѣтъ. Значитъ, прежде всего нужно было не плошать, на себя надѣяться и припасти денежку про черный день.

Чабанъ, какъ говорилъ портной Прокопій, былъ жаденъ на работу. Положимъ, онъ не ходилъ въ лѣсъ съ фонаремъ за рыжиками, но за то вѣрно, что у него раньше всѣхъ была вспахана весенняя пашня, раньше всѣхъ онъ начиналъ косить, жать, молотить, раньше всѣхъ кончалъ работы, раньше всѣхъ ѣхалъ въ лѣсъ за дровами. Дѣйствительно, онъ готовъ былъ надорваться на работѣ. Изъ всѣхъ человѣческихъ слабостей онъ, кажется, не могъ простить только лѣность. Свою жадность къ работѣ онъ съумѣлъ сообщить и своей Ульянѣ и сыну.

Уже не разъ у Чабана заходили споры съ Прокопіемъ, когда тотъ работалъ на кого-нибудь въ Куваевѣ. У дѣятельнаго, практическаго Чабана всякое дѣло горѣло въ рукахъ, а мечтатель-портной любилъ посидѣть — потолковать съ хорошимъ человѣкомъ. Чабанъ не могъ терпѣть его.

— Сидитъ, да мелетъ всякіе пустяки... — говорилъ про него старикъ.

Одинъ видъ этого «несчастнаго портняжки», насвистывающаго себѣ подъ носъ, раздражалъ Чабана. У него не находилось для Прокопія другихъ прозвищъ, какъ «лѣнтяй, свистунъ, дрянь-человѣкъ». Портной не оставался въ долгу, за словомъ въ карманъ не лазалъ и иной разъ донималъ Чабана чуть не до холоднаго пота своими разсужденіями о «душѣ», да о «грѣхѣ»...

— Отвяжись отъ меня, чортъ! Лодырь! Право, лодырь! — со злостью ворчалъ Чабанъ.

А Прокопій, опустивъ работу на колѣни, настойчиво заглядывалъ ему въ лицо и спокойно говорилъ:

— Скажи: по что ты убиваешься? А? Мало тебѣ еще достатку? Ты бы, кажись, никому вздохнуть не далъ... А это, братъ, грѣхъ — только о житейскомъ думать! Вѣдь нужно и очнуться, на людей поглядѣть, о душѣ помыслить... Вѣдь не для одного же корму ты на свѣтѣ живешь!.. Ну, скажи, другъ: есть-ли у тебя душа или нѣтъ?

— Говорятъ: отстань! — огрызался Чабанъ, съ пренебреженіемъ смотря искоса на «портняжку». — Чего лѣзешь? Лучше бы шилъ...

— Нѣтъ, ты скажи: душа-то у тебя есть? — приставалъ Прокопій, засматривая въ глаза Чабану.

Кончалось тѣмъ, что старикъ, бывало, плюнетъ и уйдетъ изъ избы...

Но то, за что портной упрекалъ Чабана, многіе ставили старику въ заслугу.

— Мужикъ — обстоятельный, домовитый! — говорили про него въ деревняхъ.

Кромѣ этой непомѣрной жадности къ работѣ, въ Чабанѣ не было ничего такого, что отличало бы его отъ другихъ никольщинцевъ... За одно съ прочими, напр., онъ не думалъ, что во время грозы въ видѣ молній бѣсы проваливаются сквозь землю куда-то въ тартарары, какъ увѣряли иныя старухи. Но если бы ему пришлось ночью попасть на клад-

бище, то онъ пошелъ бы по этому мѣсту съ неспокойной душой и поминутно озирался бы по сторонамъ: не лѣзетъ-ли за нимъ какой-нибудь неугомонный покойничекъ?.. За одно съ прочими онъ платилъ подати, давался диву: куда идетъ каждый годъ такая прорва денегъ? зналъ, что эти деньги отвозятся въ казначейство, но куда онѣ направляются дальше и на что тратятся,—не вѣдалъ... За одно съ другими Чабанъ слыхалъ смутные разсказы о никольщинскомъ бунтѣ, но эти разсказы ему казались старой сказкой, хотя старожилы еще не особенно давно указывали около Вороньева, за мостомъ, небольшое возвышеніе, гдѣ нѣкогда стояли солдаты съ пушкой. Съ тѣхъ поръ Вороньево разрослось, полѣзло въ гору, за мостъ,—и теперь на томъ историческомъ возвышеніи, съ котораго по Вороньеву нѣкогда громыхала пушка, стоитъ Максименковъ кабакъ...

Напрасно Проконій боялся за молодуху: житье ей было не худое. Мужъ «по своему» любилъ ее, — спокойно, сдержанно. Чабанъ не приневоливалъ ее къ работѣ. Старуха подчасъ ворчала, да ужъ безъ этого, повидимому, Ульяна никакъ не могла обойтись... Однажды Аннушка жаловалась на голову. Чабанъ сказалъ:

— Не ходи за водой-то! Алешка принесетъ...

Запали-ли ему на сердце въ день свадьбы рѣчи Прокопьевы, смягчила-ли его сама молодуха своею покорностью, лаской, да добрымъ словомъ, но какъ бы то ни было Чабанъ не только ее не притѣснялъ, но даже иногда вступался за нее, когда его старуха начинала зря ворчать на свою невѣстку... Какъ-то разъ въ сумерки Аннушка прилегла на палати. Когда пришлось зажигать лучину, лучины оказалось мало.

— Что жъ ты, Анна, лучины-то не нащепала!—недовольнымъ тономъ замѣтила старуха.

— Ой, забыла! Я сейчасъ... — отозвалась Аннушка, вставая съ палатей.

— И сама нащеплешь! Руки не отвалятся...—проговорилъ Чабанъ.

— И у нея бы, гляди, ручки не отвалились!—забрюзжала старуха.

— Ну!? — съ вызывающимъ видомъ промычалъ Чабанъ.

Это грозное «ну!» въ переводѣ значило: «Лучше бы тебѣ помолчать — до грѣха»... Ульяна уже знала смыслъ мужниного «ну!» и молча, стиснувъ зубы, принялась щепать лучину съ такимъ ужаснымъ видомъ, какъ будто съ досады сама хотѣла зарѣзаться.

Ульяна Матвѣевна была старушонка небольшого роста, сухая, слегка сгорбленная, со сморщеннымъ лицомъ. Житейскія невзгоды сдѣлали ее раздражительной, сварливой, и если бы не окрики мужа — она часто доводила бы до слезъ невѣстку однимъ своимъ вѣчнымъ ворчаньемъ и брюзжаньемъ. Если Ульяна не могла сорвать сердце на ближнихъ, то стучала ухватомъ или пинала кошку и выбрасывала ее за хвостъ изъ избы...

Не было такого времени года, когда бы у Чабановой семьи не нашлось дѣла. И въ эту осень у Чабановъ работы было не мало. Дѣло въ томъ, что въ прежніе годы Чабанъ владѣлъ почти 12 десятинами земли, а въ половинѣ 60-хъ годовъ, когда произошла новая нарѣзка, на его долю пришлось только 7 дес., и поэтому Чабанъ сталъ снимать землю въ аренду. Нынче достался ему участокъ около 4 десятинъ земли, отчасти болотистой, отчасти поросшей мелкимъ кустарникомъ и покрытой почернѣвшими пнями — остатками отъ лѣса, погорѣвшаго лѣтъ 10 тому назадъ. Половину этого участка старикъ хотѣлъ засѣять льномъ, а остальное запустить подъ сѣнокосъ. Теперь ему съ сыномъ приходилось срывать кочки, рубить кустарникъ и выкарчивать пни.

Корчеванье пней—работа очень трудная, тяжелая... Мужики, наскоро позавтракавъ, съ разсвѣтомъ, забирались на работу, около полуденъ приходили обѣдать, а затѣмъ опять пропадали до поздняго вечера и возвращались домой уже при огнѣ. Никакая погода не удерживала стараго Чабана: надвинетъ на лобъ баранью шапку, заткнетъ топоръ за поясъ и претъ къ своему болоту — да таково скоро, что сынъ едва поспѣвалъ за нимъ.

Иногда въ холодную пору, чтобы отогрѣть ноги, Алексѣй раскладывалъ небольшой костеръ и присаживался около него на выкорченный пень.

— Баловникъ! — ворчалъ на него отецъ, надсажаясь надъ неподатливымъ пнемъ, но иной разъ и самъ, бывало, выбившись изъ силъ, подсаживался къ огоньку.

Въ эту пору, когда дулъ холодный вѣтеръ, воздухъ былъ пропитанъ сыростью, и на всемъ лежалъ сѣрый, свинцовый оттѣнокъ— и на сумрачномъ небѣ, и на мокрой, грязной

землѣ, и на безлиственномъ лѣсѣ—отрадно было видѣть передъ собой яркій, веселый огонекъ...

Мутныя лужи, кочки, взрытая земля, обгорѣлые пни... Эти пни, тамъ и сямъ уже лежавшіе съ вывороченными корнями и съ приставшими къ нимъ комьями черной земли, въ сумерки могли нагнать страхъ на человѣка робкаго и съ плохимъ зрѣніемъ. Тамъ ему почудилось бы, что изъ-за кустовъ поднимается медвѣдь, а тутъ какъ будто стоитъ, сгорбившись, человѣкъ, весь въ черномъ, дальше, глядишь, таращится какое-то невѣдомое, сказочное чудовище, а уцѣлѣвшіе тамъ и сямъ березовые пни при мутномъ вечернемъ освѣщеніи возстали бы передъ нимъ, какъ призраки въ бѣлыхъ саванахъ. Невдалекѣ темнѣлъ лѣсъ и своимъ однообразнымъ, печальнымъ шумомъ еще пуще нагонялъ тоску...

Въ осеннюю непогодь вся эта мѣстность представлялась совсѣмъ унылою. Чабанъ же съ самодовольнымъ видомъ осматривался вокругъ, какъ будто бы передъ нимъ разстилались самыя привлекательныя картины въ мірѣ. Онъ воображалъ себѣ то время, когда на этомъ пустырѣ будетъ расти ленъ, станутъ зеленѣть луга,—и уже разсчитывалъ: сколько можно здѣсь получить льна и сколько наберется стоговъ сѣна...

Алексѣй былъ весь въ отца, парень дюжій, работящій, но и тотъ иногда не выдерживалъ, когда дождь, бывало, зачаститъ на весь день.

— Не пойти-ли ужъ намъ домой?—говорилъ онъ, поглядывая вверхъ.—Вонъ какія темныя облака-то!.. Все небушко обложило... Промочитъ насквозь!..

— Ничего! Не растаешь... — съ обычной своей усмѣшкой возражалъ старикъ.—Баба у тебя молодая... ужо домой придешь,—небойсь, живо обсушитъ...

Лизавета какъ-то провѣдала, что отецъ съ братомъ работаютъ на пустошѣ, по цѣлымъ днямъ не бываютъ дома, и однажды передъ сумерками пришла къ матери. Худенькая, небольшого роста, сутуловатая, съ мелкими чертами безцвѣтнаго лица, она очень походила на Ульяну. На ней былъ сѣрый кафтанишка, темный рваный платокъ на головѣ, завязанный сзади узломъ, на ногахъ грязныя онучи и лапти. Лизавета жаловалась матери на горькое житье и плакала.

— Давно хотѣла придти, да батьки боялась...—говорила она, утирая слезы. — Дай крупки хошь немножко... Ужъ другой день пустымъ квасомъ пробавляемся...

— Охъ... ужъ, право, не знаю!—замѣтила старуха, качнувъ головой, и съ явнымъ недоброжелательствомъ посмотрѣла на невѣстку, перемывавшую за перегородкой кринки.— Вѣдь все равно... узнаетъ!

(Намекъ на то, что Анна, молъ, все равно перескажетъ старику).

— Дай, родная... выручи насъ, Христа ради!—продолжала Лизавета, вытаскивая изъза пазухи мѣшочекъ. — Ребята ревутъ... А что имъ дашь!..—И, понизивъ голосъ, шопотомъ добавила: — Мой-то вчерась опять напустился... просто, мѣстечка живого не оставилъ... думала: убьетъ... къ Лукешкѣ убѣжала...

— Аспидъ окаянный!—прошептала Ульяна, вставая съ лавки.—Хошь бы уняли его, дьявола... Вѣдь это что жъ! На поруганье ты далась ему, что-ли?

Услыхавъ слова сочувствія, Лизавета еще пуще расплакалась. На глазахъ старухи навернулись слезы: жаль ей стало родное дитятко, и съ рѣшительнымъ видомъ она пошла къ двери.

— Еще бы маслица, мати!.. — всхлипывая, промолвила ей во слѣдъ Лизавета.

Старуха уже взялась за скобку двери, но вдругъ остановилась, круто повернувшись къ дочери.

— А черепушка есть? — строго спросила она.

— Не прихватила, родная... за пазухой-то неловко... видать!.. Дай ужъ въ своей посудинкѣ! Ворочу! — скороговоркой прошептала Лизавета.

— Охъ, ужъ давать-то вамъ... Сколько горшковъ за вами пропало! Вонъ тоже кринку онамеднись взяла... — сердито говорила старуха: ей не жаль было ни крупы, ни масла, но черепушка — другое дѣло; она сама всегда была рада зажилить чужую черепушку.

— Право-ну, ворочу... вотъ тѣ Христосъ ворочу!—забожилась Лизавета.

— Ну, постой, посмотрю... Можетъ, найду!—успокоила ее мать и вышла изъ избы.

Ей было жаль дочку, жаль было еще больше оттого, что имъ приходилось видаться украдкой и не могла Ульяна распорядиться Чабановымъ добромъ такъ, какъ бы ей хотѣлось. Конечно, черепушка нашлась, только безъ ворчанья Ульяна никакъ не могла разстаться съ нею. «Тащи въ домъ, а не изъ до-

му!» было ея правиломъ... Пока она ходила за крупой и за масломъ, Лизавета, молча, насупившись, смотрѣла на невѣстку. Въ ея красныхъ, заплаканныхъ глазахъ высказывалось недоброжелательство. Почему? Что ей сдѣлала Аннушка?.. Аннушка ей не сдѣлала ничего худого, но мать на Аннушку смотритъ косо, Аннушкѣ хорошо живется, она — сыта, одѣта, не бьютъ ея, не срамятъ, не приходится ей бѣгать по сосѣдямъ, да побираться... Вотъ у Лизаветы сколько причинъ для того, чтобы ненавидѣть эту молодую бабу, попавшую въ ея семью, на ея мѣсто...

И за спиной стараго Чабана, пока тотъ возился надъ обгорѣлыми пнями, Лизавета не однажды въ сумерки таскала съ Куваева то муки «горсточку» (съ полпуда), то хлѣба, то яицъ, то крупы.

Вечера въ Чабановой семьѣ не пропадали даромъ. Старикъ, возвратившись съ пустоши, вязалъ мережу, Алексѣй плелъ лапти или что-нибудь починивалъ по хозяйству, Ульяна пряла, а молодуха шила или тоже садилась за прялицу... Тихая, молодая женщина, скромная и незлобивая, все болѣе и болѣе приходилась по сердцу старому Чабану. Иногда вечеромъ, когда въ свѣтцѣ горѣла лучина, старикъ, сидя надъ своей мережей, взглядывалъ порой на Аннушку, на ея бѣлокурую голову, на ея гладко причесанные волосы, и какъ-то свѣтло и радостно становилось у него на душѣ, жизнь казалась веселѣе и изба—уютнѣе. Аннушка пряла, перемолвливаясь съ семьянами, подшучивая надъ Алексѣемъ или мурлыча себѣ подъ носъ какую-нибудь пѣсенку, тихую и такую же однообразную, какъ завываніе вѣтра за окномъ. Она пряла ловко, бойко, — веретено такъ и жужжало въ ея проворныхъ пальцахъ... Въ ея обязанности входило собирать на столъ, и потому иной разъ она спрашивала:

— Батя! Не пора-ли ужинать?

— Пора, пора, дѣвка!—отвѣчалъ Чабанъ, какъ вообще всѣ старики, торопившійся начинать и кончать день.

Онъ почему-то звалъ Аннушку «дѣвкой», хотя та однажды—въ разговорчивый часъ—и замѣтила ему спроста:

— Я вѣдь, батя, не дѣвка!

— Ну, да что жъ... Знаю, что — не дѣвка! — промолвилъ онъ и, поглаживая свою сивую бороду, съ веселой усмѣшкой поглядѣлъ на молодуху.

Аннушка даже вся скраснѣла отъ его стариковской усмѣшки, и голубые глаза ея невольно опустились, скрывшись за густыми, длинными рѣсницами. Съ тѣхъ поръ она ужъ не рѣшалась останавливать свекра, когда тотъ, по привычкѣ, звалъ ее «дѣвкой»...

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Гораздо веселѣе проводилъ осень Капитонъ Игнатьевичъ, почтенный никольщинскій старшина. И вообще ему вольготно жилось на бѣломъ свѣтѣ. Онъ былъ еще не старъ, лѣтъ 47, здоровъ, силенъ; два раза подъ рядъ ставили его старшиной; дѣла его шли, какъ по маслу. Ему не приходилось, какъ Григорію Чабану, пни корчить, да мокнуть подъ дождемъ. Раза два-три въ недѣлю онъ заглядывалъ въ волостное правленіе, а все остальное время жилъ въ свое удовольствіе,—заходилъ въ трактиръ, въ лавку или сидѣлъ дома, пилъ чай, а послѣ чая ложился спать. Хозяйство вѣдала его жена, Матрена, женщина лѣтъ подъ 50, очень невзрачная собой, съ красноватымъ и прыщеватымъ лицомъ и съ красными, припухлыми вѣками. Она доводилась сестрой Ульянѣ Чабанихѣ, но мало походила на нее видомъ и характеромъ. Ростомъ она была выше, лицомъ еще неказистѣе Ульяны, была лѣнива, неряшлива и любила выпить... но сердце у нея было мягкое, жалостливое къ людямъ и способное забывать обиды. Сестра звала ее «простой».

Капитонъ Игнатьевичъ всю жизнь любилъ только самого себя, думалъ только о томъ, чтобы ему было хорошо, и поэтому, вѣроятно, дѣла его шли такъ отлично. Трактиръ и лавка были открыты на имя его сына, Александра Березкина, но на Вороньевѣ всѣ уже знали, что Александръ сидѣлъ, какъ приказчикъ, на отчетѣ, а лавка и трактиръ принадлежали ему, Капитону. Въ трехъ верстахъ отъ Вороньева на рѣкѣ Пудегѣ была большая, хорошо поставленная мельница, работавшая чуть не на всю Никольщину. Мельницей заправлялъ племянникъ его жены, Федюшка Кривой. Кромѣ того, у Капитона въ сундукѣ лежало не мало деньжонокъ про черный день.

Семья теперь у него была не велика: жена, дочь Марья, дѣвка лѣтъ 19, да младшій сынъ, Петюшка, мальчуганъ лѣтъ осьми. Двѣ старшія дочери его были замужемъ, а Александръ съ женой и съ ребенкомъ жилъ отдѣльно—въ избѣ, гдѣ помѣщались лавка и трактиръ. И прежде Капитонъ Игнатьевичъ

мало думалъ о семьѣ, а теперь ужъ и вовсе не хотѣлъ ее знать. Онъ жилъ только для своей утробы: любилъ получше выпить, поѣсть, а ради смазливой женщины всегда былъ готовъ покривить совѣстью—пойти на всякую неправду.

Капитонъ Березкинъ былъ мужчина видный и нравился никольщинскимъ красавицамъ: высокій, полный, широкоплечій, бѣлый, съ темно-карими, блестящими, веселыми глазами, съ темно-рыжеватыми волосами и съ такою же, темнорыжей, густой и всклокоченной бородой, онъ походилъ на разбойника, особенно въ тѣ минуты, когда серчалъ, и вихрастые, непокорные волосы падали ему на лобъ. Онъ уже 26 лѣтъ былъ женатъ, но изъ этихъ 26 лѣтъ онъ и двухъ лѣтъ не оставался вѣренъ своей Матренѣ Матвѣевнѣ: почти постоянно у него была на сторонѣ своя «милушка»—солдатка, вдова или какая-нибудь развеселая дѣвица...

На самомъ краю Вороньева въ небольшой избѣ съ двумя крохотными оконцами жила старуха-вдова, Агафоклея Сидорова съ дочерью Ольгой. Ольга была красивая дѣвушка лѣтъ 18, но казалась года на два или на три старше своихъ лѣтъ, — средняго роста, полная, пышущая здоровьемъ, съ темными глазками и съ густымъ румянцемъ на щекахъ. Черные волосы ея были густы и длинны; когда Ольга расплетала косу, волосы падали ей почти до колѣнъ. Въ Ольгѣ особенно поражали глаза—большіе, темные, матовые, холодные. Какое-то тупое недоумѣніе, казалось, навсегда застыло въ этихъ глубокихъ глазахъ и придавало имъ странный, дикій видъ. Смотря со стороны, можно было подумать, что эти глаза никогда не вспыхнутъ ни любовью, ни ненавистью, не загорятся ни злобой, ни состраданіемъ, не затуманятся слезами отъ горя и не заблещутъ въ минуту радости. Въ этихъ странныхъ глазахъ, какъ въ темной колодезной водѣ, всегда тихой и неподвижной—ничто не отражалось. Даже деревенскіе парни, мало вниманія обращавшіе на ея глаза, называли ихъ «чудными». И правду сказать, то были чудные глаза...

Никольщинскіе парни заглядывались на Ольгу, даже старики подъ хмѣлькомъ, при встрѣчѣ съ нею, жалѣли, что молодость ихъ прошла. Но никто къ Сидорихиной Ольгѣ еще ни разу сватовъ не засылалъ.

Ольга была бѣдна, но это бы еще не бѣда... За послѣдніе два года по одному странному случаю Ольга разбогатѣла,—сбила себѣ, по крайней мѣрѣ, кое-какое приданое; не голую пришлось бы ее брать жениху. У Сидорихи не было земли. Что бабѣ одной дѣлать съ землей! И Сидориха съ дочерью перебивались кое-какъ съ квасу на хлѣбъ...

Разъ вечеромъ одна прохожая попросилась къ нимъ ночевать — и принесла имъ счастье. Женщина пробиралась въ Вятку, къ роднымъ. Между разговорами о томъ-о семъ она сказала Сидорихѣ, что живетъ плетеньемъ кружевъ. Сидорихѣ захотѣлось узнать: что такое «кружево» и какъ его плетутъ. Прохожая достала изъ своей кошелки круглую подушечку съ коклюшками, булавки, нитки—и показала свое искусство. Прохожая, по просьбѣ Сидорихи, прожила у нея три дня, плела кружево, подарила Сидорихѣ нѣсколько старыхъ образчиковъ кружевъ, а послѣ ея ухода Ольга принялась плести и продавать кружева никольщинскимъ бабамъ и дѣвкамъ. Секрета плетенья она не выдавала, подушки съ коклюшками никому не показывала... Съ той поры дѣла Агафоклеи поправились.

И то была не бѣда, что Сидориха родила дочь года черезъ три послѣ смерти мужа, приживъ ее съ писаревымъ сыномъ—съ красивымъ, черноглазымъ мальчишкой лѣтъ семнадцати. Парень былъ безпутный, сталъ пить запоемъ и лѣтъ 12 тому назадъ сгорѣлъ съ вина... Какъ уже сказано, на женскіе грѣхи и слабости въ Никольщинѣ смотрѣли снисходительно, и никто Сидорихѣ не ставилъ въ укоръ ея вдовьяго «баловства».

А главная бѣда была въ томъ, что про Сидориху въ Никольщинѣ шла худая слава. Сидориху почитали колдуньей, боялись ея недобраго глаза, думали, что она можетъ привораживать, присушивать, порчу напускать, насылать моръ на людей и на скотъ. Откуда пошла такая молва,—трудно сказать.

Сгорбленная, сухая, костлявая, одѣтая, какъ пугало, въ скверныя, грязныя лохмотья, Сидориха и въ правду походила на колдунью. Ей было лѣтъ 58, но ея морщинистое лицо было старо и безобразно: ея сухія, тонкія губы совсѣмъ впали, какъ у покойника, острый подбородокъ выдался, а крючковатый носъ, какъ птичій клювъ, загибался книзу. Сѣрые глаза ея, опушенные густыми, сѣдыми бровями, часто сердитые, всегда безпокойные,—пугали, обдавали холодомъ. Да и то сказать:

бѣдной старухѣ, жившей впроголодь и впрохолодь, видѣвшей къ себѣ лишь недоброжелательство, не отчего было весело и любезно смотрѣть на Божій свѣтъ. Затѣмъ, уже давно завелись у нея странныя привычки, какъ бы поддерживавшія худую славу, распущенную о ней. Идя по улицѣ и опираясь на свою толстую и сучковатую можжевеловую клюку, Сидориха иногда вслухъ разсуждала сама съ собой. Иной разъ, остановившись середи дороги подъ наитіемъ какой-нибудь мысли, старуха выпрямлялась, поднимала свою трясущуюся голову и, что-то нашептывая и бормоча, размахивала костылемъ. Темные никольщинцы, вѣрившіе во всякую нечисть, чувствовавшіе себя какъ бы во власти злыхъ силъ, конечно, легко могли подумать, что Сидориха лѣшаго вызываетъ, рѣчи непотребныя ведетъ съ нимъ...

Какъ бы то ни было, никольщинцы вѣрили въ ея чародѣйскія силы и съ тайнымъ страхомъ, съ отвращеніемъ смотрѣли на Сидориху и на ея хату, гдѣ, по ихъ мнѣнію, совершались злыя колдовства. Этотъ страхъ и отвращенье никольщинцы перенесли и на Ольгу. Дѣвку не считали колдуньей, но думали, что у проклятой старухи не можетъ быть добраго чада.

Вотъ почему къ Сидорихиной Ольгѣ никто сватовъ не засылалъ.

Капитонъ Игнатьевичъ видѣлъ Ольгу еще дѣвчонкой, неповоротливой и неуклюжей, съ копной черныхъ нечесаныхъ волосъ на головѣ. Онъ слыхалъ, какъ иногда деревенскіе ребятишки, поддразнивая ее, кричали:

— Вотъ ты поколдуй! Мы тебѣ лохмы-то еще не такъ вскосматимъ!

Дѣвочка никогда не огрызалась на ребятъ за ихъ нападки. Чѣмъ дальше шло время, тѣмъ дѣвочка больше удалялась отъ своихъ уличныхъ подругъ. За послѣдніе года Капитонъ видалъ Ольгу лишь изрѣдка, мелькомъ, и не обращалъ никакого вниманія на дочь колдуньи... Прошлой весной въ Троицынъ день онъ случайно повстрѣчалъ Ольгу за околицей съ двумя дѣвушками. Онъ до того поразился происшедшей въ ней перемѣной, что нѣсколько мгновеній не могъ отъ нея глазъ отвести... Капитонъ вытащилъ изъ кармана горсть орѣховъ и подалъ ихъ Ольгѣ. Дѣвушка, молча, взяла орѣхи и стала грызть.

— А яичка развѣ не дашь?—ухмыляясь, спросилъ ее Капитонъ.

— Не дамъ!—отвѣтила Ольга.

— Что жъ,такъ? За что—немилость?

— Курицы про тебя еще яицъ не нанесли...—промолвила Ольга, сплевывая скорлупу и не глядя на Капитона.

Въ Никольщинѣ издавна былъ такой обычай, что парни въ Троицынъ день угощали дѣвушекъ пряниками и орѣхами, а за то получали отъ нихъ по яйцу или по два.

Капитонъ Игнатьевичъ былъ навеселѣ и хотѣлъ тутъ же обнять Ольгу.

— Оставь! Не балуй!—спокойно проговорила она, оттолкнувъ Капитона.

Въ другой разъ, когда Ольга возвращалась изъ лѣса съ ягодами, Капитонъ нагналъ ее по дорогѣ въ своей раскрашенной телѣжкѣ и, осадивъ сѣраго, крикнулъ:

— Не хошь-ли подвезу? Садись!

— У самой ноги есть!—совершенно равнодушно отвѣтила дѣвушка, вскользь посмотрѣвъ на него своими темными, матовыми глазами.

Капитонъ Игнатьевичъ не боялся Сидорихи и ея колдовства: въ душѣ онъ смѣялся надъ никольщинскими страхами. Дочь колдуньи не внушала ему отвращенія, а напротивъ—распалила въ немъ животную похоть. Соблазнить такую, холодную безчувственную дѣвушку, какъ Ольга, было бы ему трудно, да помогло одно тяжебное дѣло.

Михайла Кирманенокъ, жившій рядомъ съ Сидорихой, уже давно тяготился сосѣдствомъ колдуньи, а въ ту весну, какъ на грѣхъ, у Михайлы вдругъ съ чего-то всѣ курицы подохли, а корова принесла двойни—мертвыхъ бычка и телушку. Марина, хозяйка Михайлова, прямо рѣшила, что Сидориха «сглазила» ихъ Буренку, а на курицъ моръ напустила. Михайла, по наущенію жены, заявилъ волостному суду, что Сидорихина хата однимъ угломъ стоитъ на его «приписной» землѣ, и требовалъ, чтобы Сидориха отнесла свою избу дальше въ поле. «Старики» пошли, провѣрили на дѣлѣ заявленіе Михайлы и нашли, что Кирманенокъ—правъ.

Провѣдала Сидориха, взбѣленилась. Ломать избу, переносить на другое мѣсто, да вѣдь это—раззоръ!.. Вооружившись своимъ сучковатымъ посохомъ, старуха пришла въ волостное правленіе въ то время, когда тамъ засѣдалъ старшина,—пришла и залопотала:

— Что жъ это за разбой!—шамкала она.— Столько лѣтъ жили, никто не трогалъ... А тутъ на-кось! Гм! Экое дѣло удумали... Да что жъ это за управа? Не пойду изъ избы,

на мѣстѣ помру... А все — Маринка! Подавиться бы ей, лѣшачихѣ!.. Мало ей, вишь, мѣста стало...

Писарь былъ сердитъ съ похмѣлья и крикнулъ ей, чтобы она не ругалась. Старшина растолковалъ Сидорихѣ, что дѣло еще не рѣшено, что «старики» ужо разсудятъ... Старуха какъ будто немного поуспокоилась, побормотала еще что-то себѣ подъ носъ и, стуча клюкой, вышла изъ правленія. Старшина слѣдомъ за ней—въ сѣнцы.

— Дѣло твое плохо!—сказалъ онъ Сидорихѣ.—Это вѣрно, что твоя изба на чужую землю выступила. Одначе, дѣло еще можно поправить. Мишку можно уломать... Только придется каждый годъ платить ему за землю.

— Платить! Вишь, что сказалъ...—окрысилась старуха.—А изъ чего платить?.. Еще ладно, что хошь съ голоду не помираемъ...

— Я заплачу, бабка! — вполголоса промолвилъ старшина.—Отпусти дочь ко мнѣ на поле, на работу!

Сидориха подняла голову. Въ ея сѣрыхъ, слезящихся глазахъ блеснулъ недобрый огонекъ. Злобно посмотрѣла она на старшину изъ-подъ густыхъ, нависшихъ бровей.

— Капитонъ! Есть у тебя крестъ-то на вороту?—зашипѣла она, опираясь на посохъ дрожащими руками.—Есть у тебя Богъ-то?.. Что выдумалъ! Отпусти къ нему дѣвку... Знаю: ты про что это... Знаю: для чего она тебѣ!..

— Сказываю: для работы!.. — съ легкой, едва уловимой усмѣшкой перебилъ ее Капитонъ Игнатьевичъ.

— Знаю я: для какой такой работы...— завизжала старуха, захлебываясь и задыхаясь отъ волненія.—Блудникъ—ты! Срамъ творишь... Какъ тебя еще мать сыра-земля носитъ, стараго грѣховодника! Провалиться бы тебѣ!..

Клочья сѣдыхъ волосъ выбивались изъ-подъ грязнаго платка и лѣзли старухѣ на лобъ. Голова ея тряслась. Изъ подъ рубахи, прорванной на рукавахъ и у ворота, сквозило смуглое, морщинистое, костлявое тѣло... «Вѣдьма! Настоящая вѣдьма!» подумалъ Капитонъ и усмѣхнулся, смотря на старуху.

— Чего зубы-то скалишь? — прохрипѣла Сидориха, обѣими руками сжимая свой костыль.—Любо, не бойсь!..

— Ну, проваливай, старая чертовка! Ужо не то запоешь... — проговорилъ Капитонъ Игнатьевичъ, уходя въ правленье.

Всю дорогу до дому Сидориха неистово стучала о землю костылемъ и, шамкая своими беззубыми челюстями, ворчала:

— У-у, проклятый! Сгинешь, пропадешь... Анафема! Анафема!.. Да и всѣ они... жить не даютъ!.. Сдохнуть бы вамъ всѣмъ, окаяннымъ! У-у, черти! Дьяволы!..

Ругаясь и шипя, какъ змѣя, вошла она въ свою хату и, уронивъ клюку, тяжело опустилась на лавку.

— Ты что, мамка? — спросила ее Ольга, сидѣвшая за плетеньемъ.

— Капитошка безстыжій... Чортъ!—бормотала старуха.—Глаза бы мои не глядѣли... Тебя хочетъ...

— Ну? — протянула Ольга, не переставая перебирать коклюшки и не смотря на мать.

— Ну, съ земли гонятъ... въ поле!.. Подстроили, аспиды... Все Маринка, чтобъ ей пусто было!..

Ни одна жилка не дрогнула въ лицѣ Ольги. Спокойно, равнодушно продолжала она перебирать коклюшки, слегка оттопыривъ губы, какъ она всегда дѣлала, углубившись въ работу. Когда же мать захныкала и принялась утирать рукой носъ и глаза, дѣвушка, на мгновенье оторвавшись отъ работы, взглянула не нее.

— Чего жъ ревѣть-то! Наплевать! — совершенно безучастно промолвила она.

— Я знаю: тебѣ никого не жаль... и себя не жаль! Истуканъ ты каменный! Вотъ что!..—набросилась на нее Сидориха и принялась всячески ругать ее.

Ольга какъ будто и не слыхала ея брани и вся, казалось, ушла въ свои коклюшки...

Вскорѣ «старики» порѣшили, что Сидориха должна снести свою избу съ чужой земли. Вскорѣ же послѣ того стало извѣстно наВороньевѣ, что дѣло уладилось миромъ. Агафоклея обязалась уплачивать Кирманенку по полутора рубля въ годъ за клочокъ его земли... Ольга съ граблями пришла къ старшинѣ на сѣнокосъ.

Капитону не впервой приходилось обдѣлывать любовныя дѣла. Онъ подарилъ сначала Ольгѣ платокъ съ красными и желтыми разводами и красныя стеклянныя бусы. Потомъ, спустя немного времени, онъ надѣлъ ей на руку довольно большое серебряное кольцо—въ родѣ браслета. Ольга повертѣла кольцо, полюбовалась; кольцо, видимо, понравилось ей. Подарилъ онъ Ольгѣ рубль серебряными монетками, потомъ—ассигнацію, трешницу.

Наступило жнитво. Дѣвушка принимала подарки отъ Капитона, но спасибо ему не говорила и никакихъ ласкъ ему не оказывала. Когда Капитонъ Игнатьевичъ балагурилъ съ нею, она нехотя, невесело усмѣхалась; когда же онъ начиналъ заигрывать, Ольга какъ-то вяло оборонялась. Она, словно, вовсе не замѣчала, какъ онъ иногда бралъ ее за руку, за плечо, или хлопалъ по спинѣ. «Диковина?» думалъ Капитонъ, глядя однажды на Ольгу, когда та неторопливо, но чисто жала рожь. «Чудная дѣвка!.. Въ первый разъ вижу такую... Красива!.. А посмотришь: въ ней какъ будто что-то неладно... какъ бы страшновато и связываться-то съ ней... Ровно, она —мертвая, либо сонная... Не дѣвка, а ледъ! Ну, да ужо—разогрѣется!» Но Ольга не разогрѣлась, даже ничуть не растаяла.

Однажды вечеромъ, когда на полѣ никого не было, кромѣ Ольги, пришелъ Капитонъ и увелъ ее въ лѣсъ. Сначала она, было, не шла, упиралась, шептала: «Не нужно этого... не нужно!..» но потомъ, какъ сонная, отдалась Капитону... Спокойная и равнодушная, возвратилась она изъ лѣса и принялась опять жать золотистую рожь, жала до тѣхъ поръ, пока солнышко не закатилось за зеленые лѣса.

Въ тотъ вечеръ, ложась спать, Ольга сказала матери:

— Уходила въ лѣсъ съ Капитономъ!

Старуха, сидя на полу, горько плакала, причитала и, стукаясь головой о лавку, ругала дочь, ругала «Капитошку»—и проклинала всѣхъ...

— Не реви!—уговаривала ее Ольга, скидая съ себя сарафанъ.—Что жъ теперь... Съ мѣста насъ не гонятъ... денегъ дастъ... вонъ тебѣ холстины конецъ прислалъ. Чего дурить! Оставь! Спи лучше!..

— Истуканъ, такъ истуканъ и есть!—стонала Сидориха, сквозь слезы смотря на дочь.

На другой день Ольга рано утромъ вышла на работу; только щеки ея были какъ будто поблѣднѣе обыкновеннаго, да явственнѣе сказывалось выраженіе тупости въ ея темныхъ, матовыхъ глазахъ...

Наступила осень. Хлѣбъ съ полей убрали. Пошли дожди, холода; вѣтеръ шумѣлъ по опустѣвшимъ полямъ и лугамъ. Теперь стало неудобно Капитону встрѣчаться съ Ольгой въ полѣ или въ лѣсу. Стали видѣться подъ крышей.

Иной разъ, когда было досужно, въ сумерки Капитонъ Игнатьевичъ на своемъ Сѣромъ отправлялся на мельницу. Проѣзжая мимо Сидорихи, онъ слѣзалъ съ телѣги и легонько стучалъ кнутовищемъ въ оконце. Ольга послушно вставала, накидывала шугай, большой платокъ на голову—и шла за деревню. Тамъ она садилась въ телѣжку къ Капитону, и Сѣрый мчалъ ихъ на мельницу, гдѣ Капитонъ Игнатьевичъ и проводилъ время съ Ольгой до поздней почи.

Федюшка Кривой ставилъ имъ самоваръ, подавалъ на столъ водку, бутылку сладкой наливки—для Ольги, какой-нибудь пирогъ, пряники, рожки, орѣхи. Капитонъ, угостивъ Федюшку чаемъ и стаканомъ водки, отсылалъ его, обыкновенно, спать въ амбарушку, а самъ оставался пировать съ Ольгой... На Вороньевѣ уже давно провѣдали, что Ольга Сидорихина слюбилась съ Капитономъ, но до «простой»—до Матрены Капитоновой — слухи о томъ не доходили. Вороньевцы побаивались и старшины, и старой Сидорихи и поэтому не хотѣли путаться въ это темное дѣло.

Капитонъ Игнатьевичъ ни мало не скрывался передъ Федюшкой. Федюшка жилъ его милостями... Къ тому же, этого тщедушнаго, мозгляваго парня, малаго ростомъ, собой невзрачнаго, почти нищаго, Капитонъ и за парня не считалъ, а обращался съ нимъ, какъ съ собакой, иногда ласкалъ его, порой поколачивалъ. Но Федюшка, какъ на грѣхъ, распалился любовью къ Ольгѣ... Замѣтилъ-ли Капитонъ Федюшкины подходы къ его полюбовницѣ или только подозрѣвалъ племянника въ злыхъ умыслахъ—доподлинно неизвѣстно, но, какъ бы то ни было, дядя сталъ недовѣрчиво относиться къ Федюшкѣ, началъ придираться къ нему, и, наконецъ, въ одинъ вечеръ на мельницѣ произошелъ большой шумъ...

Вечеръ былъ ненастный. Дождь стучалъ въ окна, и вѣтеръ жалобно завывалъ въ трубѣ. Сальная свѣча въ желѣзномъ подсвѣчникѣ горѣла на столѣ, тускло озаряя закоптѣлыя бревенчатыя стѣны... Капитонъ съ раскраснѣвшимся лицомъ, въ свѣтлой ситцевой рубахѣ, сидѣлъ за столомъ и, обнявъ одной рукой Ольгу, похвалялся своей силой.

— Что хочу, то и сдѣлаю! — съ самымъ вызывающимъ видомъ прохрипѣлъ онъ, стукнувъ кулакомъ по столу. — Вся волость — за меня!.. Законъ! А что есть законъ?.. У меня такой законъ: не супротивничай, а не то—

въ бараній рогъ согну... Ты что, кривой, ухмыляешься? А?—обратился онъ къ Федюшкѣ.—Вотъ тебя перваго, хошь, въ правленье сволоку, да такъ отстегаю, что три дня на рогожкѣ проваляешься...

— Руки коротки!—проговорилъ Федюшка; онъ тоже былъ навеселѣ и не прочь пофыркать—показать при Ольгѣ свою удаль.

Капитонъ промолчалъ, какъ бы недослышавъ, но брови его нахмурились и дыханье стало тяжело и прерывисто. Онъ проглотилъ рюмку водки, громко крякнулъ и поднялся съ лавки. Ольга смотрѣла въ окно—въ ночную темень.

— А ты почто крупно мелешь?—заговорилъ старшина, поглядѣвъ на Федюшку. — Ардальонъ жаловался... и дьяконъ вотъ тоже... Ты, пожалуй, этакъ скрива-то всѣхъ отвадишь отъ мельницы... черти бы тебя драли! Ты, братъ, присматривай хорошенько, а то вѣдь я — и съ мельницы въ шею!.. «По міру» набѣгаешься...

— Пусто лаешься! — возразилъ Федюшка.—Слушать тебя нечего... Городишь спьяна...

Слово за слово—и поругались. Капитонъ треснулъ Федюшку по уху. Тотъ закричалъ:

— Драться не смѣешь... лѣшій толстопузый!

— Что-о-о?! Не смѣю-ю!—зарычалъ Капитонъ, окончательно разсвирѣпѣвъ и выпрямившись во весь ростъ.—Что сказалъ?.. Тебя-то не смѣю, пащенка... Ха!

И съ этими словами онъ схватилъ Федюшку въ охапку, какъ малаго мальчишку, и жестоко расправился съ нимъ. Отъ Федюшкиной одежи только клочья полетѣли...

— Брось! Не люблю я шуму... — лѣниво промолвила Ольга, смотря на истязаніе человѣка такъ равнодушно, какъ будто передъ ней происходило самое обыкновенное дѣло.

Федюшка свѣту не взвидѣлъ и, не помня себя отъ ярости и боли, выскочилъ изъ избы. Въ самомъ растерзаномъ видѣ, даже не накинувъ шапки, побѣжалъ онъ на Вороньево. И прежде дядя колачивалъ его, но еще никогда не колотилъ его такъ чувствительно, а главное—не издѣвался надъ нимъ при Ольгѣ. Отъ бѣшенства онъ въ тѣ минуты совсѣмъ съ ума спятилъ, и если бы на ту пору былъ у него ножъ подъ рукой, то онъ или самъ бы зарѣзался, или Капитону въ бокъ засадилъ бы ножъ... «Такъ бы ему всѣ потроха и выпустилъ!» со злостью говорилъ онъ себѣ. Онъ рѣшился отомстить—все разсказать теткѣ.

— Осрамлю дьявола толстопузаго!—шепталъ Федюшка.—На всю волость осрамлю... Будешь меня знать... Красноролый!.. Водки-то нализался, чортъ!

Не чувствуя ни холода, ни вѣтра, онъ хлюпалъ впотьмахъ по грязи и по лужамъ, ругаясь всякими скверными словами и размазывая рукой по лицу слезы и кровь, сочившуюся изъ царапинъ. Въ такомъ жалкомъ видѣ предсталъ онъ передъ теткой. Матрена такъ и ахнула... Федюшка, хныкая и ругаясь, разсказалъ ей о томъ, какъ дядя чуть не убилъ его до смерти, и совершенно откровенно повѣдалъ ей, какъ и съ кѣмъ дядя проводитъ вечера на мельницѣ. Парень въ тѣ минуты, сгоряча, даже не подумалъ о томъ, что за подобную откровенность Капитонъ можетъ прогнать его съ мельницы—лишить теплаго угла и куска хлѣба... Но теперь, когда Федюшка высказался, удовлетворилъ кое-какъ чувство мести, горячка его поостыла, и парень, опасаясь встрѣчи съ Капитономъ Игнатьевичемъ, убрался ночевать къ сосѣдямъ... Произошла большая кутерьма, когда Капитонъ возвратился со своей пирушки домой...

— Срамникъ—ты, срамникъ!—напустилась на него Матрена. — Дочери замужемъ, сынъ женатый, а тебѣ неймется, постылому!.. Глазоньки мои на свѣтъ бы не глядѣли...

— Отступись, старая!..—рявкнулъ на нее мужъ.

— Старая! — въ голосъ запричитала Матрена.—А прежде, не бойсь, какъ ребятъ со мной приживалъ,—не была старая...

— Знамо дѣло! И ты молода бывала... — съ пьянымъ хохотомъ проговорилъ Капитонъ.—Мало-ли что было, да сплыло...

— У-у, безстыжій! И съ кѣмъ связался!.. Удумалъ... Нечего сказать! Лучше-то не нашелъ...

— Племянникъ, видно, у тебя побывалъ... —съ кривой усмѣшкой замѣтилъ Капитонъ.— Мало я ему, кривому, засыпалъ... Вотъ съ мельницы-то я его метлой!.. Пускай съ голоду околѣваетъ...

Неспокойный вечеръ выдался въ семьѣ старшины.

Въ воскресенье послѣ обѣда Матрена Матвѣевна пошла на Куваево со своимъ горемъ. Къ сестрѣ она рѣдко ходила—только въ такихъ случаяхъ, когда, бывало, ужъ шибко приспичитъ, захочется душеньку отвести. Алексѣй съ Аннушкой на ту пору ушли ку-

да-то къ сосѣдямъ. Дома были только старики... Григорій Чабанъ лежалъ на палатяхъ. Ульяна усадила сестру за столъ и, вмѣсто угощенія, принесла ей горсть вяленой рѣпы. Потолковали сестры между собой о томъ, о семъ, и, наконецъ, Матрена повела рѣчь о томъ, что у нея наболѣло на сердцѣ.

— А мой-то дуракъ опять связался... — вполголоса начала Матрена. — Да вѣдь съ кѣмъ связался-то!.. Съ Ольгой Сидорихиной!.. Ты подумай только, Ульяна... А!

Ульяна подумала и, молча, съ соболѣзнованіемъ, качнула головой.

— Возжами бы его хорошенько... стараго дѣвушника! — промолвила она.

— Знаешь, вѣдь, Сидориху... Баба злющая! — продолжала Матрена. — Того и гляди, боль какую ни на есть напуститъ... Долго-ли до грѣха!.. Да вѣдь и дѣвка-то, прахъ ее возьми! ровно бы не въ умѣ .. глядитъ, ровно оглашенная! Просто, ужъ я и не знаю... Боюсь, матка, — вотъ какъ боюсь!.. Хошь бы Григорій поговорилъ съ нимъ...

— Ну, ужъ нѣтъ, сватья... проваливай! — отозвался съ палатей Чабанъ. — Толковому человѣку и своего дѣла не передѣлать... Гдѣ ужъ тутъ въ чужія дѣла еще залѣзать! Не люблю я путаться — сама знаешь...

— Да нѣшто онъ хорошо дѣлаетъ этакъ-то, а? — говорила Матрена. — Борода у мужика скоро будетъ сивая, а онъ все еще отъ баловства не отсталъ...

— Кто жъ говоритъ, что «хорошо»! — сказалъ ей Чабанъ, свѣшивая голову съ палатей. — За дѣвками бѣгать подъ старость — срамъ напускать на себя... А только, Матрена, тутъ наше дѣло — сторона... Отъ грѣха дальше, грѣха — меньше.

Въ сумерки Матрена ушла домой.

Дѣло обошлось глаже, чѣмъ можно было ожидать. Федюшка остался на мельницѣ; только тетка нáстрого приказала ему держать языкъ за зубами. Пирушки на мельницѣ по вечерамъ стали рѣже, и Федюшка въ тѣ вечера отсылался по дѣламъ то туда, то сюда. Матрена порой всплакивала — особливо подъ хмѣлькомъ, — но съ Капитономъ уже бранныхъ рѣчей не вела.

— «Простая душа»! — говорила про нее Ульяна Чабаниха.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Снѣгомъ запорошились дремучіе никольщинскіе лѣса. Снѣгомъ перекрылись никольщинскіе поля и луга. Рѣка Пудега долго не вставала, долго катила свои темныя воды въ побѣлѣвшихъ отъ снѣга берегахъ. И Пудега, наконецъ, подернулась льдомъ.

Зима — въ Никольщинѣ. Глухо, угрюмо шумятъ сосновые и еловые лѣса. Метели и вьюги навѣваютъ сугробы. Голодные волки воютъ по ночамъ на лѣсныхъ прогалинахъ... Колесо деревенской жизни замедляетъ ходъ.

У иныхъ городскихъ жителей составилось такое понятіе, что лѣтомъ нашъ крестьянинъ работаетъ, какъ волъ, а остальную — зимнюю — половину года лежитъ, какъ байбакъ, на печи. Представленіе — совершенно ошибочное... Конечно, зимой въ деревнѣ нѣтъ такой горячей, лихорадочно-торопливой работы, какъ лѣтомъ, но и зимой крестьянинъ вовсе не сидитъ безъ дѣла: онъ — въ работѣ весь день до поздняго вечера. Утромъ надо напоить скотину, задать корму, свѣжей соломы подостлать, потомъ — послѣ ранняго обѣда — съѣздить на пустошь за сѣномъ или въ лѣсъ для рубки дровъ; вечеромъ опять надо напоить и накормить скотину, а если останется время — поладить сбрую, починить поломавшуюся телѣгу, заправить къ веснѣ соху, борону, вилы, грабли, поладить что-нибудь около двора. Коротокъ зимній день, и не увидишь, какъ первые пѣтухи запоютъ.

Вотъ также точно и въ семьѣ Григорія Чабана проходили зимніе дни сѣро и однообразно, похожіе одинъ на другой, какъ двѣ капли воды... Бабы пряли, шили, починивали одежу и управлялись съ повседневнымъ хозяйствомъ. Молодушка уже попривыкла къ мужу и къ новымъ роднымъ. Ульяна порой ворчала на нее, — ну, да ужъ свекровь, по положенью, не можетъ не ворчать на невѣстку. Мужъ молчалъ, не хотѣлъ идти противъ матери, за то свекоръ заступался за Аннушку. Большихъ ссоръ, впрочемъ, не выходило, потому что Григорій и старуху, и всѣхъ своихъ семьянъ держалъ въ уздѣ. Ульяна, бывало, что-нибудь затарантитъ, а Чабанъ только прикрикнетъ:

— Чего опять заблекотала? Ну?..

Старуха замолкала и оставляла Аннушку въ покоѣ, вымещая свою досаду на ухватѣ или на помелѣ.

Однажды въ субботу — незадолго до Рождества — пришла къ матери Лизавета въ большомъ горѣ: «хлѣба нѣтъ, староста подань вышибаетъ... Ивану наказали послѣ Новаго года безпремѣнно подань внести, а ежели —

сказываютъ—не внесетъ, то выстегаютъ въ правленьѣ»...

Были сумерки. Мужики еще не возвращались изъ лѣса, Аннушка лежала на палатяхъ. Ульяна сидѣла съ дочерью, и обѣ тихо плакали. Лизавета на этотъ разъ рѣшительно объявила матери, что не уйдетъ, не повидавшись съ отцомъ.

— Ужъ будь, что̀ будетъ! — промолвила она вполголоса. — Помолюсь ему... можетъ, сжалится!

— Охъ, боюсь я, дитятко! — шопоткомъ говорила ей Ульяна.—Знаешь вѣдь ты его... Кремень старый! Ваньку-то твоего больно не любитъ, — и-ихъ! Еще вчерась ругалъ его всяко... и тебя ругнулъ. Пара, говоритъ, сошлась... Давно, говоритъ, о нихъ мой арапникъ плачетъ... Охо-хо, горюшко!

— А все жъ не уйду... дождусь!—со вздохомъ сказала Лизавета, утирая слезы.—Ежели не дастъ, ну...

Въ эту минуту подъ окномъ дровни проскрипѣли по снѣгу, и немного погодя дверь въ избу распахнулась — и въ ней въ облакахъ сѣраго пара показался Григорій Чабанъ. Бабы притихли:

— Чего жъ впотьмахъ-то!.. Али лучины не стало? — проворчалъ Чабанъ, отряхивая бороду и проводя рукой по заиндевѣвшимъ усамъ.

Аннушка слѣзла съ палатей, достала свѣтецъ и принялась у печурки высѣкать огонь. Въ избѣ было уже темно; только сѣрый свѣтъ угасавшихъ зимнихъ сумерекъ смутно пробивался въ оконцы, разрисованныя морозомъ. Старикъ не сразу оглядѣлъ дочь.

— Тутъ кто?—спросилъ онъ, разболокаясь и всматриваясь въ Лизавету.

— Это я, батя!—послышался ему въ отвѣтъ дрожащій голосъ.

— А-а! Почто̀ приплелась? Мужу на выпивку не хватило? — съ раздраженьемъ заговорилъ старикъ.—За подачкой?.. Тебѣ, Лизутка, съ мужемъ-то взять бы ужъ прямо корзину, да идти по міру... Стыда-то вѣдь у васъ ни капельки нѣтъ!

— «На выпивку», говоришь... Это ужъ ты напрасно... Нонѣче онъ въ ротъ не беретъ...—промолвила Лизавета.

— Давно-ли онъ у тебя поумнѣлъ этакъ?.. — съ усмѣшкой, съ явнымъ недовѣріемъ спросилъ старикъ.

— Еще съ того Митрева дня, батя! Вотъ тѣ Христосъ...

Аннушка той порой зажгла лучину и воткнула ее въ свѣтецъ. Красноватымъ, мерцающимъ свѣтомъ озарилась изба... Лизавета сидѣла, понуривши. Темный, рваный платокъ спустился ей на плечи; изъ-за распахнувшагося шугая виднѣлся синій нестрядинный сарафанъ, на ногахъ—высокіе стоптанные валенки. Ульяна, не глядя на нее, сметала со стола хлѣбныя крошки. Аннушка сѣла за прялку. Старикъ, не торопясь, развѣшивалъ передъ печкой свои валенки и онучи... Лизавета глухимъ голосомъ, какъ урокъ заученный, стала говорить отцу о своемъ горѣ.

— Отчего же въ долгъ не возьмете у кого ни на есть?—замѣтилъ Чабанъ, усаживаясь на лавку.—Вѣдь, вонъ, у васъ въ Вешнихъ Выселкахъ Микола Анохинъ—мужикъ не бѣдный... далъ бы, поди, до осени!

— Какъ не дать,—знамо дѣло, далъ бы... прежде не одиножды давалъ!—оживившись, заговорила Лизавета.—А только нонѣче не дастъ... не то, чтобы не вѣрилъ, а порядки не прежніе пошли... Прежде-то, бывало, мы ему и хлѣбушкомъ, и льномъ отдавали, хошь и подань не уплачена,—и любо-дорого! А нонѣче староста такъ и высматриваетъ, ровно сычъ изъ дупла... Ежели повезешь хлѣбъ, чтобы, значитъ, съ долгомъ расплатиться, а староста ужъ тутъ! «Потому, говоритъ, какъ подань не уплачена—шабашъ!» Возьметъ лошадь и заворотитъ. Хлѣбъ продадутъ, а деньги—въ правленье... Вотъ тѣ и вся недолга!.. Ну, вотъ Анохинъ-то Микола знаетъ, что у насъ подань не выправлена и опасается старосты... И не дастъ, ни въ жизнь не дастъ!.. Совсѣмъ раззоръ пришелъ! Прежде хошь до Великаго поста хлѣба хватало, а теперь — вотъ... Помирай!

— А отчего не хватаетъ хлѣба?—спросилъ Григорій.—Скота, не бойсь, скажешь, мало... назьму мало! Сѣнокосъ-то у васъ, я знаю, важный, по берегу... А лѣнивы вы, рохли, на печкѣ лежать охочи! Вотъ что!

— Сѣна-то у насъ было не мало... да не управились! —отозвалась Лизавета.—Сѣно-то метали сыроватое... Одинъ стогъ совсѣмъ сгорѣлъ, дочерна...

—Хорошую-то погоду, знать, проспали!—съ усмѣшкой говорилъ старикъ. — Другіе управляются, а вы все нѣтъ... Обоихъ васъ съ мужемъ-то въ три кнута пробрать бы слѣдовало...

Лизавета вздохнула и опять захныкала.

Чабанъ сидѣлъ, сгорбившись, и задумчиво почесывалъ затылокъ.

— Ну, Лизутка! Вотъ тебѣ мой послѣдній сказъ...—заговорилъ онъ. — Не дамъ вамъ съ голоду поколѣть... ребятъ жаль! Завтра Алешка привезетъ тебѣ и хлѣба, и крупы, и чего еще тамъ надо... А денегъ твоему Ванькѣ не дамъ!

Лизавета сидѣла, какъ въ воду опущенная. Аннушка съ сожалѣніемъ посматривала изъ-за пряслицы на ея заплаканное лицо. Съ минуту въ избѣ было тихо. Только лучина потрескивала въ свѣтцѣ, да за печкой сверчокъ, напоминая о лѣтнемъ привольѣ, подавалъ свой металлическій голосъ. Ульяна тяжело вздыхала и все какъ будто порывалась—да не смѣла—замолвить словечко за дочь. Она уже знала характеръ своего «стараго кремня» и боялась: какъ бы своимъ заступничествомъ не испортить все дѣло.

— Батя! Родной!—вдругъ вскрикнула Лизавета и повалилась отцу въ ноги.

Эта женщина перестала твердить заученный урокъ, теперь въ ней заговорило прямо настоящее, жгучее горе. Всхлипывая, вся вздрагивая, она валялась на полу, прижимаясь головой къ ногамъ старика. Ея нечесаные волосы растрепались и разсыпались по грязному, щелеватому полу.

— Дай, батя! Дай, свѣтикъ!..—причитала она. — Пожалѣй ты меня, горемычную... хотятъ выстегать его!.. — Прибьетъ... изувѣчитъ онъ меня!.. Батя, батя!

— Сама шла за него, никто не толкалъ... А теперь расхлебывай! — проговорилъ старикъ, кладя руку на плечо дочери и не то отталкивая, не то поднимая ее съ полу. — Вставай, Лизуха! Вставай, говорятъ... Ну тебя!.. Чего валяться!

Баба съ плачемъ поднялась на ноги и опять присѣла на лавку. Ульяна также плакала, утирая слезы кончикомъ платка. Лицо Григорія Чабана на мгновенье, было, дрогнуло, и сѣрые глаза его, казалось, заслезились, но вдругъ старикъ еще ниже сгорбился и принялся порывисто разглаживать свою сивую бороду,—вѣрный признакъ, что какая-то мысль, пришедшая въ голову, привела его въ раздраженье.

— Сказано: не дамъ—и не дамъ!—проворчалъ старикъ. — Горбъ-то я гнулъ всю жизнь нѣшто для того, чтобы за дармоѣдовъ подань вносить! Ха!.. Не терплю лежебоковъ! Ну, на коего лѣшаго онъ женился? Не можетъ жену съ двумя малыми ребятами прокормить... Вахлякъ!.. Ну, добро бы еще какой уродъ, безрукій, либо безногій...ну, такъ!.. А то вѣдь мужикъ въ силѣ... И пускай выпорютъ, пускай ему... Да прутья-то ему что! Коломъ бы его...

Въ ту минуту Алексѣй, управившись съ лошадью, пришелъ въ избу.

— Свези завтра въ Выселки хлѣба, крупы, да чего еще тамъ надо...—сердито сказалъ Чабанъ сыну, когда тотъ разболокался.

Алексѣй съ неудовольствіемъ покосился на сестру.

— Долго-ли же мы станемъ еще кормить ихъ?—проворчалъ онъ.—Вотъ тѣ Богъ далъ нахлѣбниковъ-захребетниковъ... Въ амбаръ лѣзутъ, а на полосу къ намъ на помочь, не бойсь, не приходятъ... Пропади они пропадомъ!

— Ну ужъ ты, Алешка...—вскинулась на него мать и, обратившись къ старику, промолвила:—Ужъ пятишница-то гляди не раззорила бы...

— А у тебя есть лишняя пятишница, а?—окрысился на нее Чабанъ.—Есть? Гдѣ она запрятана? Въ какую щель ты ее запихала?.. Ты рада весь домъ растащить!

Старуха замолкла. Лизавета вскорѣ ушла домой...

Послѣ Новаго года Ивана Пустошкина вызывали въ волость, старую недоимку и послѣднюю подать съ него требовали, но дали отсрочку... Вскорѣ послѣ того Григорій Чабанъ по дѣлу былъ на Вороньевѣ и встрѣтился на улицѣ со старшиной. Свояки поздравствовались.

— А я, Петровичъ, хотѣлъ потолковать съ тобой...—началъ Капитонъ Игнатьевичъ.

— О чемъ это? — спросилъ Чабанъ, подозрительно взглянувъ на старшину.

— А вотъ о Ванькѣ... — сказалъ Капитонъ.—Взнесъ бы ужъ ты за него, за дурака... Ждали долго, а ужъ, кажись, придется «постращать» его маленько... Потому: съ насъ тоже спрашиваютъ. Въ кутузкѣ-то сидѣть никому не охота.

— И стегали бы его, дьявола! Не рѣпу на бокахъ-то у него сѣять... — нахмуривъ брови, сердито проговорилъ старикъ. — Мнѣ-то что! Вѣдь у насъ съ нимъ не одно хозяйство. Я за него передъ міромъ не отвѣтчикъ... Гм! И ты что удумалъ!.. Взнеси-ка за него хоть разъ, такъ и совсѣмъ на печи бока пролежитъ. Наплевалъ бы я ему въ бороду!

Ничѣмъ нельзя было пуще разсердить стараго Чабана, какъ начать заступаться передъ нимъ за нерадиваго, оплошливаго мужика. Въ такія минуты — смирный, сдержанный старикъ становился золъ и жестокъ. Вообще онъ ругался рѣдко, но тутъ спокойно, безъ ругательствъ, не могъ слова вымолвить.

— Видишь, Петровичъ, — мягко заговорилъ Капитонъ Игнатьевичъ.—У тебя, слава Богу, достатокъ есть... не занимать стать! Жаль мужика срамить, вѣдь онъ не мальчишка несмысленный... Не чужой онъ вѣдь, чай,—зятемъ приходится. Грѣхъ бы, кажись, не помочь...

— «Грѣхъ», говоришь, — съ кривой усмѣшкой отозвался старикъ, ковыряя въ снѣгу своей палкой.—Гм!.. Ну ужъ, Капитонъ, намъ-то съ тобой о чужихъ грѣхахъ тужить не пристало... И своихъ грѣховъ не избыть! Гдѣ ужъ тутъ о чужихъ сокрушаться...

— Это ты насчетъ чего же такую мудреную рѣчь ведешь?—спросилъ старшина, тоже стараясь улыбнуться поехиднѣе.

— А вотъ насчетъ того самаго, — окончательно взбѣсившись, замѣтилъ Чабанъ, изо всей силы упираясь на палку. — Ты говоришь: грѣхъ не помочь этому дураку... А тебѣ не грѣхъ, думаешь, Ольгу-то Сидорихину этакъ... на соблазнъ добрымъ людямъ... а?

— Это, братъ, другой толкъ будетъ... вѣдь не на веревкѣ тащилъ... Сама шла!.. — съ усмѣшкой промолвилъ Капитонъ Игнатьевичъ.

— Гм! Не на веревкѣ тащилъ...—съ злорадствомъ перебилъ его старикъ.—То-то! чужую совѣсть скребешь, а до своей дотронуться больно... О моихъ грѣхахъ не тужи, Капитонъ! Около себя лучше поглядывай!.. Самъ грѣшу, самъ и отвѣтъ держу...За тебя хорониться не стану, не бойсь!

Увидавъ, что въ ихъ сторону идутъ мужики, Капитонъ поспѣшилъ кончить непріятный для него разговоръ.

— Да ну тебя совсѣмъ!.. — сказалъ онъ, махнувъ рукой, и пошелъ къ правленію.

А Чабанъ долго ворчалъ ему вслѣдъ и недовольный, злой возвратился въ тотъ вечеръ на Куваево. Прошло еще недѣли двѣ-три, и дѣло кончилось тѣмъ, что Ивана Пустошкина, дѣйствительно, «постращали» маленько. Придя домой съ Бороньева, Иванъ накинулся на жену.

— Подвела подъ побои, анафема ты этакая!—ругалъ ее Иванъ.—Не могла выклянчить у стараго хрыча—хошь бы трешницу!.. Сраму изъ-за тебя хлебнулъ... У-у, погань! Постылая!

И онъ такъ двинулъ въ Лизавету столомъ, что та повалилась съ ногъ и больно зашибла бокъ и голову...

Вскорѣ послѣ того на Григорія Чабана было еще сдѣлано нападеніе—и притомъ съ такой стороны, откуда онъ вовсе не ожидалъ... Алексѣй зачѣмъ-то ушелъ къ сосѣдямъ. Ульяна лежала на печи и охала: поясницу разломило, — «видать, къ погодѣ». На дворѣ уже смеркалось, шелъ снѣгъ. Аннушка зажгла лучину и сѣла за пряслицу. Чабанъ перебиралъ старыя сѣти и хмурился.

— Батя! А Лизуха опять приходила сегодня,—промолвила молодушка, жужжа веретеномъ.—Плачетъ! Мужъ, говоритъ, больно дерется, онамеднись чуть не изувѣчилъ... въ понедѣльникъ, сказываетъ, его постегали...

Ульяна перестала охать и насторожила уши: ну, дескать, влетитъ теперь Анюткѣ.

— А тебѣ его спины стало жаль, что-ли?— сердито проворчалъ старикъ.

— И его жаль, знамо дѣло... и Лизутку жаль... За что баба мается! — продолжала Аннушка. — А тебѣ, батя, нѣшто не жаль? Ввѣкъ не повѣрю... Упрямъ ты! Тебя не своротишь, какъ старый пень... Чтобы родную дочь не пожалѣть... Гм!.. Вонъ и Жучка щенятъ лижетъ. Собака... и та жалѣетъ!

— О-ой, о-ой, дѣвка!—съ усмѣшкой перебилъ ее Чабанъ.—Да какая ты нонѣче стала проворная, да говорливая... Право!.. Обжилась, лебедка... стариковъ учить вздумала... О-ой, красава! Не лѣзла бы не въ свое дѣло... А то вѣдь и тебѣ можно трепку задать!

— За что же, батя? Развѣ я что неладное сказала?—проговорила Аннушка, задержавъ на колѣнѣ веретено и взглянувъ на старика. Прости, Христа ради, ежели обидѣла...

Чабанъ съ негодованіемъ, тяжело дыша и грозно нахмуривъ брови, посмотрѣлъ на молодуху. Та продолжала спокойно прясть, только щеки ея раскраснѣлись отъ волненія, да блестящая, какъ хрусталь, слеза катилась по разгорѣвшейся щекѣ. Старикъ промолчалъ... И чѣмъ дольше онъ смотрѣлъ на ея слегка склоненную, красивую голову, на ея молодое, пригожее, миловидное лицо, тѣмъ больше и больше смягчалось его старческое, раздраженное сердце. Онъ какъ-то глухо кашлянулъ и снова, молча, принялся за свои сѣти. Ульяна

съ печи зорко слѣдила за происходившимъ... Теперь она опять заворочалась и заохала.

Передъ ужиномъ, когда Алексѣй возвратился домой, старикъ зажегъ фонарь и пошелъ въ горницу, то-есть, въ холодную избу, гдѣ лѣтомъ принимаютъ гостей, а зимой держатъ сундуки, одежу и всякій домашній скарбъ. Придя изъ горницы, Чабанъ подалъ Аннушкѣ грязную, смятую пятишницу и, по виду, сердито промолвилъ:

— Ступай завтра на Вороньево, отдай Капитошкѣ... Скажи: за Ваньку... Пущай впишетъ! Да скажи ему, чтобы напредки убирался къ чертямъ!

— Ладно! Завтра снесу!—отозвалась Аннушка.—Деньги отдамъ, а ужъ ругаться не стану...

— Филаретъ Милостивый!—съ усмѣшкой проворчалъ старикъ, садясь за столъ.—Проворна, проворна стала, какъ погляжу!

У Ульяны отлегло отъ сердца; порадовалась она за свою Лизутку. Но когда полегли спать, въ ночномъ безмолвіи и впотьмахъ, старухѣ полѣзли въ голову недобрыя мысли. «Да какъ же! — разсуждала она сама съ собой.—Ни я, ни Лизутка не могли уломать его, стараго аспида. А тутъ—на-поди! Слово молвила и все по ея сталось... Думала: онъ ей выволочку задастъ, а вмѣсто того»... И помнилось Ульянѣ, что молодуха приглянулась ея старику, что хочетъ старикъ съ Анюткой грѣхъ сотворить... Бывали такія дѣла у нихъ въ деревняхъ—и даже не рѣдко. И злость ее разобрала—за себя и за сына, ужъ особливо за Алешку. Если бы въ семьѣ не было такого строгаго, властнаго хозяина, какъ старый Чабанъ, то съ этого дня не стало бы житья молодухѣ. Ни въ самой малости не дала бы ей спуску Ульяна, поѣдомъ съѣла бы ее. Но при старикѣ—заступникѣ—она могла только изподтишка грызть невѣстку, ворчать, да наушничать на нее мужу, либо сыну.

— А что-то стала лѣнивенька...—однажды вечеромъ довольно сдержанно замѣтила Ульяна, кивнувъ головой на палати, гдѣ на ту пору спала Аннушка и во снѣ слегка стонала.

— Что еще выдумаешь? — насупившись, возразилъ старикъ. — Вѣдь дѣло за ней не стоитъ... Какого лѣшаго тебѣ еще надо?

— Какъ вечеръ, такъ и приваливается...—брюзжала Ульяна.—Кажись бы, устать не съ чего...Вѣдь не одна съ обрядомъ управляется...

— Да вѣдь брюхата,—развѣ не видишь!—вполголоса промолвилъ Чабанъ, смотря въ сторону. — Бабенка молодая, такое дѣло ей еще впервой...

— И всѣ брюхаты бывали, да этакъ не разваливались!—съ сердцемъ сказала Ульяна.—Подумаешь: прынцесса какая!..

— Дура—ты! Вотъ что! — отрѣзалъ старикъ. — Чего ты къ ней пристаешь, глухая тетеря? Думаешь: не вижу...

Ульяна была туга на ухо, и напоминаніе о глухотѣ всегда выводило ее изъ себя.

— Гдѣ жъ столько ума набраться, какъ у тебя...—огрызнулась старуха, скрививъ губы въ какую-то жалкую, болѣзненную улыбку:— и дура-то я, и глухая тетеря... Анютка за то, видно, для всѣхъ «душечка теперя»!..

— Помолчала бы ты лучше, старая кочерга, покуда по загривку не треснулъ!..— промолвилъ Чабанъ, повидимому, совершенно спокойнымъ, ровнымъ голосомъ.

Но Ульяна ужъ давнимъ опытомъ спознала, что подъ этимъ кажущимся, наружнымъ спокойствіемъ скрывается грозовая туча, и послушалась благого совѣта, примолкла. Хотя Ульяна съ умысломъ упомянула о томъ, что Анютка стала теперь «душечкой» для всѣхъ, но старикъ, очевидно, или не дослышалъ, или не понялъ ея темнаго, грязнаго намека. Человѣкъ невинный, обыкновенно, послѣднимъ узнаетъ о взводимомъ на него обвиненіи.

Недѣли не проходило безъ того, чтобы старики не перекорялись другъ съ другомъ изъза Аннушки. Чабанъ неизмѣнно заступался за невѣстку, не давалъ ее въ обиду и тѣмъ все пуще злилъ свою старуху и утверждалъ ее въ той мысли, что его, «видно, подъ старость нечистый попуталъ», что онъ «съ Анюткой въ грѣхѣ живетъ». И Ульяна денно и ночно подслушивала и подглядывала за невѣсткой, какъ только можетъ подглядывать и подслушивать разозленная женщина.

Однажды Аннушка мыла въ избѣ лавки, а Ульяна надъ чѣмъ-то возилась за перегородкой. Алешки не было дома. Чабанъ пересматривалъ старыя узды и недоуздки.

— Мѣшаешь, батя!—замѣтила Аннушка.— Вишь, со своей сбруей-то разложился тутъ... Ушелъ бы хошь на дворъ не надолго...

— Уйду, дитятко! Уйду! — сказалъ старикъ и, собравъ сбрую, направился къ двери и мимоходомъ, добродушно хлопнулъ Аннушку по плечу. — Вишь, старается, намываетъ...—съ усмѣшкой промолвилъ онъ.

Ульяна изъ-за перегородки все видѣла и все слышала. «Заигрываетъ, старый чортъ!» съ яростью подумала она. «А та помалкиваетъ... Тихоня!» Разгорѣлось Ульянино сердце. Если бы въ душѣ ея не гнѣздился непреоборимый страхъ къ мужу, то она, кажется, въ эту минуту подвергла бы самымъ ужаснымъ истязаніямъ «эту триклятую толстобокую Анютку». Съ каждымъ днемъ Ульяна все пуще ожесточалась противъ невѣстки.

Когда прежде, бывало, Ульяна заводила рѣчь о прегрѣшеніяхъ Капитона, старикъ ея, обыкновенно, отмалчивался или, нехотя, проронивалъ слово неодобренія. Нынѣ Ульяна стала чаще и рѣзче нападать на «грѣховодника» въ той мысли, чтобы какъ-нибудь пронять, уязвить мужа. Но старикъ, къ ея удивленію, какъ бы чувствуя себя совершенно правымъ, теперь рѣшительнѣе прежняго сталъ поддерживать ее и самъ нападалъ на Капитошку. А дѣло было очень просто: Чабанъ не могъ простить старшинѣ его заступничества за Ваньку, — его непрошеннаго вмѣшательства въ семейныя дѣла Григорія.

Ульяна забрасывала и сыну намеки насчетъ Аннушки. Сынъ отмахивался отъ нея.

— Ну ужъ ты, мати!..—съ недовольствомъ говорилъ Алексѣй, показывая видъ, что не вѣритъ ея навѣтамъ.

А по правдѣ-то сказать: онъ и самъ уже подозрѣвалъ жену, но—кромѣ темныхъ догадокъ—у него ничего не было въ рукахъ, и онъ не смѣлъ зря нападать на бабу. Но онъ уже не могъ попрежнему, любовно относиться къ женѣ. Аннушка, видя къ себѣ холодность мужа, горевала и плакала втихомолку. Только Григорій Чабанъ ничего не подозрѣвалъ и чувствовалъ себя очень хорошо... Со стороны посмотрѣть, — въ Чабановой семьѣ все шло мирно и гладко. А между тѣмъ затаенныя опасенія, вражда, ненависть крылись подъ спокойной поверхностью, какъ иногда подъ сѣрымъ пепломъ горячій уголь тихо, невидимо тлѣетъ.

Такъ шла и проходила темная зимняя пора.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Веселый колокольный звонъ гулко разносился надъ никольщинскими полями и лѣсами. Свѣтло и радостно звонили колокола въ тепломъ весеннемъ воздухѣ. На деревенскихъ улицахъ были видны валявшіеся тамъ и сямъ осколки красной яичной скорлупы. Были слышны пѣсни, говоръ, гомонъ и громкій смѣхъ...

На поляхъ снѣгъ уже сталъ и бѣлѣлъ лишь по лѣснымъ опушкамъ, на днѣ овраговъ, да кое-гдѣ по Пудегѣ, подъ нависшими ея берегами, куда не достигалъ золотой солнечный лучъ. Журчали ручьи, и особенно въ ночномъ безмолвіи былъ явственно слышенъ шумъ весеннихъ водъ. Жаворонокъ звонко пѣлъ надъ проталинами свою безконечную, милую пѣсенку. Грачи съ веселымъ шумомъ суетились надъ постройкой гнѣздъ, хотя деревья стояли еще почти совсѣмъ голыя. Весеннія облачка, легкія и бѣлыя, какъ барашки, тихо проплывали по небу, не омрачая его сіяющей лазури...

— Ты кто?

— Яшка Король.

— Гдѣ ты родился?

— Въ банѣ, на полкѣ.

— Кто у тебя были отецъ-мать?

— А я почемъ знаю!

— Яшка! Гдѣ твое королевство?

— Здѣсь... вездѣ.

— А въ солдаты хочешь?

— Самого тебя—въ солдаты... Собака!

Этотъ странный разговоръ происходилъ середи дороги, при самомъ въѣздѣ въ деревню Куваево, — происходилъ онъ между куваевскими ребятишками и пожилымъ человѣкомъ весьма загадочнаго вида. Такой разговоръ постоянно происходилъ всюду, куда ни появлялся тотъ, кто такъ торжественно называлъ себя Яшкой Королемъ.

Яшка Король былъ мужикъ довольно высокаго роста, страшно худощавый, лѣтъ сорока, но казался, впрочемъ, старше. На немъ былъ надѣтъ коричневый армякъ, рваный и весь покрытый разноцвѣтными заплатами. Армякъ явно былъ ему не впору: рукава были коротки и лишь едва до половины локтевой кости прикрывали его худыя, дряблыя руки; въ плечахъ армякъ оказывался узокъ, расходился на груди и изъ-подъ него виднѣлась длинная холщевая рубаха, низко подпоясанная подъ брюхомъ веревкой. Рубаха, повидимому, была женская, съ широкимъ воротомъ, обрѣзанная по подолу. Изъ дыръ рубахи сквозило смуглое, грязное тѣло. Холщевые портки спускались немного ниже колѣнъ и висѣли въ видѣ бахромы. Ноги были босы. На темныхъ, всклокоченныхъ волосахъ была надѣта небольшая берестяная шапка, въ видѣ короны, съ пучкомъ мочалы на верху...

Его безкровное лицо какого-то сѣраго, землистаго цвѣта отличалось очень крупными чертами: носъ толстый вродѣ картофелины, большія и пухлыя, блѣдныя губы, широкій и мясистый подбородокъ; лобъ необыкновенно узкій, завѣшанный волосами; борода—рѣденькая, жидкая и гораздо свѣтлѣе волосъ на головѣ; вмѣсто усовъ, торчали какъ будто клочки шерсти; въ свѣтло-сѣрыхъ глазахъ навсегда, казалось, застыли испугъ и недоумѣніе. Вообще все лицо этого страннаго человѣка носило на себѣ выраженіе какой-то растерянности и безсмыслія. Говорилъ онъ въ носъ, протяжно и невнятно, часто повторяя по нѣскольку разъ одно и то же слово.

Яшка былъ дурачокъ. Онъ жилъ въ деревнѣ Подосеньи, у какихъ-то дальнихъ своихъ родственниковъ. Впрочемъ, онъ жилъ подъ крышей только по зимамъ, а все лѣто, съ весны и до поздней осени, Яшка странствовалъ по Никольщинѣ, питаясь Христовымъ именемъ, спалъ по гумнамъ, въ лѣсу, въ придорожныхъ канавахъ, — однимъ словомъ, спалъ тамъ, гдѣ заставала его ночь. Въ ненастную пору онъ скрывался иногда въ церковной сторожкѣ, заходилъ на мельницы, въ сѣновалы на пустошахъ и очень рѣдко забродилъ въ деревни. Никольщинскій міръ кормилъ и кое-какъ одѣвалъ его. Суевѣрные никольщинцы почитали его юродивымъ и его безсмысленнымъ изреченьямъ придавали пророческое значеніе. Яшку не обижали, только ребятишки порой подсмѣивались надъ нимъ. Яшка неохотно показывался въ деревни именно оттого, что мальчишки осаждали его вопросами и пугали солдатчиной.

Разговоръ о солдатчинѣ повергалъ Яшку въ неописанный ужасъ и негодованіе. Дѣло въ томъ, что, много лѣтъ тому назадъ, бывшій старшина, Оселковъ Кузьма, задумалъ отдать его въ солдаты. «Авось, молъ, дуракъ хоть на что-нибудь пригодится! Пускай вмѣсто хорошаго работника солдатчину отбудетъ»... Но разсчетъ старшины не удался.

Яшку пришлось насильно, чуть не связаннымъ, доставить въ городъ и силой пришлось вести въ рекрутское присутствіе. Когда ему велѣли раздѣться, Яшка вздрогнулъ и заволновался. Онъ зналъ, что при людяхъ раздѣваютъ лишь для того, чтобы выпороть. Наконецъ, когда раздѣли его и повели осматривать, Яшка, весь дрожа съ ногъ до головы, какъ осиновый листъ, и тяжело дыша со злости и страха, вскричалъ дикимъ голосомъ:

— Нѣтъ! меня нельзя брать въ солдаты... Не дамся... ни въ жизнь не дамся! Не пойду я въ солдаты!.. Я не хочу, не хочу!..

И Яшка съ остервенѣніемъ, съ бѣшенствомъ вырывался изъ рукъ державшихъ его солдатъ.

— Отчего жъ тебя нельзя взять въ солдаты?—спросилъ его офицеръ.

— А ты развѣ не знаешь, кто я?— поднявъ голову, прогнусилъ дурачокъ.

— Кто жъ ты такой?

— Я вѣдь—Яшка Король!

Господа чиновники, сидѣвшіе за столомъ, переглянулись, пошептались между собой и выразительно посмотрѣли на сдатчиковъ.

— Притворяется, ваше благородіе! Дурь на себя напускаетъ....—вполголоса пробормоталъ старшина.

— Кто жъ тебя королемъ сдѣлалъ? И гдѣ же находится твое королевство?—спросилъ Яшку лѣкарь, не слушая нашептыванья старшины.

— Богъ сдѣлалъ меня королемъ!—торжественно заговорилъ Яшка.—А королевство мое—большое, большое...

И Яшка, поднявъ свою всклокоченную голову, широко размахнулъ руками, повидимому, какъ младенецъ, совершенно позабывъ о своей наготѣ.

— Всѣ нищіе, убогіе, всѣ сироты безродныя... Вѣ какое мое королевство!

Картина вышла необыкновенная, еще никогда небывалая въ рекрутскомъ присутствіи... Голый человѣкъ, очевидно, не чувствовавшій ни малѣйшаго стыда, со всклокоченными волосами, съ дикимъ взглядомъ, величественно размахивавшій руками, объявлялъ себя королемъ голи перекатной. Всѣ, кто ни былъ въ комнатѣ, засмотрѣлись на этого жалкаго короля и заслушались его безумныхъ рѣчей...

Ему предложили объясниться толкомъ.

— У нашего дьячка былъ сынъ, семинаристъ... померъ, царство ему небесное... — загнусилъ Яшка, почесывая затылокъ и какъ бы стараясь припомнить, какъ было дѣло.— Вотъ онъ-то мнѣ и открылъ... все и разсказалъ... «Для такихъ, какъ ты, говоритъ, Богъ царство приготовилъ... Такъ, говоритъ, въ Христовой книгѣ написано... Всѣхъ, говоритъ, васъ—простыхъ этакихъ—соберутъ... и будетъ, говоритъ, у васъ большое царство и не будетъ, говоритъ, вашему царству конца»... «А кто жъ, спрашиваю, царемъ будетъ поставленъ?» А онъ посмѣялся да и говоритъ: «Это, говоритъ, все едино! Будь хошь ты ко-

ролемъ!» Такъ вотъ съ той поры я и сталъ прозываться... Сдѣлалъ онъ мнѣ шапку берестяную и на голову мнѣ надѣлъ. «Вотъ, говоритъ, тебѣ и корона королевская! Носи, говоритъ»... Я и ношу ее. Только ее вотъ теперь сняли съ меня, какъ въ городъ повезли... Ну, и живу, слава Богу, ничего... Міръ не оставляетъ. Вотъ и нонѣче новыя валенки на зиму дали. Не пожалуюсь! И пирога о праздникѣ даютъ...

Конечно, такую важную особу, какъ Яшку Короля, въ солдаты не взяли, а старшинѣ достался изрядный нагоняй за его покушеніе на мошенничество. Съ тѣхъ поръ Яшка сильно волновался каждый разъ, когда ему напоминали о солдатчинѣ, и если хотѣли разсердить его, то стоило лишь сказать: «Тебя, Яшка, въ солдаты надо отдать!» Тутъ дурачокъ начиналъ ругаться, плеваться и съ свирѣпымъ видомъ размахивать своею толстой, сучковатой дубиной.

Такъ и теперь, когда одинъ изъ мальчишекъ задалъ ему вопросъ: «Въ солдаты хочешь?» Яшка сердито зарычалъ и взмахнулъ дубиной. Ребятишкамъ только того и было надо, и они пустились отъ него вразсыпную, а Яшка пошелъ своей дорогой. Проходя мимо избы Григорія Чабана, Яшка Король пріостановился на мгновенье.

— У-ху-ху, ху-ху-ху!—промычалъ онъ дико, посмотрѣвъ поверхъ соломенной стрехи Чабановой хаты,—и, махнувъ дубиной, поплелся далѣе.

— Анна! Аннушка!—крикнула Ульяна, выскакивая изъ избы на дворъ.—Чего такое Яшка-то сказалъ? Не слыхала?

— Ничего не сказалъ... Такъ что-то проухалъ!—отвѣтила Аннушка, стоявшая въ ту пору съ сосѣдкой у плетня.

Лицо Ульяны вдругъ какъ-то вытянулось, осунулось и помертвѣло.

— Ахти, Пресвятая Богородица, спаси и помилуй! — пробормотала старуха, — Анна, бѣжи круче, отрѣжь хлѣбушка, да подай ему...

Аннушка живо откромсала цѣлую краюшку и пустилась вслѣдъ за Яшкой Королемъ.

— Яша! А, Яша? Постой! Погоди, Божій человѣкъ...—кричала она дурачку.

Тотъ остановился и, опершись на палку, поглядѣлъ на нее. Аннушка, наконецъ, догнала его и подала ему хлѣбъ. Яшка, молча, какъ должное, взялъ краюху, переломилъ ее пополамъ и опустилъ въ карманъ.

— Куда идешь?—спросила его Аннушка.

— На Вороньево!—отвѣтилъ дурачекъ.

— Ежели мамку увидишь въ Яковлевкѣ, али гдѣ по дорогѣ, скажи отъ меня поклонъ...

—Мамку-то мою знаешь?

Яшка нахмурился и потеръ лобъ.

— Маленькая старушонка... хроминькая... Ѳеклой зовутъ?

— Такъ, такъ! Ѳеклой!—подтвердила Аннушка.

Яшка какъ-то слабо улыбнулся, протянулъ руку и погладилъ молодушку по головѣ.

— Ты — добрая... да, да! Знаю... — прогнусилъ онъ, покачивая головой.—Жаль мнѣ тебя, болѣзная...

— Почто жъ ты жалѣешь-то меня, родной?—замѣтила ему Аннушка. — Вѣдь мнѣ жить хорошо...

— Да, да! Тебѣ хорошо... Знаю, знаю! Какъ же...—промолвилъ Яшка Король, сдвигая на бокъ свою берестяную корону.—Вотъ опять скоро свадьба... — разсѣянно заговорилъ онъ какъ бы про себя, чертя по песку своимъ костылемъ.—Охо-хо, горе-горюшко... Идти надо, поторапливаться... Прости! Не забуду... Не бойсь, молодушка! Яшка Король свое дѣло знаетъ...

И дурачокъ, помахивая палкой, неровною, колеблющеюся поступью пошелъ по дорогѣ.

Въ числѣ чудачествъ Яшки Короля была та странность, что онъ считалъ какъ бы своимъ непремѣннымъ долгомъ присутствовать въ церкви при каждомъ вѣнчаніи. Но этотъ обрядъ почему-то сильно разстраивалъ его. Во время вѣнчанья Яшка, обыкновенно, бывалъ очень печаленъ, стоялъ гдѣ-нибудь въ темномъ уголку и, слушая церковное пѣніе и смотря на вѣнчавшихся, тихо плакалъ. Его не разъ спрашивали:

— Яша! О чемъ же ты плачешь?

— Да какъ же не плакать! — отвѣчалъ онъ, утирая кулакомъ слезы. — Жаль вѣдь тоже...

Кого и почему ему было жаль? — оставалось тайной. Никакого толку невозможно было добиться отъ дурачка...

Любимымъ же дѣломъ Яшки Короля было забраться въ лѣсъ въ лѣтнюю пору и забиться въ самую чащу. Тамъ онъ много и громко разговаривалъ съ какими-то невидимыми существами. То онъ ревѣлъ и жаловался на свою «сиротскую» участь, то дикимъ голосомъ принимался орать во все горло и звалъ кого-то идти куда-то «всѣмъ міромъ». То онъ начиналъ пѣть какую-то несообразную пѣс-

*

ню, перемѣшанную съ ругательствами и, расхаживая между деревьями какъ бы въ забытьи, съ страшной силой размахивалъ своею палицей... Посохшіе сучья, куски коры и листья съ кустовъ и деревьевъ съ шумомъ осыпались вокругъ него, падали ему на голову, на плечи. Тогда Яшка, рѣшительно, приходилъ въ неистовство, дико хохоталъ и оралъ на весь лѣсъ:

— О-го-го! Знай Яшку Короля!.. Собирайтесь ко мнѣ, братія!.. О-го-го! Вотъ такъ — Яшка Король! Разнесу, расчищу, — всѣмъ мѣсто будетъ!..

Деревенскія бабы и дѣвки, ходившія въ лѣсъ за грибами, одинъ разъ подслушали его несвязныя, непутевыя рѣчи, но побоялись въ ту пору попасться ему на глаза. Яшка былъ страшенъ и, пожалуй, въ такія минуты ярости и изступленья могъ первому встрѣчному размозжить голову своею тяжеловѣсной дубиной.

— Ходитъ, голубушки, по лѣсу-то, по деревьямъ палкой стучитъ, зубы скалитъ, ровно звѣрь... — разсказывали бабы. — А то вдругъ закричитъ, загогочетъ на весь лѣсъ... Просто, страсть!..

Своимъ уханьемъ на этотъ разъ Яшка Король шибко напугалъ старую Чабаниху.

— Ума не приложу, не придумаю... Чего это онъ заухалъ! — говорила она вечеромъ мужу.

— Въ первый разъ онъ ухаетъ, что-ли!— Али не слыхала? — заворчалъ на нее Григорій.

— Боюсь я его... вѣдь онъ—блаженный!— возражала старуха.

— Ну, тебя... Закаркала ворона... Дуракъ чудитъ, а она ни вѣсть что... — говорилъ Чабанъ.

Старуха не успокоилась. Впрочемъ, никто, кромѣ нея, на Яшкино уханье вниманія не обратилъ: у дурачка, дѣйствительно, изстари была привычка ухать и свистать.

— Вѣдь онъ, мати, ничего не сказалъ!— говорилъ старухѣ Алексѣй.

— Эхъ, дитятко! Мало-ли что ничего не сказалъ!—упорствовала Ульяна. — А почто онъ на нашу-то избу поглядѣлъ?..

Майское солнце ярко свѣтило и пригрѣвало землю. Яровое отсѣяли. Цвѣточки зажелтѣли на лугахъ. Густо зазеленѣли никольщинскіе лѣса...

Однажды въ воскресенье на высокомъ берегу Пудеги, неподалеку отъ Капитоновой мельницы, лежалъ человѣчекъ весьма невзрачной наружности. То былъ мужчина лѣтъ 30, но очень старообразный, малаго роста, горбатый, съ длинными руками и съ несоразмѣрно большой головой. Лицо у него было большое, блѣдное, съ длиннымъ, прямымъ носомъ и съ широкимъ ртомъ; только добрые и грустные, каріе глаза скрашивали его невзрачное лицо.

На немъ было пальто изъ толстаго сѣраго сукна и длинные мужицкіе сапоги; на головѣ черная, старенькая фуражка... Горбунъ съ книгой въ рукахъ полулежалъ на травѣ, протянувъ свои короткія, кривыя ноги. Онъ читалъ мало, а все больше задумчиво посматривалъ то на рѣку, катившую у его ногъ свои голубыя воды, то на зеленыя ивы, склонявшія надъ водой свои гибкія, развѣсистыя вѣтви.

Изъ-за рѣдкаго, приземистаго олешняка, росшаго около мельницы, вдругъ показалась крупная, могучая фигура никольщинскаго старшины.

Капитонъ Игнатьевичъ, слегка навеселѣ, шелъ по берегу, направляясь къ горбуну. На плечи его былъ накинутъ праздничный черный ярмякъ; его красная кумачная рубаха ярко горѣла на солнцѣ. Румяное, лоснившееся отъ жиру лицо его блестѣло, и блестѣли весельемъ его темные глазки. Суконная высокая шляпа была сдвинута на затылокъ. Капитонъ Игнатьевичъ подошелъ къ горбуну и остановился передъ нимъ, подпершись руками въ бока.

— Что тутъ дѣлаешь, Полихронъ премудрый? — спросилъ старшина, со снисходительной усмѣшкой поглядѣвъ на страннаго человѣка.—Все книжку читаешь...

— Да, читаю!—отвѣтилъ тотъ, не измѣняя положенія тѣла.

— Все-то ты книги читаешь, да думаешь... И о чемъ ты все думаешь?—спросилъ старшина.

— Мало-ли о чемъ надо подумать... Ну, вотъ хоть о томъ: для чего мы живемъ, да землю собой тяготимъ? Скажи-ка, примѣрно, Капитонъ Игнатьичъ: для чего ты на свѣтѣ живешь?

— Еще говорятъ: умная голова... А самъ что вывезъ? — со смѣхомъ вскричалъ старшина.—Ха! Для чего живу?!. А для чего меня мать родила? Ступай,—спрошай у нея... А я живу въ свое удовольствіе,—вотъ тѣ и все! Ну, обыкновенно, хозяйство содержу... и въ правленьи тоже не безъ дѣла.

— Въ правленьи за тебя писарь сидитъ, а дома жена отдувается... — возразилъ ему горбунъ.

— Ну, ну, ладно! — усмѣхался старшина.—А ты-то для чего живешь? Видно, придумалъ... такъ скажи, коли знаешь!..

— Живу я, Капитонъ Игнатьичъ, и постараюсь жить подольше для того, чтобы людямъ отъ меня побольше пользы перепало... Только жалѣю, что не могу много сдѣлать для нихъ...—медленно проговорилъ горбунъ, низко понуривъ свою большую голову.

— Такъ! А тебѣ-то самому что изъ того?

— А мнѣ-то и радостно, что я не напрасно небо копчу, живу не какъ звѣрь неразумный...

— Ну, Полихронъ! Въ рай тебѣ—прямая дорога!—съ усмѣшкой сказалъ старшина.

— Рай-то раемъ, а земныя дѣла сами по себѣ!—отозвался Полихронъ. — Не изъ корысти надо стараться по правдѣ-то жить, надо о томъ для совѣсти постараться, чтобы на душѣ было посвѣтлѣе...

— Мудрено толкуешь...—перебилъ Капитонъ Игнатьевичъ, сладко позѣвывая и потягиваясь. — А я, братъ, Полихронушка, выпилъ, закусилъ, да поразгуляться вышелъ...

Горбунъ ничего не сказалъ и задумчиво, слегка прищурившись, посмотрѣлъ въ зеленую даль.

— И какой же ты у насъ дохлый, да хворый, какъ я погляжу... — заговорилъ старшина, широко разставивъ ноги и посматривая свысока на своего собесѣдника.—Ну, что ты за человѣкъ есть? Вѣдь я тебя однимъ кулакомъ могу пришибить... Не такъ-ли, а?

— Можешь! Это вѣрно...—согласился горбунъ.

— Ну, что за жизнь твоя? Одна скудость— и больше ничего...—продолжалъ старшина, переступая съ ноги на ногу.—Жаль смотрѣть на тебя, Полихронъ!.. Вотъ ужъ десятый годъ ты съ ребятками бьешься, кричишь съ ними въ училищѣ-то, (слыхалъ вѣдь я тоже!), грудь надсажаешь... Человѣкъ ты ученый,—а чего ты нажилъ за это время!.. Уче-е-ный! Поди ты!.. Проворный-то человѣкъ на твоемъ мѣстѣ какія бы деньги наживалъ... Э-эхъ! Завелъ бы, примѣрно, лавчонку, спервоначала бы не ражинькую, а тамъ, глядишь, избу бы себѣ построилъ — не хуже моей. Либо взялъ бы лѣсъ на вырубъ, тоже деньгу можно нажить превосходно... А ты корпишь въ своемъ училищѣ на пятнадцати цѣлковыхъ, да еще и тѣ-то не вдругъ иной разъ получишь... Да что ужъ толковать! Мало корысти въ твоемъ ученьи!.. И почтенья къ тебѣ нѣтъ,—никто тебя не боится!

Полихронъ усмѣхнулся.

— Чего жъ меня бояться! Я вѣдь не медвѣдь...—промолвилъ онъ.—А насчетъ лавки или лѣсу ты, братъ, неправильно говоришь. Чтобы лавка большія деньги давала, нужно для того людей обирать—не иначе... На лѣсѣ вѣдь тоже самъ, поди, знаешь — деньгу можно добыть только чужимъ горбомъ... А заставлять другихъ на себя работать—тяжкій, великій грѣхъ. Отъ этого-то грѣха и неправда пошла... Отъ неправды земля стонетъ, а мы, ровно и не чуемъ...

— Охъ, ты! праведная душенька!—со смѣхомъ сказалъ Капитонъ Игнатьевичъ и, бросивъ армякъ на траву, растянулся на немъ во весь ростъ.—И что ты тутъ толкуешь... о правдѣ, да о неправдѣ, — продолжалъ онъ, подкладывая руки подъ голову,—не ты—первый, не ты—послѣдній; не тобой свѣтъ начался, не тобой и кончится... Нѣшто ты можешь одинъ людей-то передѣлать... Все это— пустое!

— И не думаю, братъ, никого передѣлывать!—возразилъ учитель.—Самъ я во грѣхѣ хожу, только *стараюсь* по правдѣ жизнь свою направлять. Да вѣдь что жъ! Стараться можно, а до самой правды все-таки далеко... Иной разъ и не почувствуешь, какъ маху дашь! Опомнишься, что неладно сдѣлалъ, да ужъ поздно.

— По твоему выходитъ, что всѣ не по правдѣ живутъ... И я живу не по правдѣ?— спросилъ Капитонъ Игнатьевичъ, поворачиваясь на бокъ и смотря на учителя.

— Извѣстное дѣло!—отвѣтилъ тотъ, приподнимаясь на локтѣ и взглядывая на старшину.—Иной грѣхъ ты творишь по невѣдѣнію, ну, и не поставимъ его въ счетъ. А бываетъ такъ: самъ ты видишь, что на худое идешь, а все-таки идешь, не стыдишься и не боишься ни совѣсти, ни людей. Вотъ ужъ это, подлинно, грѣхъ... И то бываетъ: грѣхомъ-то еще бахвалишься, удаль свою показываешь... мерзостью похваляешься. Ты, вотъ, мѣня жалѣешь, а мнѣ такъ тебя жаль! По истинѣ говорю: жаль!

Капитонъ Игнатьевичъ силился улыбнуться, но улыбки не вышло, а вмѣсто нея на губахъ его показалась какая-то жалкая, кислая гримаса.

— О-го-го! — загоготалъ онъ.—Спасибо, Полихронушка! Спасибо, сердечный, что пожалѣлъ меня...

— Не за что, другъ, «спасибо» мнѣ говорить!—кротко замѣтилъ ему Полихронъ, проводя рукой по травѣ. — Самъ разговоръ затѣялъ, не взыщи! Не хочешь, такъ не станемъ и говорить больше.

— Нечего меня жалѣть! — высокомѣрно, раздраженнымъ голосомъ говорилъ Капитонъ.—Живу, слава Богу... шестой годъ въ старшинахъ! Въ семьѣ все благополучно... здоровъ я, силенъ, быка сломаю... денегъ занимать не пойду, другимъ даю еще не мало.

— Деньги!—отозвался учитель.—Ну, вотъ и договорились... У тебя только деньги на умѣ... А совѣсть?

— Да что ты все мнѣ тычешь: «совѣсть», да «совѣсть!» — огрызнулся старшина, скинувъ шапку и ероша свои густые, темнорыжіе волосы. — Что ты съ совѣстью-то присталъ ко мнѣ? Вѣдь я, въ самомъ дѣлѣ, не убивецъ, не грабитель, съ топоромъ на большую дорогу не хаживалъ, ни одной душеньки христіанской не загубилъ на своемъ вѣку...

— И грабитель ты, Капитонъ, и убивецъ, и не одну душу ужъ загубилъ...—проговорилъ Полихронъ, приподнимаясь и смотря на собесѣдника своими грустными глазами.—И въ лавкѣ и въ своемъ трактирѣ ты грабишь народъ и души губишь! Вонъ, хоть взять Ольгу...

— Вотъ этакіе-то, какъ ты, и разводятъ смуту! — промолвилъ старшина, хмуря брови.—И откуда ты такихъ мыслей набралъ? Изъ книгъ, что-ли?

— Иное изъ книгъ, объ иномъ самъ много думалъ...—отвѣтилъ учитель.

— Умъ за разумъ зашелъ, значитъ! Такъ!.. Съ чего дѣвку-то приплелъ? Дѣвки сами ко мнѣ лѣзутъ... По твоему, дурья голова, кулакомъ ихъ отшибать, что-ли?

— Виляешь... сердишься! Вижу, что сердишься... Знать, совѣсть-то еще не совсѣмъ угомонилъ! И то славу Богу! Скребетъ, видно, совѣсть-то... — вполголоса, какъ бы про себя, замѣтилъ Полихронъ, посматривая въ даль, всю залитую золотомъ солнечныхъ лучей.

Слышно было, какъ жаворонокъ заливался въ сіяющей вышинѣ; было слышно, какъ волны тихо плескали о прибрежный песокъ. Теплый вѣтерокъ проносился надъ землей... Бѣлыя облачка плыли и таяли въ голубомъ небѣ. Въ воздухѣ припахивало лѣсною глушью, сосновой смолой. Порой откуда-то доносился запахъ жженаго вереса.

— Ну, вотъ живешь ты этакъ, премудрыя разсужденія ведешь... — началъ Капитонъ Игнатьевичъ.—Живешь и помрешь...

— И ты помрешь и ничего съ собой не возьмешь, все здѣсь оставишь,—и деньги, и людской почетъ и своихъ любовницъ несчастныхъ...—отвѣчалъ учитель.—Скажемъ такъ: живешь ты для своей утробы. Да вѣдь не вѣкъ намъ жить... сгніетъ утроба-то и будетъ прахъ... О послѣднемъ часѣ надо подумать.

— А что о немъ думать! Не люблю я и поминать-то объ этомъ...—проворчалъ старшина. — Да что жъ тутъ... Вѣдь извѣстно: двумъ смертямъ не бывать, а одной не миновать!

— Я тоже говорю, что не миновать... — продолжалъ Полихронъ, пододвигаясь къ своему собесѣднику и засматривая ему въ глаза.—Надо, Капитонъ, подумать о томъ, чтобы въ послѣднія минуты, передъ смертью, совѣсть-то не больно мучила, когда душа-то будетъ съ тѣломъ разлучаться... Смекаешь, о чемъ говорю? — спросилъ горбунъ, впиваясь глазами въ Капитона Игнатьевича.— Тяжкія минуты... Лучше бы иному до того времени съ ума сойти! Легче было бы... Вотъ я и говорю: полно объ одной утробѣ думать, надо для другихъ пожить, на добро людямъ... Какъ умирать-то станешь, какъ назадъ-то оглянешься на всю свою жизнь, да какъ увидишь, что тамъ ничего нѣтъ, кромѣ ненависти и зла, кромѣ лжи, да обмана, да всякой мерзости,—и тошно станетъ... Всплачешь въ душѣ-то, да поздно: жизни-то не ухватишь! А долга - ли наша жизнь! Э - эхъ, другъ, Капитонъ Игнатьичъ... Горитъ она, какъ свѣчечка, и сгоритъ, только черная свѣтиленка останется...

При этомъ горбунъ выпрямился и, какъ бы въ забывчивости, поднялъ руку, все продолжая смотрѣть въ упоръ на Капитона. Онъ весь, словно, преобразился; глаза его смотрѣли такъ мрачно и скорбно, голосъ такъ сильно звучалъ, и слова его дышали такою искренностью, такимъ горячимъ убѣжденіемъ, что старшина какъ-то невольно смутился, и потупились его разбойничьи, безстыжіе глаза.

— Какъ станетъ свѣтъ бѣлый изъ глазъ выкатываться, — говорилъ Полихронъ, —

какъ ночка-то темная, могильная, начнетъ надвигаться на тебя, такъ вотъ въ ту пору тебѣ и захочется съ людьми пожить по хорошему... захочется пожить хоть еще недолго, хоть мѣсяцъ, хоть одну недѣлю... Будетъ поздно! Памятуй объ этомъ неминуемомъ часѣ! Вѣдь онъ у насъ не за горами, а за плечами... Неужто ты думаешь, Капитонъ, что живешь только для радости, для веселья, для услажденья своей плоти? Ты говоришь: здоровъ, силенъ, меня кулакомъ пристукнешь... А вѣдь и съ тобой можетъ случиться что-нибудь,—бревномъ придавитъ, молніей опалитъ, жила какая-нибудь въ тебѣ лопнетъ, да мало-ли что... Смерть за каждымъ угломъ таится; на каждомъ шагу насъ стережетъ. Глядь, завтра же будешь чурбаномъ лежать...

Капитонъ Игнатьевичъ отвернулся отъ горбуна и, насупившись, смотрѣлъ въ землю.

— Стоитъ-ли, другъ, для плоти-то жить, ради нея стараться всю жизнь!.. Ой, Капитонъ, не стоитъ,—право, не стоитъ...

Полихронъ замолкъ. Румяныя щеки Капитона Игнатьевича слегка поблѣднѣли и мускулы по краямъ рта вздрагивали, какъ обыкновенно случалось со старшиной въ минуты угнетеннаго состоянія духа. Горбунъ, запрокинувъ голову, смотрѣлъ въ глубокое небо. Губы его были крѣпко сжаты, и онъ какъ будто додумывалъ про себя свои недосказанныя думы. Такъ прошло нѣсколько минутъ...

— А вѣдь ты притворяешься, Капитонъ Игнатьичъ!—тихо промолвилъ учитель, поглядѣвъ на старшину.—Ты только дѣлаешь видъ, что тебѣ жить весело... А и тебѣ не сладко...

— Твоего-то слаще! — проворчалъ старшина, не оглядываясь на собесѣдника.

— Ну, что жъ! Давай Богъ, коли такъ... Не завидую! — смиренно замѣтилъ Полихронъ.

— А ну тебя—къ лѣшему! Отвяжись ты отъ меня, премудрый! Инда тоску нагналъ...—сказалъ старшина.

— И тоска иной часъ—дѣло не худое... — замѣтилъ горбунъ, берясь за книгу.

Капитонъ поднялся съ земли, поправилъ ноги, потянулся и посмотрѣлъ вокругъ себя.

Ясное, голубое небо кротко, ласково сіяло надъ Никольщиной. Теплый, нѣжный вѣтерокъ пріятно подувалъ въ лицо Капитону Игнатьевичу, донося до него запахъ лѣсной глуши, лѣсной дичи..

— Ну! Покуда что,—поживемъ...—съ напускной веселостью проговорилъ онъ. — Ты пойдешь, али останешься?

Онъ съ недовольствомъ посмотрѣлъ на горбуна.

— Посижу еще...—отвѣтилъ тотъ.—Хорошо здѣсь!

— Хорошо, такъ сиди... А я пойду—наливку допью, да съ дѣвкой повожусь...— нагло ухмыляясь, сказалъ Капитонъ и, накинувъ армякъ на свои широкія, могучія плечи, пошелъ на мельницу, гдѣ оставилъ Ольгу и недопитую бутылку наливки.

Капитонъ шелъ, вытянувшись во весь свой ростъ, высоко поднявъ голову и выпятивъ свою богатырскую грудь, какъ будто стараясь по возможности занять какъ можно больше мѣста во вселенной—такъ, чтобы всякій, увидавъ его, сказалъ съ тайной завистью и боязнью: «Какой большой, крупный человѣкъ! Такому не попадайся на дорогѣ... Плечомъ двинетъ, на сажень отлетишь отъ него!» Горбунъ печально смотрѣлъ вслѣдъ Капитону и думалъ: «А правда,—здоровъ... Экая силища!.. Долго-ли-то отъ этого человѣка тѣнь будетъ ложиться по землѣ? Можетъ быть, до ста лѣтъ проживетъ»...

Когда Капитонъ Игнатьевичъ пришелъ на мельницу, Ольга спала, растянувшись на лавкѣ. При входѣ его дѣвушка взглянула на него спросонокъ и черезъ мгновеніе опять заснула. Темныя пряди волосъ свѣсились на ея разгорѣвшееся лицо; губы были полуоткрыты; рубаха разстегнута. Подъ головой, вмѣсто подушки, лежала какая-то свернутая одежа. Дѣвушка тяжело дышала во снѣ, и ея высокая, полная грудь безпокойно, прерывисто вздымалась, какъ подъ давленіемъ кошмара... Капитонъ вскользь посмотрѣлъ на Ольгу и присѣлъ къ столу. Откровенный разговоръ съ учителемъ разстроилъ его. Въ глубинѣ души старшина чувствовалъ, что въ словахъ горбуна есть правда, есть что-то такое, надъ чѣмъ, дѣйствительно, нужно бы подумать, и крѣпко подумать.

Капитонъ нахмурился. Зло разбирало его, и онъ мысленно ругалъ «Полихрона Премудраго» за то, что тотъ своими рѣчами отравилъ ему праздничное веселье. «И чортъ меня дернулъ...—ворчалъ онъ про себя.—Вишь, ты!.. Проповѣдь сказалъ, — ровно попъ... Тьфу, ты... анаѳема! Шутъ кривоногій!»

Безъ всякаго удовольствія Капитонъ допилъ остатки наливки и безъ всякой охоти смотрѣлъ на лежавшую передъ нимъ красивую, молодую женщину... Кончилось тѣмъ, что онъ всталъ и пошелъ помогать Федюшкѣ исправлять прорытую плотину.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Наступили горячіе іюньскіе дни. Сѣнокосъ былъ въ самомъ разгарѣ.

Старый Чабанъ съ женой и сыномъ, по обыкновенію, «убивались» на работѣ, раньше всѣхъ сосѣдей начинали и прежде всѣхъ управлялись съ дѣломъ. Чабаны были готовы работать за десятерыхъ и работали съ тою «жадностью», за которую въ день Алексѣевой свадьбы такъ рѣзко укорялъ Григорія портной Прокопій Васильевъ.

Аннушка старалась не отставать отъ семьянъ, очень хорошо зная, что свекоръ, какъ ни былъ добръ къ ней, не сталъ бы заступаться за нее, если бы она начала работать спустя рукава. Молодушкѣ подъ-часъ бывало тяжело: она «ходила» уже послѣднее время, и животъ у нея былъ довольно большой.

— Вы ужъ больно круто съ работой-то поворачиваетесь! — однажды сказала она Алексѣю.—Мнѣ за вами этакъ, пожалуй, и не угоняться...

— Извѣстное дѣло, спать некогда... Пора рабочая! — отозвался мужъ, заразившійся отъ отца жадностью къ работѣ. — Потряси боками-то... Ничего!

И Аннушка покорно бралась за грабли—шевелила сѣно, гребла, копнила, подваживала къ стогу. Какъ ни приходилось ей тяжко, она ни за что не рѣшалась — особенно при свекрови—пролежать гдѣ-нибудь подъ кустомъ лишнюю минуту.

— Пошевеливайся, Анна! Пошевеливайся!—покрикивалъ на нее иногда Григорій Чабанъ.—Теперь, голубка, зѣвать некогда!

Онъ говорилъ Аннушкѣ не сердитымъ, не раздраженнымъ голосомъ, но все же такъ серьезно и настойчиво, что ослушаться было невозможно.

— Ну, молодушку-то они, гляди, замаютъ! Дома, у отца-у матери, она не привыкла такъ то...—толковали куваевцы.

— Поди-ка, теперь и сама не рада, что на Алешку польстилась... Спокаялась, поди, не одинождыы! Думала: въ богатый домъ попаду, стану барыней жить, буду чай съ медомъ попивать, да калачикомъ закусывать!—злорадствовали дѣвушки, сами прежде норовившія попасть въ зажиточную Чабанову семью.—Погни теперь спину-то, поломайся!..

— Попотѣетъ, не бойсь!—смѣялись парни. — Старый-то Чабанъ изъ нея выжметъ сокъ... Онъ даромъ по зимамъ не станетъ хлѣбомъ кормить. Не таковскій... Онъ ужъ свое возьметъ!

Аннушка, по правдѣ сказать, вовсе не разсчитывала сидѣть замужемъ, сложа руки. Работа ее не пугала. Да къ тому же она и не охотилась идти замужъ; отецъ съ матерью выдали ее за Алешку: она не противилась, парень былъ ей по сердцу, а теперь, поживъ съ нимъ женой, Аннушка полюбила его. Ей было только горько, что Алешка къ концу зимы сталъ что-то коситься на нее, дулся, по цѣлымъ днямъ не говорилъ, порой ее ругалъ. Аннушка втихомолку плакала и молчала. Даже матери не выдавала она своей кручины.

Съ той поры, какъ начались полевыя работы, подглядыванья за ней свекрови еще пуще усилились и сдѣлались такъ очевидны, что Аннушка, наконецъ, поневолѣ замѣтила ихъ. Ульяна никакъ не могла отдѣлаться отъ той мысли, что старикъ ея съ грѣховными помыслами заглядывается на невѣстку. «Зимой-то въ избѣ—всѣ на глазахъ, а лѣтомъ-то имъ легче грѣхъ сотворить!» разсуждала Ульяна, пуще прежняго подслушивая и подглядывая за молодушкой... Подмѣчая недоброжелательство къ себѣ со стороны свекрови, улавливая порой недобрые, сердитые взгляды ея тусклыхъ, старческихъ глазъ, Аннушка чуяла, что Ульяна возстановляетъ противъ нея мужа, наговариваетъ на нее. Но что она могла наговаривать? Аннушка про то не вѣдала. Въ дѣвичествѣ не было за ней ничего худого; она слыла за дѣвку крѣпкую, строгую; по вечерамъ съ парнями не гуляла, не заигрывала... Ей и въ голову не приходило, что Алешка съ матерью подозрѣваютъ ее въ нечистыхъ сношеніяхъ со старикомъ. Но душа у Аннушки была незлобивая, спокойная и свѣтлая, — и молодушка, поплакавъ втихомолку, утѣшала себя тѣмъ, что со временемъ—дастъ Богъ — все обойдется и пойдетъ попрежнему, по хорошему.

Подъ Куваевымъ въ поляхъ сѣнокосъ уже кончился. Теперь Чабанамъ оставалось пойти за Васюткинскій лѣсъ, на пустошь — по ту сторону Пудеги. Тамъ Чабанъ снималъ у каз-

ны небольшой участокъ луговой землицы. У одного изъ сосѣдей Григорія, у стараго Ардальона, въ той сторонѣ тоже былъ покосъ, и Чабанъ уговорился съ Ардальономъ вмѣстѣ идти на пустошь. Отъ Куваева ихъ покосы находились въ 8 верстахъ. Надо было прихватить съ собой и малость харчей, и котелки: приходилось пробыть на пустоши дня четыре, а то — и всю недѣлю, если бы дождь помѣшалъ уборкѣ сѣна.

Ранымъ-рано, еще до солнышка, въ назначенный день въ Чабановой избѣ были всѣ на ногахъ, наскоро позавтракали и собрались въ путь. Ульяна оставалась дома и только на слѣдующій день вечеромъ должна была пріѣхать въ телѣгѣ на покосъ и привезти съ собой хлѣба и иной провизіи. Хотя Ульяна и недолюбливала невѣстку, но все же она была не какая-нибудь злющая, безжалостная вѣдьма, и—когда мужики уходили изъ избы — она, кивнувъ на Аннушку, шепнула сыну:

— Смотри, поберегай! Вѣдь на послѣдяхъ ходитъ... Храни Богъ, не прилучилось бы чего...

Выйдя на улицу, Аннушка обернулась и крикнула свекрови:

— Прости, мати!

— Ну, ну! Съ Богомъ! — проворчала та брюзгливо.— Не на-вѣкъ разстаемся... Завтра къ ночи пріѣду!

Аннушка шла, слегка переваливаясь, какъ обыкновенно ходятъ бабы «въ тягости». Старуха, нахмурившись, смотрѣла ей вслѣдъ.

Чабанъ шелъ самъ третей, а Ардальонъ— съ двумя сыновьями, съ невѣсткой и дочерью. Мужики на плечахъ несли косы, а за спиной у нихъ были привязаны лубочные пестери. Аннушка несла котелокъ и три грабли.

Утро было чудесное, тихое. Листъ на деревьяхъ не шелохнулся... Синее, безоблачное небо раскидывалось надъ Никольщиной. Солнце краснымъ, багровымъ шаромъ выкатывалось изъ-за дальнихъ лѣсовъ. Лѣса—во всемъ великолѣпіи своего лѣтняго убранства, зеленые, благоухающіе — стояли словно очарованные, тихо, неподвижно, какъ заколдованные лѣса въ сказочномъ спящемъ царствѣ. Птички весело, оживленно чирикали въ придорожныхъ кустахъ... Капли росы, какъ серебряныя брызги, блестѣли на травѣ, а когда на нихъ падалъ солнечный лучъ, эти милліоны брызгъ то переливались всѣми цвѣтами радуги, то играли, какъ настоящіе алмазы.

Въ такое благодатное утро каждый здоровый человѣкъ, не удрученный несчастіемъ, весь проникается свѣтлымъ, радостнымъ чувствомъ и страстнымъ желаніемъ «жить»... Подъ вліяніемъ этого яснаго утра и куваевцы весело разговаривали и громко смѣялись, идя лугами по тропинкѣ — по направленію къ Пудегѣ, какъ будто они шли не на работу, а на праздничное гулянье...

Рѣка быстро катила свои воды въ высокихъ, обрывистыхъ берегахъ. Издали ея поверхность казалась гладкимъ голубымъ стекломъ, оправленнымъ въ зеленую раму. Куваевцы подходили къ тому мѣсту берега, гдѣ наскоро былъ устроенъ немудрый перевозъ: съ берега на берегъ была протянута веревка, и по этой веревкѣ перетягивались черезъ рѣку на небольшомъ плоту, кое-какъ сколоченномъ на живую руку... Мужики рѣшили выкупаться, переправившись на противоположный берегъ.

Когда стали уже спускаться съ обрыва къ водѣ, Аннушка вдругъ остановилась. Всю дорогу она была веселѣе и говорливѣе обыкновеннаго, а теперь, казалось, чѣмъ-то встревожилась.

— Я бы, батя, лучше обошла подъ Горицы... тамъ бы въ лодкѣ переправилась!—обратилась она къ свекру.

— Чего жъ испугалась!—съ недовольнымъ видомъ заворчалъ старикъ. — Вотъ еще... подъ Горицы! Полторы версты — крюкъ немалый. Сколько времени придется намъ ждать тебя!

— Что еще выдумала!—сказалъ Алексѣй, ступая на плотъ.—Не мы одни на плоту-то перетягиваемся...

— Я что-то боюсь... плотъ-то такой неражинькой...—тихо промолвила Аннушка.

Ей было совѣстно при постороннихъ затѣвать непріятный разговоръ. Она, было, пошла и опять остановилась у самой воды. Прежде она воды не боялась; въ дѣвкахъ она любила купаться съ подружками и даже очень порядочно плавала на груди и на спинѣ. Теперь же она была брюхата, не совсѣмъ здорова. При взглядѣ на воду, Аннушка ёжилась и вздрагивала.

— Ну, чего жъ встала! Какого еще тутъ лѣшаго!..—съ сердцемъ сказалъ ей Алексѣй.

— Право, что-то боюсь...—бормотала Аннушка, стараясь улыбнуться, но улыбка у нея вышла блѣдная и невеселая.

— Да что жъ, Анна, въ самомъ дѣлѣ... не

задерживай артель!—брюзжалъ старикъ Ардальонъ.

— Коли боится, такъ пускай бы черезъ Горицы шла...—вступилась за Аннушку Ардальонова невѣстка.

— Идти, такъ иди!—сердито крикнулъ Чабанъ.—А то—наплевать! По мнѣ обходи хошь черезъ Ивановское...

Чтобы понять всю соль этой насмѣшки, нужно знать, что Ивановское, гдѣ находились лавы черезъ рѣку, считалось отъ Куваева въ 9 верстахъ. Увидавъ, что свекоръ не на шутку сердится, Аннушка долѣе не колебалась. Подобравъ подолъ, она вошла въ воду и, крестясь, ступила на плотъ.

— Отваливай, ребята!—крикнулъ Чабанъ.

Куваевцы не доглядѣли: веревка попала подъ край плота,—нужно было вытащить ее.

— Посдвиньтесь маленько!—говорилъ Ардальонъ.

Посгрудились на одну сторону, плотъ качнулся и сталъ огибаться. Алексѣй, наклонившись, съ силой дернулъ веревку,—и плотъ вдругъ, разомъ погрузился въ воду. Быстротой теченія всѣхъ, понавшихъ въ воду, въ одинъ мигъ отнесло отъ плота. Въ минуту паденія бабы взвизгнули, какъ подъ ножомъ, но крики моментально смолкли.

Люди, молча, боролись за свою жизнь, захлебывались и барахтались отчаянно. Были слышны только тяжелое дыханіе, плескъ воды, полузаглушенные стоны и отрывистое фырканье и пыхтѣнье. Каждый думалъ только о себѣ и норовилъ выбраться на берегъ. Человѣкъ обратился въ звѣря... Никому не было дѣла ни до отца, ни до жены, ни до сестры... Только бы самому уйти отъ смерти!

Первымъ удалось выбраться на берегъ Ардальоновымъ сыновьямъ, и они, словно ополоумѣвъ отъ пережитаго страха, безъ толку бѣгали по берегу, снуя взадъ и впередъ.

— Ахти, батюшки-свѣты! Ой-ой-ой!—вопили они, и не шли на помощь къ своимъ.

Алексѣй бойко работалъ и ужъ подплывалъ къ берегу. Ардальону съ невѣсткой и съ дочерью посчастливилось ухватиться за веревку, и они кое-какъ пробирались по ней на берегъ. Старый Чабанъ бился изо всѣхъ силъ, тоже стараясь добраться до веревки. Одежа и пестерь за плечами мѣшали ему. Онъ напрягалъ послѣднія усилія... Веревка уже близко, близко. Вотъ, вотъ—рукой подать... Но въ ту самую минуту старикъ почувствовалъ, что кто-то схватилъ его за ногу и потянулъ внизъ... Зафыркалъ старикъ, замоталъ головой и, разомъ рванувшись впередъ, уцѣпился за веревку. Онять кто-то ухватился за него...

— Батя! Голубчикъ!—послышался за нимъ знакомый, захлебывающійся голосъ.—Родной! Не отталкивай... Не покинь!

Тоска, тоска смертельная слышалась въ этомъ дрожащемъ, жалобномъ голосѣ... Чабанъ, не соображая, что онъ уже спасся, ухватившись за веревку, какъ безумный, не оглядываясь, вырвался изъ рукъ Аннушки и, вырываясь, сильно ударилъ ее ногой въ грудь... Жалобный, тоскливый голосъ вдругъ замолкъ... И въ тишинѣ лѣтняго утра только слышалось веселое чириканье и щебетанье птичекъ въ прибрежныхъ кустахъ. Никто уже болѣе не хватался за Чабана... Аннушка уже не показывалась изъ воды.

Всѣ были уже на берегу—запыхавшіеся, мокрые, дрожащіе, всѣ были тутъ на-лицо, кромѣ Аннушки. Алексѣй съ трудомъ, кропотливо развязывалъ на груди намокшія веревки, придерживавшія за плечами пестерь.

— Ой, батюшки! Ой, голубчики!.. Утонетъ... ой, утонетъ...—голосилъ онъ, надсажаясь надъ веревкой...

— Да чего ты!.. разрѣжь косой...—крикнулъ ему Ардальонъ.

Пока Алексѣй освободился отъ пестеря, сорвалъ съ себя одежду и кинулся въ воду за Аннушкой, прошло уже нѣсколько минутъ. Ардальоновы сыновья тоже бросились на поиски. Но напрасно они плавали и ныряли по всѣмъ направленіямъ, опускались на самое дно, хватались за сучковатыя, почернѣвшія коряги, полузанесенныя пескомъ, натыкались на каменья, шарили у берега подъ кустами и въ густой осокѣ... Все было напрасно: Аннушку не нашли.

Быстрыя пудежскія воды той порой потихоньку, помаленьку увлекали несчастную утопленницу внизъ по теченію...

Чабанъ, словно во снѣ или въ забытьи, какъ статуя, неподвижно сидѣлъ на пескѣ, обхвативъ дрожащія колѣни своими жилистыми, загорѣлыми руками. Не отрывая глазъ, смотрѣлъ онъ на блестящую, голубую поверхность рѣки. И чѣмъ долѣе онъ смотрѣлъ на рѣку, тѣмъ явственнѣе застывало на его лицѣ и въ помутившихся глазахъ какое-то тупое недоумѣніе. Старикъ какъ будто не вполнѣ сознавалъ происходившее вокругъ него. Онъ сгорбился, съежился и тяжело дышалъ... Его, словно,

пришибло... Нижняя губа его отвисла и вздрагивала, и весь онъ порой трясся, какъ въ лихорадкѣ.

— Вотъ грѣхъ! Вотъ грѣхъ какой!.. Ой-ой-ой! — говорилъ Ардальонъ, сидя на берегу, неподалеку отъ Чабана.—А тебя, Петровичъ, никакъ лихоманка треплетъ...

— Треплетъ!—глухимъ, какъ бы не своимъ голосомъ промолвилъ старикъ.

— Какъ намъ-то Богъ еще помогъ! Ужъ я и не знаю... Долго-ли до бѣды... Охъ, Господи Боже! — вздыхалъ Ардальонъ, радуясь отъ души, что самъ спасся и всѣ его семьяне остались живы и невредимы.

«Жаль бабу, извѣстно... Баба молодая!—думалъ онъ.—Что жъ дѣлать!.. Царство ей небесное, свѣтлый покой»... Ардальонъ—этотъ съ виду смиренный старичишка, тихо глаголивый, любившій разсуждать «но Писанію» и при случаѣ бывшій не прочь насолить ближнему — всегда съ большимъ усердіемъ и закатываніемъ глазъ молился за покойниковъ, съ великой отрадой въ тоже время соображая, что вотъ онъ-то, слава Богу, еще поживетъ... ну, а усопшаго раба (такого-то) «Господь упокоитъ въ селеніяхъ праведныхъ, гдѣ нѣтъ ни болѣзни, ни печали, ни воздыханія»... И все, значитъ, такимъ образомъ, обстояло благополучно.

Парни, измученные, продрогшіе, ни съ чѣмъ возвратились на берегъ.

— Ухъ, смертонька...—запыхавшись пробормоталъ Алексѣй, натягивая рубаху.

Вода въ Пудегѣ была ключевая, студеная, и Алексѣй такъ продрогъ, что даже весь посинѣлъ и не могъ зуба съ зубомъ свести.

— Теперь ужъ ее не сыщешь!—говорилъ Дмитрій, старшій сынъ Ардальоновъ.—Подика, закрутило ее живо... Баба тяжелая! Гдѣ жъ справиться...

— Ее, поди, ужъ далеко уволокло...—замѣтилъ младшій братъ.—Вишь, вѣдь быстрина какая!

— Не сыщешь! Гдѣ ужъ тутъ... Царство ей небесное!—крестясь и вздыхая, бормоталъ Ардальонъ.

Парни оболоклись въ мокрую одежу и пустились обратно на Куваево. Григорій Чабанъ шелъ, слегка пошатываясь, словно былъ навеселѣ. Колѣнки его дрожали, и онъ чувствовалъ себя всего разбитымъ. Въ головѣ его было пусто, на сердцѣ — холодно... Послѣднія слова Аннушки: «Родной! Не отталкивай... Не покинь!» все еще, казалось ему, дрожали въ воздухѣ, звучали у него надъ ухомъ. Онъ не слыхалъ вокругъ себя разговора и ни о чемъ не думалъ, не могъ ни о чемъ думать, какъ только объ этихъ жалобныхъ словахъ...

Алексѣй обогналъ своихъ спутниковъ и первымъ пришелъ на Куваево. Ульяна кончала обрядъ и только-что вынула хлѣбы изъ печи. Алексѣй безъ шапки, весь мокрый, со спутанными волосами, словно бы ополоумѣвшій, ввалился въ избу и, сбросивъ съ себя пестерь, грузно опустился на лавку. Старуха выглянула изъ-за перегородки, да такъ и обмерла...

— Алешка! Ты что жъ это?!..—вскричала она и, не помня себя, бросилась къ сыну.

— Утонула... утонула!—глухо повторялъ онъ, не глядя на мать.

— Кто? Аннушка?.. — коснѣющимъ языкомъ пролепетала старуха, почти падая на лавку рядомъ съ сыномъ.

— Только, значитъ, встали на плоть-то... сталъ я веревку... — отрывисто заговорилъ, было, Алешка, но вдругъ замолкъ, облокотился руками на колѣни, опустилъ голову на руки и тихо захныхалъ, какъ малый ребенокъ.—Ныряли, ужъ ныряли... да гдѣ ужъ...—бормоталъ онъ невнятно.

Старуха ухватила его за руку и припала къ его плечу головой. Она плакала... И, надо правду сказать, плакала не для виду, какъ иногда дѣлается въ силу деревенскихъ приличій, но плакала искренними слезами. Плакала она о сынѣ, о «бѣдномъ парнѣ», о своемъ «сердечномъ Алешинькѣ»... «Не далъ ему Богъ счастья!..» Плакала она и объ Аннушкѣ. Худа была невѣстка, по ея мнѣнію,—такую-ли жену могъ взять Алешка... А все-таки жаль,—изъ семьи человѣка вышибло.

И давно-ли—вѣдь еще сегодня утромъ—и двухъ часовъ, поди, еще не прошло, какъ Аннушка сидѣла съ ними вотъ тутъ, на лавкѣ, вотъ на этомъ самомъ мѣстѣ! И давно-ли Аннушка, выйдя на улицу, послала ей прощальный привѣтъ, крикнула. «Прости, мати!» обернулась и поглядѣла на нее. А она-то брюзжала ей въ отвѣтъ: «Не на-вѣкъ разстаемся»... А вышло, что разстались онѣ на вѣки... Не нашлось у Ульяны болѣе ласковаго слова для Аннушки. И вотъ, теперь ея мѣсто на лавкѣ — пусто... И не увидитъ она Аннушку, Аннушка не взглянетъ на нее и не промолвитъ ей словечка...

Въ одно мгновеніе все припомнилось брюзг-

ливой, ворчливой старухѣ. Припомнилось, какъ она бывала привязчива и несправедлива къ молодушкѣ, какъ она не могла укротить свой безпокойный, дрянной нравъ, не могла обуздать свой злой языкъ. Припомнилось, какъ Аннушка въ отвѣтъ на ея нападки только низко опускала голову, и лишь изрѣдка съ укоромъ посматривали на старуху ея добрые и кроткіе голубые глаза... Старуха плакала, и горьки были ея слезы, выжатыя позднимъ раскаяніемъ. Слезы тихо катились по ея морщинистымъ щекамъ, и падали ей на руку и на кончикъ головнаго платка, которымъ она утирала лицо. Ей не вымолить у Аннушки прощенья...

— О, Господи! — всхлипывая, бормотала старуха.—И съ ребеночкомъ... А-ахъ, Царица Небесная!.. Да какъ же ты, Алеша...

— Сразу всѣхъ закрутило...—отрывисто промолвилъ Алешка, наклоняясь и раскачиваясь изъ стороны въ сторону.—Хотѣла подъ Горицы... въ лодкѣ, говоритъ, лучше... Кабы знатье, такъ...

Онъ запнулся и усиленнѣе замоталъ головой при воспоминаніи о томъ, какъ Аннушка боялась идти на плотъ, просилась пройти черезъ Горицы, а онъ и отецъ съ руганью напустились на нее.

— Тошнехонько! — прошепталъ Алешка съ глухимъ, отрывистымъ стономъ и, вскочивъ съ лавки, пошелъ на повѣти.

На повѣтяхъ онъ столкнулся съ отцомъ. Старикъ перемѣнялъ мокрую одежу... Руки его такъ сильно тряслись, что онъ съ трудомъ застегивалъ воротъ своей нестрядинной рубахи. Отецъ и сынъ не промолвили ни слова, даже не взглянули другъ на дружку. Они, какъ преступники по совершеніи злодѣйства, избѣгали встрѣчи...

Старикъ, подходя къ дому, невольно вспомнилъ тотъ ненастный, октябрьскій вечеръ въ день Алешкиной свадьбы, когда онъ, веселый и пьяный, стоялъ съ мужиками подъ окнами своей хаты, говорилъ о молодушкѣ и подъ конецъ сдѣпился съ Прокопіемъ...

Чабанъ сходилъ въ «горницу» за своей новой шапкой и, придя въ избу, молча посмотрѣлъ на жену и сталъ искать подъ лавкой сапоги. Старикъ сталъ обуваться.

— Петровичъ! Голубчикъ!.. Да какъ же это?—спросила Ульяна, посмотрѣвъ на него покраснѣвшими отъ слезъ глазами.—Паренъто ничего толкомъ не сказалъ...

— И самъ не знаю... — какъ бы съ трудомъ, нехотя ворочая языкомъ, отвѣтилъ старикъ.—Плотъ огнели на одну сторону... Ну, забарахтались, засовались, кто-куда...

— А она-то... какъ съ камнемъ въ воду пошла, что-ли? Али выплывала?

— Надо быть, что выплывала... Да нѣшто разглядишь тутъ!

— А не кричала? — подталкиваемая какимъ-то болѣзненнымъ любопытствомъ выспрашивала Ульяна.

— Какъ не кричать... да вѣдь гдѣ ужъ!..— проворчалъ Чабанъ, вставая и берясь за скобку двери. — Пойду теперь на Вороньево съ объявкой! — круто повернувшись, сказалъ онъ и торопливо вышелъ изъ избы.

Разспросы были для него теперь хуже ножа востраго...

Ульяна почти вслѣдъ за нимъ побѣжала къ Ардальону, чтобы разузнать во всѣхъ подробностяхъ о случившемся.

По дорогѣ въ Вороньево старому Чабану пришлось проходить черезъ Яковлевку—мимо той избы, гдѣ жили отецъ и мать покойной его невѣстки. Чабану очень не хотѣлось попадаться имъ на глаза и объявлять имъ о смерти Аннушки. Онъ зналъ, что Василій Шелонкинъ крѣпко любилъ дочь. Онъ боялся не того, что ему пришлось бы выслушать отъ Василья много горькихъ словъ,—нѣтъ! Ему теперь, просто, было бы невыносимо тяжело разсказывать Шелонкинымъ о приключившемся несчастьи. Съ опаской посмотрѣлъ онъ на закрытыя оконца Васильевой избы и прошелъ мимо нея торопливо и тихохонько, крадучись, какъ тать... Напрасно тревожился Чабанъ. Рабочая пора, словно метлой, повымела изъ деревни все взрослое, здоровое населеніе, и въ Яковлевкѣ оставались въ то утро лишь убогіе, старики, да старухи, да малые ребята.

Чабанъ, потупившись, медленно шелъ проселкомъ — черезъ поля, луга и перелѣски. Онъ, казалось, насилу волочилъ ноги, все еще дрожавшія въ подколѣнкахъ... День былъ очень жаркій, безъ вѣтру становилось душно, да и при вѣтрѣ было не легче. Когда легкій вѣтерокъ съ полудня подувалъ Чабану въ лицо, ему чудилось, что его обдавало жаромъ, словно изъ устья громадной, раскаленной печи. Старикъ шелъ, весь обливаясь потомъ, но въ то же время чувствовалъ, какъ его непріятно знобило, и по спинѣ его пробѣгали «мурашки». Не простудился-ли онъ во время

сегодняшняго купанья въ студеныхъ водахъ Пудеги? Нѣтъ. Тѣло его здорово; болѣла душа... Все ему слышался знакомый голосъ, то слышался близко, то какъ будто издалека: «Родной! Не отталкивай!.. Не покинь!» А онъ оттолкнулъ, покинулъ... Холодно на сердцѣ, холодно...

Старикъ былъ такъ ошеломленъ неожиданностью и быстротой разразившагося несчастья, что, рѣшительно, не могъ ясно себѣ представить, какъ происходило дѣло... Только одно было ясно и памятно: Аннушка хваталась за него, молила не отталкивать ее, но въ тѣ минуты, барахтаясь въ водѣ, онъ только о себѣ думалъ... И теперь Аннушка навсегда ушла отъ нихъ... Онъ срывалъ по дорогѣ листочекъ съ березы, машинально жевалъ его, смотрѣлъ разсѣянно по сторонамъ, то вдругъ тяжело вздыхалъ и задумывался.

На Вороньевѣ, подходя къ правленью, онъ повстрѣчался съ Капитономъ Игнатьевичемъ.

— Знаю, зачѣмъ пожаловалъ!—сухо проговорилъ старшина, не давъ Чабану рта раскрыть.—Слышалъ!.. Бабу утопили...

— Никто ее не топилъ...—дрогнувшимъ голосомъ отозвался Чабанъ, съ трудомъ шевеля сухими, запекшимися губами. — Воля Божія...

— То-то, «воля Божія!» — проговорилъ старшина.—Дурости въ насъ много, Петровичъ,—вотъ что!..

Капитонъ не скоро забывалъ нанесенную ему обиду и захотѣлъ теперь поломаться и покуражиться надъ человѣкомъ, дерзнувшимъ уличать его во грѣхѣ.

— Я еще весной говорилъ старостѣ, чтобы не было у васъ, подъ Куваевымъ, такого перевоза...—строго продолжалъ старшина.—Чуть-чуть сколотили какой-то плотишко,—да и на-поди... Вѣдь ужъ я сказывалъ: ежели вамъ лѣнь подъ Горицы обходить, да ежели хотите заводить свой перевозъ, такъ дѣлайте парóмъ, али держите лодки... Ну, ужъ народъ! Вѣдь ровно вы объ двухъ головахъ... Ни о себѣ, ни о другѣ не подумаете! Жизнь-то для васъ копѣйка... А тутъ за васъ отвѣчай!

— Да вѣдь что жъ «отвѣчать»! Не впервой... — возразилъ Чабанъ, выпрямляясь и стараясь пріосаниться. — Переправлялись, слава Богу, не мы одни... Мало-ли народу перетягивалось...

— Ужъ добро бы какіе-нибудь озорники-парни несмысленные...—перебилъ его Капитонъ. — А ужъ ты-то, Петровичъ, не малъ-ребенокъ, могъ бы поразсудить... Ну, да что ужъ теперь толковать! Бабу не воротишь... А въ правленье напрасно не ходи! Я ужъ тамъ распорядился... станового оповѣстимъ! А завтра все-таки придется народъ сбить... Не время бы теперь гулять-то! да вѣдь надо же тѣло-то поискать. А ты сказалъ бы старостѣ: взяли бы покуда лодки съ Горицъ, да пощупали бы баграми. Вода-то теперь не велика,—далеко-то, чай, не унесетъ...

Возвратившись домой, старикъ послалъ Алешку на Горицы за лодкой. Обѣда въ тотъ день не было въ Чабановой семьѣ; кто чего похлебалъ—и ладно... Старикъ только немного хлѣба пожевалъ. Привели лодку, забрали багры, и отецъ съ сыномъ отправились на поиски.

А къ Ульянѣ той порой, по окончаніи работъ, набралось не мало народу—бабъ и мужиковъ. Кто вошелъ въ избу, кто оставался на дворѣ. Всѣ старались узнать: какъ было дѣло,—охали и качали головой. Ульяна разсказывала, что знала... Но она сама не знала и потому ни словомъ не обмолвилась о томъ, что Аннушка хватала Григорья за ногу и молила спасти ее. Ардальоновы ребята ей только сказали, что Аннушка не одинъ разъ показывалась изъ воды и что-то кричала... что она кричала? ребята не дослышали. Ульяна, забывъ свое горе, отводила душеньку съ сосѣдками...

Она, по ея словамъ, ужъ давно чуяла, что быть бѣдѣ. Она повѣдала про то, какъ весной, на Пасхѣ, Яшка Король, проходя по Куваеву, пристально поглядѣлъ на ихъ избу и «страшно» заухалъ; она велѣла въ тѣ поры Аннушкѣ подать хлѣба дурачку, а Яша «погладилъ ее по головѣ». Тутъ старуха припомнила, какъ незадолго до несчастья нѣсколько ночей подрядъ во ржи кто-то охалъ и стоналъ...

— Сама, своими ушами слышала, голубушки!—шопоткомъ разсказывала старуха.—Какъ-то не поспалось, и слышу: стонетъ кто-то въ полѣ, таково протяжно, жалобно... Услыхала и подумала: «Ну, не бывать добру!»

Кромѣ такихъ крупныхъ предвѣщаній несчастья, Ульянѣ припомнились и другіе болѣе незначительные случаи, также весьма страннаго свойства. Такъ, напримѣръ, ея «рябушка» давно уже перестала нестись. Ульяна собиралась продать ее, а тутъ вдругъ за недѣлю до Петрова дня «рябушка» опять стала нести яйца. Однимъ словомъ, предзнамено-

ваній оказывалось не мало. Наконецъ, старуха очень трогательно разсказала о томъ, какъ Аннушка въ то утро, уходя на покосъ, ласково простилась съ ней. И тутъ, какъ теперь оказывалось, у Ульяны были свои предчувствія. Старуха такъ растрогалась своимъ собственнымъ разсказомъ, что опять захныкала...

Иныя бабы, глядя на нее, тоже всплакнули; иныя, пользуясь случаемъ, чесали языки. Мужики хмурились. Они уже знали, что—если тѣло само не выплыветъ—ихъ погонятъ искать утопленницу. Пропадетъ цѣлый день, а то, глядишь, однимъ-то днемъ еще и не отдѣлаешься. А день или два въ такую горячую пору, когда и сѣнокосъ не ждетъ, и рожь начинаетъ желтѣть, дорого стоятъ для крестьянина.

Напрасно Чабаны—отецъ и сынъ — плавали внизъ по рѣкѣ взадъ и впередъ, отъ берега къ берегу; напрасно шарили они баграми по песчаному дну. Тѣла не оказалось: Пудега не хотѣла такъ скоро разставаться со своей жертвой. До поздняго вечера Чабаны промаялись на рѣкѣ. Позже обыкновеннаго на тотъ разъ полегли спать въ Чабановой избѣ. Алешкѣ пришлось одному спать на сѣнникѣ: Аннушкино мѣсто рядомъ съ нимъ оставалось пусто. Въ ту ночь долго не спалось Алешкѣ и его старикамъ...

Ночь была ясная, тихая. Синею, полупрозрачною тѣнью задернулись дали. Потемнѣвшіе лѣса, словно объятые дремотой, стояли, не шелохнувшись. Бѣлесоватая роса стлалась, разливалась по лугамъ... Скрипѣли коростеля, въ кустахъ чирикали какія-то ночныя пичужки... Сторожъ на церковной колокольнѣ пробилъ полночь, и звуки колокола гулко пронеслись надъ погостомъ, надъ рѣкой, надъ спящими селеньями, надъ полями и лѣсами и, мѣрно затихая, замерли гдѣ-то тамъ, въ синевато-туманной дали. Полный мѣсяцъ высоко стоялъ въ небѣ и бросалъ на землю свой блѣдный свѣтъ.

А той порой трупъ несчастной Аннушки, опухшій, съ посинѣлымъ лицомъ, увлекаемый быстрымъ теченіемъ, плылъ все дальше и дальше внизъ по рѣкѣ. Онъ плылъ мимо зеленыхъ береговъ, то покрытыхъ лугами, то поросшихъ лѣсомъ, плылъ мимо деревень, пустошей, небольшихъ пастушьихъ истопокъ и сѣноваловъ, плылъ, задѣвая о камни, натыкаясь на сучковатыя коряги, цѣпляясь за подводныя травы разметавшимися волосами, то подплывалъ къ берегу и, попавъ на мель, почти катился тихо, медленно, по желтому песку, то снова выплывалъ на середину рѣки... Мелкія рыбешки при приближеніи трупа бросались въ сторону, а затѣмъ издали слѣдовали за нимъ. Черные раки начинали приставать къ трупу и своими крѣпкими, цѣпкими клешнями уже хватались за икры, за шею, за лицо...

Мѣсячные лучи блестящимъ, серебристымъ снопомъ играли на холодной поверхности потемнѣвшей рѣки...

ГЛАВА ОСЬМАЯ.

Наступилъ такой же, какъ наканунѣ, безоблачный, жаркій день. Въ прежнее время Григорій Чабанъ, прищурившись посмотрѣлъ бы въ сіяющую даль и самодовольно сказалъ бы про себя: «Вотъ такъ денекъ! Можно досыта наработаться»... Но теперь такая погода—благопріятная для уборки сѣна—ни мало не радовала его. Онъ съ Алешкой съ ранняго утра вмѣстѣ съ народомъ ушелъ на рѣку.

Безъ него пришли къ Ульянѣ гости печальные, нежеланные, — старики Шелонкины.

Василій былъ человѣкъ съ кроткой, незлобивой душой. Покойная Аннушка и наружностью и нравомъ походила на него. Старикъ любилъ свою доченьку, ишбко жалѣлъ ее, но молчалъ, не могъ напуститься на свекровушку. «Вѣдь и ей, поди, нелегко! Почто еще пуще боль растравлять... Богъ съ ними!» грустно раздумывалъ онъ, утирая рукой слезящіеся глаза. За то старуха его, Фекла «хроминькая», не молчала, говорила за двоихъ... Ульяна была бойка съ бабами, но и та теперь языкъ прикусила. Она боялась «хромоножки»...

— Запрягли ее въ работу, вздохнуть, поди, не давали, сердечной...—то бранясь, то причитая, выкрикивало Фекла. — На то-ли мы ее отдавали, на этакія муки мученскія! На поруганье мы ее отдавали, что-ли!.. Голубушка моя, красное мое солнышко!.. Дитятко мое горемычное!

— Ну, сватья! Не гнѣви Бога-то понапрасну!—защищалась Ульяна, смотря куда-то въ сторону.—Что мы— не люди, что-ли? Вѣдь тоже берегли, жалѣли ее...

— Жалѣли! Это и видать!—съ горькой, ядовитой усмѣшкой набросилась на нее Фекла.—Жалѣли... Жалѣлъ волкъ кобылу, оста-

вилъ хвостъ да гриву... Ха!.. Вы на работѣ-то распластаться рады... Знаю я васъ! Жалости-то у васъ ни крохотной крошечки нѣтъ... Всѣ знали, что баба въ тягости, послѣднее время ходитъ, и никто-то не пособилъ ей... Живодеры! Аспиды!.. Хотѣла черезъ Горицы пройти, такъ вѣдь твой не пустилъ... Яйца за перевозъ жаль ему было, что-ли, старому охоту! Али бы ему времени не хватило сѣнокосъ-то управить?.. Не пожила, не порадовалась, сердечная!—ударившись въ слезы, запричитала Фекла.—Годика не прошло... Бѣдная головушка! И почто мы тебя выдали. Жила бы ты и теперь съ нами, жила бы—поживала... О-ой, доченька моя болѣзная! Доченька моя милая!...

И, схватившись обѣими руками за голову, старуха горько зарыдала. Ульяна, ворча, скрылась за перегородку.

— Оставь, Фекла!—промолвилъ Василій женѣ. — Лишнее говорить, — грѣхъ множить... Богъ съ ними! Ежели худо дѣлали, худое и останется съ ними...

— Ну тебя, тихая душа!—плача, говорила ему старуха.—Дитятко родное отняли... Гм! Стану я молчать!..

Тяжелыя минуты пришлось пережить Ульянѣ; много правды, грубо и рѣзко сказанной, пришлось ей выслушать, молча...

Крестьяне трехъ сосѣднихъ деревень — Яковлевки, Куваева и Горицъ—были согнаны на рѣку на поиски тѣла. Послать на такое дѣло, особенно въ рабочую пору, три или четыре семьи было бы трудно: начались бы разговоры, перекоры, киванье другъ на друга... Согнать же цѣлую деревню или нѣсколько деревень, безъ всякихъ исключеній, оказывалось гораздо легче. Въ характерѣ простого русскаго человѣка есть странная складка, не мной однимъ, вѣроятно, замѣченная: подчиняться — иногда, поистинѣ, весьма изумительнымъ—«мірскимъ» приговорамъ и охотно идти на всякое дѣло «міромъ»... Такъ и теперь: крестьяне, конечно, были недовольны, что ихъ отрываютъ отъ работы, ворчали, но все-таки шли безъ отговорокъ. «Какъ міръ, такъ и я! Куда міръ, —и мы туда!..» Русскій человѣкъ придумалъ поговорку: «На людяхъ и смерть красна»...

Набрали лодокъ, сколотили наскоро нѣсколько плотовъ и съ жердями и баграми плавали по рѣкѣ. Два дня искали утопшую, не нашли, и махнули рукой. «Придетъ время, сама всплыветъ гдѣ-нибудь!» рѣшили свѣдущіе люди. И, дѣйствительно, на четвертый день дядя Гаврила, рыбакъ изъ Ивановскаго, становя верши, наткнулся у берега на трупъ. Дали знать старостѣ и на Вороньево. Тѣло при понятыхъ вытащили изъ воды и въ ожиданіи пріѣзда властей тутъ же, на берегу, закопали его неглубоко. Оставить тѣло поверхъ земли въ такую жаркую пору оказывалось невозможно.

Въ тотъ же день на Яковлевкѣ уже знали, что трупъ Аннушки найденъ подъ Ивановскимъ, противъ березовой рощи. Василій тотчасъ же собрался идти на рѣку.

— Поздно сегодня! Лучше бы ужо утречкомъ... И я бы съ тобой... — унимала его жена.

Но старикъ не послушался.

— Нѣтъ! Пойду туда...—сказалъ онъ и пустился по дорогѣ въ Ивановское.

Когда онъ доплелся до березовой рощи, наступила уже ночь. Синеватый сумракъ сгущался надъ землей, въ небѣ зажигались звѣзды. Старикъ, обогнувъ рощу, вышелъ на высокій, крутой берегъ Пудеги, и внизу, подъ обрывомъ, у самой воды увидалъ красноватый огонекъ и сталъ спускаться съ кручи.

Никольщинцы вообще ужасно боятся покойниковъ, и сторожить по ночамъ мертвое тѣло, особенно вдали отъ жилья, считается дѣломъ тягостнымъ... Караульщики разложили костеръ, чтобы было повеселѣе коротать ночь. Одинъ изъ нихъ, парень изъ Ивановскаго, сидѣлъ передъ огнемъ и помѣшивалъ палкой горѣвшій сухой валежникъ. Товарищъ его дремалъ, лежа поодаль.

— Кто тутотка? — не совсѣмъ твердымъ голосомъ окрикнулъ Василья парень, сидѣвшій у огня.

— Я, голубчикъ... Я! — пробормоталъ старикъ.

— А-а!—Да никакъ—дядя Василій! — успокоившись, промолвилъ сторожъ. — Садись, дядя! Погости!.. Не бойсь, дочку пришелъ провѣдать?

Старикъ, молча, озирался по сторонамъ, искалъ что-то глазами и, наконецъ, увидалъ то, что было ему надо... Въ сторонѣ у заводи, куда не достигалъ свѣтъ костра, смутно бѣлѣла въ ночномъ сумракѣ невысокая, песчаная насыпь. Старикъ сдѣлалъ шагъ впередъ, остановился и, тяжело опершись на костыль, глазами, полными слезъ, посмотрѣлъ на на-

сыпь. Онъ смотрѣлъ на нее и жалостливо покачивалъ своею старческой, дрожащей головой... Старикъ, казалось, безъ словъ, но очень горячо бесѣдовалъ съ той, что̀ лежала подъ этимъ песчанымъ бугромъ. Одинъ разъ онъ, было, протянулъ руку къ насыпи, какъ будто собираясь что-то промолвить, но вмѣсто того только, молча, провелъ рукой по глазамъ... Старикъ подвинулся къ костру и прилегъ на земь.

Онъ лежалъ, смотрѣлъ въ огонь и до того забылся, до того глубоко ушелъ въ свое горе, что даже и не чувствовалъ, какъ слезы текли у него по щекамъ и падали на его сивую бороду. Какая-то сѣрая ночная птица низко и не слышно, какъ тѣнь, пролетѣла надъ костромъ и исчезла въ синеватой мглѣ лѣтней ночи. Старикъ даже и не замѣтилъ ее.

Тихо было на землѣ и на небѣ. Птички уже давно замолкли, и коростель не подавалъ свой скрипучій голосъ. Только въ рощѣ порой поднимался легкій, скрадывающійся шорохъ и черезъ мгновенье смолкалъ.

— Этакое горе!—говорилъ парень—Мы, дядя, тоже потужили... Въ заговѣнье встрѣтилъ я ее на Яковлевкѣ. «Ну, что, говорю, Анна, привыкаешь на новомъ мѣстѣ?» — «Привыкаю, говоритъ, помаленьку... слава Богу!» — «Жить-то, спрашиваю, хорошо? Работой не нудятъ? Не обижаютъ, говорю?» — «Ни! Всѣ, говоритъ, добры ко мнѣ»... Жаль, ужъ такъ-то жаль! Хорошая была баба. Ничего худого не скажешь... Не пустомеля, не блекотуша, не что...

— Ангельская душенька!—бормоталъ старикъ.—Все одно, какъ голубка бѣлая... Слова супротивнаго отъ нея не слыхали. Вспомнить, такъ тошно станетъ...

Старикъ вздохнулъ и поникъ головой. Парень подбросилъ въ огонь охапку сухого валежника... Высоко взвилось надъ костромъ красное пламя и какъ заревомъ обдало и сидѣвшихъ около костра, и крутой, обрывистый берегъ, темную заводь, и отмель, и на отмели желтую песчаную насыпь.

— Вотъ, ты говоришь, дядя, «ангельская душенька!» — задумчиво проговорилъ парень.—Теперь, значитъ, ея душенька на небо пошла...

И парень, запрокинувъ голову, посмотрѣлъ вверхъ на блѣдныя звѣзды, свѣтившія съ темно-голубого ночного неба. Старикъ невольно взглянулъ туда же.

— Къ Богу пошла... чистая душенька!—прошепталъ онъ.—Для душъ праведныхъ обители свѣтлыя приготовлены...

«Чудесно, надо быть, на небѣ!» думалъ старикъ, смотря на мерцавшія звѣзды. «А все-таки бы хорошо, ежели бы Аннушка была теперь съ нами»...

— И гдѣ эти свѣтлыя обители? — спрашивалъ парень, очевидно, любившій поразсуждать, пораскинуть умомъ: близость покойника и величавое, таинственное безмолвіе ночное располагали его къ серьезнымъ думамъ.—Кто ихъ знаетъ!

— Богъ вѣсть!—отозвался старикъ.—Человѣку темному не познать...

— А, можетъ быть, душа-то Аннушкина теперь гдѣ-нибудь около насъ летаетъ... — продолжалъ собесѣдникъ. — Вонъ, сказываютъ, души-то на первыхъ порахъ часто домой возвращаются, на землю слетаютъ...

Долго сидѣли, молча. Старикъ тяжко вздыхалъ и порой поглядывалъ на песчаную насыпь. Парень палкой пошевеливалъ горѣвшій сушнякъ. Красныя и золотистыя искры тучей взлетали надъ костромъ, уносясь къ темному небу.

— И что такое мѣсяцъ?—заговорилъ опять паренекъ, посматривая на блѣдный кругъ луны. — Глянь-ка, дядя!.. Правду-ли сказываютъ, что на мѣсяцѣ братья, вишь, съ лопатами стоятъ, ворохъ дѣлятъ... И, въ самдѣлѣ, какъ посмотришь, ровно бы люди...

— А намъ старые люди сказывали, что на мѣсяцѣ братъ брата убиваетъ...—тихо промолвилъ старикъ. — И будетъ, слышь, онъ убивать его до той поры, покуда люди на землѣ не перестанутъ убивать другъ дружку...

И оба долго пытливо смотрѣли на мѣсяцъ, но кромѣ смутныхъ пятенъ ничего не увидали на немъ.

Старикъ всю ночь, не смыкая глазъ, просидѣлъ на берегу. Когда оба караульщика спали, онъ не разъ тихонько обходилъ вокругъ насыпи, качая трясущейся головой, стеня и тяжко вздыхая. На разсвѣтѣ онъ поплелся домой и завалился спать на сѣновалѣ. Долго проспалъ измученный старикъ...

Очнувшись, онъ пошелъ въ избу, накрошилъ хлѣба въ чашку съ водой и поѣлъ немного, а потомъ опять его потянуло *туда*... И Фекла на этотъ разъ пошла съ нимъ.

На берегу Шелонкины уже застали цѣлую толпу. Ожидаемыя власти — становой приставъ, лѣкарь, вороньевскій фельдшеръ и старшина — были уже на лицо. Тутъ же стоя-

ло нѣсколько мужиковъ и бабъ. Въ толпѣ сновали ребятишки... Чья-то собака, прогнанная съ берега, отбѣжала къ рощѣ и тамъ жалобно выла.

Трупъ былъ уже вынутъ изъ ямы и лежалъ на рогожѣ, разостланной на пескѣ. Животъ и ноги трупа сильно вздулись; лицо потемнѣло, но его было мало видно, такъ какъ его позавѣсили пряди бѣлокурыхъ волосъ; нѣсколько зеленыхъ стебельковъ цѣпкихъ водяныхъ растеній запутались въ волосахъ, пристали къ ногамъ и попали между пальцевъ.

Лѣкарь велѣлъ развести костеръ, набросать въ него побольше вересу и самъ всталъ съ подвѣтренной стороны. Несмотря на всѣ эти предосторожности, онъ лишь мелькомъ взглянулъ на трупъ и поручилъ фельдшеру сдѣлать болѣе подробный осмотръ. Онъ не могъ выносить запаха тлѣнія... Трупъ оставался въ рубахѣ: вскрытія вовсе не требовалось въ виду того, что обстоятельства смерти были ясны и засвидѣтельствованы показаніями нѣсколькихъ человѣкъ. Ни поломанныхъ костей, ни «боевыхъ знаковъ» на тѣлѣ не оказалось. Царапины и язвины, замѣченныя кое-гдѣ, очевидно, произошли уже послѣ смерти, во время пребыванія трупа въ водѣ.

— Николай Семенычъ! Надо бы намъ поторапливаться... Тучки что-то заходили! — обратился къ приставу докторъ, бѣлобрысый, не по лѣтамъ полный молодой человѣкъ, съ чудеснѣйшей свѣтлорусой бородой и съ золотыми очками на носу.

— А мы сейчасъ... живой рукой! — отозвался приставъ, черноватенькій господинъ съ военной выправкой.—Ерофѣевъ!—крикнулъ онъ своему письмоводителю. — Канцелярія при тебѣ?

— Такъ точно-съ!—отозвался тотъ.

Всѣ эти люди въ черномъ, съ кокардами на фуражкахъ, казались какими-то пришлыми иноземцами посреди толпы рослыхъ, дюжихъ никольщинцевъ въ сермягахъ и въ холщевыхъ рубахахъ.

— Такъ, пожалуйте! — пригласилъ приставъ и въ сопровожденіи своего письмоводителя, доктора, фельдшера, старшины и понятыхъ направился къ ближнему сѣновалу.

Мужики стали около дверей, власти расположились на сѣнѣ, подъ дырявой крышей. Докторъ предложилъ приставу сигару и самъ закурилъ. Письмоводитель опустился на колѣни передъ обрубкомъ, замѣнявшимъ ему столъ, и разложилъ передъ собой бумагу и прочія письменныя принадлежности. Черезъ нѣсколько минутъ актъ былъ готовъ и подписанъ...

Такого знойнаго, душнаго дня еще не бывало въ то лѣто. Лѣкарь сказалъ правду: съ полудня и съ запада надвигались темныя, грозовыя тучи. Сверкала молнія и вдали глухо рокоталъ громъ, словно гдѣ-то тамъ, за этими сосновыми, еловыми лѣсами какое-нибудь разсерженное чудовище грозно рычало.

Власти скоро уѣхали на Вороньево пить чай къ Капитону Игнатьевичу, а народъ еще остался на берегу. Фекла громко причитала и называла дочь самыми нѣжными, ласковыми именами, какія только можетъ подыскать мать, оплакивающая свое любимое дѣтище. Старикъ стоялъ, молча. Онъ уже не плакалъ, всѣ слезы выплакалъ... И было невыносимо жаль и жутко смотрѣть на этого кроткаго, покорнаго, убитаго горемъ старика, стоявшаго, молча, надъ трупомъ дочери и лишь скорбно качавшаго головой. Алешки не было: его послали за гробомъ. Ульяны тоже не было видно на берегу... Григорій Чабанъ, хмурый и суровый, крѣпко поджавъ губы и насупившись, бродилъ въ толпѣ, перемолвливаясь съ сосѣдями, но къ трупу Аннушки близко не подходилъ и даже какъ будто старался не видать трупа, но въ то же время, словно, какая-то невидимая сила заставляла его поминутно оборачиваться въ ту сторону и искоса, мелькомъ, взглядывать на то ужасное и безобразное, что еще такъ недавно—четыре дня тому назадъ—было живымъ человѣкомъ... жило съ ними, говорило, ѣло съ ними изъ одной чашки, смотрѣло на нихъ свѣтлыми, голубыми глазами и весело смѣялось...

Ребятишки сновали у огорода, гдѣ была развѣшена одежа утопленницы, и съ какимъ-то страннымъ, дикимъ любопытствомъ разглядывали они Аннушкинъ сарафанъ и платокъ, дотрогивались до нихъ рукой, щупали и вполголоса о чемъ-то толковали между собой.

— Храни Богъ, гроза соберется... тѣло-то шибко испортится!—замѣтилъ кто-то изъ мужиковъ.

— Авось, стороной пройдетъ!—отозвались въ толпѣ.

Солнце уже давно скрылось за клубами дымчатыхъ облаковъ. Тучи надвигались; стало замѣтно темнѣть. Почернѣли пудежскія волны. Роща зашумѣла... Вѣтеръ то поднимался, то стихалъ. Собака гдѣ-то подъ рощей попрежнему жалобно выла...

Наконецъ, Алешка привезъ для своей молодой жены бѣлое, сосновое домовище. Покойницу завернули въ саванъ, положили въ гробъ и крышку прикрыли. И подъ темными, грозовыми тучами, подъ порывами приближавшейся бури, подъ шумъ заунывный деревьевъ, раскачиваемыхъ вѣтромъ, повезли гробъ въ церковь. Алешка сидѣлъ на передкѣ и правилъ лошадью. Старики Шелонкины и нѣсколько куваевскихъ бабъ шли за телѣгой. Поотдаль, поотставши отъ нихъ, шагалъ старый Чабанъ.

Черезъ часъ, когда стало уже смеркаться, шествіе приблизилось къ погосту. На противоположномъ высокомъ берегу Пудеги рѣзко обрисовывались на фонѣ темно-синихъ тучъ высокая бѣлая колокольня и за нею церковь.

Гробъ поставили на скамейку въ лѣвомъ придѣлѣ. Церковный сторожъ, Пахомычъ, грамотный старикъ, дальній родственникъ Григорія Чабана, взялся почитать псалтирь надъ покойницей. Осенью вмѣстѣ съ прочими онъ пировалъ на Алешкиной свадьбѣ и пилъ за здоровье молодой... На ночь, чтобы было поповаднѣе, онъ взялъ съ собой племянника.

Гроза прошла стороной, но густыя облака заволакивали небо; не было видно ни мѣсяца, ни звѣздъ. Темная, душная лѣтняя ночь стояла надъ землей.

Пахомычъ съ толстымъ восковымъ огаркомъ въ рукѣ, не торопясь, вполголоса читалъ псалтирь. Племянникъ его, разостлавъ у двери полушубокъ, крѣпко спалъ.

Большая церковь съ высокими сводами тонула во мракѣ. Колеблющееся пламя восковой свѣчи озаряло лишь самого чтеца, да страницы лежавшей передъ нимъ книги въ толстомъ черномъ переплетѣ. Даже бѣлый гробъ, стоявшій немного влѣво, неподалеку отъ Пахомыча, какъ-то смутно, неясно, словно призракъ, выступалъ изъ мрака. Впотьмахъ размѣры церкви казались больше, своды выше, стѣны какъ будто раздвигались,—и вся церковь, казалось, раздавалась въ ширь и въ верхъ. Голосъ чтеца, какъ слабое жужжанье, раздавался въ безмолвіи храма. Пахло ладономъ, воскомъ, деревомъ гроба и обычной сыростью и затхлью нежилого, каменнаго зданія. Вѣтеръ порывами проносился порой надъ церковью, и тогда стекла въ окнахъ слегка дребезжали и былъ слышенъ шумъ кладбищенскихъ деревьевъ.

Пахомычъ уже привыкъ къ покойникамъ и къ своей церкви, привыкъ къ одиночеству и къ ночнымъ бдѣніямъ, и спокойно читалъ псалтирь. Одинаково равнодушно смотрѣлъ онъ на крестины, на вѣнчанье и похороны. Для крестинъ онъ тащилъ купель, для вѣнчанья ставилъ аналой передъ амвономъ, а для покойника—скамейку. Каждому—свое. На проходившія людскія поколѣнья Пахомычъ смотрѣлъ такъ же спокойно, какъ на желтые, осенніе листья, исчезавшіе подъ снѣгомъ. Все въ свое время, всему—свой часъ...

Вдругъ послышались шаги, тяжелая церковная дверь отворилась. Кто-то вошелъ. Пахомычъ прервалъ чтеніе и, поднявъ надъ головой огарокъ, взглянулъ по направленію къ двери. Высокая, темная тѣнь тихо подвигалась къ нему.

— Батюшка! Это ты?—спросилъ старикъ.

— Да! Пришелъ провѣдать...—послышалось въ отвѣтъ.

И отецъ Иванъ въ своемъ затрапезномъ, коричневомъ подрясникѣ показался на свѣтъ.

— Смотрите же, не засните!...—говорилъ онъ сторожу, обходя вокругъ гроба.—Пожару не надѣлайте...

— Какъ можно, батюшка! Не уснемъ, храни Богъ...—отозвался Пахомычъ.

— Ну, то-то!—продолжалъ священникъ, потрогивая крышку гроба.—Вѣдь ты знаешь, Пахомычъ, мышей у насъ — страсть! Я ужъ сколько разъ говорилъ: кошку надо достать... А то, просто, срамъ! Столько этой нечисти развелось. Нельзя покойника открытымъ поставить!

— Надо безпремѣнно кота. Я и то говорю! — согласился Пахомычъ, почесывая затылокъ.—Митревна обѣщала дать котенка... Надо ужо сходить.

— Кошку, братъ, надо, а не кота...—замѣтилъ отецъ Иванъ, опираясь на гробъ.—Коты лѣнивы... Ну ихъ! Завалится, да дрыхнетъ всю ночь... Кошки, братъ, лучше, проворнѣе...

Какъ-то странно раздавались голоса во мракѣ и безмолвіи пустого храма.

— Ну, такъ оставайтесь съ Богомъ! — уходя, сказалъ священникъ.—А твой парень-то здѣсь?—послышался уже изъ мрака его голосъ.

— Здѣсь, батюшка! Вонъ у двери-то въ углу прилегъ...—отвѣтилъ старикъ, махнувъ огаркомъ въ указанную сторону.

Дверь стукнула, и Пахомычъ опять принялся за чтеніе псалтири.

Аннушку похоронили и на могилу ея положили двѣ палки, связанныя веревкой въ видѣ креста.

Вечеромъ въ день похоронъ Алексѣй, хмурый и недовольный, сидѣлъ съ Ардальоновыми сыновьями у своей избы на завалинѣ. Наговорамъ матери такъ же, какъ и своимъ собственнымъ темнымъ подозрѣньямъ онъ вѣрилъ и не вѣрилъ. Впрочемъ, говоря по чистой совѣсти, ему казалось мало правдоподобно, чтобы его отецъ — этотъ строгій, суровый старикъ—вздумалъ слюбиться съ невѣсткой. Алексѣю было жаль Аннушку, ночью онъ не разъ всплакнулъ о ней, но теперь, при людяхъ, онъ считалъ удобнѣе заняться вслухъ чисто дѣловыми соображеніями.

— Вотъ поди жъ ты... въ какую пору безъ работницы остались... Маета!—ворчалъ онъ.

— Ужъ что и говорить! — соглашался съ нимъ Дмитрій Ардальоновъ.

— Году не пожили...—продолжалъ Алексѣй, понуривъ голову.—Свадьба тоже стоила не мало... А теперь, вотъ, опять надо хозяйку искать... Опять, гляди, расходъ! Вѣнчанье-то вскочитъ въ денежку... на угощенье опять тоже...

— Что, братъ, подѣлаешь!—сочувственно отзывался его собесѣдникъ.

Житейское колесо въ Чабановой семьѣ, зацѣпившееся на время, опять понемногу завертѣлось попрежнему. Въ теченіе двухъ дней послѣ похоронъ перепадали дожди, погремѣло, побушевалъ вѣтеръ, а затѣмъ тучи сбѣжали, засіяло безоблачное небо и солнце своимъ горячимъ окомъ снова смотрѣло на Никольщину, утопавшую въ зелени лѣсовъ. Чабанъ съ женою и сыномъ сходили на пустошь и въ одну недѣлю управились съ сѣнокосомъ.

А той порой слухи и толки о смерти Чабановой невѣстки далеко разошлись по Никольщинѣ. Безпокойные бабьи языки даже въ самую горячую, страдную пору находили достаточно времени для своихъ занятій. Впрочемъ, надо правду сказать: слухи на этотъ разъ съ удивительною точностью передавали всѣ подробности несчастья. Говорили о томъ, что Аннушка боялась переправляться на плоту, хотѣла пройти черезъ Горицы, но мужъ со старикомъ не пустили ее. Разсказывали и о томъ, что Аннушка хваталась за старика, молила спасти ее, не отталкивать, но Григорій пнулъ ее ногой, что Аннушка послѣ того ужъ больше не показывалась надъ водой, пошла ко дну... Слухи по отношенію къ Чабану принимали весьма неблагопріятный и даже прямо враждебный характеръ.

— Вѣдь сила-то у него не прежняя!—говорилъ иной, стараясь заступиться за Григорья.—Чай, тоже испугался старикъ...

— Будетъ толковать-то!—съ жаромъ возражали такому заступнику.—Вѣдь онъ ужъ въ ту пору за веревку держался, старый чортъ... Не что бы ему сдѣлалось, ежели бы баба и подержалась за него малость! Али ему два вѣка пожить охота!

— Страшное дѣло... до кого ни доведись! Пожить-то охота всякому—старому и малому...—говорили заступники.

— И живи, толкайся промежъ людей, — никто не мѣшаетъ... Почто другого-то топить этакъ, зря!.. Бабу въ тягости въ воду толкать... Рехнулся, старый лѣшегонъ!

Заступались за Чабана все больше старики, да и то заступались вяло, нехотя. Бабы и молодежь были противъ него.

— Слѣдовало бы его подъ церковное покаяніе...—толковали свѣдущіе люди.

— Покаяніе! А что ему въ покаяніи! Наплевать!—голосили бабы.—По сибиркѣ бы прогнать его!.. Да гдѣ жъ тутъ! Капитонъ своего свояка не выдастъ, не бойсь,—замнутъ...

Случись эта исторія съ кѣмъ-нибудь другимъ, не съ Чабаномъ, и, конечно, не было бы столько ожесточенныхъ толковъ. Никольщинцы не прощали старому Чабану его суровости, строгости его жизни, его безпощадно-рѣзкихъ приговоровъ.

Сначала всѣ эти слухи и толки доходили до Чабана стороной, полусловами и намеками. Люди стали заговаривать съ Ульяной и съ Алешкой. Чабаниха уже знала отъ мужа всю правду, но въ отвѣтъ на всѣ разспросы и замѣчанія настойчиво утверждала, что Аннушка, утопая, за ея старика не хваталась и ничего ему не кричала, что всѣ росказни по этому поводу—выдумка и вздоръ.

— Вотъ народъ! — съ негодованіемъ восклицала Ульяна.—И наплетутъ вѣдь этакую околесину...Слушать тошно! Языкъ-то, знать, ровно помело, мететъ себѣ направо и налѣво... Дѣлать людямъ нечего, такъ вотъ и давай пересуживать!

Ульяна ругалась, отплевывалась и вообще показывала видъ, что сильно обижается за мужа. Алексѣй, не знавшій всей правды, (отецъ почему-то постѣснился откровенно говорить съ нимъ), также горячо увѣрялъ всѣхъ,

что старикъ Аннушку не отталкивалъ, а что Аннушка кричала? того никто не разслышалъ, такъ какъ всѣ въ ту пору барахтались въ водѣ. Жена и сынъ, разумѣется, доводили до свѣдѣнія старика ходившіе слухи. Чабанъ отмалчивался или, махнувъ рукой, нехотя цѣдилъ сквозь зубы:

— А ну ихъ! Пускай блекочутъ...

Алешка въ своемъ невѣдѣніи оставался спокоенъ. Ульяна же тревожилась не на шутку: «Храни Богъ,—до суда дойдетъ!» И вечеромъ, оставшись съ мужемъ наединѣ, Ульяна повѣряла ему свои страхи.

— А ну, какъ договорятъ до дѣла! Начнутъ допрашивать, да дознаваться: какъ и что?..

— Потолкуютъ, да и перестанутъ!—успокоивалъ ее Чабанъ, но самъ въ душѣ былъ вовсе не спокоенъ.

Дѣйствительно, какъ ему казалось, всѣ эти бабьи толки могли надѣлать ему немало хлопотъ. Потянутъ къ допросу, начнутъ его мыкать туда — сюда. Положимъ, изъ того, можетъ быть, ничего худого не выйдетъ, а все-таки не весело: потеря времени, и непріятные разговоры и шумъ на всю Никольщину. Чего жъ хорошаго!..

Наконецъ, Чабану и самому пришлось выслушать отголоски людскихъ толковъ. Однажды, когда онъ съ семьянами наужиналъ передъ крыльцомъ своей избы, проходилъ по улицѣ Трофимъ, бывшій вороньевскій пастухъ, бѣдный мужиченко, всю жизнь прожившій бобылемъ. Трофимъ любилъ быть на людяхъ, любилъ покалякать, — очень общественный человѣкъ... Увидавъ Чабана, онъ подошелъ къ крыльцу и сѣлъ на ступеньку.

— Хлѣбъ да соль!—промолвилъ Трофимъ.

— Добро жаловать!—отозвался Алешка.— Не хошь-ли похлебать съ нами!

— Спасибо, родной! У кума былъ, позаправился!.. Плетусь вотъ на Выселки...

Послѣ нѣсколькихъ незначущихъ вопросовъ и отвѣтовъ съ той и съ другой стороны, Трофимъ замолчалъ и изъ-подлобья, пристально посматривалъ на Чабана.

— А знаешь, Петровичъ, я хотѣлъ тебя спрошать...—заговорилъ онъ, покашливая.— Правда-ли?.. Говорятъ, невѣстка-то, царство ей небесное!—хваталась за тебя въ водѣ...

— Кто жъ это тебѣ сказывалъ? — нахмурившись, спросилъ его въ свою очередь Чабанъ.

— Говорятъ!.. Люди сказывали... не самъ, родной, выдумалъ!—отвѣтилъ Трофимъ.

— Ворона вамъ на хвостѣ вѣсти-то приноситъ!—огрызнулась Ульяна.

Алешка только, молча, покачалъ головой, не находя нужнымъ тратить словъ на пустяки.

— Что жъ ты осерчала, Матвѣевна! Я вѣдь такъ... слышалъ... народъ поговариваетъ...— оправдывался Трофимъ.

— Не люблю, какъ пустое городятъ! — ворчала Ульяна, собирая со стола.

— Пускай!.. — сдержанно, тихимъ голосомъ сказалъ Чабанъ.—На чужой ротокъ не накинешь платокъ...

Онъ старался казаться спокойнымъ, но въ душѣ тревога его росла. Онъ, какъ всякій никольщинецъ, боялся суда и слѣдствія, и всякой судебной волокиты. Онъ и на волостномъ-то судѣ ни разу ни съ кѣмъ не тягался. А тутъ вдругъ подъ старость къ допросу потянутъ, погонятъ въ городъ, — и чѣмъ кончится, еще Богъ вѣсть!..

Трофимъ побрелъ своей дорогой; Чабаны ушли на работу.

— Если этакъ пойдетъ дальше, до бѣды доживемъ! Право!—говорила вечеромъ Ульяна своему старику. — И кто такой слухъ пущаетъ?

— Надо бы дознаться... — отозвался Чабанъ.—Ежели съ тобой еще заговорятъ про то, ты припри хорошенько! Отъ кого, молъ, слышали? Кто говорилъ?

Чабану захотѣлось во что бы то ни стало и какъ можно скорѣе потушить непріятные слухи. Но какъ приняться за это дѣло? Людская молва вѣдь — не собака, за хвостъ не поймаешь... Молва, что волна, льется безъ удержу, и чѣмъ дальше, тѣмъ мутнѣе... Чабаниха, желая узнать: отъ кого слухи идутъ? уже спрашивала кое-кого, но ей отвѣчали уклончиво: «Слыхали... Говорятъ... Люди сказывали!» Наконецъ, ей удалось допытаться отъ одной яковлевской бабенки, что Фекла Шелонкина онамеднись при людяхъ Григорья такъ-таки прямо убивцей называла.

Въ воскресенье Чабанъ пошелъ отъ обѣдни домой съ Шелонкиными. Выйдя въ поле, онъ тотчасъ же приступилъ къ дѣлу.

— Сватья! Ты что жъ меня такъ поносишь?—заговорилъ онъ, съ укоромъ посмотрѣвъ на Феклу. —Какой же я убивецъ? Нѣшто бы я не пособилъ Аннѣ, коли бы была мочь?..

— А почто въ воду-то ее толкалъ?—дрогнувшимъ голосомъ промолвила Фекла.—Самъ,

небойсь, за веревку схватился, а объ ней не подумалъ... Легко-ли ей было, сердечненькой!.. Кричала, говорятъ: «Батя, не отталкивай!» А ты ее...

— Да кто жъ это, сватья, сказывалъ-то тебѣ?—перебилъ ее Чабанъ. — Вѣдь кромѣ насъ, да Ардальоновыхъ, никого, кажись, и не было тамъ!

—А невѣстка Ардальонова и сказывала!— рѣзко отвѣтила Фекла. — «Аннушка-то, говоритъ, долго на плотъ не шла, упиралась... Ровно, говоритъ, чуяло ея сердце! Да вѣдь развѣ, говоритъ, съ нашими мужиками столкуешь... Всѣ, говоритъ, на нее напустились... Иди, да иди!..» Вотъ...

— А я, сватъ, говорю: что ужъ теперь шумъ поднимать! — вступился старикъ Шелонкинъ, все время молчавшій.—Бабу не воротить,—такъ не почто напрасно и языкомъ чесать! Дѣла не починишь...

— Вѣрно, сватъ! — сказалъ Чабанъ, идя рядомъ съ Васильемъ и вертя въ рукахъ ржаной колосъ.—Вѣдь у насъ, знаешь, народъ... Неужто бы не пособили бабѣ? неужто бы дали утонуть...

— А вотъ и не пособили!.. Бросили бабу... Всѣ, небойсь, выскреблись... — взвыла старуха, разбередивъ свою незажившую рану. —Знамо дѣло, всѣ теперь правы стали... виноватаго у васъ не сыщешь...

— А что жъ тебѣ въ виноватомъ-то?— кротко спросилъ ее мужъ.—Ну, ежели бы и нашли!.. Легче бы тебѣ стало, что-ли? Ни въ жизнь не повѣрю... Горе въ тебѣ кричитъ!

Старуха ничего не отвѣтила и продолжала тихонько хныкать.

— Знаю, сватъ: своя рубаха къ тѣлу ближе...—говорилъ Василій.—За что жъ человѣка ругать?.. Я это понимаю, сватъ, и ничего не говорю. Какъ услыхалъ тогда, только и сказалъ: «Богъ съ ними!»

— Тебѣ хошь на горло наступи, такъ ты не станешь обороняться! Знаю тебя, угодника праведнаго... Всю жизнь только людямъ поддавался...—взъѣлась на него Фекла.

Василій, молча, махнулъ рукой: «Ну, пошла, молъ!»

Чабанъ, наконецъ, допытался, откуда шли слухи. Они шли отъ Ардальоновой невѣстки.

— Ужъ я ей отзвоню! Погоди!—угрожающимъ тономъ сказала Ульяна, выслушавъ разсказъ старика.

— Ну, ужъ, Христа ради, не звони!—заворчалъ на нее Чабанъ. — Отъ вашихъ бабьихъ языковъ смута-то и пошла.. Длинны у васъ языки-то, а умъ-то покоротокъ... Согрѣшенье съ вами!

Однако вечеромъ, когда Ульяна собралась идти къ Ардальоновымъ за какимъ-то горшкомъ, Чабанъ не удерживалъ ее, а только сказалъ:

— Смотри же! Ротъ-то зря не разѣвай! Поговори толкомъ... Руганью не уймешь!

Горшокъ, конечно, былъ только предлогъ. О горшкѣ и рѣчи было мало... Ульяна прямо напустилась на Ардальонову молодуху. Та отъ своихъ словъ не отпиралась: «Ну, что жъ! говорила, такъ и говорила... Сама слышала: какъ Анна кричала... А Григорій — отъ нея»...

— А ты видѣла, какъ онъ толкалъ-то ее?—спросила Ульяна.

— Видать — не видала... Въ водѣ-то не разберешь! А надо быть шарахнулъ ее... Потому, въ тую жъ минуточку она и ушла подъ воду.

— Ну, вотъ... сама не видала, а говоришь...—строго замѣтила ей старуха. — А изъ-за вашихъ пустыхъ пересудовъ, гляди, хлопотъ наживешь... Что жъ! Ежели до дѣла дойдетъ, не одного моего старика потянутъ, и васъ всѣхъ въ свидѣтели... Придется всѣмъ помыкаться. Достукаешься, голубка.

Ульяна говорила спроста то, что думала, безъ всякой хитрости, безъ желанія запугать. Но и самая тонкая хитрость не могла бы внушить ей такихъ золотыхъ словъ, какія сгоряча сорвались у нея съ языка.

По уходѣ Чабанихи Ардальонъ, свекровка и мужъ — семьяне всѣмъ огуломъ напустились на бѣдную молодушку.

— И, въ самомъ дѣлѣ, ты чего жъ это?— заворчалъ Ардальонъ.—Всѣхъ насъ хочешь подвести... Вѣдь ежели Григорья потянутъ, такъ и намъ допросу не миновать... Лучше бы тебѣ помалкивать, не соваться въ чужія дѣла!

Вдругъ вскорѣ послѣ того прошелъ слухъ о томъ, что тѣло утопшей выроютъ изъ могилы, станутъ «потрошить» и пойдетъ слѣдствіе... Въ виду такого слуха даже Фекла примолкла. Никольщинцы, какъ уже сказано, пуще огня боялись суда и всякаго прикосновенія къ нему. Бабамъ-стрекотушамъ, любившимъ почесать язычокъ, тотчасъ же представилось, что ихъ «потянутъ» куда-то и начнутъ выспрашивать: «Ты говорила это? Ты говорила то-то? Отъ кого слышала?» и

т. д. И, словно по общему молчаливому уговору, слухи и толки о смерти Чабановой невѣстки стали затихать...

Такъ мало-по-малу гаснетъ догорающій костеръ, когда въ него перестаютъ подбрасывать дрова.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Толки о гибели Аннушки Чабановой прекратились. Старикъ точно гору съ плечъ свалилъ и вздохнулъ свободно: онъ избавился отъ суда людского... Но не успѣлъ онъ еще хорошенько вздохнуть, какъ уже почувствовалъ въ глубинѣ души, что онъ какъ будто чѣмъ-то недоволенъ. То, чѣмъ онъ былъ недоволенъ, на первыхъ порахъ ни мыслью не обдумывалось, ни словомъ не высказывалось. Такъ, идя въ сумеркахъ по незнакомой дорогѣ, видишь иногда, что впереди что-то темное мерещится смутно, неясно, но что именно — разглядѣть невозможно до тѣхъ поръ, пока не подойдешь ближе... Такъ и Чабанъ сперва не зналъ точно: чѣмъ же онъ недоволенъ, когда дѣло для него уладилось такъ хорошо...

Въ старикѣ за послѣднее время произошли перемѣны, но съ виду перемѣны такія малыя, что семьяне даже и не замѣтили ихъ. Чабанъ былъ мужикъ серьезный и степенный, не любилъ балагурить, но все же-таки изрѣдка шутилъ и посмѣивался. Теперь же стало не слыхать его шутокъ и смѣха, морщины между бровями врѣзались у него глубже и нахмуренныя брови почти не раздвигались...

Ѣлъ онъ, повидимому, такъ же исправно, какъ и прежде, но ѣлъ безъ вкуса, и ѣда, какъ будто, не шла ему впрокъ: онъ осунулся, похудѣлъ... Сонъ по ночамъ былъ тревоженъ, хотя днемъ старикъ, бывало, шибко умается на работѣ. Случалось такъ: ляжетъ, протянетъ усталыя ноги, закроетъ глаза, думаетъ: «Ну, слава Богу, добрался до палатей!..» Проходитъ полчаса, и часъ, и два часа, а старикъ, усталый, заморившійся на работѣ, все не можетъ заснуть, нѣтъ сна ни въ одномъ глазу... А спать, казалось бы, чудесно: тихо, темно и мягко на старой овчинкѣ, ни клопъ, ни блоха не кусаетъ. Чего бы еще надо?.. А не спится!.. И начнетъ Чабанъ думать о работахъ, о своемъ хозяйствѣ, о томъ: много-ли ужо ржи и овса намолотится, о томъ, да о семъ... И почти каждый разъ кончалось тѣмъ, что въ эти часы ночного безмолвія и мрака думы его переходили какими-то неисповѣдимыми путями къ воспоминанью объ Аннушкѣ. Тутъ ужъ и послѣдній сонъ разгуливался, разлетался ни вѣсть куда...

Старческая плоть была немощна, а духъ—бодръ и въ ночномъ затишьѣ работалъ еще сильнѣе, чѣмъ при дневномъ свѣтѣ и шумѣ. Печаль о погибшей Аннушкѣ днемъ какъ-то стушевывалась; дневная работа и суета не давали старику останавливаться на одной думѣ. За то ночью воображеніе его играло, какъ ретивый конь, вырвавшійся на волю... Чабанъ лежитъ съ закрытыми глазами—и видитъ...

За рощей поблескиваетъ молнія... глухіе раскаты грома чуть слышны вдали... На песчаномъ берегу лежитъ на рогожѣ что-то бѣлое, распростертое, лежитъ, не шелохнувшись,—и всѣ отъ этого *бѣлаго* сторонятся, толкуютъ о чемъ-то вполголоса... Алешка везетъ домовище, лошадь шагомъ идетъ, колесо поскрипываетъ...

А бывало и такъ, что Чабанъ, умаявшись, съ вечера скоро и крѣпко заснетъ, а середи ночи вдругъ проснется, словно его кто-нибудь въ бокъ толкнетъ, — вздрогнетъ и смотритъ въ ночную темь...

И опять мерещится ему вечеръ душнаго лѣтняго дня, тихая заводь, песчаный берегъ—и на берегу трупъ въ бѣлой, длинной рубахѣ... Торчатъ ступни босыхъ ногъ... Изъза густыхъ, бѣлокурыхъ прядей видны блѣдныя щеки и заострившійся носъ. Мутные, тусклые глаза широко раскрыты... Люди, какъ тѣни, движутся по берегу... Въ воздухѣ пахнетъ горящимъ вересомъ... Гдѣ-то собака жалобно воетъ...

Чабанъ старается отогнать эти воспоминанья, но они, какъ на зло, еще ярче возстаютъ передъ его душевными очами. Онъ тяжело вздыхаетъ, вертится съ боку на бокъ, а забыться не можетъ, нѣтъ сна... Эти томительные часы ночной безсонницы нестерпимо мучили старика.

А работы той порой шли своимъ чередомъ. Сжали рожь и овесъ, выдергали ленъ, развѣсили его на огородахъ, а затѣмъ стали стлать его по лугамъ. Чабанъ съ семьянами работалъ, какъ и всегда, опережая сосѣдей и ни минуты лишней не давая себѣ отдыха. По утрамъ молотили рожь, а потомъ, какъ броня пообсохнетъ, жали овесъ,—и времени не пропадало даромъ.

Однажды Чабаны до поздняго вечера стла-

ли ленъ: имъ хотѣлось въ тотъ же день достлать его весь. Когда возвращались они домой, густыя осеннія сумерки уже спустились на землю. Чабаны шли нешироким межникомъ. Направо полосы были уже сжаты, рожь свезена на гумно, оставалась помятая, колючая жнива; налѣво еще были видны овсяныя груды. Полный мѣсяцъ краснымъ шаромъ низко стоялъ надъ потемнѣвшими полями. Мѣсяцъ почти не свѣтилъ и придавалъ лишь особенную мрачность осеннимъ сумеркамъ.

— Вотъ ужъ и Аннушкѣ скоро будетъ шесть недѣль! Царство ей небесное! — со вздохомъ промолвила Ульяна.

— Да-а! Вотъ время-то... — протянулъ Алешка.

Старикъ промолчалъ. При словахъ Ульяны сердце его екнуло и заныло... Шесть недѣль! Неужели уже шесть недѣль прошло?.. Аннушка лежитъ въ землѣ, а онъ живетъ, ходитъ подъ Божьимъ солнышкомъ, мнетъ траву полевую... И съ лихорадочной дрожью вспомнилась Чабану та ужасная минута когда Аннушка, утопая, хваталась за него, а онъ, какъ звѣрь лютый, обезумѣвъ отъ страха за свою жизнь, изо всей силы ударилъ ее ногой... И теперь, казалось, въ ушахъ его раздавались ея послѣднія жалобныя слова: «Родной, не отталкивай! Не покинь!»

Что чувствовала она въ тѣ послѣднія минуты? Вспомнить больно! Подумать страшно... Она надѣялась на него,—надѣялась, что старикъ сжалится надъ нею, поможетъ ей... И что Аннушка должна была почувствовать, когда онъ оттолкнулъ ее?.. «О-охъ, тошнехонько!» шепталъ теперь про себя Чабанъ. И куда въ ту пору дѣвалось у него чувство жалости? Какъ врага, оттолкнулъ онъ отъ себя эту несчастную женщину, всегда такую добрую и ласковую къ нему. Все онъ позабылъ въ ту минуту,— и думалъ только о томъ: какъ бы ему самому остаться въ живыхъ. Гдѣ у него въ ту пору была голова? Вѣдь онъ ужъ старикъ, не два вѣка ему жить... А у Аннушки вся жизнь была впереди. Аннушка была молода и сильна, да кромѣ того еще ребенка носила... Такъ, нѣтъ! словно обезумѣвъ, онъ отбивался отъ могилы и, отбиваясь, столкнулъ въ нее своего ближняго...

И горько раздумался, горько растужился Чабанъ надъ злополучной участью своей покойной невѣстки.

Пока шли осеннія работы, темныя думушки и воспоминанья еще не особенно осаждали старика. Въ сентябрѣ молоченье было кончено, ленъ околоченъ, и бабы принялись трепать его. Горячая страдная пора миновала. Дни становились короче, вечера темнѣе, ночи длиннѣе. Въ деревняхъ по вечерамъ уже зажигали огонь.

И въ чабановой избѣ, бывало, горитъ — потрескиваетъ лучина, въ потемнѣвшія оконца дождь стучитъ, а старикъ копается надъ какой-нибудь работишкой, и ему невольно приходятъ на память длинные зимніе вечера, когда здѣсь вмѣстѣ съ ними сиживала Аннушка. Прядетъ она, бывало, или шьетъ что-нибудь мужу или свекру, поговоритъ, посмѣется, пѣсенку споетъ,—и въ избѣ отъ ея тихаго говора и смѣха становилось какъ-то веселѣе. И вспоминается старику, какъ Аннушка, бывало, изъ-за прялки посматривала на него своими добрыми голубыми глазами, и Чабану въ ту пору казалось свѣтло и уютно въ его старой хатѣ... Кроткая, работящая молодая женщина,—безотвѣтная передъ свекровью, уступчивая и ласковая съ мужемъ и съ нимъ, старикомъ, — покорила суроваго Чабана. Григорій полюбилъ ее, какъ дочь родную, и привыкъ къ ней, какъ только можетъ привыкать старикъ. И вотъ теперь, когда опять начались длинные, темные вечера, воспоминаніе объ Аннушкѣ стало неотступно преслѣдовать его...

Однажды ночью ему приснилось, что онъ будто одинъ сидитъ въ избѣ, вдругъ дверь отворяется и Аннушка тихо входитъ. Старикъ во снѣ ничуть не испугался, какъ будто такое явленіе было вполнѣ возможно и естественно, хотя онъ и во снѣ очень хорошо помнилъ, что невѣстка его умерла... Аннушка была въ той самой одежѣ, въ какой утонула. Лицо ея было, какъ у живой, только большіе глаза ея казались еще больше, чѣмъ были при жизни.

— Аннушка! Какъ же это ты утонула?— спросилъ ее Чабанъ.

— Барахталась тоже, да стало не въ мочь... —отвѣтила она, грустно посмотрѣвъ на него. — За тебя схватилась, помнишь? А ты оттолкнулъ... Ну, я и захлебнулась и пошла ко дну.

При этихъ словахъ старику стало невыносимо тяжело,—онъ отвернулся отъ невѣстки и понурилъ голову, чтобы не видать ея тоскующихъ глазъ.

— Ну, а теперь-то тебѣ каково?..—спросилъ онъ.

— А вотъ, батя, я и пришла къ тебѣ поразсказать... — начала Аннушка, садясь съ нимъ рядомъ на лавку...

— Вставай! Свѣтаетъ...—послышался ему въ ту минуту голосъ Ульяны.—Чтой-то разоспался какъ!..

Чабанъ вскочилъ и дико озирался по сторонамъ. Онъ не вдругъ пришелъ въ себя,— до того живъ и ясенъ былъ видѣнный имъ сонъ, до того походилъ онъ на живую дѣйствительность. Онъ даже мысленно ругнулъ Ульяну за то, что она разбудила его и не дала ему дослушать разсказа являвшейся ему покойницы. А что разсказала бы она? Богъ вѣсть... «И дернуло старуху разбудить его некстати!»

Какъ-то вскорѣ въ другой разъ ему приснилось, что Аннушка опять пришла къ нему въ то время, когда въ избѣ не было никого. На этотъ разъ Аннушка приснилась ему не въ своей обычной одежѣ, а вся закутанная въ бѣлый саванъ и босая, то-есть въ томъ видѣ, какъ была положена въ гробъ. Она сѣла у печи на приступочекъ и тихо заговорила:

— Озябла я, батя! Холодно и сыро въ могилѣ... Темно! Никого мы не видимъ, ничего не слышимъ... Тѣсно лежать въ гробу. Вода просачивается, черви ползаютъ по всему тѣлу... Холодно, батя! Пришла погрѣться...

Аннушка вся дрожала; лицо ея поблѣднѣло, волоса запорошило инеемъ. Вся она такъ измѣнилась, что только по голосу Чабанъ могъ признать ее.

— Какъ же ты вышла изъ могилы? — спросилъ ее старикъ.—Развѣ это можно?

— Да вѣдь какъ же! Насъ иногда пущаютъ...—промолвила Аннушка, стуча зубами отъ холода и кутаясь въ свой холщевый саванъ.—А у васъ тепло въ избѣ-то... Видно, завалину поправили?

— Поправили нынче осенью!—отозвался старикъ.

— И лучина горитъ, свѣтло, таково хорошо у васъ...—говорила Аннушка, оглядывая избу.

— Такъ оставайся, живи опять съ нами! — сказалъ ей Чабанъ, и невыразимой жалостью наполнилось его сердце.

— Живи!—глухо повторила она.—Нельзя мнѣ жить... Никогда ужъ больше я съ вами жить не стану... Никогда!

Вдругъ блестящая мысль озарила Чабана.

— А вотъ, постой, я тебя перекрещу! Ты и останешься здѣсь... не пойдешь въ могилу! —сказалъ старикъ и хотѣлъ широкимъ крестомъ перекрестить ее трижды.

Но въ ту же минуту онъ съ ужасомъ и отчаяніемъ почувствовалъ, что не можетъ пошевелить ни одной рукой, ни однимъ пальцемъ. Онъ напрягалъ всѣ силы, чтобы поднять руку, сложить персты и сдѣлать крестное знаменіе. Рука не поднималась и лежала у него на колѣнѣ, какъ налитая свинцомъ... «Господи! Да что жъ это!» взывалъ онъ мысленно, и жгучее, неотступное желаніе удержать Аннушку, не допустить ее снова уйти на погостъ—во мракъ сырой могилы — все сильнѣе охватывало старика.

Аннушка той порой встала и печально, съ укоромъ, какъ ему показалось, посмотрѣвъ на него, тихо, неслышно пошла изъ избы. Чабанъ порывался вскочить съ лавки, но напрасно... ноги его словно приросли къ полу и весь онъ какъ будто окаменѣлъ. Уходитъ Аннушка. Чабанъ смотритъ на нее и безпомощно стонетъ...

Эти сны, полные ужаса и мрака, мучили старика, но еще пуще мучили его тяжелыя думы. Сожалѣніе, позднее раскаяніе, нашептываніе совѣсти донимали его на яву и во снѣ.

Не разъ, не два, а много разъ онъ говорилъ себѣ: «Да что жъ такое я сдѣлалъ? Я вѣдь самъ тонулъ... *Она* могла бы утащить меня въ воду, ежели бы я поддался ей. Гдѣ жъ тутъ грѣхъ? Вмѣсто одного, потонули бы двое,—вѣдь только и всего...» Но каждый разъ изъ глубины души какой-то голосъ тайный возражалъ ему рѣзко и настойчиво: «Нѣтъ! Ты уже держался за веревку въ ту пору, какъ *она* въ послѣдній разъ ухватилась за тебя... Не было для тебя опасности. Ты былъ уже близко къ берегу. Ее спасли бы, если бы ты хоть одну минуту помогъ ей подержаться на водѣ... Тебѣ очень хотѣлось жить. Ну, и живи теперь—и помни!..» А что ему теперь въ этой постылой жизни? Жизнь ему не въ радость, а только—одна тягота...

Иногда въ ясный, свѣтлый день, выйдя въ поле посмотрѣть на озими и грѣясь подъ лучами осенняго солнца, Чабанъ чувствовалъ себя неловко: ему какъ будто было совѣстно ступать по землѣ,—жить въ то время, какъ Аннушка лежала въ гробу... Ему чудилось, что онъ какъ будто все ходитъ по ея могилѣ...

Дошло до того, что даже при семьянахъ

Чабанъ сталъ задумываться и тяжко вздыхать.

— Ты что, Петровичъ? Али неможется?— однажды спросила его Ульяна.

— А что?—отозвался старикъ.

— Да такъ... все ты нонѣ какой-то невеселый! Богъ тебя знаетъ... Иной разъ слова не промолвишь!

— А радоваться-то чему! — проворчалъ Чабанъ, видимо стараясь отдѣлаться отъ всякихъ разспросовъ и разговоровъ.

Чабану приходилось согласиться съ тѣмъ голосомъ, что поднимался изъ какихъ-то невѣдомыхъ тайниковъ его души. Да! Онъ грѣхъ сотворилъ... грѣхъ тяжкій! Что тамъ ни говори, что ни толкуй, какъ ни оправдывайся передъ людьми, а тайный голосъ неотступно доказываетъ ему, что онъ утопилъ человѣка. Какъ же избыть ему свой грѣхъ?

Всякіе бываютъ грѣхи; иное дѣло можно поправить... Ежели бы Чабанъ обворовалъ кого-нибудь, то могъ бы возвратить украденное, вознаградить потерпѣвшаго человѣка; ежели бы онъ кого-нибудь обидѣлъ напрасно, могъ бы пойти къ обиженному, поклониться въ ноги и выпросить себѣ прощенье. А теперь какъ ему быть? Прощенья у Аннушки не вымолить, и жизнь возвратить ей не въ силахъ Чабанъ... Иной разъ ему было слишкомъ тяжело оставаться одному со своими темными думами и отъ всего сердца хотѣлось бы ему поговорить съ кѣмъ-нибудь о своемъ горѣ. Но кому же онъ можетъ раскрыть душу, свою наболѣвшую язву? Если онъ заговоритъ съ женой, то, конечно, та начнетъ успокоивать его по своему, начнетъ глаза ему отводить.

Онъ даже напередъ зналъ, что скажетъ ему старуха: «Вотъ еще выдумалъ! Грѣхъ! Какой же тутъ грѣхъ?.. Всякъ самъ за себя, только одинъ Богъ за всѣхъ... Все пустое!..» Вотъ что сказала бы ему Ульяна. Съ Алешкой же не стоило и говорить. Мямля! Отъ него и рѣчи толковой не добьешься. «Ну, скажетъ, батя! Почто старое ворошить... Богъ съ *ней*!..»

Такъ проходили дни, недѣли, и Чабанъ съ тоской говорилъ себѣ: «Нѣтъ! Не избыть мнѣ своего грѣха и во вѣки вѣковъ!» И чувствовалъ онъ, какъ словно камень тяжелый и холодный залегалъ ему на сердце все глубже и глубже, и все горше и больнѣе становилось старику. По ночамъ ему худо спалось, отъ ѣды стало отбивать, работа не давала успокоенья, какъ не даетъ страдальцу забвенья его горестей никакое самое крѣпкое вино на свѣтѣ. Старикъ осунулся, похудѣлъ и сдѣлался задумчивѣе прежняго. По сосѣдямъ онъ не ходилъ, отъ людей какъ будто сторонился, при встрѣчахъ разговаривалъ нехотя. Прежде, бывало, старикъ ворчалъ на семьянъ, а теперь, казалось, ему было рѣшительно все равно... Во всѣхъ движеніяхъ его сказывалась какая-то вялость, утомленіе.

Чабанъ не могъ спокойно встрѣчаться съ ардальоновой невѣсткой, не могъ ей прямо въ глаза посмотрѣть. Ему все чудилось, что эта молодая баба съ укоромъ смотритъ на него и думаетъ: «Вишь, старикъ живетъ себѣ—поживаетъ, а Аннушку въ могилу свалилъ!» Иногда ему казалось, что эта молодушка очень похожа на его покойную нѣвѣстку, хотя прежде этого сходства онъ никогда не замѣчалъ.

Старикъ сдѣлался пугливъ, при каждомъ неожиданномъ стукѣ вздрагивалъ и потомъ тяжело вздыхалъ. Иной разъ, когда онъ оставался одинъ въ избѣ, особенно въ вечернюю пору, ему чудилось, что дверь какъ будто тихо отворяется и кто-то входитъ... Чабанъ оглядывался, озирался по сторонамъ,—никого! ни души вокругъ и въ избѣ все тихо. Въ такія минуты по спинѣ его бѣжали мурашки, его словно обдавало холодомъ, какъ съ погребицы. Вспоминались явленія ему Аннушки во снѣ... Наконецъ, ночью, когда онъ лежалъ на палатяхъ, ему стало казаться, что по избѣ кто-то ходитъ, лѣзетъ на печь, на палати. Ему стали слышаться голоса. «Батя! А, батя!» слышался ему иногда знакомый голосъ.

— О, Господи Боже!—съ тоской шепталъ старикъ, ворочаясь на палатяхъ съ боку на бокъ.

И чего-чего только онъ не передумалъ въ эти томительные долгіе часы ночной безсонницы... Этого суроваго, работящаго мужика, просто, было не узнать. Онъ весь какъ-то опустился, ослабѣлъ, и хотя работалъ, но къ работѣ не рвался попрежнему. Жизнь проходила для него въ какомъ-то постоянномъ душевномъ смятеніи: ни довольства, ни спокойствія не стало въ его жизни...

Онъ убоялся людского суда и осужденія и старался заглушить непріятные слухи и толки. И ему удалось замять эти слухи... И вотъ теперь онъ думалъ о томъ, что все-таки покоя нѣтъ его душѣ; онъ ничему не можетъ

радоваться, ничто его не веселитъ. Убійцъ ссылаютъ въ дальнюю сибирскую сторону,— и тамъ въ каторжныхъ мукахъ они избываютъ свои грѣхи. А на него никто не посмѣетъ и пальцемъ указать. Онъ живетъ себѣ попрежнему, какъ и жилъ, и всѣ относятся къ Григорію, какъ къ почтенному старику. Онъ ушелъ отъ суда людского; никто и ничто ему не угрожаетъ... Тѣ, открытые убійцы, всему міру показываютъ свой грѣхъ и расплачиваются за него слезами, и кровью, и поношеніемъ. Грѣхъ такъ тяготитъ и мучитъ Чабана не оттого-ли, что онъ хранитъ его про себя, въ тайнѣ?..

Однажды вечеромъ, когда уже полегли спать и Чабанъ завалился на палати, вдругъ словно сіяніе озарило окутывавшій его мракъ. Чабанъ даже привсталъ на своей постилкѣ и оперся локтемъ о палати. «Покаяться! Не бѣжать отъ суда людского, а, напротивъ, искать суда... Вотъ что надо сдѣлать!» мелькнуло у него въ головѣ. Какъ это сдѣлать? какъ все это устроится? старикъ и самъ еще не зналъ. Но рѣшеніе принято безповоротно. Онъ сниметъ со своей совѣсти тяжкій грузъ... И Чабанъ опять опустилъ голову на свою жесткую подушку. Уже давно старикъ, измученный душевной тревогой, не спалъ такимъ тихимъ, младенческимъ сномъ, какъ въ ту ночь. Такъ спокойно засыпаетъ больной, сознавая, что у него подъ руками находится вѣрнѣйшее лѣкарство отъ его недуга...

Вскорѣ послѣ того Григорій Чабанъ отправился къ свояку на Вороньево. День былъ холодный, вѣтряный. Облака быстро бѣжали по небу, и осеннее солнце—блѣдное, негрѣющее—часто выглядывало изъ-за облаковъ... Чабанъ шелъ, понуривши, и лишь изрѣдка безучастно посматривалъ по сторонамъ на опустѣлыя поля. Ему пришлось идти лѣсомъ... И вдругъ въ чащѣ обнаженныхъ деревьевъ ему послышался знакомый, гнусавый голосъ, протяжно, печально напѣвавшій:

«Не кукуй, кукушка, въ лѣсѣ
На осинѣ проклятой»...

Пѣлъ Яшка Король. И въ его пѣніи, гулко раздававшемся въ чащѣ опустѣвшаго безлиственнаго лѣса, слышались дикія, за душу хватающія ноты. «Дурачокъ тѣшится!» подумалъ Чабанъ, противъ воли прислушиваясь къ яшкиному пѣнью. На минуту пѣвецъ замолкъ,—въ лѣсу послышался сильный трескъ. Очевидно, Яшка обламывалъ своей палицей древесный сукъ. Немного погодя, онъ опять затянулъ, но громче и быстрѣе прежняго. Онъ, видимо, волновался, голосъ его дрожалъ...

«Не кукуй, кукушка, здѣсь,
Безъ тебя мнѣ горе есть...
Безъ твово мнѣ голоска
Пала на сердце тоска»...

—разносилось по лѣсу. И опять пѣнье оборвалось и опять въ лѣсу — трескъ... Въ послѣднія слова пѣсни совершенно неожиданно Яшка вложилъ столько горечи и злости, доходившей до бѣшенства, что Чабанъ жалостливо качнулъ головой и подумалъ: «Нашло, видно! Развозился!..» Яшка опять что-то закричалъ, но словъ изъ-за вѣтру было уже не слышно...

Чабанъ сначала шелъ довольно скоро, но чѣмъ ближе подходилъ онъ къ Вороньеву, тѣмъ замѣтнѣе замедлялся его шагъ. Входя въ Вороньево, старикъ вдругъ почувствовалъ въ ногахъ слабость, на минуту остановился, передохнулъ и, опираясь на посохъ, побрелъ далѣе...

Старшину онъ засталъ дома одного. Капитонъ Игнатьевичъ сидѣлъ за столомъ и, просматривая какія-то записи, стучалъ на счетахъ.

— А, Петровичъ! Добро жаловать! Садись! Гость будешь...—привѣтствовалъ его старшина.—Ну, что у васъ на Куваевѣ? Все благополучно?

— Не слыхать ничего...—разсѣянно отозвался Чабанъ, усаживаясь на лавку и, видимо, сильно занятый одною мыслью.

— Какъ нынче ленъ у васъ? Хорошъ?.. У меня, братъ, такая силища, что, просто,— страхъ!

— И у насъ ничего ленъ-то, только не больно высокъ...

И еще поговорили мало о томъ-о семъ.

— А помнишь, Игнатьичъ, какъ у насъ лѣтось несчастье-то стряслось, ты въ ту пору сказалъ, что мы утопили бабу...—началъ Чабанъ, поправляя кушакъ и изъ-подлобья поглядывая на старшину...

— Когда это? Не помню...—почесывая затылокъ, проговорилъ старшина.—Можетъ, и сказалъ... въ шутку, извѣстное дѣло!.. Это насчетъ вашего перевоза-то? Ну, ну, помню... Такъ что жъ?

— А ты вѣрно сказалъ Игнатьичъ... утопили! —промолвилъ Чабанъ, понуривъ голову.

— Чего такое?—съ недоумѣніемъ переспро-

силъ старшина, посмотрѣвъ на Григорія.— Кто жъ ее топилъ?.. Сама утонула.

— Вотъ я и пришелъ сказать тебѣ...

Чабанъ запнулся. Во рту у него пересохло, и языкъ ворочался съ великимъ трудомъ. Слова какъ будто застрявали у него въ горлѣ, не шли съ языка, и при каждомъ словѣ онъ дѣлалъ надъ собой большія усилія. Старикъ прежде никогда не думалъ, что могло быть такъ трудно говорить...

— Я утопилъ...—вымолвилъ онъ, наконецъ, и сталъ подробно разсказывать: какъ было дѣло, безъ всякой утайки...

— Оставь, Петровичъ! Что тебѣ за охота?..—перебилъ его Капитонъ Игнатьевичъ.— Не воротишь, братъ! Дѣла теперь ужъ не передѣлаешь... а хлопотъ съ тобой нажить можемъ!

Старшина всего пуще боялся «лишнихъ хлопотъ» по должности.

— Не въ мочь стало!..—шепталъ Чабанъ, еле шевеля губами и какъ бы про себя. — Житья нѣтъ...

— Ну, что жъ ты хочешь дѣлать?—спросилъ Капитонъ Игнатьевичъ, съ неудовольствіемъ посматривая на свояка.

— Хочу покаяться передъ міромъ! Пускай міръ разсудитъ... какъ скажетъ, такъ тому и быть!—рѣшительно отвѣтилъ Чабанъ, поднимая голову.—Приду на сходъ... и скажу...

— Не разсудитъ тебя міръ... Напрасно ты это задумалъ, Петровичъ! Право, напрасно...— убѣдительнымъ тономъ сказалъ старшина.— Говорю тебѣ: оставь, брось!.. О такихъ дѣлахъ міръ не судитъ... Лучше и не ходи на сходъ! Мы тебѣ—не судьи!

—Ну, ужъ тамъ, какъ знаешь, Игнатьичъ... а я откроюсь! Не могу дольше грѣхъ таить на душѣ... Вотъ тѣ Христосъ, не могу! Измаялся... измаялся я весь!—дрогнувшимъ голосомъ, со стономъ, промолвилъ старикъ.— Ежели міръ не можетъ, дальше пойду!..

Старшина съ великимъ удивленіемъ смотрѣлъ на Чабана и, просто, не могъ понять: что сталось съ этимъ разсудительнымъ, суровымъ мужикомъ. Какъ міръ стоитъ, ничего подобнаго еще не бывало у нихъ въ Никольщинѣ... Одно время старшина, взглянувъ попристальнѣе на осунувшееся лицо свояка и на его впалые глаза, даже подумалъ: не выжилъ-ли старикъ изъ ума? Слова и намѣренія его казались Капитону Игнатьевичу ни съ чѣмъ несообразны. Да какъ же такъ?.. Дѣло прошлое, дѣло давно замятое,—и вдругъ Чабанъ опять самъ поднимаетъ его на свою голову и лѣзетъ на непріятности. Старшина не зналъ: каковы могутъ быть эти непріятности... Богъ ихъ вѣдаетъ! А вѣдь можетъ и до серьезнаго дойти. И что за охота Чабану непріятности наживать зря? Капитону Игнатьевичу было досадно на свояка, и въ то же время онъ самъ побаивался: какъ бы ему не нажить хлопотъ изъ-за этого безпокойнаго, съ ума спятившаго старичишки.

«Легче смерть принять, чѣмъ эти муки мученскія... Лучше было, ежели бы я сталъ спасать Аннушку и потонулъ вмѣстѣ съ ней, чѣмъ жить, да маяться этакъ. Не приведи Богъ!.. Что съ ней, съ жизнью-то, коли она— не въ радость!..» раздумывалъ старикъ, возвращаясь съ Вороньева домой.

Уже вечеромъ, впотьмахъ возвратился старикъ на Куваево. Тутъ онъ разсказалъ женѣ и сыну: для чего ходилъ на Вороньево. Ульяна ахнула и нѣсколько мгновеній не могла слова вымолвить, а потомъ, придя въ себя,—какъ и думалъ Чабанъ,—стала увѣрять его, что никакого грѣха на немъ не было и нѣтъ. Алешка молчалъ и только съ досадой подумалъ про себя: «И захотѣлось срамиться!.. Гм! Чуденъ старикъ!»

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Никольщинскій міръ не взялся судить Чабана. А старикъ все-таки пойдетъ искать себѣ суда и найдетъ его. Онъ вотъ что сдѣлаетъ: пойдетъ въ городъ. Тамъ живутъ всякіе чиновники; между ними есть и такіе, которые для того и приставлены, чтобы мужика судить. На другой же день послѣ сходки Чабанъ сказалъ своей Ульянѣ, что идетъ въ городъ. Старуха боялась, какъ бы чего худого не вышло, и всячески отговаривала его.

— Неладно ты задумалъ, Петровичъ!— толковала она.

Григорій былъ упрямъ и стоялъ на своемъ... Чабану, какъ истому никольщинцу, было очень неохота идти въ городъ. Конечно, не дальняя дорога пугала его: для никольщинца 100 верстъ—не околица... Доведись Чабану идти куда-нибудь въ лѣсъ верстъ за 500, онъ пошелъ бы туда, глазомъ не моргнувъ, и въ милліонъ разъ охотнѣе, нежели въ городъ. Дѣло въ томъ, что никольщинцы, жившіе на вольной волюшкѣ, по простотѣ, привыкшіе къ своимъ дремучимъ лѣсамъ, боялись города и шибко не любили его. Чабана заставляла

тащиться въ городъ только увѣренность въ томъ, что въ городѣ-то ужъ непремѣнно его «посудятъ»...

Въ среду утромъ Чабанъ поднялся раньше обыкновеннаго и сталъ, скрѣпя сердце, собираться въ путь. При мерцающемъ свѣтѣ лучины онъ позавтракалъ, сдѣлалъ семьянамъ еще кое-какія указанія по хозяйству и сталъ оболокаться, надѣлъ полушубокъ, поверхъ его сѣрый армякъ и туго подпоясался кушакомъ. Для дальней дороги надо было одѣться потеплѣе. Октябрь былъ уже въ концѣ; то шелъ дождь, то снѣгъ порой мелькалъ въ студеномъ воздухѣ; по ночамъ, бывало, грязь подмерзала и лужи подергивались льдомъ. Осень въ тотъ годъ выдалась холодная, суровая; никольщинцы побаивались за свои озими.

— Вишь, какъ похудалъ... полушубокъ-то, ровно, на гвоздѣ виситъ! — замѣтила Ульяна, посмотрѣвъ на старика.

— Легче идти!—съ усмѣшкой отозвался тотъ.

Старикъ положилъ въ кошелку утиральникъ, краюху хлѣба, соли въ тряпочкѣ, десятокъ печеныхъ яицъ, нѣсколько луковицъ —и привязалъ кошелку за спиной.

— Ну, оставайтесь съ Богомъ! Живите!.. —сказалъ онъ, коротко попрощавшись съ семьянами, нахлобучилъ на лобъ свою старую баранью шапку и, взявъ костыль, вышелъ на дворъ.

Тутъ онъ остановился и замѣтилъ сыну:

— А ты смотри, Алешка,—за амбаромъ-то приглядывай! Ночи нынче темныя...

И послѣ того, махнувъ костылемъ и ужъ больше ни разу не оглянувшись, Чабанъ пошелъ по дорогѣ.

Было еще рано. На Куваевѣ лишь надъ немногими избами изъ трубъ поднимался дымъ и въ оконцахъ мигали красные огоньки. Сѣрыя, дождливыя облака низко висѣли надъ землей. Въ воздухѣ стояла изморозь. Передутреннія сумерки еще закутывали даль. И Чабанъ въ эту темнѣвшую даль пошелъ бодрымъ, увѣреннымъ шагомъ.

Узнали на Куваевѣ объ его уходѣ и всѣ диву давались. «Не сидится старику на мѣстѣ... Вотъ поди жъ ты! Видно, воробьи у него въ ногахъ-то»... толковали на деревнѣ.

До уѣзднаго города было 120 верстъ, и по крайней мѣрѣ верстъ 90 или 100 приходилось идти лѣсомъ. Старикъ не бывалъ въ городѣ уже около 30 лѣтъ, но дорогу, конечно, помнилъ, да и невозможно было сбиться съ нея...

По обѣимъ сторонамъ узенькой дороги, окаймленной кое-гдѣ позаросшими канавами, поднимался густой и высокій, дремучій лѣсъ. Лишь изрѣдка лѣсъ перерывался и уступалъ мѣсто полянамъ съ двумя или тремя небольшими сѣновалами, а затѣмъ опять шла безпросвѣтная лѣсная чаща. Попадались въ томъ лѣсу и лиственныхъ породъ деревья, стоявшія на ту пору голыми: березы, осины, олешнякъ, но попадались не часто; по обѣимъ сторонамъ дороги почти сплошною, темно-зеленою стѣной тянулся сосновый и еловый лѣсъ, съ примѣсью лиственницы и кедра. Свѣтъ на дорогу падалъ лишь сверху, гдѣ между сходившимися вершинами деревьевъ сквозила узкая полоса неба... Мѣстами валялся буреломъ,—на половину поломанныя или вывороченныя съ корнями и съ землей деревья. Кое-гдѣ виднѣлись пожарища, и обуглившіеся стволы сосенъ и елей стояли печально, какъ памятники былого растительнаго величія. Въ иныхъ мѣстахъ погорѣлыя деревья были сломаны или срублены, и черные пни ихъ издали то принимали человѣческій образъ, то казались какими-то сказочными страшилищами...

Всѣ эти лѣсныя картины уже издавна были знакомы Чабану и мало обращали на себя его вниманіе. Около полудня старикъ присѣлъ отдохнуть на канаву, подъ вѣтвями старой, лохматой ели, вынулъ изъ кошелки кусокъ хлѣба, яйцо, соли—и пообѣдалъ, а изъ ручья напился пригоршней студеной воды. Потомъ, погодя мало, онъ опять пустился въ путь... Мелкій дождь моросилъ, сѣясь словно изъ сита. Въ воздухѣ было тихо; только кое-гдѣ попадавшіяся осины — при самомъ легкомъ дуновеніи вѣтерка—съ безпокойной дрожью шевелили своими голыми вѣтвями. Припахивало лѣсною сыростью, дичью, глушью лѣсною...

Чабанъ не разъ видѣлъ, какъ совсѣмъ неподалеку отъ него изъ лѣсу выскакивалъ на дорогу заяцъ и, присѣвъ на заднія лапы, весь вытянувшись, робко озирался по сторонамъ, насторожившъ свои длинныя уши. Бѣлки перемахивали съ дерева на дерево и, распустивъ пушистый хвостъ, посматривали внизъ, на Чабана, своими темными, зоркими глазками, какъ будто желая узнать: для чего мужикъ тащится по дорогѣ въ такую непогодь? Что ему нужно у нихъ въ лѣсу?.. Иногда красно-

бровый тетеревъ, матерый, черный и блестящій, принимался громко токовать. Пестрыя, красивыя сойки посвистывали въ чащѣ... Въ темной глубинѣ лѣса порой слышался сухой трескъ. То — медвѣдь проламывался сквозь чащу.

Старый чабанъ съ малыхъ лѣтъ живетъ въ этихъ лѣсахъ, почти ничего и не видалъ, кромѣ нихъ, знаетъ ихъ, привыкъ къ нимъ. Въ лѣсу онъ, какъ дома. Сколько разъ, бывало, когда Чабанъ рубилъ дрова въ лѣсу, голодный волкъ шмыгалъ около него по-за кустами, а Чабанъ, взмахнувъ топоромъ, кричалъ зычнымъ голосомъ: «Вотъ я тебя, сѣрый!» И волкъ, пощелкивая зубами, удиралъ отъ него... Встрѣчался Чабанъ на своемъ вѣку не разъ и съ медвѣдемъ — съ владыкой никольщинскихъ лѣсовъ—и расходился съ нимъ мирно: медвѣдь, тихо переваливаясь, забирался въ чащу, а человѣкъ шелъ своей дорогой. О медвѣдяхъ больше разсказываютъ ужасовъ, нежели видятъ ихъ въ дѣйствительности. Опасна лишь медвѣдица, когда она гуляетъ съ медвѣжатами...

Лѣсъ для Чабана былъ открытой книгой, и не пугала его темная чаща... По расположенію и наклону вѣтвей онъ могъ въ лѣсу опредѣлить: гдѣ полдень, а гдѣ полуночная сторона... Онъ зналъ: въ какомъ лѣсу какая птица и какой звѣрь водится, какія ягоды и грибы растутъ...

Ночь застигла Чабана въ лѣсу. По его предположеніямъ, до ближайшей деревни оставалось еще верстъ 6—7. Старикъ поусталъ, идти было темно, и онъ рѣшился заночевать въ лѣсу. Чабанъ скоро увидалъ на полянкѣ сѣновалъ и забрался въ него. Здѣсь ему было чудесно: ни дождь его не мочилъ, ни вѣтромъ не хватало,—и усталый старикъ крѣпко и спокойно заснулъ на свѣжемъ, пахучемъ сѣнѣ. Впрочемъ, Чабанъ пробудился рано и, лишь стало свѣтать, тронулся въ путь. И при свѣтѣ утреннихъ сумерекъ востроглазыя бѣлки опять могли видѣть старика въ сѣромъ армякѣ, шагавшаго по лѣсной дорогѣ съ костылемъ въ рукѣ.

Другую ночь Чабанъ спалъ въ пустой, лѣсной истопкѣ—безъ оконъ, безъ печи, вродѣ той избушки на курьихъ лапкахъ, въ какой живала—въ сказкахъ—Баба Яга-Костяная Нога. Этими истопками въ нашихъ никольщинскихъ лѣсахъ можетъ пользоваться всякій прохожій и проѣзжій... Слѣдующія три ночи старикъ провелъ въ деревняхъ. Верстъ за 30 до города лѣсъ понемногу сталъ рѣдѣть, чаще въ немъ раскидывались поляны и попадались деревушки. На шестыя сутки, около полудня, лѣсъ окончательно разступился, и Чабанъ увидѣлъ передъ собой городъ.

Всю дорогу Чабанъ утѣшалъ себя тѣмъ, что городскіе чиновники не откажутъ ему въ судѣ. Но къ кому же обратиться? Вѣдь чиновниковъ въ городѣ—много. Чабану, какъ и всякому никольщинцу, казалось, что исправникъ—самый набольшій человѣкъ въ городѣ. Поэтому, вступивъ въ городъ, Чабанъ сталъ у прохожихъ спрашивать о дорогѣ къ исправнику.

Сначала при въѣздѣ въ городъ потянулись закоптѣлыя кузницы, огороды съ разрытыми грядами, затѣмъ, какъ ужъ водится, объявился кабакъ, и, наконецъ, Чабанъ очутился на главной городской улицѣ — Архангельской—и, идя по ней, выбрался на соборную площадь. Въ 30 лѣтъ городъ мало измѣнился, но Чабану онъ показался какъ будто совсѣмъ другимъ. Соборъ на площади за оградой, осѣненной березами, показался ему больше и бѣлѣе: церковь недавно перестраивали и красили. Вмѣсто жалкихъ лавчонокъ — противъ собора—появились каменные «ряды». Въ общественномъ саду, гдѣ прежде паслись коровы городскихъ обывателей и куда забѣгали мальчишки «по своему дѣлу», теперь были выстроены бесѣдки и гуляли господа. Повыросло нѣсколько новыхъ домовъ, изъ нихъ два большіе каменные дома.

Чабанъ шелъ и удивлялся тому: какъ разстроился и похорошѣлъ «ихъ» городъ. За послѣднія 30 лѣтъ горожане, очевидно, разбогатѣли. Отчего жъ не разбогатѣли никольщинцы?.. «Въ чужое счастье не вкупишься!» думалъ старый Чабанъ, поглядывая на каменныя палаты. «Видно, повезло... Вонъ въ Никольщинѣ за это время только развѣ Капитонъ, да еще два-три мужика наскребли кое-что себѣ въ кубышку... А остальные только живутъ, съ голоду не помираютъ»...

Наконецъ, за соборомъ въ такъ называемой Соборной улицѣ Чабану указали мѣстожительство исправника—деревянный двухъ-этажный домъ, окрашенный въ сиреневый цвѣтъ. На окнахъ стояли горшки съ геранью и съ китайскими розанами; въ одномъ окнѣ висѣла клѣтка съ канарейкой; изъ комнатъ доносились на улицу дребезжащіе звуки разбитаго фортепіано. Чабанъ тотчасъ же со-

образилъ, что человѣкъ, живущій въ такихъ хоромахъ, у котораго на окнахъ столько травы, и желтая птица въ клѣткѣ и такая чудная музыка, конечно, долженъ быть особой важной и могущественной.

Никольщинцы чувствуютъ себя въ городѣ на зыбкой почвѣ, какъ люди, никогда не покидавшіе сухой земли, чувствуютъ себя въ первый разъ на морѣ... Чабанъ нерѣшительно вошелъ въ ворота «сиреневаго дворца» и остановился. Передъ крыльцомъ въ ту минуту стояла тройка лошадей, запряженныхъ въ тарантасъ. Въ тарантасѣ лежали двѣ подушки въ красныхъ кумачныхъ наволочкахъ и виднѣлся небольшой изъ черной кожи, порыжѣвшій чемоданъ. Ямщикъ стоялъ спиной къ Чабану передъ самой мордой коренника и поправлялъ дугу, наклоняя ее то вправо, то влѣво. Колокольчикъ позвякивалъ; у пристяжныхъ шуршали бубенчики...

— Миляга! А, миляга!— вполголоса окрикнулъ Чабанъ ямщика.—Исправника бы мнѣ надо повидать...

— Ѣдетъ въ уѣздъ! Сейчасъ, братъ, на крыльцо выйдетъ!—отвѣтилъ ямщикъ, оглянувшись на старика.—Изъ Никольщины, не бойсь, приперъ?

— Изъ Никольщины... по дѣлу! — отозвался Чабанъ, подходя ближе къ крыльцу.

— Вашего брата—никольщинца—по одежѣ, да по рылу завсегда узнаешь...—добродушно усмѣхнулся ямщикъ.

Въ ту минуту въ сѣняхъ стукнула дверь, послышались шаги и въ сопровожденіи своихъ чадъ и домочадцевъ вышелъ на крыльцо *самъ*... Чабанъ почувствовалъ, какъ сердце его екнуло и замерло, а потомъ шибко забилось — не то отъ страха, не то отъ радости. «Вотъ этотъ человѣкъ ужъ, конечно, строго обсудитъ его дѣло»... *Самъ* былъ мужчина среднихъ лѣтъ, высокаго роста, полный, видный, съ желтоватымъ, нѣсколько одутловатымъ лицомъ и съ густыми, низко опущенными усами, придававшими его физіономіи весьма внушительный и воинственный видъ. На немъ была синевато-сѣрая, теплая шинель съ мѣховымъ воротникомъ и фуражка съ кокардой. Слѣдомъ за нимъ вышла барыня, худая и блѣдная, съ большимъ сѣрымъ платкомъ на головѣ, выскочили двѣ дѣвочки и мальчуганъ, да человѣкъ съ сизымъ носомъ, въ потертомъ сюртучишкѣ, вынесъ портфейль и засуетился около тарантаса. Какая-то женщина, кухарка, либо нянька, выглядывала изъ сѣней.

Спускаясь съ крыльца и окидывая весь дворъ орлинымъ взглядомъ, исправникъ замѣтилъ Чабана и пріостановился на предпослѣдней ступенькѣ лѣстницы.

— Что скажешь, дѣдушка?— крикнулъ исправникъ, почему-то воображавшій, что всѣ крестьяне-старики туги на ухо.

— А вотъ пришелъ къ твоей милости...— заговорилъ Чабанъ, снимая шапку.—Съ объявкой пришелъ... Грѣхъ такой вышелъ... Душу загубилъ!..

Исправникъ вдругъ подтянулся и сдѣлался серьезенъ.

— Убилъ? Кого?—скороговоркой, повелительнымъ тономъ крикнулъ онъ, выпрямляясь и запахиваясь плотнѣе въ шинель.

— Скажу тебѣ по совѣсти... все... вотъ какъ передъ Богомъ!—промолвилъ Чабанъ, подумавъ про себя: «Ну, ужъ этотъ громкоголосый безъ суда не отпуститъ»... и принялся разсказывать: какъ было дѣло на перевозѣ.

Всѣ домочадцы съ нескрываемымъ изумленіемъ слушали горестную исповѣдь стараго Чабана. И человѣчекъ съ сизымъ носомъ въ отрепанномъ сюртучишкѣ, и баба, окончательно выдвинувшаяся изъ сѣней на крыльцо, и ямщикъ, облокотившійся на крупъ пристяжной—пытливо воззрились на старика... Самъ же исправникъ съ явной досадой и съ нетерпѣніемъ выслушивалъ разсказъ Чабана. Онъ торопился «въ уѣздъ».

— Ну, ну, скорѣе къ дѣлу... къ дѣлу!— покрикивалъ онъ.

— Съ пустяками все лѣзете!.. — сердито проговорилъ исправникъ, когда Чабанъ кончилъ свое повѣствованье.—Могу тебѣ только одно сказать: иди домой съ Богомъ! Судить тебя не за что...

— Помилуй, батюшка... Какъ не за что! —взмолился старикъ.

— И никто тебя, старикъ, судить не будетъ!—не слушая его, перебилъ исправникъ. —Попусту безпокоился... меня только задержалъ!.. Толковать мнѣ теперь съ тобой некогда... А, впрочемъ, если хочешь, вотъ поговори съ нимъ!

Исправникъ кивнулъ головой на человѣка съ сизымъ носомъ, сѣлъ въ тарантасъ и гаркнулъ: «Трогай!» Тройка рванула, вылетѣла за ворота и съ грохотомъ и звономъ помчалась по Соборной улицѣ.

«Сизый носъ» служилъ письмоводителемъ, то-есть, несмотря на отрепанный сюртукъ—былъ, значитъ, не послѣдней спицей въ уѣздной колесницѣ. Звали его Иваномъ Семеновичемъ Присноблаженскимъ. У Ивана Семеновича выработался свой взглядъ на мужика... Увидавъ, напримѣръ, изъ окна, что къ нему направляется крестьянинъ, онъ говорилъ себѣ: «Вотъ идетъ рубль!» или: «Вотъ идетъ полтинникъ!» (смотря по наружности подходившаго человѣка). Мужики ему представлялись не иначе, какъ ходячими «полтинниками» и «рублями»... Впрочемъ, и многіе другіе раздѣляли съ Присноблаженскимъ подобный взглядъ на мужика.

Вотъ съ такой-то точки зрѣнія Иванъ Семеновичъ посмотрѣлъ (довольно благосклонно) и на нашего Чабана, позвалъ его въ домъ и привелъ въ какой-то скверный чуланъ, весь оклеенный «Московскими Вѣдомостями». Загрязненное окно этой каморки выходило на помойную яму; полки были завалены запыленными связками какихъ-то бумагъ, тетрадей и книгъ; воздухъ былъ пропитанъ запахомъ чернилъ и какой-то кислятины, свойственной канцеляріямъ. На столѣ, покрытомъ запятнанной черной клеенкой, стояла чернильница, валялись перья, бумаги и былъ разсыпанъ песокъ...

Чабанъ уже слыхалъ, что городскіе обыватели не любятъ разговаривать даромъ съ ихъ братомъ-мужикомъ и поэтому досталъ изъ-за голенища сапога тряпочку съ деньгами, вынулъ изъ нея два пятіалтынныхъ и подалъ письмоводителю. Тотъ съ презрѣньемъ посмотрѣлъ на доброхотнаго дателя, но монеты тѣмъ не менѣе опустилъ въ карманъ — и затѣмъ наскоро и кратко (то-есть, ровно на два пятіалтынныхъ) объяснилъ Чабану, что ему слѣдуетъ обратиться къ мировому судьѣ, что «мировой» — такой человѣкъ, который и приставленъ для того, чтобы всякія дѣла разбирать, что дальше «мирового» идти уже некуда и т. д. Затѣмъ письмоводитель взялся за свое перо и безъ дальнихъ околичностей выпроводилъ Чабана на крыльцо...

Старикъ рѣшился провести тотъ день въ городѣ, отдохнуть и, переночевавъ, утромъ пуститься далѣе въ путь. Онъ отыскалъ на краю города постоялый дворъ и тамъ расположился на дневку.

Вечеромъ на постоялый дворъ набрался народъ, (день былъ базарный), и поднялись толки о булочникѣ, «Петрѣ Васильичѣ»... Дѣло въ томъ, что какъ-то Великимъ постомъ, передъ Пасхой, Петръ Васильичъ приготовилъ отраву для крысъ и поставилъ ее на полку, не предупредивъ о томъ пекаря, а пекарь, принявъ отраву (бѣлый порошокъ) за сахаръ, бухнулъ ее въ опару. Отъ булокъ подслащенныхъ такимъ сахаромъ, многіе заболѣли, одинъ человѣкъ даже умеръ; булочникъ былъ привлеченъ къ суду и недавно судомъ былъ приговоренъ на нѣсколько мѣсяцевъ въ тюрьму за небрежное обращеніе съ ядовитыми веществами... Вотъ теперь на постояломъ дворѣ и разсуждали о томъ: виноватъ-ли былъ Петръ Васильевичъ и по дѣломъ-ли упекли его въ острогъ. Большинство было того мнѣнія, что—«по дѣломъ»...

Чабанъ внимательно слушалъ и всѣ эти разговоры наматывалъ себѣ на усъ. И ему подумалось, что булочникъ меньше виноватъ въ смерти ближняго, нежели онъ, Григорій Чабанъ. Если этого Петра Васильича засадили на нѣсколько мѣсяцевъ, то его, стараго грѣшника, нужно засадить въ острогъ не на одинъ годъ... Всѣ эти разговоры и разсужденія о булочникѣ запали въ мысли Чабана, еще пуще убѣждая его въ его виновности.

Утромъ на другой день старикъ опять потащился своей дорогой. Мировой судья жилъ въ усадьбѣ за 45 верстъ отъ города. Для сокращенія пути Чабану пришлось перебираться черезъ болото.

Въ тотъ день начало подмораживать. Хлопья снѣга кружились въ воздухѣ, и Бѣлоусово болото, простиравшееся на десятки верстъ къ востоку отъ города, представляло въ ту пору очень печальный видъ. Чабанъ, идя по узкой, извилистой тропинкѣ, весь день ничего не видалъ кругомъ себя, кромѣ сѣраго, приземистаго кустарника, да кочекъ, покрытыхъ то мохомъ, то бурой, блеклой травой. Снѣгъ шелъ, не переставая, и скоро кочки и кустарники—на всемъ пространствѣ, какое только могъ глазъ охватить—побѣлѣли отъ снѣга, и болотистая пустыня показалась еще печальнѣе...

Сумерки надвигались... Чабанъ усталъ,—старыя ноги его отяжелѣли и начинали дрожать. Онъ посмотрѣлъ вверхъ, думалъ: не проясниваетъ-ли? Нѣтъ... Сѣрое, свинцовое небо разстилалось надъ его головой и бѣлые хлопья летѣли и летѣли, кружась въ холодномъ воздухѣ. Чабанъ, прищурившись, внимательно оглядывался по сторонамъ... Во-

кругъ него расходилась мерзлая, кочковатая, снѣгомъ запорошенная пустыня: ни огонька не видно нигдѣ, ни слѣдовъ жилья человѣческаго,—ни сѣновала, ни истопки, ни стога сѣна... Наконецъ, Чабанъ почувствовалъ, что ноги его подкашиваются отъ усталости и, сойдя съ тропинки, онъ присѣлъ на кочку. Изъ-за снѣжной, движущейся пелены, повисшей въ воздухѣ, гдѣ-то какъ будто далеко, на горизонтѣ что-то темнѣло. Но что это? Начинался-ли лѣсъ? Или то было селенье? Богъ вѣсть... Чабанъ плохо зналъ эту дорогу, и ему думалось, что до деревни еще не близко.

Старикъ сидѣлъ, то весь съежившись, то принимаясь хлопать руками и стучать ногами о мерзлую землю.

Наступила ночь. Небо потемнѣло и, казалось, окончательно слилось съ землей. Низкорослый кустарникъ смутно мерещился изъза летѣвшихъ, снѣжныхъ хлопьевъ. Раза два Чабанъ замѣчалъ, какъ за кустами мелькали, быстро съ мѣста на мѣсто перебѣгавшіе, огоньки. То волки шмыгали по мертвой, мерзлой пустынѣ. И тогда Чабанъ поднимался и выпрямившись во весь ростъ, размахивалъ своимъ костылемъ, какъ бы вызывая на бой невидимыхъ враговъ, и дрожащимъ голосомъ покрикивалъ:

— Вотъ я васъ! У-у-у!..

И звуки человѣческаго голоса какъ-то странно, дико раздавались надъ болотомъ, погруженнымъ въ ночной сумракъ, и глухо замирали, словно подавляемые безмолвіемъ пустыни. Волки отбѣгали подальше, а Чабанъ снова опускался на кочку. Если онъ съ полчаса сидѣлъ, не шевелясь, то его баранья шапка, борода и армякъ быстро запорашивались пушистымъ снѣгомъ, и тогда Чабанъ, какъ привидѣніе, поднимался съ кочки и начиналъ отряхиваться, а затѣмъ опять садился на земь.

Стужа, снѣгъ, ночь на болотѣ, усталость не особенно безпокоили его. Спину разломило, ноги ноютъ, то—не бѣда... Спина отдохнетъ, ноги поноютъ, да перестанутъ... А стужа, снѣгъ, да ночь съ волками на болотѣ или въ лѣсу—для никольщинца не въ диковину... За то горькія думы не тревожили теперь старика. Въ немъ теплилась увѣренность, что—самое долгое—послѣ завтра онъ найдетъ человѣка, который, наконецъ, по совѣсти разсудитъ его, сниметъ камень съ его души... Стоитъ для того помаяться, ночь не поспать...

Порой Чабанъ все-таки какъ будто начиналъ дремать,—и въ тѣ минуты ему чудилось, что онъ сидитъ въ своей избѣ на печи, свѣсивъ ноги, и грѣется, прислушиваясь къ завыванью вѣтра въ трубѣ. А то ему казалось, что онъ все идетъ и идетъ, все впередъ и впередъ въ темную, невѣдомую даль, что онъ ужъ весь бѣлый свѣтъ исходилъ и никакъ не можетъ найти то, чего ищетъ, что ему надо, чего такъ горячо жаждетъ его душа... Черезъ мгновенье старикъ открывалъ глаза и видѣлъ опять передъ собой темное ночное небо, бѣлую пустыню съ низкорослымъ кустарникомъ и даль, затканную снѣжнымъ покрываломъ...

Передъ разсвѣтомъ снѣгъ пересталъ. Вѣтеръ подулъ съ полуночи—съ холоднаго, ледовитаго моря, и морозъ защипалъ Чабану уши и носъ. Еле забрезжила на востокѣ свѣтлая полоска, старикъ тронулся въ путь. Вскорѣ сквозь разсѣевавшійся ночной сумракъ онъ различилъ вдали лѣсъ, а подъ самымъ лѣсомъ—небольшой поселокъ. Старикъ такъ умаялся, что весь день пролежалъ и просидѣлъ въ избѣ, хотя до усадьбы мирового судьи отъ той деревушки оставалось не больше 14 верстъ.

На другой день, вскорѣ послѣ полденъ, Чабанъ стоялъ уже въ камерѣ «мирового» и, переминаясь съ ноги на ногу и теребя свою баранью шапку, ждалъ очереди.

Мировой судья, тамошній помѣщикъ, Оленевъ, Николай Алексѣевичъ, былъ человѣкъ весьма благообразной наружности, внушавшей довѣріе. Длинные, темные волосы, большая темная борода, добрые и мягкіе темно-каріе глаза, лицо блѣдноватое, въ очкахъ, голосъ спокойный и ровный, роста высокаго, худощавый, съ нѣсколько впалой грудью,—таковъ съ виду былъ человѣкъ, на котораго Чабанъ возлагалъ свои надежды. Чабану онъ пришелся по сердцу. «Этотъ — добряга! Не откажетъ»... думалъ старикъ.

Въ ту пору разбиралось дѣло о незаконной продажѣ вина и шелъ допросъ свидѣтелей. Судья сидѣлъ, облокотившись одной рукой на столъ и опустивъ на руку голову, а другой рукой потрогивалъ цѣпь, блестѣвшую у него на груди. Чабанъ не особенно вникалъ въ то, что говорили свидѣтели. Его очень занималъ большой портретъ въ золоченой овальной рамѣ, висѣвшій передъ нимъ на стѣнѣ надъ головой судьи. Портретъ былъ написанъ красками,—и ничего подобнаго Чабанъ еще не видалъ на своемъ вѣку. Лицо, какъ ему ка-

залось, словно живое, глядѣло съ полотна. Большіе глаза задумчиво и даже какъ будто грустно смотрѣли на Чабана. Старикъ, конечно, узналъ: чей это портретъ... Небольшой портретъ въ томъ же родѣ, но гораздо хуже сдѣланный, висѣлъ у нихъ въ правленьи на Вороньевѣ... То былъ портретъ императора Александра II, царствовавшаго въ ту пору.

Долго и внимательно глядѣлъ Чабанъ на серьезное, задумчивое лицо. «Вишь ты, какъ смотритъ!—раздумывалъ старикъ. — Ровно, какъ ему въ самомъдѣлѣ жаль нашего брата...» И чѣмъ долѣе вглядывался Чабанъ въ это задумчивое лицо, тѣмъ мысли необычнѣе лѣзли ему въ голову. «Царь!» говоритъ онъ про себя, и чудно и какъ-то чрезвычайно странно показалось ему, что и царь съ виду совершенно такой же человѣкъ, какъ и всѣ, какъ и онъ, Григорій Чабанъ. Одѣжа другая...

И думалось Чабану: «Знаетъ-ли *онъ*, батюшка, всю правду про насъ, про наше житьебытье мужицкое? Знаетъ-ли *онъ*, что въ его царствѣ есть такая Никольщина? Слыхалъ-ли *онъ* про наши лѣса темные, дремучіе? И можетъ-ли такой человѣкъ, вотъ, примѣрно, какъ я, Григорій Чабанъ, дойти до царя и поговорить съ нимъ? Вотъ солдатъ, говорятъ, иной разъ доходитъ, а мужикъ—нѣтъ... Онъ, поди-ка, только съ большими барами рѣчи ведетъ! Извѣстное дѣло»... Старикъ, глядя на портретъ, качнулъ головой и тяжело вздохнулъ.

И въ такихъ мысляхъ Чабанъ не видалъ, какъ время прошло, разборъ дѣла кончился, судья снялъ съ себя цѣпь и собирался уходить изъ камеры. Тутъ Чабанъ вдругъ двинулся къ столу.

— Я къ твоей милости,—заговорилъ онъ.—Разсуди ты меня, ради Христа! Никто не судитъ... Міръ отказался... Исправникъ—тоже.

— Въ чемъ дѣло, дѣдушка?—съ добродушно-веселымъ видомъ спросилъ судья и, остановившись, обѣими руками уперся въ столъ.—Кто тебя обидѣлъ? Разсказывай!

— Никто меня, родной, не обидѣлъ!—промолвилъ Чабанъ, съ умиленьемъ смотря на судью, какъ на свою послѣднюю надежду.—Самъ я виноватъ... Крещеную душеньку загубилъ!

И старикъ опять принялся повторять свою исторію.

Судья внимательно слушалъ, съ любопытствомъ и сочувственно посматривая на Чабана. Подъ конецъ, когда Чабанъ заговорилъ о своихъ скитальчествахъ въ поискахъ за судомъ, «праведнымъ и строгимъ», на губахъ слушателя его промелькнула улыбка.

— И я тебя, дѣдушка, судить не берусь!—сказалъ мировой, дослушавъ разсказъ Чабана до послѣдняго слова.—Твое дѣло ко мнѣ не относится...

— Какъ, батюшка, не относится!—жалобнымъ голосомъ взмолился Чабанъ, почувствовавъ, что послѣдняя соломенка рвется у него подъ руками.—Посуди, родной!.. Дай ужъ тебѣ Богъ здоровья! Сдѣлай такую великую милость!.. Не откажи! Что жъ мы—люди темные... Не знаемъ: куда идти... Кромѣ тебя судить некому. Мнѣ говорили, что ты всякое дѣло разбирать можешь...

— Кто жъ тебѣ это говорилъ?—спросилъ судья.

— Въ городѣ одинъ вѣрный человѣкъ сказывалъ...—отвѣтилъ Чабанъ. — Иди, говоритъ, прямо къ мировому... А исправнику, говоритъ, твое дѣло не подлежитъ...

— Не слушай, дѣдушка, всѣхъ сказовъ!—остановилъ его судья.—Все врутъ... Радъ бы я помочь твоему горю... Понимаю я тебя... но ничего не могу сдѣлать. Тутъ, видишь,—дѣло совѣсти...

Судья пріостановился и въ задумчивости почесалъ за ухомъ. Чабанъ съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ за нимъ...

— А вотъ что, дѣдушка... — промолвилъ судья, поднимая голову.—Пошелъ бы ты лучше къ своему попу... разскажи ему все дѣло безъ утайки, откройся ему, какъ на духу,—онъ тебя успокоитъ. Онъ это можетъ... Въ этихъ дѣлахъ священникъ—судья!

Чабанъ грустно поникъ головой.

— Такъ судить не станешь? — спросилъ онъ еще разъ, вертя въ рукахъ свою баранью шапку.

— Не могу, дѣдушка! Право же, не могу!—отозвался судья.

И опять поплелся нашъ Чабанъ въ путь-дорогу... Опять, опираясь на свой костыль, зашагалъ онъ по пустыннымъ болотинамъ, по темнымъ, дремучимъ лѣсамъ, вспугивая при своемъ приближеньи зайцевъ, тетеревей, рябковъ... Черноглазыя бѣлки опять, казалось, съ удивленіемъ смотрѣли съ лохматыхъ вѣтвей елей и сосенъ на мужика, усталою походкой пробиравшагося черезъ лѣсныя дебри. «Неймется этому мужику!» какъ будто говорили бѣлки, склоняя на бокъ головку и глядя вслѣдъ

путнику. «Вонъ и лѣсъ уже снѣгомъ запорошило, пушистые хлопья повисли на сучьяхъ сосенъ и елей... И медвѣдь завалился въ берлогу... И заяцъ побѣлѣлъ подъ цвѣтъ снѣгу, и злому охотнику уже труднѣе запримѣтить его издали... Зима на дворѣ! А этотъ старикъ все шатается по нашему лѣсу взадъ да впередъ»...

Напрасно шатался Чабанъ, напрасно онъ околесилъ въ осеннюю непогодь триста верстъ по болотамъ и лѣсамъ. Все съ тѣмъ же душевнымъ гнетомъ возвращался онъ теперь въ Никольщину... Нѣтъ! Видно, нигдѣ не найти ему суда—и успокоенья. Такъ, видно, и суждено ему весь вѣкъ оставаться съ грѣхомъ на душѣ. Міръ говоритъ: не наше дѣло!.. Исправницкій письмоводитель отсылаетъ къ мировому... Мировой—къ священнику... «Никому нѣтъ дѣла до моего грѣха!—подумалъ Чабанъ.—Да что жъ это за напасть! Господи помилуй!.. Человѣкъ суда проситъ, Христомъ-Богомъ молитъ, а его никто посудить не хочетъ»... «Схожу еще къ попу!» рѣшилъ онъ.

Отецъ Иванъ—попъ у нихъ хорошій, обходительный, не спѣсивый... Можетъ быть, онъ и въ самомъ дѣлѣ скажетъ что-нибудь Чабану... И старикъ рѣшился, не заходя домой, прямо пробраться къ отцу Ивану.

На седьмыя сутки Чабанъ дошелъ до рѣки Пудеги. На противоположномъ берегу ея былъ видѣнъ погостъ, запорошенный снѣгомъ; далѣе шли дома причетниковъ, а надъ ними высоко поднималась церковь съ бѣлой колокольней...

Послѣдняя надежда...

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Отецъ Иванъ имѣлъ обыкновеніе передъ обѣдомъ пить чай, а послѣ обѣда — спать. Отецъ Иванъ былъ мужчина лѣтъ подъ 40, довольно высокаго роста, полный, нрава живого и веселаго. За чаемъ онъ особенно любилъ поговорить и поблагодушествовать.

Чабанъ пришелъ къ священнику въ то самое время, когда тотъ оканчивалъ свое передобѣденное чаепитіе. Попадья возилась съ ребятишками внизу, а отецъ Иванъ оставался въ «залѣ» одинъ и, за неимѣніемъ собесѣдника, разговаривалъ со скворцомъ, висѣвшимъ въ клѣткѣ у окна.

— А, здорово, Григорій! Откуда Богъ несетъ?—весело спросилъ онъ Чабана.

— Изъ городу, батюшка! Изъ городу...—отвѣтилъ тотъ.—Къ тебѣ вотъ послали...

— Ко мнѣ? Кто жъ это?—спросилъ отецъ Иванъ, вытирая клѣтчатымъ платкомъ потъ, обильно выступавшій на его раскраснѣвшемся лицѣ.—Садись, Григорій, садись и разсказывай: кто тебя послалъ ко мнѣ и по какому дѣлу...

«Чайку, чайку!» — хрипло прокричалъ скворецъ.

— Вишь ты, блажной!—со смѣхомъ сказалъ отецъ Иванъ, любуясь на своего «ученаго» скворушку.—Угощаетъ тоже... А, въ самомъ дѣлѣ, чайку не хочешь-ли?

— Нѣтъ, батюшка! Спасибо!—промолвилъ Чабанъ и, не снимая съ себя кошелки, осторожно присѣлъ на стулъ.—Мировой послалъ меня къ тебѣ. Иди, говоритъ, къ своему попу, откройся ему, говоритъ...

И старикъ повѣдалъ священнику о своемъ горѣ—о томъ, какъ онъ сгоряча, убоявшись суда людского, скрылъ свой грѣхъ, какъ потомъ этотъ тайный грѣхъ сталъ мучить его нестерпимо, какъ онъ признался въ немъ передъ «міромъ», какъ пустился странствовать —искать себѣ суда и какъ, наконецъ, всѣ мытарства ни къ чему его не привели... Священникъ уже зналъ о томъ: какъ старый Чабанъ являлся къ старшинѣ и какъ потомъ ушелъ въ городъ, и теперь онъ съ живѣйшимъ любопытствомъ выслушивалъ разсказъ Григорія.

— Судья сказалъ правильно... — заговорилъ отецъ Иванъ, откашлявшись и запахивая свой коричневый подрясникъ. — Тутъ, братъ, дѣло совѣсти... это—вѣрно! Вашему мірскому суду тутъ, Григорій, дѣлать нечего... Николай Алексѣичъ—господинъ разсудительный!.. Будемъ мы съ тобой говорить такъ: ежели ты покаялся отъ чистаго сердца, такъ что жъ тутъ... Искреннее раскаяніе въ содѣянномъ грѣхѣ Богъ принимаетъ отъ всякаго грѣшника. Молись, — и Богъ проститъ тебя!

— Ой-ли?—промолвилъ Чабанъ, скорбно качнувъ головой.—Что ужъ больно и скоро этакъ!

— Что ты, чудакъ! Вѣдь дѣло, братъ, не во времени...—возразилъ ему отецъ Иванъ. —На словахъ можно каяться цѣлые годы и все-таки не покаяться какъ слѣдуетъ. А ежели отъ всего сердца, отъ всего помышленія... такъ и одной минуты довольно... Вонъ какъ разбойникъ на крестѣ... Слыхалъ, поди?

Чабанъ, молча, со вздохомъ поникъ головой.

— Припади съ вѣрой къ Царю Небесному, и Онъ всякій грѣхъ съ тебя сниметъ, какъ паутину... Богъ не хочетъ смерти грѣшника! — серьезно, вполголоса продолжалъ отецъ Иванъ такимъ тономъ, какъ будто говорилъ на исповѣди.

— Ахъ! И что жъ ты такое говоришь!— вдругъ медленно, вдумчиво промолвилъ Чабанъ. — Гдѣ-жъ мнѣ, батька, съ разбойникомъ равняться! Тотъ разбойникъ-то на крестѣ ужъ муку принялъ... А я-то что? Живу, какъ и жилъ, въ сытости, въ теплѣ...

— А ты, братъ, другія муки принялъ!— уговаривалъ его отецъ Иванъ.—Ты крестъ на себѣ несешь...

— Крестъ! — съ горечью повторилъ старикъ, поднявъ голову и взглянувъ на священника.—Какой у меня крестъ!.. Ты мнѣ только это на утѣшенье говоришь... Нѣтъ! Вотъ ежели бы крестъ этотъ самый...

— Ну, какой же ты, Григорій, въ самомъ дѣлѣ...—перебилъ отецъ Иванъ.—Тебѣ говоришь одно, а ты все свое тянешь... Ну, признайся по совѣсти: вѣдь грѣхъ мучилъ тебя? Ну, скажи: мучилъ?..

— Ну, что жъ! — какъ бы нехотя, отвѣтилъ Чабанъ. — Ну, и мучилъ... да, видно, мало!.. Совѣстно на людей глядѣть... жить совѣстно... жить мнѣ тяжело... то-есть вотъ какъ тяжело... Сказать не могу!.. И-и-и! Не приведи Богъ!

Голосъ дрогнулъ, старикъ опять понурился. На рѣсницахъ блеснули слезы. Чабанъ смахнулъ ихъ и, какъ бы подъ вліяніемъ сильной боли, потрясъ своей сѣдой головой.

— Ежели эпитемью наложить...—немного погодя, заговорилъ отецъ Иванъ.—Заказать тебѣ каждый день класть земные поклоны... Да, нѣтъ, братъ! Поклоны счетомъ Богу не нужны... Что жъ съ тобой дѣлать? Терзать тебя, огнемъ жечь?.. Того тебѣ охота, что-ли?

— А что жъ! И огнемъ жечь... — тихо промолвилъ Чабанъ и, сжавъ губы, крѣпко задумался.

— «Чайку, чайку!» — прохрипѣлъ скворецъ.

— Тсс! Ну тебя, дурень! — замахалъ на него рукой отецъ Иванъ и, вспомнивъ о чаѣ, налилъ себѣ еще чашку. — Вотъ что я тебѣ еще скажу...—обратился онъ къ своему собесѣднику.—Закажи-ка ты сорокоустъ по покойной невѣсткѣ... да сдѣлай вкладъ въ церковь на вѣчное поминовенье... панихиду отслужи! Что жъ больше!.. Я ужъ не знаю.

— Ну, что жъ! — согласился старикъ.— Можно и сорокоустъ, и поминовенье... только вотъ теперь денегъ-то со мной помало...

— Что ты! Что ты, Григорій! — обидчиво возразилъ священникъ.—Да развѣ же я тебѣ не повѣрю!.. Не сбѣжишь,—вѣдь ты не таковскій мужикъ... Хочешь, такъ теперь же панихиду отслужимъ?.. Бѣжи за дьякономъ! Мы это живой рукой...

Чабанъ тотчасъ же привелъ дьякона, и всѣ они втроемъ, зайдя на минуту въ церковь, отправились на могилу.

Тихо было на погостѣ. Березы низко склоняли надъ могилами свои гибкія вѣтви, увѣшанныя узорчатымъ инеемъ. Снѣгъ едва запорошилъ землю. Изъ-подъ снѣга тамъ и сямъ торчали стебли поблекшей, сухой травы. И на могилѣ Аннушки изъ-подъ снѣга были видны двѣ палки, крестообразно связанныя веревкой. На сосѣдней березѣ ворона громко каркала...

Отслуживъ панихиду, отецъ Иванъ пошелъ домой. Чабанъ съ дьякономъ слѣдовали за нимъ. Старикъ увидалъ неподалеку отъ церкви, на полуденной сторонѣ погоста, высокую, совсѣмъ еще свѣжую могильную насыпь.

— Чья же это могила? — спросилъ онъ дьякона.

— Березкина, Капитона...— отвѣтилъ тотъ, взглянувъ по указанному ему направленію.

— Какъ? Капитона... Игнатьева? — пробормоталъ Чабанъ и остановился, какъ вкопанный, словно не довѣряя ни своимъ ушамъ, ни глазамъ.

— Ну, да... старшины Капитона! — подтвердилъ дьяконъ басомъ. — Ты вотъ по городамъ-то странствуешь, новостей-то нашихъ и не знаешь...

Старикъ, молча, глядѣлъ на могилу.

Дѣйствительно, въ ту пору, какъ старый Чабанъ былъ въ отлучкѣ, на Вороньевѣ произошло событіе, сильно взволновавшее весь Никольскій Конецъ.

Дня черезъ два послѣ ухода Чабана въ городъ, почтенный никольщинскій старшина, Капитонъ Игнатьевичъ, со своей Ольгой пріятно проводилъ темный осенній вечеръ на пудежской мельницѣ. Выпили, подкутили... Федька Кривой, уже давно прощенный за свои продерзости, также принималъ участіе въ по-

*

пойкѣ. Онъ наигрывалъ на балалайкѣ, а Капитонъ, сидя за столомъ, постукивалъ объ полъ каблуками и пьянымъ голосомъ подпѣвалъ:

«Ходи ты, ходи я,
Ходи, милая моя!»

Подъ конецъ вечера Капитонъ шибко захмѣлѣлъ. И опять помнѣлось ему, что Федька перемигивается съ его любовницей... Сталъ онъ опять ни съ того, ни съ сего придираться къ Ольгѣ, ругался, гремѣлъ по столу кулакомъ, хвастался своей силой и всячески куражился. Ольга отмалчивалась, Федька посмѣивался про себя. Наконецъ, Капитонъ Игнатьевичъ собрался домой и велѣлъ племяннику подвести лошадь къ крыльцу.

Пошатываясь и сквернословя, вышелъ онъ изъ избы, влѣзъ въ телѣжку, схватилъ возжи и такъ рванулъ ихъ, что Сѣрый попятился назадъ.

— А ты... ступай къ лѣшему!.. Бѣжи пѣшкомъ! — заплетающимся языкомъ крикнулъ онъ Ольгѣ.

— Что ты, Капитонъ!.. Съ ума никакъ спятилъ...—жалобнымъ голосомъ взмолилась Ольга. — Такая темень, да грязь... Ополоумѣлъ, чортъ!

Ольга хваталась за край телѣжки, но вскочить не могла: лошадь не стояла на мѣстѣ и, фыркая и похрапывая, безпокойно порывалась впередъ.

— Ежели не возьмешь... съ Федькой останусь!—пригрозила дѣвушка. — Проваливай къ дьяволу... Неслухъ!

— И оставайся! Наплюй на него! — со смѣхомъ промолвилъ Кривой.

— Что-о-о?!—совсѣмъ по звѣриному зарычалъ Капитонъ, стараясь приподняться въ телѣжкѣ. — Ну, чортъ съ тобой... Полѣзай! — обратился онъ къ Ольгѣ и, напрягши всю силу своихъ рукъ, заставилъ спокойно постоять Сѣраго.

Ольга живо прыгнула въ телѣгу, лошадь разомъ рванула,—и въ тотъ же мигъ Капитонъ Игнатьевичъ покачнулся, возжи выскользнули у него изъ рукъ и голова запрокинулась на бокъ. Шапка свалилась въ грязь... Капитонъ страшно захрапѣлъ. Ольга лишь едва успѣла перенять и натянуть возжи, какъ лошадь испуганно шарахнулась— сначала въ одну сторону, потомъ — въ другую — и поднялась на-дыбы... Ея длинная, густая грива развѣвалась по вѣтру, — и въ ночномъ сумракѣ, прорѣзавшемся лишь узкою, красноватою полосой свѣта, падавшаго изъ окна, лошадь, поднимавшаяся на-дыбы, казалась какимъ-то сказочнымъ чудовищемъ.

— Федька! Бѣжи! Съ Капитономъ что-то не ладно... — съ испугомъ крикнула Ольга, насилу удерживая возжи.

Федюшка подскочилъ къ лошади, схватилъ ее подъ уздцы и повернулъ къ сараю. Сѣрый пересталъ бѣситься, но все-таки продолжалъ безпокойно прясть ушами, вздрагивалъ и храпѣлъ. Федька поднялъ шапку, нахлобучилъ ее дядѣ на лобъ и заглянулъ ему въ лицо... Лицо сдѣлалось темно-багровое, глаза закатились, на губахъ показалась пѣна. Капитонъ тяжело храпѣлъ, и грудь его поднималась высоко и съ такимъ шумомъ, какъ будто въ нее разомъ изъ десяти мѣховъ вдували воздухъ и выкачивали обратно... Все его большое, могучее тѣло вздрагивало, и сапоги его, подбитые гвоздями, стучали о передокъ телѣги.

— У-у! Какой страшной!.. Я съ нимъ ни въ жизнь не поѣду! — прошептала Ольга, взглянувъ на темно-багровое лицо, искаженное судорогами, и, не помня себя, почти кубаремъ выкатилась изъ телѣги.

Ея зубы стучали, какъ въ лихорадкѣ, и ея темно-матовые расширенные глаза съ ужасомъ смотрѣли на большое вздрагивавшее тѣло.

— Ну, что ты, дура, взвилась! Поѣдемъ вмѣстѣ... Надо же вѣдь его домой-то... — проговорилъ Федюшка.

Онъ сходилъ въ избу, наскоро оболокся, потушилъ огонь, приперъ дверь колышкомъ и присѣлъ бокомъ на край телѣги.

— Садись же, не дури! Чего встала! Не бойсь, не съѣстъ!—сказалъ онъ Ольгѣ, забирая возжи.

Ольга опять вскочила въ телѣгу, но сѣла подальше отъ Капитона и одной рукой ухватилась за Федькинъ кушакъ.

Поѣхали. Лошадь не одинъ разъ порывалась закусить удила и понести, но Федюшка сдерживалъ ее, какъ могъ, — и черезъ полчаса быстрой, порывистой ѣзды они были уже на Вороньевѣ. Ольга прошла къ себѣ въ избу, а Федька отвезъ дядю домой.

Когда Ольга вошла въ избу, старуха проснулась.

— Ольга! Это ты?—спросонокъ окликнула старуха.

— Я!—отозвалась дѣвушка и, не сдувая огня, стала разболокаться. — А знаешь, ма-

ти... Капитонъ-то, кажись, помираетъ!—сказала она, немного погодя.

— Помираетъ?—пролепетала старуха, привскочивъ на печи. — Да что жъ это подѣялось?.. Ахти, грѣхъ!

— Пилъ весь вечеръ...—говорила Ольга, ложась спать. — Собрался, было, домой... сѣлъ въ телѣгу, да и захрапѣлъ...

— Вотъ, кто жъ теперь за насъ платить станетъ...—Вишь вѣдь старый чортъ нализался!—со злостью ворчала Сидориха.

И, сидя на печи и раскачиваясь всѣмъ своимъ худенькимъ тѣломъ, она горько запричитала.

— Да, ну тебя... не вой!—съ досадой остановила ее Ольга.—А мнѣ такъ онъ до смерти опостылъ... Покуражился онъ надо мной, аспидъ! Всю душу изъ меня вымоталъ.

— Дурища! Дурища ты безчувственная! Статуй поганый!—окрысилась Сидориха.— Душу вымоталъ! Гляди, какая прынцесса!.. И души-то въ тебѣ, кажись, нѣтъ!.. Вѣдь теперь то подумай: избу-то ломать придется... въ поле переносить! Кирманенокъ, можетъ, и помиловалъ бы... А Маринка ужъ нѣтъ, ни-ни... Она тебѣ покажетъ!

— Наплевать! отозвалась Ольга, протягиваясь на лавкѣ и прикрываясь какою-то ветошью.—Если и оживетъ, не пойду къ нему больше... Всѣ косточки у меня ноютъ, болятъ... Ну его!.. Живи сама съ нимъ, коли охота! Спознаешь, каково легко...

Старуха плевалась, ругалась отчаянно и, ворочаясь на печи, шипѣла, какъ змѣя. Она въ ту пору приколотила бы Ольгу, если бы была въ силахъ... «Ничего съ ней не подѣлаешь, поперегъ лавки не уляжется... А ужъ ежели бы была моя мочь, такъ я бы ее... живого мѣста на ней не оставила бы»... съ яростью говорила себѣ старуха.

— И въ кого ты уродилась, лѣшачиха этакая!—съ горечью выкрикнула Сидориха.

— Ты меня уродила, тебѣ и знать... А теперь дрыхни! — промолвила Ольга и, свернувшись въ комокъ подъ своимъ рваным тряпьемъ, скоро заснула крѣпкимъ сномъ.

А къ Капитону Игнатьевичу той порой пришелъ фельдшеръ, пустилъ кровь, поставилъ банки, но ничто не помогало... Двое сутокъ больной пролежалъ безъ движенья и безъ языка; только по глазамъ и по дыханію можно было признать его за живого человѣка. Александръ, оставивъ лавку и трактиръ на попеченіе жены, неотлучно находился при отцѣ. Онъ боялся, какъ бы въ случаѣ скоропостижной смерти отца его замужнія сестры съ матерью не подобрались къ денежкамъ. Надо было смотрѣть въ оба, не зѣвать. Бабы—народъ дошлый, того и гляди—изъ-подъ носу утянутъ... Александръ зналъ, что шкатулка съ деньгами стояла въ сундукѣ въ холодной горницѣ и поэтому, для безопасности, онъ заперъ горницу большимъ висячимъ замкомъ и ключъ взялъ себѣ. Зорко приглядывалъ онъ за плачущими бабами. Сестры грызлись съ нимъ по нѣскольку разъ въ день.

— Почто ключъ-то отъ горницы спряталъ?—приступала къ нему старшая сестра Афимья.—Вѣдь тамъ всякая одежа лежитъ. Надо иной разъ сходить туда...

— Скажи, когда надо,—отопру!—возражалъ Александръ, ощупывая ключъ въ карманѣ.

— Что ужъ это, Сашка! Нѣшто мы—воровки!..—шопоткомъ говорила младшая сестра, Акулька, съ ненавистью смотря на него. — Срамиться-то тебѣ охота... Бога ты не боишься!

— А ты-то Его много боишься! Ха!.. Таковская... — ворчалъ Александръ, съ такой же лютою ненавистью поглядывая на сестру. — Къ отцу пришла, такъ и сиди въ избѣ... А таскаться по всѣмъ угламъ тебѣ нечего...

— Вѣдь не ты еще хозяинъ-то! Батька-то не померъ... Ты чего этакую вольность забралъ?—говорила Акулька.

— Померъ-ли, не померъ, а тебѣ ротъ не на что разѣвать!—огрызнулся Александръ.— Ты ужъ свое получила, какъ замужъ шла... А теперь нечего въ чужое добро глазъ запускать!

— У-у, жадина окаянная! — шептала Афимья.—Ты, гляди, и мать-то, старуху, со двора сгонишь...

— Мать на хлѣбы къ тебѣ не придетъ, не бойсь!—пробурчалъ Александръ.—А ты бы попридержала лучше языкъ-то, поколь я тебѣ колошмятку не задалъ... По толстымъ-то бокамъ такихъ накладу... долго поминать будешь!..

Подобные крупные разговоры—шопотомъ —между братомъ и сестрами происходили на повѣтяхъ или на дворѣ. До колошмятки, впрочемъ, дѣло не дошло ни разу. Сестры всегда умѣли во время разревѣться и уйти въ избу. Александръ съ злорадствомъ посвистывалъ

имъ вслѣдъ и побрякивалъ въ карманѣ ключомъ.

На третій день Капитонъ сталъ слегка пошевеливать лѣвой рукой и началъ говорить отрывистыя слова, но такъ невнятно, что только съ большимъ трудомъ можно было понимать его. Семьянамъ казалось, что онъ какъ будто не въ своемъ умѣ...

— На берегу лѣтомъ... помню... говорилъ... все помню!—лепеталъ больной.—Жизни не ухватишь... Горитъ она, какъ свѣчка... Помню... *онъ* говорилъ... Памятуй...

— Бредитъ! — шептала старуха, прислушиваясь къ его бормотанью.

Иногда больной, дѣйствительно, заговаривался, а семьянамъ казалось, что онъ на ту пору приходилъ въ себя.

— Ольга! Слышь?.. дѣлай, какъ сказываю... Никому, ни-ни!—бормоталъ онъ.

Матрена, слушая такія непотребныя рѣчи, тяжко, сокрушенно вздыхала.

Наконецъ, черезъ день Капитонъ довольно явственно сказалъ женѣ:

— Полихрона... зови... скорѣе!

Семьяне очень удивились: Капитонъ Игнатьевичъ къ учителю, обыкновенно, не ходилъ, знакомства не водилъ съ нимъ, посмѣивался надъ горбуномъ и звалъ его Премудрымъ Полихрономъ... Зачѣмъ ему теперь понадобился вдругъ учитель?.. Александръ подумалъ, что отецъ хочетъ написать какую-нибудь бумагу насчетъ своего имущества—и струхнулъ не на шутку. Онъ ужасно боялся, чтобы не вырвали у него кусокъ изо рту. А кусокъ былъ довольно лакомый, и за него стоило постоять... За то сестры возрадовались, думали, что старикъ хочетъ передъ смертью отписать имъ что ни на есть...

Акулька побѣжала за учителемъ, а Афимья осталась въ избѣ и съ злой усмѣшкой посматривала на брата. «Доѣдемъ, молъ! Погоди!..» Черезъ нѣсколько минутъ учитель уже стоялъ у постели Капитона Игнатьевича.

Увидавъ его, больной съ усиліемъ протянулъ къ нему лѣвую руку. Горбунъ взялъ его за руку и наклонился надъ нимъ.

— Ну что, Капитонъ! Какъ живешь?—спросилъ учитель.

— Плохо!.. Слушай...—залепеталъ больной и знаками показалъ учителю, чтобы тотъ еще ближе наклонился къ нему.—На берегу, помнишь, ты говорилъ... правду говорилъ!—Тошно мнѣ... Лѣтомъ... помнишь?

И больной какъ-то судорожно дернулъ учителя за руку.

— Помню, помню!—отвѣтилъ ему Полихронъ.

— Ну, что жъ теперь мнѣ?.. Хочу... надо... деньги есть...—съ усиліемъ говорилъ больной на ухо горбуну.—Отдамъ... вѣрю... ты, Божій человѣкъ... лучше знаешь... раздашь... Сдѣлаешь для меня?

— Все сдѣлаю... все, что хочешь!—промолвилъ учитель, съ глубокимъ сожалѣньемъ посмотрѣвъ на Капитона.

Тутъ больной выпустилъ его руку, подозвалъ сына и шепнулъ ему:

— Шкатулку мнѣ...—деньги!

Александръ опѣшилъ и, какъ бы не дослышавъ, переспросилъ:

— Шкатулку съ деньгами? Почто?

— Говорю: неси... скорѣе!—весь взволновавшись, прохрипѣлъ Капитонъ, въ безсиліи сжимая лѣвый кулакъ.

«Почто»?.. Попробовалъ бы Алексашка прежде этакъ допрашивать отца! Издыхающаго волка и лисица не боится...

Александръ почесалъ затылокъ и, мелькомъ, недружелюбно взглянувъ на горбуна, неторопливо пошелъ изъ избы.

— Темно стаетъ... Развѣ ужъ ночь?—спросилъ Капитонъ, силясь приподняться.—Отчего темно?

— Что ты, Игнатьичъ, Богъ съ тобой... совсѣмъ свѣтло... Теперь еще день!—говорила ему Матрена.

— День, а темно... — шепталъ про себя больной, едва шевеля запекшимися губами.—Скоро-ли онъ? Что онъ тамъ... долго?.. Все темнѣе... темнѣе!..

Глаза его расширились и уставились куда-то въ даль съ такимъ видомъ, какъ будто тамъ померещилось ему что-то страшное... Даже трудно было вообразить себѣ, чтобы лицо Капитона Игнатьевича могло когда-нибудь выразить столько ужаса и отчаянія. И этотъ могущественнѣйшій человѣкъ во всей Никольщинѣ, одаренный такой силой и такимъ желѣзнымъ здоровьемъ, теперь—какъ малый ребенокъ—жалко, безпомощно металася на своемъ смертномъ ложѣ. Онъ поминутно ворочалъ головой, взглядывалъ на дверь. Губы его беззвучно шевелились, потъ крупными каплями выступилъ на лицѣ и пряди темныхъ съ просѣдью волосъ прилипли на лбу и на вискахъ. Было видно, что смятенная душа его не находила покоя и мучилась

въ ожиданіи конца. Порой все его большое, грузное тѣло страшно вытягивалось и приподнималось на постели и въ тотъ же мигъ снова опускалось въ изнеможеньи. Душа, казалось, едва теплилась, но животное еще боролось за свое существованіе. Тѣло было сильно, могуче и не уступало сразу... Происходила послѣдняя, отчаянная схватка между жизнью и смертью.

Старуха сидѣла въ уголку и, закрывъ лицо передникомъ, тихо плакала. Горбунъ стоялъ у изголовья кровати и грустно смотрѣлъ на догоравшую передъ нимъ жизнь.

— Скоро-ли?—въ смертельной тоскѣ прошепталъ Капитонъ, не сводя глазъ съ двери.

Проходила минута за минутой, но дверь не отворялась и Александръ не показывался со шкатулкой...

Александръ вынулъ шкатулку изъ сундука и стоялъ съ нею середи горницы, не зная: какъ быть съ нею и что дѣлать. Онъ догадался, что отецъ передъ смертью хочетъ какъ-то по своему распорядиться деньгами. Зачѣмъ онъ позвалъ этого несчастнаго горбуна? О чемъ онъ съ нимъ шепталъ?.. Ключъ отъ шкатулки хранился у старика. Конечно, можно было топоромъ сшибить крышку и выбрать изъ шкатулки половину денегъ или даже больше... Но Александръ не желалъ лишаться ни копѣйки... А потомъ — какъ же онъ представитъ отцу разломанную и опорожненную шкатулку? А ну, какъ старикъ оживетъ? Бабы ревъ поднимутъ,.. Скажутъ: «Воръ!»

Вотъ почему Александръ замѣшкался и въ нерѣшимости стоялъ середи горницы, прижимая шкатулку къ груди—въ ту пору, какъ отецъ съ отчаяніемъ считалъ минуты и съ горячимъ, страстнымъ нетерпѣніемъ ожидалъ его прихода, неотступно смотря на дверь своими мутившимися глазами.

Вдругъ на повѣтяхъ послышались Александру шаги, дверь распахнулась, и старуха, вся въ слезахъ, съ воемъ вбѣжала въ горницу... «Померъ! Наконецъ-то!..» Александръ вздохнулъ съ облегченьемъ и еще крѣпче уцѣпился за шкатулку, еще крѣпче прижалъ ее къ груди... Каждымъ своимъ жаднымъ взглядомъ и движеньемъ онъ словно хотѣлъ сказать: «Теперь все это—мое!..»

Ольга не приходила прощаться съ покойникомъ, не была и на похоронахъ. Когда гробъ на дровняхъ провозили мимо ихъ хаты, Ольга отшатнулась отъ окна и, поблѣднѣвъ, крѣпко сжавъ губы, съ какимъ-то тупымъ испугомъ смотрѣла на большой сосновый гробъ, въ которомъ увозили на погостъ Капитона.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Старый Чабанъ медленно брелъ по знакомой дорогѣ къ Куваеву—по полямъ, забѣлѣвшимъ отъ снѣга. Тихо было на землѣ, какъ вообще бываетъ тихо въ первые дни зимы.

Чабанъ былъ сильно ошеломленъ извѣстіемъ о смерти свояка. Такой дюжій, здоровенный, первый силачъ въ Никольщинѣ, тройку на всемъ скаку одной рукой останавливалъ, подковы ломалъ—и вдругъ... «Охо-хо! Жизнь наша...» подумалъ Чабанъ, и невольно мысли его оторвались отъ житейской мелочи и настроились на грустный и высокій ладъ. «Какъ мало, въ самомъ дѣлѣ, надо человѣку, а онъ думаетъ о многомъ... Суетится, тревожится, а поглядишь—на каждомъ шагу его смерть стережетъ»...

Идя въ такихъ думахъ, Чабанъ вдругъ замѣтилъ неподалеку отъ дороги у канавы сидящаго человѣка. Темная фигура еще издали рѣзко обозначилась на снѣгу. Подойдя ближе, старикъ призналъ въ сидящемъ портного, Прокопія Васильева.

— Миръ дорожкой!—крикнулъ ему портной.

Чабанъ, молча, кивнулъ головой и прошелъ мимо этого непріятнаго для него человѣка. Онъ еще ни разу не сходился съ портнымъ безъ того, чтобы не поспорить и не наговорить тому крупныхъ словъ. Но тутъ, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, Чабанъ остановился на мгновенье, оглянулся и медленно, нерѣшительно, какъ бы въ раздумьи, поворотилъ назадъ и, подойдя къ Прокопію, опустился съ нимъ рядомъ на земь. А Прокопій въ то время, разостлавъ на колѣняхъ какой-то клѣтчатый платокъ, уплеталъ кусокъ ржаного хлѣба, густо забѣленный солью.

— Куда пробираешься?—нахмуривъ брови и какъ бы нехотя, спросилъ Чабанъ.

— А вотъ бреду въ Подосенье! Работишка есть...—отвѣтилъ портной, ежась въ своемъ потертомъ и порыжѣвшемъ пальто.—Сѣлъ закусить маленько... Не хошь-ли?

— Спасибо!—не глядя на портного, отозвался старикъ.—Пожалуй, дай кусочекъ... съ утра не ѣлъ!

— Изволь, изволь, дружокъ! Вдвоемъ-то ѣсть веселѣе...—проговорилъ Прокопій, отломилъ половину куска и подалъ Чабану.

— Ты ужъ мнѣ больно много...—отнѣкивался Старикъ.

— Ѣшь!—говорилъ Прокопій.

Ѣли молча. Чабанъ страшно усталъ, былъ измученъ тѣлесно и душевно всѣми своими странствованіями и мытарствами. Онъ даже начиналъ какъ будто на кого-то ожесточаться... Но теперь—странное дѣло!—когда онъ сталъ ѣсть сухой, черный хлѣбъ, поданный ему Прокопіемъ, старикъ почувствовалъ, что въ немъ какъ будто что-то размякло, потеплѣло на душѣ, словно весеннимъ вѣтеркомъ пахнуло. «И чуденъ—этотъ портняжка!—думалось ему.—Самъ крохи, поди, добываетъ, а тоже дѣлится... Мало-ли я ругался съ нимъ, корилъ его и тѣмъ, и другимъ, а онъ, ровно, и не помнитъ... У самого кусокъ съ кулакъ, а тоже: «Не хошь-ли?» говоритъ. Вишь, ты—богатѣй!..» Чабану было совѣстно и въ то же время очень пріятно ѣсть этотъ хлѣбъ, поданный ему бѣднякомъ, какъ бы Христа ради. На минуту въ глазахъ его затуманилось—не то отъ слезъ, не то Богъ вѣсть отъ чего, но на душѣ было хорошо, свѣтло...Чабанъ торопливо провелъ рукой по глазамъ и, полуотвернувшись отъ портного, молча доѣдалъ свой хлѣбъ.

— А ты, я слышалъ, въ городъ смахалъ?—спросилъ Прокопій Васильевъ, посмотрѣвъ на старика.

— Да! Въ городѣ побывалъ...—отвѣтилъ тотъ.

Потомъ перекинулись нѣсколькими словами о Капитонѣ Березкинѣ.

— Жаль его, милягу!—промолвилъ портной, жуя корку.—Человѣкъ былъ не злой, а такой же, какъ всѣ... Пакостникъ! Можетъ, иного и похуже былъ маленько, а иного, можетъ, и получше... Не крупа,—не смѣряешь... Только о себѣ всю жизнь думалъ, въ свою утробу жилъ, на грѣхъ наводилъ дѣвокъ, да бабъ... Деньги послѣ себя оставилъ, еще пуще грѣха развелъ. Въ самый-то день похоронъ, благослови Господи! только-что съ погосту воротились, Алексашка съ сестрами и передрался... да вѣдь какъ! въ кровь... Такое побоище, братъ, учинили, что, просто, срамъ! Нашумѣли на все Вороньево... Афимья-то сцапала его за бороду, а онъ ее—за косу, да и ну волочить... А мужъ-то Афимьинъ былъ пьянъ,—какъ подскочитъ, да въ загривокъ ему и наклалъ, а хозяйка-то Александрова чуть ему, говорятъ, глазъ не выцарапала. Охъ, что тутъ и было!

Опять стали ѣсть, молча.

— Ну, вотъ ты, грамотѣй, любишь о душѣ потолковать...—съ полуусмѣшкой заговорилъ Чабанъ, недовѣрчиво поглядѣвъ на портного.—Вотъ теперь и разсуди: какъ мнѣ быть?

— Слышалъ, слышалъ, Петровичъ, что ты покойному Капитону повинился въ своемъ грѣхѣ, суда искалъ...—отозвался Прокопій.—Сказывали мнѣ... Только Богъ тебя знаетъ: почто тебя въ городъ носило?.. Для чего тебѣ судъ понадобился?

— Какъ «для чего»!—возразилъ ему старикъ.—Не помогъ... далъ утонуть человѣку. Несносно мнѣ стало грѣхъ про себя таить, жить съ этакой тягостью на душѣ...

— А ты думаешь: ежели бы посидѣлъ въ острогѣ годъ либо два, а вышедши изъ острога, принялся бы опять за свое, такъ тѣмъ бы и избылъ свой грѣхъ? Не туда, братъ, попалъ... — замѣтилъ Прокопій, качнувъ головой.

Чабанъ промолчалъ и задумчиво разрывалъ снѣгъ своимъ костылемъ. Прокопій разомъ загадалъ ему загадку...

— Ежели спрашиваешь, такъ скажу тебѣ, что—по моему разумѣнью—тебѣ нужно перво-на-перво быть пожалостливѣе, нужно съ людьми помириться!—продолжалъ Прокопій.—Ты ужъ больно къ другимъ строгъ, да суровъ... немилостивъ! Помиришься съ людьми, перестанешь возноситься надъ ними—и съ совѣстью заживешь въ ладу! Вотъ какъ я смекаю.

— А нѣшто я былъ врагъ людямъ-то?—съ тайнымъ раздраженіемъ спросилъ Чабанъ.

— Знамо дѣло, не другъ!—отозвался Прокопій.—Я вѣдь тебѣ ужъ не разъ говорилъ про то, да ты слушать не хотѣлъ. А я говорилъ, жалѣючи тебя. Вѣдь ты у насъ былъ, ровно вотъ снѣговой дѣдушка, бѣлый, чистый, да холодный... и высокій такой, клюкой не достать... О себѣ, да о своемъ приплодѣ только у тебя было и думушки. Что жъ! По твоему, и для покойной невѣстки ты другомъ былъ, когда въ воду ее толкалъ?.. А по моему—говорю: будь жалостливъ! Ежели тебѣ доведется увидать человѣка въ погибели, спасай, не давай ему тонуть... Забудь о себѣ-то, не бойся ноги промочить!

— Гм!—усмѣхнулся старикъ.—И радъ бы спасти теперь кого ни на есть. Да вѣдь у насъ, братъ, на рѣкѣ не каждый день тонутъ!.. А ежели бы...

— Нѣтъ, Петровичъ! Постой!—перебилъ его Прокопій.—Я совсѣмъ не о томъ... не о рѣкѣ! Въ Пудегѣ у васъ, извѣстно, не каждый день тонутъ, храни Богъ. О другой погибели говорю. Люди-то вокругъ насъ повсечасно тонутъ. Одинъ тонетъ въ горѣ, другой —въ нуждѣ, а иной въ своей же злобѣ захлебывается... Вотъ о комъ я говорю! Этихъ спасай, не отталкивай отъ себя! Разумѣешь, Петровичъ?

— Разумѣю!—отозвался Чабанъ.—Только вѣдь что жъ! Нищему не откажу... чѣмъ могу—всякому... не отказываю тоже!

— Что жъ—«нищему»!.. — проговорилъ Прокопій.—Не о нищемъ—рѣчь. Никому не отказывай!.. Скажемъ примѣрно: придетъ къ тебѣ крестьянинъ, попроситъ у тебя хлѣба мѣшокъ, а ты съ него осенью за мѣшокъ-то не взыскивай двухъ,—дай ему мѣшокъ-то, да и скажи: «Когда, братъ, разбогатѣешь, такъ отдай этотъ хлѣбъ тому, кто у тебя попроситъ, отдай и не требуй назадъ...» Кто за деньгами придетъ, давай съ радостью, не морщись, и назадъ не проси, а говори такъ, какъ я сказалъ. Ежели кто въ горѣ случится, утѣшай, на чужую бѣду не любуйся. За совѣтомъ придутъ,—хорошенько подумай и давай настоящій, прямой совѣтъ, чтобы, значитъ, на пользу пошелъ... А вѣдь иной разъ о чужомъ горѣ толкомъ и поговорить-то намъ лѣнь. На пустыя слова мы больно тароваты!.. Ежели кто попроситъ услужить чѣмъ-нибудь, въ работѣ помочь, — никому не отказывай! Людей по именамъ не различай... потому, всѣ мы—изъ одного корня. Я такъ это дѣло понимаю. Выдумалъ не я... Въ Евангеліи про то сказано. А ходить по берегу, да ждать, когда кто-нибудь тонуть станетъ—не въ примѣръ легче. Что и говорить! Этакъ, можетъ, и всю жизнь по берегу прогуляешь и ни одного утопающого не выловишь изъ воды. А тутъ-то вотъ, гдѣ я тебѣ показываю, тонутъ подъ-рядъ, каждый день и каждый часъ. Только успѣвай повертываться, да руку протягивать... Зѣвать, братъ, тутъ некогда! Тонущихъ-то, потому, много, а спасателей нѣтъ...

— А ты, Прокопій, какъ я погляжу, все свое тянешь...—нахмурившись, сказалъ Чабанъ.—А этакъ, съ Евангеліемъ-то, ежели да по міру пойдешь?

— Не пойдешь, Петровичъ, не бойсь!— съ добродушной улыбкой промолвилъ портной.

— Какъ же «не пойдешь!» — возразилъ старикъ, стуча о землю костылемъ. Вѣдь по твоему такъ выходитъ: раздай деньги, раздай хлѣбъ, все имущество раздай, хозяйство раззори!..

— Что ты, что ты, Богъ съ тобой! Почто хозяйство зорить! Не надо...—перебилъ Прокопій.—Ежели раздашь лишній хлѣбъ, да лишніе гроши, такъ хозяйство, братъ, въ разоръ не придетъ. Ты все, Петровичъ, думаешь, что ты такой большой человѣкъ... и-и-и! страшное дѣло... А надо тебѣ только хлѣбъ, да покрышку! И все это у тебя есть и будетъ. Земля тебѣ хлѣбъ и ленъ родитъ, овцы шерсть даютъ, лѣсъ дрова поставляетъ. Какого жъ дебѣ еще рожна надо? Скажи на милость!.. Хватитъ на твой вѣкъ всего довольно, а дѣти сами добывай! Конечно, кромѣ хлѣба да покрышки иной разъ человѣку надо и еще кое-что... Вотъ я, грѣшнымъ дѣломъ, книжки почитываю, не одинъ рубль въ годъ на нихъ извожу. Это — точно. Да вѣдь, милый ты человѣкъ, книгъ-то много нонѣ, да хорошихъ-то мало, — на нихъ не раззоришься, какъ на городскихъ харчахъ...

— Ну, вотъ ты говоришь... А ежели я промахнусь, хлѣбъ-то раздамъ, а потомъ самому не хватитъ?—замѣтилъ Чабанъ.

— Ну, что же... немудреное дѣло!—отвѣтилъ портной. — Не хватитъ, у сосѣдей попросишь... Дадутъ!

— А какъ не дадутъ?—съ кислой усмѣшкой промолвилъ старикъ.

— Ты станешь давать, а тебѣ —нѣтъ!— горячо заговорилъ Прокопій.—Думаешь: ты одинъ только такой святой на міру выискался. Ха! Смотри, пожалуй!.. Эхъ, Петровичъ, Петровичъ, не хорошо и говорить-то этакъ. Теперь тебѣ не помогутъ въ бѣдѣ вѣдь оттого, что ты самъ никому не помогаешь. Обдумай-ка хорошенько! Возьми въ толкъ, голова!..

Помолчали.

Прокопій доѣлъ хлѣбъ, собралъ на ладонь крошки, стряхнулъ ихъ въ ротъ, а платокъ запряталъ въ карманъ своего обтерханаго пальто.

— Трудно, Прокопій!—тихо проговорилъ старикъ, поникнувъ головой. — Вѣдь это, выйдетъ, дымъ коромысломъ, все поставить вверхъ дномъ, все одно, что начать жить съизнова...

— Никакого дыма коромысломъ тутъ не будетъ, и ничего ты вверхъ дномъ не поста-

вишь, а ужъ ежели правду-то сказать, Петровичъ, поставишь ты все на свое мѣсто, какъ чему быть должно... А начать жить по хорошему—дѣло не худое... Никто тебя за то не осудитъ... Развѣ какой-нибудь дуракъ трехполѣнный...

— Трудно!—какъ бы про себя повторилъ Чабанъ.

— И не трудно!—возразилъ портной.— Только такъ издали кажетъ...

— Пожалуй, за полоумнаго почтутъ

— А пускай! На чужой ротокъ не накинешь платокъ... Да и не всѣ, братъ, добраго человѣка полоумнымъ сочтутъ!.. Ну, однако, мнѣ и въ путь пора!

Прокопій всталъ и отряхнулъ снѣгъ съ пальто. Собесѣдники разошлись въ разныя стороны. Чабанъ, пройдя нѣсколько шаговъ, остановился, оглянулся на портного и крикнулъ.

— Спасибо, Прокопій!

— На доброе здоровье!—отозвался тотъ, тоже оглянувшись назадъ и привѣтливо кивнувъ головой.

Идя по дорогѣ къ Куваеву, старый Чабанъ крѣпко задумался надъ словами «несчастнаго портняжки», какъ онъ до тѣхъ поръ называлъ Прокопія. Мысли, высказанныя «портняжкой», были такъ необычны, такъ шли въ разрѣзъ со всѣмъ установившимся житейскимъ порядкомъ. Прокопій указалъ ему путь, какъ избыть грѣхъ, но путь такой диковинный, по которому еще никто и никогда у нихъ не ходилъ. Портной и прежде не мало говорилъ страннаго, но такого Чабанъ отъ него еще не слыхивалъ.

Придя въ Куваево, старикъ сразу долженъ былъ оторваться отъ своихъ необычныхъ мыслей: дома онъ прямо попалъ въ житейскую сутолоку. Въ домѣ онъ засталъ большой переполохъ. Старуха его ходила съ заплаканными глазами, сынъ былъ сердитъ и ругался.

Дѣло въ томъ, что въ ту ночь у Чабановъ случилась покража. У амбара былъ сломанъ замокъ и изъ сусѣковъ украдено не мало ржи, овса и ячменя. Собачьяго лая ночью никто не слыхалъ; очевидно, приходили люди нечужіе, знакомые Патрошкѣ. Патрошка слылъ за вѣрнаго сторожа и посторонняго человѣка не допустилъ бы къ амбару. Ни хлѣбомъ, ни костью Патрошку нельзя было подкупить...

Утромъ по слѣду увидали, что дровни ѣхали цѣликомъ по полю—по направленію къ Вешнимъ Выселкамъ. Алешка съ Дмитріемъ Ардальоновымъ бѣгалъ до Выселокъ и прослѣдилъ похитителей до околицы этой деревни. Тутъ слѣды были сильно запутаны, заметены, но все-таки можно было догадаться, что останавливались у амбарушки Чабанова зятя, Ивана Пустошкина, а затѣмъ проѣхали въ деревню.

— Ну, дѣла у васъ тутъ, братцы!—разболокаясь, разсѣянно проговорилъ старикъ.

— Это безпремѣнно — Ванька... Это онъ подрадѣлъ!—сказалъ Алешка. — Пойдемъ, батька, накроемъ его, дьявола! — Пойдемъ сейчасъ!

— Экъ загорѣлось! Успѣешь! — проворчалъ Чабанъ.

— Да вѣдь по свѣжимъ-то слѣдамъ и ловить! — настаивалъ Алешка. — Покуда не успѣлъ хлѣбъ-то сбыть... Вѣдь онъ проворенъ, чортъ!

— Дай передохнуть - то! Вишь, старикъ уморился...—замѣтила Ульяна.

Чабану дали поѣсть. Той порой смерклось; пошелъ снѣгъ. Алешка пуще заволновался.

— Вотъ теперь и слѣды снѣгомъ завалитъ, — говорилъ онъ, глядя въ окно. — А завтра хлѣбъ-то онъ всучитъ кому-нибудь... Тогда и ищи, лови вѣтеръ въ полѣ!

— Время не уйдетъ!—въ раздумьи и какъ бы нехотя, отозвался старикъ.

Урывками, вкратцѣ повѣдалъ онъ семьянамъ о своихъ дорожныхъ мытарствахъ, только о разговорѣ съ Прокопіемъ умолчалъ, потому что и самъ не успѣлъ еще разобраться въ немъ хорошенько. Вечеромъ, когда полегли спать, Чабанъ опять сталъ раздумывать о Прокопьиныхъ рѣчахъ, но вдругъ думы его сразу оборвались...

Ему представился Ванька Пустошкинъ—этотъ плюгавый, лядящій мужиченко... Ему живо представилось, какъ Ванька ломалъ замокъ у его амбара и тащилъ его хлѣбъ. Укралъ, конечно, Ванька; въ этомъ Чабанъ не сомнѣвался. И та дурища, Лизутка, помогала ему. Лизутка навѣрное была съ нимъ... Вотъ оттого - то Патрошка и не лаялъ. Лизутка, когда была дѣвкой, постоянно кормила его, и Патрошка за то любилъ ее, и даже не разъ бѣгалъ къ ней въ Вешніе Выселки... «Лѣнтяй, попрошайка, дрянь—мужиченко!» мысленно ругался Чабанъ, и глухая злоба начинала закипать у него на душѣ. Онъ все

лѣто работалъ, рукъ не покладая, работалъ отъ зари до зари, а тутъ какой-нибудь прощалыга, Ванька Пустошкинъ, станетъ пользоваться его трудами. «Дармоѣдъ! Лежебокъ проклятый! Стягомъ бы его»...

Чабанъ всегда держался той мысли, что каждый человѣкъ долженъ работать на себя самъ, долженъ самъ прокармливать себя и свою семью. А кто бѣденъ, тотъ, значитъ, или глупъ, въ работѣ не ловокъ или лѣнивъ, —значитъ, дрянной человѣкъ... Ну, и наплевать на него, и пропадай онъ пропадомъ и жалѣть его нечего!.. Такъ Чабанъ прежде думалъ, и думалъ совершенно твердо, увѣренно. Теперь же Прокопьевы слова постоянно лѣзли ему въ голову, и вѣра въ непогрѣшимость прежнихъ мыслей сильно въ немъ поколебалась.

Но какъ же быть? Если хлѣбъ, въ самомъ дѣлѣ, укралъ Ванька Пустошкинъ... а укралъ навѣрное онъ!—то что же?.. Такъ и оставить дѣло? Укралъ, молъ, такъ и пользуйся на здоровье! Твое, молъ, счастье!.. «Такъ, что-ли?» Это предположеніе показалось Чабану дико и обидно. Онъ усмѣхнулся и такъ грузно повернулся съ боку на бокъ, что даже палати подъ нимъ затрещали. «Хорошо разсуждать портняжкѣ, когда у него ничего нѣтъ, кромѣ иглы, мотка нитокъ, да комочка чернаго воска»... И думалось старику, что для него было легче спасти двухъ или трехъ утопающихъ, нежели сдѣлать такъ, какъ говоритъ Прокопій... «Ванька будетъ красть, а Чабанъ молчи! Легкое-ли дѣло!.. Прокопій говоритъ: «не самъ выдумалъ, въ Евангеліи сказано»... Гм! Развѣ можно жить по Евангелію? Да кто же по Евангелію живетъ?.. Вѣдь этакъ послѣ того Ванька, пожалуй, и въ избу къ нему заберется, станетъ и деньги тащить, и то, и другое, а Чабанъ все молчи, да только рукой помахивай: «Тащи, молъ!..»

Нѣтъ, это ужъ... Все—лучше, только не это!..

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

На другое утро—еще раньше, чѣмъ забрезжилъ разсвѣтъ сѣраго зимняго дня—въ Чабановой избѣ, какъ водится, уже горѣла лучина и припахивало жженой березовой корой. Ульяна возилась съ ухватомъ около печи, а старикъ съ сыномъ хлебали овсяныя щи и переговаривались о томъ: хватитъ-ли на недѣлю корму? не придется-ли съѣздить за сѣномъ на пустошь?

Когда достаточно поразсвѣло, старый Чабанъ взялъ ключъ и пошелъ съ Алешкой въ амбаръ.

— Какъ думаешь: много утащили?—дорогой спросилъ онъ у сына.

— Да кто ихъ знаетъ! Не перемѣривалъ... —отвѣтилъ тотъ.—А на глазъ показываетъ: этакъ пудовъ десятокъ скрали.

— Гм!—промычалъ старикъ, отперъ замокъ и, слегка сгорбившись, пролѣзъ въ низенькую дверь.

Хлѣбнымъ запахомъ, запахомъ зерна и льняного сѣмени обдало пришедшихъ. Чабанъ заглянулъ въ одинъ сусѣкъ, въ другой, въ третій... Годъ выдался урожайный; много было у Чабана ржи, овса и ячменя; всего должно было хватить на прожитье и на сѣмена, да еще и остаться на будущій годъ... Старикъ наклонился, взялъ изъ одного сусѣка горсть сухого гороху и сталъ лакомиться.

— И какой же нонѣ горохъ уродился бѣлый!—замѣтилъ онъ, разгрызая горошины.

—Горохъ чистый!—согласился Алешка.—Надо бы, вотъ муки гороховой для блиновъ припасти...

— Надо и то! — сказалъ старикъ и, еще разъ оглянувъ свои хлѣбныя сокровища, пошелъ изъ амбара.

— Батя! Когда же мы на Выселки-то?—спросилъ сынъ, идя за нимъ слѣдомъ.—Надо же того дьявола прикрутить!..

Старикъ, молча, понурившись, прошелъ по двору. Передъ избой онъ остановился, оглянулъ амбаръ, весь дворъ и, не смотря на сына, отрывисто, тихо промолвилъ:

— Ну его!.. Хлѣба съ насъ хватитъ.

И, махнувъ рукой, ушелъ въ избу.

Неожиданное рѣшеніе отцовское такъ ошеломило Алешку, что онъ даже не нашелся ничего сказать. До сей поры онъ съ отцомъ думалъ, и говорилъ, и дѣлалъ все въ ладъ. Въ первый разъ Алешка возмутился въ душѣ поступкомъ отца. «Что съ нимъ такое? Изъ ума, видно, выжилъ старый!.. Хлѣба, вишь, хватитъ, такъ и спущать Ванькѣ всякое озорство! Что еще удумалъ!..» Если бы Алешка зналъ, да вѣдалъ, что у старика разсудокъ до того помутится, такъ онъ бы до его прихода—вчера же утромъ — накрылъ Пустошкина, и тотъ теперь уже сидѣлъ бы въ «холодной»... Положимъ, Пустошкинъ—зять... да вѣдь что жъ изъ того! Всѣ ужъ знали, какъ старикъ честилъ этого затюшку. Бранныхъ словъ для него не хватало.

Алешка шибко серчалъ на старика, но открыто сцѣпиться съ нимъ не рѣшался.

Въ Никольщинѣ старые устои семейной жизни еще держались крѣпко: этотъ уединенный и далекій край земли русской былъ защищенъ лѣсами и «грубыми» лѣсными нравами отъ вѣяній времени. Какъ никольщинская дѣвушка не рѣшилась бы изъ стыда показаться передъ людьми въ городскомъ платьѣ, такъ и никольщинскій парень не осмѣлился бы возстать на отца. Здѣсь въ семьѣ отецъ все еще, какъ въ старину, былъ настоящимъ большакомъ, «старшимъ»,—маленькимъ царемъ. Въ хозяйственныхъ мелочахъ семьяне могли не соглашаться съ нимъ и высказывать свое недовольство такъ же грубо и рѣзко, какъ и онъ, но въ серьезномъ дѣлѣ бунтовать противъ «бати» считалось въ высшей степени неприличнымъ и даже, просто, невозможнымъ. Парень, одинъ ходившій на медвѣдя и приволакивавшій домой убитыхъ звѣрей, какъ какихъ-нибудь собаченокъ, не рѣшался руки поднять на отца...

Алешка шибко серчалъ на своего старика. За то Ульяна была очень рада, что дѣло о покражѣ хлѣба кончилось тихо и мирно. Она такъ же, какъ старикъ и сынъ, была увѣрена, что воровство учинилъ Иванъ Пустошкинъ и ужасно боялась, что мужъ начнетъ разыскивать вора и затѣетъ дѣло съ Ванькой. Старухѣ было жаль несчастную Лизутку съ ея малыми ребятами. «Чѣмъ баба-то виновата, что попался ей такой безпутный!» думала Ульяна. Теперь, какъ гора, спала съ ея плечъ... Рѣшеніе старика и ее, разумѣется, такъ же удивило, какъ Алешку: вѣдь она лучше всякаго другого знала его строгій, суровый нравъ. Когда Алешка за глаза принимался ругать отца, Ульяна горячо заступалась за него.

— Знаю я тебя, верховодъ ты этакій! — говорила она.—Вѣдь тебѣ, я ужъ знаю, сестры нисколько не жаль... Ровно, она тебѣ и не родная! Радъ по міру пустить ее...

— А ты—потатчица! Вотъ что! — возражалъ сынъ. — Ты бы рада съ ней весь домъ растащить...

— Твоего не растащатъ, не бойсь!..

— И откуда у него вдругъ такая жалость взялась къ этимъ Пустошкинымъ! Чортовы дармоѣды...—ворчалъ Алешка.

Онъ, конечно, не могъ придумать ничего другого, кромѣ того, что старикъ изъ жалости къ Лизуткѣ замялъ дѣло, покрылъ вора. Ежели бы улики были не противъ Ваньки, а противъ какого-нибудь другого мужиченка, тогда старикъ не оказался бы такъ милостивъ.

Да и самъ старый Чабанъ думалъ про себя, что онъ помиловалъ Ваньку единственно изъ жалости къ дочери и къ ея малымъ ребятамъ, неповиннымъ въ чужихъ грѣхахъ. Онъ какъ будто и самъ еще не чувствовалъ, что уже вступилъ на новый путь...

«Если бы ты началъ розыскъ, то «опять» потопилъ бы человѣка, да еще, глядишь, не одного, а цѣлую семью!» — сказалъ бы ему портной Прокопій.

Фекла Шелонкина была для старато Чабана человѣкомъ крайне непріятнымъ. Старуха, очевидно, не могла простить ему смерти дочери и при каждомъ свиданіи донимала его — если не рѣчами, то намеками, вздохами, да охами и недоброжелательными взглядами своихъ сѣрыхъ, слезящихся глазъ. Чабанъ и прежде недолюбливалъ ее за ея длинный бабій язычекъ, за ея блекотанье, а съ теченіемъ времени эта его нелюбовь къ сватьѣ перешла даже въ чувство, близкое къ ненависти. При видѣ Феклы Чабана всего иной разъ даже какъ-то непріятно передергивало... Онъ даже смотрѣлъ на сватью какъ-то по особенному, искоса, да изъ-подлобья, словно волкъ. И всѣ знали, что Богъ не далъ имъ ладу; какъ только они сойдутся, такъ непремѣнно и поцапаются. Поэтому сосѣди не мало удивились, когда узнали, что Григорій Чабанъ сталъ радѣть старикамъ Шелонкинымъ.

Около половины филипповокъ до Куваева дошли слухи, что Фекла Шелонкина шибко занемогла, да и самъ старикъ Василій едва волочилъ ноги. Чабанъ не медля, ровно по чьему-нибудь наказу, запрягъ лошадь и привезъ къ больнымъ Шелонкинымъ фельдшера, (у Шелонкиныхъ своей лошади не было уже давно), затѣмъ доставилъ фельдшера обратно на Вороньево, привезъ для больныхъ лѣкарство и подговорилъ бобылку, Аксинью, походить за ними, пообѣщавъ ей къ Рождеству хлѣба, масла, яицъ, творогу и конецъ холста.

— Что-то подобрѣлъ у насъ Петровичъ, Богъ съ нимъ! Да, сказать въ добрый часъ— не оговорить!—толковали сосѣди.

Сосѣдямъ пришлось еще больше удивляться, когда въ концѣ зимы то тотъ, то другой изъ нихъ ходилъ къ нему то за хлѣбомъ, то за деньгами, и никого не отпустилъ онъ съ пустыми руками.

— Что за диво!—говорили сосѣди и на-

прасно ломали голову надъ вопросомъ: что такое подѣялось со старымъ Чабаномъ.

Алешка Чабаненокъ прямо утверждалъ, что старикъ изъ ума выжилъ. Ульяна тоже обезпокоилась и стала на сторону сына. Чабану не рѣдко приходилось вести съ семьянами крайне непріятные, тягостные разговоры. Особенно старуха донимала его.

— Что жъ это, Петровичъ!—ворчала она. —Ты вѣдь этакъ насъ съ Алешкой по міру пустишь...

— Всѣмъ хватитъ! Плакать не о чемъ...— спокойно возражалъ старикъ.

Онъ почти не спорилъ вовсе, говорилъ мало, но дѣлалъ по своему.

— Все у тебя есть!—тихо уговаривалъ онъ старуху.—И сыта ты, и въ теплѣ... Чего еще надо! Глаза у тебя завидущіе, а это—не хорошо, голубка! Вѣдь въ гробъ съ собой, кромѣ одежи, что надѣнутъ на тебя, ничего не возьмешь, да тамъ тебѣ ничего и не понадобится... Такъ о чемъ же твоя душенька безпокоится? Вѣдь ротъ-то у тебя—одинъ, за десятерыхъ, чай, не съѣшь!

—Вѣдь вотъ Алешку женить надо нонче...— съ жаромъ напустилась на него Ульяна.—Ребята пойдутъ, придется ему жить своей семьей, все-то ему понадобится....

— Все, что ему нужно, и добудетъ... Не малый ребенокъ! — твердо возражалъ старикъ.

— Да вѣдь чего же зря чужимъ-то раздавать! Вѣдь намъ, Петровичъ, всю бѣдноту мірскую не накормить...

—Извѣстное дѣло!—соглашался Чабанъ.— Гдѣ жъ намъ всѣхъ накормить, силы не хватитъ! Накормимъ, сколько можемъ, и то ладно! Что жъ дѣлать... Выше колокольни не прыгнешь...

Если бы въ Никольщинѣ раздѣлы были въ ходу, Алешка постарался бы выдѣлиться и зажилъ бы своимъ домомъ. Но въ Никольщинѣ—да еще особливо въ крѣпкой чабановой семьѣ о раздѣлѣ не стоило и рѣчь заводить. Старикъ и слушать не захочетъ... Такъ думалъ Алешка и—ошибался. Отецъ самъ заговорилъ съ нимъ о раздѣлѣ.

— Хочешь, избу тебѣ выстрою, дамъ тебѣ все обзаведенье и денегъ дамъ...—сказалъ онъ однажды Алешкѣ.—А ежели хочешь вмѣстѣ жить, оставайся! Не хочу неволить...

Но Алешка едва-ли захочетъ остаться съ нимъ. Отецъ намѣревается поуговаривать его—зажить по «новому» укладу, какъ самъ онъ зажилъ съ прошлой осени по возвращеніи изъ дальнихъ странствованій...

Чабанъ давалъ, впрочемъ, не всѣмъ, просившимъ у него. Одинъ разъ онъ отказалъ въ деньгахъ.

Пришелъ къ нему изъ Ивановскаго лавочникъ, Ермилъ Федосѣевъ, и попросилъ денегъ въ долгъ «подъ росписку» и обѣщалъ возвратить ему тѣ деньги съ лихвой.

— Не дамъ!—сказалъ Чабанъ, выслушавъ Ермила.

— Чтой-то, Петровичъ!—съ усмѣшкой заговорилъ лавочникъ.—Деньги раздаешь мужиченкамъ, всякимъ захудалымъ... А съ нихъ и взять-то тебѣ будетъ нечего... Самъ ужо наплачешься съ ними! А у меня заведенье, слава Богу, самъ знаешь,—дѣло у насъ вѣрное... Не на болотѣ сидимъ!.. Только бы извернуться теперь—насчетъ товару... Черезъ полгода отдамъ. Вотъ тѣ Христосъ! Сичасъ росписку...

— Не дамъ!—повторилъ Чабанъ, и въ его голосѣ на тотъ разъ опять явственно прозвучало его прежнее, всѣмъ знакомое, желѣзное упрямство.

Такъ лавочникъ Ермилъ съ кислыми усмѣшками и отъѣхалъ отъ него, не солоно хлебавши.

Выходили и такіе случаи... На Куваевѣ повздорили два брата, и однажды въ праздникъ, когда было уже достаточно выпито пива, дѣло между братьями чуть не дошло до топоровъ. Старый Чабанъ, прежде не любившій ввязываться ни въ какія исторіи, теперь вдругъ задумалъ мирить ихъ. Братья—тотъ и другой — дружно набросились съ руганью на Чабана. «Чего онъ лѣзетъ, старый чортъ! Кто его спрашиваетъ!» Чуть не сбросили его со взъѣзда. Но старикъ не унимался и сдѣлалъ-таки свое дѣло: братья помирились, но «спасиба» отъ нихъ Чабану не досталось.

— Вишь, пѣтухи какіе!—съ добродушной усмѣшкой говорилъ потомъ Чабанъ.

Въ ночь на чистый понедѣльникъ въ Подосеньи случился пожаръ; сгорѣло пять дворовъ. Старикъ, безъ всякой просьбы со стороны погорѣльцевъ, вызвался помочь подосенцамъ,—возилъ бревна, помогалъ ставить срубы...

Но важнѣе всѣхъ этихъ поступковъ, видимыхъ и слышимыхъ, была внутренняя перемѣна, происшедшая за зиму въ старомъ Чабанѣ. Вслѣдствіе той перемѣны, никто отъ него уже не слыхалъ прежнихъ рѣзкихъ

приговоровъ и осужденій по поводу людской нерадивости и лѣни. Съ семьянами онъ былъ ровенъ и тихъ, ругательныя слова съ языка его не срывались. Онъ былъ серьезенъ, спокоенъ, и улыбка у него сдѣлалась добрая, мягкая. Работалъ онъ нелѣностно, но не такъ, чтобы могъ зарьять на работѣ. Если на Куваево заходилъ портной Прокопій, Чабанъ зазывалъ его къ себѣ въ избу, угощалъ и не отпускалъ его, бывало, по нѣсколько дней. Онъ подолгу разговаривалъ съ портнымъ, просилъ его иногда вслухъ почитать книжку и съ большой охотой толковалъ съ нимъ цѣлые вечера о прочитанномъ. Эта его дружба съ Прокопіемъ, съ которымъ онъ прежде никогда не ладилъ, также не мало удивляла сосѣдей.

Вообще о Чабанѣ разговоровъ въ Никольщинѣ было не мало. Люди зажиточные и богатѣи прямо глумились надъ нимъ и за одно съ Алешкой Чабаненкомъ говорили, что старикъ совсѣмъ изъ ума выжилъ. Ивановскій лавочникъ, Ермилъ, просто, не могъ спокойко вспоминать о немъ.

— На цѣпь бы его посадить, стараго лѣшаго!—кричалъ онъ чуть не съ пѣной у рта.— Сдурѣлъ!.. Вишь, какого праведнаго угодника изъ себя корчитъ...

Большинство никольщинцевъ, однако, съ богачами не соглашалось и не считало Чабана за сумасшедшаго.

— Хорошо, кабы и всѣ они этакъ...— толковала бѣднота.—А они, вишь, взъѣлись на человѣка, ровно онъ имъ костью поперегъ горла всталъ. А что имъ сдѣлалъ старикъ? Ничего худого отъ него нѣтъ! Прежде, не бойсь, не огрызались на него, когда и онъ самъ былъ такой же собакой... А теперь онъ, знать, имъ глаза-то во-о какъ мозолитъ... Э-эхъ! Кривому-то дереву, видно, не любо на прямое глядѣть!

Много, много толковъ было въ ту пору о Чабанѣ,—всѣхъ-то и не пересказать здѣсь.

Прошла зима—темная, мрачная пора.

Пришла весна красная — съ теплом, съ цвѣтами, съ птичками, съ розовыми зорями, съ легкими, бѣлыми облачками на голубомъ небѣ. Повеселѣла никольщинская сторона...

Старики, обыкновенно, встаютъ рано, какъ бы норовя наверстать проспанное съ молоду время и желая напослѣдокъ дольше пожить на-яву и насмотрѣться на бѣлый свѣтъ. Чабанъ поднимался на Куваевѣ всѣхъ раньше...

Однажды въ маѣ, когда погода стояла чудесная, старикъ всталъ еще раньше обыкновеннаго и отправился въ поле осмотрѣть огороды—узнать: не надо-ли ихъ гдѣ-нибудь поправить. Солнце еще не всходило, но было уже совсѣмъ свѣтло, и воробьи громко, оживленно чирикали. Яркая, пламенная заря охватывала восточную окраину неба... Чабанъ обошелъ все поле, потрогалъ кое-гдѣ качавшійся заборъ, намѣтилъ мѣста, требовавшія починки, и на обратномъ пути домой присѣлъ отдохнуть на пенекъ. Въ полѣ въ тотъ тихій часъ было такъ хорошо, такъ привольно, что старику не хотѣлось въ избу идти. Онъ оперся на костыль и, понурившись, закрылъ глаза...

Уже давно не мучили Чабана тягостныя думы и не пугали по ночамъ страшные сны. Аннушка и теперь подчасъ приходила ему на память, но съ каждымъ разомъ она являлась въ его воспоминаньяхъ все болѣе и болѣе умиротворенною. Безъ горечи, безъ жгучаго отчаянія, безъ боли душевной, — съ тихой грустью помышлялъ теперь о ней старикъ. Онъ вспоминалъ о своихъ осеннихъ скитальчествахъ, какъ о давно видѣнномъ, тревожномъ снѣ. Чабанъ много пережилъ за полгода...

Наконецъ-то миръ, давно желанный, снизошелъ въ его смятенную, взволнованную душу. Нейарушимое спокойствіе, какая-то праздничная, свѣтлая тишина наполняли его всего и проникали всю его теперешнюю жизнь...

Припомнился ему разсказъ, что̀ читалъ ему Прокопій, разсказъ объ одномъ святомъ человѣкѣ, жившемъ когда-то очень, очень давно. Прокопій читалъ этотъ разсказъ изъ какой-то большой, толстой книги въ черномъ кожаномъ переплетѣ, читалъ не однажды, и Чабанъ иныя мѣста изъ него запомнилъ даже дословно. Этому святому человѣку одинъ разъ въ видѣніи представилось большое-большое поле, все покрытое сухими человѣческими костями. И вдругъ произошелъ надъ землей какой-то шумъ, и всѣ эти желтыя кости, какъ попало разбросанныя, стали сближаться, превращаться въ скелеты, покрылись жилами, плотью и кожей. Но всѣ эти тѣла были еще мертвы и лежали неподвижно. Тогда святой человѣкъ, по велѣнію Божіему, сказалъ: «Отъ четырехъ вѣтровъ прійди духъ, и дохни на этихъ убитыхъ, и они оживутъ!..» И мертвыя тѣла ожили и возстали. И было ихъ великое множество...

«Прежде» и самъ онъ, и всѣ люди вокругъ него казались Чабану тѣлами бездушными; «теперь» же онъ чувствовалъ, что люди какъ будто ожили, и самъ онъ ожилъ и очутился какъ-будто совсѣмъ въ иномъ мірѣ...

Долго-ли сидѣлъ онъ такъ, задумавшись, старикъ не зналъ. Вѣроятно, недолго, какихъ-нибудь нѣсколько минутъ. Когда же онъ поднялъ голову и раскрылъ глаза, то опять на мгновенье невольно прикрылъ ихъ рукой. Прямо противъ него изъ-за зеленыхъ лѣсовъ выплывало красное, ярко блещущее солнце. Чабанъ осмотрѣлся и вздохнулъ полною грудью. «Господи! Какъ все хорошо вокругъ!..» подумалъ онъ.

Озимь изумрудомъ отливала. Далѣе зеленѣли луга, еще далѣе расходился лѣсъ. Утренній майскій воздухъ былъ «чистъ и свѣжъ, какъ поцѣлуй ребенка». Ясное, голубое небо разметывалось надъ ликующей землей... Пѣночки чирикали въ кустахъ. Надъ головой Чабана въ сіяющей, золотистой вышинѣ жаворонокъ пѣлъ. У ногъ его въ травѣ синѣли незабудки, пестрѣли весенніе—бѣлые и желтые цвѣты, розовая макушка... Сладко пахло въ воздухѣ цвѣтами.

Старикъ сидѣлъ на пнѣ, опираясь на костыль своими загорѣлыми, темнобронзовыми руками, и смотрѣлъ въ блестящую даль. Онъ не чувствовалъ, какъ на глазахъ его выступили слезы и тихо катились по его морщинистымъ щекамъ. Теперь Чабану жизнь—не въ тягость,.. Свѣтло и радостно у него на душѣ. Онъ живетъ хорошо, пока живется... А потомъ—придетъ отдыхъ его усталымъ, старческимъ костямъ. И безъ темныхъ думъ, безбоязненно смотритъ онъ въ будущее...

1893 г.

ШТАБСЪ-КАПИТАНЪ БАТУРИНЪ.

(Изъ разсказовъ о провинціальныхъ людяхъ).

Чудакъ былъ этотъ штабсъ-капитанъ. Большой чудакъ... Вы, читатель, быть можетъ, согласитесь со мной, когда пробѣжите эту маленькую повѣсть — смѣшную и грустную повѣсть о наивномъ и добродушномъ штабсъ-капитанѣ. Я увѣренъ, что у насъ, въ Чернобыльскѣ, никто не откажется засвидѣтельствовать подлинность моего разсказа...

Чернобыльскъ, какъ извѣстно, уѣздный городъ. Онъ «не широкъ, не длиненъ,—лай судейской шавки въ немъ слышенъ вдоль и поперекъ...»

«Домишки малы, пусты лавки,
Аптека, два-три кабака,
Тюрьма...
И площадь... площадь велика:
Кругомъ не видно ей границы...»

Штабсъ-капитанъ Батуринъ поселился въ Чернобыльскѣ задолго до описываемой исторіи—такъ, что у насъ считался онъ старожиломъ. У него былъ небольшой собственный домикъ и при домикѣ нѣсколько сажень черноземной земли, отведенной подъ огородъ и садъ. Онъ былъ старый, бездѣтный вдовецъ. Издавна жившая у него кухарка, Федора, стряпала кушанье, обшивала, одѣвала его, порой шутила съ нимъ, порой ворчала. Штабсъ-капитанъ со своей «Федорушкой» жилъ душа въ душу... но да будетъ стыдно тому, кто дурно подумалъ бы о нашемъ штабсъ-капитанѣ и его вѣрной Федорушкѣ! Батуринъ жилъ пенсіей, и—по нашимъ уѣзднымъ воззрѣніямъ — жилъ, можно сказать, припѣваючи. Въ долги онъ не входилъ, ничѣмъ никому не обязывался, изъ чужихъ рукъ не смотрѣлъ,всего у него было вдоволь—однимъ словомъ, проводилъ человѣкъ жизнь въ свое удовольствіе. Ни тяжкихъ трудовъ, ни заботъ, ни тревогъ, ни глубокихъ, душевныхъ огорченій не зналъ штабсъ-капитанъ, не зналъ ничего такого, что̀ темнитъ и омрачаетъ жизнь многимъ изъ насъ. Казалось: жить бы, да жить человѣку въ покоѣ, въ довольствѣ и почетѣ до того самаго дня, пока блѣдная смерть не задернетъ передъ нимъ занавѣса и не погрузитъ его своею костлявой рукой въ вѣчныя потемки холодной, сырой могилы. Да! Казалось бы... Но на дѣлѣ вышло не такъ. Штабсъ-капитанъ задумалъ

спеціально самъ для себя «устроить» безпокойство, создать тревоги и огорченья. Но прежде, чѣмъ разсказывать объ этихъ тревогахъ, созданныхъ самимъ для себя штабсъ-капитаномъ Батуринымъ, прежде, чѣмъ описывать комедію его жизни и трагическій, плачевный конецъ ея, я долженъ попытаться хоть какъ-нибудь изобразить передъ читателемъ эту, въ своемъ родѣ, замѣчательную личность.

Сознаюсь, мнѣ будетъ трудно это сдѣлать. Я—плохой портретистъ... Но надѣюсь, что ни читатель, ни тѣнь нашего почтеннаго штабсъ-капитана не посѣтуютъ на меня за то, что я не Ванъ-Дикъ...

Я вижу его, какъ живого передъ собой. Старикъ лѣтъ подъ 60, но еще довольно крѣпкій, средняго роста, съ сѣдыми, гладко выстриженными волосами, съ небольшими бакенбардами и съ длинными, сѣдыми усами. Лицо нѣсколько красноватое, все въ морщинахъ, темныя, съ просѣдью, густыя брови, темные глаза, задумчивые, добрые, довольно толстый носъ «луковицей» и толстыя губы, прикрытыя усами — словомъ, очень добродушное, типичное лицо стараго служаки-армейца. На немъ—сѣрое, полувоенное пальто, безъ погоновъ, но со свѣтлыми пуговицами и съ цвѣтнымъ кантикомъ на воротникѣ. Въ рукахъ у него—трубка съ длиннымъ черешневымъ чубукомъ, Въ такомъ видѣ былъ изображенъ штабсъ-капитанъ и заѣзжимъ художникомъ на портретѣ, который висѣлъ въ красной рамкѣ въ гостиной надъ диваномъ. На заднемъ планѣ портрета заѣзжій художникъ изобразилъ одинъ изъ восхитительныхъ ландшафтовъ, какихъ вовсе нѣтъ въ окрестностяхъ нашего Чернобыльска, небо сдѣлалъ свѣтло-голубое и на немъ нагромоздилъ цѣлую кучу какихъ-то синевато-фіолетовыхъ облаковъ. На портретѣ казалось, что длинный черешневатый чубукъ штабсъ-капитана какъ будто упирался въ края облаковъ, и поэтому нѣкоторые недальновидные посѣтители принимали облака за чудовищные клубы дыма, поднимавшагося яко бы изъ трубки почтеннаго штабсъ-капитана... Батуринъ, дѣйствительно, курилъ такъ много, что запахомъ Жукова табаку были всегда пропитаны его комнаты, особенно же его кабинетъ.

Штабсъ-капитанъ, разумѣется, былъ знакомъ со всѣмъ городомъ и весь городъ бывалъ у него, но самъ онъ не любилъ безъ толку шляться по людямъ. По праздникамъ онъ ходилъ въ соборъ, изъ собора, обыкновенно, заходилъ къ исправнику закусывать, да затѣмъ еще какъ-нибудь на недѣлѣ разъ или два ходилъ вечеромъ пить чай или къ своему пріятелю почтмейстеру, или къ лѣкарю. Его навѣщали чаще...

— Куда бы сегодня вечеромъ дѣваться?—спрашиваетъ себя, бывало, иной обыватель.

— А некуда, такъ — къ Василью Петровичу!—рѣшаетъ за него другой.

Вотъ и идутъ къ Василью Петровичу... Федора отворяетъ дверь.

— Капитанъ дома?—спрашиваютъ.

— Извѣстно... Гдѣ жъ ему быть!—отвѣчаетъ Федора, запирая за гостями дверь.

— Дома, дома!—густымъ, хриплымъ голосомъ возглашаетъ хозяинъ, появляясь, какъ Юпитеръ громовержецъ, посреди сѣрыхъ облаковъ табачнаго дыма.

Здѣсь должно замѣтить, что ближайшіе, короткіе знакомые Батурина, обыкновенно, въ шутку называли его «капитаномъ», и онъ съ чувствомъ своего обычнаго, добродушнаго самодовольства относился къ такому дружескому повышенію его въ чинѣ...

Гости, какъ водится, пили чай, калякали о томъ-о семъ, иногда играли въ преферансъ пульку — другую и, выпивъ и закусивъ, расходились по домамъ. Хотя штабсъ-капитанъ самъ не любилъ шляться, но у себя принималъ знакомыхъ охотно, хотя опять-таки—безъ общества онъ не особенно скучалъ. Какъ человѣкъ здоровый, дѣятельный, энергичный и притомъ съ кое-какими практическими знаніями, онъ находилъ для себя не мало занятій и въ домѣ и на томъ клочкѣ земли, владѣльцемъ котораго считался.

Особенно много работы представлялось ему съ весны до поздней осени въ саду и въ огородѣ. Онъ покупалъ книги по огородничеству и садоводству и постоянно выписывалъ различныя заморскія сѣмена овощей и цвѣтовъ изъ столичныхъ сѣмянныхъ магазиновъ и депо. Къ его фамиліи въ магазинахъ уже присмотрѣлись до того, что иногда сюрпризомъ высылали ему пространные прейскуранты всевозможныхъ сѣмянъ и растеній, можетъ быть, въ той мысли, что штабсъ-капитана Батурина считали владѣльцемъ громадныхъ садовъ. И штабсъ-капитанъ бывалъ чрезвычайно доволенъ такими сюрпризами, не подозрѣвая того, что добрые люди изъ «прекраснаго далека» не могли видѣть раз-

мѣровъ его владѣній, а если бы какимъ-нибудь чудомъ увидѣли ихъ, то ужъ, конечно, присылка каталоговъ «его высокоблагородію штабсъ-капитану» прекратилась бы навсегда. Какъ бы въ благодарность за присылку прейскурантовъ и вообще въ поощреніе столичнымъ торговцамъ на будущее время, Василій Петровичъ почти тотчасъ по полученіи сюрприза подливалъ въ чернилицу воды, вооружался гусинымъ перомъ (стальныя перья онъ положительно отрицалъ) и строчилъ весьма пространное письмо въ сѣмянный магазинъ. Вообще онъ былъ не большой охотникъ и не мастеръ писать, но особенно затруднительно было ему копировать латинскія названія растеній. Тутъ ужъ онъ усиленно пыхтѣлъ; языкъ совсѣмъ высовывался изо рта и стриженая голова его склонялась окончательно на-бокъ.

— Что опять носомъ-то заѣздилъ!.. Видно, опять къ цвѣтамъ подбираешься...—внушительно-добродушнымъ тономъ замѣчала ему Федора въ тѣ минуты.

«Безъ людей», наединѣ, Федора говорила большей частью съ штабсъ-капитаномъ на «ты» и всего чаще снисходительнымъ, покровительственнымъ тономъ. Мѣстоименіе «вы» употреблялось лишь въ экстренныхъ случаяхъ, какъ-то: при гостяхъ, въ минуты размолвокъ, когда Федорушка считала себя несправедливо обиженной, и т. п.

— Уйди, уйди, Федора! Не мѣшай!—проговаривалъ штабсъ-капитанъ, убирая языкъ и еще ниже наклоняя голову надъ столомъ, словно совсѣмъ готовясь перекувырнуться.

— Не мѣшай! — передразнивала его Федора, останавливаясь въ дверяхъ и посматривая на него съ какою-то жалостливою усмѣшкой.—Охъ, ужъ ты, цвѣточникъ! Помрешь ты на цвѣтахъ... право, помрешь!

Батуринъ уже не слушалъ долѣе ея разглагольствованій и пророчествъ, продолжая старательно скопировывать мудреныя латинскія названія... Написавъ письмо, онъ посылалъ его, куда слѣдуетъ, со вложеніемъ 10 или 15 рублей.

Не угадала Федорушка: Батуринъ умеръ не на цвѣтахъ,—на ложѣ, болѣе жесткомъ, о чемъ, впрочемъ, рѣчь еще впереди... Но, надо правду сказать, онъ очень любилъ цвѣты. Нужно было видѣть, съ какою дѣтской радостью перелистывалъ онъ, бывало, прейскурантъ, присланный ему какою-нибудь услужливою фирмой, съ какимъ живѣйшимъ восторгомъ, отражавшимся во всѣхъ его взглядахъ и движеніяхъ, разсматривалъ онъ помѣщенные въ прейскурантѣ рисунки различныхъ цвѣтовъ и растеній, съ какимъ вниманіемъ перечитывалъ онъ цѣны тѣхъ или другихъ сѣмянъ и, наконецъ, съ какимъ забавнымъ, неподдѣльнымъ ужасомъ сжималъ и оттопыривалъ губы, придя къ тому заключенію, что эти великолѣпныя сѣмена ему не по карману. Если бы у него карманы были толсты, то онъ, навѣрно, устроилъ бы какіе-нибудь армидины сады... Всласть полюбовавшись на рисунки и достаточно поразсчитавъ цѣны тѣхъ и иныхъ сѣмянъ, штабсъ-капитанъ призывалъ Федору съ иголкой и ниткой и приказывалъ ей, при себѣ, подшивать къ старымъ вновь полученный прейскурантъ. Затѣмъ, самымъ тщательнымъ манеромъ, разгладивъ рукой тетрадку, онъ клалъ ее на мѣсто. И въ длинные, зимніе вечера штабсъ-капитанъ неоднажды и подолгу перелистывалъ эту тетрадь, соображая: что изъ этихъ «прелестей» выписать ему,—и представляя себѣ: какъ ужо́ весной въ его садикѣ зацвѣтутъ всѣ эти «прелести». И вотъ — въ сумеркахъ полуосвѣщенной комнаты мерещились ему распускавшіеся передъ нимъ цвѣты, одинъ другого краше, одинъ другого ярче—цвѣты бѣлые, желтые, розовые, пунцовые, съ огненнымъ оттѣнкомъ, всякіе — простые и махровые, съ изящною, роскошною зеленью... Такъ, Батуринъ въ дни трескучихъ морозовъ уже предвкушалъ весеннія наслажденія.

У Батурина были два станка, столярный и токарный,—и въ зимнее время онъ работалъ на нихъ. Кромѣ того, въ эту снѣжную, студеную пору онъ вязалъ мережу для бредниковъ, такъ какъ былъ большой охотникъ до рыбной ловли.

Главныя же работы его начинались весной и шли до глубокой осени. Когда снѣгъ начиналъ таять и текли ручьи, Василій Петровичъ собственноручно прочищалъ въ огородѣ канавки для стока воды, подновлялъ дорожки, усыпая ихъ пескомъ и щебнемъ, самъ копалъ гряды, приготовлялъ рабатки для цвѣтовъ, садилъ молодыя деревья, а старыя, сгнившія, срубалъ. Затѣмъ, начиналась посадка овощей и цвѣтовъ. Штабсъ-капитанъ самъ садилъ ихъ, самъ ухаживалъ за своими дѣтищами, поливалъ, подвязывалъ ихъ, пололъ (иногда съ помощью Федоры); дотрогиваться же до цвѣтовъ, кромѣ него, никому

не дозволялось. Цвѣтникъ—было святая святыхъ.

— Ты, Федора, цвѣтовъ не касайся! Нини! — каждую весну говаривалъ Батуринъ своей служительницѣ.

— Ну, что жъ!—самымъ невозмутимымъ, равнодушнымъ тономъ отзывалась та.

— А то жъ!—важно продолжалъ штабсъ-капитанъ. — Сказано: не касайся — и кончено!

— Да ну тебя... угомонись!—огрызалась Федора, уже окончательно выходя изъ терпѣнія отъ поучительнаго тона своего хозяина.—Затвердилъ, ровно сорока Якова: «Не касайся, не касайся!» А что мнѣ «касаться»...

— Руки у тебя грубыя, ты все дѣлаешь съ маху.... — продолжалъ усовѣщевать ее штабсъ-капитанъ.—А цвѣты—созданія нѣжныя, деликатныя...

— И наплевать!.. Очень нужно...—перебивала Федора и, дѣйствительно, плюнувъ, уходила прочь.

Мережка и всѣ принадлежности ея вязанья были сложены въ чуланъ до зимы; станки задвинуты въ уголъ. Лѣтомъ Василій Петровичъ почти совсѣмъ переселялся въ садъ, приходя домой только обѣдать, пить чай, да на ночь. Садовой плетень такъ густо заросъ акаціей, что ни съ улицы, ни со двора нельзя было хорошо разсмотрѣть: что дѣлается въ саду. Поэтому здѣсь Батуринъ могъ возиться, съ чѣмъ ему угодно и въ какомъ угодно костюмѣ... И штабсъ-капитанъ пользовался своимъ привиллегированнымъ положеніемъ, благодаря акаціи. Въ жаркую пору онъ работалъ въ одной рубахѣ и засучивалъ рукава по локоть. Здѣсь онъ былъ въ своей сферѣ, былъ счастливъ...

Чего-чего только не было у него въ садикѣ. Цвѣтникъ, поистинѣ, роскошный... Вперемежку, въ прелестнѣйшемъ разнообразіи здѣсь росли: нарцисы, жонкили, розы—бѣлыя и алыя, георгины всевозможныхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ, бархатцы, безсмертные, анютины глазки, уголекъ въ огнѣ, ночныя красавицы, шапки, венерина колесница, левкой, резеда, дикій жасминъ, штокъ-розы... Огородъ отдѣлялся отъ сада кустами красной и черной малины, бѣлаго, желтаго и розоваго крыжовника, шиповника и смородины. Въ саду воздухъ, буквально, какъ говорится, былъ напоенъ ароматами. Цвѣточный запахъ особенно сгущался и становился чувствительнѣе по вечерамъ. Когда посѣтитель, бывало, въ эту пору заходилъ въ садъ къ Батурину, то онъ чувствовалъ себя, какъ бы, ошеломленнымъ, пьянымъ отъ цвѣточныхъ запаховъ, несшихся на него со всѣхъ сторонъ. Этотъ маленькій садъ, весь наполненный цвѣтами, обвѣваемый ароматами, отдѣленный отъ всякаго жилья густою, яркою зеленью, защищенный отъ вѣтра и бурь, весь залитый днемъ горячими солнечными лучами, а ночью фантастически посеребренный тихимъ мѣсячнымъ свѣтомъ — напоминалъ собой одинъ изъ тѣхъ волшебныхъ, очаровательныхъ уголковъ, какіе грезятся въ дѣтскихъ мечтахъ или какіе описываются въ восточныхъ сказкахъ...

Въ огородѣ у Батурина находились также чудеса: крупная клубника, огурцы-богатыри, гигантская морковь, рѣпа съ дѣтскую голову, чудовищныя тыквы, какой-то необыкновенный, невиданный въ нашихъ сторонахъ лукъ и другая всякая всячина.

— Какова! — восклицалъ, бывало, хозяинъ, выдергивая одну изъ крупныхъ рѣпъ и потрясая ею въ воздухѣ.—А! Вѣдь можно быка убить!..

Согласиться въ тѣ минуты съ штабсъ-капитаномъ значило доставить ему величайшее удовольствіе.

Онъ не только гордился, въ качествѣ садовода, своими дѣтищами изъ міра растительнаго, но онъ «по своему» любилъ ихъ, потому что любилъ жизнь во всѣхъ ея проявленіяхъ, и всегда старался о пріумноженіи этой жизни—о томъ, чтобы дать всякую возможность зародиться жизни, развиваться, пробиваться ей на свѣтъ божій. Поэтому-то тотъ клочекъ земли, на которомъ хозяйничалъ Батуринъ, былъ воздѣланъ такимъ тщательнымъ образомъ, что ни одна пядь его не пропадала даромъ, не лежала втунѣ, не загромождалась грудами мусора или камней. Штабсъ-капитанъ, казалось, каждой былинкѣ, каждому цвѣтку желалъ дать ходъ, дать ростъ, дать имъ возможность жить, какъ можно лучше, какъ того они хотятъ... Эту почтенную черту изъ жизни и дѣятельности штабсъ-капитана Батурина я съ удовольствіемъ заношу на страницы своего разсказа. Если бы, милостивые государи, въ крупныхъ дѣлахъ и на всѣхъ стезяхъ нашей жизни всѣ мы послѣдовали примѣру штабсъ-капитана Батурина, то тѣмъ самымъ мы создали бы новыя небеса и новую землю и были бы такъ довольны, такъ богаты и счастливы, какъ мы даже представить

себѣ не можемъ теперь, посреди одолѣвающихъ насъ скорбей, напастей и нищеты нравственной и матеріальной...

Стоило посмотрѣть, какъ Батуринъ, скинувъ съ себя свое лѣтнее коломянковое пальто и засучивъ рукава, прилежно рылся надъ своими грядками, буквально орошая ихъ своимъ потомъ! Его сухія и жилистыя, загорѣлыя руки, казалось, работали безъ устали. Онъ отрывался лишь для того, чтобы покурить трубку. Когда въ эти минуты своего краткаго отдыха онъ оглядывался вокругъ себя на силу и могущество обступавшей его растительной жизни, тогда улыбка довольства свѣтилась на его вспотѣвшемъ, красномъ лицѣ...

Кромѣ всѣхъ перечисленныхъ нами занятій, у штабсъ-капитана было еще одно дѣло, которое онъ справлялъ регулярно зимой и лѣтомъ—во всѣ времена года. Это именно—колотье дровъ. Лѣтомъ и зимою, рано утромъ, онъ отправлялся въ сарай и накалывалъ дровъ для печей дня на два—на три или болѣе.

— Что ему за охота самому дрова рубить!—говорили сначала про него знакомые, но потомъ уже привыкли къ его чудачествамъ и махнули на него рукой.

Батуринъ же находилъ, что рубить дрова—очень здорово для него. И топоръ легко и ловко ходилъ въ его мускулистыхъ рукахъ... Сухой, старый обрубокъ дерева, весь уже испещренный слѣдами ударовъ топора, служилъ ему плахой для расколки дровъ. Съ удовольствіемъ, бывало, смотришь на его крѣпкую, коренастую фигуру, когда онъ начнетъ раскалывать полѣно за полѣномъ—такъ, что только щепки летятъ во всѣ стороны. Устанетъ, умается штабсъ-капитанъ, вонзитъ топоръ въ свою плаху, до слѣдующаго раза, и идетъ домой.

— Ухъ... вотъ такъ хорошо!—говоритъ онъ, бывало, самодовольно усмѣхаясь и утирая потъ со своего раскраснѣвшагося лица.—Вотъ теперь и отдыхъ, и обѣдъ въ прокъ пойдетъ... Ва-ажно!

Если посѣтители не находили штабсъ-капитана въ домѣ, то отправлялись въ садъ или въ дровяной сарай, гдѣ и находили его непремѣнно за работой. Отдыхъ же его, обыкновенно, состоялъ въ томъ, что онъ съ трубкой и съ газетой или съ книжкой въ рукахъ подолгу сидѣлъ за стаканомъ чая. Онъ въ эти минуты то читалъ, то посасывалъ трубку, задумчиво смотря на слои сѣраго табачнаго дыма, расходившагося кругомъ него. Здѣсь кстати замѣтить, что Батуринъ любилъ почитать въ свободныя минуты. Онъ выписывалъ «Русскую Старину», одинъ толстый почтенный журналъ, и уже въ теченіи двадцати лѣтъ постоянно получалъ «Петербургскія Вѣдомости».

Лѣтомъ онъ вставалъ въ четыре часа (зимой въ пять), самъ грѣлъ себѣ маленькій самоваръ и распивалъ чай «на свободѣ», то-есть, безъ всякихъ стѣсненій и указаній со стороны Федорушки относительно продолжительности чаепитія. Штабсъ-капитанъ любилъ посидѣть надъ своимъ большимъ стаканомъ, покурить, помечтать, подумать надъ нимъ свою думушку. Это онъ называлъ своею «льготой». По вечерамъ Федора иногда нарушала эту льготу. Замѣтивъ, что штабсъ-капитанъ уже слишкомъ долго сидѣлъ надъ однимъ стаканомъ, она вслухъ дѣлала на его счетъ болѣе или менѣе тонкіе намеки, въ слѣдующемъ родѣ:

— Смотри: чай-то, поди, замерзъ...

Или:

— Сосешь-сосешь свою трубку-то безъ пути, и про чай забылъ ужъ совсѣмъ...

— Ну-ну, ладно!—возражалъ въ такихъ случаяхъ штабсъ-капитанъ, отмахиваясь рукой не то отъ дыма, не то отъ своей усердной служительницы.—Не могу же я, Федорушка, кипятокъ глотать... Согласись!

— Кипятокъ! — съ ѣдкой ироніей отзывалась та.—Поди, что кипятокъ... Гм! Кипятокъ! Выдумщикъ ты... вотъ что!..

Штабсъ-капитанъ, послѣ такого ироническаго замѣчанія, молча, склонялъ надъ чубукомъ свою сѣдую, стриженую голову, какъ бы признавая въ душѣ справедливость произнесеннаго надъ нимъ приговора...

День штабсъ-капитана, обыкновенно, располагался такъ: въ десять часовъ завтракъ, въ часъ обѣдъ, послѣ обѣда сонъ—часъ или полтора, въ пять часовъ вечерній чай, въ девять ужинъ, а въ десять — на боковую, съ книжкой на сонъ грядущій.

Послѣ всего сказаннаго, положа руку на сердце, признайтесь, читатель, что мы, уѣздные люди, были совершенно правы, считая штабсъ-капитана Батурина за человѣка, живущаго припѣваючи, въ свое удовольствіе? Не правда-ли, что его жизнь катилась тихо, какъ ручеекъ, безъ стремнинъ и водопадовъ, безъ всякихъ прискорбныхъ неожиданностей—несмотря на то, что у насъ, въ Чернобыльскѣ, какъ и вездѣ, неожиданности иногда повергали нѣкоторыхъ обывателей въ недоумѣніе

*

и грусть? Глядя на затишье и размѣренный ходъ жизни штабсъ-капитана, можно было подумать, что съ помощью какого-то волшебства или даже предвидѣнія, имъ все уже было напередъ взвѣшено, примѣрено и разсчитано съ такою правильностью, съ такою почти математическою точностью, что не оставалось и мѣста ни для какихъ неожиданностей, выбивающихъ изъ колеи жизнь иныхъ людей. Мирная, тихая, здоровая была жизнь—и обѣщала въ будущемъ ясный, хорошій закатъ...

Придешь, бывало, утромъ къ Батурину, въ досужую для него минуту, и сразу же почувствуешь, что попалъ въ затишье. Въ комнатѣ припахиваетъ резедой, жасминомъ, левкоемъ. Старикъ—бодрый и свѣжій—съ трубкой сидитъ у открытаго окна и поглядываетъ на зеленый лужокъ, разстилающійся передъ нимъ, и на гладко укатанную, пыльную дорогу. По ту сторону — мѣстами поломанный плетень, за плетнемъ поле, то взрытое, покрытое комьями черной земли, то волнующееся рожью или овсомъ; далѣе — кустарникъ и изъ-за него кое-гдѣ видны обрывистые берега рѣчки, куда штабсъ-капитанъ ходитъ иногда на рыбную ловлю; еще далѣе и вплоть до горизонта синѣютъ лѣса, то явственно выступающіе въ свѣтлую погоду, то, словно, затканные туманною дымкой. Между лѣсами, надъ вершинами ихъ, тамъ и сямъ, изрѣдка, блестятъ шпили сельскихъ колоколень, указывая на то, что въ томъ мѣстѣ лѣса разступаются и даютъ возможность селиться людямъ... Совсѣмъ сельскій видъ. Домикъ штабсъ-капитана стоялъ на выѣздѣ изъ города, или, какъ говорятъ у насъ, «на спольѣ».

Сидитъ старикъ у окна и не устаетъ съ удовольствіемъ посматривать на этотъ знакомый видъ. Цвѣты пахнутъ. Въ домикѣ тихо. Солнечные лучи свѣтомъ и теплом наполняютъ всѣ комнаты отъ стѣны до стѣны, сверху до низу, ярко озаряютъ зелень и цвѣты, стоящіе на подоконникахъ, и красными полосами ложатся на голыя, сосновыя стѣны, не покрытыя обоями, разрисованныя лишь, какъ узоромъ, сучками и щелями. Ряды моху чернѣютъ между пазами... Глядя на все это, глядя на старика, освѣщеннаго теплыми солнечными лучами, глядя на его довольную улыбку, мелькавшую изъ-подъ усовъ, невольно думалось: «счастливъ этотъ человѣкъ!» Да, пожалуй, что онъ и былъ счастливъ...

Но вдругъ ему пришла *мысль*... Какъ она пришла? Вычиталъ-ли онъ ее изъ какой-нибудь книги, занесъ-ли ее къ нему какой-нибудь живой человѣкъ, самъ-ли, наконецъ, штабсъ-капитанъ, своимъ умомъ, додумался до нея, сидя надъ стаканомъ чая въ облакахъ табачнаго дыма,—въ точности осталось неизвѣстно. Читатель, вѣроятно, не погонится за подробностями и удовольствуется лишь сообщеніемъ того факта, что *мысль*, дѣйствительно, явилась... «Ну, вотъ жизнь моя идетъ—проходитъ, а что изъ того»... подумалъ однажды Батуринъ. «Отъ моего существованья никому ни тепло, ни холодно... А нужно, чтобы было тепло»...Сначала, какъ видитъ читатель, это была даже не мысль, а скорѣе какое-то доброе чувство, смутное, неопредѣленное желаніе какой-то иной дѣятельности, отъ которой людямъ стало бы теплѣе жить. Съ того момента, какъ зародилось подобное чувство, штабсъ-капитанъ мало-по-малу сталъ утрачивать свое душевное довольство и спокойствіе, сдѣлался тревоженъ, словно вкусилъ плода съ древа познанія добра и зла. *Мысль* его рождалась въ мукахъ, но за то, родившись, выяснялась, развивалась и крѣпла не по днямъ, а по часамъ, какъ сказочный богатырь. «Я все дѣлаю для цвѣтовъ, и ничего—для людей... Нужно же сдѣлать что-нибудь такое, что бы принесло пользу людямъ!» Я не ручаюсь, чтобы *мысль* штабсъ-капитана высказывалась точь-въ-точь такими словами, но суть ея была именно такова. Придя къ вышесказанному выводу Батуринъ глубоко призадумался, да и было надъ чѣмъ призадуматься...

Сдѣлаться полезнымъ людямъ у насъ, въ Чернобыльскѣ! Мысль по истинѣ—геніальная, что про то и говорить! Но попытайтесь-ка провести ее на практикѣ! У насъ можно сдѣлаться зажиточнымъ обывателемъ, владѣльцемъ какой-нибудь лавки, расторопнымъ чиновникомъ, непремѣннымъ членомъ присутствія по крестьянскимъ дѣламъ, наконецъ, особенно легко сдѣлаться у насъ пріятнымъ собесѣдникомъ, стоитъ лишь угощать хорошенько, пить въ компаніи по-пріятельски, да играть въ преферансъ и ералашъ... Но сдѣлаться полезнымъ людямъ у насъ-то, въ Чернобыльскѣ!.. Согласитесь, читатель, что эта такая идея, на которой всѣ Канты и Гегели зубы себѣ поломаютъ. Какъ же было послѣ этого не растеряться нашему бѣдному штабсъ-капитану, когда онъ вдругъ очутился лицомъ къ лицу съ подобной идеей... Не мудрено, что не день—не два, но очень долго ломалъ онъ голову, ища для себя выхода. Положеніе не-

сносное, тягостное. Человѣкъ зашелъ въ лабиринтъ, нить оборвалась, потерялась,—и вотъ человѣкъ толкается туда и сюда, бродитъ взадъ и впередъ, какъ впотьмахъ, то возвращаясь на старое мѣсто, то удаляясь отъ него, можетъ быть, съ тѣмъ, чтобы снова возвратиться...

Была зима, грустная, темная пора длинныхъ ночей, трескучихъ морозовъ, метелей и вьюгъ. Свободнаго времени было много у Батурина, и онъ могъ возиться со своей мыслью сколько угодно. И онъ ворочалъ ее такъ и сякъ и всячески, но на практику перевести ее никакъ не могъ, не могъ одѣть ее въ плоть и кровь...

Однажды, зимнимъ вечеромъ штабсъ-капитанъ сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ и вязалъ мережу. Тишина нарушалась только размѣреннымъ тиканьемъ маятника. Вершины бѣлыхъ, снѣжныхъ сугробовъ заглядывали изъ сада въ окно. Лампочка, горѣвшая на столѣ, тусклымъ свѣтомъ озаряла комнату. Тутъ же на столѣ стоялъ недопитый стаканъ чая... Погасшая трубка прислонена къ спинкѣ стула. На столѣ въ сторонкѣ лежалъ тщательно сложенный послѣдній нумеръ «Петербургскихъ Вѣдомостей»... Довязавъ рядъ или два петель, штабсъ-капитанъ, въ видѣ отдыха или развлеченья, задумчиво оглядывалъ свой кабинетъ.

А кабинетъ его также заслуживалъ вниманія, какъ точно какой-нибудь музей рѣдкостей. Чего-чего только тутъ не было! Вдоль стѣны помѣщались два станка: токарный и столярный, а на нихъ всевозможные инструменты: пила, напилки, стругъ, долота всякихъ размѣровъ и видовъ, буравъ, стамески; тутъ же валялись гвозди различныхъ сортовъ, винты, винтики, отвертки, щипцы, коробочки съ деревянными гвоздиками, ремешки, куски различной кожи, сафьяна и проч. и проч. Въ одномъ углу стояли садовничьи орудія и лежала куча стараго желѣза и обломковъ, которые въ свое время могли пригодиться. Въ другомъ углу были свалены коекакія рыболовныя принадлежности; впрочемъ, большая часть ихъ находилась въ амбарѣ. На стѣнахъ висѣли трости, чубуки, старая сабля и пара пистолетовъ крупнаго калибра. Надъ оружіемъ, какъ, должно полагать, на самомъ почетномъ мѣстѣ, по мнѣнію штабсъ-капитана,—висѣлъ старинный, гравированный портретъ великаго князя Константина Павловича. На столѣ, за чернильницей въ красивой рѣзной рамкѣ—работы хозяина—выглядывалъ портретъ жены Батурина, сильно выцвѣтшій дагерротипъ, въ которомъ теперь только самъ штабсъ-капитанъ могъ распознавать ему знакомыя, милыя черты... Ей было 18 лѣтъ, а онъ только что вышелъ въ офицеры, когда они встрѣтились въ первый разъ на вечерѣ у однихъ знакомыхъ. Это было на Святкахъ. Да! Онъ помнитъ это... помнитъ дѣвушку въ бѣломъ платьѣ, съ бѣлокурыми локонами. Эта дѣвушка потомъ стала его женой, у нихъ были дѣти... Господи! Какъ давно все это было и какъ давно все это прошло... Дѣти умерли, и голубые глаза той бѣлокурой женщины уже давно закрылись навѣки. Прошлое, какъ сновидѣніе. А онъ, штабсъ-капитанъ, теперь одинъ—одинъ со своей Федорой... Такого рода мысли мелькали въ головѣ Батурина, когда онъ иной разъ заглядывался на старый, выцвѣтшій дагерротипъ; такія-то воспоминанія иногда вставали передъ нимъ...

Въ тотъ вечеръ, о которомъ теперь идетъ рѣчь, штабсъ-капитанъ не смотрѣлъ ни на портретъ своей покойной жены, ни на груды инструментовъ, ни на рыболовныя снасти, ни на лицо Константина Павловича, куда, обыкновенно, такъ часто посматривалъ онъ. Теперь взглядъ его остановился на книжной полкѣ, помѣщавшейся въ углу между печкой и его кроватью. На полкѣ стояли переплетенные журналы за старые года, нѣсколько книгъ—историческихъ сочиненій, романовъ и повѣстей и, наконецъ, «Петербургскія Вѣдомости» за двадцать лѣтъ... Не откровеніе ли — то, что на глаза ему попались книги именно въ тѣ минуты, когда онъ пріискивалъ для себя такое дѣло, которымъ онъ могъ бы принести пользу у насъ, въ Чернобыльскѣ; въ тѣ минуты, когда онъ обуревался сомнѣніями и уже терялъ всякую надежду когда-нибудь выбиться изъ ихъ темныхъ волнъ, заливавшихъ его... «Книги!» Книги вѣдь даютъ знаніе, а знаніе—свѣтъ, знаніе—сила. Въ Чернобыльскѣ, кромѣ счетовъ, представляемыхъ изъ лавочекъ, кромѣ «Губернскихъ Вѣдомостей» да «Русскаго Инвалида»—ничего не читаютъ. Здѣсь люди не привыкли читать, не привыкли думать; умъ и чувства ихъ спятъ. Но ихъ можно пріучить къ чтенію, имъ можно дать знанія, расшевелить ихъ, вдунуть въ обывательскую душу — душу живу... Устроить Библіотеку! Здѣсь Библіотеки никогда еще не бывало, о ней понятія не имѣютъ... Вотъ – свѣтлая мысль!

Штабсъ-капитану показалось, что точно какое-то сіяніе распространилось надъ нимъ. Дѣло—общеполезное, практическое дѣло найдено. Въ этотъ критическій моментъ онъ не воскликнулъ «Еврика!» только единственно потому, что не зналъ этого классическаго изреченія. Знай его, штабсъ-капитанъ, мнѣ думается, заоралъ бы на весь домъ и даже разбудилъ бы крѣпко спавшую Федорушку... Теперь же въ волненіи, подъ напоромъ осѣнившей его мысли, онъ пересталъ вязать мережку и заходилъ по комнатѣ, останавливаясь отъ норы до времени передъ полкой съ книгами и задумчивымъ, долгимъ взглядомъ посматривая на нее.

Нѣсколько дней и нѣсколько ночей пытался штабсъ-капитанъ со своею «мыслью», и, наконецъ, рѣшился подѣлиться ею съ Федорой, съ единственнымъ существомъ, которому онъ повѣрялъ свои думы.

Былъ опять вечеръ. Опять штабсъ-капитанъ сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ за вязаньемъ мережи... Дверь тихонько пріотворилась, и Федора, заглянувъ на часы, висѣвшіе у входа, замѣтила хозяину:

— Не пора-ли ужинать, да спать!

Штабсъ-капитанъ на это ей ничего не отвѣтилъ.

— Ужо надо будетъ заказать напилить досокъ...—началъ онъ вмѣсто всякаго отвѣта.—Надо будетъ полки сдѣлать...

— Какія такія полки?—озадачилась Федора.

— Обыкновенно... извѣстно, какія... деревянныя!—пояснилъ ей хозяинъ.

— Для чего жъ это онѣ понадобились?

— Хочу Библіотеку заводить! — выговорилъ, наконецъ, Василій Петровичъ, оставляя вязанье и хитро-хитро посматривая на свою служительницу.

Тутъ Федора уже совсѣмъ вошла въ кабинетъ, притворила за собою дверь и, уставившись въ полоборота, проявила всѣ несомнѣнные признаки вниманія.

— Что жъ это такое?—спросила она, необыкновенно проницательно посматривая на хозяина. — Бильботека... Заведеніе какое, что-ли?

— Да-а! Заведеніе... хорошее... — важно проговорилъ штабсъ-капитанъ, обращаясь къ Федорушкѣ.—Я, видишь, хочу накупить всякихъ книгъ, много книгъ—и буду выдавать ихъ читать.

Непродолжительная пауза... Какимъ-то особеннымъ, только ей одной свойственнымъ образомъ, Федора покрутила носомъ и заложила руки за спину. Увидавъ это, штабсъ-капитанъ, молча, откинулся на спинку стула и задумчиво посмотрѣлъ на свою мережу, какъ бы усумнившись: ладно-ли онъ сдѣлалъ, пустившись въ откровенность съ этой доброй, но необразованной женщиной.

— Ну, братъ, баринъ, это что-то не того...— съ легкимъ вздохомъ промолвила Федора, покачивая головой.—Ты что-то неладное задумалъ... вотъ что я тебѣ скажу! Прогоришь ты со своими выдумками.

— Да пойми же ты, Федорушка, что вѣдь я не даромъ буду книги-то давать читать!— вразумительно заговорилъ штабсъ-капитанъ.—Вѣдь прибыль навѣрно будетъ... Я за каждую книгу буду деньги брать...

— Такъ тебѣ и дали!.. Держи карманъ!— ехидно, иронически перебила Федора, очевидно, не допускавшая ни малѣйшей возможности притока денегъ въ карманъ ея хозяина.

— Ты, Федора, ничего не понимаешь...— почти грустно проговорилъ штабсъ-капитанъ, какъ бы сознавая свое безсиліе просвѣтить Федору насчетъ того, что Библіотека требуетъ лишь сначала единовременной затраты денегъ изъ его кармана, что впослѣдствіи она станетъ окупаться, сама себя содержать.

— Понимаю, батюшка! Все понимаю...— твердила Федорушка. — Да и понимать-то тутъ нечего... Прогоришь — только всего и будетъ...

— Напишу я правила...—началъ штабсъ-капитанъ, возвышая голосъ.

— Пропишутъ тебѣ правила... Погоди!— съ какимъ-то непонятнымъ злорадствомъ, прервала его Федора.—По міру находишься...

— Федора!.. Послушай...

— Прибылями-то твоими блохи не накормить... Несчастнымъ сдѣлаешься!..

— Федора!..

— Да что ты затвердилъ, прости Господи: Федора, да Федора... Федорой-то меня ужъ давно зовутъ...—окрысилась, наконецъ, эта почтенная женщина.—А тебѣ толкомъ говорятъ: брось ты свои выдумки!.. Брось, до грѣха!.. Потомъ спокаешься, самъ не радъ будешь, да ужъ будетъ поздно... Вотъ тебѣ и будетъ Бильботека... Ха!

— Ахъ, Федора! Ты меня не понимаешь...— тихо проговорилъ штабсъ-капитанъ, отворачиваясь отъ своей служительницы.

— Да ужъ гдѣ тебя понять! Ты нынче шустрый сталъ... Охъ, какой шустрый... не приведи Богъ!—уже съ явной насмѣшкой проговорила Федорушка, поглядывая на сѣдую, стриженую голову штабсъ-капитана, низко склонившуюся надъ мережкой.

Батуринъ промолчалъ, но, согласно баснѣ («котъ Васька слушаетъ, да ѣстъ»), продолжалъ про себя наслаждаться своею «мыслью».

— Пойдемъ, добро, лучше ужинать... А тамъ виднѣе будетъ!—немного погодя, добавила Федора, берясь за скобку двери.

— Утро вечера мудренѣе...

Утро, наступившее послѣ той ночи, когда штабсъ-капитанъ открылъ Федорѣ свое намѣреніе, разумѣется, нисколько не измѣнило положенія дѣлъ. Батуринъ остался при своемъ. «Мысль» его съ каждымъ днемъ крѣпла, развивалась, и все болѣе и болѣе выяснялась въ подробностяхъ ея практическаго примѣненія. Батуринъ прилежно носился съ этой мыслью... «Мысль» доставляла ему такія высокія наслажденія, какихъ Федора не могла даже подозрѣвать. «Они привыкнутъ читать, станутъ думать...» размышлялъ про себя Батуринъ. «Я помогу имъ выйти изъ мрака на божій свѣтъ. Теперь они живутъ, какъ свиньи, брошенныя на произволъ судьбы; тогда они сдѣлаются людьми, существами разумными. Теперь они сами не знаютъ: для чего живутъ; тогда они пойдутъ къ извѣстной цѣли, жизнь ихъ будетъ полна, они сознательно полюбятъ жизнь и будутъ счастливы...» Подъ словомъ «они» Батуринъ подразумѣвалъ своихъ согражданъ. Опять оговариваюсь: я не могу ручаться за то, что думы штабсъ-капитана по этому поводу выражались именно такими словами, какія приведены здѣсь, но могу только смѣло сказать, что общій смыслъ ихъ переданъ мною вѣрно...

Согласитесь, читатель, что нашъ штабсъ-капитанъ Батуринъ, право, былъ человѣкъ замѣчательный въ своемъ родѣ. Свое спокойствіе и довольство онъ, чудакъ, съ радостью мѣнялъ на тревоги и заботы, которыхъ требовало отъ него проведеніе его «мысли» въ жизнь... Какъ будто именно про него сказано поэтомъ:

«Подъ нимъ—струя свѣтлѣй лазури,
Надъ нимъ—лучь солнца золотой,
А онъ, мятежный, проситъ бури»...

Федорушка тоже ему говорила, что ужъ онъ «достукается до бѣды со своими выдумками»... Федорушкиныхъ предсказаній онъ, конечно, не принималъ къ свѣдѣнію: можетъ-ли темный человѣкъ почувствовать и сознать всю прелесть, все обаяніе самоотверженнаго служенія общественнымъ интересамъ! Федора, какъ евангельская Марѳа, печется лишь о мелочахъ и удобствахъ жизни практической, умственный горизонтъ ея узокъ,—отъ печки до порога... Батуринъ, наконецъ, рѣшился приступить къ дѣлу... Онъ сталъ выписывать книги, выписалъ еще нѣсколько журналовъ, кромѣ «Русскаго Архива» и того толстаго журнала, который онъ уже получалъ. Онъ уже три раза ѣздилъ въ губернскій городъ, рылся у букинистовъ въ лавочкахъ, совѣтовался съ губернскимъ библіотекаремъ. Также не мало заботъ было ему выхлопотать дозволеніе на открытіе Библіотеки въ городѣ Чернобыльскѣ. Когда штабсъ-капитанъ въ первый разъ заикнулся объ этомъ въ губернаторской канцеляріи, чиновникъ съ такимъ удивленіемъ вытаращилъ на него глаза, какъ будто господинъ Батуринъ испрашивалъ у него разрѣшенія полетѣть на луну.

— Что это вамъ вздумалось?—пробормоталъ чиновникъ, перелистывая лежавшія передъ нимъ бумаги и испытующимъ взглядомъ, искоса посматривая на штабсъ-капитана.

— Да такъ... все такъ, знаете, думаю: хоть доброе дѣло сдѣлаю...—сбивчиво отвѣчалъ ему Батуринъ, смутно, инстинктивно сознавая, что ему не довѣряютъ, что его подозрѣваютъ въ чемъ-то.

— Гм! Странно...—многозначительно кашлянувъ, опять замѣтилъ чиновникъ. — Никогда еще въ Чернобыльскѣ не бывало этого, и вдругъ...

Обѣщали сдѣлать въ свое время докладъ... Время шло, а изъ канцеляріи—ни отвѣта, ни привѣта. Для штабсъ-капитана наступило время хлопотъ и непріятностей, тяжкихъ заботъ и безсонныхъ ночей. Иногда, къ ужасу Федорушки, онъ кушалъ безъ всякаго аппетита, началъ часто хмуриться... Еще бы не хмуриться! Расходы по обзаведенію Библіотеки представлялись порядочные, пенсія получалась маленькая, приходилось лѣзть въ долги. Послѣднее обстоятельство особенно шибко коробило Батурина, который до сего времени по одежкѣ протягивалъ ножки и не привыкъ одолжаться. Теперь пришлось прибѣгнуть къ помощи знакомаго купца, нѣкоего Перфильева. Перфильевъ, конечно, давалъ денегъ штабсъ-капитану подъ извѣст-

ные проценты и подъ залогъ его дома. «Отчего жъ не дать! Съ нашимъ удовольствіемъ»...

Батуринъ не хотѣлъ разглашать о своемъ дѣлѣ до поры-до времени, разсчитывая преподнести своимъ согражданамъ сюрпризъ. Но шила въ мѣшкѣ утаить, разумѣется, не удалось. Живо пронюхали о выпискѣ книгъ, узнали о причинахъ поѣздокъ въ губернскій городъ, провѣдали и о росписочкахъ, выданныхъ на болѣе или менѣе крупныя суммы, — все провѣдали... Качали головой, пожимали плечами, приподнимали брови и губы оттопыривали, — однимъ словомъ, добрые люди, ради которыхъ штабсъ-капитанъ возлагалъ на себя крестъ, терялись въ сомнѣньяхъ и догадкахъ по поводу его дѣятельности. Федорушка уже безъ всякихъ околичностей прямо говорила ему:

— Ой, уймись! Право, втянаешься въ бѣду... Смотри: на что ты сталъ похожъ! Вѣдь, крови-то въ тебѣ совсѣмъ нѣтъ... Самъ въ петлю лѣзешь!

Дѣйствительно, Батуринъ какъ будто слегка поблѣднѣлъ за послѣднее время. И очень можетъ быть... Но любящій взглядъ Федорушки, очевидно, преувеличивалъ опасность.

Такъ прошелъ годъ. «Мысль» штабсъ-капитана приближалась къ ея осуществленію... Тяжелыя минуты раздумья и сомнѣній переживалъ порой нашъ штабсъ-капитанъ. Но выпадали также на его долю радости и торжества, которыя хотя отчасти искупали собой темныя минуты сомнѣній и тревогъ... Онъ увлекался своею «мыслью» и мысль давала ему наслажденья... Случалось, что Батурина нерѣдко одолѣвала безсонница. Онъ подходилъ къ окну, изъ котораго открывался видъ на городъ, и такъ, бывало, подолгу стоялъ, задумчиво смотря на темный, спящій городъ. И тогда, въ тихій часъ ночи, чудесныя видѣнія возставали передъ нимъ... Придетъ время, сограждане его просвѣтятся, наберутся ума-разума и устроятъ свою жизнь прекрасно. Не будетъ на улицахъ грудъ мусора и сора, теперь заражающихъ воздухъ. Не будетъ этихъ жалкихъ лачугъ... Выстроятъ хорошее училище—большое, свѣтлое зданіе. Не будетъ ни карточныхъ игръ, ни кабаковъ. А главное—люди будутъ хранить, пріумножать *жизнь* во всѣхъ ея проявленіяхъ, станутъ дѣлать все для ея лучшаго, полнаго развитія. Тогда люди не будутъ, какъ глупые расточители-моты, истреблять жизнь и сокрушать, уничтожать ее повсюду, на всѣхъ ступеняхъ ея развитія... Для этого нужно заглушить въ нихъ злые инстинкты и постараться развить добрые. Имъ нужны знанія—и изъ числа ихъ первое знаніе того, что интересы и благополучіе всѣхъ людей такъ тѣсно, неразрывно связаны между собой, какъ корни одного и того же дерева. Эта же мысль болѣе просто выражена словами: «любите другъ друга»... Да и это когда-нибудь будетъ, непремѣнно будетъ... Такъ, или почти такъ, думалъ штабсъ-капитанъ, смотря на тихо спящій городъ, на темныя крыши его домовъ, на группы деревьевъ, черною тѣнью поднимавшихся тамъ и сямъ къ звѣздному, ночному небу. «Будетъ!»...

Въ этотъ часъ торжественнаго безмолвія Батурину иногда думалось, что и онъ, по мѣрѣ силъ своихъ, также постарается, поможетъ со своей стороны приблизиться тому желанному времени. И онъ невольно оглядывался на полки книгъ. «Книги приносятъ знаніе, а знаніе—сила», въ сотый разъ повторялъ онъ себѣ!

Однажды, смотря на городъ, виднѣвшійся изъ окна сквозь ночной сумракъ, онъ сказалъ про себя:

— Спите, спите! Скоро я разбужу васъ...

Иногда же ему самому приходило въ голову: не увлекается-ли онъ несбыточною мечтой, не ѣдетъ ли онъ сражаться съ вѣтряными мельницами, подобно Донъ-Кихоту... Но подобныя сомнѣнія, навѣваемыя на него неприглядною, порой — жестокою дѣйствительностью, Батуринъ просто приписывалъ усталости, упадку силъ и старался гнать ихъ прочь, какъ нежданныхъ и незванныхъ гостей. Такъ прошелъ еще годъ, прошли ровно 365 дней съ нѣсколькими минутами и секундами; переходы отъ надеждъ къ сомнѣнію, отъ унынія къ торжеству шли своимъ чередомъ въ жизни нашего штабсъ-капитана. Наконецъ-то его волненія и тревоги по устройству Библіотеки пришли къ концу. Книгъ и журналовъ было собрано порядочно, каталогъ и правила составлены и утверждены, кѣмъ слѣдуетъ, дозволеніе получено... и даже вывѣска («Библіотека В. П. Батурина»)—большая бѣлая доска съ черными буквами, была надлежащимъ образомъ прибита на домикѣ штабсъ-капитана надъ лицевыми окнами... Вывѣска была явственно видна, хотя крыша и отбрасывала тѣнь на верхнюю часть ея. Прибиваніе этой вывѣски произошло очень торжественно, и въ своемъ родѣ было событіемъ для города Чернобыльска.

Вечеромъ наканунѣ дня открытія Библіотеки изъ воротъ дома Батурина вышелъ самъ хозяинъ, неся вывѣску такимъ манеромъ, какъ, обыкновенно, носятъ ребятъ; за нимъ слѣдовалъ столяръ съ лѣстницей на плечѣ; за нимъ показалась Федора съ серьезно сосредоточеннымъ, меланхолическимъ видомъ; шествіе замыкалъ подмастерье маляра, чумазый мальчуганъ безъ шапки, въ продранной рубахѣ... Приставили лѣстницу, и маляръ, поднявшись на нее, сталъ прибивать вывѣску. Штабсъ-капитанъ съ довольнымъ, сіяющимъ лицомъ переходилъ съ мѣста на мѣсто и, повертывая головой направо и налѣво, наблюдалъ съ величайшимъ вниманіемъ за тѣмъ, чтобы прямѣе прибили вывѣску. Онъ прищуривался то на одинъ, то на другой глазъ, то отступалъ шагъ назадъ и, откинувъ голову, смотрѣлъ на прибиваемую вывѣску свысока, то придвигался къ стѣнѣ дома и, склонивъ голову набокъ, посматривалъ снизу вверхъ. Федорушка, тяжело вздыхая, слѣдила за маляромъ и судорожно прижимала къ губамъ кончикъ своего головного платка,—вѣрный признакъ сильнаго душевнаго волненія. То самое, отъ чего радость свѣтилась въ глазахъ штабсъ-капитана, повергало Федорушку въ безпокойство и даже въ страхъ. Чумазый мальчуганъ довольно равнодушно смотрѣлъ по сторонамъ, то почесывая себѣ поясницу, то запуская руку въ волоса, не столько, впрочемъ, похожіе на волоса, сколько на войлокъ. Онъ казался усталымъ, измученнымъ и готовымъ заснуть хоть тутъ же, стоя середи улицы. Онъ нѣсколько оживился лишь тогда, какъ передъ домомъ штабсъ-капитана стала собираться публика.

Зрителей стеклось много, но главнымъ образомъ набѣжали мальчишки. Какимъ образомъ этотъ народъ провѣдалъ о прибиваніи вывѣски на домѣ штабсъ-капитана—Богъ вѣсть, это ужъ его дѣло, но только вѣрно то, что этотъ продувной народъ сбѣжался сюда, положительно, со всѣхъ концовъ города, словно по сигналу.

Начались, какъ водится, разсужденія, толки, споры, шуточки и смѣхъ... сначала тихо, робко, сдержанно, какъ бы подъ вліяніемъ присутствія «капитана», а потомъ все громче, откровеннѣе.

— Ванюшка, читай!—сказалъ одинъ мальчуганъ другому.—Ты вѣдь, лѣшій, ужъ другой годъ въ ученье-то ходишь... должонъ все разумѣть! Читай! Ну-у!

— Очень просто...—храбро отозвался Ванюшка и, важно прищурившись, началъ читать по складамъ. Би...би...биб...би...биль... Бильярдъ!—неожиданно закончилъ онъ.

Дѣйствительно, это заключеніе его было такъ неожиданно, что штабсъ-капитанъ даже вздрогнулъ и повернулся къ нему таково быстро и легко, словно на шарнирѣ. Онъ довольно строго посмотрѣлъ на мальчугана, но ничего не сказалъ и опять тотчасъ же принялся заботливо наблюдать за ходомъ работы.

— Нѣтъ, братъ... не бильярдъ! —вмѣшался другой мальчуганъ.—Ты смотри въ конецъ, въ хвостѣ-то что... «Ека... те-е-ка»... —затянулъ онъ, водя пальцемъ въ воздухѣ —для того, повидимому, чтобы не сбиться.— «Тека... о-оте-ка»...

— Нѣшто аптеку заводитъ! — догадался кто-то въ толпѣ несовершеннолѣтнихъ зрителей.

Тутъ ужъ Федора не выдержала.

— Бельботека это...—грустно и съ сердцемъ промолвила она, оборачиваясь къ мальчишкамъ. — Ой, дурачье! Чему только васъ учатъ въ училищѣ эстолько времени! Дерутъ васъ мало, чертенятъ...

— Ого-го-го!—загоготала толпа, развеселившись отъ оказаннаго ей любезнаго вниманія со стороны «капитанской ключницы», (подъ такимъ прозвищемъ Федорушка была извѣстна у насъ, въ Чернобыльскѣ).

Наконецъ, вывѣску прибили довольно удовлетворительно, маляру поднесли стаканъ водки, чумазому мальчугану сунули три копѣйки—и тѣмъ церемонія кончилась.

Свѣтло, сіяюще взошло надъ землей солнце въ ясное, майское утро того дня, когда было назначено торжественное открытіе Чернобыльской Общественной Библіотеки—подъ вывѣской:

БИБЛІОТЕКА
В. П. Батурина.

Красноватые лучи утренняго солнца теплomъ и свѣтомъ обдавали новенькую вывѣску, словно ласкали ее, и новенькая вывѣска блестѣла всѣми своими, еще не совсѣмъ просохшими красками и горѣла ярко въ солнечныхъ лучахъ. Улыбающееся лицо штабсъ-капитана въ то блестящее, майское утро чаще обыкновеннаго показывалось изъ-за зелени цвѣтовъ то въ томъ, то въ другомъ окнѣ... Еще бы этому лицу не улыбаться и

не выглядывать въ окно чаще обыкновеннаго... Сегодня вещественнымъ образомъ, такъ сказать, удостовѣряется, что цѣль слишкомъ двухлѣтнихъ трудовъ и хлопотъ штабсъ-капитана достигается. Его родной Чернобыльскъ просвѣтится и процвѣтетъ. Непремѣнно... «Библіотека В. П. Батурина» пріучитъ *ихъ* читать книги, пріучитъ думать, сдѣлаетъ ихъ добрѣе, лучше, счастливѣе. Чернобыльцы перестанутъ проигрывать въ рамсъ и въ преферансъ цѣлые дни и ночи напролетъ, перестанутъ пьянствовать, драться, скандальничать; чернобыльскія дамы перестанутъ сплетничать, грызться и предаваться разврату, а мужья перестанутъ колошматить ихъ... Конечно, все это еще будетъ не скоро, Батуринъ не доживетъ до такихъ блаженныхъ временъ,—онъ это знаетъ не хуже насъ съ тобой, читатель. Но онъ надѣется, твердо надѣется и уповаетъ, что кое-что сдѣлаетъ для того, чтобы приблизить Чернобыльскъ къ тѣмъ лучшимъ временамъ. Онъ положитъ только камышекъ, одинъ маленькій камышекъ, а другіе будутъ уже строить. «Начало—важно, важенъ толчекъ... А тамъ шагъ за шагомъ»... (Это его собственныя слова, которыя я не однажды слыхалъ отъ него).

На открытіе Библіотеки собрался весь городъ, то-есть, всѣ знакомые Василья Петровича, почтмейстеръ — пріятель, казначей, исправникъ, воинскій начальникъ, лѣкарь, аптекарь, старичокъ протопопъ, сынъ городского головы, молодой купчикъ, смотритель училища, судебный слѣдователь (то-есть, «исправляющій должность») и два-три сосѣднихъ помѣщика. случившихся на то время въ городѣ. Всѣ эти почтенные люди, представители мѣстной интеллигенціи, пили, закусывали, и снова пили и желали штабсъ-капитану «всякаго успѣха». Смотритель училища послѣ седьмой рюмки сталъ выражаться уже стихами и заплетающимся языкомъ ни съ того, ни съ сего, между прочимъ, проговорилъ: «давай намъ Богъ журналовъ — плодятъ читателей они»... Судебный слѣдователь съ серьезнымъ видомъ просматривалъ заглавія на переплетахъ книгъ. Молодой купчикъ освѣдомился у штабсъ-капитана: нѣтъ-ли у него книжки — «Семь женъ и одинъ мужъ въ бочкѣ, или Замоскворѣцкія превращенія». Къ сожалѣнію его, оказалось, что такой книги нѣтъ... Тихій домикъ штабсъ-капитана наполнился въ этотъ день шумомъ и гамомъ и классическими восклицаніями: «безъ козырей!.. Я повистую!.. Пасъ!» и т. д. Проиграли до бѣла свѣта и разошлись, сильно пошатываясь.

Библіотека была открыта. Своею новенькою вывѣской она, казалось, манила къ себѣ посѣтителей, но много заманить не могла. Первымъ подписчикомъ явился ссыльный — единственный ссыльный, бывшій на ту пору въ Чернобыльскѣ; за нимъ подписался лѣкарь («по знакомству, для поддержанія Библіотеки», какъ объяснялъ онъ впослѣдствіи, потому что въ сущности читать ему было некогда), за лѣкаремъ подписались «въ кредитъ» казначей и становой приставъ второго стана Чернобыльскаго уѣзда, (послѣдній подписался для своей молодой жены, любившей иногда почитать «интересныя» книжки). Наконецъ, еще подписалась на чтеніе «на наличныя деньги» толстая и богатая купчиха Рамазанова, первымъ дѣломъ потребовавшая себѣ романа «со знатными людьми, и чтобы непремѣнно—съ убійствомъ»...«Графомъ Монте-Кристо» и «Кровавой рукой» Монтепена она осталась очень довольна. Подписался, было, еще одинъ помѣщикъ, внесъ половину слѣдуемыхъ за чтеніе денегъ, забралъ разомъ болѣе семи книгъ и послѣ того уже не показывался. На томъ подписка и остановилась...

Но стоило посмотрѣть: съ какимъ чувствомъ самодовольства штабсъ-капитанъ выдавалъ книги своимъ первымъ подписчикамъ. Появленіе подписчика было для него истиннымъ праздникомъ. Съ быстротою серны, или, по крайней мѣрѣ, съ легкостью юноши карабкался въ такихъ случаяхъ штабсъ-капитанъ на передвижную лѣстницу за той или за другой книгой. Озабоченно нахмуривъ брови, но въ душѣ довольный и счастливый, рылся онъ въ каталогѣ, отыскивая нумеръ какого-нибудь сочиненія...

Нашъ штабсъ-капитанъ не умѣлъ дѣлать дѣла на-половину, но додѣлывалъ его добросовѣстно до конца. Теперь онъ полюбилъ книги такъ же, какъ нѣкогда любилъ свои цвѣты. Но онъ не бросилъ цвѣты (какъ это можно!), онъ только раздѣлилъ теперь свою привязанность между старыми и новыми любимцами, между книгами и цвѣтами. О, сердце любвеобильное билось въ старческой груди нашего штабсъ-капитана... Цвѣты онъ любилъ, какъ прекрасное, изящное проявленіе той міровой жизни, которая совершалась кругомъ него и біеніе пульса которой онъ

явственно чувствовалъ и въ самомъ себѣ. На книги онъ смотрѣлъ, какъ на хранилища живой человѣческой мысли, въ которой опять-таки, такъ или иначе, отражается всеобщая, міровая жизнь. Тихо, неподвижно стоятъ на полкахъ книги въ мертвомъ безмолвіи—запыленныя, съ пожелтѣвшими и посѣрѣвшими листами, но штабсъ-капитану представляются онѣ, какъ бы, существами живыми, чувствующими, мыслящими и со своихъ темныхъ полокъ принимающими живое участіе въ судьбахъ человѣческаго рода. Онѣ, эти мертвыя книги, говорятъ иногда краснорѣчивѣе живыхъ людей и сильнѣе ихъ вліяютъ на человѣчество. Съ ихъ запыленныхъ страницъ указываются тѣ вѣхи, мимо которыхъ шло человѣчество, намѣчаются будущіе пути; съ этихъ страницъ вмѣстѣ со злыми сѣменами сыплются въ міръ и сѣмена добра; съ этихъ страницъ иногда пышитъ такой огонь, такая страсть, которыя сжигаютъ больнѣе, мучительнѣе всякаго адскаго пламени. То слышится съ этихъ страницъ спокойная рѣчь мудреца, то горячее, пылкое слово проповѣдника; то слетаютъ съ нихъ побѣдные клики, клики торжества, то доносятся рвушіе за душу стоны и плачъ побѣжденныхъ...

Штабсъ-капитанъ привыкъ къ своимъ книгамъ и смотрѣлъ на нихъ, какъ на своихъ дѣтищъ. Онъ ухаживалъ за ними такъ же, какъ за цвѣтами. Испортить, уничтожить хорошую книгу для него представлялось такъ же невозможно, какъ вырвать съ корнемъ растеніе въ полномъ цвѣту. Швырнуть книгу, бросить ее на полъ ему казалось такъ же невозможно, какъ умышленно наступить на живой цвѣтокъ. Чудакъ, чудакъ!..

Должно отдать справедливость Батурину: Библіотека у него была небольшая, но составлена добропорядочно. На полкахъ красовались собранія сочиненій Добролюбова, Писарева, Бѣлинскаго, Рѣшетникова, Тургенева, Помяловскаго, Толстого, Гончарова, —разумѣется, Пушкина, Жуковскаго, Лермонтова и др.; за старые года «Современникъ» и «Русское Слово»; изъ иностранныхъ блистали собранія сочиненій: Шиллера, Байрона, Гете, Шекспира, Виктора Гюго, Диккенса, Теккерея, Вальтеръ-Скотта, Купера и иныхъ. Изъ философскихъ сочиненій у него находились: Дарвинъ, Бокль, Милль, Шлоссеръ, Карлейль и др., также нѣкоторыя изъ русскихъ. Конечно, не мало было и хламу, представителей рыночной литературы, въ родѣ тѣхъ отчаянныхъ романовъ «со знатными людьми» и «непремѣнно съ убійствомъ», которыхъ такъ жаждала купчиха Рамазанова. Въ этомъ отношеніи, какъ сознавался самъ штабсъ-капитанъ, онъ хотѣлъ сдѣлать уступку *дѣтямъ*, только что начинающимъ читать... «Пускай чтеніе завлечетъ *ихъ* сначала! Перейти отъ пустого романа къ дѣльной, серьезной книгѣ все-таки же легче, чѣмъ отъ водки и отъ картъ прямо перескочить къ книгѣ какого-нибудь философскаго содержанія»... Такъ думалъ про себя Батуринъ.

Прошло полгода. Глухая осень уже стояла на дворѣ. Вывѣска на домѣ штабсъ-капитана, вся мокрая отъ дождя, казалось, плакала съ утра до вечера. Да и было о чемъ поплакать... Хозяинъ Библіотеки все разсчитывалъ, что лѣтомъ люди болѣе склонны къ прогулкамъ, нежели къ чтенію книгъ, и крѣпко надѣялся, что осень съ ея длинными, ненастными вечерами и зима съ ея уѣздной скукой разомъ увеличатъ число подписчиковъ. Но не тутъ-то было... Осень уже давно наступила, а подписчиковъ почти не прибыло. Явился еще одинъ—писарь изъ полицейскаго управленія, да и тотъ остался недоволенъ составомъ Библіотеки, такъ какъ все добивался «Пѣсенника», а «Пѣсенника» не оказалось.

— Что жъ это за Библіотека такая!—съ неудовольствіемъ ворчалъ онъ уже не однажды, выходя отъ Батурина. — Нѣтъ никакихъ *сочиненій*... Спросишь: все нѣтъ, да нѣтъ!

Остальные подписчики все прежніе: лѣкарь, ссыльный, толстая купчиха, «кредитные» казначей и становой. (Помѣщикъ, забравшій болѣе семи книгъ, такъ и не показывался къ Батурину, хотя въ городѣ послѣ того уже бывалъ нѣсколько разъ). Да и протѣхъ подписчиковъ, что были, штабсъ-капитанъ прямо говорилъ, что онъ «согрѣшилъ съ ними». Ссыльный, напримѣръ, все приступалъ: отчего у него нѣтъ Спенсера, Лайеля, Фогта; отчего у него нѣтъ книгъ чисто научнаго содержанія, въ высшей степени необходимыхъ, какъ, напримѣръ, «Дифференціальныхъ исчисленій», «Тригонометрическихъ таблицъ» и т. п.

— Да помилуйте! Кто жъ ихъ будетъ читать... Вотъ, смотрите!.. Стоятъ себѣ рядышкомъ!.. — говорилъ штабсъ-капитанъ, съ грустью указывая ему на полку съ философскими книгами.

— Я буду читать!—совершенно искренно и серьезно замѣчалъ юноша.

— Ну, вы... а кромѣ васъ никто!

Съ книгами иногда также выходили скандалы, и въ такихъ случаяхъ нашъ кроткій, незлобивый штабсъ-капитанъ очень сердился и бранился про себя. Такъ, однажды купчиха Рамазанова какъ-то въ началѣ филиппова поста, вскорѣ послѣ заговѣнья, возвратила въ Библіотеку съ большимъ изъяномъ «Парижскихъ волковъ» и «Тайны мадридскаго двора»: въ книгахъ не оказывалось нѣсколькихъ листовъ... Штабсъ-капитанъ сильно огорчился за книги и обругалъ свою подписчиду «скотиной».

— Такія-то ужасти въ этихъ тайнахъ... просто, голубушка помрешь! Бѣда!—говорила потомъ купчиха своей знакомой и таково ясно и толково передавала ей содержаніе «мадридскихъ тайнъ», что та едва не очумѣла.

— Да ужъ полно!—Ну тебя... Мнѣ что-то совсѣмъ не по себѣ стало... и тяжко, да и въ головѣ—какъ будто что-то... — умоляющимъ тономъ перебила ее знакомая.

Кромѣ постоянныхъ, вышеуказанныхъ подписчиковъ бывали еще случайные, экстренные... Такъ, напримѣръ, младшій соборный священникъ, отецъ Александръ, вдругъ прислалъ къ Батурину сына съ просьбой «одолжить ему за установленную плату до первой недѣли святой четыредесятницы «Петербургскія трущобы» Вс. Крестовскаго, чѣмъ онъ премного будетъ обязанъ». Что за притча! Вдругъ ни съ того, ни съ сего «Петербургскія трущобы» понадобились попу... Какъ, что, почему? неизвѣстно. До сего времени отецъ Александръ, кажется, совсѣмъ ничего не читалъ, кромѣ своихъ церковно-служебныхъ книгъ. (Отцу Александру было лѣтъ подъ 50). Шли, впрочемъ, слухи, что изъ-за ссоры съ протопопомъ владыка хотѣлъ перевести его въ другой уѣздный городъ (хуже нашего Чернобыльска), и что онъ вслѣдствіе того впалъ въ нѣкоторую меланхолію...

Пришла весна, прошла весна и лѣто миновало... А подписчиковъ все не прибавлялось. Штабсъ-капитанъ порою хмурился, но не падалъ духомъ. Мнѣ приходилось въ это время много разъѣзжать, и я подолгу не заглядывалъ въ Чернобыльскъ. Однажды осенью (черезъ полтора года послѣ открытія Библіотеки), я случился въ Чернобыльскѣ и разъ вечеркомъ зашелъ провѣдать штабсъ-капитана.

— Ну что, какъ дѣла, Василій Петровичъ?—спросилъ я его, уже зная: каково трудно будить къ жизни наши стоячія болота.—Плохо, поди?..

— Да! Не особенно бойко...—говорилъ онъ, потчуя меня чаемъ съ ромомъ, (старая привычка, еще сохранившаяся у него отъ прежней военной жизни).

— Такъ и надо было полагать!—продолжалъ я.—Никто, поди, и вывѣски вашей не замѣчаетъ... присмотрѣлись! Попрежнему, дуются въ карты, сплетничаютъ, пьянствуютъ... А вы—помните—говорили тогда...

— Позвольте! — загорячился штабсъ-капитанъ, помахивая, по обыкновенію, своимъ длиннымъ черешневымъ чубукомъ. — Позвольте! Вѣдь вдругъ нельзя... Надо на все время, надо выждать... Помилуйте, какъ же! Вотъ *они* ужо войдутъ во вкусъ, привыкнутъ, тогда ихъ отъ книги палкой не отобьешь... Нѣтъ, вы погодите! Дѣло пойдетъ на ладъ... Знаете: вѣдь и Москва...

— Не вдругъ строилась!—докончилъ я.— Знаю, знаю... Да вотъ вы мнѣ скажите: многоли у васъ теперь подписчиковъ?

— Гм! Ну что жъ... — смутившись, пробормоталъ штабсъ-капитанъ.—Конечно... теперь у меня шесть подписчиковъ... Разсчитываю еще на одного...

— Вотъ видите: въ полтора года только шесть подписчиковъ!—сказалъ я.

— Да тутъ считать такъ нельзя...—опять нѣсколько оправившись, загорячился штабсъ-капитанъ.—Тутъ важно не число... важно то, чтобы они втягивались, привыкали... Понимаете? Понемножку — помаленьку, шагъ за шагомъ...

— А какъ вы думаете? Когда же, приблизительно, они совсѣмъ-то втянутся, вплотную? — спросилъ я, усмѣхнувшись. — Не тогда-ли, какъ отъ насъ и косточекъ не останется?

— Ну, разумѣется, это трудно сказать... для этого понадобится болѣе или менѣе продолжительное время...—проворчалъ штабсъ-капитанъ.—Это такъ... но все-таки...

Ахъ, чудакъ, чудакъ! Неисправимый, наивный, милый чудакъ... Люди на его мѣстѣ съ ума сходятъ, а онъ — «но все-таки»... Вскорѣ послѣ того я уѣхалъ, а дѣла Батурина стали принимать все болѣе и болѣе грустный оборотъ. Подписчиковъ не прибывало. Проценты купцу Перфильеву уплачивалъ штабсъ-капитанъ изъ своей маленькой

пенсіи, и это стѣсняло его очень чувствительно; Батуринъ никогда не жилъ роскошно, и сильно ограничивалъ свои потребности и удовлетвореніе ихъ, а теперь еще пришлось пуще сократить расходы. Прежде онъ ѣлъ за обѣдомъ щи и кашу, а теперь нерѣдко ему приходилось довольствоваться одной крупянкой или картофелемъ. За то онъ исполнилъ свое желаніе «приносить пользу чернобыльскому обществу»; за то же онъ проводилъ свою «мысль» на практикѣ... Онъ, бѣдняга, похудѣлъ за это время, какъ-то весь опустился, отростилъ съ чего-то бороду и вообще измѣнился замѣтно. А Перфильевъ, между тѣмъ, не довольствуясь процентами, началъ поговаривать о погашеніи долга, (долгъ доходилъ, кажется, до тысячи рублей).

— Какъ же ты думаешь съ нимъ сладиться? — спрашивали Перфильева его знакомые—торговцы.

— Да какъ... очень просто! — пояснялъ тотъ. — Книги-то его, извѣстно, никому не нужны, а домъ-то вѣдь денегъ стоитъ... Домъ заберу, да вотъ тѣ и вся недолга!

Не мало также смущали штабсъ-капитана и причитанья Федоры, хотя тѣ причитанья и дѣлались отъ добраго сердца, такъ сказать, «по любви».

— Ну, вотъ что теперь станешь дѣлать съ этой самой Бельботекой-то?.. Ну!—приступала она къ нему такимъ тономъ, какъ бы приступала къ нашалившему ребенку.—Добаловалъ! Говорила: брось! Такъ нѣтъ!... Уйму не было! Вотъ тебѣ и Бельботека!... А тоже—мы-ли, не мы-ли... Вывѣску подавай! Вѣшайся теперь на вывѣскѣ-то... Завтра, вотъ, сварю одну овсянку, такъ и сиди... Сиди со своими книжками-то, да свищи въ кулакъ!.. Шутка-ли! А! Экое дѣло затѣялъ... Ахъ, ты—отчаянный!..

— Да вѣдь книги-то, Федорушка, и теперь стóятъ денегъ... — возражалъ штабсъ-капитанъ, съ умоляющимъ видомъ взглядывая на своего стараго дядьку.

— Стóятъ!—иронически и съ укоризной въ голосѣ и взглядѣ замѣчала Федорушка.—Безстыдникъ ты, вотъ что! До старости-то дожилъ, какъ я погляжу на тебя, а умишко-то о-ой какой... Какъ бы не года твои дѣдушкины, взять бы тебя да вѣникомъ...

— За что жъ такъ? Вѣдь я...—съ насильственной улыбкой перебивалъ штабсъ-капитанъ.

— А за то... за баловство! — безапелляціонно изрекала Федорушка и удалялась, какъ бы даже не находя нужнымъ распространяться объ этомъ прискорбномъ предметѣ.

Въ кухнѣ, сама съ собой она вела еще болѣе пространныя рѣчи. «Жилъ себѣ, жилъ, ровно у Христа за пазушкой,—говорила она.—А тутъ вдругъ втемяшилось съ чего-то связаться, прости Господи, съ этой Бельботекой... На кой чортъ она понадобилась ему! Нѣтъ, это ужъ навожденье, прямо сказать—навожденье... Ну, что мы теперь съ нимъ? Несчастные люди вышли»...

Въ отношеніяхъ знакомыхъ къ Батурину также проявилась перемѣна. Его посѣщали нынѣ все рѣже и рѣже. Несмотря на всю свою наивность и безхитростность, Батуринъ при встрѣчахъ сталъ замѣчать, что что-то странное проскальзываетъ въ обращеніи съ нимъ его старыхъ, хорошихъ знакомыхъ. Онъ не могъ опредѣлить сущности этого «страннаго»: оно было тонко, неуловимо, какъ та тончайшая паутина, которая иногда носится въ воздухѣ, попадаетъ на лицо, но въ руки не дается и остается почти невидимой для простого, невооруженнаго глаза. Батуринъ, выражаясь цвѣтистымъ восточнымъ языкомъ, «очковъ проницательности» не носилъ и поэтому паутины не видалъ, но лишь чувствовалъ ея легкое прикосновенье... Знакомые, дѣйствительно, словно, сговорясь, хотя въ сущности не сговариваясь, мало-по-малу измѣнялись въ обращеніи съ штабсъ-капитаномъ. Одни стѣснялись ходить къ нему изъ боязни, какъ бы онъ не сталъ уговаривать ихъ подписаться на чтеніе въ его Библіотекѣ. «Очень нужно деньги тратить»... Другіе чувствовали себя, какъ бы, виноватыми передъ нимъ, виноватыми въ томъ, что не поддерживаютъ доброе дѣло, хотя прежде и обѣщали ему свою поддержку. Нечистая совѣсть дѣлала ихъ изобрѣтательными на всякія уловки... «Не стоитъ записываться къ нему въ Библіотеку! Подборъ книгъ плохой, неумѣлый... Что онъ смыслитъ! Журналовъ мало»... Отговорокъ самыхъ резонныхъ, самыхъ благовидныхъ—лишь бы не подписываться въ Библіотеку—была такая масса, что десятой части ихъ было совершенно достаточно для того, чтобы успокоить и оправдать всѣхъ этихъ добрыхъ, *честныхъ* людей... Третьи, начитавшись нѣкоторыхъ московскихъ и нѣкоторыхъ петербургскихъ газетъ, строили свои догадки на почвѣ соображеній политическаго свойства. «Недаромъ завелъ онъ эту Библіотеку!

Нѣ-ѣ-ѣтъ! Тутъ непремѣнно что-нибудь ужъ есть... Недаромъ ссыльный-то къ нему поминутно таскается. Вотъ ужо посмотрите: заварятъ они кашу» и т. д. Четвертые—люди искренніе — просто, не находили нужнымъ знаться съ обѣднѣвшимъ «глупцомъ». Они уже провѣдали, что купецъ Перфильевъ собирается требовать съ него уплаты долга, что домикъ штабсъ-капитана не сегодня-завтра «тю-тю», что уже и теперь Василій Петровичъ въ иные дни пробавляется одной овсянкой, и т. д. Отъ раззоряющагося человѣка только собака не бѣжитъ, а люди дуютъ во всѣ лопатки, — и первыми, всего чаще, летятъ отъ него *добрые пріятели*. Не нами такой порядокъ заведенъ въ этомъ «лучшемъ изъ міровъ», да не нами, видно, и кончится.

Все это—преслѣдованія купчины-скареда, громко выражаемое Федорой недовольство «существующимъ строемъ» жизни штабсъ-капитана, измѣнившіяся отношенія дальнихъ и близкихъ знакомыхъ, матеріальные недостатки и недохватки въ самомъ необходимомъ, какъ, напримѣръ, въ пищѣ, и, наконецъ, главное—неудача, уже явно постигавшая его предпріятіе, начатое съ мыслью о пользѣ общественной, — все это, говорю я, сильно омрачало до тѣхъ поръ свѣтлый взглядъ Батурина на окружающій міръ и тяжелымъ, холоднымъ камнемъ ложилось на его нѣжную и любящую душу. Часто грустный и скучный ходилъ старикъ по своей Библіотекѣ и съ глубокимъ, затаеннымъ вздохомъ посматривалъ на запыленныя полки книгъ. Онъ уже не могъ регулярно сметать пыль съ своихъ сокровищъ: его мучила одышка, онъ чувствовалъ порой большую слабость, жаловался на боль въ груди, даже около цвѣтовъ уже возился меньше прежняго. Заставлять же свою старуху ухаживать за ненавистными для нея книгами онъ не рѣшался, зная, что та смотрѣла на книги, какъ на своихъ личныхъ враговъ, какъ на прямыхъ виновниковъ раззоренья... Но штабсъ-капитанъ не унывалъ окончательно. «Нѣтъ, *они* войдутъ во вкусъ... поймутъ, что не однимъ же хлѣбомъ человѣкъ бываетъ сытъ и доволенъ! Надо только выждать»... Вотъ до чего была живуча его вѣра въ лучшее будущее. Недаромъ же еще Шиллеръ, этотъ вѣчноюный поэтъ, сказалъ:

«Denken und träumen die Menschen viel
Von bessern künftigen Tagen»...

Люди надѣются до могилы. Штабсъ-капитанъ надѣялся...

Прошелъ годъ, — все то же. Осенью мнѣ опять пришлось быть въ Чернобыльскѣ, и однажды вечеркомъ я зашелъ провѣдать Василья Петровича. Грустно было наше свиданіе... Я засталъ его въ залѣ, то-есть въ самой Библіотекѣ. Мѣдный, позеленѣвшій подсвѣчникъ стоялъ на конторкѣ, и сальный огарокъ, воткнутый въ него, свѣтилъ жалко и тускло. Ближайшіе ряды книгъ, въ порядкѣ стоявшихъ на полкахъ, смутно выступали на свѣтъ какою-то тяжелою, пестрою массой. Углы комнаты, куда не достигалъ свѣтъ сальнаго огарка, пропадали впотьмахъ. Я нашелъ штабсъ-капитана попрежнему въ его старомъ сѣромъ пальто съ свѣтлыми пуговицами, попрежнему съ гладко выстриженными волосами. Но я съ перваго же взгляда замѣтилъ, что въ немъ далеко не все было «попрежнему», помимо, разумѣется, большой, сѣдой бороды, спускавшейся къ нему на грудь. Онъ мнѣ показался сильно исхудавшимъ, измѣнившимся. Онъ горбился, (чего прежде за нимъ вовсе не замѣчалось, можетъ быть, благодаря его военной выправкѣ), весь онъ какъ-то опустился, и не веселъ, сумраченъ былъ взглядъ его добрыхъ, сѣрыхъ глазъ. Но попрежнему тепло, радушно онъ принялъ меня, усадилъ въ кресло около конторки и попрежнему дружески, хлопнувъ меня по плечу, сталъ разспрашивать: какъ я живу, надолго-ли пріѣхалъ въ Чернобыльскъ и т. д. Очевидно, это была напускная развязность... Я видѣлъ, что книги стоятъ на полкахъ правильными рядами, тѣсно прижимаясь другъ къ другу, и лишь изрѣдка кое-гдѣ зіяютъ темныя щели, обозначающія отсутствіе книги. Я не хотѣлъ разспрашивать: какъ идутъ дѣла Библіотеки. Мнѣ было жаль, жаль до слезъ этого несчастнаго старика, ухлопавшаго свои послѣдніе гроши на дѣло, не выгорѣвшее по независящимъ отъ него обстоятельствамъ. Безъ сомнѣнія, его прежніе любимцы, цвѣты и деревья, не доставили бы ему столько страданій, сколько онъ принялъ изъ-за этихъ молчаливыхъ книгъ, покрытыхъ теперь слоями пыли. Передо мной развертывалась маленькая драма, которую, впрочемъ, строгій, взыскательный зритель могъ принять за фарсъ... Конечно, тутъ не было ни «знатныхъ людей», ни «убійствъ», ни королей, ни герцогинь, и нашъ бѣдный старикашка вовсе не походилъ ни на одного изъ

тѣхъ драматитескихъ героевъ — крикуновъ, которые заставляютъ содрогаться и трепетать отъ ужаса и наслажденья посѣтителей райка... А все-таки, читатель, передъ тобой разыгрывается драма — безъ мишуры, безъ блестокъ, безъ картонныхъ мечей, безъ королевскихъ коронъ, крытыхъ сусальнымъ золотомъ,—словомъ, безо всего, безъ чего всего чаще обходится житейская драма...

Я заговорилъ о постороннихъ предметахъ, не желая растравлять ранъ старика, но онъ самъ въ концѣ-концовъ свелъ-таки разговоръ на Библіотеку, по поговоркѣ: что у кого болитъ, тотъ о томъ и говоритъ,—хотя бы отъ тѣхъ разговоровъ боль еще пуще усилилась...

— Сколько тутъ сокровищъ, сколько мыслей! И вотъ все это лежитъ, какъ хламъ, и никому пользы не приноситъ! — замѣтилъ онъ, указывая на книги, и продолжалъ бродить взадъ и впередъ по комнатѣ. — Ахъ, какъ люди тупы, какъ ихъ заѣла рутина... Вы посмотрите на нашихъ чернобыльцевъ: на что похоже они живутъ! Рѣчку запакостили, засорили до того, что вѣдь стало невозможно пить изъ нея. А эта самая рѣчка еще на моей памяти, лѣтъ тридцать тому назадъ, была чистая, свѣтлая рѣчка,—смотрѣть было любо! Ну, вотъ и посудите: не могутъ собраться вычистить ее. Назначили городскую коммиссію, предсѣдателемъ избрали извѣстнаго нашего картежника... какъ коммиссія соберется, такъ сейчасъ и—въ преферансъ, либо въ рамсъ. Седьмой годъ обсуждаютъ вопросъ объ очисткѣ рѣки, а вода въ рѣкѣ той порой становится все хуже да хуже,—дѣти болѣютъ и мрутъ... Э-эхъ!

Штабсъ-капитанъ безнадежно махнулъ рукой, методически, не торопясь, набилъ трубку, закурилъ и опять началъ странствовать изъ угла въ уголъ.

— Вѣдь *они* слѣпы, какъ новорожденные котята...—говорилъ штабсъ-капитанъ.—Посмотрите: сколько у нихъ всякихъ предразсудковъ и суевѣрій... Думаютъ, что холера ходитъ въ видѣ женщины, что чуму, въ видѣ порошка, сыплютъ злые люди въ колодцы и рѣчки. Вѣрятъ въ волшебство, въ колдуновъ и во всякую нѣчисть... Иной разъ даже, знаете, подумаешь: «А чортъ съ вами, пропадай вы прòпадомъ! Не стòитъ умирать ради васъ, да и жить-то ради васъ не охота! Задыхайтесь во мракѣ и смрадѣ, ежели вамъ такъ любы этотъ мракъ и смрадъ»... (Въ голосѣ штабсъ-капитана при этомъ послышалась жесткость, вовсе не свойственная ему). Подумаешь этакъ минуту, да потомъ и самому за себя стыдно станетъ. Развѣ же *они* виноваты? Вѣдь не виноваты *они*... Не правда ли?.. Придетъ время — прозрѣютъ! Но теперь—теперь тяжко жить съ ними иному человѣку... Да! Дѣло мое не удалось... но и оно «все-таки» свою долю пользы принесло... Книги не пропадутъ...

— Сколько же у васъ нынѣ подписчиковъ?—спросилъ я.

— Да почти все тѣ же...—отвѣтилъ Батуринъ. — Только купчихѣ отказалъ: стала книги зачитывать... Ну ее! За то лѣтомъ трое гимназистовъ на вакаціи пріѣзжаютъ—подписываются.

— А ссыльный?—полюбопытствовалъ я.

— Нынѣ уже не одинъ—двое... Ну, эти, конечно, читаютъ... только «въ кредитъ», взять-то съ нихъ нечего... И брать—грѣхъ... Книга-то вѣдь для всѣхъ пишется...

— Ну, какъ же вы теперь, Василій Петровичъ, полагаете съ этимъ дѣломъ быть?—освѣдомился я послѣ непродолжительнаго молчанія.

— Да буду тянуть пока...—какъ-то неопредѣленно отвѣтилъ онъ, посматривая въ темный уголъ.—А тамъ увидимъ...

Штабсъ-капитанъ присѣлъ на стулъ и понурился. Въ комнатѣ было тихо. За окномъ вѣтеръ завывалъ и осенній дождь, не переставая, хлесталъ въ окна. Еще разъ поглядѣлъ я на грустно понурившагося хозяина и поднялся съ кресель. Сальный огарокъ уже догоралъ... Во дни своего благоденствія штабсъ-капитанъ ни за что не отпустилъ бы меня безъ закуски. Теперь же онъ только крѣпко пожалъ мнѣ руку и своимъ обычнымъ, задушевнымъ тономъ проговорилъ, не смотря на меня:

— Прощай, прощай, голубчикъ! Спасибо, что не забываешь меня, старика...

Грустная нотка звучала въ его «спасибо» и «прости».

Я съ нимъ уже не видался послѣ того...

Конецъ его былъ печаленъ... Послѣдніе дни свои онъ доживалъ почти уже въ чужомъ домѣ. Купецъ Перфильевъ только изъ милости позволилъ ему умереть въ его кабинетѣ. Три дня онъ умиралъ, но не стоналъ, не охалъ, ни на что и ни на кого не жаловался. Горечь и обиду, накипѣвшія въ его груди, онъ умѣлъ схоронить въ самомъ себѣ. Штабсъ-капитанъ

въ послѣднія минуты жизни велъ себя съ достоинствомъ. Такъ, говорятъ, волкъ забирается умирать въ лѣсную чащу, въ глушь, въ уединенье... И Батуринъ такъ же уединился. Только разъ, уже незадолго до смерти — онъ обезпокоился объ участи книгъ, (книги не переходили за долгъ къ Перфильеву: долгъ сполна погашался продажей дома).

— Книги...— бормоталъ онъ, едва шевеля губами. — Книги... ну хоть... гимназисты... или... ссыльные... все-таки... что-нибудь... А цвѣты...

— Ладно, ладно!—говорила, чтобы только успокоить его, случившаяся на тотъ разъ у постели его Федора.

Руки его упали въ изнеможеніи. Онъ закрылъ глаза... Страшная усталость выражалась на его поблѣднѣвшемъ лицѣ... Вскорѣ послѣ того штабсъ-капитана не стало... Кажется, Федора похоронила его на свой счетъ.

Весною я былъ въ Чернобыльскѣ. На другой день по своемъ пріѣздѣ, въ прелестное іюньское утро я отправился шляться по городу. Въ домикѣ штабсъ-капитана жилъ въ ту пору какой-то чиновникъ съ женой, дамой, повидимому, не особенно мирнаго характера. Когда я проходилъ мимо знакомаго дома, изъ открытыхъ оконъ его доносился до меня звонкій, крикливый голосъ, раздававшійся по всѣмъ комнатамъ. На подоконникахъ уже не стояло цвѣтовъ. Вывѣска со словами «Библіотека В. П. Батурина», прибитая нѣкогда съ такими надеждами и съ такимъ торжествомъ, была снята; только четыреугольное свѣтлое пятно на фонѣ сильно потемнѣвшей бревенчатой стѣны обозначало то мѣсто, гдѣ находилась вывѣска, какъ вещественный знакъ осуществленія «идеи» штабсъ-капитана. Домикъ выглядѣлъ очень постарѣвшимъ. При свѣтѣ яркихъ лучей утренняго іюньскаго солнца я замѣтилъ, что по окраинамъ крыши уже пробивался желтовато-зеленый мохъ...

Я заглянулъ въ огородъ — пусто. Нѣтъ штабсъ-капитана...Гряды вскопаны кое-какъ, небрежно, овощи не прополоты, зелень на нѣкоторыхъ грядахъ уже завяла отъ жары. Заглянулъ въ садъ, — пусто. И тамъ нѣтъ штабсъ-капитана... Трава — въ ростъ человѣческій, мѣстами помята, какъ будто бы тутъ ходилъ домашній скотъ. Кусты розъ поломаны. Цвѣтникъ заброшенъ. Мало цвѣтовъ уцѣлѣло. А кое-гдѣ уцѣлѣвшіе изъ нихъ едва были видны изъ-за разросшейся сорной травы, обступавшей ихъ со всѣхъ сторонъ, какъ сила—рать великая, несмѣтная...

ПОПРАВИЛИ!

(Сцена изъ неоконченной драмы).

ДѢЙСТВУЮЩІЯ:

Вихровъ—молодой человѣкъ.
Загривкинъ—воспитанникъ частнаго пансіона.

Дѣйствіе происходитъ въ наше время, въ одномъ губернскомъ городѣ.

Сцена представляетъ небольшую комнату въ одно окно. На подоконникѣ, на ворохѣ книгъ и тетрадей лежитъ фуражка. У окна—столъ. На столѣ бумаги, груда насыпаннаго табаку, гильзы и недопитый стаканъ чая. Направо, у стѣны старенькая, дырявая кушетка; на ней валяется полотенце. У стѣны налѣво—этажерка съ книгами и съ туалетными принадлежностями; на верху ея стоитъ маленькій горшечекъ съ какимъ-то засохшимъ цвѣткомъ. Въ углу, налѣво отъ входа, на гвоздяхъ виситъ пальто и кое-какое платье; тутъ же валяются сапоги. Въ комнатѣ три стула: два стоятъ у стѣнки по сторонамъ стола, а третій—бокомъ передъ столомъ.

Вихровъ сидитъ у стола и набиваетъ папиросы. Онъ—безъ сюртука; сюртукъ валяется тутъ же на стулѣ. Вихровъ — блондинъ, съ строгими, сѣрыми глазами, высокаго роста, юноша — нѣсколько вялый и лѣнивый, но очень серьезный и степенный.

Загривкинъ входитъ въ комнату съ какою-то рукописью, свернутою въ трубку. Это—средняго роста, живой и подвижный молодой человѣкъ, съ бойкими, темными глазками и способный, повидимому, увлекаться.

Загривкинъ (входя). Здравствуйте, Вихровъ! Я къ вамъ... Не поможете-ли вы мнѣ исправить сочиненіе? Послѣ завтра представлять нужно. Боюсь, какъ бы не нарѣзаться... Знаете, что Федоръ-то Николаичъ у насъ сказалъ? Я, говоритъ, господа, нынче спуску никому не дамъ...

Вихровъ. Ну, что жъ! Я, пожалуй... Только чуръ! Дружба за дружбу... Вы мнѣ за это набейте папиросы...

Загривкинъ. Сколько?

Вихровъ. Да вотъ двѣ сотни... третья-то почти ужъ набита.

Загривкинъ. Ладно, идетъ! Дайте, голубчикъ, покурить!..

(Закуриваютъ папиросы. Вихровъ отправляется на кушетку и, полулежа, усаживается на ней съ наивозможнымъ комфортомъ. Загривкинъ, сдвинувъ фуражку на затылокъ и усѣвшись верхомъ на стулъ, лицомъ къ Вихрову, развертываетъ рукопись).

Загривкинъ. Ну, заглавіе у меня, просто: «Лѣто въ деревнѣ». А эпиграфъ такой... (скороговоркой)

«Слезы людскія, о слезы людскія!
Льетесь вы ранней и поздней порой,
Льетесь безвѣстныя, льетесь незримыя,
Неистощимыя, неисчислимыя,—
Льетесь, какъ льются струи дождевыя,
Въ осень глухую, порою ночной!»

(съ торжествующимъ видомъ посматривая на Вихрова).

Что, каково! Ловко?

Вихровъ (флегматично). И ничуть не ловко... Темно и мрачно, а главное — слишкомъ длинно! Какой же это эпиграфъ! Это—цѣлое стихотвореніе. И все прилагательныя... Ну что это такое: «незримыя, неисчислимыя, неистощимыя»!.. Ужасно не хорошо!.. Чье это стихотвореніе? Я что-то не помню... Никитина, вѣроятно?

Загривкинъ (съ жаромъ). Нѣтъ! Это—Тютчева!

Вихровъ (удивленно вскидывая на него глазами). Тютчева? Вотъ не ожидалъ! Но вы не ошиблись-ли? Право, кажется, Никитина! Смотрите: не попадитесь вы съ нимъ! Тотъ вѣдь любилъ о слезахъ-то писать... Да, впрочемъ, во всякомъ случаѣ — Никитина или Тютчева или хоть самаго бы Державина—все равно... Этотъ эпиграфъ никуда не годится... Надо бы его замѣнить чѣмъ-нибудь!

Загривкинъ (задумчиво и хмуро). Чѣмъ же?

Вихровъ. Да вотъ хоть, напримѣръ, изъ Жуковскаго... знаете...

«О, родина святая!
Чье сердце не дрожитъ,
Тебя благословляя!»

Загривкинъ (сильно взволнованный). Помилуйте, Вихровъ! Да этотъ эпиграфъ вовсе и не подходитъ къ главной мысли моего сочиненія!.. Вѣдь у меня...

Вихровъ (не слушая и перебивая его). Полноте, пожалуста! Этотъ эпиграфъ ко всему подходитъ, рѣшительно, ко всему...

Загривкинъ (съ сердцемъ схватывая карандашъ и исправляя). Ну, будь по вашему... Теперь дальше. Слушайте! Начинается у меня такъ: «Прошлое лѣто было бурное и грозное»...

Вихровъ. Ну, для начала это слишкомъ рѣзко... А, впрочемъ, вы сначала прочитайте мнѣ все сочиненіе, а потомъ мы ужо и станемъ сглаживать, ровнять его...

Загривкинъ (читаетъ). «Прошлое лѣто было бурное и грозное. Градъ произвелъ страшныя опустошенья. По сосѣдству съ той усадьбой, въ которой я жилъ съ моими родными, почти цѣлое поле было выбито градомъ, какъ будто по немъ прошли Мамаевы полчища. Рѣдко можно увидать такое грустное, тяжелое зрѣлище! Рожь и овесъ буквально были прибиты къ землѣ; солома и колосъ были поломаны и до того смѣшаны съ глыбами земли, что иной, пожалуй, и не догадался бы, что тутъ былъ посѣянъ и еще недавно росъ хлѣбъ. Бывали страшныя грозы. Особенно сильное впечатлѣніе производили онѣ ночью блескомъ своихъ молній и грохотомъ раскатовъ. Казалось, гуломъ и трескомъ наполнялась вся вселенная. Однажды у насъ въ саду бурей сломало два прекрасные, серебристые тополя, а одну старую березу вырвало съ корнемъ. Смотрѣлъ я на этихъ поверженныхъ красавцевъ нашего сада и думалъ съ грустью: «Сегодня еще утромъ всходившее солнце золотило ихъ вершины, они были живы, полны свѣжести, силъ... Разгулялась, разбушевалась дикая, стихійная сила, и уничтожила жизнь — полезную и прекрасную. И

теперь, увы! День еще не кончился, солнце не закатилось, а они, эти красавцы, цвѣтущіе, могучіе и сильные—лежатъ передо мною жалкими, искалѣченными трупами»!.. Въ іюлѣ стояли сильные жары; крестьяне и крестьянки, работавшіе на поляхъ, буквально обливались потомъ, изнемогая отъ усталости, отъ духоты и зноя. Родные меня не стѣсняли и я пользовался полною свободой. Часто я ходилъ въ поле, къ жнецамъ. Они приходили издалека, верстъ за 6, а поэтому завтракали, обѣдали и паужинали тутъ же, на полосѣ. Хлѣбъ, квасъ, лукъ—вотъ и вся ихъ ѣда. Хлѣбъ—очень плохой, трещитъ на зубахъ. Я разъ отвѣдывалъ его, и онъ, признаться, мнѣ не понравился... Я удивился, какъ они могли постоянно ѣсть такую дрянь. На это одинъ старикъ, утирая свои слезящіеся глазки, пояснилъ мнѣ: «Нѣтъ, баринокъ! Этотъ хлѣбъ еще ничего, слава Богу! Живетъ! А вотъ къ концу зимы, такъ плохъ бываетъ... Нечего сказать! Шибко только съ него брюхо пучитъ»... Тутъ же я слыхалъ разговоры крестьянъ между собою про недоимки. Оказывалось, что не всѣ крестьяне могутъ уплачивать въ срокъ подати. Старшины и старосты торопятъ, понуждаютъ ихъ. Въ это же жаркое, рабочее время по деревнямъ много было больныхъ ребятъ: въ іюлѣ появился кровавый поносъ, а позже показалась какая-то злокачественная сыпь. По сосѣдству съ нами переболѣли почти всѣ ребята; 30 изъ нихъ умерло. Говорятъ, что здѣсь никогда еще не умирало ихъ такъ много. Поносъ я приписываю ихъ кислому, отвратительному квасу, холодной водѣ, которой они много пьютъ, и вообще плохой пищѣ. Кромѣ ребятъ, было много больныхъ и увѣчныхъ, съ порѣзами, съ запущенными ранами и т. п. Сколько слезъ, сколько жалобъ! Иные больные, оставленные въ рабочую пору на произволъ судьбы, одни-одинешеньки, въ избахъ, просто, молили, чтобы къ нимъ поскорѣе пришла смерть. Докторъ показывался сюда только одинъ разъ во все лѣто, земство почему-то долго не отпускало лѣкарствъ, и фельдшеръ ничего не могъ сдѣлать. Здѣшняя сельская школа, какъ я узналъ, всю прошлую зиму стояла пустою, такъ какъ стараго учителя еще осенью смѣнили, а новый не пріѣзжалъ... Всматриваясь во все окружающее, я иногда невольно задумывался о будущихъ судьбахъ русскаго государства. И мнѣ—въ мечтахъ—иногда хотѣлось прожить долго-долго, чтобы дождаться того времени, когда въ Россіи не будетъ ни одного безграмотнаго, темнаго человѣка! Нѣсколько разъ я ходилъ въ деревню и присматривался къ житью-бытью мужицкому. Съ удивленіемъ замѣтилъ я, что на мальчика лѣтъ 9—10 въ деревняхъ смотрятъ уже какъ на дѣйствительнаго рабочаго члена семьи. Онъ пасетъ скотъ, боронитъ, возитъ сѣно. Я даже видѣлъ ребенка лѣтъ 12, который жалъ, да какъ еще ловко! Въ нашемъ кругу, такой мальчуганъ еще забавлялся бы игрушками, и маменька съ папенькой имъ самимъ еще играли бы, какъ игрушкой... Затѣмъ, меня еще чрезвычайно сильно поразило то обстоятельство, что въ отношеніяхъ взрослыхъ къ дѣтямъ я не нашелъ той суровой холодности и жестокости, о которыхъ я прежде слыхалъ. Напротивъ! Подъ грубыми, съ виду, мужицкими ухватками скрывалось много мягкости и ласки. Мнѣ кажется, что нашъ крестьянинъ вовсе не такъ дуренъ, не такъ золъ и глупъ, какъ говорятъ о немъ нѣкоторые... Я могу сказать, что пользовался лѣтомъ вволюшку: ѣздилъ верхомъ, катался въ лодкѣ, купался, бродилъ съ книжкой по рощѣ, по полямъ. Пансіонъ на время былъ забытъ, забытъ былъ и латинскій языкъ, забыта городская жизнь. Все лѣто я ходилъ въ блузѣ, а брюки запускалъ въ сапоги — для удобства. Вставалъ рано. Вставши, я тотчасъ же бѣжалъ купаться. Особенно, почему-то запомнилось мнѣ одно чудесное, раннее утро. Я спускался съ крутого пригорка отъ сада къ рѣкѣ. Какія-то птички чирикали въ кустахъ. Небо было совершенно ясно. Красная заря пылала на востокѣ, какъ багровое зарево отъ какого-нибудь великаго пожара. Придя на берегъ, я раздѣлся и сталъ купаться. Купаться я очень люблю... Когда же я возвращался домой, солнце уже всходило, яркое, блестящее. Надъ головой моей жаворонокъ пѣлъ свою переливчатую, меланхолическую пѣсенку. А ночи, лѣтнія, благоухающія ночи... Какъ были хороши онѣ! Звѣздочки, мигающія въ небѣ, мѣсячный свѣтъ, проникающій изъ-за темной зелени деревьевъ, рѣка — вся дымящаяся въ клубахъ бѣлаго тумана—какія фантастическія, милыя сердцу картины! Вообще говоря, я запасся здоровьемъ. Тѣ припадки, которымъ я былъ подверженъ въ теченіи учебнаго года, совсѣмъ исчезли. Пришла, наконецъ, минута разставанья. Въ одно пасмурное августовское утро, я простился съ родными, расцѣловалъ свою сестренку и уѣхалъ.

Не особенно отрадныя впечатлѣнія увозилъ я изъ деревни. Мнѣ невольно думалось: «А много, видно, горя вездѣ на бѣломъ свѣтѣ»... (Свертывая рукопись). Ну вотъ и все!.. Что скажете, Вихровъ?

Вихровъ (потягиваясь). Да что скажу.. Наваляли — ничего, изрядно! Есть прекрасныя мѣста... Вообще говоря, мнѣ ваше сочиненіе нравится! И мысль, и слогъ отличные... Собственно и исправлять-то нечего! По крайней мѣрѣ, лично, для меня... Ну, а учителю представлять въ такомъ видѣ, конечно, нельзя. Нечего и думать! Мѣстами шероховато, мѣстами нѣсколько рѣзко... есть утрировка, шаржъ... попадаются темныя выраженія... Вообще, знаете, необходимо погладить, поровнять.

Загривкинъ (беретъ карандашъ). Такъ, пожалуста, Вихровъ, укажите! Вотъ начнемте съ начала... Вы говорите мнѣ, а я буду исправлять! Ну-съ такъ вотъ... «Прошлое лѣто было бурное и грозное»... Вы, кажется, замѣтили, что это рѣзко... но я не вижу тутъ...

Вихровъ (перебивая). Нѣтъ! Не то, чтобы особенно рѣзко, а такъ какъ-то неопредѣленно, слишкомъ коротко... Лучше будетъ, если пояснить немного, сказать, напримѣръ, такъ: «Въ теченіи прошлаго лѣта погода была очень непостоянна: то стояли ясные дни, то небо заоболачивало и шелъ дождь, то дули сильные вѣтры. Бывали и грозы, которыя, впрочемъ, большею частью, проходили стороной»... (Останавливается и смотритъ въ потолокъ). Написали? Хорошо. Теперь далѣе... Тамъ у васъ о градѣ? Да, да, помню! Это мѣсто у васъ производитъ очень тягостное впечатлѣніе. Мнѣ думалось бы, что его надо нѣсколько смягчить... Скажемъ такъ: «Стороной однажды выпалъ градъ, и даже по сосѣдству съ той усадьбой, въ которой я жилъ съ родными, одно поле нѣсколько пострадало. Но не смотря на то, поле все-таки представляло собой такое пріятное, отрадное зрѣлище, какое рѣдко можно встрѣтить. Золотистая рожь тихо волновалась на солнцѣ, помавая своимъ колосомъ туда и сюда; изъ овса тамъ и сямъ синѣли васильки, покачивая своими милыми головками и, словно, приглашая усталаго путника отдохнуть на зеленой муравѣ... Иной, право, и не догадался бы, что надъ этимъ полемъ разразился градъ, такою прелестью, такимъ миромъ и тишиной вѣяло подъ этими ясными, сіяющими небесами»... (Пріостанавливаясь). Написали? Что у васъ теперь далѣе?

Загривкинъ. «Бывали сильныя грозы»...

Вихровъ. Ахъ, да, да! Это все можно оставить, только вмѣсто первыхъ словъ напишите: «Порою набѣгали тучки, случались грозы»... А послѣ этой фразы сдѣлайте добавленье, скажите: «Во время грозы невольно чувствуешь свое ничтожество и благоговѣйно помышляешь о мудрости и благости Творца!» Далѣе, что у васъ тамъ?

Загривкинъ (съ пафосомъ). «Казалось, гуломъ и трескомъ наполнялась вся вселенная»...

Вихровъ. Фраза—ровно ничего не выражающая. «Казалось»... Мало-ли что можетъ «казаться»! Нельзя же вставлять въ сочиненіе всякую глупость, какая только придетъ въ голову! Вычеркните!.. Далѣе у васъ говорится о сломанныхъ тополяхъ, о березѣ... Это славное мѣсто! (Какъ бы съ умиленіемъ закатывая глаза). Право, жаль даже трогать это мѣсто, такъ оно хорошо... Ваши слова надъ трупами деревьевъ...

Загривкинъ (вдругъ вспыхнувъ и умоляющимъ тономъ). Такъ оставимте его, Вихровъ! Не троньте, голубчикъ!..

Вихровъ (снисходительно улыбаясь). Какой вы чудакъ, право! Вѣдь вы сочиненіе то не мнѣ представлять будете, а Федору Николаичу!.. Намъ-то съ вами мало-ли что нравится, да вѣдь нельзя! Знаете поговорку: и хочется, и колется... Нѣтъ, ужъ лучше будемъ построже. Пишите такъ: «Однажды у насъ въ саду бурей едва не сломало два прекрасные, серебристые тополя, и чуть не вырвало съ корнемъ одну старую березу. Смотрѣлъ я потомъ на этихъ красавцевъ нашего сада и съ чувствомъ думалъ: «Нѣтъ! Восходящее солнце еще долго, долго будетъ золотить ваши вершины, долго вы будете еще жить цвѣтущіе, полные свѣжести и силъ! Въ вашихъ вѣтвяхъ птички будутъ вить гнѣзда, станутъ нѣжно и сладостно щебетать и кормить своихъ птенчиковъ, какъ бы указывая тѣмъ человѣку на его долгъ и обязанности»!.. Каково? А вѣдь и у меня вышло недурно, довольно поэтично...

Загривкинъ (съ неудовольствіемъ). Да, но... вы, однако жъ, совсѣмъ исказили у меня мысль...

Вихровъ. Помилуйте! Да все, рѣшительно, осталось также, какъ у васъ было... Я

только смягчилъ... вставилъ нѣсколько словъ... Согласитесь, что моя поправка не лишена поэзіи?.. Ну, Загривкинъ! Вы слишкомъ придирчивы! Такъ невозможно... Читайте дальше: что у васъ тамъ!

Загривкинъ. «Въ іюлѣ стояли сильные жары; крестьяне и крестьянки»...

Вихровъ. Ахъ, да! Вспомнилъ... Ну вотъ опять—какъ же не сказать вамъ?.. «Обливались потомъ... изнемогали»... Все это отзывается утрировкой. А я думалъ бы: не лучше-ли сказать попроще, такъ, напримѣръ: «Въ іюлѣ стояли жары; но, несмотря на то, поселяне и поселянки бодро и весело продолжали на поляхъ свои работы». Такъ будетъ гораздо правдоподобнѣе... Какъ у васъ далѣе?

Загривкинъ (съ легкимъ вздохомъ). «Родные меня не стѣсняли.

Вихровъ. Поправьте такъ: «Родные были такъ добры, что ни мало не стѣсняли меня, я ходилъ прогуливаться и вообще вполнѣ пользовался всѣми дозволенными удовольствіями, какія доставляетъ лѣто въ деревнѣ». Далѣе?

Загривкинъ. «Часто я ходилъ въ поле, къ жнецамъ. Они»...

Вихровъ. Вспомнилъ! Хлѣбъ, квасъ, лукъ... хлѣбъ трещитъ на зубахъ... И къ чему все это? Кому интересно знать: трещитъ-ли хлѣбъ на зубахъ или нѣтъ... Потомъ у васъ тамъ встрѣчаются грубоватыя выраженія... Вообще это мѣсто нужно исправить. Это мѣсто вашего разсказа производитъ такое впечатлѣніе, какъ будто мужики наши, дѣйствительно, бѣдствуютъ... Все это, батенька, надо еще доказать, а общими-то фразами метать на вѣтеръ не къ чему! Звонкими фразами не удивишь...

Загривкинъ (одушевившись). Да какія же звонкія слова тутъ? Я самъ видѣлъ, самъ ѣлъ этотъ хлѣбъ... Я самъ... позвольте, я докажу.

Вихровъ (съ нетерпѣливой гримасой). Пустое! Ничего вы не видали и ничего не докажете... Вздоръ!.. А, по моему мнѣнію, я предложилъ бы написать такъ (подумавши): «Не разъ я ходилъ съ дяденькой въ поле, къ жнецамъ. Рабочіе приходили издалека, верстъ за 6, а поэтому завтракали, обѣдали и наужинали тутъ же, на полосѣ». (Къ Загривкину). Видите: я все оставляю, какъ у васъ... Теперь далѣе — пишите: «Кушанья этихъ мелкихъ землевладѣльцевъ были довольно однообразны, хлѣбъ не особенно хорошъ. Я отвѣдывалъ его, и онъ, должно признаться, мнѣ показался не по вкусу... Я спросилъ этихъ земледѣльцевъ: всегда-ли сельское населеніе питается столь однообразно. Тутъ одинъ почтенный старичекъ, съ виду совершенный патріархъ, бодро тряхнулъ головой и, погладивъ свою серебристую бороду, вѣжливо и предупредительно пояснилъ мнѣ: «Нѣтъ, милостивый государь! У насъ не всегда бываетъ такъ... Вотъ осенью, какъ кончимъ работы, начнутся праздники... Тутъ мы станемъ пиво варить, бражничать! Посмотрѣли бы вы, сударь, какъ мы живемъ! Пѣсни, пляски, игры! Эхъ, прекрасно!.. Житье такое, что, просто, ай лю-ли»!.. Вотъ, видите, какъ хорошо вышло! Ну, теперь дальше—что?

Загривкинъ (вспыхнувъ, съ негодованіемъ). Чего же тутъ хорошаго! Мнѣ ничего такого старикъ вовсе и не говорилъ... Зачѣмъ же вы такъ? Вѣдь это же мы теперь неправду написали...

Вихровъ (сердито). Очень нужна, подумаешь, наша правда! Ха!.. Не задерживайте, пожалуста! Дальше, дальше!

Загривкинъ (надувъ губы). «Тутъ же я слыхалъ разговоры крестьянъ между собою про недоимки. Оказывается, что»...

Вихровъ. Знаю, знаю! Это у васъ чрезвычайно грязное мѣстечко... Впрочемъ, эти двѣ фразы можете оставить, уступаю вамъ, но далѣе должно поизмѣнить. Напишемъ такъ: «Старшина и старосты неупустительно напоминаютъ земледѣльцамъ о срокѣ платежей. Такъ, напримѣръ, одного неисправнаго плательщика призвали въ волостное правленіе, стали убѣждать и скоро уговорили его заплатить слѣдуемыя деньги»... Далѣе!

Загривкинъ. «Въ это же жаркое, рабочее время по деревнямъ много было больныхъ ребятъ»...

Вихровъ. Это мѣсто опять надо немножко поровнять. Пишите: «Въ это жаркое, рабочее время не всѣ деревенскія дѣти пользовались полнымъ здоровьемъ, нѣкоторыя изъ нихъ прихворывали»... (Къ Загривкину). Сколько у васъ показано умершихъ?

Загривкинъ (съ сильнымъ волненіемъ). Тридцать человѣкъ.

Вихровъ (соображая). Ну, это слишкомъ много! Достаточно трехъ!..

Загривкинъ (въ недоумѣніи). Да что вы! Помилуйте! Какъ достаточно, когда умерло

тридцать! Вѣдь это, наконецъ, Богъ знаетъ что такое!

Вихровъ (покровительственно). Не горячитесь, пожалуста? Что вы такъ стоите за эту цифру? Вѣдь мертвыхъ же не воскресите?! Никому легче не будетъ оттого, что вы поставите тридцать, вмѣсто трехъ! И что это за глупости такія! Да развѣ можно каждой цифрѣ вѣрить! Ну, допустимъ даже, что ваша цифра—вѣрна... Такъ развѣ всякую вѣрную цифру возможно вставлять въ сочиненіе? При такомъ методѣ писанья можно напустить столько мрака, что нервный человѣкъ, просто, взбѣсится... Помилуйте! Да у васъ въ деревнѣ, положимъ, умерло бы 100 человѣкъ ребятъ, такъ вы цифру 100 и влѣпили бы прямо? Такъ, что-ли?

Загривкинъ. Да какъ же иначе? Разумѣется... Вѣдь нельзя же, по какимъ-нибудь постороннимъ соображеніямъ, коверкать истину, гнуть ее туда и сюда, сокращать цифры и все такое...

Вихровъ. Потише, потише!.. Вамъ уже сказано, что въ нашей истинѣ никто не нуждается, что для класснаго сочиненія истина вовсе ненужна. Запомните разъ навсегда: истины бываютъ двухъ родовъ—пріятныя и непріятныя. Первыя можно всегда употреблять, потому что онѣ всегда кстати и только красятъ сочиненіе. Непріятныхъ же истинъ старайтесь избѣгать, даже постарайтесь—если возможно—забыть ихъ. Если же забыть ихъ не можете, то храните ихъ про себя. Повѣрьте, вамъ же добра желаю! И—потомъ—замѣтьте: цифры такъ же бываютъ пріятныя и непріятныя. Первыя вы можете—по мѣрѣ надобности—увеличивать и сопровождать пріятными же комментаріями; цифры второй категоріи вы должны сокращать, или, просто, замѣнять ихъ словами: «довольно значительное количество» или какими-нибудь другими выраженіями въ томъ же родѣ. Вообще же распространяться объ этихъ цифрахъ не слѣдуетъ... Ну, затѣмъ вы, конечно, уже знаете, что и факты также бываютъ двухъ родовъ: желательные и нежелательные. Первыми вы можете пользоваться въ свое удовольствіе, сколько угодно; вторые—лучше игнорировать... Конечно, я не хочу сказать, что эти факты для васъ совершенно изъяты изъ обращенія! Нѣтъ! Ими можно пользоваться, но только крайне осторожно, умѣючи и ловко... Все это я вамъ говорю для того, чтобы вы могли воспользоваться впослѣдствіи моими совѣтами. Ужо вамъ будутъ часто задавать сочиненія...

Загривкинъ. Такъ какъ же мы сдѣлаемъ съ этой цифрой? Тридцать обратить въ три?

Вихровъ. Да! Ну, значитъ, у насъ будетъ такъ: «По сосѣдству съ нами было нѣсколько больныхъ дѣтей; изъ нихъ трое даже умерло»... Дальше у васъ какъ сказано?

Загривкинъ (уныло). «Говорятъ, что здѣсь никогда еще не умирало ихъ такъ много»...

Вихровъ. Такъ, хорошо! Это можно оставить... А кровавый поносъ и сыпь вычеркните! Это совершенно излишнія подробности, ни къ чему не ведущія. Затѣмъ, вы, кажется, объясняете причины появленія болѣзней... Ну, батенька, знаете — вѣдь это еще темная область! Вы, кажется, тамъ напираете особенно на плохую пищу? Да?.. А вѣдь это, изволите видѣть, надо еще доказать! А ну какъ окажется, что мужикъ-то, въ самомъ дѣлѣ, лучше нашего ѣстъ и пьетъ? Тогда что? А? Нѣтъ! Это еще вопросы нерѣшенные... Напишите вотъ какъ: «Я положительно недоумѣвалъ и не зналъ, чѣмъ объяснить факты заболѣваемости въ средѣ дѣтей, такъ какъ въ главныхъ ингредіентахъ, приходящихъ въ пищу сельскаго населенія, мною вовсе не было усмотрѣно никакихъ вредоносныхъ элементовъ, которые, по субстанціи своей, могли бы инфлюировать въ вышесказанномъ направленіи на отправленія дѣтскаго организма»... Загривкинъ! Вы замѣчаете здѣсь совершенно неожиданный наплывъ «ингредіентовъ» и «субстанцій»?

Загривкинъ (невесело). Замѣчаю, но совсѣмъ не понимаю, для чего вы напихали ихъ тутъ...

Вихровъ (со смѣхомъ). Ха! Вы еще многаго не понимаете! Прислушайтесь и замѣтьте на будущее время, на носу зарубите... Слышите? Если вамъ придется высказывать какую-нибудь щекотливую мысль, то вы всегда старайтесь закутать ее въ такія мудреныя выраженія, въ которыхъ не скоро могъ бы распутаться и самъ Кантъ. Понимаете? (Подмигиваетъ Загривкину). «Трансцендентность, трансцендентальность» и т. д. Ну, что у васъ еще тамъ?

Загривкинъ. «Кромѣ ребятъ, было много больныхъ»...

Вихровъ. Да! И тутъ надо немного измѣнить... Напишите: «Кромѣ ребятъ, были еще

больные, съ порѣзами, съ мозолями, занозившіе ногу и даже съ запущенными ранами. Но съ какою кротостью, какъ безропотно переносили они свою участь! Семьяне уходили на работу и оставляли ихъ въ покоѣ. Нѣкоторымъ изъ больныхъ было очень невесело, нѣкоторые даже чувствовали себя нехорошо, но все-таки никто изъ нихъ умирать не хотѣлъ. Каждый надѣялся на лучшіе, будущіе дни. Надежда—кроткая посланница небесъ! Она, по словамъ Шиллера, сопровождаетъ человѣка отъ колыбели до могилы»... Затѣмъ, кажется, говорится о докторѣ... о школѣ... Скажемъ это такъ: «Докторъ сюда пріѣзжалъ не особенно часто»... Какъ у васъ сказано? Сколько разъ?

Загривкинъ (со злостью). Да только одинъ разъ во все лѣто и показался!

Вихровъ. Ну, вотъ видите! Эти доктора ужасно иногда бываютъ небрежны... Такъ пишите же: «Докторъ сюда пріѣзжалъ не особенно часто»...

Загривкинъ. Помилуйте! Какое же тутъ «не особенно часто»?.. Развѣ можно такъ...

Вихровъ (посмотрѣвъ на часы). Загривкинъ! Не задерживайте, пишите! Мнѣ скоро надо идти... Написали? Дальше!..

Загривкинъ (съ сердцемъ). «Земство почему-то долго не отпускало лѣкарствъ, и фельдшеръ ничего не могъ сдѣлать»... Я добавилъ бы, Вихровъ, что люди умирали, какъ мухи!

Вихровъ. И хорошо сдѣлали, что не добавили! Сравненіе совершенно неправдоподобное... Пишите: «а фельдшеръ дѣлалъ все, что могъ»... Фразу о лѣкарствѣ вычеркните совсѣмъ: она ровно ничего не прибавляетъ къ общей картинѣ... Далѣе у васъ говорится, что школа стояла весь годъ пустая... Гм! Скажите лучше просто: «Изъ школы учитель отбылъ, ждутъ новаго»... Затѣмъ что? А въ слѣдующей фразѣ вмѣсто «ни одного безграмотнаго, темнаго человѣка», поставьте «ни одного пьянаго». Далѣе?

Загривкинъ. «Нѣсколько разъ я ходилъ въ деревню и»...

Вихровъ. Помню! Напишите: «Иногда я ходилъ съ родными гулять въ деревню и, единственно изъ любопытства, присматривался къ жизни нашего сельскаго населенія. Тутъ я замѣтилъ, что дѣти не рѣдко помогаютъ родителямъ въ работахъ, за что, конечно, заслуживаютъ одобренія и похвалы». Слѣдующія фразы всѣ вычеркните!..

Загривкинъ. Всѣ? И эту фразу: «Въ нашемъ кругу такой мальчуганъ еще забавлялся бы игрушками, и маменька»...

Вихровъ. Пишите: «При этомъ меня поразило то обстоятельство, что въ отношеніяхъ взрослыхъ къ дѣтямъ я нашелъ такое безчеловѣчіе и такую жестокость, о какихъ прежде и не помышлялъ. Мнѣ кажется, что нашъ крестьянинъ, дѣйствительно, золъ и глупъ, какъ говорятъ о немъ нѣкоторые»...

Загривкинъ. Постойте! Да какъ же! Вѣдь это все какъ разъ противоположно тому, что сказано у меня!

Вихровъ. Да, отчасти... Но такъ, знаете, правдоподобнѣе, естественнѣе... Вообще такъ лучше!

Загривкинъ. Ну, это ужъ я и не знаю, что такое... (Пишетъ). Исправилъ. Дальше у меня говорится: «Я могу сказать, что пользовался лѣтомъ вволюшку»...

Вихровъ. Надо выразиться такъ: «Я пользовался всѣми лѣтними удовольствіями, доступными и приличными моему возрасту». Потомъ у васъ говорится, что вы «бродили съ книжкой по рощѣ, по полямъ»... Васъ могутъ спросить: съ какой же книжкой? Книжекъ много на свѣтѣ... Есть и пустые романы... Должно во всякомъ случаѣ указать: съ какой книжкой именно бродили вы... И затѣмъ самый глаголъ «бродить» неумѣстенъ здѣсь. Далѣе у васъ говорится, что «пансіонъ на время былъ забытъ»... Не хорошо. Надо сказать: «Но не смотря на то, я не позабывалъ пансіонъ и съ любовью вспоминалъ о всѣхъ учебныхъ предметахъ вообще». Далѣе вы говорите, что «все лѣто ходили въ блузѣ, а брюки запускали въ сапоги». Излишнія подробности, и до нѣкоторой степени даже неприлично. Кому интересно знать: запрятывали вы въ сапоги свои брюки или нѣтъ! Скажите просто: «Все лѣто я ходилъ въ приличномъ, легкомъ костюмѣ»... Затѣмъ, у васъ встрѣчается слово «бѣжалъ»... Лучше сказать «шелъ». Тутъ у васъ слѣдуетъ описаніе одного утра. Это мѣсто у васъ прекрасно! Природа схвачена великолѣпно... Жаворонка точно слышишь въ самомъ дѣлѣ. Потомъ говорится о здоровьи... Прочитайте-ка!

Загривкинъ. «Тѣ припадки, которымъ я былъ подверженъ въ теченіи учебнаго года, совсѣмъ исчезли».

Вихровъ. — Подробность, ни къ чему не идущая. Вычеркните!.. Затѣмъ, у васъ идетъ разставанье... «разцѣловалъ свою сестренку»... Гм! (Глубокомысленно). Вычеркните лучше... просто «простился»—и кончено. А конецъ какъ у васъ!

Загривкинъ. «Не особенно отрадныя впечатлѣнія я увозилъ изъ деревни. Мнѣ невольно думалось: «А много, видно, горя вездѣ на бѣломъ свѣтѣ»... (Обращаясь къ Вихрову). Это-то ужъ оставимъ! И безъ того ужъ все выворотили на изнанку»...

Вихровъ. Нельзя этого оставить! Никакъ нельзя. Поймите! Такой мрачный конецъ все дѣло испортитъ, да онъ же теперь вовсе и некстати... За такой глупый конецъ Федоръ Николаичъ вамъ навѣрно *двойку* влѣпитъ... Что вы! Какъ же это можно. А напишите вотъ что: «Много пріятныхъ воспоминаній увозилъ я изъ деревни. Конечно, разставанье съ родителями навѣяло на меня нѣкоторую грусть. Но эта грусть смягчалась тою мыслью, что я снова возвращаюсь къ своимъ учебнымъ занятіямъ». Пожалуй, прибавьте еще: «Всю дорогу мнѣ улыбалась отрадная надежда на то, что я опять скоро увижу своихъ почтенныхъ преподавателей и нашего глубокоуважаемаго директора»... Затѣмъ—имя, отчество... (Съ удовольствіемъ потираетъ руки). Ну, вотъ и все! Теперь прочитайте поскорѣе все—въ моей-то редакціи... (Посматриваетъ на часы).

Загривкинъ. Сколько теперь?

Вихровъ. Два часа. Въ три мнѣ надо идти...

(Закуриваютъ папиросы)

Загривкинъ. (откашлявшись и усталымъ голосомъ). «Лѣто въ деревнѣ». Эпиграфъ—

О, родина святая,
Чье сердце не дрожитъ,
Тебя благословляя.

Въ теченіи прошлаго лѣта погода была очень непостоянна: то стояли ясные дни, то небо заоболачивало и шелъ дождь, то дули сильные вѣтры. Бывали и грозы, которыя, впрочемъ, большею частью проходили стороной. Стороной однажды выпалъ градъ, и даже по сосѣдству съ той усадьбой, въ которой я жилъ съ родными, одно поле нѣсколько пострадало. Но, не смотря на то, поле все-таки представляло собой такое пріятное, отрадное зрѣлище, какое рѣдко можно встрѣтить. Золотистая рожь тихо волновалась на солнцѣ, помавая своимъ колосомъ туда и сюда; изъ овса тамъ и сямъ синѣли васильки, покачивая своими милыми головками и, словно, приглашали усталаго путника отдохнуть на зеленой муравѣ... Иной, право, и не догадался бы, что надъ этимъ полемъ разразился градъ: такою прелестью, такимъ миромъ и тишиной вѣяло подъ этими ясными, сіяющими небесами. Порою набѣгали тучки, случались грозы. Особенно сильное впечатлѣніе производили онѣ ночью блескомъ своихъ молній и грохотомъ раскатовъ. Во время грозы невольно чувствуешь свое ничтожество и благоговѣйно помышляешь о мудрости и благости Творца! Однажды у насъ въ саду бурей едва не сломало два прекрасные, серебристые тополя, и чуть не вырвало съ корнемъ одну старую березу. Смотрѣлъ я потомъ на этихъ красавцевъ нашего сада и съ чувствомъ думалъ: «Нѣтъ! Восходящее солнце еще долго, долго будетъ золотить ваши вершины, долго вы будете еще жить цвѣтущіе, полные свѣжести и силъ! Въ вашихъ вѣтвяхъ птички будутъ вить гнѣзда, станутъ нѣжно и сладостно щебетать и кормить своихъ птенчиковъ, какъ бы указывая тѣмъ человѣку на его долгъ и обязанности»!.. Въ іюлѣ стояли жары; но, не смотря на то, поселяне и поселянки бодро и весело продолжали на поляхъ свои работы... Родные были такъ добры, что ни мало не стѣсняли меня, я ходилъ прогуливаться и вообще вполнѣ пользовался всѣми дозволенными удовольствіями, какія доставляетъ лѣто въ деревнѣ. Не разъ я ходилъ съ дяденькой въ поле, къ жнецамъ. Рабочіе приходили издалека, верстъ за 6, а поэтому завтракали, обѣдали, наужинали тутъ же на полосѣ. Кушанья этихъ мелкихъ землевладѣльцевъ были довольно однообразны, хлѣбъ не особенно хорошъ. Я отвѣдывалъ его, и онъ, должно признаться, мнѣ показался не по вкусу. Я спросилъ этихъ земледѣльцевъ: всегда-ли сельское населеніе питается столь однообразно. Тутъ одинъ почтенный старичекъ, съ виду совершенный патріархъ, бодро тряхнулъ головой, и погладивъ свою серебристую бороду, вѣжливо и предупредительно пояснилъ мнѣ: «Нѣтъ, милостивый государь! У насъ не всегда бываетъ такъ... Вотъ осенью, какъ кончимъ работы, начнутся праздники. Тутъ мы станемъ пиво варить, бражничать! Посмотрѣли бы вы, сударь, какъ мы живемъ! Пѣсни, пляски, игры... Эхъ, прекрасно! Житье такое, что просто,

ай лю-ли! Шибко только съ него брюхо пучитъ...

Вихровъ (въ ужасѣ подскакивая на кушеткѣ). Что-о-о? Что такое вы сказали? «Брюхо пучитъ!» Фуй, что за выраженія! Да какъ же это мы пропустили?.. Вычеркните, пожалуста! Вычеркните скорѣе...

Загривкинъ (смѣясь). Это кончикъ отъ моей фразы остался! Вы тогда ничего не сказали о немъ... Я и не вымаралъ его...

Вихровъ. Ну, значитъ, батенька, съ вами надо ухо востро держать... Вы, можетъ быть, наоставляли и много такихъ «кончиковъ»? Вотъ-то будетъ хорошо...

Загривкинъ. Нѣтъ, больше нѣту. (Читаетъ). «Тутъ же я слыхалъ разговоры крестьянъ между собой про недоимки. Оказывалось, что не всѣ крестьяне могутъ уплачивать въ срокъ подати. Старшина и старосты неупустительно напоминаютъ земледѣльцамъ о срокѣ платежей. Такъ, напримѣръ, одного неисправнаго плательщика призвали въ волостное правленіе, стали убѣждать и скоро уговорили его заплатить слѣдуемыя деньги. Въ это жаркое, рабочее время не всѣ деревенскія дѣти пользовались полнымъ здоровьемъ; нѣкоторыя изъ нихъ прихворывали. По сосѣдству съ нами было нѣсколько больныхъ дѣтей, изъ нихъ трое даже умерло... (Вздыхаетъ). Говорятъ, что здѣсь еще никогда не умирало ихъ такъ много... Я положительно недоумѣвалъ и не зналъ, чѣмъ объяснить факты заболѣваемости въ средѣ дѣтей, такъ какъ въ главныхъ ингредіентахъ, привходящихъ въ пищу сельскаго населенія, мною вовсе не усмотрѣно абсолютно вредоносныхъ элементовъ, которые, по субстанціи своей, могли бы инфлюировать въ вышесказанномъ направленіи на отправленія дѣтскаго организма. Кромѣ ребятъ, были еще больные съ порѣзами, съ мозолями, занозившіе ногу и даже съ запущенными ранами. Но съ какою кротостью, какъ безропотно переносили они свою участь! Семьяне уходили на работу и оставляли ихъ въ покоѣ. Нѣкоторымъ изъ больныхъ было очень невесело, нѣкоторые даже чувствовали себя нехорошо, но все-таки никто изъ нихъ умирать не хотѣлъ. Каждый надѣялся на лучшіе, будущіе дни. Надежда—кроткая посланница небесъ!.. Докторъ пріѣзжалъ сюда не особенно часто, а фельдшеръ дѣлалъ все, что могъ. Изъ школы учитель отбылъ, ждутъ новаго...

Вихровъ (перебивая, самодовольнымъ тономъ). Видите, какъ у меня все смягчено! Отъ этого и впечатлѣніе получается нормальное, именно такое, какое слѣдуетъ... Замѣчаете, какъ я ловко обошелъ всѣ эти подводные камни?

Загривкинъ (съ унынiемъ). Замѣчаю! Еще бы не замѣтить! (читаетъ). «Иногда я ходилъ съ родными гулять въ деревню и, единственно изъ любопытства, присматривался къ жизни нашего сельскаго населенія. Тутъ я замѣтилъ, что дѣти не рѣдко помогаютъ родителямъ въ работахъ, за что, конечно, заслуживаютъ одобренія и похвалы. При этомъ меня поразило то обстоятельство, что, въ отношеніяхъ взрослыхъ къ дѣтямъ я нашелъ такое безчеловѣчіе и такую жестокость, о какихъ прежде и не помышлялъ. Мнѣ кажется, что нашъ крестьянинъ, дѣйствительно золъ и глупъ, какъ о немъ говорятъ нѣкоторые»...

Вихровъ (перебивая). Виноватъ! Я забылъ спросить: нѣтъ-ли у васъ лишнихъ знаковъ восклицательныхъ, нѣтъ-ли подчеркиваній или длинныхъ многоточій... Нѣтъ! Ну и прекрасно... А то это — чрезвычайно дурная манера подчеркивать и городить восклицательные знаки съ многоточіями...

Загривкинъ. «Я пользовался всѣми лѣтними удовольствіями, доступными и приличными моему возрасту: ѣздилъ верхомъ, катался въ лодкѣ, купался, прогуливался по рощѣ, по полямъ. Но, не смотря на то, я не позабывалъ пансіонъ и съ любовью вспоминалъ о всѣхъ учебныхъ предметахъ вообще. Все лѣто я ходилъ въ приличномъ, легкомъ костюмѣ—для удобства. Вставалъ рано. Вставши, я тотчасъ же шелъ купаться. Особенно почему-то запомнилось мнѣ одно чудесное, раннее утро».

Вихровъ. Вотъ это мѣсто у васъ превосходно. Вы, положительно, пейзажистъ... Вамъ, по настоящему, слѣдовало бы писать идилліи, воспѣвать природу... Почему знать: изъ васъ, быть можетъ, выработался бы какой-нибудь новый Геснеръ... Право! Вы обратите на это вниманіе! Я вамъ дѣло говорю, Загривкинъ! По душѣ!.. Бросьте вы эти разсужденія и цифры! Дидактика не про васъ... Это вѣрно!

Загривкинъ (краснѣя). Я попытаюсь... постараюсь... не знаю ужо какъ... (читаетъ). «Я спускался съ крутого пригорка отъ сада къ рѣкѣ. Какія-то птички чирикали въ кустахъ. Небо было совершенно ясно. Желтова-

то-розовая заря кротко сіяла на востокѣ, какъ будто розы и червонцы были разсыпаны по небу... Придя на берегъ, я раздѣлся и»...

Вихровъ (спохватившись). Ахъ, вотъ еще пропустили... Вычеркните, пожалуста, и скажито просто: «бросился въ воду»... А то, знаете — «раздѣлся»... Какъ-то шокируетъ, напоминаетъ наготу.

Загривкинъ. «Придя на берегъ, я бросился въ воду. Когда же я возвращался домой, солнце уже всходило яркое, блестящее. Надъ головой моей жаворонокъ пѣлъ свою переливчатую, меланхолическую пѣсенку...»

Вихровъ. «Меланхолическую» можно вычеркнуть. Вѣдь уже одно прилагательное есть... и достаточно!

Загривкинъ (поправивъ). «А ночи, лѣтнія, благоухающія ночи! Какъ были хороши онѣ! Звѣздочки, мигающія въ небѣ, мѣсячный свѣтъ, проникающій изъ-за темной зелени деревьевъ, рѣка—вся дымящаяся въ клубахъ бѣлаго тумана—какія фантастическія, милыя сердцу картины!.. Вообще говоря, я запасся здоровьемъ. Тѣ припадки, которымъ я былъ подверженъ, совсѣмъ исчезли. Пришла, наконецъ минута разставанья... Въ одно пасмурное, августовскее утро я простился съ родными и уѣхалъ. Много пріятныхъ воспоминаній увозилъ я изъ деревни! Конечно, разставанье съ родителями навѣяло на меня нѣкоторую грусть. Но эта грусть смягчалась тою мыслію, что я снова возвращаюсь къ своимъ учебнымъ занятіямъ. Всю дорогу мнѣ улыбалась отрадная надежда на то, что я опять скоро увижу своихъ почтенныхъ преподавателей и нашего глубокоуважаемаго директора, Василія Парѳеньевича».

Вихровъ (потягиваясь). Ну, слава Богу, исправили!

Загривкинъ (въ сторону). Ни одного живого мѣста не осталось! Чортъ знаетъ, что такое вышло!..

ГРАФЪ БОРЕГАРЪ И АГНЕСА ТУСЕНЕЛЬ.

Повѣсть изъ средневѣковой жизни.

I.

Въ XIV столѣтіи въ глуши дремучихъ арденскихъ лѣсовъ находились обширныя владѣнія графовъ Борегаровъ, и на берегу одного изъ притоковъ Мааса, на небольшомъ возвышеніи, стоялъ ихъ старинный, родовой замокъ, угрюмый и мрачный,—Борегаръ-Маро. Въ ту пору битвъ уже не происходило подъ стѣнами замка, глубокій ровъ наполовину осыпался, заросъ кустарникомъ и густой травой, подъемный мостъ былъ замѣненъ постояннымъ, каменнымъ мостомъ на сводахъ, вообще къ тому времени замокъ уже нѣсколько утратилъ свой прежній дикій, воинственный видъ. Но не смотря на всѣ эти перемѣны, происшедшія за послѣднія пятьдесятъ лѣтъ, Борегаръ-Маро съ его потемнѣвшими зубчатыми стѣнами, съ бойницами и высокими башнями по угламъ, все еще казался грозной твердыней. Его главныя ворота и фасадъ были обращены на югъ. На центральной сторожевой башнѣ надъ воротами развѣвался флагъ — красный съ чернымъ, съ гербомъ Борегаровъ. Двѣ убогія, жалкія деревушки—два очень старинныя поселенія—ютились съ рабской покорностью подъ сѣнью замка-великана; одна деревня—къ востоку отъ замка, другая—съ полуночной стороны, на противоположномъ берегу рѣки, обмывавшей съ сѣвера подножія сѣрыхъ каменныхъ стѣнъ Борегаръ-Маро. Вокругъ замка, на сколько могъ глазъ охватить, расходились лѣса, тѣ знаменитыя арденскія трущобы, гдѣ нѣкогда со своими сподвижниками охотился на медвѣдей и кабановъ могучій король германцевъ, Великій Карлъ.

«Прекрасной Франціей» въ то время—въ половинѣ XIV вѣка—правилъ Филиппъ VI, изъ дома Валуа,—король, по словамъ лѣтописца, «не проявившій воинскихъ доблестей инеснискавшій любви народной». Время было очень печальное. Историки описываютъ его

самыми темными красками. Продолжительная, неудачная война съ англичанами обезсилила населеніе; нѣсколько лѣтъ подъ-рядъ были неурожаи, а если что земля и родила, то пожиралось саранчей, тучами налетавшей съ юга; по городамъ и селамъ свирѣпствовала Черная Смерть, нагоняя ужасъ на живущихъ. Голодные, полуживые люди, измозженные, еле прикрытые рубищемъ, бродили толпами, какъ блѣдныя тѣни. «Нѣкоторыя мѣстности совсѣмъ обезлюдѣли; волки стаями бѣгали по опустѣвшимъ селеньямъ». Крестьяне кое-гдѣ волновались, хватались за топоры и колья и шли войной на замки. Мѣстами происходили землетрясенія. Уныніе, страхъ и трепетъ царили на землѣ.

Арденскій край, заслонившись отъ окружающаго его міра своими лѣсами и горами, избавился отъ нашествія Черной Смерти, и голодъ не доходилъ въ немъ до такихъ ужасовъ, какъ въ другихъ мѣстностяхъ.

Въ ту пору замкомъ Борегаръ-Маро и прилежащими къ нему землями владѣлъ графъ Луи-Филиппъ де-Борегаръ. Ему не было еще года отъ роду, когда отецъ его, Генрихъ Борегаръ, въ сраженіи при Моргартенѣ, былъ убитъ каменной глыбой, брошенной съ высоты швейцарцами. Луи минуло лишь 14 лѣтъ, когда умерла его мать, и онъ остался на попеченіи дяди своего, Карла Борегара. Старикъ привыкъ къ племяннику и навсегда остался у него въ замкѣ въ качествѣ управителя-мажордома. Въ то время, къ которому относится разсказъ, графу Луи Борегару было 33 года,—и половину своей жизни онъ провелъ на конѣ, въ походахъ и битвахъ. Онъ былъ настоящее дитя своего вѣка: мужественный, отважный, обладавшій желѣзною силой, нрава воинственнаго, суроваго, но, не смотря на суровость,—доступный нѣжнымъ чувствамъ. Онъ слылъ для своей эпохи человѣкомъ весьма образованнымъ, начитаннымъ, зналъ полатыни и по-итальянски, писалъ стихами воспоминанія о геройскихъ подвигахъ рыцарей и воспѣвалъ любовь, любви еще не испытавши. Графъ былъ суровъ, но не жестокъ: онъ не пилъ кровь своихъ вассаловъ, не притѣснялъ беззащитный людъ, не разбойничалъ на большихъ дорогахъ, подобно нѣкоторымъ изъ его сосѣдей. Напротивъ, онъ самъ преслѣдовалъ разбои,—и дикій арденскій край, представлявшій надежное убѣжище для разбойничьихъ шаекъ, сталъ при немъ такъ безопасенъ, что купеческіе караваны, навьюченные дорогимъ товаромъ, шли безъ всякаго прикрытія по тамошнимъ трущобамъ и пустырямъ. Не даромъ же одинъ изъ монаховъ-лѣтописцевъ сказалъ, что «пятенъ не было на гербѣ Борегара».

Незадолго до описываемыхъ происшествій, графъ Борегаръ участвовалъ въ злополучномъ сраженіи при Кресси, бился отчаянно и весь израненный, истекающій кровью, какимъ-то чудомъ, спасся отъ отряда англичанъ, съ ожесточеніемъ наступавшихъ на него подъ предводительствомъ самого короля Эдуарда. Еле живой, добрался онъ до своего арденскаго замка, нѣсколько времени лежалъ при смерти, но желѣзное здоровье его взяло свое. Черезъ два мѣсяца графъ Луи былъ уже на ногахъ, и только блѣдность, сквозившая изъ-подъ загара его лица, напоминала о перенесенныхъ имъ страданіяхъ.

Графъ Луи былъ мужчина очень крупныхъ размѣровъ, высокій, широкоплечій, съ замѣчательно развитыми мускулами и притомъ стройный и гибкій. Голова у него была прекрасной, античной формы; лицо овальное, большой, бѣлый лобъ и надъ нимъ короткіе, вьющіеся свѣтлорусые волосы, большіе голубые глаза, ясные и смѣлые, и красивый греческій носъ. Его пріятное, открытое лицо внушало къ себѣ довѣріе. Бѣлый шрамъ, происходившій отъ удара мечомъ и пересѣкавшій его лѣвую щеку, ни мало не портилъ общаго хорошаго впечатлѣнія. Въ этомъ человѣкѣ мощь Геркулеса счастливо соединялась съ пластической красотой Аполлона. Правильность чертъ его лица одухотворялась выраженіемъ доброты и благородства.

Въ замкѣ, кромѣ дяди Луи Борегара, жила еще его больная сестра, вдовствующая графиня Марія, бывшая замужемъ за Жоржемъ Воминкуромъ, изъ дома Воминкуровъ лотарингскихъ. Не смотря на всевозможныя лѣченья, она уже два года не вставала съ постели. Въ замкѣ постоянно жилъ врачъ.

Триста воиновъ, составлявшихъ регулярный отрядъ, жили частью въ замкѣ, частью въ деревнѣ; кромѣ этихъ воиновъ, уже испытанныхъ въ бою, графъ Борегаръ всегда въ минуту необходимости могъ призвать къ оружію до 600 своихъ вассаловъ.

II.

Лѣто 1347 года стояло сухое и знойное. Свободные часы графъ Борегаръ, обыкно-

венно, проводилъ въ западной башнѣ. Онъ любилъ этотъ уголокъ: здѣсь была тѣнь, прохлада, а по вечерамъ во время солнечнаго заката красноватое освѣщеніе, озарявшее внутренность башни, такъ пріятно скрашивало и оживляло сѣрые, холодные тоны ея голыхъ каменныхъ стѣнъ.

Обстановка этого покоя была самая незатѣйливая: дубовый столъ, — передъ нимъ складной табуретъ; у окна скамья, крытая краснымъ сукномъ, на полу передъ ней, вмѣсто ковра, медвѣжья шкура; въ углу у двери нѣсколько копій и неуклюжій аркебузъ; на стѣнѣ большія кожаныя перчатки, мечъ и щитъ съ грубо вырѣзаннымъ по серединѣ его горделивымъ девизомъ фамиліи Борегаровъ: «L'honneur pour moi». Единственнымъ украшеніемъ западной башни былъ великолѣпный кипрскій коверъ, висѣвшій на стѣнѣ противъ стола: на томъ коврѣ была выткана какая-то восточная красавица съ голой грудью и съ голыми руками, покоющаяся на пышномъ ложѣ, а передъ нею на колѣняхъ мальчикъ-арапъ, съ шапкой черныхъ курчавыхъ волосъ на головѣ, держащій раскрытую шкатулку съ драгоцѣнностями; по сторонамъ этой группы виднѣлись высокія курильницы и склонялись ярко зеленые листья тропическихъ растеній. Одинъ изъ Борегаровъ-крестоносцевъ привезъ этотъ коверъ съ востока.

Наступалъ вечеръ послѣ томительно жаркаго дня, но въ воздухѣ не вѣяло прохладой. Солнце уже начинало заглядывать въ высокія, узкія окна западной башни. Въ замкѣ было тихо. Графъ Луи сидѣлъ, облокотившись на столъ и опустивъ голову на руку. Свѣтло-русыя пряди короткихъ вьющихся волосъ падали ему на лобъ. Передъ нимъ лежала толстая рукописная книга въ черномъ кожаномъ переплетѣ съ массивными серебряными застежками. Переписчикъ, очевидно, постарался, — и начальныя буквы въ книгѣ были искусно разрисованы красной, голубой, зеленой краской и золотомъ. Тутъ же на столѣ стоялъ небольшой кувшинъ съ виномъ, лежалъ кинжалъ и на него былъ брошенъ черный бархатный беретъ... Графъ былъ въ своемъ обычномъ домашнемъ костюмѣ—въ полукафтанѣ изъ бѣлой, серебристой матеріи и въ сѣрыхъ штанахъ — очень узкихъ, по покрою того времени, и плотно обхватывавшихъ его ноги. Полукафтанъ его походилъ на куртку въ обтяжку съ такими короткими полами, что онѣ едва прикрывали нижнюю часть туловища, стянутую по таліи. На поясѣ сбоку спускалась небольшая серебряная цѣпочка для подвѣшиванія кинжала.

Графъ Луи читалъ съ увлеченіемъ, и на губахъ его порой мелькала грустная улыбка... Оба окна были раскрыты, и въ нихъ виднѣлось безоблачное синее небо. Смолистый запахъ лѣса врывался въ башню. На карнизѣ одного изъ оконъ сидѣлъ голубь и тихо воркovалъ, кивая своею сизою головкой... Надъ одной страницей графъ остановился, помедлилъ и нѣкоторыя мѣста ея сталъ вслухъ перечитывать вполголоса:

... «Нѣтъ большаго мученья,
Какъ о порѣ счастливой вспоминать
Въ несчастіи...
Ты хочешь страсти первый корень знать?
Скажу, какъ тотъ, который вѣсть печали
Несетъ и долженъ самъ страдать.
Однажды мы, въ мигъ счастія, читали,
Какъ Ланчелотъ въ безуміи любилъ;
Опасности быть вмѣстѣ мы не знали.
Не разъ въ лицѣ румянца гаснулъ пылъ
И взоръ его встрѣчалъ мой взоръ безпечный;
Но злой романъ въ тотъ мигъ насъ побѣдилъ,
Когда прочли, какъ поцѣлуй сердечный
Былъ приманенъ улыбкою къ устамъ,
И тотъ, съ кѣмъ я ужъ не разстанусь вѣчно,
Затрепетавъ, припалъ къ моимъ губамъ...
Былъ Галеотто—авторъ книги гнусной!..
Въ тотъ день мы дальше не читали тамъ»...

Борегаръ всталъ, прошелся нѣсколько разъ взадъ и впередъ по комнатѣ и подошелъ къ окну. Голубь съ шумомъ сорвался съ карниза и скоро потонулъ въ зеленой дали.

— Въ тотъ день мы дальше не читали,— повторилъ графъ вполголоса, садясь на подоконникъ и разсѣянно взглядывая на картину мирно угасавшаго лѣтняго вечера.

Изъ окна высокой башни ему были видны зеленые арденскіе лѣса, уходившіе далеко на западъ и пропадавшіе въ синеватомъ туманѣ. Въ тотъ часъ лѣса стояли тихо, не шелохнувшись, и вершины ихъ, залитыя красноватымъ свѣтомъ, ярко горѣли въ огнѣ заката... Тонкій греческій профиль съ заостренной бородкой, стройный станъ и вся могучая фигура графа Борегара теперь, когда онъ сидѣлъ въ амбразурѣ окна, рѣзко обрисовывались на свѣтломъ блещущемъ фонѣ голубого неба. Графъ не любовался на развертывавшуюся передъ нимъ громадную лѣсную панораму. Онъ прислонился спиной къ стѣнѣ глубокой оконной ниши и, обхвативъ руками колѣно, задумчиво смотрѣлъ въ сіяющую даль. Этотъ тихій вечеръ, щебетанье птичекъ и до-

носившійся до него запахъ лѣсныхъ цвѣтовъ пробудили въ немъ одно воспоминаніе изъ недавняго прошлаго, и это воспоминаніе—живое и яркое — промелькнуло передъ нимъ, какъ на картинѣ. Борегаръ встрѣтился съ *нею* весной, когда деревья уже покрылись нѣжной зеленью, луга пестрѣли цвѣтами и весело щебетали птицы...

Въ ясный и свѣтлый день—въ день веселый перваго мая — онъ возвращался въ замокъ по знакомой лѣсной дорогѣ. Это было вскорѣ послѣ того, какъ зажили его раны. Не смотря на слабость и утомленіе отъ верховой ѣзды, онъ былъ въ прекрасномъ настроеніи духа. Никогда еще, кажется, онъ не чувствовалъ такъ глубоко всю радость жизни, какъ теперь, оправившись послѣ тяжкой болѣзни... Тѣнь смерти уже витала надъ нимъ. Въ темныя зимнія ночи, когда вокругъ стѣнъ замка яростно бушевалъ вѣтеръ и сосѣдніе лѣса глухо шумѣли, уже не разъ видѣнія, предшествующія смертному сну, осаждали его. Теперь онъ чувствовалъ себя воскресшимъ... Опять онъ видѣлъ надъ своей головой и солнце, и голубое небо, и бѣлыя, легкія, какъ пухъ, весеннія облачка, безслѣдно скользившія по лазури. Онъ съ наслажденіемъ вдыхалъ въ себя здоровый, лѣсной воздухъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, казалось, набирался новыхъ, свѣжихъ силъ. Онъ любовался, какъ тамъ и сямъ на яркой весенней зелени весело игралъ солнечный лучъ, пробиваясь сквозь чащу деревьевъ. Съ какимъ-то дѣтски-радостнымъ чувствомъ, съ чувствомъ тихаго, душевнаго довольства смотрѣлъ онъ на расходившуюся вокругъ него лѣсную глушь, на цвѣты, пестрѣвшіе въ травѣ, и на красивыхъ, ярко окрашенныхъ бабочекъ, летавшихъ надъ кустами и издали казавшихся цвѣтами, сорвавшимися со своихъ стеблей... Сѣрый конь его шелъ тихимъ шагомъ.

Вдругъ на поворотѣ дороги, въ золотисто-зеленой дали, показалась группа всадниковъ. Борегаръ, привставъ на стременахъ, внимательно посмотрѣлъ впередъ... Ѣхала дама, за нею—нѣсколько вооруженныхъ людей. Лѣсная дорога была узка,—графъ взялъ немного въ сторону и продолжалъ ѣхать шагомъ подъ нависшими вѣтвями деревьевъ.

Дама ѣхала на прекрасной вороной лошади и, очевидно, сдерживала ее не безъ труда. Лошадь порывалась впередъ, и ея кровью налитые глаза, широко раздувшіяся ноздри и бѣлая пѣна, клочьями висѣвшая на удилахъ, указывали на ея горячій, безпокойный нравъ. Узда, попона и сѣдло были украшены серебромъ. Дама еще очень молодая (лѣтъ 22—23), высокаго роста, довольно полная, стройная, ловко сидѣла на конѣ въ своей синей амазонкѣ и въ шляпѣ того же цвѣта съ пунцовымъ перомъ, спускавшимся ей на плечо. Темные локоны вились изъ-подъ шляпы. По модѣ того времени на рукахъ ея были длинныя свѣтлыя перчатки, расширявшіяся повыше кисти. Блѣдно-алая роза была приколота на груди; длинный вуаль откинутъ на спину, и легкій вѣтерокъ игралъ имъ. Смуглое лицо этой молодой женщины съ большими, темными глазами и съ густымъ румянцемъ на щекахъ было поразительно красиво, и отъ всего существа ея, пышущаго молодостью и здоровьемъ, такъ и вѣяло всѣмъ обаяніемъ, всемогуществомъ женскихъ прелестей.

Поровнявшись съ дамой, графъ Борегаръ почтительно приподнялъ шляпу. Красавица въ отвѣтъ на его привѣтствіе слегка склонила голову и украдкой, всколь посмотрѣла на графа изъ-подъ темныхъ, полуопущенныхъ рѣсницъ. Мимолетенъ былъ взглядъ ея темныхъ глазъ, но графъ уловилъ его, и сердце его сильно забилось. Этотъ взглядъ, казалось, обжогъ его...

За дамой слѣдомъ на небольшой гнѣдой лошади ѣхалъ пажъ—полуюноша, полудитя—мальчикъ лѣтъ 16, голубоглазый, съ бѣлымъ, нѣжнымъ лицомъ и съ розовыми щеками, покрытыми легкимъ налетомъ загара. На его бѣлокурыхъ, вьющихся и длинныхъ волосахъ, отливавшихъ золотомъ на солнцѣ, была надѣта голубая бархатная шапочка съ бѣлымъ перомъ. Голубая куртка съ бѣлымъ плоеннымъ воротникомъ плотно обтягивала его легкій, граціозный станъ. Юноша такъ подозрительно и грозно посмотрѣлъ на графа Борегара, что тотъ не могъ удержаться отъ улыбки... За пажомъ ѣхало около десятка вооруженныхъ людей.

Борегаръ никогда не видалъ эту даму, но онъ уже догадывался: кто она. Это, конечно, жена его сосѣда и его давнишняго врага, Рауля Тусенеля.

Мессиру Раулю Тусенелю было уже 60 лѣтъ. Около 40 лѣтъ тому назадъ, онъ поселился въ Арденахъ. Между нимъ и старымъ графомъ Борегаромъ завязался споръ изъ-за одного клочка земли, тянувшейся по берегу

рѣчки. Два раза обращались они за разрѣшеніемъ своей тяжбы къ феодальному суду, и дважды судъ постановлялъ приговоръ въ пользу Борегара. Послѣднее столкновеніе изъ-за этого несчастнаго клочка земли произошло 15 лѣтъ тому назадъ между Тусенелемъ и нынѣшнимъ владѣльцемъ замка Борегаръ-Маро. Воспользовавшись тѣмъ обстоятельствомъ, что графъ Луи тогда былъ еще очень юнъ, а его дядя и мажордомъ, Карлъ Борегаръ, больше любилъ бесѣдовать съ пріятелями за чаркой добраго вина, нежели воевать съ сосѣдями, Тусенель рѣшился силой завладѣть спорнымъ участкомъ, — изподтишка завелъ на немъ строеніе, поселилъ нѣсколько стражей, на рѣкѣ устроилъ рыбную ловлю и наставилъ каменныхъ пограничныхъ столбовъ. Узнавъ о такомъ самовольномъ захватѣ своей собственности, молодой графъ повелъ очень горячій разговоръ съ дядей. Карлъ Борегаръ предлагалъ въ третій разъ обратиться къ феодальному суду, племянникъ съ нимъ не соглашался... Съ отрядомъ своихъ людей онъ напалъ однажды на сторожку, сжегъ ее, прогналъ тусенелевскую челядь и всѣ пограничные каменные столбы разметалъ. Съ тѣхъ поръ старый Тусенель уже не рѣшался ни силой, ни хитростью завладѣвать спорною землей, называлъ графа Луи «сорванцомъ», «головорѣзомъ» и возненавидѣлъ его отъ души. Старикъ былъ корыстолюбивъ, жаденъ, скупъ, но храбростью не могъ похвалиться. Послѣ разрушенія сторожки, онъ, какъ огня, боялся графа Луи Борегара.

Три года тому назадъ Рауль Тусенель, переживши двухъ женъ и уже давно вдовѣвшій, вдругъ задумалъ жениться на старости лѣтъ и привезъ изъ Бургундіи молодую жену. Графъ Борегаръ слыхалъ, что Агнеса Тусенель была очень хороша собой. Говорили, что старый мужъ былъ отъ нея безъ ума и хранилъ ее, какъ зѣницу ока...

Графъ Борегаръ видѣлъ Агнесу въ лѣсу лишь вскользь, но образъ этой обаятельной женщины съ темными жгучими глазами глубоко запечатлѣлся въ его памяти и преслѣдовалъ его неотступно на яву и во снѣ. У него, какъ и у прочихъ рыцарей, по обычаю времени, бывали свои «дамы сердца», но онъ любилъ этихъ дамъ лишь въ мечтахъ, и любовь его испарялась скоро и безслѣдно, какъ безслѣдно исчезаетъ на стеклѣ пятно отъ дыханія. Агнеса пробудила въ немъ совсѣмъ иное чувство. Первый разъ въ жизни проснулась въ немъ сильная страсть—страсть къ женщинѣ... Для графа Борегара не было дороги въ Тусенельскій замокъ: онъ не могъ познакомиться съ Агнесой, видаться съ ней,—и эта невозможность распаляла его пробуждавшееся чувство, какъ вѣтеръ раздуваетъ загорающійся огонекъ.

Послѣ встрѣчи въ лѣсу графъ сдѣлался задумчивъ, разсѣянъ; его спокойный, ровный характеръ становился раздражителенъ. Днемъ Борегаръ не зналъ покоя; по ночамъ мучили его тревожныя грезы.

— Ты очень медленно поправляешься, Луи!—сказалъ ему однажды дядя.—Ты все сидишь надъ своими книгами... Брось ихъ! Поѣзжай на охоту!

— Правду говоришь!—замѣтилъ Борегаръ.—Засидѣлся я дома... Завтра же поѣдемъ на охоту!

Въ лѣсахъ арденскихъ въ ту пору водилось еще не мало зубровъ, медвѣдей, волковъ и кабановъ. И вотъ начали устраиваться охоты... Лишь только розовая утренняя заря зажигала вершины горъ, графъ Борегаръ съ толпой охотниковъ выѣзжалъ изъ замка. Травили волковъ и медвѣдей, били кабановъ, цѣлые дни носились по трущобамъ и звуки роговъ оглашали лѣсныя чащи. Ни утомленіе, ни опасности охоты не возвращали Борегару утраченнаго душевнаго спокойствія.

Послѣ охоты иногда въ замкѣ устраивались шумные, веселые пиры. На столъ ставился боченокъ съ виномъ, и Карлъ Борегаръ съ великимъ наслажденіемъ исполнялъ роль предсѣдателя пира. Являлся пѣвецъ съ арфой,—воспѣвалъ битвы, подвиги рыцарей или такъ подробно и откровенно описывалъ прелести красавицъ, что собесѣдники отъ восторга гремѣли чашами по столу, и стекла въ окнахъ большой залы дрожали отъ гомерическаго хохота пирующихъ... Карлъ Борегаръ—старикъ съ красно-сизымъ носомъ, высокій и худощавый, очень любившій выпить, человѣкъ съ необыкновенно воинственной осанкой, но совершенно мирнаго нрава—былъ весьма радъ перемѣнѣ, происшедшей съ его племянникомъ.

— Богъ вина, богъ всесильный, развеселяй всѣхъ здѣсь сидящихъ! — съ азартомъ восклицалъ онъ, поднимая кубокъ,—и сѣрые глаза его подъ сѣдыми нависшими бровями такъ и искрились весельемъ.

Но и шумные пиры не давали забвенія графу Борегару. Пѣсни его не веселили и не

опьяняло самое крѣпкое вино... Смуглое женское лицо съ густымъ румянцомъ на щекахъ постоянно мерещилось ему: черные, лучистые глаза при свѣтѣ дня и во тьмѣ ночной смотрѣли на него изъ-подъ длинныхъ, темныхъ рѣсницъ. Эта женщина, эта Агнеса Тусенель, неотразимо влекла его къ себѣ; Борегару не забыть ея...

Вотъ какія думы и воспоминанія охватили графа Борегара въ тотъ вечеръ, когда онъ, сидя въ амбразурѣ окна, разсѣянно смотрѣлъ на пылающій западъ. «Нѣтъ силъ... Я измученъ!» говорилъ онъ себѣ. «Нужно кончить... и кончить скорѣе!»

Онъ подошелъ къ столу и на клочкѣ пергамента наскоро начерталъ нѣсколько короткихъ строкъ: «Рауль Тусенель! Довольно враждовать. Пора намъ помириться. Будемъ жить, какъ добрые сосѣди. Я первый протягиваю тебѣ руку. Если хочешь моей дружбы: скажи! И я не замедлю прибыть къ тебѣ.— Графъ Луи-Филиппъ де-Борегаръ-Маро». Онъ перевязалъ письмо краснымъ шнуркомъ и тщательно запечаталъ его воскомъ. Графъ тяжело вздохнулъ: трудно ему было написать это письмо...

Спрятавъ письмо въ карманъ, онъ спустился внизъ и пошелъ навѣстить сестру. Въ комнатѣ больной окна были завѣшены,—горѣли два свѣтильника и своимъ мерцающимъ сіяніемъ слабо озаряли темный альковъ, стѣны, покрытыя восточными коврами, и высокіе своды, почти пропадавшіе въ полусумракѣ. Въ комнатѣ пахло какими-то ароматическими травами. У ложа больной, слегка склонившись стоялъ высокій, осанистый старикъ съ длинной сѣдой бородой, въ черной шапочкѣ на вьющихся сѣдыхъ волосахъ и въ темномъ, широкомъ плащѣ. Въ этомъ старикѣ еврейскій типъ сказывался ясно. Его худощавое, морщинистое лицо съ тонкимъ, горбатымъ носомъ, съ большими, темными, выразительными глазами было запечатлѣно тою высшею духовною красотой, которая скрашиваетъ иногда старческія лица. Умное лицо и кроткіе, задумчивые глаза располагали къ нему людей... Авраамъ Энгуди былъ человѣкъ весьма образованный для той эпохи и хорошій врачъ. Вслѣдствіе гоненій, онъ вынужденъ былъ покинуть родную Испанію и уже десятый годъ жилъ въ Борегарскомъ замкѣ въ качествѣ врача и мудраго совѣтника, посвящая все досужее время своимъ научнымъ занятіямъ.

Когда графъ вошелъ въ комнату, старикъ одной рукой держалъ больную за руку, а другою—трогалъ ея блѣдный лобъ. Графинѣ Маріи было лѣтъ 40, но ея лицо, измозженное страданіями, еще сохраняло на себѣ слѣды прежней красоты. Теперь больная лежала какъ бы въ забытьѣ.

— Сегодня графинѣ хуже! — вполголоса проговорилъ врачъ, обращаясь къ Борегару.

— Ахъ, ты, моя бѣдная!..—сказалъ графъ, съ грустью посмотрѣвъ на больную, и, перемолвившись нѣсколькими словами съ Энгуди, прошелъ въ большую оружейную залу, гдѣ надѣялся найти дядю.

И онъ не ошибся... Кувшинъ съ виномъ и кубокъ стояли на столѣ, и старикъ, по обыкновенію, уже навеселѣ расхаживалъ по залѣ большими шагами, напѣвая себя подъ носъ какую-то пѣсенку о винѣ и о красоткахъ. «Красотки» для него ужъ ровно ничего не говорили, но онъ упоминалъ о нихъ лишь потому, что онѣ приходились къ слову. Въ такомъ пріятномъ настроеніи духа Карлъ Борегаръ бывалъ почти постоянно къ вечеру...

Свѣтильники, горѣвшіе на столѣ, смутно озаряли большую залу. На стѣнахъ блестѣло оружіе и тамъ и сямъ были видны кабаньи головы, оленьи рога и великолѣпныя медвѣжьи шкуры. Дальніе углы и высокій сводчатый потолокъ залы утопали въ полумракѣ.

— Завтра утромъ поѣзжай къ Тусенелю!— сказалъ графъ Луи, подавая дядѣ свое посланіе.—Отвези ему вотъ это письмо и проси отвѣтъ...

— Къ Тусенелю?—переспросилъ старикъ, какъ вкопанный, остановившись середи залы, и дико блуждающимъ взглядомъ посмотрѣлъ на племянника.

— Да! Хочу мириться... Что жъ ты такъ смотришь на меня?—спросилъ его графъ.

— Мириться!.. Для чего жъ тебѣ съ нимъ мириться?—еще въ бо́льшемъ недоумѣніи пролепеталъ старикъ, вертя въ рукахъ письмо. Пожалуй, завтра съѣзжу въ его нору...

Старикъ, пошатываясь, подошелъ къ столу.

— Впрочемъ, что жъ...—промолвилъ онъ, наполняя кубокъ. — Лучше мирно распивать вино, чѣмъ проливать кровь людскую. Это— вѣрно, Луи! Я всегда это говорю...

И дядя Карлъ мигомъ осушилъ кубокъ.

III.

Тусенельскимъ замкомъ назывался большой домъ изъ сѣраго камня, тяжелой архи-

тектуры, неуклюжій и мрачный, потемнѣвшій отъ времени, съ единственной сторожевой башней надъ главнымъ входомъ. Неглубокій ровъ и ограда окружали примыкавшія къ нему строенья и довольно обширный дворъ. Съ востока группы старыхъ, развѣсистыхъ деревьевъ тѣснились къ дому; съ полуденной стороны передъ окнами разстилался цвѣтникъ, а вдоль ограды росли кусты и посреди нихъ поднималась высокая, столѣтняя липа, разметавшая далеко за ограду свои густолиственныя вѣтви. Стволъ этой липы-великана вверху былъ нѣкогда расщепанъ молніей... Въ полумилѣ отъ замка, подъ лѣсомъ, ютилась деревня. Въ этомъ-то темномъ и мрачномъ замкѣ Рауль Тусенель держалъ взаперти, какъ плѣнницу въ неволѣ, свою молодую жену. Тусенель былъ еще довольно бодрый старикъ, средняго роста, коренастый, тучный, съ рѣдкими прядями сѣдыхъ волосъ на головѣ и съ большою, серебристою бородой. Его красное, загорѣлое, морщинистое лицо съ синевато-багровыми жилками на носу, съ темными, рачьими глазами на выкатѣ и съ толстыми, мясистыми губами не могло никого плѣнять — ни женщинъ, ни мужчинъ, ни старцевъ, ни дѣтей. Онъ былъ скупъ, алченъ, хитеръ и трусливъ, но, когда нужно, умѣлъ принимать очень внушительную, величественную осанку. Лисица наряжалась въ волчью шкуру и по волчьи стучала зубами...

Карлъ Борегаръ слылъ въ околоткѣ за отчаяннаго буяна и кутилу; не многимъ былъ извѣстенъ его миролюбивый нравъ, но за то всѣ очень хорошо знали его высокую воинственную фигуру и его громовую рѣчь, пересыпанную ругательствами и угрозами... Рауль Тусенель сильно смутился, узнавъ объ его пріѣздѣ, и сначала не зналъ: какъ ему быть, — пускать-ли къ себѣ въ домъ этого «безбожника». Не пустить его — оскорбить Борегаровъ — было опасно... Въ то же время и любопытство разбирало старика: зачѣмъ бы могъ къ нему пожаловать этотъ грозный выходецъ изъ враждебнаго и ненавистнаго ему «разбойничьяго гнѣзда Борегаровъ»? Принявъ во вниманіе, что этотъ «проклятый безбожникъ» пріѣхалъ въ сопровожденіи лишь трехъ тѣлохранителей, Рауль рѣшился допустить его къ себѣ, предварительно помѣстивъ въ засаду рядомъ съ залой отрядъ вооруженныхъ людей, которые, въ случаѣ нужды, должны были по первому же знаку ворваться въ залу на помощь своему господину и рѣзать, рубить и колоть его врага.

Съ сильно бьющимся сердцемъ, съ дрожью въ колѣняхъ, но съ гордо поднятой головой встрѣтилъ старикъ незваннаго гостя. Увидѣвъ передъ собой высокаго, худощаваго и прямого, какъ палка, Карла Борегара, съ тяжелымъ мечомъ на черной кожаной перевязи,—увидѣвъ, съ какимъ воинственнымъ видомъ дядя Карлъ, покручивая свои длинные усы, опустилъ руку въ карманъ, хозяинъ дрогнулъ и невольно попятился отъ него. Борегаръ досталъ письмо и съ чувствомъ своего посланническаго достоинства подалъ его Раулю. Старикъ былъ такъ ошеломленъ, что ему пришлось дважды перечитывать письмо для того, чтобы понять: о чемъ шла рѣчь. Уразумѣвъ же смыслъ письма, онъ, разумѣется, громко выразилъ величайшее удовольствіе и полную готовность примириться со своимъ могущественнымъ сосѣдомъ, но въ то же время подумалъ про себя: «Timeo Danaos et dona ferentes»! Оба они — дядя Карлъ и старый Тусенель—не догадывались о причинахъ, побудившихъ графа Луи идти на мировую съ его старымъ, заклятымъ врагомъ. Дядя Карлъ, по своей безпечности, не мучилъ себя догадками, а Тусенель, какъ человѣкъ подозрительный, одержимый крайней мнительностью, усиленно, но совершенно напрасно ломалъ себѣ голову надъ вопросомъ: что заставило графа Борегара сдѣлать такой шагъ?

На столѣ, разумѣется, появилось вино, и послѣ нѣсколькихъ кубковъ дядя Карлъ, стуча мечомъ, уже началъ распѣвать о красоткахъ и о богѣ золотыхъ гроздьевъ винограда, сталъ хлопать Тусенеля по плечу и едва не задушилъ его въ своихъ желѣзныхъ объятіяхъ, а на обратномъ пути домой, пошатываясь въ сѣдлѣ, довольный и веселый, бормоталъ себѣ подъ носъ: «Истинно сказано: Блаженны миротворцы»!..

Дня черезъ два послѣ того графъ Луи Борегаръ, въ сопровожденіи дяди Карла и небольшого отряда легко вооруженныхъ воиновъ, ѣхалъ на своемъ любимомъ сѣромъ конѣ по дорогѣ въ Тусенельскій замокъ. Онъ назвалъ бы сумасшедшимъ того, кто за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ сталъ бы увѣрять, что онъ, графъ Борегаръ, поѣдетъ по этой дорогѣ, что онъ, смиривъ свою гордыню, отправится на поклонъ къ этому отвратительному скрягѣ и ханжѣ, Раулю Тусене-

лю. За нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ графъ считалъ-бы немыслимымъ подобный поступокъ, — но въ мірѣ иногда кажущееся невозможнымъ бываетъ весьма возможно.

Графъ былъ очень изященъ въ своемъ фіолетовомъ полукафтанѣ, въ короткомъ, черномъ бархатномъ плащѣ, перехваченномъ на правомъ плечѣ пряжкой изъ драгоцѣнныхъ камней, въ темной шляпѣ съ чернымъ блестящимъ перомъ, изъ-подъ полей которой выбивались вьющіяся пряди его бѣлокурыхъ волосъ. Въ разрѣзахъ на груди и на рукавахъ бѣлѣла атласная подкладка. Большой, бѣлый плоенный воротникъ съ зубчиками охватывалъ шею. Узкіе, темные штаны плотно обтягивали его сильныя, мускулистыя ноги. Поясъ былъ украшенъ золотомъ и золотыя же шпоры блестѣли на его невысокихъ сапогахъ, зашнурованныхъ спереди по модѣ тэго времени. Длинные, закрученные усы, заостренная борода, его манера держать правую руку на рукоятьѣ меча придавали ему необыкновенно рѣшительный, воинственный видъ—видъ побѣдителя, вступающаго въ завоеванный городъ.

Графъ Борегаръ, конечно, былъ принятъ съ великимъ почетомъ. Рауль Тусенель встрѣтилъ его на лѣстницѣ и провелъ въ залу. Послѣ обмѣна общепринятыхъ привѣтствій, Борегаръ, не говоря ни слова, подалъ Раулю дарственную грамоту, гдѣ въ самыхъ точныхъ выраженіяхъ, требовавшихся формалистикой той эпохи, было сказано, что графъ Луи-Филиппъ Борегаръ изъ Борегаръ-Маро уступаетъ спорный участокъ береговой земли (урочище такое-то) достопочтенному мессиру Раулю Тусенелю тусенельскому и потомству его въ вѣчное владѣніе.

Старикъ былъ окончательно пораженъ. Со слезами на глазахъ, съ заискивающей раболѣпной улыбкой, онъ въ порывѣ признательности схватилъ графа за руку своими потными руками, трясъ ее и пожималъ и, засматривая ему въ лицо, клялся ему въ вѣчной дружбѣ и преданности. Графъ Борегаръ чувствовалъ себя неловко, какъ воръ, забравшійся въ домъ, подъ личиной друга. Но эта неловкость длилась лишь мгновенье.

Дверь въ залу изъ внутреннихъ покоевъ отворилась и появилась Агнеса Тусенель во всемъ неотразимомъ блескѣ своей красоты. Старикъ съ поклономъ представилъ гостя своей женѣ.

На Агнесѣ было бархатное платье, со шлейфомъ, цвѣта красной мѣди, протканное золотыми нитями, и съ широкими разрѣзными рукавами, обшитыми налевымъ кружевомъ; такимъ же кружевомъ былъ обшитъ и воротъ платья. Узкій лифъ явственно обрисовывалъ ея роскошно развитую грудь. На шеѣ ея сверкало ожерелье изъ драгоцѣнныхъ рубиновъ; на темныхъ, смоляныхъ волосахъ блестѣлъ тонкій золотой обручъ. На груди былъ приколотъ небольшой букетъ свѣжихъ цвѣтовъ. Цвѣты, казалось, оживали, дышали на ея высоко поднимавшейся груди. И въ этой большой, неуютной и печальной залѣ съ дубовыми панелями, потемнѣвшими отъ времени, и съ мрачными сводами — Агнеса Тусенель, сіяющая молодостью и здоровьемъ, озаренная золотистымъ солнечнымъ лучомъ, падавшимъ на нее изъ окна, сама казалась въ тѣ минуты великолѣпнымъ, ярко окрашеннымъ цвѣткомъ, распустившимся какимъ-то чудомъ въ каменной трещинѣ, подъ темными сводами могильнаго склепа.

Представивъ женѣ своего дорогого гостя, Рауль Тусенель тотчасъ же оставилъ его. Не смотря на свою скупость, старикъ захотѣлъ блеснуть передъ гостями—задумалъ устроить пиръ и, къ величайшему удовольствію дяди Карла, велѣлъ выкатить изъ погреба боченокъ самаго лучшаго, стараго вина.

— Въ день перваго мая я встрѣтилъ васъ въ лѣсу!—сказалъ прелестной хозяйкѣ графъ Борегаръ, не сводя съ нея глазъ.—Куда вы отправлялись тогда?

— Я ѣхала въ монастырь!—былъ отвѣтъ.

— Я помню эту встрѣчу,—продолжалъ графъ и, вполголоса, многозначительно добавилъ:—И мнѣ не позабыть ея никогда!..

— Да, я тоже помню! — какъ бы не дослышавъ его послѣднихъ словъ, замѣтила Агнеса и обдала его однимъ изъ тѣхъ горячихъ взглядовъ, какіе въ состояніи поработить самаго сильнаго мужчину.

Никогда еще Агнеса Тусенель не бывала въ обществѣ такого красиваго мужчины, какъ графъ Борегаръ, и теперь съ тайнымъ наслажденіемъ чувствовала, что этотъ мужчина любуется на нее. Агнеса умѣла, когда нужно, казаться робкой и стыдливой, но никогда не была застѣнчивой,—и за обѣдомъ не разъ украдкой обмѣнивалась взглядами съ Борегаромъ. Сравнивая графа Борегара и Тусенеля, сидѣвшихъ рядомъ, она испытывала какое-то странное—горькое и въ то же время отрадное ощущеніе. Одинъ — старъ,

немощенъ и гадокъ; другой—молодъ, красивъ и силенъ... Подъ конецъ обѣда она стала смѣлѣе переглядываться съ гостемъ,—и въ обмѣнѣ этихъ взглядовъ для нихъ была музыка безъ звуковъ, рѣчи безъ словъ, но рѣчи, понятныя для обоихъ. Борегаръ пользовался каждымъ удобнымъ случаемъ посмотрѣть украдкой на хозяйку.

Агнеса Тусенель была обворожительно красива. Подъ этой красивой оболочкой сказывалась сильная натура, пылкая, страстная... Но представленіе объ ея красотѣ не связывалось съ воспоминаніемъ о солнечномъ блескѣ, о цвѣтахъ, о кроткомъ сіяніи утренней зари. Вакхическая красота этой женщины напоминала о зловѣщемъ заревѣ пожара, о ночныхъ оргіяхъ, о прелестныхъ, но мрачныхъ видѣніяхъ, соблазняющихъ человѣка въ минуты страстныхъ грезъ. Было что-то трагическое въ темной, загадочной глубинѣ ея глазъ...

Послѣ обѣда, въ сумерки, когда Карлъ Борегаръ и старый Тусенель, сильно навеселѣ продолжали сидѣть за столомъ передъ бочонкомъ вина, Борегару удалось еще разъ перемолвиться съ Агнесой. Она сидѣла у окна, онъ стоялъ передъ ней.

— Не знаю: нужно-ли мнѣ говорить... нужны-ли слова!—началъ онъ вполголоса.

— Вы не должны говорить, а я не должна васъ слушать! — перебила его Агнеса. — Я замужняя женщина, графъ!

И дразнящій, разжигающій взглядъ блеснулъ изъ-подъ ея полуопущенныхъ рѣсницъ.

— Будь вы десять разъ замужемъ, вы все же не помѣшаете мнѣ чувствовать то, что я чувствую теперь?—съ жаромъ проговорилъ графъ Борегаръ.—Вы не можете помѣшать солнцу свѣтить... Вы не можете мнѣ запретить любить...

— Я не слушаю васъ, графъ!—перебила его Агнеса такимъ тономъ и съ такимъ взглядомъ, какъ будто хотѣла промолвить: «Говори же, говори!.. Я слушаю тебя!»

— Ничто не заставитъ меня молчать!—продолжалъ Борегаръ, поблѣднѣвъ отъ волненія.—И я скажу, что...

Въ ту минуту, пошатываясь, подошелъ къ нему дядя Карлъ и положилъ ему руку на плечо. Была пора ѣхать домой: становилось уже темно, и мѣсяцъ взошелъ надъ арденскими лѣсами. На прощанье графъ взялъ слово съ Тусенеля, что тотъ не дольше, какъ черезъ недѣлю — съ женой посѣтитъ Борегарскій замокъ.

Когда, простившись съ хозяевами, графъ шелъ къ лошади, изъ оконъ къ его ногамъ упалъ букетъ цвѣтовъ. Борегаръ быстро поднялъ его и спряталъ... Это были тѣ самые цвѣты, что, дрожа и колеблясь, какъ живые, покоились на «ея» груди. Этотъ букетъ цвѣтовъ служилъ отвѣтомъ на его недосказанныя рѣчи и на его дерзкіе, настойчивые взгляды... Онъ принесъ этотъ букетъ въ западную башню и бережно заткнулъ его между тяжелой рукоятью меча и стѣной. Борегаръ былъ счастливъ, успѣхъ превзошелъ его ожиданія. Онъ чувствовалъ, что этотъ маленькій букетъ и разговоръ вполголоса съ глазу на глазъ разомъ сблизили его съ Агнесой Тусенель. Тайна невольно сближаетъ людей...

IV.

Агнеса воспитывалась въ монастырѣ.

Она была дѣвушка здоровая, развилась очень рано и рано проснувшаяся чувственность распалила ея воображеніе. Когда ей минулъ 21 годъ, мачиха—сама еще женщина молодившаяся — поспѣшила избавиться отъ нея и выдала ее замужъ за богатаго Тусенеля. Агнеса плакала, но пошла за старика, чтобы избавиться отъ преслѣдованій сварливой мачихи. Тусенель, разумѣется, не могъ осчастливить ее своею любовью, не могъ дать ей того, чего жаждала ея кипучая, страстная натура. Этотъ жадный, скупой старикъ, только раздражавшій ее своими ласками, опротивѣлъ ей съ перваго же дня замужества.

Грустно проходила ея жизнь. Она тосковала въ одиночествѣ и еще болѣе страдала въ обществѣ ненавистнаго ей мужа. Она не любила женскихъ рукодѣлій, рѣдко занималась ими; съ бо́льшей охотой она перечитывала старые романы, но эти ядовитыя книги, уносившія ее въ міръ вымысловъ, только отравляли для нея невеселую дѣйствительность. Послѣ книгъ самымъ пріятнымъ для нея препровожденіемъ времени было—переодѣвать платья и любоваться на себя въ зеркало. Она привезла съ собой изъ дома доставшееся ей послѣ матери большое серебряное зеркало, поддерживаемое серебряною сиреной и цѣлымъ роемъ амуровъ. Запершись въ своей комнатѣ, она иногда цѣлые часы проводила передъ этимъ зеркаломъ, молчали-

вымъ повѣреннымъ ея тайнъ и печалей и подолгу, задумавшись, смотрѣлась въ него.

Агнеса привезла съ собой изъ дому и еще забаву—пажа...

Эдиго былъ юноша лѣтъ 16-ти, сирота, приходившійся Агнесѣ дальнимъ родственникомъ и выросшій въ домѣ ея отца. За бѣлокурые, блестящіе волосы его звали «Златокудрымъ». Эдиго былъ юноша нѣжный и граціозный, съ бѣлымъ, цвѣтущимъ лицомъ и съ прекрасными голубыми глазами, стройный и изящный, красивый, какъ картинка, прелестный, какъ поэтическое видѣніе... Эдиго обожалъ Агнесу, любилъ ее, какъ только можетъ любить человѣкъ на разсвѣтѣ жизни, любилъ мечтательно и втайнѣ, самъ стыдясь своей любви. Онъ готовъ былъ цѣловать слѣдъ ея ноги, былъ готовъ цѣловать брошенную ею перчатку и съ восторгомъ и съ умиленіемъ плакать надъ нею. Агнеса для него была идеаломъ красоты; кромѣ Агнесы для него не существовало женщинъ на свѣтѣ...

Онъ росъ на глазахъ Агнесы, и Агнеса не замѣтила, какъ онъ сталъ юношей. Эдиго и теперь былъ для нея хорошенькимъ мальчикомъ,—его вздохи, его робкіе, застѣнчивые взгляды и ухаживанье не затрогивали въ ней нѣжныхъ струнъ, только забавляли, развлекали ее посреди ея праздной, скучной жизни,—и Агнеса отъ бездѣлья—за неимѣніемъ ничего лучшаго – играла съ нимъ, какъ кошка съ мышью... Эдиго ни за что на свѣтѣ не рѣшился бы признаться ей въ любви и просить у нея отвѣта на свою любовь, но въ то же время ему страстно хотѣлось какъ-нибудь украдкой, косвеннымъ путемъ, дать ей понять, что онъ любитъ ее. Эдиго и не воображалъ, что онъ уже давно, помимо воли, выдалъ Агнесѣ свою тайну...

Эдиго упросилъ одного странствующаго пѣвца сложить ему пѣсенку, и Агнеса въ лѣтніе вечера не рѣдко слыхала, какъ Эдиго, пробравшись за кусты, росшіе подъ ея окномъ, подъ акомпаниментъ маленькой арфы, своимъ нѣжнымъ, юношескимъ голосомъ напѣвалъ:

«Эдиго Златокудрый,
Любимецъ свѣтлыхъ эльфовъ,
Въ часъ полночи глубокой
Мечтаетъ при лунѣ.
Въ мечтахъ себя онъ видитъ
Могучимъ королемъ,
И во дворцѣ чудесномъ
Живетъ онъ съ *ней* вдвоемъ.
Ужъ то-ли не прелестный
Эдиго видитъ сонъ!..

Проснулся вдругъ... и что же?
Одинъ въ каморкѣ онъ.
* * *
Такъ грезитъ при лунѣ,
Въ часъ полночи глубокой,
Любимецъ свѣтлыхъ эльфовъ,
Эдиго Златокудрый...»

Агнеса слушала и улыбалась.

— Доброй ночи, пѣвецъ! Спать пора!—съ сардоническимъ смѣхомъ иногда говорила она, захлопывая окно.

Однажды весной,—незадолго до описываемыхъ происшествій, — между Агнесой и ея вѣрнымъ пажомъ произошла совершенно неожиданно очень бурная сцена.

— Я знаю одну новую пѣсню!—сказалъ пажъ, входя къ ней въ комнату съ цвѣтами въ рукѣ.—Хочешь: я спою тебѣ ее? Самъ сложилъ я эту пѣсню...

— Спой, Эдиго!—отвѣтила Агнеса и, помахивая своимъ голубымъ опахаломъ, вскользь, разсѣянно взглянула на пажа.—Пой, мой милый! Я стану слушать и дремать подъ пѣсенку твою...

Агнеса въ ту пору сидѣла въ креслѣ у окна.

— Сначала возьми вотъ эти цвѣты... Я нарвалъ ихъ сегодня утромъ въ лѣсу!—сказалъ ей Эдиго.

Агнеса совершенно равнодушно взяла букетъ, на мгновенье поднесла его къ лицу и стала вертѣть въ рукѣ. Эдиго взялъ изъ угла арфу и мелодичнымъ, тихимъ тономъ запѣлъ:

«Лѣтнимъ утромъ нарвалъ я прекрасныхъ цвѣтовъ,—
И отнесъ я тебѣ мой букетъ...
И въ глазахъ твоихъ милыхъ прочелъ я, безъ словъ,
И любовь и сердечный привѣтъ.
* * *
И забилося радостно сердце во мнѣ,
Я обнять божій міръ былъ готовъ:
Ты касалась рукою своею цвѣтовъ,
Что срывалъ *я* въ лѣсной глубинѣ!»

Пѣвецъ замолкъ и полувопросительно, восторженно смотрѣлъ на свою повелительницу.

— Хороша-ли моя пѣсня! Понравилась-ли она тебѣ?—робко промолвилъ онъ.

— Глупая, вздорная пѣсня! Для такихъ пѣсенъ ты слишкомъ молодъ, Эдиго!—съ улыбкой, лѣниво отвѣтила Агнеса, прикрываясь опахаломъ и посматривая изъ-за него на юношу.

Эдиго оставилъ арфу, близко подошелъ къ своей госпожѣ и, блѣднѣя, замирая отъ волненія, съ сильно бьющимся сердцемъ, съ минуту стоялъ неподвижно, крѣпко стиснувъ ру-

ки и смотря на два темные горящіе глаза, сверкавшіе изъ-за голубыхъ перьевъ опахала.

— Я люблю тебя!—прошепталъ Эдиго и, бросившись на колѣни, припалъ къ ея ногамъ. —О, какъ я тебя люблю, моя королева, моя богиня, моя дивная...

— Безумецъ! Тебя слѣдовало бы наказать за такую дерзость... Негодный, злой мальчишка!—вполголоса проговорила Агнеса, отталкивая юношу и роняя на полъ букетъ.

А онъ обнималъ ея колѣни, съ горячей мольбой смотрѣлъ на нее и шепталъ:

— Люблю тебя, люблю!

Голубые глаза его сіяли и щеки горѣли румянцемъ. Ея руки отталкивали Эдиго, а ея ласкающій взглядъ манилъ, притягивалъ его.

— Ты слышалъ, что я сказала!.. Оставь меня!—наконецъ, сурово промолвила Агнеса, хмуря свои темныя брови.

Эдиго отшатнулся.

— Садись вотъ здѣсь и будь уменъ!—сказала Агнеса.

Онъ сѣлъ на скамейку у ея ногъ и, склонивъ голову, закрылъ лицо руками.

— Взгляни на меня! Убери руки! сказала ему Агнеса.

Пажъ не слушался и еще ниже клонилъ голову. Агнеса старалась отвести его руки отъ лица, но онъ упорно отстранялся отъ нея.

— Эдиго! Слышишь? Я приказываю тебѣ... Посмотри сейчасъ же на меня!—повелительнымъ тономъ промолвила она, ласково перебирая его шелковистыя, золотистыя кудри, упавшія ему на лобъ.

Эдиго, отнявъ руки и стряхнувъ волосы съ лица, посмотрѣлъ на свою госпожу. Въ глазахъ его были слезы, и на его алыхъ, полураскрытыхъ, почти дѣтскихъ губахъ блуждала какая-то жалостливая улыбка, словно умолявшая о пощадѣ его злую мучительницу.

— Ты плачешь! Ахъ, мой милый, бѣдный мальчикъ!—съ веселымъ смѣхомъ проговорила она.—Ты совсѣмъ еще не похожъ на мужчину... Ты—какъ дѣвушка...

— Нѣтъ! Я—мужчина... и ужъ скоро буду рыцаремъ!—вскричалъ Эдиго, вскочивъ со скамейки и выпрямившись во весь ростъ.—У меня уже ростутъ усы...(И онъ старался ущипнуть пушокъ, едва блестѣвшій надъ его верхнею губой). Вотъ посмотри на меня, когда я буду въ полномъ вооруженіи, съ мечомъ у пояса, съ копьемъ въ рукѣ, на ретивомъ конѣ... тогда ты не скажешь, что я не похожъ на мужчину!

И Эдиго былъ прелестенъ въ своемъ горячемъ, юношескомъ увлеченіи. Агнеса съ улыбкой любовалась на него, не замѣчая, что она топчетъ подъ ногами его букетъ—также точно, какъ она изъ злого кокетства безжалостно топтала его юношеское чувство...

Такъ до сего времени забавлялась Агнеса Тусенель. Теперь-же, послѣ встрѣчи съ графомъ Борегаромъ, Эдиго утратилъ для нея даже прелесть «игрушки»... А между тѣмъ ея ласки и заигрыванья взволновали несбыточными мечтами душевный покой бѣднаго Эдиго.

V.

Черезъ недѣлю, когда въ сопровожденіи сѣдого старика смуглая, молодая женщина съ черными, огневыми глазами вступила въ залу, шелестя тяжелымъ шлейфомъ своего мѣдно-краснаго бархатнаго платья, графу Борегару показалось, что свѣтомъ и блескомъ наполнился его старый, мрачный замокъ и весь міръ повеселѣлъ. Онъ провелъ Агнесу къ своей больной сестрѣ и познакомилъ ихъ. Молодая женщина не понравилась графинѣ Маріѣ.

Въ тотъ день въ замкѣ Берегаръ-Маро пиръ былъ на славу. Всѣ были веселы, каждый по своему: Тусенелю было очень выгодно и лестно стать на дружескую ногу съ могущественнымъ сосѣдомъ; Карлъ Борегаръ былъ, какъ всегда, радъ лишнему кубку добраго стараго вина; графъ за столомъ сидѣлъ рядомъ съ Агнесой и могъ вволю любоваться на нее. Борегаръ много говорилъ съ нею о монастырѣ, гдѣ она воспитывалась, о книгахъ, читанныхъ ею, съ удовольствіемъ слушалъ ея наивно-откровенные разсказы объ ея дѣтскихъ шалостяхъ, —но ни однимъ словомъ не удалось ему перемолвиться съ ней наединѣ. Онъ только успѣлъ при прощаніи въ двухъ словахъ поблагодарить ее за букетъ и украдкой крѣпко пожать ей руку.

По отъѣздѣ гостей, Борегаръ долго ходилъ по пустой залѣ и мечталъ о томъ: какъ бы онъ былъ счастливъ, если бы могъ ввести Агнесу хозяйкой въ свой замокъ.

Не по днямъ, по мгновеньямъ разгоралась его страсть. Онъ мечталъ объ Агнесѣ днемъ и ночью, и эти мечты были мучительны и отрадны. Онъ желалъ бы постоянно оставаться съ нею, а между тѣмъ теперь ему приходилось выжидать недѣлю—другую, то-есть, столько времени, сколько требовали приличія. Его тянуло въ тусенельскій замокъ, и этотъ домъ,

непріютный и мрачный, казался ему теперь великолѣпнѣйшимъ дворцомъ въ мірѣ... Случайно узнавъ, что мессиръ Тусенель заболѣлъ, графъ Борегаръ тотчасъ же воспользовался удобнымъ случаемъ для посѣщенія своего новаго друга и отправился въ Тусенельскій замокъ.

Больной спалъ. Гостя встрѣтила сама хозяйка. Агнеса предложила ему пойти въ садъ,—графъ былъ въ восторгѣ. Въ передней Агнеса взяла цѣлыя пригоршни зерна — и лишь только появилась въ саду, со всѣхъ сторонъ слетѣлись къ ней голуби, воробьи и какія-то маленькія, очень красивыя сѣрыя птички. Эти сѣрыя птички садились ей на плечи, на грудь, на руки и изъ рукъ ея клевали зерна. Стоя посреди цѣлой стаи щебетавшихъ и чирикавшихъ птицъ и разбрасывая имъ золотистыя зерна, улыбавшаяся, веселая, цвѣтущая, она казалась какою-то фантастическою владычицей птичьяго царства.

— Вотъ какія онѣ смѣлыя!—со смѣхомъ говорила она, отмахиваясь отъ налетавшихъ на нее птичекъ и оборачиваясь къ графу Борегару. — Онѣ ужъ знаютъ меня и любятъ...

— Развѣ же можно знать васъ и не любить! — замѣтилъ ей Борегаръ, любуясь на живую картину.

— Довольно! Полетайте!—сказала Агнеса, махнувъ рукой и какъ бы не дослышавъ словъ своего спутника.

Птицы разлетѣлись, а Агнеса прошла по дорожкѣ подъ тѣнь столѣтней липы. Тамъ она опустилась на разостланный коверъ и указала графу мѣсто рядомъ съ собой. Это уютное, поэтическое мѣстечко подъ липой, окруженное густымъ кустарникомъ, было любимымъ уголкомъ Агнесы Тусенель. Вѣтеръ не залеталъ сюда, и молодой женщинѣ, скрытой отъ людскихъ надоѣдливыхъ взоровъ здѣсь, въ тѣни цвѣтущей липы, было отрадно лежать въ лѣнивой истомѣ въ полуденный зной и, позабывъ о супружеской неволѣ, предаваться своимъ сладостнымъ грезамъ. Изъ-за кустарниковъ тамъ и сямъ былъ видѣнъ небольшой цвѣтникъ Агнесы. Тамъ росли фіалки, жасмины, бѣлыя лиліи и знаменитыя, пышныя римскія розы, прославленныя поэтами. Посреди цвѣтника стояла статуя Венеры, привезенная Агнесой изъ родного дома, и теперь, при яркомъ солнечномъ освѣщеніи, эта бѣломраморная богиня любви и красоты ослѣпительно блестѣла своими нагими формами посреди сочной зелени и великолѣпныхъ алыхъ розъ.

Сегодня Агнеса была въ легкомъ, блѣдно-палевомъ платьѣ съ открытымъ воротомъ и съ широкими, разрѣзными рукавами, обшитыми черными пуговками по разрѣзу. При движеніи были видны почти до плечъ ея прелестныя, смуглыя руки, подернутыя словно золотистымъ налетомъ. Ткань платья была до того тонка и прозрачна, что сквозь нея просвѣчивали плечи и грудь. На черныхъ волосахъ ея была повязана пунцовая лента. Изъ-подъ платья порой выставлялись маленькія бѣлыя туфли съ заостренными носками. Католическое духовенство и моралисты того времени сильно нападали на дамъ за ихъ кокетство и говорили, что эти проклятыя туфли съ острыми носками «придуманы какъ бы на поруганіе церкви и Богу». Агнеса была добрая католичка, но тѣмъ не менѣе—въ угоду патерамъ—не могла отказаться отъ острыхъ носковъ...

День былъ тихій, удушливо жаркій. Ночью прошелъ сильный дождь, и теперь влажный, горячій воздухъ, пропитанный одуряющимъ запахомъ цвѣтовъ и травъ, напоминалъ собой сырой, нагрѣтый воздухъ теплицы. И этотъ горячій воздухъ, тишина, уединеніе и цвѣточные ароматы дѣйствовали одуряюще на сидѣвшихъ подъ липою мужчину и женщину. Оба они были молоды—и любили... Оба они были возбуждены и чувствовали, что по жиламъ ихъ пробѣгалъ огонь; томленіе и нѣга, разлитыя въ природѣ, овладѣвали и ими. Мужчина беззавѣтно отдавался своему чувству, а женщина даже и въ эти минуты, увлекаемая страстью, не теряла самообладанія...

Борегаръ схватилъ ее за обнаженную руку выше локтя и прошепталъ:

— Чѣмъ ты приворожила меня къ себѣ? Съ перваго же свиданія ты опутала меня словно невидимыми цѣпями и влечешь меня къ себѣ неотразимо, неотступно. Ты отняла у меня волю, ты лишила меня силъ! Какая таинственная, притягательная сила скрыта во взглядѣ твоихъ черныхъ очей? Ты — Далила... скажи же: какими чарами околдовала ты меня?

— Не чарами... нѣтъ! Я околдовала тебя тѣмъ, что сама полюбила... — взволнованнымъ, прерывающимся голосомъ тихо, едва слышно, промолвила Агнеса.—Ты *это* хотѣлъ слышать отъ меня? Ты услышалъ... и доволенъ теперь?

Горячимъ румянцемъ зажглись ея смуглыя

щеки, и взглядъ ея глазъ, полуприкрытыхъ рѣсницами, — взглядъ, полный затаенныхъ, жгучихъ желаній, казалось, пронизывалъ ея собесѣдника, обдавая его пыломъ страсти. Агнеса сидѣла, прислонившись спиной къ стволу липы, и тяжело дышала. Ея пунцовыя, пухлыя губы полураскрылись и грудь высоко поднималась подъ тонкой тканью ея одежды.

— Ты любишь! Ты...—прошепталъ Борегаръ.

Онъ обнялъ ее и впился въ ея губы, въ ея пылающія щеки и, цѣлуя, въ какомъ-то самозабвеньи заглядывалъ въ ея темные, загадочные глаза, какъ въ таинственную глубину ночныхъ небесъ, искрящихся огнями. Онъ чувствовалъ, что голова его кружилась,— какъ во снѣ, онъ слышалъ надъ собой въ вѣтвяхъ цвѣтущей липы чириканье птичекъ и вдыхалъ одуряющій запахъ лилій, жасминовъ и розъ; словно, во снѣ мерещилась ему посреди зелени и цвѣтовъ ослѣпительно блестѣвшая на солнцѣ бѣлая статуя богини, дальше—сѣрыя стѣны замка съ окнами узкими и темными, какъ щели, а еще выше — надъ головой его—синее, безоблачное небо.

— Ты моя... моя!—шепталъ Борегаръ въ полузабытьѣ.

— Нѣтъ, я—не твоя!—говорила Агнеса.— Я—жена Рауля Тусенеля.

Борегаръ вздрогнулъ: словно, ледяной струей обдало его съ головы до ногъ.

— Да... но ты любишь!—съ мольбой, невнятно говорилъ онъ. Что-жъ мѣшаетъ намъ быть счастливыми? Земной рай открытъ для насъ...

— Нѣтъ! Этотъ рай для насъ недоступенъ... Между тобой и мной стоитъ мой мужъ... Я буду счастливѣйшей женщиной въ мірѣ, когда ты назовешь меня своей женой. Если жъ это не сбудется, я печально кончу свои дни... но наложницей твоей, графъ, я никогда не буду! Никогда!—рѣшительно повторила Агнеса, освобождаясь изъ его объятій.

— Наложницей!—съ горечью воскликнулъ онъ.—Какія гнусныя, обидныя слова пріискиваешь ты, чтобъ уязвить меня... Если бы ты сегодня сдѣлалась свободной, то завтра же ты стала бы моей женой. А теперь... Нѣтъ! Не наложницей, моей повелительницей будешь ты!

— Все это льстивыя слова, графъ!—возразила Агнеса—Такими словами мужчины, обыкновенно, прикрываютъ обманъ.

— Клянусь тебѣ!

— Не клянись напрасно! Тсс!

Послышался шумъ шаговъ. Борегаръ замолчалъ и съ неудовольствіемъ посмотрѣлъ на дорожку. Златокудрый Эдиго показался изъ-за кустовъ.

— Господинъ мой проснулся и желаетъ видѣть графа! — почтительно проговорилъ пажъ, съ затаенной яростью посмотрѣвъ на Борегара.

На прощаньѣ графу удалось перекинуться съ Агнесой еще нѣсколькими словами.

— Мы не можемъ видѣться часто... Нельзя-ли намъ переписываться?—спросилъ онъ.

— Можно! — послѣ минутнаго раздумья отвѣтила Агнеса.—Переписываться безопаснѣе, чѣмъ сидѣть съ тобой вдвоемъ подъ липой. Вотъ что мы сдѣлаемъ! Есть у меня одна нѣмая дѣвочка... Ее зовутъ Гизела. Она предана мнѣ... По дорогѣ къ твоему замку, почти на полпути, на перекресткѣ въ лѣсу стоитъ большой каменный крестъ. Гизела станетъ носить мои письма и прятать ихъ гдѣ-нибудь въ траву у подножія креста или будетъ запихивать въ щель между камнями. Ты бери мои письма оттуда и приноси туда же свой отвѣтъ. Гизела будетъ приходить за нимъ.

Совсѣмъ ошеломленный, упоенный блаженствомъ перваго тайнаго свиданія, возвратился Борегаръ домой. Вихрь самыхъ разнообразныхъ чувствъ и ощущеній закрутилъ его. Поцѣлуи еще горѣли на его губахъ, и въ то же время ему слышались слова: «Я—не твоя!» Онъ былъ счастливъ и несчастливъ. Агнеса любила его, то было его счастье; Агнеса не могла ему принадлежать, то было его мученьемъ. Порой онъ ненавидѣлъ Рауля Тусенеля, ставшаго на его дорогѣ. Порой чувство любви его къ женщинѣ вступало въ борьбу съ болѣе высокими, благородными чувствованіями,—и въ такія минуты онъ жалѣлъ стараго Рауля и смотрѣлъ на себя, какъ на ночного вора, забравшагося въ чужой домъ.

Въ тотъ же вечеръ, удалившись въ свою Западную башню, графъ Борегаръ при свѣтѣ ночника начерталъ въ своей записной книгѣ слѣдующія слова: «Отъ всѣхъ моихъ прегрѣшеній я отказался бы съ радостью, кромѣ одного тайнаго грѣха; отъ него я никогда не освобожусь. Я всей душой полюбилъ женщину, и люблю ее больше всего въ мірѣ. Прости мнѣ это, Господи!»

На другой же день Борегару показалось, что онъ уже давно-давно не видѣлся съ Агнесой. Неужели еще только вчера онъ сидѣлъ

съ нею подъ липой? Когда жъ теперь настанетъ часъ свиданья? Скоро-ли та нѣмая дѣвочка принесетъ ему письмо? Какъ же ему быть, какъ ему жить безъ Агнесы? Пройдутъ, быть можетъ, дни, недѣли... Часто ему нельзя ѣздить въ Тусенельскій замокъ, чтобы не возбудить подозрѣній въ старомъ, ревнивомъ мужѣ. Но и оставаться вдали отъ Агнесы для него невозможно. Онъ чувствовалъ потребность быть съ Агнесой, быть съ нею подъ одной кровлей, дышать съ нею однимъ воздухомъ, видѣть ее, слышать ея голосъ — хотя бы изъ другой комнаты, слышать хотя бы шелестъ ея платья и сознавать, что она — тутъ, близко, около него.

Какъ убить время ожиданья? Чѣмъ наполнить эти томительно-долгіе лѣтніе дни и тягостные, медлительно идущіе часы ночной безсонницы? Разгулье, вино, пиры не манили графа Борегара. Чтобъ скоротать время, онъ опять сталъ ѣздить на охоту. Онъ также почти каждый вечеръ отправлялся въ лѣсъ къ тому перекрестку, гдѣ стоялъ сѣрый, каменный крестъ, покрытый мохомъ, но письма тамъ не оказывалось. Этотъ крестъ, какъ гласило преданье, поставленъ на томъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда былъ замученъ язычниками какой-то христіанскій проповѣдникъ.

Всѣ вечера, до поздней ночи, Борегаръ проводилъ въ уединеніи, въ своей западной башнѣ. Ходя взадъ и впередъ по комнатѣ, онъ иногда вдругъ останавливался передъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ висѣлъ его боевой мечъ. Между рукоятью меча и стѣной былъ заткнутъ завядшій букетъ цвѣтовъ. Борегаръ осторожно освобождалъ букетъ изъ-подъ тяжелой рукояти меча и на мгновенье подносилъ его къ лицу. И запахъ этихъ увядшихъ цвѣтовъ, брошенныхъ ему Агнесой, приводилъ ему на память ихъ первую встрѣчу въ лѣсу и первое ихъ свиданіе. Борегаръ припоминалъ всѣ мельчайшія подробности ихъ послѣдняго свиданія наединѣ — подъ цвѣтущей липой, посреди душистыхъ розъ, жасминовъ и фіалокъ. Онъ мечталъ объ Агнесѣ и силою воображенія вызывалъ передъ собой ея образъ. Въ минуты такихъ страстныхъ томленій онъ написалъ пѣсню и назвалъ ее «Призывною пѣснью любви». Этой пѣснѣ онъ придавалъ какое-то особенное, магическое значеніе, какъ молитву твердилъ ее про себя и нерѣдко напѣвалъ ее, оставаясь наединѣ...

Тихая, благоухающая лѣтняя ночь спускалась надъ землею. Мѣсяцъ высоко стоялъ въ ясномъ небѣ и серебристымъ сіяньемъ обдавалъ стѣны и башни Борегарскаго замка. Въ замкѣ все покоилось сномъ, — не спалъ лишь его владѣлецъ. Озаренный луннымъ свѣтомъ, онъ стоялъ въ амбразурѣ окна и, прислонившись къ стѣнѣ, задумчиво смотрѣлъ на потемнѣвшіе лѣса — въ ту сторону, гдѣ жила его возлюбленная, и тихо напѣвалъ свою пѣсню любви:

«Я зову тебя пѣснью любви...
Набѣжали вечернія тѣни,
И откликнулись громко въ кустахъ соловьи,
И о счастіи шепчутъ сирени.

* * *

Я зову тебя пѣснью любви
Для того, чтобъ подъ пологомъ ночи—
До разсвѣта, голубка, до алой зари—
Цѣловать твои темныя очи!

* * *

Я зову тебя пѣснью любви...
Предъ тобой я склонюсь на колѣни,—
Не стыдись цѣловать, поцѣлуи твои
Робко скроютъ вечернія тѣни!..»

И въ его голосѣ, страстномъ и нѣжномъ, слышались такое горячее желаніе, такая настойчивая мольба, какъ будто онъ дѣйствительно надѣялся силою своего пѣснопѣнья заставить придти къ нему Агнесу, привлечь ее въ свои объятія. Но Агнеса не являлась, и писемъ не было отъ нея.

Страсть разгоралась въ Борегарѣ... Въ это время съ графомъ произошелъ случай, какъ бы предостерегавшій его отъ увлеченій... Впрочемъ, дѣло зашло слишкомъ далеко: предостереженіе лишь на мгновенье охладило его любовный пылъ, но уже не могло вполнѣ отрезвить его.

VI.

Однажды на охотѣ графъ Борегаръ далеко опередилъ своихъ спутниковъ. Ни собачьяго лая, ни звука роговъ не долетало до него. Онъ заблудился и заѣхалъ въ такія дебри, куда еще ни разу до тѣхъ поръ не заглядывалъ во время своихъ охотничьихъ странствованій. Между тѣмъ уже вечерѣло. Вершины деревьевъ горѣли въ красныхъ лучахъ заката, а внизу между кустами ложились тѣни. Лѣсныя птицы тихо допѣвали свои послѣднія пѣсенки... Графу очень хотѣлось пить, а вокругъ, какъ на грѣхъ, ни источника, ни ручейка. Онъ продолжалъ ѣхать наугадъ, пробираясь сквозь лѣсную чащу. Наконецъ, деревья стали рѣдѣть и за ними показалась небольшая поляна. Графъ остановился и, подавшись въ сѣдлѣ, склонившись надъ гривой

коня, съ изумленіемъ сталъ разглядывать странную картину, представившуюся ему на той полянѣ.

Маленькая хижина, грубо сколоченная изъ тонкихъ бревенъ и покрытая зеленымъ дерномъ, пріютилась подъ вѣтвями вѣковыхъ, развѣсистыхъ дубовъ. Нѣкоторыя изъ бревенъ съ неободранной корой проросли и покрылись зеленою листвой, а на дерновой крышѣ пестрѣли бѣлые, желтые и розовые цвѣточки. У хижины на камнѣ сидѣлъ старикъ, высокій и худой, въ коричневомъ шерстяномъ балахонѣ, подпоясанномъ веревкой, съ капюшономъ на спинѣ. Онъ былъ босъ и безъ шапки. Рѣдкія пряди изжелта сѣдыхъ волосъ окаймляли его большую лысину; длинная и густая сѣдая борода спускалась ему на грудь. Лицо очень правильное, съ тонкимъ римскимъ носомъ, страшно худощавое, измозженное, но по старчески красивое—походило своею мертвенною блѣдностью на лицо мертвеца; только въ темносѣрыхъ глазахъ, подъ темными нависшими бровями, сказывалась жизнь, горѣлъ огонь. Старикъ плелъ корзину, пользуясь послѣднимъ свѣтомъ угасавшаго дня. У ногъ его лежала бѣлая козочка...

Борегаръ уже давно слыхалъ, что въ томъ лѣсу жилъ какой-то отшельникъ, но еще ни разу графу не приходилось наталкиваться на его жилище. Борегаръ тронулъ лошадь и сталъ пробираться на полянку. Коза, заслышавъ шорохъ, граціозно повернула красивую голову и спокойно, довѣрчиво посмотрѣла на всадника своими умными, темными глазками. Старикъ также выпрямился и опустилъ работу на колѣни.

— Здравствуй, старикъ! Нѣтъ-ли у тебя чего-нибудь напиться?—проговорилъ графъ, соскакивая съ коня.

— Вода есть!—отвѣтилъ отшельникъ, подавая графу тыквенную бутылку.

Графъ съ наслажденіемъ напился.

— Благодарю!—сказалъ онъ, возвращая старику бутылку.

— На здоровье, сынъ мой!—промолвилъ тотъ.

— Отдохну немного!—сказалъ Борегаръ, привязавъ лошадь къ дереву и присаживаясь на порогѣ хижины.

— Отдохни! — отозвался старикъ, снова принимаясь за свою корзину.

— Я слыхалъ: ты уже давно поселился здѣсь?—немного помолчавъ, заговорилъ Борегаръ, съ любопытствомъ смотря на старика.

— Давно!.. Много лѣтъ и много зимъ прошло послѣ того, какъ я вступилъ въ этотъ лѣсъ!—отвѣтилъ отшельникъ.

— Какъ же ты здѣсь живешь? Чѣмъ питаешься?—спрашивалъ графъ, осматриваясь по сторонамъ.

— Сажу овощи, держу козъ... козы даютъ мнѣ молоко...—разсказывалъ старикъ, между тѣмъ какъ пальцы его продолжали проворно перегибать тонкіе прутья.—Вотъ плету корзинки, дѣлаю для поселянъ ящики, поставцы и всякую утварь... За то мнѣ даютъ хлѣба, одежду...

— И тебѣ не скучно?!

— Скучно?!—переспросилъ старикъ, приподнимая свои густыя, темныя брови.—За работой я не знаю скуки.

— Не страшно тебѣ жить здѣсь одному въ лѣсу—и лѣто, и зиму?—продолжалъ Борегаръ.

— Я здѣсь не одинъ... Вотъ—козы, птицы... и люди ко мнѣ ходятъ. Черезъ лѣса, черезъ болота проторены тропинки къ моей бѣдной хижинѣ. Я знаю цѣлебныя травы, могу лѣчить... Могу и поучить людей коечему...

— А разбойники? А дикіе звѣри развѣ на тебѣ не нападаютъ?

— Нѣтъ!—спокойно отвѣтилъ старикъ.— Разбойнику съ меня нечего взять, а звѣри... тѣ, вѣроятно, боятся зубы обломать о такую костлявую добычу, какъ я...

Старикъ усмѣхнулся. Нѣсколько минутъ собесѣдники молчали.

— Какъ тебя зовутъ? — спросилъ Борегаръ старика.

— Люди зовутъ меня Гримоальдомъ! — отвѣтилъ тотъ.

— По твоимъ рѣчамъ, старикъ, я могу думать, что ты не изъ среды простыхъ людей и знавалъ лучшіе дни! — замѣтилъ графъ.

— Да! Я не изъ простой среды... Ты угадалъ!—отозвался отшельникъ. — Но лучше тѣхъ дней, какіе я веду теперь, я зналъ только въ далекомъ-далекомъ дѣтствѣ, когда засыпалъ на колѣняхъ матери, подъ ея тихое пѣніе...

Нѣсколько мгновеній Борегаръ молчалъ. Невозмутимымъ миромъ и тишиной вѣяло въ этомъ уютномъ уголкѣ, огражденномъ отъ шумнаго свѣта зелеными лѣсами. Невозмутимымъ душевнымъ миромъ и спокойствіемъ вѣяло отъ этого старца, смотрѣвшаго словно

изъ пристани на далекое бурно волнующееся житейское море.

— Ты похоронилъ себя заживо въ этомъ лѣсу,—заговорилъ Борегаръ, сидя въ своей обычной, любимой позѣ, перекинувъ ногу на ногу и обхвативъ руками колѣно. — Ты оставилъ за собой знакомыхъ, друзей, даже, можетъ быть, какія-нибудь болѣе нѣжныя привязанности... Ты отрѣшился отъ жизни, отъ прежнихъ привычекъ, отъ житейскихъ удобствъ, отказался отъ общества себѣ равныхъ, отказался отъ счастья...

— Счастье!—воскликнулъ старикъ и, поднявъ голову отъ работы, посмотрѣлъ на вечернее небо, сквозившее изъ-за деревьевъ.— Вотъ—слово, повсюду гремящее—отъ дворцовъ до хижинъ и не сходящее съ языка у человѣка съ колыбели до могилы... А тебѣ, сынъ мой, какія грезы навѣваетъ это слово? Что жъ, по твоему, счастье? Гдѣ оно?

— А богатство, слава, почетъ, власть? А женская любовь? Развѣ во всемъ этомъ нѣтъ счастья? — съ жаромъ возразилъ Борегаръ, вспомнивъ въ то мгновенье о женщинѣ съ темными, огневыми очами и объ ея роскошномъ, смугломъ тѣлѣ...

На лѣсной полянѣ становилось темно. Старикъ опустилъ свою работу на-земь и, покачавъ головой, тихо промолвилъ:

— Все это—громкія слова, сынъ мой, но смыслъ ихъ скуденъ и убогъ... Ты говоришь: богатство... До сего времени еще ни одного человѣка въ мірѣ золото не научило быть счастливымъ. Богатство само по себѣ — ничто, да къ тому же и нѣтъ такихъ сокровищъ, которыя нельзя было бы потерять. А людской почетъ, повѣрь мнѣ, рѣдко бываетъ искрененъ и каждую минуту можетъ превратиться въ позоръ и поношенье. Сегодня люди льстятъ тебѣ, завтра закидаютъ тебя грязью. Только глупца можетъ забавлять и тѣшить людской почетъ. Ты помнишь: слава изображается въ видѣ женщины, летящей и трубящей въ трубу... Вотъ—слава! Звукъ—замирающій черезъ мгновенье... Власть — красивая, блестящая побрякушка,—съ нею человѣкъ чаще всего самъ не знаетъ, что ему дѣлать... и отъ нечего дѣлать пугаетъ ею малыхъ ребятъ. Побрякушка гремитъ, трещитъ, вертится и подчасъ, дѣйствительно, кое-кого пугаетъ... А женская любовь—заманчивый, лукавый призракъ! Онъ тревожитъ въ юности нашъ сонъ и послѣ него, какъ послѣ бѣшенаго похмѣлья, мы чувствуемъ пустоту въ нашей душѣ. Все это—призраки, сынъ мой!..

— Ну, старикъ!—перебилъ Борегаръ.— Ты ужъ, вѣроятно, забылъ то блаженное время, когда любилъ и былъ любимъ...

— Нѣтъ, сынъ мой! Помню я ту лихорадку, но не помню, чтобы я былъ счастливъ тогда...—сказалъ отшельникъ и, приподнявъ голову, задумчиво посмотрѣлъ на вершины темнѣвшихъ деревьевъ.—Помню тревожные дни, помню безсонныя ночи, огонь въ крови... Умъ мутился и отказывался работать, воля измѣняла, распаленное воображеніе бѣсновалось, какъ дикій звѣрь, сорвавшійся съ цѣпи. Я создалъ себѣ міръ призраковъ, блестящихъ и обольстительныхъ,и жилъ... нѣтъ! не жилъ, а горѣлъ какъ въ адскомъ огнѣ въ этомъ сказочномъ мірѣ. Я окружилъ любимую женщину сіяющимъ ореоломъ, какимъ художники окружаютъ ликъ Мадонны; я въ своихъ мечтахъ вознесъ эту женщину на высоту недосягаемую... Но пробилъ часъ, — я овладѣлъ женщиной. Мгновенье,—и исчезъ ореолъ съ моей Мадонны. Женщина лежала передо мной, поверженная во прахъ... Погасли, потухли всѣ мои блестящія видѣнья, какъ блекнутъ и гаснутъ краски зари при наступленіи ночи... Нѣтъ, сынъ мой! Тамъ счастья нѣтъ, гдѣ ты надѣешься найти его! Помни: счастье, купленное грѣхомъ, не счастье...

— Однако, стаетъ темно, мнѣ въ путь пора! — помолчавъ, сказалъ Борегаръ и пошелъ къ лошади.

— Я провожу тебя и укажу тебѣ дорогу!—предложилъ старикъ.—Впотьмахъ ты легко можешь заблудиться въ нашихъ лѣсныхъ трущобахъ.

Графъ велъ лошадь подъ уздцы; старикъ шелъ съ нимъ рядомъ, опираясь на посохъ. Темная, теплая, тихая ночь спустилась надъ землей. Небо было задернуто черными облаками, ни одна звѣздочка не мерцала нашимъ путникамъ изъ-за деревьевъ.

— Гдѣ же, по твоему, счастье? — снова заговорилъ Борегаръ.

— Не во внѣшнемъ мірѣ, сынъ мой,— только въ самомъ себѣ ты можешь найти счастье! — тихо промолвилъ старикъ, положивъ руку на плечо своему спутнику. — Только въ самомъ себѣ... Добейся душевнаго довольства и спокойствія, и ты будешь счастливъ! И ужъ этого счастья ни тля не истлитъ, ни тать не украдетъ...

— Но какъ же добиться такого счастья, когда всѣ чувства во мнѣ мятутся, душа моя болитъ, житейскіе соблазны одолѣваютъ, и я нигдѣ не нахожу покоя...—взволнованнымъ голосомъ промолвилъ Борегаръ. — Вѣдь я живу не въ пустынѣ...

— И не надо жить тебѣ въ пустынѣ!—сказалъ старикъ.—Оставайся въ мірѣ... Люби ближнихъ, послужи имъ, забывай о себѣ для другихъ, откажись отъ богатства, отъ почестей, отъ житейскихъ удобствъ, не жалѣй жизни для блага другихъ — и ты познаешь душевное спокойствіе и довольство. Думай только о счастьѣ другихъ — нынѣ живущихъ и грядущихъ поколѣній—и ты познаешь истинное счастье!

Нѣсколько минутъ путники шли молча. Вокругъ нихъ въ лѣсной чащѣ было тихо; только слышался мѣрный шагъ лошади, да подъ ногами шуршали опавшіе листья.

— Хороши твои рѣчи, старикъ, только онѣ непригодны для насъ, простыхъ смертныхъ!— проговорилъ Борегаръ.

— Жаль, что эти рѣчи, какъ ты говоришь, непригодны для людей! — отозвался старикъ.—Это—не мои рѣчи. Это—слова Христа, да мудрецовъ, жившихъ задолго до насъ.

Путники опять примолкли.

По лѣсу пронесся шорохъ и черезъ мгновенье затихъ, словно кто-то невидимый всей могучей грудью вздохнулъ надъ землей и дыханіемъ своимъ поколебалъ вершины вѣковыхъ деревьевъ. Низко надъ головой путниковъ проскользнула во мракѣ летучая мышь,—графъ невольно вздрогнулъ. Въ чащѣ дико крикнула какая-то ночная птица... И опять дремотное безмолвіе объемлетъ лѣсъ.

— Ночь темна... — промолвилъ отшельникъ, посмотрѣвъ на мрачное небо.—Если хочешь, отойдемъ немного въ сторону и я тебѣ покажу: на что похоже то счастье, за какимъ ты гоняешься въ жизни...

— Что жъ это такое?.. Пойдемъ! — согласился графъ и слѣдомъ за старикомъ сталъ пробираться сквозь чащу.

Вдругъ старикъ остановился и взялъ графа за руку.

— Мы пришли на край болота...—сказалъ онъ, раздвигая кустарникъ.—Смотри!

Графъ, держа въ поводу своего Сѣраго, наклонился впередъ и съ любопытствомъ взглянулъ по указанному направленію... Тамъ, надъ болотомъ, во мракѣ, синевато-фосфорическимъ свѣтомъ горѣли огни. При малѣйшемъ дыханіи ночного вѣтерка эти огни, дрожа и колеблясь, передвигались съ мѣста на мѣсто, «блуждали» въ воздухѣ; пламя ихъ то приближалось къ землѣ, то вдругъ поднималось вверхъ. То одинъ, то другой изъ огоньковъ пропадалъ, вновь вспыхивалъ и снова потухалъ... Было что-то странное, фантастическое въ быстромъ появленіи и исчезновеніи этихъ синеватыхъ, дрожащихъ огней.

— Что жъ! Это — блуждающіе огни... — проговорилъ Борегаръ.—Знаю! Я видалъ ихъ не разъ... Поселяне боятся ихъ, а между тѣмъ огни очень красивы...

— Красивы. Да!.. но призрачны—такъ же, какъ твое счастье!—замѣтилъ отшельникъ.

— Будемъ жить, пока жизнь кипитъ въ насъ!—сказалъ графъ, тряхнувъ головой. (Онъ вспомнилъ въ ту минуту объ Агнесѣ).—Станемъ ловить наше призрачное счастье—всюду, гдѣ оно мелькнетъ... за кубкомъ вина, на полѣ бранномъ или въ объятіяхъ любви!..

Старикъ на это ничего не сказалъ.

— Вотъ по этой тропинкѣ ты выѣдешь на дорогу!—указалъ онъ Борегару.

— Благодарю, старикъ!—крикнулъ графъ, вскочивъ на лошадь и пускаясь въ путь.— Прощай!

— Прости, сынъ мой!—откликнулся отшельникъ, направляясь къ своей хижинѣ, и вскорѣ въ лѣсу раздался его старческій, дрожащій голосъ.

«Veni, sancte spiritus»... пѣлъ отшельникъ, и его пѣніе спокойное, строгое, проникнутое чувствомъ, еще долго слышалось въ тишинѣ лѣтней, теплой, благоухающей ночи.

Задумчивъ возвратился Борегаръ домой; разговоръ со старикомъ глубоко запалъ ему въ душу, хотя онъ и не желалъ признаваться въ томъ самому себѣ. И на другой день выпадали минуты нравственнаго просвѣтленія, когда графъ припоминалъ слова отшельника. Въ эти минуты онъ ясно видѣлъ всю суетность и пустоту своей жизни, всю тщету своихъ любовныхъ вожделѣній... Однажды, ходя по Западной Башнѣ, Борегаръ остановился передъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ между рукоятью его боеваго меча и стѣной былъ заткнутъ засохшій букетъ цвѣтовъ. Онъ высвободилъ букетъ изъ-подъ тяжелой рукояти меча и, разсѣянно вертя его въ рукѣ, сѣлъ на подоконникъ. Графъ глубоко задумался и, забывшись, мялъ въ рукахъ букетъ, мялъ и растиралъ его въ порошокъ. Очнувшись отъ своихъ думъ, онъ увидалъ, что букетъ исчезъ и

отъ него осталась лишь кучка сору... И Борегаръ подумалъ съ тоской: «Не также-ли безслѣдно исчезаютъ и лютыя человѣческія страсти, оставляя послѣ себя лишь холодный пепелъ»!..

VII.

Не выдержалъ Борегаръ и на слѣдующій день опять поѣхалъ въ лѣсъ—къ сѣрому, каменному кресту, на распутіи двухъ дорогъ, и тамъ въ одной изъ трещинъ онъ нашелъ, наконецъ, давно ожидаемое, желанное письмо—*ея* первое письмо къ нему. Шагомъ возвращаясь домой, онъ читалъ это письмо, и потомъ, уединившись въ свою Западную Башню, онъ еще дважды перечиталъ его въ тотъ вечеръ и, наконецъ, еще на другой день читалъ его... Графу письмо казалось слишкомъ краткимъ; онъ хотѣлъ читать еще между строкъ... Агнеса писала:

«Луи! Мой дорогой, мой милый Луи! Твоя голубка шлетъ тебѣ привѣтъ и желаетъ тебѣ всякихъ радостей и счастья.—Буду съ тобой откровенна. Я полюбила съ того дня, какъ въ первый разъ увидала тебя въ зеленой лѣсной тѣни. Твой смѣлый взглядъ тогда же проникъ до глубины моей души. Съ той поры я ношу твой образъ въ моемъ сердцѣ, и никогда забвеніе не коснется его: съ нимъ буду жить, съ нимъ и умру, никакая тьма, даже, кажется, мракъ смерти не можетъ скрыть его отъ меня. Страшныя грозы и бури съ вихремъ и молніей могутъ крушить и вырывать деревья съ корнемъ; никакія грозы, никакія бури не вырвутъ твоего образа изъ моего любящаго сердца. Будь я въ раю, будь я въ аду, всегда — во всѣ времена вѣчности — твой свѣтлый образъ станетъ жить въ моемъ сердцѣ, передъ моими душевными очами. Луи, Луи! Я не знаю такихъ словъ, чтобы высказать тебѣ, какъ я была бы счастлива, если бы жила съ тобой, но въ этомъ счастьѣ мнѣ отказано судьбою,—и оттого вся жизнь, все окружающее меня мнѣ кажется теперь тяжелымъ, смутнымъ сномъ. Сдѣлай же такъ, чтобы этотъ тягостный сонъ разсѣялся, и живая, прекрасная дѣйствительность замѣнила его. А это возможно лишь тогда, если ты неразлучно будешь со мной. Мы уже связаны съ тобой узами любви, мы чувствуемъ ихъ... О, мой дорогой, мой милый! Теперь я плачу, плачу горько... Но какъ я буду счастлива, когда стану твоей женой! Ты замѣнишь мнѣ родныхъ, друзей, весь міръ. Твоя голубка только ждетъ того часа, когда ты сдѣлаешь ее своею. Подумай о томъ времени, когда мы будемъ съ тобой вмѣстѣ, останемся одни,—ты положишь ко мнѣ на колѣни свою голову и я стану перебирать твои свѣтлыя, шелковистыя кудри. Какъ огнемъ, стану я жечь тебя моими поцѣлуями. Ради достиженія такого блаженства, твоя голубка можетъ превратиться въ львицу. Да! Помни! Для тебя я на все готова, готова пожертвовать всѣмъ—даже небеснымъ блаженствомъ. Прости, мой милый, мой незабвенный!»

При чтеніи этого посланія вихрь самыхъ разнообразныхъ чувствованій охватывалъ Луи Борегара. Онъ подолгу, не отрываясь, сидѣлъ надъ письмомъ... Изъ-за строкъ письма на него словно смотрѣли черные, змѣиные глаза и, чаруя, увлекая, сковывая его волю, погружали его въ какой-то нравственный столбнякъ. Письмо то дышало на него пламенемъ, то вѣяло холодомъ отчаянія. Оно сулило ему все упоенье счастливой любви и въ то же время обезнадеживало его; оно то манило его въ блестящую, сіяющую даль, словно сотканную изъ золота и розъ, то отталкивало во тьму кромѣшную... Какъ же онъ можетъ назвать ее своей женой, когда у нея есть мужъ? Убить? Нѣтъ. Никогда Борегаръ не подниметъ руки на старика. Ждать, пока умретъ Тусенель?.. Ахъ! Старики иногда подолгу живутъ и переживаютъ молодыхъ... Но она плачетъ... Что бы только онъ ни далъ за то, чтобы навсегда осушить ея слезы!..

И подъ вліяніемъ такихъ разнорѣчивыхъ ощущеній графъ принялся за письмо къ Агнесѣ и уничтожалъ письмо за письмомъ. Наконецъ, кое-какъ, отрывисто, безсвязно онъ написалъ ей:

«Ты своимъ письмомъ привлекаешь и отталкиваешь меня; то дѣлаешь меня счастливѣйшимъ изъ людей, то заставляешь меня испытывать адскія муки — муки Тантала. Когда ты пишешь о своей любви, въ сердцѣ моемъ—радость и свѣтъ, и для меня въ ту минуту весенніе цвѣты расцвѣтаютъ. Когда же ты говоришь: «Въ этомъ счастьѣ мнѣ отказано судьбой», холодомъ вѣетъ на меня, стынетъ кровь и на душѣ стаетъ темно, какъ въ осеннюю ночь. Огненнымъ словомъ говоришь ты о любви и тутъ же съ жестокостью палача напоминаешь мнѣ о томъ, что ты принадлежишь другому. Жалкій, отвратительный старикъ—господинъ твой! Гнусенъ онъ, твой тюремщикъ, но все-таки по волѣ моей не падетъ

ни одинъ волосъ съ головы его. Я не перешагну черезъ его трупъ для того, чтобы завладѣть тобой. Мой девизъ: «L'honneur pour moi», — Борегары не измѣняютъ своему девизу. Я увѣренъ, что и ты не допускаешь мысли о преступленіи. Ты — моя бѣлая, чистая голубка, и ты навсегда останешься такою же незапятнанною, такою же дѣвственно-чистою, какъ снѣгъ на вершинахъ горъ. Но ты плачешь,—и я готовъ жизнью пожертвовать, чтобы осушить твои слезы... Зачѣмъ столкнула насъ судьба? Мнѣ припоминаются слова изъ старинной пѣсни славнаго нашего рыцаря Альбрехта Іоганнсдорфа: «я вижу, какъ начинается любовь, но не знаю, какъ окончится она»... Мы знаемъ: *какъ* началась наша любовь, но *чѣмъ* она окончится, — не видимъ. Счастье или горе несетъ она намъ? Но я скажу тебѣ, Агнеса, и ты запомни. Я въ первый разъ люблю. Моя первая любовь будетъ и послѣднею. Если бы я любилъ больше одной женщины, какъ это дѣлаютъ многіе, то это значило бы, что я не любилъ бы ни одной. Привѣтъ тебѣ, моя красавица!»

Борегаръ отвезъ это письмо на условленное мѣсто. На другой день его уже не было подъ камнемъ. Нѣмая Гизела, очевидно, исправно дѣлала свое дѣло... И опять Борегаръ сталъ ѣздить по вечерамъ къ сѣрому каменному кресту, на распутьи двухъ лѣсныхъ дорогъ. Долго не было къ нему посланія отъ милой. Наконецъ, однажды вечеромъ онъ нашелъ письмецо подъ сѣрымъ камнемъ.

«Спѣшу увѣдомить тебя, — писала Агнеса,—что завтра мой мужъ ѣдетъ по дѣламъ къ брату, въ Намюръ, и пробудетъ тамъ недѣли двѣ или болѣе. Ничто теперь не помѣшаетъ намъ видѣться съ тобой. Прилетай же ко мнѣ, мой Луи ненаглядный! Лети, лети скорѣе къ твоей тоскующей голубкѣ»!

Когда Борегаръ, сидя на лошади, дочитывалъ это письмо, на дорогѣ послышались шаги. Графъ круто повернулъ своего Сѣраго и скрылся въ чащѣ. Тамъ, привставъ на стремена, онъ сталъ внимательно всматриваться въ даль. Вскорѣ на дорогѣ показалась дѣвочка... Она шла торопливо, размахивая на ходу рукой. Дѣвочка была довольно высокаго роста, для своихъ лѣтъ (ей можно было дать лѣтъ 14 или 15), но чрезвычайно худощава, и отъ худобы ея тонкій, гибкій станъ слегка горбился. Черные, сухіе, нечесаные волосы густыми, длинными прядями падали ей на спину и на плечи. Сосновыя иглы и зеленыя былинки набились въ ея волоса... Черные глаза, большіе и впалые, необыкновенно спокойнымъ, ровнымъ свѣтомъ озаряли ея худенькое, дѣтское личико. Отъ скорой ходьбы дѣвочка тяжело дышала, губы ея полураскрылись и щеки зарумянились... На ней была рубаха съ короткими рукавами и синяя шерстяная юбка, спускавшаяся немного ниже колѣнъ. Ноги ея были босы, руки голы почти до плечъ, и эти длинныя и худыя ноги, руки, какъ плети, и впалая грудь дѣлали ее похожею на мальчика. Подойдя къ сѣрому, каменному кресту, дѣвочка опустилась на колѣни у его подножья и стала шарить между камнями.

«Вотъ она—эта нѣмая Гизела!» подумалъ графъ, съ любопытствомъ слѣдя за этой дѣвушкой-ребенкомъ. «Какое-то странное, сказочное созданіе»... Очевидно, госпожа послала ее за письмомъ, но письма не оказывалось. Дѣвочка поднялась, откинула волосы, упавшіе ей на лицо, оглянулась по сторонамъ и, постоявъ съ минуту, пустилась въ обратный путь. Письмо Агнесы привело Борегара въ восторгъ, и ему, въ свою очередь, захотѣлось порадовать кого-нибудь... Кого же, какъ не эту несчастную нѣмую? Онъ выбрался изъ чащи и поскакалъ въ погоню за Гизелой. Дѣвочка, услыхавъ за собой быстрый лошадиный топотъ, съ испугомъ бросилась въ сторону.

— Не бойся!—крикнулъ ей графъ, осаживая коня.—Ты—нѣмая Гизела? Да?

Дѣвочка кивнула ему головой.

— Подойди же ко мнѣ, дитя! Не бойся!— говорилъ ей Борегаръ.

Гизела сдѣлала шагъ и остановилась. Конь, покрытый пѣной и вращавшій налитыми кровью глазами, и высокій всадникъ въ блестящей кольчугѣ—нагоняли на нее страхъ.

— Твой господинъ дома?—спросилъ ее графъ.

Гизела отрицательно качнула головой.

— Уѣхалъ?—переспросилъ Борегаръ.

Глазами и движеніемъ головы дѣвочка ему сказала: «да».

«Знаетъ-ли эта нѣмая, что она для меня носитъ сюда письма?—раздумывалъ Борегаръ.— Если не знала, то теперь, конечно, догадается»... Графъ досталъ изъ кармана длинный, кожаный кошелекъ, и нѣсколько золотыхъ монетъ, блеснувъ въ воздухѣ, упало къ ногамъ Гизелы. Дѣвочка подняла ихъ... Графъ подозвалъ ее и погладилъ ее по головѣ. Эта

ласка растрогала нѣмую. На рѣсницахъ ея блеснули слезы... Гизела обхватила графа за ногу своими худенькими рученками и, откинувъ голову, съ глубокой признательностью посмотрѣла на него своими большими, лучистыми глазами... Черезъ мгновенье Гизела выпрямилась и, протянувъ руку по направленію къ Тусенельскому замку, погрозила графу пальцемъ, а затѣмъ, обратившись лицомъ въ ту сторону, гдѣ находился Борегаръ-Маро, махнула рукою, какъ бы совѣтуя ему ѣхать домой.

— Что жъ это?—спросилъ ее графъ.—Ты грозишь? Предостерегаешь меня отъ будущихъ опасностей?

Гизела кивнула ему головой и пошла своей дорогой.

— Вотъ странное дитя!.. — говорилъ про себя Борегаръ, поворачивая своего Сѣраго.— Агнеса сказала, что нѣмая предана ей. Но что же значитъ, что она погрозила мнѣ? Жаль, что нельзя съ ней поговорить!..

На другой же день графъ Борегаръ поѣхалъ въ Тусенельскій замокъ. А Агнеса въ тотъ день все утро просидѣла въ сторожевой башнѣ, смотря на дорогу. Лишь только она различила вдали въ облакахъ пыли силуэтъ знакомаго всадника и его сѣраго коня, какъ тотчасъ же сошла во дворъ къ ожидавшей ее толпѣ нищихъ. Она позвала своего вѣрнаго пажа, и Эциго Златокудрый въ тотъ же мигъ явился къ ней съ большой корзинкой въ рукахъ. Агнеса стала раздавать нищимъ хлѣбъ, деньги, одежду. Нищіе—женщины и мужчины, старцы и дѣти, полуобнаженные, еле прикрытые рубищемъ, жалкіе калѣки, больные, покрытые струпьями и отвратительными гнойными язвами—съ благоговѣніемъ смотрѣли на нее и, воздѣвая руки къ небу, призывали на нее благословеніе Бога. А она, взволнованная близостью свиданія съ возлюбленнымъ, съ блестѣвшими глазами и съ густымъ румянцемъ на щекахъ, стояла посреди этого жалкаго человѣческаго отребья, какъ добрая, благодѣтельная фея, на мгновенье слетѣвшая съ лазурныхъ высотъ въ темную юдоль скорби и слезъ...

Она еще пуще раскраснѣлась и была очень довольна, когда замѣтила, что графъ Борегаръ, въѣхавъ во дворъ, затянулъ поводья своего коня и остановился, какъ вкопанный. Агнеса чувствовала, что онъ — въ восторгѣ, что онъ любуется ею. Цѣль ея была достигнута... Агнеса уже догадалась, что Борегара нельзя было увлечь одной тѣлесной красотой, что его нужно плѣнить и душевными качествами. Любовь научила ее лукавить, и она съумѣла отлично поставить передъ Борегаромъ живую картину «Человѣческихъ несчастій и Милосердія».

— Ни одинъ художникъ еще не написалъ такой трогательной картины, какую я видѣлъ сейчасъ!—вполголоса промолвилъ Луи, идя за Агнесой въ домъ.

Весь этотъ день прошелъ для него, какъ чудный, свѣтлый сонъ. Агнеса была съ нимъ очень мила и любезна. Она много говорила съ нимъ, разсказывала ему о томъ времени, какъ она училась и жила въ монастырѣ, разсказывала о своихъ подругахъ, о дѣвичьихъ играхъ и шалостяхъ, о дѣвичьихъ грезахъ и мечтахъ. Послѣ обѣда она попросила графа что-нибудь спѣть. Онъ взялъ арфу и, сѣвъ рядомъ съ Агнесой и смотря на нее, сталъ импровизировать...

«Темныхъ глазъ твоихъ улыбка,
Рѣчи милыхъ устъ твоихъ,
Все—блаженство,—все загадка...

* * *

Свѣтелъ мѣсяцъ въ небѣ ясномъ,
Ярки звѣздочки въ ночи,
Но глаза твои прекраснѣй»...

пѣлъ онъ пріятнымъ мягкимъ голосомъ. Агнеса съ счастливой, сіяющей улыбкой любовалась на пѣвца.

Вечеромъ, когда они гуляли по саду, Борегаръ вдругъ остановился.

— Зачѣмъ я не Іисусъ Навинъ! Зачѣмъ я не могу сказать солнцу: «Остановись!»—проговорилъ онъ, поднявъ руку и указывая на ярко-красный солнечный дискъ, сквозившій изъ-за листвы деревьевъ.

— Это солнце завтра опять взойдетъ для насъ!—промолвила Агнеса, посмотрѣвъ на пылающій западъ.

— Впрочемъ, въ сумракѣ тихой, благоухающей ночи не меньше прелести, чѣмъ въ блескѣ дня!—со вздохомъ прошепталъ Борегаръ, пожимая ей руку.

Агнеса промолчала.

VIII.

Послѣ того Борегаръ сталъ часто посѣщать Тусенельскій замокъ. Его родные скоро обратили вниманіе на эти частыя посѣщенія.

— Не нравится мнѣ Агнеса Тусенель!—сказала однажды Борегару его больная сестра.— На словахъ она очень ласкова, говоритъ такъ сладко, но...

— Что жъ тебѣ въ ней не нравится?—сдержанно спросилъ Борегаръ сестру, стоя въ изголовьяхъ ея кровати.

— Мнѣ кажется, что она—женщина неискренняя!—отвѣтила больная. —Въ выраженіи губъ и въ ея безпокойномъ взглядѣ есть что-то непріятное. Это — опасная женщина, Луи!.. Опаснѣе еще тѣмъ, что она красива.

Графъ, молча, крутилъ усы. Лицо его слегка вспыхнуло; ему былъ непріятенъ этотъ разговоръ.

— Берегись, Луи!—слабымъ голосомъ прошептала больная, беря его за руку и привлекая къ себѣ.—Заманчивый запрещенный плодъ... Если бы то яблоко, какимъ змій соблазнилъ Еву, было горько и кисло на вкусъ, то, конечно, Ева не познала бы грѣха и не склонила бы къ нему Адама.

— Довольно!—холодно пробормоталъ графъ, отнимая руку.—Я понимаю, сестра, на что ты намекаешь; но страхи твои напрасны!

Больная пытливо посмотрѣла на него и ничего не сказала.

Вскорѣ послѣ того—по тому же поводу—дядя Карлъ завелъ съ нимъ разговоръ. Какъ-то послѣ обѣда они дольше обыкновеннаго оставались за столомъ и допивали вино. Графъ Луи сидѣлъ, облокотившись на столъ и опустивъ голову на руку, и задумчиво покачивалъ свой наполовину опорожненный кубокъ. Карлъ Борегаръ пытливо посматривалъ на племянника и, повидимому, нѣсколько разъ собирался заговорить, но вмѣсто того лишь отпивалъ большой глотокъ вина и откашливался. Онъ своимъ покашливаніемъ какъ бы желалъ обратить на себя вниманіе племянника, но тотъ продолжалъ молча, задумчиво сидѣть надъ своимъ кубкомъ.

— Луи!—рѣшился, наконецъ, заговорить старикъ. — Ты помнишь старое преданіе о томъ, какъ одинъ странствующій торговецъ продалъ государю три мудрыя правила — за 300 гульденовъ каждое. Помнишь: какія это были правила?

— Не помню! — нехотя отвѣтилъ графъ Борегаръ, не перемѣняя своей задумчивой позы и смотря на кубокъ.

— То были мудрыя правила, и людямъ не мѣшаетъ помнить ихъ...—наставительнымъ тономъ продолжалъ дядя Карлъ. — Во-первыхъ, сказалъ торговецъ государю,—все, что ты дѣлаешь, дѣлай мудро и помышляй о «концѣ»; во-вторыхъ, не сворачивай съ «прямого» пути на окольную дорогу, и въ третьихъ (дядя Карлъ выразительно приподнялъ брови) поздно ночью не останавливайся въ такихъ гостинницахъ, гдѣ хозяинъ старъ, а хозяйка «молода» и «красива».

Вмѣсто Amen, дядя Карлъ опорожнилъ кубокъ и громко крякнулъ. Луи съ усмѣшкой посмотрѣлъ на него.

— Прекрасныя правила, только зачѣмъ ты сегодня напоминаешь о нихъ?

— Почему жъ и не напомнить... — въ смущеніи отозвался старикъ, глядя въ сторону. — Доброе напоминаніе никогда не мѣшаетъ.

— Не мѣшаетъ! Точно..—согласился Луи, смотря въ разгорѣвшееся отъ вина лицо своего собесѣдника.—Но мнѣ кажется, дядя, ты самъ не всегда слѣдуешь этимъ правиламъ!

— Что жъ! Я старикъ... Моя жизнь прожита!—проворчалъ дядя Карлъ.

— Скажи лучше прямо: зачѣмъ ты завелъ эту рѣчь о сказочномъ торговцѣ и объ его мудрыхъ правилахъ въ 300 гульденовъ?—спросилъ Луи, вставая изъ-за стола.

— Ну! Я ужъ давно собирался сказать тебѣ, Луи! Ты слишкомъ часто сталъ ѣздить въ Тусенельскій замокъ!

— Не чаще, чѣмъ мнѣ нужно, — рѣзко, съ неудовольствіемъ отвѣтилъ графъ Борегаръ и вышелъ изъ залы, съ шумомъ хлопнувъ дверью.

Поѣздки въ Тусенельскій замокъ продолжались и даже становились все чаще и чаще въ виду скораго возвращенія мужа.

Однажды Борегаръ засталъ Агнесу въ слезахъ...

— О чемъ ты плачешь, моя милая?—нѣжно, ласково спрашивалъ онъ, беря ее за руки и склоняясь надъ нею.

— Я думаю о томъ: какая жизнь ждетъ меня впереди...—горько плача, говорила она.— О, Боже мой! Какія муки!.. Черезъ нѣсколько дней «онъ» возвратится, и я опять попаду въ заточенье... опять не буду видѣть тебя, мой дорогой, мой любимый!.. Поцѣлуй же, цѣлуй, цѣлуй меня!..

Вся взволнованная, въ слезахъ, она обвила руками его шею и привлекла его къ себѣ на грудь. И онъ цѣловалъ ее и поцѣлуями осушалъ ея слезы. Закружилась его бѣдная голова, въ глазахъ туманъ, сердце билось и замирало... Страсть и ее обуревала, помрачала ея разсудокъ, но не могла сломить ея воли. Слабость неожиданно застигла ее, но лишь на одно мгновенье. Она скоро овладѣла собой...

— Мы все-таки будемъ видѣться съ тобой хоть изрѣдка; станемъ переписываться! — утѣшалъ ее Борегаръ.—Онъ уже старъ, не два же вѣка ему жить...

— Неизвѣстно, кто кого переживетъ...— заговорила Агнеса и вдругъ на полусловѣ оборвала свои горькія жалобы.

И въ то время, когда Борегаръ поцѣлуями осушалъ слезы съ ея дрожащихъ рѣсницъ и съ пылающихъ щекъ, впервые—подъ вліяніемъ одного его неосторожнаго слова—темный, злой замыселъ закрался ей въ голову.

Агнеса упросила графа провести съ нею вечеръ.

— Останься со мной!—уговаривала она Борегара.—Останься, ради Бога, умоляю тебя... Мнѣ страшно одной въ этомъ замкѣ... Меня пугаютъ эти мрачныя стѣны, эти темные углы, крикъ ночной птицы заставляетъ меня вздрагивать... Ужасныя мысли приходятъ мнѣ въ голову... Я не знаю, что со мной... Я, кажется, сойду съ ума... О, Господи!

И она съ отчаяніемъ ломала руки, хваталась за голову, а ея большіе, темные глаза еще краснорѣчивѣе словъ умоляли Борегара. Графъ остался до поздняго вечера и Агнеса развеселилась.

За ужиномъ Эциго, блѣдный, взволнованный прислуживалъ своей госпожѣ. Бѣдный юноша былъ внѣ себя отъ жгучей ревности и злобы. Онъ все видѣлъ и все понималъ, что происходило передъ его глазами за послѣднее время. При взглядѣ на графа, Эциго крѣпко стискивалъ зубы и смотрѣлъ на этого счастливца съ такимъ видомъ, какъ будто ежеминутно былъ готовъ броситься и заколоть его. Только желѣзная воля госпожи могла смирять юношу... Въ сознаніи своего безсилія, онъ тяжело дышалъ и съ яростью, чуть не до крови, закусывалъ губы. А Агнеса весело, оживленно разговаривала съ графомъ, шутила и громко смѣялась... Наконецъ, Эциго не выдержалъ пытки и попросилъ у своей госпожи позволенія удалиться, отговариваясь головною болью.

— Иди, иди, мой бѣдный мальчикъ!—весело промолвила Агнеса, вскользь взглянувъ на пажа. — Ступай спать, и пусть золотыя грезы утѣшатъ и успокоятъ тебя!..

Злая насмѣшка послышалась юношѣ въ послѣднихъ словахъ,—онъ круто повернулся и, бросивъ злобный взглядъ на графа, пошатываясь, словно пьяный, вышелъ изъ комнаты. Агнеса и графъ Борегаръ остались одни.

Тогда Агнеса встала изъ-за стола, подошла къ дубовому, рѣзному поставцу, достала изъ него небольшую мозаиковую шкатулку и возвратилась съ ней къ Борегару. Она поставила шкатулку передъ собой на столъ и вынула изъ нея какой-то блестящій, зеленый камышекъ.

— Мужъ мнѣ разсказывалъ, что этотъ камень привезъ съ востока его дѣдъ!—заговорила Агнеса, вертя въ рукахъ зеленый камышекъ.—Онъ досталъ его тамъ во время крестоваго похода отъ какой-то старой колдуньи-сарацинки... Это—камень не простой, говорилъ мнѣ мужъ. Если поскоблить этотъ камень, то самой маленькой щепотки его порошка достаточно для того, чтобы моментально отравить человѣка... Чудесный камень!.. Не правда-ли?.. И какой красивый! Смотри, какъ онъ блеститъ при огнѣ...

Агнеса съ улыбкой смотрѣла на камень... И, дѣйствительно, ярко зеленый камышекъ въ ея рукѣ игралъ и сверкалъ при красноватомъ сіяньи свѣтильниковъ, горѣвшихъ на столѣ. Графъ молчалъ. Блескъ этого ядовитаго камня больно рѣзалъ ему глаза и казался зловѣщимъ.

— Зачѣмъ ты вынула его? Зачѣмъ?.. зачѣмъ ты мнѣ это говоришь?—невнятно прошепталъ Борегаръ, слегка поблѣднѣвъ и съ тайнымъ ужасомъ смотря на Агнесу.

Въ ту минуту словно ледянымъ холодомъ обдало его,—онъ всталъ изъ-за стола и взялся за шляпу.

— Что съ тобой?—спросила Агнеса, играя камнемъ.—Ты какъ будто сердишься... За что жъ?.. И ты уже уходишь! Такъ скоро?

— Пора!—сказалъ Борегаръ.

Борегаръ не спалъ почти всю ночь; почти всю ночь онъ провелъ въ своей Западной Башнѣ, ходя взадъ и впередъ. Душевное смятеніе овладѣло имъ, и онъ не находилъ себѣ покоя. Страстная, животная любовь—любовь къ женщинѣ—боролась въ немъ съ добрыми, благородными побужденіями. Въ полусумракѣ башни, слабо озаренной мерцающимъ свѣтомъ ночника, онъ бродилъ усталый, измученный непосильной борьбой. Затѣмъ онъ сѣлъ на подоконникъ и, прислонившись разгоряченной головой къ холодной, каменной стѣнѣ, долго сидѣлъ такъ, закрывъ глаза... Соблазнительныя видѣнія пережитаго дня преслѣдовали его. Ему грезились большіе, темные глаза, горѣвшіе вакхическимъ блескомъ... Мгновенье,—и эти глаза пропадали,

а вмѣсто нихъ онъ ясно видѣлъ передъ собой красивую, смуглую ручку, игравшую зеленымъ камнемъ. И эта прелестная рука въ свою очередь исчезала... Камень оставался и съ каждой минутой, казалось, все сильнѣе и сильнѣе разгорался зеленоватымъ огнемъ. Онъ словно разростался, дѣлался прозрачнымъ и весь искрился и сверкалъ посреди обступавшаго его мрака...

«Зачѣмъ она показывала мнѣ этотъ камень?—спрашивалъ себя Борегаръ.—Что она хотѣла сказать? Неужели она намекала... Нѣтъ! Не могу, не могу допустить, чтобы такіе гнусные замыслы могли осквернять ея душу! Но она такъ странно улыбалась, такъ загадочно смотрѣла на меня! А что если она не въ силахъ долѣе владѣть собой? Она—натура страстная, рѣшительная... Неужели я допущу на моихъ глазахъ совершиться преступленію? Неужели я допущу убить человѣка только за то, что онъ сталъ для насъ невольной помѣхой, случайно попавшись намъ на дорогѣ? Но въ такомъ случаѣ каждый вправѣ назвать меня ея сообщникомъ! И развѣ не я навожу ее на грѣхъ?.. А я, между тѣмъ, клялся защищать беззащитныхъ»...

И на мгновенье ему живо припомнился тотъ день, когда старый герцогъ Намюрскій посвящалъ его въ рыцари... Это было раннею весной. Золотистые солнечные лучи пробивались въ узкія стрѣльчатыя окна. Въ воздухѣ вѣяло ароматомъ цвѣтовъ... Герцогъ—высокій, могучій старикъ, съ густою, сѣдою бородой, широкоплечій, осанистый,—говорилъ ему: «Кто хочетъ быть рыцаремъ, тотъ долженъ быть великодушенъ, благороденъ... Защищай несчастныхъ, вдовъ, сиротъ; избѣгай несправедливыхъ войнъ, вступай въ битву для спасенія невинныхъ; живи на семъ свѣтѣ безпорочно передъ Богомъ и передъ людьми. Хочешь-ли исполнять эти правила?» —«Да!» твердымъ голосомъ отвѣтилъ онъ и далъ обѣтъ исполнять всѣ рыцарскія правила.—«Да послужитъ этотъ благочестивый обѣтъ къ отпущенію твоихъ грѣховъ Аминь!» сказалъ герцогъ, затѣмъ ударилъ его мечомъ по плечу и, выпрямившись, торжественнымъ тономъ проговорилъ: «Во славу Всемогущаго Бога посвящаю тебя въ рыцари и съ радостью принимаю тебя въ наше сообщество... Не забудь, что Спаситель міра принялъ заушеніе отъ первосвященника Анны, поруганъ былъ, претерпѣлъ биченіе, былъ увѣнчанъ терніемъ отъ игемона Пилата, былъ облеченъ въ багряницу царемъ Иродомъ, обнаженный и покрытый ранами влекомъ былъ на распятіе всѣмъ народомъ... Увѣщеваю тебя помнить о томъ и взять крестъ свой!»...

И какъ хорошо было то утро, какъ свѣтло было у него на душѣ, и какъ блестяща, лучезарна казалась ему жизненная даль! Много лѣтъ прошло послѣ того утра, а память такъ живо, такъ ясно сохранила его... И неужели теперь Борегаръ нарушитъ свой обѣтъ изъ-за любовныхъ вожделѣній, изъ-за прелести женской? Нѣтъ, нѣтъ! Нужно кончить эту недостойную игру, нужно порвать ее...

Свѣжимъ лѣснымъ вѣтеркомъ повѣяло въ окно. Борегаръ слегка вздрогнулъ и раскрылъ глаза... На небѣ уже блисталъ разсвѣтъ. Ночныя тѣни сбѣгали съ лица земли. Лѣса въ передутреннемъ сумракѣ стояли тихо, тихо, словно объятые дремотой. Блѣдный, усталый отъ безсонной ночи и отъ душевныхъ тревогъ и волненій, графъ легъ, наконецъ, на свое жесткое ложе и, засыпая, твердо рѣшился «порвать» связь съ Агнесой...

... На зеленой лужайкѣ выросъ чудесный цвѣтокъ. «Никогда еще подъ солнцемъ не расцвѣтало такого цвѣтка!» думалъ Борегаръ. Большой, весь черный, блестящій, а на днѣ его чашки зловѣщимъ свѣтомъ ярко горѣлъ, словно до-красна раскаленный уголекъ. Красивый цвѣтокъ, поразительно красивый, но что-то непріятное было въ немъ. Борегаръ, залюбовавшись, наклонился надъ цвѣткомъ. Зноемъ повѣяло на него... Борегаръ невольно протянулъ руку къ этому чудесному цвѣтку и сорвалъ его. И вдругъ изъ стебля цвѣтка ему на руку брызнула горячая кровь и капли той крови жгли ему руку, какъ растопленнымъ свинцомъ. Онъ вздрогнулъ и выронилъ изъ рукъ цвѣтокъ...

Борегаръ проснулся.

IX.

Легче принимать рѣшенія, нежели выполнять ихъ.

На другой же день Борегару стало казаться, что всѣ его темные страхи и подозрѣнія были призраками, созданными его же собственнымъ воображеніемъ. Почему жъ Агнесѣ было не показать этотъ ядовитый камень, какъ очень любопытный предметъ? Ея болтовнѣ онъ придавалъ трагическій смыслъ; въ ея невинной улыбкѣ онъ увидалъ какую-то демонскую усмѣшку, чуть-ли не угрозу со-

вершить преступленіе! И теперь онъ казался низокъ самому себѣ за то, что могъ хотя одну минуту такъ дурно думать о любимой женщинѣ. Возможно-ли допустить, чтобы Агнеса —такая сострадательная, нѣжная, любящая —была въ состояніи убить!.. Ей не убить гадину, не только человѣка. И ему стало безконечно жаль Агнесу... Она—еще не испытавшая жизни и ея радостей—уже связана на вѣки съ отвратительнымъ, нелюбимымъ старикомъ. И образъ Агнесы, тоскующей въ одиночествѣ, мелькнулъ передъ нимъ. Этотъ образъ—даже заочно обладавшій какою-то волшебною, притягательною силой — неотступно влекъ его къ себѣ...

И черезъ день графъ Борегаръ уже покорно ѣхалъ на своемъ сѣромъ конѣ по дорогѣ въ Тусенельскій замокъ. Агнеса знала, что это —послѣднее ихъ свиданіе наединѣ. «Длинный» Жанъ, одинъ изъ людей, сопровождавшихъ мужа въ Намюръ, возвратился вчера и объявилъ, что черезъ два дня его господинъ будетъ дома. Агнеса желала напослѣдокъ произвести на Борегара сильное впечатлѣніе и встрѣтила его на этотъ разъ въ самомъ кокетливомъ одѣяніи.

Агнеса знала, что Борегаръ въ восторгѣ отъ нея, что онъ увлеченъ ею, но этого сознанья было мало для нея. Она любила страстно, со всей силой молодого, здороваго животнаго и жаждала обладать любимымъ существомъ вполнѣ, цѣликомъ, безраздѣльно. «Онъ будетъ мой душой и тѣломъ!» говорила она себѣ. Силой женской проницательности почуявъ подъ воинственной наружностью графа натуру восторженную, поэтическую, способную къ великодушнымъ порывамъ, Агнеса старалась плѣнять его не одной тѣлесной, но и духовной красотой. Но въ то же время она знала, что тѣлесныя прелести—все-таки ея главное оружіе для покоренія мужчины. Для того, чтобы заставить Борегара отдаться ей душой и тѣломъ, сдѣлать такъ, чтобы Борегаръ не могъ жить безъ нея, Агнеса была готова на все. Для того, чтобъ окончательно увлечь графа могуществомъ своихъ животныхъ чаръ, она была бы готова сегодня явиться передъ нимъ хоть совсѣмъ нагою, и отъ этого рискованнаго поступка удерживало ее не чувство женской стыдливости и цѣломудрія, а то соображеніе, что ничѣмъ не прикрытая нагота иногда не такъ сильно привлекаетъ мужчину, какъ нагота, заманчиво задрапированная кускомъ какой-нибудь полупрозрачной ткани.

Сегодня на Агнесѣ было платье изъ тончайшей, серебристой матеріи, со шлейфомъ и съ широкими, разрѣзными рукавами, обнажавшими ей руки до плечъ. Грудь ея почти до половины была открыта... Напрасно Робертъ Блуа и другіе моралисты той эпохи совѣтовали женщинамъ «не позволять никому, кромѣ мужа, касаться ихъ грудей, такъ какъ для отраженія подобныхъ посягательствъ изобрѣтены застежки и булавки». Дамы не слушали такихъ совѣтовъ и кружили головы самимъ совѣтникамъ... На обоихъ бокахъ платья отъ таліи внизъ шли прорѣзы, изъ которыхъ бѣлѣло нижнее платье. Въ ту пору эти прорѣзы въ насмѣшку назывались «fenêtres d'enfer» — «адскими окошками», изъ которыхъ якобы выглядывали бѣсы женскаго кокетства. Напрасно также добрые люди нападали на эти нескромные прорѣзы, сочиняли на нихъ пасквили, писали каррикатуры, а сами блюстители общественной нравственности порой, какъ гласятъ хроники того времени, съ большимъ вниманіемъ заглядывали въ эти fenêtres d'enfer...

Прежде, чѣмъ выйти къ гостю, Агнеса долго стояла передъ зеркаломъ, любуясь собой и прижимая руку къ сильно бьющемуся сердцу. Подойдя къ двери, Агнеса остановилась. При взглядѣ на обнаженныя руки и на голую грудь, ей вдругъ стало стыдно, и жгучій румянецъ залилъ ея щеки. Еще никогда въ такомъ видѣ она не показывалась постороннему мужчинѣ; мужъ запретилъ ей при гостяхъ надѣвать это платье... Тяжело дыша отъ волненія, Агнеса стояла передъ дверью, крѣпко держась за ручку, и не знала, что ей дѣлать... одѣть-ли платье поскромнѣе или остаться полураздѣтой? «Нѣтъ, нѣтъ! Пускай онъ запомнитъ меня навсегда такою, какова я теперь!» сказала она себѣ и, съ рѣшимостью растворивъ дверь, вышла въ залу.

Цѣль была достигнута; желаемое впечатлѣніе произведено...

Не глазами блюстителя нравовъ, глазами безумно влюбленнаго посмотрѣлъ на нее Борегаръ, и, конечно, Агнеса Тусенель на этотъ разъ показалась ему такою обольстительною, какъ никогда. Онъ обнялъ ее и цѣловалъ,— цѣловалъ ей лицо, руки, грудь, цѣловалъ ея поясъ, цѣловалъ ея ноги... Горячій румянецъ и волненіе—послѣдняя дань женской стыдли-

вости—дѣлали Агнесу еще прелестнѣе въ его глазахъ. И у ногъ своей возлюбленной Борегаръ забылъ всѣ свои темные страхи и подозрѣнья, всѣ клятвы и рѣшенья, весь міръ забылъ...

Женщина торжествовала...

Агнеса Тусенель любила, какъ только можетъ любить женщина съ страстной, огневой натурой, впервые испытывающая это нѣжное чувство, но, не смотря на то, и въ пылу самыхъ горячихъ ласкъ она не потеряла самообладанія и смогла во время оттолкнуть отъ себя нетерпѣливаго любовника. Не сознаніе нравственнаго долга, не чувство позора и стыда удержали ее отъ паденія... Она, не отдавшись своему возлюбленному, уже прелюбодѣйствовала съ нимъ. Она испытывала какое-то дикое, мучительное наслажденіе—сгорать отъ стыда въ объятіяхъ мужчины, ступать на порогъ грѣха, порога не переступая... Отъ окончательнаго паденія ее удерживало лишь опасеніе—дешево продать свою любовь. Развѣ не можетъ случиться, что Борегаръ, теперь же добившись полной взаимности и удовлетворивъ свою страсть, не отвернется отъ нея въ тотъ день, когда она сдѣлается свободною? Вотъ это-то опасеніе и заставило ее сохранить за собой тѣнь цѣломудрія... Но весь тотъ день Агнеса Тусенель была очень мила и нѣжна, и Борегаръ остался отъ нея безъ ума. Онъ въ тотъ вечеръ долго прощался съ Агнесой, дольше и трогательнѣе, чѣмъ Ромео со своей Джульетой.

Черезъ два дня Борегаръ услыхалъ, что мессиръ Рауль Тусенель возвратился въ свой замокъ. Вскорѣ послѣ того подъ крестомъ, въ расщелинѣ сѣрыхъ камней, Борегаръ нашелъ письмо.

«Посылаю тебѣ столько поцѣлуевъ, сколько цвѣтовъ растетъ на землѣ!» писала ему Агнеса, и затѣмъ слѣдовали недосказанныя фразы, недомолвки, намеки... По этимъ намекамъ можно было заключить, что старый Тусенель какъ будто бы провѣдалъ о частыхъ посѣщеніяхъ Борегара въ его отсутствіе и сдѣлался ревнивѣе прежняго, что Агнесѣ жить стало тоскливѣе... Она просила Борегара *пока* не пріѣзжать. «Почувствуешь-ли ты, читая это письмо, какъ я горько плачу, какъ болитъ мое сердце!—писала Агнеса.—Ужасно подумать, дорогой мой: что сулитъ намъ будущее! Жду свиданья съ тобой, какъ увядающій цвѣтокъ ждетъ той минуты, когда солнечный лучъ блеснетъ ему изъ-за облаковъ. Твоя до гроба и за гробомъ—и *здѣсь*, и *тамъ*!»

Графъ былъ въ страшномъ отчаяніи, не зная, что ему предпринять. Если бы Рауль Тусенель былъ помоложе, Борегаръ при первомъ случаѣ вызвалъ бы его на поединокъ, но убить старика въ неравной борьбѣ онъ не могъ. И за что же бы онъ вызвалъ Тусенеля на бой? Если бы Борегаръ имѣлъ право заступиться за Агнесу, если бы онъ зналъ, что мужъ тиранитъ ее, онъ тотчасъ же напалъ бы на Тусенельскій замокъ и разгромилъ бы его... Но выраженія письма такъ темны, неопредѣленны, изъ нихъ рѣшительно не видно, чтобы мужъ жестоко обращался съ ней... Злобствуя и негодуя на Тусенеля, Борегаръ въ глубинѣ души чувствовалъ себя виновнымъ въ томъ, что посягалъ на его жену. И въ то же время ему было до боли жаль Агнесу, и онъ съ опасностью жизни былъ готовъ спасти ее отъ ревниваго старика. Но онъ не видѣлъ возможности развязать крѣпко затянутый узелъ. Всякіе ужасы уже начинали мерещиться ему. Онъ видѣлъ Агнесу то больною, умирающею, то уже мертвою, въ гробу. Томительно долги казались ему лѣтніе дни, а ночи были полны душевныхъ страданій и тревогъ. Напрасно графъ почти каждый вечеръ ѣздилъ къ сѣрому, каменному кресту, — писемъ не было. Такъ проходили дни, недѣли... Графъ страшно похудѣлъ: плоть изнемогала. Глаза его впали и блестѣли лихорадочнымъ огнемъ. Старый Авраамъ Энгуди, глядя на него, печально покачивалъ головой.

— Надо лѣчиться!—говорилъ ему врачъ.

— Ты не исцѣлишь меня! — возражалъ ему Борегаръ. — Не тѣло, душа моя болитъ...

А между тѣмъ правдой въ послѣднемъ письмѣ Агнесы было только то, что Агнеса дѣйствительно страдала, тосковала по немъ; все же остальное были выдумки, призраки ея разстроеннаго воображенія... Никто изъ слугъ не любилъ стараго скрягу; всѣ съ полнымъ сочувствіемъ относились къ молодой госпожѣ. Никто и не подумалъ ни однимъ словомъ обмолвиться при немъ о посѣщеніяхъ графа Борегара,—напротивъ, всѣ были очень довольны, что ихъ «бѣдная, молоденькая» госпожа, на зло своему старому тирану, нашла достойнаго себѣ поклонника въ молодомъ, блестящемъ рыцарѣ.

— Не все же ей тосковать въ одиночествѣ, да переносить немилыя ласки стараго

урода!—говорили люди.—Пускай и она поживетъ, порадуется...

Догадки челяди шли дальше дѣйствительности: тусенельскіе слуги полагали, что Агнеса была уже любовницей графа Борегара.

Правда, Рауль Тусенель, по возвращеніи изъ Намюра, сталъ ревнивѣе, подозрительнѣе прежняго, но для подозрительности его сама Агнеса дала поводъ. Она холодно встрѣтила его, и ей стало труднѣе прежняго скрывать свое отвращеніе къ нему... Женское лукавство продиктовало Агнесѣ нѣкоторыя недомолвки и намеки въ ея послѣднемъ письмѣ. Ей хотѣлось возстановить возлюбленнаго противъ мужа. Притомъ Агнеса разсчитывала на то, что Борегаръ, лишенный возможности видѣться съ нею и мучимый страстью и сожалѣніемъ къ ней, отважится, наконецъ, на какой-нибудь рѣшительный шагъ. Каковъ будетъ этотъ шагъ? она не могла догадаться и оставалась въ ожиданіи. Когда же прошла недѣля, другая и третья, и графъ не подавалъ о себѣ никакихъ извѣстій, Агнеса стала приходить въ уныніе и порой уже раскаявалась, что написала свое послѣднее письмо и просила его не ѣздить къ нимъ.

Страшныя опасенія начинали мучить ее. Не охладѣетъ-ли къ ней милый въ разлукѣ? Не потеряетъ-ли надъ нимъ своей силы то обаяніе, какое произвела она на него? «Дальше отъ глазъ, дальше отъ сердца!» гласитъ народная поговорка. Не поступила-ли она опрометчиво, какъ азартный игрокъ, все бросивъ на одну ставку?.. Написать еще письмо? Но какое же еще болѣе отчаянное, болѣе трогательное посланіе напишетъ она Борегару? Она была рада заговорить съ нимъ языкомъ ангеловъ, но этого языка не знаютъ бѣдные сыны земли...

Когда незадолго до отъѣзда въ Намюръ мужъ заболѣлъ, Агнеса ухоживала за нимъ, какъ самая старательная сидѣлка. Отвращеніе къ мужу замѣнилось въ ней на то время сожалѣніемъ, и Агнеса вообще стала какъ-то лучше, мягче относиться къ нему. Можетъ быть, въ тайнѣ она надѣялась, что смерть—владычица всего живущаго—порветъ узы, наложенныя на нее людьми. Теперь, когда она видѣла передъ собой Тусенеля опять здоровымъ и сильнымъ, она могла смотрѣть на него только съ ненавистью и омерзеніемъ. И ея ненависть, ея злоба и отвращеніе къ мужу еще усиливались оттого, что Агнеса была вынуждена старательно скрывать ихъ подъ маской покорности и совершеннаго довольства. И не повстрѣчайся ей на пути Борегаръ, она, быть можетъ,—хотя не безъ тайнаго ропота и возмущенья,—и прожила бы съ мужемъ всю жизнь, какъ въ монастырѣ. Теперь же неудовлетворенная жажда любви, жажда страстныхъ ласкъ, честолюбивое желаніе блистать въ мірѣ, сдѣлаться богатой, знатной, графиней, женой любимаго человѣка, желаніе испить до дна чашу житейскихъ наслажденій—мучили, терзали ее, сводили съ ума. Она, какъ узникъ, съ тоской изживала каждый часъ, каждое мгновенье и каждый протекшій день считала потерянымъ днемъ... Такъ можетъ пройти и вся жизнь,—и Агнеса, какъ роскошный цвѣтокъ, выросшій въ трещинѣ скалы, не радуя ни чьихъ глазъ, не видя ни солнца, ни неба,—можетъ погибнуть безъ свѣта и тепла. Съ отчаяніемъ, съ болью думала она о томъ, что прелести ея развернулись полнымъ цвѣтомъ, а время уходитъ, проходитъ молодость—и никто не любуется на ея красоту... Мужъ ей противенъ, а Эциго, этотъ неоперившійся птенецъ, теперь—когда она узнала Борегара—только дразнитъ ее и надоѣдаетъ своими вздохами и ухаживаньемъ.

Иногда поздно вечеромъ или ночью, въ минуту безсонницы, Агнеса Тусенель садилась полураздѣтая передъ своимъ серебрянымъ зеркаломъ — молчаливымъ повѣреннымъ ея тайнъ и печалей, и подолгу смотрѣлась въ него. Она распускала по голымъ плечамъ свои роскошные, темные волосы, убирала ихъ кораллами, на шею надѣвала ожерелье изъ рубиновъ, на руки—золотые, блестящіе браслеты и, облокотившись на столъ и опустивъ голову на руку, любовалась на себя, вся озаренная краснымъ огнемъ свѣтильниковъ, стоявшихъ по бокамъ зеркала. И съ сожалѣніемъ думала она о томъ, что ея милый не могъ видѣть ее въ тѣ минуты. Сквозь слезы порой взглядывала она на серебряную, нагую сирену, поддерживавшую зеркало, и на толстоногихъ амуровъ, полуприкрытыхъ виноградными листьями. А иногда въ минуты горькаго отчаянія и безсильной злобы она поднимала руку и готова была уничтожить это великолѣпное зеркало... О! отвратительный старикъ! Онъ какъ будто живетъ только для того, чтобы лишать ее счастья... Онъ день за днемъ уноситъ, крадетъ ея жизнь, ея молодость...

Темный замыселъ впервые промелькнулъ въ ея разгоряченной головѣ. Теперь въ часы

томительной безсонницы этотъ—до той поры смутный — замыселъ сталъ обрисовываться все яснѣе и яснѣе. Агнеса Тусенель все чаще и чаще стала вспоминать о зеленомъ камнѣ, хранившемся въ рѣзномъ, дубовомъ поставцѣ.

И часъ насталъ...

X.

Тотъ день былъ удушливо зноенъ. Къ вечеру заходили по небу темныя тучи. Вдали сверкала молнія и громъ глухо грохоталъ.

Старый Тусенель сидѣлъ въ залѣ, въ своемъ любимомъ, покойномъ креслѣ съ высокою спинкой. Агнеса въ легкомъ, бѣломъ платьѣ стояла въ амбразурѣ окна и, слегка наклонившись впередъ, приложивъ палецъ къ губамъ, какъ она, обыкновенно дѣлала въ минуты раздумья, слѣдила за молніями, загоравшимися вдали, надъ зелеными вершинами лѣсовъ. Въ залѣ стало темно отъ набѣжавшихъ тучъ и было такъ тихо, что явственно слышался шумъ вѣтра въ сосѣднемъ лѣсу.

— Агнеса! Ты потеряла...—вдругъ медленно заговорилъ старикъ.

Молодая женщина вздрогнула и какъ-то порывисто, торопливо опустила руку въ карманъ.

— Что я потеряла?..—пролепетала она, повернувъ къ мужу свое поблѣднѣвшее лицо.

— Да что съ тобой? Ты поблѣднѣла и вся дрожишь!— спросилъ Рауль.

— Я задумалась... ты испугалъ меня...

— Я хотѣлъ сказать, что ты за послѣднее время потеряла свой прежній хорошій, веселый нравъ!—спокойно продолжалъ Тусенель, смотря на жену.—Ты стала какъ-то задумчива, разсѣянна... по цѣлымъ днямъ слова отъ тебя не услышишь!

— Вотъ еще, что тебѣ почудилось!—возражала Агнеса.

— Нѣтъ, я замѣтилъ...—говорилъ мужъ.—Но, впрочемъ, съ женщинами это случается! Иди, садись сюда, дитя мое!—немного погодя, сказалъ старикъ, указывая Агнесѣ на бархатную скамейку.—Спой мнѣ какую-нибудь пѣсенку или сказку разскажи!

— Никакихъ сказокъ я не помню!—нехотя говорила Агнеса, подходя и садясь у ногъ мужа.

— Разсказывали же тебѣ какія-нибудь сказки!.. Вспомни!—настаивалъ старикъ.

— Ну, хорошо... Слушай!—и тономъ сказочницы тихимъ, ровнымъ голосомъ Агнеса начала:

— Въ одной странѣ далекой жилъ-былъ король Лотаръ. Онъ былъ старъ, былъ сѣдъ и хилъ. Красавицей изъ красавицъ была его единственная дочь, Розалинда. Много женихов сваталось къ ней,—все молодые, прекрасные люди. Но старикъ отказывалъ всѣмъ, ни за что не хотѣлъ разставаться съ Розалиндой. Старикъ берегъ ее, дрожалъ надъ нею, какъ скупой надъ золотомъ. Не то, чтобы онъ очень любилъ Розалинду,—онъ любилъ только самого себя, но онъ привыкъ къ ней, онъ кичился ею, и ему были пріятны ея уходъ и ласки. Ему, казалось, доставляло удовольствіе заѣдать ея молодую жизнь. Старый Лотаръ хотѣлъ бы приковать ее къ себѣ—такъ, чтобы и послѣ его смерти она никому не досталась и вмѣстѣ съ нимъ сошла въ могилу. Наконецъ, Розалинда такъ полюбила одного изъ женихов, что рѣшилась во что бы то ни стало вырваться изъ отцовскаго дома и выйти замужъ. Однажды ночью, въ сопровожденіи жениха, она прокралась въ спальню къ отцу и шелковымъ поясомъ задушила спящаго короля. На другой день они пошли въ церковь и...

— Знаю!—съ усмѣшкой перебилъ Тусенель.—Земля разверзлась подъ ногами грѣшников и поглотила ихъ...

— Нѣтъ!—возразила Агнеса.—Они повѣнчались, потомъ куда-то далеко сходили на богомолье, и жили долго и счастливо...

— Не нравится мнѣ твоя сказка, хотя и весело кончается она! — замѣтилъ старикъ. —Какъ жарко сегодня!—заговорилъ Тусенель, немного погодя. Жажда меня томитъ... Дай вина!

Агнеса взяла кубокъ и подошла къ большому столу, помѣщавшемуся посереди комнаты. Тутъ, повернувшись спиной къ мужу, она украдкой вынула изъ кармана щепотку сѣровато-зеленаго порошка, быстро бросила его на дно кубка и налила вина. Она была такъ поглощена своимъ дѣломъ, что и не замѣтила, какъ изъ-за пріотворенной двери два голубые глаза съ ужасомъ слѣдили за ней... Эциго хотѣлъ, было, крикнуть, ей: «Что ты дѣлаешь!» но, вмѣсто того, отъ страха закрывъ лицо руками, бросился въ свою каморку... Агнеса подала мужу вино. Тусенель разомъ отпилъ половину кубка. Агнеса, словно въ изнеможеніи, опустилась на скамейку у его ногъ и, положивъ руки къ нему на колѣни, низко понурила голову.

— Не хочешь-ли!—предложилъ старикъ, протягивая женѣ кубокъ.

— Нѣтъ! Я не хочу!—слегка отшатнувшись, промолвила та.

Старикъ медленно, маленькими глотками пилъ вино.

Синеватый отблескъ молній освѣщалъ порой большую залу. Громъ глухо гремѣлъ въ отдаленьи. Въ лѣсу вѣтеръ шумѣлъ.

— Странный вкусъ въ винѣ...—шепталъ про себя старикъ. — Возьми лучше лютню! Спой мнѣ что-нибудь... — обратился онъ къ женѣ.

Агнеса покорно взяла свою лютню и, сидя у ногъ мужа, запѣла тихо, вполголоса, одну старинную пѣсенку изъ временъ крестовыхъ войнъ:

«Крестъ нашивъ себѣ на грудь,
Ухожу я въ край далекій;
И поклонъ, пускаясь въ путь,
Шлю родной странѣ—глубокій.
* * *
Боже! мнѣ пошли, молю,
Возвратиться въ край родимый
И найти красу мою
Непорочной и счастливой!
* * *
Если жъ рокъ судилъ пойти
Ей дорогою безславной,—
Лучше дай мнѣ смерть въ пути,
Или въ битвѣ злой, кровавой!»

Гремѣло. Въ лѣсу вѣтеръ завывалъ. Синеватыя молніи озаряли залу... Старикъ медленно допивалъ вино. Агнеса, понурившись, сидѣла у его ногъ съ лютней въ рукѣ.

— Что это со мной?..—невнятно забормоталъ старикъ, безпокойно ворочаясь въ креслѣ и поднося руку къ головѣ.

Агнеса вскочила и, отступивъ шага на два, широко раскрытыми глазали, съ невыразимымъ ужасомъ, посмотрѣла на мужа. Она не думала, что *это* случится такъ скоро...

— Что жъ это... — задыхаясь, шепталъ старикъ, стараясь подняться съ кресла.

Въ то же мгновенье серебряный кубокъ вырвался у него изъ рукъ и, звеня, покатился по сѣрымъ каменнымъ плитамъ.

— Помоги же... ты!.. Никто!.. Никто...— хрипѣлъ Тусенель, уставившись на жену тупо, безсмысленно вытаращенными глазами.

Лицо его побагровѣло, потемнѣвшіе глаза, казалось, готовы были выкатиться изъ орбитъ, на лбу и на вискахъ виднѣлись капли пота; бѣлая пѣна выступила на губахъ,—и все его тучное, грузное тѣло конвульсивно вздрагивало. Его сѣдые волосы, отъ контраста съ сине-багровымъ лицомъ, теперь казались совершенно серебристыми.

Агнеса, блѣдная, какъ мертвецъ, въ бѣломъ платьѣ, посреди сумрака большой залы, озаряемая лишь на мгновенье фосфорическимъ блескомъ молній, неподвижно стояла, словно призракъ.

Старикъ запрокинулъ голову и страшно захрипѣлъ; тѣло его стало вытягиваться. Тусенель умиралъ...

Агнеса съ крикомъ бросилась вонъ изъ залы и принялась сзывать слугъ. Черезъ полчаса все было кончено,—и владѣлецъ Тусенельскаго замка уже покоился на своемъ высокомъ ложѣ подъ балдахиномъ—холоденъ и неподвиженъ.

Въ тотъ же вечеръ Агнеса, идя по корридору въ свою комнату, встрѣтилась съ пажомъ. Златокудрый Эдиго, съ совершенно несвойственной ему дерзостью, остановилъ ее, схвативъ за руку, и пытливо посмотрѣлъ на нее. Агнеса съ гнѣвомъ хотѣла вырвать у него руку, но Эдиго не выпускалъ ея.

— Я видѣлъ... я все видѣлъ! — прошепталъ онъ, наклоняясь къ ней.—Я видѣлъ, какъ ты сыпала порошокъ... Я могъ бы сейчасъ же объявить людямъ о твоемъ смертномъ грѣхѣ... Тебя живую закопали бы въ землю... Но, ты знаешь, я не могу тебя погубить! Будь ты ангелъ или дьяволъ, я люблю тебя!

Агнеса, крѣпко стиснувъ зубы и тяжело дыша, слушала и смотрѣла на юношу. И вдругъ она обняла рукой его шею и горячо поцѣловала его.

— Завтра вечеромъ приходи ко мнѣ!— чуть слышно шепнула она и убѣжала въ свою опочивальню.

«Этотъ влюбленный цыпленокъ можетъ все испортить!» подумала Агнеса, оставшись наединѣ. Теперь пока она поцѣлуемъ заставила его молчать, но надолго-ли? До завтрашняго вечера. Неужели же она снизойдетъ до этого мальчишки? Неужели ей суждено сдѣлаться рабой своего пажа? Нѣтъ, надо устранить немедленно угрожающую ей опасность!

А Эдиго послѣ ея ухода нѣсколько мгновеній стоялъ, какъ вкопанный. Совершается то, о чемъ онъ даже не дерзалъ мечтать... Голова его горѣла, щеки пылали, и онъ, въ предвкушеніи ожидавшаго его блаженства, самъ себя не помнилъ отъ восторга. Бѣдняга не чувствовалъ, что онъ неосторожно всталъ на дорогѣ разъяренному звѣрю, готовому растерзать его безъ сожалѣнія...

Поутру Агнеса выбрала свои лучшія драгоцѣнности — ожерелье, браслеты, головной

обручъ, золотомъ затканный поясъ, взяла еще горсть золота—и украдкой проскользнула въ каморку своего пажа, въ то время, когда Эцио уходилъ завтракать. Агнеса подбросила свои сокровища и деньги въ ларецъ пажа, и черезъ нѣсколько минутъ послѣ того, страшно взволнованная и разгнѣванная, созвала въ залу всѣхъ служителей и объявила, что вчера какой-то воръ, очевидно, воспользовавшись суматохой въ замкѣ, забрался къ ней въ комнату и укралъ у нея самыя цѣнныя вещи и много денегъ. Агнеса велѣла немедленно сдѣлать самый тщательный обыскъ.

Разумѣется, вещи и деньги скоро нашлись, и несчастнаго юношу бросили въ подземелье, служившее темницей.

«Живымъ оттуда онъ не выйдетъ!» рѣшила про себя Агнеса, забрасывая ключъ отъ подземелья въ кусты розъ, вившихся подъ ея окномъ.

XI.

Тихая, темная, благоухающая ночь заглядывала въ окно Западной Башни. На столѣ горѣлъ ночникъ и разливалъ вокругъ желтовато-красный свѣтъ. Графъ Борегаръ, стоя у окна, тихо игралъ на арфѣ и напѣвалъ:

«Я зову тебя пѣснью любви...
Набѣжали вечернія тѣни,
И откликнулись громко въ кустахъ соловьи
И о счастіи шепчутъ сирени.

***

Я зову тебя пѣснью любви»...

Борегаръ вздрогнулъ. Что это?.. За дверями послышались легкіе, торопливые шаги, дверь безъ шума распахнулась и на порогѣ явилась Агнеса.

— Агнеса! ты?—вскричалъ Борегаръ, бросившись къ ней навстрѣчу.—Одна? Ночью!..

Онъ схватилъ ее въ объятія и увлекъ на скамейку.

Агнеса, казалось, изнемогала отъ усталости. Темные волосы ея, растрепавшись, падали на плечи, на спину; вьющаяся, темная прядь ихъ свѣсилась ей на лобъ. Она была въ пунцовой накидкѣ-безрукавкѣ и въ блестящей черной амазонкѣ.

— Какъ я радъ! Какъ я счастливъ!—говорилъ Борегаръ, страстно цѣлуя и лаская Агнесу.

— Давно, какъ милости неба, ждала я этой минуты!—шептала Агнеса, прижимаясь къ его груди.

И болѣзненное, напряженное выраженіе, бывшее до тѣхъ поръ въ ея лицѣ, вдругъ словно растаяло, замѣнилось страстнымъ самозабвеніемъ, и Агнеса, запрокинувъ голову, обвилась вокругъ его шеи своими прелестными, полуобнаженными руками. Борегаръ уже терялъ послѣдній остатокъ самообладанія подъ ея соблазнительнымъ, чарующимъ взглядомъ. Эта красивая женщина—предметъ его желаній, душевныхъ мукъ и тайныхъ грезъ—теперь лежала въ его объятіяхъ. Она сама, какимъ-то чудомъ, явилась къ нему и, казалось, принесла съ собой въ эту каменную башню горячую атмосферу любви и страсти.

— Но какъ же ты явилась сюда? Верхомъ?

— Да! Мой конь остался у воротъ...

— А твой мужъ?—спрашивалъ Борегаръ.

Агнеса съ минуту не отвѣчала и лишь упивалась его поцѣлуями.

— У меня нѣтъ мужа! Теперь я — твоя, вся твоя и навѣки!—едва слышно прошептала Агнеса, скрывая на его груди свое пылающее лицо.

— А гдѣ же твой мужъ? — съ внезапной тревогой спросилъ ее Борегаръ.

— Умеръ!—еще тише промолвила она.

— Умеръ? — какъ эхо, отозвался Борегаръ, и страшное, мучительное подозрѣніе ледянымъ холодомъ обдало его.—Когда же? Отчего онъ умеръ?—спрашивалъ Борегаръ, освобождаясь изъ объятій возлюбленной и пытливо смотря на нее.—Агнеса! Да не молчи же, ради Бога! Не мучь меня! — умолялъ онъ ее.—Скажи: отчего же онъ умеръ?

— Зачѣмъ ты такъ меня спрашиваешь, Луи? Зачѣмъ такъ странно смотришь на меня? Ты меня пугаешь... — говорила Агнеса, не глядя на него.

— Агнеса! Не отворачивайся отъ меня... Посмотри мнѣ прямо въ глаза!—заговорилъ графъ.—Ради всего святого, ради спасенія души, ради нашей любви, успокой меня, умоляю тебя... Скажи: что сдѣлалось съ твоимъ мужемъ? Отчего онъ умеръ?

Борегаръ поблѣднѣлъ и смотрѣлъ на Агнесу такъ, какъ будто хотѣлъ заглянуть въ самые сокровенные тайники ея души. Сердце его, обуреваемое страхомъ и сомнѣніями, никогда — даже въ минуты самыхъ горячихъ схватокъ боя — такъ сильно не билось и не замирало, какъ теперь въ ожиданіи отвѣта... Агнеса въ волненіи такъ сильно сжала руки, что пальцы ея хрустнули.

Молчаніе было ея отвѣтомъ. Борегаръ порывисто поднялся со скамейки.

— Ты убила его!..—съ ужасомъ прошепталъ онъ какимъ-то подавленнымъ голосомъ.

Агнеса также встала и, какъ кающаяся, съ робкимъ, униженнымъ видомъ стояла передъ нимъ. Прелестна была эта грѣшница...

— Несчастная! Что ты сдѣлала!—простоналъ Борегаръ, опуская руки.—Боже, Боже! Проклятіе на насъ...

— Я порвала съ прошлымъ, я всѣмъ пожертвовала... Неужели ты меня толкнешь въ адъ за всю мою любовь? — заговорила Агнеса, тяжело дыша, и въ порывѣ любви и жгучаго отчаянія бросилась на колѣни, къ его ногамъ.—Я люблю тебя, Луи! Люблю... Не отталкивай же меня! Бери меня, люби меня... Я—вся твоя!.. Я буду твоей рабой, твоимъ оруженосцемъ...

Борегаръ, какъ во снѣ, смотрѣлъ на ползавшую у его ногъ женщину, полузавѣшенную волнами темныхъ волосъ, и ему чудилось, что у ногъ его, на полу, пресмыкается не женщина, не красивое Божье созданіе, но какая-то отвратительная, зловредная гадина, готовая изъ-за своей похоти передушить полъ-міра за тѣмъ, чтобы властвовать стихійно надъ другой половиной его. И Борегаръ почувствовалъ въ то мгновенье, что страсть, еще за минуту клокотавшая въ немъ, горѣвшая во всемъ существѣ его, вдругъ погасла, потухла... Горько стало у него на душѣ, а вокругъ него—холодно и пусто...

— Уйди! — дрогнувшимъ голосомъ прошепталъ онъ.

— Уйти!? — вскричала Агнеса и, словно ужаленная этимъ словомъ, быстро поднялась съ полу.—Ты говоришь: уйди! Ты говоришь это мнѣ теперь, когда я пришла къ тебѣ свободная, когда я попираю женскій стыдъ и мнѣніе людское и говорю тебѣ: бери меня! А ты?.. Ты меня гонишь, какъ одну изъ тѣхъ женщинъ, которыхъ, на потѣху толпѣ, съ позоромъ выгоняютъ за городъ плетьми!

Теперь Агнеса стояла передъ нимъ, гордо закинувъ голову, во всемъ обаяніи своихъ демонскихъ прелестей. Глаза ея сверкали, щеки горѣли румянцемъ, тонкія ноздри раздувались отъ бѣшенства, губы были полураскрыты.

Борегаръ смотрѣлъ на нее и какъ будто ея не видалъ. Между нимъ и Агнесой, чудилось ему, вдругъ поднялся блѣдный призракъ сѣдовласаго старика. И этотъ призракъ становился все прозрачнѣе, все выше, выше и, казалось, досягалъ головой до облаковъ.

— Не ты-ли молилъ меня о любви?—задыхаясь, шептала Агнеса.—Не ты-ли самъ нашептывалъ мнѣ прельстительныя рѣчи? Гдѣ жъ твои клятвы и увѣренья? Не ты-ли сотни разъ повторялъ, что я для тебя дороже всего на свѣтѣ? Не ты-ли, какъ презрѣнный рабъ, обнималъ мои колѣни, вымаливая у меня поцѣлуй—только одинъ поцѣлуй! Одинъ мой взглядъ, одна моя улыбка дѣлали тебя счастливымъ... Вотъ еще здѣсь, недавно, ты весь дрожалъ отъ одного прикосновенія ко мнѣ... А теперь!.. Гдѣ жъ теперь твоя любовь?

— Теперь... я не люблю тебя!—съ болью вырвалось у Борегара.

И онъ сознавалъ, чувствовалъ всѣмъ существомъ своимъ, что онъ не любитъ и не можетъ любить эту женщину, ради которой еще за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ онъ готовъ былъ пожертвовать всѣмъ на свѣтѣ.

— Не любишь! — съ яростью прошипѣла Агнеса.—А-а! Ты боишься загрязниться отъ прикосновенія ко мнѣ? Ты считаешь себя чистымъ... Такъ, знай же: «ты» повиненъ въ моемъ грѣхѣ... Изъ-за тебя погибъ не одинъ мой мужъ... погибло еще другое живое существо... ребенокъ! Да! Теперь онъ, вѣроятно, уже задохся въ дыму... Изъ-за тебя я не остановилась ни передъ чѣмъ, не оставила камня на камнѣ, и слѣды своего преступленія огнемъ замела... Смотри!

Агнеса быстро подошла къ окну и, протянувъ руку, указала вдаль.

Борегаръ невольно оглянулся и увидалъ, что въ той сторонѣ, гдѣ находился Тусенельскій замокъ, багровое, кровавое зарево окрасило ночное небо. Агнеса, какъ безумная, схватилась за голову и съ дикимъ хохотомъ выбѣжала изъ башни.

Борегаръ вздрогнулъ и провелъ рукой по лицу, словно пробуждаясь отъ страшнаго, угнетавшаго его кошмара. Да! Эта женщина сказала правду... Грѣхъ—на его душѣ. Сожалѣнія о погибшей мечтѣ и укоры совѣсти больно язвили его.

Ночникъ догорѣлъ и погасъ,—только фитиль дымитъ и чадитъ... Борегаръ остался впотьмахъ... Такъ и бѣшеная страсть его прогорѣла и потухла, оставивъ послѣ себя удушливый смрадъ и мракъ.

«Искупленіе! Да!.. Надо хоть достойной смертью искупить жизнь, полную грѣха и заблужденій!» подумалъ Борегаръ, смотря на красное зарево, игравшее въ ночномъ небѣ.

Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того, во время крестьянской войны, графъ Луи Борегаръ принялъ участіе въ борьбѣ, вставъ на сторону народа, и погибъ въ одной изъ жестокихъ схватокъ...

Агнеса Тусенель ушла въ монастырь и дожила тамъ полусумасшедшей до глубокой старости. Къ великому соблазну монахинь — и подъ старость—не разъ говорила она о томъ, что она любитъ и любима страстно однимъ блестящимъ рыцаремъ, Луи, («а фамиліи его она никому, никому не скажетъ!»), что этотъ рыцарь не сегодня—завтра явится за ней и умчитъ ее въ свой прекрасный замокъ. И тамъ — далеко, далеко отъ этого скучнаго, угрюмаго монастыря—надъ ихъ замкомъ круглый годъ будетъ свѣтить солнце и въ саду у нихъ станутъ цвѣсти розы, лиліи и душистыя фіалки, и подъ тѣнью цвѣтущихъ липъ она съ рыцаремъ станетъ проводить дни и ночи; они будутъ очень счастливы и станутъ жить долго-долго... И чудесная птичка будетъ постоянно пѣть надъ ихъ головой въ вѣтвяхъ цвѣтущей липы...

Отъ замка Борегаръ-Маро—такъ же, какъ отъ Тусенельскаго замка, остались лишь груды сѣрыхъ камней; на мѣстѣ ихъ шумитъ сосновый лѣсъ.

1892 г.

ВОСТОЧНАЯ СКАЗКА.

На дальнемъ Востокѣ, въ странѣ жасминовъ и розъ, въ старые годы царствовалъ злой шахъ, по имени Алекъ-Эддинъ. Его всѣ боялись... даже уличныя собаки, издали завидѣвъ его, прятались отъ него съ жалобнымъ воемъ.

Однажды шаху показалось, что въ его странѣ слишкомъ шумно и безпокойно. Призываетъ онъ своего визиря и говоритъ ему:

— Пусть соберутся на совѣщаніе всѣ мои вѣрные сатрапы и придумаютъ: какъ бы въ государствѣ водворить тишину!

— Все будетъ исполнено, свѣтозарный шахъ, по твоему желанію!—промолвилъ визирь, покорно склонившись передъ грознымъ властителемъ.

Вотъ и собрались на совѣщанье всѣ сатрапы—большіе и малые. Думали и совѣщались они ровно три недѣли и три дня и выдумали, наконецъ, для водворенія тишины, приказать: всѣ колеса въ государствѣ, начиная съ колесницъ и кончая послѣдней дрянной арбой, обмотать мягкими тряпицами; копыта у лошадей и ословъ также тщательно обмотать тряпками; на улицахъ настлать побольше соломы и сѣна; запретить музыку, пѣніе, крики и смѣхъ—вообще всякій стукъ и шумъ, разговоры на улицахъ и площадяхъ дозволить только шепотомъ, а въ домахъ—при закрытыхъ окнахъ и дверяхъ—допустить разговоры вполголоса; дѣтей, собакъ и прочія безпокойныя существа содержать въ желѣзныхъ намордникахъ; за нарушеніе этихъ постановленій назначается смертная казнь.

Шаху понравились эти законы. Онъ одобрилъ ихъ и каждому изъ сатраповъ далъ въ награду по брилліанту. И законы вошли въ силу. Могильное безмолвіе объяло все государство. Не слышно стало ни звонкихъ, дѣтскихъ голосовъ, ни веселаго смѣха, ни музыки, ни пѣсенъ, ни уличнаго шуму и гомону. Не слышно стало жизни.

Собаки въ желѣзныхъ намордникахъ — скучныя, унылыя—бѣгали, поджавъ хвосты. Люди бродили неслышно, какъ тѣни, и перешептывались другъ съ другомъ на ухо. Вмѣстѣ съ безмолвіемъ, страшная, гнетущая тоска обуяла всѣхъ. Только шахъ да его сатрапы, получившіе по брилліанту, оставались довольны. Сидѣлъ-ли шахъ въ глубинѣ своихъ покоевъ, подходилъ-ли къ окну, выѣзжалъ-ли изъ своего дворца, — никакой шумъ не долеталъ до него. Вездѣ и все было тихо, какъ въ гробу... «Прекрасно! Прекрасно!» повторялъ шахъ, потирая руки отъ удовольствія. «Этого-то мнѣ и надо было»... Стали, было, поговаривать, что съ тѣхъ поръ, какъ на собакъ надѣли намордники, эти вѣрные сторожа сдѣлались совершенно безполезны, что усилились воровства и грабежи, что недобрые люди, пользуясь переполохомъ, начали изподтишка ловить рыбу въ мутной водѣ, начали производить ужасныя безчинства

надъ мирными гражданами, не смѣвшими изъ страха тяжкаго наказанія ни кричать, ни взывать о помощи; сильный втихомолку давилъ слабаго, начальники и судьи ударились въ лихоимство. Но тишина все-таки ое нарушалась. Шаху надо было, во что бы то ни стало, водворить тишину: онъ водворилъ ее при помощи своихъ вѣрныхъ сатраповъ и теперь ничего болѣе знать не хотѣлъ.

Теперь Алекъ-Эддинъ могъ спокойно предаваться своему любимому занятію. А любимое занятіе его было довольно странное... Каждое утро къ нему въ башню приносили семь большихъ вазъ, наполненныхъ самыми блестящими, самыми роскошными цвѣтами, какіе когда-либо цвѣли въ той благодатной странѣ подъ яркими, животворящими лучами южнаго солнца. Каждый цвѣтокъ могъ служить украшеніемъ, представляя собой чудеснѣйшее артистическое произведеніе природы. Каждымъ цвѣткомъ можно было залюбоваться... Но шахъ не любовался на цвѣты. Онъ бралъ изъ вазы цвѣтокъ за цвѣткомъ и съ какимъ-то дикимъ злорадствомъ обрывалъ ихъ прелестные, благоухающіе лепестки, разбрасывая ихъ кругомъ себя. Каждый вечеръ весь полъ въ его башнѣ покрывался завядшими, нѣжными лепестками, какъ живымъ ковромъ, и шахъ, тяжело ступая, съ видимымъ наслажденіемъ ходилъ по этимъ умирающимъ лепесткамъ, топча и растирая ихъ во прахъ подъ ногами... А на утро являлись новыя вазы съ новыми, свѣжими цвѣтами, едва лишь успѣвшими распуститься...

Однажды весной, подъ вечеръ, Алекъ-Эддинъ шахъ сидѣлъ въ своемъ дворцѣ у открытаго окна и наслаждался мертвой тишиной, объявшей все государство. Ни звука, ни шелеста, — точно на кладбищѣ. «Чудесно!» Шахъ легко вздохнулъ и, зажмуривъ глаза, сладко потянулся... Но, чу! Что это?.. Веселыя и звонкія, серебристыя трели вдругъ раздаются надъ самымъ ухомъ сердитаго шаха и нарушаютъ царящее вокругъ него безмолвіе. Эти звуки, волна за волной, льются словно съ далекаго, свѣтлаго неба и широко разливаются надъ землей. Шахъ изумленъ, пораженъ. Въ негодованіи раскрываетъ онъ глаза и видитъ: передъ нимъ на подоконникѣ, Богъ вѣсть откуда взявшись, порхаетъ птичка, щебечетъ такъ свѣтло-радостно и поетъ свою вольную пѣсню, сложенную въ чащѣ дремучихъ лѣсовъ и на зеленомъ просторѣ полей... Но развѣ не запрещены эти пѣсни шаховымъ указомъ — подъ страхомъ тяжкаго наказанія? Это еще что за пичужка, дерзающая ослушаться его повелѣнія! Алекъ-Эддинъ нахмурился, насупился и съ минуту злобно, съ ненавистью смотрѣлъ изъ - подлобья на птичку. Чарующіе, мелодичные звуки ея вольныхъ пѣсенъ приводили шаха въ ярость, въ изступленье. Лицо его потемнѣло, какъ грозовая туча, а въ глазахъ его подъ нависшими бровями сверкала зловѣщая молнія. Эта молнія сверкала всегда, когда шахъ приказывалъ кого-нибудь казнить или вырвать у кого-нибудь глаза. А птичка той порой проворно повертывала хорошенькой головкой и своими бойкими, темными глазками безбоязненно смотрѣла въ его нахмуренныя очи, ежеминутно готовясь вспорхнуть и исчезнуть въ полупрозрачной синевѣ наступавшихъ сумерекъ. Наконецъ, злой властитель уже не могъ долѣе сдерживать себя. Онъ громко захлопалъ въ ладоши, птичка улетѣла, а на зовъ Алекъ-Эддина отовсюду сбѣжались слуги.

Шахъ приказываетъ позвать къ себѣ главнаго визиря. Тотъ живо является передъ нимъ... Грознымъ окрикомъ встрѣчаетъ его шахъ:

— Птицы поютъ подъ нашимъ окномъ какія-то глупыя, лѣсныя пѣсни, тишину нарушаютъ, а ты ничего не видишь и не слышишь! Такъ-то ты бережешь нашу особу!.. Прекратить всѣ эти пѣсни немедленно, сейчасъ, сію минуту!..

У визиря сердце дрогнуло отъ грознаго окрика, и по окончаніи аудіенціи онъ со всѣхъ ногъ бросился исполнять повелѣніе своего властелина. Онъ нагналъ цѣлую толпу воиновъ и приказалъ имъ стрѣлять на всѣ четыре стороны. Палили, палили, и кончилось это жаркое дѣло тѣмъ, что часть птицъ въ государствѣ перебили, а остальныя разлетѣлись, куда глаза глядятъ. Съ тѣхъ поръ, напуганныя птички уже болѣе не показывались передъ окномъ, — и Алекъ-Эддинъ опять успокоился.

Прошло немного — немало времени. Приближалась зима... Осенніе вѣтры дни и ночи напролетъ бушевали надъ тою страной. Вѣтеръ то жалобно шумѣлъ деревьями въ обширномъ дворцовомъ саду, то стоналъ и плакалъ, какъ милліонъ дѣтей, замучиваемыхъ на смерть, то съ какимъ-то насмѣшливымъ, дерзкимъ хохотомъ и визгомъ задувалъ въ трубы каминовъ, то, какъ бѣшеный, съ ди-

кимъ восмъ проносился вокругъ дворца и, обогнувъ за уголъ, мчался въ темное пространство—съ тѣмъ, чтобы черезъ нѣсколько минутъ возвратиться снова и снова съ ревомъ и свистомъ налетѣть на дворецъ. Однажды къ ночи вѣтеръ до того разгулялся, что оторвалъ ставню у окна шаховой опочивальни и выбросилъ изъ камина цѣлую груду горячихъ угольевъ на великолѣпный персидскій коверъ. Шахъ, какъ быть на ту пору, сидѣлъ передъ камелькомъ, стараясь согрѣть у огня испорченную холодную кровь, медленно переливавшуюся въ его жилахъ. Уголья и красноватыя искры дождемъ посыпались ему прямо подъ ноги... Шахъ не выдержалъ.

— А-а! Вотъ какъ!—вздрогнувъ, прошипѣлъ онъ и, не помня себя отъ злости, звонко, неистово захлопалъ въ ладоши.

Заспанные, оторопѣлые слуги сбѣжались къ нему, какъ на пожаръ.

— Позвать ко мнѣ главнаго визиря!—крикнулъ Алекъ-Эддинъ, ломая въ ярости чудесныя рѣзныя ручки своего любимаго кресла.

— Ты что жь, несчастный... развѣ не слышишь, какъ вѣтеръ реветъ и гудитъ надъ нашими головами? — напустился онъ на своего визиря, когда тотъ, блѣдный и дрожащій отъ страха, явился передъ нимъ ни живъ, ни мертвъ. — Тишина нарушается, наши повелѣнія нагло осмѣиваются, а ты спишь и не принимаешь никакихъ мѣръ... Если ты не прекратишь этого шума и гула, я прикажу отрубить тебѣ голову и трупъ твой бросить звѣрямъ на съѣденье! Слышишь? Иди и унимай!..

Визирь пролепеталъ что-то коснѣющимъ языкомъ и внѣ-себя отъ страха бросился вонъ, поминутно хватаясь за голову, какъ бы желая удостовѣриться, что она все еще у него на плечахъ.

По его приказанію милліоны рабочаго народа согнали ко дворцу. Было повелѣно строить вокругъ дворца толстыя, каменныя стѣны—чуть не до облаковъ. Люди оборванные, голодные и худые — ползали, какъ муравьи, по грудамъ массивныхъ камней, носили щебень, поднимали камышекъ по камышку, лѣпили и строили. Строили—строили эти жалкіе, маленькіе люди и, наконецъ, выстроили громадныя стѣны, выше которыхъ не бывало на свѣтѣ со временъ вавилонскаго столпотворенія... Злой шахъ опять успокоился. Вѣтеръ уже не долеталъ до его оконъ; шумъ вѣтра былъ почти не слышенъ изъ-за толстыхъ, каменныхъ стѣнъ. Наконецъ-то водворилась кругомъ него такъ давно желаемая имъ гробовая тишина. Наконецъ-то онъ совсѣмъ отдѣлился отъ живого міра. Шахъ даже засмѣялся, захохоталъ отъ восторга, и хохотъ его какъ-то странно и дико звучалъ подъ сумрачными сводами дворца. Онъ—могущественный, свѣтозарный шахъ—пересилилъ послѣдняго своего врага, до сего времени безнаказанно смущавшаго его покой и открыто ругавшагося надъ его повелѣніями. Онъ побѣдилъ!.. Да! Алекъ-Эддинъ былъ увѣренъ, что онъ остался побѣдителемъ въ этой упорной борьбѣ жизни съ смертнымъ покоемъ.

Прошло немного—немало времени. И вдругъ поднялась такая страшная буря, какой даже не запомнили люди въ той странѣ. Буря свирѣпствовала съ ужасающей силой. Вѣковыя деревья—лѣсные великаны—вырывались съ корнемъ, какъ легкія былинки, и неслись по землѣ. Деревни, села и даже цѣлые города были разрушены. Громадные корабли, какъ бумажныя, игрушечныя лодочки, выбрасывались на берегъ и разбивались о камни, какъ скорлупа гнилыхъ орѣховъ... Массивныя, каменныя стѣны, со всѣхъ сторонъ окружавшія дворецъ, дрожали въ своемъ основаніи, словно буря готовилась окончательно расшатать ихъ. Съ дворца сорвало чугунную кровлю и расшибло ее въ дребезги, оторвало у оконъ нѣсколько ставень. Громъ и грохотъ бури день и ночь раздавались вокругъ дворца и надъ дворцомъ...

Черная ночь спустилась на землю.

Въ большой залѣ дворца горятъ огни. Шахъ въ блестящемъ одѣяніи сидитъ на тронѣ. Шапка его украшена многоцѣннымъ бриллiантомъ, вся унизана жемчугомъ. Вся одежда его, затканная золотомъ, какъ жаръ горитъ. По бокамъ трона стоятъ неподвижно, какъ статуи, грозные воины, закованные въ желѣзо, съ оружіемъ въ рукахъ, и смотрятъ на всѣхъ изъ-подъ своихъ желѣзныхъ касокъ такъ, какъ-будто хотятъ съѣсть. Передъ трономъ полукругомъ, въ почтительномъ отдаленіи, стоятъ, склонивъ головы, визири, сатрапы, евнухи, придворные и позади всѣхъ мудрецы.

Ненарушимое молчаніе царствуетъ въ залѣ, и явственно слышно, какъ за стѣнами дворца въ полуночной тьмѣ буря гудитъ и реветъ. Шахъ сидитъ блѣдный. Его искаженное яростью лицо судорожно подергивается, губы крѣпко сжаты. Одна нога его покоится на сту-

пени трона, а другою — съ силой упирается онъ въ лежащаго передъ нимъ дикаго вепря. Вепрь лежитъ, оскаливъ зубы, и страшно вращаетъ своими налитыми кровью глазами... При каждомъ порывѣ бури шахъ весь дрожитъ отъ гнѣва. Его длинные, костлявые пальцы конвульсивно хватаются за ручки трона, а пылающіе глаза мечутъ молніи изъ-подъ нависшихъ бровей.

— Эй вы, мудрецы!—задыхающимся, дрожащимъ голосомъ кричитъ онъ, повелительно махнувъ своею бѣлой рукой. — Кто изъ васъ старѣйшій? Выйди сюда!..

Тогда изъ заднихъ рядовъ выходитъ высокій старикъ, худой, какъ скелетъ, и бѣлый, какъ лунь, съ длинною серебристою бородой... Неровнымъ, колеблющимся шагомъ онъ приближается къ трону и почтительно останавливается передъ шахомъ, опираясь на свой длинный посохъ, разрисованный какими-то загадочными іероглифами.

— Старикъ! —обратился къ нему шахъ.— Мудрецы все знаютъ, передъ ними открыты всѣ тайны неба и земли, для нихъ нѣтъ ничего сокровеннаго ни въ землѣ, ни подъ землей... Вы измѣрили моря, вы сосчитали звѣзды... Неужели же вы, прославленные мудрецы, не можете придумать: какъ бы укротить непокорную стихію, нарушающую спокойствіе и порядокъ, нарушающую тишину въ нашемъ государствѣ, несмотря на всѣ наши повелѣнія? Во что бы то ни стало надо укротить эту буйную, дерзкую стихію, открыто ругающуюся надъ всѣми нашими усиліями, надо укротить ее такъ, чтобы и впослѣдствіи—во всѣ грядущія времена—немыслимы были такія бури, какія пришлось пережить намъ... Пусть же двѣнадцать мудрѣйшихъ изъ васъ идутъ въ Залу Совѣщаній и придумаютъ мѣры для укрощенія бурь! Если вы исполните мою волю — я васъ озолочу, если жъ нѣтъ, то горе вамъ! Иди!

Старикъ, молча, посмотрѣлъ на шаха своими выцвѣтшими, тусклыми очами, молча склонилъ голову и въ сопровожденіи двѣнадцати мудрѣйшихъ изъ своихъ собратій удалился изъ залы. Послѣ того визири, сатрапы, евнухи и вся придворная челядь была отпущена съ предупрежденіемъ, что при первомъ случаѣ нерадѣнія съ ихъ стороны при укрощеньи бури всѣ они будутъ подвергнуты лютой казни.

Горятъ огни въ большой пустой залѣ. Шахъ одинъ сидитъ на тронѣ, — одинъ со своими темными думами... А мудрецы напрасно ломали свои старыя головы, ничего не могли придумать.

Тутъ-то злой шахъ почувствовалъ все свое безсиліе передъ могучей стихіей и, какъ бѣшеный звѣрь въ клѣткѣ, сталъ метаться изъ угла въ уголъ по своимъ роскошнымъ покоямъ. При каждомъ порывѣ бури, потрясавшемъ оконницы и стѣны дворца, онъ дрожалъ отъ ярости и негодованія. То онъ хватался за грудь, словно боясь, чтобы злое сердце его не разорвалось съ великой досады и съ отчаянія, то онъ въ безсильной ярости запускалъ пальцы въ свои волосы, жесткіе, какъ кабанья щетина, и дергалъ—дергалъ ихъ, то воздѣвалъ руки къ небу—не то съ мольбой, не то съ угрозой.

Уже третій день бушевала буря. Приближалась ночь... Шахъ, утомленный безсонницей и пережитыми волненіями, обуреваемый злобой и яростью, блѣдною тѣнью скитался по дворцу и уже приходилъ къ мысли—смириться передъ грозной, непобѣдимой стихіей. Тутъ пришла къ нему жена его, Фатьма, маленькая, злая женщина, съ черными глазами.

— Хочу смириться!—чуть внятно прошепталъ онъ, останавливаясь передъ женой.

Та гордо вскинула голову, и по ея блѣдному лицу пробѣжала тѣнь.

— Ты говоришь, какъ женщина!—съ горечью промолвила она, презрительно посмотрѣвъ на шаха.—Такъ садись лучше за прялку и пряди, а я со своимъ гаремомъ стану править государствомъ...

Злая, ехидная женщина замолчала. Ея сухія, тонкія губы подергивались кривой усмѣшкой. Она, знала, что ея стрѣла попадетъ въ цѣль. Шахъ нахмурился. Усы его ходенемъ заходили, а на лбу и на вискахъ жилы напряглись, какъ у быка. Глаза блеснули... А Фатьма, наблюдая за нимъ, беззвучно смѣялась...

— Что жъ мнѣ дѣлать?—грозно зарычалъ онъ, какъ раненый, разсвирѣпѣвшій звѣрь.— Ну! говори: что мнѣ дѣлать?

Жена видѣла, что адъ со всѣми его темными демонами опять всколыхнулся и заклокоталъ въ душѣ ея повелителя. Ей только того и надо было. Ея жесткія, насмѣшливыя слова сдѣлали свое дѣло.

— Я скажу тебѣ, что надо дѣлать!—таинственно прошептала она, кладя руку ему на плечо и заглядывая своими злыми, черными глазками въ его нахмуренное лицо.—

Вчера, въ полночь, украдкой я носила твой мечъ къ старой колдуньѣ. Ни одна живая душа, ни звѣрь, ни птица не видали меня... Колдунья за груду золота заворожила твой мечъ. Теперь онъ будетъ несокрушимъ въ твоей рукѣ! Бери его! Иди съ нимъ въ бой... *Иди одинъ!*

Алекъ-Эддинъ, наклонивъ голову, съ жадностью внималъ заманчивымъ рѣчамъ. Когда же Фатьма замолчала, онъ выпрямился и тряхнулъ головой.

— Хорошо!—проговорилъ онъ.

О, да! Онъ еще поборется съ бурей...

Въ Залѣ Пиршествъ былъ поданъ въ тотъ вечеръ роскошный ужинъ. Шахъ сидѣлъ рядомъ съ женою на мягкомъ низенькомъ диванѣ, покрытомъ малиновымъ бархатомъ съ золотыми цвѣтами. Передъ нимъ на мраморномъ столѣ, посреди вазъ съ великолѣпнѣйшими цвѣтами, стояли самыя рѣдкія кушанья и самыя дивныя вина. Разноцвѣтныя восковыя свѣчи—красныя, розовыя, синія, зеленыя—горѣли въ массивныхъ, серебряныхъ канделябрахъ, изображавшихъ собой груды человѣческихъ череповъ — самой тонкой, изящной работы. Въ четырехъ углахъ залы стояли курильницы; синеватый дымъ тонкими струйками вился надъ ними и вмѣстѣ съ дымомъ прелестные ароматы разносились по залѣ. Семь красивыхъ молодыхъ дѣвушекъ въ легкихъ одѣяніяхъ, какъ семь гурій магометова рая, прислуживали за столомъ, неслышно порхая по мягкимъ коврамъ и скользя, какъ тѣни. Онѣ наливали вино въ золотыя чаши, подносили фрукты... За шахомъ и его женой стояли два черныхъ арапа въ яркихъ пестрыхъ передникахъ и опахалами изъ страусовыхъ перьевъ навѣвали прохладу на сидящихъ.

Наконецъ, Фатьма сама налила въ золотыя чаши вина—краснаго, какъ кровь, чокнулась съ шахомъ и пожелала ему успѣха. Ужинъ кончился. Исчезли и чудныя дѣвы, и черные арапы,—огни исчезли. Шахъ сталъ торопливо готовиться къ бою. Онъ надѣвалъ блестящіе латы, кольчугу, шлемъ. Отъ нетерпѣнья его пробирала лихорадочная дрожь, и руки его такъ сильно тряслись, что жена была вынуждена помогать ему одѣваться. Наконецъ, онъ готовъ... Онъ схватываетъ тяжелый, прадѣдовскій мечъ и идетъ изъ дворца, — выходитъ на пустынную площадь передъ дворцомъ.

Глухая полночь... Черныя тучи нависли надъ землей. Темно на небѣ, темно на землѣ. Гремитъ громъ, сверкаетъ молнія,—буря неистовствуетъ съ страшной силой.

— Выходи! — хриплымъ голосомъ вызываетъ шахъ, становясь лицомъ къ вѣтру и грозно размахивая своимъ тяжелымъ мечомъ! —Выходи! Поборемся!..

И безумной отвагой пылающія очи онъ устремляетъ на черныя, несущіяся надъ головой его облака.

Шахъ то пропадаетъ во мракѣ, то при свѣтѣ молніи снова является на нѣсколько мгновеній, какъ призракъ. И тогда видно, какъ онъ стоитъ въ вызывающей позѣ, съ гордо поднятой головой; видно, какъ развѣваются перья на его высокомъ, позлащенномъ шлемѣ; видно, какъ онъ съ силой размахиваетъ своимъ тяжелымъ мечомъ. И мечъ блеститъ въ его рукѣ и блестятъ его позлащенныя латы. Наконецъ, шахъ сталъ изнемогать; мечъ уже съ трудомъ, невѣрно ходилъ въ его рукѣ. А буря не унималась, но, казалось, свирѣпѣла все пуще и пуще. Мечъ выпалъ изъ рукъ шаха. Шахъ застоналъ, покачнулся... Вѣтеръ налетѣлъ на него, шахъ зашатался и безъ чувствъ грохнулся на земь, задыхаясь отъ смертельной усталости и проклиная... Битва кончилась.

Буря, прошумѣвъ побѣдную пѣснь, пронеслась надъ холодѣвшимъ трупомъ Алекъ-Эддинъ шаха и вмѣстѣ съ темными, клубящимися тучами—умчалась въ даль.

На утро ясный и тихій, прекрасный день засвѣтился надъ землею. И земля ожила...

1893 г.

СПАСАЙСЯ, КТО МОЖЕТЪ!

ПОВѢСТЬ.

I.

Надя Свѣтланова съ работой сидѣла у окна. Иногда она опускала на колѣни свое шитье и, облокотившись на подоконникъ, задумчиво смотрѣла въ окно. Садъ, разросшійся на всемъ деревенскомъ привольѣ, теперь — подъ сѣрымъ, заоболочавшимъ небомъ,—казался печаленъ и угрюмъ. Вчера весь день шелъ дождь; сегодня, послѣ полудня, въ воздухѣ мелькалъ снѣгъ... Осенній вѣтеръ уныло завывалъ по саду, раскачивая вершины деревьевъ и сердито обрывая съ нихъ послѣдній желтый листъ, и листья, покружившись въ воздухѣ, тихо, неслышно падали на мокрую землю. Въ просвѣтѣ изъ-за бѣлоствольныхъ обнаженныхъ березъ, были видны опустѣлыя поля, а вдали, сквозь туманъ, смутно мерещилась деревушка.

Надя Свѣтланова была блондинка, довольно высокаго роста, замѣчательно стройная. Ее нельзя было назвать красивой, но она была очень симпатична, миловидна, казалась гораздо моложавѣе своихъ девятнадцати лѣтъ, а ея лицо, освѣщавшееся большими голубыми глазами, глубокими и ясными, дышало юношеской чистотой и свѣжестью. Въ этой-то чистотѣ и свѣжести и заключалась ея главная прелесть. Не смотря на то, что не красавица, Надя Свѣтланова не могла затеряться въ толпѣ; ее замѣтили бы навѣрное и сказали бы о ней: «Должно быть, порядочная женщина!»

Теперь Надя была въ своемъ обычномъ темно-коричневомъ, совершенно гладкомъ платьѣ; изъ-подъ короткихъ рукавовъ выставлялись бѣлыя манжеты и бѣлый, неширокій воротничекъ окаймлялъ ея нѣжную, дѣвическую шею. Это простое коричневое платье дѣлало ее похожей на гимназистку, хотя дѣвушка кончила курсъ гимназіи уже два года тому назадъ... Ея свѣтло-русые волосы съ золотистымъ, «тиціановскимъ» отливомъ были гладко причесаны, довольно высоко собраны въ узелъ и придерживались черепаховой стрѣлкой.

Надя часто поднимала голову, взглядывала на дверь и прислушивалась; она какъ будто бы чего-то или кого-то ждала...

Напротивъ нея, неподалеку, у слѣдующаго окна, сидѣла, склонившись надъ пяльцами, ея старшая тетка, Авдотья Михайловна, хозяйка и глава семейства. Ей уже стукнуло 70 лѣтъ. Высокая, худощавая, вся въ черномъ, какъ монахиня, съ чернымъ кружевнымъ чепчикомъ на пушистыхъ сѣдыхъ волосахъ, она держалась прямо, и ея морщинистое, слегка желтоватое лицо съ рѣзкими очертаніями, съ тонкими, крѣпко сжатыми губами, съ сѣдыми бровями, густыми и нависшими,—дышало строгостью безпощадной. Глядя на это лицо, словно отлитое изъ желтой бронзы, можно было сомнѣваться, въ состояніи-ли оно когда-нибудь весело улыбнуться... Для работы она надѣвала очки, но на людей она, обыкновенно, смотрѣла поверхъ очковъ.

Старуха вышивала салфетку и прилежно работала, отрываясь отъ своихъ пялецъ лишь для того, чтобы вдѣть въ иголку шерсть, подобрать цвѣта или понюхать табаку изъ маленькой серебряной табакерки, всегда лежавшей у нея подъ рукой вмѣстѣ съ носовымъ платкомъ. Когда она поднимала голову, взглядъ ея сѣрыхъ, холодныхъ глазъ на мгновенье останавливался на племянницѣ.

Младшая ея сестра, Марья Михайловна или, какъ обыкновенно звали ее, «тетя Маша», полулежа, сидѣла съ книжкой на мягкой, низкой кушеткѣ, по привычкѣ, подобравъ подъ себя ноги. Женщина лѣтъ около сорока, средняго роста, очень полная, рыхлая, съ признаками усовъ надъ верхнею губой, съ матовыми, карими глазами, съ широкимъ вздернутымъ носомъ и съ густымъ румянцемъ на смуглыхъ щекахъ, она производила впечатлѣніе очень добродушнаго существа, порядочно лѣниваго, любившаго посибаритничать—и представляла собой поразительный контрастъ съ «сестрицей», Авдотьей Михайловной. «Тетя Маша» и теперь нѣжилась, расположившись передъ печкой съ книжкой

«Собранія Романовъ» въ рукѣ. На ней была сѣрая юбка и красная фланелевая кофта, съ засученными почти по локоть рукавами. Ея темные, блестящіе волосы, кое-какъ, наскоро закрученные, разсыпались по плечамъ. Одна изъ ея туфель валялась на полу передъ кушеткой; не находили нужнымъ безпокоиться, чтобы ее поднять...

Наружностью, взглядами, вкусами, привычками и вообще всѣмъ складомъ характера сестры до того не походили другъ на друга, что, просто, даже трудно было представить себѣ, что эти двѣ почтенныя особы были испечены изъ одного и того же тѣста и въ одной печи. Авдотья Михайловна была олицетворенный порядокъ и строгость, не безъ нѣкоторой сердечной сухости; «тетя Маша» была сама расплывчатость и любезность, живое олицетвореніе безпорядка и самаго необузданнаго разгильдяйства. Однимъ своимъ появленіемъ въ комнату «тетя Маша» уже вносила съ собой, такъ сказать, атмосферу, исключавшую всякій порядокъ и водворявшую вмѣсто него полный хаосъ. Для окружающихъ, думается, было бы недурно, если бы «сестрица» Авдотья Михайловна удѣлила «тетѣ Машѣ» часть своей сдержанности и серьезности, а сама, въ свою очередь, позаимствовала бы у нея добродушія.

При сумеречномъ свѣтѣ осенняго дня, на сѣромъ фонѣ комнаты, рѣзко бросались въ глаза только красная кофточка «тети Маши», да яркіе цвѣты и фантастическіе узоры, вышиваемые Авдотьей Михайловной. Ни обивка мебели, ни обои, ни два портрета въ черныхъ рамахъ, висѣвшіе надъ тяжелымъ, старинымъ диваномъ, не нарушали гармоніи господствовавшихъ въ комнатѣ—и въ природѣ на ту пору—сѣрыхъ тоновъ. На одномъ изъ портретовъ былъ написанъ господинъ въ дворянскомъ мундирѣ съ расшитымъ воротникомъ и съ прядями темныхъ волосъ, зачесанныхъ съ висковъ на лобъ. На другомъ портретѣ—довольно красивая дама въ голубомъ платьѣ и съ блѣдно-алой розой на груди. Живопись потемнѣла, и алая роза казалась теперь тусклымъ пятномъ на голубовато-сѣромъ фонѣ.

Нѣсколько минутъ въ комнатѣ было тихо. За окномъ слышалось завыванье вѣтра. Въ печкѣ дрова потрескивали, и въ комнатѣ слегка припахивало горящей березовой корой.

— Долго же сегодня нѣтъ Митрофана!—промолвила дѣвушка, прислоняясь къ спинкѣ стула.

— По такой дорогѣ, матушка, не ускачешь!—не поднимая головы, замѣтила Авдотья Михайловна.

Надя всегда съ нетерпѣніемъ ожидала возвращенія кучера изъ города: онъ привозилъ письма и всякія новости. Въ комнатѣ опять стало, было, тихо, но вдругъ «тетя Маша» съ яростью хлопнула рукой по раскрытымъ страницамъ и швырнула книгу.

— Это, просто, ни на что не похоже!—съ неудовольствіемъ протянула она.—Точно нарочно... вѣчно остановятся на самомъ интересномъ мѣстѣ... Живъ-ли останется Гекторъ де-Марсіаль?.. Ну, вотъ и дожидайся слѣдующей книжки!

Она заложила подъ голову свои полныя, пухлыя руки и, закрывъ глаза, вытянулась на кушеткѣ.

— Удивляюсь тебѣ, Маша... Какъ тебѣ не надоѣстъ читать эти романы!—сурово замѣтила ей «сестрица».—Сочинители выдумываютъ, а вотъ такія дуры набиваютъ себѣ голову всякими пустяками... Вѣдь, ужъ, кажется, не молоденькая...

— Молоденькимъ-то и не слѣдуетъ романы читать, а намъ, старымъ дѣвкамъ, все читать можно...—возразила «тетя Маша».

— Вздоръ болтаешь!—остановила ее «сестрица».—Лучше бы взялась за работу. Вонъ хоть бы наволочки...

— Охъ, работа, работа, работа!—продекламировала тетя Маша, не открывая глазъ, и громко зѣвнула.

Въ передней стукнула дверь и послышался хриплый мужской голосъ. Надя оставила свое шитье и вышла изъ комнаты.

— Митрофанъ пріѣхалъ!—черезъ минуту возвратившись, объявила она и подала Авдотьѣ Михайловнѣ письмо.

— Вотъ вамъ, тетушка... кажется, отъ Софьи Николаевны! и мнѣ письмо отъ Тани.

— А свѣчей и мыла купилъ? Я позабыла написать въ запискѣ...—проговорила тетка.

— Не знаю! Онъ много тамъ чего-то привезъ...—разсѣянно отвѣтила Надя, присаживаясь къ своему окну.

— Хорошъ отвѣтъ... «Много тамъ чего-то»!..—проворчала тетка, передразнивая ее.

Письмо отъ Тани было въ видѣ треугольника и заклеено розовой облаткой. Когда дѣвушка дочитывала послѣднія строки письма, на щекахъ ея вспыхнулъ румянецъ и хоро-

шенькая головка ея низко склонилась надъ почтовымъ листкомъ, задрожавшимъ у нея въ рукѣ.

— Ну, что же вы молчите, ничего мнѣ не скажете? — лѣниво заговорила тетя Маша, раскрывая глаза.—Уткнулись въ свои письма... Ужасно весело! Да отъ кого же письмо-то, сестрица?

— Отступись!—проворчала «сестрица».— Отъ Софьи Николаевны...

— А что же она пишетъ?

— Глупости пишетъ!—коротко отрѣзала старуха.

— Какія глупости?—не унималась тетя Маша.—Должно быть, что-нибудь интересное... Не женился-ли кто-нибудь?

— И все-то у тебя чепуха въ головѣ!— проговорила раздражительно Авдотья Михайловна и стала, нехотя, читать отрывки изъ письма.—Ну, пишетъ, вонъ: «Пріѣхали актеры. Особенно хороши Тимофеевы—мужъ съ женой. 3-го октября давали первое представленіе. Я недавно съ Симочкой была въ театрѣ. Смотрѣли «Донъ-Карлоса, инфанта испанскаго»... Видѣла въ театрѣ»... Гм! Ну, да... потомъ вотъ еще сообщаетъ новость: «Волжинъ переѣхалъ на житье къ Медвѣдеву, Григорію Степановичу. Жаль молодого человѣка. Наши всѣ этимъ ужасно афрапированы. Теперь у нихъ тамъ происходитъ»... Гм!

Старуха кашлянула и замолчала.

— Ну, что жъ ты?—спросила тетя Маша, но «сестрица», вмѣсто того, чтобы продолжать начатую фразу, взглянула на тетю Машу, незамѣтно показавъ ей глазами на племянницу: «Нельзя, дескать, всего читать»...

— Потомъ еще...—продолжала она осторожно дѣлать изъ письма выборки: «Приносили къ намъ икону угодника изъ Старолужскаго монастыря; на-дняхъ мы провожали ее за городъ. Погода была ужасная; я возвратилась домой съ мокрыми ногами, и теперь у меня кашель и насморкъ. Благодаря Бога, наши всѣ здоровы и цѣлуютъ васъ. Только мамаша все жалуется на желудокъ. Пріѣзжайте поскорѣе! Милую тетю Машу и Наденьку цѣлуемъ»...

— Пропадетъ человѣкъ ни за грошъ!— замѣтила Авдотья Михайловна.

— Ты это про кого? Про Николая Петровича?—подхватила тетя Маша.—Кто жъ изъ молодежи въ свое время не кутилъ!..

— Кутилъ, да не такъ!—перебила ее «сестрица».—Нѣтъ, ужъ если связался съ Медвѣдевымъ, такъ нечего добра ждать! Нашелъ себѣ компанію... нечего сказать! Пропадетъ мальчишка—и больше ничего!..

Во время чтенія письма и происходившаго затѣмъ разговора, Надя сидѣла, низко склонивъ надъ работой свое поблѣднѣвшее лицо, и иголка нервно, порывисто ходила въ ея рукѣ. Дѣвушка въ эти минуты не разъ закусывала себѣ губы, какъ обыкновенно дѣлаютъ, стараясь удержаться отъ неумѣстнаго смѣха или отъ слезъ и рыданій. Но при видѣ печальныхъ глазъ дѣвушки трудно было предположить, чтобы ее разбиралъ смѣхъ...

— Когда же мы, въ самомъ дѣлѣ, отсюда выберемся?—забрюзжала тетя Маша. — Вонъ ужъ снѣгу дождались... Чего жъ еще!

— Вотъ уберемся со льномъ на этой недѣлѣ, а тамъ станемъ и собираться...—отозвалась «сестрица».

— Тамъ, вонъ, ужъ театръ...—продолжала тетя Маша.—Софья Николаевна ужъ, я думаю, карты у себя устраиваетъ, а ты тутъ кисни, да слушай, какъ волки воютъ по ночамъ...

— Наиграешься еще, успѣешь... зима-то долга!—утѣшала ее Авдотья Михайловна.

— Охъ, тоска, тоска!—жалобно повторяла тетя Маша, позѣвывая на всю компату.—Ну, а тебѣ что пишетъ Таня?—обратилась она къ племянницѣ.

— Да ничего особеннаго...—отвѣтила ей та.—Пишетъ, что въ клубѣ не бывала, что мало еще выѣзжаютъ... Цѣлуетъ васъ и тетушку...

— Ну ее и съ поцѣлуями-то!.. Не интересно!—отмѣтила какъ бы про себя тетя Маша и, закрывъ глаза, стала слегка дремать.

Послѣ ранняго деревенскаго обѣда тетки легли спать, а Надя ушла наверхъ, въ свою комнату. Здѣсь, на свободѣ, она еще разъ перечитала письмо своей подруги и остановилась на послѣднихъ его строкахъ: «Третьяго дня былъ у насъ Николай Петровичъ, очень смѣшилъ насъ. Но онъ нынче какой-то странный, забывчивый; два раза меня спрашивалъ: скоро-ли вы переѣдете въ городъ,— просилъ передать тебѣ поклонъ. Они, говорятъ, недавно страшно кутили въ клубѣ. Братъ возвратился домой уже послѣ заутрени, отецъ, по обыкновенію, вспылилъ, но ничего—все обошлось благополучно»... Дѣвушка какъ-то невольно, безсознательно прижала руку къ груди, какъ будто ей вдругъ стало

больно. «Что мнѣ дѣлать!» грустно прошептала она, посмотрѣвъ въ окно.

Ненастный, октябрьскій день смеркался.

И теперь при взглядѣ на пустынную аллею, на бѣлоствольныя, оголенныя березы въ воспоминаніи Нади блеснулъ, ожилъ одинъ чудесный лѣтній вечеръ, тихій и ясный, напоенный ароматомъ цвѣтовъ. Вотъ въ этой аллеѣ она ходила съ нимъ, сидѣла подъ старыми развѣсистыми березами и слушала, слушала его. Въ тѣ минуты жизненная даль казалась ей такъ же свѣтла, какъ голубыя небеса, въ ту пору сіявшія надъ ея головою, такъ же лучезарна, какъ былъ лучезаренъ ярко горѣвшій закатъ. А теперь дѣйствительность казалась ей неприглядна и грязна, какъ эта земля въ осеннее ненастье... Вспоминаются ей слова изъ письма Тани: «страшно кутили въ клубѣ»...

Да! Вотъ здѣсь, въ этой самой аллеѣ, еще недавно, три мѣсяца тому назадъ, онъ разсказывалъ ей о своей жизни, о своемъ прошломъ, открылъ ей свою душу... Волжинъ, такъ же, какъ Надя, рано остался круглымъ сиротой и не зналъ дружескихъ ласкъ. Онъ искалъ ея сочувствія, называлъ себя неудачникомъ, жалкимъ, несчастнымъ человѣкомъ, скорбѣлъ о своей растраченной жизни. Для дѣвушки было ясно, что онъ дорожилъ ея вниманіемъ, искалъ у нея утѣшенія и ласки. Сознаніе, что такой сильный мужчина беретъ ее за руку, ища въ ней опоры, не только льстило ея женскому самолюбію, но и доставляло ей минуты болѣе высокихъ наслажденій.

Человѣкъ, у котораго просятъ помощи и защиты, хотя бы онъ былъ послѣдній изъ людей, самъ выростаетъ въ своихъ собственныхъ глазахъ, самъ начинаетъ чувствовать себя сильнѣе, рѣшительнѣе, помыслы его облагораживаются, проникаются самоотверженіемъ, героизмомъ, а сердце—необыкновенной нѣжностью къ тому, кого ему приходится защищать—иногда даже съ опасностью для самого себя.

Волжинъ былъ на 8 лѣтъ старше ея, гораздо богаче ея знаніями и жизненнымъ опытомъ, а между тѣмъ какія-то странныя отношенія установились между ними... Выходило такъ, что онъ казался мальчикомъ, а Надя для него старшей сестрой. Съ нѣжностью и глубокимъ сожалѣніемъ дѣвушка смотрѣла на него въ тѣ минуты, когда старалась утѣшить и ободрить его. Въ сердцѣ женщины, на горе и радость ей, бьетъ неизсякаемый, живой источникъ любви ко всему слабому, обиженному природой или людьми, живой источникъ безграничнаго, всепрощающаго чувства состраданія къ несчастному, павшему человѣку... И въ сердцѣ Нади билъ этотъ прекрасный живой родникъ, чистый и свѣтлый, не омраченный ни своекорыстнымъ помысломъ, ни житейскими разочарованіями, и потому-то мужчина, искавшій у нея спасенія отъ самого себя, сознавшійся ей въ своей безхарактерности, въ своихъ слабостяхъ — не только не оттолкнулъ ее и не повредилъ себѣ въ ея мнѣніи, но, напротивъ—разомъ завоевалъ себѣ ея самыя горячія симпатіи, пробудивъ въ ней дремавшее до той поры нѣжное чувство сожалѣнія къ страждущему ближнему. Для нѣкоторыхъ натуръ отраднѣе давать, чѣмъ брать отъ другихъ...

Однажды, въ минуту откровенныхъ признаній, Волжинъ взялъ ее за руку; она не рѣшилась отнять у него руку, чтобы не показаться пошлой, щепетильной «барышней», Надя почувствовала, что онъ привлекаетъ ее къ себѣ... Потомъ...

«Боже мой! Боже мой!.. Я сама не знаю, какъ все это случилось»... шептала она про себя, закрывъ руками свое вспыхнувшее лицо. Теперь, въ этотъ сумрачный осенній вечеръ, она какъ будто снова переживала душевное смятенье и тревогу тѣхъ давно пролетѣвшихъ минутъ. Потомъ... онъ поцѣловалъ ее и—не разъ... Ахъ, зачѣмъ онъ такъ нехорошо воспользовался своимъ положеніемъ! Зачѣмъ онъ въ «такомъ» смыслѣ истолковалъ ея благородныя побужденія—ея сочувствіе и участіе къ нему!.. Онъ тогда говорилъ, что любитъ ее... онъ говорилъ: «Полюбите меня!..» Онъ говорилъ, что Надя можетъ спасти его, что если она полюбитъ его, то онъ будетъ счастливъ, сдѣлается совсѣмъ другимъ человѣкомъ. Онъ говорилъ много, отрывочно, неясно, и все умолялъ простить его. Онъ сказалъ: «Если вы и простите меня, то я самъ себя не прощу никогда за то, что смутилъ вашъ покой»...

Прежде дѣвушкѣ казалось, что при такомъ случаѣ, какъ происшедшій съ ней въ березовой аллеѣ, она страшно бы вознегодовала и была не въ состояніи простить обидчику нанесенное ей ескорбленіе. Теперь же она, конечно, была огорчена за него и за себя, но злобы, ненависти или отвращенья къ оскорбившему ее человѣку она въ себѣ не ощущала. Она оттолкнула его отъ себя... Да! Онъ

испугалъ, огорчилъ ее неожиданной вспышкой страсти, но въ душѣ ей попрежнему было жаль его, и не нашлось для него у Нади жесткаго слова. Такъ терпѣливо переносимъ мы мелочныя непріятности и грубость отъ больного, близкаго намъ человѣка...

И съ той злополучной сцены въ саду въ ея юной, хорошенькой головкѣ зародились гордые, самоотверженные помыслы, героическіе замыслы о спасеніи ближняго.

Es ist eine alte Geschichte...

Надя слыхала, что Волжинъ, по окончаніи университетскаго курса пріѣхавъ въ свое Подберезково, задумывалъ устроить школу, хотѣлъ сдѣлаться земскимъ дѣятелемъ, даже затѣвалъ изданіе газеты, но всѣ эти дѣла ему не удались по независящимъ отъ него обстоятельствамъ. Оказывалось, что какая-то старая студенческая исторія еще не была забыта. Надя знала, что Волжинъ за послѣднее время, какъ говорили, началъ «сбиваться съ пути»—сталъ вращаться въ кружкѣ кутящей «золотой» молодежи. Онъ самъ сказалъ Надѣ, что она можетъ спасти его. И она спасетъ, поддержитъ его, заставитъ его быть лучшаго мнѣнія о самомъ себѣ, заставитъ его вѣрить въ свои собственныя силы, вырветъ его изъ засасывающей его трясины. Вотъ что она сдѣлаетъ!..

Волжинъ признался, что любитъ ее, и умолялъ полюбить его. А она—любитъ-ли?

И дѣвушка, облокотившись на подоконникъ, посмотрѣла въ сгущавшійся сумракъ осенняго вечера. Она тяжело дышала отъ охватившаго ее волненія, и щеки ея пылали горячимъ румянцемъ...

Надѣ Свѣтлановой минуло четыре года, когда отецъ ея умеръ отъ тифа, а мать заразилась, ухаживая за больнымъ, и черезъ нѣсколько дней послѣдовала за нимъ въ могилу. Старшая изъ ея тетокъ по отцу была назначена опекуншей и взяла малютку къ себѣ на воспитаніе. Марья Михайловна, по правдѣ говоря, охотно отказалась бы отъ такой «обузы», ибо, не смотря на свое добродушіе, она очень дорожила спокойствіемъ и житейскими удобствами. А какое же можетъ быть спокойствіе, когда въ домѣ заведется ребенокъ! Онъ и пробѣжитъ не во время, подниметъ возню или—того лучше—разревется на весь домъ... А то вдругъ заболѣетъ, и на всю ночь подниметъ музыку...

Авдотья Михайловна, серьезнѣе относившаяся къ жизни, посмотрѣла на дѣло иначе. Она считала своимъ долгомъ пріютить сироту и воспитать ее согласно собственнымъ взглядамъ и понятіямъ, т.-е., по ея мнѣнію, наилучшимъ образомъ. И она, не смотря на слабый и весьма неосновательный протестъ со стороны тети Маши, взяла Надю къ себѣ и «по своему», добросовѣстно, завѣдывала и ея имѣніемъ, оставшимся ей послѣ отца, и ея воспитаніемъ. Ея правила воспитанія были несложны: нужно кормить ребенка досыта, вволю, такъ какъ онъ растетъ, и ему нужно больше матеріала, но баловать сластями не слѣдуетъ; ребенокъ долженъ вести правильный образъ жизни, рано ложиться спать и рано вставать поутру; не надо смотрѣть на ребенка ни какъ на ангела, ни какъ на собаченку; во-время можно и приласкать его, но до баловства не доходить и не потакать всякой его затѣѣ, такъ какъ жизнь впослѣдствіи не будетъ давать ему потачекъ; нужно пріучать ребенка къ дисциплинѣ, быть съ нимъ строгимъ въ мѣру—для того, чтобы онъ не сдѣлался самодуромъ, домашнимъ тираномъ и деспотомъ; такъ какъ будущее человѣка опредѣляютъ привычки — дурныя или хорошія, то надо стараться о развитіи въ ребенкѣ хорошихъ привычекъ, а привычки и склонности дурныя надо искоренять, какъ плевела изъ среды пшеницы...

Въ раннемъ дѣтствѣ Надя почти всецѣло находилась на попеченіи и подъ вліяніемъ Авдотьи Михайловны. Съ того же времени, какъ Надѣ минуло четырнадцать лѣтъ, и тетя Маша стала иногда обращать на нее вниманіе. Тутъ дѣвочка легко могла бы попасть между двумя противоположными теченіями, если бы тетя Маша не была такъ лѣнива и такъ равнодушна къ ней. Старшая сестра строго смотрѣла на жизнь, считая ее не забавой, не шуткой, но дѣломъ труднымъ — и постоянно говорила о «долгѣ» и «обязанностяхъ» передъ Богомъ и передъ людьми. Взглядъ же тети Маши на жизнь былъ легкомысленнѣе, веселѣе и, пожалуй, понятнѣе и привлекательнѣе для дѣвочки-подростка.

— Ты говоришь: «сестрица» не позволяетъ тебѣ больше ѣсть малины?—спрашивала она Надю.—Ѣшь! Ничего... Вотъ еще какой вздоръ!

Или, бывало, придетъ къ ней въ комнату и скажетъ:

— Ахъ бѣдняжка! За уроки тебя усадили! А погода-то какая прелестная!.. Брось! Пой-

демъ лучше гулять въ рощу, да кстати выкупаемся...

Иногда Надя поддавалась искушенію, иногда—нѣтъ...

— Сестра! ты портишь дѣвочку! — говорила однажды Авдотья Михайловна, оставшись съ тетей Машей наединѣ.—Поблажку дѣлать не слѣдъ... Баловство до хорошаго не доведетъ!.. Да ты еще не вздумай давать ей свои глупые романы! Боже тебя избави!

Тетя Маша смутилась и слегка покраснѣла подъ строгимъ пытливымъ взглядомъ сестры, потому что она, дѣйствительно, въ видѣ развлеченія, уже намѣревалась просвѣщать дѣвицу въ этомъ отношеніи.

— Что жъ, сестрица! Вѣдь и сама же когда-нибудь узнаетъ...—замѣтила она.

— А! *сама* узнаетъ—изъ первыхъ рукъ, отъ самой натуры,—это дѣло другое!—горячо возразила Авдотья Михайловна.—Въ *свое время* узнаетъ—не бѣда... а раньше времени — ядъ! Вотъ въ томъ-то и горе, что мы слишкомъ торопимся дѣлать дѣтей взрослыми людьми...

Можетъ быть, къ счастью, что тетя Маша мало обращала вниманія на племянницу, болѣе всего занятая собой и своими личными удобствами. Но когда Надѣ исполнилось семнадцать лѣтъ и у нихъ въ домѣ стали появляться молодые люди, тетя Маша сильнѣе заинтересовалась племянницей. Она постоянно читала романы, только романы видѣла и въ жизни. Съ живѣйшимъ сочувствіемъ и любопытствомъ наблюдала она за молодыми людьми, казавшимися ей «претендентами», и если бы понадобилось, она съ величайшимъ восторгомъ взялась бы помогать сближенію молодыхъ людей украдкой отъ сестрицы и именно «на зло» этому строгому, неукоснительному аргусу. Само собой, тетя Маша имѣла въ виду не предосудительную связь, но самый настоящій, законный бракъ—съ шикомъ, съ помпой, съ померанцевыми цвѣтами, съ пѣвчими, съ зажженной люстрой и съ толками на весь городъ, (если можно, то еще лучше бы,—на всю губернію).

Тетя Маша, какъ добродушная, старая дѣва была крайне сантиментальна и радовалась отъ души каждому новому роману, завязывавшемуся у нея передъ глазами. Ей самой въ жизни не пришлось встрѣтить отклика на свою любовь ни въ одномъ мужскомъ сердцѣ, а ухаживавшіе за ней мужчины ей самой не нравились, и теперь ей хотѣлось присутствовать хотя бы въ качествѣ благородной, сочувствующей свидѣтельницы при развитіи нѣжной страсти между взаимно любящими другъ друга молодыми людьми.

Совершенно иначе относилась «сестрица» Авдотья Михайловна къ тѣмъ молодымъ людямъ, которыхъ она заподозрѣвала въ намѣреніи предложить ея племянницѣ «руку и сердце». Оставшись съ Надей наединѣ, она подвергала этихъ «вертопраховъ» самой рѣзкой, безпощадной критикѣ и въ эти минуты старушка увлекалась до того, что даже—противъ обыкновенія—иногда говорила лишнее, т.-е. то, чего въ другое время, при болѣе спокойномъ состояніи духа, не рѣшилась бы сказать при молодой дѣвушкѣ. Очень неблагосклонно Авдотья Михайловна относилась къ мужчинамъ, и причины этой неблагосклонности заключались въ ея личной жизни.

Авдотья Михайловна вышла замужъ «по любви», но неудачно: ея избранникъ оказался такимъ невозможнымъ человѣкомъ, что она еще до конца медоваго мѣсяца ушла отъ него. Послѣ того двадцать лѣтъ они не видались. Мужъ передъ смертью позвалъ ее къ себѣ, и она пришла. О чемъ говорили супруги послѣ такой продолжительной разлуки,—осталось тайной. Только замѣтили, что послѣ ея посѣщенія больной сдѣлался спокойнѣе, какъ-то свѣтлѣе стало выраженіе его лица, и на другой день вечеромъ онъ тихо скончался... Разлучившись съ мужемъ, Авдотья Михайловна не всегда жила монахиней. Черезъ семь лѣтъ послѣ того, какъ она разсталась съ мужемъ, одинъ нашъ городской докторъ обратилъ на себя ея вниманіе. Докторъ, сойдясь съ нею, сталъ проявлять деспотическія замашки, сталъ входить въ роль хозяина,—Авдотья Михайловна не могла снести такого, какъ она говорила, «монгольскаго ига», и указала своему эскулапу на дверь. Съ годъ—или немного больше—продолжался этотъ «любовный инцидентъ» и, по окончаніи его, Авдотья Михайловна навсегда рѣшила въ сердцѣ своемъ, что «мужчина грубое животное и невыносимое въ домашнемъ обиходѣ».

Такимъ образомъ оказывалось, что въ то время, какъ тетя Маша спала и видѣла: какъ бы просватать и помолвить племянницу, Авдотья Михайловна мечтала о томъ, чтобы Надя осталась незамужней, на всю жизнь свободной женщиной, независимой отъ тираніи и животныхъ прихотей мужчины.

«Пусть лучше не извѣдаетъ житейской мерзости и сохранится чистой и непорочкой!»—разсуждала про себя старуха.—«Не узнаетъ семейныхъ радостей... Ха! семейныя радости... Да гдѣ жъ онѣ, эти семейныя-то радости?»...

II.

Въ городѣ, дѣйствительно, было не мало толковъ по поводу того, что Волжинъ переселился на житье къ старому сумасброду и кутилѣ, Григорію Степановичу Медвѣдеву.

— Дьяволъ съ младенцемъ связался!—говорили у насъ въ ту пору.

Знаменитый «медвѣдевскій домъ» уже давно пользовался въ городѣ весьма незавидной репутаціей, служа мѣстомъ сборищъ и попоекъ для «золотой» молодежи. Мамаши взрослыхъ дочерей, засидѣвшихся въ дѣвкахъ, ненавидѣли Григорія Степановича, и онѣ, надо имъ отдать честь, были совершенно искренны въ своей ненависти: онъ отнималъ у нихъ молодежь. По ихъ описаніямъ, повидимому, нѣсколько пристрастнымъ, Григорій Степановичъ оказывался ни болѣе, ни менѣе, какъ злымъ духомъ, заманивавшимъ въ свои сѣти неопытныхъ молодыхъ людей; онъ растлѣвалъ ихъ тѣло и губилъ души. Близкое знакомство съ Медвѣдевымъ на каждаго молодого человѣка въ глазахъ нашихъ степенныхъ гражданъ—и въ особенности гражданокъ—клало темное пятно. О Волжинѣ пожалѣли не только родители, но и сами невѣсты.

Оно и понятно... Волжинъ былъ молодъ(ему еще не было 28 лѣтъ), образованъ и хорошо воспитанъ, съ порядочнымъ состояніемъ и притомъ очень недуренъ собой — высокаго роста, стройный, изящный, съ тонкими и пріятными чертами лица, съ темнорусыми, вьющимися волосами и съ небольшой, красивой бородой. По мнѣнію дамъ, обладавшихъ художественнымъ чутьемъ, у него были особенно хороши губы и мягкіе, шелковистые усы. Онъ иногда смотрѣлъ своими мягкими и ласковыми, карими глазами такъ выразительно, что, по мнѣнію тѣхъ же присяжныхъ экспертовъ,—смотря въ его глаза, нельзя было оставаться жестокимъ къ нему.

— Авантажный молодой человѣкъ!—отзывались о немъ старухи.

— Душка!—говорили барышни.

Послѣ всего сказаннаго станетъ уже совершенно понятно, почему переселеніе Волжина въ «медвѣдевскій домъ» произвело переполохъ въ нашемъ губернскомъ муравейникѣ. Правда, Волжинъ за послѣдніе два-три года сталъ покучивать, но покучивать «при случаѣ» въ компаніи молодежи или связаться съ Медвѣдевымъ—далеко не одно и то же. Двери салоновъ — даже самыхъ почтенныхъ домовъ, какъ прежде, такъ и теперь, — разумѣется, были гостепріимно открыты для Волжина, также какъ и для прочихъ его товарищей. Но теперь его принимали въ этихъ домахъ не такъ, какъ въ то время, когда онъ былъ еще невиненъ и не заразился «медвѣдевщиной», т.-е. принимали уже не какъ ручного, домашняго животнаго, но съ опаской, какъ хищника, ищущаго «кого бы поглотить».

Медвѣдевъ былъ мѣстный помѣщикъ. Онъ давно уже прожилъ свои выкупныя свидѣтельства, прокутилъ одно наслѣдство, прожигалъ теперь другое, а въ перспективѣ у него оставалась сестра, богатая и бездѣтная вдовица. Этому барину въ настоящее время было лѣтъ 56. Онъ былъ мужчина могучаго, атлетическаго сложенія, очень высокаго роста, довольно полный, широкоплечій, сильный; его открытый, бѣлый лобъ былъ еще довольно гладокъ,—морщины сказывались только около глазъ; его темные, сѣдѣющіе волосы были всегда гладко подстрижены; густые длинные усы, опущенные книзу, прикрывали часть губъ, но не могли скрыть ихъ насмѣшливой складки.

Его лицо съ темными, бойкими глазами, съ толстымъ носомъ «картошкой», слегка покраснѣвшимъ отъ пристрастія его владѣльца къ спиртнымъ напиткамъ, не могло быть названо красивымъ, но это открытое, веселое лицо производило впечатлѣніе пріятное. Не смотря на года и на бурно прожитую молодость, тѣло его сохранило гибкость и всѣ движенія его были юношески легки и живы.

Онъ служилъ въ кавалеріи и во время восточной войны за сраженіе подъ Карсомъ и при Башкадыкъ-ларѣ получилъ Георгія и саблю «за храбрость» для ношенія на груди. Въ томъ, что говорили о немъ въ городѣ, какъ водится, была и правда, и неправда.

Правдой было то, что Григорій Степановичъ, дѣйствительно, былъ отъявленный кутила,—любилъ выпить, хорошо поѣсть, подержать какое-нибудь сумасбродное пари (отъ ста до тысячи рублей), а иногда «для развлеченія», какъ говорилъ онъ, допускалъ въ своемъ обществѣ азартную игру и женщинъ. Неправдой же было то, что онъ, будто бы,

завлекалъ молодыхъ людей въ сѣти, спаивалъ и совращалъ на путь погибели.

Григорій Степановичъ самъ былъ человѣкъ, сбившійся съ пути, безхарактерный, съ слабой волей, но вовсе не злой, и злостные замыслы были не въ его натурѣ. Напротивъ, онъ охотно дѣлалъ добро, когда могъ и какъ умѣлъ, и притомъ старался, чтобы эти его дѣла не всплывали наружу. Онъ былъ неистощимый разсказчикъ всякихъ исторій и анекдотовъ — не всегда отличавшихся цензурной скромностью, веселый собесѣдникъ, гостепріимный хозяинъ, хлѣбосолъ и, какъ говорится, «душа на распашку». Молодежь любила его и охотно собиралась къ нему, чувствуя себя у него, какъ дома. Медвѣдевъ, конечно, не гналъ отъ себя молодежь, потому что самъ любилъ общество, любилъ поговорить, посмѣяться, подурачиться.

— Я отлично себя чувствую съ моими мальчиками! — говаривалъ онъ. — И самъ какъ-будто молодѣю!

Медвѣдевъ, какъ старый холостякъ, привыкшій къ разгулу, издавна сроднившійся съ неограниченной свободой въ личной жизни и для удобства допускавшій лишь «легкія» отношенія къ женщинамъ, не могъ, разумѣется, окружающимъ его юношамъ проповѣдывать о райскихъ сладостяхъ семейной жизни. Самъ онъ не испытывалъ этихъ сладостей, относился къ нимъ скептически, а Григорій Степановичъ былъ не такой человѣкъ, чтобъ могъ пѣть съ чужого голоса и другимъ по совѣсти рекомендовать средство, въ цѣлебныхъ свойствахъ котораго онъ самъ сомнѣвался. И, понятно, онъ совершенно искренно, отъ чистаго сердца посмѣивался надъ «тихими радостями» семейнаго очага.

— Какъ только юбка заведется въ домѣ,— баста! Все пойдетъ шиворотъ на выворотъ... —говорилъ Григорій Степановичъ. — Отказывайся отъ привычекъ, отъ своихъ взглядовъ, отъ близкихъ друзей, отъ знакомыхъ, отказывайся отъ себя... Нѣтъ-съ! Слуга покорный!

Подчасъ онъ даже принимался философствовать и, ходя по комнатѣ и немилосердно дымя своей трубкой, выкрикивалъ:

— Все это — ерунда-съ, романическія бредни! Иной, изволите видѣть, тянется къ этимъ супружескимъ узамъ для дого, чтобы не быть одинокимъ. Но attendez? — двѣ жизни слить въ одну нельзя-съ! Двѣ жизни вѣдь—два особые духовные міра. Такъ-съ? Хорошо!.. Какъ же эти два духовные міра вы свяжете воедино, напримѣръ, веревками или какимъ-нибудь инымъ механическимъ способомъ? Тутъ можетъ быть только совмѣстное жительство — и больше ничего-съ... Такое сожительство можетъ быть иногда пріятно, но можетъ оказаться и очень безпокойно-съ... Позвольте! Я даже гдѣ-то читалъ, что человѣкъ всегда — и при семейной жизни — въ глубинѣ души чувствуетъ себя одинокимъ. И я это понимаю-съ... Такъ зачѣмъ же, спрашиваю я васъ, стану я жертвовать своей свободой для какихъ то сомнительныхъ призраковъ? jamais! jamais!—заканчивалъ онъ, съ азартомъ размахивая своимъ длиннымъ, чернымъ чубукомъ.

Крайне интересно и поучительно было видѣть, когда «сестрица» Авдотья Михайловна, встрѣчалась гдѣ-нибудь въ обществѣ съ Медвѣдевымъ. Они терпѣть не могли другъ друга, но, не смотря на то, въ отношеніи брачнаго вопроса между ними существовало умилительное единодушіе. Старуха не могла не коснуться своей idée fixe и при всякомъ удобномъ случаѣ съ затаенной яростью твердила въ его присутствіи о томъ, что «воля ваша!» — а для женщины самая благая доля — оставаться незамужней.

— Совершенно согласенъ съ вами, дорогая моя Авдотья Михайловна!—любезно улыбаясь, поддакивалъ ей Медвѣдевъ. — Я тоже всегда говорю, что для мужчины самое лучшее—жить холостякомъ... Вотъ-съ, какъ я, напримѣръ.

И Григорій Степановичъ, ехидно посматривая на старуху, покручивалъ свой длинный усъ.

Но никто, разумѣется, ихъ не слушался: молодые люди женились, дѣвицы выходили замужъ; лишь только засыпалась могила надъ кѣмъ-нибудь изъ отшедшихъ въ лучшій міръ, какъ въ этой юдоли «печали и слезъ» раздавался крикъ новорожденнаго человѣка, — и колесо жизни, не взирая ни на какія проповѣди, продолжало вертѣться своимъ порядкомъ, съ прежней силой и энергіей...

Отношенія Григорія Степановича къ Волжину были не таковы, какъ къ прочей молодежи. Старикъ близко сошелся съ Волжинымъ, привязался къ нему, даже полюбилъ его «по своёму». Волжинъ также съумѣлъ разглядѣть Медвѣдева подъ его неказистой оболочкой. Слабость воли въ этомъ—по натурѣ добромъ и простомъ—человѣкѣ не осо-

*

бенно бросалась въ глаза Волжину, потому что вокругъ себя онъ видѣлъ все подобныхъ же людей... даже болѣе того: онъ и въ самомъ себѣ—въ минуты раздумья и откровенности — чувствовалъ тотъ же недостатокъ сильной воли, ту же болѣзнь вѣка...

Хозяинъ той квартиры, гдѣ жилъ Волжинъ, вздумалъ передѣлывать домъ; пришлось съѣзжать, пріискивать новую квартиру.

— Для чего тебѣ квартира, Николай Петровичъ! — говорилъ Медвѣдевъ. — Сдѣлай милость, занимай любую комнату, а остальныя будутъ у насъ общими... Тѣсно не будетъ... неподеремся, дастъ Богъ!

Волжинъ согласился. И такимъ-то образомъ въ описываемую осень состоялся переѣздъ Николая Петровича Волжина въ «медвѣдевскій домъ»—событіе, взбудоражившее губернскій муравейникъ. Наши жрецы и весталки въ одинъ голосъ рѣшили: «Не быть добру!» А въ «медвѣдевскомъ домѣ», между тѣмъ, жили шумно и весело, не смущаясь вѣщими пророчествами, и никакого особеннаго зла пока не обнаруживалось...

Вставали поздно. Около часу, къ завтраку, обыкновенно, приходилъ кто-нибудь, а къ тремъ часамъ иногда собиралась уже цѣлая компанія: Турундаевъ, братья Ефремовы, Долинскій, Махметьевъ, князь Торопецкій, Волховитинъ, Семеновъ, Трунинъ, Загорѣльскій... Не каждый день, разумѣется, собирались къ Медвѣдеву всѣ эти господа, но тѣ или другіе изъ нихъ бывали обязательно. Нѣкоторые изъ нихъ состояли на службѣ, у всѣхъ въ городѣ были большія знакомства и связи, и поэтому каждое утро сносились сюда всѣ самыя свѣжія новости, начиная съ губернаторскаго дома и кончая послѣднимъ постоялымъ дворомъ или какимъ-нибудь ночнымъ притономъ.

Въ сѣрый, ненастный день въ концѣ октября обычные «непремѣнные засѣдатели», какъ ихъ въ насмѣшку звали у насъ, собрались въ медвѣдевской столовой. Кончали завтракать. Человѣкъ, откупоривъ уже не первую бутылку, вышелъ изъ комнаты. Хозяинъ достаточно раскраснѣвшійся, тутъ же за столомъ писалъ письмо. Волжинъ въ своей сѣрой тужуркѣ, съ разстегнутымъ жилетомъ и безъ галстуха сидѣлъ съ Долинскимъ у окна и игралъ въ шахматы. Разговоръ за столомъ шелъ вяло, интересныхъ новостей не было на тотъ разъ.

— Старухи Свѣтлановы, наконецъ-то, перебрались въ городъ! — проговорилъ Семеновъ. — Я вчера у Тупикова въ магазинѣ Надю встрѣтилъ...

Волжинъ держалъ во рту папиросу и, прищурившись, слегка склонивъ голову на бокъ, разсѣянно смотрѣлъ на шахматы и сдѣлалъ ужасно плохой ходъ турой.

— А дѣвочка выровнялась... ничего! — продолжалъ Семеновъ.

— Даже очень! — замѣтилъ Махметьевъ.

— Аппетитная штучка, чортъ возьми!— прохрипѣлъ басомъ старшій Ефремовъ.

— Шахъ и матъ!—заявилъ Волжину его противникъ, двинувъ своего коня. — Вы сегодня не въ ударѣ!

— Да! Больше не будемъ...—лѣниво протянулъ Волжинъ, вставая, и, бросивъ папиросу, ушелъ къ себѣ въ комнату:

На другой же день онъ отправился къ Свѣтлановымъ, но—къ его досадѣ—Надежды Александровны не оказалось дома, а Авдотья Михайловна встрѣтила его холоднѣе обыкновеннаго. Старуха смотрѣла на него, какъ на волка, покушающагося забраться въ овчарню, а молодой человѣкъ смотрѣлъ на нее, какъ на высохшую мумію. Николай Петровичъ съ четверть часа поговорилъ съ ней о сельско-хозяйственныхъ дѣлахъ — объ урожаѣ хлѣбовъ и травъ, о томъ — о семъ, и поспѣшилъ ретироваться.

Черезъ нѣсколько дней вечеромъ Волжинъ опять былъ у Свѣтлановыхъ, но въ этотъ разъ—наоборотъ—Авдотья Михайловна ушла въ монастырь ко всенощной, а Надя съ тетей Машей оставалась дома. Тетя Маша, конечно, обрадовалась гостю; Надя была съ нимъ сдержанна, потому что старалась не выдать своего волненія. Волжинъ въ юмористическомъ тонѣ разсказывалъ городскія новости и смѣшилъ Марью Михайловну. Онъ былъ очень остроуменъ, казался веселъ, оживленъ, но— когда Надя ушла въ залу и стала брать аккорды на рояли — остроуміе его, повидимому, вдругъ изсякло, и онъ очень невпопадъ началъ отвѣчать тетѣ Машѣ.

Воспользовавшись перерывомъ разговора, Николай Петровичъ всталъ и ушелъ въ залу. Тетя Маша была не изъ тѣхъ женщинъ, которыя находятъ удовольствіе мѣшать бесѣдѣ влюбленныхъ наединѣ. Когда молодой человѣкъ вышелъ, она томно улыбнулась и, зажмурившись, съ чувствомъ живѣйшей радости потерла себѣ руки, какъ обыкновенно дѣ-

лала, предвкушая какія-нибудь сильныя, пріятныя ощущенія.

Волжинъ остановился противъ Нади, у рояля, и пристально посмотрѣлъ на нее. А она то взглядывала на ноты, то опускала глаза на клавиши и, повидимому, старалась не встрѣтиться съ его взглядомъ. Но она чувствовала этотъ взглядъ на себѣ, смущалась и краснѣла.

— Что жъ это! Вы даже не хотите взглянуть на меня? — вполголоса, съ упрекомъ, промолвилъ онъ. — А я васъ такъ ждалъ... мнѣ такъ хотѣлось видѣться съ вами...

Надя, молча, продолжала играть и еще ниже наклонилась надъ роялемъ.

— Надежда Александровна! — позвалъ ее Волжинъ.

Дѣвушка какъ бы съ усиліемъ подняла голову и, вопросительно взглянувъ на него, снова понурилась.

— *Здѣсь*, вѣроятно, считаютъ меня грѣшникомъ... такимъ страшнымъ грѣшникомъ... —началъ онъ, все смотря на поникшую голову дѣвушки.

— Зачѣмъ вы это говорите?—чуть слышно прошептала Надя, наклоняясь къ нотамъ.— Вы знаете, что я *такъ* не думаю о васъ!..

— О, да! Знаю, знаю... — недовольнымъ тономъ сказалъ Волжинъ и, заложивъ руки за спину, скорой, первной поступью заходилъ по комнатѣ.

Надя съ минуту украдкой слѣдила за нимъ и, вдругъ поднявшись съ табурета, подошла къ нему. Они, молча, не одинъ разъ прошли по залѣ. Теперь на его лицѣ не оставалось и тѣни недавней веселости и оживленья; брови насупились, и глаза смотрѣли такъ грустно. Надѣ, видимо, было тоже не по себѣ, но она старалась ободриться и развеселить своего гостя.

— Ну, не хмурьтесь! Скажите мнѣ лучше, какъ вы жили это время?—спросила его Надя.

— Однимъ словомъ отвѣчу: тоска!—сказалъ онъ.

— Опять хандрите? Почему же вы не пріѣзжали къ намъ?—съ участіемъ проговорила дѣвушка.

— Вы же знаете, какъ относится ко мнѣ ваша тетушка!—возразилъ Волжинъ.

— Какъ же она относится къ вамъ? Вѣдь она и со всѣми такъ...

— Можно подумать, что я однимъ своимъ присутствіемъ уже оскорбляю ее...

— Ну, полноте! — ласково перебила его Надя. — И потомъ же—вы приходите не къ ней... А я такъ... безпокоилась о васъ...

Волжинъ схватилъ ее за руку пониже локтя и крѣпко сжалъ.

— Оставьте!—освобождая руку и волнуясь, говорила дѣвушка. — Оставьте же! Вы дѣлаете мнѣ больно...

Горячій румянецъ залилъ ея щеки.

Надя отошла къ этажеркѣ и стала рыться въ нотахъ.

— Вы мнѣ больше ничего не скажете?— угрюмо спросилъ Волжинъ, подходя и облокачиваясь на этажерку.

— Зачѣмъ вы переѣхали къ Медвѣдеву?— чуть слышно спросила его Надя, не оборачиваясь. — Что онъ вамъ за товарищъ?

— А-а! — съ усмѣшкой отозвался Волжинъ.—Наши городскія газеты на двухъ ногахъ уже успѣли сообщить вамъ объ этомъ происшествіи.

— Да, я слышала!—заговорила дѣвушка, прямо и твердо посмотрѣвъ на Волжина.—И мнѣ это очень непріятно, Николай Петровичъ! Мнѣ больно за васъ... Вы знаете... я не считаю васъ такимъ... дурнымъ, какъ увѣряютъ нѣкоторые, но мнѣ тяжело слышать, когда «такъ» говорятъ о васъ... Если бы вы знали, какъ это мнѣ тяжело...

— Я переѣхалъ въ Григорію Степановичу на время, на мѣсяцъ—на два...—тихо промолвилъ Волжинъ. — Я просто доходилъ до отчаянія... А тутъ вышелъ такой случай съ квартирой,—приходилось съѣзжать... Григорій Степановичъ пригласилъ меня къ себѣ и...

Надя вздохнула.

— Значитъ, все то же!—съ грустью прошептала она, какъ бы думая вслухъ.

Волжинъ вспыхнулъ и потихоньку барабанилъ пальцами по этажеркѣ; мускулы на щекахъ его слегка, чуть замѣтно подергивало,—вѣрный признакъ, что онъ съ трудомъ сдерживалъ свое раздраженье.

— Нѣтъ! — съ горечью сказалъ онъ.— Даже хуже, если хотите!.. Для васъ, для милосердной самарянки, конечно, это слышать непріятно...

— Хуже?—какъ эхо повторила дѣвушка, слегка вздрогнувъ, и ея ясные, голубые глаза съ испугомъ на мгновенье остановились на немъ.—Что вы такое говорите!.. Я васъ, Николай Петровичъ, за послѣднее время не понимаю...

— Когда-нибудь поймете... Прощайте!

И, порывисто пожавъ ей руку, онъ круто

повернулся и вышелъ. Надя стояла, прижавъ руку къ груди... Румянецъ сбѣгалъ съ ея лица, передъ глазами словно всталъ туманъ, и сквозь этотъ туманъ она смотрѣла въ слѣдъ Волжину и на затворившуюся за нимъ дверь. Услыхавъ стукъ колесъ отъѣзжавшаго экипажа, она положила руки на верхнюю полку этажерки и опустила на нихъ голову.

— Уже? Ушелъ? Что жъ это такое значитъ?.. И не простившись...—спросила тетя Маша, показываясь изъ гостинной. — Надя! Надюша, что съ тобой?—говорила она, обнимая дѣвушку.

Та сняла руки съ этажерки, медленно подняла голову и обернулась. На ея поблѣднѣвшемъ лицѣ осталось какое-то недоумѣвающее, скорбное выраженіе; глаза были полны слезъ... Надя, рыдая, тихо припала къ плечу тети Маши.

— Тетя... милая!.. Я такъ несчастна... онъ... и я не могу... не могу... О, что же мнѣ дѣлать!..

Въ этихъ глухихъ рыданіяхъ и отрывочныхъ словахъ совершенно неожиданно для самой Нади вырвалось давно накипѣвшее въ ней горе.

Тетя Маша, ласково, какъ ребенка, гладя по головѣ плачущую дѣвушку и стараясь ее успокоить, отвела ее въ ея комнату. Надя взяла свой большой, сѣрый платокъ, закуталась въ него и прилегла на постель.

— Да что жъ такое случилось, голубушка?—волнуясь, спрашивала ее тетя Маша.

Если эта старая дѣва плакала надъ вымыслами романистовъ, то теперь, видя передъ собой страдающее живое существо, она, понятно, была разстроена до глубины души.

— Скажите, милая, когда придетъ тетушка, что я не буду ужинать...—какъ бы недослышавъ вопроса, проговорила Надя, натягивая на себя платокъ. — Я лягу спать... я что-то озябла... мнѣ холодно!

«Нервы»!—рѣшила тетя Маша, теряясь въ предположеніяхъ, но вопросовъ далѣе не продолжала и ушла изъ комнаты.

Ей ужасно хотѣлось знать подробности: какъ и что, но приступать къ Надѣ не рѣшилась. Хотя она «по своему» и любила племянницу, но тѣмъ не менѣе ее, какъ зрителя,— безъ всякаго отношенія къ горю ближняго— теперь сильно заинтриговала происшедшая «ссора между влюбленными»... «Натурально, поссорились... но изъ-за чего?» Тетя Маша уже давно подозрѣвала, что Надя «неравнодушна» къ Николаю Петровичу, но она такая скрытная, ничего нельзя было отъ нея добиться. Тетя Маша, признаться, не долюбливала «скрытныхъ» дѣвицъ, и скрытность ихъ въ сердечныхъ дѣлахъ считала какъ бы за личное оскорбленіе себѣ. Теперь дѣвушка дала ей возможность убѣдиться въ справедливости ея подозрѣній и своимъ неожиданнымъ полупризнаніемъ доставила ей истинное удовольствіе.

А Надя, зарывшись головой въ подушки, горько упрекала себя въ несдержанности. Она и сама не могла дать себѣ отчета въ томъ, какъ случилось, что она открыла свою тайну... За минуту, за нѣсколько секундъ передъ тѣмъ, она еще не думала и рта раскрывать. И вдругъ—эти слезы... Тетя Маша застигла ее врасплохъ... Надя такъ много ждала отъ этого свиданья послѣ продолжительной, почти трехмѣсячной разлуки, ей такъ хотѣлось поговорить съ нимъ о многомъ, она такъ давно и такъ много мечтала объ этой встрѣчѣ, и вмѣсто того — что жъ вышло! У него вырвалось нѣсколько горькихъ словъ,—онъ сказалъ, что тоскуетъ, что жизнь его идетъ хуже прежняго, сказалъ все это насмѣшливо и зло, очень хорошо зная, что Надя за него вѣчно въ безпокойствѣ и тревогѣ... какъ сумасшедшій схватилъ ее за руку и потомъ вдругъ съ такимъ раздраженнымъ видомъ оставилъ ее, какъ будто бы она сдѣлалась для него ненавистна, стала врагомъ... За что же это? Или ея смущеніе онъ принялъ за холодность? Но вѣдь, онъ же не слѣпъ!..

Волжинъ на тотъ разъ далеко за полночь возвратился изъ клуба, сильно навеселѣ, и человѣкъ, отпиравшій дверь, смотря ему вслѣдъ, многозначительно покачалъ головой.

III.

Надя была совершенно искренна, когда говорила Волжину, что за послѣднее время она не понимаетъ его. Да! Она иногда не понимала этого человѣка. Непониманіе было обоюдное... Вообще между ними установились какія-то странныя, неровныя отношенія.

То онъ ворковалъ какъ голубокъ, то былъ съ ней на ножахъ. То онъ хорошо говорилъ съ ней, по душѣ, и послѣ такихъ его хорошихъ рѣчей на сердцѣ ея становилось тепло и свѣтло, и Надя надѣялась на лучшее бу-

дущее для него и для себя. То онъ вдругъ дѣлался невыносимъ, становился всѣмъ недоволенъ, какъ будто «напускалъ на себя», и въ это время въ его разговорѣ всеотрицаніе и насмѣшка, грубая и злая, била ключомъ. «Бѣсъ вселялся въ него!» такъ говорила она себѣ.

Тогда Волжинъ бывалъ съ ней такъ рѣзокъ, такъ жестокъ и несправедливъ, что она могла бы иногда почувствовать себя смертельно обиженной, если бы не знала и не была увѣрена, что онъ любитъ ее... Надя знала его хорошее прошлое, знала, что онъ, въ душѣ, добрый, мягкій человѣкъ, сострадательный, деликатный, натура женственно нѣжная, любящая. Онъ, какъ говорится, былъ не въ состояніи муху убить... А между тѣмъ въ тѣ минуты, когда на него «находило», онъ, бывало, говорилъ ужасныя вещи.

Надя какъ-то завела рѣчь о деревенской бѣднотѣ и о нашей городской голи, а Волжинъ, вмѣсто сочувствія къ несчастнымъ, вдругъ сталъ изрекать такія сентенціи:

— И по дѣломъ! По Сенькѣ и шапка!.. А филантропія — глупость, ерунда! Подавать милостыню—нищихъ плодить...

— Николай Петровичъ! Опомнитесь! Что вы говорите! Вѣдь это же отвратительно...— остановила его Надя и принялась его стыдить и усовѣщевать.

Все напрасно,—еще хуже, потому что ея возраженія доводили его до состоянія «бѣлаго каленія».

А она, между тѣмъ, уже ранѣе случайно узнала, что Волжинъ украдкой посѣщаетъ городскія трущобы и щедро помогаетъ бѣднякамъ. Она знаетъ, что Волжинъ не одну бѣдную семью поставилъ на ноги, оказавъ во-время помощь рабочему, опустившемуся вслѣдствіе своей болѣзни или болѣзни жены. Она знаетъ, какъ любятъ Николая Петровича крестьяне... Любятъ же его за что-нибудь эти люди! Она уже давно слышала, что тотчасъ же по пріѣздѣ въ деревню онъ отдалъ крестьянамъ пустошь съ прекрасными лугами. Въ то время въ городѣ много говорили о такомъ странномъ поступкѣ... На его счетъ учатся нѣсколько мальчиковъ и дѣвочекъ. Наконецъ, Надя знаетъ одну изъ старухъ, которымъ Волжинъ выдаетъ пенсію деньгами и натурой, чаемъ, сахаромъ и одеждой. Надя сама помогаетъ этой старушкѣ, и отъ нея-то случайно, по секрету, дѣвушка узнала объ этихъ его дѣлахъ. Онъ скрывалъ ихъ; поэтому и Надя ни разу не намекала ему о томъ, что его тайна извѣстна ей.

Однажды она по какому-то поводу, въ одну изъ такихъ же недобрыхъ минутъ, заговорила о благородныхъ, великодушныхъ подвигахъ самоотверженія, кстати что-то вспомнила изъ исторіи... А Волжинъ слушалъ и улыбался.

— Что жъ тутъ смѣшного?—замѣтила ему Надя.

— Увлеченіе ваше смѣшно! — отвѣтилъ онъ.—Въ дѣтствѣ я съ удовольствіемъ читалъ Плутарха... Всѣ эти Алкивіады, Периклы, Бруты въ то время очень интересовали меня. Дѣти любятъ читать о герояхъ, потому что они всему свято вѣрятъ... А если бы съ неостывшимъ увлеченьемъ подойти поближе къ вашимъ великимъ людямъ, холодной водой обдало бы насъ—такъ, что зубы застучали бы...

Въ другой разъ, подъ вліяніемъ только что прочитанной книги, дѣвушка заговорила съ нимъ о самоусовершенствованіи.

— Забраться подъ стеклянный колпакъ и любоваться на себя!—возразилъ Волжинъ.— Благодарю покорно... только не нахожу нужнымъ! Не изъ-за чего хлопотать и безпокоиться... Не забывайте, пожалуста, Надежда Александровна, что на землѣ всему конецъ—въ могилѣ. «Жизнь—скверный сонъ!» сказалъ какой-то мудрецъ, (а если не сказалъ, такъ все равно,—я говорю за него). Хоть мнѣ и непріятно напоминать объ этомъ такой пылкой, молодой дѣвицѣ, какъ вы, полной жизни, всякихъ надеждъ и иллюзій, но, извините! долженъ напомнить... Какъ бы человѣкъ въ жизни ни кривлялся, ни ломался, сколько бы ни дурачился, эпикурействуя или притворяясь Діогеномъ, — всему одинъ конецъ: могила, прахъ... «Es ist das Loos des Schönen auf der Erde!»

— Ужасно, что вы говорите! Вы сами себѣ противорѣчите... Вы думаете не такъ!— съ жаромъ возразила Надя.—Не все же въ мірѣ однѣ могилы... не все же умираетъ! Духъ не умираетъ,—и добрую, свѣтлую мысль нельзя похоронить въ могилѣ...

А онъ сидѣлъ, прислонившись къ спинкѣ кресла, и холодно, почти презрительно (нагло и дерзко, какъ могло бы показаться со стороны) смотрѣлъ на ея взволнованное лицо. Ему, какъ будто, доставляло удовольствіе смущать ее и приводить въ негодованіе своимъ цинизмомъ. Надя въ такія минуты могла бы счесть

его злымъ, недалекимъ человѣкомъ, если бы не знала, что онъ вовсе не золъ и не глупъ, но говоритъ лишь подъ вліяніемъ минуты и въ ту минуту онъ бываетъ искрененъ. Онъ озлобленъ. Да!.. И Надя знала или, по крайней мѣрѣ, думала, что знаетъ причины озлобленья, его недовольства собой и всѣмъ. Неудачи, сознаніе пустоты и безполезности его существованія, невозможность почему-то (можетъ быть, по недостатку воли) выбиться изъ безобразной колеи, куда затолкала его провинціальная жизнь, на каждомъ шагу противорѣчащая его юношескимъ идеаламъ... «Вотъ что омрачаетъ ему жизнь—и дѣлаетъ его несчастнымъ!» думала Надя.

И въ томъ, что Надя думала, была правда, но «не вся» правда... Она далеко еще не все знала о любимомъ человѣкѣ. Дѣвушкѣ въ 19 лѣтъ трудно сдѣлаться сердцевѣдомъ. Она не знала, какъ Волжинъ мнителенъ и недовѣрчивъ. Она думала, что «безъ малаго» все знаетъ—въ то время, какъ она еще очень многаго не знала. Она думала, что передъ ней «звѣздная книга ясна», а между тѣмъ не видѣла того, что было у нея подъ ногами.

Дѣвушка, въ простотѣ сердечной, была увѣрена, что своимъ нѣжнымъ, дружескимъ участіемъ счастливитъ любимаго человѣка или, по крайней мѣрѣ, въ тяжелыя для него минуты успокаиваетъ, утѣшаетъ его. Она не могла и представить себѣ, что она-то и есть—безъ вины виноватая, что она-то сама и причиняетъ ему, можетъ быть, самую жгучую, душевную боль.

Много путаницы и горя происходитъ въ жизни отъ того, что чужая душа для насъ—потемки, и мы не обладаемъ даромъ ясновидѣнія... Мы часто не договариваемъ то, что должно быть досказано, и могло бы быть досказано; тогда бы мы не бродили впотьмахъ и не наталкивались, вмѣсто дружескихъ объятій,—на остріе ножа...

Проходило нѣсколько дней, Волжинъ не показывался, а потомъ вдругъ являлся въ роли кающагося, переходя изъ одной крайности въ другую. За нѣсколько дней передъ тѣмъ онъ, казалось, дѣйствительно, былъ полонъ гордыни, разыгрывалъ изъ себя какого-то демона, на все смотрѣлъ свысока и смѣялся, а тутъ, повидимому, также искренно начиналъ бичевать и унижать себя сверхъ всякой мѣры.

— Простите! Я, кажется, наговорилъ вамъ непріятностей въ послѣдній разъ... — однажды сказалъ онъ Надѣ Свѣтлановой, придя къ ней послѣ того, какъ «сошло» съ него неистовство отрицанія.—Я несчастный человѣкъ! Меня можно только пожалѣть или отпихнуть, но бить нельзя... не стоитъ! Да, именно, не стоитъ... Мнѣ стыдно смотрѣть на васъ, Надежда Александровна! Забудьте!.. Дайте руку...

И дѣвушка старалась успокоить его, утишить его волненіе. Волжинъ просвѣтлѣлъ, пододвинулся къ ней и, перегнувшись черезъ ручку кресла, задушевнымъ тономъ говорилъ:

— Вы не знаете... да! вы не подозрѣваете, какъ вы дороги для меня... Когда я думаю о васъ, вы мнѣ представляетесь моимъ геніемъ-хранителемъ. Даже когда васъ нѣтъ со мной, мнѣ кажется, что вы надо мной бодрствуете, что вы невидимо гдѣ-то тутъ стоите около меня... Вы конечно, не испытали, Надежда Александровна, какъ ужасно, когда человѣку приходится бояться самого себя, какъ злѣйшаго своего врага. О, это такое положеніе... Не знаю: что бы я дѣлалъ, если бы не могъ въ минуты хандры смотрѣть на эти глаза!.. — глядя на нее, заключилъ онъ такимъ тономъ, какъ будто бы размышлялъ про себя вслухъ.

— И смотрите, если это вамъ нравится!— съ улыбкой промолвила дѣвушка, слегка вспыхнувъ и стараясь обратить въ шутку его послѣднія слова.

— Нравится... Да! И буду смотрѣть!— сказалъ онъ, опустивъ голову на руку и замолчалъ.

Надѣ стало жаль его, хотѣлось его приласкать, и она какъ-то невольно положила руку ему на руку, онъ накрылъ ея руку своей и крѣпко пожалъ ее. Нѣсколько минутъ они сидѣли, молча, рука въ руку, и обоимъ имъ, казалось, было хорошо. Сердце ея опять билось ровно, спокойно, полное надеждъ на лучшее будущее.

Въ такія минуты дѣвушкѣ думалось, что она видитъ своего милаго насквозь, видитъ, понимаетъ и жалѣетъ; въ такія минуты его душа казалась ясна и свѣтла, какъ иногда бываетъ свѣтла и прозрачна струя воды; въ иныя же минуты душа его замутится такъ, что ничего нельзя видѣть въ ней. Но, не смотря на всѣ шероховатости отношеній къ ней Волжина, дѣвушка чувствовала что, любитъ его—и любитъ все сильнѣе и сильнѣе...

Обыкновенная исторія... Началось съ того, что Надя пожалѣла этого человѣка и, пожалѣвъ, захотѣла его спасти. Городскія хрони-

ки ославили его кутилой; не разъ ходили слухи о какихъ-то скандалахъ въ пьяной мужской компаніи, упоминались имена какихъ-то женщинъ. Участникомъ въ такихъ дѣлахъ молва не разъ называла и Волжина... «Неглупый, образованный, молодой человѣкъ, а можетъ закрутиться и пропасть»... Такъ говорили о немъ кумушки обоего пола.

Надѣ, въ мечтахъ, казалось очень легкимъ дѣломъ спасти такого человѣка. Будь на его мѣстѣ какой-нибудь озвѣрѣвшій разбойникъ, завзятый мошенникъ или человѣкъ, погрязшій въ распутствѣ, тогда было бы другое дѣло... Но когда дѣвушка приступила къ своей задачѣ на практикѣ, дѣло оказалось несравненно труднѣе, чѣмъ представлялось ей въ минуты ея великодушныхъ порывовъ. Надя увидала, что для того, чтобъ спасти его, нужно бороться со всей окружающей его средой, съ цѣлой толпой людей, заслонявшихъ отъ нея юношу. Волжинъ бывалъ у нея отъ поры-до времени часа на два—на три, а съ тѣми людьми онъ «жилъ», и вліяніе ихъ на Волжина было постоянное...

И вотъ въ минуты охлажденія къ ней Волжина или, какъ онъ говорилъ, «въ моментъ хандры», когда до нея мелькомъ доходили слухи объ его участіи въ кутежахъ и ночномъ разгулѣ нашей «золотой» молодежи, сердце ея тоскливо сжималось и сама себѣ она начинала казаться маленькимъ, ничтожнымъ существомъ, безсильнымъ кого бы то ни было спасти. Но въ то время, когда Надя все яснѣе и яснѣе стала сознавать всю трудность борьбы за него съ темными силами, онъ сталъ дѣлаться для нея все дороже и милѣе, и вотъ тутъ-то незамѣтно, неуловимо, какъ бы украдкой, ея чувство сожалѣнія къ падшему, погибающему человѣку превратилось въ любовь. Старая исторія, но люди часто забываютъ ее...

Послѣ сцены въ березовой аллеѣ любовныхъ разговоровъ между молодыми людьми не происходило, за исключеніемъ лишь легкихъ, неясныхъ намековъ съ его стороны; онъ о любви не говорилъ, у Нади ничего не спрашивалъ и не просилъ; та, разумѣется, тоже не заговаривала. Ни единымъ словомъ, ни взглядомъ не напомнили они ни разу другъ другу о признаніи и поцѣлуяхъ. Сцена въ березовой аллеѣ для нихъ какъ будто не существовала, какъ будто была вычеркнута, хотя, конечно, они живо помнили о ней. Они чувствовали, что между ними остается что-то недосказаннымъ, недоговореннымъ... Но что бы это могло быть? Дѣвушкѣ иногда казалось, что Волжинъ тяготится какими-то сомнѣньями и недоумѣньемъ, что онъ иной разъ какъ будто порывается о чемъ-то спросить ее... Сама же заговорить съ нимъ она не рѣшалась. «Но что жъ для него неясно? о чемъ же еще нужно спрашивать?»... дѣвушка, рѣшительно, не постигала.

Ей казалось, что дѣло было совершенно просто, и никакихъ объясненій не требовалось. Если сцена въ саду не все досказала ему, то вѣдь могъ же онъ видѣть, что послѣ того памятнаго вечера она ни съ кѣмъ не обращалась такъ ласково и нѣжно, какъ съ нимъ. Если бы онъ бросилъ эту безобразную жизнь, взялъ бы ее за руку, она пошла бы съ нимъ и сдѣлалась бы его женой... Даже во всякомъ случаѣ она пошла бы съ нимъ въ той надеждѣ, что, живя съ нимъ, она могла бы скорѣе повести его на лучшій путь. Онъ же какъ будто мучится какими-то сомнѣньями, молчитъ... А Надя — ни по своей натурѣ, ни по складу воспитанія, какое получила подъ вліяніемъ тетушки Авдотьи Михайловны,—рѣшительно не могла сама броситься мужчинѣ на шею, какъ иногда и прежде дѣлалось и дѣлается въ наши дни...

Отношенія ихъ, по существу, конечно, были любовныя, но полуслова, недомолвки и умолчанія придавали ихъ отношеніямъ какой-то странный, неровный характеръ и дѣлали ихъ похожими не столько на любовь, сколько на дружбу между безтолковыми, болѣзненно раздражительными людьми.

Понятно, что, глядя на нихъ, тетя Маша становилась втупикъ и, пожимая плечами, говорила про себя:

— Что нынче за влюбленные... Не понимаю!

IV.

Въ началѣ ноября земля забѣлѣла. Уличныя мостовыя, крыши, заборы, деревья, блестящій ледъ на рѣкѣ—все запорошилось снѣгомъ, все заискрилось, заблестѣло вблизи и вдали.

Вскорѣ послѣ описанныхъ маленькихъ происшествій Волжинъ, по выраженію Григорія Степановича, «захандрилъ невыносимо», и поэтому (или, вѣрнѣе, воспользовавшись предлогомъ) медвѣдевскій кружокъ вздумалъ отпраздновать наступленіе зимы и устроить за городомъ приличный случаю «фестиваль»,

то-есть, попросту, кутежъ въ грандіозныхъ размѣрахъ. Рѣшили ѣхать въ лѣсъ, на Зубковскую мельницу, за 5 верстъ отъ города.

День выдался сѣрый, тихій, не особенно морозный... На соборной колокольнѣ старинные часы пробили четверть четвертаго. Начинало смеркаться... Передъ подъѣздомъ медвѣдевскаго дома красовались двѣ тройки и сани парой. Передняя вороная тройка, любимая тройка Волжина, не стояла спокойно на мѣстѣ; пристяжныя, развѣвая свои темныя, волнистыя гривы и шурша бубенчиками, все порывались впередъ; коренникъ неистово рылъ копытомъ снѣгъ и поминутно встряхивалъ головой.

Кромѣ «непремѣнныхъ засѣдателей», на тотъ разъ присоединились къ компаніи еще два-три постороннихъ человѣка знакомыхъ, но непричастныхъ къ подвигамъ медвѣдевскаго кружка. Въ пикникѣ приняли участіе также двѣ дамы: вдова Таранова, искательница сильныхъ ощущеній, и одна недурненькая собой, двусмысленная дѣвица. Дамы сидѣли въ залѣ уже въ шубкахъ и болтали съ молодежью. Кто-то игралъ на рояли и напѣвалъ изъ «Madame Angôt». Григорій Степановичъ съ озабоченнымъ, дѣловымъ видомъ наблюдалъ за тѣмъ, какъ человѣкъ устанавливалъ бутылки въ корзину съ сѣномъ.

Отправились. Гремя бубенчиками, полетѣли тройки по бѣлоснѣжной, гладко укатанной дорогѣ.

— Надя!.. Надюша, посмотри... кажется, лошади Николая Петровича!—крикнула тетя Маша, занимавшая, по обыкновенію, свой обсерваціонный постъ у окна.

Дѣвушка заглянула въ окно... Да! Она хорошо знаетъ эту тройку вороныхъ...

— Это его тройка!—говоритъ Надя, смотря въ окно.

Въ саняхъ сидитъ онъ самъ рядомъ съ какой-то дамой въ бѣломъ платкѣ поверхъ кокетливой шапочки, князь Торопецкій и еще кто-то изъ молодежи... За передней тройкой бѣшено мчится медвѣдевская тройка рыжихъ, затѣмъ — сани... Тройки быстро проносятся мимо, какъ видѣніе, и исчезаютъ въ синеватыхъ сумеркахъ надвигающагося зимняго вечера.

— Покатили, видно, за городъ! — съ легкимъ вздохомъ замѣчаетъ тетя Маша.

Надя припоминаетъ нѣкоторыя слова изъ своего послѣдняго разговора съ Волжинымъ. Она сказала: «Значитъ, все тоже?» А онъ добавилъ: «Даже хуже!» Хуже! Это слово, какъ молотомъ, теперь било ее по головѣ, стучало въ виски и заставляло тревожно замирать ея болѣвшее сердце... «Неужели онъ мнѣ на зло?.. Неужели онъ нарочно проѣзжаетъ мимо нашихъ оконъ со своей компаніей?» съ горечью подумала она. «Но, нѣтъ... не можетъ быть! Это невозможно»... Но съ какой дамой сидитъ онъ рядомъ? Надя не успѣла разсмотрѣть ее. Въ ту минуту, какъ тройка проносилась мимо окна, дама, очевидно, смѣясь и оживленно разговаривая съ Волжинымъ, слегка наклонилась впередъ, прикрывшись муфтой отъ снѣжной пыли, летѣвшей ей въ лицо. Кто она?.. Можетъ быть, одна изъ такихъ дамъ, о которыхъ не принято говорить въ обществѣ? А можетъ быть—и нѣтъ... И тутъ «чудовище съ зелеными глазами»—ревность впервые коснулась Нади своимъ нечистымъ дыханіемъ...

На мельницѣ вечеромъ варили жжонку, пили, пѣли, танцовали, дурачились. Пьянство было изрядное: почти по бутылкѣ «Fine champagne» досталось на человѣка. Наняли какого-то хромого деревенскаго парня играть на гармоніи, и тотъ старался изо всѣхъ силъ. Много было шутокъ, смѣха и пьянаго веселья. Въ лѣсу на полянѣ зажгли костеръ, разостлали на доскахъ ковры, и пирующіе, накинувъ шубы, полусидя, полулежа, расположились вокругъ огня. Красноватымъ свѣтомъ озарились покрытыя снѣгомъ косматыя ели, и мелькающій отсвѣтъ костра, блуждая, пропадалъ въ лѣсной чащѣ...

Послѣ того общество разбрелось по лѣсу, по дорожкамъ, протоптаннымъ дровосѣками. М-ше Таранова шла съ Волжинымъ, крѣпко опираясь ему на руку, и болтала всякую чепуху.

— Знаете, что бы я теперь сдѣлалъ? — вдругъ спросилъ Волжинъ, останавливаясь и какъ бы любуясь высокою, развѣсистою сосной.

— Что же бы такое? — переспросила его спутница, еще сильнѣе налегая на его руку.

— Повѣсился бы... вотъ на этой самой соснѣ!—съ какимъ-то страннымъ, невеселымъ смѣхомъ сказалъ онъ.

— Ахъ, какъ мило!..—вскричала вдовушка.—Фуй! Какъ вамъ не стыдно, monsieur Волжинъ, говорить такіе ужасы!.. Я думала: вы хотѣли бы поцѣловать кого-нибудь... Въ ваши годы...

— О, нѣтъ! — разсѣянно отвѣтилъ Вол-

жинъ.—Не всѣ же въ мои годы до этого охотники...

Тутъ ужъ терпѣніе вдовушки лопнуло, и она, остановившись, стала подзывать своихъ отставшихъ спутниковъ.

— Mon prince! Où êtes-vous donc, mon prince?—крикнула она.

— Князь! Чортъ... Куда вы запропастились?—по русски крикнулъ Волжинъ.

— Двигаемся!—заплетающимся языкомъ отозвался князь Торопецкій, самъ пошатываясь и таща подъ руку дѣвицу, окончательно захмѣлѣвшую на морозѣ...

Уже за полночь возвратились съ пикника. Звеня бубенчиками, мчались тройки по тихимъ, пустыннымъ улицамъ засыпавшаго города, и мирные обыватели, собиравшіеся на покой, были обезпокоены гиканьемъ и звономъ бубенцовъ и привлечены любопытствомъ къ окнамъ.

— Должно быть, медвѣдевскіе! — сладко позѣвывая, говорили мирные граждане и удивлялись: что за охота людямъ по ночамъ, въ морозъ, скакать сломя голову. То-ли дѣло за печкой, въ теплой постели—любо-дорого...

Тройки, между тѣмъ пустились вперегонку. Въ однихъ саняхъ, выпрямившись во весь свой громадный ростъ, стоялъ Григорій Степановичъ и, забывъ свой степенный возрастъ и барское достоинство, съ азартомъ командовалъ, крича кучеру:

— Держись, держись, Герасимъ! жги! жги!

И «рыжіе дьяволы», какъ звали у насъ медвѣдевскую тройку, вихремъ мчались, взрывая снѣгъ.

А въ другихъ саняхъ, сбросивъ съ себя шубу и оставшись въ одной своей сѣрой тужуркѣ, Волжинъ, оттолкнувъ кучера, самъ правилъ лошадьми. Онъ стоялъ, опершись однимъ колѣномъ на козла, и, молча, сосредоточенно, съ разгорѣвшимся лицомъ—гналъ своихъ вороныхъ и уже почти на длину лошади опередилъ знаменитую рыжую тройку своего соперника... Плохо было бы тому, кому пришлось бы въ тѣ минуты переходить улицу или ѣхать по ней на встрѣчу этимъ двумъ тройкамъ, бѣшено мчавшимся съ быстротой, духъ захватывающей...

Медвѣдевъ, увлекшись и забывъ все и вся, напрасно стукалъ кучера кулакомъ по шеѣ и, задыхаясь, осипшимъ голосомъ, едва слышно хрипѣлъ: «Жги!»... Вороные побѣдили, но хозяину ихъ побѣда досталась не даромъ...

На другой день вечеромъ Волжинъ уже лежалъ пластомъ—въ жару и въ бреду. Полупьяные его пріятели, какъ сонныя мухи, безпомощно бродили около его постели и каждый свое толковалъ: «Напоить липовымъ цвѣтомъ!» — «Лучше пуншемъ»... — «Надо сводить въ баню, да выпарить хорошенько!»—«Нѣтъ! Обтереть всего водкой съ уксусомъ»...

— Коля! Коля, послушай... — говорилъ Волховитинъ, наклоняясь надъ больнымъ.— Ты, голубчикъ, что чувствуешь... Скажи... А? голова трещитъ?

— Не хочешь-ли выпить коньяку?—спрашивалъ его Ефремовъ, самъ уже въ достаточномъ количествѣ принявшій этого лѣкарства и испытывавшій на себѣ его превосходно ошеломляющее дѣйствіе.

Больной лежалъ въ безпамятствѣ, тяжело дыша и безсильно ворочая головой по подушкѣ, а его сухія, запекшіяся губы шептали безсвязно:

— Все это... ничего не стоитъ!.. Но я, господа, не могу... Тону! Тону!..

— Чортъ знаетъ, что онъ городитъ!—прислушиваясь, сказалъ Махметьевъ, и затѣмъ обратился къ больному:—успокойся, братецъ, не потонешь... лежишь у себя на постели.

А больной, не слушая его, бормоталъ:

— Голубчики! не выйти мнѣ... Тону!

И, задыхаясь, онъ судорожно хватался за края кровати.

Волжину въ то время грезилось, что онъ зашелъ въ какое-то топкое болото, заросшее густою, высокою травою и какими-то странными, желтыми цвѣтами. Эти цвѣты ужасно непріятны на видъ; въ нихъ есть что-то такое особенное, что-то отвратительное... Волжинъ съ трудомъ идетъ и вязнетъ, старается выкарабкаться, но напрасно... чѣмъ дальше, тѣмъ глубже онъ погружается въ трясину. Куда онъ ни оглянется, во всѣ стороны расходится болото,—и тому болоту нѣтъ конца... Тутъ вдругъ Волжинъ замѣчаетъ, что эти непріятные, отвратительные цвѣты—не простые цвѣты, какихъ онъ много видалъ на поляхъ и въ лѣсу, а цвѣты съ глазами,—и всѣ они, поднявъ свои желтыя чашечки, насмѣшливо смотрятъ на него... И, Боже мой! сколько ихъ, этихъ маленькихъ, черныхъ и острыхъ, насмѣшливыхъ глазъ!..

Волжинъ съ отчаяніемъ рвется изъ болота, но чѣмъ рѣшительнѣе бьется онъ, тѣмъ сильнѣе эта зыбкая топь засасываетъ его,

тянетъ внизъ... И вотъ онъ вязнетъ все глубже и глубже, уходитъ по поясъ, по плеча... Онъ запутывается въ травѣ, отвратительные, глазастые цвѣты лѣзутъ ему въ лицо, зеленоватая тина набивается въ ротъ... Онъ—въ ужасѣ, весь холодѣетъ, захлебывается... А тамъ далеко-далеко за болотомъ, на горѣ, стоитъ кто-то въ бѣломъ и машетъ ему рукой, манитъ, зоветъ его... Онъ поднимаетъ голову, смотритъ на это свѣтлое видѣніе, тянется къ нему... Но, нѣтъ! Та гора далеко, а вокругъ него болото, и это топкое, зыбучее болото держитъ его, не пускаетъ...

— Тону-у! — словно, въ самомъ дѣлѣ, захлебываясь, стонетъ больной, хватаясь дрожащими руками за кровать.

Наконецъ, Григорій Степановичъ рѣшилъ всѣ споры и, хлопнувъ рукой по столу, крикнулъ:

— Ну, мальчики! Шутки въ сторону... Доктора нужно... Волховитинъ! ты, братъ, потрезвѣе... поѣзжай за Оршанскимъ! Живо!

Явился докторъ, осмотрѣлъ больного и, покачавъ головой, прописалъ, разумѣется, микстуру, то—другое, далъ нѣкоторые совѣты и успокоилъ встревоженнаго Медвѣдева.

— Ничего! Вынесетъ... Молодъ, силенъ...

На другой же день слухъ о томъ, что Волжинъ опасно заболѣлъ, что ночью приглашали къ нему Оршанскаго, разнесся по городу съ быстротой заячьяго галопа и, какъ водится, съ различными поэтическими прикрасами... «Кутили и пьянствовали на Зубковской мельницѣ; Николай Петровичъ съ madame Тарановой гуляли ночью въ лѣсу и тамъ между ними что-то вышло, вслѣдствіе чего Волжинъ спьяна покушался на самоубійство, полѣзъ на сосну и хотѣлъ удавиться; Григорій Степановичъ къ княземъ едва успѣли спасти его, во-время стащивъ его съ дерева» ну и т. д. Варіантовъ этой печальной повѣсти было столько же, сколько разсказчиковъ.

Надя Свѣтланова знала цѣну подобнымъ сообщеніямъ, но до очевидности на этотъ разъ было ясно, что въ основаніи фантастическихъ разсказовъ скрывалась правда... Вѣдь она же сама видѣла, какъ Николай Петровичъ съ компаніей уѣзжалъ за городъ. А что тамъ они кутили,—въ этомъ едва-ли можно было сомнѣваться...

Какъ ни горько ей было слышать такіе разсказы о любимомъ человѣкѣ, но, разумѣется, всего болѣе ее встревожило то, что онъ боленъ, можетъ быть, опасно, смертельно боленъ, что онъ лежитъ, окруженный пьяными людьми, лежитъ брошенный, безъ настоящаго ухода и присмотра. Что жъ сдѣлаетъ докторъ, если около больного, вмѣсто хорошей опытной сидѣлки, толкаются пьяные или полупьяные люди, безучастно относятся къ больному и лишь безпокоятъ его! Но вѣдь это ужасно!..

И дѣвушка проводила мучительныя, безсонныя ночи... Онъ, одинъ, боленъ, и нѣтъ около него любящаго человѣка. Развѣ же Григорій Степановичъ станетъ не спать ночи? Развѣ его шелопаи и тѣ дамы, которыя кутятъ съ ними, станутъ ухаживать за больнымъ? Что для нихъ жизнь или смерть Волжина? Если они и заплачутъ по немъ, то пьяными слезами и на другой же день забудутъ о немъ...

«Пойти къ нему?» спрашивала себя дѣвушка. Если бы онъ жилъ одинъ, на своей квартирѣ, она пошла бы къ нему. Но теперь идти въ домъ къ Медвѣдеву... Нѣтъ, это невозможно!.. Великодушныя, благородныя побужденія, любовь, состраданіе, заставляли ее идти, настойчиво толкали ее туда, и въ минуты жгучаго горя иногда она была готова, не смотря ни на что, набросить на себя шубку, платокъ и бѣжать къ нему, бѣдному. Но противъ этого намѣренія, разомъ, дружно возставали и колебали ея рѣшимость, не боязнь огорчить тетокъ, не боязнь людского мнѣнія, но чувство стыдливости, робость, понятія и взгляды, привитые воспитаніемъ и средой еще съ ранняго дѣтства. Надя Свѣтланова не была героиней... Что жъ съ этимъ дѣлать!

Къ нему одному Надя пошла бы, не смотря ни на что, но идти въ этотъ вертепъ (медвѣдевскій домъ рисовался въ ея воображеніи именно въ видѣ самаго гнуснаго вертепа) она не могла. Ей казалось, что ея ноги были бы не въ состояніи перешагнуть порогъ этого дома. Да еще и вопросъ: пустятъ-ли ее туда? А если прогонятъ? А если и примутъ, да если Надя тамъ встрѣтится съ той дамой, которая ѣздитъ съ нимъ на пикники... Позоръ! Позоръ!.. Если бы она хотя знала правду объ его отношеніяхъ къ этой женщинѣ...

Дѣвушка мысленно рвалась туда, гдѣ лежалъ больнымъ и, можетъ быть, умиралъ ея милый, но все-таки не шла къ нему и, молча, страдала. Скрытое горе, слезы, мучительная ночная безсонница и еще болѣе мучительныя, страшныя грезы — сказались на дѣвушкѣ:

лицо ея осунулось и блѣдностью покрылись ея щеки, а голубые глаза сдѣлались, какъ будто, еще больше и печальнѣе.

— Ты не больна-ли, Надя?—спрашивала ее Авдотья Михайловна, смотря на ея осунувшееся лицо.

— Нѣтъ, тетя!—отвѣчала она, по обыкновенію, сдержанно.

Тетя Маша догадывалась, въ чемъ дѣло, но, разумѣется, молчала, потому что ей было ужасно пріятно имѣть тайну отъ «сестрицы», донимавшей ее своею суровостью.

Въ то время, пока въ угловой комнаткѣ сѣраго свѣтлановскаго дома подъ покровомъ тайны разыгрывалась эта драма, въ медвѣдевскомъ домѣ дѣло кончилось благополучно: Волжинъ выздоровѣлъ. Молодой организмъ постоялъ за себя и довольно легко справился съ болѣзнью. Черезъ мѣсяцъ Волжинъ уже выходилъ изъ дому. И опять начались попойки, кутежи, картежная игра и появленіе всѣмъ извѣстныхъ дамъ...

Однажды Волжинъ не принималъ участія въ увеселеніяхъ медвѣдевскаго кружка, засидѣлся дома надъ какой-то книгой и уже довольно поздно вечеромъ вздумалъ прокатиться. Проѣзжая по Старо-Спасской улицѣ онъ увидалъ, что окна въ домѣ Волховитиныхъ горѣли огнями... «Должно быть, вечеръ. Нѣтъ-ли тутъ Свѣтлановыхъ? Старухи-то дружны между собой!» подумалъ Волжинъ и крикнулъ кучеру: «Стой»!

Онъ попалъ въ антрактъ между танцами и почти тотчасъ же при входѣ въ залу столкнулся съ m-elle Свѣтлановой. Они, молча, пожали другъ другу руки. На мгновенье глаза ихъ встрѣтились,—и этотъ мимолетный взглядъ сказалъ, что все горькое, непріятное было въ ту минуту забыто этими людьми, что оба они были полны только радостью свиданья... Волжинъ прошелъ въ гостиную. Авдотья Михайловна играла въ преферансъ «по десятой», а тетя Маша болтала на диванѣ съ Алешей Волховитинымъ. Поздоровавшись съ почтенной публикой, Волжинъ возвратился въ залу, отыскалъ Надю и сѣлъ съ нею въ уголокъ за цвѣты, по случаю танцевъ отодвинутые отъ оконъ.

— Какъ я радъ, что встрѣтилъ васъ здѣсь! —съ оживленіемъ заговорилъ Волжинъ.—Я давно васъ не видалъ... Скажите прежде всего: вы на меня сердитесь?

— Нѣтъ!—качнувъ головой, коротко отвѣтила Надя.

— Да... но — признайтесь! — я все-таки огорчилъ васъ въ послѣдній разъ... тогда... помните?—говорилъ Волжинъ.—Я чувствую, что огорчилъ васъ... я это даже чувствовалъ тогда, какъ уходилъ отъ васъ...

— Да! Вы огорчили меня... это правда!— съ сдержаннымъ вздохомъ отвѣтила дѣвушка и подумала: «Узнаетъ-ли онъ когда-нибудь, сколько я за это время пережила, перестрадала изъ-за него!» —Вы говорите: сами чувствовали, что огорчили—и не воротились ко мнѣ!—замѣтила она, и голубые глаза ея съ упрекомъ остановились на немъ.

— Я знаю: *вы* не сдѣлали бы такъ на моемъ мѣстѣ... Но я былъ очень разстроенъ...— возразилъ Волжинъ.—Вы знаете, я былъ боленъ, и то, что было до болѣзни, теперь мнѣ кажется такимъ далекимъ, но я все-таки помню: когда въ послѣдній разъ разстался съ вами, я поѣхалъ въ клубъ, и съ половины дороги, помню, хотѣлъ вернуться къ вамъ... ну, право же, хотѣлъ вернуться и просить у васъ прощенья... Такъ я очень огорчилъ васъ?

И при этомъ онъ такъ хорошо посмотрѣлъ на нее, голосъ его звучалъ такъ мягко и нѣжно, звучалъ такъ отрадно для Нади, что сердце ея сильно забилось и легкій румянецъ снова заигралъ на ея поблѣднѣвшихъ щекахъ.

— Какъ вы прелестны теперь!.. Я не могу отъ васъ глазъ отвести...—прошепталъ онъ, наклоняясь къ Надѣ.

Подумаешь: какъ мало нужно не избалованному человѣку. Дѣвушкѣ въ ту минуту казалось, что она совершенно счастлива, что пролетавшее мгновенье платило ей сторицей за все темное, мрачное, недавно пережитое ею...

— Меня огорчили не ваши слова и не то, что вы такъ вдругъ ушли...—тихо говорила Надя.—Тутъ, можетъ быть, я и сама виновата... Нѣтъ, не то огорчило меня... Теперь, Николай Петровичъ, кажется, можно съ вами говорить обо всемъ? Вы сегодня — добрый...

Милая, застѣнчивая улыбка мелькнула на ея полураскрытыхъ губахъ, когда она вопросительно смотрѣла на Волжина.

— О, да! Обо всемъ.... пожалуста...—весело проговорилъ тотъ.—Я все выслушаю отъ васъ...

— Николай Петровичъ!Оставьте вы эту компанію!..—сказала дѣвушка, съ умоляющимъ видомъ взглянувъ на Волжина. — Бросьте

Медвѣдева! Начните жить такъ, какъ вы жили, когда только-что пріѣхали сюда! Вѣдь вы же можете это сдѣлать... да? И вы должны...

— Вы предубѣждены противъ Григорія Степановича!—съ кислой улыбкой возразилъ Волжинъ.—Я знаю, что въ городѣ онъ пользуется незавидной репутаціей... Но, право же, Надежда Александровна, онъ вовсе ужъ не такой плохой человѣкъ, какъ о немъ говорятъ... Чортъ не такъ страшенъ, какъ его малюютъ.

— Какъ бы его ни малевали, все равно!—сказала Надя. — Онъ всегда вѣдь останется самимъ собой... А если онъ не страшенъ, то тѣмъ хуже для другихъ: онъ можетъ еще больше сдѣлать зла, если не внушаетъ отвращенья.

— Вы не знаете... онъ помогаетъ бѣднымъ, и дѣлаетъ не мало добра!—защищалъ Волжинъ своего пріятеля.

— А зла—еще больше!—настаивала Надя.—Человѣкъ пьяный, конечно, можетъ бросить кому ни попало нѣсколько рублей, но вѣдь тотъ же человѣкъ въ пьяномъ видѣ можетъ и самъ ограбить, зарѣзать...

— Григорій Степановичъ никого не зарѣжетъ!—шутливымъ тономъ замѣтилъ ей Волжинъ.

— А нравственный вредъ? — съ жаромъ возразила дѣвушка.—О, нѣтъ, нѣтъ, Николай Петровичъ! И не говорите, не говорите!.. Вы должны разойтись съ Медвѣдевымъ... Они погубятъ васъ... И самъ онъ, да и весь его кружокъ... такіе...

Надя выразительно пожала плечами и даже тряхнула головой, сдѣлавъ такую гримасу, какъ будто отвѣдала чего-то очень невкуснаго.

— Конечно, они звѣздъ съ неба не хватаютъ и не блистаютъ особенными добродѣтелями, но они—славные малые...—сказалъ Волжинъ.

— Что такое — славные малые?—рѣзко замѣтила дѣвушка.—Вотъ этого я не понимаю... Ну, что славнаго хотя бы въ вашемъ князѣ Торопецкомъ, въ Ефремовыхъ или въ Махметьевѣ?.. Вашимъ и нашимъ, безразлично, а въ сущности ни кому и ни къ чему непригодны... Люди безъ дѣла, тратятъ на вѣтеръ свои силы...

— Вы очень заботитесь обо мнѣ... — не глядя на нее, проговорилъ Волжинъ, и въ голосѣ его послышалась непріятная нота, еще за минуту передъ тѣмъ не звучавшая въ немъ.

— Васъ это удивляетъ?—спросила Надя.

— Нѣтъ! Я вѣдь знаю, что вы добры...—промолвилъ онъ, разсѣянно взглянувъ на нее, и замолчалъ.

— О чемъ вы задумались? — немного погодя, спросила его Надя, слегка дотронувшись до его руки.

— Надежда Александровна! — разсѣянно заговорилъ Волжинъ, повидимому не замѣтивъ или не обративъ вниманія на ея скромную, застѣнчивую ласку.—Скажите... какъ вы думаете: пріятно-ли принимать милостыню?

— Почему вы спрашиваете объ этомъ?—промолвила дѣвушка, съ удивленіемъ посмотрѣвъ на него.

— Такъ... мнѣ иногда приходятъ въ голову очень странныя мысли... И я иногда желалъ бы провѣрить ихъ мнѣніемъ другихъ...

— Сама я милыстыни никогда не просила и не получала! — съ улыбкой отвѣтила дѣвушка. — По собственному опыту судить не могу, но думаю, что принимать милостыню унизительно, тяжело...

— Я то же думаю...—отозвался Волжинъ.

Дѣвушка такъ пытливо посмотрѣла на него, на его поникшую голову, какъ будто старалась проникнуть ему въ душу.

— А давать милостыню?—спросилъ онъ, не перемѣняя позы.

— Подавать милостыню, конечно, пріятно... Бываетъ такъ отрадно сознавать, что можешь подѣлиться съ другими...

— Милосердная самарянинка! — сказалъ Волжинъ и, поднявъ голову, посмотрѣлъ на свою собесѣдницу.

Въ глазахъ его и на губахъ мелькнула чуть замѣтная насмѣшка.

— Много также значитъ и то: отъ кого принимается милостыня...—говорила Надя.— Иногда, я думаю, брать ее легче, иногда тяжелѣе...

— Но я полагаю: подастъ-ли милостыню какой-нибудь гордый, высокомѣрный человѣкъ, посматривающій съ презрѣніемъ на бѣдняка; подастъ-ли ее добрый, жалостливый человѣкъ... во всякомъ случаѣ милостыня остается подачкой... подачкой изъ милости! Такъ? Вы съ этимъ согласны? — спросилъ Волжинъ.

— Да что вы затвердили все: милостыня, да милостыня!..—нетерпѣливымъ тономъ сказала Надя.—Я не понимаю: зачѣмъ вы все это говорите!..

Дѣвушкѣ казалось, что Волжинъ ходитъ около какого-то вопроса, но — вмѣсто того, чтобы прямо задать его—онъ пытаетъ ее... Что это за вопросъ? о чемъ Волжинъ думаетъ? какія «странныя мысли» тревожатъ его? дѣвушка, рѣшительно, не могла догадаться.

— Я все-таки хочу знать, Николай Петровичъ: для чего вы подвергали меня такому допросу, когда дѣло и безъ того совершенно ясно. Вѣдь и вы не съ легкимъ же сердцемъ взяли бы милостыню—въ случаѣ крайности!

— Не взялъ бы ни въ какой крайности!—жесткимъ, рѣзкимъ тономъ прошепталъ Волжинъ. — Я, Надежда Александровна, милостыни не приму... ни отъ кого!

— Такъ о чемъ же толковать? Зачѣмъ же вы затѣяли этотъ разговоръ?.. Я, право, не знаю...—все съ большимъ недоумѣніемъ говорила Надя, вопросительно посмотрѣвъ на него.

— Мнѣ это было нужно, я уже сказалъ, для нѣкоторыхъ соображеній...

— Для какихъ соображеній?..

Надѣ показалось, что Волжинъ поблѣднѣлъ и какъ-то странно, разсѣянно смотрѣлъ передъ собой, словно, моментально позабывъ: гдѣ онъ, кто съ нимъ и что вокругъ него происходитъ...

Въ эту минуту — и очень некстати — къ нимъ подошла Таня Волховитина и позвала ихъ закусывать.

Кончилось тѣмъ, что при прощаньи Надя взяла съ Волжина слово—почаще бывать у нихъ, а онъ шепнулъ ей, что постарается порвать съ медвѣдевскимъ кружкомъ, подумаетъ, какъ это сдѣлать... Ничего болѣе опредѣленнаго дѣвушка не могла добиться. Разумѣется, ей хотѣлось иного, хотѣлось видѣть въ любимомъ человѣкѣ болѣе рѣшимости; пришлось довольствоваться пока однимъ смутнымъ обѣщаніемъ... Надя чувствовала, сознавала, что имѣетъ вліяніе на этого человѣка, и если съумѣетъ—сможетъ повернуть его на другую дорогу. Только ее тревожило то, что вліяніе ея надъ нимъ, повидимому, непрочно—и слабѣетъ тотчасъ же, лишь только онъ уходитъ отъ нея.

Впрочемъ, на другой же день послѣ волховитинскаго вечера, за утреннимъ чаемъ, Волжинъ, хмурясь, сказалъ Григорію Степановичу, что онъ «думаетъ» пріискивать себѣ квартиру.

— Вотъ еще глупости!—возразилъ Медвѣдевъ.—Человѣкъ ты одинокій. Для какого чорта, спрашивается, нужна тебѣ квартира? Опять накупать всякую дребедень, возиться съ прислугой... Худо тебѣ у меня, что-ли? Или жениться задумалъ?.. Такъ и скажи толкомъ! Съ женой, конечно, тебя не пущу сюда!..

На этотъ разъ кончилось все шутками, да разсказами во вкусѣ Декамерона.

Черезъ день или черезъ два послѣ того, возвратившись съ Медвѣдевымъ изъ клуба, Волжинъ опять завелъ «серьезный» разговоръ.

— Нѣтъ, Григорій Степановичъ, нужно мнѣ чѣмъ-нибудь заняться! А то изо дня въ день — питье, жратва, безобразіе... Одурѣешь!—сердитымъ тономъ заговорилъ Волжинъ.

— Ступай въ монастырь! Кто жъ держитъ!—въ тонъ ему сказалъ Медвѣдевъ.

— Зачѣмъ же непремѣнно въ монастырь!—возразилъ ему собесѣдникъ.—Взяться за дѣло...

— Ну, поступай въ канцелярію къ губернатору! Чиновникомъ особыхъ приключеній сдѣлаютъ...—проговорилъ Медвѣдевъ и, въ видѣ финала къ разговору, зѣвнулъ во всю глотку.

Въ одно изъ посѣщеній Волжина—недѣли черезъ двѣ послѣ волховитинскаго вечера—Надя спросила у него:

— Ну, какъ же, Николай Петровичъ, ваши дѣла?

— Да пока еще ничего... вдругъ нельзя!—нѣсколько смутившись, отвѣтилъ онъ.

Въ другой разъ какъ-то въ разговорѣ онъ опять назвалъ Надю «милосердной самарянинкой».

— Ахъ, да!.. Я уже давно хотѣла васъ спросить да забывала: почему вы меня зовете «самарянинкой»? — съ улыбкой обратилась она къ Волжину.

— Я васъ зову такъ за то, что вы добры... очень милосердны къ людямъ!—отвѣтилъ онъ.

Волжинъ попалъ между двухъ огней. Григорій Степановичъ и К° подсмѣивались надъ его «обращеніемъ въ новую вѣру», а тамъ Надя вопросительно, настойчиво смотрѣла на него и каждый разъ, когда онъ говорилъ, что «пока еще ничего», она съ укоромъ качала головой.

Въ средѣ медвѣдевскаго кружка находились два-три человѣка съ довольно разстроенными финансами, но съ отличнымъ аппетитомъ ко всевозможнымъ утѣхамъ жизни, и они-то всѣхъ болѣе донимали Волжина. Для того, чтобы у нихъ оставалось больше шан-

совъ—пожуировать на чужой счетъ и при случаѣ занять сотняжку-другую—эти господа весьма зорко слѣдили за тѣмъ, чтобы «ихъ полку не убывало», чтобы кому-нибудь изъ состоятельныхъ членовъ кружка не вздумалось—чего добраго!—сдѣлать такую глупость, жениться... Волжинъ былъ человѣкъ состоятельный и притомъ щедрый,—ergo, его слѣдовало во что бы то ни стало удержать при себѣ.

Отъ медвѣдевскаго кружка, конечно, не могли укрыться частыя посѣщенія Волжинымъ сѣренькаго дома на Екатерининской улицѣ. И вотъ противъ предполагаемыхъ и крайне нежелательныхъ матримоніальныхъ намѣреній Волжина открылся довольно правильный походъ. «Семейный очагъ», «супружескія узы», какъ бы случайно, à propos, стали подвергаться въ присутствіи Волжина постояннымъ и усиленнымъ насмѣшкамъ. По истинѣ оказывались неистощимыми разсказы объ измѣнѣ женъ, о рогатыхъ мужьяхъ, о дамахъ, дерущихся съ мужьями, о семейномъ содомѣ и шумѣ, о крикливыхъ сценахъ съ обмороками и истериками изъ-за ревности или изъ-за какой-нибудь шляпки... Для своихъ нападокъ эти люди, казалось, тщательнѣйшимъ образомъ проштудировали всѣ старинные водевили и скверные, пошлые анекдоты, начиная съ письмовника Курганова и включительно до произведеній новѣйшей французской литературы якобы поучительнаго, а въ сущности—архипорнографическаго направленія...

А пока Надя Свѣтланова оставалась въ ожиданіи, колеблясь между темными страхами и надеждой, пока у Волжина съ Григоріемъ Степановичемъ происходили платоническіе разговоры о томъ, что «надо же чѣмъ-нибудь заняться», жизнь медвѣдевскаго кружка шла своимъ обычнымъ чередомъ...Вставали поздно, съ 12 часовъ начиналъ собираться народъ, являлось на столъ вино, болтали всякій вздоръ, иногда играли на роялѣ, пѣли, кто-нибудь разсказывалъ скабрезныя похожденія, а въ сумерки—иногда уже при огнѣ — публика расходилась съ тѣмъ, чтобы встрѣтиться въ клубѣ или въ театрѣ. Иногда затѣвалась картежная игра; играли день и ночь напролетъ, иногда даже и засыпали за карточнымъ столомъ. Однажды едва не надѣлали пожара... Махметьевъ съ Долинскимъ заснули, положивъ руки на столъ и опустивъ на нихъ головы. Махметьевъ во снѣ толкнулъ подсвѣчникъ, и если бы во время не проснулся Долинскій, то быть бы бѣдѣ... У Махметьева опалило високъ и выжгло клокъ бороды.

Кутежи въ медвѣдевскомъ кружкѣ, осенью обыкновенно, затихавшіе, съ наступленіемъ зимы значительно оживлялись. Иногда эти кутежи изъ медвѣдевскаго дома переносились въ клубъ, и наиболѣе степенные изъ посѣтителей и старшинъ клуба косо посматривали на медвѣдевскую шайку, проводившую цѣлые вечера въ буфетѣ или въ столовой. Старшины клуба при видѣ этой молодежи чувствовали себя такъ неспокойно, какъ будто находились надъ пороховымъ погребомъ или надъ динамитной миной. «Того и гляди—учинятъ какой-нибудь великій скандалъ!»...

Вечеромъ, по возвращеніи домой, оставшись одинъ въ своей комнатѣ, Волжинъ — при воспоминаніи о Надѣ Свѣтлановой и о своихъ обѣщаніяхъ—находилъ, что замѣчательно просто и легко порвать съ его настоящимъ безобразнымъ существованіемъ и начать новую, совсѣмъ новую жизнь. Стоитъ только поѣздить по городу, пріискать квартиру, перебраться отъ Медвѣдева. Да!.. Нужно только нанять квартиру, собраться—и подальше, въ самомъ дѣлѣ, отъ этихъ гулякъ!.. Волжинъ въ эти минуты ночного безмолвія и одиночества, недовольный проведеннымъ днемъ, мечтая о Надѣ, о порядочной, трудовой жизни и тихихъ радостяхъ любви, становился «рыцаремъ на часъ». А засыпая, какъ въ смутной грезѣ, онъ видѣлъ передъ собой знакомый, милый образъ молодой дѣвушки, съ ясными, голубыми глазами, но эти глаза, казалось, какъ звѣзды съ неба, смотрѣли на него издалека...

Утромъ Волжинъ поднимался съ головною болью, или, просто, ему бывало тяжело, лѣнь взяться за что-нибудь; какое-то тупое равнодушіе ко всему на свѣтѣ одолѣвало его. А тамъ собиралась обычная компанія; вино, карты... Зимній день коротокъ—особенно для людей, встающихъ съ постели въ 10—11 часовъ. Не успѣешь оглянуться, вечеръ на дворѣ, пора обѣдать, послѣ обѣда отдохнуть часъ-другой, а тамъ уговорились ѣхать куда нибудь.

Колесо вертится безостановочно, не даетъ возможности очнуться, оглянуться на себя, одуматься и рѣшиться на что-нибудь окончательно.

V.

Когда Волжину хотѣлось очнуться отъ кутежа, отдохнуть, ему оставалось одно: на

день—на два уѣхать въ свое Подберезково. Послѣ нѣсколькихъ святочныхъ кутежей, однажды въ сумерки, Волжинъ сказалъ Григорію Степановичу:

— Хочу съѣздить въ деревню!

— Когда?—спросилъ тотъ.—Вѣдь сегодня у Торопецкаго...

— Вотъ сегодня-то послѣ обѣда и хочу уѣхать.

— Съ Богомъ! Скатертью дорога.

До Подберезкова было 35 верстъ. Для тройки здоровыхъ, сильныхъ лошадей дѣло нетрудное—пролетѣть это разстояніе въ три часа по хорошей, зимней дорогѣ.

Ночь была свѣтлая, мѣсячная. То лѣса и перелѣски, то бѣлыя, снѣжныя равнины разстилались по сторонамъ дороги; въ синеватой мглѣ пропадала даль.

Волжинъ, закутавшись въ шубу, нахлобучилъ боярку на лобъ, прислонился къ спинкѣ саней и, мечтая и подремывая, прислушивался къ однообразному, унылому звону колокольчика. Онъ уже давно привыкъ къ этому звону и дорогой любилъ къ нему прислушиваться и въ лѣсной чащѣ и посреди необъятной шири родныхъ равнинъ... То онъ закрывалъ глаза, и ему казалось, что онъ засыпаетъ... въ воображеніи его мелькаетъ ярко освѣщенная комната, группы нарядныхъ дамъ и мужчинъ — и между ними Надя Свѣтланова. «Какъ она мила!»—думаетъ онъ впросонкахъ, какъ будто, въ самомъ дѣлѣ, видя ее воочію передъ собой... То онъ открывалъ слипавшіеся глаза и смотрѣлъ на убѣгавшія вдаль снѣжныя равнины, сливавшіяся на горизонтѣ съ сѣрымъ, ночнымъ небомъ. Легкая дрожь пробѣгаетъ по тѣлу,—Волжинъ плотнѣе закутывается въ шубу, и ему хорошо, пріятно. Мѣсяцъ выглядываетъ изъ-за легкихъ, бѣлесоватыхъ облаковъ,—глазъ отдыхаетъ при этомъ сумеречномъ освѣщеніи; въ холодномъ воздухѣ вольно дышется здоровой груди; звонъ колокольчика посреди мертваго безмолвія снѣжныхъ пустынь погружаетъ въ мечту, а мечта отрываетъ воображеніе отъ мелочей и грязи жизни дѣйствительной и уноситъ на мгновенье въ лучшій, чистый міръ...

Неподалеку отъ дороги, изъ-за деревьевъ, увѣшенныхъ инеемъ, показывается пустой и темный барскій домъ, Ивановское, усадьба Свѣтлановыхъ... Вотъ и *та* березовая аллея! Теперь въ ней—сугробы снѣга, и птицы пѣсенъ своихъ въ ней не поютъ. А какъ былъ хорошъ, лучезаренъ со своимъ яркимъ закатомъ *тотъ* памятный лѣтній вечеръ! Ивановское скоро осталось позади... И опять потянулись перелѣски, опять тихія бѣлыя равнины и мѣсячный свѣтъ, прокрадывающійся изъ-за облаковъ...

Наконецъ-то и Подберезково... Большой, старый домъ глянулъ на Волжина рядомъ своихъ темныхъ оконъ, запушенныхъ снѣгомъ. Волжинъ всходитъ на «черное крыльцо», ступени скрипятъ; изъ бокового окна брезжитъ свѣтъ. Въ этой части дома живетъ его управительница, старая няня, Протасьевна.

— Ахъ, мои батюшки! Николай Петровичъ!—вскрикиваетъ при видѣ его старуха, уже собиравшаяся, было, на покой.—А мы и не слыхали! Машутка, ставь самоваръ! Вотъ грѣхъ-то... Домъ-то вѣдь не топленъ... оповѣстить не изволили!

— Печи сейчасъ же затопимъ! Нагрѣется живо!..—успокаивалъ онъ старушку, нѣжно обнимая ее и цѣлуя ея морщинистую щеку.—Ничего, няня! Не бѣда!

«Зажжемъ огни, нальемъ бокалы,
«Утопимъ весело умы»...

декламировалъ Волжинъ, шагая по комнатѣ изъ угла въ уголъ и потирая руки.—Ну, старая, разсказывай! Какъ живешь тутъ? Не замерзла? Замужъ не собираешься, а? Признавайся лучше по совѣсти!

— Ой ужъ ты, шутникъ!—добродушно усмѣхаясь и качая головой, сказала старушка.—Нечего зубы-то скалить! Чего вотъ кушать-то станешь! У меня сегодня только щи изъ солонины, да каша... Можно яичекъ на сковородкѣ сдѣлать... Молоко есть!

— Отлично!—говорилъ Волжинъ.—Давай няня, все, что есть... и солонину, и кашу, и яицъ...

— Вонъ какъ у насъ! Съ городского-то бланманже, сударь, знать, проголодался!—съ усмѣшкой замѣтила Протасьевна и побрела хлопотать объ ужинѣ для своего «любимчика».

Работникъ съ кучеромъ мигомъ затопили печи. Волжинъ, впрочемъ, распорядился подать самоваръ въ нянину комнату, пока хотя немного нагрѣется остальной домъ. Онъ позвалъ кучера, посадилъ его за столъ съ одной стороны, няню—съ другой и сталъ приготовлять пуншъ. Нянька отъ пунша отказалась, только чашечку чая выпила за компанію, зато Волжинъ, съ морозу пилъ съ на-

слажденіемъ горячій, жгучій напитокъ, и Яковъ—также.

— Лошади не очень устали? — спросилъ Волжинъ.

— Устали?!. Да они еще отмахали бы верстъ двадцать, дать вотъ только передохнуть маленько... — съ самодовольной улыбкой отозвался Яковъ, поглаживая свою окладистую бороду.—Нашихъ вороненькихъ, Николай Петровичъ, не скоро замаешь...

Яковъ крякнулъ и лукаво подмигнулъ. Послѣ второго стакана пунша онъ попросилъ позволенья снять поддевку—и остался въ одной красной кумачной рубахѣ. Теперь его вспотѣвшее, обвѣтрѣвшее лицо было такъ же красно, какъ его кумачная рубаха. Послѣ чая Яковъ ушелъ провѣдать лошадей и затѣмъ—на боковую, а Волжинъ взялъ свѣчу и въ сопровожденіи Протасьевны отправился въ залу—«размять ноги».

Печь въ залѣ была громадная, стариннаго устройства, съ большимъ, широкимъ устьемъ—на подобіе камина, и теперь въ ней ярко горѣли сосновыя дрова... Волжинъ поставилъ свѣчу на столъ и принялся ходить по залѣ. Няня сѣла у печки на скамеечку и съ видимымъ наслажденіемъ любовалась на своего «баринка-красавца». И Николай Петровичъ, ходя по залѣ, также весело посматривалъ на ея добродушное старческое лицо, сухое, сморщенное, озаренное на ту пору вспыхивающимъ красноватымъ свѣтомъ, разливавшимся изъ устья печи.

Онъ любилъ няню, и теперь ему было пріятно смотрѣть на это милое старушечье лицо, съ давно уже знакомымъ ему выраженіемъ какой-то запуганности, словно Протасьевна всю жизнь прожила подъ угрозами судьбы. Послѣ городской сутолоки Волжину было отрадно очутиться въ тишинѣ, наединѣ съ этой простой, любящей его старушкой. Послѣ городскихъ сплетенъ и пересудовъ, лицемѣрныхъ изліяній, неискреннихъ признаній и увѣреній въ добромъ расположеніи, здѣсь, въ Подберезковѣ, Волжину было уютно и тепло. Здѣсь онъ отогрѣвался душой, успокоивался, приходилъ въ себя и переживалъ въ воспоминаніи свѣтлые дни дѣтства и ранней юности...

— Няня! знаешь, что я тебѣ скажу!—весело промолвилъ онъ, остановившись передъ старушкой.—Ты, няня, просто,—красавица! Если бы я былъ живописецъ, сейчасъ бы я нарисовалъ тебя...

Въ темномъ платочкѣ, въ ватной темной кацавейкѣ, сгорбленная, съ типичнымъ старческимъ лицомъ, вся озаренная мерцающимъ красноватымъ свѣтомъ, няня, дѣйствительно, представляла собой хорошенькую жанровую картину...

— Было время, батюшка...—съ легкимъ вздохомъ сказала старуха. — Добрые люди сказываютъ, и я была хороша...

— Няня, разскажи пожалуста,—вѣдь вѣроятно, помнишь?—какъ ты въ первый разъ полюбила мужчину!—спросилъ ее Волжинъ, слѣдя за игрой свѣта и тѣни на ея сгорбленной фигурѣ.

— Что ты, что ты! Господь съ тобой!—начала она скороговоркой и замахала рукой.—Что ты это выдумалъ, безстыдникъ! Пристало-ли... къ ночи-то такой разговоръ!

Николай Петровичъ разсмѣялся и снова зашагалъ по залѣ.

— Вотъ тебѣ-то-бы, батюшка, пора...—немного погодя, заговорила Протасьевна.—Полно баловать-то! Что ужъ тутъ хорошаго... То съ одной, то съ другой миловаться! Никто за это не похвалитъ...

— Съ чего ты, няня, взяла? Ни съ кѣмъ я не милуюсь!—смѣясь, возражалъ ей Николай Петровичъ.

— Слухомъ, батюшка, земля полнится!—сказала няня.—Думаешь: сидимъ здѣсь, въ Подберезковѣ, снѣгомъ выше оконъ занесло, такъ ужъ и слухъ до насъ не доходитъ... Знаемъ тоже, какія дѣла-то съ Григоріемъ Степановичемъ вы тамъ раздѣлываете... А женился бы, такъ и чисто дѣло!

— И то, няня, хочу жениться!—съ напускной серьезностью замѣтилъ Волжинъ.—Пасха нынче поздно, мясоѣдъ долгій,—еще успѣю...

— А на комъ, батюшка? На свѣтлановской барышнѣ?—шопотомъ спросила старуха, настороживъ уши, и съ любопытствомъ посмотрѣла на своего питомца, сама еще не зная: смѣется онъ или говоритъ правду

— Надо быть, на ней...—съ улыбкой, разсѣянно промолвилъ Волжинъ. — Впрочемъ, няня, это дѣло еще не рѣшено... Подумать надо, сообразить: какъ и что...

— И соображать тутъ, батюшка, нечего!—заговорила Протасьевна—Славная барышня, умница и собой пригожа... Тетенька-то ихъ, Авдотья Михайловна, вѣдь самъ знаешь, батюшка, строгонька, въ страхѣ божьемъ выростила дѣвицу, не то что нонѣшнія «фрю-фрю»! Вонъ деревенскіе-то не нахвалятся...

— А что они говорятъ?—спросилъ Волжинъ.

— А говорятъ, что другой такой барышни не нажить,—больно ужъ жалостлива, заступается за всякаго, ребятъ учитъ, лѣчитъ...

— Такъ деревенскіе говорятъ, что она жалостлива?—переспросилъ Волжинъ, продолжая ходить по залѣ.

— Да, родной! Больно одобряютъ ее...—подтвердила няня.

— Хороша-то она, хороша... А только, няня, въ томъ дѣло, что какъ женишься, да вдругъ встрѣтишь барышню еще лучше ее! Тутъ что?.. Жену-то, пожалуй, бросишь, да съ другой станешь жить!

— Ну, почто жъ такъ! — съ неудовольствіемъ замѣтила старуха.—Этакъ-то ужъ не ладно... Да и какая же, прости Господи, хорошая барышня согласится жить съ женатымъ человѣкомъ! Кому жъ срамиться охота!

— А если она влюбится въ меня... вотъ тебѣ и охота!

— И что это нынче за влюбленье такое пошло!—заворчала старушка, надувъ губы.—«Влюбится, влюбится»... Мало-ли чего! На всякое хотѣнье есть терпѣнье... Нельзя же, батюшка, какъ чего захочется, вынь да положь. Захочется тебѣ мѣсяцъ ясный съ неба стащить... Не уволочешь, родной! А изъ-за того, небоёйсь, вѣдь головой объ стѣну стукаться не станешь... Вотъ то-то и оно!

— А если съ немилой-то женой мнѣ свѣтъ опротивѣетъ, возьму-да съ тоски пропаду...—сказалъ Волжинъ.—Тогда, старбень, ты первая же и завоешь...

— Ну, что жъ! Извѣстно, завою...—согласилась Протасьевна.—А все-таки, батюшка, всегда скажу: не дѣло—съ одного цвѣточка на другой всю жизнь перелетывать...

— Ты няня, этого дѣла не понимаешь!—замѣтилъ ей Николай Петровичъ.

— Да гдѣ ужъ васъ нынче понять! Больно, вишь, умны стали...—съ досадой проворчала старуха.

Потолковали еще немного, и затѣмъ няня, зѣвая и охая, собралась на покой.

— Ну, спи, Христосъ съ тобой!—сказала она, уходя.— Да не ходи долго-то! Лучше отдохни съ дороги... А то вѣдь я знаю тебя: радъ бродить хоть до бѣла-утра...

Но напрасны были совѣты старой няни. Послѣ ея ухода Волжинъ еще долго-долго бродилъ по залѣ; то онъ подбрасывалъ дровъ и садился передъ печкой на скамеечку, то опять принимался шагать по залѣ. Единственная свѣча, горѣвшая на столѣ, не разгоняла полусумрака большой комнаты. Только отъ устья печи ложилась по полу красная полоса, да на стеклахъ окна, приходившагося противъ печи и слегка разрисованнаго морозомъ, играли свѣтлые блики. Остальныя же окна, выходившія въ занесенный снѣгомъ садъ, смутно рисовались на темномъ фонѣ—въ видѣ сѣрыхъ, продолговатыхъ четыреугольниковъ... Было уже далеко за полночь, но Волжинъ и не думалъ о снѣ. Мысли сегодня у него разгулялись, и здѣсь въ необычной тишинѣ и одиночествѣ волной нахлынули на него воспоминанья.

Пять лѣтъ прошло послѣ того, какъ тяжелыя двери университета въ послѣдній разъ захлопнулись за нимъ. И онъ умственнымъ окомъ посмотрѣлъ теперь на то, что было и что стало... Онъ вышелъ изъ университета въ эпоху сильнаго общественнаго возбужденія. Вступая въ жизнь, полный силъ, энергіи, онъ съ надеждой смотрѣлъ въ будущее. Съ самыми благими намѣреніями возвратился онъ на родину — въ свою глухую провинцію.

— Fiat lux!—говорилъ онъ про себя, ходя вотъ по этой самой залѣ въ первый день своего пріѣзда.

Тогда на дворѣ стояла весна. Запахъ цвѣтущей сирени врывался въ раскрытыя окна и блѣдный дискъ полной майской луны заглядывалъ прямо въ окна залы. И когда въ избыткѣ силъ, въ порывѣ юношескаго восторга онъ шепталъ: «Свѣту, больше свѣту!» и задумчиво смотрѣлъ на мѣсяцъ, ему почудилось тогда, что это блѣдное свѣтило насмѣшливо взирало на него съ небесной вышины...

— Да! Больше свѣту! Свѣтъ знанія нуженъ освобожденному народу...

И Волжинъ скоро приступилъ къ дѣлу, но дѣло пошло черезъ пень — черезъ колоду. Сталъ онъ устраивать школу въ деревнѣ,—школа не устроилась по причинамъ, отъ него не зависящимъ. Задумалъ онъ вступить въ земство,—не выгорѣло... Оказалось, что какая-то старая студенческая исторія еще не была забыта. Захотѣлъ онъ издавать газету,—и опять ничего не вышло. На первыхъ порахъ онъ бился бойко, толкался туда и сюда, не унывалъ. А ему говорили:

— Что вамъ за охота компрометировать себя?

— Чѣмъ же я себя компрометирую? Помилуйте!—съ жаромъ возражалъ онъ. — Я ищу занятія, работы, полезной общественной дѣятельности...

— «Общественной дѣятельности»!—иронически замѣтили ему.—Скажите пожалуста!.. Да кто жъ васъ проситъ объ этомъ? Живите, какъ всѣ живутъ... Или ужъ очень захотѣлось отличиться? Конечно, на то ваша добрая воля,—можете «отличиться»—и даже весьма далеко...

Говорили съ нимъ и иначе:

— Что вы насъ рѣдко посѣщаете? Вамъ, батенька, не годится жить такимъ бирюкомъ. Вотъ у насъ по воскресеньямъ вечеромъ всегда... и барышни бываютъ, можете и повинтить, если вы охотникъ... Такъ пожалуста! Мы васъ ждемъ!..

Такъ, съ помощью то застращиванья, то ласки провинціальная жизнь сотней своихъ цѣпкихъ лапъ незамѣтно, исподтишка засасывала его въ свою сѣрую, роковую колею, глубоко проторенную слѣдами многихъ поколѣній. Волжинъ, все чаще и чаще отрываясь отъ книгъ, отъ умственныхъ занятій, сталъ появляться въ обществѣ. Фуроръ и всеобщее ликованіе... «Подозрительный» сталъ превращаться въ смирное, ручное животное. И вотъ уже четыре года, какъ всѣ лучшіе дома нашихъ буржуа, и губернаторскій домъ и аристократическіе салоны, гостепріимно открыли передъ нимъ свои двери. Молодой, красивый, съ порядочнымъ состояніемъ, вездѣ онъ былъ желаннымъ гостемъ. Губернаторша любитъ съ нимъ вальсировать, (Волжинъ, дѣйствительно, танцовалъ недурно), а губернаторъ однажды, взявъ его подъ локоть и ходя съ нимъ по своему кабинету, многозначительно понижая голосъ, сказалъ ему:

— Потерпите, молодой человѣкъ! Дайте время... старое забудется, и тогда мы пустимъ васъ въ ходъ...

А пока что, пока «старое забывалось», пока собирались Волжина «пустить въ ходъ», молодой человѣкъ понемножку - помаленьку привыкъ къ бездѣлью, научился играть въ винтъ, покучивать и т. д. въ томъ же направленіи. Какимъ образомъ случилась эта метаморфоза, когда именно произошла она, въ томъ Волжинъ не могъ бы дать себѣ яснаго отчета даже подъ страхомъ смертной казни... Въ первый разъ, помнится, онъ зашелъ въ клубъ для того, чтобы повидаться по дѣлу съ однимъ знакомымъ; въ другой разъ зашелъ, просто, отъ нечего дѣлать, затѣмъ пришелъ посмотрѣть на играющихъ, потомъ—когда ему наскучило «смотрѣть» и быть празднымъ зрителемъ — онъ самъ сталъ понгрывать и въ антрактахъ, въ минуты отдыха, сталъ со своими партнерами выпивать по рюмочкѣ. Въ клубѣ же онъ познакомился съ Григоріемъ Степановичемъ и съ его веселою «шайкой», а тутъ и пошло чѣмъ дальше, тѣмъ больше. Стоитъ лишь поскользнуться, ходя по наклонной плоскости, а тамъ ужъ человѣкъ живо покатится все ниже и ниже и не успѣетъ оглянуться, какъ достигнетъ положеннаго предѣла...

И такъ въ сутолокѣ и кутерьмѣ шли и проходили годы. Прошло пять лѣтъ. И на грязносѣромъ фонѣ этой жизни — пустой и безтолковой—являлся ему, какъ свѣтлое видѣніе, образъ молодой дѣвушки. И Волжинъ много разъ мысленно обращался къ этому прелестному, чистому образу и страстно молилъ спасти его...

Волжинъ подошелъ къ окну и посмотрѣлъ въ садъ. Тамъ залегли высокіе сугробы снѣга. Деревья, увѣшанныя инеемъ, стояли тихо, неподвижно... Мѣсяцъ въ ту минуту выплылъ изъ-за облаковъ и полнымъ свѣтомъ озарялъ снѣгомъ занесенный садъ. Волжинъ, задумавшись, засмотрѣлся на мѣсяцъ. И опять вспомнился ему весенній вечеръ въ день его пріѣзда въ Подберезково, — и теперь, какъ тогда, показалось ему, что мѣсяцъ со своей холодной, недосягаемой высоты попрежнему гримасничалъ, насмѣшливо посматривая на человѣка...

Уже передъ утромъ ушелъ Волжинъ въ свою комнату и, не загасивъ свѣчу, прилегъ на кровать. Прямо передъ нимъ на стѣнѣ висѣла большая, но довольно плохая копія съ рубенсовскихъ «Купальщицъ». Красивыя, здоровыя и рослыя, нагія женщины сидѣли и лежали подъ зеленою тѣнью деревьевъ на берегу потока... Протасьевна не однажды просила у него позволенія «вынести этотъ срамъ на чердакъ», но Волжинъ пока не хотѣлъ ничего измѣнять въ своемъ старомъ домѣ и все оставлялъ въ томъ видѣ, какъ было при прежнихъ поколѣніяхъ. Вотъ когда онъ женится, тогда...

«Красивыя женщины!» подумалъ онъ теперь, смотря на картину. «*Она* не такъ красива, но она въ милліонъ разъ для меня привлекательнѣе и милѣе. Эти красавицы ничего для меня не говорятъ... красивыя животныя—

и только! А въ *ея* глазахъ свѣтится мысль... душа видна»... И прекрасный, свѣтлый сонъ привидѣлся ему въ ту ночь, — какой сонъ? онъ не помнилъ, но очень пріятное, отрадное впечатлѣніе осталось отъ забытыхъ грезъ...

Волжинъ на тотъ разъ прожилъ въ своемъ Подберезковѣ долѣе обыкновеннаго. Время проходило незамѣтно. Волжинъ ѣздилъ по деревнямъ къ знакомымъ крестьянамъ, пилъ у нихъ чай, а неимущимъ раздавалъ хлѣбъ и деньги, катался, бѣгалъ на лыжахъ, ходилъ съ однимъ охотникомъ въ лѣсъ, а однажды утромъ, на зарѣ, за садомъ, онъ застрѣлилъ волка... Вечера онъ проводилъ съ няней. Старуха на деревянныхъ спицахъ вязала толстые шерстяные чулки. Волжинъ бралъ книгу и читалъ или разговаривалъ съ няней — вѣрнѣе, слушалъ ея розсказни о деревенскихъ происшествіяхъ или о далекомъ прошломъ. И здѣсь, въ затишьѣ, сидя со старушкой, Волжинъ чувствовалъ себя такъ, какъ почувствовалъ бы себя человѣкъ, переплывъ бурливое море и очутившись въ тихой пристани, вдали отъ шума и бурь...

Здѣсь онъ встрѣтилъ и новый годъ — въ безмятежномъ спокойствіи и тишинѣ. Усѣвшись въ уютной столовой на диванѣ, Волжинъ налилъ по рюмкѣ наливки себѣ и нянѣ, облокотился одной рукой на столъ и, прислушиваясь къ вою вѣтра за окномъ, какимъ-то мечтательнымъ, задушевнымъ топомъ тихо проговорилъ:

«Наша ветхая лачужка
И печальна и темна.
Что же ты, моя старушка,
Пріумолкла у окна?
Или бури завываньемъ
Ты, мой другъ, утомлена?
Или дремлешь подъ жужжаньемъ
Своего веретена?
Выпьемъ, добрая подружка
Бѣдной юности моей,
Выпьемъ съ горя; гдѣ же кружка?
Сердцу будетъ веселѣй»...

Въ то время, какъ онъ говорилъ о «старушкѣ» и смотрѣлъ на няню, вовсе не «старушка» мелькала въ его воображеніи...

— Спой, батюшка, что-нибудь!—сказала Протасьевна. — Люблю я слушать, какъ ты поешь...

— Что-то не поется, няня! — отозвался онъ. —Погадать бы, что-ли? Какъ бы, няня?..

— Ну, что-жъ! — отвѣтила та. — Можно колодчикъ сдѣлать, топить олово, бумагу жечь... Хорошо также бубновую даму подъ подушку положить на ночь. Всяко можно...

— Давай, няня, бумагу жечь!

Сожгли на подносѣ полъ-листа бумаги и стали смотрѣть на тѣни: не то кустъ, не то куча хвороста.

— Не могила?—спросилъ Волжинъ, всматриваясь въ тѣнь.

— Ой, что ты, Богъ съ тобой! Какая жъ тутъ могила!—горячо возразила Протасьевна. — Выходитъ какъ будто ворохъ... хлѣба ворохъ! Значитъ, жить богато...

— И прекрасно! Будемъ богато жить!— весело проговорилъ Волжинъ—и дунулъ.

Черный пепелъ разлетѣлся по полу...

Третьяго января Волжинъ собрался въ городъ. Пока закладывали лошадей, онъ ходилъ по залѣ и, остановившись у окна, долго смотрѣлъ въ садъ, —и тутъ на одну минуту какое-то тяжелое, непріятное чувство стѣснило ему грудь. «Здѣсь мнѣ жилось хорошо!— мелькнула у него мысль.—Здѣсь вокругъ меня добрые, простые люди. Для чего я ѣду въ городъ? Что меня тянетъ, манитъ туда? Тамъ опять—пьяный угаръ, сплетни, дрязги... Но вѣдь тамъ же и «она»! Да!..» И онъ тяжело вздохнулъ.

Простившись съ няней, онъ вышелъ на крыльцо.

Метель разыгрывалась на дворѣ. Шелъ снѣгъ.

— Спасибо, няня, за хлопоты! Я хорошо пожилъ у тебя здѣсь! — сказалъ Волжинъ, еще разъ обнявъ старушку, и нѣжно поцѣловалъ ее.

— Берегись же, батюшка, не простужайся! Запахивай шубку-то! — говорила Протасьевна.

— Ладно, ладно!—отвѣчалъ онъ, кутаясь въ шубу, и, поставивъ уже одну ногу въ сани, онъ еще разъ оглянулся на няню и на свой сѣрый, старый домъ.—Раньше поста не пріѣду... а на первой недѣлѣ жди! Прощай, няня! — еще разъ крикнулъ онъ, вскочивъ въ сани.

Лошади рванули и понесли за ворота. Облака снѣгу крутились за санями.

— Христосъ съ тобой, батюшка! — шептала старушка и, запахивая кацавейку, дрожащей рукой крестила въ слѣдъ сани, скрывавшіяся, какъ въ туманѣ, за снѣжной пеленой...

VI.

— Я, какъ первобытный человѣкъ, звѣриную шкуру приношу вамъ въ даръ!—смѣясь,

говорилъ Волжинъ, входя въ залу и волоча за собой волчью шкуру.—Вотъ вамъ!—сказалъ онъ, опуская шкуру къ ногамъ Нади Свѣтлановой.

— Ахъ, какой волкъ! — промолвила дѣвушка, наклоняясь надъ косматой, сѣрой шкурой.—Какой громадный!.. И вы сами убили его?

— Да!.. Развѣ вы не замѣчаете, что я теперь похожъ на героя!—со смѣхомъ вскричалъ Волжинъ, выпрямляясь и принимая величаво-горделивый видъ. — Нужно разостлать этого звѣря непремѣнно въ вашей комнатѣ, передъ письменнымъ столомъ или... Тогда я могу надѣяться, что вы будете вспоминать обо мнѣ каждый разъ, когда посмотрите на этого волка!..

Довольная, слегка раскраснѣвшаяся, дѣвушка съ счастливой улыбкой посмотрѣла на того, кто въ ея мечтахъ, дѣйствительно, бывалъ «героемъ». Надѣ на этотъ разъ не хотѣлось непріятными разговорами омрачать ихъ свиданіе. Онъ былъ такъ милъ, такъ хорошъ, такая веселая, сіяющая улыбка играла на его губахъ. Онъ говорилъ о томъ, какъ провелъ время въ деревнѣ, разсказывалъ о нянѣ, о своихъ охотахъ, о томъ, какъ хорошъ и величественъ лѣсъ... «деревья тихо стоятъ, покрытыя снѣгомъ, какъ великаны,—и въ лѣсу безмолвіе»...

— А, вѣроятно, Николай Петровичъ, васъ порядочно обкрадываютъ! — замѣтила ему Авдотья Михайловна.

— Няня не обкрадываетъ...—серьезно отвѣтилъ онъ.—Объ этомъ нечего безпокоиться! А если кто-нибудь и поживится,—такъ что жъ такое! Пускай! Вѣдь на мой вѣкъ хватитъ...

— Вотъ это мнѣ нравится! — съ усмѣшкой проговорила Авдотья Михайловна.—Вотъ такъ хозяинъ!..

Волжинъ весело расхохотался...

Колесо провинціальной жизни вертѣлось попрежнему и скоро опять закрутило Волжина. До святокъ предавались развлеченіямъ еще нѣсколько сдержанно, на Рождествѣ начинался разгулъ и шелъ все crescendo вплоть до великаго поста. Въ карты проигрывали дни и ночи на пролетъ, — и притомъ не въ преферансъ, не въ винтъ, но уже въ азартныя игры... Кутежи принимали размѣры оргій. Ссоры и скандалы въ клубѣ, въ гостинницахъ, въ театрѣ, дѣлаясь все чаще и чаще, принимали эпидемическій характеръ. У Медвѣдева за завтракомъ еще задолго до масляницы стали появляться блины и на столъ— вмѣсто обычнаго графина съ водкой—прямо ставилась четвертная бутыль.

— Такъ лучше! Безъ хлопотъ... А то, то и дѣло доливай!—совершенно разсудительно говорилъ Григорій Степановичъ.

Волжинъ, впрочемъ, сколько ни крутился, обѣщанія своего не позабылъ и посѣщалъ Свѣтлановыхъ. Кое-кто изъ медвѣдевскаго кружка уже начиналъ по этому поводу безпокоиться, но злыя насмѣшки Волжинъ умѣлъ отпарировать насмѣшками еще болѣе злыми...

— Скоро-ли же, Николай Петровичъ вы освободитесь изъ медвѣдевскаго плѣна?— однажды спросила его Надя.

Волжинъ разсмѣялся, но, видимо, смутился немного.

— Никто меня, Надежда Александровна, не держитъ въ плѣну! Увѣряю васъ...

— Тогда зачѣмъ же дѣло стало? Я, право, не понимаю...—съ неудовольствіемъ промолвила дѣвушка.

— Ну, не сердитесь на меня... пожалуста!—заговорилъ онъ, съ умоляющимъ видомъ посмотрѣвъ на нее... — Время идетъ какъ-то ужасно безтолково... Завтра же буду искать квартиру!

И, дѣйствительно, на слѣдующій день часа два, или три Волжинъ рыскалъ по городу, смотря квартиры, но ни на одной не могъ остановиться. А на другой день былъ пикникъ, затѣмъ балъ-маскарадъ въ дворянскомъ собраніи, а тамъ—любительскій спектакль, требовавшій его участія, ну, и т. д. Наконецъ, онъ поручилъ одному знакомому чиновнику, человѣку практическому и обязательному, подыскать ему квартиру. Тотъ квартиру нашелъ... Надо было купить мебель и вообще завести всю обстановку...

Однажды Волжинъ выбралъ время и цѣлый вечеръ провелъ у Свѣтлановыхъ, отказавшись отъ нѣсколькихъ приглашеній. Онъ долго ходилъ съ Надей по залѣ. Они перебирали разныя поприща дѣятельности...

— Въ земство я теперь и самъ не пойду!—сказалъ Волжинъ. — Служить въ канцеляріи также не могу... Въ ученые не гожусь... Литература—дѣло почтенное, но вѣдь трудное, нуженъ крупный талантъ. Писателей—хорошихъ—я глубоко уважаю. Это— свѣточи. Но гожусь-ли я въ свѣточи!

— Вы все роетесь и ни на чемъ не можете остановиться! — замѣтила ему дѣвушка.—

Находятъ же люди для себя дѣло... Что-жъ вы за исключеніе такое?

— Милая Надежда Александровна! Я вовсе не считаю себя исключеніемъ...—возражалъ Волжинъ. — Я думаю, напротивъ, что такихъ горемыкъ, какъ я, даже довольно много на свѣтѣ. Наживанье денегъ меня не манитъ, честолюбія у меня нѣтъ даже настолько, чтобы претендовать на мѣсто предсѣдателя какой-нибудь палаты. А отъ живого дѣла я не прочь. Я хочу дѣла... но гдѣ жъ оно?.. Да и потомъ я боюсь: не слишкомъ-ли измочалила меня жизнь...

Надя горячо спорила съ нимъ, и разговоръ, какъ часто случалось между ними, принялъ довольно рѣзкій оттѣнокъ. Волжинъ, по словамъ Нади, опять «мракъ на себя напустилъ», — сталъ поносить и себя, и все и вся.

— Да и еще вопросъ: стоитъ-ли безпокоиться и хлопотать?—нахмурившись, говорилъ онъ. —Ну, что такое наша жизнь? Что такое міръ? Вотъ хоть наша земля! Сегодня она цвѣтетъ цвѣтами, а завтра зальетъ ее лавой, затопитъ водами, или морозъ ее заморозитъ... Міръ, по моему, просто, игрушка случая. Откуда онъ взялся и для чего? Для чего, спрашиваю я васъ, съ головокружительной быстротой несутся всѣ эти планеты и свѣтила? Вы не отвѣтите и никто не отвѣтитъ ясно, если только мы откажемся отъ свидѣтельства Библіи... Религія даетъ утѣшеніе только истинно вѣрующимъ. Философія открываетъ передъ нами бездны безъ границъ... Любовь! Да! (Волжинъ вздохнулъ). Да и любовь — не мечта-ли? Не пустой-ли призракъ,—знаете, въ родѣ марева, что̀ является, какъ бы въ насмѣшку, усталымъ, измученнымъ путникамъ въ пустынѣ?

— А народъ? А наша интеллигенція? — спросила дѣвушка.—Вы и ихъ не признаете, что-ли? Объ интеллигенціи такъ много говорятъ нынѣ...

— А мнѣ о ней и говорить не охота!—возразилъ Волжинъ.—Конечно, въ ней есть кучка самоотверженныхъ безумцевъ. Да что жъ изъ того? Или мы вдвоемъ-втроемъ можемъ перевернуть весь міръ и заставить человѣчество думать и чувствовать такъ, какъ бы должно, по нашему мнѣнію? Не вижу нигдѣ ничего хорошаго... Въ прошедшемъ, въ исторіи—рядъ возмутительнѣйшихъ преступленій; настоящее—не радуетъ; будущее—темно, темнѣе самой черной ночи... Спрашивается: изъ за чего же? ради чьихъ прекрасныхъ глазъ стану я... (Волжинъ запнулся: большіе голубые глаза грустно смотрѣли на него). Что вы качаете головой? Не согласны?

— Да что вы такое говорите, Николай Петровичъ!—горячо запротестовала Надя.— Нѣтъ, нѣтъ! Конечно, я съ вами не согласна и никогда, никогда не соглашусь! въ мірѣ— много хорошаго, ради чего стоитъ жить и страдать... И въ нашей жизни, какъ во всякомъ темномъ царствѣ, что вы ни говорите, есть свѣтлый лучъ. И я надѣюсь, что этотъ лучъ свѣта будетъ разгораться все болѣе и болѣе... Этой надежды я вамъ никогда не уступлю. Съ ней живу,—съ ней умру... Слышите: не уступлю!

— Слышу! И все это очень трогательно, но... мало убѣдительно для меня... — съ усмѣшкой сказалъ Волжинъ.

Послѣ размолвокъ съ Надей Волжинъ пуще обыкновеннаго погружался въ кутежъ. Въ эти дни, дѣйствительно, все ему казалось скверно и гнусно, а всего гнуснѣе и отвратительнѣе казался онъ самому себѣ.

Также случилось и теперь...

И вспомнилось Волжину, сколько разъ онъ уже принималъ добрыя рѣшенія,—и все напрасно... Онъ разбилъ бы цѣпи, онъ могъ бы бороться съ врагами, но освобождаться изъ тончайшихъ, почти невидимыхъ тенетъ было труднѣе, чѣмъ разбить цѣпи. Онъ чувствовалъ, какъ будто паутиной заволакивало его всего,—на рукахъ, на ногахъ, на лицѣ онъ ощущалъ присутствіе этой паутины, и съ тайнымъ ужасомъ сознавалъ, что—сколько бы онъ ни бился, какъ ни рвался, ни метался—отъ этой паутины ему не избавиться, и она все плотнѣе и полнѣе станетъ обволакивать его — до тѣхъ поръ, пока онъ окончательно не задохнется подъ этой легкой, но коварной паутинной маской.

Бороться? Но съ кѣмъ же, съ кѣмъ же, укажите, ради Бога! Съ Григоріемъ Степановичемъ? Да этотъ человѣкъ и не думаетъ ему противодѣйствовать, ни въ чемъ не оказываетъ ему сопротивленія. Бороться съ Ефремовымъ, съ Долинскимъ, Волховитинымъ, княземъ Торопецкимъ, съ Махметьевымъ? Но изъ-за чего же съ ними бороться, когда они всегда готовы уступить ему? Не хочетъ онъ садиться за карты, не играй,—и безъ него будетъ достаточно желающихъ; не хочетъ пить, не пей,—насильно въ ротъ не станутъ лить; не хочется ему ѣхать въ клубъ,—и на

здоровье, оставайся дома, читай, пиши, считай воронъ...

Если строго разобрать въ отдѣльности каждаго изъ этихъ людей, то окажется, что они вовсе не какіе-нибудь безсердечные злодѣи, изверги, чудовища безнравственности. Поговорите съ ними «по душѣ», и увидите, что они—простые, милые, при случаѣ добрые люди, очень снисходительные къ слабостямъ ближнихъ и имѣющіе свое point d'honneur... Правда, они мало развиты въ общественномъ смыслѣ, легкомысленны и безпечны, какъ дѣти, порой наивны до глупости, люди безъ принципа и безъ характера, безъ сильной воли... Но много-ли у насъ людей съ желѣзной волей!.. И Волжинъ не сознавалъ ясно, но въ минуты просвѣтлѣнія чувствовалъ, что прежде всего и сильнѣе всего ему нужно бороться съ самимъ собой, ибо самый злѣйшій его врагъ — малодушіе, безволіе — въ немъ же самомъ, а потомъ надо уже бороться съ окружающей средой, съ общественной атмосферой, тяготѣющей надъ нимъ и располагающей человѣка къ малодушію и къ холодному, отчаянному равнодушію ко всему, кромѣ житейскихъ удобствъ и личныхъ мелкихъ счетовъ и личныхъ мелкихъ чувствъ...

«Бороться! Да... А силы гдѣ? Гдѣ силы взять? Изъ какого живого источника ихъ зачерпнуть?... Если же не можешь бороться, не можешь жить истинно по человѣчески,—умри! Не тяготи, по крайней мѣрѣ, землю лишнимъ бременемъ!..» Въ то время, когда Волжинъ доходилъ до этого пункта, передъ нимъ начиналъ разстилаться полный, безпросвѣтный мракъ. Волжинъ, обыкновенно, пилъ немного, но въ такіе дни безпросвѣтной хандры и недовольства онъ пилъ, молча, мрачно, сосредоточенно—для того, чтобы напиться до пьяна и забыться...

Князь Торопецкій купилъ въ тотъ день караковаго рысака и вздумалъ «спрыскивать» въ клубѣ свою покупку.

Медвѣдевская «шайка» явилась въ клубъ уже довольно поздно и—къ ужасу клубныхъ старшинъ—сильно навеселѣ. Поэтому «спрыски» караковаго рысака скоро превратились въ оргію.

Волжинъ былъ угрюмъ и молчаливъ. Онъ сидѣлъ, опершись локтемъ на столъ, и, опустивъ голову на руку, игралъ столовымъ ножомъ. Онъ отказался сразиться на бильярдѣ, отказался пойти и въ танцовальную залу. Онъ случайно услыхалъ, что m-elle Свѣтланова съ Волховитиными была въ тотъ вечеръ въ клубѣ, и это извѣстіе повергло его въ уныніе и какъ бы въ столбнякъ. Надя Свѣтланова такъ рѣдко посѣщала клубъ... И надо же было въ этотъ самый вечеръ пріѣхать ей сюда. Въ немъ загорѣлось страстное желаніе видѣть ее, пойти къ ней, но въ такомъ видѣ, пьяный, онъ не могъ идти. Теперь онъ не могъ бы пройти по залѣ, не шатаясь,—такъ кружится его бѣдная голова... Если бы Надя увидала его теперь... О, нѣтъ! Все, что хотите, только не это... Онъ сгорѣлъ бы со стыда!.. Она—такъ близко, а онъ не можетъ, не смѣетъ показаться ей на глаза. Если бы онъ зналъ, что Надя сегодня будетъ въ клубѣ!.. И злость стала мутить и разбирать Волжина. Противъ чего? противъ кого была эта злость? онъ не могъ отдать себѣ отчета... Но злоба все сильнѣе и сильнѣе закипала въ немъ...

Почти противъ Волжина по другую сторону длиннаго стола сидѣлъ—также сильно навеселѣ—инженеръ Хорьковъ, полный, рослый, высокій мужчина, съ краснымъ, одутловатымъ лицомъ и съ темными, матовыми «рачьими» глазами на выкатѣ. Онъ недолюбливалъ Волжина за то, что тотъ однажды, шутя, назвалъ его «хорькомъ-куроѣдомъ». Волжинъ относился къ нему безразлично, какъ къ большинству своихъ многочисленныхъ шапочныхъ знакомыхъ.

Было уже далеко за полночь. Волжинъ, еще болѣе захмѣлѣвшій отъ табачнаго дыма, отъ жары и духоты, стоявшихъ въ столовой, пошарилъ у себя въ боковомъ карманѣ и, повидимому, не найдя того, чего искалъ, не обращаясь ни къ кому въ особенности, пробормоталъ:

— Нужно бы еще шампанскаго... Нѣтъ-ли тутъ у кого-нибудь денегъ?.. Эй, дайте денегъ!

Въ столовой на ту пору было очень шумно: галдѣли, перебивали другъ друга; слышался звонъ посуды; изъ танцовальной залы отрывочно доносились звуки мазурки; пробки хлопали... Никто изъ окружавшихъ Волжина не обратилъ вниманія на его слова. Хорьковъ слышалъ ихъ,—съ пьянымъ смѣхомъ вытащилъ свое портмонэ и долго рылся въ немъ.

— Рваный рубль... на бѣдность! Получите!—басомъ прохрипѣлъ онъ, протягивая Волжину черезъ столъ грязную, засаленную ассигнацію.

Волжинъ взялъ ассигнацію, скомкалъ ее и бросилъ прямо въ лицо Хорькову. Тотъ схва-

тилъ тяжелый бронзовый канделябръ и съ силой пустилъ въ Волжина, но промахнулся, и канделябръ всей своей тяжестью съ трескомъ грохнулся на одинъ изъ боковыхъ столиковъ и разнесъ вдребезги стоявшіе на немъ стаканы и бутылки. Волжинъ вскочилъ, блѣдный, съ горящими глазами, и потянулся черезъ столъ, чтобы ударить Хорькова. Вся эта сцена разыгралась въ теченіе нѣсколькихъ секундъ...

Тутъ, конечно, бросились разнимать поссорившихся; одни схватили Волжина за руки, другіе оттѣснили отъ стола расходившагося инженера...

— Ножъ! Дайте мнѣ ножъ! — хрипѣлъ Хорьковъ, вырываясь изъ рукъ знакомыхъ, уводившихъ его изъ столовой.—Ножъ дайте мнѣ! Зарѣжу!..

Въ дверяхъ онъ уперся и, обернувшись, крикнулъ:

— Пускай посылаетъ ко мнѣ секундантовъ! Я убью его! Я его...

Знакомымъ, наконецъ, удалось протолкать его въ дверь.

А Волжинъ, смертельно блѣдный, опять сидѣлъ за столомъ, опустивъ голову на руку, и, казалось, ничего не видѣлъ и не слышалъ, что происходило вокругъ него. Онъ опомнился лишь тогда, какъ Григорій Степановичъ, услыхавшій за картами о происшедшемъ столкновеніи, пробился черезъ толпу и положилъ руку ему на плечо.

— Николай Петровичъ! Ты что, а? Что съ тобой? Нездоровится, что-ли?—говорилъ онъ, наклоняясь къ Волжину. — Ну-ка, вставай, поѣдемъ лучше домой... Ужъ поздно!

Волжинъ всталъ и покорно пошелъ за Медвѣдевымъ.

Какъ ни былъ возбужденъ Волжинъ, но, выходя изъ столовой, взялъ Медвѣдева за руку и, запинаясь, на ухо прошепталъ ему:

— Свѣтланова... Надежда Александровна... здѣсь?

— Не знаю! Нѣтъ,—кажется, онѣ уѣхали... — отвѣтилъ ему Григорій Степановичъ и подумалъ: «Мальчики мои, значитъ, правы: онъ не на шутку интересуется этой дѣвицей!»

Дѣйствительно, на ту пору ни Нади, ни Волховитиныхъ уже не было въ клубѣ.

На другой же день князь Торопецкій и Алеша Волховитинъ по просьбѣ Волжина отправились къ Хорькову для необходимыхъ переговоровъ.

Хорьковъ, невыспавшійся, полубольной, встрѣтилъ ихъ хмуро. Когда же князь заговорилъ о причинахъ своего посѣщенія, Хорьковъ какъ-то неестественно громко расхохотался.

— Честное слово, почти ничего не помню! —вскричалъ онъ, вскочивъ съ кресла, и заходилъ по комнатѣ, ероша свои короткіе волосы. — Помню, что я въ кого-то швырнулъ подсвѣчникомъ... кто-то бросился на меня! Помню шумъ, гвалтъ... А что такое? за что? почему?..Говорятъ: меня вывели изъ клуба... Хорошъ, значитъ, былъ!.. Нѣтъ! Если бы я не былъ шибко пьянъ, меня было бы нелегко вывести...

— Вы крикнули Волжину, чтобы онъ послалъ къ вамъ секундантовъ!—сдержанно замѣтилъ ему князь Торопецкій.

— Если я, господа, вызывалъ, то я не отказываюсь...—отозвался Хорьковъ.—Если вы говорите, то я, конечно, вѣрю вамъ... Только по совѣсти говорю, князь: ничего не помню и, рѣшительно, ничего не имѣю противъ господина Волжина!..

Дѣло приняло такой оборотъ, что секунданты не рѣшились настаивать на дуэли...

— Ну, что жъ! Мнѣ все равно... — сказалъ Волжинъ, когда Волховитинъ сообщилъ ему объ исходѣ переговоровъ.

Волжинъ послѣ клубной «исторіи» сразу какъ будто нравственно съежился, ушелъ въ самого себя, какъ улитка въ раковину. Какая-то необычайная вялость, лѣнь, апатія, равнодушіе ко всему сказывались въ немъ до того ясно, что даже Григорій Степановичъ, человѣкъ вовсе не наблюдательный, замѣтилъ происшедшую въ немъ перемѣну.

— Николай Петровичъ у насъ что-то опустился!—говорилъ онъ своимъ «мальчикамъ».

Григорій Степановичъ думалъ, что замѣченная имъ перемѣна произошла въ Волжинѣ не вслѣдствіе клубной «исторіи», но подъ вліяніемъ какихъ-нибудь любовныхъ перетурбацій.

Молодежь, по обыкновенію, разумѣется, собиралась въ медвѣдевскій домъ, но до прежняго безшабашнаго разгула дѣло не доходило и не было на этихъ собраніяхъ прежней безпечной веселости. Клубная «исторія», едва не доведшая до дуэли, до убійства, казалось, порвала—по крайней мѣрѣ, на время— обычное теченіе жизни «медвѣдевскаго кружка».

Между тѣмъ, слухи, циркулировавшіе въ

городѣ, разростались до размѣровъ фантастическихъ. Разсказывали о томъ, что Волжинъ чуть не зарѣзалъ инженера Хорькова, что тотъ вызвалъ Волжина на дуэль съ тѣмъ условіемъ, чтобы стрѣляться черезъ платокъ. Поговаривали о томъ, что Волжина, по всему вѣроятію, привлекутъ къ судебной отвѣтственности за покушеніе на убійство, но — надо думать—дѣло кончится лишь тѣмъ, что его сошлютъ въ Сибирь на поселеніе, такъ какъ покушеніе было произведено безъ заранѣе обдуманнаго намѣренія и притомъ въ нетрезвомъ видѣ... О причинахъ ссоры шли оживленные дебаты. Одни утверждали, что Волжинъ, разсчитываясь за ужинъ, съ пьяна принялъ Хорькова за лакея и, подавая ему деньги, крикнулъ: «Эй, человѣкъ!» Другіе же, при разслѣдованіи каждаго дѣла придерживавшіеся извѣстнаго принципа «cherchez la femme», намекали на то, что ссора, натурально, произошла изъ-за женщины... Потомъ заговорили, что дуэль не состоялась: то-ли противники примирились, то-ли полиція приняла свои мѣры. Потомъ оказалось, что Волжина къ суду не привлекаютъ, а инженеръ Хорьковъ вдругъ уѣхалъ куда-то по дѣламъ и одновременно съ нимъ, будто бы, скрылись изъ города двѣ барыни. Внезапный отъѣздъ Хорькова, исчезновеніе барынь и то загадочное обстоятельство, что Волжинъ не показывался въ обществѣ—только подливали масла въ огонь...

Нѣкоторые изъ старшинъ придрались къ случаю—насолить надоѣвшей имъ медвѣдевской шайкѣ и раздули дѣло. Вскорѣ въ городѣ стало извѣстно, что Хорьковъ исключенъ изъ клуба и Волжинъ—также, но фамилія послѣдняго, какъ «зачинщика безпорядковъ», кромѣ того была занесена въ клубѣ на черную доску, и Волжинъ навсегда лишался права баллотироваться въ члены этого благороднаго, почтеннаго собранія...

— Зачинщикъ—не я, а тотъ... да, впрочемъ, для меня все равно! — вяло замѣтилъ Волжинъ, когда ему объявили о приговорѣ клубнаго ареопага.

Городскіе слухи и толки, конечно, аккуратно доходили и до Свѣтлановыхъ. Авдотья Михайловна была неумолима и изрекала самые суровые приговоры по адресу Волжина. Тетя Маша, по обыкновенію, оказывалась милостивѣе и толковала что-то объ «увлеченіяхъ», о «молодости лѣтъ» и т. п.

— Да ужъ ему не сдоровать... не сносить головы! Вотъ помяните мое слово!—тономъ прорицательницы утверждала Авдотья Михайловна, посматривая въ пространство поверхъ очковъ.

— Ну, сестрица! Кто жъ изъ нихъ не увлекался въ свое время!—скороговоркой возражала тетя Маша.—Нельзя же такъ строго... Онъ все-таки—милый молодой человѣкъ... И мужчины, сестрица, смотрятъ на это...

— Отстань, трещотка! Слушать тебя несносно!—рѣзко перебила ее «сестрица», берясь за табакерку.—Ты-то почему знаешь: какъ на это смотрятъ мужчины?.. Изъ своихъ романовъ вычитала, что-ли? Гм! Удивляюсь, удивляюсь я тебѣ, Маша... До сорока лѣтъ дожила, а передъ каждымъ мужчинкой... Тфу?

Разговоръ, само собой, происходилъ наединѣ.

А Надя все это время, рѣшительно, не знала покоя и, не видя Волжина, тревожилась за него. У нея, какъ говорится, сердце было не на мѣстѣ. Трудно было разобраться въ городскихъ толкахъ и опредѣлить: гдѣ въ нихъ кончалась правда и начинался вымыселъ. Она повѣрила бы только одному Волжину: она знала слабыя стороны этого человѣка, — а этихъ сторонъ, къ сожалѣнію, у него было не мало,— но въ его искренности, въ его правдивости она не сомнѣвалась. Да! Ему повѣрила бы Надя, но онъ не показывался... Но почему онъ не приходитъ къ нимъ? Вѣроятно, ему совѣстно всей этой глупой, пошлой исторіи... Онъ — такой гордый, самолюбивый... «Бѣдный, бѣдный! — думала Надя. — Господи! Какъ мнѣ жаль его! Какъ мнѣ хотѣлось бы теперь быть съ нимъ!..»

А Волжинъ той порой все болѣе и болѣе погружался въ какое-то тупое, холодное равнодушіе. Каждымъ словомъ, тономъ голоса, жестомъ, взглядомъ онъ какъ будто бы хотѣлъ сказать: «Ахъ, оставьте! Мнѣ все равно!» Иногда вечеромъ онъ отправлялся кататься и почти обязательно каждый разъ проѣзжалъ по Екатерининской улицѣ, мимо дома Свѣтлановыхъ и смотрѣлъ на два освѣщенныя окна ихъ столовой, а если было поздно — позже 11 часовъ, то онъ видѣлъ лишь одно освѣщенное окно въ комнатѣ Нади. По ночамъ Волжинъ страдалъ безсонницей, засыпалъ лишь утромъ и спалъ до обѣда, а затѣмъ сидѣлъ дома, въ своей комнатѣ. Пріятели, было, потормошили его, но потомъ оставили въ покоѣ. Григорій Степановичъ, какъ нянюшка, ухаживалъ за нимъ, стараясь ра-

зогнать его хандру, но безуспѣшно: Волжинъ не поддавался... и попрежнему оставался задумчивъ и молчаливъ.

Въ одну изъ безсонныхъ ночей ему вдругъ припомнился его горячечный бредъ—хожденіе по топкому болоту. Это воспоминаніе—живое и яркое—такъ поразило его, что онъ даже вздрогнулъ, приподнялся на постели и, опершись локтемъ на подушку, сталъ дико озираться по комнатѣ, погруженной въ ночное безмолвіе и сумракъ, а сухія губы его шептали вслухъ: «Болото! Болото!..»

Да! Онъ зашелъ въ болото, и чѣмъ далѣе онъ подвигается, тѣмъ глубже эта топь засасываетъ его. Не разъ онъ старался выбраться изъ болота — и не могъ. Казалось, чѣмъ энергичнѣе были его усилія, тѣмъ безнадежнѣе онъ погружался въ отвратительную, засасывавшую его трясину. И онъ увязалъ все больше, все глубже, и теперь, ему кажется, онъ увязъ уже окончательно, съ головой. И это случилось именно теперь, въ то время, когда *она* протягивала ему руку и сулила ему въ будущемъ возможность лучшей жизни.

Волжинъ со стономъ опустился на подушку... Судьба зла и насмѣшлива. О! она умѣетъ выбрать время, она знаетъ: когда всего лучше отравить человѣку чашу его жизни, и вмѣсто ожидаемой радости, стоявшей на порогѣ, наполнить его душу отчаяніемъ и мракомъ, позднимъ раскаяніемъ и тягостной, адски-мучительной думой ежеминутно о томъ: чгò стало и чтò могло бы быть...

Жизнь разбита! Потухли надежды... брошены на вѣтеръ лучшіе годы... Онъ, Волжинъ, пьяница, кутила, скандалистъ, вытолкнутый изъ общества! Для того-ли онъ пріѣхалъ на родину?.. Но какъ же все это случилось? Когда же это проклятое болото успѣло такъ засосать его?.. И въ эти минуты душевнаго томленья, и смертельной тоски, доходившей до агоніи, даже образъ любимой дѣвушки неясно и смутно рисовался ему, какъ несбыточная мечта, какъ воспоминаніе о свѣтломъ, призрачномъ видѣніи изъ давнихъ лѣтъ...

VII.

Въ эти черные дни съ Волжинымъ произошелъ одинъ случай, — въ другое время, пораньше, такой случай могъ бы отрезвить его и помочь усиліямъ любившей его дѣвушки спасти его. Но теперь этотъ инцидентъ былъ для Волжина ушатомъ студеной воды, неожиданно вылитой на него; струя воды, хотя бы самая ледяная, попавши на человѣка въ минуты его жгучаго горя и отчаянія, можетъ только заставить его вздрогнуть и застучать зубами отъ холода, но уже не возвратитъ ему прежней бодрости, потерянной увѣренности въ самого себя, не дастъ ему ни силъ, ни энергіи для борьбы...

Случай былъ очень простой. Какъ-то передъ масляницей однажды утромъ почтальонъ принесъ Волжину письмо отъ одного далекаго его пріятеля, товарища по университету и по тому дѣлу, которое въ свое время не мало повредило Волжину во мнѣніи провинціальной публики. Съ этимъ товарищемъ онъ изрѣдка переписывался, цѣнилъ его, какъ человѣка «сохранившагося», сберегшаго въ себѣ «душу живу», ухитрившагося пронести въ цѣлости свои юношескія упованья и мечты черезъ всѣ препятствія, какія ставила ему на пути житейская толчея. Письма этого милаго, наивнаго человѣка интересовали Волжина; эти письма — всегда очень пространныя, обстоятельныя, написанныя литературнымъ языкомъ, иногда даже высокимъ слогомъ, доходившимъ до паѳоса и преимущественно трактовавшія объ общественныхъ вопросахъ—были для Волжина вѣстниками изъ другого міра, вовсе непоходившаго на тотъ, въ которомъ онъ самъ вращался. Но за послѣдніе 2—3 года Волжинъ неполучалъ извѣстій отъ своего пріятеля, орудовавшаго за тысячи верстъ отъ него, на противоположномъ концѣ Россіи, и самъ никакъ не могъ собраться написать ему.

«Прошлое лѣто въ нашей мѣстности былъ большой неурожай», писалъ ему пріятель. «Народъ страшно бѣдствовалъ и ѣлъ чортъ знаетъ что... Осенью у насъ свирѣпствовала цынга, а теперь, зимой—тифъ... Знаю тебя за человѣка состоятельнаго, и если ты душой не прилѣпился къ деньгамъ, если остался съ прежними убѣжденіями, не измѣнилъ юношескимъ идеаламъ и славнымъ завѣтамъ прошлаго, то помоги нашимъ голодающимъ, пришли денегъ сколько можешь, ибо всякое даяніе—благо... Ты можешь спасти нѣсколько семей, и бѣдняки помянутъ тебя добромъ»... и т. д. въ томъ же родѣ. Затѣмъ пріятель кратко писалъ ему о себѣ: «Два года тому назадъ я женился, и у меня есть дочь, славная дѣвочка. Жена моя — добрая, хорошая бабенка... Пиши и адресуй деньги, если вздумаешь...

маешь послать ихъ, или въ деревню на мое имя, или еще лучше—въ редакцію «Вѣстника» для передачи. Долженъ тебѣ сказать, что я оффиціально уполномоченъ собирать пожертвованія для нашей мѣстности»...

«Ужасъ! Ужасъ!» говорилъ себѣ Волжинъ, перечитывая описаніе бѣдственнаго состоянія народа. «Но, нѣтъ! увлекающійся мой другъ, не думай обо мнѣ хуже того, чего я стою и чѣмъ я думаю о себѣ. Я не измѣнилъ прежнимъ богамъ, хотя и не молюсь, не служу имъ теперь. Хоть я и дрянь-человѣкъ, дрянь, никуда не годная, но я—не перебѣжчикъ и не дошелъ еще до того, чтобы «прилѣпиться душой къ деньгамъ». Нѣтъ, другъ! Деньги можешь брать»... Въ отвѣтномъ письмѣ пріятелю онъ, между прочимъ, писалъ: «Очень радъ, что хоть деньги мои на что-нибудь путное пригодятся»...

И весь тотъ день, къ искреннему удовольствію Григорія Степановича, Волжина не было дома: уѣхалъ съ утра и возвратился лишь къ обѣду. Медвѣдеву, не любившему ничего мрачнаго въ жизни, признаться, становилось уже тошно смотрѣть на постное, нахмуренное лицо его молодого пріятеля. По возвращеніи домой, Волжинъ казался нѣсколько оживленнѣе обыкновеннаго, и Медвѣдевъ еще пуще обрадовался. Дня черезъ три или четыре Волжинъ опять выѣзжалъ изъ дома, заѣзжалъ ненадолго къ нотаріусу, былъ на почтѣ и отправлялъ на имя своего далекаго пріятеля семь тыс. руб. Послѣ этого недолгаго оживленія, Волжинъ опять погрузился въ прежнюю хандру, но все-таки казался спокойнѣе, чѣмъ въ предшествовавшую недѣлю.

Медвѣдевскій кружокъ опять сталъ собираться на свои обычныя «выпивочныя» засѣданія, но Волжинъ никакого участія въ кутежахъ не принималъ. Выйдетъ онъ, бывало, въ столовую, выпьетъ рюмку-другую вина, нехотя процѣдитъ нѣсколько словъ тому-другому, поиграетъ на рояли, побродитъ по комнатѣ туда-сюда, какъ будто не можетъ нигдѣ мѣста себѣ найти. Потомъ онъ скрывался къ себѣ въ комнату и не выходилъ иногда до самаго обѣда.

Бродилъ-ли онъ по столовой, игралъ-ли на рояли, разговаривалъ-ли съ кѣмъ-нибудь, онъ, казалось, не весь отдавался ни разговору, ни игрѣ, а все какъ будто бы переворачивалъ въ головѣ одну и ту же мысль, постоянно занимавшую его и отвлекавшую его вниманіе отъ всего прочаго. Онъ часто былъ разсѣянъ, отвѣчалъ невпопадъ, могъ молчать по цѣлымъ часамъ... Уставившись въ одну точку, онъ подолгу смотрѣлъ куда-то въ пространство и, слегка опустивъ плечи, сидѣлъ такъ неподвижно, какъ будто въ тѣ минуты онъ былъ весь парализованъ...

Надя Свѣтланова однажды при выходѣ изъ театра, куда отправилась съ тетками противъ всякаго желанія, встрѣтилась съ Алешей Волховитинымъ. Конечно, для нея было неловко освѣдомляться у него о Волжинѣ, но дѣвушку до того измучила неизвѣстность, сердце ея до того наболѣло, что она не выдержала.

— Здоровъ-ли Николай Петровичъ? Его давно не видно... — вполголоса промолвила она, стараясь не взглянуть на Волховитина.

Если бы онъ посмотрѣлъ ей въ глаза, то, конечно, эти глаза, не умѣвшіе притворяться и играть, выдали бы ея сердечную дѣвическую тайну.

— Здоровъ!—отвѣтилъ Волховитинъ.—О, нынче онъ, просто, невыносимъ... сидитъ дома, хандритъ... ни на что не похоже!

«Это хуже болѣзни!» подумала дѣвушка. «Онъ—такой живой, общительный и сидитъ дома, хандритъ»... Нѣтъ! подсказывало ей ея нѣжное, любящее женское сердце. Это не то... Онъ не хандритъ, но тоскуетъ. Теперь онъ болѣе одинокъ и болѣе несчастенъ, чѣмъ въ то время, когда онъ, какъ воображала Надя, лежалъ больной, брошенный безъ помощи, безъ призора... Теперь онъ душой боленъ, и помощь ему настоятельнѣе нужна. И дѣвушка болѣе, чѣмъ тогда, во время его болѣзни, тревожилась и сокрушалась по немъ.

Иногда ночью, когда она засыпала, ей чудилось, какъ будто кто-то тихо подходитъ къ ея изголовью, и она слышала явственно знакомый голосъ: «Иди ко мнѣ, дорогая! Иди!..» Ей слышалось именно то, что она надѣялась и ожидала услыхать... Она какъ будто каждую минуту ждала услыхать эти слова на яву... Говорятъ, люди могутъ на большихъ разстояніяхъ обмѣниваться мыслями, сообщать свои желанія. Почему знать: можетъ быть, вотъ теперь, когда Надѣ въ ночной тиши слышится его голосъ, онъ мечется отъ безсонницы и, томясь и страдая, мысленно зоветъ ее къ себѣ?..

«Неужели я и теперь не пойду къ нему?» спрашивала себя Надя. «Неужели я оставлю его одного въ это тяжкое для него время? Онъ теперь, конечно, горько раскаивается во всемъ... и не приходитъ къ намъ потому, что

стѣсняется... О, я знаю, какъ бы онъ хотѣлъ теперь видѣть меня, но придти не можетъ, не рѣшается... Милый!» Дѣвушка вздыхаетъ, клонитъ голову, но на губахъ ея улыбка мелькаетъ. «Если онъ не идетъ, такъ я пойду къ нему!» думаетъ Надя. «Въ медвѣдевскій домъ?» — насмѣшливо спрашиваетъ ее голосъ свѣтскихъ приличій.—«А хотя бы и такъ!» отвѣчаетъ она, съ вызывающимъ видомъ поднимая голову и какъ бы готовясь съ открытымъ лицомъ встрѣтить со всѣхъ сторонъ нареканія... А если такая дѣвушка, какъ Надя, съ чистой, непосредственной натурой, сказала про себя: «А хотя бы и такъ!» то можно было уже навѣрное сказать, что дѣло сдѣлано... Не нужно идти къ гадальщицѣ.

Сумерки уже сгущались.

На письменномъ столѣ горѣла лампа. Волжинъ прилегъ на кушетку и дремалъ. Григорій Степановичъ такъ же отдыхалъ, и въ домѣ было тихо...

Колокольчикъ чуть вздрогнулъ, и робкій, едва слышный звонокъ раздался въ передней. Черезъ минуту Василій вошелъ въ комнату.

— Николай Петровичъ! А, Николай Петровичъ?—вполголоса окликнулъ онъ Волжина, подходя къ кушеткѣ.—Васъ тамъ какая-то дама спрашиваетъ!

— Что такое? Дама?—съ удивленіемъ переспросилъ Волжинъ, вздрогнувъ и выходя изъ полузабытья.—Подай сюртукъ!..

Онъ чувствовалъ себя разбитымъ: безсонница измучила его, и нервы были раздражены до послѣдней степени.

— Кто такая?—спросилъ Волжинъ, поднимаясь съ кушетки и лѣниво натягивая сюртукъ.

— Не знаю!—отвѣчалъ Василій.

— Какъ не знаешь! Ослѣпъ, что-ли? Или не здѣшняя?..

— Густая вуалька, значитъ,—ну, и ничего не видно!—по обыкновенію сильно жестикулируя, прошепталъ Василій.

Волжинъ тряхнулъ волосами, расправилъ бороду и сказалъ:

— Проси!

Въ комнату вошла дама, и дверь затворилась за нею. На Волжина пахнуло свѣжимъ, морознымъ воздухомъ и повѣяло легкимъ, тонкимъ запахомъ знакомыхъ ему духовъ «бѣлой акаціи». Словно, какая-нибудь невидимая сила влекла и толкала его къ этой таинственной посѣтительницѣ, закутанной въ сѣрую ротонду и съ черной вуалью, опущенной на лицо. Волжинъ сразу узналъ ее, хотя, дѣйствительно, черезъ густую вуаль нельзя было разсмотрѣть черты лица. И не по платью, и не по запаху духовъ, но по усиленному біенію своего сердца, по охватившему его волненію — узналъ Волжинъ свою гостью.

— Надежда Александровна! Вы!—только и могъ онъ проговорить отъ изумленія и крѣпко-крѣпко пожалъ ей руку.

Онъ снялъ съ нея ротонду и пододвинулъ другое кресло къ письменному столу.

— Благодарю... благодарю васъ! Этого ужъ я не ожидалъ... лихорадочно-торопливо—говорилъ Волжинъ, въ какомъ-то радостномъ смущеніи поминутно на нее взглядывая и въ то же время не рѣшаясь прямо, пристально посмотрѣть на нее.

Такъ, вѣроятно, обрадовался бы падшій ангелъ, если бы одинъ изъ его прежнихъ товарищей съ благовѣстіемъ слетѣлъ къ нему съ сіяющихъ высотъ въ мрачную глубину преисподней...

— Что такое съ вами? Мы васъ совсѣмъ не видимъ...—говорила Надя, садясь въ кресло и снимая перчатку.

— Нѣтъ! я, просто, не вѣрю своимъ глазамъ!..—какъ-бы недослышавъ, сказалъ про себя Волжинъ. — Но прежде всего, прошу васъ... откиньте вуаль!

Она откинула, и Волжинъ увидалъ поблѣднѣвшее, исхудалое лицо, большіе голубые глаза... И не съ укоромъ, не съ упрекомъ, но ласково смотрѣли на него эти кроткіе, добрые глаза. «Что жъ это такое? Она и теперь не оставляетъ меня... пришла ко мнѣ!» мелькало у него въ головѣ.

— Какъ вы похудѣли! Вы больны?—упавшимъ голосомъ спросилъ онъ, съ нѣжнымъ теплымъ участіемъ посмотрѣвъ на дѣвушку.

— Нѣтъ, я не больна...—промолвила Надя, и подъ его пытливымъ, пристальнымъ взглядомъ щеки ея слегка заалѣли румянцемъ.—Впрочемъ, я пришла говорить не о себѣ... Со мной ничего не дѣлается. Я—какъ желѣзная... А вотъ почему *вы*, милостивый государь, къ намъ глазъ не показываете...

Бѣдняжка! Она хотѣла придать своему вопросу шутливый тонъ, но скорбное выраженіе глазъ выдавало ее.

— Были тутъ кое-какія непріятности...—отвѣтилъ Волжинъ.

Мгновенье, и глаза его снова омрачились и въ нахмурившемся лицѣ сказалась та-же сосредоточенность на одной мысли, какая постоянно замѣчалась въ немъ за послѣднее время и дѣлала его такимъ разсѣяннымъ и страннымъ...

— Съ кѣмъ же въ жизни не бываетъ непріятностей!—замѣтила ему дѣвушка.—Но я...

— Надежда Александровна, я—пропадшій человѣкъ! — перебилъ ее Волжинъ, поникнувъ головой.—Да, пропадшій...

— Это еще что такое? —горячо возразила Надя. — Ссора съ пьянымъ человѣкомъ или хоть это исключеніе изъ клуба... Да вѣдь это же—пустяки! Сущіе пустяки!.. Развѣ вы не стоите выше такихъ мелочей! Никогда не повѣрю... Вы говорите такъ просто оттого, что вы теперь разстроены... И, право, изъ-за этого скрываться, не бывать у насъ... Нѣтъ! или я дура, или ужъ не знаю что... но я, рѣшительно, не понимаю такихъ отношеній между людьми!

— Если бы вы знали, какъ тяжело сознавать, что другіе... ни въ чемъ неповинные... изъ-за тебя страдаютъ!.. А ты... ты не можешь ничего... — со вздохомъ, промолвилъ Волжинъ, запинаясь.

— О какихъ «другихъ» вы говорите?— возразила Надя.—Кто изъ-за васъ страдаетъ? Что вы еще выдумываете на себя?

— Не выдумываю, Надежда Александровна...—отрывисто, съ волненіемъ заговорилъ Волжинъ. — О васъ я говорю... Неужели вы думаете, что я не вижу... Да! Вы за меня измучились... Вы!

— Я думала, Николай Петровичъ, что мы въ такихъ отношеніяхъ... Я думала, что имѣю полное право дѣлить съ вами и радость, и непріятности, какія случаются, и горе...— тихимъ, задушевнымъ тономъ сказала дѣвушка.—А вы создаете себѣ какіе-то призраки и изъ-за нихъ убѣгаете отъ меня...

Волжинъ, уже невольно поддавшійся своей разсѣянности, вдругъ словно что-то вспомнилъ и поднялъ голову.

— Я не скрашивалъ себя...—заговорилъ онъ.—Я описывалъ вамъ себя самыми черными красками... Вы меня не поняли! Вы подумали, что я хочу разжалобить васъ, добиться сожалѣнья... Говорю вамъ: вы не поняли меня! Сожалѣнья мнѣ не нужно... Конечно, вы теперь можете отказываться... Великодушный человѣкъ иногда далеко заходитъ ради спасенія ближняго — вотъ такого несчастнаго, какъ я... Онъ можетъ сказать, что подача милостыни для него — величайшее наслажденіе, восторгъ... Помните: вы однажды сами мнѣ сказали, что подавать милостыню пріятно.

— Да я же развѣ вамъ милостыню подаю!—вспыхнувъ, проговорила дѣвушка, чувствуя, что онъ какъ бы вынуждаетъ у нея признаніе, и признаніе совершенно излишнее, по ея мнѣнію.

— Я никогда не говорилъ... не спрашивалъ... Я не рѣшался...—началъ онъ, съ трудомъ выговаривая слова. — Вы знаете мои чувства? Да!.. Тогда, помните, у васъ въ саду... А вы... скажите! Вы... любите меня?

Онъ смотрѣлъ ей въ лицо. Тихое, чуть слышное «да» было ему отвѣтомъ. Любовь, и нѣжное участіе, и жгучая, душевная боль при видѣ горя любимаго человѣка, и боязнь за него, и страстное желаніе видѣть его счастливымъ — все сказалось въ этомъ тихомъ «да». Волжинъ ничего не промолвилъ, только вздохнулъ.

— Что жъ, вы мнѣ и теперь еще не вѣрите, когда я сама пришла къ вамъ и сказала...—тихо промолвила она. — Не вѣрите, что я...

— Изъ сожалѣнія!? — прошепталъ, или вѣрнѣе, сказалъ про себя Волжинъ.

— Что такое? Что вы сказали?—недослышавъ, переспросила его Надя.

Онъ облокотился на ручку кресла и, опустивъ голову на руку, сталъ задумчиво и грустно-грустно смотрѣть на дѣвушку. Онъ сидѣлъ неподвижно, тяжело дыша, и молча смотрѣлъ на нее и даже не чувствовалъ, какъ на глазахъ его навернулись слезы и тихо катились по щекѣ. Наконецъ, онъ вдругъ какъ будто опомнился, откинулся на спинку кресла и закрылъ руками лицо.

— Николай Петровичъ!—позвала его Надя.—Ну, успокойтесь же, перестаньте... Изъза чего же такъ волноваться! Я никогда не видала васъ такимъ нехорошимъ.

— Нервы разхлябались... совсѣмъ бабой сталъ...—говорилъ Волжинъ, прижимая платокъ къ глазамъ, но, очевидно, не могъ сладить съ собой,— и крупныя слезы падали ему на руку и на рукавъ сюртука.

Ахъ! какъ бы теперь хотѣлось Надѣ обнять, приласкать и прижать къ груди голову своего бѣднаго, страдающаго друга... Дѣвушка по своей душевной чистотѣ даже мысленно

не называла его «любовникомъ», но всегда «другомъ».

И она принялась утѣшать Волжина: «все это, конечно, перемелется», «отъ него зависитъ бросить эту жизнь». Дѣвушка говорила съ жаромъ, съ увлеченіемъ, а онъ слушалъ, молчалъ и думалъ свое. Онъ слушалъ ее, но почти не слыхалъ, что она говорила, и ему хотѣлось крикнуть: «увѣрьте, убѣдите меня, что вы меня любите, а не изъ одной жалости бросаете мнѣ подачку! скажите мнѣ это такими словами, чтобы всѣ сомнѣнія мои разсѣялись и тѣни ихъ не осталось бы у меня на душѣ»... И тутъ же, въ то время, какъ онъ смотрѣлъ на дѣвушку, другая мысль поразила его: «Даже если она и любитъ меня, то могу-ли я сдѣлать ее счастливой? Стою-ли я ее? Такой-ли человѣкъ ей нуженъ, какъ я, истрепанный жизнью, слабый волею? Нѣтъ! Она не будетъ счастлива со мной! Теперь она живетъ, по крайней мѣрѣ, спокойно, съ помыслами неомраченными... А я лишу ее этого душевнаго спокойствія, лишу ее душевной чистоты и взамѣнъ ихъ ничего не дамъ ей... А самъ буду-ли я счастливъ съ ней? На короткое мгновенье... Да! Опьяненье упоеньемъ проходитъ скоро... Я буду каждый день видѣть ее и казниться. Теперь она только не знаетъ полнаго счастья, а я могу сдѣлать ее совсѣмъ несчастной! Она разочаруется во мнѣ,—и въ тотъ часъ, когда это случится... Нѣтъ, нѣтъ! Чѣмъ дальше, тѣмъ хуже!»... Нѣтъ! Онъ не лишитъ ее того благополучія, какое ей достается въ удѣлъ.

Когда Надѣ показалось, что Волжинъ сдѣлался спокойнѣе, она встала и собралась уходить. Онъ проводилъ ее черезъ залу въ переднюю, проводилъ съ лѣстницы и отперъ дверь подъѣзда.

— Уходите, не простудитесь... До свиданья, Николай Петровичъ! — промолвила она, еще разъ посмотрѣвъ на него.

— Поднимите вуаль, пожалуста! Я хочу еще взглянуть на васъ...—дрогнувшимъ голосомъ, торопливо сказалъ онъ, взявъ ее за руку.

Надю удивила такая просьба и въ особенности ея настойчивый тонъ, но она послушно приподняла вуаль. Волжинъ слегка обнялъ ее за плеча и на мгновенье крѣпко прильнулъ къ ея губамъ.

— Прощайте! — вполголоса промолвилъ онъ въ слѣдъ Надѣ, когда та сходила со ступеней подъѣзда.

Страшно взволнованная дѣвушка возвращалась домой. Лицо ея пылало, и она еще не помнитъ, чтобы у нея когда-нибудь такъ сильно билось и замирало сердце. Его лихорадочно-торопливый, страстный поцѣлуй горѣлъ на ея губахъ... но она не чувствовала себя счастливой. Не радостно, не чувствомъ тихаго довольства билось ея сердце; гнетущее, тягостное чувство щемило его. Смутная, душевная тревога волновала ее... Ей казалось, что между Волжинымъ и ею было и осталось какое-то обоюдное недоразумѣніе; между ними было что-то недоговорено, недосказано... но *что* такое? она не могла отвѣтить, и лишь съ тупымъ недоумѣніемъ останавливалась передъ этимъ неразрѣшеннымъ вопросомъ. Она не сказала ему чего-то такого, что нужно было сказать — непремѣнно нужно... Всѣ духовныя силы ея, казалось, ушли въ ту минуту на то, чтобы во что бы то ни стало припомнить *это* нужное, важное для него и для нея... Но какъ она ни билась, ничего припомнить не могла.

«Какой онъ странный!» не разъ въ тотъ вечеръ мелькало въ ея головѣ.

VIII.

Шумно и весело проводилъ масляницу «Медвѣдевскій кружокъ».

Григорій Степановичъ какъ-то попростудился и въ пятницу на масляной вздумалъ пойти въ баню: баня съ вѣникомъ и паромъ была его всегдашнимъ лѣкарствомъ отъ всяческихъ недуговъ—такъ же, какъ пуншъ.

— Идти въ баню на масляной! Что за чушь! Гдѣ жъ это слыхано!!—протестовала молодежь.

— Николай Петровичъ! Ты сегодня что-то блѣденъ... И тебѣ неможется, что-ли?—спросилъ Волховитинъ.

— Ночи не сплю... безсонница одолѣла!—отвѣтилъ ему Волжинъ, сидя за роялью и разсѣянно перебирая клавиши.

Гости наслаждались блинами, ѣли, пили. Блины были на славу... Когда гости встали изъ-за стола и съ папиросами разбрелись по комнатамъ, Волжинъ вдругъ заигралъ «La dernière pensée» Вебера, и заигралъ такъ тепло, съ такимъ чувствомъ, какъ никогда не игралъ въ обществѣ. Гости невольно заслушались... По окончаніи пьесы артисту дружно и громко апплодировали, и даже такой требовательный, строгій цѣнитель и судья, какъ князь Торопецкій, сказалъ:

А третьи уже прямо указывали на Надю Свѣтланову и утверждали, что онъ былъ безъ памяти влюбленъ въ нее, но она отвергла его любовь... Мужчины болѣе раздѣляли первое мнѣніе, а дамы почти исключительно держались послѣдняго мнѣнія, но всѣ почти сходились на одномъ:

— Жаль, очень жаль молодого человѣка! Красивый, богатый, образованный... Ахъ, ахъ! какъ жаль его!..

А нѣкоторые добавляли:

— Погубили человѣка!.. Связался съ Медвѣдевымъ... Ужъ чего ждать хорошаго отъ этого стараго чорта!

А «старый чортъ», между тѣмъ, глазъ не осушалъ, и былъ въ такомъ горѣ и отчаяніи, какъ будто потерялъ своего родного, единственнаго сына.

Во вторникъ на первой недѣлѣ поста наша небольшая Благовѣщенская церковь,—темная снаружи, и еще болѣе темная и мрачная внутри, — обыкновенно, посѣщавшаяся нашей аристократіей,—была полна публики. «Золотая молодежь» и весь цвѣтъ нашего губернскаго общества были тутъ на лицо... Григорій Степановичъ добылъ архіерейскихъ пѣвчихъ... Толпа крестьянъ стояла на паперти и около церкви...

Въ церкви было жарко, душно. Сквозь синеватый дымъ ладона смутно виднѣлся украшенный позолотой иконостасъ, и красноватые огоньки восковыхъ свѣчей, казалось, едва мерцали въ синеватой мглѣ.

Покойникъ почти весь былъ засыпанъ зеленью и цвѣтами,—только красивое лицо съ правильнымъ, строгимъ профилемъ было открыто, и замѣчательно хорошее, спокойное и кроткое выраженіе застыло на этомъ мертвомъ, блѣдномъ лицѣ...

Во время панихиды многіе—мужчины и женщины—не могли удержаться отъ слезъ. Когда же пѣвчіе въ извѣстной молитвѣ объ упокоеніи души умершаго дошли до словъ «ни печали, ни воздыханія», съ Надей Свѣтлановой сдѣлалось дурно, и ее почти безъ чувствъ увели изъ церкви...

Крестьяне всю дорогу несли гробъ на рукахъ...

Волжинъ сдержалъ слово, данное нянѣ: на первой недѣлѣ поста, какъ сказалъ, онъ прибылъ въ деревню—только не въ свой старый, деревенскій домъ, но на Подберезковское кладбище, въ холодную могилу...

1894 г.

Въ день похоронъ, въ сумерки, Надя, оставшись одна въ своей комнатѣ, взяла съ этажерки свой альбомъ, сѣла къ окну и, пользуясь послѣднимъ свѣтомъ угасавшаго февральскаго дня, стала перелистывать альбомъ. Вотъ и стихотвореніе изъ Владислава Сырокомли, уже давно вписанное Волжинымъ въ ея альбомъ. Тутъ сказано, когда онъ и писалъ его... «9 іюня». Но что это? Двѣ строфы подчеркнуты... Когда онъ написалъ это стихотвореніе, строфы не были подчеркнуты... Это значитъ,—онъ потомъ когда-нибудь подчеркнулъ ихъ украдкой отъ нея... И съ сильно бьющимся сердцемъ Надя стала перечитывать подчеркнутыя строки...

«Я вѣдь—сынъ больного вѣка,
Я душою боленъ самъ.
Обо мнѣ и павшихъ братьяхъ
Помолися небесамъ!
У меня такъ много горя
Накопилося въ груди!..
Нѣтъ, малютка, даже въ грезахъ
Ты ко мнѣ не приходи!
. . . . . .
Я приду къ тебѣ, на зло же!
Запретить не можешь мнѣ,
Чтобъ къ тебѣ я не являлась,
Въ ночь угрюмую во снѣ.
Жди меня! Являться буду
Полуночною порой, —
Не невѣстой, но сидѣлкой,
Милосердія сестрой!»...

Еще восьми мѣсяцевъ не прошло послѣ того, какъ онъ писалъ эти строки у нихъ въ Ивановскомъ, на террасѣ...

Сумерки сгущались; въ комнатѣ становилось темно. Надя сидѣла блѣдная, въ безсиліи опустивъ на колѣни раскрытый альбомъ...

Въ ясные, лѣтніе вечера на могилѣ Волжина иногда можно увидать высокую, стройную, молодую дѣвушку. Она подолгу сидитъ, прислонившись къ деревянному кресту, и сквозь слезы, грустно смотритъ на зеленую траву, растущую на могилѣ. Она смотритъ такъ задумчиво, пристально, какъ будто хочетъ взглядомъ своихъ большихъ, голубыхъ глазъ проникнуть въ тѣ темныя, мрачныя области земли, куда на вѣки скрываются уходящіе изъ міра живыхъ... Иногда дѣвушка со вздохомъ поднимаетъ голову и вглядывается въ сіяющую глубь далекихъ небесъ... Вспоминаются ей другіе—такіе-же ясные, тихіе лѣтніе вечера...

Послѣ ея ухода на могилѣ остается вѣнокъ или букетъ изъ полевыхъ цвѣтовъ...

ОДНАЖДЫ ВЕЧЕРОМЪ...

(Изъ разсказовъ о прошломъ).

I.

Ненастный осенній вечеръ, темный, сырой и туманный, спустился надъ Петербургомъ. Уличные фонари и огни въ окнахъ тускло мерцали въ сѣроватой мглѣ. Невесело, даже какъ-то жутко было на улицѣ въ эту пору...

Козьма Савичъ Совенковъ, богатый купецъ съ Калашниковской пристани, съ чувствомъ живѣйшаго удовольствія вошелъ въ свою уютную, ярко освѣщенную столовую въ то время, какъ его семьяне собрались за чайнымъ столомъ. Пыхтя и отдуваясь, грузно опустился онъ на свое почетное хозяйское кресло и, вытащивъ платокъ, сталъ утирать потное, красное лицо...

Въ переднемъ углу, передъ образомъ Спасителя въ тяжелой серебряной ризѣ горѣла лампада; на подоконникахъ стояли китайскіе розаны и горшки съ геранью; на стѣнахъ висѣли олеографіи.

— Ну, погодка... одно слово—мразь!—заговорилъ «самъ», приглаживая свою сивую бороду и кудреватые волосы, подстриженные въ скобку. — И когда у насъ, на Пескахъ, газъ заведутъ?.. Мочи нѣтъ!.. Какъ съ Невскаго-то съѣдешь, такъ вѣдь ровно въ тьму кромѣшную попадешь...

— Гдѣ побывалъ?—спросила жена.

— А побывали мы, мать моя, не дальше—не ближе, какъ въ Казанскомъ соборѣ...—отвѣтилъ ей «самъ».

— Теперь-то? Да что тамъ такое? — переспросила хозяйка, подавая ему налитую чашку и смотря съ недоумѣніемъ.—По какому же это дѣлу?

— А по такому дѣлу, что о голодающихъ стараемся... Вотъ что!—съ самодовольствомъ проговорилъ Козьма Савичъ. — Пятьдесятъ три пуда муки ржаной отвезъ...

— Что ужъ больно много? — обезпокоившись, промолвила какъ бы про себя хозяйка.

— Ну, что жъ, думаю надо постараться... Вонъ, Семенъ Трифонычъ тоже пятьдесятъ пудовъ отвалилъ,.. Богъ съ ними!.. Ужъ такое дѣло вышло...—проговорилъ Козьма Савичъ и набожно перекрестился, поглядѣвъ на образъ, озаренный мерцающимъ сіяніемъ лампады.—На каждомъ мѣшкѣ, знаешь, крупно этакъ написано: «Отъ господина Совенкова»... Публикѣ въ соборѣ толчется—страсть... Ну, обыкновенно, смотрятъ на меня... Пошелъ, помолился Мати Пресвятой Богородицѣ, а потомъ и говорю: такъ и такъ, молъ, жертвую... Принимай, молъ, пиши!.. Д-да! Пускай-ка теперь знаютъ Совенкова, Козьму Савича!.. Мѣшки-то безъ малаго по всей Россіи провезутъ... На-ко-ся!.. Да иной за это въ другое время тыщи пудовъ бы не пожалѣлъ... Потому—всякому лестно... А ты толкуешь: «много»... Ты вотъ, Ильинишна, хорошо огурцы солишь, а насчетъ сурьезнаго пониманія тебя нѣтъ... Надо, матушка, всякую химію знать...

И Козьма Савичъ лукаво усмѣхнулся.

Жена его все-таки осталась при томъ мнѣніи, что, конечно, дѣло «благоугодное», и честь честью, и все; «только зачѣмъ ужъ такъ много-то»... Мужъ не захотѣлъ успокоить ее и не сказалъ ей, что онъ пожертвовалъ въ пользу голодающихъ старую, лежалую муку, что продать ее было бы трудновато,—развѣ бы какъ-нибудь по знакомству мелочному лавочнику съ Боровой, да и то съ большой уступкой! А «тамъ», гдѣ землю ѣдятъ, и не то еще сожрутъ!..

Козьма Савичъ пилъ чашку за чашкой, какъ водится, до девятаго пота, и, поглядывая на образъ, озаренный блѣднымъ сіяніемъ, чувствовалъ себя теперь совершенно довольнымъ, какъ человѣкъ, «дольнее долу отдавшій»,—сдѣлавшій все, что можно, для своихъ погибающихъ ближнихъ...

II.

Трое «веселыхъ малыхъ», трое неразлучныхъ пріятелей, Serge, Pierre и Nicolas, проводили тотъ вечеръ въ одномъ изъ загородныхъ петербургскихъ ресторановъ.

Вокругъ нихъ—зелень тропическихъ ра-

стеній; передъ ними на столѣ—на блестящей бѣлоснѣжной скатерти—корзинка съ фруктами, двѣ недопитыя бутылки шампанскаго и ящичекъ сигаръ отъ Фейка. Изъ-за темной зелени виднѣется громадный, великолѣпно декорированный акварій... Голубоватый электрическій свѣтъ, спокойный и ровный, льется откуда-то сверху и нѣжитъ глазъ. Сидя въ такомъ уголкѣ, даже трудно себѣ представить, что за стѣнами его въ тѣ минуты было такъ темно, туманно, неприглядно...

Молодежь болтала вяло и лѣниво; дамы на ту пору ушли въ уборную.

— Ну, ужъ эта лекція... чортъ бы ее побралъ!.. Вотъ скука-то...—говорилъ Pierre, откидываясь на спинку дивана.—Просто уморилъ... Какъ фамилія-то его, Serge? Не помнишь?

— Не помню! Библейская... должно быть, изъ семинаристовъ...—нехотя отвѣтилъ Serge, позѣвывая во всю глотку. — Но скучища, дѣйствительно, феноменальная!

— Да! Признаться... и мы пострадали въ пользу голодающихъ!—со смѣхомъ согласился Nicolas, стоя передъ зеркаломъ и поправляя стоячіе воротнички своей сорочки.

— Слышите? Вотъ это мило! — ироническимъ тономъ замѣтилъ Pierre. — Да вѣдь твоя же Алина затѣяла всю эту кутерьму... Я предлагалъ начать съ оперетки, потомъ—къ Кюба ѣсть устрицъ, а оттуда сюда, на лоно природы...

— Конечно! И было бы превосходно!.. — согласился Serge.—А то теперь мы совсѣмъ зачахли... И что Алинѣ вздумалось! Гм!.. Слушать лекцію изъ политической экономіи... Чортъ знаетъ, что такое! Просто, съ ума сойти надо.

— Ахъ, голубчикъ!—заговорилъ Nicolas, справившись, наконецъ, со своими воротничками-монстръ. — Знаешь: женщинѣ иногда всякіе капризы приходятъ въ голову...

— Вздоръ!.. Да что она у тебя... въ *такомъ* положеніи, что-ли?—спросилъ Serge.

Pierre расхохотался.

— Не остроумно!—возразилъ Nicolas, наливая въ бокалы шампанское. — Да и плакать особенно, господа, не о чемъ... Ну, бросили по три рубля... Что жъ такое! Вѣдь въ самомъ же дѣлѣ—въ пользу голодающихъ...

— Да не жаль мнѣ этихъ трехъ рублей... Какъ ты не понимаешь! — перебилъ его Serge.—Возьми ихъ, да только, пожалуста, оставь меня въ покоѣ! А то высидѣть часа полтора и, какъ дураку, хлопать глазами,—мое почтенье! Вотъ вѣдь я о чемъ, — не о трехъ рубляхъ... Развѣ три рубля—деньги? Здѣсь не столько оставишь...

— И все это ужасно надоѣло!—говорилъ Pierre, отпивая изъ своего бокала.—Газету нынче хоть въ руки не бери... Только раскроешь! «Пожертвованія... пожертвованія»... Перевернешь страницу: «Корреспонденціи изъ голодающихъ мѣстностей»: изъ Нижегородской губерніи, изъ Казанской, Симбирской, Саратовской, Самарской, Уфимской—и пошли, и пошли... Сначала было еще ничего — довольно интересно, провертывались разныя такія пикантныя штучки... А теперь все это наскучило до смерти! Всѣ эти письма, воззванія, пожертвованія, «извѣстія» изъ голодающихъ мѣстностей стали такъ однообразны, такъ шаблонны, какъ-будто всѣ ихъ пишетъ одинъ и тотъ же «крыспадентъ»...

— Правда!—замѣтилъ Serge.—Я слыхалъ, прежде во время холерныхъ эпидемій не дозволяли хоронить умершихъ днемъ и съ колокольнымъ звономъ. Хоронили ночью, втихомолку... И умно! Для чего, въ самомъ дѣлѣ, наводить уныніе на публику? Вотъ и нынче не мѣшало бы слѣдовать хорошему примѣру. Ну, устраивай тамъ комитеты «Краснаго Креста», подписки, сборы, даровыя столовыя и все такое... Я вѣдь не за канцелярскую тайну... вовсе нѣтъ! Но... зачѣмъ же наводить этакое уныніе? Зачѣмъ смущать?..

— Ну, mon cher, тебя-то не скоро смутишь!.. Не изъ таковскихъ...—съ усмѣшкой перебилъ его Nicolas.

— Положимъ, я—не баба, надъ газетной корреспонденціей слезъ проливать не стану...—самодовольно промолвилъ Serge, раскуривая сигару.—А это—отличныя «манилла»... Что стоятъ?—обратился онъ къ Pierr'у, смакуя сигару съ видомъ знатока.

— Пятьдесятъ рублей сотня...—небрежно отвѣтилъ тотъ.—Сигары недурны...

— Очень!—поддакнулъ Nicolas.

— Но дѣло въ томъ, господа, что всѣ эти извѣстія и ламентаціи на одну тему могутъ серьезно разстроить человѣка нервнаго... — продолжалъ Serge, вертя сигару.

— Да! Вонъ одинъ мой знакомый офицеръ, Свиридовъ...—вмѣшался Pierre.—Послушали бы вы, что онъ говоритъ... Просто, говоритъ, отъ ѣды отшибло... Какъ, говоритъ, подумаю, что люди съ голоду мрутъ, такъ и въ ротъ ничего нейдетъ!.. И вѣдь серьезно, я

вамъ скажу... дѣйствительно, человѣкъ совсѣмъ аппетитъ потерялъ... похудѣлъ!

— Оставь, пожалуста! Знаю я твоего Свиридова... встрѣчаю его у Беклешовыхъ! — возразилъ Serge.—Героя изъ себя корчитъ, только что-то ничего не выходитъ... Гм! Скажите, пожалуста, какія нѣжности! «Въ ротъ ему ничего нейдетъ»... Дуракъ!

Въ эту минуту явились «дамы», — одна брюнетка, двѣ блондинки,—три граціи, три модныя картинки. На нихъ шикарныя платья, золотыя брошки, золотые браслеты,—гладкіе, простые браслеты, но, несмотря на всю свою простоту, очень дорогіе. Всѣ эти три дамы, какъ подобаетъ граціямъ, были довольно высокаго роста, стройныя и изящныя. Ихъ нѣжныя, выхоленныя лица, шеи, руки,—очевидно, какъ говорится, мылись въ десяти водахъ; на лбу у нихъ — короткіе завитки волосъ; глаза искусно «подведены» и кажутся гораздо больше, глубже и темнѣе, чѣмъ онѣ въ дѣйствительности. Манеры ихъ непринужденны, рѣчь свободна...

Кавалеры спрашиваютъ еще по бутылкѣ шампанскаго.

Финалъ... Serge требуетъ цыганокъ. Поютъ цыганки и своими наглыми, вызывающими взглядами такъ разжигаютъ Serge'а, что онъ тутъ же бросаетъ «маленькой Грунькѣ» сторублевую бумажку. Serge ухаживаетъ за цыганкой и все болѣе и болѣе начинаетъ походить на обезьяну. Его «дама» лѣзетъ почти на колѣни къ Pierre'у и что-то шепчетъ ему... «Дама» Pierre'а чокается съ Nicolas и болтаетъ всякія глупости... Несчастная Алина, уже совсѣмъ пьяная, осовѣвшая, садится на стулъ верхомъ и, понуривъ свою захмѣлѣвшую голову, ничего не видя и не слыша, вполголоса напѣваетъ:

Наша жизнь, вся сполна,
Намъ судьбой суждена...

Темная, красивая зелень тропическихъ растеній склоняется надъ пирующими; въ акваріумѣ плещутся рыбки; голубоватый электрическій свѣтъ, спокойный и ровный, льется сверху.

А человѣкъ съ салфеткой на рукѣ, въ почтительной позѣ стоящій за колонной, съ ехидной, презрительной усмѣшкой посматриваетъ на этихъ «дамъ» и «кавалеровъ»...

III.

Въ тотъ же ненастный, мглистый вечеръ, въ одномъ изъ громадныхъ петербургскихъ домовъ, въ комнатѣ пятаго этажа собралось нѣсколько человѣкъ молодежи. Эти люди сошлись сюда съ Выборгской и Петербургской стороны, изъ Лѣсного, съ Васильевскаго острова, изъ Семеновскаго полка. Тутъ были видны и форменные студенческіе сюртуки съ цвѣтными воротниками и съ свѣтлыми пуговицами, и русскія рубахи-косоворотки, и блузы.

Небольшая лампа подъ изорваннымъ зеленымъ абажуромъ озаряла ярко лишь столъ, уставленный чайною посудой, да на потолкѣ оставляла свѣтлый кружокъ, а все остальное пространство комнаты пропадало въ сѣроватомъ полусумракѣ. Книги, бумаги, какіе-то чертежи были разбросаны повсюду: на столѣ, въ простѣнкѣ между двумя окнами, на подоконникахъ, на этажеркѣ въ углу комнаты. На верхней полкѣ этажерки, на большой раскрытой книгѣ лежали кости рукъ и человѣческій черепъ. Вдоль стѣны, въ глубинѣ комнаты, стояли двѣ желѣзныя кровати, задернутыя сѣрыми байковыми одѣялами. На стѣнѣ висѣли фотографическія карточки особенно чтимыхъ, любимыхъ писателей и небольшая литографія съ изображеніемъ сцены изъ деревенской жизни.

Молодежь оживленно разсуждала, спорила и горячилась... На ветхомъ, низенькомъ диванѣ сидѣли двѣ молодыя дѣвушки, взявшись за руки и прислонившись одна къ другой. Одна изъ дѣвушекъ, почти еще дѣвочка, лѣтъ 15—16, съ гладко причесанными темнорусыми волосами, заплетенными въ одну косу, худенькая и блѣдная, съ большими темными глазами,—съ напряженнымъ вниманіемъ прислушивалась къ спорамъ и толкамъ.

— Голодъ!..—звучнымъ, металлическимъ голосомъ говорилъ смуглый молодой человѣкъ въ сѣрой блузѣ, стоявшій въ толпѣ посреди комнаты. — Вѣдь это все равно, какъ если бы середи бѣла дня въ комнату, полную народа, ворвался бѣшеный волкъ и сталъ тутъ же, у всѣхъ на глазахъ, перегрызать горло то тому, то другому...

— Страшное дѣло! — сказалъ кто-то въ толпѣ.— Вѣдь умираетъ съ голода тотъ, кто кормитъ насъ.

— И умираетъ съ голода оттого, что другіе слишкомъ сыты!—проворчалъ кто-то густымъ басомъ.

— Сдѣлать бы, господа, заявленіе... что-ли!—продолжалъ смуглый молодой человѣкъ.

— Какое еще заявленіе... къ чорту! Развѣ мало было всякихъ заявленій!—возразилъ басъ.

— Да нѣтъ... это все не то! — говорилъ молодой человѣкъ.—Нужно написать воззваніе къ обществу... Напомнить, какъ поступали наши предки въ годины тяжкихъ народныхъ бѣдствій... Ну, указать, напримѣръ, на нижегородцевъ временъ Козьмы Минина... Положимъ, тогда внѣшній врагъ шелъ на Россію... А развѣ голодъ—не тотъ же врагъ? И этотъ врагъ теперь идетъ на насъ...

— Ты, Сусловъ, говоришь о Козьмѣ Мининѣ... — послышалось изъ толпы.—Тогда, братъ, были другія времена, другіе нравы,— были желѣзные характеры... Нынче люди стали слабѣе, силы воли у людей стало мало...

— А гдѣ же ты напечатаешь такое воззваніе?

— Какъ «гдѣ»! Въ газетахъ!—воскликнулъ молодой человѣкъ, откидывая со лба свѣсившіяся пряди волосъ.—Вѣдь печатаютъ же въ газетахъ всякія письма, предложенія, воззванія, просьбы о помощи...

— Мало-ли что! А вотъ отъ тебя, гляди, не примутъ!—возразилъ ему кто-то.

— Да почему же? Вотъ странно!.. — волнуясь, заговорила дѣвушка съ большими темными глазами.

— Что жъ это, въ самомъ дѣлѣ?..—съ жаромъ поддержала ея подруга. — Развѣ же дурно—звать общество на доброе дѣло?

— А вотъ «позовите»! — не унимался скептикъ. — Вамъ, дѣвица, и скажутъ: не ваше дѣло!..

За исключеніемъ этого одного невѣрующаго, всѣ были согласны въ томъ, что воззваніе нужно... Этимъ людямъ казалось все возможно, все легко. Почему, въ самомъ дѣлѣ, нельзя увлечь общество на доброе дѣло?..

— Въ виду такого народнаго бѣдствія, господа, стыдно, грѣшно отдѣлываться крохами! — заговорилъ другой собесѣдникъ, сидя на подоконникѣ, за неимѣніемъ стула.—Вонъ, когда въ Астраханской губерніи была чума... туда люди ѣхали съ рискомъ заразиться и умереть... А теперь посмотрите: что жъ это? Стараются только совѣсть замазать! Только бы швырнуть что-нибудь и тѣмъ отдѣлаться... И потомъ всѣ эти разсужденія о томъ, какъ много собрано для голодающихъ, и эти толки о мужицкомъ пьянствѣ, о томъ, что крестьянинъ избалуется, привыкнетъ жить на даровщину... Все это ужасно, безчеловѣчно!.. Нѣтъ! Необходимо заговорить съ нашимъ обществомъ прямо, откровенно, пробудить общество изъ спячки, изъ его проклятаго, мертвящаго равнодушія...

— Есть же въ немъ силы, есть же въ немъ добрые люди! — сказала дѣвушка. — Пойдемъ на помощь больнымъ и голоднымъ!..

Отъ сильнаго душевнаго волненія ея чудные, темные глаза лихорадочно блестѣли, и яркій, болѣзненный румянецъ проступилъ у нея на щекахъ... Да! *Эта* пойдетъ на помощь ближнимъ, насколько хватитъ ея силъ...

Всѣ эти молодые люди, собравшіеся въ тотъ вечеръ въ комнаткѣ пятаго этажа, сами бѣдняки, сами полуголодные, не каждую недѣлю обѣдающіе, пробавляющіеся чаемъ съ чернымъ хлѣбомъ, искренно печалятся о своихъ страдающихъ братьяхъ и въ правду готовы отдать имъ свои послѣдніе гроши... Мысль, слово и дѣло у этихъ людей не идетъ въ разладъ. У нихъ еще много любви къ людямъ, много вѣры въ людей и въ самихъ себя, много свѣтлыхъ надеждъ и упованій...

IV.

Въ одномъ изъ петербургскихъ клубовъ два небольшія «превосходительства» въ тотъ вечеръ играли въ винтъ и, по окончаніи игры, поспорили между собой.

Оба эти господина были бѣлокурые, довольно полные, средняго роста, и оба старательно выпячивали грудь, приподнимали плечи, высоко держали голову, однимъ словомъ— хотѣли показать, что они занимаютъ во вселенной гораздо больше мѣста, чѣмъ прочіе смертные. Ихъ волосы — такъ же, какъ и усы—были тщательно подстрижены; бакенбарды носили видъ самый благонамѣренный. Оба «превосходительства», вѣроятно, для пущей важности, немного гнусили, — говорили слегка въ носъ.

Эти господа заспорили сначала изъ-за того, что Василій Павловичъ, будто бы, «не имѣлъ права объявлять пять червей», противъ чего Василій Павловичъ, натурально, горячо протестовалъ и со своей стороны доказывалъ Ивану Григорьевичу, что у того не было никакихъ основаній выходить съ туза бубенъ...Ну, такъ-таки рѣшительно никакихъ основаній!

Впослѣдствіи же, за закуской, споръ перешелъ совсѣмъ на другую почву.

— Я всегда говорилъ, что это дѣло раздуто,—утверждалъ Василій Павловичъ, тыча

указательнымъ пальцемъ въ воздухъ.—Газетамъ дали волю... Ну, и пошла писать! Бумага все терпитъ...

— Оно, конечно, съ одной стороны...—замѣтилъ Иванъ Григорьевичъ, стараясь уловить на вилку кусокъ омаровой клешни.— Но голодъ, какъ бы то ни было, оффиціально признанъ... и странно было бы...

— Не отрицаю: въ нѣкоторыхъ губерніяхъ существуетъ недородъ... ощущается недостатокъ въ хлѣбѣ!—перебилъ Василій Павловичъ.—Но зачѣмъ же преувеличивать? Зачѣмъ обобщать единичные факты? Зачѣмъ, спрашиваю я, допускать всѣ эти жалкія и страшныя слова?... Вѣдь вы послушайте, Иванъ Григорьевичъ, что у насъ пишутъ! Можно подумать, что, въ самомъ дѣлѣ, чуть не половина деревенской Россіи умираетъ съ голода! На что же это похоже?.. Повторяю: въ извѣстныхъ мѣстностяхъ есть недостатокъ въ хлѣбѣ, но... есть-ли голодъ — это еще нужно доказать...

— Помилуйте, Василій Павлычъ! — воскликнулъ его собесѣдникъ. — Корреспонденціи изъ голодающихъ мѣстностей...

— Вотъ этихъ-то корреспондентовъ я первымъ дѣломъ и привлекъ бы къ суду за распространеніе тревожныхъ слуховъ! — окрысилось его превосходительство, наливая себѣ рюмку мадеры.—Мы очень хорошо знаемъ, кому на руку всѣ эти пѣсни о голодѣ. Знаемъ-съ, кому желательно дискредитировать насъ...

— Позвольте, наконецъ—возсталъ Иванъ Григорьевичъ. — Донесенія мѣстной администраціи, заявленія губернаторовъ, земскихъ начальниковъ, священниковъ...

— Знаю, знаю-съ! Вотъ это-то мнѣ и удивительно!—воскликнулъ его оппонентъ, разводя руками.—Люди какъ будто сами не видятъ, куда идутъ и что дѣлаютъ...

— Мѣстныя власти очень хорошо знаютъ, что они дѣлаютъ и что надо дѣлать... Лучше ихъ никто не знаетъ мѣстныхъ нуждъ и потребностей.

— Нѣтъ-съ, не знаютъ!—перебилъ Василій Павловичъ.—Если бы знали, не стали бы сами передъ цѣлымъ свѣтомъ свидѣтельствовать о своей несостоятельности, не стали бы играть въ руку всякимъ проходимцамъ. Это... это—возмутительно! Просто, какой-то заговоръ...

— Но чего жъ вы хотите?—уже съ недоумѣніемъ во взорѣ спросило другое превосходительство.

— Я требую только цифръ и фактовъ!— категорически заявилъ Василій Павловичъ, еще энергичнѣе тыча указательнымъ пальцемъ въ воздухъ и приподнимаясь на носки, чтобы казаться выше и внушительнѣе.—Дайте намъ названія... Дайте намъ названія пострадавшихъ мѣстностей, назовите имена, укажите цифры... А то вѣдь послушать корреспондентовъ, такъ волосы встанутъ дыбомъ... Тамъ человѣкъ умеръ съ голоду, тамъ умеръ съ холоду, тамъ опухъ, тутъ люди вмѣсто хлѣба чуть-ли не березовыя полѣнья ѣдятъ, тамъ умираютъ въ тифѣ, въ дифтеритѣ, а тамъ, глядишь, ужъ цѣлыя деревни вымерли ни вѣсть отъ чего... Нѣтъ-съ! Это невозможно... Я говорю: давайте намъ только оффиціально провѣренныя цифры и факты. Да-съ!.. Факты и цифры — безъ всякихъ сужденій, разсужденій, безъ всякихъ обобщеній и, главное, безъ философіи!..

Василій Павловичъ торжествующимъ взглядомъ окинулъ своихъ слушателей и съ видомъ побѣдителя удалился изъ буфета въ сопровожденіи Ивана Григорьевича, ворчавшаго себѣ подъ носъ: «Какъ же это, однако, странно! Разъ оффиціально признано»...

V.

Такой же темный, ненастный вечеръ, сырой и туманный, только похолоднѣе, — спустился на востокѣ отъ Петербурга, далеко-далеко, надъ одной заволжской степью.

Густыя, черныя облака, какъ сказочныя чудовища, ползли, расползались по небу. На западѣ, надъ самымъ краемъ земли, свѣтилась желтовато-красная полоса... Но и эта послѣдняя полоса свѣта во мракѣ не веселила унылую степь, — напротивъ, еще придавала какой-то особенно зловѣщій оттѣнокъ ея темнѣвшей дали. Наконецъ и эта желтовато-красная полоска мало-по-малу блѣднѣла и гасла.

Тьма заливала степь...

На всемъ пространствѣ, какое только могъ глазъ охватить, не видно было вокругъ ни огня и никакого жилья человѣческаго. Въ вечернемъ сумракѣ, подъ темнымъ, заоболочавшимъ небомъ, эта безпріютная степь, ровная и голая, лишь поросшая кое-гдѣ низкимъ, ползучимъ кустарникомъ, казалась глухой, безконечной и мрачной пустыней. Сырой и холодный, пронизывающій вѣтеръ порывами проносился по степи...

И въ этотъ поздній часъ, по этой безпріютной, унылой степи шла женщина съ маленькимъ ребенкомъ на рукахъ. Юбка изъ грубой синей пестряди, обившаяся по подолу, висѣла на ней лохмотьями; короткій сѣрый шугай, накинутый на плечи, былъ весь въ дырахъ и заплатахъ и съ продранными локтями. Изъ дыръ виднѣлось желтое, худое тѣло: очевидно, на женщинѣ подъ юбкой и подъ шугаемъ не было никакой одежи. На головѣ ея былъ повязанъ платокъ, похожій на грязную рваную тряпку; изъ-подъ него выбивались черныя пряди сухихъ, сполщенныхъ волосъ. Пустой мѣшокъ болтался у нея за плечами.

Женщина изнемогала отъ усталости; ея босыя ноги еле двигались по грязной землѣ. Лицо ея было мертвенно блѣдно, какъ лицо покойницы, и, казалось, только въ полупотухшихъ, слезящихся глазахъ еще горѣлъ огонь жизни. Женщина крѣпко прижимала къ груди ребенка, завернутаго въ тряпье, и когда ребенокъ начиналъ хныкать, она наклонялась къ нему, слегка качала его и блѣдными, посинѣвшими губами тихо шептала: «Ш-шы-ы, ш-шы-ы!». И когда малютка замолкалъ, женщина опять брела впередъ. Порой она тяжело вздыхала... И вдругъ, очевидно сама не замѣчая, началъ думать вслухъ:

— Хоть бы одинъ кусочекъ... Куда жъ еще идти?

Въ ту минуту бѣшеный порывъ вѣтра пронесся по степи. Женщина шатнулась въ сторону и едва удержалась на ногахъ.

— Охъ, Господи!.. Царица Небесная!..— простонала она.

Ребенокъ проснулся, заплакалъ и заметался у нея на рукахъ.

— Ой ужъ ты мнѣ... горе мое!—прошептала женщина и сѣла на землю.

Она пораскутала малютку и, раздернувъ шугай, приложила ребенка къ груди. Ребенокъ прильнулъ съ жадностью, пососалъ, почмокалъ, но вдругъ выпустилъ грудь и, весь какъ-то судорожно съежась и суча ноженками, залился громкимъ, горькимъ плачемъ. Женщина, словно не чувствуя ни холоднаго вѣтра, ни пронизывающей ночной сырости, раскрываетъ шугай и съ силой давитъ рукой то одну, то другую опавшую грудь... Напрасно. Нѣтъ у нея молока; не выжать ни капли!.. А голодный малютка плачетъ и безпомощно бьется у нея на рукахъ.

— Ѣсть хочешь?—бормочетъ несчастная, укачивая малютку.—Ну, что жъ мнѣ съ тобой дѣлать? Откуда жъ я возьму тебѣ молока, коли его нѣтъ?... Ну!

Женщина совсѣмъ выбивается изъ силъ, опускаетъ ребенка на колѣни и тихо шепчетъ надъ нимъ: «Ш-шы-ы, ш-шы-ы». Слезы текутъ по ея блѣднымъ, впалымъ щекамъ, но она какъ будто не чувствуетъ слезъ на своемъ лицѣ и не смахиваетъ ихъ. Женщина поднимаетъ голову и сквозь слезы, какъ сквозь туманъ, смотритъ вверхъ. Черныя, клубящіяся облака несутся надъ ея головой...

Темно въ небесахъ, темно на землѣ...

Дѣтскій, душу надрывающій крикъ той порой мало-по-малу замолкъ. Женщина опять понурилась и взглянула на ребенка.

— Помиралъ бы... — шептала она, вздыхая.—Все ужъ лучше, чѣмъ этакъ маяться... Одинъ конецъ!..

Она встала съ земли и снова тронулась въ путь. Черныя облака ползли по поднебесью; даль утопала во мракѣ... Женщина шла часъ, можетъ быть, больше, — и наконецъ, сквозь ночной сумракъ стали обрисовываться передъ ней какія-то темныя, неуклюжія тѣни.

То была деревня, ея родная Незамаевка.

Женщина тихо шла по деревенской улицѣ.

Ни въ одной хатѣ не видно огонька. Иныя избы стоятъ совсѣмъ раскрытыя, съ выбитыми окнами и, очевидно, пустыя. У иныхъ окна и двери заколочены... Видно, хозяева этихъ хатъ либо померли, либо ушли изъ родного гнѣзда на чужую сторону. Не слыхать ни человѣческаго голоса, ни собачьяго лая; не промычитъ корова на дворѣ, не заржетъ лошадь... Пусто и тихо, какъ на кладбищѣ. Только вѣтеръ ночной завываетъ уныло, проносясь надъ этимъ безмолвнымъ, мертвымъ селеньемъ.

Женщина ощупью пробирается въ свою избу. Холодно, темно въ избѣ... Слышно чье-то тяжелое, прерывистое дыханіе.

— Яша! Батька? А, батька! — окликаетъ женщина, переступая черезъ порогъ.—Да что вы... живы-ли?

Молчатъ... Только гдѣ-то впотьмахъ кто-то часто и тяжело дышитъ.

— Господи, помилуй!—бормочетъ женщина и, положивъ ребенка у двери на полъ, идетъ къ печкѣ.

Тамъ она долго шаритъ надъ печуркой, наконецъ находитъ спичку. Загорается лучина—и мерцающимъ, краснѣватымъ свѣтомъ озаряетъ жалкую хату. Не видать никакой посуды, никакой утвари, ни шкапика, ни поставца; на изрытомъ земляномъ полу стоитъ

только кривобокій столъ, да къ стѣнѣ приставлена низкая, широкая лавка.

На полу лежитъ мальчуганъ съ посинѣлымъ, опухшимъ лицомъ, лежитъ неподвижный, весь вытянувшись. Изъ подъ свѣсившихся прядей густыхъ свѣтлорусыхъ волосъ бѣлѣетъ кончикъ носа, да подъ лохмотьемъ, явственно обозначившись, торчатъ ступни ногъ.

— Померъ!—упавшимъ голосомъ шепчетъ женщина и, чтобы лучше видѣть, поднимаетъ высоко горящую лучину и размахиваетъ ею надъ головой...

Искры летятъ, разлетаются, сыплются на земляной полъ...

Женщина въ тѣ минуты была такъ страшна, такъ дикъ и мутенъ былъ взглядъ ея широко раскрытыхъ глазъ, что ее можно было принять за безумную. Платокъ сбился съ головы, и ея давно нечесаные, сухіе, сполщенные волосы падали на лицо...

Покачавъ головой, молча посмотрѣла она на мертвеца—и повернулась къ лавкѣ.

На лавкѣ въ предсмертныхъ мукахъ томился старикъ. Дыханіе съ хрипомъ и шумомъ вырывалось изъ его широко раскрытаго беззубаго рта. Старикъ былъ худъ и костлявъ, какъ скелетъ, обтянутый кожей. Сухія, запекшіяся губы его подергивались. Сѣдые, желтовато-серебристые волосы, смокшіе отъ пота, рѣдкими прядями прилипли на лбу и на вискахъ. Худые, длинные, бѣлые пальцы его все что-то шарили и судорожно цѣплялись за края лавки...

— Ну, вотъ... и батька отходитъ...—говоритъ женщина сама съ собой, размахивая догорающей лучиной, и въ смертельной тоскѣ смотритъ то на старика, то на Яшу, то на малютку, безгласно лежащаго на полу...

Лучина гаснетъ, чадитъ... Пахнетъ дымомъ.

Женщина въ изнеможеніи опускается на полъ середи избы, запускаетъ руки въ волоса и, тяжело дыша, молча, безъ слезъ, безъ стона, смотритъ въ окружающій ее мракъ.

Въ ея понуренной головѣ, въ чертахъ ея безкровнаго, помертвѣвшаго лица, въ рукахъ, запущенныхъ въ волосы, и во всей этой жалкой, убитой женщинѣ, сидѣвшей неподвижно и безмолвно на земляномъ полу своей пустой, холодной, темной хаты, — сказывалось одно тупое, безысходное отчаяніе,—отчаяніе человѣка, загнаннаго на край пропасти и не видящаго передъ собой ничего, кромѣ этой разверзающейся у него подъ ногами зіяющей бездны... Ея блѣдныя губы что-то шепчутъ невнятно...

А ночной вѣтеръ, волжскій порывистый вѣтеръ, гудитъ, проносясь надъ разметанной крышей хаты, гудитъ и стонетъ, словно напѣвая «отходную»...

1894 г.

ПОДЪ НЕБОМЪ ІУДЕИ.

Изъ народныхъ преданій.

Это было давно-давно,—еще въ то время, когда жилъ на землѣ Христосъ.

Христосъ однажды проходилъ по странѣ іудейской; шли съ Нимъ апостолы и ученики.

И увидали они при дорогѣ стараго нищаго.

Старикъ сгорбился, былъ худъ и немощенъ; все лицо его было изрыто морщинами; глаза впали и едва мерцали изъ-подъ густыхъ, сѣдыхъ его бровей. Жалкія, грязныя лохмотья чуть прикрывали его темное, костлявое тѣло.

Старикъ просилъ милостыню. Одной рукой онъ тяжело опирался на посохъ, а другую протягивалъ за подаяніемъ.

Христосъ благословилъ его и, молча, прошелъ мимо.

Апостолы и ученики не мало удивились тому, что Христосъ не подалъ милостыни,—удивились, но ничего не сказали.

Наступилъ полдень. Съ безоблачныхъ небесъ солнце нещадно жгло и палило раскаленную, каменистую землю страны іудейской...

Близь той дороги, гдѣ проходилъ Христосъ, у подошвы зеленыхъ холмовъ росли старыя, развѣсистыя деревья. И была подъ тѣми деревьями тѣнь и прохлада.

Ученики устали, истомились отъ жары; имъ захотѣлось отдохнуть.

Христосъ зашелъ въ зеленую, прохладную тѣнь и сѣлъ на камень. Ученики же и апостолы расположились вокругъ Него на землѣ. Они вынули изъ корзины хлѣбъ и принялись за скромную трапезу.

Христосъ, склонившись, задумчиво смотрѣлъ вдаль.

Вдругъ онъ поднялъ голову и сказалъ:

— Вотъ идетъ къ намъ голодный бѣднякъ!

Ученики оглядывались по сторонамъ, смотрѣли на прохожихъ, но не видѣли никого, похожаго на нищаго,—и одинъ изъ учениковъ съ недоумѣніемъ спросилъ:

— Учитель! Гдѣ же Ты увидалъ голоднаго?

Въ это время къ нимъ подошелъ юноша—здоровый, сильный, цвѣтущій, съ веселымъ, открытымъ лицомъ, въ одеждѣ бѣдной, но пристойной,—и попросилъ милостыни.

Христосъ самъ въ ту же минуту отломилъ отъ хлѣба большой-большой кусокъ и подалъ его юношѣ.

Ученики изумились и, когда юноша отошелъ отъ нихъ, одинъ изъ нихъ спросилъ Христа:

— Учитель! Скажи намъ: почему Ты далъ хлѣба этому здоровому, сильному юношѣ и не подалъ милостыни немощному старику?

Христосъ на мгновенье поникъ головой, посмотрѣлъ во слѣдъ удалявшемуся человѣку и сказалъ:

— Да не смущается сердце ваше тѣмъ, что этотъ юноша такъ веселъ! Онъ веселъ оттого, что душою чистъ и спокоенъ. Его лицо ввело васъ въ заблужденье. Но, говорю вамъ, этотъ юноша—воистину—нищій. Теперь онъ безъ работы, и уже два дня не ѣлъ. Онъ просилъ у насъ милостыню, ибо голоденъ и не на что ему купить хлѣба... А тому старику милостыня не нужна. Вотъ, придетъ время, вы сами увидите, что слово мое—истина!

* *
*

Черезъ немного времени Христосъ тою же дорогой возвращался въ Іерусалимъ; шли съ Нимъ апостолы и ученики Его.

И опять наступилъ полдень. Опять съ безоблачныхъ небесъ солнце нещадно жгло и палило раскаленную, каменистую землю страны іудейской.

Ученики еще издали увидали стараго нищаго, стоявшаго опять на томъ же мѣстѣ, гдѣ они оставили его.

Стоитъ старикъ въ своемъ грязномъ лохмотьѣ съ протянутой рукой, весь сгорбившись и опершись на палку. Но теперь онъ стоитъ неподвижно и безмолвно, какъ статуя, поставленная при дорогѣ... протянутая рука его не дрогнетъ, голова не качнется, — весь онъ какъ будто замеръ въ мертвенномъ покоѣ подъ палящими лучами полуденнаго солнца.

Когда подошли ближе, то увидали, что старикъ окаменѣлъ.

У ногъ его валялся мѣшокъ съ деньгами. Мѣшокъ развязался, часть денегъ высыпалась и лежала на землѣ. Монеты, блестя и сверкая на солнцѣ, отливали красноватымъ цвѣтомъ, какъ будто были забрызганы кровью.

И тутъ люди поняли, что было истинно слово Христово, что старикъ не нуждался въ подаяньи, былъ богатъ, но только притворялся нищимъ, старался обмануть и Бога, и людей,— былъ жестокъ, безжалостенъ къ ближнимъ и любилъ деньги больше всего въ мірѣ. И люди уразумѣли, что сердце этого человѣка превратилось въ камень еще задолго до того дня, когда онъ весь окаменѣлъ...

Молча прошелъ Христосъ; молча прошли за Нимъ ученики.

А окаменѣвшій сребролюбецъ остался стоять при дорогѣ подъ жгучими лучами полуденнаго солнца.

Уже много вѣковъ стоитъ онъ тамъ, посреди раскаленныхъ песковъ пустыни іудейской,—и будетъ еще долго стоять...

Онъ разсыплется въ прахъ, онъ исчезнетъ въ тотъ день, когда человѣкъ перестанетъ любить деньги больше, чѣмъ ближняго,— когда не только на словахъ, но и на дѣлѣ *признаетъ* въ ближнемъ брата своего...

1894 г.

Конецъ второго тома.

ВОЛОГОДСКАЯ ОБЛАСТНАЯ БИБЛІОТЕКА

Находятся въ продажѣ слѣдующіе разсказы и сборники для дѣтей—П. Засодимскаго:

Бывальщины и сказки. Изд. А. Девріена. 2 р. 25 к.
Изъ дѣтскихъ лѣтъ. Изд. М. Клюкина. 60 к.
Изъ сказокъ жизни. Изд. его же. 5 к.
Въ метель и вьюгу. Изд. „Посредника“. 6 к.
Черный камень мудрецовъ или алхимикъ. Изд. „Посредника“. 6 к.
Слѣпые неразлучники. Изд. „Посредника“. 6 к.
Слѣпые неразлучники. Изд. Ф. Павленкова. 35 к.
Дочь угольщика. Изд. его же. 35 к.
Рыжій графъ. Изд. его же. 35 к.
Задушевные разсказы. Изд. его же. 2 т. 3 р.

Въ настоящее время **издаются** М. Ледерле и въ теченіе 1895 г. выйдутъ въ свѣтъ: сборникъ разсказовъ для дѣтей—того же автора, подъ заглавіемъ: «**Свѣтъ и тѣни**» — и повѣсть: «**Блудный сынъ**».